

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)**

**РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИИ,
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ
ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНСОРЦИУМ**

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: РАЗВИТИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Ежегодник

Выпуск 3

Часть 1

Москва – 2020

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, гендиректор Института экономических стратегий РАН, гендиректор МНИИ проблем управления, *А.А. Акаев* – иностранный член РАН, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ФС РФ, *С.Д. Бодрунов* – д.э.н., профессор, президент Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, *Н.Н. Бордюжа* – председатель Исполкома Ассоциации «Аналитика», председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, *А.А. Быков* – д.э.н., профессор, проректор по научной работе Белорусского государственного экономического университета, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, советник Президента РФ, *В.В. Гончаров* – к.э.н., директор Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, *Ю.В. Гуляев* – академик РАН, член Президиума РАН, президент Российского Союза научных и инженерных общественных объединений, *В.В. Иванов* – член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, председатель, *А.В. Кузнецов* – член-корреспондент РАН, врио директора ИНИОН РАН, *С.В. Кузнецов* – д.э.н., профессор, директор Института проблем региональной экономики РАН, *Ю.Г. Лаврикова* – д.э.н., директор Института экономики УрО РАН, *Е.Б. Ленчук* – д.э.н., директор Института экономики РАН, *И.А. Максимцев* – д.э.н., профессор, ректор СПбГЭУ, *О.С. Сабден* – д.э.н., президент Союза ученых Казахстана, *О.Н. Слоботчиков* – к.полит.н., профессор, ректор Института мировых цивилизаций, *А.В. Смирнов* – академик РАН, директор Института философии РАН.

Редакционная коллегия

А.В. Акимов – д.э.н., зав. отделом Института востоковедения РАН, *В.А. Алёшин* – профессор Академии военных наук, *С.Н. Алтысбаева* – д.э.н., профессор, директор Центра аналитических исследований и прогнозирования Института экономических исследований Министерства национальной экономики Республики Казахстан, *Е.Л. Андреева* – д.э.н., профессор, профессор РАН, зам. директора Института экономики УрО РАН, *Г.А. Ваганян* – д.э.н., к.т.н., профессор, гл.н.с Института экономики Национальной академии наук Армении, *М.Д. Валовая* – д.э.н., профессор, Российский экономический университет, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *З.А. Дадабаева* – д.полит.н., в.н.с. Института экономики РАН, *С.М. Дедков* – к.э.н., доцент, заместитель директора по научной работе Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, *О.С. Крюкова* – д.филол.н., зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ, *О.М. Куварзина* – д.э.н., профессор РАНХиГС, *В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *Н.М. Межевич* – д.э.н., профессор СПбГУ, гл.н.с. Института проблем региональной экономики РАН, *А.Н. Михайленко* – д.полит.н., профессор РАНХиГС, *Дж.А. Мусаева* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории, Международный университет Алатао, Бишкек, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, ученый секретарь Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, *В.В. Перская* – д.э.н., профессор, заслуженный экономист РФ, директор института исследований МЭО Финансового университета, *А.А. Попков* – к.э.н., доцент, *С.А. Семедов* – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой «Международное сотрудничество» РАНХиГС, *С.К. Смирнова* – д.полит.н., первый заместитель Генерального секретаря – руководитель Генерального секретариата Ассамблеи народов Евразии, *Т.Б. Уварова* – д.и.н., зав. сектором ИНИОН РАН, *М.К. Файзуллоев* – д.э.н., декан экономического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета, *Л.В. Шемберко* – зав. сектором ИНИОН РАН, *Д.Г. Шкаев* – н.с. ИНИОН РАН, отв. секретарь, *Л.В. Шкваря* – д.э.н., профессор РУДН, *М.А. Шульга* – д.полит.н., профессор, Киевский Национальный университет, *И.З. Ярыгина* – д.э.н., профессор, Финансовый университет.

Р 76 **Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 /** РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – 958 с.
ISBN 978-5-248-00956-5

Рассматриваются проблемы социально-экономического развития России и других стран Большой Евразии, модернизации экономики, инновационного, технологического, демографического и регионального развития, модернизации здравоохранения, образования и науки. В ежегоднике представлены материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения», а также некоторых других мероприятий, проведенных в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения».

Для специалистов в области россиеведения, государственного управления, инновационного, технологического и регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов. Подготовка издания проведена в рамках Программы Президиума РАН «Большие вызовы, научные основы прогнозирования и стратегического планирования»

ББК 66.4 (051)
66.75 (2 Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Стратегии социально-экономического развития

Андреева Г.Н. Проблемы экономической конституции в условиях формирования цифровой экономики: компаративистский аспект	11
Гусева Н.В. Институциональные трансформации: к вопросу о сущности, смыслах и социальных перспективах	16
Казанцев Н.М. Пробелы правового регулирования разработки и выполнения государственных программ	21
Клейнхоф И.А. Инновационная политика России как основа повышения конкурентоспособности национальной экономики	26
Котов Е.В. Приоритеты стратегического планирования государства с особым статусом	29
Крылова И.А. Является ли Россия социальным государством?	32
Макарецкая Т.Д. Перспективы развития цифровой экономики в Республике Беларусь	37
Матвеева Л.К. Конкурентоспособность промышленности: от локальной поддержки к территориальному развитию	40
Мирошников С.Н., Рыбак М.Я. Стратегическое планирование в системе подготовки аналитиков: ключевые направления	46
Назаров В.И. Сохранить генотип русского человека: экономический аспект	52
Небренчин С.М. Роль лингвокультуры в смыслополагании государственного проектирования и развития	55
Нусратуллин В.К., Нусратуллин И.В. Мегатенденции и проблемы планетарного будущего	58
Петрушенко А.Д. Разработка и реализация стратегии социально-экономического развития США в контексте государственного содействия развитию образования	66
Подсветова Т.В. Конкурентные возможности России в условиях Четвертой промышленной революции	71
Порошина О.О. Развитие сферы социального обслуживания в Республике Беларусь: тенденции, проблемы, перспективы	75
Потехин Н.А., Потехин В.Н. Основной социально-экономический закон объективного развития общества – источник мирового лидерства России	81
Раков Д.Л. Научно-технологическое прогнозирование на базе прогрессивного морфологического подхода	88
Раткин Л.С. Разработка методологии выявления противоречий в нормативно-правовых документах	93
Румянцев В.А., Гончарик Н.В. К вопросу о стратегическом планировании в рамках Евразийского экономического союза	96
Самсонов В.В. Социальное развитие России: дихотомия урбанистического и сельского измерений	100
Сидорович А.В. Противоречия и приоритеты при переходе к новому этапу развития экономики России	105
Сосунова И.А. Неоднозначность модернизационных процессов в социально-экологической сфере: методологические дисбалансы	111
Телюк М.С., Ярных Э.А. Статистические особенности рейтинговой оценки в достижение целей в области устойчивого развития	115
Шульга М.А. Геополитическое знание в эпоху модернизации: реликт или приоритет? (Эскиз проблемы)	118
Юлдашева Н.М.А.	

Стратегические цели и перспективы для повышения доходов населения Узбекистана	124
---	-----

Национальные интересы России и других стран Большой Евразии в изменяющемся мире

Азанов Б.К. Истокам становления российско-казахской политической интеграции после распада СССР (1991–2015 гг.)	128
Алиева Р.Р. Таджикистан-Китай: вопросы границы разрешимы	134
Антохонова И.В. Формирование элиты регионального сообщества в условиях внешних и внутренних вызовов	138
Бернадотт А.К. Биологические угрозы: биотерроризм как одно из новых направлений в будущих войнах	140
Ворожжихин В.В. О новом этапе развития науки и аналитики в интересах стратегического управления развитием и безопасностью России	145
Галиев Г.Т., Гришина Т.В. Евразийский экономический союз в условиях конкурентной борьбы	155
Германович Г.В., Аниськов И.П. Современные угрозы и риски экономической безопасности Республики Беларусь	157
Глигич-Золотарева М.В. Евразийская интеграция: вчера, сегодня, завтра	164
Золотарева О.А., Давлетшина Л.А. 5 лет евразийской интеграции: статистика достижений и проблем развития (социально-гуманитарный аспект)	170
Иоффе А.М. Анализ рисков, связанных с обеспечением энергетической безопасности Российской Федерации и ее партнеров по Евразийскому экономическому союзу	175
Каленова С.А. О расширении сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в рамках ЕАЭС в области энергетики и транспорта	180
Колташов В.Г. Евразийский консенсус: причины возникновения и условия развития	183
Кохно П.А., Кохно А.П. Гармонизация экономического развития России в Евразийском экономическом союзе	185
Кузнецов А.В. Влияние политики США на ЕАЭС	192
Куклина Е.А. Российско-Китайское стратегическое партнерство в Арктике как императив нашего времени	195
Лойко Л.Е. Правовые институциональные структуры Союзного государства Беларуси и России	199
Меденников В.И. Формирование единого информационного Интернет-пространства цифрового взаимодействия сельского хозяйства ЕАЭС	202
Петровский В.Е. Россия, Китай и контуры «Большого Евразийского партнерства»	209
Пласкова Н.С., Пашигорев М.О. Санкции и их влияние на экономику России	214
Подмаркова И.П. Стратегия экономической безопасности Донецкой народной республики в условиях цифровизации	220
Прасолов В.И., Волконский В.А. Актуальные информационные угрозы ЕАЭС в системе обеспечения национальной и экономической безопасности	223
Ситнова И.В. Донбасс как пространство общества риска	225
Суюмбаев М.Н., Узбеков Д.С. «Термодинамика» большого пространства Евразии	228
Тамаров П.А. Перспективы платежной системы ЕАЭС	231
Темирбекова Л.А., Толеутай Д.С. Статистическое изучение уровня безработицы в Казахстане	237
Федорова И.Ю. Новые подходы к развитию финансово-экономических взаимосвязей в рамках ЕАЭС	241
Хренов Н.А. Россия между Западом и Востоком: к проблеме культурного синтеза	244
Царьков О.Е.	

Катастрофы и хаос как объекты экономического управления	263
Юртаев В.И.	
К вопросу о роли России в формировании идеологии Евразийской интеграции	268
Яковенко А.В.	
Евразийская интеграция: от общегуманитарного к общегуманистическому пространству	271
Ярыгина И.З.	
Перспективы национальных валют БРИКС – ЕАЭС	274
Ярыгина И.З.	
Проблемы торгового сотрудничества России в рамках БРИКС	277

Модернизация экономики

Буквич Р.М., Райнович Л.Д.	
Управление предприятием и интерес акционеров: концепция максимизации рыночной стоимости	283
Быстров А.В.	
Инструменты стратегического развития высоко технологичных предприятий	291
Ванюшкин А.С., Друзин Р.В.	
Модельная структура органического агрохозяйства в России	293
Гладилина И.П.	
Кадровое обеспечение закупок в условиях цифровой трансформации	298
Гореева Н.М., Демидова Л.Н.	
Оценка институциональных и социальных факторов, формирующих доходы населения	301
Зайнутдинова У.Дж.	
Развитие транспортного сектора экономики Республики Узбекистан	305
Курган О.В.	
Проблемы управления реверсивной логистикой	307
Куценко Н.А.	
Проблемы определения индекса конкурентоспособности предприятия в современных условиях	311
Лазаренко Н.В.	
Управление трудовым потенциалом в контексте обеспечения устойчивого экономического развития хозяйственного механизма	316
Лойко А.И.	
Эволюция экономических систем Беларуси и России в индустрию 4.0	324
Мальцева И.С.	
Сельскохозяйственная кооперация как инструмент модернизации сельской экономики	327
Манько М.А., Русак И.Н.	
Анализ роли поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь	331
Маслова В.В., Авдеев М.В.	
Конкурентоспособность продукции АПК России в современных условиях	335
Мусатова М.М.	
Влияние фондов прямых частных инвестиций на результативность портфельных компаний обрабатывающих производств	341
Носков В.А.	
Направления роста ресурсной эффективности лесопользования, учитывающие качество и характер использования возобновимого природного капитала лесов	348
Орлова Л.Н., Полтарыхин А.Л., Сизова Ю.С., Николаев С.В.	
Особенности институциональной системы подготовки кадров для обеспечения конкурентоспособности национальной экономики (на примере электроэнергетики)	352
Павлов К.В., Асадуллина Н.Р.	
Формы и направления цифровизации экономики	355
Панамарева О.Н.	
Развитие морских портов России в контексте реализации комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года	359
Пименов В.В., Шафранский П.К.	
О стратегии предприятия при переходе к цифровой трансформации	366
Попов М.И., Рахманая И.А.	
Управление рыночной стоимостью в процессе формирования оптимальной стратегии финансовой безопасности	371
Проворова И.П., Жемерикин О.И.	
Результаты импортозамещения в химическом комплексе России	374
Репин И.А.	
Формирование счетов системы природно-экономического учета в Российской Федерации	378
Романова А.А., Романов П.А.	
Инновационные способы привлечения капитала как элемент антикризисной политики предприятия	381

Sadirbekova M.M.	Assessment of development of the sphere of tourism of Kazakhstan	386
Сакенкызы Г.	Проблемы и перспективы развития интеллектуальной собственности в Республике Казахстан	390
Салита С.В.	Необходимость формирования ключевых способностей предприятия	394
Слепокуров А.С., Демченко Н.П., Полякова Н.Ю., Попова А.А.	Возрождение отрасли по производству и применению эфиромасличных культур как стратегическая задача региона в рамках ЕАЭС	401
Смирнова Н.А.	Формирование человеческого капитала в условиях цифровизации российской экономики	405
Соболев Э.Н.	Проблемы регулирования социально-трудовых отношений в современной России	407
Тимофеев М.И., Санин Н.В.	Критический анализ теории мотивации Ф. Херцберга	411
Третьяк В.П., Сагина О.А.	Стратегический вектор модернизации экономики	416
Третьякова Л.А.	Оптимизация влияния человеческого фактора на предприятиях машиностроительной отрасли: методический инструментальный аттестации	419
Трифонов И.В.	Практические аспекты формирования программ развития энергетических компаний	423
Трифорова Н.Н.	Современная команда менеджмента проекта: особенности, отличия и противоречия	426
Туаршина А.Р.	Инструментарий и методы развития кадрового потенциала предприятия	428
Тулъчев В.В., Жевора С.В., Овэс Е.В.	Стратегия развития рынка картофеля и продуктов его переработки в России	432
Устинова О.Е.	Социальные медиа как маркетинговый инструмент в цифровой экосистеме	437
Филин С.А.	Совершенствование бизнес-моделей систем управления в коммерческих организациях	440
Фролова В.Б.	Влияние цифровых технологий на развитие финансового менеджмента корпораций	445
Цхададзе Н.В.	Трансформация социально-экономической жизни человека в условиях дистанционного банковского обслуживания	448
Чернышева Е.Н., Ланцова Н.М.	Современные особенности, оценка и минимизация рисков в аудите	453
Якубова Э.Т.	Оценка критериев индустриального развития регионов Узбекистана	457

Инновации и технологии в XXI веке

Баббекова Д.Ш., Тухташева Х.	Эффективное использование инвестиций в развитии инновационной сферы	462
Биндусов Е.Е.	Перспективы и возможности применения искусственного интеллекта в спорте	464
Воронин А.В.	Результаты исследования геоинформационных систем в контексте инновационных технологий как среды визуализации и аналитической обработки данных в алгоритмах дополненной реальности	466
Карачун И.А.	Цифровые технологии и практика их внедрения: белорусский и российский опыт	470
Колин К.К.	Технология как наука: социальные критерии эффективности новых технологий	473
Кочетков С.В., Кочеткова О.В.	Инновационное развитие российской экономики: поиск возможностей	478
Красильникова Е.В., Никонова А.А.	Роль взаимодействий акторов в инновационных стратегиях	482
Крошкилин С.В.	Технологические вызовы образованию и рынку труда в России	492
Ларин О.Н., Боков А.В.	Инновационные высокоскоростные транспортные системы	501

Лозинский С.Р.	
Системное регулирование инновационного процесса в сфере АПК	506
Маликова О.И.	
Технологические изменения на мировых рынках сырьевых материалов и новые вызовы для российской промышленной политики	509
Мельников В.П.	
Эволюция технократического развития мышления человека и его труда	513
Мишунина Л.Н., Якубовский Ю.В.	
Инновационный подход к развитию наукоемкого высокотехнологичного сектора промышленности во взаимодействии с вузами (на примере Приморского края)	515
Никонова А.А.	
Готовность к инновациям в нестационарной российской экономике	519
Оморов Р.О.	
Динамика показателей инновационного развития Кыргызской Республики по данным глобального инновационного индекса ГИ	527
Пласкова Н.С., Самусенко А.С.	
Анализ инновационной деятельности как новое научно-практическое направление развития экономического анализа	531
Раткин Л.С.	
Построение комплекса информационных систем по инвестиционным проектам с применением компьютерной стеганографии и блокчейн-технологий для инновационного и научно-технологического развития регионов и отраслей	535
Рожков Р.С.	
Тенденции развития цифровых рынков и сопутствующая проблематика	538
Саханов В.В., Зозуля И.В.	
Инновационное развитие как основа повышения производительности труда в лесопромышленном комплексе	542
Слепокурова Ю.И., Василенко И.Н.	
Современные направления инновационно-технологической политики в деятельности промышленных предприятий	546
Соломенникова Е.А.	
Цифровизация машиностроительных и станкостроительных производств – основа повышения конкурентоспособности высокотехнологичного бизнеса	552
Тульчев В.В., Жевора С.В., Мелешина О.В.	
Инновации и технологии в картофелепродуктовом подкомплексе АПК России в XXI веке	556
Устинова Л.Н.	
Технологическое развитие промышленности на основе продвижения результатов интеллектуальной деятельности	560
Фирсова И.А.	
Формирование молодежной политики в сфере науки, техники и инноваций	565
Халматжанова Г.	
Инновации, модернизация, инвестиции в экономике Узбекистана	571

Наука и образование

Азарова С.П.	
Кружковое движение в России: история и современность	585
Богдан Н.И.	
Проблемы трансформации системы высшего образования стран ЕАЭС в цифровой экономике	592
Ваганян Г.А.	
О доисторическом происхождении и распространении научной грамотности и технологий	595
Васильева Т.Ю.	
Искусственный интеллект и модернизация системы образования как фактор развития цифровой экономики	600
Ворожжихин В.В.	
О соответствии науки и образования России вызовам современности	604
Воронов М.В.	
Пути совершенствования аналитического образования	610
Грошев Р.В., Добрынин В.В.	
Современная информационная среда и отбор/подготовка кадров аналитиков	613
Демин А.С., Демина С.А.	
Образование как общественное благо в эпоху высоких технологий: миф или реальность?	617
Жунисбекова Д.А.	
Роль информационно-компьютерного моделирования в системе подготовки будущих специалистов	623
Жунисбекова Ж.А.	
Дифференцированное обучение – важный аспект в совершенствовании вузовского образования	627

Керимбеков М.А.	
Роль информационно-компьютерных и инновационных технологий в повышении эффективности образовательного процесса: компьютер как средство повышения эффективности образовательного процесса в вузе	630
Коровникова Н.А.	
Аналитика как способ производства знаний	634
Кротова М.В.	
Некоторые теоретические вопросы реализации национального проекта «Наука»	637
Куркин И.И., Жданова И.Д., Сибирякова Л.П.	
Коллегиальный интерактивный стиль формирования личности по сценариям глобальных перспектив	647
Логвиненко В.П.	
Значение научного знания в развитии цифрового общества	657
Мартысюк П.Г.	
Диалог традиций и инноваций в современном образовании	662
Медведева Е.И.	
Концептуальные вызовы системе образования России	665
Меденников В.И., Сальников С.Г.	
Состояние и перспективы формирования единой информационной среды для аналитической работы при цифровой трансформации образования	668
Морозов А.В.	
Современные тенденции развития цифрового образования: «за» и «против»	674
Назарова И.Б.	
Развитие социального предпринимательства: роль университета, обучение и вовлечение молодежи	676
Нестеров А.В.	
Доказательная или доказательственная аналитика	680
Новикова Е.С.	
Экспорт российского высшего образования как инструмент устойчивого экономического развития страны	685
Орлов А.И.	
Миф мировой науки	688
Павлов Б.С.	
О принципе адресности процесса воспроизводства инженерных кадров в промышленно сти региона	691
Павлов Б.С., Бердник Л.П., Икингрин Е.Н., Пронина Е.И.	
Реабилитация «Уроков семьи» для учащейся молодежи, как победа здравого смысла над логикой «Кабы чего не вышло»	699
Першина Т.А., Долгих Е.А.	
Статистическое исследование взаимодействия высшего образования и рынка труда	708
Периуткин С.Н.	
Проблемы и опыт аналитической деятельности в контексте перспектив самостоятельного образовательного на- правления «Аналитика»	713
Петросянц Д.В.	
Комплексный анализ деятельности ведущих университетов СКФО	717
Поплыко В.И.	
Ресурсное обеспечение научной деятельности в Республике Беларусь	726
Роденкова Т.Н., Демин А.Л., Борисова И.В.	
Проектные технологии в процессе цифрового обучения	732
Савицкая Е.В.	
Репутация университета, международные рейтинги и благоприятный отбор	736
Самохин А.А.	
О влиянии формы оценки и оплаты труда на состояние фундаментальной науки и общества	741
Солдатов Р.В.	
О стратегической безопасности образования в условиях формирования цифровой экономики России	744
Толкачев В.А.	
Развитие понятия управленческой деятельности в контексте образования специалистов по направлению «Ана- литика»	750
Фортова Л.К., Юдина А.М., Овчинников О.М.	
Позитивные и негативные стороны цифрового образования в России	752
Шипкова О.Т., Вдовенко З.В.	
Реализация запроса на сотрудников нового качества через интеграцию проектной деятельности университетов и национальных проектов государства	755
Ширман М.Б.	
Современная система образования как орудие глобального суицида	758

Аветисян Л.А.	
Участие Армении в международной трудовой миграции: Динамика и регулирование	761
Белогребень А.А., Матанцева О.Ю., Титов А.Е.	
Совершенствование методики оценки бюджетной эффективности федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения»	765
Золотарева О.А., Михалева К.А., Пушкарева В.Б.	
Социально-демографический портрет современного мигранта в России цифрами статистики	770
Карманов М.В.	
Некоторые особенности прикладного анализа ожирения детей	778
Карманов М.В.	
Актуальные аспекты прикладного анализа ожирения детей	781
Матанцева О.Ю., Белогребень А.А., Титов А.Е.	
Совершенствование метода оценки недополученного ВВП при расчете ущерба от гибели человека в ДТП	784
Недоспасова О.П.	
Накопление человеческого капитала в экономике старения: риски и шансы	789
Павлова В.И., Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Сентюрина Л.Б.	
«Здоровый образ жизни» – как его воспринимает молодёжное население на Урале (социологический экскурс в проблему)	793
Попова Л.А., Зорина Е.Н.	
Вопросы реализации ресурсного потенциала населения пенсионного возраста	803
Реутов Е.В.	
Отток населения как угроза российской провинции	810
Русанова Н.Е., Журавлева Е.К.	
Многодетность в Москве	814
Рыбакова М.В.	
Модели адаптационных стратегий трудовых мигрантов на евразийском пространстве	817
Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.	
Потенциал восточных регионов страны в преодолении депопуляции	820
Тулузакова М.В.	
Ресурсы социального здоровья нации: риски и перспективы	827

Регионы и города

Белостоцкий А.А.	
Проблемы снижения дотационности российских регионов на современном этапе развития межбюджетных отношений	830
Белоусова А.В.	
Оценка изменений параметров внешнеэкономических взаимодействий дальневосточных субъектов РФ	833
Борисова О.В.	
Перспективы научно-технологического и инновационного сотрудничества в рамках ассоциации «Наш общий дом – Алтай»	837
Бородулина С.А., Анисимов К.О.	
Тенденции и пути развития пассажирских перевозок на внутреннем водном транспорте Российской Федерации	840
Брюханов Ю.М., Донская С.Л.	
Программно-целевой контур эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами	848
Грabelных Т.И.	
Продвижение экспертных знаний в общественном пространстве региона	851
Дудина Т.Н., Тарасова О.С.	
О реализации национального проекта «Формирование комфортной городской среды» в г. Новосибирске	853
Леднева О.В.	
Показатели устойчивого развития малых и средних городов	855
Мамадалиева Э.Р.	
Асимметрия в социально-экономическом развитии регионов Узбекистана	860
Медведева Л.Н.	
Спилловер-эффект инноваций в развитии средних промышленно развитых городов на площадке «Умных городов»	865
Мещеряков Д.А.	
Социальное партнерство как ключевое направление согласования интересов его субъектов и обеспечения реализации социальной политики в муниципальных образованиях	869
Никитина А.В.	
Развитие методических подходов к исследованию социально-экономической конъюнктуры региона на основе вербально-графического моделирования	874

Новоселов А.С., Волянская Т.В.	
Стратегические приоритеты и принципы реализации региональной экономической политики	877
Павлов Б.С., Лоншакова Н.А., Пацула А.В., Бондарева Л.Н.	
Бойтся ли безработицы городское население на Урале: социологические этюды 1990–2020 гг.	881
Pavlov K., Nosova O.V., Nosova T.	
Innovation policy as a basis for effective development of the regional economy	888
Павлов Б.С., Пронина Е.И., Павлов Д.Б.	
Родительские советы как фактор профессионально-трудовой социализации молодежи в регионе	894
Пронина Л.И.	
Благосостояние регионов и муниципалитетов – важнейший фактор социально-экономического развития России	900
Рисин И.Е.	
Актуализация содержания и механизма реализации региональной кластерной политики	906
Румянцева С.Т., Липатова Л.Н.	
Оценка экономической безопасности региона в социально-трудовой сфере	909
Садовникова Н.А.	
Оценка тенденций и прогноз уровня оплаты труда региона	913
Садовникова Н.А., Хабелашвили Ш.Г., Золотарева О.А., Давлетшина Л.А.	
Капитальный ремонт многоквартирных домов в контексте реализации национального проекта «Жильё и городская среда»	916
Самодуров А.А., Градусова В.Н.	
Статистическая оценка инвестиционной активности арктических территорий	920
Самостроенко Г.М.	
Институциональные механизмы социально-экономического развития муниципальных образований	923
Сибирская Е.В., Овешникова Л.В.	
Оценка социально-экономического положения регионов Российской Федерации (на примере Северо-Западного Федерального округа)	925
Скоробогатых И.И., Сидорчук Р.Р., Мусатов Б.В., Мешков А.А.	
Нормативный подход в маркетинговых исследованиях по оценке обеспеченности жителей парковочными местами в городе Москве	932
Степанов В.И.	
Логистические решения в рациональной организации грузовых потоков в мегаполисе	937
Степанов В.И.	
Создание инфраструктуры велосипедного транспорта в г. Москве	940
Суворова А.П.	
Интеграция информационно-аналитических процедур оценки эффективности стратегии инновационного развития регионов России	943
Федорова М.С.	
Амбассадоринг как механизм продвижения территории на рынке туризма	952
Фирсова И.А., Водолева Е.А.	
Маркетинг территории в разрешении региональных противоречий	955

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Андреева Г.Н.

к.ю.н., в.н.с. ИНИОН РАН

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: экономическая конституция, финансовая конституция, цифровая экономика, цифровизация, правовые инструменты, конституционные принципы, интеллектуальная собственность, права человека.

Понятие экономической конституции многозначно и позволяет обозначить различные явления, связанные с экономикой, поэтому оно используется при создании научного знания в разных научных дисциплинах: в экономической науке, в социологии и в науке конституционного права. В данной статье оно употребляется в узком конституционно-правовом смысле для обозначения внутренне взаимосвязанной совокупности конституционно-правовых норм, регулирующих экономические отношения¹.

В науке конституционного права существует два подхода к пониманию роли и места конституционных норм, регулирующих финансовую сторону экономических отношений: одни авторы рассматривают их как часть экономической конституции² (что справедливо, поскольку они образуют своего рода «финансовый каркас» экономических отношений), другие как отдельную «финансовую конституцию»³ (что также имеет смысл, поскольку внутренние связи конституционно-правовых норм, регулирующих финансовые отношения, и образуемые ими конституционные институты имеют определенную специфику). Для целей этой статьи специфика финансовой конституции, выделяющая ее по сравнению с регулированием «чисто» экономических отношений, вторична, поэтому анализ будет проводиться в рамках первого подхода.

Понятие цифровой экономики еще не вполне устоялось, тем не менее, вполне очевидно, что оно тесно связано с цифровыми технологиями.

С одной стороны цифровая экономика может рассматриваться как относительно самостоятельный сектор экономики, особенность которого состоит в том, что в нем обращаются продукты в цифровой форме, позволяющие оказывать массовые услуги и извлекать за счет этого значительные финансовые средства. С другой стороны цифровизация и цифровые технологии постепенно становятся в той или иной мере встроенными и во все сектора традиционной экономики. Как технологический способ осовременивания всех других секторов экономики, цифровизация выступает, в том числе и в правовом аспекте, скорее как способ ведения дел других секторов экономики (цифровизация проектного дела в строительстве, цифровизация космических исследований и т.п.), чем и определяются особенности ее регулирования. В этом смысле цифровизация как технологическое явление оказывает серьезное и многообразное воздействие на экономические отношения, описание которого выходит за рамки данной статьи, и будет затронуто только частично. Что же касается цифровой экономики как сектора экономики, то речь идет об относительно самостоятельном и в этом смысле сравнительно «компактном» явлении, которое находится в определенных взаимосвязях и взаимодействиях с т.н. «традиционными» секторами экономики, что позволяет сравнить особенности их правового регулирования и показать специфику действия конституционных норм, принципов и институтов, относящихся к экономической конституции. Более того, влияние цифровизации и использования новых технологий на правовое регулирование экономических отношений, которое в «традиционных» секторах экономики проявится, скорее всего, не скоро или в определенных пределах, в то время как именно в секторе цифровой экономики его проще выявить и проследить. В этом смысле трактовка цифровой экономики в «секторальном» смысле для описания правового регулирования цифровой экономики создает больше возможностей для раскрытия темы, поэтому в статье под цифровой экономикой понимается быстро растущий сектор экономики, ядром которого является производство, обмен и потребление продуктов с использованием техноцифровой формы.

В силу глобальности и быстроты изменений, связанных с формированием цифровой экономики, от органов государства требуется также ускоренная реакция на происходящие процессы, в том числе и в сфере правового регулирования, что неизбежно затрагивает и конституционную сферу. Однако в настоящее время вопрос о том, что нужно менять что-то в конституционном регулировании, исходя из факта формирования цифровой экономики, не стоит. Это

¹ Подробнее об особенностях использования термина «экономическая конституция» в науке конституционного права см.: Андреева Г.Н. К вопросу о понятии экономической конституции // Конституционное и муниципальное право. 2010. – № 7. – С. 9–14.

² См. например: López Garrido D. Apuntes para un estudio sobre la Constitución económica // Revista del Centro de Estudios Constitucionales. – Madrid, 1993. – N 15. – P. 85–86; Bigart Campos G.J. La Constitución económica (un esbozo desde el derecho constitucional argentino) // Cuestiones Constitucionales/ Revista Mexicana de Derecho Constitucional. – México, 2002. – P. 4–5.

³ Например: La Costituzione finanziaria. La decisione di bilancio dello Stato costituzionale europeo (Italiano). – Torino, 2015. – 382 p.

связано, прежде всего, с тем, что научная концепция изменения даже текущего законодательства еще не сложилась, и правовое регулирование на этом уровне носит поисковый характер. Существует три модели его изменения: в виде приспособления имеющегося законодательства для регулирования отношений, связанных с цифровыми технологиями, частичного изменения действующего законодательства и принятия принципиально новых актов для регулирования цифровой экономики. Для экономической конституции на современном этапе эти модели порождают сходные проблемы.

Необходимо отметить, что конституционно-правовые проблемы регулирования цифровой экономики для писаных и неписаных конституций проявляются и решаются по-разному. Поскольку неписаная конституция обладает значительным запасом гибкости, она позволяет в более широких пределах приспособлять конституционно-правовое регулирование под потребности цифровой экономики и обеспечивает большую свободу маневра. Это наглядно иллюстрирует пример неписаной конституции Великобритании. Принцип верховенства Парламента делает возможным серьезные изменения в национальном правовом регулировании, в том числе и конституционного характера, с помощью обычных законов. Естественно, возможность трансформации в правовой системе Великобритании, будучи широкой, не беспредельна, тем не менее, по сравнению с писаными конституциями, она существенно шире, в том числе и потому, что в стране отсутствует специализированный конституционный контроль, и главным судьей степени конституционности принимаемых законов выступает сам Парламент. В результате того, что Парламент активно использует свои законодательные полномочия, в Великобритании уже накоплен серьезный опыт законодательного регулирования цифровой экономики: в настоящее время действует Акт о цифровой экономике 2017 г. (Digital Economy Act of 2017), заменивший в свою очередь Акт о цифровой экономике 2010 г., т.е. мы имеем дело с отработкой Парламентом в отношении цифровой экономики на практике действия конституционных начал (в частности применительно к цифровым правам человека).

Иная ситуация складывается в странах с писаной конституцией (т.е. в большинстве стран мира) при создании текущего законодательства, затрагивающего цифровую экономику. В значительной части таких стран законодатель, учитывая необходимость поиска наиболее адекватного для цифровой экономики регулирования, стремится не усложнять задачу и не затрагивать при этом конституционные принципы. В силу этого регулирование осуществляется в экспериментальном порядке: либо в виде временного акта, либо акта, действующего на ограниченной территории (небольшой части территории государства), либо в отношении ограниченного круга субъектов. И только в случае, если такого рода эксперимент будет признан успешным, данное нормативно-правовое регулирование распространяется на всю территорию страны. Такой подход позволяет отработать механизмы обеспечения действия конституционных принципов.

Сложнее дело обстоит в принятием принципиально новых актов, обеспечивающих различного рода преимущества сектору цифровой экономики и предприятиям, которые осуществляют деятельность в этой сфере, как, например, это было сделано в Беларуси Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». Целью Декрета является создание правовых условий для развития крипторынка, предоставление льгот и преференций участникам отношений, связанных с применением современных технологий, формирование условий для внедрения технологии блокчейн и либерализация правового режима парка высоких технологий¹. Как попытка создания прорыва в цифровой экономике, включая ее правовое регулирование, Декрет может оказаться высокоэффективным, но это не снимает вопросов о его соотношении с конституционным регулированием. Еще более серьезные проблемы возникают при попытке массового «вброса» в правовую систему большого количества новых правовых актов, как, например, в России, где согласно Плану мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р, предусмотрена разработка более 50 пакетов законопроектов в 2–3 летний срок. Сама по себе идея быстрой перестройки значительного массива нормативных актов имеет некоторые положительные черты, но и несет серьезные риски, поскольку такая «встряска» системы законодательства, захватывающая разные отрасли с уже сложившейся спецификой правового регулирования, требует предварительной глубокой и экспериментальной проработки, в противном случае вместо желаемого результата могут быть получены негативные последствия в виде усугубления уже имеющихся проблем отраслевого регулирования и появления сомнений в конституционности произведенных изменений, особенно применительно к правам человека².

В настоящее время обсуждение проблем правового регулирования цифровой экономики в странах с писаной конституцией вращается в основном вокруг создания оптимального текущего законодательства и иного нормативного регулирования, а не проблем экономической конституции. Вместе с тем формирование цифровой экономики порождает для национального конституционного права целый ряд проблем, затрагивающих фундаментальные начала конституционного регулирования экономических отношений.

Одной из первых имеет смысл выделить проблему обеспечения действия всех основных принципов экономической конституции при государственном регулировании сектора цифровой экономики. С одной стороны, базовые принципы и институты экономической конституции (равноправие субъектов экономических отношений, конкурен-

¹ Подробнее о данном акте и направлениях его реализации см.: Стасеня Т.П., Мандрюк О.Г. Цифровая экономика Республики Беларусь: развитие и определение перспективных направлений и секторов экономики для их цифровизации // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации. Сб. научных трудов. – Витебск, 2018. – С. 117–119.

² Подробнее об этом: Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография. – Нижний Новгород, 2018. – С. 45–49.

ция, свобода экономической деятельности, единство экономического рынка, гарантии права собственности и т.д.) имеют универсальный характер и должны действовать во всех секторах экономики, с другой стороны, приложение их к такому новому, быстро развивающемуся и меняющемуся сектору как цифровая экономика требует более тонких правовых инструментов. Здесь законодателю правового государства для воплощения в текущем законодательстве имеющих универсальный характер конституционных принципов важно найти оптимальное регулирование, пройдя по грани между недопустимостью создания «тепличных» условий для цифровой экономики (т.е. необходимо обеспечить конкуренцию и в цифровой сфере) и введением необоснованных ограничений, препятствующих нововведениям в этом инновационном секторе экономики. В силу новизны явления законодателю подчас достаточно сложно определить, как именно должна обеспечиваться свобода экономической деятельности и стимулироваться в случае необходимости тесно связанная с ней инновационно-научная деятельность, поскольку традиционно для управленческой и законодательной деятельности государства это относительно изолированные самостоятельные области, правовые механизмы совместного регулирования которых урегулированы главным образом применительно к традиционным технологиям, в то время как цифровая экономика базируется на очень продвинутой научно-технологической базе, на осуществлении научной и научно-проектной деятельности. Выстраивание нормативной базы, а также государственно-административное управление в этой сфере должно осуществляться с учетом этого обстоятельства и обеспечивать комплексный подход к проблеме, а это означает и соответствие текущего законодательства принципам экономической конституции. В перспективе можно ожидать появление к органам конституционного контроля сложных вопросов об обеспечении действия экономической конституции.

Другая проблема, в настоящее время решаемая в основном в рамках текущего законодательства, и относящаяся, на первый взгляд, только к вопросам законодательной техники, но которая на самом деле затрагивает сбалансированность регулирования различными отраслями права в рамках национальной правовой системы государства и ее целостность, состоит в выборе между использованием новой, постоянно изменяющейся терминологии, обеспечивающей обозначение новых технологий и явлений, порожденных цифровизацией, изобретением новых правовых инструментов для регулирования именно цифровой экономики и применением прежнего, уже сложившегося правового инструментария, с различными оговорками при регулировании общественных отношений в рамках цифровой экономики. В последнем случае новая терминология не вводится, но происходит существенное расширение понимания и трактовки существующего понятийного аппарата, и соответственно, в определенном смысле упрощается встраивание в правовом смысле этого сектора в национальную правовую систему. Однако у такого подхода имеются свои пределы допустимого использования, и это особенно ярко проявляется применительно именно к новым явлениям. Противоположный подход, как указывалось, характеризуется введением/изобретением новых правовых понятий, в большей степени адекватных новым явлениям, что в принципе должно обеспечить более точное правовое регулирование. Однако этот подход чреват дублированием норм (по сути однородных, но обозначенных новыми терминами) и созданием «двухскторного» регулирования, когда одни нормы гражданского права используются для регулирования «традиционной» экономики, а другие исключительно для явлений цифровой экономики, что может повлечь нарушение целостности правовой системы и существенно усложняет оценку применения базовых конституционных принципов, а также потенциально может нежелательно «индивидуализировать» применяемые для такой оценки критерии.

Возникает вопрос: какой из описанных подходов является более целесообразным с конституционно-правовой точки зрения? С учетом существования особенностей правовых систем и национальных систем законодательства в их рамках выработать единый рецепт не представляется возможным. Каждая национальная правовая система обладает своим запасом гибкости, способности к трансформации и специфическим набором правовых инструментов. Если говорить о России, то ее правовая система в настоящее время испытывает значительные сложности переходного и структурного характера. При введении новой терминологии (особенно в большом объеме) существует реальная опасность излишнего отступления от системы относительно устоявшихся правовых норм и представлений и дальнейшей перегрузки понятийного аппарата, зачастую плохо переведенного и не вписывающегося в существующую правовую систему Российской Федерации. Как показывает практика, в зарубежных странах, как правило, для регулирования цифровой экономики стремятся использовать имеющийся понятийный правовой инструментарий¹, а к введению новых понятий и инструментов прибегают при явной недостаточности традиционных.

Самостоятельную проблему экономической конституции в условиях формирования цифровой экономики составляет соотношение международно-правового и национального регулирования отношений, связанных с цифровизацией. Регулирование трансграничных отношений, связанных с цифровой экономикой, по технологическим причинам невозможно только в рамках одного государства. Гибкое сочетание международного и конституционного права, при котором бы обеспечивались и конституция, и национальный государственный суверенитет, и в то же время очень тонкое регулирование трансграничных отношений межгосударственными договорами в рамках межгосударственных объединений (ЕС, ЕАЭС и др.) является для большинства государств задачей не только ближайшего будущего, но и, видимо, достаточно долгосрочной перспективы, поскольку наблюдается ускорение появления новых технологий, которое будет требовать совершенствования правового регулирования для обеспечения гармоничного сочетания национальной правовой системы и международного права.

¹ См. например: Дюфло А. Юридическое положение блокчейна во Франции // Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография. – М., 2019. – С. 225.

Включение глобальных акторов экономических отношений стимулирует формирование глобального конституционного права. Задача национального законодателя – абсорбировать этот процесс в соответствии с экономической конституцией конкретного государства, что достаточно сложно.

Вызывающим серьезные затруднения и стимулирующим поиск новых правовых решений представляется вопрос о правах человека в условиях цифровой экономики. Применительно к экономической конституции здесь сталкиваются два начала: необходимость обеспечения соблюдения прав человека с одной стороны и оптимизации экономических процессов, исходя из экономической эффективности. Технократический подход к решению экономических проблем, возобладавший в последние годы не в последнюю очередь под влиянием реально происходящих процессов возрастания массовости многих явлений, требующих применения цифровых технологий для оптимизации различных отраслей экономики, нередко ставит под удар реализацию и защиту прав человека. Хотя в теории и при презентации различных нововведений стороны, лоббирующие эти проекты, подчеркивают разнообразные выгоды, которые получит население от того или иного применения цифровых технологий, на практике оказывается, что многие существенные факторы не были учтены, что приводит к нарушениям прав человека, о возможности которых даже не упоминалось при проектировании и даже очевидные риски которых не оценивались. Наука, в том числе правовая находится в поиске адекватных решений обозначенной проблемы, однако современная ситуация в большинстве стран носит скорее характер восполнения дефицита имеющегося регулирования исходя из особенностей цифровой экономики, чем глубокой предварительной проработки рисков, возникающих в данной области.

Отдельную проблему представляет собой конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности, объекты которой в условиях цифровой экономики умножаются многократно и являются достаточно специфичными по сравнению с традиционными. Национальное и международно-правовое регулирование права интеллектуальной собственности базируется на представлении, что объекты права интеллектуальной собственности нуждаются в особой защите и ряде специфических правовых инструментов по сравнению с защитой обычного права собственности. В отношении конституционного регулирования нужно отметить два обстоятельства. Первое состоит в том, что термин «интеллектуальная собственность», поднятый в ряде стран на конституционный уровень, носит «зонтичный» характер, охватывая значительно различающиеся объекты: от уникального программного обеспечения до ритуальных рисунков аборигенных народов, имеющих для них важное культурное значение. Позитивной стороной «зонтичных» правовых понятий является возможность охватить (и урегулировать) широкий круг явлений. Отрицательная сторона состоит в сложности учета специфики конкретных видов объектов права собственности, обеспечения оптимальности такого регулирования на уровне текущего законодательства и, соответственно, реализации в нем идей и принципов, заложенных в конституционном регулировании. Иначе говоря, конкретные новые объекты собственности должны быть признаны законодателем в качестве объектов именно интеллектуальной собственности, в этом случае им обеспечивается соответствующая конституционная защита. Это, однако, не отменяет необходимости определения специфики их правового статуса на уровне текущего законодательства в рамках правовой защиты, обеспечиваемой конституционным институтом. Второе обстоятельство связано с тем, что термин «интеллектуальная собственность» не является для конституций общепринятым. Как справедливо отмечается в российской научной литературе, «применение термина “интеллектуальная собственность” в рамках основного закона государства не слишком распространенное явление в зарубежных странах»¹. Российский исследователь Г.В. Усов в результате изучения более чем ста конституций разных регионов мира, обнаружил понятие «интеллектуальная собственность» только в 37 из них², т.е. примерно в трети изученных им конституций. Это объясняется тем, что разные страны используют в национальных конституциях свойственные именно им законодательно-технические приемы и способы регулирования общественных отношений вообще, и, отношений собственности, в частности. Одним из применяемых приемов является распространение действия конституционных норм общего характера о собственности как таковой на интеллектуальную собственность без использования термина «интеллектуальная собственность»³, соответственно, это предопределяет и нераспространенность понятия «интеллектуальная собственность» в конституциях, и специфику решения вопросов конституционности положений текущего законодательства об объектах права собственности. При появлении новых видов «цифровых» объектов права собственности вопрос об урегулировании их статуса на уровне текущего законодательства и об объеме их конституционно-правовой защиты решается применительно к конкретному появляющемуся виду объектов права собственности (данные объекты в плане правовой защиты либо приравниваются к каким-либо уже существующим, либо создается новое правовое регулирование данного вида объектов).

Соответственно и в том, и в другом случае, прежде всего, необходимо решить вопрос о том, относятся ли конкретные новые, появляющиеся продукты цифровой экономики к объектам интеллектуальной собственности или нет. Причем, если ранее это приходилось делать в отношении относительно редко появляющихся видов продуктов, то в условиях цифровой экономики речь идет уже об экспоненциальном росте, многократно усиливаемом потоке продуктов, которые сами способны вызывать появление новых продуктов. Насколько современное правовое регулирование интеллектуальной собственности способно в этом плане обеспечить потребности цифровой экономики, пока не-

¹ Морозова (Аляева) Т.А. Конституционные принципы охраны интеллектуальной собственности в РФ: проблемы реализации в отраслевом законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2014. – № 10. – С. 80.

² Усов Г.В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах: Дис... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 20.

³ Андреева Г.Н. Об ориентирах для выявления в зарубежных конституциях норм, регулирующих право интеллектуальной собственности // Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук. Сб. научн. трудов по материалам Межд. научно-практич. конференции (Белгород, 31 мая 2017 г.). В 4-х ч. Ч. 2. – Белгород, 2017. – С. 15–20.

понятно. Как представляется, с высокой степенью вероятности возможна смена парадигмы правового и конституционно-правового регулирования права интеллектуальной собственности и появление новых правовых инструментов.

Одним из важных аспектов экономической конституции является установление допустимой или предпочтительной конфигурации действующих в экономике трудовых отношений. Взаимоотношения труда и капитала в традиционных секторах экономики в последние годы претерпели значительные изменения, однако они являются не такими стремительными, как в цифровой экономике. Как отмечается в научной литературе, «цифровая экономика быстро размывает традиционные отношения между управляющим и управляемыми»¹. Появление новых информационных платформ требует иной организации отношений между предпринимателем (работодателем) и работниками по сравнению с традиционными формами, что ставит вопрос об обеспечении конституционных принципов, на которых в настоящее время строятся отношения труда и капитала, а также изменения содержания социального договора, лежащего в основе конституционного регулирования².

Указанные проблемы экономической конституции, связанные с формированием цифровой экономики, являются достаточно очевидными уже сейчас. Сложности их решения напрямую определяются отсутствием научной доктрины изменения законодательства в условиях цифровой экономики. Это предполагает значительные усилия законодателей, правоприменителей, органов конституционного контроля и ученых по изучению результатов складывающегося мирового опыта законодательного регулирования цифровой экономики и оценку его возможных последствий для реализации принципов экономической конституции. Очевидна и необходимость научных дискуссий, нацеленных на решение проблем правового регулирования цифровой экономики. В совокупности эти усилия должны привести к созданию научной доктрины, обеспечивающей оптимальную стратегию и тактику правового регулирования в сфере цифровой экономики, соответствующие принципам национальной экономической конституции.

¹ Sundararajan A. El futuro del trabajo // Finanzas & Desarrollo. Revista trimestral Fondo Monetario Internacional. – Washington, 2017. – P. 7.

² Ibid., p. 11.

Гусева Н.В.

д.филос.н., академик Акмеологической академии, руководитель Международного центра методологических исследований и инновационных программ, председатель Восточного отделения Казахстанского Философского конгресса
conf@inir.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ, СМЫСЛАХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ

Ключевые слова: институализация, институциональные трансформации, разделенная деятельность, цивилизация, сущность, смысл, социальные перспективы, общественное сознание, культура, наука, исследования, методика, интересы, «заказчики», организации, логика, полномочия, власть, прибыль, тотальное давление, функциональные единицы.

Keywords: institutionalization, institutional transformations, divided activity, civilization, essence, meaning, social perspectives, social consciousness, culture, science, research, methodology, interests, «customers», organizations, logic, authority, power, profit, total pressure, functional units.

Адекватное понимание сущности, смысла, социальных перспектив современных институциональных трансформаций необходимо, так как оно может позволить разрабатывать и осуществлять стратегические программы выхода из кризиса, недопущения смертоносных конфликтов и погружения общества в небытие, а также оно может помочь не допустить к реализации ложные стратегии.

Вопрос о сущности – это всегда вопрос о способе формирования того, что рассматривается. Однако в отношении современных институциональных трансформаций – это вопрос о способах, механизмах, факторах влияния, приводящих к институциональному структурированию функционального поля в общественных процессах. Организация и осуществление такого функционально-организационного структурирования, их направленность, связь с интересами тех или иных ведущих социальных групп и т.п., знаменуют собой не только изменение уже имеющихся институциональных форм, но и создание новых, ранее не имевших место.

Современные институциональные трансформации обретают свои смыслы лишь в условиях цивилизационно-потребностных контекстов организации человеческого бытия. Эти контексты проявляют свою крайнюю альтернативность смыслам и формам бытия культуры. С этим связана проблема социальных перспектив современных институциональных трансформаций. Эту проблему можно отметить, указав на следующие, наиболее значимые ее черты. Это усиление разобщенности между группами в социальной структуре; увеличение совокупного веса институциональных структур, обслуживающих структуры власти в противоположность массивам аналогичных структур, обслуживающих большинство в обществе; выделение особых групп интересов, обслуживаемых современными институциональными структурами; выделение и определение основных направлений усиления институциональных структур; политизация функционирования институциональных структур, обслуживающих не собственно политические процессы и др. Все названные и другие предполагающиеся в этом ряду «перспективы» ведут к антагонизму в обществе, к его усилению, а не снятию.

В современном мире институализация становится ведущей формой социального действия. Без ее формообразующего, корректирующего, формализующего и т.п. влияния не обходится ни одно сколько-нибудь значимое событие: начинание, осуществление, результат. Это касается любых сфер общественной жизни: производства, образования, науки и др.

К пониманию институциональных трансформаций

Рассмотрение институциональных трансформаций в полной мере зависит от понимания институализации. В существующей литературе институализацию связывают, как правило, с наличием норм, правил, организаций, которые, функционируя, регулируют отношения в обществе. Указание на наличие норм, правил, организаций как таковое не может считаться достаточным для понимания институализации как процесса, присутствующего в функционировании цивилизации. Эта недостаточность, в свою очередь, влечет за собой большие трудности, если не невозможность, далее серьезно обсуждать институциональные трансформации, их смысл и социальные перспективы.

Ограничение понимания институализации указанием на наличие норм, правил, организаций уводит из сферы рассмотрения их сущности. За пределами анализа в этом случае остаются способы формирования этих норм, правил, организаций, а также их социальный смысл и перспективы. В итоге, когда возникает необходимость анализа изменений или трансформаций норм, правил, организаций, все рассмотрение сводится к констатациям и сравнениям того, что было, и того, что с ними стало. При этом тенденции в изменениях и трансформациях определяются также по вы-

деленным параметрам из проведенных операций констатаций, сравнений, систематизаций и т.п., на уровне которых проводился или проводится анализ норм, правил, организаций. За тенденцию при этом берется некое результирующее *представление*¹, выведенное из произведенных эмпирических процедур.

Процедуры констатаций, сравнений и систематизаций полученного материала при этом не являются достаточными *основаниями* рассмотрения сути изменений, трансформаций и тенденций в структуре и функциях институционализации в обществе. Они являются лишь «маркерами», по которым можно указать на наличие такой сферы. Однако в качестве маркеров они никоим образом не могут быть основаниями определения сущности процессов институционализации и, тем самым, не могут свидетельствовать о глубинных процессах, проявляемых через нее.

Институализация как цивилизационный процесс

Возникновение институализации исторически совпадает с развитием цивилизации и выражает ее внутренний процесс. Суть этого процесса состоит в том, что деятельность, осуществляемая человеком или сообществом людей, оказывается подчиненной вне ее возникающим механизмам контроля, регуляции или коррекции и соответствующих им организационных структур.

Осуществление деятельности отдельными индивидами или их группами, при которой контроль оставался (или остается) за ними самими, не требовал (или не требует) контроля или регулирования извне, – не приводит к институализации как особому цивилизационному феномену. В условиях возникающего и углубляющегося разделения деятельности, как известно, процесс осуществления деятельности существенно меняется. Он оказывается представленным функционированием различных не просто видов деятельности (видов труда), а оказывается представленным различными структурно-функциональными блоками внутри одного и того же вида труда или вида деятельности. Сюда, как минимум, относятся такие структурно-функциональные блоки деятельности как постановка цели, выбор средств, исполнение, получение результата. Разделение деятельности здесь означает, что каждый из этих структурно-функциональных блоков становится сферой, полем функционирования одного человека или групп людей, осуществляющих задачи своего, данного блока.

В результате исходное, личностное, субъектное единство деятельностного отношения к миру, себе подобным, к обществу в условиях разделения деятельности нарушается. Возникает позиция *частичного, функционального* отношения, соответствующая той части разделенной деятельности, которая выражена смыслом и содержанием определенного структурно-функционального блока, в котором данный человек или группа лиц исполняют функции, цивилизационные роли. Здесь возникает преобладание позиции, соответствующей задачам и интересам, обусловленным тем или иным блоком разделенной деятельности. Далее, эта ситуация закономерно вызывает необходимость отслеживать сопряжения частных задач, частичных интересов, что не может быть реализовано в рамках задач, диктуемых различными структурно-функциональными блоками разделенной деятельности.

Выявление сопряжений, регуляций и т.п. выходит за рамки этих задач. Здесь возникает необходимость в *носителях* механизмов и самих *механизмах* осуществления функций сопряжений, регулирования и т.п. любых ситуаций, возникающих между не совпадающими задачами и интересами людей или групп, порождаемых разделенной деятельностью, внутри нее и между функциональными блоками. Такая необходимость реализуется в форме появлений различных институций. Появляясь, они «размещаются» вне деятельностного процесса как такового. В связи с этим они могут оказываться либо в статусе *инструмента* внешнего влияния, либо в статусе формально существующей *силы* влияния, опять же извне, на тех, кто находится в ими регулируемом, контролируемом и т.п. поле.

Разделение деятельности является условием, способом и причиной формирования структур, стоящих за пределами собственно процесса деятельности и имеющих функционал определения ее правил и норм осуществления, а также функционал возможного контроля. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс раскрывает суть процессов, которые снова и снова создают институциональные продукты различных уровней в цивилизационном существовании. Надо подчеркнуть, что для цивилизации как формы организации общественной жизни характерны процессы обмена, распределения, потребления, тиражирования, сохранения, потребления, использования и т.п. *того, что создано культурой и в культуре*. Цивилизационные процессы, таким образом, всегда характеризуют манипулятивную, примененческую, утилитарную, пользовательскую сторону общественных отношений и событий.

В этом как раз и состоит отличие цивилизации от культуры, которая всегда есть, прежде всего, процесс созидательной, творческой, социально-значимой деятельности человека, человека как *субъекта* культуры. Ее результаты – предметы культуры, однако, если они находятся в сфере использования как готовые, статичные объекты, в этом случае могут объективно приобретать цивилизационные черты и определения. Их принадлежность к тем или иным социальным институтам при этом не обеспечивает сохранения за ними реального, а не формального, статуса явлений культуры. Всякая попытка институализации процесса созидательной, творческой, социально-значимой деятельности человека, субъекта культуры всегда будет представлять собой перевод ее статуса как феномена культуры в статус цивилизационного феномена. Это также означает, что всякие попытки реформирования культуры как процесса с точки зрения тех или иных цивилизационных задач будет означать ее деградацию и разрушение.

Для общества жизненно необходимо сохранение культуры, жизненно необходимо сохранение человеческого в человеке. Кстати, это важно и для сохранения самой цивилизации. Ведь гибель культуры приведет закономерно к тому, что иссякнет, не будет производиться то, что в цивилизационных процессах может тиражироваться, сохраняться,

¹ Представление выражает поверхностный, частичный образ реальности в отличие от понятия, выражающего сущность.

использоваться и проч. Любая подмена человеческого эрзацами, созданными на потребу и для прибыли как цели, даже если она институционально (цивилизационно) хорошо обеспечена, должна рассматриваться как разрушающая обшество и человека акция или позиция.

Современный процесс институализации идет по той же логике, он вполне аналогичен по существу с тем, как институализация объективно осуществлялась в другие исторические времена. Он основывается на том, что вся деятельность в современном обществе осуществляется как деятельность *разделенная*. Институализация охватывает все уровни жизни не только современного социума, но и индивидуальную жизнь отдельных людей. В условиях разделенной деятельности и человек, и группы индивидов оказываются неспособными в своем большинстве брать под контроль возникшие институты. Институты оказываются *инструментами* в руках тех, кто в разделении деятельности оказался в блоке постановки целей или точнее: в руках тех, кто оказывается "заказчиком" тех или иных целей и задач. И именно они – те, кто обеспечил свое представительство в целевых блоках в любых видах деятельности, – всегда оказываются собственниками получаемого результата.

Надинституциональное положение «заказчика», а также функциональное разделение деятельности во всех общественных процессах, делегирование полномочий «заказчика» функционерам целевых блоков, оказывается тем, что обуславливает реальный статус институциональных трансформаций и то, в чьих руках то или иное институциональное образование будет *инструментом*. Большинство же людей или групп, которые в разделенной деятельности не представлены в ведомствах «заказчиков» или «целеполагателей», – оказываются реально в положении, для которого характерна прямая зависимость от институтов как *формально-анонимных вершителей* их судеб.

В современный период продолжается период формационных преобразований, связанных с прекращением существования СССР и всего социалистического содружества, с появлением на карте мира новых стран и государств, с попытками создания иных, чем ранее, организационно-функциональных условий и правил существования на их территориях, с выходом на первое место политических интересов, амбиций, стратегий, которые ранее не могли открыто формировать свои институциональные структуры; с увеличением объема институциональных трансформаций и проч. Сюда надо отнести, в первую очередь, оформление групп национальных государств, политических партий на их территориях и массивов организаций, институционально оформляющих интересы социально сильных групп.

Уникальными становятся области человеческих отношений, не подвергшиеся институализации. Хотя их сохранность и суверенность уже можно подвергать сомнению, так как институализация проникает во все поры человеческого существования, включая существование семьи, родов, лично-индивидуальных отношений и др.

Поэтому вопрос о современных институциональных трансформациях должен рассматриваться не как анализ создаваемых или созданных массивов готовых институциональных структур, предпосылаемых обществу, а, напротив, как *вопрос и вопрошание* в адрес общества, которое *должно иметь полномочия и механизмы* формирования и регулирования создаваемых институциональных структур. Вопрошание, механизмы и полномочия влияния на создаваемые институциональные структуры или ликвидации тех, которые функционируют не в интересах общества, – такое положение вполне может отвечать требованиям сохранения культуры в условиях тотального диктата цивилизационных устоев. Последнее можно подчеркнуть, учитывая осуществленный Россией и другими странами бывшего СССР переход к другой цивилизационной модели организации всех процессов жизни.

В общественном сознании традиционно институциональные трансформации понимаются как проводимые и различные по масштабу изменения, реформы, выражающие решение задач организационного обеспечения реализации определенных возникших целей. Именно для осуществления последних в социуме создаются новые институциональные структуры. При этом их функционирование должно определенным образом вписываться в уже существующее множество организаций, либо заменять их полностью или частично, либо обеспечивать новое сочетание. На этом пути возникает много проблем, которые должны учитываться теми, кто проводит эти изменения или реформы. Эти проблемы выражают, прежде всего, существующие групповые и индивидуальные интересы участников той или иной деятельности. В условиях разделенной деятельности речь идет по большей части об интересах «заказчиков» и тех, кто занимается целеполаганием на условиях заказчиков. Преобладание реализации их интересов с необходимостью создает в обществе противоречия и напряженность, чреватые социальными взрывами.

При обсуждении институциональных трансформаций вопросы отношений человека и института, как правило, остаются за пределами рассмотрения, хотя их нельзя игнорировать. Ведь самую существенную роль в состоянии современного общества играет то, как строится отношение человека и института: или человек лишь *функциональная единица* в существовании института, либо институт – *инструмент человека* в осуществлении человеческой жизнедеятельности. Это критерий кардинального водораздела в огромном массиве точек зрения, эмпирических материалов, посвященных институциональным трансформациям.

На сегодняшний день имеются *косвенные* проявления интереса к кругу вопросов, связанных с пониманием институализации и институциональных трансформаций именно в их отношении к человеку. Их можно обнаружить в дискуссиях о демократии; о вопросах воспитания и роли в нем всей системы образовательных учреждений; о сути трансформаций институтов науки, семьи и т.д. *Косвенность* здесь надо подчеркнуть, так как специальные исследования институализации и институциональных трансформаций, напротив, как правило, посвящены рассмотрению различных вариантов сопряжений факторов, условий, манипуляций и т.п., имеющих место во внутри- или меж-институциональных взаимодействиях. Все они, очевидно, находятся *за пределами* соотношения «институт – человек».

Сфера институальности и все ее возможные трансформации приобретают *статус самостоятельного предмета* исследования, подтверждая этим свои *цивилизационные* истоки, существующие за пределами собственно процессов культуры, человеческого творчества, человеческой субъектности. Место человека в этой сфере более чем скромно. Он здесь получает вполне функциональную роль – роль подчиненного влиянию институциональной организации, приоб-

ретшей ведущую, диктующую роль в обществе. Само общество, как отмечалось выше, в этом случае оказывается трансформированным в социум. Социумные отношения людей осуществляются по логике *взаимодействий*, контактов, а не по логике общения, предполагающего личностно-деятельностную *взаимосвязь* субъектов социального процесса. Взаимодействия же характеризуют логику отношений между вещами. В потоках *взаимодействий* в любой сфере институционального функционирования человеческие отношения строятся как отношения вещей, то есть на основе принципов возможно лучшего *применения, использования* человека (как вещи), его потенциала, сил, знаний, навыков и т.п.

За этим следует проникновение институализации, выражающей замещение логики творчески-деятельностного общения людей логикой их вещных взаимодействий, – в сферу духовной жизни человечества. В этом случае происходит деградация науки, образования и др. как явлений культуры, а также происходит деградация всех проявлений общественного сознания, превращение их в самостоятельно-институционально оформленные *формы* общественного сознания. Функционирование форм общественного сознания кардинально отличается от того, как проявляется общественное сознание, если оно пребывает в контексте собственно культурных процессов. В статусе институционально закрепленных феноменов в социуме, то есть в статусе *форм*, общественное сознание (философия, мораль, право, политика, наука, религия, искусство) оказываются, скорее, идеологическими образованиями, которые находятся под контролем, регуляцией и под воздействием тотального моделирования со стороны «заказчиков» и «целеполагателей», занимающих социально сильную позицию в социуме. Это оборачивается существенными деформациями общественного сознания, деформациями смыслов и значений, которые через него воспроизводятся в бытии. В итоге возникает цивилизационно-институциональный образ общества как социума, который не совпадает с ожидаемыми человеческими ожиданиями и нравственными императивами.

Заботы оптимизации социумного существования порождают целые отрасли создаваемого *социумного же знания*. Под последним надо понимать такое знание, которое выражает те или иные манипулятивные конструкции, вычленяемые в движениях вещных форм и фиксируемые в виде групп (языковых) предложений. Отрасли социумного знания призваны создавать образы социальных процессов, якобы, имеющих место в функционировании институциональных структур. Однако, на самом деле, функционирование институциональных структур не имеет статуса собственно *процесса*, хотя и подразумевает наличие в нем осуществляемых последовательностей. Процессом нельзя называть совершаемые манипуляции, не содержащие в себе внутренних переходов изменяемого содержания. Процесс имеет место тогда, когда присутствует необходимая, существенная, объективная связь, взаимопереходы в том, что рассматривается. Институциональные изменения и трансформации невозможны без того, кто их осуществляет, то есть они не могут рассматриваться как явления саморазвивающиеся. Обязательное присутствие того, кто осуществляет институциональные изменения и трансформации, означает их обусловленность *извне*, означает то, что они есть результат *подгонки* создаваемых структур до уровня соответствия тем или иным интересам «заказчика» и «целеполагателя». Здесь, как видим, *объективность* институциональных трансформаций полностью отрицается. Подгонка же создаваемых институциональных структур до уровня соответствия интересам определенных социальных групп не создает реального поля для ученых, занимающихся исследованиями социальных, экономических, политических и др. социальных процессов, в которых эти институциональные структуры могли бы рассматриваться действительными *предметами* исследований.

Произвольный, «ангажированный», обусловленный чьими-то частными интересами характер институциональных трансформаций не может служить предметом исследований подлинной науки об обществе и его развитии. В связи с этим целые новые отрасли социумного знания представляются не как серьезные научные изыскания, а как своего рода игры в науку. Где ее объектом оказываются массивы произвольных манипуляций с институциональными функциями, структурами и их сочетаниями, классификациями и проч. Подтверждение статуса таких изысканий как, своего рода, «взрослых» игр можно легко обнаружить и у их авторов. Вот некоторые данные об этом:

Д. Норт, В. Руттан, Д. Асемоглу, М. Олсон, У. Лайферт, Дж. Швиннен рассматривают институты как правила игры, как формальные и неформальные правила, действующие в экономике и ограничивающие выбор индивида (5, 10).

О. Уильямсон, А. Шаститко, К. Менар, П. Клейн, М. Суката, М. Кук, Д. Аллен, Д. Луек, Х. Бачев выбор формы организации характеризуют как способ ведения игры ex-ante стадию заключения контракта с учетом транзакционных издержек в институциональной среде, как выбор формы организации (4, 10).

Э. Шоттер, Дж. Стиглиц, Г. Демсец, У. Меклинг, А. Грейф, М. Аоки, Ю. Чен, В. Полтерович рассматривают сложившуюся конфигурацию институтов и организаций как результат игры в заданных условиях (6, 10).

Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вейнгаст конфигурацию институтов и организаций характеризуют как процесс отбора институтов и выбора организаций, а взаимодействие институтов и организаций трактуют в зависимости от типа порядка (5, 10).

В этом же ряду можно рассматривать позицию, ориентированную на достижение более высокого уровня анализа. Так, О.Э. Бессонова пишет об Общей теории институциональных трансформаций как представлении новой идеи о соотношении рыночных и нерыночных способов координации. При этом она указывает, что эта идея «базируется на синтезе цивилизационного, формационного, институционального и матричного подходов. В связи с изменением парадигмальной основы («точки сборки») категории этих подходов наполняются новым смыслом, увязываются между собой в единый научный язык, в результате чего создается оригинальное видение цивилизационного и институционального развития» (11). Оставим без анализа то, что в этой позиции предлагается осуществлять синтез цивилизационного, формационного, институционального и матричного подходов, так как разбор этого предложения предполагает обстоятельное рассмотрение. Но отметим, что автор полагает возможным достижение «оригинального видения цивилизационного и институционального развития», несмотря на то, что, во-первых, институциональное – это элемент

цивилизационного, а у автора они находятся в отношении как самостоятельные явления. И, во-вторых, вопрос о развитии не может быть поставлен, так как сфера манипулятивных процедур и обстоятельств не предполагает развития как такового. Здесь, скорее, надо подразумевать некие манипулятивные же изменения институциональных структур, которые будут отвечать новым запросам «заказчиков» и «целеполагателей» и в этом виде будут как бы претендовать на статус нового факта социумной жизни по сравнению с тем, что было ранее.

Гоосен Е.В., Пахомова Е.О. ставят задачу развития теоретических подходов к анализу институциональной трансформации. При этом они отмечают, что новая институциональная экономическая теория (НИЭТ) – это неоднородная группа подходов, представляющих *набор частичных, в основном формализованных моделей, приспособленных для анализа отдельных проблем институциональной трансформации (выделено мной. – Н.Г.)*. Они также подчеркивают, что социальные концепции, в которых изучаются общие условия возникновения институтов, где институты выступают в качестве общих правил игры, которые и являются предметом изучения (10). Они отмечают невозможность анализировать факторы и механизм трансформации институтов, а также то, за рамками исследования неизбежно остаются организации, которые выступают в качестве «черного ящика» – только как *субъекты, принимающие решения по использованию институтов (выделено мной. – Н.Г.)*. Внутренняя логика построения моделей не позволяет анализировать структуру, характер управления организации и т.д. (10).

Исследование социальных трансформаций можно и должно рассматривать как сферу *методического опыта*. Он будет положительным и перспективным, если главное, что определяет сущность, смысл и существование социальных институтов, будет подчинено интересам человеческого сообщества как *носителя культуры*, а не будет выражать сугубо интересы «заказчиков» и «целеполагателей», чьи интересы ориентированы на получение прибылей от «успешных» институциональных трансформаций и получения дополнительных властных рычагов в экономике и политике.

Список литературы

1. Брижак О.В. Институциональная трансформация Российской экономики: Противоречия корпоративного сектора // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. – № 9 (338). Экономика. – Вып. 44. – С. 69–77.
2. Бузгалин А.В. Результаты «реформ» в России: рынок и капитал // Политэкономика провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России; под ред. А. И. Колганова. – М.: Едиториал УРСС, 2013. – С. 46–82.
3. Верников А.В. Мутация импортных институтов (на примере корпоративного управления) // Концептуальные проблемы рыночной трансформации в России. – М.: Ин-т экономики РАН, 2009.
4. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – М.: Фонд экон. кн. «Начала», 1997.
6. Полтерович В.М. Современное состояние теории экономических реформ // Пространственная экономика. 2008. – № 2. – С. 6–45.
7. Плетнев Д.А. Эволюционно-институциональный подход к исследованию природы современной корпорации: академический и прикладной аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. – № 32 (247). Экономика. – Вып. 34. – С. 22–28.
8. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб., 2002.
9. Полтерович В.М. Институциональная динамика и теория реформ // Эволюционная экономика и «мейнстрим». – М., 2000. – С. 31–54.
10. Гоосен Е.В., Пахомова Е.О. Развитие теоретических подходов к анализу институциональной трансформации // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования» / Кемеровский государственный университет. 2014. – № 1. – <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12096>
11. Бессонова О.Э. Общей теории институциональных трансформаций. – ecsocman.hse.ru/data/006/627/1219/bessonova.pdf

Казанцев Н.М.

д.ю.н., к.э.н., профессор

ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗРАБОТКИ И ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

Ключевые слова: государственные программы, программно-целевой метод, дерево целей, правовое регулирование, российское законодательство.

В инвестиционном процессе наблюдается тенденция недоверия иностранных корпораций к проектам с участием российских компаний за рубежом, а также к осуществляемым в России российским национальным проектам и государственным программам. В качестве внешнего фактора этой угрозы действуют интересы иностранных компаний и внешняя политика их национальных государств. Экономические санкции против Российской Федерации существенно повлияли на вложения капитала в российскую экономику. В 2014 г. объем прямых иностранных капиталовложений в России снизился на 17%, а в российские компании за рубежом – на 54%¹.

Причиной системных рисков и угроз в инновационной сфере в связи с недоверием к российским проектам иностранных компаний является очевидная для современных зарубежных и отечественных практиков программно-целевого управления неполнота российского правового регулирования государственных программ.

Имеет место системный пробел – отсутствие законодательного установления обязанности разработки для каждой государственной программы ключевого института программно-целевого метода управления, который выражается математическим понятием дерева целей как связанного нециклического графа реализации причинно-следственных связей между исполняемыми мероприятиями целевой программы. Разветвление каждой цели на её подцели производится специалистами соответствующего титульного производства по критерию достаточности достижения всех её подцелей как причин, влекущих безусловное достижение вышестоящей для них цели, а также по критерию необходимости каждой из подцелей для вышестоящей цели. Подцели в составе каждой цели безальтернативны как условия достижения высшей для них цели. Редукция каждой цели на подцели производится до тех пор (и следовательно, приводит к образованию нового уровня детальности редукции высшей цели), пока не достигается такая степень конкретности, при которой уже не все подцели становятся необходимыми для достижения их надцели, и становятся очевидны альтернативные варианты как конкурирующие способы достижения целей вышестоящего уровня. Поэтому дерево целей, будучи разработанным беспробельно и исчерпывающе, вплоть до таких, как правило, технологических альтернатив, становится основанием для инвестора точно видеть свое возможное место в целевой программе в виде системы целей и подцелей, за достижение которых он может взять на себя ответственность и в мероприятиях по их реализации он может вложить инвестиции с просчитываемыми последствиями для доходов и паблисити участия в государственной или муниципальной целевой программе. Соответственно, отсутствующее или незавершенное в разработке дерево целей, напротив, свидетельствует для потенциального инвестора о том, что составители целевой программы плохо понимают материю собственной программы и проблемы, которые должны быть эмулированы при её осуществлении. Уклонение от участия в инвестировании целевой программы, которая не содержит разработанного беспробельно и исчерпывающе дерева целей, в таком случае закономерно.

Метод построения деревьев целей как способ контроля и управления реализации целевых программ был разработан независимо друг от друга в СССР и США при организации работ по ядерным проектам и в последующем был применен в 60-е годы в США при создании действующей поныне системы «планирование – программирование – бюджетирование» (ППБ) и несколько позднее при управлении целевыми программами ГКНТ СССР. Он является общеизвестным в западном мире императивным институтом в сфере регулирования разработки и реализации государственных программ как телеологического института современного национального права. Поэтому отсутствие в законодательстве этого института влечет недоверие к отечественным государственным программам и образует препятствие для участия в них компаний, зарекомендовавших свой высокий статус по критериям Due Diligens (должной осмотрительности).

В БК РФ Статья 179. Государственные программы Российской Федерации, государственные программы субъекта Российской Федерации, муниципальные программы (в ред. Федерального закона от 07.05.2013 № 104-ФЗ)² не устанавливает связи между финансированием государственных программ и деревьями целей этих программ, реализуемых посредством сетевых графиков программ. Вследствие этого затруднен контроль за целевым финансированием программ, обоснованностью и целевым использованием финансовых средств по этим программам и оценкой результатов реализации государственных программ.

¹ Оптимизация инвестиционных связей современной России / Под ред. А.В. Кузнецова. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 26.

² «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2018)

Предусмотренный ч. 3 ст. 179 БК РФ Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации утвержден Постановлением Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 (ред. от 25.12.2018) «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации»¹.

Пунктом 2 Раздела I определено, что Государственной программой является документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. (п. 2 в ред. Постановления Правительства РФ от 26.12.2014 № 1507).

Названное взаимоувязывание мероприятий по задачам, срокам, исполнителям и ресурсам осуществимо исключительно методами т.н. сетевого планирования, которые для обеспечения связи с предусмотренными упомянутым пунктом 2 раздела I инструментами государственной политики, обеспечивающими достижение целей социально-экономического развития и национальной безопасности России, должны быть также взаимоувязаны с деревьями целей в названной области. Однако ни бюджетный закон, ни постановление Правительства РФ никак не регулируют и не предусматривают ни построения деревьев целей, ни применение методов сетевого планирования.

При этом пунктом 3 этого раздела определено, что «Государственная программа включает в себя *федеральные целевые программы* и подпрограммы, содержащие в том числе ведомственные целевые программы и основные мероприятия органов государственной власти (далее – подпрограммы) (в ред. Постановления Правительства РФ от 21.07.2014 № 679)». Любая целевая программа приобретает это названное качество исключительно вследствие того, что для программы построено дерево целей исчерпывающим образом.

Если дерево целей программы не построено исчерпывающе, и телеология программы сведена к формулировке главной цели, то возникает закономерная трудность определить состав индикаторов, которые должны будут отражать процесс практического осуществления программы. С большой долей вероятности можно утверждать, что такие индикаторы будут иметь случайное отношение к достижению главной цели программы в любой формулировке, в какой бы она не была выражена. А попытка установить законодательные требования будет иметь формальный характер, отсылочный или состоять из тривиальных положений. Это и получило свое оформление в бланкетных нормах Раздела II утвержденного Постановлением Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 (ред. от 25.12.2018) Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации. Очевидна недостаточность правовых регуляций в указанных положениях. Следствием таких регуляций не может не быть произвольный характер установления государственных программ и входящих в них целевых программ наряду с произвольным и малорезультативным процессом их осуществления.

Неполнота реализации метода программно-целевого подхода в актах законодательства служит удобным средством для произвольного установления уполномоченным по программе государственным органом состава и взаимосвязи целей и критериев оценки степени их достижения. Поэтому неустановление обязательных требований по построению дерева целей как системы семантически и прагматически соподчиненных целей, в которых для каждой цели, начиная с единственной цели высшего уровня и редукции её на подцели исчерпывающе полно и так, что их достижение образует в совокупности необходимое и достаточное условие для достижения цели, редуцированной на эти подцели и, в конце концов, цели высшего уровня. При этом редукция каждой цели на подцели производится до тех пор, пока не будут сформулированы такие альтернативные составы человеческих, материальных, финансовых, информационных ресурсов и средств, из которых каждый состав достаточен для достижения соответствующей цели надстоящего уровня. Когда будет достигнута такая полнота редукции высшей цели на подцели 1-го, 2-го и других нижележащих уровней, будет завершено построение дерева целей. Альтернативные составы ресурсов и средств образуют собой индикаторы реализации программы именно потому, что они будут необходимыми и достаточными условиями для реализации надстоящих над ними целей, а те, в свою очередь, столь же необходимыми и достаточными условиями для осуществления вышестоящих над ними целей и т.д. вплоть до высшей цели.

Такое, завершённое в построении дерева целей, с одной стороны, может быть осуществлено лишь в том случае, когда на его основе будет построен сетевой график реализации программы. Точно также единственным достаточным условием для построения сетевого графика выполнения программы является построение дерева целей. Альтернативные составы ресурсов и средств, необходимых и достаточных для достижения надстоящих над ними целей, своими величинами и иными параметрами образуют собой те индикаторы, которые по мере их достижения будут показывать степень осуществления программы. Более того, избранными для реализации из альтернатив составов ресурсов и средств определяются необходимые финансовые и иные ресурсы, которые должны быть введены в действие для осуществления программы. Без завершённого построенного дерева целей не имеется иного способа для обоснованной оценки необходимых финансовых ресурсов на осуществление программы.

Пункт 28 Раздела V названного Порядка установил, что «Реализация государственной программы осуществляется в соответствии с планом реализации государственной программы (далее – план реализации), разрабатываемым с

¹ Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 Постановлением Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 (ред. от 25.12.2018) «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2010, № 32, ст. 4329; изм. 2012, № 22, ст. 2871; № 51, ст. 7218; № 53, ст. 7915; 2013, № 43, ст. 5557; 2014, № 15 ст. 1750; № 30, ст. 4317; № 48, ст. 6877; 2015, № 2, ст. 459, 461; № 30, ст. 4599; 2016, № 7, ст. 998; № 15, ст. 2101; № 22, ст. 3231).

использованием портала государственных программ на очередной финансовый год и плановый период и содержащим перечень наиболее важных, социально значимых контрольных событий государственной программы, в том числе предусмотренных поручениями Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также «дорожными картами», с указанием их сроков. План реализации разрабатывается в соответствии с методическими указаниями» (в ред. Постановлений Правительства РФ от 20.12.2012 № 1351, от 17.10.2013 № 931, от 26.12.2014 № 1507, от 17.07.2015 № 721).

Порядок в п. 30 (1) предусматривает построение «детального плана-графика реализации госпрограммы», устанавливается, что «Проект детального плана-графика разрабатывается в соответствии с методическими указаниями в электронном виде с использованием портала государственных программ и на бумажном носителе и содержит перечень мероприятий и контрольных событий государственной программы, в том числе предусмотренных поручениями Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также «дорожными картами», с указанием сроков их реализации, ожидаемых результатов и бюджетных ассигнований». Однако о единственном телеологически достаточном основании для построения сетевого графика – дереве целей, Порядок умалчивает.

Утвержденные приказом Минэкономразвития России от 16 сентября 2016 г. № 582 «Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» (в ред. Приказа Минэкономразвития России от 15.03.2017 № 107) использовали, как гласит п. 2 те же самые понятия, что и названный Порядок и не вводили новых. Следовательно, дерево целей для целевых программ не оказалось предусмотренным для построения этими Методическими указаниями. Вследствие этого, установленные пунктом 5 Методических указаний принципы не смогли образовать необходимое и достаточное условие для формирования нормативно полноценных государственных программ и входящих в их состав целевых программ. Дерево целей образует необходимую основу для формирования любой целевой программы. Более того, первые *три из принципов пункта 5 оказались лишеными необходимой для публично-правовых отношений императивности* вследствие юридической неопределенности его положений, образующейся по причине неочерченности телеологического состава целевой программы.

Следует обратить внимание на коренное отличие такого плана-графика от классического сетевого графика, используемого уже полвека при управлении проектами с поддержкой известными компьютерными моделями управления проектами. В отличие от сетевых моделей управления в плане-графике не может быть произведена оптимизация порядка реализации программы и поиска с помощью математических методов теории графов т.н. критического пути реализации сетевого графика и его оптимизации.

Таким образом, без редукции целей посредством дерева целей, доведенного построением до материально-вещественного, человеческого, финансового и информационного составов ресурсов и средств в форме услуг, достаточных для осуществления программ, не получил применимой определенности *принцип учета целей и приоритетов* социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определенных в стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации и основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на соответствующий период, исходя из положений федеральных законов, решений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации;

Принцип *наиболее полного охвата сфер социально-экономического развития* и бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации без привязки к дереву целей целевой программы также не может получить осуществления, поскольку не может составить препятствия для нецелевого использования бюджетных средств, выделенных на программу и оценки степени достижения целей социально-экономического развития по соответствующему дереву целей.

Трудноосуществим без построенного завершенным образом дерева целей и *принцип установления для государственных программ измеримых результатов их реализации*. Без такого дерева весьма трудно найти характеризующие количественные и качественные показатели для тех конечных результатов, которые достигнуты в ходе реализации программы. В отсутствие дерева целей процесс осуществления программы будет фактически следовать принципам «делать что получится» и «тратить деньги на выгоды финансируемых фирм, а не на публичное благо и выгоды граждан и государства».

Методические указания вместо использования юридически определенных понятий прибегают к антропоморфным метафорам всякий раз, когда модальности долженствования применяют не к должностным лицам, разрабатывающим и исполняющим программу, а к неодоушевленным инструментам её реализации, например, п. 23 устанавливает, что «система показателей (индикаторов) должна обеспечивать возможность проверки и подтверждения достижения целей и решения задач, поставленных в государственной программе».

Можно было бы согласиться с формулировкой нормы, признав полезность такой краткости. Однако следствием этой краткости нормы является ситуация, когда заранее установленные индикаторы следуют позитивной динамике вследствие естественных экономических причин, а вовсе не вследствие исполнения мероприятий программы. В результате цели программы подменяются самоосуществляющимися, вследствие естественных социально-экономических процессов, индикаторами. Это дает возможности констатировать успех реализации программы без подлинного достижения её целей и без применения мер ответственности к бездеятельным должностным лицам.

Сетевой график, не основывающийся на дереве целей программы, не создает условия для систематического достижения целей, а образует множество удобных для реализации мероприятий, финансируемых из государственного бюджета в интересах промышленных фирм и иных организаций, вошедших в программу.

К этому следует добавить, что упоминание в Методических указаниях сетевого графика сугубо формально, поскольку предусмотренная форма Таблицы 13а недостаточно информативна для его построения. П.33 устанавливается,

что «детальный план-график разрабатывается в форме сетевого графика, *отражающего взаимосвязь мероприятий государственной программы*. В детальном плане-графике необходимо выделять мероприятия приоритетных национальных проектов. По каждому мероприятию приводятся сведения об ответственном исполнителе (должностном лице, занимающим должность не ниже руководителя структурного подразделения федерального органа исполнительной власти, иного главного распорядителя бюджетных средств, являющегося ответственным исполнителем, соисполнителем либо участником государственной программы), сроках начала и окончания его реализации, объемах бюджетных ассигнований в пределах утвержденных лимитов бюджетных ассигнований, предусмотренных на реализацию основного мероприятия, ведомственной целевой программы в утвержденной государственной программе и ожидаемых результатов на конец очередного финансового года, первого и второго годов планового периода по форме таблицы 13а приложения к настоящим Методическим указаниям.

Вопреки утверждению п. 33, что детальная форма графика разрабатывается в *форме сетевого графика, отражающего взаимосвязь мероприятий государственной программы*, та форма, на которую ссылается этот пункт таблицы 13а «Детального плана-графика реализации государственной программы на очередной финансовый ___ год и на плановый период ___ годов» не предусматривает какого-либо отражения именно взаимосвязей мероприятий программы. И вследствие этого недостаток Таблица 13а не может быть использована для построения настоящего сетевого графика, по которому мог бы быть определен критический путь реализации программы и его возможная оптимизация. Для построения сетевого графика необходима информация о том, какие отношения инженерно-физической причинности, также информационной и экономической причинности имеют место между мероприятиями программы. На основе этой информации определяются отношения необходимого и достаточного предшествования мероприятий программы, связь которых и отражается на сетевом графике. Сетевой график, по сути, представляет собой граф, не обязательно не имеющий циклов, каково дерево, но обязательно ориентированный граф, т.е. такой, в котором отражены все отношения необходимого и достаточного предшествования без любого из которых невозможно осуществить никакое последующее мероприятие программы.

Постановление Правительства Российской Федерации от 12.10.2017 № 1242 «О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ Российской Федерации» (с измен. постановлением Правительства РФ от 23.02.2018 № 196 и постановлением Правительства РФ от 25.12.2018 № 1662) также не предусматривает составление дерева целей для пилотных государственных программ и, более того, п. 11 предусматривает ограничение числа целей программы 5 целями.

Не восполняет пробел регулирования телеологии государственных программ и Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 15 ноября 2017 г. № 607 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению ранжирования проектов (программ) и ведомственных целевых программ с учетом оценки достижения целей государственных программ Российской Федерации».

Методические рекомендации, предусматривают ранжирование целей одного уровня, но не предусматривают никакого анализа соподчиненности, относительной важности целей на разных уровнях, анализа иерархии целей, цели рассматриваются как однопорядковые, нумеруемые рядом из натуральных чисел. В случае упорядоченности целей посредством метода дерева целей такая нумерация невозможна, поскольку на каждом нижележащем уровне размерность номинации подцелей по сравнению с вышестоящим уровнем увеличивается на 1 порядок¹.

Не улучшает регулятивную ситуацию и Постановление Правительства Российской Федерации от 19 апреля 2005 г. № 239 «Об утверждении положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ»²

Контекстный анализ показывает, что на сайте правительства России не обнаруживается понятие «дерево целей» как в связи с поиском в разделах государственные программы, так и стратегическое планирование.

Отсутствие в российском законодательстве фундаментальных для программно-целевого подхода институтов дерева целей и производных от дерева целей сетевых графиков реализации программ свидетельствует о принципиальной неполноте законодательства в этой области. Эта неполнота законодательства обусловлена пробельностью юридического образования в сфере программно-целевых методов управления, возникшей из-за того, что математические методы теории графов до сих пор не нашли своего места в образовании юристов. Сетевые графики в связи с методами вычисления критического пути в этих графах также относятся к этому разделу математической науки. Понятие «дерево целей» применяется в теории менеджмента, но при анализе текстов, ему посвященных, необходимо признать, что не имеется современных русскоязычных пособий, в которых бы излагались методы и алгоритмы систематического и полного построения дерева целей, достаточного для использования его в качестве основы сетевого графика достижения целей.

Как говорилось, отечественная практика знает такое проектирование деревьев целей и их применение для управления и реализации целевых программ. Из гражданских проектов, осуществленных на основе методов дерева целей с его последующим применением для сетевого планирования и управления, известно конструирование грузовика и строительство КАМАЗа как завода для его производства. Составление дерева целей – это сложная, высококвали-

¹ См. Приложение к Методическим рекомендациям по проведению ранжирования проектов (программ) и ведомственных целевых программ с учетом оценки достижения целей государственных программ Российской Федерации, утвержденных приказом Минэкономразвития России от 15.11.2017 г. № 607 (Рекомендуемый образец) табл. 1 «Оценка проектов (программ) и ведомственных целевых программ по критериям ценности и реализуемости», а также табл. 4, 5.

² В ред. Постановлений Правительства РФ от 24.05.2010 № 365, от 06.04.2011 № 252, от 25.04.2012 № 394, от 08.04.2013 № 314, от 22.11.2013 № 1056, от 26.12.2014 № 1505, от 03.04.2015 № 320, от 23.02.2018 № 196, от 25.09.2018 № 1138.

финицированная и объемная работа, которая может быть исполнена лишь при участии тех специалистов, которым предстоит его осуществлять практически. Около 21 кв. метра занимала открытая часть дерева целей создания КАМАЗа, отпечатанная на пишущей машинке, а высшая цель была сформулирована в виде «выпустить в 1974 году 40 тыс. грузовиков». В программе участвовало по информации современного сайта завода «более чем 2000 различных предприятий, все главные комитеты Госнабса Советского Союза, различные ведомства и министерства выполняли заказы по строительству завода на материалы и необходимое оборудование»¹. Высшая цель не была достигнута в срок, в 1974 году были сделаны лишь лабораторные образцы двигателя. Но и это была индустриальная победа. Через два года началось конвейерное производство грузовиков.

Неполнота действующего законодательства о государственных программах в части урегулирования такого института формирования и управления как дерево целей влечет существенные препятствия для осуществления публично-правового порядка подготовки и реализации государственных программ и, ослабляя роль публичного права в регулировании бюджетных расходов, подрывает финансовое доверие отечественных и иностранных экономических субъектов к самим государственным программам.

Для придания государственным программам правовой формы, соответствующей программно-целевому методу управления, необходимо разработать и утвердить национальный стандарт «Интеграция систем разработки и управления реализацией государственных программ». Такой стандарт должен включить в себя принципы, правила, методы разработки и оценки беспробельности и исчерпываемости составления дерева целей и сетевого графика его осуществления, помимо иных необходимых правовых и прагматических форм. Каждая государственная программа является по сути аналогом самостоятельного предприятия, но более сложной правовой и организационной формы. Поэтому стандарт для нее может быть построен по аналогии с национальным стандартом «Интеграция систем управления предприятием = Ч.1. Модели и терминология: Enterprise-control system integration. Part 1. Models and terminology: национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р МЭК 62264-1-2010»². Этот национальный стандарт идентичен одной, начальной, из действующих шести частей международного стандарта МЭК 62264-1:2003 «Интеграция систем управления предприятием. Часть 1. Модели и терминология» (IEC 62264-1:2003 «Enterprise-control system integration – Part 1: Models and terminology»)»³. Аналогию правового регулирования в стандарте «Интеграция систем разработки и управления реализацией государственных программ» следует проводить, учитывая все шесть частей международного стандарта IEC 62264, не только с первой частью, введенной уже в состав национальных стандартов Российской Федерации. Также необходимо учесть различие между предприятием как объектом собственности, цели развития которого задаются извне и потому не регулируются стандартами и целевой программой, основанной на целях, упорядоченных посредством дерева.

Для выдвижения концепций целевых госпрограмм, их разработки и контроля реализации необходимо предусмотреть орган представительства экономических корпоративных и региональных интересов при Президенте РФ – Плановую комиссию Российской Федерации. Следуя п. «ж» ст. 71 Конституции РФ предусмотреть учреждение федеральным законом Федеральной экономической службы стратегического планирования Российской Федерации как общенационального правоприменительного органа, подчиняющегося Президенту РФ и обеспечивающего исполнение его полномочий в соответствии с п. 4 статьи 78 Главы 3 «Федеративное устройство» Конституции РФ, а также п. 2 ст. 80 Конституции РФ, в том числе по обеспечению «согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти» (п. 2 ст. 80), а также как рабочего аппарата Плановой комиссии РФ. С этой целью дополнить Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» статьями 8.1 «Плановая комиссия Российской Федерации» и 8.2 «Федеральная экономическая служба стратегического планирования Российской Федерации».

В целях обеспечения целевого планового кредитования и заимодавческого контроля за реализацией программных плановых обязательств в соответствии с п. «ж» ст. 71 Конституции РФ предусмотреть учреждение Федеральным законом № 172-ФЗ Федерального банка, дополнив его статьей 8.2 Федеральный банк плановых кредитов и инвестиций Российской Федерации, которым урегулировать правовой статус названного банка, предусмотрев независимость его кредитной политики и права мониторинга использования кредитов и иных инвестиций по плановым проектам и договорам.

¹ <http://www.kamaz-volga.ru/about/smi/91152/>

² Изд. офиц.: введен впервые: введен 2011-09-01 / Федер. агентство по техн. регулированию и метрологии. – М.: Стандартинформ, 2014. – V, 130 с.

³ IEC 62264 consists of the following parts detailed in separate IEC 62264 standard documents: Part 1:2013 Object Models and Attributes of Manufacturing Operations (First edition 2003-03)^[1] Part 2:2013 Object model attributes (First edition 2004-07)^[2] Part 3:2016 Activity models of manufacturing operations management (First edition 2007-06)^[3] Part 4:2015 Objects models attributes for manufacturing operations management integration^[4] Part 5:2016 Business to manufacturing transactions^[5] PAS Part 6:2016 Messaging Service Model^[6] (В переводе: Часть 1: Объектные модели 2013 и атрибуты производственных операций (Первое издание 2003-03) [1] Часть 2: Атрибуты объектной модели 2013 (Первое издание 2004-07) [2] Часть 3: 2016 Модели деятельности управления производственными операциями (Первое издание 2007-06 гг.) [3] Часть 4: 2015 Атрибуты моделей объектов для интеграции управления производственными операциями [4] Часть 5: Транзакции между бизнесом и производством в 2016 году [5] PAS Часть 6: Модель службы обмена сообщениями 2016 [6]).

Клейнхоф И.А.

д.э.н., доцент, профессор Академии социального управления

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *инновационные технологии, институциональная инфраструктура, инновационная система, конкуренция, человеческий капитал.*

Keywords: *innovative technology, institutional infrastructure, innovation system, competition, human capital.*

Глобализация мировых рынков товаров и услуг обуславливает ужесточение конкуренции и ускорение смены технологий. В конкурентной борьбе между государствами выигрывают мировые лидеры инновационного развития, такие как США, Финляндия, Швеция, Республика Корея, Германия. В условиях глобализации уровень инновационного развития во многом определяет позиции государства на мировых рынках высоких технологий, а соответственно, и его долю в глобальных цепочках добавленной стоимости. Как показывает зарубежный опыт, исходной предпосылкой инновационного развития является эффективное использование сравнительных преимуществ того или иного государства. Для России таковыми являются богатейший человеческий капитал и огромные объемы природных ресурсов. Российские ученые являются первооткрывателями во многих отраслях науки и технологий. Однако довольно часто изобретения отечественных ученых внедряют в производство зарубежные предприниматели, которые и получают добавленную стоимость и инновационную ренту.

Российские ученые впервые в мире разработали лазерную технологию, но до сих пор среди ведущих в мире компаний по ее промышленному использованию нет ни одной российской. В Российской Федерации 30,3% взрослого населения в возрасте 25–64 лет имеет высшее образование. Заметного превышения данного показателя достигли лишь немногие страны, такие как Швейцария – 41,2%, Люксембург – 38,3, Исландия – 37,7, Бельгия – 37,1% [1]. В то же время в нашей стране недостаточно развито непрерывное (lifelong education) образование. Доля граждан, охваченных непрерывным образованием, в Российской Федерации возросла с 24% в 2015 году до 29,5% в 2016 году [1]. Однако для приближения к мировым лидерам инновационного развития нужны более высокие темпы роста. В Швейцарии доля граждан, охваченных непрерывным образованием, в 2016 г. составила – 69%, в Швеции – 64, в Нидерландах – 64, в Австрии – 60% [1].

Учитывая быструю смену технологий, низкий охват населения непрерывным образованием грозит снижением международной конкурентоспособности отечественных специалистов и рабочих. Дефицит инженерных кадров в стране является одним из препятствий развития инновационных технологических компаний. Эффективное использование имеющихся сравнительных преимуществ России в глобальной конкуренции осложняется сложившейся структурой производства и экспорта, а также действующей институциональной инфраструктурой. Сырьевая модель экономики предопределяет преобладание углеводородов в структуре экспорта и обуславливает ограниченный спрос на инновационные продукты в сфере высоких технологий. Доля России в мировом высокотехнологичном экспорте составляет менее 1% [4].

Одним из препятствий к формированию конкурентной среды в российском бизнесе является высокий уровень монополизации экономики. Слабое развитие механизмов конкуренции во многом объясняет недостаточное финансирование науки и образования в Российской Федерации. В 2016–2019 гг. государственные расходы на образование в России практически остались неизменными. По объему государственных расходов на науку Россия занимает десятое место, а по удельному весу затрат на науку в ВВП только 35 место в мире. Во многих странах расходы на науку продолжают расти. По суммарному объему затрат на науку Китай вышел в второе место в мире после США, а Республика Корея – на пятое [2]. В контексте международной конкуренции в сфере инновационного развития уместно отметить, что по суммарным затратам на науку Россия уступает США в 16,5 раз, Китаю – в 11 раз, Республике Корея – в 2 раза.

Согласно теории системного анализа, неэффективное функционирование даже только одной подсистемы неизбежно приводит к снижению эффективности работы системы в целом [6]. Применительно к Российской Федерации недостаточно эффективно работают несколько подсистем управления инновационной деятельностью. Оставляет желать лучшего координация и взаимодействие между отдельными подсистемами и элементами инновационной системы. Имеет место крайне низкий спрос на инновации со стороны преобладающей части российского бизнеса и государственных корпораций. В то же время наблюдается низкий уровень информированности бизнес-сообщества о технологических новшествах, разработанных отечественными вузами и научно-исследовательскими организациями. До сих пор не сформирована по-настоящему эффективная национальная система инновационного развития, в полной мере не преодолена обособленность инновационной деятельности в государственном и частном секторах. Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП Российской Федерации имеет тенденцию к сокращению и достигла

21,3% по итогам 2018 года [4]. Россия заметно отстает от мировых лидеров по наращиванию финансовой и материально-технической базы развития науки и образования.

Следует отметить, что в странах с развитой инновационной экономикой более половины ассигнований на развитие науки и образования приходится на долю негосударственного сектора. В России основной объем расходов на научные исследования приходится на долю государства. В условиях высокой степени монополизации экономики частные компании недостаточно мотивированы в финансировании науки и образования. По этой же причине в России не получило развитие взаимодействие между крупными компаниями и малым бизнесом, что могло бы дать значительный эффект в виде новых инновационных продуктов. В этой связи следует особо отметить ряд характерных особенностей одного из драйверов инновационного развития – российского венчурного бизнеса. Данный рынок демонстрировал рост в 2018 году и в первом полугодии 2019 года вырос на 161,1% относительно того же периода предыдущего года [3]. Национальный венчурный рынок представлен преимущественно IT-сектором. Так, в первом полугодии 2019 года доля инвестиций в IT-секторе составила 99% суммарных инвестиций в венчурный бизнес [3]. Сфера биотехнологий практически не освоена нашими венчурными инвесторами. Подтверждением вышеуказанному служит тот факт, что в первом полугодии 2018 года было заключено лишь 2 соответствующих договора, а за тот же период 2019 года 5 [3]. Вышеуказанное свидетельствует о дисбалансе различных инновационных секторов применительно к «ангельским инвестициям». При этом предпочтение отдается состоявшимся зарубежным IT-проектам. Крайне недостаточно развито финансирование отечественных инновационных проектов на ранних стадиях, включая посевную и стадию стартапа.

Недостаточно эффективная инновационная инфраструктура является основной причиной низкой эффективности использования интеллектуального потенциала России. Об этом свидетельствует низкая доля внедрения инноваций в производство. До стадии коммерциализации доводится в среднем лишь 3% инновационных технологий. Приток инвестиций в инновационный производственный сегмент осложняет неблагоприятный инвестиционный климат, избыточная бюрократизация патентной службы, неудовлетворительная защита прав интеллектуальной собственности.

Необходима релевантная подсистема правового обеспечения для инновационного развития страны. При этом имеется в виду защита прав интеллектуальной и иных форм собственности, антимонопольное и природоохранное законодательство, регулирование различных форм партнерства между государственными и муниципальными органами власти и иными стейкхолдерами.

Глобализация обуславливает необходимость формирования новых и видоизменения действующих подсистем управления инновационным развитием. При оценке эффективности производства инновационных продуктов, наряду с экономическими, следует учитывать экологические и социальные составляющие. В настоящее время инновационные компании Германии, Швеции, Финляндии и других развитых стран уделяют повышенное внимание производству инновационных товаров для населения с низкими доходами. Обострение конкуренции при сокращении сроков жизни технологий и роста технологической сложности инноваций требует совершенствования целостной системы управления инновационной деятельностью. Создание сложных инновационных продуктов, технология производства которых может быть тиражирована на весь мир, требует формирования многонациональных команд из ученых и специалистов разных отраслей и стран. Обеспечение эффективного взаимодействия между всеми участниками подобных команд становится одной из важнейших задач инновационной деятельности [5]. Улучшение сотрудничества между основными игроками таких команд обеспечивает синергетический эффект и повышает конкурентоспособность экономики. Финансовое обеспечение НИОКР применительно к сложным инновациям часто оказывается не под силу даже крупным компаниям. Для решения проблемы применяются различные организационные формы взаимодействия в составе региональных администраций, университетов, производственных структур и научно-исследовательских организаций. Широкое распространение приобрела кластерная форма организации инновационной деятельности.

Достижение мирового лидерства в сфере высоких технологий требует решения комплекса институциональных, экономических, организационных и иных задач. Одна из первых среди них заключается в ускорении структурной перестройки экономики, направленной на неуклонный рост удельного веса товаров и услуг, производимых на основе высоких технологий. Для решения названной выше задачи необходимо: создание правовой и экономической базы формирования конкурентных рынков в промышленности и сфере услуг, в том числе совершенствование антимонопольного законодательства; создание релевантных условий для коммерциализации инноваций; обеспечение реализации гарантий прав собственности, включая интеллектуальную; интенсификация роботизации производства; внедрение рыночных принципов в сфере природопользования, и изменение принципов финансирования научно-исследовательских организаций на основе достигнутых результатов с разработкой системы транспарентных показателей; стимулирование венчурных организаций финансировать российские инновационные проекты, и в приоритетном порядке на ранних стадиях. Вышеотмеченное позволит в полной мере использовать основную движущую силу рыночной экономики – механизм конкуренции и богатейший человеческий капитал нашей страны.

Конкурентная среда существенно повысит спрос отечественных предприятий на разработку инновационных технологий и усилит их заинтересованность в модернизации системы образования и научных исследований.

Увеличение ассигнований частных предприятий в человеческий капитал ускорит синтез образования, науки и инновационного сектора, обеспечит конкурентный на международном уровне размер оплаты труда ученых и специалистов, что предотвратит утечку мозгов и стимулирует привлечение талантливых ученых и специалистов из других стран. Высокая инновационная активность стимулирует экономический рост, что в конечном счете обеспечивает высокие социальные стандарты для населения и конкурентоспособность национальной экономики.

Список литературы

1. Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В.Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 400 с.
2. Индикаторы науки: 2017: статистический сборник / Ю.Л. Войнилов, Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017.
3. PwC, АО «РВК», ежегодный обзор венчурной индустрии России «MoneyTree™: навигатор венчурного рынка» за 2018 год и первую половину 2019 года. – www.pwc.ru/moneytree
4. РБК: «Доля высоких технологий в экономике России снизилась до уровня 2015 года». – <https://www.rbc.ru/economics/06/02/2019/5c598ccb9a7947731eea7477>
5. Eagar R. The Future Innovation Management: Five Key Steps for Future Success – <https://innovationmanagement.se/2011/10/25/the-future-of-innovation-management-five-key-steps-for-future-success/>
6. Karlsson M., Magnusson M. The Systems Approach to Innovation Management // The Routledge Companion to Innovation Management. 2019.

*Котов Е.В.*¹

ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА С ОСОБЫМ СТАТУСОМ

Ключевые слова: стратегия, государство с особым статусом, новая экономика, новая индустриализация.

Keywords: strategy, state with special status, new economy, new industrialization.

Государство как политический институт власти создается обществом с одной целью – в необходимом объеме, регулярно и безопасно получать социально-экономических блага для своего и последующих поколений. Ради гарантированного их получения «вчера, сего дня, завтра» общество в целом и каждый его член в частности жертвует частью своей свободой, начиная от ограничения модели поведения низшего уровня – «делаю, что хочу» – до ограничения модели высшего уровня – «не делаю того, чего не хочу». При этом общество выдвигает особое требование – гарантированный объем благ должен, при желательном увеличении их (благ) по количеству, обязательно постоянно улучшаться по качеству. Это стимулирует власть не прекращать поиск такой экономической модели развития государства, которая в максимальной степени удовлетворяла бы поставленным условиям.

Государство с особым статусом после своего формирования (главный критерий – признание населением, в том числе через выборы, власти, функционирующей на территории их проживания) сталкивается с важнейшей задачей – определение пути своего социально-экономического развития и возможностей пройти этот путь в ускоренном режиме с минимальными затратами ресурсов и «социальными потерями». Для решения данной задачи формируется и реализуется соответствующая государственная социально-экономическая политика, основные параметры которой концентрированно выражаются в соответствующей стратегии социально-экономического развития страны, всегда имеющей статус долгосрочного нормативного документа.

Однозначно утверждать что первично – экономическая модель или стратегия социально-экономического развития – нельзя. Уместнее говорить об их параллельном развитии и, в то же время, о взаимном влиянии друг на друга, хотя, с течением времени, одна из них обязательно становится главнее и начинает определять содержание и механизмы реализации другой. Особенно ярко данные процессы видны на примере территорий, вошедших в период формирования своей государственности. В процессе своего становления их экономические модели формируются под воздействием внутренних и внешних факторов, впоследствии определяя содержание и принципы стратегии социально-экономического развития страны.

Говоря о стратегии социально-экономического развития страны как о конкретном нормативном акте, следует отметить, что разработка данного документа в условиях новой государственности имеет одну специфическую особенность – происходит параллельно с формированием общегосударственной системы стратегического планирования. Последняя представляет собой комплексную сбалансированную нормативно-правовую базу и адекватное методическое сопровождение, значимость и сложность которых состоит в необходимости создания множества валидных и мультиплицируемых документов, качественно повышающих уровень понимания, принятия и исполнения стратегии социально-экономического развития страны².

На каждом этапе развития производительных сил и производственных отношений использовались различные экономические модели, обладавшие специфическими характеристиками, дававшими им преимущества перед предшественницей и становившимися обременительными (реакционными) в сравнении с последующими моделями, применение которых происходило на новых стадиях общественно-экономического развития. Так, общество последовательно прошло доиндустриальную, затем индустриальную и вошло в постиндустриальную (ряд исследователей, в число которых входит и автор³, считают, что данную стадию правильнее будет называть неиндустриальной) стадию, в процессе прохождения которых использовались разные экономические модели, требовавшие различных стратегий развития и поддержания своей функциональности.

Форма и содержание экономических моделей, их трансформация при переходе из одной стадии экономического развития в другую определяются экономической политикой, проводимой государством, которая, в то же время,

¹ Котов Евгений Валериевич – к.э.н., с.н.с., Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики. E-mail: kotovev@mail.ru

² Стратегическое планирование в Российской Федерации: состояние методического обеспечения. Аналитический доклад (по результатам мониторинга реализации Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»): препринт WP8/2016/02 / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, Н.А. Рычкова, И.Ю. Сластикина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP8 «Государственное и муниципальное управление»). – С. 4.

³ Котов Е.В. О подходе к оценке неиндустриальной модернизации национальной экономики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Отв. ред. Пивоваров Ю.С. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Вып. 10, ч. 1. – С. 70–74.

вынуждена формировать и корректировать ее (политику) с учетом внутренних возможностей, внешних вызовов и угроз. Современный этап общественно-экономического развития актуализирует новые инструменты, механизмы и отношения, которые в своей совокупности могут быть реализованы в рамках «новой экономики».

Комплексное определение сущности понятия «новая экономика» в научных и правовых источниках отсутствует. Исследователи едины лишь в одном: существование «новой экономики» требует проведения соответствующей (новой) экономической политики со стороны государства. Такую политику в современном мире может проводить ограниченное количество стран. Причин этому много, к которым, в первую очередь, следует отнести уровень квалификации кадров и ресурсы (как наличные, так и потенциальные).

«Новая экономика» не появляется на пустом месте. Ей предшествует индустриальная стадия, которая лишь достигнув пика своего развития, способна запустить процессы и отношения, присущие «новой экономике». Поэтому стадия индустриального развития (главным критерием являются доля в экономике производств выше 5 технологического уклада) имеет также определяющее значение. Индустриальный потенциал, в том числе в контексте перспектив «новой экономики», для государства с особым статусом имеет исключительное, жизненно важное значение.

Государство с особым статусом в силу объективных причин, в сравнении с развитыми и развивающимися странами, обладает меньшим потенциалом. Эта разница измеряется кратными или даже порядковыми значениями. Находясь в условиях внешних ограничений и существенного внутреннего дефицита оно не только сталкивается с рядом проблем, преодоление которых невозможно по объективным обстоятельствам, но и получает ряд преимуществ, эффективное использование которых позволит нивелировать влияние нерешаемых проблем и создать условия для экономического развития на новых принципах и отношениях.

Как уже говорилось ранее, целесообразно было бы в основу новой государственной экономической политики положить принципы неиндустриализации. Это не дань экономической моде, это объективная необходимость, которая позволит промышленному региону обновить индустриальный потенциал, усилив и расширив его возможности. Неиндустриальная экономика – это экономика будущего, включающая в себя цифровизацию, роботизацию и автоматизацию производственных (индустриальных) процессов. Неиндустриализация является новой стадией индустриального развития и ее основные отличия от предыдущих стадий выгодно подчеркивают ее преимущества и перспективы¹.

Применительно к такому государству с особым статусом как Донецкая Народная Республика (далее ДНР, Республика), промышленный потенциал неиндустриальной модернизации заложен в группе средних технологий высокого уровня² и производстве фармацевтических препаратов³. В отраслевом разрезе это:

- а) машиностроение для добычи полезных ископаемых, ведения сельскохозяйственных работ, энергетики, металлургии, строительства, транспорта;
- б) химическая промышленность – производство минеральных удобрений, аммиака, полистирола, кислот, товаров бытовой химии, клея, пластмассы, фармацевтических препаратов и др.;
- в) бытовая техника – производство холодильников, газовых плит, морозильных камер, стиральных машин, микроволновых печей и др.;
- г) производство продукции военного назначения (например, военных комплексов радиоэлектронной борьбы).

Учитывая имеющийся потенциал, новую экономическую политику Республики целесообразно строить на двух уровнях: внешний контур (взаимодействие с внешними акторами), связанный с решением двух задач – интеграции и кооперации; внутренний контур (внутренняя политика) – на основе трехсекторной стратегии развития. В качестве выделенных секторов должны выступить наука и образование, инфраструктура, наукоемкая промышленность и услуги. Все сектора одновременно функционируют самостоятельно и взаимозависимо друг от друга. Первый сектор производит знания и кадры, второй – создает условия для их производства, а третий – практическую апробацию и запрос на новые знания и навыки.

1. Сектор «Наука и образование». Сектор представлен научно-исследовательскими институтами и учреждениями высшего профессионального образования, которых более 40 в ДНР. Стратегическое видение: Республика – центр высшего образования и науки, воспитывающий таланты, производящий знания и навыки.

Цель – обеспечить высокое качество процесса и результатов научных исследований и массового высшего образования.

Приоритетные направления:

- развивать партнерство с научными и образовательными организациями ДНР и за ее пределами;
- развивать кооперационные связи с инновационными секторами экономики ДНР, в том числе через создание малых инновационных предприятий;
- внедрить систему коммерциализации идей и разработок;

2. Сектор «Инфраструктура». Стратегическое видение: Республика – территория, комфортная для жизни и производства.

¹ Котов Е.В. Реиндустриализация экономики в условиях формирующейся государственности // Журнал экономической теории. 2017. – № 3. – С. 64–75.

² В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) для проведения сравнительных оценок неиндустриального развития разных государств была разработана классификация видов деятельности по уровням технологичности. Чем выше уровень технологичности производства, тем ниже доля физического труда и выше качество продукции. В основу классификации был положен вид производства, а не отраслевая принадлежность, как это долгое время использовалось в постсоветских странах.

³ На пути к новой государственности: экономические и социально-правовые трансформации: Коллективная монография / В.В. Седнев, Е.В. Котов, А.В. Войтов и др.; под общ. ред. Л.Б. Костровец, Л.Г. Бордюгова. – Донецк: Издательство ООО «НПП «Фолиант», 2019. – 333 с.

Развитию подлежат производственная и социальная инфраструктура. Первая формирует пространство для жизни, вторая – для производства.

3. Сектор «Наукоемкая промышленность и услуги».

Стратегическое видение: Республика – территория «умной экономики».

Приоритетные направления:

- разработка новой промышленной политики;
- содействие трансферу технологий и стимулирование применения передовых технологий;
- создание инновационных площадок (технопарки, технополисы и др.);
- государственная поддержка реализации инновационных проектов субъектов инновационной деятельности.

Трёхсекторная стратегия должна строиться на принципах «3К»: концентрация, кооперация и комбинирование.

Концентрация – сосредоточение потенциала (кадров, технологий, оборудования, ресурсов и др.) на отдельной территории (создание центров производства знаний и продукции). Кооперация – создание длительных научно-образовательно-производственных связей по совместному достижению результата. Комбинирование – создание единых комплексов совместно размещённых производств. Данные принципы применимы как к построению стратегии социально-экономического развития государства, так и при отборе реальных проектов, которые войдут в программы по реализации положений данной стратегии.

Таким образом, логика стратегического целеполагания и построения системы стратегического планирования будет строиться по модели «Республика 2-3-3». Предложенная модель совмещает два уровня рассмотрения: внешний, ориентированный на интеграцию подсистем Республики во внешнее пространство, и внутреннюю, базирующуюся на трёх основных экономических секторах. Соответственно, первоочередной задачей реализации новой экономической политики государства является разработка трёх республиканских программ, направленных на решение проблем трёх выбранных экономических секторов – науки и образования, развития инфраструктуры и наукоемкого производства.

Крылова И.А.

д.филос.н., в.н.с. Института философии РАН

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВОМ?

Ключевые слова: Россия, Конституция РФ, достойная жизнь, минимальный размер оплаты труда, свободное развитие человека, образование, наука, охрана труда и здоровья населения, неравенство, коррупция, мега-воровство, бедность, безработица, суицид, продолжительность жизни, естественная убыль населения, эмиграция, социальное государство.

Keywords: Russia, Constitution of the Russian Federation, decent life, minimum wage, free human development, education, science, labor and health protection, inequality, corruption, mega-theft, poverty, unemployment, suicide, life expectancy, natural population decline, emigration, social state.

Является ли Россия социальным государством? – вопрос, который уже тридцать лет продолжает волновать не только теоретиков, но и большинство граждан нашей страны. «Когда разрушали СССР, один из великого множества аргументов, оправдывавших это разрушение, заключался в императивной необходимости замены “то талитарного” государства на государство “социальное”... – справедливо пишет Е.П. Тавокин. – Апологеты “новой” России усиленно внедряли в массовое сознание идею о том, что главной задачей властей в социальном государстве будет всемерное улучшение качества жизни *всех* людей, удовлетворение интересов *всего* общества, достижение *всеобщего* блага»¹. Однако современная действительность свидетельствует о том, что Россия чрезвычайно далека от реализации на практике этой цели.

Непонятно, какой смысл при написании «Конституции Российской Федерации» вкладывался в термин «социальное» государство. В социологической энциклопедии дается такое определение: «Под социальным государством понимается такой тип государства, в число важнейших внутренних функций которого входит активное влияние на социальную сферу жизнедеятельности общества в интересах самых широких слоев населения»². В «Конституции РФ» в статье 7 провозглашается принцип «социальности» государства, согласно которому: «1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих *достойную жизнь и свободное развитие человека*. 2. В Российской Федерации *охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда*, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты»³.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: что конкретно понимается под «достойной жизнью» и чья жизнь в современной России, может считаться более достойной – топ-менеджера госкорпорации, доходы которого достигают 4 млн. руб. в день или представителя науки, продолжающего получать заниженную зарплату за свой умственный труд? Приходится констатировать, что в России, несмотря на декларации о необходимости повысить престиж ученого в стране, интеллектуальный труд (как и большинство творческих профессий) до сих пор продолжает оплачиваться ниже неквалифицированного (для сравнения: в 2019 г. зарплата рядового работника «Макдоналдса» составляла от 32 тыс. руб. до 100 тыс. руб. в месяц; а официальный оклад, указанный в «эффективном» контракте кандидата наук, доцента кафедры философии науки ИФ РАН составляет 13 тыс. 500 руб. в месяц). Естественно, чтобы «выжить» в столице особенно молодым специалистам и оплатить «наемное жилье», большинству из них приходится искать вторую, а нередко и третью работу (ко которую в провинции найти практически невозможно).

Известно, что одной из важнейших проблем любого общества является проблема распределения национального продукта. Может ли Россия считаться социальным государством в условиях существующего беспрецедентного расслоения российского общества? Ныне по числу миллиардеров Россия является одной из первых в мире (после США). «Этот факт... показывает главную сущность либерального переворота 90-х годов, – справедливо подчеркивает В.С. Голубев, – превращение общественной собственности в частную, сверх-обогащение экономической и политической кэдастры ради сверх-потребления»⁴.

Более того, в стране продолжает действовать регрессивная шкала налогообложения доходов населения, когда около 80% бедного населения с начала 1990-х гг. продолжает оплачивать сверхпотребление и роскошную жизнь 5% сверхбогатых. Представляется, что для социального государства с точки зрения социальной справедливости необхо-

¹ Тавокин Е.П. Российская Федерация – социальное государство? // Вестник РАН. – М., 2013. – Т. 83, № 4. – С. 318.

² Гончаров П.К. Государство социальное // Социологическая энциклопедия: В 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 2003. – С. 222.

³ Конституция Российской Федерации. – <http://constitution.kremlin.ru>

⁴ Голубев В.С. От конвергенции капитализма и социализма к социогуманизму (естественно-гуманитарный синтез) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН ИНИОН, Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. I. – С. 25.

димо ввести прогрессивный налог. Однако Правительство РФ все прошедшие десятилетия не вводило прогрессивный налог (несмотря на требования многих политических партий и недовольство большинства граждан страны), защищая интересы господствующей и властвующей элиты. Это свидетельствует о том, что «социальной основой современной России – считает Е.П. Тавокин, – является неравномерное и несправедливое распределение национального дохода как по социальным стратам, так и по регионам, и такое положение, по-видимому, сохранится надолго»¹.

Показательно, что новый Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин подтвердил, что прогрессивный налог не будет введен в России. Отсюда следует, что в Российской Федерации, несмотря на декларации о социальном государстве, продолжает существовать фактически асоциальное рыночное хозяйство² и сверхнеравенство³. Между тем, несмотря на сильное расслоение российского населения, тема экономического неравенства практически не исследуется в научной литературе. Более того, по мнению экспертов, в современной России реальные показатели децильного коэффициента, как и коэффициента Джини, установить практически невозможно.

Как известно, степень расслоения общества характеризует так называемый децильный коэффициент. В 2010 г. коэффициент имущественного расслоения населения России достигал, по одним данным, 1:25, по другим – 1:60⁴. По официальным данным, сейчас в России он составляет 1:15,3 (в действительности гораздо больше). Это свидетельствует о продолжающемся росте сверхпотребления узкой прослойки населения и фактической нищетой большинства граждан страны. Социологические исследования показывают, что революции и массовые протесты исключены в том случае, когда разница в доходах высшей и низшей групп в обществе не более, чем 1:5, 1:6. Однако, «как только децильный коэффициент достигает 10, – пишет Р. Гринберг, – в стране появляются условия для социальных беспорядков. Это правило не действует разве что в Америке, где коэффициент держится на уровне 10–12. Но там это считается нормальным, поскольку философия американцев отличается от нашей. Там считается, если ты бедный, то сам виноват»⁵.

Что касается коэффициента Джини – то это коэффициент неравенства (индекс концентрированных доходов), который является статистическим показателем экономического неравенства. Он показывает равномерность распределения дохода или богатства между членами общества. Экономическое неравенство является одной из характеристик социального неравенства в российском обществе. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» указано, что одной из главных целей обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни граждан страны, является снижение существующего экономического неравенства. По мнению экономистов, коэффициент Джини не должен быть выше значения 0,3–0,4. Когда данный индекс больше, то это значит, что в стране существует высокое неравенство, которое существенно замедляет экономическое развитие. Более того, формирует так называемые «ловушки бедности», при которых общество становится беднее с каждым поколением. Ныне в Российской Федерации коэффициент Джини равен приблизительно 0,417 и продолжает расти. По данным аналитиков, сейчас он сопоставим с коэффициентом Джини в США и Китае⁶.

Анализируя проблему расслоения населения в России, необходимо учитывать и существующую в стране беспрецедентную коррупцию, объем которой составляет сотни миллиардов долларов и с которой якобы постоянно ведется беспощадная борьба. Наряду с коррупцией в стране процветает мега-воровство, когда воруют миллиардами и выводят их из страны в офшоры⁷. Последние наглядные примеры: хищение из «Роскосмоса» 17 млрд. руб., а также 6,7 млрд. руб. замглавы Генштаба ВС РФ, генерал-полковника Х. Араланова и многомиллиардное воровство при строительстве космодрома «Восточный» (когда заведено 38 уголовных дел и привлечено к ответственности 58 человек). По оценкам С.Ю. Глазьева, за прошедшие три десятилетия из России вывели 1 трлн. долларов. По другим оценкам, в офшоры переведено более трех трлн. долларов. Из бывших советских республик за прошедшие десятилетия также выведено около 1 трлн. долларов (что свидетельствует о чудовищном ограблении СССР)⁸. Показательно, что коррупция и «мега-воровство» в большинстве случаев остаются, как правило, безнаказанными (наиболее вопиющим является «дело Сердюкова»). И неудивительно, так как в 1990 г. из Уголовного кодекса РФ была изъята статья о конфискации имущества в качестве наказания за воровство. В отличие от России, в Китае в качестве эффективной меры борьбы с коррупцией и крупными хищениями введено пожизненное заключение с конфискацией имущества (включая родственников). Поэтому в связи с беспрецедентным расслоением и экономическим неравенством, Россия не может претендовать на статус социального государства.

Непонятно также, каким образом наличие значительного количества миллиардеров в стране соотносится с существующим в России минимальным размером оплаты труда (МРОТ), который до последнего времени был ниже прожиточного минимума? Согласно данным Росстата, с января 2018 г. МРОТ составлял 9489 руб. С 1 мая 2019 г. размер МРОТ стал равен 11 280 руб. (то есть прожиточному минимуму в целом, что после Послания Президента РФ Федеральному собранию от 15 января 2020 г. должно быть закреплено в Конституции РФ). Ныне размер МРОТ вновь

¹ Тавокин Е.П. Указ. соч., с. 317.

² Гринберг Р.С. Общественный интерес и экономическая политика // Вестник РАН. – М., 2010. – № 7. – С. 605.

³ Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Превосходство, присвоение, неравенство. – М.: Научный эксперт, 2013.

⁴ Общественное и индивидуальное: возможна ли гармония? Обсуждение научного сообщения // Вестник РАН. – М., 2010. – № 7.

⁵ Гараненко А. Страшно богатые // Известия. – М., 2007. – 9 августа.

⁶ <https://journal.open-broker.ru/economy/koefficient-dzhini/>

⁷ Крылова И.А. Внутренние угрозы экономической безопасности Российского государства // Знание. Понимание. Умение. 2017. – № 4. – С. 188–199.

⁸ Глазьев: за 30 лет из России вывели 1 трлн. долларов // NEWSru.24.10.2019. – <https://www.newsru.com/russia/24oct2019/trillion.html>

понижен новым Правительством РФ. Поэтому в России продолжает остро стоять проблема бедности, которая лишает человека всех жизненных перспектив в будущем. В 2000 г. за ее чертой находилось более 40 млн. человек. В настоящее время по официальным данным – около 19 млн. (что также слишком много для социального государства, каким позиционирует себя Россия).

Проблема бедности тесно связана с существующей безработицей в России. По данным Росстата, в январе 2019 г. численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше составила 74,9 млн человек. Из них 71,2 млн человек классифицировались как занятые экономической деятельностью, а 3,7 млн человек – как безработные с применением критериев МОТ (то есть, не имели работы или доходного занятия)¹. Однако, в действительности, количество безработных в Российской Федерации гораздо больше. При оценке безработицы необходимо учитывать не только тех, кто зарегистрирован на бирже труда, но и тех граждан, которые находятся в поисках работы (но не регистрируются как безработные), а также тех людей, которые имеют лишь какую-то временную работу, либо работают в условиях неполной занятости (вероятно, именно из-за отсутствия работы появилось понятие «самозанятые»). Показательно, что среди безработных ныне значительную часть составляют представители молодого поколения (в возрасте до 34 лет), что свидетельствует о не востребоваемости на рынке труда. Безработица порождает не только неуверенность в завтрашнем дне, она лишает человека возможности нормальной полноценной жизни. В России многие граждане, потеряв работу, вынуждены променять свое жилье, в дальнейшем опускаясь на социальное «дно». Причем в нашей стране не все граждане могут приобрести даже самое дешевое жилье. «По сравнению с другими развитыми странами, которые рвутся вперед, мы каемся только назад, – подчеркивает А. Селиванов. – Китай, в 80-е годы, неспособный каждого китайца обеспечить чашкой риса, за эту же четверть века построил новую Великую страну, давно решив даже проблему жилья для своего огромного населения так, как не снилось и России (в среднем на каждого китайца теперь приходится более 20 кв. метров комфортабельного жилья, а на семью из 3 человек – трехкомнатная квартира – как в городе, так и на селе)»². Если говорить о России, то в нашей стране продолжает существовать бедность и безработица, что не характерно для социального государства.

Не удивительно, что по данным ВОЗ Россия входит в первую тройку государств с самыми высокими показателями самоубийств на душу населения, а по числу суицида среди мужчин РФ является в мире признанным лидером. Причем по числу самоубийств на душу населения Россия превышает среднемировые показатели в 2,5 раза (26,5 случаев на 100 тыс. человек – против 10,5, выше – только у Лесото – 28,9 и Гайаны – 30,2). Для сравнения: в Беларуси этот показатель составляет 21,4; на Украине – 18,5; в США – 13,7; в Канаде – 10,4; на Кубе – 10,1; в Израиле – 5,2. Если в среднем по миру мужчин-самоубийц приблизительно в 1,8 раз больше женщин, то в Российской Федерации этот разрыв превышает среднемировой в 6,5 раз (мужчины кончают жизнь самоубийством значительно чаще, чем женщины)³. Надо сказать, что такой показатель как самоубийство говорит о том, что общество – «серьезно больно». Это лишь подтверждает, что в настоящее время Россия социальным государством не является.

То же самое касается «свободного развития человека», о котором записано в «Конституции Российской Федерации»? Что под этим следует понимать? Если исходить из неолиберальной идеологии, то это подразумевает свободу от всех этических норм и социальных ограничений, которые назойливо пропагандируются нашим гражданам либеральными СМИ уже в течение трех десятилетий существования «новой» России. Тогда причем здесь «социальное государство»? «С позиций социума, развитие человека, – справедливо подчеркивает Е.П. Тавокин, – это, прежде всего, расширение его интеллектуальных возможностей, мировоззренческих горизонтов, знание новейших достижений науки и техники, владение навыками их практического использования. Основным источником их формирования – сфера образования»⁴. Между тем в России все прошедшие годы финансирование сферы образования постоянно сокращалось. В XXI веке в развитых странах образование (как и наука) являются высшим приоритетом государства.

Как известно, в СССР была одна из лучших в мире система среднего и высшего образования. После краха Советского Союза произошел катастрофический спад финансирования образования, что привело к его коммерциализации и превращению, по существу, из «храма знаний» в «контору образовательных услуг», а в результате, к негативным последствиям – резкому понижению уровня самого образования, а также «качества» преподавателей и студентов. За прошедшие три десятилетия после распада Советского Союза российское образование (как школьное, так и вузовское) подверглось неоднократному кардинальному реформированию.

На наш взгляд, введение Единого государственного экзамена, так называемого ЕГЭ, самым губительным образом сказалось на школьном образовании в России. «По всеобщему убеждению, лучшего, чем ЕГЭ, средства перспективной дебилизации, культурно-психологической примитивизации подрастающего поколения придумать трудно, – пишет Е.П. Тавокин. – Подавляющим большинством наших граждан он рассматривается как своего рода неявная долгосрочная диверсия против национальной безопасности России»⁵. И с этим выводом можно только согласиться. В результате неолиберальных реформ резко снизился качественный уровень высшей школы в целом, особенно, ее научно-исследовательского сектора. В результате не востребоваемости науки возросла эмиграция отечественных специали-

¹ Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2019 г. – https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/34.htm

² Селиванов А. Великая Русская революция. – <https://izborsk-club.ru/18100>

³ Россия – в тройке лидеров по числу самоубийств // BBC. News. Русская служба. – <https://www.bbc.com/russian/news-49636376>

⁴ Тавокин Е.П. Указ. соч., с. 318.

⁵ Там же.

стов (особенно молодежи), в результате чего Россия стала мировым лидером по «утечке умов»¹. «Россия выступает донором научных кадров для других государств и как бы помогает странам Запада, и прежде всего США, являющимся... основным потребителем научных кадров из других стран – подчеркивает Т.В. Наумова. – На американскую фундаментальную и прикладную науку практически работает большая часть мирового потенциала, в том числе и Россия»². Опасность состоит в том, что отечественную систему образования (как и науку) путем бесконечного реформирования продолжают разрушать. Возможно поэтому, в последнем Послании Президента РФ Федеральному собранию было особо указано на необходимость сохранить равную, справедливую доступность бесплатного очного высшего образования. При этом подчеркивалась необходимость увеличения количества бюджетных мест в Вузах (особенно региональных), где сегодня не хватает врачей, педагогов, инженеров³.

Теперь, что касается сферы здравоохранения и «охраны здоровья населения». Как известно, сокращение финансирования происходило не только в области образования, но и во всех сферах жизнедеятельности российского общества, в частности в здравоохранении и социальном обеспечении. Пункт 2 статьи 7 «Конституции Российской Федерации» гласит: «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей»⁴. Что касается охраны здоровья, то в статье 41 «Конституции Российской Федерации» сказано: «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений»⁵. Однако из этого следует, что при отсутствии необходимых средств медицинская помощь может быть платной. (С вступлением в ВТО в России медицина, как и образование, стали, фактически, платными)⁶. Это объясняется тем, что кризис здравоохранения, вызванный нелиберальными реформами, привел к кардинальному изменению сущности национальной системы здравоохранения. «Коммерциализация медицинской помощи и утопия благотворного воздействия жажды прибыли, которая заставит частный бизнес протянуть руку помощи ближнему, – справедливо подчеркивают С. Батчиков и С. Кара-Мурза, – означает отказ от великой идеи *охраны здоровья народа* как долга российского государства перед гражданами (авт. курсив)»⁷. Поэтому по нынешнему состоянию здравоохранения Россия не может претендовать на статус социального государства.

Известно, что одним из индикаторов эффективности функционирования области здравоохранения является характер демографических процессов. Следует констатировать что несмотря на некоторое улучшение демографических показателей в России за последние годы, демографическая ситуация остается сложной. По статистическим данным, численность населения РФ к началу 1990-х гг. составляла 150 млн человек. В 2020 г. население России составляет менее 147 млн человек (из которых 80,9% являются русскими из числа указавших национальность). Причем около 24 млн человек – это приезжие из бывших советских республик. Таким образом, коренное население составляет всего 123 млн человек. То есть, в результате нелиберальных реформ, проводимых в России с начала 1990-х гг., страна утратила 27 млн. граждан (преимущественно русских). При этом, по мнению специалистов, в связи с притоком огромного количества представителей среднеазиатских республик кардинально изменилась не только этническая, но репродуктивная и генетическая характеристики населения РФ. Нельзя отрицать, что в последние годы предпринимались определенные меры по улучшению демографических показателей в стране («материнский капитал» и пр.). Однако в целом на фоне значительно роста населения в других государствах, демографическая ситуация в России остается критической (так как рождаемость в стране продолжает снижаться). В Послании Президента РФ Федеральному собранию (от 15 января 2020 г.) предложен новый расширенный комплекс мер по сбережению народа. При этом подчеркивается, что если Россия смогла переломить негативные демографические тенденции в начале 2000 гг., то на рубеже 2023–2024 гг. необходимо добиться возобновления естественного прироста населения, так как главными являются две национальные цели – это естественный прирост населения и продолжительность жизни.

Согласно Всемирной организации здравоохранения, основным индикатором качества системы здравоохранения является продолжительность жизни. В 2019 г. средняя продолжительность жизни в России выросла до 73,6 лет (в среднем на 0,7 года по сравнению с показателями 2018 г.). У женщин средняя продолжительность жизни превысила 78,5 лет. Показатель общей смертности на 1 тыс. человек снизился на 3,1% по сравнению с аналогичным показателем 2018 г.⁸ Но Россия продолжает отставать по средней продолжительности жизни от развитых стран. Например, средняя продолжительность жизни в США – 78,8 лет; в Японии – 87,3 года. Однако за десять месяцев 2019 г. естественная убыль населения составила 259,6 тыс. человек. Причем данный показатель по итогам года является самым высоким за

¹ Крылова И.А. Современные угрозы информационной безопасности России в сфере науки и техники // Знание. Понимание. Умение. 2019. – № 3. – С. 183–192.

² Наумова Т.В. Эмиграция ученых из России. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 80.

³ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 15 января 2020 г. – <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1314404/>

⁴ Конституция Российской Федерации. – <http://constitution.kremlin.ru>

⁵ Там же.

⁶ Крылова И.А. Присоединение России к ВТО: риски и угрозы // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития (Мат-лы VIII межд. науч.-практ. конференции. 31 мая-1 июня 2012 г. Москва. ИНИОН РАН). – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 286–291.

⁷ Батчиков С., Кара-Мурза С. От здравоохранения к продаже медицинских услуг // Экономические стратегии. – М., 2013. – № 3. – С. 18.

⁸ Минздрав: за 2019-й продолжительность жизни в России выросла до 73,6 года. – <https://eadaaily.com/ru/news/2019/10/16/minzdrav-za-2019-god-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-vyrosla-do-736-goda>

последние одиннадцать лет¹. То есть, по состоянию демографических показателей Россия также не является социальным государством. «Несмотря на наличие необходимых средств и соответствующих условий, – пишет А.М. Тарко, – адекватные меры для улучшения социального положения населения и системы медицинского обеспечения в стране не предпринимаются»². Поэтому именно сегодня один из главных национальных проектов направлен на улучшение демографических показателей и состояния здоровья населения России, которое катастрофически быстро сокращается.

Представляется, что отдельной проблемой уменьшения численности населения страны является массовая эмиграция россиян. В настоящее время Российская Федерация находится фактически на третьем месте в мире по эмиграции. Россию «обгоняют» по этому показателю только Индия и Мексика. При этом наша страна опередила по темпам эмиграции даже Китай, который покинуло 9,9 млн. человек. Позади России – Бангладеш с 7,5 млн. эмигрантов, Сирия, Пакистан и Украина. Больше 40% россиян в качестве причин, заставивших эмигрировать, называют лучшие условия жизни в других странах, нестабильность экономической ситуации в собственной стране, невозможность вести бизнес, отсутствие защиты от произвола чиновников, необходимость дать детям хорошее образование и пр. Наиболее привлекательными странами для потенциальной эмиграции являются США и Канада³.

Современные социологические опросы показывают, что около 17% россиян собираются уехать из России, а по данным «Левада-Центр» 41% опрошенных россиян от 18 до 24 лет желают покинуть страну (а по закрытой информации – 75%). «Причем, если до 1990-х годов многие выезжали для воссоединения «семей» (немцы, евреи, представители других этносов), то с 2000-х годов выезжают люди профессиональные и чаще всего потому, что в стране просто негде приложить собственные силы, – пишет А. Селиванов. – Основной мотив выезда сегодня – отсутствие перспектив в своей стране и ее внутренней экономической политике, которая открывала бы такие перспективы»⁴. Ныне в мире зафиксировано 10,6 млн. человек, которые покинули Россию и проживают за ее пределами, что составляет 7% от всего населения РФ и 4% от эмигрантов всех стран. Поэтому такую эмиграцию можно назвать «бегством» из России, что может обернуться в будущем демографической катастрофой.

Таким образом, заявленные в «Конституции Российской Федерации» положения о «достойной жизни», «свободном развитии человека», «минимальном размере оплаты труда», «охране труда и здоровья людей» являются лишь декларацией, поскольку нормативная база абсолютно не соответствует критериям социального государства. Проведенный анализ показывает, что по базовым составляющим социального государства, Россия в настоящее время не может претендовать на подобный статус. Конечно, предложенные Президентом РФ Федеральному собранию меры будут в какой-то мере способствовать улучшению жизни россиян и могут снять нарастающее социальное напряжение в обществе. Но для того, чтобы жизнь в России стала действительно достойной, государство должно не ограничиваться «поправками» в текст «Конституции Российской Федерации», а предложить новую модель экономического и социального развития, привлекательную не только для граждан своей страны, но и для других государств мира. Хотелось бы надеяться, что после Послания Президента РФ Федеральному собранию от 15 января 2020 г. начнется, наконец, на практике движение России к построению действительно социального государства.

¹ Естественная убыль населения в 2019 г. станет рекордной за 11 лет. – <https://www.rbc.ru/economics/13/12/2019/5df240d49a79475d8876bdc3>

² Тарко А.М. Социально-демографическое состояние и перспективы развития России на фоне стран Европы и мира // Вестник РАН. – М., 2013. – Т. 83, № 1. – С. 65.

³ «Левада-Центр»: число россиян, которым не нужна «чужая земля», достигло рекорда, но для многих эмиграция просто избыточная мечта. – https://www.newsru.com/russia/04feb2019/no_oppoort.html

⁴ Бросить Родину... Сколько россиян на самом деле уезжает из страны. – <https://newizv.ru/news/society/05-10-2018/brosit-rodinu-skolko-rossiy-an-na-samom-dele-uezhaet-iz-strany>

Макарецкая Т.Д.

к.э.н., доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, информационно-коммуникационные технологии, IT-сектор.

Keywords: digital economy, digital transformation, information and communication technologies, IT sector.

В современном мире происходят глобальные перемены, которые связаны с появлением новых цифровых инфраструктур, бурным развитием цифровых коммуникаций и усовершенствованием вычислительной техники. Для обеспечения инновационного развития организациям необходимо внедрять и использовать цифровые технологии. Интеграция данных технологий в экономическую и социально-политическую жизнь общества свидетельствует о формировании новой системы экономики – цифровой. Цифровая трансформация национальной экономики означает внедрение во всех отраслях информационно-коммуникационных технологий с целью повышения их инновативности и конкурентоспособности.

Цифровая экономика – это деятельность, которая непосредственно связана с развитием цифровых компьютерных технологий, включающая различные сервисы по предоставлению онлайн-услуг, краудфандинг, Интернет-торговлю, электронные платежи и прочее. Термин «цифровая экономика» обычно рассматривают в контексте «цифровой трансформации экономики», сущность которой определена в глоссарии Евразийской экономической комиссии. Так, «цифровая трансформация экономики» – это:

1. Смена экономического уклада, изменение традиционных рынков, социальных отношений, государственного управления, связанная с проникновением в них цифровых технологий;

2. Принципиальное изменение основного источника добавленной стоимости и структуры экономики за счет формирования более эффективных экономических процессов, обеспеченных цифровыми инфраструктурами;

3. Переход функции лидирующего механизма развития экономики к институтам, основанным на цифровых моделях и процессах¹.

Обеспечение цифровой трансформации национальной экономики является одним из стратегических направлений развития Республики Беларусь².

IT-сектор Беларуси получил серьезную государственную поддержку и является одним из приоритетных направлений экономики страны. С целью формирования благоприятных условий для разработки в Республике Беларусь программного обеспечения, информационно-коммуникационных технологий, направленных на повышение конкурентоспособности национальной экономики, в Республике Беларусь создан Парк высоких технологий (ПВТ)³.

3 ноября 2014 г. Президент Республики Беларусь подписал Декрет № 4, в соответствии с которым расширяются виды деятельности компаний-резидентов Парка высоких технологий новыми наукоемкими направлениями. В качестве самостоятельных видов деятельности определены смежные с IT-сферой направления (микро-, опто- и наноэлектроника, мехатроника, передача данных, радиолокация, радионавигация, радиосвязь), а также защита информации и создание центров обработки данных. Предусмотрена возможность выполнения резидентами ПВТ работ и услуг по анализу, проектированию и программному обеспечению информационных систем (IT-консалтинг, аудит, системно-техническое обслуживание сетей государственных информационных систем, создание баз данных, внедрение и сопровождение корпоративных информационных систем)⁴.

Правовой режим ПВТ действует на всей территории Республики Беларусь. Вы можете зарегистрироваться в качестве резидента и использовать все преимущества ПВТ независимо от того, где размещается офис вашей белорусской компании: от областного центра до небольшого населенного пункта. Это позволяет в полной мере использовать образовательный, научно-исследовательский, профессиональный и инфраструктурный потенциал всей страны.

91% производимого в Парке программного обеспечения идет на экспорт. 43,2% поставляется в США, 49,1 – в страны Западной Европы, 5,3% – в Россию и СНГ. Мобильными приложениями, разработанными компаниями-резидентами ПВТ, пользуется более 1 миллиарда человек в 193 странах мира. В ПВТ разрабатываются некоторые наиболее популярные в мире приложения. В Парке разработана компьютерная игра, вошедшая в Top-5 самых прибыльных многопользовательских игр в мире. Пять из десяти крупнейших мировых корпораций (согласно рейтингам Forbes) являются заказчиками Парка высоких технологий. Среди резидентов ПВТ – крупнейший поставщик услуг в

¹ <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/glossary.aspx>

² www.economy.gov.by

³ Там же.

⁴ Там же.

области разработки проектного (заказного) программного обеспечения и решений в Центральной и Восточной Европе. Шесть компаний-резидентов ПВТ входят в рейтинг 100 лучших аутсорсинговых компаний мира – The Global Outsourcing 100® – по версии Международной ассоциации профессионалов аутсорсинга. Каждый год в ПВТ появляется новый успешный проект: игра «Мир танков», компании Aralon, A imatter, приложения Viber, Juno, MSQRD¹.

Сказанное свидетельствует о том, что в Республике Беларусь ведется большая и эффективная работа по развитию IT-сферы и переходу к цифровой экономике. Вместе с тем, как свидетельствует анализ статистических данных, в 2018 г. использовали электронную почту 96,2% организаций, локальные вычислительные сети – 79,8, имели веб-сайт в сети Интернет – 67,2% организаций².

Удельный вес организаций, использующих сеть Интернет для взаимодействия с поставщиками, – 86,4%; удельный вес организаций, использующих сеть Интернет для взаимодействия с потребителями, – 76,3%; удельный вес организаций, использующих облачные сервисы, – 22,3%; удельный вес заключенных договоров, предоставляющих право использования компьютерных программ, в общем числе заключенных договоров, предоставляющих право использования результатов интеллектуальной деятельности, – 67,3%³.

В 2018 г. структура затрат организаций на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) составила:

- приобретение вычислительной техники и оргтехники – 24,6%;
- приобретение телекоммуникационного оборудования – 13,1%;
- приобретение программного обеспечения – 19,3%;
- оплата телекоммуникационных услуг – 11,2%;
- обучение работников, связанное с развитием и использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) – 0,3%;
- оплата услуг сторонних организаций и специалистов, связанных с ИКТ – 22,7%;
- прочие затраты на ИКТ – 8,8%⁴.

При этом удельный вес организаций, осуществивших затраты на технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем количестве отчитавшихся составил 22,0%⁵.

Сказанное свидетельствует о том, что Республика Беларусь находится на начальном этапе формирования цифровой экономики. Следовательно, необходимо определить цели и приоритеты внедрения цифровых технологий и разработать «дорожную карту» их реализации по примеру немецкой федеральной программы «Индустрия 4.0».

«Индустрия 4.0» предусматривает сквозную цифровизацию всех физических активов и их интеграцию в цифровую экосистему вместе с партнерами, участвующими в цепочке создания стоимости. Достижение эффекта от воплощения концепции «Индустрия 4.0» возможно только при наличии хорошо налаженных процессов получения и анализа данных, а также обмена ими. В то время как термин «Индустрия 4.0» встречается все чаще и в разных контекстах, в настоящей статье мы используем это понятие в определенном значении.

Концепция Industrie 4.0 определяется следующими характеристиками:

1. Цифровизация и интеграция вертикальных и горизонтальных цепочек создания стоимости. «Индустрия 4.0» предусматривает цифровизацию и интеграцию процессов по вертикали в рамках всей организации, начиная от разработки продуктов и закупок и заканчивая производством, логистикой и обслуживанием. Все данные об операционных процессах, эффективности процессов, управлении качеством и операционном планировании доступны в режиме реального времени в интегральной сети. При этом также используются технологии дополненной реальности, а данные оптимизированы под различные платформы. Горизонтальная интеграция выходит за рамки внутренних операций и охватывает поставщиков, потребителей и всех ключевых партнеров по цепочке создания стоимости. Здесь используются различные технологии – от устройств слежения и контроля до комплексного планирования, интегрированного с исполнением в режиме реального времени.

2. Цифровизация продуктов и услуг. Цифровизация товаров включает в себя дополнение имеющихся продуктов, например, интеллектуальными датчиками или устройствами связи, совместимыми с инструментами аналитики данных, а также создание новых цифровых продуктов, предназначенных для предоставления комплексных решений. Благодаря внедрению новых методов сбора и анализа данных у компаний появляется возможность получать данные об использовании продуктов и дорабатывать эти продукты в соответствии с новыми требованиями конечных пользователей.

3. Цифровые бизнес-модели и доступ клиентов. Ведущие отраслевые компании также расширяют спектр предоставляемых ими услуг, предлагая революционные цифровые решения, включая комплексное персонализированное обслуживание на основе данных и интегрированные платформы. Новые цифровые бизнес-модели зачастую направлены на получение дополнительной выручки от цифровых решений, оптимизацию взаимодействия с клиентом и улучшение доступа клиентов. Цифровые товары и услуги часто предназначены для обслуживания клиентов путем предоставления им комплексных решений в обособленной цифровой экосистеме⁶.

Industrie 4.0 символизирует четвертую промышленную революцию. После первых трех этапов промышленной революции в производство торжественно вступает Интернет вещей и услуг.

¹ <http://www.park.by/topic-facts/>

² <http://www.belstat.gov.by/>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ <http://www.belstat.gov.by/>

⁶ https://www.pwc.ru/ru/technology/assets/global_industry-2016_rus.pdf

Тем самым человек и машина общаются с поставщиком и клиентом за рамками предприятия. Это обеспечивает построение интеллигентных производственных цепочек, повышает продуктивность и эффективность и стимулирует гибкость.

В этой связи для Республики Беларусь является актуальным:

- 1) Создание новых форм интеллектуальной производственной техники, чтобы иметь возможность генерировать продукцию для мирового рынка, делать национальные предприятия более энергоэффективными и гибкими;
- 2) Оптимизация существующих и введение новых продуктов автоматизированных систем управления, чтобы посредством компетенции в сфере автоматизации обеспечить конкурентные преимущества;
- 3) Обеспечение производственных площадок и занятости благодаря интеллектуальному формированию производства, инжиниринга и производственного окружения, прежде всего в свете демографических изменений и связанных с этим вызовов по организации труда в соответствии с возрастом;
- 4) Создание новых форм взаимодействия при организации труда в Smart Factory, ориентированных на качественное обогащение, интересное рабочее окружение, увеличение личной ответственности и саморазвитие.

Цифровизация Industrie 4.0 потребует создания определенных условий для того, чтобы соответствующее решение могло применяться на постоянной основе. Решающую роль в этом играет не только техника. Хотя она и является неотъемлемой составной частью во многих сферах реализации решений Industrie 4.0, все же она – не единственный фактор успеха.

Industrie 4.0 может планироваться, реализовываться и использоваться на постоянной основе только в случае, если предварительно обеспечивается взаимодействие человека, техники и организации.

Таким образом, наряду с основополагающими техническими стандартами необходимо обеспечить достаточную квалификацию кадров.

Особую актуальность для Республики Беларусь, как и для всего мирового сообщества, приобретают вопросы кибербезопасности. Такое понятие отсутствует в национальном законодательстве, однако многие детали положения, ее характеризующие, содержатся в различных нормативных документах.

Представляется, что кибербезопасность – это создание и реализация мероприятий по защите систем, сетей и различных приложений от компьютерных (цифровых) атак. Такие атаки обычно направлены на получение доступа к конфиденциальной информации, ее изменение и уничтожение, хищение денежных средств у банковских учреждений либо граждан.

В Республике Беларусь более устоявшимся термином является информационная безопасность. От информационной безопасности финансовых учреждений зависят их репутация и конкурентоспособность. Кроме того, высокий уровень обеспечения информационной безопасности позволяет минимизировать риски.

Система обеспечения информационной безопасности должна:

- быть адекватной внутренним и внешним угрозам;
- реализовывать комплексный подход к защите, т.е. включать все необходимые организационные меры и технические решения;
- обеспечивать высокую производительность, т.е. обрабатывать значительные объемы информации без снижения скорости процессов;
- быть надежной и отказоустойчивой благодаря применению инновационных технологий;
- иметь инструменты сбора, анализа данных об инцидентах и реагирования на инциденты информационной безопасности.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что инновационное развитие организаций сегодня во многом зависит от развития цифровых технологий, которые открывают нашей стране новые возможности для экономического роста.

Матвеева Л.К.

к.э.н., доцент Факультета государственного управления МГУ

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ОТ ЛОКАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ К ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

Ключевые слова: конкурентоспособность промышленности, промышленная политика, инструменты локальных мер поддержки, инструменты территориального развития промышленности, сбалансированное развитие промышленности.

Проблема повышения конкурентоспособности промышленности, от состояния которой зависит состояние экономики страны, находится в центре внимания исследователей и органов государственной власти всех уровней на протяжении всего периода функционирования рыночной экономики в России. При этом предметом исследований является не только оптимизация соотношения «цена-качество», но и более обобщенная, комплексная характеристика, отражающая общее состояние промышленности, возможные перспективы ее развития, изменение положения на внутреннем и внешнем рынках. Как следствие, в центре внимания находится поиск наиболее эффективных инструментов мер государственного регулирования развития промышленности и повышения ее конкурентоспособности, которые определяют цели и задачи промышленной политики.

Несмотря на декларативность концептуальных документов в области формирования и реализации промышленной политики, планов деятельности Правительства РФ по выходу из кризисного состояния 1990-х годов, следует отметить их определенную направленность в обеспечении конкурентоспособности промышленности, предусматривающей как локальные меры поддержки организаций отдельных отраслей промышленности, так и ее территориальное развитие – необходимое условие повышения конкурентоспособности регионов. С этой точки зрения интересно провести сопоставление первых концептуальных документов с ныне действующими. Так, в первых двух документах, разработанных Госкомпромом России [1] – «Основные положения концепции государственной промышленной политики России на среднесрочную перспективу (1994–1995 гг.)» и «Основные направления промышленной политики Российской Федерации на 1995–1997 гг.» – государственная промышленная политика определялась как целенаправленная деятельность органов государственного управления, ориентированная на создание благоприятных условий работы промышленности по обеспечению комплекса национальных интересов страны, начиная с обеспечения экономической и технологической безопасности; а цель государственной промышленной политики – как создание многоотраслевого высокотехнологичного конкурентоспособного промышленного комплекса, обеспечивающего укрепление экономической независимости и национальной безопасности, достойный уровень жизни народов, оздоровление экологической обстановки и интеграцию России в мировое сообщество на равноправных и взаимовыгодных условиях. Также заслуживает внимания Постановление правительства РФ от 29 июня 1995 г. № 639 [2], в котором в соответствующих разделах предусматривались меры и их нормативно-правовое обеспечение по повышению конкурентоспособности промышленности, продвижению ее продукции на экспорт, а также меры регионального развития: повышение конкурентоспособности и качества продукции российских товаропроизводителей на основе развития добровольной сертификации товаров и систем качества в промышленности, применение протекционистских мер в приоритетных направлениях промышленного комплекса, создание инфраструктуры продвижения научно-технических разработок и государственная поддержка инновационной деятельности (раздел Плана «Инвестиционная и структурная политика»); разработка программы стимулирования экспорта продукции высокой степени обработки, развитие экспортного кредитования, стандартизации в соответствии с требованиями мирового рынка, защита внутреннего рынка (раздел «Внешнеэкономическая политика»); разработка Государственной программы экономического и социального развития Севера России и Федеральной программы развития Дальнего Востока и Забайкалья и мер их поддержки (раздел «Региональная политика»). Реализация указанного постановления ограничивалась созданием рабочих групп и формированием различных поручений. Изменению в деятельности Правительства РФ не помогли ни указ Президента РФ от 8.07.1994 г. № 1484 «О порядке предоставления финансовой поддержки предприятиям за счет средств федерального бюджета» [3], предусматривающего поддержку разработок, их внедрения и приобретения новейших технологий, оборудования и материалов, в том числе и за рубежом, ни Постановление правительства РФ от 26.12.1995 г. № 1288 «О первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке инновационной деятельности в промышленности» [4]. В отсутствие соответствующих расходных статей в бюджете реализация предусматриваемых мер поддержки по повышению конкурентоспособности промышленности и ее территориального развития была лишь намерением.

С принятием базовых законов «О Бюджетном Кодексе Российской Федерации», о «Налоговом Кодексе Российской Федерации», принятием законов о промышленной политике в крупных субъектах РФ (г. Москва, Московская, Ленинградская, Воронежская, Нижегородская, Новосибирская и других областях), постепенный переход к программно-целевым методам формирования расходной части бюджета ситуация несколько изменилась. Реализация разрабо-

танных федеральных (региональных) целевых программ в начале 2000-х годов сопровождалась реальной финансовой поддержкой из средств бюджетов (в рамках финансовых ограничений) в форме предоставления организациям промышленности бюджетных кредитов (до 2008 года), субсидий, направляемых на пополнение оборотных средств, компенсацию части затрат на выплату процентов по кредитам, выданным российскими коммерческими банками, с целью реализации проектов по техническому перевооружению и модернизации производства, а также предоставление государственных гарантий и т.п. Значительную роль сыграли и действия органов исполнительной власти субъектов Федерации, которые в рамках целевых программ регионального уровня также оказывали финансовую поддержку организациям промышленности за счет региональных бюджетов. Несмотря на различия в объемах выделяемых средств (например, на реализацию программ развития промышленной деятельности в г. Москве объем средств бюджета составлял от 200 млн. рублей в 2000 году до почти 3 млрд. рублей уже в 2006 году, а объем средств бюджетной поддержки программы г. Воронежа составлял всего 30 млн. рублей), это позволило перейти на новый качественный уровень взаимодействия между органами власти и организациями промышленности на основе коллегиального рассмотрения проблем конкурентоспособности промышленности, развития информационно-консультационной поддержки, включая оказания услуг по разработке бизнес-планов, заключения соглашений с ведущими вузами региона о целевой подготовке квалифицированных кадров и т.п. [5].

Наряду с развитием локальных мер поддержки, предоставляемых предприятиям отдельных отраслей промышленности, с середины 2000-х годов происходит территориальное развитие промышленности, началом которого можно считать принятие закона РФ от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», предусматривающего, в том числе, создание промышленно-производственных и технико-внедренческих зон, и последовавших за ним развитие новых инструментов промышленной политики: создание в РФ инновационных территориальных кластеров (во исполнение поручения Президента РФ по итогам заседания президиума Госсовета РФ от 11.11.2011 г. и решений Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 30.01.2012 г.), территорий опережающего социально-экономического развития в РФ (ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ), индустриальных парков, технопарков и промышленных кластеров (ФЗ от 31.12.2014 № 488-ФЗ). В обобщенном виде указанные территориальные формирования предполагают создание условий на отдельной территории (в пределах границ одного субъекта РФ (его муниципальных образований) или нескольких для комплексного промышленного и инновационного развития конкурентоспособных производств преимущественно по выпуску высокотехнологичной, наукоемкой промышленной продукции. Включение в перечень указанных формирований территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в целом правомерно, так как программами развития ТОСЭР предусматривается, в том числе, создание новых производств по выпуску конкурентоспособной промышленной продукции с высокой долей добавленной стоимостью. Это корреспондирует с уточненным подходом к определению промышленной политики РФ как комплекса правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала РФ, обеспечение конкурентоспособной промышленной продукции и ее целями: формирование высокотехнологичной конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития; обеспечение обороноспособности и безопасности государства; обеспечение занятости населения и повышения уровня жизни граждан РФ (п. 1 ст. 3 и п. 1 ст. 4 ФЗ от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ) [6].

В дополнение следует сказать, что помимо указанных инструментов промышленной политики данным Законом предусмотрена реализация специальных инвестиционных контрактов (СПИК), направленных на создание на территории РФ локализованных производств по выпуску импортозамещающей промышленной продукции, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках, а в обеспечении реализации приоритетного национального проекта «Международная кооперация и экспорт», предусмотренного Указом Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» началось формирование соглашений с корпорациями о реализации корпоративных программ повышения конкурентоспособности (КППК), в основном направленных на реализацию экспорто-ориентированных проектов [7]. На сегодняшний день лидерами по подаче заявок на реализацию КППК являются Самарская, Московская, Свердловская, Нижегородская области, г. Москва. С учетом сроков принятия Постановления и результатов отбора КППК говорить о результатах реализации КППК преждевременно. То же самое можно сказать и о результатах реализации СПИК – инструмента, направленного на стимулирование инвестиций в промышленное производство, разработку и внедрение современных технологий. В настоящее время (с 2014 по 2019 г.) общее число подписанных СПИК составляет 45 единиц, в том числе в автомобильной промышленности – 14, химическом комплексе – 8, фармацевтике и медицине – 7, машиностроении – 6, станкостроении – 4, сельскохозяйственном и специальном машиностроении – 3, металлургии -2, авиационной промышленности – 1 [8]. Идет отработка самого механизма заключения и реализации СПИК, в 2019 году внесены изменения в Налоговый и Бюджетный Кодексы РФ в части применения льгот, в закон о промышленной политике – в части требований к инвестору, а первые результаты могут быть сведены к началу строительства промышленных объектов 1-ой очереди, привлечению участников к реализации СПИК и т.п.

С целью иллюстрации некоторых результатов локальной поддержки промышленности и ее территориального развития автором были проанализированы как статистические данные по изменению состояния промышленности, так и данные Российской кластерной обсерватории, действующей в структуре Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «ВШЭ» и осуществляющей мониторинг инновационных территориальных кластеров (ИТК) [9], Российской ассоциации промышленных кластеров, индустриальных парков и технопарков, осуществляющей мониторинг промышленных кластеров, индустриальных парков и технопарков [10], более 50 постановлений и распоряжений Правительства РФ о создании ТОСЭР, в том числе на базе моногородов, доклада Минпромторга об итогах ра-

боты за 2018 год и задачах на 2019 год [11]. Это позволило выделить обрабатывающие производства по уровню технологичности, а также перечень субъектов РФ в разрезе федеральных округов, в которых в большей степени сосредоточены такие территориальные образования, как ОЭЗ промышленно-производственного и технико-внедренческого типа, промышленные парки, промышленные кластеры, ТОСЭР. В настоящее время на территории России создано и функционирует на различных стадиях 115 ИТК, 130 индустриальных парков (площадки разместились на территории 53 субъектов РФ), 62 промышленных кластера, размещенных в 33 регионах страны, 25 ОЭЗ, размещенных в 22 регионах РФ [12], порядка 89 ТОСЭР, включая ТОСЭР в ДФО и вновь созданные в различных субъектах РФ, в том числе на базе моногородов.

В табл. 1 представлена динамика за 2017–2018 гг. (здесь и далее приводимые года обусловлены особенностями публикации итоговых данных Росстатом) используемых передовых производственных технологий в разрезе субъектов Федерации, имеющих наибольшее число вышеуказанных территориальных образований. Данные таблицы свидетельствуют, что в большинстве субъектов РФ наметилась положительная тенденция в увеличении количества используемых передовых технологий. Исключение составляет г. Москва, где произошло снижение используемых технологий более чем на 30%, что может быть объяснено дальнейшим перебазируванием промышленных производств из столицы и сосредоточением преимущественно на создании инновационной инфраструктуры. Незначительное уменьшение и использования передовых технологий в других субъектах РФ (Архангельская, Нижегородская области, Алтайский и Приморский края) колеблется на уровне 2–4% и требует более детального анализа.

Таблица 1

Используемые передовые производственные технологии по субъектам Российской Федерации, единиц

Субъекты РФ	2017 г.	2018 г.
РФ в целом	240 054	254 927
ЦФО	77 966	76 405
Воронежская область	2538	2676
Калужская область	3176	4473
Московская область	16 819	18 981
г. Москва	20 649	14 554
СЗФО	22 204	24 093
Архангельская область (без Ненецкого АО)	1417	1406
Псковская область	1363	1928
г. Санкт-Петербург	8933	9553
ЮФО	13264	14037
Ростовская область	3368	3514
Приволжский ФО	64 989	76 228
Республика Татарстан	7648	7694
Нижегородская область	8633	8516
Пермский край	4216	12 381
Самарская область	7506	7852
Уральский ФО	28 588	29 813
Свердловская область	10 662	11352
Челябинская область	7306	7358
Сибирский ФО	22 962	22 040
Алтайский край	2408	2387
Кемеровская область	3672	3887
Томская область	1603	1745
ДФО	7170	9234
Приморский край	1271	1198
Хабаровский край	2602	2799

Источник: составлено автором по результатам выборки [13].

Данные табл. 2 свидетельствуют, что почти все приведенные субъекты РФ закончили 2017 год с положительным результатом ВРП (за исключением Томской области). Доля ВДС обрабатывающих производств ниже 15% в отраслевой структуре ВДС в целом корреспондируется с индексом ВДС, что, с одной стороны, определяется отраслевой спецификой субъектов РФ, а с другой – служит основанием для ее изменения за счет расширения локальных мер поддержки, а также более разнообразных инструментов территориального развития.

Одной из характеристик, свидетельствующей об изменении состояния промышленности, является динамика ее отраслевой структуры. В контексте поставленных целей и задач по переходу промышленности к экспорто-ориентированной модели развития в табл. 3 представлена динамика отраслевой структуры обрабатывающих производств с учетом их группировки по технологическому уровню видов экономической деятельности (ВЭД) или уровню технологичности производств и используемых в статистических данных Росстата.

Индекс и доля ВДС обрабатывающих производств субъектов РФ в 2017 году

Субъекты РФ	Индекс ВРП (ВДС в постоянных ценах, в % к предыдущему году)	Индекс ВДС, % к предыдущему году	Доля ВДС обрабатывающих производств в отраслевой струк- туре ВДС, % к итогу
ЦФО	101,8	103,1	17,3
Воронежская область	102,5	96,2	13,9
Калужская область	105,6	114,8	39,9
Московская область	101,3	110,1	22,6
г. Москва	101,9	98,5	12,9
СЗФО	100,5	103,2	19,9
Архангельская область (без Ненецкого АО)	103,8	117,4	26,9
Псковская область	100,8	103,5	17,3
г. Санкт-Петербург	100,2	102,7	16,6
ЮФО	103,0	103,6	15,0
Ростовская область	102,4	106,2	20,6
Приволжский ФО	101,4	103,4	23,7
Республика Татарстан	101,6	100,3	17,2
Нижегородская область	102,0	103,6	31,0
Пермский край	101,8	104,3	31,4
Самарская область	100,8	106,1	22,2
Уральский ФО	103,0	104,4	13,8
Свердловская область	102,0	102,6	31,0
Челябинская область	102,1	103,2	35,3
Сибирский ФО	102,3	102,0	19,5
Алтайский край	100,5	102,4	19,6
Кемеровская область	102,1	95,3	14,3
Томская область	99,0	117,3	10,3
ДФО	99,8	106,7	5,8
Приморский край	102,1	112,5	10,1
Хабаровский край	101,1	91,3	10,4

Источник: составлено автором по результатам выборки [14] и [15].

Таблица 3

Динамика отраслевой структуры обрабатывающих производств по технологическому уровню видов экономической деятельности за 2016–2018 годы (в % к итогу)

Виды экономической деятельности (ВЭД)	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Высокотехнологичные ВЭД	4,9	4,7	4,2
Среднетехнологичные высокого уровня ВЭД	24,6	25,6	24,7
Среднетехнологичные низкого уровня ВЭД	45,1	46,8	49,6
Низкотехнологичные ВЭД	25,4	22,9	21,5

Источник: [16, с. 194]

Согласно данным табл. 3, наблюдается не только малая доля высокотехнологичных производств, но и ее снижение в 2017–2018 годах. Аналогичная тенденция наблюдается и по доле низкотехнологичных производств (выпуск продукции преимущественно по требительского спроса) и повышение доли среднетехнологичных производств низкого уровня почти до 50% в 2018 году за счет увеличения выпуска продукции металлургического производства, кокса и нефтепродуктов. Более наглядно о наблюдаемой динамике свидетельствует динамика показателя индекса производства, характеризующего изменение масштабов производства. Так, индекс производства летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования, составил в 2019 году 68,2%, падение которого наблюдалось и в 2018 году (86,5% к уровню 2017 года, когда наблюдался рост на 8,9%), в то время как производство пищевых продуктов (низкотехнологичный ВЭД) имеет стабильный рост к наблюдаемой базе (104,2% к уровню 2016 года, 2018 – 104,9%, 2019 – 104,9% соответственно) [17].

Об изменениях, происходящих в инвестиционной деятельности обрабатывающих производств в обеспечении их технологического развития в целях выпуска качественной конкурентоспособной продукции, свидетельствуют динамика инвестиций в основной капитал (табл.4) и состояния основных фондов (табл. 5). Каких-либо существенных изменений по доле инвестиций в основной капитал с учетом уровня технологичности производств не наблюдается: доля высокотехнологичных ВЭД является наименьшей и неизменной в течение 2016–2018 годов, а самую высокую долю инвестиций в основной капитал составляют среднетехнологичные низкого уровня ВЭД. Несмотря на относительно высокий уровень коэффициента обновления основных фондов (ОФ) у высокотехнологичных производств (17,6% новых фондов на конец 2015 года, но только 14,9% – на конец 2017 года) по сравнению с другими ВЭД, ни один из ВЭД за анализируемый период не достиг уровня 2015 года, что свидетельствует об уменьшении инвестиций в технологическое обновление и увеличении сроков эксплуатации ОФ. Как следствие, по всем ВЭД независимо от уровня технологичности производства наблюдается увеличение степени износа ОФ и, следовательно, устаревание ОФ. Наилучшее положение с обеспеченностью машинами и оборудованием для производства продукции наблюдается

у низко технологичных ВЭД (доля машин и оборудования – активной части ОФ в период 2015–2017 годов практически неизменна и составляет 62,5%). Самые низкие показатели обеспеченности активной частью ОФ наблюдается у среднетехнологичных низкого уровня ВЭД (активная часть в общем объеме ОФ составляет менее 50%), что объясняется спецификой данных ВЭД. Суммируя состояние ОФ по приведенным показателям, следует констатировать тенденцию производства продукции на морально устаревших ОФ.

Таблица 4

Доля инвестиций в основной капитал обрабатывающих производств по технологическому уровню видов экономической деятельности от общего объема инвестиций в основной капитал по экономике в целом в 2016–2018 годы (в % к итогу)

	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Обрабатывающие производства, из них:	14,3	14,3	14,7
Высокотехнологичные ВЭД	0,6	0,6	0,6
Среднетехнологичные высокого уровня ВЭД	4,6	4,7	5,0
Среднетехнологичные низкого уровня ВЭД	5,5	5,9	5,9
Низкотехнологичные ВЭД	3,6	3,1	3,2

Источник: [16, с.195]

Таблица 5

Отдельные показатели, характеризующие состояние основных фондов обрабатывающих производств по технологическому уровню видов экономической деятельности за 2015–2017 годы, %

	Обрабатывающие производства, из них	Высокотехнологичные ВЭД	Среднетехнологичные высокого уровня ВЭД	Среднетехнологичные низкого уровня ВЭД	Низкотехнологичные ВЭД
Коэффициент обновления ОФ:					
2015	11,4	17,6	13,3	10,2	10,4
2016	10,8	11,1	12,1	10,4	10,4
2017	9,9	14,9	7,5	10,1	9,7
Доля машин и оборудования в общем объеме ОФ::					
2015	52,8	53,3	55,1	47,2	62,4
2016	52,9	54,6	56,3	46,7	62,5
2017	52,2	54,5	53,2	47,5	62,5
Степень износа ОФ					
2015	45,9	44,0	44,7	46,0	48,0
2016	47,4	45,6	45,6	48,1	49,0
2017	48,8	45,3	48,0	49,1	49,4

Источник: [16, с.195].

Одной из значимых характеристик конкурентоспособности промышленности является осуществление организациями инновационной деятельности на основе использования технических достижений (табл. 6). Ни один показатель из приведенных данных ВЭД по удельному весу выпускаемой инновационной продукции не соответствует общепринятому пороговому значению в 30%, а в таком высокотехнологичном производстве лекарственных средств и материалов в медицинских целях удельный вес инновационной продукции даже ниже, чем в обрабатывающих производствах в целом. Это подтверждается и тем, что количество приобретенных технических достижений и программных средств в этом ВЭД составляет только 2,9% от обрабатывающих производств.

Таблица 6

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров (работ, услуг) и количество приобретенных новых технологий (технических достижений), программных средств по видам экономической деятельности, по Российской Федерации

Виды экономической деятельности	Удельный вес инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме отгруженных товаров (работ, услуг), %		Кол-во приобретенных новых технологий (технических достижений), программных средств, ед.	
	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.
Обрабатывающие производства в целом, в том числе:	8,6	7,7	8508	9421
– производство пищевых продуктов	7,6	6,6	614	735
– производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	8,0	6,9	276	277
– производство компьютеров, электронных и оптических изделий	17,2	17,8	1259	1409
– производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	20,0	21,1	142	223

Источник: составлено автором по результатам выборки [13], [18].

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости пересмотра инструментов государственной поддержки, в первую очередь, высоко технологичных производств. Так, результаты проведенного Институтом статистических

исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ опроса 545 организаций высокотехнологичных отраслей, показывают, что наибольший эффект имеет государственный заказ в рамках государственных и федеральных программ инновационной направленности, льготные займы Фонда развития промышленности, государственная поддержка экспорта (кредиты, гарантии, страхование). В гораздо меньшей степени оказывают влияние налоговые льготы (НДС, на НИОКР в рамках налога на прибыль), участие в территориальных образованиях, гарантии по кредитам и облигационным займам на инвестиционные проекты [19].

Имитация деятельности органов государственного управления в сфере промышленности, недопустимо низкий уровень ответственности за последствия принимаемых решений привели к разрушению потенциала промышленности, который не восстановил дореформенного уровня. Принимаемые меры с середины 2000-х годов по поиску эффективных инструментов поддержки хотя и дают какие-то положительные сдвиги, но не имеют системного характера. Фактические средства финансовой поддержки за период 2014–2019 гг. не превышают 1,5 трлн. рублей. Позиция предоставлять средства бюджета преимущественно «коммерчески» эффективным проектам в отсутствие единого методологического подхода к оценке их влияния на конкурентоспособность промышленности в целом не соответствует требованиям обеспечения сбалансированного развития отраслей промышленности. Запуск новых или модернизация действующих высокотехнологичных инновационных производств носит единичный характер, отдача от результатов деятельности которых может быть получена через несколько лет. «Модный» тренд создания промышленных кластеров, индустриальных парков, ГОСЭР и других территориальных образований не всегда приводит к ожидаемым результатам из-за недостаточного вовлечения резидентов и участников, отсутствия детального анализа их потенциала при принятии решений. Все это требует изменения в подходах к принятию государственных управленческих решений, основанных на единой научно обоснованной методологии.

Список литературы и источников

1. Основные направления промышленной политики Российской Федерации на 1995–1997 годы. Государственный комитет Российской Федерации по промышленной политике. – М., 1995.
2. Постановление правительства РФ от 29 июня 1995 г. № 639 «О Комплексном плане действий Правительства Российской Федерации по реализации в 1995 году Послания президента РФ Федеральному Собранию «О действенности государственной власти в России» и Программы Правительства РФ «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 годах». – ivo.garant.ru/#/document/6155597/paragraph/1013:0
3. Указ Президента РФ от 08.07.1994 г. № 1484 «О порядке предоставления финансовой поддержки предприятиям за счет средств федерального бюджета». – ivo.garant.ru/#/document/103218/paragraph/1269:2
4. Постановление правительства РФ от 26.12.2005 г. № 1288 «О первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке инновационной деятельности в промышленности». – ivo.garant.ru/#/document/105765/paragraph/13:3
5. Промышленная политика Правительства Москвы на 2004–2006 годы и до 2010 года. Проблемы формирования и реализации / Департамент науки и промышленной политики города Москвы. – М., 2004.
6. ФЗ от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». – base.garant.ru/70833138/1b93c134b90c607/b4dc3f4595464b753
7. Постановление Правительства РФ от 23.02.2019 г. № 191 «О государственной поддержке организаций, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности, и внесении изменения в Правила предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на возмещение части затрат, связанных с поддержкой производства высокотехнологичной продукции». – base.garant.ru/72211790
8. Специальные инвестиционные контракты. СПИК-2.0. (версия 04.12.2019). – frp27.ru/up-content/uploads/2019/12/spik_presentatsiyapdf
9. Российская кластерная обсерватория. – cluster.hse.ru
10. Промышленные кластеры, индустриальные парки и технопарки. – rassaiindustrialpark.ru/article/perechen-spicok-promyshlennyh-klasterov-rossii-2019-god
11. Доклад о целях и задачах Минпромторга России на 2019 год и основных результатах деятельности за 2018 год. – nangs.org/docs/minpromtorg-rossii-doklad-o-tselyakh-i-zadachakh-minpromtorga-rossii-na-2019-god-iosnovnykh-rezultatakh-deyatelnosti-za-2018-god-pdf
12. Счетная палата РФ: особые экономические зоны пока неэффективны. Экономика и бизнес // ТАСС. – Tass.ru. 22.10.2018.
13. Федеральная служба государственной статистики: Наука и инновации. – www.gks.ru/statistics/science_and_innovations/
14. Федеральная служба государственной статистики: Национальные счета. – www.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
15. Федеральная служба государственной статистики: Национальные счета. – www.gks.ru/fru_doc/new_site/vvp/tab-vrp3.htm
16. Матвеева Л.К. Состояние промышленности и возможности ее цифровизации // Государственное управление: Россия в глобальной политике. Материалы XVII Международной конференции (16–18 мая 2019 г.). – М.: КДУ, «Университетская книга», 2019. – С. 192–199.
17. Федеральная служба государственной статистики: Промышленное производство. – www.gks.ru/enterprise_industrial?print=1
18. Федеральная служба государственной статистики: Технологическое развитие отраслей экономики. – www.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/#
19. Спрос на инструменты государственной инновационной политики со стороны предприятий высокотехнологичных отраслей / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – issek.hse.ru/news/293711880.html

**Мирошников С.Н.,
Рыбак М.Я.¹**

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ АНАЛИТИКОВ: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ²

Ключевые слова: подготовка специалистов-аналитиков, стратегическое планирование, инвестиционная привлекательность, государственно-частное партнерство, малое и среднее предпринимательство, пространственное развитие.

Социально-экономическое развитие Российской Федерации, ее регионов и муниципальных образований не может осуществляться без аналитической и плановой основы, без программ и стратегий, разрабатываемых на национальном, региональном и муниципальном уровнях управления, определяющих направления и цели развития, применяемые инструменты, способы реализации планов и механизмы достижения ключевых результатов.

В Российской Федерации стратегическое планирование в настоящее время строится на основе Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – 172-ФЗ).

Применение понятий «стратегическое планирование», «стратегии социально-экономического развития» в новейшей истории России началось, однако, намного раньше принятия 172-ФЗ. Многие субъекты Российской Федерации и крупные города уже 10–20 лет назад, а некоторые и ранее, разрабатывали свои документы стратегического планирования – стратегии или концепции социально-экономического развития территорий, инвестиционные стратегии и другие правовые и нормативные акты. Особенно высокий уровень такой творческой активности в направлении стратегического планирования отмечался в 2005–2007 гг. под стимулирующим воздействием созданного в 2004 г. Министерства регионального развития Российской Федерации.

Следует отметить, что данные документы имели разный правовой статус и, как правило, не были обязательными для исполнения. Региональные стратегии, концепции и программы социально-экономического развития представляли обычно разрозненный набор мероприятий, направленных на стимулирование роста отдельных показателей различных сфер экономической и социальной деятельности. При их подготовке не анализировалось взаимовлияние направлений деятельности, не учитывалось поведение отдельных частей социально-экономической системы данной территории, возможности создания условий для саморазвития и предпосылок для дальнейшего устойчивого развития, не определялись наличные и возможные для привлечения ресурсы – как финансовые, материальные, так и кадровые³.

В результате этого многие усилия органов власти и управления оказывали слабое влияние на региональную социально-экономическую систему, не обеспечивали ее устойчивое развитие, а достигнутые результаты не соответствовали вложенным силам и средствам. Подготовленные планы и стратегии были рассчитаны на разные временные интервалы и имели, скорее, эффект информирования возможных инвесторов о состоянии социально-экономической системы субъекта федерации, что, конечно, важно, но недостаточно для развития.

Необходимо подчеркнуть, что недостаточное аналитическое обеспечение стратегического планирования и стратегического управления во многом связано с низким уровнем аналитической подготовки специалистов, с фактическим отсутствием у управленцев достаточного уровня компетенции.

Подготовка высококвалифицированных специалистов, обладающих компетенциями для реализации масштабных проектов в высокотехнологичных и наукоемких отраслях производства, должна носить в деятельности органов государственного управления системный характер⁴.

Подготовка аналитических кадров – это сквозная задача для всех направлений социально-экономического развития. Необходимо реализовать принцип «учиться в течение всей жизни», непрерывного обучения, и создавать такие индивидуальные маршруты для любого специалиста, чтобы он был востребован, чтобы он был профессионалом высокого уровня, чтобы он мог достаточно быстро адаптироваться в меняющемся мире.

¹ Мирошников Сергей Николаевич – к.ф.-м.н., доцент, заместитель директора экспертно-аналитического Центра региональных исследований, Институт «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС. E-mail: miroshnikov-sn@ranepa.ru

Рыбак Маргарита Яковлевна – магистрант Института экономики и управления Самарского национального исследовательского университета, главный консультант Управления реализации программ поддержки и развития предпринимательства Департамента развития предпринимательства, Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области.

² Доклад на круглом столе «Состояние и перспективы развития аналитической подготовки в российской системе образования».

³ Гагарина Г.Ю., Мирошников С.Н. Некоторые вопросы управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации на основе системы стратегического планирования // Управленческое консультирование. 2018. – № 12 (120). – С. 70–90.

⁴ Мирошников С. Н. Проблемы и направления стратегического планирования в региональном развитии // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. – № 4. – С. 61–77.

Вложение средств в подготовку, переподготовку и повышение квалификации аналитических кадров, в исследования и разработки, социальные и образовательные проекты – важнейший элемент системы стратегического развития территории. Их особенность заключается в том, что объект инвестирования и объект получения эффекта не совпадают во времени, что затрудняет оценку их результативности.

При этом необходимо выделить системные подходы в определении системных направлений по подготовке.

Первым из них является стратегическое планирование, приобретающее в последние годы ключевое значение.

Наиболее часто встречающимся подходом к управлению территориальным социально-экономическим развитием в последние десятилетия было долгосрочное (от пяти лет) планирование с использованием программно-целевой модели, ориентированной на разработку и принятие не одного, а совокупности комплексных решений, по становку ключевых целей и задач на разных уровнях и в разных сферах государственного управления.

Несмотря на распространенность применяемых инструментов данный подход дал как положительные, так и отрицательные результаты. Акцент на результатах в ряде случаев позволил повысить результативность управления, однако в большей степени это было характерно для бизнес-структур, направлявших часть полученной прибыли на стимулирование управленцев и исполнителей.

Также можно выделить и иные недостатки данного подхода в планировании и государственном управлении. Среди них слабая согласованность различных программ, несогласованность целеполагания и определения приоритетов в различных программах или сферах деятельности, отсутствие системных механизмов выбора территорий реализации и формирования перечней объектов и строек программы, недостатки финансирования в рамках бюджетного процесса¹.

Поэтому в последние годы применяется новый подход к планированию, направленный на генерирование видения будущего с учетом ресурсов, потребностей, стратегических целей, общественных приоритетов и научных взглядов на пути и способы решения поставленных задач и используемые инструменты.

Такое планирование получило название стратегического и очень широкое распространение. Характерной его особенностью является открытость процесса планирования, широкое использование общественного мнения и интересов бизнес-структур, привлечения экспертного и научного сообщества к разработке стратегий, проектов и программ.

В современных условиях планирование перестает быть исключительным полномочием только органов управления стран, регионов, городов, муниципальных образований. В процесс стратегического планирования обязательно включаются представители бизнес-структур, некоммерческих организаций, в конечном итоге – все жители данной территории. Поэтому важную роль в процессе планирования начинают играть получение и распространение информации, открытость планирования и максимальный учет всех возможных интересов.

Характерной чертой стратегического планирования, отличающей его от иных подходов к долгосрочному планированию, является видение и трактовка будущего. В системе долгосрочного планирования во всех его моделях – программно-целевой, ориентированной на результат – предполагается возможность предсказания, прогнозирования условий, результатов, показателей при использовании экстраполяции существующих тенденций роста и социально-экономического развития.

Система стратегического планирования не предполагает возможности улучшения будущего путем развития существующих тенденций. Более того, она исходит из постулата, что будущее не обязательно будет лучше, но оно будет другим. Анализ видения моделей развития, выбор оптимальных целей, выбор эффективных стратегий достижения, желаемого будущего, и составляют сущность стратегического планирования.

Таким образом, в отличие от планирования «от достигнутого» стратегическое планирование осуществляется «из будущего в настоящее», ориентируется не на существующие тренды деятельности и темпы прироста того, что есть, а на перспективу достижения того, что надо. Это означает определение взаимосвязанных целей как для текущей процессной деятельности, так и для программно-проектной деятельности, ориентированной на результаты развития².

Следует отметить, что применение стратегического планирования и стратегического управления не означает отрицания ранее накопленного опыта государственного управления и планирования.

Применение программного и целевого подходов, индикативного (ориентированного на результат) планирования сохраняется в рамках стратегического управления и применяется при реализации программ и планов развития. Также их использования возможно для обеспечения развития простых систем, которые характеризуются ясно выраженной реакцией на каждое управленческое воздействие. Простые системы представляют собой отдельные объекты управления, либо входят в состав более сложных социально-экономических систем как их составные части.

Государственное управление не может строиться на основе антикризисного управления, краткосрочного и, даже, среднесрочного планирования, в особенности, если акцент делается на бюджетном планировании, ориентированном на реализацию фиксированных процессов. Поскольку горизонт управленческих решений – время реализации наиболее значимых национальных целей – составляет десятилетия, то основой государственного управления должно быть долгосрочное – стратегическое планирование.

Обеспечение социально-стратегического развития российских регионов, как стратегическая задача, направлено на использования новых подходов в управлении, предъявляет повышенные требования к содержанию стратегий, их актуализации, более четкому целеполаганию и позиционированию на региональном уровне с учетом специфики тер-

¹ Мирошников С.Н., Чаркина Е.С. Реформирование государственных финансов: зарубежный опыт и российские проблемы // Российское предпринимательство. – М., 2017. – Т. 18, № 4. – С. 515–532.

² Квинт В. Л. Стратегирование в современном мире. – СПб., 2014. – 315 с.

риторий, акценте на пространственное развитие и социальные задачи. Интересы населения, нужды и запросы людей, являются не менее важными, чем экономическое развитие, реализация инвестиционных проектов.

Такой подход определяет требования к системе государственного управления региональными социально-экономическими системами, основные направления и особенности стратегического планирования в субъектах федерации, делает необходимым внедрение системы стратегического планирования, в которую входит ряд ключевых документов, важнейшим из которых является стратегия социально-экономического развития региона, включающая Стратегию пространственного развития региона, которые служат основанием и источником разработки направлений экономической политики, краткосрочных и среднесрочных программ, приоритетных проектов, определения инструментов и механизмов их реализации, источники и объемы необходимых ресурсов, потребность в привлечении инвестиций¹.

Система стратегического планирования является фундаментальной основой деятельности органов государственного управления субъектов федерации для обеспечения устойчивого и сбалансированного развития, которое понимается как новый этап развития социально-экономических систем, обеспечивающий сохранение достигнутого состояния после снятия управляющих воздействий, приобретение обществом результатов, отвечающих потребностям всех слоев населения².

Имплементация системы стратегического планирования в деятельность органов государственной власти требует использования системных подходов в управлении, предъявляет повышенные требования к содержанию стратегий социально-экономического развития, их актуализации с учетом особенностей территорий и общественных интересов.

Применение данного системного подхода означает принятие новой формы функционирования системы государственного управления, внедрение которой потребует преодоления инерции мышления, изменения функционала органов государственной власти и их соподчиненности, в том числе – в части разграничения полномочий по уровням управления и привлечению инвестиций.

Обеспечение благоприятных условий для инвестиций и предпринимательской деятельности как условия модернизации экономики и устойчивого социально-экономического развития как регионов, так и страны в целом является вторым основным направлением подготовки специалистов-аналитиков.

Повышение инвестиционной привлекательности требует перенастройки государственной политики в отношении социально-экономического развития субъектов федерации, более интенсивного создания новых производств, строительства и реконструкции объектов социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры, развития кластеров, промышленных (промышленных) парков и технопарков, снижения административных барьеров. Также необходимо эффективное использование всех административных, финансовых, технологических и кадровых ресурсов. При этом на первый план выходят не столько вопросы возможностей использования тех или иных ресурсов, сколько наличия у органов государственной власти достаточных компетенций в ответ на вызовы рынка и складывающейся ситуации быстро мобилизовать существующие ресурсы, а также развивать и создавать новые.

В условиях постоянно меняющихся внешних и внутренних вызовов, открывающихся возможностей и угроз необходимо становится внедрение системы стратегического планирования, обеспечение системности, комплексности и гибкости в процессе реализации стратегий развития, на основе постоянного мониторинга, переоценки и переосмысления процессов, связанных со структурой и динамикой социально-экономического развития региона.

Именно поэтому фундаментальной задачей является постоянное повышение качества государственного управления на региональном уровне, включающее оптимизацию системы органов государственного управления и формирование механизма выработки эффективных управленческих решений, в том числе использование системы стратегического планирования и внедрение современных управленческих технологий. Повышение инвестиционной активности, улучшение делового климата, раскрытие инвестиционного потенциала уже традиционно рассматривается в четкой привязке к качеству государственного управления.

Привлечение инвестиций в основной капитал, рост частных инвестиций в общественном секторе, развитие человеческого капитала и развитие инноваций и компетенций должны играть важную роль в деятельности органов государственной власти, предоставлении публичных услуг и развитии социально-экономической инфраструктуры субъектов федерации³.

В инвестиционной сфере взаимодействие государства с частным бизнесом выступает как организационный и институциональный союз между государством, представителями бизнес-сообщества, включая крупный, средний и малый бизнес, в целях совместной и взаимовыгодной реализации планов, программ и проектов, предусмотренных стратегиями развития территории.

Данное сотрудничество имеет большое социальное значение. Развитие взаимодействия власти и бизнеса, создание привлекательных условий для инвестирования, предоставление широкой информации о государственных программах, планах и проектах повышают доверие к власти, обеспечивают привлекательность территории для частного бизнеса.

¹ Мирошников С.Н. Пространственное развитие как основа системного подхода государственного управления территориями // Социум и власть. – Челябинск, 2018. – № 4 (72). – С. 61–67.

² Мирошников С. Н. Деятельность высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в системе стратегического планирования // Федерализм. 2019. – № 2 (94). – С. 20–36.

³ Мирошников С.Н. Государственное управление инвестиционной привлекательностью и инфраструктурным развитием территорий: проблемы и решения // Управленческое консультирование. 2018. – № 9 (117). – С. 29–35.

Привлечение в реальный сектор народного хозяйства страны и ее регионов инвестиций в объеме, необходимом для обеспечения регионального развития, требует активизации сотрудничества власти и бизнеса, наиболее эффективной формой которого являются, по мировому опыту, соглашения, реализуемые с использованием государственно-частного партнерства (ГЧП)¹.

Активность органов государственной власти в использовании для решения задач социально-экономического развития региона государственно-частного партнерства как инструмента реализации стратегических планов, программ и проектов резко различается.

Национальный центр ГЧП проводит оценку деятельности органов государственной власти по использованию ГЧП по трем направлениям:

1) реализация проектов с объемом частных инвестиций более 1 млн руб., соответствующих признакам ГЧП (не зависимо от организационно-правовой формы реализации);

2) развитие институциональной среды;

3) создание нормативно-правовой базы.

Результаты данной оценки приведены в табл. 1.

Таблица 1

Позиции субъектов Российской Федерации по участию в проектах государственно-частного партнерства

Лидирующие		Отстающие	
2017–2018 гг.	2018–2019 гг.	2017–2018 гг.	2018–2019 гг.
Город Москва	Город Москва	Республика Марий Эл	Курганская область
Город Санкт-Петербург	Город Санкт-Петербург	Республика Хакасия	Республика Марий Эл
Московская область	Московская область	Брянская область	Республика Хакасия
Самарская область	Республика Башкортостан	Республика Адыгея	Тверская область
Республика Башкортостан	Самарская область	Республика Тыва	Орловская область
Пермский край	Ханты-Мансийский авт. округ-Югра	Карачаево-Черкесская Республика	Брянская область
Тамбовская область	Новосибирская область	Чеченская Республика	Республика Тыва
Нижегородская область	Пермский край	Республика Ингушетия	Республика Ингушетия
Новосибирская область	Тамбовская область	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Северная Осетия-Алания
Свердловская область	Нижегородская область	Республика Калмыкия	Республика Калмыкия

Источник: составлено авторами по данным национального центра ГЧП

По данным таблицы можно отметить, что на протяжении последних лет лидеры и отстающие среди субъектов федерации в сфере развития государственно-частного партнерства остаются фактически теми же самыми. Это связано с доверием бизнеса тем регионам, в которых начаты и успешно реализуются инвестиционные проекты, а также с появлением и развитием у государственных управленцев компетенций по привлечению инвестиций. При этом в создании нормативно-правовой базы различия регионов минимальны в связи с достаточной развитостью федеральной законодательной основы использования ГЧП. Различия же в реализации проектов и развитии институциональной основы весьма различны и заслуживают отдельного рассмотрения.

Привлекая инвесторов, содействуя реализации региональных инвестиционных проектов, эти организации обеспечивают встраивание стратегий развития ведущих предприятий региона в стратегию долгосрочного социально-экономического развития субъекта Федерации, что является важнейшим направлением развития системы стратегического планирования в регионе. Это обеспечивает встраивание нового и действующего бизнеса в социально-экономическую систему субъекта федерации, обеспечивает ее устойчивое развитие, создает многочисленные положительные позитивные экономические и социальные эффекты, связанные с созданием новых производств, ориентированных на инновации и рост производительности труда, увеличение количества и качества рабочих мест, повышением доходов и качества жизни населения, модернизацией инфраструктуры и повышением эффективности государственного управления.

Третьим системным направлением подготовки аналитиков следует считать развитие малого и среднего предпринимательства (МСП).

Устойчивое и динамичное социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации должно основываться на гибкой и ориентированной на качественные и технологические изменения, адаптивной экономике, направленной на удовлетворение потребностей граждан, предоставления им необходимых товаров и услуг. Обеспечить это можно только при активном развитии малого и среднего предпринимательства (МСП) как инструмента не только подъема экономики и улучшения ее отраслевой структуры, но и фактора социального развития и обеспечения высоких уровней занятости и жизни населения.

В последние годы выявляется положительная и значимая тенденция, которая проявляется в четко выстроенной государственной политике поддержки МСП. Следует отметить, что развитие МСП является не просто отдельным направлением региональной экономики, с учетом отраслевых и территориальных факторов, но и инструментом рефор-

¹ Бухвальд Е.М. Государственно-частное партнерство в экономической политике регионов и муниципалитетов Российской Федерации // Основы государственно-частного партнерства (теория, методология, практика). – М.: АНК ИЛ, 2015.

мирования социально-экономической системы субъекта федерации, важным фактором стабилизации и развитием социальной сферы, повышения качества жизни населения.

Достижение целей по увеличению вклада МСП в экономику и социальную сферу субъектов федерации в рамках решения задач по сбалансированному региональному развитию будет означать стимулирование улучшения местных правил ведения бизнеса и внедрение программ поддержки предпринимательства. Наличие конкурентных федеральных и региональных государственных программ финансовой поддержки региональных МСП является важным инструментом, который способствует продвижению локальных мер и координирует их со стратегическими целями и приоритетами социально-экономического развития субъектов федерации.

Российские регионы очень разнообразны по своим социально-экономическим условиям и требованиям к ведению бизнеса, вследствие чего необходимы изменение и модификация характера поддержки, которую они предоставляют малому и среднему предпринимательству. Есть много примеров местных программ, которые хорошо адаптированы к местным потребностям. Этому могут дать толчок и активные меры органов государственного управления по применению системы стратегического планирования, учитывающей не только глобальные цели, но и такие инструменты их достижения, как развитие МСП¹.

Можно отметить, что в настоящее время в субъектах Российской Федерации развернута сеть организаций, которые сформировали инфраструктуру поддержки предпринимательства, оказания ему информационных, организационных и финансовых услуг. По данным Минэкономразвития России, в регионах создано порядка 700 объектов инфраструктуры поддержки МСП, а общий объем поддержки МСП из всех источников и со всех уровней государственного управления в 2018 году составил более в 240 млрд. рублей.

Проводится активная работа по упрощению административных процедур и снятию административных барьеров в рамках национальной предпринимательской инициативы и улучшения инвестиционного климата в регионах.

Расширены возможности участия МСП в проведении закупок я государственных и муниципальных нужд. Предусмотрена обязанность компаний с государственным участием использовать закупки у организаций МСП в объеме не менее 15%, предусматривается увеличение этого лимита до 25%.

Однако показатели развития малого и среднего предпринимательства, его вклад в общие экономические показатели субъектов Российской Федерации и страны в целом существенно ниже, чем в большинстве не только развитых, но и развивающихся стран.

Субъекты Федерации стали активнее использовать предоставленную им возможность осуществлять дополнительную поддержку МСП, предоставляя им льготы по налогам, поступающим в региональные бюджеты, но уровень развития МСП является неравномерным в регионах страны². Почти половина всех малых и средних предприятий действует в 10 субъектах федерации с наилучшими условиями бизнес-деятельности. По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства на 1.03.2019 г. в их число входят г. Москва (810 469); г. Санкт-Петербург (376 037), Московская область (343 909), Краснодарский край (284 078), Свердловская область (205 024), Ростовская область (178 201), Республика Татарстан (160 856), Новосибирская (147 907), Челябинская (147 384) и Самарская (136 233) области. В основном, это субъекты федерации, включающие в свои территории крупнейшие агломерации страны с высоким уровнем социально-экономического развития, современной инфраструктурой и сферой услуг.

Часть регионов участвует в развитии предпринимательства формально, вследствие чего низкое качество бизнес-инфраструктуры и низкий уровень поддержки препятствует развитию предпринимательской деятельности в качественно новых форматах.

Остаются низкими экспортный потенциал, инновационная и инвестиционная деятельность малых и средних предприятий.

Очень высокой остается неформальная занятость в сфере МСП, что вызвано не только сложными процедурами государственного регулирования, административным давлением, но и высокой фискальной нагрузкой. Следует отметить, что хотя благодаря неофициальной предпринимательской деятельности население регионов получает возможность для трудоустройства, но такая неофициальная занятость связана с низкой производительностью труда, малыми доходами, и неудовлетворительными условиями труда.

Следует отметить, что необходимы более гибкие, адаптированные к интересам и возможностям регионов правила участия субъектов федерации в федеральных программах, расширение диалога между «слабыми» регионами и федеральными органами власти и управления в сфере поддержки МСП.

Это подчеркивает необходимость усиления институционального стратегирования в деятельности региональных органов государственного управления с привлечением к решению проблем развития МСП широкого круга представителей предпринимательской среды, экспертов, ученых и общественных организаций.

Для большего сосредоточения государственной политики на создании возможностей для развития МСП необходимо предпринять активные меры по улучшению качества услуг по развитию бизнеса, предлагаемых в регионах, активно применять и использовать следующие инструменты реализации государственной политики в сфере развития малого и среднего предпринимательства:

– использование системы стратегического планирования и пространственного развития для выделения региональных и отраслевых направлений и точек роста;

¹ Мирошников С.Н., Чаркина Е.С. Города России: инструменты государственного управления развитием территорий (на примере моногородов) // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. – № 1. – С. 23–27.

² Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Малое и среднее предпринимательство как фактор пространственного развития российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. – № 5. – С. 7–24.

- разработки с участием представителей бизнес -сообщества и научных экспертов стратегий и программ развития малого и среднего предпринимательства в рамках документов стратегического планирования;
- создание и совершенствование региональной инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, ее развитие и размещение в малых и средних городах;
- предоставление льгот по налогам в рамках территорий с особыми условиями хозяйственной деятельности, кластеров промышленных (индустриальных) парков и технопарков;
- оказание имущественной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства;
- учет экономической специализации региона, природно-климатических особенностей территории, уровня социально-экономического развития и бюджетной обеспеченности в деятельности субъектов МСП.

Основные обучающие и консультационные услуги должны быть направлены на широкие слои предпринимателей и граждан – как потенциальных предпринимателей, с учетом необходимости существенного повышения количества малых и средних предприятий. Такие основные услуги могут предоставляться за счет предоставления аналитических услуг, расширения ресурсов центров предпринимательства, что требует внедрения дистанционного обучения аналитиков и предпринимателей.

Кроме того, должны предлагаться более интенсивные услуги по развитию бизнеса для компаний с высоким потенциалом роста наряду с финансовой поддержкой, что также определяет значительную востребованность аналитиков, которые могут предлагать расширенный анализ компании, консультации и рекомендации для предпринимателей и руководителей субъектов МСП в области производства, а также наукоемкие бизнес-услуги с определением мер по повышению потенциала роста.

Назаров В.И.

д.т.н., профессор Международного Славянского института

СОХРАНИТЬ ГЕНОТИП РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Ключевые слова: *генотип, национальная идентичность, Русский мир, развитие производительных сил.*

Все феноменальные успехи Русского Народа, изумлявшие весь мир, связаны со специфическим генотипом, сформированным в условиях материнского вмещающего ландшафта для своего естественного предназначения – освоения огромных пространств.

В процессе решения этой задачи за генотипом Русского Человека закрепились такие черты, как высокий патриотизм мужчин, ответственность за свой Род, свою Родину, когда мужчина, как скала в море, противостоит невзгодам, а женщина – хранительница Рода, – является опорой мужчины, способной нести тяготы семьи, – от ведения хозяйства, до защиты его от врагов. Вместе они в соседской общине, являвшейся традиционной формой бытия социума, составляли «тягло», являвшимся стержневым элементом трехпоколенной семьи.

Именно такие семьи, сформированные на основе генотипа Русского Человека, были субъектом регулирования не только на уровне общин, но и в государственной политике, когда, например, Екатерина II стимулировала освоение Дальнего Востока и Русской Америки переселением трехпоколенных семей численностью в 20–30 человек, каждой из которых выдавались для этого 7–8 тысяч рублей серебром.

Стоит ли доказывать, что именно благодаря этим социальным механизмам наш народ достиг грандиозных свершений в освоении огромных пространств в исторически кратчайшие сроки, создал такие формы своего исторического бытия, как Русское Царство, Российская Империя, СССР.

Генотип Русского Человека стал основой для создания коллективных форм трудовой кооперации – общин, артелей, кооперативов, трудовых коллективов и других, объединяющих людей на достижение общей цели при возможности раскрытия индивидуальных способностей, знаний и навыков. Именно благодаря таким формам организации труда в кратчайшие исторические сроки была совершено самое грандиозное строительство в истории Человечества – Транссибирская магистраль, а в период индустриализации – построены тысячи заводов и фабрик, начал реализовываться сталинский план преобразования природы.

Генотип Русского Человека, основанный на понимании равенства всех людей и веротерпимости, позволил вовлечь в общее дело социально-экономического развития все народы осваиваемых территорий, не имевшие до этого перспектив такого развития. Именно эта взаимная заинтересованность народов в общем будущем стала стержнем, соединившим людей в монолит в годы Великой Отечественной войны, мобилировала людей на грандиозные стройки, позволила осуществить амбициозные программы развития.

Генотип Русского Человека ярко проявляется в творческих способностях русских людей, когда за 28 «мирных лет» после Гражданской войны в СССР из глубины малограмотного народа была создана лучшая в мире наука и техническая интеллигенция, обеспечившие прорыв в Космос и к термоядерному синтезу, к созданию наукоградов и подводных ракетноносцев.

Сейчас из нашей молодежи с помощью ЕГЭ и реформы образования пытаются сделать «типовых потребителей» с клиповым мышлением, не способных выстраивать логические цепочки замыслов – конкретики действий. Если такая трансформация действительно случится, то идущее нам на смену поколение не только утратит свой творческий потенциал, но и не сможет воспроизвести уже достигнутый ныне цивилизационный уклад Русского Мира.

Современная среда, сформированная высокой степенью разделения труда и англо-саксонским мировоззренческим фундаментом социально-экономического устройства, основанном на разобщенности и отчужденности людей, воздействует на людей Русского Мира спектром антропогенных факторов, востребующих черты индивидуализма и конформизма, культивирующих эгоизм и беспринципность. В современной городской среде социальные роли мужчины как главы семьи и рода, женщины как хранительницы очага, старшего поколения и молодежи – деформированы по отношению к их биологической сущности, закреплённой в генотипе.

Люди Русского Мира, особенно молодежь, подверглись мощному антропогенному воздействию, которое впрочем, не одержало окончательной победы, поскольку генотип Русского Человека много и часто проявляет себя в поступках, не имеющих корыстной мотивации: это и примеры бойцов в Сирии и на Донбассе, вызывавших огонь на се-

¹ Настоящий доклад продолжает предыдущие доклады, сделанные автором ранее на конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» и имеет целью придание ранее изложенным материалам системной полноты. См.: Назаров В.И. Механизм национального возрождения и развития – доклад частями на ежегодных конференциях – в ежегодных сборниках ИНИОН РАН «Россия: тенденции и перспективы развития» – за 2015 год, вып. 10, ч. 1, с. 123–127, за 2017 год, вып. 12, ч. 1, с. 70–71, за 2018 год, вып. 13, ч. 1, с. 71–74, «Русский Мир, как особая социально-экономическая система» в ежегоднике ИНИОН РАН «Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество» Вып.2, ч. 1. –М., 2019. – С. 90–93.

бя, это и образ Е. Родионова и солдат 6 псковской роты, и многие другие, когда люди принимали самые важные в своей жизни решения невзирая на несправедливость общественного устройства и своих сверстников, «прожигающих свою жизнь» и купающихся в роскоши напоказ.

Как же системно противостоять процессам деградации и сохранить свой генотип?

В современной России десятки тысяч молодых людей с высоким творческим потенциалом эмигрируют из страны, поскольку не могут найти себе применение в существующем спекулятивно-олигархическом капитализме, – в надежде реализовать свой творческий и трудовой потенциал, закрепленный в генотипе.

В современной России тысячи молодых семей делают свой выбор, уезжая из городской среды «на землю» в надежде вновь обрести там генотипически присущие им социальные роли. Однако экономические условия, в которых они сразу оказываются, не позволяют им обустроиться в желаемом укладе быта, поскольку главной особенностью такого семейного хозяйства является его низкая товарность и полная неконкурентоспособность по сравнению с продукцией крупнотоварных производств.

Какими же механизмами обеспечить желаемое людьми социально-экономическое устройство, когда генотипически закрепленные в людях черты и свойства не приходили бы в противоречие с существующей реальностью?

В ранее названных докладах автора раскрывается механизм комплексного развития производительных сил, основанный на волеизъявлении людей, проживающих на каждой территории, в отношении стратегии своего развития и формы её социально-экономического обустройства. Механизм предусматривает, что в форме программы развития каждой территории закрепляются интересы первичных товаропроизводителей как коренных жителей, чьи интересы на свое воспроизводство из поколения в поколение безусловны по отношению к чьим бы то ни было бизнес-интересам. После принятия таких программ представительным органом власти субъекта Российской Федерации они обретают статус регионального закона, обязательного для исполнения всеми уровнями исполнительной власти региона.

В основу указанных программ развития территорий закладывается принцип полноты и рациональности в использовании всех факторов общественного производства: природных ресурсов, средств производства, «человеческого капитала» и финансов, что способно кратно увеличить валовой региональный продукт и сформировать совокупную прибыль региона. Такая совокупная прибыль и является источником поддержания рентабельности первичных малотоварных производителей – в рамках не государственных дотаций, субсидий и субвенций, а взаимосвязей внутри хозяйственного контура территории, обособить который возможно только при создании специального общественного оператора программ развития – либо государственного регионального, либо публичного, но непременно, – в форме некоммерческой организации, не имеющей конфликта интересов с хозяйствующими субъектами территории, вовлеченными в программы развития. Роль такого оператора программ развития – в перераспределении совокупной прибыли между всеми участниками программы, в т.ч. – в обеспечении условий для воспроизводства малотоварных форм первичного сельскохозяйственного производства (родовых поместий, фермерских хозяйств, казачьих станиц и др.)

Указанное социально-экономическое устройство территорий позволит жить традиционным социальным укладом вполне зажиточно, как живут люди «на земле» в странах Европы, где подобные системы обеспечения развернуты на уровне государственного регулирования, чего нет в Российской Федерации. В этом смысле предлагаемый механизм дополняет существующие рыночные отношения недостающим звеном.

Но не только судьба земледельца присуща генотипу Русского Человека, который ярко проявил себя в индустриальном мире с высокой степенью разделения труда.

Как же быть в условиях, когда мир переходит в эпоху «постмодерна», когда деньги начинают расти из денег, а Человек, как основная производительная сила, – теряет в капиталистическом мире своё экономическое значение? В мире современного капитализма Человек, утрачивающий источники своего дохода, – пренебрегаем как нечто ненужное и лишнее, что ведет уже не просто к деградации отношений, а к вырождению Человечества как биологического вида.

Противостоять этому сатанизму может только позитив и созидательная сущность Русского Мира, генотип Русского Человека. Дело в том, что система Русского Мира как новый социально-экономический уклад, основанный не на безудержном росте финансового капитала, а на воспроизводстве народа, возрождает необходимость базиса материального производства, – как основы цивилизационного устройства, – но не на принципах безудержного роста, а самодостаточности, нестяжания и рациональности как основы для устойчивого воспроизводства всех факторов общественного производства.

В крупнотоварном индустриальном производстве также вполне возможна производственная организация, раскрывающая специфические черты ментальности Русского Человека, превращая их в конкурентные преимущества. Так, способность работать в коллективе и желание проявить свои индивидуальные способности, навыки и умения, – вполне сочетаются с процессинговым подходом «Менеджмента качества» по стандартам ISO 9000, когда большие технологические производства разделяются для промежуточного контроля на отдельные участки с жестким контролем входных и выходных параметров продукции и регламентацией технологических операций. Именно такой принцип создает условия технологического обособления для локальных коллективов, в составе которых вполне возможно каждому проявить свои способности без опасения, что его добросовестный вклад растворится в общей массе обезличенного производства. Именно этот принцип может воссоздать вновь рабочие династии, когда специфические умения и навыки вновь будут передаваться от отца к сыну, как трудовой капитал, дающий источник личного благосостояния.

Другим аспектом, создающим условия для раскрытия конкурентных преимуществ генотипа Русского Человека, является устойчивое развитие в форме территориально-хозяйственных комплексов, сбалансированность и устойчивость которых обеспечивается целенаправленным достраиванием утраченных недавно и недостающих ныне составных элементов: отраслевых научно-прикладных подразделений, множества сервисных и вспомогательных структур,

роль которых выполняют ныне зарубежные мировые монополисты. Формируемые территориально-хозяйственные комплексы будут выполнять роль субъекта, выравнивающего межотраслевую и межрегиональную ренту (по К. Марксу), то есть дополняют существующие рыночные отношения недостающим ныне звеном, обеспечивающим устойчивость развития, а не угасания территорий.

Другой важной функцией формируемых территориально-хозяйственных комплексов является стратегическое планирование своего не экстенсивного, а интенсифицирующего развития, что создает условия для целевого финансирования инновационных циклов, в включающих создание научных предпосылок – выработку технологий – их апробацию и внедрение.

Вышеуказанные сектора формируемых хозяйственных комплексов создают условия для яркого проявления творческих и трудовых способностей генотипа Русского Человека, а наука вновь обретает целевые источники финансирования и механизм внедрения своих наработок.

Вышеописанные аспекты предлагаемого механизма развития территории позволяют формировать желаемое для коренного населения социально-экономическое устройство без революционных потрясений, а эволюционно, за счет добровольного вовлечения в программу развития предприятий всех форм собственности благодаря выделению каждому из них секторов наиболее выгодного ведения бизнеса, определенных методами индикативного планирования.

Предлагаемый Механизм позволяет осуществлять развитие территории с привлечением любого необходимого объема финансовых ресурсов, поскольку формирует в лице территориально-хозяйственного комплекса сектор долгосрочного и высоконадежного размещения капитала, хотя необходимость в нем возможна, но не безусловна, поскольку формируемый комплекс имеет генератор прибавочной стоимости внутри себя и вполне может развиваться автономно.

В результате реализации указанного Механизма развития коренное население территорий получает не только возможность жить зажиточно «на земле», но и сохранять традиционные уклады ведения хозяйства, а также реализовать свой личный творческий и трудовой потенциал в структуре современного производства с высокой степенью разделения труда.

Небренчин С.М.

д.и.н., профессор

РОЛЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В СМЫСЛОПОЛАГАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: лингвокультура, безопасность, управление государством, русский язык, стратегия смыслополагания, «мозговые вирусы».

Keyword: *linguoculture, security, state management, Russian language, strategy of meaning-setting, «brain viruses».*

Несмотря на то, что современная Россия существенно уступает по силе и эффективности цивилизационного влияния на события в стране и мире ведущим лингвокультурным системам и, в частности, англосакскому, синотибетскому (конфуцианскому) и иудеохристианскому (библейскому) проектам, тем не менее, русско-славянская традиция смыслополагания сохраняет немалый потенциал возрождения и применения на практике в процессах осмысления, моделирования и проектирования перспектив государственного и общественного развития. Русско-славянская лингвокультура и этнографическая мифология остаются одним из главных сакральных источников воспроизводства глубинных архетипов, смыслов и помыслов, сохранения и поддержания исторической памяти, развития мыслительной деятельности.

В настоящее время Россия крайне остро нуждается как в проведении глубоких научно-исторических и лингвокультурных изысканий, так и в возрождении традиционных школ смыслополагания (фабрик собственных смыслов), инвентаризации источников сакральной мифологии, обретении естественной общенациональной идеологии. Как и известно, образ будущего, его животворящее измерение на животворящем наречии (языке) спасает этнос и цивилизацию от вырождения и исчезновения. «Путеводная звезда» (мечта) и мифы живы, мифотворчество имеют силу до тех пор, пока остаются в количественном и качественном здравии носители лингвокультуры и, в частности, представители русско-славянского суперэтноса. Мифотворчество остается неотъемлемой частью современной лингвокультурной и информационно-культурной жизни. Сознание индивида мифологизировано в том смысле, что ему присуще коллективное осмысление действительности через образы, которым присуща высокая эмоциональность. Идеологические мифы конструируют образы виртуальной реальности, способные полностью заслонить или затмить собой действительное состояние общества.

В настоящее время всесторонний учет русско-славянского лингвокультурного наследия в мыслительной деятельности помогает всесторонне осмысливать органическую взаимосвязь прошлого и настоящего, исследовать характер и содержание цивилизационного генезиса, этнографического мифотворчества, исторических событий и социокультурных процессов, опыт государственного и общественного строительства, грамотно формулировать образ (мечту, идею). Русский язык позволит более эффективно обеспечивать национальную безопасность, суверенитет и территориальную целостность страны, управлять государством и обществом, консолидировать и мобилизовать граждан в интересах страны, во благо нынешних и будущих поколений.

В общей иерархии институтов управления государством и обществом лингвокультурно-концептуальные механизмы и инструменты занимают приоритетное место в обеспечении национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности. Лингвокультурный инструментарий смыслополагания исходит из языковой, лингво- и социокультурной специфики (архетипы, стереотипы мышления, менталитет, глубинные смыслы выживания, мифы, историческая память, идеалы, семейные ценности, знаки и символы, мораль и этика, эпос, поговорки пословицы, образ будущего (мечты), эпос, пантеон героев, почва и народ и др.).

Несмотря на длительные и многократные геодемографические и геоисторические трансформации и деформации, русский язык и его проявления (звуки и слова, смыслы, символы и знаки и др.), сформировавшаяся за многие века уникальная мифологическая система, во многом сохранились и дошли до нас. Космологическое (божественное) измерение земной жизни, метафизические законы природы в отношении человека и общества, не потеряли своей актуальности. Небезызвестное библейское изречение: «В начале было слово, и слово – это Бог...» остается фундаментальным смыслополаганием, так как слова и смыслы программируют дела и поступки людей, обустройство быта и жизни, наполняют содержанием государственную и общественную жизнь, внутреннюю и внешнюю политику. Чем ближе слова и смыслы к метафизическим истокам и первопричинам генезиса и эволюции народа, тем будут более мудрыми решения, правильными и эффективными действия. Нынешняя задача состоит в том, чтобы уникальное лингвокультурное и духовно-историческое наследие должным образом адаптировать к современным реалиям и вызовам, эффективно применить на практике во благо народа, в интересах государства.

Нынешнее отсутствие целостной истории возникновения, становления и развития суперэтноса является одним из наиболее убедительных свидетельств того, что русско-славянского народ продолжает оставаться в глубоком кризисе и катастрофическом состоянии. Отдельные разрозненные летописи, исторические труды и исследования, фрагмен-

тарно раскрывающие различные исторические события и периоды жизнедеятельности народа (нашего Рода), не дают полной и объективной исторической картины. Ситуация усугубляется наличием огромного числа фальсифицированных источников, которые призваны скрыть истинную правду о генезисе русского народа. Тысячелетняя история изобилует примерами навязывания автохтонным народам страны пагубных идей, концепций и проектов, заимствованных извне, во многом искусственных, которые изначально были нацелены не на процветание страны и общество, а на продвижение во власть чужеродных сил, решение геостратегических задач в интересах внешнего влияния.

В этом контексте задача восстановления лингво- и историко-культурного наследия выходит на первый план. Вместе с тем, стратегическое смыслополагание должно исходить из того, что исторический генезис русско-славянской цивилизации естественен, органичен и непрерывен в своем противоречивом развитии. Всякое противопоставление друг другу его отдельных периодов и эпох, в частности, языческого – христианскому, православно-славянского – коммунистическому, советского – либеральному и «путинскому», носит контрпродуктивный характер и подрывает целостность единого русско-славянского цивилизационного измерения прошлого, настоящего и будущего¹.

Возвращение к историческим истокам является еще одним важнейшим направлением возрождения мифологической системы и лингвокультуры. Поэтому историческое просвещение населения должно начинаться с малых лет, однако эта работа требует особой ответственности и грамотности. Дело в том, что в геостратегической кладке общего обустройства российской государственности и общества немало сомнительных исторических фактов, нуждающихся в пересмотре и их замене. Однако целесообразно крайне осторожно освобождаться от разного рода измышлений, подтасовок, лжи и фальсификаций, чтобы не обрушить наш общий дом. Возможно, следует со сменой столицы и переносом ее функций в другой город приступить к закладке фундамента и государственной конструкции на более прочном «цементе» исторических фактов, исключительно на историко-культурной правде и идеалах возрождения государства и общества.

Природный русский язык является ключом к восстановлению и развитию русско-славянского смыслополагания и мифотворчества. Поэтому анализ лингвокультурных сущностей человеческого бытия не может ограничиваться даже тысячелетним периодом эволюции языка и мифосистемы. Необходим поиск и тщательный анализ научных трудов и специалистов в этой сфере, что позволит провести качественную инвентаризацию мифологического наследия, адаптировать его к современным реалиям и потребностям государства и общества. По мнению Олега Розанова, «любое общество основывается и поддерживается усилиями мифотворцев, талантливых сказателей и пророков»². Возрождение мифологического наследия и восстановление института национальной знати невозможно без передачи из поколения в поколение сакральных знаний. Таким образом, можно будет приступить к тому, чтобы начать информационно-пропагандистскую работу по внедрению и распространению азов традиционного смыслополагания и мифотворчества на государственном уровне.

В настоящее время чтобы успешно противостоять массовым «мозговым вирусам» и «ментальным эпидемиям», которые навязываются не только извне, но и идут от прозападных элит в России, необходимо обладать здравым рассудком и устойчивым иммунитетом как физическим и психологическим, так и интеллектуальным, духовным здоровьем. Устойчивость и невосприимчивость к массовым враждебным нападкам, «зомби технологиям» вырабатывается, что называется, с молоком матери, в процессе самого обретения здоровой наследственности, поддержания ментального здоровья в семье, воспитания в себе высоких морально-психологических и интеллектуальных качеств. Создание и развитие уникальных школ традиционного смыслополагания применительно к современным вызовам и угрозам превращается сегодня в самую актуальную задачу интеллектуального обеспечения национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности страны. При этом трудно переоценить роль русского языка как сокровищницы уникальных историко-культурных смыслов и лексико-семантических пластов, способных положительно влиять на ментальное здоровье нации. Только язык глубоких исконных смыслов может успешно противостоять «медийной наркомании», способствовать консолидации общества, укреплению государственности³. Одновременно необходимо не только возрождение культуры речи, но и очищения языка от ненужных и вредных иностранных заимствований. Важно не допустить того, чтобы русский язык постигла участь английского в США, где он практически утратил свои изначальные лингвокультурные свойства под влиянием американской политики микса (смешения) народов, культур, смыслов и символов.

Таким образом, современная национальная идея мало чем отличается от того, как она формулировалась нашими предками – это выживание и самосохранение народа в эпоху глобальных вызовов и угроз, его возрождение и процветание, мирное сосуществование с другими цивилизациями и государствами. В самые кризисные моменты истории предкам было «не до жиру, быть бы живу». Эта пословица сохранила свою актуальность и в наши дни. Россия в очередной раз в своей истории оказавшись в положении осажденной крепости, вынуждена решать задачу выживания и самосохранения. И, конечно же, мечтать о возрождении, потому как сегодня одни в России просто жируют, другие, а их большинство, довольствуются чем-то очень малым или совсем незначительным, даже не рассчитывая получить что-нибудь большее.

Русско-славянская мифология учит, чтобы преодолеть беду, нынешний глобальный кризис необходимо предельно образ будущего, исправить и восстановить матрицу смыслов и сделать ставку на ментально-духовное предопределение народа, его коллективное бессознательное. По оценкам российских экспертов, как и в прежние времена, преобразование России произойдет под воздействием обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажорных), когда элиты и

¹ Небренчин С.М. Русский язык безопасности. – М.: МСАНОИиК, 2019. – С. 172.

² Розанов О. Мифология русской мечты // Завтра. – М., 2019. – № 2, январь. – С. 3.

³ Там же.

народ во имя спасения и самосохранения будут вынуждены действовать сообща, «на ходу» обретая утраченные смыслы, символы и знаки. По имеющимся предсказаниям, Россия уйдет от своей искусственной ложной раздвоенности «Россия – Третий Рим» между Европой и Азией, уйдет от масонской символики государственных атрибутов и, в частности, формата и цвета флага. Исконным смыслом Руси остается «Свет с Востока», от которого рождается день на Земле. По мнению небополитика Андрея Девятова, крайне важно «оседлать» набегающую волну космических энергий и за счет прорыва к «природоподобным» технологиям обрести «великую мощь» уже в обозримом будущем¹. И тогда, как считает Владислав Сурков, «и через много лет Россия будет государством Путина», у него «в новом веке будет долгая и славная история»².

Общее языческое происхождение, их близкие друг другу духовно-исторические скрепы, историческая солидарность в борьбе с внешними враждебными силами, общие здравые помыслы народов России могут помочь консолидироваться российскому многонациональному обществу в интересах государства, во благо народов. Метафизический подход о единстве природы и человека, макро- и микромиров может содействовать примирению и большему взаимодействию различных этно-религиозных подходов к жизнеустройству в России. По словам известного ученого А.Л. Чижевского: «Бог – это свод законов Природы в отношении человека и общества, и вне человеческих возможностей изменить действие законов, но знание их позволяет избегать многих бед...»³. И действительно, Бог как великий и непревзойденный космический разум спрограммировал и сотворил на Земле неповторимое разнообразие фауны и флоры, установил свое «вселенское законодательство», которое до сих пор управляет всем живым на Земле.

В данном контексте в нынешних условиях общенациональное мировосприятие органически включает в себя еще одну не менее актуальную задачу дня – это сохранение и защита естественной среды обитания как главного источника жизни на Земле. Таким образом, в общенациональном смыслополагании приоритетными ценностями, способными примирить, объединить и консолидировать все народы и национальности России, являются уникальные экологокультурные смыслы и ценности страны, которые исторически возникли и сложились в рамках освоения естественной среды обитания в определенных природно-климатических условиях человеческого бытия.

Важное направление в деле создания предпосылок самосохранения и развития народа – просвещение населения и, прежде всего, подрастающего поколения, вооружения его глубокими, в том числе сакральными знаниями, конкурентоспособным мировоззрением, устойчивым иммунитетом к чуждым и ложным мифам и смыслам, символам и знакам, надежной навигацией в море виртуальной фейковой информации. Сегодня крайне важно вернуться к советскому опыту формирования человека-творца и управленца одновременно и отказаться от пагубной образовательной практики готовить квалифицированных по требованию творческих других..., заимствованной на Западе⁴. Просвещение должно осуществляться в одном ряду с патриотическим воспитанием подрастающего поколения и вовлечением его в занятия физкультурой. От уровня и степени распространения лингвокультуры в стране и мире зависит влияние ее носителей в лице государственных и общественных институтов власти на проектирование перспективного развития, обеспечение национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности, глобальные и региональные процессы в мире.

В настоящее время идут изыскания по поиску национальной идеи, без которой страна и народ не могут иметь долгосрочных перспектив. По оценкам специалистов, без мифологических представлений о коллективном прошлом и будущем любое общество атомизируется и распадается. В современных условиях «русская мечта» трансформируется, но не может быть филиалом западной (чужеродной – авт. С.М.Н) идеологии. Она, по словам Валерия Коровина, должна разделять материально-технический прогресс и существование сакральной мифологии «базовых архетипических неизменных вещей»⁵. И вполне объективно, что новая мировоззренческая парадигма должна унаследовать все, что сегодня может быть востребовано из богатой и уникальной мифологии русско-славянского народа, который составляет этническое большинство народонаселения современной России. Возрожденная мифология не может не учитывать мифы и смыслы, знаки и символы других автохтонных народов России, которые также имели языческое происхождение, а потому могут быть консолидированы в рамках общего прошлого, настоящего и будущего. Нынешняя задача состоит в их реанимации, реставрации и возрождении применительно к современным реалиям международной и российской жизни, так как от этого зависят безопасность, будущее седьмой части суши.

¹ См.: Девятов Андрей. Парус надежды. – <https://devyatov.su/articles/251-nebopolitika/65062-parus-nadezhdy>

² Иванов А. Владислав Сурков: И через много лет будет государство Путина // КП. 2019. – 12 февраля. – С. 7.

³ Политазбука кризиса. – <https://cyberleninka.ru/article/n/politazbuka-krizisa>

⁴ См.: Речь Фурсенко на Селигере. – <http://forum.kob.su/showthread.php?t=9056>

⁵ Коровин В. Мифология русской мечты // Завтра. – М., 2019. – № 2, январь. – С. 3.

Нусратуллин В.К.

д.э.н., профессор, Башкирский государственный университет, гл.н.с. Института экономики, финансов и бизнеса, г. Уфа

nvk-ufa@rambler.ru

Нусратуллин И.В.

к.э.н., доцент, Башкирский государственный университет

nusratullin.iv@gmail.com

МЕГАТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПЛАНЕТАРНОГО БУДУЩЕГО

Ключевые слова: глобальные противоречия современности, социально ориентированное общество, социальная рыночная экономика, антиолигархическое протестное движение, общецивилизационное развитие.

Keywords: global contradictions of the present, socially oriented society, social market economy, anti-oligarchic protest movement, general civilization development.

Глобальные геоэкономические и геополитические противоречия современности в развитии человечества

Предварительно отметим то обстоятельство, что по мнению специалистов, человечество в ближайшем будущем ожидает среди других достаточно сложные геоэкономического масштаба проблемы:

- 1) перенаселенности планеты;
- 2) обостряющийся недостаток ресурсов;
- 3) экспансия искусственного интеллекта;
- 4) нарастание тенденции сокращения рабочих мест и т.д.

В соответствии с этими формирующимися проблемами отдельные футурологи считают, что человечество ожидает нерадостное будущее, нарастающие противоречия между разными группами населения. В частности, между элитарными его прослойками и широкими слоями.

Однако можно задать вопрос: В чем же главная причина этих противоречий?

Она, на наш взгляд, состоит в следующем: во-первых, в локального характера противоречиях национальных элит со своим национальным же народонаселением; во-вторых, между мировой элитой и мировым сообществом людей – мировым народонаселением.

Суть возникших противоречий и их главная причина заключается, в первую очередь, в том, что указанные элиты, определив и просчитав будущее планеты с учетом как объективных (не зависящих от действий людей), так и субъективных причин и обстоятельств (с учетом деятельности людей), формирующих это будущее, сделали соответствующие выводы и наметили комплекс мероприятий по их преодолению, а то и по предотвращению негативных из них в пользу позитивных. Однако, что интересно, это то, что в основе этих мероприятий лежит то обстоятельство, что власть предрешающая элита каждая на своем уровне функционирования предполагает решение указанных и других злободневных планетарных проблем лишь «со своей колокольни», то есть лишь в рамках своих сугубо эгоистических интересов, совершенно не заботясь о судьбе великого множества наций и народов, населяющих планету. Соответственно, элиты, озабоченные претворением в жизнь только своего сценария планетарного будущего, никак не раскрывают перед широкими слоями мирового населения тонкостей своих планов на это будущее, в том числе содержащих негативные сценарии их развертывания. И в большинстве своем элита не только не раскрывает свои планы, но и, самое главное, желает реализовать их без участия в их реализации широких слоев «простых» землян. Однако, заметим, последние, обладая высоким коллективным интеллектом также все просчитывают и в основном просчитали уже это будущее, в первую очередь те оттенки его, которые непосредственно касаются их. Соответственно, они реагируют на ожидаемый негативный сценарий развертывания событий и отвечают на него массовыми выступлениями, хотя пока преимущественно не организованными, причины которых элиты зачастую сводят к заурядным бытовым проблемам, подобным повышению цен на бензин и т.п.

Главная причина такого развертывания геополитических событий состоит, на наш взгляд, в том, что для так называемых элит, возмнивших себя судьбоносными вершителями планетарного будущего, мировое народонаселение оказалось не нужным балластом и обузой. По их «элитарному» мнению, это будто бы произошло в связи с потерей широкими слоями населения своего былого значения в качестве фактора общественного производства. Теперь люди – носители естественного интеллекта – могут быть, по их намерениям, заменены носителями искусственного интеллекта – роботами. Не есть ли это попытка со стороны олигархической элиты прямого воплощения в жизнь откровенного социал-дарвинизма в практике мирового общецивилизационного развития? «Некоторые современные сторонники социал-дарвинизма ... считают, что естественный отбор в чистом виде действовал ... более 100 лет назад, но затем в

результате успехов в развитии науки и техники борьба за существование ослабла, и создалось такое положение, что стали выживать не только наиболее приспособленные, но также и те, кто в прежних условиях был бы обречен на вымирание. В усиленном размножении этих «неполноценных» пропагандисты таких теорий видят корень почти всех социальных бед. Здесь социал-дарвинизм смыкается с расово-антропологической школой в социологии»¹.

Как следствие, сегодня практически вся планета покрывается сетью очагов протестного движения со стороны широких слоев мирового населения против претворения в жизнь планов олигархической элиты, формируя, в том числе, и достаточно серьезные и активные очаги сопротивления. Например, в виде массового движения «желтых жилетов» во Франции, формирования и разгула вооруженных действий со стороны ИГИЛ, стихийного передвижения по территориям многих развитых стран сотен тысяч кочующих мигрантов, требующих удовлетворения своих социальных прав и свобод.

Все акции протеста против планов и деятельности элит имеют тенденцию к расширению в соответствии с нарастающим пониманием народными массами последствий реализации планов элит по отношению к ним. В соответствии с этим нарастает психоз и накаляется психологическая обстановка как в отдельных странах, так и во всем мире и не только среди «простого люда», но и среди самих элит. Отсюда, как следствие, возникновение со стороны «низов» общества и мирового сообщества стран повсеместных случаев расстрелов одноклассников одноклассниками, иногда довольно масштабных неорганизованных террористических актов против своих же совершенно безвинных сограждан и т.п.; со стороны «верхов» – провоцирование и стимулирование, якобы, упреждающих мер межклассовых, межнациональных, межконфессиональных столкновений в разных точках планеты, соответственно «выращивание» национальных и иных лидеров формирований зачастую бандитского толка, нагнетание мирового военного психоза, создание всякого рода био химических лабораторий, предназначенных для массового уничтожения людей, и др.

И если не изменить такую паническую психологическую обстановку в отдельных странах и на планете в целом на обстановку нормальной спокойной встречи приближающегося будущего со всеми его негативами и, безусловно, позитивами, то планетарное человеческое общежитие ожидают еще большие невзгоды, чем перечисленные.

В условиях критического состояния цивилизационного развития возглавить переформатирование целей и создание условий их достижения, безусловно, должна общемировая элита, но совершенно иного свойства, иного состава, с иным поведением в отношении широких слоев мирового населения. На наш взгляд, с организацией и реализацией жизнеутверждающих перспектив развития человечества сможет справиться лишь одна элита – это элита производительного класса², но только в случае достаточно полной реализации народовластия в системе национальных и мировых властных структур.

Соответственно, предназначением элиты производительного класса явится решение встающих перед миром задач, во-первых, в масштабах всего общецивилизационного пространства планеты; во-вторых, раскрытием всех перспектив и планов по восприятию будущего и адаптации к новизне всесторонних его аспектов перед всем составом широких слоев мирового населения; в третьих, с привлечением к реализации этих планов тех же самых широких слоев мирового населения на основе разработки и формирования планов и программ с их ресурсным наполнением духовно-интеллектуальными, материально-вещественными и иными ресурсами по преодолению всевозможных негативов наступающего будущего всего планетарного населения; в-четвертых, построением путей и способов преодоления всех разнообразных невзгод и проблем вхождения в планетарное будущее не для единоличной какой-либо группы избранных, а для всего состава широких слоев мирового народонаселения; в-пятых, организованно возглавить все мероприятия по преодолению проблем будущего.

Соответственно такие действия по решению указанных задач в русле понимания назревающей сложной обстановки в мире, необходимости ее позитивного преодоления всем планетарным сообществом людей на основе разработки эффективных и кратчайших путей решения должна и сможет осуществить лишь, повторяем, планетарная элита производительного класса с обеспечением прочной связки со всем планетарным же народонаселением. Только тогда психологическая обстановка в мире изменится в положительную сторону и сменится тенденцией общемирового сотрудничества всего сообщества людей возможно даже на мобилизационной основе преодоления всех проблем в условиях демократически организованного планетарного «общежития» людей.

Иначе, на наш взгляд, неизбежна финальная перспектива прекращения жизнедеятельности людей на планете Земля в случае претворения в жизнь существующих планов планетарной олигархической элиты.

Есть ли возможность предотвратить такой финал и обеспечить сохранение стабильности в мире, соответственно, в нашей стране и ее регионах? На наш взгляд, такая возможность есть, если нацеливаться на разработку и исполнение соответствующих упреждающих мер, начиная, в первую очередь, с выявления реалий сегодняшнего дня и в соответствии с ними построения диспозиции общественных сил для определения и исполнения их текущих и перспективных задач. В теоретическом отношении здесь проглядывается следующее:

¹ Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – С. 440–441.

² Производительный класс – широкое профессиональное сообщество людей – непосредственных участников общественного производства в качестве его личного фактора, объединенных совместной общественно-трудовой деятельностью по производству материальных благ. В субъективно-личностном плане объединяет в себе представителей научно-технической, творческой, управленческой интеллигенции, предпринимательства, квалифицированного наемного труда. Сравните с: «Абсентеистский класс (в относительном приближении – олигархат) – прослойка людей в обществе, состоящая из отсутствующих своим деятельным участием в качестве личного фактора в общественном производстве собственников фиктивного капитала». См.: Нусратуллин В.К., Нусратуллин И.В. Evolutionary theory of economic development. – Raleigh: Lulu Press, 2016. – P. 31.

1) в первом случае должно быть изменено классовое видение структуры общества и мирового сообщества в соответствии с критерием участия отдельных классов и прослоек людей в общественном производстве. Все участники общественного производства, фактически представляющие средний класс общества, должны консолидироваться в одном лагере («стане») в противоположность уже существующей консолидации «не участников» в другом лагере, с выявлением истинной роли вторых в системе распределения доходов и благ в обществе и мировом сообществе стран;

2) задачи распределения доходов и благ должны перестроиться и решаться в пользу первой, а не второй половины общества, как это происходит в настоящее время, с целью сохранения и совершенствования общемирового общественного производства как решающего условия успешного преодоления негативов будущего;

3) в условиях сокращения рабочих мест в I–III сферах занятости должно быть осуществлено эффективное решение проблем расширения четвертичной сферы занятости как сферы, отпочковывающейся из третичной сферы услуг в направлении развития духовно-интеллектуальных услуг занятости. Это – отрасли: науки и образования, медицины и здравоохранения, культуры и искусства, физкультуры и спорта;

4) в преддверии всеобщей автоматизации производства должен быть положительно решен вопрос об обеспечении доходами и благами населения по альтернативным каналам от труда и от собственности с сокращением социальной поляризации децильных групп населения за счет прогрессии в налогообложении, социальной защиты низкодходных слоев населения и т.п.

5) должно быть выяснено, куда идет весь мир, каковы перспективы развития мирового человеческого общежития и какие из них реальны и должны быть реализованы человечеством на практике формирования будущего.

На наш взгляд, мир в этом отношении в рамках всех своих национальных государственных образований должен нацеливаться и стремиться в сторону формирования гармонично функционирующей планетарной совокупности социально ориентированных стран с развитыми социально направленными рыночными экономиками и демократически выстроенными структурами народовластия, в реальности «глобализируя» понятие «социально ориентированного общества с социальной рыночной экономикой».

Объективная сущность развития общецивилизационных общественных процессов современности. Прежде всего, касаясь России, отметим то, что стержнем всей деятельности Запада по отношению к нашей стране является ясно очерченное намерение ее дальнейшего хищнического разграбления. Это – предельно концентрированное выражение паразитизма мирового абсентеистского класса, как классово антигуманного и антицивилизационного явления, а также наиболее глубоко выраженное проявление его противоречий с производительным классом, его созидательным общественно-политическим, социально-экономическим, культурно-историческим и т.д. предназначением, в чем и выражаются сущность и функции общецивилизационного ядра биологического и социального рода человечества. Абсентеизм же, напротив, является антонимом созидательного явления присущего производительному классу.

Соответственно лидерам (элите) производительного класса необходимо, на наш взгляд, разрабатывать собственные методы консолидации и противодействия действиям абсентеистов, привлекая и известные подходы в области протестного движения, например, активизацию партийного, профсоюзного движения и других форм общественно-политической деятельности, включая стачки, забастовки и т.д. и т.п., учитывая при этом то, что у абсентеизма, как класса, имеются мощнейшие ресурсы, во-первых, деньги или финансово-экономическая власть; во-вторых, административная власть в пределах обслуживающих его интересы надстроечных структур общества; в-третьих, масштабная цель, вдохновляющая его во имя обеспечения абсолютной власти абсентеистского класса как финансово-экономического и социального паразита.

Однако надо отметить, что именно в этих обстоятельствах состоит объективная сущность развития общецивилизационных общественных процессов современности, которую зачастую пытаются скрыть под толщей субъективизма в обществоведческих концепциях и субъективистского толка конспирологических теориях.

Об идеологических оттенках современного антиолигархического протестного движения. В настоящее время у граждан России, судя по многочисленным заметкам в Интернете, складывается такое впечатление, что люди теряют ощущение смысла жизни, как бы в предвестии апокалипсиса, наступление которого усиленно нагнетают СМИ, в первую очередь, в Интернет.

Взять, к примеру, нас – работников науки. Занятие наукой в настоящее время обрастает такими препонами, что порой кажется, что нет никакого смысла заниматься ею. Конечно, исключая те ее отрасли, которые непосредственно связаны с оборонно-промышленным комплексом и разработкой проблем продления жизни, понятно, что в интересах олигархов (абсентеистского класса). Одновременно, как было сказано, СМИ усиленно «промыывают мозги» нашим гражданам, убеждая, что у нас все прекрасно, а у них (в зарубежных странах) все плохо. А когда граждане знакомятся с фактами прямо противоположного характера, то эта информация очень часто способствует росту апокалипсических настроений, расширяя ощущение утраты смысла жизни.

И все это происходит при нашем полном безмолвии относительно тягот, лишений и невзгод не столько сегодняшнего дня, сколько нашего будущего и особенно будущего наших детей и внуков. И именно это зачастую вносит пессимизм в настроение людей, который и усиливает указанное ощущение утери смысла жизни.

Соответственно, людей все более охватывает общественно-политическое настроение не эволюционного движения вперед, а революционного решения вопросов сегодняшнего дня и будущего оптимистического развития. Это видно по все более активной поддержке протестных антиправительственных акций со стороны широких слоев населения. Причем, совершенно по безобидным поводам. Взять, например, недавние протесты в связи с выдвижением, вернее, невыдвижением кандидатов оппозиционного блока в Московскую городскую Думу.

В связи с указанным грешны и мы – авторы этого материала, которые разрабатывали и разрабатывают проблемы эволюционного вхождения России и мира в социально ориентированную эпоху общецивилизационного развития¹, которое, однако, должно было бы идти под эгидой интересов производительного, а не абсентеистского класса. Грешны тем, что появились сомнения в справедливости тезисов эволюционного развития. Не правы ли и сегодня классики марксизма-ленинизма в лице отдельных своих последователей, призывающих угнетенные массы к революционному преобразованию существующего олигархического (абсентеистского) строя с установлением власти трудящихся в лице пролетариата и рабочего класса. Именно пролетариата и рабочего класса, а не производительного в целом, поскольку по заветам В.И. Ленина из предпринимательской составной части производительного класса, как «птица Феникс», может, якобы, возродиться все та же олигархо-бюрократическая прослойка самых злостных эксплуататоров производительного (трудящегося) класса.

То есть получается, что жизнь как бы подсказывает неизбежность пролетарской (по выражению классиков) революции с тем, чтобы ниспровергнуть олигархо-бюрократическую власть и установить общенародную. Однако оставив мысли в этом направлении то обстоятельство, что при таковой «общенародной» власти под эгидой «пролетариата» неизбежно возникновение тоталитарной административной власти в форме, так называемой «диктатуры пролетариата». И что тогда? То есть что мы тогда будем иметь, если заранее знаем, согласно азам теоретической экономики, что тоталитаризм любой власти как административной, так и экономической при любой формации с неизбежностью ведет к превращению их в монополию абсолютной (административной вкуче с экономической) власти, что непременно будет иметь следствием притеснение малоимущих и безвластных в тоталитарном смысле прослоек населения, которые с легкостью могут перерасти в масштабное порабощение широких слоев населения.

Заметим, что такая тенденция абсолютизации власти отчетливо прослеживается и по неравновесной модели экономики (рис. 1) По ней видно, что мощной движущей силой развития экономики и общества является двоякая сила. Первая – со стороны производителей товаров, стремящихся к наибольшей экономической прибыли, вторая – со стороны потребителей товаров, стремящихся максимизировать свой потребительский доход.

Эта сила оказывается постоянно действующей тенденцией, направляющим вектором и законом развития экономики (и общества). И эта тенденция оказывается главным экономическим законом, руководящим действиями как товаропроизводителей, так и товаропотребителей, направленным на вывод экономики (и опять-таки общества) из какого-либо состояния равновесия, равенства или самоуспокоенности вопреки утверждению А. Смита о признании равновесного характера экономики, ее стремления к равновесию. А. Смит «равновесное состояние ... считал от природы присущим рынку, который устранял любые случайные отклонения благодаря автоматическим регуляторам»².

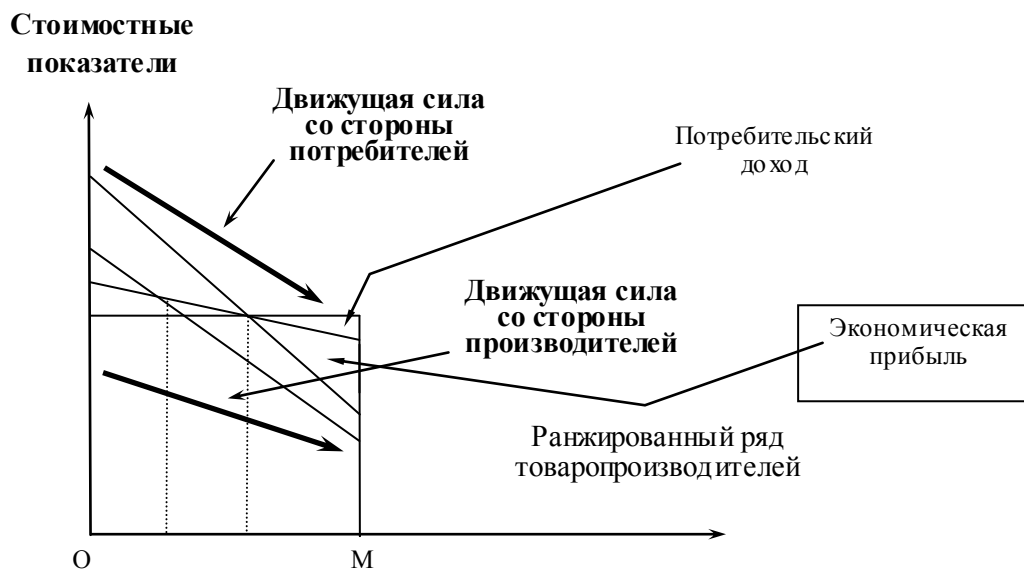

Рисунок 1.
Движущие силы в неравновесной интерпретации экономики (стрелки на рисунке)

Однако в соответствии с положениями «Неравновесной экономической теории» указанный экономический закон стимулирует неравновесные состояния и неравноправные отношения в экономике и обществе, тем самым оказываясь фактором безусловной монополизации экономики с последующим установлением неограниченной экономической власти в обществе. С другой стороны, эта тенденция при известной коррупционной составляющей оказывается и фактором усиления административной власти с последующим приобретением последних признаков тоталитаризма, переходящим в абсолютизм обеих ветвей общественно-политической власти в обществе и возможно, если смотреть далее, в мировом сообществе стран.

¹ См.: Нусратуллин В.К., Нусратуллин И.В. Evolutionary theory of economic development. – Raleigh: Lulu Press, 2016.

² Цит. по: Равновесие и неравновесие социально-экономических систем / Под ред. А.И. Добрынина, Д.Ю. Миропольского. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 1998. – С. 5.

Таким образом, экономика и вслед за ней общество в соответствии с их графическим отображением в виде неравновесной модели устроены так, что наиболее успешные их субъекты перестраиваются в ее правую часть, а менее успешные и неуспешные зачастую ввергаются в банкротство и постепенную гибель (в финансово-экономическом смысле), что происходит при их попадании в левую часть. И это происходит в рыночных условиях развития экономики и общества под неусыпным вниманием «невидимой руки» А. Смита.

Ясно, что если бы в экономике не действовали другие законы¹, сдерживающие действие этого главного закона, то она немедленно пошла бы «в разнос», то есть в неуправляемое разрушительное состояние, которое, в конце концов, поглотило бы все исходные природные ресурсы, приведя экономику к ресурсно-энергетическому коллапсу быстрее, чем общество научилось бы добывать искусственные энергию и ресурсы в достаточной мере. Тем самым экономика и общество без их притока пришли бы в состояние «закрытой системы», в которой согласно второму началу термодинамики происходило бы нарастание энтропии, беспорядка, хаоса, необратимо приводящее к окончательному развалу экономики и общества. Да, тогда действительно будет достигнуто равновесие, но равновесие покоя, означающее всякое отсутствие экономической и иной жизни.

Что же может противостоять этой неотвратимой тенденции в развитии экономики и общества при их рыночном устройстве? Единственным фактором противостояния тенденциям монополизации как экономической, так и административной властей является, на наш взгляд, система государственного устройства и управления на основе демократических принципов управления, починенных воле народа (широких слоев населения). Речь идет, в первую очередь, о принципе демократического централизма, на базе которого можно было бы преодолеть рыночные тенденции усиления монополизма как административной, так и экономической властей.

Однако общественно-политическая «закавыка» состоит в том, кто же в субъективном плане смог бы реализовать в нашем обществе этот принцип в рамках эволюционного изменения государственного строя олигархо-бюрократической власти в общенародную демократическую власть. На наш взгляд, таким человеком мог бы стать в нашей стране сам действующий президент, имеющий громадный положительный опыт государственного управления и который уже показал себя умелым, решительным главой нашего государства. И на него, безусловно, могла бы быть возложена задача организации и осуществления эволюции экономики и общества в указанном направлении, хотя он, по существу, и так этим занимается. Если же говорить о другой форме решительных преобразований экономики и общества, то надо вести речь не о пролетарской революции, то есть революции снизу, а о революции сверху с опорой на передовую общественность нашей страны. Однако, в любом случае – либо эволюционного преобразования олигархо-бюрократического общественного строя в демократическое общенародное государство, либо революционного – выход для России и человечества в целом будет состоять в возложении на нашего лидера роли субъекта ожидаемых преобразований в пользу построения социально ориентированных общества и мирового сообщества. Поэтому российскому народу остается единственное – поддержать его в его же усилиях по построению общенародного и общемирового социально ориентированного общества.

О теоретико-методологической платформе консолидации протестных сил российского общества. В этом отношении сразу же подчеркнем, что в настоящее время в свете консолидации протестных антиолигархических сил России, безусловно, надо уходить от марксистско-ленинской платформы организации протестного движения вокруг так называемого пролетариата с тем, чтобы затем не подвести его на плаху революционной гильотины с отсечением всяких перспектив прогрессивного развития при нынешней беспринципности и ресурсной обеспеченности правящего абсентеистско-олигархического класса.

Что касается разного рода этнических (национальных), а также конфессиональных (религиозных) идеологий в решении той же задачи консолидации протестного антиолигархического движения надо сказать, что они, на наш взгляд, наоборот, работают на разъединение указанных сил и более того используются абсентеистскими структурами общества в качестве инструмента противодействия консолидации протестных сил. В этом плане ими могут быть применены любые политические инструменты, в том числе и со всякого рода мистической, эзотерической и т.п. насыщенностью, но паниковать в этом отношении и видеть эти инструменты непреодолимым препятствием на пути консолидации производительного класса в борьбе за свои интересы было бы «недиалектично, ненаучно, ... неверно», как в свое время подчеркивал В.И. Ленин, хотя и по другому поводу². С точки зрения материалистической диалектики к оценке происходящих в обществе политических и геополитических событий всякого рода их мистическое толкование во имя дальнейшего развития серьезной фундаментальной наукой не может быть не отброшено.

Однако есть ли иная, более светлая и более соответствующая нынешнему беспокойному времени альтернативная общественно-политическая платформа, на основании которой было бы перспективнее объединение протестных сил российского общества? Мы отвечаем на этот вопрос положительно, и в нашем видении эта платформа в первую очередь, касающаяся диспозиции, противостояния и политической борьбы основных политических классов – производительного и абсентеистского достаточно подробно излагалась во многих публикациях авторов³.

¹ См.: Нусратуллин В.К. Неравновесная экономика: Монография. 2-е изд., допол. – М.: Компания Спутник+, 2006. – С. 90–91.

² «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» [Ленин В.И. О брошюре Юниуса // ПСС, т. 30. – С. 6].

³ См., например: Нусратуллин В.К., Нусратуллин И.В. О перспективах развития гражданского социально ориентированного общества в России // Проблемы современной экономики: Евразийский междунар. науч.-аналитич. жур. 2014. – № 3 (51). – С. 82–87. – <http://www.m-economy.ru/> и др.; Нусратуллин В.К., Нусратуллин И.В. О путях бескризисного развития экономики и общества // Экономические науки: Научно-информационный журнал. 2009. – № 3 (52). – С. 23–30 и др.

На наш взгляд, основным недостатком марксистско-ленинской платформы общественно-политического движения современности является ее изначальная установка антагонистической борьбы между составными прослойками ядра производительного класса – предпринимательством и трудящимися, которая уже на протяжении столетий не только не объединяет жизнедеятельность производительного класса и широких слоев населения, а наоборот разъединяет ее. Это ли, говоря словами мистиков, не происки сатанизма, внедрявшиеся и внедряемые в общественно-политическое сознание широких слоев населения.

Кроме того, обретение власти со стороны КПРФ, согласно провозглашаемой ею марксистско-ленинской платформе современного политического движения¹, в сознании широких слоев населения все еще отождествляется с так называемой «диктатурой пролетариата» в форме абсолютизации административной власти в обществе. И по опыту они знают, что любая диктатура начинает зачастую беспочвенные гонения против элиты производительного класса, то есть научно-технической, творческой, управленческой интеллигенции. Так было при диктатуре пролетариата в Советском Союзе², такое наблюдается и при диктатуре олигархата в современной России³. Так оно, вероятно, будет и в случае вновь приобретенной власти КПРФ. Отсюда неизбежен вывод, что протестным антиолигархическим силам современной России не стоит опираться на марксистско-ленинскую платформу объединения протестных сил страны для обеспечения общенародной власти.

В этом случае на повестку дня классовой борьбы современности на передний план выходит идея мирного эволюционного перехода да власти не только в пользу лишь рабочего класса, а в целом производительного класса.

Это следует из того факта, что современная диспозиция классов в корне изменилась. На одном полюсе классового противостояния находится производительный класс в целом, на другом – абсентеистский. Причем, во имя светлого для широких слоев населения будущего производительный класс без всяких кровавых эксцессов должен победить своего антагониста в борьбе за общенародную власть абсолютно мирным способом и мирными демократическими средствами. Возможности для этого у него есть, которые состоят, на наш взгляд, в следующем.

Во-первых, в его массовой численности, несмотря на разный классово-сословный состав в лице интеллигенции, предпринимательства, рабочего класса и крестьянства (фермерства).

Во-вторых, в наличии повсеместного сетевого Интернет-ресурса, позволяющего вести как открытую, так и (при необходимости) скрытую (нелегальную, подпольную и т.п.) организационно-идеологическую и пропагандистскую работу, что в принципе исключает необходимость открытого противостояния производительного класса вооруженным приспешникам абсентеистского класса.

В-третьих, массовое состояние бедности почти всего состава производительного класса, позволяющее немедленно нащупать болевые точки в антинародной деятельности абсентеистского класса и его пропагандистской работе, направленной на поддержание существующего олигархо-бюрократического режима в стране.

В-четвертых, возможность консолидации протестного движения не просто внутри отдельных прослоек населения, например, отдельно работников просвещения и образования, медицины и здравоохранения, пенсионеров и инвалидов и т.п., а внутри всего производительного класса в целом на прочной солидарной основе всех его прослоек и подклассов – научно-технической, управленческой, творческой интеллигенции, среднего и малого бизнесов, трудящегося класса рабочих и крестьян и т.д.

В-пятых, понимание того, что организация решительной борьбы против олигархата по всему периметру (фронт) политической и идеологической борьбы будет состоять не просто в эпизодических протестах оппозиционных сил против олигархо-бюрократического режима, а в решительной, хоть и эволюционной борьбе всего состава производительного класса против своего антагониста – абсентеистского класса.

В конце концов, за всеми этими предпосылками стоит конечная цель развития человечества в виде такого типа жизнедеятельности общества и мирового сообщества, который обеспечит привлечение и использование всего жизненного потенциала людей в русло мобилизующей, но вместе с тем и созидательной интеллектуально-трудовой деятельности во имя всеобщего прогрессивного общечеловеческого развития.

Одним из элементов устремления человечества к указанной цели необходимо признать то обстоятельство, что в настоящее время в полный рост перед Россией и человечеством в целом встает вопрос однозначного выбора между либо сохранением англосаксонского глобально-топалитарного типа мирового общественно-политического и финансово-экономического устройства, либо построением в мировом масштабе социально ориентированного, гражданского, демократически организованного общества.

В первом случае это будет означать дальнейшее сохранение и усиление абсентеистского способа производства, основанного на финансово-олигархическом вымывании доходов реального сектора экономики, в первую очередь прибыли, в пользу абсентеистского класса. И это окажется ничем иным, как дальнейшим порабощением и эксплуатацией всего мирового населения с единственной целью удовлетворения ненасытных глобально-игровых потребностей этого класса.

Соответственно, в идеологическом плане весьма конкретной выступает задача перехода от англосаксонского типа мышления элитарных слоев планеты по поводу судеб человечества на другой тип мышления, в котором этой

¹ Зюганов Г.А. Реализация Программы КПРФ – гарантия безопасности страны и социального прогресса общества: Доклад Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова на IX (июльском) Пленуме ЦК КПРФ и ЦКРК КПРФ. – https://kprf.ru/party_live/94466.html (дата публикации: 03.07.2011).

² Вспомним тридцатые годы прошлого столетия.

³ Об этом можно судить по современному состоянию важнейших отраслей социальной сферы российского общества – образования, науки, здравоохранения и их специалистов и работников.

элите надо определиться. У нас в этом отношении набирает силу славяно-ведический тип мышления, хотя под давлением разного рода объективных и субъективных причин он уже фактически потерял свое мировое значение, в первую очередь вследствие предательского отношения к нему отечественной не только прошлой, но и современной элиты, никогда до конца не понимавшей необходимость и значение единой общепланетарной идеологии будущего, должной довлеть судьбами как отдельных народов планеты, так и всего человечества, обеспечивая на ее основе единое прогрессивное общепланетарное обустройство.

По сути дела эту задачу формирования и поддержания планетарной идеологии будущего брала на себя церковь. Однако она фактически с этой задачей не справилась, кроме того, что во имя своей монополярной власти над душами людей лишь сделала эту идеологию многоконфессиональной, раздробленной по отдельным церквам и церквушкам, включая самые античеловеческие, антигуманные.

И православная церковь не справилась с формированием и проповедованием общечеловеческой справедливой идеологии, поскольку в постоянных попытках приспособиться к характеру светской власти она фактически потеряла свою славяно-ведическую идентичность, а взамен, приобрела не свойственную природе славян и других народов, населяющих Россию, идеологическую окраску. В первую очередь, имеется в виду иудейско-сионистская идеология, направленная на дальнейшее порабощение и эксплуатацию народов мира.

В указанном отношении к судьбоносной мировой идеологии, подобной славяно-ведической, ближе всего стоит, на наш взгляд, конфуцианская, проповедующая большее уважение и миролюбие к людям, чем все другие.

Об ответственности политиков, должных обеспечивать движение человечества в направлении будущего прогрессивного как российского, так и общецивилизационного развития. Если в свете данного тезиса рассматривать в историческом плане роль отдельных субъектов государственной политики в России, то можно отметить следующее.

В бытность существования советской власти в нашей стране марксистско-ленинская теория, так и не сумела дать достаточно ясные очертания будущего жизнеспособного социально-ориентированного государства, которое в этой теории называлось коммунистическим обществом. По тем общетеоретическим лекалам будущего общества, которые примерно были обрисованы классиками марксизма-ленинизма, И.В. Сталин вывел свое собственное его видение. Сталин был уверен в своей правоте по поводу сущности коммунистического общества и коммунистического образа жизни. При этом он ясно видел способы и пути его построения. И он, обладая ясным, трезвым умом, непоколебимой верой в светлое будущее и негибимой волей относительно его достижения, безусловно, если бы был жив, построил бы коммунизм в соответствии со своим представлением, своим личным идеалом.

В головах последующих лидеров страны этот идеал, во-первых, не был прочувствован ими и «душой и телом»; во-вторых, они видели, что сталинский идеал в отдельных существенных аспектах не соответствовал общецивилизационному идеалу потребительского общества, который сложился в практической реальности во многих западных странах в виде гражданского общества с общедемократическими принципами обустройства государственной власти.

Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, оказавшись в 1985 г. фактически случайно на посту лидера государства не имел даже примерного представления о формационном (цивилизационном) будущем Советского Союза. И в этом был виноват не только он сам, но и наша фундаментальная экономическая наука, которая в преддверии внутреннего общественно-политического кризиса не сумела выдать «на гора» ничего путного, кроме разве что обоснования факта строительства в СССР социализма первого исторического этапа и задачах переходного периода по строительству второго его этапа с последующим весьма туманным представлением перехода к коммунизму.

Формационного представления о будущем России не имел и Б.Н. Ельцин, но благодаря настойчивым подсказкам зарубежных кураторов он с успехом сумел разрушить тоталитарное государство единоличной власти Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС, но, опять-таки, абсолютно не представляя перспектив не только дальнего, но и ближайшего будущего России. Результат известен.

Далее, началась эпоха В.В. Путина как президента государства переходного периода от бандитского капитализма первоначального накопления олигархического капитала к абсентеистскому государству. И здесь, надо прямо отметить, что В.В. Путин никак не уронил цивилизационную роль и предназначение России на мировой арене, выдержав в своей деятельности планетарного характера напик англосаксонских представителей империализма.

Теперь, на наш взгляд, наступает его звездный час как президента-созидателя, президента-первопроходца к будущему социально ориентированному миру в рамках всей общечеловеческой цивилизации, то есть к планетарного масштаба коммунизму, так или иначе представленному в трудах классиков марксизма-ленинизма. Хотя, безусловно, в конкретной практике общественного развития в головах населения России нет идентичного коммунизму образа государства будущего, созданного грезами классиков марксизма-ленинизма.

Результатом деятельности президента-созидателя в кратчайшие сроки по историческим меркам окажется восстановление России как геополитического лидера и развитого государства современного технологического уклада. В рамках такой перспективы может быть активизирован бесконечный созидательный потенциал, в первую очередь, российского народа, переведенный на мобилизационные рельсы прогрессивного развития, основанного не на англосаксонской и иудейско-сионистской идеологиях порабощения одной части мира в пользу обогащения другой, а на дружественных славяно-ведической и конфуцианской идеологиях. Эти идеологии предусматривают всемерное сотрудничество всех частей света и всех стран мира на стезе прогрессивного планетарного развития, основанное на принципах социальной справедливости и торжества человеческого разума.

Тем самым Россия сможет избежать насилия одного класса общества над другим и построить новое социально справедливое, экономически могущественное государство на принципах общественного согласия всех общественных прослоек и классов. Да! Это будет нетрадиционный подход в решении общественно-политических и социально-

экономических кризисов, далекий от марксистско-ленинских заветов по разрушению основ старого строя и построения нового. Однако именно он является, на наш взгляд, кратчайшим путем перехода к социально ориентированному обществу, способному перерасти от национального российского уровня на общемировой уровень.

Петрушенко А.Д.

к.э.н., доцент ГГТУ

Pad47@mail.ru

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ США В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: стратегия, государственное регулирование, финансирование образования, США, министерство образования США.

Соединённые Штаты Америки, являющиеся признанным локомотивом мировой экономики, на протяжении всей новейшей истории среди стратегических целей социально-экономического развития на одно из первых мест ставили задачу совершенствования национального образования. Оно, согласно утвердившемуся общественному мнению, является связующим звеном для реализации всех стратегических задач развития американского общества. Общее и профессиональное образование являются действенным фактором ускорения научно-технического прогресса, роста производительности общественного труда, конкурентоспособности экономики на мировой арене, инструментом снижения безработицы, повышения уровня жизни населения. Учитывая эти обстоятельства, в США на нужды образования в последние годы расходуется более 7% ВВП, что позволило войти в группу стран с самыми крупными инвестициями в образование и обеспечило достаточно высокие позиции в мировом рейтинге образовательных и профессиональных достижений¹.

Как заявил президент Д. Трамп, «в предстоящие годы мы будем продолжать уделять приоритетное внимание развитию рабочей силы, бороться за это от имени всех американцев, ищущих возможности внести в решение этой задачи свой вклад. Мы должны обеспечить студентов и работников конкурентоспособными навыками, адаптированными к быстро меняющейся нашей экономике»².

Комплексное формирование социально-экономической стратегии США достигается путём определения наиболее актуальных целей развития государства, а также координации развития наиболее важных его сфер, в том числе общего и профессионального образования. Эта деятельность осуществляется на основе тесного взаимодействия общественных и частных институтов, где ведущая роль принадлежит институциональному сектору. Федеральные законодательные и исполнительные органы, региональные и местные органы власти, исследовательские центры, средства массовой информации в повседневном режиме рассматривают текущие и перспективные проблемы развития общества, где большое внимание уделяется вопросам совершенствования образования.

Правовой основой формирования общей и частных стратегий развития общества, а также их реализации с помощью целевых программ являются многочисленные законодательные акты, принимаемые на федеральном и региональном уровнях. Начиная с 1878 года в США было принято около 150 законов, определивших правовой фон образовательной деятельности и участие в ней федеральных ведомств.

В процессе определения и реализации стратегических инициатив в области образования США принимают участие 15 федеральных министерств и более двух десятков федеральных агентств. Они осуществляют меры информационной, технической и финансовой поддержки всех уровней образовательной деятельности в масштабе страны, что позволяет направлять её в желаемое русло в соответствии с принятыми ориентирами социально-экономического развития. Власти США ясно сознают, что реализация любой общенациональной стратегической инициативы ввиду неравномерности экономического развития регионов и социально-экономических проблем требует финансового поддержки их ресурсами федерального бюджета. Федеральные расходы в США на начальное, среднее и высшее образование в течение последних трёх десятилетий имели тенденцию к росту и колебались от 60 до 101 млрд. долл. В соответствии с новым бюджетом США они должны составить в 2019 финансовом году 70 млрд. долл., а в 2023 финансовом году – только 59,6 млрд. долл.³

Наиболее действенным интегратором усилий федеральных и региональных органов власти в реализации стратегии развития образования является министерство образования США. Его деятельность активно поддерживают министерство здравоохранения и социального обслуживания, министерство сельского хозяйства, министерство труда и министерство обороны. В числе федеральных ведомств наиболее интенсивно вопросами развития профессионального

¹ The Condition of Education 2019. – P. 310. – <https://nces.ed.gov/pubs2019/2019144.pdf>

² Economic Report of the President Together with The Annual Report of the Council of Economic Advisers. 2019. – P. 4. – <https://www.govinfo.gov/content/pkg/ERP-2019/pdf/ERP-2019.pdf>

³ Fiscal Year 2019. Historical tables budget of the US Government. – P. 70. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BUDGET-2019-TAB/pdf/BUDGET-2019-TAB.pdf>

образования занимаются Национальный фонд науки (National Science Foundation), Национальная администрация по авиации и космосу (National Aeronautics and Space Administration), Администрация общественной безопасности (Social Security Administration), Библиотека конгресса.

Министерство образования США занимается координацией деятельности многих министерств, касающейся поддержки развития и модернизации образования. Оно действует в качестве самостоятельного органа исполнительной власти с 1979 г., а в предшествующие годы функционировало в качестве структурного подразделения Министерства труда, образования и социального благосостояния. В ходе реорганизации ему также были переданы для реализации некоторые образовательные программы, находившиеся под контролем других федеральных ведомств. Министерство образования США активно участвует в разработке общей стратегии образовательной деятельности, выдвигает инициативы по реформированию различных уровней образования, оказывает информационную, административную, финансовую поддержку школьным округам, местным общинам. Оно также предоставляет финансовую и организационную помощь в получении профессионального образования малообеспеченным гражданам своей страны и выходцам из других государств. На эти цели министерством ежегодно расходуется от 80 до 100 млрд. долл., или около пятидесяти процентов всех федеральных ассигнований на образование¹. Благодаря этим действиям министерства достигается централизация управления образовательной деятельностью, более эффективная реализация стратегии её развития с учётом целевых установок государственной социально-экономической политики.

В США, как и в других развитых странах, осуществление принятых стратегий развития на федеральном уровне достигается на основе кратко- и среднесрочного программирования. В сфере образования оно реализуется путём разработки и осуществления программ предоставления грантов и льготных кредитов остро нуждающимся учащимся, студентам, выпускникам колледжей для продолжения профессионального обучения. С точки зрения объёмов финансовой помощи и охвата населения следует выделить программы предоставления грантов Пелла (Pell Grants), а также программу «K-12», предусматривающую оказание финансовой помощи системе школьного образования.

Поскольку одной из ключевых стратегий США является повышение уровня жизни населения, то в рамках подконтрольных министерству образования США программ особое значение придаётся грантам Пелла, которые выделяются лицам без какого-либо профессионального образования, имеющим финансовые проблемы. Однако ввиду растущей потребности страны в квалифицированных педагогических кадрах такие гранты могут получить выпускники бакалавриата, если они зачислены в сертифицированную программу повышения квалификации учителей.

В дополнение к ранее принятым обязательствам Министерство образования США в октябре 2019 г. запустило новую программу поощрения инновационных моделей подготовки педагогов «Партнёрство для повышения качества учителя» (Teacher Quality Partnership, TQP). Программа TQP утверждена в соответствии с разделом II Закона «О высшем образовании» с целью повышения успеваемости учащихся, качества рабочей силы в системе образования на основе улучшения подготовки учителей, их последующего профессионального развития, а также привлечения высококвалифицированных специалистов в сферу образования. В рамках новой программы Министерство образования выделило 31 грант на общую сумму 20,1 млн. долл. Среди получателей – более двух десятков школьных округов, высших учебных заведений и некоммерческих организаций. Министр образования США Б. Де Вос заявила: «Мы знаем, что великий учитель – это основа великого образования. Гарантируя постоянный профессиональный рост учителей и совершенствование их деятельности, чтобы отвечать на современные вызовы, мы можем помочь учащимся добиться успехов. Эти гранты помогут открыть немалые возможности для профессионального развития, особенно в часто отсутствующих сегментах образования, ориентированных на естественнонаучные дисциплины и информатику»².

Чтобы иметь право на участие в программе TQP заявитель должен оформить партнёрство, которое подразумевает сотрудничество с администрацией успешных школьных округов, школами с высоким образовательным рейтингом, обучение в партнёрской организации, которая может быть как коммерческой, так и некоммерческой. Более двух третей финансируемых проектов специально предназначены для улучшения подготовки учителей по естественнонаучным и компьютерным дисциплинам. Они также включают поддержку инновационных идей, которые дают учителям возможность приобрести узкую специализацию в области компьютерных наук. Около половины партнёрских проектов будет осуществляться в «квалифицированной зоне возможностей», представленных ведущими университетами страны.

Актуальным направлением социально-экономической политики в США является объединение усилий федерального министерства образования, исследовательских центров, правоохранительных органов для обеспечения безопасности школьной жизни. Министерство образования выделило на 2019 ф.г. дополнительно 71,6 млн. долл. на реализацию проекта повышения безопасности в школах и улучшения доступа учащихся к ресурсам психического здоровья. Он предусматривает финансовую помощь школам через программы грантов: «Программу демонстрационного гранта по восстановлению после травм», «Программу демонстрационных грантов в области психического здоровья», «Программу предотвращения», «Программу грантов по преобразованию школьного климата».

Вышеназванные программы призваны осуществить рекомендации Федеральной комиссии по усилению безопасности школьной жизни. По мнению разработчиков программы, выделяемые гранты позволят руководителям образовательных учреждений адаптировать свой подход к школьной безопасности и психическому здоровью таким образом, чтобы удовлетворять индивидуальные потребности учащихся и решать уникальные проблемы конкретной школы.

¹ Digest of Education Statistics 2017. 53rd Edition. January 2019. – P. 640. – <https://nces.ed.gov/pubs2018/2018070.pdf>

² Secretary of Education Betsy DeVos Announces More than \$20 Million in New Grant Awards for Innovative Teacher Prep. – <https://www.ed.gov/news/press-releases/secretary-education-betsy-devos-announces-more-20-million-new-grant-awards-innovative-teacher-prep>

«Программа демонстрационного гранта по восстановлению после травм» ассигнует более 6,7 млн. долл. проблемным штатам (Аляске, Делавэру, Гавайям, Луизиане и Неваде) для оказания финансовой помощи учащимся из семей с низким доходом, которые получили травму, негативно влияющую на их образовательную деятельность. Благодаря программе они имеют возможность выбора провайдеров медицинских услуг, наилучшим образом удовлетворяющих их индивидуальные нужды.

«Программа демонстрационных грантов в области психического здоровья» предоставляет 11 млн. долл. двадцати семи государственным образовательным учреждениям и школьным округам для поддержки инновационного партнерства с поставщиками услуг в области психического здоровья. Цель программы состоит в том, чтобы расширить приток высококвалифицированных специалистов для решения проблемы нехватки услуг в области психического здоровья в школах с высокими потребностями в них, обеспечить поддержку социального, эмоционального обучения и воспитания, психического здоровья школьников, позитивных отношений между учащимися и взрослыми.

Профилактическую направленность имеет «Программа предотвращения», которая выделяет более 11,3 млн. долл. пятнадцати школьным округам для расширения их возможностей оказания помощи школам в общинах, где широко распространено насилие. По мнению её разработчиков, гранты позволят школам выявлять, оценивать и обслуживать учащихся, подвергающихся насилию, предоставлять услуги в области реабилитации психического здоровья в связи с полученной травмой или перенесённым стрессом, поддерживать программы урегулирования конфликтов и осуществлять другие акции, направленные на предотвращение насилия в школах.

Решение задачи формирования более благоприятной психологической обстановки возложено на «Программу грантов по преобразованию школьного климата». На неё ассигновано 42,4 млн. долл. с охватом 69 школьных округов для оказания помощи в разработке, укреплении или расширении систем поддержки и технической помощи школам, реализующим многоуровневую систему улучшения школьного климата. Программа ориентируется на поддержку общин, которые могут получить уникальную выгоду от внедрения этой системы, включая школьные округа, обслуживающие сельские районы и места проживания племён, а также образовательные учреждения, расположенные в зонах потенциальных угроз.

Стратегия ослабления социальной напряжённости на основе улучшения состояния рынка труда реализуется также с помощью программы грантов Министерства образования США образовательным учреждениям, обслуживающим национальные меньшинства (MSIs), а также Историческим черным колледжам и университетам (HBCUs). Федеральный бюджет на 2019 финансовый год увеличивает инвестиции на повышение качества управления образованием, развитие инфраструктуры этих учебных заведений, оказание финансовой помощи крайне нуждающимся студентам. Распределение бюджетных средств предусматривает повышение эффективности реализации образовательных программ, оптимизацию условий предоставления грантов с точки зрения бюджетной эффективности. В этих целях была осуществлена консолидация шести программ MSI с общим фондом в 147,9 млн. долларов, на которые может рассчитывать большее число колледжей и университетов. Учитывая важную роль колледжей и университетов HBCUs в повышении профессионального и культурного уровня меньшинств, бюджет 2019 ф.г. выделил на их развитие 642 млн. долл. и в перспективе будет поддерживаться примерно на этом уровне¹.

Как отметил президент Д. Трамп в меморандуме, адресованному министру образования США, одним из ключевых приоритетов политики его администрации является более эффективное вооружение молодых людей Америки знаниями и навыками, которые позволят иметь высокооплачиваемую и стабильную работу на протяжении всей профессиональной карьеры. С ростом значения новых технологий в управлении американской экономикой многие рабочие места все больше требуют навыков в области науки, техники, инженерии и математики (STEM), использования компьютерной техники. Эти навыки открывают доступ к рабочим местам, укрепляют основу изобретательности, позволяя управлять решением сложных проблем в различных отраслях промышленности и улучшать жизнь во всём мире².

Американские исследователи отмечают тот факт, что в настоящее время многие молодые люди из малообеспеченных семей не имеют доступа к высококачественному образованию STEM и поэтому рискуют оказаться отрезанными от самых привлекательных вариантов работы в растущей экономике Соединенных Штатов. Курсы по информатике весьма редки в большом числе школ и общин. Почти 40 процентов средних школ не предлагают учащимся курс физики, а 60 процентов – курс компьютерного программирования. Из почти 17 тыс. средних школ, которые были аккредитованы для проведения экзаменов в рамках продвинутого курса компьютерной грамотности (AP-CS) в 2015 году, только 18 процентов школ обладали правом его преподавания. Меньшинства и учащиеся в сельских общинах зачастую имеют еще меньший доступ к образованию в области компьютерных наук. В масштабе страны только 34 процента афроамериканских студентов и 30 процентов сельских старшеклассников имеют доступ к курсу компьютерных дисциплин. И даже в тех школах, где такие занятия проводятся, наблюдается серьезный гендерный разрыв: менее четверти учащихся, которые в 2016 году сдавали экзамен AP-CS на национальном уровне, были представлены девочками.

В целях усиления консолидации стратегии государственной социально-экономической политики и политики в сфере образования в июле 2018 г. был учреждён «Президентский Совет по делам американского рабочего», который призван определять новые стратегии и контроль их реализации в национальном масштабе. Как подчеркнул президент Д. Трамп, «мы должны подготовить американцев к экономике 21-го века и новым отраслям будущего. Мы должны

¹ Budget of the United States Government, Fiscal Year 2019. P. 42. Office of Management and Budget | OMB.GOV. – <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/02/budget-fy2019.pdf>

² Presidential Memorandum for the Secretary of Education. Электронный ресурс. – <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-secretary-education/>

способствовать созданию условий для непрерывного обучения и обучения на основе навыков, а также развивать основанный на спросе подход к развитию рабочей силы»¹. В соответствии с указом президента было осуществлено кадровое обеспечение данного решения. Так, сопредседателями Президентского Совета являются министры торговли и труда, помощник президента по внутренней политике и советник президента, курирующий Управление экономических инициатив. В состав Совета входят и другие высшие должностные лица, отвечающие за реализацию государственной политики: министры финансов и образования, министр по делам ветеранов, директор Управления по менеджменту и бюджету, управляющий Администрации малого бизнеса, помощник президента и заместитель руководителя аппарата по координации политики, директор Национального экономического совета, Председатель Совета экономических консультантов, директор Национального научного фонда, директор Управления научно-технической политики. Вышеназванный Совет уполномочен разрабатывать рекомендации для подготовки национальной стратегии расширения прав и возможностей американских работников. Он также призван разрабатывать альтернативные подходы к решению вопроса о том, как федеральное правительство может работать с частными работодателями, образовательными учреждениями, профсоюзами, другими некоммерческими организациями, а также с государственными, территориальными, племенными и местными органами власти для актуализации и продвижения стратегии развития рабочей силы, чтобы обеспечить востребованное, доступное образование.

Новая государственная стратегия развития образования состоит в том, чтобы оказывать финансовую помощь в виде грантов и льготных кредитов лишь крайне нуждающимся лицам, расширить права семей в выборе образовательных учреждений, а также улучшить доступ к последующим уровням образования, внедрения обучения молодёжи непосредственно на рабочих местах. В рамках содействия развитию начального и среднего образования бюджетная политика декларирует восстановление местного контроля его состояния. В этих целях Конгрессом были внесены поправки в «Закон о начальном и среднем образовании» (ESEA), а также в «Закон о каждом ученике, добившемся успеха» (ESSA). Было решено, что основная ответственность за создание, совершенствование и поддержание систем образования лежит на штатах и местных школьных округах. Бюджетная политика теперь основывается именно на этих установках и предусматривает возвращение полномочий по принятию управленческих решений руководству штатов и школьных округов, предоставление родителям большего контроля удовлетворения уникальных потребностей их детей в области образования.

Органы государственной власти оказывают поддержку грантами студентов образовательных заведений различного типа примерно в одинаковых объёмах. Так, средний размер федерального гранта физическому лицу в 2016–2017 учебном году колебался от 4800 долл. в учреждениях бакалавриата штатов и частных коммерческих учреждениях до 5000 долл. для студентов частных некоммерческих учреждений бакалавриата с четырёхлетним сроком обучения (в постоянных ценах 2017–2018 годов). Величина грантов штатов и местных властей была несколько меньше и варьировала от 3700 долл. для студентов частных коммерческих учреждений до 4200 долл. для студентов частных некоммерческих учреждений бакалавриата. Государственная финансовая помощь помогла немалому числу американской молодёжи завершить образование в средней школе и получить более высокое профессиональное образование².

Государственное регулирование образования в США, осуществлявшееся в течение последнего полувека, в целом дало положительные результаты. Оценки читательской, математической, естественнонаучной грамотности американских школьников показали рост их показателей. Увеличился удельный вес школьников, оканчивающих полный курс средней школы и поступающих на продвинутое профессиональное обучение. С 2001 по 2017 годы число лиц, получивших начальное профессиональное образование, увеличилось на 71%, квалификацию младшего специалиста – на 74, бакалавра – на 57, магистра – на 70, степень доктора наук – на 52%³. Всё это послужило росту качественного состояния рабочей силы, производительности труда, накоплению «человеческого капитала», реализации стратегических целей государственной социально-экономической политики.

Однако современная стратегия государственного регулирования экономики США, осуществляемая действующей властью, чревата негативными последствиями. Исповедуя традиционное для республиканской партии уменьшение роли государственного регулирования, правящие круги взяли курс на увеличение военных расходов и уменьшение ассигнований на социальные нужды, в том числе на образование. Если в 2017 ф.г. федеральные расходы на образование достигли 101 млрд. долл., то в 2019 ф.г. они должны снизиться до 70 млрд. долл., а в 2023 ф.г. – до 59,6 млрд. долл.⁴

Необходимо отметить, что даже в годы с более масштабной государственной поддержкой образовательной деятельности различные группы американского общества испытали негативные тенденции в получении образования. Например, за 2010–2017 годы число поступивших на обучение в бакалавриат представителей белой расы уменьшилось на 19 процентов (с 10,9 до 8,9 млн.), чернокожей молодёжи – на 19 процентов (с 2,7 до 2,2 миллиона). Зачисление жителей азиатских/тихоокеанских островов осталось без изменений – 1,1 млн. студентов. Но более всего упал приём на обучение в бакалавриат индейцев и уроженцев Аляски, постоянно имеющих самый низкий в стране уровень доходов, он сократился на 31 процент (с 179 до 124 тыс.)⁵.

¹ Executive Order Establishing the President's National Council for the American Worker. – <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-establishing-presidents-national-council-american-worker/>

² The Condition of Education 2019. – P. 224. – <https://nces.ed.gov/pubs2019/2019144.pdf>.

³ Ibid., p. 265.

⁴ Fiscal Year 2019 Historical Tables Budget Of The U.S. Government. – P. 71–73. – <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BUDGET-2019-TAB/pdf/BUDGET-2019-TAB.pdf>

⁵ The Condition of Education 2019. NCES 2019-144 / U.S. Department Of Education. – P. 155. – <https://nces.ed.gov/pubs2019/2019144.pdf>

Стратегия уменьшения федеральных расходов на образование, сокращения большого количества программ финансовой поддержки учащихся и объёма их финансирования приведёт к отказу части молодёжи от получения конкурентоспособного общего и профессионального образования, что может сказаться на снижении качества рабочей силы, увеличении безработицы. Негативным следствием этого станет дальнейшее социально-экономическое расслоение американского общества, обострение социально-трудовых конфликтов, падение уровня жизни миллионов простых американцев.

Оценивая возможности использования в нашей стране позитивных аспектов разработки и реализации государственной социально-экономической стратегии США, представляется полезным создание на постоянной основе государственного межведомственного совета по развитию образования с целью разработки и оперативной корректировки национальной стратегии в сфере общего и профессионального образования в тесном взаимодействии с бизнес-сообществом. Необходимо существенно увеличить ассигнования на нужды образования, устранить имеющийся в образовательных организациях большой разрыв в уровнях оплаты труда административного аппарата и рядовых педагогов. Целесообразно развернуть программы оказания ощутимой финансовой помощи школьникам и студентам из малообеспеченных семей с использованием федеральных и региональных программ субсидирования и льготного кредитования. Полезным будет также внедрить американский опыт информационного сопровождения образовательной деятельности, обеспечить более качественное информирование общественности о состоянии образования и многообразии происходящих в нём процессов с использованием детализированной статистической и аналитической информации.

*Подсветова Т.В.*¹

КОНКУРЕНТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: *инновационное развитие, технологическая платформа, цифровая трансформация, конкурентные возможности, Россия.*

Keywords: *innovative development, technological platform, digital transformation, competitive opportunities, Russia.*

Четвертая промышленная революция или как ее еще называют «Индустрия 4.0» предполагает массовое внедрение киберфизических систем, характеризуется стиранием границ между физическими, биологическими и цифровыми технологиями. Изменения будут носить системный характер, коснутся всех сфер бизнеса, общества, политики, потребуют новых регуляторных модификаций. Инновационные технологии связаны с созданием искусственного интеллекта, 3D-принтинга, робототехники, нанотехнологий, Интернета вещей.

Напомним, что первая промышленная революция связана с изобретением парового двигателя, благодаря которому произошёл переход от ручного труда к машинному. Внедрение электроэнергии в производство привело ко второй революции. Автоматизация производства на основе применения электроники и информационных систем способствовало развитию к третьей революции.

Четвертая промышленная революция – новый этап в развитии современной цивилизации. Прогнозные оценки свидетельствуют о том, что доля автоматизированных процессов в производстве и логистике к 2035 г. составит 95%, сокращение рабочих мест достигнет 50–70%. Заметим, что автоматизация – это технологический уклад третьей промышленной революции. Последствия четвертой революции будут еще более масштабными.

Использование технологий, характеризующих четвертую революцию, приведет к снижению доли трудовых издержек в совокупных издержках. То есть, одна из главных причин трансграничного движения капитала, в соответствии с которой транснациональные корпорации переносят свои производства в страны с наиболее дешевой рабочей силой, будет постепенно нивелироваться.

Снижение доли издержек на оплату труда в себестоимости продукции приведет к целесообразности выпуска товаров в рамках национальной экономики. При безлюдных технологиях зарубежные филиалы ТНК могут быть возвращены в страну базирования, что приведет к сокращению глобальных производственных цепочек, а также транспортных расходов. Таким образом, модель «решоринга» сменит алгоритм выстраивания бизнеса в виде «офшоринга».

Снижение объемов внутрифирменной торговли в связи с сокращением филиальной сети транснациональных корпораций может в целом привести к сокращению объемов международной торговли. По оценкам банка ING, к 2040 г. снижение объемов глобальной торговли достигнет 40%. Это связано еще и с тем, что в условиях четвертой промышленной революции масштабы оптимального рынка сокращаются. Если раньше оптимальный рынок для обрабатывающих отраслей промышленности должен был составлять 300–600 млн. потребителей, то теперь в условиях более узкого рынка создаются предпосылки для импортозамещения большого количества товаров, что приведет к изменению роли отдельных стран в цепочках добавленной стоимости.

Вместе с тем предполагается рост рынка высокотехнологичных товаров и услуг.

В связи с новыми тенденциями развития мировой экономики и её инновационной трансформации целесообразно ставить вопрос о конкурентных возможностях России и её позиционировании в системе мирохозяйственных связей.

В последние годы обострение геополитической обстановки и санкционное давление на страну привели к усилению тенденции деглобализации российской экономики, несмотря на то, что степень влияния внешнеэкономического фактора на формирование финансовых ресурсов экономики крайне высока. Экспортно-сырьевая модель развития Российской Федерации делает ее неконкурентоспособной на рынках промышленной продукции. Ситуация обостряется ещё и тем, что санкционное давление со стороны западных стран, ограничивает доступ России к инновационным технологиям и инвестиционным ресурсам, а внушительная доля импорта по отдельным отраслям экономики приводит к технологической зависимости.

По версии Всемирного экономического форума в рейтинге стран мира по уровню глобальной конкурентоспособности Россия занимает 43 место (индекс 66,7)². В исследовании учитываются 113 переменных, которые объединены в 12 контрольных показателей: качество институтов, инфраструктуры, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и

¹ Подсветова Татьяна Валентиновна – к.т.н., доцент, заместитель по научной работе кафедры экономических и финансовых дисциплин, Московский гуманитарный университет. E-mail: tvpodsvetova@mail.ru

² Индекс глобальной конкурентоспособности. Гуманитарная энциклопедия: Исследования / Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (последняя редакция: 21.01.2020). – <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info>

услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового сектора, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал.

Очевидно, что России нужен технологический рывок, чтобы стать одним из лидеров «Индустрии 4.0». Концепция «Индустрия 4.0» была сформулирована президентом ВЭФ в Давосе К. Швабом в 2011 г., который утверждал, что приход «умных» производств грозит ростом неравенства как внутри национальных экономик, так и на глобальном уровне, то есть приведет к перераспределению места стран в глобальной конкуренции. Реализация этой концепции по оценке Всемирного банка и компании General Electric может увеличить мировой ВВП на 30 трлн. долл.

Зачастую крупные компании в РФ не стремятся к инновациям с целью повышения конкурентоспособности, полагая, что она может быть достигнута за счет других факторов – экономии на эффекте масштаба, преимуществ от размера, конъюнктурных факторов. Отчасти это справедливо на микроуровне в краткосрочной перспективе. В долгосрочном периоде роль технологических и индивидуальных факторов возрастает. В работах Багриновского К.А. и Никоновой А.А.¹ проводится детальный анализ исследований в области методологии планирования инноваций и управления их реализаций в нестандартных российских условиях:

- высокая концентрация и монополизация, особенно в сырьевом секторе,
- ведомственная разобщенность,
- слабый уровень управления,
- асимметричность информации и компетенций,
- ориентация на дружественные связи при распределении активов.

Можно ли утверждать, что России начала подготовку к четвертой промышленной революции? Проследим эволюцию взглядов на формирование национальной инновационной системы.

Первоначально (это прозвучало в 2007 г. в послании В.В. Путина Федеральному собранию) предполагалось, что инновационные отрасли будут формироваться на базе госкорпораций – «Роснано», Объединённой авиастроительной корпорации, Объединённой судостроительной корпорации, «Ростех».

В 2009 г. разработан новый инструмент по активизации усилий по созданию перспективных технологий, новых продуктов и услуг – так называемые, «технологические платформы». Технологическая платформа рассматривается как коммуникационный инструмент, направленный на активизацию усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, новых продуктов (услуг), на привлечение дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон (бизнеса, науки, государства, гражданского общества), совершенствование нормативно-правовой базы в области научно-технологического, инновационного развития.

В 2011 г. Правительственной комиссией по высоким технологиям и инновациям утвержден Перечень технологических платформ с указанием организаций – координаторов технологических платформ². Как впоследствии оказалось, по многим платформам из данного перечня не было проведено никакой работы. Но параллельно шёл процесс по созданию новых платформ, и в 2018 г., как упоминается в Обзоре Минэкономразвития России³, их уже насчитывалось 36 по 13 наиболее перспективным направлениям научно-технического развития, охватывающих 3500 участников-компаний, научных и образовательных организаций, институтов развития.

Дискуссионным остается вопрос об эффективности влияния технологических платформ на инновационное развитие РФ.

Следующим этапом формирования национальной инновационной системы России являлась постановка задачи по разработке государственной программы к 2015 г. по поддержке перспективных отраслей, продукция которых должна стать конкурентоспособной на мировых рынках.

При определении стратегической цели программы были представлены две концепции, предложенные Российской академией наук (РАН) и Агентством стратегических инициатив (АСИ).

По версии РАН предполагалось сначала реализовать программу импортозамещения, а затем в течение 20-30 лет осуществить реиндустриализацию на новой технологической основе. Тем более, что в эти годы актуальны были мнения о том, что политическое и экономическое давление со стороны западных стран будет способствовать модернизации российской экономики, проведению политики импортозамещения. Но, как показывает опыт отдельных стран, при формировании данной политики должны учитываться критерии конкурентоспособности и эффективности.

С точки зрения АСИ проведение политики импортозамещения ещё больше подрвет экономический потенциал страны, так как нет уверенности, что созданные отечественные товары будут конкурентоспособны на мировых рынках.

Представленная версия АСИ предполагала создание принципиально новых рынков, объем каждого из которых должен составлять в мировом масштабе 100 млрд. до лларов США.

В конечном итоге за основу была принята точка зрения АСИ, нацеленная на формирование перспективных технологических рынков, формирующихся на основе нового технологического уклада. Таким образом, разработана программа Национальной технологической инициативы, в которой обозначены методы по формированию принципиально

¹ Багриновский К.А., Никонина А.А. Конкурентные преимущества российской экономики – базис ее устойчивого развития // Экономическая наука современной России. – М., 2015. – № 1(68). – С. 44.

² Перечень технологических платформ (утвержден решениями Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 1 апреля 2011 г., протокол № 2; от 5 июля 2011 г., протокол № 3; Решением президиума Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 21 февраля 2012 г., протокол № 2).

³ Российские технологические платформы: Обзор Минэкономразвития России от 11.01.2018.

новых рынков и созданию условий для глобального технологического лидерства России к 2035 году. Обоснование выбора таких рынков представлено в «дорожных картах»¹. В результате было отобрано 9 ключевых рынков:

1. Аэронет (воздушный транспорт)
2. Автонет (автомобильный транспорт)
3. Маринет (морской транспорт)
4. Нейронет (нейрокоммуникации)
5. Хелснет (медицина)
6. Фуднет (пища)
7. Энержинет (энергетика)
8. Технет (промышленность)
9. Сейфнет (безопасность).

В 2018 г. создана организация под названием «Платформа Национальной технологической инициативы» с целью сопровождения проектов по мере их развития.

Оценивая вышеперечисленные мероприятия можно сказать, что в большей степени здесь сделан акцент на регулятивную составляющую, чем на финансовую, так как до сих пор еще не определены источники финансирования реализуемых в рамках НТИ проектов. Слабо прослеживаются результаты инновационной деятельности. Индикатор инновационной деятельности так и не поднялся выше 10%, аналогичный показатель в западных странах – выше 40%.

В этой связи целесообразно проанализировать успешный опыт программ технологической модернизации и диверсификации структуры экономики путем ускоренного развития высокотехнологических отраслей промышленности в других странах, например, «Национальная технологическая инициатива Казахстана», «Сделать в Китае 2025», «Сделать в Индии». В частности, в программе КНР ставится задача повышения самообеспеченности и наполнения внутреннего рынка – до 70% по основным компонентам в аэрокосмической отрасли и телекоммуникационной отрасли, энергетическое оборудование – до 80%, в сфере строительных материалов – почти 90%, в области сельскохозяйственного производства – 60% и выше по отдельным видам оборудования².

Поскольку Россия не может перейти к инновационной модели развития и выступить финансовым спонсором интеграционного проекта – Евразийский экономический союз, то в этой ситуации наметилась тенденция «китаизации» постсоветского пространства, на котором Китай превращается не только в крупного торгового партнера стран ЕАЭС, но и внушительного инвестора и поставщика технологического оборудования, тем самым ослабляя влияние России.

Большие надежды возлагаются на цифровую экономику, в последние годы цифровизация стала глобальным трендом экономического, технологического и инновационного развития; во многих странах, в том числе и в Российской Федерации, приняты программы по развитию цифровой экономики. Высказываются мнения, что цифровая трансформация будет способствовать ускорению темпов экономического развития, положительно повлияет на бизнес-активность.

В России обратили внимание на внедрение цифровых технологий в 2016 г. после выступления В.В. Путина с президентским посланием, в результате которого была разработана национальная программа со сроком реализации до 2024 г., общим бюджетом 1634,9 млрд. руб. Затраты на реализацию программы распределены по годам с нарастающим итогом (см. табл. 1).

Таблица 1

Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников по доле ВВП в Российской Федерации

Год	Доля в ВВП (%)
Базовое значение	1,7
2019	2,2
2021	3,0
2024	5,1

Источник: Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Огромная капиталоемкость новых прорывных технологий требует дополнительных финансов.

Предполагается, что основным результатом выполнения программы должно стать создание 10 компаний, которые будут катализаторами высокотехнологических предприятий, управляющих цифровыми платформами. Они должны сформировать вокруг себя систему исследовательских коллективов, отраслевых предприятий, стартапов, создающих инфраструктуру цифровой экономики и развивающие ее.

Реализация шести федеральных проектов по развитию цифровой экономики дает основание полагать, что Россия не останется аутсайдером в цифровом пространстве. Но цифровой разрыв по сравнению с развитыми странами все равно будет наблюдаться, так как финансовые ресурсы, выделяемые на реализацию программы, не сопоставимы с объемом ресурсов, которые осваиваются развитыми странами для этих целей.

¹ Нормативные дорожные карты НТИ // Национальная технологическая инициатива. Пространство возможного. – https://nti-2035.ru/documents/Normative_road_maps/; Дорожные карты НТИ. Национальная технологическая инициатива. – <http://ctt.vscs.ac.ru/info/nti-road-maps>

² Хейфец Б.А. Новые экономические мегапространства и Россия – СПб.: Алтея, 2019. – С. 146

Россия в отличие от развитых стран выбрала другую модель развития цифровой экономики. Главным катализатором и источником финансирования цифровых платформ в западной модели развития цифровой экономики являются частные компании и инвесторы. В России эту роль взяли на себя государственные структуры в лице госрегуляторов и госкорпораций, так как они обладают большим объемом технологических и промышленных ресурсов, чем частный сектор, и способны реализовать масштабные проекты на национальном и региональном уровне (например, в рамках Евразийского экономического союза), а не только на точечном уровне.

Реализация намеченных программ должна привести к трансформации российской экономики, усложнению ее структуры и диверсификации экспорта. Технологическая сложность стран и товаров отражается в специальном рейтинге в соответствии с макроэкономическим показателем «индекс экономической сложности», разработанным Р. Хаусманном и Ц. Идальго, на его основе Гарвардской лабораторией роста составляется «Атлас экономической сложности стран»¹. Индекс учитывает, как часто можно обнаружить тот или иной товар в экспортных корзинах отдельных стран мира. Таким образом, можно рассчитать, сколько стран экспортируют данный товар и степень диверсификации экспорта. Единичные товары могут указывать на технологическую сложность продукции, иначе производством могли бы заниматься многие страны. Высокий уровень диверсификации экспорта говорит о сложности экономики государства. Визуализированная инфографика позволяет наглядно представлять, исследовать статистические данные по каждой стране и находить точки роста. Аналогичный показатель разработан для российских регионов, позволяет оценить экспортные возможности российских регионов, то есть он отражает ноу-хау регионов и направления диверсификации национальных экспортных корзин². Ведущие позиции занимают (в порядке убывания): Московская область, Москва, Свердловская, Нижегородская области, Санкт-Петербург. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. планируется увеличить объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров в размере 250 млрд. долл. к 2024 г., а экспорт услуг довести до 100 млрд. долл. ежегодно.

Современная четвертая промышленная революция дает России шансы занять достойное место в современном разделении труда на основе новых технологий. Очевидно, что происходит обострение конкурентной борьбы на товарных и финансовых рынках, в сфере цифровых технологий, борьба за лидерство в сфере науки и инноваций. В такой конкуренции преимущества имеют уже не только развитые страны, но и ряд развивающихся стран, таких как Китай, Индия. Россия не сможет иметь конкурентные преимущества, если не будет создана:

1. Сбалансированная система институтов инновационного развития;
2. Уникальные проекты в сфере фундаментальных и прикладных исследований;
3. Высокая корпоративная научно-технологическая культура;
4. Адекватность фондового и рынка и отраслевых инноваций.

Наращивание и диверсификация конкурентных возможностей России невозможны без решения проблемы отраслевой структурной трансформации и повышения внутрисекторальной производительности труда. Начиная с 2024 г. производительность труда должна расти минимум на 5% в год. Достижение таких результатов возможно при проведении целенаправленной, ориентированной на экспорт научно-технической, технологической, инновационной и промышленной политики.

¹ Atlas of economic complexity. – <http://atlas.cid.harvard.edu/>

² Атлас экономической сложности российских регионов. – <https://ipei.ranepa.ru/ru/nauchnaya-deyatelnost/issledovaniya-all/issledovaniya/68-liper/998-atlas-ekonomicheskoy-slozhnosti-rossijskikh-regionov>

Порошина О.О.

старший преподаватель, Гомельский государственный университет
poroshina@tut.by

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: социальное обслуживание, социальное обеспечение, социальная защита населения, социальные услуги, формы социального обслуживания, бюджетные средства, внебюджетное финансирование, государственный социальный заказ.

Keywords: social services, social security, social protection of the population, social services, forms of social services, budget funds, extrabudgetary financing, state social order.

Основными составляющими системы социальной защиты населения Республики Беларусь являются социальное страхование, социальная помощь, социальное обеспечение. В каждой экономической модели система социальной защиты имеет свои специфические черты, качества и закономерности. С изменением самой экономической системы происходят изменения и в структуре социальной защиты населения, как одного из ее компонентов.

Законодательная база, регламентирующая вопросы социальной защиты в Республике Беларусь представлена законами «О социальном обслуживании», «О государственных минимальных социальных стандартах», «О социальной защите инвалидов», «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов», «О ветеранах», «О пенсионном обеспечении», «О социальных льготах, правах и гарантиях отдельным категориям граждан», «Об основах государственного социального страхования», Указом Президента Республики Беларусь «О государственной адресной социальной помощи» и другими подзаконными актами.

Социальное обслуживание как одна из важнейших форм социального обеспечения является высокоэффективной социальной технологией, позволяющей не только оказывать результативную социальную поддержку гражданам в условиях сложной социальной и экономической ситуации, объективно нарушающей жизнедеятельность человека, но и предупреждать возникновения подобного рода ситуаций.

Нормативное определение социального обслуживания содержится в Законе Республики Беларусь от 22.05.2000 г. «О социальном обслуживании», где под ним понимается «совокупность мер по организации и оказанию социальных услуг, содействию активизации собственных усилий граждан по предупреждению, преодолению трудной жизненной ситуации и (или) адаптации к ней» [2].

Под трудной жизненной ситуацией понимается такая ситуация, в которой нарушена нормальная жизнедеятельность гражданина (полная нетрудоспособность по причине возраста или инвалидности, неспособность к самообслуживанию в связи с болезнью, сиротство, безнадзорность, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество, стихийные бедствия, катастрофы и т.п.) и справиться с которой самостоятельно он не может.

Социальное обслуживание основывается на принципах адресности, гуманизма, социальной справедливости, социального равенства, доступности, добровольности, конфиденциальности, общей профилактической направленности.

К целям социального обслуживания относят: прогнозирование и предупреждение возникновения трудных жизненных ситуаций; оказание содействия гражданам в преодолении трудных жизненных ситуаций и (или) адаптации к ним; активизация собственных усилий граждан, создание условий для самостоятельного преодоления трудных жизненных ситуаций.

Система социального обслуживания включает в себя:

- государственные органы, осуществляющие государственное регулирование и управление в области социального обслуживания;
- государственные организации, иные юридические лица, в том числе негосударственные некоммерческие организации, оказывающие социальные услуги;
- физических лиц, оказывающих социальные услуги, в том числе индивидуальных предпринимателей.

Социальные услуги являются неотъемлемым дополнением финансового социального обеспечения, и в Законе «О социальном обслуживании» они определены как «деятельность в области социального обслуживания по оказанию гражданину помощи в целях содействия в предупреждении, преодолении трудной жизненной ситуации и (или) адаптации к ней, не связанная с оказанием материальной помощи».

Демографические и социально-экономические процессы, динамика здоровья населения страны обуславливают рост численности людей, нуждающихся в уходе и социальной реабилитации. Для Республики Беларусь, как и для других европейских стран, характерно постепенное повышение доли людей старших возрастов, что подтверждается данными табл. 1 [2].

Структура населения по основным возрастным группам Республики Беларусь в 2014–2018 гг.

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Все население, в том числе (человек):	9 468 154	9 480 868	9 498 364	9 504 704	9 491 823
моложе трудоспособного возраста	1 579 950	1 610 059	1 641 268	1 683 112	1 683 112
– в % к общей численности населения	16,7	17,0	17,3	17,6	17,7
трудоспособного возраста	5 623 105	5 560 060	5 499 424	5 432 404	5 431 347
– в % к общей численности населения	59,4	58,6	57,9	57,1	57,2
старше трудоспособного возраста	2 265 099	2 310 749	2 357 672	2 403 488	2 377 364
– в % к общей численности населения	23,9	24,4	24,8	25,3	25,1

В связи с происходящими изменениями социально-демографической ситуации в нашей стране увеличивается численность пожилых людей, остается высокой численность инвалидов. Так, на 1 января 2018 г. в органах по труду, занятости и социальной защите получали пенсию 564,9 тыс. инвалидов, на 01.05.19 г. их численность возросла до 569,7 тыс. [3].

Удельный вес инвалидов в общей численности населения в 2017 г. составил 5,9 %, тогда как в 2016 г. этот показатель составлял 5,8% [4, с.22].

Уровень первичной инвалидности населения республики в целом за 2017 год по сравнению с 2016 увеличился на 1,6% (с 61,41 на 10 тыс. населения в 2016 году до 62,35 на 10 тыс. населения в 2017 г.), в том числе среди взрослого населения – на 2% (с 70,87 на 10 тыс. населения в возрасте 18 лет и старше до 72,26 на 10 тыс. населения), среди трудоспособного населения – на 2,7% (с 37,29 на 10 тыс. трудоспособного населения до 38,29 на 10 тыс. населения). Среди детского населения уровень первичной инвалидности уменьшился на 0,5% (с 21,15 на 10 тыс. детского населения до 21,05 на 10 тыс. детского населения).

Среди категорий населения, наиболее остро нуждающихся в социальных услугах также необходимо отметить участников Великой Отечественной войны (ВОВ), одиноких пожилых граждан. На 1 января 2018 г. в республике проживало 9030 ветеранов ВОВ и 17 957 граждан, пострадавших от последствий войны, 134,7 тыс. одиноких граждан пожилого возраста [5].

Наблюдается «феномен двойного старения» как родителей/опекунов, так и самих инвалидов, в результате родители/опекуны с возрастом больше не могут продолжать оказывать поддержку инвалидам. Старение населения проявляется при увеличении средней продолжительности жизни, что обуславливает рост численности одиноких и одиноко проживающих граждан. Такая ситуация ведет к росту спроса на социальные услуги, увеличению числа клиентов старшей возрастной категории, что требует разработки новых подходов в системе социального обслуживания, создания условий для более интенсивного обслуживания [6, с.4].

В стране создана основа национальной социальной инфраструктуры – социальное обслуживание населения, которое по праву признается одним из ведущих звеньев социальной защиты. Сетью учреждений социального обслуживания населения предоставляется широкий спектр социальных услуг гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, прежде всего тем, кто в повседневной жизни не может обходиться без посторонней помощи.

В Республике Беларусь выполняется ряд государственных социальных программ, обеспечивающих укрепление реальных социальных гарантий и повышение качества жизни пожилых людей, ветеранов, инвалидов.

В 2011–2015 гг. указанные задачи решались посредством реализации следующих программных документов:

- ежегодные государственные программы содействия занятости населения Республики Беларусь;
- Республиканская целевая программа по улучшению условий и охраны труда на 2011–2015 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.06.2010 г. № 982;
- Государственная программа по созданию безбарьерной среды жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2011–2015 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 01.11.2010 г. № 1602;
- Комплексная программа развития социального обслуживания на 2011–2015 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.07.2010 г. № 1126.

Дальнейшее развитие системы социальной защиты и содействия занятости населения осуществляется в рамках Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2016 г. № 73.

Целью Государственной программы является:

- развитие системы социальной защиты населения посредством повышения эффективности политики занятости населения (подпрограмма «Содействие занятости населения»);
- улучшения условий охраны труда (подпрограмма «Охрана труда»);
- создания безбарьерной среды жизнедеятельности, обеспечения социальной интеграции инвалидов и пожилых граждан (подпрограммы «Предупреждение инвалидности и реабилитация инвалидов», «Безбарьерная среда жизнедеятельности инвалидов и физически ослабленных лиц», «Социальная интеграция инвалидов и пожилых граждан»).

В 2017 году фактически было освоено только 96,3% средств, запланированных на реализацию программы. При этом около 91,5% средств направлено на выполнение мероприятий по социальной интеграции инвалидов и пожилых граждан (табл. 2).

Финансирования мероприятий Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения в 2017 году [5] в миллионах рублей

Наименование подпрограммы	План	Факт	Выполнение плана, %
Содействие занятости населения	38,4	29,3	76,3
Охрана труда	0,6	0,49	61,9
Предупреждение инвалидности и реабилитация инвалидов	2,32	2,24	96,8
Безбарьерная среда жизнедеятельности инвалидов и физически ослабленных лиц	4,31	4,66	108,0
Социальная интеграция инвалидов и пожилых граждан	400,5	392,8	98,1
Итого	446,1	429,5	96,3

Структура источников финансирования мероприятий Государственной программы характеризуется следующими данными:

- средства республиканского бюджета – 12,9 млн. рублей или 86,8% к плану, из них средства фонда предупредительных (превентивных) мероприятий по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний – 0,3 млн. рублей, или 70,3% к плану;
- средства местных бюджетов – 412,1 млн. рублей, или 96,5% к плану (в том числе средства, передаваемые из бюджета фонда – 26,9 млн. рублей);
- средства бюджета фонда – 1,2 млн. рублей, или 82,1% к плану;
- средства от возврата бюджетных ссуд – 1,1 млн. рублей, или 136,9% к плану;
- собственные средства исполнителей мероприятий – 2,1 млн. рублей, или 124,4% к плану [5].

Таким образом, мероприятия программы финансируются преимущественно за счет средств местных бюджетов.

В 2017 году все сводные целевые показатели Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения, в том числе в области социального обслуживания, были выполнены (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о достижении сводных целевых показателей Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения

Наименование подпрограммы	2016 г. факт	2017 г.	
		план	факт
Уровень зарегистрированной безработицы, % (не более)	0,8	2,0	0,5
Уровень производственного травматизма, %	52,26	51,74	44,86
Уровень профессиональной заболеваемости, %	0,24	0,2376	0,21
Показатель тяжести первичного выхода наименее способных лиц трудоспособного возраста, %	47,6	50,0	46,7
Количество созданных доступных для инвалидов и физически ослабленных лиц приоритетных объектов в приоритетных сферах жизнедеятельности, ед.	1079	656	1227
Уровень обеспеченности инвалидов и пожилых граждан социальными услугами, продецимилле	789,6	755	813

Ведущая роль в социальном обслуживании пожилых людей и инвалидов принадлежит государственным учреждениям социального обслуживания – стационарным и нестационарным. В стране функционирует 80 домов-интернатов различного профиля (стационарные учреждения): 47 психоневрологических домов-интернатов для престарелых и инвалидов, 22 дома-интерната для престарелых и инвалидов и 10 домов-интернатов для детей-инвалидов с особенностями психофизического развития, ГУ «Республиканский интернат ветеранов войны и труда», а также 146 территориальных центров социального обслуживания населения (ТЦСОН).

Особенностью стационарной формы обслуживания является обеспечение проживающих в домах-интернатах круглосуточным уходом, необходимой медицинской помощью и широким спектром социальных услуг. Право на пребывание в домах-интернатах имеют граждане, частично или полностью утратившие способность к самообслуживанию и нуждающиеся в уходе, бытовом и медицинском обслуживании. На полное государственное обеспечение в дома-интернаты принимаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, лица без гражданства, постоянно проживающие в Беларуси, являющиеся инвалидами I или II группы, а также достигшие пенсионного возраста лица, нуждающиеся в уходе, бытовом и медицинском обслуживании и не имеющие трудоспособных членов семьи, обязанных по закону их содержать. В перспективе сеть стационарных учреждений должна не только расширяться, но и видоизменяться, при этом предлагается рассмотреть возможность их дифференциации в зависимости от класса проживания и предлагаемых услуг.

Совершенствование социального обслуживания в Беларуси направлено на создание условий, позволяющих максимально приблизить требуемые услуги к месту постоянного проживания граждан. Способствовать этому призвано развитие сети нестационарных учреждений социального обслуживания (ТЦСОН), которые характеризуются многопрофильностью деятельности, большим количеством обслуживаемых и широким спектром оказываемых услуг.

С внедрением в 2003 г. в республике государственного социального стандарта в области социального обслуживания (один ТЦСОН на один административный район) расширились возможности реализации большего спектра услуг для нуждающихся. Функционирующие ТЦСОН обеспечивают оказание разносторонней помощи гражданам и семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации (табл. 4).

**Внедрение государственного социального стандарта в области социального обслуживания
(на 01.04.2019) [3]**

Регион	Количество территориальных центров социального обслуживания населения	Количество отделений в территориальных центрах социального обслуживания населения				Количество социальных пунктов	Численность граждан состоящих на учете в территориальных центрах социального обслуживания населения		
	всего	всего	из них:				всего	всего	из них: обслуживаемые на дому
			отделений обеспечивающих дневное пребывание для инвалидов	отделений круглосуточного пребывания	отделений обслуживающих граждан дневное пребывание для граждан				
Брестская область	20	119	23	1	21	228	399 356	10 768	
Витебская область	25	151	29	21	32	244	275 872	15 326	
Гомельская область	25	128	25	9	25	270	317 753	14 313	
Гродненская область	19	114	19	10	18	177	242 412	13 282	
Минская область	23	132	24	11	23	117	322 330	21 583	
г. Минск	9	59	11	0	8	13	207 668	3500	
Могилевская область	25	129	25	12	24	151	249 031	12 533	
Итого	146	832	156	64	151	1200	2 024 422	91 305	

В структуре ТЦСОН создаются отделения первичного приема информации, анализа и прогнозирования; отделения социальной помощи на дому; срочного социального обслуживания; отделения социальной адаптации и реабилитации, отделения дневного и круглосуточного пребывания для граждан пожилого возраста и инвалидов, отделения дневного пребывания для инвалидов.

Наиболее востребованной и популярной среди населения является организация социального обслуживания на дому. Эта форма прогрессивна не только с точки зрения морально-психологической, но и финансовой. В настоящее время сеть отделений социальной помощи на дому охватывает города и практически все населенные пункты районов. По состоянию на 01.04.2019 г. социальными работниками обслуживается 91 305 человек или 4,5% состоящих на учете в ТЦСОН.

Для обеспечения в течение дня безопасного пребывания и постоянного присмотра за пожилыми гражданами в территориальных центрах организована работа 150 отделений, обеспечивающих их дневное пребывание. Численность граждан, посещающих такие отделения на постоянной основе, составила 10,1 тыс. человек. В 2017 году количество таких отделений увеличилось на 18 единиц, численность обслуживаемых граждан – на 21,9% (8,3 тыс. человек) [5].

Спрос населения на социальные услуги отличается устойчивостью. Вместе с тем, постепенно происходит перераспределение структуры спроса на социальные услуги – все более востребованными становятся услуги по постоянному постороннему уходу на дому, социально-медицинские услуги, услуги сиделок. Для их предоставления в структуре центров функционируют отделения срочного социального обслуживания. Гражданам, утратившим способность к самообслуживанию, предусмотрено оказание почасового ухода. Открыты Салоны милосердия, где в случае необходимости можно получить одежду, обувь, продукты питания, средства реабилитации. Продолжается внедрение услуг сопровождаемого проживания инвалидов, направленных на подготовку инвалидов к самостоятельной жизни вне таких учреждений и дальнейшее их сопровождение.

Наиболее значительной по численности категорией граждан среди обслуживаемых в ТЦСОН являются одинокие и одиноко проживающие граждане пожилого возраста, одинокие и одиноко проживающие инвалиды I и II группы. Среди семей, которым оказывается социальная поддержка, – преимущественно неполные и многодетные. Услугами помощника по сопровождению охвачен 781 человек, услугами ассистента инвалида – 227 человек, услугами переводчика жестового языка – 1104 человека [5].

Новое направление развития получило социальное обслуживание в сельской местности. При отделениях срочного социального обслуживания создаются хозяйственные бригады, бригады социального обслуживания на мобильной основе, силами которых производится комплексное обслуживание, оказание социально-бытовых услуг, производится мелкий ремонт жилых помещений, завоз, распиловка и складирование дров, перевозка грузов, обработка приусадебных участков.

Развивается такая форма обслуживания как отделения круглосуточного пребывания для граждан пожилого возраста и инвалидов (на срок до 6 месяцев) для одиноких и одиноко проживающим нетрудоспособных граждан и инвалидов. Созданы больницы сестринского ухода, при участковых больницах функционируют медико-социальные палаты (койки).

Деятельность учреждений социального обслуживания направлена на обеспечение выполнения государственных минимальных социальных стандартов в области социального обслуживания, к которым относятся, в том числе, перечень бесплатных и общедоступных социальных услуг государственных учреждений социального обслуживания и нормы и нормативы обеспеченности граждан услугами государственных учреждений социального обслуживания.

Перечень бесплатных и общедоступных социальных услуг государственных учреждений социального обслуживания с нормами и нормативами обеспеченности граждан этими услугами утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2012 г. № 1218 «О некоторых вопросах оказания социальных услуг».

В 2017 г. постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь № 84 установлены требования к содержанию и качеству социальных услуг перечня бесплатных и общедоступных социальных услуг, оказываемых в рамках государственных минимальных социальных стандартов в области социального обслуживания, включающие:

- базовые действия, рабочие операции и их последовательность в ходе оказания социальной услуги;
- условия качественного оказания социальной услуги: полнота, своевременность, комфортность, безопасность и результативность.

Данные требования являются алгоритмом действий для работников (социальных работников, сиделок, нянь, психологов и других) учреждений социального обслуживания, оказывающих социальные услуги.

Социальные услуги нуждающимся гражданам наряду с государственными учреждениями социального обслуживания оказываются также общественными объединениями и другими некоммерческими организациями (НКО). Привлечение НКО к оказанию социальных услуг осуществляется, прежде всего, через механизмы государственного социального заказа.

В 2017 г. негосударственным некоммерческим организациям предоставлены субсидии на реализацию 72 договоров на 43 оказание социальных услуг инвалидам и пожилым гражданам, заключенных в рамках государственного социального заказа (67 из них заключены в 2017 г.) [5].

Зарубежный опыт показывает, что привлечение некоммерческих организаций к активной деятельности в социальной сфере позволяет не только повысить качество социального обслуживания, расширить перечень предоставляемых социальных услуг, но и вовлечь в систему социального обслуживания ресурсы, привлекаемые некоммерческими организациями из дополнительных внебюджетных источников (благотворительные взносы частных юридических и физических лиц, труд волонтеров и т.д.). Вместе с тем практика применения системы государственного социального заказа в Республике Беларусь показала, что предоставление субсидии только на возмещение расходов на заработную плату работникам, оказывающим социальные услуги, исключает из государственного социального заказа некоммерческие организации, использующие труд волонтеров для оказания социальных услуг. Кроме того, из указанной сферы исключаются услуги, в стоимости которых удельный вес затрат на оплату труда значительно ниже общих затрат на их оказание.

Среди проблемных вопросов также отметим отсутствие конкуренции в оказании социальных услуг в отдельных регионах, длительность согласования и организации конкурсных процедур, недостаточно формализованная процедура выбора получателей услуг, сложности в организации единого учета получателей социальной помощи. Таким образом, механизм государственного социального заказа нуждается в совершенствовании, система контроля за его реализацией требует более детальной проработки.

Помимо появления новых поставщиков социальных услуг в течение последних лет, положительной тенденцией в развитии системы социального обслуживания населения является внедрение новых его форм и видов. Так, с 2013 г. предоставляется услуга социальной передышки, предусматривающая освобождение родителей (членов семьи) от ухода за ребенком-инвалидом на определенный период (до 28 дней в календарном году) с целью предоставления им возможности для восстановления сил и решения семейно-бытовых вопросов.

В практику социального обслуживания внедрены такие формы жизнеустройства нетрудоспособных граждан, как дома зимовки, дома самостоятельного и сезонного проживания, организован санаторий на дому (предусматривается оказание на дому в течение 21 дня медицинских услуг, ежедневное посещение социальным работником, организация досуга и др.).

На решение проблем повышения качества жизни одиноко проживающих нетрудоспособных граждан пожилого возраста, профилактики социального одиночества направлена такая форма социального обслуживания, как приемная и гостевая семья. Альтернативой поселению в дом-интернат стало введение формы оказания социальных услуг на основе рентных отношений. Суть этой формы состоит в заключении договоров пожизненного содержания с иждивением, в рамках которого имеющееся в собственности пожилого человека (достигшего 70-летнего возраста, не имеющего родственников, обязанных по закону их содержать) жилое помещение переходит в коммунальную собственность. В свою очередь плательщик ренты обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением. В 2017 г. осуществлялось финансирование оказания социальных услуг на основании 20 таких договоров, заключенных в ходе проведенного в 2011–2015 гг. эксперимента в г. Минске [5].

Несмотря на достигнутые результаты в оказании социальных услуг следует выделить недостатки, присущие системе социального обслуживания населения:

- материально-техническая база большинства организаций социального обслуживания развита слабо и финансируется в недостаточных объемах;

- отсутствует связь между количеством и качеством оказанных услуг и объемом бюджетного финансирования (финансирование процесса, количества обслуженных, а не результата оказания услуг, т.е. положительных изменений у потребителей в результате получения услуги);

– распорядитель бюджетных средств не имеет полного представления об удельной стоимости тех или иных услуг в общем объеме сметного финансирования, что не позволяет оценить эффективность использования бюджетных средств в социальной сфере [7].

Таким образом, для Республики Беларусь старение населения, увеличение доли одиноких и одиноко проживающих граждан пожилого возраста в его структуре, сохранение проблемы инвалидизации становятся основными тенденциями в исследуемой области. Социально-демографическая ситуация требует новых подходов к оказанию социальных услуг.

Современный этап развития системы социальной защиты можно охарактеризовать как период становления новой национальной модели социальной поддержки населения. Ее целью является обеспечение устойчивого повышения качества жизни социально уязвимых групп населения, а отличительными особенностями – программно-целевой характер, широкое применение выявительного подхода при определении нуждаемости граждан и семей в социальной поддержке, адресный принцип и межведомственное взаимодействие при оказании помощи [5].

Выполняются государственные минимальные социальные стандарты в области социального обслуживания малообеспеченных и находящихся в трудной жизненной ситуации граждан. Происходит переход от системы, в которой социальные услуги оказывались только государственными организациями на основе бюджетного финансирования, к системе, в которой эти услуги могут оказываться некоммерческими негосударственными организациями и не только за счет бюджетных средств, то есть, фактически, переход к системе социального партнерства.

Среди проблемных аспектов развития социального обслуживания, которые в последние годы стали предметом активного обсуждения, следует выделить качество оказываемых социальных услуг, уровень оплаты труда работников сферы социального обслуживания, низкое материальное обеспечение процесса оказания социальных услуг.

Бюджетные ресурсы остаются важнейшим видом финансовых ресурсов организаций социального обслуживания. Проблема повышения эффективности расходов в условиях ограниченности бюджетных средств является наиболее актуальной и определяет важнейшие направления деятельности субъектов сферы социального обслуживания.

Увеличивающийся разрыв между потребностями населения в социальных услугах, требованиями к ним и бюджетными ограничениями предопределяет необходимость дальнейшего развития партнерских отношений государства и предпринимательских структур в сфере социального обслуживания.

Список литературы

1. О социальном обслуживании: Закон Республики Беларусь от 19 июня 2017 г. № 31-З. – <http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10000395>
2. Демографический ежегодник Республики Беларусь: статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет, 2018. – 431 с.
3. Министерство труда и социальной защиты населения Республики Беларусь: официальный сайт. – <http://mintrud.gov.by/ru/chisliv>
4. Манцурова Н.В. Социальное обслуживание в Республике Беларусь и США: обзор тенденций и практики // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. 2017. – № 10. – С. 22–28.
5. Отчет о реализации в 2017 году Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы. – <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/tekst.pdf>
6. Социальный заказ как инструмент социальной политики / М.А. Щёткина [и др.]. – Минск: Представительство ООН/ПРООН в Республике Беларусь, 2009. – 59 с.
7. Ковальчук В.В. Некоторые направления совершенствования финансирования социального обслуживания населения в Республике Беларусь // Электрон. б-ки. – <http://docplayer.ru/69082686-Osnovnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-organizacii-socialno-ekonomicheskogo-obsluzhivaniya-naseleniya-v-respublike-belarus.html>

Потехин Н.А.

д.э.н., профессор кафедры управления и права УрГАУ, г. Екатеринбург
pot-pk@yandex.ru

Потехин В.Н.

к.э.н., руководитель СМИ «Вторая индустриализация России», г. Екатеринбург
vnr1@ya.ru

ОСНОВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН ОБЪЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА – ИСТОЧНИК МИРОВОГО ЛИДЕРСТВА РОССИИ

***Ключевые слова:** всеобщие и социально-экономические законы развития природы и общества, основной социально-экономический закон развития общества, Вторая индустриализация России, мировое лидерство России.*

***Keywords:** general and socio-economic laws of development of nature and society, the main socio-economic law of development of society, the Second industrialization of Russia, world leadership of Russia.*

Постановка проблемы

Сформировавшийся в течение нескольких десятков веков деструктивный порядок жизнедеятельности отдельных народов, стран и мирового сообщества на основе субъективно-волюнтаристских, религиозных, идеологических, классово-политических воззрений ставит человечество перед объективной необходимостью переосмысления всех имеющихся теорий, концепций, методологий и практик развития с целью создания более гуманных условий жизнедеятельности [2; 10]. Для этого необходимы соответствующие инструменты познания законов природы и общества, а также механизм их учета в практике. Нарботанный в ходе истории теоретико-методологический и практический опыт, к сожалению, не раскрывает совокупность всеобщих и социально-экономических законов развития природы и общества, в том числе основного социально-экономического закона объективной эволюции человечества при любом строе. Более того, до сих пор ни в одном учебнике не дается перечень всеобщих законов развития природы и общества, которые необходимо учитывать в процессе организации жизнедеятельности человека-общества-производства [3; 12]. Все это не позволяет получить адекватное представление о состоянии и перспективах развития производительных сил, производственных, надстроечных отношений и природной среды. На каждом этапе общественного воспроизводства представителями экономической науки выдвигались и выдвигаются субъективно-договорные формулировки «основных социально-экономических законов» и соответствующие теоретические обоснования, концепции, подходы, механизмы их учета и оправдания организации жизнедеятельности человека-общества в природе [5; 6; 7; 11; 16; 17; 19; 39; 43]. Отмеченное положение обусловливается недостаточной разработанностью экономической науки, которая по мере ее эволюции формировалась в большей степени под влиянием религий, идеологий, классово-политических, социально-психологических и иных воззрений и концепций, «либерально-демократических моделей». До сих пор используются субъективные и косвенные показатели измерения труда, жизнедеятельности, и потому экономика имеет несистемный характер [12].

Руководители большинства государств никогда не ставили перед наукой задачи выявления объективных законов всеобщего и социально-экономического развития человечества¹. По их мнению, было вполне достаточно ручного управления, осуществляемого в условиях частичного, «кусочного» знания о человеке-обществе, природе. Выработка и принятие решений производились в условиях высокой степени неопределенности, субъективно-договорного представления и, как правило, в нарушение объективных закономерностей и естественных тенденций эволюции общества в природе [2; 3; 21; 28; 29].

В результате такого вольного обращения с объективными законами развития природы и общества в государственном и хозяйственном управлении по всем уровням общественного воспроизводства и мирового сообщества в настоящее время, к сожалению, все коэффициенты эффективности деятельности (КЭД) общества, коэффициенты полезного действия (КПД) технических систем и технологий, коэффициенты воспроизводства природных ресурсов (КВПР), даже нынешних «высоких технологий» снова ползут к нулю. Экономические и управленческие науки не в состоянии раскрыть объективный механизм развития и рациональной организации общественного воспроизводства по уровням хозяйствования, а система образования не может обеспечить и дать в ходе общей и профессиональной подготовки

¹ Впервые задачи по разработке объективной теории развития социалистического производства были поставлены И.В. Сталиным в 1949 году на Политбюро ЦК КПСС, а затем в соответствии с решением XIX съезда КПСС были предприняты первые практические шаги. Однако после смерти И.В. Сталина, с подачи Хрущева Н.С. и последующих руководителей ЦК КПСС общественные и экономические науки полностью перешли на догматический и схоластический путь обсуждения теории социализма [35; 37; 38].

кадров фундаментальные междисциплинарные знания, умения, навыки, опыт, необходимые для рационального и комплексного решения проблем жизнедеятельности в стране [49]. В то же время высокие темпы развития научно-технического прогресса на современном этапе привели к росту негативной нагрузки на окружающую среду, что находит свое выражение в виде экологических катастроф, увеличения масштабных отходов производства, рудных отвалов, отходов ЖКХ, обострения внутренних и внешних условий общественного воспроизводства в России и мировом обществе. А реализация ведущими странами концепции «золотого миллиарда» создала реальную угрозу для дальнейшего сохранения человечества на Земле [9].

Все это обуславливает необходимость незамедлительного перехода государственного и хозяйственного управления на начала учета действия совокупности объективных всеобщих и социально-экономических законов, в том числе учета основного социально-экономического закона объективного развития человечества при любом строе. Только при таком подходе создаются научные предпосылки кардинального улучшения внутренней и внешней политики большинства государств в сторону организации более гуманной и более рациональной жизнедеятельности человека в обществе-природе и мировом сообществе.

Сущность проблемы

Обобщение многовекового опыта показывает, что классики политической экономии и их последователи так и не раскрыли закон исторического развития общества, они лишь описали с религиозных, идеологических и классово-политических позиций отдельные черты общественного воспроизводства [3; 12; 13]. В качестве основных законов они определили в свое время: закон средней прибыли (средней прибавочной стоимости) капиталистического (буржуазного) производства, монополистической прибыли, сформулированных К. Марксом и его последователями [16; 19]; закон удовлетворения постоянно возрастающих потребностей социалистического общества [20; 42]. Более глубокий анализ названных «основных законов», показывает, что все они отражают религиозные, идеологические, классово-политические корыстные начала, цели, потребности, интересы определенных групп, отдельных слоев населения общества, преимущественно элиты, скрывающие реальную сущность и объективную необходимость рациональной организации жизнедеятельности человека в природе. Названные законы не согласуются с всеобщими законами развития природы [28; 29]. Поэтому в ходе перестройки уже на протяжении 30 лет государственный аппарат никак не может определиться с перспективной стратегией, основными направлениями, рациональной тактикой управления общественным воспроизводством, обеспечивающим выход на лидирующее положение в мировом сообществе, реальное качественное улучшение благосостояния и уровня жизни всего населения России. Следует согласиться с высказыванием П.Г. Кузнецова, который подчеркивал, что «в современном мире, когда хотят привести наиболее весомые аргументы, ссылаются на научные рекомендации. Естественно, что такие рекомендации подлежат проверке на их «научность». Действительно, если другие рекомендации до возникновения научных опирались либо на веру, либо на авторитет, то теперь необходимо требовать научного доказательства правильности рекомендаций. Основным признаком, отличающим научную рекомендацию от любой иной, является наличие объективных законов, которым она соответствует. К сожалению, и в настоящее время встречаются такие представители науки, которые защищают научные рекомендации, не располагая знаниями объективных законов» [3; 13]. Отмеченное характерно и для государственного управления России, которое в большей степени использует рекомендации зарубежных «советников», истинность которых по каким-то причинам не проверяется объективными расчетами и не согласуется с интересами большей части населения страны.

Использование преимущественно субъективно-договорных теорий методологий и практик в государственном и хозяйственном управлении привело к правовому закреплению соответствующей системы ложных целей, принципов, критериев, субъективных (в денежном выражении) единиц измерения труда, продукции в организации жизнедеятельности общества, правил произвольной оценки производственных и надстроечных отношений, условий жизни и поведения участников в общественном воспроизводстве. За системой права необоснованно закрепились предопределяющая функция развития всех производительных сил, производственных и надстроечных отношений по уровням хозяйствования, подчиняющаяся лишь представителям верховной власти, международной и отечественной элите государства (см. ст. 15 Конституции Российской Федерации). Все это порождает: во-первых, механизм неустойчивой организации жизнедеятельности общества, который сопровождается усилением системных внутренних и внешних кризисов, масштабными потерями для общества и природы. Во-вторых, принятие волюнтаристских решений и разнонаправленных действий по «упорядочению» и закреплению преимущественно целей, интересов и потребностей элиты общества, вносит еще больший хаос в развитие экономики-общества и природы. В результате в современных научно-практических экономических и управленческих разработках превалирует повсеместно схоластика, почти полностью отсутствуют исследования проблемы объективных всеобщих и социально-экономических законов развития и учета их в общественном воспроизводстве, государственном и хозяйственном управлении [8; 40; 45; 47]. В таких условиях, как свидетельствует исторический опыт, расцветает религиозный, идеологический, политический волюнтаризм и субъективизм руководства страны всех уровней и окружающих их «придворных советников-ученых», совместные действия которых приводят к негативным, разрушительным и опасным для общества, государства и экономики последствиям.

Приведенные положения еще раз свидетельствуют о необходимости выявления объективного основного социально-экономического закона исторического развития человечества при любом строе, суть которого характеризует смысл и цель жизнедеятельности каждого человека во взаимосвязи с всеобщими законами природы и общества, обуславливающего повсеместный учет их действия в государственном и хозяйственном управлении.

Пути решения проблемы

Во всех исследованиях по данной проблематике не отражалась связь основного социально-экономического закона исторического развития человечества с всеобщими законами развития природы, частью которого является общество. Никто из авторов не увязывал основной закон развития общества с конкретными законами развития природы, характеризующими все изменения в живой материи – органической и общественной жизнедеятельности. Лишь с проведенной П.Г. Кузнецовым классификацией равновесных и неравновесных систем на основе исследований Д. Максвелла, открывшего закон сохранения полной мощности, и Э.С. Бауэра, сформулировавшего принцип устойчивой неравновесности биологических систем [1], были выделены законы неживой материи и соответствующие им равновесные процессы, а также законы живой материи и соответствующие им неравновесные процессы, характерные для органической жизни и общества [3]. Одновременно П.Г. Кузнецовым были выделены ключевые различия между этими группами законов. Широко известный закон сохранения энергии характерен для закрытых систем (неживой материи) и отражает тенденцию к сохранению равновесия (покоя) – что для живой материи и общества означает смерть. В свою очередь закон сохранения полной мощности характеризует открытые (живые) системы и неравновесные процессы в обществе – он отражает их постоянное развитие [3].

Это позволило П.Г. Кузнецову впервые рассмотреть проблему основного закона исторического развития общества в науке с позиций физической экономики. Он ввел единицу социально-экономического измерения 1МГ – бюджет социального времени одного миллиона человек в год. Также использовал в определении сущности и аргументации основного закона совокупность парных философских категорий [9], характеризующих общественное воспроизводство и его признаки развития – рабочее и свободное время и иных. К сожалению П.Г. Кузнецовым не была раскрыта социально-экономическая сущность основного закона исторического развития общества в природе. Но он создал задел для научно-практических поисков и разработок в отношении взаимосвязи закона исторического развития и всеобщего закона сохранения полной мощности, который отражает выполненную обществом работу, исчисляемую в кВт/час, т.е в системе размерностей физических величин [3; 13].

В качестве основополагающей формы проявления закона исторического развития П.Г. Кузнецов использовал необычный вариант в виде действия: закона роста производительности труда; закона экономии времени; закона возвышения потребностей, уже широко распространенных в советской экономической науке. Недостатком здесь оставались все те же причины: непонятность и неясность для простого человека и каждого трудящегося смысла жизнедеятельности, отсутствие непосредственной связи между ростом производительности труда, возвышением потребностей и реальным удовлетворением интересов и потребностей. Также не был понятен механизм расчетов и учета зависимости между ростом производительности труда и увеличением потребностей. Большая часть населения склонялась к пониманию непрерывного возвышения потребностей и в меньшей степени к прямой связи их с ростом производительности труда, которые исчислялись так же, как и при капитализме, в денежной форме и не учитывали объективно затраты-результаты.

Приведенная П.Г. Кузнецовым аргументация в отношении закона исторического развития не давала четкого понимания смысла и цели жизнедеятельности для каждого человека и всего общества при любом строе. По этим причинам до сих пор экономисты и управленцы всех уровней, исходя из ранее имевшихся и выделенных недостатков. Они не могут аргументировано ответить на ключевые вопросы практики: Чем управляют субъекты управления в ходе развития общественного воспроизводства? Какие всеобщие и социально-экономические законы учитываются в ходе управления и проведения расчетов? [3; 13] Какой всеобщий закон объективно отражает смысл, основную цель жизнедеятельности и является основной социально-экономической формой проявления закона исторического развития человечества? Какие еще всеобщие законы уточняют, конкретизируют и дополняют ключевой закон и предопределяют действие социально-экономических законов, здоровый образ жизни каждого человека, устойчивое состояние и развитие общества-человечества в природе?

Следует подчеркнуть, что в тот период (1978–2001 гг.) еще не были широко известными представителям физической и классической экономической науки социально-экономические ключевые категории, о которых только-только начали говорить в экономических исследованиях: «уровни познания», «социально-экономический инвариант», «социально-экономические концептуальные модели», адекватно отражающие неравновесные социально-экономические процессы-потоки на всех уровнях. Выделенные социально-экономические категории позволяют исчислять выполненную работу в кВт/час и подобных физических величинах [26]. Предлагаемый нами подход (четыре уровня познания) значительно расходился с общим взглядом в философии, в экономике, экономико-математических подходах, основанных на учете закона сохранения энергии, отражающего изменения в неживой материи, применения линейных моделей и линейной математики к исследованию нелинейных социально-экономических процессов.

Несколько позже нами были выделены социально-экономические формы проявления всеобщего закона сохранения полной мощности в виде доли полезных затрат-результатов, доли бесполезных, вредных, потерь затрат результатов, резервов по той же структуре в бюджете социального рабочего и свободного времени (2001 год) [23]. Данное направление получило практическую апробацию в управлении в виде разработки системы АСУП с использованием инструментов междисциплинарной методологии и внедрения ее в типовом варианте в цехе ОАО НПК «Уралвагонзавод» (2007 год). В разработанной коллективом «Системе эффективного управления производством – «СПУТНИК», применялись частично ранее созданные П.Г. Кузнецовым и его коллегами известные системы СКАЛАР и СПУТНИК, которые функционировали в ручном варианте и с несколькими иными методологическими позициями [2; 28; 29, 44].

Кроме того, в науке еще не рассматривались вопросы о расширенной совокупности всеобщих и социально-экономических законов, о необходимом и достаточном наборе междисциплинарных инструментов, которые нами бы-

ли выделены впервые лишь в 2014 и последующие годы [28; 29; 30; 31; 32; 34]. Междисциплинарные инструменты по отдельности нами использовались давно. Причем каждый из них прошел достаточную научно-практическую проверку до нас в фундаментальных, прикладных и общественных исследованиях и разработках многих ученых. Лишь решение задач по исследованию больших систем позволили объединить инструменты в совокупность, образующей системно-целостную междисциплинарную методологию, которая создает качественно новые предпосылки для полного познания явлений природы и общества в условиях определенности: знания структуры, содержания, объективного механизма развития и механизма рационального управления общественным воспроизводством по всем уровням хозяйствования [22; 28; 29]. Без названных дополнений нельзя было четко определить сущность и конкретные формы проявления основного социально-экономического закона исторического развития человечества при любом строе.

На основе обобщения фундаментальных, общественных наук и практики к расширенной совокупности всеобщих и социально-экономических законов развития природы и общества, на наш взгляд, следует отнести законы:

- сохранения полной мощности [2; 3; 28; 29; 32],
- «Золотого сечения» Л. Фибоначчи [32],
- сохранения кинетронного импульса [28; 29; 48],
- сохранения энергоинформационного потенциала [29; 32; 41],
- воспроизводимости природных ресурсов [28; 29],
- развития социально-экономических систем путем накопления свободной энергии и рационального ее использования С.А. Подлинского [21; 28; 29; 32],
- синергии – объединения объектов живой и неживой природы [32],
- основного социально-экономического закона развития – постоянного увеличения доли полезных затрат-результатов и уменьшения доли бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов в структуре бюджета социального рабочего и свободного времени в жизнедеятельности человека-общества в природе,
- экономии времени,
- роста производительности труда,
- возвышения потребностей,
- цикличного развития – эволюции социально-экономических систем [29; 32] и другие.

Основной социально-экономический закон занимает центральное место для человека. Он характеризует степень полезности выполненной работы человеком-обществом в природе и в системе названных законов, отражает смысл и основную цель жизнедеятельности каждого человека-общества в природе, обеспечивающий объективное измерение учета в практике действия всех законов в кВт/час и иных единицах размерности физических величин.

Всеобщий закон сохранения полной мощности характеризует выполненную работу обществом, измеряемую в кВт/час. Более углубленное исследование его с точки зрения социально-экономической показывает, что данный всеобщий закон одновременно характеризует степень полезности выполняемой работы в структуре бюджета социального времени каждого конкретного человека и по уровням хозяйствования, всего общества и мирового сообщества в целом. Он также действует не только в природе, но и в социально-экономических процессах на микро-, мезо-, макро- и суперуровнях. На этой основе и на базе обобщений степени полезности для человека в фундаментальных, прикладных, общественных науках (системы ценностей, критериев оценки, коэффициентов эффективности и т.д.) нами были выделены социально-экономические формы его проявления для человека-общества-природы. К ним относятся:

- 1) полезные затраты-результаты;
- 2) бесполезные затраты-результаты;
- 3) вредные затраты-результаты;
- 4) потери затрат-результатов;

5) резервы затрат-результатов, отражающие также полезные, бесполезные, вредные, потери затрат-результатов в жизнедеятельности каждого человека и общества в целом. Иных форм социально-экономического проявления всеобщего закона сохранения полной мощности нет [2; 28; 29; 32]. Выделенные формы проявления основного социально-экономического закона наглядно показывают смысл и цель жизнедеятельности каждому нормальному человеку и обществу – увеличение доли полезных затрат-результатов и уменьшение бесполезных, вредных и потерь в своем бюджете социального рабочего и свободного времени, есть важнейший источник, мобилизующий все общество на кардинальное саморазвитие и общественное развитие в короткие сроки.

По нашим оценкам, В СССР (по состоянию на 1985 г.) доля полезных затрат-результатов составляла не более 9%, резервы – 38,2%, доля потерь, бесполезных и вредных затрат-результатов – 52,8%. Структура затрат-результатов современного российского общества выглядит весьма плачевно: полезные затраты-результаты составляют не более 3,5%, доля резервов – 38,2%, на остальные затраты-результаты приходится порядка 58,3%. Причем, если принимаются какие-либо необоснованные и деструктивные решения, то резервы, как правило, используются в негативном аспекте и соответствующих пропорциях [32].

С точки зрения объективного смысла, целей, критериев расширенного воспроизводства и позитивной направленности социально-экономической жизнедеятельности каждого человека-общества в природе, обеспечивающих их непрерывное развитие, смыслом – основным законом социально-экономического (исторического) развития является постоянное увеличение доли полезных затрат-результатов и уменьшение доли бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов в структуре бюджета социального рабочего и свободного времени по всем уровням хозяйствования общественного воспроизводства, измеряемых в кВт/час. Это соответствует также выводам, сделанным еще С.А. Подлинским, относительно условий развития общества путем накопления свободной энергии и ее рационального использования.

ния [21], а также отражается непосредственно в коэффициентах эффективности: КПД – технических систем, КЭД – жизни общества, КВПР – воспроизводимости природных ресурсов.

В свою очередь определение доли полезности, бесполезности и т.д. затрат-результатов в кВт/час является квалитетическим показателем степени развития и эффективности функционирования производительных и потребительных сил, производственных и настроечных отношений, каждого со трудника, человека, руководителя, структуры и системы управления. Сформулированный закон исторического развития охватывает все стороны жизнедеятельности всех членов общества. Совместно с использованием системно-целостной методологии и совокупности перечисленных всеобщих и социально-экономических законов основной закон исторического развития обеспечивает выявление объективного механизма и тенденции изменения в общественном воспроизводстве по уровням хозяйствования, а также создает возможность обосновать объективно, научно, организационно, технически, технологически и практически механизм рационального государственного и хозяйственного управления, исключая полностью субъективизм, волюнтаризм, политиканство, скрывающие корыстные цели и интересы отдельных групп и части населения страны. По словам П.Г. Кузнецова, определение закона исторического развития общества есть «выяснение смысла жизни – постижение Закона, который реализуется Душой и Разумом» [13; 14]. Приведенное нами обоснование и формулировка основного социально-экономического закона исторического развития человечества являются предельно понятными каждому нормальному ребенку, учащемуся, любому трудозанятому, отдыхающему, занятому саморазвитием человеку, ученому, руководителю, политику. Выделенная структура бюджета социального времени и резервов каждого человека и общества является объективной. Она (структура социального времени) служит нитью Ариадны для поисков известных недостатков и рациональной организации жизнедеятельности посредством квалитетического показателя каждого человека-общества, науки, государства, дополняемые системой коэффициентов эффективности деятельности (КПД – техники, КЭД – человека-общества в природе, КВПР – воспроизводимости природных ресурсов) и их устранения – основа прогресса и комплексного решения проблем. Этот закон характерен для всего человечества и направлен на устойчивое его развитие в природе на Земле [14].

Следует также отметить взаимосвязь основного социально-экономического закона развития общества с иными всеобщими законами, которые одновременно органически связаны с законом сохранения полной мощности и иными социально-экономическими законами. Например, закон сохранения кинетронного импульса отражает характер взаимосвязей мельчайших (минимальных, базовых) частиц – кинетронов, занимающих все пространство Вселенной и в первом приближении, которые можно рассматривать как эфир, плотный «броуновский кинетронный газ». Он (закон сохранения кинетронного импульса) действует на микроуровне. Кинетронная среда обладает колоссальной энергетической плотностью. На основе действия закона сохранения кинетронного импульса и с учетом основного социально-экономического закона создаются предпосылки для кардинального повышения доли полезных затрат-результатов в жизнедеятельности человека, общества и мирового сообщества в целом – до 53% в структуре затрат-результатов.

Не менее важное значение имеет закон «Золотого сечения»¹, отражающий в живой материи и общественном воспроизводстве определенные, наиболее рациональные пропорции и соотношения между частями единого целого, между прошлым, настоящим и будущим этапом развития человека-общества в природе. Согласно ему применительно к социально-экономическим процессам и системам «соотношение воспроизводства частей целого любого объекта живой природы находится в пропорциях: 61,8 и 38,2%. Это означает, что в любой социально-экономической системе (у любого человека, группы людей, общества) 61,8% ресурсов (мощности, социального времени, затрат-результатов) расходуется на простое воспроизводство и всегда имеются резервы для развития (расширенного воспроизводства), составляющие 38,2% от ее мощности, которые, как и первая часть, могут быть использованы в форме полезных, бесполезных, вредных и потерь затрат-результатов. Величина резервов для развития в любой социально-экономической системе составляет 38,2% и является неизменной! Снижение доли воспроизводства мощности ниже 61,8% приводит к деградации человека, группы людей и общества» [32].

Отсюда следует важное следствие основного социально-экономического закона исторического развития – объективное «правило» социально-экономического роста: сокращение бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов в 2 раза в деятельности человека, группы людей и общества приводит к увеличению полезных затрат-результатов в 8 и более раз. При этом не требуется, как обычно, многократных дополнительных финансовых и материальных затрат и инвестиций! Все решается за счет более рациональной организации труда, всей жизнедеятельности и при активном творческом участии каждого человека.

В настоящее время для вывода России из внутреннего и внешнего системного кризиса объективно необходимо увеличить долю полезных затрат-результатов в 3–4 раза [32].

Закон сохранения энергоинформационного потенциала, характеризующий рациональные формы воспитания, самовоспитания, мышления каждого человека на всех стадиях жизнедеятельности, отражающий также степень полезности и вредности своего мышления и отношения к окружающему миру, партнерам по трудовой и т.д. жизнедеятельности, обществу и природе, обеспечивает тем самым соответствующее здоровье, успехи и неудачи в личной и общественной деятельности [41].

По существу все и каждый всеобщий закон непосредственно направлен на объективную необходимость постоянного увеличения доли полезных затрат-результатов и уменьшения доли бесполезных, вредных и потерь затрат-результатов, как основы сохранения и развития каждого человека и всего общества-цивилизации на планете Земля.

Отмеченное позволяет сделать вполне обоснованный вывод о том, что сам факт повсеместного учета в научно-производственной деятельности всех государственных и хозяйственных организаций основного социально-

¹ Сформулирован Л. Фибоначчи в XIII веке. Представляет собой универсальный закон пропорций в живой природе.

экономического закона исторического развития в сформулированном виде, его широкая пропаганда и учет в системе воспитания, общего и профессионального обучения, формировании рационального мировоззрения, рациональной организации труда, производства и эквивалентной оплаты труда является важнейшим фактором развития всеобщего проявления позитивного творчества трудящихся масс – основы выхода России на лидирующее место в мировом обществе.

Выводы

1. Данный подход к определению закона исторического развития человечества позволяет видеть взаимосвязь его со всей совокупностью всеобщих и социально-экономических законов, измерять учет их действия в практике выполняемой работы в кВт/час и иных единицах размерности физических величин, раскрывает системообразующее их единство, направленное на постоянное сохранение и позитивное развитие, рациональную организацию жизнедеятельности каждого человека-общества-цивилизации.

2. Формулирование расширенной совокупности всеобщих и социально-экономических законов, их повсеместное закрепление и учет в системе права и организации жизнедеятельности автоматически решает проблему исключения всякого волонтаризма, субъективизма, политиканства в государственном и хозяйственном управлении.

3. Повсеместный учет совокупности перечисленных законов и основного социально-экономического закона в теории и практике позволит кардинально изменить в сторону более гуманной и позитивной организации жизнедеятельности государства и его важнейших звеньев. Возникает объективная необходимость и неизбежность в короткие сроки:

– разработать и принять единую созидательную, гуманную и позитивную государственную идеологию (изменить статью 13 и отменить ст. 15 Конституции РФ);

– закрепить в нормах права систему объективных целей, принципов, критериев, этапов, задач, показателей оценки деятельности, норм гуманизации, морали, требований к экологически чистому производству;

– разработать и принять государством научно-обоснованную комплексную социально-экономическую политику, направленную на реализацию единой национальной идеи – форсированного осуществления Второй индустриализации России, обеспечивающей выход из системных внутренних и внешних кризисов страны и переход на инновационный тип воспроизводства;

– закрепить в нормах права научно обоснованные процедуры выработки, принятия и реализации управленческих решений с учетом действия всей совокупности всеобщих и социально-экономических законов, с выделением основного социально-экономического закона как системообразующего жизнедеятельности каждого человека и системы управления;

4. Учет основного социально-экономического закона в научно-практической деятельности по уровням хозяйствования создает комплексные предпосылки выхода на внутренние резервы и принципиально новые решения системных проблем роста качества жизни, внедрения экологически чистых производств на основе форсированного осуществления Второй индустриализации России.

Список литературы

1. Бауэр Э.С. Теоретическая биология. – М.: Изд. ВИЭМ, 1935.
2. Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / Под ред. д.э.н., профессора Н.А. Потехина. – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011.
3. Гвардейцев М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.Я. Математическое обеспечение управления. Меры развития общества / Под ред. М.И. Гвардейцева. – М.: Радио и связь, 1996.
4. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. – М.: Соцэкгиз, 1959.
5. Губин В.Б. О методологии лженауки // Философские науки. – М., 2002. – № 1. – С. 150–156.
6. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. – М., 1969.
7. Гэлбрейт Дж., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. – М.: Прогресс, 1988.
8. Долгин А. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. – М.: АСТ, 2010.
9. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: Институт философии АН СССР, 1960.
10. Кара-Мурза С.Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок. – М., 1999.
11. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007.
12. Контопов Л.С., Михайлов Н.В., Саврасов Ю.С. Основы физической экономики (Физические аналоги и модели в экономике). – М.: Радио и связь, 1999. – 184 с.
13. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа-общество-человек: Устойчивое развитие / Государственный научный центр Российской Федерации ВНИИгеосистем, Международный университет природы, общества и человека «Дубна». 2000.
14. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Устойчивое развитие: синтез естественных и гуманитарных наук / Российская Академия Естественных Наук, Международный университет природы, общества и человека «Дубна» // Ситуация в России. – <http://www.situation.ru>.
15. Кузнецов П.Г. Энергетический анализ основ общественного производства. – М.: Советское радио, 1972.
16. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1–55. Изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1967–1975.
17. Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты, политика. – М., 1990.
18. Маркс К. Капитал. – Т. 1.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1–39. Изд. 2-е. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974.
20. Олигин-Нестеров В.И. Использование экономических законов социализма и управление производством. – М., 1974.

21. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. – М.: Ноосфера, 1991.
22. Потехин В.Н. Государственное управление общественным производством в условиях осуществления Второй индустриализации России: теория, методология и практика. – М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019.
23. Потехин Н.А. Всеобщий кризис современных социально-экономических наук и новая эра их развития. – М.: Изд-во УрО РАН, 2001.
24. Потехин Н.А. Вторая индустриализация как национальная идея и пути ее реализации // Диспут плюс. 2014. – № 1 (21). – С. 20–28.
25. Потехин Н.А. Методология развития социально-экономических наук в XXI веке // Известия Уральского государственного экономического университета. 1999. – № 1. – С. 4–17.
26. Потехин Н.А. Совокупный работник: интенсивное производство, управление. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1987.
27. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Концепция инновационного развития общественного производства – осуществления Второй индустриализации России на период 2017–2022 гг. – Екатеринбург: Спутник, 2017.
28. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Методология осуществления Второй индустриализации России. Настольная книга руководителя государства. – Екатеринбург: СаРО МААО, 2018.
29. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Новая общественно-экономическая формация – инновационный способ воспроизводства. Настольная книга руководителя государства. (Преодоление всеобщего кризиса на основе Второй индустриализации России). – М.: Кадровый резерв, 2019.
30. Потехин Н.А., Потехин В.Н. О новой общественно-экономической формации – инновационном способе воспроизводства // Аграрно-продовольственная политика России. 2016. – № 1.
31. Потехин Н.А., Потехин В.Н. О поточном подходе к социально-экономическим исследованиям управления общественным воспроизводством // Аграрный вестник Урала. 2018. – № 1 (168). – С. 73–80.
32. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Основы экономики Второй индустриализации России. – Екатеринбург: Спутник, 2017.
33. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Переход к инновационному способу воспроизводства на основе Второй индустриализации России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 351–356.
34. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Проблема повышения эффективности государственного управления инновациями в России // Аграрно-продовольственная политика России. 2017. – № 11. – С. 17–22.
35. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Эффективное решение проблемы подготовки кадров – основа конструктивной социально-экономической политики России // Аграрный вестник Урала. 2014. – № 5 (123). – С. 88–92.
36. Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм // Российская газета. – М., 2012. – 9 сентября.
37. Примаков Е.М. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов // Российская газета. – М., 2014. – 14 января.
38. Примаков Е.М. Не просто работать, а знать во имя чего // Российская газета. – М., 2015. – 13 января.
39. Рикардо Д. Сочинения: в 5 т. – М.: Политиздат, 1955.
40. Рифкин Д. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. – М. Альпина нон-фикшн, 2014.
41. Рогожкин В.Ю. Эниология: Энергоинформ. обмен. – М.: Пантори, 2000.
42. Румянцев А.М. Политическая экономия. Учебник. Т. 1–2. – М.: Политиздат, 1978.
43. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962.
44. Советские технологии управления «Спутник», «Скалар», «КОМПАС» и МПЭ». – <https://sputnik-scalar.ru/>
45. Цаплин В.С. Странная цивилизация. – М.: АСТ-Астрель, 2006.
46. Царегородцев С. Механизм управления обществом (Как преодолеть догматизм современной философии). – М., 2014.
47. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016.
48. Янушевский И.А., Ласточкин С.С. Кинетронные супертехнологии. – М., 2009.
49. Ясюкова Л.А. Правовое сознание в структуре ментальности россиян. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

Раков Д.Л.

к.т.н., с.н.с. ИМАШ РАН

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА БАЗЕ ПРОГРЕССИВНОГО МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: научно-технологическое прогнозирование, инновационные технологии, прогрессивный морфологический подход.

Keywords: scientific and technological forecasting, innovative technologies, progressive morphological approach.

Синтез инновационных технологий и решений, а также их прогнозирование обуславливает интерес разработчиков к компьютерным методам поддержки инновационных процессов. Создание инновационных технологических систем (ТС) происходит в условиях жесткой конкуренции, эти системы характеризуются быстрым моральным старением, а также необходимостью динамично реагировать на изменяющиеся условия внешней среды. В связи с этим особое значение приобретает решение проблемы синтеза технологических решений (ТР), в которых воплощены новейшие научно-технические достижения и открытия с высокими показателями. Для этого необходимо использование системного анализа и синтеза при их создании.

При синтезе ТС и ТР значительно изменяется информационное поле (рис. 1). На этапе исследований (этап 1, рис. 1), в результате выявления потребностей, принимается решение о создании новой ТС, определяются ее основные характеристики, которые являются исходными данными для следующего этапа проектирования. Результаты исследований этого этапа, как правило, являются основой для принятия решений о необходимости создания или модификации системы, либо о целесообразности проведения дополнительных исследований. Целью решения совокупности перечисленных выше задач является определение содержания этапа оперативно-тактических исследований, результатом которого является ТЗ на проектирование ТС и других подсистем.

После этого начинается непосредственное проектирование ТС – предэскизное проектирование (этап 2). На этом этапе проектирования ведется проработка нескольких технических предложений, проводится их сравнительный анализ с точки зрения соответствия функциональному назначению, дается предварительная оценка эффективности разрабатываемых вариантов, определяются предпочтительные из них. Необходимость проработки нескольких вариантов вызвана, в основном, отсутствием точной информации о возможных реализациях того или иного проектного решения. Для этих этапов характерна значительная неопределенность используемой информации и чрезвычайно большая размерность.

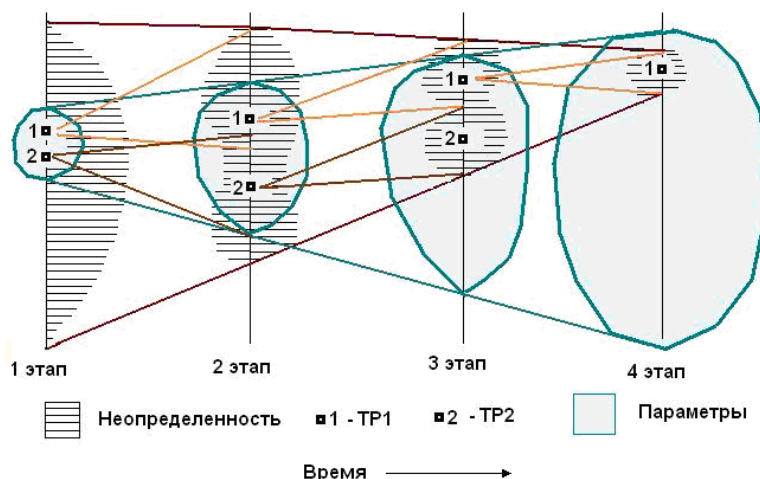

Рисунок 1.

Изменение информационного поля в процессе проектирования ТС

Неопределенность связана с естественными для этого уровня неточностями прогнозирования потребностей и технических возможностей реализации проектируемых систем. При этом неопределенности при оценке потребностей и технических возможностей имеют различный характер. Первая, как правило, устраняется лишь при непосредственном использовании ТС, вторая – последовательно уменьшается в процессе проектирования и изготовления ТС.

После анализа рациональных вариантов ТС в целом формируются предварительные требования ко всем ее элементам, и намечается состав оборудования, определяющего ее функциональные особенности. На этом заканчивается

первый виток спирали проектирования, после которого можно судить об основных деталях выбранной схемы. Из-за отсутствия точной информации на этом этапе еще не устанавливаются окончательные параметры ТС и ее подсистем.

Предэскизное проектирование непосредственно переходит в эскизное (этап 3). После утверждения эскизного проекта на этапе технического проектирования (этап 4) проводится дальнейшее уточнение параметров и характеристик, а также проводится окончательная увязка всех элементов.

Анализ описанных этапов показывает, что одной из основных особенностей проектирования является последовательный процесс принятия решений в условиях неопределенности. При этом принятые на каждом этапе решения уменьшают степень неопределенности последующих этапов проектирования, что приводит к последовательному уточнению и детализации проектных решений. Значительная неопределенность информации на предварительных этапах проектирования приводит к рассмотрению «грубых» моделей и многовариантности ТР, т.е. параллельной отработке нескольких альтернативных вариантов. Уточняются также внешние факторы, воздействующие на ТС. Взаимовлияние внешних и внутренних факторов процесса проектирования и его автоматизация является одной из его определяющих характеристик и нуждается в детальном системном и математическом исследовании. Для инновационных ТС эффективность проектно-поисковых исследований в значительной степени влияет на ход дальнейших разработок, поэтому на этапе предварительного проектирования целесообразно всемерное внедрение новых методов, повышающих достоверность и качество результатов.

Основными задачами системного анализа являются три задачи [1] (рис. 2):

- декомпозиция ТС;
- анализ ТС. Анализ проводится для идентификации свойств ТС и для установления закономерностей ее функционирования;
- задача синтеза ТС. На основе информации о ТС, разрабатывается модель ТС, определяются ее структура (структурный синтез) и параметры (параметрический синтез или параметрическая оптимизация), обеспечивающие эффективное функционирование ТС и достижение поставленных целей.

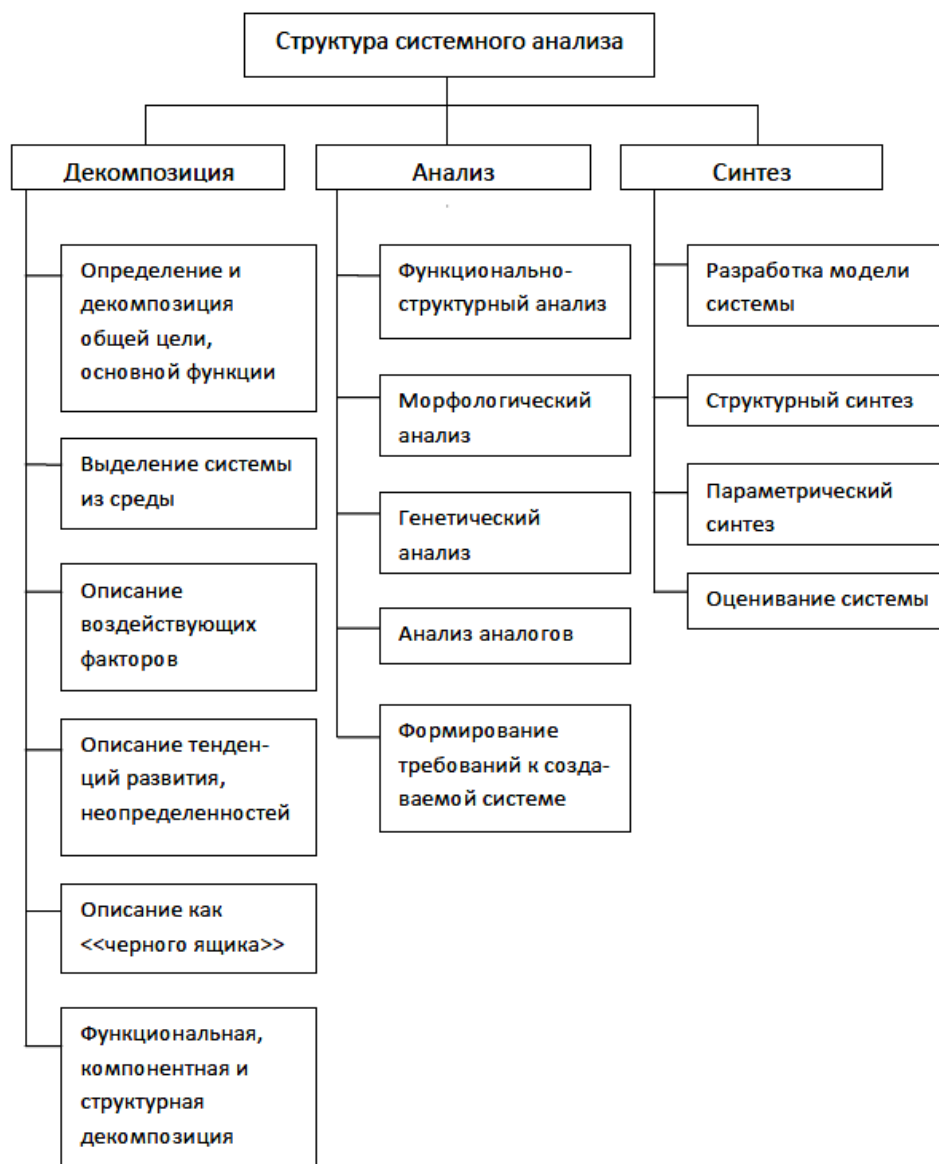

Рисунок 2.
Основные задачи системного анализа

В большинстве практических задач структурный синтез образует с параметрическим единое целое. Очевидно, что параметрический синтез (оптимизация) проводится при условии фиксации структуры объекта. Обратное неверно. Структурный синтез слабо связан с какими-либо предположениями о выбранных параметрах. Поэтому структурная оптимизация, естественная для любого процесса проектирования, всегда опирается на повторяющуюся параметрическую оптимизацию.

Операции структурного и параметрического синтеза проводятся, как правило, последовательно. Целесообразность разработки методов структурного синтеза не вызывает сомнений, поскольку в дополнение к эффекту, получаемому от решения задач параметрической оптимизации, может быть получен не меньший эффект за счет расширения (на порядок и более) множества рассматриваемых ТР. Если при постановке задач параметрической оптимизации (по одному и тому же критерию качества) для двух вариантов ТС нельзя задать одинаковые наборы оптимизируемых параметров и одинаковые целевые функции и функции ограничений, то эти варианты ТС имеют различную структуру, т.е. для различных структур имеют место различные по постановке задачи параметрической оптимизации. При этом приходится формировать и просматривать различные сочетания элементов ТС друг с другом, определяющие тем самым тот или иной вариант конструкции, технологии или последовательно комплектовать из отдельных агрегатов и блоков заданную структуру. Для автоматизированного синтеза оптимальной структуры необходимо применение особых численных методов, поэтому в настоящее время алгоритмы структурного синтеза, активно разрабатываются в различных областях техники.

Синтез ТС представляет собой задачу большой размерности, решить которую аналитически на данном этапе не удастся. Для ее решения требуется знать точную модель взаимосвязи параметров, определяющих систему, а также критерии, характеризующие успешность ее реализации. Такие характеристики можно получить только в результате моделирования поведения системы. В виду отсутствия полной математической модели, связывающей параметры, определяющие систему с критериями качества ее реализации, задачу синтеза необходимо решать методом подбора параметров [2]. Все множество методов постановки и решения задач поиска можно разбить на два класса: трансформационные и морфологические, другое обозначение – алгоритмические и эвристические методы проектирования [3, 4].

Трансформационный подход базируется на следующих принципах. На стадии анализа, путем продвижения от предугадываемого разработчиком облика искомого решения к возможному его прототипу, формируют план решения задачи. Реализацию этого плана, т.е. синтез искомого решения, осуществляют путем тех или иных преобразований (трансформаций) прототипа с помощью одного, но чаще целой системы эвристических приемов (например, инвертирование, поиск аналогий и т.д.). При этом весь цикл решения задачи приходится повторять многократно, отыскивая ряд прототипов и используя для их трансформации различные наборы эвристических приемов.

Трансформационные (эвристические) методы разрабатывались в ряде работ (Альтшулер [5, 6] 1973, 1982, Буш [7], 1979, Половинкин [8], 1981, Бирюков [9], 1982 и ряде других). Надежность трансформационных методов, опирающихся на построение модели ориентира искомого ТР, обратно пропорциональна сложности решаемых задач [10]. Попытки преодолеть этот недостаток, внутренне присущий трансформационным методам, привели к возникновению морфологического подхода, базирующегося на комбинаторном подходе. Суть морфологического подхода к решению задачи состоит в следующем. На стадии морфологического анализа надо получить не план решения задачи, как в трансформационных методах, а так называемое морфологическое множество решений (ММР) – описание всех потенциально возможных решений данной задачи.

Был разработан прогрессивный морфологический подход, опирающийся на многокритериальный, кластерный анализ и теорию множеств. Предложенный подход реализуется следующим образом [11-13]:

В исследуемой ТС выделяются признаки (функциональные или конструктивные). В зависимости от вида задачи из множества основных признаков экспертами выбираются существенные. Для каждого признака формируют альтернативы, т.е. возможные варианты его исполнения или реализации. После декомпозиции и анализа исследуемых систем формируется морфологическая матрица (ММ) (рис. 3). Все варианты ТР из матрицы образуют морфологическое множество решений.

Рисунок 3.
Морфологическая матрица и ТР (справа) в ней

ММ содержит как уже известные варианты ТР, так и множество новых (неизвестных) ТР. В ММ заносится множество опорных ТР (известных решений – из описаний патентов, литературы и технической документации). Для уменьшения размерности множества возможных решений генерируется матрица несовместимых сочетаний альтернатив, что позволяет построить допустимое множество решений. Каждый вариант, содержащийся в ММ, получает оценку в зависимости от критерия и балльной оценки элементов признаков. Затем осуществляется генерация вариантов, их оценка и первоначальный отбор. Область исследования сужают к нескольким кластерам, которые в дальнейшем исследуются. Для повышения степени информативности при выборе генерируются конвергентные варианты, т.е. варианты имеющие максимальную оценку по каждому из критериев, и «лучший» или «идеальный» вариант – решение, имеющее максимальную оценку. Для сопоставления различных вариантов строится морфологическое пространство решений, в котором положение системы характеризует свойства выбранных вариантов (рис. 4). Количество вариантов для отбора и кластеризации может варьировать (рис. 5).

Сопоставляя варианты, определяют наилучшие, из которых составляется итоговая таблица, где после всех выборов остается набор приемлемых решений. ТР, помимо состава и функций, описывают также связи (эффективные, энергетические и т.д.).

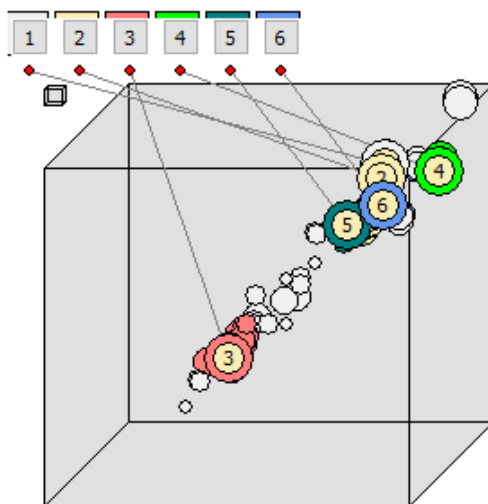

Рисунок 4.
Расположение кластеров в морфологическом поле решений

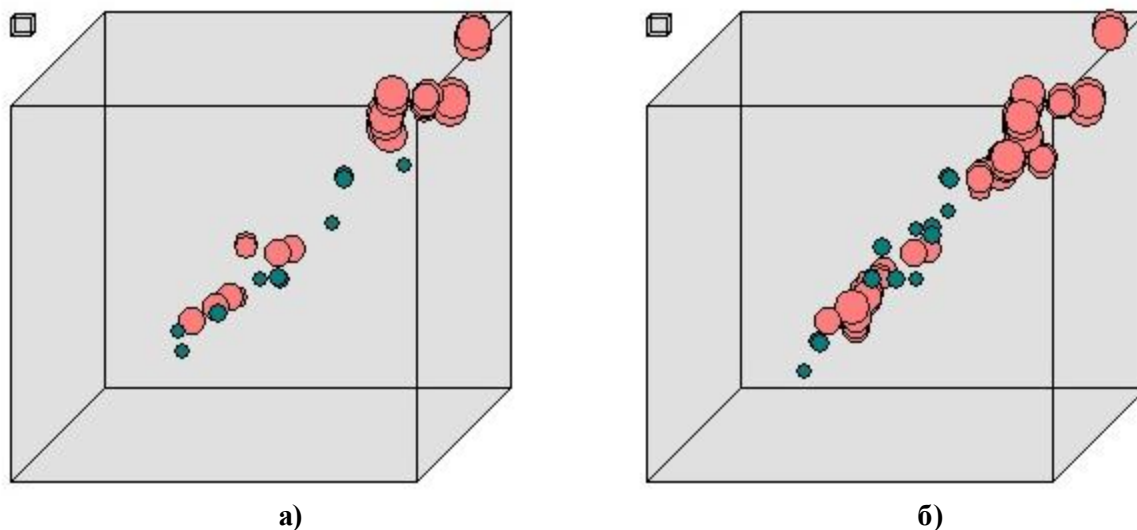

Рисунок 5.
Морфологические поля решений с разным количеством исследуемых вариантов:
а) 67 вариантов, б) 123 варианта

Выводы

Предложенный подход был использован для синтеза инновационных технических и технологических систем и решений в машиностроении, аэрокосмической отрасли и ряде других областей [14–16], а также для прогнозирования развития ряда ТС и ТР.

В заключении можно сделать выводы о том, что использование прогрессивного морфологического подхода позволяет повысить вероятность создания инновационных ТС с высокими качественными показателями и одновременно

снизить риски технологического характера. К достоинствам метода следует отнести и его способность давать ценные, по отношению к исходной цели поиска, результаты:

Список литературы

1. Алесинская Т.В. Основы логистики. Общие вопросы логистического управления. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. – 121 с.
2. Земских Л.В., Самаров Е.К., Жданов А.А., Бабкова В.В. Применение генетических алгоритмов для оптимизации адаптивной системы управления мобильного робота на параллельном вычислительном комплексе. Аннотация проекта РФФИ № 03-01-00323 и № 04-01-08023. 2004. – 24с.
3. Быков В.П. Методика проектирования объектов новой техники. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
4. Автономов В.Н. Создание современной техники. – М.: Машиностроение, 1991. – 258 с.
5. Альтшуллер Г.С. Алгоритм изобретения. – М.: Радио и связь, 1973. – 296 с.
6. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука: теория решения изобретательских задач. – М.: Советское радио, 1979. – 184 с.
7. Буш Г.Я. Аналогия и техническое творчество. – Рига: Лиесма, 1978. – 128 с.
8. Половинкин А.И. Автоматизация поискового конструирования. – М.: Радио и связь, 1981. – 368 с.
9. Бирюков Б.В., Гудчин И.Б. Машина и творчество. – М.: Радио и связь, 1982. – 168 с.
10. Одрин М., Картавов С.С. Морфологический анализ систем (построение морфологических матриц. – Киев: Наукова думка, 1977. – 148 с.
11. Bardenhagen A., Gavrilina L.V., Klimenko V.M., Pecheykina M.A., Rakov D.L., Statnikov I.N. A Comprehensive Approach to the Structural Synthesis and Evaluation of Engineering Solutions in the Design of Transportation and Technological Systems // Journal of machinery manufacture and reliability. 2017. – N 46. – P. 453–462. DOI: 10.3103/S105261881705003X
12. Klimenko V., Rakov D. Analysis and Synthesis of innovative engineering solutions and technologies based on advanced morphological approach // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. – T. 658. – P. 274–283.
13. Rakov D. Strukturelle Synthese und Analyse von innovativen technischen Systemen // Unique and Excellent Ingenieurausbildung im 21. Jahrhundert. 2000. – S. 388–395.
14. Rakov D. OKKAM – advanced morphological approach as method for computer aided innovation (CAI) // MATEC WEB OF CONFERENCES The proceedings International Conference on Modern Trends in Manufacturing Technologies and Equipment: Mechanical Engineering and Materials Science (ICMTMTE 2019). 2019. – P. 00120.
15. Rakov D.L., Sukhorukov R.Y., Pecheykina M.A. Choosing and Evaluating Fabrication Processes by Means of a Computer-Aided Innovation Support System Based on the Morphological Approach // Journal of Machinery Manufacture and Reliability. 2019. – T. 48, N 2. – P. 173–178.
16. Bardenhagen A., Rakov D. Advanced morphological approach in aerospace design during conceptual stage // Facta Universitatis. Series: Mechanical Engineering. 2019. – T. 17, N 3. – P. 321–332.

Раткин Л.С.

к.т.н., ученый секретарь Совета ветеранов РАН
Rathkeen@bk.ru

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ

Ключевые слова: *нормативно-правовые документы, промышленность, демография, блокчейн-технологии, инвестиционные проекты, нормативно-правовые документы, информационные системы, патентное право, интеллектуальная собственность.*

В текстах Посланий Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации неоднократно упоминалось необходимость устранения недоработок в российском законодательстве, ведущих к снижению эффективности принимаемых решений, и ускорение процесса приведения в соответствие новых законодательных актов с уже существующими НПД.

Стабильная законодательная база является одним из факторов, который обеспечивает конкурентоспособность экономики Российской Федерации. Вместе с тем, «принятые законы часто противоречат друг другу». Например, вследствие низкого качества законодательной базы органов местного самоуправления и Федеральный закон о местном самоуправлении, и законодательные акты субъектов Федерации бывают слабо согласованными *друг с другом*, а также с реальным состоянием органов местного самоуправления. Здесь сказывается и нечёткость в разграничении полномочий федеральных органов власти с региональными, и неопределенность в их ответственности по ряду принципиальных положений. Только в сфере федерально-региональных отношений было выявлено *свыше 3500 (!)* нормативно-правовых актов, принятых в субъектах Федерации и *не соответствовавших* Конституции России и Федеральным законам (включая сферу производства российскими предприятиями продукции в соответствии с инвестиционным законодательством по проектам).

Заметим, что в деле приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным, ключевая роль принадлежит Полномочным представителям Президента РФ в Федеральных округах, а также Генеральной Прокуратуре и её окружным структурам. Противоречия в законодательной базе препятствуют нормальному течению юридических процедур и в других областях, в частности, в арбитражной практике. Нормативно-правовая база по ряду положений является избыточной (перегруженной дублирующими друг друга законодательными актами, нередко *противоречащими* друг другу), по некоторым – наоборот, неполной, не охватывающей даже необходимого юридического минимума. Множество декларативных норм и их *противоречивость* дают опасную возможность для тенденциозного выбора судьёй наиболее приемлемой из них. В такой ситуации закон подменяется произволом!

Типичным примером несоответствия нормативно-правовых документов друг другу является принятие Федеральных законов, «для исполнения которых необходимо *пересматривать*» утверждённые также Федеральными законами федеральный бюджет (ФБ) на текущий год (содержащий «оборонные» статьи финансирования, нередко подвергающиеся сокращению из-за корректировки ФБ) и бюджет Пенсионного фонда. Например, закон «О Федеральном бюджете на 2003 год» от 24.12.2002 № 176-ФЗ был скорректирован *четыре* раза в соответствии с четырьмя законами:

- от 23.06.2003 № 78-ФЗ «О внесении дополнений и изменения в статью 97 Федерального закона «О Федеральном бюджете на 2003 год» и в статью 245 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»,
- от 07.07.2003 № 107-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О Федеральном бюджете на 2003 год»,
- от 07.07.2003 № 121-ФЗ, от 11.11.2003 № 150-ФЗ (оба закона имеют одинаковое название: «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О Федеральном бюджете на 2003 год»).

Изменению ситуации способствовало рассмотрение ряда законов, совершенствующих федеративные отношения, введение которых стало точкой отсчёта нового времени как в государственном строительстве, так и в правилах поведения в российской экономике, устранившие *двойственность* толкования ряда НПД. Сформированная в соответствии с непротиворечивым законодательством единая исполнительная вертикаль власти нужна для обеспечения чёткого выполнения функций управления государством. Но предпринятых усилий в этой области недостаточно, поэтому необходима разработка механизма устранения противоречий в НПД. На основании законодательных актов в сфере инвестиций осуществляется, в частности, финансирование проектов по выпуску продукции, поэтому существующие *противоречия* между НПД препятствуют росту инновационного потенциала Российской Федерации (в т.ч. по причине сокращения оборонных статей федерального бюджета, утверждённого соответствующим законом и скорректированного в соответствии с другими законами).

Как видно из текстов ежегодных Посланий Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию РФ, проблема устранения *противоречивости* и выявления степени *соответствия* различных частей НПД давно назрела. Устранение недоработок в российском законодательстве способствовало бы восстановлению единого правового пространства

на территории всех субъектов Российской Федерации, что, в частности, позволило бы осуществить разграничение полномочий между центром и регионами.

Ранее уже рассматривались основные пути разработки перспективных НПС нового поколения, ориентированных на повышенные требования пользователей и соответствующих современному развитию компьютерной техники, учитывающих возможные *противоречия* (несоответствия) нормативно-правовых документов друг другу.

С практической точки зрения, возникающие противоречия в нормативно-правовых документах можно классифицировать следующим образом. Противоречия называются *внутренними*, если они возникают *внутри* одного документа или его блока (фрагмента), *не разделяемого* на части. Примеры внутренних противоречий – словосочетания:

«при наличии отсутствия»,

«казнить нельзя помиловать»,

«расходы по статье 1 составляют 10 млн. руб., по статье 2 – 15 млн. руб., общая сумма расходов по статьям 1 и 2 – 35 млн. руб.».

В приведенных примерах первое словосочетание («при наличии отсутствия») распознаётся системой проверки правописания ряда компьютерных текстовых редакторов (например, «Microsoft Word», как *противоречивое* по своему составу. Второе словосочетание («казнить нельзя помиловать») является не только крылатым выражением, синонимом противоречивости, но, по мнению экспертов, ещё и краткой характеристикой современной «совокупности законов, указов и постановлений», касающихся средств обеспечения информационной безопасности коммерческого сектора экономики РФ. Третий пример является фрагментом внутреннего документа одной из коммерческих фирм. Очевидна опечатка в тексте, но без её исправления фрагмент является логически *противоречивым*.

Противоречия называются *внешними*, если они возникают между *двумя* или более документами или их блоками (заметим, что *не всегда* удаётся разбить блок с помощью блокчейн-технологий, имеющий внутреннее противоречие, на несколько частей, между которыми присутствует внешнее противоречие). Возможно возникновение противоречий среди большой группы блоков НПС. На практике часто один НПС противоречит сразу нескольким документам, находящимся друг с другом в отношении несоответствия (противоречивости). Это происходит потому, что каждая пара документов может находиться в состоянии несоответствия (противоречивости) по какому-то одному, отличному от других положению, признаку. В этом случае необходимо проведение разбиения каждого документа на множество элементарных частей (блоков, фрагментов), между которыми можно было бы однозначно установить степень противоречивости друг другу.

Части НПС, не противоречащие друг другу по общему признаку, образуют *целостное* подмножество по этому признаку. Аналогично, группа НПС, не противоречащих друг другу, называется *непротиворечивой*, или *целостной*. Целостная группа документов или их частей имеет важное свойство – если один из её элементов противоречит (не соответствует) какому-либо НПС (по определению, не входящему в группу) по признаку, то другие элементы группы также противоречат НПС по этому признаку.

Внешние противоречия могут возникать по *горизонтали* власти (например, между документами различных органов власти одного уровня) или по *вертикали* власти. По мнению экспертов, основные противоречия нормативно-правовых документов по вертикали власти возникают на границе действия двух соседних уровней:

- международное законодательство – уровень 1;
- законодательство страны – уровень 2;
- региональное законодательство – уровень 3;
- законодательство местных органов власти – уровень 4.

Возможно также комбинирование внешних противоречий по вертикали и горизонтали, когда возникает несоответствие между двумя НПС разных органов власти разных уровней.

Существует ещё один тип внешних противоречий – *временной*. Встречается он гораздо реже других и заключается в том, что два документа (или более) одного органа власти, изданные в разное время, могут *противоречить* друг другу по отдельным положениям. Практически это связано с тем, что перед утверждением нового НПС, содержащего спорное положение, не были проработаны другие нормативно-правовые документы, также касающиеся этого положения, на предмет установления возможного *противоречия*. В завершении отметим, что возможны и другие типы противоречий, но в настоящем исследовании они не рассматриваются.

Приведём примеры из судебной практики, иллюстрирующие противоречие между НПС разных уровней вертикали власти.

Примером возникающих противоречий отдельных положений международного законодательства и законодательства конкретной страны (между уровнями 1 и 2) может служить известный юридический прецедент «дела Сливенко», касающийся нарушения права на уважение частной жизни и жилища. Европейский суд по правам человека вынес решение в части нарушения статьи 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в пользу заявительницы, хотя её выселение из страны произошло *согласно* действующим латвийским законам, а, следовательно, применённые законодательные акты страны вошли в *противоречие* с действующим международным законодательством. Заметим, что противоречия между нормативно-правовыми документами отдельных государств и международным законодательством (в частности, соглашениями), существуют и в инвестиционной сфере, и в области охраны авторских прав на продукцию оборонного назначения, производимую в соответствии с инвестиционными проектами предприятиями РФ, при этом за разрешением противоречий нередко обращаются в суд (например, Решение Экономического суда СНГ № С-1/12-96/С-1/18-96 «О толковании статьи 6 Соглашения о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24 декабря 1993 года и статьи 16 Соглашения о взаимном признании прав и регулировании отношений собственности от 9 октября 1992 года», принятое в г. Минске 21.01.1997). Российскими предпри-

иятиями в соответствии с инвестиционным законодательством по проектам в настоящее время производится инновационная продукция, поэтому противоречия между ФБ и вновь принимаемыми законами на разных уровнях власти приводят к пересмотру ФБ, и как следствие, к сокращению ряда его статей, в т.ч. на выпуск ВВГ.

Примером *противоречий* в НПД между уровнями 1 и 2 в сфере производства продукции оборонного назначения является начало оснащения армии США микроволновой пушкой «Шериф» с радиусом действия до 1 км, которая предназначена для установки на бронемашинах. Выстрел пушки вызывает резкое повышение температуры воды, содержащейся в клетках человека под кожей на расстоянии до 0,3 мм, и сопровождается сильным болевым синдромом. Поставка ПОН «Шериф», в частности, для войск, находящихся вне США, производится в *соответствии* с законодательством США, но *противоречит* существующим международным НПД о гуманных видах оружия.

Степень соответствия положений законодательства Российской Федерации и законодательства её субъектов, согласно действующему законодательству, определяет Конституционный Суд Российской Федерации. Например, при проверке конституционности положений федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации, регулирующего налогообложение субъектов малого предпринимательства – индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощённую систему налогообложения, учёта и отчётности, в связи с жалобами ряда граждан, Конституционный Суд постановил признать *не соответствующими* Конституции Российской Федерации (статье 19, части 1 и 2, и статье 57) норму пункта 3 статьи 1 Федерального закона «Об упрощённой системе налогообложения, учёта и отчётности для субъектов малого предпринимательства» и положения ряда законов *Субъектов* Федерации. В этом примере показаны противоречия Конституции РФ с Федеральным законом, с одной стороны, и с региональным законодательством – с другой (в последнем случае – между уровнями 2 и 3). Приведенный пример иллюстрирует существующие *противоречия* в законодательстве в сфере малого предпринимательства, в котором в настоящее время развиваются новые формы хозяйствования предприятий, в том числе относящихся к оборонно-промышленному и агропромышленному комплексам РФ. Отметим, что аналогичные проблемы, связанные с несовершенством законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, существуют в уголовном и налоговом кодексах, и затрагивают, в частности, проблему демографии в России.

**Румянцев В.А.,
Гончарик Н.В.¹**

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Ключевые слова: стратегическое планирование, региональное интеграционное объединение, социально-экономическое развитие, Евразийский экономический союз, СНГ, Союзное государство России и Белоруссии.

Keywords: strategic planning, regional integration association, economic and social development, the Eurasian Economic Union, the Common of Independent States, the Union State of Belarus and Russia.

В мировом сообществе одним из наиболее признанных инструментов деятельности международного регионального интеграционного блока, определяющим вектор развития, является стратегическое планирование.

Под стратегическим планированием региональной интеграционного объединения будем понимать процесс по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию по основным наиболее важным направлениям социально-экономического развития организации с формированием механизма по их реализации.

На проведение работы по разработке региональными интеграционными объединениями стратегических документов указывает деятельность наиболее крупного и успешного в настоящее время экономического и политического объединения 28 европейских государств – Европейского союза (ЕС), за время существования которого накоплено достаточно опыта и создана целая система наднационального регулирования процессов стратегического планирования.

Общеввропейская система стратегического управления совместно с системами национальных законодательств и плановых документов определяет направления, целеполагание, важнейшие параметры финансовой и структурной политики государств – участников ЕС, требования по содержанию и формату национальных «программ стабилизации и конвергенции», а также мониторинг бюджетной и экономической политики органами ЕС. Содержательной основой общеевропейской системы стратегического управления и планирования является стратегия экономического развития на 10 лет «Европа 2020», принятая ЕС в 2010 году². В Европейском союзе роль наднационального органа стратегического планирования выполняет Совет ЕС.

По словам Председателя Европейской комиссии (ЕК) в 2004–2014 гг. Жозе Мануэль Баррозу, цели стратегии «Европа 2020» амбициозны, но достижимы. Они подкреплены конкретными предложениями, которые будут способствовать их достижению. Флагманские инициативы, обозначенные в стратегии «Европа 2020», показывают, какой вклад ЕС готов внести в мировой экономический порядок. У ЕС есть все необходимые инструменты для управления новым экономическим порядком, который будет поддерживаться с помощью внутреннего рынка, бюджета, предпринимательства, внешней политики, а также силами Экономического и Валютного Союза. Новый экономический курс требует скоординированных действий государств-членов ЕС, включая социальное партнерство и кооперацию в сфере вопросов гражданского общества. Если европейские государства будут действовать совместно, ЕС выйдет из кризиса победителем³.

В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС, Союз) с участием Республики Белоруссия, Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики, который начал свою деятельность с 1 января 2015 г. также осуществляется стратегическое планирование социально-экономического развития Союза.

Первым документом стратегического планирования стал Договор о Евразийском экономическом союзе⁴, подписанный 29 мая 2014 г. президентами Белоруссии, Казахстана и России. Данный документ является не только институциональной основой ЕАЭС, но и стратегией развития объединения на ближайшие 10 лет в связи с тем, что в нем отражены перспективы интеграции до 2025 г., определены требования к координации, согласованию ключевых государственных политик, а также «контрольные точки» интеграционного процесса, представляющие собой даты завершения формирования единых рынков, и выработаны механизмы их реализации.

¹ Румянцев Вячеслав Александрович, с.н.с. Института экономики НАН Белоруссии. Сфера научных интересов: внешнеэкономическая интеграция на постсоветском пространстве. E-mail: rumyantsev61@mail.ru

Гончарик Наталья Викторовна – с.н.с. Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики и РБ, г. Минск. Сфера научных интересов: внешнеэкономическая интеграция на постсоветском пространстве. E-mail: natagoncharik@mail.ru

² Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (Ч. 1): препринт WP8/2016/04 / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, Н.А. Рычкова, И.Ю. Сластикина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP8 «Государственное и муниципальное управление»). – С. 4–5.

³ Арабей Е. Новая европейская стратегия «Европа 2020». – <https://eulaw.ru/content/novaya-evropejskaya-strategiya-evropa-2020/>

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе. – https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014

Так, к «контрольным точкам» интеграционного процесса ЕАЭС до 2025 г., определенным Договором о Союзе относятся:

- функционирование общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Союза начиная с 1 января 2016 г. (ст. 100);
- формирование общего электроэнергетического рынка ЕАЭС посредством:
 - утверждения ВЕЭС до 1 июля 2015 г. концепции¹, а до 1 июля 2016 г. программы формирования общего электроэнергетического рынка Союза², предусмотрев срок выполнения мероприятий программы до 1 июля 2018 года;
 - заключения международного договора в рамках Союза о формировании общего электроэнергетического рынка Союза и обеспечения вступления его в силу не позднее 1 июля 2019 г. (ст. 104 Договора о ЕАЭС)³;
- формирование общего рынка газа ЕАЭС с помощью:
 - утверждения ВЕЭС до 1 января 2016 г. концепции⁴, а до 1 января 2018 г. программы формирования общего рынка газа Союза⁵, предусмотрев срок выполнения мероприятий программы до 1 января 2024 г.;
 - заключения международного договора в рамках Союза о формировании общего рынка газа Союза и обеспечения вступления его в силу не позднее 1 января 2025 г. (ст. 104 Договора о ЕАЭС);
- формирование общего рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС через:
 - утверждение ВЕЭС до 1 января 2016 г. концепции⁶, а до 1 января 2018 г. программы формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза⁷, предусмотрев срок выполнения мероприятий программы до 1 января 2024 г.;
 - заключение международного договора в рамках Союза о формировании общего рынка нефти и нефтепродуктов Союза и обеспечения вступления его в силу не позднее 1 января 2025 г. (ст. 104 Договора о ЕАЭС);
- формирование общего финансового рынка ЕАЭС посредством:
 - реализации Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза, разработанной на основании распоряжения Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) № 6 от 26 декабря 2016 г.⁸ и утвержденной Решением ВЕЭС № 20 от 1 октября 2019 г.⁹;
 - завершения процесса гармонизации национального законодательства государств-участников в финансовой сфере к 1 января 2025 г. в соответствии с Договором о ЕАЭС (ст. 70, приложение № 17 «Протокол по финансовым услугам») и Соглашением от 6 ноября 2018 г. «О гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка»¹⁰;
 - принятия решения о полномочиях и функциях наднационального органа по регулированию финансового рынка и создания его в 2025 г. с расположением в г. Алматы (ст. 103 Договора о ЕАЭС);
 - продолжения работы по гармонизации, а также формированию общего финансового рынка в соответствии с Договором о ЕАЭС после 2025 года.

В развитие Договора о ЕАЭС Решением ВЕЭС № 28 от 16 октября 2015 г. утвержден стратегический документ «Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза»¹¹, который имеет следующую структуру:

1. Общие положения. В данном разделе определено, что документ носит рекомендательный характер и взаимосвязан с отраслевыми (секторальными) программными документами, предусмотренными Договором о ЕАЭС.
2. Определения.
3. Вызовы и риски экономического развития государств – членов и Союза в целом.
4. Цели и задачи экономического развития Союза.
5. Основные направления: обеспечение макроэкономической устойчивости; создание условий для роста деловой активности и инвестиционной привлекательности; инновационное развитие и модернизация экономики; обеспечение доступности финансовых ресурсов и формирование эффективного финансового рынка Союза; инфраструктур-

¹ Решение ВЕЭС № 12 от 8 мая 2015 г. «О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза». – <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=F91500078>

² Решение ВЕЭС № 20 от 26 декабря 2016 г. «О Программе формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза». – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71552310/>

³ Главами государств ЕАЭС подписан международный договор об общем электроэнергетическом рынке. – <http://minenergo.gov.by/glavami-gosudarstv-eajes-podpisan-mezhdunarodnyj-dogovor-ob-obshhem-jelektrojenergeticheskom-rynke/>

⁴ Решение ВЕЭС от 31 мая 2016 г. № 7 «О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза». – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410326/scd_01062016_7

⁵ Решение ВЕЭС от 6 декабря 2018 г. № 18 «О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза». – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422604/scd_07122018

⁶ Распоряжение ВЕЭС от 31 мая 2016 г. № 8 «О Концепции формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза». – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410328/scd_01062016_8

⁷ Решение ВЕЭС от 06 декабря 2016 г. № 23 «О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза». – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420205/scd_07122018_23

⁸ Распоряжение ВЕЭС от 26 декабря 2016 г. № 6 «О разработке Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза». – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415483/sco_11042017_6

⁹ Решение ВЕЭС от «01» октября 2019 г. № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза». – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423308/err_02102019_20

¹⁰ Соглашение «О гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка» от 6 ноября 2018 г. – <https://www.alta.ru/tamdoc/18bn0080/>

¹¹ Решение ВЕЭС от «16» октября 2015 г. № 28 «Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза». – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148763/scd_19102015_28

ное развитие и реализация транзитного потенциала; развитие кадрового потенциала; ресурсосбережение и повышение энергоэффективности; региональное развитие (межрегиональное и приграничное сотрудничество); реализация внешнеэкономического потенциала.

6. Реализация основных направлений. В данном разделе раскрыты механизмы обеспечения реализации основных направлений, определено осуществление мониторинга о ходе реализации основных направлений Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), установлены 7 критериев для оценки интеграционного потенциала в сферах экономик государств-членов.

7. Потенциальный интеграционный эффект экономического развития Союза. В данном разделе сформированы возможные сценарии экономического развития ЕАЭС, оценен экономический потенциал ЕАЭС через систему макроэкономических показателей.

К долгосрочному планированию в рамках ЕАЭС относится Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 г., разработанный ЕЭК при поддержке научного сообщества¹.

Договором о ЕАЭС также предусмотрена разработка целого ряда стратегических, концептуальных и программных документов в разных сферах. Среди них перечисленные выше программы формирования общего электроэнергетического рынка, общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов Союза, Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС, а также Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики, Стратегия развития трансграничного пространства доверия, Основные направления развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности и другие.

В развитие долгосрочного планирования ЕЭК совместно со странами – участницами ЕАЭС в тесном взаимодействии с научным и экспертным сообществом, а также бизнесом стран разработала Декларацию о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС², которую 6 декабря 2018 г. подписали главы стран-участниц по итогам заседания ВЕЭС. Документ стал базовым для государств-участников на долгосрочную перспективу. Данный документ принимает за основу следующие ключевые направления: обеспечение максимальной эффективности единого рынка ЕАЭС и реализация его возможностей для бизнеса и потребителей; формирование «территории инноваций» и стимулирование научно-технических прорывов; раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение их благосостояния и качества жизни; формирование ЕАЭС как одного из наиболее значимых центров развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и выстраивания новых форматов взаимодействия. По каждому направлению выработаны инструменты их реализации. Данной декларацией закреплено принятие документа, определяющего направления развития евразийской интеграции до 2025 года и раскрывающего конкретные механизмы и мероприятия по ее реализации. На разработку данного документа ВЕЭС 6 декабря 2018 г. принято распоряжение³.

Таким образом, исследование стратегического планирования социально-экономического развития в ЕАЭС показывает, что деятельность Союза строится на основе долгосрочного планирования, нарабатывается опыт по разработке и реализации долгосрочных документов. Стратегическое планирование становится одной из основ дальнейшего социально-экономического развития ЕАЭС и его следует рассматривать как дополнительный инструмент в целях социально-экономического развития каждого государства-члена. На это, к примеру, указывает то, что «Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза» разрабатывались в сотрудничестве с научным сообществом после проведения анализа долгосрочных планов экономического развития государств-членов, глобальных мировых вызовов и трендов, стратегий развития интеграционных объединений, оценки интеграционных эффектов для государств – членов ЕАЭС. Данный документ соответствует критериям, принятым в стратегическом планировании.

Вместе с тем, в настоящее время процесс построения системы стратегического планирования далек от завершения в ЕАЭС. Для его завершения необходимо решить проблемы, присущие для современного этапа деятельности по стратегическому планированию. К ним, на наш взгляд, относятся:

- отсутствие методологии разработки документов стратегического планирования:

различный период функционирования аналогичных документов. Например, «Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза» утвержденные в 2015 г. имеют период реализации до 2030 г., а в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС закреплено принятие документа, определяющего направления развития евразийской интеграции до 2025 г., т.е. более короткий период. В связи с этим появилось мнение у некоторых ученых, что «факт появления такой Декларации говорит о том, что что-то пошло не так в развитии интеграции в ЕАЭС»⁴;

беспорядочность в последовательности разработки отдельных документов стратегического планирования. Появление Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС подтверждает это;

¹ Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года. – <http://www.eurasiancommission.org>

² Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. – https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018

³ Распоряжение ВЕЭС № 9 от 6 декабря 2018 г. «О мерах по реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза». – https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01422846/sco_07122018

⁴ Хейфец Б.А. Как модернизировать Евразийский экономический союз: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – С. 31.

отсутствует принцип уточнения документов стратегического планирования. В условиях волатильности мирового хозяйства целесообразно через определенный промежуток времени перерабатывать документ с переносом сроков реализации на этот же период (например, 5 лет). Документ, который будет разработан во исполнение Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС, может устранить данную проблему в случае разработки на период до 2035 года.

Результатом существования проблем в методологическом обеспечении стратегического планирования стало появление мнения, что «принятые ЕЭК «Основные направления развития», а также другие документы, призванные определить облик объединения, носят рамочный, декларативный характер, не содержат конкретных стратегических целей и инструментов развития Союза»¹;

- слабая взаимосвязь документов стратегического планирования к настоящему времени. Например, в «Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза» говорится о взаимосвязанности с отраслевыми (секторальными) программными документами, предусмотренными Договором о ЕАЭС. Тем не менее, в документе не сформулированы такие направления, как своевременная реализация переходных периодов по формированию общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, определенные Договором о ЕАЭС. Отсутствуют данные направления и в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в ЕАЭС, несмотря на единые сроки как окончания переходных периодов согласно Договору о ЕАЭС. так и действия данной Декларации;

- наличие элементов формальной реализации документов стратегического планирования. Так, в ст. 104 Договора о ЕАЭС определено заключение международного договора в рамках Союза о формировании общего электроэнергетического рынка Союза и обеспечения вступления его в силу не позднее 1 июля 2019 года. 29 мая 2019 г. по итогам заседания ВЕЭС подписан Протокол о внесении изменений в Договор о ЕАЭС в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза. Таким образом, международный договор об общем электроэнергетическом рынке принят в форме внесения изменений в действующий Договор о ЕАЭС, а не в формате реализации положений Договора о Союзе. К тому же для начала функционирования общего электроэнергетического рынка государствам-участникам необходимо еще подготовить и утвердить пакет документов, которые должны вступить в силу не позднее 1 января 2025 года. Также к 2025 г. должен быть сформирован единый транспортный рынок, тем не менее, в этой сфере тоже есть серьезные вопросы, пример – медленная реализация программы развития каботажных перевозок². Мониторинг о ходе реализации Основных направлений экономического развития ЕАЭС также указывает на наличие сфер, в которых не удастся добиться значимых положительных изменений, несмотря на успешность большинства реализованных государствами-членами мер³;

- при наличии различных документов стратегического планирования отсутствует главный – Стратегия социально-экономического/устойчивого развития ЕАЭС. Можно согласиться с мнением, что разработка Стратегии развития ЕАЭС до 2030 г., предусматривающей формирование полноценного экономического союза, включающего общий рынок, единую резервную валюту, приоритетные направления, прогнозы и программы развития на основе сочетания конкурентных преимуществ государств-членов содержательно наполнит принятые документы стратегического характера⁴.

¹ Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2016. – С. 323.

² Румас о ключевых задачах в ЕАЭС: равные условия хозяйствования и единые рынки. – <https://www.sb.by/articles/rumas-о-klyuchevykh-zadachakh-v-eaes-ravnye-usloviya-khozyaystvovaniya-i-edinye-rynki.html>

³ Доклад о ходе реализации Основных направлений экономического развития ЕАЭС по итогам 2015–2016 гг., включая результаты анализа экономического развития интеграционного объединения в 2010–2014. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Pages/default.aspx

⁴ Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2016. – С. 323.

Самсонов В.В.¹

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ДИХОТОМИЯ УРБАНИСТИЧЕСКОГО И СЕЛЬСКОГО ИЗМЕРЕНИЙ

Ключевые слова: дихотомия, континуум, сельские и урбанистические территории, социальное пространство, типологический анализ.

Keywords: dichotomy, continuum, rural and urban territories, social space, typological analysis.

В обыденном представлении сельские территории, характеризующиеся косностью и консерватизмом своих жителей, являются противоположностью городу с точки зрения подверженности серьезным социальным и экономическим изменениям, в своей восприимчивости к ним. Поэтому уже в начале нашей эры возникает дихотомическое представление о соотношении села и города, отраженное, к примеру, в термине «paganus» («поганые») как характеристике «язычески» сельских районов Римской империи, в силу инертности к переменам слабо затронутых христианским вероучением, в отличие от христианизированных городов. Во времена становления социальной философии как науки дихотомия села и города получила закрепление в работах таких классиков социологии как Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др. Попытка теоретического переосмысления сущности сельского социального пространства содержится в крестьяноведческих исследованиях 1960–1980 гг. пытавшихся теоретически объяснить факт перемещения революционных движений того времени в аграрную периферию стран Третьего мира (хотя до этого крестьянство долгое время считалось самой инертной в плане революционной активности социальной группой). Однако крестьяноведческие исследования, оформившиеся в антропологический субстантивизм (К. Поланьи, Дж. Скотта и др.) в итоге пришли к той же, хотя и несколько измененной сельско-городской дихотомии, утверждая, что крестьянство отличается от горожан с их модерно-капиталистической рациональностью, базирующейся на принципах индивидуализма, эгоизма, максимизации прибыли, особым типом рациональности, присущей традиционным обществам, «более древней моральной экономикой», характеризующейся «вложенностью» экономики в общественные отношения (на принципах реципрокности, редистрибуции и дарообмена), в отличие от капиталистического общества, в котором социальное подчинено экономическому.

Таким образом, дихотомия города и деревни, урбанистических и сельских территорий является одним из древнейших и наиболее устойчивых теоретических дуализмов, укорененных в нашей культуре и традиции социальных наук. Однако данная дихотомия подвергается серьезной критике со стороны исследователей, географов, социологов и экономистов, ориентированных на анализ реальных изменений сельского социума. Конкуренция различающихся смысловых трактовок «сельского» свидетельствует о том, что дискурсивное конструирование этого концепта сопровождается его наполнением иногда не совсем оправданными (или даже произвольными) характеристиками и смыслами. А эмпирические исследования демонстрируют искусственность некоторых теоретических построений.

В данной работе рассматриваются основные критерии противопоставления «сельских» и «городских» (урбанистических) территорий и сообществ с целью выявления, какие из признаков классификации территорий имеют скорее случайный, исторически преходящий характер и атрибутивно-константных свойств, сущностно связанных со спецификой экономической и социальной организации сельских территорий и сохраняющих поэтому свою актуальность в качестве маркеров сельского социального пространства. При этом предполагается, что следует говорить скорее не о дихотомии качественно различающихся социальных миров (сельского и городского), а об иерархически организованном континууме, имеющем два полюса, на одном из которых (город, урбанистическое социальное пространство) сосредоточены властный, культурный, инновационно-экономический потенциал общества, а второй полюс (село) может быть охарактеризован как объект властно-управленческих инициатив, традиционно отстающий в культурном и технологическом развитии, в связи с чем сельские районы позиционируются как заповедник традиционной культуры и самобытности, а в их экономике преобладают технологически и культурно инерционные практики, связанные с производством продукта на основании использования и прямого присвоения природных ресурсов².

Функция обеспечения продовольствием и природными ресурсами (включая полезные ископаемые, топливо и строительные материалы) на протяжении всей истории неизменно мыслилась как основная для сельского пространства. Если города возникают в качестве центров производства, обмена, торговли и политического управления, сельская местность традиционно связана с эксплуатацией природных ресурсов. Идея сельской местности как пространства производства и эксплуатации, возможно, была единственной наиболее важной идеей в формировании сельского простран-

¹ Самсонов Всеволод Владимирович – к.филос.н., с.н.с. Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск. E-mail: highbook@yandex.ru

² См.: Holloway L. Kneafsey M. Possible Food Economies: A Methodological Framework for Exploring Food Production-Consumption Relationships // European Society for Rural Sociology. 2007. – N 1 (47). – P. 1–18.

ства, породившей определенные ландшафты, модели поселений, формы социальной организации, политические структуры и экономические системы. В отличие от обрабатывающей промышленности и сферы услуг, сельское хозяйство является базовым видом экономической деятельности, поскольку физическое выживание человека зависит от наличия продовольствия. При этом географически аграрное производство сильно рассредоточено из-за потребности в почвенных ресурсах и, таким образом, зависит от эффективности транспортной сети, системы перевозок грузов и товаров на расстояния. Сельская поселенческая сеть также оказывается сильно рассредоточенной, а плотность населения в сельской местности неизменно ниже, чем в городской.

В наши дни представлявшийся ранее самым надежным отраслевым подход в классификации территорий как «сельских» (т.е. отнесение к данной категории сообществ с преимущественно сельскохозяйственной специализацией экономики) сегодня кажется уже недостаточным, в связи с влиянием глобальных структурных изменений, выражающихся во включении локальных микроэкономик в систему глобального рынка и соответствующих изменениях в процессах адаптации сельских домохозяйств и в диверсификации экономики села. Эти изменения увеличивают социальное и культурное разнообразие многих сельских районов, что ведет к расширению культурного и экономического ландшафта сельских территорий и одновременно к возникновению существенно новых конфликтов в ценностях и в образе жизни сельских жителей.

Наиболее распространенной адаптационной реакцией сельских сообществ на эти изменения является новая конфигурация экономической активности и источников доходов, характеризующаяся изменением (снижением) роли аграрного производства и возрастающей значимостью экономической активности населения за пределами аграрного сектора и трансфертов, включающих как частные, связанные с миграцией и нео-отходничеством, так и государственные, связанные с конкретными системами социальной поддержки¹. Диверсификация экономики выражается в том, что привлекательность сельских территорий, то есть способность привлекать ресурсы и сохранять свой человеческий потенциал в значительной степени зависит от возможности сельских территорий создавать альтернативные источники дохода, не имеющие отношения к сельскому хозяйству. Масштабность этого явления породила многочисленную и следовательно литературу, посвященную «сельской неаграрной экономике», включающей в себя всю деятельность неаграрного характера, т.е. несельскохозяйственный частный сектор в сельской местности (в том числе неформальный), институты государственного и муниципального управления в сельских районах и социальную инфраструктуру. Рост неаграрной экономической активности и занятости населения вне села, сопровождаемый встречными процессами субурбанизации, влечет за собой кардинальное изменение сельского образа жизни и трансформацию культурного облика сельских жителей². Если в развивающихся странах диверсификация экономической активности домохозяйств обусловлена недостаточными возможностями официальной занятости в аграрном секторе, переизбытком аграрного населения и низкими доходами от слабо оснащенного в техническом плане аграрного труда, то в развитых странах Европы диверсификация обусловлена невозможностью дальнейшего расширения аграрного производства (в связи с достижением в середине 1980-х годов технологических пределов роста), причем многофункциональность сельских территорий со временем становится проявлением новых отношений между городом и деревней³. Наши исследования, осуществленные в различных регионах, убедительно свидетельствуют о возрастании значения неаграрной занятости сельского населения. Работа за пределами села, в том числе вахтовым методом, все чаще является альтернативой занятости населения в сельском хозяйстве. Даже в самых удаленных поселениях все большее число предприимчивых жителей села заняты «неотходничеством». С другой стороны, экономика сельских районов становится все более диверсифицированной, поскольку сектор услуг значительно растет за счет сельского хозяйства⁴.

Многие исследователи подчеркивают подчиненное положение и низкий социально-экономический статус сельского социума в качестве одного из основных конституирующих признаков сообществ такого типа – как подчинение (субординацию), выливающееся в зависимые отношения по отношению к группе «внешних управляющих»⁵, или «структурное подчинение крестьянства внешним силам»⁶. Сама по себе специализация крестьянских хозяйств на возделывании земли возможна только в контексте общественной дифференциации и формирования рынков специализированных товаров и услуг – от материальных (продукты, орудия производства и т.д.) до управленческих и обеспечения безопасности. Обмен продуктами, производимыми жителями села становится возможен вследствие появления излишков (прибавочного продукта), которые поступают на рынок, а также изымаются внешними (по отношению к крестьянству) властными структурами.

Именно так возникает тесная пространственно-экономическая связь между сельскими и урбанистическими территориями, в виде городского (урбанистического) центра и прилегающих к нему внутренних сельских территорий, сообществ. Второстепенные и третичные функции центра выполняют сельские пригородные сообщества, напрямую ориентированные на снабжение города излишками продовольствия и сырья, необходимых для производства всего

¹ Losch B., White E. Rural Transformation and Late Developing Countries in a Globalizing World: A Comparative Analysis of Rural Change. – Washington: World Bank, 2011. – 308 p.

² См.: Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: Ленанд, 2013. – 456 с.

³ См.: Ploeg J.D., Renting H., Brunori G. Rural Development: from Practices and Policies towards Theory // Sociologia Ruralis. 2000. – N 4 (40). – P. 391-408.

⁴ См.: Самсонов В.В. Трансформации сельского социума и кризис трудового этоса крестьянства // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Филология. 2013. – № 4 (11). – С. 101–107.

⁵ Wolf E.R. Peasants. – New Jersey: Prentice-Hall, 1966. – P. 13.

⁶ Mintz S.W. A note on the definition of peasantry // Journal of Peasant Studies. 1974. – N 3. – P. 94.

спектра экономических товаров¹. При этом практически в любой властной системе жители села оказываются социальной группой, либо напрямую эксплуатируемой, либо находящейся в неравноправном положении (с точки зрения экономики это выражается в неравноправном обмене, «ножницах цен»). Крестьяне немногочисленны и разобщены территориально, им сложно объединиться ради отстаивания своих интересов, поэтому жители села не могут противостоять мероприятиям по изъятию у них товарных излишков, и такие практики в конце концов в той или иной форме становятся институционализированными.

Особые отношения с властью, специфика аграрного производства (в которой основным элементом традиционно является крестьянское подворье (семейное хозяйство) и/или их простейшее объединение), особенности сельской поселенческой сети (малая плотность населения и жизнь в замкнутых социальных коллективах) порождают сходные формы социальной самоорганизации, для которых свойственны перенесение в сферу горизонтальных связей реципрокных образцов солидарности, характерных для малых социальных групп или кровнородственных коллективов (в связи с чем крестьянские сообщества иногда принимают вид «большой семьи»), и определенная степень отстраненности (отчужденности) от центральных органов власти. Попытки теоретического описания сообщества такого типа приводят к появлению утопических социально-консервативных концептов социальной организации, преобладающих на предшествующих этапах развития и якобы сохраняющихся в сельской «глубинке», не затронутой капиталистическими, современными изменениями.

Традиция описания таких идеально-типических форм социальной организации заложена Ф. Теннисом, в 1887 году опубликовавшим работу «*Gemeinschaft und Gesellschaft*» (в переводе «Сообщество и общество»), в которой он противопоставлял отношения, основанные на естественной воле (*wesenwille*), формируемые в «больших» семьях или сельских поселениях (*Gemeinschaft*), тем, которые преобладают в современных капиталистических государствах (*Gesellschaft*) и основанных на рациональной воле (*kurwille*). Теннис прямо указывал, что эти два типа отношений являются идеальными конструктами – в реальности отсутствуют сообщества с полностью доминирующими отношениями *Gemeinschaft* или *Gesellschaft*, выступающими в качестве стандартов, согласно которым реальность может быть опознана и описана (путем выявления преобладающих ориентаций и действий, указывающих на склонность к тому или другому типу).

Сама по себе социология, как проект, возникает на рубеже XIX–XX вв., в тот момент, когда становится понятно, что старому обществу конец, социология оформляет себя как новый способ исторического, социально-философского, социально-теоретического рассуждения о новом мире. В любом случае это продукт позднего капитализма и феномена массового общества, когда на улицах появляются массы, когда они начинают заявлять о себе в политике, когда наступает эпоха массовой демократии, когда становится ясно, что эти новые социальные группы уже не загнать в какие-то идеалистические общины, в предыдущие аграрные способы существования. Именно в это время появляется и социология и реакционно-утопические представления о формах прежней жизни, и марксизм в некотором смысле является последствием этих изменений, напрямую утверждающих, что прежнего мира, к которому все призывали, больше не будет; поэтому теперь ответственность лежит на всех нас за то, каким будет этот мир. Надо взять на себя ответственность и понять, что твои объяснения не нейтральны, т.е. они не находятся в безвоздушном пространстве – они и есть те способы, которыми мы осмысливаем мир и тем самым изобретаем собственное будущее.

Таким образом, Теннис заложил основы типологического анализа, развитие которого можно увидеть в классических трудах М. Вебера и в его учении о типах социального действия (прогрессирующих от традиционного и ценностно-рационального к рациональному), в котором можно обнаружить много сходств с идеей Тенниса о том, что мировая история направлена на рост *Gesellschaft* и о динамике развития Европы из средневековой коммунальной организации в индивидуалистическую, капиталистическую. Также некоторое сходство с идеями Тенниса можно увидеть в выдвинутом французским социальным философом и социологом Э. Дюркгеймом (1858–1917) различии между механической солидарностью (*Gemeinschaft*-подобной) и органической солидарностью (*Gesellschaft*-подобной). Дюркгейм в своей работе «Разделение труда в обществе» (1893) описал распад социальных связей, объединявших средневековую Европу на основе механической солидарности и сходства индивидов в их представлениях о политике, экономике, вопросах семьи и религии. Изменения, ознаменованные промышленной революцией в Англии и политической революцией во Франции привели к культурно-политической дифференциации, основанной на разделении труда, а новый (*Gesellschaft*-подобный) тип «органической» солидарности основан на взаимозависимости и взаимодополнимости специализаций, позволяющих независимым индивидам выполнять разные задачи, и все же вносить свой вклад в общее дело, работать на систему, даже если они ничего не знают о других. Причем, как показал Дюркгейм в работе «Самоубийство» (1897), органической солидарности, объединяющей индивидов на уровне общества-системы, недостаточно на индивидуальном уровне и на уровнях личных, групповых отношений в семье или религиозных сообществах, сплоченных эмоциональной интеграцией (*Gemeinschaft*-подобной), все еще необходимой в обществе, основанном на органической солидарности. Такое уточнение, относящее формы солидарности, базирующиеся на различных типах социальных связей не к различным эпохам и не к дихотомии сельского и городского пространства, а к социальным объектам различного уровня (с преобладанием эмоциональных связей в малых коллективах и формально-рациональных в сложносоставных больших сообществах) оказывается весьма ценным и получившим подтверждение в последующих эмпирических исследованиях, в частности, в американской традиции исследования сообществ.

Американские социологи Л. Вирт и Р. Редфилд пытаются создать методологию сравнительного исследования сообществ, опирающуюся на классические типологические деления, разрабатывают набор переменных, реально измеримых или фиксируемых, описывающих сельско/городской континуум, на полюсах которого находятся противопол-

¹ См.: Woods M. *Rural*. – London: Routledge, 2010. – 352 p.

ложные типы традиционной дихотомии. Луи Вирт в своей статье «Урбанизм как образ жизни»¹ показывает, что городской стиль жизни может быть определен тремя характеристиками, а именно численностью и плотностью населения, а также степенью неоднородности городского населения; более высокие показатели этих переменных в сравнении населенных пунктов разных размеров и типов позволяют говорить о таких характеристиках *Gesellschaft*, как специализированное разделение труда, безличные отношения, конкуренция и эксплуатация, сопровождающиеся «формальным контролем» поведения. Он также полагал, что рост неоднородности создает более сложную систему стратификации, денежную экономику, стандартизированное поведение. Такие переменные, по мнению Вирта, объясняют различия между *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, описанные в классических европейских работах Тенниса, Вебера, Дюркгейма и Зиммеля. Основным компонентом *Gemeinschaft*, механической солидарности, народного общества и диффузных отношений являются общие социальные связи. Отсутствие таких связей будет характерно для *Gesellschaft*, с его органической солидарностью, урбанизмом и специфическими отношениями. Между двумя полярными типами может быть размещено любое реальное сообщество, которое затем можно сравнить с другими фактическими случаями для определения существующих уровней *Gemeinschaft* или *Gesellschaft*. А. Р. Редфилд в «Народной культуре Юкатана»² демонстрирует, что чем меньше, изолированное и однородное сообщество, тем более образ жизни в нем будет *Gemeinschaft*-подобный. В статье Редфилда «Народное общество» описан идеальный тип *Gemeinschaft* – изолированное однородное сообщество, базирующееся на отношениях родства, силе культурных традиций и характеризующееся сильным чувством групповой солидарности, общими средствами производства, минимальным разделением труда, основанным в основном на дифференциации половых ролей. Такое идеальное народное сообщество оказывается экономически самодостаточным, не зависящим от более широкого окружающего общества. Важность типологического подхода заключается в использовании контрастирующих идеальных типов существующих на противоположных полюсах континуума.

Сегодня социологи признают, что хотя некоторые характеристики сельско-городского континуума, предложенные классическим типологическим подходом, представляются верными до сих пор, он имеет незначительную объяснительную ценность для описания изменений, вызванных урбанизацией, индустриализацией, субурбанизацией. Однако в некоторых областях, например, в исследованиях «первичных» групповых взаимодействий, отношений родства и соседства, актуальность этого подхода признается и сейчас, а предложенные им индикаторы (например сила родственных и дружеских связей в сообществе) могут быть полезны и для современных описаний социальных характеристик сообщества.

Как можно видеть, традиционный концепт сельского социального пространства формируется пересечением ряда разноположных признаков, характерных для сельской местности в определенный период, часть из которых уже утратила свое маркирующее значение:

– Экономическая специализация (сельскохозяйственное производство, практики добычи природных ресурсов). Долгое время данный (отраслевой) маркер был одним из самых надежных оснований классификации территорий, пространств как сельских. Однако в наши дни он утратил такое значение в связи с ростом сельской неаграрной экономики, диверсификацией экономических практик и жизненных стратегий, а также в связи с возросшим значением тенденций субурбанизации и возросшим значением рекреационного использования сельских пространств городскими жителями. Технологическое переоснащение аграрного производства и растущая по мере интеграции локальных экономик в глобальный рынок специализация сельскохозяйственных производств привели к тому, что большие площади сельской территории фактически стали избыточными в качестве производственных площадей. Во многих регионах вакуум был заполнен новой экономикой потребления, основанной на коммерциализации ландшафтов, практиках туризма и «активного отдыха».

– Особенности сельской поселенческой сети, выражающиеся в малой плотности населения. Этот признак сельского пространства является в современных практических исследованиях и программах развития сельских территорий одним из наиболее распространенных и в контексте представления сельско-городского деления как континуума он сохранит свое значение – скорее всего до исчезновения самой потребности в данной дихотомии (так как сельские сообщества всегда будут менее населенными, по сравнению с урбанистическими центрами).

– Связанная с особенностями сельской поселенческой сети специфика социальной организации, проистекающая из малочисленности (по сравнению с городом) социальных коллективов и немногочисленности субъектов социального взаимодействия. В связи с этим в сельских сообществах, как и в первичных и малых социальных группах, менее выражены формальные взаимосвязи и более распространены отношения, основанные на эмоциональных связях, соседстве и родстве. Этот характерный признак сельских сообществ подтверждается данными эмпирических исследований и сохраняет свою актуальность и поныне почти в той же степени, что и во времена возникновения типологического подхода. Однако данная характеристика происходит скорее не из сущностных, качественных различий, не из дихотомии сельского и городского социального пространства как таковой, а из разницы социальных объектов различного уровня.

– Особое (скорее подчиненное) положение сельского социального пространства во властной иерархии общества. Данный признак имел место и в политических системах, основанных на прямой эксплуатации деревни городом, являющегося центром власти, но также сохраняется и в политических системах представительной демократии – опять же в силу особенностей системы сельского расселения, немногочисленности сельских сообществ. В силу этих особенностей село остается и будет оставаться скорее объектом, чем субъектом властно-управленческих решений. Государ-

¹ См.: Wirth L. *Urbanism as a Way of Life* // *American Journal of Sociology*. 1938. – Vol. 44. – P. 8–20.

² См.: Redfield R. *The Folk Culture of Yucatan*. – Chicago: University of Chicago Press, 1941. – 212 p.

ство в первую очередь принимает активное участие в управлении сельским развитием посредством официальных классификаций сельских и городских районов, используемых впоследствии как при разработке, так и при осуществлении государственной политики по отношению к селу.

– Экономическо-организационная особенность сельской экономики, традиционными элементами которой являются микроэкономики крестьянского подворья или семейные фермы, что определяет и некоторые другие отличительные признаки традиционной организации сельского хозяйства (субстантивный характер, слитность семейных и производственных отношений и т.п.). В некотором смысле именно крестьянско-семейная организация сельской экономики отражает неразрывность социально-конструктивного и материального характера сельского социального пространства: семейная ферма, является ключевым мотивом во многих представлениях о селе и сельских жителей, но она также является отличительной материальной сущностью. Как материальное образование семейная ферма оказывает воздействие на местную сельскую экономику, сельскую среду и сельское сообщество, что в свою очередь влияет на дискурсивное воспроизводство сельских районов¹. Однако и этот принцип не безусловен, как показывает история, – например, опыт социалистической реконструкции села в СССР, когда сельская экономика функционировала в виде коллективных и совместных хозяйств, а деревня, тем не менее, в значительной степени сохранила свою специфику.

– Как таковые, сельские территории часто наделяются символическим значением как символы национальной идентичности или как контрапункт современности, их можно также представить как отдаленные, отсталые, недостаточно развитые в инновационном, культурном, технологическом планах пространства, нуждающиеся в модернизации. В рамках иерархически организованного сельско-городского континуума технологическое и культурное отставание села от города является закономерным следствием того факта, что именно урбанистические центры являются двигателями инновационного развития в силу большей плотности населения и дифференцированного характера специализации труда городских жителей, способствующего культурному и технологическому прогрессу, по сравнению с сельской экономикой, которая всегда будет менее специализирована и в какой-то части ориентирована на самообеспечение.

Таким образом, традиционное деление социального пространства на городское и сельское, являясь отчасти плодом социального конструирования, отражает ряд перечисленных выше существенных особенностей иерархически организованного и пространственно локализованного континуума урбанистических центров – провинции – сельской «глубинки», и хотя часть традиционных представлений, маркирующих определенные пространства как «сельские» имеет исторически преходящий характер, другая их часть имеет реальный и непреходящий характер, представляя собой атрибутивно-константные свойства, связанные с особенностями взаимодействия между собой различных частей социального континуума и факторами, посредством которых «сельское» производится и воспроизводится.

¹ См.: Mormont M. Who is rural? or, how to be rural: towards a sociology of the rural // Rural Restructuring. Global processes and their responses. – London: David Fulton Publishers, 1990. – P. 21–44.

Сидорович А.В.

д.э.н., профессор МГУ, директор Казахстанского филиала МГУ
avsidorovich@rambler.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРИОРИТЕТЫ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НОВОМУ ЭТАПУ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: *противоречия российской экономики, экзогенная экономическая политика, эндогенная экономическая политика, направления преобразований, национальные проекты, развитие внутреннего рынка, общество социального развития.*

Развитие российской экономики в посткризисный период – это длительная полоса стагнации, продолжающаяся более 5 лет с 2014 года, что вызывает серьезную обеспокоенность руководства страны, научной общественности и населения. Низкие темпы роста ВВП и других макроэкономических показателей, периодические спады показателей и тенденция к снижению и даже падению темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения вызывают острую потребность в обновлении экономической политики и в прекращении неблагоприятных тенденций. Реакция на сложившееся положение на государственном уровне содержится в майских указах Главы государства, его послании Федеральному собранию. Смена правительства отражает намерение руководства страны совершить конкретные действия, направленные на переход экономики к устойчивому экономическому развитию и на этой основе к повышению жизненного уровня населения. Однако данный переход не может произойти спонтанно. Он требует, во-первых, учета реальных объективных противоречий российской экономики, и, во-вторых, понимания того, что переход к новому этапу неизбежно требует изменения экономической политики и выхода из тех тупиков, которые созданы на предыдущем этапе.

Характер и структура противоречий российской экономики

Прежде всего следует подчеркнуть, что противоречия развития современной экономики России носят объективный и закономерный характер. Это означает, что они возникли и действуют в российском обществе в результате предшествующего развития, и их нельзя не учитывать при выработке нового экономического курса.

Современная российская экономика развивается более четверти века. За это время сформировалась новая модель экономики, которая воспроизводится на собственной основе, проявились ее основные характерные черты и противоречия, сформировались политическая система и институты, в трудовую деятельность вступили поколения, которые воспитывались в новых экономических и идейных условиях. Можно сказать, что в ходе трансформации экономики после развала СССР в России *сформировалась новая экономическая и общественная система, которая имеет свои собственные закономерности, противоречия и способы собственного воспроизводства*¹. Разрешение противоречий системы России требует последовательных мер и действий. Задержка с их принятием и осуществлением может привести к нарушению стабильности системы и даже к неблагоприятным деструктивным последствиям.

Существует большой соблазн решать современные проблемы путем смягчения противоречий и улучшения ситуации по отдельным направлениям. Справедливое решение на первое место поставить заботу о детях, семье, о росте достатка и повышения качества жизни через дополнительные выплаты и улучшение взаимодействия с регионами, улучшение качества управления, более эффективное использование ресурсов и другие необходимые меры, на наш взгляд, не выходят за пределы мер краткосрочного и среднесрочного периода по нескольким причинам. Стабильное положение граждан и рост их благосостояния могут происходить за счет благоприятных внешних условий, более рационального подхода к ресурсам, однако это положение само по себе не может быть устойчивым, если не обеспечивается достаточно высокими темпами роста экономики, основанными на производительности труда, эффективности и полной занятости населения. Экономика должна сама, в ходе воспроизводства, создавать факторы роста.

К сожалению, в условиях современной экзогенной экономической политики России такие задачи неосуществимы. Во-первых, остается ориентация на развитие добывающих отраслей и перераспределение инвестиционных ресурсов в их пользу. Продолжается опережающий рост инвестиций в основной капитал добывающих отраслей. Так, если в 2010 году доля таких инвестиций составила 13,8% от общего объема инвестиций, то в 2017 году – 19%. В то же время доля инвестиций в обрабатывающие производства оставалась примерно на одном и том же уровне – 13,2 и 14,3% соответственно (табл. 1). При недостаточном уровне инвестирования экономики, когда доля инвестиций в основной капитал в стране находилась в последние годы чуть выше 20% от ВВП, потенциал развития экономики сдерживается не

¹ Сидорович А.В. Закономерности современной российской экономики и переход к новому этапу развития // Экономические стратегии. – М., 2019. – № 7. – С. 2–11.

только объемом инвестиций, но и их структурой, ориентированной на сырьевой сектор экономики. Учитывая то, что затраты в этот сектор являются капиталоемкими и имеют длительные сроки окупаемости, создается парадоксальная ситуация, когда увеличение инвестиций при существующей структуре не ведет к росту, а подрывает внутренние и источники совершенствования воспроизводства в целях экономического развития. Положение усугубляется тем, что в структуре экономики большой удельный вес занимают отрасли первичной обработки, которые относятся к первому переделу, и это значительно утяжеляет структуру экономики и инвестиций. Этот процесс, к сожалению, сопровождается выводом инвестиций за пределы национальной экономики, в результате чего создание новых рабочих мест, развитие национальной промышленности не является целью инвестиционного процесса, а его побочным продуктом.

Таблица 1

Показатели воспроизводства российской экономики в 2008–2018 гг. (в % к предыдущему году)

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
ВВП	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,7	1,8	0,7	-2,3	0,3	1,6	2,3
Промышленность	0,6	-10,7	7,3	5,0	3,4	0,4	1,7	-0,8	2,2	2,1	2,9
Розничная торговля	13,7	-5,1	6,5	7,1	6,3	3,9	2,7	-10,0	-4,8	1,3	2,8
Реальные располагаемые денежные доходы населения	2,4	3,0	5,9	0,5	4,6	4,0	-1,2	-2,4	-4,5	-0,5	0,1
Неравенство в распределении доходов (коэф. фондов)	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	16,3	16,0	15,7	15,5	15,3	15,5
Коэффициент Джини	0,421	0,421	0,421	0,417	0,42	0,419	0,416	0,413	0,412	0,409	0,411
Доля неформального сектора в общей занятости	19,5	19,3	16,4	18,2	19,0	19,7	20,1	20,5	21,2	19,8	19,9
Инвестиции в основной капитал	9,5	-13,5	6,3	10,8	6,8	0,8	-1,5	-10,1	-0,2	4,8	4,3
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	21,4	20,9	20,6	20,7	20,9	21,2	20,5	20,0	21,2	21,4	20,6
Инвестиции в основной капитал в добычу полезных ископаемых (% к общему объему инвестиций в основной капитал)			13,8	13,9	14,8	14,9	15,4	17,2	18,4	19,0	18,2
Доля инвестиций в обрабатывающие производства (% к общему объему)			13,2	12,9	13,4	14,4	15,0	15,6	14,3	14,3	14,7
Индекс физического объема инвестиций в добычу полезных ископаемых (% к предыдущему году)			106,6	110,9	113,5	98,5	101,8	101,9	109,2	106,1	102,9
Индекс физического объема инвестиций в обрабатывающие производства			101,5	107,9	112,4	107,3	102,7	90,3	89,4	105,4	107,0

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики с уточнениями 2019 года.

К сожалению, мировая практика подтверждает, что сырьевой ориентации свойственно сращивание государства с интересами капитала, представляющего добывающий сектор. Хотя российские корпорации, функционирующие на базе добывающих отраслей, имеют частную форму, однако по сути это «квазигосударственные структуры» или «частные государственные компании», которые имеют возможности через сращивание с государством лоббировать свои интересы, сужая возможности развития для капитала в обрабатывающей промышленности, малого и среднего бизнеса. Выражением этого является отмеченное выше перераспределение инвестиционных ресурсов не просто в пользу добывающего сектора, но и переориентация инвестиционных потоков за пределы национальной экономики России. Этот процесс получил ряд устойчивых форм.

Это проявляется в офшоризации и международном движении инвестиций. Инвестиционная позиция по прямым инвестициям России в 2018 г. показывает долю офшоров в зарубежных активах российских резидентов на уровне 56% (58% в 2017 г.)¹. Это свидетельствует о том, что российские инвесторы перераспределяют свои активы через офшоры. Приток прямых инвестиций в России также в основной части зависит от офшоров. В России тема использования резидентами офшоров до настоящего момента особенно актуальна. В 2018 г. бегство капитала, рассчитанное по функциональному методу (средства, которые могли найти применение в национальной экономике) составило 11 млрд. долл., что для российской экономики немного на фоне предыдущих лет. Но по методу Всемирного банка бегство капитала значительно выросло – до 177 млрд. долл., что является рекордным показателем. В вывозе прямых инвестиций из России в 2018 г. доля офшоров и офшоропроводящих стран осталась почти на прежнем уровне – 72% (74% в 2017 г.), в том числе на офшоры пришлось 42%. Принятые меры по деофшоризации пока не приносят заметных результатов. Еще более впечатляющим является соотношение ввоза и вывоза капитала России за рубеж в последнее годы в виде прямых иностранных инвестиций. Неблагоприятные тенденции с инвестированием в обрабатывающую промышленность внутри страны сочетаются с ростом исходящих из России инвестиций в другие страны. Россия в современных условиях продолжает оставаться нетто-экспортером капитала как за счет наращивания новых инвестиций, так и за счет реинвестирования полученных зарубежными предприятиями доходов (табл. 2).

¹ Россия в международном движении капитала в 2018 – начале 2019 года. Аналитический доклад / Под ред. А.С. Булатова. – М.: Издательство МГИМО, 2019. – С. 25–26.

Место России в потоках ПИИ (данные ЮНКТАД на основе национальной статистики)¹

Показатель	2007 г.	2013 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Приток ПИИ в Россию, млн долл.	54 922	53 397	37 176	25 954	13 332
Экспорт ПИИ из России, млн. долл.	43 894	70 685	26 951	34 153	36 445

Следует обратить внимание еще на один фактор, усугубляющий нехватку источников во воспроизводства внутри страны, который связан с характером прямых иностранных инвестиций в экономику постсоветских стран. Эти инвестиции, как правило, связаны с вложениями в добывающую промышленность. Иностранные инвесторы при этом стремятся минимизировать реинвестиции и осуществлять прямой вывоз добавленной стоимости из страны. Анализ поведения иностранных инвесторов, произведенный ведущим специалистом Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) профессором В. Ю. Додоновым по материалам Казахстана, дает картину ситуации с эффективностью иностранных инвестиций в экономику страны. Анализируя инвестиции США в Казахстан, он отмечает, что у этих инвестиций очень высокий объем полученных инвесторами доходов. Сумма валовых объемов валового притока ПИИ из США (47 млрд. долл.) с 1993 по 2018 годы существенно превышает объем накопленных ПИИ на конец 2018 года (33 млрд. долл.). Это связано с тем, что наряду с притоком инвестиций в Казахстан инвесторы из США выводили значительные суммы инвестиций, в том числе в виде полученных доходов. При этом сами объемы выводимых доходов за 2005–2018 годы (72,2 млрд. долл.) устойчиво превышают объемы притока ПИИ из США (36,3 млрд. долл.)², а подавляющая часть ПИИ приходится на горнодобывающую промышленность, которая составляет 94% от накопленных инвестиций США в Казахстан. По другим странам-инвесторам показатели более благоприятные, однако и они свидетельствуют о высокой доходности стран-инвесторов. Так, соотношение доходов иностранных инвесторов и суммарного объема притока ПИИ из Нидерландов составили 0,68, из КНР – 0,69. Т.е. доходы инвесторов составляли примерно почти 70% от притока инвестиций за 2005–2018 годы. Таким образом, даже увеличение прямых иностранных инвестиций вряд ли способно разрешить противоречия, вызванные сырьевой ориентацией экономики. В конечном счете, это еще более закрепляет нехватку ресурсов для инвестирования в отечественную экономику.

Еще одно проявление ограничений внутренних инвестиций – не всегда обоснованное следование «бюджетному правилу» в условиях предельно низкого уровня инвестирования в национальную экономику. Положительная задача при его помощи регулировать использование нефтегазовых доходов и формировать стабильный бюджет превращается в свою противоположность, если доходы страны перестают работать на ее развитие. Даже в современных условиях стагнации Банк России продолжает линию на значительные вложения в иностранную валюту и ценные бумаги³. Согласно опубликованному Центральным банком отчету об управлении активами в иностранной валюте и золоте практически вся валюта, которая скупается по бюджетному правилу, выводится за границу. Центральный банк собирается продолжить эту линию в ближайшие три года.

Сложившееся положение в национальной экономике справедливо связывается с общей причиной – реализованным в последние годы вариантом экономической политики, которая была ориентирована на снижение инфляции путем проведения жесткой денежно-кредитной политики, сопровождающейся снижением жизненного уровня населения. В результате таких ограничений предприниматели столкнулись с ограничениями спроса, что явилось решающим фактором перехода экономики к полосу стагнации. Как удачно выразился Александр Ивантер, «застабилизировались до застоя»⁴. Осознание ограниченности и недостатков такой политики получает все большее распространение. В этом отношении примечательно заявление российского олигарха О. Дерипаски, который отмечает, что «стабильность не должна подменять свое развитие. В таком случае это можно назвать застоєм, а не стабильностью». Он отмечает, что обеспечить развитие страны поможет только отказ ЦБ от «схоластической задачи по сдерживанию инфляции, также регулятору нужно сосредоточиться на борьбе с бедностью и обеспечении новых рабочих мест»⁵. Вопрос о целеполагании Центрального банка поднимался неоднократно⁶. Постановка О. Дерипаски выражает общую обеспокоенность крупного бизнеса уровнем развития реального производства в экономике России и вытекающими отсюда последствиями для сбалансированности экономики.

На наш взгляд, главное последствие политики 90-х годов прошлого века и современной посткризисной политики – *отсутствие мер по созданию внутреннего рынка*. Специфическая форма «голландской болезни» в российской экономике, связанная с сырьевой ориентацией экономики, находит проявление не только в уровне и различии оплаты труда, но и в принципиальных ограничениях возможностей зарабатывания средств основной частью населения.

Таким образом, на предшествующем этапе развития сложился экзогенный тип экономической политики, который ориентирует на использование внешних факторов, а не на создание внутренних условий развития национальной экономики. Признание необходимости перехода к новому типу политики, а именно, к эндогенной экономической по-

¹ Россия в международном движении капитала в 2018 – начале 2019 года. Аналитический доклад / Под ред. А.С. Булатова. – М.: Издательство МГИМО, 2019. – С. 39.

² Додонов В.Ю. Международное инвестиционное сотрудничество Казахстана: тенденции, факторы, перспективы. Монография. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – С. 71.

³ Обзор деятельности Банка России по управлению активами в иностранных валютах и золоте. 2020. – № 1.

⁴ Ивантер А. Застабилизировались до застоя // Эксперт. – М., 2020. – 20-21 января, № 4. – С. 20.

⁵ Российского олигарха затошнило от российской экономики // Новости Mail.ru. – <http://news.mail.ru/economics/40386777/>

⁶ Глазьев С.Ю. О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. – М., 2015. – № 9. – С. 124–135.

литике – исходный пункт принятия политических и экономических решений для разрешения системных противоречий и запуска механизмов реальных преобразований российской экономики.

Направления преобразований и эндогенная экономическая политика

Возникает вопрос, как разрубить этот «гордиев узел»? Где то решающее звено, за которое следует ухватиться для того, чтобы изменить существующее положение. Следует подчеркнуть, что изменения приходится производить в особых условиях, когда происходит переход к новому уровню технологического развития, одним из проявлений которого является формирование цифровой экосистемы не только в национальном масштабе, но и в тесной связи с развитием цифровых преобразований в условиях ЕАЭС и в мире. Варианты направлений преобразований, которые предлагаются в настоящее время, исходят из необходимости совершенствования институтов, повышения роли государства через более широкое использование кейнсианских подходов и реализацию стратегических мегапроектов, предоставления больших льгот и возможностей предпринимателям, реализацию возможностей цифровой экономики. Однако реализация на практике данных и других вариантов, на наш взгляд, не может не учитывать противоречивость каждого из них.

Получившая широкое распространение в последние годы институциональная концепция преобразований сталкивается с ее внутренними ограничениями, которые ярко показал академик В.М. Полтерович. Он подвергает острой критике мифологемы, которые сопровождают такой подход. По его мнению, наиболее опасна мифологема «основная задача реформ – улучшить “институты”...»¹. Сторонники этого тезиса полагают, что «пока институты остаются плохими, бессмысленно заниматься стимулированием роста». При такой постановке реформа обречена на неудачу. В.М. Полтерович делает вывод, что при определении перспектив развития российской экономики особое значение приобретает научное определение стратегии развития общества и проектирование совершенствования институтов с привлечением общественности.

Спорной является *общая постановка* о повышении роли государства. Следует учитывать, что в современной российской экономике противоречие между государством и рынком приобрело особую форму. Данное противоречие присуще любой рыночной экономике и имеет различные формы разрешения в национальных моделях экономики и на различных этапах развития экономики стран. Теоретические вопросы о роли государства, как правило, связываются с необходимостью устранить последствия «провалов рынка». Этот принцип лежал в основе экономической политики на протяжении длительной истории развития рыночной экономики. При этом «идеальная картина» развития данного противоречия исходит из того, что государство и рынок взаимодействуют в условиях развитой рыночной системы, в которой осуществляются принципы свободной конкуренции, и монополистические тенденции сведены к минимуму. В условиях современного развития после кризиса 2008–2009 годов проявились новые факторы, новые причины для усиления и изменения роли государства, которые связаны с тем, что необходимо, по выражению Т. Пикетти, «вновь установить контроль над обезумевшим финансовым капитализмом». Применительно к российской экономике данное противоречие между рынками и государством приобретает особые формы, которые связаны как с включением крупного российского капитала в систему движения глобального финансового капитала, так и с неизбежным возрастанием роли государственных мер в регулировании экономики, которая еще находится в процессе трансформации при переходе к новому этапу экономической системы России. При этом сохраняются факторы, которые связаны с неэкономическими особенностями российской экономики, предполагающими объективно более высокую роль централизованных мер регулирования экономики государством. В качестве новой формы таких мер и способа перехода к новому состоянию экономики выдвигаются Национальные проекты.

Идея национальных проектов является, безусловно, оправданной. Национальные проекты позволяют сконцентрировать ресурсы государства на решении комплексов взаимосвязанных проблем и тем самым преодолеть недостатки узкоотраслевого подхода к распределению ресурсов. Следует также отметить, что утвержденные указом Президента России В.В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» национальные проекты опираются на накопленный ранее опыт национальных проектов, принятых в 2005 году. Реализация современных национальных проектов использует новую цифровую базу, более современные инструменты управления проектами, комплексный подход, что создает предпосылки для их успешной реализации. Национальные проекты делают упор на развитие социальных проблем и в качестве двух основных направлений выделяют человеческий капитал и комфортную среду жизни. По логике утвержденных проектов третье направление – экономический рост – должно обеспечить экономические условия для реализации проектов. Именно в этом направлении предусмотрено обеспечение роста производительности труда и занятости, поддержка предпринимательства и ряд других подпрограмм, в частности, расширение магистральной инфраструктуры. Однако, на наш взгляд, национальные проекты не претендуют на осуществление радикального изменения существующей экономической политики и не ориентированы на эти цели. Каждая подпрограмма имеет свою особую цель, однако, при этом остается без ясного определения общая цель национальных проектов и ее количественные параметры. В этой связи обращает на себя внимание то, что проблемы обеспечения роста производительности труда, внутренних источников развития занимают в рамках третьего направления рядовое место, в то время как эти вопросы могли быть выделены в особое направление национальных проектов. Безусловно, процесс реализации национальных проектов внесет коррективы в предварительно на-

¹ Полтерович В., Дмитриев М., Яковлев А., Гурвич Е, Аузан А. Судьба экономических программ и реформ в России (Круглый стол в рамках XVIII Апрельской Международной научной конференции НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. – М., 2017. – № 6. – С. 23.

меченные цели и задачи проектов и появится необходимость их большей ориентации на внутренние факторы экономического развития, так как только они позволят обеспечить устойчивое развитие социально-экономических условий жизни людей.

То особое внимание, которое уделяется в современных условиях цифровой экономике, отражает необходимость приведения в действие современных, вызванных информационным обществом, технологий принятия решений и контроля за их выполнением. Этим, конечно, роль цифровизации не исчерпывается. Она затрагивает все стороны жизни общества, включая технологические процессы и международные связи. Однако сама по себе цифровизация не задает цели развития общества. Она служит средством реализации этих целей. В этом контексте нарастание роли цифровизации не означает, что автоматически будут достигаться поставленные цели общества. Цифровизация может обслуживать как экстенсивное, так и интенсивное развитие. Ее использование для целей развития требует включения ее в систему реализации новых целей общества и в новую экономическую политику.

Существующий тип экономической политики (независимо из какой концепции – кейнсианской и либеральной – он исходит) является типом **экзогенной** политики. В российской экономике это находит выражение в том, что источники экономического роста должны обеспечиваться за счет доходов от добычи и реализации природных ресурсов. Для классических теорий экзогенного роста свойственно и то, что внешние источники связываются с техническим прогрессом, который позволяет в определенных пределах обеспечивать экономический рост при падающей эффективности факторов производства. В отличие от этого российская модель экзогенного роста является предельно ограниченной по своей сути. Здесь норма инвестиций и инновационные заделы недостаточны для обеспечения устойчивого роста. Как было показано выше, собственные инвестиции в добывающий сектор являются капиталоемкими, а иностранные инвестиции, как правило, не связаны с техническим прогрессом. Таким образом, с точки зрения интересов национальной экономики в России используется вариант *экстенсивной экзогенной политики*.

Переход к эндогенной политике, которая ориентирует на то, чтобы факторы экономического роста создавались и использовались внутри национальной экономики – главное направление новых преобразований. Другими словами, концепция национальной экономики, ее приоритетность, должна быть постоянно в центре внимания политики государства, что должно найти отражение в приоритетности *жесткой национально-ориентированной инвестиционной государственной политики*.

Политика эндогенного развития предполагает ясное определение целей национальной экономики. Они не могут быть сведены к проблеме только социальной стабильности. В современных условиях необходим переход к **политике социального развития**, которая должна быть направлена на создание социально-солидарного общества, в котором взаимный учет интересов при принятии решений будет принципом деятельности государства.

Непременным условием этого является формирование условий для зарабатывания средств гражданами при полной занятости *на основе развитого внутреннего рынка*. Такой рынок создается, как правило, равномерным размещением производств на территории страны, возможностями полной занятости в регионах. Другими словами, только через создание рабочих мест и, следовательно, создание продукта возможно обеспечить устойчивый рост благосостояния.

Ключевой вопрос – полная занятость населения в региональном разрезе в рамках концепции регионального пространственного развития. Обеспечение такой занятости требует целенаправленного и обоснованного сочетания региональных и общих государственных интересов на основе особой программы. Концепция, построенная на основе свободного движения капитала, по определению является экзогенной, так как она в центр внимания ставит вопрос о том, что в регион приходят внешние факторы развития. Воспроизводственный подход к развитию регионов в центр внимания ставит проблемы как поиска внутренних источников развития регионов, так и специализации регионов в рамках пространственного развития. Он предполагает, что формируется общая инфраструктура межрегионального и регионального развития с учетом решения общегосударственных задач и заинтересованности регионов. В центре такой концепции, безусловно, должны стоять параметры обеспеченности развития регионов собственными источниками воспроизводства и переплетение воспроизводственных процессов регионов. В настоящее время в большинстве регионов мы видим экзогенный тип воспроизводства, когда основные факторы развития, как правило, поступают извне путем перераспределения.

Усиление внимания к источникам воспроизводства на уровне регионов и муниципалитетов проявилось в последнем послании Президента, и сейчас реализуется новым Правительством. Однако это может принести результат только в случае перехода к новой национальной экономической политике. В настоящее время поскольку экономика отталкивает инвестиции в развитие внутреннего рынка и, следовательно, в современные рабочие места, экзогенный характер экономической политики закономерно наиболее ярко проявляет себя в невозможности зарабатывания населением средств, достаточных для воспроизводства в соответствии с современными требованиями к качеству жизни в условиях рыночных отношений.

Официальная социально-экономическая статистика пока не оценивает всесторонне реальное состояние дел в этой области. Например, это выражается в том, что оценка уровня жизни и доходов населения проводится по группам различных показателей, каждый из которых односторонне характеризует уровень и качество жизни. Это проявляется и в показателе бедности. Он исходит из абсолютной концепции бедности и привязан к уровню прожиточного минимума, который является «якорем» данного показателя. Как известно, показатель прожиточного минимума является достаточно устойчивой величиной и изменяется постепенно в законодательно определенном порядке. Более адекватное представление об уровне бедности дают медианные показатели. Расчеты показывают, что при использовании относительных показателей по методике Европейского союза, уровень бедности в России оказывается в 1,4 раза выше, чем его оценки по действующей концепции бедности. Однако современная методика исчисления бедности не исчер-

пывается таким подходом. В настоящее время в мире применяется, как правило, многомерный подход. При расчете таких показателей получается более реалистичная картина уровня бедности, чем в существующей статистике. Как показывает опыт расчетов многомерного показателя бедности, он составляет в России 24–25%, это позволяет более точно определить реальные направления борьбы с бедностью. В настоящее время российской статистикой рассчитывается индекс устойчивого развития. Он позволяет многомерно характеризовать качество жизни, однако требует взвешивания различных параметров, что затрудняет его реальное применение.

Для обеспечения роста уровня доходов при отсутствии условий для занятости государство вынуждено использовать перераспределение ресурсов и социальных трансфертов, которые, как правило, не связаны с трудовой деятельностью. В результате доля трансфертов составляет в настоящее время почти 20% от общей суммы доходов и в сочетании с долей неформальной занятости (примерно 21–22%) это ведет к тому, что существующая структура производства и экономических интересов вступает в противоречия с необходимостью сбалансированного развития экономики. Сложившееся положение представляет большую опасность для стабильности национальной экономики и решения социальных вопросов населения

Таким образом, переход к новому этапу развития требует, во-первых, ясного провозглашения *новых целей* политики государства – переход к национальной модели социального и солидарного развития. Во-вторых, *изменения содержания политики* развития – переход к эндогенной политике и комплекса соответствующих новых мер и методов регулирования. В-третьих, последовательная *ориентация политики*, мер и действий на приоритет концепции национальной экономики.

Сосунова И.А.

д.соц.н., профессор, вице-президент Российского общества социологов

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСБАЛАНСЫ

Ключевые слова: социально-экологическая сфера, модернизация, неоднозначность, модернизационные процессы, социальная экология, экологический кризис, социально-экологические ценности, здоровье, управление.

Закономерности и формы взаимодействия человеческого общества с окружающей природной средой, условия поддержания равновесия в этом процессе – предмет социальной экологии. Одним из важных направлений является исследование прямых и обратных связей между процессами, происходящими в демографии и окружающей среде, причин, способствующих изменению экологического поведения населения в условиях модернизации нашего общества¹.

Именно социальная экология заостряет внимание на многих экологических проблемах, требующих совместного решения власти, бизнеса и общества, и полемика вокруг которых только обостряется. Например, дискуссия экологов и социологов в 2017 г. вокруг Парижского соглашения по изменению климата, принятого 12 декабря 2015 года по итогам 21 конференции Рамочной конвенции об изменении климата (РКООНИК) в Париже, все-таки успешно закончилась подписанием соответствующего Договора. Но что это принесло России – вопрос остается открытым.

По-прежнему, на наш взгляд, существует три условия, при которых применение методов социальной экологии в сфере управления создает долгосрочные преимущества:

- социально-экологические исследования базируются на новых принципах, бросающих вызов традиционному мышлению;
- социально-экологические исследования, как правило, являются системными, включающими большой спектр методов и приемов;
- социально-экологические исследования часто выходят на инновации, которые являются частью непрерывного процесса нововведений, или другими словами, модернизации, со временем приводящей к усовершенствованиям и изменениям, прежде всего окружающей среды.

Для достижения всеми странами мира уровня развития и потребления передовых стран понадобилось бы увеличить использование природных ресурсов и количество загрязнений в десятки раз, что невозможно по объективным причинам.

Экологи, как показал 50 Давосский Форум, предлагают новые принципы или систему иных взглядов и понятий (например, холистических), по сути дела осуществляющих пересмотр традиций и догм, которые ограничивают творческое мышление, помогают по-новому определить возможности решения проблемы.

Поскольку сейчас воздействие человека на природу достигло огромных масштабов, а в густонаселенных районах антропогенные воздействия стали преобладающей силой в формировании характеристик окружающей природной среды, неблагоприятная экологическая обстановка в промышленно развитых странах, в том числе и в России, по мнению социальных экологов, стала влиять на общую социальную ситуацию. Это в полной мере наблюдается и сейчас на 15% российской территории². Критическая или околокритическая экологическая ситуация отмечается в регионах, где проживают более 60 млн. человек. Результаты социологических исследований наглядно свидетельствуют о понимании экспертами и населением России данных проблем; об этом говорят как материалы опросов, выполненных еще в 2001–2002 г. РЭФИА и ИСПИ РАН, так и эмпирические данные, полученные в последние годы службой Специальной связи и информации ФСО России на постоянной основе осуществляющей мониторинг общественного мнения о социально-экономических и общественно-политических проблемах Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Общая характеристика оценки экологической ситуации в России населением и экспертами (в % от числа опрошенных)

	2001 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2019 г.
Доля участников экспертных опросов, считающих экологическую ситуацию в России благополучной	82–88	82–88	87–90	90–93	93–94
Доля участников массовых опросов, обеспокоенных состоянием экологической ситуации	59–67	63–72	65–74	65–75	75–78
Доля участников массовых опросов, отмечающих наличие существенной связи экологической ситуации и социальной напряженности	55–66	62–65	65–67	67–70	70–72

¹ Сосунова И.А. Экологические ценности как основа нового качества жизни // Проблемы оценивания и прогнозирования качества жизни. – Севастополь, 2018. – С. 33-35.

² Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2010.

При этом следует особо отметить, что даже в условиях санкций и в неблагоприятных экономических условиях, в которых находится сейчас Россия, на фоне снижения доходов населения – доля россиян, негативно оценивающих экологическую обстановку в регионе проживания и считающих экологическую проблемой, требующей первоочередного решения, остается как минимум значимой. В частности, по данным ФСО, в России отмечается лишь относительно небольшое снижение данного показателя: с 14,8% в ноябре 2014 г. до 11,8% в мае 2016 г. Однако по субъектам Российской Федерации эта доля заметно варьирует: от 1-2% в Алтайском крае, Республиках Мордовия и Хакасия, до 20-24% в Иркутской области, Москве и Республике Северная Осетия-Алания и до 26-36% в Челябинской и Свердловской областях и т.п. По данным исследований РОС в 2017 этот показатель был высок и в Приволжье.

Наибольшую обеспокоенность экологической ситуацией в регионе проживания продемонстрировали жители Иркутской области, наименьшую – жители Ленинградской. В целом же население Российской Федерации больше всего беспокоит качество водных ресурсов и загрязненность атмосферного воздуха (40,8 и 40% опрошенных соответственно). Относительная приоритетность отдельных экологических проблем, несомненно, зависит от специфики региона, так, например, наиболее высокий уровень обеспокоенности населения, по социологическим данным, сейчас связан в Уральском федеральном округе с качеством водных ресурсов, в Сибирском федеральном округе – с загрязненностью атмосферного воздуха, в Северо-Западном федеральном округе – с накоплением отходов; в Приволжском – с состоянием реки Волга, в Сибирском федеральном округе – с состоянием лесов, в Дальневосточном федеральном округе – с ростом частоты опасных природных явлений (наводнения, засухи, лесные пожары) и т.д.

Разумеется, было бы некорректно делать какие-либо принципиальные выводы, абсолютизируя обеспокоенность респондентов только собственно экологической ситуацией, отвлекаясь от общего социального контекста¹. В данной связи интересны результаты эмпирических социологических исследований, подтверждающие, что экологическая ситуация реально находится в «фокусе» внимания современного общества (таблица 2).

Таблица 2

Оценка экспертами актуальности экологической проблемы при нынешней экономической ситуации в стране (в % от числа опрошенных) по осредненным данным НИА «Природа»

Характер оценки	Москва			Мордовия			Северная Осетия			Ингушетия			Ярославская область		
	Рос*	П/р*	С/р*	Рос	П/р	С/р	Рос	П/р	С/р	Рос	П/р	С/р	Рос	П/р	С/р
Проблема, которую следует решать	50	38	25	41	36	27	38	24	16	25	17	10	50	25	13

* Рос – для России в целом; П/р – для промышленных регионов; С/р – для сырьевых регионов.

Именно социальная экология в течение последних лет занималась изучением социально-экологической напряженности и социально-экологическими конфликтами. Введение этих понятий при разработке социально-экологического мониторинга в рамках программы «Экологическая безопасность» (рук. д.б.н., проф. Рыбальский Н.Г.) позволило выявить связь между зачастую не воспринимаемыми непосредственно человеком антропогенными изменениями свойств и характеристик биосферы и реальной социальной жизнью, когда создаваемая человеческой деятельностью «рукотворная» экологическая ситуация неизбежно порождает прежде всего, вполне очевидные многочисленные угрозы конкретным социальным интересам отдельных слоев и групп. Так, результаты многолетних эмпирических социологических исследований обоснованно подтвердили наличие объективных зависимостей между экологической ситуацией и здоровьем населения; его трудовой деятельностью; отдыхом; миграциями; политической стабильностью и т.д., и, в конечном счете, между экологической ситуацией и национальной безопасностью. Соответственно этому воздействию негативных последствий человеческой деятельности сейчас реально осознается социальными общностями в разных регионах. Иногда, правда, только после достаточно длительного вызревания социально-экологических проблем, то есть в виде объективных разнообразных угроз своему уровню и качеству жизни.

Таким образом, социологические исследования на протяжении многих лет убедительно доказали, что реакция на экологические проблемы в условиях модернизации нашего общества носит опосредованный и неизбежно запаздывающий характер: то есть получается, что реакцию населения порождает не антропогенная экологическая проблема как таковая, а, главным образом, ее социальные последствия. Соответственно этому и цепочке «антропогенный экологический фактор» – «потребность» – «интерес» – «мотив» – «действие», определяющей поведение различных социально-демографических и профессиональных групп и социальных общностей, имманентно присущи «временные лаги», то есть некоторое запаздывание.

При этом и действия людей, направленные на разрешение этих экологически обусловленных социальных проблем и ликвидацию возникших угроз своему уровню и качеству жизни, носят не некоторый специфически «экологический», а вполне конкретный социальный характер. Имеют место демонстрации, пикетирования конкретных объектов, использование правовых механизмов, бойкоты конкретных товаров и т.п. вплоть до формирования электоральных предпочтений. Так, по данным Всероссийского исследования, проведенного ВЦИОМ в декабре 2016 г., наиболее распространенная среди населения природоохранная практика – экономия водных и энергоресурсов (отмечают более 80% респондентов). Другие практики распространены среди трети и менее опрошенных, это, в первую очередь, отказ от излишней пластиковой упаковки в магазинах, сдача в переработку макулатуры, отдельный сбор мусора, утилизация использованных батареек, аккумуляторов, лампочек. Очевидной массовой формой участия в экологической обще-

¹ Сосунова И.А. Социальные ориентиры модернизации государственной экологической политики // Качество и жизнь. 2017. – № 2 (14). – С. 4–9.

ственной деятельности являются так называемые «субботники», или такие акции, как «Посади дерево», в которых за последние 3 года принимало участие более половины опрошенных (55%) и т.п.

Модернизационные процессы в социально-экологической сфере, по своей сути, в настоящее время отражают результат сложного взаимодействия экологических, социальных и духовных факторов и являются индикатором актуализации социально-экологических процессов населения. При этом показателем, например, социально-экологической напряженности можно считать наличие в общественном сознании устойчивых и распространенных оценок, связывающих антропогенную экологическую ситуацию с угрозой или фактическим ущемлением важнейших социальных и духовных потребностей конкретной социальной общности. В свою очередь, критерием устойчивости и распространенности данных оценок служит их присутствие в общественном мнении. Завершается осознание социальным субъектом (слоем, группой, территориальной общностью и т.п.) глубокого несоответствия экологической ситуации ценностям и интересам, когда проявляется готовность устранить данное несоответствие путем социального столкновения или предпринимаются целенаправленные конфликтные действия и т.д.

За 30 лет исследований отмечена тесная связь оценки населением экологического риска, связанного с конкретным производственным, оборонным и т.п. объектом, и компетентности общественного мнения по вопросам экологии. Детальный анализ результатов исследований позволяет констатировать прежде всего хроническую неинформированность людей об объективном состоянии и перспективах изменения ситуации на соответствующей локальной территории, что является еще одним методологическим дисбалансом в социально-экологической сфере. Особо критично при этом оценивается степень информированности в районах размещения экологически опасных объектов; обычно чаще информированными считают себя две трети респондентов; вообще не информированными – каждый четвертый опрошенный.

Реакция конкретных социальных общностей на возникающую проблему определяется, прежде всего: социальными интересами (при этом одна и та же тема может иметь разное значение для конкретных социальных слоев, групп и т.д.); духовными и социально-психологическими характеристиками (хотя ценностная система, социальные установки различных социальных и этнических групп, стереотипы их поведения и восприятия могут существенно различаться). С другой стороны, по данным ВЦИОМ, мотивы обращения жителей России к бытовым природоохранным практикам разные, а именно: одни заботятся о природе, другие – экономят на расходах, связанных с потреблением природных ресурсов, третьи просто не могут поступить иначе, т.е. вполне возможно достижение социально значимого баланса между целями охраны окружающей среды и экономической целесообразностью.

В целом же несходство духовных и социально-психологических характеристик, определяющих мнение и поведение разных социальных субъектов в различных регионах России, может быть весьма существенным. В качестве примера можно привести принципиально различное отношение к здоровью и значимость этой категории в ценностной системе жителей России¹.

Россияне, как показывают результаты опросов РОС, рассматривают здоровье преимущественно как инструментальную ценность в неразрывной связке с терминальными — карьерой, материальным благополучием и иными компонентами жизненного успеха. При этом даже добиваясь жизненно важной для себя цели, могут, не задумываясь, пренебречь собственным здоровьем, подчеркивая на словах его огромное значение. Соответственно этому и реакции на угрозу здоровью со стороны антропогенных экологических факторов могут существенно различаться.

Влияние социальных и социально-демографических характеристик населения на формирование общественного мнения, выбор позиции и т.п. является в условиях крайне стратифицированного общества исключительно сильным. Проиллюстрируем это положение результатами массового опроса, проведенного при участии НИА «Природа» еще в 2003 г. В частности, было установлено, что доминирующая дифференцирующая роль в формировании готовности различных социальных слоев и групп к активной самостоятельной защите своих социально-экологических интересов принадлежит уровню доходов, а приоритетность социально-экологических интересов существенно зависит от принадлежности к определенной социальной (социально-профессиональной) группе или слою. К 2020 г. практически ничего не изменилось, и этот дисбаланс присутствует по-прежнему в социально-экологической сфере.

На социальные общности оказывается информационное воздействие, источниками которого, в первую очередь, являются СМИ, слухи, экологическое образование и т.д. С данной точки зрения немаловажно, в частности, что тема устойчивого развития и экологии в целом по-прежнему остается среди наименее освещаемых тем для СМИ. Как показывают результаты исследований, подавляющее большинство населения не способно сформулировать хотя бы собственное представление об устойчивом развитии. Вне области серьезного внимания отечественных СМИ остались Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20», Саммит по устойчивому развитию 25–27 сентября 2015 г. Таким образом, очевидной необходимостью является сейчас позитивное сочетание «экологической активности» СМИ, сетевых ресурсов, социальной рекламы и системы экологического образования.

Как уже отмечалось выше, в условиях модернизации среди социальных общностей могут найтись такие, которые станут субъектами социально-экологической напряженности (конфликта). В зависимости от ее реального уровня данные субъекты и будут действовать по отношению к органам власти, к другим социальным общностям. Симптоматично при этом, что основную ответственность за состояние экологии, по данным ВЦИОМ, население возлагает на местные органы, но не на самих граждан. К усилиям региональных властей по улучшению экологической ситуации респонденты оказались настроены критично – только пятая часть указала, что, по их мнению, делается достаточно.

¹ Сосунова И.А. Ценностный подход как основа обеспечения национальных интересов в экологической сфере // Стратегическое управление в сфере экологической безопасности: нерешенные проблемы / Под ред. С.Г. Харченко. – М.: Макс-Пресс, 2019. – С. 21–25.

Различий в оценке разных уровней власти практически не выявлено, можно лишь отметить, что осведомленность о работе федеральных властей в области защиты экологии гораздо ниже.

В свою очередь, по данным ФСО, каждый пятый житель России готов принять участие в различных акциях протеста, если властями не будут решаться актуальные экологические проблемы. В мае 2016 г. эта доля даже возросла в сравнении с докризисным 2014 г. В 38 субъектах Российской Федерации эта доля превышает 20%, а в 7 превышает 30%: Калужская область (33%), г. Севастополь (33%), Еврейская автономная область (34%), Кабардино-Балкарская Республика (36%), Смоленская (39%) и Калининградская (42%) области и Алтайский край (71%). При этом отмечена не очень выраженная, но все же проявляющаяся зависимость: чем большая доля населения готова бороться за решение экологических проблем, тем меньше острота экологических проблем в регионе.

В то же время практика государственного управления и экономического развития в условиях модернизации придает актуальность задаче многомерной классификации экологической и социально-экологической обстановки в административно-территориальных единицах. В качестве практического приближения к искомой процедуре многомерной классификации и измерения напряженности может использоваться апробированная методика сравнительной оценки социально-экологической ситуации в различных регионах (административно-территориальных единицах), основанная на построении индекса экологической напряженности, позволяющего, как минимум, обеспечить одновременный учет антропогенной нагрузки на конкретной территории и состояния общественного сознания по экологическим проблемам. Оценка значений индекса на уровне федеральных округов была осуществлена с выбором в качестве типовых регионов: Северо-Западный федеральный округ – Республика Карелия; Центральный – Московская область; Южный – Ставропольский край; Приволжский – Республика Башкортостан; Уральский – Свердловская область; Сибирский – Республика Хакасия; Дальневосточный – Республика Саха. Итоговые результаты расчетов представлены в табл. 3¹.

Таблица 3

Оценочные значения индекса экологической напряженности для федеральных округов РФ (сравнительная таблица)

	2005 г.	2016 г.	2019 г.
Северо-западный федеральный округ	2,3	2,6	2,5
Центральный федеральный округ	3,8;	4,0	4,2
Южный федеральный округ	2,5	3,5	3,6
Приволжский федеральный округ	3,0	4,0	4,5
Уральский федеральный округ	3,2	3,8	4,0
Сибирский федеральный округ	2,2	2,5	3,0
Дальневосточный федеральный округ	1,9	3,2	3,8

Таким образом, можно констатировать, что в условиях модернизации использование категорий социальной экологии открывает новые существенные возможности в социологическом изучении современных проблем взаимодействия природы и общества. Для реальных потребностей общественной практики мало знать мнение населения и его отдельных групп о состоянии окружающей среды, а также факторы его формирования. Необходимо понять, какие социальные процессы развиваются вследствие данного состояния, каковы их направленность и перспективы, кто может взять на себя функции субъекта реального или потенциального конфликта и т.д. Возникающие при этом методические проблемы представляются вполне разрешимыми. Во всяком случае, они не сложнее тех, которые уже успешно решаются социальной экологией в условиях модернизации российского общества.

¹ Актуальные проблемы социальной экологии // Использование и охрана природных ресурсов в России. Научно-информационный и проблемно-аналитический бюллетень / NIA-Priroda. 2019. – № 3. – С. 108–113.

Телюк М.С.

ассистент, Российский экономический университет

Ярных Э.А.

д.э.н., профессор, Российский экономический университет

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ В ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: индикаторы, показатели, цели устойчивого развития.

Keywords: indicators, measurements, sustainable development goals.

В 2015 году членами ООН, в рамках Повестки дня в области устойчивого развития, были приняты 17 Целей на период до 2030 года, и сформулирован 15-летний план по их достижению. Следующие Цели Устойчивого Развития (далее – ЦУР) были определены:

- 1) Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах;
- 2) Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства;
- 3) Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте;
- 4) Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех;
- 5) Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек;
- 6) Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех;
- 7) Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех;
- 8) Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех;
- 9) Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям;
- 10) Сокращение неравенства внутри стран и между ними;
- 11) Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов;
- 12) Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства;
- 13) Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями;
- 14) Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития;
- 15) Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия;
- 16) Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях;
- 17) Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

Данные ЦУР реализуются посредством 167 задач, каждая из которых характеризуется соответствующим индикатором. Индикатором является показатель, имеющий количественное выражение. Понятие индикатор выбрано не случайно, т.к. оно происходит от латинского названия «indicator», что значит «указатель». И основная задача индикаторов задавать необходимые количественные значения для достижения ЦУР. К примеру ЦУР 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах» реализуется посредством задачи «1.1 К 2030 году ликвидировать крайнюю нищету для всех людей во всем мире (в настоящее время крайняя нищета определяется как проживание на сумму менее чем 1,9 \$ США в день)», индикатор отражает долю населения, живущих на сумму менее чем 1,9 \$ США в день. Целевое значение данного показателя к 2030 году является значение 0 %.

Индикаторов множество. Данный факт затрудняет принятие управленческих решений в достижении ЦУР. Поэтому необходимы надежные метрики и показатели, агрегирующие исходные данные индикаторов, которые облегчают:

- определение приоритетных направлений для действия,
- понимание ключевых проблем,
- отслеживание прогресса,
- выявление пробелов, которые должны быть устранены для достижения ЦУР к 2030 году.

Обобщая имеющийся опыт, стоит выделить два наиболее распространённых подхода к построению показателей, характеризующих уровень развития относительно ЦУР¹:

- 1) построение системы показателей с учетом экологического, экономического и социального аспектов;
- 2) построение интегрального, агрегированного показателя, по которому можно судить о степени устойчивости развития.

Не стоит рассматривать представленные подходы как противоположные друг другу. Для разной степени интерпретации текущего уровня достижения ЦУР необходимо использовать данные подходы совместно.

В международной практике наиболее распространённым является Индекс прогресса по Целям устойчивого развития (SDG Index — Sustainable Development Goals Index), разработанный экспертной сетью Организации Объединённых Наций по предложению решений в области устойчивого развития (UN SDSN – The United Nations Sustainable Development Solutions Network) и международного фонда Bertelsmann (Bertelsmann Stiftung)². Отчеты на основе индекса ЦУР публикуются ежегодно. Само значение индекса ЦУР можно интерпретировать как процент достижения ЦУР. Так, к примеру, значение индекса ЦУР Швеции 85 свидетельствует о том, что страна находится в среднем на 85% пути к достижению 17 ЦУР.

По мнению авторов, при разработке интегрального агрегированного показателя, отражающего уровень устойчивого развития (достижения ЦУР), необходимо данные индикаторы ЦУР агрегировать по аспектам концепции устойчивого развития, а потом уже в целом, к единому показателю. Это позволит точнее и быстрее определять приоритетные направления для достижения ЦУР. Агрегирование индикаторов ЦУР необходимо производить посредством определения расстояния с помощью взвешенной метрики Минского:

$$\left(\sum_{i=1}^n \omega_i |x_i - y_i|^p \right)^{\frac{1}{p}}$$

где: x_i – фактическое значение, i -ого индикатора;

y_i – эталонное значение, i -ого индикатора;

ω_i – весовой коэффициент, i -ого индикатора;

n – количество индикаторов;

p – степень.

На основе выше представленной формулы определяется рейтинг стран по уровню достижения ЦУР с помощью метода «расстояния до объекта-эталона». В основе метода лежит сравнение стран по каждому индикатору ЦУР с условно эталонной страной (у которой все показатели принимают эталонные значения). Каждая ЦУР реализуется посредством нескольких задач, а каждая задача характеризуется индикатором.

Перед применением представленной формулы фактические и эталонные значения индикаторов должны быть стандартизированы по странам:

$$\frac{x_j - \bar{x}}{\sigma}$$

где:

x_j – фактическое значение, j -ой страны;

\bar{x} – среднее значение;

σ – среднеквадратическое отклонение.

Стандартизация позволяет сократить дальнейшую неоднородность в составах сравниваемых стран.

Агрегирование индикаторов сначала лучше производить по ЦУР в разрезе задач, по выше представленной формуле. Эталонное значение y_i устанавливается относительно соответствующего ему ЦУР. К примеру ЦУР 1 «По-всеобщая ликвидация нищеты во всех ее формах» реализуется посредством задачи «1.1 К 2030 году ликвидировать крайнюю нищету для всех людей во всем мире (в настоящее время крайняя нищета определяется как проживание на сумму менее чем 1,9 \$. США в день)», данная задача отражается посредством индикатора «доля населения, живущих на сумму менее чем 1,9 \$. США в день», эталонное значение которого равно 0. Целевое значение данного показателя к 2030 году является значение 0%.

Значение весового коэффициента ω_i задается экспертным методом. Большой вес должны иметь индикаторы задач ЦУР, которые имеют первостепенное значение в реализации ЦУР. Желательно чтобы весовой коэффициент ω_i имел дробное значение, числитель которого определяет вес индикатора, а знаменатель равен сумме всех весов.

Степень p должна задаваться в зависимости от вариации индикаторов внутри соответствующего ЦУР. При менее выраженной вариации индикаторов внутри соответствующего ЦУР относительно остальных индикаторов ЦУР, необходимо задавать более высокое значение степени p . Данный момент позволит нивелировать вариационные неоднородность индикаторов, отражающих соответствующие задачи и реализацию ЦУР.

¹ Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития для России // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Социально-Экологические Технологии. 2012. – № 1. – С. 8–18.

² <https://www.sustainabledevelopment.report/>

После расчета единого показателя по каждой ЦУР необходимо агрегировать данные по аспектам концепции устойчивого развития: экономического, социального и экологического. Первым делом производится разделение ЦУР по соответствующим аспектам концепции устойчивого развития.

Расчет показателей по аспектам производится по аналогичной формуле, где x_i задается как итоговое значение с прошлой агрегации. В данном случае значение весового коэффициента ω_i задается как 1. В некоторых моментах можно задавать приоритетное значение соответствующим ЦУР в соответствии с экспертным мнением. Эталонное значение y_i в данном случае будет равно 0, т.к. относительно прошлой агрегации данных расстояние определялось для эталонной страны. Величина степень ρ задается в значимости от сильных разнородностей прошлых агрегированных данных. Чем больше вариация агрегированных показателей внутри аспекта тем выше должно быть значение ρ .

Последняя агрегация производится по аспектам концепции устойчивого развития. Значение весового коэффициента ω_i задается как 1, т.к. все аспекты должны иметь равное значение относительно концепции устойчивого развития. Эталонное значение y_i в данном случае тоже задается как 0. Величина ρ уже не имеет особого значения, на практике обычно задается значение равное единице.

Изложенный метод позволяет определить оценить уровень достижения ЦУР странами мира. Представленный метод довольно гибок и позволяет вносить изменения в соответствии с экспертным мнением разработчика рейтинга.

Список литературы

1. Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития для России // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Социально-Экологические Технологии. 2012. – № 1. – С. 8–18.
2. Бобылев С.Н. [и др.]. Индикаторы экологически устойчивого развития: региональное измерение // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2018. – № 2. – С. 21–33.
3. Бородкина В.В. Индикаторы оценки устойчивого эколого-социально-экономического развития региона // Фундаментальные исследования. 2015. – № 5–2. – С. 384–389.
4. Буренина И.В., Быль Е.А. Рейтинговая система оценки устойчивого развития территориальных субъектов: российский и мировой опыт // Интернет-журнал Науковедение. 2016. – № 2 (33). – С. 17.
5. Галаганова Л.А. Концептуальные подходы к построению индексов и индикаторов устойчивого развития территорий // Землеустройство, Кадастр и мониторинг земель. 2019. – № 9 (176). – С. 27–31.
6. Зенченко С.А. Цели и показатели устойчивого развития. 2017. – С. 389–392.
7. Кирильчук И.О., Рыкунова В.Л. Индикаторы устойчивого развития как показатели эколого-экономической безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. – № 2 (77). – С. 94–101.
8. Кремлев Н.Д. Статистика как инструмент познания устойчивого регионального развития // Статистика и экономика. 2018. – № 3 (15). – С. 4–13.
9. Пономарёва М.А. Адаптация зарубежных методов к разработке системы показателей устойчивого развития российских регионов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. – № 4 (36). – С. 102–107.
10. Рогова Т.Н. К вопросу устойчивости региональной социально-экономической системы // Экономический анализ: теория и практика. 2018. – № 3. – С. 410–423.

Шульга М.А.¹

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ: РЕЛИКТ ИЛИ ПРИОРИТЕТ? (ЭСКИЗ ПРОБЛЕМЫ)

Ключевые слова: модернизация, информационные технологии, природные ресурсы, геополитика.

Keywords: modernization, information technology, natural resources, geopolitics.

Еще один ракурс геополитики

«География – это судьба» – фраза, которую приписывают Наполеону. Для геополитики география – не судьба, а возможность. (Вспомним, например, концепцию «поссибилизма» Видаля де ла Бланша.) Отто Шеффер пишет, что геополитика изучает то, как государство преодолевает законы пространства [30, с. 25]. Тут важен нюанс – «преодоление» не означает «отмену» (законы физики тоже преодолеваются, но так, что берутся во внимание, с ними считаются, они ставятся на службу человеку; они – возможность), а означает «опору» на эти законы, что на выходе дает нам технологию. У Реймона Арона могущество государства связано с его умением и способностью распоряжаться пространством, населением и ресурсами (основными детерминантами внешней политики) для обеспечения эффективности своей внешнеполитической деятельности [1, с. 68, 74]. Тоже ведь «преодоление» – перечисленные детерминанты могут быть ограниченными, либо же не мобилизованными (не приведенными в состояние, необходимое для решения определенных задач) в силу отсутствия тех или иных (производственных, управленческих, организационных и т.д.) технологий (методов и инструментов для достижения желаемого результата). Геополитика поэтому неотделима от технологического прорыва, в котором, если прибегнуть к Хэлфорду Макиндеру, инициативу проявляет человек, но «всеобщее физическое регулирование» осуществляет природа [18, с. 11]. И регулирование это, по выводу Х. Макиндера, особенно осязаемо в так называемую «послеколумбову эпоху», где «мир в своих самых отдаленных пределах» уже открыт, а человечество будет иметь дело с «замкнутой политической системой» глобального масштаба [18, с. 9, 10].

Не является ли «послеколумбова эпоха» Х. Макиндера предшественником концепции «полного мира» (Герман Дэйли), вокруг которой, например, разворачиваются суждения авторов юбилейного Доклада Римского клуба «Come On! Капитализм, краткосрочная выгода, население и разрушение планеты» (2017). Сравним: «Время пустого мира» определяется в Докладе как время, «когда население было маленьким, а щедрость природных ресурсов на этой земле казалась бесконечной», как время, «когда разрасталось Европейское Просвещение и Америка выглядела как место, где поселенцы и предприниматели могли бесконечно найти новое пространство» [10]. У Х. Макиндера «послеколумбова эпоха» озаменована тем, что: «В Европе, Северной и Южной Америке, Африке и Австралии едва ли найдется место, где можно застолбить участок земли» [18, с. 10]. Но Х. Макиндер, с именем которого иногда связывают «день рождения геополитики» [33, с. 388] и который призывает государственных деятелей «послеколумбовой эпохи» отвлечь свое внимание от территориальной экспансии, обратив его «к борьбе за согласованную созидательную деятельность» [18, с. 10], безвозвратно «устарел», как «устарела» и вся геополитика в современном глобализованном постиндустриальном и высокотехнологическом мире с его информационными технологиями и мерами экономического воздействия. А вот авторы упомянутого выше Доклада, предлагающие «поставить под вопрос легитимность абсолютного суверенитета государств с учетом глобального масштаба последствий тех или иных действий» [10], беспорочно на острие времени. И это несмотря на то, что при беглом сравнении их тезиса с идеей Х. Макиндера в глаза бросается именно сходство, а не противоположение.

Геополитика и модернизация: парадокс сосуществования

С геополитикой связан некий парадокс. В то время как политический и медийный дискурсы переполнены геополитической риторикой и прилагательным «геополитический» (контекст, выбор, проект и т. д.), в научном дискурсе продолжает иметь место осторожное и в какой-то мере предосудительное отношение к геополитике вплоть до ярлыка «лженаучности» [см.: 28, с. 90]. Не углубляясь в причины указанного парадокса (их осмысление могло бы стать предметом отдельного рассмотрения), отметим, что последняя «вспышка» антигеополитических настроений с их неизменно муссируемой темой «устарелости» геополитики приходится на 90-е годы XX столетия и фиксируется на фоне провозглашенного после распада СССР «конца истории», означающего триумф западной идеи как отсутствие каких-либо жизнеспособных альтернатив либерализму [см.: 31, с. 134]. «Консервативная» геополитика противопоставляется «прогрессивному» либерально-демократическому мышлению, поскольку последнее предполагает аннигиляцию «тер-

¹ Шульга Марина Андреевна – д.полит.н., профессор, профессор кафедры государственного управления, Киевский Национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Киев. E-mail: marina_shulga@i.ua

риториальных суверенитетов» в некоей «абстракции глобального мира» [см.: 12]. В плане идеологическом такая аннигиляция и означает забвение «идеологических претензий на иные, более высокие формы общежития» [31, с. 144], а в плане организационно-производственном – создание «сложной “постиндустриальной” экономики, в которой большую роль играют информация и технические новшества» [32]. В обоих случаях не пространство, а время (синонимический ряд: модернизация, инновация, реформирование, инновационные технологии) провозглашается «существенным детерминантом развития нации» [см.: 12], благодаря которому она лишь и может стать «членом мирового сообщества», причем ее связь с территорией является случайной и не имеет какого-либо значения для этого процесса. В обоих случаях неминуемо «жертвование» территорией, пространством как «всеми связанными с территориями традициями, способами правления, образами мира и т.п.» [12, с. 41] и в целом геополитикой в угоду времени, мобильности и, в конечном итоге, в угоду модернизации-универсализации как залогоу современности. Причем к такой «жертве», исходя из того, что «почти весь мир существует в рамках единого капиталистическо-рыночного экономического порядка», подталкиваются лишь те, кто находится вне «англосаксонской традиции геополитического мышления» [см.: 37]. Что же касается самой этой традиции, то: «здесь геополитика видится вполне совместимой с либерально-демократическим пониманием политики» [37]. Игнорирование этой совместимости со стороны последнего после завершения «холодной войны» было столь категоричным, что в итоге привело к игнорированию «физических параметров, налагаемых местностью» и, как следствие, обернулось иллюзией всемогущества «реактивных скоростей в информационный век» [см.: 13; 14].

Геополитика и высокие технологии, или «сколько стоит дым от паровоза»

На первый взгляд, уяснение и принятие во внимание указанной связки геополитики с «либерально-демократическим пониманием политики» важно в свете сформулированной Генри Киссинджером задачи продвижения США своих ценностей, которые они считают «универсально востребованными» и подлежащими закладке в основу мирового порядка, с учетом «культурной и географической конфигурации других регионов» [14]. Но для «признания реальности истории и культуры других регионов» [14] вполне достаточно наработок регионалистики и дисциплин, сопряженных с нею. В то же время неотъемлемой составляющей образа будущего мироустройства, выработанного и защищаемого сегодня «англосаксонской традицией геополитического мышления», на которую «Макиндер по сей день оказывает влияние» (!) [см.: 37], является техническо-организационный базис и его производства, и его продвижения в качестве универсального. Наряду с экономической глобализацией этот базис включает и «революцию цифровых технологий» [см.: 2], благодаря которой «способы обработки и передачи информации объединяют регионы как никогда прежде» [14].

Сам термин «модернизация» сегодня принято увязывать с термином «цифровизация», который, в свою очередь, все более перебирает на себя семантику терминов «современный», «прогрессивный», «будущий». Но всеобщее распространение цифровых технологий, их проникновение во все сферы человеческой жизнедеятельности не может не натолкнуться на следующий вопрос-вывод. А именно: перед распространением и использованием, не подлежат ли указанные технологии производству? И если информация, как писал Н. Винер, – это «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [7, с. 31], то цифровые технологии представляют это обозначение в виде набора символов двоичной системы (1 и 0), что и позволяет с их помощью оперировать данными (хранить, обрабатывать, передавать) в больших объемах и на больших скоростях.

Ничего не производя, а лишь представляя информацию в виде «цифры», эти технологии, машинизируя рутинные (вычислительные) составляющие ментальной деятельности человека и «предоставляя данные для принятия и сформированных решений», создают возможность «существенно повысить эффективность и качество в производстве и потреблении товаров, работ и услуг, а также в процедурах управления» [см.: 26]. Из этого парадокса произрастает иллюзия не только субъектности цифровых технологий, но и их самостоятельности для решения тех или иных проблем, и даже некоей нематериальности. Однако, скажем, роботизация как «использование интеллектуальных робототехнических комплексов» [26], невозможна без предварительного их производства. Беспроводная сеть передачи данных (Wi-Fi, 3G, 4G, а теперь и 5G) не будет создана без мощных передатчиков сигнала с подведенными к ним кабельными (!) линиями связи и электроснабжения. «Облачные» технологии – суть не более чем метафора, которая скрывает за собой самый сложный инфраструктурный объект, состоящий из вполне физически осязаемых технических устройств, вещественное исполнение которых, в свою очередь, невозможно без полезных ископаемых: руды, нефти, газа, угля. И, конечно же, электроэнергии. Это как у Льюиса Кэрролла: «Знаешь, сколько стоит дым от паровоза? Тысячу фунтов – одно колечко!» [15, с. 141].

То есть, перефразируя Михаила Лифшица, «эти телесные знаки, символы, звучащее слово, напечатанная книга и прочие скрижали культуры» (компьютер – чем не «скрижаль культуры»?!), будучи «удлинением нашего мозга, протезами», прежде чем «расширить его возможности» [16, с. 269], «предоставляя данные для принятия информированных решений» [26], прежде все же должны быть созданы из наличного «тут и сейчас» вещества.

«Формула геополитики», которую не принято замечать

Если вынести за скобки собственно производственно-технологическую составляющую этого процесса, то исходным его условием оказывается доступ производителя к добыче требуемых природных ископаемых, включая «весь цикл – разведку месторождений, их разработку, переработку ископаемых, доставку и сбыт» [см.: 22, с. 684–694]. Либо – к рынкам сбыта в смысле самостоятельного выбора поставщика или же покупателя, а значит, и способа транспорти-

ровки, исходя из соображений экономической выгоды. Что касается последнего, то решающей здесь оказывается установленная Х. Макиндером («безнадежно устаревшим»?) формула экономической целесообразности морских торговых коммуникаций относительно сухопутных (далее – «формула геополитики»). А именно: не стоит забывать, замечает Х. Макиндер, что в случае океанической торговли товар проходит четыре этапа – фабрика-производитель, порт погрузки, порт разгрузки и, наконец, склад в точке продажи. Трансконтинентальная же железная дорога сокращает путь прохождения товара до двух этапов – фабрика-производитель и склад импортера. Поэтому, по заключению самого Х. Макиндера, спрос на услуги морской торговли можно не только сохранить, но и увеличить, если перестав воспринимать ее лишь как посредничество, обеспечить формирование «вокруг континентов зоны проникновения, чья внутренняя граница грубо обозначена линией, вдоль которой цена четырех операций <...> равна цене двух операций и перевозке по континентальной железной дороге» [18, с. 26].

Далее напрашивается вывод, что расширение очерченной таким образом «зоны проникновения» возможно за счет введения торговых и иных ограничений (не только экономического характера, но, например, и имиджевого) по отношению как к государствам-кандидатам на включение в эту зону в случае их попыток самостоятельного, осуществляемого в обход носителей морской мобильности ведения хозяйственной и торговой деятельности и, как следствие, установления экономических связей между собой. Так и по отношению к государствам, которые не охвачены «зоной проникновения» буквально, но либо заинтересованы в экономических отношениях с государствами, входящими или «претендующими» на вхождение в «зону проникновения», либо могущими, не в последнюю очередь за счет установления таких отношений, продемонстрировать свою мобильность, то есть бурный экономический и технологический рост, что в конечном итоге приведет к изменению соотношения «конкурирующих сил нынешней международной политической жизни» [18, с. 11, 27] не в пользу народов, контролирующих морские коммуникации. Скажем, санкции США против китайской компании Huawei аналитики во многом увязывают с ведущей ролью Huawei в разработке мобильных сетей пятого поколения, расценивая сами санкции как способ давления на европейских союзников, чтобы те отказались от оборудования Huawei при развертывании мобильных сетей 5G. Война в Персидском заливе, по выводу Г. Йордиса фон Лохаузена, была войной США против объединенной Европы, центром которой является экономическое могущество Германии. Противостояние было не прямым военным противостоянием, а имело целью установление контроля над одним из источников ее экономического процветания – арабо-персидской нефтью [см.: 17]. Американские санкции против компании Allseas – тоже из темы «морского могущества», поскольку США заинтересованы в поставках на европейский рынок своего сжиженного газа, разумеется, морским путем. «Нация, которая стремилась обеспечить за собой несоразмерную долю благ морской торговли, прилагала все старания для исключения из участия в них других наций или присвоением себе монополии мирным законодательным путем, или запретительными постановлениями, или (когда эти пути не приводили к цели) прямым насилием» [20, с. 185]. К тому же в стратегии морской войны, писал Карл Шмит, с ее обязательным тяготением к блокаде берегов страны-противника, врагом оказывается любой, кто «ведет торговлю с неприятелем и имеет с ним экономические отношения» [35]. Такая стратегия оправдана потому и в мирное время, где «она может одержать самые решительные свои победы занятием в стране, покупкой или договором, превосходных позиций, приобретение которых войной было бы, может быть, труднодостижимо» [20, с. 199].

Х. Макиндер о «целях стратегического значения» в современном мире

Интересно что, исходя из логики морской стратегии, описанной Альфредом Мэхэном, страной-противником для США опосредованно оказывается Европа, но не буквально, а в плане необходимости сохранения за ней статуса «геополитического плацдарма Америки на евразийском континенте» [3, с. 59, 74]. Центральной проблемой для Америки, заключает Збигнев Бжезинский, является то, как построить Европу, «которая остается связанной с Соединенными Штатами» и готова поддерживать американские геополитические приоритеты относительно соседних регионов, особенно России и Ближнего Востока [3, с. 71; 5, с. 24] Впрочем, если вспомнить «тезисы мирового господства» того же Х. Макиндера [см.: 1, с. 191], то не трудно заметить, что они имеют не только антироссийскую направленность, поскольку приобретают смысл лишь в ситуации, «когда вы хотите удержать Германию вне Хартленда, блокируя ее вход через Восточную Европу» [см.: 33, с. 401-402]. «В России же, – пишет Х. Макиндер, – все равно утвердится какая-то форма автократии, главное – чтобы эта автократия не была немецкой» [цит. по: 33, с. 401]. И потом, Россия все равно будет контролировать северную часть Хартленда независимо от того, кто использует Восточную Европу для своих «целей стратегического значения». Собственно же антироссийская направленность указанных тезисов связана с риском, что «осевое государство» осуществит экспансию на пограничные территории Евро-Азии и использует свои «необъятные континентальные ресурсы для постройки флота»¹ [18, с. 28]. Поскольку это возможно, «если Германия захочет присоединиться к России в качестве союзника» [18, с. 28], то Восточная Европа должна быть преобразована из «сугубо исторического обобщения, относящегося к областям, куда <...> Германия, Австро-Венгрия, Турция – могли в истории перекрывать доступ силам, властвующим на Океане» [см.: 33, с. 399], – иначе говоря, из «исторического обобщения» относительно зоны силового проникновения «народов моря» вглубь Хартленда – во вполне реальную базу их постоянного присутствия на «западной окраине Хартленда» (Р. Каплан [13]). Или – в так называемый «Хартленд в целях стратегического значения» [см.: 19, с. 143], пространство, контроль над которым позволит указанным силам расширять «зону проникновения» в Евро-Азии. И политически – оформлена таким образом, чтобы, с одной стороны, воспрепятствовать установлению экономических и военно-стратегических связей между Германией и Росси-

¹ Поэтому Айр Страус и отмечает, что в случае, если Россия не будет интегрирована в «униполь» (систему трансатлантических структур), его страны-члены не получают достаточно широкой базы для обеспечения своей стабильности [29, с. 34].

ей, а, с другой, гарантировать «закрытие» последней в северной части Хартленда и, тем самым, обречение ее на существование на «задворках мирового хозяйства» [см.: 27, с. 402, 406, 408]. «Будет ли угроза исходить от немцев, будет ли – от русских, она будет исходить из центральной земли, и противопоставить ей можно только союз между народами, населяющими маргинальные зоны Евразийского материка, и островными народами, британцами или американцами» [1, с. 195]. Чем не основание для трехстороннего меморандума (Украина-Польша-США) от 31 августа 2019 года о расширении поставок сжиженного природного газа (СПГ) из США в Польшу, а оттуда – в Украину? Да, Польша – это член ЕС, а не «маргинальной зоны Евразийского материка», но с расширением Европы на восток, писал Зб. Бжезинский, целиком связано и расширение НАТО в том же направлении [3, с. 79]. Переформатирование всей Европы по типу макиндеровского «Хартленда в целях стратегического значения» нацелено на предупреждение превращения ее в «пространство явно немецкого политического первенства», вследствие которого Европа может перестать быть «евразийским плацдармом для американской силы и потенциальным трамплином для распространения в Евразии демократической глобальной системы» [см.: 3, с. 74]. И только «Атлантическая Европа», то есть находящаяся в системе трансатлантической связи, является, по признанию Зб. Бжезинского, залогом стабильности равновесия сил в Евразии, которое и позволяет, сохраняя сложившийся тут геополитический плюрализм, предупредить и возникновение континентального соперника США на пространстве «от Лиссабона до Владивостока», и расширить сферу американского влияния [3, с. 35, 198, 199].

Обратная сторона «формулы геополитики», или предостережение Рудольфа Челлена

Если рассматривать упомянутую выше «формулу Макиндера» и ее программно-политический аналог в виде «тезисов мирового господства» как своеобразное развитие положения А. Мэхэна о трех составляющих морского могущества нации [см.: 20, с. 203–207], то можно сделать следующий вывод. Наращивание морской мобильности нации не только ведет к расширению внешних рынков, но и не может не превращать территории государств, вовлекаемых в формируемую таким образом «зону проникновения», в «безопасный рынок покупки сырья» [34, с. 218]. И, в конечном итоге, в пункт «пополнения продовольственных и других припасов» [20, с. 205], то есть в ресурсную базу. Что, в свою очередь, обеспечивает контроль над доступом (извлечение и переработка) к требуемым природным ископаемым, а не только над операциями их купли-продажи (пути транспортировки). Механизм такого превращения более чем подробно описан Алексеем Едрихиным. А именно: сначала в страну является «частная торговая предприимчивость»; возникающие недоразумения между ней и местными властями дают повод для вмешательства иностранного государства в целях защиты своих подданных (тут, по признанию А. Мехэна, важно умение «пользоваться всеми случайностями» [20, с. 199]); такое вмешательство было нацелено на получение права участвовать в местном управлении [см.: 6, с. 90]. «Раз посеянные таким образом семена начинали прорастать и с течением времени покрывали собою всю страну» [6, с. 90]. Примечательно, что, по заключению А. Едрихина, этот механизм имел и обратную сторону в виде принятого американцами «твердого решения» «не допустить ни одно из иностранных государств к приобретению угольных станций на расстоянии 3000 миль от Сан-Франциско и Центральной Америки» [6, с. 82].

И все потому, что доступ к природным ископаемым предполагает контроль над территорией, в которой они находятся. Контроль, который, в свою очередь, невозможен без территориального господства государства, то есть без организованного последнего управления территорий. Но именно геополитика, цель которой «не территория [land]», но всегда и исключительно политическая организация, пронизывающая ее, то есть территориальная форма власти [rike]» [34, с. 90], является ключевым элементом организации государства как формы жизни. Элементом, упразднение которого неизбежно ведет к разрушению всей системы государственного управления как таковой, то есть «государственной власти в полном смысле этого слова», включая «господство, начальство, правовую организацию механизма реализации задач управления» [34, с. 240]. Именно геополитика как учение о территориальном господстве обеспечивает организацию государственной власти с учетом и использованием «влияния пространства, его формы и местоположения» и, оперируя понятием «географической индивидуализации» [см.: 34, с. 148], «держит в поле своего зрения целостность государства», которая невозможна без «обручения» государства со своими «географическими отличительными чертами» [34, с. 116]. Но главное – то, делает вывод Р. Челлен, что «территориальное господство [rike] является телом [корр] государства» [34, с. 107]. А значит, «ни одно государство не может длительное время осуществлять господство над территорией другого государства, так как тело не может одновременно служить двум господам» [34, с. 109]. Какое-то из них обречено будет уйти, так как «немыслимо отсутствие власти государства над своим телом» [34, с. 108]. Вот почему геополитика не актуальна лишь тогда, когда не актуальна задача выстраивания государством собственной системы контроля-мобилизации своих ресурсов и когда такую систему начинает выстраивать на его территории другое государство, само собой разумеется, в своих интересах.

То есть разнообразные формы контроля над территорией вкуче с пространством сформированных в ее пределах культурно-исторических отношений [см.: 23] становятся действительными лишь при условии контроля над «естественной стороной» государства, каковой, согласно Р. Челлену всегда была и остается земля. Поэтому, пишет Р. Челлен, «все государства – землевладельцы» [34, с. 101], «государство состоит из “земли”» [34, с. 107], «государство не может никуда переехать» и «не может висеть в воздухе» [34, с. 102], а «мы не можем думать о государстве в отрыве от земли, не колебля при этом собственное понятие государства» [34, с. 95–96]. Игнорирование геополитики оборачивается утратой господства над своей территорией со стороны государства, «прикрепленного к земле», и организацией этой территории, но уже другим государством, руководствующимся собственными организационно-управленческими лекалами (правовыми, социальными, культурными и т.д.) и, возможно, даже с сохранением внешних атрибутов первого. Но, как подметил в свое время А. Едрихин, «естественное право на землю принадлежит не тому, кто сидит на ней, а

тому, кто добывает из нее богатства» [6, с. 91]. А это, в свою очередь, невозможно без территориального господства, а, значит, и геополитики как учения о нем [см.: 34, с. 94].

«Отвергнутая» геополитика: кто в выигрыше?

Парадокс, но игнорирование геополитики приводит к геополитике, но уже как «вполне совместимой с либерально-демократическим пониманием политики» [37]. Лукавство – в том, что тезисы об «аннигиляции пространства», о «поглощении пространства временем», о «ничтожности особенностей пространства» и т.п. фактически созвучны таким темам «отринутой» геополитики, как: «ничейное пространство» и «пространство без народа» у немцев [см.: 9, 258–262], «вакуум силы» [см.: 24, с. 5–6] и «вакуум власти» у американцев [3, с. 125]. Современные их вариации – «экспансия Европы на Восток» [3, с. 57], «расширяющееся евроатлантическое сообщество» [4, с. 140], «геополитически «ничейная земля», которая отодвигается в восточном направлении» [4, с. 133]. И, конечно же, «Good Governance», которое с 1997 года имеет статус программы, предложенной Всемирным банком развивающимся странам в качестве нормативной глобальной модели управления и предусматривающей оформление культурно-исторических пространств этих стран в соответствии с определенным набором требований. Как то: «разумное управление государственным сектором» (эффективность, результативность и экономичность); прозрачность (подотчетность, обмен и свободная циркуляция информации); нормативная правовая база для развития (правосудие, уважение прав и свобод человека). И за всеми этими «целями развития» не стоит ли банальное желание сохранить за собой возможность «добывать богатство» из земли, к которой «прикреплены» те или иные государства, или контролировать коммуникации, позволяющие расширять собственные внешние рынки? Не потому ли, например, в матрице англосаксонской версии геополитики Северный морской путь не может не быть международной транспортной артерией, ведь дешевая и быстрая доставка российского сжиженного природного газа по Северному морскому пути в страны Юго-Восточной Азии ставит крест на стремлении американцев закрепиться на этом перспективном рынке [см.: 25]? А контроль над пресноводными ресурсами может осуществляться исключительно Всемирным Банком, но никак не государствами, на территории которых эти ресурсы находятся [см.: 21]?

Когда геополитика действительно «неактуальна»?

Информационные технологии потому не отменяют геополитику, что нуждаются в природных ископаемых для своего производства¹, а, значит, и в доступе к ним, сохраняя, тем самым, важность «территориального господства [rike]» (Р. Челлен) как заточенной под интересы «государства-землевладельца» системы мобилизации природных ресурсов. Выстраивание же системы мобилизации ресурсов территории одного государства в интересах другого государства неминуемо требует убеждения первого в никчемности и ненужности геополитики. Ведь именно она позволяет в «послеколумбову эпоху» «вычислить перспективу развития некоторых конкурирующих сил нынешней международной политической жизни, исходя из «материальных условий их мобильности» [18, с. 11, 25]. А значит, и противостоят этой перспективе, перехватывая контроль над указными условиями, предотвращая и/или сдерживая тем самым наращивание другим государством, скажем так, «мобильности мобилизации» этих «материальных условий» в его интересах. И, наоборот, обеспечивая такое наращивание исключительно в интересах собственных. Не потому ли, когда, например, геополитике противопоставляют геоэкономику, скромно умалчивают, о какой именно версии геоэкономики идет речь? О той, которая на самом-то деле и не является антагонистом геополитики, поскольку, по замыслу Эдварда Люттвака², призвана обеспечить «внутренне сплочение» перед «консолидирующей экономической угрозой» в лице «транснационального капитала, чья логика может не совпадать с геоэкономическими задачами наций» [см.: 33, с. 488]. А, рассматривая геоэкономику как элемент геополитики, – еще и вооружить государство стратегией, позволяющей ему обеспечить максимальные конкурентные преимущества своим «народнохозяйственным комплексам»³ [см.: 11, с. 19]. Или же речь о той версии геоэкономики, которая отдает «геоэкономические задачи нации» на откуп «корпорациям-анклавам», грозящим в угоду сиюминутным интересам прибыли превратить территорию государства в «архипелаг <...> из островов богатства посреди океана бедности» [11, с. 37]⁴. Не является ли поэтому игнорирование геополитики симптомом устранения запроса на государственное строительство и государственное управление? Признанием аннигиляции запроса на организацию пространства государства под углом зрения его (государства) извечных интересов (выживание, безопасность и слава, по версии Реймона Арона [см.: 1, с. 90–99])? Не являются ли постоянные попытки обвинить геополитику в «архаичности», «устарелости», «несоответствии» и т.п. свидетельством действительно своеобразной «опасности» геополитики, состоящей в том, что она предельно заостряет вопрос как о субъекте управления на той или иной государственной территории, так и том будущем, которое может (и должно) стать настоящим для этого государства? В этом контексте интересен вопрос очередности. Мы отказываемся от геополитики как реликтового знания в современном мире и, вследствие этого, теряем «территориальное господство [rike]»

¹ Постиндустриальный мир рухнет, не получив, например, редкоземельных металлов для своей высокотехнологической и «экологически чистой» экономики.

² Э. Люттваку принадлежит определение геоэкономики как воплощения «логики конфликта в грамматике торговли» [см. 3, с. 488]. Не предопределена ли эта «грамматика» той самой «формулой геополитики» Х. Макиндера, о которой шла речь выше? Здесь не лишним будет вспомнить семантику термина «грамматика».

³ Как тут не вспомнить тезис Р. Челлена о государстве как системе хозяйства! [см.: 34, с. 211–226].

⁴ О двух версиях геоэкономики и их соотношении с геополитикой см.: 33, с. 509, 510.

как систему мобилизации (приведения в состояние, обеспечивающее успешное выполнение какой-либо задачи) ресурсов в интересах своего государства? Или же мы демонтируем «территориальное господство [rike]», вернее «не возражаем» против возведения такового, но уже в интересах и по стандартам другого государства и, вследствие этого, отбрасываем геополитику как реликт для себя? В любом случае геополитика увязана с ментальной составляющей государственного строительства.

«Отказ» от геополитики и «нежелательность неизбежного»

«Нежелательность неизбежного» – своеобразная вариация на тему «борьбы с неизбежным», поднятой Р. Капланом в его известной книге [см.: 13]. Эта вариация, как по мне, довольно метко раскрывает содержание и истинные цели так называемого «отказа» от геополитики. Намеренно заострим этот тезис. Геополитика может исчезнуть в двух случаях. Либо человечество перестанет быть частью физического мира и на основании этого позволит себе проигнорировать его законы. Как следствие – и необходимость выстраивания системы контроля над природными ресурсами в единстве всех его составляющих. То есть произойдет что-то подобное следующему: «... я ещё раз повторяю, у нас нет физических тел. А раз мы не имеем физические тела, мы не нуждаемся в материальных жизненных ресурсах. Нам не нужны ни воздух, ни вода, ни пища животного происхождения, ни иные материальные блага. Поэтому моей цивилизации незачем завоевывать ваш мир» [см. 8]. Завоевать, как демонстрирует меню форм контроля над пространством [см.: 23], в современном мире можно не только с помощью установления военного контроля над последним. Впрочем, как отмечалось выше, меры экономического характера¹ определены еще А. Мэхэном в качестве неотъемлемого элемента морской стратегии [см.: 20, с. 185, 199]. А у Р. Арона к составляющим могущества государства «во времена мира» причислены не только средства экономического давления, но и психополитические средства, а также и средства насилия, которое, в свою очередь может быть символическим («дипломатия канонерок») и потаенным («покушения в сумерках») [1, с. 77–81].

Либо же в случае выстраивания системы отношений между «конкурирующими силами нынешней международной политической жизни», при которой, если говорить языком Х. Макиндера, «зона проникновения» четырех составляющих океанической торговли не консервирует и не ограничивает мобильность двух составляющих сухопутной торговли. Ее контуры проступают, например, в размышлениях Вениамина Семенова-Тянь-Шанского, вплотную приблизившегося к идее такой формы «могущественного территориального владения», которая позволит обеспечить продуктивный синтез сухопутных и морских транспортных коммуникаций как двух равноценных составляющих системы мировых средств сообщения. И тем самым, сняв вопрос о культурном превосходстве морских и сухопутных государств, ориентируя их на совместное «преодоление пространств» Земли посредством развития каждым своих, то есть находящихся в его территориальном владении, составляющих «великих мировых путей». А не на борьбу друг с другом за возможность подчинить себе всю систему таких путей в целом [подробнее см.: 36].

Первый случай – из ряда фантастических (невероятных), так как неизбежность существования человека в физическом мире – это судьба, которую можно отменить вместе с самим физическим миром. Борьба с такой неизбежностью изначально обречена на поражение. И «отказ» от геополитики тут просто уводит от темы контроля над природными ресурсами, а, точнее, от темы субъекта такого контроля.

Второй случай, на первый взгляд, тоже фантастичен (несбыточен). Но именно он в статусе «лишь вопроса времени» был «вычислен» Х. Макиндером и рассматривался им как нежелательный для носителей морского могущества [18, с. 27, 28, 29]. Неизбежность, очерченная вторым случаем, – это возможность, на условия реализации которой указывает, например, Р. Арон, формулируя «два урока», следующие из макиндеровских «тезисов мирового господства» [1, с. 192–193]. Да и косвенно сам Х. Макиндер, ведя речь о важности «относительной численности, мужества, оснащенности и организации конкурирующих народов» как еще одной составляющей «баланса политического могущества», наряду с «более постоянными» «материальными условиями мобильности» этих народов [18, с. 29]. «Если точно подсчитать все это, – отмечает Х. Макиндер, то мы сможем выяснить разность, не прибегая к силе оружия» [18, с. 29]. А значит, и удерживать эту разность в нужном соотношении, «не прибегая к силе оружия»². Обсуждение второго случая, связанного с неизбежностью, на которую, по признанию Х. Макиндера, можно повлиять, как минимум, предполагает знание геополитики, причем, как видим, не только ее «англосаксонской традиции». И «отказ» от геополитики тут намерен не просто отвратить внимание от возможности повлиять на неизбежное. Но и законсервировать тот сценарий влияния, который предусмотрен указанной традицией, а, конкретнее, «формулой геополитики», которую не принято замечать.

¹ Именно с подобными мерами принято связывать «отступление» геополитики в пользу геоэкономики. Когда Х. Макиндер пишет о составляющих океанической торговли и о важности недопущения наращивания мобильности (способности к быстрому передвижению и действию) сухопутными державами, он пишет о геополитике или геоэкономике? Позволю себе еще раз акцентировать, что в основе геополитики и лежит упомянутая выше «формула геополитики», определяющая соотношение четырех операций океанической торговли и двух операций сухопутной торговли. А известные «тезисы мирового господства» и предусмотренный ими «Хартлендом в целях стратегического значения», позволяющий расширять «зону проникновения» суть лишь политическое, идеологическое и т. п. обрамление этой формулы. Об идеологическом обрамлении, например, см.: 18, с. 25.

² Это всегда стоит помнить тем, кто приписывает геополитике лейтмотив силовой политики. Геополитика связана с мягкой, а точнее, с умной силой. С вычислением возможностей и условий (материальных и организационных) их реализации.

Юлдашева Н.М.А.

с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований, Ташкент

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: доходы, расходы, потребление, дифференциация, благосостояние населения, качество жизни, повышение уровня жизни.

Keywords: income, expenses, consumption, differentiation, welfare of the population, quality of life, improving living standards.

Стратегическая цель проводимых реформ в Узбекистане – устойчивое повышение благосостояния населения с ориентиром на достижение высоких стандартов качества жизни, характерных для развитых стран.

В последние годы для изучения благосостояния населения в Узбекистане используются различные данные с их последующей интеграцией в обобщающие показатели. Важное место в обеспечении комплексного изучения такого многоаспектного явления занимают выборочные обследования домашних хозяйств, реально отражающие конечные результаты повышения благосостояния.

Результаты обследования домохозяйств (2018 г.) позволяют оценить качественную структуру неформальных доходов. Так, самый большой удельный вес в составе неформальных доходов приходится на производство услуг – 39,6% от общего их объема. Следующую позицию среди факторов формирования неформальных доходов занимает производство сельхозпродукции. Остальная часть доходов (32,3%) формируется за счет трудовой деятельности за рубежом (25,5%), производства товаров (4,0%) и пр.

Роль и место неформальных доходов в общем объеме и структуре совокупных доходов велики (более 54%), что требует в дальнейшем более детального изучения и качественного анализа, разработки комплекс мер по их легализации, усиления фискальной политики государства.

Важно подчеркнуть, что *неформальные доходы* от занятости создают серьезные проблемы для формирования доходной части бюджета и солидарной пенсионной системы. Как результат, в 2018 г. при среднегодовой численности занятых 13 млн. чел. плательщиками подоходного налога (и взносов в Пенсионный фонд) являются только 60% (около 8 млн. чел.).

Среднегодовая заработная плата имеет положительную тенденцию повышения в 2010–2018 гг. (в 3,6 раза). Только за последние три года (2016–2018 гг.) она возросла в 1,4 раза, а в 2018 году рост достиг почти 1,3 раз.

С другой стороны, происходит постоянное обесценение заработной платы из-за высокого уровня девальвации национальной валюты и относительно быстрого роста потребительских цен (табл. 1).

Таблица 1

Тенденции роста среднемесячной заработной платы, уровня девальвации национальной валюты и инфляции, %

Годы	ИПЦ. Офиц.	ИПЦ. Реаль.	Девальвация офиц.	Девальвация черн. рынок	Зарплата номинальная	Зарплата реальная
2016 г.	5,6	12,1	15,5	37	110,4	–
2017 г.	5,6	15,8	72,50	23	112,3	1451,1
2018 г.	17,5	17,5	57,8	3	125	1550,4

Источник: Расчеты ИПМИ по данным Госкомстата Республики Узбекистан.

Достигнутый уровень среднемесячной заработной платы (2018 г.) в Узбекистане отстает от остальных стран СНГ почти в 1,3–1,5 раза, от уровня развитых стран мира – в 10–12 раз.

Имеется ряд диспропорций в отраслевой структуре заработной платы. Если взять за 100% уровень заработной платы в целом по стране, то в промышленности она составляет 1,5 раза (по данным 2018 г.), в строительстве 1,5 раза, финансовом секторе в 1,9 раза. К отстающим от среднего уровня среднемесячной зарплаты по стране относятся в основном отрасли социальной сферы (здравоохранение 64,4%, образование и культура 76,6%).

В целом сохраняется относительно высокий уровень дифференциации среднемесячной заработной платы в межстрановом и межотраслевом сопоставлении, что отрицательно влияет прежде всего на отток квалифицированных кадров за рубеж.

Сбережения населения имеют значительный рост в банковской системе, за 2010–2018 гг. они возросли в 71,0 раз. Следует отметить существенные сдвиги в сбережениях населения после девальвации национальной валюты в 2017 году. Только за 2018 год сбережения населения возросли в 1,5 раза. Вместе с тем сохраняется определенное недоверие к банковской сфере из-за неустойчивости и неопределенности курса национальной валюты.

Потребительские расходы. Последовательный стабильный рост совокупных доходов, накоплений и сбережений населения стимулировали внутренний потребительский спрос на товары и услуги. Наиболее динамичный рост потребительских расходов населения приходится на последние 15 лет. Так, за 2000–2018 годы объем потребительских расходов населения возрос в 9,5 раза, в том числе на продукты питания в 7,4 раз, непродовольственные товары – в 11,4 раз, платные услуги в 16,1 раз (табл. 2).

Качественные сдвиги в структуре потребительских расходов связаны со снижением доли на приобретение продуктов питания (с 58,3% в 1990 г. до 48,4% в 2018 г.) и ростом доли на платные услуги (с 10,2 до 20,1%). Двукратный рост доли сферы услуг и сервиса в структуре потребления косвенно подтверждает повышение качественные сдвиги в уровне жизни населения. Хотя за последние три года наблюдается незначительное снижение доли услуг – с 20,4% в 2016 г. до 20,1% в 2018 г.

Таблица 2

Потребление и покупательская способность населения

Показатели (индикаторы)	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
I. Потребительские расходы							
Структура совокупных расходов всего, %	100	100	100	100	100	100	100
– потребительские расходы, %	81,1	87,8	79,9	74,4	74,3	68,5	68,2
– непотребительские расходы, %	7,1	12,2	20,1	25,6	25,7	31,5	31,7
Структура потребительских расходов	100	100	100	100	100	100	100
– продукты питания	58,3	61,4	53,2	53,6	47,3	47,2	48,4
– непродовольственные товары	31,5	25,8	26,9	26,1	32,3	32,8	31,5
– услуги	10,2	12,8	19,9	20,3	20,4	20	20,1
Потребление основных видов продуктов питания на душу населения, кг							
– хлеб и хлебопродукты	170	167	160	173	175	176	178
– мясо и мясопродукты	31	34	38	42	44,4	43,2	43,2
– молокопродукты	183	162	239	280,3	279,2	270	272,4
– яйца (штуки)	97	47	138	209,7	213,6	215	217,2
– овощи (включая бахчевые)	107	128	238	275,8	277,2	277	278,4
– картофель	29	36	45	51,6	56,4	55,2	56,4
– масло растительное	12	12	13	23,0	24,0	24	24
– сахар, включая кондитерские изделия	12	16	17	30,8	32,4	31	32,4
– фрукты (включая виноград)	23	42	83	139,2	148,8	145,2	150
Обеспеченность 100 домохозяйств товарами длительного пользования, ед.							
– телевизоры	90	88	132	152	153	154	155
– холодильники	80	86	99	101	102	101	102
– кондиционеры	9	11	18,5	32	34	34	36
– электропылесосы	29	30	37	53	54	54	55
– персональные компьютеры	–	0,2	12	47	49	50	50
– стиральные машины	67	69	75	49	80	80	81
– мобильные телефоны	–	18	145	234	246	257	261
– легковые автомобили	11,9	20,1	27,1	42	43	44	45

Источник: данные Госкомстата.

Влияние населения на экономику проявляется, прежде всего, через формирование платежеспособного спроса на потребительские товары и услуги. Следует отметить ряд позитивных тенденций на потребительском рынке.

Рост доходов и, соответственно, платежеспособности населения непосредственно влияет на изменение потребительских предпочтений населения в сторону покупки более дорогостоящих, новых современных и качественных непродовольственных товаров, в том числе товаров длительного пользования.

Согласно обследованиям¹, на 100 домохозяйств в 2018 году приходилось 45 единиц легковых автомобилей (в 2000 г. – 20,1 ед.), 261 мобильных телефонов (18 ед.), 155 телевизоров (88 ед.), 102 холодильника (86 ед.), 50 персональных компьютеров (0,2 ед.). Достигнутый уровень обеспеченности населения основными товарами длительного пользования свидетельствует о сравнительной их насыщенности с учетом реального спроса и соответствует средним показателям развивающихся стран.

Косвенно повышение качества жизни населения подтверждается наличием легковых автомобилей в собственности населения. Примечателен тот факт, что более 90% имеющих в собственности у населения легковых автомобилей произведены в Узбекистане и имеют международный стандарт качества. Результаты проведенных обследований показывают, что более 28% домохозяйств имеют по два и более легковых автомобиля, а 15% намерены в ближайшее время купить новый автомобиль. Резкий рост автомобилизации приводит к проблеме заторов и свидетельствует о неподготовленности дорожной инфраструктуры.

О потребительской активности поведения населения говорят данные, полученные в ходе опроса домохозяйств, где практически каждое третье домохозяйство в течение года обновило товары длительного пользования, каждое четвертое приобрело новый легковой автомобиль.

¹ Обследование проводится Институтом прогнозирования и макроэкономических исследований при Минэкономике и промышленности.

Покупательская способность населения в мировой практике оценивается возможностью приобретения на располагаемые доходы, заработную плату и пенсии жизненно необходимого набора товаров и услуг, составляющих минимальную потребительскую корзину. Начиная с 2010 года, покупательская способность заработной платы и пенсии имеет устойчивую тенденцию роста по отношению к минимальной корзине. Положительная динамика покупательской способности становится важным фактором экономического роста страны.

Вместе с тем, после либерализации национальной валюты наблюдается тенденция снижения покупательской способности располагаемых доходов населения с 113,6% по отношению к потребительской корзине в 2017 году до 101,5% к 2018 году, соответственно заработной платы с 31,5 до 266,3%, пенсии с 120,3 до 105,3%.

В целом, наряду с доходами уровень и масштаб потребления товаров и услуг населением являются важными индикаторами социального благополучия населения, важным фактором формирования внутреннего спроса, что требует постоянного мониторинга и оценки тенденции изменения потребления в целях принятия правильных управленческих решений. Важным представляется разработка социальных стандартов потребления и их использование при подготовке концепции, стратегии и государственных целевых программ в качестве фактора формирования спроса на товары и услуги.

С учетом стратегической цели, достигнутых качественных сдвигов, имеющихся системных проблем, основными приоритетными направлениями социального благополучия в 2019 году и последующие годы являются:

1. Целенаправленное формирование устойчивой социальной структуры общества и недопущение резкого необоснованно высокого уровня дифференциации социальных групп. Рациональное социальное расслоение, с акцентом на расширение среднего класса, является важнейшим фактором устойчивого развития экономики. Средний класс непосредственно влияет на модернизацию, структурные преобразования и диверсификацию производства, развитие социальной и производственной инфраструктуры, сферу услуг, формируя основной спрос на товары и услуги, социальное благополучие и стабильность.

Имеется потенциал и возможности расширения среднего класса до 60% в ближайшем будущем (2018 г. - оценка 50%), что изменит структуру потребления, обеспечив качественными сдвигами в формировании спроса, активизирует гражданское общество.

2. Дальнейшее развитие режима наибольшего благоприятствования для создания рабочих мест, преимущественно основанных на внедрении самых современных инновационных и информационных технологий производства товаров и услуг.

Меры по обеспечению рациональной занятости требуют повышения эффективности и результативности постоянной системы мониторинга, своевременного выявления возникающих проблем, разработки дополнительных мер и механизмов по созданию новых рабочих мест, совершенствованию учета и отчетности, относительно дифференцированного подхода с выделением высокотехнологичных и высокопроизводительных рабочих мест, трудоустройства отдельных социальных групп населения, в первую очередь, молодежи, женщин, безработных и др.

Учитывая всевозрастающее влияние демографического фактора на устойчивое социально-экономическое развитие, целесообразно разработать долгосрочную схему расселения населения, учитывающую рост мобильности и трудовой активности населения, природно-экономический потенциал регионов, реализуемые и намечаемые крупные инвестиционные проекты и размещение инфраструктурных и инженерных коммуникаций, а также объектов социальной сферы, новые направления в градостроительной политике и развитие урбанизационных процессов с упором на малые города и городские поселки, крупные сельские населенные пункты.

3. Сквозным приоритетом являются инвестиции в человеческий капитал, прежде всего, направляемые на повышение качества предоставляемых услуг населению, дальнейшее укрепление материально-технической базы систем образования и здравоохранения.

Существенное повышение качества систем образования и здравоохранения требует дальнейшего развития, прежде всего, достижения международных стандартов в подготовке и воспитании подрастающего поколения, подготовке высококвалифицированных и востребованных кадров с применением самых современных информационных технологий и методов обучения, в т.ч. иностранных языков, оптимизации сети образовательных и медицинских учреждений, укрепления их самым современным оборудованием, расширения частного-государственного партнерства в активизации инвестиционных процессов.

В ближайшие годы государству надо определить главным приоритетом реформ обеспечение устойчивого доступа населения к качественной питьевой воде и электроэнергии.

4. Стимулирование внутреннего потребительского спроса, включающее:

– последовательное повышение доходов (ежегодный рост реальных доходов на уровне не менее 15%) и платежеспособности населения в основном за счет неинфляционных факторов, устойчивого развития частного предпринимательства, целенаправленного повышения заработной платы работников бюджетных организаций и пенсий и др.;

– дальнейшее стимулирование и поддержка отечественных производителей потребительских товаров и формирование мощного потребительского рынка с учетом возрастающего спроса населения. Здесь на первый план выходят задачи повышения эффективности и скоординированности реализуемых пакетов целевых программ по расширению производства продовольственных и непродовольственных товаров с ориентацией как на внутренний, так и внешний рынок. С учетом значительного потребительского спроса необходимо создать специальную ассоциацию производителей детских товаров для их дальнейшей поддержки и стимулирования развития рынка товаров домашнего и бытового обихода.

– в системе компонентов потребительского спроса важное место занимает жилищное строительство, с кумулятивным эффектом формирования спроса на строительные материалы, товары для домашнего хозяйства, коммуналь-

ные услуги. В этой связи, наряду с продолжением курса по приоритетному развитию сельского жилищного строительства по типовым проектам, необходимо расширение жилищного фонда в городах с учетом формирующегося высокого спроса на жилье. Важным представляется формирование пакета документов, определяющих принципиальные направления стратегии жилищного строительства на долгосрочную перспективу (концепция и программа жилищного строительства с учетом современных архитектурно-строительных стандартов и правил, природно-климатических, демографических и региональных особенностей на средний и долгосрочный периоды во взаимосвязке с производственной и социальной инфраструктурой, генеральными схемами развития городов и районов). Необходимо осуществить институциональные преобразования с конкретными функциями, задачами и ответственностью соответствующих организационных структур, отвечающих за устойчивый доступ населения к коммунальным услугам. Целесообразно четко определить функции и ответственность центральных и местных органов власти за бесперебойное обеспечение населения питьевой водой, включая и сельскую местность, устойчивый доступ к электро- и теплоснабжению, канализации, за обустройство территории.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Азанов Б.К.

докторант, президент Евразийского института правовых исследований и экономического развития,
г. Актау; г. Санкт-Петербург
eurasian_union@mail.ru

К ИСТОКАМ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-КАЗАХСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР (1991–2015 гг.)

Ключевые слова: бывшие субъекты СССР, общность исторических, хозяйственных и духовных ценностей России и Казахстана, новое союзное объединение на принципах равноправия, традиционное добрососедство и взаимная помощь, рублевая зона нового типа, Таможенный союз, Евразийский экономический союз, единое экономическое пространство, российско-казахское экономическое и политическое сотрудничество, основы экономической и политической интеграции России и Казахстана, регулирование внешнеэкономической деятельности, объединение таможенных территорий Казахстана и России.

Keywords: former subjects of the USSR, common historical, economic and spiritual values of Russia and Kazakhstan, the new union on the principles of equality, traditional good neighborliness and mutual assistance, ruble zone of a new type, USSR, Customs Union, Eurasian Economic Union, common economic space, Russian-Kazakh economic and political cooperation, fundamentals of economic and political integration of Russia and Kazakhstan, regulation of foreign economic activity, Association of customs territories of Kazakhstan and Russia.

Введение. Сегодня и «вчера» Казахская Республика, больше похожа на Россию, нежели национальные субъекты (республики) РФ, и это не просто высокие слова, а самая настоящая реальность. Казахстан продолжал интеграционную взаимосвязь с Российским государством и после фактического разрушения Союза ССР, добровольно сохранил единое языковое и экономическое пространство с РФ. Так, например, ущемления прав русского языка и этнических россиян, носящих гражданство РК, не наблюдалось, в конституции РК был закреплён статус русского языка, как «официально употребляющегося наравне с государственным казахским языком», по сути, русский язык в РК является вторым государственным языком, школам с русским языком и театрам был придан статус государственных (они так и называются – «государственные русские театры»). В бытовом общении школы с преподаванием на русском языке называются «русскими школами». Вся официальная и негосударственная документация в РК ведётся на двух языках. Деловое сообщество использует исключительно русский язык. Финансирование, развитие и поддержка школ с русским языком обучения, осуществляется за счёт РК путем выделения финансовых средств из казахского государственного бюджета.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что функционирование русского языка в Казахстане шире чем в какой-либо другой постсоветской республике, даже в тех, где утверждается, что «русскому языку, придан статус межнационального или официального». В государствах СНГ русский язык используется от «случая к случаю» на бытовом уровне, являясь «коридорным внекабинетным языком». **В РК русский язык – это язык судопроизводства, государственного управления и делопроизводства [2].**

Осознавая свою историческую ответственность в этом контексте, Казахское государство, в лицах первого президента Н.А. Назарбаева и нынешнего главы К.К. Токаева и народа продолжает оставаться главным проводником интеграционных идей на постсоветском пространстве и оказывает наибольшую поддержку геополитическим интересам российской державы

1. Практические подходы к становлению Российско-Казахского сотрудничества

В период после распада СССР отношения между РК и РФ строились на основе традиционного добрососедства и взаимной помощи близких по духу народов, исконно проживающих на обширном евразийском пространстве. Уместно вспомнить Договор между Казахской ССР и РСФСР от 21.11.1990 г. Особым обстоятельством является то, что он был заключен между двумя союзными республиками единого федеративного государства. Эти республики, объявив о своем суверенитете, продолжили путь установления конкретных правовых отношений как независимые государства. Уже тогда данный договор очертил круг весьма значимых вопросов, который впоследствии стал предметом специальных договоренностей и крупных двусторонних документов во имя построения политической интеграции.

17 августа 1991 г. на встрече глав Российской федеративной республики и Казахской ССР в Алматы (Алматы), были заложены основы политической интеграции между Россией и Казахстаном. В этом контексте особое зна-

чение имело совместное заявление руководителей республик «О едином экономическом пространстве» – «Президенты двух суверенных государств, созная ответственность Казахстана и России за создание условий экономической стабилизации в стране, формирования единого рыночного пространства, опираясь на положительный опыт межреспубликанских экономических отношений, решили обратиться к руководителям всех республик с предложением согласовать время и место проведения рабочей встречи глав пятнадцати суверенных государств с целью обсуждения всего комплекса экономических и социальных проблем, связанных с формированием единого рыночного пространства».

Не менее важно и второе обращение – «О гарантиях стабильности Союза суверенных государств». В нём главы, созная свою ответственность перед народами Союза ССР за сохранение мира и стабильности в стране, безусловное соблюдение прав и свобод граждан в соответствии с нормами международного права, заявили следующее: «Сохранение территориальной целостности России и Казахстана является важнейшей гарантией предотвращения катастрофической дезинтеграции страны и образующих ее государств. Сохранение РФ как единого сложного федеративного образования, выступающего учредителем создаваемого на новых основах Союза вместе с республиками в составе РСФСР, является необходимым условием сохранения Союза в целом. Отношения внутри государств, образующих Союз, регулируются конституциями и законодательствами этих государств, а в случае необходимости – договорами и соглашениями с входящими в них республиками».

Логическим продолжением стал двусторонний межгосударственный документ от 30.08.1991 г., стратегическое коммюнике, озвучивающее итоги Российско-Казахских переговоров. В нем делегации двух стран констатировали, что «сложившаяся в СССР новая политическая ситуация требует укрепления суверенных прав республик». Вместе с тем, необходимо отметить, что делегаты Казахской ССР и РСФСР заявили о решимости выступить за создание нового союзного объединения на принципах равноправия и призвали другие страны – субъекты прежнего СССР, независимо от их нынешнего статуса, приступить к переговорам о возможных взаимоприемлемых формах Содружества свободных суверенных государств. Обращает внимание новый официальный термин «Содружество» вместо привычного для всех «Союз» [1, 3]. Далее другим основополагающим актом, переводящим отношения в иную практическую и приоритетную плоскость становится Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об экономическом сотрудничестве на 1998–2007 гг., парафированный президентами Б. Ельциным и Н. Назарбаевым 12 октября 1998 года. В ту пору Договор имел огромное политическое и экономическое значение для бывших субъектов Советской Федерации, выступающих уже как два полноценных независимых государства. 1991 и 1992 годы стали знаменательными как для РФ так для РК, ввиду многочисленных взаимных межгосударственных и межправительственных встреч.

В связи с этим следует упомянуть о подписании Президентами совершенно нового Соглашения в Москве, которым стало «Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о снятии ограничений в хозяйственной деятельности» от 17.01.1992. Целями и задачами этого Соглашения было создание более благоприятных экономико-правовых условий предпринимательской деятельности всех видов хозяйственных структур, развития рыночных отношений и на этой основе глубоких политических и экономических связей между Российской Державой и Казахским государством. В рамках данной международной встречи руководители правительств подписали Протокол о намерениях по созданию межреспубликанских технологических корпораций – межправительственное соглашение установило взаимовыгодные хозяйственные связи, сложившаяся технологическая цепочка задавала тесную зависимость производства РФ и РК от взаимопоставок и диктовала высокую политическую и экономическую интеграцию. В ходе правительственного визита в марте 1992 г. в г. Уральск (Казахстан) был подписан значительный пакет правовых документов. Среди них: ряд соглашений о согласовании в области ценообразовательной политики, о принципах исчисления и уплаты налога на добавленную стоимость, о принципах исчисления и механизме обслуживания внутреннего долга Союза ССР, о принципах сотрудничества в области транспорта, координации деятельности железнодорожного транспорта.

Таким образом, за неполных полтора года после прекращения Федеративного государства – СССР, Казахстан и Россия совместно нашли приемлемую модель политического сотрудничества, завершили этап суверенного развития в качестве уже субъектов международного права подписанием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Казахстаном и Российской Федерацией от 25.05.1992 г. Подписанный Б. Ельциным и Н. Назарбаевым политический документ стал надежной основой качественных и реальных взаимоотношений на новом и уникальном этапе истории двух народов и государств. По сути Договор открыл новую страницу совместной истории ранее двух субъектов единой федерации, а теперь субъектов международного права. Российская держава и Казахское государство, дали обязательство развивать и обеспечить совместную защиту этнокультурной, религиозно-языковой самобытности национальных диаспор на своей территории и создать условия для поощрения их самобытности. Экономическую составляющую отношений регулировали статьи 16-22. Два государства условились оказывать содействие углублению равноправного и взаимовыгодного экономического и научного сотрудничества хозяйствующих субъектов, используя их потенциалы для формирования эффективного единого экономического пространства, вместе проработать вопрос координации действий в области денежно-кредитной, валютной, налоговой и ценовой политики.

В Договоре отдельно говорится об участии РФ и РК в Таможенном союзе, созданном Соглашением о принципах таможенной политики государств СНГ от 13.03.1992 г. и проведении согласованной таможенной политики, обеспечении беспрепятственного перемещения товаров, капиталов и услуг между ними. РФ и РК пришли к выводу, что будет правильным обеспечивать благоприятные финансово-экономические и юридические условия для предпринимательской и другой хозяйственной деятельности, включая стимулирование и взаимную защиту инвестиций, поощрять все формы кооперации и прямых связей между гражданами, предприятиями и другими субъектами экономической деятельности. Акцентирована необходимость особых отношений в области правоохранительной деятельности. Так

Россия и Казахская Республика договорились расширять и углублять работу в борьбе с организованной преступностью и терроризмом.

Невозможно переоценить значение этого межгосударственного документа, а так как, все узловые аспекты двусторонних связей были детализированы иными Соглашениями, которые по настоящее время работают во благо народов двух государств, можно с полным основанием заявить, что все эти высоты российско-казахского сотрудничества достигнуты во многом благодаря данному Договору.

Не может быть никаких сомнений, что этот Межгосударственный Договор явился совершенно уникальным политическим документом, определившим основной ход Российско-Казахской политической интеграции. Вместе с тем, необходимо отметить, что это был непростой период для двух государств, которые начали самостоятельный путь суверенного развития. Во взаимоотношениях РФ и РК отмечались важнейшие экономические и исторические точки соприкосновения, однако случались и такие негативные события, как распад единой рублевой зоны. Напомним, что в июне 1993 г. руководители РФ и РК, заявили о создании рублевой зоны нового типа. К вопросу подключились и другие партнеры по СНГ [7]. Вместе с тем, многочисленные встречи и переговоры межправительственных делегаций завершились без каких-либо положительных результатов. Введение новых казначейских билетов Госбанка РФ в июле 1993 г. привело к распаду единой рублевой зоны. В этой ситуации Казахская Республика была вынуждена ввести собственную национальную валюту – «тенге». Однако эти обстоятельства по-разному трактуются на официальном уровне, утверждается даже, что «*Н. Назарбаев казахскую валюту ввел в порядке совершенной секретности*». Однако реалии показывают совершенно иную картину. Хочется в связи с этим напомнить, что в том же 1993 году Казахстан и Россия заключили Соглашение о взаимных обязательствах и требованиях, связанных с использованием рубля в качестве средства обращения на территории Республики Казахстан (15.05.1993) и «Соглашение между Центральным банком России и Национальным банком Республики Казахстан о межбанковских расчетах в связи с введением Республикой Казахстан национальной валюты на период до объединения денежных систем» (Заключено в г. Москве 18.11.1993).

23.07.1992 г. в Алматы (Алма-Ате), в ходе встречи правительственных делегаций двух стран были подписаны Соглашение о сотрудничестве в области горно-металлургического комплекса, протоколы о порядке урегулирования взаимных платежей и проведении согласованной денежно-кредитной политики, о ходе реализации двусторонних соглашений. 10.10.1992 г. в Кокшетау главы РФ и РК по итогам встречи сделали совместное заявление, в котором подчеркнули, что РК и РФ и впредь будут придавать первостепенное значение полномасштабному экономическому сотрудничеству на основе координации экономических связей, общего таможенно-экономического пространства на принципах свободной торговли, денежно-кредитной политики, единого платежного средства – рубля, устранения недобросовестной конкуренции во взаимной торговле, согласованной протекционистской политики, налаживания прямых связей между хозяйствующими субъектами обоих государств, создания диверсифицированных технологических концернов и комплексов. Россия и Казахстан обязались не применять таможенные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие, на импорт и экспорт товаров, происходящих из таможенной территории одной из стран и предназначенных для таможенной территории другой. Стороны согласились не облагать прямо или косвенно товары внутренними налогами или сборами, превышающими соответствующие налоги или сборы, которыми облагаются аналогичные товары внутреннего производства или товары, происходящие из третьих стран. Казахстан и Россия договорились обмениваться на регулярной основе информацией по таможенным вопросам, в том числе таможенной статистикой. Предусмотрено принять меры к сближению уровней ставок таможенных пошлин, применяемых в торговле с третьими странами, а также соблюдать принцип свободы транзита.

Для реализации Соглашения и выработки рекомендаций по совершенствованию торгово-экономического сотрудничества между двумя странами было предусмотрено учреждение совместной российско-казахской комиссии, а также торговые представительства. 09.01.1993 г. в Омске прошли очередные российско-казахские межправительственные переговоры с участием глав администраций сопредельных областей РК и РФ по вопросам экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Стороны вышли на подписание Соглашения о принципах экономического, научно-технического и культурного сотрудничества сопредельных областей Казахстана и Российской Федерации. Достаточно интенсивный договорно-правовой процесс наблюдался в 1993 г. в области финансово-кредитных взаимоотношений двух стран. На этом фоне особо выделяются соглашения, отражающие попытки сохранения единой рублевой зоны.

15.05.1993 г. в Москве было заключено межправительственное Соглашение о взаимных обязательствах и требованиях, связанных с использованием рубля в качестве средства обращения на территории Казахской Республики.

Предполагалось, что объединение денежных систем Казахстана и России будет иметь следствием переход к прямым расчетам между хозяйствующими субъектами РФ и РК, изъятие из обращения билетов Госбанка СССР и Банка России образца 1961–1992 гг. и введение в обращение денежных билетов Банка России образца 1993 г.:

А. Создание единого валютного рынка со свободным взаимным доступом на него резидентов РФ и Казахстана.

Б. Совместное поддержание курса рубля на территориях России и Казахстана.

В. осуществление согласованной политики на международных переговорах, затрагивающих интересы обеих стран. Однако, как выше отмечалось, Казахстан ввел свою суверенную национальную валюту. Тем не менее, 03.11.1993 г. было подписано Соглашение между Правительством и Национальным банком РК и Правительством и Центральным банком РФ о взаимных обязательствах и взаимной поддержке в связи с введением национальных денежных знаков Казахстаном. Тогда же с учетом высокой степени взаимозависимости экономик государств и традиционно сложившихся связей между народами двух стран правительства заявили о решимости ускорить создание действенных механизмов интеграции в рамках Экономического союза и формирование Таможенного и Платежного союзов

двух стран. Показательным является также Соглашение от 18.11.1993 г. «О межбанковских расчетах в связи с введением РК национальной валюты на период до объединения денежных систем». 25.12.1993 г. в Алматы (Алма-Ате) главами правительств Казахстана и РФ были обсуждены вопросы сотрудничества по использованию космодрома «Байконур» и испытательных полигонов, расположенных на территории Казахстана, а также тема военного сотрудничества. Вместе с тем необходимо отметить, что Казахстан попутно активно устанавливал дипломатические отношения со многими государствами мира, осуществлял интенсивные международные контакты на самом высоком уровне. Кроме того, в Республике шла разработка экономических программ оживления экономики, работа с международными организациями, в том числе финансовыми – Международным валютным фондом, Международным банком реконструкции и развития, создание большого количества совместных предприятий, разработка совместных программ по освоению крупных казахских производств в области цветной, черной металлургии, нефтегазового комплекса.

Все эти процессы развивались на фоне углубления российско-казахского экономического и политического сотрудничества. Очередной официальный визит казахского президента Н.А. Назарбаева в Россию состоялся 28-29 марта 1994 г., в ходе которого положено начало новому этапу расширения и углубления интеграции государств в торгово-экономической, научно-технической и гуманитарной областях. Достигнутые договоренности подняли отношения стран на качественно новый уровень развития. Были парафированы 23 широких и значимых документов, среди них особое значение имеют Договор о дальнейшем углублении экономического сотрудничества и интеграции РФ и РК, Меморандум об основных принципах решения вопросов, связанных с гражданством и правовым статусом казахских и российских граждан, постоянно проживающих на территориях Сторон. По мнению Т. Мансурова: «Межгосударственные связи между РК и РФ характеризуются динамизмом и устойчивостью, несмотря на значительные проблемы многовековой истории их развития».

В своё время министр РФ по вопросам связей со странами СНГ, говорил «о совместной протяженной границе, которая обеспечивает географическую, товарищескую и семейную близость, исторически установившиеся широкие связи, все это делает сотрудничество жизненно важным для населения наших стран».

Своё особое и доброе отношение к РФ и российско-казахскому совместному существованию проявлял и Н. Назарбаев, он очень дорожил дружбой между РФ и РК [8]. В марте 1994 г. был заложен договорно-правовой фундамент создания совместных российско-казахских финансово-промышленных групп, с помощью которых предполагалось развивать плодотворное экономическое взаимодействие между Казахстаном и Россией.

2. Основы экономической и политической интеграции двух государств

Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах от 28 марта 1994 г. стало значительным шагом к образованию Таможенного союза. Особо необходимо отметить подписанное премьер-министрами двух стран и белорусским представителем Соглашение о Таможенном союзе между Белоруссией, Казахстаном и Россией. Этот документ стал естественным результатом постепенного и длительного процесса взаимодействия двух стран в проведении единой таможенной политики [4]. Кроме того, на уровне правительств были подписаны Соглашение о едином порядке регулирования внешнеэкономической деятельности, Протокол о введении режима свободной торговли без изъятий и ограничений при объединении таможенных территорий Казахстана и России.

Главы РФ и РК 20 января 1995 г. поставили свои подписи на Декларации «О расширении и углублении российско-казахстанского сотрудничества», в которой отмечалась необходимость принятия мер по координации внешней политики, невзимания таможенных пошлин во взаимной торговле и отмены таможенного контроля на общей границе при безусловном обеспечении эффективной совместной защиты внешних границ Таможенного союза и проведении согласованной внешнеэкономической политики по отношению к третьим странам в рамках формируемого Таможенного союза в соответствии с Договором «О создании Экономического союза в рамках СНГ». Декларация была дополнена Положением «О введении режима свободной торговли без изъятий и ограничений между РФ и РК при объединении таможенных территорий России и Казахстана». Стороны договорились о ведении свободной торговли между Российской Федерацией и Республикой Казахстан в полном объеме без изъятий и ограничений.

Уже в рамках «интеграционной тройки» Россия, Казахстан и Беларусь распахнули двери к подлинной экономической интеграции, подписав Соглашение о Таможенном союзе от 25 января 1995 г., которое явилось одним из основных документов союзного сотрудничества в рамках Таможенного союза между РФ, РБ и РК. Особо следует отметить, что регулирование общей Российско-Казахской внешнеэкономической политики осуществлялось в соответствии с Соглашением «О едином порядке регулирования внешнеэкономической деятельности» от 20.01.1995 г.

16 мая 1995 г. было подписано «Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о единстве управления таможенными службами». 18 августа 1995 г. в Алматы (Алма-Ате) правительственные делегации России и Казахстана подтвердили выполнение первого этапа Таможенного союза, которым завершены все основные организационные мероприятия по закреплению единого таможенного пространства.

В июле 1998 г. в ходе рабочего визита Н. Назарбаева в РФ главы российского и казахского государств подписали важнейший документ – Декларацию между РФ и РК о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие. 26 февраля 1999 г. главами государств был подписан Договор «О Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве». Документ был направлен на упрощение процедур внутриграничного контроля, на активацию совместной деятельности по расширению торгово-экономического сотрудничества, на совершенствование общего таможенного тарифа и определение защитных мер в торговых отношениях, укрепление валютно-финансовых составляющих национальных экономик Сторон.

В мае 2000 года в Минске состоялось заседание, на котором российский президент В.В. Путин выступил с инициативой повышения эффективности сотрудничества и создания полноценной интеграционной организации с адекватной структурой и реально действующим механизмом управления. Тогда было принято совместное решение организовать межгосударственную Комиссию для учреждения такого объединения.

В 2001 году было образовано Евразийское экономическое сообщество – международная организация для эффективного продвижения процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства. Данная организация просуществовала до 1 января 2015, до фактического вступления в законную силу Договора о Евразийском экономическом союзе.

23 февраля 2003 г. была произведена очередная попытка создания экономического и политического союза – руководители РФ, РК, Беларуси и Украины заявили о формировании нового типа надгосударственности – Единого экономического пространства (далее ЕЭП). 19 сентября 2003 г. Стороны подписали Соглашение о намерении создания ЕЭП. 15 сентября 2004 года в казахской столице главы утвердили перечень документов, подлежащих согласованию и подписанию в первоочередном порядке. При этом отмечалось, что соглашения должны составлять неразрывный пакет и быть подписаны, а также вступить в силу одновременно. Однако руководство Украины уже больше тяготело к Европейской интеграции. В апреле 2005 украинский руководитель В. Ющенко прокомментировал своё отношение к России и планам создания ЕЭП, отметив, что «Украина согласно лишь на зону свободной торговли и ни в коем случае не допустит девальвации экономического суверенитета». 7 апреля 2005 г. на I форуме ЕЭП член Кабмина Украины С. Терёхин объявил, что его страна намерена пересмотреть базовые документы по формированию ЕЭП, подписанного в 2003 году, так как планировалось учреждение надгосударственных органов, которые будут проводить скоординированную экономическую политику, при этом им было сказано, что Украина будет настаивать на создании Зоны свободной торговли без ограничений и изъятий с отменой квот и пошлин, кроме того, Украина рассматривает своё участие в ЕЭП только в отношении создания зоны свободной торговли и пересмотрит условия для перемещения капиталов, услуг и трудовой силы. В августе 2005 года на саммите глав стран-участниц ЕЭП В. Ющенко подтвердил, что его страна готова подписать только 15 документов, регламентирующих создание зоны свободной торговли. Остальные документы по ЕЭП, в которых ставился вопрос об учреждении наднациональных интеграционных органов их не устраивают [5]. Таможенный союз юридически начал работать с 1 января 2010 г. с введением единого таможенного тарифа и образования общей таможенной территории России, Казахстана и Беларуси, 1 июля вступил в силу общий Таможенный кодекс Таможенного союза. 1 июля 2011 года год внутри Таможенного союза был отменен таможенный контроль на границах между членами Союза, что фактически указывало на полное функционирование Таможенного союза Казахстана, Белоруссии и Российской Федерации. С 1 января 2012 года стороны перешли к более тесной интеграции, создав Единое экономическое пространство, а уже с 1 января 2015 года заработал Евразийский экономический союз.

Заключение

Россия и Казахстан достигли высокого уровня добрососедства государств и народов, они проявляют готовность, развивать многоплановые связи во всех сферах деятельности. При всей многовекторности своей внешней политики руководство Казахстана ориентируется на совместное будущее с РФ. Об этом красноречиво свидетельствует уважительное отношение к этническим россиянам, проживающим в РК, и русскому языку. В госуправлении, СМИ, в финансовой среде РК доминирует русский язык. Прошедшие десятилетия развития межгосударственных сношений показали, что РФ и РК кардинально решили все политико-экономические вопросы, урегулировали взаимные обязательства, и сейчас не имеют каких-либо нерешенных проблем. Казахстан намеренно сохранил единое экономическое, гуманитарное и оборонное пространство с Российской Федерацией, более того, взаимодействие и сотрудничество России и Казахстана развивается в направлении дальнейшей интеграции.

Углубление интеграции двух государств основывается на общности исторических судеб народов, взаимозависимости и взаимодополняемости национальных экономических систем, двухсторонние и многосторонние Договоры и Соглашения усиливают совместное динамичное и гармоничное развитие экономик и проведение реформ в интересах повышения жизненного уровня населения. Договоры предусматривают тесную координацию в обеспечении экономической интеграции и формирования единого рынка, сближение законов. Договоры обязали Стороны унифицировать свою ценовую, налоговую, таможенно-валютную политику с целью перехода к свободному перемещению товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Предусматривается безвизовый режим передвижения граждан и гарантий в соответствии с национальным законодательством страны пребывания, право свободно проживать и осуществлять не запрещенную законом деятельность на территориях РФ и РК.

Список литературы

1. Азанов Б.К. Экономический эффект для России от вхождения в ТС и ЕЭП // Экономика и управление. – СПб., 2012. – № 12 (86). – С. 127.
2. Азанов Б.К. Критический анализ и правовые квалификации разрушения и реабилитации союзного пространства: СССР – ЕАЭС, (1990–2015 годы) // Экономические стратегии. – М., 2019. – № 4. – С. 108–117.
3. Азанов Б.К. Научное обоснование российско-казахских отношений в условиях Единого экономического пространства: прошлое и настоящее // Евразийский юридический журнал. – М., 2013. – № 12 (67). – С. 59–64.
4. Азанов Б.К. Евразийский союз Белоруссии, Казахстана России — какое будущее? // Евразийский юридический журнал. – М., 2014. – № 5 (72). – С. 26–33.

5. Азанов Б.К. Договор о Евразийском экономическом союзе: комплексный правовой анализ: заключительная часть // Евразийский юридический журнал. – М., 2014. – № 10 (77). – С. 11–25.
6. Драчевский Л.Д. Министр по делам СНГ Российской Федерации // Континент. 1999. – № 3.
7. Мансуров Т.А. Казахстан и Россия: суверенизация, интеграция, опыт стратегического партнерства. – М.: Русский раритет, 1997. – С. 14.
8. Назарбаев Н. Казахстанско-российские отношения. Доклады, выступления, статьи. 1991 – 1997 годы. – М., 1997.
9. Пустогаров В. Правовой статус СНГ // Государство и право. – М., 1999. – № 2. – С. 27.
10. Пустогаров В. Содружество в ракурсе международного права // Международная жизнь. – М., 1992. – № 8. – С. 23.

*Алиева Р.Р.*¹

ТАДЖИКИСТАН-КИТАЙ: ВОПРОСЫ ГРАНИЦЫ РАЗРЕШИМЫ

Ключевые слова: безопасность, государственная граница, соглашение, территориальные спорные вопросы, регион, «Большая игра», Центральная Азия.

В начале XXI века государства Центральной Азии активно включаются в процесс глобализации. В этих условиях процесс интеграции, расширения, участия суверенных государств в международных институтах и организациях необходимо рассматривать не только как историческую неизбежность, но и как важный фактор устойчивого развития, стабилизации как отдельных регионов, так и планеты в целом.

Распад Советского Союза, приведший к образованию 12 независимых государств, в корне изменил систему международных отношений в мире. Независимость пяти бывших союзных республик Средней Азии не только предоставила им возможности для самостоятельного исторического пути, но и превратила весь огромный регион в поле геополитического соперничества великих и региональных держав. К основным субъект этого соперничества, несомненно, можно отнести Россию, Китай и США.

Для Республики Таджикистан проблема безопасности имеет особую значимость. У Таджикистана, как и у других независимых стран, новых субъектов международного права во главу угла внешней политики остро поставлены задачи по разрешению спорных территориальных вопросов, что, прежде всего, относится к границе с Китайской Народной Республикой, которая имеет давнюю историю.

Проблема границ, сохранения территориальной целостности государства является наиболее чувствительной для любой страны и ее народа. Здесь уместно отметить, что общая протяженность государственной границы Таджикистана с другими государствами составляет 4 тыс. 183 км, из которых 488 км – с Китаем, 911 – с Киргизией, 1 тыс. 344 – с Афганистаном и 1 тыс. 440 км – с Узбекистаном.

Как известно, Средняя Азия на протяжении многих веков была ключевой осью евразийского континента, соединяющей посредством Великого Шелкового пути страны Дальнего Востока с Европой, Средним и Ближним Востоком, Южной Азией. Контроль над сухопутными транспортными коммуникациями способствовал укреплению политических позиций мировых держав на международной арене, а обладание этим регионом делало любую из империй супердержавой, которая во многом могла определять дальнейший ход истории в Евразии. В связи с этим Средняя Азия во второй половине XIX в. стала «яблоком раздора» между Британской империей и царской Россией, а развернувшиеся здесь события современники называли «Большой игрой».

В сложившихся условиях Россия активизировала, с одной стороны, продвижение в Среднюю Азию, а с другой – свою дипломатическую деятельность, возобновив переговоры с Англией. В 1882 году русское правительство представило новый проект соглашения, который мог бы определить границы. В итоге Англия и Россия в 1885 году пришли к компромиссу и некогда единый географический, исторический и культурный регион был разделен на сферы влияния между этими державами.

Но не успокоившись на достигнутом, Англия продолжала интриги, втягивала в «Большую игру» Китай, уверяя Афганистан и Поднебесную, что Памир принадлежит им по «праву», и подстрекала их к его захвату (позже Б.Л. Громбчевским – русским полковником, одним из лучших знатоков Памира – был раскрыт конкретный план англичан о разделе Памира между Афганистаном и Китаем). При поддержке Англии Китай начал расширять свои границы по направлению к Восточному Памиру. Здесь планировалось сомкнуть владения Афганистана и Китая и создать, таким образом, барьер на пути продвижения русских в Индию. В начале 1892 года на Восточный Памир прибыли три маньчжурских отряда во главе с Ян-Дарином и Ши-Амбаном. Китайцы начали строительство своих укреплений за озером Яшиль-Куль у Акташа и приступили даже к подбору «своих» людей на административные должности. Впоследствии китайцы претендовали и на некоторые части Западного Памира².

В таких условиях летом 1892 года российско-китайские отношения вступили в новую стадию, более радикальную. Начался переговорный процесс и, наконец, в результате переговоров, которые прошли в апреле 1894 г., обмен нотами привёл к фактическому разделению Памира между Россией и Китаем. В 1898 году царское правительство, несмотря на протесты китайцев, утвердило временный пост в Ташкургане и Сарыколе, а в 1901 году этот пост уже с

¹ Алиева Рафоатхон Рашидовна – к.и.н., доцент кафедры общественных дисциплин, Институт экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции. E-mail: rafoat50@mail.ru

² Джамалова М.К. Средняя Азия в дипломатии России и Англии во второй половине XIX века // 200 лет Министерству иностранных дел России и 10 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Таджикистаном: материалы научно-практической конференции. – Душанбе, 2002. – С. 188–190.

согласия китайцев был определен постоянной государственной границей, установленной по естественному рубежу – Сарыкольскому хребту¹.

Договор, определявший прохождение границы на среднеазиатском участке, в том числе между современным Таджикистаном и КНР, который проходит на Памире (ГБАО) по Сарыкольскому хребту, между Китаем и Россией был подписан. Большая часть этой горной цепочки расположена в пределах Таджикистана, но отдельные ее районы принадлежат Афганистану, Пакистану, Китаю и Кыргызстану. Высокогорья Таджикистана с высочайшими вершинами в Горно-Бадахшанской автономной области составляют ядро Памира. Речные долины образуют естественные границы Памира севернее Заалайского хребта и в Ваханском районе Афганистана, определяющем его южные пределы. Памир-Сарыкол Уйгурского автономного района Синьцзяна в Китае окаймляет восточную окраину нашей республики, а западная часть бассейна рек Вахш и Пяндж представляет собой её южную границу. Памир в силу своей географической неизученности и политической незащищенности оказался местом, где сфокусировались все противоречия держав, здесь и разыгралась «схватка на Крыше мира» – кульминационная стадия «Большой игры».

На протяжении почти столетия стороны не поднимали пограничный вопрос, поскольку каждая сторона была занята своими делами. В Китае в 1911 г. прекратила своё существование цинская династия, и была создана республика. Затем эта страна была ввергнута в пучину гражданской войны и национально-освободительного движения против японцев. Для СССР первая половина XX столетия также была тяжелой: страна пережила две войны – гражданскую и Великую Отечественную.

На рубеже 70–80 годов XX века в отношениях между СССР и Китайской Народной Республикой (КНР) произошёл радикальный поворот от бесплодной полемики к конструктивному диалогу и переговорам, от конфронтации – к добрососедству. В 1964 г. начался переговорный процесс по пограничному урегулированию между СССР и КНР, который выявил 25 «спорных участков» площадью 33 тыс. кв. км. Стороны приступили к переговорам по уточнению линии границы, видение двух сторон о линии советско-китайской границы не совпадали, в том числе на таджикской части границы. Важно отметить, что юридической основой этих переговоров послужили договоры, подписанные царской Россией и цинским Китаем. Однако в ходе переговоров возникли разногласия по принадлежности территории общей площадью 33 тыс. кв. км. Эти спорные районы проходили по территории России, Таджикистана, Казахстана и Киргизии. В пределах Таджикистана имелось три несогласованных участка, это Маркансу, Каразак и участок Большого Памира к югу от перевала Уз-Бель. Важно отметить, что на протяжении долгого времени советская сторона публично не признавала спорных районов между двумя государствами, неизменно повторяя на встречах с китайскими коллегами позицию о том, что линия границы правильно показана только на картах, выпущенных в Советском Союзе.

Начало советско-афганской войны в декабре 1979 года, с одной стороны, стало завершающим этапом «холодной войны», а с другой – определило новый виток «Большой игры», которая началась ещё во второй половине XIX в., но уже с участием других основных игроков. Место царской России занял СССР, место Англии – США. Война в Афганистане была своего рода столкновением СССР и США за доминирование в регионе.

Фундаментом в решении территориальных споров явилось коммюнике, подписанное в мае 1989 года в ходе визита в Пекин Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева. Стороны заявили о своей готовности решать все спорные вопросы путем мирных переговоров, в том числе урегулировать на взаимоприемлемой основе пограничные проблемы².

В сентябре 1992 г. в Минске государствами, граничащими с Китаем, – странами СНГ было подписано соглашение о создании Совместной делегации правительств Китая, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, в соответствии с которым правительства этих стран своими постановлениями создали свой состав делегаций для ведения переговоров с КНР по пограничным вопросам. Согласно Постановлению Правительства РФ № 348-17 от 26 июня 1993 г. в нее вошли представители МИД, пограничных войск, управления геодезии и картографии, органов местной власти ГБАО, юристы, дипломаты. В качестве экспертов привлекались работники архивов и научных учреждений. Перед группой была поставлена задача по сбору и анализу материалов, касающихся спорных участков. Был изучен большой объем документов, связанных не только с прохождением линии границы, но и касающихся природных ресурсов, культурного наследия, освоённости участков в сельскохозяйственном и промышленном отношении.

Для проведения переговоров по установлению границы у государств Центральной Азии с Китаем не было правовых, методических, исторических и других документов, такой формат был принципиально важным условием. Формат «совместной делегации» позволил Кыргызстану, Казахстану и Таджикистану получить от российского МИДа необходимые документы, соответствующие протоколы советско-китайских переговоров.

Распад Советского Союза нарушил баланс в мире. Великие державы вновь приступили к разделу уже поделенного мира. И ранее закрытый для внешнего влияния Центрально-азиатский регион в очередной раз стал ареной для столкновения интересов таких великих держав, как США, Россия и Китай. События же 11 сентября 2001 года в США сделали Центральную Азию открытой для них.

В новой «Большой игре», так же как и во второй половине XIX века, Центральная Азия привлекает великие державы своим ключевым положением в сердце евразийского континента и богатыми сырьевыми запасами. Обладание ими дает возможность реализовать новые транснациональные транспортные коридоры по маршрутам Запад – Восток, Север – Юг и формирует новую геополитическую реальность XXI века.

¹ Джамалова М.К. «Большая игра» в Центральной Азии: прошлое и настоящее // Таджикистан и современный мир. – Душанбе, 2007. – № 1 (14). – С. 82.

² Рахманин О.Б. К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем 1917–1997. – М.: ИДВ РАН, 1999. – С. 34.

Исходя из этого, правительство Китая, так же как и в XX веке, активно приступило к решению приграничных проблем. В Пекине понимали, что добиться стабильности невозможно без сотрудничества с Россией и другими центральными-азиатскими странами. По инициативе правительства Китая в начале 1996 года в Шанхае были проведены переговоры между Китайской Народной Республикой и совместной делегацией в составе представителей России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, то есть государств, граничащих с Китаем. Китай был одним из инициаторов создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая должна была первоначально урегулировать и решить пограничные проблемы и обеспечивать региональную безопасность Центральной Азии. В результате этих переговоров главы пяти государств 26 апреля 1996 года подписали соглашение «Об укреплении доверия в военной области в районе границы». Основная задача этого соглашения заключалась в том, чтобы по мере разрешения территориальных споров превратить границы между странами в зону мира, дружбы и фактор стабильности. Здесь и появился впервые термин «Шанхайская пятерка». На саммите в 1996 г. «Шанхайская пятерка» впервые озвучила зону своих интересов и ответственности, обсудила азиатские процессы, представляющие угрозу безопасности регионов и государств, являющихся членами или наблюдателями ШОС¹.

В ходе первой встречи были обсуждены вопросы укрепления доверия в военной области в районе границы и подписано Соглашение в этой области, которое, по мнению всех сторон, стало фундаментальной основой дальнейшего сотрудничества стран-участниц. В данном документе, в частности, отмечено, что отныне государства, подписавшие это Соглашение, будут стремиться обеспечить покой и стабильность в приграничных районах, содействовать развитию долгосрочных отношений дружбы и сотрудничества Китая с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном².

Территориально-пограничные проблемы являются одним из главных факторов, оказывающих прямое воздействие на общее состояние безопасности и стабильности, и имеют ключевое значение во взаимоотношениях с сопредельными государствами. Наличие территориально-пограничных проблем с КНР может привести к обострению ситуации и возникновению межэтнических конфликтов в Центрально-азиатском регионе с непредсказуемыми последствиями. Сближение этих стран в те годы диктовалось также угрозой безопасности их приграничным территориям со стороны главного очага нестабильности в Средней Азии – Афганистана, где шла гражданская война между войсками Северной коалиции и движением Талибан.

Таджикистан с Китаем имеет общую государственную границу протяженностью около 500 км. В этой связи вопрос о делимитизации границы между Китаем и Таджикистаном приобрёл особую актуальность, так как исторически накопилось множество трансграничных вопросов, требующих грамотного разрешения в духе дружбы и доверия. Соответствующие договоренности о таджикско-китайской границе были достигнуты и в ходе рабочих визитов Президента Таджикистана в Пекин в 1993, 1999 и 2007 годах³. Результатом межмидовских консультаций в Пекине в ноябре 1997 года стало подписание Протокола, зафиксировавшего согласованные параметры переговоров по пограничным вопросам совместной делегации правительств Таджикистана, России, Казахстана и Кыргызстана с правительственной делегацией Китайской Народной Республики, в ходе которых удалось выйти на искомые позиции по разрешению ряда проблем на таджикском участке границы с КНР. Работа на спорных участках границы проводилась в рамках пограничных переговоров⁴.

Переговорный процесс между Таджикистаном и Китаем, который уже велся в двустороннем формате, длился с 1998 до 2002 года и завершился достижением взаимоприемлемого варианта. Таджикско-китайские пограничные переговоры в новых геополитических условиях основывались на толковании сторонами русско-китайских договорных документов, подписанных во второй половине XIX века. Как известно, Китай претендовал на значительную часть Горно-Бадахшанской автономной области. Территориальное размежевание по этому участку на прежней российско-китайской и советско-китайской границе не проводилось. Учитывая сложную внутривосточную обстановку в Республике Таджикистан, Китай долго не форсировал окончательное урегулирование вопроса о прохождении границы.

В период до 2001 года между КНР и совместной делегацией трех стран Центральной Азии и России шли интенсивные переговоры по пограничному урегулированию. Следует отметить, что стороны понимали, что решение пограничных вопросов возможно только при взаимных компромиссах. В соответствии с утверждённым планом обеспечивалось участие таджикской части упомянутой Совместной комиссии на переговорах с КНР по пограничным вопросам. Сторонами были внимательно проанализированы тексты договоров и сверены описания границы с её фактическим происхождением. Выяснилось, что рельеф местности в силу естественных обстоятельств и временного фактора претерпел значительные изменения. Договорные документы утверждали одно, но на самом деле граница выглядела несколько иначе. На границе работали многие специалисты: юристы, дипломаты, топографы, картографы, геологи, китаеведы и пограничники. Был исследован буквально каждый метр границы. Учитывались все факторы, в том числе и размещение населения, и наличие полезных ископаемых. В результате долгих дискуссий выяснилось, что границы между государствами должны проходить примерно посередине спорных участков.

¹ Латифов Д.Л. Роль Китая в решении проблем региональной безопасности Центральной Азии // Таджикистан и современный мир. 2006. – № 3. – С. 43.

² Кириллов А., Федорук В. КНР и Шанхайская Организация Сотрудничества // Вестник ИТАР-ТАСС «Компас». – М., 2002. – № 23, 6 июня.

³ Лузянин С.Г. ШОС накануне саммита в Астане. Проблемы развития организации в региональном и глобальном измерении // Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. – М., 2006. – С. 16; Рахмонов. Тысяча лет в одну жизнь: сборник выступлений, речей, интервью и статей. – Душанбе: Ирфон, 2003. – С. 157.

⁴ Саидов З. Межгосударственные отношения Республики Таджикистан в двустороннем формате. – Д., 2001. – С. 72.

По итогам пятисторонних консультаций Таджикистана и Китая, в августе 1999 г., во время дружественного визита Президента РТ Эмомали Рахмона в КНР, было подписано соглашение между РТ и КНР «О таджикско-китайской государственной границе». С подписанием этого документа Таджикистан впервые на международно-правовой основе юридически оформил свои внешние рубежи с Китаем. После подписания соглашения 1999 г. оставался вопрос об уточнении линии прохождения границы на участке «к югу от перевала Уз-Бель». До решения вопроса оба государства обязались сохранять статус-кво на границе. Таджикистан сохранил полную юрисдикцию над спорным участком в районе перевала Каразак и уступил Китаю другой участок (около 200 кв. км.) близ р. Маркансу. Стороны договорились, что переговоры по третьему, самому большому несогласованному участку – Большому Памиру (площадь около 28 тыс. кв. км.), к югу от перевала Уз-Бель будут продолжены. Очень важно, что в ходе визита был совершен прорыв в разрешении оставшихся пограничных вопросов. Подтверждена заинтересованность сторон продолжить переговоры по вопросам прохождения линии границы на несогласованном участке для его скорейшего и успешного разрешения. Стороны согласились с тем, что до их завершения оба государства обязались сохранять статус-кво на границе между ними.

В мае 2002 г. соответствующая договоренность была достигнута в ходе визита Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Пекин, где было подписано дополнительное Соглашение между Республикой Таджикистан и КНР о таджикско-китайской государственной границе, которое окончательно разрешило сложнейшую в двусторонних отношениях пограничную проблему в районе Большого Памира, по которому Таджикистан согласился передать КНР одну тыс. кв. км из 28 тыс. кв. км спорных территорий в районе Большого Памира¹. Тезисы о «территориальных уступках» или «безвозмездной» передаче таджикских земель Китаю категорически не верны, никаких уступок допущено не было. Этот территориальный спор, доставшийся республике в наследство от прежних времен, был разрешен политически и юридически абсолютно корректно, в строгом соответствии с имеющимися договорными документами. В настоящее время можно констатировать, что территориальные проблемы Китая с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном в основном разрешены².

В январе 2011 г. парламент Республики Таджикистан ратифицировал Протокол между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Китайской Народной Республики о демаркации линии таджикско-китайской государственной границы. Подписание документа стало завершением многолетнего территориального спора.

Урегулирование последнего несогласованного участка между Таджикистаном и Китаем в районе Большого Памира явилось завершающим этапом в истории более чем столетних разногласий и переговоров по пограничным вопросам между Российской и Китайской империями, СССР и КНР, Душанбе и Пекином. Нынешняя линия прохождения государственной границы между Таджикистаном и Китаем, юридически оформленная соглашениями от 1999 и 2002 годов, ратифицированными парламентами обеих стран ещё в 2002 году, была успешно демаркирована в 2008 году.

По мере разрешения спорных пограничных вопросов и укрепления на этой основе мер доверия в районе границы Китая с Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном, в повестку дня их сотрудничества вносились вопросы укрепления мира и обеспечения безопасности на пространстве «Шанхайской пятёрки».

¹ Лысов А.Ю. Урегулирование пограничных вопросов между Китаем и Таджикистаном в системе национальных интересов двух стран // Таджикистан и современный мир. 2003. – № 1 (2). – С. 62–64.

² Сафаров С.С., Курбанова З. Становление государственной границы между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой // Таджикистан и современный мир. 2006. – № 3. – С. 14.

Антохонова И.В.

д.э.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ
iv.antokhonova@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛИТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ВЫЗОВОВ

Ключевые слова: вызовы, регион, элита, гражданское общество, интеллектуальный потенциал.

Keywords: challenges, region, elite, civil society, intellectual capacity.

Проблема формирования, эволюции, воспроизводства интеллектуального потенциала регионального сообщества, представляющего основу развития, трансформации и национальной безопасности локальной территории в условиях внутренних и внешних вызовов в регионах России приобрела особую актуальность. Стратегическую значимость проблема приобретает на приграничных территориях в период экономической рецессии, в условиях усиления изоляции и экономических санкций.

В условиях рыночной свободы стратегия развития объекта, локальной территории региона определяется его потенциалом. Важнейшей частью потенциала является интеллектуальный потенциал, представленный его носителями – человеческими ресурсами. Интеллектуальный потенциал нации становится основным конкурентным преимуществом в мировой экономике. Ускоренное развитие экономики знаний, инноваций, искусственного интеллекта основано на достижениях естественного интеллекта, генерировании идей авторами и научным, профессиональным сообществом.

Обоснование степеней свободы эволюции регионального потенциала человеческих ресурсов определяется гармоничным сочетанием стратегии природы и стратегии разума (Вернадский В.И., Моисеев Н.Н.) в цивилизационном пространстве. Информационное пространство создает возможности для конкурентоспособности мобильных человеческих ресурсов на открытом рынке образовательных услуг и рынке труда.

Такая эволюция сохранит разнообразие природы и социально ориентированное развитие локальной территории, имеющей уникальное стратегическое значение регионов Сибири и Дальнего Востока.

Исследование интеллектуального потенциала представляет междисциплинарную проблему, включающую психологические, педагогические, демографические, социологические и экономические аспекты. В западной демократической практике декларируется равенство возможностей, однако бедность не позволяет получить качественное образование. Это помогает объяснить внимание к культурным и генетическим объяснениям хронической бедности, в том числе утверждается, что экономическое неравенство является функцией интеллектуальных способностей, а также более тонких понятий, таких как меритократия, где барьеры на пути достижения персонального успеха не имеют системного характера. Целенаправленные образовательные и экономические реформы могут уменьшить разрыв в доходах и улучшить показатели производительности труда и экономического благосостояния. В статье В.К. Левашова¹ индекс развития интеллектуального потенциала рассматривается как составляющая индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), исчисляемого по инициативе ООН с 1990 года. Однако, это не одно и то же.

А.Р. Абдуллин предлагает оценку интеллектуального потенциала вуза, региона с фокусом на сотрудников и научные кадры, некий элементный подход, который оправдан, но не может быть полным, поскольку не учитываются представители бизнеса, самодостаточные и получившие персонализированное образование, имеющие больше возможностей для самореализации, чем в среднем работники вузов. В статье Ю.Г. Волкова² подчеркивается роль региональных элит как основного субъекта регионального развития в контексте поддержания стабильности, а также в использовании потенциала развития регионального социума для повышения социального престижа и влияния как группы профессионального управления. Региональные элиты осуществляют коммуникации во внешней среде и представляют коллективный субъект социальных преобразований. Соотношение между креативностью и рутинностью проявляется в степени вовлеченности населения региона в новые социальные и социально-экономические проекты при непосредственном участии региональных элит. Это правильная позиция необходимого участия сообщества, без которого элита не сможет реализовать значимые региональные проекты. Исследования в НИУ ВШЭ по программе «Мобильность и стабильность на российском рынке труда» представляют фундаментальные исследования научными подразделениями Университета по широкому спектру направлений, включая отраслевую экономику, рынок труда, образование, социальное обеспечение, здравоохранение и т.д. Предметом изучения является также гражданское общество, социально-культурные ценности, политические режимы и другие важные социально-экономические и политические феномены и процессы.

¹ Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. – № 3 (87). – С. 17–30.

² Региональные элиты в формировании стратегий регионального развития // Вестник РАЕН. – М., 2013. – Т. 13, № 3. – С. 4–7.

Интенсивность мобильности зависит от качества человеческого капитала; институциональных условий; частоты и масштабности «шоков», заставляющих участников рынка труда пересматривать свои предыдущие решения; степени их информированности о происходящих в экономике изменениях; многих других факторов. В случае имобильности рабочей силы значительная часть новых благоприятных возможностей, которые открывают современные технологии и глобализирующаяся экономика, может оставаться нереализованной.

В Институте статистических исследований и экономики знаний ВШЭ создана система интеллектуального анализа данных. Она позволяет выявлять и оценивать перспективные технологические тренды, растущие рынки, новые продукты, стартапы, оценивать сетевые связи между организациями. Что имеет принципиальное значение для рождения инноваций как результата вовлечения интеллектуального потенциала в экономическую деятельность? В эпоху постиндустриального, информационного общества – институты, инвестиции, реформирование образования, интеллектуальный потенциал, глобальные инновационные сети. Тема Глобального инновационного индекса – «Побеждая с помощью глобальных инноваций». Методика расчета представляет синтез двух подходов: затратного и результативного, в этом основное отличие от российских источников и показателей, ориентированных на ресурсы.

Рейтинг ГИИ рассчитывается как среднее из двух субиндексов. Субиндекс инновационных затрат позволяет оценивать элементы национальной экономики, в которых протекают инновационные процессы, в разбивке на пять основных групп: (1) институты; (2) человеческий капитал и исследования; (3) инфраструктура; (4) уровень развития рынка и (5) уровень развития бизнеса. Субиндекс инновационных результатов отражает фактические результаты таких усилий в разбивке по двум основным группам: (6) результаты в области знаний и технологий и (7) результаты творческой деятельности.

Основная научная гипотеза заключается в усилении монетарных основ формирования и развития интеллектуального потенциала в рыночных условиях. Проверка гипотезы о приоритетности модели экономического поведения в условиях рецессии, скорректированной на ментальные особенности, экологические регламенты и специфику региона, позволит выявить приоритеты в поведении и целеполагании отдельных страт и возрастных когорт регионального общества. Объективная оценка и мониторинг возможны на основе показателей и индикаторов, которые должны удовлетворять требованиям улавливания тонкой структуры, изменения характера тенденций, возникновения качественно новых паттернов поведения, самоидентификации, снижения психологических, социальных и экономических рисков. В настоящее время наблюдается смена поколений человеческих ресурсов, сформированных в ином обществе на поколение, личностное становление которого произошло в новейшей истории России и ее регионов. Наличие информационного пространства способствует конвергенции социальных групп в социальных сетях в отличие от реальной дифференциации и дивергенции субобществ, ускоряет распространение опыта и моделей идеализации религиозных конфессий, миграционного поведения, развития карьеры, создания семьи и воспитания нового поколения.

Выявление интеллектуального потенциала в регионе как ядра формирования региональной элиты, имеющей моральное или интеллектуальное преимущество перед остальными независимо от их статуса, в том числе экономического, представляет междисциплинарную фундаментальную проблему. Однако реальное существование региональных элит неразрывно связано с политологическим содержанием, участием в региональном управлении посредством получения статуса государственного служащего либо лоббированием корпоративных интересов.

Актуальным в условиях внешних и внутренних вызовов является цивилизационный подход Тойнби, который рассматривает локальную цивилизацию как главную единицу истории, в развитии которой происходит столкновение с другими цивилизациями. Цивилизация, имеющая потенциал достойного ответа на вызовы, объективно получает импульс к развитию. Научная новизна подхода заключается в обосновании регионального сообщества национального субъекта РФ как локальной цивилизации. Новейшая социально-экономическая история восточных регионов характеризуется одновременно высокой толерантностью и возрождением исторической памяти, идентификацией этнического самосознания и обращением к религии. Экономический кризис обострил социально-политические, культурологические процессы в обществе, где наблюдается высокая активность СМИ, полнометражного кинопроизводства, театров, множество творческих коллективов, музеев, спортивных обществ, детских студий различного творческого направления. Тенденция характерна для России в целом, т.к. в обществе востребованы духовные потребности, экспозиции, галереи и разные перформансы.

Западная цивилизация основана на собственности и возможности ее передачи, характеризуется рациональным отношением к материальным атрибутам повседневной жизни. Восточная цивилизация рассматривает невозможность владения собственностью в силу материального ухода человека и оставления богатств на Земле, где все материальное преходяще и не имеет высшего смысла. Элита, как неотъемлемая часть общества, с точки зрения аксиологического (ценностного) подхода обладает более высоким интеллектом, талантом, компетенциями по сравнению с остальной частью общества.

Временной (исторический) подход предполагает связь поколений, кумулятивный эффект формирования потенциала, скорость изменений. Пространственный подход – измерение интеллектуального потенциала с учетом пространственной удаленности и информационной близости индивидуумов, как элементов единой системы; информационный подход – проведение панельных обследований резидентов (граждан), в том числе мигрировавших, контент-анализ в социальных сетях с расширением регионального сообщества в информационном пространстве.

Бернадотт А.К.

К.М.Н.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ: БИОТЕРРОРИЗМ КАК ОДНО ИЗ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В БУДУЩИХ ВОЙНАХ¹

Ключевые слова: биологические угрозы, биотерроризм, биологическое оружие.

Часть 1. Биологические угрозы и биотерроризм с вовлечением биологического оружия

1. Определения

Биологическая угроза – это антропогенная или природная ситуация, при которой создается угроза для жизни и/или жизнедеятельности человека и/или животных, вызванная: 1) биологическими агентами – патогенными микроорганизмами (и их формами) и другими биологическими формами со способностью к размножению (например, прионами), их производными и продуктами (например, токсинами), продуктами жизнедеятельности зараженных людей и/или животных; 2) социо-биологическими факторами – социо-биологическими изменениями условий жизни популяции, ведущими к ухудшению функционирования и жизнедеятельности популяции; 3) антропогенной направленной биологической модификацией популяции человека и/или животных.

В то время как явные классические угрозы описаны подробно, неявные угрозы отсроченного действия не описаны и уходят из поля зрения.

Неявная биологическая угроза – угроза, не имеющая явного биологического агента и действующая на биологический объект через опосредованные околобиологические факторы (например, социальные), имеющая отсроченный или моментальный эффект.

Биологическая угроза делится на:

- 1) Естественную угрозу, реализуемую внешними факторами без человеческого намеренного вмешательства.
- 2) Искусственную и/или искусственно-естественную комбинированную угрозу, реализуемую человеком намеренно через создание биологического оружия.

Биотерроризм – разновидность терроризма, заключающаяся в использовании биологического оружия.

Биологическое оружие – это комплекс средств защиты и нападения, использующий биологическую (антропогенную или природную) силу для нанесения ущерба противнику. К биологическому оружию может быть отнесено и оружие, использующее не прямое длительное воздействие.

Биологическое оружие (классическое определение) – это патогенные микроорганизмы (их L-формы, споры), вирусы, бактериальные токсины, прионы, биологические продукты, зараженные люди, животные, средства их доставки (ракеты, снаряды, мины, бомбы, аэростаты, контейнеры, микро- и нанокапсулы), предназначенные для массового поражения живой силы и населения противника, сельскохозяйственных животных, посевов сельскохозяйственных культур, заражения продовольствия и источников воды, а также порчи некоторых видов военного снаряжения и военных материалов. Биологическое оружие является оружием массового поражения и запрещено согласно Женевскому протоколу 1925 года.

2. Свойства новых направлений биологического оружия

До 2014 года при описании характеристик биологического оружия (основы биологической угрозы) за основу бралась **неизбирательность** поражения биологическим оружием. С 2014 началась новая эра генной инженерии, которая в ближайшей перспективе ознаменуется формированием неуязвимости определенных групп людей и/или животных к определенному виду биологическому оружию. Возможность генной модификации сформированного организма появилась после открытия системы редактирования генома CRIPR/Cas9 (открытие сделано Дженнифер Дудной и Эммануэль Шарпентье).

Поэтому на данный момент нужно выделять новое отдельное свойство биологического оружия – **избирательность** поражения. Именно это свойство является одним из ключевых в контексте новых направлений будущих войн.

¹ Доклад на I Евразийском аналитическом форуме.

2.1. Классические свойства биологического оружия и новые свойства биологического оружия

2.1.1. Высокий самоподдерживающийся поражающий эффект

Свойство биологических систем (как основы биологического оружия) к размножению выделяет биологические угрозы, реализуемые через создание биологического оружия, из списка угроз другой природы.

Для использования разработанного биологического оружия необходим минимальный вклад со стороны агрессора в виде переноса инфекционного агента (через, например, фармакологические препараты, препараты крови, вакцины, пищу, воду) на территорию противника – в область максимального скопления «переносчиков», которыми могут быть люди, животные, другие биологические объекты, в которых инфекционный агент может реплицироваться (воспроизводиться).

Отдельно стоит отметить высокий самоподдерживающийся поражающий эффект генетического оружия. Самоподдерживающийся эффект генетического ущерба популяции от генетического оружия может быть осуществлен двумя путями:

– через самовоспроизводящихся классическим образом агентов: вирусов, бактерий и др. (общее для биологического оружия) с использованием системы модифицирования генома взрослого индивида (CRIPR/Cas9).

– через модификацию гамет (половых клеток) целевой группы, то есть через формирование наследуемой уязвимости или устойчивости популяции (характерно только для генетического оружия, новое свойство для биологического оружия). Последнее может быть осуществлено через прямые манипуляции с индивидами (вакцинирование, другие манипуляции) или через инфекционных агентов с использованием системы CRIPR/Cas9.

2.1.2. Трудность своевременного обнаружения

В отличие от других видов оружия, например, химического, биологическое оружие отличается трудностью своевременного обнаружения, что объясняется следующими факторами:

2.1.2.1. Длительный инкубационный период действия поражающего агента

Во время инкубационного периода распространение инфекции продолжается, но симптомов поражения у зараженных людей/животных нет. Инкубационный период может составлять от нескольких часов до десятков лет — что характерно для медленных инфекций (прионовая энцефалопатия и ВИЧ инфекция). Именно медленные инфекции можно назвать долгосрочными инвестициями в разрушение определенной популяции. Именно медленные инфекции являются самыми недоказуемыми, самыми экономически и популяционно разрушительными.

2.1.2.2. Отсутствие тест-систем обнаружения поражающего агента

Первые признаки заражения часто имеют общий характер, по которому трудно или невозможно диагностировать заболевание: повышение температуры, озноб, тахикардия, катаральные симптомы (насморк). Для установления диагноза требуется явная клиническая картина и/или серологическое исследование, тест-системы для специфического обнаружения агента полимеразной цепной реакцией. Всё перечисленное нуждается в нескольких часах-днях исследования и/или наличия уже разработанных тест-систем. При высококонтагиозном инфекционном заболевании часов и дней будет достаточно для развития эпидемии.

Кроме того, использование поражающих агентов на базе редких инфекционных агентов (например, черная оспа, чума и др.), к которым у современной популяции отсутствует иммунитет, своевременное обнаружение практически невозможно.

Отдельно следует отметить невозможность своевременного обнаружения нового поражающего агента. Последнее возможно при значительной модификации существующих поражающих биологических агентов и при использовании абсолютно уникальных искусственно созданных биологических агентов. Работы над созданием искусственных биологических агентов ведутся давно. Официально задокументированный прорыв был осуществлен в 2015 г., когда группа ученых с особым уровнем доступа и деятелей США (таких как Clyde A. Hutchison III и Craig Venter) синтезировала минимальный искусственный геном и подсадила его в клетку бактерии¹. Искусственно синтезированные биологические агенты опасны невозможностью или сложностью детектирования агента.

2.1.3. Трудность в доказуемости использования оружия

При установлении источника поражающего агента не всегда возможно напрямую установить намеренность агрессии.

В июле августе 2005 года в штате Уттар Прадэш, Индия зарегистрировано 1145 случая заболевания японским энцефалитом (четверть со смертельным исходом). Энцефалит вызывается РНК-содержащим вирусом семейства Flaviviridae, переносчиками которого являются комары (*Culex pipiens*, *Culex tritaeniorhynchus*, *Aedes togoi*, *Aedes japonicus*). В деревнях была обнаружена высокая плотность переносчиков японского энцефалита – комаров групп *Culex tritaeniorhynchus* и *Culex vishnui*². Причина вспышки остается неизвестной³. Вопрос о зловредном использовании

¹ Hutchison C. A. et al. Design and synthesis of a minimal bacterial genome // Science. 2016. – Vol. 351, N 6280. doi: 10.1126/science.aad6253.

² http://www.who.int/csr/don/2005_09_13a/ru/

³ http://www.who.int/csr/don/archive/disease/japanese_encephalitis/en/

зараженных комаров может быть решён только сбором косвенных уликов и инсайдерских данных, но не исследованием самого биологического инфекционного агента.

2.1.4. Использование биологического оружия в рамках биотерроризма не требует профессиональной и технической подготовки

Если опустить разработку новых инфекционных средств поражения и формирование генетической неуязвимости (одного из основных направлений биологического оружия ближайшего будущего), то само распространение и инфекции может быть осуществлено «грязным» способом: для этого нужен доступ к банку с инфекционными агентами, например, к лаборатории третьего уровня, и диверсионная активность жителей страны и/или соседних стран. Лаборатории третьего уровня формируются в странах-соседях России при финансировании и активном участии государств НАТО и их союзников.

Одиночные «грязные» акции отступают перед серьезными спланированными диверсиями. К таким относится импорт зараженной крови и её продуктов, импорт зараженных препаратов для имплантации, импорт вакцин с дополнительными эффектами, импорт зараженных продуктов и товаров.

2.1.5. Широкий спектр эволюционно «протестированных» агентов

Биологическое оружие характеризуется многообразием инфекционных агентов с разной клинической картиной, степенью поражения, видовой специфичностью поражения. Минимальные модификации инфекционных агентов приводят к появлению нового агента, который не может быть выявлен достаточно быстро при лабораторном исследовании.

Генетическая модификация инфекционных агентов в рамках разработки биологического оружия всегда была в фокусе. Однако новой тенденцией при разработке биологического оружия является использование системы CRIPR/Cas9, которая практически гарантирует успешную генетическую модификацию инфекционных агентов, почти безгранично расширяя спектр агентов поражения.

2.1.6. Неизбирательность и избирательность поражения

Классическое биологическое оружие характеризуется неизбирательностью поражения, являясь биологической угрозой и для стороны агрессора. Новой тенденцией при разработке биологического оружия является формирование противоположного свойства – избирательность поражения.

Избирательность поражения реализуется через:

- классическую вакцинацию населения (не является методом широкого покрытия популяции, имеет угасающий эффект);
- генетическую модификацию популяции с помощью CRISPR/Cas9. Формирование устойчивости через генетическую модификацию к определенным инфекционным агентам может идти через формирование неуязвимости отдельной группы войск (иной группы людей) и через население в целом. Биологическое оружие на данный момент является одним из двух основных развивающихся типов оружия.

Распространение классического инфекционного агента (вирусов, бактерий и др.) быстро переходит на другие страны, континенты, популяции. Однако предварительная вакцинация и/или генетическая модификация (формирование неуязвимости с использованием CRISPR/Cas9) своего или ключевого населения делает применение биологического оружия массового поражения с вовлечением особо опасных инфекций весьма возможным.

Новые свойства биологического оружия выводят его в перспективе на уровень предпочтения перед другими типами оружия, которые не гарантируют безопасность своего населения.

На данный момент генетическая неуязвимость как и вакцинация имеет ограниченный спектр защиты – обеспечивает защиту от некоторой группы инфекционных агентов. Это свойство генетической модификации сохранится и в недалеком будущем. Однако генетическая модификация имеет ряд значительных преимуществ:

- генетическая модификация имеет стойкий необратимый характер;
- генетическая модификация может затрагивать как взрослые особи, так и эмбрионы;
- генетическая модификация гамет позволяет осуществлять наследование генетической модификации.

3. Примеры инфекций, имеющих наибольший потенциал в использовании нового типа биологического оружия

Как вариант защиты, точнее формирования неуязвимости, уже сейчас возможно сформировать человеческую популяцию, устойчивую (неуязвимую) к определенной группе инфекционных заболеваний.

Особую перспективу в плане нового биологического оружия имеют инфекции и другие заболевания, формирование неуязвимости к которым может быть осуществлено изменением в одном гене. Введем термин для обозначения таких инфекций и других заболеваний – моногенные заболевания.

3.1. Малярия

Моногенное инфекционное заболевание высокой контагиозности, передающееся трансмиссивно – через комаров рода *Anopheles*. Смертность – 40–60%. Основной ареал распространения в России – все регионы, кроме Иркутской области, Бурятии, Тывы, Якутии.

В разработке стратегии формирования неустойчивости к малярии необходимо отталкиваться от естественной закрепившейся мутации. Гены, мутации в которых приводят к нечувствительности или изменению характера заболевания: *НВВ, АВО, АТР2В4, G6PD, CD40LG*¹. *То есть изменение в одном из этих генов приводит к неустойчивости к малярии.*

Отдельно нужно сказать, что сейчас в Bloomberg School of Public Health, Malaria Research Institute (Johns Hopkins University, Baltimore, Maryland, United States of America) ведутся работы по генетической модификации комаров.² Позиционируется, что генетическая модификация комаров в данной работе направлена на устранение способности комаров *Anopheles gambiae* переносить малярийный плазмодий. *Сама постановка вопроса в данной работе предполагает возможность будущего антропогенного вытеснения популяции малярийных комаров в эндемическом регионе, комарами модифицированными. В контексте данной работы особое внимание стоит уделить возможности модифицировать комаров и возможности использовать популяцию комаров для внедрения в биогеоценоз интересующего региона.*

3.2. ВИЧ-инфекция

Несмотря на скорость распространения и славу неизлечимого заболевания, ВИЧ-инфекция относится к моногенным генетическим заболеваниям и уже не является неизлечимой.

Несмотря на преобладания передачи инфекции парентеральным и половым путями, распространение которых можно рассматривать и в рамках информационной войны, и в рамках последствий развала системы здравоохранения, воспитания и досуга, возможны и другие пути. Один из основных путей распространения инфекции – ятрогения, то есть заражение в результате медицинских процедур и применения медицинских средств. Наличие в России большого количества иностранных препаратов, прежде всего препаратов крови – уязвимость России. С другой стороны, на данный момент мы пока не можем противопоставить импорту свою продукцию в должном объеме и должного качества.

В плане распространения ВИЧ-инфекции и двойных стандартов красочным является пример компании Bayer. Когда Bayer's Cutter Laboratories продавали зараженные ВИЧ-инфекцией препараты крови для гемофиликов (фактор VIII и IX), руководствуясь экономической и политической заинтересованностью. Зараженные препараты были отозваны из США и Западной Европы, но продолжали поставляться в страны Азии и Латинской Америки, что привело к массовому заражению граждан этих стран ВИЧ-инфекцией³. В этой истории отдельного внимания заслуживает тот факт, что Bayer игнорировал закон США о запрете использования доноров, принимающих героин, и доноров, являющихся гомосексуалистами⁴.

Очевидно, что препараты крови и другие препараты (точнее импортированные вакцины) являются уязвимостью России и могут рассматриваться в контексте статьи как возможные пути намеренного распространения инфекции. ВИЧ-инфекция является биологической угрозой для России.

На данный момент разработано и успешно тестируется разноплановая генетическая модификация индивидов для реализации генетической неустойчивости в отношении ВИЧ-инфекции с использованием CRISPR/Cas9:

- Блокирование проникновения вируса в клетку через искусственную делецию в гене CCR5 рецептора CD4+ Т-лимфоцитов взрослого человека и эмбриона;
- Повреждение механизма воспроизведения вируса внутри клетки⁵;
- Повреждение вируса в зараженных клетках⁶.

3.3. Прионовая энцефалопатия

Информационные ресурсы затихли в отношении эпидемии губчатой энцефалопатии крупного рогатого скота, передающейся на людей через продукты животного происхождения, однако проблема никуда не ушла.

Использование CRISPR/Cas9 для преобразования прионоподобного предшественника в геноме человека в патологический прионовый предшественник осуществить проще, чем изменить и/или удалить прионоподобный предшественник для формирования уязвимости.

¹ Rockett K., Clarke G., Fitzpatrick K. et al. Reappraisal of known malaria resistance loci in a large multicenter study // Nat Genet. 2014. – Vol. 46. – P. 1197–1204. doi:10.1038/ng.3107

² Dong Y., Simoes M.L., Marois E., Dimopoulos G. CRISPR/Cas9 – mediated gene knockout of *Anopheles gambiae* FREP1 suppresses malaria parasite infection // Plos Pathog. 2018. – Vol. 14, N 3. doi: 10.1371/journal.ppat.1006898

³ McHenry L., Khoshnood M. Blood money: Bayer's inventory of HIV-contaminated blood products and third world hemophiliacs // Account Res. 2014. – Vol. 21, N 6. – P. 389–400. doi: 10.1080/08989621.2014.882780

⁴ www.cbsnews.com/news/bayer-admits-it-paid-millions-in-hiv-infection-cases-just-not-in-english/

⁵ Liao H.K. et al. Use of the CRISPR/Cas9 system as an intracellular defense against HIV-1 infection in human cells // Nat Commun. 2015. – Vol. 6. doi: 10.1038/ncomms7413

⁶ Kaminski R. et al. Elimination of HIV-1 Genomes from Human T-lymphoid Cells by CRISPR/Cas9 // Gene Editing. Sci Rep. 2016. – Vol. 6. doi: 10.1038/srep22555

Прионовая энцефалопатия относится к классу медленных неизлечимых инфекций и является серьезной биологической угрозой для России, реализуемой через ввозимое зараженное мясо, модификацию популяции через медицинские манипуляции и др.

Кроме описанных моногенных заболеваний существует множество потенциальных угроз, основанных на использовании существующих заболеваний и создания новых патологий. На данный момент с научной точки зрения существуют все возможности для создания новых биологических угроз ведущими странами.

Часть 2. Биологические угрозы и биотерроризм с вовлечением социобиологических факторов

На проблему биологической угрозы нужно смотреть шире. Я хочу рассмотреть реализацию биологической угрозы через социальный компонент и реализацию биологической угрозы через формирование базы биологических параметров населения.

1. Социобиологическая угроза

Социальные факторы оказывают сильнейшее воздействие на здоровье популяции, на возможность популяции противостоять биологической угрозе, на конкурентоспособность, на возможность выжить, не являясь рабами других стран.

Так, голод в разы уменьшает интеллектуальные способности детей и взрослых¹. Неблагоприятное окружение (низкий уровень образования, пристрастие к алкоголю и наркотикам окружения, бедность, небезопасность района проживания) гарантирует развитие посттравматического стрессового расстройства у детей и взрослых, что в разы снижает иммунитет, когнитивные способности, способности к творчеству, работоспособность, способность к размножению².

Кроме того, стресс и плохие условия жизни фактически ухудшают наследственность популяции через индуцированное стрессом метилирование некоторых генов.

Плохие условия жизни, хронический стресс, невозможность получить хорошее образование могут привести к необратимому отставанию России на биологическом уровне.

2. Сбор данных как биологическая угроза будущего

В указе Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» в пункте 13 отмечено, что «основными задачами государственной политики в области химической и биологической безопасности в части, касающейся осуществления мониторинга химических и биологических рисков, являются: ... 8) осуществление генетической паспортизации населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирование генетического профиля населения».

В классическом виде сбор данных, включая генетические данные, с целью выявления предрасположенности к патологиям не дает возможности защитить население от биологической угрозы, не дает возможности думать о создании специфического генетического оружия, так как популяции разных стран генетически полностью перекрываются. Следовательно, невозможно отделить одну популяцию от другой.

Однако сбор такого рода данных может превратить Российскую Федерацию в ферму для органов. Именно генетические и другие биологические маркеры могут гарантировать эффективность трансплантации при подборе совместимого донора.

Заключение

Биологические угрозы ближайшего будущего ориентируются на генетическую модификацию индивидов и инфекционных агентов.

Недооценка социальных факторов воздействия на человека имеет все шансы стать более серьезной проблемой, чем прямая биологическая угроза.

¹ Pollit E. Does breakfast make a difference in school? // Journal of the American Dietetic Association. 1995. – Vol. 95, N 10. – P. 1134–1139; Meyers A.F., Sampson A.E., Weitzman M., Rogers B.L., Kayne H. School breakfast program and school performance. 1989.

² Garbarino J. Raising children in a socially toxic environment. – Jossey-Bass, San Francisco (CA), 1995; Garbarino J., Kostelny K. What children can tell us about living in a war zone' // Children in a violent society / Ed. by Osofsky J.D. – New York: Guildford Press, 1997.

Ворожухин В.В.

к.э.н., в.н.с., Российский экономический университет

О НОВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ И АНАЛИТИКИ В ИНТЕРЕСАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ И БЕЗОПАСНОСТЬЮ РОССИИ

Ключевые слова: наука; образование; цифровая трансформация; глобальная гиперконкуренция за будущее; вычислимое управление; новые инструменты управления.

Keywords: science; education; digital transformation; global hyper-competition for the future; computable control; new management tools.

Часть 1. В ожидании перемен

Введение

Мы находимся в горниле трансформаций – усложняющийся мир разбивается на кластеры, сложность и плотность связей которых непрерывно растет – квазимир Поппера, Колина множатся, усложняются, становятся центрами концентрации изменений и формирования ядер преобразования мира. Традиционные предметные подходы становятся неприменимыми.

Для сложных систем невозможно задать систему квазистатических оценок, опирающихся на заранее задаваемые системы показателей. Даже если такая система была выстроена безошибочно, изменение значимости факторов влияния и их результирующего воздействия, происходящая постоянно, ведет к накоплению ошибок, вероятность которых увеличивается с увеличением промежутка времени, после которого проводится оценка. В реальности происходит кластеризация, формирование новых пространств из-за разной плотности многомерных связей систем. Непрерывность и системность оценки является единственной возможностью получения релевантной, целостной и непротиворечивой научной и управленческой информации, а смысл такого мониторинга существует только в условиях использования знаний для разработки, принятия и реализации управленческих решений. Смыслом любых исследований, измерений, получения знаний является изменение бытия человека. Человек неустраним на всех этапах создания (выявления), формирования (формализации), распространения и хранения, использования знаний. Человек и его предпочтения являются критерием оценки сложных явлений и систем. Учет его влияния невозможен без характеристик персоналий-групп-сообществ-обществ-цивилизаций.

Системность оценки предполагает непрерывную разработку и апробацию новых методологических подходов к оценке, новых моделей и методов оценки, совершенствование информационного обеспечения и потоковую обработку информации, формирование организационной структуры оценки и принятия управленческих решений, механизмов оценки, контроля и принятия решений при угрозе отклонения показателей системы от желаемых (заданных).

Традиционные подходы не позволяют получить адекватное знание о сложных системах – они дают лишь фрагментарные локализованные знания, полученные в разное время для разных измерений (пространств) в разных условиях для реализации разных целей. Для изменения сложившейся ситуации необходим комплекс мер, восстанавливающих целостность, непротиворечивость и предсказательную возможность знаний. Важнейшими из этих мер являются:

- обеспечение доступности глобального знания;
- полное использование всех научных результатов и потенциалов;
- независимая оценки научных достижений и публикаций;
- создание возможности проведения сетевых и повторных исследований сложных активных систем (САС) в рамках субъект-субъектного подхода и постнеклассической научной рациональности;
- формирование системы хранения научной информации на разных этапах ее готовности и доступа к глобальной науке, непрерывной обработке информации и данных для повышения их интеллектуальной и коммерческой стоимости;
- обеспечение научных коммуникаций и взаимодействия ученых России, а также зарубежных специалистов;
- обеспечения включенности в единое информационное пространство всех исследователей России (в перспективе – каждого гражданина России).

Данная проблема осознается мировым научным сообществом, однако на сегодняшний день она не имеет целостного решения. Разработанные фрагментарные цифровые технологии и техники пока не позволяют сформировать сквозные технологии включенности каждого гражданина в сети научных коммуникаций, обеспечить доступность всей совокупности глобальных знаний.

Изменение условий развития и безопасности стран и их воздействие на факторы влияния, их значимость, связи и параметры этих связей

При изменении условий развития и безопасности стран меняется система взаимосвязей факторов и их параметры и характеристики. Любая новая технология становится источником возможностей и рисков, требующих изучения и времени на это изучение. В то же время число факторов влияния стремительно растет, их число можно оценить по числу собираемых данных или используемых данных в сложных моделях. Число учитываемых параметров в ГАС «Управление» и ФИС СП при росте числа стратегических документов от 40 до 90 тыс. выросло с 10 000 (2018) до 450 000 (2020)¹. Аналогична ситуация с глобальными моделями мировой экономики, учитывающей экономику 200 стран Global Engine Machine фирмы IHS, METIS, рассчитывающей прогнозы производства электроэнергии для 28 стран ЕС с почасовой сеткой на период до 2050 г. с учетом нестабильности возобновляемых источников энергии. Число учитываемых параметров – более миллиона, причем следует иметь в виду также латентные факторы, которые недостаточно изучены и влияние которых может привести к возникновению «черных лебедей».

Связи находятся в разных измерениях многомерного пространства. Изменение условий приводит к изменению структуры связей факторов. Скорость и мощь изменений связей и факторов различны. В сложном мире нет простых причинно-следственных зависимостей – одно событие становится источником множества процессов в гиперсвязных квазимирах. Мы стали свидетелем не только формирования квазимира разномасштабных систем по Б.И. Кудрину, рассматриваемому в ценологии, но и формированию квазимира систем разной сложности, которые обладают разной устойчивостью. Соответственно, формируется ряд параметров, которые мы в состоянии менять, регулируя развитие и безопасность, а часть параметров, транслируемая из прошлого, сабрегулируема.

Система квазимиров формируется в соответствии с местом человека в мире, его деятельностью. Системы квазимиров связаны, но для действующей системы управления – это квазихаос, управляемый по мере возможности в соответствии с личной декомпозиции управляемого в рамках концепции Ротача. Значимость потерь при использовании ее для анализа и регулирования сложного мира неизвестна, часто определяется путем практики выживания. Результаты регулирования быстро меняются с течением времени, и вся эта ситуация вселяет тревогу: человек не может и не должен быть все время в напряжении, непрерывном поиске снижения рисков и избегания угроз – нам нужны новые знания о сложных системах.

В целом можно нарисовать следующую картину кратких итогов перемен.

Возрастает значимость и роль Человека – мы начинаем строить Общество 5.0 и ноосферу, в которых «люди и роботы и/или искусственный интеллект (ИИ) сосуществуют и совместно работают над улучшением качества жизни, предлагая тонко дифференцированные персонализированные услуги, которые отвечают разнообразным потребностям пользователей»².

Мир становится человекоцентричным, ориентированным не на снижение затрат, а на повышение ценности человека. Инновации – не для снижения затрат, а для возможности зарабатывания³. Общественные и частные стимулы балансируются. Государства не успевают за развитием и стареют как организации.

Социальная справедливость является основанием формирования парадигмы трансформационной оценки⁴ (Д. Мертенс), целостно интегрирующей аксиологические положения (природа моральных ценностей), онтологические положения (природа реальности), эпистемологические положения (природа знания, отношения исследователь-объект изучения), методологические положения (каким образом можно получить необходимые знания?)

Наука стала вычислимой – все важнейшие открытия сделаны при обработке данных из хранилищ (Дж. Грей, 2006)⁵. Наука должна успевать за всеми стремительно нарастающими изменениями. Образование должно быть приближено к фронтам науки, иначе оно неконкурентоспособно.

Сформировались процессы глобальной гиперконкуренции за будущее. Качество стратегического управления развитием и безопасностью становится определяющим в новом мире. Интеграция технических и социальных технологий осознана и привела к разработке глобальных структурных бизнес-процессов⁶ (ЕС, 2019).

Глобальная безопасность под угрозой. Система соглашений о нераспространении и ограничении ядерного вооружения и доступа к ракетным технологиям перестает действовать. По мере появления новых технологий и членов ракетно-ядерного клуба необходимо контролируемое многостороннее соглашение, которое принципиально нереализуемо в условиях нарастания противостояния, гибридных войн и санкций. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш, выступая 22.01.2020 на Генеральной ассамблее ООН, назвал четырех «всадников Апокалипсиса»⁷:

¹ О результатах проведения Интернет-семинара в сфере стратегического планирования 24.12.2019. – <https://gasu2.ru/node/61876>

² The 5th Science and Technology Basic Plan / Government of Japan, January 22, 2016. – P. 12–18.

³ Future Services & Societal Systems in Society 5.0, Held on Monday, November 7, 2016, CRDS-FY2016-WR-13 / Center for Research and Development Strategy Japan Science and Technology Agency. 2017. – P. 8.

⁴ Mertens D.M. Research and Evaluation in Education and Psychology (3rd ed.). – Los Angeles: SAGE Publications, 2012. – 553 p.

⁵ Четвертая парадигма. Научные исследования с использованием больших объемов данных / Под ред. Т. Хей, С. Тэнсли, К. Толле – 2 изд. 2014. – 247 с.

⁶ 100 Radical Innovation Breakthroughs for the future / European Commission, Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2019. – 334 p.

⁷ Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020. – <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020>

- «высочайшая геостратегическая напряженность»: рост ядерной угрозы; международные конфликты ведут к страданиям людей;
- «климатический кризис»: рост средней температуры в мире. Миллионы видов живых существ оказались под угрозой исчезновения;
- «растущее глобальное недоверие»: в мире падает доверие к политическим учреждениям; два из трех человек живут в странах, где растет неравенство; все больше и больше людей сомневаются в пользу глобализации.
- «темная сторона цифрового мира»: новые технологии используют для преступлений, разжигания ненависти, распространения ложной информации и эксплуатации людей.

В сложном современном мире быстро меняются важнейшие факторы международной безопасности. Очень наглядно это демонстрируют «Карты глобальной трансформации WEF», представляющие уникальный инструмент «Стратегической разведки будущего». В 2018 г специалисты насчитывали 32 сложно связанных между собой фактора международной безопасности, которые распределялись по четырем группам следующим образом:

Восстание негосударственных участников – это факторы: Города и урбанизация, 3D-печать

Гуманитарное действие, Инновации, Незаконная экономика.

В число доменов конфликтов будущего вошли Арктика, Космос, Глобальное управление, Океаны, Информационная безопасность, Авиационно-космическая отрасль.

Геостратегическая конкуренция предполагает взаимодействие следующих основных агентов: Великобритания, Канада, Италия, Китай, Геоэкономика, Соединенные Штаты, Российская Федерация, Япония, Индия, Германия, Ядерная безопасность, Европейский Союз, Геополитика.

Технологическая гонка вооружений: Искусственный интеллект и робототехника,

4-ая промышленная революция, неврология, Химия и промышленность материалов.

Возможна и иная классификация этих факторов: страны, континенты и интеграционные образования; сферы деятельности; отрасли; технологии вошли; иные факторы.

В число 43 факторов международной безопасности КГТ WEF 2019 вошли¹:

Домены будущего конфликта: *Глобальные риски*, Арктика, Океаны, Авиационно-космическая отрасль, Космос, *Гибкое управление*, Глобальное управление, Компьютерная безопасность, Геополитика, Соединенные Штаты, Китай, Российская Федерация.

Восстание негосударственных субъектов: Незаконная экономика, *СМИ и развлечения*, *Лидерство в 4-й промышленной революции*, Ядерная безопасность, Города и Урбанизация, *Роль религии*, *Справедливость и закон*, Инновации (новаторство), Гуманитарное Действие.

Геостратегическая конкуренция: *Республика Корея*, *Международная торговля и инвестиции*, *5G*, *Финансовые и валютные системы*, Новые транснациональные корпорации, Геоэкономика.

Технологическая гонка вооружений: Химия и Промышленность материалов, Информационные технологии, *Поведенческие науки*, *Дроны*, *Будущее Энергии*, *Искусственный интеллект и робототехника*, 4-я промышленная революция, неврология.

Гибридные угрозы: Цифровая экономика и общество, Гражданское участие, *Управление интернетом*.

В результате краткого анализа отметим, что за год из описания проблемы международной безопасности исключено 8 факторов: 3D-печать, Великобритания, Канада, Италия, Япония, Индия, Германия, Европейский Союз.

Новые факторы выделены в описании выше курсивом – всего 18 факторов.

Динамика изменений, отражаемая описанием наиболее значимых факторов влияния, крайне велика. Общее число изменений – 26 факторов, из первоначальных факторов исключены 8/32 – 25%, общее число факторов увеличено на $(43-32)/32=34\%$. Общие изменения за год составили 26 факторов, что для нового комплекса факторов составляет 60%. В том числе добавлена 1 группа факторов – Гибридные угрозы, в которую включены три новых фактора: Цифровая экономика и общество, Гражданское участие, Управление Интернетом.

Такая динамика не позволяет опираться на постоянный набор критериев и показателей. Необходим учет динамики как значимости самих факторов, так и пространства их связей и взаимного влияния. В этом смысле наша стратегия экономической безопасности² с показателями, сформированными посредством консенсуса «лебеда, рака и щуки», требует незамедлительного пересмотра – в условиях высокой динамики оснований мироустройства она превращается в «стратегию экономической опасности».

Фокус национальной безопасности смещается: в 50-х он находился в зоне производства высоко технологичного ОМП, в 80–90-х переместился в сферу экономики, в 2000–2010 – в научно-технологическую сферу (создание критических и подрывающих технологий), в настоящее время фокус безопасности сместился в сферу развития образования, которое стало ядром стратегической конкуренции за желаемое (благоприятное) будущее, за создание новых возможностей развития Человека (личности, сообществ, общества, новых механизмов общественной координации) и благоприятных условий для его жизнедеятельности. Но хорошее образование требует приближения к фронтам науки – фокус безопасности продолжит движение к повышению глубины знаний.

Фокус безопасности смещен в будущее и, соответственно, безопасность приобретает стратегический характер. При этом риски отклонений от траектории развития и снижения скорости достижения цели существенно растут. Чтобы их минимизировать, необходимы знания о будущем, которое может дать только хорошее, глубокое и системное

¹ International Security. – <https://intelligence.weforum.org/topics/a1Gb0000001SG51EAG?tab=publications>

² Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. N 208) // СПС КонсультантПлюс.

образование. Сотрудничество через партнерскую научную среду, а не жесткая конкуренция политических и оборонных структур, позволяет перейти от противостояния к взаимодействию.

О кризисе и проблемах развития науки

Знания «вылезли» за пределы предметной нарезки индустриального периода, стали многомерными меж- и трансдисциплинарными, кросс- и мультидисциплинарными. Сегодня в ЕС рассматривается рождение интегрального супердисциплинарного знания¹. Набор знаний каждого исследователя в условиях информационного потопа стал индивидуальным. Многомерные зависимости требуют создания сложных исследовательских инструментов, использующих возможности как компьютера, так и человека.

Потоки информации, супер- и персональные компьютеры привели к превращению мира в глобальную человеко-компьютерную систему (ЧКС). Компьютер из инструмента превращается в партнера, диагностирующего наши эмоции и формирующего свои. Японское Общество 5.0 – общество человека, робота и компьютера. Человек неустрашим в экономике с любым уровнем цифровизации – он определяет критерии принятия решений.

В условиях стремительных трансформаций мироустройства, усложнения, роста разнообразия, становления Человека творческого взамен уходящего Человека экономического, в условиях научной и управленческой революции, информационного потопа, становления экономики больших систем происходит очередной кризис науки. Важно отметить, что экономика откатывается на позиции преднауки, теряя адекватность и предсказательную способность.

Но если экономика запуталась с научными основаниями и не в состоянии дать рекомендации в отношении того, как определять эффективность сложных систем, как интегрировать значимость экстерналий, как оценить достижения разной научной глубины в быстро меняющемся мире, что можно сказать о коммерциализации, которая, как бизнес, скорее определяется коммуникациями и отношениями, чем общечеловеческой значимостью?

Кризис науки быстро нарастает и распространяется на новые области, которые испытывают меньшее влияние перемен, прежде всего, менее подверженных цифровизации в прошлые годы. Распространяется, с одной стороны, имитация деятельности, лишь бы отчитаться и получить деньги, а с другой стороны, борьба с инакомыслием, при которой администраторы приватизируют право на истину.

Управление становится ориентированным на процесс, в рамках которого в первую очередь учитываются интересы бюрократии. И это характерно для всего мира – государства, как организации, стареют, происходит подмена интересов государств интересами прагматичных элит, а правительства занимаются не ускорением, а торможением развития.

Но стареет и наука – в мире науки, как и в мире власти, огромную роль играет система отношений. Коррупция в науке не всегда имеет денежную основу – Гитлер не смог сделать ядерное оружие из-за перешедшей в политическую плоскость конкуренции научных групп².

Проблемы развития науки отмечаются во все время ее существования. Наука ранее была делом талантливых одиночек, как правило, экономически обеспеченных и независимых. Сегодня наукой в мире занимается 15 миллионов исследователей.

Современная проблема состоит в использовании косвенных показателей публикационной активности вместо системного измерения глубины и спектра знаний. Это приводит к появлению публикационной и научной коррупции. Продолжение подхода бесперспективно – Россия уже сегодня платит ведущим мировым издательствам миллиард рублей, а в дальнейшем с ростом числа журналов, исследователей и публикаций выплаты только вырастут³. Но нужны не отчеты по активности, а научно обоснованные решения сложнейших управленческих задач развития и безопасности!!!

По данным опроса благотворительной организации Wellcome Trust по биомедицинским исследованиям (подробные интервью с 94 британскими исследователями и онлайн-опрос 4267 ученых), давление, направленное на то, чтобы привести показатели в соответствие с требованиями, выиграть гранты и провести эффективные исследования, способствует шокирующему уровню стресса и проблем с психическим здоровьем среди ученых⁴. Менее трети опрошенных ученых чувствуют себя в безопасности, продолжая исследовательскую карьеру. Они обеспокоены «растущим доминированием и влиянием метрик», таких как качество публикаций и цитат. Все больше людей борются за меньшее количество ресурсов. Это создает условия агрессивного поведения и высокого давления для успеха и выживания на исследовательских рабочих местах. Почти две трети ученых говорят, что они были свидетелями издевательств или преследований, причем многие считают, что это стало «культурно системным» в науке.

Это борьба с кризисом или наукой?

«Жизнь совсем не то, что мы про нее думали. Оказалось, что она ... издательство, где идет непрерывное распечатывание и редактирование текстов, их перевод с одного языка на другой и рассылка по разным инстанциям»⁵.

¹ The gospel of ERC's new president: super-disciplinary science. – <https://sciencebusiness.net/news/gospel-ercs-new-president-super-disciplinary-science>

² Йорыш А.И., Морохов И.Д., Иванов С.К. А-бомба. — М.: Наука, 1980. Книга размещена на сайте <http://militera.lib.ru/research/abomb/index.html>

³ ИНФРА-М – Znanium: из 2019 в 2020. – <https://new.znanium.com/webinars/webinar?id=92>

⁴ Researchers suffering 'shocking' levels of stress, poll reveals. – <https://sciencebusiness.net/news/researchers-suffering-shocking-levels-stress-poll-reveals>

⁵ Тростников В.Н. Научна ли «научная картина мира»? // Новый мир. – М., 1989. – № 12.

В Лейденском манифесте¹ без обиняков отмечается: «Злоупотребления наукометрией стали слишком распространены, чтобы не обращать на них внимание. Научное исследование приравнено к публикации на английском языке. ... Такого рода предубеждение создает особые проблемы в общественных и гуманитарных науках, где исследования в большей степени регионально и национально обусловлены».

Значимая группа противодействия административному «наукометрическому» управлению развитием науки представлена подписантами Сан-Францисской декларации² – 1,5 млн. чел, более 70 тыс. организаций.

Административно-публикационное регулирование свои ресурсы исчерпало: ФГОС 3++ и УМО, система принуждения к публикациям не в состоянии обеспечить требуемые рост знаний и конкурентоспособность науки, обеспечивая лишь обилие административных отчетов, публикации без проведения исследований и перегрузку научно-преподавательского состава. Принуждение подталкивает к развитию все виды нефинансовой коррупции в науке – использование административных ресурсов для выполнения показателей, плагиат, публикации за плату и др.

Система публикаций выполняет роль зарубежной стратегической разведки будущего России, при этом мы платим и за публикации, и за журналы. Часто публикации просто отсеиваются и не попадают в журналы. Мы не можем позволить отсеивать 85% результатов научной деятельности.

Нужна сеть интеллектуальных репозиториях (ИР), ориентированных на непрерывную обработку размещенной информации, повышение ее качества и потребительской стоимости. Инструменты Scopus, SciVal, WoS должны применяться для всех научных продуктов.

От стратегического планирования к стратегическому управлению развитием и безопасностью

Постоянный рост рисков, в том числе инновационных³, и непрерывное изменение возможностей развития требуют перейти от парадигмы стратегического планирования по ФЗ-172 с растянутым во времени управленческим циклом к многоконтурному стратегическому управлению. Необходим переход от «Стратегии экономической опасности» на основе поддержания параметров индустриального периода и ссылок на «турбулентность» к динамическому видению безопасности как цели-результата развития – благоприятного (лучшего) будущего – и процессу его достижения.

Человек неустрашим – все модельные расчеты имеют целью принятие управленческого решения, корректирующего деятельность Человека. ЛПП также всегда ориентируются на свои знания и опыт, они вынуждены разминуть одни ценности на другие при поисках решения – выбирать между плохим и очень плохим, испытывают влияние микроокружения.

Для подготовки, принятия и реализации решений важно выделить характеристики личности-группы-общества-общества-цивилизации – нужны глобальные сетевые исследования. Чтобы интегрировать ранее выполненные исследования в целостное научное пространство в изменившихся условиях нужны повторные исследования на основе ранее собранных данных.

Изменение нашего мироустройства является стремительным и глубинным – необходима новая экономическая модель (НЭМО) – человекоцентричная (человекоориентированная) и вычисляемая, отражающая сложные многомерные разнотемпные процессы с различающейся мощностью, оперирующая миллионами показателей с интеллектуальной интерактивной системой управления страной (ИИСУС) и социоэлектронными механизмами общественной координации.

Любые сценарии изменений требуют формирования двух групп мероприятий: выделения ресурсов из системы, необходимых для реализации изменений, и создания ядра трансформации, позволяющего осуществить преобразования и добиться будущего желаемого состояния. Критерии принятия решений вырабатываются на основе парадигмы трансформационной оценки Д. Мертенса и актуализируются по мере развития науки, общества, экономики. Проекты интегрируются в единый мегапроект, управление реализацией которого происходит, в том числе, за счет изменения очерченности проектов и сроков их выполнения, перераспределения ресурсов между ними.

Система показателей комплексной оценки состояния сложных систем, стратегий, программ, проектов их развития требует многовекторного, многоуровневого, мультисетевого описания. Нормирование весов показателей требует регулярного соотношения с уровнем глобального развития.

Оценка развития должна строиться как интегральная оценка сценариев реализации мегапроекта, дифференцированная для внутренних проектов. Тип проекта существенно изменяет влияние внешних факторов на эффективность. В зависимости от типа проекта необходимо проводить оценку комплексной эффективности.

В качестве критериев оценки могут использоваться: время и темповые характеристики (скорость выхода на рынок в условиях глобальной конкуренции); риски; стоимость; альтернативные издержки; экономическая эффективность; результативность (достижение целей стратегии); устойчивость (надежность); инновационность (создание и сохранение потенциала развития, обеспечение и реализация возможностей развития); системность решения (комплексность, сложность); трансформационная оценка. Этот список может быть расширен.

Комплексная система критериев оценки позволяет на единой методологической базе проводить оценку разнородных проектов, входящих в единый мегапроект с учетом значимости каждого проекта для общего результата.

Для различных этапов развития (реализации стратегии) значимость и взаимозависимость этих критериев могут меняться так же, как и для отдельных проектов, входящих в единый мегапроект. Формируется новая цифровая идентичность россиян на основе общечеловеческих и национальных ценностей – традиций, создаваемых ценностей и

¹ STI 2014 Leiden. – <http://sti2014.cwts.nl>

² San Francisco Declaration on Research Assessment (DORA). – <https://sfedora.org/>

³ ГОСТ Р 57272.1...7-2016 Менеджмент риска применения новых технологий

идеалов, этики, прогнозирования культурных норм и культурных интервенций с учетом эффекта Эдипа, ориентированная на повышение ценности Человека и создание возможности заработка, а не снижения затрат.

Эффект Эдипа (ЭЭ) – это возможность информации влиять на ситуацию, к которой эта информация относится, которая ведет к саморазрушению или самореализации прогнозов. Значимая идея имеет материальные последствия! – фиксация информации в любом виде – это передача ее в будущее¹.

В некоторых отношениях будущее существует реально, оно неизменно и его можно трактовать как элемент сформированной действительности. И эти области будущего должны поддаваться надежному прогнозированию. Области, открытые для изменения в будущем, – свободное поле для строительства рождающегося бытия.

В рамках НЭМО с возможностями ИИСУС эффект Эдипа (ЭЭ) с уровня образов и идей перемещается на этажи проектирования и управления будущим: ограничение или поток информационного шума, введение ЭЭ в прогноз, рациональный выбор между ограничениями в будущем и/или в процессах развития, управление восприятием (формирование идеалов и новых ценностей, культурные интервенции и социокультурные революции, дополнение реальности, развитие нового знания и т.п.)

Произошел переход от использования моделей реформ экономической системы к выработке приемов модернизации социокультурных систем – цифровой идентичности и цифровой корпоративной культуры. Пример мощи *культурной интервенции*, реализованной вне приказов, – культурная революция в Китае, в ходе которой пострадало 100 млн. чел.

Инструмент культурной интервенции будет способствовать формированию:

- национальной цифровой идентичности;
- культурной поддержки реформ;
- культуры эффективного непрерывного инклюзивного образования;
- доверия на основе научной этики и культуры исследований;
- культуры инноваций и интеграции инноваций на основе разнообразия национальных культур;
- социальной включенности в цифровую экономику и пространства творчества;
- международного научно-исследовательского сотрудничества в меняющемся мире;
- культурных норм для будущего и развивающихся виртуальных миров;
- институтов для использования культуры в управлении цифровой трансформацией.

Усложнение системы приводит к усложнению системы управления – она становится распределенной и децентрализованной. Сложность требует коллегиальности при принятии решений. Ограничение решений «владельцами истин» – путь к неконкурентоспособности.

Основой достижения конкурентоспособности становится самоуправление в науке. Вопрос о том, что назначенцы превращаются в бюрократов, поднят сегодня прессой и в органах управления наукой. Нужна независимость экспертизы научной значимости идей, научных текстов и результатов исследований. Нужна мультитесь из организаций, специализирующиеся на конкретных исследованиях, на поддержке исследований и реформ

Самоуправление в образовании – это выбор будущего и приобретение знаний для его реализации. Оно требует опоры на глобальные знания, в том числе знания о личности, процессах познания и социализации, о социуме и способах его организации.

Самоуправление сегодня переживает спад, по крайней мере, местное самоуправление, но без него невозможно успешное развитие общества, науки, образования, достижение благоприятного, лучшего будущего.

Часть 2. На пути перемен

Новый человек – Человек творческий в новом обществе

Человек экономический, вытеснивший религиозного догматика средневековья, уступает место Человеку творческому (личность-группа-сообщество-общество-цивилизация, традиционные и новые социоэлектронные механизмы общественной координации). Возрастает роль профессиональных сообществ. Развивается гражданское общество.

В ЕС с 2006 г. создаются «Живые лаборатории»²: они разрабатывают технологии потребления сложных продуктов, видение своего будущего, стратегии муниципального развития. Для условий России они могут стать не только проводником научного знания в сферу приложения их к практической деятельности как в Германии, но и агентом формирования видения будущего для населения, малых и средних предприятий (МСП) по месту проживания, да и стратегий самих муниципальных образований, которые пока пишутся под министерскую копиру без учета социокультурной ситуации, а зачастую игнорируют и реальные локальные технико-экономические условия. Зато как удобно арифметически таргетировать показатели стратегии для региона и страны путем арифметических операций с показателями муниципальных стратегий, да и с виновниками невыполнения сразу все ясно – все виновники, кто не вписался в свои же показатели.

Но на самом деле меняется значимость традиционных механизмов общественной координации, к которым относятся: иерархия, рынок, гетерархия, культура. Формируются новые социально-электронные механизмы общественной координации: социальные сети, компьютерные и мобильные; интерактивные компьютерные информационно-

¹ Васильев Я.Ю. Эффект Эдипа и его гносеологический анализ // Философские исследования. 2006. – № 1.

² Ворожихин В., Карнаух И. Живые лаборатории. успешный зарубежный опыт поддержки инновационного развития самоуправления // Самоуправление. 2019. – Т. 1, № 3 (116). – С. 61–65.

исследовательские и управленческие системы; блокчейн; локальные интеллектуальные системы, включая ИИ и роботов; глобальные структурные бизнес-процессы, глобальный обмен знаниями и др. Современные интерактивные системы моделирования и управления могут согласовать динамику развития принципиально различающихся муниципальных образований и регионов. Соответственно, нужны принципиально новые модели, а не эконометрика из 90-х. Для работы со сложными глобальными и национальными системами при глубине до каждого человека мультисети интегрируются в единую человеко-компьютерную систему (ЧКС) – интеллектуальную интерактивную систему управления страной (ИИСУС).

Формируется интегральный мегапроект развития, управляемый за счет изменения очередности и сроков выполнения проектов, перераспределения ресурсов, с выделением ядра развития. Критерии – на основе парадигмы трансформационной оценки, увязывающей: мировоззрение, онтологию, гносеологию, аксиологию, методологию. Регулирование проводится на основе комплексной эффективности (не только экономической), нормированной с учетом глобального развития.

Общество 5.0, ноосфера В.И. Вернадского, как уже упоминалось в первой части статьи, это общество, в котором «люди и роботы и/или искусственный интеллект (ИИ) сосуществуют и работают над улучшением качества жизни». Важнейшими вопросами для будущего общества с цифровой экономикой и ИИ становятся вопросы доверия и этики ИИ.

В июле 2019 г. в России образован Технический комитет по стандартизации ТК 164 «Искусственный интеллект», создающий национальную нормативно-техническую базу развития ИИ и продвижение российских стандартов в области ИИ на международный уровень¹.

В соответствии с данными Обсерватории политики AI ОЭСР (OECD AI Policy Observatory)², список политических инициатив в поддержку ИИ включает 36 важнейших политических инициатив США, 7 важнейших политических инициатив КНР, 22 инициативы ЕС, 8 политических инициатив России. Обсерватория рассматривает развитие ИИ всего в 59 странах и ЕС.

Современные технологии быстро развиваются, изменяются топ-технологии, в которые вкладываются основные инвестиции и к развитию которых, к повышению уровня их готовности привлекаются основные специалисты.

Вот список прорывов, которые действительно изменят то, как мы живем и работаем» по версии MIT³-2020:

неиссякаемый Интернет;
гипер-персонализированная медицина;
цифровые деньги;
антивозрастные препараты;
молекулы, обнаруженные ИИ;
спутниковые мега-созвездия;
квантовое превосходство;
крошечный ИИ;
дифференциальная конфиденциальность;
атрибуция изменения климата.

Неиссякаемый Интернет. Команда во главе со Стефани Венер из Делфтского технологического университета строит сеть, соединяющую четыре города в Нидерландах исключительно с помощью квантовых технологий. Китайская команда использовала эту технологию, чтобы построить 2000-километровую магистраль сети между Пекином и Шанхаем, но этот проект частично основан на классических компонентах, которые периодически нарушают квантовую связь, прежде чем устанавливать новую, что создает риск взлома.

Гипер-персонализированная медицина. Разрабатываются новые препараты для лечения уникальных генетических мутаций. Создание генного лекарства никогда не было быстрее и не имело больше шансов работать. Новые лекарства могут принимать форму замены генов, редактирования генов или антисмысловых (тип, который получила Мила), своего рода молекулярный ластик, который стирает или исправляет ошибочные генетические сообщения. Общим для лечения является то, что оно может быть запрограммировано, цифровым способом и с цифровой скоростью, чтобы исправить или компенсировать наследственные заболевания, буква за буквой ДНК. Вопрос в том, кто будет платить за эти лекарства, когда они помогают одному человеку, но все же требуют больших команд для разработки и производства?

Цифровые деньги. Китай готов стать первой крупной экономикой, которая выпустит цифровую версию своих денег. Facebook представил «глобальную цифровую валюту» под названием Весы. Марк Цукерберг пообещал Конгрессу, что Весы «расширят финансовое лидерство Америки, а также наши демократические ценности и надзор во всем мире». Начались войны за цифровые деньги.

Антивозрастные препараты. Препараты называются сенолитиками. Они нацелены на лечение определенных заболеваний путем замедления или изменения фундаментального процесса старения. Компания Unity Biotechnology разрабатывает препараты для лечения возрастных заболеваний глаз и легких, остеоартрита. Компания «Алкахест» вводит пациентам компоненты, обнаруженные в крови молодых людей, чтобы остановить когнитивное и функцио-

¹ Технический комитет РФ по стандартизации 164 «Искусственный интеллект». – <https://digitalrussia.tech/index.php/ru/programmes-announcement/artificial-intelligence>

² STIP Compass database, accessed on 21/02/2020, powered by EC/OECD. – <https://oecd.ai/dashboards>

³ 10 Breakthrough Technologies 2020. – https://www.technologyreview.com/lists/technologies/2020/?utm_source=newsletters&utm_medium=email&utm_campaign=week_end_reads.unpaid.engagement

нальное снижение у пациентов, страдающих болезнью Альцгеймера, болезни Паркинсона и деменции при тестировании на людях.

Молекулы, обнаруженные ИИ. Используя глубокое обучение и генеративные модели, исследователей из Гонконгской Инселико Медицины и Университета Торонто выявили около 30 000 новых молекул с желаемыми свойствами. Они выбрали шесть, чтобы синтезировать и проверить.

Спутниковые мега-созвездия. Теперь мы можем по доступным ценам создавать, запускать и эксплуатировать десятки тысяч спутников на орбите одновременно. В эпоху космического шаттла запуск спутника в космос стоил примерно 24 800 долларов за фунт. В наши дни запуск SpaceX Falcon 9 сегодня стоит около 1240 долларов за фунт. Первые 120 спутников Starlink были запущены в прошлом году, и компания планировала запускать партии по 60 раз в две недели, начиная с января 2020 года. OneWeb запустит более 30 спутников в конце этого года. Вскоре мы могли видеть тысячи спутников, работающих в тандеме для обеспечения доступа в Интернет даже для самых бедных и самых отдаленных слоев населения планеты.

Квантовое превосходство. Компьютер с 53 кубитами – основной единицей квантовых вычислений – выполнил вычисление чуть более чем за три минуты, которое, по расчетам Google, заняло бы у самого большого суперкомпьютера в мире 10000 лет, или в 1,5 миллиарда раз больше. IBM оспорила претензию Google, заявив, что ускорение в лучшем случае будет в тысячи раз; несмотря на это, это был вехой, и каждый дополнительный кубит сделает компьютер в два раза быстрее. Инженеры Google считают, что используемый ими подход может привести их в интервал между 100 и 1000 кубитами, что может быть достаточно, чтобы сделать что-то полезное, но никто не совсем уверен, что.

Крошечный ИИ. У ИИ есть проблема: в поисках создания более мощных алгоритмов исследователи используют все большие объемы данных и вычислительную мощность. Встречный тренд крошечного ИИ меняет это: новые алгоритмы уменьшают существующие модели глубокого обучения, не теряя их возможностей. Новое поколение специализированных ИИ-чипов обещает увеличить вычислительную мощность в более ограниченных физических пространствах, а также обучать и запускать ИИ на гораздо меньших затратах энергии. Google, Apple, IBM и Amazon предлагают платформы для разработки и развертывания миниатюрного ИИ с улучшением конфиденциальности.

Дифференциальная конфиденциальность. В 2020 году перед правительством США стоит большая задача: собрать данные о 330 миллионах жителей страны, обеспечив при этом безопасность личностных данных. Данные публикуются в статистических таблицах, которые политики и ученые анализируют при написании законодательства или проведении исследований. Дифференциальная конфиденциальность – это математический метод для сбора совокупных данных без идентификации конкретных пользователей.

Атрибуция изменения климата. Группа World Attribution сопоставила компьютерное моделирование миров с высоким разрешением, где изменение климата происходило и не происходило. В первом мире, в котором мы живем, вероятность сильного шторма была в 2,6 раза выше, а интенсивность до 28%. Увеличение записи подробных спутниковых данных и увеличение вычислительной мощности означает, что ученые могут создавать симуляции с более высоким разрешением и проводить гораздо больше виртуальных экспериментов, чтобы понять природные системы и восстановить наши города и инфраструктуру для мира с измененным климатом.

Ждем новых принципиальных ИИ-изменений

Современные подходы к получению знаний основаны на моделировании, предполагающим значительное упрощение (высокую степень редуцирования) представлений о реальности. Но в условиях больших вызовов, непрерывного роста рисков и неопределенности, упрощенные модели не могут адекватно отражать реальность¹. Например, практическая задача определения стандартов из числа 40 тыс. международных, внедрение которых целесообразно в экономику России, требует создания соответствующего числа моделей и исследований возможных комбинаций их интеграции в рамках модели экономики России в разное время, в разных отраслях и территориях.

Необходимо создать глобально конкурентоспособный, сложный, саморазвивающийся, самосовершенствующийся мультимодельный комплекс, позволяющего сформировать научно-обоснованное видение благоприятного будущего России для каждого гражданина и реализовать его, выявляя и формируя новое знание, используя его для разработки, принятия и реализации управленческих решений – в итоге для реализации глобально конкурентоспособной модели развития страны, превентивного определения вызовов, угроз и рисков.

Комплекс реализуется как человеко-компьютерная система (ЧКС), использующая современный человеко-компьютерный интерфейс (ЧКИ), подходы к распараллеливанию решения задач и вычислений, интеграции данных и решений. Организационно формируется система сетевых организаций, охватывающая все муниципальные образования (22 тыс.) России и оперирующая данными (персонифицированными и деперсонифицированными) населения России (147 млн. чел.).

Комплекс должен опираться на значительное количество исследовательских центров, решающих задачи прикладных исследований в интересах муниципальных образований и малого бизнеса, городов, отраслей и регионов России, создающих необходимый комплекс моделей – локальных и предметных, которые в совокупности позволят создать научные основания грамотной реализации всех национальных проектов, совокупного мегапроекта развития страны.

¹ «Мы создаем модели, чтобы абстрагироваться от реальности. Однако есть более общая модель, которая говорит о том, что все наши модели в конечном счете неработоспособны. Они не работают из-за того, что не в состоянии учесть все взаимосвязи реального мира». (Нобелевский лауреат Майрон Шоулз).

В рамках его реализации будут созданы научные паспорта для всех исследователей, студентов, а впоследствии, всех граждан России. Будут подготовлены персонализированные планы личностного и профессионального развития, привязанные к профилям знаний и компетенций конкретных рабочих мест в настоящем и будущем, а впоследствии и учащихся России, обеспечивающие инклюзивное непрерывное (LLL) образование. Важнейшая особенность – параллельное создание (совершенствование) компьютерной и научно-экспертной сетей, подбор моделей для решения конкретных задач из библиотеки моделей с учетом видения благоприятного будущего, рекомендаций по применению и фундаментального обеспечения моделей.

Комплекс позволит увязать в единую систему существующие российские мультимодельные комплексы (ГАС «Управление», ФСУР, систему ситуационных центров РФ, системы глобального информационного мониторинга Минобороны России и оценки социальных технологий для миростроительства Генштаба России, геоинформационные системы Минпромторга РФ и Минприроды РФ, Единый федеральный информационный ресурс данных о населении, ЦБСД и ЕМИСС Росстата и др.), а также многофункциональные культурные центры на основе библиотек и клубов.

Происходит формирование ядра развития и трансформации с использованием ИИ на основе интеграции техно-ко-технологических и социально-экономических технологий развития. Цифровая трансформация стремительна и сложна, многомерна и многообразна, сквозные технологии цифровизации должны охватить каждого гражданина мира, и страна, которая первой выйдет на путь успешного развития в условиях наступающей эры технологической сингулярности, получит значимые преимущества в формировании образа будущего всего человечества, в национальном развитии и безопасности. Это объясняет исключительную актуальность построения инструмента конкуренции за успешное будущее, в котором наиболее значимой и наиболее сложной подсистемой является мультисеть научных и следований и культурной поддержки реформ.

Среди важнейших проблем страны, непосредственно оказывающих влияние на конкурентоспособность страны за благоприятное, лучшее будущее, неконкурентоспособность российской науки требует особого внимания. При имеющихся в прошлом признанных миром успехах, например, реализация ядерного и космического проектов, многие вопросы социальной детерминации развития науки не были решены. В результате современная российская наука оказалась неконкурентоспособной, а принимаемые меры пока дают лишь ограниченные формальные результаты, получаемые в результате административных управляющих воздействий.

В рамках проекта могут быть решены задачи формирования новой системы организации научных исследований, сформирован облик многоуровневых научных коммуникаций, рассмотрены вопросы восстановления глобальной конкурентоспособности российской науки и доступа к глобальным знаниям, использующей искусственный интеллект (ИИ).

ИИ становится движущей силой перехода человечества на этап развития, получивший название «технологической сингулярности», на котором скорость развития станет экспоненциальной. Страна, или группа стран, которые смогут первыми использовать ИИ для научно-технологического и социально-экономического развития, получат преимущества в развитии и безопасности на много лет относительно стран, которые будут отставать даже на незначительное число месяцев – к настоящему времени новое поколение электроники, компьютерной техники и информационных технологий формируется в течение полутора-двух лет на основании эмпирического закона Мура, действующего уже более пятидесяти лет.

К настоящему времени мировым лидером развития ИИ признан Китай, однако и США, и ЕС пытаются бороться за лидерство в развитии ИИ и сформировать лидирующие позиции по крайней мере в важных секторах применения ИИ¹. Например, ЕС пытается бороться за лидерство в промышленном применении ИИ, а также стать лидером в сфере этики ИИ. За последние два года финансирование ЕС в области искусственного интеллекта увеличилось на 1,5 миллиарда евро. В 2016 году Европа потратила 3,2 миллиарда евро на исследования и разработки в области искусственного интеллекта, что намного ниже колоссальных 12 миллиардов евро, потраченных в Северной Америке, или 6,5 миллиардов евро в Азии. Сам факт внедрения ИИ требует учета изменений в обществе, развитие компьютеров и роботов, наделение коммуникации с ними человеческими чертами приводит к изменению их статуса от инструментов до уровня партнеров. Развитие и применение ИИ в исследованиях принципиально изменит и персональные возможности и следователей, и принципы построения исследовательских институтов и университетов.

Изменение роли науки и образования в новой экономической модели (НЭМО)

Наука становится важнейшим инструментом стратегического управления развитием и безопасностью страны, обеспечивая поддержку исследованиями конкурентоспособности управленческих решений на этапах их подготовки, принятия и реализации

Российская наука должна опираться на глобальные знания, которые на 90% являются англоязычными. Знания должны быть многомерными и целостными – нужны открытые модели, сетевые и повторные исследования. Вычислительная наука требует применения интеллектуальных цифровых технологий с использованием ИИ и нереализуема вне социума и конкретного потребителя.

Сетевая организация позволит устранить барьеры научного общения и является необходимостью для обмена супердисциплинарными, транспрофессиональными знаниями.

¹ Commission adds AI research ‘lighthouse’ to innovation priorities amid budget wrangle. – <https://sciencebusiness.net/news/commission-adds-ai-research-lighthouse-innovation-priorities-amid-budget-wrangle>

Для работы со сложными глобальными и национальными системами в условиях глобальной гиперконкуренции образование должно быть приближено к фронтам глобальной науки.

Очень важно быстро осваивать и транслировать свои знания и иметь доступ к знаниям партнеров. Образование, не опирающееся на конкурентоспособные знания, – прямые потери стратегической конкурентоспособности и суверенитета, места в глобальных цепочках добавленной стоимости и позиций на глобальном рынке высшего образования.

Образование требует привязки к стратегии развития. По отношению к науке, обеспечивающей знания для стратегического управления и безопасности, оно вторично и должно быть ориентировано на фокус развития страны.

Попытки развивать образование впереди науки ведут к потере цели развития – каждый, получивший образование, внесет свой вклад в актуализацию вектора развития страны, направляя его с учетом использования собственных знаний.

Вместо заключения: новые вопросы

Задача построения инструмента, обеспечивающего преференции в глобальной гиперконкуренции стран за успешное будущее, составляет суть современных проблем развития и безопасности. Наиболее значимой и наиболее сложной подсистемой этого инструмента является мультисеть научных исследований и культурной поддержки реформ, задача таким образом решается в мире впервые, причем новизной отличается как сама постановка задачи, так и предлагаемые методы, инструментальная поддержка, организационные структуры в виде самовосстанавливающейся, самообслуживаемой, саморазвивающейся, самосовершенствующейся мультисети исследований, управления и культурной поддержки развития и трансформации, ожидаемые результаты – ноосферное общество, в котором реализующие вычислимое управление будущим на основе текущих данных, прогнозов, образов мира, использования культурных интервенций и многомерных систем стратегического управления. Ноосферное общество является дальнейшим развитием взглядов В.И. Вернадского и Общества 5.0, предлагаемого специалистами Японии.

Предполагается, что эпоха технологической сингулярности наступит в срок 2040 (2055) – 2070 гг., и к этому моменту «человеческий этаж» глобальной ЧКС будет иметь отработанные технологии по важнейшим направлениям развития, среди которых: искусственный интеллект и роботы, человеко-машинное взаимодействие и бионика, электроника и вычислительная техника, биогбриды, биомедицина, 3д печать и материалы, преодоление ресурсных границ, энергетика.

Увязанный комплекс из согласующихся с ними более десятка социальных технологий позволит создать несколько десятков Глобальных Структурных моделей бизнес-процессов. Такая задача для ЕС уже частично решена. Для России такая задача отличается новизной на уровне страны.

Галиев Г.Т.

д.соц.н., профессор

Гришина Т.В.

д.э.н., профессор

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ

Ключевые слова: конкурентоспособность, человеческие ресурсы, социальный аудит, аудит конкурентоспособности.

Keywords: human resources, social audit, competitiveness, audit.

Быть ли Евразийскому экономическому союзу конкурентоспособным, зависит от многих факторов и, прежде всего, от наличия природных, финансовых и человеческих ресурсов.

Что касается природных ресурсов, то здесь не может быть никаких сомнений: Евразийские страны богаты природными ресурсами, они также располагают и значительными финансовыми ресурсами.

Вместе с тем, большую значимость в наше время в сравнении с природными и финансовыми ресурсами имеют *человеческие ресурсы*. Именно они, а вернее, их конкурентоспособность сыграют определяющую роль в Евразийском экономическом союзе.

Последствия реформирования и модернизации в экономике позволяют сделать вывод, что конкурентоспособность сегодня становится основным индикатором в оценке эффективности развития Евразийского экономического союза.

Во-первых, внедрение социальных технологий конкурентоспособности обретает социальную сущность, и в этой связи пересматриваются аспекты управления;

Во-вторых, в сложной и противоречивой экономике нашего времени уже недостаточно определять эффективность бизнеса экономическими категориями;

В-третьих, в ЕЭС основным критерием оценки эффективности бизнеса должна стать конкурентоспособность – как социально-экономическая категория;

В-четвертых, в сфере социально-трудовых отношений появились новые инструменты (аудит конкурентоспособности, социальные технологии, социальный аудит регулирования отношений между наемным трудом и капиталом). Так, например, СА – технология многовекторного диалога с социальной средой, способствующего конкурентоспособности бизнеса, консолидации общества, устойчивому развитию в долгосрочной перспективе [1].

Рассматриваемая нами проблема о конкурентоспособности в ЕЭС, как индикаторе эффективности бизнеса, позволяет внести новые элементы в систему регулирования социально-трудовых отношений [2]. Мы предлагаем ряд тезисов:

Первое – конкурентоспособность как индикатор производственной деятельности создает благоприятную почву для ведения диалога и достижения социального консенсуса;

Второе – появилась возможность в системе регулирования социально-трудовых отношений в ЕЭС использовать аудит конкурентоспособности, который является формой социального аудита [2];

Третье – интегрирование аудита конкурентоспособности в систему ЕЭС позволяет придать этой системе новый импульс в ее развитии, так как у любой экономической системы есть пределы развития, определяемые закономерностями воспроизводства её технологической и институциональной структуры;

Четвертое – социализация конкурентоспособности позволяет включить в комплекс индикаторов аудиторского обследования такие показатели, как социальные инвестиции, социальная ответственность, лояльность, репутационный имидж и другие нематериальные показатели;

Рассмотрение некоторых теоретических аспектов конкурентоспособности неизбежно заставляет задуматься над вопросом: а что необходимо сделать практически для того, чтобы конкурентоспособность Евразийского экономического союза могла сыграть свою обновленную роль в мировой экономике? Предлагаемая нами модель социальной составляющей конкурентоспособности ЕЭС может быть претворена в жизнь, если на *макроэкономическом уровне* удастся:

– создать систему государственного индикативного планирования, в которой среди основных стратегических целей будет достижение конкурентных преимуществ, прежде всего на основе новых технологий и цифровизации, формирование конкурентоспособных отраслей и как результат – увеличение несырьевого экспорта ЕЭС;

– осуществлять государственную социальную политику, соответствующую конституционному положению о социальном государстве и ориентированную на расширенное воспроизводство человеческих ресурсов – решающего фактора конкурентоспособности;

– внедрить социальный аудит в систему бизнеса, что придаст ей новый импульс в развитии, подобная система способствовала бы сохранению политической и социальной стабильности в ЕЭС. В социальном аудировании осуществляется сопровождение объекта: предупреждение возникающих проблем, их упреждение и выяснение оценки собственной работы со стороны населения и экспертов. Надо постоянно анализировать собственные и чужие финансовые промахи.

Практическое значение наших предложений проявляется и *на микроэкономическом уровне*, и, прежде всего, в сфере социальных технологий:

– выдвижение конкурентоспособности в качестве основной задачи бизнеса ЕЭС заставляет коренным образом изменить всю систему управления, в частности, показатели финансово-экономического характера (рентабельность, финансовые инвестиции, амортизация основных фондов и т.п.) должны дополняться такими индикаторами, как: социальные инвестиции, удельный вес инновационного продукта, уровень социальной ответственности, репутационный имидж предприятия и т.п.;

– ориентация на достижение конкурентоспособности меняет традиционную (конфронтационную) систему внутрикорпоративных отношений: между акционерами, менеджерским корпусом и наёмными работниками, т.е. ведет к возникновению объективной основы для сотрудничества, признанию общей социальной ответственности;

– появление объективной необходимости в использовании аудита конкурентоспособности как эффективного инструмента регулирования социально-трудовых отношений [3].

Таким образом, конкурентоспособность – один из факторов развития ЕЭС.

Список литературы

1. Галиев Г.Т., Патрушев В.И. Социальные технологии. Ресурсы. Аудит. (в 2-х томах). – Уфа: Гилем, 2011.
2. Гришина Т.В. Социальная ответственность профсоюзов: как её понимать? // Человек и труд. – М., 2010. – № 3.
3. Попов Ю.Н. Социальные изменения конкуренции // Труд и социальные отношения. – М., 2010. – № 61.

Германович Г.В.

к.э.н., доцент, заместитель директора по научной работе НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь

Аниськов И.П.

к.э.н., НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, индикативная система оценки, инвестиции, индикаторы платежеспособности.

Keywords: Concept of national security of the Republic of Belarus, indicative system of assessment, investments, indicators of solvency.

В Республике Беларусь принята индикативная система оценки состояния национальной безопасности, используемая в качестве аналитического инструментария и как метод экономических исследований, суть которого – выявить тенденции изменения показателей экономической безопасности¹.

Индикативная система направлена на оценку и прогнозирование угроз национальным интересам Республики Беларусь и умение отражать эти угрозы путем реагирования – принятием превентивных мер органами государственного управления.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, угроза национальной безопасности – потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба. Основным отличием «угрозы» от термина «опасность» является то, что по своей сути угроза несет в себе «намерение и возможность» причинения вреда, а также требует реализации ряда мер по снижению опасности, а опасность может заключаться только лишь в «намерении» причинить вред. Следовательно, угроза – это ожидаемое событие, и если к ней подготовиться, то можно уменьшить ее влияние. Что же касается термина «риск», то он широко используется в правовых документах США, в частности в Стратегии национальной безопасности США. При этом в Стратегии четко разграничены понятия «риск» и «угроза». Угроза рассматривается как возможность какой-либо страны, группы государств или явлений угрожать, а риск определяется как возможность мешать достижению целей безопасности (Collins J.M., p. 14).

Угрозы национальной безопасности Республики Беларусь носят комплексный и взаимосвязанный характер. Отдельные источники способны порождать спектр угроз, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности. Некоторые угрозы могут одновременно воздействовать на состояние национальной безопасности по нескольким направлениям. Формами угроз в стадии их зарождения и насыщения являются риски.

Для анализа и прогнозирования угроз, отражающих наиболее важные стороны экономической безопасности, используются пороговые значения индикаторов. Пороговые значения экономической безопасности – это предельные величины, несоблюдение которых препятствует стабильному и устойчивому развитию государства, приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций в национальной экономике. В перечень пороговых значений может входить большое число количественных индикаторов, но с различным содержанием и методами расчета. С помощью индикативного анализа можно выявить предельный уровень отклонения параметров развития хозяйственной деятельности страны, применив соответствующие пороговые значения, спрогнозировать угрозу и вовремя на нее отреагировать.

Коэффициент риска, используемый в этих целях, показывает степень отклонения полученных значений от пороговых (предельно, минимально допустимых) по каждому показателю. Чем выше отклонение, тем сильнее степень риска.

Оценка уровня риска определялась на основе следующей классификации коэффициентов риска: нет риска – коэффициент менее 1,0; 1-й уровень – низкий риск (коэффициент от 1,0 до 1,1); 2-й уровень – умеренный риск (коэффициент от 1,1 до 1,25); 3-й уровень – высокий риск (коэффициент свыше 1,25).

В соответствии с данной классификацией в I полугодии 2019 г. высокий уровень риска имеют индикаторы:

- доля инвестиций в основной капитал в ВВП (коэффициент риска 1,26);
- внутренние затраты на научные исследования и разработки к ВВП (1,54 в годовом измерении).

Умеренный уровень риска имеют 5 индикаторов:

- уровень золотовалютных резервов (ЗВР) в месяцах импорта (1,25);
- рентабельность продаж организаций промышленности (1,18);
- валовой внешний долг к ВВП (1,21);

¹ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь утверждена указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010, № 575 (в редакции от 24.01.2014, № 49).

– внешний госдолг к ВВП (1,11);
– доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности (1,20).

Вне зоны риска находятся восемь индикаторов: дефицит (профицит) консолидированного бюджета к ВВП, сальдо внешней торговли, включая услуги (по данным платежного баланса) к ВВП; отношение краткосрочных платежей по погашению и обслуживанию государственного долга в иностранной валюте к ЗВР (0,84), государственный долг к ВВП (0,78), внутренний государственный долг к ВВП (0,37), уровень малообеспеченности (0,51), динамика реальных располагаемых денежных доходов населения (0,93), уровень фактической безработицы по данным выборочного обследования домашних хозяйств (0,55).

Анализ индикаторов, относящихся к высокому и умеренному уровням риска экономической безопасности Республики Беларусь за период с 2010 по 2019 гг. показал тенденции к снижению уровня риска одних и повышению других.

Доля инвестиций в основной капитал к ВВП. В условиях замедления инфляции, снижения уровня инвестиционных рисков, улучшения финансовых показателей хозяйствующих субъектов в период 2010–2014 гг. в Республике Беларусь была обеспечена более высокая, чем в предыдущие годы, инвестиционная активность.

Доля инвестиций в основной капитал к ВВП составила 32,5% в 2010 г. Далее на протяжении 2011–2013 гг. эта доля то уменьшалась, то увеличивалась. Но с 2013 г. произошло резкое сокращение инвестиционной активности в стране – наблюдается заметное сокращение инвестиций в основной капитал с 31,2 до 19,7% в 2016 г. Это связано с изменением в худшую сторону технологической структуры основных средств, так как уменьшалась доля инвестиций в активную часть основных средств (машины, оборудование). В 2018 г. отмечено оживление инвестиционной активности в экономике, а также повышение эффективности инвестиционной деятельности организаций. По итогам 2018 г. по сравнению с прошлым годом инвестиции в основной капитал увеличились. Однако, несмотря на прирост реальных объемов инвестиций в основной капитал, уровень инвестирования составлял всего 77,6% от аналогичного уровня 2010 г. и 68,6% от уровня 2011 г.

Доля инвестиций в основной капитал к ВВП в 2018 г. остается ниже минимально допустимого значения (20,6%). Снизились инвестиции за счет средств республиканского бюджета, заемных средств других организаций, кредитов (займов) иностранных банков, собственных средств населения. Недостаточен приток прямых иностранных инвестиций, способных заместить отечественные источники инвестиций без наращивания государственного долга. При этом основная доля ПИИ – это реинвестированные доходы, что не свидетельствует о притоке в страну иностранного капитала.

В 2019 г. сохранилась наметившееся в течение последних двух лет тенденция роста инвестиционной активности. Увеличение инвестиционной активности стало возможным благодаря улучшению ожиданий экономических агентов и стабильной макроэкономической ситуации. Драйвером роста инвестиций продолжает оставаться обновление активной части основных средств, их доля занимает все большую часть в структуре инвестиций в основной капитал, что отражает качественные изменения инвестиционных затрат.

В инвестиционной сфере объем инвестиций в основной капитал в I полугодии 2019 г. составил 11,9 млрд. рублей¹, или увеличился на 4,9% в сопоставимых ценах к уровню соответствующего периода прошлого года (в I полугодии 2018 г. по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. инвестиции выросли на 12,4%). Коэффициент риска в I полугодии 2019 г. составил 1,26, снизившись на 0,09 единиц, однако, он все еще ниже минимального предела экономической безопасности (не менее 25%).

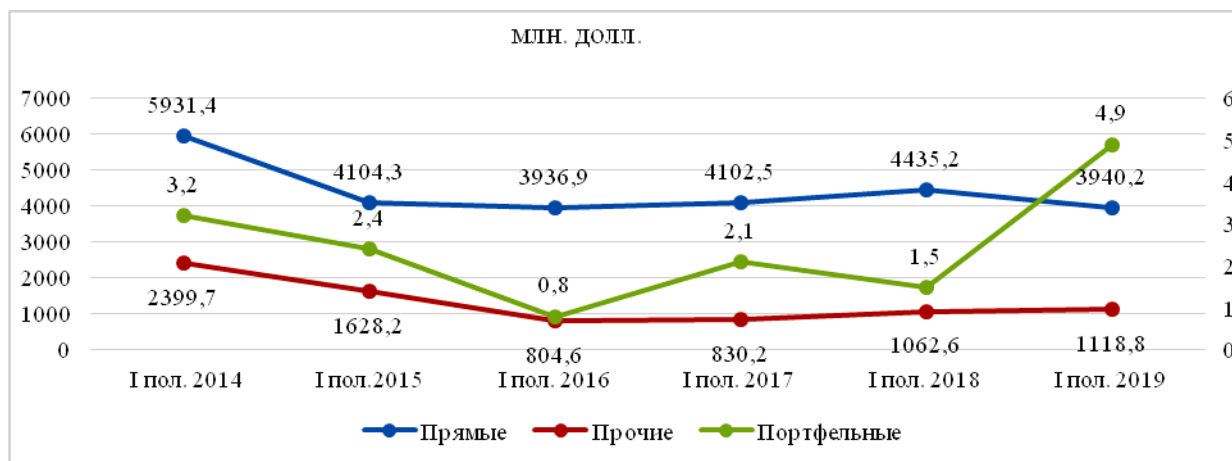
Анализ структуры инвестиций в основной капитал по источникам финансирования показал, что основными из них были бюджетные средства – 31,3% (в I полугодии 2018 г. – 36,1%), собственные средства организаций – 41,6% (39,8%) и кредиты (займы) банков – 12,5% (14,5%). Доля других источников составила 14,6%.

Увеличение объема капиталовложений наблюдалось среди организаций, подчиненных местным исполнительным и распорядительным органам – на 7,7%, а также по организациям без ведомственной подчиненности – на 10,3%.

Хотя в I полугодии 2019 г. по сравнению с I полугодием 2018 г. прослеживается тенденция превышения темпов роста затрат на машины, оборудование и транспортные средства (на 9%) над их увеличением в строительно-монтажные работы (на 3,9%), однако в технологической структуре инвестиций в основной капитал сохраняется преобладание доли расходов на строительно-монтажные работы (49,9% против 49,6%). Удельный вес затрат на приобретение машин, оборудования, транспортных средств в общем объеме инвестиций остался на прежнем уровне (39,6% против 40%).

Прослеживается тенденция уменьшения объема прямых иностранных инвестиций, привлеченных в экономику Республики Беларусь. Если в I полугодии 2014 года в Республику Беларусь было привлечено более 5,9 млрд. долл. прямых иностранных инвестиций, то в I полугодии 2019 года – только более 3,9 млрд. долл. или в 1,5 раза меньше (рис. 1).

¹ Белорусский рубль (белор. рубель; код ISO – BYN, до 1 января 2000 года – BYB, с 1 января 2000 года до 1 июля 2016 года – BYR) – официальная денежная единица Белоруссии. Символ – Br.

Источник: построено по данным Белстата Республики Беларусь. – <http://www.belstat.gov.by/>

Рисунок 1.

Привлеченные в Республику Беларусь прямые иностранные инвестиции с I полугодия 2014 г. по I полугодие 2019 г., млн. долл.

В число стран-доноров иностранных инвестиций в Республику Беларусь вошли Россия (44,7% от всех поступивших инвестиций), Великобритания и Северной Ирландии (20,4%), Кипра (8,2%). Прослеживается слабая диверсификация инвестиций по странам-инвесторам.

Основными причинами, сдерживающими приток иностранного капитала на внутренний рынок страны, являются институциональные, связанные с государственным регулированием – жесткое регулирование предпринимательской деятельности, нестабильная экономическая ситуация и нормативно-правовая база, что делает принимающую страну менее привлекательной для иностранного капитала.

Кроме того, одним из факторов уменьшения объема прямых иностранных инвестиций является перенос сроков реализации крупнейших проектов Республики Беларусь: строительство БелАЭС и модернизация нефтеперерабатывающих заводов.

Больше всего прямых иностранных инвестиций по видам экономической деятельности в I полугодии 2019 г. направлено в оптовую и розничную торговлю, ремонт автомобилей и мотоциклов (40,2%); транспортную деятельность, складирование, почтовую и курьерскую деятельность – 25,7% от общего объема инвестиций, т.е. с ориентацией преимущественно на внутренний рынок. В реальный сектор экономики (промышленность; сельское, лесное и рыбное хозяйство) привлечено соответственно только 18,1 и 0,4%.

В целом объем инвестиций в строительство, профессиональную, научную и техническую деятельность, творчество, спорт, развлечения и отдых, здравоохранение и социальные услуги, образование достиг всего около 164 млн. долл. или 4,2%. Хотя именно в эти сферы необходимо направлять инвестиции, которые в будущем будут приносить большие дивиденды.

Что касается реального вклада в экономику, то прослеживается тенденция сокращения привлечения прямых иностранных инвестиций на чистой основе. За первую половину 2019 г. прямые иностранные инвестиции на чистой основе составили 1,090 млрд. долл. (за 6 месяцев 2018 г. – 1,298 млрд. долл.) или сократились на 16%. Снизились инвестиции в реальный сектор экономики и в банковский сектор. В первом случае инвестиции упали с 1,015 млрд. долл. до 839,2 млн. долл. или на 17,3%, во втором – с 241,5 до 206,1 млн. долл. или на 14,6%.

В научно-технологической сфере наибольшую опасность представляет низкий показатель наукоемкости ВВП «Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП», который находится в зоне высокого риска. Однако в Беларуси в последние годы наблюдается рост наукоемкости ВВП. Этот показатель при пороговом значении не менее 1%, имеет тенденцию к увеличению. В 2015–2016 гг. он был на уровне 0,50%, с 2017 г. начался его постепенный рост до 0,58% и в 2018 – увеличился до 0,61%. Коэффициент риска по итогам 2018 г. составил 1,64, уменьшившись на 0,08 единиц по сравнению с 2017 г.

Этому способствовало увеличение собственных средств предприятий и средств внебюджетных фондов на научные исследования и разработки, вовлечение в эту сферу частного бизнеса и иностранных инвесторов. Так, в целом объем финансирования внутренних затрат на научные исследования и разработки увеличился с 617,7 млн. руб. в 2017 г. до 739,3 млн. руб. в 2018 г. или на 19,7%.

При этом темп роста объемов внебюджетного финансирования превышает темп роста по бюджетным ассигнованиям. Если затраты бюджета в 2017 г. составляли 258,6 млн. руб.¹, то в 2018 г. увеличились до 301,9 млн. руб.² или на 16,8%. Что касается объемов внебюджетного финансирования, то собственные средства организаций возросли на 11,8%, средства внебюджетных фондов поднялись на 10,3%, а средства других организаций увеличились более чем в 1,6 раза. Наблюдается также рост средств иностранных инвесторов, включая иностранные кредиты и займы, с 86,8 млн. руб. до 97,4 млн. руб. в или на 12,2%. В целом рост объемов внебюджетного финансирования составил 21,9%.

¹ Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. 2018.

² Статистический бюллетень «О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году», 2019.

Недофинансирование научных исследований и разработок обусловлено, с одной стороны, низким уровнем использования внебюджетных источников финансирования (венчурных, инвестиционных, инновационных фондов, государственно-частного партнерства и др.), недостаточным участием Республики Беларусь в совместных проектах научных исследований и разработок с другими странами, с другой – нехваткой у предприятий собственных средств в результате недостаточно устойчивого их финансового положения.

В структуре внутренних затрат по источникам финансирования более 40% приходится на бюджет¹. Тогда как в развитых странах доля государства в расходах на научные исследования и разработки составляет 25–34%, остальные средства привлекаются через венчурные фонды, частные инвестиции, финансово-кредитные организации и другие внебюджетные источники².

В научно-технологической сфере индикатор «*Внутренние затраты на научные исследования и разработки к ВВП, в процентах*» по итогам 2019 г. может быть на уровне 0,65% при минимально допустимом значении не ниже 1%. Что обусловлено внешними и внутренними факторами риска³.

Уровень золотовалютных резервов в месяцах импорта в течение анализируемого периода ниже минимально допустимого значения – не менее 3-х месяцев импорта. Однако по сравнению с 2013–2015 гг., где он был в пределах 1,4–1,7 месяцев импорта, прослеживается тенденция улучшения в 2016–2019 гг. (в пределах 2,0–2,4 месяцев импорта).

Положительное влияние на уменьшение риска оказало увеличение ЗВР. По сравнению с I полугодием 2018 г. они выросли почти на 1,5 млрд. долл. и началом года более чем на 1,1 млрд. долл. Уровень ЗВР в месяцах импорта повысился до 2,4 (в годовом измерении), против 2,1 на начало года и 2,0 – на 01.07.2018 г. Росту ЗВР способствовало повышение цены золота на международном рынке, а также покупка иностранной валюты Нацбанком на торгах Белорусской валютно-фондовой биржи, поступление иностранной валюты в бюджет, в том числе от взимания экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты, и поступление средств от продажи Нацбанком и Минфином облигаций, номинированных в иностранной валюте.

Кроме того, с 1 июля 2019 г. актуализирована методология расчета ЗВР, что обусловило рост показателя на сумму порядка 70 млн. долларов. Коэффициент риска показателя «Уровень ЗВР в месяцах импорта» выйдя из зоны высокого риска на начало 2019 г. (1,5) по итогам I полугодия вошел в зону умеренного риска, его значение снизилось до 1,25.

Возможное снижение золотовалютных резервов как абсолютное, так и относительное, является реальной угрозой для устойчивого и сбалансированного развития экономики Республики Беларусь. Это касается как поддержания стабильного обменного курса белорусского рубля, погашения и обслуживания государственного долга, так и финансирования дефицита текущего счета платежного баланса, возможности осуществления в случае необходимости выплат по отдельным статьям критического импорта. Изыскание собственных средств Республики Беларусь на погашение издержек от российского «налогового маневра» увеличивает угрозу наступления девальвации национальной валюты, которую как один из сценариев развития событий нельзя исключать, проблема обслуживания государственного долга может стать серьезной угрозой для сбалансированного развития экономики страны.

Финансовое положение предприятий промышленности в период с 2010 по 2014 гг. было недостаточно устойчивым. Однако в 2011–2012 гг. рентабельность реализованной продукции промышленности составила 13,3 и 12,2% соответственно, при пороговом значении не менее 10%. Достигнутый уровень рентабельности реализованной продукции промышленности во многом являлся следствием девальвации национальной валюты.

Начиная с 2013 г. рентабельность снизилась и составила 8,2%. Порядка 20% предприятий промышленности от их общего количества не имели собственных оборотных средств, а порядка 15% имели собственные оборотные средства ниже норматива.

Показатель «Рентабельность реализованной продукции промышленности» исключен с 2015 г. и был введен показатель «Рентабельность продаж организаций промышленности».

Рентабельность продаж организаций промышленности ниже минимально допустимого значения в 2018 г. составила 8,4%, против 9,3% в 2017 г., что обусловлено недостаточно устойчивым их финансовым положением. Чистая прибыль организаций промышленности снизилась в 2 раза. Сохраняется значительная доля запасов готовой продукции на складах (60,9% к среднемесячному объему производства), в том числе по производству текстильных изделий, фармацевтических продуктов, машин и оборудования колеблется в пределах в 2,4–4,8 раза. Доля убыточных организаций в общем количестве организаций составила 22,6%. При этом из рентабельных организаций 37,4% были низкорентабельными (рентабельность от 0 до 5%). Таким образом 60% предприятий являлись проблемными. Суммарная задолженность составила 52% от ВВП и 54,1% в выручке от реализации товаров и услуг. Кроме того, 67,4% суммарной задолженности – это задолженность по кредитам и займам. Просроченная задолженность по кредитам и займам выросла почти на 30%. В этих условиях снижается возможность организаций промышленности выполнять долговые обязательства перед банками, что может привести к необходимости реструктуризации проблемной задолженности.

В I полугодии 2019 г. показатель «Рентабельность продаж организаций промышленности, в процентах» находится в зоне умеренного риска, наблюдается тенденция улучшения коэффициента риска: в I полугодии составил 1,18 (рентабельность продаж 8,5%), против 1,22 (8,2%) за аналогичный период 2018 г., а по итогам 2018 г. – 1,19 (8,4%), что обусловлено улучшением финансового положения предприятий в связи принимаемыми превентивными мерами. Чистая прибыль организаций промышленности увеличилась в 1,8 раза.

¹ <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock>

² http://palityka.org/wp-content/uploads/2019/05/Research-and-Development_2019_ru.pdf

³ <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d17/d17cf9f5b0888846924ad77ac181275c.pdf>

Несмотря на позитивную динамику исследуемого показателя в текущем году по сравнению с соответствующим периодом 2018 г., в качестве внутреннего вызова развития промышленности Беларуси следует отметить значительную долю запасов готовой продукции на складах (63,4% к среднемесячному объему производства). Наиболее высокий уровень запасов готовой продукции на 1 июля 2019 г. наблюдался в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха (в 3,6 раза превысил среднемесячный объем производства), вычислительной, электронной и оптической аппаратуры (в 2,2 раза), основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов (в 2 раза), машин и оборудования, не включенных в другие группировки (в 1,5 раза). Доля убыточных организаций в общем количестве организаций составила 18,8%. При этом из рентабельных организаций 40,3% были низкорентабельными (рентабельность от 0 до 5%). Таким образом 59% организаций является проблемными.

Угрозу для стабильности экономики государства представляет рост суммарной задолженности, которая составила около 48% от ВВП (в годовом измерении). Кроме того, 67,5% суммарной задолженности – это задолженность по кредитам и займам. При этом следует отметить, что при росте задолженности по кредитам и займам по сравнению с началом года всего на 0,8% просроченная задолженность по кредитам и займам увеличилась на 9%. В этих условиях снижается возможность организаций промышленности выполнять долговые обязательства перед банками.

Начиная с 2009 г. прослеживается тенденция роста индикатора «отношения валового внешнего долга к ВВП». За период с 2009 г. по 2014 г. данный индикатор находился в допустимых пределах (пороговое значение не более 55%). В 2015–2018 гг. превышены предельно допустимые значения. Рост валового внешнего долга был обусловлен главным образом долговыми обязательствами сектора органов государственного управления и других секторов. Однако прослеживается положительная тенденция улучшения данного индикатора (с 78,0 в 2016 г. до 64,6 в январе-сентябре 2019 г.), что является следствием быстрого экономического роста.

Индикаторы платежеспособности страны и безопасного уровня валового внешнего долга (ВВД) по итогам I полугодия 2019 г. показывают тенденцию улучшения (табл. 1).

Таблица 1

Индикаторы платежеспособности страны и безопасного уровня валового внешнего долга

Показатели	на 01.01.2019 г.	на 01.07.2019 г.	на 01.07.2018 г.
Валовой внешний долг к ВВП, %	65,9	66,8	68,0
Чистый внешний долг к ВВП, %	41,2	38,2	37,2
Внешний долг органов государственного управления к ВВП, %	44,6	42,3	43,4
Долгосрочные заимствования в валовом внешнем долге, %	75,8	75,3	75,4
Краткосрочные заимствования в валовом внешнем долге, %	24,2	24,7	24,6
Валовой внешний долг к экспорту товаров и услуг, %	93,0	96,1	97,7
Резервные активы/валовой внешний долг, %	18,3	20,7	17,5
Платежи по погашению и обслуживанию валового внешнего долга к ВВП, %	12,1	10,7	13,4
Платежи по погашению и обслуживанию валового внешнего долга к экспорту товаров и услуг, %	17,0	15,3	18,5
Международные резервные активы к платежам по обслуживанию валового внешнего долга, %*	99,4	127,9	94,3
Международные резервные активы к краткосрочному внешнему долгу, %	75,2	83,6	71,2
<i>Справочно:</i>			
Валовой внутренний продукт, млн. долл.	59582,1	59977,1	57469,9
Экспорт товаров и услуг (с начала года), млн. долл.	42247,3	19973,4	20539,4
Международные резервные активы, млн. долл.	7157,6	8290,7	6831,4

* Данные по обслуживанию валового внешнего долга за 12 предшествующих месяцев. Источник: составлено по данным Национального банка Республики Беларусь.

Увеличение ВВД всего на 0,9% и рост ВВП в долларовом эквиваленте на 4,4% (в годовом измерении) обусловили улучшение индикатора «Отношение ВВД к ВВП, в процентах» до 66,8%, против 68,0% в I полугодии 2018 г. Этот показатель находится в зоне умеренного риска и по итогам I полугодия 2019 г. его коэффициент риска составил 1,21, уменьшившись по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. на 0,03 единицы.

Рост ЗВР на 1459,3 млн. долл. обеспечил улучшение индикаторов: резервные активы покрывали ВВД на 20,7% (против 17,5%), краткосрочный долг – на 83,36% (71,2%), платежи по обслуживанию ВВД – на 127,9% (94,3%).

Снижение платежей по погашению и обслуживанию ВВД на 19%, а также рост ВВП улучшило их отношение к ВВП до 10,4%, против 13,4%.

Индикатор «Отношение внешнего государственного долга к ВВП» за период с 2009 г. по 2015 г. находилось в допустимых пределах (пороговое значение не более 25%). В 2016–2018 гг. превышены предельно допустимые значения.

Показатель «Отношение внешнего государственного долга к ВВП, в процентах к ВВП» в январе-июне 2019 г. снизилось до 27,8%, против 28,6% за аналогичный период 2018 г. и 28,4% на начало 2019 г.

Коэффициент риска, оставаясь в зоне умеренного риска, составил 1,11, уменьшившись на 0,03 единицы по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. Прослеживается положительная тенденция его улучшения. Замещение внешних заимствований внутренними позволяет уменьшить валютную нагрузку и стоимость обслуживания долга, но увеличивает внутренний государственный долг. Выполнение долговых обязательств государства в значительной степени зависит от финансового состояния реального сектора экономики.

Прослеживается тенденция улучшения индикатора «доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности». В 2018 г. его значение увеличилось до 18,6%, против 14,5% в

2010 году. Наиболее низким по казатель был в 2015 г. (13,1%). За анализируемый период данный по казатель находился ниже допустимого значения. Одной из негативных тенденций данного индикатора является низкий объем отгруженной инновационной продукции организациями Министерства промышленности. Это обусловлено тем, что наиболее доходный этап для реализации инновационной продукции наступает через 3–4 года после завершения ее разработки, то есть, когда продукция уже не относится к новой. Кроме того, наблюдалось общее падение отгрузок белорусской инновационной продукции в основные страны-импортеры (Россия, Украина) в связи с увеличением ее стоимости на рынках данных стран из-за значительного снижения курсов их национальных валют.

По показателю «Доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности, в процентах» прослеживается тенденция ухудшения. В I полугодии 2019 г. он снизился до 16,7%, против 19,2%¹ за аналогичный период 2018 г., что было обусловлено падением общего объема отгруженной инновационной продукции (по кодам ВСЕ) на 5,26% или на 420 млн. руб. Прежде всего произошло снижение объемов отгруженной продукции обрабатывающей промышленности на сумму 389,9 млн. руб. Лидирующую позицию занимало производство кокса и продуктов нефтепереработки на (19,8% или на 975,5 млн. руб.), при его доле в общем объеме отгруженной инновационной продукции (по кодам ВСЕ) более 52%. Обвальным характером имело падение объемов и в горнодобывающей промышленности – на 100% (3,1 млн. руб.). Коэффициент риска в I полугодии 2019 г. увеличившись на 0,15 единиц по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. В результате коэффициент риска переместился в зону умеренного риска (1,2), против низкого (1,08).

По оценке на конец 2019 г. показатель «Доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности, в процентах» может повыситься до 19,3%. Это повышение на конец 2019 года снизит риск по данному индикатору до низкого уровня (коэффициент 1,04 против 1,2 в I полугодии 2019 г. – умеренный уровень риска).

Для сравнения следует отметить, что данный показатель в развитых странах приближается к 20% (Великобритания, Швейцария и Ирландия). В то же время, согласно данным официальной статистики Российской Федерации (Гохберг и др., 2019), уровень данного показателя у нас в 2,6 раза выше показателя России (6,7%) и более чем в 10 раз превышает уровень Украины. Это объясняется во многом тем, что в Республике Беларусь осуществляется многоплановая поддержка инновационной деятельности, несмотря на наличие ряда факторов, препятствующих эффективной инновационной деятельности.

Основными причинами сложившейся ситуации было вынужденное резкое сокращение объемов переработки нефти нефтеперерабатывающими заводами из-за поступления некачественного сырья из Российской Федерации в конце апреля 2019 г. Сохранялась недозагрузка производственных мощностей ОАО «Нафтан» и июне. Негативное влияние также испытали смежные с нефтепереработкой отрасли, в частности, нефтехимия.

Одна из причин, влияющих на долю инновационной продукции в экспорте, – это низкая активность субъектов инновационной инфраструктуры в сфере коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, что не в полной мере обеспечивает повышение конкурентоспособности экономики и возможность завоевания новых рынков сбыта.

Следует обратить особое внимание на индикатор «Отношение объема производства (добычи) первичной энергии к объему валового потребления топливно-энергетических ресурсов» который был введен с 2015 г. и пока находится ниже минимально допустимого значения.

Потребление топливно-энергетических ресурсов в Республике Беларусь определяет энергетическую самостоятельность страны. В настоящее время она составляет для Беларуси лишь 15%, соответственно энергетическая зависимость (отношение чистого импорта топливно-энергетических ресурсов к их валовому потреблению) – 85%, что является потенциальной угрозой энергетической самостоятельности государства.

Индикатор безопасности «Отношение объема производства (добычи) первичной энергии к объему валового потребления топливно-энергетических ресурсов, в процентах» является важнейшим индикатором безопасности в энергетической сфере и по итогам I полугодия 2019 г. находится вне зоны риска (коэффициент риска – 0,95). В I полугодии 2019 г. он составляет 16,9% (в I полугодии 2018 г. при отношении в 16,4% коэффициент риска составлял 0,98). На данный момент этот показатель стабилен, и имеет тенденцию к снижению (на 0,5%).

В социальной сфере в республике сохраняется стабильная тенденция *соотношения среднего размера пенсии по возрасту к средней заработной плате*, рекомендуемая Международной организацией труда, что свидетельствует о приоритетности политики, направленной на социальную поддержку пенсионеров. Однако если в 2010 г. показатель находился на уровне 40,0%, то в 2018 г. снизился до 36,8%, что ниже порогового значения. Несмотря на трехкратный перерасчет минимальных и социальных пенсий в 2018 г. размер средней заработной платы опережал рост среднего размера пенсий. При этом коэффициент риска составил 1,09. Этот индикатор находится в зоне умеренного риска.

По оценке в 2019 г. высокий уровень риска могут иметь индикаторы: уровень ЗВР в месяцах импорта (коэффициент риска 1,5), внутренние затраты на научные исследования и разработки в ВВП (1,54).

Умеренный уровень риска могут иметь 4 индикатора: доля инвестиций в основной капитал в ВВП (коэффициент риска 1,18), рентабельность продаж организаций промышленности (1,16), валовой внешний долг к ВВП (1,16), отношение внешнего государственного долга к ВВП (1,18).

¹ Основные показатели промышленно-производственной деятельности Республики Беларусь. Статистические сборники. 2018–2019 гг.

Низкий уровень риска будут иметь индикаторы: отношение краткосрочных платежей по погашению и обслуживанию государственного долга в иностранной валюте к ЗВР (коэффициент риска 1,09), доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности (1,04).

Вне зоны риска будут находиться индикаторы: государственный долг к ВВП, внутренний государственный долг к ВВП, сальдо внешней торговли, включая услуги (по данным платежного баланса) к ВВП, отношение объема производства (добычи) первичной энергии к объему валового потребления топливно-энергетических ресурсов и индикаторы в социальной сфере.

Таким образом, наибольшее негативное влияние на развитие экономики страны в 2020 г. могут оказать риски в сферах инвестиционной, научно-технологической и долговой устойчивости государства.

Минимизации рисков в экономической безопасности будет способствовать реализация комплекса мер по макроэкономической стабилизации, направленной на снижение инфляции, поддержание гибкого обменного курса, наращивание ЗВР, диверсификация экспортных потоков, улучшение финансового положения реального сектора экономики.

Таким образом для обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь необходимо использовать совершенно новые финансовые инструменты, которые будут способствовать достижению поставленных государством целей и обеспечат экономический рост.

Список литературы

1. Белковец А. Активировать точки роста // Финансы, учет, аудит. 2019. – № 4. – С. 20–23.
2. Белковец А. Снизить госдолг – повысить ликвидность // Финансы, учет, аудит. 2019. – № 3. – С. 14–16.
3. Гохберг Л.М., Дюковский К.А., Кузнецова И.А. и др. Индикаторы инновационной деятельности: Статистический сборник – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 376 с.
4. Ермолович М.Л. Сбалансированный подход. Об итогах исполнения бюджета Беларуси за 2018 г. и задачах финансовых органов в 2019 г. // Финансы, учет, аудит. 2019. – № 3. – С. 6–10.
5. Калечиц Д.Л. Обеспечение финансовой стабильности в 2018 г. и задачи на 2019 год // Банковский вестник. 2019. – Январь. – С. 9–15.
6. Калечиц С.В. Обеспечение монетарной стабильности и развитие финансового рынка – итоги за 2018 г. и задачи на 2019 г. // Банковский вестник. 2019. – Январь. – С. 3–8.
7. Красинский А. Как задействовать резервы рынка ценных бумаг? Финансы, учет, аудит. 2019. – № 3. – С. 17–19.
8. Селиверстов Ю. С бюджетной поддержкой // Финансы, учет, аудит. 2019. – № 4. – С. 24–25.
9. Денисова М. А. Угрозы экономической безопасности подходы к определению. классификация угроз экономической безопасности на примере Республики Беларусь. 2014. – <http://lib.i-bteu.by/bitstream/handle/22092014/1421/%d0%94%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d1%81%d0%be%d0%b2%d0%b0%20%d0%9c.%d0%90.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
10. Collins J.M. Grand Strategy: Principles and Practices. – Annapolis (Mariland): Naval Institute Press, 1973.– 338 p.
11. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. – № 5. – С. 152.

Глигич-Золотарева М.В.

к.ю.н., начальник отдела, Аналитическое управление Аппарата СФ РФ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ключевые слова: *евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, Большое евразийское партнерство, евразийство, евроатлантизм.*

1. Стратегия евразийской интеграции

Евразийская интеграция носит закономерный и объективный характер. Она базируется на многовековом историческом опыте совместной созидательной деятельности народов Евразии.

Интеграционные процессы на евразийском пространстве, как известно, не первые процессы такого рода на континенте. В качестве наиболее известного примера обычно приводится Европейский Союз. Он также начинался с идей панъевропеизма, с особой силой зазвучавших после Второй мировой войны. Первый шаг в сторону создания современного Евросоюза был сделан в 1951 г., когда Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция, ФРГ и Италия подписали договор об учреждении Европейского объединения угля и стали. С целью углубления экономической интеграции те же государства в 1957 г. учредили Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, Общий рынок) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). Процесс развития и превращения этих структур в современный Европейский Союз происходил путем передачи все большего числа функций управления на наднациональный уровень и увеличения числа участников интеграции.

Этот же алгоритм характерен и для евразийского интеграционного объединения. Как и европейская, она основывается на «четырёх свободах» – движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Истоки создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) следует искать в начале 90-х гг., когда прекратил свое существование Союз ССР. Очевидно, что советское интеграционное образование стало в определенный момент неактуальным и должно было быть заменено другим, более современным и эффективным, построенным на иных идеологических основаниях. Эту роль пытались играть Содружество Независимых Государств (СНГ), Союзное государство России и Беларуси и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В 1994 г. в ходе своего официального визита в Россию Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в МГУ им. М.В. Ломоносова впервые озвучил идею Евразийского Союза на основе единого экономического пространства и обеспечения совместной оборонной политики. Подразумевалось создание конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством. В последующие годы этот проект оставался в основном на бумаге, пока в него не вдохнули новую жизнь Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) (2001-2014 гг.) и Таможенный союз.

Договор об учреждении Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС) был подписан 10 октября 2000 г. в Астане Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном. Позднее статус наблюдателей при ЕврАзЭС получили Украина, Молдова и Армения. Со временем ЕврАзЭС стала четко структурированной межправительственной организацией, созданной для углубления интеграции в экономической и гуманитарной областях, с жестким механизмом принятия и реализации решений, обладающей международной правосубъектностью. В соответствии с уставными целями и задачами ЕврАзЭС Беларусь, Казахстан и Россия в 2007–2010 гг. создали Таможенный союз. С 1 июля 2011 г. на внутренних границах стран-членов был снят контроль за передвижением товаров, что завершило формирование полноценной единой таможенной территории. Уже первый год работы Таможенного союза дал рост взаимного товарооборота стран-участниц на 40%.

Наконец, 29 мая 2014 г. в Астане был подписан договор о создании ЕАЭС. 5 лет назад стартовал важнейший интеграционный проект современности, со всей ясностью продемонстрировавший, что евразийство, существовавшее долгое время в контексте теоретического концепта, вышло на новую стадию развития – стадию правового обеспечения и доктринального толкования, за которыми последовала реализация идей евразийства на практике.

Сегодня в составе ЕАЭС 5 государств-членов: Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия. Статус страны-наблюдателя ЕАЭС имеет Молдавия. Зона свободной торговли ЕАЭС действует с 4 странами: Вьетнам, Иран, Китай и Куба. В стадии переговоров находится еще несколько стран (Египет, Таиланд, Монголия, Сербия, Индия, Сингапур)¹. Еще порядка 50 государств проявляют интерес к сотрудничеству². ЕАЭС — это открытое объединение, состав которого постоянно расширяется.

¹ <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ceccf5e9a79479e19f167dd?from=newsfeed>

² По информации Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова / Правительство час в Государственной Думе, 25 января 2017 г. – <https://www.souzveche.ru/articles/politics/35309/>

Сегодня Евразия – это один из центров мирового развития, регион с растущими экономиками, в котором сосредоточен мощнейший экономический, технологический, энергетический, транспортный и, главное – человеческий потенциал. Здесь наблюдаются самые высокие темпы экономического роста¹. Страны-члены ЕАЭС занимают первое место в мире не только по добыче нефти, но и по производству ряда других продуктов. Объединение производит 34,3% всего мирового объема калийных удобрений, 25% по доломиту и 18% сахарной свеклы. ЕАЭС находится на втором месте в мире по добыче газа (17,3%), по протяженности железных дорог (7,9%) и по производству молока (7%). Кроме этого, на ЕАЭС приходится 4,6% мирового производства чугуна, 9,6% зерна, 11% картофеля, что ставит его на третье место в соответствующих международных рейтингах².

Уже фактически сформировалось единое пространство, состоящее из территорий России, Белоруссии, Казахстана и других евразийских государств, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм. Установлена единая инфраструктура и согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, что обеспечивает свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы – по модели создания единой Европы. С 1 января 2018 г. вступил в силу Таможенный кодекс ЕАЭС.

Европейское экономическое сообщество стояло у правовых и экономических истоков единой Европы. Евразийское Экономическое Сообщество, Таможенный союз и ЕАЭС стоят у истоков единой Евразии. С той лишь разницей, что европейцам в свое время, чтобы пройти путь интеграции, потребовалось почти 40 лет. На евразийском пространстве все развивается гораздо динамичнее: активная стадия интеграционных процессов заняла около 10 лет. Сегодня уже можно сказать, что в ЕАЭС сформированы наднациональные структуры – Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия, Суд ЕАЭС – что сближает евразийскую и европейскую модели интеграции.

Разумеется, полноценное евразийское единство – это дело будущего, перед нами разворачивается пока только начальный этап его формирования. Впереди еще принятие большого количества нормативных актов, синхронизация законодательства стран-участниц, вступление в ЕАЭС новых государств. Важно, что его создание не противоречит выстраиванию партнерских отношений с другими крупными «игроками» в системе международных экономических отношений. Напротив, новая интеграционная структура способна стать своеобразным связующим мостом между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР).

2. Большое Евразийское партнерство как квинтэссенция евразийства

Сегодня на евразийском континенте функционирует полтора десятка региональных объединений. При этом только ЕС и ЕАЭС имеют наднациональные органы регулирования, в то время как другие функционируют как межгосударственные. Большая часть региональных объединений нацелена на устранение торговых барьеров, формирование зон свободной торговли, гармонизацию норм технического, таможенного, тарифного и нетарифного регулирования. С некоторыми из них (НАТО, Восточное партнерство, ГУАМ) евразийская интеграция практически несовместима, с другими же целесообразно налаживать более тесные контакты или даже работать по схеме слияний и поглощений.

В последнее время немаловажной частью развития ЕАЭС стало его сопряжение с китайской инициативой «Один пояс, один путь», призванной связать Китай с ЕС сетью железных и автомобильных дорог. Работа в этом направлении уже ведется. Постоянно производится модернизация действующих железнодорожных веток – БАМа и Транссибирской железно-дорожной магистрали. В июле 2019 г. введена в эксплуатацию новая железно-дорожная ветка, соединившая Транссиб с г. Якутском – Амуро-Якутская магистраль (АЯМ). Ведется работа над инфраструктурой Северного морского пути (СМП).

Кроме того, проект первой полностью частной автомагистрали в России – дороги «Меридиан», которая пройдет через Казахстан и соединит Китай и Европу, получил поддержку со стороны Правительства Российской Федерации³. Автомобильная дорога «Меридиан» должна соединить Западную Европу и Китай. Ее общая протяженность составит 8445 км, длина российского отрезка – порядка 2 тыс. км. По территории России дорога пройдет через 7 регионов – Оренбургскую, Саратовскую, Тамбовскую, Липецкую, Орловскую, Брянскую и Смоленскую области. Автодорога станет транзитной между Россией, Казахстаном и Китаем, а также другими азиатскими странами. Планируется, что благодаря новой дороге удастся сократить скорость доставки грузов по маршруту из Европы в Азию почти в 5 раз – до 11 дней. Новый сухопутный путь перераспределит на себя часть грузов, которые сегодня доставляются из Азии в Европу по Суэцкому каналу и СМП, а также авиацией и по Транссибу⁴.

В ходе саммита Россия-АСЕАН в Сочи в мае 2016 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин выдвинул предложение о сопряжении ЕАЭС, АСЕАН и ШОС – т.н. «интеграции интеграций». На Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. В.В. Путин предложил создать большое партнерство в Евразии, в которое могли бы войти ЕАЭС, Китай, Индия, Пакистан, Иран и другие государства континента, а также анонсировал начало переговоров по созданию партнерства между ЕАЭС и КНР. Это направление к настоящему времени стало централь-

¹ В Индии сегодня это больше 7%, в Китае на протяжении уже многих лет на уровне 7%. Страны АСЕАН устойчиво демонстрируют 5–8% роста. В то время как такие развитые страны с устойчивой экономикой, как Япония, дают всего 1% роста.

² <https://vlast.kz/politika/16143-8-maloizvestnyh-faktov-o-evrazijskom-ekonomiceskom-souze.html>

³ Председатель Правительства Д.А. Медведев одобрил этот проект на совещании 24 июня 2019 г.

⁴ Подробнее об этом см. <https://regnum.ru/news/polit/2661486.html>; <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/09/04/779916-iz-evropi-v-kitai>

ным трендом развития евразийского пространства. Объединение потенциалов государств Евразии позволит в полной мере раскрыть их конкурентные преимущества и эффективно отвечать на глобальные вызовы. Это особенно важно в современном мире, где протекционизм и односторонние санкции все чаще используются для достижения политических целей. ЕАЭС предлагает альтернативную, объединительную повестку, организация готова к расширению сотрудничества со всеми заинтересованными партнерами на основе открытости, прозрачности и взаимного уважения¹.

Впервые идею о равноуровневой и разноскоростной интеграции на евразийском пространстве высказал Е.М. Примаков². Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. предложил начать консультации между ЕАЭС, ШОС и АСЕАН по формированию экономического партнерства на принципах равноправия и учета взаимных интересов. Ключевой идеей такого партнерства является состыковка и гармонизация национальных стратегий развития и многосторонних интеграционных проектов с учетом интересов экономики каждой страны-участницы. На Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. глава государства отметил, что большое евразийское партнерство предусматривает формирование сети двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия, открытостью рынка в зависимости от готовности той или иной национальной экономики к такой совместной работе. Позже Президент России отметил: «Сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, «Один пояс, один путь», Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии способно стать основой для формирования большого Евразийского партнерства. Имеется в виду создать систему двусторонних и многосторонних соглашений по упрощению регулирования в таких сферах, как таможенное дело, санитарный и фитосанитарный контроль, отраслевое сотрудничество и инвестиции, защита прав интеллектуальной собственности... Процесс, предполагающий разную глубину, разную скорость и уровень интеграции в зависимости от готовности конкретного государства-участника. В конечном итоге это позволит выйти на формирование единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана»³.

Большое Евразийское партнерство (БЕП) должно стать для России фактически 13 национальным проектом⁴. ЕАЭС может стать одним из центров широкого интеграционного контура и вовлекать новых партнеров для решения экономических и технологических задач, поскольку к 2025 г. в рамках ЕАЭС будет создан единый рынок энергетики и углеводородов, единый финансовый рынок. БЕП предусматривает формирование сети двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия, с открытостью рынка в зависимости от готовности той или иной национальной экономики к такой совместной работе. Предполагается стыковка инфраструктурных проектов в рамках ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь» с СМП с тем, чтобы создать глобальную транспортную артерию и тем самым сформировать новую транспортно-логистическую конфигурацию евразийского континента. Сложение интеграционных потенциалов ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и проекта «Один пояс, один путь» позволит выстроить в Евразии общее пространство гармоничного устойчивого развития⁵. Начать решение данной задачи предполагается с упрощения и унификации регулирования в области отраслевого сотрудничества и инвестиций, а также нетарифных мер технического, фитосанитарного регулирования, таможенного администрирования, защиты прав интеллектуальной собственности, с ориентацией на постепенное снижение, а в перспективе – на отмену тарифных ограничений⁶.

По мнению С.Ю. Глазьева, целью БЕП является превращение Евразии в зону мира, сотрудничества и процветания. Это предусматривает решение задач формирования преференциальных режимов торгово-экономического сотрудничества, развития материковой транспортной, информационной и энергетической инфраструктуры, сочетания национальных планов развития и гармонизации международной производственно-технологической кооперации, перехода к справедливой системе валютно-финансовых отношений, а также прекращения существующих и недопущения новых вооруженных конфликтов. При определении средств решения этих задач следует учитывать особенности социально-экономического и политического устройства евразийских государств. БЕП не предполагает их унификации. Оно исходит из безусловного уважения национального суверенитета участвующих в интеграции государств, невмешательства в их внутренние дела, сохранения разнообразия их хозяйственной и политической культуры как необходимого условия добросовестной конкуренции национальных юрисдикций и совместного развития на основе сочетания конкурентных преимуществ. БЕП, по мнению Глазьева, должно формироваться на основе гибкой системы правовых норм, совместных проектов и институтов, учитывающих разнообразие интересов участников и сугубо доброволь-

¹ По словам Председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко, см.: Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации по итогам 2018 г. на тему «Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства» (с. 4) // Официальный сайт Совета Федерации.

² По словам заместителя Председателя Совета Федерации И.М.-С. Умаханова, см.: Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации по итогам 2018 г. на тему «Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства» (с. 11) // Официальный сайт Совета Федерации.

³ Из выступления Президента РФ В.В. Путина на Международном форуме «Один пояс, один путь» (Пекин, 14 мая 2017 г.)

⁴ В настоящее время таких проектов 12. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

⁵ По словам Председателя Комитета Совета Федерации по международным делам К.И. Косачева. См.: Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации по итогам 2018 г. на тему «Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства» (с. 6) // Официальный сайт Совета Федерации.

⁶ По данным И.В. Моргулова, заместителя Министра иностранных дел РФ. См.: Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации по итогам 2018 г. на тему «Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства» (с. 15–16) // Официальный сайт Совета Федерации.

ный характер сотрудничества. Интеграция в партнерство может быть только разноскоростной и разноуровневой, предоставляющей каждому участнику свободу выбора пакета обязательств¹.

3. Большое Евразийское партнерство: проблемы и перспективы

В настоящее время единое экономическое пространство фактически охватывает государства ЕС и ЕАЭС, общий рынок которых составляет, соответственно, 17 и 1,8 трлн. долл., объединяя хозяйственную деятельность стран с населением соответственно 512 и 182 млн. человек. В условиях свободной торговли работают государства СНГ, АСЕАН, ОЭС, СААРК, ССАГПЗ и ЕАСТ². Такие страны, как Китай, Япония, Вьетнам, Индия, Республика Корея, Сингапур, Израиль имеют соглашения о свободной торговле со многими государствами Евразии. ЕАЭС вступил в отношения свободной торговли с Вьетнамом, ведутся переговоры об этом с Египтом, Индией, Ираном, Сингапуром, Сирией, Сербией и Черногорией. Желание создать зону свободной торговли с ЕАЭС выразили уже более 40 государств и международных организаций.

Наряду с традиционными региональными объединениями с преференциальным режимом торговли на территории Евразии действует множество соглашений по десяткам позиций международного экономического сотрудничества, включая: торговлю товарами и услугами; устранение нетарифных барьеров; либерализацию доступа на финансовые рынки; конвергенцию различных норм и стандартов; права интеллектуальной собственности; развитие международной транспортной инфраструктуры; взаимный доступ к государственным закупкам; создание общего рынка электроэнергии; согласование правил конкуренции; взаимное признание дипломов о профессиональном образовании; выработку совместных инициатив и механизмов нейтрализации региональных и глобальных конфликтов.

Среди принципов БЕП – добровольность, взаимовыгодность, равноправие, прозрачность, строгое соблюдение норм международного права и взятых на себя обязательств.

Добровольность предполагает отсутствие вмешательства во внутренние дела государств, как это сделали ЕС и США на Украине, организовав там государственный переворот для принуждения к созданию неравноправной ассоциации с ЕС. Каждое государство должно самостоятельно определяться с участием в тех или иных объединениях и принятием на себя обязательств по соблюдению принимаемых ими решений исходя из своих национальных интересов и установленных национальным законодательством процедур. Принуждение к интеграции путем организации государственных переворотов, «цветных» революций, внешнего спонсирования политических сил с целью приведения к власти угодных заказчикам интеграции политических режимов должно рассматриваться как преступление, а навязанные соответствующей стране обязательства – как нелегитимные, не признаваемые участниками БЕП. «Эффективная интеграция может строиться только на основе равноправия всех участников, уважения и учета взаимных интересов без какого-либо политического или экономического диктата, навязывания односторонних решений. В нашем понимании интеграция – это предсказуемые, долгосрочные правила, это открытость для сотрудничества с другими странами и объединениями как на Востоке, так и на Западе»³.

Взаимовыгодность означает, что все участники интеграционного процесса должны получать от него ощутимую экономическую выгоду, заключающуюся в дополнительных возможностях для социально-экономического развития, включая рост общественного производства, потребления и уровня жизни населения, увеличение занятости, повышение конкурентоспособности национальной экономики. В случае ассиметричного распределения интеграционного эффекта, когда, как в ЕС, одни страны используют преимущества общего рынка в ущерб другим странам, должны приниматься меры по корректировке интеграционных соглашений и созданию механизмов выравнивания условий интеграции⁴. Первоочередными направлениями деятельности, в которых создание БЕП может принести дополнительный интеграционный эффект, являются: таможенное дело, санитарный и фитосанитарный контроль, отраслевое сотрудничество и инвестиции, защита прав интеллектуальной собственности⁵.

Но, разумеется, столь основательный и воистину глобальный интеграционный проект не может обойтись без проблем, причем системного свойства.

¹ Материалы С.Ю. Глазьева (в настоящее время – члена Коллегии (Министра) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии). См.: Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации по итогам 2018 г. на тему «Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства» (с. 62-80) // Официальный сайт Совета Федерации.

² ОЭС – Организация экономического сотрудничества (Афганистан, Азербайджан, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Турция, Туркменистан, Узбекистан); СААРК – Южно-Азиатская Ассоциация регионального сотрудничества (Афганистан, Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Пакистан, Индия, Шри Ланка); ССАГПЗ – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия); ЕАСТ – Европейская ассоциация свободной торговли (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Швейцария).

³ Из выступления Президента РФ В.В. Путина на Пленарном заседании Восточного экономического форума (Владивосток, 3 сентября 2016 г.).

⁴ Материалы С.Ю. Глазьева. См.: Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации по итогам 2018 г. на тему «Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства» (с. 62-80) // Официальный сайт Совета Федерации.

⁵ «Начать можно было бы с упрощения и унификации регулирования в области отраслевого сотрудничества и инвестиций, а также нетарифных мер технического, фитосанитарного регулирования, таможенного администрирования, защиты прав интеллектуальной собственности, в дальнейшем постепенно двигаться к снижению, а затем и отмене тарифных ограничений». Из выступления Президента РФ В.В. Путина на Пленарном заседании Петербургского экономического форума (Санкт-Петербург, 17 июня 2016 г.).

1. По мере развития и укрепления евразийской интеграции будут усиливаться противостоящие ей тенденции. Они отчетливо видны в событиях, происходящих на Украине, в Армении и Молдавии. Против ЕАЭС, России и поддерживающих проект государств развязана настоящая клеветническая кампания в СМИ, ведутся торговые и санкционные войны. Очевидно, что, по мнению западных лидеров, существование ЕАЭС уже *ipso facto* угрожает благополучию Запада, а сложившиеся в настоящее время в мире экономические реалии – это игра с нулевой суммой, когда развитие и прибыль одного международного игрока означает стагнацию и убытки другого. При таком подходе любое не подчиняющееся западным элитам экономическое и политическое образование априори рассматривается как непримиримый антагонист со всеми вытекающими из этого последствиями.

2. Большое Евразийское партнерство в настоящее время представляет собой, по меткому китайскому выражению, «миску лапши»: множество различных по своему размеру и потенциалу государств, межгосударственных объединений, значительное число двух- и многосторонних связей, проектов, стратегий и т.п. Все это не позволяет странам ЕАЭС и шире – БЕП выработать единую позицию по ключевым вопросам развития и безопасности, сообщать отстаивать свои интересы. Институциональная структура интеграционных объединений пока еще рыхлая, что не позволяет им развиваться в темпе, превышающем изменения окружающего мира. Наднациональность на евразийском пространстве выражена слабо. Отсутствует парламентское измерение ЕАЭС. Рассогласованы правовые системы государств-членов объединения. Указанные проблемы предстоит преодолеть в ближайшее время, и уже на этой основе решать отраслевые проблемы – повышение эффективности таможенного дела, развитие транспортных коридоров, усиление информационного измерения, валютно-финансовую реформу, повышение привлекательности объединения в глазах других государств, граждан и предпринимателей всего мира.

3. Достаточно слабо в евразийском интеграционном проекте используются наработки уже существующих объединений, таких как Союзное государство России и Беларуси (СРБ) и СНГ. Так, например, МПА СНГ к настоящему времени принято немало модельных законов, которые могут быть имплементированы в рамках ЕАЭС. Что же касается СРБ, то сегодня оно, по сути, является даже не объединением государств, а формой двустороннего международного сотрудничества, поскольку, в отличие от ЕАЭС, оно не имеет полноценных наднациональных органов. В связи с этим целесообразно поднять вопрос о сопряжении интеграционных процессов в рамках ЕАЭС с соответствующими процессами развития российско-белорусских отношений. Следует разграничить предметы ведения СРБ и ЕАЭС, а также полномочия наднациональных органов, созданных в рамках ЕАЭС, и органов, создание которых предусмотрено в рамках СРБ в соответствии с Договором «О создании Союзного государства»¹. В частности, это касается вопросов формирования единого экономического пространства, а также проведения единой торговой и таможенно-тарифной политики, которые согласно п. 1 ст. 17 Договора отнесены к исключительному ведению СРБ и одновременно являются предметом права ЕАЭС в соответствии с Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.

В последнее время наметились позитивные тенденции и в данном направлении. Так, после поездки на Валаам в июне 2019 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко предложил решить все спорные вопросы и подготовить программу действий по интеграции до 8 декабря: «В декабре 20 лет нашему Союзному договору, ясно, что ни одной проблемы мы не должны вынести за пределы этого срока. Это нас поджимает. Что мы будем говорить к двадцатилетию? Нечего будет сказать, если мы не снимем все вопросы, которые есть, и не подпишем программу, которая определит стратегию наших дальнейших действий», – отметил он. «Я предлагаю снять все вопросы к этой дате и в рамках Высшего Госсовета, или мы, как договоримся, все это утвердить – и программу, которая определит стратегию наших действий, и снять текущие проблемы, которые сегодня есть», – заявил лидер Беларуси². Однако к настоящему времени указанный документ находится в стадии разработки.

4. Евразийство vs Евроатлантзм

Тематика евразийской интеграции в последнее время выходит едва ли не на первый план международной политики. По тематике евразийской интеграции проводятся заседания Высшего Евразийского экономического совета в Нур-Султане³ и заседания Совета Безопасности Российской Федерации⁴, про нее говорят зарубежные лидеры и пишут СМИ разных стран. Причем мнения высказываются самые различные, вплоть до антагонистических.

Так, например, Польша резко выступила против китайского проекта Нового шелкового пути, целью которого является инфраструктурная и экономическая интеграция Евразии и Европы: «Концепция Нового шелкового пути и экспансия Китая – это договоренность Западной Европы с Россией и Китаем по исключению из евразийского пространства влияния США и ликвидации геополитической субъектности Польши». При этом утверждается, что Польша – это единственная страна, которая могла бы создать потенциальную альтернативу этой евразийской сверхсиле. А. Мачеревич, до 2018 г. – Министр национальной обороны Польши, заявил, что Варшава будет работать на срыв проекта Нового шелкового пути. По его мнению, торгово-экономический союз Европы и Евразии, превращение европейско-

¹ Договор между РФ и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства».

² <https://rg.ru/2019/07/18/putin-i-lukashenko-prodolzhili-valaamskie-diskussii.html>

³ Состоялся 29 мая 2019 г. // Официальный сайт Президента РФ. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60597>

⁴ Президент РФ В.В. Путин провел оперативное совещание с постоянными членами Совета Безопасности РФ 24 мая 2019 г., затрагивались темы подготовки к саммиту ВЕЭС в Нур-Султане, а также двусторонних встреч Президента РФ на полях этого мероприятия. // Официальный сайт Президента РФ.

евразийских рубежей в рубежи сотрудничества, а не вражды, идет вразрез с политикой США, а, следовательно, и польского правительства¹.

Польский аналитический Центр восточных исследований² в 2015 г. подготовил обширное исследование «Евразийский экономический союз – более политический, чем экономический»³. В докладе отмечается, что ЕАЭС стал самым серьезным интеграционным проектом на постсоветском пространстве после распада СССР. Однако, по мнению авторов, его особенности вкупе с «агрессивной политикой», как характеризуют международную стратегию России польские эксперты, делают его, в первую очередь, политическим проектом в ущерб экономике. После присоединения Крыма и событий на Украине польским экспертам стало очевидно, что ЕАЭС – это орудие влияния России и изоляции постсоветских государств от Запада и Китая⁴.

Россия воспринимается НАТО как ядро евразийской интеграции, поразив которое, можно будет разрушить геополитический суверенитет Евразии⁵. На этом фоне президент Польши А. Дуда еще в 2016 г. призывая избавиться от перекоса в инфраструктурно-экономическом развитии Европы, а именно от избытка инфраструктурных артерий Восток-Запад в пользу развития таких артерий по линии Север-Юг, от Скандинавии до Юго-Восточной Европы. Концепция евразийства, таким образом, подменяется другой концепцией – Междуморья⁶.

Концепция евразийства с самого начала своего существования в начале 20-х годов XX в. выступала против глобального доминирования Запада, за самобытную русскую цивилизацию. Поэтому евразийство является по сути антизападной идеологией, отвергающей право западного общества на установление своих критериев добра и зла в качестве универсальной нормы. Постепенно евразийство обогатилось геополитической методикой, основанной на дуализме цивилизации Моря и цивилизации Суши, чьи концепции были разработаны в первой половине XX в. англичанином Хэлфордом Макиндером и развиты американскими стратегами – от Николаса Спикмена до Збигнева Бжезинского. Россия, согласно этим теориям, – это ядро цивилизации Суши, сердечная земля Евразии, и поэтому она обречена на то, чтобы вести многовековое сражение с англосаксонским миром (ранее его ядром была Британская Империя, со второй половины XX в. – США). Евразийцы, таким образом, являются противниками западной гегемонии, американской экспансии и либеральных ценностей⁷. Патриарх американской политологии Збигнев Бжезинский даже предрек скорый конец Евразийского экономического союза. «Я сомневаюсь, что Евразийский экономический союз просуществует 10–20 лет», — заявил политолог. По его словам, Евразийский союз вообще «станет ненужным при прогрессе в нормализации отношений России с западной частью Европы и признанием Россией того факта, что она в конечном счете является европейским, а не евразийским государством»⁸.

В планах Москвы по созданию Таможенного и Евразийского союзов Вашингтон с самого начала видел угрозу воссоздания Советского Союза. Об этом еще в 2012 г. заявила госсекретарь США Хиллари Клинтон. В связи с этим, по ее словам, США будут всячески противодействовать интеграционным процессам на постсоветском пространстве. «Существует движение в сторону ресоветизации региона. Это не будет называться именно так. Это будет называться Таможенным союзом, это будет называться Евразийским союзом и все в таком роде. Не будем заблуждаться на этот счет. Мы знаем, в чем заключается цель, и мы стараемся разработать эффективные способы того, как замедлить или предотвратить это», — процитировало Клинтон *Financial Times*⁹.

Буквально на наших глазах происходит реализация доктринальной идеи глубинной интеграции на евразийском пространстве. Как отметил В.В. Путин в своей программной статье еще в 2011 г., «создание Евразийского союза... – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания»¹⁰.

¹ Гулевич В. Польша встала поперек «евразийской сверхсилы» – Нового шелкового пути. – https://rusnext.ru/recent_opinions/1484579353

² Ośrodek Studiów Wschodnich.

³ The Eurasian Economic Union – More Political, Less Economic, авторы Александра Ярошевич и Эва Фишер.

⁴ Потапейко П. Фобия и имитация: каким польские аналитики видят Евразийский союз? – <http://eurasia.expert/kakim-polskie-analitiki-vidyat-evraziyskiy-soyuz/>

⁵ Троеморье против евразийского союза. – <http://www.segodnia.ru/content/208156>

⁶ Междуморье (польск. Międzymorze) – проект конфедеративного государства, которое включало бы Польшу, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а также Финляндию, выдвинутый Ю. Пилсудским после Первой мировой войны. Эта конфедерация должна была простираться от Черного и Адриатического морей до Балтийского и по сути стать реставрацией Речи Посполитой. Пилсудский считал, что ее восстановление позволит государствам Центральной Европы избежать доминирования Германии или России.

⁷ Дугин А. Евразия в сетевой войне: евразийские сети накануне 2015 года. – <http://evrazia.org/article/2609>

⁸ <https://news.rambler.ru/articles/36500638-konets-evraziyskogo-soyuz/>

⁹ <https://www.km.ru/world/2012/12/07/organizatsiya-tamozhennogo-soyuz/699111-khillari-kinton-vezde-mereshchitsya-sovet>

¹⁰ <https://iz.ru/news/502761>

Золотарева О.А.

к.э.н., доцент, Российский экономический университет
Zolotareva.OA@rea.ru

Давлетшина Л.А.

к.э.н., Российский экономический университет
Davletshina.LA@rea.ru

5 ЛЕТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СТАТИСТИКА ДОСТИЖЕНИЙ И ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ (СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Цели устойчивого развития (ЦУР), статистика, бедность.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), Sustainable Development Goals (SDGs), statistics, poverty.

Гуманитарная составляющая на новой ступени развития евразийской интеграции является важнейшим условием успешного сценария будущего Евразии. Евразийская интеграция на современном этапе должна быть ориентирована на повышение качества жизни жителей каждого из государств-участников Союза за счет инновационного развития и должна развиваться на базе конкурентных преимуществ ЕАЭС. Главная преференция евразийской интеграции – люди, человеческий капитал. В этом контексте важнейшей частью программы развития ЕАЭС должны быть решения, направленные на повышение благосостояния людей, обеспечение достойной работой, предоставление доступа к основным социальным услугам, обеспечение гарантий социальной защищенности и не только.

Особое внимание должно быть направлено на достижение целей в области устойчивого развития (ЦУР) ООН. В рамках ЦУР ООН первой из 17 целей указана «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах»¹.

Отметим, что страны Союза предпринимают конкретные меры, направленные на достижение Целей в области устойчивого развития, опираясь на национальные программные документы, стратегии и концепции развития, при этом экономическая интеграция в рамках ЕАЭС представляется дополнительным мощным фактором, способствующим достижению ЦУР ООН в каждой из стран.

В 2014 среднемесячная номинальная заработная плата по ЕАЭС составила \$796,4. За пять лет она уменьшилась на 19,65%, при этом резкое уменьшение зафиксировано в 2015 г. (на 32,30%), в 2016 г. скорость снижения показателя уменьшилась, с 2017 г. наблюдался ежегодный рост. Среднее ежегодное уменьшение показателя за пять лет составило 5,32%, это привело к достижению в 2018 г. уровня среднемесячной номинальной заработной платы равного \$639,9. При этом по странам ЕАЭС динамика среднемесячной номинальной заработной платы была различной, как и ее уровень. В Российской Федерации наблюдался наибольший уровень среднемесячной номинальной заработной платы среди всех стран ЕАЭС (в 2014 г. – \$855,8; в 2018 г. – \$695,0). Среднее ежегодное уменьшение показателя за пять лет составило 5,07%. В 2018 г. зафиксирован рост на 3,52% в сравнении с 2017г.

В 2018 г. зафиксирован рост среднемесячной номинальной заработной платы по всем странам ЕАЭС за исключением Армении. При этом в Армении ежегодные колебания показателя были менее интенсивны в сравнении с другими странами, среднее ежегодное уменьшение показателя за пять лет составило 1,56%, уровень среднемесячной номинальной заработной платы за период равен \$366,0. Наименьший уровень среднемесячной номинальной заработной платы за период из всех стран характерен для Казахстана и равен \$222,8. При том в Казахстане зафиксирован ежегодный рост показателя с 2016 г., что привело к среднему ежегодному увеличению уровня среднемесячной номинальной заработной платы в пятилетний период на 0,76% (единственная страна, в которой зафиксирован за 5 лет средний ежегодный рост, а не уменьшение показателя).

Анализ динамики среднемесячной номинальной заработной платы по странам ЕАЭС показал их существенную дифференциацию. В этой связи актуальным представляется необходимость интеграции стран, что должно способствовать как сокращению неравенства между странами, так и достижению его уменьшения внутри стран Союза. Среди стран ЕАЭС можно выделить Беларусь и Кыргызстан, в которых доходы населения распределены относительно равномерно, и Армению, Казахстан и Российскую Федерацию, для которых характерно неравномерное распределение доходов в населении. Отметим, что в последних годах за пятилетний период в среднем достигнуты ежегодные сокращения коэффициента Джини (индекса концентрации доходов): в Казахстане – на 2,96%, в Армении – на 1,27%, в России – на 0,48%. В Беларуси также определено среднее ежегодное уменьшение показателя (на 0,61%), в то время как в Кыргызстане за анализируемые пять лет наблюдается средний ежегодный рост на 1,07% (обусловлен увеличением показателя на 3,24% в 2017 г. в сравнении с 2016 г.). В 2017 г. в странах ЕАЭС фиксируется уменьшение уровня дифференциации в доходах населения в сравнении с 2016 г. (исключение, вышеупомянутая динамика показателя в Кыр-

¹ Цели в области устойчивого развития ООН <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

гызстане). Рассчитанные коэффициенты вариации за 2014 и 2017 гг., равные 18,66 и 16,26% соответственно, говорят о снижении к 2017 г. неравномерности по странам ЕАЭС в уровне дифференциации доходов населения.

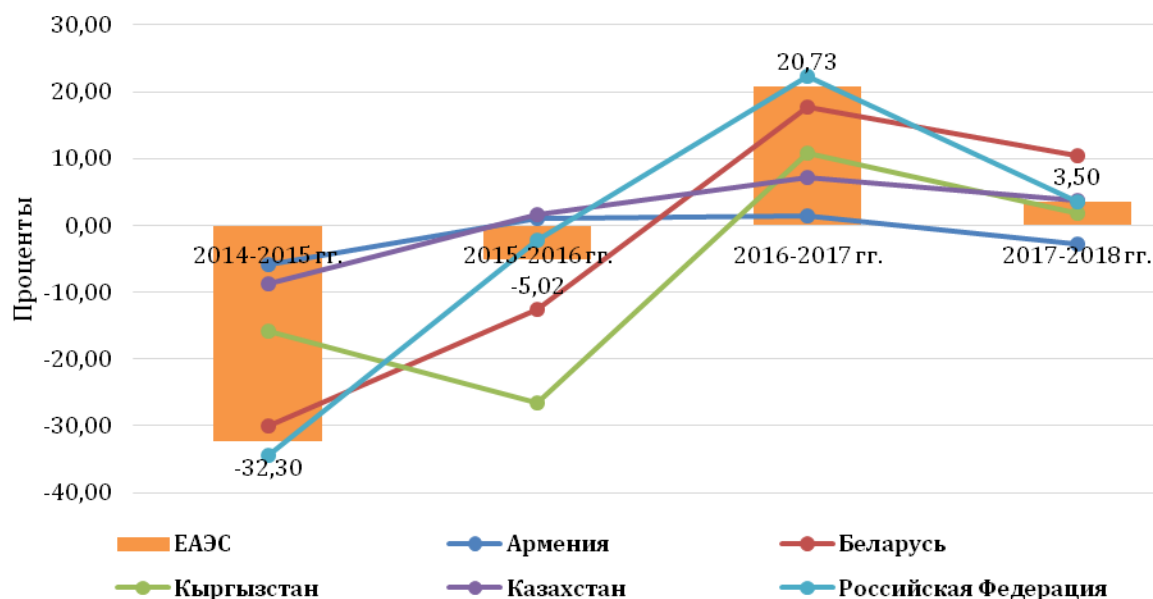

Рисунок 1.

Темпы прироста среднемесячной номинальной заработной платы по странам ЕАЭС за 2014–2018 гг. (в процентах к предыдущему году)

Инфляция в декабре 2018 г. в целом по ЕАЭС сложилась на уровне 4,3% по сравнению с декабрем 2017 г. В указанном периоде инфляция ускорилась по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. (декабрь 2017 г. к декабрю 2016 г. – 3,1%). При этом следует отметить, что основанием увеличения скорости роста инфляции явились увеличения скоростей инфляции за рассматриваемый период в России с 2,5% в декабре 2017 г. до 4,3% в декабре 2018 г.; и в Беларуси с 4,6 до 5,6%. В Армении, Кыргызстане и Казахстане зафиксировано замедление инфляции. Почти во всех странах Союза динамика инфляции определялась главным образом темпами роста цен на продовольствие: в России и Беларуси – ускорением роста, в Армении – замедлением, в Кыргызстане – удешевлением продуктов продовольствия. В Казахстане продовольственная инфляция сохранялась на относительно стабильном уровне.

В анализируемый пятилетний период в странах ЕАЭС индексы по потребительских цен колебались во всех странах. Только в Кыргызстане после роста до уровня 113,6% в декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. наблюдалось ежегодное замедление скорости роста индексов потребительских цен, однако по среднему значению за весь период он признан одним из самых высоких по странам Союза (108,4%), более высокое значение только у Беларуси (109,8). В России средний ежегодный индекс цен в период 2014–2018 гг. составил 107,3%, как в среднем по ЕАЭС.

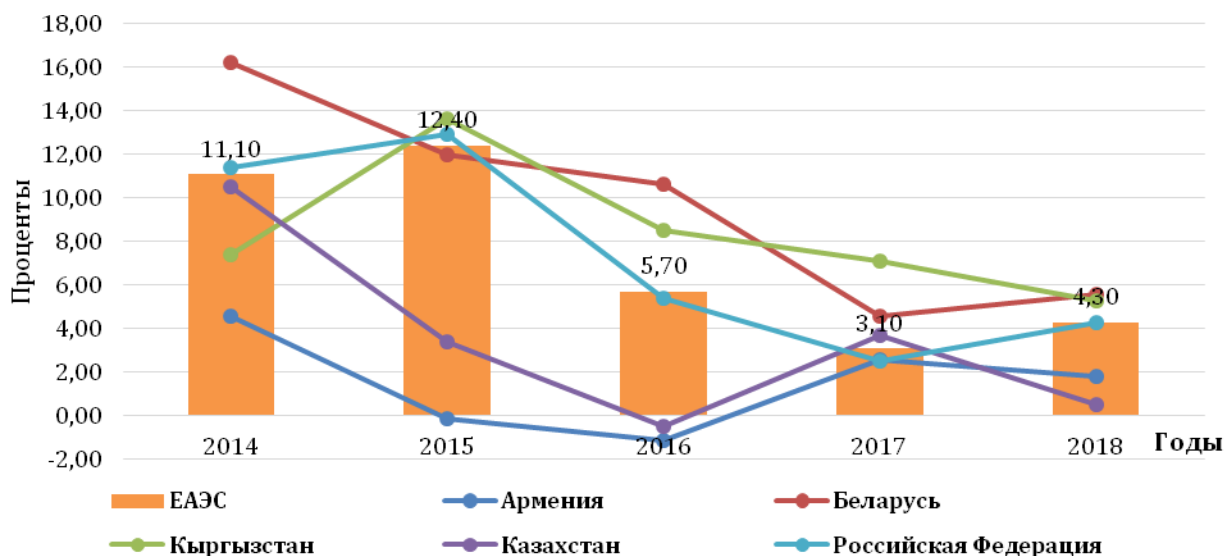

Рисунок 2.

Инфляция по странам ЕАЭС за 2014–2018 гг. (в % к декабрю предыдущего года)

Анализ бедности населения в целом по ЕАЭС затруднен из-за различий в статистической методологии оценки уровня бедности в каждой из стран. Уровень бедности в соответствии с национальными методологиями государств рассчитывается:

- в Армении – доля населения с потреблением ниже верхней общей линии бедности;
 - в Беларуси – доля населения с располагаемыми ресурсами ниже бюджета прожиточного минимума;
 - в Казахстане – доля населения с доходами, использованными на потребление, ниже величины прожиточного минимума;
 - в Кыргызстане – доля населения с потребительскими расходами ниже черты бедности;
 - в России – доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума¹.
- В 2018 г. уровень бедности в России составил 12,9 %, что незначительно ниже уровня 2017 г. (13,2%), но, увы, намного выше уровня 2014 г. (11,2%).

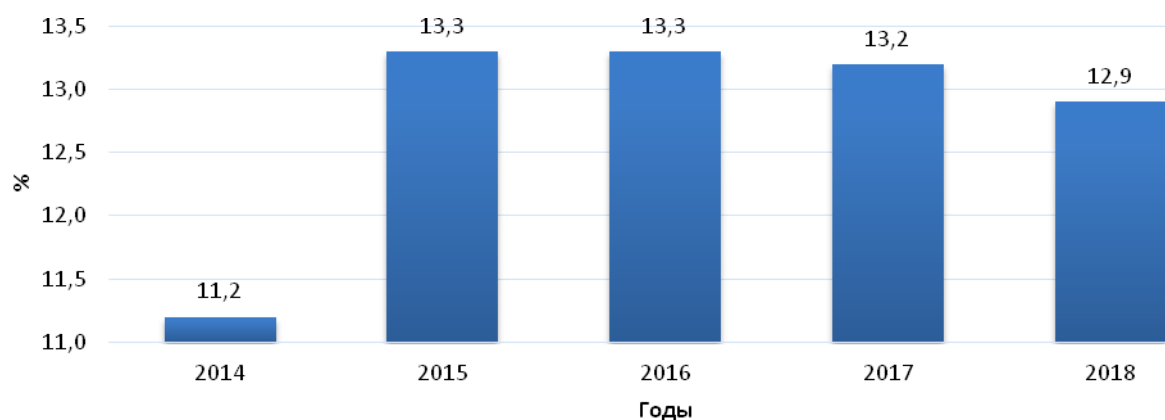

Рисунок 3.
Динамика уровня бедности в России за 2014-2018 гг., %

Среди причин высокой бедности россиян можно выделить, во-первых, безработицу (прежде всего в регионах, в небольших городах с населением до 50 тысяч человек, где происходит уничтожение градообразующих заводов и предприятий, на которых трудятся или трудились жители) и старение населения (в России ни пособия по безработице, ни пенсии не обеспечивают рост благосостояния жителей страны), во-вторых, большое давление со стороны государства на малый и средний бизнес, увеличение налогообложения и административной ответственности, что приводит к снижению предпринимательской активности. Отметим, что уровни бедности сильно различаются по регионам России. В бедных регионах более низкие зарплаты и более высокая безработица.

В соответствии с национальными методологиями расчета уровня бедности в странах ЕАЭС в 2017 г. в Армении бедные составили 25,7 % всех жителей, в Кыргызстане – 25,6%, в Беларуси – 5,9% и в Казахстане – 2,6%. В наибольшей степени уровень бедности уменьшился в 2017 г. по сравнению с 2014 г. в таких странах, как Кыргызстан – на 5,0 п.п. (на 16,3%) и Армения – на 4,3 п.п. (на 14,3%).

В России, как уже упоминалось, порог бедности связан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в этом контексте представляет интерес анализ динамики величины прожиточного минимума в странах ЕАЭС в 2014-2018 гг. Следует отметить, что в Армении данный показатель не рассчитывается.

Наибольшая величина прожиточного минимума в 2018 г. наблюдается в России и Беларуси – 164 и 103 долл. США на душу населения в расчете на месяц в среднем за год. В Казахстане и Кыргызстане величина прожиточного минимума существенно ниже – 79 и 70 долл. США на душу населения в расчете на месяц в среднем за год. В наибольшей степени величина прожиточного минимума сократилась в 2018 г. по сравнению с 2014 г. в России – на 48 долл. США (на 22,6%). Также, следует отметить, что во всех странах ЕАЭС сократилась величина прожиточного минимума.

Таблица 1

Динамика величины прожиточного минимума в странах ЕАЭС

Страны ЕАЭС	Величина прожиточного минимума, долл. США		Изменение	
	2014 г.	2018 г.	п.п.	%
Беларусь	128	103	-25	-19,5
Казахстан	106	79	-27	-25,5
Кыргызстан	93	70	-23	-24,7
Россия	212	164	-48	-22,6

Рассмотрим подробнее величину прожиточного минимума в России. Многие независимые эксперты-экономисты полагают, что официально установленный прожиточный минимум в России искусственно занижен в 2–2,5 раза, по сравнению с реальным. С 1 января 2013 г. Правительство России изменило принцип формирования потребительской корзины. Особенность современной потребительской корзины состоит в том, что теперь учитывается только стоимость пищевых продуктов, а стоимость непродовольственных товаров и услуг берется как 50% от стоим

¹ ЕЭК. Статистика ЕАЭС. Метаданные. Методологии и рекомендации. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_imakroec/dep_stat/union_stat/metadata/Pages/methodologies.aspx

сти продуктовой корзины¹. Нельзя назвать такой подход оптимальным. Во-первых, при таком варианте расчетов нельзя проанализировать состав товаров и услуг, которые должны позволить человеку осуществлять нормальную жизнедеятельность. Во-вторых, стоимость непродовольственных товаров и услуг (особенно услуг ЖКХ и медикаментов) зачастую растет быстрее, чем стоимость продуктов питания. В-третьих, соотношение продовольственной и непродовольственной компонент исходит из неправильных предпосылок. По наблюдениям специалистов, бедные домохозяйства более 50–60% своего дохода тратят на продукты питания. Однако это не значит, что за счет оставшихся 40–50% дохода они могут удовлетворить свои минимальные потребности в лекарствах, одежде, жилье, не говоря уже о духовных потребностях. Все это в конечном счете ведет к тому, что в стране растет число бедных.

Более того, в целях исполнения майских указов Президента от 2012 года в России с 1 мая 2018 г. официально приравнивали минимальный размер оплаты труда (МРОТ) к прожиточному минимуму². То, что МРОТ увеличен, бесспорно, хорошо, но только вот равенство достигнуто не только за счет необходимого роста МРОТ. Действующий Федеральный закон «О потребительской корзине в целом по РФ» был принят Госдумой 20 ноября 2012 года. В статье 1 установлено, что потребкорзина устанавливается не реже, чем раз в 5 лет. В статью 4 внесли изменения законом № 421-ФЗ от 28.12.2017, продлив силу «продуктовому набору» до 31 декабря 2020 года включительно. Потребительскую корзину, на основании которой определяется величина прожиточного минимума (ст. 4, п. 1 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации») «заморозили» до 2021 года и ее пересмотра в пользу увеличения в ней доли мяса, овощей и фруктов в 2018 г. не произошло. В свою очередь о необходимости пересмотра корзины в январе 2018 г. говорил министр труда и соцзащиты Максим Топилин: «В действующей корзине перебор хлебных продуктов и картофеля, и наоборот, маловато мясных и рыбных продуктов, овощей и фруктов. Приблизить набор продуктов питания к оптимальному – главная задача новой потребительской корзины»³.

Для анализа однородности совокупности стран ЕАЭС по величине прожиточного минимума в 2014 г. и 2018 г. были рассчитаны коэффициенты вариации, которые составили соответственно 39,7 и 40,7%. Таким образом, совокупность стран ЕАЭС по данному показателю не является однородной.

Отличительной характеристикой современного положения с бедностью в России является тот факт, что помимо общественной бедности появляется так называемая «финансовая бедность», и появляются «новые бедные» или «работающие бедные». Это вызвано тем, что работающие люди не могут гарантировать себе минимальный достаток, что вызвано невысокой заработной платой. Данный показатель рассчитывается в процентах как отношение численности занятых в экономике, проживающих в малоимущих домашних хозяйствах, к общей численности занятых в экономике.

Уровень работающих бедных сократился в 2017 г. по сравнению с 2014 г. на 1,3 п.п. (на 22,0%) и составил 7,2%. Наибольшее значение уровня работающих бедных было зафиксировано в 2015 г. – 8,0%.

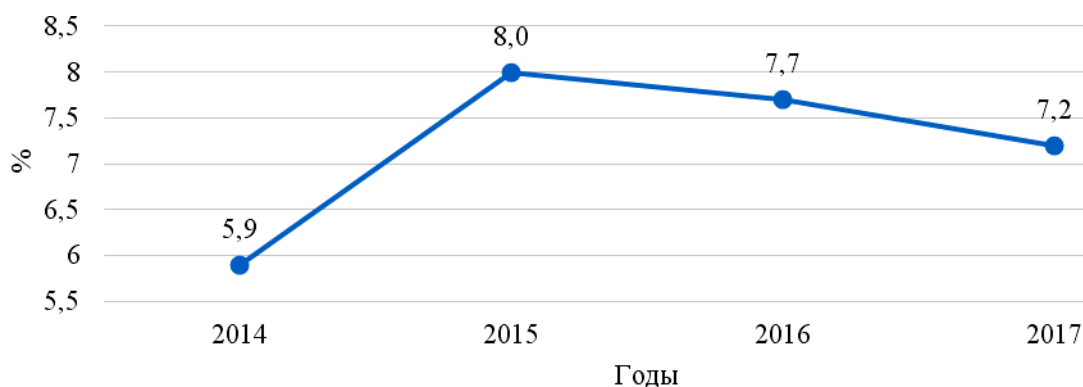

Рисунок 4.
Динамика уровня работающих бедных в России за 2014–2017 гг., %

Доля занятых с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка) в России уменьшилась в 2017 г. по сравнению с 2015 г. на 0,9 п.п. (на 3,3%) и составила 26,4%, при этом уменьшение характерно как для занятых мужчин (на 0,7 п.п. или на 3,4%, в 2017 г. их доля составила 20,0%), так и для женщин (на 1,0 п.п. или на 3,0%, в 2017 г. доля составила 31,9%). Можно заметить, что бедность в России имеет гендерное различие: в среднем женщины имеют средств меньше, чем мужчины, и в целом в ходе экономических преобразований женщины чаще оказываются в неблагоприятном финансовом положении.

Одной из национальных целей развития России, поставленных в майском указе президента 2018 года, стало двукратное снижение уровня бедности к 2024 году⁴. Перед правительством стоит задача сократить уровень бедности до 6,6%. Разработан и утвержден в мае 2019 г. единый план по достижению национальных целей развития России до

¹ Чтоб им жить на эту зарплату! – <https://gazeta-pravda.ru/issue/44-30541-27-aprel-ya-2017-goda/chtob-im-zhit-na-etu-zarplatu/>

² Первомайская бедность: в России выросла «минималка». – <https://www.gazeta.ru/business/2018/04/27/11732407.shtml>

³ Топилин рассказал о возможном пересмотре правил расчета прожиточного минимума. – <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2018/01/09/747222-topilin-rasskazal-o-vozmozhnoi-privyazke-prozhitochnogo-minimuma-k-mediannim-dohodam>

⁴ Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>

2024 года, включая снижение бедности¹. В плане указаны меры, касающиеся федерального уровня минимальной заработной платы, который не должен быть ниже прожиточного минимума, страховых пенсий по старости неработающим пенсионерам, которые должны будут ежегодно повышаться выше уровня инфляции, адресных мер поддержки с использованием информации системы соцобеспечения и ряд других.

Развитие стран ЕАЭС за прошедшие пять лет интеграции шло с различным успехом, влияющим на состояние экономик стран-участников. Сравнительный анализ показателей по национальной черте бедности дает основания полагать, что наряду с Казахстаном, добившимся исключительных успехов, Кыргызстан и Армению можно признать странами бедными, Россию и Беларусь – как государства с социально приемлемым уровнем бедности, при котором должна проводиться целенаправленная политика поддержки бедных слоев населения, а не просто повышения уровня жизни всего населения.

¹ Правительство утвердило план по снижению бедности и ускорению экономики. – <https://www.rbc.ru/economics/08/05/2019/5cd2f77c9a794768881ddad1>

Иоффе А.М.

сотрудник ФТС России

АНАЛИЗ РИСКОВ, СВЯЗАННЫХ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ ПАРТНЕРОВ ПО ЕВРАЗИЙСКОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СОЮЗУ¹

***Ключевые слова:** стратегия энергетической безопасности, вызовы, угрозы, сравнительный анализ, единое энергетическое пространство, евразийский экономический союз, Россия, Казахстан, Беларусь, Армения, Киргизия.*

Рост энергопотребления стран серьезно изменил международную торговлю энергоресурсами. Энергетике было отведено лидирующее место в передовых отраслях национальной экономики, как, особо влияющей на эффективность всей хозяйствующей системы государства. Это первичное значение относит ее к важнейшему из приоритетов в национальной безопасности государства – энергетической безопасности.

Энергетическая политика России направлена на эффективное использование природных энергоресурсов и нацелена на скорейший переход от ресурсно-сырьевого к ресурсно-инновационному развитию топливно-энергетического комплекса, что в перспективе должно стать «локомотивом» всей экономики страны. В связи с этим была разработана Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года.

Для надежного и стабильного энергообеспечения экономики и решения задач энергетической безопасности необходимы развитие интеграции в энергетической сфере. Пример такого развития – Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), созданный в том числе в целях эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов, а также обеспечения национальных экономик основными видами энергетических ресурсов².

Государствами-участниками ЕАЭС разработаны рамочные программы, прогнозы производства и потребления энергоресурсов.

Правом Евразийского экономического союза установлено, что на период до формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов ЕАЭС правоотношения в области поставок нефти и нефтепродуктов и определение порядка уплаты вывозных таможенных пошлин в рамках ЕАЭС регулируются двусторонними межправительственными соглашениями.

В рамках взаимодействия в области поставок нефти и нефтепродуктов в государства-члены ЕАЭС Правительством Российской Федерации подобные соглашения подписаны с Республикой Армения, Киргизской Республикой, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан.

Не стоит забывать о необходимости обеспечения единой энергетической безопасности, гармонизирующей и интересы и объединяющей страны ЕАЭС.

Положительные стороны для стран, входящих в состав ЕАЭС, очевидны.

Для Казахстана выгодно общее пространство ЕАЭС как рынок для реализации продуктов переработки нефти и нефтепродуктов, которые также получают упрощенный транзитный потенциал, дающий активизацию продажи сырьевых товаров. Возможность подключения к Российской трубной магистральной системе и развитие Китайского и Юго-Восточного азиатского транспортных коридоров, которые автоматически снизят финансовые затраты государства-члена Союза.

Республика Казахстан ожидает результатов от единого энергетического пространства и ориентирована на рост объемов добычи своих полезных ископаемых, повышение мощности переработки нефти, эффективности глубины переработки, обеспечение внутреннего спроса на нефтепродукты и полнейшего его покрытия.

Однако на данный момент в рамках существования Соглашений между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о торгово-экономическом сотрудничестве в области поставок нефти и нефтепродуктов в Республику Казахстан намечается отрицательная тенденция. Рост производства нефтепродуктов в Казахстане позволит не только удовлетворить внутреннее потребление, отказавшись от беспошлинных поставок недостающих объемов автобензина, авиационного и дизельного топлива из Российской Федерации, но и экспортировать излишки светлых нефтепродуктов в третьи страны, что увеличит доходность казахстанских нефтеперерабатывающих заводов. Данное Соглашение было вызвано особенностями производства в Казахстане в больших объемах сырой нефти и отсутствием производства на необходимом уровне для удовлетворения внутренних потребностей страны в светлых продуктах нефтепереработки. В целях поддержки экономики Республики Казахстан была выработана схема беспошлинных поставок на ее территорию (в рамках ежегодно принимаемых индикативных балансов) российских угле-

¹ Доклад на I Евразийском аналитическом форуме.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015)

водородного сырья и нефтепродуктов с одновременным ограничением вывоза с территории Казахстана в третьи страны некоторых видов продуктов нефтепереработки. Данные ограничения (запреты и установление единообразных ставок вывозных таможенных пошлин) были приняты в целях недопущения вывоза с территории Республики Казахстан в третьи страны российских углеводородного сырья и нефтепродуктов без необходимого налогового обеспечения.

К 2019 году отдельные положения Соглашения утратили силу, например, «О встречных поставках казахстанской нефти в Россию за поставленные в Казахстан из России в 2012-2013 гг. нефтепродукты», либо потеряли свою актуальность.

Вместе с тем, отмена Соглашения в условиях функционирования ЕАЭС, право которого исключает применение тарифных мер регулирования во взаимной торговле, в том числе, экспортных пошлин и ограничение их введения, таможенного декларирования товаров ЕАЭС при перемещении из одного государства-участника ЕАЭС в другое может привести к ослаблению государственного контроля за оборотом стратегически важных ресурсов – углеводородного сырья и продуктов нефтепереработки.

Так, в настоящее время в соответствии со статьей 3 Соглашения, нефть и нефтепродукты в целях учета подлежат таможенному декларированию в Российской Федерации, как если бы они вывозились за пределы таможенной территории ЕАЭС. Таможенное декларирование указанных товаров позволяет отслеживать номенклатуру и количество товаров, вывозимых в Казахстан в льготном порядке (без уплаты вывозной таможенной пошлины и сборов за таможенные операции) в пределах установленных индикативных балансов.

Соглашением также оговорен перечень нефтепродуктов, запрещенных к вывозу из Российской Федерации в Республику Казахстан, в который вошли: тяжелые дистилляты, мазуты, битум нефтяной, смазочные масла, вазелин, парафин, бензол, толуол, ксилолы и прочие отработанные нефтепродукты, т.е. продукты нефтепереработки, которые казахстанские НПЗ производят сами и в достаточном количестве.

Анализ статистических данных по взаимной торговле, предоставленных Республикой Казахстан и Российской Федерацией, показывает, что поставки на территорию Казахстана отдельных видов запрещенных к вывозу нефтепродуктов, имеют место, а контроль за соблюдением запрета на вывоз нефтепродуктов, возложенный на таможенные органы Российской Федерации, выполняется не в полной мере. Так, в январе-августе 2018 года в Казахстан из России ввезено 7,4 тыс. тонн запрещенных к вывозу из России нефтепродуктов, основной объем которых, пришелся на тяжелые дистилляты, битум нефтяной и масла смазочные. По данным российской стороны, декларирование таких товаров в России не производилось. В этой связи сложно говорить о добросовестном поведении при определении конкурентоспособности продуктов нефтепереработки и распределении прибыли. При поставках указанных товаров из Российской Федерации в третьи страны таможенными органами была бы взыскана вывозная таможенная пошлина в размере около 0,4 млн. долл. США.

Наличие подобных фактов, связанных в том числе с отсутствием эффективных инструментов государственного контроля в условиях отмены таможенного контроля на российско-казахстанской границе, свидетельствует о том, что «теневой» оборот стратегически важного сырья имеет место и является насущной проблемой не только для Российской Федерации, но и для Республики Казахстан.

Так, говоря о масштабах проблемы противодействия «теневому» обороту нефти на межрегиональном форуме «Мероприятия по улучшению налогового и таможенного администрирования в нефтегазовой сфере», проходившем 20 октября 2017 года в г. Актобе, заместитель Генерального прокурора Республики Казахстан Андрей Лукин сделал акцент на отсутствии прозрачности данного процесса. По его заявлению, с 2016 года расхождение между добытой, переработанной и экспортированной нефтью составляет порядка 2 млн. тонн на сумму 600 млн. долл. США.

Причины хищений в надзорном ведомстве видят в отсутствии автоматизированного учета добычи нефти, отсутствии современных нормативов её списания, ненадлежащей охране скважин, бесконтрольности перемещения нефтевозов, манипуляциях с изменением состава нефти и последующим её вывозом за границу под видом нефтепродуктов, не облагаемых таможенными пошлинами.

В производстве Службы экономических расследований Комитета государственных доходов Республики Казахстан по факту транспортировки, реализации, хранения нефти и нефтепродуктов без документов, не могущих подтвердить законность их происхождения, за период с 2016 года по сентябрь 2018 года возбуждено более 400 уголовных дел. В незаконном обороте на территории Республики Казахстан могут находиться не только казахстанские нефтяные ресурсы, но и российские углеводороды.

Наличие в Республике Казахстан «теневого» оборота нефти сырой и нефтепродуктов российского происхождения способствует различный уровень ставок вывозных таможенных пошлин в отношении данных видов товаров, устанавливаемых в России и Казахстане. Так, если в Республике Казахстан ставки вывозной таможенной пошлины на нефть в 2018 году находились на уровне 70–80 долл. США за 1 тонну, то в Российской Федерации – на уровне 110–150 долл. США за 1 тонну, в отношении мазута и битума – 30–60 долл. США и 110–130 долл. США за 1 тонну, соответственно.

Кроме того, в Республике Казахстан не применяются ставки вывозных таможенных пошлин в отношении газового конденсата и всех видов сырой нефти. В результате использования таких льгот около 30% нефти, включая газовый конденсат, экспортируется с территории Республики Казахстан без уплаты вывозных таможенных пошлин.

Наличие указанных факторов создает определенные риски, связанные с возможным реэкспортом российских товаров без уплаты вывозных таможенных пошлин.

Таким образом, решение проблемы с «теневым» оборотом на территории Казахстана сырой нефти российского происхождения, лежит исключительно в плоскости налогообложения. Синхронное установление Республикой Казахстан ставок вывозных таможенных пошлин в отношении экспортируемой нефти, равных установленным в Российской Федерации

Федерации, сделает экономически не выгодным осуществление поставок российской нефти в Казахстан с целью ре-экспорта и обеспечит прозрачность поставок в Казахстан того объема сырой нефти, который в силу качественных характеристик товара будет востребован казахстанскими переработчиками.

Республика Беларусь уже на протяжении долгого времени является транзитным коридором для транспортировки российских энергоресурсов и определяет свое развитие в рамках единого рынка как переработчик нефти. Нефтехимическая отрасль требует модернизации и внедрения наукоемких технологий по энерго- и ресурсосбережению. Это позволит рынку белорусских нефтепродуктов выйти на конкурентный рынок, а также развивать добычу своих горючих сланцев.

Сегодня Беларусь, почти не имея собственных энергоресурсов, действует в рамках Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о беспощинных поставках нефти и нефтепродуктов. При этом сумма освобождений от уплаты вывозной таможенной пошлины составила в 2017 году – 99,5 млрд. рублей, в 2018 году – 162,1 млрд. рублей, в январе-мае 2019 года – 50,65 млрд. рублей.

Из проведенного мониторинга объемов экспорта нефти и нефтепродуктов с территории Российской Федерации и анализа производственных мощностей НПЗ на территории Беларуси можно сделать вывод о реэкспорте российских товаров в третьи страны, либо подмены товарами местной нефтепереработки. Так же в связи с нестабильной геополитической ситуацией вокруг Украины и уменьшением либо запретом вывоза российских энергоносителей на её территорию был замечен рост поставок нефтепродуктов, а именно дизельного топлива из Республики Беларусь. Есть основания полагать, что отгружаемое в адрес белорусских субъектов хозяйствования российское топливо по-прежнему продолжает перемещаться на украинскую территорию под видом продукции производства Республики Беларусь.

Эти процессы привели к необходимости пересмотра Соглашения и 10 октября 2018 года был подписан Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о мерах по урегулированию торгово-экономического сотрудничества в области экспорта нефти и нефтепродуктов.

В соответствии с Протоколом Соглашение дополнено приложением, в котором приведены отдельные позиции товарных групп 27 и 29 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Согласно Протоколу с 1 ноября 2018 года введен запрет на вывоз из Российской Федерации в Республику Беларусь углеводородов согласно Перечню, за исключением товаров в объемах, предусмотренных индикативными балансами и протоколами.

При этом нормами Соглашения в редакции Протокола установлено, что в целях учета в Российской Федерации товары, классифицируемые в товарных группах 27 и 29 ТН ВЭД ЕАЭС, подлежат декларированию, как если бы они вывозились за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза, без применения временного периодического таможенного декларирования, установленного законодательством Российской Федерации за исключением товаров, перемещаемых трубопроводным транспортом.

Республика Киргизия и Республика Армения – участницы ЕАЭС, не граничат с основным «двигателем» единого пространства – Россией. Некоторая удаленность создала проблему образования цен на энергоресурсы, а также транзитную замкнутость вышеназванных государств – участниц ЕАЭС. Республика Армения надеется в рамках ЕАЭС на модернизацию своих электросетей, так как имеет большой экспортный потенциал электроэнергии на территорию Ирана и Грузии.

Низкая насыщенность Республики Киргизия энергетическими ресурсами порождает большую необходимость в их импорте, основная их часть поставляется с территории Российской Федерации. При этом существует ряд связанных с этим проблем.

Незаконный ввоз на территорию Киргизской Республики бензина и дизельного топлива не снижается, хотя в целях урегулирования вопросов ввоза нефтепродуктов на территорию республики ещё в 2015 году Правительством Киргизской Республики были предприняты определенные меры. Так, 13 ноября 2015 года премьер-министром Киргизской Республики было подписано Постановление Правительства Киргизской Республики № 767 «О некоторых вопросах регулирования ввоза легких и средних дистиллятов, керосина, газойли, дизельного топлива и, прочих нефтепродуктов на территорию Кыргызской Республики».

Пунктом 1 Постановления предписано, что ввоз на территорию Киргизской Республики нефтепродуктов осуществляется автомобильным транспортом при наличии товаросопроводительных документов на нефтепродукты; при соблюдении требований по безопасному перемещению нефтепродуктов; при наличии документов, подтверждающих налоговую регистрацию перевозчика и/или грузополучателя.

Такая ситуация складывается из-за разницы стоимости горюче-смазочных материалов в соседнем Казахстане и Киргизии. В Республике Казахстан цена почти на 10 сомов меньше. Незадекларированные поставки бензина и дизельного топлива в больших объемах в Киргизии становятся прибыльными.

Государственной службой по борьбе с экономическими преступлениями при Правительстве Киргизской Республики, совместно с Государственной налоговой службой при Правительстве Киргизской Республики, Министерством внутренних дел Киргизской Республики созданы мобильные группы, организовываются контрольные и оперативно-рейдовые мероприятия по выявлению и пресечению фактов незаконного ввоза нефтепродуктов через государственную границу Киргизской Республики, ведется мониторинг нарушений требований по перемещению нефтепродуктов.

С начала 2019 года сотрудниками ГСБЭП, пограничными службами Киргизской Республики и Республики Казахстан были пресечены неоднократные попытки провоза бензина и дизельного топлива «контрабандным» путем на территорию Киргизской Республики через казахстанско-киргизский участок государственной границы.

Контрабандисты применяют способы провоза ГСМ под видом товара для личного пользования, были также зафиксированы случаи прокладки магистралей малой протяженности для перемещения незадекларированного ГСМ.

Компании-нефтетрейдеры Киргизии полагают, что основная проблема на нефтерынке страны – это «контрабанда» ГСМ. Компании терпят убытки, в том числе из-за «контрабандного» ввоза ГСМ из соседнего Казахстана.

В настоящее время ГСБЭП совместно с Государственной налоговой службой и Государственной пограничной службой ведут работу в данном направлении в рамках специальной программы.

Киргизские компании-нефтетрейдеры компенсируют свои убытки в том числе закрытием автозаправочных станций. Так, компания «Газпром нефть Азия» закрыла ряд своих АЗС из-за низкой рентабельности.

Согласно данным, представленным на официальном сайте компанией «Газпром нефть Азия», в настоящее время в активах компании насчитываются 38 действующих автозаправочных комплексов.

Именно Россия как один из лидеров на мировом нефтегазовом рынке, обладающая сложившимся рынком, будет определять основные направления развития и работы общих рынков нефти и газа стран ЕАЭС и будет его стержнем в условиях высочайшей конкуренции на мировом рынке нефти и газа. Российскому нефтегазовому бизнесу интересны рынки Беларуси и Казахстана, Армении и Киргизии как рынки сбыта и как транспортные коридоры по транспортировке углеводородов. В сложившихся геополитических реалиях возникли проблемы в отношении реализации проектов магистральных газопроводов «Северного потока» в направлении Европы по территории стран ЕС. Разрыв контрактов с Украиной по транзиту российских энергоресурсов и другие факторы привели к изменению вектора сотрудничества Российской Федерации в энергосфере в направлении рынка Азии.

Российская промышленность готова поставлять Казахстану машины и оборудование для нефтегазового комплекса, а также участвовать в разработках новых нефтяных месторождений, в том числе в геологических и геолого-разведочных работах.

На этапе становления и развития интеграционных процессов стоит рассмотреть появление региональных вызовов и угроз энергетической безопасности Российской Федерации. основополагающим документом стратегического определения энергетической безопасности Российской Федерации является Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, она определяет источники внутренних и внешних угроз энергетической безопасности в экономике, сферах государственной и общественной безопасности, инфраструктуре и научно-технологической областях, а также отдельную, значительную роль отводит угрозе для окружающей среды. Исходя из ее положений, рассмотрим вызовы энергетической безопасности Российской Федерации, с которыми она может столкнуться при работе в рамках единого энергетического пространства ЕАЭС.

Необходимо отметить современный высокий уровень волатильности энергоресурсов, обусловленный политическим противоборством на мировой арене.

Риском для энергетической безопасности Российской Федерации может стать передвижение границ ЕАЭС к нестабильным районам Центральной Азии, а также желание некоторых стран этого региона войти в состав ЕАЭС. Уже с 2014 года в рамках Договора о ЕАЭС между членами Союза отсутствует межгосударственный таможенный контроль учета перемещения энергоресурсов, что является причиной возникновения проблемных ситуаций. Принципиальное значение для этого региона имеет ставшая традиционной борьба за энергетические ресурсы. Ближайшие соседи Афганистана – Узбекистан и Таджикистан, проявляющие интерес к вхождению в ЕАЭС, а также уже состоящая в Союзе Киргизия могут способствовать непредсказуемости террористической опасности для России и могут поставлять контрабандным путем российские энергоресурсы террористическим группировкам Исламского движения.

Определенные риски возникают и в отношении проектируемых гидроэлектростанций в Таджикистане и Киргизии, которые не учитывают интересы трансграничных государств. В наибольшей степени от их работы пострадает Узбекистан, где вопрос воды и без того стоит очень остро. Примечательно, что очень долгое время никто из ведущих геополитических игроков в регионе не решался поднять вопрос о воде. Вода в Центральной Азии – это, пожалуй, самый угрожаемый фактор на сегодняшний день.

Этот вопрос первой затронула Россия в сентябре 2012 г. поддержав проекты Камбаратинской ГЭС-1 и Верхне-Нарынского каскада ГЭС в Киргизии в пику вышедшему из ОДКБ Узбекистану. Непоследовательной политикой Ташкента была спровоцирована актуализация тематики воды. Если проект Рогунской ГЭС, на который всегда делало ставку правительство Таджикистана, видя в нем единственный способ выйти из экономического кризиса, сдвинется с места, дестабилизации в регионе не избежать¹.

На основе проведенного анализа ситуации в странах-участниках Союза можно сделать вывод о том, что единое энергетическое пространство должно формироваться не только путем создания единых рынков нефти, газа, нефтепродуктов для облегчения торговли энергоресурсами, доступа к инфраструктуре и беспрепятственной транспортировке, но и путем создания единой экосистемы энергетической безопасности для эффективного противостояния и защиты интересов в сфере обеспечения энергетической безопасности во всем евразийском регионе.

Список литературы и источников

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014).
3. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 13 мая 2019 г. № 216.

¹ Харитонов Н.И. Страны Центральной Азии: новое место на дуге кризисов // Индекс безопасности. 2015. – Т. 21, № 1 (112).

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года».
5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о мерах по урегулированию торгово-экономического сотрудничества в области экспорта нефти и нефтепродуктов от 12 января 2007 года.
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о торгово-экономическом сотрудничестве в области поставок нефти и нефтепродуктов в Республику Казахстан от 9 декабря 2010 года.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в сфере поставок природного газа, нефтепродуктов и необработанных природных алмазов в Республику Армения от 2 декабря 2013 года.
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в сфере поставок нефти и нефтепродуктов от 6 июня 2016 года.
9. О состоянии взаимной торговли между государствами-членами Евразийского экономического союза в 2017 – 2018 годах. – М., 2018. – 94 с.
10. Титов Е.О., Скатов В.Д., Малиненко Э.В. Энергетическая безопасность Российской Федерации // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XLI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1(41). – [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/1\(41\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/1(41).pdf)
11. Харитоновна Н.И. Страны Центральной Азии: новое место на дуге кризисов // Индекс безопасности. 2015. – Т. 21, № 1 (112).
12. Лавров С.В. Энергетические проблемы – глобальный вызов XXI века // Сайт журнала «Международная жизнь». – <http://interaffairs.ru/lukoil.php?n=1>

Каленова С.А.

д.э.н., профессор, Университет «Туран», Алматы

О РАСШИРЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В РАМКАХ ЕАЭС В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ И ТРАНСПОРТА

Ключевые слова: евразийское сотрудничество, энергетика, транспорт, ресурсный потенциал, конкурентное преимущество, национальные интересы, государственное регулирование.

Keywords: Eurasian cooperation, energy, transport, resource potential, competitive advantage, national interests, government regulation.

Одним из важнейших направлений партнерских отношений между Казахстаном и Россией является сотрудничество в области энергетики и транспорта. Это направление является стратегически важным для наших стран, особенно в связи с возрастающей потребностью в топливно-энергетических ресурсах в Китае, Европе, Азиатском регионе и других частях света.

В условиях нарастания глобальных тенденций и интеграционных процессов приоритетными становятся задачи экспорта энергоресурсов стран прикаспийского региона на внешние рынки. И в этой связи интересы Казахстана и России совпадают, что обуславливает необходимость выработки предложений по расширению двустороннего сотрудничества и проведению согласованной политики в области экспорта нефти, газа и других ресурсов.

Для Казахстана, как и для России экономически привлекательным направлением развития внешнеэкономических отношений является взаимное интегрирование транспортных путей для вывода энергоресурсов на внешние рынки. Перспективы сотрудничества в данной области большие, в связи с реализацией крупномасштабных проектов по транспортировке углеводородов, и инфраструктурных проектов к примеру, таких как «Экономический пояс Шелкового пути», «Западная Европа – Западный Китай».

В соответствии с рис. 1, нами предложены необходимые меры государственного регулирования, направленные на реализацию стратегических приоритетов в области транспорта и энергетики казахстанско-российского сотрудничества в рамках ЕАЭС.

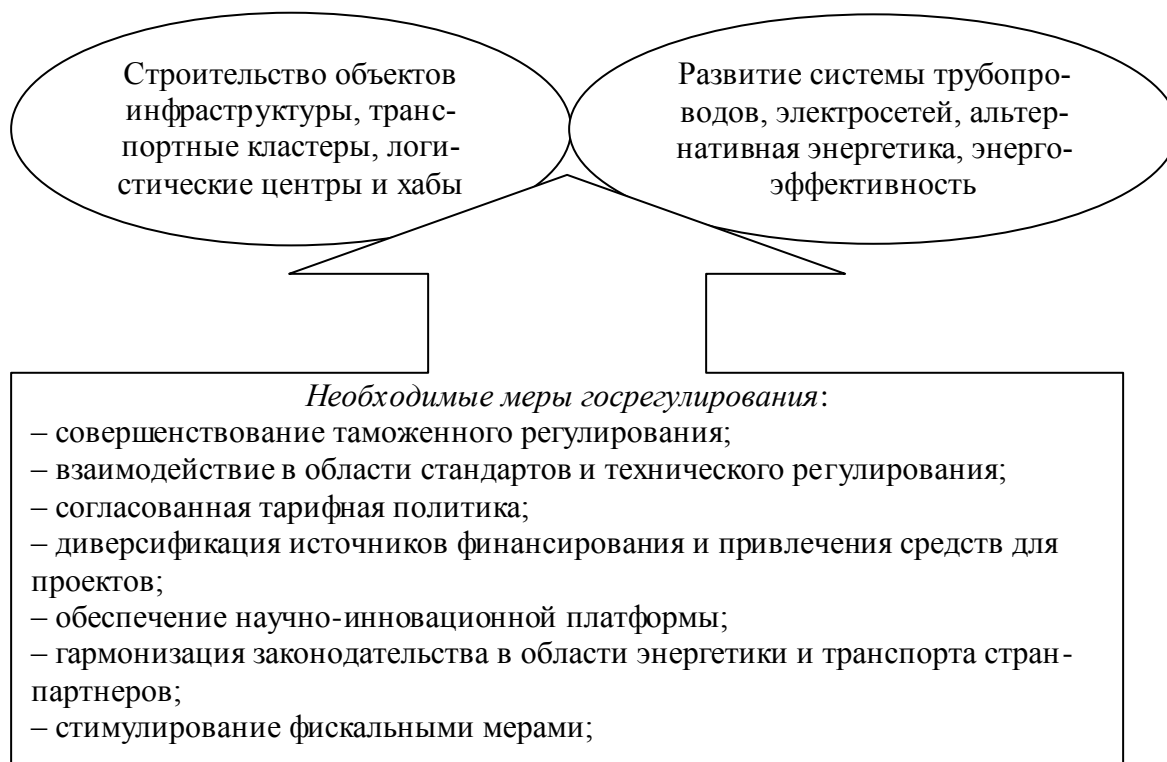

Рисунок 1.

Направления государственного регулирования расширения сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в области энергетики и транспорта

Перспективным направлением, где необходимо предпринимать меры государственной скоординированной политики двух стран и остальных членов ЕАЭС, по праву считается формирование общих энергетических рынков, речь идет о рынках электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов.

Совместный энергетический потенциал ЕАЭС, в том числе России и Казахстана должен эффективно служить гражданам наших стран, в связи с чем необходимо повышать инвестиционную привлекательность данных отраслей, использовать транзитные возможности, разрабатывать и внедрять новые инновационные технологии и производить конкурентоспособные товары и услуги для устойчивого развития наших государств в будущем.

Нужно всячески поддерживать совместные транспортно-логистические проекты, сокращать издержки и расходы, связанные с администрированием и транзитом, складированием и таможенным декларированием.

В XXI в. для мировой экономики, как известно, характерен значительный рост потребления ресурсов и энергии. Так, всего две страны – Китай и Индия уже сейчас потребляют 45% производимого в мире каменного угля, а по прогнозам предполагалось, что в 2020 г. будет потребляться почти 80% от всего мирового объема потребляемого угля¹.

В свою очередь, под влиянием нефтяных кризисов индустриально развитые страны мира в свое время встали на путь ресурсосбережения, снизив энергоемкость ВВП.

Для Казахстана, как и для остальных постсоветских государств, необходимость перехода от экстенсивных к интенсивным факторам роста возникла вследствие переориентации на рыночную экономическую модель развития, когда произошла кардинальная смена механизма взаимоотношений между экономическими агентами.

Сегодня экономика Казахстана все еще характеризуется сырьевой направленностью и высоким потреблением топливно-энергетических ресурсов. Высокая энергоемкость, низкий уровень энергоэффективности и энергосбережения ведут к нерациональному использованию ресурсов, снижают конкурентоспособность.

Стремление к устойчивому и благополучному будущему Казахстана диктует необходимость ориентации на ресурсосберегающие технологии, эффективного и рационального использования имеющихся запасов сырья, ресурсов, источников развития экономики страны. Локомотивом индустриально-инновационного развития Казахстана должны стать ресурсосберегающие оборудование, техника, технологии, методы и знания.

В данном контексте необходимо отметить актуальность проведенной международной выставки ЕХРО-2017 в г. Астана, что на наш взгляд, дало импульс дальнейшему развитию альтернативной энергетики в Казахстане. Тем более, что по поручению Главы нации Республики Казахстан Н.А. Назарбаева объекты выставки после ее проведения стали площадкой для разработки бизнес-идей, своего рода технопарком для активизации инновационных разработок и коммерциализации технологий будущего. В принципе, мы считаем, что это был большой вклад в построение эффективной научно-инновационной системы, включающей в себя и другие инновационные кластеры: научный парк «Астана бизнес-кампус», Назарбаев Университет и технопарк «Алатау».

На наш взгляд, требуют всевозможной поддержки совместные меры Казахстана и России по реализации проектов в области энергетической безопасности, улучшения экологической обстановки и снижения нагрузки на окружающую среду стран-партнеров, разработки новых альтернативных источников энергетики, наукоемких и ресурсосберегающих технологий.

В долгосрочной перспективе, требующей специальных мер регулирования, потенциал лидерства в области энергетики и транспорта следует увязывать с освоением макротехнологий. Среди наиболее динамичных макротехнологий с большим рыночным потенциалом (возможный рост более 10 раз), которые определяют структурные сдвиги и конкурентные позиции стран в мировой технологической иерархии выделяются биотехнологии, коммуникации и связь, компьютерные и информационные, микро- и радиоэлектронные, станкостроение и промышленное оборудование, добыча и переработка газа.

На современном этапе интеграции в ЕАЭС проводится большая работа по формированию единого транспортного пространства и созданию общего рынка транспортных услуг. В будущем предстоит еще большая работа, связанная с этим непростым процессом. Особо необходимо отметить такое важнейшее направление в совместном будущем партнерстве Казахстана и России, как реализация проекта по возрождению Шелкового пути и включению транспортных артерий наших стран в данный транспортно-инфраструктурный коридор.

В Казахстане еще в 2014 г. Главой нации Н.А. Назарбаевым была провозглашена новая экономическая политика «Нурлы жол», в рамках которой предусмотрена деятельность по сопряжению развития Евразийского экономического союза с проектом «Экономический пояс Шелкового пути» в сфере транспорта и инфраструктуры. В частности, предполагалось создание нового высокоскоростного мультимодального транспортного маршрута «Евразийский трансконтинентальный коридор», который планируется развивать на принципах «5С» – скорость, сервис, стоимость, сохранность и стабильность².

Для развития сотрудничества в области высоких технологий и инноваций имеются как предпосылки в виде имеющегося научного, интеллектуального потенциала, так и необходимые технические объекты, и не менее важно, взаимный практический интерес сторон.

В государственной поддержке нуждается, прежде всего, наука наших государств. Для того чтобы наука была востребована, необходимо чтобы ее разработки были сопряжены с практическими потребностями крупных национальных компаний, предприятий среднего и малого бизнеса. Государство должно побуждать с помощью косвенных рычагов экономического регулирования научные организации и институты наших стран к сотрудничеству с бизнесом.

¹ Мусабеков К. Экономические методы государственного регулирования политики ресурсосбережения. – <http://articlekz.com/article/14090>

² <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Транспорт.pdf>

Конечно, следует заниматься поиском новых источников финансирования разработок и внедрения инноваций. Речь идет о рисковом финансировании, необходимости развития венчурного финансирования инноваций и стартапов.

В качестве основных целей государственного регулирования развития и углубления интеграции между Казахстаном и Россией в рамках ЕАЭС отметим:

- обеспечение национальных интересов и безопасности стран-партнеров по Союзу;
- обеспечение устойчивого социально-экономического развития экономик наших стран и повышение уровня жизни граждан Союза;
- сохранение и воспроизводство природных ресурсов, используемых для промышленного развития отраслей стран-союзников;
- повышение конкурентоспособности, наукоемкости и инновационности продукции стран-членов ЕАЭС.

Таким образом, исследование перспектив казахстанско-российского сотрудничества в области энергетики и транспорта позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего государственного регулирования и поддержки данного направления взаимного сотрудничества стран. Для углубления взаимодействия электроэнергетических комплексов наших государств в рамках ЕАЭС целесообразно реализовать различные совместные проекты по добыче, переработке и транспортировке энергоресурсов. Необходимые меры госрегулирования связаны с проведением дальнейшей политики стран-членов ЕАЭС по созданию единого транзитно-транспортного пространства и формированию общего рынка транспортных услуг к 2025 году. В целях эффективного развития транзитного потенциала России и Казахстана требуется принятие активных мер по развитию нефтегазотранспортной инфраструктуры двух государств. Важное значение на современном этапе имеет комплекс мер по устранению административных, технологических, технических и экономических барьеров путем гармонизации, стандартизации и системного планирования.

Колташов В.Г.

директор Института нового общества

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНСЕНСУС: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ¹

Ключевые слова: *Евразия, Евразийский консенсус, Вашингтонский консенсус, экономика, политическая экономика, политика, мировой кризис.*

Keywords: *Eurasia, Eurasian consensus, Washington consensus, economy, political economy, politics, world crisis.*

Почему рассыпалась американская модель мирового экономического порядка, пресловутый «Вашингтонский консенсус»? Что несет формирование нового – далеко не глобального, но широкого и качественного иного формата?

Считается, что 1982 г. был последним в череде непростых кризисных лет на Западе. После него мир явственно вступил в эпоху «конца истории» в экономике оформленную формулой «Вашингтонского консенсуса». Американские политики утверждали: наигравшись в коммунизм и национальные кейнсианские эксперименты, человечество твердо встало на путь глобализации, настала эра «свободной торговли», дерегулирования рынков, а для капиталов и товаров – снятия ограничений на движение в мире. Некоторые либертарианские фантазеры на этом фоне доходили до того, что уверяли – государство отмирает, не в социалистическом (через устранение эксплуатации человека человеком), а даже в капиталистическом виде.

Время «рыночной свободы» было, естественно, далеко не всеобщим и не повсеместным. США на фоне щедро раздаваемых советов другим странам по дебюрократизации всего и вся сами оставались глобальным гегемоном вполне обычного имперского духа и повадок. Но все-таки «Вашингтонский консенсус» существовал. Западные политические руководители и корпорации держались сделки с начальством и дельцами стран полупериферии и периферии мира, куда входили и постсоветские государства. Запад уступал новым рынкам свою роль производителя товаров, а те признавали его функцию финансового центра.

По мнению западных финансистов, так должно было продолжаться и далее. К примеру, Банк Англии прогнозировал к 2050 г. рост активов банковского сектора страны до 950% ВВП (60 трлн. фунтов стерлингов), тогда как в 1975 г. они равнялись 100% ВВП, а в 2013 г. достигли 450% ВВП. Сейчас считается, что в британские планы вмешался конфликт с ЕС, на деле же помехой для всех западных центров стал глобальный экономический кризис. В 2008–2009 гг. он нанес свой первый удар именно по этой зоне мирового хозяйства, а в 2013–2016 гг. сильно задел уже экономики БРИКС и прочие «развивающиеся экономики». В этот самый момент и пришел конец «Вашингтонскому консенсусу», так как США и другие старые лидеры сами начали его демонтировать, в расчете принудить остальной мир к новым правилам игры.

И попутно они ссорились...

Еще Барак Обама показал намерение США создать новое «кольцо власти» в виде двух соглашений неограниченной торговли — Транстихоокеанского и Трансатлантического. Суть неограниченности торговли должна была свестись к такому статусу американских фирм, что их интересы могли бы стоять выше законов. Неудача этого плана была определена протестом Германии, а не приходом к власти явного производственного протекциониста Дональда Трампа. При нем давление Вашингтона на евразийские и латиноамериканские государства не прекратилось, как и не были отброшены надежды на подчинение их рынков после взлома их политических систем. Но если в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии дела у США шли не так уж плохо, то в Евразии успехи ограничились не полным взятием одной Украины.

Обратимся на время к природе мирового кризиса, вызвавшего столь серьезные изменения экономических и политических консенсусов.

Кризис, так сильно изменивший поведение стран старого центра капитализма, совершенно не случайно составил эпоху более десяти лет. Он находится в одном ряду с другими большими кризисами, знаменующими смену длинных волн развития капитализма по Николаю Кондратьеву. Проблема эта была подробно рассмотрена автором статьи в книге «Капитализм кризисов и революций»². Такие как современный большие кризисы могут быть нами выделены в 1770-е гг., 1809–1820 гг., 1847–1850 гг. и 1873–1880 гг. Они имели место в 1899–1904 гг. и в 1929–1933 гг. Последний кризис вошел в американскую и мировую историю как Великая депрессия. Кризис 1948–1949 гг. не стал равным своим предшественникам только из-за огромных разрушений во время Второй мировой войны. Зато он напугал американские правящие круги и побудил их принять план Маршала – теснее связать свою экономику с рынками послевоенной

¹ Доклад на I Евразийском аналитическом форуме.

² Колташов В.Г. Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм. – М.: Русайнс, 2019. – 224 с.

Западной Европы. Зато кризисная эпоха 1970-х гг. вполне подтвердила, что волны экономического развития рождаются и умирают в условиях особых кризисов. Причем развитие экономического регулирования расщепило большие кризисы второй половины XX столетия на волны. Однако не выполнив своей работы, кризисы не проходили, как бы удачно не снимались их признаки. Временным успехом была «победа над кризисом 2008–2009 годов».

В момент кризисных для Запада 1970-х годов советские идеологи констатировали очередную стадию «общего кризиса капитализма». Руководству СССР казалось, что наращивание в такой ситуации экспорта углеводородов ничем не грозит советскому строю, а даже облегчает консервацию его экономической практики со всеми ее пороками. В итоге же, когда началась эпоха неолиберальной глобализации, наша страна вступила в новую фазу истории. Правящие круги использовали новые мировые возможности в своих интересах.

В период глобализации 1982–2008 гг. в России завершилась бонапартистская стадия Великой революции и одновременно национальной истории. Началась эпоха реставрации с присущим ей отбрасыванием в сторону пафоса героических свершений и восхвалением приоритета частной жизни. Реставрировались широкий рынок, частная собственность и культурные признаки дореволюционной эпохи. Нужно отметить, что реставрация во всякой великой модернизационной революции существует как в плоскости политики, так и в плоскости экономики. В сфере экономики она несет в себе адаптацию к внешним условиям, встраивание в мировой рынок. Этот процесс всегда осуществляется к выгоде правящей группировки. Однако эта стратегия имеет свои пределы.

Для России пределом возможностей реставрационного экономического поведения стал мировой кризис, большое трансформирующее глобальное хозяйственное явление. Первая его волна не выполнила работы кризиса, а была остановлена общими усилиями правительства США, ФРС, ЕС и стран БРИКС. Вторая волна стала возможной именно потому, что причины кризиса к 2013 году не только не были ликвидированы (устранялись симптомы), но и стали более серьезными. Это в дальнейшем поставило перед Россией в лице ее деловой элиты и общества вопрос об отказе от политики неолиберального типа. Политика эта органична для отечественной реставрации. При этом неолиберализм, как отмечает Р.С. Дзарасов, – это мировое явление¹. Его установление запустило трансформацию капитализма, особенно усилив финансовый сектор². Но развитие делает необходимой новую трансформацию. Происходит она на уровне национальных центров.

Евразийская интеграция и шире – евразийский диалог привели под влиянием Второй волны глобального кризиса (2013–2016 гг.) и враждебных действий западных держав к возникновению нового формата отношений. Его точнее всего можно назвать словосочетанием «Евразийский консенсус», и если говорить о таком его компоненте как евразийская интеграция стран бывшего СССР, то нужно уточнить: первоначально она не мыслилась как альтернативная и тем более противостоящая ЕС и несовместимая с «Вашингтонским консенсусом». Однако уже тогда (в 2010–2011 гг.) можно было угадать, что Запад поймет её исключительно как объявление войны, о чем автор статьи в то время и предупредил. Вот только легкой победы у США и ЕС не получилось. Пережив и волну кризиса, и лавину нападков, евразийское сотрудничество не рассыпалось, а даже повысилось в международном статусе.

Резко возросла в этом процессе роль России. А к евразийскому формату потянулись страны Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Вскоре распад американской модели отношений, где не осталось доверия, поставил вопрос о торговых расчетах в национальных валютах. Естественно цену товаров в контрактах можно было зафиксировать в золоте или долларах с евро, но зафиксировать в них не означает их и использовать. А использовать национальные валюты – означает подпирать их международным товарным обменом, который с этого часа начинает работать не на доллар или иную старую резервную валюту.

Россия, Китай и Индия создают свой SWIFT, систему банковского учета и расчетов. У России своя платежная система после 2014 г. имеется, и это важно для формирования и расширения проекта. Включаться в него неминуемо будут и другие государства, поскольку всех тревожит начальство США над SWIFT.

Характерно, что и ЕС отнюдь не проявляет лояльности к США. Несколько десятков европейских банков, словно бы вдохновившись российским проектом карты «Мир», трудятся над созданием альтернативы американским платежным системам Visa и Mastercard. Еще десять лет назад Вашингтон и представить не мог подобной нелояльности со стороны своих союзников. Впрочем, он сам – еще при Обаме, как было уже отмечено, – пошатнул веру ЕС в сотрудничество с США. Надо учитывать, что если план Обамы и провалился, то подход американской элиты к Европе (и шире) остался неизменным: не рынок США должен работать на пользу других стран, а наоборот – их рынки должны поддерживать экономическую мощь США в ущерб местным фирмам и людям.

Но ЕС колеблется гораздо больше, чем участники евразийского диалога. ЕС колеблется еще и изнутри, раздираемый противоречиями. Тем временем он все более упускает инициативу на континенте, где явно ощущается становление Евразийского консенсуса. Причем он, в самом деле, является консенсусом, так как не навязывается государствам сверху, как это было с «Вашингтонским консенсусом», время которого прошло.

¹ Дзарасов Р.С. Неолиберализм и Россия // Политэкономика кризиса: от неолиберальной экономической модели к новому социальному государству. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – С. 41–42.

² Мудрова С.В. Трансформация структуры участников финансового рынка // ЦИТИСЭ. 2016. – № 1.

Кохно П.А.

д.э.н., профессор, директор Института нечетких систем
pavelkohno@mail.ru

Кохно А.П.

к.э.н., начальник лаборатории финансового планирования и прогнозирования Института нечетких систем

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Ключевые слова: экономика России, Евразийский экономический союз, интеграционные проекты, валютно-банковская парадигма, торгово-экономическое сотрудничество.

Keywords: economy of Russia, Eurasian economic union, integration projects, currency and bank paradigm, trade and economic cooperation.

Введение. Структурные процессы, происходящие в отечественной (национальной) экономике России и изменения, происходящие в динамике и уровне развития, значительно влияют на экономический рост, что в свою очередь во многом отражается в жизни страны и её перспективах на будущее. Экономический рост – это долговременные изменения реального объёма национального производства, связанные с развитием производительных сил в долгосрочном временном интервале. Существующие определения характеризуют экономический рост преимущественно с количественной стороны, что является существенным ограничением и не позволяет более полно раскрыть содержание данного явления.

Экономический рост является основным экономическим показателем. Он отражает способность национальной экономики удовлетворять потребности населения, реализуя необходимые ему блага, и способность повышать уровень его жизни. Сам экономический рост связан с количественным ростом благ по отношению к мировой экономике, однако такое возможно только при улучшении качества технологии изготовления благ в условиях влияния как экономических, так и неэкономических факторов в новых реалиях цифровой экономики [1, 2, 3]. Цифровая экономика характеризуется высокой динамикой смены бизнес-моделей, что требует постоянного мониторинга всех изменений в виртуальной среде для поддержки собственного бизнеса в состоянии рентабельности. В виртуальной экономике наблюдаются процессы консолидации, кооперации хозяйствующих субъектов в целях экономической синергии, то есть объединения предпринимательских структур в электронные сообщества «по интересам». Скорость развития цифровых технологий влияет на динамичность аудитории – быстро меняется «лицо» потенциального потребителя, его социальные и географические характеристики. Образование глобального цифрового пространства ставит перед менеджментом компаний задачу адаптации текущих бизнес-процессов и технологий к новым условиям.

Россия и страны-члены Евразийского экономического союза в изменяющейся валютно-банковской парадигме

В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) российско-белорусское Союзное государство в целом и Беларусь и Россия в отдельности получают ряд возможностей для долгосрочного развития. ЕАЭС в целом более интересен, чем его участники по отдельности, для кооперации с другими объединениями в связи с его более широкими масштабами рынка сбыта, источниками ресурсов и большой транспортной протяженностью. ЕАЭС может «выторговать» больше преференций при взаимодействии с крупными зарубежными блоками и государствами, чем отдельная страна. ЕАЭС также обеспечивает рамку для высокотехнологичной кооперации в сфере ВПК, атомной энергетики, космоса, в перспективе – в химии, IT и других отраслях.

Санкционные ограничения дают импульс для развития евразийского проекта и российско-белорусских отношений с опорой на внутренние ресурсы. Безусловно, дефицит западных технологий не может быть полностью восполнен в сжатые сроки. Однако прецедент санкционных ограничений, которые продолжают усиливаться, служит корректировке стратегических приоритетов и росту внимания к промышленному производству в стратегических секторах, а также разработке отечественных аналогов высокотехнологичной продукции, которую раньше было дешевле купить готовой на Западе (например, в сфере добычи энергоносителей).

Очень важно отметить сопряжённость ЕАЭС с китайским «Экономическим поясом Шелкового пути», а также формирование «Большого евразийского партнерства». Также следует отметить, что отношения России и Беларуси с Китаем вышли на уровень доверительного стратегического партнерства. Развитие политических отношений с Азией, и прежде всего с Китаем, будет способствовать развитию транспортных коридоров через территорию стран ЕАЭС (Казахстан – Россия – Беларусь) [4, 5]. Тем более, в конце сентября 2018 года Правительство России утвердило Комплексный план развития магистральной инфраструктуры на ближайшие 6 лет. Он включает порядка 200 проектов по

строительству скоростных магистралей, аэропортов, автомобильных и железных дорог на сумму более 6 трлн. рублей, из которых порядка 2,3 трлн. будут вноситься из федерального бюджета, а порядка 3 трлн. – частные инвестиции. Самым крупным проектом является проект по реконструкции и строительству дорог по маршруту Европа – Западный Китай, оцениваемый более чем в 1 трлн. руб. инвестиций.

Одним из позитивных факторов участия Белоруссии в ЕАЭС является финансовый эффект от получения кредитов на льготных условиях из Антикризисного фонда (в настоящее время – Единый фонд стабилизации и развития, оператор – ЕАБР). Так, в 2011–2013 гг. Республика Беларусь получила кредит из этого источника на общую сумму в 3 млрд. долларов США. Большую часть этих средств предоставила именно Россия. С учетом опыта европейских государств можно уверенно утверждать, что построение *полноценного валютного союза в рамках ЕАЭС в настоящее время реально* [6], так как активно идёт гармонизация национальных экономик. Для решения проблем в валютной и финансовой сфере необходимо разработать Концепцию формирования общего финансового рынка ЕАЭС, после чего целесообразно приступить к разработке конкретного плана по ее реализации. Разработка и принятие Концепции станут важным фактором углубления финансовой интеграции государств ЕАЭС. Создание общего финансового рынка в ходе финансовой интеграции будет способствовать повышению устойчивости рынков, в том числе за счет увеличения их объемов и ликвидности.

Потребность в координации курсовой политики обусловлена значительными валютными рисками и высокой волатильностью обменных курсов национальных валют стран ЕАЭС. Эти риски негативно влияют на взаимную торговлю и инвестиции государств ЕАЭС. Проведение государствами ЕАЭС согласованной валютной политики будет способствовать повышению устойчивости финансовых систем государств-членов ЕАЭС, развитию взаимных расчетов стран в национальных валютах, росту предсказуемости национальных валютных рынков и в целом устойчивому развитию экономик наших государств. При этом надо учитывать, что в 2010–2011 годах был утвержден документ *Базельского Комитета по банковскому надзору*, содержащий методические рекомендации в области банковского регулирования, который усиливает требования к капиталу банка и вводит новые нормативные требования по ликвидности. Этот комитет находится в Базеле (Швейцария) при Банке международных расчетов – неформальном центре управления мировой банковской системой. Документ, утвержденный Комитетом по банковскому надзору, получил название Базель III.

Китайская народная республика в этом мировом процессе работает на опережение, так как Председателем КНР Си Цзиньпином в январе 2017 г. в Давосе под именем «сообщество народов единой судьбы» сформулирована идея глобализации по-китайски, основанная на конфуцианской теории трех эпох. И тем самым положено начало созданию цифровой экономики путём ввода в Китае государственной цифровой валюты. В июле 2018 года Народный банк Китая запустил Единую сетевую онлайн-платформу для расчетов и контроля платежных операций вне банков. Так появился не только контур очистки финансовой среды от отмывания денег, взяток и уклонения от налогов, но и сделан шаг к созданию новой кредитной системы.

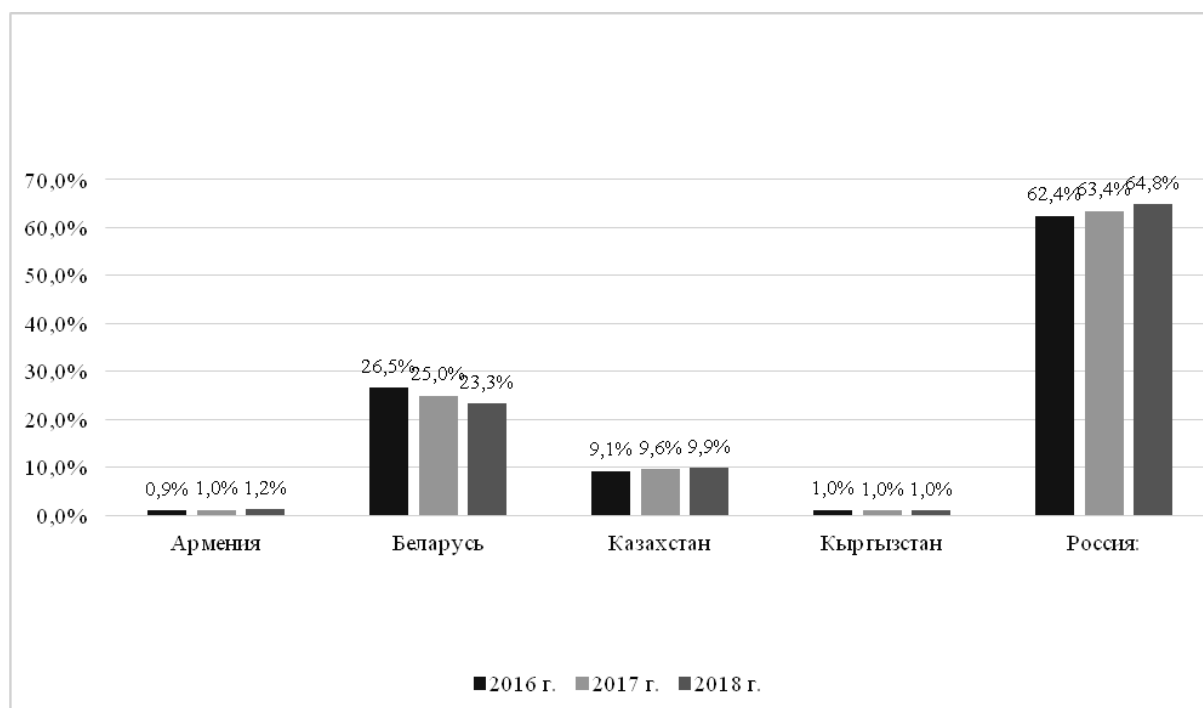
Российская Федерация может и должна создать средства информационного управления своей территорией без объединения ее с общемировой компьютерной сетью [7]. В этом Россия тоже имеет опыт – ее системы государственного управления автономны от глобальной сети. Создание такой системы должно проходить одновременно с развитием информационных технологий, позволяющих создать мобильное общество, в котором каждый может получить доступ к необходимой информации в любом месте и в любое время. Эти технологии предусматривают возможность создания уникальной системы для учета мнения каждого жителя страны, а также его реального участия в решении проблем как местного, регионального, так и федерального уровней. В этот исторически малый промежуток времени перестройки глобального финансового механизма Россия, чтобы остаться культурным и геополитическим феноменом, а русским – исторически определенной нацией, а также чтобы выиграть общемировое соревнование по образу жизни, должна сосредоточиться на скорейшем переводе торговли энергоносителями за рубли, превращении рубля в новую мировую резервную валюту и на этой основе формировании крупного регионального объединения. То есть Россия должна не препятствовать этому процессу, а возглавить его.

Мобильным Интернетом в России активно пользуются более 90 млн. человек. Так бюрократия для удержания власти создает экономические и технологические предпосылки для смены государственной формы собственности на гражданскую [8,9]. Одновременно развивается евразийская интеграция, т.е. создается огромное региональное объединение, вокруг первого евразийского трансконтинентального проекта, которое в 2010 г. предложил Китай: «Один пояс и один путь» – объединение проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века». И это исторически логично, потому что человечеству нужен не просто общий рынок, а взаимовыгодные общие экономические интеграционные проекты [4]. Наконец-то, началась торговля ресурсами за российские рубли: в марте 2019 г. дочерняя компания ПАО «Газпром» впервые провела электронные торги по поставкам газа в Западную Европу в российской валюте.

Внутренняя торговля стран-членов Евразийского экономического союза. Евразийская интеграция представляет собой последовательный, эволюционный процесс сближения национальных экономик на постсоветском пространстве. На современном этапе своего развития основной целью Евразийского экономического союза (ЕАЭС) стало противопоставление центробежным процессам на территории СНГ, конструктивного, взаимовыгодного диалога стран, сделавших выбор в пользу центростремительного развития (интеграции). В настоящий момент в состав Союза входят: Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Армения. Территория ЕАЭС занимает более 20 млн. кв. км или 14% от мировой территории суши. На территории Союза проживает 183,4 млн. человек. Фактически создание Евразийского союза явилось отправной точкой дальнейших интеграци-

онных процессов: формирование единого рынка потребительских товаров, промышленной продукции и транспортно-логистических услуг, общих институтов управления финансово-экономической сферой, единого бюджета ЕАЭС.

Внутренняя торговля в рамках ЕАЭС успешно преодолевает негативное влияние внешних факторов, связанных с падением цен на сырье и напряженностью в международных отношениях. Государства члены ЕАЭС развивают торговлю и стремятся снять экономические барьеры, препятствующие ее развитию. Наибольшую долю в поставках на единый рынок Союза занимает Российская Федерация (64,8%), на втором месте Республика Беларусь (23,3%), третье место у Казахстана (9,9%). Доли Армении и Кыргызстана составляют около 1% (рис. 1). Динамику внутренней торговли в ЕАЭС в 2018 г. определяла положительная тенденция роста взаимного оборота, берущая свое начало в 2016 г. (табл. 1). Сравнение показателей динамики за 2018 г. свидетельствует о замедлении темпов роста взаимной торговли по ЕАЭС при сохранении положительной тенденции увеличения объемов торгового оборота. Наибольшую ориентированность на рынок Союза демонстрирует Республика Беларусь. Доля взаимной торговли с государствами-членами ЕАЭС во внешней торговле за 2018 год составила 51% (41,1% экспорт и 59,7% импорт).

Источник: Авторская разработка на основе: Статистика ЕАЭС (Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2018 году») // Евразийская экономическая комиссия. – М., 2019. – www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx

Рисунок 1.
Доли стран ЕАЭС во взаимной торговле

Таблица 1

Динамика взаимной торговли ЕАЭС за 2016–2018 год, млн. долл. США

Страны ЕАЭС	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Отклонение		Темп роста	
				2017 от 2016	2018 от 2017	2017 от 2016	2018 от 2017
Армения: взаимная торговля	393,9	557,2	689	163,3	131,8	141%	124%
Беларусь	13,4	7	11,7	-6,4	4,7	52%	167%
Казахстан	5	4,9	9,8	-0,1	4,9	98%	200%
Кыргызстан	1	1,8	1	0,8	-0,8	180%	56%
Россия	374,5	543,5	666,5	169	123	145%	123%
Беларусь: взаимная торговля	11 384,8	13 651,1	13 891,8	2266,3	240,7	120%	102%
Армения	22	34,5	37,4	12,5	2,9	157%	108%
Казахстан	363,9	592,3	783,9	228,4	191,6	163%	132%
Кыргызстан	48,7	123,5	120,3	74,8	-3,2	254%	97%
Россия	10950,2	12900,8	12950,2	1950,6	49,4	118%	100%
Казахстан: взаимная торговля	3930,2	5262,6	5892	1332,4	629,4	134%	112%
Армения	0,6	5,6	7,5	5	1,9	933%	134%
Беларусь	47,2	101,2	87,5	54	-13,7	214%	86%
Кыргызстан	437,2	516,7	634,9	79,5	118,2	118%	123%
Россия	3445,2	4639,1	5162,1	1193,9	523	135%	111%
Кыргызстан: взаимная торговля	445,5	541,5	568,4	96	26,9	122%	105%
Армения	0	0,1	0,1	0,1	0		100%
Беларусь	3,3	7,1	7	3,8	-0,1	215%	99%

Казахстан	264,6	268,6	247,2	4	-21,4	102%	92%
Россия	177,6	265,7	314,1	88,1	48,4	150%	118%
Россия: взаимная торговля	26 804,3	34 685,5	38 679,9	7881,2	3994,4	129%	112%
Армения	962,5	1247	1341,4	284,5	94,4	130%	108%
Беларусь	15 248,8	19 573,8	22 779,8	4325	3206	128%	116%
Казахстан	9560,4	12 465,4	12 923,3	2905	457,9	130%	104%
Кыргызстан	1032,6	1399,3	1635,4	366,7	236,1	136%	117%
Итого по ЕАЭС	42 958,7	54 697,9	59 721,1	11739,2	5023,2	127%	109%

Источник: Авторская разработка на основе: Статистика ЕАЭС (Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2018 году») // Евразийская экономическая комиссия. – М., 2019. – www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx

Высокие показатели взаимодействия с рынком ЕАЭС имеются в Кыргызстане – доля взаимной торговли 34,9% (36% экспорт и 34,5% импорт) и в Республике Армения – доля взаимной торговли 29,1% (28,2% экспорт и 29,5% импорт). Пятая часть внешней торговли Казахстана приходится на рынок ЕАЭС (20,5%). Большая часть закупок традиционно приходится на долю Республики Беларусь (39,2% от общего объема взаимного импорта) и Российскую Федерацию (32,9%). Республика Казахстан приобретает на общем рынке 22,5% товаров, Кыргызстан 2,9%; Республика Армения 2,5%.

Статистические показатели стран-членов ЕАЭС свидетельствуют о следующих тенденциях, обозначившихся во взаимной торговле Союза:

1. По сравнению с 2017 годом темпы роста объемов взаимной торговли замедлились, но сохранили положительную динамику. Основными внешними причинами явились замедление глобального мирового экономического роста и высокая напряженность в международных торговых отношениях.

2. Влияние ценового фактора на стоимостные характеристики внутренней торговли уменьшилось. Вместе с тем, сохраняется относительно высокая волатильность национальных валют Республики Казахстан и Российской Федерации.

3. Сохраняется высокая товарная диверсификация единого рынка, что отражает взаимную дополняемость и когезионность стран-партнеров.

Рассмотрим более подробно основные экономические показатели, характеризующие взаимную торговлю основных партнеров Республики Беларусь по ЕАЭС: Российская Федерация, Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Оценка основных показателей внутренней торговли в рамках ЕАЭС по Республике Беларусь. По итогам 2018 года наилучшие результаты во взаимной торговле Республика Беларусь достигла с Казахстаном (рост составил 142,6%) и Арменией (130,7%). Основная белорусская продукция, экспортируемая в Казахстан – масло сливочное, молоко и сливки, кисломолочные продукты, автомобили грузовые, нефтепродукты, обои. Основной импорт – нефтепродукты, каменный уголь, природный и сжиженный газ, алюминий, прокат плоский из нелегированной стали. Прирост экспорта Беларуси в Армению обеспечили возросшие поставки говядины, молока и сливок, кисломолочных продуктов, масла сливочного, трансформаторов электрических, бумажной продукции, аппаратуры связи. Увеличение импорта предопределили закупки крепких спиртных напитков и лекарственных средств. Сокращение поставок в Кыргызстан (81,6%) связано со снижением по сравнению с 2017 годом продаж грузовых автомобилей, сахара, масла сливочного, молока и сливок, кисломолочных продуктов, машин и механизмов для уборки и обмолота сельскохозяйственных культур, частей и принадлежностей для автомобилей и тракторов, плит древесностружечных и древесноволокнистых. Также наблюдается сокращение динамики экспорта в Россию (100,6% против 117,8% в 2017 году). Основной причиной является существенное снижение стоимостного объема поставок молочной продукции, нефтепродуктов, машин и механизмов для уборки и обмолота сельскохозяйственных культур, вагонов железнодорожных, удобрений калийных, сахара. При этом на российский рынок приходится 93% экспорта Беларуси и практически весь импорт (99,4%) во взаимной торговле.

Выгоды от активизации внутренней торговли для Республики Беларусь. Большой объем рынка Российской Федерации обеспечивает сбыт для экспортно-ориентированной белорусской экономики, а также способствует уменьшению затрат на продуктовую дифференциацию для отдельных предприятий. Население Российской Федерации составляет 146,8 млн. чел. по состоянию на 1 января 2019 года. Почти все силы белорусских предприятий направлены на российский рынок (93% экспорта): сокращаются затраты по дифференциации маркетинга (упаковка, реклама). У российского потребителя сформирована устойчивая потребительская лояльность относительно белорусской продукции. Опросы показывают, что 79% российских потребителей считают, что белорусская продукция достаточно качественная. При этом схожесть нормативно-правовой базы и культурная идентичность обеспечивают работу белорусских предприятий фактически в условиях единого правового и культурного поля.

Проблемы экономической интеграции для Республики Беларусь. Периодически возникающие сложности в экономических отношениях двух стран. Например, эмбарго на импорт белорусских товаров в 2015 году; сложности при формировании цены на газ; разный визовый режим, как потенциальный источник конфликтов.

Рекомендации по развитию отношений между Республикой Беларусь и Российской Федерацией

Развитие новых форм и возможностей экономической интеграции в рамках Союзного государства Россия-Беларусь. Примером может служить создание новых интеграционных платформ, способствующих развитию межре-

гионального сотрудничества. Необходима активизация интеграционных процессов на базе применения таких инструментов, как единая валюта, интеграция научно-образовательных систем и др.

Целесообразно создание совместных предприятий по переработке углеводородов и активизация отношений в рамках развития единой транспортно-логистической инфраструктуры для обеспечения транзита товаров через территорию ЕАЭС.

Проведем анализ основных показателей внутренней торговли в рамках ЕАЭС по Республике Казахстан. Значительный рост поставок отмечен по всем товарным потокам взаимной торговли, за исключением экспорта в Беларусь (82,9%) и импорта из Кыргызстана (87,2%). Наиболее высокие темпы роста зарегистрированы в торговле с Арменией (142,1%). На существенное увеличение экспорта (прирост 41,2%) в Армению повлияли возросшие поставки крупного рогатого скота, проката плоского из нелегированной стали, табака и его заменителей, табачных экстрактов и эссенций, трансформаторов электрических. Рост импорта (прирост 43,1%) обеспечен увеличением закупок кокса и полукокса, крепких спиртных напитков. Снижение экспорта в Беларусь связано с сокращением поставок нефти, проката плоского и прутков из нелегированной стали, изделий из меди. Сокращены закупки в Кыргызстане руд и концентратов цветных металлов, одежды трикотажной, молочной продукции, отдельных видов овощей. Основным партнером Республики Казахстан во взаимной торговле остается Российская Федерация (88,1% экспорта Казахстана на единый рынок и 93,7% импорта во взаимной торговле). Объем взаимной торговли с Россией увеличился на 8,8% по сравнению с прошлым периодом (экспорт – на 11,9%, импорт – на 7,5%).

Выгоды от активизации внутренней торговли для Республики Казахстан обусловлены следующими причинами: создание совместных предприятий и взаимовыгодное сотрудничество исходя из географических особенностей и тесных транспортно-логистических связей («Новый шелковый путь»); доступ к новым рынкам сырья и рынкам сбыта продукции. Разница в налогообложении бизнеса, что стимулирует российских инвесторов открывать предприятия в Республике Казахстан

Проблемы интеграции для Республики Казахстан. Основной проблемой является высокая чувствительность национальной валюты Казахстана к падению курса валюты Российской Федерации из-за введения санкций против России. Также проблемой является асимметричность торговых отношений между Россией и Казахстаном. Низкая конкурентоспособность производимых готовых изделий по сравнению с аналогами, импортируемыми из дальнего зарубежья, ввиду недостаточной инновационности производства.

Рекомендации по развитию отношений между Республикой Казахстан и Российской Федерацией

Разработка унифицированной нормативно-правовой базы в рамках ЕАЭС, особенно в части налогообложения.

Развитие в Республике Казахстан обрабатывающей промышленности для повышения объемов экспорта с целью «выравнивания» объемов импорта и экспорта между странами.

Развитие инновационного партнерства на базе строительства транспортно-логистических центров, сухих портов, реконструкции железных и автомобильных дорог в рамках проекта «Новый шелковый путь» (Один пояс – один путь). Данная инициатива предполагает создание «Экономического пояса шелкового пути», связывающего материковый Китай с Европой посредством железно дорожных и автомобильных магистралей. В совокупности в данный проект вовлечено 60 стран.

В целом для активизации внутренней торговли в рамках ЕАЭС необходима активизация следующих направлений межгосударственного сотрудничества:

1. Развитие элементов транспортно-логистической инфраструктуры. Развитие сети скоростных автодорожных и железнодорожных магистралей. Растущий потенциал Китая создает уникальные условия для привлечения транзитных грузопотоков на территорию Республики Беларусь и других стран ЕАЭС. В настоящее время для ЕАЭС перспективными направлениями являются:

- развитие системы глобальных «транспортных колец» как несущей основы транспортной системы ЕАЭС;
- формирование глобальных транспортных узлов в направлениях Европа – Азия, Европа – Северная и Южная Америка, Азия – Северная и Южная Америка;
- внедрение высокоэффективных транспортно-логистических технологий по терминальной системе, мультимодальным и интермодальным перевозкам, создание единой мультимодальной транспортно-логистической компании, осуществляющей, экономическую интеграцию транзитных маршрутов за счет альянсов со всеми национальными операторами ЕАЭС;
- развитие сети многофункциональных придорожных комплексов;
- объединение объектов придорожного сервиса ЕАЭС в ассоциацию. Развитие сетей транспортно-логистических центров, способствующих оптимальному распределению грузопотоков через территорию ЕАЭС. Создание сухих портов на базе промышленных парков и иных элементов инновационной инфраструктуры.

2. Цифровизация экономики ЕАЭС. Повышение эффективности таможенных процедур за счет использования инновационных технологий (блокчейн, геоинформационные системы, элементы Интернета вещей, создание центров экспертизы). Повышение уровня контейнеризации, пакетирования грузов для оптимизации мультимодальных перевозок различными видами транспорта.

3. Унификация нормативно-правовой базы для государств-членов ЕАЭС: введение преференциальных таможенных тарифов: беспощинный экспорт в страны-члены ЕАЭС; комплексная поддержка производителей продукции в ЕАЭС при оформлении документации; предоставление преференций в виде уменьшения частоты проверок гру-

зов, ускорение технологического развития промышленных комплексов стран-участниц; реализация политики импортозамещения; наращивание экспорта промышленной продукции и др.

4. **Активное строительство многофункциональных придорожных комплексов** для обеспечения высокого уровня сервиса на автодорогах ЕАЭС, входящих во второй панъевропейский транспортный коридор (из-за стратегического значения последнего в развитии отношений с Китаем). Придорожный сервис – это уникальный элемент транспортно-логистической инфраструктуры, который призван удовлетворять потребности клиента-человека и обслуживания его транспортного средства в дороге. Необходимо отметить, что придорожный сервис интегрирует три важнейших вида хозяйственной деятельности: транспорт, торговлю и туризм. По уровню услуг сервиса на автодорогах определяется потенциал развития стран, их возможность осваивать и эффективно управлять своими территориями.

5. **Создание спросо-ориентированных цепочек поставок на основе интегрированных технологических цепочек**, представляющих собой формальное или не формальное объединение предприятий ЕАЭС на основе технологической и коммерческой общности интересов. Целью таких объединений является создание, производство и сбыт технически сложных изделий, требующих серьезного послепродажного обслуживания.

6. **Развитие логистики в ЕАЭС.** Формирование транснациональных мультимодальных интеграторов на базе крупнейших транспортных компаний. Активное использование элементов логистического аутсорсинга (контрактной логистики и услуг 3PL-провайдеров).

7. **Развитие промышленности** за счет общих технологических и кооперационных связей со странами ЕАЭС (энергетика, нефтехеработка, АПК, ВПК, пищевая промышленность, машиностроение).

8. **Рост взаимной торговли между странами-членами за счет снятия барьеров во внешней торговле в ЕАЭС.** Для закрепления выше обозначенных направлений необходимо развивать комплексные инновационно-инвестиционные программы.

Основные показатели развития взаимной торговли ЕАЭС свидетельствуют о высокой эффективности интеграционных, центристических процессов. Несмотря на рост напряженности в международных торговых отношениях и замедление глобального экономического роста, внутренний рынок Союза сохранил высокую динамику и имеет потенциал для наращивания оборотов внутренней торговли.

Для реализации на практике организационно-информационного содействия развитию внутренней торговли в странах ЕАЭС необходимо по опыту передовых зарубежных стран сформировать национальные системы информационной поддержки участников внешнеэкономического обмена, призванные решить две основные задачи:

– упростить доступ национальных экспортеров и импортеров к сведениям о современных достижениях отечественной и зарубежной науки и техники, передовом производственном и коммерческом опыте, конъюнктуре мировых рынков и перспективах их развития, формах и методах конкурентной борьбы, национальном и международном нормативно-правовом регулировании внешнеэкономической деятельности, включая решения международных экономических организаций;

– ознакомить представителей деловых кругов разных стран с достижениями в экономике, науке и технике конкретного государства, а также прорекламировать преимущества сотрудничества с его экспортерами и импортерами и пролоббировать интересы национальных экспортеров по официальным дипломатическим каналам.

С организационной точки зрения национальные системы информационной поддержки внешнеэкономической деятельности различных стран имеют схожую структуру, которая включает в себя следующие виды элементов:

- 1) государственные органы власти всех уровней.
- 2) заграничные представительства государства.
- 3) межведомственные организации по информационной поддержке.
- 4) торгово-промышленные палаты (ТПП).
- 5) добровольные объединения предпринимателей.
- 6) государственные центры информационной поддержки.
- 7) межгосударственный центр электронной торговли.
- 8) центр международной торговли (ЦМТ).
- 9) частные и государственные информационно-консультационные службы и редакционно-издательские организации.
- 10) научно-исследовательские и учебные заведения.
- 11) субъекты инновационной инфраструктуры.
- 12) институты финансового стимулирования экспорта.
- 13) региональная инфраструктура содействия развитию приграничного торгово-экономического сотрудничества.
- 14) координирующий орган системы информационного обеспечения внешнеэкономической деятельности.

Анализируя развитие мировой торговли, можно выделить следующие тенденции:

– Зависимость экономики стран от внешней торговли с каждым годом увеличивается, что подтверждает глобализацию мировой экономики. Несмотря на спад в мировой торговле в 2001 г., в последующие годы она развивалась весьма динамичными темпами. Это означает, что существование страны без внешнеэкономических связей в современном мире невозможно.

– Торговые связи между регионами становятся более тесными, причем расстояние не играет решающей роли при выборе партнеров. Несмотря на то, что доли внутри региональной торговли в общих объемах торговли во многих регионах и остаются высокими, тем не менее, межрегиональный товарооборот развивается динамичными темпами, особенно с Азией.

– Европа остается лидером в мировой торговле, причем ее позиции за анализируемый период укрепились. В то же время Азия являлась вторым по значимости регионом в мировой торговле. Одновременно тенденции развития торговли в Северной Америке свидетельствуют о снижении роли этого региона. Содружество независимых государств было самым динамичным регионом по развитию торговли в мире. Торговые отношения СНГ с другими регионами росли значительными темпами, как правило, намного превышающими средние показатели.

– Высокие темпы развития внешней торговли были отличительной характеристикой Китая, что привело к опережению им с 2004 г. Японии в качестве одного из мировых центров торговли.

– В 2000–2019 гг. возросло влияние торговли топливом и минеральными продуктами на развитие торговли в мире. В то же время торговля промышленными товарами росла не столь высокими темпами. Особенно это касается таких групп товаров, как офисное и телекоммуникационное оборудование, текстиль и одежда, где сохраняется значительный протекционизм в большинстве стран. Самые высокие темпы роста торговли среди всех групп товаров в 2000–2019 гг. были у фармацевтической продукции.

– Опережающими темпами растет международная торговля услугами.

В заключение статьи отметим, что все перечисленные направления внешнеэкономического развития и внешней торговли позволят значительно увеличить масштабы экономики российско-белорусского Союзного государства и в целом стран – членов Евразийского экономического союза. И, соответственно, повысить жизненный уровень их населения [10–20].

Список литературы

1. Кохно П.А., Кохно А.П. О задачах пространственного развития территорий с опорой на сеть автодорог // Бюллетень транспортной информации. 2020. – № 1 (495). – С. 18–24.
2. Кохно П.А., Кохно А.П. Высокотехнологичная промышленность в условиях цифровой трансформации // Общество и экономика. 2020. – № 1. – С. 66–80.
3. Кохно П.А. Евразийская индустриально-инфраструктурная интеграция: монография / Кохно П.А., Кохно А.П., Енин Ю.И., Карпов С.А. Отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. – М.: Граница, 2019. – 312 с.
4. Кохно П.А. Математические и программные средства цифровой экономики: монография / Кохно П.А., Кохно А.П., Карпов С.А. Отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. – М.: Граница, 2019. – 416 с.
5. Кохно П.А. Экономическая безопасность России в системе мирового технологического развития // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2019. – № 1. – С. 75–86.
6. Кохно П.А. Страны-участницы Таможенного союза перед выбором: инновационная экономика или рыночная // Общество и экономика. 2012. – № 5. – С. 78–89.
7. Кохно П.А. Компьютерная экономика: монография / Кохно П.А., Кохно А.П., Артемьев А.А. Отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. – Тверь: ООО «Центр научных и образовательных технологий», 2018. – 352 с.
8. Кохно П.А., Кохно А.П. Стратегический путь экономического развития – предприятия коллективных форм хозяйствования // Общество и экономика. 2018. – № 4. – С. 43–59.
9. Кохно П.А. Технологические инновации и коллективные формы хозяйствования // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2017. – № 11. – С. 43–56.
10. Енин Ю.И., Кохно П.А. Китайско-белорусский «Индустриальный парк «Великий Камень» как специальная зона экономического роста страны и ее региона // Общество и экономика. 2018. – № 12. – С. 77–87.
11. Кохно П.А. Белорусско-российские интеграционные процессы на современном этапе // Общество и экономика. 2019. – № 3. – С. 172–181.
12. Енин Ю.И., Кохно П.А. Современное состояние и перспективы развития белорусско-китайского торгово-экономического сотрудничества // Общество и экономика. 2019. – № 5. – С. 87–102.
13. Енин Ю.И., Кохно П.А., Ци Пэйюй. Экспорт продукции агропромышленного комплекса Беларуси в Китай // Общество и экономика. 2019. – № 10. – С. 75–81.
14. Кохно П.А., Кохно А.П. Целостность инноваций: монография / Отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. Науч. ред. к.э.н. А.П. Кохно. – М.: Граница, 2020. – 400 с.
15. Кохно П.А. Риски экономического развития: монография / Кохно П.А., Кохно А.П., Карпов С.А. Отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. – М.: Граница, 2020. – 504 с.
16. Кохно П.А. Инновационная экономика: факторы, показатели, модели // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2019. – № 2. – С. 33–46.
17. Кохно П.А. Инновационные технологические платформы Китайской народной республики и международные инвестиционные площадки // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2019. – № 7. – С. 5–20.
18. Кохно П.А. Механизмы и инструменты управления инновационным развитием промышленных предприятий // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2019. – № 10. – С. 5–18.
19. Кохно П.А., Кохно А.П. Брендинговые инструменты бизнеса: монография / Отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. Науч. ред. к.э.н. А.П. Кохно. – М.: Издательский дом «Граница», 2020. – 344 с.
20. Кохно П.А. Инструментарий инновационного развития высокотехнологичного производства // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. – № 3. – С. 27–40.

Кузнецов А.В.

д.э.н., с.н.с., профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет
kuznetsov0572@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ США НА ЕАЭС¹

Ключевые слова: деглобализация, региональное лидерство, приоритетные направления сотрудничества стран ЕАЭС.

Keywords: deglobalization, regional leadership, priority areas of cooperation of the EAEU countries.

С 2011 г. наблюдается снижение стоимостного объема мирового товарного экспорта, замедление темпов роста международной торговли и физического объема международного товарооборота. Стагнация мировой торговли связана с системным кризисом ВТО, вызванным неспособностью этой организации завершить Дохийский раунд переговоров, начавшийся еще в 2001 году. Стремительное заключение региональных торговых соглашений (РТС) и рост числа мер, ограничивающих торговлю, свидетельствуют о снижающихся возможностях США принуждать другие страны к соблюдению правил участия в многосторонней торговой системе. С приходом в Белый дом Дональда Трампа провалилась попытка США объединения многочисленных РТС под зонтиком мегарегиональных партнерств – ТТП и ТТИП. Тем не менее, Китай и Япония продолжают работу в направлении консолидации РТС, продвигая собственные версии мегарегиональных партнерств – ВРЭП и ВПСТТП (ТТП-11).

Современные дезинтеграционные процессы в мире обусловлены главным противоречием капитализма – между национально организованным государством и глобальным рынком, не знающим границ. Созданные по инициативе и при поддержке США универсальные межправительственные институты (МВФ, Всемирный банк, ВТО) с их жесткими правилами, негибкими и ограниченными системами регулирования служат препятствием для полноценной глобализации рынков. В условиях транснационализации и автоматизации производства с возрастающим участием развивающихся стран эти институты более не способны защитить США от «несправедливой» конкуренции со стороны Китая. Поэтому США всячески препятствуют их деятельности (например, через затягивание ратификации реформы квот и голосов МВФ или блокирование назначения новых арбитров в Апелляционный орган ВТО).

Обратной стороной глобализации рынков стало образование глобальных дисбалансов² и нарастание неравенства³ – проблем, которые не в состоянии разрешить многосторонние институты, включая Группу 20. Такое положение вещей является следствием отсутствия доминирующей силы в мире, способной вернуть глобальную экономику в состояние равновесия. В этой связи регулирование проблем, возникающих в мировой экономике, очевидно, будет продолжаться смещаться на региональный уровень. Это предполагает выдвижение на мировую политическую арену новых региональных государств-лидеров, способных уравновесить позиции суверенных государств и ТНК в распределении ресурсов планеты.

При анализе перспектив развития мировой торговли в первую очередь следует учитывать перестройку мировой экономики на новый технологический уклад. Сегодня только США, Россия и КНР обладают полным научным циклом – от проведения фундаментальных исследований до внедрения прорывных разработок в производство. Не исключено, что именно поэтому США ведут санкционные войны против России и торговые войны против КНР в стремлении ищтошения ресурсов этих стран и недопущения их к занятию ведущих позиций в новых производственных цепочках.

В качестве претендента на мировое (региональное) лидерство Россия обладает целым рядом преимуществ: уникальной конструкторской школой, превосходными программистами, способностью осуществлять неожиданные рывки (например, в разработке передовых образцов военной техники), ядерным зонтиком, способными обеспечить другим странам геополитическую защиту от США, а также уникальным опытом управления в условиях плановой экономики, огромным запасом энергоносителей, пресной воды и земель, пригодных для ведения сельскохозяйственной деятельности. Вместе с тем Россия испытывает дефицит финансовых ресурсов и современной производственной базы, которыми обладает Китай. Объединение всех указанных сравнительных преимуществ России и Китая позволило бы создать мощную платформу для прорыва в лидеры нового технологического уклада⁴.

¹ Доклад, представленный на I Евразийском аналитическом форуме. Публикация подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

² Эйхенгрин Б. Глобальные дисбалансы и уроки Бреттон-Вудса. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017

³ Стиглиц Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: Эксмо, 2015.

⁴ Хубиев Р. Главная формула XXI века: Россия либо сверхдержава, либо ее нет. 2019. – <https://regnum.ru/news/economy/2661957.html>

В условиях кризиса глобализации¹, антироссийских санкций², неопределенности исхода экономических войн между США и КНР³ и вызовов четвертой промышленной революции⁴ устойчивое развитие России зависит от эффективности поддержания внутренней социально-экономической стабильности, обеспечения независимого доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, взвешенного участия в процессах экономической глобализации, а также наличия необходимых производственных факторов для осуществления инновационно-технологического рывка.

Президент РФ В.В. Путин поставил перед правительством задачу вхождения России в пятерку крупнейших экономик мира к 2024 году⁵. Для оценки устойчивости развития России была разработана четырехфакторная система взаимосвязанных и сбалансированных показателей, включающая в себя 20 индикаторов (взятых из баз данных The Economist, МВФ, ВТО, Всемирного Банка, ЮНКТАД, Всемирного совета по золоту, Всемирного экономического форума в Давосе) и состоящая из следующих компонентов: макроэкономическая зрелость, финансовая стабильность, глобальная значимость и технологическая готовность.

На основе предложенной системы показателей были определены сильные и слабые стороны России в сопоставлении с лидерами мировой экономики – КНР, США, Индией, Японией и Германией для достижения поставленной цели. Результаты проведенного сравнительного анализа по 100 позициям (20 индикаторов для 5 стран) показали, что по половине сопоставимых индикаторов Россия занимает лучшие позиции, чем пять ведущих экономик мира.

Таким образом, Россия как экономический лидер ЕАЭС достигла необходимого уровня зрелости, чтобы обеспечить устойчивое развитие в рамках евразийской интеграционной группировки на основе новой индустриализации и развития сильной обрабатывающей промышленности, работающей на самом высоком технологическом уровне.

С целью противодействия дезинтеграционным тенденциям в мировой экономике и эффективного использования своих сравнительных преимуществ шестого технологического уклада странам ЕАЭС целесообразно развивать сотрудничество по следующим направлениям:

1) более активно продвигать евразийские ТНК на мировой рынке в том числе за счет механизмов ценовой конкуренции и промышленной политики;

2) создавать геополитический противовес США путем усиления комплексного объединения различных форматов евразийского сотрудничества в военной, политической, экономической сферах;

3) разрабатывать единую политику в сфере АПК (по примеру единой сельскохозяйственной политики ЕС) с целью обеспечения продовольственной безопасности Евразии и координации совместной деятельности государства, капитала и промышленности на евразийском экономическом пространстве для противодействия дезинтеграции многосторонней торговой системы и фрагментации глобального рынка;

4) разрабатывать и развивать легализованные механизмы неценовой конкуренции в рамках ВТО за счет создания эффективных форматов сотрудничества на основе государственно-частного партнерства и оказания точечной государственной поддержки конкретным производителям агропродукции, демонстрирующих высокую производительность труда, с включением в действующую систему индикаторов эффективности реализации государственной программы поддержки АПК таких финансовых показателей, как инвестиционная привлекательность и инновационность производства;

5) создавать совместные предприятия с основными покупателями российской хозяйственной продукции, прежде всего с Китаем и Индией, по организации глубокой локальной переработки российского агропромышленного сырья с целью более справедливого перераспределения добавленной стоимости в пользу российских агропроизводителей;

6) использовать цифровые технологии для интеграции всех участников ЕАЭС – государств, научно-исследовательских центров, баз данных производителей и потребителей – в единую информационную систему (например, с использованием опыта китайской компании Alibaba по созданию розничных и оптовых Интернет-магазинов) с целью обеспечения быстрого и централизованного доступа к этой системе потребителей и производителей;

7) рассмотреть возможность создания (совместно с Китаем и Индией) крупной авиатранспортной и авиатранспортной компании (по примеру европейского Airbus или американского Boeing) с целью обеспечения евразийского пространства собственными авиатранспортным парком, способным радикально снизить внутренние транспортные расходы и конкурировать с лидерами мировой авиакосмической промышленности;

8) рассмотреть возможность создания наднационального зонтичного органа в сфере развития атомной энергетики (по примеру европейского Евроатома). Учреждение такой организации позволило бы преодолеть ограничения участия стран ЕАЭС (БРИКС) в цепочках создания добавленной стоимости в сфере атомной энергетики, обусловленные вопросами национальной безопасности;

9) продолжить создание собственной расчетно-платежной системы на базе валют стран БРИКС (а также других ключевых валют Евразии – японской иены, южнокорейской воны, сингапурского доллара), которая позволила бы

¹ Загашвили В.С. Застой ВТО как проявление кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2019. – Т. 63, № 6. – С. 5–12.

² Экономические санкции против России и российские антисанкции: издержки и выгоды конфронтации / Под ред. Р.М. Нуруева. – М.: КНОРУС, 2018.

³ Stiglitz J.E. Trump and Globalization // Journal of Policy Modeling. 2018. – Vol. 40, N 3. – P. 515–528.

⁴ Балацкий Е.В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // Terra Economicus. 2019. – Т. 17, № 2. – С. 6–22. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22

⁵ Президент РФ. Указ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 2018. – <http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1>

осуществлять контроль над валютными потоками и выйти из-под зависимости от основанной на долларе США системы SWIFT.

В рамках планирования долгосрочного сотрудничества стран ЕАЭС (БРИКС) необходимо осознание важности создания наднациональных институтов, чтобы не ограничиваться только интеграцией в форме зон свободной торговли – последняя ставит в привилегированное положение более развитую экономику (в данном случае Китай), а это будет означать воспроизводство торговых дисбалансов на региональном уровне¹. Как свидетельствуют исторический опыт объединения американских провинций, колоний и территорий в единое национальное государство в США и опыт современных интеграционных процессов в ЕС, только наднациональные институты способны создать финансовую платформу для регулирования внутрирегиональных дисбалансов и вывести участников интеграционного объединения на более высокий уровень развития.

¹ Кузнецов А.В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия // Финансы: теория и практика. – М., 2019. – Т. 23, № 5. – С. 50–61. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61

Куклина Е.А.

д.э.н., профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В АРКТИКЕ КАК ИМПЕРАТИВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: Арктика, углеводородное сырье, международное сотрудничество, стратегическое партнерство, Северный морской путь, Ледовый Шелковый путь, экономический коридор.

Keywords: Arctic, hydrocarbons, international cooperation, strategic partnership, Northern Sea Route, Ice Silk Road, economic corridor.

Арктика определяется как северная полярная область Земли, включающая окраины Евразии и Северной Америки, почти весь Северный Ледовитый океан с островами (кроме прибрежных островов Норвегии), а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов. В Арктическую зону России полностью или частично входят восемь субъектов РФ; к зоне Арктики относятся 52 муниципальных районов и более 20 городских округов нашей страны

В советский период основными стратегиями развития северных территорий, в зависимости от масштабности поставленных задач (комплексное освоение территории, освоение ресурсов нефтегазоносных площадей или провинций, освоение локализованного месторождения полезного ископаемого), были две стратегии: 1) Норильский вариант анклавного самодостаточного комплексного освоения; 2) развитие Колымы и Чукотки по варианту «Дальстроя».

Сегодня Россия выбрала путь комплексного развития арктических территорий, возрождение Северного морского пути (СМП) и создание морского транспортного коридора, что создает новую транспортную конфигурацию Евразийского континента и усиливает позиции нашей страны в контексте национальной безопасности. Возрождение СМП связано с восстановлением маршрутов «северного завоза», практически утраченных в 90-е годы XX века, и более интенсивным использованием для этих целей водного транспорта; именно «северный завоз» является одним из индикаторов развития Арктической зоны России в современных социально-экономических и политических условиях.

Мы полностью разделяем мнение академика РАН П.А. Минакира о том, что освоение территории Арктики – это «масштабная и долговременная инвестиция в обеспечение ресурсного потенциала России, являющейся монопольным обладателем сырьевого потенциала для глобальной экономики на длительное время» [9].

В российском арктическом секторе сосредоточено более 90% запасов природного газа всей Арктики, около 10% активных мировых запасов никеля, металлов платиновой группы, титана, более 3% цинка, кобальта, золота и серебра. Геополитическая и геоэкономическая реальность начала XXI века обусловили расширение освоения арктического пространства и, в особенности, топливно-энергетических ресурсов (ТЭР), включая месторождения углеводородов континентального шельфа арктических морей.

Характеристика ТЭР российской Арктики приведена в табл. 1.

Таблица 1

Структура ТЭР Арктической зоны Российской Федерации

№ п/п	Полезные ископаемые	Ресурсы	
		млрд. тонн условного топлива	%
1.	Уголь каменный	626,0	52,0
2.	Уголь бурый	93,0	7,7
3.	Нефть и газ	245,0 (извлекаемые)	20,4
4.	Горючие сланцы	231,0	19,2
5.	Газовые гидраты	6,2	0,5
6.	Природные битумы	2,5	0,2
	ИТОГО:	1 203,7	100,0

Составлено по данным [11, с. 45].

По предварительным оценкам, к 2030 году треть всех углеводородов Россия будет добывать в Арктической зоне и, несмотря на тенденцию увеличения доли альтернативных и возобновляемых источников в мировом энергобалансе, углеводороды в перспективе по-прежнему будут оставаться основными источниками энергии.

По оценкам экспертов, на российском арктическом шельфе расположены запасы нефти и газа стоимостью до 20 трлн. долл. США, которые к 2050 году могут обеспечить 20–30% добычи нефти.

Российская Федерация является членом Арктического совета, в который входят шесть других приарктических стран (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, а также Швеция), созданного в 1996г. с целью содейст-

вия сотрудничеству в области охраны окружающей среды и обеспечения устойчивого развития приполярных районов в Арктике.

Значительный интерес к ресурсам Арктики проявляет сегодня и КНР, являясь одним из государств-наблюдателей Арктического совета. В уставе Арктического совета 8 стран региона и 13 стран, «присматривающих» за происходящим, определены как «нацеленные на управление и эксплуатацию территорий, расположенных в зоне, очерченной Полярным кругом».

В современном мире Северный Ледовитый океан уже совсем не так далек от Китая. Великая сибирская река Иртыш берет начало на территории Китая, ее воды впадают в Северный Ледовитый океан, а устье реки расположено поблизости от морского порта Сабетта, который является ключевым элементом транспортной инфраструктуры интегрированного проекта по добыче, сжижению и поставкам природного газа «Ямал СПГ».

Политические интересы Китая сводятся, во-первых, к обеспечению его экономических интересов и, во-вторых, поддержанию безопасности на евразийском пространстве. Китайский проект «Экономический Пояс Шелкового пути» (ЭПШП) призван развивать торгово-экономические отношения Китая с партнерами по региону посредством содействия их экономическому развитию, которое, в свою очередь, будет способствовать сохранению стабильной политической обстановки в этих государствах. Но необходимо учитывать, что китайские декларации о полном совпадении собственных интересов с интересами партнеров не всегда соответствуют тому, что делается на практике [5, с. 113].

Российско-китайское стратегическое сотрудничество в Арктике необходимо рассматривать сквозь призму сопряжения российского СМП и китайского Морского Шелкового пути XXI века, который получил название «Ледовый Шелковый путь».

В марте 2015 г. китайское правительство опубликовало документ под названием «Перспективы и действия по продвижению совместного строительства экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», в котором рассматривались два экономических коридора на море: 1) «Китай – Индийский океан – Африка – Средиземное море»; 2) «Китай – Океания – южная часть Тихого океана». А через два года, 20 июня 2017 г. Государственное океанографическое управление и Национальный комитет по развитию и реформам КНР представили «Концепцию морского сотрудничества в строительстве «Пояса и пути» [1]. В обоих вышеприведенных документах в качестве основы для сотрудничества указано совместное создание экономических коридоров вдоль международных магистралей, но во втором документе предлагается к Морскому Шелковому пути XXI века добавить третий экономический коридор – через Северный Ледовитый океан в Европу; при этом магистраль через Северный Ледовитый океан обозначает, собственно, российский СМП.

В дальнейшем на встрече с премьер-министром России Д.А. Медведевым 4 июля 2017 г. председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай готов развернуть сотрудничество с Россией на СМП для совместного создания «Ледового Шелкового пути» [7].

Ранее, до появления в публичном пространстве «Перспектив и действия по продвижению совместного строительства экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», наша страна не озвучивала никаких инициатив по совместному освоению (возрождению) СМП с участием КНР, а напротив, достаточно настойчиво относилась к китайской активности в Арктике. Во время визита председателя Госсовета КНР Си Цзиньпина в Россию в феврале 2014 г. президент РФ В.В. Путин сообщил о желании России сопрягать Транссибирскую магистраль с китайской инициативой «Пояс и Путь». Во время российско-китайских переговоров в ходе официального визита президента РФ В.В. Путина в КНР 20-21 мая 2014 г. в Шанхае было принято совместное заявление и подписан пакет документов о сотрудничестве, в которых речь шла только о ЭПШП. Таким образом, на тот момент Россия не готова была предлагать Китаю сотрудничество на СМП, оставляя ее за арктической рамкой, предпочитая традиционное сотрудничество с арктическими странами. Это отражено в таких основополагающих документах как «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года». Можно, предположительно, назвать две основные причины этого.

1. Начало военного строительства в Арктике и обоснованные опасения нашей страны в отношении другого игрока при невозможности его сдерживания имеющимися на тот момент силами.

2. Достаточность грузооборота СМП, который составлял не более 50% грузооборота советского периода, что вполне позволяло использовать имеющуюся инфраструктуру без ее расширения.

Некоторые зарубежные эксперты, анализируя уровень активности Китая в Арктике, полагают, что КНР пытается реализовать здесь принцип комбинирования применения морской силы и экономического освоения регионального пространства, что делает зону Арктики зоной возможного конфликта [12, 13]. Высказываются также серьезные опасения и российскими экспертами, связанные с возможностью затребования КНР для СМП статуса нейтральных вод, возможностью использования военных рычагов в установлении стратегического контроля над транспортным коридором и др.

Некоторые страны Арктического совета высказывают опасения, что намерения китайского присутствия в Арктике имеют в большей степени геополитическую, нежели экономическую природу, и связаны с замыслом создания китайского плацдарма по захвату Арктики. Именно по этой причине Норвегия в 2014 г. отказалась продать участок площадью 217 км² на острове Шпицберген китайской компании «Чжункунь»; Исландия, с которой КНР постоянно укрепляет экономические связи, наложила вето на продажу спорного участка площадью 300 км² на северо-востоке страны этой же компании. В 2016 г. Дания отклонила предложение китайской компании о покупке заброшенной в океанно-морской базы в Гренландии.

По нашему мнению, эти опасения преувеличены и не стоит демонизировать Китай а priori. Для ментальности китайцев более приоритетным и естественным является принцип добрососедства, нежели военная экспансия. Так, в соответствии с восходящими к Конфуцию национальными традициями Китая, при организации общественной жизни «следует руководствоваться принципами человеколюбия», а поведение должно быть поведением «благородного мужа». И двадцать пять веков китайцы жили согласно учению Конфуция, которое вполне заменяло им религиозные верования. При оценке качества и эффективности государственных управленческих решений Китая наилучшим образом подходит тезис о том, что в каждой стране менеджмент имеет свое «национальное лицо», во многом отражающее психологию народа, его национальные традиции [6, 7].

Кроме того, в последние годы Россия осуществляет масштабное военное строительство в Арктике как в зоне «двойного назначения», что не только усиливает наш контроль над СМП, но и добавляет спокойствия к попыткам входа других игроков в зону Арктику.

Сейчас интерес к Арктике в Китае достиг практически национального масштаба. Пока правители Поднебесной вырабатывают стратегию освоения Северного полюса, население буквально ломится в экстремальные туры – увидеть полярные льды своими глазами: свыше 80% туристов на российских круизных ледоколах – представители Китая [3]. Каждый пятый турист, посетивший в 2017 г. национальный парк «Русская Арктика», расположенный в северной части архипелага Новая Земля, был гражданином КНР [8].

В настоящее время, несмотря на то, что СМП отличается крайне суровым климатом и тяжелой ледовой обстановкой, а его использование существенно сложнее обычного транспортного маршрута, у России и Китая есть заинтересованность в сотрудничестве на СМП, несмотря на большие риски и сложности его использования (табл. 2).

Таблица 2

Факторы заинтересованности Российской Федерации и КНР в сотрудничестве на СМП

Факторы заинтересованности России в сотрудничестве на СМП	Факторы заинтересованности Китая в сотрудничестве на СМП
Растущие транзитные возможности на фоне глобального потепления	Безопасность маршрута по СМП
Наличие существенных конкурентных преимуществ как кратчайшего морского пути между мировыми экономическими центрами (Европой и Азией) в свободное ото льдов время, перед южным маршрутом (через Суэцкий канал) по затратам и времени доставки	Расстояние по СМП от портов севернее Шанхая до портов Западной Европы, Северного или Балтийского моря на 25–55% короче, чем по южному маршруту, поэтому срок доставки грузов сократится на 3–14,5 дней, а стоимость фрахта уменьшится на 11,6–27,7%
Сокращение более чем на 40% маршрута Йокогама – Роттердам, что уменьшает срок доставки на 9–10 дней и удешевляет перевозку грузов	Снижение цены на экспортные товары и ускорение товарооборота, что будет способствовать повышению конкурентоспособности китайских товаров и содействовать торговле между КНР и Европой
Безопасность СМП по сравнению с южным маршрутом (учитывая случаи пиратства на нем)	Благодаря выгодам использования СМП, северные районы Китая станут более привлекательными для привлечения инвестиций, а северные порты получат новые шансы для развития
По прогнозу, к 2030г. СМП возьмет на себя 25% перевозок из Азии в Европу, что принесет России значительный доход	Использование СМП будет стимулировать производство судов ледового класса и запчастей, строительство инфраструктуры, развитие услуг по логистике и т.д.
СМП имеет важное военное значение, так как позволит объединить ВМФ на западе и на востоке страны	Решение проблемы диверсификации транспортировки ресурсов и экспортных товаров

Возрождение и развитие СМП представляет собой сложную и капиталоемкую задачу, успешное решение которой возможно лишь в формате международного сотрудничества.

В декабре 2014 г. в Пекине был основан Фонд Шелкового пути, занимающийся крупными вложениями в инфраструктурные проекты в странах вдоль ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI века. В декабре 2015 г. по инициативе КНР в целях содействия азиатскому инфраструктурному строительству был учрежден Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). На встрече Президента РФ В.В. Путина с президентом АБИИ Цзинь Лицунем 18 мая 2016 г. было предложено участие в реализации российских проектов, в том числе расширение железно дорожной магистрали и устройства СМП, и получено согласие [10].

В ходе возрождения СМП и освоения Арктики промышленные предприятия КНР, осуществляющие свою деятельность в сфере энергетики, судостроения, финансов, логистики и морской инженерии, могут оказать российской стороне огромную техническую поддержку. Кроме того, китайское производство является надежной гарантией экономической эффективности при выполнении строительных работ.

Так, например, по планам строительство «Проекта Ямал СПГ» предполагалось завершить минимум за 52 месяца, а реально на это ушло всего 48 месяцев. В значительной степени это удалось благодаря китайским предприятиям-подрядчикам, которые сэкономили время за счет модульного производства, что существенно сократило длительность строительного цикла. На протяжении периода строительства из Китая отправлялись модули и материалы в порт Сабетга.

В сентябре 2015 г. Россия и Китай подписали соглашение о совместной реализации проекта «Белкомур» – стратегической железно дорожной магистрали, позволяющей соединить Белое море – Коми – Урал в единую транспортную систему Севера России и Арктики. Достаточно сложная финансовая модель проекта, чувствительная к изменению объемов перевозок, создавалась под китайскую корпорацию Poly Group.

В сентябре 2016 г. было подписано соглашение с китайской компанией о строительстве глубоководного порта в Архангельске. Проектом строительства предусматривается создание современного мультимодального хаба, включающего четыре универсальных и два специализированных (минеральных удобрений, нефтеналивных грузов и газового конденсата) терминала совокупной мощностью до 38 млн. тонн в год к 2035 г., подъездную автомобильную и железную дороги. Треть перспективного грузооборота составляют нефтепродукты и газовый конденсат добывающих компаний Арктической зоны.

Китай уже построил один из 10 крупнейших в мире глубоководных портов Шанхай (который в настоящее время является одним из ключевых каналов поставки импортных и экспортных грузов, обеспечивающим 20% морского грузооборота страны), а также такие глубоководные порты, как Гвадар, Кьяукпью и Хамбантоты, которые объединены понятием «нить жемчуга». «Нить жемчуга» обозначает политическую линию Китая, направленную на укрепление его стратегического присутствия вдоль главных путей транспортировки товаров (прежде всего нефти) из Восточной Африки и Ближнего Востока в Юго-Восточную и Восточную Азию, вплоть до острова Хайнань в Южно-Китайском море. Главными опорными пунктами «нити жемчуга» в Индийском океане являются порты Гвадар в Пакистане, Хамбантота в Шри-Ланке, Читтагонг в Бангладеш, Кьяукпью в Мьянме, а также станции слежения на принадлежащих Мьянме Кокосовых островах в Андаманском море.

В марте 2017 г. на международном форуме «Арктика – территория диалога» были подписаны акционерные соглашения с пулом инвесторов концессии по строительству угольного терминала «Лавна» в рамках Мурманского транспортного узла, а также договоры купли-продажи долей в проектной компании – ООО «Морской торговый порт Лавна»; объем инвестиций составит 300 млн. долл. США. Проект этого современного высокотехнологичного глубоководного порта, позволяющего переваливать 18 млн. тонн угля в год, включен в дорожную карту по переориентации российских внешнеэкономических грузов из портов Прибалтики в морские порты РФ, транспортную стратегию РФ и государственную программу «Развитие транспортной системы России».

Создание «Ледового Шелкового пути» из Китая в Европу через Северный Ледовитый океан, основанного на использовании СМП, является императивом нашего времени. Это обусловлено не только его значением для нашей страны, но и возвращением России статуса глобальной державы, повышением ее роли и значимости в современном мире, а также с растущим экономическим присутствием Китая, который является надежным стратегическим партнером Российской Федерации в современном мире.

Список литературы

1. Ван Шучунь, Еремин Владимир, Чжу Янь. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному морскому пути. – <http://svom.info/entry/785-novaya-kitajskaya-koncepciya-i-rossijsko-kitajskoe/>
2. ГТЛК сообщила о подписании акционерного соглашения по порту Лавна. – <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10894599>
3. Дракон в Арктике: почему Китай стремится в Заполярье. – <https://iz.ru/788765/vladimir-dobrynin/dragon-v-arktike-pochemu-kitaj-stremitsia-v-zapoliare>
4. Китай готов развивать Северный морской путь – председатель КНР. – <http://pro-arctic.ru/07/07/2017/news/27198>
5. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). – М.: Научный эксперт, 2016. – 130 с.
6. Куклина Е.А. Государственная поддержка инноваций в контексте модели национального менеджмента // Управленческое консультирование. 2013. – № 9 (57). – С. 11–21.
7. Куклина Е.А. Одна цель – две модели // VI Форум ведущих экономистов России и Китая. 22–25 мая 2014 года: сборник материалов / Под науч. ред. И.А. Максимцева, Чень Юйлу. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – С. 103–108.
8. Куклина Е.А., Чебан М. Арктический туризм как перспективное направление развития концессионных проектов в Российской Федерации // Экономика нового мира. 2019. – № 3 (15). – С. 6–12.
9. Минакир П.А. Пространственно-экономические аспекты освоения Арктики / П.А. Минакир, А.П. Горюнов // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2015. – Т. 18, № 2. – С. 486–493.
10. Путин предложил АБИИ рассмотреть участие в ряде российских проектов. – <https://ria.ru/20160518/1435868381.html>
11. Современные проблемы и перспективы развития арктического газопромышленного комплекса: монография / Под. науч. ред. С.Ю. Козьменко, В.С. Селина. – Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2017. – 228 с.
12. Keil K. Spreading Conflict? Institutions Regulating Arctic Oil and Gas Activities // The International Spectator. 2015. – Vol. 50, N 1. – P. 85–110.
13. Keil K. The Arctic: A new region of conflict? The case of oil and gas // Cooperation & Conflict. 2014. – Vol. 49, N 2. – P. 162–190.

Лойко Л.Е.

к.филос.н., доцент, Академия МВД Республики Беларусь, Минск
larisa.loiko@tut.by

ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Ключевые слова: *Союзное государство, Беларусь, Россия, институциональные структуры, право, безопасность.*

Keywords: *Union State, Belarus, Russia, institutional structures, law, security.*

Правовые институциональные структуры являются инструментом реализации совместных программ Беларуси и России в области инновационной деятельности, промышленной кооперации, информационной безопасности¹. От этих структур зависят качественные параметры эволюции Союзного государства².

Особая роль в стратегии развития Союзного государства отводится координированной инновационной политике³. Ее цель – создание единой научно-технологической и инновационной инфраструктуры, направленной на реализацию политики Беларуси и России по формированию конкурентоспособной модели экономики⁴. Объектом исследования стали институты Союзного государства, влияющие на инновационную активность хозяйствующих субъектов белорусской и российской экономики. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., утвержденная указом Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466, а также Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь акцентированы на эффективном использовании институтов Союзного государства в области науки.

Результатом стали совместные проекты в области технической кибернетики (суперкомпьютер СКИФ), освоения космоса. Благодаря этим программам Беларусь стала обладать космическими спутниковыми технологиями. Еще больше задач стоит в секторе промышленной кооперации. Они связаны с выходом экономик Беларуси и России на уровень V и VI технологических укладов. Эта цель сформулирована в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. (утверждена указом Президента Республики Беларусь от 31 января 2017 г., № 31).

В Российской Федерации принята к действию Стратегия инновационного развития страны на период до 2020 г. (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г., № 2227-р). Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике» и постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 придали институциональную основу государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика». Эта программа включает подпрограмму «Стимулирование инноваций».

После ратификации Договора о создании Союзного государств 26 января 2000 г. реализации совместной инновационной политики России и Беларуси способствуют Высший Государственный Совет, Совет Министров, Постоянный Комитет Союзного государства, Парламентское Собрание Союза России и Беларуси, Пограничный и Таможенный комитеты, Телерадиовещательная организация «Мир». В результате реализованы программы «Союзный телевизор» (1998 г.) и «Союзный телевизор-2» (2001 г.) с конечным результатом в виде цифрового телевидения.

Важную роль сыграла программа «Развитие дизельного автомобилестроения» (1998 г.). Она сохранила промышленную кооперацию белорусских и российских предприятий и связанный с ней рынок занятости в 15 миллионов человек.

Продолжается процесс организационной перестройки государственной и межгосударственной системы управления НИОКР и инновациями, государственно-частного партнерства. Формируются региональные, межрегиональные и международные инновационные кластеры, а также совершенствуется инновационная инфраструктура университетских комплексов⁵. В данном контексте анализируются перспективы развития инновационной сферы Союзного госу-

¹ Российско-белорусские отношения в горизонте до 2020 года: итоги форсайт-сессии / Под ред. А.Д. Саулина. – М., 2017.

² Караткевич А.Г., Головин Ю.А. Процесс интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. – Т. 20, № 6. – С. 290–296.

³ Соколов М.С., Абрамов Р.А. Институциональные аспекты межгосударственной интеграции стран-участников Союзного государства в инновационной сфере // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. – № 2. – С. 113–127.

⁴ Дорина Е.Б., Молчанова О.П. Межгосударственная интеграция России и Беларуси в инновационной сфере как фактор повышения конкурентоспособности в условиях глобализации // Научные труды Белорусского государственного экономического университета: юбилейный сборник. Вып. 6. – Минск, 2013. – С. 98–104.

⁵ Абрамов Р.А., Соколов М.С. Анализ эффективности кластерных проектов Союзного государства // Финансовое право и управление. 2017. – № 1. – С. 18–32.

дарства¹. Переход Союзного государства к стадии цифровой экономики актуализировал тематику эффективного использования Интернет-порталов².

В границах Союзного государства угрозу национальной безопасности создают контрабандная и контрафактная продукция. В условиях цифровой экономики задача контроля над движением товаров переходит на новый уровень взаимодействия правовых структур Беларуси и России. Специалистами двух стран разработана инфраструктура для создания единой платформы прослеживаемости товарных потоков. За основу взят опыт успешной реализации аналогичного проекта в Беларуси.

Государственная информационная система промышленности (ГИСП) уже сочетает функции информационно-аналитической системы, торговой площадки, точки сбора различных проектов и инициатив. На ее базе актуально создание единого сервиса прослеживаемости происхождения и движения товаров. ГИСП является единой системой взаимодействия промышленных предприятий с органами власти, научными и образовательными организациями, инжиниринговыми центрами, инвесторами, заказчиками продукции. В ней содержится информация о поставщиках и производителях сырья, комплектующих, оборудовании, о более чем 4 500 позиций открытого каталога продукции и более 150 000 позиций торгового каталога, доступных для заказа на электронной торговой площадке. Данные размещены на интерактивной карте, включающей информацию об объектах транспортной инфраструктуры, моногородах, территориальных кластерах, промышленных и технологических парках.

8 декабря 2016 г. правительство Республики Беларусь, государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», ОАО «Банк развития Республики Беларусь», государственный специализированный Российский экспортно-импортный банк и ОАО «Белвнешэкономбанк» подписали меморандум о намерениях по созданию интеграционной платформы развития. Действия сторон предполагают совместное участие в развитии финансовой инфраструктуры для реализации экспортных проектов с высоким интеграционным потенциалом.

Создан механизм финансовой поддержки конкретных совместных российско-белорусских проектов в высокотехнологичных отраслях экономики, ориентированных на современные форматы цифровой экономики. Белорусско-российский проект является частью масштабной программы, строительства экономических интеграционных связей Республики Беларусь и Российской Федерации как субъектов Союзного государства.

В апреле 2017 г. Республика Беларусь и Российской Федерацией достигли договоренности о реализации научно-технических мероприятий для создания пилотного российско-белорусского сегмента открытой программно-технической платформы Интернета вещей (ИВ) на основе технологий радиочастотной идентификации (RFID) и формирования на ее основе системы мониторинга товарных потоков. В качестве государственного заказчика с белорусской стороны определена Национальная академия наук Беларуси и входящий в ее структуру Центр систем идентификации.

К созданию проекта открытой программно-технической платформы Интернета вещей подключились предприятия радиоэлектронной и микроэлектронной отрасли Республики Беларусь и Российской Федерации. Белорусско-российский сегмент платформы создается на основе технологий автоматической и радиочастотной идентификации (RFID). Разработана система мониторинга товарных потоков – «ИВ-СГ» на 2018–2022 годы. Апробация системы осуществляется в нескольких регионах России.

Поставлена задача обеспечения реального импортозамещения, что предполагает загрузку существующих промышленных активов, создание высококвалифицированных рабочих мест, улучшение качества жизни населения. Этот проект может быть сопряжен с логистикой Нового шелкового пути.

Открытый принцип информационных потоков и логистики делает актуальной задачу обеспечения безопасности Союзного государства, что отражено во второй статье Договора о создании Союзного государства. В числе задач – борьба с преступностью, терроризмом, коррупцией, распространением наркотиков (ст. 18)³. Особая роль в связи с этим отведена органам внутренних дел.

С 1997 г. действует Соглашение о сотрудничестве между Министерствами внутренних дел Республики Беларусь и Российской Федерации. 13 декабря 2018 г. подписано Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации об информационном взаимодействии и обмене информацией в электронном виде по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел.

Руководители уголовного розыска МВД Беларуси и России в Минске обсудили вопрос укрепления сотрудничества. За шесть месяцев 2019 г. на территории Беларуси по инициативе российской стороны установлено 55 человек, которые обвинялись в совершении преступлений, и 13 пропавших без вести. На территории России задержано 128 граждан, разыскивавшихся по инициативе МВД Республики Беларусь.

МВД Российской Федерации предоставило МВД Беларуси программный комплекс автоматизированной системы «Антитеррор», который постоянно пополняется сведениями. В целях обеспечения общественного порядка, предупреждения и своевременного пресечения преступлений в поездах межгосударственного сообщения Департаментом охраны правопорядка на транспорте МВД России и УВД на транспорте МВД Беларуси подготовлена и утверждена

¹ Корбут Е.С., Богдан Н.И. Перспективы развития научно-инновационного пространства Союзного государства // НИРС БГЭУ – 2011: сборник научных статей. Вып. 1. – Минск, 2011. – С. 77–80.

² Соколов М.С. Роль и перспективы развития региональных инвестиционных Интернет-порталов в рамках формирования информационного пространства Союзного государства // Общее информационное пространство Союзного государства. – Минск, 2016. – С. 157–163.

³ Бахлова О.В. Интеграционное взаимодействие в борьбе с терроризмом как трансграничной угрозой (на примере Союзного государства) // Социально-политические науки. 2016. – № 2. – С. 65–66.

Единая дислокация нарядов милиции по сопровождению поездов межгосударственного сообщения с использованием возможностей программно-технического комплекса «Розыск-Магистраль».

Единое правовое пространство Союзного государства подразумевает действие на всей его территории единообразных правовых норм и институтов¹. Предусматриваются два способа формирования единого правового пространства: унификация внутреннего законодательства России и Беларуси и создание единого законодательства Союзного государства.

Унификация законодательства предполагает принятие единообразных нормативных актов каждым из государств-участников Союза либо принятие нормативного акта одним из участников Союза по аналогии с нормативно-правовым актом другого участника. Унификация законодательства государств-участников не является достаточной для формирования единого правового пространства государства. Единство государства требует наличия единых нормативно-правовых актов, распространяющих свое действие на всю его территорию.

Акты Союзного государства составляют лишь малую часть правовой системы Союзного государства. Важную роль играет интеграция в научной и образовательной сфере в аспекте функционирования правоохранительных органов России и Беларуси. С учетом развития общественных отношений, появления новых видов преступного бизнеса, высокого технического оснащения преступников деятельность правоохранительных органов требует соответствующего научного обеспечения. В Республике Беларусь и в Российской Федерации развиваются теоретические основы оперативно-розыскной деятельности, но ограничительные грифы в определенной степени сдерживают их практический потенциал.

Таким образом, несмотря на определенные трудности, формирование правовых институциональных структур Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках Союзного государства осуществляется с достаточно высокой динамикой.

¹ Осипов А.В. Проблемы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь в контексте функционирования Союзного государства // Электронный журнал «Архонт». 2019. – Вып. 1. – С. 93–96.

Меденников В.И.

д.т.н., с.н.с., в.н.с. Вычислительного центра ФИЦ «Информатика и управление» РАН
dommed@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕАЭС¹

Ключевые слова: ЕАЭС, цифровая платформа, информационные системы, информационное Интернет-пространство, цифровое взаимодействие, научно-образовательные ресурсы, математическое моделирование.

Keywords: digital platform, information systems, information Internet space, digital interaction, scientific and educational resources, mathematical modeling.

В последнее время мы являемся свидетелями активной реорганизации системы интеграционных взаимосвязей в мире как на глобальном, так и на региональном уровнях, что требует научного осмысления и анализа новых форм и закономерностей этого явления. Особое внимание должно быть уделено проблемам развития интеграции Евразийского экономического союза и, как следствие, оценкам возможных рисков от несистемного, некомплексного подхода к этому процессу. Например, это проявляется в оценке результатов интеграции ЕАЭС по росту взаимной торговли между членами ЕАЭС. Ради закрепления положительных тенденций решением ЕЭК № 28 от 16.10.2015 г. планируется к 2025 г. сформировать:

- единые рынки финансов, энергоресурсов (электроэнергии, газа, нефти и продуктов из них);
- единое транспортно-логистическое пространство;
- единую политику в сфере агропроизводства;
- свободное движение товаров и рабочей силы путем ликвидации всевозможных преград.

Однако, очевидно, что без формирования единого информационного Интернет-пространства цифрового взаимодействия ЕАЭС (ЕИИП ЕАЭС), состоящего из единой цифровой платформы управлением экономикой и единого информационного Интернет-пространства научно-образовательных ресурсов (ЕИИП НОР) ЕАЭС, перечисленные рынки развиваться должным образом не смогут. Это, в конечном счете, скажется на эффективности функционирования самого Союза, особенно, в контексте мирового тренда в области цифровизации общественного развития, которому предсказывают роль основного драйвера развития мировой экономики.

Страны Союза просто обязаны совместно использовать имеющийся потенциал как в части финансов, материальных ресурсов, техники и технологий, так и в части цифровых данных. Объединение всех видов ресурсов крайне важно для их совместного и планомерного наращивания. Выявление и снятие в этой связи лишних препятствий становится главной задачей, которую придется решать на основе новых информационных технологий.

Понимая это, главы государств-членов Союза 26 декабря 2016 г. на заседании Высшего Евразийского экономического подписали «Заявление о цифровой повестке ЕАЭС». Данный документ готовился, в основном, представителями Мирового банка на основе опыта цифровизации различных интеграционных объединений и поэтому носит декларативный характер [1]. В документе говорится о том, что важно выработать общий, скоординированный подход в рамках цифрового развития на национальном и союзном уровнях для получения максимальных эффектов (цифровых дивидендов) для всех участников. Конкретизация цифровой повестки идет с трудом в силу многих причин. Это и отсутствие стратегического целеполагания в деятельности ЕАЭС, это и разный уровень цифровизации стран, осуществляемой локально с различной скоростью и особенностями. Таким образом, в настоящее время ЕАЭС еще только нащупывает направления развития цифровой экономики (ЦЭ) в соответствии с новыми возможностями ИКТ.

Есть и еще одна не менее важная проблема, которая не позволит с достаточной степенью эффективности конкретизировать цифровую повестку. Это проблема интеграции информационных ресурсов, информационных технологий (ИТ) и систем (ИС). Многообразие применяемых ИТ и ИС, как правило, носящих гетерогенный характер, разнообразие форматов данных, циркулирующих в информационных потоках, зачастую несовместимых по горизонтали и вертикали, сделали чрезвычайно актуальной задачу интеграции указанных выше ИТ и ИС в единую информационно-управленческую среду. Недостаточный уровень интеграции ИС, неупорядоченное, хаотичное освоение новых возможностей Интернет-технологий приводит не только к экспоненциальному росту объема контента, но и к избыточному расходованию других ресурсов как технических, так и энергетических.

Данную проблему пока не удается решить даже внутри страны. Понимая важность интеграции и стандартизации ИТ и ИС, в Агентстве стратегических инициатив 18.02.2018 г. по инициативе администрации Президента была проведена даже специальная стратсессия по онтологическому инжинирингу различных отраслей в целях успешной интеграции их информационных систем в формируемое единое информационное пространство с последующей разра-

¹ Доклад на I Евразийском аналитическом форуме.

боткой единых стандартов цифровой экономики [2]. Сессия закончилась неудачей в силу отраслевых различий в понимании данной проблемы. Осознают это и некоторые чиновники. Так, 02.02.2017 г. на совещании по формированию основных направлений и ключевых мероприятий программы «Цифровая экономика» заместитель руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ Пушкин В.М., заявил: «мы не знаем, что делать с 5000 ИС на федеральном уровне, с 50 000 ИС на региональном уровне, которые не связаны между собой, не интегрированы». Ему вторит член Коллегии ЕЭК, отвечающий за информатизацию, Минасян К.А.: «Мы до сих пор делали ИС фрагментарно, если и дальше так делать, то опять потом придется все ломать и строить вновь, как часто бывает. Будем считать, что мы за эти годы насыщали страны техникой, обучали будущих пользователей, теперь пора браться всерьез».

Поэтому в программе цифровой экономики, зафиксированной в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», реализуются только федеральные проекты, нашедшие относительное понимание экспертного сообщества: нормативное регулирование цифровой среды, информационная инфраструктура, кадры для цифровой экономики, информационная безопасность, цифровые технологии, цифровое государственное управление. Комплексной же цифровизации предприятий, разработке стандартов на всей оси проектного пространства информационных систем внимание не уделено. Недостаточный уровень интеграции ИС является одной из причин, способных помешать эффективности достижения целей программы цифровой экономики, а также становлению цифровизации технологий общего назначения.

Игнорирование концептуальных основ идей выдающихся ученых А.И. Китова и В.М. Глушкова об общегосударственной автоматизированной системе сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством в СССР (ОГАС) [3] привело к тому, что на многих предприятиях страны появилось огромное количество изолированных и функционально несовместимых локальных ИС, так называемых гетерогенных систем, уровень гетерогенности которых постоянно увеличивается. Сначала они исчислялись десятками, а затем сотнями и тысячами. Принципы же проектирования остаются позадачными. Существующие ИС и онтологические модели неадекватны потребностям ЦЭ.

В настоящее время появился уникальный шанс перейти к цифровизации АПК на принципиально новой основе. Уровень ИКТ, достигнутый к настоящему времени, позволяет перейти к технологиям как разработки информационных систем (ИС), составляющих суть цифровой экономики (ЦЭ), так и к технологиям управления развитием общества на идеях ОГАС. Эти идеи предполагают формирование единой системы сбора и анализа учетной и статистической отчетности, внедрение типовых производственных, научно-образовательных информационно-управляющих систем (ИУС) на основе выработанных стандартов.

Обобщить, объединить и структурировать такой огромный пласт знаний возможно только на основе системного, научного подхода. Именно данный подход был применен при разработке системы управления эталонным объектом – агрокомбинатом «Кубань», объединяющим 65 предприятий и представляющих 19 их типов, в рамках задания «Электронизация сельского хозяйства» Комплексной программы НТП стран-членов СЭВ. Работы были осуществлены Всероссийским научно-исследовательским институтом кибернетики АПК (ВНИИК), в котором была собрана большая команда выпускников МФТИ (около 50). За созданием ВНИИК и руководством работ стояли выдающиеся ученые, такие как академики Н.Н. Моисеев и А.А. Никонов.

Рисунок 1.
Укрупненная концептуальная информационная модель растениеводства

В результате расчетов на основе модели синтеза оптимальных ИС [4] были получены и разработаны онтологические (концептуальные) и логические модели технологических БД в растениеводстве, животноводстве, механизации и т.д., единые для всех сельскохозяйственных предприятий России. Аналогичным образом была проведена интеграция на основе онтологического моделирования технологических БД в 19 типах предприятий других отраслей. Например, на рис. 1 приведена укрупненная концептуальная информационная модель растениеводства, разработанная силами творческого коллектива из различных ведущих отраслевых растениеводческих НИИ и ВНИИК на единой методической основе. Кроме того, этим коллективом были выделены 240 задач онтологическим моделированием функций управления с едиными согласованными алгоритмами для всех сельскохозяйственных предприятий России. В скобках указано количество атрибутов в соответствующем информационном блоке.

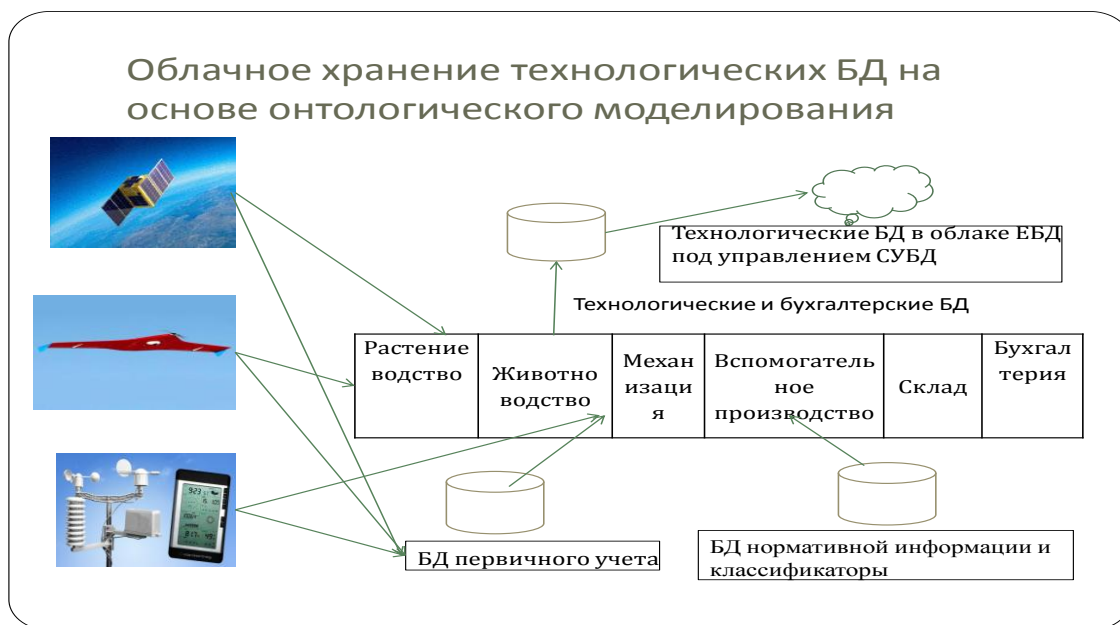

Рисунок 2.
Облачное хранение технологических БД

На рис. 2 приведена схема облачного хранения технологических БД. Кроме того модель синтеза оптимальных ИС позволила получить еще один результат с далеко идущими последствиями. Вся первичная учетная информация может быть сформирована в универсальном виде (стандарте): вид операции, объект операции, место проведения, кто проводил, дата, интервал времени, задействованные средства производства, объем операции, вид потребленного ресурса, объем потребленного ресурса (рис. 3).

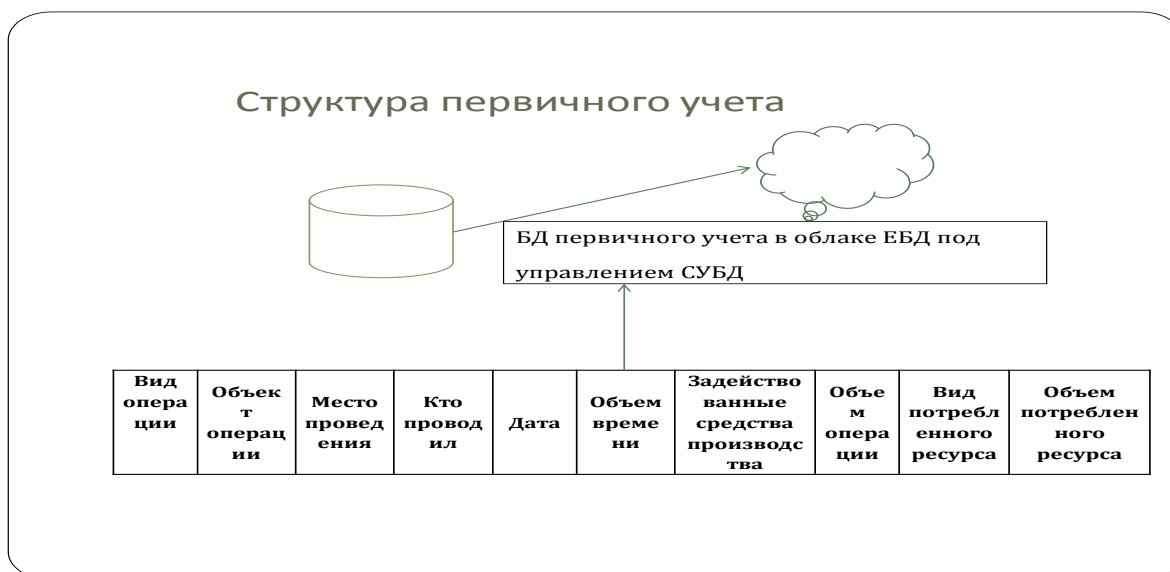

Рисунок 3.
Структура первичного учета

Таким образом, вся первичная учетная информация любого предприятия может храниться в единой БД (ЕБД) в некотором облаке в виде указанного кортежа (рис. 3).

Отсюда ясно, что системы управления (например, бухгалтерский учет) должны претерпеть изменения. При этом был сделан вывод, что при введении стандартов бухгалтерский учет могли бы вести программы-роботы. Должна

сократиться армия бухгалтеров, освободится большое количество программистов, так необходимых для реализации ЦЭ. Такие фирмы, как «1С», должны исчезнуть как информационные посредники, либо возглавить цифровизацию новых стандартов систем управления. Стандарты отчасти нужны, чтобы отразить в них 10% существующей специфики предприятий. Но эта специфика требует содержать на предприятиях квалифицированных программистов для настройки систем, подобных «1С». По данным Нуралиева Б.Г. – руководителя фирмы 1С при внедрении 1С трудится около 300000 программистов. В результате – система учета и отчетности громоздкая и дорогостоящая, что делает удельные затраты на бухучет в России существенно выше, чем в большинстве развитых стран, а значит, снижает рентабельность и конкурентоспособность бизнеса. Она такой и останется при переходе на самые современные цифровые платформы (ЦП) без введения стандартов на функции управления. Аналогичные изменения должен претерпеть и Росстат [5, 6].

В современных условиях, распространяя модель синтеза оптимальных ИС на все сельскохозяйственные предприятия страны, получим единую ЦП АПК, которая представляет из себя интеграцию в единой облачной БД информации первичного учета и технологических БД на основе унифицированной системы сбора, хранения и анализа первичной учетной, технологической, статистической информации, сопряженной как между собой, так и с единой системой классификаторов, справочников, нормативов, представляющих реестры практически всех материальных, интеллектуальных и человеческих ресурсов страны на основе онтологического моделирования данных видов ИР [5, 6]. Такая ЦП позволит разработать типовые информационно управляющие системы (ИУС), а также типовые сайты с уменьшением затрат на ЦЭ отрасли в десятки-сотни раз (рис. 4).

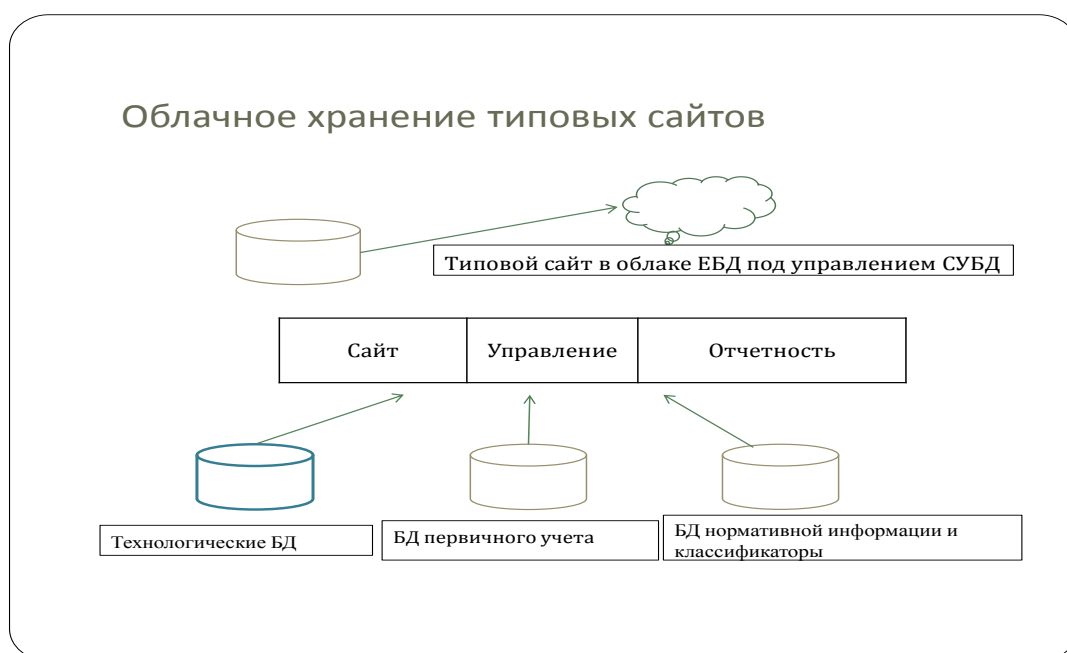

Рисунок 4.
Облачное хранение типовых сайтов

Более того, анализ показал, что и для других отраслей эти две взаимозависимые ЦП могут выступать в качестве стандарта, главная из которых представляет облачный сервис хранения на основе мощных систем управления БД (СУБД) первичной учетной информации всех предприятий в единой облачной БД (ЕБДПУ) в виде указанного выше кортежа, а также облачный сервис единой БД технологического учета (ЕБДТУ) всех предприятий под управлением СУБД [5, 6].

Представленная ЦП приобретает особенное значение в настоящее время, когда технологии дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) и геоинформационные системы (ГИС) начинают активно внедряться в такой относительно молодой сфере аграрного производства, как точное земледелие (ТЧЗ), требующее сочетания большого количества данных и технологий. На рис. 5 представлена схема перспективной ЦП применения ГИС в сельском хозяйстве. Рассмотрим отдельные звенья данной схемы. В настоящее время вся информация ДЗЗ находится в гетерогенных структурах БД наземных различных ведомственных комплексов и центров. Информация в большинстве случаев передается потребителям в виде снимков, которые тем приходится как-то дешифровать, затрачивая значительные средства. Эффективным способом решения данной проблемы было бы создание единой ГИС ДЗЗ с единым центром дешифровки, откуда пользователи смогут получать готовые оцифрованные снимки. Следует отметить, что в этом направлении появились подвижки. Появилось предложение в Концепции развития российской космической системы ДЗЗ на период до 2025 года о создании Единой территориально-распределенной информационной системы ДЗЗ (ЕТРИС ДЗ) с интеграцией всех информационных ресурсов ДЗЗ в единое геоинформационное пространство. Данная система существенно облегчит и удешевит доступ различных потребителей ДЗЗ.

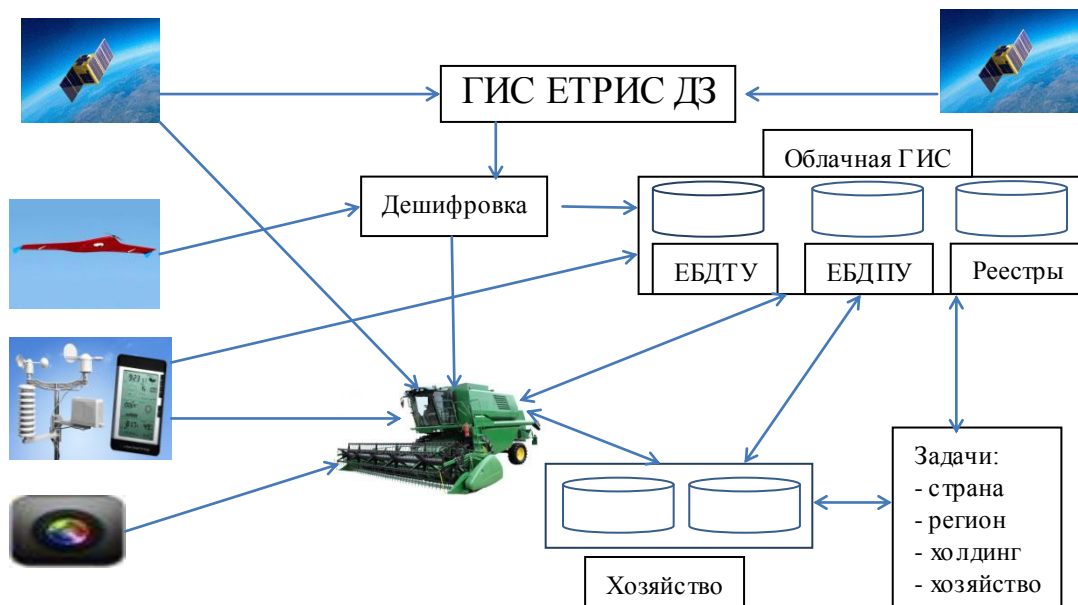

Рисунок 5.
Схема перспективной цифровой платформы применения геоинформационных систем в сельском хозяйстве

Информация после дешифровки должна попадать в облачную ГИС (ОГИС), объединяющую единую БД технологического учета, единую БД первичного учета и БД данных реестров всех материальных, интеллектуальных и человеческих ресурсов АПК. В качестве примера возможности формирования подобной ГИС можно привести существующую в ЕС Единую административно-управляющую систему (IACS), включающую данные о земельных участках и их землепользователях. Далее, информация со всех источников, космических, БПЛА, мачт, гаджетов, датчиков наземных и установленных на сельскохозяйственной технике, попадает в облачную ГИС и часть непосредственно на принимающую аппаратуру полевых агрегатов. Таким образом, в ОГИС будет сосредоточена вся информация обо всех операциях, совершенных на каждом участке, с каждой головой (группой) животных, с каждым техническим средством всеми работниками на протяжении всего года. Будут отслеживаться все перемещения продукции и материалов, любой техники.

Данная ЦП, являющаяся элементом ЕИИП ЕАЭС, на основе технологий ГИС представляет собой реализацию сквозных технологий в АПК на основе цифровых стандартов, которая при этом создаст основу системы оперативного управления, планирования, инструментом для экономического анализа производства на основе математического моделирования, искусственного интеллекта, big data, нейросетей в различных срезах от конкретных производственных участков, головы скота, поля, средства производства, работника на каждом уровне вплоть до федерального уровня с отслеживанием всех перемещений животных, техники, материальных ресурсов, людей и т.д. на протяжении всего жизненного цикла их использования и деятельности. Экономика страны становится прозрачной.

Кроме того указанная ЦП значительно повлияет на формирование транспортно-логистического пространства ЕАЭС, создав единое информационное логистическое пространство для коммуникации и координации участников цепей поставок. Пока же в ЕАЭС считается, что основным драйвером развития международных коридоров сегодня стало появление унифицированных документов, например, накладной на транзитные перевозки на направлениях Восток – Запад через Забайкальск, Эрлянь, Достык, Хоргос, Суйфэньхэ [7].

Другим составным элементом ЕИИП ЕАЭС является единое информационное Интернет-пространство научно-образовательных ресурсов ЕАЭС (ЕИИП НОР). Понимая важность ЕИИП НОР, 18.11.2015 г. министры образования стран БРИКС подписали Московскую декларацию о сотрудничестве, основой которого должен был стать Сетевой университет стран БРИКС (СУ БРИКС), объединяющий по десять от каждой страны ведущих университетов. Основная деятельность СУ – совместная разработка научно-образовательных программ развития подготовки профессорско-преподавательского состава и ученых, формирование творческих групп для научной деятельности в области исследований, представляющих совместный интерес. В ЕАЭС сейчас также остро стоит проблема, как и в БРИКС (главная причина формирования СУ) – отсутствие платформы для общения преподавателей и ученых между собой.

Стоит отметить, что формированию ЕИИП НОР почти ни в одном документе руководящих органов ЕАЭС не уделено внимания. Проблемы в этом направлении нарастают. Анализ сайтов НИИ, национальных академий стран СНГ показывает, что только две страны Белоруссия и Казахстан поддерживают их на русском языке, уменьшается количество совместных работ. Главная проблема научно-технологического развития стран ЕАЭС состоит в том, что формируемые ЦП бизнеса и науки существуют сами по себе, почти не пересекаясь. Цифровизация общества, науки и экономики, стремительно набирающая обороты, почти не сказывается на этом раскладе, обе платформы, подобно планетам, двигаются по своим орбитам. Преодолеть пропасть между наукой и рынком особенно важно сейчас, когда экономику страны ждет цифровая трансформация, основанная на технологиях. И информационные научные ресурсы чрезвычайно важны для успешной реализации такой трансформации. Скорость развития технологий теперь такова, что России надо запрыгивать в несущийся поезд. Эту особенность выразил просто Жорес Алферов: «Главная пробле-

ма российской науки – её невостребованность экономикой и обществом» [8]. За годы перестройки в России была разрушена государственная система доведения знаний, инноваций до экономических агентов, других потребителей информационных научных ресурсов (ИР). В силу разных причин данная система не восстановлена до сих пор. Создаваемые государством базы данных различных источников информационных научных ресурсов имеют узкую целевую направленность, в основном, на учетную функцию, что порождает гетерогенность их структур, делает их невостребованными для широкого круга пользователей, желающих иметь удобную систему получения знаний. В этой ситуации почти единственным источником, из которого могут черпать проверенные наукой знания – это сайты НИУ и вузов. Всеми признается, что государство в лице научных учреждений и экономика существуют отдельно друг от друга. Это видно и по проводимым конференциям.

Однако государство делает все, чтобы эта пропасть увеличивалась. Так, например, в России в требования, предъявляемые к информационному наполнению сайтов образовательных учреждений Министерством науки и высшего образования, Рособназдором в виде отчетов о самообследовании по образовательной деятельности, оказались не включены информационные научные ресурсы. К сайтам же НИИ вообще никаких требований не предъявляется.

Более того, анализ показал, что проходящая в настоящее время реструктуризация НИИ в некоторых случаях оказывает отрицательное воздействие на состояние их сайтов. Созданные ФИЦ и ФНЦ, в лучшем случае, поддерживают свои прежние сайты, на которых лишь располагают краткую информацию о присоединившихся НИИ (руководство, структура, контакты). Сайты присоединившихся НИИ чаще всего не поддерживаются или вообще ликвидируются, а находящаяся на них информация о публикациях, научных разработках и т.д. не переносится на сайты головных организаций. В результате ценная информация о результатах деятельности НИИ не доходит до потребителя. Таким образом, появилось много малоинформативных сайтов, дающих скудную информацию о научных ресурсах НИИ.

В этой связи объективно появляется задача формирования ЕИИП НОР, которое будет востребованным как в процессе поддержания научных исследований, в повышении эффективности образования на всех уровнях [9], так и во внедрении инновационных решений в экономику. Такое пространство, на наш взгляд, должно стать инструментом разрешения противоречия между объемами накапливаемых знаний и возможностью их эффективного использования.

Такая задача, безусловно, является важнейшей составляющей интеграции ЕАЭС, так как научные исследования и разработки являются значимой сферой влияния на экономический рост, одним из источников самых ценных стратегических ресурсов – человеческого капитала и знаний, что определяет уровень социально-экономического развития общества.

Анализ сайтов НИИ, вузов, информационно-консультационных служб позволил выделить семь видов ИР, присутствующих в том или ином виде на этих сайтах: разработки, публикации, консультационная деятельность, нормативно-правовая информация, дистанционное обучение, пакеты прикладных программ (ППП), БД. Именно данные виды представления научных знаний наиболее востребованы в экономике [10].

При этом совершенствование Интернет-технологий позволяет осуществить интеграцию их, опять же на основе онтологического моделирования, в ЕИИП НОР с единых научно-методологических позиций с простой, понятной любому пользователю системой навигации с размещением ИР в облаке под управлением мощной СУБД на основе единых классификаторов, таких, как ГРНТИ и ОКП [11, 12].

Например, товаропроизводитель, выбрав разработку в виде средства борьбы с какой-либо болезнью, может получить тут же все публикации, всех консультантов, нормативно-правовую информацию, дистанционное обучение на эту тему. Потом в соответствующей БД найти нужного поставщика препарата. В настоящее же время, как упоминалось выше, знания, необходимые для производства размыты в различных БД, никак не связаны между собой. При этом тратятся огромные средства на их создание и поддержание. При этом лишь незначительная часть БД доступна для научной общественности, для товаропроизводителей же она почти недоступна.

Возможность создания ЕИИП НОР проверена на основе экономико-математического моделирования, а также практической реализацией при разработке портала Российской академии сельскохозяйственных наук в 2007–2008 гг. Было заведено: 12321 публикация, 2541 разработка, 444 консультанта для проведения консультационной деятельности по тематике [11]. Отсутствие финансовых средств и реформа науки вынудили остановить данные работы.

В модели были представлены три возможных варианта такой интеграции. В первом варианте предполагается перенос на единую БД у единого провайдера каталогов информационных массивов. При удачном поиске нужной информации в каталоге пользователь отсылается на сайт, хранящий полнотекстовую, либо более подробную информацию. Второй вариант отражает ситуацию, когда вся информация перенесена к единому провайдеру. В третьем варианте часть информации перенесена в виде каталогов, а часть полностью.

Вычислительные эксперименты по формированию ЕИИП НОР показали, что экономия только на разработке и сопровождении сайтов превысит 1 млрд. рублей в год за счет интеграции и типизации системы разработки сайтов.

Требования, предъявляемые к сайтам вузов Министерством образования и науки, Рособназдором России, отраслевыми министерствами для оценки деятельности образовательных учреждений, вынуждают эти сайты становиться все более похожими друг на друга. Недалек тот день, когда вузы должны перейти на типовые сайты. А это уже первый шаг к созданию ЕИИП НОР. При внедрении типовых сайтов в вузах и НИИ и их интеграции с данным пространством научно-образовательные ИР автоматически попадали бы туда.

На Западе наиболее интересным в области интеграции информационных научных ресурсов представляется проект RePec (Research Papers in Economics), характеризующийся системным подходом, дающим возможность свободного доступа в мировой сети к информационным ресурсам научных работ по экономике, публикуемых в мире.

Центром проекта является децентрализованная библиографическая БД научных трудов, отчетов, документов, журнальных статей, книг, глав книг и программных продуктов, выходящих по всему миру. RePec можно назвать единым информационным пространством по экономическим исследованиям в мировом масштабе [13].

В настоящее время RePec является самой большой в мире онлайн-коллекцией рабочих документов, журнальных статей и программных продуктов по экономике.

Таким образом, можно сделать вывод, что переход на платформу ЕИИП НОР является одной из актуальных задач в рамках перехода к цифровой экономике ЕАЭС и позволит в десятки раз сократить затраты на разработку ИС в науке и образовании. ЕИИП НОР явится мощным инструментом внедрения инновационных решений в экономику.

Список литературы

1. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. Обзор Всемирного Банка. 2017.
2. Стратегическая проектная сессия. – <http://onto.digital-economy.ru/>
3. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. – М.: Статистика, 1975.
4. Меденников В.И. Теоретические аспекты синтеза структур компьютерного управления агропромышленным производством // Аграрная наука. 1993. – № 2. – С. 16–18.
5. Ерешко Ф.И., Кульба В.В., Меденников В.И. Интеграция цифровой платформы АПК с цифровыми платформами смежных отраслей // АПК: экономика, управление, 2018. – № 10. – С. 34–46.
6. Меденников В.И. Математическая модель формирования цифровых платформ управления экономикой страны // Цифровая экономика. 2019. – № 1. – С. 25–35.
7. Кузьмина Е. 5 ключевых рисков Евразийского экономического союза. – <https://eurasia.expert/5-klyuchevykh-riskov-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza/>
8. Алферов Ж. Главная проблема российской науки – её невостребованность экономикой и обществом. – <https://philologist.livejournal.com/9823359.html/>
9. Меденников В.И., Муратова Л.Г., Сальников С.Г. Модели и методы формирования единого информационного Интернет-пространства аграрных знаний. – М.: Издательство ГУЗ, 2014.
10. Меденников В.И., Муратова Л.Г., Сальников С.Г. Методика оценки эффективности использования информационного ресурса информационно-консультационной службой (ИКС). – М.: Аналитик, 2016.
11. Ерешко Ф.И., Меденников В.И., Сальников С.Г. Проектирование единого информационного Интернет-пространства страны // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. – № 6. – С. 184–187.
12. Зацаринный А.А. Цифровая платформа для научных исследований // Материалы Международной научной конференции «Математическое моделирование и информационные технологии в инженерных и бизнес-приложениях». – Воронеж, 2018. – С. 104–113.
13. <http://repec.inecon.org/>

Петровский В.Е.¹

РОССИЯ, КИТАЙ И КОНТУРЫ «БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА»

Ключевые слова: *Большое евразийское партнерство, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, Шанхайская организация сотрудничества, межблоковые торгово-экономические партнерства, зоны свободной торговли.*

Keywords: *Big Eurasian Partnership, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Shanghai Cooperation Organization, inter-block trade and economic partnerships, free trade areas.*

За последние годы структура отношений безопасности и сотрудничества в Евразии претерпевает фундаментальные изменения в связи с окончанием холодной войны и ростом экономической интеграции, что обусловило необходимость выработки новой модели отношений на основе принципов взаимного доверия, национального суверенитета и многостороннего сотрудничества.

Образец этой модели – предложенная российским президентом Владимиром Путиным идея Большого евразийского партнерства (БЕП), призванная гармонизировать различные региональные экономические форматы на основе принципов транспарентности и взаимной выгоды.

Концептуализация идеи БЕП является важнейшей научно-исследовательской задачей. Автор попытался внести вклад в ее реализацию, опираясь на представление В.В. Путина о БЕП как о потенциальном широком интеграционном контуре в Евразии². Идея интеграционных контуров помогла определить видение Большого евразийского партнерства как совокупности взаимосвязанных и взаимозависимых интеграционных контуров в сфере региональной экономической интеграции и сотрудничества, сопряжения процессов евразийской экономической интеграции и предложенной Китаем Инициативы Пояса и Пути (ИПП), приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества и формирования системы комплексной трансрегиональной безопасности в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Первый «контур» связан с концептуализацией БЕП и перспективами его формирования в контексте российско-китайского стратегического партнерства и всеобъемлющего взаимодействия, которые рассматриваются на фоне интеграционных процессов в АТР. Последние, в свою очередь, связаны с формированием основных механизмов многосторонних интеграционных процессов в сфере экономики и торговли, включая Азиатско-тихоокеанскую зону свободной торговли (АТЭС), Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), а также продвигаемый США проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП).

Второй «контур» включает в себя основной содержательный компонент создания БЕП, связанный с процессом сопряжения евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС и китайской ИПП. В этой связи особое внимание уделяется ШОС как наиболее перспективной и оптимальной институциональной основе сопряжения ЕАЭС и ИПП. С этим связаны проблемы и перспективы инвестиционно-финансового сотрудничества в рамках ШОС.

Третий контур формирования БЕП – процессы развития приграничного и межрегионального сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии (СВА), включая КНР, Японию, КНДР и Республику Корея. Следуя избранным им концептуальному подходу, автор уделяет особое внимание развитию российско-китайских приграничных и межрегиональных отношений, исходя из необходимости внедрения алгоритмов стратегического планирования в эту (как и во все остальные) сферу отношений между РФ и КНР. Приграничное и межрегиональное сотрудничество со странами СВА рассматривается в контексте регулирования иностранных инвестиций и строительства «зеленой экономики» на российском Дальнем Востоке.

Контур трансрегиональной безопасности в Евразии и АТР – необходимое и условие и предпосылка для формирования остальных контуров интеграции и сотрудничества в рамках БЕП. На основе концептуального анализа основных компонентов комплексной безопасности в Евразии, включая необходимость обеспечения национальной безопасности и безопасности личности, а также человеческого развития и прав человека, автор предлагает рассмотрение вариантов обеспечения комплексной безопасности в рамках БЕП с учетом опыта и возможностей ШОС, а также частных военных и охранных компаний.

Концепция «Большого евразийского партнерства» вызвавшая неподдельный интерес не только в России, но и в Китае, становится предметом дискуссий и исследований в научной и экспертной среде. Ее концептуализация и научное обоснование происходят на фоне осмысления более общих геоэкономических и геополитических представлений, связанных с развитием и обустройством Большой Евразии.

¹ Петровский Владимир Евгеньевич – д. полит. н., действительный член Академии военных наук, гл. н.с. Института Дальнего Востока РАН. E-mail: petrovsk4@gmail.com

² <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151>

Как отмечает, например, Г. Дизен, новая российская концепция евразийства «должна отмежеваться от прежних представлений, связанных с отсталой милитаризованной геополитикой и имперским перенапряжением сил. Новая геоэкономическая концепция евразийства должна быть нацелена на осуществление избирательной евразийской интеграции, чтобы сделать Россию главной движущей силой модернизации и глобализации. Главное отличие пересмотренной концепции евразийства должно заключаться в признании того, что у России нет ни возможностей, ни намерения господствовать на евразийском континенте. Создание жизнеспособных партнерств с евразийскими державами критически важно для реализации проекта сбалансированной и функциональной Большой Евразии»¹.

Стратегическое партнерство между Китаем и Россией необходимо для любого формата Большой Евразии, так как этот тандем включает крупнейшего в мире производителя энергоносителей и крупнейшего их потребителя, лидера мировой торговли и континентальную державу, способную выступать в качестве связующего моста между разными частями континента. В последние годы Китай и Россия стали главными противниками однополярного мира, наращивая свои золотовалютные резервы, внедряя использование региональных валют и создавая новые финансовые и экономические институты, такие как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕЭС)².

Для России и Китая потенциальная нестабильность в Центральной Евразии представляет собой своего рода «идеальный общий вызов», ответ на который возможен только через рациональную игру с позитивной суммой. Во-первых, вероятность того, что в странах региона произойдет социальный и политический взрыв, реальна. В отличие от Восточной Европы, где внутренний конфликт стал в первую очередь производным от соперничества внешних сил, в регионе преобладают именно внутренние факторы напряженности – неустоявшиеся государственные институты, бедность, религиозный радикализм.

Во-вторых, важную роль играет географическая близость потенциально взрывоопасного региона для обеих великих держав. В-третьих, Россия и Китай одинаково заинтересованы в удалении внешних игроков, безотносительно к их происхождению. Для большинства внешних нерегиональных игроков развитие событий в центре Евразии представляет интерес исключительно в международно-политическом контексте и не является вопросом национальной безопасности. Поэтому их воздействие на ситуацию будет в большинстве своем иметь дестабилизирующий характер. В-четвертых, Россия и Китай могут предложить странам своей периферии достаточно разнообразные форматы взаимодействия по их внутренней стабилизации³.

БЕП имеет глубокие исторические корни. В концептуальном плане он берет отсчет со времен острейших политических баталий между славянофилами и западниками. Суть споров, отголоски которых слышны до сих пор, сводилась к выбору пути развития. Речь тогда, как и теперь, шла о том, следовать ли в фарватере западной цивилизации или делать ставку на собственный, специфический, самостоятельный путь развития. Есть ли универсальные рецепты, которым надо следовать, или исходить из того, что каждое общество должно выстрадать те или иные социально-политические решения, убедиться в их правильности и приемлемости⁴.

Как известно, идея о создании Большого евразийского партнерства была сформулирована 3 декабря 2015 г., когда В.В. Путин в Послании Президента Федеральному собранию выдвинул инициативу о начале консультаций по формированию экономического партнерства между государствами-членами ЕАЭС, АСЕАН и ШОС и государствами, которые присоединяются к ШОС. На протяжении 2016 г. концепция неоднократно обсуждалась на различных многосторонних дискуссиях и в экспертной среде, став, по сути, флагманской российской инициативой по развитию евразийской интеграции⁵.

Важно понять геоэкономическую подоплеку возникновения идеи БЕП, рациональные мотивы, которыми можно обосновать ее целесообразность. Как представляется, наиболее существенным из них является объективная оценка возможностей евразийской экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Так, на фоне грандиозных сдвигов в глобальных интеграционных и торгово-экономических процессах некоторым отечественным экспертам развитие ЕАЭС представляется отстающим от них. Они констатируют, что Евразийский экономический союз сегодня с его ВВП в 2,2 трлн. долл., составляющим 3,2% от мирового, не представляет собой самодостаточный рынок, и любые попытки построить «крепость Евразия» самоубийственны. Выходом из сложившегося положения им видится активизация переговорного процесса на двух треках – восточном и западном⁶.

Показательно, что такой подход разделяют как «либералы-рыночники», так и «дирижисты». Компенсировать относительно небольшой вес ЕАЭС в мировой экономике, полагают они, возможно только в рамках внешнего контура евразийской интеграции, выстраивая преференциальные режимы торгово-экономического сотрудничества с быстро растущими странами Евразии – Китаем, Индией, странами Индокитая, Ближнего и Среднего Востока. Реализация инициативы глав России и Китая по сопряжению двух трансконтинентальных интеграционных инициатив – ЕАЭС и

¹ Дизен Г. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии // Валдайские записки. 2017. – № 63, март. – С. 7–8.

² Там же, с. 8.

³ Бордачев Т.В., Казакова А.В., Скриба А.С. Институты для мира в Евразии // Вестник международных организаций. – М., 2016. – № 2. – С. 26.

⁴ Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство: уход от реальности или возвращение к ней. – <http://alleuropalux.org/?p=13969>

⁵ <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

⁶ «Новое позиционирование Российской Федерации в глобальном хозяйстве – возможности и перспективы» / Фонд «Институт современного развития» по заказу Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив. – М., 2015. – С. 108.

Шелкового пути – открывает возможности для устойчивого экономического развития Евразии. Эти инициативы могут органично сочетаться, дополняя и приумножая интеграционный эффект каждой из них. В этом сценарии прогнозируется, например, С. Глазьев, темпы роста российской экономики достигают максимальных значений – до 10% ежегодно-го прироста ВВП и 20% прироста инвестиций¹.

Еще один существенный и весьма рациональный мотив выдвижения идеи БЕП – обеспокоенность России падением авторитета Всемирной торговой организации (ВТО) и созданием «закрытых» региональных торговых объединений. В ответ на этот вызов выдвигается тезис гармонизации различных региональных экономических форматов при строгом соблюдении принципов равенства и открытости.

Владимир Путин, впервые выдвинув в Послании Федеральному Собранию РФ в декабре 2015 г. идею БЕП, особо подчеркнул, что это партнёрство должно строиться на принципах равноправия и учёта взаимных интересов². Развивая эту идею в выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПФЭФ) в июне 2016 г., он отметил:

«Мы с нашими партнёрами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура... Мы могли бы опереться на целую сеть двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия, открытостью рынка, в зависимости от готовности той или иной национальной экономики к такой совместной работе, на договорённостях о совместных проектах в области науки, образования, высоких технологий³.

Возвращаясь к идее БЕП на итоговой пленарной сессии XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 г., Владимир Путин вновь подчеркнул: «Россия выступает за гармонизацию региональных экономических форматов на основе принципов прозрачности и уважения интересов друг друга. Именно так мы выстраиваем деятельность Евразийского экономического союза, ведём переговоры с нашими партнёрами, в том числе о сопряжении с реализуемым Китаем проектом «Экономического пояса Шёлкового пути». Рассчитываем, что это позволит создать большое Евразийское партнёрство... Для воплощения этой идеи уже начаты переговоры в формате «пять плюс один» по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между всеми участниками этого процесса»⁴.

В настоящее время процесс сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП является наиболее важным содержательным компонентом процесса формирования БЕП, который, по сути, уже начался. Первый вектор – это заключение всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Второй вектор взаимодействия ЕАЭС и Китая – формирование «дорожной карты», включающей конкретные проекты и мероприятия по сопряжению экономических интересов экономик ЕАЭС с Китаем. Главным источником дорожной карты станут средне- и долгосрочные планы экономического развития государств, участвующих в инициативе.

Инициатива по созданию Большого евразийского партнёрства уже получила политическую поддержку со стороны Китая. «Китайская сторона считает эту инициативу позитивной и конструктивной идеей и приветствует ее», – заявил в августе 2016 г. директор департамента Европы и Центральной Азии МИД Китая Гуй Цуньюй.

Он добавил, что Китай и Россия будут прилагать совместные усилия для изучения вопроса по продвижению данной инициативы. По его словам, МИД и экономические ведомства Китая проводят тесные контакты для выработки конкретных мер с целью реализации договорённостей, достигнутых между главами наших стран по созданию Большого евразийского партнёрства. «Уверен, что Китай, страны АСЕАН и другие евразийские страны поддержат инициативу и будут способствовать ее продвижению», – подчеркнул директор департамента китайского внешнеполитического ведомства⁵.

Не менее важен и диалог представителей экспертного сообщества России и Китая по осмыслению и научному обоснованию БЕП. Китайские ученые и эксперты в целом положительно относятся к данной инициативе, видя в ней большие возможности для развития и обустройства Большой Евразии. Так, профессор Фэн Юйцзюнь пишет: «В Евразии существуют разные механизмы регионального экономического сотрудничества и интеграционные инициативы. Все они обладают своими преимуществами и должны являться взаимодополняющими, а не находиться в конфликте между собой. Любая интеграционная инициатива не должна быть замкнутой. В результате Центральная Евразия должна стать мостом, соединяющим ЕС с АТР, а тесное сотрудничество между Европой, Центральной Евразией и АТР придаст новый импульс мировой экономике»⁶.

Более того, китайские ученые в сотрудничестве со своими российскими коллегами приступили к углубленному и упорядоченному анализу интересов, рисков и возможностей взаимодействия КНР и РФ в данной сфере. Сопоставительный анализ вызовов, рисков и возможностей для России и Китая в Евразии приводит к важному выводу: российские и китайские инициативы в Центральной Евразии не рассматриваются как взаимоисключающие и закрытые, поскольку их содержание не предполагает выбора одного из двух институционально-правовых форматов.

Важнейшим институтом международного сотрудничества на евразийском пространстве является ШОС, имеющая серьезный потенциал для превращения в основную площадку взаимодействия по линии Китай (ЭПШП) – ЕАЭС

¹ <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/25/10543481.shtml#page6>

² Послание Президента Федеральному Собранию, 3 декабря 2015 г. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>

³ Выступление В.В. Путина на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>

⁴ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151>

⁵ <https://ria.ru/east/20160803/1473546327.html>

⁶ Геоэкономика Евразии / Astana Club. 2015. – ноябрь. – С. 25.

ШОС при энергичном развитии может стать центральным институтом потенциального проекта создания сообщества Большой Евразии. Развитие и институционализация ШОС может создать зонтичную организацию для Большого Евразийского сообщества¹.

Ли Синь и другие китайские исследователи отмечают, что географическое пространство ШОС охватывает все страны-члены ЕАЭС, которые являются важными экономическими субъектами, расположенными вдоль ЭПШП, в рамках 6 экономических коридоров, зафиксированных в документе «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». В реализации состыковки ЭПШП и ЕАЭС ШОС должна играть роль важнейшей площадки, тем более, что цели, принципы и содержание строительства ЭПШП, изложенные в упомянутом выше документе, совпадают с интересами регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС².

Существенный довод в пользу практической направленности и стратегического характера БЕП, включающего в себя состыковку ЕАЭС и ЭПШП, – уже выработанные среднесрочные прогнозы реализации этого процесса. Так, вышеупомянутый китайский ученый выделяет в этой связи нижеследующие этапы:

1. Запуск в августе 2016 г. переговорного процесса между Китаем и Евразийским экономическим Союзом по сопряжению строительства ЭПШП и ЕАЭС. На этом этапе делается акцент на создании мягкой регулятивной среды. Это правила, надзор, стандарты и так далее. Продолжается содействие региональному экономическому сотрудничеству в рамках ШОС, увеличению объема торговли, упрощению торговли и инвестиций.

2. Примерно в 2030 г. зона свободной торговли в рамках ШОС превращается во Всеобъемлющее экономическое партнерство на базе интеграции ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

3. На основе интеграции всеобъемлющего экономического партнерства со странами АСЕАН или создаваемого Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) примерно в 2040 г. будет образовано Большое евразийское партнерство. В рамках этого пространства планируется сформировать системы полной свободы торговли, обеспечить свободное движение капиталов, создание общего финансового и единого энергетического рынков, разработать единые правила торговли товарами и услугами, а также сформировать общий рынок транспортных услуг и единую транспортную систему³.

Процесс формирования континентального евразийского партнерства от Европы до ЮВА набирает обороты. Создание БЕП осложняется тем, что пока не было прецедентов межблоковых торгово-экономических партнерств. Однако, по мнению экспертов и экономистов ЕЭК, вполне реально в 10-летней перспективе сформировать БЕП как сеть зон свободной торговли (ЗСТ), набор торговых блоков, наиболее вероятным форматом которого будет т.н. «миска спагетти». В этой связи наиболее актуальной задачей является сейчас определить, какие институциональные формы были бы оптимальными для того, чтобы придать процессу формирования сообщества интересов и ценностей в Центральной Евразии необратимый характер.

Как полагают эксперты Валдай-клуба, «Эти институциональные формы должны иметь всеобъемлющий и инклюзивный характер, сочетать политику и экономику, «мягкую» и «жесткую» силу, быть комфортными для великих, средних и малых держав. В наших руках потенциально превосходные институты международного сотрудничества и развития – Евразийская интеграция, финансовые институты Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Шанхайская организация сотрудничества, многосторонние форматы с участием АСЕАН и многое другое. Нужно добиваться их совершенствования и взаимодополняемости»⁴.

Также, по мнению российских экспертов (Т.А. Флегонтова и др.), очевидна необходимость проработки данной стратегии на техническом уровне. Важно понимать, что потенциальные государства-участники проекта «Большая Евразия» могут столкнуться с проблемой лидерства, удовлетворения интересов всех участников проекта, сопряжения различных институциональных форматов под эгидой «Большой Евразии». Объективно этот проект должен стать и ключительно российской национальной стратегией и объединить в себе уже инициированные и перспективные тренды сотрудничества⁵.

Помимо прочего, для России инициатива создания Большого евразийского партнерства – способ перехода к стратегии опережающего развития путем форсированного создания производств и институтов нового технологического и нового мирохозяйственного укладов. В этом случае Россия и ЕАЭС могли бы претендовать на полноценное участие в новом центре мировой экономической системы⁶.

И – последнее, но, может быть, не менее важное. Экономическое сотрудничество, мегапроекты, сопряжение интеграций – очень важное, но отнюдь не единственное измерение БЕП. Необходимы гарантии против вмешательства извне и навязывания моделей общественного или иного устройства, не выстраданных самим обществом. Нужны четкие и хорошо просчитанные общепринятые правила игры на международной арене, которых придерживаются все

¹ Ли Синь. Китайский взгляд на создание евразийского экономического пространства: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2016. – С. 9.

² Там же, с. 10.

³ Там же, с. 14–15.

⁴ К Великому океану-4: поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2016. – С. 36.

⁵ Мэннинг Р.А., Чхень Жиминь, Сон Гоюй, Флегонтова Т. Экономический порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе и интересы России: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2017. – С. 18.

⁶ <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/25/10543481.shtml#page6>

страны без исключения. В его основу БЕП кладётся строгое следование фундаментальным принципам и нормам действующего международного права в сугубо позитивном, системном и взаимовыгодном их понимании¹.

Таким образом, Большое евразийское партнерство может лечь в основу нового, более рационального и справедливого миропорядка, основанного на многополярности, суверенном равенстве, уважении ко всем культурам, религиям и цивилизациям, инклюзивном и недискриминационном международном сотрудничестве.

¹ Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство: уход от реальности или возвращение к ней. – <http://alleuropalux.org/?p=13969>

*Пласкова Н.С.,
Пашигорев М.О.¹*

САНКЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ

Ключевые слова: санкции, российская экономика, мировая экономика, импортозамещение, цена на нефть, экономические санкции, внешнеторговые ограничения.

Keywords: sanctions, Russian economy, world economy, import substitution, oil price, economic sanctions, foreign trade restrictions.

Введение. 17 марта 2014 года ЕС и США приняли первые решения о введении антироссийских санкций после усиления конфликта на юго-востоке Украины и проведения референдума о статусе Крыма. Экономические санкции были установлены против российских компаний, работающих в нефтяной и газовой отраслях, финансовой и банковской сфере, оборонно-промышленном комплексе.

Ответной реакцией России стало эмбарго (запрещение), которое выразилось в запрете на ввоз мяса, рыбы, молочной продукции на территорию РФ. По этому поводу ЕС была даже создана специальная группа, способствующая снижению потерь от внешне торговых ограничений, введенных РФ.

Санкции в любое время являются инструментом воздействия на экономику той страны, к которой они применены. Степень развития экономики страны определяет ее устойчивость к введенным санкциям, одновременно с этим страна, к которой применены санкции, имеет возможность развивать экономику, опираясь на внутренние ресурсы. Санкции, введенные в отношении России, безусловно, имели негативные последствия для экономики РФ, но наряду с этим возникает и стимул для развития экономики. Можно отметить положительные моменты: выход на новые мировые рынки сбыта продукции; развитие сельского хозяйства; разработка Программы Правительства по импортозамещению и др.

Санкции можно определить, как ограничения для государства. Среди экономических санкций можно выделить торговые и финансовые санкции.

Распространенные торговые санкции: эмбарго, то есть запрет на экспорт товаров из страны и импорт товаров в страну; запрет на поставки определенных или всех товаров в страну (например: оружие; высокие технологии). Во внешне торговых отношениях ограничение экспорта страны-объекта санкций влечет за собой уменьшение национального дохода, поступления твердой валюты, возможности закупать на мировом рынке необходимые товары.

К экономическим санкциям относится запрет на финансовые операции с определенной страной и компаниями этой страны, а также запрет на инвестиции в экономику этой страны [7].

По мнению доктора экономических наук, профессора Рустема Махмутовича Нуреева, чтобы усилить свои конкурентные преимущества США вводит запрет на экспорт в Россию технологий по нефтедобыче и нефтепереработке, замораживает уже существующие проекты и отказывается от заключения новых проектов в газовой отрасли. После действия санкций видятся в замедлении роста нефтяной и газовой промышленности в России и в ее техническом отставании [5].

Общекрымский референдум 16 марта 2014 года послужил первой причиной ввода санкций против России. США и Евросоюз, Австралия, Новая Зеландия и Канада реализовали первый пакет санкций против РФ. Этот пакет санкций содержал действия, направленные на замораживание активов, введение визовых ограничений для некоторых лиц, запрет компаниям стран, которые ввели санкции, поддерживать деловые отношения с лицами и организациями, отмеченными в специальных запретных списках. Также было начато сворачивание контактов и сотрудничества с РФ, с российскими организациями в различных сферах деятельности [12].

Обострение ситуации на юго-востоке Украины послужило дальнейшему расширению санкций, направленных против РФ. Введенные санкции можно определить как санкции, имеющие точечную направленность в отношении главных отраслей экономики России. В чем это проявляется? Ограничения касаются не государства в целом, а затрагивают отдельных физических лиц и некоторые коммерческие структуры.

Санкции, введенные против РФ с 2014 года, затронули основные конкурентоспособные отрасли российской экономики: нефтяную, газовую, банковскую. А инструменты, которыми воспользовались США и ЕС для устранения конкурентоспособных российских компаний с мирового рынка, носят характер как экономический, так и политический [5].

¹ Пласкова Наталия Степановна – д.э.н., профессор базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы, Российский экономический университет. E-mail: plask55@mail.ru

Пашигорев Максим Олегович – магистрант базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы, Российский экономический университет. E-mail: pashigorev.max@yandex.ru

Некоторые эксперты считают введенные санкции одной из причин финансового кризиса РФ, другие придерживаются мнения, что кризис был вызван снижением цен на нефть [8].

Экономические санкции, принятые в отношении России и действующие по настоящее время, можно считать серьезным фактором, оказывающим влияние на финансовую устойчивость предприятий РФ, на экономическую устойчивость страны в целом. Они повлекли за собой следующие негативные явления: обесценивание рубля (национальной валюты); обвал мировых цен на нефть; снижение индекса потребительской уверенности; увеличение сумм отчислений из федерального бюджета России и др. [4]

Прямое и косвенное влияние санкций, введенных против РФ, представлено на рис. 1.

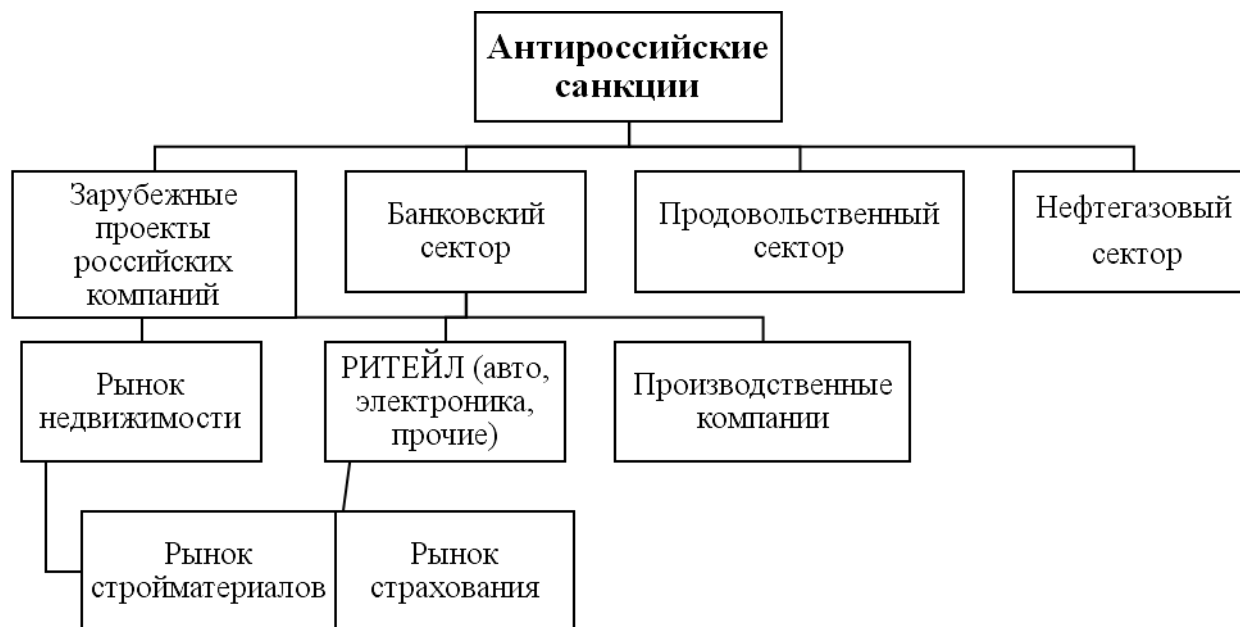

Рисунок 1.
Влияние санкций на основные сектора российской экономики [9]

Последствия влияния санкций на экономику РФ:

1) Банковский сектор. Кризис ликвидности банковского сектора в результате запрета на доступ к европейским и американским финансовым рынкам для крупных российских банков с государственным участием таких, как Газпромбанк, Россельхозбанк, ВТБ, ВЭБ, Сбербанк. Бизнес испытывает трудности получения кредита и трудности с финансированием оборотных средств и инвестиционных программ. Население испытывает рост ставок по потребительским и ипотечным кредитам;

2) Продовольственный сектор. Рост социальной напряженности в результате запрета на импорт зарубежных продуктов питания и продовольственного сырья. С другой стороны санкции способствуют разработке импортозамещающей политики в агропромышленном комплексе (АПК) и пищевом секторе;

3) Нефтегазовый сектор. В результате технических ограничений откладывается ввод новых месторождений, что влечет за собой уменьшение экспорта ресурсов, и как следствие происходит падение нефтегазовых доходов консолидированного бюджета РФ. Санкции в нефтегазовой отрасли – это запрет на использование российскими компаниями западных технологий и оборудования, замораживание существующих проектов и отказ от заключения новых.

Можно отметить проблемные области, которым необходимо уделить первостепенное внимание: кризис ликвидности банковского сектора; угроза банкротства предприятий бизнеса; отказ от долгосрочных инвестпроектов; снижение потребительской активности; рост безработицы и рост социальной напряженности [9].

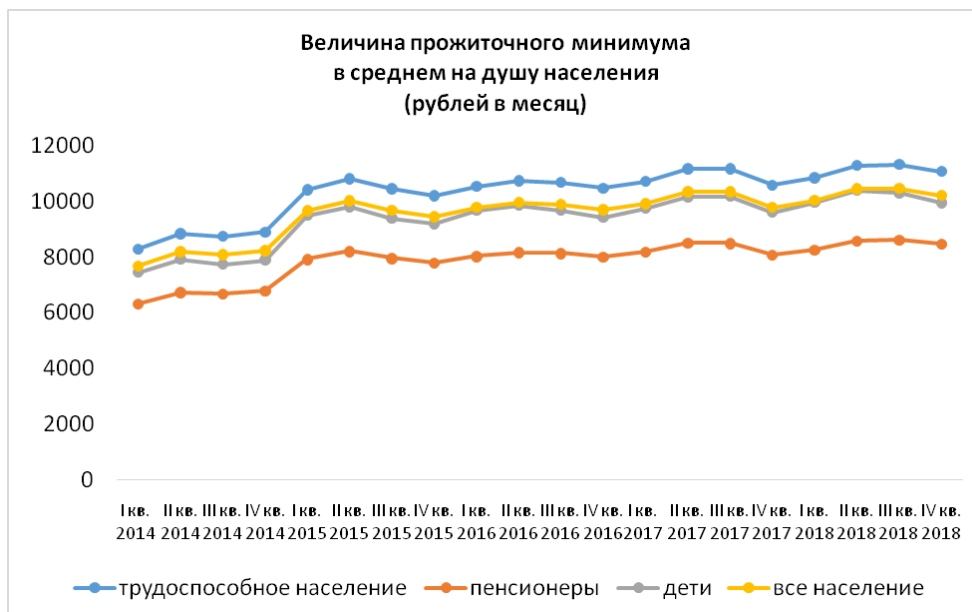
Сокращение инвестиционной деятельности крупных российских предприятий, вызванное введением санкций в отношении РФ, потребовало дополнительных затрат федерального бюджета для поддержания деятельности этих предприятий. В результате этого бюджетная политика в 2014 году и первой половине 2015 года проводилась в качественно новых экономических условиях. Замедление темпов роста экономики России в этот период, накопившийся дисбаланс в структурных подразделениях потребовали изменений в формировании бюджета страны. Так, например, основными источниками для финансирования предприятий, попавших под антироссийские санкции, стали Фонд национального благосостояния и пенсионный фонд [3].

Давление экономических санкций в отношении России для простого потребителя выражается в изменении цен на необходимые товары, в росте величины прожиточного минимума всего населения, в том числе пенсионеров и детей. Данные Росстата представлены на рис. 2 [5].

Диаграмма на рис. 3 свидетельствует о невысоких заработных платах населения в России в период санкций 2014–2018 годов.

Владимир Путин в октябре 2016 года на форуме «Россия зовет» высказал мнение по поводу санкций против РФ: «Мы часто повторяем уже как мантру, что пресловутые санкции на нас не очень-то и влияют. Влияют. И прежде всего угрозу я вижу в ограничении передачи технологий. Это, кстати говоря, наносит ущерб не только российской

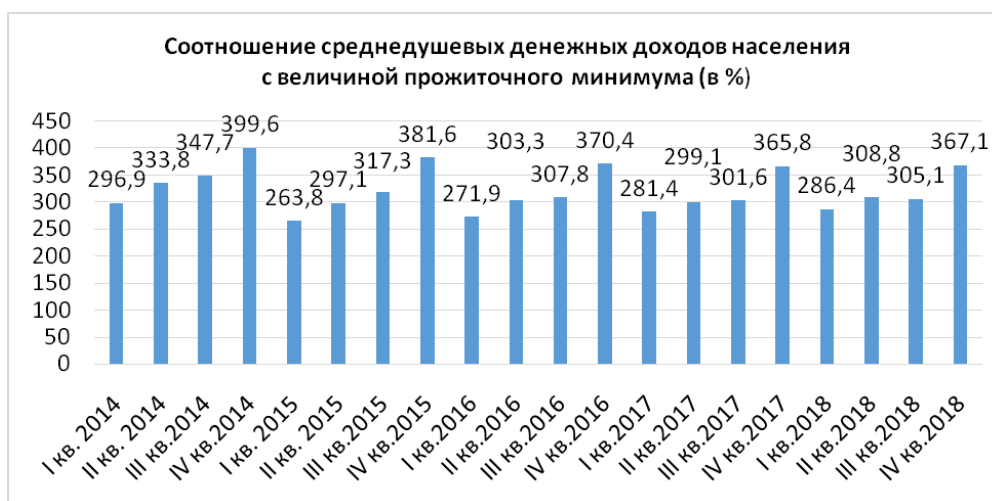
экономике, а мировой экономике в целом, потому что российская экономика, безусловно, является важным сектором и общемировой экономики» [1].

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.doc

Рисунок 2.

Статистика величин прожиточного минимума населения России в 2014–2018 годах

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.doc

Рисунок 3.

Процентное соотношение денежных доходов населения и прожиточного минимума в период 2014–2018 гг.

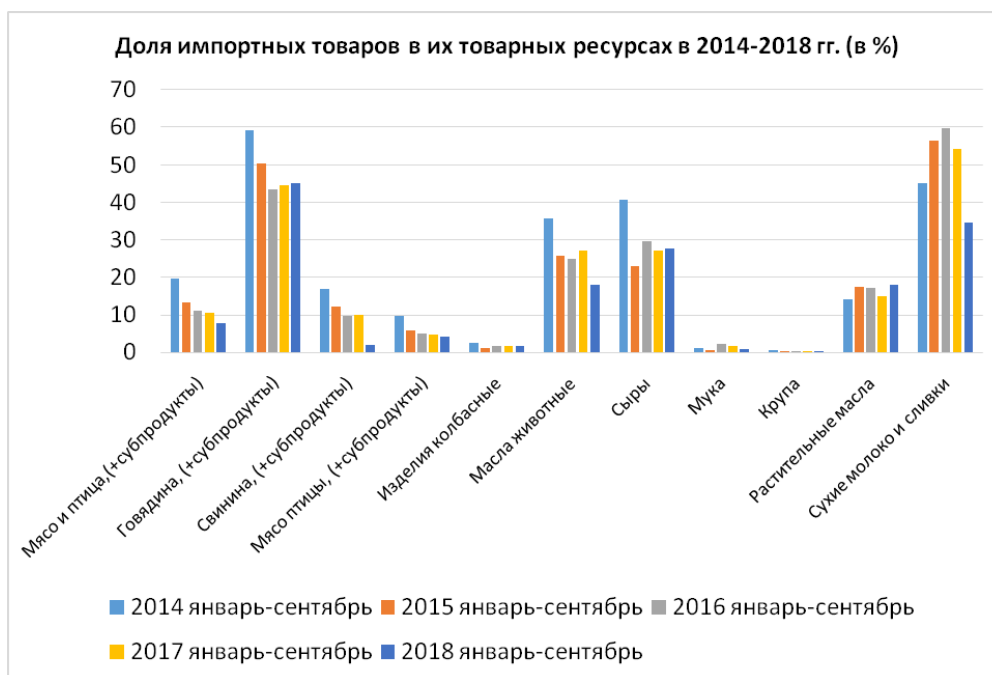
Помимо негативных влияний санкций на экономику страны эксперты отмечают и положительный эффект от санкций для целого ряда отраслей экономики. Антироссийские санкции США и ЕС вынуждают Россию адаптироваться к новым экономическим условиям. В журнале The National Interest публикуются сообщения о том, что введенные ограничения против России имеют положительный эффект для некоторых секторов экономики страны – таких, например, как сельское хозяйство. В статье «Россия побеждает в войне санкций» для этого журнала профессор политологии американского Университета Вирджинии (США) Джуди Твигг отмечает, что под влиянием санкций, благодаря ограничениям Россия получила в сельском хозяйстве стимул экономического роста в АПК и вышла в этом секторе из состояния застоя [13].

Как пишет Д. Твигг: «Эффект от контрсанкций оказался таким, что некоторые представители отраслей российской экономики, лишь отчасти связанные с сельским хозяйством, также стали просить подвести их под санкции» [13].

Профессор Д. Твигг обращает внимание на то, что объемы производимого зерна в России уже вдвое больше объемов его потребления. В статье ею также отмечено, что Россия является главным поставщиком пшеницы на мировом рынке, а продуктами питания (куры и свинина) российского производства местные фермеры уже полностью обеспечивают население РФ. По прогнозам политолога сельское хозяйство в России будет и дальше активно развиваться и этим самым будет способствовать развитию других сфер экономики страны. Она подчеркивает, что Запад

должен осознать, что в санкционной войне с Западом Россия «на несколько шагов впереди», и санкции ей приносят только пользу [13].

В итоге введения взаимных санкций Россией и странами Запада, Россией был выбран курс на импортозамещение. 4 августа 2015 года на заседании Правительства Российской Федерации было принято решение о создании Правительственной комиссии по импортозамещению. На рис. 4 представлена динамика импорта отдельных видов продукции в 2014–2018 годах.

Источник: www.gks.ru/free_doc/new_site/import-zam/3-8.xls

Рисунок 4.

Динамика импорта продовольственных товаров в 2014–2018 гг.

В результате введенных санкций российский бизнес начал выходить на азиатские финансовые рынки. В ответ на попытки ограничить расчеты ряда банков в системах Visa и MasterCard, в России 23 июля 2014 года была запущена национальная платежная системы «Мир», которая успешно действует и по настоящее время. Санкции способствовали и развитию новых внешне торговых связей.

Статистические данные Росстата, представленные в табл. 1, отчетливо показывают увеличение производства практически всех основных пищевых продуктов, которые замещают импорт этих продуктов за последние три года. Так например: производство свинины в РФ, в том числе для детского питания, в 2018 году увеличилось по сравнению с 2017 годом на 12,4 %. По данным Росстата рост производства этого продукта питания в 2018 году составил к 2014 году 68,78%; к 2015 году 46,65%; к 2016 году 24,25%.

Таблица 1

Производство отдельных основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации (тыс. тонн) в период 2017–2019 гг.

№	Виды импортозамещающих пищевых продуктов в РФ	2017 г.	Январь – декабрь 2018 г.	Январь-декабрь 2018 г. в % к январь – декабрь 2017 г.	Январь-февраль 2019 г.	Январь – февраль 2019 г. в % к январь – февраль 2018 г.
1	Мясо крупного рогатого скота (говядина, телятина) парное и охлажденное, в том числе для детского питания	205	226	111,7	34	112,6
2	Мясо крупного рогатого скота (говядина, телятина) замороженное, в том числе для детского питания	56,5	64,5	114,4	7,9	94,6
3	Свинина парная, остывшая или охлажденная, в том числе для детского питания	2158	2427	112,4	387	111,3
4	Свинина замороженная, в том числе для детского питания	232	257	110,7	42,1	105,2
5	Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	4839	4795	99,5	752	93,4
6	Изделия колбасные, в том числе для детского питания	2255	2276	101,0	336	101,6
7	Сыры	464	473	102,4	74,6	110,8

Источник: www.gks.ru/free_doc/new_site/import-zam/1-1.xls

Влияние принятых санкций против РФ для США можно считать незначительным, поскольку объемы товарооборота между Россией и США достаточно малы. А вот европейские страны, втянутые в данный конфликт испытывают в сложившейся ситуации явно дискомфорт.

Для экономически наиболее развитых европейских стран – Германии, Франции, Италии, Испании – санкции невыгодны. Экономические последствия такого решения оказались слишком значительными [10].

На рис. 5 по статистическим данным сборника Росстата «Торговля России 2017» можно оценить последствия санкций для экспорта и импорта как для РФ, так и для стран, вызвавших данный конфликт [14, с. 223].

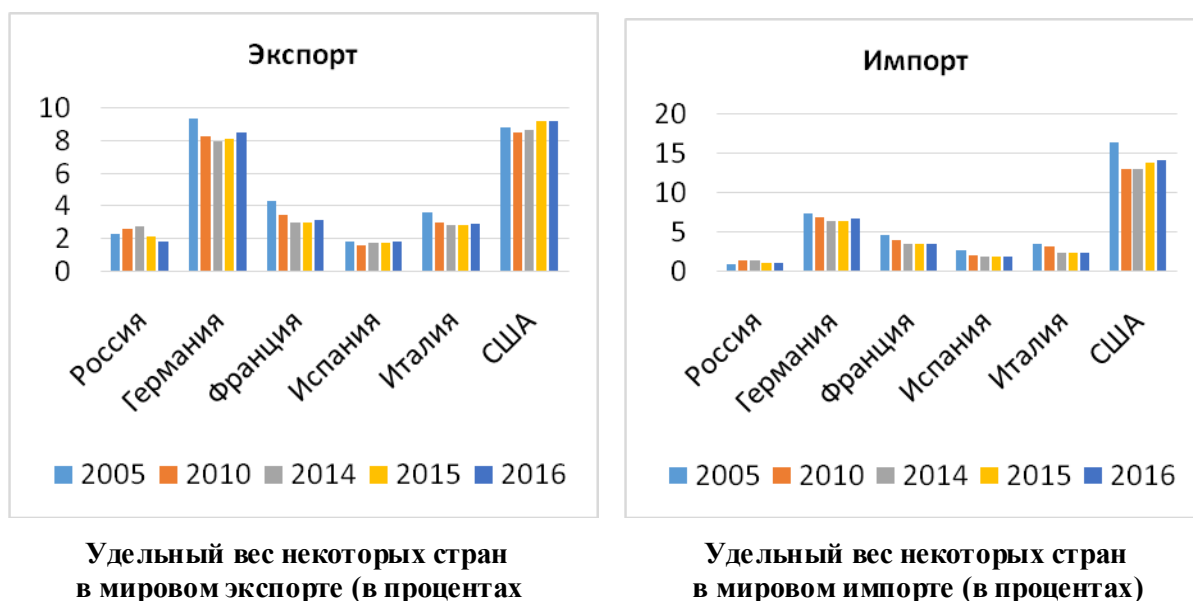

Рисунок 5.

Удельный вес отдельных стран в мировом экспорте и импорте (в процентах)

Заместитель генерального секретаря Еврокомиссии Хенрик Хололей в интервью Postimees отметил: «Если мы посмотрим на бурение нефтяных скважин и сотрудничество в этой сфере, то там из-за санкций остаются непроданными машины и оборудование на сумму в несколько миллиардов евро». Таким образом, скорейшая отмена санкций в энергетической сфере выгодна обеим сторонам [11].

Некоторые российские эксперты считают, что ко всем случаям применения санкций можно приспособиться и всегда можно найти выход из создавшегося положения. Как заявил 16.03.2019 года в интервью «Газете.Ru» Президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Александр Шохин: «Некоторые будут даже на пользу конкуренции. Например, если государственным банкам будет что-то нельзя, может их продать надо, и выйти государству из капитала. Тогда банки, став частными, выйдут из-под санкций, а качество услуг будет лучше» [6].

На ежегодном инвестиционном форуме «Россия зовет!» (28.11.2018) Владимир Путин ситуацию в российской экономике охарактеризовал следующим образом: в целом наблюдается стабильность в развитии; за три квартала 2018 года увеличение ВВП России на 1,5 процента; 3 процента – темпы роста промышленного производства, в том числе на 3,2 процента увеличение обрабатывающего производства. Ключевые показатели (инфляция и безработица) имеют на сегодня низкий уровень: безработица – 4,7 процента, инфляция – 3,5 процента.

Список литературы

1. Инвестиционный форум ВТБ Капитал «Россия зовет!» 12 октября 2016 года, 16:30. Москва. – <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/53077/photos>
2. Инвестиционный форум ВТБ Капитал «Россия зовет!» 28 ноября 2018 года, 15:15. Москва. – <http://kremlin.ru/events/president/news/59216>
3. Проект «Основных направлений бюджетной политики на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов» (по состоянию на 01.07.2015) (подготовлен Минфином России). – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=16022#09793578441279285>
4. Милотина Л.А. Экономические санкции: сущность, виды и их влияние на финансовую устойчивость российских предприятий // Вестник университета. 2018. – № 1. – <https://cyberleninka.ru/article/v/ekonomicheskie-sanktsii-suschnost-vidy-i-ih-vliyanie-na-finansovuyu-ustoychivost-rossiyskih-predpriyatij>
5. Экономические санкции против России: ожидания и реальность: монография / Коллектив авторов; под ред. Р.М. Нуреева. – М.: КНОРУС, 2017. – 194 с. – http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2017/11/13640_NUREEV_Ekonomicheskie_sankcii_protiv_Rossii_%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%83-1.pdf
6. Газета.Ru. Отдел «Бизнес». 16.03.2019, 14:07. – <https://www.gazeta.ru/business/2019/03/16/12245714.shtml>
7. https://www.banki.ru/wikibank/vidy_i_ekonomicheskikh_sanktsiy/
8. <https://ru.wikipedia.org>
9. <https://www.anylogic.ru/resources/articles/vliyanie-vzaimnykh-sanktsiy-zapada-i-rf-na-ekonomiku-strany-sistemnyy-analiz-posledstviy/>
10. Плюсы и минусы антироссийских санкций 2016. – <http://politrussia.com/world/o-plyusakh-i-255/>
11. Три года санкций: потери и приобретения / ТАСС. 2017. – <https://tass.ru/politika/4103932>

12. Хронология введения санкций и ответные меры России в 2014-2015 годах. 2015 г. – <https://ria.ru/20151125/1328470681.html>
13. Профессор из США заявила о победе России в «санкционной войне» 16.03.2019. – <https://riafan.ru/1161111-professor-iz-ssha-zayavila-o-pobede-rossii-v-sankcionnoi-voine>
14. Торговля в России. 2017. Статистический сборник / Росстат. – http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/torg17.pdf

*Подмаркова И.П.*¹

СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ключевые слова: *экономическая безопасность, стратегическое планирование, цифровая экономика, Донецкая Народная Республика.*

Как свидетельствует мировой опыт, обеспечение экономической безопасности – это гарантия независимости государства, условие стабильности и эффективной жизнедеятельности народа, гарантия успешного социально-экономического развития. Проблема обеспечения экономической безопасности Донецкой Народной Республики как одного из вновь возникших непризнанных государств является, наряду с военной безопасностью, одним из решающих условий выживания и последующего развития молодого государства, восстановления его экономического потенциала и создания предпосылок для международного признания в будущем.

В настоящее время в мире насчитывается несколько десятков непризнанных и частично признанных государств, под которыми понимаются регионы, провозгласившие себя суверенными государствами и обладающие такими признаками государственности, как: наличие названия, государственных символов, населения, контроля над территорией, системы управления (включая руководство, органы власти, вооружённые силы) и права (конституцию и другие организационные документы), но в то же время не имеющие дипломатического признания со стороны государств-членов ООН, а их территория, как правило, расценивается государствами-членами ООН как находящаяся под суверенитетом одного или нескольких государств-членов ООН. Увеличение количества непризнанных республик в мире свидетельствует о кризисе современной системы международных отношений и необходимости поиска новых моделей социально-экономического развития в условиях нарастания мировой политической турбулентности². Следует также отметить тенденцию к ослаблению роли национальных государств и их возможному исчезновению в ближайшей перспективе в связи с кризисом индустриального уклада³. Неизбежная цифровизация государственного управления, экономических и социальных процессов является неотъемлемой частью формирующегося постиндустриального экономического уклада. На стадии формирования глобального цифрового общества большинство виртуальных процессов выходят из-под контроля национальных государств, что приводит к недополучению ими необходимых ресурсов для выполнения своих управленческих и иных функций. В непризнанных государствах эти проблемы проявляются еще острее. Поэтому проблема обеспечения экономического суверенитета как признанных, так и непризнанных государств, который обеспечит их развитие и/или выживание в современном стремительно меняющемся мире, становится одной из глобальных проблем XXI века.

Экономическая безопасность представляет собой совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития⁴. Экономическая безопасность традиционно рассматривается как составной элемент безопасности экономической системы, которая определяет её способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами развития народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов.

Экономическую безопасность принято рассматривать в контексте устойчивости в отношении внутренних и внешних угроз. Для признанных мировым сообществом государств, не находящихся в состоянии войны, как правило, характерно преобладание внутренних угроз над внешними. Непризнанные государства сталкиваются с многократно более превосходящими по разрушительности внешними угрозами, вытекающими из отсутствия признания их права на существование в качестве автономных субъектов экономики со стороны большинства признанных государств, и, прежде всего, того государства, от территории которого они отделились.

Донецкая Народная Республика (ДНР), провозглашенная 7 апреля 2014 года, с самого начала своего существования столкнулась с военной и экономической агрессией со стороны Украины. В результате этого только за 2014 год промышленное производство в ДНР сократилось на 59%, строительство – на 37,5%, более половины населения лиши-

¹ Подмаркова Ирина Павловна – к.э.н., доцент, зав. кафедрой специальных дисциплин, Донбасская юридическая академия. E-mail: irina_podmarkowa@list.ru

² Озеров А.А., Аверьянов А.В. Непризнанные государства как фактор современной международной политики. – <http://riss.ru/analytics/18808/>

³ Гильбо Е.В. Предчувствие нового мира. – <http://worldcrisis.ru/crisis/1133382>

⁴ Быков В.П., Дембовская О.А., Лебедев Е.М. Экономическая безопасность регионов и преодоление угроз в современных условиях // 5-я Международная научно-техническая конференция: «Экономика и эффективность организации производства – 2006». – Брянск: БГИТА, 2006. – http://science-bsea.narod.ru/2006/ekonom_2006/bykov_ekonom.htm

лось работы и доходов, оказавшись на грани гуманитарной катастрофы¹. С 2015 года власти республики усиленно работают над восстановлением экономического потенциала на контролируемой ДНР территории. Благодаря поддержке РФ, ДНР и ЛНР вошли в рублевую зону и, несмотря на старания Украины обескровить финансовые системы республик, перекрыв доступ в них наличной гривневой массы, смогли обеспечить функционирование денежной, банковской, налоговой и бюджетной систем. Постепенно запускаются все новые и новые предприятия, создаются новые рабочие места, своевременно выплачиваются пенсии, заработная плата бюджетникам, денежное содержание военнослужащим.

Опыт других непризнанных или частично признанных государств постсоветского пространства: Абхазии, Южной Осетии, Нагорно-Карабахской Республики, Приднестровья показывает, что все они без исключения прошли через фазы боевых действий, послевоенного восстановления и развития, причем далеко не все проблемы в указанных республиках в настоящее время решены окончательно.

Сохраняющийся военно-политический и экономический кризис на Донбассе обуславливает поиск действенных мер для решения текущих проблем в экономической и социальной сфере. В том числе, сохранение, восстановление и развитие производственного потенциала, решение кадровых проблем, поиск новых рынков сбыта, преодоление кризиса минимализации экономики, социальное обеспечение населения и т.д. Все эти меры должны стать частью Стратегии экономической безопасности, которую необходимо разработать и начать планомерно реализовать в ДНР (аналогичная стратегия необходима и для ЛНР).

Для разработки такой Стратегии необходимо провести оценку существующего уровня экономической безопасности Республики, а также наличия и качественного состояния имеющихся ресурсов для повышения уровня экономической безопасности.

Одним из методов оценки уровня экономической безопасности ДНР может быть SWOT-анализ. Суть данного метода сводится к анализу сильных и слабых сторон исследуемой системы, сопоставлению полученных результатов с угрозами и возможностями внешней и внутренней среды. SWOT-анализ позволяет определить не только актуальные проблемные области, опасности и угрозы экономической безопасности Республики, но и выявить перспективы, шансы и тенденции развития с учетом воздействия факторов внешней среды. На основании анализа различных сочетаний сильных сторон с угрозами и возможностями, а также слабых сторон с угрозами и возможностями, формируется проблемное поле исследуемого объекта. Наличие такой информации – необходимое условие для определения целей и направлений развития и путей их реализации.

Результаты SWOT-анализа факторов внешней и внутренней среды, определяющих уровень экономической безопасности ДНР, приведены в табл. 1.

Таблица 1

SWOT-анализ факторов внешней и внутренней среды, влияющих на уровень экономической безопасности ДНР

	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Внутренняя среда	<p>Strengths (сильные стороны)</p> <p>Развитый промышленный потенциал, прежде всего в машиностроении, металлургической и угольной отрасли</p> <p>Квалифицированные кадры, в том числе их значительный не задействованный резерв</p> <p>Занятость части населения в армии и ВПК</p> <p>Развитый научный потенциал</p> <p>Густая сеть автомобильных и железных дорог</p> <p>Энергетическая независимость</p> <p>Запасы природных ресурсов и полезных ископаемых</p> <p>Развитый АПК, позволяющий обеспечить в перспективе продовольственную безопасность</p> <p>Стабильный уровень цен</p> <p>Относительно низкие тарифы на коммунальные услуги</p> <p>Достаточная мотивированность активной части населения в построении нового государства и его функционировании</p>	<p>Weaknesses (слабые стороны)</p> <p>Разрушенность части промышленных и социальных объектов</p> <p>Остановка работы значительной части предприятий</p> <p>Недостаточность квалифицированных кадров в ряде сфер деятельности</p> <p>Отсутствие опыта государственного управления</p> <p>Высокий уровень безработицы</p> <p>Низкий уровень жизни населения</p> <p>Недостаточность бюджетных средств для быстрого восстановления разрушенных объектов</p> <p>Сложность перекрытия возможностей для утечки капитала и контрабанды</p> <p>Отсутствие собственного законодательства в ряде сфер деятельности</p> <p>Отсутствие собственной денежной единицы</p> <p>Кумовство и коррупция</p> <p>Отставание от РФ в уровне и масштабах применения цифровых технологий</p>
Внешняя среда	<p>Opportunities (возможности)</p> <p>Наличие общей границы с дружественным государством – РФ</p> <p>Поступление гуманитарной помощи</p> <p>Политическая и экономическая поддержка со стороны РФ</p> <p>Возможность экспорта продукции предприятий ДНР в РФ</p> <p>Выгодное экономико-географическое положение</p> <p>Выход к морю</p>	<p>Threats (угрозы)</p> <p>Перманентные тактические военные действия со стороны ВСУ, угроза активизации наступления</p> <p>Непрекращающиеся разрушения промышленных объектов и социальной инфраструктуры</p> <p>Экономическая блокада со стороны Украины</p> <p>Высокие риски для потенциальных инвесторов</p> <p>Привязка к российскому рублю</p> <p>В целом более высокие цены на товары, ввозимые из РФ, по сравнению с украинскими</p>

¹ Управление экономикой региона с особым статусом: монография / Ю.Н. Полшков; под науч. ред. А.В. Половяна. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. – С. 5.

	Признание Республики со стороны Южной Осетии Независимость от международных и иностранных банков и финансовых организаций Наличие Минских соглашений	Более низкий уровень доходов населения по сравнению с РФ Вероятность утечки квалифицированных кадров Ведение активной информационной войны со стороны Украины
--	--	---

На последующих этапах анализа следует оценить количественные значения каждого фактора для выявления степени их влияния и наличия возможных резервов повышения уровня экономической безопасности ДНР.

Государственная стратегия экономической безопасности ДНР, исходя из табл. 1, должна включать:

1. Характеристику внешних и внутренних угроз экономической безопасности ДНР как совокупности факторов и условий, составляющих угрозу для жизненно важных экономических интересов личности, общества и государства.
2. Определение критериев и индикаторов для оценки важнейших параметров, определяющих уровень экономической безопасности ДНР. Такая оценка должна осуществляться с помощью цифровых технологий непрерывно в реальном времени при каждом изменении любого из используемых показателей, а также в обязательном порядке – на контрольные даты (конец квартала, полугодия, года).
3. Комплекс мер в рамках экономической политики, направленных на устранение либо смягчение действия факторов, подрывающих стабильность экономики ДНР.
4. Осуществление необходимых институциональных преобразований, обеспечивающих эффективное взаимодействие всех органов государственной власти и управления в процессе реализации важнейших направлений Стратегии как на долгосрочную (10-15 лет), так и на среднесрочную (3-5 лет) и краткосрочную (до 1 года) перспективу.
5. Пути использования сильных сторон и возможностей для повышения уровня экономической безопасности Республики.

Следует отметить, что при оценке большинства макроэкономических показателей государства целесообразно использовать показатель ВВП, а не ВВП, поскольку показатель ВВП отражает объемы производства национальных субъектов экономики, и, следовательно, позволяет получить более объективную и реальную характеристику экономического потенциала страны без учета участия иностранного капитала, импорта и внешних займов. Также важным представляется сопоставление величин ВВП и ВВП для оценки уровня экономического суверенитета: если ВВП значительно превышает ВВП, это говорит о потере экономического суверенитета и необходимости реализации мер по его восстановлению.

Выводы. Следует учесть, что традиционные критерии оценки деятельности государств не подходят для непризнанных республик, поскольку они изначально находятся в иных, более сложных условиях. В связи с этим необходимо выработать специальную методологию изучения социально-экономических процессов в непризнанных государствах. По результатам проведенного анализа можно определить следующие первоочередные направления обеспечения экономической безопасности Республики: удовлетворение первоочередных потребностей населения, повышение уровня его социальной защищенности, стабильность основных макроэкономических показателей (ВВП на душу населения, производство продуктов и товаров первой необходимости) и обеспечение их роста в перспективе, восстановление промышленного (в том числе экспортного) потенциала, повышение уровня занятости трудоспособного населения. Перечисленные направления обязательно должны быть отражены в Стратегии экономической безопасности ДНР.

Прасолов В.И.

к.полит.н, доцент, Финансовый университет

Волконский В.А.

магистрант, Финансовый университет

АКТУАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ ЕАЭС В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Ключевые слова: информационные угрозы, информационная безопасность, цифровизация, обеспечение национальной безопасности, обеспечение экономической безопасности.

Keywords: information threats, information security, digitalization, ensuring national security, ensuring economic security.

Широкомасштабная цифровизация в условиях высоких темпов роста ценности информации как одного из ключевых современных факторов производства, благополучия и безопасности при предоставлении неоспоримых преимуществ и повышении общих темпов развития неизбежно несет в себе широкий спектр новых угроз национальной и экономической безопасности. Более того, в условиях организации и функционирования межгосударственных союзов, каждому из государств-членов таких союзов при обеспечении собственной безопасности также необходимо управлять как угрозами безопасности других партнеров, оказывающими косвенное неблагоприятное воздействие, так и угрозами, объектом которых является непосредственно весь союз.

Не секрет, что на современном этапе развития мирового сообщества сохранение стабильных темпов развития при условии обеспечения достаточного уровня национальной и экономической безопасности определяется, в частности, наличием у субъекта мировых отношений информационных ресурсов и способности осуществлять манипуляции с данными ресурсами при обеспечении их сохранности.

В настоящее время развитие сотрудничества и интеграции в рамках ЕАЭС позволяет его странам-участникам использовать имеющиеся материальные, научные, кадровые ресурсы для инициации и реализации совместных проектов в области разработки новейших технических, физических, методических и методологических инструментов обеспечения безопасности информации как в гражданской, так и в оборонной сферах.

По статистике Международного союза электросвязи (табл. 1), страны-члены ЕАЭС в последние годы не занимают лидирующих позиций в области информационных технологий.

Таблица 1

Рейтинг стран-участников ЕАЭС по индексу развития информационно-коммуникативных технологий²

Страна	Место в мировом рейтинге по индексу развития информационно-коммуникационных технологий		
	2017 г.	2016 г.	2015 г.
Россия	45	43	45
Белоруссия	32	31	36
Казахстан	52	52	58
Киргизия	109	113	97
Армения	75	71	76

Можно отметить, что большая часть государств-членов Союза не смогла закрепить позиции, достигнутые в 2016 году. Данная ситуация обостряет угрозы информационной безопасности и сопутствующие риски в условиях развития международного сотрудничества и мировой интеграции.

Согласно актуальным подходам к пониманию, идентификации и воздействию на угрозы безопасности, можно выделить основные информационные угрозы безопасности ЕАЭС в формате классификации по основным признакам.

По характеру источника возникновения информационные угрозы стран-членов ЕАЭС можно разделить на:

– Внешние угрозы, порождаемые деятельностью иных государств. К подобным угрозам относятся такие, как несанкционированный доступ к секретной информации, хакерские атаки, шпионаж, несанкционированный доступ к каналам СМИ и пр.;

– Внутренние угрозы, связанные с системой обеспечения безопасности конкретной страны-члена Союза. К данному типу могут относиться угрозы, связанные с организацией систем защиты информации, квалификацией лиц,

¹ Доклад на I Евразийском аналитическом форуме.

² Официальный сайт международного союза электросвязи. – <https://www.itu.int/>

осуществляющих операции с информацией ограниченного доступа, несовершенством применяемых технологий и методов защиты информации и другие;

– Угрозы, возникающие при реализации межгосударственного взаимодействия стран-членов Союза. В перечень данных угроз могут входить угрозы, возникающие в процессе обмена информацией между государствами-членами Союза и связанные с несогласованностью информационных систем стран-членов, различиями в нормативной базе регламентации обработки и хранения информации, наличием уязвимостей в системе информационной безопасности пограничных субъектов и т.п.

В целях формирования эффективной политики ЕАЭС в области обеспечения безопасности в условиях современных вызовов и угроз, информационные угрозы следует разделить на основе объекта воздействия угроз.

Так, в первую группу входят информационные угрозы, объектом которых является непосредственно информация ограниченного доступа. При реализации данных угроз возникает опасность изменения информации, хищения информации, утраты информации. Данный тип угроз оказывает существенное воздействие на национальную и экономическую безопасность стран-членов Союза, так как напрямую влияет на эффективность управления государством и реализуемую политику на мировой арене.

Вторая группа включает в себя угрозы доступа к каналам массового распространения информации. Особенную актуальность данный тип угроз обрел в связи с развитием терроризма как формы ведения современных войн. В условиях цифровизации общества широкое распространение ложной информации, информации, связанной с деятельностью террористических группировок, в короткие сроки оказывает сильное воздействие на социальную сферу жизнедеятельности общества, приводя к недоверию общества к государству, снижению уровня экономической безопасности государства.

Кроме того, для обеспечения возможности проведения качественных широкомасштабных исследований в области изучения информационных угроз безопасности ЕАЭС и методов их минимизации целесообразно определить основные современные инструменты и методы обеспечения безопасности информационно-коммуникативной среды.

Так, наиболее популярным направлением на текущий момент можно считать освоение технологии блокчейн в гражданской и оборонной сферах. Возможность создания сети, безопасность процессов внесения, обмена и вывода информации в которых будет практически абсолютной и будет обеспечиваться наличием полного объема блоков информации у каждого пользователя позволяет обеспечить достаточно высокий уровень защиты информации, находящейся внутри сети. Однако при этом угрозы, направленные на пользователей таких сетей, возрастают, так как обычно они обладают всеми ресурсами для доступа к данной сети.

На основе вышеизложенного выделяется следующее направление развития минимизации информационных угроз – повышение ИТ-грамотности населения, развитие ИТ-компетенций специалистов и сотрудников, обладающих информацией ограниченного доступа. Если важность ИТ-грамотности сотрудников и должностных лиц достаточно очевидна, то в случае с населением, стоит уточнить, что предоставление государством и союзами государств образования населению в части правильного осуществления деятельности в информационной среде позволит обеспечить адекватную реакцию общества в случаях реализации информационных угроз доступа к каналам распространения информации.

Наконец, важным направлением воздействия на информационные угрозы стран-членов ЕАЭС является совершенствование систем межгосударственного обмена информацией. Информационная среда ЕАЭС должна представлять собой единую систему, при которой возможно осуществление эффективного взаимодействия при условии обеспечения безопасности информации. Для достижения данной цели целесообразно осуществление согласованных исследований и преобразований информационных систем. При этом, однако, необходимо также установить границы доверия и взаимопроникновения информационных систем для обеспечения безопасности национальных интересов каждого государства-члена ЕАЭС.

В условиях ускоряющихся темпов социально-экономического развития вопросы безопасности требуют особого внимания и частичного пересмотра. Так, современное понимание экономической безопасности (и информационной безопасности как ее части) стремится отойти от категории «состояние», как тяготеющей к статике всей системы, и все чаще предлагает категорию «процесс», позволяющую отразить важность безопасности в ходе устойчивого функционирования и развития. В свете данной ситуации при решении проблемы обеспечения безопасности ЕАЭС как в целом, так и в части информационной составляющей, следует определять необходимый и достаточный уровень защищенности от угроз информационной безопасности, при котором возможно как раскрытие потенциала современных достижений в области цифровизации, так и сохранность информационных ресурсов, обеспечивающих устойчивую позицию субъектов международных отношений.

Список литературы и источников

1. Прасолов В. И., Волконский В. А. Угрозы «Индустрии 4.0» для безопасности России // *Modern economy success*. 2018. – № 4. – С. 11–14.
2. Прасолов В.И. Цифровая экономика как ответ на вызовы XXI века // *Инновационная экономика и общество*. 2017. – № 3.
3. Feshina S.S., Konovalova O.V., Sinyavsky N.G. Industry 4.0-transition to new economic reality // *Studies in Systems, Decision and Control*. 2019. – № 169. – С. 111–120.
4. Официальный сайт международного союза электросвязи. – <https://www.itu.int/>

Ситнова И.В.

доцент, Донецкое высшее военное общевойсковое командное училище
sitnova.irina@Gmail.com

ДОНБАСС КАК ПРОСТРАНСТВО ОБЩЕСТВА РИСКА

Ключевые слова: общество риска, рискогенность, современная война.

В современном обществе риск становится универсальным, глобальным и порождает все новые риски. Мир стал еще более уязвимым, непредсказуемым и подвержен рискам, среди которых особое место занимает немотивированное применение военной силы. Кроме того, важнейшей особенностью современной войны является взаимообусловленность политического и технологического факторов. Новые войны конца XX – начала XXI века несут новые риски для социума. Насилие, совершаемое во всех плоскостях социальной жизни, отражается неоднозначно на населении, на традиционных ценностных приоритетах современного социума. Военные риски современного общества прогрессируют, порождая новые опасности и угрозы. Не случайно в научной литературе сложилось определение современного общества как «общества риска» (У. Бек).

К определению общества риска существует несколько подходов. Так Ю.А. Зубок пишет, что «общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношения людей в условиях переходного состояния от определенности к неопределенности (или наоборот), когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска» [5, с. 163].

У. Бек связывает появление общества риска с утратой традиций. «Там, где заканчивается традиция, и ни в одной из сфер жизнедеятельности людей невозможно рассчитывать на определенность, начинается общество риска» [6, с. 10]. Традиция предполагает предсказуемость действий социальных субъектов. Там, где нет предсказуемости, мы не в силах заявлять о всеобщем воздействии традиции, там формируется риск, который присоединяется к основанию социокультурной организации, становится существенным элементом процесса социокультурной динамики. Риск оказывается всепроникающим, а социум развивается вследствие воздействия рисков, вплетенных в социокультурность. Донбассу предложили отказаться от исторических традиций.

Е.Ю. Шакирова понимает под обществом риска такое «социальное образование, которое формируется в рискогенном социокультурном пространстве и действует под его влиянием» [3]. В этом смысле рискогенное пространство является аномичным и формируется в том числе в результате военных конфликтов. Аномия – состояние общества, в котором старые нормы уже не действуют, а новые ещё не сформировались, и одновременно сосуществуют противоречивые нормы. Аномия в Донбасс породила военный конфликт.

Э. Гидденс считает, что в современном социуме «профиль риска», проявлен значительно, чем когда-либо раньше. Риск превращается в глобальный, всесторонний, институализированный и интроспективный, причем риски усиливаются «эффектом бумеранга» как случайные косвенные итоги человеческих действий [8].

У. Бек считает, что «риски современного общества не уходят корнями в прошлое, они связаны с опасностями настоящего и будущего. На место прошлого, как причина нынешней жизни и деятельности – приходит будущее, «не существующее», конструируемое, вымышленное»¹.

Риски являются ментальными конструктами, исторически заданными концептами, с помощью которых определяются социальные опасности и степень угрозы. Н. Луман подчеркивает, что «опасность является формой риска, следовательно, маркирует те границы, чье преодоление ведёт к противоположной ситуации... Риск – это то, чему мы подвергаемся как следствие наших решений, опасности являются атрибутами внешней среды. Оно демонстрирует, что риски, на которые идёт субъект или вынужден пойти, становится опасным для субъектов, исключённых из ситуации принятия решений». По мнению А.П. Альгина, величина риска в этом случае измеряется в качественно-количественных выражениях реально существующей неопределенности [1, с. 26]. Человек может жить почти в любых условиях, но если он живёт в условиях противных его природе, и оторгнут от развития и духовного здоровья, он не может не реагировать и вынужден либо деградировать и погибнуть, либо бороться и создать условия согласующиеся его потребностям, что и происходит сегодня на Донбассе.

Опасность имеет место в том случае, если возможные последствия событий, включая их вероятность, не могут быть определены. Об опасностях говорят также и в тех случаях, когда неблагоприятные последствия атрибутируются внешними причинами за пределом восприятия и контроля социального субъекта. С субъективной точки зрения опас-

¹ Бек У. Общество риска.....

ность описывается в качестве «экзистенциальной угрозы, не устранимой посредством субъективного решения»¹. Открытость пространственной среды действия, характеризующаяся многовариантным характером альтернатив, обозначает контуры пространства социальной неопределённости. В этом смысле категории риск/опасность синтезируют в себе как потенциальную сферу случайных событий, так и измерение актуального социального действия. В связи с этим можно выделить следующие характеристики риска: контингентность, рефлексивность, нелинейность, системность, коммуникативность.

О.Н. Яницкий выделяет два вида риск-солидарностей, солидарность производителей риска и солидарности жертв риска, между которыми существуют группы людей, объединяющихся для адаптации к рискам или бегства от них. Социолог подчёркивает, что эти солидарности – не «отклонение», а норма социальной жизни². «Солидарности производителей риска – это общность людей, силовым образом приватизировавших в своих эгоистических интересах национальные ресурсы и производственные структуры общества, включая его социальный порядок. Эти солидарности были созданы в процессе силовой экспроприации общественного богатства. Солидарность жертв риска – это общность людей, защищающихся от рисков, угрожающим им и среде их непосредственного обитания. Эти общности, как правило, носят альтруистический характер, поскольку озабочены здоровьем и безопасностью не только своими и своих близких, но и общества в целом. Это общности «ответа» на вызовы со стороны риск-производителей»³.

На Донбассе риски появлялись с опасностями, связанными с ведением военных действий, именно война подвела социум на Донбассе к испытаниям на самосохранение, поскольку необходимо было реагировать и выбирать альтернативу действий. И проявилось это из конфронтационного ценностного взаимодействия между Донбассом и Галичиной.

Ещё до военного конфликта на Донбассе (в 2008 г.) в Луганске было проведено фокус-групповое исследование (ФГИ 2008), с целью выяснения отношений луганчан к историческому прошлому, связанному с Великой Отечественной войной, основой патриотизма, к языку, ментальности, идентичности. Выдержки этого фокус-группового исследования мы приводим ниже как иллюстрации рискогенного пространства.

Вот как респонденты показали понимание данной проблемы.

Историческое прошлое: Великая Отечественная война

Респонденты утверждают, что на обывательском уровне, когда идёт простое общение «без исторически глобальных вещей, у нас не может возникнуть никакой разобщённости. Но как только заходит разговор, скажем, о Великой Отечественной войне, мы никогда не сможем принять, что националисты у нас – защитники и почти герои». Когда возникают такие вопросы, тут и возникают какие-то трения. История наших регионов кристаллизовалась в символической системе. Пока эти символические системы во многом непроницаемы друг для друга. «Я видела улицу Степана Бандеры в Луцке. Мы не знали этого. А наша «Молодая гвардия» для них – пустой звук. Это не то, что несогласие. Несостыковка. Это не хорошо и не плохо. Это совсем разное». (Л.Н.В., библиотекарь, Стаханов, 13.05.2008 г.).

Религия: Все уходит так глубоко в историю! Наверное, еще в те времена, когда начали раздирать Украину между Австрией и Россией. Насаждалась там, опять же, религия. На религиозной почве мы тоже никогда не сойдемся. Православие – это православие, а у них там – и греко-католики и католики». Память у нас у всех разная». (К.Е.М., продавец в супермаркете, Стаханов, 13.05.2008 г.).

Патриотизм: Это связано с тем, что галичане иначе, нежели жители Донбасса, понимают патриотизм. «Для них понятие патриотизма – это мова, титульная нация, интеграция в Европу. Для нас – это больше мультикультурность, более экономический аспект. Скажем, для территории с мощными средствами производства – это экспансионистская экономическая политика». (А.Ю., функционер Партии регионов, Луганск, 19.04.2008 г.).

Нам навязывают строительство государства по этнонациональному признаку, вопросы титульной нации, которые для XXI века не характерны.

А ведь на сегодня вся современная молодежь мультикультурна. Это больше, по моему мнению, соответствует установкам где-то XIX века. В XVIII–XIX веках государства формировались по национальному признаку... Кроме того, по днимают на щит, скажем так, героев тех событий, которые были характерны только лишь для этого региона.

Например, Шухевича, Бандеру, Коновальца. А ведь движение ОУН – УПА для центра Украины, для востока не характерно. Положа руку на сердце, можно сказать, что никакого отношения не имели эти события к нашим областям, кроме того, что наши ехали туда после войны работать учителями, почтальонами.

Происходит процесс как бы компенсации, то есть они теперь хотят самореализоваться по полной программе в отместку...». (А.Ю., функционер Партии регионов, Луганск, 19.04.2008 г.).

Список литературы

1. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М.: Мысль, 1989.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. Шакирова Е.Ю. Война как фактор повышения рискогенности современного социокультурного пространства // Гуманитарные исследования. – М., 2013. – С. 77–80.

¹ Esposito E. Risiko / Gefahr // Glossar zu Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme. 3. Aufl. – Frankfurt am Main, 1999. – S. 160–162.

² Яницкий О.Н. Социология риска. – М.: LVS, 2003. – С. 123.

³ Там же, с. 97.

4. Россия: риски и опасности переходного общества. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
5. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. – М.: Мысль, 2007.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс, 2000.
7. Кононов И. https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2016/07/160707_ru_s_donbass_mentality_identity
8. Гидденс Э. Основные понятия социологии. – М.: Высшая школа экономики, 2018.

Суюнбаев М.Н.

к.г.-м.н., доцент политологии, академик РАЕН, профессор Киргизско-Российского (Славянского) университета

Узбеков Д.С.

к.полит.наук, доцент Киргизско-Российского (Славянского) университета

«ТЕРМОДИНАМИКА» БОЛЬШОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: *большие пространства, Евразия, термодинамические условия, интеграция.*

Keywords: *large spaces, Eurasia, thermodynamic conditions, integration.*

Классики геополитики утверждали, что государство – это организм, укрепленный на почве. А под термодинамическими условиями мы будем подразумевать внешние факторы, влияющие на формирование и само существование государств. То, что Арнольд Тойнби называл «вызовами», – это и есть влияние «термодинамических условий» в нашем понимании¹.

Последние 30 лет показали, что однополярный мир более опасен, чем многополярный. Путь к многополярности лежит через региональную интеграцию – создание «больших пространств». Под «большим пространством» Карл Шмитт понимал цивилизации или империи. Империи могут быть геополитическими и геоэкономическими.

В пределах «малых пространств» – наций-государств сильно проявляется влияние менталитета, стадий этногенеза и т.д. В больших пространствах, объединяющих несколько этносов, эти факторы совпадать не могут, и синхронные процессы внутри «больших пространств» чаще всего являются следствием влияния внешних «термодинамических условий».

В мире бизнеса аналогами больших пространств являются крупные концерны: чеболи Южной Кореи, автомобильные концерны Германии и т.п. Они жестко конкурируют друг с другом, но не уничтожают своих конкурентов, потому что существование конкурентов – залог их собственного существования. В мире бизнеса намного раньше поняли опасность монополизации – т.е. «однополярного мира». Мир большой политики пока не имеет аналога антитрестовского законодательства.

В чем особенность многополярного мира? Один полюс обеспечивает неустойчивое состояние. Два полюса ведут к застою, отсутствию динамики.

Много полюсов (также как биоразнообразие) обеспечивают и стабильность, и развитие. Когда больших пространств достаточно много, они заполняют все пространство планеты и вступают во взаимодействие – конкуренцию через «термодинамические» условия. Таким образом история показывает, что экспансия вызывает консолидацию, а затем ответную экспансию. Давление на евразийское пространство вызвало «повышение политической температуры», что в свою очередь вызвало, например, появление Российской империи.

Во второй половине XIX века «термодинамика» формирования Российской империи определялась Крымской войной, экспансией Цинского Китая и «Большой игрой». В результате Российская империя достигла максимальных размеров...

«Термодинамические условия» для созревания большого пространства Китая были созданы с востока морем, с юга и запада горными системами, а с севера – Великой китайской стеной. Однако стена возникла из-за многовекового агрессивного давления кочевников. Они и есть ее настоящая причина возникновения Великой стены.

Могущество кочевников определялось их образом жизни в то время. Они раньше других изобрели и использовали стремени, что произвело революцию в транспорте и военном деле. Но самим кочевникам – «архитекторам Евразии» – никто из соседей не создал нужных «термодинамических» условий. Это и привело к гибели кочевых империй.

Современная инициатива Китая «Один пояс – один путь» демонстрирует попытку реализации возросшего экономического могущества Китая в экономическом доминировании в отдельных районах мира – Юго-Восточной Азии, Африке. Однако Китай не делает попыток доминировать в политической сфере как, например, США.

Китай – самая древняя из ныне существующих цивилизаций – в последние несколько столетий стоял на обочине мирового мейнстрима. Поэтому китайская культура, иероглифы не могут быть восприняты в остальном мире. А без культурного доминирования Китай не сможет стать по-настоящему мировой державой. Если бы в первой половине XV века экспедициям китайского адмирала Чжен Хэ удалось завоевать Европу, история мира была бы «китайской». Сейчас это уже невозможно. В этой необратимости проявляется «стрела времени».

Начиная с 40-х годов XX века США не только стали первой экономической державой мира, но и пытались доминировать в политическом отношении. Это им удавалось еще и потому, что США являются частью цивилизацион-

¹ Суюнбаев М. «Термодинамика» больших пространств: на примере влияния событий 9/11 на евразийское пространство // Мат-лы региональной конференции «Влияние 9/11 на международную политику безопасности и воздействие на Центральную Азию». – Алматы, 2011. – С. 113–118.

ного Запада. Поэтому они цивилизационно совместимы с большей частью мира и могут ее ассимилировать. То есть влияние «термодинамических условий» зависит от времени. Фактор времени проявляется в инерционности политических процессов.

В 1956 году тройственная агрессия Франции, Великобритании и Израиля против Египта привела к ультиматуму со стороны СССР и США. Франция и Великобритания были вынуждены подчиниться, вывести свои войска из Египта и поняли, что они перестали быть великими державами. Осознание этого наряду с другими (экономическими) причинами привели в 1957 году к подписанию Римского договора, заложившего основу ЕС.

Европейский Союз, по сути, есть не что иное, как реинтеграция Римской империи практически в ее исходных границах, правда, на совершенно других, неимперских, геоэкономических принципах. Выход за эти исходные границы в большинстве своем – ошибка. Восстановление Римской империи основывалось на ее историческом и культурном наследии.

В новейшей истории Германия дважды (Первая и Вторая мировые войны) пыталась реинтегрировать это «большое пространство». Только после двух катастрофических неудач немцы начали двигаться в соответствии с постулатом Бертольда Брехта – «Акция грабит лучше пистолета».

Благодаря проекту Европейского Союза Германия в значительной мере сумела решить проблемы, которые она не могла решить в Первой и Второй мировой войне – она получила доступ к ресурсам и рынкам всей Европы, причем без единого выстрела. Конечно, Германия не является «метрополией», но в этом «акционерном предприятии» она имеет контрольный пакет. Немецкая марка под личиной «евро» завоевала почти всю Европу. Реинтеграция, к слову, способствовала усилению геополитического статуса Германии. Страна стала проводить более самостоятельную политику, например, в рамках НАТО. Не в последнюю очередь благодаря отрицательной позиции Германии Украина и Грузия не были приняты в НАТО. А еще лет 25 назад такую позицию Германия позволить себе не могла.

Европейский Союз до недавнего времени – это «троецарствие». Это – Германия, Франция и Великобритания. ЕС просто не хватило термодинамики и времени созреть до кондиций новой империи. Одной из причин этого стал распад социалистической системы и ОВД. Он прервал благоприятные термодинамические условия развития ЕС. Начало объединенной Германии стало началом конца единой Европы. Европа ослабела от того, что ослабело давление извне. Возможно в этом причина брекзита и выхода из ЕС Великобритании.

Сейчас ЕС попал в классический сюжет любой многонациональной империи: такая империя начинает распадаться прежде, чем завершается ее создание. Что мы сейчас и наблюдаем. Распад ЕС вызывается следующими основными факторами:

- «транспортной теоремой» (экономический рост ряда национальных государств среднего размера давно превысил скорость инфраструктурного развития, в том числе и развития юридическо-организационной инфраструктуры);
- пониманием германскими элитами бессмысленности спасения этого политического проекта¹.

Для военно-политических организаций можно определить нижний предел целесообразности: военная мощь этой организации должна быть сопоставима с мощью общего вероятного противника.

РФ и КНР в отдельности не могут в ближайшее время стать полюсом силы. ШОС, являющийся зародышем геополитической империи, не готов для экономической интеграции. ЕС – геоэкономическая империя – стоит на грани распада. Постсоветское пространство остается перед лицом слабеющей, но еще сильных США, а также стремительно набирающего силу Китая. США продолжают работать на фрагментацию Евразии. Россия даже по людским ресурсам уступает США в 2 раза, а Китаю – в 10 раз... И ресурсы эти постепенно сокращаются.

Под давлением этих непростых обстоятельств и появился Евразийский проект В. Путина от 3 октября 2011 года. Уже 18 октября 2011 года в Санкт-Петербурге на заседании Совета глав правительств СНГ был подписан Договор о свободной торговле между странами Содружества. Евразийский союз образовался как союз трех стран – РФ, Казахстана и Белоруссии. К состоявшемуся союзу присоединились Армения, Кыргызстан. На очереди Узбекистан и Таджикистан.

Ирану после циничного убийства генерала Сулеймани в Ираке, откровенных угроз со стороны президента США Д. Трампа не помешало бы членство в какой-либо региональной организации по безопасности. Это снизило бы нервозность Ирана и сделало бы его политику более стабильной и предсказуемой. Иран соседствует с такой организацией – это ОДКБ. У ОДКБ как раз есть проблемы с «весомостью» организации и нет особых проблем с идентичностью.

НАТО вышла за пределы своей зоны ответственности и интегрирует в себя бывшие коммунистические страны. Почему ОДКБ не может выйти за пределы своей зоны ответственности и интегрировать Иран.

Иран мог бы интегрироваться в Евразийское «большое пространство», что позволило бы стране выйти из рамок американских и западных торговых санкций, а ее исламскому руководству быть более сдержанной в ее антиамериканской риторике. В этом случае возможно мир избавился бы от очень опасного, чреватого большой войной противостояния Ирана и США.

В соответствии со статьей 19 Устава Организации Договора коллективной безопасности членом Организации может стать любое государство, которое разделяет ее цели и принципы и готово принять на себя обязательства, содержащиеся в Уставе ОДКБ и других действующих в рамках Организации международных договорах и решениях. Решение о приеме в Организацию принимается Советом ОДКБ.

Для интеграции на Евразийском пространстве имеются все необходимые термодинамические условия: на Западе: расширение НАТО на восток с начала 1990-х годов. Военное противостояние на востоке Украины.

¹ Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М.: АСТ, 2005. – 619 с.

на Востоке: усиление влияния Китая, условно с 2001 года – с создания ШОС;
на Юге: военное присутствие Запада в Афганистане и Ираке. Фактическая фрагментация Сирии и вынужденное вмешательство в военные действия на ее территории российских ВКС.

Выводы

Экспансия империй вызывает изменение «термодинамики» «больших пространств», что приводит к консолидации, а затем ответной экспансии конкурирующих «больших пространств». Именно эта закономерность является основой возникновения и дальнейшего развития Евроазиатского экономического союза и ОДКБ.

Отсутствие необходимых «термодинамических» условий ведет к энтропии «больших пространств», что, например, может привести к постепенной деградации и распаду ЕС.

В результате разгрома основных сил «Исламского государства» в Ираке и Сирии боевики ИГИЛ и талибы вышли в Афганистане на южную границу бывшего СССР и создали необходимые «термодинамические» условия для дальнейшей консолидации нашего региона.

Тамаров П.А.¹

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ ЕАЭС²

Ключевые слова: платежная система, международные расчеты, платежное пространство ЕАЭС, концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС, гармонизация регулирования НПС.

Задачи в сфере платежей и расчетов, рассматриваемые в рамках развития финансовых рынков и обеспечения финансовой стабильности, являются одним из направлений международной интеграции в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). В Договоре о ЕАЭС заявлено (Приложение 17³), что в финансовой сфере задачи государств-членов Союза будут связаны с гармонизацией требований в сфере регулирования, проводимой на базе международных стандартов и лучшей международной практики в трех основных секторах: для кредитных организаций, для страховых организаций, для рынка ценных бумаг. При этом в банковском секторе такими стандартами названы основополагающие принципы эффективного банковского надзора Базельского комитета по банковскому надзору (БКБН).

Непосредственно в Договоре о ЕАЭС задачи гармонизации в сфере платежей и расчетов отдельно не выделены, но они могут рассматриваться в рамках банковского сектора, поскольку перевод денежных средств является банковской операцией. Вместе с тем необходимость специальных мероприятий в этом направлении предусмотрена, в том числе в рамках мер, нацеленных на проведение согласованной валютной политики, включающих (Приложение 15):

– обеспечение проведения взаимных расчетов между резидентами государств-членов в национальных валютах государств-членов;

– совершенствование механизма платежно-расчетных отношений между государствами-членами на базе расширения использования национальных валют во взаимных расчетах между резидентами государств-членов.

Знаковым событием в данной сфере стало Решение Высшего Евразийского экономического совета «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза»⁴, принятое 1 октября 2019 г. на основе статьи 70 Договора о ЕАЭС (далее – Концепция). Согласно Концепции одной из приоритетных целей интеграции в финансовой сфере, закрепленной в Договоре, является создание общего финансового рынка, и для реализации этой цели государства-члены определяют, в числе прочих, условия для развития общего платежного пространства на принципах национальной безопасности, независимости и равенства национальных платежных систем.

Концепцией предусмотрены такие направления развития общего платежного пространства, как:

взаимодействие национальных систем платежных карт;

взаимодействие систем передачи финансовых сообщений и расчетов;

внедрение международного стандарта финансовых сообщений ISO 20022;

взаимодействие систем быстрых платежей;

взаимодействие по вопросам реализации цифровых аккредитивов и вкладных;

развитие финансовых технологий.

В связи с этим актуальной становится задача формирования плана мероприятий по данным направлениям, а также, возможно, их расширения, поскольку Концепцией предусмотрена также возможность продвижения и по иным направлениям для достижения целей, определенных центральными (национальными) банками государств-членов ЕАЭС (далее – ЦНБ).

Платежные системы центробанков и многоуровневое участие

Задача создания единой платежной системы стран СНГ, ЕврАзЭС, ЕАЭС возникла в контексте повышения роли национальных валют в трансграничных переводах денежных средств, международных расчетов между государствами-членами данных объединений. Первоначально она рассматривалась в начале 2000-х годов как задача продвижения проекта платежно-расчетной системы стран СНГ (ПРС СНГ), разработанного Межгосударственным банком (Межгосбанком).

В основу проекта были положены принципы действовавшей расчетной системы Межгосбанка, используемой для проведения международных платежей клиентов Межгосбанка. Схема прохождения платежей в проекте базировалась на механизмах перевода денег через платежные системы участвующих ЦНБ с использованием корреспондентских счетов, открытых в них Межгосбанку, и механизме конверсии национальной валюты страны-плательщика в на-

¹ Тамаров Павел Александрович – к.т.н., доцент, Финансовый университет. Профессиональные интересы: платежные системы и платежная инфраструктура: регулирование, надзор (оверсайт). E-mail: ptmrv@mail.ru

² Доклад на I Евразийском аналитическом форуме.

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/6e98d66c53206813800fdef7b3692dbc90f83c79/#dst103788

⁴ <https://www.alt.ru/tamdoc/19vr0020/>

циональную валюту страны-получателя по курсам, устанавливаемым на базе рыночных котировок с учетом котировок ЦНБ стран СНГ.

Речь о создании ПРС СНГ велась на разных площадках, среди которых можно отметить такие, как Заседания Совета руководителей центральных банков стран ЕвразЭс и профильных рабочих групп, Бакинская Международная банковская конференция государств – участников СНГ (БМБК) (2008–2014 гг.) и другие. Однако эта идея не продвинулась дальше проекта Межгосбанка. По ряду причин многие функции Межгосбанка, определенные учредительными документами (включая организацию многосторонних расчетов между ЦНБ), оказались невостребованными в полной мере¹. Необходимо отметить также, что было весьма затруднительным формирование в данный период вообще какого-либо межгосударственного проекта о расчетно-платежных отношениях, имеющих системный характер, в условиях, когда даже платежные системы ЦНБ не имели полноценной правовой основы, не говоря уже о системах частного сектора.

Вместе с тем платежные системы, операторами которых являются ЦНБ (ПС ЦНБ), продолжали развиваться. Их современное состояние предусматривает многоуровневое участие банков, включающее, в том числе, механизмы для осуществления банками-нерезидентами трансграничных платежей через ПС ЦНБ в рамках их *косвенного участия* в ПС ЦНБ. Такого рода механизмы способствуют надежному межбанковскому переводу средств через ЦНБ в соответствующей валюте государства-члена ЕАЭС. При этом большое значение приобретает понимание всеми участниками процесса расчетов всех применимых законодательных норм на национальном уровне, связанных с существенными условиями таких расчетов.

Ключевая роль платежных систем и инфраструктур ЦНБ является общепризнанной в мире в обеспечении финансовой стабильности и эффективности денежно-кредитной политики. Считается, что подобные системы, называемые **системно значимыми**, должны отвечать требованиям стандартов², разработанных Комитетом по платежам и рыночным инфраструктурам Банка международных расчетов (КПРИ).

Следование данным стандартам приводит к единообразному построению платежных систем центробанков с сопоставимыми (и весьма малыми при надлежащем управлении) уровнями рисков. Данное свойство особо востребовано для межбанковских конверсионных операций, выполняемых (как правило, на весьма крупные суммы), что в частности иллюстрируется примерами мировой практики – подходами и правилами международной системы конверсионных валютных операций CLS³ (Continuous Linked Settlement). Важно при этом также упомянуть, что для передачи информации в CLS, как и для многих платежных систем западных центробанков, используется система SWIFT, форматы финансовых сообщений которой по существу признаны как международные стандарты, что позволяет рассматривать деятельность компании SWIFT как глобального провайдера услуг передачи финансовых сообщений.

Международные практика и стандарты

В последние два десятилетия методология и стандарты для платежных систем и инструментов существенно продвинулись, в том числе в их практической реализации, включая законодательное закрепление в национальных и региональных юрисдикциях. В целом сложилась довольно устойчивая система понятий и терминов, а также соответствующие классификационные признаки, позволяющие единообразно и полно характеризовать «платежный ландшафт» страны или региона. В ее основе лежит общепринятое понимание того, что платежи могут осуществляться в различных видах «формализованного согласованного взаимодействия» (arrangement), которое согласно глоссарию⁴ КПРИ 2003 года основано на договорных обязательствах (в простейшем случае – договор банковского счета). К их числу согласно упомянутому глоссарию могут быть отнесены такие понятия, как платежная система, платежная схема, система перевода денежных средств, система межбанковского перевода денежных средств и другие.

Как известно, в настоящее время центральным звеном международных стандартов для инфраструктур финансового рынка (ИФР) в том числе для системно значимых платежных систем (СЗПС), являются «Принципы для инфраструктур финансового рынка»⁵ (далее – ПИФР), разработанные КПРИ совместно с Техническим комитетом Международной организации комиссий по ценным бумагам (ТК МОКЦБ). Их внедрение, контроль соответствия и раскрытие информации осуществляется ЦНБ с учетом тех или иных особенностей национального законодательства и практики применения.

При осуществлении трансграничных переводов особое значение имеют рекомендации Принципа 1 ПИФР «Правовая основа», которым предписано ИФР иметь хорошо обоснованную, четко сформулированную, прозрачную и обеспеченную правовой санкцией юридическую базу для каждого существенного аспекта ее деятельности во всех соответствующих юрисдикциях. К числу таких существенных аспектов отнесены:

- защита активов участников, находящихся на хранении в ИФР,
- окончательность расчетов,
- признание неттинга,

¹ Суворов И.Г. О некоторых вопросах развития валютно-финансовой интеграции на пространстве СНГ // Аналитический банковский журнал. 2013. – № 8. – С. 28–31

² <https://www.bis.org/list/cpmi/index.htm?m=3%7C16%7C570>

³ <https://www.cls-group.com/Pages/default.aspx>

⁴ Глоссарий терминов, используемых в платежных и расчетных системах // Платежные и расчетные системы. Международный опыт. 2007. – Вып. 1.

⁵ <http://www.cbr.ru/Content/Document/File/16165/concept.pdf>

а также обеспечение правил и договоров, относящихся к работе ИФР, правовой санкцией во всех соответствующих юрисдикциях.

Представляется весьма важным гармонизировать законодательные нормы, отражающие указанные аспекты, в государствах-членах ЕАЭС в целях снижения уровня правового риска.

Понятийный аппарат, международные стандарты дают понимание того, что платежные системы являются лишь одним из видов формализованного согласованного взаимодействия (ФСВ). При этом в качестве подобных ФСВ могут рассматриваться не только платежные системы, схемы или системы денежных переводов, включающие множественное участие банков, но и двусторонние взаимодействия одной финансовой организации с ее различными клиентами (контрагентами).

Материалы, характеризующие платежные, клиринговые и расчетные системы в странах-участницах КПРИ, публикуются КПРИ и центральными банками. Они позволяют рассматривать субъектный состав национальной платежной системы с использованием единых подходов в классификации платежных систем и иных ФСВ (инфраструктур), в том числе, по размеру платежей (крупные/розничные, табл. 1), географическому охвату (трансграничные/внутренние платежи), значимости системы/инфраструктуры (системно/социально значимые, иные).

Таблица 1

Типы ФСВ для осуществления крупных и розничных платежей

Размер платежей	Формы согласованного взаимодействия участников	
Крупные платежи	ПСКС (платежные системы для крупных сумм)	
	Корреспондентский банкинг	
Розничные платежи	РПС (розничные платежные системы)	
	Платежные схемы (структуры)	Платежные карты
		Кредитовый перевод
		Прямой дебет
Двусторонние соглашения		

Кроме того в функционировании упомянутых систем необходимо учитывать работу таких операторов инфраструктуры, как SWIFT, которые хотя и не являются платежными системами или схемами, но играют ключевую роль как поставщика услуг передачи финансовых сообщений.

В последние годы активно развивается сфера инновационных продуктов, предлагаемых на рынке платежных услуг. Это развитие во многом обусловлено последними изменениями в технологической, рыночной и нормативно-правовой сферах, открывающими путь к радикальным переменам, прежде всего, в системах розничных платежей. В материалах КПРИ 2012 года¹ выделены категории инновационных продуктов, использование которых требует в той или иной мере сотрудничества между центральными банками, включая вопросы гармонизации регулирования в НПС.

Международная методология и практика, таким образом, создают основу для единообразного подхода к составу субъектов, образующих национальную платежную систему государств-членов ЕАЭС. Они фокусируют деятельность центральных банков на выявлении (признании) значимых платежных систем и инфраструктур на основе законодательно установленных критериев в целях дальнейшего приоритетного контроля (оверсайта²) за их деятельностью.

Регулирование национальной платежной системы

В Российской Федерации, как и в других государствах-членах ЕАЭС, правовое регулирование национальных платежных систем (НПС) осуществляется с учетом международных стандартов. Так, законом о национальной платежной системе³ (Закон о НПС), в частности, предусмотрено выявление системно и социально значимых платежных систем и следование стандартам наилучшей международной практики, подлежащее оценке со стороны Банка России в рамках функции наблюдения в НПС. В качестве такого документа Банком России приняты стандарты ПИФР, применяемые в отношении системно и социально значимых платежных систем.

Аналогичные изменения произошли и в других странах ЕАЭС, однако вопрос о соотношении и соответствии количественных и качественных критериев значимости требует рассмотрения. В целом он связан с характеристиками субъектного состава НПС в различных странах и их гармонизацией в целях единообразного подхода ЦНБ к осуществлению контрольных функций в НПС (платежного оверсайта).

Необходимо отметить, что международная практика в условиях современной геополитики и ряда примеров санкционной деятельности показывает, что применение отдельных платежных инфраструктур глобального характера способствует определенным политическим манипуляциям в экономической сфере. В связи с этим страны, имеющие политические и экономические амбиции, развивают собственные альтернативные инфраструктуры.

В 2014 году Банк России приступил к созданию Системы передачи финансовых сообщений (СПСФ), что явилось реакцией на угрозу отключения российских банков от системы SWIFT в рамках западных санкций. Хотя угроза

¹ Инновации в розничных платежах // Платежные и расчетные системы. 2014. – Вып. 43.

² Наблюдение центрального банка за платежными и расчетными системами // Платежные и расчетные системы. Международный опыт. 2007. – Вып. 2.

³ Федеральный закон от 29.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

не реализовалась, она стала весомой мотивацией в построении и использовании альтернативных систем не только в России, но и в других странах. В этом же контексте рассматривается и создание в России оператора национальной системы платежных карт (ООО «НСПК»), действующего как оператор платежно-клиринговой инфраструктуры ряда платежных систем в России, и запуск платежной карты «МИР» и одноименной платежной системы.

Упомянутые системы имеют потенциал значимых и распространяемых на территорию государств-участников ЕАЭС. При таком развитии событий важно определить статус их значимости не только в России, но и на пространстве ЕАЭС, что позволит ЦНБ осуществлять в отношении подобных систем совместный платежный оверсайт.

Конкуренция и кооперация

За последнее десятилетие существенно возросла роль участников платежного рынка, их союзов и объединений, которая проявляется при обсуждении на различных форумах по платежной и банковской тематике, а также при непосредственном взаимодействии с государственными структурами, включая центральный банк. Продвигая свои услуги на платежном рынке в условиях конкуренции, они вместе с тем проявляют заинтересованность в видении стратегических перспектив и координации.

Среди актуальных вопросов их взаимодействия, в частности, вопрос принятия в странах ЕАЭС ряда международных стандартов. Еще в 2014 г. на совещании по развитию платежных систем и инфраструктуры ЕАЭС в Казани был представлен проект концепции развития платежных систем на территории ЕАЭС¹. Проектом в качестве наиболее важного отмечается необходимость внедрения стандарта международного банковского счета International Bank Account Number (в Казахстане IBAN уже введен) и стандарта ISO 20022 «Финансовые услуги. Универсальная схема сообщений финансовой индустрии» или его адаптация посредством разработки национальных стандартов.

В целом проект направлен на расширение российского платежного пространства до масштабов ЕАЭС, а также создание инфраструктуры общего платежного пространства, позволяющего осуществлять платежи с учетом совместимости национальных карточных систем, в том числе и российской национальной системы платежных карт (НСПК), белорусской системы БЕЛКАРТ и армянской Armenian Card. Важное место в проекте уделено созданию системы обмена сообщениями в рамках платежного пространства ЕАЭС, а также внутренних узлов межбанковской специальной связи, аналогичного SWIFT.

В последние годы в обсуждениях на различных форумах и в публикациях², где даются характеристики современного состояния вопроса в России, часто поднимается вопрос совершенствования регулирования деятельности платежных агентов, и приводятся отдельные примеры международной практики регулирования в данной сфере. Выплетная роль посредников между потребителем и поставщиком товаров (услуг), такие организации, первоначально принимавшие платежи наличными как платежные агенты (операторы по приему платежей)³ или банковские платежные агенты⁴ (далее – Агенты при совместном упоминании), стали осуществлять также прием безналичных платежей. По мере роста количества клиентов-потребителей и поставщиков, количества обрабатываемых операций, с развитием инфраструктуры таких посредников, часто именуемых платежными агрегаторами, стало возрастать и их влияние на рынок.

В качестве сопоставления такой практики с международными примерами можно привести регулирование в Евросоюзе – Директиву о платежных услугах 2007 года⁵, в которой определяется статус небанковской организации – платежного учреждения (payment institution), – которой наряду с другими типами платежных операторов (payment providers) предоставлено право оказания платежных услуг.

Возможность применить в России подход, положенный в основу Директивы, приводит к необходимости расширить и подкрепить правовые полномочия Агентов или отменить их вовсе, возложив всю ответственность на кредитные организации и дополнив при необходимости банковское законодательство и регулирование кредитных организаций. При рассмотрении данного вопроса необходимо принимать во внимание ожидаемые последствия и перспективы, в значительной степени связанные с развитием платежной инфраструктуры. Такое видение в немалой степени обусловлено дальнейшим продвижением европейского законодательства – принятием второй платежной директивы (Директива-2⁶). Сохраняя ранее принятый правовой базис (понятийный аппарат, объекты и субъекты регулирования), Директива-2 привносит новации, создающие условия для новой инфраструктуры платежных услуг, а также активной конкуренции банкам со стороны информационно-телекоммуникационных компаний и платежных институтов, не имеющих банковских лицензий.

Важно отметить, что в отличие от европейского регулирования, перевод денежных средств как платежная услуга в России является исключительно банковской операцией. Тем самым в отличие от подхода Евросистемы реальные возможности конкуренции, аналогичные европейской, в российских условиях существенно сужаются. При этом в законодательном плане понятие финансовой услуги не включает понятие платежной, в связи с чем нормативные требо-

¹ <http://www.plusworld.ru/daily/razrabotana-konceptcii-a-razvitiya-platezhnih-sistem-na-territorii-eaes/>

² <http://bankir.ru/publikacii/20160510/agregatory-i-platezhnye-sistemy-vyzhivut-li-iz-olirovannye-uslugi-po-priemu-platezhei-10007522/>

³ Федеральный закон от 03.06.2009 № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами».

⁴ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

⁵ <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32007L0064&from=EN>

⁶ <http://npaed.ru/RU/emoney/documents/press-releases/277-13-2016>

вания, формируемые на этой основе для финансовых услуг (как например, в вопросах саморегулирования), не могут быть автоматически распространены на платежные.

Вместе с тем Концепцией отмечается, что

– ЦНБ государств-членов самостоятельно регулируют национальные платежные системы, обеспечивая координацию работ по вопросам проведения трансграничных платежей и расчетов, в том числе в рамках развития общего платежного пространства;

– ЦНБ обеспечивают развитие общего платежного пространства в рамках деятельности рабочей группы по координации развития национальных платежных систем (далее – Рабочей группой).

Таким образом, самостоятельное регулирование ЦНБ на национальном пространстве позволяет им сформировать определенные собственные подходы относительно конкуренции, учитывающие позицию участников национального платежного рынка. Вместе с тем деятельность общей Рабочей группы может способствовать кооперации участников платежного рынка и единообразию соотношения механизмов конкуренции и кооперации на уровне ЕАЭС в целом.

Выводы и предложения

В связи с изложенным представляется возможным рассмотреть ряд предложений по перспективам платежной системы ЕАЭС, основываясь на мировом опыте и результатах деятельности ЦНБ в этой сфере.

1. Гармонизация правовой основы НПС

а) в части гармонизации регулирования деятельности субъектов национальной платежной системы и системно значимых платежных систем на основе стандартов КПРИ.

Базовыми компонентами в сфере платежных систем и инфраструктур являются международные стандарты профильного характера, прежде всего КПРИ. В Российской Федерации возможность применения таких стандартов делегирована Банку России Законом о НПС в рамках деятельности по надзору и наблюдению в НПС, в целях которого приняты стандарты ПИФР, разработанные КПРИ совместно с ТК МОКЦБ.

Целесообразно в рамках документов по реализации направления Концепции по развитию общего платежного пространства в части гармонизации регулирования предусмотреть в дополнение к стандартам БКБН использование стандартов КПРИ. Применительно к платежным системам ЦНБ, являющимся системно значимыми, необходимо рассматривать возможность продвижения их услуг на пространстве ЕАЭС на основе многоуровневого участия (косвенного участия банков-нерезидентов) с выработкой единообразного применения Принципа 19: «Многоуровневая структура участия» ПИФР.

б) в части гармонизации регулирования платежных систем, в том числе являющихся значимыми.

Представляется важным проведение работы по гармонизации регулирования платежных систем, прежде всего по существенным правовым условиям их функционирования: в части правовой защиты участников, окончательности расчета, признания неттинга, а также обеспечения правовой санкцией во всех соответствующих юрисдикциях. При необходимости возможно проведение соответствующего аналитического исследования.

в) в части гармонизации выявления (признания) значимых субъектов НПС в целях единства по дохода в ЕАЭС к надзору и наблюдению за ними (платежному оверсайту).

Вопросы взаимодействия различных типов систем (систем платежных карт, систем передачи финансовых сообщений и расчетов систем быстрых платежей), определенные Концепцией, требуют формирования правил такого взаимодействия, для чего необходимо терминологическое единство правовой базы, в том числе отражающее свойства субъектного состава каждой из НПС в ЕАЭС. Вероятно, потребуется провести серьезный сопоставительный анализ национальных законодательств и международных стандартов, в том числе с учетом количественных характеристик. Это позволит, в числе прочего, выявлять (признавать) деятельность тех или иных субъектов как системно или существенно (социально) значимых и определять формы и методы контрольной деятельности, включая методы совместного платежного оверсайта.

Данное направление в ЕАЭС развивается Рабочей группой, о чем свидетельствуют сообщения СМИ о подготовке соглашения в области платежного оверсайта (надзора) между центральными банками стран ЕАЭС, находящимся в заключительной стадии¹.

г) единство трактования платежной услуги с учетом мирового опыта.

Бурное развитие инноваций на финансовом рынке создает условия для расширительного толкования понятия платежной услуги, при котором она не является исключительно банковской. Такой подход иллюстрируется Евросистемой, однако в рамках Договора о ЕАЭС и Концепции услуга по платежам и денежным переводам (как платежная услуга) не выходит за рамки традиционных банковских услуг. Было бы практически важным проведение исследования практики соответствующего регулирования в странах ЕАЭС в сопоставлении с Евросистемой, подтверждающего обоснованность и практическое значение такого подхода в ЕАЭС или выработку конструктивной альтернативы.

Результаты исследования могут послужить основой для выработки единого подхода к вопросам конкуренции и кооперации на платежном пространстве ЕАЭС.

¹ <https://ru.investing.com/news/economy/article-1923403>

2. Разработка документа, раскрывающего направления развития общего платежного пространства

Возможное формирование плана по реализации Концепции может рассматриваться исключительно в целях и использования организациями, включенными в этот план, не подлежащий опубликованию, и тогда бизнес-общественность и научное сообщество будет весьма слабо информировано о конкретных задачах и мероприятиях.

В практике Банка России можно привести немало примеров разработанных документов, определяющих развитие различных профильных направлений в финансовой сфере на основе законодательных актов или правительственных решений. К их числу, применимому в платежной сфере, можно, например, отнести:

– Стратегию развития национальной платежной системы, созданную в соответствии с Законом о НПС;

– Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов, нацеленную на реализацию программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Правительством Российской Федерации.

Следуя такому подходу, было бы целесообразно на базе Концепции разработать публично доступный документ, раскрывающий (конкретизирующий) аспекты направлений, предусмотренных в деятельности Рабочей группы, возможно с привлечением союзов и объединений участников национальных платежных рынков.

3. Организация информационно-аналитической работы по направлениям развития общего платежного пространства

В период действия Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) был образован Совет руководителей центральных (национальных) банков государств-участников ЕврАзЭС. Функции секретариата Совета выполняет Межгосударственный банк. Межгосударственный банк также по поручению Совета осуществляет информационно-аналитическую работу в интересах Совета, выпускает на периодической основе сборники о текущем состоянии экономики и финансов государств-членов ЕврАзЭС, кредитно-финансовой политике центральных (национальных) банков стран Сообщества, платежах по взаимному товарообороту и др.

Опираясь на данный опыт, было бы целесообразно определить орган, отвечающий за мониторинг и регулярную публикацию аналитических и статистических материалов, связанных с развитием общего платежного пространства ЕАЭС. При этом в части статистики следует рассматривать информацию по всему спектру трансграничных платежей в разрезе платежных систем, а не только по взаимному товарообороту.

Темирбекова Л.А.

старший преподаватель Карагандинского государственного университета

adiya77@mail.ru

Толеутай Д.С.

студент Карагандинского государственного университета

Dt.daryn1@gmail.com

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В КАЗАХСТАНЕ

Ключевые слова: безработица, виды безработицы, занятость, статистический анализ, факторы, безработные, трудоспособное население, рабочая сила.

Keywords: unemployment, types of unemployment, employment, statistical analysis, factors, unemployed, able-bodied population, labor force.

Одной из актуальных тем на сегодняшний день является рост уровня безработицы в стране. Эту проблему необходимо решить, т.к. она имеет существенные социальные и экономические последствия

Безработными считаются граждане страны, не имеющие официального дохода от своей деятельности, а также те, кто находится более четырех недель в поисках работы. Таким жителям следует зарегистрироваться в службе занятости. Виды безработицы представлены на рис. 1.

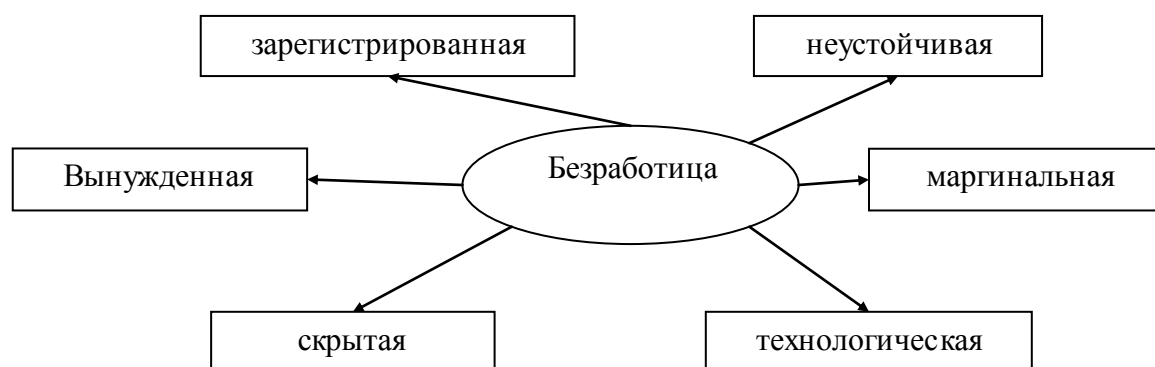

Рисунок 1.
Виды безработицы

Вынужденная безработица, называемая также добровольной, определяется тем, что человека не устраивают условия возможной работы – маленькая заработная плата, вредные условия труда. В этом случае люди ищут подходящее место для заработка, но при этом официально числятся на бирже занятости.

Неустойчивая безработица наблюдается при остановке работ на производствах. При технологической безработице квалификация работника не учитывается, а его заработок не высок.

Рост безработицы происходит по следующим причинам:

1. Модернизация производства, в результате которой устанавливается технологическое оборудование, которое вытесняет труд человека.

2. Рабочие места открываются на определенный период (сезонная работа).

3. Кризис или спад в экономике, в результате которых существенно сокращается спрос на использование человеческих ресурсов;

4. Нормативное повышение минимальной заработной платы, которое снижает заинтересованность предприятий в увеличении штата.

5. Политические решения, приводящие к росту безработицы.

Последствия возрастающей безработицы представлены на рис. 2.

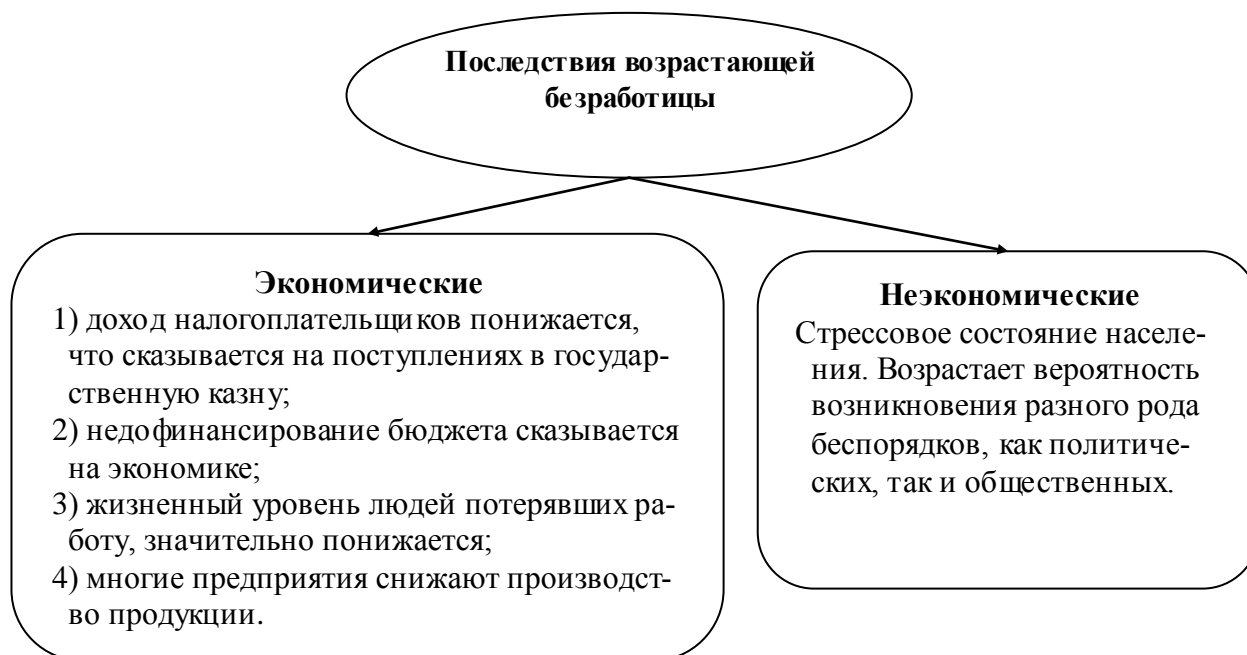

Рисунок 2.
Последствия возрастающей безработицы

Данные о количестве безработных в динамике по Республике Казахстан представлены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика рабочей силы РК за 2013–2018 год

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Рабочая сила (в возрасте 15 лет и старше), тыс. человек	9041,3	8962,0	8887,6	8998,8	9027,4	9138,6
Занятое население, тыс. человек	8570,6	8510,1	8433,3	8553,4	8585,2	8695,0
Наемные работники, тыс. человек	5949,7	6109,7	6294,9	6342,8	6485,9	6612,5
Самостоятельно занятые работники, тыс. человек	2621,0	2400,4	2138,4	2210,5	2099,2	2082,5
Безработное население, тыс. человек	470,7	451,9	454,2	445,5	442,3	443,6

В июле 2019 года в Казахстане зарегистрировано 440,9 тыс. безработных, что составляет 4,9% от численности рабочей силы (4,8% в июне). Об этом сообщает пресс-служба Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. По официальным данным, на конец июля 2019 года в органах занятости РК официально зарегистрированы в качестве безработных 172,7 тыс. человек или 1,9% от численности экономически активного населения страны. Уровень скрытой безработицы в апреле-июне 2019 года равен 0,3% от численности рабочей силы (30,4 тыс. человек). В июле этого года в экономике республики занято 8,8 млн человек. Среди занятого населения 6,7 млн человек (76,1% от общего числа занятых) трудятся по найму.

Статистика утверждает, что фактический уровень безработицы в Казахстане в 2019 году составляет 4,9%, уровень безработицы в 2013–2018 гг. представлен в табл. 2.

Таблица 2

Динамика уровня безработицы Республике Казахстан за 2013–2018 годы, %

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Уровень безработицы, в процентах	5,2	5,0	5,1	5,0	4,9	4,9
Уровень молодежной безработицы (15-24 лет), в процентах	3,9	3,8	4,2	3,8	3,8	3,7
Уровень молодежной безработицы (15-28 лет), в процентах	5,5	4,2	4,4	4,1	3,9	3,8
Уровень долгосрочной безработицы, в процентах	2,5	2,4	2,5	2,2	2,2	2,2

Данные табл. 2 показывают, что уровень безработицы за исследуемый период падает – уровень молодежной безработицы в возрасте от 15 до 24 лет изменяется скачкообразно, безработица возрастной группы от 15 до 28 лет падает, также как и уровень общей безработицы. Уровень долговременной безработицы в последние три года постоянный.

Изменения уровня безработицы в 2013–2018 гг. представлены на рис. 3, где мы видим, что пик молодежной безработицы в возрасте от 15 лет до 28 лет приходится на 2013 год и это значение выше, чем значение общего уровня безработицы.

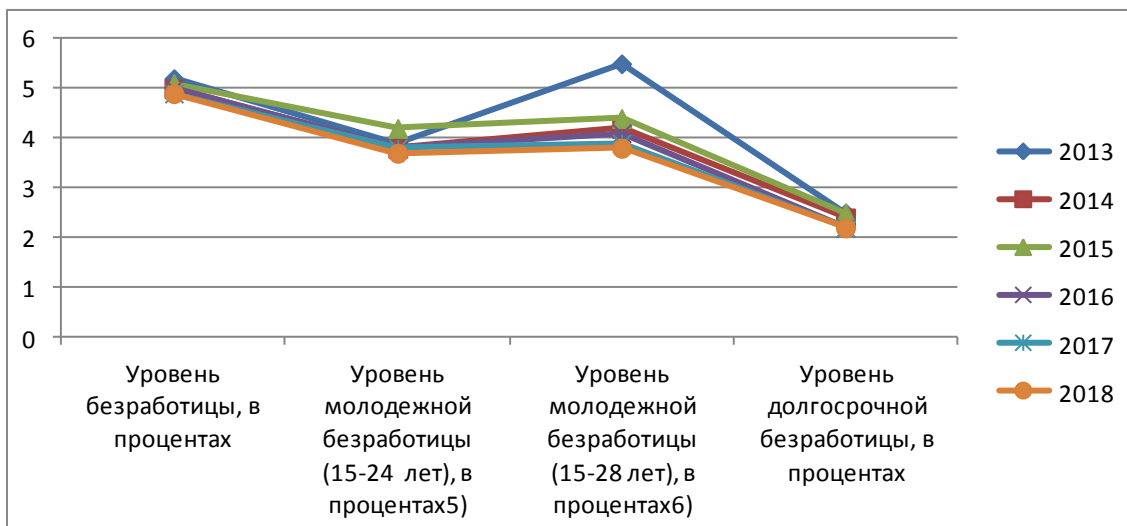

Рисунок 3.
Динамика уровня безработицы Республике Казахстан в 2013–2018 гг., %

Общее количество нетрудоустроенных казахстанцев сегодня колеблется в пределах 457000-500000 человек. Официально в органах занятости зарегистрировано 66,4 тыс. безработных. Количество официально трудоустроенных казахстанцев составляет 8 500 000 человек. Соотношение непродуктивной и продуктивной занятости представлено на рис. 4.

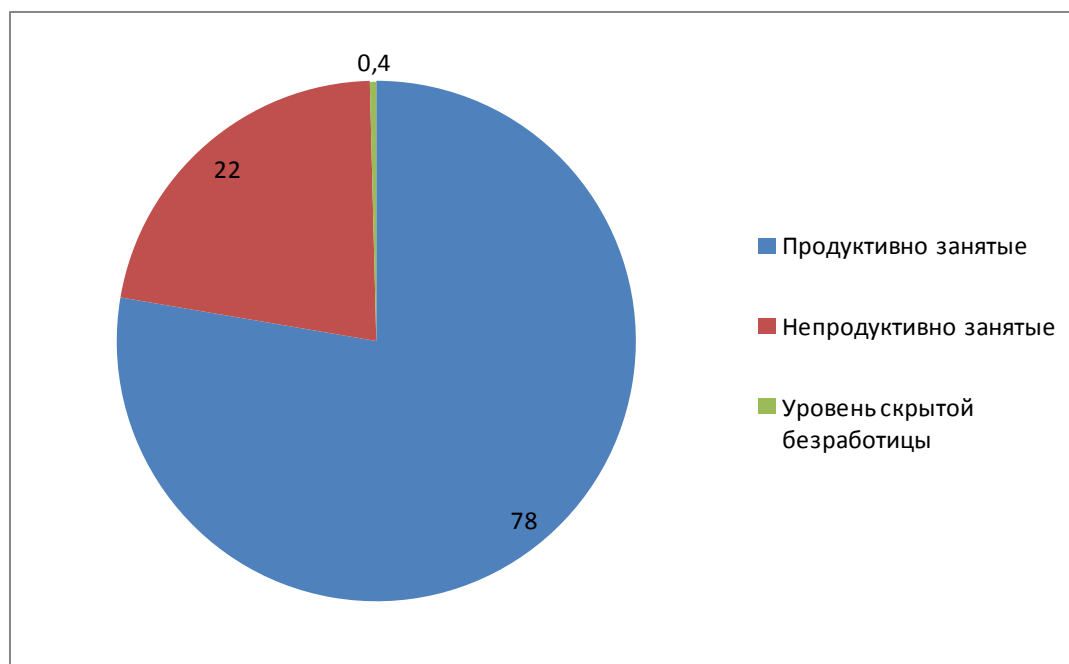

Рисунок 4.
Данные занятости в 2019 году в РК

Наиболее значимые причины безработицы в Казахстане представлены в табл. 3

Таблица 3

Распространенные причины безработицы в Казахстане

Причина	Описание
Родительская гиперопека	Количество работающих и подрабатывающих студентов составляет всего 20%. Большинство молодых людей предпочитают жить за счет родителей.
Последствия экономического кризиса 90-х	Родители многих молодых людей, даже имея на руках дипломы престижных вузов, были вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом. По этой причине современная молодежь не смогла получить достойное образование.
Высокий темп жизни	Современных работодателей в большей степени интересуют такие аспекты, как эффективность, высокая производительность и оптимизация персонала. Морально-нравственные ценности постепенно забываются.
Конфликт между потребностями людей и реалиями рынка труда	Молодые казахстанцы стараются выбирать такие престижные профессии, как менеджмент, юридическое право, экономика, банковское дело. Но рынок труда в РК уже не нуждается в таких специалистах.

На наш взгляд эти причины являются общими для многих стран постсоветского пространства.

Нами была изучена и безработица по областям Казахстана. Самая высокий уровень безработицы наблюдается в Мангистауской области (5,8%), на втором месте Акмолинская и Жамбылская области – 5,5%, на третьем месте Костанайская область – 5,4% и самое низкое значение в Атырауской области – 5%.

Список источников

1. stat.gov.kz
2. Анализ причин безработицы в Республике Казахстан. – <https://www.kazportal.kz>
3. Рейтинг стран по уровню безработицы. – <https://nonews.co/directory/lists/countries/unemployment>
4. Зайцева И.А. Безработица как одна из глобальных проблем современного мира. – <https://cyberleninka.ru/article/n/bezrobotitsa-kak-odna-iz-globalnyh-problem-sovremenno-go-mira/viewer>

Федорова И.Ю.¹

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В РАМКАХ ЕАЭС

Ключевые слова: национальная стратегия, государственные закупки, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), взаимосвязи, интеграция, информатизация, Единый реестр разработчиков программного обеспечения.

Keywords: national strategy, public procurement, Eurasian Economic Union (EAEU), interconnections, integration, informatization, Unified register of software developers.

Основные направления реформы, определенные для реализации в рамках осуществляемой в системе управления общественными финансами Российской Федерации, включают важнейшие стратегические задачи, решить которые возможно только на абсолютно новой основе выстраиваемых экономических взаимосвязей. В данном случае речь идет о взаимовыгодном учете интересов стран, вступающих в экономические союзы, равноправным членом которых наряду с другими является Российская Федерация.

Основные направления реализации намеченной в России стратегии развития государства определены Указом Президента № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»². В отношении государственной безопасности стратегические цели и задачи проработаны Указом Президента № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»³. Ключевые направления развития финансово-экономических отношений в системе управления общественными финансами, раскрыты в «Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах»⁴.

В качестве новых подходов в направлении развития финансово-экономических взаимосвязей предполагается сформировать информационный контур системы управления общественными финансами в т.ч. путем обеспечения конкурентной и прозрачной системы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Регулирование внешних финансово-экономических связей России в закупочной сфере осуществляется на основе национального режима, основные позиции по которому изложены в статье 14 главы 1 Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁵.

Применение национального режима при осуществлении заказчиками закупок товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, работ, услуг, выполняемых или оказываемых иностранными лицами, должны осуществляться на равных условиях скупаемыми товарами, работами и услугами российского происхождения на условиях, которые предусмотрены международными договорами Российской Федерации. Перечень таких иностранных государств, с которыми у Российской Федерации заключены международные договоры и установлены условия применения национального режима, размещены в ЕИС.

В целях обеспечения обороны и безопасности государства, защиты внутреннего рынка Российской Федерации, развития национальной экономики, поддержки российских товаропроизводителей нормативными правовыми актами Правительством установлен запрет на допуск товаров, работ, услуг из иностранных государств и определено ограничение в допуске указанных товаров, работ, услуг для целей осуществления закупок. Ограничения такого допуска и условия допуска устанавливаются нормативными правовыми актами.

В то же время Российская Федерация как участник экономических союзов ЕАЭС, СНГ, БРИКС, формирует свою внешнеэкономическую политику так, чтобы из всех выстраиваемых внешнеэкономических связей приоритетными являлись отношения со странами-партнерами в рамках экономических содружеств. Реализация такого рода отношений обеспечивается на основе единой информационной платформы. Рассмотрим более подробно механизм реализации системы закупок товаров, работ, услуг отечественных и иностранных товаропроизводителей в условиях развития информационных технологий и цифровизации экономики. С начала 2019 г. система государственных закупок

¹ Федорова Ирина Юрьевна – д.э.н., доцент, профессор Департамента общественных финансов, Финансовый университет. E-mail: fedorovaiu1@gmail.com

² Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

³ Указ Президента от 13.05.2017г. № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

⁴ Утвержденная распоряжением Правительства РФ от 31.01.2019 г. №117-р «Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах».

⁵ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

полностью переведена на электронное обеспечение закупочного процесса. Выстроена и применяется единая информационная платформа для проведения закупок на отечественном рынке товаров, работ услуг.

В целях национальной безопасности, обеспечения обороны страны и защиты внутреннего рынка был установлен запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, соответственно работ, выполняемых и услуг, оказываемых иностранными лицами, и введены ограничения допуска для целей осуществления закупок. Например, введен запрет на использование иностранного программного обеспечения в органах государственной власти и др. государственных и муниципальных организациях¹. В то же время с 1.01.2018 г. Постановлением Правительства № 1236 было обеспечено полное снятие запрета на допуск программного обеспечения из стран, входящих в ЕАЭС².

По своей инициативе и в одностороннем порядке Россия инициировала создание Единого реестра программ для электронных вычислительных машин и баз данных государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Реестр был создан с целью распространения национального режима в сфере закупок программного обеспечения и использования баз данных, разработка которых осуществляется за рубежом и которые признаны происходящими из государств-членов ЕАЭС. Министерство коммуникаций и связи России 9 апреля 2019 года запустило Единый реестр программного обеспечения стран ЕАЭС. С 1.07. 2019 г. единый реестр для разработчиков программного обеспечения из стран ЕАЭС и баз данных из государств-членов ЕАЭС размещается на новом сайте: <http://eac-reestr.digital.gov.ru/>³.

Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации официально было разрешено разработчикам программного обеспечения из стран ЕАЭС участвовать в российских государственных закупках. После регистрации иностранных участников – потенциальных поставщиков, подрядчиков, исполнителей в открытом доступе в Едином реестре размещаются заявления о включении сведений о программном обеспечении. Размещение в Едином реестре дает возможность принимать участие в российских государственных закупках на тех же условиях, что предоставляются российским компаниям.

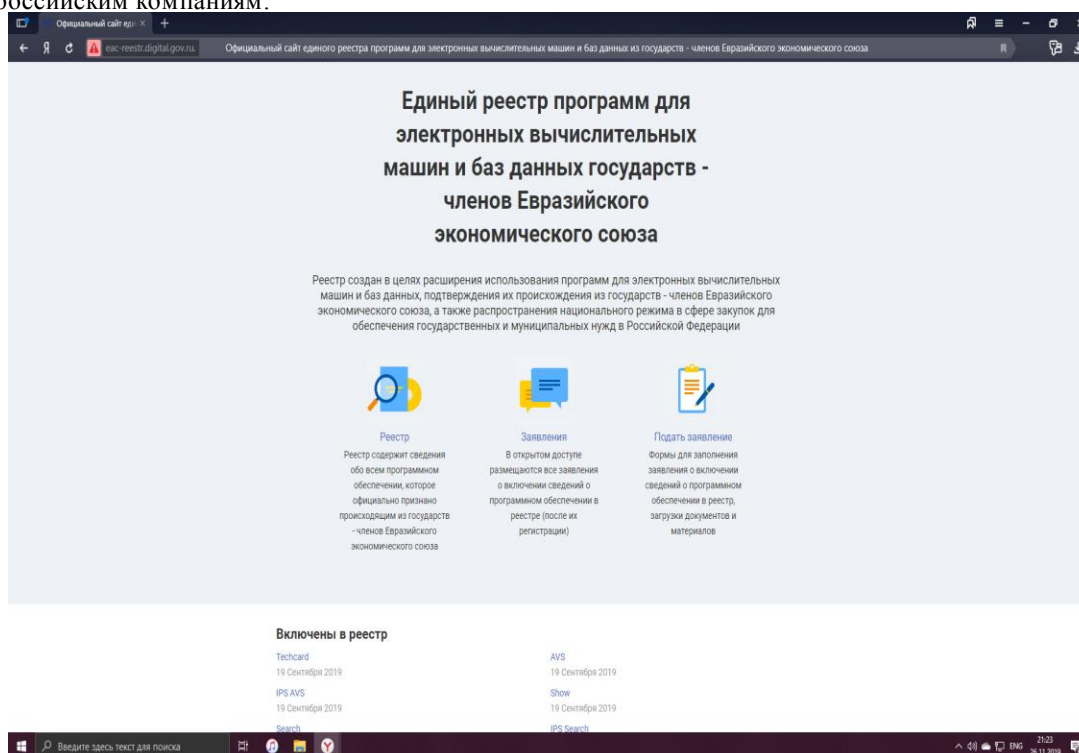

Рисунок 1.

Сайт Единого реестра евразийского программного обеспечения: <http://eac-reestr.digital.gov.ru/>

Законодательно были закреплены базовые критерии включения программных продуктов в Единый реестр, утверждены правила формирования и ведения Единого реестра⁴. Реестр формируется Экспертным советом по программному обеспечению при Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Большинство

¹ Приказ Минкомсвязи России от 29 июня 2017 № 334 «Об утверждении методических рекомендаций по переходу федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов на использование отечественного офисного программного обеспечения, в том числе ранее закупленного офисного программного обеспечения».

² Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2015 г. № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» С изменениями и дополнениями от: 23 марта, 20 декабря 2017 г., 20 ноября 2018 г., 30 марта 2019 г.

³ Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 11.06.2019 № 278 «Об определении официальных сайтов в Интернете оператора единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных и оператора единого реестра программ для электронных вычислительных машин и баз данных из государств – членов Евразийского экономического союза, за исключением Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 29.06.2015г №188 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”».

голосов в Экспертном совете имеют представители отечественной ИТ-отрасли. Приоритетными являются интересы государственных заказчиков программного обеспечения¹.

Практика привлечения иностранных производителей товаров, работ, услуг из стран ЕАЭС для участия в российских государственных закупках путем использования специальных реестров может быть успешно распространена и на другие рыночные сегменты закупаемых для обеспечения государственных нужд товаров, работ, услуг.

Расширение интеграционных процессов в рамках ЕАЭС планируется путем унификации законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг. Так, на уровне правительственных комиссий России и Белоруссии согласовывается дорожная карта по введению в 2020 году единых правил доступа к государственным закупкам. Дорожная карта предполагает введение единых правил доступа к государственному заказу и государственным закупкам Республики Беларусь и России. На данный момент задача состоит в урегулировании отдельных и пока не согласованных отдельных вопросов.

Одним из препятствий является необходимость исключения из законодательства обеих стран положений, ограничивающих для банков Республики Беларусь возможность предоставления банковских гарантий участникам государственных закупок в Российской Федерации. С целью согласования позиций разрабатывается межправительственное соглашение о взаимном признании банковских гарантий. Планируется, что после согласования на уровне Евразийской экономической комиссии, единые нормы в отношении лицензий, выдаваемых банкам для обеспечения обязательств участников государственных закупок, будут действовать для всех стран ЕАЭС. Для этого необходимо не только взаимное признание банковских гарантий, но и создание механизма, обеспечивающего урегулирование разногласий между заказчиками и банками, которые связаны с выполнением обязательств по гарантиям.

Другой момент заключается в необходимости согласования дорожной карты и урегулировании вопроса идентификации участников закупок из Белоруссии на российских электронных торговых площадках (ЭТП) в связи с применением ими при открытии специальных счетов учетного номера налогоплательщика (УНП) Республики Беларусь и идентификационного номера налогоплательщика (ИНН), в том числе при взаимодействии с российскими банками.

В ходе разработки дорожной карты предусматривается проведение сравнительного анализа российского и белорусского законов о государственных закупках (№ 44-ФЗ и закон №419-З²) с целью унификации правового регулирования закупок и устранения технических проблем доступа участников к электронным закупкам.

Таким образом, учитывая интересы безопасности и профессиональные запросы государственных заказчиков, в условиях обеспечения ускоренного внедрения цифровых технологий и расширения интеграционных связей со странами-партнерами ЕАЭС в России закладываются основы для прорывного экономического развития.

Список литературы и источников

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 08.04.2013. – №15. – Ст. 1652.
2. «Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 января 2019г. № 117-р // СПС КонсультантПлюс.
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС КонсультантПлюс.
4. Федорова И.Ю., Фрыгин А.В., Седова М.В. Контрактная система: развитие финансового механизма государственных и муниципальных закупок. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2-е издание, 2018. – 226 с.
5. Федорова И.Ю., Прокофьев М.Н., Калашникова О.В. Эффективность распределения бюджетных средств в сфере государственных закупок // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – М., 2015. – Т. 6, № 2-1 (22). – С. 30–35.
6. Седова М.В., Сеницына Е.В. Формирование интегрированной среды управления государственными финансами // Ученые записки: Роль и место цивилизованного предпринимательства в экономике России. Сборник научных трудов. Выпуск 37. – М.: АП «Наука и образование», 2013. – С. 135–150.
7. Соляникова С.П. Ответственная бюджетная политика в социальной сфере: проблемы разработки и реализации // Экономика. Налоги. Право. 2015. – № 5.
8. Sanginova L.D., Bagratuni K.Y., Belyaeva M.V., Khanova L.M., Sinityna E.V. Mathematical modeling of long-term economic and financial security of the state in the context of demographic decline // International Journal of Pure and Applied Mathematics. 2018. – Vol. 119, N 17. – P. 1465–1469
9. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – <http://www.minfin.ru>
10. Сайт Единого реестра евразийского программного обеспечения. – <http://eac-reestr.digital.gov.ru/>

¹ Приказ Минкомсвязи России № 678 Приказ 21 декабря 2016 «Об утверждении состава Экспертного совета по российскому программному обеспечению при Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации».

² Закон Республики Беларусь. от 13 июля 2012 г. № 419-З. О государственных закупках товаров (работ, услуг) Изменения и дополнения: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 136-З (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 01.08.2018, 2/2574) – новая редакция <Н11800136>.

*Хренов Н.А.*¹

РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА

Ключевые слова: цивилизационно-культурные образования, культурные ценности, русская культура, русское искусство, национальная идентичность, культурный синтез, Запад и Восток.

В ситуации, с одной стороны, интенсивных взаимодействий между цивилизациями и культурами, что характерно для эпохи глобализации, в которую человечество вошло в XX веке, и, с другой стороны, не менее интенсивных дискуссий, развертывающихся в гуманитарных науках сегодня, невозможно не видеть проблемы как в закрытости каждого цивилизационно-культурного образования, на чем настаивал в начале XX века еще О. Шпенглер, так и в его открытости, на чем, цитируя О. Шпенглера, настаивал М. Бахтин. Но, может быть, такая же острая проблема связана с функционированием таких цивилизационно-культурных образований, которое демонстрирует в своей истории поочередно то закрытость, то открытость. И дело здесь не только даже в идеологических императивах, которые, конечно же, в истории России предстают настоящим вызовом. Дело в тех процессах, которые можно было бы назвать процессами синтеза, развертывающегося в каком-то пограничном образовании, синтеза элементов других или чужих культур, которые иногда ассимилируются, а иногда отторгаются. Этой проблеме была посвящена одна из работ В. Земскова (1).

Попытаемся, отдавая дань памяти ученого-гуманитария, продолжить рассматривать эту проблематику на примере истории России и, еще точнее, истории отечественного искусства, которое, конечно же, если прибегать к терминологии В. Земскова, было эффективным интегратором разнородных культурных влияний. Обратимся в связи с этим к русскому искусству рубежа XIX–XX веков и рассмотрим его под углом зрения включения в развернувшийся в этот период культурный синтез элементов западной, русской и восточной культуры. Рубеж XIX–XX веков – исключительный период в истории мирового искусства. Многие мыслители – и европейские, и российские определяли этот период как кризисный и, уж во всяком случае, переходный. А в переходные эпохи, как известно, контакт между разными культурами оказывается особенно интенсивным (2).

Что касается Востока, то на протяжении всей истории европейской цивилизации он оказывался постоянным предметом размышления. Но всякий раз по-разному. В недавно переведенном в России исследовании Ф. Кардини (1) прослежена история столкновения двух миров, которые постепенно, уже ближе к XX веку начинают изживать конфликтные отношения. Книга Ф. Кардини не касается современности, но современная история свидетельствует, что отношения между этими мирами все еще не являются гармоничными.

Когда-то в глубокой древности произошла грандиозная революция – отрыв античного мира, продолжением которого явился западный мир, от восточного мира. Имея в виду полисы античной Греции, Ж. Делез и Ф. Гваттари пишут: «Они первыми оказались настолько близко и вместе с тем настолько далеко от архаических восточных империй, что сумели извлечь из них выгоду, не следуя сами их образцу; вместо того, чтобы паразитировать в их порах, они сами стали купаться в новой составляющей, осуществили новую, имманентную детеррианизацию, сформировали среду имманентности» (2).

В результате этого отрыва были созданы принципиально новые культурные ценности, связанные с особым статусом разума, свободы, личности, отношением к миру, к богу и т.д. Но эта система возникших новых ценностей время от времени испытывала кризисы. В ситуации таких кризисов постоянно возникала опасность утраты вновь созданных за пределами Востока культурных ценностей и возврата в прежнее состояние, т.е. растворения в восточном мире. Такая ситуация, например, складывалась в эпоху угасания Древнего Рима. Греческая культура возникает на периферии Азии. К. Ясперсу Европа кажется древним осколком, отделившимся от материнского лона Азии. Он ставит весьма небанальный вопрос: «Можно ли предположить, что Европа вновь вернется к Азии, потеряв свои специфические черты? По тонет в ее глубинах и ее бессознательном нивелировании?» (3). Так поставленный вопрос имеет отношение не только к Западу, но и к России, которую мы мыслим входящей в европейский мир. Это однако очевидно не для всех носителей разных культур. Так, такое видение России явно не характерно, например, даже для представителя русской культуры – евразийца – Н. Трубецкого (3).

Конечно, разрыв эллинизма с Востоком не был абсолютным. Какие-то элементы восточной культуры (скажем, египетской) сохранялись и в античном, а затем и западном мире. Так, описывая египетский храм Хатшепсут, возведенный в честь бога Амона, А. Пунин пишет, что архитектор Сененмут первым вызвал к жизни сводчатые конструкции нового типа. Он констатирует: «Позднее своды подобного типа египетские строители будут применять все шире. А затем, уже в античную эпоху, такие своды станут одним из самых главных конструктивных приемов и получат по-

¹ Хренов Николай Андреевич – д.филос.н., профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова; гл.н.с. Государственного института искусствознания.

истине блистательный расцвет в архитектуре Древнего Рима» (4). Так, Б. Виппер, анализируя скульптурные ансамбли античности, утверждает, что ионийская школа находится под сильным влиянием Востока. Имея в виду колонны эфесского Артемисиона, исследователь констатирует столь популярное в древневосточном искусстве фигурное украшение несущих элементов здания. Описывая дорогу, ведущую к храму Аполлона – Дидимейону, он говорит, что она с двух сторон была украшена сидящими статуями. Историк искусства утверждает, что и тема сидящих статуй, и способ их установки являются чисто египетскими. Они напоминают аллеи статуй, ведущие к египетскому храму (5).

Тем не менее, утверждение самостоятельности культурных ценностей и античного, и затем западного мира во многом определяют всю позднейшую историю. Время от времени они забываются, но затем о них вспоминают и возрождают, что обычно обозначается как Ренессанс. Хотя, если иметь в виду О. Шпенглера, это возрождение не могло быть полным и глубоким, ибо оно развертывалось в другой культуре с иным прасимволом. Мы говорим об этом не случайно, поскольку эпоха, которая нас интересует, – рубеж XIX–XX веков в России с некоторого времени некоторыми также обозначается как Ренессанс.

У всех, кто на эту тему в то время размышлял, можно констатировать идею возникновения в России нового европейского Ренессанса. Но на этот раз такой Ренессанс перемещается в Россию. Так, по мнению Д. Мережковского, процесс, начатый Ренессансом, завершен, и на рубеже XIX–XX веков начинается новый Ренессанс в славянских формах. Его своеобразие заключается в том, что его следствием должно быть новое возрождение язычества, что ассоциировалось с очень популярным у русских художников и мыслителей этого периода образом ницшевского Диониса (6).

Н. Бердяев тоже полагал, что рубеж XIX–XX веков демонстрирует новый ренессанс в славянских формах, но понимал его уже по-иному. «Если эпоха Возрождения была возвратом к правде язычества, возвратом к жизни земной, то наша эпоха есть начало возрождения религиозного смысла жизни, соединения правды язычества с правдой христианства, начало новой эры, связанной с диалектическим переворотом в мистической основе мира» (7). Поэт В. Брюсов не исключал возможности в России в это время нового Ренессанса, но размещал его в иных временных рамках. «По аналогии мы вправе ожидать, что и в нашей литературе предстоит эпоха Нового Возрождения. В то же время литературы показывают нам также, что такие Возрождения всегда совершаются медленно, в течение ряда лет, большей частью – целого десятилетия. Поэтому мы не вправе требовать, чтобы наша литература теперь же, когда еще не умолкли ни гулы войны, ни вихри революции, сразу предстала нам обновленной и перерожденной. Мы должны искать о дно – примет начинающегося Возрождения» (8).

Все эти вынесенные разными представителями этой эпохи оценки ситуации рубежа XIX–XX веков исходят из того, что русский славянский Ренессанс развертывается в контексте антично-европейской традиции как восполнение того, что в предшествующих Ренессансах отсутствовало. Как известно, Э. Панофский считал, что большому европейскому Ренессансу предшествовали ранние и малые Ренессансы. Однако необходимо обратить внимание и на другую сторону нового Ренессанса – русского, связанную с Востоком.

Рубеж XIX–XX веков как ситуация кризиса европейской культуры вновь сделал актуальной тему отношений Запада и Востока. Активная ассимиляция Востока западным миром сопровождает весь тот период, который О. Шпенглер называет цивилизацией, т.е. два последних столетия, когда западный мир переживает кризис. Но что значит – активная ассимиляция Западом Востока? Это что: позитивный процесс – допуск в «угасающую» культуру имеющих место на Востоке жизнеспособных элементов? Такой процесс можно было бы назвать позитивным, способствующим выходу из кризиса. Или это – бессознательная утрата западных ценностей как самостоятельных по отношению к Востоку и, следовательно, свидетельствующая о начавшемся растворении в восточном мире? И, следовательно, это выражение того, что О. Шпенглер называет «закатом» Европы. Происходит то, чего опасались на всех этапах и античной, и затем европейской истории. Этот процесс, если он, действительно, реален, с точки зрения «фаустовского» человека оказывается негативным.

Не поставив эти вопросы на уровне отношений разных цивилизаций в мировой истории, трудно ставить проблему «Россия и Восток». На рубеже XIX–XX веков обостряется не только проблема «Запад и Восток», но и проблема «Россия и Запад» Почему? Фиксируемый многими мыслителями кризис западной культуры имеет общечеловеческий резонанс. Мы рассмотрим лишь один аспект этого кризиса, а именно, кризис европоцентризма. Будем под ним подразумевать не кризис Европы, а кризис лишь установки, многое в мировой истории с начала Нового времени определявшей. Именно эта установка определила вестернизацию мира. Она связана с весьма позитивным явлением – распространением ценностей европейской цивилизации во всем мире, что позволило сквозь призму этой установки рассматривать всю историю. Ценностные ориентации одной культуры – европейской транслировались во всех других культурах. Такая европоцентристская установка иногда имела эффект, иногда наталкивалась на серьезные цивилизационные барьеры. Что касается России, то она активно ассимилировала ценности Запада, превращаясь в прозападную культуру. Реформы Петра Первого, связанные с ассимиляцией европеизма, свидетельствовали, что Россия вытеснила в бессознательное все, что с европейской системой ценностей несовместимо.

Как же эту европейскую систему ценностей можно обозначить? Нам импонирует точка зрения Ю. Хабермаса, который позволил себе расширительное толкование искусствоведческого понятия «модерн», отождествляя обозначаемое им мировосприятие с эпохой Нового времени (9). Эта эпоха означала то, что Л. Гумилев называл акматической фазой в истории западной цивилизации. На этом этапе Запад меньше всего опасался Востока, хотя именно в это время им и был вызван к жизни так называемый «ориенталистский дискурс», навязывая Востоку удобную ему идентичность Востока (Э. Саид) (10).

Однако мы бы ошиблись, если бы мировосприятие всего Нового времени отождествили исключительно с модерном. На какое-то время модерн для мировой истории оказался своеобразным «осевым временем». В реальности он им все же не стал, но, кажется, претендовал, чему способствовали успехи европейской философии Нового времени.

Альтернативным модерну стало другое мировосприятие, появление которого во многом было спровоцировано рационалистической установкой модерна. Это романтизм, с возникновения которого начинается сопротивление модерну. К сожалению, обращение к проблематике романтизма обычно с этим моментом не связывается.

Если модерн жестко загонял в вызванную им к жизни матрицу и все, что ему не соответствует, то романтизм все эти цивилизационные и культурные «отходы» реабилитировал. Потенциально романтизм явился чем-то вроде мотылька европоцентризма. Мы не случайно затрагиваем в связи с романтизмом ситуацию начала XIX века. Это и сходная точка того, что будет иметь место на рубеже XIX–XX веков. Дело в том, что интерес к Востоку возникает в границах именно мировосприятия романтиков. Какое-то время эти две ментальные установки в культуре Запада существовали.

Несмотря на усиливающуюся критику к концу XX века модерна, невозможно не признать его позитивных сторон. Европоцентризм был основой того культурного синтеза, который сформировался в Новое время. А все, что способствует объединению человечества, следует оценивать положительно. Консолидирующая миссия модерна с его европоцентристскими ориентациями является, безусловно, положительной. Но положительной для определенного исторического этапа. На этом этапе модерн довел до логического конца те ценности, что определяли самостоятельность и античного, и затем западного мира. В западном Просвещении повторились тенденции античного Просвещения. Естественно, что для модерна как монологической системы проблема Востока не существовала или существовала, но в своем экзотическом или ориенталистском варианте, что особенно проявилось в XVII и XVIII веке. Искусство продемонстрировано это модой на китайский фарфор, китайские лаки и вышивки. Такие европейские художники XVII века, как Карпаччо и Рембрандт, копировали восточные миниатюры (10). Вообще, по мнению Э. Саида, Запад в это время переживал нечто вроде восточного Ренессанса.

Постепенно экзотизм изживался. Это происходило под воздействием романтизма, преодолевшего жесткость раннего модерна и возвращавшего мир к многообразию цивилизационных организмов. Не без влияния романтизма Восток повертывался уже не только своим внешним экзотизмом, но и ментальным своеобразием. Под воздействием романтического мировосприятия сформировалась и специфическая, отличная от модерна философия. Так, в своем «Западно-восточном диване», появившемся в 1819 году, Гете сформулировал необходимость проникновения в ментальное своеобразие восточных культур. Он критикует поверхностное отношение западного человека к восточной поэзии, называя его предрассудком. Как рассуждает Гете, для западного человека не имеет цены все, что не унаследовано от Афин и Рима. Он эту тенденцию осуждает. По его мнению, необходимо оценивать западную поэзию не в свете греков и римлян, а в ее самобытности (11). Такую позицию следует считать истоком кризиса европоцентризма. Не случайно О. Шпенглер признавался, что своей концепцией он обязан Гете.

Постепенно в той западной философии, что по своему духу близка романтизму, оформилась мысль о кризисе европейской культуры. Если в начале XIX века такой кризис был предметом отдельных непонятых мыслителей, например, А. Шопенгауэра, то к рубежу XIX–XX веков его стали обсуждать многие. Но кризис европейской культуры одновременно означал и кризис европоцентризма, на основе которого в культуре Нового времени развертывался культурный синтез. Что означал кризис европоцентризма? Прежде всего, утрату оказавшегося возможным на основе европоцентризма единого, транслируемого «фаустовским» человеком видения мира. Но утрата единого видения мира своей оборотной стороной имеет утверждение многих ценностных миров. Их столько, сколько в мире существует цивилизаций. Это открывали уже романтики. Потом, как известно, эту идею продолжают О. Шпенглер и А. Тойнби.

Прежде всего, в эту эпоху мир вспоминает, что, оказывается, всегда существовал и продолжает существовать восточный мир, который «фаустовский» человек, утверждая свою самостоятельность, постоянно недооценивал, относясь к нему как к преодоленной и консервативной стихии, сдерживающей развитие индивидуального начала. Но мир также убеждается в том, что этот восточный мир не единообразен. Кроме того, его влияние на другие народы подчас оказывалось сильнее, чем влияние Запада, хотя это как-то мало кого интересовало, скорее замалчивалось. Но дело не только в осознании активности параллельно продолжающего существовать восточного мира, но и в понимании того, что его ценности для западного мира все еще продолжают быть конструктивными. Оказывается, что если ранее Запад что-то и брал для себя у Востока, то смог брать лишь поверхностное, внешнее, а не то значительное и важное, что существовало в глубине восточного духа. Но что это – значительное и важное? К. Ясперс ставит вопрос так: что можно найти на Востоке такого, что могло бы восполнить недостающее Западу и им утерянное? (12).

На рубеже XIX–XX веков мода на Восток проявилась, в частности, и в стремлении русских мыслителей и художников путешествовать по миру (В. Соловьев, А. Белый, Н. Гумилев, Н. Рерих и т.д.). Любопытно, например, что А. Белый, путешествуя по Италии, везде находил Восток. Его мало интересует Европа, но он в восхищении от арабов. Огромное впечатление у него осталось от Африки. Пожалуй, в одном из писем А. Белого можно найти и ответ на вопрос, позднее поставленный К. Ясперсом. В строгих контурах африканского пейзажа он усматривает что-то древнее, вещное, еще грядущее и живое. «Строгость, величие, дума о Вечном, созерцание платоновских идей, – всего этого – в Европе нет; все это обнажено в Африке» (13). По сути, А. Белый возвращается в Россию антизападником.

На первых этапах становления альтернативной системы ценностей античный, как и западный мир, не мог на Востоке взять то, в чем он будет нуждаться лишь спустя столетие, когда в развитии индивидуального начала проявятся негативные процессы, что уже ощутит Ренессанс, а затем и рубеж XIX–XX веков. И вот этот оставшийся неразгаданным ментальный потенциал Востока, без которого Запад на поздних этапах своей истории уже не мог двигаться дальше, ощутил А. Шопенгауэр. Вывод А. Шопенгауэра всех шокировал. Этот философ первым диагностировал то, что западная культура оказалась в кризисе. Она изжила тот потенциал, который получил развитие на протяжении многих столетий. Но развитие этого потенциала вызвало к жизни такие стихии, которые и породили кризис. Чтобы его преодолеть, Западу необходимо обратиться к Востоку, понять его во всей его непохожести на Запад и воспользо-

ваться его ценностями. Собственно, эту мысль, не имея, правда, в виду кризис, и выразил Гете. Но А. Шопенгауэр новое, более глубокое понимание Востока прямо ставит в зависимость от необходимости преодолеть кризис европейской культуры. Эта романтическая линия мысли затем была, как известно, продолжена Ф. Ницше в его ранней работе «Происхождение трагедии из духа музыки».

Представители русского искусства во многом открывали Восток на рубеже XIX–XX веков под воздействием знакомства с философией А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. В этом можно фиксировать некоторое сходство в отношении к Востоку в это время между Западом и Россией. Развитие романтической мысли подводило к постановке вопроса о необходимости в условиях распада европоцентризма нового культурного синтеза. Это обстоятельство и объясняет моду в России на Восток, а на Западе моду на Россию, т.е. на русское искусство. Однако это обстоятельство вовсе не исчерпывает всей сложности отношения России к Востоку. Россия повторяет отношение Запада к Востоку лишь отчасти. В большей степени на уровне философской и искусствоведческой рефлексии. В этом культурном регионе как цивилизационно-культурном образовании были специальные причины обращения к Востоку.

Проблема заключается в том, что для Запада Россия предстает тоже Востоком. Часто, когда говорят о России, называют ее Востоком. Так, немецкий философ В. Шубарт, называя свою книгу о России «Европа и душа Востока» (1938 г.), под этой душой подразумевал именно Россию (14). В своей работе «Проблема Востока и Запада в религиозном сознании В. Соловьева» Н. Бердяев, пытаясь разобраться в религиозных установках Запада и России, в качестве синонима России употребляет слово «Восток» (15). Идеи В. Соловьева связаны со славянофильскими установками, хотя он и критиковал славянофилов. А, как известно, славянофилы по отношению и к католической вере были весьма критичными, считая ее изменой учению Христа и к Западу вообще. Однако В. Соловьев, продолжая рефлексии славянофилов, склонен в католичестве усматривать рациональное зерно, а именно, мужественное и волевое начало, которое делает Запад более способным утверждать идеи Христа во всем мире. Наверное, в данном случае О. Шпенглер, утверждая, что «фаустовская» душа преобразила христианство, хотя вроде бы все должно быть наоборот, был прав. С этой точки зрения, по его мнению, восточная ветвь христианства (православие) проигрывает, ибо в нем получает активное выражение пассивно- созерцательное, женское начало. По мнению Н. Бердяева, из рефлексии В. Соловьева вытекает то, что обе ветви христианства превосходно дополняют друг друга. Западное христианство компенсирует уязвимые стороны восточной веры. Отсюда и соловьевская идея необходимости объединения церквей. Такого отношения к католичеству у славянофилов быть не могло.

Сложность заключается в том, что, входя в семью других европейских народов, Россия включена в тот культурный синтез, что развертывается в Новое время и в своей основе имеет европеизм. Однако миссия России и ее культуры этим далеко не исчерпывается. Это обстоятельство становится более ощутимым именно на рубеже XIX–XX веков. Дело в том, что на другом уровне Россия сама как цивилизационно-культурное образование является основой синтеза, но другого синтеза, развертывающегося уже не на основе европеизма, что, кстати, до определенного времени не осознавалось. Этот иной синтез связан с никогда в истории не ослабевавшими контактами России с Востоком. Хотя, может быть, утверждать, что Россия была основой другого синтеза, было бы не совсем точно. Это обстоятельство позволяет уяснить так называемая евразийская философская и публицистическая мысль.

Дело в том, что, начиная с глубокой древности, на огромной территории существует так называемая евразийская общность, составляемая степным или кочевническим населением. На ранних этапах истории Россия предстает частью этой большой общности. Зависимость от этой общности будет определять судьбы России и тогда, когда Россия обретет в истории самостоятельное существование. Поэтому синтез, развертывающийся на основе европеизма, не исчерпывает всех происходящих в культуре России процессов. Чем ближе к XX веку, тем более необходимым становится осознание этого обстоятельства. И это осознание происходит. В этом смысле как раз интересен рубеж XIX–XX веков, когда происходит осознание второго уровня синтеза. Поскольку восточная традиция в русской культуре активизируется, Запад, называя Россию Востоком, не делает ошибки. Если обращать внимание на эту сторону дела, то отношение «Россия – Восток» просто невозможно рассматривать без посредника, т.е. Запада. Получается, что проблема «Россия – Восток» перерастает в проблему «Россия – Запад – Восток». И это составляет ту проблематику, которую В. Земсков называет проблемой цивилизационно-культурного пограничья.

У русского современного теоретика искусства Б. Гройса в 1989 году была опубликована статья, в которой отношения России и Запада представлены весьма парадоксально (16). Положение психоанализа Б. Гройс применяет при анализе взаимоотношений между культурами. С точки зрения Б. Гройса, в соответствии с психоанализом, каждая великая культура, как и личность, представляет структуру, в которой можно фиксировать сознательный и подсознательный слои. Он исходит из того, что Россия и Запад – разные цивилизационно-культурные образования. Поскольку Запад вызвал к жизни модерн, то, как следствие этого, здесь произошла жесткая структурализация и иерархизация ценностей. Впрочем, в большей или меньшей степени это характерно для каждой культуры. Многие и, в частности, из восточной культуры и не только из сознания западной культуры было вытеснено и отвергнуто. Но, согласно тому же психоанализу, полностью вытесняемое не устраняется, оно все равно дает о себе знать. По Б. Гройсу получается, что то, что вытеснено западной культурой с присущим ей рационализмом, получает выражение в другой культуре, а именно, в русской, в которой то, что является подсознанием Запада, выходит в сознание. Суждение Б. Гройса напоминает положение работы Ф. Ницше о происхождении античной трагедии. Так, как известно, древнегреческая трагедия предстает не только аполлоновской, но, в том числе, и дионисийской, которая, вообще-то, до определенного времени, поскольку она была восточного происхождения, вытеснялась в подсознание.

Очевидно, что в силу этого отношение к русской культуре со стороны Запада оказывается амбивалентным. Впрочем, оно остается таким и до сих пор. «Фаустовскому» человеку русская культура представляется чужой, и здесь, следовательно, срабатывает инстинкт отторжения, неприятия. При этом, с другой стороны, эта чужая культура пред-

ставляет соблазн, притягивает, ибо предоставляет свободу тому, что в западной культуре находится под запретом. Так, успех балета «Весна священная» на музыку И. Стравинского на знаменитых дягилевских сезонах в 1913 году в Париже во многом, видимо, можно объяснить прорывом в западный аполлонизм другой, первобытной и языческой стихии, ассоциирующейся и с Россией, и с Востоком в целом.

Эта амбивалентность в отношениях между Россией и Западом некоторыми художниками и мыслителями иногда обсуждается. Так, например, в своих мемуарах Б. Лившиц пишет о критически настроенном по отношению к Западу художнике Якулове следующее: «их (западных людей – Н. Х.) – передает сказанное Якуловым Б. Лившиц – периодически тянет на Восток, они инстинктивно чувствуют, что правда на нашей стороне (на нашей: мы, конечно, отождествили себя с Востоком!), но они взять у нас, даже при желании, не могут ничего» (17). Здесь, как мы убеждаемся, почти шпенглеровская постановка вопроса.

Примером такого притяжения к русской культуре является свобода русского человека от истории. Если обращающий на себя внимание западный рационализм требует предельной историзации бытия, то Россия свободно обращается с историей, позволяет себе легко из нее выходить. Эту особенность ментальности русских превосходно передает Г. Флоровский. Особенность русских, связанная с перевоплощением («нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений») имеет и обратную сторону. «Повышенная чуткость и отзывчивость – пишет Г. Флоровский – очень затрудняет творческое состояние души. В этих странствиях по временам и культурам всегда угрожает опасность не найти самого себя. Душа теряется, сама себя теряет, в этих переливах исторических впечатлений и переживаний. Точно не поспевает сама к себе возвращаться, слишком многое привлекает ее и развлекает, удерживает в инобытии. И создаются в душе какие-то кочевые привычки, – привычка жить на развалинах или в походных шатрах» (18).

На жесткости в структурной организации культуры Запада лежит печать необходимости «фаустовского» человека сохранять некогда имевший в истории место разрыв с восточной системой ценностей, чтобы не утратить собственной идентичности, утверждение которой развертывалось на протяжении нескольких исторических циклов. В русской культуре такая жесткая структурная организация отсутствует. Поэтому, скажем, выдвинутая Ф. Ницше оппозиция дионисийского и аполлоновского в русской культуре может предстать в особом варианте. Вообще, русская культура может предстать как преимущественно дионисийская, о чем, кстати, писал Н. Бердяев, а западная культура в большей степени как аполлоновская, т.е. укrotившая инстинктивное, стихийное, хаотическое начало и достигнувшая завершенной формы. Эта форма во многом задает и отношение ко времени, памяти, истории. «Фаустовский» человек сознательно культивирует античную традицию, о чем свидетельствует эпоха классицизма, сохраняя дистанцию по отношению к неисторическому Востоку.

Что касается России, то с начала XVIII века ее сознание связано с европоцентристскими установками. Это, безусловно, европеизировавшаяся страна. В XVIII веке сомнения по поводу того, является ли Россия европейской страной или она Европе чужда, отсутствуют. Такие сомнения начинают нарастать лишь во второй половине XIX века, ближе к концу этого столетия (19). В этом смысле книга Н. Данилевского будет важной вехой, ибо именно в ней прозвучала определенность идеи о том, что Россия представляет совершенно особый и самостоятельный по отношению к Западу культурно-исторический или цивилизационно-культурный тип. Что же касается западного мира, то согласно Н. Данилевскому, он явно не может исчерпать все разнообразие культур и представляет лишь одну из многих существующих в мире культур. Естественно, книга Н. Данилевского не могла переломить ситуацию, и XIX век вплоть до появления книги О. Шпенглера продолжал исходить и из идеи европеизма, и из идеи модерна. Кажется, что и на Западе придерживались такого же мнения, осознавая больше сходство с ним России, поскольку она на уровне сознания принимала ценности европеизма, нежели несходство. Однако к концу XIX века все изменяется и усложняется.

Западный романтизм не мог не повлиять на сознание творческой элиты в России. Преодоление поверхностного восточного экзотизма здесь развертывается в кратких длительностях, в пределах одного поколения, даже в пределах творчества одного гения, каким были А. Пушкин и М. Лермонтов. Исток западного романтизма – рефлексия Ж.-Ж. Руссо. Он имел колоссальный резонанс в мышлении Л. Толстого, который на протяжении всей жизни, до конца дней продолжал постигать Восток и популяризировать его ценности в России. Так, он признавал влияние на него Лао-цзы и Конфуция (20). Таким образом, неосознанно, стихийно на протяжении всего XIX века Россия открывала и пыталась осознать Восток. Но естественно, что к концу XIX века эта тенденция расширялась и углублялась. Что же касается Запада, то, успев привыкнуть к России как прозападной стране, он в конце XIX века вынужден был открыть ее заново, причем, не столько как прозападную, а как провосточную, что и будет позднее подхвачено евразийцами и Л. Гумилевым. Это произошло неожиданно и вызвало что-то похожее на шок.

Приведем пример с восприятием на Западе известных романов Л. Толстого. Первая реакция на издание русских романов на Западе была ошеломляющей. Речь не идет даже о степени их художественности, а о том, что для западного читателя в русской литературе Россия предстала именно Востоком. Что же обнаружил «фаустовский» человек, например, в романе Л. Толстого «Война и мир»? Прежде всего то, что его всегда отталкивало в Востоке: восточный фатализм и отсутствие индивидуальной воли. Это то, что, дистанцируясь от Востока, не допускал античный мир. Иначе говоря, то, что так ценил на Востоке А. Шопенгауэр и что считал необходимым ассимилировать на Западе. Вот как рассуждает, анализируя роман Л. Толстого «Война и мир» немецкий критик Цион. «В русском слишком значительная доля восточной крови, – пишет он – чтобы не отрешаться от индивидуализма. Но, напротив, тем, что называют в русском «табунным началом», он обладает в весьма сильной мере. Отсюда энергия коллективной воли уравнивает слабость воли индивидуальной. В положении изолированном русскому не хватает твердости, он отходит в сторону и уступает легко. Но ничто не способно его заставить обратиться вспять, раз он чувствует себя с толпой. «На миру и смерть красна» – гласит очень популярная русская поговорка» (21).

В 1882 году, обсуждая психологические типы героев Л. Толстого, другой критик – француз де Вогюэ – приравнивает состояние души Пьера Безухова к буддистской нирване. Источник демонстрируемой Л. Толстым психологии де Вогюэ связывает с Азией, а еще точнее, с Индией (22). Констатируя в изображенных Л. Толстым русских типах активность восточного начала, де Вогюэ, естественно, ставит вопрос о чуждости этих психологических комплексов, как и России в целом, Западу. По его мнению, Л. Толстой порывает с традицией, которая есть западная традиция. По его мнению, Л. Толстой демонстрирует нечто совсем новое, для Запада непонятное и, более того, им совершенно неприемлемое. «Это – новая Россия, бросившаяся в потемках на поиски себе путей, не желающая знать ничего о наших вкусах и зачастую нам непонятная. Не требуйте от нее ограничений, к которым она наименее способна, не требуйте сосредоточения на одном каком-нибудь пункте, не требуйте, чтобы она подчинила свое понимание жизни какой-нибудь доктрине. Она хочет такого литературного выражения, которое представляло бы нравственный хаос, в каком она страдает: Толстой является выразителем всего этого. Раньше всякого другого, более, чем кто другой, он и выразитель, и распространитель этого состояния русской души, которое зовут «нигилизмом» (23). Вот это подсознание «фаустовского» человека, которое угрожает ему хаосом и смутой.

И, наконец, весьма жесткий приговор получившему в романе Л. Толстого выражение психологическому комплексу, который, по мнению де Вогюэ, является скифским. Возможно, из деликатности критик этот комплекс не назвал варварским, смягчая его обращением к скифству, что для интересующего нас периода будет совсем не шокирующим, но даже, наоборот, вполне допустимым, приемлемым, выражающим суть дела и для русского человека приемлемым. Но дело в том, что, произнося применительно к России слово «скифы», французский критик вкладывает в него вполне определенный смысл, исходя из неперемного столкновения скифов, т.е. представителей Востока с Западом. Одно влечет за собой другое. Причем, де Вогюэ вычитывает у Л. Толстого совсем не то, что у русского писателя содержится в тексте. И дело тут не в индивидуальности французского критика, а в том, как одна культура понимает другую культуру. Раз скиф, то непременно и чужой, а то и того хуже, – враг. «Толстой – пишет де Вогюэ – готовит нам совсем иные неожиданности. Вот грядет скиф, настоящий скиф, который переделает все наши интеллектуальные привычки» (24). Так, притягательность России, что чуть позднее, в период организации С. Дягилевым в Париже русских сезонов получит выражение, здесь оборачивается явным отторжением.

Однако то, что обозначение русского комплекса скифским обидным для русского человека не является, свидетельствует уже ответ А. Блока, конечно, не де Вогюэ, а «фаустовскому» человеку в целом, позицию которого де Вогюэ выражает, данный им в своем стихотворении 1918 года «Скифы». Это тем более примечательно, что А. Блок никак нельзя отнести ни к славянофилам, ни к появившимся позднее философам-евразийцам. А. Блок – типичный западник в русской поэзии. Для него, например, русский символизм был продолжением немецкого романтизма.

Начиная читать стихотворение А. Блока, испытываешь такое ощущение, как будто поэт, принимая участие в бурной дискуссии, отвечает на брошенный ему упрек в том, что Россия по-прежнему остается варварской, восточной, скифской, в которой коллективная стихия преобладает. Удивительно, что поэт это признает и, более того, как будто этим гордится. В запальчивости он парирует: «Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы./ Попробуйте, сразитесь с нами!/ Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, / с раскосыми и жадными очами!» (25).

Что здесь обращает на себя внимание, так это то, что скифство, азиатство отождествляется с «тьмой», т.е. с чем-то таким, что существует до-истории, т.е. в соответствии с К. Ясперсом, до возникновения осевого времени как важной исторической вехи, облагородившей «тьмы» не только на Востоке, но и на Западе, с помощью возникновения религиозных и философских идей, новой нравственности. Это нагнетание с помощью много раз повторенного слова «тьмы», т.е. чего-то вроде муравейника, некоего нерасчлененного множества, в котором оказались спящими человеческие особи, не успевшие обрести индивидуальности, что способен вообразить мало знакомый с существом дела европеец.

Ведь, как это доказывает К. Ясперс, осевое время коснулось и Востока. Осевое время представлено не только Христом, но Лао-цзы и Конфуцием. Видимо, эта «тьма» касается тех лишенных человеческой индивидуальности орд, которые в историю вместе с осевым временем так и не смогли войти и, следовательно, в реальности безвозвратно исчезли, но в воображении «фаустовского» человека остались. Эта ситуация испуга перед неизвестным, а потому страшным как раз и рождает страх европейца, провоцируя и отталкивание, и в то же время притяжение. Когда Н. Рерих придумал скифо-монгольский костюм для Ф. Шаляпина, выступающего в опере «Князь Игорь», поставленный режиссером А. Саниным в 1914 году в Лондоне, то он тоже как бы солидаризировался с А. Блоком (правда, предвосхищая его) в отстаивании личности России, ее скифской сущности.

В данном случае А. Блок как бы имитирует этот образ испуганного европейца, пугая его тем первобытным варваром, которого в реальности, кажется, уже не существует. Не случайно исследователи, касаясь этого образа азиата как доисторического варвара, в связи с творчеством В. Хлебникова, делают тонкое замечание. «А мифические скифы в его (А. Блока – Н. Х.) поэме – пишут они – показаны все-таки с точки зрения европейца, и европеизм поэта сказывается не только в деталях, в устрашающих реалиях, но и в решающем, главном: если «азиаты», то уж непременно в перспективе – некие орды, «тьмы», некое сумрачное нашествие» (26). Так рождается миф, который Э. Саид назовет вызванным на Западе к жизни «ориенталистским дискурсом».

Следующие строчки стихотворения А. Блока свидетельствуют об особом восприятии времени в России, ином, чем это имеет место на Западе. Если Запад давно уже втянут в историю, и протекание этой истории он во многом определяет со всеми ее веками, фазами и стадиями, с ее расчлененностью и фрагментарностью, то Россия поэту представляется как существующая в ином временном измерении, в едином миге и, пожалуй, даже за пределами той исторической длительности, которая есть длительность западной истории. «Для вас – века, для нас – единый час. / Мы, как послушные холпы, / Держали щит меж двух враждебных рас/ монголов и Европы».

Нельзя не отметить, что в мотиве отсутствия исторического времени в сознании русского человека у А. Блока ощущается чаадаевская традиция. Как известно, острота проблемы «Россия – Восток – Запад» возникла еще в рефлексии П. Чаадаева. В данном стихотворении А. Блок придерживается еще традиционной для русской историографии позиции. Россию он представляет спасителем Запада от возможного столкновения с восточным миром, который мог быть для Запада весьма трагическим. Традиционная историография гласит: если бы не Русь, то пасть бы Западу под натиском степных народов. Не смог бы он сдержать монгольский напор и растворился бы в том мире, откуда еще в эпоху античности вышел, т.е. на Востоке.

В этом случае исчезла бы та самая самостоятельность, которая была великим завоеванием античного мира. Поэт предупреждает: в истории может случиться и иная ситуация, когда Русь может предстать уже не в образе спасителя, а, совсем наоборот, в образе агрессора. Причем, у поэта этот агрессор приобретает обобщенный характер. Это уже не только Русь или Россия, а некое единство, в которое входит, в том числе, и Россия, т.е. Восток или, еще точнее, скифство, выступающее символом Востока.

В данном случае, ощущая в порыве творческого экстаза общность России и восточного мира, поэт как бы предвосхищает более поздние идеи, которые вызовут к жизни евразийцы, рассматривающие историю России как часть общей евразийской стихии. Так, в стихотворении 1908 года «На поле Куликовом», несмотря на наплыв – жестокую бойню и столкновение леса и степи, поэт утверждает евразийскую формулу («Наш путь – степной»). «Наш путь – стрелой татарской древней воли / Пронзил нам грудь. / Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной, / В твоей тоске, о, Русь!» (27). Таким образом, несмотря на нанесенную рану, тем не менее, путь Руси и России поэту представляется все же степным, т.е. заданным ее приобщенностью скифской, т.е. евразийской степной стихии.

Но попробуем отойти от поэтического воображения, в котором поэтом бессознательно угадано что-то очень важное и значительное, и зададимся вопросом, а, в самом деле, в каких отношениях находятся скифы и русские? То, что прозрел поэт, опираясь на интуицию, должен подтвердить или опровергнуть историк. На этот вопрос ответ может дать историк, причем, историк евразийского направления. Так, логику российской истории Г. Вернадский видит так, что она предстает составной частью общей стихии, называемой им Евразией. Эту идею Г. Вернадский изложил в книге «Начертание русской истории», ставшей известной в кругах русской эмиграции на Западе еще в 20-е годы. В России она станет известной лишь в наше время. Кроме того, позднее появятся последователи и продолжатели изложенной в книге Г. Вернадского концепции. С эпохи перестройки в России идеи евразийцев станут необычайно популярными, о чем свидетельствует возникший в это же время и не ослабевающий до сих пор интерес к творчеству Л. Гумилева.

По мнению Г. Вернадского, исторический процесс стихийен. Он приводится в движение глубоко заложенными в нем и не зависящими от воли людей силами. На территории Евразии развитие этой стихии имело несколько циклов. В основе каждого такого цикла – очередная попытка вызвать к жизни государство, способное объединить многие этносы и народы, достичь единства евразийского мира. Первая такая попытка связана с возникновением скифской империи, в составе которой были и славяне. За ней следовали гуннская и монгольская империи. Не случайно в сновидческих образах хлебниковского прозаического фрагмента «Есир» появляется Чингис-хан («Великий Чингиз казался ему беспечным богом войны, надевшим как-то раз на плечи одеяние человеческой судьбы. Любимец степной песни, он и до сих пор живет в степи, и слова славы ему сливаются со степным ветром» (28).

Четвертая попытка достичь единства евразийского мира связана с историей российской империи, развал которой происходит на рубеже XIX–XX веков. Но, согласно Г. Вернадскому, и российскую империю необходимо рассматривать частью Евразии, ибо ритмы Евразии продолжают определять и более поздние, кажущиеся самостоятельными образования. До рубежа XIX–XX веков это обстоятельство не учитывалось. Россия воспринималась частью западного цивилизационно-культурного образования. То, что Россия – часть Евразии, было забыто, вытеснено в подсознание. Связь России с Востоком и суть России как Востока оказались содержанием подсознания России. Историк констатирует: «Важную роль в этнической жизни Евразии вообще, а Евразии западной в частности играли народы иранского корня, известные под классическими именами скифов и сарматов» (29). Таким образом, утверждая вслед за Б. Гройсом, что Россия является подсознанием Запада, мы, тем не менее, не можем не отметить, что сама Россия тоже имеет подсознание, а оно связано с татаро-монгольской стихией, которая отличается от того, что историки подразумевают под татаро-монгольским игом.

Народы иранского корня – это та стихия, от которой когда-то отделили себя греки, создав самостоятельную культуру как основу развития в последующую эпоху европейского мира. Конечно, относительно самостоятельную. Все-таки многие элементы восточной культуры, как уже отмечалось, они сохраняли и преобразовывали в соответствии с новым прасимволом (Шпенглер). Но выясняется, что в мировой истории существуют народы, в большей степени сохраняющие связь с Востоком, нежели это могли позволить себе греки, да позднее и Запад. К таким народам и относится Россия как часть евразийского мира, существование которого в мировой истории западные историки не замечали, демонстрируя непонимание России. С некоторых пор сознание России связано исключительно с Западом. Но ее ментальность, а точнее, коллективное бессознательное продолжает оставаться, в том числе, и восточным. Именно это обстоятельство позволяет утверждать, что цивилизационная идентичность России постоянно оказывается недооформленной, открытой, не достигшей единства, как впрочем и все это цивилизационно-культурное образование в целом. Отсюда столь частые в ее истории крутые развороты. Это обстоятельство и определило позицию П. Чаадаева, доказывавшего, что Россия оказывается вне истории и вне всех существующих в мире цивилизаций. Это потому, что Россия сама претендует на то, чтобы оставаться особым пограничным цивилизационно-культурным образованием. В ней самой разворачивается культурный синтез, слагаемыми которого являются не только античные или византийские, но и скифские корни. Этот культурный синтез в российском варианте представляет один из уровней того уни-

версального синтеза, что разворачивается в мировой истории. Чтобы уяснить смысл культурного синтеза в его русском варианте, следует принять во внимание универсальный синтез.

П. Чаадаев, конечно, преувеличивал, когда не находил места России в мировой истории. «Дело в том, – пишет он – что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось» (30). Все-таки к Востоку Россия имеет отношение. Так, по мнению Г. Вернадского, до VI века русское племя не проявляло себя в жизни Евразии как определенное и самостоятельное целое. Однако ту способность перевоплощения русских в другие культуры, что будут подчеркивать в XIX веке, Г. Вернадский отмечает уже на этом этапе. Так, историк констатирует наличие в славянском этносе иранской (скифской) крови (31). Значимость скифства для русской истории Г. Вернадский подчеркивает таким утверждением: «Историческая подпочва русского государства создана была скифами» (32). Тема скифства России приобретает особую значимость в связи с мыслью К. Ясперса по поводу того, что разгадка нашего настоящего и будущего связана с тем, что произошло в доистории, т.е. в доосевое время. Иначе говоря, применительно к нашей проблеме, понимание настоящего России во многом зависит от нашей способности понять то, что происходило в доистории.

Уяснение этого обстоятельства, т.е. существования внутри евразийской стихии русского славянского этноса постепенно вытесняет значимость византийской, а, в общем, и античной традиции для России как основы сближения русских с европейцами. Но вытеснение византийской традиции, которая хоть и разъединяла Россию с Западом, но все же на определенном уровне и сближала, ибо между ними было много общего – и христианская вера, и унаследованные от Византии античные корни, на периферию приводит к утверждению самостоятельности России по отношению к Западу. Этот процесс разворачивается параллельно кризису европоцентризма в истории.

Таким образом, если Западом Россия воспринимается как его, Запада, подсознание, которое его, Запад, пугает, ибо ведь содержанием подсознания является все чуждое выстроенной в Новое время системе ценностей, то сама Россия тоже имеет подсознание. В этом подсознании многое продолжает определять вовсе не византийская, а скорее могольская, скифская и, в общем, восточная традиция, о которой до рубежа XIX–XX веков мало размышляли и которая совсем не объединяет Россию с Западом, а разъединяет. Но как размышлять, если история Востока остается малоизвестной. Много внимания уделивший Востоку Л. Карсавин констатировал: «Но если мы обратимся к истории Востока, мы без труда убедимся, что она нам почти неизвестна, за исключением двух ее сторон – религии и искусства. Истории Востока у нас нет. Востоком занимаются до сих пор преимущественно филологи, у которых есть свои специальные интересы и задачи, очень важные и увлекательные, но которые просто-напросто не знают и не понимают, что такое история» (33).

Осуществляющееся в мировой истории осознание ограниченности европеизма в культурном синтезе диктует необходимость новую ситуацию понять. В этом смысле показательна философская рефлексия В. Соловьева, оказавшая влияние на русских символистов и, разумеется, на А. Блока, что и прозвучало в его стихотворении «Скифы». Как свидетельствует А. Козырев, «Соловьев как бы актуализирует те «боковые ветви» греко-европейской культуры, которые были отторгнуты магистральной линией христианской культуры» (34). Это как раз и свидетельствует о том, что мир преодолевает границы европеизма, начинающие восприниматься слишком узкими. Это преодоление разрушало то табу, что связано с Востоком, который «фаустовского» человека и притягивал, и одновременно отталкивал.

Кризис европоцентризма ускорил осознание уникальности существующих в мире культур. Это обстоятельство подстегнуло русских к осознанию содержания коллективного бессознательного собственной культуры. Этим содержанием как раз и является скифское или восточное содержание. Пожалуй, наиболее полное осознание скифского подсознания России было осуществлено группой мыслителей – эмигрантов, которых в 20-е годы называли евразийцами.

Впрочем, подсознание русских у евразийцев нередко принимает статус сознания. На этой почве рождаются антизападные настроения, в том числе, и в России. Выразителем их был, например, Н. Трубецкой, решительно доказывавший, что, стремясь быть всецело западной страной, Россия, тем не менее, никогда не сможет ею стать, ибо полная ассимиляция ценностей западной культуры исключается, поскольку ни одна культура понять другую культуру до конца неспособна. Этот тезис знаком по Шпенглеру. Так, европеизация России, по Н. Трубецкому, является для русской культуры катастрофой, по сути, ее разрушением. С точки зрения «фаустовского» человека европеизирующийся человек всегда будет отсталым. Русскому человеку такой комплекс прививается именно Западом. По мнению Н. Трубецкого, оказавшись в зависимости от Запада, русский перестает любить свою страну и культуру, перестает быть патриотом.

В конце концов, Н. Трубецкой приходит к неутешительному выводу: «Последствия европеизации настолько тяжелы и ужасны, что европеизацию приходится считать не благом, а злом» (35). Но раз европеизация – зло, то что же способно укреплять и развивать свою культуру, сохранять ментальность? Ответ на этот вопрос евразийцев известен всем. Пытаясь аргументировать наличие в русской культуре двух слоев или этажей – верхнего, связанного с культурными верхами и интеллигенцией, и нижнего, связанного с народной стихией, Н. Трубецкой утверждает, что культурные верхи жили в соответствии с византийскими, а затем с романо-германскими традициями. Что же касается народной стихии, то она многое заимствует от угро-финских «инородцев» и тюрок Волжского бассейна. «С незаметной постепенностью эта культура на Востоке и Юго-Востоке соприкасается с культурой «степной» (тюрко-монгольской) и через нее связывается с культурой Азии. На Западе имеется тоже постепенный переход (через белорусов и малороссов) к культуре западных славян, соприкасающейся с романо-германской, и к культуре балканской. Но эта связь со славянскими культурами вовсе уж не так сильна и уравнивается сильными связями с Востоком. По целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к Востоку, так что граница Востока и Запада иной раз прохо-

дит именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что и те и другие славяне, а потому, что и те и другие испытали сильное тюркское влияние» (36).

Таким образом, единство со скифским элементом русского человека позволяет России выдерживать транслируемую Западом разрушительную силу модерна. Собственно, именно это и попытались объяснить евразийцы. Однако евразийцы с их восточной темой в России не были одинокими и даже не были первыми. Философской и публицистической мысли евразийцев предшествует практика русского искусства рубежа XIX–XX веков. Задолго до того, как содержание коллективного сознания русских будет осознано на уровне философской мысли, оно станет предметом искусства. Любопытно отметить, что многие из русских художников этого времени интуитивно уже подходили к тем выводам, к которым на философском уровне придут философы и мыслители, называемые евразийцами. Собственно, такую близость уже демонстрирует западник А. Блок. Более решительную позицию занимал В. Хлебников.

Некоторые русские футуристы, в том числе, В. Хлебников, настаивали на том, что футуризм впервые появился именно в России, а не в Италии, что, наверное, не совсем верно. Но дело даже не в этом, а в том, что русский футуризм вообще подчеркивал свое восточное и потому антизападное начало. Утверждение этой восточности было продемонстрировано неприятием находящегося в 1914 году в России и читавшего в Москве лекции о футуризме Т. Маринетти. В пику Т. Маринетти русские футуристы организовали вечер, оппозиционный по отношению к надменному, но, как они считали, провинциальному Западу. На этом вечере Б. Лившиц читал доклад «Итальянский и русский футуризм и их взаимоотношения». Вот как пишет о нем В. Марков: «В своем докладе Б. Лившиц подчеркивал, что итальянский футуризм утверждает себя во всех областях искусства в качестве нового канона, тогда как русское будетлянство избегает каких-либо положительных формулировок. У итальянцев есть программа, у русских – конкретные достижения. В конце своего полуторачасового доклада Б. Лившиц обозначил Запад и Восток как две совершенно разные эстетические системы. Россия – органическая часть Востока, в доказательство чего докладчик указал на связь русской иконописи с персидской миниатюрой, русского лубка – с китайским, русской частушки – с японской танка. Но гораздо существеннее другое – теснейшая связь русских с художественным материалом, исключительное его чувствование, отсутствующее на Западе, – именно это, по словам Лившица, главнейший признак надвигающегося кризиса европейского искусства, заканчивался доклад призывом пробудиться и признать превосходство России над Западом» (37).

Как свидетельствует написанное под впечатлением прочитанных Т. Маринетти лекций письмо В. Хлебникова Н. Бурлюку, вождя итальянского футуризма поэт ассоциировал с грибоедовским «французиком из Бордо». Мысленно обращаясь к Т. Маринетти, В. Хлебников говорит: «Вы, приятель, опоздали приехать в Россию, вам нужно было приехать в 1814 году. Сто лет ошибки в рождении человека будущего» (38).

Однако брюзжание поэта не ограничивалось претензиями на футуристическое первородство. В факте неприятия Т. Маринетти проявилось представление поэта о своей восточной идентичности. В. Хлебников противопоставлял Россию Западу, отождествляя ее с Востоком – «здесь Восток бросает вызов надменному Западу...» (39). Поэт увлекается, и дело доходит до того, что он прогнозирует схватку с романо-германским миром. («Я уверен, что некогда мы встретимся при пушечных выстрелах в поединке между итало-германским союзом и славянами на берегах Далмации» (40)). Конечно, после таких оскорблений Т. Маринетти обиделся и после возвращения в Италию заявил, что русские «будетляне» искажают «истинный смысл великой религии обновления мира при помощи футуризма» (41).

Конечно, на этих крайних высказываниях Б. Лившица и В. Хлебникова по поводу Запада сказываются настроения времени. Позднее все это будет пересматриваться, переоцениваться и критически осмысливаться. Прежде всего, самими футуристами. Так, в вышедшей в 1933 году своей книге мемуаров Б. Лившиц об этих футуристических перелестях пишет так: «И мне, охваченному нелепейшим приступом своеобразного «гилейского» национализма, в котором сквозь ядовитый туман бейлисиады пробивались первые ростки расовой теории искусства, рисовалась такая картина: навстречу Западу, подпираемые Востоком, в безудержном катаклизме надвигаются залитые ослепительным светом праистории атавистические пласты, дилювиальные ритмы, а впереди, размахивая копьём, мчится в облаке радужной пыли дикий всадник, скифский воин, обернувшись лицом назад и только полглаза скосив на Запад – полутораглазый стрелец» (42). Таким образом, утверждаясь в своей восточной идентичности, Б. Лившиц и В. Хлебников демонстрировали свое антизападничество. Все свидетельствует о том, что, наконец-то, пришло время России в своем подсознании разобраться.

Как следствие этой интенции возникали интересные и отнюдь не однозначные следствия открытия значимости Востока. Восток предстал в образе фрейдовского Оно и, следовательно, не мог не пугать и не мог не отталкивать. Если уж А. Блок почти в экзальтации признается в своей скифской родословной, то это не может не настораживать. Утверждая близость к скифству, свою скифскую идентичность, поэт как бы преодолевает некоторый барьер, ощущая, что он идет против течения. Что уж говорить о В. Соловьеве, которого А. Блок боготворил. Между тем, восприятие Востока у этого выдающегося русского философа было как раз обратным А. Блоку. Таким образом, скифство (читай варварство) пугало не только европейца, но и самого русского. Таким образом, демонстрацию скифства, т.е. подчеркивание своего восточного лица русские художники использовали для того, чтобы подчеркнуть свою независимость, самостоятельность по отношению к Западу.

Стихотворение А. Блока «Скифы» написано в 1918 году, когда уже была позади первая мировая война и когда отношения между Россией и Западом осложнились, а чувства русского по отношению к Западу стали амбивалентными. Выходя из орбиты европейского притяжения, Россия оказывается чем-то неопределенным, загадочным, короче говоря, Сфинксом. Возникло чувство отталкивания, даже враждебности к Западу. «Россия – Сфинкс. Минутя и скорбя, / И обливаясь черной кровью, / Она глядит, глядит, глядит в тебя, / И с ненавистью, и с любовью!..».

Можно ли точнее выразить раздвоенность русского с его скифской («черной») кровью, стремящегося стать западником? Но его любовь к Западу смешивается с ненавистью. Здесь очень точен образ Сфинкса, т.е. тайны, загадки, которую следует разгадать. А она заключается в особенности России. Не существует языка, на котором можно было бы прочесть присущий ей смысл. Приходится обращаться к языкам других культур. Но эти языки еще не позволяют выявить суть России, прасимвол русской культуры. Так Россия и продолжает оставаться Сфинксом.

В этом стихотворении А. Блока звучит также мотив известной русской отзывчивости, способности перевоплощаться в другие миры («Мы любим все – и жар холодных чисел, / И дар божественных видений, / Нам внятно все – и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений...»). Россия еще сохраняет любовь к Западу, ее идентичность – это западная идентичность. Но эта определенность идентичности уже утрачивается. Россия становится Сфинксом, т.е. образом, подчеркивающим смысл пограничья. Знает ли Россия сама, утрачивая западную идентичность, что она такое? Этот возможный распад российской идентичности как западной идентичности, помысленный поэтом, затем будет иметь продолжение. Тут-то и возникает проблема Востока для России как альтернатива западной идентичности.

Но что очень важно, так это то, что на стихотворении А. Блока лежит печать отношения к Востоку не только П. Чаадаева, но и В. Соловьева. Стихотворению «Скифы» предпослан эпиграф из В. Соловьева «Панмонголизм! Хотя имя дико, / Но мне ласкает слух оно». В 1894 году В. Соловьев, а он был, как известно, не только философом, но и поэтом, написал стихотворение «Панмонголизм», откуда А. Блок и взял процитированные нами строки из его стихотворения «Скифы» в качестве эпиграфа. В отношении к Востоку В. Соловьева многое определяют его размышления об общем состоянии христианского мира. Эти размышления во многом носили мистический характер. Как и А. Блок, В. Соловьев всячески подчеркивает мысль о враждебности безликого Востока. Восток для него – «рой пробудившихся племен», «народ безвестный и чужой» и опять же, как потом будет у А. Блока, «тьмы полков». «Как саранча неисчислимы / И ненасытны, как она, / Нездешней силою хранимы, / Идут на север племена» (43).

Но почему Восток – «безвестный и чужой» надвигается на Русь? По мнению поэта, это – возмездие. Это расплата за то, что христианский, а в данном случае русский мир забыл «завет любви», т.е. христианский идеал. Однажды это уже произошло в Византии. Все в этом мире связано. Когда «остыл божественный алтарь» в Риме вторым, это спровоцировало «рой пробудившихся племен», варваров на Востоке, что привело к его падению. Но забвение «завета любви» может привести и к падению Рима третьего, т.е. Руси.

Привлекая некоторые суждения и обобщения философов и художников рубежа XIX–XX веков, мы пока констатировали только две фазы развертывающегося в это время культурного синтеза. Первой фазой был возникающий в этот период (хотя точнее было бы сказать – продолжающийся) интерес к Востоку, который имел место в эпоху романтизма. Развитие этого комплекса естественно способствовало большему осознанию национальной самостоятельности, спровоцировавшему новые отношения с Западом. Ощущение общности с Востоком породило отталкивание России от Запада, что не замедлило проявиться и в высказываниях художников, и в их творчестве. Однако на этой вспыхнувшей конфликтности России и Запада процесс не заканчивается.

Проблема заключается в том, что несмотря на нарастающее стремление преодолеть европеизм, это все равно бы не удалось сделать, поскольку речь в данном случае идет о единстве христианского мира, к которому приобщена и Россия. И вот здесь пришла пора понять, какой смысл мы вкладываем в Восток и что вообще под ним следует подразумевать, чего мы пока не касались. Имеется ли в данном случае в виду под Востоком исламский мир, Китай, Индия, а также и склонная присоединять себя в это время к этому миру Россия? Для ответа на этот вопрос обратимся к Л. Карсавину. Размышляя в связи с расширением моды в России на Восток, Л. Карсавин склонен под Востоком подразумевать все, что в христианский культурный мир не входит.

В таком понимании Востока географические границы отступают на задний план. Все разнообразие человечества Л. Карсавин сводит к двум культурам. По мнению Л. Карсавина, именно в христианском мире имел место синтез эллинизма, иудейства и восточных религий с религиозностью Запада («В своем непреходимо-ценном язычестве Греции, Рима, Азии и варварского Запада переживает себя и завершает себя в христианстве, которое делает органическим целым объемлемый его идею мир» (44). Что же касается Востока, то это – «земли ислама, буддийской культуры, индуизма, даосизма, древних натуралистических культов эллинской, римской и варварских религий» (45). Поэтому когда мы будем говорить о моде на Восток в России рубежа XIX–XX веков, то под ним следует подразумевать именно эту пестроту обычно вкладываемого в понятие «Восток» содержания.

Определив содержание понятия «Восток», можно вновь вернуться к рефлексии В. Соловьева и попытаться понять не только его идею всеединства и объединения народов и церквей, т.е. западной и восточной ветвей христианства (католичества и православия), но и весьма отличающуюся от многих существовавших в тот период установок по отношению к Востоку позицию. В. Соловьев преодолевал поверхностные настроения и моду, усматривая в Востоке именно то, что христианскому миру в нем было чуждо. Философ вообще пророчил надвигающуюся на Запад очередную в истории восточно-монгольскую опасность. Под Востоком он подразумевал именно монгольскую стихию (46).

По мнению философа, России грозит не Запад, а панмонголизм, а его распространение будет расплатой за имену Христа Запада, в чем и улавливается усвоенная В. Соловьевым славянофильская традиция. Поэтому перед монгольской угрозой напряжение, возникшее между Россией и Западом, не кажется таким уж существенным. Его можно и нужно преодолеть. По мысли философа, с Западом необходимо объединяться, а не разъединяться. На наш взгляд, эта точка зрения является более конструктивной, нежели возникающая позднее и оппозиционная по отношению к Западу евразийская точка зрения.

Главное для В. Соловьева все же оказывается грядущее и неизбежное столкновение с Востоком, в результате которого ценности, сформированные христианством и, в частности, личностное начало, могут исчезнуть. Таким обра-

зом, на ином уровне В. Соловьев в движении к культурному синтезу намечает новую фазу. На этой фазе существенным будет также разъединение, но уже не между Россией и Западом, а между христианским и нехристианским миром, т.е. Востоком. Собственно, преодоление этого разъединения выходит за хронологические рамки рассматриваемого периода и является актуальным вплоть до сегодняшнего дня. Здесь, видимо, намечается новая ступень культурного синтеза, т.е. активная ассимиляция восточных ценностей, которая была актуальной на протяжении всего XX века, но заявила о себе с особой силой уже на рубеже XIX–XX веков. Чтобы преодолеть грозящую с Востока опасность, необходимо ощутить глубокую связь с Западом, и способствовать культурному синтезу Востока и Запада, способному преодолеть столкновение цивилизаций.

Что касается позиции В. Соловьева, то, прогнозируя столкновение цивилизаций (тема, ставшая актуальной на все последующее время), философ в очередной раз после Гете призывает к более глубокому пониманию нехристианского мира. Еще в 1890 году в журнале «Русское обозрение» он публикует статью «Китай и Европа», в которой ссылается на выступление в Париже на заседании Географического общества одного китайского генерала и признается, что оно его поразило. По мнению русского философа, это выступление выражало суть не осознаваемого, как он выражается, на Западе исторического момента («Предо мною был представитель чужого, враждебного и все более и более надвигающегося на нас мира») (47).

Речь генерала заставила задуматься над приближающимся возможным столкновением цивилизаций. «Мы готовы и способны – говорил китайский генерал – взять от вас все, что нам нужно, всю технику вашей умственной и материальной культуры, но ни одного вашего верования, ни одной вашей идеи и даже ни одного вашего вкуса мы не усвоим. Мы любим только себя и уважаем только силу. В своей силе мы не сомневаемся: она прочнее вашей. Вы истощаетесь в непрерывных опытах, а мы воспользуемся плодами этих опытов для своего усиления. Мы радуемся вашему прогрессу, но принимать в нем активное участие у нас нет ни надобности, ни охоты: вы сами готовите средства, которые мы употребим для того, чтобы покорить вас» (48).

Комментируя это выступление китайского военного, В. Соловьев провел параллель между ситуацией конца XIX века и ситуацией из удаленных исторических эпох. Он говорит, что европейцы приветствовали речь китайского генерала с таким же легкомысленным восторгом, с каким иудеи маккавейской эпохи впервые приветствовали римлян. Однако, как говорит В. Соловьев, в Европе есть мыслящие люди, «которые смотрят со вниманием и опасением на грозную тучу, надвигающуюся с дальнего Востока» (49). Суждения русского философа объясняются страхом перед утратой того, что К. Ясперс связывает с возникновением осевого времени с его гуманистическими ценностями.

Таким образом, отношение к Востоку в России было не столь однозначным. От решительного утверждения своей восточной идентичности, что представляло для русской культуры совершенно новое явление, до ощущения нарастающей опасности от активизирующегося Востока, враждебного по отношению не только к Западу, но и к России как части Запада. Естественно, что эта ускользающая идентичность русского, его раздвоение между Западом и Востоком были актуальной проблемой рубежа XIX–XX веков.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что изучение периода в истории искусства, связанного с рубежом XIX–XX веков, актуально тем, что уже тогда, несмотря на вспыхивающее стремление утвердить самобытность и противопоставить тому, что еще недавно было своим, намечалось движение к синтезу, понимаемому как синтез культур. Последующая история человечества разворачивается в направлении критики идеи, высказанной в начале XX века Шпенглером, а именно, идеи неспособности какой-либо культуры понимать другие культуры. Эта идея Шпенглера, которая, кажется, подтверждается намечающимся в истории столкновением между цивилизациями, тем не менее, должна быть преодолена. Средством преодоления как раз и оказывается культурный синтез. Для разрешения этой задачи в комплексе гуманитарных дисциплин возникает специальная наука о культуре. Между тем, идея культурного синтеза была выдвинута еще в 20-е годы Э. Трельчем (50).

Мы коснемся лишь одного аспекта культурного синтеза, связанного исключительно с искусством. Разворачивающийся в искусстве этого времени культурный синтез прежде всего связан с обращением на себя внимание на рубеже XIX–XX веков символизмом как основным художественным направлением, утверждение эстетики которого оказывалось весьма конфликтным, затрагивающим отношения между поколениями. Обращает на себя внимание в этом смысле пассеизм символизма, который затем будет подвергнут критике столь заметным и эпатажным футуризмом. Символисты раздвинули границы исторического сознания, устремляясь к славянской древности, архаике, отчего и распространилась мода и на скифство, и на Восток вообще. Кстати, в 20-е годы существовала целая группа поэтов, называвшаяся «Скифы», в которую входили А. Белый, А. Ремизов, Е. Замятин, М. Пришвин, Н. Клюев, С. Есенин и другие. Например, представители этой группы пытались осмыслить революцию как «скифскую» революцию.

Для осознания атмосферы рубежа XIX–XX веков показательным также творчество Н. Рериха, которое было близко символистам, и символисты очень хотели видеть художника выразителем своих идей. Тем не менее, Н. Рерих пытался все же сохранить дистанцию и самостоятельность. В начале XX века полотна Н. Рериха выставлялись в Вене, Берлине, Париже, Милане, Венеции и др. В его живописи оживала древняя языческая Русь. Комментируя свои северные пейзажи, художник пишет: «Все ищем красивую древнюю Русь» (51).

Пытаясь ощутить дух древней Руси на полотнах Н. Рериха, С. Маковский всматривается в излюбленные сюжеты картин художника. «Ночью на поляне, озаренной заревом костра, сходятся старцы – пишет С. Маковский – Горбатые жрецы творят заклятия в заповедных рощах. У свайных изб крадутся варвары. Викинги, закованные в медные брони, с узкими алыми щитами и длинными копьями, увозят добычу на ярко раскрашенных ладьях. Бой кипит в темно-лазурном море. Деревянные городища стоят на прибрежных холмах, изрытых оврагами, и к ним подплывают заморские гости. И оживают старые легенды, сказки; вьются крылатые драконы; облачные девы носятся по небу; в огненном кольце томится златокудрая царевна-змеевна; кочуют богатыри былин в древних степях и пустынях. И снова –

Божий мир; за белыми оградами золотятся кресты монастырей; несметные полчища собираются в походы; темными вереницами тянутся мужики, воины-копейщики; верхами скачут гонцы. А в лесу травят дикого зверя, звенят рога царской охоты» (52).

Сравнивая полотна Н. Рериха с живописью примитивиста П. Гогена, С. Маковский однако говорит, что П. Гоген – сын юга, влюбленный в солнечную наготу тропического дикаря. Что касается Н. Рериха, то он – сын Севера. По мнению критика, Н. Рерих не просто извлекает из-под христианства славянское язычество. Он вообще притупляет чувство этнического и национального. Это вообще древний человек, «первобытный варвар земли» (53). Пытаясь обобщить многочисленные полотна Н. Рериха, С. Маковский констатирует излюбленные сюжеты его живописи. «Чередуются замыслы. Сколько их! В длинном ряде картин, этюдов, рисунков, декоративных эскизов воскресает забытая жизнь древней земли: каменный век, кровавые тризны, обряды далекого язычества, сумраки жутко-таинственных волхвований; времена норманнских набегов, удельная и Московская Русь» (54).

Пытаясь понять несходство между собственным творчеством и творчеством Н. Рериха, А. Бенуа говорит, что несмотря на свой глубокий скептицизм, он, однако, возлагает надежды на прогресс. Он убежден, что все еще поддается исправлению. «Напротив того, – пишет он – Рериха тянет в пустыню, в даль, к первобытным людям, к лепету форм и идей. Он утверждает всем своим творчеством, всеми своими вдохновениями, что благо в силе, что сила в упрощении и просторе – и что нужно начинать с начала» (55). Так, обозначается обращающая на себя внимание тяга Н. Рериха к архаике.

В этих устремлениях Н. Рерих не был одиноким. В своей статье, опубликованной в журнале «Аполлон», М. Волошин пытается эту устремленность к архаике обнаружить сразу у трех художников: Рериха, Богаевского, Бакста («Все трое связаны одной мечтой об архаическом» (56). По мнению М. Волошина, любовь к архаическому была создана откровениями археологических раскопок конца XIX века. М. Волошин называл Н. Рериха художником каменного века, поскольку тот из четырех стихий пытается познать лишь землю, а в земле – костистую ее основу – камень «И во всем остальном растущем, поющем, сияющем и глаголящем мире Рерих видит только то, что в нем слепого, немного, глухого и каменного. Небо для него становится непрозрачным камнем, до красна иногда во время закатов накалившимся, и под тускло-багровым сводом он мечет тяжкие каменные облака» (57).

А. Гидони отмечал, однако, не только интерес Н. Рериха к отечественной праистории, но и к скифской стихии, без чего этой праистории не существует. «Рерих шел от «варягов», жадно воспринимая восточную красоту, откуда бы она ни была принесена, – из эмалевой Византии, от монгольских степей или «заманчивым индийским путем» (58). У Н. Рериха отсутствует отрицательная оценка монголов. Цитируя высказывание, связанное с враждебным отношением к татаро-монгольской стихии, А. Гидони пишет, что для Н. Рериха это немыслимо, ибо художник знает «сколько прекрасных и тонких украшений Востока внесли на Русь монголы» (59).

Сам Н. Рерих пишет: «Из татарщины, как из эпохи ненавистной, время истребило целые страницы прекрасных и тонких украшений Востока, которые внесли на Русь монголы. О татарщине остались воспоминания только как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повила их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей Русь вновь слушала сказку о чудесах, которые когда-то знали хитрые арабские гости Великого Пути и греки» (60). В своей статье 1914 года «Радость искусству» Н. Рерих утверждает, что кроме установленной всеми учебниками истины может существовать и иная точка зрения на присутствие татар на Руси. Таким образом, Н. Рерих опережает и евразийцев, и Л. Гумилева.

В связи с символизмом любопытно отметить следующий факт. Символисты никогда не относились к поэзии как к чистому искусству. Они мыслили себя демиургами новой культуры, приходящей на смену старой, умирающей культуре. Именно поэтому рефлексия о культуре в России, пожалуй, начинается с символизма. Все они рассуждали о культуре. И именно символисты, ощущая необходимость в контактах с разными культурами, сделали значительный вклад в то, что мы называем культурным синтезом.

Иногда утверждают, что русский символизм – порождение западного символизма. Констатируется зависимость русского символизма от западного романтизма. Здесь все справедливо: и то, что символизм продолжает традицию романтизма, и то, что русские символисты много заимствовали у западных символистов. Но необходимо учитывать и другое, а именно, цивилизационно-культурный контекст.

Тесная связь русской культуры с европейским миром, о чем много размышляли философы-евразийцы, а их рефлексию нельзя не учитывать, хотя не обязательно с ней и соглашаться, и в самом деле диктует специфическую ситуацию культурного синтеза. Уникальность этого синтеза нельзя сбрасывать со счетов. Художественный синтез развертывается в уникальном контексте более тесных связей России с Востоком, нежели это подчас имеет место на Западе. Это обстоятельство и следует изучать. Пытаясь осознать то, что происходило в искусстве этого времени, А. Гидони, посвящая свою статью Н. Рериху, отмечает «Мы все это чувствуем, мы все присутствуем при том, как варится амальгама даров Запада и Востока, и еще не знаем, создается ли чудо, или случайный сплав» (61).

Любопытно в связи с этим отметить, что, ориентируясь на Восток, западная, но, в том числе, и русская культура открывали свои собственные, но уже забытые ценности. Например, духовные ценности средневековой Руси, но и более ранние – языческие, о чем мы сказали в связи с Н. Рерихом. Любопытно, что интерес в русском символизме к прошлому возникает как следствие конфронтации между «отцами» и «детьми», т.е. символистами. Старшее поколение упрекало символистов в том, что они пренебрегают традицией, прошлым. Тогда в пику «отцам» символисты демонстрируют любовь к прошлому, но не к более близкому историческому прошлому, а к национальной древности, к истокам истории, к Средневековью.

Имея в виду эту дискуссию между отцами и детьми, А. Белый от имени «детей» отвечал «отцам»: «Вы нас упрекаете в беспринципном новаторстве, в разрушении устоев и догматов вечной музейной культуры; хорошее же, –

будем «за» это все; но тогда подавайте настроенный строй, – не прокисший устой, не штамп, а стиль, продуманный заново, не скепсис, а – критицизм; отдайте нам ваши музеи, мы их сохраним, вынеся из них Клеверов и внеся Рублевых и Врубелей» (62). Так, в пику отцам, не заметившим и не оценившим Фета, Тютчева, Боратынского, символисты делают их своими кумирами.

Открытие символистами архаики продолжается в авангарде, открывающем восточное и африканское искусство, славянскую мифологию, русский фольклор, древнерусскую иконопись, первобытное искусство, древнюю скифскую скульптуру, каменных баб южнорусских степей, полинезийское искусство и искусство мексиканских индейцев, лубок и народный орнамент (63). Все это будет названо проникающим в поэзию, живопись и музыку примитивизмом. Но вся эта получившаяся в футуризме и вообще в авангарде традиция сформировалась именно в символизме.

Например, В. Брюсов отмечал особенность Вяч. Иванова, связанную со стремлением «в чужом находить свое». Но это является вообще характерной особенностью символистского пессимизма. «То изречения Библии, то античные мифы (которых, кстати сказать, он показывает себя истинным знатоком, – пишет В. Брюсов о Вяч. Иванове – то воспоминания о великих созданиях музыки или пластики, то образы, явившиеся поэту во время его скитаний по разным странам Европы и вокруг Средиземного моря, то откровения индийской мудрости – поочередно дают ему сюжеты для его стихов, позволяя в чужом находить свое» (64).

Характеризуя поэзию К. Бальмонта, В. Брюсов пишет, что тот стремится слиться то «с холодной и жесткой яркостью Мексики, то с безмерностью Ассирии, то с практической мудростью Китая» (65). Любопытно, что А. Белый проявлял огромный интерес к Востоку. В своих мемуарах он вспоминает себя «юношей, заинтересовавшимся Востоком», посещающим кружок теософов (66). На страницах его мемуаров мы находим также признание о том, что он читал книгу Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана». Там же можно найти упоминания о его знакомстве с «Упанишадами» («Впечатление от «Упанишад» взворотило все бытие» (67). Но если ставить вопрос о причинах интереса к Востоку, то А. Белый объяснял это так. Он ощущал свою чуждость старому быту, отцовским традициям «... Я выпал, так сказать, из всех форм быта буржуазной культуры; а культуры, которую я мог бы противопоставить ей, у меня не было» (68). Именно в этом состоянии утраты равновесия интерес к Востоку позволял ему заполнить окружающую его пустоту «...Интерес к Востоку, будирование европейской цивилизации, – признается он – это был беспомощный вызов по отношению к тому, что должен бы я предпринять...» (69).

Когда знакомишься с поэзией В. Хлебникова, начинаешь отдавать отчет в прорвавшейся в искусство стихии хаоса. В его поэме «Ладомир», написанной уже в 20-е годы, рядом оказываются разные религии, науки, материки, боги, художники, представляющие многие культуры и т.д. «Туда, туда, где Изанаги / Читала «Моногатори» Перуну / А Эрот сел на колени Шанг-ти, / И седой хохол на лысой голове / Бога походит на снег, / Где Амур целует Маа – Эму, / А Тиэн беседует с Индрой, / Где Юнона с Цинтекуатлем / Смотрят Корреджио / И похищены Мурильо, / Где Унку-лункулу и Тор / Играют мирно в шашки, / Облокотясь на руку, / И Хокусаем восхищена / Астарт, – туда, туда!» (70).

Правда, у В. Хлебникова такой разброс символов и образов – не самоцель, призванная выразить стихию хаоса, а совсем наоборот, синтез, понимаемый в планетарном или, как сегодня говорят, глобализационном выражении. Данная поэма написана под воздействием идей революции, а, следовательно, в ней звучит идея объединения самых разных народов и культур, т.е. как раз преодоления несвободы и хаоса. Это оптимистическое и утопическое произведение. Но оно интересно еще и в том отношении, что в нем реконструируются разные временные контексты. Некогда имевшие место в разных исторических эпохах явления у В. Хлебникова представлены в своей одновременности.

По сути, культурный синтез, как он представлен у В. Хлебникова, повертывается монтажом разных культур, в том числе, и угаснувших, но существующих одновременно. Это свидетельствует о неприятии столь категорично отверждаемого с эпохи раннего модерна, т.е. Просвещения принципа линейности в историческом времени. Этим, в частности, объясняется пристрастие В. Хлебникова к такой разновидности организации произведения, как фрагмент или отрывок, что опять-таки делает актуальной поэтику открытого произведения, о которой потом будет позднее писать У. Эко и которая в эстетике XX века будет иметь значительный резонанс.

В. Хлебников, как и многие представители авангарда, исключал построение произведения, ограничиваясь лишь сюжетом. Связи между элементами он пытался обнаружить на ином уровне. Только в этом смысле понятно его пристрастие к фрагменту. Как отмечает прекрасный знаток русского футуризма В. Марков, «излюбленным жанром Хлебникова был жанр отрывка; крупные произведения создавались сложением мелких, «нанизыванием» фрагментов без всякого соблюдения традиционной композиции» (71). Но это тоже восточная традиция.

Можно сколь угодно много говорить об интересе в России к Востоку, моде на Восток, но все это внешние факторы разворачивающегося процесса. На более глубоком уровне влияние Востока может просматриваться лишь в тех сдвигах, что происходят в поэтике. Как свидетельствует В. Иванов, в первой половине XX века мировая поэзия отказывается от своих традиционных форм, пытаясь найти опору в неевропейских традициях» (72). Так, отмечается, что в новом искусстве художник не имеет одного стиля, как это имело место в искусстве раньше.

Например, делая такое обобщение, А. Кребер в качестве примера ссылается на творчество П. Пикассо, владевшего стилями разных времен и культур. А. Кребер полагает, что множественность стилей оказывается существенным признаком искусства XX века. На основании этого наблюдения А. Кребера В. Иванов утверждает, что у многих художников истекшего столетия имеет место монтаж целых культур. Предшественниками использования такого приема для В. Иванова оказываются Гете и Пушкин. Уже А. Пушкин умел перевоплощаться в стиль любой культуры и любого времени, как он это делает, например, в своем стихотворении «Подражание Корану». Но с начала XX века подобный протеизм в искусстве приобретает новое качество, которое как раз и выражает в своем творчестве П. Пикассо.

О П. Пикассо в связи с протеизмом художника и умением перевоплощаться в разные художественные стили, эпохи и культуры, в том числе, неевропейские, архаические и т.д. много написано. В частности, об этом подробно и

глубоко написано у Х. Зедльмайра, представляющего П. Пикассо художником, отчасти продолжающим традицию романтизма. Х. Зедльмайр отмечает остроумную игру П. Пикассо с формами прошлого и настоящего в произвольных комбинациях и деформациях. В этом смысле П. Пикассо, по мнению известного искусствоведа, предстает «образцовой показательной фигурой нашего времени» (73). Собственно, стремление отождествиться с чужой культурой, вести повествование от имени представителя другой культуры имеет своим истоком именно романтизм, влияние которого в искусстве на рубеже XIX–XX веков ощущается. Не случайно в это время особенно популярны А. Пушкин и М. Лермонтов, творчество которых несет на себе печать романтизма в его западных формах.

Об интересе к Востоку М. Лермонтова свидетельствует, например, такое его высказывание в беседе с А.А. Краевским. «Я многому научился у азиатов, – сказал он – и мне бы хотелось проникнуть в таинство азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но поверь мне, там, на Востоке, – тайник богатых откровений» (74).

Конечно, открытие Востока произошло, прежде всего, на Западе. Формула оптимальной ассимиляции восточной культуры связана с именем Гете. Он доказывал, что в художественных формах и образах восточного искусства нужно видеть не экзотику, а выражение духа самобытной и совершенно отличной от античной культуры. Этот переход от экзотики к постижению духа культуры в целом и искусства как выражение этого духа проделан А. Пушкиным и М. Лермонтовым. Так, например, А. Пушкин быстро прошел стадию восточного экзотизма, демонстрируя то, что И. Брагинский называет «западно-восточным» литературным синтезом (75). Воспользуемся некоторыми наблюдениями превосходного исследователя. За частое обращение к восточной поэзии молодого А. Пушкина называли даже именем выдающегося иранского поэта Саади – «нашим юным Саади». Как известно, своей романтической поэме «Бахчисарайский фонтан» А. Пушкин предпослал эпиграф из Саади: «Над этим источником отдыхало много людей, под брызгами, они ушли, словно в мгновение ока». Этот эпиграф поэт повторил и в Евгении Онегине» («Иных уж нет, а те далече, как Сади некогда сказал»).

И. Брагинскому в плане Востока наиболее любопытным представляется стихотворение А. Пушкина «Виноград». В связи с этим усвоением поэтики стиха иранского поэта он даже вспоминает о констатируемом многими образах Пушкина как поэта-протеза, обладающего исключительным даром перевоплощения в другие культуры. Пытаясь выявить в пушкинском стихе как западные, так и восточные элементы, И. Брагинский говорит о присутствии в нем хафизовского пафоса намека, который впервые высоко оценил в своем «Западно-восточном диване» Гете. Речь идет о том, что в иранском стихе высоко ценится музыкальность, т.е. когда словесные комплексы не выражают прямо определенных эмоций, но провоцируют их появление в воспринимающем. Пытаясь в этой поэтике разобраться, И. Брагинский пишет: «пафос намека – это не просто эзопов язык, который хорошо был известен и западной поэзии, а намеренная, принципиально-иносказательная система образов, сложившаяся в классической иранской поэзии и в чем-то упреждавшая образную систему «подтекста» в западной поэзии» (76).

Мы сознательно остановились на одном из признаков восточной поэзии, ассимилированной в русской поэзии эпохи романтизма. По сути дела, этот опыт будет продолжен и в поэзии и вообще в искусстве русского Серебряного века, подхватившем намеченную романтизмом тенденцию. Не случайно символизм как наиболее яркое течение рубежа XIX–XX веков называли неоромантизмом. Но перестройка происходит и в других видах искусства, связанных со словом, например, в театре, испытавшем на себе влияние символизма. Когда Н. Гудзий пишет о символизме, он обращает особое внимание поэтов к фиксации мгновения. Однако эти мгновения нуждаются в том, что они каким-то образом связывались в нечто целое. В данном случае исследователь касается специфического построения символистского произведения. Он пишет: «Связь образов тут чисто случайная. Воображению читателя предоставляется самостоятельно объединить и связать их. Символизм поэтов можно назвать «поэзией намеков» (77). Как мы убеждаемся, на первый план в этом наблюдении выдвигаются две особенности – повышенное требование к воспринимающему зрителю и специфическая композиция.

Посмотрим, как это качество проявляется в театре. Известно, какая радикальная реформа развертывается в начале XX века в русском театре. В этом смысле любопытны эксперименты В. Мейерхольда по утверждению условного театра. Ранний В. Мейерхольд был близок эстетическим устремлениям символизма. Но В. Мейерхольд относится к тем представителям театра, которые пытались ассимилировать опыт восточного театра. Его увлечение Востоком, кстати, окажет влияние на кинорежиссера С. Эйзенштейна, разрабатывавшего вопросы поэтики кино, используя приемы средневекового китайского и японского театра (78). Излагая систему приемов этого театра, В. Мейерхольд в дневнике 1907 года пишет: «Условный метод полагает в театре четвертого творца – после автора, актера и режиссера; это зритель. Условный театр создает такую инсценировку, где зрителю своим воображением, творчески приходится дорисовывать данные сценой намеки» (79).

Высказывание В. Мейерхольда для культурного синтеза весьма показательны. В нем, как минимум, просматриваются два характерных приема, извлеченные из восточной поэтики – специфическое построение вещи и активное сотворчество в процессе восприятия. Прекрасный знаток восточного искусства Е. Завадская попыталась обобщить суть влияний Востока на искусство XX века. В качестве обращаящего на себя внимание приема, используемого в восточном искусстве, она называет принцип намека и недосказанности (80).

Так, представляя стилистику стихов японского поэта Басе, писавшего в жанре хайку, Н. Фельдман обращает внимание на то, что такого рода вещи рассчитаны на специфический способ восприятия. Этот способ японцы называют «едзе», т.е. «послечувствование». Другое слово, с помощью которого можно передать смысл этого приема – это «суггестивность». «Задача хайку – пишет исследователь – не показать или рассказать, а только намекнуть; не выразить как можно полней, а, наоборот, сказать как можно меньше; дать только деталь, стимулирующую полное развертывание темы – образа мысли, сцены – в воображении читателя. Эта работа воображения читателя, это «послечувст-

вованье» и является неотъемлемой частью эстетического восприятия хайку, – и оно-то менее всего привычно читателю – европейцу» (81). Само собой разумеется, что такой прием присущ не только жанру, в котором пишет Басе, но вообще китайскому и японскому искусству.

В китайском и японском искусстве основной смысл вещи скрыт в подтексте. Анализируя построение драм у модного в начале XX века в России драматурга М. Метерлинка, В. Мейерхольд говорит: «В каждом драматическом произведении два диалога – один «внешне необходимый» – это слова, сопровождающие и объясняющие действие, другой «внутренний» – это тот диалог, который зритель должен подслушать не в словах, а в паузах, не в криках, а в молчаниях, не в монологах, а в музыке пластических движений. «Внешне необходимый» диалог построен Метерлинком так, что действующим лицам дано минимальное количество слов при крайнем напряжении действия. И чтобы выявить перед зрителем «внутренний диалог» драм Метерлинка, чтобы помочь ему воспринять этот диалог, – художнику сцены предстоит подыскать новые выразительные средства» (82).

Такой внутренний диалог и есть подтекст, выражаемый уже не словами, а созданием режиссером атмосферы действия. Таким образом, кроме двух признаков восточной поэтики – приема недосказанности и активности воспринимающего в высказывании В. Мейерхольда присутствует и общая установка восточного искусства, связанная с тем, что истина постигается на более глубоком уровне, нежели это позволяет слово. Первое, что бросается в глаза в этом культурном синтезе, как он утверждает себя на рубеже XIX–XX века, – это разочарование в вербальной коммуникации, что воздействует на изменение отношения к некоторым видам искусства, например, на выдвижение на первый план искусств невербальных, меньше всего зависящих от литературы, а именно, живописи и музыки, но, в том числе, и театра. Понижение значимости слова связано с повышением роли мимики и жеста.

Однако и в самой литературе, в частности, в поэзии возникают явления, когда слово преодолевается, уступая место молчанию. Происходит нечто, напоминающее исихазм, только в художественных формах. Но ведь происхождение исихазма тоже связано с Востоком. Это обстоятельство свидетельствует о новой актуальности в русской культуре исихазма и, следовательно, вновь о восточной традиции. В этом смысле особенно показательным творчеством поэта – символиста А. Добролюбова.

Положение А. Добролюбова в истории символизма является совершенно исключительным. До некоторых пор смысл его творчества не был понят. Нельзя утверждать, что А. Добролюбов относится к поэтам, которых в России хорошо знают. Первые его поэтические сборники вызвали недоумение, в том, числе и у поэтов. В 1903 году А. Блок написал стихотворение, назвав его именем А. Добролюбова. Оно начиналось так: «Из городского тумана / Посохом землю чертя...» (83). Уже этот факт свидетельствует о том, что имя А. Добролюбова для самих символистов что-то означало. В 1906 году в письме к И. Брюсовой А. Блок признается, что вышедший в 1900 году сборник стихов в А. Добролюбова ему известен. Но поэт признается, что его поэзию он не понимает. Однако, прочитав последний его сборник «Невидимая книга» (1905), он начал глубже понимать смысл первого сборника (84). В письме 1915 года, адресованном В. Гиппиусу, написавшему об А. Добролюбове статью, А. Блок признается, что, наконец -то, по-настоящему почувствовал поэзию А. Добролюбова (85).

Известно, что поклонником поэзии А. Добролюбова был вождь движения символистов В. Брюсов, признававший даже его влияние на свое творчество. В 1895 году А. Добролюбов выпустил свой первый сборник стихов «*Natura naturans, natura naturata*». Исследователи его творчества утверждают, что его стихи предвосхитили многие приемы художественного авангарда (86). В. Брюсов выступал даже организатором и составителем его второго поэтического сборника (1900 г.) и вместе с И. Коневским написал к нему предисловие.

Однако в биографии А. Добролюбова интересно и другое, имеющее прямое отношение к нашей теме. Личность этого поэта, может быть, гораздо более известна, нежели его стихи. Свой творческий путь А. Добролюбов начал декадентом. Он курил опиум и проповедовал самоубийство. Однако в определенный момент в его отношении к жизни произошел перелом. Утратив интерес к слову и вообще к искусству, А. Добролюбов превратился в странника, начал путешествовать. Фигура поэта интересна в плане психологии русского богоискательства, но не только. А. Добролюбов отправляется на Соловки и становится послушником Соловецкого монастыря. Однако монашеский аскетизм в Соловках длится недолго. А. Добролюбов снова отправляется странствовать и путешествовать.

Важным событием в жизни поэта явилась встреча с Л. Толстым, принявшим его сначала за простого крестьянина, но ощутившего затем в нем идеального последователя своего учения. Этот эпизод из жизни А. Добролюбова превосходно описан Е. Ивановой (87). А. Добролюбов становится сектантом. Он сам основывает в Поволжье секту добролюбовцев. Писать стихи он перестал. Последний сборник его стихов вышел в 1905 году. В течение всей своей жизни он продолжал странствовать и умер в 1945 году. Совершенно очевидно, что поскольку он, обладая поэтическим талантом, пытался уйти от поэзии, от литературы, от слова, от искусства вообще, то эти подробности его биографии свидетельствуют о близости его идеала восточным учениям. Ведь, по сути дела, смысл его жизни связан с преодолением получившего на Западе гипертрофированное развитие индивидуализма.

В своем творчестве А. Добролюбов словно иллюстрировал тезис А. Шопенгауэра о том, что искусство гения – «это способность пребывать в чистом созерцании, теряться в нем и освобождать познание, существующее первоначально только для служения воле, избавлять его от этого служения, т.е. совершенно упускать из вида свои интересы, свои желания и цели, полностью отрешаться на время от своей личности, оставаясь только чистым познающим субъектом, ясным оком мира, – и это не мгновения, а с таким постоянством, и с такою обдуманностью, какие необходимы, чтобы воспроизвести постигнутое сознательным искусством и «то, что предносится в зыбком явлении, в устойчивой мысли навек закрепить» (88). Стоит ли в данном случае говорить о том, что мысль А. Шопенгауэра о самоотречении в творчестве родилась в результате знакомства философа с восточными учениями. Очевидно, что популярность на рубеже XIX–XX веков у русских поэтов А. Шопенгауэра не была поверхностной.

Такая особенность самоотречения, преодоление индивидуализма владели тогда умами многих. В связи с этим нельзя, например, не обратить внимания на реакцию редактора журнала «Аполлон» С. Маковского на полотна Н. Рериха. Вот какое обобщение он делает, пытаясь проникнуть в суть его творчества. Известный и авторитетный критик этого времени делит художников на два типа: на тех, кто пытается познать тайну индивидуальности и тех, кого «манит тайна души слепой, безликой, общей для целых эпох и народов, проникающей всю стихию жизни, в которой нет отдельная личность, как слабый ручей в темной глубине подземного мира» (89).

Критик, естественно, относит Н. Рериха ко второму типу. «У людей на холстах Рериха почти не видны лица – пишет он – Они – безликие привидения столетий. Как деревья и звери, как тихие камни мертвых селений, как чудовища старины народной, они слиты со стихией жизни в туманах прошлого. Они – без имени. И не думают, не чувствуют одиноко. Их нет отдельно и как будто не было никогда: словно и прежде, давно, в явной жизни, они жили общей думой и общим чувством, вместе с деревьями и камнями и чудовищами старины» (90).

Что касается А. Добролюбова, то это самоотрицание у него проявилось в гипертрофированной форме. Оно делает поэта не просто сектантом, а, как известно, многие символисты в то время проявляли интерес к сектам, а чем-то напоминающим Франциска Ассизского, что и констатирует в своей статье «Духовное христианство и сектантство» Н. Бердяев (91). Но поскольку биография А. Добролюбова связана с отрицанием не только слова, но и всей существующей культуры, в том числе, личности, какой мы ее знаем по западной культуре, то Н. Бердяев в его творчестве усматривает буддизм.

Здесь не лишне отметить, что сам А. Добролюбов был знаком с Кораном, Талмудом, учением Лао-цзы, о чем свидетельствует составленный им сборник «Мои вечные спутники, Сборник чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний и из книг искателей познания» (92). В этом А. Добролюбов не был одиноким. Так, посвящая свою статью творчеству поэта этого времени А. Голенищева-Кутузова, В. Соловьев прямо ставил вопрос о распространении буддистского настроения в русской поэзии (93). Что касается Н. Бердяева, писавшего об А. Добролюбове, то о нем он прямо пишет: «В нем чувствуется пассивность, высшая покорность, что-то нечеловеческое, уклон к буддизму, к религиозному сознанию Востока, к чистому монизму, к отрицанию личностности и индивидуальности. У добролюбовцев, поскольку намечается их духовный тип, нет личности, нет человека, а есть лишь единое общее, лишь Бог» (94).

Некоторые исследователи полагают, что поэзия А. Добролюбова оказала влияние на В. Хлебникова (95). Речь, в частности, идет об отношении поэтического слова и образа как фиксации мгновения (96). Поэт бессилён устанавливать связи между поступающими из мира впечатлениями. В его силах лишь фиксировать отдельные моменты этих впечатлений. Композиция поэмы В. Хлебникова «Ладомир» позволяет задуматься о том приеме, что возник в русском символизме, который тоже ассоциируется с поэтикой восточного искусства. Речь идет о значимости в творчестве и восприятии мгновения. Но это характерно не только для А. Добролюбова. Считая К. Бальмонта импрессионистом, В. Брюсов писал: «Для него жить – значит быть во мгновениях, отдаваться им... Истинно то, что сказалось сейчас. Что было пред этим, уже не существует. Будущего, быть может, не будет вовсе. Подлинно лишь одно настоящее, только этот миг, только мое сейчас» (97).

Такой импрессионизм уже был открытием романтизма. Романтикам присуще обостренное чувство неповторимости каждого мгновения жизни. Об этом приеме у романтиков В. Жирмунский писал: «Это – импрессионизм чувства, который не ищет длительности, а в каждом мгновении – всей силы и полноты переживания, и отдается до конца «истине мгновения», не стараясь связать ее с противоречивым содержанием других мгновений» (98). Поскольку символизм явился продолжением романтизма, то этот прием не мог в нем не проявиться. Но ведь именно значимость мига, мгновения существенна и для восточного искусства, что отрефлексировано в восточной философии. Так, анализируя «Алтарную сутру Шестого патриарха» Хой-нэна, Е. Завадская обращает внимание на значимость в ней мига и мгновения. Однако у Хой-нэна мгновенность – не только знак быстротекущего времени, но и знак остановленного времени, мгновения, становящегося воплощением вечности.

Согласно восточному мировосприятию, вечность являет себя лишь в быстротекущем времени, в миге, мгновении (99). Это не противоречит и символистам. Так, о поэзии В. Брюсова А. Белый писал: «Везде стремление соединить в символе случайность обыденного явления с его вечным, мировым, не случайным смыслом. И чем случайней поверхность явления, тем величественнее сквозящая в нем Вечность» (100).

Эти слова А. Белого можно отнести и к поэтике В. Хлебникова, о чем свидетельствует его поэма «Ладомир». К этой поэме В. Хлебникова превосходным комментарием может служить высказывание А. Белого в его статье «Эмблематика смысла», написанной в 1909 году и опубликованной в сборнике 1910 года «Символизм». Констатируя эклектизм и стремление сочетать художественные приемы разнообразных культур в новом искусстве, А. Белый пишет: «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и Средневековье, – оживают, проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи, нам более близкие. Говорят, что в важные часы жизни пред духовным взором человека пролетает вся его жизнь; ныне пред нами пролетает вся жизнь человечества; заключаем отсюда, что для всего человечества пробил важный час его жизни. Мы действительно осязаем что-то новое; но осязаем его в старом; в подавляющем обилии старого – новизна так называемого символизма» (101).

В данной статье А. Белый пытается понять и представить символизм как целостное художественное течение, наиболее обращающее на себя внимание на рубеже XIX–XX веков. Однако у него получается характеристика всей складывающейся в искусстве этого времени ситуации. Чтобы за распространяющимся хаосом обнаружить некую логику, в стихии искусства необходимо усматривать продолжение тех форм и образов, что впервые получили развитие в

романтизме. Так, обращающей на себя внимание традицией романтизма было открытие и признание в мировой истории множества уникальных культур. И когда Гете призывал глубже уяснить дух восточной культуры, то он тоже исходил из этого утверждаемого романтизмом принципа.

Однако, разумеется, искусство этого времени было не только продолжением романтической линии. В нем продолжалось углубление в дух восточной культуры, что деформировало традиционные и знакомые образы романтизма. Чтобы продемонстрировать это переосмысление романтических образов и сюжетов, обратимся, в частности, к поэтическому фрагменту В. Хлебникова «Есир», стиль которого как-то удивительно заставляет вспомнить стиль А. Платонова.

Известно, что русский романтизм вызвал к жизни образ жаждущего свободы невольника, пленника. Этот необузданный бунтарь стремится освободиться от плена. Собственно, таким невольником в «Есире» предстает и хлебниковский герой – астраханский рыбак Истома. Истома знакомится с приехавшим в Россию индусом Кришнамурти. Индус предсказывает Истоме, что тому суждено попасть в Индию. Действительно, Истома попадает в плен к потомкам Чингис-хана, продающим его в рабство другим кочевникам. Затем он оказывается в Индии. Предсказание индуса сбывается. Истома живет в Индии, наблюдает образ жизни индусов, воспринимающих все существующее как покрывало Майи, а затем возвращается с караваном домой.

Превосходно анализирующие «Есира» Ю. Лошиц и В. Турбин делают любопытный вывод: «В сравнении с романтическими канонами XIX века «Есир» кажется нарочито «бесконфликтным» произведением. Действительно, здесь начисто отсутствует динамика схватки личности с враждебными ей обстоятельствами. Истома – несопротивляющийся, почти добровольный пленник. Он как бы позволяет обстоятельствам лепить себя, идет навстречу фатуму. Но странно, где-то мы начинаем ощущать, что плена вовсе и нет. Истома растворился в новой среде, стал ее частью. Пленник вряд ли способен с такой открытой радостью и жадностью впитывать в себя чуждую страну, ее культуру, языки, быт, ее мудрость, как это делает Истома» (102).

Это перевоплощение в «чужую» культуру, которая превращается в «свою», разворачивается с помощью вживания в природу, в сохраняющие восточные признаки пейзажи. В этом отношении весьма любопытна поэма В. Хлебникова «Хаджи-Тархан» (1913), в которой ощущаются автобиографические моменты. Поэт родился в степных местах, низовьях Волги близ Астрахани. Этому месту поэт придает особое символическое значение, подчеркивает его связь с Востоком. Хаджи-Тархан – старое тюркское название Астрахани. Это место представляло что-то вроде Ноева ковчега народностей. Это перекресток языков, наций и культур, в том числе, степных, кочевнических, монгольских. В одной из своих статей В. Хлебников отмечал, что русская словесность прошла мимо этого ковчега. «В пределах России она забыла про Государство на Волге – старый Булгар, Казань, древние пути в Индию, сношения с арабами, Биармское царство» (103).

Поэма В. Хлебникова – некое сновидение, в котором оживает молчаливая и кочевая степь. Поэт видит сражения, тучи стрел, кровь, плач, стоны, могилы, курганы и камни, верблюды, купеческие суда. Сколько столетий прonesлось над этой степью, сколько судьбоносных событий. Кажется, все исчезло, забыто, предано забвению. Но историческая память жива. Праистория по-прежнему живет в степях, раскинувшихся возле Хаджи-Тархана. Поэт оживляет вековую историю, дав своему подсознанию свободу. «Темнее степь; вдали хурул / Чернеет темной своей кровлей, / И город спит, и мир заснул, / Устав разгулом и торговлей / Как веет миром и язычеством / От этих дремлющих степей, / Божеств морских могил величеством, / Будь пьяным, путник, – пой и пей» (104).

В замечательном стихотворении 1921 года «Ручей с холодной водой» образ восточного каменного пейзажа наполнен В. Хлебниковым глубоким философским смыслом. Здесь первозданная природа Востока одухотворяется. Камни для поэта предстают «каменной книгой читателя иного». Это другой, загадочный, но совсем не чужой для В. Хлебникова мир. В эту вечность у поэта включена и современность. Поэтому и камни – это и «каменные ведомости» и «каменные новости». «...То грозное ущелье / Вдруг встало каменной книгой читателя другого, / Открытое для глаз другого мира... / Там камень красный подымался в небо / На полверсты прямою высотой, / кем-то читаемой ныне» (105).

Что касается «Есира» В. Хлебникова, то для универсальной тенденции искусства, все более обозначившейся к рубежу XIX–XX веков – переоценке отношения внутри европейской культуры к установке, сформировавшейся еще в античности, но получившей в эстетике модерна гипертрофированное выражение, он весьма показателен. Речь идет о соотношении в античном и европейском искусстве внутреннего и внешнего, что является краеугольным камнем эстетики Гегеля.

Этого вопроса касается В. Иванов. Противопоставляя западную традицию древневосточной, исследователь возвращается к афинскому полису, к духу которого через Рим и Византию восходят все европейские культуры. Исследователь обращает внимание на то, что полис замкнут в себе, самодовлеущ и оптимистичен. «Афиняне, считавшие себя единственными в мире, а всех остальных – варварами, были беззаботны: они творили новую геометрию и новую трагедию, забыв все бывшее до того. Эту же творческую беззаботность деятельной и сметающей все бывшее культуры, устремленной в будущее, кажущейся радостной и не имеющей досуга, чтобы вспомнить ужасы прошлого, возродил Ренессанс» (106).

Что же касается Востока, то он обращает внимание как раз на противоположное, ставя акцент не на оптимистическом и деятельном вторжении во внешний мир, чтобы его пересоздать, а на отрешенности от него и сосредоточении на внутренней духовной жизни вплоть до отречения от собственного Я, как это делает индус – отшельник во фрагменте В. Хлебникова «Есир», стремясь исчезнуть и «победив в себе гордое желание стать Богом» (107).

Эта особенность восточной культуры долгое время оставалась для ее восприятия, понимания и усвоения барьером, тем более, для «фаустовского» человека. В мировосприятии европейского модерна с XVIII века этот барьер до с-

тиг своего пика. Но уже тогда началось постепенное разочарование и в модерне, и вообще в том прасимволе, что лежит в основе европейской культуры, если при держиваться точки зрения Шпенглера. «Европейская культура – пишет В. Иванов – до ее увлечения пессимистической эсхатологией была, начиная с Афин, занята построением внешнего мира, конструированием науки и позднее выявлением всех следовавших из не технических возможностей; этот же внешний мир вдохновлял и философов, занятых обдумыванием его соотношений с внутренним миром человека, и поэтов, находивших вовне источник своего вдохновения» (108).

Теперь понятно, почему символисты, ставящие своей целью разрушение существующей культуры и создание новой культуры, так зачитывались А. Шопенгауэром, а затем погружались в изречения Лао-цзы и Конфуция. Все это способствовало развернувшемуся глубочайшему культурному синтезу в искусстве, развертывающемуся в таком цивилизационно-культурном образовании как русская культура.

Примечания

1. Земсков В. Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях // Российский цивилизационный космос (К 70-летию А. Ахизера). – М., 1999.
2. Хренов Н. Переходность как следствие колебательных процессов: между культурой чувственного и культурой идеационального типа // Переходные процессы в русской художественной культуре. Новое и Новейшее время. – М., 2003.
3. Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. – СПб., 2007.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М., 2009. – С. 100.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 91.
6. Пунин А. Искусство Древнего Египта. – СПб., 2010. – С. 189.
7. Виппер Б. Искусство Древней Греции. – М., 1972. – С. 107.
8. Мережковский Д.Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М., 1995. – С. 135.
9. Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999. – С. 38.
10. Брюсов В. Собрание сочинений в 7 т. – М., 1975. – Т. 6. – С. 475.
11. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М., 2003.
12. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., 2006.
13. Завадская Е. Культура Востока в современном западном мире. – М., 1977. – С. 119.
14. Гете И. В. Западно-восточный диван. – М., 1988. – С. 222.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 90.
16. Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1988. – С. 156.
17. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М., 1997.
18. Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // О Владимире Соловьеве. Сборник первый. – М., 1911.
19. Гройс Б. Россия как подсознание Запада // Гройс Б. Искусство утопии. – М., 1993.
20. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. – Л., 1989. – С. 468.
21. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Киев, 1991. – С. 500.
22. Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – СПб., 1871.
23. Шифман А. Лев Толстой и Восток. – М., 1971. – С. 41.
24. Граф Л. Н. Толстой и критика его произведений русская и иностранная Ф. И. Булгакова. СПб.; М., 1886. – С. 30.
25. Там же, с. 57.
26. Там же, с. 49.
27. Там же, с. 49.
28. Блок А. Собрание сочинений в 8 т. – М.; Л., 1960. – Т. 3. – С. 360.
29. Лоциц Ю., Турбин В. Тема Востока в творчестве В. Хлебникова // Народы Азии и Африки. 1966. – № 4. – С. 150.
30. Блок А. Собрание сочинений в 8 т. – М.; Л., 1960. – Т. 3. – С. 249.
31. Хлебников В. Творения. – М., 1986. – С. 552.
32. Вернадский Г. Начертание русской истории. – М., 2004. – С. 29.
33. Чаадаев П. Сочинения. – М., 1989. – С. 18.
34. Вернадский Г. Указ. соч., с. 29.
35. Вернадский Г. Указ. соч., с. 47.
36. Карсавин Л. Восток, Запад и русская идея. – Петербург, 1922. – С. 15.
37. Козырев А. Соловьев и гностики. – М., 2007. – С. 8.
38. Трубецкой Н. Наследие Чингис-хана. – М., 2007. – С. 138.
39. Трубецкой Н. Указ. соч., с. 190.
40. Марков В. История русского футуризма. – СПб., 2000. – С. 136.
41. Хлебников В. Неизданные произведения. – М., 1940. – С. 368.
42. Хлебников В. Указ. соч., с. 368.
43. Хлебников В. Указ. соч., с. 368.
44. Марков В. История русского футуризма. – СПб., 2000. – С. 136.
45. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. – Л., 1989. – С. 373.
46. Соловьев В. Неподвижно лишь солнце любви... – М., 1990. – С. 89.
47. Карсавин Л. Восток, Запад и русская идея. – Петербург, 1922. – С. 17.
48. Карсавин Л. Указ. соч., с. 17.
49. Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева, с. 125.
50. Соловьев В. Китай и Европа // Русское обозрение. 1890. – № 2. – С. 674.
51. Соловьев В. Указ. соч., с. 674.
52. Там же.
53. Трельч Э. Историзм и его проблемы. – М., 1994.
54. Рерих Н. Собрание сочинений. – М., 1914. – Кн. 1. – С. 207.

55. Маковский С. Страницы художественной критики. – СПб., 1911. – Кн. 2. – С. 94.
56. Маковский С. Указ. соч., с. 95.
57. Маковский С. Указ. соч., с. 94.
58. Бенуа А. Путь Рериха // Рерих. – Петроград, 1916. – С. 36.
59. Волошин М. Архаизм в русской живописи (Рерих, Богаевский и Бакст) // Аполлон. 1909. – № 1. – С. 43.
60. Волошин М. Указ. соч., с. 51.
61. Гидони А. Творческий путь Рериха // Аполлон. 1915. – № 4-5. – С. 21.
62. Гидони А. Указ. соч., с. 21.
63. Рерих Н. Собрание сочинений. – М., 1914. – Кн. 1. – С. 124.
64. Гидони А. Указ. соч., с. 3.
65. Белый А. На рубеже двух столетий. – М., 1989. – С. 38.
66. Марков В. История русского футуризма. – СПб, 2000. – С. 100.
67. Брюсов В. Собрание сочинений в 7 т. – М., 1975. – Т. 6. – С. 296.
68. Брюсов В. Указ. соч., с. 277.
69. Белый А. Начало века. – М., 1990. – С. 69.
70. Белый А. На рубеже двух столетий. – М., 1989. – С. 337.
71. Белый А. Указ. соч., с. 429.
72. Там же.
73. Хлебников В. Творения. – М., 1986. – С. 288.
74. Марков В. История русского футуризма, с. 18.
75. Иванов В. Темы и мотивы Востока в поэзии Запада // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – М., 2004. – Т. 3. – С. 200.
76. Зедльмайр Х. Утрата середины. – М., 2008. – С. 423.
77. О Толстом. Воспоминания и характеристики представителей различных наций. – М., 1911. – С. 100.
78. Брагинский И. Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина // Народы Азии и Африки. 1966. – № 4. – С. 143.
79. Брагинский И. Указ. соч., с. 146.
80. Гудзий Н. Из истории раннего русского символизма // Искусство. 1927. – № 4. – С. 195.
81. Иванов В. Эйзенштейн и культура Японии и Китая // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1988.
82. Мейерхольд В. Статьи. Письма. Речи. Беседы. – М., 1968. – Т. 1. – С. 164.
83. Завадская Е. Культура Востока в современном западном мире. – М., 1977. – С. 54.
84. Восток. Сборник первый. Литература Китая и Японии. – М., 1935. – С. 305.
85. Мейерхольд В. Указ. соч., с. 126.
86. Блок А. Собрание сочинений в 8 т. – М.; Л., 1960. – Т. 1. – С. 275.
87. Блок А. Собрание сочинений в 8 т. М.; Л., 1963. – Т. 8. – С. 151.
88. Блок А. Указ. соч., с. 448.
89. Кобринский А. «Жил на свете рыцарь бедный...» (Александр Добролюбов: слово и молчание) // Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы. – СПб., 2005. – С. 434.
90. Иванова Е. Один из «темных» визитеров // Прометей. – М., 1980. – Т. 12. – С. 308.
91. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Мир как воля и представление. – М., 1992. – С. 199.
92. Маковский С. Страницы художественной критики. – СПб., 1911. – Кн. 2. – С. 93.
93. Маковский С. Указ. соч., с. 93.
94. Бердяев Н. Духовное христианство и сектантство в России // Мутные лики. Типы религиозной мысли в России. – М., 2004. – С. 257.
95. Кобринский А. «Жил на свете рыцарь бедный...» (Александр Добролюбов : слово и молчание), с. 449.
96. Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии // Вестник Европы. 1894. – № 5.
97. Бердяев Н. Духовное христианство и сектантство в России, с. 259.
98. Ранние символисты: Н. Минский и А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы. – СПб, 2005.
99. Иванова И. Один из темных визитеров, с. 304.
100. Брюсов В. Указ. соч., т. 6, с. 250.
101. Жирмунский В. Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. – М., 1919. – С. 73.
102. Завадская Е. Культура Востока в современном западном мире. – М., 1977. – С. 39.
103. Белый А. Поэзия Валерия Брюсова // Новый путь. № 7. – С. 135.
104. Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 26.
105. Лошиц Ю., Турбин В. Тема Востока в творчестве В. Хлебникова // Народы Азии и Африки. 1966. – № 4. – С. 153.
106. Хлебников В. Творения. – М., 1986. – С. 593.
107. Там же, с. 246.
108. Там же, с. 147.
109. Иванов В. Темы и мотивы Востока в поэзии Запада, с. 206.
110. Хлебников В. Указ. соч., с. 554.
111. Иванов В. Темы и мотивы Востока в поэзии Запада, с. 207.

Царьков О.Е.¹

КАТАСТРОФЫ И ХАОС КАК ОБЪЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ²

Ключевые слова: экономико-математическое моделирование, теория игр, теория катастроф, бифуркация, хаос, аттрактор, открытая система, оптимизация, равновесие, нестабильность.

Keywords: economic model (quantitative), game theory, catastrophe theory, bifurcation, chaos, attractor, open system (system's theory), optimization, equilibrium, non-stability.

Иногда наступают моменты, когда перегретые спекулятивным капиталом сегменты мирового рынка рушатся за считанные дни и даже часы. Как правило, это происходит в тот момент, когда становится очевидна их завышенная капитализация. Очередной обвал, подобный пресловутому краху «доткомов» и «обнулению subprime-ипотеки», может оказаться последним рубежом, за которым последует крушение мировой экономики. На этот раз прежние методы, связанные с государственным вмешательством в экономические процессы, не смогут помочь, поскольку произойдёт крушение единого экономического пространства. Его социально-экономические последствия, такие как сокращение доходов населения, ликвидация рабочих мест и фискальный дефицит на фоне быстро растущей инфляции, окончатся в лучшем случае продолжительной стагнацией, а в худшем – коллапсом. Предугадать эту катастрофу и попытаться смягчить её последствия классическая экономическая теория не способна.

Опыт последних лет убедительно показывает, что в условиях общей нестабильности экономики даже небольшие проблемы внутри системы могут запустить деструктивные процессы с непредсказуемыми последствиями. В отличие от «угроз», предполагающих незамедлительные ответные действия, на «вызовы» есть два типа реакций³.

1. Отсутствие каких-либо действий. В этом случае возможен следующий дальнейший ход событий. Какое-то время (может быть, довольно долгое) система «подавляет» проявление дестабилизирующих ее факторов или «сосуществует» с ними. Однако если речь идет о «вызовах», имеющих глубинные причины, то это рано или поздно приводит к коллапсу общества и социальной катастрофе.

2. Модернизация системы, изменение характера ее функционирования, установление новых внутрисистемных связей. Чаще всего это – результат осознанных мер, призванных найти ответ на возникшие «вызовы».

Игнорирование социально-экономических вызовов означает сокращение возможностей саморазвития, а это весьма опасно во время кризиса. Как показывает опыт, его преодолевают только отдельные экономические субъекты старой системы, которым удалось интегрироваться в новую. При определении путей модернизации системы классические экономические стратегии становятся серьезными барьерами для процесса экономической самоорганизации, поскольку их аппарат ставит своей целью возврат системы в состояние⁴. Это связано с тем, что они предлагают вместо лучших альтернатив «старые и проверенные», то есть дают выбор из «плохих» и «очень плохих». Вот примеры на более распространенных:

- Стратегию «выживания» по праву можно отнести к доминирующей стратегии последнего десятилетия. Эта линейная стратегия, которая основывается на психологии и моделях поведения закрытого социального организма. Будучи не подкрепленной программой развития, она ведёт к гомеостазу и является разрушительной для системы.

- Стратегия «социальной помощи» стала популярна после Великого Кризиса и была основана на поддержке отдельных социальных слоев. Она, как правило, эффективна в течение короткого промежутка времени. Она увеличивает опасность коррупции, ухода части экономики в тень, а для всей социально-экономической системы – притяжение к криминально-теневой или авторитарной модели.

- Стратегия ужесточения правил и законов таит опасность попасть в порочный круг усиливающегося контроля и притяжения к авторитарному аттрактору. Взлёты и падения тоталитаризма служит наглядным примером этого подхода.

- Стратегия апартеида, т.е. поддержки отдельной нации или языка в ущерб остальным, также неэффективна. Она только увеличивает опасность национального противостояния, ведущего к хаосу, и перерождения в автократию.

- Стратегия неопределенности часто игнорирует реальные вызовы и борется с «шумами», а не реальными проблемами. Это рано или поздно приводит систему в состояние нестабильности и непредсказуемости. В этих условиях возникновение неустойчивого равновесия не даёт стабильности и приводит к балансированию на краю пропасти.

¹ Царьков Олег Евгеньевич – д.э.н., магистр ИТ, Балтийский центр информационной безопасности, г.Рига.

² Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

³ Ansoff I.H. Strategic Management. 1979; Ансофф И. Стратегическое управление. – М., 1989. – <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4155>

⁴ Nash J. Non-Cooperative Games // The Annals of Mathematics. 1951. – Vol. 54, N 2. – P. 286–295.

Оптимальное управление нестабильной системой, каковой является современная экономика, должно реагировать на неустойчивость, не нарушая её стабильности. Для этого нужно точно знать пределы вмешательства регулятора в экономические процессы, чтобы не способствовать нарушению. Это практически невозможно сделать без обратной связи, которая сглаживает негативные тенденции, возникающие вследствие непредсказуемости воздействия среды. В условиях нарастания кризиса управление экономикой должно превратиться в самообучающийся процесс, переводящий её с одной эволюционной траектории на другую. Многофакторность и многовариантность экономических процессов¹ не позволяют выработать алгоритм, оптимизирующий переход плавный системы из одного состояния в другое. Чисто теоретически эту задачу решает математическое моделирование, использующее аппарат теории игр². Однако на практике у исследователя часто нет даже представления о том, каким эволюционным уравнением описывается развитие конкретной системы. Помочь в изучении этой проблемы может математический аппарат «теории катастроф», которая включает в себя две математические дисциплины – теорию бифуркаций динамических систем и теорию гладких отображений³.

Возможность научного изучения кризисов и катастроф подвергалась сомнению в силу неповторимости и уникальности таких явлений. При их детальном изучении обнаружено много общего и, в частности, доказано, что любое событие – результат самоорганизации открытой системы. Развитие такой системы проходит через две стадии: эволюционную и революционную. Особенностью эволюционного этапа развития является неизменность качества. В это период система развивается с предсказуемыми линейными изменениями, во время которых происходит нарастание внутреннего напряжения. Вместе с тем внутри каждой открытой системы существует область, где внешнее возмущение вызывает наибольшие последствия. По мере нарастания напряжения система приближается к бифуркации (точке ветвления). Чем ближе к ней система, тем больше проявляется «вызовов». Под ними в теории катастроф понимают появление новых внутренних факторов, угрожающих её эволюции. Поэтому особенности дестабилизации системы зависят не от внешнего воздействия, а от неё самой. Когда она достигает точки бифуркации, происходит катастрофа – переход системы в новое качество⁴.

Существуют косвенные признаки того, что изучаемая система находится вблизи точки катастрофы. Это так называемые «флаги катастроф» – изменение элементов системы, по которым можно судить о приближении к критической точке. Перечислим некоторые из них, чаще всего встречающиеся вместе:

- наличие нескольких устойчивых состояний равновесия;
- существование неустойчивых состояний равновесия;
- возможность быстрого изменения системы при малых изменениях внешних условий;
- необратимость системы (невозможность вернуться к прежним условиям);
- гистерезис: переход из одного устойчивого состояния в другое и обратно по разным траекториям.

При движении к новому качеству системы, благодаря нелинейным обратным связям, могут возникнуть неустойчивые и хаотические стадии. Это, в свою очередь, может привести к существованию нескольких различных равновесных состояний, и, следовательно, различных путей развития процесса. При наличии нескольких аттракторов возникает задача выбора. Она решается либо осознанно, либо случайно. Ко второму варианту относится большая часть протекающих физических процессов. В момент «выбора» систему притягивает один из аттракторов, и она в точке бифуркации может перейти в состояние равновесия, стать хаотической в поиске новой упорядоченности, либо саморазрушиться. Следовательно, будущее вероятно неоднозначно, но вместе с тем, оно не может быть любым. В случае, когда невозможно дать однозначный ответ, актуальной становится оценка вероятности различных вариантов.

При прохождении точки бифуркации выбранная траектория движения становится необратимой. Если система притягивается состоянием равновесия, она становится закрытой и до очередной точки бифуркации живет по законам, свойственным закрытым системам. Если хаос, порожденный точкой бифуркации, затянется, то становится возможным разрушение системы, вследствие чего компоненты системы раньше или позже включаются составными частями в другую систему и притягиваются уже ее аттракторами. Наконец, в третьем случае система притягивается каким-либо аттрактором открытости, то формируется структура – новый тип динамического состояния системы, при помощи которого она приспосабливается к изменившимся условиям окружающей среды.

Почти все экономические агенты удовлетворяют определению открытой системы. Это их качество породило нелинейность, которая проявляется в том, что реакции на возмущения не пропорциональны этим изменениям (отклик системы непропорционален силе воздействия на нее). В экономике наиболее часто возникают состояния, вблизи которых законы, управляющие дальнейшим развитием данной системы, резко, т.е. без промежуточных переходов, изменяются. Уловить этот переход детерминистическая экономическая теория оказалась не в состоянии. Однако именно он позволяет обнаружить то, что обычно теряется при традиционном экономическом анализе. Это, в первую очередь, относится к точкам бифуркаций. В них даже самые, казалось бы, безобидные воздействия могут привести к «эффекту бабочки». Следовательно, одной из задач современного экономического прогноза является умение определять, как далеко от точки бифуркации находится система.

¹ Von Hayek F. Individualism and Economic Order. – Chicago: Henry Regnery Company, 1948.

² Фон Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – М.: Наука, 1970.

³ Thom R. Structural Stability and Morphogenesis: an Outline of a General Theory of Models. – Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1989.

⁴ Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и её приложения. – М.: Мир, 1980.

Продemonстрируем на эволюционной модели конкурентного раздела рынка¹ как проходит «катастрофа» – переход системы из одного состояния в другое. При внешнем воздействии (например, появлении нового участника рынка) мы получаем три совершенно различных траектории движения одной и той же системы.

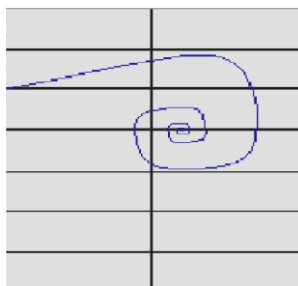

Рисунок 1.
Плавный переход системы

На рис. 1 наблюдается плавный переход системы из одного состояния в другое. Это вовсе не означает, что «катастрофы» не произошло. Просто параметры старого раздела рынка удовлетворяют необходимым и достаточным условиям состояния равновесия нового.

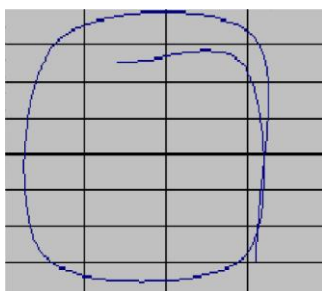

Рисунок 2.
Полное разрушение системы

На рис. 2 наблюдается полное разрушение системы, которая вышла из состояния равновесия, и перестала существовать. Здесь параметры нового участника настолько изменили достаточные условия устойчивости равновесия, что вся система пошла «вразнос», а все прежние «игроки» оказались вытеснены с рынка.

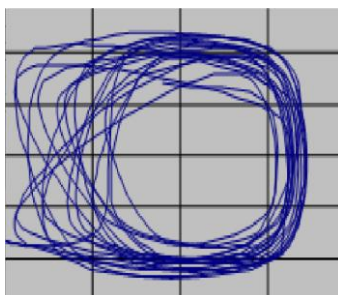

Рисунок 3.
Циклический процесс

Рис. 3 отражает ситуацию, когда необходимые условия состояния равновесия устойчивости системы выполняются, а достаточные нет. Таким образом, получается циклический процесс, который заставляет всех участников новой системы «бегать по кругу».

Анализируя результаты исследования модели можно сделать следующий вывод, который, в принципе, можно распространить на все экономические процессы.

1. Если во время катастрофы хотя бы один из элементов старой системы удовлетворяет условию достаточности равновесия новой, то происходит переход системы на новый уровень качества. При этом элементы системы, удовлетворяющие необходимым условиям равновесия новой системы, сохранятся и будут интегрированы в новую, а остальные погибнут.

2. Если во время катастрофы ни один из элементов системы не будет удовлетворять необходимым условиям равновесия новой, то она саморазрушится.

3. Наличие одного или нескольких элементов системы, удовлетворяющих необходимому условию существования равновесия новой системы, порождает многообразие неустойчивых траекторий.

¹ Carkovs O. (Tsarkov Oleg) The equilibrium of sell costs // Zarządzanie ryzykiem w przedsiębiorstwie. – Bydgoszcz, 2007. – P. 217–228; The equilibrium stability of the competition in quantities // Zarządzanie ryzykiem w przedsiębiorstwie. – Bydgoszcz, 2008. – P. 97–110.

Таким образом, применение математического аппарата теории катастроф к эволюционной модели, привело к выводам, которые противоречат устоявшимся стереотипам.

Поскольку катастрофу предотвратить невозможно, возникает резонный вопрос о том, как её преодолеть. Для начала следует определить время, когда она произойдёт. Для этого используются «флаги катастрофы», которые для экономической системы имеют свою специфику. Первым таким «флагом» является существование различных устойчивых состояний системы. Это может проявиться в наличии нескольких оптимальных экономических стратегий. Наряду с ним присутствует и второй «флаг» – наличие внутри системы маргинальных, например, стагнирующих секторов. Третий «флаг» появляется несколько позже и представляет собой «эффект масляного пятна» – гипертрофированное, спекулятивное развитие одного элемента системы в ущерб остальным. Четвертый «флаг» – «эффект тюбика зубной пасты»: вынужденная одновариантность поведения экономической системы. Гомеостаз хозяйства, приводящий к «бегу по кругу» – пятый «флаг» близящейся катастрофы. Его близнецом является так называемое «критическое замедление», которое характеризуется тем, что множество усилий не приводит к сколько-нибудь заметному эффекту. Такой флаг был вывешен в последние годы СССР, когда значительные средства, вложенные в сельское хозяйство, оказались абсолютно неэффективны.

Обнаружив один из «главных флагов катастрофы», регулятор должен не только менять параметры системы с целью предотвратить или отсрочить катастрофу, но и выявить другие «вызовы». Некоторые из них обязательно должны проявить себя в подходящих условиях. Важнейшим из них является усиление шумовых флуктуаций, которое проявляется в самый канун катастрофы. Оно выплёскивает настроение и поведение микроуровня, т.н. андеграунд общества (например, криминал 90-х). Он выходит на поверхность и быстро исчезает при переходе системы в новое качество. В социально-экономическом плане шумовые флуктуации представляют собой волнения на низовом уровне, которые сопровождаются информационным взрывом. Таким образом, появление этого флага является сигналом к действию регулятора.

В точке бифуркации происходит смена аттракторов (траекторий движения системы) перед регулятором встаёт выбор: «Как действовать дальше?» Для современной экономической науки «управление катастрофой» является неразрешимой задачей. Однако можно определить необходимые и достаточные условия устойчивости состояния равновесия возможных аттракторов. В силу нелинейности системы уравнений, описывающих необходимые условия устойчивости, эта задача часто неразрешима. Знание только необходимых условий устойчивости равновесия новой системы вовсе не гарантирует, что переход в конкретный аттрактор произойдёт плавно и без каких-либо эксцессов.

Экономическая стратегия, использующая положительную обратную связь, не может быть краткосрочной. Она представляется в виде итерационного процесса, на каждом этапе которого формируется потенциал для следующего шага развития. Существует много путей развития системы, но необходимо выйти на желаемую траекторию развития. Для оптимизации этого процесса можно использовать принцип Беллмана и аппарат процессов Маркова, позволяющий учесть многовариантность и стохастичность различных состояний экономической системы¹. В случае, если удастся создать подобную модель, снизятся материальные и временные затраты, а систему надо будет не строить или перестраивать, а выводить на новую траекторию развития. Главной задачей экономических регуляторов в масштабах государства станет отслеживание условий, при которых траектория движения системы будет сохранять равновесие. Самым простым способом такого воздействия является создание среды для социально-экономической самоорганизации (переход от регулирования отношений к созданию правовой среды, условий для самоорганизации в ней субъектов этой системы). Можно сформулировать шесть основных принципов, на которые должна опираться подобная стратегия:

1. Изменение состояния экономики происходит в силу ее внутренних механизмов. Внешние воздействия, хотя и являются причиной изменений, но всецело её не детерминируют.

2. Под управлением понимается перевод экономической системы из одного состояния в другое, которое задаётся её ограничениями и приоритетами регулятора. Это достигается таким воздействием на компоненты системы, которое заставляет её эволюционировать в нужном темпе и в желаемом направлении.

3. Управленческие решения, принимаемые в одной части системы, оказывают влияние на решения, принимаемые в других областях, и должны быть синхронизированы во времени и пространстве.

4. Отклик системы прямо пропорционален результатам управляющего воздействия только в тех случаях, когда система находится в режиме эволюции.

5. Система, находясь в точке бифуркации, подчиняется законам нелинейного характера. В таких системах появляется резонансное возбуждение, которое приводит к большему эффекту, чем более сильное, но не синхронизованное с системой.

6. Задача оптимального управления в точке бифуркации заключается в сохранении относительной стабильности системы и выборе новой альтернативы развития (аттрактора) путём коррекции характеристик элементов старой системы под условия необходимости и достаточности равновесия новой.

Для перехода в нужный аттрактор регулятору необходимо уметь управлять хаосом, возникающим в процессе бифуркации. Подобная задача поставлена в области естественных наук и кое-где успешно разрешена. Однако в социально-экономической области она имеет специфические особенности. Прежде всего, следует понимать природу хаоса. С философской точки зрения это тоже своеобразный порядок, точнее, хаос обладает сложной и непредсказуемой формой порядка, что сформулировал Гегель в своем законе «отрицания отрицания»². В морально-этическом плане хаос

¹ Ховард Р.А. Динамическое программирование и марковские процессы / Пер. с англ. В.В. Рыкова; под ред. Н.П. Бусленко. – М.: Сов. радио, 1964. – 189 с.

² Popper K. The Open Society and its Enemies. – London: Routledge, 1962. – Vol. 1. – P. 133.

ассоциируется с беспорядком, произволом и встречается в таких сочетаниях, как «хаос и безответственность», «хаос и непредсказуемость», «массовая безработица, политическая нестабильность, хаос», «хаос, террор, голод», «хаос, безнаказанность и тотальная коррупция», «полная неразбериха и хаос» и т.п. В наш исторический обиход вошли словосочетания – хаос гражданской войны и хаос 90-х годов. На фоне этого эмоционально-пропагандистского штампа с трудом воспринимается тезис о творческой, созидательной природе хаоса. Вместе с тем, конструктивная роль хаоса состоит в том, что он является генератором новых идей, социально-экономических и культурных инноваций. Он расширяет спектр возможностей, из которых обществу предстоит сделать свой выбор.

Согласно теории катастроф, развитие системы не является, как в общепринятом представлении, чередованием порядка и хаоса, а представляет собой их сочетание. Синтез этих двух состояний имеет два аспекта:

- «порядок» существует лишь за «счет» хаоса, гасящего воздействия внешней среды;
- благодаря своему «порядку» структура приобретает способность адекватно реагировать на хаотические воздействия среды и тем самым сохранять свою устойчивость.

Созидательная роль хаоса не ограничивается переходным периодом, когда он уничтожает элементы старой системы. Однако кроме творческого начала хаос имеет и защитные свойства: открытые системы становятся непредсказуемыми, если становятся «сверх-упорядоченными». Соотношение между порядком и хаосом в системе постоянно меняется. Иногда большую часть элементов системы больше устраивает порядок, но чаще для им полезна определённая степень беспорядка. Таким образом хаос является:

- фактором обновления сложной организации;
- механизмом выбора одной из траекторий движения системы из множества потенциально возможных;
- способом синхронизации темпов эволюции подсистем внутри сложной системы и тем самым способ сохранения ее в целом;
- фактором приспособления к изменению внешней среды;
- способом подготовки к различным вариантам будущего развития.

Хаос сам по себе не занимается самоорганизацией новой структуры. Его наличие вовсе не гарантирует выход на организацию более высокого уровня, а только предоставляет системе эту возможность. С определённой вероятностью она может быть реализована сама по себе, но более конструктивным подходом является выявление оптимальных условий, при которых эта вероятность увеличится.

По общепринятому мнению, сама природа хаоса исключает возможность управления им. В действительности же неустойчивость траекторий хаотических систем делает их более чувствительными к управлению, чем другие аттракторы, и демонстрируют лучшую управляемость и гибкость: система чутко реагирует на внешние воздействия и слегка меняет свою траекторию, сохранив импульс движения. Последовательный ряд малых возмущений, приложенных в конкретном месте в конкретное время, может сильно скорректировать этот процесс, не выводя систему из аттрактора. Именно на этом качестве хаоса основывается идея управления им: за счет одного или серии слабых возмущений изменить траекторию движения системы в заданном направлении, сохранив её целостность.

Задача управления хаосом состоит в том, чтобы пытаться сохранить стабильность системы с одновременным поиском новых альтернатив ее развития. Хаос в этой ситуации выступает инструментом если не перестройки, то подстройки открытой системы. За простотой концепции скрывается тонкий и сложный механизм управления, успех действия которого не гарантирован и не может быть сведен к набору правил и директив: нельзя управлять в условиях хаоса: возмущения не могут быть сильными (разрушить до основания); управление должно быть чувствительно к состоянию системы (все само собой образуется); важно установить, насколько ограничена должна быть свобода действий вблизи моментов неустойчивости (не все можно себе позволить) и, наконец, целостность системы не должна быть разрушена.

На примере эволюционной модели конкурентного раздела рынка мы показали, что одним из возможных методов решения задачи управления хаосом является определение необходимых условий равновесия системы. Их наличие позволяет определить те границы воздействий на траекторию движения, которые не позволят элементам старой системы самоуничтожиться. Таким образом, подход к управлению конкурентной экономикой с использованием аппарата теории катастроф состоит не в упорядочении хаоса, а определении предельных границ между порядком и беспорядком на каждом этапе развития системы. Этот постулат делает «теорию управляемого хаоса» привлекательным средством при разработке всякого рода социальных и политических технологий, многие из которых вульгаризируют это понятие. Истинная задача оптимального воздействия на неустойчивую экономическую систему состоит в том, чтобы выявить потенциальные угрозы, которые возникнут на траектории движения системы, если будут приняты ошибочные решения, и выделить элементы, которые в глобальной перспективе станут основами новой структуры. Поэтому вывод о том, что система должна быть неустойчивой с тем, чтобы в перспективе выйти на новый уровень развития, не выглядит столь парадоксальным.

*Юртаев В.И.*¹

К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ²

Ключевые слова: принципы евразийской интеграции, целостная идеология, полицивилизационность, Россия, Иран.

Keywords: principles of Eurasian integration, a holistic ideology, multicivilization, Russia, Iran.

Переход Российской Федерации к проведению активной восточной политики (с 2016 г.) поставил ряд важных исследовательских вопросов. Прежде всего, возможны ли общие принципы, приемлемые для всех стран Евразии, для осуществления евразийской интеграции? Этот вопрос тем более закономерен, что страны Евразии реализуют разные миссии. Страны Европы обустривают демократическое, светское общество, основанное на основных христианских принципах и понятиях демократии, свободы, равенства, процветания, отказа от национальных границ в рамках Европейского союза. Страны мира ислама, реализуя общую исламскую миссию в рамках Уммы (община одна), не отказываются от национальных границ. Позиция Ирана, провозглашенная основателем нынешней идеологии Исламской республики имамом Р. Хомейни известна по формуле «Ни Запад, ни Восток». Наконец, отметим историческую претензию России на самобытное мессианство и готовность Китая взять на себя историческую ответственность за судьбу развития мира.

Мы видим, как на территории Евразии складываются и развиваются объединения разной конфигурации. ЕС проводит политику вбирания в себя всех стран Европы с целью создания мощного экономического базиса, который позволит уверенно защищать европейские ценности. Менее успешным является СНГ, поскольку политика разделения оказалась невозможной в экономической сфере, потому что невозможно было сразу уничтожить созданную в СССР экономику целостности, обрушить ее кооперационные связи. Поэтому сейчас в ЕС политика собирает экономику, а в СНГ наиболее удачно реализуется экономическая интеграция.

Пример Шанхайской организации сотрудничества показывает, что на общей проблеме безопасности и интереса к противодействию международному терроризму начинает возникать более широкая интеграционная надстройка.

АСЕАН и АТЭС – для них ключевым является вопрос о лидерстве ряда держав в регионе, обеспечения политического и экономического лидерства на субрегиональном уровне в Евразии, чтобы иметь вес при определении глобальной повестки дня, подобно США, КНР, ЕС и др.

Наконец, отметим новый формат интеграции, когда три страны Евразии решили выстроить трансрегиональную/континентальную интеграцию в рамках международного объединения БРИКС.

Что касается евразийства, то оно может рассматриваться 1) как возможная целевая идеология, направленная на развитие ЕАЭС. В этом случае евразийство потенциально может стать основанием одной из версий стратегии построения многополярного мира; 2) как методологический подход в международных отношениях и в этом случае этот подход может быть положен в основание внешней политики государства в случае, когда речь идет о формировании кластера в международных отношениях, например, при реализации проекта полицентричного мира/многополярной глобализации.

Где же те самые **общие принципы**, которые могут быть положены в основу евразийской целостности и стать основанием интеграции?

Первое. Суверенитет, национальная безопасность, независимость, территориальная целостность. В Евразии все страны в международных отношениях стремятся сохранить приверженность к соблюдению таких принципов как суверенитет, национальная безопасность, независимость, территориальная целостность. Все эти позиции закреплены в действующем международном праве. Здесь важно увидеть, что это не является отличием стран Евразии от всего остального мира.

Второе. Консенсус. Опыт интеграции в Евразии и с участием стран Евразии (ШОС, БРИКС, АСЕАН, ЕАЭС) показывает важность принципа консенсуса в принятии решений. Но этот принцип действует и в ООН, в Совете Безопасности ООН, а также в специализированных международных организациях. Это тоже не является спецификой только Евразии. Важно отметить также, что хотя это и не специфический евразийский принцип, но принцип консенсуса хорошо применим именно в условиях полицивилизационности евразийского пространства.

¹ Юртаев Владимир Иванович – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: vuou@yandex.ru

² Доклад на I Евразийском аналитическом форуме. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Третье. Экономическая независимость. Неравномерность распределения ресурсов предполагает заинтересованность в евразийской интеграции, поскольку возвращает экономическую независимость странам, которые все заметнее затягиваются в пространство национальных интересов США.

Работают на интеграцию и факторы неравномерности распределения природных ресурсов и потребности в них (вода, минерально-сырьевые ресурсы, климат, рельеф, выход к морю), возрастание значимости которых можно признать одним из стратегических трендов развития на евразийском пространстве.

Проблемы интеграции

На пути к евразийской интеграции предстоит найти ответы на следующие ключевые вызовы современного этапа исторического развития мира:

1) актуализация континентальной (сухопутной) парадигмы геополитики и связанных с ней геополитических сценариев, что требует кардинального пересмотра реализуемых и выработки новых стратегий действий;

2) наличие геополитического плюрализма на постсоветском пространстве, что создает проблему совмещения интересов участников в рамках каждого в отдельности интеграционного процесса и в целом в масштабе Евразии;

3) возрастающая неоднородность экономик стран Евразии (разные темпы экономического роста и уровень экономического развития), что становится все более неотлагательной задачей в евразийской Повестке дня, в целом способствуя ориентации на интеграцию;

4) дифференциация регионов и стран по демографическому показателю, что во многом предопределяет готовность общества и населения к переменам.

В определенном смысле роль драйверов интеграции могут сыграть такие факторы как неравнозначный оборонный потенциал, разнотипность власти, неравномерность распределения населения и др.

Общая евразийская система безопасности

Еще один существенный момент. Предполагает ли экономическая интеграция Евразии как необходимое условие для своей реализации создание общей евразийской системы безопасности? Несмотря на всю турбулентность и конфликтный потенциал региона, на данном этапе ответ – «нет». Действительно, сам характер вооружений не препятствует экономической интеграции, как об этом свидетельствует опыт Европы. Когда лидеры европейских стран (Франции и др.) говорят о своих силах безопасности, они не теряют экономические связи с США и свою региональную идентичность. Как представляется, проблему развития военно-технического сотрудничества можно и должно решать в рамках двусторонних отношений. Но вопрос оборонной интеграции надо вывести из текущей Повестки дня евразийской интеграции. Характерной в этой связи выглядит позиция министра иностранных дел России С.В. Лаврова: «Нашим безусловным приоритетом остается содействие естественным процессам формирования Большого Евразийского партнерства – широкого интеграционного контура от Атлантики до Тихого океана ... Последовательное движение в этом общем созидательном направлении позволит не только обеспечить динамичное развитие национальных экономик стран-участниц, устранить барьеры на пути товаров, капиталов, рабочей силы и услуг, но и создаст прочный фундамент безопасности и стабильности на обширных пространствах от Лиссабона до Джакарты»¹.

Фактор идентичности

Насколько факторы геополитики и культурно-цивилизационной идентичности могут ограничить или стать основанием для более тесного сближения стран Евразии? Как соединить геополитическое и цивилизационное измерения Евразии в целостной идеологии и эффективной практике? Насколько фактор культурно-цивилизационной идентичности может ограничить или стать основанием для более тесного сближения стран Евразии? Как, например, соотносят себя с евразийством лидеры регионов Евразии – Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии, Ближнего Востока и Европы?

Рассмотрим в качестве примера позицию Ирана, который провозглашает себя не Западом и не Востоком. Как отмечали иранские исследователи, *«евразийство» позволяет в качестве концепции:*

- «представить Россию как региональную сверхдержаву и глобальную силу в международных отношениях;
- определить и выразить национальные интересы и цели России как глобальной силы и обосновать ее продвижение к этим целям;
- обосновать создающую и активную роль России в мировом пространстве, усиливая ее воздействие на глобальном уровне и во взаимодействии с ведущими державами мира;
- углубить и расширить влияние России, обеспечивая улучшение ее геополитического положения в регионе и место в архитектуре мирового порядка;
- создать контур и среду для сотрудничества и взаимного притяжения в отношениях России с региональными и внерегиональными игроками из Европы и Азии, что усилит Россию как актора в международных делах»².

¹ Лавров Сергей. Формирование Большого Евразийского партнерства остается приоритетом России. 20.09.2019. – <https://ria.ru/20190920/1558871965.html>

² Россия и Иран в свете теории евразийства. 14.11.2018. – parstoday.com/ru/news/Russia-i95712

Однако, признавая евразийство как возможную идеологию для участия России в евразийской интеграции, свой путь Тегеран выстраивает на иных основаниях и принципах. Анализ современных действий Ирана на мировой арене показывает, что Тегеран проводит многовекторную, многослойную внешнюю политику, важнейшими характеристиками которой являются целостность и комплексность. На евразийском уровне Тегеран пытается создать тройственный союз Китай – Иран – Россия. На региональном уровне в Иране в качестве желательного рассматривают движение в сторону формирования «Большой Центральной Азии», включающей в себя также Пакистан, Афганистан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан и Кыргызстан. Основанием такой интеграции должна стать якобы сохраняющаяся принадлежность региона к ирано-исламскому цивилизационному ареалу, что говорит о ставке на использование фактора геокультурной ориентированности в Большой Центральной Азии.

Иран предпринимает усилия к созданию геополитического союза с Индией и Пакистаном с целью контроля над Афганистаном путем активных трехсторонних переговоров или «треугольной дипломатии». В Центральной Азии идут переговорные процессы Ирана, прежде всего, с Таджикистаном, Арменией, Россией.

Временное объединение усилий Ирана, России и Турции в сирийском конфликте можно рассматривать и как возможный пример создания межцивилизационного зонтика в регионе Западной Азии.

Сохраняет свою актуальность и геополитический треугольник Дамаск – Багдад – Тегеран.

Как явствует из приведенных примеров, в своей внешней политике Тегеран использует весь методологический арсенал – геополитику, геоэкономику, геостратегию, геокультуру, цивилизационную дипломатию и др. Очевидно, что возможная включенность Ирана в процесс евразийского движения потребует серьезной интеллектуальной работы по совмещению подходов и выработке общей идеологии интеграции как интегрированной целостности, то есть при сохранении идентичности стран-участниц.

В заключение следует отметить, что в Евразии есть и другие страны-лидеры, которые в ходе интеграции будут заинтересованы в усилении своих позиций, а не в уравнении их. Это, кроме Ирана, есть у Китая, у Японии, у России, у Франции и др., что делает данную группу стран более мотивированными в евразийской интеграции на самом раннем этапе.

Можно предположить, что странам Евразии предстоит стать пионерами создания и освоения новой архитектуры мирового хозяйства и международных отношений. Россия находится на перекрестке критических линий, образующих с древности матрицу Великого шелкового пути, на пространстве которого в XXI в. должна пройти сборка глобальной ячейки мирового хозяйства – Евразии.

Яковенко А.В.¹

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ОТ ОБЩЕГУМАНИТАРНОГО К ОБЩЕГУМАНИСТИЧЕСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ

Ключевые слова: интеграция, общегуманистическое пространство, научно-образовательные учреждения, ценности, миропорядок, будущее.

Keywords: integration, general humanistic space, scientific and educational institutions, values, world order, future.

Многие из предложений, направленных на формирование каких-то общих платформ, способных воспроизводить более гуманные социальные отношения в условиях всеобщей жесточайшей конкуренции на ограниченных территориальных и ресурсных плацдармах нашей планеты, представляются едва ли не праздными, чрезмерно наивными и, соответственно, не заслуживающими должного внимания. Тем более в серьезной и обоснованно прагматичной аналитической среде. Мало того, весь исторический опыт добавляет аргументов в пользу отказа от целесообразности планировать, а тем паче пытаться осуществлять значимые действия по созданию предпосылок к более гуманному миропорядку, поскольку, как правило, итогом оказываются очередные драматические войны со всей их страшной атрибутикой последствий. Но правда заключается и в другом. По какой-то до конца неведомой причинности человечество обречено искать, прорабатывать, обсуждать и пробовать создавать идейные основы, организации и институты, отстаивающие исключительную важность человекообразного, как сегодня принято говорить, подхода к эволюции.

Нынешнее социальное пространство также перенасыщено самыми прекрасными призывами о спасении человечества посредством улучшения отношений между народами, обоснованно базируясь на понимании фатальности существования общепланетарной цивилизации в случае дальнейшей эскалации процесса агрессии. Многие из разумных и важных положений о первостепенной значимости создания новых, более очеловеченных, действительно гуманных принципов взаимодействия между государствами содержатся в программных документах, направленных на укрепление связей, в том числе и на Евразийском континенте. Авторы монографии «Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение», опираясь на выкладки и предупреждения двадцатилетней давности академика Н.Н. Моисеева о пребывании человечества на пороге вселенской катастрофы, справедливо замечают, что речь идет о необходимости формирования «нового типа цивилизационного развития – саморегулируемой природно-социально-культурной коэволюции, которая требует не только новой социально-экономической и социально-политической организации общества, но и иной культуры мышления и деятельности человека, основанной на принципах социального и индивидуального творчества, креативности и организации»².

Понятно, что мы бесконечно опаздываем даже не в отношении темпов экономической кооперации, а прежде всего в подкреплении «мирной экономики» инструментами и инфраструктурой «мирной гуманитарной сферы», не говоря уже о её акцентированно гуманистической наполненности. Сегодня напрочь отсутствуют какие-либо действенные международные институты, способные выполнять задачи именно по «новой социально-экономической и социально-политической организации общества» и тем более по формированию творческой культуры мышления и деятельности человека.

В данной связи сопоставление и даже некоторое противопоставление терминов «гуманитарное» и «гуманистическое» пространство не является формой оригинальничания или производной от стремления заниматься привычными категориальными спорами, как правило, уводящими от сути реальных проблем. Именно обостренность общемировой ситуации, колоссальный дефицит гуманистической содержательности в формально гуманитарной сфере, продолжающей по-прежнему обслуживать во многом далеко не гуманные, а вполне утилитарные потребности, вынуждает в очередной раз заострять внимание именно на содержательном понятийном различии.

Поэтому под общегуманитарным пространством подразумевается сложившаяся традиционная система образовательных, научно-исследовательских и иных учреждений, функционирующих в рамках выполнения устоявшихся задач по обеспечению интересов отдельных корпораций и государственных образований. Тогда как общегуманитарное пространство предполагает исключительную и неспекулятивную ориентированность данных структур на цели по гармонизации всего комплекса взаимоотношений, включая корпоративные, межгосударственные и межличностные составляющие, а в идеале их направленность на формирование новой неагрессивной, малоконфликтной и внеэкономической модели цивилизационного развития. Ведущие аналитики давно говорят об этой конструктивной альтернативе нынешней повсеместной практике противостояния «всех против всех». В частности, пункты об эволюционном

¹ Яковенко Андрей Вячеславович – д.соц.н., профессор, профессор кафедры социологии, Луганский национальный университет им. В. Даля. E-mail: bdaov@gambler.ru

² Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: Библио-Глобус, 2018. – С. 57–58.

статусе на основе нестоимостных параметров и внеэкономическом обществе были представлены А.И. Агеевым в презентации его доклада «Евразия и силовая трансформация мирового экономического порядка» на Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (12–13 ноября 2018 г.).

Независимо от того, считать данные задачи абсолютно несбыточными или нет – любое уклонение хотя бы от проработки таких подходов означает заведомое согласие с саморазрушением и истерично-смирено (именно «истерично», а не «исторично» – здесь не опечатка) ожидать очередного финала человеческой эволюции. Поэтому важно пытаться хотя бы проговаривать ряд предложений, направленных на отказ от шаблонов и каркасов, воспроизводящих преимущественно конфликты, столкновения и локальные, вялотекущие (пока еще) войны.

В настоящее же время очевидно, что осознание важности формирования гуманистического пространства никоим образом не продвигает и не выдвигает практических механизмов, направленных на его созидание. Мало того, сторонников такого подхода вполне резонно записывают в число людей абсолютно оторванных от жизненных реалий со всеми их (данных реалий) откровенными и скрытыми скабрёзностями или в худшем случае используют всё в тех же прагматичных и антигуманных стратегиях. Возможно, автор ошибается, и скрупулезная незаметная деятельность в данном направлении проводится. В таком случае её необходимо постепенно выводить на более открытый, публичный уровень, формируя вполне официальные структуры. Таким образом может быть продемонстрирована качественно новая планка смыслов объединения. Однако скорее всего подобного рода инициативы ограничены и по-настоящему деятельностно не оформлены. Во всяком случае, исходя из заявлений одного из спикеров на Первом Евразийском аналитическом форуме, в последнее время прекратилось финансирование даже межгосударственных социологических исследований, позволявших мониторить общественное мнение граждан различных стран по вопросам евразийской интеграции, включая целый ряд актуальных проблем общегуманитарного плана.

Как представляется, большинство программ на сегодняшний день зациклены на воспроизводстве собственных, национальных управленческих когорт, которые, как обычно заявляется, должны становиться более креативными и отвечающими потребностям перспективы. Куда меньше предложений, направленных на обучение и формирование неких гуманистически ориентированных полигосударственных команд, способных рассматривать ту же евразийскую интеграцию как общую задачу, цель и смысловую доминанту. И здесь, как обычно, важно предполагать минимум два направления надгосударственного взаимодействия: научно-исследовательское и образовательное. Причем последнее с возможной перспективой становления и оформления по всей образовательной вертикали. Можно считать одновременно, и утопическими, и насущными оргпроекты по созданию объединенных межгосударственных и даже экстерриториальных научных и образовательных центров, нацеленных на генерирование идей и практик сотрудничества, неподверженных идеологической эксплуатации исторических фактов, имеющих иммунитет от радикальных политических и религиозных напластований, готовых действительно подготавливать исследовательские и управленческие кадры, реально демонстрирующие личную порядочность и нестяжательство. В идеале значимо промышлять образование подобного рода организационных форм с представительством в каждом из них всех участников интеграционных процессов и пропорциональным участием специалистов, преподавателей и студентов, если речь идет об учебных заведениях.

Задачи по честной гуманизации социальных отношений как на евразийском континенте, так и в глобальном масштабе, как неоднократно фиксировалось, обуславливаются кроме всего прочего раскрывающимися возможностями по высвобождению колоссального ресурса для свободы деятельности, неотягощенной тяжелым трудом, и вытекающей из формирующихся новых реалий целесообразностью выработки принципов конструктивного времяпрепровождения, конфигурированием по сути беспрецедентных условий для фактической неотчужденной жизни, к которой абсолютное большинство людей не приспособлены. Прежние сценарии стерилизации таких поползновений отчаянных оптимистов, как часто отмечалось, разрешались разрушительными войнами и глобальными природными катаклизмами. Поэтому попытаться стать первенцами в прикладных инициативах по созданию хотя бы предпосылок к преодолению вселенской некрофилии, возможно, вполне благопристойная задача в рамках евразийской интеграции.

Возрастающая прозрачность связей, отношений, финансовых операций и логики принятия политэкономических решений также диктует необходимость в новаторской управленческой генерации. Только не сегодняшних псевдопиратчиков, инстаграмщиков и иных деятелей, прикрывающих очередные быстро вычленимые хитрости по личному обогащению выгодной демонстрацией себя в социальных сетях. А именно зрелых управленцев, действующих честно и открыто, по совести, а не по законам модной селфи-политики. Именно такие личности должны быть способны не только принимать участие в выработке консенсусных формул, принципов и законодательного базиса этической платформы взаимодействия людей в мире сверхтехнологий по всем направлениям (этика приватности, этика профилактики и лечения с задействованием революционных достижений в биотехнологии, этика взаимодействия с прообразами Искусственного Интеллекта и сложными роботизированными устройствами, этика развития сверхсознания и т.п.), но и выступать реальными, а не симулятивными, поддельными субъектами управления. Необходимо нацеливаться на формирование кадров, способных, видимо впервые в истории, доказать возможность отсутствия разрыва между частными и общественными интересами, между должностями, статусами и опять-таки абсолютной личной порядочностью. Тем самым хотя бы приблизиться к стандартам, которые все нравственные политические и религиозные системы постулировали веками, но не могли обеспечить, говоря бюрократически, достаточный по количеству и качеству кадровый потенциал, сбиваясь на накопительские интересы, властные монополии и неумное проявление нездоровых амбиций у значительной части своих приверженцев. Ведь и ныне лишь единицы мировых лидеров демонстрируют последовательность, предсказуемость и выдержку при артикуляции своих позиций и принимают ответственные решения, в том числе по осуществлению конструктивной интеграции.

При этом политико-административные круги передовых государств уже всерьез задумываются о подборе наиболее способных индивидов с помощью ИИ. Так, в недавно принятой в РФ «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период 2030 года» обозначено, что «использование искусственного интеллекта в социальной сфере способствует созданию условий для улучшения жизни населения, в том числе за счет... повышения качества услуг в сфере образования (включая... системный анализ показателей эффективности обучения для оптимизации профессиональной ориентации и раннего выявления детей с выдающимися способностями (выделено авт.)...)» (статья 22, пункт «б»)¹.

Независимо от отношения к возможности и целесообразности обеспечения такой диагностики на базе ИИ по-прежнему открытым остается вопрос: на что были, есть и будут ориентированы те, кому доверено принимать судьбоносные решения, и станет ли выступать в качестве главного (а лучше единственного) критерия любой индивидуальной диагностики его (индивида) абсолютная гуманистическая направленность. Ныне достаточно часто говорят об НБИКС технологиях (нано-, био- инфо-, когни-, социо-). Практика свидетельствует, что самым сложным, если вообще разрешимым пунктом в этой аббревиатуре, являются именно социально-гуманитарные – в нашем понимании исключительно гуманистические – технологии.

Возможно, это покажется фантастическим, но нужно действительно начать концептуальную проработку общего неконфликтного гуманистического фундамента взаимодействия, который стал бы примером, привлекательной моделью в рамках евразийской интеграции.

Выводы: Если мы говорим о позитивном базисе будущего, то нам не обойтись без фактической гуманитарной платформы. Равно как не избежать обсуждения темы важности формирования интеграционного общегуманистического пространства, способного придти на смену традиционным составляющим общегуманитарного характера.

В этом направлении важна работа не только, а уже и не столько в рамках конференций, симпозиумов, круглых столов и т.п. Насущной потребностью становится подбор научно-исследовательских коллективов, учебных заведений, лишенных зашоренности, открытых и способных на взаимодействие по самым различным направлениям гуманитарного знания и образовательных процедур, когда не ущемляется ни историческая память, ни культурно-религиозные традиции, ни личностное достоинство.

Работа совместных научных сообществ, объединенных университетов (и не преимущественно в цифровом, виртуальном пространстве), в целом созидание все более активной и разумно целостной коммуникативно-деятельностной среды, зрелой общекультурной почвы неконъюнктурного гуманистического характера – все это необходимости не сегоднешнего, а позавчерашнего дня. Хорошо осознаваемые, но так и не реализуемые.

Понятно, что вряд ли у данных инициатив есть даже минимальный шанс на реализацию, принимая во внимание весь комплекс неблагоприятных факторов историко-культурного и политэкономического характера, завязанного на консерватизм геополитики, а также материальные доминанты человеческой природы. Но и не искать выходы из кажущейся неизбежной катастрофы также представляется очевидно безрассудным.

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период 2030 года. – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=11&rangeSize=1>

Ярыгина И.З.¹

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТ БРИКС – ЕАЭС²

Ключевые слова: национальные валюты, международное экономическое и финансовое сотрудничество, страна-партнёр.

Keywords: national currencies, international economic and financial cooperation, partnership.

В настоящее время идет процесс развития экономического сотрудничества и расширения использования национальных валют ЕАЭС и стран-членов БРИКС в обеспечении экономических связей, что вызвано следующими причинами: выход валют за пределы страны, что является результатом развития экономических связей стран-партнёров; важными сферами обращения национальных валют за пределами стран их носителей являются торговля, финансовые услуги, туризм; отдельные национальные валюты стран-партнёров способны выполнять функций денег за рубежом и обеспечивать реализацию международного сотрудничества; использование национальных валют стран-партнёров влияет на развитие торговли и приграничных районов третьих и соседних стран: Монголии, Вьетнама, Киргизстана и др.

Расширение использования национальных валют в международных экономических отношениях с стран-участниц мирохозяйственных связей во многом связано с развитием международной торговли, которая играет важную роль в обеспечении взаимодействия сторон. Сферами взаимодействий являются энергетика, нефтепродукты, деревообработка, сельское хозяйство, машины и оборудование, производство строительных материалов. Хорошие перспективы сотрудничества сохраняются в развитии инфраструктуры, транспорта. С нашей точки зрения нет препятствий для расширения использования национальных валют стран-партнёров в обеспечении их экономических связей. Необходима политическая воля, направленная на создание благоприятных условий устойчивому экономическому сотрудничеству сторон в целях повышения благосостояния населения. В этой связи значительный интерес представляет развитие приграничной торговли стран-партнёров, что связано с созданием городов-спутников, расширением деятельности торгово-экономических комплексов и международных центров приграничного сотрудничества, имеющего инновационный характер. Важную роль в расширении использования национальных валют играет создание совместных предприятий, развитие частно-государственного партнёрства.

В целях обеспечения эффективного сотрудничества стран в валютной сфере, особенно в приграничных районах, представляется целесообразным использовать режим финансирования международной приграничной торговли на базе согласованной либерализации национальных валют. В свою очередь, важно сохранить контроль за движением средств в наличной и безналичной форме с помощью банков-посредников, что создаст условия для обеспечения безопасности операций в национальных валютах. Например, в международных отношениях будут конкурировать различные валюты, представляющие интерес для субъектов хозяйствования.

В этой связи задача государственных институтов стран-партнёров – обеспечить режим наибольшего благоприятствования национальным валютам стран-партнёров и создания «режима благоприятствования» для их выбора субъектами хозяйствования в качестве валют контрактов. Предоставление государственными регуляторами хозяйствующим субъектам льготного финансирования по проектам, представляющим взаимный интерес, минимизация стоимости продуктов и услуг по приоритетным областям экономических связей создаст условия для расширения использования национальных валют в обеспечении экономического сотрудничества. Государственная поддержка деятельности торговых и промышленных центров, направленной на расширение торговых связей, способна открыть широкие перспективы, в том числе в рамках реализации инвестиционных проектов, совместного производства, деятельности малых и средних предпринимателей. В настоящее время обменные операции: рубль/национальные валюты стран-партнёров, например, имеют тенденцию к увеличению на базе развития обменных операций и организации системы безналичных расчётов с использованием инфраструктуры Банка России, Народного банка Китая, Внешторгбанка, Московской биржи. Основой взаимодействия сторон является достигнутая в 2007 г. договоренность между центральными банками ряда стран об использовании национальных валют в сфере услуг.

В настоящее время идёт процесс развития сотрудничества в финансовой сфере, в котором активное участие принимает Московская биржа. Для эффективной реализации договорённостей важно использовать рычаги согласованных льгот и преференций, так как основной стимул предпринимателей-пользователей валют «выгодный бизнес». Оценка проблем развития сотрудничества стран-партнёров в валютной сфере показала, что основными причинами, сдерживающими расширение использования национальных валют в обеспечении экономических связей, являются:

¹ Ярыгина Ирина Зотовна – д.э.н., профессор, Департамент мировой экономики и мировых финансов Финансового университета. E-mail: jiz4@yandex.ru

² Доклад на I Евразийском аналитическом форуме.

жёсткое валютное регулирование; редкое использование аккредитивов и гарантий – ключевых инструментов торгового финансирования; значительные транзакционные издержки; асимметричные меры валютного регулирования, отягощающие реализацию взаимных интересов сторон.

В целях расширения использования национальных валют в международных отношениях стран-партнёров представляется важным учитывать следующие факторы: национальные валюты международных контрактов должны выполнять основные функции денег за границей – являться мерой стоимости, средством платежа, обращения и средством накопления; выполнение используемыми в международных экономических отношениях валютами основных функций является результатом заинтересованности экономических субъектов; международный оборот национальных валют связан с накоплением субъектами хозяйствования резервов в приоритетных валютах и их включением в официальные валютные резервы стран-партнёров.

В этой связи в рамках ЕАЭС – БРИКС важно оптимизировать разработку основных принципов согласованных действий, направленных на расширение использования национальных валют стран-партнёров в обеспечении их финансовых отношений. Значительный практический интерес имеет также гармонизация взаимодействия межнациональных систем безналичных расчётов на базе использования соответствующих процессинговых сетей.

Интернационализация национальных валют стран-партнёров, безусловно, окажет существенное воздействие на мировую валютную систему. Повышение степени интернационализации валют благоприятно для экспортеров, которые получают возможность расширить операции в национальных валютах и минимизировать финансовые риски. Практика показала, что важная роль в продвижении интернационализации валют отводится участию страны-эмитента в международной торговле, а именно доли страны в мировом экспорте продукции с высоким уровнем добавленной стоимости (промышленной продукции). В свою очередь, увеличение экспорта российских промышленных товаров может способствовать использованию рубля в выборе валюты цены и валюты платежа по сделке. Таким образом, экспорт/импорт востребованных товаров создает условия расширения использования национальных валют при помощи внешней торговли. В настоящее время, например, приграничные торгово-экономические связи стран-партнёров укрепляются и включают торговлю товарами, услугами, толлинг, продажу научно-технических разработок, развитие инфраструктуры. Кроме того, повышение степени интернационализации валют способно усилить политическое и экономическое влияния стран.

Появление новых региональных валют мировой валютной системы может стать дополнительным инструментом снижения рисков транзакций, формирования резервов и перераспределения сфер влияния. Представляется целесообразным также отметить рост интереса к взаимовыгодному сотрудничеству стран-партнёров и, следовательно, в перспективе расширения использования их национальных валют в международных отношениях. В стадии активного обсуждения находятся проекты создания в приграничных районах стран-партнёров районов торгово-экономического сотрудничества. Заметное продвижение может быть достигнуто в случае определения режимов пограничного и таможенного контроля, а также решения технических вопросов, связанных с решением логистических проблем, сопровождения туристических услуг, посещений приграничных районов и торговых комплексов, а также созданием условий расширения использования национальных валют ЕАЭС-БРИКС в обеспечении сотрудничества с третьими странами. Важно отметить, что продвижение стран к конвертируемости валют является важным шагом формирования многополярного мира. Практика показала, что основная проблема «сближения» стран не экономическая, а политическая. В этой связи важно учесть, что компонентом формирования единого экономического пространства стран являются специальные межгосударственные программы страхования сделок при поддержке государственных банков, агентств экспортного страхования и гарантирования. Специализированные государственные и частные агентства стран-партнёров готовы к заинтересованному участию. Оценка интересов субъектов хозяйствования показала, что в настоящее время торговля сельскохозяйственной продукцией, предметами потребления, сырьём являются важным направлением международного сотрудничества ЕАЭС-БРИКС.

Отдельная межгосударственная программа развития торговли, поддержка производителей сельскохозяйственной продукции на базе использования механизма частно-государственного партнёрства может способствовать развитию многостороннего международного сотрудничества. При поддержке правительств стран-партнёров указанных программ банки способны предоставить льготное кредитование оборотных средств, пред/пост экспортное финансирование сделок и пр. Согласованные режимы использования национальных валют в обеспечении потребностей субъектов хозяйствования – вектор развития международного сотрудничества.

Одной из форм участия государства в поддержке экономических субъектов может быть, например, льготное финансирование экспортной/импортной сельскохозяйственной или иной продукции в национальных валютах и передача ее на реализацию частным структурам. Как показала практика, наиболее востребованным в условиях дефицита финансовых ресурсов является среднесрочное кредитование клиентов под залог приобретаемых товаров и оборудования, форфейтинг, факторинг, краткосрочное коммерческое кредитование, поддержку которому способно оказать государство-экспортёр/импортёр продукции. Содействие формированию совместных лизинговых компаний при участии или поддержке правительств стран-партнёров будет также способствовать развитию технологического обеспечения сотрудничества. Востребовано в настоящее время многостороннее проектное финансирование без регресса или с ограниченным регрессом на заёмщика, при котором место и роль государственных институтов, специализированных агентств, банков трудно переоценить.

Международный опыт располагает положительными примерами льготного финансирования комплектующих для производства продукции частными структурами в рамках специальных программ международного сотрудничества. Гибкая межгосударственная и межбанковская поддержка наименее защищённых участников хозяйственных связей (малый и средний бизнес, микрофинансовые институты), разумное межгосударственное регулирование рыночных

отношений, содействие реализации специальных программ с участием международных банков создает условия формирования устойчивого и эффективного механизма сотрудничества на базе использования национальных валют. Важным направлением международного сотрудничества является также льготное (при поддержке государства) кредитование инновационных и наукоёмких проектов и социально-экономических программ: защита окружающей среды, развитие инфраструктуры, транспорта, медицинское обслуживание и пр. Существенную роль в формировании единого экономического пространства РФ и стран-партнёров играет государственная поддержка программ модернизации производства, машиностроения, энергетики и пр. в рамках совместного использования межгосударственных синдицированных кредитных линий в национальных валютах. По нашему мнению, основой крепкого международного сотрудничества России в рамках ЕАЭС-БРИКС являются национальные экономические интересы. Правительство страны в настоящее время располагает реальной возможностью повышения жизненного уровня населения на базе совместной поддержки экономических субъектов, хозяйствующих в современных условиях мирохозяйственных связей. В свою очередь, перед правительством, финансово-банковским сообществом стоит важная задача гибкого сотрудничества и всестороннего использования мирового опыта.

Важно учесть, что в современных условиях стабильность экономики и банковской системы может быть легко нарушена, о чем свидетельствует опыт Болгарии, Румынии, Албании. Дальнейший прогресс в значительной мере зависит от поступательной реализации государством институциональной политики. Опыт указанных стран показал, что основной задачей ведомств, ответственных за реализацию денежной политики должно быть сдерживание инфляционного давления, связанного, в том числе с просроченными отчислениями в бюджет. Ключевым приоритетом в таких условиях является поддержка платёжеспособных и прозрачных банковских систем, являющихся основой международного сотрудничества. Важную роль в развитии международных экономических связей призваны играть межгосударственные банки развития, способные эффективно исполнять функции финансовых посредников и способствовать решению задач устойчивого развития, расширения использования национальных валют в обеспечении международного сотрудничества в рамках ЕАЭС-БРИКС, что укрепляет тенденцию формирования многополярного мира.

*Ярыгина И.З.*¹

ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ В РАМКАХ БРИКС

Ключевые слова: торговля, международное сотрудничество, БРИКС, транспортно-логистические коридоры, новые технологии.

Keywords: trade, international cooperation, BRICS, transport and logistics corridors, new technologies.

Торговое сотрудничество БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР) является одним из приоритетных направлений Стратегии экономического партнерства стран-членов. В перечне ключевых целей указанной Стратегии называется содействие развитию связей между рынками стран-членов, расширение возможностей доступа на рынки и диверсификация торгового и инвестиционного сотрудничества. Активное торговое сотрудничество, наряду с другими направлениями, призвано укрепить сбалансированный и инклюзивный экономический рост, а также повысить уровень международной конкурентоспособности экономик стран БРИКС, на долю которых приходится 17,3% мировой торговли товарами, 12,7% мировой торговли услугами, и которые формируют в совокупности 21% мирового валового внутреннего продукта (ВВП), по паритету покупательной способности национальных валют – порядка 30% мирового ВВП.

Целенаправленное стремление к расширению и упрочению связей в сфере торговли, инвестиционного взаимодействия приобретает все более четкие ориентиры и находит отражение во всех основных документах БРИКС. Так, актуальная проблема многостороннего торгового взаимодействия в формате БРИКС представлена в Декларации от 16 октября 2016 года, принятой по итогам VIII саммита БРИКС в Индии, Гоа. Лидеры стран выразили уверенность в необходимости дальнейшего стимулирования роста региональной интеграции с обязательным соблюдением принципов открытости и равенства в целях обеспечения развития инвестиционных, торговых и коммерческих связей. В Декларации Гоа подчеркивается особая значимость государственных и частных инфраструктурных инвестиций, укрепления многосторонней и недискриминационной торговой системы, последовательного осуществления ключевых экономических инициатив, в числе которых – развитие межстрановой электронной торговли и поддержка малого и среднего бизнеса. Также отмечается значимость укрепления взаимодействия таможенных ведомств БРИКС. На базе согласования позиций стран о развитии торгового сотрудничества принято Положение о Комитете по таможенному сотрудничеству БРИКС.

В Сямэньской декларации БРИКС от 4 сентября 2017 года внимание стран сфокусировано на формировании Рабочей группы государств БРИКС в сфере электронной торговли, создании Сети электронных портов БРИКС, поэтапной реализации рамочных программ сотрудничества, дорожных карт и основных принципов содействия торговле и инвестициям. Важно отметить, что странами-партнерами взят курс на активизацию сотрудничества в сфере государственно-частного партнерства (ГЧП). Подчеркивается необходимость развития потенциала межбанковского сотрудничества БРИКС, совместного решения вопросов кредитования в национальной валюте и сотрудничества в сфере обмена данными кредитных рейтингов.

Важность активного использования Платформы сельскохозяйственных исследований БРИКС, развития промышленных прибрежных зон, повышения предсказуемости и безопасности внешнеторговых отношений подчеркивается в Йоханнесбургской декларации Десятого саммита БРИКС, принятой 26 июля 2018 года. Ввиду необходимости обеспечения и поддержания промышленного развития, признано целесообразным решение инфраструктурных проблем, в том числе преодоление недостаточного финансирования инфраструктурного развития, что непосредственно связано с расширением торгово-экономического сотрудничества. В указанной декларации акцент сделан на перспективе блокчейн-технологий распределенного реестра и их роли в адаптации к стремительно развивающейся Интернет-экономике.

Вопросы, связанные с целями и задачами, стимулами и препятствиями в сфере торгово-экономического сотрудничества стран БРИКС обсуждаются и на встречах министров, а также старших должностных лиц, рабочих групп и экспертов. Например, по итогам восьмой встречи министров экономики и внешней торговли стран БРИКС в Магалисбурге (ЮАР) 5 июля 2018 года, обозначены приоритетные направления многостороннего сотрудничества: изучение перспектив торговли товарами с добавленной стоимостью в рамках БРИКС, электронная торговля, разработка единого подхода стран к развитию торговли услугами. Продвижение использования национальных валют в обеспечении торгового сотрудничества стран отражено в материалах встречи министров финансов и управляющих центральными банками БРИКС.

Современные статистические данные международных организаций, материалы публикаций БРИКС подтверждают наличие значимых достижений в торгово-экономическом сотрудничестве. По сведениям, представленным Де-

¹ Ярыгина Ирина Зотовна – д.э.н., профессор, Департамент мировой экономики и мировых финансов Финансового университета; профессор МГИМО. E-mail: jiz4@yandex.ru

ловым советом БРИКС, за период 2001–2018 гг. произошло увеличение доли торговли в рамках БРИКС (внутригрупповой) в общем объеме внешнеторгового оборота стран-членов БРИКС с 6,2% до 10%. В 1990–2016 гг. – увеличение доли стран БРИКС в мировом объеме производства с 5,4 до 22,2% (тем не менее, рост доли стран БРИКС без учета КНР был менее значительным – с 3,7 до 7,4%) [UNCTAD, 2018].

Анализ состояния внешнеторгового сотрудничества стран в формате БРИКС за период с 2014 года по 2018 год на базе использования данных Международного центра торговли (International Trade Center) показал доминирующее положение Китая в торговых отношениях БРИКС, доля в импорте которого варьирует от 15% до 22%, а в экспорте – от 5 до 27%. Отметим, что Китай выступает преимущественно в качестве экспортера БРИКС, а доля экспорта из стран-партнеров по БРИКС в Китай значительно меньше. Темпы прироста за 2014–2018 гг. для Китая по экспорту также существенно выше темпов прироста по импорту за аналогичный период, за исключением двусторонней торговой связи «ЮАР – Китай». Главным торговым партнером КНР по импорту является Бразилия (доля импорта Китая из Бразилии – 4%), второе место занимает Российская Федерация с долей в общем импорте Китая, равной 3%. Наибольшая доля среди стран-партнеров Китая по экспорту в 2018 году принадлежит Индии и составляет 3%, на втором месте – Россия (доля в экспорте равна 2%).

Основным торговым партнером Бразилии по экспорту и импорту в рамках БРИКС также является Индия. Значения доли Бразилии как в экспорте, так и в импорте БРИКС составляют преимущественно 1–2%, за исключением доли в импорте Китая – 4% и доли в экспорте ЮАР – 0%, что фактически означает отсутствие экспортных поставок из Южно-Африканской Республики в Бразилию. В качестве важнейшего торгового партнера России в БРИКС выступает Китай, на втором месте – Республика Индия. Из Российской Федерации экспорт осуществляется в основном в Китай – 2%, на Бразилию и Индию приходится по 1%, на ЮАР – 0%. Доли всех государств-партнеров Индии в БРИКС по экспорту и импорту, кроме Китая, одинаковы – 1%. Наибольшие доли зафиксированы для Индии в экспорте ЮАР – 5% и Китая – 3%. Наименее активным участником торговых отношений БРИКС является ЮАР – доли этого государства как партнера в двусторонних торговых связях незначительны и составляют 0–1% по импорту и по экспорту. Тем не менее, государство стремится к оптимизации торговых отношений с Китаем и Индией.

Отметим также, что данные международных агентств свидетельствуют о наличии важных тенденций и особенностей в торговых отношениях БРИКС. На современном этапе развития торгово-экономического сотрудничества стран очевиден дисбаланс торговых связей на двустороннем уровне, проявляющийся в связи с доминированием Китая в экспорте и импорте БРИКС, а также в общем внутригрупповом товарообороте. Таким образом, структура торгового сотрудничества БРИКС является «звездообразной», поскольку центральное место занимает КНР [Арапова, Чкония, 2016]. В то же время, следует выделить тенденцию ускоренного роста двусторонней торговли между партнерами, обладающими меньшей долей во взаимном товарообороте, что характерно для таких пар стран, как Индия-Россия по импорту и Россия-Индия по экспорту.

В целях исследования представляется важным проведение анализа товарной структуры взаимной торговли БРИКС. Такой подход позволяет оценить стремление стран-партнеров к реализации собственного отраслевого потенциала. Примечательно, что в международной статистике фиксируются обычно 30–50 товарных позиций, однако в целях анализа рекомендуется выбирать наиболее значимые категории – порядка пяти емких наименований из всего обширного перечня [Ревенко, 2018].

По данным International Trade Center за 2018 год, Бразилия экспортирует в Россию разные пищевые продукты – доля в экспорте составляет 8%, белковые вещества/модифицированные крахмалы/клеи/ферменты – 3%, табак и промышленные заменители табака – 4%. Основными статьями импорта из России для Бразилии являются: удобрения – 22% или 1,895,897 тыс. долл., никель и изделия из него – 19%, алюминий и изделия из него – 16%. В экспорте из Бразилии в Индию преобладают следующие группы товаров: жиры и масла животного и растительного происхождения и продукты их расщепления – 38%, овощи и некоторые съедобные корнеплоды/клубнеплоды – 33%. В структуре импорта Бразилии из Индии наибольшую долю занимают нити и изделия из текстильных материалов – 22%. Бразилия поставляет в Китай массу из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов, мясо и пищевые мясные субпродукты, семена и плоды прочих масличных культур, а импортирует из КНР электрические машины и оборудование, реакторы ядерные/котлы/оборудование и механические устройства. Из ЮАР Бразилия импортирует жемчуг природный или культивированный/драгоценные или полудрагоценные камни/драгоценные металлы – 23%, экспортирует в ЮАР – цинк и изделия из него – 20%.

Основными статьями экспорта из России являются: в Индию – инструменты и аппараты (оптические, измерительные, медицинские и т.п.), электрические машины и оборудование, в Китай – минеральное топливо, древесина и изделия из нее/древесный уголь, рыба и ракообразные/моллюски. Импортирует Российская Федерация пластмассы и изделия из них, игрушки, механические устройства, предметы одежды – из Китая, кофе/чай/пряности, лекарственные препараты – из Индии. В структуре импорта Индии из Китая доминируют следующие товарные группы: электрические машины и оборудование (прирост за 2014–2018 гг. – 12%), органические химические соединения, изделия из железа или стали. Южно-Африканская Республика в 2018 году из Китая импортировала преимущественно машины и оборудование, химические соединения, обувь, предметы одежды, однако в 2014–2018 гг. для большинства товарных групп характерен сравнительно невысокий (2–4%) и отрицательный средний темп прироста. Наибольший рост отмечен для минерального топлива – 40%, алюминия и изделий из него – 12%, химических соединений – 10%. В номенклатуре экспорта из ЮАР в КНР лидирующие позиции занимают руды, железо и сталь, медь, лес и лесоматериалы.

Таким образом, для взаимной торговли БРИКС на современном этапе характерны относительно небольшие объемы в стоимостном и натуральном выражении. Тем не менее, есть тенденция к росту, в том числе и по отдельным экспортным и импортным позициям. Каждая из стран-участниц торговых отношений в БРИКС демонстрирует стрем-

ление к реализации отраслевого потенциала, которым она располагает. В целом более 30 товарных позиций в двусторонней торговле между странами являются статистически значимыми. В этой связи товарная структура взаимной торговли в рамках БРИКС является относительно диверсифицированной.

Проведенный анализ показал, что в настоящее время центральное место в торговых связях в формате БРИКС занимает КНР, доли остальных стран несопоставимо малы, в особенности – по экспорту. Наиболее диверсифицированная структура также характерна для китайского экспорта, в то же время, в товарообороте в рамках БРИКС, по-прежнему, преобладает сырьевой и низко технологичный экспорт, а доля товаров с высокой добавленной стоимостью невелика, что связано со спецификой отраслевого потенциала стран-участниц, их стремлением обеспечить в первую очередь продовольственную безопасность, реализовать возможности богатого природно-ресурсного потенциала. Тем не менее, уже к 2025 году страны БРИКС в качестве целей выделяют развитие «экономики знаний», интенсивное развитие инфраструктуры, обеспечение роста за счет новых высокотехнологичных секторов. Кроме того, страны-участницы БРИКС удалены в значительной степени друг от друга, что затрудняет процесс транспортировки товаров, увеличивает транспортные расходы и различного рода риски. С учетом изменения внешней конъюнктуры, колебаний валютных курсов данная проблема дополнительно усложняется. Происходят изменения в цепочках добавленной стоимости, в соотношениях цен, что отражается на величине товарооборота, сокращение объемов которого во многом связано с недостаточным уровнем развития инфраструктуры, главным образом, транспортно-логистической, препятствующей расширению и углублению торгово-экономического сотрудничества стран. В официальных документах БРИКС отмечается недостаточное финансирование такого направления, как развитие инфраструктуры.

Нерешенные проблемы в сфере многостороннего торгового сотрудничества БРИКС требуют поиска решения, прежде всего, в сфере таможенного взаимодействия, промышленного развития, инвестиционного сотрудничества и пр. Несмотря на доминирование в БРИКС экономических связей двусторонней направленности, многие из перечисленных проблем целесообразно решать совместно, в совокупности трех, четырех стран и БРИКС в целом с учетом степени сложности проблемы и ее значимости для стран-партнеров.

Принимая во внимание основные положения Декларации Бразилиа по итогам XI саммита государств-участников БРИКС, представляется целесообразным подчеркнуть особую роль банков развития в обеспечении многосторонних и многогранных экономических связей стран-партнеров.

В целях устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста межгосударственные банки развития с участием БРИКС способны обеспечить субъектов хозяйствования стран-членов благоприятными условиями финансирования проектов и программ развития, участия в глобальных цепочках добавленной стоимости посредством скоординированного использования налогового-бюджетных, кредитно-денежных и структурных инструментов экономической политики.

В свою очередь, анализ концепции устойчивого развития показал тесную взаимосвязь и взаимозависимость трех ее сторон: социальной, экономической и экологической. Таким образом, участие банков в обеспечении устойчивого развития предполагает решение трех вопросов (см. рис. 1): обеспечение высоких темпов экономического роста для улучшения качества жизни населения БРИКС при минимизации антропогенного воздействия на окружающую среду.

Рисунок 1.
Трилемма устойчивого развития¹

¹ Под трилеммой в данном контексте понимается общность всех трех компонентов, поскольку достижение стабильности системы невозможно без учета каждого из элементов.

Реализация государственной политики БРИКС в части решения указанных задач во многом осуществляется через финансовые институты развития. Заполняя нишу, образовавшуюся между государственным и частным секторами, банки развития, например, финансируют наименее рентабельные, сложные и долгосрочные проекты, но при этом обладающие высокой степенью социально-экономической значимости, поскольку их реализация формирует условия для перехода стран на качественно новый уровень развития. Таким образом, от эффективности функционирования банков развития зависит насколько будет успешным движение к достижению целей устойчивого развития.

При этом следует учитывать, что в настоящее время идет процесс формирования международных (региональных) банков развития и укрепляются их финансово-экономические отношения с национальными финансовыми институтами развития, совместные усилия которых способствуют формированию открытых рынков, справедливых условий ведения бизнеса и торговли, гармонизации финансово-экономических отношений, эффективной конкуренции, осуществлению структурных реформ, продвижению инвестиций и инноваций. Формирование основных принципов и приоритетов работы институтов развития с участием стран-членов, условий осуществления финансовых и банковских операций, организации рынка национальных валют БРИКС способствуют достижению целей устойчивого развития.

В целях совершенствования финансово-экономических отношений БРИКС представляется целесообразным расширить финансирование национальными банками развития во взаимодействии с межгосударственными кредитными институтами с участием БРИКС проектов и программ внешнеторговой парадигмы многосторонних отношений с учетом необходимости поддержки внутренней производственно-кооперационной и инвестиционной модели взаимного сотрудничества с целью усиления международной кооперации производства каждой из стран БРИКС.

Важной задачей банков развития с участием БРИКС остается совершенствование финансовых рынков стран-членов, их постепенная гармонизация и интеграции в глобальный финансовый рынок, что связано с необходимостью отмены ряда валютных ограничений в целях развития и углубления финансовых отношений стран-партнеров.

Деятельность банков развития стран-членов во многом связана с реализацией посреднических функций на рынках БРИКС, с использованием национальных валют в обеспечении экономических потребностей субъектов хозяйствования, что способствует интернационализации национальных валют стран-партнеров. Привлечение ресурсов Пула валютных резервов БРИКС и их регламентированное использование банками развития БРИКС может способствовать развитию воспроизводственных процессов, усилению внешнеторговых потоков, стимулированию инвестиций и ускорению экономического роста.

В настоящее время Пул является страховкой на случай потери ликвидности страны, например, дефицита ее бюджета. В целях устойчивого развития, расширения торгово-экономического сотрудничества стран представляется целесообразным реформировать механизм использования средств пула не только в условиях острого недостатка ликвидности стран-членов БРИКС, но и колебаний на валютных рынках, внедрив схему кредитования стран за счет средств пула в национальных валютах.

В свою очередь, расширение сферы использования валют стран-членов БРИКС во взаимной, в том числе трансграничной торговле, а также во внешнеэкономических расчетах в рамках региональных интеграционных объединений будет способствовать их распространению в мировой валютно-финансовой системе как дополнительных активов в структуре международных резервов. В этой связи целесообразно координировать действия сторон, направленные на: повышение объема многосторонних инвестиций в целях модернизации основных фондов, финансирование прикладных исследований, обеспечивающих переход на новые технологии; совершенствование денежно-кредитных политик центральных банков, направленных на стимулирование кредитования реального сектора экономики.

Практика доказала, что банки развития являются ключевыми участниками платежно-расчетных систем. Формирование общей для стран БРИКС платёжно-расчетной системы способно оптимизировать движение денежных ресурсов на валютных рынках стран-членов, снизить рыночные риски и, возможно, станет фактором, укрепляющим курс национальных валют. Активное участие банков развития с участием БРИКС на финансовых рынках способствует размещению ценных бумаг на биржах друг друга и приобретению еврооблигационных займов. Успешной реализации представленных направлений, безусловно, способствует активная совместная деятельность стран-партнеров, направленная на укрепление рынка капитала и устранение глобальных асимметрий дисбаланса внешней задолженности. В этой связи, для интенсификации, например, взаимных инвестиций и торговли между странами БРИКС требуется разработка, принятие и последовательная реализация совместного плана действий, способствующего стимулированию активности взаимных экономических отношений и снижению рисков экономических субъектов в отношении условий ведения бизнеса и защиты интересов стран-членов. В рамках такого плана действий целесообразно использовать следующие механизмы: сформировать приоритетные сферы взаимодействия сторон (торговля, финансы, инвестиции); координировать действия, направленные на расширение проектов в областях, представляющих интерес для стран-членов, расширять многостороннее сотрудничество в рамках решения задач всестороннего содействия банков развития БРИКС воспроизводственным процессам, усилению внешнеторговых потоков, стимулированию инвестиций, созданию новых рабочих мест. Целесообразно также рассмотреть возможность взаимодействия банков развития с участием БРИКС в третьих странах в рамках реализации проектов в сфере развития торговли и инвестиций, в том числе в проекты нанотехнологий и других инноваций, что является инструментом налаживания прочных долгосрочных деловых контактов в рамках БРИКС. Представляется, что развитие высоких технологий может привести к формированию высокотехнологичных кластеров – вертикально интегрированных структур, элементами которых выступают представители бизнеса и науки стран-членов БРИКС. Обоснованность формирования финансово-экономических кластеров на базе БРИКС, ведущими направлениями которых является развитие совместной инвестиционной и валютно-финансовой деятельности, фундаментальных наук, высокоточных отраслей, биохимии, фармацевтики и пр. не вызывает сомнений. Важно отметить, что кластеризация финансово-экономического сотрудничества БРИКС способствует

повышению конкурентоспособности стран, их экономической безопасности и обороноспособности, а также усиливает позиции стран на мировом рынке капиталов и услуг. В целях достижения устойчивого, всеобъемлющего и динамичного роста национальных экономик представляется целесообразным использовать возможности международной экономической кооперации, включая углубление торговых и экономических отношений в рамках БРИКС и с другими странами-партнерами БРИКС. Нарастание торговых и инвестиционных связей БРИКС создаст синергию роста и позволит укрепить позиции стран в мировой экономике. Решению этих задач способствуют совместные финансовые институты, включая Новый банк развития БРИКС (НБР). Важно отметить активизацию деятельности НБР в рамках финансирования инфраструктурных проектов в странах-членах. Получение инвестиционного рейтинга НБР создает благоприятные условия привлечения дополнительных ресурсов с мировых рынков капиталов в целях формирования специальных фондов и программ развития БРИКС. Взаимодействие НБР с банками развития стран-партнеров также способно оптимизировать использование финансовых ресурсов и инструментов финансирования в целях дальнейшего скоординированного использования налогово-бюджетных, кредитно-денежных и структурных инструментов экономической политики в целях обеспечения быстрого, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста.

Представляется важным в качестве одного из наиболее перспективных путей решения проблемы географической удаленности стран выделить развитие электронной торговли. Целесообразность такого направления взаимодействия подчеркивалось неоднократно в материалах БРИКС. На современном этапе наибольшее распространение в рамках БРИКС получила бизнес-модель «правительство – бизнесу» (G2B). В целях обеспечения полноценного взаимодействия БРИКС и реализации интересов основных участников торгово-экономического сотрудничества важную роль может играть также внедрение других бизнес-моделей: B2B, B2C, C2C. Потенциал для сотрудничества в сфере электронной коммерции имеется. Так, например, с помощью платформы трансграничной электронной торговли в России «Global Rus Trade» осуществляется поддержка экспорта строительных материалов, промышленного оборудования в страны БРИКС [Гусарова, 2017]. По данным BRICS E-commerce Cooperation Initiative (China, 2017), в Китае развиваются услуги сервиса облачных вычислений данных, электронных платежей, а также поисковой системы. Важнейшую роль в росте электронной коммерции играет Alibaba Group, в частности, в использовании моделей B2B и B2C. Содействием развитию крупного, малого и среднего бизнеса оказывает онлайн-площадка в Индии – «IndiaMart». Кроме того, совместно с ICICI Bank разрабатывается программа защиты от рисков неплатежей и неполучения товаров. В будущем важнейшими результатами развития электронной торговли способно стать снижение транзакционных издержек и затрат на организацию торгового взаимодействия, развитие прямого (без посредников) торгового сотрудничества участников хозяйственных связей БРИКС.

В целях развития инфраструктуры целесообразно применять механизмы инвестиционного кредитования, проектного финансирования с учетом существенной капиталоемкости, долгосрочности проектов, а также сложного согласования различных многосторонних аспектов межстранового взаимодействия. То есть, наряду с потребностью в больших объемах средств, возникает необходимость высококвалифицированного юридического, бухгалтерского, аудиторского и иного сопровождения крупных проектов. В данном контексте целесообразно также подчеркнуть организующую роль банков, особенно банков развития БРИКС. От эффективности деятельности таких институтов в интересах БРИКС зависит реализация стратегических проектов, к которым относится, прежде всего, развитие торгового сотрудничества стран-партнеров.

Важное значение для торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества стран БРИКС имеет государственно-частное партнерство (ГЧП) как фактор минимизации участия партнеров проектов [Ярыгина, 2013]. Формат ГЧП способствует многостороннему взаимодействию партнеров, в ходе которого проблемы и поиск решений обсуждаются открыто всеми участниками, формируются совместные задачи на базе благоприятных условий взаимодействия заинтересованных сторон, которые формируют правительства стран – партнеров. Оптимизация такого формата реализации проектов и программ развития в целях расширения многосторонних проектов, в том числе в сфере торговли – одного из ключевых направлений экономического сотрудничества – способствует эффективному решению задач экономического роста БРИКС.

Развитие международных финансовых отношений БРИКС связано с укреплением позиций международных финансовых центров стран – партнеров, что зависит от «политической воли», направленной на формирование ключевых факторов успеха: обеспечение привлекательности инвестиционной политики и высокое качество, доступность и удобство финансовой инфраструктуры БРИКС.

В свою очередь, расширение мирохозяйственных связей БРИКС способствует использованию национальных валют в обеспечении финансово-экономического сотрудничества. В этой связи, в целях совершенствования конкурентных преимуществ БРИКС необходима согласованная стратегия развития финансово-экономических отношений и план мероприятий на краткосрочную и более отдаленную перспективу, направленный на формирование экономического партнерства БРИКС, предусматривающий использование преференций, приоритетов и инструментов финансового обеспечения экономических интересов субъектов хозяйствования БРИКС, продвижение инвестиций и инноваций с учетом интересов стран-членов.

В результате реализации такой стратегии торговые площадки БРИКС получат ряд преимуществ, в том числе:

- улучшение условий привлечения нужного финансирования национальными компаниями, а инвесторы – расширение перечня доступных для инвестирования инструментов. В целях привлечения прямых и портфельных иностранных инвестиций региональным компаниям не потребуется проходить ныне действующие сложные процедуры, что будет способствовать сокращению издержек, (комиссии, выплачиваемые компаниями и банками);
- противодействие внешним шокам благодаря углублению и повышению эффективности финансово-экономического партнерства стран-членов;

• расширение возможностей государств и монетарных властей по гармонизации финансово-экономических отношений, в том числе для стимулирования экономического роста, снижения системных рисков и обеспечения прозрачности деятельности рыночных агентов из стран-участниц БРИКС;

• улучшение возможностей для экспансии национального бизнеса на рынки других стран (снижение издержек, связанных с приобретением активов в других странах, расширение возможностей совместного финансирования подобных сделок);

• превращение стран-партнеров из плательщиков ренты за услуги финансового посредничества в получателя такой ренты (финансовая маржа и комиссионные доходы за посредничество, сеньораж от дополнительной эмиссии национальных валют и пр.);

• формирование современных механизмов трансформации сбережений населения, компаний и государств-членов в эффективные и долгосрочные отечественные капиталовложения, в том числе в развитие пространственной инфраструктуры.

В целях содействия развитию финансово-экономического партнерства России в БРИКС представляется целесообразным:

на уровне законодательной власти:

• совершенствование правовой базы, регулирующей взаимодействие сторон;

• упорядочение процедуры регистрации экономических субъектов из стран-партнеров на территории страны операций;

• предоставление льгот и преференций для создания комфортного налогового и, в целом, инвестиционного климата для субъектов хозяйствования БРИКС;

• совершенствование трудового законодательства стран-партнеров.

На уровне исполнительной власти:

• учреждение специализированных национальных агентств (ведомств), ответственных за формирование институциональных основ стратегического партнерства БРИКС в сфере экономики и финансов;

• совершенствование пространственной инфраструктуры;

• упорядочение принципа мониторинга и взаимодействия финансовых рынков, банковских систем и национальных финансовых институтов стран-членов;

• повышение уровня открытости и прозрачности финансово-экономической, банковской деятельности.

Первоочередными направлениями реализации многосторонней стратегии финансово-экономического партнерства являются:

• создание эффективной финансово-экономической инфраструктуры БРИКС, в том числе формирование совместных коммуникационных сетей;

• совершенствование систем рассмотрения хозяйственных споров;

• поддержка конкурентной среды, прежде всего в сферах банковского и финансового бизнеса;

• диверсификация и повышение качества финансовых услуг и деятельности субъектов хозяйствования БРИКС;

• стимулирование развития конкурентного рынка квалифицированной рабочей силы, соответствующей международным стандартам;

• осуществление ясной долгосрочной экономической стратегии в интересах стран-членов;

• не коррумпированное и эффективное администрирование бизнеса;

• развитие многосторонних финансовых институтов БРИКС, способных конкурировать с ведущими мировыми банками;

• организация работы товарно-сырьевого и денежного рынка.

Список литературы и источников

1. Арапова Е.Я., Чкония А.Е. Торговый потенциал БРИКС: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2016. – № 7. – С. 152–164.
2. Банк России (2017) Встреча министров финансов и управляющих центральными банками стран БРИКС. – https://www.cbr.ru/today/ms/inf_2017-03-20/
3. БРИКС (2016) Декларация лидеров. – <http://www.kremlin.ru/supplement/5139>
4. БРИКС (2017) Декларация лидеров. – http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/09/2017-09-05_BRICS_Declaration.pdf
5. БРИКС (2018) Декларация лидеров. – <http://www.kremlin.ru/supplement/5323>
6. БРИКС (2019) Декларация лидеров. – <http://www.kremlin.ru/supplement/5458>
7. Гусарова С.А. Развитие электронной торговли в странах БРИКС // Экономические науки. – М., 2017. – № 11 (156). – С. 34–42.
8. Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС) (2018) Министры экономики и внешней торговли БРИКС определили вектор дальнейшего развития объединения. – <http://nkibrics.ru/posts/show/5b4f5a986272690531750000>
9. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Взаимная торговля стран БРИКС: потенциал и направления развития // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2018. – № 10. – С. 70–81.
10. ЮНИДО (2015) Дорожная карта торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества БРИКС на период до 2020 года. – http://www.unido.ru/upload/files/d/dorohznaja_karta_briks.pdf
11. Ярыгина И.З. Государственно-частное партнерство стран-членов БРИКС как фактор уменьшения рисков для мировой экономики // Экономика. Налоги. Право. – М., 2013. – № 4. – С. 56–59.
12. International Trade Center (2018) Trade Map. – <http://www.trademap.org>

*Буквич Р.М.,
Райнович Л.Д.¹*

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЕМ И ИНТЕРЕС АКЦИОНЕРОВ: КОНЦЕПЦИЯ МАКСИМИЗАЦИИ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Ключевые слова: компания, акционер, интерес, максимизация рыночной стоимости акций.

Keywords: company, shareholder, interest, maximization of market value of shares.

Компания (акционерное общество) не является идиллическим юридическим лицом, действующим в интересах лишь собственника (собственников). Для ее деятельности характерны противоречия и различия интересов как внутри компании, так и по отношению к внешнему миру. Кроме различных интересов существуют и различные риски: для акционеров, кредиторов, работников, менеджмента, компании в целом, а также общества и государства. Некоторые исследователи вполне оправданно добавляют к этому и интересы потребителей, хотя они и не имеют контрактной согласованности с компанией.

В экономической науке сформировалось несколько подходов к рассмотрению фирмы. Согласно стандартному (неоклассическому) фирма рассматривается как экономический субъект на рынке, который преобразует ресурсы (факторы производства) в экономические блага (товары и услуги), продающиеся на рынке. Такой технологический (функциональный) подход анализирует поведение фирмы на основе предположения о том, что для каждой комбинации факторов можно определить функцию (производственная функция), которая выражает самый большой объем продукции при определенном уровне технического развития, и показывает зависимость результатов от количества и качества затраченных факторов. Поведение фирмы обосновывается выбором объема и структуры ресурсов и производственной продукции, а целью является установление таких цен и объема продукции, которые приносят максимальную прибыль. Фирма – «чёрный ящик»: в него входят труд и капитал (факторы производства), из него выходят готовые продукты.

Существенные изменения в трактовке фирмы были инициированы известной работой Коуза², которая обозначила возникновение альтернативного, институционального подхода к фирме. В противоположность неоклассическому, новый подход сделал возможным рассматривать фирму как целостную организацию, а не просто как технологическую систему. Он выдвинул субъектную структуру фирмы и описал систему интересов лиц, участвующих в принятии решений фирмы, закладывая основу для признания сложной системы отношений как внутри, так и вне фирмы, которая влияет на её поведение, организационную структуру и систему мотивации и вознаграждения.

В (нео)институциональном подходе фирма – совокупность контрактных отношений внутреннего и внешнего уровней. Рынок является внешним контрактом о производстве какого-то продукта, а фирма внутренним контрактом. Фирма может покупать продукт на основе заключенного соглашения с другими агентами или может сама произвести товар, используя внутренние отношения с работниками. Для этого выбора в подходе Коуза решающим является отношение транзакционных и административных (управленческих) издержек. И другие теории (бихевиористская, эволюционная) подчёркивают сложность фирмы, т.е. существование разных групп интересов внутри неё. Одна из развитых моделей, «агентская модель» («принципал – агент»), обосновывает эту сложность различием объективных позиций, которые в рамках фирмы занимают менеджеры и собственники. Для нашей работы особое значение имеет именно агентская теория, ведущая свое происхождение от А. Смита³, А. Берле и Дж. Минца⁴ и наиболее полно представленная в работе М. Дженсена и У. Меклинга⁵.

¹ Буквич Райко Миланович – д.э.н., почётный профессор Нижегородского государственного университета, профессор университета Мегатренд, Белград. E-mail: r.bukvic@mail.ru.

Райнович Лильяна Душановна – д.ю.н., научный сотрудник Института экономики сельского хозяйства, Белград. E-mail: rajnoviclj@gmail.com

² Coase R. H. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. – Vol. 4, N 16. – P. 386–405.

³ Свою работу *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* А. Смит опубликовал в 1776 г. Его идеи, релевантные для нашей статьи, представляются нами по изданию: Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.

⁴ Berle A.A. jr., Means G.C. *The Modern Corporation and Property Right*. – New York: Harcourt, Brace & World, 1932.

⁵ Jensen M.C., Meckling W.H. *Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure* // *Journal of Financial Economics*. 1976. – Vol. 3, N 4. – P. 305–360.

Интересы участников и агентская проблема

Несмотря на различия в степени в которой носители интересов участвуют в корпоративном управлении, что зависит от национальных законов и практики, также от добровольного адаптирования, рыночных законов и хорошей деловой практики, по всеобщему согласию компании не могут хорошо вести своё дело, игнорируя интересы участников. И в теории и в практике считается, что хорошее корпоративное управление надо обосновывать прежде всего на уважении интересов собственников капитала и на их влиянии на ведение дел, т.е. на менеджеров. С учётом различия и даже противоположности интересов собственников и менеджеров, самым важным является решение агентской проблемы. Существуют различные способы ее решения. Согласно американским концепциям, единственный интерес, который надо защищать, – интерес собственников компании. В отличие от этого немецкий Закон об акционерных обществах 1937 г. ввёл понятие интерес государства в акционерных обществах на основе концепта «особого интереса компании как юридического лица». Законом введена модель управления в виде ревизионного комитета, защищающего особый интерес компании, отличный от интересов других участников. Основным нормативный акт соответствующего законодательства во Франции был Закон о торговых обществах 1965 г. Положение о особом интересе компании сегодня широко распространено в европейской теории и практике¹.

Упомянутая проблема отношения собственника-акционера и менеджмента предприятия очень часто приводится как типичный пример агентской проблемы, чем она воистину и является. Она является одной из крупнейших проблем корпоративного мира, и ей, в принципе, уделяется наибольшее внимание. Существуют три аспекта этой проблемы: 1) противоположность интересов собственников (акционеров) и менеджмента предприятия, 2) противоположность интересов крупных и малых акционеров, и 3) противоположность интересов компании, т.е. её собственников и остальных возможных конститутивных интересов и рисков.

Когда речь идёт об агентской проблеме, как правило, имеется в виду её первый аспект. Это естественно, поскольку он был первым замечен и поскольку в экономическом плане он наиболее значим. Одним из первых, кто заметил и подчеркнул проблему, происходящую из выделения собственности и управления, был А. Смит, видевший в этом большую проблему для развития крупных компаний, т.е. для всего экономического развития. Весомый вклад в основы новой теории внёс М. Фридман, назвавший социальную ответственность компаний социалистической доктриной. Он утверждал, что менеджер является агентом которого нанимают индивиды, собственники корпорации, и что, следовательно, его первичная ответственность заключается в том, чтобы вел бизнес согласно пожеланиям акционеров².

В 1973 г. Росс и Митник в работах, опубликованных почти одновременно³, провозгласили, что разработана новая теория. При этом Росс ответственен за возникновение экономической, а Митник – институциональной теории.

Идеи новой теории далее развили Дженсен и Меклинг в упомянутой статье, в которой представлены и основные предпосылки новой теории:

- Акционеры являются собственниками компании, они являются «принципалами», имеющими бесспорное право управлять делами компании;

- Менеджеры имеют права, делегированные им акционерами, они – «агенты» акционеров;

- Как агенты акционеров менеджеры должны управлять делами компании согласно пожеланиям акционеров;

- Акционеры требуют ведения дел компании в целях максимизации их экономических выгод-доходов.

Дженсен и Меклинг не обсуждали этических стандартов, которыми менеджеры должны руководствоваться при управлении компанией, они просто приняли точку зрения Фридмана, согласно которой менеджеры не должны обращаться к области социальной ответственности. Агентская теория с тех пор концентрировалась на проблемах достижения цели, определённой в качестве главной, – максимизации доходов акционеров, обеспечиваемой ведением дел компании со стороны менеджеров.

Агентская теория очень быстро нашла применение в различных дисциплинах: бухгалтерия, экономика, финансы, политические науки, маркетинг, организационное поведение, социология, но очень долго считалась противоречивой. Её экономический аспект долго был доминирующим в рамках общественных наук. Одну из первых попыток обратиться к данной теории с неэкономического (социологического) точки зрения предприняла С. Шапиро в 2005 г.⁴

От успешного решения агентской проблемы (в её первом аспекте) зависит то, решатся ли собственники капитала вложить его в компанию или нет, а от этого решения зависит в конечном счете экономическое развитие вообще. Возникает поэтому вопрос – как можно (и можно ли вообще) решить эту проблему, т.е. можно ли менеджеров, и если да, то как принудить, чтобы они работали в пользу собственника. На основе факта, что в развитых рыночных экономиках огромные объёмы капиталов всё-таки вливаются в корпоративный сектор, можно заключить, что агентская проблема в основном решается удовлетворительно, и инвесторы верят, что существует высокая вероятность того, что менеджеры работают в пользу компании и тем самым и в пользу собственников капитала.

¹ Принципы корпоративного управления ОЭСР дают рекомендации и направления в отношении регулирования важнейших прав и обязательств акционеров, роли других заинтересованных в корпоративном управлении, транспарентности и ответственности комитета компании. См.: OECD Principles of Corporate Governance. – Paris, 1999.

² Friedman M. A Friedman Doctrine // The New York Times. 1970. – September, 13th.

³ Ross S.A. The Economic Theory of Agency: The Principal's Problem // The American Economic Review. 1973. – Vol. 63, N 2. – P. 134–139; Mitnick B. M. Fiduciary rationality and public policy: The theory of agency and some consequences / Annual Meeting of the American Political Science Association. // Proceedings of the APSA. – New Orleans (LA), 1973.

⁴ Schapiro S.P. Agency Theory // Annual Review of Sociology. 2005. – Vol. 31. – P. 263–284.

Интерес собственника представляется очевидным – максимизация прибыли (именно максимизация, а не просто какая-либо прибыль). Но, что является интересом менеджера? Как решается проблема, как совмещаются эти различные интересы? Авторы книги *Продвижение корпоративного управления*¹ приводят два очевидных, но как они сами подчёркивают, неадекватных решений: 1) постоянное и всеохватывающее наблюдение принципала над агентом, и 2) тонкий, всеохватывающий контракт между принципалом и агентом.

Почему эти решения не удовлетворяют? Что касается всеохватываемости контракта, ясно – всеохватывающий контракт, которым предусматривалось бы всё, принципиально невозможен – и поэтому всегда существует определённая область, лежащая вне контракта, которая предполагает определённую свободу агента. Это возвращает нас к исходному вопросу – почему менеджер должен работать в пользу собственника, а не в собственную пользу? При первом решении проблема более сложна – чем контроль более масштабный, тем он больше стоит, так что нужно как всегда соизмерять выгоды и издержки. С другой стороны, менеджер всегда располагает большим объемом релевантной информации. Эта асимметричность в информированности не позволяет собственнику в полном объеме контролировать менеджера, т.к. тот знает больше. Он является профессионалом и он гораздо ближе к ведению дел компании, чем собственник. Собственник именно поэтому и нанимает менеджера – тот знает больше.

Когда речь идёт об агентской проблеме, т.е. об отношении собственника и менеджера, появляются и некоторые другие вопросы. Например, хорошо ли если менеджер работает на максимизацию стоимости предприятия, т.е. на максимизацию прибыли? Менеджеры с экономической точки зрения должны следовать принципу (цели) максимизации прибыли. Почему? В случае партнёрства такая проблема не возникает. Если частник не максимизирует прибыль, он будет проигрывать в конкуренции со своими соперниками, другими предприятиями. Так ли это и в случае корпорации? С появлением так называемой менеджерской революции часто возникали теории, утверждавшие, что предприятие больше не стремится к максимизации прибыли, преследуя какие-то другие цели. Тем не менее, в конце концов, всегда оказывалось, что процесс так называемого экономического естественного отбора принуждает менеджеров вернуться именно к максимизации прибыли и отказаться от других целей.

Целевой функцией менеджера должна быть максимизация прибыли, т.е. стоимости компании. Экономическая эффективность максимизируется, когда компания работает самым эффективным способом, а это бывает в том случае, когда целевой функцией является максимизация прибыли компании, т.е. когда менеджер работает в пользу собственника. Если менеджер максимизирует какую-то другую функцию, например, собственные выгоды или самый быстрый рост совокупного дохода компании или занятость в компании или что-то другое, результатом будет невысокая экономическая эффективность.

Успешное управление проявляется в осуществлении целевой функции компании – максимизации прибыли, т.е. стоимости компании. С другой стороны, рынок капитала (биржа) – это дисциплинирующее средство для менеджеров, поскольку рыночная цена акций формируется на основе всей доступной информации о компании и непременно отражает успешность ведения дел компании.

Надо ли предприятиями управлять в интересах акционеров?

Всё сказанное не означает абсолютизацию интереса акционеров. В самом деле, надо ли предприятиями управлять в интересах акционеров? Вопрос можно задать и иначе, например: какие группы интересов должны играть важную (или самую важную) роль в корпоративном управлении? Являются ли такой группой только собственники-акционеры, или соответствующее значение и роль должны иметь и другие: кредиторы, работники, поставщики и др.? Между экономистами в этом вопросе нет (полного) согласия. В большинстве своем они считают, что хорошее корпоративное управление должно основываться на соблюдении интересов собственников и на их влиянии на ведение дел предприятия, т.е. на менеджеров. Это мнение представлено в книге «Продвижение корпоративного управления» – первой монографии, посвященной корпоративному управлению, опубликованной в Сербии в переходный период. Авторы свою позицию основывали на двух аргументах: 1) наличие связи между экономической эффективностью и интересами собственников и 2) интересы собственников менее защищены чем интересы других групп².

Первое положение вряд ли является спорным. Другое, однако, заслуживает краткого комментария. Является ли это утверждение точным? Объяснение (и обоснование), приведенное в книге, достаточно упрощенно. Там сказано, что интересы работников не могут быть серьёзно нарушены плохим управлением, поскольку зарплаты выдаются через короткие промежутки времени, и следовательно, задолженность перед работниками не может быть большой. В хорошо устроенной экономике вероятность этого, действительно, весьма велика. Ну, а как у нас в Сербии? Похоже, что авторы описывали какое-то другое (не наше) хозяйство. Дальше, там говорится, что все кредиторы как заимодавцы, так и поставщики, основываясь на законодательстве о банкротстве всегда могут инициировать процесс банкротства и вернуть вложенные средства. Но так ли это у нас? А если и так, то можно ли удовлетворить кредиторов и в какой степени? Наконец, авторы подчеркивают, что акционеры не имеют подобной защищенности. Их права в случае банкротства соблюдаются в последнюю очередь. Однако остается вопрос – является ли это весомым аргументом, подтверждающим тезис о том, что предприятиями надо управлять в интересах акционеров. Кажется, что теория (и практика) корпоративного управления ещё не сказали в отношении этого своего последнего слова.

¹ Беговић Б.; Р. Буквић, Б. Живковић, Б. Мијатовић и Д. Хибер. Унапређење корпоративног управљања. – Београд: Центар за либерално-демократске студије, 2003. – С. 13.

² Там же. – С. 14.

Вернёмся к вопросу: надо ли предприятиями управлять в интересах акционеров? Этот вопрос якобы решается следующим образом. Акционеры являются собственниками предприятия, поэтому предприятием надо управлять в их интересах. При этом речь не идёт о каком-то этическом принципе, а о том, что акционерам не гарантированы какие-либо постоянные выплаты, в отличие от работников (у них постоянные зарплаты), поставщиков (поставки производятся по утверждённым ценам), банков-кредиторов (им выплачиваются постоянные проценты или даже изменяющиеся, т.е. они защищаются и возможностью изменять условия кредитования) и всех остальных субъектов, вовлечённых в дела предприятия. Доход акционеров зависит от ведения дел предприятия, и это для них является основным мотивом для обеспечения эффективной деятельности предприятия. Если предприятие обанкротится, акционеры теряют практически всё. Итак, можно сказать, что акционеры подвергаются рискам, которых у других нет, что их и мотивирует максимально совершенствовать деятельность предприятия. Когда предприятие управляется в целях обеспечения благосостояния акционеров, тогда максимально увеличивается прибыль предприятия, а следовательно, и его общий вклад в экономику.

Однако насколько эта аргументация обоснована? Конечно, верно то, что акционеры являются собственниками предприятия, но их интересы весьма изменчивы, в связи с чем они часто не особенно заботятся о долгосрочном развитии предприятия (это не относится к наиболее крупным акционерам, которые не могут продать свои акции, не вызвав серьёзного расстройств общего ведения дел). Таким образом, акционеры, особенно маленькие, предпочитают стратегии, максимизирующие краткосрочную прибыль и максимально увеличивающие дивиденды. Всё это ещё более ослабляет долгосрочную перспективу предприятия, поскольку уменьшается часть прибыли, которая могла бы использоваться для новых инвестиций. Значит, если предприятие управляется только в целях обеспечения благосостояния акционеров, то тем самым нередко уменьшается потенциал долгосрочного экономического роста предприятия.

Что является интересом акционеров?

Оказывается, что это ключевой вопрос. Акционеры являются собственниками, но они не всегда заинтересованы в (долгосрочном) развитии предприятия. Откуда это происходит? Чтобы это понять, надо обратиться к истории.

Первыми видами предприятий были те, которые сегодня называются общества лиц – индивидуальное предприятие или партнёрство. Основатели, собственники отвечали за предприятие всем личным имуществом (не только имуществом предприятия), включая и личную свободу – в случае делового неуспеха можно было попасть в долговую тюрьму. Сегодня же мы встречаем много фирм, в наименовании которых представлено слово (или его сокращение), которое обозначает «ограниченно» (L, Ltd и т.п.). Так, существуют PLC (public limited company – публичное предприятие с ограниченной ответственностью), LLC (limited liability company – общество с ограниченной ответственностью), Ltd (limited company – частное акционерное общество) и т.д.

Limited (ограниченно) относится к ответственности. Ограниченная ответственность означает, что вкладчики, если предприятие обанкротится, потеряют только то, что они вложили в предприятие (свою долю). Это характеризует современные общества капитала. Ограниченная ответственность – открытие XVI века, и происходит из (Западной) Европы. До середины XIX века она трудно реализовывалась – для основания предприятия с ограниченной ответственностью была нужна королевская хартия, т.е. хартия правительства. Зачем? Ответ можем получить из высказывания А. Смита, одного из крупнейших пропагандистов частного предпринимательства: «Это полное освобождение от забот и риска сверх определённой суммы привлекает в акционерные компании многих людей, которые не считали бы возможным рисковать всем состоянием в частном торговом товариществе... от директоров подобных компаний, которые заведуют в большей степени чужими деньгами, чем своими собственными, нельзя ожидать такой неусыпной осторожности, какую участники частного торгового товарищества проявляют в управлении своим капиталом»¹.

Итак, существовало сопротивление в отношении возможности распоряжения чужими деньгами, считалось, что те, кто управляет предприятием с ограниченной ответственностью, не имея при этом его в полной собственности, чрезвычайно рискуют, т.к. часть денег, которыми они располагают, не являются их собственными средствами. С другой стороны, те, кто вкладывал средства в предприятие с ограниченной ответственностью, не руководя им, становились менее осторожны и бдительны, когда они получали возможность наблюдения над управлением предприятия.

В связи с этим государства до середины XIX века позволяли ведение дел с ограниченной ответственностью только в качестве исключения для больших и рискованных проектов, имеющих национальное значение. Такими были голландская Ост-Индская компания, основанная в 1602 г. и её великий соперник британская Ост-Индская компания, основанная в 1600 г., а также и ряд других с тем же названием (Датская основана в 1616 г., Португальская 1628, Французская 1664, Австрийская 1717, Шведская 1731). Такой же была и печально известная Компания Южных морей, основанная в 1711 г., пузырь которой после масштабных спекуляций в рамках незамысловатой и вымышленной торговли с испанскими колониями, ровно как и производства колёс для *repetuum mobile*, лопнул в 1721 г. опозорив на долгое время не только данную компанию, но и сам этот тип предприятия. Именно это инициировало принятие закона в Парламенте Великобритании (Bubbles Act of 1720), запрещающего эмиссию акций неуполномоченным компаниям.

В середине XIX века появляются великие промышленные и железнодорожные компании, сталелитейные заводы и фабрики химических продуктов, так что необходимость в ограниченной ответственности становится всё большей. Многие страны вводят этот вид ведения дел: Швеция, Великобритания, Франция и др. Однако недоверие к этим предприятиям не исчезло так быстро. Интересно следующее: пока А. Смит и защитники свободного рынка и капита-

¹ Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – С. 532.

лизма сопротивлялись ограниченной ответственности, философ и экономист, которого считают заклятым врагом капитализма, К. Маркс одним из первых понял значение ограниченной ответственности для развития капитализма. Уже в 1856 г. Маркс, говоря в своей главной работе о кредите и о бирже, признавал предприятие с ограниченной ответственностью результатом «высшего развития капиталистического производства»¹. Маркс считал, что отделение руководства предприятия от собственности сделает возможным отстранение капиталистов от экономики (поскольку они больше не управляют предприятиями). При этом он усматривал чрезвычайные преимущества для материального прогресса в развитии акционерных обществ.

Прогноз Маркса о «переходе к социализму» не реализовался, но он пророчески увидел роль предприятия с ограниченной ответственностью: институт всеобщей ограниченной ответственности вывел производственные силы капитализма на новый уровень, вызвав огромное ускорение аккумуляции капитала и технологического развития. Пришло время великих, харизматических предпринимателей: Генри Форд, Томас Алва Эдисон, Эндрю Карнеги и др. Они управляли великими предприятиями, но были в то же время и собственниками большей части акций предприятий.

С 1930-х годов наступает «революция менеджеров», всё больше речь идёт о возникновении менеджерского капитализма. «Капитаны индустрии», как капиталистов в традиционном смысле звали викторианцы, уступают место карьерным бюрократам (хотя и занятым в частном секторе). Опасение, что менеджеры будут управлять предприятием в собственных интересах, а не в интересах собственников начало реализовываться. Вместо того чтобы максимизировать прибыль, менеджеры увеличивают продажи (укрепляя собственную репутацию) и непосредственно принимают участие в престижных проектах, которые поощряют их эго, но приносят мало прибыли. После нескольких десятилетий появляются идеи, что менеджерские инициативы нужно осмыслить так, чтобы менеджерам были даны возможности максимизировать прибыль. Это является признанием особых интересов менеджера и попыткой построить систему их мотивирования.

Максимизация рыночной стоимости акций

В 1980-х гг. преобладала теория максимизации рыночной стоимости акций, рассматриваемая как долго искомый удовлетворяющий фактор мотивации. Утверждалось, что менеджеры должны быть вознаграждены соразмерно прибыли, которую могут принести акционерам. Ради этого было нужно: 1) максимально увеличить прибыль путем значительного сокращения издержек – расходов на зарплаты, вложения, запасы, число руководителей среднего уровня и т.д., 2) наибольшую возможную часть полученной прибыли разделить между акционерами через дивиденды и повторный выкуп уже эмитированных и на бирже размещенных акций.

Чтобы менеджеры были мотивированы к такому поведению, надо увеличить их компенсации соразмерно прибыли предприятия, поскольку они таким образом намного больше будут идентифицироваться с интересами акционеров. За эту идею высказывались как акционеры, так и менеджеры, в том числе и Джек Уелч (согласно журналу Fortune – «Менеджер столетия»). Он впервые в 1981 г. использовал выражение «акционерная стоимость», и вскоре максимизация рыночной стоимости акций стала воплощением духа времени в американском корпоративном мире. Доля прибыли в национальном доходе, снижавшаяся с середины 1960-х гг. и особенно в первой половине 1980-х гг., заметно увеличилась в середине 1980-х и с тех пор растёт, с определёнными флуктуациями и с исключениями в период кризиса (рис. 1). Акционеры получали большую часть этой прибыли в виде дивиденда, а стоимость акций росла. Распределенная прибыль в совокупной прибыли американских корпораций с 1950-х до 1970-х составляла 35–45%, а к концу 1970-х превысила 60 %. Это быстро перенеслось в другие страны, прежде всего в Великобританию, и немного медленнее в страны с другой корпоративной структурой власти и менеджерской культурой.

Источник: Corporate Profits after Tax (without IVA and CCAAdj)/Gross Domestic Product. – <https://fred.stlouisfed.org/graph/?g=17Sm>

Рисунок 1.
Доля прибыли в ВВП США

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 25, ч. 1. Капитал. Т. 3, кн. 3.

Акционеры перестали создавать проблемы в отношении менеджерских заработков, поскольку дивиденды и цены акций росли. При этом рабочие места сокращались, многие рабочие оставались без работы, а потом снова нанимались уже как внепрофсоюзные с меньшей зарплатой и меньшим числом социальных льгот, темпы роста зарплат работников сокращались, а иногда зарплаты даже уменьшались (например, при переносе некоторых предприятий в другие страны). Под давлением корпораций уменьшался налог на прибыль корпораций. Всё это вело к повышению неравномерности доходов, к одной из самых ярких характеристик глобализации.

Всё это плохо. Но ситуация даже хуже, т.к. растущая доля прибыли в национальном доходе с 1980-х гг. уже не направляется в инвестиции. Согласно данным Мирового банка, в 1960–2015 гг. средняя норма инвестиций в США составляла 22,19%, с минимумом (17,51%) в 2009 г. и максимумом (25,08%) в 1984 г. Инвестиции падали с середины 1980-х гг., когда их доля была 20,5%, а в 1990–2009 гг. норма упала до 18,7%, а рост после 2009 г. ещё не вернул норму на предкризисный уровень (рис. 2). Кроме того, не произошло роста эффективности использования капитала, которое возместило бы более низкую норму вложения. Норма роста душевого дохода в США упала с 2,6% годового в течение 1960-х и 1970-х гг. до 1,6% в период 1990–2009 гг., а в тот же период в Великобритании – с 2,4 до 1,7%¹.

Негативные последствия максимизации рыночной стоимости акций продолжают нарастать. Этому содействует, с одной стороны, увеличение прибыли (на основе существенного сокращения затрат), а с другой – выкуп собственных акций. Предприятие использует часть прибыли для выкупа акций, которые оно само эмитировало и разместило, поддерживая тем самым высокую цену акций и предоставляя больше прибыли акционерам. До 1980-х гг. на выкуп собственных акций направлялось менее чем 5% от прибыли американских компаний, но затем этот показатель стал расти, достигнув перед кризисом в 2007 г. 90%, а в 2008 г. – абсурдных 280%².

Источник: USA: Capital investment, percent of GDP. – http://www.theglobaleconomy.com/USA/Capital_investment/

Рисунок 2.

Норма инвестиций в США 1960–2015, в % ВВП

Динамика дивидендов и выкупа собственных акций в 1981–2007 гг. представлена на рис. 3 на основе данных S&P, которые привел Лазоник³. Не удивительно, что этот раздел в своей работе Лазоник назвал «Оружие рыночных манипуляций».

Размеры этого абсурдного «соствязания» дивиденда и выкупа собственных акций, где выплаты за выкуп непосредственно перед кризисом в 2008 г. далеко превосходили первые, показал Лазоник на поучительном примере⁴. Дженерал Моторс затратил на выкуп собственных акций в 1986–2002 гг. 20,4 млрд. долларов, а потом в 2009 г. не смог обеспечить нужных 35 млрд., чтоб избежать банкротства, заплатив этим за максимизацию рыночной стоимости акций, от чего пользу имели менеджеры и акционеры.

Всё это приносит долгосрочный вред компаниям, угрожая их развитию. Поэтому возникает вопрос – надо ли акционерам заботиться о развитии предприятий. К сожалению, оказывается что акционеры заинтересованы в долгосрочном устойчивом развитии предприятий меньше чем другие участники. Они могут выйти из предприятия легче всех других – всё, что им надо сделать, это продать свои акции, пусть даже с небольшими потерями. Всем остальным участникам труднее покинуть предприятие.

Итак, максимизация рыночной стоимости акций вредит предприятию, а также и экономике в целом. Поэтому большинство развитых стран пытается уменьшить влияние независимых акционеров и создать различными формальными и неформальными средствами группу долгосрочных участников (в которую входят и некоторые акционеры). В некоторых странах правительство сохранило значительное участие в ключевых предприятиях – прямое (Рено, Фолксваген) или опосредованное (во Франции и в Корее) – и действует как стабильный акционер. Швеция вводит разли-

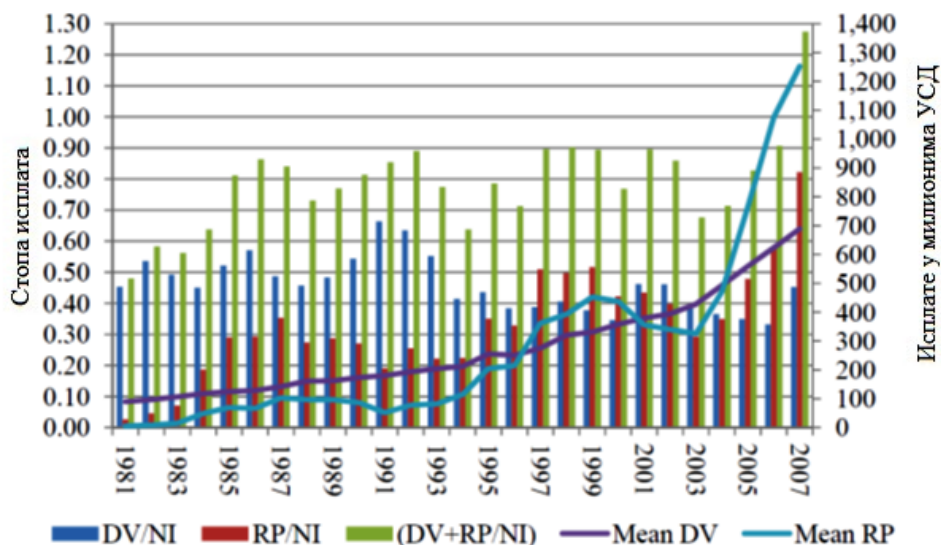
¹ Čang H. Dž. 23 stvari koje vam ne kažu o kapitalizmu. – Beograd: Mali vrt., 2013. – S. 43–44.

² Ibid., s. 44.

³ Lazonick W. The Financialization of the US Corporation: What has been lost, and how it can be regained // Seattle University Law Review. 2013. – Vol. 36, N 2. – P. 883.

⁴ Lazonick W. The Buyback Boondoggle // Business Week. 2009. – August 13.

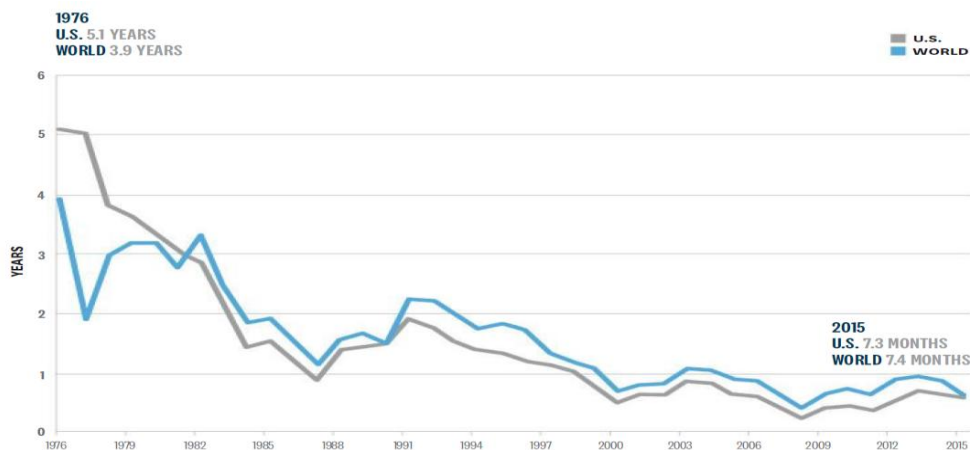
чия в приобретении для различных классов акций, в других странах существуют формальные представительства работников (например, представители профсоюза в ревизионных комитетах в Германии). Япония ввела систему перекрёстного акционерства среди дружеских компаний.

Источник: Lazonick W. The Financialization of the US Corporation: What Has Been Lost, and How It Can Be Regained // Seattle University Law Review. 2013. – Vol. 36, N 2. – P. 883.

Рисунок 3.
Норма дивиденда (DV) и выкупа собственных акций (RP) к нетто доходу (NI), и средние значения выплаты дивиденда и выкупа собственных акций, 1981–2007; 292 компании в S&P 500 Index в январе 2008

Подчеркнём, что управление предприятиями в интересах неустойчивых, колеблющихся акционеров (см. рис. 4) не только ошибочно и несправедливо, но также и неэффективно, при этом как для национальной экономики в целом, так и для самого предприятия. Джек Уэлч, автор и пропагандист идеи максимизации рыночной стоимости акций, не так давно признался, что это (акционерная стоимость) вероятно было «самой глупой идеей на свете»¹. Сутью идеологии Уэлча была идея о том, что бизнес должен быть первым или вторым в отрасли (в пересчете на долю рынка), в противном случае его нужно продавать. Конечно, это не новая и не уникальная идея, но благодаря успеху его компании, идеологию и методы Уэлча активно копировали как передовые методы. И это не всё. Среди других его идей, которыми многие восхищались и старались их перенять, выделяется именно концепция создания акционерной стоимости, в соответствии с которой компания обеспечивает акционерам больше прибыли на акцию, чем те могли бы получить от других своих инвестиций.

Источник: Bower J.L., Paine L.S. The Error at the Heart of Corporate Leadership // Harvard Business Review. 2017. – Vol. 95, N 5–6, May–June. – P. 54.

Рисунок 4.
Средний период владения акциями в США и в мире, в 1976–2005

¹ Цит. по: Čang H. Dž. 23 stvari koje vam ne kažu o kapitalizmu. – Beograd: Mali vrt., 2013. – S. 48. Уэлч был генеральным директором компании Дженерал Электрик с 1981 по 2001 г., когда она превратилась в самую крупную компанию в мире за счёт примерно тысячи поглощений. Но, в то же время он закрыл столько же производств, сколько приобрёл, уволив более 100.000 рабочих (почти четверть от числа всех сотрудников). Уэлч оставлял за собой пустые здания, что принесло ему прозвище Нейтронный Джек. (Фелан К. Простите, я разрушил вашу компанию. Почему бизнес-консультанты – это проблема, а не решение. – М.: Альпина паблишер, 2013. – С. 24.)

Как говорит К. Фелан¹, в математическом смысле акционерная стоимость является функцией рентабельности активов (ROA) компании и рентабельности её инвестиций (ROI), которые вместе составляют рентабельность собственного капитала (ROE), где использованы обыкновенные обозначения. Концепция акционерной стоимости обосновывалась на гипотезе эффективного рынка, где рациональные субъекты покупают акции на основании рациональных расчетов. В результате, к традиционным показателям («выручка и прибыль») руководители компаний в конце 1980-х – начале 1990-х гг. при определении производительности активов и инвестиций занялись долей рынка, курсом акций и многочисленными финансовыми показателями.

Заключение

Развитые рынки капитала показывают, что существует решение проблемы принципал-агент, т.е. что эту проблему можно если не решить, то хоть приуменьшить ее значимость. Решение зависит от условий, влияющих на систему корпоративного управления, и различается в различных странах. При этом решение можно искать в нескольких сферах, т.е. путём нескольких механизмов, которые в основном основываются на непосредственной регуляции деятельности компаний, а некоторые не являются непосредственно связанными с корпорациями, как например репутация менеджера, рынок капитала и т.д.

У различных стран различные взгляды, практика и нормативные рамки решения этих дилемм. Некоторые подчёркивают защиту мелких акционеров через ограничение роли крупных, другие выступают за более сильный контроль менеджмента со стороны крупных акционеров. Практика наиболее старых рынков капитала в мире Великобритании и США, показала, что выстраивание названных отношений возможно и в случае большой дисперсии акционеров как в США, где существуют тысячи мелких акционеров, собственников корпораций, в многих компаниях, а высокие экономические позиции многих американских корпораций всё-таки показывают, что баланс различных целей, прежде всего собственников капитала и менеджеров, а также и других заинтересованных групп, найден.

Решения агентской проблемы могут основываться в том числе и на следующем²: 1) согласование интересов менеджмента и собственников с помощью различных схем поощрения менеджеров, 2) опора на стремление менеджера приобрести и сохранить собственную деловую репутацию, 3) точное определение фидуциарной ответственности менеджеров по отношению к компании, 4) установление контроля за работой менеджеров, 5) укрупнение акционерства, т.е. частичная концентрация собственности и контроля в руках крупнейших инвесторов, 6) защита прав мелких акционеров, 7) рынок капитала, 8) враждебное поглощение компании, 9) борьба за представительственные голоса акционеров на общем собрании акционеров.

Очевидно, что решение не будет простым, его не легко осмыслить и реализовать. При этом в практике корпоративного управления необходимо учитывать возможность использования не только новых хороших решений, но и предшествующий опыт, например, опыт концентрации собственности, в результате которой заметно снижается значимость агентской проблемы, но возрастает значимость проблемы принципал-принципал (столкновение крупных и мелких акционеров). Тем самым, хоть и временно, «решается» и вопрос – в чьих интересах должен работать менеджмент компании.

¹ Фелан К. Простите, я разрушил вашу компанию. Почему бизнес-консультанты – это проблема, а не решение. – М.: Альпина паблишер, 2013. – С. 25.

² Более подробно в: Рајновић Љ., Буквић Р. Корпоративно управљање као део пословне стратегије компанија. – Београд: Институт за економику пољопривреде, 2017. – С. 76–90.

Быстров А.В.

д.т.н., профессор, зав. кафедрой экономики промышленности, Российский экономический университет

ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ключевые слова: стратегическое планирование, технологическое развитие, законы развития технологий, промышленная политика.

Сегодня в интересах решения задач управления стратегическим и локальным индустриальным развитием уже находят применение современные методы, основанные на технологиях систем искусственного интеллекта. Во многих случаях появляющиеся подобные технологические решения позволяют лучше обосновать инновационное развитие любой производственной корпорации.

Понятно, что решения принимают люди, но искусственный интеллект позволяет выбрать наиболее эффективный вариант решения проблемы. Какое отношение это имеет к институциональной среде? Прямое. Все решения основаны на теоретическом осмыслении закономерностей, которые определяют технологическое развитие современной промышленности, что позволило создать автоматизированный алгоритм выбора оптимального, наилучшего, варианта технологического развития и, соответственно, наиболее разумным способом финансировать инвестиционные программы. Эти вопросы решаются в ряде работ специалистов РЭУ им. Г.В. Плеханова [1–3]. В них раскрыты тенденции и определены законы развития прошлых, современных и будущих производственных систем. В частности, законы развития технологий представляют «Закон рационалистического развития» и «Закон эвристического развития». Первый закон декларирует возникновение убывающей эффективности последовательных шагов развития технологий в рамках использования инженерных решений при механизации и автоматизации производства. Следствием Закона становится представление об экономической границе развития. Второй Закон декларирует возможность преодоления тупика развития при совершенствовании принципа и структуры рабочих операций внутри технологий. Законы развития фирм говорят об объективной необходимости смены технологических связей с последовательного типа на параллельный и обратно (Закон чередования) между самостоятельными производственными подразделениями фирмы и о необходимости роста объемов выпуска с развитием технологий (Закон роста экономически оправданных объемов выпуска). Все фирмы единого экономического пространства (выделенного по тем или иным ограничениям) можно разделить на кластеры, или классы, по уровню своего развития. Каждый класс фирм будет характеризоваться своей экономико-технологической структурой и диапазоном производительности и выпуска. В свою очередь, разделенные по классам фирмы можно представить в виде экономико-технологического комплекса фирм, сокращенно ЭТКФ. ЭТКФ – это структурно детерминированная и закономерно развивающаяся совокупность экономических организаций в рамках единого экономического пространства. Эволюционная модель ЭТКФ позволяет задать текущий стратегический ориентир политики промышленного инновационного развития и обеспечить разработку теоретически оптимальной стратегии развития [8, 9]. Законы развития национальных комплексов фирм обосновывают единые закономерности возникновения классов, или кластеров фирм по уровню их технологического качества. Такой кластерный подход позволяет использовать принципы динамической оптимизации развития. Применительно к управлению экономическим развитием это следует понимать как требование, чтобы все решения работали на наилучший конечный результат. Но в отличие от динамического программирования [4–8] в реальной жизни никто не знает, какие будут шаги развития и какой должен быть конечный результат. Поэтому задача не имеет решения, пока не будет обоснован критерий динамической оптимизации на каждом шаге развития. Такой критерий обоснован в [1] – это экономический уровень технологии (ЭУТ), который в своей простейшей интерпретации представляет произведение производительности человека на производительность капитала, т.е. характеризует совместную эффективность использования базовых ресурсов цивилизации или результативность человеко-машинной системы.

Определение существующей характеристики экономической системы всегда приводит к двум противоположным результатам: полезно обществу – вредно обществу. Из свойства макроэкономической системы генерировать минимум две противоположные тенденции на любое возмущение следуют два противоположных, но не равновероятных вывода. Первый: поведение макроэкономических систем принципиально непредсказуемо; второй: первый вывод справедлив только в случае пассивного отношения к сложным процессам, возникающим в макроэкономических системах. Как следствие наличие двух противоположных и, на начальном этапе, примерно равных по силе тенденций позволяет за счет активной поддержки одной из них обеспечить ее лавинообразное нарастание и преобладающее воздействие. То есть речь идет об одном из принципов, который следует внедрять в систему государственного управления макроэкономическим развитием: принцип провокации положительных тенденций. То есть, свойство дуализма реакции макроэкономических систем [8, 9] позволяет утверждать, что использование принципа провокации положительных тенденций – решающее условие эффективности любой корректной экономической политики [7–9].

Список литературы

1. Дворцин М.Д., Юсим В.Н. Технодинамика: основы теории формирования и развития технологических систем. – М.: Международный фонд истории науки «Дикси». 1993. – 322 с.
2. Быстров А.В., Свирчевский В.Д., Юсим В.Н. Промышленная политика и управление технологическим развитием производственного комплекса России в условиях вынужденной автаркии // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2014. – Т. 3, № 3. – С. 4–26. DOI: 10.12737/10667.
3. Юсим В.Н., Фиалковский Д.Г., Свирчевский В.Д., Костин А.В., Быстров А.В., Афанасьева М.В., Мишин А.Ю., Топорова М.Ю. Управление промышленным развитием в условиях отсталой технологической среды: монография. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 200 с.
4. Юсим В.Н., Свирчевский В.Д. Связь макроконстант развития экономики и промышленности // Научные исследования и разработки. Экономика. 2017. – Т. 5, № 2. – С. 29–38; Юсим В.Н., Свирчевский В.Д. Как ускорить динамику развития экономики: промышленная политика, денежная система, институциональная среда // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2017. – Т. 6, № 2. – С. 71–84. DOI: 10.12737/article_592d35ef86df97.68678527
5. Костин А.В. Концепция управления динамическим развитием промышленным предприятием // Сб. трудов Конференции «Прикладные научные исследования и экспериментальные разработки, основанные на результатах фундаментальных и поисковых исследований». – М.: РЭУ им. Плеханова, 2017. – С. 94–98.
6. Костин А.В., Юсим В.Н., Варламов А.В., Черницова К.А. Стратегические ориентиры развития российской экономики // Экономика и предпринимательство. 2016. – № 10-3 (75). – С. 94–97.
7. Bystrov A.V., Yusim V.N., Curtis T. Macroconstants of development': a new benchmark for the strategic development of advanced countries and firms // International Journal of Business and Globalization. 2017. – Т. 18. N 2. – P. 167–181. DOI: 10.1504/IJBG.2017.081947
8. Говорин А.А., Костин А.В. Актуальные цели и задачи стратегического развития отечественной индустрии // Статистика и экономика. 2017. – Т. 14, № 3. – С. 41–47. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-3-41-47
9. Быстров А.В. Форсайт как инструмент промышленного стратегического развития // Экономика в промышленности. – М., 2019. – Т. 12, № 3. – С. 248–255. DOI: 10.17073/2072-1633-2019-3-248-255

Ванюшкин А.С.

д.т.н., доцент, Крымский федеральный университет, г. Симферополь

Друзин Р.В.

к.э.н., доцент, Крымский федеральный университет, г. Симферополь

МОДЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОРГАНИЧЕСКОГО АГРОХОЗЯЙСТВА В РОССИИ

Ключевые слова: органическое сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, модельная структура, агрохозяйство, риски, доходность, энтомофаги, бактериофаги.

Органическое сельское хозяйство набирает популярность в мире и в РФ. За 15 лет *мировой рынок органической продукции вырос в 6 раз* (с 15 млрд. долл. в 1999 году до 90 млрд. долл. в 2014 году), эта тенденция сохранится и сейчас. В то время как традиционное сельское хозяйство росло на 2–3% в год, мировой рынок органической продукции набирал по 15–20%. На текущий момент 96% органики потребляют в странах G7. Пока органика занимает лишь 4% мирового рынка еды¹. Эксперты прогнозируют рост этой доли до 10% через 2–3 года.

В России рынок органики растет быстрее, чем мировой, с ежегодным приростом в 30–40%. По данным Deloitte, оборот российского рынка органических продуктов в 2014 году составил 190 млн. долл., в 2012 году – 140 млн. долл. Более 90% этого объема приходится на импорт из стран Европы. Часто оказывается, что эти продукты изготовлены из российского сырья. На текущий момент только 2–3% граждан РФ потребляют органику. Текущая емкость рынка органической сельхозпродукции в России составляет всего 9 млрд. руб. в год, в среднесрочной перспективе его потенциал оценивается в 300–700 млрд. руб. в год. Сертифицированной органики в РФ производят не более 2–3% от потребления².

Одним из ключевых вопросов развития органического сельского хозяйства в РФ является его *стоимость и доходность* в сравнении с затратами в традиционном. Согласно исследованию Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) ООН, при внедрении методов органического сельского хозяйства рост затрат и снижение урожайности составляют, в среднем, 30% для зерновых, бобовых и масличных культур. Молочная и мясная «органика» также в среднем на 30% дороже обычной продукции³. Но это в целом, а в каждом конкретном случае органическое сельское хозяйство может быть как дороже, так и дешевле традиционного: многое зависит от вида сельскохозяйственных культур, пород скота, совокупности местных условий, от форс-мажора и человеческого фактора.

Органическое земледелие означает отказ от агрохимикатов, а значит, экономию затрат на них. Однако болезни растений и борьба с вредителями могут привести к значительным расходам, перекрывающим общую экономию на агрохимикатах и горючем. Расходы на агрохимикаты замещаются *консультациями по подбору культур, биоудобрений, микроорганизмов, энтомофагов*. До 20–30% себестоимости органической продукции приходится на *подготовку почвы и биоудобрения*, а в традиционном хозяйстве около 10%⁴. Подготовка почвы в органическом растениеводстве играет важную роль, т.к. за счет грамотного севооборота можно предотвратить появление сорняков, а частично, ряда вредителей и болезней. К сожалению, данная мера не позволяет полностью и избавиться от вредителей и болезней.

В органическом растениеводстве основной заменой агрохимикатам являются биологические способы борьбы с болезнями и вредителями: микробиологические (на основе микроорганизмов), биохимические на основе экстрактов биологически активных веществ, а также с использованием энтомофагов – хищных насекомых, паразитирующих на сельскохозяйственных вредителях. Мировой и отечественный рынок применения биологических средств защиты растений растет на 10–15% в год⁵. При этом рост потребления органической продукции в мире и в России (минимум на те же 10–15% в год, а в перспективе – и более) обеспечивает увеличение спроса на биологические средства защиты растений.

Производство биологических препаратов (микробиологических и биохимических) для нужд растениеводства уже освоено отечественной фармакологией. Однако они сами по себе могут оказаться недостаточными. Во-первых,

¹ Власов В.А. Развитие производства органической сельскохозяйственной продукции как одно из перспективных направлений продовольственного обеспечения в условиях действия продовольственных санкций: мировой и российский опыт // Эпоха науки. 2017. – № 12. – <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-proizvodstva-organicheskoy-selskohozyaystvennoy-produktsii-kak-odno-iz-perspektivnyh-napravleniy-prodovolstvennogo>

² Текущее состояние и тенденции развития агропромышленного бизнеса в России – 2015 / Deloitte. – <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/consumer-business/russian/current-issues-of-agribusiness-in-russia-2015.pdf>

³ Органическое сельское хозяйство и право / Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО) ООН. – <http://www.fao.org/3/a-i2718r.pdf>

⁴ Официальный сайт Союза органического земледелия РФ. – <https://soz.bio/organicheskoe-prirodnoe-zemledelie/>

⁵ Современные технологии производства пестицидов и агрохимикатов биологического происхождения. Научный аналитический обзор. – М.: Росинформагротех, 2018. – С. 4.

количество видов патогенных бактерий достаточно велико, и промышленно выпускаемые препараты обезвреживают лишь часть из них, пусть и самую распространенную. Кроме того, существует проблема появления резистентности у бактерий к микробиологическим препаратам вследствие мутаций, хотя она не так ярко выражена, как в случае с антибиотиками. Из этого следует, что обязательно нужна диагностическая лаборатория, которая позволяет выявить тип патогенной микрофлоры, которой заражены сельхозкультуры, и подобрать наиболее эффективный препарат. Во-вторых, процесс разведения энтомофагов – насекомых содержит в себе значительную долю ручного труда, требует наличия образцов вредителей с клиентских полей, и потому должен быть, по возможности, приближен к местам их будущего использования.

Поэтому для обеспечения развития органического земледелия необходимо создавать *органические станции защиты растений* по выращиванию *насекомых-энтомофагов и микроорганизмов*, способных полноценно заменить химические вещества для избавления от вредителей и болезней. Ввиду очевидной наукоемкости биологической защиты растений, к созданию подобных станций следует активно привлекать практикующих специалистов – микробиологов и биологов из ведущих аграрных вузов и НИИ.

В органическом животноводстве запрещено использовать антибиотики и гормоны роста. В качестве разрешенных в стандартах ведения органического животноводства указаны такие методы защиты, такие как использование растительных и гомеопатических средств, а также иммуномодуляторов. Однако эффективность их применения невысокая. Из перечисленных методов для борьбы с инфекциями, в качестве профилактики, требуемый эффект может дать применение иммуномодуляторов. Однако действие иммуномодуляторов зависит от ряда факторов (доза, исходное состояние животного и т.д.), что обуславливает вариативность получаемого эффекта¹. Вместе с тем, в качестве средства профилактики, в стандарте органического животноводства допустима *вакцинация (прививки)*. Кроме того, наиболее многообещающим методом защиты животных является применение *бактериофагов* – вирусов, паразитирующих на болезнетворных бактериях. Отечественная фармакология производит микробиологические препараты для нужд животноводства пока что *не освоила*.

Тем не менее, за последние 20 лет целый ряд отечественных НИИ вывел новые виды бактериофагов, пригодных для использования в органическом животноводстве. Даже с учетом возможности появления резистентности к ним у болезнетворных бактерий. Ввиду многочисленности патогенных микроорганизмов, являющихся потенциальными возбудителями инфекционных заболеваний у животных, необходимости их идентификации в каждом конкретном случае и подбора наиболее эффективных бактериофагов, целесообразно обустраивать *лаборатории биологической защиты* в рамках органических хозяйств.

Экономическую эффективность в сельском хозяйстве органического типа повышает *создание замкнутых циклов* производства. Для *полного замыкания цикла* также следует выращивать органические *кормовые культуры*. При этом замкнутые циклы можно создать как в рамках одних и тех же хозяйств, так и за счет развития *сельскохозяйственной кооперации*. Если кормовые культуры будут выращивать овощеводы в рамках единых хозяйств, то замкнутый цикл может быть создан за счет сельскохозяйственной кооперации. Так, животноводы могут поставлять биоудобрения овощеводам, а взамен от них получать органические кормовые культуры. Последние могут выращивать и сами животноводы, тогда замкнутые циклы производства создаются в рамках единых хозяйств. Основной *целью* создания *замкнутого цикла* в органическом сельском хозяйстве является достижение *синергетического эффекта*, позволяющего *снизить себестоимость продукции*.

В мировой практике органическое сельское хозяйство часто комбинируют с экотуризмом, гастрономическим и оздоровительным туризмом. Это позволяет достичь большей устойчивости дохода за счет эффектов *диверсификации и роста добавленной стоимости*.

Большинство агрохолдингов РФ в целях снижения себестоимости работают по индустриальным технологиям, которые в корне противоречат концепции органического сельского хозяйства. Поэтому агрохолдинги по определению не могут являться локомотивами развития органического сельского хозяйства.

Отсюда следует целесообразность развития органического сельского хозяйства в России за счет создания и тиражирования *модельных агрохозяйств*, включающих типовые элементы, и их тесной *кооперации* друг с другом. На основе вышеизложенного, можно выделить следующие *типовые функциональные элементы модельного органического агрохозяйства*:

- выращивание овощей и ягод: в открытом грунте и тепличных;
- садоводство: выращивание фруктов, орехов;
- животноводство: разведение КРС, свиней, овец, коз, коней, кроликов; птицеводство;
- выращивание органических кормовых культур;
- производство биологических удобрений;
- экотуризм, гастрономический туризм (сыроварни, маслобойни, соки и т.п.);
- оздоровительный туризм (режим физической нагрузки на ферме, спецдиеты и т.п.);
- органические станции защиты растений, выращивание энтомофагов;
- лаборатории биологической защиты животных, разведения бактериофагов.

Стоит отметить, что последние два функциональных элемента могут не только обеспечивать внутренние потребности модельного агрохозяйства, но и удовлетворять растущий внешний спрос на подобную продукцию. Поэтому они являются самостоятельными бизнес-единицами в рамках модельного органического агрохозяйства.

Все вышеизложенное подытожено на рис. 1.

¹ Насатуев Б.Д. Органическое животноводство: Учеб. пособие. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2008. – 126 с.

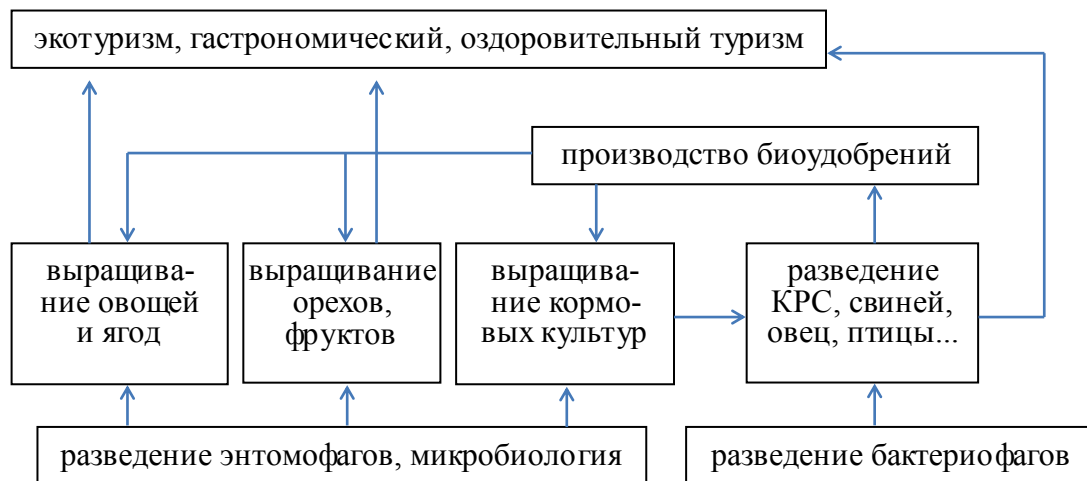

Рисунок 1.
Модельная структура органического агрохозяйства в России

В приведенной на рис. 1 модельной структуре можно выделить базовые группы растениеводства, животноводства, вспомогательные группы обмена (кормовые культуры и биоудобрения) и обслуживания (энтомофаги, бактериофаги), за счет которых создается синергетический эффект, а также группу диверсификации (экотуризм и т.п.), в которой сосредоточены пищевые производства. При этом последние нацелены не на достижение эффекта масштаба, а на привлечение дополнительных клиентов и рост выручки в целом.

Одним из наиболее важных факторов *устойчивости* модельного органического агрохозяйства является *структура функциональных элементов*, представленных на рис. 1. Имеется в виду, прежде всего, соотношение долей указанных элементов в выручке всего модельного агрохозяйства. Ввиду отсутствия устоявшихся подходов в данной сфере, полагаем целесообразным воспользоваться известным и широко применяемым в инвестиционном анализе подходом «*риск – доход*». Из этой пары параметров наиболее проблематичным для оценки значений и сопоставления по ним элементов из рис. 1 является *риск*.

Для сегмента растениеводства риски заключаются в изменении погодных условий, влияющих на урожайность сельхоз культур, а также в нашествии насекомых – вредителей, возникновении болезней, обусловленных патогенными бактериями, прорастании сорняков, угнетающих основные сельхоз культуры. Для сегмента животноводства риски заключаются в возникновении эпизоотий вирусного происхождения, а также инфекционных заболеваний бактериального происхождения, вызывающих массовый падеж скота. Попробуем сопоставить перечисленные риски указанных сегментов в рамках органического агрохозяйства.

Ввиду отсутствия достоверных данных, примем равную вероятность возникновения каждого из указанных факторов риска в сегменте растениеводства. Действительно, довольно трудно предсказать, что больше повлияет на урожайность сельхозкультур в предстоящем вегетативном цикле: погода, вредители, болезни, сорняки. Поэтому целесообразным будет принять 25% вклад каждого из этих факторов в совокупный риск. В сегменте животноводства ситуация иная. Согласно длительным наблюдениям, 70% инфекций сельскохозяйственного скота имеет вирусную природу (эпизоотии), и только 30% – бактериальную природу¹.

Далее оценим, в каком из двух рассматриваемых сегментов – растениеводства или животноводства – влияние отказа от традиционных технологий, ввиду их недопустимости по стандартам ведения органического сельского хозяйства, будет наиболее чувствительным по своим возможным последствиям.

Как уже указывалось ранее, в органическом растениеводстве происходит полный отказ от химикатов в пользу использования энтомофагов, микробиологических и биохимических (БАВ) препаратов. Борьба с сорняками происходит преимущественно за счет технологии организации севооборота. На текущий момент в России есть ряд предприятий по разведению энтомофагов, помогающих в борьбе с основными видами сельскохозяйственных вредителей. Отечественной фармакологией освоен выпуск целого ряда микробиологических препаратов по борьбе с наиболее распространенными болезнями растений (24 вида биофунгицидов) и вредителями (17 видов биоинсектицидов)². Учитывая внушительное количество предлагаемых биопрепаратов, можно предположить, что они покрывают (уничтожают) до 90% патогенных микроорганизмов и вредителей сельскохозяйственных культур. Искусственно выращиваемые энтомофаги также покрывают (уничтожают) не менее 90% вредителей сельхоз культур. Тогда риск гибели урожая от болезней/вредителей составляет $25\% \cdot (100 - 90)\% = 2,5\%$.

¹ Курс лекций по дисциплине Б1.В.ДВ1 Ветеринарная вирусология для аспирантов 2 курса по направлению подготовки 36.06.01 Ветеринария и зоотехния, направленность «Ветеринарная микробиология, вирусология, эпизоотология, микология с микотоксикологией и иммунология». – Краснодар: Куб. ГАУ, 2014. – С. 3.

² Современные технологии производства пестицидов и агрохимикатов биологического происхождения. Научный аналитический обзор. – М.: Росинформагротех, 2018. – С. 30–37.

Согласно климатическим наблюдениям, средняя частота возникновения засухи в южных регионах РФ составляет раз в 3 года¹. Тогда риск гибели урожая от засухи: $25\% \cdot 30\% = 7,5\%$. Примем, что правильная организация севооборота избавляет от сорняков в 80% случаев. Тогда риск порчи урожая сорняками составит $25\% \cdot (100-80)\% = 5\%$.

Ранее было указано, что в органическом животноводстве происходит полный отказ от антибиотиков, гормональных препаратов. Полноценной заменой антибиотикам в животноводстве является применение иммуномодуляторов (пробиотиков) и бактериофагов. В отличие от сегмента растениеводства, отечественная фармакология пока что не освоила широкий выпуск микробиологических препаратов на основе бактериофагов. Во-первых, в отличие от антибиотиков с их широким спектром действия, не существует всеядного «супербактериофага», который будет атаковать большое число видов патогенных микроорганизмов². Поэтому необходимо использовать сложные смеси бактериофагов, широкий выпуск которых еще не освоен фармакологией РФ. Во-вторых, отсутствуют стандартные наборы бактериофагов многих возбудителей заболеваний животных, а также схемы и параметры их применения³. Учитывая данную ситуацию, логично предположить, что в 80% случаев возникновение бактериальных инфекций приведет к падежу скота, масштабы которого ограничиваются численностью животных под одной крышей и мерами дезинфекции. Умножая эту величину на указанную выше долю бактериальных инфекций (30%), получаем риск возникновения бактериальных болезней у животных в РФ, равный 24%.

В качестве профилактики от вирусов наиболее эффективна вакцинация животных, которая разрешена в органическом стандарте и является безальтернативной. Согласно исследованиям Федерального центра охраны здоровья животных РФ, уровень иммунных животных через 60-120 суток после вакцинации в регионах РФ составляет 30-90%⁴. Уровень иммунных животных после вакцинации является показателем ее эффективности. Как видно, средняя величина эффективности вакцинации составляет 60%. Обратная ей величина, умноженная на указанную выше долю вирусных инфекций (70%), т.е. 28%, и есть риск возникновения вирусных эпидемий (эпизоотий) у сельскохозяйственных животных в РФ.

Теперь сложим полученные результаты оценки риска по указанным составляющим в рамках сегментов растениеводства и животноводства соответственно. Для сегмента растениеводства совокупный риск составляет $2,5\% + 2,5\% + 7,5\% + 5\% = 17,5\%$. Для сегмента животноводства совокупный риск составляет $24\% + 28\% = 52\%$.

Что касается минисыроварен, маслобоен и т.д. в составе агрохозяйства, то здесь может иметь место риск недостаточного спроса на готовую продукцию. Рассчитать данный риск можно путем соотнесения типовой годовой мощности оборудования и спроса на производимую на нем продукцию в регионе, за вычетом доли конкурентов. Пусть соотношение мощности оборудования мини сыроварни и спроса в регионе на сыр составляет 1/100, а доля конкурентов с традиционным сыром на рынке – 80%. Тогда риск недостаточного спроса на сыр составит $1/(100-80) = 5\%$. Так же можно рассчитать данный риск для минимаслобоен, минизаводов по консервированию фруктов и овощей, розливу свежесжатых соков и т.п.

По направлению экотуризма, гастрономического и оздоровительного туризма риск недостаточного спроса на услуги можно рассчитать, исходя из масштаба этих видов туризма в регионе с поправкой на долю конкурентов на рынке, соотнесенных с возможностями приема гостей/постояльцев в органическом агрохозяйстве. Пусть соотношение числа принимаемых гостей/постояльцев в органическом агрохозяйстве и количества туристов в регионе в рамках указанных направлений составляет 1/20, а доля конкурентов на рынке – 60%. Тогда риск недостаточного спроса на услуги составит $(1/20) \cdot 60\% = 3\%$.

В отношении лабораторий по разведению энтомофагов и бактериофагов в составе органических агрохозяйств также возможен риск недостаточного спроса на продукцию. Однако его следует рассчитывать иным способом, чем для минисыроварен, маслобоен и т.п. На наш взгляд, здесь следует отталкиваться от соотношения спроса на энтомофаги и бактериофаги со стороны органических агрохозяйств в регионе и модельного агрохозяйства с лабораторией, а также соотнесенного с ним объема производства самой лаборатории. Пусть первое соотношение составляет 7/1, а второе – 2/1. Тогда риск недостаточного спроса на продукцию лаборатории (энтомофаги и бактериофаги) составит $2/(7+1) = 25\%$. Сходным образом можно рассчитать риск и по направлению производства биоудобрений.

Поскольку доход, получаемый любым агрохозяйством, является функцией многих переменных, а потому индивидуален, то имеет смысл рассмотреть структуру органических производителей в РФ по видам деятельности. Логика подсказывает, что эта структура сформировалась под воздействием спроса на соответствующую продукцию в России с учетом конкуренции со стороны импорта. Поэтому вполне уместно будет приравнять к ней и структуру доходности по видам органического сельхоз производства. По данным Национального органического союза РФ, в России на сегмент органического растениеводства приходится 51%, животноводства – 24%, на переработку – 16%, на прочее – 9%⁵.

¹ Золотокрылин А.Н., Черенкова Е.А., Титкова Т.Б. Биоклиматическая субгумидная зона на равнинах России: засухи, опустынивание/деградация. – <https://cyberleninka.ru/article/n/bioklimaticheskaya-subgumidnaya-zona-na-ravninah-rossii-zasuhi-opustynivanie-degradatsiya/viewer>

² Филиппенко М.Л., Афонюшкин В.Н., Козлова Ю.Н. НАНО айболиты. Бактериофаги как альтернатива антибиотикам в ветеринарии. – https://yandex.ru/turbo?utm_source=turbo_turbo&text=http%3A%2F%2Fscfh.ru%2Fpapers%2Fnano-aybolity%2F

³ Золотухин С., Васильев Д., Мелехин А., Бульканова Е., Феоктистова Н., Пожарникова Б. Бактериофаги малоизученных энтеробактерий и перспективы их применения в ветеринарии. – <http://zoovet.info/veterinarye-stati/91-infekcionnye-bolezni-zhivotnykh/91-veterinarye-stati/infekcionnye-bolezni-zhivotnykh/1230-bakteriofagi-maloizuchenykh-enterobakterij-i-perspektivy-ikh-primeneniy-a-v-veterinari>

⁴ Кременчугская С.Р., Луговская Н.Н., Фомина С.Н. Оценка эффективности противоящурной вакцинации животных в буферной зоне Российской Федерации в 2014 г. // Труды Федерального центра охраны здоровья животных. – Владимир: ВНИИЗЖ, 2015. – Т. 13. – С. 24.

⁵ Мироненко О.В. Органический рынок мировой и России. – <http://rosorganic.ru/files>

При этом в категорию прочее входит экотуризм, гастрономический и оздоровительный туризм, а также разведение энтомофагов, бактериофагов и производство биоудобрений. Ввиду отсутствия достоверных данных, с учетом внешней направленности второго направления и внутренней – первого, соотношение их долей в рамках категории прочее примем 33%*67%.

Расчетные величины риска и доходности модельного органического агрохозяйства, их соотношение и доли по направлениям деятельности сведены в табл. 1.

Таблица 1

Расчет соотношения риска и доходности, долей по направлениям деятельности модельного органического агрохозяйства

Направление деятельности	Риск	Доля дохода	Доходность/Риск	Доля стр-ры
1. Растениеводство.	17,5%	51%	2,91	57,7%
2. Животноводство.	52%	24%	0,46	9,2%
3. Переработка (сыроварни, маслобойни, соки)	15%	16%	1,1	21,8%
4. Экотуризм, гастрономич., оздоровит.	9%	3%	0,33	6,5%
5. Энтомофаги, бактериофаги, био удобрения.	25%	6%	0,24	4,8%

Следует отметить, что структура направлений из рис. 1 в правом столбце табл. 1 может измениться при изменении принятых ранее допущений при расчете риска и доходности.

Гладилина И.П.

д.п.н., профессор, Московский городской университет управления Правительства Москвы

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКУПОК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Ключевые слова: трансформация, цифровизация, кадровое обеспечение, цифровые компетенции, цифровые навыки, обеспечение закупок.

Перед высшей школой и фундаментальной наукой стоит важная государственная задача: прогнозировать тенденции будущего и предлагать к реализации оптимальные решения, позволяющие достойно отвечать на вызовы, с которыми мы уже столкнулись и столкнёмся при осуществлении целей устойчивого социально-экономического развития страны. Решение данной задачи во многом основывается на развитии кадрового обеспечения всех сфер жизнедеятельности общества и государства, в том числе, с учетом процессов цифровизации.

Кадровое обеспечение цифровой экономики – достаточно дискуссионный вопрос. Существует абсолютно единое мнение, что система подготовки кадров во многом не отвечает уже сегодняшнему рынку труда, не говоря даже о ближайшем будущем. И нет чёткого понимания, какие из предлагаемых образовательных стратегий приоритетны. Глобальные тренды, цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека актуализирует проблему подготовки кадров в условиях цифровой трансформации.

Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и многие другие государственные документы ставят перед высшей школой, дополнительным профессиональным образованием цель в подготовке кадров нового формата. Требуемые инструменты управления изменениями в формировании и развитии профессиональных компетенций предлагаем разрабатывать на основе идей классической экономической школы, моделей экономического роста в современных теориях развития, государственных требований к темпам и качеству экономического продвижения страны и др.

На состоявшемся в ноябре 2019 г. в Московском городском университете Правительства Москвы международном научно-практическом симпозиуме «Кадры для цифровой экономики: управление изменениями в формировании и развитии профессиональных компетенций» в ходе конструктивного диалога работодателей и представителей высшей школы, дополнительного профессионального образования, самих обучающихся были определены основные подходы к наполнению образовательных программ новым содержанием. Было отмечено, что управление изменениями в подготовке кадров для цифровой экономики требует быстрого наращивания нового содержания всех профессиональных компетенций, что нашло отражение в ключевых вопросах, решаемых участниками симпозиума:

- совершенствование законодательства и обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики (роль правовых компетенций в формировании кадров для цифровой экономики; особенности подготовки юристов в условиях цифровизации и др.);
- научно-технологическое развитие и проблема кадрового обеспечения (искусственный интеллект, «умный город»; цифровые технологии как фактор цифрового развития и др.);
- творческое и критическое мышление в структуре профессиональных компетенций кадров для цифровой экономики (управление изменениями в их формировании и развитии; изменение парадигмы трудовых отношений в условиях цифровизации системы управления персоналом и др.);
- институциональные механизмы управления изменениями в формировании и развитии профессиональных компетенций для реализации задач цифровой экономики и др.

Анализ научной литературы, диссертационных исследований подтверждает прозвучавшие на симпозиуме предложения, основные выводы. Так, Ю.И. Грибанов в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора экономических наук «Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития сервисной интеграции» (2019) рассматривает подходы, модели и инструменты цифровой трансформации в условиях цифровой экономики². И.В. Шацкая (2015) отмечает, что для системы профессиональной подготовки кадров «основными субъектами трансформации являются:

- общество в лице покупателей и потребителей образовательных услуг;

¹ Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

² Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития сервисной интеграции. Дис. ... д-ра экон. н. – СПб., 2019.

- предприятия-работодатели;
- государство как участник партнёрских отношений, между образовательной организацией и бизнес-сообществом»¹.

В своём диссертационном исследовании И.В. Шацкая, обосновывая механизм трансформации системы профессиональной подготовки кадров, выделяет две группы проблем: организационно-процедурные и содержательные. К организационно-процедурным исследователь относит несоответствие между системой подготовки кадров и технологией трансформации; снижение эффективности технологии из-за ошибочно выбранных направлений её адаптации к трансформируемой системе; отторжение трансформируемой системой технологии трансформации.

Цифровая трансформация ставит новые задачи, кардинально изменяет содержание ставших привычными многих процессов и явлений. Робототехника, виртуальная реальность, искусственный интеллект и многие другие технологии стали повседневностью. Представители The Boston Consulting Group² рассматривают концепцию – 8 шагов развития человеческого капитала в России следующим образом:

1. Создание конкурентного предложения условий труда для профессионалов категории «Знание» работодателями с госучастием.
2. Сокращение неэффективной «социальной занятости».
3. Создание на национальном уровне системы перекалфикации высвобождаемых кадров.
4. Создание благоприятных условий для ведения бизнеса в России, включая стимулирование развития инновационных малых предприятий и постановку целей губернаторам и руководству регионов.
5. Создание опережающего предложения кадров – носителей целевых компетенций – образовательной системой.
6. Перенос фокуса образовательных программ с развития предметных знаний и запоминания информации на развитие личностных и метапредметных компетенций.
7. Стимулирование притока талантов в сферу образования.
8. Продвижение ценностей роста и профессионального развития на уровне страны и, в частности, внутри компаний.

Остановимся более подробно на одном из шагов – создание опережающего предложения кадров – носителей целевых компетенций – образовательной системой.

Предположение аналитиков о том, что кадровое обеспечение новых запросов рынка труда возможно при повышении гибкости образовательной системы за счёт существенного смягчения регулирования образовательной деятельности и обеспечения соответствия выпуска организаций высшего и среднего профессионального образования реальным потребностям рынка труда – задача, требующая достаточно жёстких мер по реорганизации образовательного процесса в целом. Безусловно, второе предположение – о стимулировании более глубокого сотрудничества образовательных организаций с работодателями как заказчиками, в том числе путём расширения спектра совместных образовательных программ – во многом отражает сегодняшний порядок вещей, но, вместе с тем, тоже является достаточно жёстким ориентиром. Высшее образование с учётом существующих на сегодняшний день образовательных стандартов безнадежно отстаёт в плане формирования необходимых не только профессиональных, но и общекультурных компетенций. Для того, чтобы формировать новую образовательную среду вуза нужно абсолютно чётко понимать, какие учебные дисциплины должны быть в учебном плане каждого направления подготовки в целом, и, главное, каждой образовательной программы соответствующего уровня подготовки. Анализ учебных планов, размещённых на сайтах вузов, позволяет говорить об отсутствии дисциплин, направленных на формирование цифровых компетенций и цифровых навыков. Анализ аннотаций к рабочим программам учебных дисциплин показал, что мы не учим бакалавров, магистров, аспирантов, к примеру, цифровому сотрудничеству. А это проблема не ближайшего будущего, а сегодняшнего дня.

В разделе «Цифровые навыки для цифрового мира» авторы отмечают, что «цифровые навыки позволяют людям создавать и обмениваться цифровым контентом, коммуницировать и решать проблемы для эффективной и творческой самореализации в обучении, работе и социальной деятельности в целом»³.

Что касается кадрового обеспечения сферы закупок в условиях цифровой трансформации, то анализ бесед с руководителями контрактных служб, контрактными управляющими, специалистами и экспертами в сфере закупок позволяет утверждать, что заказчику необходимо формировать и развивать потребность к самообучению в цифровой среде. Сфере закупок характерно постоянное изменение нормативно-правового регулирования закупочной деятельности для обеспечения государственных, муниципальных и корпоративных нужд. Заказчик – от специалиста до руководителя – должен самостоятельно постоянно в своей профессиональной деятельности применять навыки и знания, позволяющие управлять изменениями. Заказчик должен качественно искать, обрабатывать и анализировать информацию (к примеру, для обоснования начальной (максимальной) цены контракта). Информацию нужно уметь выбирать, соответственно, у заказчика должен быть сформирован навык информационной гигиены.

Творческое и критическое мышление – обязательные элементы в структуре профессионализма заказчика. Аналитика данных, медиа-грамотность, эмоциональный интеллект – без этих характеристик невозможна успешная профессиональная деятельность на рынке закупок. Заказчик постоянно сотрудничает как с теми, кому необходимо заку-

¹ Шацкая И.В. Трансформация системы профессиональной подготовки кадров в условиях модернизации российской экономики. Дис. ... д-ра экон. н. – М., 2015.

² Россия 2025: от кадров к талантам. – <https://www.bcg.com/ru-ru/perspectives/188095>

³ Там же.

пить товар, работу, услугу, так и с теми, кто это может выполнить – потенциальными или уже действующими поставщиками (подрядчиками, исполнителями).

Эффективное межличностное взаимодействие, востребованное в любой профессии, у заказчиков имеет свою специфику, особенности (к примеру, ведение деловых переговоров и проблемы аффилированности заказчиков и поставщиков).

Кадровое обеспечение закупок в условиях цифровой трансформации – серьёзная проблема, требующая анализа практик высшего образования, закупочных практик, стратегий развития рынка закупок и многих других факторов. Формирование цифровых компетенций и развитие цифровых навыков – необходимые условия решения основных противоречий между содержанием сегодняшнего обучения и запросов рынка труда на ближайшее будущее.

Гореева Н.М.

к.э.н., доцент РГАУ-МСХА, Калужский филиал
goreeva.filina@gmail.com

Демидова Л.Н.

к.э.н., доцент, Российский экономический университет
demidova-ln@mail.ru

ОЦЕНКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ, ФОРМИРУЮЩИХ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: факторы роста заработной платы в России, удовлетворённость зарплаток в России, мотивированность зарплаты работников.

Keywords: factors of wage growth in Russia, satisfaction of earnings in Russia, motivation of employees' salaries.

Заработная плата остается не только одним из основных источников в составе доходов населения, но и существенной компонентой формирования ВВП в экономике любой страны (рис. 1).

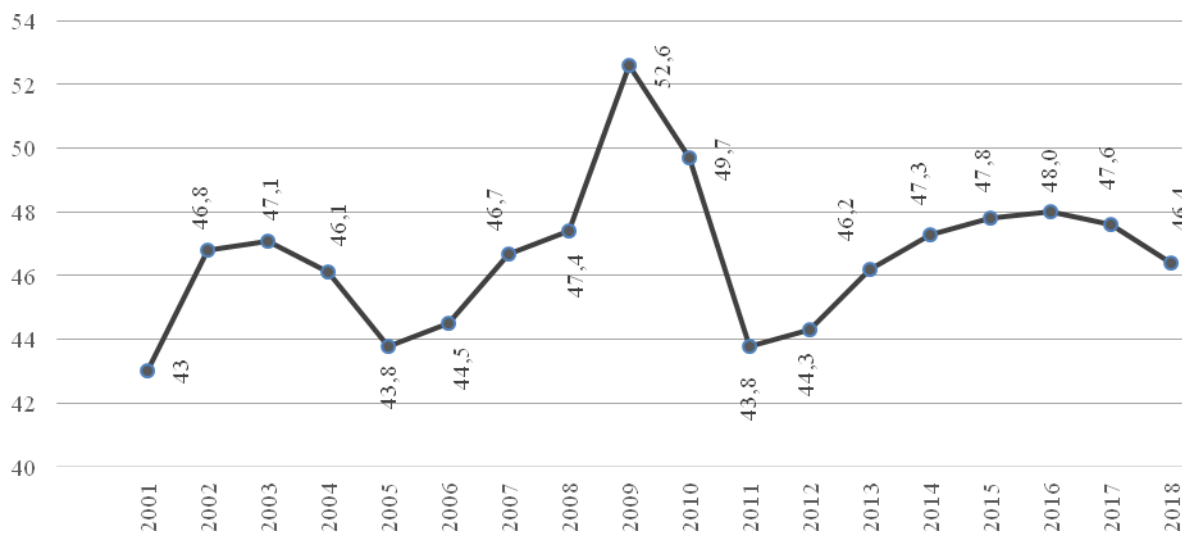

Рисунок 1.
Динамика доли заработной платы в ВВП в Российской Федерации, %

Однако следует учитывать также взаимосвязь заработной платы, производительности труда и неравноценность их развития. Сопоставление индекса-дефлятора, заработной платы и производительности труда показывает тенденцию снижения зарплаток наряду с ростом эффективности труда. Такая ситуация приводит к деградации понятия «достойный труд» и «достойная заработная плата», т.к. реальные денежные доходы населения снижаются. В большинстве отраслей оплата труда не соотносена с человеческим потенциалом и потребительскими ожиданиями населения [1, 2, 3]. Проведённое в апреле 2017 года выборочное обследование трудоспособного населения показало, что найти адекватный заработок и продуктивную занятость могли лишь 7,3% населения (в соответствии с перечнем показателей, рекомендуемых МОТ)¹.

Низкая заработная плата в свою очередь снижает потребительские ожидания в экономике. Так, средний темп роста реальных среднедушевых доходов в России за последние 3 года составил 92,8%. Дальнейшее их снижение, по мнению А.Н. Клепча, будет иметь негативный как социальный, так и экономический эффект. По оценке экспертов Внешэкономбанка, дополнительные меры по повышению доходов в виде пенсий и заработной платы в бюджетном секторе в целях реализации Указов Президента (с лагом во времени) могут обойтись государственной казне в сумму около 3,6 трлн. рублей за 4 года, но дадут прирост ВВП около 3,9–4 трлн. рублей [6]. Таким образом «траты» бюджетных денег на повышение доходности населения остаются мало эффективной. Для достижения определенных условий жизни, часть занятого населения «уходит» в неформальный сектор. Так, в 2010 году доля неформального сектора

¹ Начиная с 2013 года Росстат проводит в апреле 1 раз в два года выборочное наблюдение доходов населения.

в общей занятости в экономике составляла 16,4%, а в 2018 году уже 20,1%, т.е. пятая часть населения получает скрытые доходы¹. Всё это является основополагающим условием поиска причин и факторов роста доходов населения [4, 5].

Оценку факторов роста (снижения) доходов и заработной платы можно проводить с помощью методов непараметрической оценки. Нами были выявлены основные факторы, формирующие общественную полезность экономической модели оплаты труда, определены основы выбора результативного признака – показатель роста заработной платы. Экзогенными факторами выступили условия экономической деятельности (степень благоприятности экономической среды для предпринимателей-работодателей, достаточность уровня заработной платы работников, их профессиональное и моральное удовлетворение от работы), а также другие показатели, формирующие как экономические, так и социальные основы доходов населения.

На основе использования χ^2 – критерия по совокупности индивидуальных предпринимателей нами установлена степень зависимости экономической ситуации от временного фактора её развития (стагнации). Одним из основных аспектов использования χ^2 – критерия является его применение по сгруппированным данным в малых выборках (с численностью совокупности до 25 единиц) по таблицам сопряженности двух переменных для установления наличия (отсутствия) связи между показателями по формуле:

$$\chi^2 = \left(\frac{\sum f_{ij}^2}{\sum f_i \cdot \sum f_j} \right) - 1 \quad (1).$$

Использование критерия позволяет установить зависимость не только между показателями, но и между группами факторов.

При условии роста индекса потребительских цен в 4 квартале 2017 года на 102,51% по сравнению с аналогичным периодом 2016 года доход российских семей, различных по своему составу, но составляющих большинство от их численности сократился. В большей степени он сказался на тех семьях, где иждивенцев, приходящихся на одного трудоспособного больше (рис. 2).

* расчеты авторов на основе данных Росстата.

Рисунок 2.

Темпы роста доходов в семьях, различных по составу в 4 квартале 2017г. в % к 4 кварталу 2016 г.

Наибольшая доля работников организаций с начисленной заработной платой ниже прожиточного минимума трудоспособного населения сосредоточена в Северо-Кавказском, Южном и Сибирском федеральных округах (соответственно 17,1%, 10,0 и 8,3% в сравнении со среднероссийским показателем в 7,3%). Таким образом, более 8% трудоспособного занятого населения получают заработную плату на своих предприятиях ниже прожиточного минимума. По данным выборочного обследования рабочей силы (среди работающих бедных), проведенного в апреле 2017 года Росстатом, найти адекватный заработок и продуктивную занятость могли лишь 7,3% (в соответствии с перечнем показателей, рекомендуемых Международной организацией труда)². Следовательно, найти достойную работу имеют возможность только 65,5% работников (среди занятых в возрасте от 15 до 72 лет). Соотношение размеров средней заработной платы 10% наиболее оплачиваемых и 10% наименее оплачиваемых работников организаций по видам экономической деятельности и формам собственности за этот же период по всем обследуемым видам экономической деятельности в организациях с государственной и муниципальной формами собственности составляет 11,7 раза, негосударственных – 14,5 раза. Особенно существенно эта дифференциация наблюдается в секторах деятельности государственного управления и обеспечения военной безопасности (в 19,1 раза); социальном обеспечении и деятельности экстерриториальных организаций и органов по операциям с недвижимым имуществом (в 18,9 раза) и деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (в 140,5 раза) [8, 9].

Для обеспечения необходимого уровня дохода население стремится организовать свой малый бизнес, индивидуальное предпринимательство. Однако этот вид бизнеса, как и другие, сталкивается с многочисленными проблемами. Так, по данным федерального статистического выборочного наблюдения за малыми предприятиями, где исполь-

¹ Данные сайта http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/

² Данные Росстата. Выборочное обследование организаций (без субъектов малого предпринимательства), за апрель, проводится 1 раз в два года.

зуется 20-процентная расслоенная случайная выборка с последующим распространением полученных данных на генеральную совокупность малых предприятий основными факторами, тормозящими их развитие, являются высокий уровень налогообложения и неплатежеспособность заказчиков или недостаточный спрос на продукцию вследствие низкого дохода покупателей. Так, по такому опросу только 4% бизнесменов и предпринимателей оценивали экономическую ситуацию как благоприятную, 28,9% – как неудовлетворительную. Только 9,7% респондентов расценивали ситуацию как благоприятную, 27,1% – как неудовлетворительную (табл. 1).

Таблица 1

Группировка основных факторов, характеризующих экономическую ситуацию и сила их непараметрической связи за 2015 и 2016 гг. (по данным ответов респондентов – субъектов малого предпринимательства в России), ответы в % от числа обследованных малых предприятий в отраслях добывающих, обрабатывающих производств и распределения электроэнергии, газа и воды

Факторы	годы		Показатели непараметрической оценки
	2015	2016	
Благоприятная ситуация	12	29	χ^2 – критерий 7,508 ¹ (при степени свободы 2) χ^2 – критерий критическое значение 5,991 ²
Удовлетворительная ситуация	200	189	
Неудовлетворительная ситуация	86	81	

* Рассчитано авторами на основе данных выборочного обследования Росстата.

С помощью непараметрических методов также рассмотрено влияние экономической ситуации в динамике на основе вышеприведенного опроса предпринимателей.

Так, результаты опроса в динамике показали статистически значимую силу связи между показателями степени благоприятности предпринимательской среды и временного фактора её развития.

Для оценки самими работниками показателя степени достаточности заработка и их профессиональной удовлетворенности от работы с помощью непараметрической оценки была установлена степень взаимосвязи между этими величинами по регионам России (выборочное обследование проводилось за этот же период у лиц в возрасте 15 лет и более, занятых в экономике) (табл. 2).

Таблица 2

Группировка выборочной совокупности респондентов-работников в регионах России (по данным ответов респондентов), ответы в % от числа обследованных³

Факторы удовлетворенности своей основной профессиональной деятельностью (более 60%)	Количество регионов, где более 60% в оценке удовлетворенности своим заработком по основной работе		Показатели непараметрической оценки
	вполне удовлетворены	не вполне удовлетворены или совсем не удовлетворены	
Вполне удовлетворены	39	1	χ^2 -критерий 29,854 ⁴ Коэффициент Чупрова 0,597 (относительно сильная сила связи) Нормированное значение коэффициента Пирсона 0,721 (сильная связь)
не вполне или совсем не удовлетворены	19	26	
итого	58	27	

* Рассчитано авторами на основе данных выборочного обследования Росстата.

Таким образом, оценка предпринимателей подтверждает гипотезу об ухудшении в динамике степени благоприятности предпринимательской экономической среды [9–12]. Непараметрическая оценка степени удовлетворенности заработком от своей основной работы и удовлетворенностью в профессиональной деятельности в регионах показала тесную взаимосвязь материальной мотивации работников и эффективности их профессиональной работы в регионах.

Именно оплата труда является для большинства опрошенных основным стимулом их работы.

Однако для упрочения этой связи и возможностей дальнейшего роста эффективности профессиональной работы важно иметь такие результаты труда, которые позволяют удовлетворять приоритетные потребности работников.

Результаты проведенного опроса по совокупности домохозяйств в оценке их возможностей по решению вопросов приобретения самого необходимого позволяют говорить о наличии негативных проблем.

Как демонстрируют данные рис. 3 «очень легко», «легко» и «сравнительно легко» решить проблему «сведения концов с концами» могут только чуть более 15% опрошенных, основная (подавляющая) масса осуществить это может с серьезными затруднениями.

В случае если материальная состоятельность работника не отвечает его даже минимальным потребностям, это скажется на снижении удовлетворенностью трудом, сокращении мотивации и производительности труда.

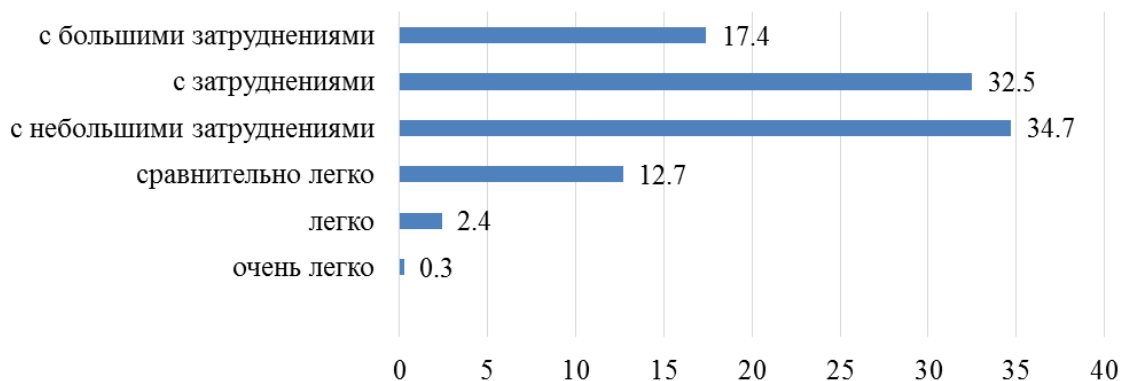
¹ При уровне значимости 0,024.

² Сила связи статистически значима при уровне значимости менее 0,05.

³ В обследование включены все регионы, включая города федерального значения г. Москва и г. Санкт-Петербург.

⁴ При уровне значимости <0,001.

Из числа домохозяйств указали, что могут "свести концы с концами" при покупке самого необходимого

*расчеты авторов на основе данных Росстата

Рисунок 3.

Оценка домохозяйствами своих возможностей «свести концы с концами» при покупке самого необходимого в 2016 году в РФ

Таким образом, гедония заработка является приоритетом в выполнении профессиональных обязанностей работника практически во всех регионах России. Именно материальная заинтересованность (первый и второй уровень пирамиды А. Маслоу) в иерархии потребностей остается доминирующим фактором в стремлениях каждого члена общества в стране. Реализация своих творческих способностей как способ наивысшего удовлетворения своих возможностей остается для большинства населения недостижимым стимулом. Непараметрическая оценка степени удовлетворенности заработком от своей основной работы и удовлетворенностью в профессиональной деятельности показала тесную зависимость материальной мотивации работников от эффективности их профессиональной работы. Заработная плата остается приоритетом в выполнении профессиональных обязанностей работника практически во всех регионах России.

Следовательно, только координирование материального поощрения работника с удовлетворением его потребностей в самовыражении является основным фактором роста уровня жизни и производительности труда.

Список литературы

1. Амирова Э.А. Дифференциация заработной платы в современной России: проблемы и суждения. – <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-zarabotnoy-platy-v-sovremennoy-rossii-problemy-i-suzhdeniya/viewer>
2. Белехова Г.В. О методологических подходах к исследованию сберегательного поведения населения. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodologicheskikh-podhodah-k-issledovaniyu-sberegatelno-go-povedeniya-naseleniya>
3. Гореева Н.М., Демидова Л.Н., Черняев С.И. 2018. О влиянии государственной антиинфляционной политики на уровень бедности в России и других странах // *Управленческие науки*. 2018. – № 8 (2). – С. 6-17. DOI:10.26794/2404-022X-2018-8-2-6-17
4. Казанская А.Ю. Продовольственная независимость РФ в условиях антироссийских санкций: динамика производства сельскохозяйственной продукции // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2018. – № 10 (76), ч. 2. – С. 43–49. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.76.10.034>
5. Капелюшников Р. Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии // *Вопросы экономики*. – М., 2009. – № 4.
6. Клепач А. Н. Структурные факторы экономического роста // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – М., 2016. – Т. 202. – С. 25–40.
7. Коровяковский Д.Г., Морковкин Д.Е. Анализ динамических характеристик уровня жизни населения России в современных экономических условиях // *Правозащитник*. 2016. – № 3. – <http://pravozashitnik.net/ru/2016/3/11>
8. Соболев Э.Н. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы российские реалии: Доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2017. – С. 46. – <https://docplayer.ru/61523342-Rossiyskaya-akademiya-nauk-institut-ekonomiki-ran-e-n-sobolev-oplata-truda-v-sisteme-socialno-trudovyh-otnosheniy-stereotipy-i-rossiyskie-realii.html>
9. Соловьёв А.М. Соотношение роста заработной платы и производительности труда в оборонно-промышленном комплексе России до 2020 г. // *Экономический портал*. – <http://institutiones.com/industry/2483-sootnoshenie-rosta-zarabotnoj-platy-i-proizvoditelno-sti-truda-v-oboronno-promyshlennom-komplekse.html>
10. Чайникова Л.Н., Чайников В.Н. Анализ современного состояния обрабатывающего производства в Чувашской республике: кластеризация промышленности // *Региональная экономика: теория и практика*. 2013. – № 29 (308). – <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremenno-go-sostoyaniya-obrabatuyushchego-proizvodstva-v-chuvashskoy-respublike-klasterizatsiya-promyshlennosti>
11. Шарнопольский Б.П., Пятаева О.А. Оптимальное соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы для генерирующих компаний // *Вестник Российской академии естественных наук*. 2014. – № 4. – С. 54–59. – <https://docplayer.ru/28002406-Optimalnoe-sootnoshenie-temпов-rosta-proizvoditelnosti-truda-i-zarabotnoj-platy-dlya-generiruyushchih-kompaniy.html>
12. Мординова М. Что значит достойный труд? Экономический этюд к Первому мая // *Якутия. Интернет – газета*. – <http://gazetayakutia.ru/chto-znachit-dostojnyj-trud/>

Зайнутдинова У.Дж.

К.Э.Н., доцент, Ташкентский финансовый институт

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: экономика Узбекистана, транспортный сектор, логистика, грузоперевозки, железнодорожный транспорт.

Республика Узбекистан занимает важное геостратегическое положение в Центрально-азиатском регионе, позволяющее активно развивать национальную транспортную систему и эффективно интегрировать её в создаваемые новые международные транзитные коридоры и маршруты.

Формирование транспортно-коммуникационного комплекса Узбекистана и последовательная интеграция в международную транспортную систему основаны на принципе опережающего его развития. Другой немаловажной особенностью развития является создание многовекторных схем транспортировки республиканских внешнеторговых грузов, обеспечивающих в современных условиях экономическую и транспортную безопасность.

Приоритетными направлениями развития транспортного сектора экономики Узбекистана являются увеличение пропускной способности транспортных коммуникаций, реализация высокотехнологичных проектов по развитию и модернизации, транспортных магистралей и прилегающей инфраструктуры.

6 марта 2015 года принято Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-2313 «О Программе развития и модернизации инженерно-коммуникационной и дорожно-транспортной инфраструктуры на 2015–2019 годы».

«Транспортная программа» Узбекистана на 2015–2019 годы оценивается в 10 млрд. \$. Её основными направлениями являются дальнейшее развитие 2400 км Узбекской национальной автомагистрали, строительство около 300 км дорог общего пользования, приобретение свыше 990 единиц новейшей дорожно-ремонтной техники, электрификация железнодорожных коммуникаций. Растущая экономика предъявляет новые требования к транспортному сектору. Прогнозные расчеты показывают, что при сохранении текущих высоких темпов экономического роста на период до 2030 гг. объем грузоперевозок будет расти примерно на 9,2% ежегодно и увеличится в целом в 4,4 раза с 1387,3 млн. тонн в 2015 г. до 6041,3 млн. тонн в 2030 году. При этом по автомобильному транспорту ожидается ежегодный рост в среднем на 9,4 или в целом в 4,6 раза с 1258,6 млн. тонн в 2015 году до 5811,6 млн. тонн в 2030 году. По железнодорожному – в среднем на 5%

Внутренние и международные железнодорожные перевозки грузов на территории Узбекистана осуществляются Акционерным обществом «Узбекистон темир йуллари», основными направлениями его деятельности являются организация и управление перевозками, создание единой железнодорожной транспортной сети, продолжение электрификации основных участков железных дорог, развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта, включающее модернизацию железнодорожных путей, а также переход на оптико-волоконную систему телекоммуникаций, развитие собственной ремонтной базы подвижного состава, восстановление и обновление подвижного состава.

Ежегодно по железной дороге республики перевозится свыше 40 млн. т внутриреспубликанских и 20 млн. т внешне-торговых грузов. В международных перевозках грузов доля железнодорожного транспорта составляет более 90%.

В соответствии с вышеуказанной программой развития предусмотрена реализация 16 проектов по развитию и электрификации железнодорожных коммуникаций. В 2016 году были реализованы проекты «Строительство электрифицированной железнодорожной линии Ангрен-Пап» и «Электрификация железнодорожного участка Самарканд-Бухара с организацией высокоскоростного движения пассажирских поездов».

С вводом в строй данной железной дороги, а также последующим перспективным строительством ж/д ветки из КНР в Узбекистан через территорию Кыргызстана станет возможным формирование нового трансконтинентального ж/д коридора, простирающегося от восточных морских портов КНР через Узбекистан в страны ЦА, Ближнего Востока и Южной Европы. Это также позволит Узбекистану стать главным связующим звеном в увеличении грузопотоков из Китая по вновь созданному транспортно-транзитному коридору Узбекистан – Туркменистан – порты Ирана – порты стран Персидского залива.

К числу первоочередных задач развития железнодорожного транспорта относятся изменение принципов установления тарифов на железнодорожные перевозки и расширение доступа транспортно-экспедиторских компаний к инфраструктуре железных дорог.

Особое внимание уделено вопросу надежности и оперативности грузоперевозок, которые находятся в прямой зависимости от качества и разветвленности железных и автомобильных дорог, состояния подвижного состава, оптимальной схемы размещения логистических центров.

Повышение оперативности и надежности системы транспорта и логистики предполагает доведение доли электрифицированных железных дорог до 45% к 2030 году, обновление парка локомотивов, увеличение доли контейнерных перевозок до 25–30%.

Транзит грузов для Узбекистана может стать одной из важных статей экспортных поступлений.

В целях дальнейшего развития транспортного сектора экономики Узбекистана, привлечения инвестиций и дополнительных объемов грузов к транспортировке и обработке, создания благоприятных условий для предпринимателей, представителей МСБ и транспортно-логистических служб в республике на постоянной основе осуществляется изучение текущей ситуации и мониторинг осуществляемых мероприятий.

Так, уполномоченными республиканскими организациями и ведомствами в целях повышения конкурентоспособности продукции, произведенной национальными экспортерами, принимаются меры по снижению тарифов на перевозку железнодорожным транспортом основных экспортных грузов по территории Республики Узбекистан; а также формируются дополнительные благоприятные условия для организации экспортной транспортировки грузов хозяйствующими субъектами, включая предприятия МСБ.

Кроме этого, проводится работа по формированию новых внутриреспубликанских и международных транспортных маршрутов, организации мультимодальных схем перевозок грузов, модернизации имеющейся придорожной инфраструктуры, приобретению современной техники и оборудования, внедрению современных методов функционирования международных центров логистики, осуществлению мероприятий по поддержке национальных автотранспортных перевозчиков.

АО «Узбекистон темир йуллари» влияет на развитие не только железнодорожного транспорта Республики, но и на развитие других отраслей экономики, таких как металлургическая, машиностроение, угольная промышленность. Генеральным подрядчиком строительства горно-металлургического комплекса на базе месторождения Тебинбулак в 2024 году назначено АО «Узбекистон темир йуллари». В своем функционировании железнодорожный транспорт работает в тесной связи с другими отраслями экономики.

Курган О.В.

Брестский государственный технический университет
kurhanolha@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕВЕРСИВНОЙ ЛОГИСТИКОЙ

Ключевые слова: *возвратная логистика, реверсивная логистика, управление реверсными потоками, цепь поставок.*

Keywords: *returnable logistics, reverse logistics, management of reverse flows, supply chain optimization.*

Сегодня логистика в Беларуси переживает настоящий подъем, реализуется комплекс мероприятий в соответствии с Программой развития логистической системы и транзитного потенциала страны до 2020 года [2]. Осуществляется обширное внедрение электронных сервисов, электронного документооборота, разносторонний обмен данными со странами-участниками ЕАЭС, упорядочиваются таможенные процедуры и пр. Акцент сделан на формировании благоприятных условий функционирования национальных логистических компаний с целью обеспечения компаниям эффективной конкуренции на мировом рынке, на привлечении в Беларусь товаров, инвестиций, грузовых объемов, финансовых потоков [1, с. 3].

В данной статье проанализирована одна из важнейших проблем белорусской логистики, которая связана с ее эффективностью (рентабельностью), уровнем качества и проблемами переработки (утилизации), исправления бракованной продукции (товаров, работ, услуг) – возвратная (реверсивная) логистика, иными словами логистика возвратных потоков.

Э.М. Букринская рассматривает реверсивную логистику как деятельность, охватывающую логистический менеджмент и направленную на уменьшение и устранение опасных и неопасных потерь товаров (продукции) и тары. В данном случае реверсивная логистика – это движение товаров и информации в направлении, которое противоположно тому, в котором протекает обычная логистическая деятельность [6, с. 20]. Российские авторы определяют реверсивную логистику как процесс планирования, осуществления и контроля логистических потоков (продукции, товаров), которые возвращаются из сферы обращения и потребления вследствие обратного распределения товаров (продукции), опасных, неисправных, просроченных и употребленных товаров и упаковки (тары) и связанной с этим информации в целях восстановления их стоимости [7, с. 108]. Сущность логистики возвратных потоков состоит в управлении потоками материальных ресурсов, незавершенного производства, тары, упаковки и товаров (продукции), идущие от точек производства, распределения и конечного потребления в обратном направлении по цепи поставок, для обеспечения возврата им потребительских качеств или утилизации при оптимальных издержках [8, с. 137]. Европейской рабочей группой по реверсивной логистике (REVLOG) в 1998 г. разработано понятие реверсивной логистики. Согласно определению данной организации, реверсивная логистика – это процесс планирования, организации и контроля движения возвратных потоков сырья, незавершенного производства, упаковки и готовой продукции от точек производства, распределения и конечного потребления с целью возврата ценности или уничтожения должным образом [3, с. 22]. В ряде зарубежных источников возвратная логистика определяется как возврат инвестиций. Например, М. Линдере, Ф. Джонсон и др. ученые в учебнике «Управление закупками и поставками» детально рассматривают вопросы переработки и утилизации бракованной продукции (товаров), отходов в рамках решения экологических программ. Данный подход характерен для европейских организаций, особенно производственных компаний, которые озабочены исполнением программ в сфере экологии и охраны окружающей среды, снижения уровня токсичности производственных процессов [4].

Ученые-экономисты акцентируют внимание на управлении возвратными потоками (материальными и информационными потоками), не придавая значения финансовому потоку. При этом отметим, что поставщики товарно-материальных ценностей могут оплачивать штрафные санкции или пени, которые связаны с поставкой некачественных товаров (продукции, выполненных работ, оказанных услуг). Таким образом, некоторая часть денежных средств возвращается обратно покупателю в виде уплачиваемых поставщиком штрафов.

Таким образом, на взгляд автора, возвратная логистика – это процесс управления цепочками поставок, управления возвратами (товаров, продукции, тары), включающий в себя все виды логистической деятельности, которая связана с движением материальных потоков в обратном направлении на склад поставщика или продавца и дальнейшего перераспределения материального потока. Также под реверсивной (возвратной) логистикой необходимо понимать совокупность логистических операций, которые связаны с процессами планирования, организации, контроля и анализа движения возвратных материальных, информационных и финансовых потоков от потребителя до поставщика (производителя). Возвратная логистика отображает организацию и методику управленческой деятельности с возвратными потоками, возникающими вследствие различных причин:

- неудовлетворенность потребителями приобретенной продукции (товаров) (например, в части качества и количества товаров, комплектности товаров, дизайна и т.д.);
- для осуществления гарантийного ремонта, замены, доработки (ремонт, восстановление или замена техники, доработка продукции);
- рециклинг;
- ошибки поставщиков (отправителей) при выполнении заказов;
- повреждение товаров (продукции) в процессе транспортировки;
- ошибки покупателей при оформлении заказов;
- невозможность освоения и работы со сложно-техническим оборудованием;
- проблемы в складской логистике (неразвитость складского хозяйства в ряде регионов и отраслей) и др.

Объектами реверсивной логистики являются возвращенные товары, продукция, а также работы или услуги, тара и упаковка.

Целью управления реверсивными потоками является минимизация потерь (расходов) организации от обслуживания возвратных потоков при выводе из распределительной сети предприятия продукции (товаров, работ, услуг) путем их продажи потребителю, возвращения поставщику или утилизации. При этом реверсивная логистика в цепях поставок дополняет прямые потоки и организует замкнутую систему потоков, которая получила название «замкнутая цепь поставок» [3, с. 23]. Следует отметить, что риски возврата товаров вынуждают розничные компании хранить определенный резервный запас товаров, что, в свою очередь, замедляет процесс товарооборачиваемости, повышает затраты (расходы на аренду, электроэнергию, охрану складов, зарплату сотрудников и пр.). В практической деятельности компаний это препятствует внедрению эффективных логистических технологий, например, таких как Just-in-Time, Canban и пр., стимулирующие развитие предпринимательской деятельности.

Для успешного решения задачи организации и планирования возвратных потоков необходима их классификация. По источнику происхождения выделяют следующие виды возвратных потоков:

- возвратные потоки от производителя поставщикам;
- возвратные потоки в сети распределения;
- возвратные потоки от конечных потребителей [5].

Например, в сфере автомобильного бизнеса зарубежных компаний снижение качества производимых автомобилей приводит к появлению значительного количества рекламаций и отзывов производителями партий автомобилей. Так, из-за неполадок в системе управления компания Volkswagen отзывает партию автомобилей Audi. Хотя компания предоставила новые автомобили покупателям взамен некачественных, такая ситуация негативно отразилась на ее имидже. Схожие ситуации отмечаются и у других компаний автомобильного бизнеса (Opel, Toyota, Chevrolet и др.).

Реверсивная логистика и ее организация в компании подразумевает разработку алгоритма управления возвратными потоками. В качестве примера рассмотрим алгоритм управления возвратными потоками в сетевой рознице, который включает:

- определение количества и характеристик возвратных материальных потоков. Определение структуры ассортимента товаров, разработка вариантов логистических процессов вывода некондиционных товаров каждой ассортиментной позиции, из распределительной сети, учитывая при этом характеристики устойчивости к внешнему воздействию в ходе переработки, транспортировки и хранения;
- установление групп возвратных материальных потоков с аналогичными характеристиками (например, возможность проведения ремонта);
- технология возврата (определение суммы расходов на возврат товаров (продукции, работ, услуг);
- выбор процессов возврата (ориентируясь на уровень рентабельности, на сумму потерь и др.);
- использование аутсорсинга в процессах возвращения потребительской ценности товаров (продукции) на основании анализа качества и стоимости таких услуг на рынке;
- операционные процессы возвращения материальных потоков (процессы перевозки, хранения и грузовой переработки возвратного потока товаров, штатного расписания службы логистики и установление договорных отношений на аутсорсинг реверсивной логистики);
- разработка сети управления (выделение складских площадей и ресурсов для исполнения процессов возвратной логистики с наилучшими затратами на обслуживание товарного потока);
- проектирование информационной системы управления реверсивной логистикой (цель данной системы – оперативно получать данные из информационной системы, формировать на их основании необходимые решения и определять аналитические показатели). Отметим, что разработка информационной системы, как правило, характерна для крупных организаций или для организаций, в которых не создана возвратная логистика, поскольку для малых и средних организаций речь идет о приобретении, внедрении и применении прикладных логистических программ или встраивание блока «Реверсивная логистика» в информационную систему обеспечения управления;
- разработка системы контроллинга возвратных потоков (разработка системы мониторинга и контроля финансовых результатов управления возвратными потоками) [9].

Уничтожение возвращенных товаров (продукции) направлено на обеспечение максимально возможной полезности возвращаемых товаров или утилизацию продукции с минимальными затратами. Из практики управления логистическими возвратными потоками известны следующие варианты использования возвращаемых товаров (продукции):

- реализация товаров в текущем состоянии (например, перепродажа через торговую сеть со скидкой, выставление такой продукции на электронный аукцион, реализация на вторичном рынке);

– ремонт, восстановление и повторное использование (например, переделка в другой товар, модернизация, видоизменение, переработка);

– полная утилизация продукции (отправление товаров в утиль, передача таких товаров для благотворительных нужд, ликвидация).

В практике зарубежных компаний достаточно часто используется аутсорсинг как технология управления эффективной организацией процессов управленческой работы с возвратом. Например, такие компании как Compaq, Thomson, предоставляют организациям на аутсорсинг реверсивные процессы. Такие компании как Toyota, Dell сформировали логистическую систему логистического управления таким образом, что почти в полной мере исключили брак выпускаемых товаров, т.е. наблюдается минимальное количество возвращенных товаров. Это обусловлено использованием философии управления *Санбан*, логистической концепции *Just-in-Time*, технологии реагирования на спрос. Такие технологии активно используются в рамках японской философии управления [9].

Рассматривая вопросы управления реверсивной логистикой, выделим ключевые проблемы данного процесса, которые отмечены в практике построения возвратной логистики:

– нехватка информации в цепях поставок об объеме и качестве характеристик реверсивных потоков;

– возвратная логистика не имеет отношения к основным логистическим функциям в большинстве организаций (поэтому такие предприятия либо не желают заниматься данным направлением предпринимательской деятельности, либо поручают данный процесс другим компаниям, т.е. отдают на аутсорсинг);

– организация процесса обслуживания реверсивных потоков определяет необходимость в значительных инвестициях;

– управление реверсивными потоками формирует дополнительные проблемы в построении и функционировании цепи поставок;

– отрицательное отношение специалистов по маркетингу к реализации восстановленных товаров (например, считается, что восстановленный товар хуже по своим характеристикам и качеству);

– достаточно высокий уровень сложности осуществления ремонтных работ для определенных категорий товаров (затраты по ремонту могут превышать стоимость товара или значительно повышают его розничную цену).

Несмотря на наличие значительного количества проблем методического, организационного и финансового характера, которые связаны с постановкой и использованием возвратной логистики, такое направление предпринимательской деятельности даст существенные преимущества предприятиям:

– обслуживание возвратов повышает степень удовлетворения потребностей клиентов (покупателей);

– осуществляется регулярная модернизация товаров при возврате до истечения срока полезного использования;

– улучшение качества продукта путем его реинжиниринга;

– «зеленый» имидж компании (характерен в основном для компаний стран Западной Европы и США, озбоченных экологическими проблемами своих регионов);

– уменьшение риска послепродажной ответственности за товары;

– ликвидация расходов на утилизацию продукции;

– уменьшение риска неожиданных возвратов продукции (товаров);

– уменьшение количества возвратов;

– уменьшение выбросов вредных веществ в окружающую среду;

– развитие сервисной логистики.

Есть основания считать, что несмотря на наличие многих проблем реверсивная логистика будет развиваться. Это обусловлено тем, что организации переходят на применение международных стандартов менеджмента, маркетинга, аутсорсинга, происходит осознание необходимости развития сервисной логистики, получение на основании этого преимуществ удержания клиентов в своей сфере предпринимательской деятельности, а также в силу глобальных международных интеграционных процессов мировой логистики. Ведь, в конечном счете, только интеграция усилий всех участников логистических цепей (производителей, поставщиков, посредников, лизинговых и франчайзинговых компаний, сервисных компаний) позволит выжить компаниям в условиях острой конкуренции, кризиса перепроизводства и затоваривания рынков сбыта, растущих запросах потребителей к качеству товаров и уровню сервиса.

Список литературы

1. Транспорт и логистика, 2017: справ. / Сост.: Е.А. Ильина [и др.]; под ред. Н.В. Горбея. – Минск: Центр «БАМЭ-Экспедитор», 2017. – 88 с.
2. Об утверждении Республиканской программы развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016-2020 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 560; в редакции Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 25 сентября 2017 г. № 716 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.07.2016, 5/42364.
3. Канке А.А. Реверсивная логистика в российских организациях: теоретические и практические аспекты / А.А. Канке, О.А. Александров // Вестник университета. 2017. – № 5. – С. 21–29.
4. Управление закупками и поставками: учебник / М. Линдерс, Ф. Джонсон, А. Флинн, Г. Фирон, ред.: Ю.А. Щербанин. – 13-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 754 с.
5. Савчук О.А. Управление возвратными потоками оптовых организаций и их классификация // Экономика и управление. 2014. – № 1 (37). – С. 69–72.
6. Букринская Э.М. Реверсивная логистика: учеб. пособие. – СПб.: СПбГУЭФ, 2010. – 79 с.
7. Зуева О.Н. Реверсивная логистика в управлении запасами // Известия ИГЭА. 2009. – № 1. – С. 107–111.

8. Польская Е.И. Реверсивная логистика как средство современного ведения бизнеса // Академия педагогических идей Новация. 2019. – № 3. – С. 137–143.
9. Корпоративная логистика в вопросах и ответах / Под общ. ред. В.И. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 634 с.

Куценко Н.А.

к.э.н., доцент, Луганский национальный университет

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДЕКСА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: индекс конкурентоспособности, конкурентные преимущества, эффективность, показатели результатов финансово-хозяйственной деятельности, уровень конкурентоспособности.

Keywords: competitiveness index, competitive advantages, efficiency, financial and economic performance indicators, competitiveness level.

В сложившихся условиях рыночной экономики предприятия стремятся к максимизации дохода и минимизации затрат, а также к достижению на этой основе определенного уровня конкурентоспособности. Существует множество методик определения результативности деятельности предприятий. Правильное определение финансово-экономического состояния субъекта, оценка эффективности его хозяйственной деятельности является основой для разработки эффективной экономической политики и совершенствования деятельности предприятия. Различия в существующих подходах обусловлены отсутствием единой позиции исследователей относительно трактовки понятия «эффективность». В связи с этим начальным этапом разработки методического обеспечения по оценке эффективности формирования конкурентных преимуществ предприятия должно стать определение основного терминологического аппарата.

Критерии эффективности как сложной экономической категории учитывают не только качественную результативность производственно-хозяйственной деятельности и системы управления, но и факторы влияния социально-экономических процессов и эффективность деятельности предприятия. В современной экономической литературе принято разделять понятия «результативность» и «эффективность». Результативность определяется стандартами ISO 9000:2005¹ как степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов. Кроме того, по мнению П. Друкера², результативность является характеристикой того, что предприятие и его управление идут в правильном направлении³. Эффективность определяется отношением результата (эффекта) к затратам, которые обеспечили его достижение, а также раскрывает характер причинно-следственных связей деятельности предприятия и показывает не только сам результат, но и то, какой ценой он был достигнут⁴. При обосновании понятийного аппарата следует принимать во внимание доминанты ключевых факторов успеха функционирования экономических субъектов в современных условиях, поэтому эффективность чаще характеризуется относительными показателями, учитывающими несколько групп параметров.

Под эффективностью формирования конкурентных преимуществ предприятия следует понимать соотношение результативности его деятельности по достижению конкурентных преимуществ на рынке и финансовых ресурсов, потраченных на их достижение. Показатель эффективности является относительным и характеризует количество результатов деятельности, приходящихся на единицу затрат.

Основой решения задачи интегральной оценки определения индекса конкурентоспособности предприятий является разработка алгоритма расчета интегрального показателя (рис. 1).

С целью обоснования включения в модель оценки эффективности формирования конкурентных преимуществ показателей, влияющих на формирования таких преимуществ на макроуровне, проанализированы исследования крупных международных организаций, таких как Всемирный банк (World Bank), Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO), Всемирный экономический форум (WEF), Институт менеджмента (IMD), которые заложили основу выбора показателей оценки эффективности формирования конкурентных преимуществ.

В основном международные организации оценивают конкурентоспособность страны, используя комплексный подход, который подчеркивает неценовые факторы. Периодически они предоставляют рейтинг стран в различных секторах, объединяя статистические данные и результаты опросов. Среди наиболее авторитетных индексов следующие:

¹ Международный стандарт ИСО 9000. Системы менеджмента качества – Основные положения и словарь / Перевод Ассоциации по сертификации «Русский регистр». – 3 изд. – М.: Русский регистр, 2005. – 48 с.

² Drucker P. Manage Yourself and Then Your Company: Set an Example / Peter Drucker; Introduction by Danica Purg. – Bled: IEDC – Bled School of Management, 2005. – 354 p.

³ Шархова А.В. Словарь финансово-экономических терминов / А.В. Шархова, А.А. Килячков, Е. В. Маркина и др.; под общ. ред. д.э.н., проф. М.А. Эскиндарова. – 2 изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2017. – 1168 с.

⁴ The Global Competitiveness Report 2018. – <http://www3.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf>

Рисунок 1.
Алгоритм расчета интегрального показателя определения индекса конкурентоспособности предприятий (авторская разработка)

Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI) Всемирного экономического форума WEF – использует методологию, разработанную ведущими мировыми экспертами и практиками (ежегодно задействованы более 100 экспертов и 160 партнерских институтов), которая объединяет устоявшиеся экономические аспекты с новыми и появляющимися рычагами, стимулирующими производительность и рост конкурентоспособности. Глобальный индекс оценки конкурентоспособности характеризует способность стран обеспечивать высокий уровень благосостояния граждан, измеряет совокупность факторов, которые определяют устойчивые текущие и среднесрочные уровни экономического процветания. Соответственно, представленные показатели оценки конкурентоспособности носят общенациональный характер и затрагивают такие компоненты, как государственный сектор, инфраструктура, макроэкономика, здравоохранение, образование, рыночная среда, развитие технологий и инновации;

Всемирный индекс конкурентоспособности (WCI), публикуемый европейским Институтом менеджмента в Швейцарии (Institute of Management Development, IMD), – использует 329 критериев для оценки факторов, способствующих ведению бизнеса и социальному обеспечению. Он разрабатывает страновой профиль измерения макроэкономических показателей, эффективности государственного и частного секторов и уровней инфраструктуры для 57 стран¹;

Индекс Всемирного банка The Doing Business Index – исследует деловую среду в странах на основе анализа нормативных актов, способствующих деловой активности и ограничивающих ее. В своем последнем отчете Всемирный банк рассмотрел 183 страны, проанализировав 10 показателей: создание бизнеса, получение разрешений на строительство, наем работников, регистрация собственности, получение кредитов, защита инвесторов, уплата налогов, внешняя торговля, обеспечение соблюдения контрактов²;

Индекс конкурентоспособности в промышленности (CIP) – разработан Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO, Industrial Development Report), измеряет способность стран производить и экспортировать промышленные товары на конкурентной основе. Построен на основе четырех индексов: производственные мощности (добавленная стоимость производства на душу населения), производственные мощности экспорта, интенсивность индустриализации (доля обрабатывающей промышленности, средне- и высокотехнологичных продуктов в ВВП) и качество экспорта (доля обрабатывающей промышленности и доля средней и высокотехнологичной продукции в промышленном экспорте). Первые два индикатора предоставляют информацию о производственных мощностях, а два других отражают технологическую сложность и модернизацию промышленности страны. Ключевые структурные переменные учитывают следующие факторы: навыки, технологические усилия, роялти и технические платежи за рубежом, а также современную инфраструктуру³;

Индекс эффективности торговли (ИТС) – публикуется каждые два года Международным торговым центром в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций по торговле и развитию (International Trade Center – UNCTAD/WTO), рассматривает уровень конкурентоспособности и диверсификацию экспорта для 184 стран в 14 макросекторах торговли. Для каждой страны и сектора оцениваются текущая позиция страны, общий профиль страны и доля рынка с использованием 22 показателей⁴;

Индекс эффективности логистики (LPI) – публикуется Всемирным банком, измеряет эффективность 155 стран в сфере логистики. Это простая средняя оценка по стране в шести ключевых измерениях: эффективность процесса таможенного оформления; качество торговой и транспортной инфраструктуры; простота организации поставок по конкурентоспособным ценам; компетентность и качество логистических услуг; способность отслеживать отправления и своевременность доставки в пункт назначения⁵.

Каждая из приведенных методологий дает оценку эффективности формирования конкурентных преимуществ, но ее результаты следует интерпретировать с осторожностью. Среди основных недостатков необходимо указать следующие: в рейтинге, рассчитываемом WEF, прослеживается слабая связь конкурентного преимущества на уровне предприятия с национальным уровнем, недостаточное теоретическое обоснование причинно-следственной связи переменных с показателями конкурентоспособности, и веса, применяемые для построения индекса, не отвечают общепринятому понятию конкурентоспособности; что касается индекса CIP, то существует обеспокоенность по поводу подхода, используемого для агрегирования частичных индексов в общий с помощью простого среднего значения. Аналогичные замечания можно сделать в разной степени почти для всех описанных выше индексов. Также следует отметить, что представленные методики ориентированы на макроэкономические показатели и для оценки эффективности формирования конкурентных преимуществ предприятия могут использоваться лишь частично.

Анализ вышеперечисленных методик интегральной оценки определения индекса конкурентоспособности предприятия на макроуровне позволил выделить следующий ряд показателей по укрупненным группам:

– *показатели политических конкурентных преимуществ предприятия*, основными индикаторами для оценки которых выступают: уровень коррупции, стабильность правительства, доступность (прозрачность) информации, институциональные риски и внешняя политика;

– *показатели экономических конкурентных преимуществ предприятия*, основными индикаторами для оценки которых выступают: стабильность банковской системы, динамика ВВП, уровень безработицы, государственные расходы, монетарная политика (стабильность валюты);

– *показатели структурных конкурентных преимуществ предприятия*, основными индикаторами для оценки которых выступают: демографическая ситуация, рынок труда, инфраструктура экономики.

В результате анализа исследований, посвященных вопросам оценки эффективности формирования конкурентных преимуществ (в частности⁶), выделены показатели, влияющие на формирование конкурентных преимуществ предприятия на микроуровне:

¹ IMD World Competitiveness Yearbook. – <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-competitiveness-ranking-2018>

² Doing Business, Всемирный банк. – <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/doing-business>

³ Ежегодный доклад ЮНИДО. – <https://www.unido.org/api/opentext/documents/download/10021488/unido-file-10021488>

⁴ Trademap, Международная торговая карта. – <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics>

⁵ Trade Logistics in the Global Economy. – <http://documents.worldbank.org/curated/en/576061531492034646/pdf/128355-WP-P164390-PUBLIC-LPIfullreportwithcover.pdf>

⁶ Матвеева Я.А. Оценка стратегических конкурентных преимуществ промышленной компании в контексте социальной ответственности: дис. к.э.н. / Институт экономики Уральского отделения РАН. – Екатеринбург, 2017. – 248 с.

– *показатели результатов финансово-хозяйственной деятельности предприятия*, основными индикаторами для оценки которых выступают: коэффициенты маневренности собственных оборотных средств, обеспеченности их запасов, автономии, долгосрочного привлечения заемных средств, соотношения собственных и заемных средств, абсолютной, быстрой и текущей ликвидности, а также ресурсоотдача (коэффициент оборачиваемости капитала), фондоотдача, фондоемкость, коэффициенты оборачиваемости оборотных активов, товарных запасов, собственного капитала, дебиторской и кредиторской задолженности;

– *показатели маркетинговой деятельности предприятия*, основными индикаторами для оценки которых выступают: уровень затрат на организацию мероприятий по стимулированию сбыта, уровень рекламаций потребителей, отношение обратившихся клиентов к объему проданных товаров (реализованных услуг), количество рекламных акций, эффективность мероприятий по стимулированию сбыта;

– *показатели технологических процессов деятельности предприятия*, основными индикаторами для оценки которых выступают: объем продаж товаров/услуг, уровень затрат в выручке от реализации, рентабельность продаж (реализованных услуг);

– *показатели по персоналу и социальному развитию*, основными индикаторами для оценки которых выступают: уровень специалистов, имеющих специальное образование или стаж работы в отрасли не менее 3 лет, коэффициенты текучести кадров, показатели повышения квалификации, финансирования социальных мероприятий, организационной структуры предприятия;

– *показатели эффективности системы управления предприятием*, основными индикаторами для оценки которых выступают: доля управленцев в общей численности сотрудников, эффективность существующей структуры управления предприятием и применения автоматизированных информационных технологий, эффективность управления, информационная и нормативно-методическая база управления;

– *показатели имиджа предприятия*, основными индикаторами для оценки которых выступают: уровень мероприятий по стимулированию сбыта, объем рекламных мероприятий в СМИ, известность бренда, имидж предприятия и его надежность, уровень разработки специальных предложений для потребителей;

– *показатели конкурентоспособности услуг предприятия*, основными индикаторами для оценки которых выступают: доля, занимаемая на рынке, уровень диверсификации, разработанность ценовой политики предприятия, эксклюзивность производимых товаров/предоставляемых услуг;

– *показатели качества обслуживания на предприятии*, основными индикаторами для оценки которых выступают: время обслуживания одного клиента, уровень квалификации персонала, разработанность системы скидок, уровень профессионализма, уровень доброжелательности персонала.

Значение групповых показателей эффективности формирования конкурентных преимуществ предприятий на микро- и макроуровнях определяется по формуле

$$b_i = \sum_{j=1}^{n_i} x_{ij} a_{ij} \quad (1),$$

где b_i – групповой показатель эффективности формирования конкурентных преимуществ предприятия;

n – количество единичных показателей в i -й группе;

x_{ij} – удельный вес показателя эффективности формирования конкурентных преимуществ предприятия;

a_{ij} – единичный показатель эффективности формирования конкурентных преимуществ предприятия. Для a_{ij} , который невозможно оценить в количественном выражении, используется аппарат нечетких множеств, предложенный Л. Заде¹.

Значение интегрального показателя индекса конкурентоспособности предприятия определяется по формуле

$$IK = \sum_{j=1}^8 x_{ij} b_{ij}, \forall i = \overline{1,8} + \sum_{j=9}^{11} x_{ij} b_{ij}, \forall i = \overline{9,11}, \quad (2),$$

где IK – интегральный показатель эффективности формирования конкурентных преимуществ предприятия, полученный с использованием интегрального метода оценки;

b_{ij} – групповой показатель эффективности формирования конкурентных преимуществ предприятия.

Принципиально важным свойством оценки эффективности формирования конкурентных преимуществ предприятий является их прогностический характер. Эта особенность оценок непосредственно вытекает из определения конкурентоспособности как совокупности свойств, отличающих данное предприятие от конкурентов, отражаемое через показатели, адекватно характеризующие его состояние, динамику, и позволяющих обеспечить эффективность функционирования и развития предприятия при любых изменениях внешней и внутренней среды. Поэтому эффективность формирования конкурентных преимуществ предприятия логично и необходимо рассматривать и в контексте динамики.

Разработка динамической модели оценки индекса конкурентоспособности предприятия сводится к следующим процедурам:

¹ Орлов А.И. Теория нечетких множеств – часть теории вероятностей // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2013. №92. – <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-nechetkih-mnozhestv-chast-teorii-veroyatnostey>

- получение данных по показателям за конкретный период или несколько периодов для данного предприятия и его конкурентов;
- определение состояния экономической системы и характера изменений этой системы во времени. Для дискретного характера определяется последовательность моментов или периодов времени;
- оценка допустимых переходов экономической системы из одного состояния в другое, то есть при этом определяются допустимая траектория и допустимая скорость измерений;
- установление характера изменений каждого элемента системы и оценка равновесия системы.

Лазаренко Н.В.

к.э.н., доцент, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой народной республики
nvlazarenko@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

***Ключевые слова:** трудовой потенциал, управление, стимулы, мотивация, дистанционное образование, экономика знаний, повышение квалификации, система непрерывного профессионального обучения, хозяйственный механизм, экономическое развитие.*

***Keywords:** labor potential, management, incentives, motivation, distance education, knowledge economy, advanced training, continuing professional education system, economic mechanism, economic development.*

В условиях развития постиндустриального общества одной из наиболее актуальных проблем остается правильное и эффективное стимулирование высокопроизводительного труда, которое имеет большое значение для стабильного функционирования хозяйственного механизма и обеспечения устойчивого экономического роста.

Трудовой потенциал предприятия (организации) является определяющим фактором в обеспечении конкурентных преимуществ субъекта хозяйствования на рынке, а также главным источником достижения целевых экономических показателей, характеризующих уровень экономического развития и финансовой устойчивости. Рассмотрение особенностей управления трудовым потенциалом на данном этапе развития информационно-коммуникационных технологий, глобальных изменений в хозяйственном механизме, сопровождающихся трансформацией социально-экономических отношений на макро- и микроуровне, относится к актуальным проблемам научных исследований.

Цель статьи заключается в определении ключевых стимулов, мотивов и инновационных методов управления трудовым потенциалом, которые являются эффективными инструментами повышения производительности и результативности труда персонала предприятий, что способствует обеспечению устойчивого экономического развития хозяйственного механизма.

В условиях нестабильности, неопределенности и риска функционирования производства добиться успеха на рынке товаров и услуг смогут лишь те предприятия, которые эффективно используют совокупность всех элементов ресурсного потенциала. Основой этого является своевременная диагностика, позволяющая выявить и оценить сильные и слабые стороны потенциальных и реальных ресурсов, включая определение их потребности, возможностей и их приобретения и других факторов.

Слово «потенциал» от латинского «potencia» означает возможность, мощь, сила. С точки зрения отражения всех свойств потенциал определяет прошлое (значение «ресурс»); потенциал определяет настоящее с точки зрения использования своих способностей человеком (значение «резерв»); потенциал направлен на развитие (значение «возможности»)¹.

Экономический механизм играет важную роль в управлении ресурсным потенциалом, что существенно влияет на создание и функционирование элементов организационного механизма. На практике они неразделимы и представляют собой единый организационно-экономический механизм управления ресурсами предприятия.

Ключевым элементом комплексной системы управления ресурсным потенциалом предприятия является организационно-экономический механизм управления. Это сложная категория управления, необходимая для реализации управленческого решения, направленного на достижение конкретных целей объекта управления, путем воздействия на конкретные факторы с использованием ресурсного потенциала.

Одной из важнейших задач управления предприятиями является формирование ресурсного потенциала на том уровне, который обеспечивает стабильное функционирование и возможность развития их производственно-хозяйственной деятельности. Поскольку производственные ресурсы носят ограниченный характер, важной задачей управления реальным промышленным сектором экономики является определение стратегии развития и сосредоточение имеющихся ресурсов на ведущих направлениях промышленного производства.

В экономической литературе теории управления ресурсным потенциалом на уровне предприятия уделено значительное внимание. Однако динамизм современных экономических процессов, включая изменение условий хозяйствования, заставляют искать новые подходы к пониманию ресурсов предприятия и управлению ими. Единого методологического подхода к определению и формированию механизма управления ресурсным потенциалом предприятия на сегодняшний день не существует.

¹ Шапиро С.А. Управление персоналом: курс лекций, практикум: Учебно-методическое пособие. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 199–201.

Под ресурсным потенциалом предприятия (организации) следует понимать совокупность различных факторов, взаимодействие которых обеспечивает эффективное функционирование технологической цепочки производства, начиная от добычи полезных ископаемых (природных ресурсов) и завершая выпуском готовой продукции.

К основным факторам промышленного производства относятся: производственные мощности (в виде зданий и промышленного оборудования), наличие сырья, основных и вспомогательных материалов (топливных, энергетических и других предметов труда), трудовые ресурсы (в виде численного и профессионально-квалификационного состава работников), имеющиеся финансовые ресурсы (включая возможность привлечения дополнительных инвестиционных средств), а также информационно-коммуникационные технологии.

Кроме того, в современных условиях хозяйствования в структуре ресурсного потенциала предприятия выделяют также такие немаловажные компоненты, как уровень менеджмента, эффективность стратегических решений и гибкость организационных структур, уровень взаимодействия с другими экономическими субъектами и др.

Управление только внутренними ресурсами предприятия не позволяет достичь желаемых результатов. Это связано с усилением интеграционных процессов в деловом мире, в результате чего формируется масштабная система, объединяющая внутреннюю сферу деятельности предприятия, всех деловых партнеров, клиентов, инвесторов и другие заинтересованные стороны. Поэтому для предприятия важно сформировать такие организационные границы своей бизнес-среды, которые позволили бы эффективно использовать широкий арсенал внешних ресурсов на основе современных технологий управления.

Заслуживает особого внимания комплексная система управления ресурсным потенциалом предприятия, важнейшими элементами которой являются:

- цель,
- задачи,
- принципы,
- функции,
- организационно-экономический механизм (рис. 1).

Рисунок 1.
Система управления ресурсным потенциалом предприятия

Система управления ресурсным потенциалом предприятия, как и любая другая экономическая система, обладает следующими свойствами:

- сложность (ресурсный потенциал включает в себя комплексные компоненты, которые в свою очередь можно разделить на мелкие составные элементы);

- структурность (ресурсному потенциалу присуще определенное иерархическое построение, которое отражает содержание и соотношение его составных элементов, что способно поддерживать целостность системы);
- динамичность (ресурсный потенциал формируется и развивается в условиях нестабильной внешней рыночной и внутренней среды, поэтому невозможно изучить ресурсный потенциал в статическом состоянии);
- адаптивность (ресурсный потенциал предприятия должен быстро реагировать на изменения внешней и внутренней среды хозяйствования);
- пропорциональность (все элементы ресурсного потенциала предприятия формируются в условиях согласованности их количества);
- временная ограниченность (реализация ресурсного потенциала является долгосрочной задачей, которая обусловлена возможностью учета всех факторов влияния на его величину в краткосрочном периоде);
- реалистичность (факторы, формирующие ресурсный потенциал, должны иметь конкретную практическую направленность)¹.

Трудовой потенциал тождественен с такими понятиями, как «трудовые ресурсы», «человеческие ресурсы», «кадры» и «персонал». Трудовые ресурсы и эффективное управление ими являются основой существования, развития, роста, конкурентоспособности и успешной (прибыльной) долгосрочной деятельности любого предприятия. Человеческие ресурсы являются составной частью трудового потенциала предприятия, который представляет собой совокупность способностей и возможностей кадров, обеспечивающих эффективное функционирование предприятия.

Можно выделить следующие основные возможности и способности кадров предприятия: профессиональные знания, квалификация, навыки и умения, инновационность (т.е. умение создавать и внедрять новые идеи в работу предприятия), компетентность (т.е. знания и умения должны соответствовать занимаемой должности).

А.В. Дейнека определяет потенциал как все возможности, даже скрытые, которые используются людьми для решения задач, достижения определенных целей. В свою очередь, трудовой потенциал предприятия означает умения и навыки работников, используемые для повышения эффективности в разных сферах производства, с целью получения максимальной прибыли или достижения иного социального эффекта. В более узком смысле, трудовой потенциал рассматривается как наличие свободных или резервных рабочих мест (вакансий) на предприятии².

Трудовой потенциал – это те возможности, которые уже имеются (используются) или являются присущими для работников предприятия, как целостной системы (коллектива), и могут быть использованы для достижения целей предприятия в определенный момент времени. Исходя из этого определения, А.Г. Грибов считает, что экономический аспект развития трудового потенциала – это обеспечение эффективности деятельности и выбор наиболее жизненно-важных целей предприятия, которые будут достигнуты с наибольшей результативностью³.

Понятие «трудовой потенциал» показывает ресурсный аспект социально-экономического развития предприятия. Трудовой потенциал – это количественная и качественная характеристика персонала как одного из видов экономических ресурсов, связанная с выполнением возложенных на него функций и достижением целей перспективного развития предприятия (рис. 2):

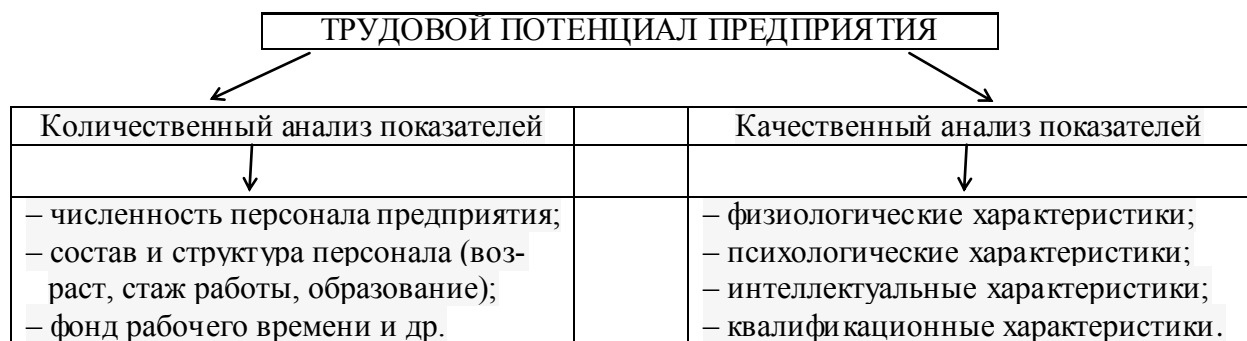

Рисунок 2.
Общая характеристика трудового потенциала предприятия

Как видно из рис. 2, в процессе формирования и развития трудового потенциала предприятия должны учитываться следующие группы параметров:

- физиологические (способности работников, которые ограничены определенными пределами и учитывают характеристики трудоспособной и экономически активной части населения);
- психологические (социальная активность работников, создание полноценного, дружественного трудового коллектива и т.д.);
- интеллектуальные (способности, которые не имеют четких границ и могут использоваться в процессе разработки и внедрения инноваций);

¹ Управління підприємствами: сучасні тенденції розвитку: Монографія / Н.П. Гончарова, О.С.Федонін, Г.О.Швиданенко та ін.: За заг. ред. проф. О.С. Федоніна. – К.: КНЕУ, 2006. – С. 65–66.

² Дейнека А.В. Управление персоналом организации: Учебник. – М.: Дашков и Ко, 2014. – С. 151.

³ Грибов А.Г. Человек и организация в современной экономике. – М.: Креативная экономика, 2011. – С. 33–35.

– квалификационные (профессиональный опыт, компетенции, знания, умения и навыки, которые используются в трудовой деятельности и т.п.).

В свою очередь, Е.С. Козина определяет социальный аспект трудовых ресурсов, который воплощается в человеческом потенциале, экономическим проявлением которого является трудовой потенциал. Сложный и многомерный характер способностей человека можно рассматривать как потенциальную систему полезных и нужных способностей, которые будут проявляться в его профессиональной сфере деятельности. В большинстве случаев социальная полезность позволяет выразить состояние предприятия, функции и задачи, цели и другие особенности, которые характеризуют конкретную профессиональную деятельность¹.

Главная задача системы управления персоналом – это не только удовлетворение потребностей предприятия в укомплектовании штата сотрудников, но и полное удовлетворение потребностей работников на основе усиления мотивации.

Пути улучшения мотивации работников предусматривают, в частности:

- материальное стимулирование,
- совершенствование организации труда,
- улучшение качества рабочей силы,
- вовлечение персонала в процесс управления,
- моральное поощрение.

Если собственник или руководящий аппарат предприятия создает условия для непрерывного обучения и повышения квалификации наемных работников предприятия, правильно формирует и адекватно управляет трудовым потенциалом, – то и качество общественной жизни улучшается. Т.е. создание условий для личного и карьерного развития работников, в свою очередь, будет повышать уровень отдачи и преданности сотрудников предприятию. В современных условиях это очень важно, так как текучесть кадров во многих сферах довольно высокая, а нанять нового работника стоит дороже, чем удержать уже работающего. Таким образом, система непрерывного обучения персонала предприятия – один из основных факторов повышения эффективности производства².

Глобальной задачей и элементом процесса управления персоналом как капитальным ресурсом предприятия или организации является совместимость собственных, личных целей работников и целей предприятия (организации).

Объединение внутренней мотивированности, личной заинтересованности каждого сотрудника в выполнении поставленных задач и получении удовлетворительных результатов с внешними факторами, то есть вознаграждениями материального и морального характера, возможно путем внедрения инновационных методов мотивации, моделей оценки персонала и установления справедливости в цепочке вознаграждений³.

Одной из основных социально-экономических проблем в современных условиях остается поиск нестандартных решений в области трудовой занятости и мотивации работников предприятий в направлении повышения эффективности их трудового потенциала⁴.

Оценка трудового потенциала (явных и скрытых возможностей) работника предусматривает определение количества, качества, соответствия и меры использования индивидуальных (коллективных) трудовых затрат в интересах предприятия или организации.

Наиболее распространенными в хозяйственной практике для оценки трудового потенциала предприятия являются затратные методы, согласно которым размер трудового потенциала предприятия приравнивается к сумме прошлых затрат на подготовку, текущее содержание и будущее развитие персонала.

Трудовой потенциал предприятия нередко отождествляется с суммой расходов на оплату труда и материальное стимулирование персонала. В качестве обобщающего показателя эффективности использования трудового потенциала предприятия принимается производительность труда. При этом показатель производительности труда используется не как результирующий показатель, т.е. тот показатель, который означает увеличение количества изготовленной продукции (выработки) при неизменных (или уменьшающихся) трудовых затратах, а как показатель, который характеризует эффективность использования трудовых затрат (рабочего времени) персонала, как специфического ресурса предприятия⁵.

В условиях ускорения научно-технического прогресса, повышения уровня информатизации общества, многообразия форм развития техники и технологии роль и значение информационных и трудовых ресурсов в достижении эффективной производственно-хозяйственной деятельности предприятия неуклонно возрастает. Персонал предприятия все в большей степени испытывает необходимость в обновлении информационно-коммуникационного обеспечения и расширении интеллектуальных знаний.

Интеллектуальный капитал, который занимает особое место в системе производственного потенциала в результате развития информатизации общества, отражает единство интеллектуальных возможностей и компетентности работников разных профессионально-квалификационных групп в разнообразных сферах производственно-хозяйст-

¹ Козина Е.С. Экономика и социология труда. Методические указания. – М.: Директ-Медиа, 2013. – С. 59.

² Некрасов Н.Е. Обучение персонала как фактор повышения эффективности производства. – М.: Лаборатория книги, 2010. – С. 47–49.

³ Цлаф В.М. Проблема стимулирования труда: социокультурный аспект // Белорусский экономический журнал. – Минск, 2014. – № 2. – <http://csss.pro/publications/management/2014-2.pdf>

⁴ Современная мотивация персонала: 12 идей, которые вы точно оцените. – <https://news.rambler.ru/other/29538293-sovremennaya-motivatsiya-personala-12-idey-kotorye-vy-tochno-otsenite/>

⁵ Ефремова А. Факторы и пути повышения производительности труда / А. Ефремова, К. Солонинчик // Инновационная наука. 2015. – № 6. – <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-i-puti-povysheniya-proizvoditelnosti-truda>

венной деятельности предприятия. На сегодняшний день особое значение приобретает подготовка высококвалифицированных специалистов с учетом современных тенденций развития цифровых технологий, эффективное внедрение которых сопровождается ускорением экономического роста, увеличением количества рабочих мест, повышением качества информационно-коммуникационных услуг.

Методология формирования модели устойчивого развития экономики предприятия постоянно совершенствуется, что находит отражение в развитии «теории производства» и «теории X-эффективности». Одним из важных этапов явилось расширение комплексного набора факторов производства, которые наряду с основными оказывают опосредованное влияние на эффективность функционирования предприятия¹.

К социально-экономическим факторам, влияющим на эффективность производственно-хозяйственной деятельности предприятия, относятся:

- уровень мотивации персонала;
- квалификация работников;
- затраты на профессиональное обучение и т.п.

Реализация нового подхода к проектированию механизма управления эффективным функционированием и развитием предприятия предусматривает: оценку параметров модели исходного состояния производственного потенциала, идентификацию факторов эффективности, определение влияния каждого из факторов на достижение конечных результатов работы предприятия в краткосрочном и долгосрочном периодах.

Производственная функция, которая отражает зависимость результатов производственного процесса от основных факторов, влияющих на повышение эффективности производственно-хозяйственной деятельности предприятия – объекта исследования, определяется по формуле:

$$P_i = \exp\{\beta_0\} L_i^{\beta_1} K_i^{\beta_2} \exp\{\varepsilon_i\} \quad (1),$$

где P_i – фактический объем производства i -го объекта, $i=1, \dots, N$;

L_i – объем трудовых затрат,

K_i – объем капитальных (основных производственных) средств по i -му объекту,

$\beta_0, \beta_1, \beta_2$ – параметры,

ε_i – величина, характеризующая результат случайных влияний на i -й объект.

Если обозначить $\ln L_i$ через $x_i^{(1)}$, $\ln K_i$ через $x_i^{(2)}$, через $x_i^{(j)}$ – логарифмы значений других сопутствующих факторов, тогда:

$$P_i = \exp\left\{\beta_0 + \sum_{j=1}^p \beta_j x_i^{(j)} + \varepsilon_i\right\} \quad (2).$$

Концепция стохастической маргинальной производственной функции предусматривает распределение величин ε_i на две составляющие:

$$\varepsilon_i = V_i - U_i \quad (3),$$

где

$$V_i = N(0, \sigma_v^2).$$

U_i – независимая от V_i величина, имеющая усеченное в нуле нормальное распределение с математическим ожиданием δz_i и дисперсией σ_U^2 .

Если исключить из производственного процесса все факторы эффективности, то проектный объем производства повысится до уровня:

$$P_i^{pot} = \exp\left\{\beta_0 + \sum_{j=1}^p \beta_j x_i^{(j)} + V_i\right\} \quad (4).$$

В результате прогнозируемый конечный результат производственного процесса, при условии исключения влияния факторов эффективности, является маргинальным производственным потенциалом, характеризующим уровень стабильности и устойчивости развития экономики предприятия.

Основной отличительной чертой стабильности функционирования и устойчивости развития экономики предприятия является то, что стабильность предполагает способность к неизменности, а устойчивость – способность к равновесному функционированию экономической системы выполнять свои функции под влиянием внешних и внутренних факторов, или же способность выдерживать внешнее воздействие и противостоять ему, долго сохранять и проявлять свои свойства. Другими словами, устойчивость – это способность предприятия возвращаться к равновесному состоянию в результате возникновения отклонений через дестабилизирующее воздействие внешних или внутренних факторов.

¹ Айвазян С.А. Оценка экономической эффективности перехода к достижимому потенциалу / С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев // Прикладная эконометрика. 2009. – № 3 (15). – С. 43–55.

Устойчивость экономического развития предприятий в условиях трансформации, цифровизации и структурных сдвигов в экономике, с учетом геополитических экстремалей (рисков), во многом зависит от обоснованности управленческих решений. Динамичная устойчивость процесса экономического развития предприятия характеризует сам процесс развития предприятия, постоянство и непрерывность его изменений в направлении совершенствования бизнес-модели с целью перехода предприятия на качественно новый уровень производственно-хозяйственной деятельности. Устойчивое развитие экономики предприятия связано с такими категориями, как адаптивность, гибкость, экономическая безопасность, организованность, надежность. Таким образом, устойчивость развития обусловлена влиянием факторов внутренней и внешней среды, что характеризуется увеличением производственного потенциала, ростом спроса на продукцию, масштабом деятельности, возможностью обеспечить непрерывный процесс производства и сохранять платежеспособность предприятия в течение длительного времени¹.

Управление развитием трудового потенциала предприятий предусматривает организацию и внедрение современных «гибких технологий образования», включая дистанционное обучение персонала предприятий.

Одной из основных проблем организации и обеспечения образовательного процесса современными технологиями обучения является вопрос: «как оптимально соединить традиционные и инновационные методы образования?».

Современное состояние экономики, которое предусматривает необходимость эффективного использования и постоянного развития трудовых ресурсов, в том числе, – интеллектуального потенциала, получило название «экономики знаний».

В недалеком прошлом работник предприятия, который получал высшее или специальное профессиональное образование, имел возможность в течение всей своей трудовой жизни практически использовать полученные знания.

Однако в современных условиях период «старения» полученных знаний существенно сократился. Практически это означает, что необходимо постоянное переобучение и повышение образовательного уровня персонала предприятий – как наемных работников, так и собственников (работодателей) предприятий (организаций) и представителей управленческого персонала (менеджеров, предпринимателей).

Большинство работников не имеют возможности оставить свою работу на длительное время, необходимое для переподготовки или повышения квалификации, тем более для получения высшего образования в традиционной (очной-заочной) форме обучения, поскольку за это время на их предприятиях (организациях) могут произойти существенные организационно-экономические изменения (в т.ч. сокращение численности персонала и т.п.).

Таким образом, актуальной становится проблема создания гибкой системы непрерывного образования, которая могла бы позволить всем категориям персонала предприятий обучаться постоянно («обучение длиной в жизнь») и без отрыва от основного места работы на предприятии (организации).

Создание такой системы образования объективно требует сочетания традиционных и инновационных (дистанционных и др.) форм обучения.

Перспективной является модель, предусматривающая предоставление довузовского и первого (базового) высшего образования в традиционной форме очно-заочного обучения. Следующее повышение квалификации может происходить по дистанционной и др. инновационным формам обучения.

Следующей проблемой организации и обеспечения образовательного процесса современными технологиями обучения является вопрос: «какие инновационные методы являются наиболее важными для получения экономико-управленческого высшего образования?».

Внедрение новых систем обучения, которые объединены термином «открытое дистанционное образование» (сокращенно – ОДО), предусматривает реализацию следующих инновационных методов управления трудовым потенциалом.

Практически неограниченное тиражирование образовательных программ (без утраты их качества). Основой информации и методического обеспечения в системе ОДО являются не преподаватели, как это предусмотрено в традиционной очно-заочной модели обучения, а учебные и учебно-методические материалы, которые получают все студенты и слушатели в начале обучения. Эти материалы содержат практически все, что необходимо студентам (или слушателям) для успешного завершения обучения по данному набору дисциплин. Роль преподавателя в этой системе заключается в предоставлении помощи студентам (или слушателям) в освоении материала учебной дисциплины в процессе консультационных занятий, которые могут проводиться как в традиционной (очной) форме, так и дистанционно (в сети Интернет).

Обучение в системе ОДО основано на компетентности разработчиков учебного и учебно-методического материала, что позволяет обеспечить тесную взаимосвязь учебного материала с реальными производственными проблемами. Эта система выдвигает определенные требования к содержанию учебного и учебно-методического материалов, а также к их составителям (разработчикам), которые должны быть высококвалифицированными специалистами, имеющими глубокие знания в определенной отрасли экономики и соответствующих профессионально-образовательных стандартах (программах) высшего образования, а также могут их успешно применять на уровне, который отвечает потребностям подготовки высококвалифицированных работников не только по избранной специальности (профессиональной направленности), но и получения всестороннего профессионального образования соответствующей отрасли знаний.

Очные занятия при дистанционной форме образования носят ограниченный характер применения, поскольку в системе ОДО являются необязательными. Достаточно проводить их, например, один раз в месяц, в наиболее благо-

¹ Коряков А.Г. Методологические вопросы устойчивого развития предприятий // Вопросы экономики и права. 2012. – № 4. – С. 110–114.

приятное для работающих студентов (или слушателей) время: обычно, по выходным, но при желании учебной группы – еще и в другие дни. То же самое относится и к консультациям преподавателей.

В системе ОДО используются «сетевые методы» образовательного процесса. Эти методы позволяют одновременно по одним и тем же программам проводить обучение студентов (слушателей) в любом количестве регионов (населенных пунктов). Организация процесса обучения проводится на местах высшими образовательными учреждениями – региональными центрами, которые обеспечивают содержательность и качество процесса обучения, а также их филиалами (научно-исследовательскими центрами, колледжами и т.п.) или другими представителями центральной организации.

Обеспечение равного качества преподавания по системе ОДО во всех регионах – достигается на основе системы процедур, используемых в «сетевых методах» обучения, что является гарантией получения студентами (слушателями) одинакового качества преподавания учебных дисциплин, что поддерживается централизованной подготовкой преподавателей, их практической переподготовкой (стажированием), постоянным мониторингом и всей системой административного, методического и информационного обеспечения учебного процесса.

Одним из ключевых вопросов системы ОДО является такой: «как на практике использовать возможности данной системы?».

Должна быть ориентация образования на реальные производственные и экономические проблемы. Обучение должно быть основано на компетентности разработчиков учебного и учебно-методического материала. В современной экономике полученные студентами (слушателями) теоретические знания должны адаптироваться к производственным потребностям предприятия (организации) изначально, с учетом отраслевой специфики.

Процессом дистанционного образования должна быть охвачена широкая аудитория. Получение высшего образования должно быть доступным различным слоям населения. Необходимо одинаковое качество обучения самых разных категорий работников (открытость образования). Действующая в традиционном образовании система конкурсов (в том числе система «независимого внешнего тестирования» или ЕГЭ) в высшие учебные заведения сужает, но не всегда правомерно, аудиторию будущих студентов.

Необходима гибкость образования, его своевременная адаптация к изменениям в экономике. Динамично меняющиеся условия экономики выдвигают новые требования к системе высшего образования, что является условием эффективного функционирования и обеспечения конкурентоспособности персонала предприятий (организаций).

Объективной потребностью становится обеспечение непрерывного образования в течение всей трудовой жизни работника. В качестве непрерывного образования понимается не получение дополнительного образования, а концепция «обучение длиной в жизнь» (с раннего детства до глубокой старости). Эта концепция предусматривает, что у человека должно быть желание и возможности обучаться не только исходя из объективных потребностей, например, в связи с производственной (профессиональной) необходимостью, но и исходя из личной (субъективной) потребности в новых знаниях, навыках, умениях и т.д.

Одной из возможностей системы ОДО является возможность соединения обучения непосредственно с производством.

Система ОДО позволяет устранить неравное качество образования в регионах, разницу возможностей получения образования жителями городов и сельской местности, что наблюдается при традиционной системе обучения.

Таким образом, система ОДО в наибольшей степени отвечает требованиям современного состояния народного хозяйства, способствует развитию «экономики знаний», основанной на эффективном использовании и постоянном развитии трудовых ресурсов, повышении интеллектуального потенциала. Для обеспечения цельности учебного процесса необходимо объединение традиционного (очно-заочного) и дистанционного обучения, что должно найти отражение в методических, дидактических, организационных и юридических аспектах организации профессиональной подготовки персонала предприятий (организаций)¹.

Совершенствование методов управления трудовым потенциалом, в первую очередь на промышленных предприятиях с государственной формой собственности и корпоративной организационно-правовой формой хозяйствования, предусматривает развитие адаптационных социально-экономических технологий, что включает в себя: использование системы социальных гарантий, прогрессивных методов премирования, льгот и компенсаций, а также повсеместное внедрение системы непрерывного повышения квалификации и профессионального обучения, комплексное использование которых может способствовать внутренней активизации бизнес-процессов и всестороннему развитию трудовых коллективов предприятий (организаций).

Выводы. Подводя итоги вышесказанному можно утверждать, что управление трудовым потенциалом предприятий (организаций) – это единая целостная система, в которой внешняя и внутренняя часть управления кадрами должна быть сбалансированной. При этом существует объективная необходимость целевых капиталовложений, связанных с наймом, обучением, возможностями работника совершенствовать свой потенциал.

В связи с этим, для более эффективного управления трудовым потенциалом предприятия необходимо соблюдать следующие принципы и правила:

– стимулировать развитие профессиональных, интеллектуальных, моральных и лидерских качеств работников на предприятии;

¹ Лазаренко Н.В. Управление развитием персонала предприятий на основе дистанционного высшего образования // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности: сб. науч. стат. – Вып. 7 / ДонНУЭТ им. М. Туган-Барановского, каф. экономики предприятия; сост. Л.И. Донец. – Донецк: ФЛП Кириенко С.Г., 2018. – С. 160–164. – <https://elibrary.ru/contents.asp?itleid=58188>

– мотивировать работников, а также поощрять материально и морально всех сотрудников, без исключения, за хорошо проделанную работу, которая внесла существенный вклад в развитие предприятия либо увеличение его целевого дохода (прибыли).

Необходимо также обеспечивать непосредственную ответственность в соответствии с действующим законодательством каждого сотрудника за качество выполнения работы (качество труда). При этом взыскания должны не унижать личное достоинство работника, а показывать ему вред и последствия его неправильных поступков относительно достижения конечных результатов производственно-хозяйственной деятельности предприятия.

Соблюдение данных правил на практике позволит: повысить профессионально-квалификационный уровень образования персонала, обеспечить рост производительности труда, увеличить объем производства и реализации продукции за счет улучшения ее качества, что позволит укрепить конкурентные преимущества предприятия на рынке и получить социально-экономический эффект.

Лойко А.И.¹

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В ИНДУСТРИЮ 4.0

Ключевые слова: экономика, индустрия 4.0, модернизация, Беларусь, Россия, киберфизические системы, промышленный Интернет.

Keywords: economy, industry 4.0, modernization, Belarus, Russia, cyber-physical systems, industrial Internet.

До 2019 г. эволюция экономик Беларуси и России в индустрию 4.0 осуществлялась на основе национальных программ. В формировании национально-правовых систем цифровой экономики обоих государств играли разные факторы влияния. Для Беларуси внутренним фактором влияния стала необходимость развития нематериалоемких сегментов национальной экономики. На этом основании было принято решение о создании в 2005 г. Парка высоких технологий (Декрет Президента Республики Беларусь № 12). Он должен был интегрировать Беларусь в высокотехнологичный сектор мировой экономики и одновременно решить проблему «утечки мозгов» в области программирования.

К задачам Парка были отнесены: 1) разработка и издание программного обеспечения и консультирование в этой области; 2) обработка данных; 3) деятельность, связанная с базами данных. К функционированию Парка определенное время присматривались, и когда он стал выходить на довольно высокие показатели прибыльности, в политическом руководстве белорусского государства сформировалось убеждение в возможности использования этого института в целях модернизации национальной экономики.

В Беларуси принята к действию государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. В 2017 г. эксперты из ФРГ провели ряд семинаров для руководителей белорусских предприятий по тематике индустрии 4.0. Они отметили наличие необходимых условий для реализации в белорусской экономике программы промышленного Интернета. Эти условия может обеспечить Парк высоких технологий.

В формате первого немецко-белорусского форума по теме «Четвертая промышленная революция (Industrie 4.0): цифровая трансформация экономики», проходившего в 2017 г., представительство немецкой экономики в Республике Беларусь и ИООО «Информационный центр немецкой экономики» провели заседание рабочей группы «Промышленная кооперация и инновации». Рассматривались вопросы разработки стандартов Индустрии 4.0 для создания «умного» промышленного предприятия с полным цифровым управлением производственными процессами, а также опыт предприятия Siemens и индустриального парка «Великий камень». Был проведен круглый стол на тему «Правовые основы и приоритеты реализации цифровой трансформации экономики и промышленной политики ФРГ и Республики Беларусь. Инструменты по поддержке экспорта и привлечению прямых иностранных инвестиций в ФРГ и Республику Беларусь».

21 декабря 2017 г. вступил в силу Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики». Декретом создан правовой инструмент развития цифровой экономики. Готовится концепция развития в Республике Беларусь электронного правительства. Дигитализация деятельности осуществляется в сферах промышленности, сельского хозяйства, энергетики.

В промышленности планируется автоматизация производственного цикла, внедрение ERP-систем автоматизации управления производством, персоналом и активами компаний, использование CALS-технологий информационной поддержки поставок и жизненного цикла продукции, MES-систем координации и синхронизации выпуска промежуточной и конечной продукции. В энергетическом комплексе осуществляется применение информационных технологий в сфере энергоэффективности, энергосбережения и энергоаудита, совместное использование цифровых инфраструктур.

В области сельского хозяйства осуществляется создание общей интеграционной платформы, включающей электронные торговые площадки, единую цифровую систему государственного управления АПК, контроля движения продукции, учета и выявления торговых и технических барьеров.

Изменения происходят в банковском секторе. Обсуждается тема использования в расчетах электронных денег. Отсутствие достаточных объемов рынка продаж товаров и услуг за криптовалюту, высокая стоимость транзакций не позволяют пока их рассматривать в качестве всеобщего платежного средства.

В рамках стратегии развития цифровой экономики особую тему в Беларуси представляет промышленность. Этот интерес обусловлен не только внутренними задачами повышения ее конкурентоспособности, но и мировой тен-

¹ Лойко Александр Иванович – д.филос.н., профессор, кафедра философских учений Белорусского национального технического университета, Минск. E-mail: alexander.loiko@tut.by

денцией новой индустриализации, созданной четвертой промышленной революцией. Именно эта тенденция стала предметом изучения Ю.В. Мелешко¹.

Ю.В. Мелешко выделяет две главные мотивации реализации стратегии промышленного Интернета – это качественное изменение производимой продукции, ее ориентированность на клиента, и, как следствие, необходимость трансформации предприятий и компаний в гибкие производственные структуры. Эти особенности формируют направление изменения бизнес-процессов. За основу взята идеология CRM. Согласно этой идеологии, существующие и перспективные потребности рынка определяют товары и услуги, способы их доставки клиентам, состав основных средств, требования к поставщикам сырья и материалов, навыки и квалификацию персонала. Вследствие этого больше внимания уделяется модернизации ассортимента продукции и клиентских услуг. Произошло взаимопроникновение бизнес-процессов производства, маркетинга, логистики, сервисного обслуживания, рекламы. Приоритетная роль отводится интегрированной цепочке создания товара с высокой добавленной стоимостью, поскольку она координирует деятельность ее участников.

Белорусские предприятия довольно быстро поняли, что их конкурентоспособность будет определяться услугами промышленного характера. Особое значение приобрели услуги по разработке и внедрению продукции в производство (НИОКР, дизайн). На этих задачах сосредоточились инжиниринговые компании. Еще один блок услуг промышленного характера создали маркетинговые, проектные, консалтинговые компании, а также компании, ориентированные на профессиональное обучение и краудфандинг.

Белорусские промышленные предприятия в дополнение к производственному сектору создали товаропроводящие сети, дилерские центры, торговые представительства. Их деятельность сопряжена с деятельностью региональных торгово-промышленных палат. Все эти структуры интегрированы общей задачей производства, реализации и стабильного присутствия через центры сервисного обслуживания на рынках продукции.

Основные элементы производства и услуг промышленного характера являются потенциальными сферами дигитализации. Высокий уровень дигитализации характерен для проектных и конструкторских работ. Высокими темпами осуществляется трансформация сферы услуг промышленной направленности. Итогом ее дигитализации являются сетевые корпоративные структуры поддержки принятия решений.

Объектом автоматизации стала система управления экспортом ОАО «Беларуськалий»². ERP – система стала фактором повышения конкурентоспособности предприятий белорусского машиностроения³. Внедряется Интернет-торговля без склада, основанная на прямой поставке. Сдерживающим фактором является недоверие потенциальных покупателей к новым формам оплаты⁴.

Поскольку белорусские предприятия прошли период формирования сектора промышленных услуг, то изменился вектор их эволюции как организаций. Они переходят к кластерному строению и сетевому способу координации. Приоритетную роль играет кооперация в коллаборативных формах, основанных на интерактивной координации действий коллектива участников. Посредством информационных сетей партнеры и конкуренты объединяют ресурсы и знания для совместной работы над конкретными проектами, продолжая соперничать по другим направлениям.

Примером стал индустриальный парк «Великий камень». Подобный опыт уникален для белорусских и российских промышленных компаний, поскольку они работают на рынках товарной продукции автомобилестроения, калийных удобрений, мясомолочной продукции, нефтепродуктов. Белорусский опыт эволюции в цифровую экономику проанализирован М.М. Ковалевым и Г.Г. Головенчик⁵.

2019 г. позиционировал себя тематикой цифровой экономики в форматах Союзного государства, ЕАЭС, СНГ, XII Евразийского экономического форума в Вероне, заседания в Сколково. Для столь интенсивного диалога подготовлена основа и с российской стороны. Реализуется государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Ее конкретизацией является «Технет». Сформировалось целое направление научной рефлексии под общей рубрикой «Индустрия 4.0». Среди авторов Т.В. Авдеенко, В.В. Авилова, А.А. Алетдинова, А.А. Глумов, Л.С. Платкина, Ю.А. Платкин, И.В. Тарасов, Т.Ф. Ульмаскулов, Н.Ю. Щетинина. Главный вопрос обсуждения – адаптация российской промышленности к мировой программе модернизации производственных структур в условиях четвертой промышленной революции.

Российскими специалистами активно разрабатывается концепт «гибридной экономики», в рамках которого предполагается конвергенция ресурсов искусственного интеллекта с ресурсами когнитивной экономики⁶. Согласно этой позиции когнитивная экономика изучает процессы оценки, выбора, принятия решений в экономической деятельности. В ней исследуется эволюция организаций и социальных институтов в условиях неопределенности.

Она связана с методами искусственного интеллекта и управления знаниями в экономике. Экономическое моделирование основано на знаниях и моделях когнитивной бизнес-аналитики. Используются интеллектуальные инфор-

¹ Мелешко Ю.В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) // Экономическая наука сегодня. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 64–78.

² Блашкевич И.Ю. Система управления экспортом как объект автоматизации на примере ОАО «Беларуськалий» // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов. – Минск, 2017. – С. 75–77.

³ Гисич Е.В., Липинская А.В. ERP – система как фактор повышения конкурентоспособности предприятий машиностроения // Там же, с. 55–57.

⁴ Аснович Н.Г. Дропшипинг как новая форма продвижения товаров / Там же с. 61–64.

⁵ Ковалев М.М., Головенчик Г.Г. Цифровая экономика – шанс для Беларуси. – Минск, 2018.

⁶ Абдикеев Н.М., Аверкин А.Н., Ефремова Н.А. Когнитивная экономика: методологические основы / Четвертая международная конференция по когнитивной науке. – Томск, 2010. – Т.1. – С. 115–116.

мационные системы, системы поддержки принятия решений, интеллектуальной обработки данных, интеллектуальные системы планирования производства, динамические экспертные системы диспетчерского управления предприятием, финансовый анализ и планирование с помощью нейронных сетей и эволюционных алгоритмов, интеллектуальные системы управления инвестиционным портфелем и риск-менеджмента. Разрабатываются модели принятия экономических решений в сознании менеджера, а также модели поведенческой экономики¹. Используется представление о процессах, происходящих в динамических ситуациях на основе ориентированных знаковых графов².

Как для белорусских, так и для российских предприятий главной остается задача модернизации производственных процессов на основе аддитивных технологий, автономной робототехники, новых материалов и способов сбора и анализа информации в сегменте Интернета вещей, киберфизических систем. Имеет место модернизация промышленных роботов³.

На фоне консерватизма производственного сектора активным использованием терминологии цифровой экономики отличаются рекламодатели строительных, энергетических, коммунальных компаний. Они оперируют понятиями и моделями умного города, умного дома, умного предприятия, интеллектуального карьера⁴.

На этой основе сформирована программа развития цифровой экономики Беларуси и России в рамках интеграционных объединений до 2025 г. Она предполагает создание цифровых платформ взаимодействия предприятий, сети трансфера технологий и промышленной кооперации и субконтрактации, отраслевую модернизацию. Этому способствует высокий уровень конвергенции технологических компаний. На рынке работают крупные медиахолдинги, которые занимают позиции в сегментах рекламы, новостных сайтов, Интернет-торговли интеллектуальной продукцией.

¹ Абдикеев Н.М. Когнитивный менеджмент // Управленческие науки. 2014. – № 3. – С. 71–78.

² Кулинич А.А. Компьютерные системы анализа ситуаций и поддержки принятия решений на основе когнитивных карт: подходы и методы // Проблемы управления. – М., 2011. – № 4. – С. 32–45.

³ Обиходов П.А., Напрасников В.В., Напрасникова Ю.В. Оптимизация конструкции промышленного робота // Информационные технологии в технических, Правовых, политических и социально-экономических системах. – Минск, 2017. – С. 39–40.

⁴ Платкин Ю.А., Платкина Л.С. Программы «Индустрия 4.0» и «Цифровая экономика Российской Федерации» – возможности и перспективы в угольной промышленности // Горная промышленность. 2018. – С. 22–28.

Мальцева И.С.

к.э.н., Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: модернизация, сельская экономика, сельскохозяйственный потребительский кооператив, малые форм хозяйствования, северный регион, государственная поддержка.

Keywords: modernization, rural economy, agricultural cooperative, small farms, Northern region, state support.

Реализация целей модернизации сельского хозяйства России началась с принятия приоритетного национального проекта «Развитие АПК», который позволил частично преодолеть негативные тенденции в функционировании отрасли. С 2006 г. сельское хозяйство стало одним из четырех национальных проектов, который в 2008 г. перешел в государственную программу «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.», а затем и госпрограмму на 2013–2020 гг. Доктрина продовольственной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 определила модернизацию и устойчивое развитие сельской экономики в качестве одного из двенадцати национальных интересов государства в сфере продовольственной безопасности.

Модернизация – это современный термин, используемый для характеристики давно уже идущего в мире процесса – процесса социальных изменений, посредством которых менее развитые общества приобретают характеристики, отличающие большинство развитых обществ¹.

Теория модернизации рассматривает развитие как единый эволюционный путь, которым следуют все общества – от аграрных, сельских и традиционных обществ до постиндустриальных, городских и современных форм. Другими словами, все общества, однажды вовлеченные в процесс модернизации, следуют заранее определенной последовательности стадий развития: традиционная экономика, переход к взлету, сам взлет, стремление к зрелости, возраст высокого потребления и постиндустриальное общество. Теория модернизации делает акцент на внутренних силах и источниках социально-экономического развития – таких как образование, рыночная экономика, демократические и светские политические структуры.

Модернизация включает в себя урбанизацию, применение науки и техники, быстрое увеличение профессиональной специализации, рост бюрократизации и повышение уровня образования, но ядром этого процесса является индустриализация, которая позволяет избежать нищеты и беспомощности натурального сельского хозяйства. С помощью индустриализации общество может избавиться от голода, приобрести новые технологии, и достичь гораздо более высокой продолжительности жизни, чем это было возможно в доиндустриальном обществе. Принятие этой цели становится чрезвычайно привлекательным с точки зрения общества с низкими доходами, как только будет доказано, что она может быть достигнута. Сегодня почти каждое общество на Земле находится на той или иной стадии процесса индустриализации.

В развитых индустриальных (или «постмодернистских») обществах престиж рациональности, науки и техники падает. Постиндустриальные ценности отдают больший приоритет самовыражению, чем экономической эффективности: люди становятся менее склонными принимать издержки, связанные с бюрократией и жесткими социальными нормами. Постмодернистское общество характеризуется упадком иерархических институтов и расширением сферы индивидуального выбора и массового участия. Более того, появление постиндустриального общества благоприятствует демократическим институтам, отчасти потому, что эти общества требуют высокообразованных и инновационных работников, которые привыкают думать самостоятельно в повседневной трудовой жизни².

Развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации является одним из инструментов модернизации сельской экономики (обеспечивая совершенствование технической и технологической оснащенности всех производственных процессов, особенно в малом и среднем бизнесе) и способствует становлению постмодернистских тенденций (являясь демократическим институтом).

Сельскохозяйственная потребительская кооперация служит важным элементом развития сельской экономики, при этом и российские и зарубежные исследователи отмечают значимую роль кооперативов в реализации как эконо-

¹ Lerner D., Coleman J., Dore R. Modernization // International Encyclopedia of the Social Sciences. 1968. Vol. 10. – <https://archive.org/details/encyclopaediaoft030658mbp/page/n7/mode/2up>

² Inglehart R. Modernization, Sociological Theories of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001. – P. 9965-9971. – <https://doi.org/10.1016/B0-08-043076-7/01921-5>

мических, так и социальных функций. Сельскохозяйственные кооперативы реализуют цели своей деятельности в следующих сферах:

– в производственной: обеспечение потребителей безопасными и здоровыми, качественными пищевыми и непродовольственными товарами и развитие своей конкурентной позиции на мировом рынке, основанные на методах устойчивого производства;

– в территориальной: защита и укрепление сельской местности и предоставление экологических услуг, оцениваемые общественностью в целом; поддержка инфраструктуры, экономики и занятости в огромном количестве деревень на всей территории и для предотвращения депопуляции и опустынивания – в отдаленных и труднодоступных районах;

– в социальной: содействие укреплению экономической и социальной сплоченности между группами сельхозпроизводителей и регионами – сокращение диспропорциональности между богатыми и бедными регионами¹.

Западная методика анализа функционирования кооперативов предлагает осуществлять его с использованием экономических показателей – их ресурсов, результатов деятельности, производственного процесса (включая воздействие на окружающую среду), клиентов/бенефициаров, членов кооператива/работников, социальных сетей, заинтересованных сторон. Также предлагает исследовать социальные показатели (то есть те, которые помогают оценить «построение лучшего общества»)². К сожалению, в российской статистике социальные показатели не отражаются, поэтому анализ производится на основании экономических показателей, без оценки социального эффекта кооперации. В данной статье будут использованы только экономические показатели деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов на материалах северного региона – Республики Коми.

В целом по Российской Федерации сельскохозяйственные потребительские кооперативы имеют тенденцию к сокращению: за период 2013–2018 гг. их количество уменьшилось на 23%. Произошло сокращение всех видов кооперативов, в наибольшей степени – кредитных (на 37%), прочих (на 33%) и сбытовых (на 25%). Незначительный рост на 0,4% произошел по перерабатывающим кооперативам.³ Около половины сельскохозяйственных потребительских кооперативов сосредоточены только в 12 субъектах РФ, преимущественно в Липецкой области и Якутии, где наиболее активно осуществляются меры по их поддержке.

Российские экономисты справедливо отмечают, что слабое развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации связано как с внутрикооперативными проблемами, так и с проблемами, носящими макроэкономический характер. На формирование кооперативов влияют уровень первоначальных вложений пайщиков, разный потенциал и взаимное доверие членов кооператива, реальные выгоды и стратегия развития организации; а также государственная политика в отношении кооперации и кооперативное законодательство.

По мнению И.Н. Буздалова, возрождение сельскохозяйственной кооперации связано с преодолением серьезного отставания в разработке ее теоретических основ, формированием адекватной этим основам кооперативной политики с соответствующим радикальным обновлением кооперативного и общего аграрного законодательства. Требуется четкое определение субъектов социальной базы кооперации и условий создания в России их мощной развитой системы⁴.

Республика Коми является аутсайдером по развитию сельскохозяйственной потребительской кооперации, кооперативные процессы происходят в регионе очень медленно и вяло. По данным Министерства сельского хозяйства и потребительского рынка Республики Коми в 2018 г. в регионе функционировало семь сельскохозяйственных потребительских кооперативов, и работало Коми республиканский ревизионный союз сельскохозяйственных кооперативов «Аудит-Информ». На территории республики не работало ни одного кредитного кооператива.

Общий объем реализации продукции, работ и услуг в 2018 г. по сельскохозяйственным потребительским кооперативам Республики Коми составил 78 200 тыс. руб., что в 1,5 раза выше показателя уровня 2013 г. Общий паевой фонд кооперативов увеличился до 311,0 тыс. руб. (рост по сравнению с 2013 г. в 1,9 раза). Средний размер паевого фонда сельскохозяйственного потребительского кооператива на 1 января 2018 г. – 44,4 тыс. руб. За пятилетний период объемы деятельности кооперативов выросли (как и увеличились размеры кооперативов), показатели результативности улучшились, но несмотря на получение чистой прибыли, убыточность продаж сохранилась (табл. 1).

Сельскохозяйственные потребительские кооперативы в 2018 г. имели основные средства на сумму 18,9 млн. руб. (рост за пять лет более чем в шесть раз). Обеспечение деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов потребовало в 2018 г. 3505 тыс. руб. внешних заимствований (в том числе 2000 тыс. руб. – от членов и от ассоциированных членов кооперативов), из бюджетов всех уровней было получено 8072 тыс. руб. субсидий.

¹ Comité des organisations professionnelles agricoles de l'UE. 1999: The European Model OF Agriculture the way ahead, COPA, COGECA. – trade.ec.europa.eu/doclib/html/122241.htm/

² Lopez A., Marcuello G. Agricultural cooperatives and economic efficiency // *New Medit*. 2006. – N 3. – P. 16–22. – http://newmedit.iamb.it/share/img_new_medit_articoli/71_16lopez.pdf

³ Комитет Конгресса по развитию сельского хозяйства: сельхозкооперация для экономики поселений // *Муниципальная Россия*. 2018. – № 5. – С. 31.

⁴ Буздалов И.Н. ПСХ как субъект базы кооперации в сельском хозяйстве России // *Никоновские чтения*. 2018. – № 23. – С. 175–182.

**Результаты деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов
Республики Коми в 2013–2018 гг. (фактически действующих)**

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Абсолютное изменение показателей за 2013–2018 гг.
Количество кооперативов, ед.	6	6	8	9	8	7	1,0
Число пайщиков, лиц	39	39	123	128	94	89	50
Паевой фонд, тыс. руб.	163	163	292	314	311	311	148
Выручка, тыс. руб.	53 532	44 486	44 112	45 976	69 952	78 200	24 668
Чистая прибыль (убыток), тыс. руб.	-5324	648	-1707	666	6642	1333	6657
Рентабельность (убыточность) продаж, %	-9,9	1,5	-3,9	1,4	9,5	-1,7	8
Объем выручки на 1 кооператив, тыс. руб.	8922	7414	5514	5108	8744	11 174	2252
Количество членов на 1 кооператив, лиц	6	6	15	14	11	12	6
Средний размер паевого фонда, тыс. руб.	27,1	27,1	36,5	34,9	38,9	44,4	17

Примечание: Составлено автором по данным отчетности Министерства сельского хозяйства и потребительского рынка Республики Коми.

Важность развития сельхозкооперации в северном регионе связана с особенностями функционирования и ролью мелкого и среднего сельхозпроизводства в республике, его мелкими масштабами и территориальной рассредоточенностью. В настоящее время 26% объема производства сельхозпродукции в Республике Коми осуществляют хозяйства населения (ЛПХ), объемы производства в которых сократились с 2013 г. на 23%, при этом объемы производства продукции растениеводства за последние пять лет снизились на 26%, а животноводства – 15%. Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) производят около 90% общереспубликанских объемов картофеля и 80% овощей. С 2014 г. в ЛПХ более чем на треть сократилось производство молока и мяса (табл. 2).

Таблица 2

**Производство сельскохозяйственной продукции в Республике Коми по категориям хозяйств
за 2014–2018 гг., тыс. т**

Продукция	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018		Темпы роста за 2014–2018 гг., %
					Всего	Удельный вес, %	
Картофель	84,4	77,9	63,4	35,5	54,4	100	64,5
В том числе: Сельхозорганизации	6,1	5,3	4,3	1,6	4	7,4	65,6
КФХ	2,7	3,3	3,1	1,6	2,1	3,9	77,8
ЛПХ	75,5	69,3	55,9	32,3	48,2	88,6	63,8
Овощи	19,6	21,4	22,9	16,8	20,1	100	102,6
В том числе: Сельхозорганизации	3,6	4,5	4	3	3,3	16,4	91,7
КФХ	0,6	0,6	0,7	0,2	0,3	1,5	50,0
ЛПХ	15,4	16,3	18,3	13,5	16,5	82,1	107,1
Скот и птица на убой в убойном весе	20,5	22,2	22,9	23,8	24,6	100	120,0
В том числе: Сельхозорганизации	17,9	19,8	20,7	21,8	22,7	92,3	126,8
КФХ	0,5	0,5	0,6	0,5	0,5	2,0	100,0
ЛПХ	2,1	1,9	1,7	1,6	1,4	5,7	66,7
Молоко	56,6	56,5	54,3	54,7	54,8	100	96,8
В том числе: Сельхозорганизации	35,5	36,2	36,2	36,5	37,7	68,8	106,2
КФХ	6,9	7,4	7,7	8,4	8,3	15,1	120,3
ЛПХ	14,2	12,9	10,4	9,7	8,8	16,1	62,0

Примечание: Составлено автором по: Сельское хозяйство в Республике Коми. 2019: стат. сб. // Комистат, 2019.

В последние пять лет в ЛПХ наблюдалось снижение поголовья основных видов скота и посевных площадей сельскохозяйственных культур. Снижение объемов производства в хозяйствах населения не было компенсировано ростом объемов производства сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ). При этом производя более четверти сельхозпродукции, хозяйства населения не получают практически никакой государственной поддержки за исключением минимальной денежной помощи в закупке молодняка крупного рогатого скота и при продаже молока.

Доля крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) в республиканском объеме производства продукции сельского хозяйства составляет 5%, за 2013–2018 гг. производство продукции возросло на 27%. Продукция растениеводства увеличилась на 40%, животноводства – на 23%. Преобладающим направлением деятельности фермеров республики является производство животноводческой продукции, на долю которой в 2018 г. приходилось 75%. В целом за пять лет производство скота и птицы на убой незначительно снизилось, валовые надои возросли на 25%. В настоящее время в республике стоит задача замедления темпов падения сельхозпроизводства в ЛПХ и более активного вовлечения в рыночный оборот хозяйств населения и КФХ.

С 2019 г. в России начал работать Федеральный проект «Создание системы поддержки фермеров и развития сельской кооперации». В состав проекта входит:

– Доработка и реализация региональных программ развития сельскохозяйственной кооперации;

- Определение центров компетенций и разработка их стандартов;
- Новые меры финансовой поддержки (37,368 млрд. руб. из федерального бюджета на 6 лет);
- Меры поддержки сельскохозяйственных кооперативов по линии АО Корпорация «МСП»: совершенствование «коробочного продукта», мероприятия по повышению информационной открытости закупок крупнейших заказчиков, обучающие семинары для центров компетенций;
- Мероприятия по изменению нормативной базы.

Без сомнения, реализация проекта даст новый импульс развитию кооперации на селе. Однако этого не достаточно. Как считает А.В. Петриков, мерами по стимулированию сельскохозяйственной потребительской кооперации являются:

- совершенствование кооперативного законодательства;
- приоритетная поддержка малых и средних сельхозорганизаций и фермеров;
- поддержка кооперативных хранилищ и оптово-логистических центров;
- формирование федеральной кооперативной товаропроводящей сети и общероссийской кооперативной торговой марки;
- особое внимание к поддержке производственных кооперативов, а также кредитных кооперативов¹.

Кроме того, данные направления развития (включая Федеральный проект) оставляют в стороне хозяйства населения, что недопустимо, учитывая их экономическую и социальную значимость. Таким образом, необходимо дальнейшее развитие мероприятий в рамках проекта.

¹ Петриков А.В. О приоритетных направлениях развития сельскохозяйственной кооперации в России // Доклад на заседании Комитета по развитию сельского хозяйства Общероссийского конгресса муниципальных образований (ОКМО) 14.06.2019 г. – <http://www.viapi.ru/news/detail.php?ID=227816>

Манько М.А.

старший инспектор, Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома

Русак И.Н.

к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики организации, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

АНАЛИЗ РОЛИ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: Республика Беларусь, малый и средний бизнес, инкубатор малого предпринимательства, экономика, проблемы бизнеса, развитие предпринимательства.

Keywords: Republic of Belarus, small and medium-sized businesses, small business incubator, economy, business problems, business development.

Особое внимание к проблеме развития малого и среднего предпринимательства на сегодняшний день актуально во всех странах мира. Основной причиной такого явления является то, что малое и среднее предпринимательство является одним из важнейших элементов рыночной экономики, значительной составляющей ВВП национальной экономики, ее развитие напрямую связано с темпами его роста и качественными характеристиками. Данный сектор экономики является достаточно мобильным и может сгладить негативные процессы в сфере занятости населения, обеспечить социальную адаптацию высвобождающихся с крупных предприятий работников, а также участвует в формировании новых рыночных ниш и точек экономического роста.

Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь насчитывает более 25 лет.

На сегодняшний момент в стране принят ряд нормативно-правовых актов (НПА), направленных на поддержку и развитие малого и среднего предпринимательства, среди которых Декреты и Указы Президента Республики Беларусь, Законы, Постановления Совмина и другие НПА:

- Указ Президента Республики Беларусь от 29.03.2012 № 150 «О некоторых вопросах аренды и безвозмездного пользования имуществом»;
- Указ Президента Республики Беларусь от 21.05.2009 № 25 «О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства»;
- Декрет Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства»;
- Закон Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» от 01.07.2010 (с изменениями и дополнениями 18.01.2018);
- Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.12.2010 № 1911 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства»;
- Национальная платформа бизнеса 2019 «Будущее бизнеса – будущее страны» и другие¹.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» от 01.07.2010 (с изм. и доп. от 18.01.2018) к субъектам малого предпринимательства относятся:

- индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Республике Беларусь;
- микроорганизации – зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год до 15 человек включительно;
- малые организации – зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год от 16 до 100 человек включительно².

К субъектам среднего предпринимательства относятся зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год от 101 до 250 человек включительно.

С целью формирования динамично развивающегося сектора малого и среднего предпринимательства, способного существенно улучшить структуру белорусской экономики, повысить ее конкурентоспособность, обеспечить эффективную занятость и рост доходов населения в Республике Беларусь разработан ряд стратегий и государственных программ, направленных на создание условий развития предпринимательства на среднесрочную перспективу.

Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 годы – является основополагающим документом, направленным на развитие малого и среднего предпринимательства как одного из факторов обеспечения стабильно высокого уровня занятости населения и экономического роста.

¹ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – <http://www.pravo.by>

² Там же.

В основу Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы заложены ориентиры развития социально трудовой сферы, определенные Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, а также преемственность целей и направлений социально-экономического развития Республики Беларусь в предыдущем пятилетии. В Государственной программе определены основные направления по реализации государственной политики в области содействия занятости населения, охраны труда, предупреждения и реабилитации инвалидности, создания безбарьерной среды жизнедеятельности и социальной интеграции инвалидов и пожилых граждан¹.

Целями Государственной программы развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы являются повышение эффективности сельскохозяйственного производства и сбыта сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, а также повышение их конкурентоспособности, обеспечение внутреннего рынка страны отечественной сельскохозяйственной продукцией и продовольствием в необходимых объемах и надлежащего качества на основе формирования рыночных механизмов хозяйствования и развития аграрного бизнеса.

Кроме того, в Республике Беларусь разработана и утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства на период до 2030 года «Беларусь – страна успешного предпринимательства». Данная стратегия является основным ориентиром при формировании и выполнении государственных программ в сфере государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, планов его развития на республиканском и региональном уровнях.

Стратегией определены приоритетные направления развития МСП на среднесрочную и долгосрочную перспективу, создания благоприятных условий формирования и функционирования предпринимательской среды, обеспечения согласованности действий органов государственной власти различных уровней и бизнеса. Реализация настоящей Стратегии позволит сформировать гибкий сектор национальной экономики, обеспечивающий ее инновационное развитие, высокий уровень конкурентоспособности, эффективную занятость и рост качества жизни населения.

Регулирование деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляется во взаимосвязке министерств, ведомств, фондов, центров и других организаций, в том числе международных, к которым относятся Министерство экономики Республики Беларусь, Министерство финансов Республики Беларусь, Белорусский Союз Предпринимателей, Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей, Европейский банк реконструкции и развития, Центр международной технической помощи и др.

Рисунок 1.
Субъекты инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства Республики Беларусь

На начало 2019 года создана и действует инфраструктура субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства: 109 центров поддержки предпринимательства, 25 инкубаторов малого предпринимательства (рис. 1). Необходимо отметить, что если количество инкубаторов малого предпринимательства наиболее высоко в Минской и Гродненской области – по 6, то большинство центров поддержки предпринимательства расположено в г. Минске – 27 и Гродненском регионе – 22. «Аутсайдером» в создании инфраструктуры поддержки предпринимательства является Витебская область – 2 инкубатора и 8 центров поддержки предпринимательства.

На 1 января 2019 г. по Республике Беларусь зарегистрировано 111 214 субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе малых организаций – 11 528, микроорганизаций – 97 449, средних организаций – 2237 (рис. 2). Большинство субъектов малого и среднего предпринимательства сконцентрировано в г. Минске – 43 853 организации и Минской области – 20 684 организации, наименьшее количество малого и среднего предпринимательства зарегистрировано в Гродненской области – 8397².

¹ Русак И.Н. Проблемы развития молодежного инновационного предпринимательства // Большое евразийское партнёрство: прошлое, настоящее, будущее: избранные труды X Евразийского научного форума: коллективная монография. Т. 2. — СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2018. – С. 319–328.

² Там же.

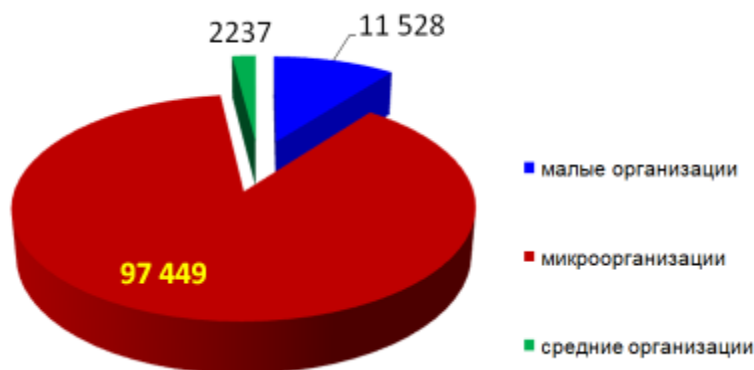

Рисунок 2.

Количество субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Беларусь на 01.01.2019¹

Среди субъектов малого и среднего предпринимательства 87,6% занимают микроорганизации, 10,4% малые организации, 2% – средние организации.

Если рассмотреть удельный вес малого и среднего предпринимательства в основных экономических показателях, то можно заметить, что по доле в ВВП на данный момент не достигнут уровень 2012 года, по ВДС также, по всем остальным показателям наблюдается положительная тенденция (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес субъектов малого и среднего предпринимательства в основных экономических показателях развития Республики Беларусь (в процентах к общереспубликанскому итогу).

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Темп роста 2018/2012 гг.
ВВП	26,2	25,1	24,5	23,4	23,6	24,6	24,6	93,89
Валовая добавленная стоимость	29,8	28,6	27,6	27	27,3	28,4	28,8	96,64
Средняя численность работников организаций и численность индивидуальных предпринимателей и привлекаемых ими наемных лиц	31,5	32,5	32,3	31,9	32,8	33,5	33,9	107,62
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг	39,1	39,3	38,8	39,6	40	42,8	43,8	112,02
Оборот внешней торговли товарами	38,6	37,3	38,9	42,1	42,7	45,2	47,9	124,09
Экспорт товаров	41,5	37,6	41,8	48,4	45,7	47,2	51	122,89
Импорт товаров	35,6	37,1	36,2	36,5	40,2	43,5	45,3	127,25

Источник: собственная разработка на основе статистических данных.

Среди основных проблем развития малого и среднего предпринимательства можно выделить:

- слабая имущественная база (недостаточность основных фондов) малых предприятий;
- трудности при решении вопросов доступа к сетям коммуникаций (инженерные, коммунальные и другие);
- проблема доступности кредитов из-за достаточно высоких по сравнению с доходностью бизнеса ставок платы за кредитные ресурсы и жестких требований банков к залоговому обеспечению;
- недостаток квалифицированных кадров;
- высокие издержки при «вхождении на рынок» для начинающих субъектов малого предпринимательства, в том числе высокая арендная плата за нежилые помещения;
- высокая финансовая правовая неграмотность населения, которая является значительным барьером для открытия бизнеса;
- сложная и громоздкая система нормативно-правового регулирования деятельности субъектов малого и среднего бизнеса;
- отсутствие платежеспособного спроса у населения регионов;
- проблемы продвижения продукции (работ, услуг) на региональные, национальный и международные рынки (недостаточно эффективная маркетинговая политика и другие);
- незначительное количество инкубаторов малого бизнеса в стране на уровне малых городов.

Среди мероприятий, направленных на дальнейшую поддержку малого и среднего предпринимательства можно отметить:

- создание эффективных механизмов финансово-кредитной поддержки и страхования рисков малого и среднего предпринимательства;
- создание благоприятных условий для формирования материальной базы субъектов малого и среднего предпринимательства;
- обеспечение надежной социальной защищенности и безопасности предпринимателей;

¹ Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – <http://belstat.gov.by>

- формирование конкурентных рынков и рыночных механизмов в экономике, прозрачности и равенства всех форм собственности;
- достижение всеобщего понимания принципов ведения бизнеса, включающих принципы современного менеджмента, финансового и маркетингового анализа;
- оказание содействия малому и среднему предпринимательству в нахождении партнеров как внутри страны, так и за рубежом;
- создание благоприятных условий для поддержки национальных производителей;
- создание благоприятных условий для предоставления микрокредитов нуждающимся для организации своего бизнеса;
- предоставление ипотечных кредитов;
- снижение налоговой нагрузки до 32-40%;
- формирование рыночного национального самосознания.

Вышеуказанные меры помогут сделать более привлекательным ведение собственного бизнеса и будут способствовать развитию малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь.

Одним из самых последних информационных ресурсов, оказывающих максимальную помощь в развитии предпринимательства, являются практические рекомендации для предпринимателей, расположенные на официальном сайте Министерства экономики Республики Беларусь, к которым относятся следующие документы:

- Пособие Малый бизнес с результатом 2017;
- Пособие Франчайзинг 2018;
- Кластеры в регионах «за и не против»;
- Методические рекомендации по осуществлению субъектами хозяйствования деятельности по предоставлению услуг по перевозкам пассажиров и багажа автомобильным транспортом (за исключением осуществления таких перевозок в регулярном сообщении, а также для обеспечения собственных нужд юридических лиц, индивидуальных предпринимателей) (Минтранс);
- Методические рекомендации для субъектов хозяйствования малого и среднего бизнеса, осуществляющих производство тары и упаковки, по соблюдению требований технических регламентов Таможенного союза и Евразийского экономического союза (Госстандарт);
- Основные изменения, касающиеся налогового законодательства (МНС);
- Рекомендации по подтверждению соответствия продукции легкой промышленности техническим регламентам;
- Методические рекомендации по осуществлению субъектами хозяйствования деятельности по производству текстильных материалов, швейных изделий, производству одежды, кожи, изделий из кожи, в том числе обуви в Республике Беларусь;
- Разъяснение Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь отдельных положений Декрета № 7;
- Порядок действий субъекта хозяйствования при организации розничной торговли в торговом объекте в соответствии с нормами Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» (МАРТ);
- Порядок действий субъекта хозяйствования при открытии объекта бытового обслуживания потребителей в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» (МАРТ);
- Порядок действий субъекта хозяйствования в целях организации работы объекта общественного питания в соответствии с нормами Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» (МАРТ);
- Методические рекомендации по осуществлению субъектами хозяйствования производства строительных материалов и изделий (МАиС);
- Применение норм декрета № 7 в области охраны окружающей среды (онлайн-конференция в Белта);
- Методические рекомендации по осуществлению субъектами хозяйствования туристической деятельности в Республике Беларусь (МСиТ);
- Методические рекомендации по производству пищевой продукции, за исключением производства алкогольной продукции (Белгоспищепром)¹

Создание благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса будет способствовать развитию предпринимательства в Республике Беларусь, формированию бизнес-среды и дальнейшему экономическому росту, что приведет к повышению уровня и качества жизни населения.

¹ Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by>. – Дата доступа: 10.11.2019. <http://economy.gov.by/ru/prakt-recommend-ru/?fbclid=IwAR2q5qUWiZTcek3rE07D2ruLnXDvvDDVIQBTLvpuQOuKtCLvwrziBGKFM>

Маслова В.В.

д.э.н., профессор РАН, зав. отделом ФНЦ ВНИИЭСХ
maslova.ec-fin@vniiesh.ru

Авдеев М.В.

к.э.н.
avdeev.ec-fin@vniiesh.ru

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОДУКЦИИ АПК РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: сельское хозяйство, АПК, конкурентоспособность, импорт, экспорт, спрос, предложение, импортозамещение, цены, государственная поддержка, инвестиции, инновации.

Keywords: agriculture, agribusiness, competitiveness, import, export, demand, supply, import substitution, prices, state support, investment, innovation.

Конкурентоспособность является одной из важнейших интегральных экономических категорий, используемых для оценки эффективности деятельности хозяйствующих субъектов. Сложность ее определения обуславливает разнородность применяемых показателей для ее оценки, включающих как стоимостные, так и качественные характеристики. В связи с этим в экономической теории существует множество подходов к определению данного термина.

Согласно определению М. Портера, конкурентоспособность – это свойство товара, услуги, субъекта рыночных отношений выступать на рынке наравне с присутствующими там аналогичными товарами, услугами или конкурирующими субъектами рыночных отношений¹. Другими авторами отмечается, что это способность экономики удовлетворять возрастающий внутренний спрос и расширять экспорт². Р. Фатхудинов подчеркивает комплексный характер данной экономической категории – она интегрирует в себе технологические, экономические, управленческие, маркетинговые, психологические и другие характеристики субъекта и его объекта, проявляющиеся в конкретных рыночных условиях³.

Представленные определения в зависимости от объекта исследования отражают тот или иной аспект конкурентоспособности. Авторами статьи оценка конкурентоспособности проводится в несколько этапов: первый – анализ процесса импортозамещения, направленного на удовлетворения спроса на внутреннем рынке за счет производства необходимого объема качественной отечественной продукции, а также динамики объемов экспорта отечественной агропродовольственной продукции; второй – на примере отдельных продуктов проводится оценка ценовой конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей на уровне производства (по средним ценам производителей) и с учетом транзакционных и логистических издержек (по средним экспортным ценам)⁴.

В 2014–2018 гг. благодаря мерам государственной поддержки, стимулирующим приток инвестиционных ресурсов в отрасль, а также благоприятной рыночной конъюнктуре, удалось достичь значительных результатов по импортозамещению. Так, субсидирование части процентных ставок на строительство и модернизацию свиноводческих и птицеводческих комплексов позволило существенно нарастить производство отечественной продукции и сократить ее импорт, например, импортные поставки свинины за пять последних лет сократились почти на 90%, мяса курицы – на 55%. Также существенно сократились поставки говядины (на 60%), масла сливочного (на 43%), томатов (на 40%), сыра и творога (на 39%). В результате суммарный объем импортных поставок продовольствия сократился больше, чем на четверть: с 39,9 млрд. долл. США в 2014 г. до 29,6 млрд. долл. США в 2018 г.⁵.

В то же время товарная структура импортных поставок включает в себя достаточно широкий перечень агропродовольственной продукции (рис. 1). Лидирующей товарной группой по объему импорта в стоимостном выражении остаются фрукты и орехи (17,1%), напитки (9,1%), продукция животноводства (молочная продукция и мясо – 7,9% и 7,0% соответственно), масличные семена и плоды (6,4%).

По мясу КРС и молоку и молокопродуктам обеспечить импортозамещение пока не удалось. Объемы производства крупного рогатого скота в 2014–2018 гг. сократились на 1,4%, молока – практически остались на том же уровне.

¹ Портер М. Конкуренция. Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – С. 589.

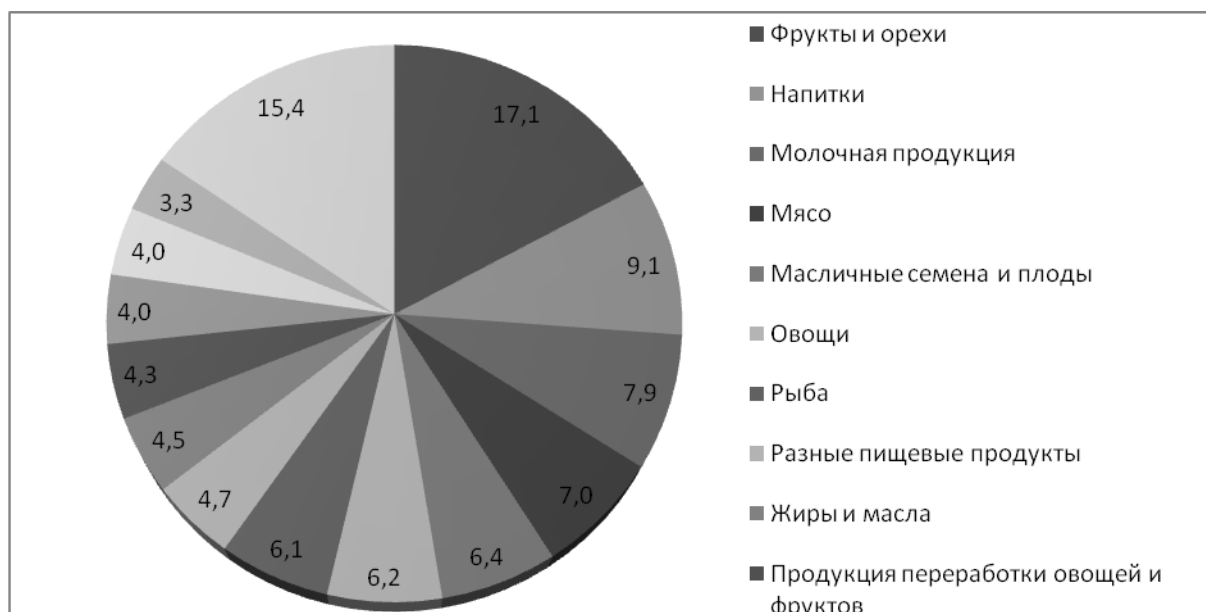
² Бетс Г., Брайндли Б., Уильямс С. и др. Бизнес. Толковый словарь. – М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 1998.

³ Фатхудинов Р.А. Сущность конкурентоспособности // Современная конкуренция. 2009. – № 3. – С. 99–129.

⁴ Маслова В. Развитие сельского хозяйства в условиях импортозамещения / В. Маслова, В. Чекалин, М. Авдеев // Вестник Российской академии наук. – М., 2019. – № 10. – С. 1024–1032; АПК России: ценовые отношения в условиях перехода к экспортно-ориентированной экономике и интеграции в ЕАЭС: монография / А.Ф. Серков, В.В. Маслова, В.С. Чекалин и др.; под ред. академика И.Г. Ушачева – М.: ООО «Научный консультант», 2019. – С. 294.

⁵ Маслова В.В., Авдеев М.В. Конкурентоспособность продукции АПК России в условиях инновационного развития // Научные труды Вольного экономического общества России. – М., 2019. – Т. 219. – С. 104–119.

Это во многом обусловливается тем, что более 40% КРС и молока производится в хозяйствах населения, в которых темпы роста в последние годы постоянно снижаются¹.

Источник: составлено авторами по данным Comtrade².

Рисунок 1.

Основные товарные группы агропродовольственной продукции, импортируемые Россией в 2018 г., %

В растениеводстве существенная импортная зависимость сложилась по овощам закрытого грунта и фруктам. Так, несмотря на то, что за прошедший пятилетний период импорт томатов и огурцов сократился на 42%, объемы их поставок остаются на достаточно высоком уровне – 753 млн. долл. в 2018 г. Импортные поставки фруктов за этот же период также сократились, однако объемы их производства недостаточны для обеспечения спроса на внутреннем рынке.

В результате развития политики импортозамещения доля импорта продовольствия в товарных ресурсах розничной торговли сократилась за пять лет на 10 п.п. – с 34 до 24%. И в 2018 г. в целом удалось достичь пороговых значений Доктрины продовольственной безопасности по основным видам продукции за исключением молока и молокопродуктов.

Объем экспорта агропродовольственной продукции России в 2018 г. составил 24,9 млрд. долл. США, что выше показателя предыдущего года на 20% (20,7 млрд. долл. США). По данному показателю Россия заняла двадцатое место в мире. Мировыми лидерами по объемам экспорта агропродовольствия в настоящее время являются США, Голландия и Германия: объем поставок данных стран в 2018 г. составил 145 млрд. долл. США, 102,2 млрд. долл. США, 87 млрд. долл. США соответственно (табл. 1).

Таблица 1

Страны-лидеры по объемам экспорта агропродовольственной продукции в 2014–2018 гг., млрд. долл. США

№	Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018/2014 гг.
1	США	154,9	138,3	140,8	143,3	145,1	93,7
2	Голландия	103,4	85,5	90,1	97,4	102,2	98,8
3	Германия	91,7	78,0	81,4	85,0	87,0	94,8
4	Бразилия	80,7	72,5	69,6	79,3	82,6	102,4
5	Китай	69,4	68,2	71,1	73,6	77,5	111,8
6	Франция	76,1	66,0	64,5	68,5	72,9	95,9
7	Испания	50,8	46,2	49,0	53,2	56,0	110,2
8	Канада	50,8	47,9	47,3	50,0	51,4	101,2
9	Италия	45,4	40,8	42,5	46,7	49,3	108,5
10	Бельгия	46,2	39,9	41,8	45,2	46,8	101,4
11	Индия	39,0	31,6	30,5	35,6	35,3	90,6
12	Таиланд	32,4	30,1	30,1	33,1	35,2	108,6
13	Польша	28,0	25,6	25,5	29,6	34,7	124,2
14	Индонезия	34,1	31,3	30,9	36,7	34,7	101,8
15	Мексика	25,5	26,6	28,9	32,5	34,5	135,1

¹ Ушачев И. Актуальные направления совершенствования аграрной политики России / И. Ушачев, А. Серков, В. Маслова, В. Чекалин // АПК: экономика, управление. – М., 2019. – № 3. – С. 4–16.

² База статистических данных ООН по торговле товарами. – <https://comtrade.un.org>

16	Аргентина	37,3	34,2	36,5	35,0	34,3	91,8
17	Великобритания	33,1	29,6	28,9	30,1	31,7	95,8
18	Австралия	32,8	31,3	28,7	33,3	31,4	95,6
19	Вьетнам	23,2	22,1	23,7	27,0	26,9	116,2
20	Россия	19,0	16,2	17,0	20,7	24,9	131,1

Источник: составлено авторами по данным Comtrade.

В 2018 г. основными товарными группами экспорта продукции России были пшеница (8,4 млрд. долл. США), мороженая рыба (2,6 млрд. долл. США), подсолнечное масло (1,6 млрд. долл. США), ракообразные (1,2 млрд. долл. США), ячмень (1,0 млрд. долл. США), кукуруза (0,8 млрд. долл. США). По другим видам продукции объемы экспорта пока незначительны, однако по многим позициям в настоящее время осуществляется процесс наращивания поставок на мировой рынок.

Стоит отметить, что основная часть отечественного экспорта приходится на сырье. Доля экспорта продовольственных товаров с высокой степенью переработки, т.е. продукции, прошедшей несколько стадий технологических процессов обработки, переработки исходных материалов, сырья и полуфабрикатов, в общем объеме продовольственного экспорта в 2018 г. составляла всего 14%. За пять прошедших лет удельный вес таких товаров в экспорте сократился на 5 п.п., что было обусловлено существенным наращиванием объемов экспорта, главным образом, зерновых культур. В импортной продукции доля товаров с высокой степенью переработки превышает 30% (минимальный показатель отмечен в 2015 г. – 25%).

По объемам экспорта агропродовольственной продукции с высокой степенью переработки в 2018 г. Россия заняла 34 место в мире – объем поставок составил 3,5 млрд. долл. США. Данный показатель превышает значения 2015–2017 гг., однако уступает 2014 г. (табл. 2) Лидерами по данному показателю в мире являются Германия (41,8 млрд. долл. США), Франция (35,1 млрд. долл. США) и Голландия (34,0 млрд. долл. США).

Таблица 2

Страны-лидеры по объемам экспорта агропродовольственной продукции с высокой степенью переработки в 2014–2018 гг., млрд. долл. США

№	Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
1	Германия	42,0	35,7	37,0	40,0	41,8
2	Франция	34,0	29,7	30,2	33,1	35,1
3	Голландия	33,8	28,1	29,9	32,0	34,0
4	США	30,6	30,6	30,1	30,4	31,4
5	Италия	26,1	23,3	24,1	26,6	29,0
6	Китай	23,3	22,7	23,1	24,6	27,3
7	Бельгия	20,3	17,7	19,0	20,6	21,9
8	Великобритания	19,5	17,7	16,9	17,6	19,3
9	Польша	12,3	11,5	11,9	14,0	16,6
10	Испания	15,2	13,3	13,8	15,0	16,2
11	Таиланд	13,4	12,8	13,2	13,9	14,5
12	Мексика	9,1	9,4	10,0	12,0	13,2
13	Канада	9,5	9,7	10,2	10,6	11,4
14	Сингапур	8,1	8,0	7,8	7,8	11,4
15	Ирландия	7,8	7,0	7,3	8,4	8,5
16	Новая Зеландия	6,8	6,0	6,5	7,8	8,1
17	Австрия	6,8	6,1	6,3	7,0	7,7
18	Дания	8,0	6,7	6,8	7,3	7,7
19	ОАЭ	5,5	2,8	2,8	6,8	7,1
20	Австралия	4,6	4,8	5,3	6,3	6,5
21	Швейцария	6,5	6,1	6,1	6,1	6,4
...
34	Россия	3,8	3,0	3,0	3,3	3,5

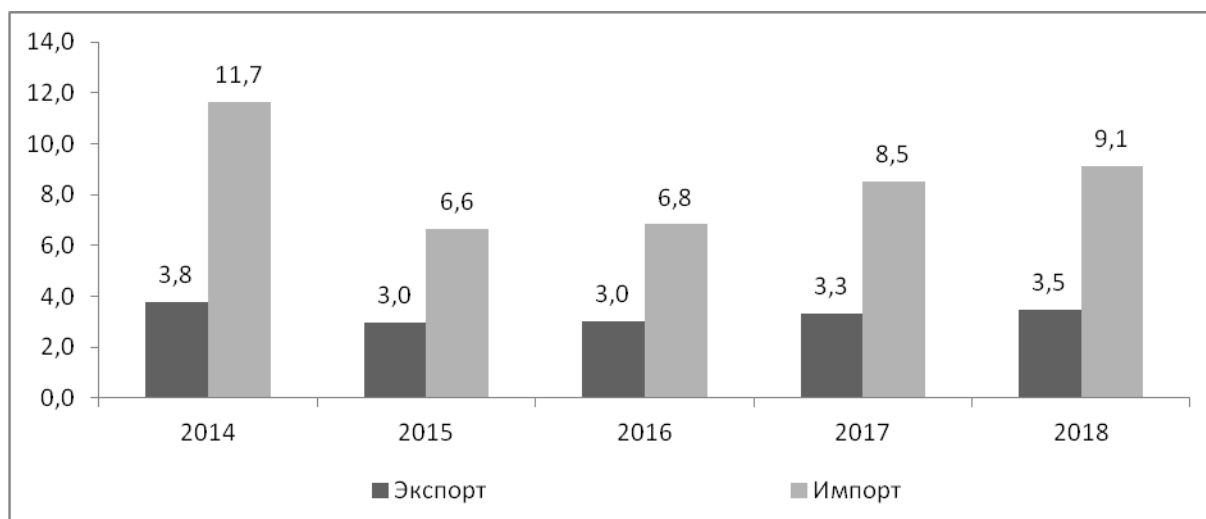
Источник: составлено авторами по данным Comtrade [9].

По объемам импорта агропродовольственной продукции с высокой степенью переработки в 2018 г. Россия заняла 12 место в мире с объемом поставок 9,1 млрд. долл. Несмотря на сокращение поставок по сравнению с 2014 г. (на 22%), в последние годы наметился рост данного показателя (рис. 2). Первое место в мире по объемам импорта такой продукции занимает США – 63,6 млрд. долл., второе – Германия (33,6 млрд. долл.), третье – Великобритания (30,6 млрд. долл.).

Наибольшие объемы экспорта продукции с высокой степенью переработки в России в 2018 г. приходились на шоколадные изделия (632 млн. долл. США или 18% от всего объема экспорта такой продукции), хлеб, мучные кондитерские изделия (369 млн. долл. США или около 11%), табачные изделия (302 млн. долл. США или 9%). Также существенные объемы складываются по экспорту маргарина (188 млн. долл. США или 5,4%) и кондитерских изделий из сахара (170 млн. долл. США или 4,9%).

Важнейшим аспектом наращивания экспортного потенциала является конкурентоспособность продукции. Если рассматривать конкурентоспособность с точки зрения цены, то в последние годы из-за снижения курса рубля по мно-

гим видам продукции наша страна стала более конкурентоспособной по сравнению с ведущими мировыми экспортерами. Проведем анализ ценовой конкурентоспособности на примере пшеницы и мяса КРС.

Источник: составлено авторами по данным Comtrade

Рисунок 1.

Экспорт и импорт агропродовольственной продукции с высокой степенью переработки в России в 2014–2018 гг., млрд. долл. США

Рынок пшеницы традиционно является одним из важнейших для Российской Федерации. Начиная с 2002 г. пшеница неизменно занимает первое место по объемам экспорта отечественной агропродовольственной продукции. При этом его суммарный объем от года к году увеличивается, и его максимальные значения были достигнуты в 2018 г. – 8,4 млрд. долл. США или 34% от суммарного объема экспорта агропродовольствия страны в стоимостном выражении. В натуральном выражении объем экспорта составил 44,0 млн. т. По данному показателю Россия занимает первое место в мире. Также лидерами по экспорту пшеницы в мире в настоящее время являются Канада, США, Франция, Австралия и Украина.

В период 2014–2016 гг. минимальные средние цены производителей среди стран, лидирующих по объемам поставок данной продукции на мировой рынок, отмечены на Украине, а в 2017–2018 гг. – в России. При этом цены отечественных производителей снизились со 179 долл. США в 2014 г. до 125 долл. США за т в 2017 г. В 2018 г. отмечен их рост, однако они все равно остаются ниже показателя других исследуемых стран – 136 долл. США за т (табл. 3). Экспортные цены на пшеницу в России снизились на 21,6%: с 245 долл. США в 2014 г. до 192 долл. США за т в 2018 г. А минимальный уровень экспортных цен в рассматриваемый период был достигнут в 2016 г. – 166 долл. США за т. Более низкие экспортные цены среди основных мировых поставщиков сложились лишь на Украине, а максимальный уровень отмечен в Канаде и Австралии.

Таблица 3

Динамика цен на пшеницу в России и в странах, лидирующих по объемам экспорта в мире, долл. США за т

Год	Россия	Канада	США	Франция	Австралия	Украина
Средние цены производителей						
2014	179	192	220	216	285	157
2016	132	174	143	160	206	129
2018	136	190	нд	195	203	169
Экспортные цены						
2014	245	297	318	267	294	217
2016	166	229	224	185	223	152
2018	192	250	243	218	248	183
Соотношение цен						
2014	1,4	1,5	1,4	1,2	1,0	1,4
2016	1,3	1,3	1,6	1,2	1,1	1,2
2018	1,4	1,3	1,4*	1,1	1,2	1,1

* 2017 г.

Источник: составлено по данным Comtrade и FAOStat¹.

Таким образом, цены производителей и экспортные цены на пшеницу в России складываются на конкурентоспособном уровне. В то же время их соотношение в 2018 г. в России составляло 1,4, т.е. было выше, чем у основных экспортеров данной продукции, за исключением США, что свидетельствует о значительном удорожании продукции

¹ Statistics of Food and Agriculture Organization of the United Nations. – <http://www.fao.org>

от производителя до таможенной границы. Минимальное соотношение отмечено во Франции, на Украине и в Австралии.

В структуре экспорта мясной продукции России мясо крупного рогатого скота занимает небольшую долю. Странами-лидерами по экспорту мяса КРС в мире в настоящее время являются Бразилия, Австралия, США, Индия, Новая Зеландия, Уругвай, Аргентина, Парагвай, Польша, Канада. Россия по объемам экспорта в стоимостном выражении в 2018 г. занимала лишь тридцать седьмое место.

В России цены производителей в 2018 г. составляли 1588 долл. США за т, что ниже показателя 2014 г. на 18%. По экспортным ценам на замороженное мясо КРС (код ТН ВЭД ЕАЭС 0202) наблюдается такая же динамика – в 2018 г. они снизились к уровню 2014 г. на 30% и составили 4081 долл. США за т.

В 2014 г. наиболее низкие цены производителей среди основных мировых экспортеров отмечены в Новой Зеландии, а в 2016 г. и 2018 г. – в Уругвае. По экспортным ценам в рассматриваемые периоды наилучший результат отмечен у Польши. Таким образом, цены производителей и экспортные цены на мясо КРС в последние годы в России складываются на достаточно конкурентоспособном уровне по сравнению со странами, лидирующими по объемам экспорта в мире (табл. 4).

Таблица 4

Динамика цен на мясо КРС в России и в странах, лидирующих по объемам экспорта в мире, долл. США за т

Год	США	Новая Зеландия	Уругвай	Польша	Канада	Россия
Средние цены производителей						
2014	3351	1490	1681	1890	2900	1939
2016	2624	1655	1490	1500	2322	1440
2018	2535	1703	1552	1821	2984	1588
Экспортные цены						
2014	6720	4865	5059	3996	5705	5830
2016	5573	4492	4210	3474	4689	4083
2018	6421	4623	4456	4319	5432	4081
Соотношение цен						
2014	2,0	3,3	3,0	2,1	2,0	3,0
2016	2,1	2,7	2,8	2,3	2,0	2,8
2018	2,5	2,7	2,9	2,4	1,8	2,6

Источник: составлено по данным Comtrade и FAOStat.

Также с целью определения уровня конкурентоспособности отечественной агропродовольственной продукции на мировом рынке с точки зрения объемов экспортных поставок был рассчитан индекса выявленного сравнительного преимущества Б. Балассы (RCA), рассчитываемый как соотношение экспорта конкретного вида продукции ко всему экспорту страны к среднемировым значениям. При $RCA > 1$ считается, что товарная группа (товар) обладают сравнительным конкурентным преимуществом на мировом рынке.

Рассчитанный коэффициент RCA по пшенице показал, что среди стран, входящих в число основных экспортеров в мире, лидером в 2018 г. стала Россия (индекс RCA – 8,8) (табл. 5). При этом в 2014–2017 гг. высокие показатели RCA сложились в Австралии и Канаде. За пять лет России удалось практически в 2 раза нарастить данный показатель. Это было обусловлено как производственными (наращивание объемов производства и увеличение экспорта), так и макроэкономическими факторами (снижение курса национальной валюты к доллару США).

Таблица 5

Индекс RCA по пшенице в странах, лидирующих по объемам поставок в мире в 2014–2018 гг. (код ТН ВЭД 1001)

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Россия	4,3	4,9	6,4	7,3	8,8
Канада	6,0	6,4	5,0	5,4	5,9
США	1,9	1,6	1,6	1,8	1,5
Франция	3,8	3,6	3,0	2,6	3,4
Австралия	8,4	9,8	8,3	9,1	5,7

Источник: рассчитано по данным Comtrade.

Расчет коэффициента RCA по мясу КРС показал, что в России показатель находится на стабильно низком уровне, что свидетельствует о низкой конкурентоспособности на мировом рынке (табл. 6). Среди стран, входящих в число основных мировых экспортеров, лидером в период 2014–2018 гг. был Уругвай (в 2018 г. RCA составил 134,2). Также на высоком уровне данный показатель сложился в Новой Зеландии (в 2018 г. RCA составил 37,1) и США (в 2018 г. RCA составил 1,7).

**Индекс RCA по мясу КРС в странах, лидирующих по объемам поставок в мире
и в России в 2014–2018 гг. (код ТН ВЭД 0202)**

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
США	1,4	1,2	1,4	1,4	1,7
Н.Зеландия	33,3	43,4	40,0	37,2	37,1
Уругвай	86,0	99,9	120,8	112,9	134,2
Польша	1,0	1,1	1,0	1,2	1,1
Канада	0,5	0,6	0,6	0,6	0,7
Россия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: рассчитано по данным Comtrade [9].

Таким образом, проведенный анализ конкурентоспособности показал, что российская пшеница обладает высоким потенциальным и выявленным сравнительным преимуществом на мировом рынке. Отечественные товаропроизводители мяса КРС в последние годы стали более конкурентоспособными на уровне производства и по экспортным ценам. Однако небольшие объемы поставок на мировой рынок, а также значительные объемы импорта не позволяют в полной мере говорить о конкурентоспособности отечественной продукции на мировом рынке.

Одним из ключевых факторов, обеспечивающих рост конкурентоспособности продукции, является сокращение себестоимости. Представляется, что только наиболее высокотехнологичные компании, постоянно работающие над оптимизацией производства и сокращением издержек, смогут обеспечить качественный рост и конкурентоспособность продукции как на внутреннем, так и внешнем рынке. Снижению издержек также будет способствовать сокращение потерь и отходов сырья и продовольствия по всей цепочке «от поля до прилавка». Важным аспектом конкурентоспособности аграрной продукции являются такие ее показатели, как урожайность и продуктивность. Так, если в России урожайность пшеницы составляет около 2,72 т с гектара уборной площади, то в США и Канаде она достигает 3,20 т и 3,21 т соответственно, а в странах Европейского союза – 5,34 т с га. Урожайность кукурузы в России также была значительно ниже, чем в странах, лидирующих по производству данной культуры в мире – 4,81 т с га (в странах ЕС – 7,67 т с га, Канаде – 9,72, в США – 11,07). Аналогичная ситуация и по ячменю: в России урожайность составляла 2,16 т с га, в Канаде – 3,50, в США – 4,17, в ЕС – 4,52 [11]. Схожая статистика наблюдается и в животноводстве. Например, по надоям молока на 1 корову в год по показателям России (в среднем – 4,5 т, в сельскохозяйственных организациях – 6,0 т) значительно уступают США (около 9-10 т) и странам ЕС – Дании (9,6 т на корову), Финляндии (8,9 т на корову)¹.

Инновационные технологии, в частности, связанные с развитием цифрового сельского хозяйства, являются главным инструментом, обеспечивающим повышение эффективности производства за счет снижения издержек и сокращения потерь. В то же время они призваны повысить эффективность взаимодействия производителей продукции с ее потребителями на основе большей доступности и открытости информации, снижения транзакционных издержек, увеличения каналов торговли и др.

В Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции сырья и продовольствия на период до 2025 г. (далее – Госпрограмма) одним из приоритетных проектов является федеральный проект «Экспорт продукции АПК»². Его главная задача – создание новой товарной массы продукции АПК, в том числе продукции с высокой добавленной стоимостью путем технического перевооружения и инновационного развития отрасли.

Достижение оптимального баланса между двумя национальными приоритетами: наращиванием экспортного потенциала и необходимостью обеспечения продовольственной безопасности страны, возможно только при существенной активизации инвестиционной деятельности в АПК на основе новейших инновационных разработок.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг, сокращается. Так, если в 2016 г. он составлял 8,5%, то в 2017 г. – снизился до 7,2%, а в 2018 г. – до 6,5%. При этом доля организаций, осуществлявших организационные инновации, в 2018 г. составила 2,1% (на 0,2% меньше значения предыдущего года), доля организаций, осуществлявших маркетинговые инновации – 1,3% (на 0,1% меньше предыдущего года)³. Регионами, лидирующими по объемам отгруженных инновационных товаров, работ и услуг в 2018 г., были Республика Татарстан (13% от суммарного объема по России), г. Санкт-Петербург (8,4%), Московская область (7,9%), Пермский край (6,9%), г. Москва (6,3%), Тюменская область (5,9%), Нижегородская область (5,4%), Самарская область (4,6%), Свердловская область (3,4%), Республика Башкортостан (3,2%), Белгородская область (3,1%).

В целом по экономике затраты на технологические инновации в 2018 г. оценивались в 1,5 трлн. руб., в сельском хозяйстве – всего 20 млрд. руб. (т.е. лишь 1,3% от общего объема инноваций), в пищевой промышленности – 59,1 млрд. руб. (4% от общего объема инноваций).

¹ Федеральная служба государственной статистики. – <http://www.gks.ru>; EuroStat: Milk and milk product statistics. – https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/Milk_and_milk_product_statistics#Milk_production

² Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». – <http://docs.cntd.ru/document/902361843>

³ Федеральная служба государственной статистики. – <http://www.gks.ru>

Мусатова М.М.

к.э.н., доцент, с.н.с. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
lugamus@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ФОНДОВ ПРЯМЫХ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ПОРТФЕЛЬНЫХ КОМПАНИЙ ОБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ¹

Ключевые слова: фонды прямых частных инвестиций (PEF), зарубежные подходы, эконометрическое моделирование, динамические эффекты влияния PEF, операционная эффективность компаний.

Взвешенная монетарная политика, снижение зависимости курса рубля и бюджета от цен на нефть позволили повысить международный рейтинг страны с уровня ВВВ- до ВВВ со стабильным прогнозом, вместе с тем приток иностранных инвестиций и рост ВВП – ниже, чем в сравнимых с Россией странах-экспортерах углеводородного сырья². Внутренний спрос и деловая активность в РФ в 2019 г. оставались слабыми – индекс PMI колебался в диапазоне 49,2–52,0³ [8]. О фундаментальной слабости внутреннего спроса свидетельствует и быстрое замедление инфляции, которая к концу 2019 г., по прогнозу Минэкономразвития, может снизиться до 3,8%.

В настоящее время ускорить темпы роста экономики возможно за счет оживления внутреннего и внешнего спроса, а также проведения структурных реформ. Для этого властные структуры предполагают увеличить бюджетные расходы, «распечатать» средства Фонда национального благосостояния (ФНБ) на инвестиционные цели при реализации национальных проектов, а также на реализацию не крупных инвестиционных проектов в регионах [8].

Для решения структурных проблем экономики необходимо мобилизовать все виды инвестиций (государственные, частные и др.) и стимулировать деятельность различных инвестиционных фондов, в том числе PEF (зарубежных и российских).

Развитие корпораций и предприятий с участием фондов PE во всем мире нарастают, значимость процессов инвестирования этими структурами в экономиках многих развивающихся стран в течение последних десяти лет исключительно высока. Однако российский рынок корпоративного контроля далеко не исчерпал своих возможностей для активной деятельности фондов PE: по-прежнему практически не затронутыми остаются целые отрасли экономики. Как правило, PEF выступают в роли финансового посредника на тех рынках, где традиционные кредиторы (банки) и заемщики, в большинстве случаев, считают сотрудничество слишком затратным и рискованным.

В настоящее время эффективной работе и зарубежных, и российских PEF мешают отсутствие достойного институционального поля в России. Как показал опрос ВЦИОМа (лето, 2019 г.), пока 71% предпринимателей считают условия ведения бизнеса в России неблагоприятными, каждый второй верит, что ситуация будет только ухудшаться в ближайшие пять лет [1]. Непубличные компании вынуждены фокусироваться на рисках, а не на возможностях, что ведет к сужению горизонта планирования в бизнес-стратегиях и отказу от партнерства с PEF. Хотя многие сферы российской экономики обладают потенциалом генерирования высокой доходности, однако эти интересные возможности неизбежно связаны с серьезными рисками.

Эффективность рынков и компаний в современном мире существенно зависит от фондов PE: именно они помогают компаниям раскрыть свой потенциал и реализовать инновации. В результате квалифицированной работы новых команды менеджеров и собственников растет эффективность компаний и секторов. Фонды PE осуществляют среднесрочные или долгосрочные неликвидные инвестиции в перспективные, но не котируемые на бирже компании в обмен на их долю в акционерном капитале на ограниченный срок. После окончания планируемого срока инвестирования, фонд реализует выход из компании. Способы выходов из акционерного капитала компаний: размещение на бирже (IPO), продажа пакета стратегическому инвестору или выкуп пакета основными собственниками бизнеса.

Партнерства с фондами PE могут рассматриваться не только в контексте стратегического планирования деятельности непубличных фирм, но и как альтернатива внутреннему пути их дальнейшего развития. В связи с этим вопросы количественной оценки влияния деятельности PEF с помощью эконометрического моделирования на степень улучшения параметров операционной деятельности предприятий, а также длительность эффекта результата их деятельности на уровне российских компаний, становятся чрезвычайно актуальными.

Предлагаемый подход заключается в комплексном исследовании динамики эффектов инвестирования фондов PE в выбранные предприятия с использованием эконометрических моделей: в прединвестиционный, инвестиционный

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект XI.172.1.1. «Интеграция и взаимодействие отраслевых систем и рынков в России и ее восточных регионах: ограничения и новые возможности», № АААА-А17-117022250132-2.

² Так, за первое полугодие 2019 г. темпы роста экономики серьезно замедлились по сравнению с тем же периодом 2018 г. (рост на 0,7 против 2,3%).

³ Значения выше 50 свидетельствуют о росте активности, ниже – о спаде.

и постинвестиционный периоды времени. Знание этих взаимосвязей позволит органам исполнительной власти повысить точность прогнозов и надежность стратегических планов предприятий и компаний, а высшему руководству компаний – лучше понимать сигналы индикативных планов государства.

Авторская гипотеза – портфельные российские компании, поддерживаемые РЕФ, должны показывать более высокие финансово-экономические показатели, чем аналогичные компании, не получившие партнерской поддержки.

Методы исследования взаимосвязей деятельности фондов и результативности компаний

Несмотря на ряд недостатков взаимодействия с РЕФ для непубличных компаний (табл. 1), сотрудничество и партнерство с внешними институциональными инвесторами – один из самых распространенных приемов развития, к которому прибегают в настоящее время даже очень успешные в финансовом плане компании. Решения, принимаемые в этой области, являются стратегическими и их значение велико как для предприятия, так и, в конечном счете, для всей национальной экономики.

Таблица 1

Преимущества и недостатки партнерства для непубличных компаний с РЕФ

Преимущества сотрудничества	Недостатки взаимодействия
• Долгосрочные инвестиции на безвозвратной, беспроцентной основе	Снижение доли владения собственностью
Возможность дополнительных финансовых вливаний инвестором в период владения;	Необходимость экономически обоснованного, но напряженного роста в терминах продаж и прибыльности;
Ускорение роста бизнеса	Серьезные усилия для достижения прозрачности бизнеса, повышения его управляемости
• Синергия обмена опытом и связями с другими портфельными компаниями фонда	Затраты на построения четкой модели бизнеса на горизонте нескольких лет
Разделение бизнес рисков с инвестором, как одним из акционеров	
Активная роль и богатый опыт инвестора в повышении капитализации бизнеса.	

Источник: составлено автором по [2, 3, 5, 7, 10, 11].

Проблемам сравнительной эффективности деятельности непубличных компаний (в партнерстве с РЕФ и контрольной группы фирм без их участия) посвящен ряд работ М. Йенсена. Его основная гипотеза, подтвержденная расчетами на эконометрических моделях на зарубежных базах данных: деятельность РЕФ приводит к появлению более эффективных компаний на различных товарных рынках [12]. В основе этого результата две причины: РЕФ правильно настраивают систему мотивации управляющих фондом; РЕФ осуществляют эффективную реструктуризацию компании в операционном, финансовом, кадровом и управленческом аспектах и таким образом увеличивают стоимость компании и делают ее более конкурентоспособной.

Эконометрической оценки деятельности фондов РЕ на рынке корпоративного контроля (условиям, механизмам и инструментам их деятельности), посвящены работы многих зарубежных исследователей В их числе Касерер С. [15], Бадуненко О., Баум С., Шьфер Д. [9], Кац С. [16], Каплан С. и Стромберг М. [14], Райт М., Гиллиган Дж., Амесс К. [18] и др.

Эконометрические исследования проводились на статистических данных развитых рынков (США и Европы). При этом в отмеченных работах эффективности РЕ трактуется очень узко – либо вывод компании на биржу, либо достижение первых продаж ее продукции. Более поздний этап деятельности проинвестированных компаний не рассматривается. Вместе с тем существует значительное число других показателей (валовая маржа, маржа EBIT, оборачиваемость чистых активов, оборачиваемость запасов, численность занятых), отражающих эффективность сотрудничества непубличных фирм и РЕФ.

Обзор зарубежных эконометрических методик и подходов позволил с учетом специфики российского рынка РЕ сформировать авторский подход.

Эконометрический подход к анализу эффективности деятельности фондов на российском рынке корпоративного контроля

Деятельность фондов РЕ в России и мире не отличается прозрачностью в силу специфики этого сектора. Большинство зарубежных исследований основывается на оценке выкупов долговым финансированием и венчурных инвестиций, в то время как этап инвестирования на стадии роста/расширения остается мало изученным. Специфика российского рынка РЕ такова, что большинству компаний требуется именно капитал на дальнейшее развитие бизнеса; не многие компании имеют достаточно зрелый менеджмент для проведения выкупа долговым финансированием [6]. На основе проведенного сравнительного анализа использования в зарубежной практике эконометрических методов изучения процессов взаимодействия РЕФ и выбранных ими компаний был сформирован авторский подход.

В отличие от зарубежных исследователей, которые рассматривают в основном инвестиционный период времени, предполагается трехпериодное исследование динамики эффектов инвестирования РЕФ в выбранные предприятия с использованием эконометрических моделей: в прединвестиционный, инвестиционный и постинвестиционный периоды времени

В рамках авторского подхода осуществляется сопоставление динамики эффективного функционирования непубличных портфельных компаний с контрольной группой непубличных компаний аналогичного профиля, не попавших на радар влияния PEF.

В отличие от зарубежных эконометрических исследований, фокусирующихся на поздней стадии инвестирования (выкупы долговым финансированием), впервые предлагается использовать эконометрический подход применительно к ранней стадии инвестиций фондов с учетом российской специфики (в России преобладают сделки на стадии роста/расширения, а доля выкупов в структуре сделок незначительна).

Результативность управленческих решений новой команды менеджеров в российских компаниях проецируется на динамику таких экономических показателей, как: валовая маржа, маржа EBIT, оборачиваемость чистых активов, оборачиваемость запасов, численность занятых.

В основе оценки влияния деятельности PEF на российские компании используется следующее уравнение:

$$Outcome_{i,t} = \alpha + \beta_i Period_{i,t} + \mu X_{i,t} + \varepsilon_{i,t},$$

где *Outcome* – индикатор финансово-экономического состояния компании *i* в год *t*, *Period* – переменная, отражающая присутствие фонда прямых инвестиций в акционерном капитале компаний, *X* – набор переменных, отражающих характеристики компаний (год, регион, возраст компании, сектор¹, дочерние компании, правовая форма компании, степень диверсификации, месторасположение, и др.).

Динамические эффекты private equity предлагается оценить на основе уникальных данных выборки о прямых инвестициях в России. Выборка для эконометрического моделирования включала характеристики 44 проинвестированных компаний. В этих инвестиционных проектах партнерами были 17 PEF, действовавших на российском рынке корпоративного контроля и поддержанные ЕБРР (*Европейского банка реконструкции и развития*). В рамках предлагаемого подхода рассмотрены три периода: до, во время и после частных инвестиций в акционерный капитал. В моделях их можно представить в виде набора фиктивных переменных – до, в течение, после. На размерность прединвестиционного периода влияла только ограниченность наблюдений в базе. Продолжительность инвестиционного периода (активного управления) – 5 лет; постинвестиционный период – минимум 3 года.

В качестве периода наблюдения выбран временной интервал 1996–2006 гг. Для формирования данных выборки использовалась финансовая отчетность компаний на основе базы данных Руслана, Бюро ван Дайк (<https://ruslana.bvdep.com/>). На основе данных Ruslana был собран уникальный набор данных и сформирована выборка компаний с поддержкой PEF. Контрольная группа непубличных частных компаний была подобрана в зависимости от отрасли и размера, ее размерность была идентичной выборке компаний с поддержкой PEF. В общей сложности набор данных включал 833 наблюдений с несистематическими значениями за 1995–1999 гг.

Дополнительно была использована информационная статистика Росстата, которая содержала некоторые атрибуты компаний за 1995–1999 гг. (валовую прибыль, занятость и др.). Расширенный набор данных охватывал временной период 1995–2011 гг. Валовая прибыль является основным показателем, по которому сформированы наблюдения по всем трем периодам. Для остальных показателей финансовой деятельности набор данных ограничен двумя периодами, относящимися к инвестициям в частный капитал – «во время» и «после».

При принятии инвестиционных решений PEF прежде всего обращают внимание на уровень и устойчивость свободных денежных потоков, ликвидность предприятия, анализ продукции по каждому наименованию, анализ издержек и другие критерии, специфические для данной отрасли. Показателем свободных денежных потоков зачастую является EBITDA, поскольку фонды обычно применяют стоимостные мультипликаторы при оценке компании. Однако в доступных информационных ресурсах данные по износу и амортизации по компаниям не приводятся, соответственно расчет показателей EBITDA или показателей чистых денежных потоков не мог быть осуществлен. В связи с этим в исследовании за основу принимался показатель валовой выручки.

Финансово-экономические индикаторы (валовая маржа², долговая нагрузка, рентабельность активов и др.) были рассчитаны на основе годовой отчетности компаний. Данные по сделкам были получены в результате ручного поиска из периодической печати, веб-сайтов фондов, интервью с управляющими фондов.

Есть три основные причины, по которым невозможно было сформировать адекватную статистическую базу для эконометрических расчетов в последние десять лет, а именно:

- В посткризисный период (после 2008 г.) рост мобилизации средств зарубежных PEF замедлился: изменились страновые приоритеты. Если в 2002 г. Россия и Китай привлекали примерно одинаковые объемы частных прямых инвестиций, то по состоянию на 2012 г., фонды, ориентированные на Китай, мобилизовали в 30 раз больше капитала, нежели фонды, ориентированные на Россию.

- Введение санкционного режима привело к прекращению финансирования международными организациями инвестиционных проектов и постепенному уходу этого класса институциональных инвесторов с российского рынка PE: по рекомендации Совета ЕС заморожено финансирование новых проектов в России Европейским инвестицион-

¹ Сектор экономической деятельности представлен на основе межгосударственной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности (МСОК: ISIC – International Standard Industrial Classification of All Economic Activities), разработанной департаментом статистики ООН. По состоянию на 2012 г. использовалась четвертая версия классификатора от 2009 года (МСОК 4, ISIC v4) [4].

² Валовая маржа представляет собой разницу между выручкой и производственными затратами на создание благ. Данный показатель необходим для оценки эффективности создания конечного продукта компании. Если валовую прибыль принято отражать в денежном эквиваленте, то маржа указывается исключительно в процентах от выручки.

ным банком (ЕИБ); завершилась распродажа активов «российского происхождения» – Международной Финансовой корпорацией Группы Всемирного Банка; приостановлено инвестирование Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР): до введения ограничений на Россию приходилась примерно треть всех операций банка, к 2016 г. они сократились до нуля [5].

• Динамику объема привлеченных средств российскими РЕФ нельзя назвать впечатляющей в последние пять лет: сложился «эффект плато»: российские РЕФ не смогли восполнить «отсутствие западных РЕФ [5].

В качестве эталона для оценки эффективности работы фондов РЕ в работе предполагается использовать контрольную группу компаний аналогичного профиля, но неохваченных партнерскими взаимодействиями с фондами прямых частных инвестиций. Выборка контрольной группы компаний охватывала период 1995–2009 гг. Контрольная группа в работе – парная: компании этой группы являются действительными аналогами с точки зрения отраслевой принадлежности, балансовой стоимости и т.д. (табл. 2).

Таблица 2

Описание компаний контрольной группы и компаний-целей

Структура компаний контрольной группы и компаний-целей	Число компаний контрольной группы	Число компаний, поддержанных РЕФ
Компании, имеющие дочерние предприятия	34	35
Компании, созданные позже 1990 г.	38	30
Число компаний, зарегистрированных в качестве:		
ОАО – Открытое акционерное общество	18	28
ООО – Общество с ограниченной ответственностью	13	8
ЗАО – Закрытое акционерное общество	12	8

Фокус РЕФ на российском рынке был нацелен на компании со средней капитализацией в основном в обрабатывающей промышленности и потребительском секторе, где у компаний уже сформировались рыночные позиции, но необходимый капитал для дальнейшего роста и расширения был недостаточен. В портфеле инвестиций РЕФ доля таких компаний составляла свыше 60%. Отраслевая структура инвестиций в 1996–2006 гг. существенно отличалась от текущих предпочтений фондов.

Высокая доля РЕФ в традиционных секторах объясняется отсутствием альтернативных источников финансирования у компаний – недостаточной развитостью банковского финансирования (в 90-х). Доля высокотехнологичных компаний в портфелях РЕФ была незначительна.

После трансформации данных в удобный вид в качестве предварительного этапа, проведен корреляционный анализ переменных выборки, была сформирована описательная статистика финансово-экономических показателей портфельных компаний и компаний контрольной группы (табл. 3).

Взаимодействие РЕФ и непубличных компаний положительным образом отразилось практически на всех финансово-экономических показателях в инвестиционном и постинвестиционном периодах: отмечено их значительное улучшение по сравнению с доинвестиционным периодом, за исключением оборота чистых активов: он остался на неизменном уровне. Особенно впечатляющей была динамика маржи валовой прибыли (рост почти в 2 раза) и оборота кредиторской задолженности (снижение в 2 раза) (табл. 3).

Таблица 3

Описательная динамика финансово-экономических показателей портфельных компаний в зависимости от периода деятельности

Показатели	Периоды*		
	1-й	2-й	3-й
Рентабельность активов, %	3,4 (N=23)	11,65 (N=205)	6,83 (N=223)
Валовая маржа, %	10,14 (N=66)	19,44 (N=212)	20,12 (N=205)
Маржа ЕБИТ, %	4,78 (N=21)	12,24 (N=202)	7,49 (N=210)
Маржа прибыли, %	-2,19 (N=21)	8,16 (N=202)	4,56 (N=211)
Оборот чистых активов (раз)	2,5 (N=22)	2,5 (N=200)	2,45 (N=203)
Оборот запасов (раз)	5,21 (N=23)	14,21 (N=190)	12,14 (N=209)
Оборот дебиторской задолженности (дни)	44,85 (N=20)	41,32 (N=195)	41,78 (N=198)
Оборот кредиторской задолженности (дни)	79,90 (N=16)	39,35 (N=185)	34,46 (N=192)

* 1-й – доинвестиционный; 2-й – инвестиционный; 3-й – постинвестиционный.

На предварительном этапе расчетов по эконометрическим моделям была проанализирована сравнительная динамика портфельных компаний и компаний из контрольной группы (рис. 1).

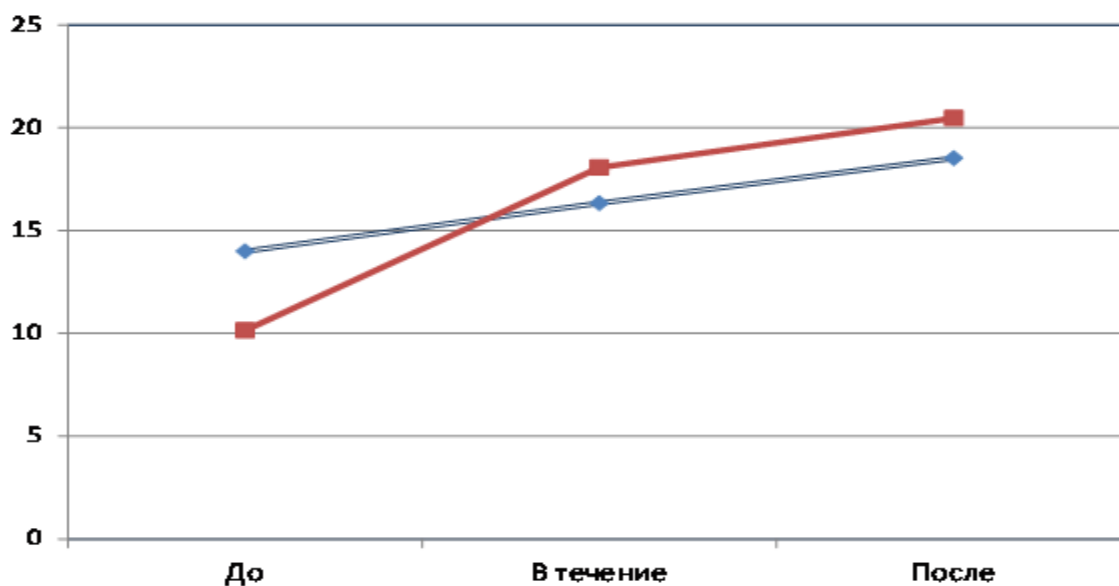

Рисунок 1.

Динамика маржи валовой прибыли (в %) в отдельные периоды: средние значения для портфельных компаний и компаний контрольной группы. Синий маркер – динамика контрольной группы.

Рис. 1 показывает, что менеджеры РЕФ выбирали в среднем не самые успешные организации для инвестиций, как на основе показателя рентабельности. Данные свидетельствуют о том, что средняя рентабельность по валовой прибыли в момент инвестирования была ниже у компаний, предполагающих партнерство с РЕФ, чем для компаний контрольной группы по рынку: 10 против 14%. Среди главных причин отставания компаний контрольной группы от компаний, управляемых РЕФ в инвестиционный период: слабый менеджмент и функциональная неэффективность. Компании-цели РЕФ в течение инвестиционного периода смогли значительно повысить прибыли благодаря добавленной стоимости. В инвестиционный период компании с участием фондов прямых инвестиций демонстрировали высокие темпы роста рентабельности (18% от валовой прибыли по отношению к 16,3% у контрольной группы компаний).

Фирмы, получившие инвестиции от РЕФ, продолжают показывать сильный потенциал роста и в постинвестиционный период: рост показателя валовой маржи составил 11,6% для проинвестированных компаний, и 4,6% – для контрольной группы, что свидетельствует о положительном влиянии РЕФ на результативную эффективность непубличных компаний.

Результаты расчетов

Для исследования эффективности деятельности фондов прямых частных инвестиций на российском рынке корпоративного контроля использовались эконометрические модели — обобщенный метод наименьших квадратов с фиктивными переменными/взвешенный метод наименьших квадратов, модели с фиксированными эффектами для анализа панельных данных.

Динамические эффекты влияния private equity в трех периодах тестировались в моделях, построенных на панельных данных 1995–2011 гг. с фиксированными эффектами. В панельные данные были включены фиксированные эффекты (сектор, дочерние компании, регион, год участия в инвестиционном проекте РЕФ или число лет партнерства), которые присутствовали во всех трех эконометрических моделях. Модель (2) дополнительно включала зависимую переменную «лаг валовой маржи», а модель (3) — «число лет в фонде».

Влияние РЕФ было оценено на основании изменений, в валовой марже. В 2006–2011 г. РЕФ не просто стремились к быстрому повышению высокой валовой маржи своих инвестиций в непубличных компаниях, но и к устойчивости достигнутых результатов в постинвестиционный период. Таким образом, характер корпоративных изменений, которые поощряли инвесторы РЕ, носил устойчивый характер (табл. 4).

Таблица 4

Оценки значимости факторов в модели влияния РЕФ на валовую маржу компаний-партнеров в трехпериодных моделях

Период времени, переменные модели	Модель (1)	Модель (2)	Модель (3)
Влияние РЕФ до инвестирования	0.206 (0,08)	6.195 (1,26)	-3.792 (-1,11)
Влияние РЕФ в течение инвестирования	4.946* (2,87)	3.473+ (1,74)	-0.175 (-0,05)
Постинвестиционный период компании (после выхода РЕФ)	3.781+ (-0,12)	1.929 (1,01)	-0.790 (-0,26)

Лаг валовой маржи (3 года)		0.553*** (11.62)	
Число лет в фонде			0.984+ (1.89)
Диверсификация	0.624** (3.07)	0.577** (2.66)	0.668** (3.22)
Логарифм возраста компании	1.113+ (1.66)	-0.0691 (-0.09)	1.131+ (1.68)
Москва	9.824*** (4.16)	3.618 (1.40)	8.976*** (3.79)
ОАО_form	-1.738 (-1.02)	-0.456 (-0.24)	-2.778 (-1.54)
ЗАО_form	-2.408 (-1.23)	-1.060 (-0.47)	-2.811 (-1.41)
Константа	0.747 (0.17)	-7.617 (-1.54)	1.106 (0.25)
<i>N</i>	963	692	963
adj. <i>R</i> ²	0.189	0.411	0.191
Спецификация (фиксированные эффекты)	Сектор доч. предпр Регион Год	Сектор доч. предпр Регион Год	Сектор доч. предпр Регион Год

В таблице приведены коэффициенты, полученные в модели. Расчеты проводились с помощью программы STATA. Примечание: ***, **, * – коэффициент значим при 1, 5, и 10%-ном уровне значимости: *** $p < 0.001$, ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$, + $p < 0.10$. В скобках указаны стандартные ошибки и *t*-статистика.

Расчеты показывают робастность модели (1) и модели (2). Они свидетельствуют о положительном и значительном влиянии РЕФ на валовую прибыль компаний-партнеров во всех трех периодах контактирования с РЕФ. В доинвестиционном периоде влияние РЕФ могли обеспечивать такие факторы как участие в совете директоров компании; консультирование по стратегическим вопросам развития и т.д.). В инвестиционный период влияние РЕФ было наиболее ощутимым и в модели (1), и в модели (2). Кроме этого, позитивный эффект от управления сохраняется после выхода фонда из состава акционеров компании. Однако после инвестиционного периода доходность активов замедляется. Вероятнее всего, на этапе, когда РЕФ участвует в акционерном капитале, компания-цель недостаточно инвестирует. В связи с этим многие мощности старых активов перегружены, а затем наступает критический момент, когда компании действительно жизненно важно инвестировать, чтобы не уйти с рынка. В течение инвестиционного периода портфельные компании еще могли за счет грамотного финансового менеджмента извлекать большие прибыли на имеющимся пуле активов. Но позже они сталкиваются с жесткой необходимостью реинвестировать в свои основные средства, поэтому хотя и компания получает высокую прибыль, но ее доходы снижаются. В приведенных моделях статистически значимой переменной оказалась диверсификация, что свидетельствует о наличии дополнительных направлений бизнеса у компаний-партнеров РЕФ, их рациональном использовании, увеличивающих доходы и валовую маржу.

Выводы

Полученные оценки взаимосвязи прибыльности российских непубличных компаний и привлечения прямого частного капитала определенно доказывают, что в течение трех периодов существует положительное и статистически значимое влияние финансового инжиниринга РЕФ на продуктивность компаний (табл. 5).

Таблица 5

Установленные взаимосвязи между эффективностью деятельности фондов прямых инвестиций и результативностью функционирования компаний

Подтверждена гипотеза М. Йенсена для российского рынка прямых частных инвестиций	<ul style="list-style-type: none"> Доказана эффективность деятельности фондов прямых инвестиций на российском рынке. Отмечен рост конкурентоспособности портфельных компаний, индикатором которого является прибыльность. Результаты проведенной реструктуризации компаний носят долгосрочный характер.
В инвестиционный период:	<ul style="list-style-type: none"> Валовая маржа компаний демонстрирует рост в период активного управления по сравнению с прединвестиционным периодом. Темпы роста маржи превышают показатели аналогичных компаний в среднем на 3,5–5,5% в данный период.
В постинвестиционный период:	<ul style="list-style-type: none"> После выхода РЕФ из акционеров компании-цели, валовая маржа компаний оставалась на более высоком уровне, чем в прединвестиционный период Темпы роста продолжают быть выше, чем в аналогичных компаниях, в среднем на 4–5%.

Проведенное исследование влияния РЕФ на эффективность партнерских предприятий в экономике показывает, что: а) они могут стимулировать предпринимателей оформлять свой бизнес юридически при росте РЕФ и их капитала в экономике; б) являются демонстрационным эффектом положительного воздействия присутствия фондов в составе акционеров непубличных компаний обрабатывающих производств. Это может способствовать выделению самостоя-

тельных юридических лиц из числа существующих, стимулировать создание новых фирм, и таким образом, позитивно влиять на экономический рост.

Период санкций и финансовой нестабильности стал серьезным испытанием для сектора прямых частных инвестиций. По мере стабилизации экономики России роль РЕ как источника долгосрочного финансирования и поддержки компаний обрабатывающего сектора экономики становится все более важной. Хотя говорить о полномасштабном развитии рынка РЕ в условиях сложной геополитической ситуации пока еще преждевременно, тем не менее, следует отметить положительную динамику развития рынка прямых частных инвестиций в России – формируются новые российские фонды, приходят западные фонды, интерес к прямым частным инвестициям не ослабевает.

Список литературы

1. Аналитический обзор ВЦИОМ. Бизнес в России: взгляд изнутри. – <http://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=9801>
2. Гусамов С.А. Методы и результаты исследований доходности фондов прямых инвестиций // Корпоративные финансы. 2014. – № 4 (32). – С. 67–78.
3. Ивашковская И.В., Башкуева С.А., Григорьева С.А., Кокорев Д.А., Кокорева М.С., Макеева Е.Ю., Скворцова И.В., Степанова А.Н., Тарасова Е. Стратегические финансовые решения компаний на развивающихся рынках капитала: монография / Под общ. ред. И.В. Ивашковской. – М.: КноРус, 2019.
4. Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности (МСОК). – https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_4rev3_1r.pdf
5. Мусатова М.М. «Эффект плато» на российском рынке прямых частных инвестиций // Экономические отношения. 2019. – Т. 9, № 4. – С. 2889–2906. – doi: 10.18334/eo.9.4.41286
6. Мусатова М.М. Эффективность партнерства фондов прямых частных инвестиций и российских компаний: эконометрическая оценка // Экономика, предпринимательство и право. 2019. – Т. 9, № 4. – С. 207–222. – doi: 10.18334/epp.9.4.41378
7. Родионов И.И., Гусамов С.А. Факторы доходности фондов прямых частных инвестиций на развивающихся рынках капитала // Экономика и предпринимательство. 2015. – № 12 (ч. 3). – С. 991–1000.
8. Старостина Ю., Ткачев И., Агеева О. В правительстве создадут новый орган управления структурными реформами – <https://www.rbc.ru/economics/21/11/2019/5dd52fb29a79478547c1eafc>
9. Badunenko O., Baum C., and Schafer D. Does the tenure of Private Equity investment improve the performance of European firms? DIW Berlin Discussion Paper – 2010. – № 990 (4 Jul). – 25 p. – https://www.apers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1633871
10. EBRD Equity Funds Performance Data. Impact of the Financial Crisis: 2007–1H 2009; 2010 Private Equity Funds Results. – <http://www.ebrd.com>
11. EBRD Transition Report 2006. – <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/TR06.pdf>
12. Jensen M.C. Specific and General Knowledge and Organizational Structure Foundations of Organizational Strategy // Journal of Applied Corporate Finance. 1998. – Vol. 8. – P. 4–18. – <http://ssrn.com/abstract=6658>
13. Kaplan S.N., Schoar A. Private Equity Performance: Returns, Persistence, and Capital Flows // Journal of Finance. 2005. – N 60. – P. 1791–1823.
14. Kaplan S., Stromberg P. Leveraged buyouts and private equity // Journal of Economic Perspectives. 2009. – N 23. – P. 121–146.
15. Kaserer C. Return Attribution in Mid-Market Buy-Out Transactions – New Evidence from Europe. Research Report Series, Center for Entrepreneurial and Financial Studies, 2012.
16. Katz S.P. Earnings Quality and Ownership Structure: The Role of Private Equity Sponsors // Accounting Review. 2009. – Vol. 84, N 3. – P. 623–658. – <https://ssrn.com/abstract=1303253>
17. Lerner J, Sorensen M., Stromberg P. Private Equity and Long-Run Investment: The Case of Innovation // Journal of Finance. 2011. – N 66 (2). – P. 445–477.
18. Wright M., Gilligan J., Amess K. The Economic Impact of Private Equity: What We Know and What We Would Like to Know // Venture Capital. 2009. – N 11 (1). – P. 1–21.

Носков В.А.

м.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

НАПРАВЛЕНИЯ РОСТА РЕСУРСНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ, УЧИТЫВАЮЩИЕ КАЧЕСТВО И ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗОБНОВИМОГО ПРИРОДНОГО КАПИТАЛА ЛЕСОВ

Ключевые слова: ресурсоэффективность, лесопользование, качество лесных ресурсов, природный капитал лесов, истощение лесов, эталонные леса.

Стартовой позицией в исследовании использования возобновимого природного капитала лесов (лесного капитала) является трактовка эффективности как ресурсной производительности, при которой качественный рост производства сопровождается снижением потребности древесины на единицу готовой продукции, обеспечивающим превышение объема допустимого изъятия товарных лесов над фактическим. При этом с точки зрения качества использования всего природного капитала уровень отрицательного воздействия лесопользования на окружающую среду должен стремиться к минимуму.

Ресурсная эффективность может сократить потребность в сырье, снизить затраты на добычу ресурсов, ослабить риски и угрозы снижения обеспеченности ресурсами в будущем. Она способна ограничить загрязнение, истощение запасов и потерю биоразнообразия. Экономия затрат будет способствовать инвестированию инноваций, что может обеспечить (при контроле «возвратного эффекта») дальнейшие экономические выгоды.

Изменение запасов лесного капитала зависит от нескольких объективных факторов, которые могут действовать одновременно и каждый из которых оказывает разное влияние на итоговый результат. К этим факторам относятся величина годового роста древесины, величина годового отпада древесины, убыль древесины от форс-мажорных обстоятельств (пожары, болезни древесины от вредителей леса и пр.), а также от достигнутого в регионе объема заготовки древесины. В связи с тем, что фактор убыли древесины от пожаров или болезней в долгосрочной перспективе крайне незначителен, по давящее большинство исследователей его не учитывает.

Эффективность лесопользования зависит, прежде всего, от того, каким лесным ресурсом обладает регион, каково он качество и в каком количестве его можно ежегодно заготавливать без ущерба для экологии и в долгосрочном плане. Поэтому в последние годы в научной среде оценки лесных ресурсов делают не только по показателям, описывающим леса, но прежде всего по уровню его истощения.

Истощение лесного капитала происходит тогда, когда на локальной территории (уровень нескольких кварталов, участкового лесничества) объемы заготовки, включая часть потенциального отпада, который не заготовили ранее, превышают объемы годового роста древесины. Для Республики Коми это обычная практика, когда значительный объем древесины заготавливается в традиционных местах заготовки с приемлемой транспортной доступностью, при этом огромные массивы древостоев на периферии и в северной ее части остаются нетронутыми. Вызовы, с которыми сталкиваются исследователи, занимающиеся проблемами истощения лесов, заключаются в том, как правильно оценить это локальное истощение лесов.

Мировой банк, разработавший методику и инструментарий определения скорректированных чистых накоплений, в расчет которых входит показатель истощения лесов, подходит к этому вопросу методологически наиболее просто. Основываясь на общедоступных статистических данных о динамике годовых запасов древесины, которые получают как результат естественного годового роста древесины и объемов заготовки, определяется итоговое истощение лесов, или его приращение. Учитывая, что Мировой банк исследует страны, которые очень сильно отличаются между собой по общему уровню развития и эффективности лесного комплекса, данный подход приемлем для такого сравнения, но не достаточен для локального уровня¹.

Основными недостатками подхода Мирового банка и отечественных исследователей, которые адаптировали его методику определения скорректированных чистых накоплений, например, С.Н. Бобылева² заключаются в том, что истощение считается средним для страны или региона, как изменение запасов древесины, при этом, с одной стороны, не понятно учитывается ли запас всех лесов, или только эксплуатационных, с другой стороны, такой подход не показывает структурное изменение лесов через снижение качества сортиментной структуры. Данный подход не позволяет понять какое качество лесов «выбывает» благодаря рубкам и каким качеством это все замещается. Кроме того, недо-

¹ The Little Green Data Book 2017 / World Bank. – Washington (DC), 2017. doi:10.1596/978-1-4648-1034-3; The 2017 Atlas of Sustainable Development Goals: a new visual guide to data and development. – <https://blogs.worldbank.org/opendata/2017-atlas-sustainable-development-goals-new-visual-guide-data-and-development>

² Бобылев С.Н., Минаков В.С., Соловьева С.В., Третьяков В.В. Эколого-экономический индекс регионов РФ / Всемирный фонд дикой природы (WWF); РИА Новости. 2012. – 152 с.

таток подхода Мирового банка и его последователей заключается в том, что полностью не учитывается пространственная неравномерность лесозаготовок.

Перевод натуральных показателей истощения в стоимостную форму у Мирового банка и у С.Н. Бобылева имеет некоторые отличия, при формальном сходстве подходов к оценке динамики запасов древесины.

Мировой банк предлагает величину истощения определять как произведение удельной лесной ренты на разницу между объемом заготовки и годовым ростом древесины. Если же годовой рост больше, то тогда при расчете скорректированных чистых накоплений истощение лесных ресурсов не учитывается (условно равно нулю). Лесная рента, будучи по своему смыслу остаточной стоимостью, а по сути прибылью лесозаготовителя, существенно видоизменяет экономический смысл такой стоимостной оценки истощения. Здесь учитывается фактор себестоимости заготовки, а также фактор транспортной доступности, существенно искажающие в ту или иную сторону фактор самой ценности древостоев (их товарной стоимости).

При использовании методики Мирового банка остаются методологические вопросы по включению в итоговую формулу оценки скорректированных чистых накоплений показателя истощения лесных ресурсов, при расчете которой получилась отрицательная величина лесной ренты. Проведенные ранее расчеты в ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН подтвердили, что отрицательная лесная рента получается для большей части Республики Коми, что также связано со значительным истощением лесов.

С.Н. Бобылев предлагает для оценки «стоимостного истощения» использовать методологически более простой способ, а именно, при сокращении запасов древесины (разница между годовым ростом древесины и ее заготовкой плюс естественный отпад) оценивать «выбывающий» лес через стоимость пиловочника, путем умножения этого объема на средние цены на этот сортимент круглого леса. Методологическим недостатком такого подхода является значительное завышение стоимости истощения, т.к. исходя из существующей сортиментной структуры, средневзвешенная стоимость заготовленного круглого леса составляет в среднем 50–60% от средней стоимости пиловочника.

Таким образом, существующие подходы к оценке истощения лесного капитала, прежде всего, в части адекватного учета натурального объема истощения в виде объема «потерянных» ресурсов требуют методологической корректировки. Кроме того, необходимо в рамках принятой модели стоимостной оценки измерения ресурсоэффективности, провести корректировку стоимостной оценки этих ресурсов с учетом изменения сортиментной структуры древостоев и действующих рыночных цен на круглые лесоматериалы.

Альтернативой предлагаемым подходам является авторский метод измерения снижения стоимости регионального лесного капитала на основе оценки долговременного и территориально дифференцированного уменьшения запаса и ухудшения сортиментной структуры лесных ресурсов относительно показателей «эталонных лесов». Научным заделом для его разработки являются ранее проведенные исследования по определению истощения лесного капитала и оценке состояния и перспектив использования лесных ресурсов в Республике Коми¹.

Под «эталонными» лесами понимаются практически не затронутые промышленным освоением участки лесов, сохранившиеся в труднодоступных периферийных частях лесничеств. Апробация методики прошла на материалах наиболее типичного для Республики Коми «лесного» района – Сысольского (Сысольское лесничество). Были выполнены следующие методические процедуры: подготовка массива данных по спелым и перестойным лесам; ранжирование кварталов лесничества по стоимостным показателям товарной структуры; выборка репрезентативного сегмента «эталонных» лесов в составе 1% от их общего количества; определение натуральных показателей – среднего запаса древесины, структуры сортиментов – для «эталонных» участков и лесничества в целом; ранжирование кварталов и участков лесничеств по сортиментной структуре; стоимостная оценка лесов лесничества через калькулирование стоимости фактического и эталонного запаса древесины по рыночным ценам сортиментов; сопоставление фактической и эталонной стоимости лесов и фиксация их истощения.

Характеристика фактических и эталонных лесов, выделенных в ходе стоимостного ранжирования кварталов Сысольского лесничества, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Показатели эталонных и фактических лесов Сысольского лесничества

Участки лесов	Средний запас, куб. м/га	Сортиментная структура, %					Отходы, %
		Хвойный		Лиственный		Дрова	
		пиловочник*	баланс	пиловочник*	баланс		
Эталонные участки (лучшие значения)	275,9	30	33	15	8	5	9
Лесничество в целом (средние значения)	180,0	19	31	20	13	7	10
Изменение значений (истощение)	95,9	11	2	-5	-5	-2	-1

* Пиловочник, включая фанерный кряж.

Территориальную дифференциацию товарного качества лесов иллюстрирует ранжирование кварталов и участков лесничеств по доле хвойного пиловочника. Параметры рангов отражают экономический и лесохозяйственный потенциал лесов.

¹ Модернизация биоресурсной экономики северного региона / Коллектив авторов. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2018. – 212 с.

Направления роста ресурсной эффективности лесопользования

Повышение ресурсной эффективности лесопользования тесно связано как с разработкой комплекса лесохозяйственных мероприятий, так и с изменением способов рубок.

В настоящий момент в Республике Коми при оценке лесных ресурсов и эффективности лесозаготовок ключевым параметром служит доля хвойного пиловочника в структуре лесозаготовок, которая оказывает важнейшее значение на ее экономику.

На рис. 1 представлено количественное распределение хвойного пиловочника и его доли в запасе по кварталам Сысольского лесничества Республики Коми. Поквартальная дифференциация детализирует качество лесов по доле хвойного пиловочника от 1 до 40%, фиксируя основные группы экономического ранжирования. Визуализация расположения наиболее ценной древесины позволяет оценить правильность выделения эталонных лесов. Такие участки расположены на периферии или около населенных пунктов из-за ограниченного режима лесопользования (леса для местного населения), или на стыках крупных ареалов освоения по лесоводственным требованиям (семенники, ограничения по примыканию лесосек, рельеф и др.), что позволило сохранить их в нетронutom виде.

Кварталы с долей хвойного пиловочника до 10% с нерентабельной лесозаготовкой должны быть оставлены для естественного возобновления. Как правило, они находятся в лесных массивах, которые были ранее пройдены сплошными рубками в последние десятилетия и здесь остались отдельные участки спелых и перестойных лесов.

Участки с долей от 10 до 15% представляют отдаленный резерв для будущих лесозаготовок, которые могут быть включены в промышленное освоение в ближайшие десятилетия при соблюдении минимальных лесохозяйственных мероприятий по их уходу.

При доле хвойного пиловочника от 15 до 20% можно обеспечить безубыточную работу при хорошей организации производства и собственной переработке древесины. В данной группе потенциально сконцентрированы основные объемы лесозаготовок. Для компенсации истощения лесных ресурсов необходима реализация комплекса мер, позволяющих максимально приблизить состояние лесов к эталонному уровню. Он должен включать хозяйственные мероприятия по экономически и лесоводственно обоснованному сценарию.

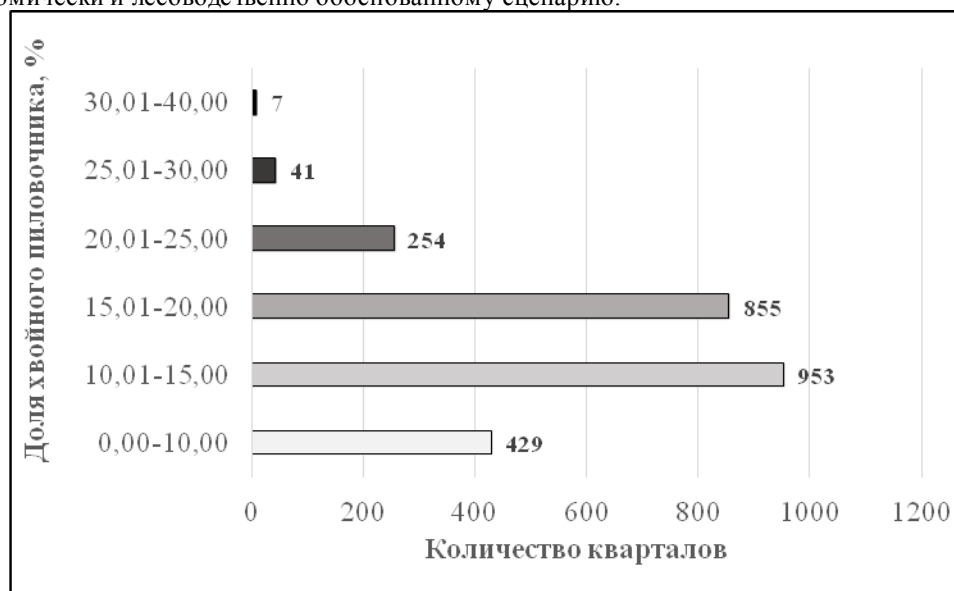

Рисунок 1.
Количественное распределение хвойного пиловочника

В ходе исследования на примере Сысольского лесничества была проведена предварительная оценка эффективности лесовосстановительных мероприятий по условному сценарию. За основу предварительной оценки были приняты данные о состоянии и площадях насаждений 1-го и 2-го класса возраста, пригодных для лесовосстановления, средние показатели стоимости товарного запаса эталонных лесов, а также нормативно-технологические карты Комитета лесов Республики Коми по расчетам затрат на проведение рубок ухода в молодняках.

По оценкам экспертов, для улучшения качества лесов, требуется проведение минимум двух рубок ухода до достижения лесами 3-го класса возраста (средневозрастные леса)¹. Предполагается, что в результате таких мероприятий лесные ресурсы достигнут наилучших показателей стоимости запаса в пределах лесничества. Эффект влияния лесовосстановительных мероприятий на товарную структуру в натуральном и стоимостном по Сысольскому лесничеству, рассчитанный в ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН составил около 11 млрд. руб.

Леса со средней долей хвойного пиловочника от 20% и выше являются наиболее ценными и служат целевым ориентиром для разрабатываемого комплекса лесохозяйственных мероприятий. Именно в этой группе выделены эталонные леса с долей хвойного пиловочника выше 30%. Тем не менее, учитывая, что таких кварталов достаточно мало и они сильно фрагментированы, то необходимо более широко внедрять механизм выборочных рубок, позволяющих

¹ Лопатин Е.В. Интенсивность добавляет стоимость // Лесная индустрия. 2015. – № 4. – С. 12–13.

выбирать экономически ценные ресурсы, не нарушая лесную экосистему и позволяя оставшимся древостоям достигать в будущем хозяйственной спелости, что гарантирует рентабельную лесозаготовку и высокую ресурсоэффективность лесопользования.

*Орлова Л.Н.,
Полтарыхин А.Л.,
Сизова Ю.С.,
Николаев С.В.¹*

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ)

Ключевые слова: институциональная система, подготовка кадров, национальная экономика, конкурентоспособность, электроэнергетика, технологическая платформа.

Электроэнергетика России как одна из отраслей национального топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) имеет стратегическое значение для функционирования и устойчивого развития национальной экономической системы и ее агентов, достижения и поддержания их конкурентоспособности.

В Перечень системообразующих организаций (их число составляет 199), то есть оказывающих существенное влияние на формирование ВВП России, занятость населения и социальную стабильность, по решению Правительства России включены 16 электроэнергетических компаний (из 31 компании ТЭК), среди которых – ПАО «ФСК ЕЭС», ПАО «Интер РАО» и другие².

В настоящее время к числу программных документов, определяющих инновационное развитие и кадровый потенциал ТЭК в целом электроэнергетики в частности, следует отнести такие нормативные акты, как Доктрина энергетической безопасности, Энергетическая стратегия до 2030 года, Стратегия научно-технологического развития на период до 2035 года, Национальная технологическая инициатива.

Так, в Доктрине энергетической безопасности подчеркивается, что недостаточные темпы реагирования системы профессионального образования на изменение потребностей организации ТЭК в квалифицированных кадрах формируют риски в области энергетической безопасности.

В связи с этим, по мнению авторов, требуют дополнительного изучения особенности построения и функционирования, а также проблемы и перспективы развития национальной институциональной системы подготовки кадров в электроэнергетической отрасли.

Теоретико-методологическую основу исследований взаимосвязи человеческого капитала и кадрового потенциала экономических агентов составляют труды зарубежных и российских ученых. В частности, влияние интеллектуализации труда в постиндустриальном обществе, а также трансформацию общественного производства в инновационное изучали Д. Белл, П. Друкер, Т. Сакайя, Т. Стюарт, О. Тоффлер, Л. Эдвинсон, М. Янг³. Среди исследователей вопросов развития человеческого капитала и его роли в интеллектуализации производства, экономических агентов в условиях современной инновационной экономики следует отметить таких, как: Барсук М.А., Г.Г. Дилигенский, А.И. Добрынин, А.А. Лютина, П.А. Капырин, Э.В. Бардасова, А.В.Гладышева, В.Т.Смирнов, Л.Н. Свирина и др. Клинова М.В. и Сидорова Е.А. рассматривают человеческий капитал как одно из конкурентных преимуществ в условиях инновационной экономической системы⁴.

Также представителями наднациональных организаций (ОЭСР, ЕС и др.) и международных экспертных центров (Всемирный экономический форум и др.) подчеркивается все возрастающая роль человеческого фактора на формирование инновационного потенциала национальной экономической системы и ее конкурентоспособности в условиях глобальной экономики (например, Шваб К. и др.)⁵.

¹ Орлова Любовь Николаевна – д.э.н., доцент, профессор кафедры «Анализ рисков и экономическая безопасность», Финансовый университет.

Полтарыхин Андрей Леонидович – д.э.н., профессор, профессор Базовой кафедры ФАС России, Российский экономический университет.

Сизова Юлия Сергеевна – к.э.н., доцент кафедры иностранных языков № 1. Российский экономический университет.

Николаев Сергей Владиславович – специалист отдела внутреннего контроля департамента безопасности ПАО «ФСК ЕЭС».

² Перечень системообразующих организаций, утвержденный Протоколом заседания Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции от 5 февраля 2015 г. № 1. – <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70764844/>

³ Инновационная политика и человеческий капитал в нефтегазовой отрасли ТЭК России: монография. – М: Москва: Проспект, 2018. -184 с.

⁴ Клинова М., Сидорова Е. Человеческий капитал в Европейском союзе: государственный и наднациональный аспект. – <https://m.gimo.ru/upload/iblock/19f/19fe6395e5a15150f715f072dd07a1fa.pdf>

⁵ Пресс-релиз Всемирного экономического форума от 27.09.2017. – http://www.strategy.ru/UserFiles/File/Government/WEF_2017_rus.pdf

Институциональную систему подготовки кадров следует рассматривать как сложную систему, состоящую из различных подсистем и элементов (звеньев), объединенных различными взаимосвязями и интегрированных с использованием различных механизмов. Субъектный состав институциональной системы формируют различные элементы (звенья), среди которых могут быть государственные органы (федерального и регионального уровней), электроэнергетические компании, учебные центры и организации. Данные элементы могут образовать отдельные подсистемы, например: государственные органы и структуру – регуляторную; энергокомпании и другие структуры – корпоративную подсистему, научные учреждения и центры – научно-образовательную подсистему.

Так, например, деятельность Минэнерго России как одного из ключевых элементов институциональной системы не ограничивается только осуществлением функций по организации дополнительного профессионального образования работников министерства. В настоящее время руководство министерства придает огромное значение выработке и мер, направленных на решение ряда ключевых задач.

Во-первых, одной из таких задач является разработка субъектами электроэнергетики долгосрочных стратегий в области управления человеческим капиталом; во-вторых, создание системы профессионального образования и подготовки специалистов и рабочих кадров позволит отслеживать отраслевые тренды; в-третьих, подчеркивается важность и своевременность разработки и внедрения новых форм и программ государственного и корпоративного обучения, подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

Одним из традиционных механизмов повышения эффективности функционирования институциональной системы и ее отдельных подсистем является интеграция производства, науки и образования. Среди наиболее актуальных из ее форм – создание отраслевых центров компетенций.

Реализация Энергетической стратегии ориентирована на формирование условий, способствующих воспроизводству человеческого капитала путем обеспечения устойчивого воспроизводства высококвалифицированных кадров и повышение качества жизни граждан, занятых в энергетическом и смежных секторах.

С 2011 года по настоящее время по инициативе государства как основного акционера акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных унитарных предприятий, на которые приходится около трети промышленного производства и половина всех расходов на НИОКР (в том числе ПАО «Россети», ПАО «Газпром», ПАО «Роснефть» и др.) по разработке и реализации программ инновационного развития, уделяется особое внимание подготовке кадров.

В 2010–2011 гг. государством был предложен коммуникационный инструмент (технологическая платформа). Данный механизм позволяет осуществлять координацию усилий госструктур, бизнеса, науки в приоритетных областях научно-технического развития по созданию перспективных коммерческих технологий и новых продуктов (услуг), привлечение дополнительного финансирования для проведения исследований и разработок, совершенствование неохимической нормативной базы.

В российской электроэнергетической отрасли среди участников технологических платформ в первую очередь можно выделить ранее отмеченные системообразующие организации, а также элементы институциональной системы подготовки кадров (Минэнерго России, ФАС России и др.). В период с 2011–2012 гг. по направлению «Энергетика» образовано 4 технологические платформы. Среди них – «Интеллектуальная Энергетическая система», «Малая распределенная энергетика», «Перспективные технологии возобновляемой энергетики», «Экологически чистая тепловая энергетика высокой эффективности».

Следует отметить, что при создании российских технологических платформ происходила адаптация зарубежного опыта, в первую очередь стран ЕС. Это служило своего рода дополнительным преимуществом для последующей интеграции национальных и европейских технологических платформ. Примером может служить Интеллектуальная энергетическая система России и Европейская технологическая платформа по энергосетям будущего (Smart Grids).

С 2016 года деятельность технологических платформ получила новый импульс в связи реализацией под эгидой Правительства Российской Федерации Национальной технологической инициативы. Она представляет собой программу государственно-частного партнерства, направленную на оказание содействия развитию новых перспективных рынков на базе высокотехнологичных решений¹.

В настоящее время кадровый потенциал Национальной технологической инициативы составляют представители наиболее успешных высокотехнологичных экономических агентов. Их деятельность в составе рабочих групп при участии и поддержке институтов развития, научных и образовательных организаций ориентирована на разработку и реализацию так называемых «дорожных карт», среди которых – отраслевая «дорожная карта» «Энерджинет»/EnergyNet.

Рабочая группа по разработке и реализации указанной дорожной карты сформирована из представителей экспертного отраслевого сообщества, энергокомпаний и органов государственной власти, осуществляющих государственное регулирование в электроэнергетической отрасли (в первую очередь, Минэнерго России, ФАС России и др.)².

В условиях сохраняющегося санкционного давления на Россию со стороны западных стран под эгидой США возрастает роль импортозамещения, предусматривающего в том числе локализацию производства иностранного обо-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2016 № 317 (ред. от 03.04.2018) «О реализации Национальной технологической инициативы» // КонсультантПлюс. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196930/

² Состоялось заседание рабочей группы НТИ «Энерджинет» // Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации – <https://minenergo.gov.ru/node/14838>

рудования или создание его отечественных аналогов, разработку технологий и программного обеспечения, что требует подготовки соответствующих специалистов.

Так, например, при координирующей роли Минэнерго России заинтересованными субъектами электроэнергетики ведутся работы по привлечению отечественных производителей силового оборудования по проектированию и строительству экспериментальных ТЭС с целью освоения и отработки экспериментальных образцов отечественных газовых турбин мощностью 65 МВт и более.

Кроме того, возрастает роль таких элементов институциональной системы подготовки кадров в электроэнергетике, как Некоммерческое партнерство «Инновации в электроэнергетике» (НП «ИНВЭЛ») ¹, Фонд поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности «Энергия без границ» ², Ассоциации «ЭРА России» (Объединение работодателей электроэнергетики) ³, Учебный центр НП «Совет рынка» ⁴.

В частности, при поддержке Минэнерго России, специализированные некоммерческие партнерства и объединения работодателей реализуют комплекс мероприятий, направленный на решение общих отраслевых кадровых вопросов. К их числу можно отнести: исследование и анализ рынка труда, проведение мониторинга потребности отрасли и ее компаний в специалистах, разработке профессиональных стандартов, подготовка предложений в перечень направлений подготовки (специальностей) в образовательных учреждениях высшего, среднего и дополнительного профессионального образования ⁵.

Образованное в 2003 году, в период реформирования российской электроэнергетики, Некоммерческое партнерство «ИНВЭЛ» было призвано содействовать внедрению и использованию передовых технологий и решений, повышению эффективности финансирования научных исследований и экспериментальных разработок в области энергетики.

Созданный в 2011 году (после завершения реформирования государственного монополиста в электроэнергетике ОАО РАО «ЕЭС России») фонд «Энергия без границ» трансформировался в межкорпоративный инструмент поддержки и финансирования инноваций в отрасли.

Наряду с этим, одной из ключевых задач Учебного центра НП «Совет рынка», созданного Ассоциацией «Некоммерческое партнерство «Совет рынка по организации эффективной системы оптовой и розничной торговли электрической энергией и мощностью» являются разработка и реализация программ дополнительного профессионального образования (повышения квалификации и профессиональной переподготовки) специалистов электроэнергетических и иных компаний, функционирующих в российской электроэнергетике и в смежных отраслях.

Следует также отметить, что по результатам проведенного в 2017 году исследовательским центром «Делойт» (СНГ) анализа, в 2016 году центрами НИОКР в области энергетики стали Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана ⁶.

Таким образом, в настоящее время продолжается процесс формирования институциональной системы подготовки кадров для обеспечения конкурентоспособности электроэнергетики как одной из базовых отраслей ТЭК России, что требует от государства выработки и реализации дополнительных мер государственной политики в указанной сфере. Они должны быть, в первую очередь, направлены на совершенствование действующей нормативной правовой базы, поиск дополнительных источников финансирования государственных программ и частных бизнес-инициатив, апробацию в российских условиях на практике достижений зарубежных экономических агентов и научных школ.

¹ Официальный сайт НП «Инновации в электроэнергетике». – <https://invel.ru/>

² Официальный сайт Фонда «Энергия без границ». – <http://energy-fund.ru/>

³ Официальный сайт Ассоциации «ЭРА России» (Объединение работодателей электроэнергетики). – <http://old.erael.ru>

⁴ Официальный сайт Учебного центра НП «Совет рынка». – <http://ec-mc.ru/>

⁵ Координация кадров в ТЭКе – элемент государственной политики. – <https://www.eprussia.ru/epr/241/15840.htm>

⁶ Инновации и корпорации: Отчет компании «Делойт», СНГ [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/TechDays_report_rus.pdf (дата обращения: 12.12.2019).

Павлов К.В.

д.э.н., профессор, филиал Российского университета кооперации, г. Ижевск
kvr_ruk@mail.ru

Асадуллина Н.Р.

к.э.н., доцент, Ташкентский филиал Российского экономического университета
rasadullina@mail.ru

ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: цифровизация, тренд, социально-экономическое развитие, информация, цифровой формат.

Keywords: digitalization, trend, socio-economic development, information, digital format.

Современный этап мирового экономического и социального развития характеризуется существенным влиянием на него цифровизации. Как новый тренд мирового общественного развития, который пришел на смену информатизации и компьютеризации, он характеризуется следующим: основан на цифровом представлении информации, которое в масштабах экономической и социальной жизни как отдельной страны, так и всего мира приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни.

Всестороннее раскрытие особенностей цифровизации как современного тренда мирового развития включает раскрытие сущности цифровизации, особенностей цифрового представления информации, предпосылок и возможных положительных последствий цифровизации, соотношения понятий «цифровизация» и «цифровая экономика», вызовов, угроз, возможных отрицательных последствий и рисков цифровизации для разных государств, в том числе и для Узбекистана, методов измерения степени охвата цифровизацией отдельной страны, а также включает описание современного состояния и задач цифровизации российской экономики.

В настоящее время термин «цифровизация» используется в узком и широком смысле. Под цифровизацией в узком смысле понимается преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т.д. Большое число конкретных преобразований информации в цифровую форму приводит к таким существенным положительным последствиям, которые обуславливают применение термина цифровизации в широком смысле [1].

Как переход к цифровой информации всех сторон экономической и социальной жизни, цифровизация из простого метода улучшения разных частных сторон жизни превращается в драйвер мирового общественного развития, обеспечивающий повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни. Поэтому под цифровизацией в широком смысле понимается современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни.

Цифровизацию в широком смысле можно рассматривать как тренд эффективного мирового развития только в том случае, если цифровая трансформация информации отвечает следующим требованиям: она охватывает производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан; сопровождается лишь эффективным использованием ее результатов; ее результаты доступны пользователям преобразованной информации; ее результатами пользуются не только специалисты, но и рядовые граждане; пользователи цифровой информации имеют навыки работы с ней.

Цифровизация пришла на смену информатизации и компьютеризации, когда речь шла в основном об использовании вычислительной техники, компьютеров и информационных технологий для решения отдельных экономических задач. Большие возможности цифрового представления информации приводят к тому, что она (цифровизация) формирует уже целостные технологические среды «обитания» (экосистемы, платформы), в рамках которых пользователь может создавать для себя нужное ему дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т.п.) с тем, чтобы решать уже целые классы задач.

К особенностям информации, представленной в цифровой форме, относятся:

- возможность использования разнообразных физических принципов ее представления, запоминания и передачи информации, в том числе возможность зашифровать сообщение, передать его в такой форме, а потом снова дешифровать;
- возможность передачи информации с использованием различных материальных носителей;
- копирование и распространение информации без потери ее точности;
- многократное увеличение плотности ее записи и скорости передачи, а также «неуменьшение» и «исчезновение» ее при потреблении;
- создание цифровых технологий, более эффективных по сравнению с аналоговыми.

Особые свойства цифровой информации обусловили появление целого научного направления «digital economics», включающего математические методы и модели, основанные на цифровом формате представления информации

и на ее свойствах, вытекающих из него. Примерами являются технологии, используемые в логистике, геотехнологии, современные технологии предоставления банковских услуг, технологии обеспечения информационной безопасности и т.д. Вполне естественно под цифровой экономикой понимать экономику, основным трендом эффективного развития которой является цифровизация [1].

Данное определение выделяет следующую основную особенность цифровой экономики – под воздействием тренда цифровизации она развивается эффективно.

В настоящее время существует множество определений понятия «цифровая экономика», которые делают акцент на том или ином аспекте воздействия тренда цифровизации на национальную экономику, например, на использовании инновационных цифровых информационно-коммуникационных технологий; на обеспечении ИКТ различных видов взаимодействий; на использовании Интернета, мобильных и сенсорных сетей, возможностей работы в режиме онлайн; на применении электронного документооборота, современных электронных каналов связи, способов учета и хранения информации; на создании новых бизнес-моделей, новых рынков и новых потребителей и т.д.

Анализ разных определений цифровой экономики показывает, что каждое из них выделяет лишь некоторые ее существенные особенности. Учет наиболее важных из них позволяет дать следующее ее развернутое определение: цифровая экономика – это система социально-экономических отношений:

- нацеленная на повышение эффективности и конкурентоспособности экономики;
- выражающая современную парадигму ускоренного экономического развития, при котором повышение конкурентоспособности и эффективности становится жизненной необходимостью;
- характеризующая современный этап эволюционного развития социально-экономической и производственной модели общества;
- охватывающая сферу общественной жизни, производство, бизнес, науку, менеджмент, домашние хозяйства и отдельных людей;
- отражающая специфику нового технологического поколения – использование огромного количества данных, генерируемых в самых разнообразных информационных системах и перерабатываемых в целях извлечения из них полезной информации;
- направленная в целях получения прибыли на создание новых производств, бизнес-моделей, моделей управления, новых рынков и новых потребителей;
- основанная на цифровой трансформации, т.е. предполагающая в большой степени переход от аналогового взаимодействия и использования аналоговых носителей информации к электронному взаимодействию на основе применения современных электронных средств, в том числе на основе активного использования инновационных цифровых информационно-коммуникационных технологий, современных электронных каналов связи, электронного документооборота, а также электронных способов учета, обработки, хранения и передачи информации;
- использующая новейшие математические методы и модели переработки информации, основанные на учете цифровой формы ее представления и свойств цифровой информации;
- реализуемая, как правило, в режиме онлайн через такие платформы, как Интернет, мобильные и сенсорные сети [2].

Официальными и принятыми на правительственном уровне в Узбекистане на настоящий момент являются следующие определения цифровой экономики:

- цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов данных, использование результатов анализа которых позволяет существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг;
- цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме. Она способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Республики Узбекистан, созданию и применению информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы [2].

Если говорить о соотношении понятий «цифровизация» и «цифровая экономика», то необходимо отметить, что цифровизация – это основа цифровой экономики, тот тренд мирового развития, который определяет развитие экономики и общества, формирует цифровую экономику. Другими словами, цифровизация представляет собою главный современный тренд развития экономики и общества, основанный на переходе к цифровому формату представления информации, который направлен на повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни. Она способствует последовательному улучшению всех бизнес-процессов экономики и связанных с ней социальных сфер, которое (улучшение) основано на увеличении скорости взаимодействия, доступности и защищенности информации, а также на возрастании роли автоматизации как базы цифровизации.

Осуществлению требований цифровизации как современного тренда развития экономики и общества и тем самым повышению эффективности их развития в определенной мере отвечает наличие предпосылок цифровизации на государственном, отраслевом уровнях, а также на уровнях отдельных домохозяйств и граждан. Поэтому задачей государства по учету предпосылок цифровой экономики как благоприятных условий, способствующих цифровизации, является создание возможностей для их реализации [3].

Правительством Республики Узбекистан принимаются широкомасштабные меры по развитию цифрового сектора экономики, внедряются системы электронного документооборота, развиваются электронные платежи и совершенствуется нормативно-правовая база в сфере электронной коммерции.

Цифровая экономика, функционирующая на информационно-технологических платформах, развивается с большой скоростью, что обуславливает необходимость создания новых моделей таких платформ [4].

В ближайшей перспективе планируется разработать Национальную концепцию цифровой экономики, предусматривающую обновление всех сфер экономики на базе цифровых технологий, и на этой основе внедрить программу «Цифровой Узбекистан-2030». Цифровая экономика позволит обеспечить рост валового внутреннего продукта как минимум на 30 процентов и резко снизить коррупцию. Это подтверждают и аналитические исследования авторитетных международных организаций [5].

С появлением цифровой экономики сегодня в мире происходят поистине революционные изменения, связанные с новыми технологиями, которые трансформируют отрасли и системы производства, повышают производительность и дают начало новым бизнес-моделям. В этой связи ускорение экономического развития, международной конкурентоспособности и интеграция Узбекистана в мировую экономику в значительной степени зависят от развития цифровой экономики.

Цифровая экономика помогает снизить стоимость предоставления услуг, обеспечивает доступ к экспорту посредством электронной коммерции, положительно влияет на приток инвестиций и в целом на экономическую активность. По оценкам международных экспертов, если развивающиеся страны, такие как Узбекистан, достигнут уровня проникновения Интернета как у развитых рынков, их долгосрочная производительность увеличится на 25 процентов. Узбекистан имеет все условия, чтобы использовать преимущества динамичной цифровой экономики. Республика является самой густонаселенной страной в Центрально-Азиатском регионе, обладает значительной молодой и достаточно образованной рабочей силой.

На данный момент в республике в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) занято около 29 000 человек, работающих на 1400 предприятиях, общий вклад которых в ВВП составляет 2,2 процента. Постепенное открытие сектора уже позволяет гражданам страны получать Интернет-услуги, а бизнесу извлекать выгоду из цифровой экономики [6].

Приоритетными направлениями развития информационных компьютерных технологий и формирования современной цифровой экономики являются:

- модернизация сферы информационно-коммуникационных технологий с учетом общемировых и локальных достижений в области нанотехнологий, геномной инженерии, NBIC-конвергенции, информационных и биотехнологий, ориентированных на развитие интеллектуальных способностей человека;
- изобретение современных многокомпонентных материалов на основе достижений фотоники, робототехники, оптоинформатики;
- борьба с киберпреступностью, усиление информационной безопасности в Интернете;
- правовое регулирование в области предоставления свободного доступа граждан к информации и обеспечения экономической и государственной безопасности;
- развитие возможностей фриланса;
- регулирование и поддержка процесса становления цифровой экономики во всех секторах народного хозяйства.

На сегодняшний день Узбекистан уже вступил в этап цифровой трансформации. В числе приоритетных направлений цифровой трансформации можно выделить следующие:

- модернизация системы образования и профессиональной подготовки ИТ-кадров за счет совершенствования образовательной инфраструктуры и создания филиалов ведущих зарубежных университетов в сфере ИТ. Сегодня на рынке труда ИТ-специалисты составляют около 1% от общей численности занятого населения страны. В ближайшие пять лет планируется довести этот показатель до 2,5–3%, что соответствует среднемировому уровню;
- внедрение механизмов поддержки стартапов в сфере ИТ, в том числе создание технопарков, привлечение венчурного капитала, организация бизнес-акселераторов и инкубаторов. Сейчас условиями созданного в 2017 году Mirzo Ulugbek Innovation Center пользуются 300 ИТ-компаний Узбекистана. Нынешняя задача – довести долю ИТ-сектора в ВВП до 4% и увеличить экспорт ИТ-услуг в 10 раз в течение ближайших нескольких лет;
- обеспечение развития информационно-коммуникационной инфраструктуры. К концу 2020 года будет обеспечено увеличение пропускной способности международного Интернет-канала в 10 раз, завершена прокладка более 2300 км оптико-волоконных линий связи, установлено более 2000 базовых станций четвертого поколения;
- совершенствование механизма государственных электронных услуг. Внедрение технологий умных и безопасных городов в регионах Узбекистана, в том числе обработка больших данных, внедрение Интернета вещей, интеллектуальных систем видеонаблюдения и мониторинга в общественных местах.

Задачи по ускоренной цифровой трансформации экономики невозможно решить без тесного международного сотрудничества. Передовой опыт цифровизации и развития информационных технологий Российской Федерации и культурно-историческая близость России и Узбекистана определяет Россию как стратегического партнера в области цифровых технологий и информатизации. Необходимо активизировать сотрудничество с ИТ-компаниями России по таким направлениям, как медиа-контент, электронная коммерция, электронное правительство, цифровые банковские технологии, обмен опытом, развитие инновационных центров, управление технопарками и развитие технологической инфраструктуры.

Основную роль в цифровой экономике Узбекистана будет играть частный бизнес с сильным предпринимательским и инновационным подходом, а государство должно создавать инфраструктуру и условия для частной инициативы. Главное, чтобы развитие в стране ИКТ шло в ногу с заинтересованностью бизнеса внедрять цифровые технологии для повышения производительности труда.

Список литературы

1. Сологубова Г.С. Составляющие цифровой трансформации: монография. – М.: Юрайт, 2019. – 147 с. – (Серия: Актуальные монографии). – <https://biblio-online.ru/book/sostavlyayushchie-cifrovoy-transformacii-445006>
2. Горелов Н.А. Развитие информационного общества: цифровая экономика: учеб. пособие для вузов / Н.А. Горелов, О.Н. Коралева. – М.: Юрайт, 2019. – 241 с. – (Серия: Университеты России). – <https://biblio-online.ru/book/razvitie-informacionnogo-obschestva-cifrovaya-ekonomika-429156>
3. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / Халин В.Г., Чернова Г.В. // Управленческое консультирование. – М., 2018. – № 10. – С. 48–49. – <https://sziu.ganepa.ru/>
4. Постановление Президента Республики Узбекистан от 03.07.2018 г. № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан». – <https://buxgalter.uz>
5. Послание Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева Олий Мажлису от 28.12.2018 г. // Народное слово. 2018. – 29 декабря. – <http://nrm.uz/>
6. Информационное агентство Республики Узбекистан. – <https://regnum.ru/>

Панамарева О.Н.¹

РАЗВИТИЕ МОРСКИХ ПОРТОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЛЕКСНОГО ПЛАНА МОДЕРНИЗАЦИИ И РАСШИРЕНИЯ МАГИСТРАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ПЕРИОД ДО 2024 ГОДА

***Ключевые слова:** развитие, модернизация портовой инфраструктуры, комплексный план, мультимодальные транспортные узлы, экосистема мультимодального морского транспортного узла, цифровизация, проблемы и пути достижения прорыва в отрасли.*

***Keywords:** development, modernization of port infrastructure, comprehensive plan, multimodal transport hubs, multimodal marine transport hub ecosystem, digitalization, problems and ways to achieve a breakthrough in the industry.*

Морской транспорт – системообразующий элемент территориально-экономического пространства России, обеспечивающий его единство и интеграцию в мировую экономику. Морские торговые порты России (МТП РФ) по праву сохраняют за собой статус важнейших структурных звеньев транспортно-логистической системы, имеющих стратегическое значение для развития народно-хозяйственного комплекса страны, обеспечения экспортных потребностей РФ, укрепления макроэкономической устойчивости, позволяющей решать масштабные социальные, экономические, технологические задачи, стоящие перед страной. Следовательно, проблемы развития МТП РФ требуют форсированного системного изучения и разработки.

Это особенно актуально в контексте приоритетности разработки и внедрения дополнительных мер стимулирования роста производительности труда на фоне ускорения цифровой трансформации реального сектора экономики, обусловленного многократным возрастанием скорости технологических изменений на мировой арене, а также тем, что перед нами стоит задача создания, масштабирования и распространения отечественных технологий и стандартов (сформированных на паритетной основе со странами ЕАЭС, БРИКС и др.²) «по тем направлениям, которые определяют будущее»³ как на территории России, так и в рамках пространственно-экономического взаимодействия с дружественными государствами. Последнее приобретает высокую значимость при формировании единого территориально-экономического и коммуникационного пространства, поскольку в современной повестке дня стоит такая важная задача, как создание общих рынков, укрепление страновых связей путем сопряжения ЕвразЭС с инициативой Китая «Один пояс, один путь», другими словами, – задача создания Большого евразийского партнерства.

Поскольку внешнеэкономическая деятельность (ВЭД) (в т.ч. транзитная деятельность, трансфер технологий) России в силу ее геополитического положения непосредственно связаны с уровнем развития МТП (морских транспортных узлов – МТУ), особый акцент должен быть сделан именно на оптимальную модернизацию и эффективное их развитие в контексте сбалансированного развития промышленности (с акцентом на обрабатывающую), аграрного и финансового сектора, сферы высоких технологий, иных отраслей экономики нашей страны.

Развитие транспортного комплекса, транспортных внутренних и международных мультимодальных коридоров, стратегических «хабов» – МТП РФ – важнейшая задача, решение которой должно разрабатываться в тесной гармоничной взаимосвязи с разработкой и реализацией национальных приоритетных проектов «Цифровая экономика», «Наука», «Образование», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт» и Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры РФ до 2024 г.⁴

В современных условиях засилья многочисленных стратегий, государственных, федеральных, региональных программ, проектов и других нормативно-правовых актов важно обеспечить их согласованность и транспарентность. Проблемам и перспективам реализации Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (КПМиРИ) РФ до 2024 г. сегодня уделяется большое внимание со стороны Министерства транспорта РФ и его подведомственных структур.

Прежде, чем исследовать тенденции и перспективы развития МТП России, обратимся к изучению предпосылок, формирующих для этого условия.

¹ Панамарева Олеся Николаевна – к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики и менеджмента Ступинского филиала Московского финансово-юридического университета. Профессиональные интересы: управление сложными территориально-экономическими системами на транспорте; геоинформационные системы; искусственный интеллект; интеллектуальные и геоинформационные технологии в управлении; мультимодальные транспортные коридоры; инвестиции; территориальное развитие; макроэкономическое развитие. E-mail: onpanamar@mail.ru

² Панамарева О.Н. Международная экономическая и транспортная интеграция: их связь и перспективы для экономики России XXI века // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. – М., 2019. – № 4. – С. 116–132.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/

⁴ Перечень национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в Российской Федерации (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/

Изначально исследуем, каких показателей согласно КПМиРМИ РФ до 2024 г. необходимо достигнуть; на рис. 1–8 представлена их плановая динамика.

Рисунок 1.

Динамика индекса качества транспортной инфраструктуры (ИКТИ) России к уровню 2017 г. согласно КПМиРМИ РФ до 2024 г., %

На рис. 1 показано, что ИКТИ к 2024 г. должен вырасти относительно 2017 г. на 15,5 %. Считается, что ИКТИ призван обеспечить точность при оценке проектов КПМиРМИ РФ, поскольку является комплексным показателем, «учитывающим конкретные значения пропускной способности магистралей, повышение доступности транспортных услуг для населения и бизнеса, устранение инфраструктурных ограничений»¹, в т.ч. реальные сроки транзита контейнеров в рамках международных транспортных коридоров, среднюю коммерческую скорость товародвижения на железнодорожном транспорте, провозную способность магистралей и участков на подходах к портам, долю магистралей, работающих без перегрузки, прирост производственной складской мощности морских портов и транспортно-логистических центров, протяженность высокоскоростных магистралей², введенных в эксплуатацию, прирост пропускной способности внутренних водных путей и др.». При этом в рамках Программы организации скоростного и высокоскоростного железнодорожного сообщения в России до 2030 г. предусмотрена реализация порядка 20 проектов, направленных на организацию более 50 скоростных маршрутов общей протяженностью более 7 тыс. км³, основными из которых станут «Москва – Казань – Екатеринбург + Уфа и Челябинск», «Москва – Санкт-Петербург» и «Москва – Сочи».

Рисунок 2.

Динамика уровня транспортной обеспеченности субъектов России к уровню 2017 г. согласно КПМиРМИ РФ до 2024 г., %

Рисунок 3.

Динамика доли центров экономического роста РФ, связанных скоростными транспортными коммуникациями согласно КПМиРМИ РФ за 2017–2024 гг., %

¹ Индекс качества транспортной инфраструктуры обеспечит точность при оценке проектов КПМИ. – <https://ac.gov.ru/comments/comment/022003>

ИКТИ рассчитывается как средневзвешенное значение индексов качества транспортной инфраструктуры по отдельным видам транспорта по объему транспортной работы по отношению к базовому уровню. [Распоряжение Правительства РФ от 30.09.2018 № 2101-р (ред. от 17.08.2019) «Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года». – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=31948&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9629552650927649#05679388916142427>

² Протяженность высокоскоростных магистралей РФ, введенных в 2024 г., должна составить согласно КПМиРМИ РФ, 301 км.

³ ВСМ в России. – <http://www.hsrail.ru/info/vsmr/>

В этих условиях ожидаемый прирост производственных мощностей мультимодальных транспортных логистических центров (ММТЛЦ) в 2024 г. – 51,6 млн. т, прирост производственных мощностей МТП РФ имеет неравномерный характер, наибольшая его величина ожидается в 2023 г., что в 5,7 раза выше конца 2017 г., и в 2,8 раза – 2024 г.; по внутренним водным путям – наибольший прирост ожидается в 2022 г. Стоит отметить, что формирование 10 узловых ММТЛЦ (регионального уровня) – база сети для организации грузовых скоростных и интермодальных маршрутов¹.

Рисунок 4.
Динамика мощности ММТЛЦ и прироста производственной мощности МТП, пропускной способности ВВП России за период 2017–2024 гг., млн. т

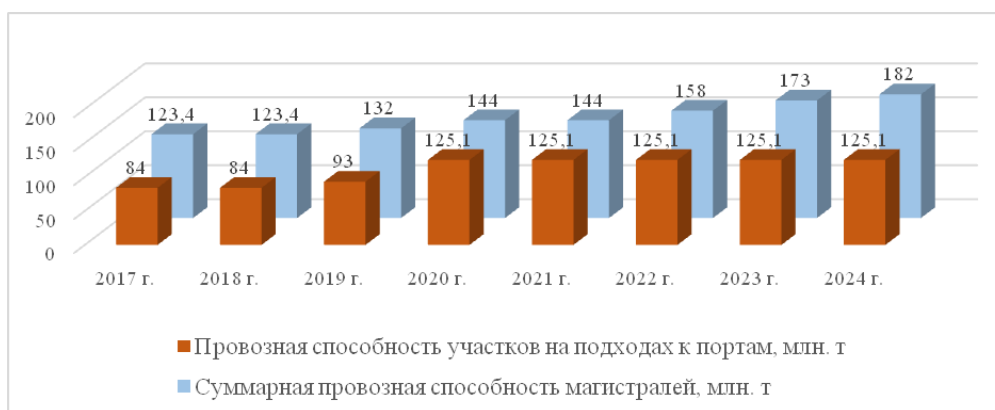

Рисунок 5.
Плановая динамика производственной способности участков на подходах в МТП и магистралей России за период 2017–2024 гг., млн. т

Вопросы увеличения провозной производственной способности участков (ППСУ) на подходах к МТП РФ – давняя проблема, требующая решения, и к 2024 г. относительно 2017 г. рост величины ППСУ МТП должен составить порядка 49%, что будет сопровождаться ростом суммарной производственной способности магистралей РФ на 47,5% (см. рис. 5).

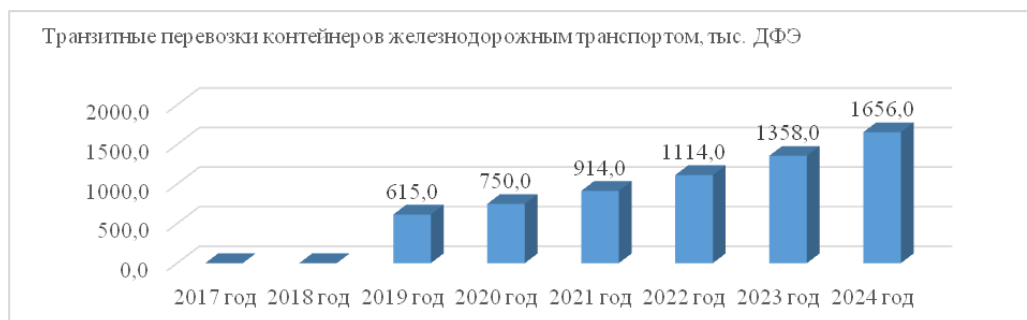

Рисунок 6.
Динамика объемов транзитных перевозок контейнеров железнодорожным транспортом РФ согласно КПИ и РМИ РФ за 2017–2024 гг., тыс. ДФЭ

¹ Терминалы ускорят доставку. – <https://www.gudok.ru/infrastructure/?ID=1466908>

² За 2017–2018 гг. официальных данных не представлено.

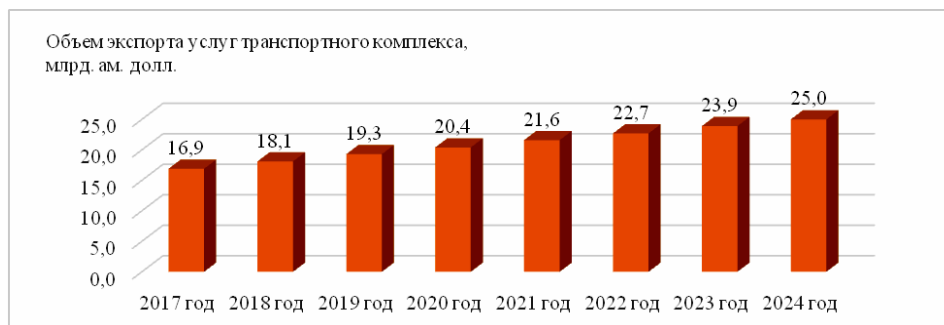

Рисунок 7.

Динамика объема экспорта услуг транспортного комплекса (ТК) РФ согласно КПМиРМИ РФ за 2017–2024 гг., млрд. ам. долл.

Исходя из данных рисунков 6 и 7, можно отметить, что в 2024 г. ожидается увеличение объема транзитных перевозок контейнеров – унифицированных грузовых мест – ж/д транспортом в 2,7 раза, экспорта услуг ТК РФ в стоимостном выражении – в 1,5 раза, но уже сегодня можно наблюдать, что фактическая величина последнего показателя уже в 2018 г. меньше плановой на 16,7% (в 2018 г. – 15 млрд. ам. долл.¹), следовательно, намечается возможное недостижение требуемого уровня. Ожидается рост объемов экспорта услуг от транзитных перевозок в РФ на 35,4%, что значительно отразится на вкладе от их реализации в ВВП России, чему будет способствовать (см. рис. 9) планируемое сокращение времени доставки контейнеров по трем стратегическим направлениям, которое составляет: 1) на направлении «Север – Юг» в 2024 г. относительно 2021 г. – 16% (до 2,1 сут.); 2) на направлении «Европа – Западный Китай» в 2024 г. относительно 2017 г. – 50% (до 1,6 сут.); 3) на направлении «Запад – Восток» в 2024 г. относительно 2017 г. – 21,4% (до 7 сут.). А темп роста средней скорости доставки транзитного контейнеропотока должен составить, в выше обозначенных условиях, порядка 163% (т.е. прогнозируемая скорость должна увеличиться на 509 км/сут) (см. рис. 10).

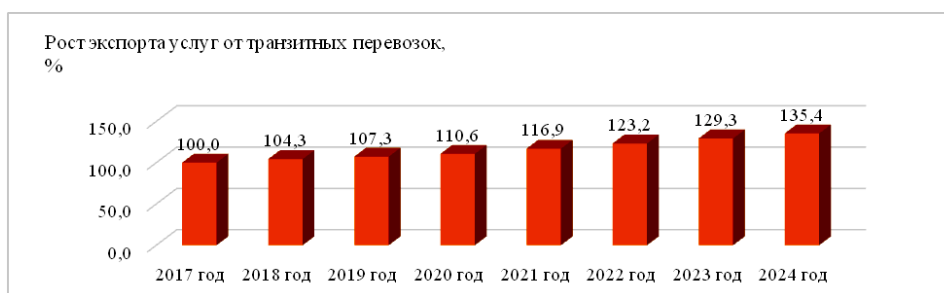

Рисунок 8.

Динамика объемов экспорта услуг от транзитных перевозок РФ согласно КПМиРМИ РФ за 2017–2024 гг. относительно 2017 г., %

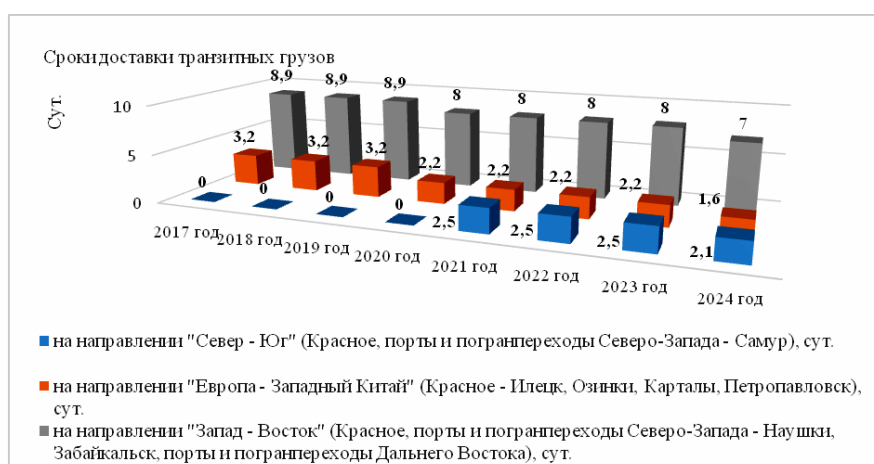

Рисунок 9.

Сроки доставки транзитных контейнерных перевозок при реализации КПМиРМИ РФ за период 2017–2024 гг., сут.

¹ Экспорт транспортных услуг России в 2018 году составил \$15 млрд. – <https://tass.ru/ekonomika/6340903>

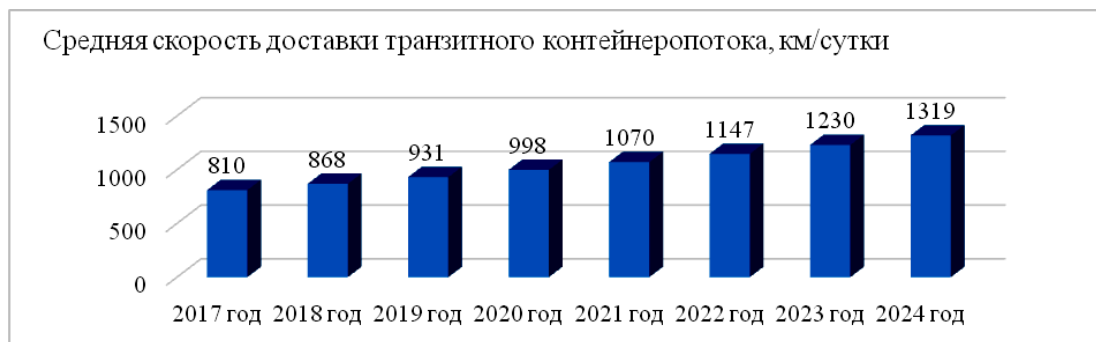

Рисунок 10.

Величина средней скорости доставки транзитного контейнеропотока согласно КПМиРМИ РФ за период 2017–2024 гг., км/сут.

В целом, реализация проектов по развитию транспортной инфраструктуры позволит обеспечить развитие транспортных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг», что направлено также и на решение макроэкономических задач, обозначенных в Прогнозе социально-экономического развития РФ на период до 2036 г.¹

По состоянию на февраль 2020 г. морское портовое хозяйство РФ насчитывает 67 морских торговых портов мощностью порядка 1003,6 млн. т в год (протяженность причального фронта – 148 тыс. пм)². Динамика объемов перевалки в МТП РФ достаточно положительная, и, несмотря на провальный период 1991–2004 гг., России удалось добиться ранее (в эпоху СССР) недостижимых показателей, так в 2019 г. мы наблюдаем рост перевалки в 2,2 раза относительно 1980 г., и в 6,9 раз – относительно 1991 г.

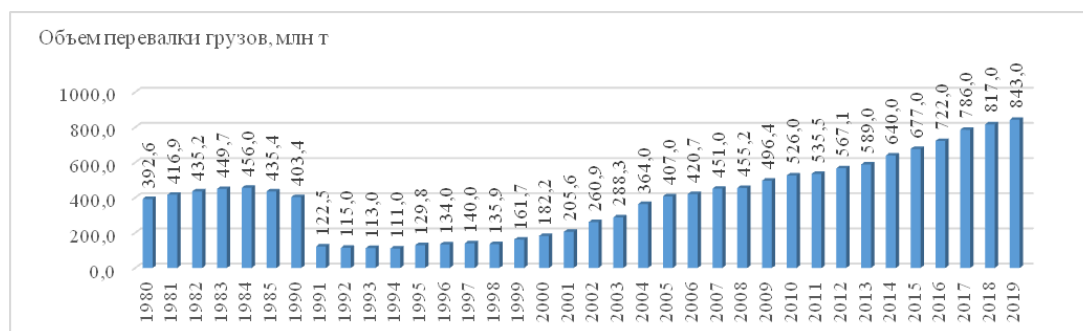

Рисунок 11.

Динамика объемов перевалки грузов морских торговых портах России за период 1980–2019 гг., млн. т³

Сегодня, как неоднократно упоминалось в рамках Транспортной недели –2019 на Отраслевой конференции «Морские порты – драйвер экономического развития страны», мощности МТП и темпы их роста в достаточном объеме удовлетворяют потребности страны, при этом имеется некоторый запас, однако в условиях роста экономики (особенно в области аграрного сектора, ВПК, высокотехнологичного экспорта, перерабатывающих отраслей и т.п.), и интеграции ее в мировую экономику мощности МТП РФ необходимо адресно развивать в тесной увязке с тенденциями, закреплёнными в государственных, федеральных программах развития отраслей – центров экономического роста – и других стратегических документах. Согласно КПМиРМИ РФ и паспорту федерального проекта «Морские порты России» планируется реализация 67 мероприятий, участие в которых примут 27 частных инвесторов, Росморречфлот и Росавтодор⁴; на рис. 12 представлены плановые объемы их финансирования. В результате реализации обозначенных мер мощности МТП РФ к 2024 г. должны увеличиться до 1,3 млрд. т.

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года. – www.consultant.ru

² Морские порты. – http://old.morflot.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/porty_rf.html

³ Рисунок 11 построен автором на основе следующих источников: Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года» (одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ 28.09.2012). – www.consultant.ru Грузооборот портов РФ в 2013 г вырос на 3,9% – до 589 млн тонн. – <https://ria.ru/20140114/989126015.html> Перевалка грузов в морских портах России в 2019 году может вырасти на 3,3%. – <https://tass.ru/ekonomika/6945957>

⁴ Стратегические транспортные проекты России 2019–2020 гг. / Информационное агентство «ТехИнформ». 2019. – С. 110.

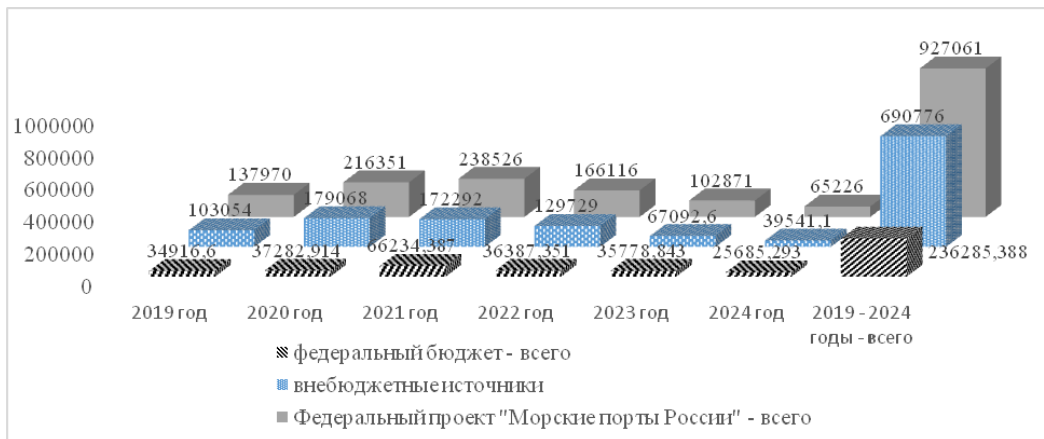

Рисунок 12.
Источники финансирования Федерального проекта «Морские порты России» 2019–2024 гг., млн. руб.

Однако возникает вопрос, только ли рост мощностей и ликвидация узких мест на подходах к ним позволят обеспечить достижение плановых показателей, динамика которых представлена на рис. 13 и в табл. 1.

Рисунок 13.
Место России в рейтинге стран по индексу эффективности грузовой логистики (Logistics Performance Index) (аналитический) по годам за период 2016–2024 гг., ед.

Таблица 1

Позиция России в рейтинге стран по легкости ведения бизнеса (Doing Business) по состоянию на 2016–2019 гг. (факт) и на 2024 г. (план)

Страна	Год	Место	Регистрация предприятий	Получение разрешений на строительство	Подключение к системе электроснабжения	Регистрация собственности	Получение кредитов	Защита инвесторов	Налогообложение	Международная торговля	Обеспечение исполнения контрактов	Разрешение неплатежеспособности
Россия	2024 (прогноз)	≤ 20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	2019	28	40	26	7	12	25	72	58	99	21	57
	2018	35	28	115	10	12	29	51	52	100	18	54
	2017	40	26	115	30	9	44	53	45	140	12	51
	2016	51	41	119	29	8	42	66	47	170	5	51

Источник: DOINGBUSINESS Оценка Бизнес Регулирования. – <https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings>

В современных условиях, для эффективной реализации КПМиРМИ РФ до 2024 г. необходимо также учитывать и уровень глобализации страны (УГЛС), в целях определения ее места в мировой транспортно-коммуникационной системе. Так в табл. 2 представлено изменение позиций России по УГЛС относительно первой 20-ки по состоянию на 2017–2018 гг.

Рейтинг стран мира по уровню глобализации по версии КОФ¹

2017 г.						2018 г. ²					
Место	Страна	Индекс	Место	Страна	Индекс	Место	Страна	Индекс	Место	Страна	Индекс
1	Нидерланды	92.84	11	Канада	86.51	1	Бельгия	90.47	11	Норвегия	85.81
2	Ирландия	92.15	12	Финляндия	86.30	2	Нидерланды	90.24	12	Венгрия	84.20
3	Бельгия	91.75	13	Португалия	85.04	3	Швейцария	89.70	13	Ирландия	83.53
4	Австрия	90.05	14	Кипр	85.00	4	Швеция	88.05	14	Канада	83.45
5	Швейцария	88.79	15	Чехия	84.88	5	Австрия	87.91	15	Чехия	83.41
6	Дания	88.37	16	Германия	84.57	6	Дания	87.85	16	Испания	83.31
7	Швеция	87.96	17	Испания	84.56	7	Франция	87.34	17	Португалия	82.21
8	Великобритания	87.26	18	Словакия	84.36	8	Великобритания	87.23	18	Италия	82.15
9	Франция	87.19	19	Люксембург	84.21	9	Германия	86.89	19	Люксембург	82.00
10	Венгрия	86.55	20	Сингапур	83.64	10	Финляндия	85.98	20	Эстония	81.97
			48	Россия	68.25				56	Россия	69.06

Примечание: составлено автором.

Особое внимание в рамках круглых столов, конференций разного уровня, проводимых МГУ им. Ломоносова, РЭУ им. Г.В. Плеханова стало уделяется вопросам формирования цифровых двойников портов (общей единой концепции по этому вопросу пока не разработано) и наличию отечественных разработок, технологий, кадров как предпосылок для их внедрения. Таким образом, рост производственных мощностей – это лишь один из элементов, которые должны лежать в основе модернизации инфраструктуры МТП России, особый упор необходимо делать на российские высокие технологии в области управления, трансформацию бизнес-процессов, создание кардинально новых сервисов, которые обеспечат требуемый рост производительности в рамках всего транспортно-логистического комплекса России и распространятся на смежные отрасли и страны-партнеры, обеспечив к 2030 г. вхождение России по индексу глобальной конкурентоспособности в 20-ку ведущих стран мира (это показатель должен был быть достигнут уже в конце 2018 г.).

Отправной точкой решения данных задач должна стать разработка Единой концепции экосистемы реализации транспортно-коммуникационного процесса, в основу которой должны быть положены ключевые элементы информационно-аналитико-коммуникационной системы мультимодальных морских транспортных узлов (на основе МТП РФ) с распределенными хабами сбора-анализа информации и доступа к актуальной информации о бизнес-процессах, интеллектуальной поддержкой принятия управленческих решений. Основными принципами построения данной экосистемы должны быть принципы транспарентности, геоцентризма, паритетности интересов всех акторов экономико-транспортно-коммуникационного процесса транспортного узла, бизнес-этики, вовлеченности общественности, инициативности, гибкости, масштабируемости, ориентации одновременно на общую и личную безопасность всех стейкхолдеров, взаимоуважения их интересов и др.

Построение такой экосистемы обеспечит решение еще одной задачи – привлечение инвестиций, в т.ч. иностранных инвестиций и инвестиций со стороны населения. От построения экосистемы интеллектуальных ММТУ России на базе цифровых двойников в значительной степени зависит будущее всего транспортно-логистического комплекса РФ и стран-партнеров.

¹ Рейтинг стран мира по уровню глобализации. – <https://nonews.co/directory/lists/countries/globalization-index>

² Там же.

Пименов В.В.

д.э.н., профессор, Российский экономический университет

Шафранский П.К.

аспирант, Российский экономический университет

О СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Ключевые слова: архитектура предприятия, бизнес-модель, бизнес-стратегия, ИТ-стратегия, бизнес-архитектура, ИТ-архитектура, управление изменениями, системное управление организацией.

Архитектура предприятия – концепция системного формирования

В определенном смысле под *архитектурой*² следует понимать *систему* как упорядоченную совокупность взаимосвязанных и влияющих друг на друга элементов, образующую устойчивое единство и обладающую как минимум одним новым свойством, отсутствующим у ее элементов. Обращение к архитектуре предприятия (далее – АП) как к системе вызвано развитием электронного бизнеса и необходимостью его эффективного взаимодействия с организационно-производственной структурой предприятия (бизнес-архитектурой). Основная задача архитектуры предприятия – определить общую структуру, функции бизнеса и информационных технологий в рамках предприятия в целом. Это позволит построить организационную структуру предприятия во взаимосвязи с миссией, стратегией и бизнес-целями, и тем самым повысить его эффективность.

Взаимосвязь таких понятий, как бизнес-архитектура, корпоративная ИТ-архитектура и «архитектура предприятия» показана на рис. 1, где хорошо видно (квадрант справа сверху), что эффект «архитектуры предприятия» проявляется только при высоком уровне технологий и эффективном использовании информации³. Именно развитие информационных технологий в современном мире и способствует формированию архитектурной модели предприятия.

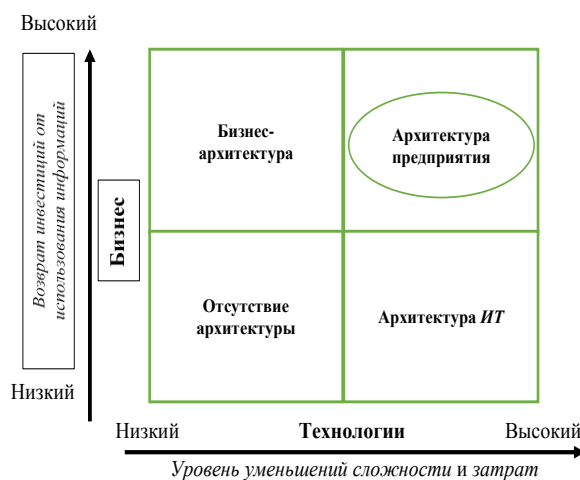

Рисунок 1.

Позиционирование понятия «архитектуры предприятия» [2, с. 90]

Архитектура предприятия представляет собой взаимосвязь основных компонентов – «бизнес-архитектуры» и «архитектуры информационной системы» (рис. 2).

¹ Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

² Само понятие архитектуры в переносном смысле – это единое целое, совокупность узлов, блоков; в информатике – взаимосвязь элементов схемы.

³ Данилин А., Слюсаренко А. Архитектура и стратегия. «Инь» и «Янь» информационных технологий предприятия. – М.: Интернет-Университет информ. технологий, 2013. – 504 с.

Рисунок 2.
Архитектура предприятия как взаимосвязь бизнес-архитектуры и архитектуры информационной системы

Бизнес-архитектура – это функциональная структура предприятия, представленная в виде *бизнес-моделей*, под которыми понимается динамический поток событий, по ток работ и по ток информации, связанный с бизнесом.

Архитектура информационной системы (АИС) – ИТ-архитектура включает в себя видение, принципы, модели и стандарты, которые обеспечивают процессы создания, использования и поддержания информации, относящейся к деятельности предприятия. *ИТ-архитектура* описывает, каким образом информационные технологии обеспечивают на предприятии возможности для быстрого принятия решений. *ИТ-архитектура информационной системы* является как бы «зеркальным отражением» бизнес-архитектуры. Если бизнес-архитектура отвечает на вопрос: «Кто и что будет делать с учетом принятой стратегии?», то *ИТ-архитектура* отвечает на вопрос: «Какая информация необходима, чтобы бизнес-процессы могли выполняться, и кто их должен выполнять, используя соответствующую информацию?»

В целом, разработка *АП* позволяет решить одну из важных проблем взаимодействия бизнеса и *ИТ*: это проблема *синхронизации потребностей бизнеса и возможностей ИТ*.

Инструменты организационных изменений – адаптация к условиям цифровой трансформации

При переходе к цифровой экономике перед предприятиями возникают сложные задачи: в кратчайшие сроки адаптироваться к новым условиям, которые потребуют глубинной производственно-технологической и, по сути, системной модернизации, т.е. серьезных *организационных изменений*, основанных на управлении – *Change Management*, или «Управлении изменениями»¹. Ключевым является переход предприятия от его сложившейся организационно-функциональной структуры производства к *структуре процессной*, которая рассматривается как базовая модель на пути к перспективному технологическому укладу на современном этапе, т.е. по сути – это и есть переход к системному управлению предприятия – к *его архитектуре*.

Отличительной особенностью организационных изменений предприятий на современном этапе является необходимость *глубинных изменений*, вызванных цифровой трансформацией, в которой следует учитывать не только внутренние структурные изменения предприятия, но и условия внешней информационной среды. Исходя из *теории Ханнана*², организационная структура предприятий подвержена *значительной инерции*, и это означает, что предприятия достаточно медленно реагируют на появление во внешней среде угроз и возможностей. И в этих условиях цифровой трансформации скорость технических и структурных изменений организаций должна быть крайне высока, иначе они не смогут осуществить свои стратегии и трансформировать свои структуры, и будут проигрывать в конкуренции.

Следует также учитывать, что одни части организации изменяются быстрее, чем другие³. Так, *ядро организации изменить труднее, чем ее периферийные части*. Организационная структура предприятия (его ядро) рассматривается в виде 4-х слоев, выстроенных в иерархическом порядке:

¹ Управление изменениями: Хрестоматия. 2-е изд. / Пер. с англ. под ред. Г.В. Широковой; Высшая школа менеджмента СПбГУ. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – XXIV, 496 с.

² Ханнан М.Т., Фриман Дж. Структурная инерция и организационные изменения // Управление изменениями: Хрестоматия. 2-е изд. под ред. Г.В. Широковой; Высшая школа менеджмента СПбГУ. – СПб., 2010. – С. 2–37.

³ Управление изменениями: Хрестоматия. 2-е изд. / Пер. с англ. под ред. Г.В. Широковой; Высшая школа менеджмента СПбГУ. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – XXIV, 496 с.

1. *миссия организации* – т.е. заявленные цели (goals); с их помощью организация получает признание и другие ресурсы;
2. *структура власти* как форма взаимодействия между ее членами и организацией;
3. *ключевая технология*, заложенная (скрытая) в капитальных вложениях, инфраструктуре и квалификации персонала;
4. *маркетинговая стратегия* в широком смысле – привлечение ресурсов из внешней среды.

Наиболее актуальной представляется оценка организационных изменений предприятий в сегодняшних условиях цифровой трансформации. Предприятиям предстоит изменяться в условиях высоко конкурентной внешней среды, затрагивающей «ядро» структуры, что подвергает компанию более высокому риску гибели.

Анализ проведенных нами работ¹ показывает, что *организационные изменения* вполне можно представить как некую *систему* с постоянно меняющимися характеристиками, определяющими *содержание изменений* и их направленность – *процесс изменений*. Разрушительные последствия изменений основываются преимущественно на процессе изменений как таковом: *именно процесс изменений* нарушает установившиеся порядки, подрывает отношения, вызывает необходимость переобучения кадров.

Таким образом, большее внимание следует уделять именно процессу изменений. Особого внимания в цифровой среде заслуживают процессы *технологических изменений*, которые требуют новых организационных возможностей, но такие возможности (по У. Барнетту) достаточно сложно внедрить в силу организационной инерции и сопротивления изменениям.

На современном этапе, в условиях цифровой трансформации с широким появлением информационных технологий пятого, шестого и последующих технологических укладов, открываются условия для скорейшего перехода от медленного старта к экспоненциальному росту. Такая модель взаимодействия новой и действующей технологий представлена на рис. 3. *Здесь следует не совершенствовать старую технологию (технология А), а создать и задействовать новую технологию (технология В).*

По словам С. Бира² «необходимо наложение новой логистической кривой на старую, с тем чтобы создать часть огибающей кривой (представляющей собой экспоненту), которая пойдет вверх и приведет к совершенно другому результату.

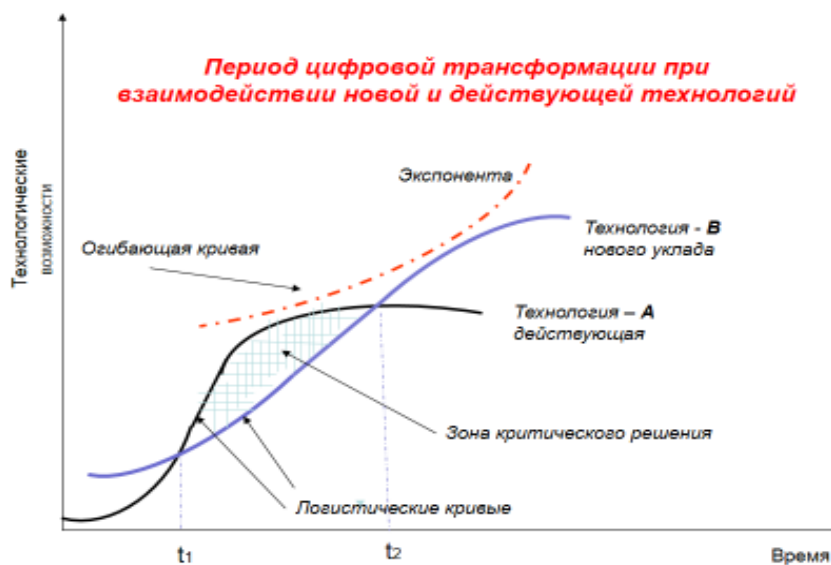

Рисунок 3.

Зона критического решения как результат цифровой трансформации

Технология *В*, характеризующая новый технологический уклад, будет доминировать в отрасли промышленности далеко не сразу. Настоящая ситуация соответствует моменту t_1 . Зона критического решения ($t_1 - t_2$) будет сохраняться на всем периоде цифровой трансформации.

По сути, речь идет о возможности (и даже – необходимости) своеобразной «двухвариантной (бимодальной) системы», при которой обе эти системы управления (и обе технологии) используются одновременно: одна руководит старым, более стабильным подходом, другая – новым, более динамичным.

Инструментом такого управления и должна стать система организационных изменений, охватывающая содержание, процессы и стратегию развития компании, которая и приведет предприятие к новой бизнес-модели.

¹ Барнетт У.П., Кэрролл Г.Р. «Моделирование внутриорганизационных изменений/ пер. с англ./ Управление изменениями: Хрестоматия. 2-е изд. под ред. Г.В. Широковой; Высшая школа менеджмента СПбГУ. – СПб., 2010. – С. 38–63; Управление изменениями: Хрестоматия. 2-е изд. / Пер. с англ. под ред. Г.В. Широковой; Высшая школа менеджмента СПбГУ. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – XXIV, 496 с.

² Beer St. Brain of the Firm. 2nd ed. 1979.

Стратегия как инструмент развития архитектуры предприятия

Стратегия как системный инструмент развития предприятием представляет собой взаимосвязь стратегического управления и управления программами и проектами, а *АП* выступает в качестве *стратегического центра управления*¹, охватывающего все ключевые компоненты развития компании – рис. 4.

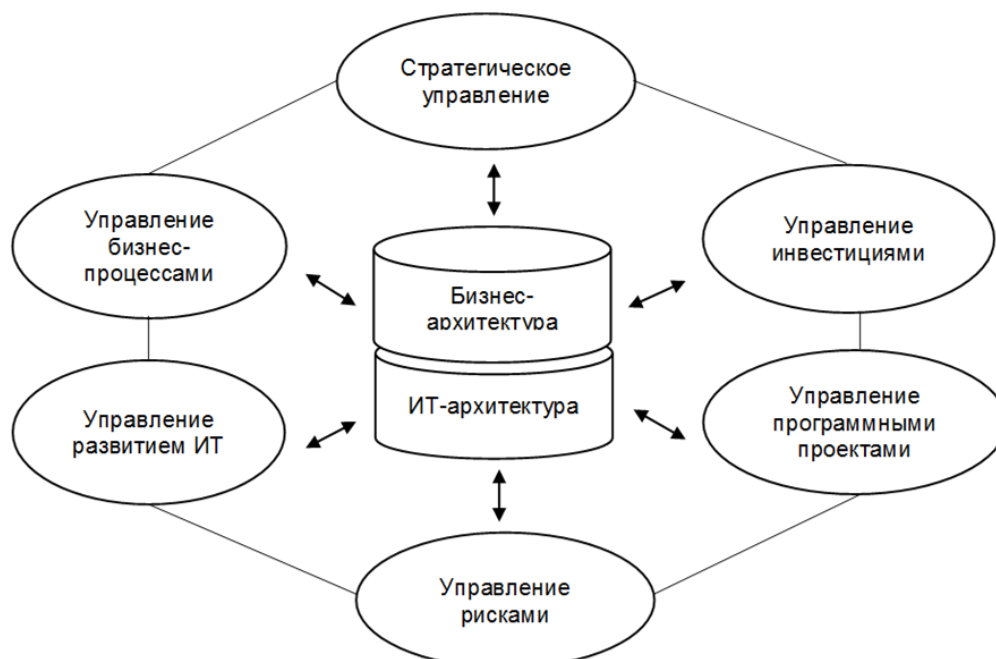

Рисунок 4.
Архитектура предприятия как стратегический центр управления

Стратегическое управление связывает такие объекты *АП* как цели, ресурсы, показатели, стратегические активы. А управление программами и проектами связывает их – с целями, элементами *АП*, показателями.

Ключевым является также вопрос о соотношении бизнес-стратегии и стратегии ИТ. При этом бизнес-стратегия крайне важна для стратегии ИТ и служит основой для ее разработки. Стратегия ИТ состоит из двух основных частей: стратегии изменения портфеля прикладных систем предприятия и стратегии развития процессов управления ИТ-ресурсами предприятия.

Важным также является вопрос о соотношении бизнес-стратегии и стратегии ИТ. Модель ИТ-стратегии, реализующая ее цели, представлена на рис. 5²).

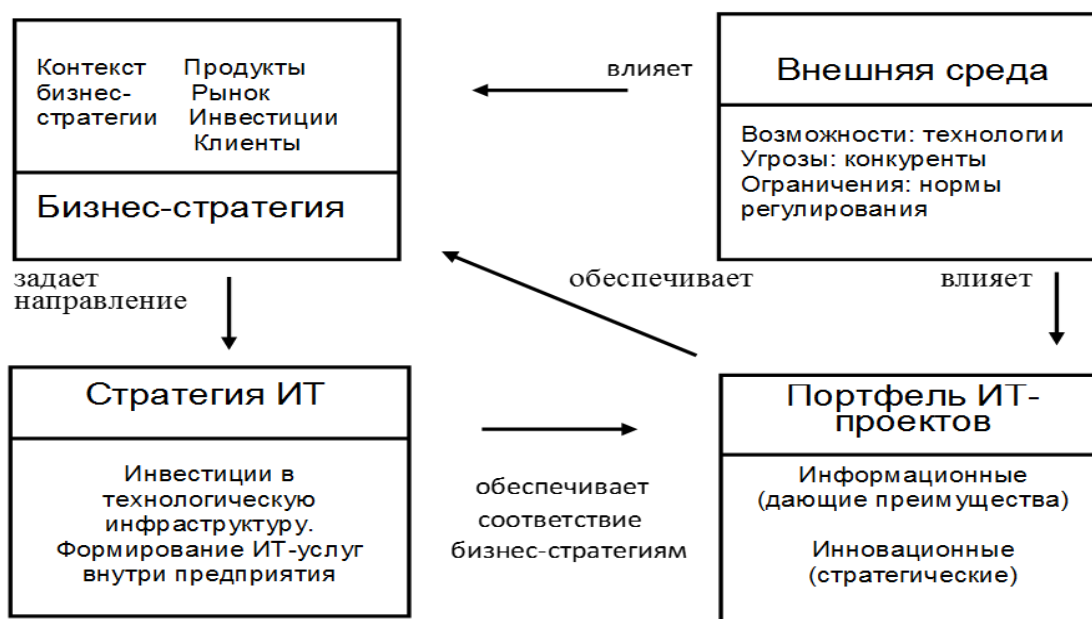

Рисунок 5.
Модель реализации ИТ-стратегии

¹ Кудрявцев Д.В., Арзуманян М.Ю. Архитектура предприятия: переход от проектирования ИТ-инфраструктуры к трансформации бизнеса // Российский журнал менеджмента – Russian Management Journal. 2017. – Т. 15, № 2. – С. 193–224.

² Дается с изменениями по данным: Данилин А., Слюсаренко А. Архитектура и стратегия. «Инь» и «Янь» информационных технологий предприятия. – М.: Интернет-Университет информ. технологий, 2013. – 504 с.

Важным фактором стратегии ИТ предприятия является ее связь со стратегией бизнеса. Разработка ИТ-стратегии должна быть привязана к бизнес-стратегии. В стратегии ИТ должны описываться внешние и внутренние условия, которые определяют направления развития бизнеса, а также цели бизнеса. ИТ-стратегия должна постоянно обновляться с учетом технологических инноваций и изменений требований бизнеса.

Попов М.И.

к.э.н., доцент, Луганский национальный университет

Рахманая И.А.

к.э.н., доцент, Луганский национальный университет

УПРАВЛЕНИЕ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТЬЮ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: финансовая безопасность предприятия, рыночная стоимость, стратегия предприятия, оценка стоимости предприятия.

Финансовая безопасность предприятия является неотъемлемой составляющей долгосрочной работоспособности субъектов хозяйствования. Современные подходы к исследованию деятельности субъектов хозяйствования опираются на оценку экономической эффективности использования ресурсов, определение факторов и степени их влияния на формирование полученных результатов, определение стратегических перспектив и дальнейшего развития. В связи с этим важнейшей задачей развития субъектов хозяйствования является прогнозирование его будущего финансового состояния, оптимальный выбор стратегии финансовой безопасности и контроль за уровнем финансовых рисков.

Разработка и реализация стратегии финансовой безопасности предприятия предусматривает эффективное реагирование на изменение внешних и внутренних факторов, которые являются необходимым условием для обеспечения стабильного использования производственных и финансовых ресурсов, рост рыночной стоимости, достижение удовлетворительного финансового состояния и обеспечения стабильных финансово-экономических показателей деятельности предприятия, благодаря этому предприятие сможет успешно выходить на новые рынки сбыта и быть конкурентоспособным.

Финансовая безопасность – это количественный и качественно детерминированный уровень его финансового состояния, обеспечивающий стабильную защищенность его приоритетных сбалансированных финансовых интересов от идентифицированных реальных и потенциальных угроз внешнего и внутреннего характера, параметры которого определяются на основе его финансовой философии и создают необходимые предпосылки финансовой поддержки его устойчивого роста в текущем и перспективном периоде.

Финансовая безопасность обеспечивается на основе стабильного финансового развития предприятия, способствующего созданию условий работоспособности финансового механизма, который способен адаптироваться к изменяющимся условиям внутренней и внешней среды.

Стратегия финансовой безопасности предприятия разрабатывается финансовым руководством. Ее реализацией занимаются финансовые службы, производственные структуры и другие подразделения и отдельные работники предприятия.

Реализация стратегии финансовой безопасности довольно часто недостаточно проработана в плане методического обеспечения. Зачастую у субъектов хозяйствования возникает проблема именно на уровне перехода от стратегии к конкретным действиям. Особенно остро эта проблема стоит на крупных вертикально интегрированных предприятиях, где возникает необходимость декомпозиции целей и задач по различным хозяйственным единицам, уровням управления и т.д.

Оценка стоимости предприятия – это объективный показатель результатов деятельности предприятия. Определение стоимости крайне важно для оценки эффективности принятия управленческих решений, направленных на увеличение стоимости предприятия. В связи с тем, что балансовая стоимость активов обычно сильно отличается от их рыночной стоимости, однозначно прослеживается необходимость их оценки при привлечении инвестиций и кредитных ресурсов.¹

Для проведения оценки стоимости предприятия необходимо построить систему последовательных действий, определяющих процесс проведения оценки стоимости предприятия:

1. Проведение оценки целей стоимости предприятия;
2. Выбор основных методов оценки стоимости и его обоснования;
3. Оценка стоимости предприятия выбранным методом;
4. Подготовка отчета об оценке стоимости предприятия.

Расчеты рыночной стоимости предприятия осуществляют с позиции трех подходов, каждый из которых позволяет подчеркнуть определенные характеристики объекта. В целом существует три подхода к проведению оценки стоимости бизнеса: доходный, затратный и сравнительный (табл. 1).

¹ Рутгайзер В.М. Оценка стоимости бизнеса. 2-е изд. – К.: Маросейка, 2008. – 432 с.

Основные методы в оценке стоимости предприятия

Методы оценки	Основные показатели	Формула расчета
Затратный метод		
Анализ стоимости чистых активов	ССК – рыночная стоимость собственного капитала	$ССК = CA - CO$
Ликвидационная стоимость	ЛК – ликвидационная стоимость	$ЛК = PC_{ОВА} + (\Phi_A + \Phi_O) - A_3$
Рыночный метод		
Рынок капитала	Рыночная оценка акции P_I	$P_I = P/E \times EPS$
	Рыночная стоимость акционерного капитала (MVE_I)	$MVE_I = p/BV \times BV_I \times N$
Доходный метод		
Дисконтирование денежного потока	Рыночная стоимость собственного капитала MVE	$MVE = FCFE / (14 + K_E)$
	Рыночная стоимость акций P_J	$P_J = BE \times (ROE - g) / (C_{OE} - g)$
Капитализация	MVE_I – рыночная стоимость собственного капитала	$MVE_I = CF/I$
Обозначение:		

Однако использование всех методов, приведенных в табл. 1 невозможно, так как в Луганской Народной Республике отсутствует кредитование, биржевой и внебиржевой рынки. На основании приведенных факторов можно разработать систему следующих основных показателей для предприятий республики (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели оценки стоимости

Метод оценки	Основные показатели	
Затратный метод		
Анализ стоимости чистых активов	Рыночная стоимость собственного капитала – ССК	$ССК = CA - CO$
Доходный метод		
Дисконтирование денежных потоков	Коэффициент текущей стоимости	$DF = 1/(1 + DR)^n$
	Коэффициент ставки дисконтирования	$DR = R_f + \sum_{i=1}^n R_i$
Обозначения: DF – фактор дисконтирования; n – номер прогнозного периода; DR – ставка дисконтирования; R_f – безрисковая ставка дохода; R_i – премия за i -вид риска; n – количество премий за риск.		

Затратный подход – совокупность методов оценки стоимости объекта недвижимости, основанных на определении затрат, необходимых для восстановления либо замещения объекта недвижимости, с учетом его износа. Затратный подход основан на принципе замещения, согласно которому предполагается, что разумный покупатель не заплатит за объект недвижимости больше, чем стоимость строительства объекта, аналогичного по своей полезности оцениваемому объекту¹.

Доходный подход – это совокупность методов оценки стоимости предприятия, основанных на определении ожидаемых доходов от использования объекта исследования. При проведении расчетов с позиции доходного подхода основным фактором, определяющим величину стоимости предприятия, является доход. Чем выше доход предприятия, тем больше величина рыночной стоимости при прочих равных условиях.

Поэтому расчет ставки дисконтирования, используемой для расчета стоимости предприятий, необходимо осуществлять республикой методом экспертных оценок (табл. 3)

Таблица 3

Расчет ставки дисконтирования методом экспертных оценок для оценки стоимости предприятия

Составляющие ставки дисконтирования	Значение, %
Безрисковая ставка дохода (без учета инфляции)	5
Надбавка за риск	–
Руководящий состав: качество управления	3
Размер предприятия	3
Финансовая структура (источники финансирования предприятия)	2
Диверсифицированность клиентуры	1
Доходы: рентабельность и прогнозируемость	2
Прочие особенные риски	1
Итого ставка дисконтирования	17

Выбор окончательной величины стоимости объекта оценки зависит от множества факторов, среди которых можно отметить имеющуюся информацию, степень ее достоверности, цель, с которой производились оценочные действия и многое другое. Итоговая величина стоимости определяется в соответствии со значениями стоимости, полученными в результате применения классических подходов к оценке.

¹ Чеботарев Н.Ф. Оценка стоимости предприятия (бизнеса). – М.: Дашков, 2014. – 435 с.

Для согласования результатов оценки, полученных в результате применения различных подходов, применяют метод весовых коэффициентов, суть которого заключается в приведении разрозненных стоимостей, полученных в результате расчетов классическими подходами, к итоговой стоимости объекта оценки.

Рыночная стоимость объекта оценки определяется по формуле:¹

$$V = V_{дп} \times d_{дп} + V_{зп} \times d_{зп}$$

V – окончательная стоимость объекта оценки;

$V_{дп}$; $V_{зп}$ – стоимость объекта оценки, полученная при помощи доходного, сравнительного и затратного подходов;

$d_{дп}$; $d_{зп}$ – степень точности для каждого из подходов, принятая оценщиком на основе его опыта и полученных данных.

Удельные веса назначаются оценщиком самостоятельно, исходя из его профессионального мнения по поводу «качества» результата применяемых подходов.

В процессе оценки и управления рыночной стоимостью субъекта хозяйствования, принимая во внимание специфику деятельности объекта оценки, факт того, что предприятие следует рассматривать как приносящее доход, а также учитывая достоверность сведений, полученных в результате расчетов, используя этапы процесса реализации стратегии финансовой безопасности, можно сформировать оптимальную стратегию финансовой безопасности.

¹ Рейли Р., Швайс Р. Синтез оценки и получение заключения об оценке / Пер. с англ. Бюро переводов Ройд. – <https://www.cfin.ru/appraisal/other/synthesis.shtml>

Проворова И.П.

к.т.н., доцент, Российский технологический университет – МИРЭА

Жемерикин О.И.

ассистент, Российский технологический университет – МИРЭА

РЕЗУЛЬТАТЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ХИМИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Ключевые слова: импортозамещение, химический комплекс, Стратегия – 2030, экспорт, импорт.

Keywords: import substitution, chemical complex, Strategy – 2030, export, import.

Следствием событий 2014 года, таких как ухудшение политических взаимоотношений с Западом, падение курса рубля и цен на рынке углеводородного сырья стало осознание необходимости качественного развития российской экономики.

Для решения этой проблемы была активизирована работа по составлению стратегических планов развития в отдельных сферах промышленности, документы подобного рода были приняты на федеральном уровне и в отношении отечественных химических предприятий. Самым важным среди них является Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса до 2030 года¹, определяющей магистральное направление развития химических предприятий России на ближайшие годы. Но несмотря на большой объем, этот документ является объектом острой критики, в первую очередь, со стороны представителей академической науки, чем посвящены многочисленные работы отечественных исследователей.

Подобный интерес к работе отечественного химического комплекса не случаен, т.к. он имеет особое значение для экономики России.

Во-первых, именно химическая промышленность играет особую роль в развитии экономической безопасности страны, т.к. обеспечивает сырьем и продукцией многие отрасли народного хозяйства, содействует развитию инновационных отраслей промышленности и созданию прогрессивной структуры производства и потребления².

Во-вторых, химическая промышленность – одна из немногих отраслей промышленности развивающаяся по восходящему вектору.

Отмеченный положительный тренд развития формируется за счет ряда факторов: за счет роста цен, за счет увеличения степени загрузки действующих мощностей и за счет расширения числа реализованных проектов³.

Вклад химического комплекса в отечественную экономику характеризуется рядом значимых показателей, отраженных на рис. 1.

Рисунок 1.

Показатели работы химического комплекса России за 2018 г.

¹ Об утверждении Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса до 2030 года [утв. прик. Минпромторга и Минэнерго России от 08.04.2014 г. № 651/172 (ред. от 14.01.2016)] // СПС Консультант Бизнес: Версия Проф. – <http://www.consultant.ru>

² Zhemerikin O.I. Digital transformation as a key to increasing the competitiveness of the Russian chemical industry / Koryakov A.G., Zhemerikin O.I. // 33rd IBIMA Conference 2019, Granada Spain. – P. 96–103.

³ Гавриленко В.А. Химический комплекс сегодня // Вестник химической промышленности. 2018. – № 5 (104). – С. 12–20.

Так, на сегодняшний день – это более 600 тыс. занятых в экономике, вклад в ВВП порядка 1,13%, а доля выручки химического комплекса в общей выручке реального сектора — около 2,6%. Однако, данные показатели значительно уступают соответствующим показателям мировых лидеров. Так показатель доли химического комплекса в российском ВВП уступает лидерам рынка примерно на 6–7% (рис. 2).

Рисунок 2.
Доля химической продукции в общем объеме ВВП в развитых странах и в России по состоянию на 2018 г.

Неутешительные показатели наблюдаются в объемах отгруженной продукции химического и нефтехимического комплекса в стоимостном выражении, где Россия уступает ряду стран, работающих в основном на импортном сырье (рис. 3).

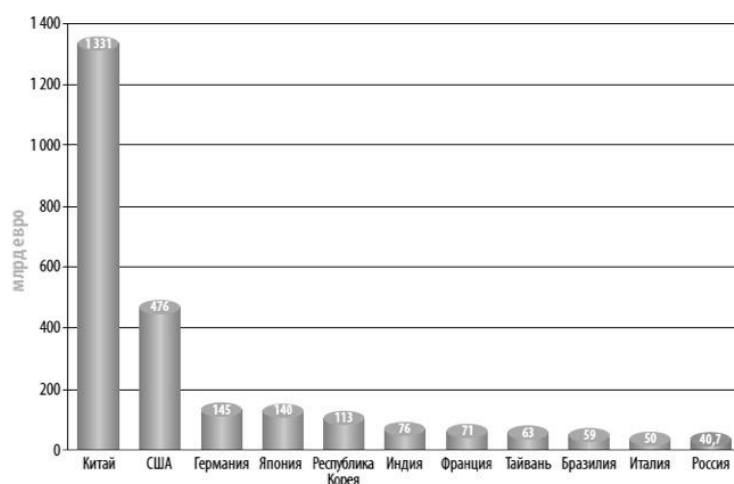

Рисунок 3.
Объемы отгруженной химической и нефтехимической продукции в ведущих странах мира и России.

Кроме того, структура отечественной химической промышленности в настоящее время такова, что высокотехнологичные производства в ней занимают незначительную долю. И такое положение сохраняется на протяжении последних лет (рис. 4).

В общем объеме российской химической продукции в настоящее время примерно 3/4 приходится на производство непосредственно самих веществ и материалов, и только 1/4 – на производство готовых изделий из полимеров. Из 77,2%, приходящихся на производство веществ и материалов, только 34% общего объема химической продукции страны приходится на производство продуктов органического и нефтехимического синтеза (каучуки, пластмассы, синтетические смолы и прочие органические продукты), которое среди всех видов химических производств традиционно имеет наиболее высоко технологичный и инновационный характер.

Таким образом, представленные показатели указывают на необходимость развития химического комплекса. Президентом России в Национальном проекте «Международная кооперация и экспорт»¹ поставлена амбициозная задача: довести к 2024 г. экспорт в области химии и нефтехимии до 37 млрд. долл., из них в области химии – до 34 млрд. долл., т.е. увеличить валютные поступления более чем в полтора раза.

¹ Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). – <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>

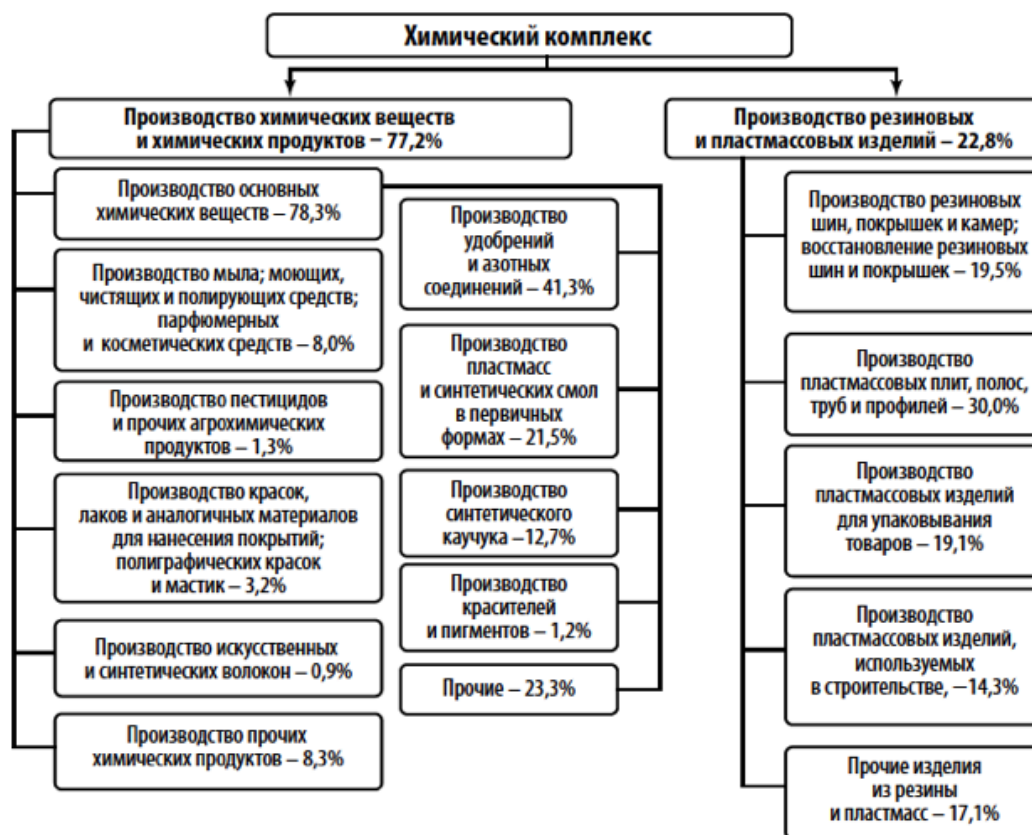

Рисунок 4.

Структура отечественного химического комплекса по состоянию на 2018 г.

Позитивное движение в данном направлении можно отметить уже сегодня. Отмечается рост внешнеторгового оборота химических и нефтехимических товаров России в сравнении с 2015 г. на 19,7% и составляет 49,23 млрд. долл. При этом в последние годы сальдо отраслевого внешнеторгового баланса стало отрицательным (в 2018 г. порядка 1 млрд. долл.), поэтому перед химиками стоит задача расширять экспорт темпами, превышающими темпы роста импорта.

Таблица 1

Внешнеторговый оборот продукции химического комплекса РФ

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Внешнеторговый оборот, всего	41 127,7	44 284,5	42 921,7	49 239,8
Экспорт	21 890,3	21 292,2	20 731,6	24 078,8
Импорт	19 237,4	22 992,3	22 190,1	25 161
Сальдо	2653,0	-1700,1	-1458,5	-1082,2

Всего из продукции, произведенной химическим комплексом, на экспорт направляется более 1/3 товаров. Проводя анализ структуры экспорта, можно отметить превалирование продукции среднего и низкого передела, имеющей низкую добавочную стоимость. Данная особенность российского экспорта в значительной мере отражает производственный потенциал отрасли. Если рассматривать высокотехнологичную химическую продукцию, то здесь спрос в значительной степени удовлетворяется за счет импорта.

Важным показателем в сопоставлении экспорта и импорта является цена – российская экспортная продукция имеет цену \$370 за т, в то время как цена импортной химии более \$2200 за т¹.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, нельзя не отметить позитивные тенденции. Так за последние годы появилось около 40 новых предприятий, ряд из которых ориентирован на малотоннажную химию, также произошло существенное обновление основных фондов и расширение производственных мощностей.

Однако данный процесс был сопряжен со значительным внедрением иностранных технологий в процессе перевооружения предприятий химического комплекса – лишь около 20% технологий имеют отечественные корни. Высокая зависимость от зарубежных технологий является следствием закрытия множества научно-исследовательских институтов и чрезвычайно низкого уровня вложений в отраслевые НИОКР².

¹ Гавриленко В.А. Химический комплекс сегодня // Вестник химической промышленности. 2018. – № 5 (104). – С. 12–20.

² Жемерикин О.И. Методические аспекты повышения эффективности и управления на предприятиях российского химпрома // Коряков А.Г., Жемерикин О.И. // Общество: политика, экономика, право. 2018. – № 9. – С. 37–42.

Развитие химического комплекса во многом обусловлено ростом объемов инвестиций. К примеру, в 2018 г. объем инвестиций составил 511,2 млрд. руб. и приблизился к объему инвестиций в химическую промышленность Японии, инвестиционный рост составил более 17% по сравнению с 2017 г. Всего же за последние 5 лет в химический комплекс инвестировано около 2 трлн. руб.¹

В процессе реализации поставленных целей можно отметить существенный успех, который достигли некоторые подотрасли химического комплекса. Увеличением отмечается производство основных химических веществ, где весомый вклад по-прежнему вносит производство полимеров и удобрений. Показатели роста демонстрируют также производства пластмасс, метанола, лакокрасочная промышленность и др.

Несмотря на это темпы роста химического производства в последние 2 года продолжают снижаться. Напомним, что по итогам 2018 года рост химического производства составил 2,7%, что стало одним из худших результатов десятилетия.

Эксперты РИА Рейтинг полагают, что в дальнейшем динамика производства в отрасли должна улучшиться. Одним из факторов роста станет запуск в эксплуатацию новых предприятий. Прежде всего, речь идет о «Запсибнефтехиме». Компания «СИБУР» заявила, что планирует запустить полную цепочку производства на этом предприятии. Кроме того, состоялся запуск компанией «Еврохим» в Кингисеппе предприятия по производству аммиака мощностью 1 млн тонн. Причем около 600 тыс. тонн аммиака планируется произвести уже в 2019 году. В связи с этим рост химического производства по итогам 2019 года составит около 3,5%².

Кроме того Минпромторг РФ отобрал 711 заявок от компаний, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности, на получение господдержки. В перечень вошли 145 заявок от предприятий химической промышленности (715 млрд. руб.). Общий объем средств, запланированных к инвестированию в рамках корпоративных программ повышения конкурентоспособности, составит около 2,5 трлн. руб.³

Таким образом, поставленные в стратегических документах цели развития химического комплекса достижимы, хотя и имеется ряд проблем. Пожалуй, основная проблема связана с тем, что при реализации программы импортозамещения в России меньше внимания уделяется улучшению делового климата в этих отраслях, а больше – распределению государственных субсидий на производство. А их, как правило, получает не самый достойный (с точки зрения перспектив рыночного развития) участник отрасли, а самый умелый в смысле бюрократической работы.

¹ Гавриленко В.А. Химический комплекс сегодня // Вестник химической промышленности. 2018. – № 5 (104). – С. 12–20.

² Обзор: Темпы роста химической промышленности рекордно низкие. – https://riarating.ru/industry_newsletters/20190709/630130420.html

³ Сайт Минпромторга России. – <http://minpromtorg.gov.ru>

Репин И.А.

начальник отдела Управления статистики сельского хозяйства и окружающей природной среды Федеральной службы государственной статистики

repinia@gks.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СЧЕТОВ СИСТЕМЫ ПРИРОДНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: природно-экономический учет, международный статистический стандарт, Центральная основа СПЭУ, формирование счетов, статистика окружающей природной среды.

Keywords: environmental-economic accounting, international statistical standard, SEEA-Central Framework, compiling accounts, environmental statistics.

Система природно-экономического учета (СПЭУ) представляет собой форму статистического учета, объединяющую экономическую информацию с информацией об окружающей природной среде в рамках единой учетной структуры с целью измерения вклада окружающей природной среды в экономику и влияние экономической деятельности на окружающую среду. Счета природно-экономического учета являются спутными по отношению к Системе национальных счетов (СНС) и основываются на тех же методологических положениях и классификациях, что применяются в СНС, например, резидентство, виды экономической деятельности, продукции.

Центральная основа СПЭУ была принята в качестве международного статистического стандарта Статистической комиссией ООН в феврале 2012 г. В данном качестве руководство имеет такой же статус, как и СНС. Центральная основа СПЭУ содержит набор согласованных на международном уровне рекомендаций, составленных в терминах концепций, определений, классификаций, правил ведения счетов и стандартных таблиц, которые создают основу достижения международной сопоставимости.

Центральная основа СПЭУ состоит из трёх групп счетов:

- счета потоков в физическом выражении (например, счета выбросов в атмосферу, твердых отходов, потоков водных ресурсов);
- счета деятельности в области окружающей среды (например, счета расходов на охрану окружающей среды, экологических налогов, субсидий и подобных им трансфертов);
- счета активов (например, счета учета активов для минерально-энергетических ресурсов, земли, ресурсов древесины, природных биологических ресурсов).

По результатам Глобальной оценки внедрения СПЭУ, осуществляемой Статистическим отделом ООН, по состоянию на май 2019 г. 86 стран или 63% от числа отчитавшихся респондентов осуществляют формирование счетов СПЭУ, а 32 страны впервые планируют формирование счетов СПЭУ.

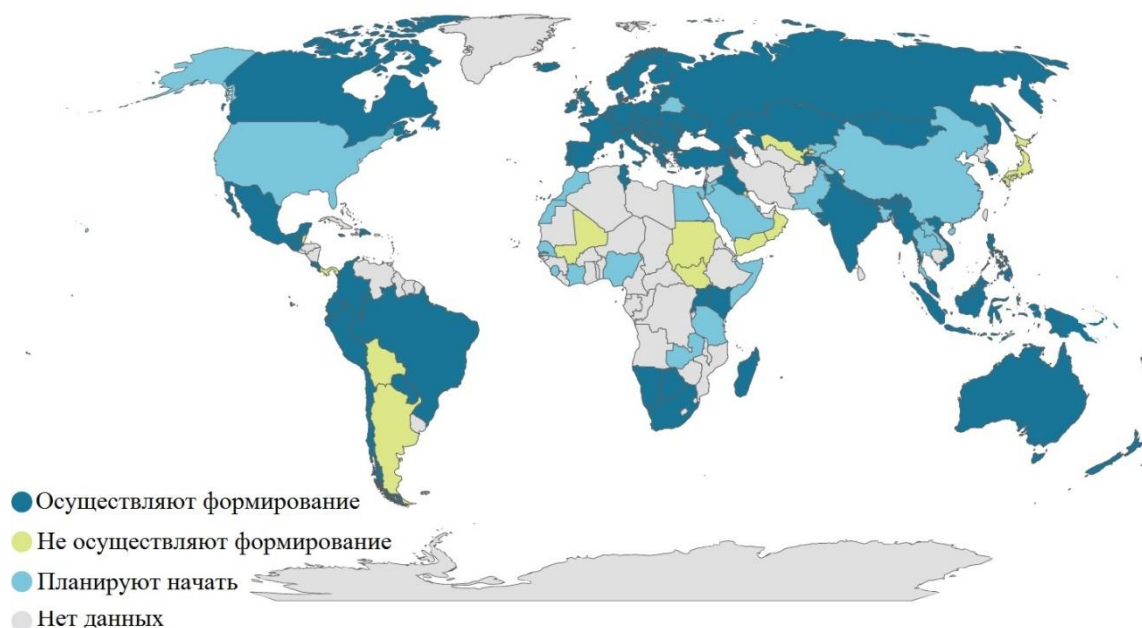

Рисунок 1.
Статус формирования счетов СПЭУ в странах мира по состоянию на май 2019 г.

Начало работы по внедрению СПЭУ в России было положено в 2013 г. в ходе вступления в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Росстат совместно с Минприроды России, Минсельхозом России, Росреестром и Росрыболовством осуществил комплекс мероприятий по реализации распоряжения Правительства Российской Федерации от 12.10.2012 № 1911-р в части стоимостной оценки природных ресурсов и расчетов ресурсной продуктивности. В Федеральном плане статистических работ определены федеральные органы исполнительной власти, ответственные за разработку официальной статистической информации о запасах природных активов в соответствии с вопросами их ведения.

Составление счетов СПЭУ должно осуществляться в сотрудничестве специалистов субъектов официального статистического учета и научно-исследовательских организаций природоохранного блока. Опыт зарубежных стран показывает, что к формированию отдельных счетов могут привлекаться научные организации по профилю осуществляемых работ. Координирующая роль по внедрению СПЭУ отводится национальным статистическим ведомствам. В соответствии с рекомендациями международных организаций, на начальных этапах внедрения СПЭУ разработка осуществляется не по всем счетам, а по приоритетным для страны. В настоящее время ни одна страна в мире не внедрила стандарт природно-экономического учета в полной мере.

В ноябре 2019 г. заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Гордеевым А.В. выдано поручение о разработке плана мероприятий («дорожной карты») внедрения приоритетных счетов СПЭУ в России. Для решения этой государственной задачи Росстатом, совместно с заинтересованными министерствами, ведомствами и научными организациями прорабатываются вопросы нормативно-правового, организационного и методического обеспечения работ. Отдельные исследования посвящены возможностям формирования официальной статистической информации для заполнения счетов СПЭУ, ее экономическому сопоставлению с международным статистическим стандартом. Очевидно, что работа должна выполняться последовательно, отдельными модулями, развивая методологическую и информационную базу формирования счетов, в тесном межведомственном взаимодействии. Опыт формирования СНС в России подтверждает данный тезис.

Анализ имеющихся статистических данных, форм федерального статистического наблюдения, обследований, административных данных, методов сбора и обработки информации, необходимой для формирования счетов СПЭУ показал, что почти половина всех ячеек таблиц Центральной основы СПЭУ обеспечена данными по Российской Федерации. Счет потоков водных ресурсов в физическом выражении, счет выбросов в атмосферу, счет других биологические ресурсы в физическом и стоимостном выражении обеспечены статистическими данными более чем на 65%. Результаты анализа представляются удовлетворительными ввиду начального этапа работы по внедрению СПЭУ и возможности использования данных в целом, без детализации по применяемым классификациям.

Наряду с Росстатом, Минприроды России, другими ведомствами природно-ресурсного блока, в компетенции которых находятся вопросы учета и использования природных активов, в список федеральных органов исполнительной власти, чьи данные необходимы для формирования счетов СПЭУ, также вошли Минфин России, Казначейство России, Росреестр, ФТС России.

Относительно последовательности внедрения счетов СПЭУ, в соответствии с вышеупомянутым поручением председателя Правительства Российской Федерации в краткосрочной перспективе следует сосредоточиться на приоритетных счетах как наиболее информационно обеспеченных, методологически проработанных и актуальных для внедрения в России с точки зрения усиления позиций при выполнении международных сопоставлений и развития системы статистических наблюдений.

В перечень приоритетных счетов для внедрения в России в настоящее время предлагается включить 9 счетов:

- счет потоков водных ресурсов;
- счет выбросов в атмосферу;
- счет потоков энергетических ресурсов;
- счет твердых отходов;
- счет расходов на охрану окружающей среды;
- счет экологических налогов;
- счет экологических субсидий и подобных им трансфертов;
- сектор природоохранных и природосберегающих товаров и услуг;
- счет учета активов для ресурсов древесины.

Для внедрения приоритетных счетов СПЭУ в 2020 г. планируется создание межведомственной рабочей группы по разработке и реализации «дорожной карты», задачами которой будет определено:

- формирование согласованного перечня приоритетных счетов СПЭУ;
- назначение ответственных исполнителей, соисполнителей;
- мониторинг научно-исследовательских проектов по внедрению отдельных счетов СПЭУ;
- обсуждение хода реализации «дорожной карты»;
- согласование ведомственных методических рекомендаций.

В ходе работы планируется создание ведомственных рабочих групп по отдельным приоритетным счетам для реализации следующих задач:

- разработка и утверждение организационного плана;
- разработка методических рекомендаций;
- взаимодействие структурных подразделений внутри федерального органа исполнительной власти, субъекта официального статистического учета;
- совершенствование статистического инструментария.

В целях достойного участия России в предстоящей Глобальной оценке внедрения СПЭУ, осуществляемой Статистическим отделом ООН, по состоянию на 2020 г., Росстатом планируется осуществить экспериментальное формирование счета выбросов в атмосферу, счета потоков водных ресурсов в физическом выражении, счета расходов на охрану окружающей среды. В первой половине 2020 г. планируется разработать и утвердить методические указания по формированию счета экологических налогов в России с учетом методологических руководств ОЭСР. Также будет продолжена работа по включению текущей рыночной стоимости произведенных активов, в части касающейся природных ресурсов, в баланс активов и пассивов на основе разработанных методологических подходов.

В дальнейшем, после 2025 г., в вопросе порядка внедрения счетов СПЭУ следует руководствоваться следующими соображениями:

- насколько сложны способы получения официальной статистической информации для заполнения ячеек;
- имеются ли на современном уровне развития статистики методологические вопросы заполнения ячеек, в том числе мониторинг возникающих трудностей на международном уровне;
- насколько высока актуальность ведения счета в перспективе развития национального счетоводства.

Разработка СПЭУ в России является подтверждением того, что в стране с развитой системой статистики, обладающей природными ресурсами и экосистемами глобального значения, органы государственного управления природопользованием обеспечены систематизированными статистическими данными, соответствующими современным стандартам и приоритетам развития страны.

Список литературы

1. Поручение заместителя Председателя Правительства Российской Федерации от 19.11.2019 № АГ-П9-10033 «О разработке плана мероприятий («дорожной карты») внедрения приоритетных счетов системы природно-экономического учета».
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 671-р (ред. от 20.12.2019) «Об утверждении Федерального плана статистических работ».
3. Система национальных счетов 2008. – Нью-Йорк, 2012. – 764 с.
4. Фоменко Г.А., Фоменко М.А., Лошадкин К.А., Михайлова А.В., Арабова Е.А. Эколого-экономический учет в рациональном природопользовании. Теория и практика / Науч. ред. Г.А. Фоменко. – Ярославль, 2017. 530 с.
5. Центральная основа Системы природно-экономического учета 2012 год. – Нью-Йорк, 2017. – 369 с.
6. SEEA Implementation and the 2020 Global Assessment. New York, 2019. – 7 p. – https://seea.un.org/sites/seea.un.org/files/area_d_-_paper_for_ny_v05.pdf
7. System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Applications and Extensions / United Nations. – New York, 2017. – 99 p.

Романова А.А.,
Романов П.А.¹

ИННОВАЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАПИТАЛА КАК ЭЛЕМЕНТ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Ключевые слова: антикризисное управление предприятием, эффективность антикризисного менеджмента, инновационные методы привлечения капитала, инвестиции, краудфандинг, краудлендинг, риски.

Keywords: anti-crisis management of the enterprise, efficiency of crisis management, innovative methods of raising capital, investments, crowdfunding, crowdlending, risks.

Современные цифровые технологии не только влияют на производство и продажу товаров и услуг, но и в значительной степени оказывают воздействие на финансовые аспекты деятельности компании, как открывая новые возможности, так и порождая новые проблемы. Обеспечение необходимыми финансовыми ресурсами – важнейшее условие устойчивого развития предприятия – является непростой задачей и для нормально функционирующей фирмы, а для компании, столкнувшейся с кризисными явлениями, оно становится практически недостижимой целью. Традиционные способы привлечения капитала – инвестиции и кредитование – для предприятия, чьи показатели ликвидности и финансовой устойчивости ниже нормативов, обходятся намного дороже, поскольку финансово-кредитные институты рассматривают их как высокорисковые, сомневаясь в окупаемости вложенных средств или в возврате выданных ссуд.

Поиск новых источников финансирования деятельности – одно из важнейших направлений антикризисной политики компании, и применение современных инновационных технологий способно генерировать нестандартные антикризисные решения, невозможные в доцифровую эпоху.

Так, краудфандинг, одна из самых известных форм альтернативного финансирования бизнеса, позволяет с помощью краудфандинговых сайтов, например, Kickstarter или Indiegogo, аккумулировать средства множества участников-доноров для реализации какого-либо проекта или инициативы. Компании, привлекающие средства, могут выбрать формат краудфандинга капитала (инвестиции предоставляются в обмен на акции предприятия) или краудфандинга на основе вознаграждений (чаще всего используется для творческих проектов, инвесторы получают образец товара или услугу).

В настоящее время этот способ привлечения ресурсов признан весьма эффективным, мировой рынок краудфандинга оценивался в 2018 году в 10,2 миллиарда долларов США и, как ожидается, к концу 2025 года может достичь 28,8 миллиарда долларов США, т.е. вырасти в 2,8 раза².

Объединение мелких инвесторов или потенциальных потребителей с помощью краудфандинга позволяет не только профинансировать деятельность компании, но и собрать важную информацию, позволяющую оценить эффективность планируемых антикризисных мер.

В частности, предлагая инвесторам образец своего продукта в обмен на финансовую поддержку, компания, по сути, проводит исследование рынка: в зависимости от реакции участников платформы можно сделать вывод о жизнеспособности разрабатываемого проекта, а также получить надежную обратную связь от первых потребителей товара или услуги. Более того, в некоторых случаях краудфандинг позволяет капитализировать такие кажущиеся на первый взгляд эфемерными достоинства предприятия, как наличие группы преданных поклонников или традиционных покупателей. Иногда пожертвования, собранные с помощью краудфандинга, позволяют компании пережить тяжелые времена.

Так, компания Fantagraphics, независимый издатель комиксов из США, столкнувшись в 2013 году с потерей трети сезонного дохода из-за болезни соучредителя и ведущего редактора, с помощью платформы Kickstarter сумела привлечь средства читателей для финансирования печати книг из каталога 2014 года. Гэри Грот, глава издательства, известного с 1976 года, обратился к поклонникам комиксов с проникновенной речью, объяснив, что Fantagraphics всегда «была коммерчески сложным предприятием», скромным, экономящим на издержках, «без модных офисов, лимузинов и излишеств», выживающим благодаря сочетанию «хорошего вкуса, удачи и разумной деловой хватки». Очевидно, обратной стороной подобной минимизации затрат стало отсутствие резервов, которое не позволило сгладить или уменьшить кризисные явления на предприятии.

¹ Романова Анна Алексеевна – к.э.н., доцент кафедры инноватики и прикладной экономики, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева. E-mail: Romanova.OSU@yandex.ru

Романов Петр Александрович – аспирант, Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС. E-mail: r-peter@yandex.ru

² <https://reports.valuates.com/market-reports/QYRE-Auto-1598/global-crowdfunding>

Тем не менее, в своей краудфандинговой кампании Fantagraphics делала акцент на эффективность своей деятельности: «Мы публикуем 100 книг в год с персоналом в 20 человек – уровень эффективности, невиданный для корпоративных изданий. Мы работаем усердно!»¹

Читатели поддержали Fantagraphics: за неделю издатель достиг своей цели на Kickstarter, более 2300 поклонников, получая вознаграждения (подписанные художником книги, приглашение на вечеринку с издателем), собрали 150 тысяч долл. США. Издательство существует и по сей день, не прекращая сотрудничества с краудфандинговой платформой, привлекая средства для расширения своей деятельности.

Тем не менее, выбор нестандартных способов финансирования предприятия в настоящее время не ограничен краудфандингом: Интернет, проникая в самые отдаленные поселения, сделал кредитование доступным даже там, где никогда не было отделений банков. Микрокредитование, эмиссия облигаций и частное кредитование – все эти способы привлечения заемных средств в настоящее время приобрели новые качества. Одним из них, безусловно, является большее влияние субъективных факторов на принятие решений о предоставлении ссуд.

Так, микрокредитование все чаще используется не только как способ заработка для кредиторов, но и как инструмент повышения качества жизни в беднейших странах. Интернет-платформы, связывающие потенциальных кредиторов и заемщиков, позволяют донорам из богатых стран выбрать по своему усмотрению проект, который и получит средства займы. Так, Zidisha, платформа, специализирующаяся на прямом кредитовании предпринимателей в развивающихся странах (Гане, Кении, Замбии, Индонезии и Нигерии), соединяет заемщиков из отдаленных точек мира с глобальным рынком.

Кредиторы Zidisha предоставляют займы на развитие мелкого бизнеса на приобретение инвентаря, семян, мелких животных и домашней птицы, на закупку сырья и товаров для перепродажи. Минимальный размер ссуды – 2 доллара США, в среднем же на один проект приходится 64,9 доллара США. Интернет обеспечивает постоянную связь кредитора и предпринимателя, минуя посредников, делая затраты на обслуживание кредита ниже, чем это свойственно для традиционной модели микрокредитования.

Более того, Zidisha дает возможность кредиторам и заемщикам общаться друг с другом напрямую, знакомиться и «видеть истории каждого, разворачивающиеся прямо на ваших глазах»². Возникающее чувство сопричастности и сотрудничества делает эту платформу скорее своеобразной социальной сетью, чем традиционной микрокредитной организацией. Действительно, рассматриваемая модель микрокредитования не ставит главной целью получение дохода инвесторами: возвращенные средства направляются на выдачу новых кредитов, по сути, это некоммерческая организация с прямым контролем со стороны донора. Тем не менее, помощь от доноров Zidisha и подобных Интернет-платформ может оказаться своевременной и эффективной.

Заемствования в форме мини-облигаций – еще один новый способ привлечения ресурсов для компаний, как правило, небольших, лишенных доступа на биржевые рынки. Как и в случае традиционных облигаций, выпуск мини-облигаций означает долговое финансирование фирмы-эмитента. В качестве кредиторов чаще всего выступают мелкие инвесторы, обычно – клиенты компании.

Значительная часть выпусков мини-облигаций представляет собой неликвидные необеспеченные займы без возможности досрочного погашения. Данные инструменты могут быть весьма привлекательными для кредиторов из-за высоких процентных ставок, однако, потенциальные инвесторы должны правильно оценивать риски: с одной стороны, до недавних пор использование мини-облигаций практически не регулировалось государством, а права покупателей и по сей день остаются незащищенными; с другой, вероятность дефолта для малого предприятия может оказаться высокой.

Тем не менее, столкнувшись с проблемами получения банковского кредита под залог продукции, предприятия могут привлекать средства при помощи этого инновационного инструмента. Так, в январе 2016 года итальянский кооператив 4 Madonne Caseificio dell'Emilia, специализирующийся на производстве сыра Parmigiano Reggiano, рикотты и сливочного масла, разместил мини-облигации, сразу прозванные «сырными», на 6 миллионов евро, сроком до января 2022 года с фиксированным купоном в размере 5%. С точки зрения банка кооператив имел слишком большие долги, в частности, соотношение долга к EBITDA к концу 2014 года составляло 12,8, однако мини-облигации пользовались популярностью среди инвесторов³.

Спустя три года, в апреле 2019 года производитель пармезана успешно реструктурировал задолженность, разместив мини-облигации на сумму 4,080 млн. евро. сроком на 6 лет под плавающую ставку Euribor (Европейскую межбанковскую ставку предложения). К этому моменту кооператив 4 Madonne Caseificio dell'Emilia с 45 сотрудниками был ведущей компанией, занимающейся производством Parmigiano Reggiano⁴.

Отметим, что использование инновационных финансовых инструментов всегда сопровождается рисками, и мини-облигации – не исключение. Эмиссия мини-облигаций лондонской сети ресторанов мексиканской кухни Chilango – тому подтверждение. Компания дважды разместила так называемые «Burrito Bond» и «Burrito Bond 2» (по названию мексиканской лепешки) – в 2014 и 2018 годах.

¹ Bury L. Fantagraphics finds support for finance crisis from Kickstarter // The Guardian. 2013. 7 November. – <https://www.theguardian.com/books/2013/nov/07/fantagraphics-kickstarter-publisher-finance>

² <https://www.zidisha.org/>

³ <https://www.minibonditaly.it/news-detail/4-madonne-caseificio-quot-a-6-milioni-di-euro-di-minibond>

⁴ UniCredit sottoscrive minibond da 4 milioni di euro con il 4 Madonne Caseificio dell'Emilia. 03 Aprile 2019. – <https://www.sassuolo2000.it/2019/04/03/unicredit-sottoscrive-minibond-da-4-milioni-di-euro-con-il-4-madonne-caseificio-dellemilie/>

Первое размещение прошло удачно: компания привлекла средства сроком на 4 года под 8% годовых. Минимальный объем заимствований составлял 500 фунтов стерлингов, а для крупных инвесторов (свыше 10 тысяч фунтов стерлингов) Chilango обещал в качестве бонуса одно буррито в неделю бесплатно. Соучредители компании Эрик Партакер и Дэн Хоутон собирали средства на развитие сети ресторанов, и привлекая таким образом инвесторов, они хотели «дать посетителям и поклонникам сети шанс создать свое будущее, поучаствовать в их успехе»¹.

Размещение «Burrrito Bond 2» для открытия новых ресторанов и рефинансирования существующего долга прошло успешно: почти 800 человек вместе вложили 3,7 млн. фунтов стерлингов в мини-облигации с фиксированной ставкой 8% годовых сроком на 4 года. Первоначально компания намеревалась привлечь только 1 миллион фунтов стерлингов, однако впоследствии увеличила сумму заимствований более чем в три раза из-за ажиотажного спроса инвесторов на инструменты с высокой доходностью.

На своем сайте Chilango предупреждала о значительных рисках, связанных с вложениями в инновационные финансовые инструменты: «Инвестиции в мини-облигации могут повлечь за собой значительный риск дефолта и... инвесторы могут потерять часть или все свои деньги». Компания предупредила и о невозможности продажи этих облигаций: «ваши деньги эффективно заблокированы до даты погашения». Однако, Chilango, ссылаясь на свою безукоризненную кредитную историю, называла себя «опытным эмитентом облигаций с идеальной историей платежей»².

Тем не менее, привлекая средства в объеме большем, чем планировалось ранее, компания не смогла использовать их достаточно эффективно: несмотря на рост продаж, расходы увеличивались быстрее. Бизнес занимал деньги для экспансии, но в первую очередь резко выросли затраты «на цен тральный офис», на увеличение зарплат после набора сотрудников, включая директора по операциям и нового финансового директора. Кроме того, компания тратила значительные средства на обслуживание дорогого долга. Chilango задолжала 7,2 млн. фунтов стерлингов по мини-облигациям и кредитам акционеров, по которым выплачивала по ставкам от 8 до 15% годовых.

Эксперты предполагают, что 2019 финансовый год Chilango окончит с убытками, а чистые активы составят минус 1,3 млн. фунтов стерлингов³. Учредители компании предложили держателям мини-облигаций конвертировать их в привилегированные акции, однако, с учетом размеров ожидаемых убытков Chilango, ждать по ним дивидендов в ближайшее время не приходится⁴.

Интернет-технологии и мягкая кредитная политика центральных банков после финансового кризиса 2008 года сделали популярным еще один инновационный инструмент – одноранговое кредитование, краудлендинг, – кредитование заемщиков, предпринимателей и компаний за счет средств, аккумулируемых с помощью электронных платформ.

Платформы однорангового кредитования организуют кредиты от групп людей или организаций предпринимателям, стремящимся к развитию бизнеса. Для компании – это способ получить финансирование без участия банка, а потенциальные кредиторы имеют возможность выбора, кому предоставить средства займы. Отсутствие банков как посредников позволяет заемщикам платить меньше процентов по кредиту, а кредитору получать процентный доход больший, чем на сберегательных счетах. Некоторые оптимисты называют краудлендинг «социальным кредитованием» и «демократическими финансами».

Действительность же такова: достаточно долго процентные ставки по банковским депозитам в развитых странах, в частности, Великобритании, были на низком уровне (примерно 1% годовых для сберегательных счетов), и британские вкладчики отчаянно пытались повысить свои доходы, несмотря на потенциальные риски. Индекс прогнозируемой доходности краудлендинга исследовательской компании 4thWay (4thWay P2P Forecast Returns Index), отражающий ожидаемую доходность инвестиций физических лиц, предоставляющих свои средства заемщикам с помощью онлайн-кредитования, показывает, что потенциальная доходность краудлендинга выше ставки рефинансирования Банка Англии примерно на 4 п.п. (см. рис. 1).

Очевидно, что больший доход, ожидаемый по операциям однорангового кредитования, сопровождается и повышенными рисками. В частности, до недавних пор оно практически не регулировалось государством и, как следствие, возможные убытки не подлежали компенсации. Тем не менее, достоинства краудлендинговых платформ: низкие эксплуатационные затраты, использование мобильных технологий, принятие решений на основе обработки больших массивов данных обеспечили быстрый рост этого сегмента рынка ссудного капитала. Кроме того, некоторые эксперты, в частности, исследовательская компания 4thWay, считают, что одноранговое кредитование для инвестора является менее рискованным, чем использование краудфандинга или игра на фондовом рынке.

Краудлендинг как способ аккумулирования ссудного капитала получил практически повсеместное распространение, привлекая внимание компаний, банков, мелких инвесторов. Все они рассчитывали на доходы от функционирования платформ однорангового кредитования. Банки одними из первых поняли потенциальную доходность организации внебанковского кредитования и стали создавать краудлендинговые платформы. Так, ООО «Поток.Диджитал», организатор сервиса «Поток», одного из лидеров российского краудлендинга, является аффилированным с Альфа-банком и входит в группу компаний Альфа-групп⁵.

¹ Коммерсантъ Деньги. 2014. – № 24, 23 июня. – С. 53. – <https://www.kommersant.ru/doc/2493358>

² Rupert Jones. Too hot to handle? Don't be burned on P2P or mini-bond loans // The Guardian. 2019. – 6 April. – <https://www.theguardian.com/money/2019/apr/06/too-hot-to-handle-dont-be-burned-on-p2p-or-mini-bond-loans>

³ Nixon G. Were Chilango's 'burrrito bonds' destined to fail? When the Mexican chain took £3.7m from investors its finances were already in trouble // This is Money. 2019. – 26 November. – <https://www.thisismoney.co.uk/money/investing/article-7715215/Accounts-reveal-financial-woes-burrrito-bond-firm-Chilango.html>

⁴ Ibid.

⁵ <https://investor.potok.digital/>

Рисунок 1.
Динамика Индекса прогнозируемой доходности краудлендинга компании 4thWay (4thWay P2P Forecast Returns Index) и ставки рефинансирования Банка Англии (данные сайта <https://www.4thway.co.uk/>)

В настоящее время с помощью платформ однорангового кредитования предоставляются займы как физическим, так и юридическим лицам, в некоторых случаях под залог имущества; выбор направления кредитования достаточно широк – от ссуд малому бизнесу до финансирования застройщиков.

Однако, несмотря на множество достоинств, одноранговое кредитование является разновидностью инвестиций, и риски, ему сопутствующие, несомненно, выше, чем при размещении средств на банковском депозите с государственными гарантиями. К сожалению, осознание этого к мелким инвесторам зачастую приходит слишком поздно. История недавнего краха английской краудлендинговой платформы FundingSecure – яркий тому пример.

FundingSecure была образована в 2012 году как платформа онлайн кредитования, аккумулировавшая средства 3500 инвесторов, ссужавших деньги компаниям под залог имущества, в том числе и недвижимости.

К октябрю 2018 года выяснилось, что руководству платформы недостает осмотрительности в распоряжении клиентскими деньгами и опыта организации эффективного контроля. Внешнее управление выявило «существенные сбои» в управлении средствами на счетах клиентов. В частности, ссуды заемщикам «время от времени» представляли собой смесь денег клиента и компании, и неясно, кто имел право на любые деньги, полученные от реализации заложенного имущества.

Управление кредитным портфелем FundingSecure также трудно назвать эффективным: впоследствии выяснилось, что почти каждый пятый заемщик объявил дефолт, и 25,7% от размещенных 80,5 млн. фунтов стерлингов составляла просроченная задолженность¹.

Кроме того, «плохая практика» управления средствами клиентов в FundingSecure означала, что обеспечением некоторых ссуд были экзотические труднореализуемые активы. Так, в одном случае залогом выступала библиотека из 5000 итальянских книг. Коллекция получила совершенно разные оценки – от 760 000 до 6 миллионов фунтов стерлингов².

Отметим, что крах FundingSecure был не единственным на рынке онлайн кредитования в Великобритании, примерно в это же время случился кризис и в компании Lendy, что привело к установлению жестких правил государственного регулирования сектора однорангового кредитования. В соответствии с правилами, утвержденными британским Управлением по финансовому поведению (FCA), новые клиенты смогут инвестировать в краудлендинг только до 10% своих активов, а Интернет-платформы будут подвергаться более тщательному контролю за их управлением. Представители сектора однорангового кредитования уже назвали новые правила «дарвиновским отбором», который в конечном счете приведет к усилению рынка краудлендинга³.

¹ Shoffman M. Five things we learned from first FundingSecure administrator's report // Peer2Peer Finance News. 2019. – 21 November. – <https://www.p2pfinancenews.co.uk/2019/11/21/five-things-we-learned-from-first-fundingsecure-administrators-report/>

² White L. Funding Secure blunders shock administrator: Peer-to-peer lender allowed investor's loans to be secured against a bizarre range of assets // This is Money. 2019. – 4 December. – <https://www.thisismoney.co.uk/money/news/article-7752903/Blunders-peer-peer-lender-Funding-Secure-shock-administrator.html>

³ White L. Britain's crowdfunding firms face 'Darwinian' new rules // CNBC. 2019. – December 9. – <https://www.cnbc.com/2019/12/09/reuters-america-britains-crowdfunding-firms-face-darwinian-new-rules.html?&qsearchterm=crowdfunding>

Таким образом, в настоящее время компаниям, столкнувшимся с проявлениями кризиса, предоставляется возможность широкого выбора инновационных инструментов антикризисной политики. Использование Интернет-технологий и новых способов инвестирования меняет методы привлечения капитала для финансирования деятельности и влияет на формирование и реализацию эффективной антикризисной политики предприятия.

Sadirkbikova M.M.

Karaganda Economic University of Kazpotrebooyuz
30_dream@bk.ru

ASSESSMENT OF DEVELOPMENT OF THE SPHERE OF TOURISM OF KAZAKHSTAN

Keywords: *tourist potential, resources, infrastructure, puteshesvtiye, subindex, analysis, subreference point.*

Ключевые слова: *туристский потенциал, ресурсы, инфраструктура, путешесвтие, субиндекс, анализ, субориентир.*

The Republic of Kazakhstan has rather high tourist and recreational potential. In the territory of the republic there are unique natural and recreational resources, objects of national and world cultural and historical heritage. Existence of various tourist resources give the chance of development practically of all main types of tourism: beach, cultural and informative, business, active, improving and ecological tourism.

However no region of Kazakhstan can brag of appeal and availability of the tourist objects enjoying wide popularity of foreign tourists, practically in all regions of Kazakhstan there is no developed tourist infrastructure.

In modern practice by the World council for travel and tourism (WTTC) and the World organization for tourism (UNWTO) the efficiency of development of the industry of tourism is identified by the index of competitiveness of the sector of travel and tourism. This index is calculated on the basis of 70 indicators of three subindexes: subindex of bases of regulation, subindex of a business environment and infrastructure, subindex of human, cultural and natural resources [1].

It is formed each two years, and apparently from table 1 in 2017 Kazakhstan took 81 places in this rating.

Table 1

The comparative analysis of development of the industry of tourism of Kazakhstan with the average world level

	2013 y.	2015 y.	2017 y.
The volume of services rendered by locations, one million tenges	59 714,1	72 597,2	82 853,4
The volume of services rendered by catering establishments, one million tenges	238 307,70	321 919,0	415 836,9
Share of the industry of tourism of Kazakhstan in GDP, %	0,90	1,00	1,00
Tourism share in world structure of GDP	10%		
The place of Kazakhstan by the Index of competitiveness of the sector of travel and tourism	88 (out of 141)	85 (out of 141)	81 (out of 136)

Note: table's made on the basis of a source [2, 3]

In general it is possible to agree with opinion of experts that the level of development of the industry of tourism of Kazakhstan strongly lags behind its potential. And it is possible to allocate a number of paradoxical circumstances. In particular, climatic conditions act on the one hand as a fundamental factor of a tourist destination. First of all, the richness of flora and fauna, the unique natural complexes and landscapes are in the UNESCO World Cultural Heritage List. They are catalysts of development of the industry of tourism.

Along with it the climatic conditions are the limiting factor of development of the industry of tourism. In particular, the large territory of the country, a long distance, insufficiently long climatic season demands more global volumes of investment into development of infrastructure.

In many respects thanks to these circumstances the level of development of the industry of tourism of the republic is still far from universal trends. If in world structure of GDP the share of tourism makes about 10%, then in Kazakhstan this indicator, despite dynamics of growth, did not reach also 1% yet.

At the same time it should be noted that the sphere of tourism for last 15 years officially is one of priorities of development of economy of Kazakhstan.

In the Republic of Kazakhstan the set of efforts was directed to stimulation of development of the tourist industry.

The main attention was paid to complex forecasting and long-term planning. The Law of the Republic of Kazakhstan «About Tourist Activity in the Republic of Kazakhstan» approved by the Decree of the Head of state created necessary conditions for formation and development of the industry. In these years are accepted the State program of development of tourism in the Republic of Kazakhstan for 2007–2011, the State program on the forced industrial innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2010–2014, the Program for development of the perspective directions of the tourist industry in the Republic of Kazakhstan for 2010–2014.

Besides strategic reference points of harmonious development of the tourist industry, its mission and global tasks of increase in a contribution of tourism to national economy, are defined in Messages of the Head of state.

For implementation of the Message of the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan «Social and economic modernization – the main vector of development of Kazakhstan» points of growth of the international tourism are defined, System development plans for four regions of Kazakhstan and the country in general are developed and approved. On the basis of these System plans the resolution of the government of the Republic of Kazakhstan No. 508 of May 19, 2014 approved the Concept of development of the tourist industry till 2020 [4].

This program documents set the tasks of the industry of improving competitiveness of a tourist product, defined economically expedient tourist clusters and projects which implementation will provide creation of modern tourist infrastructure and the maximum return of investments.

Within the State program on the forced industrial innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2010–2014, the tourist industry was allocated as a development priority. Regional master development plans for tourism were developed, the special economic zone «Burabay» in the Akmola region was opened for stimulation of enterprise activity.

In plans of the nation there are 100 concrete steps to realization of institutional reforms of N. Nazarbayev in which much attention is paid to the sphere of tourism:

- The 57th step. Involvement of the strategic (anchor) investors having successful experience of creation of tourist clusters.

- The 69th step. Transformation of Astana into the business, cultural and scientific center of Eurasia attracting researchers, students, businessmen, tourists from all region. At the same time in the city the modern international transport and logistics system which is turning on the new terminal of the airport will be created.

- The 86th step. Development and implementation of the large-scale project of Assembly of the people of Kazakhstan «The big country – Big family» which will strengthen the Kazakhstan identity and will create conditions for formation of complete civil community. All this work will be coordinated to implementation of the Concept of development of the tourist industry of RK till 2020 (taking into account development of internal tourism) and to creation of regional cultural and tourist clusters: «Astana is heart of Eurasia», «Almaty is a free cultural zone of Kazakhstan», «Unity of the nature and nomadic culture», «the Pearl of Altai», «Revival of the Great silk way», «The Caspian gate».

- The 87th step. Development and implementation of the national project of strengthening of civil identity «Менің елім» within which realization of a series of technological projects is provided. One of them – creation of large-scale online project «The encyclopedia of Kazakhstan» with a main goal to help each citizen and the foreign tourist to learn more about our country. On the portal 3D Kazakhstan video tours, information on history and the culture of the country, interesting events and lives of ordinary Kazakhstan citizens will be placed. The portal will become some kind of «hallmark» of the country, the national guide, a national honor roll for interesting citizens and the platform for virtual communication.

Kazakhstan annually takes part at the international tourist exhibitions, including: ITB (Berlin), Inturmarket (Moscow), ATM (Dubai), ITE (Hong Kong), PATA Travel Mart-2015 (Bangalore), JATA-2015 (Tokyo), WTM (London). Besides Kazakhstan organizes and holds the international tourist exhibitions of KITF itself «Tourism and Travel» in the city of Almaty (annually, April) and «Astana Leisure» in the city of Astana (annually, September). During these actions the trend of annual growth of quantity, both the countries of participants, and the tourist companies is observed, memorandums and agreements on cooperation in the field of tourism are signed.

Annually within the exhibition of KITF «Tourism and Travel» the republican seminar concerning development of the tourist industry in the Republic of Kazakhstan with participation of representatives of the interested ministries and departments, the tourist companies and public organizations of the republic is held.

The Astana Convention Bureau organization founded in structure of public administration «Management on Investments and Development of the City of Astana». It is the main organization for planning, development and advance of the tourist sector of the city of Astana as assistance to social and economic development of the city of Astana, development of business tourism in the capital; strengthening of image of the city as investment and attractive region; preparation of the city of Astana for the International specialized EXPO-2017 exhibition.

For implementation of the Message of the Head of state to the people of Kazakhstan «Social and economic modernization – the main vector of development of Kazakhstan» in Kazakhstan were developed:

- The master development plan for the branch of tourism in Astana taking into account carrying out EXPO-2017;
- The system development plan for the Burabay resort area till 2020;
- Master plan of the cluster program of development of tourism of the East Kazakhstan region;
- System development plan for an alpine skiing zone of Almaty;
- System development plan for the resort area Kenderli.

Now the main strategic document of development of the industry of tourism and hospitality of Kazakhstan is the Concept of development of the tourist industry of the Republic of Kazakhstan till 2020 approved by Government resolution № 508 of May 19, 2014.

In it essentially new approaches on development of the industry of tourism in Kazakhstan are generalized, first of all 5 key tourist clusters are allocated:

- «Nature and present» (Astana, Burabay-Shchuchinsk resort area);
- «World of miracles of the nature» (tourist capacity of East Kazakhstan);
- «City tourism and rest in mountains» (ski resorts near Almaty, Eli-Alatausk state national natural park);
- «Heart of the Silk way» (Architectural and archaeological heritage of the Southern Kazakhstan area, Sauries Ugamsk state national natural park);
- «The Caspian Riviera» (resort of Kenderli).

For realization of cluster development of tourism the following measures for stimulation of the branch of tourism are provided:

I. Measures for improvement of the regulatory legal base:

- The package of measures for streamlining of land use in the especially protected natural territories (EPNT), lands of water and forest fund designed to provide a free opportunity for conscientious investors to build and operate the tourist real estate with minimization of coordination, but with accurate process of monitoring of state of environment;
- Introduction of the new mode of special tourist zones assuming the budgetary investments on infrastructure, purchase of the real estate by foreigners without residence permit, a possibility of obtaining the license for gambling institutions;
- Introduction of the mechanism of joint financing by the state and employer of expenses of workers on acquisition of tourist services in Kazakhstan, including improving character, as instrument of development of internal social tourism;
- Application of additional measures of tax incentives of the tourist industry;
- Acceptance of a package of measures of the visa, border and migration control designed to simplify significantly planning and the organization of trips of foreign tourists to the country including for organized mass tourists from the key markets of Russia, China, Europe, India, the Middle East and also citizens of member states of OECD;
- Creation of competitive conditions for development of the market of internal air transportation, including further development of the program of subsidizing of internal flights;
- A package of measures for simplification of possession of foreigners by the tourist real estate and also introduction of new forms of share property on the tourist real estate like «timeshare».

II. Measures for development of engineering and transport, tourist and «soft» infrastructure and for improvement of institutional structure.

The list of objects of regional transport infrastructure – the airports was defined; railway and bus stations; highways which need to be constructed or reconstructed within the available funding mechanisms.

Suggestions for improvement of city and intra resort infrastructure which have to be financed at the expense of local budgets (information signs and signs, small architectural forms, etc.) are also developed.

For participation financing of development of tourist clusters creation of the operator represented by the affiliated organization JSC Samruk-Kazyna behind the MINT RK subordinated organization is offered.

It is planned to realize all actions in 3 stages:

The 1st stage. Till 2016 was planned to adapt and create new legal and institutional mechanisms which will favor to development of the industry of tourism in Kazakhstan. It was planned to master about 30.0% of all investments, these are about \$2 billion for preparation and the beginning of construction of facilities of the main large national and other projects in the sphere of tourism. Besides, investments went for development of the general tourism infrastructure and also development of a system of branding of national tourism in the international market is begun.

For recognition of Kazakhstan image rollers and videos which were broadcast on the international channels Euronews and Kazakh TV were abroad created. In 2013 for the purpose of increase in knowledge of the population of tourist opportunities of the country and development of internal tourism on KTK TV channel the entertaining and informative show «Abadan was created. On the Great silk way».

Along with it, the official tourist kazakhstan.travel.kz portal is developed and started, on a constant basis work on replenishment of this website as operational information about development of the tourist industry of the country is conducted.

In general, for transformation of the Shchuchinsk – Borovoy resort area into a tourist product, attractive to the Kazakhstan and foreign visitors, in the territory of the resort area on a constant basis new tourist objects open, investment projects among which there is a Rixos Lake Borovoe hotel on 400 beds, worth over 86 million US dollars, the cottage town of «Burabay Country Club» are implemented.

Within implementation of the project «The international transport corridor Western Europe – the Western China» is carried out work on creation of modern tourist infrastructure for placement, rest and receiving necessary services by tourists with a binding to unique objects of tourism of regions.

Together with local executive bodies work on preparation for carrying out in the country EXPO-2017 was carried out, the register of routes, including flow charts, colorful photos of objects is made.

Across Kazakhstan during the period from 2010 to 2015 over 350 projects for the sum more than 120 billion tenge are implemented.

The greatest activity of business is observed in the Akmola, Almaty, Karaganda regions and also in of Astana and Almaty.

The quantity of a branded segment and network hotels grows. In Astana at a stage of construction there are three 5-star hotels: Ritz Carlton (Talan Tauerz), Sheraton (Abu Dhabi plaza) and Saint Redzhens hotel (park zone).

Reconstruction of the passenger terminal of city airport of Astana is made. The project provided expansion of the existing passenger terminal and finishing capacity from 750 pass./hour till 1750 pass./hour or up to 7 million passengers a year. The works on construction of the new platform for business aircraft are already completed, construction works on the new terminal of the airport more than 40.0 thousand sq.m which will provide comfortable service of guests and participants of the international EXPO-2017 exhibition are begun.

8 new international routes (from Astana to Paris, Seoul, Dubai, Tbilisi, Kazan, from Atyrau to Mineralnye Vody, from Kyzylorda to Moscow, from Almaty to Minsk). Opening of the international flight connections will allow to expand geography of flights of Kazakhstan, will create regular air traffics with the leading world financial centers, will promote a wide choice of flight connections for convenience of the population.

Interaction with the British agency of civil aviation within stage-by-stage introduction of the European standards and requirements (execution of the Plan of the nation of «100 concrete steps») is begun. On November 3, 2015 in London the Memorandum of understanding between the Ministry for Investments and Development of RK and the British agency of civil aviation (UKCAA International Ltd) was signed. In pursuance of this Memorandum during the period the visit of experts of UKCAAi to Kazakhstan for the purpose of acquaintance with work and the analysis of activity of Committee and also development of recommendations and drawing up the report on the carried-out work took place from December 7 to December 11, 2015. After obtaining the report and recommendations, the following steps of cooperation with UKCAAi will be defined.

As the main expected results of the first stage in the Concept increase in a flow of tourists up to 4.1 million arrivals, increase in number of the sold room-night up to 13.3 million is supposed. Respectively income from tourist activity is planned at the level of 4.6 billion US dollars.

The 2nd stage is the main stage calculated for 2 years 2017-2018. It was supposed to master about 40–45% of all investments which have to go for financing of construction of locations and objects of tourist infrastructure within development of national tourist projects.

As the main expected results at this stage increase in a flow of tourists up to 6.5 million arrivals, the number of the sold room-night up to 23 million is planned. Respectively income from tourist activity is planned at the level of 7.6 billion US dollars. However, it is already possible to state not achievement of these indicators.

The 3rd stage is the final stage at which the main attention will be paid to diversification of tourist products across all Kazakhstan, development of small and medium business in the sphere of tourism.

The expected results at this stage are planned in the following values: the flow of tourists will make 8.5 million arrivals, the number of room-night of 33.8 million. Respectively income from tourist activity is planned at the level of 10.2 billion US dollars.

By 2020 increase in single capacity of locations from 92,053 to 206,000 beds is planned. Actually for 2017 lag about 5% of expected values are observed at preservation of this trend by 2020 the single capacity of means of placement is possible to increase to 142,087 beds. It is 30% lower than the planned level. It indicates the fact that the advancing development of infrastructure of the industry of tourism is not observed.

Despite favorable conditions for development of tourist business, in the area there is a number of the problems acting as tourism development deterrents. These include:

- A lack of the qualified personnel capable to provide appropriate quality of services in branch of tourism.
- Low tourist appeal. It is caused by the insufficient level of service and development of infrastructure, but one of the main problems is weak positioning of the area in languages of foreign countries as tourist region in consciousness of consumers. Actions for improvement of tourist image have limited financing.
- The insufficient development of tourist infrastructure including for year-round functioning.

Development of the sphere of tourism will become one of the factors promoting a solution of the problem of employment, both city, and country people as will cause creation of new jobs. Taking into account multiplicative effect tourism can promote creation of new jobs both in this sphere, and in the interfaced industries forming a tourist product (the main and city transport, trade, cultural institutions, health care, sport, food and light industry, the enterprises of household services, farms, etc.).

It is known that the purposes and problems of tourist policy depend on the developed economic, political, social conditions in the tourism industry. According to the acting policy, it is possible to draw conclusions that now tourism remains a development priority only on paper, strategic indicators and indicators on development of tourism do not correspond to reality and capacity of the sphere of tourism. And as we see, often indicators of various program documents are not interconnected among themselves and contradict each other.

The list of the used sources

1. UNWTO Tourism Highlights, 2017 Edition. – <http://mkt.unwto.org>
2. Official statistical information. Tourism // Official site of Committee on statistics of the Ministry of national economy of RK. – www.stat.gov.kz
3. World atlas of data. – <http://knoema.ru/>
4. Lennon J., Smith H., Kokerell N., Tryu D. Management of the tourism industry: the best experience of activity of the national organizations and tourism agencies: the lane with English – M.: IDT group, 2008. – 272 p.

Сакенкызы Г.

м.н.с. филиала Института экономики КН МОН РК в г. Астана

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Ключевые слова: *интеллект, интеллектуальная собственность, патентная активность, товарный знак, изобретения, инновационный потенциал.*

Одним из главных факторов развития экономики нашей страны становятся не богатые природные ресурсы, а результаты созидания человеческого ума – идеи и основанные на них нововведения. В отличие от предшествующих периодов, когда определяющими факторами были финансовые ресурсы, в настоящее время приоритетное значение приобретает интеллектуальная составляющая, оказывающая большое влияние на развитие экономики.

На ранних этапах развития общества результаты интеллектуальной деятельности не рассматривались в качестве самостоятельных объектов правоотношений. На наш взгляд, в первую очередь это связано с тем, что интеллектуальная и производственная деятельность не рассматривались отдельно друг от друга.

Существительное «интеллект», с точки зрения общеупотребительного значения данного слова, означает – мыслительная способность, умственное начало у человека, а производное от него прилагательное «интеллектуальный» означает умственный, духовный.

Исходя из этимологии данных слов, можем сделать вывод о том, что интеллектуальная деятельность – это особая форма активности человека, в основе которой лежит его мыслительная деятельность, которая в отечественной литературе получила наименование «духовной труд», «духовное производство» в отличие от «материального производства», направленного на создание материальных ценностей [1].

Термин «интеллектуальная собственность» вошел в научный оборот и законодательство Республики Казахстан в начале 90-х годов. Охрана объектов интеллектуальной собственности – изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и товарных знаков – новая область государственного регулирования независимого Казахстана. Интеллектуальной собственностью, в соответствии со статьей 125 ГК Республики Казахстан, признается исключительное право гражданина или юридического лица на результаты интеллектуальной творческой деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, продукции физического или юридического лица, выполняемых ими работ или услуг (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и т.п.). Использование результатов интеллектуальной творческой деятельности и средств индивидуализации, которые могут быть объектом исключительных прав (интеллектуальной собственности), может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя [2].

Таким образом, казахстанское законодательство в сфере интеллектуальной собственности позволяет на надлежащем уровне обеспечивать право на ее охрану. Тем не менее, работа в данном направлении будет продолжаться, поскольку появляются новые объекты интеллектуальной собственности, новые способы их использования. Совершенствование законодательства в данной сфере – бесконечный процесс. Защита интеллектуальной собственности становится одним из важных факторов, определяющих положение страны в мире. Надежный уровень этой защиты стимулирует научные исследования, развитие культуры, литературы и искусства, практическое использование достижений науки и техники, а также международный обмен ими. В связи с переходом к открытым инновациям претерпевают изменения подходы компаний к управлению интеллектуальной собственностью. Важно и то, что сам феномен интеллектуальной собственности имеет тенденцию к тому, чтобы представлять уникальные знания как нечто статическое, как застывший, в какой-то степени внешний по отношению к компании объект, с которым можно обращаться почти как с «вещью». Однако в условиях сегодняшней конкуренции важна некоторая «турбулентность», динамическое функционирование, перемешивание самых различных знаний, которые могут быть уникальными, а могут и нет. Именно поэтому акцент в управлении сегодня в значительной степени смещен с «застывшего», «объективированного» знания, стоящего за тем или иным объектом интеллектуальной собственности, на весь динамично протекающий процесс познания в организации. В этой связи, интеллектуальная собственность представляет собой очередной источник увеличения прибыли компании. В мире, изобилующем знаниями, компании должны быть активными покупателями и активными продавцами интеллектуальной собственности. Однако пока лишь немногие компании в полной мере получают коммерческое преимущество от своей интеллектуальной собственности, когда решаются использовать ее не только в своем бизнесе. Кроме того, каждая компания может выиграть и от применения чужой интеллектуальной собственности в своем бизнесе, вместо того чтобы самостоятельно с самого начала заниматься всеми нужными ей изобретениями. Конечно, такой вариант требует совершенно другого подхода к управлению интеллектуальной собственностью: вместо того чтобы управлять так, чтобы не допустить конкурентов к своей интеллектуальной собственности, следует управлять ею так, чтобы получить прибыль от того, что другие пользуются ею. Опыт Millennium Pharmaceu-

ticals, IBM и Intel наглядно показывает, какие новые возможности появляются при адекватном управлении интеллектуальной собственностью [3].

Вопросы охраны и использования интеллектуальной собственности в современных условиях играют все более важную роль в производственной, внешнеэкономической и иной предпринимательской деятельности предприятий и организаций всех формах собственности.

Многие руководители при анализе управления интеллектуальной собственностью думают об этом направлении бизнеса исключительно как о возможности получить добавленную стоимость за счет технологии или совокупности технологий. Хотя интеллектуальную собственность, конечно, можно рассматривать с этой точки зрения, это только часть ее роли и значимости. Фирмы, разрабатывающие новые технологии и новые продукты, занимаются интеллектуальной собственностью в первую очередь для достижения защитных целей, чтобы гарантировать возможность применять новые технологии на практике в своем бизнесе без опасения, что кто-то им в этом помешает. Наличие патентов становится своего рода страховым полисом против нежелательных судебных тяжб и действует как мощное преимущество в ситуациях, если такая тяжба все-таки возникает. Однако в мире открытых инноваций даже такой подход оказывается недостаточным. При его применении интеллектуальная собственность нельзя использовать, чтобы извлечь из нее ценность, до тех пор, пока при помощи технологии или технологий не будет создана ценность. Интеллектуальной собственностью можно управлять так, чтобы создавать ценность, а не просто получать часть этой ценности. Это особенно вероятно, когда управление ею состыковано с бизнес-моделью компании и с ее внутренним процессом инноваций. Например, компании могли бы выбрать вариант публикации информации о какой-то своей интеллектуальной собственности или вообще раздать ее бесплатно, чтобы создать стандарты, или выделить часть своей собственности в общее пользование, то есть получить своего рода безопасную гавань, где можно спокойно заниматься разработками, так как они осуществляются на основе общих знаний, и благодаря этим разработкам быстрее и динамичнее добиться полезных усовершенствований, которые, в свою очередь, могут увеличить масштабы их бизнеса. Новый подход к управлению интеллектуальной собственностью, лучше всего виден при изучении опыта компаний, которые подтвердили значимость своих патентов в ходе судебного разбирательства. Так как эра открытых инноваций началась в США, мы исходим из опыта данной страны как самой развитой в направлении открытых инноваций. Особенно интересны в этом отношении ситуации с компаниями Texas Instruments (TI), Polaroid и IBM [4].

Одним из важнейших показателей результативности научных исследований и разработок является патентная активность, отражающая инновационный потенциал страны, уровень и перспективы научного и технического развития страны. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, в 2017 году, в рамках Договора о патентной кооперации (Patent Cooperation Treaty, РСТ), было подано 243,5 тыс. заявок, что на 4,5% больше, чем в 2016 году. Крупнейшим пользователем системы РСТ являются США, которые в 2017 году, увеличив свою активность на 0,1%, подали 56,6 тыс. заявок. Китай с 48,9 тыс. заявок переместился на второе место, обогнав Японию на 0,7 тысяч. В 2017 г. список ведущих заявителей по процедуре РСТ возглавили телекоммуникационные компании. Как и в 2016 году, основной рост общего числа заявок приходится на Китай, Японию и Германию. По данным РГП «Национальный институт интеллектуальной собственности» (НИИС), в 2017 г. в Казахстане количество поступивших заявок на объекты промышленной собственности увеличилось более чем в полтора раза и составило 11 463 единицы. Имеющая место в последние годы отрицательная динамика подачи заявок на выдачу охранных документов на изобретения, в 2017 году стабилизировалась (1 228). Активность общей подачи выросла на 0,6%.

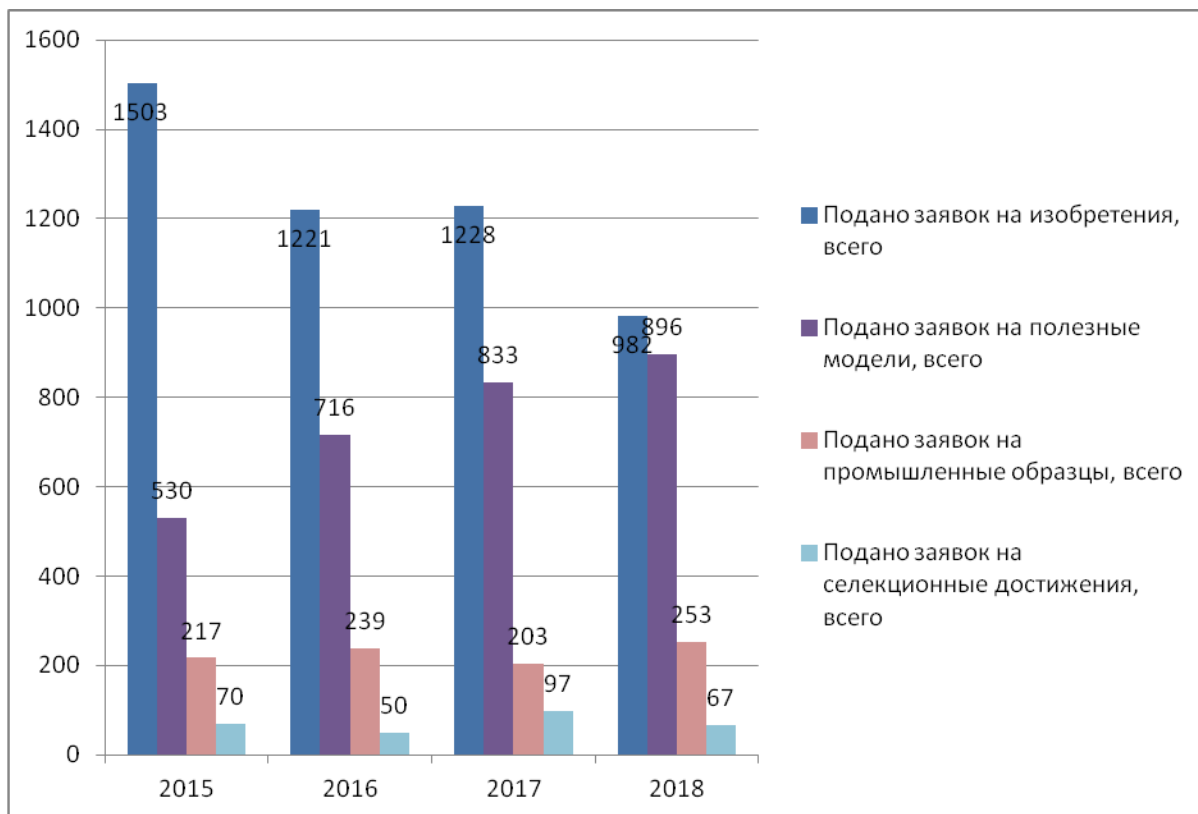
Общее количество поступивших заявок на полезные модели в 2018 году составило 896 единиц, что превышает аналогичный показатель 2017 года на 7,6%. Распределение по годам количества поданных заявок на селекционные достижения представлено в табл. 1. Общее количество поступивших заявок на селекционные достижения в 2018 году ниже показателя 2017 года на 30,9%. В 2018 году на промышленные образцы поступило на 24,6% заявок меньше, чем в 2017 году (табл. 1).

Таблица 1

Подача заявок на выдачу охранных документов на объекты интеллектуальной собственности единицы

Заявки	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Подано заявок на изобретения, всего	1503	1221	1228	982
Национальными заявителями	1271	990	1055	789
Иностранцами заявителями	232	231	173	193
Подано заявок на полезные модели, всего	530	716	833	896
Национальными заявителями	446	654	754	778
Иностранцами заявителями	84	62	79	118
Подано заявок на промышленные образцы, всего	217	239	203	253
Национальными заявителями	94	89	105	83
Иностранцами заявителями	123	150	98	170
Подано заявок на селекционные достижения, всего	70	50	97	67

Источник: Ежегодный отчет Национального института интеллектуальной собственности.

Количество выданных в 2018 году охранных документов составило 9522 единицы. По сравнению с предыдущим годом этот показатель увеличился на 22,9%. На изобретения было выдано 778 охранных документов, в том числе национальным заявителям было выдано 589, иностранным – 189. Кроме того, зарегистрировано 4 общеизвестных товарных знака.

Таблица 2

Сведения о выданных охранных документах на объекты промышленной собственности (включая предоставление правовой охраны товарным знакам по Мадридской процедуре) единицы

	всего		в том числе количество выданных охранных документов в 2018 году	
	2017 г.	2018 г.	национальным заявителям	иностранним заявителям
Изобретения	869	778	589	189
Полезные модели	591	950	862	88
Промышленные образцы	129	219	67	152
Селекционные достижения	91	87	69	18
Наименования мест происхождения товаров	2	5	4	1
Товарные знаки (по национальной процедуре)	4053	4211	2466	1745
Общее количество выданных охранных документов	5735	6250		
Итого	7748	9522	4057	2193

Источник: Ежегодный отчет Национального института интеллектуальной собственности.

Количество выданных охранных документов на объекты промышленной собственности по национальной процедуре в сравнении с 2017 годом возросло на 9%. По предоставлению охраны международным товарным знакам по Мадридской системе также наблюдается рост на 43,7%. Одним из ключевых направлений деятельности РГП «НИИС», которому уделялось особое внимание в 2018 году, является пропаганда знаний в области интеллектуальной собственности и повышение уровня осведомленности о значении правовой охраны объектов интеллектуальной собственности. Так, в целях поощрения изобретательства и стимулирования творческой активности в Казахстане на площадке Республиканского форума «Шапағат», созданного РГП «НИИС», проведены:

- Республиканский онлайн конкурс изобретателей «Шапағат»;
- Республиканский конкурс среди старшеклассников Nazarbayev Fund Schools Challenge;
- Республиканский конкурс среди школьников на лучшее эссе «Будущее в твоих руках: изобретай и создай»

[6].

Список литературы

1. Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. – М., 2000. – № 5. – С. 67-74.
2. http://www.zakon.kz/static/grazhdanskiy_kodex.html

3. Chesbrough H., Vanhaverbeke W., West J. Open Innovation. Researching a New Paradigm. 2006.
4. Gassmann O. Opening up the innovation process: towards an agenda // R&D Management. 2008. – Vol. 36, N 3 (June). – P. 223–226. DOI: 10.1111/j.1467-9310.2006.00437.x
5. <https://www.kazpatent.kz/ru>
6. <http://sc.edu.gov.kz/upload/iblock/535/535532a5bda5dd36379cd8c525bf31e3.pdf>

Салита С.В.

д.э.н., Луганский национальный университет

НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ

Ключевые слова: конкурентные преимущества предприятия; ключевые способности предприятия; конкурентная стратегия предприятия; конкурентоспособность предприятия.

Keywords: competitive advantages of the enterprise; enterprise ability; enterprise competitive strategy; enterprise competitiveness.

Современные социально-экономические условия характеризуются высокой степенью неопределенности и динамичности внешней среды, ростом конкуренции на внутренних и внешних рынках, что определяет необходимость поиска новых подходов к формированию конкурентных преимуществ предприятий.

Ключевые положения ресурсной теории сводятся к тому, что предприятие рассматривается как носитель совокупности ресурсов и способностей, которые являются уникальными для каждого предприятия, сложно поддаются имитации и определяют его конкурентные преимущества на рынке.

Другими словами, ресурсная теория базируется на тезисе, согласно которому внутренняя среда предприятия состоит из ресурсов и способностей и оказывает большее влияние на развитие предприятия и формирование его конкурентных преимуществ, чем внешняя среда. Отсюда следует, что предприятие должно развивать собственные уникальные ключевые способности, которые в сочетании с ресурсами становятся основой формирования стратегии предприятия и обеспечивают ему конкурентные преимущества. В то же время особое значение имеет способность предприятия поддерживать и обновлять конкурентные преимущества в условиях динамичных изменений внешней среды.

При такой интерпретации любая стратегия предприятия, которая формируется на основе уникальных ключевых способностей, позволяет более эффективно развивать и использовать их для того, чтобы своевременно реагировать на угрозы и возможности, возникающие во внешней среде.

Тем не менее, в специальной экономической литературе ведется дискуссия относительно наполнения категории «способности предприятия», правомерности её экстраполяции в плоскость предприятия. Отдельные исследователи¹ подвергают критике саму возможность переноса особенностей индивидуумов (работников) на уровень предприятий, что свидетельствует о применении антропоморфного подхода, который критики называют «холистическим антропоморфизмом».

Уместно также подчеркнуть неоднозначность перевода с английского языка данной категории (capability). В частности, в экономическом словаре способность определяется как умение руководителя влиять на своих подчиненных с целью получения желаемого результата их деятельности и является особой индивидуальной характеристикой сотрудника предприятия, а не предприятия в целом².

Стоит отдельно отметить отсутствие единой точки зрения на дефиницию категории «способности предприятия», что обусловлено терминологической неопределенностью и фрагментарностью соответствующих исследований.

Количество исследований в области ключевых способностей предприятий увеличивается с каждым годом. По результатам исследований Д. Стефано³ ежегодно с 2006 г. количество статей по проблеме динамических способностей предприятия, опубликованных в журналах и наукометрических базах данных, превышает 100. Однако, несмотря на многочисленные исследования, идентификация ключевых способностей предприятия и формирование их доминант в рамках формирования конкурентных преимуществ являются актуальными задачами, особенно в условиях несовершенства понятийного аппарата.

В данном контексте речь идет о самом общем понимании термина «доминанта» (от лат. dominans, dominantis – господствующий), который, несмотря на разнообразие, можно свести к таким синонимам, как преобладающий, главенствующий⁴.

В рамках настоящего исследования доминанты представляют собой значимые, ключевые характеристики способностей и компетенций предприятия, которые являются основой формирования его конкурентных преимуществ. Отсюда также следует, что иные характеристики являются производными и взаимообусловленными. В табл. 1 по ито-

¹ Тис Д.Дж. Динамические способности фирмы и стратегическое управление // Д.Дж. Тис, Г. Пизано, Э. Шуен // Вестник Санкт-петербургского государственного университета. Сер.: Менеджмент. 2003. – № 4. – С. 148.

² Осовська Г.В. Економічний словник / Г.В. Осовська, О.О. Юркевич, Й.С. Завадський. – К.: Кондор, 2009. – 358 с.

³ Anand G.A, Ward P.T., Tatikonda M.V., Schilling D.A. Dynamic capabilities through continuous improvement infrastructure // Journal of Operations Management. 2009. – Vol. 27. – P. 444–461.

⁴ Салита С.В. Принципиальные подходы к идентификации ключевых способностей предприятия // Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит». 2017. – № 7. – С. 32–39.

гам критического анализа специальной экономической литературы¹ представлены дефиниции категории «способности предприятия» («динамические способности», «отличительные способности», «ключевые способности», «комбинаторные способности») с одновременным выделением доминант ключевых способностей предприятия.

Таблица 1

Дефиниции категории «способности предприятия» («динамические способности», «отличительные способности», «ключевые способности», «комбинаторные способности»)

Автор	Дефиниция	Доминанта
Д. Тис, Г. Пизано, Е. Шуен	Динамические способности предприятия – в интегрировании, создании и реконфигурации внутренних и внешних компетенций в соответствии с динамическими условиями хозяйствования	Конфигурация и реконфигурация внутренних и внешних компетенций
Д. Тис	Динамические способности – способности распознавать и конкретизировать возможности и угрозы, осваивать данные возможности и поддерживать конкурентоспособность путем инвестирования, комбинирования, защиты и, если возможно, реконфигурации нематериальных и материальных активов предприятия	Способность распознавать возможности и угрозы
К. Эндрюс	Отличительные способности служат для определения того вида деятельности, в котором предприятие проявляет себя наилучшим образом	Успешный вид деятельности
К. Прахалад, Г. Хамел	Ключевые компетенции сравниваются с корневой системой большого дерева, в образе которого представлена диверсифицированная корпорация. Конкурентоспособность в долгосрочной перспективе зависит от способностей создавать с более низкими издержками и быстрее, чем конкуренты, ключевые компетенции, на основе которых рождаются продукты с уникальными характеристиками. Выделяют три критерия идентификации ключевой компетенции: ее способность обеспечивать потенциальный доступ к новым рынкам, обеспечение вклада в создание потребительской стоимости, сложность ее имитации конкурентами	Способность создания ценности и обеспечения конкурентоспособности
Е.В. Варганова	Ключевые способности предприятия образуют уникальные знания, навыки, опыт и организационные связи, которые опосредуются ресурсами, позволяющими создавать новый продукт, востребованный на рынке. Способности являются одной из составляющих компетенции предприятия, ее потенциалом. Способности опосредуются ресурсами, имеющимися в распоряжении предприятия	Уникальная совокупность знаний, навыков и организационных связей
К. Эйзенхардт, Дж. Мартин	Динамические способности рассматриваются как организационные и стратегические рутины, с помощью которых фирмы создают новые комбинации ресурсов (результат организационного обучения и стабильной совокупности форм и методов взаимодействия и способов принятия решений по поводу интегрирования, создания и реконфигурации внутренних и внешних компетенций предприятия для оперативного и эффективного использования возможностей среды хозяйствования предприятий)	Организационные и стратегические рутины
Д.В. Боронин	Под «способностями организации» понимаются способности осуществления того или иного вида продуктивной деятельности. «Отличительная способность (компетентность)» обозначает те способности предприятия, по которым оно превосходит конкурентов. «Ключевые компетентности» – это способности, имеющие для деятельности и стратегии предприятия фундаментальное значение	Отличительная способность, отличительная компетентность
Р. Джекел	Динамические способности – организационные процессы, изменяющие (модифицирующие) конфигурацию ресурсов предприятия в ответ на возможности и угрозы внешней среды	Возможность модификации ресурсов предприятия
О.Г. Малярчук	Динамические способности – комплексная характеристика предприятия, которая определяется процессами конфигурации и реконфигурации компетенций, обеспечивающих усиление стратегической позиции предприятия	Стратегическая позиция предприятия
Р.Р. Нельсон, С.Дж. Уинтер	Рутинизация деятельности предприятия является наиболее важной формой хранения специфических знаний организации. Организационные рутины рассматриваются как память организации и вместилище ее способностей	Организационные рутины

Исследование дефиниций «способности предприятия» и выделение их доминант в понимании ряда авторов позволило установить, что в специальной экономической литературе данная категория зачастую отождествляется с категориями «динамические способности», «отличительные способности», «ключевые способности», «комбинаторные способности», обуславливая тем самым необходимость проведения лингвистического синонимического анализа, на основе которого можно будет четко отделить дефиницию категории «способности предприятия» от дефиниций синонимичных категорий, сформулировать ее собственное понимание.

В результате лингвистического синонимического анализа (табл. 2) составлен перечень категорий, близких по содержанию к исследуемой.

К синонимам первого уровня относятся: способности, возможности, компетенции, потенциал (характеризуют способность действовать, потенциал); отношения, наклонности (характеризуют определенные связи между элементами возможностей); средства, вместимость, необходимые средства (ресурсы) (ресурсы, необходимые для преобразования).

¹ Безрукова Т.Л. Анализ и прогнозирование финансово-хозяйственной деятельности предприятий в условиях неопределенности рыночной ситуации / Т.Л. Безрукова, А.Н. Соломахин, О.М. Житкова. – М.: КноРус, 2010. – 152 с.

Результаты лингвистического синонимического анализа категории «способности»¹

Категория	Синонимы I уровня детализации	Синонимы II уровня детализации
<i>Русский язык</i>		
Способности	Дарование, дар	Способность, талант(ливость), одарённость; наделение, жалование, призвание, награждение, ниспослание
	Призвание	Назначение, профессия, талант, умение, ловкость, ремесло, склонность, пред-назначение, природная склонность
	Умение	Опыт, искусство, привычка, дар, способность, знание, техника, мастерство, на-вык, квалификация, призвание, дарование, ноу-хау
	Ловкость, жилка	Хитрость, хватка, призвание, сноровка, проворство, ухищрение, лукавство, гибкость, изворотливость, плутовство, пронырливость, оборотистость
	Талант, гений; даровитость, та-лантливость	Мера, дар, способности, гений, призвание
	Восприимчивость, переимчи-вость	Расположение, чувствительность, понятливость, предприимчивость
	Годность	Способность, исправность, пригодность
	Дееспособность	работоспособность, кредитоспособность, правоспособность (способность к оп-ределенным действиям)
<i>Украинский язык</i>		
Спроможності	Спроможності	Здатності, можливості; змоги
	Здатності	Здібності; хисти; кебети
	Змоги	Спроможності; здатності
<i>Английский язык</i>		
Capabilities	Carability (способность)	Knowledge (знания)
	Ability (способность)	Skills (навыки), talent (талант), knack (сноровка, ловкость)
	Opportunity (возможность)	Chance (шанс)
	Competence (компетенция)	Proficiency (умение), know-how
	Artitude (отношение)	Propensity (наклонности)
	Means (средства)	Income (прибыль), earnings (выручка), resources (ресурсы), revenue (доход), wealth (богатство), capital (капитал), way (путь)
	Potential (потенциал)	Possible (возможный), probable (вероятный), impending (предстоящий), up-and-coming (напористый)
	Facility (способ)	Service (обслуживание), provision (поставка), feature (изображение), talent (та-лант), skill (навыки, учения), flair (чутье)
	Capacity (емкость, вместимость)	Power (мощность)
Qualifications (квалификация)	Experience (опыт), education (образование), training (тренировка, обучение), credentials (полномочия)	

Синонимы второго уровня характеризуют, скорее, составляющие возможностей, такие как: знания, навыки, талант, сноровка, мастерство, know-how, то есть качества, необходимые для преобразования потенциальных возможностей в реальную основу конкурентных преимуществ предприятия, а также ресурсную составляющую такого преобразования (ресурсы, обслуживание, поставки, мощность) и его последствия (доход, богатство, капитал, прибыль).

Следовательно, способности предприятия – это совокупность потенциальных знаний и умений, применение которых в условиях соответствующего ресурсного обеспечения позволит предприятию сформировать конкурентные преимущества.

В данной интерпретации особое внимание необходимо уделить исследованию взаимосвязи составляющих терминов предложенной дефиниции: «способности» и «компетенции»; «способности» и «знания», «ресурсы»; «способности» и «конкурентные преимущества».

Для уточнения терминологического содержания категории «способности» (один из исходных пунктов сформированной ранее структуры терминологической системы исследования конкурентных преимуществ предприятий на основе их ключевых способностей) следует выполнить контекстный анализ, результаты которого позволят отделить исследуемую категорию от других аналогичных по смысловой нагрузке.

В зарубежной специальной экономической литературе категория «способности» часто выступает аналогом знаний и компетенций предприятия. Так, Д. Андрессен использует категорию «отличительные способности» для определения вида деятельности, в котором предприятие проявляет себя наилучшим образом².

В работе Дж. Дэй³ используются категории «способности» и «ключевые способности» для обозначения особой динамики процессов корпоративного обучения. Указанные категории в понимании автора аналогичны в том, что они означают уникальные способности и знания, являющиеся потенциальными источниками формирования конкурентных преимуществ предприятия.

¹ Авторская разработка/

² Andriessen D., Tiessen R. Weightless Weight: Find Your Real Value in a Future of Intangible Assets / Pearson Education. – London, 2000. – P. 140–157.

³ Дэй Дж.С. Организация, ориентированная на рынок: как понять, привлечь и удержать ценных клиентов [пер. с англ. В.И. Кузина; под. ред. и предисл. проф. И.В. Андреевой]. – М.: Эксмо, 2008. – 304 с.

Однако ключевые способности не следует рассматривать как аналог компетенции, поскольку они являются одним из ее элементов и должны быть воплощены в готовую продукцию, процессы, услуги в результате использования ресурсов, то есть компетенции можно рассматривать как производные от способностей предприятия. Исходя из такой логики, способности предприятия во многом обусловлены имеющимися у него ресурсами, количество и качество которых определяется по требительскими свойствами производимых товаров, работ и предоставляемых услуг.

В контексте исследуемой проблематики целесообразно учесть позицию К. Прахалада и Г. Хамела, которые используют категорию «ключевые компетенции» для обозначения набора умений и технологий, знаний и опыта, определяющих ключевые способности предприятия и лежащих в основе эффективной конкурентной борьбы на рынке. В свою очередь, категорию «ключевые способности» авторы рассматривают как неотъемлемый атрибут компетенции предприятия. По мнению К. Прахалада и Г. Хамела, ключевой является компетенция высшего порядка, участвующая в создании крупнейшей потребительской стоимости. Она является коллективным знанием, позволяющим организовывать и управлять другими компетенциями и способностями, создавая тем самым дополнительную потребительскую стоимость.

Такая интерпретация учеными категорий «ключевые способности» и «ключевые компетенции» позволяет подтвердить логику разработанной концепции формирования конкурентных преимуществ предприятий на основе их ключевых способностей, которая заключается в том, что соответствующая стратегия должна базироваться на совокупности способностей и компетенций.

По мнению Е.В. Вартановой, компетенция предприятия является уникальной совокупностью знаний, навыков, опыта и организационных связей, которые в сочетании с ресурсами и технологиями формируют конкурентные преимущества предприятия и обеспечивают его рыночный успех. Компетенция предприятия воплощается в инновационных продуктах, процессах и услугах с новыми потребительскими свойствами и может быть сформирована и развита путем управления знаниями в инновационных процессах¹.

Следовательно, способностям присущ динамичный характер, заключающийся в том, что способности предприятия позволяют ему быстрее, чем конкурентам, осуществлять ключевые бизнес-процессы и реагировать на быстрые и хаотичные изменения внешней среды.

Способности предприятия лежат в основе его своевременной реакции на изменения бизнес-среды, распознавания слабых сигналов, свидетельствующих о таких изменениях, осуществления непрерывного обмена знаниями и ресурсами.

Согласно современным ресурсным парадигмам устойчивое конкурентное преимущество создается путем непрерывного развития существующих и создания новых ресурсов в ответ на быстро изменяющиеся условия внешней среды.

В постиндустриальной экономике наиболее важным активом предприятия, создающим потребительскую стоимость, являются знания. Отсюда следует, что знания составляют основу любых способностей предприятия, которые потенциально могут стать источником конкурентных преимуществ.

Способности сами по себе являются знаниями. Так, в основе способностей всегда лежат знания, поскольку естественная способность объекта (человека или предприятия) может обеспечить получение определенного результата только путем непрерывного обучения. В свою очередь, способность создавать что-либо выступает продуктом или результатом обучения.

Как отмечено ранее, согласно ресурсной теории предприятие является совокупностью ресурсов, которые можно подразделить на три вида: основные ресурсы, активы и способности.

В рамках ресурсного подхода ресурсы представляют собой все активы, способности, организационные процессы, информацию, знания, которые контролируются предприятием и позволяют формировать и реализовывать его стратегию развития².

Если ресурсы востребованы предприятием, то они превращаются в факторы производства. Те из них, которые создают добавленную стоимость или благодаря своим определенным характеристикам дают возможность формировать конкурентные преимущества, превращаются в активы предприятия, которые можно разделить на материальные и нематериальные (оборудование, патенты, торговые марки, сформулированное и кодифицированное знание, складские и информационные системы, телекоммуникационные системы).

Способности являются совокупностью индивидуальных навыков, ресурсов и аккумулированных знаний, которые позволяют предприятию координировать свою деятельность, направленную на эффективное использование ресурсов.

Способности предприятия включают четыре организационных умения:

- 1) рутинизованные процессы управления инновациями и изменениями;
- 2) бизнес-интуиция;
- 3) механизмы принятия инвестиционных решений, позволяющих определить новые рынки и технологии, ограничить неопределенность, обеспечивать эффективное сочетание активов;
- 4) компетенции оркестровки и управления транзакциями³.

¹ Вартанова О.В. Компетенція підприємства у стратегічному управлінні підприємством: формування і розвиток [монографія]. – Луганськ: Вид-во СЛУ ім. В.Дала, 2012. – 340 с.

² Неретин Е.А. Динамические способности и стратегическая архитектура компании // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. – № 1 (17). – С. 111–115.

³ Клейнер Б. Ресурсная теория системной организации экономики. – http://www.kmtec.ru/publications/library/select/org_facitor_kpf.shtml

Среди всех активов предприятия отдельно следует выделить категорию стратегических активов – одну из составляющих его ресурсов. Они тесно связаны с концепцией ключевых компетенций (К. Прахалада и Г. Хамела¹) и динамических способностей предприятия (Д. Тиса²).

По мнению Д. Тиса, стратегические активы – это активы и способности предприятия, обеспечивающие его устойчивые конкурентные преимущества.

Дж. Барни выделяет следующие признаки стратегических активов: особая ценность и значимость для предприятия; отсутствие аналогов и заменителей; сложность копирования; уникальность и редкость в конкурентной среде³.

Отличие между активами и способностями заключается, прежде всего, в том, что способности формируются на основе знаний. Способности также отличаются от других ресурсов возможностью их развития. Так, чем чаще способности используются, тем более сложными они становятся, в том числе и для подражания. Совокупность способностей и ресурсов формирует компетенцию предприятия.

Предприятие применяет свои способности (ключевые) и активы для освоения рыночных возможностей и нейтрализации угроз конкурентной (внешней) среды, тем самым предопределяя направления формирования конкурентных преимуществ.

К. Прахалад и Г. Хамел рассматривают ключевые способности как фактор управленческих усилий предприятия, для успешного развития которого необходима поддержка высокого уровня компетенций, обеспечивающих дифференциацию стратегической позиции бизнеса. Они, по их мнению, положительно коррелируют с конкурентоспособностью предприятия. Авторы, в частности, утверждают, что предприятия становятся конкурентоспособными, когда имеют «компетенции, охватывающие разрабатываемые продукты», поскольку «реальные источники конкурентного преимущества предприятия как раз и заключаются в способности менеджмента консолидировать технологии, способности и ресурсы предприятия в компетенции, повышающие способность бизнеса к быстрой адаптации».

В контексте формирования конкурентных преимуществ предприятия концепцию ключевых способностей и компетенции рассматривает К. Селзник, понимая под компетенцией уникальную способность предприятия получить преимущество на рынке благодаря управлению процессами в цепочке создания дополнительной ценности⁴.

Многие авторы ввели в научный обиход понятие «ключевая («корневая») компетенция» – решающая доминанта, обеспечивающая стратегический успех предприятия на рынке. Так, по мнению:

– К. Коен, ключевая компетенция заключается в способности предприятия к эффективному организационному обучению;

– П. Маклаган, к ключевой компетенции предприятия относятся знания, обеспечивающие успех на рынке;

– С. Спенсер и Дж. Спенсер, компетенция только тогда становится «ключевой», когда реализуется в стратегии предприятия.

Р.М. Грант, развивая идею взаимосвязи ресурсов, ключевых способностей и компетенций, выделил 5 последовательных этапов формирования их гармоничной взаимосвязи и взаимообусловленности:

- 1) определение и систематизация имеющихся у предприятия ресурсов;
- 2) идентификация ключевых способностей и компетенций;
- 3) оценка потенциала возможностей, компетенции и ресурсов для формирования конкурентных преимуществ;
- 4) формирование стратегии развития предприятия по использованию потенциала его способностей и компетенций;
- 5) укрепление ресурсов, способностей и компетенций для ликвидации слабых мест в деятельности предприятия⁵.

Возможность формирования и сохранения устойчивых конкурентных преимуществ предприятия определяется способностями двух типов – ключевыми (отличительными) и копируемыми, а также их уникальной комбинацией, которая создает синергический эффект.

Ключевые (отличительные) способности не могут быть скопированы конкурентами и являются основой создания устойчивых конкурентных преимуществ предприятия. Ключевые способности находят отражение в патентах, эксклюзивных лицензиях, брендах, слаженной командной работе и т.д.

Копируемые способности могут быть приобретены или созданы конкурентами, поэтому не могут быть источником устойчивого конкурентного преимущества. Многие технические, финансовые и маркетинговые способности относятся к копируемым. Ключевые способности должны поддерживаться соответствующим набором дополняющих их копируемых способностей, которые позволяют предприятию «продавать» свои отличительные способности на рынке.

Таким образом, устойчивое конкурентное преимущество является базисом, на котором строится успешное функционирование предприятия. Устойчивое конкурентное преимущество – это результат применения стратегии, которая создает потребительскую ценность товаров и услуг и основывается на уникальной комбинации ресурсов и способностей предприятия, которые не могут быть скопированы конкурентами. Оно дает возможность бизнесу поддер-

¹ Hamel G. Competing for the Future / G. Hamel, C.K. Prahalad / Harvard Business School Press. 1994. – 180 p.

² Тис Д.Дж. Динамические способности фирмы и стратегическое управление / Д.Дж. Тис, Г. Пизано, Э. Шуен // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер.: Менеджмент. 2003. – № 4. – С. 148.

³ Barney J.B. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. 1991. – Vol. 17, N 1. – P. 99–120.

⁴ Selznick P. Leadership in Administration. – New York: Harper, 1957. – 129 p.

⁵ Грант Р.М. Ресурсная концепция конкурентных преимуществ: практические выводы для формулирования стратегии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2003. – Вып. 3. – С. 149–156.

живать и улучшать свои конкурентные позиции на рынке и выживать в борьбе с конкурентами в течение длительного времени.

Исследование ключевых способностей предприятия как экономической категории требует определения их доминант. В данном направлении представляет интерес исследование Д. Андриессена. Автор разработал комплекс вопросов, ответы на которые позволяют выделить доминанты ключевых способностей для определенного предприятия, а именно:

- 1) увеличивают ценность для клиентов;
- 2) обеспечивают предприятию устойчивую конкурентную позицию;
- 3) создают потенциал будущего развития предприятия;
- 4) формируют благоприятную среду для инноваций;
- 5) характеризуются устойчивостью на протяжении длительного промежутка времени, формируя тем самым конкурентные преимущества предприятия;
- 6) поддерживаются большинством сотрудников предприятия.

Анализ доминант ключевых способностей, выделенных Д. Андриессеном, свидетельствует о том, что они не являются персонифицированными, присущими индивидуумам, хотя основываются на знаниях, навыках и способностях работников. Исходя из вышеизложенных результатов настоящего исследования, перечень доминант необходимо дополнить следующими:

- 1) ключевые способности лежат в основе устойчивых конкурентных преимуществ (устойчивость);
- 2) ключевые способности воплощаются в новых товарах, работах, услугах с новыми потребительскими свойствами (уникальность);
- 3) ключевые способности открывают доступ к потенциально новым рынкам (открытость).

На рис. 1 представлены доминанты ключевых способностей предприятия.

Таким образом, идентифицированные в процессе исследования доминанты ключевых способностей предприятия подчёркивают их особенности и значение для формирования устойчивых конкурентных преимуществ. В то же время рассмотрение предприятия через призму ресурсного подхода как носителя совокупности ресурсов и ключевых способностей обуславливает необходимость дальнейшего исследования типологии ключевых способностей предприятия, что позволит не только сформировать концепцию их диагностики, но и разработать модель их формирования в контексте формирования конкурентных преимуществ.

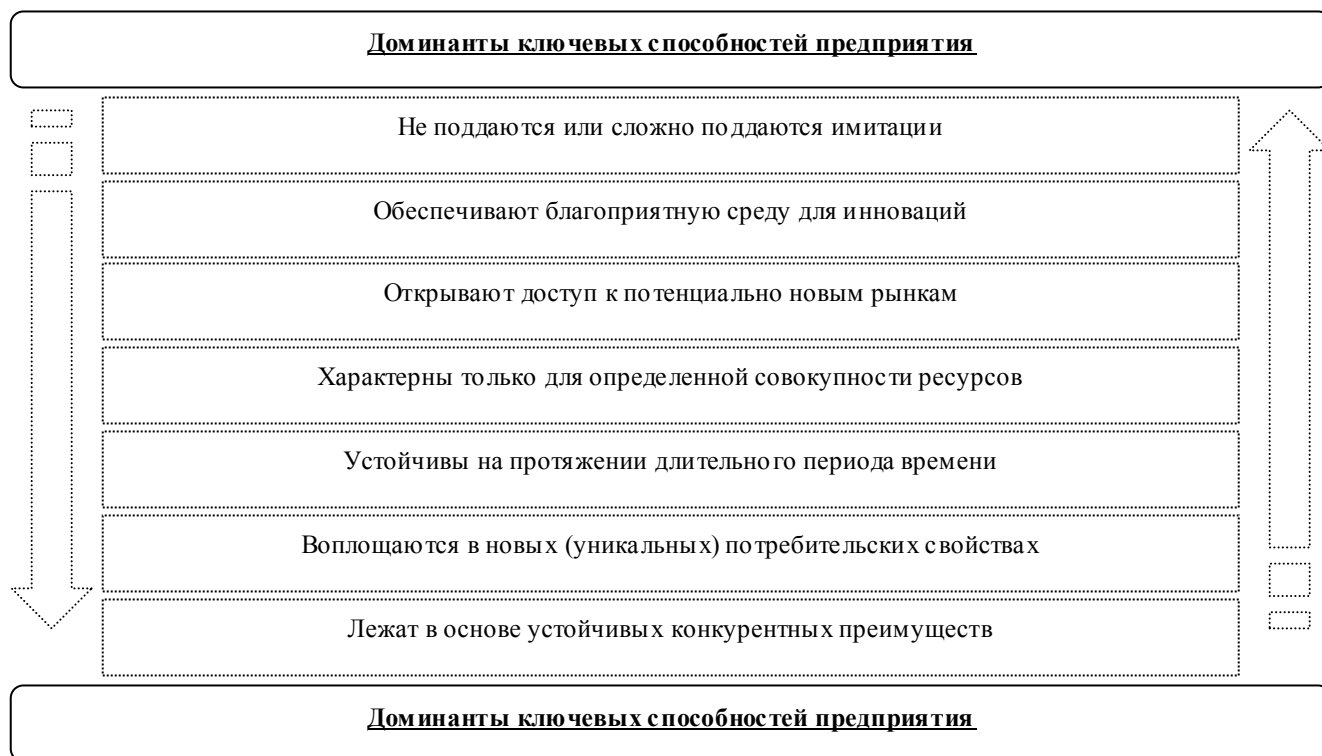

Рисунок 1.
Доминанты ключевых способностей предприятия (авторская разработка)

В современных условиях хозяйствования любому предприятию необходимо развивать собственные ключевые способности, которые в сочетании с ресурсами становятся основой формирования стратегии предприятия и обеспечивают ему конкурентные преимущества. Стратегия предприятия, которая формируется на основе уникальных ключевых способностей, позволяет более эффективно формировать и использовать их для того, чтобы своевременно реагировать на угрозы и возможности, возникающие во внешней среде.

Сегодня актуальной задачей стратегического менеджмента является формирование уникальных и устойчивых конкурентных преимуществ на основе ключевых способностей предприятия, обеспечивающих его успешное функционирование и конкурентоспособность на длительную перспективу. Особенно важна способность предприятия под-

держивать и обновлять конкурентные преимущества в условиях динамичных изменений внешней среды. В то же время именно ключевые способности предприятия обуславливают его возможность комбинировать ресурсы и компетенции в соответствии с изменениями внешней среды, а следовательно, является его специфическими конкурентными преимуществами.

С учетом вышеизложенного сформирована дефиниция ключевых способностей как уникальной совокупности бизнес-процессов и бизнес-атрибутов (знаний, опыта и организационных связей), которые в сочетании с ресурсами и технологиями позволяют предприятию сформировать конкурентные преимущества.

Предложенная дефиниция для более четкого понимания требует дополнительного изучения бизнес-атрибутов, которые лежат в основе ключевых способностей и обуславливают необходимость их типологизации. Это позволит раскрыть подходы к определению типов ключевых способностей предприятия по различным критериальным признакам, установить их взаимосвязь и взаимообусловленность, что послужит базой для дальнейшей диагностики.

Как показывает анализ специальной экономической литературы, основу классификации ключевых способностей предприятия составляют два подхода: функциональный и ценностный. Учитывая тот факт, что способности предприятия формируются через призму имеющихся ресурсов, они, так или иначе, подаются иерархическому структурированию, особенно в контексте формирования конкурентных преимуществ.

Слепокуров А.С.

с.н.с. НИИ сельского хозяйства Крыма, вице-президент МОО «Крымская академия наук»
nts-crimea@mail.ru

Демченко Н.П.

д.б.н., профессор, гл.н.с. НИИ сельского хозяйства Крыма

Полякова Н.Ю.

зав. информационно-аналитической лабораторией НИИ сельского хозяйства Крыма

Попова А.А.

н.с. НИИ сельского хозяйства Крыма

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОТРАСЛИ ПО ПРОИЗВОДСТВУ И ПРИМЕНЕНИЮ ЭФИРОМАСЛИЧНЫХ КУЛЬТУР КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА РЕГИОНА В РАМКАХ ЕАЭС

Ключевые слова: сельское хозяйство, регион, Крым, эфиромасличные растения.

Key words: agriculture, region, Crimea, essential oil plants.

Формирование стратегического партнерства науки, бизнеса и власти, деловой общественности и экспертного сообщества для решения приоритетных задач модернизации и научно-технологического развития является одной из ключевых задач современной России. Известно много форм такого партнерства – от небольших кластеров, научно-технологических и индустриальных парков до крупных территориальных образований, однако ключевую роль в модернизации России и других постсоветских стран может сыграть только межгосударственная интеграция. Сегодня таким реальным и активно формирующимся объединением является Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Как отмечает С.Ю. Глазьев, важность и реальная эффективность этого союза заключается в том, что в течение многих десятилетий существования Советского Союза государства, сформировавшие ЕАЭС, «развивались как единая страна с общим народнохозяйственным комплексом. Экономике бывших союзных республик дополняли друг друга, а тысячи кооперационных связей образовывали целостные воспроизводственные контуры с полным производственным циклом – от сырья до готовой продукции и от фундаментальной науки до технологий массового производства» [1]. Однако реально интеграция сегодня происходит в гораздо больших масштабах, в ней участвуют Китай, Индия, Вьетнам и многие другие страны. В качестве примеров можно назвать Шанхайскую организацию сотрудничества, Финансово-банковскую ассоциацию ЕАС и др. Так, ФБА ЕАС создала свои представительства в более чем 25 странах мира, а ее члены являются знаковыми представителями банковского сообщества, финансово-промышленных альянсов, научно-промышленных объединений и других центров из более 50 стран мира.

Естественно, возникает вопрос: как смогут эффективно встроиться в эту интеграцию регионы России и как эффективно организовать их сотрудничество с регионами других стран-членов ЕАЭС? На наш взгляд, это можно сделать на основе приоритетных для региона и перспективных для стран содружества направлений инновационного развития. Для Крыма таким направлением является развитие производства и переработки эфиромасличных растений как ценного натурального растительного сырья для фармацевтической, парфюмерно-косметической, пищевой и других отраслей промышленности и медицины.

Выбор этого направления не случаен. Объем производства эфирных масел в СССР в конце 80-х годов прошлого столетия достигал 1500 т в год, а потребность в них была еще выше (на уровне 3500 т). Основными регионами выращивания эфиромасличных культур в тот период были южные регионы: Украина (преимущественно Крым), Молдавия, Грузия, Таджикистан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения [2], а также Армения и др. Для выращивания эфиромасличных растений использовалось более 250 тыс. га пахотных земель.

Сегодня, по ориентировочным данным, Россия ежегодно закупает до 470 тонн эфирных масел и порядка 30 тысяч тонн их производных, что может свидетельствовать о широком применении синтетических компонентов, вредных для здоровья людей. В Крыму, по разным данным, используется для этого от 44 до 70 тыс. га (точных статистических данных в стране нет) и у региона есть большие перспективы для расширения производства. Однако сдерживающим фактором является отсутствие сформированного рынка для сбыта этой продукции, отсутствие системы взаимодействия между потенциальными участниками этого перспективного рынка.

Из сказанного может сложиться представление о том, что только Крым заинтересован в развитии производства эфиромасличной и лекарственной продукции. Но это не так – по данным Департамента растениеводства, механизации и защиты растений МСХ РФ, озвученном на специальном совещании в 2017 г., эфиромасличные растения в 2016 году выращивались в шести федеральных округах и 17 субъектах Федерации РФ (табл. 1).

Субъекты РФ, выращивающие эфиромасличные культуры (2016 г.)

Субъект Российской Федерации	Площадь, тыс. га
Южный Федеральный округ	94,4
Республика Крым	69,2
Ростовская область	12,4
Краснодарский край	7,6
Волгоградская область	4,6
Республика Адыгея	0,6
Северо-Кавказский Федеральный округ	17,6
Ставропольский край	17,6
Чеченская республика	0,01
Приволжский Федеральный округ	6,1
Саратовская область	3,6
Самарская область	2,0
Оренбургская область	0,5
Центральный Федеральный округ	2,3
Белгородская область	1,1
Орловская область	0,7
Костромская область	0,2
Курская область	0,2
Смоленская область	0,1
Северо-Западный Федеральный округ	0,2
Калининская область	0,2
Сибирский Федеральный округ	0,1
Алтайский край	0,1
Всего по Российской Федерации	120,7

По данным анализа, проведенного авторами, сегодня около 100 научных организаций и высших учебных заведений стран ЕАЭС активно занимаются исследованиями в сферах производства и применения эфиромасличных и лекарственных растений. Причем активная научно-исследовательская работа ведется в ряде университетов медицинского и фармацевтического направлений, например, в Первом Московском государственном медицинском университете им. И.М. Сеченова, Башкирском государственном медицинском университете, г. Уфа. Пермской государственной фармацевтической академии, Кыргызской государственной медицинской академии им. И.К. Ахунбаева, г. Бишкек, Центре инновационной биологии и медицины Академии наук Республики Таджикистан, г. Душанбе и др., что свидетельствует о возрастающем внимании сферы здравоохранения к натуральному растительному сырью. Поэтому отрасль по производству, переработке и применению эфиромасличных и лекарственных растений в реальных условиях нынешнего времени нам представляется как международное объединение научных, образовательных и экспериментальных инновационных структур и производственных предприятий, занятых исследованиями, разработками и производством новой конкурентоспособной продукции, где выращивание и первичная переработка сырья будут лишь малой частью всего цикла. Это должна быть высокотехнологичная сфера для получения наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью.

Исходя из этой логики, отрасль может представлять из себя ряд территориальных и отраслевых структур с четко обозначенными функциями:

1. Территориальные кластеры.
2. Национальные и межгосударственные кластеры.
3. Евразийская технологическая платформа.
4. Научно-производственные ассоциации.

Кластерные инициативы как один из механизмов формирования и развития кооперационных связей получают активное распространение в субъектах Российской Федерации. Вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации открыло для региона ряд новых возможностей для ускоренного развития, в том числе в рамках имеющихся федеральных инструментов кластерной политики. Активно эту работу ведет Минэкономразвития России, которое с 2012 г. реализует программу поддержки пилотных инновационных территориальных кластеров.

В 2017 г. в Крыму создан территориальный Агропромышленный биотехнологический кластер. Стратегия его развития утверждена Советом министров Республики Крым в конце 2017 года, и она провозглашает стратегической целью развития кластера создание точки ускоренного роста региональной экономики и повышение конкурентоспособности агропромышленных биотехнологических предприятий региона за счет роста их технологического уровня, привлечения инвестиций в модернизацию и создание новых высокотехнологичных производств.

Для достижения поставленной цели Стратегией предлагается решить следующие задачи:

1. Сформировать условия для эффективного организационного развития кластера.
2. Создать на базе имеющихся в регионе научных и образовательных учреждений поддерживающую инфраструктуру кластера (центры коллективного пользования, центры сертификации, центры инжиниринга и трансфера технологий).

3. Обеспечить поддержку проектов участников кластера, направленную на повышение их конкурентоспособности, за счет использования возможностей федеральных инструментов кластерной политики, а также обеспечения эффективной координации муниципальных и региональных мер поддержки кластерных проектов.

4. Повысить качество управления на предприятиях кластера, стимулировать развитие механизмов субконтракции.

5. Повысить эффективность системы профессионального образования и содействовать развитию сотрудничества между предприятиями и образовательными организациями в части повышения качества подготовки кадров и их востребованности со стороны профильной индустрии.

Одним из направлений деятельности кластера является разработка технологий производства и переработки эфиромасличного сырья с целью создания продукции с высокой добавленной стоимостью, а также производство косметики и фармакологических препаратов с помощью новых методов биотехнологий наравне с новыми технологиями получения нутрицевтиков или производством ценных химических соединений (например, ароматизаторов) путем биосинтеза. Пока же предприятия в Крыму производят в основном компоненты для косметической продукции (гидролаты, эфирные масла и др.).

Разработка высокоэффективных технологий глубокой переработки эфиромасличных культур будет способствовать интенсивному развитию отрасли за счет увеличения наукоемкости и добавленной стоимости производимых продуктов, а научно-техническую поддержку инновационного развития отрасли готовы оказать Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крыма и Никитский ботанический сад – Национальный научный центр, обладающие соответствующим опытом и компетенциями.

Однако отдельно взятый регион не может обеспечить развитие фактически новой отрасли, поскольку не может обеспечить полноценный рынок конечной продукции. Естественно, встает вопрос о развитии межрегиональной и международной кооперации.

По мнению О. Бакуменко и др. [3], отличие региональных кластеров от межрегиональных заключается практически только в территории функционирования, однако межрегиональные кластеры в большей мере способствуют инновационному развитию регионов.

В своей диссертации Ю. Михайлова [4] также отмечает исключительную важность формирования межрегиональных кластеров на примере ядерной медицинской техники. Она отмечает, что объявленный в РФ курс на модернизацию экономики на инновационных принципах определяет необходимость применения в хозяйственных отношениях наиболее эффективных форм сотрудничества национальных организаций, одной из которых является кластеризация. Такое сотрудничество позволяет обеспечить взаимное инновационное обновление производственных мощностей и высокий уровень конкурентоспособности отечественной техники.

На примере такой специфической сферы, как ядерная медицинская техника, автор обосновала понятие межрегионального кластера «как регионального и межрегионального экономического ассоциативного объединения различных взаимодействующих и дополняющих друг друга промышленных предприятий..., поставщиков материалов и комплектующих, а также научных организаций, объединенных в производственную цепочку, в рамках которой создается конечный продукт... и наукоемкие медицинские услуги, предоставляемые населению регионов».

По сути такие же принципы заложены в понятие «международные кластеры». Международные кластеры создаются для развития сотрудничества стран в отдельных секторах экономики при непосредственном участии науки [5]. В качестве примера можно назвать Европейский Союз (ЕС), Северо-Американскую зону свободной торговли (НАФТА), транс- и многонациональные корпорации и др. В современном мире происходит формирование кластеров, которые обеспечивают рост конкурентоспособности секторов экономики стран.

Однако объединяющей средой для региональных, межрегиональных и международных кластеров, по нашему мнению, должна стать такая коммуникационная площадка, как технологическая платформа. Евразийский экономический союз изначально задумывался как инструмент по модернизации промышленности государств-участников и вполне естественно, что одним из его инструментов стали евразийские технологические платформы, одной из целей которых является создание перспективных коммерческих технологий, высокотехнологичной, инновационной продукции [6]. Как отмечает министр Евразийской комиссии С. Сидорский, технологическая платформа – локальный инструмент, являющийся объектом инновационной инфраструктуры, который позволяет «обеспечить интеграцию науки и бизнеса, сконцентрировать интеллектуальные и материальные ресурсы на приоритетных направлениях научно-технологического развития конкретной отрасли. Техплатформа создается, в первую очередь, для вовлечения ученых, конструкторов, исследователей в процесс решения конкретных инновационных задач для отраслей, секторов промышленности и внедрения результатов их научной деятельности в реальное производство». То есть благодаря деятельности техплатформы, как и технопарка, или иной инновационной структуры, научно-техническое достижение становится инновацией.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что возродить отрасль по производству, переработке и применению эфиромасличных и лекарственных растений в современных условиях можно путем создания многоуровневой сетевой структуры в рамках ЕАЭС и с участием других стран, где первичным звеном станут региональные кластеры, промежуточным – национальные межрегиональные, а высшим – международные кластеры. Объединяющей средой для науки, бизнеса и власти должна стать Евразийская технологическая платформа.

Список литературы

1. Глазьев С.. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.
2. Ткаченко К.Г. Эфирномасличные растения и эфирные масла: достижения и перспективы, современные тенденции изучения и применения // Вестник Удмуртского университета. 2011. – Вып. 1.
3. Бакуменко О.А., Григорьева О.В., Спиридонова Н.С. Межрегиональные инновационные кластеры: теоретические и методологические аспекты функционирования. – <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnye-innovatsionnye-klastery-teoreticheskie-i-metodologicheskie-aspekty-funktsionirovaniya>
4. Михайлова Ю.В. Формирование межрегионального кластера ядерной медицинской техники : диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – Иркутск, 2013. – 177 с.
5. Цзян Суй. Международные отраслевые кластеры как инновационная форма интеграции предприятий. – <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-otraslevye-klastery-kak-innovatsionnaya-forma-integratsii-predpriyatij/viewer>
6. Сидорский С. Евразийские технологические платформы могут разрабатывать продукцию будущего. – <https://eurasia.expert/sergey-sidorskiy-evraziyskie-tehnologicheskie-platformy/>

Смирнова Н.А.

д.э.н., профессор Московского гуманитарного университета
ninei@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Ключевые слова: *человеческий капитал; трудовой потенциал; цифровая экономика; инновационные программы; стратегия устойчивого развития; производительные силы общества, синергетический эффект.*

Цифровая экономика как приоритет устойчивого инновационного развития российской экономики предполагает постановку проблемы дальнейшего совершенствования подходов и механизмов формирования человеческого капитала. Актуальность этого направления значительно усиливается в связи с тем, что одним из факторов развития цифровой экономики в России призван стать искусственный интеллект, опирающийся на использование накопленного обществом человеческого капитала.

В большинстве исследований трудовой потенциал до сих пор рассматривается преимущественно с количественной стороны или в структуре других ресурсов производства. Качественные его характеристики, стержнем которых и является человеческий интеллектуальный капитал, остаются мало изученными и, следовательно, недостаточно задействованными в экономическом росте. Такое положение способно затормозить своевременный переход к устойчивому инновационному развитию в эпоху становления цифровой экономики в России.

Необходимо учитывать, что именно трудовой потенциал в современной российской экономике является наиболее значимым с точки зрения стратегического развития, важнейшим звеном наращивания производительных сил страны. Если человеческий капитал объединяет комплекс врождённых способностей, природной одарённости человека, которому придаётся своеобразная «огранка» в процессе всех ступеней образования и подготовки молодых специалистов, то трудовой потенциал – это та субстанция человеческого капитала, которая находит свое воплощение в трудовом процессе, в виде профессиональных компетенций, умений, навыков и всего накапливаемого практического опыта. В его содержании редко отражается всё богатство состава человеческого капитала, т.к. «в дело» идет лишь тот его фрагмент, который, по понятным причинам, может быть успешно сопряжён с имеющимися средствами производства и орудиями труда, а также с наличной технологией данного производства.

Трудовой потенциал регионов и территорий, отраслей и всей экономики, а также управление им в настоящее время содержат сложности в его идентификации и измерении, от качества которых зависит результативность управления. Исходя из сказанного, можно выделить основные проблемы, снижающие качество человеческого капитала и трудового потенциала в российской экономике:

Во-первых, недостаточно изучены вопросы влияния социально-экономического развития территорий и регионов на процессы формирования и развития трудового потенциала организаций и регионов, что сопровождается неэффективным использованием трудового потенциала отдельного работника, региона, предприятия, отрасли и общества в целом.

Во-вторых, отсутствие или нехватка специалистов, обладающих высоким уровнем квалификации, научным и творческим мышлением, нацеленных на постоянное совершенствование и развитие, через профессиональное обучение и эффективное использование своих умений, знаний в практической деятельности.

В-третьих, отсутствие эффективного механизма формирования трудового потенциала, через развитие принципиально новых профессиональных компетенций, таких, как инновационное мышление, умение генерировать идеи, эффективно использовать и воспринимать инновации, способность нестандартно и оперативно подходить к решению стратегических задач и др.

В-четвертых, недостаточная экономическая и организационная поддержка государством формирования трудового потенциала общества, начиная с его первичного звена – организации (в том числе малого и среднего бизнеса) и заканчивая трудовым потенциалом больших территорий и ведущих научных центров и отраслей экономики.

В итоге, темпы наращивания трудового потенциала в России как на уровне микро- и мезоэкономики, а значит, и макроэкономики всё ещё отстают от запросов времени. В то же время очевидно, что успешное экономическое развитие страны, её отраслей, регионов, организаций зависят от уровня обеспеченности их качественным и адаптированным к современным условиям трудовым потенциалом, ориентированным на активную трудовую деятельность.

При этом следует отметить, что качество трудового потенциала зависит не только от определенных интеллектуальных, творческих и других психофизиологических способностей, знаний и навыков человека, но и в значительной мере от системы управления трудовым потенциалом первичного звена – организации, которая охватывает процессы

¹ Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

его формирования, развития и использования. И в настройке системы управления всеми звеньями этого процесса роль цифровизации экономики как инструмента опережающего развития трудно переоценить.

Будучи одновременно наиболее подвижным и восприимчивым к инновациям звеном производительных сил, трудовой потенциал способен создавать и воспроизводить синергетический эффект, умножающий совокупность и результативность производительных сил посредством освоения новых знаний, техники, технологий и совершенствования системы управления ими. Чтобы стать основой устойчивого развития экономики, человеческий капитал и его трудовой потенциал должны стать единым целым с научно-техническим и технологическим потенциалами экономики. Только адекватный симбиоз факторов развития, включая искусственный интеллект, одновременно обеспечат результативность текущей трудовой деятельности и в то же время способен воспроизводить и формировать будущий совокупный потенциал производительных сил экономики, как базис её конкурентоспособности и инновационного стратегического и устойчивого развития.

В настоящий период цифровизации российской экономики значительный акцент должен приходиться на её трудовой потенциал как самое подвижное, продвинутое и значимое звено системы основных факторов производства. Человеческий капитал и его производная трудовой потенциал – это важные индикаторы социально-экономического развития страны и больших хозяйственных систем, к которым относится экономика субъектов федерации и ли их конгломератов, сочетающиеся по административному и территориальному признакам. Искусственный интеллект, развитию которого цифровая экономика придаст новый импульс, должен стать не заменой человеческому интеллекту и его трудовому потенциалу и уж, тем более, не угрожать его развитию. Ему предстоит стать инновационным инструментом, средством наиболее полной и эффективной реализации заложенных в человеческом капитале возможностей.

Основная нагрузка в этом процессе, по сути, должна приходиться на государство, которое не только призвано определять ключевые и перспективные направления в области экономического развития, но и стимулировать активность причастных к этой проблеме научных учреждений и всех хозяйствующих уровней экономики, а именно через: государственно-частное партнёрство в области стратегически приоритетных направлений и производств, субсидирование предприятий, задействованных в программах по технологиям цифровизации экономики, содействию в обеспечении их ресурсной базой, помощь в продвижении новейших технологий и продуктов, в долевым софинансировании соответствующих поставленной задаче НИОКР, в реализации прорывных приоритетных идей и т.п.

Значимость для хозяйственного комплекса страны человеческого капитала и его трудового потенциала определяется через выполняемые им основные функции, такие как: воспроизводственная, стимулирующая, демографическая, социальная, информационная. Реализуются указанные функции как в процессе становления состава, так и специфических направлений формирования трудового потенциала регионов, территорий, отраслей и экономики в целом.

Все эти функции объединяет их содержание, а именно: элементы, объекты, субъекты, факторы и механизмы формирования и функционирования. Факторы, влияющие на формирование, наращивание и развитие человеческого капитала и трудового потенциала в условиях региона, и на уровне его отдельных элементов, поддаются классификации. В частности, по степени актуальности на первый план попадает решение проблем качества занятости, уровня и качества жизни работающих, как важнейший источник средств для воспроизводства и развития трудового потенциала, а также социальных – в качестве сферы самореализации индивида как социальной личности.

Осознанное формирование и развитие трудового потенциала хозяйственного комплекса имеет существенное практическое значение также и для развития системы управления различными экономическими системами, выработки концепций, подходов и методов повышения производительности труда и эффективности производства. Решение данных проблем позволит повысить управляемость и эффективность цифровой экономики регионов, территорий и отраслей, прогнозировать риски и проблемы в инновационном стратегическом развитии страны, а также выявлять скрытые резервы и возможности её человеческого капитала.

Список литературы и источников

1. Зайцева И.В. Управление трудовыми ресурсами как динамическая подсистема инновационной модели развития экономики / И.В. Зайцева, М.В. Попова. // Инновационная экономика и промышленная политика региона (ЭКОПРОМ-2012) / труды Международной научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2012. – С. 43–49.
2. Салова Л.В. Особо охраняемые природные территории: управление устойчивым экономическим развитием. – М., 2012. – 231 с.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). – <http://www.gks.ru/>
4. Фёдорова Н.В., Минченкова О.Ю. Управление персоналом: учебник. – М.: КНОРУС, 2017. – 432 с.

Соболев Э.Н.

д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *регулирование социально-трудовых отношений, эффективность трудовой политики, занятость, оплата труда, социальное партнерство, профсоюзы, социально-трудовые гарантии.*

Keywords: *regulation of social and labor relations, effectiveness of labour policy, employment, wages, social partnership, trade unions, social and labour guaranties.*

Социально-трудовые отношения составляют наиболее глубокий и много определяющий слой производственных отношений. Сложившийся в обществе «менталитет труда» оказывает самое решительное воздействие на модель социально-экономического устройства общества и, следовательно, определяет тот магистральный путь, по которому пойдет наша экономика. Общественный строй не задается сверху указами, распоряжениями и законодательными актами, а формируется всей системой отношений. Поэтому «выбор» новой парадигмы трудовых отношений и определяет во многом характер формирующегося способа производства [2, с. 32–36].

Выбранный в России курс радикальных рыночных преобразований достаточно жестко определял направления эволюции системы институционального регулирования социально-трудовых отношений. Его основными чертами являются *концептуальная ориентация на либеральную модель*, которая предполагает минимизацию социальных обязательств государства перед гражданами и работодателя перед наемными работниками; слабая ресурсная обеспеченность и хроническое недофинансирование социально-трудовой сферы; отсутствие гибкости и унификация социальной организации трудовых процессов; слабый учет национальных традиций и сложившихся трудовых ценностей при реформировании социально-трудовой сферы; отсутствие эффективных механизмов принуждения к исполнению действующих трудовых норм.

В бюджетном секторе, где государство выступает в качестве непосредственного субъекта социально-трудовых отношений – работодателя, осуществлялось прямое сдерживание роста оплаты труда как часть общей политики сокращения государственных расходов. Формами, в которых проявлялась такая экономия, являются отказ от предусмотренной законом индексации заработной платы в связи с ростом потребительских цен; задержки с выплатой заработной платы; свертывание различного рода льгот, в той или иной мере распространенных в бюджетном секторе.

В новом частном секторе предприниматели получили «полную свободу рук» в отношениях с работниками. Сознательный отказ государства от защиты трудовых доходов населения в условиях обвальной либерализации цен и жесткого курса на финансовую стабилизацию привел к тому, что в 1990-х годах доля затрат на рабочую силу в издержках производства даже по сравнению с невысоким их уровнем в советский период уменьшилась. Апофеозом политики сознательного дерегулирования стало наличие большого сегмента неформальных трудовых отношений, которые не регулируются законодательством, составляют существенную особенность российской модели и в значительной мере определяют особенности политики российского бизнеса в трудовой сфере [3].

Сложившиеся деформации в социально-трудовых отношениях носят системный характер и требуют адекватного системного ответа, в частности создания комплексной системы экономико-правовых механизмов, способствующих эффективной занятости населения, гарантирующих защиту социально-трудовых прав работников, поддерживающих баланс интересов субъектов трудовых отношений.

Первым шагом в этом направлении должна стать разработка *системы индикаторов состояния социально-трудовых отношений* на основе метода оптимальных интервалов [9]. Система индикаторов включает в ряде случаев пороговые (максимальные или минимальные) значения, но в большинстве случаев – оптимальные интервалы характеристик, описывающих наиболее существенные аспекты развития социально-трудовых отношений: занятости, оплаты труда, согласования интересов.

Оптимальные интервалы устанавливаются, исходя из практики развитых стран в период их благополучного бескризисного развития. Применение этого метода позволяет учитывать как особенности каждого их аспектов социально-трудовых отношений, так и специфику проблем, которые стоят перед той или иной национальной экономикой, в том числе и перед Россией. Регулирование может считаться эффективным, если значение индикатора попадает в пределы заданного интервала. В идеале индикаторы – по крайней мере, некоторые из них – должны приобрести статус государственно устанавливаемых императивных показателей, достижение которых должно стать обязательным элементом правительственных программ (типа минимальной оплаты труда). В настоящее время в России фактические показатели по многим индикаторам не вписываются в оптимальные интервалы.

Отличительной чертой российских социально-трудовых отношений периода реформ является перманентный *кризис занятости*. Свидетельством этого стали значительные масштабы частичной и подавленной безработицы, ус и

ление профессионально-квалификационного дисбаланса, связанного с оттоком рабочей силы из отраслей реального сектора экономики, обеспечивающих инновации и насыщение потребительского рынка, рост занятости в неформальном секторе и примитивных подсобных производствах в рамках домашних хозяйств. Главными факторами, обусловившими эти негативные изменения стали снижение социальной защищенности населения, рост дифференциации уровня и качества жизни, минимизационная стратегия оплаты труда, деиндустриализация экономики и сопутствующая ей деградация структуры и содержания занятости, ослабление присутствия государства в ключевых сферах нематериального производства [1].

Развернувшийся в постсоветской период кризис трудовой мотивации является следствием глубоких и опасных *деформаций в практике оплаты труда*. Во-первых, утратилась связь с результатами производства; во-вторых, не учитывались объективные различия в затратах на воспроизводство рабочей силы различной квалификации; в-третьих, фактически произошел отказ от государственного регулирования минимального размера оплаты труда. Только в последние годы происходит восстановление его экономического значения.

В стране сложился особый тип дифференциации оплаты труда. В конфигурации факторов, воздействующих на зарплату, доминирующее значение принадлежит таким факторам как сектор экономики (экспортно-ориентированный или обрабатывающий); регион (нефтегазовый или из нечерноземной зоны); размер и местоположение населенного пункта, финансовое состояние предприятия. В то же время факторы дифференциации, играющие ведущую роль в любой западной модели (образование, квалификация, опыт работы), в России отходят на второй план. Факторами, обуславливающими возникновение российской модели дифференциации, являются распад единого социального и экономического пространства на отдельные регионы и особенности российского рынка труда: неразвитость институциональной инфраструктуры, прежде всего отсутствие доступного жилья, и низкая территориальная мобильность населения [8, с. 33–50].

Основными особенностями политики бизнеса в сфере социально-трудовых отношений являются тенденция к минимизации затрат на рабочую силу; предпочтение неформальных связей с работниками формальным; рассмотрение профсоюзов только в контексте реализации собственных экономических интересов.

Главный концептуальный недостаток *стратегии минимизации* заключается в неразрешимом противоречии между долговременными задачами предприятия и системой стимулирования работников, направленной на решение преимущественно текущих задач. Это противоречие проявляется в резком возрастании неопределенности размеров заработной платы и негарантированности ее получения, что подрывает условия нормального воспроизводства работников; в ослаблении роли зарплатных факторов в поддержании экономической деятельности предприятия в долговременной перспективе; в блокировании стимулов к технологической реструктуризации производства. Дешевая рабочая сила служит препятствием для технологической реструктуризации предприятий. Низкая цена труда способствует консервации неэффективных, плохо технически оснащенных рабочих мест, сохранению в рамках предприятия значительной доли избыточных работников. Кроме того предпринимателю становится выгоднее выплачивать мизерные компенсации за нанесение вреда здоровью работников, чем заботиться о внедрении безопасных технологий.

Современная ситуация в социально-трудовой сфере характеризуется *кризисом социальной стабильности*. Это проявляется, во-первых, в резком обострении социальной напряженности на российских предприятиях; во-вторых, неготовностью к проявлениям открытой конфронтации самих субъектов противостояния; в-третьих, отсутствием целенаправленной и долговременной политики государства по отношению к конфликтам в социально-трудовой сфере [6, с. 19–25].

Важнейшим источником социальной напряженности на макроэкономическом уровне является несовершенство институциональной базы, проявляющееся в слабости основных институтов регулирования трудовых конфликтов (профсоюзов, объединений предпринимателей, социального партнерства). На уровне предприятия основной причиной возникновения трудовых конфликтов является стратегия менеджмента, направленная на минимизацию затрат на рабочую силу. Другой негативной тенденцией является смещение поля конфликтности в область так называемых нецивилизованных конфликтов, связанных с нарушением трудового законодательства. В настоящее время такого рода конфликты составляют подавляющее большинство (около 80% от общей массы трудовых коллективных конфликтов). В то же время положительные или цивилизованные трудовые конфликты, представляющие собой определенный этап договорного процесса – как индивидуального, так и коллективного, – играют второстепенную роль.

Слабым звеном остается процесс регулирования трудовых конфликтов: механизмы регулирования либо функционируют крайне неэффективно, либо еще не созданы. Это в равной мере относится как к механизму восстановления нарушенного права (для первого типа конфликтов), так и к механизму социального диалога (для второго типа конфликтов). Происходит *возрастание* так называемого *порога терпимости* работников, превышение которого необходимо для возникновения реальных конфликтов. Следствием этого является *рост числа «подавленных» конфликтов*: работники, чувствуя нестабильность своего положения как на данном предприятии, так и на рынке труда вообще, не решаются вступать в открытый конфликт с администрацией, так как не верят в то, что им удастся отстаивать свои права. Одновременно наблюдается увеличение доли конфликтов, которые либо остаются неразрешенными, либо *разрешаются не в пользу работников* (почти пятая часть открытых конфликтов имела результатом увольнение работников).

Видимость «социального мира», за фасадом которого по существу скрываются потенциальные конфликты, преимущественно достигается за счет подавления требований работников в условиях отсутствия полноценного механизма выявления и согласования интересов внутри предприятия, без которого невозможен равноправный конструктивный диалог между социальными партнерами. В этом состоит коренное отличие российской действительности от западных стран, где отрицательная динамика трудовых конфликтов, в том числе забастовок, есть результат не подав-

ления или игнорирования требований работников, а все более широкого развития компромиссных форм согласования интересов в сфере трудовых отношений.

Ведущая роль в преодолении кризисных явлений в трудовой сфере и налаживании цивилизованных социально-трудовых отношений в современной России должна принадлежать государству. Усиление *социальной направленности* государственного регулирования соответствует, с одной стороны, российским традициям сильного государства патерналистского типа, а с другой, общемировым трендам регулирования современной экономики [4].

Государство должно выполнять три главных функции. Во-первых, призвано гарантировать для каждого работника определенную совокупность социально-трудовых прав, независимо от возраста, пола, социального статуса и занятий. Во-вторых, должно способствовать поиску согласия между работниками и работодателями в конкретных ситуациях и конкретных сферах хозяйства. В-третьих, должно законодательно закрепить участие наемного персонала в выработке и реализации социальной политики на крупных предприятиях и акционерных обществах.

Фундаментом идеологии и практики социально-ориентированного регулирования социально-трудовых отношений является развитие общенациональной системы социально-экономических гарантий в сфере труда (минимум оплаты труда, продолжительность рабочего дня, продолжительность оплачиваемого отпуска, оплата сверхурочных, определенные гарантии занятости и т.д.). Эти права должны быть распространены на всей территории Российской Федерации, чем обеспечивается социальное единство всех регионов и территорий страны. Прежде всего это касается минимального размера оплаты труда (МРОТ). В перспективе необходимо переходить к определению величины МРОТ, ориентируясь не на прожиточный минимум, а на уровень средней заработной платы по стране (в размере не менее 40%).

Для выполнения второй функции государство создает разветвленную (включая предприятия, фирмы, отрасли, регионы и страну в целом) систему текущего двух- и многостороннего регулирования социально-трудовых отношений. При этом задачи государства по институциональному обеспечению поиска согласия не заканчиваются с формальным созданием многоуровневой системы социального партнерства. Оно должно принять дополнительные экономические и организационные меры для принуждения субъектов социально-трудовых отношений к партнерству. В практическом плане важно создание эффективной и, главное, независимой от обеих сторон системы третейского суда (принудительного арбитража) для разрешения трудовых конфликтов [5, с. 519].

Нужно подчеркнуть, что в данном случае опыт западных стран, где государство мало вмешивается в отношения труда и капитала, в основном наблюдая за диалогом развитых организаций и традиционно не менее сильных профсоюзов, для России не актуален. В нашей стране государство должно быть не просто скромным модератором при диалоге, а организатором и активным полноправным участником процесса. В этом смысле трипартизм – взаимодействие государства, бизнеса и работников – наиболее адекватно отражает как раз российскую по требности.

Третья функция государственного регулирования связана с законодательным закреплением участия наемных рабочих в управлении предприятием (членство в наблюдательных советах, в разного рода комиссиях). Такое подключение персонала к управлению также будет способствовать, по крайней мере, учету мнения наемного персонала при выработке и реализации социальной политики на предприятии.

Ведущим направлением социально-ответственного поведения бизнеса в сфере труда является переход к инвестиционной стратегии развития рабочей силы.

Инвестиционная стратегия характеризуется следующими основными чертами: гарантированность основной части зарплаты; выбор устойчивых систем оплаты труда, в которых величина заработков зависит как от важнейших характеристик работников (образование, квалификация, опыт работы), так и от результативности их работы на предприятии; установление более высоких заработков (так называемой «эффективной заработной платы») как способ привлечения и удержания работников, стимулирование повышения квалификационного уровня рабочей силы на предприятии; постоянный и устойчивый характер надтарифных стимулирующих выплат; предоставление социальных выплат и льгот, выходящих за сферу прямой оплаты труда.

Главными внутренними факторами, способствующими распространению этой стратегии, являются устойчивое финансово-экономическое положение предприятий и профессионализм менеджмента. При этом стагнационный вариант экономического поведения предприятия (ориентация на «выживание») в большей степени ориентирован на минимизационную стратегию. Развивающиеся же предприятия тяготеют к использованию инвестиционной стратегии.

Поскольку выплаты и льготы из корпоративных социальных фондов в большей мере достаются высшему управленческому персоналу и в меньшей мере простым работникам, возникает необходимость установления не только экономических, но и социальных ограничителей распределения таких фондов с целью недопущения сверхвысокой дифференциации. Многое будет зависеть от формирования «человекоориентированной» институциональной среды, которая должна или стимулировать, или принудительно «навязывать» менеджменту проведение политики инвестирования в развитие наемного персонала. С этой целью необходимо, во-первых, усиление социальной направленности политики государства, во-вторых, укрепление института индивидуальных трудовых контрактов, в-третьих, развитие многоуровневой системы социального партнерства.

В развитии социального партнерства необходимо, прежде всего, переходить от формально-показных к реальным формам. Это развитие должно происходить одновременно на всех уровнях (предприятие – отрасль – регион – народное хозяйство в целом) и базироваться на четком разграничении полномочий между верхними и нижними уровнями в системе коллективных соглашений [7].

Перспективы профсоюзов связаны с ответом на ключевой вопрос, должны ли профсоюзы становиться субъектами участия в управлении предприятиями, корпорациями. Российский и зарубежный опыт показал, что профсоюзы наиболее эффективно способны осуществлять защитные функции, используя для этих целей коллективные перегово-

ры, а также забастовки и другие методы давления на предпринимателей, а органы представительства коллективов предприятий являются по преимуществу инструментом соучастия работников в управлении, налаживания сотрудничества с администрацией. Поэтому профсоюзы должны сосредоточиться на социальной защите, связанной с контролем за соблюдением социально-трудовых прав в сфере занятости, оплаты труда и социального страхования.

Участие же профсоюзов в управленческом процессе не должно выходить за рамки, требуемые для решения данной задачи. Конкретные формы участия персонала в управлении следует заимствовать у Германии, где так называемая система участия на крупных и средних предприятиях получила широкое развитие. Дело только за институционализацией этого опыта, законодательного закрепления определенного минимума участия персонала в управлении (членство в наблюдательных советах и разного рода комиссиях, перечень обсуждаемых вопросов и т.п.).

Современный этап развития социально-трудовых отношений в развитых, прежде всего европейских странах характеризуется новыми тенденциями в развитии механизмов их регулирования. Во-первых, усиливается комплексный характер регулирования с акцентом на гуманитарную составляющую труда. Во-вторых, возрастает гибкость регулирования вслед за ростом динамизма рынка труда, изменением специфики труда различных категорий работников и особенностей различных видов деятельности. В-третьих, усиливается значение негосударственных форм и институтов регулирования. В-четвертых, повышается роль международных трудовых стандартов, закрепленных в актах ООН, МОТ, Совета Европы, Европейского Союза. Эти тенденции не являются случайными, и отражают фундаментальные сдвиги в экономике и обществе, переход на постиндустриальную стадию развития, что сопряжено с перестройкой структуры занятости, изменением системы мотивационных механизмов, углублением глобализационных процессов. Указанные тенденции задают общую направленность эволюции регулирования социально-трудовых отношений в мире и в них можно угадать основные черты системы регулирования социально-трудовых отношений будущего, в том числе и в России.

Список литературы

1. Белоусов А. Антикризисные программы – временная мера, нужны стратегические решения / ТАСС. 26 мая 2016 г. – <http://tass.ru/opinions/interviews/3314575>
2. Воейков М.И., Анисимова Г.В., Соболев Э.Н. Трудовые отношения капитализма и российские трудовые ценности. Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2009. – С. 32–36.
3. Капелюшников Р.И. Особенности российской модели рынка труда // Социальная политика в контексте «нормативной теории государства» / Под общ. ред. проф. А. Я. Рубинштейна. – М.: ИЭ РАН, 2009. – С. 53–88.
4. Карпучин Д.Н. Достижение достойного труда при создании и модернизации рабочих мест. – М.: ИЭ РАН, 2014.
5. Национальная экономика / Под ред. П.В. Савченко. – М.: Инфра-М, 2018. – С. 519.
6. Соболев Э.Н. Динамика трудовых доходов и проблема забастовочной активности работников: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – С. 19–25.
7. Соболев Э.Н. Социальная политика в сфере труда: критерии эффективности и направления модернизации // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2017. – № 2. – С. 32–46.
8. Соболев Э.Н., Соболева И.В. Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в российской экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – М., 2014. – № 5. – С. 33–50.
9. Экономическая безопасность России / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Дело, 2005.

**Тимофеев М.И.,
Санин Н.В.¹**

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ МОТИВАЦИИ Ф. ХЕРЦБЕРГА

Ключевые слова: мотивация, теория мотивации, гигиенические факторы, потребности, управление персоналом, психология менеджмента.

Keywords: motivation, theory of motivation, hygiene factors, needs, personnel management, management psychology.

В материалах, опубликованных Ф. Херцбергом, не соблюден, на наш взгляд, как «принцип непротиворечивости», так и законы элементарной логики.

Стимулирование персонала, по нашему мнению, следует начинать с тех потребностей, удовлетворение которых требует меньше ресурсов, независимо от того, касаются ли они санитарных норм, организации труда, или мер поощрения. Наш анализ показал, что из шести так называемых «гигиенических» факторов Ф. Херцберга к гигиене труда относятся только условия работы. Остальные пять относятся к блоку социальных и гедонистических потребностей.

В копилку человеческого опыта входят те теории, которые принесли пусть и незначительную, но пользу обществу, или хотя бы дали что-то новое для понимания окружающего мира. Всё остальное можно назвать не просто бесполезной, но и вредной псевдонаукой, отнимающей время учащихся и специалистов. К псевдонауке, по нашему мнению, относится и «двухфакторная теория мотивации» Херцберга².

Мы являемся не единственными критиками «теории» Херцберга³. Критические замечания ряда ученых сводятся к следующему.

1. «Не всегда можно установить четкую корреляцию между гигиеническими и мотивирующими факторами, с одной стороны, и состоянием удовлетворенности/неудовлетворенности – с другой».

2. «Высокую удовлетворенность от работы сотруднику будут обеспечивать иные факторы, например общение с сослуживцами или доступ к определенной информации».

3. «Далеко не все согласны с Херцбергом в том, что материальное вознаграждение за труд не входит в число мотивирующих факторов. Это справедливо в особенности для стран с отстающим экономическим развитием и низким уровнем жизни. Другие факторы, которых Херцберг лишает статуса мотивирующих, вполне таковыми могут являться – это определяется запросами и потребностями каждого конкретного сотрудника, а не общей закономерностью».

4. Исследование Брэйфилда и Крокетта, привело их к выводу о том, что взаимосвязь между отношением к работе и качеством выполнения работы отсутствует⁴.

Отметим, что в традиционные требования при забастовках в тех же США входят именно повышение оплаты труда, отмена штрафов и пр. То, что на многих предприятиях США якобы используются выводы Херцберга, говорит всего лишь о том, что предлагаемые им «мотиваторы» лежат на поверхности. Разве без его опросов были не понятны тысячелетние прописные истины – работника огорчают тяжелые условия работы, неудачи при выполнении рабочего задания (по его или не его вине), грубость или просто равнодушие начальника, либо коллег. И его радует хорошо и быстро выполненная работа, похвала и одобрение начальника и коллег, да еще возможность поболтать сегодня с коллегами за чашкой кофе в чистом и красивом офисе.

О том, что опросы методом «частично структурированного интервью» отличаются низкой достоверностью, мы писали ранее⁵. Но, пусть методика исследований выбрана неудачной. Однако нельзя же публиковать выводы, которые не соответствуют научному «принципу непротиворечивости» результатов.

Слов нет, с падением «железного занавеса» мы получили доступ ко многим сокровищам мировой человеческой мысли, запрещенным в виду крайней политизированности советской психологической и управленческой науки. Но коммерсанты-издатели ринулись переводить всё подряд, что только продавал нам Запад. Затем стали всё это включать в программы обучения без сколь-нибудь серьезной экспертизы: мол «пусть расцветает сто цветов». При этом вместо «цветов» получили процентов 90 «сорняков», которыми стали засеивать головы наших обучающихся. И этот включен-

¹ Тимофеев Михаил Иванович – к.т.н., доцент, доцент кафедры актуальных проблем экономики и предпринимательства Национального института бизнеса. E-mail: teemofeev@mail.ru,

Санин Николай Владимирович – к.э.н., доцент, доцент кафедры актуальных проблем экономики и предпринимательства Национального института бизнеса. E-mail: sanin-nv@yandex.ru

² Херцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Херцберг, Б. Моснер, Б. Снидерман; пер. с англ. – М.: Вершина, 2007. – 240 с.

³ Двухфакторная теория мотивации Херцберга. – <http://fb.ru/article/160025/dvuhfaktornaya-teoriya-motivatsii-gertsberga>

⁴ Brayfield A. H., Crockett W. H. Employee attitudes and employee performance // Psychol. Bull. 1955. N 5. – P. 396–424.

⁵ Тимофеев М.И. Психология менеджмента. – М.: РИОР, 2017. – С.35.; Тимофеев М.И., Жеребцов В.И. и др. Бессилие «Пяти сил М. Портера» // Ценности и интересы современного общества. Материалы IV Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. 2016. – Т. 1. – С. 173–180.

ный в образовательные программы околонаучный мусор заставляют изучать, что приводит к потере времени и потере веры молодежи в ценность научных знаний.

Вообще, можно предложить массу «оригинальных» теорий. Например, «Общую теорию страха как главного мотиватора». Разве нельзя подогнать логично выглядящую цепочку фактов, которые говорят о том, что двигатель человечества – это страх в разных его проявлениях (страх за свое здоровье, за детей, страх конкурентов, страх неудачи, позора, безответной любви, нищеты и т.д. и т.д.). Или «выдать на гора» теорию «Мотивирующий фактор мизантропии». Мол, люди стремятся к успеху и самореализации для того, чтобы отомстить, насолить своим обидчикам или врагам, либо тем, кто обогнал в карьере и пр.

Сам Ф. Герцберг признает, что его исследования показали «незначительную корреляцию» между отношением к работе и качеством выполнения работы¹.

Подчеркнем, что собственных гипотез в книге нет, кроме идеи о «гигиенических» факторах. В основном обсуждаются теории, уже опубликованные другими исследователями: «Мы создали классификацию проблемных областей в сфере отношения людей к работе, изучив почти две тысячи источников»².

Напомним, что к «гигиеническим факторам» (как бы вторичным, мало мотивирующим) Ф. Герцберг и К° относят: политику фирмы и администрации; нормальные условия работы; достойный заработок; статус; межличностные отношения с начальниками, коллегами и подчиненными; степень непосредственного контроля за работой. Это так называемые факторы здоровья, которые снимают неудовлетворенность работой. А «мотивирующими» факторами исследователи объявили: успех; продвижение по службе; признание и одобрение результатов работы; высокая степень ответственности за выполняемое дело; возможности творческого и делового роста.

Здесь давайте обратимся к понятию гигиены. «Гигиена» – от греческого слова *hygieinos*, что означает «целебный, приносящий здоровье» Мы разнесли «гигиенические» факторы по блокам фундаментальных человеческих потребностей, построив табл. 1.

Как видим из табл. 1, из всех так называемых «гигиенических» факторов к физиологическому блоку относятся только условия работы. Остальные 5 из 6 факторов, вне всякого сомнения, относятся к блоку социальных и гедонистических (источников удовольствий) потребностей.

Таблица 1

Оценка «гигиенических» факторов Ф. Херцберга

Фактор	Непосредственное отношение к здоровью работника	Принадлежность к блоку фундаментальных потребностей человека
Политика фирмы и администрации	Не относится	Социальный блок
Нормальные условия работы	Относятся	Физиологический и гедонистический блоки
Достойный заработок	Не относится	Социальный и гедонистический блоки
Статус	Не относится	Социальный блок
Межличностные отношения с начальниками, коллегами и подчиненными,	Не относится	Социальный блок
Степень непосредственного контроля за работой	Не относится	Социальный блок

В принципе, огорчать человека и наносить вред здоровью могут многие факторы его бытия. Но ведь и вся жизнедеятельность человека, его функционирование происходит через ощущения и эмоции. Поэтому в грубом приближении можно сказать, что всё в жизни человека может вызывать как радость, так и горе, улучшающие или ухудшающие его здоровье. И что все мотивы человека сводятся к сплошной физиологии, выживанию и к заботе о здоровье.

Само деление факторов на гигиенические и мотивирующие в корне неправильно методологически, поскольку и гигиенические мотивы играют важную, а не второстепенную роль в жизни человека. Соответственно, и возможность удовлетворения физиологических потребностей работника является существенным стимулом для повышения производительности и качества труда.

Следуя логике Ф. Херцберга, необходимо и «мотивирующие» факторы отнести к «гигиеническим». Так, «статус», отнесенный им к гигиеническим факторам, достигается с помощью всех «мотивирующих»: успеха, продвижения по службе, признания и одобрения результатов работы, высокой степени ответственности за выполняемое дело и возможности творческого и делового роста.

То есть, разделение факторов труда на «гигиенические» и «мотивирующие» не логично, противоречиво, а поэтому и антинаучно.

Ф. Герцберг и К° поставили целью найти четкий ответ на вопрос: «Чего работники хотят от своей работы?», изучив 155 исследований, изданных между 1920 и 1954 годами³. Но странно, что, Ф. Герцберг и К° сами и без исследований не пришли к простому выводу: люди хотят от работы, как и вообще от жизни, по возможности более полного удовлетворения своих фундаментальных потребностей⁴.

Теперь разберем сентенции Ф. Херцберга и К° более подробно.

¹ Герцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Сneiderman; пер. с англ. – М.: Вершина, 2007. – С. 34.

² Там же, с. 10.

³ Герцберг Ф. Указанное соч., с. 11.

⁴ Мысаченко В.И. К вопросу о социально-ориентируемой реструктуризации предприятий фармацевтической отрасли // Вестник академии. 2015. – № 4. – С. 80–84; Мысаченко В.И. Методы и инструменты государственного регулирования структурных преобразований промышленности // Вестник Томского государственного университета. 2009. – № 323. – С. 268–272.

1. «Неудовлетворение у людей вызывали неблагоприятные условия среды, то есть факторы, внешние по отношению к работе. Но в то же время они очень редко испытывали удовлетворенность в результате создания благоприятных условий среды, то есть от того, что я назвал факторами гигиены»¹.

Но всякое улучшение должно вызывать у людей хотя бы временное состояние удовлетворенности их физиологических потребностей (температура, шум, пыль, запахи, недостаток или избыток освещения, вибрация, степень физической нагрузки и пр.). Прибавим сюда и упорядочение на рабочем месте, его капиталоемкость, которым занимается «научная организация труда»². В противном случае вообще исчезает понятие «потребности», раз люди якобы не реагировали на улучшение условий труда. Так что такие ответы опрашиваемых в этом плане выглядят недостоверно.

2. «Удовлетворение у них <работников> вызывали факторы, внутренние по отношению к тому, чем они занимаются, которые были названы мною мотиваторами»³.

Однако даже самые творческие люди знают, что творческая работа приносит удовлетворение весьма кратковременное по сравнению с «муками творчества», что выразительно показал А. Тарковский в своем фильме «Андрей Рублев». Этот страх перед неудачей часто заставляет людей тянуть с началом даже самой интересной и любимой работы.

3. В разделе «Практическое применение мотиваторов» Ф. Херцберг пишет: «В общей сложности мне довелось консультировать или вести семинары в более чем тридцати странах мира, 275 различных промышленных, правительственных и общественных организациях, 175 профессиональных сообществах и доброй сотне университетов»⁴. Но согласимся, что количество выступлений никак не подтверждает истинность какой-либо теории. «Практическое применение» – это результаты экспериментов по внедрению теории, а не просто рассказ слушателям, которых заманили безудержной саморекламой. Например, семинары по НПП посетили, возможно, миллионы наивных людей, но нет никаких цифровых данных о социально-экономической эффективности этой «теории».

4. «Мы обнаружили, что поведение или качественная деятельность приводит человека к удовлетворенному состоянию и позитивному отношению к работе»⁵.

«Качественная деятельность» «приводит к удовлетворенному состоянию» не только человека, но и любое животное, которое достигло поставленной цели наиболее быстро, и с наименьшими затратами. И любая пара птиц, строящая гнездо, поправляет и переделывает его до тех пор, пока оно не покажется им достаточно прочным и удобным, т.е., *качественным*. Такое переделывание прекращается после того, как птицы почувствуют «внутреннее удовлетворение» своей потребности в продолжении рода. А что касается «позитивного отношения к работе», то и ребенок любит больше всего заниматься тем, что у него лучше получается. Это, кстати, является главным стимулом для общественного разделения труда. Впрочем, качество работы может отходить на второй план как стимул (а не мотиватор, все-таки!), если перед человеком стоит задача срочности или, например, дана установка на количество продукции, а не на качество. Например, для поддержания костра надо набрать любого сухого хвороста, а не только прямых красивых веток. То есть, человек, будучи еще в диком состоянии, получал удовольствие всегда, удовлетворив потребность в достижении поставленных целей. Здесь возникает вопрос об актуальности исследования, проведенного Герцбергом и Ко – зачем строить новые теории по поводу очевидных вещей?

5. «В том случае, если признание не содержит точного отклика на деятельность, оно приобретает динамику гигиенического фактора, воспринимается как оценка в межличностной сфере и поему часто служит фактором, вызывающим неудовлетворение»⁶.

6. «Только в 80-х годах заинтересованность в качестве работы и взаимоотношениях с клиентами начала набирать силу»⁷.

Как это неблагоприятное человечество до 80-х годов не спешило использовать гениальное открытие Херцберга еще 50-х годов о том, что работники должны ориентироваться на требования клиента! А умственно отсталые клиенты до этого веками покупали всякую некачественную дрянь, которую им предлагали равнодушные и наглые неумежи-бракоделы.

7. «Для внедрения в работу этого фактора <ориентации работника на клиента> пришлось перевести его в более узкие термины»⁸.

а) «самоорганизация, направленная, прежде всего, на удовлетворение потребностей клиента, а не руководителя в упрощенных процедурах контроля».

Наше возражение: но даже наиболее добросовестный и «самоорганизованный» исполнитель может получить от клиента лишь горячую благодарность или чаевые. А основные средства существования он получает от работодателя, поэтому как он не может ориентироваться на работодателя?

¹ Герцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Снидерман; пер. с англ. – М.: Вершина, 2007. – С. 12.

² Мысаченко В.И. Технологическая перестройка отечественной промышленности // Вестник национального института бизнеса. 2008. – № 7. – С. 262–275; Reshetov K.Yu., Khoroshavina N.S., Mysachenko V.I., Komarov V.Yu., Timofeev M.I. State policy in the area of implementation of innovations in industrial production // The Journal of Social Sciences Research. 2018. – N S3. – P. 271–276.

³ Герцберг Ф. Указанное соч., с. 12.

⁴ Герцберг Ф. Указанное соч., с. 13.

⁵ Там же, с. 14.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Там же, с. 15.

б) «право вести прямое общение с клиентом и прочими лицами, необходимыми для выполнения работы, без траты времени на длительные проведения коммуникаций через иерархию организации».

Наши возражения: во-первых, это явный призыв к нарушению принципа субординации А. Файоля; во-вторых, портному или сантехнику никакой хозяин не запрещал напрямую общаться с клиентом; в-третьих, конечно, можно дать «право вести прямое общение с клиентом» роботам, которые делали на конвейере автомобиль, но это будет не-сколько затруднительно для клиента...

в) «возможность управления ресурсами, то есть мини-бюджетами, инструментарием и прочими вещами, необходимыми для выполнения работы»;

Наше возражение: обеспечением трудовых процессов ресурсами занимается отдел снабжения. А самообеспечением занимался ремесленник в средние века. И какими ресурсами и мини-бюджетами может управлять, предположим, менеджер турагентства? А оргтехником в офисе он управляет по определению, и без поучений Херцберга;

г) подотчетность, то есть право подписи корреспонденции, компьютерных сообщений и прочего для обеспечения идентифицируемости исполнителя работы клиентом и прочими лицами».

Наше возражение: личное клеймо мастера на изделии, или подпись на картине были придуманы веков за сто до Херцберга. Да и в деловых письмах внизу слева давно сообщается имя исполнителя коммерческого предложения и его прямой телефон.

8. «Термин гигиена, выбранный мною для обозначения факторов среды, не завоевал большой популярности»¹. «Но даже при таком отношении моя теория нашла множество конкретных применений в области гигиены:

1) «введение скользящего графика работы в государственных учреждениях Великобритании в 1960-х»;

Наше возражение: не указаны конкретные учреждения, где якобы введен скользящий график работы именно с подачи Херцберга. А в подавляющем большинстве госучреждений такой график в принципе не приемлем, за исключением, возможно, работников колледжей и охраны;

2) «советы по организации гибких планов льгот для сотрудников многих компаний, с которыми я вел консультативную работу».

Наше возражение: «советы» еще не являются «конкретными применениями». А разумные руководители, начиная от шумерских царей, всегда проявляли гибкий подход не только в отношении льгот-«пряников», но и взысканий-«кнутов».

9. «Внедрение упрощенных схем оплаты труда в Cummins Engines и других компаниях. Некоторые организации, особенно AT&T и Texas Instruments, предпочитали вместо слова гигиена пользоваться термином организация среды»². *Нет сомнений, что менеджеры этих организаций, не называя себя великими психологами, совершенно правильно занимались организацией трудовой среды, не дожидаясь Херцберга с его «гигиеной».*

10. «Несмотря на культурные различия, у рабочих во всех концах света наблюдается тенденция получать удовлетворение от внутритрудовых факторов и неудовлетворение – от экстратрудовых»³.

Наше возражение: по поводу «удовлетворения от внутритрудовых факторов». Существует много таких «черных» работ, которые выполняют без удовольствия. Например, нудная работа с цифрами, монотонная работа на конвейере или на одной операции штамповки, или в морге. И даже творчество скульптора – это сначала масса черновых ударов по глыбе мрамора, пока из него не начнет появляться фигура. К сожалению, далеко не всякий труд можно превратить в развлечение или нескончаемое творчество. А неудовлетворение и удовлетворение получают как – от экстратрудовых факторов, так и внутритрудовых.

11. «Мотивационно-гигиеническая теория доказала свою практическую полезность для упрощения систем начисления оплаты труда в части гигиенических факторов»⁴.

При этом не приведено ни одного примера такого «упрощения», не говоря уже об экономическом эффекте. На госпредприятиях действуют утвержденные методики выплат за вредные условия труда, за переработки и т.п.⁵ И как мотивационно-гигиеническая теория поможет упростить эти методики, не ясно.

12. «Исследование имеет большое значение, так как аналитические данные и толкование их авторами дают повод верить, что был сделан большой научный прорыв»⁶.

Но всегда считалось, что наука – это выдвижение гипотезы и получение *фактических* экспериментальных доказательств (желательно, в цифрах), а не «повода верить» в правоту «большого научного прорыва».

13. Герцберг о методике исследований: «Мы приняли решение просить людей рассказывать нам истории о тех моментах жизни, когда они особенно хорошо или плохо относились к своей работе»⁷.

Постановка вопроса не корректна, поскольку понятие «работа» у людей ассоциируется как с самим технологическим процессом выполнения прямых обязанностей, так и с санитарными нормами, эстетикой помещения, организацией рабочего места и общей атмосферой в коллективе. Предположим, что человек не доволен тяжелыми условиями труда в литейном цехе. Но он знает, что на других металлургических предприятиях условия не лучше, а может быть и

¹ Герцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Сидерман; пер. с англ. – М.: Вершина, 2007. – С. 16.

² Там же, с. 17.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 19.

⁵ Мысаченко В.И. Структурная перестройка промышленности России: теория, методика, практика, управление. – М.: Национальный институт бизнеса, 2009. – С.47.

⁶ Герцберг Ф.. Указанное соч., с. 20.

⁷ Там же с. 47.

хуже. Поэтому он может не выразить недовольство условиями труда, считая, что бессмысленно выражать это недовольство. Или, например, он недоволен тем, что мастер кричит на него. Но по опыту он знает, что мастера кричат и на других рабочих и практически на всех предприятиях. Поэтому он может не отмечать при опросах этот огорчающий его факт.

14. «Данные, полученные нами, не позволяют на данной стадии делать какие-либо поспешные однозначные выводы. Возможно, что степень важности тех или иных удовлетворяющих и вызывающих неудовлетворение факторов мы сможем установить в ходе будущих исследований»¹.

Герцберг отмечает, что их исследования не укладывались в прокрустово ложе теории А. Маслоу. Но странно, почему команде Херцберга не пришла идея связать изучаемые «факторы» с фундаментальными («базовыми» по Маслоу) потребностями. Если А. Маслоу рекомендовал начинать мотивацию «с низших потребностей» – с удовлетворения физиологических потребностей, то Герцберг и К^о, по-видимому, считали, что надо сразу начать с удовлетворения более высоких – с социальных. Понятно, что в идеальном случае надо стремиться удовлетворять все потребности. Но мы считаем, что надо планировать мероприятия по принципу «от простого – к сложному». Те потребности, удовлетворение которых требует меньше ресурсов, начать удовлетворять в первую очередь.

Таким образом, несомненная польза от работы Херцберга и К^о состоит в том, что в результате показаны серьезные недостатки опросов в виде «частично структурированного интервью» как методики исследований мнений работников предприятия. Герцберг прав в том, что труд должен быть, по возможности, более творческим и разнообразным. Но вместо того, чтобы удовлетворять прихоти работников, принцип оптимизации заставляет менеджеров заменять людской труд роботами и компьютерами. Особенно на промышленном производстве. Герцберг и К^о не показали прямой связи в цифрах между внутритрудовыми факторами-«мотиваторами» и повышением производительности и качества труда. Из шести так называемых «гигиенических» факторов к гигиене труда относятся только условия работы. Остальные пять относятся к блоку социальных и гедонистических потребностей. Вопреки теории Херцберга не может быть *универсальных* рецептов для выбора системы стимулирования («мотивации»). В идеальном случае к каждому работнику надо подходить персонально. Более рациональным будет планирование мероприятий по симулированию персонала по принципу «от простого – к сложному». Те потребности, удовлетворение которых требует меньше ресурсов, начать удовлетворять в первую очередь, независимо от того, касаются ли они санитарных норм, организации труда, или мер поощрения.

¹ Герцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Снидерман; пер. с англ. – М.: Вершина, 2007. – С. 184.

Третьяк В.П.

д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики и управления на транспорте, Российский университет транспорта

Сагина О.А.

к.э.н., доцент кафедры экономики и управления МГУТУ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: промышленная революция, постиндустриальный уклад, технологический уклад, модернизация.

Keywords: industrial revolution, post-industrial structure, technological structure, modernization.

Проблеме диалектического развития концепции модернизации посвящены многие труды зарубежных и отечественных специалистов¹.

Ряд ученых (Рейнхард Бендикс, Сирил Блэк, Стивен Ваго, Мариону Леви, Ш. Эйзенштудт, И. Пономарев, С. Белковский, М. Ремизов и др.) трактуют модернизацию как коренное изменение общественных отношений, глобальную институциональную перестройку производственного потенциала человечества.

Существует альтернативная точка зрения, конкретизирующая сущность модернизационных преобразований и сводящая их к усовершенствованию и обновлению объектов в соответствии с современными нормами и требованиями. Данную позицию занимают Н. Азрилиян, Л. Кураков, В. Острошенко и др.

В современном мире модернизация сопровождается преобразованиями в экономике, политике, в социальной сфере, культуре².

Таблица 1

Определение модернизации зарубежными учеными³

Автор, источник	Определение
Рейнхард Бендикс ⁴	Модернизация – «тип социальных перемен, имеющих корни в английской индустриальной и политической французской революциях. Он заключается в экономическом и политическом прогрессе отдельных обществ-первопроходцев и последующих перемен у отстающих».
Питер Бергер ⁵	Модернизация включает рост и диффузию институтов, связанных с трансформацией экономики посредством технологий.
Сирил Блэк ⁶	Модернизация — может быть определена как процесс, посредством которого исторически эволюционировавшие институты адаптируются к быстро меняющимся функциям, что отражает беспрецедентное расширение человеческих знаний, позволяющее осуществлять контроль над своим окружением, которое сопровождало научную революцию.
Ш. Эйзенштудт ⁷	Модернизация – специфическая цивилизация или новый тип цивилизации. В процессе трансляции цивилизации modernity обнаружила себя тенденция к формированию всеобщих, мировых институциональных и символических рамок, что вообще было явлением новым и уникальным в истории человечества.
Вольфганг Цапф ⁸	Модернизация в трехмерном плане: 1) как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которой больших успехов в развитии достигла небольшая группа сегодня модернизированных обществ; 2) как многовариантный процесс, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед; 3) как реакции модернизированных обществ на новые вызовы на пути инноваций и реформ.

Мнения отечественных ученых представлены в табл. 2.

¹ Сагина О.А., Носенко А., Егоров К.Ю. Предпосылки развития категории «модернизация» // Современные проблемы экономики, менеджмента и маркетинга в отраслях пищевой промышленности. Сборник научных трудов. – М., 2010. – С. 148–152.

² Сагина О.А. Управление модернизацией организаций хлебопекарной промышленности: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Сагина Оксана Александровна. – М., 2015. – 181 с.

³ Третьяк В.П., Сагина О.А. Модернизационное или инновационное развитие: параметры и стадии // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник / ИНИОН РАН; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 115–119.

⁴ Bendix R. Nation-Building and Citizenship. Garden City, NY: Anchor, 1964. P. 6–7.

⁵ Berger P.L. et al. The Homeless Mind: Modernization and Consciousness. – New York: Random House, 1973. – P. 9.

⁶ Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. – N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. – P. 186–187.

⁷ Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. – P. 1.

⁸ Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. – М., 1998. № 8. – С. 14.

Определение модернизации отечественными учеными

Автор, источник	Определение
Азрилян А. ¹	Модернизация – ввод усовершенствований, отвечающим современным требованиям.
Белковский С., Ремизов М. ²	Модернизация – это процесс формирования в рамках данного государства (цивилизации) и в заданных исторических обстоятельствах общества модерна. Не больше и не меньше.
Кураков Л. ³	Модернизация – усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества.
Пономарев И. ⁴	Модернизация – это общественно-политический процесс. Он представляет собой коренное изменение общественных отношений, изменение логики, в которой живет общество, институциональная перестройка.
Клейнер Г. Б. ⁵	Модернизация должна охватывать все уровни, начиная с определения места и миссии России в мировом сообществе и завершая предприятием. Системная модернизация должна носить эволюционный характер. Необходима системная, многоуровневая оптимизация и модернизация всей экономики. И наиболее существенным при этом является уровень предприятия. Именно там соединяются проблемы кредитования и технологий, старения ресурсов и трудового потенциала, а также все остальные проблемы.

Подобное положение привело к выделению в аналитической практике таких понятий как:

– модернизация экономическая, которая предусматривает интенсификацию процесса экономического воспроизводства, рост дифференциации труда, внедрение более совершенного оборудования, превращение науки в производственную (экономическую) силу, развитие рационального управления производством;

– модернизация политическая, которая предполагает создание определенных политических институтов, способствующих реальному участию населения во властных структурах и усилению влияния народных масс на принятие конкретных решений;

– модернизация социальная, которая содействует формированию открытого общества с динамичной социальной системой. Такое общество возникло и развивалось на основе рыночных отношений, правовой системы, регулирующей отношения собственников, и демократической системы, возможно, не достаточно совершенной. Демократия в таком социуме необходима для того, чтобы было возможно вносить изменения в правила игры в меняющейся обстановке и следить за их выполнением;

– модернизация культурная, которая предполагает формирование высокодифференцированной и в то же время унифицированной культуры, базирующейся на комплексной парадигме прогресса, и возможности выражения личных возможностей и чувств, а также на развитии индивидуализма⁶.

Эволюционный характер развития технологических укладов, по нашему мнению, имеет следующую тенденцию:

- от кустарного производства, где практически все изделия были уникальны, создавались в соответствии с индивидуальными запросами заказчика;
- через машинную стадию производства, обеспечивающего массовое предложение однотипных изделий;
- к индивидуализированному массовому производству, способному создавать изделия в массовом порядке и удовлетворять индивидуальные запросы покупателей.⁷

Исторический порядок смены доминирования⁷ технологических укладов в рамках развития товарно-денежных отношений предположительно таков: два кустарных или аграрных технологических уклада (*простая кооперация* как первая и простейшая форма общественной организации производительных сил вытесняется *мануфактурой* организацией производительных сил, или разделением труда). Затем человеческая двигательная сила заменяется, например, силой пара. Отсюда формируется уже два индустриальных технологических уклада (*Фабричное* и *конвейерное* производство). Постиндустриальные технологические уклады (ЖАС и ГАП) будут доминировать в ближайшее время.

Экономика любой страны функционирует на базе выделенных технологических укладов. Схематично это можно изобразить в виде пирамиды (рис. 1). Использование этого подхода к оценке позволит осуществлять мониторинг динамики освоения новых, более прогрессивных технологических укладов, которые позволят снизить издержки как производства, так и обращения. Сдвиг «пирамиды» вправо визуально отображает, что на рынке применяются более прогрессивные технологические уклады.

В целом, четвертая промышленная революция окажет на бизнес четыре главных воздействия. Это ожидания потребителей, усовершенствование продуктов и товаров, совместные инновации и организационные формы. По с-

¹ Азрилян А.Н. Большой экономический словарь: 24,8 тыс. терминов / А.Н. Азрилян О.М. Азрилян, Е.В. Калашникова и др. – М.: Институт новой экономики, 2002. – С. 1280.

² Белковский С. Специальная теория модернизации / Белковский С., Ремизов М. // Газета.ру. 2009. – 12 октября.

³ Кураков В. Л. Экономика и право: словарь – справочник / Кураков В. Л., Носова, Кураков А. Л., Кураков Л. 2004. – С. 1071.

⁴ Пономарев И. Модернизация или инновация. – <http://polit.ru/article/2009/11/25/modern/>

⁵ Клейнер Г. Б. Модернизация российской экономики: Экспертное мнение научной элиты // Авианорама. – М., 2010. – № 1. – С. 13–84.

⁶ Грудзинский А. О. Модернизация предприятий: факторы и направления / Грудзинский А. О., Балабанова Е.С. Кудряшов Ю.Г. // Социологические исследования. – М., 2002. – № 6. – С. 18–28.

⁷ Исторический порядок смены доминирования технологических укладов таков: простая кооперация, мануфактура, фабрика, конвейер, ЖАС, ГАП.

симистическому сценарию развития новой революции, она «роботизирует» человечество и лишит людей сердца и души¹. Власти, со своей стороны, получают новые возможности для усиления контроля над населением благодаря мощным системам слежки и возможности контролировать цифровую инфраструктуру.

Рисунок 1.

Ситуационная модель мониторинга технологических укладов в экономике страны

Ситуационная модель мониторинга технологических укладов в экономике страны показывает, что после завершения промышленной революции 4.0. фактически перестанут доминировать не только кустарные технологические уклады, но и индустриальные технологические уклады. Поэтому, процесс модернизации отечественной экономики следует оценивать не только с точки зрения роста или эффективности реализуемого нововведения, но главным должно стать понимание необходимости *интенсивного* наращивания *постиндустриальных* технологических укладов. Использование ситуационной модели мониторинга технологических укладов в экономике страны может способствовать сверке прогрессивности ее модернизации.

¹ Мануков С. 4-я промышленная революция. – <http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyshlennaya-revolutsiya/>

Третьякова Л.А.

д.э.н., профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
lora_tretyakova@mail.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ВЛИЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ АТТЕСТАЦИИ

Ключевые слова: человеческий фактор, предприятие, персонал, аттестация, машиностроительная отрасль, эффективность.

Keywords: human factor, enterprise, personnel, certification, engineering industry, efficiency.

Условия, в которых сейчас находится экономика РФ, актуализируют влияние человеческого фактора на производственный процесс и требуют использования новых подходов к формированию системы аттестации и оценки персонала на промышленных предприятиях. Подготовка компетентных работников, способных к продуктивной работе в рыночных условиях с периодическим возникновением кризисных ситуаций, зависит в том числе и от правильно организованной системы аттестации персонала, эффективности её функционирования и реализации управленческих решений по итогам её проведения. Все это является залогом достижения успеха и укрепления рыночных позиций машиностроительных предприятий в жестких конкурентных условиях их функционирования.

Аттестация персонала на предприятиях машиностроительной отрасли – периодическая оценка показателей качества деятельности работников, определяющая ценность работника для организации; обосновывающая потребность в повышении оплаты труда; оценивающая эффективность работы службы персонала в случаях, когда подбор кадров осуществлялся без согласования с будущим непосредственным руководителем¹.

Рассмотрев методику проведения, а также использование результатов аттестации, мы пришли к выводу, что повышение эффективности аттестации персонала обеспечивает использование результатов деловой оценки работников при разработке мероприятий по профессиональной переподготовке и повышению уровня квалификации специалистов и руководителей структурных подразделений организации. Аттестационная комиссия, анализируя уровень знаний, умений и практических навыков работников, выявляет пробелы в их профессионально-квалификационном уровне и на этой основе определяет наиболее рациональные формы и методы дальнейшего обучения специалистов и руководителей. Для обеспечения более тесной взаимосвязи аттестации работников и стратегии управления конкурентоспособностью персонала, организации в своих положениях о проведении аттестации должны предусматривать стимулы, которые побуждали бы руководителей и специалистов своевременно проходить аттестацию. Только при этих условиях аттестация персонала эффективна. В противном случае она превращается в формальную процедуру, не дает положительных практических результатов.

По результатам анализа показателей эффективности системы аттестации персонала, были обобщены традиционные показатели их измерения (см. табл.1).

Таблица 1

Показатели эффективности системы аттестации персонала на предприятии

Показатель	Расчетная формула	Характеристика
Процент сотрудников, которые соответствуют квалификационным требованиям	$ДС_{\text{скт}} = C_{\text{скт}} / \text{ОЧС} * 100\%$	ДС _{скт} – доля сотрудников, которые соответствуют квалификационным требованиям; С _{скт} – сотрудники, которые соответствуют квалификационным требованиям по итогам аттестации, чел.; ОЧС – общее число сотрудников, проходивших аттестацию.
Процент сотрудников с низкими результатами аттестации, в отношении которых приняты корректирующие меры	$ДС_{\text{нра}} = C_{\text{нра}} / \text{ОЧС} * 100\%$	ДС _{нра} – доля сотрудников с низкими результатами аттестации; С _{нра} – сотрудники с низкими результатами аттестации, чел.; ОЧС – общее число сотрудников, проходивших аттестацию.
Количество должностных передвижений, которое было инициировано по результатам оценки персонала	–	Определяется с помощью экспертных методов оценки с помощью анкетирования

¹ Сиван Б. Аттестация персонала – путь к взаимопониманию / Пер. с англ. В.К. Перекрестов. – М.: Претекст, 2016. – 424 с.

Количество нареканий и жалоб со стороны сотрудников на нарушения законодательства или объективности в ходе организации аттестации	–	Определяется с помощью экспертных методов оценки с помощью анкетирования
Коэффициент развития персонала	$K_p = N_n / N$	N_n – количество работников, прошедших курсы повышения квалификации, подготовки и переподготовки, человек; N – общее количество работников, человек. Социальный ориентир $[K_p] = 0,2$, т. е. каждый работник должен проходить курсы повышения квалификации не реже одного раза в 5 лет. Исследования, проведенные НИИ труда на ряде промышленных предприятий, показали, что повышение квалификации рабочих на 1 % обеспечивает прирост производительности труда на 0,2–0,4 %.
Производительность труда персонала	$Pr = V / Чсс$	V – выручка от реализации (без НДС), руб.; $Чсс$ – среднесписочная численность сотрудников предприятия, чел.
Трудоемкость товарооборота	$T_t = Чсс / V$	V – выручка от реализации (без НДС), руб.; $Чсс$ – среднесписочная численность сотрудников предприятия, чел.
Трудоемкость работы	$Tr = t / Q$	t – время, которое потрачено на выпуск продукции, ч.; Q – объем продукции за период t ; руб.
Результативность управления производством и реализацией продукции	$P_y = V / Ч_{уп}$	V – выручка от реализации (без НДС), руб.; $Ч_{уп}$ – численность управленческого персонала, человек.
Рентабельность расходов на развитие сотрудников	$P_{раз.п.} = ЧП / Z_{розв.}$	$ЧП$ – чистая прибыль предприятия, руб.; $Z_{розв.}$ – затраты предприятия на профессиональную подготовку, повышение квалификации персонала и т.д., руб.
Текучесть кадров	$K_{ТК} = (УСЖ + УИР) * 100 / Чсс$	$K_{ТК}$ – коэффициент текучести кадров; $УСЖ$ – количество уволенных по собственному желанию сотрудников; $УИР$ – число уволенных работников по инициативе руководства (за прогулы, по судимости, нарушение дисциплины и пр.); $Чсс$ – среднесписочная численность сотрудников за период отчета.
Уровень доверия	–	Определяется с помощью экспертных методов оценки с помощью анкетирования

Предложенная система критериев и показателей оценки эффективности системы аттестации работников может быть применена для оценки данной процедуры на предприятиях машиностроительной отрасли. Результаты такой системы оценки аттестации дадут возможность осуществлять эффективные меры по стимулированию труда, а также станут основой продвижения работников по службе. Это будет способствовать сохранению главного богатства любого предприятия – персонала, который, в свою очередь, является залогом эффективной работы всей машиностроительной отрасли. Рассмотренные подходы являются общими для оценки процедуры аттестации предприятий любой сферы, поэтому данная методика может быть применена для оценки итогов аттестации работников предприятий любой сферы деятельности и формы собственности.

Оценка эффективности системы аттестации на предприятиях машиностроительной отрасли – это процесс, существующий на предприятии как непрерывный цикл. Структурно, процедура оценивания системы аттестации персонала состоит из следующих этапов: подготовительный этап; этап формирования плана и методики анализа; этап проведения анализа; этап обработки полученных данных; этап формирования рейтинга.

Согласно выработанным этапам, нами было проведено эмпирическое исследование аттестации персонала на предприятиях машиностроительной отрасли. В качестве эмпирической базы нашего исследования выступили предприятия машиностроительной отрасли: ЗАО «КОМЗ-Экспорт» (Ростовская область), ООО «СИАЗ» (Московская область) и ПАО «Гуймазинский завод автобетоновозов» (Республика Башкортостан).

Согласно рейтингу по имеющимся активам, представленному на сайте аудиторских компаний «Test Firm», ЗАО «КОМЗ-Экспорт», ООО «СИАЗ» и ПАО «ТЗА» занимают соответственно 41, 39 и 18 место среди предприятий России в машиностроительной отрасли (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг организаций, занимающихся производством автомобилей специального назначения, по выручке за 2018 год

Место в рейтинге	Название организации	Показатели, млн. руб. за 2018 г.	
		выручка	активы
1	ПАО «Челябинский кузнечнопрессовый завод»	7 195	7 761
18	ПАО «ТЗА»	1346	715
39	ООО «СИАЗ»	524	361
41	ЗАО «КОМЗ-Экспорт»	488	1025

Анализ финансово-экономического состояния предприятий показал снижение прибыли от продаж, а также отрицательную динамику коэффициентов ликвидности и платёжеспособности всех трех предприятий. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод об ухудшении ситуации в отрасли. Основной причиной создавшегося положения является резкое падение инвестиционной активности, снижение спроса на машины и оборудование, а также слабое инвестирование средств в развитие основных фондов предприятий. Делая общий вывод, можно выделить следующие тенденции, которые существуют в отрасли: уменьшается количество производственного персонала на предприятиях машиностроительной отрасли, а также доля персонала с высшим образованием, происходит отток кадров в смежные отрасли или их иммиграция по причине низкой заработной платы и отсутствия работы на предприятиях; уменьшение объёмов инвестиций в развитие персонала предприятий данной отрасли вместе с уменьшением их количества, негативно отражается на показателях результативности (а именно производительности, рентабельности и т.д.). В анализируемых предприятиях машиностроительной отрасли: ЗАО «КОМЗ-Экспорт», ООО «СИАЗ» и ПАО «Туймазинский завод автобетоновозов» аттестация проводится согласно утверждённому «Положению об аттестации персонала организации» для непроизводственного персонала один раз в пять лет, для производственного персонала – раз в три года.

Большее количество сотрудников прошли аттестацию в ООО «СИАЗ» (92%), в ЗАО «КОМЗ-Экспорт» и ПАО «ТЗА» в среднем 87% сотрудников прошли аттестацию. Что касается доли сотрудников, которым было рекомендовано пройти переподготовку, то в ЗАО «КОМЗ-Экспорт» лишь 45% работников от общего числа назначенных прошли курсы повышения квалификации, в ПАО «ТЗА» 64%, а в ООО «СИАЗ» всего 28% работников. Количество должностных передвижений по итогам аттестации также оставляет желать лучшего: в ЗАО «КОМЗ-Экспорт» лишь 2 человека были повышены в должности, в ПАО «ТЗА» 4 сотрудника, в ООО «СИАЗ» никаких кадровых перестановок не последовало вовсе. Это говорит о формальном подходе к итогам аттестации, результаты которой не выполняются в полном объеме. В конечном итоге это сказывается в дальнейшем на показателях коэффициента развития персонала и производительность труда, которые и так имеют негативную тенденцию.

Анализ эффективности системы аттестации персонала показал следующие результаты:

- формальный подход к результатам аттестации: практически отсутствуют кадровые перемещения по ее итогам, не в полной мере были выполнены рекомендации по переподготовке кадров и прохождению курсов повышения квалификации;
- сотрудники не были заинтересованы в результатах аттестации;
- слабая информативность при проведении аттестации;
- участие в аттестации было обосновано необходимостью подчиниться решению руководителя;
- применение устаревших, шаблонных форм – собеседование и письменное анкетирование, лишь в ПАО «ТЗА» используется на практике электронное квалификационное тестирование, которое позволяет сократить время обработки анкет;
- проведенная аттестация показала, что в анализируемых предприятиях недостаточно уделяется внимания организации обучения специалистов;
- начальники структурных подразделений не уделяют внимания вопросам планирования деятельности, недостаточно требовательно относятся к специалистам, имеющим недостатки в работе и нарушения режима работы предприятия.

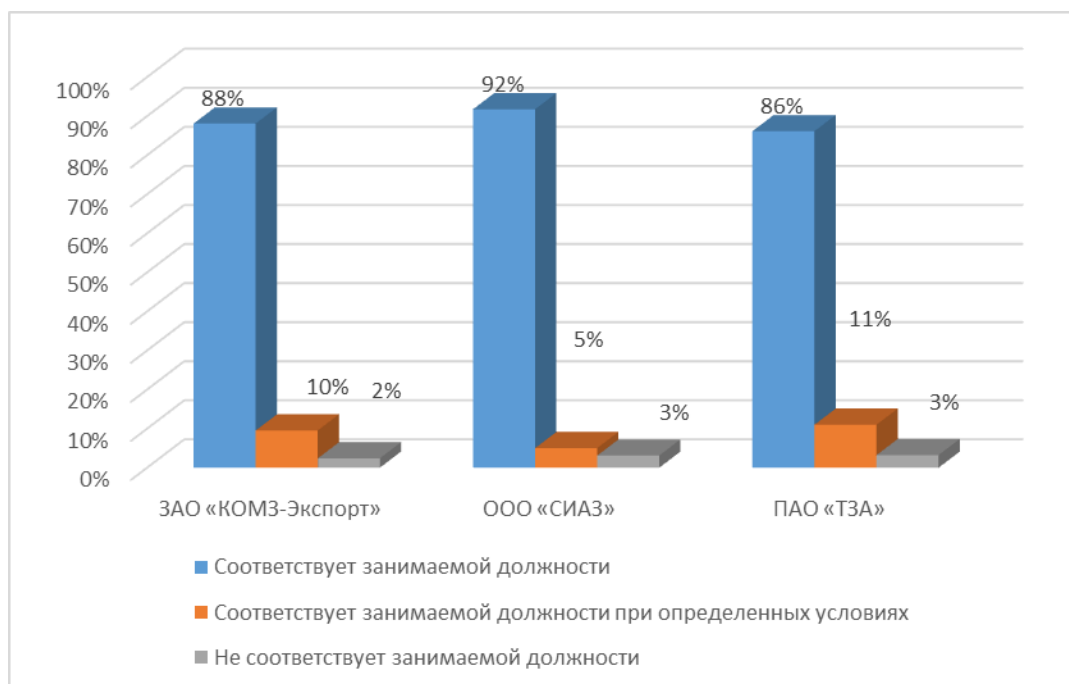

Рисунок 1.
Итоговые результаты аттестации предприятий машиностроительной отрасли

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что формальный подход к аттестации персонала не позволяет в полной мере использовать его потенциал, а следовательно, компаниям необходимо усовершенствовать текущую систему аттестации персонала, чтобы отвечать целям, которые они преследуют.

Общей целью системы аттестации персонала на предприятиях является получение объективной информации об уровне квалификации персонала, его профессиональных и личных способностях, а также формализации этих результатов для их дальнейшей оценки с целью повышения эффективности системы менеджмента, в частности, и деятельности предприятия в целом. Исходя из цели аттестации, можно утверждать, что к её задачам относятся следующие: создание фундамента для повышения эффективности работы системы менеджмента, в частности, и деятельности предприятия, в целом; выполнение роли «катализатора» развития культуры результативности; один из базисных элементов создания систем мотивации сотрудников предприятия и их преданности; создание фундамента для формирования систем развития сотрудников предприятия¹.

Направления аттестации персонала должны охватывать все без исключения этапы управления персоналом. Механизм аттестации персонала состоит из 4 блоков: целевой, концептуальный, содержательный и оценочный. Целевой блок заключается в усовершенствовании процесса аттестации персонала на предприятиях машиностроительной отрасли. Концептуальный блок включает в себя: задачи аттестации: формирование профессиональной направленности сотрудников; формирование профессионального самосознания сотрудников; формирование и развитие профессиональных умений, знаний и навыков; развитие личностного потенциала сотрудников.

Центральным звеном системы аттестации является автоматизация данного процесса, посредством специальной компьютерной программы «Программа аттестации персонала» (ПАП) и MSC ADAMS – симулятора сборки различных автомобилей и их отдельных узлов и агрегатов. Действовать данный механизм будет по принципу метода «360 градусов». Данная методика помогает определить фокус оценки и позволяет начальству получить подробный портрет каждого подчиненного. Коллектив формирует мнение о каждом человеке на основе компетенций, указанных в анкете. Работники оценивают не только друг друга, но и самих себя. Кроме того, оценку обязательно дает руководство. Так можно понять, как сотрудник выглядит в глазах коллег и подчиненных.

Составной частью аттестации персонала, является оценка их личных качеств и способностей, которая осуществляется согласно нормативно-правовой документации непосредственным руководителем сотрудника. Для такой оценки используется информация, содержащаяся в личных документах каждого работника, а также различного рода отчетах, планах, мероприятиях. Чем точнее определены эти параметры аттестации персонала, тем более реальной является реализация любых планов².

Кроме информации для оценки персонала в последнее время исследователи предлагают привлекать информацию, изъятую из специальных экспертных опросов сотрудников и непосредственных коллег работника, который оценивается. В процессе такого оценивания персонала, как правило, появляется информация о факторах, которые сдерживают развитие личностных способностей и качеств сотрудника, а это уже требует разработки специальных мер, которые бы уменьшили или ликвидировали эти факторы.

Схожим с этим процессом является оценка профессиональных знаний, умений, навыков. Как и предыдущий процесс оценки, этот процесс тоже охватывает все этапы управления персоналом. Так как анализируемые нами в ходе исследования предприятия машиностроительной отрасли имеют в своем штате большое количество персонала, то здесь необходимо составить несколько анкет: для оценки управленческих компетенций руководителей, для оценки корпоративных компетенций в рамках общей кросс-оценки между отделами, а также для оценки профессиональных компетенций внутри каждого отдела.

Стоит отметить, что система аттестации персонала не будет результативной без методов мотивации сотрудников, которые включают в себя экономические методы, профессиональный и должностной рост, моральные и социальные стимулы, которые позволят осуществлять эффективное влияние на развитие ценностного отношения работников к своей профессии, мотивировать персонал на успешное прохождение аттестации; трансформировать развитие профессиональных компетенций в сферу личностных интересов сотрудника. Они должны быть внесены в Положение об аттестации как обязательные к выполнению. Это позволит уйти от формального подхода руководства и сотрудников к результатам данной процедуры. Реализовать такой механизм можно на основе принципиально нового подхода к организации оптимальной процедуры аттестации кадров, которая будет ориентирована на стратегию развития личных и профессиональных компетенций работников заводов машиностроительной отрасли.

Эффективность предложенной системы аттестации персонала оценивалась по двум направлениям: социальная и экономическая эффективность. Социальная эффективность будет заключаться в следующем: возможность профессионального развития для всех сотрудников; возможность обоснования системы развития персонала; рост удельного веса сотрудников, которые регулярно и своевременно будут повышать свою квалификацию. Таким образом, практическая реализация предложенной системы аттестации персонала дает возможность увеличить эффективность использования кадрового потенциала предприятий машиностроительной отрасли.

¹ Хныкин Г. Аттестация работников: нормативные акты и практика их применения // Трудовое право. 2016. – № 4. – С. 11–13.

² Дмитренко А.Г. Мотивация и оценка персонала. – СПб.: Питер, 2015. – 270 с.

Трифонов И.В.

д.т.н., профессор Департамента менеджмента, Финансовый университет

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Ключевые слова: управление проектами; формирование и управление программами; энергосбережение, энергетические компании; оценка стейкхолдеров проекта; ценностный подход в управлении.

Keywords: project management; formation and management of programs; energy saving, energy companies; assessment of project stakeholders; value approach to management.

Повышение эффективности производственной деятельности энергетических компаний, реализация стратегии развития этих организаций и увеличение акционерной стоимости позволяют этим предприятиям усиливать лидирующие позиции на рынке. Для этого энергетическим компаниям постоянно надо уделять внимание анализу реализуемых ими программ (энергосбережения, экологии, менеджмента качества и др.). Учитывая это, следует сформировать критерии ценности для реализации каждой выбранной стратегии компании по различным направлениям и их возможное развитие, а также определить потребности в инвестициях, источники финансирования, ожидаемые результаты с учетом степени удовлетворенности заинтересованных сторон и ограниченности ресурсов организации.

В рамках любых энергетических компаний, как правило, принимаются смешанные проектные решения об инвестициях в ту или иную производственную сферу деятельности предприятия. Инструменты, обеспечивающие эффективное управление проектами и программами, являются достаточно специфическими и отличаются своей направленностью, детализацией и фиксируют соответствующие конкретные проектные практики, которые применяются в данной организации¹.

Процедура разработки стратегии на энергоемких предприятиях предусматривает интеграционный процесс приближения к оптимальности через сравнительный анализ эффективности различных вариантов проектных альтернатив. При этом критерием оптимальности является энергоэффективность новых (модернизированных) технологий на предприятии в результате формирования и реализации программ развития организации (энергосбережения, экологии, качества и т.д.). Основным критерием ценности является минимизация потребления топливно-энергетических ресурсов необходимых для производства продукции установленного качества с учетом степени удовлетворенности заинтересованных сторон и ограниченности ресурсов организации.

Энергетическая стратегия предполагает системный подход, с составлением дорожной карты для достижения целей энергетической политики. Однако стандарты не дают четких рекомендаций для реализации энергетической стратегии или политики в организациях².

В современных условиях для большинства энергоемких предприятий объективной необходимостью становится разработка стратегии, основанной на ценностях, направленной на рациональное потребление топливно-энергетических ресурсов, повышение качества продуктов организации и учет пожеланий заинтересованных сторон³.

В данном исследовании сформулирована гипотеза, заключающаяся в том, что использование критериев ценности при формировании программ энергоемких предприятий с точки зрения заинтересованных сторон в соотношении с ожидаемыми результатами проектов, ресурсными ограничениями и проявлением факторов риска, позволит повысить обоснованность управленческих решений и эффективность реализации программы в целом.

Программа в рамках стратегии как особая форма реализации изменений предполагает, что эти изменения должны быть реализованы в рамках определенных ограничений по срокам, стоимостью, качеством и ценностью с точки зрения организации и потребителей. Существование этих ограничений предъявляет специальные требования к методам проектного и программного управления, в частности, требование о концентрации полномочий и ответственности за эффективную реализацию программы как руководителей, так и команд проектов.

Целью программы в рамках стратегии энергосбережения в этом исследовании будем считать комплекс взаимосвязанных проектов, реализация которых позволит снизить потребление топливно-энергетических ресурсов или повысить эффективность их использования.

¹ Коряков А.Г. Особенности развития российских мусороперерабатывающих кластеров посредством имплементации инструментов проектного управления / А.Г. Коряков, М.В. Куликов // Экономика и управление инновациями. 2018. – № 4. – С. 16–27.

² Finnerty N. Development of a Global Energy Management System for nonenergy intensive multi-site industrial organizations: A methodology. 2017. – P. 16-31. doi: 10.1016/j.energy.2016.10.049.

³ Finnerty N. Development of a Global Energy Management System for nonenergy intensive multi-site industrial organizations: A methodology. 2017. – P. 16–31. doi: 10.1016/j.energy.2016.10.049; May G. Energy management in manufacturing: From literature review to a conceptual framework // Journal of Cleaner Production. 2017. – December. – P. 1–26. doi: 10.1016/j.jclepro.2016.10.191.

На первом этапе исследования было проведено анкетирование ведущих топ-менеджеров ОАО «Днепродзержинская теплоэлектроцентраль» (ДТЭЦ), г. Днепродзержинск, Украина (комунтеплоэнерго – типичный представитель энергоемких предприятий). Основной задачей проведения анкетирования было определить миссию, основные цели и задачи программы энергосбережения.

Следует отметить, что результаты данного исследования будут актуальными и для российских энергетических компаний.

На втором этапе было сформировано системное представление о программе энергосбережения, определены критерии ценности и проведена классификация проектов программы энергосбережения.

В результате анализа выявлены задачи, связанные с целями программы энергосбережения: испытание сетей, ликвидация прорывов, обход теплотрасс, осмотр тепловых камер, откачивание воды, контроль за теплоносителем, подкачивание теплоносителя в систему, водоподготовка, контроль за уровнем засорения систем в жилых домах, промывка внутренних систем отопления, продувка внутренних систем отопления, контроль за нагревательными приборами, замена нагревательного оборудования, прорывы миксеров, осуществление ревизии запорной арматуры, замена запорной арматуры; контроль количества тепла, контроль потерь тепла в сети, замена изношенной изоляции, контроль изношенной изоляции, теплоизоляция сетепроводов, контроль диаметра труб для сетей, частичная замена магистральных сетей на трубы соответствующего диаметра, полная замена магистральных сетей на трубы соответствующего диаметра, контроль за замачиванием изоляционного покрытия, восстановление изоляционного покрытия, устройство дренажей, контроль наличия сужающих щелей в жилых домах, контроль за рециркуляцией, восстановление рециркуляции, установка сопел согласно гидравлическому расчету.

На третьем этапе для анализа оценки ценности услуг с учетом факторов пожеланий потребителей (заинтересованных сторон) были использованы основы теории множеств (программа была представлена как множество проектов энергосбережения (качества, экологии), множество характеристик продукта (услуги), множество требований к продукту (услуге) со стороны потребителей). Подробное теоретическое описание применения этого метода автором описано в работе¹.

Практические результаты исследования

На начальном этапе исследования были определены три множества характеристик продукта ДТЭЦ (услуга электро- и теплоснабжения потребителей) по следующим свойствам: температура у потребителя, расход газа на подогрев теплоносителя, расход воды, затраты энергии на доставку до потребителя.

В определенных множествах, определены задачи для проектов программы энергосбережения ДТЭЦ:

1) Множество задач проектов программы энергосбережения в направлении «Снижение потерь теплоносителя в сетях». Основные задачи: испытания сетей, ликвидация прорывов, обход теплотрасс, осмотр тепловых камер, откачка воды, контроль за теплоносителем, подкачки теплоносителя в систему, водоподготовка, контроль за уровнем засорения систем в жилых домах, промывка внутренних систем, продувка внутренних систем, контроль за нагревательными приборами, замена нагревательных приборов, прорывы миксеров, ревизия запорной арматуры, замена запорной арматуры.

2) Множество задач проектов программы энергосбережения в направлении «Снижение потерь тепла в сетях». Основные задачи в этом направлении: контроль количества тепла, потери тепла в сетях, замена изношенной изоляции, контроль за изношенной изоляцией, теплоизоляция сетепроводов, контроль диаметра труб для сетей, частичная замена магистральных сетей на трубы соответствующего диаметра, полная замена магистральных сетей на трубы соответствующего диаметра, контроль за замачиванием изоляционного материала, восстановление изоляционного покрытия, устройство дренажей, контроль за наличием сужающих щелей в жилых домах, установка сопел согласно гидравлического расчета, восстановление рециркуляции.

3) Множество задач проектов программы энергосбережения в направлении «Контроль за последствиями потери теплоносителя и тепла в сетях». Основные задачи: обход теплотрасс, осмотр тепловых камер, контроль за теплоносителем, контроль за уровнем засорения систем в жилых домах, контроль за нагревательными приборами, ревизия существующей арматуры запора, контроль количества тепла, контроль за изношенной изоляцией, контроль диаметра труб для сетей, контроль за замачиванием изоляционного материала, контроль наличия сужающих щелей в жилых домах, контроль наличия рециркуляции.

На втором определена степень значимости выполнения проектов энергосбережения для реализации соответствующей характеристики продукта по направлению «Снижение потерь теплоносителя в сетях» (табл. 1).

Аналогичные отношения получим для оставшихся направлений стратегии энергосбережения: снижение потерь тепла в сетях и контроль по результатам потери теплоносителя и тепла в сетях.

Далее определена степень совместимости характеристик продукта с требованиями потребителей (ценность со стороны заинтересованных сторон, в исследовании это потребители услуги ТЭЦ).

На третьем этапе получено отношение для выбранного направления стратегии «Снижение потерь теплоносителя в сетях».

¹ Трифонов И.В. Выбор проектов при формировании программ в условиях неопределенности // Экономика та управління підприємствами машинобудівної галузі: проблеми теорії та практики: тез. докл. XI Міжнародної науково-практ. конф. «Современные информационные технологии в экономике и управлении предприятиями, программами и проектами», 9–13 сентября 2013 г. – Рыбачье, 2013. – С. 122–123.

Степень значимости проекта для реализации соответствующей характеристики продукта по направлению «Снижение потерь теплоносителя в сетях»

Множество проектов программы	Множество характеристик продукта ДТЭЦ (услуга теплоснабжения)			
	Температура у потребителя	Расход газа на подогрев теплоносителя	Расход воды	Затраты энергии на доставку до потребителя
Испытания сетей	0	0	1	0
Ликвидация прорывов	0,15	0,2	1	0,7
Обход теплотрасс	0	0,2	0,2	0,2
Осмотр тепловых камер	0,5	0,8	0	0
Откачка воды	0,5	0,5	0	0
Контроль за теплоносителем	0,8	1	0	0
Подкачки теплоносителя в систему	0,5	1	1	0
Водоподготовка	1	1	0	0
Контроль за уровнем засорения систем в жилых домах	0,3	0,3	0	0,5
Промывка внутренних систем	1	1	0	0
Продувка внутренних систем	0,7	0	0	0
Контроль за нагревательными приборами	0,8	1	0	0
Замена нагревательных приборов	1	1	0	0
Прорывы миксеров	0,5	0	0,5	0
Ревизия запорной арматуры	0,3	0,5	1	0,8
Замена запорной арматуры	0,5	0,3	1	0,8

Критерии ценности программы энергосбережения:

1. Оценки технологии изготовления продукта (производители услуг – электроэнергия и теплоснабжение потребителей);

2. Оценки удовлетворенности заинтересованных сторон (потребителей услуги ТЭЦ).

Следует отметить, что максимальная оценка удовлетворенности заинтересованных сторон может достигать 100.

При этом для определения задач в наиболее важных проектах программы энергосбережения можно определить на основании соотношения оценок качества услуги с точки зрения ценности для заинтересованных сторон (стейкхолдеров):

1. Проект «Снижение потерь теплоносителя в сетях»: оценка технологии изготовления продукта – 69,71; оценка удовлетворенности стейкхолдеров – 66,41.

2. Проект «Снижение потерь тепла в сетях»: оценка технологии изготовления продукта – 70,39; оценка удовлетворенности стейкхолдеров – 65,29.

3. Проект «Контроль за последствиями потери теплоносителя и тепла в сетях»: оценка технологии изготовления продукта – 70,75; оценка удовлетворенности стейкхолдеров – 57,81.

Выводы

В результате проведения исследования было выявлено, что большинство проблем при реализации стратегии энергосбережения на энергоемких предприятиях комунтеплоэнерго связано с низкой оценкой удовлетворения потребностей потребителей (оценка колеблется в интервале от 57,81 до 66,41), что, в свою очередь, является предпосылкой использования ценностно-ориентированного управления при реализации программ энергосбережения в энергетических компаниях.

Предложенная методика будет полезна для всех энергетических компаний постсоветского пространства и позволяет проектному менеджеру контролировать ход формирования программы (принимать более обоснованные управленческие решения при включении и ранжировании проектов в программе энергосбережения энергетических компаний).

Трифорова Н.Н.

преподаватель Департамента менеджмента, Финансовый университет

СОВРЕМЕННАЯ КОМАНДА МЕНЕДЖМЕНТА ПРОЕКТА: ОСОБЕННОСТИ, ОТЛИЧИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Ключевые слова: команда проекта, развитие команды, особенности развития команды менеджмента проекта.

Keywords: project team, team development, features of the project management team development.

Проектное управление несмотря на то, что возникло в 60-х годах прошлого столетия до сих пор все более и более набирает популярности при решении различных специфических задач в организациях. Ассоциация «СОВНЕТ» приводит следующие цифры: до 40% различных специфических задач (общественных мероприятий) реализуется на основе проектного подхода. Также порядка 25% мирового бюджета используется на реализацию проектов в различных сферах деятельности человека. В то же время занятость в проектах составляет 30–70% рабочего графика менеджеров среднего звена и топ-менеджеров предприятий¹.

Чтобы максимально эффективно использовать основы проектного управления, необходимо обоснованно распределять ответственность и обязанности между членами команды проекта (участниками проекта) – это позволит сэкономить от 20 до 30% времени и средств выделенных на проект, и самое главное снизить риски неудачи проектов².

В настоящее время в большинстве случаев под понятием «Формирование и созданием команды» понимается процесс целенаправленного «построения» особого способа взаимодействия людей в группе (называемой командой), позволяющего эффективно реализовывать их профессиональный, интеллектуальный и творческий потенциал в соответствии со стратегическими целями данной группы (команды). Команда в этом случае – это группа людей, взаимодействующих и взаимозаменяющих друг друга в ходе достижения поставленных целей.

Следует выделить четыре основных вида Команд (групп), и классифицировать их по содержанию работ, которые ими осуществляется в практической деятельности предприятий³.

1. Команды, создающие новую ценность для предприятия (команды проектов). Команды данного вида, зачастую, имеют временный характер, организуются под конкретный проект в виде временной формы достижения целей и решения уникальных задач проекта.

2. Команды, решающие проблемы предприятия на основе анализа, контроля, оценки с помощью системы сбалансированных показателей эффективности деятельности (так называемые группы аудита, качества или контроллинга).

3. Команды, осуществляющие производственный процесс, с целью организационного развития предприятия (постоянные команды).

4. Команды топ-менеджмента (обычно они формируются на высших уровнях управления организацией в форме исполнительного комитета или топ-менеджмента предприятия).

Признаки команды: «постоянно взаимодействуют для решения общих задач» и/или «работают вместе»; «используют отработанные процедуры взаимодействия (шаблоны, проектные практики, инструкции и т.д.)» и/или «координируют свои действия».

Кочнев А., Науменко А., Бурков А.⁴ выделяют два основных вида: команда проекта (временная); управленческая команда (постоянная).

Большинство специалистов в управлении персоналом сталкиваются с рядом нерешенных вопросов, поскольку временная команда, в отличие от постоянной команды имеет другой жизненный цикл (в частности временные параметры, количественные).

В качестве первого отличия в командах можно выделить – разделяемая ответственность, по сути это одно из главных отличий, причем следует отметить, что оно не зависит от вида команды (временная или постоянная). Здесь, очень важно отметить, что понятие «разделяемая ответственность» зависит от руководителя. В командах с явным лидером ответственность делегируется рядовыми членами группы лидеру, они соглашаются (не всегда добровольно) на то, что у них будет меньше власти, меньше свободы выбора при принятии управленческих решений, то есть за них выбор при принятии решений будет делать лидер.

¹ Характеристики проектов. – <http://www.intel.ru/content/www/ru/ru/education/k12/project-design/design/projectcharacteristics.html>

² Воропаев В. Управление проектами: Неиспользованный ресурс в экономике России. – http://www.iteam.ru/publications/project/section_35/article_1635/

³ Гостева О.В. Эффективная работа команды проекта как условие успешной реализации стратегических целей предприятия // Сибирский журнал науки и технологии. 2009. – № 9. – С. 141–144.

⁴ Кочнев А., Науменко А., Бурков А. и др. Современная команда менеджмента проекта. – http://iteam.ru/publications/project/section_37/article_383

Для проведения дальнейших исследований в области эффективной организации работы команды проекта (временная команда) были определены особенности команд проектов в зависимости от формы изменений на предприятиях и определена цель их создания (табл. 1).

Таблица 1

Особенности команды проекта в зависимости от формы изменений на предприятиях

Форма изменений на предприятиях		Цель создания команды проекта	Форма команды
1.	Рейнжиниринг	Управление процессами преобразований на предприятии	Временная
2.	Антикризисное управление	Выведение предприятия из кризисной ситуации	Временная
3.	Решение проблем, содействие и помощь	Анализ, оценивание и разрешение организационных и возникающих проблем при реализации стратегии	Временная
4.	Проекты внедрения новых технологий на предприятии	Проектирование и внедрение новых технологий и преобразований на предприятиях	Временная
5.	Внедрение инноваций	Разработка и внедрение новых инноваций на предприятии	Временная
6.	Создание нового бизнеса	Развитие нового для предприятия вида бизнеса (смежного, т.е. более с высокой степенью риска)	Временная

Второе отличие команды состоит в общем видении целей деятельности. Хотя практически любая группа объединяется для достижения определенных целей, в иерархической структуре цели лидера и его подчиненных могут существенно расходиться. Любой руководитель проекта хочет, чтобы член команды проекта приложил максимум усилий для достижения поставленных целей, что не всегда совпадает с возможностями рядового члена команды проекта. Что же касается распределения результатов труда, картина – обратная.

И наконец, третье отличие команды от групп по достижению поставленной задачи состоит в том, что в команде другое распределение обязанностей. В группе обязанности распределяются четко, каждый несет ответственность за часть общего результата.

Команда, не отказываясь от этого принципа, добавляет к нему еще принцип взаимозаменяемости. То есть команду можно также определить как группу людей, которая объединена единой целью, ответственностью и взаимозаменяемостью, что позволяет ей использовать принцип синергизма (когда качества и умения одного члена команды дополняют качества и умения другого).

Также следует обратить внимание на количественный состав постоянных команд (групп) и временных команд. Если в постоянных командах (группах) неопределенное число участников, то временная команда, как правило, для эффективной работы использует ограниченное число членов команды по принципу 5 ± 2 , то есть оптимальным является количество участников от 5 до 9. Анализ «плюсов» и «минусов» при организации команды проекта, исходя из понятия «Эффективность команды» приведен в таблицах 2, 3.

Таблица 2

«Плюсы» организации команды проекта

Критерии	Показатель	Содержание
Профессионализм	Время	Команда проекта способна быстро и эффективно справиться с задачами проекта
	Креативность	Команда проекта способна реализовывать креативные решения, создавать «базы данных, шаблоны, лучшие проектные практики и т.д.»
	Качество	Мотивация и стимулирование членов команды не позволит делать работу некачественно
Коммуникативность	Стиль	В команде присутствует опыт наставничества и взаимной поддержки
	Координация	Каждый член команды проекта максимально участвует в координации работ
Социализация	Имидж	Наличие команды создает фирме выгодный имидж, вызывающий доверие клиентов
	Перспектива	При наличии команды организация имеет преимущество в получении результатов проекта
Система ценностей	Ценности	Работа в команде формирует созидательную систему ценностей у каждого члена команды проекта
	Рост	Эффективное решение задач проекта отдельными членами команды стимулирует личностный и профессиональный рост и повышает эффективность команды проекта в целом

Таблица 3

«Минусы» организации команды проекта

Критерии	Содержание
Время	Процесс формирования команды проекта занимает много времени
Финансы	Требуются средства на дополнительные тренинговые занятия (необходимо сформировать «командный дух»), дополнительное обучение членов команды проекта, материальное стимулирование
Трудовые ресурсы	Резко возрастает ценность вклада каждого сотрудника: руководитель и каждый член команды проекта должны быть к этому готовы
Уникальность членов команды проекта	Модель команды проекта не всегда пригодна для «тиражирования», каждую новую команду нужно создавать с особой тщательностью и бережностью
Индивидуализм	Многое держится на взаимоотношениях между ее членами, на «командном духе», системе ценностей, философии развития.

Туаршина А.Р.

Алматы менеджмент университет
aidatuarshina@gmail.com

ИНСТРУМЕНТАРИЙ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ

Ключевые слова: потенциал предприятия, рентабельность, кадры, менеджмент, карьера, эффективность, найм, отбор персонала.

Keywords: enterprise potential, profitability, personnel, management, career, efficiency, recruitment, personnel selection.

Система управления кадрами и персоналом – это подсистема комплексного управления предприятием. Следовательно, поставленные цели перед системой управления персоналом предприятия обязаны увязываться с общими целями развития и функционирования организации. Высококвалифицированный персонал компании играет огромную роль в функционировании современного предприятия и является его главным производственным активом. В связи с происходящим постоянным расширением производства и рынка, появлением новейших технологий, спрос на квалифицированный и способный к изменениям персонал увеличивается постоянно, появляются все новые и новые требования к осуществлению управлению персоналом.

Управление персоналом представляет собой целенаправленную деятельность руководителей организации, а также специалистов системы управления персоналом, включающую в себя разработку стратегии и концепции методов управления персоналом и кадровой политики. Деятельность по управлению персоналом состоит в планировании работы с персоналом, формировании стройной системы управления кадрами, определении потребностей предприятия в персонале, анализе его кадрового потенциала и проведении маркетинга персонала.

Технология управления персоналом охватывает широчайший спектр осуществляемых функций (от увольнения до приема кадров) и предусматривает техническое, информационное, нормативно-методическое, делопроизводственное и правовое обеспечение системы управления кадрами. Подразделения системы управления персоналом решают также и вопросы оценки социальной и экономической эффективности совершенствования управления кадровым потенциалом.

Кадровый потенциал является неотъемлемым элементом системы управления современной предпринимательской структуры. Его уровень зависит от взаимосвязанных организационно-экономических и социальных мер по формированию, распределению, перераспределению рабочей силы на уровне предприятия, от создания условий для использования и развития трудового потенциала каждого работника.

Система управления кадровым потенциалом представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов, совокупность взаимовлияющих отдельных функциональных подсистем (рис. 1).

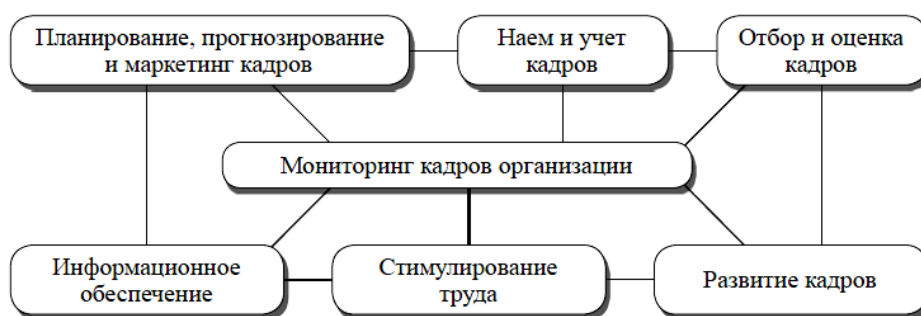

Рисунок 1.
Элементы системы управления кадровым потенциалом [2, с. 174]

К функциям управления кадрами относятся найм, подбор и формирование персонала, которые необходимы для достижения целей предприятия; осуществление оценки персонала; развитие морального климата и оргструктуры предприятия, которые способствуют проявлению таланта и творческой инициативы каждого из работников и т.д. Эти функции взаимосвязаны и в совокупности образуют систему работы предприятия с персоналом. Данные функции реализуются с помощью системы методов – административных, организационных, социально-психологических и экономических.

Еще одним инструментом управления кадровым потенциалом организации может служить процесс формирования кадрового резерва. «Кадровый резерв – это группа работников, потенциально способных к руководящей деятельности, отвечающих требованиям, предъявляемым должностью, подвергшихся отбору и прошедших целевую квалификационную подготовку» [3]. Работа по формированию кадрового резерва должна быть планомерной и системной.

Политика в области поддержки инициатив как один из механизмов развития коммуникации, также может выступать в качестве инструмента управления кадровым потенциалом организации. Некоторые компании систематизируют данную работу через различные платформы, электронные системы, корпоративные порталы.

В практике управления выделяют следующие методы: социальные и социально-психологические, применяемые с целью повышения социальной активности людей; экономические, обусловленные экономическими стимулами; организационно-административные, основанные на директивных указаниях; самоуправление как разновидность саморегулирования социальной системы. Чтобы судить, насколько эффективна та или иная система управления персоналом, нужны, естественно, критерии, позволяющие произвести такую оценку. Их выбор зависит от того, что брать за точку отсчета: деятельность конкретно взятого руководителя, трудовые показатели коллектива или особенности исполнителей.

Эффективность функционирования системы кадрового потенциала определяется ее вкладом в достижение организационных целей. Управление кадрами эффективно настолько, насколько успешно персонал использует свой потенциал для реализации стоящих перед ней целей.

Методы оценки управленческого труда можно разделить на три группы: количественные; качественные (или описательные); комбинированные (или промежуточные). К количественным методам оценки относятся балльный, коэффициентный, метод рангового порядка, метод парных сравнений, система графического профиля, метод «эксперимента» и т.д. К качественным (описательным) методам относятся система устных и письменных характеристик, метод эталона, матричный и биографический методы, метод групповой дискуссии. Примерами комбинированных методов являются методы стимулирующих оценок, группировки работников, тестирование.

Наибольшее распространение получили количественные методы оценки управленческого труда, особенно балльный, коэффициентный и балльно-коэффициентный. Их преимуществами являются объективность, независимость от личного отношения экспертов к специалисту, возможности формализации и систематизации результатов, сравнения параметров, использование математических методов.

Любая методика оценки кадрового потенциала, должна соответствовать определенным требованиям:

– универсальность ее применения, то есть исследование может быть проведено для оценки кадрового потенциала любой организации, независимо от местонахождения, организационно-правовой формы, области деятельности, количества сотрудников;

– масштабируемость исследований, возможность применения методики как для отдельно взятой организации, ее отдельных подразделений, так и для группы компаний;

– сравнимость результатов при проведении анализа кадрового потенциала нескольких организаций, разных подразделений одной компании или выявлении динамических изменений показателей организации за определенный период времени;

– множественность описаний результатов проведенных исследований, возможность их представления в форме различных моделей (вербальных, графических, статистических и пр.);

– объективность и научная обоснованность результатов исследований [4, с. 63].

Осуществление оценки кадрового потенциала для многих организаций является сложной и проблемной процедурой, что негативно отражается на результатах их деятельности. В настоящее время существует большое количество методов оценки кадрового потенциала предприятий (рис. 2).

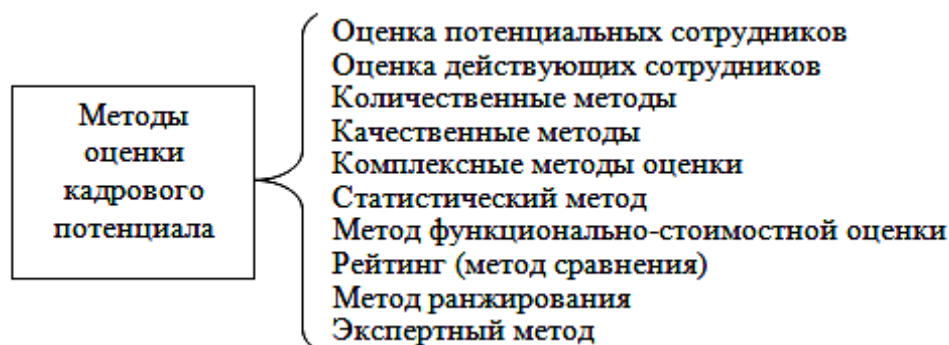

Рисунок 2.

Методы оценки кадрового потенциала предприятия [5, с. 20]

Однако все методы имеют свои достоинства и недостатки, и единого универсального метода не существует. Необходимо учитывать специфику деятельности организации, количество персонала и другие немаловажные аспекты.

Сегодня эффективное управление персоналом признано наиболее важным фактором конкурентоспособности предприятий и их экономического успеха. На протяжении десятилетий технократический подход к управлению экономикой на уровне предприятий доминировал в отечественной экономике, когда на первом плане стояли планы производства, бюджеты, структуры и административные распоряжения. Кадровая политика как таковая была в значи-

тельной степени прерогативой государственных органов и ортодоксальных идеологических механизмов, и многие ее компоненты находились вне прямого влияния бизнес-лидеров.

Эффективность управления понимается как сложная многогранная категория, отражающая характерные черты экономических, социальных, организационных и других явлений. Оценка эффективности управления персоналом осуществляется по двум группам показателей:

1. Экономические показатели: подсистемы формирования, использования, развития персонала;
2. Показатели, полученные посредством социального аудита – анализ качества трудовой жизни (аудит кадровых процессов, трудового потенциала, стратегический).

Рассмотрим, теперь, возможности совершенствования деятельности по управлению персоналом.

Центральное место в подборе персонала в течение довольно долгого времени занимало образование лица, которое намеревалось поступать на работу к работодателю. Но, данный критерий, хоть и достаточно важный, не является ключевым, что обуславливается тем, что не всегда наличие соответствующего образования свидетельствует о том, что человек сможет эффективно выполнять свои трудовые обязанности. К примеру, диплом с отличием может получить такой человек, который обладает качествами усидчивости и кропотливости, но на практике часто обнаруживается, что он не обладает другими важными для конкретной профессии навыками, такими как, например, навык нахождения новых клиентов. Поэтому внутри каждой организации необходимо разработать конкретные мероприятия по совершенствованию управления персоналом с учетом отраслевых особенностей и специфики предприятия, размера организации. Мы полагаем, что целесообразно производить отбор персонала в течение нескольких этапов, среди которых выделим следующие [6].

Этап 1. На сайте организации необходимо разместить определенное задание. Комиссия, которая включает специалистов разных областей, изучает работы претендентов, и тех, результаты которых были наилучшими, приглашает к принятию участия в следующем туре.

Этап 2. Прошедшие испытания первого этапа приглашаются, объединяются в тематические группы и получают задание, по результатам которого объявляются те, кто прошел на этап 3.

Этап 3. Победители беседуют с руководителем организации, который принимает окончательное решение о приеме на работу.

Данный подход позволяет выбрать работников наиболее всего ориентированных на получение работы в данном трудовом коллективе.

Простейшим вариантом решения вопроса оптимизации работы по управлению персоналом является применение мер поощрения сотрудников за выполнение заданий. Это значит, что работник получает определенное вознаграждение, проявляя активность в деятельности предприятия, если он, например, выполнил или перевыполнил месячный план, написал научную публикацию и др. Это может быть предоставление отгула или же выплата премии. Кроме этого, компании, которые заняты в сфере рекламы и торговли, предлагают сотрудникам оклад и стимулируют их деятельность процентами, которые получены от оказанных услуг или выполненной работы.

Таким образом, оценка эффективности управления персоналом и особое внимание к этой проблеме является предпосылкой успешного функционирования и развития современной организации, поскольку она позволяет активно влиять на ее текущее состояние, определять направления организационных изменений и определять приоритеты для стратегического развития.

Существует несколько уровней критериев эффективности управления человеческими ресурсами.

Для успешной реализации стратегических целей в области повышения эффективности кадрового потенциала крайне важно изучить факторы, влияющие на производительность труда, своевременное и полное использование резервов роста и совершенствование на основе этой научно обоснованной системы анализа и планирования производительности и оценки эффективности управления персоналом. Высокие темпы роста эффективности управления персоналом в целом и производительности труда в частности обеспечиваются научно обоснованным использованием всего комплекса факторов, влияющих на эффективность управления персоналом. Определение факторов эффективного управления человеческими ресурсами является одним из важнейших направлений стратегии функционирования промышленных предприятий в рыночной системе конкурентного корпоративного бизнеса.

Руководству организаций необходимо, кроме привлечения молодых сотрудников, заботиться о сотрудниках с богатым опытом. Для этой категории персонала необходимо разработать эффективную систему вознаграждений за выслугу лет, которая основана на применении дифференцированного подхода. Осуществление деятельности организаций в рыночных условиях хозяйствования характеризуются меняющимися реалиями, предопределяющими постоянное развитие персонала, чему способствует аттестация сотрудников, которая производится периодически. Совершенствование системы управления кадровым потенциалом с помощью проведения аттестации, предполагает создание комплекса вопросов и ответов работников. В результате проведения аттестации необходимо, чтобы работник мог решать непредсказуемые задачи, искать пути выхода из сложных ситуаций, мыслить логически и быть стрессоустойчивым. В этих целях необходимо менять вопросы традиционные на креативные.

В условиях развития современного бизнеса проводятся различные симпозиумы, семинары, форумы по вопросам, касающимся управления персоналом, на которых работники различных отраслей хозяйства и промышленности обмениваются опытом в организации системы стимулирования работников, выполнения их функциональных обязанностей, организации общественной жизни и отдыха персонала. Необходимо предприятиям продолжать работы в данном направлении, налаживая полезные связи. Важно также учить работников эффективно работать в коллективе и формировать организационную культуру, с помощью которой осуществлять конструктивное влияние на поведение сотрудников и формирование социально-психологической атмосферы в организации [7].

Если коллектив сплочен, то и эмоциональное состояние каждого работника будет стабильным, а, следовательно, способность и желание работать будет повышаться. И наоборот: напряженные отношения в коллективе могут привести в организации к социальному взрыву, который, несомненно, отразится на показателях деятельности предприятия. В данной связи необходимо провести целый ряд мероприятий, которые способствовали бы развитию командного духа на предприятии и помогали бы сплочению коллектива, сокращая негативные издержки. Для решения этого вопроса необходимо предусмотреть проведение посещения коллективом культурно-массовых программ, проведение совместных развлекательных мероприятий. Все это способствует нахождению общих интересов сотрудников и сплочению коллектива.

Для повышения эффективности управления персоналом любой организации необходимо разработать стратегию управления кадрами и принципы работы с ними, произвести оптимизацию структуры управления персоналом, функции и процессы управления, довести до совершенства методы работы с персоналом, а также настроить систему стимулирования и мотивации персонала. Все перечисленные рекомендации по совершенствованию системы управления персоналом нацелены не только на улучшение условий труда сотрудников, но и, в перспективе, позволят организации развиваться более успешно.

Таким образом, кадровый потенциал организации – это обобщающая (количественная и качественная) характеристика персонала как одного из видов ресурсов, связанная с выполнением возложенных на него функций и достижением целей перспективного развития организации; это имеющиеся и потенциальные возможности работников как целостной системы, которые используют и могут быть использованы в определенный момент времени.

Руководителю нужно учитывать, что система управления кадровым потенциалом оказывает влияние на конкурентоспособность как предприятия в целом, так и отдельного сотрудника. Результативность данной системы подтверждается повышением эффективности работы в определенных производственных условиях; уменьшением конфликтов и простоев; повышением мотивации и приверженности сотрудников компании.

Кадровый резерв и политика в области поддержки инициатив являются одним из основных инструментов формирования, раскрытия и наращивания кадрового потенциала организации. Управление кадровым потенциалом организации может разворачиваться в нескольких направлениях: оценка наличия кадрового потенциала, где в качестве объекта изучения выступает сам персонал организации, его ценностные установки, компетенции, способности, мотивы и т. д.; анализ созданных условий и процессов управления для реализации кадрового потенциала в организации, а также инструментов управления кадровым потенциалом.

Список литературы

1. Одегов Ю.Г. Оценка эффективности работы с персоналом: методологический подход: учебно-практическое пособие. – М.: Альфа-Пресс, 2011. – 215 с.
2. Пихало В.Т. Управление персоналом организации: учебное пособие. – М.: Форум, 2014. – 456 с.
3. Бреусова Е. А. К вопросу совершенствования менеджмента персонала в организации / Е. А. Бреусова, В. Ю. Негреева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. – Т. 17. – С. 187–190.
4. Горленко О. А. Управление персоналом: учебник для академического бакалавриата / О. А. Горленко, Д. В. Ерохин, Т. П. Можаява. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – С. 10.
5. Джонова Е.А. Виды нормативных актов, регулирующих управление персоналом в организации // Вестник современных исследований. 2019. -№ 1.14 (28). – С. 18–22.
6. Иванова Л.А. Основы менеджмента. Теория и технология управления: Учебное пособие. – Набережные Челны, 2016. – С. 2.
7. Красавина Е.В. Использование новых подходов при формировании и управлении персоналом предприятия // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2015. – № 1. – С. 37–41.

Тулчеев В.В.

д.э.н., гл.н.с. ВНИИКХ

vtulcheev@list.ru

Жвора С.В.

к.с.-х.н., директор ВНИИКХ

Овс Е.В.

заместитель директора по научной работе ВНИИКХ

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РЫНКА КАРТОФЕЛЯ И ПРОДУКТОВ ЕГО ПЕРЕРАБОТКИ В РОССИИ

Ключевые слова: картофель, кооперация, агропромышленная интеграция, безотходное производство, рост производительности.

Keywords: potatoes, cooperation, agro-industrial integration, waste-free production, productivity growth.

На основе малых форм хозяйствования (МФХ), состоящих из личных (ЛПХ), фермерских (КФХ) хозяйств и малых сельхозорганизаций (СХО), производящих до 93-95% картофеля и овощей открытого грунта (свекла, морковь, лук репчатый, капуста белокочанная), так называемого «борщового набора» в России необходимо создать специализированные сельско хозяйственные производственно-торговые кооперативы (СПТК – вместо потребительских заготовительных посреднических СПоК бывшего Центрхоза), а на базе средних и крупных СХО занимающие остальные 5–7% всех посевных площадей в стране создать агропромышленные предприятия (АПП – типа совхоз-завод) и объединения (АПО холдингового типа).

Посевная площадь под картофелем в 2018 г. согласно данным весеннего учета Росстата по всем категориям хозяйств составила 1328,6 тыс. га, что составляет 1,7% – от всех посевов в стране. По сравнению с 1990 годом объем посевных площадей уменьшился в 1,5 раза, а промышленных посадок с 1318 до 300 тыс. га или в 4,4 раза. По сравнению с 2016 г. площадь посадки картофеля в ЛПХ в 2018 г. сократилась на 685,3 тыс. га. При этом, по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, посевные площади под картофель составляли 1438,3 тыс. га и распределялись следующим образом СХО – 193,9 тыс. га (13,5%), КФХ – 150,6 тыс. га (10,5%), ЛПХ – 1093,8 тыс. га (76%) (Росстат, 2018а).

В целом по России наметилась положительная тенденция увеличения посевных площадей под картофель в КФХ, кроме округов: Северо-Западного (-0,4 тыс. га), Дальневосточного (-0,1 тыс. га).

Фермерские хозяйства (КФХ) в 2018 г. по сравнению с 2017 г., увеличили посевные площади на 6,8 тыс. га. Таким образом, в 2018 г. согласно данным весеннего учета, доля КФХ от общего объема посевных площадей под картофель, составила 10,2%. В Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах промышленное выращивание картофеля преимущественно производится в КФХ, а не в СХО как в Центральном ФО и Приволжском ФО.

В среднем за 2015-2017 гг. валовой сбор в СХО составил 4,4 млн. т (14,0%) КФХ – 2,7 млн. т (8,6%) и в ЛПХ – 24,4 млн. т (77,4%) от производства во всех категориях хозяйств – 31,5% (100%) при средней урожайности 15,6 т/га. Несмотря на валовой сбор картофеля в стране более чем в 2 раза превышающей потребности населения (147 млн. чел. x 100 кг/чел/год) – около 15 млн. т, импорт картофеля увеличился с 559 тыс. т в 2015 г. до 564 тыс. т в 2017 г., а картофелепродуктов с 130,2 до 156,1 тыс. т. Основная масса семенного картофеля поступает из Нидерландов, Германии и Беларуси; молодых клубней – из Египта, Китая и Азербайджана; поздний картофель – из Египта, Пакистана, Китая и Беларуси.

В табл. 1 представлена ёмкость рынка картофелепродуктов в 2017 г. с учетом импортно-экспортных операций.

Таблица 1

Ёмкость рынка и экспорт картофелепродуктов в 2017 г., тыс. т.

Товарные группы картофелепродуктов	2017					
	Производство	Импорт	Экспорт	Ёмкость рынка		Превышение импорта над экспортом, раз
тыс. т				%		
Картофель замороженный	4,3	0,8	0,09	5,01	1,7	8,9
Картофель сушеный	7,0	0,5	0,0005	7,5	2,6	1000
Мука, хлопья, гранулы из картофеля	22,4	7,7	4,6	25,5	8,8	1,7
Картофель приготовленный, консервированный	144,7	129	20	253,7	86,9	6,5
Всего	178,4	138,0	24,7	291,8	100	5,6

Источник: База данных таможенной статистики внешней торговли Российской Федерации. – <http://stat.customs.ru/analytics>

Данные табл. 1 показывают, что из 178,4 тыс. т произведённых в 2017 г. картофелепродуктов картофель замороженный (фри) составил – 4,3 тыс. т, картофель сушеный – 7,0 тыс. т, мука, хлопья и гранулы – 22,4 тыс. т, картофель приготовленный и консервированный – 144,7 тыс. т. На рынке картофелепродуктов импорт (138,0 тыс. т) превышает экспорт (24,7 тыс. т) на 113,3 тыс. т. Суммарный объем картофелепродуктов в России в 2017 г. составил 291,8 тыс. т, в т.ч. картофель приготовленный, консервированный (картофель, порезанный различным способом, подвергнутый термической обработке, замороженный и незамороженный) составил – 253,7 тыс. т.

Огромный потенциал скрыт для отечественных производителей в категории картофель приготовленный, консервированный, так как импорт удовлетворяет 50,8% потребности рынка. На сегодня отечественные производители не могут предоставить торговым сетям продукцию в нужном объеме с конкурентоспособной стоимостью, несмотря на то, что ввозимый продукт облагается НДС и таможенной пошлиной 10%. На это влияют как устаревшие основные фонды, так и нехватка отечественного оборудования и средств для приобретения современных иностранных технологических линий производства с характеристиками вакуумной упаковки и быстрой заморозки. Отсутствие необходимого объема качественного семенного материала вынуждает закупать дорогостоящие иностранные сорта, дающих на и-большой выход картофеля с 1 га, обладая предсказуемо высокой товарностью, что в итоге влияет на выход картофелепродуктов с 1 т сырья. Доминирование на российском рынке картофелепродуктов иностранных производителей можно ликвидировать за счет кооперации КФХ и ЛПХ и СХО в специализированные безотходные СПТК, АПП и АПО, которые будут заниматься выращиванием и переработкой картофеля. Оснащение современными хранилищами, оборудованием и отлаженная система снабжения сортавыми отечественными семенами сельхозпроизводителей при замкнутом цикле производства позволит снизить себестоимость и повысить рентабельность и конкурентоспособность на отечественном и мировом рынках.

Структура реализации картофеля по регионам России и категориям хозяйств представлена в табл. 2 (Росстат, 2018b).

Таблица 2

Структура реализации картофеля по Регионам РФ, тыс. т, %.

Федеральные округа	В среднем с 2015–2017 гг.		в том числе, %		
	тыс. тон	%	СХО	КФХ	ЛПХ
Центральный	3071	36,5	44,3	14,8	40,9
Северо-Западный	343	4,1	27,7	31,2	41,1
Южный	688	8,2	23,8	39	37,2
Северо-Кавказский	581	6,9	16,7	20,5	62,8
Приволжский	1987	23,6	24	11,4	64,6
Уральский	609	7,2	34,5	18,7	46,8
Сибирский	904	10,7	28	14,9	57,2
Дальневосточный	226	2,7	15,5	21,2	63,3
Всего по РФ	8419	100	32	17,5	50,5

Как видно из табл. 2 больше всего в России производят и реализуют картофеля Центральный (36,5%) и Приволжский (23,6%) федеральные округа (ФО). Между тем КФХ превзошли по реализации картофеля в среднем за 2015–2017 гг. коллективные СХО в Северо-Западном, Южном и Дальневосточном ФО.

Структура реализации продовольственного картофеля по каналам сбыта представлена в табл. 3.

Таблица 3

Структура реализации картофеля в СХО по каналам сбыта, тыс. т.

Года	Реализовано всего	Каналы реализации				
		1. Перерабатывающим организациям и организациям оптовой торговли	в т.ч. на рынке через собственные магазины, палатки и киоски	2. Потребкооперация	3. Населению	4. По бартерным сделкам
Столовый (продовольственный для переработки)						
2015	1322,7	1218,9	34,0	0,2	101,9	1,6
2016	1408,3	1312,8	34,5	0,1	92,1	3,2
2017	1197,2	1120,1	32,2	2,3	7,3	1,5
Среднее за периоды	1309,4	1217,3	33,6	0,9	67,1	2,1
100%		93	2,6	0,1	5	0,1
Семенной						
2015	46,7	46,2	0,1	0,02	0,4	0,01
2016	44,6	43,9	0,3	0,03	0,7	0
2017	31,3	30,5	0,3	0	0,8	0
Среднее за периоды	40,9	40,2	0,2	0,025	0,6	0,01
100%		98	0,5	0,06	1,4	0,03

Согласно представленным данным, в среднем за 2015–2017 гг. 93% или 1,2 млн. т приходится на реализацию СХО перерабатывающим, торговым предприятиям, а также на рынке через собственные магазины. К собственной

розничной торговле, в т.ч. на рынках, собственных палатках, киосках магазинах можно добавить ещё 2,6%, что в сумме составляет 95,6% от всех продаж, в то время как реализация по бартерным сделкам и потребкооперации практически прекращена. Остальные 4,2% картофеля реализуются населению.

Средняя цена реализации картофеля в СХО РФ в 2017 г. составила 10,7 руб/кг, в т.ч. через собственные магазины и на рынке – 13,9 руб/кг, населению через систему общественного питания 8,5 руб/кг, по бартеру – 6,9 руб/кг и потребкооперации – 4,8 руб/кг.

Реализация картофеля по ФО и категориям хозяйств в среднем за 2015–2017 гг. представлена в табл. 4.

Таблица 4

Реализация картофеля по ФО и категориям хозяйств, в среднем за 2015-2017 гг.

Федеральные округа	Все категории	Сельскохозяйственные организации (СХО)		Крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ)		Хозяйства населения (ЛПХ)	
	тыс. т., 100%	тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%
РФ	8419	2691	32,0	1471	17,5	4257	50,5
ЦФО	3071	1359	44,2	454	14,8	1258	41,0
С-ЗФО	343	95	27,7	107	31,2	141	41,1
ЮФО	688	164	23,8	268	39,0	265	37,2
С-КФО	581	97	16,7	119	20,5	365	62,8
ПФО	1987	477	24,0	226	11,4	1283	64,6
УФО	609	210	34,5	114	18,7	285	46,8
СФО	903	253	28,0	135	15,0	517	57,0
ДФО	226	35	15,5	48	21,2	144	63,3

Из данных табл. 4 следует, что более 50% картофеля на рынке страны реализуют ЛПХ, 32,0% – СХО и 17,5% – КФХ, прорываясь в розничную сеть, кто как может, так как с владельцами МФХ крупные торговые сети и перерабатывающие заводы практически не работают, так как их интересуют круглогодичные поставки продукции в больших объёмах.

Несмотря на значительное снижение объемов производства и реализации в ЛПХ, они продолжают играть большую роль в обеспечении населения картофелем при его низкой товарности (Росстат. 2018с). Уровень товарности картофеля во всех категориях хозяйств в 2017 г. составлял 27,7%, положительные темпы роста обеспечены за счет повышения товарности в КФХ на 6,5%, тогда как в СХО снизились на 0,8% и составили 66,5%, в хозяйствах населения – 17,4%.

Таким образом, товарность картофеля в ЛПХ в среднем за 2015-2017 гг. составила 17,4% или в 3,2 раза ниже, чем в КФХ и 3,6 раза чем в СХО. Стабильно из года в год товарность клубней увеличивается лишь в КФХ, доказывая, что фермер может конкурировать с СХО и ЛПХ, демонстрируя рост продаж картофеля по отношению к соевому урожаю.

Уровень обеспеченности населения России картофелем в перспективе будут формировать в основном КФХ, СХО и созданные ими СПТК, АПП и АПО, которые неизбежно будут выращивать клубни промышленным способом и все больше и больше вытеснять мелкие ЛПХ на картофельном рынке. Урожайность картофеля с единицы площади в СХО и КФХ остается низкой (258 ц/га и 206 ц/га) по сравнению с западными сельхозпроизводителями. Этого недостаточно для обеспечения населения картофелем. Для профессионального сельского хозяйства важно сделать потребителя менее зависимым от его сада, покупая высококачественный свежий картофель и продукты его переработки в розничной торговле, лучше и «шаговой» доступности, на что способны СПТК.

Анализ цен показывает, что ситуация на рынке картофеля обычно характеризуется достаточно четко выраженными сезонными колебаниями. В первом полугодии объемы предложения картофеля на рынке складываются из запасов его на начало года, но основной объем реализации (около 75% от годового объема) приходится на второе полугодие, когда на рынок поступает новый урожай. В этот период цены производителей начинают снижаться, что влечет за собой снижение потребительских цен. Обычно самыми низкими они бывают в сентябре-октябре, а самыми высокими в мае-июле. Сезонные колебания цен в 2015–2017 гг. в основном соответствовали многолетним колебаниям цен, однако среднемесячный уровень цен в 2017 году был несколько выше, чем в 2016 году.

Уровень потребительских цен на картофель практически в 2 раза превышает уровень цен производителей, что указывает на необходимость СПТК создавать свои магазины без многочисленных посредников, которые сегодня незаслуженно обогащаются за счет производителей картофеля.

В 2017 г. средние цены производителей составили 11,6 руб/кг, а средний уровень цен потребителей – 26,9 руб/кг, или в 2,3 раза выше, которую могли бы иметь фермерские СПТК, при наличии собственной розничной сети. Однако потребительские цены растут быстрее цен производителей, так в 2017 году средний рост производителей по отношению к 2016 г. составил 13%, а средний рост потребительских цен достиг 22,8%. При таком диспаритете цен большая часть прибыли оседает в магазинах, а не у сельхозпроизводителей. Отечественным сельхозпроизводителем остается минимум, которого не хватает даже для покупки семян, удобрений, тем более для строительства хранилищ в нужном объеме. Такая ситуация вынуждает осуществлять отгрузку клубней посредникам сразу после уборки за бесценок вместо равномерной продажи в течение года, когда цена выше зимой, весной и летом в собственных магазинах «шаговой» доступности, в кооперативных пригородных логистических центрах (по заказам предприятий общественного питания и госснабжения), а также на фермерских продовольственных рынках со своими продавцами, директорами и охраной.

Необходимо увеличение объемов производства сертифицированного семенного материала картофеля отечественных сортов, отличающихся высокой урожайностью, товарным качеством, устойчивостью к болезням, пригодных для переработки, что является одним из ключевых факторов стабильного и рентабельного ведения отрасли картофелеводства, а следовательно и самообеспеченности Российской Федерации картофелем.

Анализ сортового состава картофеля, представленного в Госреестре, показывает, что за 2018 г. увеличилось количество сортов именно российской селекции. Так, допущено к использованию на территории России 17 сортов, из них: 12 сортов – российской селекции, 5 сортов – иностранной селекции. Из 12 сортов российской селекции 5 сортов выведены селекционерами ВНИИКС.

Всего в Госреестре в 2018 г. насчитывается 445 сортов картофеля. Из них 240 сортов – отечественные, что составляет 53,9% от общего количества сортов. При этом в 2018 г. в Госреестр было внесено 6 сортов селекции ВНИИКС: Арктика, Бабушка, Варяг, Гулливер, Северное сияние, Смоляночка. Так же в 2018 году были получены патенты на следующие сорта картофеля селекции ВНИИКС: Арктика, Бабушка, Гулливер и Сигнал. По сравнению с показателями 2017 г. доля отечественных сортов в Госреестре выросла на 0,6%. Это свидетельствует о наметившейся тенденции к увеличению количества сортов российской селекции. Вместе с тем, остается большая доля сортов иностранных оригинаторов: 17,6% – Голландия, 14,8% – Германия, 6,3% – Беларусь.

Несмотря на многообразие сортов, представленных в Госреестре, активно на территории России используется всего 8 сортов. Из указанных сортов только 2 принадлежат отечественным селекционерам. Так в 2017 году лидерами по объемам используемого семенного материала были такие сорта, как: Гала, Ред Скарлетт, Невский, Леди Клер, Удача, Розара, Зекура, Венета.

Картофелепродуктовый подкомплекс АПК России на сегодняшний день сталкивается с рядом проблем и барьеров, которые тормозят его развитие, не позволяют 100% обеспечить покупателей отечественным картофелем, переработчиков сырьем, а потребителей готовой продукцией с высокой добавленной стоимостью, а также выйти на мировой рынок. Среди основных препятствий мы выделяем:

- отсутствие эффективных маркетинговых стратегий продвижения отечественного семенного, продовольственного картофеля, а также продуктов его переработки на внутренний и мировой рынок;
- отсутствие координации в производстве и обеспечении сбалансированного спроса и объемов производства, сортового семенного, продовольственного картофеля и ассортимента картофелепродуктов, пользующихся высоким спросом в России, странах ЕАЭС, СНГ, БРИКС и др.;
- недостаток отечественной картофелеводческой и уборочной техники, поточных сортировальных, моечных, перерабатывающих, фасовочно-упаковочных линий и современного высокотехнологичного оборудования по переработке картофеля с выпуском новых видов продуктов из картофеля в специализированных СПТК, АПП и АПО;
- недостаточная обеспеченность КФХ, СХО и их объединений семенным материалом высших репродукций, картофелехранилищами с современными системами поддержания температурно-влажностных режимов и вентиляции, а также цехами товарной подготовки (переработки) картофеля к реализации в торговую сеть;
- морально устаревшая, материально-техническая база селекции, оригинального семеноводства и практическое отсутствие системы обеспечения высококачественным семенным материалом ЛПХ, КФХ, СХО, СПТК, АПП и АПО;
- недостаточность собственных оборотных средств у КФХ и СХО для оформления инвестиционных “дорогостоящих” кредитов на реконструкцию существующих, строительство новых кооперативных картофелехранилищ, приобретение высокопроизводительной с/х техники, и модернизацию системы “поле-потребитель”;
- низкий уровень субсидий, выделяемый государством сельхозтоваропроизводителям для компенсации потерь при форс-мажорных обстоятельствах (засуха, наводнение и т.п.).

На основе проведенных теоретических исследований и полученных данных мы предлагаем основные направления и меры по развитию отрасли картофелеводства в России, которые могут быть использованы для выработки стратегии развития картофелепродуктового подкомплекса АПК РФ на перспективу до 2024–2030 гг., а также планирования его работы в России и в рамках общего аграрного рынка стран-участниц ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС:

- создание системы производства и поставки семенного картофеля в ЛПХ, КФХ и СХО, повышение эффективности использования сортовых ресурсов, прежде всего лучших отечественных селекционных достижений в том числе пригодных к переработке в различные картофелепродукты;
- введение и освоение в полном объеме строго регламентированной схемы сертификации семенного картофеля, основанной на современном отечественном законодательстве, гармонизированной с международными требованиями;
- поэтапный перевод специализированных картофелеводческих СХО, КФХ и товарных ЛПХ на современные промышленные технологии, кооперация и агропромышленная интеграция МФХ, средних и крупных коллективных хозяйств, обеспечивающие снижение затрат труда и средств на производство единицы конечной продукции (элиты, столового картофеля и картофелепродуктов) при минимальных потерях в системе «поле-потребитель»;
- повышение уровня товарности картофеля за счет использования качественного отечественного сортового семенного материала, средств защиты, полива и внедрения современных агротехнологий;
- развитие индустрии переработки картофеля во всех картофелеводческих регионах России и стимулирование с помощью эффективных региональных, федеральных и экспортных госпрограмм и мер реализации сушеных, обжаренных, замороженных, консервированных других картофелепродуктов и модифицированных крахмалов с высокой добавленной стоимостью на внутреннем и мировом рынках;
- повсеместное создание безотходных СПТК, АПП и АПО, а также кооперативных логистических центров, фермерских продовольственных рынков и магазинов «овощи-фрукты» шаговой доступности (в т.ч. передвижных);

- повышение заинтересованности банков инвестировать в безотходные высококорентабельные экспортоориентированные СПТК, АПП и АПО, занимающиеся производством, хранением, переработкой и реализацией картофеля и картофелепродуктов с высокой добавленной стоимостью;

- развитие методов цифровизации в целях автоматизации процессов посадки, выращивания, уборки, транспортировки, хранения, переработки и реализации семенного и продовольственного картофеля, картофелепродуктов и картофельного крахмала на внутреннем и мировом рынках.

Список источников

1. Росстат. (2018а). Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. – М., 2018. – С. 108–111.
2. База данных таможенной статистики внешней торговли Российской Федерации. – <http://stat.customs.ru/analytics>
3. Росстат. (2018b). Реализация сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий за 2017 год. – М., 2018.
4. Росстат. (2018с). Товарность сельскохозяйственного производства. – http://gks.ru/free_doc/new_site/bussiness/sx

Устинова О.Е.

к.э.н. доцент Департамента менеджмента, Финансовый университет
oeustinova@fa.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК МАРКЕТИНГОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ В ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ

Ключевые слова: социальные медиа, маркетинг, инструменты, социальные сети.

Keywords: social media, marketing, tools, social networks.

Традиционная парадигма рекламной коммуникации уступает место цифровому маркетингу и включает все формы социальных сетей в качестве потенциальных инструментов при разработке и реализации маркетинговых стратегий компаний. Социальные медиа стали выступать в качестве инструмента, позволяющего сместить фокус маркетинга с осведомленности на пропаганду. С появлением Интернета и социальных сетей рекламная коммуникация превратилась из массовой модели отношений с потребителями в индивидуальную модель, в центре внимания которой находится конкретный потребитель.

Социальные медиа представляют собой группу цифровых платформ, позволяющих пользователям создавать и обмениваться контентом [9]. Ежегодные исследования поведения пользователей социальных сетей и блогосферы, проводимые американской компанией Forrester Research [6], позволяют выделить их типы:

- создатели, имеющие собственные сайты, ведущие блоги, страницы в социальных сетях;
- собеседники, регулярно обновляющие статус в социальных сетях, участвующие в жизни друзей и знакомых;
- критики, оценивающие и пишущие рецензии на товары либо услуги, участвующие в Интернет-форумах;
- контролеры, использующие новостные ленты и принимающие участие в онлайн-голосованиях;
- активные общественники, имеющие аккаунты в социальных сетях и обновляющие сведения о себе;
- пассивные участники.

Так, ведущая социальная сеть в мире Facebook является наиболее используемой социальной сетью для маркетинга. Платформа была выбрана большинством маркетологов как единственная, самая важная социальная платформа для их бизнеса. Twitter и LinkedIn также были популярны среди маркетологов, и соответственно 62 и 56% маркетологов утверждают, что используют эти платформы. Это предпочтение Facebook напрямую влияет на общий доход компании, поскольку реклама является основным источником их доходов. Instagram Facebook также завоевывает популярность среди маркетинговых профессий [16].

Социальные сети предоставили пользователям открытую платформу, где они могут подключаться, сотрудничать и совместно создавать контент для себя и других. Этот пользовательский контент воспринимается как более заслуживающий доверия и, как было установлено, оказывает большее влияние на поведение потребителей и решения о покупке. Эти изменения в отношениях между потребителем и брендом создают новые сложности и возможности для маркетологов. Маркетологи находятся в затруднительном положении, поскольку как офлайн, так и онлайн взаимодействие между брендом и потребителем могут иметь немедленные глобальные последствия из-за вирусного распространения информации в социальных сетях. Тем не менее, социальные сети предоставляют бесценную возможность для создания устойчивых связей с потребителями, а также для создания и содействия продвижению бренда.

Успех таких социальных сетей, как Facebook, Orkut, MySpace и Twitter, привлек внимание исследователей и практиков бизнеса во всем мире. Маркетологи начали рассматривать социальные сети как новый инструмент для создания выгодных отношений с потребителями. Исследователи предполагают, что онлайн-среда может предоставить брендам структурные преимущества, масштабируемость и технологические преимущества с точки зрения лояльно настроенной клиентской базы, онлайн-данных о потребителях и новых концепциях компаний [5]. В последнее время бренды начали выделять значительную часть своих маркетинговых бюджетов на маркетинг в социальных сетях. Однако маркетологи до сих пор не знают, как измерить влияние стратегии в области социальных сетей и ее вклад в итоговые показатели, а также как использовать социальные сети для построения и поддержания отношений, создающих ценность, со своими клиентами [11].

В целях повышения эффективности маркетинга его направленность сместилась с ориентации на продукт и сегмент на ориентацию на клиента и на отношения [15]. Эта новая маркетинговая парадигма, основанная на отношениях, побуждает маркетологов использовать интерактивные элементы в своей стратегии. Маркетинг в социальных сетях предоставляет некоторые преимущества для компаний. Так, помимо возможности свободного обмена идеями и информацией среди своих клиентов, он позволяет им поддерживать обратную связь с брендами. Это помогает снизить предвзятости потребителей по отношению к ним, тем самым повышая ценность бренда [10]. Активно участвуя в онлайн-беседах, компании могут направлять и расширять возможности общения, делая контент более осмысленным и целенаправленным посредством совместной работы в маркетинговых кампаниях.

В своей работе «Присоединяйтесь к беседе» J. Jaffe подчеркивает значение социальных сетей как точки доступа к «серии бесконечно насыщенных, динамичных, приятных, крепких, аутентичных и значимых разговоров, происходящих там» [8]. В отличие от традиционных методов исследования рынка, социальные сети предоставляют возможность взглянуть на мнение потребителя в режиме реального времени, прислушиваясь к разговорам с потребителем, а также дают возможность потребителю предоставить обратную связь в реальном времени [4].

Социальные медиа выступают в качестве Интернет-ресурсов, позволяющих обмениваться информацией любого формата, включая текст, картинки, музыку, видео. Они формируют у пользователя интерес к общей платформе с контентом. Потребители в социальных сетях весьма разнообразны: такие платформы, как Facebook или Google+, в значительной степени ориентированы на обмены между друзьями и семьей и постоянно продвигают взаимодействие с помощью таких функций, как обмен фотографиями или статусами, а также социальные игры. Другие социальные сети, такие как Tumblr или Twitter, посвящены быстрому общению и называются микроблогами. Некоторые социальные сети фокусируются на сообществе; другие выделяют и отображают пользовательский контент. Ведущие социальные сети обычно доступны на нескольких языках и позволяют пользователям общаться с друзьями или людьми через географические, политические или экономические границы. Приблизительно два миллиарда Интернет-пользователей используют социальные сети, и ожидается, что эти цифры будут расти по мере использования мобильных устройств и мобильные социальные сети все больше набирают обороты.

Самые популярные социальные сети обычно отображают большое количество учетных записей пользователей или активное участие пользователей. Например, лидер рынка Facebook был первой социальной сетью, которая превысила один миллиард активных пользователей в месяц, тогда как недавний новичок Pinterest был самым быстрым независимо запущенным сайтом, который достиг 10 миллионов уникальных ежемесячных посетителей. Большинство социальных сетей с более чем 100 миллионами пользователей возникли в Соединенных Штатах, но европейские сервисы, такие как VK или китайские социальные сети Qzone и Renren [16], также получили широкую популярность в своих регионах благодаря местному контексту и контенту.

Использование социальных сетей является одним из самых популярных онлайн-мероприятий. По оценкам, в 2018 году во всем мире социальными сетями пользовались 2,65 миллиарда человек, и, согласно прогнозам, в 2021 году их число увеличится почти до 3,1 миллиарда. Проникновение социальных сетей во всем мире постоянно увеличивается, и по состоянию на январь 2019 года этот показатель составлял 45 процентов [17]. Ожидается, что эта цифра будет расти по мере того, как менее развитые цифровые рынки будут догонять другие регионы, когда дело доходит до развития инфраструктуры и доступности дешевых мобильных устройств.

Чтобы использовать маркетинг в социальных сетях в качестве эффективных инструментов, необходимо понимать, как отдельные лица и сообщества пользователей используют онлайн-социальные взаимодействия для различных целей. Важно отметить, что каждое новое социальное медиа основывалось на своих предшественниках и далее, служило появлению следующего. Различные виды маркетинга в социальных сетях классифицируются на основе их основной цели (табл. 1).

Таблица 1

Виды социальных сетей

Наименование	Цель
Социальные сети (Facebook, LinkedIn и др.)	общение с друзьями, семьей и знакомыми
Блоги (Wordpress)	создание цифрового контента с целью асинхронного обмена им с аудиторией
Микроблоги (Twitter)	ежедневное общение, обмен информацией или URL-адресами, сообщения о новостях
Платформы общественного мнения (Tripadvisor)	распространение опыта, знаний, советов, оценок и отзывов другим пользователям
Сайты социальных закладок	классификация и выделение контента для личного и чужого пользования
Платформы для обмена (YouTube)	деление контентом (видео, документы, аудио, фотографии)
Платформы для совместной работы (Википедия)	координация усилий для достижения общей цели или задачи

С распространением платформ социальных сетей электронное «сарафанное радио» стало ключевым направлением исследований в них. Важные вопросы касались того, как и почему потребители обмениваются информацией о продуктах в Интернете, каковы предпосылки для онлайн-влияния и как онлайн-разговоры влияют на отношение потребителей и их поведение при совершении покупки. На этом этапе также участвовали исследователи, признающие потенциал социальных сетей в качестве маркетингового инструмента, который может повысить или ослабить отношения между брендом и потребителем.

Использование различных каналов социальных сетей и их доступность являются ключевыми факторами успешной многоканальной стратегии [2]. При этом доступность к различным каналам является существенной движущей силой положительного потребительского опыта [7]. Такой подход обеспечивает потребителю своевременность и простоту доступа к товару или услуге, что в конечном итоге отразится на росте продаж. Компании стремятся выбирать доступные и широко распространенные социальные каналы клиента, они используют системы, не требующие дополнительных усилий для понимания. Хорошо интегрированная многоканальная стратегия приводит к тому, что клиенты воспринимают фирму как единое целое с его дополнительными цифровыми альтернативами.

Список литературы

1. Akar E., Topcu B. An Examination of the Factors Influencing Consumers' Attitudes Toward Social Media Marketing. *Journal of Internet Commerce*, 2011, 10, 35–67.
2. Pozza D. Multichannel management gets «social» // *Eur. J. Mark.* 2014. – Vol. 48, N 7/8. – P. 1274–1295.
3. Drury G. Opinion Piece: Social Media: Should Marketers Engage and How Can it be Done Effectively? // *Journal of Direct, Data and Digital Marketing Practice*. 2008. – Vol. 9, N 3. – P. 274–277.
4. Chen J.S., Ching R., Tsai H.T., Kuo Y.J. Blog Effects on Brand Attitude and Purchase Intention // *2008 International Conference on Service Systems and Service Management*. 2008. – P. 1–6.
5. Edelman D.C. From the Periphery to the Core: As Online Strategy Becomes Overall Strategy, Marketing Organizations and Agencies Will Never Be the Same // *Journal of Advertising Research*. 2007. – Vol. 47, N 2. – P. 130–134.
6. Global Social Media Adoption in 2011: a Social Computing Report. January 04, 2012. – <http://www.forrester.com/Global+Social+Media+Adoption+In+2011/fulltext/-/E-RES60605?objectId=RES60605>
7. Hanna R., Rohm A., Crittenden V.L. We're all connected: the power of the social media ecosystem // *Bus. Horiz.* 2011. – Vol. 54, N 3. – P. 265–273.
8. Jaffe J. *Join the Conversation*. – Hoboken (NJ): John Wiley and Sons, 2007.
9. Kaplan A., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media // *Bus. Horiz.* 2010. – Vol. 53, N 1. – P. 59–68.
10. Kim A.J., Ko E. Do Social Media Marketing Activities Enhance Customer Equity? An Empirical Study of Luxury Fashion Brand // *Journal of Business Research*, 2012. – Vol. 65, N 10. – P. 1480–1486.
11. Kumar P., Hsiao M., Chiu B. Generations of Consumers and the Consumer Generated // *Journal of Integrated Marketing Communication*. 2009. – P. 20–26.
12. Landry E., Ude C., Vollmer C. HD Marketing 2010: Sharpening the Conversation. – http://www.booz.com/global/home/what_we_think/reports_and_white_papers/ic-display/41901826
13. Lewis B.K. Social Media and Strategic Communication: Attitudes and Perceptions Among College Students // *Public Relations Journal*. 2010. – Vol. 4, N 3. – P. 1–23.
14. Parr B. It's Time We Defined Social Media. No More Arguing. Here's the Definition. – <http://benparr.com/2008/08/its-time-we-defined-social-media-no-more-arguing-heres-the-definition/>
15. Sheth J.N., Sisodia R.S., Sharma A. The Antecedents and Consequences of Customer-Centric Marketing // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2000. – Vol. 28, N 1. – P. 55–66.
16. <https://www.statista.com/statistics/456785/social-media-advertising-revenue-device-digital-market-outlook-worldwide/>
17. <https://www.statista.com/statistics/269615/social-network-penetration-by-region/>
18. <https://www.statista.com/statistics/456785/social-media-advertising-revenue-device-digital-market-outlook-worldwide/>

Филин С.А.

д.э.н., профессор кафедры организационно-управленческих инноваций, Российский экономический университет
Filin.SA@rea.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ¹

Ключевые слова: инновационная бизнес-модель, система управления, инфокоммуникационные технологии, коммерческая организация.

Keywords: innovative business model, management system, infocommunication technologies, commercial organization.

Введение. С каждым годом бизнес развивается все стремительнее, охватывая всё новые сферы деятельности, что ведет к изменениям, делающим задачу управления коммерческой организацией более приоритетной. В постоянно меняющемся мире коммерческой организации необходимо ежедневно вести статистику по показателям, оценивать риски как внутри, так и ситуацию в её окружении. Кризис может привести коммерческую организацию к большим потерям, а возможно и к закрытию бизнеса, если она не сумеет быстро перестроить свою бизнес-модель.

Существует много проблем, с которыми может столкнуться коммерческая организация – высокие цены, затрудняющие привлечение потенциальных клиентов, и высокие издержки, ограничивающие темпы её развития. Любые перемены (появление новых продуктов, качество предоставляемых услуг, потребности потенциальных клиентов, изменение мировых тенденций) будут влиять на применяемую в коммерческой организации бизнес-модель. На рынке появляются новые конкуренты, выстраивающие новые бизнес-модели, например, стратегии развития. Как следствие, для устранения выше перечисленных проблем любую бизнес-модель, в том числе и для системы управления, необходимо постоянно совершенствовать. Поэтому сложно построить бизнес-модель системы управления, которая отвечала бы основным требованиям коммерческих организаций, и это усложняет процесс их развития.

Инновационному развитию коммерческой организации препятствует непонимание роли бизнес-модели системы управления, вследствие чего возникает ряд проблем. Прежде всего это трудности, связанные с необходимостью генерировать новые бизнес-идеи категориями бизнес-моделей систем управления и вне шаблонов и рамок доминирующей в данной отрасли логики ведения бизнеса. Владельцы и топ-менеджмент коммерческой организации часто предпочитают реальные категории в виде продуктов (технологий, услуг), которые можно увидеть и опробовать. Большинству из них гораздо труднее оперировать такими абстрактными понятиями как бизнес-модель системы управления.

Также это недостаток системных инструментов, способствующих творческому мышлению, без которого разработка инновационных бизнес-моделей системы управления затруднена.

Бизнес-модели систем управления помогают создавать успешные коммерческие организации, но внедрение инновационных и развитие существующих бизнес-моделей систем управления является проблематичным вследствие риска, связанного с внедрением инноваций, и шаблонного мышления владельцев и топ-менеджмента коммерческой организации.

Успешным примером внедрения инновационной бизнес-модели системы управления является АО «Тинькофф Банк», который создал абсолютно новое банковское обслуживание, что привело к увеличению его клиентской базы и активов. Банк стал работать дистанционно с клиентами и предложил им новый мобильный банк с использованием мобильного приложения, позволяющего использовать все услуги (банковские продукты) банка.

В настоящее время системы управления в коммерческих организациях в России находятся в активной стадии развития. Однако имеют место внешние и внутренние факторы, препятствующие внедрению международных стандартов в сфере бизнес-моделирования управления [1]: структурированная экономическая политика не ориентирована на долгосрочную перспективу и во многом зависит от внутренних политических интересов; высокая степень концентрации собственности у одного или группы владельцев; неразвитый фондовый рынок. Негативным фактором является также несовершенное законодательство

Одна из немаловажных проблем, с которыми сталкиваются коммерческие организации, – это качество их инновационной и корпоративной культуры. Большая часть коммерческих организаций в России предполагает строгую дисциплину для сотрудников, что чаще всего является неэффективным. В коммерческих организациях ЕС топ-

¹ Статья написана в рамках НИР по грантам РФФИ по проектам № 17-26-03003 «Влияние социокультурной и экологической среды на этику и мировоззрение современного педагога как субъекта формирования личности, образа жизни и инновационного мышления обучающихся в России и Монголии» и № Монг_а 20-510-44005 «Разработка теории и методологии интеграции инновационных секторов экономики России и Монголии».

менеджмент предпочитает индивидуальный подход к сотрудникам, а именно: плавающий график, четкую формулировку сроков и задач. Необходимо строить инновационную и корпоративную культуру таким образом, чтобы максимально повысить эффективность, прежде всего, творческую сотрудников.

В настоящее время появляется всё больше молодых специалистов в разных сферах коммерческой деятельности, вследствие чего еще одной проблемой развития бизнес-модели системы управления является текучесть кадров. Если команда постоянно меняется, коммерческой организации каждый раз необходимо выстраивать новые бизнес-процессы и менять бизнес-модель системы управления в целом.

Реклама, предоставляемая контрагентами часто не соответствует реальности и многие функции приходится дорабатывать в ходе внедрения соответствующего бизнес-процесса. Причем данная процедура является, как правило, затратной, так как даже после перехода на новую бизнес-модель системы управления необходимо провести обучение сотрудников работе с новым бизнес-процессом.

Сложностью в построении эффективной бизнес-модели системы управления коммерческой организации может стать неправильный подбор целевой аудитории, поэтому необходимо понимать, какой продукт будет создаваться и для каких клиентов.

В настоящее время при построении бизнес-модели системы управления важным фактором является развитие инфокоммуникационных технологий (ИКТ), это в общем случае обеспечивает экономическое развитие коммерческих организаций в современном мире, позволяет им экономить ресурсы и сокращать затраты. В бизнесе появилась возможность, опираясь на статистические данные, оценить перспективы развития на ближайшее будущее и дать оценку предполагаемым запросам клиентов. Учитывая это, ведущие производители бизнес-моделей систем управления приступили к интеграции бизнес-интеллекта в специфические корпоративные приложения и процессы, направленные на обслуживание потребителей. Современные методы построения бизнес-модели системы управления предполагают использование ИКТ, что позволяет вести бизнес на новом уровне, а также разрабатывать прогнозы.

Однако разработка и внедрение систем управления на основе современных ИКТ может стать как преимуществом, так и недостатком коммерческой организации. Для внедрения таких систем управления необходимо иметь в штате высококвалифицированных специалистов, способных построить и поддерживать необходимые бизнес-процессы и новую бизнес-модель системы управления в рабочем состоянии. Большинство таких специалистов работает в коммерческих организациях, где предлагают высокую заработную плату и благоприятные условия труда. Небольшие коммерческие организации часто имеют лишь одного такого специалиста и при его потере найти замену довольно проблематично, особенно если это предполагает работу с масштабными базами данных, построением консолидированной и т.д.

В постоянно меняющемся мире успех развития коммерческих организаций зависит от постоянной корректировки их управленческих и инвестиционных решений в сегменте рынка, где им удалось закрепить свой основной бизнес, поиске новых направлений деятельности и производственных и маркетинговых бизнес-идей. То же самое можно сказать о «молодых» коммерческих организациях: чтобы занять свое место на рынке, им необходимо достичь определенных целей, реализовать уникальную цель, обеспечивающую их конкурентоспособность. При этом управление адаптацией бизнес-модели требует постоянной корректировки, поэтому данная модель должна учитывать вмешательство топ-менеджмента в зависимости от условий, складывающихся в коммерческой организации и во внешней среде.

Особенность бизнеса в коммерческой организации состоит в том, что быстрые изменения в ней увеличивают информационный разрыв между тем, что имеется в коммерческой организации, и тем, что требуется её подразделениям. Устранить возникающее при этом несоответствие позволяет управление адаптацией бизнес-модели. В настоящее время всеобъемлющая оценка корпоративных ценностей становится объективнее в контексте полной бизнес-модели системы управления. Четкое управление бизнес-моделью позволяет топ-менеджменту объективнее анализировать и понимать соотношение доходов и затрат. А изменения, вносимые в такую модель, открывают новые возможности повышения доходности бизнеса.

Важнейшей задачей любой коммерческой организации является построение бизнес-модели системы управления, способной увеличить её основные показатели: прибыль, количество клиентов, минимизировать затраты и риски. Кроме того, данная бизнес-модель должна допускать возможности доработать ее или внести изменения.

Существующие бизнес-модели систем управления хотя и позволяют совершенствовать управление в коммерческой организации, но и они требуют доработок, в зависимости от её уникальных особенностей и структуры. Все это ведет коммерческую организацию к разработке стратегии, а именно: к адаптации к специфике коммерческой организации и к изменяющимся внешним условиям при реализации стратегии. Стратегия коммерческой организации – это комплексный план управления, который должен укрепить её положение на рынке и обеспечить координацию усилий, привлечение и удовлетворение потребителей, успешную конкуренцию и достижение глобальных целей. Процесс выработки стратегии основывается на тщательном изучении всех возможных направлений развития и деятельности и заключается в выборе общего направления, привлекаемых ресурсов и моделей ведения бизнеса, методов конкуренции, обслуживаемых потребностей, осваиваемых рынков [2].

При разработке бизнес-модели большинство опирается на основные методы ее построения, а, следовательно, и стратегии коммерческой организации. На рис. 1 показана схема итераций при разработке стратегии коммерческой организации.

Многие владельцы и топ-менеджмент в последнее время стремятся вводить новшества в свои бизнес-модели, понимая, что успешное будущее зависит от их инновационного развития. Инновационная бизнес-модель позволяет не только увеличивать показатели коммерческой организации, но и создавать новые, уникальные на рынке продукты (технологии, услуги). При этом растущий уровень конкуренции и усложнение условий ведения бизнеса требуют внедрять новые, более совершенные бизнес-модели, которые должны функционировать одновременно в следующих на-

правлениях: 1) располагать новыми механизмами выхода на рынки – распространения товара или услуги; 2) иметь новую оргструктуру; 3) включать новые системы производства, методы предложения услуг клиентам; 4) понимать новые ценности (источники дифференциации); 5) работать с новыми товарами и услугами; 6) учитывать сегменты и предпочтения клиентов и новые источники прибыли.

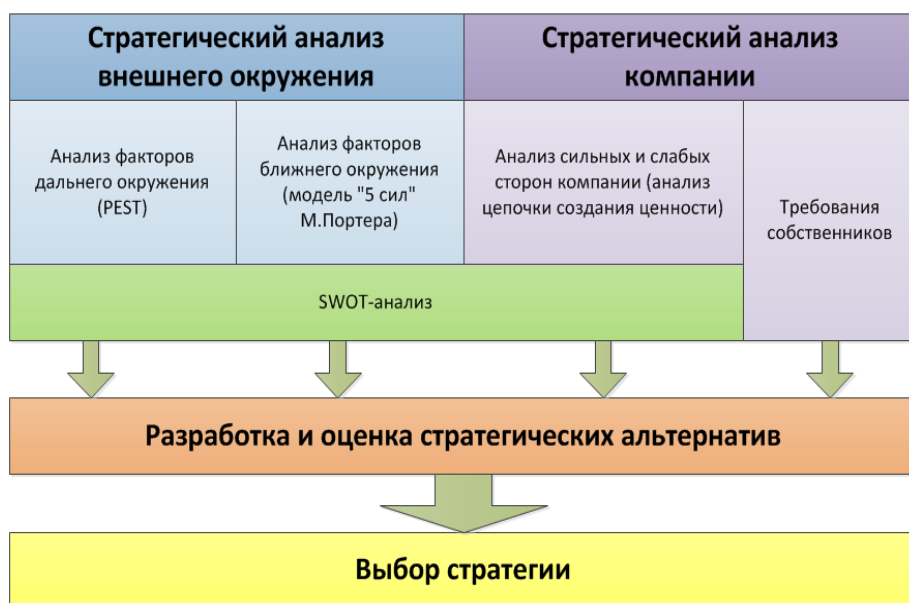

Рисунок 1.
Схема процесса определения стратегии коммерческой организации [3]

Успешность инновационной бизнес-модели – в том, что она должна быть пионерной не только для конкретной коммерческой организации, но и для сегмента рынка в целом. Это не обязательно должен быть полученный с её помощью продукт (технология, услуга), которых раньше не было. Упор следует делать на принципиально новые способы их предложения и работы с целевой аудиторией. Именно разработка и внедрение инновационных бизнес-моделей помогают эффективно бороться с конкурентами, позволяя оперативно реагировать на изменение расстановки сил в соответствующем рыночном сегменте. Инновации, внедряемые в привычные сферы, способны серьезно снизить эффективность деятельности конкурентов и заставить их уступить лидерские позиции.

К методам, которые наиболее часто применяются, например, в банках, относятся: 1) анализ и минимизация операционных рисков бизнес-процесса [4]; 2) анализ матрицы распределения ответственности и бизнес-логики бизнес-процесса; 3) расчёт и изменение фрагментарности процесса; 4) анализ и оптимизация бизнес-процессов на основе показателей (KPI); 5) расчёт и анализ трудоемкости и длительности бизнес-процесса; 6) метод функционально-стоимостного анализа (ФСА) и имитационного моделирования; 7) краудсорсинг; 8) бенчмаркинг; 9) метод причин-следствий (Cause and Effect Diagram); 10) SWOT-анализ [5]. Представим общую схему развития и оптимизации на примере деятельности коммерческого банка (рис. 2).

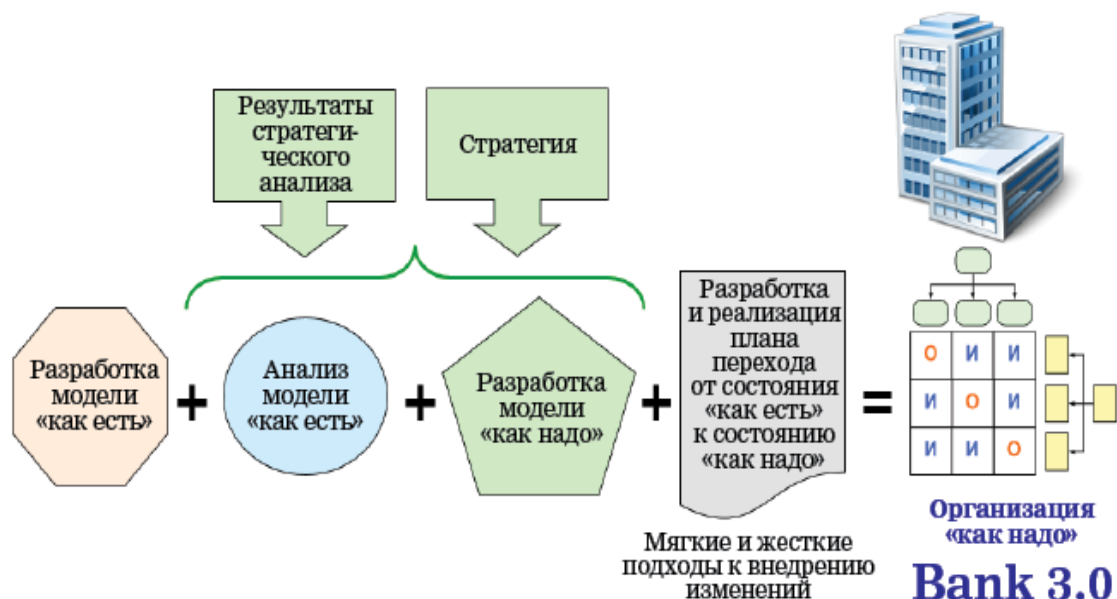

Рисунок 2.
Схема развития и оптимизации деятельности банк [6]

Данная схема показывает, что недостаточно проанализировать и усовершенствовать бизнес-модели и деятельность банка. Важно правильно перейти в новое, желаемое состояние, к бизнес-моделям «как надо». Любые изменения и перемены особенно в такой устоявшейся структуре, как коммерческий банк, происходят довольно трудно и встречают большое сопротивление среди сотрудников, привыкших к традиционным правилам работы.

Рекомендации

Для успешного внедрения изменений необходимо разработать детальный план перехода к желаемому состоянию «как надо», включая специальные мероприятия по повышению лояльности сотрудников к изменениям. Для управления изменениями в крупных банках работают специальные отделы организации и контроля изменений. При этом изменения не обязательно могут проводиться при периодическом анализе и совершенствовании бизнес-моделей. Они могут проводиться по заявкам подразделений банка, при изменении внешней среды (указаний регулирующих органов, требований клиентов и рынка и т.д.).

При разработке бизнес-модели необходимо научно обоснованно ставить цели и задачи, постоянно анализировать рынок и конкурентов, учитывать большое число факторов (от внутренней структуры коммерческой организации до ситуации на рынке и анализа конкурентов и потенциальных клиентов), от которых зависят показатели эффективности деятельности коммерческой организации [7]. Нельзя рассчитывать на то, что построенная бизнес-модель системы управления будет работать всегда, наоборот, этот процесс будет непрерывно совершенствоваться и развиваться. Способность топ-менеджмента управлять такими процессами и отличает хороших руководителей, которые могут подстраивать данную бизнес-модель в своей коммерческой организации и работать максимально эффективно.

Специалисты по разработке и внедрению бизнес-моделей являются ценными «человеческим» капиталом для любой коммерческой организации [8], так как имеют опыт работы в данной сфере: их необходимо уметь удерживать.

Появление новых продуктов также оказывает большое влияние на бизнес-модель организации, поэтому необходимо отслеживать: 1) конкурентов и мировые тенденции, позволяющие развивать бизнес; 2) качество предоставляемых услуг, подстраиваясь под потенциальных клиентов. Любые перемены будут влиять на существующую бизнес-модель, что потребует её доработки.

Выводы

1. В современном мире достаточно сложно создать идеальную бизнес-модель для управления бизнесом коммерческой организации, вследствие чего в условиях постоянно меняющейся экономической среды топ-менеджменту необходимо принимать управленческие решения по её корректировке с целью повышения эффективности развития коммерческой организации при изменении условий ведения бизнеса. Современные технологии позволяют находить слабые стороны управления бизнесом коммерческой организации и менять направление развития.

2. Наличие бизнес-модели системы управления позволяет коммерческой организации быстро адаптироваться к современным условиям на рынке, отслеживать внутреннее функционирование своего бизнеса. Наличие комплексной бизнес-модели, включающей бизнес-модель системы управления, оптимизирует приоритетные бизнес-процессы и области деятельности коммерческой организации без привлечения внешних консультантов. Но при её внедрении необходимо учитывать особенности коммерческой организации.

3. В настоящее время существенное преимущество в виде улучшения показателей бизнеса дает использование всё более современных и эффективных ИКТ в бизнес-моделях. Также, появляется все больше специалистов в данной отрасли, разрабатывающих и внедряющих новые инновационные бизнес-модели, обеспечивающие конкурентные преимущества на рынке. При этом существует необходимость в подготовке ИТ-специалистов для коммерческих организаций в данной сфере [9]. Такие сотрудники позволят повысить эффективность бизнес-процессов функционирования коммерческой организации на основе применения современных инновационных бизнес-моделей. И здесь важны правильная кадровая политика и обеспечение условий труда, способных удерживать сотрудников и повышать эффективность их деятельности.

4. Бизнес-модель системы управления в российских коммерческих организациях сочетает в себе особенности и преимущества нескольких бизнес-моделей, используемых за рубежом. Поэтому речь идёт о развитии российской уникальной бизнес-модели коммерческой организацией [10] и, возможно, национальной системы управления в целом [11].

5. Способность топ-менеджмента использовать бизнес-модель системы управления коммерческой организацией позволяет оптимизировать бизнес-процессы.

Список литературы

1. Олейников Е.А., Филин С.А., Муравьев А.С. Использование многофакторных моделей при принятии инвестиционных управленческих решений // Экономический анализ: теория и практика. 2003. – № 8 (11). – С. 18–25.
2. Великороссов В.В., Филин С.А., Копылова Н.А. Модели стратегического управления коммерческими организациями в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2019. – Т. 15, № 11 (380). – С. 2001–2014.
3. Исаев Р.А. Инструменты бизнес-моделирования и особенности его применения // Управление в кредитной организации. 2012. – № 4.
4. Филин С.А. Государственное регулирование банковских рисков при инвестировании реального сектора экономики // Банковское дело. 2000. – № 3. – С. 2–7.

5. Трубникова А.О., Юричук Е.П., Филин С.А. Особенности корпоративного управления малого бизнеса // Инструменты и методы коммерциализации инноваций в современной концепции менеджмента. Т. 2. – М.: КноРус. 2019. – С. 70–72.
6. Исаев Р.А. Банк 3.0: стратегии, бизнес-процессы, инновации. – М.: Инфра-М, 2016. – 162 с.
7. Олейников Е.А., Филин С.А., Муравьев А.С. Многофакторные модели по оценке экономического потенциала компании // Экономический анализ: теория и практика. 2003. – № 9 (12). – С. 20–23.
8. Якушев А.Ж., Филин С.А. Человеческий капитал, малое и среднее предпринимательство, социальное партнерство в государстве инновационного типа // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2008. – Т. 4, № 12 (33). – С. 58–69.
9. Филин С.А. Подготовка специалистов для инновационной экономики – основа национальной безопасности России в будущем // Обеспечение национальной безопасности: национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты: Сборник трудов международной конференции / Под ред. Л.П. Гончаренко, С.А. Филина, С.А. Сыбачина, Д.К. Балахановой; Сост. А.Р. Багирзаде. – М.: Спутник +, 2017. – 239 с.
10. Великороссов В.В., Филин С.А., Копылова Н.А. Стратегическое управление коммерческой организацией в современной экономике и ее российская модель // Классический и стратегический менеджмент коммерческой деятельности в современных условиях. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции «Организационно-экономические инновации для цифровой экономики». Посвященной 113-летию образования РЭУ им. Г.В.Плеханова, 75-летию факультета менеджмента. – М.: КноРус, 2019. – С. 9–16.
11. Филин С.А., Якушев А.Ж., Ланчаков А.Б. Периодизация технологического развития человеческой цивилизации как инструмент прогнозирования развития национальной модели управления // Экономические и гуманитарные науки. 2019. – № 8 (331). – С. 95–111.

Фролова В.Б.¹

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА КОРПОРАЦИЙ²

Ключевые слова: технологические платформы, информационные системы, стратегические решения, аналитический инструмент, функции финансового менеджмента, бизнес-процесс, цифровые технологии.

Цифровизация экономики во многом обуславливает главные стратегические ориентиры развития крупных корпораций и государств, определяя формирование качественно новой нормативно-правовой базы, новых технологических платформ и комплексов, информационных систем отраслей в целом и хозяйствующих субъектов, в частности. Именно по этому сценарию идет развитие финансового менеджмента³, когда базовые концепции, на основе которых осуществляется управление финансовыми компаниями, исчерпали свое значение. На смену им приходят новые подходы и модели, учитывающие смену информационной парадигмы финансового менеджмента, сочетающей теоретические разработки и исследования в области финансов, управления, учета и анализа.

С нашей точки зрения, новая парадигма финансового менеджмента определяет разработку и внедрение инновационных подходов к повышению эффективности компании на рынке, полученные теоретические знания могут быть конвертированы в новые технологические решения и концепции, основанные на теоретических знаниях. Разработка новых концептуальных направлений финансового менеджмента происходит сегодня в условиях развития глобальной информационной системы, востребованной в условиях цифровой экономики, что определяет возможности для решения управленческих задач⁴ в условиях рисков и неопределенности внешней среды, обусловленных централизацией функций, а также созданием ее новой архитектуры в части: возможности дальнейшей автоматизации и при необходимости реформирования аналитических или цифровых данных; новых продуктов и технологий для компаний; обеспечения информационной безопасности, поскольку любая информационная система является открытым источником данных о клиентах, сотрудниках компании и проводимых ими операциях; возможности обновления и верификации информационных массивов и их последующей структуризации; использования в качестве универсальных инструментов в совершенствовании ранее разработанных алгоритмов. Соответственно, стратегические ориентиры финансового менеджмента⁵ связаны главным образом с развитием современных информационных технологий на уровне предоставления следующей информации: аналитических источников (электронные средства массовой информации); базово-законодательных источников (консультационные системы); статистических источников (информационно-статистические системы); онлайн источников; вспомогательных источников (программно-финансовые операционные системы).

Информация⁶, получаемая на основе данных аналитических и рейтинговых платформ, представленных как в России, так и за рубежом, значительно шире приведенной выше классификации, однако ее использование официально не определено в законодательных и нормативных документах. Статистическая информация, несмотря на ее значимость, поступает потребителю с большим временным лагом и не всегда является актуальной на момент принятия стратегического решения или использования в качестве аналитического инструмента. Информация, получаемая из биржевых систем, поступает в режиме реального времени, но ее использование также затруднено недостаточным количеством компаний, о которых требуется публичное раскрытие информации. Вспомогательные источники информации на основе использования программно-финансовых и операционных систем, главным образом, определяют возможность автоматизации отдельных функций финансового менеджмента⁷. С нашей точки зрения, приведенный пере-

¹ Фролова Виктория Борисовна – к.э.н., профессор департамента «Корпоративные финансы и корпоративное управление», Финансовый университет. E-mail: viktorinafrolova@mail.ru

² Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

³ Фролова В.Б. Основные направления развития финансового менеджмента корпораций в условиях цифровой трансформации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 352–354.

⁴ Фролова В.Б. Цифровая трансформация моделей корпоративного управления // Финансовая стратегия предприятий в условиях нестабильности экономики 2019. – С. 192–194.

⁵ Фролова В.Б. Стратегические направления финансового менеджмента предприятия // Инновационные процессы в экономике и управлении: состояние, проблемы, тенденции Межвузовская научно-практическая конференция. 2011. – С. 109–113.

⁶ Фролова В.Б. Роль информации в системе корпоративного управления // Путеводитель предпринимателя. – М., 2019. – № 42. – С. 197–203.

⁷ Фролова В.Б. Развитие новых компетенций и функций финансового менеджмента в условиях цифровой экономики // Аудиторские ведомости. 2019. – № 4. – С. 72–75.

чень информационных систем и технологических решений не может в полной мере являться исчерпывающим, поскольку его развитие определяется новыми технологическими решениями для финансового менеджмента будущего.

Основные стратегические ориентиры развития финансового менеджмента¹ в системе глобальных информационных данных связаны с возможностью использования больших информационных данных. Можно выделить системы и технологии, которые сегодня являются наиболее востребованными и массовыми в практике финансового менеджмента, в частности, на сегодняшний день передовые технологические и промышленные компании применяют простую структуру информационных ресурсов для организации текущей работы. Однако использование передовых технологий требует качественно новой системы обучения сотрудников, ориентированной на использование различных информационных ресурсов. В ответ на необходимость совершенствования бизнес-процессов в компаниях возникают новые уникальные системы управления, ориентированные на реализацию краткосрочных стратегий. В качестве примера можно привести IRM систему как новую систему управления информационными ресурсами с целью реализации как краткосрочных, так и долгосрочных стратегий финансового менеджмента корпоративного сектора и холдинговых структур².

Уникальная технология IRM во многом была инспирирована усиливающейся необходимостью использования различных видов информационных ресурсов, в первую очередь в финансовом секторе. Применение данной системы управления целесообразно и для компаний нефинансового сектора, реализующих краткосрочные бизнес-стратегии, где в качестве целевой доминанты выступает корпоративный рост³. Популярность в последние годы приобретают системы управления взаимоотношениями с клиентами на основе технологии CRM, позволяющей выстроить качественно новые коммуникации, ориентированные на конкретные запросы, что позволяет с использованием одного информационного массива: обработать и сохранить всю информацию о клиенте, сопоставив уже используемые сервисы и сервисы, которые в будущем могут быть востребованы; провести обобщение информации о клиенте, сформировав профиль проводимых им операций на основе информации из различных систем и источников; реализовать информационно-аналитические отчеты с целью прогнозирования дальнейших взаимоотношений и коммуникаций с клиентами. В определенном смысле CRM представляет собой информационно-коммуникативную технологию взаимодействия с клиентом на уровне отдельной компании для формирования индивидуального предложения по продуктам или сервисам, а также изучения финансовых показателей по основной деятельности. Фактически CRM выполняет новую для себя роль конструктора отчета в целях финансового менеджмента, который может менять свою конфигурацию и аналитическое наполнение. Кроме того, технологии CRM на сегодняшний день позволяют не только объединить огромное количество источников информации об одном клиенте, но и провести самостоятельный анализ наиболее существенных показателей, участвующих в финансовой аналитике⁴, за определенный промежуток времени, что особенно актуально в условиях построения управления на клиенто-ориентированной основе.

Таким образом, информационный отчет с использованием технологии CRM в целях финансового менеджмента будет представлять собой гибкую аналитическую карту, использование которой позволяет транслировать или привязывать личные данные по клиенту с любыми данными о проведенных операциях, находить любую информацию о действующих операциях с возможностью ее верификации с действующей автоматизированной системой, выявляя реперные точки в бизнес-процессах с целью нивелирования рисков и нежелательных явлений в текущей деятельности.

Растущая популярность интеллектуальных систем управления (далее – ИСУ) и систем, созданных на основе искусственного интеллекта, предопределена необходимостью решения проблем недостаточности контроля и управления, отсутствия масштабируемости цели для анализа данных, необходимостью снизить стоимость готовых информационных решений, использовать многоканальные системы взаимодействия с внешними источниками данных.

В целях реализации функции дистанционного финансового менеджмента ИСУ позволяет решить задачи по обеспечению контрольных процедур в режиме реального времени. Наиболее перспективными направлениями развития ИСУ в целях финансового менеджмента представляются: разработка новых и дополнение уже существующих финансовых индикаторов мониторинга деятельности компаний и организаций; разработка новых методов дистанционного финансового менеджмента по выявлению наиболее существенных рисков; создание уникальной системы контроля за деятельностью сотрудников и клиентов компаний для цели предотвращения отклонений в работе.

Фактически деятельность финансового менеджмента в условиях трансформации финансов и финансовых отношений определяется развитием глобальных информационных технологий⁵, способных выступать в качестве единой фронтальной информационной платформы, включающей в себя дистанционные каналы расчетов, управление финансами, анализ финансовых и поведенческих показателей, финансовых целей и пр.

Широкий взгляд на качественно иные технологии финансового менеджмента позволяет говорить о возможности получения дополнительного источника монетизации информационной инфраструктуры в условиях развития ко н-

¹ Фролова В.Б. Траектория развития финансового менеджмента корпораций // Экономика. Бизнес. Банки. 2019. – № 3 (29). – С. 29–43.

² Фролова В.Б., Саркисян А.Р. Финансовые стратегии холдинга // Путеводитель предпринимателя. – М., 2016. – № 30. – С. 233–238.

³ Фролова В.Б. Развитие финансов корпораций в России // Экономические и социальные аспекты государственного и корпоративного управления 2012. – С. 205–215.

⁴ Фролова В.Б. Исследование критериев финансовой нестабильности // Экономика. Бизнес. Банки. 2017. – № 4 (21). – С. 159–170.

⁵ Фролова В.Б. Практические аспекты применения информационных технологий в области управления финансами организаций // Двадцать третьи апрельские экономические чтения: материалы международной научно-практической конференции. 2017. – С. 136–140.

курении между крупными компаниями и организациями с целью создания финансовых и клиенто-ориентированных сервисов, индивидуальных продуктов и услуг, а также покрытия расходов¹ на разработку и обслуживание программного обеспечения. С нашей точки зрения, использование качественно новых технологий получения и обработки информации в практике финансового менеджмента является новым источником для реализации надзорных и регулирующих функций в целях выявления недобросовестных участников рынка, снижения количества мошеннических действий и пресечения незаконного оборота капитала, его легализации, а также дает детальное представление о принципах тарификации продукта или услуги, определяет ключевые инициативы для роста стоимости бизнеса и повышения активности деятельности на рынке.

¹ Фролова В.Б. Диверсификация источников финансирования путем оптимизации альтернатив // Двадцать первые апрельские экономические чтения: материалы Международной научно-практической конференции / Омский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. 2015. – С. 90–94.

*Цхададзе Н. В.*¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ²

Ключевые слова: *банковский сектор, дистанционное обслуживание клиентов, удаленный доступ к счетам, управление счетами, платежи и переводы, банкинг с помощью телефонной связи, электронный банкинг, Интернет-банкинг, мобильный банкинг, WAP-банкинг, SMS банкинг.*

Keywords: *banking sector, remote customer service, remote access to accounts, account management, payments and transfers, banking via telephone, electronic banking, Internet banking, mobile banking, WAP banking, SMS banking.*

Одним из наиболее важных направлений развития банковского сектора в современных условиях является развитие систем дистанционного обслуживания клиентов банка. Создание и развитие условий для предоставления услуг клиентам дистанционно выводит банк на совершенно новый уровень сервиса. С одной стороны, быстрый рост розничного сектора диктует доступные и эффективные механизмы взаимодействия клиентов с банком или друг с другом. С другой – качественное предоставление подобных услуг дает определенное преимущество на высококонкурентном банковском рынке.

Дистанционное банковское обслуживание – комплекс определенных услуг, с помощью которых клиенты банка могут удаленно выполнять различные банковские операции. Для этого им достаточно воспользоваться своим компьютером или телефоном, посещать само отделение банка больше не требуется. Дистанционные технологии предоставляют клиенту максимум удобства в использовании банковских услуг и минимум временных и финансовых затрат на всех стадиях работы с банком.

Для банка любые системы дистанционного банковского обслуживания способствуют росту показателей эффективности его работы, уменьшению издержек без потери качества продукта, а главное, существенно увеличивают клиентскую базу, что немаловажно для банков в условиях конкуренции на рынке. Именно поэтому сегодня уже почти каждый банк имеет систему дистанционного банковского обслуживания для юридических лиц и развивает пути дистанционного взаимодействия с физическими лицами.

Основным принципом всех систем дистанционного банковского обслуживания является обмен различной информацией между клиентом и банком на расстоянии. При этом со стороны банка обеспечивается должный уровень безопасности и конфиденциальности подобного общения, потому что сегодня дистанционно клиент банка может не только получить информацию о своих счетах, но и управлять ими, совершать различные операции. В арсенале клиента находятся такие возможности, как удаленный доступ к счетам, платежи и переводы, а также открытие вкладов и большое количество материалов информационного характера, такие как курсы валют или расположение ближайших банкоматов. Для получения всего этого набора возможностей клиенту достаточно иметь какой-либо канал связи (телефонная связь или Интернет), техническое устройство (компьютер или телефон) и специализированный программный продукт, предоставляемый банком.

Именно поэтому дистанционное банковское обслуживание иногда называют электронным банкингом, включая сюда такие понятия, как Интернет-банкинг, мобильный банкинг, WAP-банкинг, SMS и другие. Рассмотрим подробнее каждое из направлений и выделим его особенности.

Банкинг с помощью телефонной связи. Раньше всех появилась телефонная связь и до появления современных технологий развития сети Интернет была очень распространенным каналом. Клиенты могли получить любую информацию по счетам, а также консультацию по продуктам, достаточно было позвонить в банк. Подобный механизм остался и сегодня, хотя он был гораздо сокращен благодаря внедрению канала общения через сеть Интернет, потому что был достаточно дорогой. Банки содержали большой штат сотрудников call-центра для предоставления своих услуг с помощью телефонной связи, хотя не брали с этого никаких комиссионных, что порождало высокие издержки их деятельности.

Платежно-справочные терминалы и банкоматы. В качестве еще одного канала дистанционного банковского обслуживания специалисты выделяют механизмы самообслуживания, такие как платежно-справочные терминалы, банкоматы и другое. Данный вид дистанционных банковских услуг требовал высоких вложений со стороны банка на начальных этапах развития. Производство и закупка соответствующего оборудования, создание технической базы для использования, развитие всей инфраструктуры и разработка логистики инкассации подобных устройств. Несмотря на это банкоматы появлялись повсеместно, и на сегодняшний день у крупных банков представлены обширные сети данных машин для удобства их клиентов. Также растет и перечень предоставляемых услуг, совершенствуется безопас-

¹ Цхададзе Нелли Викторовна – д.э.н., профессор, Финансовый университет. E-mail: nelly-ic@mail.ru

² Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

ность использования, ну и самое главное преимущество среди других систем дистанционного банковского обслуживания – банкоматы позволяют обеспечить клиента наличностью, которая ему необходима.

Интернет-банкинг. Одним из самых перспективных и быстро развивающихся каналов предоставления банковских услуг на сегодня является сеть Интернет. Развитие различных информационных технологий позволило банкам предоставлять своим клиентам не только информационные и консультационные услуги, но и огромный спектр клиентских запросов и активных операций, такие как платежи и переводы. Производятся они посредством личного компьютера или мобильного телефона клиента с возможностью выхода в Интернет.

Особенностью последнего из перечисленных каналов является тот факт, что взаимодействие банка с клиентом даже в сети Интернет строго регламентируется нормативами Банка России. Среди прочих, есть четкие положения по оформлению сайтов банков, которые предоставляют свои услуги через них [8]: на странице сайта должно быть представлено полное фирменное наименование кредитной организации, включенное в ЕГРЮЛ; должен быть размещен регистрационный номер, который Банк России присвоил данной кредитной организации; сокращенное фирменное наименование на русском языке и т.д.

Банк России также следит за безопасностью предоставления дистанционного банковского обслуживания, поэтому все операции клиента подвержены различным методам шифрования. Это особенно важно для юридических лиц, являющихся клиентами банка, потому что под угрозой может находиться вся их деятельность.

«Клиент-Банк». Возможность осуществления дистанционного банковского обслуживания через персональный компьютер носит название «Клиент-Банк». Зачастую банк предоставляет своим клиентам поддержку при установке и использовании подобных систем, что повышает уровень сервиса со стороны банка. Данную систему принято разделять на два типа:

– Классический Банк-Клиент, как его еще называют «толстый клиент», при котором на персональный компьютер клиента банка устанавливается специальная программа. С помощью ее на компьютере хранятся все данные клиента: платежные поручения, выписки по счетам и т.д.

– «Тонкий клиент» или Интернет-Клиент – взаимодействие с банком напрямую по сети Интернет через браузер. В этом случае вся информация о действиях пользователя хранится на серверах банка.

Для бесперебойной и эффективной работы системы дистанционного банковского обслуживания необходимо привлечение высококвалифицированных специалистов. К ним относятся финансовые специалисты, эксперты в области информатизации и информационной безопасности, юристы и многие другие профессии. Важно наладить работу структур банка по предоставлению дистанционного обслуживания с целью предотвращения различных ошибок и «слабых мест» в работе, что может сказаться на появлении существенных финансовых потерь и падении преимуществ банка.

Дистанционное банковское обслуживание в странах мира: к истории вопроса. Впервые дистанционное банковское обслуживание появилось в Соединенных Штатах Америки, что естественно, т.к. банковская система данного государства является одной из самых первых и на сегодняшний день является самой крупной и надежной в мире. Еще одной причиной появления и развития Интернет-банкинга в Америке является существовавшее в середине 1990-х годов прошлого века ограничение на открытие филиалов своих банков. Таким образом, в 1995 году был открыт первый банк, предоставляющий свои услуги по средствам сети Интернет – Security First Network Bank.

В дистанционном банковском обслуживании США является страной-лидером в современном мире. Развитие всех направлений информационных технологий способствуют этому. Сегодня почти каждая вторая семья в США имеет компьютер, не говоря уже о телефоне, и статистические данные совсем не кажутся астрономическими.

В настоящий момент практически 90% банков Америки проводят обслуживание своих клиентов дистанционно. Они предлагают достаточно разнообразный диапазон услуг, к которым относится обмен валюты, оформление кредитов, открытие вкладов и возможность его страхования, контроль за перемещением средств со счетов, а также участие в торгах на фондовых биржах.

Главной особенностью функционирования систем дистанционного банковского обслуживания в США является то, что большинство перечисленных услуг клиент получает бесплатно, и только за некоторые из них банк взимает комиссию, в очень небольшом размере. Также банки Америки гордятся тем, что их система безопасности при использовании Интернет-банкинга является одной из самых надежных.

Вслед за Америкой дистанционное банковское обслуживание нашло широкое распространение в Европе. Большинство видов предоставляемых операций и сама система дистанционного банковского обслуживания были схожи с американской моделью, но стоит отметить некоторые новшества, которые принес европейский Интернет-банкинг. Появилась возможность оплаты коммунальных и прочих обязательных услуг, а также возможность планирования своих финансовых затрат.

С целью уменьшения издержек и увеличения скорости предоставляемых услуг, основополагающими тенденциями европейского развития дистанционного банковского обслуживания являются: применение стратегий многоканального обслуживания физических лиц; перевод систем дистанционного обслуживания клиентов на аутсорсинг; создание различными банками совместных систем дистанционного обслуживания; повышение качества предоставляемых услуг и их безопасность; комплексное обслуживание за счет увеличения доступных видов услуг.

Дистанционное банковское обслуживание в современной России. По сравнению с США и Европой, развитие дистанционного банковского обслуживания в России значительно отстает. На это есть свои объективные причины, например, не стоит забывать, что данные системы развиваются в нашей стране относительно недавно и уже показывают неплохие темпы роста. Именно поэтому хочется сделать вывод о том, что у российского рынка присутствует неплохой потенциал.

Аналитическое агентство Markswebb Rank & Report недавно представило результаты проводимых исследований среди пользователей, использующих системы дистанционного банковского обслуживания. В основу исследования лег опрос более трех тысяч россиян, который затем был скоррелирован с общей численностью населения нашей страны. Основные выводы, к которым привел опрос¹:

- 41,6 млн. наших сограждан совершают хотя бы одну активную операцию в сети Интернет в месяц;
- 39,4 млн. – активные пользователи мобильного и SMS-банкинга;
- 35,4 млн. используют Интернет-банкинг, из которых 70% клиенты Сбербанк Онлайн;
- 29 млн. человек платят в сети Интернет банковской картой;
- 17,5 млн. – владельцы электронных кошельков.

Здесь приведены не все показатели, но тенденция прослеживается ярко. Люди в России хотят и готовы к дальнейшему развитию систем дистанционного банковского обслуживания. Они осваивают современные технологии, повышают свою экономическую грамотность и увеличивают степень доверия к банкам, что очень важно при осуществлении любых финансовых операций на расстоянии.

По данным агентства J'son & Partners Consulting структура платежей различными сервисами ДБО значительно различается.

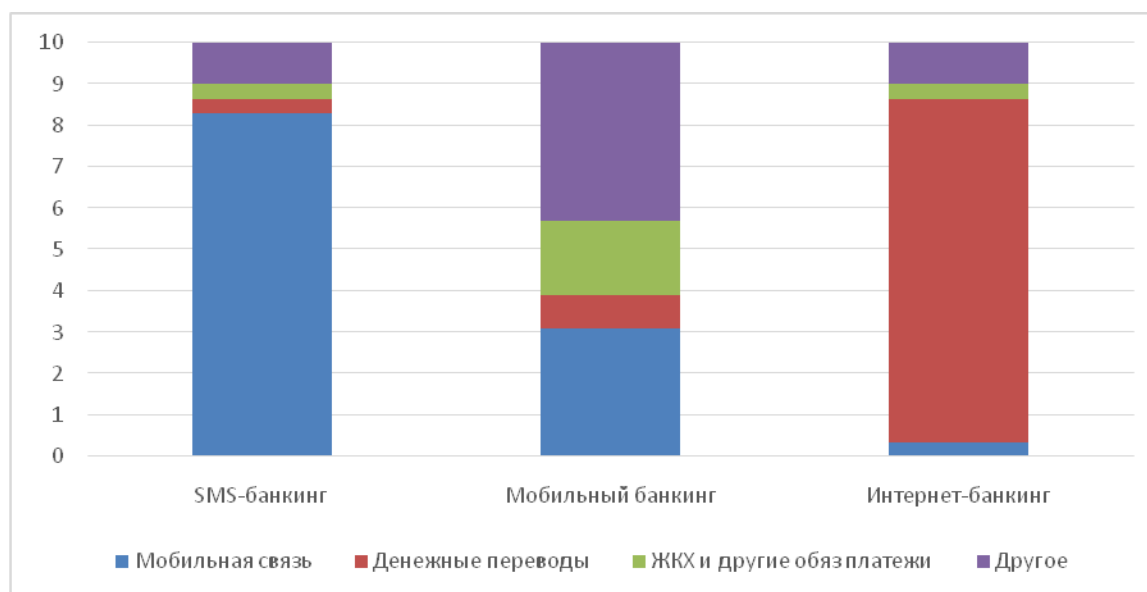

Рисунок 1.
Структура платежей через сервисы ДБО в России²

По данным на рис. 1 можно сделать вывод, что структуры платежей совершенно непохожи друг на друга. Таким образом, клиенты банков для совершения различных активных операций выбирают разные формы дистанционного обслуживания. Например, на рис. 1 видно, что мобильную связь клиенты оплачивают в основном с помощью SMS-банкинга (больше 80%), а на втором месте Мобильный банкинг. Совсем малую долю в выполнении подобных операций занимает Интернет-банкинг. Это связано с удобством и простотой совершения подобных операций по средствам SMS и Мобильного банкинга. Телефон всегда под рукой, данная операция не требует дополнительных подтверждений, клиентам банка достаточно отправить SMS, в котором требуется просто указать сумму зачисления на счет своего мобильного номера, и средства поступят на счет.

По данным агентства «Рустелеком», в сегменте физических лиц объем федерального рынка Интернет-банкинга в 2017 году, по сравнению с 2014 годом, вырос с 1,7 до 2,0 трлн. рублей, а количество транзакций снизилось до 79,9 млн. В сегменте юридических лиц объем рынка за аналогичный период вырос с 351,4 до 392,5 трлн. рублей, количество транзакций возросло до 1044,7 млн.

Совершенно по-другому выглядит ситуация, если сравнивать объемы абонентских баз юридических и физических лиц – клиентов Интернет-банкинга (рис. 2).

¹ Официальный сайт Аналитическое агентство MarksWebb Rank & Report. – <http://markswebb.ru/>

² Составлено автором по данным Аналитического агентства J'son & Partners Consulting – <http://web.json.ru>.

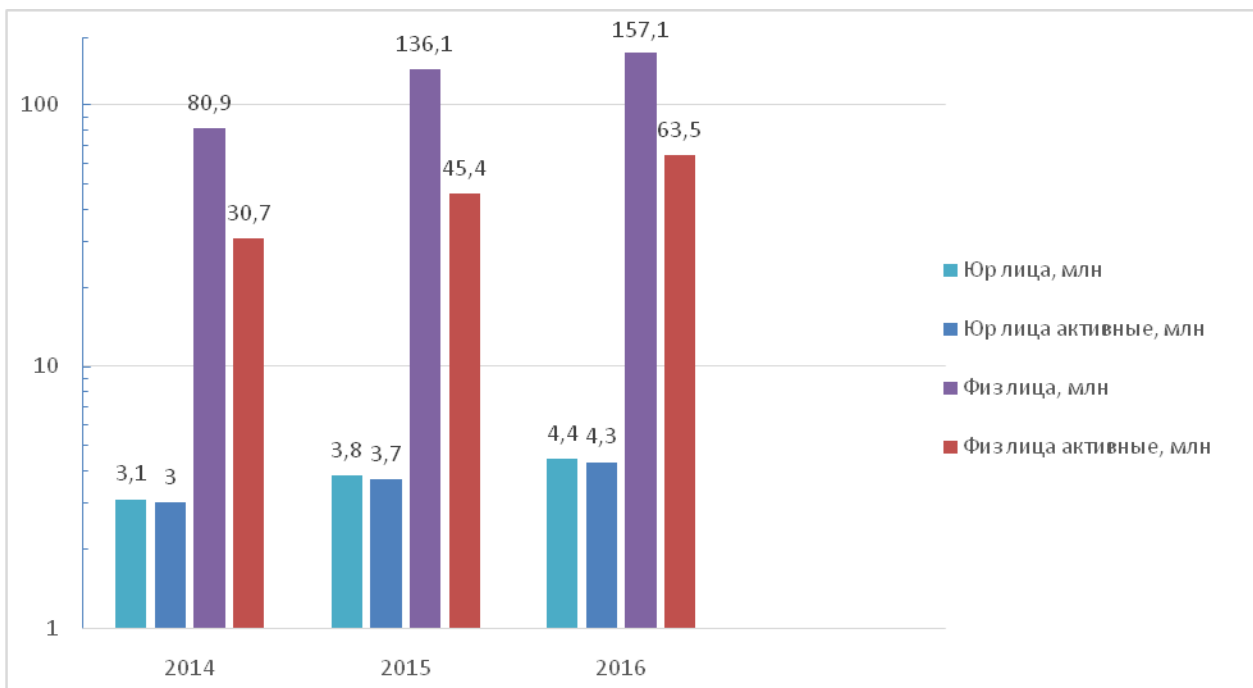

Рисунок 2.
Объем абонентской базы Интернет-банкинга в России¹

По данным Центрального Банка РФ и расчетам «Рустелеком» на рис. 2 можно увидеть количество счетов клиентов, использующих Интернет-банкинг, у юридических лиц всего 4,4 млн, а у физических лиц – 157,1 млн. пользователей. Рост объемов происходит ежегодно, что говорит о положительных тенденциях в использовании данного сервиса. Объемы активных пользователей по каждому из представленных вариантов значительно меньше.

Рисунок 3.
Структура российского рынка Интернет-банкинга по основным участникам, %²

На основе рис. 3 можно сделать вывод о том, что доли среди крупных банков практически повторяют общий объем, занимаемый определенной кредитной организацией в данной отрасли. На долю ПАО Сбербанк выпадает максимальный охват всего рынка, а все пять крупных игроков забирают 75% объема в сегменте B2C.

Подводя итог, отметим стремительно развивающееся в России использование мобильного банкинга. По данным исследования Mobile Banking Rank, в 2018 г. клиентами данного канала услуг дистанционного банковского обслуживания являлись 18 млн. человек в возрасте от 18 до 64 лет. Расширяется набор предоставляемых функций, возможность оплаты штрафов и других обязательных платежей, создание личных шаблонов при выполнении одинаковых операций. На смену call-центрам приходят онлайн-чаты, вшитые в интерфейс мобильного приложения для возможности оперативной поддержки клиента. Сами приложения становятся проще в использовании для удобства и сокращения времени пользователей.

Список литературы и источников

1. Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной цифровой подписи».

¹ Составлено автором по данным Аналитического агентства J'son & Partners Consulting – <http://web.json.ru>

² <http://www.cbr.ru>

2. Положение ЦБ РФ от 03.10.2002 г. № 2-П «О безналичных расчетах в РФ».
3. Положения ЦБ РФ от 12.03.1998 г. № 20-П «О правилах обмена электронными документами между Банком России, кредитными организациями (филиалами) и другими клиентами Банка России при осуществлении расчетов через расчетную сеть Банка России».
4. Письмо Банка России от 07.12.2007 № 197-Т «О рисках при дистанционном банковском обслуживании».
5. Письмо Банка России от 23.10.2009 № 128-Т «О рекомендациях по информационному содержанию и организации web-сайтов кредитных организаций в сети Интернет».
6. Письмо Банка России от 26.10.2010 № 141-Т «О Рекомендациях по подходам кредитных организаций к выбору провайдеров и взаимодействию с ними при осуществлении дистанционного банковского обслуживания».
7. Письмо Банка России от 27.04.2007 № 60-Т «Об особенностях обслуживания кредитными организациями клиентов с использованием технологии дистанционного доступа к банковскому счету клиента (включая Интернет-банкинг)».
8. Дистанционное банковское обслуживание. 2017.
9. Лямин Л.В. Применение технологий электронного банкинга. Риск-ориентированный подход. 2015.
10. Цхададзе Н.В. Понятие и сущность банковских рисков // Экономика и менеджмент: от теории к практике. – Ростов-на-Дону, 2018. – С. 21–25.
11. Цхададзе Н.В. Теоретические аспекты маркетинга в системе управления банком // Перспективы развития экономики и менеджмента. – Челябинск, 2018. – С. 14–21.
12. Юденков Ю.Н., Тысячникова Н.А., Сандалов И.В., Ермаков С.Л. Интернет-технологии в банковском бизнесе: перспективы и риски. 2015.
13. Bankir.ru – информационное агентство. – <http://bankir.ru>
14. iFin-2012 – XII Международный Форум, посвященный дистанционным финансовым услугам и технологиям. – <http://forumifin.ru/>
15. Издание о высоких технологиях. – <http://www.cnews.ru>
16. Интернет финансы. – <http://ifin.ru/>
17. Сбербанк России: Официальный сайт. – <http://www.sberbank.ru/>
18. Аналитическое агентство MarksWebb Rank & Report: Официальный сайт. – <http://markswebb.ru/>
19. Аналитическое агентство J'son & Partners Consulting: Официальный сайт. – <http://web.json.ru>
20. Официальный сайт ЦБ РФ. – <http://www.cbr.ru>
21. Банк ДБО. – <http://www.bankdbo.ru/>

Чернышева Е.Н.,
Ланцова Н.М.¹

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ОЦЕНКА И МИНИМИЗАЦИЯ РИСКОВ В АУДИТЕ

Ключевые слова: аудиторская деятельность, предпринимательский риск, минимизация рисков в аудите, планирование аудита, методы аудита, аудиторские процедуры, надлежащие аудиторские доказательства, оценка системы управления проверяемой организации, уровень аудиторского риска, анализ и оценка рисков в аудиторской практике.

Целью проведения аудита в любой организации является выражение мнения о достоверности отражения финансово-хозяйственных операций её отчетности². В связи с этим основным аудиторским риском является риск выражения неверного мнения о достоверности отчетности аудируемого лица. Не менее важным в аудиторской деятельности также является необходимость минимизировать и другие риски.

Для аудита, как особого вида предпринимательской деятельности, связанного с независимой экспертизой бухгалтерской отчетности, характерны и специфические риски. На рис. 1 представлены основные риски, которые в настоящее время присутствуют в деятельности аудиторов. Данные риски разделены на две группы: аудиторский (профессиональный) риск и предпринимательский риск аудиторской организации.

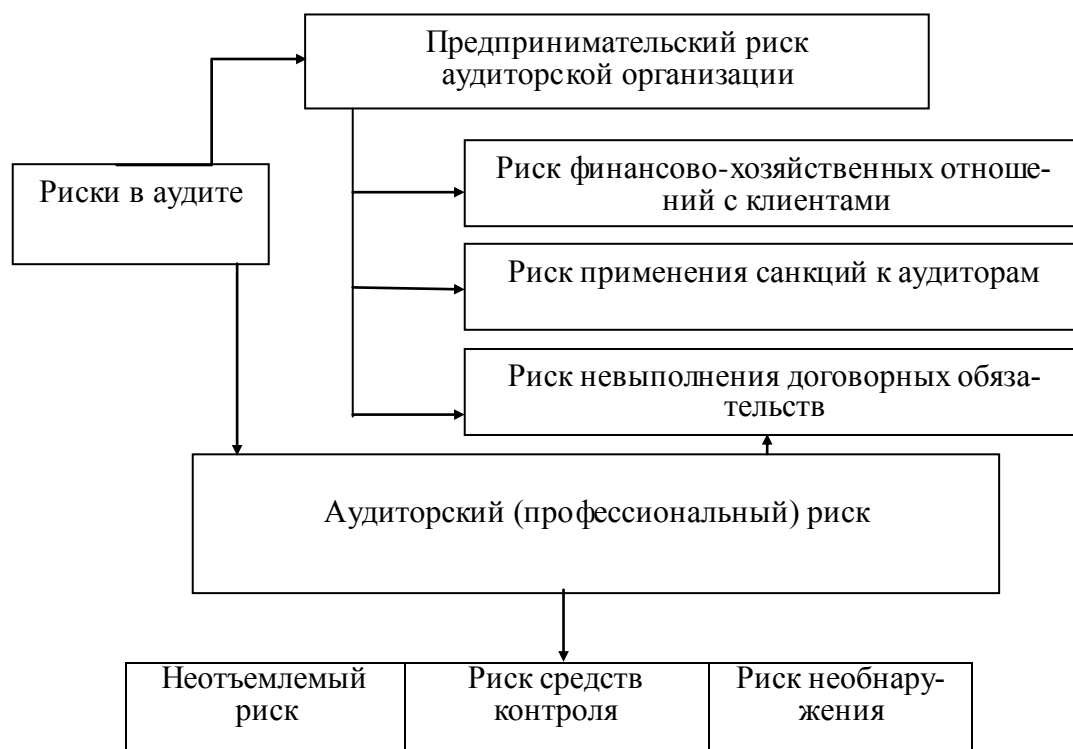

Рисунок 1
Современная классификация основных рисков аудиторской деятельности

Предпринимательский риск аудиторской организации зависит, прежде всего, от риска финансово-хозяйственной деятельности проверяемого экономического субъекта, что предопределяет его возможность продолжать свою деятельность в обозримом будущем. Внешние аудиторы, проведя независимую экспертизу учета и отчетности аудируемого лица, являются независимыми экспертами, выражая мнение не только о достоверности отчетности, но и о перспективах существования экономического субъекта в течение года после окончания аудиторской проверки.

¹ Чернышева Елена Николаевна – к.э.н., доцент Базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы РЭУ им. Г.В. Плеханова. E-mail: SChernysheva.EN@tea.ru

Ланцова Наталья Михайловна – к.э.н., доцент кафедры экономики в энергетике и промышленности, НИУ «Московский энергетический институт». E-mail: av3397@akado.ru

² ФЗ № 307 от 30.12.2008 «Об аудиторской деятельности».

Под этим, в первую очередь, подразумевается возможность банкротства проверяемой организации. В связи с этим возникает риск финансово-хозяйственных взаимоотношений аудиторской фирмы с проверяемым экономическим субъектом, связанный, прежде всего, с финансовым положением и особенностями деятельности аудируемого лица. Заключая договоры на оказание аудиторских услуг, аудиторы должны учитывать и оценивать этот риск. Если аудиторы установят, что он высокий, тогда предстоящий аудит может быть сопряжен с многочисленными трудностями и нестандартными ситуациями, которые не позволят аудиторам применить запланированные аудиторские процедуры и, следовательно, не получить надлежащие доказательства для выражения мнения о достоверности отчетности проверяемой организации.

Помимо этого, понимание аудиторами рисков деятельности экономического субъекта сопряжено с планированием ими получения дополнительных аудиторских доказательств в связи с вероятностью риска существенного искажения информации в финансовой (бухгалтерской) отчетности. В обязанности аудиторов не входят выявление и оценка всех бизнес-рисков проверяемой организации, но они обязаны проанализировать, как в ней осуществляется процесс оценки рисков, и какие решения принимаются на этой основе. От этого во многом зависят аудиторские выводы относительно эффективности функционирования систем управления и внутреннего контроля аудируемого лица.

Очевидно, что при оценке рисков аудиторы должны установить, какие из выявленных рисков, по их профессиональному суждению, являются наиболее значимыми с точки зрения степени их влияния на достоверность отчетности проверяемой организации. Далее аудиторы должны использовать информацию по оценке рисков для определения характера, сроков и объема аудиторских процедур, которые следует выполнить в ходе дальнейшей проверки. При этом следует обращать внимание на влияние выявленных рисков на уровень существенности в процессе исследования возможных искажений данных финансовой (бухгалтерской) отчетности проверяемой организации.

В связи с вышеизложенным, аудиторы, прежде всего, выявляют риски в процессе ознакомления с деятельностью аудируемого лица, а также с видами операций, остатками на счетах бухгалтерского учета и раскрытием информации в отчетности. Далее аудиторы устанавливают соответствие между выявленными рисками и степенью их влияния на данные финансовой (бухгалтерской) отчетности аудируемого лица. При этом устанавливается, не приведут ли они к существенному искажению отчетности.

К предпринимательскому риску аудиторских организаций относится риск применения санкций к аудиторам. Санкции к аудиторам предъявляют саморегулируемые аудиторские организации в случае оказания некачественных аудиторских услуг. Санкции к аудиторам могут применять и государственные органы в связи с нарушением аудиторскими организациями и отдельными аудиторами Федерального закона «Об аудиторской деятельности». Кроме этого, санкции к аудиторским организациям и аудиторам могут применять Министерство финансов РФ, Банк России и саморегулируемые организации аудиторов за несоблюдение международных стандартов аудита. Эти санкции могут касаться исключения аудиторской организации или аудитора из саморегулируемой организации аудиторов, из-за чего они не допускаются к оказанию аудиторских услуг. Самой серьезной санкцией считается привлечение аудиторов к судебной ответственности.

К наиболее часто встречаемым в современной аудиторской практике предпринимательским рискам принадлежит риск нарушения договорных обязательств. Это связано со стремлением сторон получить наибольшие выгоды для себя в ущерб противоположной стороне. Со стороны проверяемой организации это может проявляться в виде намеренного затягивания сроков проведения аудита, в связи с чем аудиторы попадают в экстремальные условия и могут нарушить выполнение договорных обязательств, за что должны будут платить штраф или неустойку проверяемой организации. Со стороны аудиторской фирмы нарушение договорных обязательств может быть связано с затягиванием сроков предоставления итоговой аудиторской документации аудируемому лицу, ссылаясь на различные причины, препятствующие составлению всей необходимой документации в срок в надежде на получение дополнительной платы за оказание аудиторских услуг. В итоге и та, и другая сторона оказывается в проигрыше: экономический субъект лишается качественных аудиторских услуг, а аудиторская организация лишается клиентуры.

В современной аудиторской практике в целях минимизации аудиторских рисков наиболее часто применяются следующие методы аудита: опрос руководства проверяемой организации и запрос в различные инстанции; наблюдение за деятельностью персонала; инспектирование документации; анализ внешних и внутренних факторов, влияющих на финансово-хозяйственную деятельность аудируемого лица и оценка рисков его деятельности; выполнение аналитических аудиторских процедур по анализу и оценке финансового положения проверяемой организации и перспектив её дальнейшего развития¹. Все эти методы являются, в большинстве случаев, наиболее действенными для получения надлежащих аудиторских доказательств и, как правило, не требуют разрешения на их применение у руководства экономического субъекта. Такие методы, как инспектирование, опрос, запрос, анализ и оценка могут использоваться аудиторами для снижения как предпринимательского риска аудиторской организации, так и для уменьшения аудиторского (профессионального) риска.

Приступая к аудиту, внешние аудиторы, прежде всего, изучают и оценивают качество управления проверяемой организации. Они анализируют процедуры, принятые руководством экономического субъекта для целей управления. Результаты проведенной аудиторами оценки системы управления приведены в таблице 1.

При количестве положительных ответов на рассматриваемые вопросы в рамках 40–60%, оценку качества системы управления организацией можно определить, как среднюю; при результатах менее 40% – как низкую, а при ре-

¹ МСА 315 «Выявление и оценка рисков существенного искажения посредством изучения организации и её окружения» (введен в действие на территории РФ Приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н).

зультатах более 60% – как высокую. При получении вывода о высокой оценке качества управления можно снизить объём проверяемой документации и количество аудиторских процедур без угрозы повышения рисков.

Следующим этапом является планирование аудита¹. Для успешного планирования аудита необходимо: установить уровень существенности результатов финансово- хозяйственных операций². Далее следует оценить неотъемлемый риск, связанный с особенностями деятельности проверяемой организации; оценить риск средств контроля, связанный с качеством функционирования системы внутреннего контроля аудируемого лица и оценить риск необнаружения, связанный с эффективностью применения аудиторских процедур и получением надлежащих аудиторских доказательств³. При этом требуется разработать аудиторские процедуры, позволяющие снизить эти риски до минимального уровня; определить ключевые по значимости области проверки, в наибольшей степени влияющие на аудиторское мнение; составить на этой основе детальную программу проверки, которая должна служить инструкцией для аудиторов в ходе выполнения аудиторских процедур⁴.

Таблица 1

Критерии оценки системы управления проверяемой организации

№ / п	Рассматриваемые вопросы
1	Соответствие организационной структуры размерам и характеру деятельности организации
2	Ведение бухгалтерского учета осуществляется специализированным подразделением (бухгалтерией) или специализированной организацией (например, аудиторской)
3	Наличие внутренних положений и инструкций, влияющих на принятие стратегических и тактических управленческих решений
4	Наличие внутренней документации, регламентирующей ведение бухгалтерского учета и составление финансовой (бухгалтерской) отчетности, проведение внутренних инвентаризаций и ревизий
5	Наличие должностных инструкций
6	Количество обращений руководства организации в различные инстанции за консультациями
7	Соблюдение графика документооборота
8	Наличие скорректированных управленческих решений в связи с изменением ситуации

Уровень аудиторского риска определяется путем суммирования баллов, выставленных аудиторами проверяемой организации на основании их профессионального опыта. Затем сумма баллов сравнивается с диапазоном значений из табл. 2.

Таблица 2

Диапазоны значений оценки рисков

Уровень риска	Диапазон значений, в %
Низкий	1–34%
Средний	35–70%
Высокий	71–100%

Неотъемлемый риск представляет собой вероятность наличия существенных искажений показателей бухгалтерского учета и отчетности экономического субъекта до выявления таких искажений средствами системы внутреннего контроля.

Информация для оценки неотъемлемого риска представлена в табл. 3.

Предварительная оценка риска средств контроля представляет собой процесс определения аудитором вероятности того, что существующие у экономического субъекта и регулярно применяемые им средства бухгалтерского учета и внутреннего контроля не позволяют своевременно обнаруживать и исправлять существенные нарушения, а также препятствовать их последующему возникновению. У риска средств контроля существует взаимодополняющая категория – надежность средств контроля. Полученные аудиторами надлежащие доказательства должны позволить им дать оценку степени надежности средств контроля, используемых аудируемым лицом.

Под риском необнаружения понимается определяемая аудитором вероятность того, что применяемые в ходе проверки аудиторские процедуры не позволяют обнаружить реально имеющиеся существенные нарушения. Риск необнаружения обратно пропорционален неотъемлемому риску и риску средств контроля. Поэтому, если неотъемлемый риск и риск средств контроля – высокие, то риск необнаружения – низкий и наоборот. В результате, в данном случае аудиторский (профессиональный) риск, включающий указанные выше виды рисков, будет высоким. В ситуации, когда неотъемлемый риск и риск средств контроля проверяемой организации являются низкими, а риск необнаружения – высоким, аудиторский (профессиональный) риск считается низким.

¹ МСА 300 «Планирование аудита финансовой отчетности» (введен в действие на территории РФ Приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н).

² МСА 320 «Существенность при планировании и проведении аудита» (введен в действие на территории РФ Приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н).

³ МСА 200 «Основные цели независимого аудитора и проведение аудита в соответствии с международными стандартами аудита» (введен в действие на территории РФ Приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н).

⁴ МСА 500 «Аудиторские доказательства» (введен в действие на территории РФ Приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н).

Руководствуясь полученной оценкой аудиторского риска, внешние аудиторы могут определить необходимое количество аудиторских процедур, достаточных для получения надлежащих аудиторских доказательств для выражения мнения о достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности проверяемой организации. Если в ходе самого аудита возникнут дополнительные обстоятельства, не предусмотренные программой аудита, количество применяемых аудиторских процедур может быть скорректировано.

Таблица 3

Оценка уровня неотъемлемого риска

Наименование фактора	Характеристика фактора	Оценка: высокая/средняя/низкая
1. Экономическая ситуация в отрасли	Развитие рынка	Высокая/средняя/низкая
2. Вид деятельности	Производство, сбыт, строительство и т. д.	Высокая/средняя/низкая
3. Уровень конкуренции в отрасли	Конкуренция высокая/средняя/низкая	Высокая/средняя/низкая
4. Наличие филиалов и других зависимых структур	Да (указать тип и количество) / нет	Высокая/средняя/низкая
5. Степень зависимости бизнеса от поставщиков	Высокая, средняя, низкая	Высокая/средняя/низкая
6. Оценка основных покупателей	Крупные организации, малые предприятия, физические лица	Высокая/средняя/низкая
7. Финансовое положение	Устойчивое / не устойчивое / тенденция к банкротству	Высокая/средняя/низкая
8. Доходность	Стабильная / не стабильная / отсутствует	Высокая/средняя/низкая
9. Наличие собственных оборотных средств	Да (указать стоимость) / нет (указать сумму полученных кредитов и займов)	Высокая/средняя/низкая
10. Итоговая оценка неотъемлемого риска	Выводы по степени неотъемлемого риска	Высокая/средняя/низкая

Таким образом, указанные меры должны способствовать минимизации рисков, имеющих в аудиторской практике, способствуя, тем самым, повышению качества оказания аудиторских услуг. Это особенно важно в настоящее время в связи с повышением требований к осуществлению аудиторской деятельности.

Якубова Э.Т.

гл.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан

ОЦЕНКА КРИТЕРИЕВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: регион, индустриальное развитие экономики, промышленность, виды деятельности, группировка территорий, конкурентные преимущества, диверсификация, специализация, концентрация производства, ресурсы, возможности.

Keywords: region, industrial development of the economy, industry, activities, grouping of territories, competitive advantages, diversification, specialization, concentration of production, resources, opportunities.

В условиях усиления интеграционных процессов и повышении конкуренции в мире особое значение приобретает индустриальное развитие экономики страны и ее регионов. В рамках реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах приоритетными направлениями повышения конкурентоспособности национальной экономики являются углубление структурных преобразований, модернизации и диверсификации ее ведущих отраслей, комплексное и сбалансированное развитие регионов с учетом эффективного использования их потенциала¹. В этом плане становится все более очевидным, что устойчивость промышленности регионов позволяет не только сохранить потенциал и преимущества, но и обеспечить рост производства и выход на международные рынки с новыми конкурентоспособными товарами. Индустриальная политика, проводимая в Узбекистане, направлена на нахождение новых резервов развития с ориентацией на инновационные преобразования и обретение возможностей для выхода на глобальные мирохозяйственные связи.

В исследовании рассмотрены определенные критерии оценки индустриального развития регионов Узбекистана, которые в той или иной степени характеризуют особенности отраслевой и территориальной структуры промышленности (табл. 1). В качестве методов оценки применены методы многомерного статистического, системного и структурного анализа, сравнительной оценки, группировок и пр.

Реализация мероприятий по модернизации, техническому и технологическому перевооружению действующих предприятий, а также созданию новых мощностей с учетом эффективного использования природно-экономического потенциала в 2015–2019 гг. способствовала повышению индустриального потенциала регионов. Наряду с индустриально развитыми регионами, где размещены стратегически важные объекты, особое внимание уделено повышению промышленного потенциала регионов с аграрной направленностью экономики (Джизакской, Наманганской, Самаркандской, Хорезмской областей), обладающих широкими возможностями и резервами использования местных сырьевых ресурсов.

Развитие и эффективное размещение производств за 2015–2019 гг. способствовало формированию производственно-технологической базы, созданию основы перехода от сырьевой направленности к выпуску готовых изделий и высокотехнологичной продукции, что, в свою очередь, предопределило формирование конкурентных преимуществ в территориях. Оценка уровня специализации по обрабатывающей промышленности выявила преимущества регионов в производстве готовой одежды (Андижанская, Бухарская, Джизакская, Кашкадарьинская, Навоийская, Наманганская, Сурхандарьинская, Сырдарьинская, Ферганская области), кожаной продукции и изделий (Андижанская, Джизакская, Наманганская, Самаркандская, Сырдарьинская, Ферганская области), химической продукции (Республика Каракалпакстан, Кашкадарьинская, Ферганская области), кокса и продукции нефтепереработки (Бухарская, Сурхандарьинская, Ферганская области), фармацевтических продуктов и препаратов (Наманганская, Сырдарьинская области, г.Ташкента), компьютеров, электронной и оптической продукции (Джизакская, Навоийская области, г.Ташкент), автотранспортных средств (Андижанская, Самаркандская, Хорезмская области), строительных материалов (Бухарская, Джизакская, Навоийская, Сурхандарьинская, Сырдарьинская, Ташкентская, Ферганская области). Региональная специализация промышленности Узбекистана формирует конкурентные преимущества и точки производственного роста, на базе которых имеется возможность развития смежных и вспомогательных производств – составляющих звеньев единой технологической цепочки по производству конечной продукции.

¹ УП-4947 «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» от 07.02.2017 г.

Методы оценки развития промышленности регионов

Наименование критерия оценки	Метод расчета	Общая характеристика	Интерпретация результатов
Специализация производства	Коэффициент специализации ¹ : $K_{sp\ jk} = \frac{v_{jk}}{V_k} \cdot \frac{V}{v_j}$ <p>где: v_{jk} – объем выпуска продукции j-ой отрасли k-ого региона; v_j – общий объем выпуска продукции j-ой отрасли в стране; V_k – объем валового выпуска продукции k-ого региона; V – объем валового выпуска продукции в стране.</p>	выявление конкурентных преимуществ по видам экономической деятельности регионов	коэффициент выше 1,0 – глубокая специализация
Концентрация производства	Индекс Херфиндала-Хиршмана ² : $K_c = 1 / \left[\frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i}{\sum_{i=1}^n x_i} \right)^2 - \sqrt{1/n}}{1 - \sqrt{1/n}} \right]$ <p>где: K_c – коэффициент концентрации; x_i – объем произведенной в i-ой отрасли продукции; n – количество регионов.</p>	определение идентичности территориальной структуры страны, размещение отрасли/подотрасли (производство) между регионами	→ 0 – идентичность территориальной структуры → 1 – концентрация в определенном регионе
Диверсификация производства	Индекс Херфиндала-Хиршмана: $K_d = 1 / \left[\frac{\sum_{i=1}^m \left(\frac{x_i}{\sum_{i=1}^m x_i} \right)^2 - \sqrt{1/m}}{1 - \sqrt{1/m}} \right]$ <p>где: K_d – коэффициент диверсификации; x_i – объем произведенной в i-ой отрасли продукции; m – число отраслей.</p>	определение равномерного размещения видов экономической деятельности в регионах, разнообразие ассортимента производств в отрасли	→ 0 – абсолютная специализация на одной отрасли → 1 – идентичность отраслевой структуры
Группировка регионов по уровню промышленного производства в расчете на душу населения	$Ind_{dev\ i} = v_i / P_i \cdot V / P$ <p>где: $Ind_{dev\ i}$ – уровень производства промышленной продукции i-ого региона; v_i – объем промышленного производства i-ого региона; P_i – среднегодовая численность населения i-ого региона; V – объем промышленного производства страны; P – среднегодовая численность населения страны, тыс.чел.</p>	проводится рейтинговая оценка и ранжирование регионов на относительно развитые, средние и менее развитые территории.	индекс выше 1,000 – территории с относительно высоким уровнем производства, 0,500–1,000 – со средним уровнем, ниже 0,500 – менее развитые регионы.

Оценка концентрации промышленного производства свидетельствует об идентичности территориальной структуры и положительных тенденциях структурных преобразований, направленных на обеспечение наиболее равномерного распределения видов экономической деятельности между регионами страны. Динамика концентрации по промышленности носит положительный характер обеспечения идентичности территориальной структуры по добыче нефти и природного газа, в производстве продуктов питания и напитков, текстильных и кожаных изделий, одежды, фармацевтической, резиновых и пластмассовых изделий, строительных материалов и мебели (табл. 2). Вместе с тем размещение базовых и стратегически важных объектов, ориентированных на добычу и выпуск экспорто-ориентированной продукции (энергонасосители, цветные и черные металлы, продукция нефтехимии и машиностроения), явилось основным фактором высокой концентрации производства (коэффициент концентрации выше 0,600) в регионах.

Основным приоритетным направлением развития территорий в последние годы становится диверсификация производства, предполагающая снижение сырьевой зависимости, развитие отраслей с высокой долей добавленной стоимостью и освоение высокотехнологичных производств.

Сформировавшаяся в регионах отраслевая структура дает возможность выявления степени диверсификации производства. Развитие промышленности Узбекистана за 2015–2018 гг. характеризуется повышением степени диверсификации³ производства (коэффициент диверсификации возрос с 0,850 в 2015 г. до 0,880 в 2018 г.) (рис. 1). В территориальном разрезе ввиду более равномерного размещения видов деятельности, в том числе высоких переделов, оптимальная диверсификация промышленности отмечается в г.Ташкенте (коэффициент диверсификации составляет 0,907).

¹ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М., 2001.

² Белов А.В. К вопросу о пространственном размещении факторов производства // Пространственная экономика. 2012. – № 2.

³ Коэффициент диверсификации интерпретируется следующим образом: значение ближе к 1 – оптимальная диверсификация, ближе к 0 – недиверсифицированность производства.

Уровень концентрации промышленного производства Узбекистана за 2015–2018 гг.¹

Виды экономической деятельности	2016 г.	2018 г.	Изменения, (+,-)
Всего по промышленности	0,090	0,102	-0,012
Производство текстильных изделий	0,046	0,041	0,005
Производство продуктов питания	0,070	0,059	0,011
Производство одежды	0,112	0,094	0,018
Производство прочей неметаллической и минеральной продукции	0,164	0,146	0,019
Производство кожаной и относящейся к ней продукции	0,233	0,156	0,077
Производство мебели	0,405	0,243	0,162
Производство химической продукции	0,197	0,329	-0,133
Производство напитков	0,372	0,411	-0,039
Металлургическая промышленность	0,443	0,443	0,000
Производство бумаги и бумажной продукции	0,502	0,472	0,030
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	0,488	0,515	-0,027
Производство основных фармацевтических продуктов и препаратов	0,556	0,516	0,040
Производство резиновых и пластмассовых изделий	0,636	0,577	0,059
Производство электрического оборудования	0,575	0,608	-0,033
Производство автотранспортных средств, трейлеров и полуприцепов	0,498	0,635	-0,137
Добыча сырой нефти и природного газа	0,822	0,660	0,163
Производство компьютеров, электронной и оптической продукции	0,690	0,695	-0,005
Добыча угля и лигнита	0,906	0,909	-0,004
Производство табачных изделий	1,000	0,972	0,028

Источник: Расчеты автора по данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Рисунок 1.
Уровень диверсификации промышленности в регионах Узбекистана²

Большинство регионов Узбекистана характеризуется промышленностью со средним уровнем диверсификации (10 регионов из общего их количества 14 единиц). В этих регионах с учетом наличия природно-ресурсного потенциа-

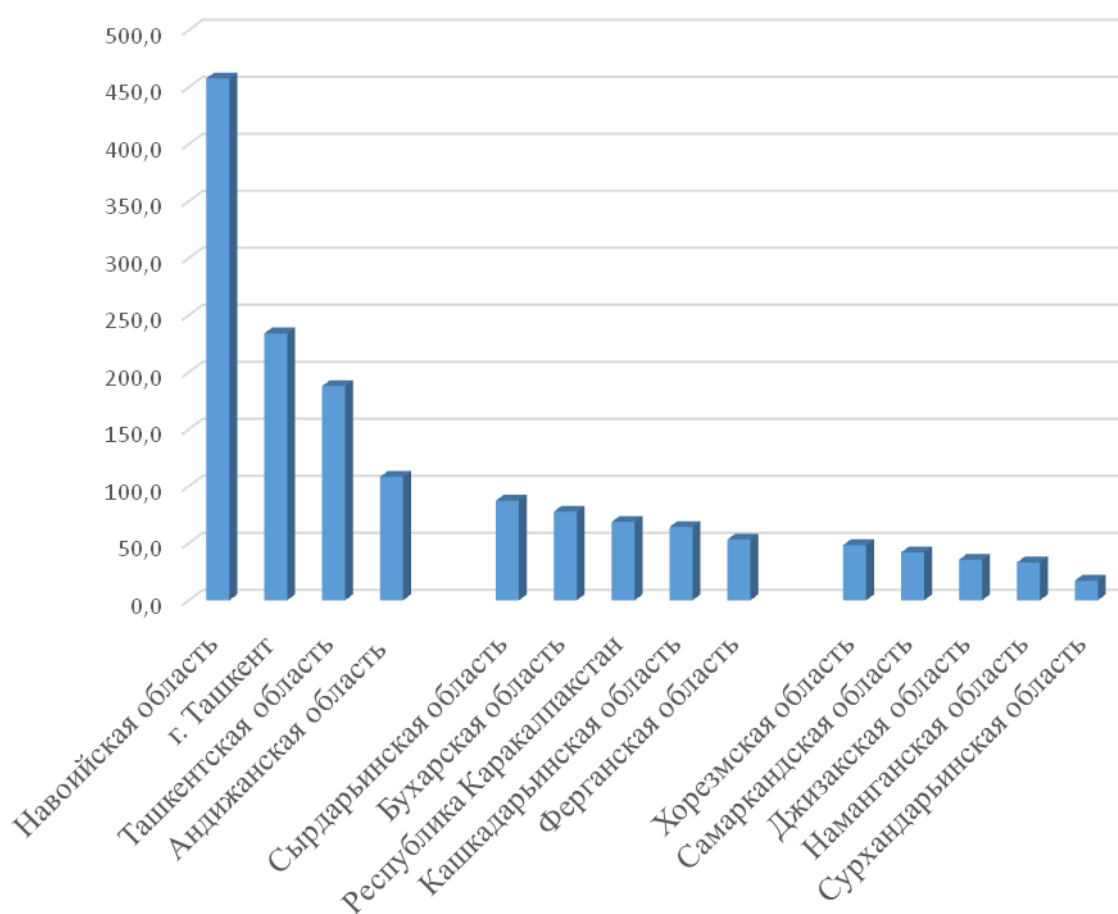
¹ Коэффициент концентрации производства находится в диапазоне от 0 до 1. Чем значение концентрации ближе к 0 – отмечается идентичность территориальной структуры, значение приближается к 1 – неравномерное размещение производства между регионами страны.

² Источник: Расчеты автора по данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

ла широко реализуются инвестиционные проекты и создаются новые нетрадиционные для территорий производства (электротехническая, фармацевтическая, нефтехимическая, кожевенная промышленность).

Умеренная диверсификация в Республике Каракалпакстан, Андижанской и Навоийской областях (коэффициент диверсификации составляет 0,405-0,535) в большей степени обусловлена размещением на их территории крупных объектов стратегического значения. Эти регионы, где высока зависимость промышленности и экономики от определенного вида деятельности (в частности добыче и переработке углеводородного сырья, металлургии и автомобилестроения), обладают большими резервами организации кластеров и технопарков, объединенных в единую цепочку создания добавленной стоимости, а также освоения производства локализуемой импортозамещающей продукции.

Территориальный и отраслевой факторы, будучи тесно связанными между собой, отражают неравномерное распределение отраслей и производств между территориями страны. Группировка регионов по промышленному производству на душу населения за 2015–2019 гг. показала, что на протяжении анализируемого периода регионами-лидерами остаются г.Ташкент, Навоийская, Ташкентская, и Андижанская области (рис. 2). Размещение базовых и стратегически важных объектов, ориентированных на выпуск экспорто-ориентированной продукции (энергонасосители, цветные и черные металлы, продукция нефтехимии и машиностроения), явилось основным фактором высокой концентрации¹ производства (в целом около 57,5% от республиканского выпуска). Такое обстоятельство способствовало обеспечению высоких показателей доли промышленности в ВРП (22,6–66,8%) и душевого производства продукции (выше среднереспубликанского параметра – 9,8 млн. сум.) и определило рассматриваемые территории как относительно индустриально развитые регионы.

Источник: Расчеты автора по данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Рисунок 2.

Группировка регионов по душевому производству промышленной продукции за 2019 г. (индекс по отношению к республиканскому параметру)

В группу со средним уровнем индустриального потенциала вошли Республика Каракалпакстан, Сырдарьинская, Бухарская, Кашкадарьинская и Ферганская области, производство промышленной продукции на душу населения которых составляет 50–100% от республиканского параметра. Отличаясь индустриально-аграрной специализацией экономики, регионы данной группы производят 22,5% промышленности страны, а душевое производство колеблется от 53,0 до 88,0% относительно республиканского значения.

К территориям с относительно низким уровнем промышленности (показатели ниже 50% от республиканского параметра) отнесены Хорезмская, Самаркандская, Джизакская, Наманганская и Сурхандарьинская области, экономика которых имеет ярко выраженную аграрную специализацию (доля промышленности в ВРП составляет 7,9–15,8%).

¹ Рассчитано как удельный вес регионов в общем объеме промышленного производства страны.

Низкий уровень локализации производства (удельный вес регионов в сумме составляет 13,0% от республиканского объема) отражается на душевом производстве промышленной продукции этих территорий (в 2,0–5,0 раза ниже республиканского параметра).

Следует отметить, что реализуемые в период 2015-2019 гг. проекты по выпуску продукции машиностроения, химической и нефтехимической, резиновых и пластмассовых изделий, одежды и текстиля, металлургии и фармацевтики в этих регионах (за исключением Сурхандарьинской области) способствовали опережающему росту промышленного производства этих территорий.

Проведенная оценка промышленности регионов позволила выявить определенные диспропорции, заключающиеся в неравномерном размещении производства между регионами, что отражается на низком уровне индустриализации экономики (доля промышленности в ВРП ниже 15%) отдельных регионов, а также недостаточной диверсификации производства, что может создать определенные риски в условиях неустойчивости конъюнктуры рынка. Причиной этого является недостаточная реализация потенциала и преимуществ территорий в освоении производства готовых товаров с высокой добавленной стоимостью.

С учетом ресурсов и возможностей территорий основными направлениями в повышении промышленного потенциала регионов на перспективу можно считать:

Во-первых, рациональное размещение производств с учетом эффективного использования природно-ресурсного потенциала территорий обеспечит насыщение местного и межрегионального рынков потребительскими товарами (преимущественно пищевая, легкая промышленность, стройиндустрии), на которые имеется высокий спрос в условиях экономического подъема. В этом плане имеются возможности глубокой переработки сельскохозяйственных и минерально-сырьевых ресурсов, экспортрасширения готовой продукции. Вместе с тем целесообразно решение вопросов переработки производственных и бытовых отходов, освоение производства кормовых добавок и комбикорма по технологии микробиологической биоконверсии.

Во-вторых, на базе точек производственного роста имеется возможность расширение ассортимента востребованной промежуточной продукции, готовых товаров и изделий вторичной переработки отходов, являющихся составным звеном в единой технологической цепочке добавленной стоимости. Так, синтезирование преимуществ сформировавшейся специализации регионов и диверсификации производства даст возможность повышения конкурентоспособности регионов, что, в свою очередь, отразится на росте доходов и уровня жизни населения, особенно в сельской местности.

В-третьих, в регионах целесообразно формирование инновационного потенциала регионов на основе выпуска высокотехнологичных продуктов с высокой добавленной стоимостью (использование ресурсосберегающих и энергоэффективных, экологически безвредных технологий). В этом направлении реализация проектов по выпуску различных приборов и устройств для измерения и учета, фармацевтической продукции, машиностроения для отраслей экономики будет способствовать максимальному удовлетворению потребностей внутреннего рынка и расширению экспорта.

В-четвертых, особую важность на сегодняшний день приобретает обеспечение эффективной деятельности таких современных форм организации производства, как свободные экономические зоны, кластеры, малые промышленные зоны и пр. В этом плане по свободным экономическим зонам целесообразно определение специализации перспективных отраслей и видов деятельности с учетом имеющихся минерально-сырьевых, земельно-водных, сельскохозяйственных ресурсов, производственного потенциала, экологических условий территорий. Перспектива деятельности таких зон должна учитывать национальные интересы страны, т.е. развитие высокотехнологичного, наукоемкого производства с созданием высококвалифицированных рабочих мест, привлечение иностранных инвестиций, экспортрасширение и импортозамещение продукции, активизация предпринимательства, повышение уровня занятости и пр. Особое внимание следует уделить разработке и реализации перспективных проектов по выпуску оборудования и специальных установок, запасных частей и комплектующих для ТЭК, машиностроения, транспортного комплекса.

Перспектива развития малых промышленных зон должна предусматривать реализацию мер по обеспечению благоприятных условий для размещения производств, поддержке и стимулированию местных предпринимателей, производящих конкурентоспособную, экспорт-ориентированную готовую продукцию, созданию базы данных о резервах и возможностях индустриального развития регионов, в частности городов, потенциальных инвесторах и потребителях. Развитие и размещение малых промышленных зон в городах должно быть ориентировано преимущественно на обеспечение городского населения продовольственными и непродовольственными товарами, продукцией строительной индустрии.

При этом, учитывая возрастающую потребность в электроэнергии, необходима проработка проектов по формированию в регионах собственной энергосистемы за счет реконструкции действующих и строительству новых сетей, строительства малых гидро- и теплоэлектростанций, широкого внедрения ресурсосберегающих технологий и альтернативной энергетики.

Для дальнейшего обеспечения эффективной промышленной кооперации необходима разработка и реализация странами-партнерами согласованной промышленной политики по межрегиональной интеграции, где будут определены перспективные отрасли, сформированы единые подходы рыночной инфраструктуры, защиты рынка промышленной продукции государств в рамках Таможенного союза, поддержке экспорта товаров и пр. В рамках расширения межрегионального сотрудничества со странами СНГ целесообразно взаимное привлечение инвестиций в экспорт-ориентированное высокотехнологичное производство, реализации совместных проектов в образовательной сфере, в частности создание вузов (преимущественно технического направления), профильных факультетов (к примеру, по подготовке кадров в сфере электроэнергетики).

Бабобекова Д.Ш.

к.э.н., доцент, Ташкентский финансовый институт

Тухташева Х.

студент, Ташкентский финансовый институт

ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Ключевые слова: экономика Республики Узбекистан, инновационное развитие, инвестиции.

В новой редакции Закона «Об инвестиционной деятельности» от 9 декабря 2014 года применяется следующее определение: «Инвестиции – это материальные и нематериальные блага и права на них, вкладываемые в объекты экономической и иной деятельности, а вложение прибыли, полученной в результате деятельности инвестора – реинвестиции»⁶⁷¹.

Иначе говоря, инвестиции – это введение в обращение различного рода материальных, финансовых и нематериальных ресурсов частной собственности для получения социально-экономической прибыли.

Субъекты инвестиционной деятельности взаимодействуют и делают вложения в инвестиционной сфере.

К структуре инвестиционной сферы можно отнести следующие компоненты:

– сфера капитальных строений, в данном случае инвестиции вкладываются с целью проведения строительных и реконструктивных работ;

– инновационная сфера (реализуются научно-технические и интеллектуальные способности);

– сфера обращения финансового капитала (ценные бумаги и др.);

– сфера осуществления частных прав субъектов инвестиционной деятельности.

Слово «инновация» переводится на русский язык как «новизна», «новшество», «нововведение». Инновация – конечный результат деятельности по проведению нововведений, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного процесса, используемого в организационной деятельности, нового подхода к социальным проблемам.

Под инновацией в XIX в. понимали прежде всего введение элементов одной культуры – в другую. В XX в. инновациями считали технические усовершенствования. Разные авторы трактовали понятие инновации по-своему. Й. Шумпетер еще в начале XX века понял роль инновации как средства для преодоления экономических спадов. Он указал, что источником прибылей могут быть не только манипуляции с ценами и снижение себестоимости, но и смена выпускаемой продукции.

По мнению А. Бусыгина, инновация – это обновление основного капитала или производимого товара при помощи науки техники и технологий⁶⁷². Согласно Р. Фатхудинову инновация представляет собой конкретный результат разработки новой научной идеи, имеющий форму образца новой техники, конструкционного материала для производства какой-либо продукции и т.п., отличающийся от применявшихся ранее своими качественными характеристиками, позволяющими повысить эффективность производства⁶⁷³.

Исходя из вышеперечисленных определений, можно считать, что инновация заключается в создании новых или повышении качества выпускаемых товаров путем внедрения прогрессивных достижений науки в производственный процесс с целью получения существенных экономических результатов.

В целях поддержки и развития инновационной деятельности в нашей республике в 2002 году был создан «Фонд финансирования инновационной научно-технической деятельности». За прошедший период от фонда получили финансовую помощь 1150 инновационных проектов.

В стратегии действий по 5 пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 гг., в третьем направлении по развитию и либерализации экономики большую роль играют именно инвестиции.

В этой стратегии направления «Повышение конкурентоспособности национальной экономики за счет углубления структурных преобразований, модернизации и диверсификации ее ведущих отраслей» и «Модернизация и интенсивное развитие сельского хозяйства» занимают особое место.

Инновационный потенциал характеризуется научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками в стране, уровнем обновления техники и технологий (новое поколение), новшествами в национальном производстве, открытиями.

⁶⁷¹ Закон РУз «Об инвестиционной деятельности» от 09.12.2014 г., 3 статья.

⁶⁷² Бусыгин А.В. Предпринимательство. – М.: Дело, 2001. – 176 с.

⁶⁷³ Фатхудинов Р.А. Инновационный менеджмент. – М.: Интел-Синтез, 2000. – С. 9.

Более 62 % инвестиций в основной капитал направлено на следующие виды экономической деятельности: горнодобывающая промышленность – 20,8%, обрабатывающая промышленность – 17,9%, транспорт и хранение – 9,3%, электро-, газо- и пароснабжение, кондиционирование воздуха – 8,0%, Оптовая и розничная торговля, ремонт моторных и транспортных средств – 3,7%, информация и связь – 2,8%.

В структуре инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства развиты следующие регионы: Кашкаръинская область – 56,0%, Навоийская область – 43,2%, Сурхандаръинская область – 39,5%, город Ташкент – 58,1% и Ташкентская область – 58,0%.

Инвестиции в основной капитал, реконструкцию и модернизацию увеличились на 36,8% по сравнению с 2016 годом, а их доля в общем объеме инвестиций составила 22,1%. В 2017 году 17 146,5 млрд. сумов (3348,2 млн. долларов США) или 134,9% к 2016 году было использовано в иностранные капитальные вложения и займы и 25,1% от общих капитальных вложений соответственно.

Доля иностранных инвестиций и кредитов в ВВП в 2017 году составила 6,7%, увеличившись на 1,4 процентного пункта по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

В 2017 году Российская Федерация является лидером по структуре иностранных инвестиций и кредитов иностранным инвесторам в основной капитал. Это включает 9016,3 млрд. сумов, информация и связь – 467,4 млрд. сумов на производство других неметаллических минеральных продуктов – 10,5 млрд. сумов, в металлургической промышленности – 10,4 млрд. и многие другие мероприятия.

Китай инвестирует 458,8 млрд. сумов в производство резиновых и пластмассовых изделий, в производство химической продукции – 460,5 млрд. сумов, добычу природного газа – 451,5 млрд. сумов, связь – 544,0 млрд. сумов, производство прочих неметаллических минеральных продуктов – 149,7 млрд. сумов и десятки других видов деятельности.

Японские инвестиционные проекты: наземный и трубопроводный транспорт – 445,3 млрд. сум., электричество, газ и пароснабжение, кондиционирование – 387,9 млрд. сум., производство химической продукции – 209,5 млрд. сум. и другие услуги – 90,0 млрд. сум.

Высокий объем инвестиций с участием инвестиций Республики Корея в 2013–2016 годах связан с инвестиционным проектом по строительству Устюртского газо-химического комплекса на базе Сургильских месторождений.

В настоящее время обсуждается Указ Президента «О мерах по коренному совершенствованию механизмов финансирования проектов в сфере предпринимательства и инноваций». Документ разработан Министерством инновационного развития.

Планируется разработать и принять до конца 2019 года Закон «О партнерстве» в Республике Узбекистан, призванный регулировать инвестиционную деятельность управляющих и инвестиционных компаний, а также квалифицированных инвесторов. Планируется также принять новую редакцию Закона «Об авторском праве и смежных правах». Документ призван обеспечить всеобъемлющую основу для признания прав интеллектуальной собственности в соответствии с международными стандартами и принять во внимание критическую оценку деятельности Агентства интеллектуальной собственности. Проект может быть изменен, дополнен или отклонен.

Инвестиции в инновации на макроэкономическом уровне связаны с повышением конкурентоспособности фирмы, повышением ее прибыльности, прибыльности и прибыльности в условиях высокой конкуренции.

Биндусов Е.Е.

к.п.н., профессор Московской государственной академии физической культуры

ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СПОРТЕ¹

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, судейство соревнований, спорт больших достижений, конституциональные параметры спортсмена, прогнозирование.*

Применение искусственного интеллекта в спорте давно назрело. Это обусловлено объективными причинами. Искусственный интеллект уже давно вошёл в наш быт и завоёвывает всё большие сферы применения. Попробуем проанализировать его необходимость и важность в сфере спорта. Первое, где уже сейчас возможно его применение это судейство соревнований. Современная картина судейства в различных видах спорта выглядит так. В видах спорта с циклической организацией движений, оценка результата, как правило, проходит с помощью регистрации объективных величин. Время прохождения дистанции в различных видах спорта фиксируется электронным секундомером, победитель в прыжках определяется регистрацией длины или высоты, в тяжёлой атлетике суммой поднятых килограмм. Гораздо сложнее организовано судейство в видах спорта со сложной координацией.

В настоящее время в акробатике, спортивной и художественной гимнастике, фигурном катании, оценка выступления проводится несколькими бригадами судей, каждая из которых оценивает свою часть выступления. Одна бригада судей оценивает трудность упражнений согласно существующим группам сложности, другая бригада оценивает чистоту выполнения упражнений. Таким образом, выступление одного спортсмена оценивают 7–8 судей, приближая субъективную оценку к объективной. Не секрет, что каждый судья ставит большую оценку спортсмену своей страны или своей спортивной школе (пусть на 0.1, но больше). Если учесть, что зачастую Чемпион выигрывает у преследователей 0.05 балла, то комментарии излишни. Если даже предположить, что все судьи нейтральны и сугубо объективны, всё равно, каждый воспринимает выступление по-своему. Наличие беспристрастного судьи – искусственного интеллекта, которому всё равно, кто выступает, представитель какой страны, сделает соревнования в этих видах спорта абсолютно объективными. Скептики возразят, говоря о наличии в оценке за выступление такой части, «как общее впечатление», т.е. эмоциональности, артистичности, выразительности и прочее. Очевидно, придёт время, и эта часть выступления будет оцениваться искусственным интеллектом. Скорее всего, тогда и решится извечный спор физиков и лириков о возможности проверить гармонию алгеброй. При наблюдении за выступлением гимнастки – «художницы», или гимнаста на снаряде, прыгуна на батуте, мы, зрители, воспринимаем только форму движений, не зная составляющих параметров движения. Согласитесь, неспециалистам очень трудно определить качество выступления спортсменов. Необходимы специальные знания техники, правил соревнований, величины сбавок. Мы видим лишь то, что гимнастка ни разу не уронила предмет, гимнаст не упал со снаряда и прочее, но мастерство спортсмена определяет масса других составляющих, о которых знают только судьи.

Ещё одно поле деятельности, сфера применения, – это отбор в спорт больших достижений. После нескольких лет занятий с новичком, тренер определяет, надо ли ребёнку тренироваться дальше, есть ли у него перспективы в этом виде спорта. Другими словами, выйдет ли из него хотя бы КМС. Одним из очень сложных вопросов прогнозирования в сложно-координационных видах спорта является прогноз конституциональных параметров тела спортсмена. Не секрет, что в этих видах спорта, при прочих равных условиях, оценка определяется и внешними параметрами спортсмена, или его морфологией. Да, существуют определённые методики, в том числе и компьютерные (биоимпедансный анализ), которые дают моментальный результат и определяют мышечную, жировую, костную массу спортсмена и другие конституциональные показатели. Но любому тренеру очень важно знать, что будет с ребёнком через 4–5 лет, станет он «колобком» или «соломинкой». Это во многом определяет структуру построения тренировочного процесса. Кроме того, учитывая особенности вида спорта, специфику воздействия упражнений на спортсмена, искусственный интеллект сможет построить абсолютно точный и объективный прогноз. Это будет определённой революцией в спорте!

Наконец одно из самых сложных направлений в спорте – это прогнозирование, предвидение развития того или иного вида спорта. Не секрет, что в видах спорта со сложной координацией чемпионство во многом определяется не только сложностью и качеством упражнений, но и появлением принципиально новых упражнений. До сего времени новые упражнения появляются редко. Некоторые из них были получены путём точного биомеханического расчёта, некоторые путём метода проб и ошибок. Можно с большой уверенностью сказать, что искусственному интеллекту по силам открытие новых, невиданных до сегодняшнего дня, движений. Применение искусственного интеллекта в сфере физической культуры и спорта, конечно, не ограничивается представленными направлениями. Мы выделили наиболее значимые на наш взгляд. Не исключено, что учёт большого числа показателей, характеризующих человека как биоло-

¹ Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

гический объект, позволит искусственному интеллекту точно и объективно давать рекомендации по возможностям спортсмена в том или ином виде спорта. Что, безусловно, поднимет спорт на новые вершины. Можно с большой уверенностью предположить, что вопрос допинга в спорте отпадёт сам собой.

Воронин А.В.

к.т.н., доцент, в.н.с. ФИЦ «Информатика и управление» РАН
aleksey.v.v@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СРЕДЫ ВИЗУАЛИЗАЦИИ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ В АЛГОРИТМАХ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: геоинформационные системы, ГИС, визуализация, анализ, ИГИС, геообъект, геоданные.
Keywords: Geoinformation systems, GIS, visualization, analysis, IGIS, geobject, geodata.

Введение

Качественное решение задач практически всех направлений жизнедеятельности Человека на современном этапе осуществляется посредством использования центров поддержки принятия решений, одним из центральных элементов которых является геоинформационная система.

Применение ГИС и дополненной реальности обусловлено возможностью наглядного восприятия геообъектов по их управлению и контролю. Анализ системных связей, закономерностей функционирования и развития геоинформационных систем дает возможность определения функционала ГИС и перспектив инновационного развития.

Целью исследования, представленного в статье, является анализ и получение выводов о перспективах развития геоинформационных систем в динамике совершенствования инновационных технологий инфокоммуникационного мира.

Для достижения целевой установки решались задачи.

1. Анализ геоинформационных систем как среды визуализации и аналитической обработки данных в алгоритмах дополненной реальности в перспективе их развития.

2. Определение эффективности использования геоинформационной системы в перспективе эволюционного развития.

1. Анализ геоинформационных систем как среды визуализации и аналитической обработки данных в алгоритмах дополненной реальности в перспективе их развития

В документах OGC и OSGeo [1, 2] геоинформационная система определяется как компьютерная система для сбора, хранения, проверки, интеграции, управления, анализа, и отображения данных применительно к их расположению на поверхности Земли.

В работах Присяжнюка С.П., Филатова В.Н., Федоненкова С.П. [3, 6, 7] под геоинформационной системой понимают автоматизированную систему, предназначенную для обработки пространственно-временных данных, которые позволяют расширить знания о каком-либо явлении или предмете (объекте) реального мира (дополненная реальность), при этом основой их интеграции служит географическая информация.

Дополненная реальность, являющаяся результатом введения в поле восприятия сервисов, улучшающих визуализацию информации, является важной частью развития инфокоммуникационного мира и, как правило, имеет дело с динамически изменяющейся отображаемой ситуацией, большим числом объектов и метаданных, которые при отображении на экране формируют сложные представления.

С точки зрения выполнения основных функций в [3] дается определение ГИС как автоматизированной системы, предназначенной для сбора, обработки, анализа, моделирования и отображения данных, а также решения информационных и расчетных задач с использованием цифровой картографической, аналоговой и текстовой информации. Данное определение созвучно с определением OGC и OSGeo.

В работах Юсупова Р.М., Поповича В.В., Бернштейна Л. С., Розенберга И.Н., Беякова С.Л. [4, 5] определение ГИС рассматривается в широком и узком смыслах: в широком – система сбора, хранения, анализа и графической визуализации пространственных данных и связанной с ними информации; в узком – инструмент (программный продукт), позволяющий пользователям анализировать и редактировать цифровые карты, а также дополнительную информацию об объектах.

Как видно из данных определений, геоинформационная система – это система, реализующая информационную с дополненной реальностью технологию по выполнению установленных функций: ввода, контроля целостности и

хранения данных, преобразования форматов, разграничение прав доступа, выполнения геоинформационных задач, отображения геоданных и результатов анализа данных.

Перспектива развития ГИС неразрывно связана с развитием информационной технологии. Рассмотрим геоинформационные системы, представленные на рынке геоуслуг.

В [6, 7] предложена классификация ГИС по пространственной характеристике, региональной принадлежности, форме представления геоданных, используемым аппаратным средствам и области применения. Однако центральный элемент – реализуемый функционал (основные функции) – не рассматривался. Проанализируем технологии хранения данных и организации их взаимодействия, позволяющие выявить достоинства и недостатки геоинформационных систем.

1. Геоинформационные системы, состоящие из одной или нескольких программ. Данные системы просты в реализации и эксплуатации, имеются ограничения при совместном использовании геоданных в компьютерной сети (поддерживаются, как правило, функции сетевой операционной системы). Достоинства: возможность реализации уникальных алгоритмов обработки геоданных, простая трансформация в виду использования собственных форматов данных, высокое быстродействие. Недостатки: отсутствие возможности разработки уникальных алгоритмов обработки геоданных потребителями услуги, несовместимость с форматами данных других ГИС.

2. Геоинформационные системы, функционирующие с использованием технологии клиент-сервер. Системы предполагают наличие выделенного в сети сервера геоданных, однако его функциональность, как правило, ограничена. Сложность в эксплуатации систем требует наличия квалифицированного персонала. Достоинства: возможность реализации уникальных алгоритмов обработки геоданных, простая трансформация в виду использования собственных форматов данных, высокое быстродействие. Недостатки: отсутствие возможности разработки уникальных алгоритмов обработки геоданных потребителями услуг, несовместимость с форматами данных других ГИС.

3. Геоинформационные системы, функционирующие с использованием технологии клиент-сервер и хранящие данные с использованием одной из распространённых систем управления базами данных (Microsoft SQL Server, Oracle, My SQL, Postgre SQL). Системы ориентированы на использование внешней СУБД и современных средств работы с ней. Следовательно, сложность в эксплуатации систем (необходимы настройки ГИС, СУБД) требует наличия квалифицированного персонала. Достоинство – простая трансформация в виду использования собственных форматов данных. Недостатки: наличие ограничений на знание внутренней структуры СУБД и форматов данных, снижение быстродействия в виду необходимости передачи больших объемов данных по сети.

4. Геоинформационные системы, функционирующие с использованием технологии клиент-сервер и использующие в качестве хранилища геоданных специализированные расширения SQL-сервера (Oracle Locator/Spatial для Oracle SQL Server, Microsoft Spatial для Microsoft SQL Server, Post GIS для PostgreSQL). В рамках технологии предложены решения, реализующие распределенные геоинформационные системы (одно хранилище – несколько ГИС) и использующие WEB-браузер в качестве рабочего места пользователя. Системы предполагают использование программного обеспечения сторонних разработчиков (включая свободно распространяемого и распространяемого с открытым исходным кодом). Сложность в эксплуатации систем (необходимы настройки ГИС, СУБД) требует наличия квалифицированного персонала. Достоинства: независимость структуры хранения геоданных от разработчика ГИС, интеграция форматов геоданных различных ГИС, возможность использования произвольного браузера при использовании решения на базе WEB-технологии. Недостаток – снижение быстродействия при использовании решения на базе WEB-технологии.

Проведенный анализ позволяет рассмотреть развитие геоинформационных систем только с одной стороны – как компьютеризацию средств картографии отечественного и импортного производства. С другой стороны применение известных и хорошо апробированных алгоритмов функционирования ГИС, как правило, разработанных иностранными производителями, крайне ограничено. Производители не поставляют или ограничивают функциональность средств аналитической обработки информации или данных при решении широкого круга задач.

Требуется повышение функциональности геоинформационной системы, придание ей новых свойств, а также расширение хранилища данных, приводящее к необходимости увеличения ресурса сил и средств системы. Большой объем разнородной телекоммуникационной информации дополнительно формирует необходимость разработки методов и способ анализа, обработки и визуализации данных как составной подзадачи задачи синтеза управляющих решений.

В связи с этим перспектива развития геоинформационных систем предполагает их использование как средств поддержки принятия решения в системах реального и квазиреального времени. Геоинформационные системы являются основой для построения современных систем принятия решений, что обусловлено необходимостью соотвествующего информационного обеспечения для качественного решения задач управления в различных сферах деятельности Человека.

Для информационных систем нового поколения ГИС должна не только отражать гео- и разнородную информацию в удобном электронном виде, но и помогать оператору в принятии решения. В рассмотренных же ГИС реализованы простые методы обработки информации, которые не позволяют автоматизировать процесс поддержки принятия управленческих решений и не являются средством интеграции полноценного анализа гео- и разнородной информации в среду поддержки принятия решений.

Следующий шаг развития информационных систем – использование ГИС в качестве пространственно-информационной основы, формируя «умные» (интеллектуальные) ИГИС. В работе Бернштейна Л. С., Розенберга И.Н., Белякова С.Л. [5] дается определение ИГИС – ГИС, реализующая функции обработки пространственных данных, которые обычно связывают с выработкой рекомендаций для лица, принимающего решение в условиях неполноты или нечеткости, а также качественного характера исходной информации, путем логического вывода.

Березко А.Е., Соловьев А.А., Гвишиани А.Д., Жалковский В.А. [8] определяют ИГИС как ГИС, которая включает в свой состав интегрированные средства (системы) искусственного интеллекта, а также прикладные компоненты, реализующие наукоемкие пользовательские модели количественного обоснования вырабатываемых рекомендаций с использованием дополненной реальности.

Ивакин Ю. и Сорокин Р. [9] конкретизируют прикладной характер определения ИГИС – сложный программный продукт, включающий большое количество программных компонент, реализующих как непосредственно саму географическую информационную систему, так и различные методы искусственного интеллекта для решения многих сложных задач, в том числе задач пространственного моделирования, поддержки принятия решения и интеллектуального анализа данных.

Функции, которые реализуют ИГИС, аналогичны функциям ГИС: анализ, обработка разнородных данных и их визуальное представление в удобном виде для восприятия дополненной реальности. Дополнительные функции ИГИС: получение массивов разнородных данных в реальном (квазиреальном) времени и реализация бизнес-аналитики – работы с данными на разных уровнях иерархии различных систем. Современные ИГИС реализуют аналитику обработки данных в виде концепций метаданных (данные, описывающие организацию других данных) и гармонизации (доступ и преобразование), интеграции (объединение) и слияния (комбинирование для анализа данных и комбинирование для получения знаний) данных. В рамках объектно-ориентированного подхода [4] концепции реализуются через иерархию классов, отражающих понятия предметной области анализа, и связей между ними, получивших название онтологий. Компоненты объединены в системе на основе единой структуры представления и обработки данных и знаний.

К недостаткам ИГИС следует отнести отсутствие (кроме онтологии) механизмов (методов и способов) анализа и получения массивов гео- и разнородных данных, обработки данных по реализации аналитики и визуальное представление результатов аналитической обработки информации в дополненной реальности. Так же отсутствуют механизмы составления (трансформации) метаданных.

Следующий шаг развития ГИС – «умные» специализированные геоинформационные системы (СИГИС) – ИГИС для качественного решения задач управления в специализированной сфере деятельности Человека. Сложность, разнообразие и уникальность сфер деятельности обуславливают уникальность управленческих решений, следовательно, требуют применения СИГИС как пространственно-информационных основ систем контроля обстановки и принятия решения.

2. Определение эффективности использования геоинформационной системы в перспективе эволюционного развития

Оценка эффективности использования геоинформационной системы в рамках ее эволюционного развития целесообразна рассмотрением показателя качества визуализации и затрат на конструктивное исполнение технической части, реализующей визуализацию, а также аналитическую обработку данных, соотношенного с показателем предшествующего образца [10, 11].

В качестве такого показателя эффективности использования ГИС предлагается интегральный показатель эффективности использования геоинформационной системы, позволяющий объединить оценку качества визуализации гео- и метаданных по критерию наглядности и конструктивного исполнения собственно технической части геоинформационной системы, соотношенным с показателем обычной (эволюционно предшествующей) ГИС.

Интегральный показатель эффективности использования геоинформационной системы позволяет объединить оценку качества визуализации гео- и метаданных по критерию наглядности и конструктивного исполнения собственно технической части геоинформационной системы, реализующей визуализацию, а также аналитическую обработку данных, и рассмотреть положение ГИС в эволюционном ряде разработок геоинформационных систем, определяя направления их последующего совершенствования и развития.

3. Заключение

В ходе проведенного исследования целевая установка – анализ и получение выводов о перспективах развития геоинформационных систем в динамике совершенствования инновационных технологий инфокоммуникационного мира – достигнута. Определены достоинства и недостатки ГИС, перспектива их развития. Геоинформационные системы развиваются в направлении использования технологии клиент-сервер, специализированных расширений для распространенных SQL-серверов, решений на основе WEB-браузеров, открытых форматов и кодов программ, реализуя распределенные интеллектуальные ГИС. Динамика развития современных ГИС – «умные» специализированные геоинформационные системы для качественного решения задач управления в различных сферах деятельности Человека, требующие разработки методов и способов их функционирования. Оценка эффективности использования геоинформационной системы в рамках ее эволюционного развития целесообразна рассмотрением показателя качества визуализации и затрат на конструктивное исполнение технической части, реализующей визуализацию, а также аналитическую обработку данных, соотношенного с показателем предшествующего образца. Показатель позволяет рассматривать положение ГИС в эволюционном ряде разработок геоинформационных систем и определять направления последующего их совершенствования и развития.

Список литературы и источников

1. OGC Standards. 2016. – <http://www.opengeospatial.org/docs/is>
2. The Open Source Geospatial Foundation. 2016. – <http://www.osgeo.org>
3. Присяжнюк С.П., Филатов В.Н., Федоненков С.П. Геоинформационные системы военного назначения. – Санкт-Петербург: Балт. гос. техн. ун-т, 2009.
4. Интеллектуальные географические информационные системы для мониторинга морской обстановки / Под общ. Р.М. Юсупова, В.В. Поповича. – Санкт-Петербург: Наука, 2013.
5. Розенберг И.Н., Беляков С.Л. Программные интеллектуальные оболочки геоинформационных систем / Под ред. Бернштейна Л.С. – М.: Научный мир, 2010.
6. Присяжнюк С.П., Осипов Г.К. Научно-методические основы создания территориальных информационно-аналитических систем для органов местного самоуправления // Информация и космос. 2007. – № 2. – С. 7–9.
7. Присяжнюк С.П., Филатов В.Н. Автоматизированная поддержка принятия решения на геоинформационных системах // Информация и космос. 2004. – № 2. – С. 4–8.
8. Березко А.Е., Соловьев А.А., Гвишиани А.Д., Жалковский В.А. и др. Интеллектуальная географическая информационная система «Данные наук о Земле по территории России» // Инженерная экология. 2008. – № 5. – С. 32–40.
9. Ивакин Ю., Сорокин Р. Применение методов искусственного интеллекта в геоинформационных системах // Информация и географические системы. 2005. – № 25–27. – С. 105–114.
10. Воронин А.В. Разработка метода трансформации структур тематических и метаданных для визуализации информации в ГИС // СВД. 2018. – Т. 14, № 5. – С. 12–18.
11. Зацаринный А.А., Воронин А.В., Ионенков Ю.С. Особенности оценки эффективности геоинформационной системы как элемента ситуационного центра // ССИ. 2018. – Т. 28, № 2. – С. 75–87.

Карачун И.А.¹

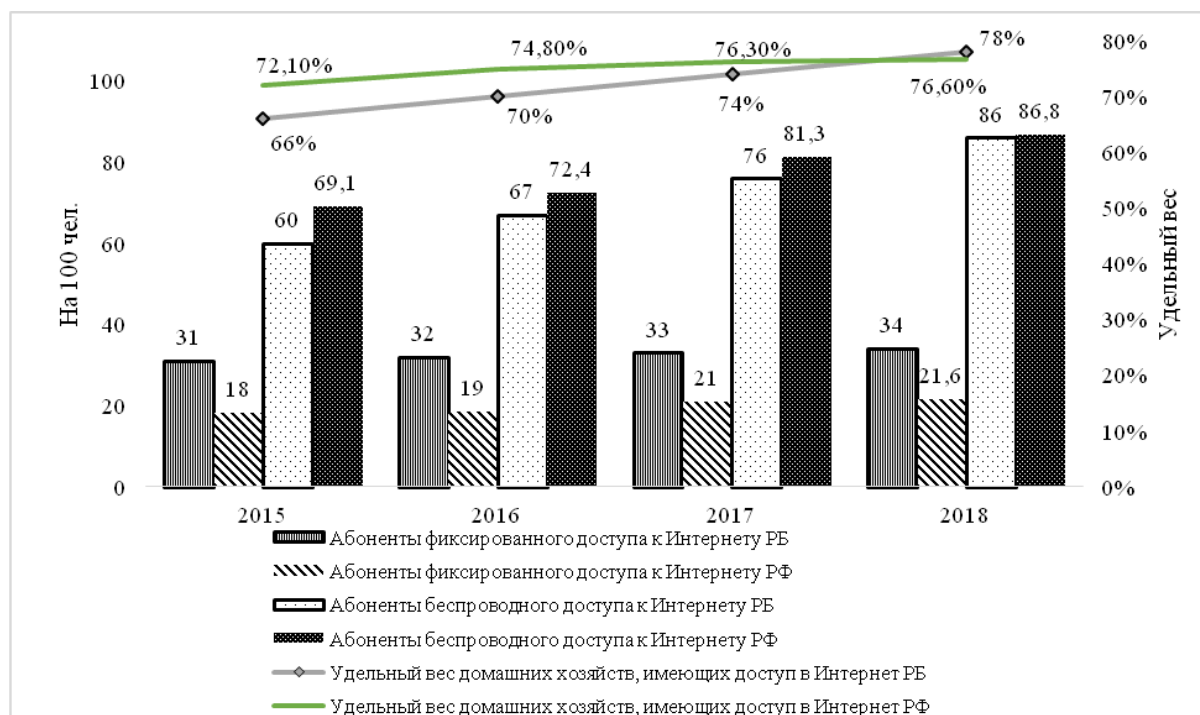
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАКТИКА ИХ ВНЕДРЕНИЯ: БЕЛОРУССКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Ключевые слова: эффективность, экспорт, ИТ-услуги, цифровизация, криптовалюта, майнинг, смарт-контракт, блокчейн, смарт-индустрия, Индустрия 4.0.

Keywords: efficiency, export, IT services, digitalization, cryptocurrency, mining, smart contract, blockchain, smart industry, Industry 4.0.

Информационные технологии (ИТ) в Беларуси на сегодняшний день – один из драйверов экономики. Следует отметить, что доля ИТ-сектора в ВВП пока составляет 5,5%, но постепенно растет. Объем экспорта ИТ-услуг на душу населения в Беларуси составляет 108 долл., в то время как, например, в США это 58 долл., в Индии – 40 долл., в Китае – 20 долл. Удельный вес экспорта услуг сферы ИКТ в общем объеме экспорта услуг за последние три года вырос с 17 до 21,2%, а весь объем экспорта ИТ-услуг и продуктов вырос в 30 раз за десять лет. Причем только экспорт Парка высоких технологий (ПВТ) – экономической зоны со специальным налогово-правовым режимом для развития ИТ-сферы – начиная с 2017 г. превышает 1 млрд. долл. за год. Компании-резиденты ПВТ (Bell Integrator, Ciklum, EPAM, IBA, Itransition) с 2017 г. входят в список лучших провайдеров услуг аутсорсинга согласно рейтингу Global Outsourcing 100, а 10 компаний из рейтинга Software 500 имеют офисы разработки в Беларуси: Bell Integrator, EPAM, IBA, Itransition, Coherent Solution, SoftClub, Artezio, Intetics, Oхagile, IHS. Белорусские разработчики оказывают ИТ-услуги крупнейшим организациям мира, таким как Всемирный банк, Google, Samsung, НТС, LFE, Microsoft, Coca-Cola, Toyota, BP.

В ИТ-сфере Беларуси работает 107 000 специалистов, годовой прирост в среднем составляет 8–9% и порядка четверти – женщины. В рейтинге Всемирного банка Doing Business в 2018 г. Беларусь занимала 38 позицию, в 2019 г. – 37, а Российская Федерация – 31. В последнем рейтинге развития информационно-коммуникационных технологий 2017 г. Беларусь располагалась на 32 позиции, а Россия на 45 из 176 стран. Показатели развития цифровой экономики в двух странах на представлены на рис. 1.

Источник: составлено по данным Белстат и [1]

Рисунок 1.
**Национальные статистические показатели развития цифровой экономики
в Республике Беларусь и Российской Федерации**

¹ Карачун Ирина Андреевна – к.э.н., доцент, зав. кафедрой цифровой экономики Белорусского государственного университета, г. Минск. E-mail: karachun@bsu.by

В табл. 1 представлен сравнительный анализ показателей использования информационно-коммуникационных технологий населением и организациями в Республике Беларусь и Российской Федерации. Очевидно, что несмотря на значительное неравенство объема экономик, развитие цифровых технологий, их использование населением и организациями в двух странах сопоставимо по относительным мерам и имеет сходную положительную динамику.

Таблица 1

**Использование информационно-коммуникационных технологий населением и организациями
(удельный вес, %)**

Страна	Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
РБ	Население, использующее Интернет	67,3	71,1	74,4	79,1
РФ	Население, когда-либо использовавшее Интернет	77,7	80,8	83,7	87,3
РБ	Население, использующее Интернет ежедневно	45,2	48,5	54,3	62,6
РФ	Население, использующее Интернет практически ежедневно	55,1	57,7	60,6	68,8
РБ	Население, использующее Интернет для осуществления финансовых операций (для оплаты товаров, услуг, перевода денег и так далее)	16,1	21,0	26,7	32,2
РФ	Население, использующее Интернет для заказа товаров, услуг	19,6	23,1	29,1	34,7
РБ	Население, использующее Интернет для осуществления взаимодействия с органами государственного управления	6,1	9,2	11,1	13,1
РФ	Население, использующее Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме	39,6	51,3	64,3	74,8
РБ	Организации, использующие стационарный широкополосный доступ в Интернет	88,6	89,4	...	96,7
РФ	Организации предпринимательского сектора, использующие стационарный широкополосный доступ в Интернет	78,9	80,5	81,6	...
РБ	Организации, использующие Интернет для взаимодействия с поставщиками	81,3	83,4	...	86,4
РБ	Организации, использующие Интернет для взаимодействия с потребителями	72,6	74,7	...	76,3

Источник: составлено по данным Белстат и [1]

Основные продажи белорусские IT-компании осуществляют на зарубежных рынках. Более 90% производимого в ПВТ программного обеспечения экспортируется: 49,1% – в страны Европы, 44% – в США и Канаду, 4,1% – в Россию и другие страны СНГ. У Парка высоких технологий есть свой бизнес-инкубатор для тех, кто зарегистрирован в качестве юрлица или индивидуального предпринимателя в Беларуси не более трех лет, не имеет задолженности перед бюджетом и государственными внебюджетными фондами. Бизнес-инкубатор ПВТ предлагает стартапам офис на условиях льготной аренды, экспертную и консультационную поддержку, возможность взаимодействия с инвесторами в сфере ИТ. Резиденты ПВТ в качестве льгот получают освобождение от всех корпоративных налогов, в том числе от налога на добавленную стоимость и налога на прибыль; возможность работать в рамках правового режима ПВТ, имея офис в любой точке Беларуси; индивидуальный подоходный налог для сотрудников компаний-резидентов составляет 9% и не включается в совокупный годовой доход. В табл. 2 представлены результаты деятельности ПВТ в 2018 г.

Таблица 2

Результаты деятельности Парка высоких технологий в 2018 г.

Удельный вес отгруженной продукции (работ, услуг) собственного производства организациями-резидентами ПВТ, в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) собственного производства организациями сектора ИКТ	40,70%
Удельный вес резидентов ПВТ в общем объеме экспорта услуг сферы ИКТ	75,90%
Количество патентов, выданных национальным заявителям на изобретения в сфере ИКТ	10 шт.
Удельный вес заключенных договоров на использование компьютерных программ, в общем числе заключенных договоров на право использования результатов интеллектуальной деятельности	67,30%

Источник: составлено по данным Белстат.

21 декабря 2017 г. Президентом Республики Беларусь был подписан Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», вступивший в силу 28 марта 2018 г., который обеспечивает:

- расширение видов деятельности резидентов ПВТ (разработка биотехнологий, медицинских, авиационных и космических технологий, киберспорт);
- поддержку ИТ-образования и подготовку кадров для отрасли;
- создание условий для развития продуктивных ИТ-компаний;
- институты английского права – конвертируемый займ, опцион и опционный договор, соглашение о неконкуренции и запрете переманивания, возмещение имущественных потерь;
- проведение ICO, использование криптовалюты и внедрение смарт-контрактов;
- комплексное правовое регулирование бизнесов на основе технологии блокчейн;
- устанавливает, что деятельность по майнингу, приобретению, отчуждению токенов; осуществляемая физическими лицами, не является предпринимательской, а токены не подлежат декларированию;
- прием на работу иностранных граждан без специальных разрешений для резидентов ПВТ.

В последнее время постоянно упоминается термин «Индустрия 4.0» – стратегическая инициатива цифровой трансформации в производственной отрасли. Эта концепция предполагает внедрение современных ИКТ в производственное оборудование и использование средств автоматизации, направленное на организацию и контроль всей цепи

создания стоимости на протяжении производственного цикла продуктов и услуг (табл. 3). Цель – увеличение гибкости и оптимизация ценообразования, индивидуализация продукции и услуг за счет интенсивного взаимодействия потребителя и производителя. [2]

Таблица 3

Показатели инновационной активности сферы ИКТ/ИТ (итоги 2017 г.)

Показатель	Беларусь	Россия
Доля ИТ-сектора в ВВП	5%	2,7%
Удельный вес внутренних затрат на научные исследования и разработки организаций сектора ИКТ	4,30%	3%
Удельный вес инновационно-активных организаций сектора ИКТ	15,7%	12%
Удельный вес инновационно-активных организаций отрасли ИТ	9,8%	6,4%
Удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) организациями сектора ИКТ в общем объеме сектора ИКТ	4,1%	6,6%
Удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) организациями отрасли ИТ в общем объеме отрасли ИТ	1,10%	7,2%

Источник: составлено по данным Белстат и [1].

В России при участии Агентства стратегических инициатив (АСИ) сформирована Национальная технологическая инициатива (НТИ) Российской Венчурной компании (РВК) с целью формирования новых рынков и создания условий для глобального технологического лидерства России к 2035 г. Это разработка дорожных карт развития ключевых отраслей, финансовая и организационная поддержка важнейших стратегических проектов компаний и научных организаций. Созданы ассоциации, способствующие развитию промышленного Интернета и Интернета вещей, выполняющие роль компетентных консультантов в различных отраслях и инициаторов разработки стандартов и нормативно-правовых документов. В стратегиях развития крупных российских компаний также отражено применение технологий Индустрии 4.0 – в нефтегазовой индустрии, машиностроении, энергетике, транспорте, медицине. Много делается для того, чтобы в России сформировался рынок, способный обеспечить возможности массового применения инновационных технологий на базе подготовленных и локализованных отраслевых стандартов и сдержать отток квалифицированных специалистов, повысить качество разработки аппаратных решений.

В Республике Беларусь идет формирование организационно-технологической платформы «Смарт-индустрия Беларуси», предполагающее внедрение следующих элементов концепции Индустрия 4.0:

- создание новых форм интеллектуальной производственной техники, чтобы генерировать продукцию для мирового рынка, делать фабрики более энергоэффективными и гибкими;
- оптимизация существующих и внедрение новых продуктов автоматизированных цифровых систем управления;
- обеспечение производственных площадок и занятости благодаря интеллектуальному формированию производства, инжиниринга и производственного окружения, прежде всего в свете демографических изменений и связанных с этим вызовов по организации труда в соответствии с возрастом;
- создание новых форм взаимодействия при организации труда на «умной фабрике», ориентированных на интересное рабочее окружение, увеличение личной ответственности и саморазвитие.

Подводя итоги, следует отметить, что цифровая трансформация и в России, и в Беларуси признана приоритетным направлением для развития, и уже достигнуты определенные успехи в этой сфере. Большинство стратегических целей было сформулировано в 2018 г. – это указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года» и Декрет № 8 Президента РБ «О развитии цифровой экономики». Глобальный опыт показывает, что такие технологии как блокчейн, искусственный интеллект, анализ больших данных, Интернет вещей, квантовые вычисления, робототехника и др., значительно меняют бизнес-модели и требуют от органов управления нахождения вариантов максимального использования социальных и экономических выгод на региональном, национальном и глобальном уровнях. Разрабатываемые стратегии должны быть направлены на разработку эффективных механизмов управления и стратегического планирования, создание подходящих условий для внедрения инноваций с соответствующей гибкой нормативной правовой базой – укрепление инновационной экосистемы. Естественно, здесь немаловажную роль играет доступность финансирования и развитие цифровых навыков, защита национальной безопасности, интеллектуальной собственности и персональных данных. Не стоит забывать и про цифровые платформы, обеспечивающие межотраслевую трансформацию и увеличивающие эффективность работы бизнес-систем через установление связей и совместное создание продуктов и услуг организациями из разных отраслей и даже стран.

Список литературы

1. Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с.
2. Авдеева И.Л. Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия современных технологий / И.Л. Авдеева, А.В. Полянин, Т.А. Головина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. – Т. 19, вып. 3 – С. 238–245.

Колин К.К.

д.т.н., профессор, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН
kolinkk@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ КАК НАУКА: СОЦИАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: информационные технологии, производственные технологии, социальные технологии, эффективность технологий.

Keywords: information technologies, production technologies, social technologies, efficiency criteria of technologies.

Одной из доминирующих тенденций развития цивилизации в XXI веке является все более широкое распространение и использование различного рода технологий. В настоящее время в экономически развитых странах применение технологий стало массовым. Причем не только в промышленном производстве, но и в социальной сфере, а также в науке, образовании и культуре [9, 11].

Многие развивающиеся страны также считают технологическое развитие одной из своих приоритетных задач на ближайшие десятилетия и для этого закупают передовые технологии в других странах. И это понятно, поскольку современные технологии позволяют наладить массовое производство высококачественной продукции, необходимой для жизнеобеспечения общества, сокращая при этом затраты труда, энергии и материальных ресурсов. Именно поэтому в Китае, Индии, Южной Корее, Малайзии, Сингапуре и в ряде других стран в стратегии национального социально-экономического развития центральное место занимает проблема использования современных технологий [13].

Характерным примером здесь может служить Китай, в котором проблема научно-технологического развития поставлена на законодательном уровне. Закон о научно-техническом прогрессе был принят в Китае в 2008 г. и стал основой для соответствующей ориентации китайской науки, экономики, формирования современной инфраструктуры страны [15]. Сегодня в Китае создано 75 зон новых высоких технологий, которые позволяют интегрировать потенциал науки, образования, промышленности и бизнеса в интересах достижения амбициозных целей: в 2020 г. Китай должен стать технологически развитым государством, а к 2050 году – ведущей технологической державой мира.

В новой стратегии социально-экономического развития России, которая сегодня осуществляется путем реализации целого комплекса национальных проектов и государственных программ, также предполагается, что основой этого развития станет технологическая модернизация страны [2]. При этом особое внимание уделяется созданию и использованию высокоэффективных (прорывных) технологий, которые не только должны качественно изменить ситуацию в области их практического использования, но, самое главное, создать условия для повышения качества жизни населения страны и решения многих других проблем национальной и глобальной безопасности [3].

Таким образом, проблема создания и широкомасштабного использования новых технологий сегодня становится ключевой в стратегии развития общества. Однако при этом необходимо отметить, что комплексная научно обоснованная методология создания таких технологий сегодня отсутствует, и это существенным образом затрудняет решение стратегически важной для всего мирового сообщества проблемы технологического развития.

Автор настоящей работы уже 25 лет проводит исследования, направленные на формирование концептуальных основ технологии как нового научного направления [5–7]. Некоторые новые результаты этих исследований приведены ниже.

Понятие технологии как науки

Термин «**технология**» в современном русском языке имеет несколько различных значений:

1) Технология – способ рациональной организации некоторого процесса, имеющего социальную значимость. В этом смысле используются словосочетания: производственная технология, информационная технология, политическая технология, социальная технология и т.п.

2) Технология – область профессиональной деятельности специалистов по организации труда. При этом на ряде промышленных предприятий имеется специальная должность – *технолог* – это специалист, основной задачей которого является организация технологических процессов производства продукции данного предприятия и контроль за соблюдением установленных нормативов их реализации.

3) Технология – научная дисциплина будущего, которая должна изучать общую методологию организации различных технологических процессов, а также разрабатывать методы оценки их функциональной и социальной эффективности. В настоящее время эта дисциплина находится в стадии своего становления [12].

В настоящей работе рассматривается проблема формирования технологии как научной дисциплины, которая должна стать научной базой для создания любых видов технологий. При этом отметим, что в опубликованной в 1995 г. в России монографии [5] было предложено различать следующие три основных класса технологий:

- **производственные технологии**, предназначенные для оптимизации процессов в сфере материального производства товаров и услуг и их общественного распределения;
- **информационные технологии**, предназначенные для рациональной организации процессов в информационной сфере общества, включая науку, культуру, образование, средства массовой информации и информационные коммуникации;
- **социальные технологии**, ориентированные на рациональную организацию социальных процессов в экономике, политике, финансовой сфере, образовании, здравоохранении, военном деле и т.п. [14].

Технологическое общество и критерии его развития

Технологизация процессов, происходящих в различных сферах жизнедеятельности современного общества, является одним из магистральных направлений его дальнейшего развития, так как она позволяет более экономно использовать практически все его ресурсы – природные, материальные, энергетические, информационные и людские [13]. Однако самый большой и социально значимый эффект от использования технологий заключается в *экономии социального времени*, которое общество затрачивает на реализацию основных процессов своей жизнедеятельности. Именно поэтому создание и широкомасштабное использование эффективных технологий – это стратегическая задача дальнейшего развития цивилизации, которая в последние годы приобретает приоритетное значение в государственной политике многих стран мира, включая Россию [8].

К сожалению, достаточно общая научно обоснованная теория и методология создания эффективных технологий пока не разработаны и все еще находятся в стадии постановки этой проблемы. Ее решение необходимо начинать с более общего определения самого понятия «Технология», которое еще не стало общепринятым. Одна из первых попыток предложить такое определение была сделана в России еще в 1995 г. и имеет следующий вид:

«Под **технологией** в дальнейшем мы будем понимать *представленное в проектной форме*, т.е. в виде формализованных представлений (технических описаний, чертежей, схем, инструкций, наставлений и т.п.) *концентрированное выражение научных знаний и практического опыта, позволяющее рациональным образом организовать производственный, информационный или социальный процесс* с целью экономии затрат труда, энергии, материальных ресурсов или же социального времени, необходимого для реализации этого процесса» [5].

Хотелось бы обратить внимание на следующие отличительные особенности этого определения:

1. Технология в нем рассматривается не просто как способ рациональной организации тех или иных производственных, информационных или социальных процессов, а как *концентрированное выражение научных знаний и практического опыта* в этой области, которое представлено в проектной форме, т.е. *в формализованном виде*, пригодном для практического использования людьми, обладающими необходимой квалификацией.

2. Технология имеет *целевую ориентацию*, т.е. она ориентирована на рациональную организацию вполне определенных процессов, для которых она предназначена. При этом в качестве оптимизируемых параметров этих процессов могут выступать материальные ресурсы, энергия, затраты труда или же такой обобщенный фактор, как «социальное время», определение которого было предложено и обосновано в работах российского ученого П.Г. Кузнецова [16].

Принципы создания эффективных технологий

Наши исследования показали, что основным принципом создания эффективных технологий является *концентрация ресурсов*. Эти ресурсы могут иметь различную природу: физическая сила, поток энергии, некоторый объем информации, людские ресурсы. При этом концентрация используемых в данной технологии ресурсов может осуществляться *в пространстве, во времени и по направлению их приложения (векторная ориентация)*.

Покажем это на следующем примере, который наглядно свидетельствует о том, какой неожиданный результат может быть получен при высокой концентрации механической силы одновременно в пространстве, во времени и по избранному направлению ее приложения. Для этого достаточно произвести простой физический эксперимент. Нужно взять обычную швейную иглу, пробку от бутылки, молоток и монету достоинством в пять рублей. Сначала следует проткнуть пробку иглой таким образом, чтобы ее концы оказались вровень с торцевыми поверхностями пробки. Затем нужно положить монету на стол и поместить на нее пробку с иглой, острием вниз.

Если теперь сделать резкий удар молотком по верхнему торцу пробки, в котором находится ушко иглы, то она *пробьет монету насквозь*, так как удерживаемая пробкой игла не успевает сломаться за короткое время удара.

Этот опыт наглядно иллюстрирует в действии основные принципы создания высокоэффективных технологий.

Исследования показали, что *концентрация ресурсов в пространстве* является в истории человечества наиболее древним принципом создания эффективных технологий. Ведь первые орудия труда и охоты были созданы человеком именно на основе этого принципа. Изобретенные первобытными людьми нож и плуг позволили им сконцентрировать на лезвиях этих орудий ресурсы своей мышечной силы и силы домашних животных и получить за счет этого принципиально новые возможности для обработки земли и материалов, т.е. для выполнения полезной работы, жизненно необходимой для существования человека.

Тот же принцип был позднее использован и при создании *энергетических технологий*, где осуществляется концентрация потоков энергии в пространстве. Напомним, что при создании основ теории тепловых машин Г. Лейбницем

было показано, что именно *плотность потока энергии* оказывается тем главным фактором, который определяет возможности той или иной тепловой машины по совершению работы. При этом им было установлено, что меньшее количество энергии при ее более высокой плотности способно производить гораздо больший объем работы по сравнению с теми случаями, когда эта плотность меньше.

Эта закономерность используется и в настоящее время при создании *лазерных технологий*, когда поток когерентного излучения концентрируется в очень малых объемах пространства. Именно поэтому лазерные технологии сегодня находят все более широкое применение в самых различных областях социальной практики – от лазерной хирургии до лазерных комплексов военного назначения.

Сегодня они рассматриваются как одно из наиболее перспективных направлений технологического развития общества. И эти ожидания вполне оправданы потому, что лазерные технологии позволяют создавать такие высокие плотности потоков энергии, которые не удастся получить никакими другими способами. Именно поэтому свои надежды получить, наконец, генераторы энергии на основе управляемой ядерной реакции современные физики, во многом, связывают с применением именно лазерных технологий.

Перспективные направления развития технологий

В последние годы наиболее динамичным и стратегически социально значимым является развитие *информационных технологий*, которые становятся катализатором многих других процессов развития современного общества [7]. Одним из результатов этого является массовый переход к цифровым технологиям и становление цифровой экономики [1].

На этой основе в экономически развитых странах уже начался переход к шестому технологическому укладу. Его отличительной особенностью будет *интеграция различных видов технологий*, а также их все более высокая *интеллектуализация*. При этом ожидается существенное повышение эффективности интегрированных технологий, а также их проникновение в новые области жизнедеятельности общества, которые в результате этого претерпят революционные изменения [17, 18].

Так, например, интеграция технологий генерации электричества на основе использования солнечной энергии с интеллектуальными информационными технологиями позволяет создать принципиально новую систему электроснабжения зданий и помещений, которая существенно сократит потребление углеводородного топлива и создаст условия для перехода к «горизонтальной структуре» промышленного производства товаров и услуг [19]. С этой целью в Западной Европе реализуется специальная программа «зеленой энергетики», первый этап которой должен быть завершен в 2020 году.

Весьма перспективным является развитие *нанотехнологий*, которые позволяют создавать новые материалы с заранее заданными свойствами, а также новые микроминиатюрные приборы и устройства самого различного назначения.

Прорывной характер имеет также развитие так называемых *аддитивных технологий*, которые позволяют создавать промышленные изделия из металла и пластика путем их послойного «выращивания» из порошкообразного сырья. Эти технологии дают резкое сокращение отходов промышленного производства и экономию природных ресурсов. По этой технологии уже изготавливаются достаточно сложные по своей геометрии промышленные изделия (например, турбины авиационных двигателей), а появление первого автомобиля, изготовленного таким способом, ожидается в 2025 году [21].

Однако подлинная революция должна произойти в результате *интеграции аддитивных биологических технологий с интеллектуальными информационными технологиями*. Она позволит создавать искусственные органы живых организмов и имплантировать их людям в медицинской практике. Первый удачный опыт *биологической печати* мочевых пузырей для семи пациентов уже осуществлен в 2006 г. При этом в качестве исходного материала использовались стволовые клетки пациентов, что гарантировало биологическую совместимость искусственных органов.

С тех пор эти технологии активно развиваются и внедряются в медицинскую практику. Освоена технология печати клапанов сердца, кровеносных сосудов, ушных раковин, участков кожи для ее пересадки, а также имплантов костной ткани зубов, позвоночника и суставов человека. Так, например, в 2014 г. специалисты Пекинского университета успешно заменили у ребенка пораженный раком шейный позвонок искусственным имплантом, изготовленным при помощи технологии 3D-печати.

В перспективе может стать возможной также и биопечать целых органов, конечностей и отдельных частей тела человека, включая его сердце и печень.

Становление сетевого технологического общества

Признаки становления сетевого технологического общества в последние годы проявляются все более отчетливо не только в экономически развитых, но также и во многих развивающихся странах, например, в Китае, Индии, Малайзии. По имеющимся прогнозам, уже к середине XXI века сетевые структуры будут доминировать не только в экономике, но и во многих других сферах жизнедеятельности общества – в науке, образовании, культуре, здравоохранении, социальных коммуникациях.

При этом очень важно, что доступ к сетевым технологиям, а также многие информационные услуги будут предоставляться населению бесплатно, и в результате этого представления о качестве жизни, а также о личном и национальном богатстве существенным образом изменятся [20]. Ведь уже сегодня эти технологии и услуги стали атрибута-

ми нашей повседневной жизни и профессиональной деятельности, важной частью современной культуры общества. Исследования показывают, что в дальнейшем их значимость будет только возрастать.

Специалисты прогнозируют взрывообразный характер развития информационной сферы общества, который будет обусловлен массовым применением средств и методов «Интернета вещей» как в производственных структурах, так и в бытовой сфере. Ожидается, что уже в 2025 г. к сети Интернет будут подключены более 1 трлн. устройств информатики, а трафик обмена информацией между ними по своему объему превысит объем потоков информации по этой сети между людьми [21].

Интеграция сетевых технологий с технологиями искусственного интеллекта качественно изменит весь облик информационной сферы общества. Такие понятия, как «умный автомобиль», «умный дом», «умный завод», «умный город» и т.п., прочно войдут в нашу жизнь и станут привычными. Роботизация облегчит труд миллионов людей и сделает его более безопасным. А новые технологии обработки текстов, вообще, избавят человечество от рутинной канцелярской работы.

Однако необходимо помнить, что глобальная технологизация общества влечет за собой не только новые социальные блага и возможности, но также и новые вызовы, угрозы и опасности, признаки которых все более отчетливо проявляются в последние годы [10].

Заключение

Результаты исследований основных тенденций, проблем, вызовов и угроз развития цивилизации в XXI веке свидетельствуют о том, что новая научно-технологическая революция создает принципиально новые возможности для преодоления системного кризиса цивилизации и решения целого комплекса взаимосвязанных глобальных проблем современного общества. Однако для этого необходимо опережающее развитие ряда новых направлений фундаментальной науки, одним из которых является формирование науки о технологиях.

Предметную область этой науки, на начальном этапе ее формирования, должны составлять следующие задачи:

1. Разработка методов классификации технологий различного вида и назначения по их характерным признакам.
2. Разработка системы критериев эффективности технологий, а также методов их сравнительной оценки и оптимизации.

3. Определение перспективных направлений развития производственных, информационных и социальных технологий на ближайшие годы с учетом из социальной полезности, а также тех научных методов концентрации ресурсов, которые должны лежать в их основе.

4. Определение принципов проектирования перспективных средств для реализации эффективных технологий нового поколения, которые должны создать ситуацию «технологического прорыва» в наиболее значимых областях социальной практики, включая науку, образование, культуру и национальную безопасность.

Приоритетное внимание при решении этих задач должно быть уделено информационным и гибридным технологиям, с их ориентацией на использование методов и средств искусственного интеллекта, цифровых платформ и когнитивных технологий, направленных на развитие творческих способностей личности [1].

Список литературы

1. Зацаринный А.А., Киселев Э.В., Козлов С.В., Колин К.К. Информационное пространство цифровой экономики. Концептуальные основы и проблемы формирования. – М.: ФИЦ ИУ РАН, 2018. – 236 с.
2. Колин К.К. Инновационная Россия: стратегические цели и приоритеты развития // Стратегические приоритеты. 2018. – № 4. – С. 49–60.
3. Колин К.К. Интеллектуальный потенциал общества в стратегии глобальной безопасности // Стратегические приоритеты. 2016. – № 1. – С. 57–70.
4. Колин К.К. Информационная безопасность как гуманитарная проблема // Открытое образование. 2006. – № 1. – С. 48–57.
5. Колин К.К. Информационные проблемы социально-экономического развития общества. – М.: Союз, 1995. – 72 с.
6. Колин К.К. Информационная технология как научная дисциплина // Информационные технологии. 2001. – № 2. – С. 2–10.
7. Колин К.К. Информационные технологии – катализатор процесса развития современного общества // Информационные технологии. 1995. – № 0. – С. 2–8.
8. Колин К.К. Мир на пороге глобальных перемен // Стратегические приоритеты. 2018. – № 4. – С. 4–17.
9. Колин К.К., Роберт И.В. Социальные аспекты информатизации образования. – М.: Институт информатизации образования РАО, Институт проблем информатики РАН, 2004. – 54 с.
10. Колин К.К. Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы // Стратегические приоритеты. 2014. – № 3. – С. 6–27.
11. Колин К.К. Стратегические приоритеты науки и технологий в XXI веке // Стратегические приоритеты. 2016. – № 3. – С. 17–40.
12. Колин К.К. Технология как наука: концептуальные основы формирования науки о технологиях // Стратегические приоритеты. 2019. – № 2. – С. 120–142.
13. Колин К.К. Технологическое общество: глобальные тенденции, вызовы и угрозы // Стратегические приоритеты. 2017. – № 1. – С. 4–15.
14. Колин К.К. Человеческий потенциал и социальные технологии в информационном обществе // Ученые записки ИИО РАО. 2003. – № 10. – С. 20–42.
15. Кошкин Р.П., Шабалов М.П. Государственная стратегия научно-технологического развития Китая: аналитические материалы, Вып. 1. – М.: Стратегические приоритеты, 2014. – 40 с.
16. Кузнецов П.Г. Бюджет социального времени. «По ту сторону отчуждения» (сборник политико-экономических гипотез). – М.: Издание Экономического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, 1992.

17. Соколов И.А., Колин К.К. Новый этап информатизации общества и актуальные проблемы образования // Информатика и ее применения. 2008. – Т. 2, № 1. – С. 67–76.
18. Соколов И.А., Колин К.К. Развитие информационного общества в России и актуальные проблемы информационной безопасности // Информационное общество. – М., 2009. – № 4-5. – С. 98–107.
19. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют экономику, энергетику и мир в целом. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 410 с.
20. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ, 2008. – 569 с.
21. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 208 с.

Кочетков С.В.

д.э.н., член Вольного экономического общества России
kochetkov-75@inbox.ru

Кочеткова О.В.

к.э.н.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПОИСК ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационное состояние, инновационный потенциал, российская экономика, единый план.

Keywords: an innovative development, an innovative state, an innovative capacity, the Russian economy, a unified plan.

Экономическая оценка инновационного состояния нашей экономики, как известно, является одной из сложнейших проблем выработки решений по выбору приоритетов развития науки и техники. Достижение нужного (заданного) темпа прироста инновационных товаров, работ, услуг становится приоритетным направлением в обеспечении научно-технологического прорыва. В этой связи формирование и регулирование инновационного состояния экономики является своеобразным инструментом, используя который можно определить перспективные направления научных исследований и на этой основе сформировать приоритеты развития промышленности, суть которых состоит в поиске направлений внедрения результатов научных исследований в производство¹.

Можно без всякого преувеличения сказать, что сегодня ставить вопрос о научно-технологическом прорыве представляется как никогда своевременным. Определённый научный потенциал и производственная база создали основу для перехода к преимущественно интенсивному развитию науки и техники². Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что достигнутый уровень инновационного состояния нашей экономики не только готов, но и способен обеспечить научно-технологический прорыв в ближайшей перспективе.

Всё это служит наглядным свидетельством того, что для осуществления воздействия на нынешнее инновационное состояние российской экономики нужно, как мы считаем, требуется пристальное внимание со стороны государства в виде централизованного управления наукой в нашей стране и разработки ещё одного, тринадцатого, национального проекта – программы «Организация и управление промышленностью». Полагаем целесообразным напомнить, что именно промышленность, как одна из ключевых отраслей экономики, является её магистральным локомотивом. Как мы выяснили, все предпосылки для этого имеются, и предоставляемыми возможностями следует немедленно воспользоваться. По нашему глубокому убеждению, так называемые «частники» непременно сами захотят принять в нём активное участие.

В определённом смысле централизованное управление наукой в нашей стране начинает реализовываться. РАН наделена новыми полномочиями по прогнозированию основных направлений научного, научно-технического и социально-экономического развития страны. Надо полагать, что Академия становится той площадкой, на которой может быть обеспечено, с точки зрения науки, стратегическое планирование. В дополнение к этому, в настоящее время ведётся активная работа по созданию механизмов взаимодействия Министерства науки и высшего образования Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам научного обеспечения реализации национальных проектов (программ) и документов стратегического планирования с учётом приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации³.

Чрезвычайно показателен тот факт, что в нашей стране начинает действовать рабочая группа Государственного совета Российской Федерации по направлению «Промышленность»⁴. Полагаем, что для разрешения имеющихся противоречий между научными исследованиями и внедрением их результатов в производство следует объединить усилия в рамках данной рабочей группы по реализации промышленной политики в нашей стране⁵, в первую очередь

¹ Кочетков С.В. Методика оценки эффективности функционирования инновационного производства / С.В. Кочетков, Е.Г. Семенова // Датчики и системы. 2016. – № 1. – С. 58–63.

² Кочетков С.В. Моделирование состояния инновационного производства / С.В. Кочетков, Е.Г. Семёнова, М.С. Смирнова, В.Г. Фарафонов // Вопросы радиоэлектроники. 2015. – № 1. – С. 60–64.

³ Заседание Совета при Президенте по науке и образованию от 27 ноября 2018 года. Перечень поручений от 29 декабря 2018 года по итогам заседания Совета по науке и образованию. – <http://www.kremlin.ru>

⁴ О рабочих группах Государственного совета Российской Федерации. Распоряжение Президента Российской Федерации от 27 декабря 2018 года № 404-р.п. – <http://www.kremlin.ru>

⁵ О промышленной политике в Российской Федерации. Федеральный закон от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ (ред. от 27 июня 2018 года). – <http://www.consultant.ru>

по созданию крупных промышленных комплексов¹. Упорядочить эту работу и создать одну из ведущих отраслей в российской экономике и должен новый национальный проект «Организация и управление промышленностью». Кроме прочего, в нём следует систематизировать стратегии развития нашей страны по такой ключевой отрасли промышленности, как машиностроение².

Ответы на поставленные вопросы очевидны. В свою очередь, мы постараемся их обобщить и конкретизировать.

Сказанное определяет необходимость системного управления наукой и производством. В самом общем виде оно предполагает разработку конкретных целей и критериев эффективности научно-технологического развития; создание системы специальных органов, занимающихся его управлением, и постоянное её совершенствование; осуществление таких специфических функций управления, как планирование, финансирование, стимулирование процессов научно-технического развития, организация научно-исследовательских работ и мероприятий по освоению новой техники и реализации новой продукции.

Такое предложение давно назрело. Ещё академик АН СССР Е.М. Примаков, выступая на пленарной дискуссии № 1 «Реиндустриализация в мире. Новая промышленная политика против финансовых спекуляций и экономического застоя» в рамках Московского экономического форума (МЭФ-2014)³, отвечая на вопрос: «Как обеспечить развитие?», утверждал, что, кроме прочего, необходимо выработать программу государственного участия в технико-технологическом прогрессе нашей экономики и высказался в поддержку воссоздания Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ СССР)⁴ с учётом современных реалий функционирования российской экономики. Этому же мнению придерживается и нынешний Президент РАН, академик А.М. Сергеев. В одном из своих недавних выступлений о роли науки и, в частности, академии в экономическом и социальном развитии нашей страны он особо подчеркнул: «Нам нужно сообща взяться за развитие отечественной науки, выстроить скоординированную цепочку. Необходимо понять, что наука без промышленности не живёт, как и промышленность без науки»⁵.

В современных условиях в основе этой системы, на наш взгляд, должен стоять единый план науки и производства, обеспечивающий своевременное выполнение задач, выдвигаемых государством – научно-технологический прорыв, и создание научно-технического задела на будущее. Такой план становится ничем иным, как механизмом реализации предлагаемых мероприятий.

Всё это убедительно доказывает, что успешное воздействие на инновационное состояние экономики возможно лишь в условиях комплексности и целенаправленности планирования интеграции науки и производства.

Если говорить о комплексности, она означает в первую очередь увязку в планах, с одной стороны, технических и экономических аспектов развития, а с другой – всех стадий продвижения опытных образцов из сферы науки в хозяйственную практику. Этим двум направлениям комплексности соответствует осуществление двух крупных мероприятий – введение в план развития науки и производства экономических показателей и разработка комплексных программ по наиболее важным научно-техническим проблемам. Это поможет избежать рассогласования между планом развития науки и производства и другими программами, реализуемыми в настоящее время в нашей стране.

В чём же выражается целенаправленность этого процесса? Увязать единый план науки и производства с имеющимися программами позволит система экономических показателей. Причём, выполняя эту функцию, система экономических показателей одновременно способствует и усилению целевой направленности единого плана науки и производства. Ведь, как все мы понимаем, научно-технологический прорыв не является самоцелью. Сегодня, впрочем, как и в ближайшей, так и долговременной перспективе, он выступает лишь в качестве средства достижения определённых конечных целей экономического и социального развития нашей страны. В этой связи экономические показатели как раз и призваны отразить вклад развития науки и техники в достижение итоговых параметров развития. Система эко-

¹ О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров (вместе с «Требованиями к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности», «Правилами подтверждения соответствия промышленного кластера и специализированной организации промышленного кластера требованиям к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности»). Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2015 года № 779 (ред. от 02 августа 2018 года). – <http://www.consultant.ru>

² Об утверждении Стратегии развития тяжёлого машиностроения на период до 2020 года. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 09 декабря 2010 года № 1150; Об утверждении Стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07 июля 2017 года № 1455-р; Об утверждении Стратегии развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года (вместе с «Планом мероприятий по реализации Стратегии развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года»). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2017 года № 1756-р. Стратегия разработана в целях создания условий для динамичного развития российского транспортного машиностроения, обеспечения потребностей транспортного комплекса России в экономичной, высокоэффективной технике, диверсификации экспортного потенциала страны. Эффектом реализации Стратегии станет создание новых производственных мощностей, увеличение численности занятых в отрасли транспортного машиностроения, инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. – <http://www.consultant.ru>

³ Московский экономический форум (МЭФ) (г. Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 26–27 марта 2014 года). – <http://www.me-forum.ru>

⁴ В качестве напоминания: Государственный комитет (в период функционирования имел разные названия) просуществовал в период с 1948 по 1991 год.

⁵ Выступление на I Пленарной дискуссии «Будущее России: вызовы, стратегии, механизмы достижения успеха» МЭФ (г. Москва, РАН, 3–4 апреля 2018 года). – <http://www.me-forum.ru>

номических показателей должна стать основным содержанием начальной, так сказать, «целевой» стадии единого плана науки и производства.

Разумеется, что более эффективному использованию результатов науки будет способствовать включение в имеющиеся сегодня программы экономического и социального развития нашей страны специального раздела по внедрению новой техники и выделению в нём основных заданий по выполнению научно-технических программ, по разработке и освоению новых высокоэффективных технологических процессов и видов продукции и других показателей, характеризующих темпы прироста инновационных товаров, работ, услуг. И начать следует с закона о стратегическом планировании¹, включив в него собственно единый план науки и производства². Тем самым этот федеральный закон может быть реанимирован, а его механизмы приведены в действие. Включение единого плана науки и производства является двигателем Федерального закона о стратегическом планировании в нашей стране. В результате этого он может быть запущен на полную мощность в ближайшей перспективе. Работу по контролю и координации этой деятельности должен осуществлять специальный межведомственный орган (Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, РАН, и другие профильные министерства). Ведущая роль здесь должна принадлежать Министерству экономического развития Российской Федерации. На наш взгляд, в составе Правительства Российской Федерации нужно создать отдельную структуру, которая будет осуществлять подобные функции. Тем более что определённая работа в этом направлении, можно сказать, уже ведётся³. Предстоит ещё многое сделать, но появляющиеся перспективы внушают оптимизм⁴.

С таких позиций инновационное развитие российской экономики приобретает новый стратегический контекст. Изложенные меры и инициативы максимально приблизят нашу страну к позиции, с которой и начнётся научно-технологический прорыв. Эта позиция будет ничем иным, как исходным пунктом нового этапа экономического и социального развития. Всё это позволит сформировать благоприятные условия для ускоренного создания на высоком инновационном уровне конкурентоспособной новой продукции для внутреннего и внешнего рынков.

Отсюда можно сделать вывод о том, что разработка и реализация единого плана науки и производства – это действенный механизм инновационного развития экономики. Можно даже сказать, – трансформационный механизм российской экономики, механизм её структурной трансформации, в котором формирование направлений и тем научных исследований в нашей стране должно быть связано исключительно с производством и его возможностями в освоении достижений науки.

Как показывает практика, потенциал научных исследований и потенциал внедрения их результатов в производство в нашей стране используется не на полную мощность⁵. Это свидетельствует о том, что в российской экономике сформировался определённый инновационный резерв, влияние которого на рост объёма инновационных товаров, работ, услуг предстоит ещё выяснить. Совершенно справедливо установление закономерности подобного влияния.

В этой связи постараемся лишь выделить некоторые принципиальные моменты.

Каким образом смена инновационных состояний экономики оказывает влияние на преодоление разрыва между получением результатов научных исследований и внедрением их в производство. Следует также отметить и то, как нужно преодолевать ситуацию, когда для внедрения полученного результата научных исследований отсутствует производственная база и/или возможности для его дальнейшей реализации. Чрезвычайно важно выяснить, как регулировать инновационное состояние экономики, чтобы не допускать, и тем более преодолевать подобные ситуации. На наш взгляд, изучение инновационного потенциала российской экономики поможет это сделать. В соответствии с этим будет выявлена траектория (оптимальная, сбалансированная, желаемая и т. д.) влияния инновационного резерва на рост объёма инновационных товаров, работ, услуг, а также определена технологическая структура экономики. Её можно рассматривать в качестве нового института развития или нам следует принять иные меры для исправления сложившейся ситуации в нашей стране в целях обеспечения научно-технологического прорыва.

Не менее существенно и то, что далее нужно узнать, какое влияние оказывает инновационное состояние на экономический рост в нашей стране, т.е. установить, каким образом инновационный потенциал его обеспечивает. Для этого следует воспользоваться созданием модели, которая будет основана на построении производственной функции и получения валового внутреннего продукта (ВВП), где будет определено место инновационного потенциала и его

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 23 июня 2016 года № 210-ФЗ, от 03 июля 2016 года № 277-ФЗ, от 30 октября 2017 года № 299-ФЗ, от 31 декабря 2017 года № 507-ФЗ). – <http://www.consultant.ru>

² Кочетков С.В. Методический инструментарий планирования инновационного производства / С.В. Кочетков, Е.Г. Семёнова, М.С. Смирнова // Вопросы радиоэлектроники. 2014. – Т. 2, № 4. – С. 137–143.

³ О создании инновационного научно-технологического центра «Инновационный научно-технологический центр МГУ «Воробьевы горы». Постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2019 года № 332. – <http://www.government.ru>

⁴ Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение части затрат на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в рамках создания производства газовых турбин большой мощности. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 2019 года № 301. – <http://www.government.ru>; О предоставлении бюджетных инвестиций публичному акционерному обществу «Объединённая авиастроительная корпорация». Постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2019 года № 326. – <http://www.government.ru>

⁵ Ломовцева О.А. Инструментарий измерения экономической эффективности инновационного потенциала / О.А. Ломовцева, С.В. Кочетков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2010. – № 19 (90). – С. 56–64.

вклада в темп прироста ВВП. На основе этой модели представляется возможным построить также и прогнозные значения указанного влияния.

В заключение несколько слов о способности российской экономики к осуществлению научно-технологического прорыва в развитии.

Создание и реализация единого плана науки и производства должны составлять основу экономической повестки не только науки и промышленности, но и, что особенно важно, государственной политики в нашей стране. Цель её, задачи, результаты, и самое главное – ответственность, должны быть направлены на обеспечение научно-технологического прорыва в экономическом и социальном развитии. Единый план науки и производства становится ничем иным, как двигателем инновационного развития на современном этапе, что является условием нового качества развития российской экономики. Другими словами, текущая повестка современной государственной политики должна быть направлена на повышение роли науки и производства в росте экономики. Отсюда необходимы соответствующие меры поддержки со стороны государства. Основной вектор должен быть направлен на развитие науки, её активное вовлечение в воспроизводственные процессы с целью создания возможностей для освоения результатов научных исследований. Перевод на путь интенсивного использования достижений науки и техники, их освоения в производстве, путь инновационного развития придаст определённый, а в некоторых случаях значительный импульс трансформации российской экономики.

Совершенствование организации и управления наукой и производством – основной путь сокращения времени и стоимости научных исследований, улучшения качества их результатов, повышения эффективности работы учреждений и организаций. Ускорение инновационного развития экономики зависит от качества управления. Рациональное управление создаст необходимые условия для последовательного решения задачи соединения достижений науки с преимуществами современного этапа развития российской экономики – реализации национальных проектов.

Наконец, данный импульс преобразованиям, на наш взгляд, следует придать именно государству с целью структурного анализа, контроля и прогнозирования возможных состояний процессов и объектов на уровне экономики. Только государство с его бюджетом и административными возможностями может решать, как мы убедились, такие проблемы, как создание крупных производственных комплексов, новых отраслей, обеспечение реализации и осуществление программ территориального значения, порождаемых инновационным развитием. Именно это является одним из инструментов, который сможет поднять на новую ступень всё экономическое строительство в нашей стране. Особо подчеркнём, что в единстве науки и производства – могущество России.

В заключении отметим, что выявленные возможности должны обеспечить устойчивость инновационного развития российской экономики в ближайшей перспективе.

Красильникова Е.В.

н.с. ЦЭМИ РАН

Никонова А.А.

к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН

РОЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ АКТОРОВ В ИННОВАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЯХ

Ключевые слова: экономика, инновации, передовые технологии, системные связи, управление, инновационная система, стратегия.

Keywords: economy, innovation, advanced technology, systemic linkages, governance, innovation system, strategy.

Введение

Мировые тенденции указывают на изменения в структуре существенных факторов экономики: рост значимости знаний, талантов, уникальных способностей, входящих в понятие когнитивной составляющей результата, особенно применительно к инновационной деятельности. Это означает повышение роли человека и всего того, что способствует развитию его и раскрытию его качеств. Для России проблема в этой области сводится к задачам социального развития, улучшения качества жизни, формирования талантов и привлечения их к инновационной деятельности.

Значимость взаимодействий участников инновационной деятельности обусловлена существенным влиянием тесного сотрудничества в создании знаний и технологий в виду углубления междисциплинарной составляющей в генерировании знаний. Вместе с этим происходит переход к современным моделям открытых инновационных систем, расширению коллабораций акторов в НИОКР в территориальном и отраслевом масштабе. Качество взаимодействий разработчиков технологий, инвесторов, предпринимателей, представителей государственных органов, потенциальных пользователей на стадии внедрения открытий во многом определяет успех создания и распространения инноваций. Это демонстрируют страны и корпорации, ведущие в сфере инновационного развития.

Каналы влияния и способы сотрудничества экономических агентов могут быть различны, в большой степени они затрагивают НИОКР и технологические новшества, конкуренция отодвигается к области рыночных, маркетинговых стратегий, конкурентоспособность которых базируются на маркетинговых инновациях.

В связи с этим проблема состоит в кардинальном пересмотре организации и управления инновационными процессами с целью улучшить взаимопонимание и коммуникации между участниками инноваций. Внутри предприятий задача урегулирования взаимодействий между подразделениями решается намного проще, нежели на макроуровне, поскольку на уровне национальной системы нужно скоординировать между собой несколько подсистем экономики и общества, участвующих совместно в инновациях.

Задачи и методология исследования

В 2012 г. В.В. Путин поставил задачи преодолеть технологическое отставание, восстановить технологическое лидерство и инновационный характер экономики¹. Однако стратегические решения не исполнены. По уровню инновационного развития РФ занимает 46 место из 129, продвинувшись на 16 позиций за 7 лет и не сумев обогнать экономики со средним уровнем индустриального развития, которые продвигаются в инновациях более стремительно, чем мы². В России удельный вес предприятий, осуществляющих технологические инновации, остается на уровне 7–8%, в европейских странах таких предприятий от 30 до 65%³. Представляется, что значительную часть недостатков в качестве и темпах инновационного развития российской экономики можно отнести к управлению и организационным факторам, особенно, к неупорядоченным взаимодействиям между участниками инноваций. Другую часть – к нерешенным социальным проблемам, прежде всего, мотиваций, человеческого развития, а также к росту интеллектуального потенциала.

Данная статья посвящена изучению закономерностей взаимодействий участников инноваций с научных позиций, соответствующих современному пониманию функционирования общественных систем.

Сложность социально-экономических систем (СЭС) определяет необходимость применения адекватной методологии и инструментов исследования, а именно системной экономической теории, которая рассматривает СЭС как целостность относительно окружающего мира, обладающую свойствами многообразия, иерархичности, устойчивости

¹ Путин В.В. О наших экономических задачах. 30.01.2012. – <https://er.ru/news/73145/>

² The Global Innovation Index. Analysis. 2019. – <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator>

³ Россия и страны мира. 2018. Стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – С. 334.

и др.¹ СЭС включает несколько систем, которые связаны между собой и взаимодействуют определенным образом. Группы экономических агентов, акторов, участвующих в инновациях, рассматриваются на макроуровне в рамках структуры СЭС, в которой выделены в целях исследования четыре ключевые системы: государство, бизнес, наука, социум.

Задача состоит в исследовании взаимодействий между экономическими агентами и обосновании принципов таких взаимодействий с точки зрения системной теории экономики как методологического базиса для усовершенствования инновационных моделей и формирования инновационных систем нового типа, основанных на гармонии в сотрудничестве заинтересованных сторон. Кроме того, важно выявить специфические проблемы, в т.ч. характерные для России, связанные с взаимодействиями систем в рамках СЭС и относящиеся к ограничениям функциональной их роли в стратегии научно-технологического развития.

Факторы углубления взаимодействий экономических агентов в научно-технологической стратегии

В современной экономике знаний интеллектуальный потенциал, особые способности, таланты становятся ведущим драйвером инноваций, т.е. изобретений, выведенных на рынок и признанных рынком. Человеческие возможности и способности являются определяющими факторами НТП². Они формируются в результате образования, обучения и приобретения инновационного опыта, зачастую неформальным путем. Поэтому растет значимость воспитания талантов, инновационной культуры, ценностей, стремления к саморазвитию, которое индивиды получают в образовательной системе, семье, определенной культурной среде. Такие императивы должны найти отражение в приоритетах научно-технологической стратегии и в научно-образовательной политике, которая является целереализующей системой по отношению к стратегии.

Вместе с глобализацией меняется характер экономических систем: в основе современных моделей лежат открытые механизмы и способы создания инноваций, они предполагают трансграничный трансфер знаний, идей, технологий. Тогда инновация представляет собой продукт умов и усилий, приложенных множеством команд и отдельных индивидов. К этому добавим объективный процесс усложнения мирохозяйственных связей, которое идет рука об руку с усложнением технологий, требующим всё более междисциплинарных знаний для создания передовых технологий и привлекающим ученых и специалистов из разных областей науки, техники, дизайна, других сфер.

Кроме того, современные стратегии ставят во главу угла гуманитарные приоритеты и рост качества человеческой жизни. Потребительские запросы всё более определяют требования к новым продуктам, услугам, технологиям, поэтому пользователи заметно влияют на результаты инновационной деятельности. Вслед за этим инновационные модели эволюционируют: четверная инновационная спираль, которая приходит на смену тройной инновационной спирали, включает четырех участников инноваций: науку; бизнес (инвесторов и предпринимателей); государство; потребительский сектор. Кстати, в Японии хорошо поняли преимущества такого подхода и в течение почти десяти лет отработывают модель четверной спирали в сфере применения возобновляемых источников энергии с включением потребительского сектора в т.н. «социальные эксперименты»³. Механизмы совместной инновационной деятельности с привлечением домохозяйств помогают выработать и отобрать лучшие модели сотрудничества, сократить издержки на разработку новых продуктов и технологий за счет прицельных свойств, распространить опыт по стране, привить инновацию безболезненно в ткань экономики, сформировать инновационное сознание населения, которое включается в генерацию электроэнергии из солнечных источников. Синтез совместных усилий лучше способствует переходу к новой чистой энергетике. Благодаря обратным связям с потенциальными пользователями сокращаются время и затраты на разработку, а это ключевые факторы конкурентоспособности инноваций. Действительно, реакция потребителей позволяет уточнить характеристики нового товара, величину спроса, режим послепродажного обслуживания и согласовать между собой требования покупателей, производителей, изобретателей и государства⁴.

Таким образом, согласно теории и практике, закономерно повышение, во-первых, роли исследовательского и социального секторов СЭС, а также индивидов как элементов их и влиятельных действующих лиц в научно-технологическом развитии; во-вторых, роли тесных взаимодействий всех участников инноваций (рис. 1).

Эффекты совместных инноваций

Согласно теории и практике, можно ожидать несколько видов эффектов от углубления и расширения взаимодействий акторов:

- Снижение издержек, в т.ч. транзакционных, и затрат на привлечение финансовых источников, «оптимальных» с точки зрения структуры и объема

¹ Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем и её приложения // Журнал экономической теории. – М., 2010. – № 3. – С. 41–58; Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 6. – С. 4–28.

² Красильникова Е.В. Качественные направления цифровых преобразований // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Матер. XX Всеросс. симпоз. Москва, 9–10 апреля 2019 г. / Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. Секция 3. – М.: ЦЭМИ РАН, 2019. – С. 308–312.

³ Стрельцов Д.В. «Чистая энергетика» в Японии // Восточная аналитика. – М., 2011. – № 2. – С. 106–117.

⁴ См. подробнее в работе: Никонова А.А. Системные основы инновационной стратегии (анализ на примере перехода к новой энергетике в Японии) // Экономический анализ: теория и практика. 2013. – № 13. – С. 52–67.

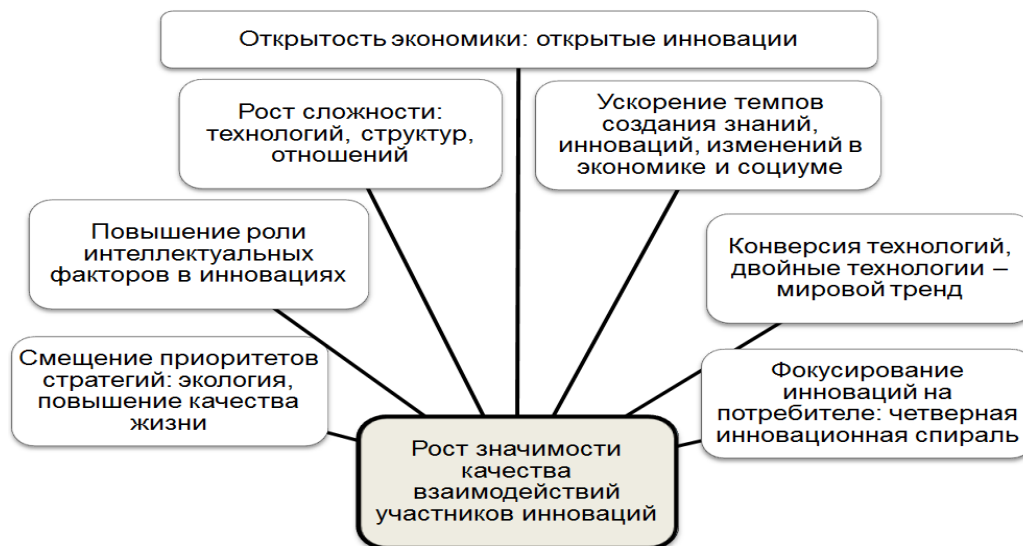

Рисунок 1.
Предпосылки тесных взаимодействий акторов в новой экономике

- Рост скорости создания инновации – сокращение пути от идеи до рынка, в частности, за счет сокращения транзакций
- Снижение инновационных и финансовых рисков, например, в результате улучшения финансового обеспечения, особо важного на начальной стадии внедрения
- Прогнозирование и создание предсказуемого инновационного спроса
- Наиболее полное удовлетворение запросов на новации с перспективой модификаций
- Формирование благоприятной инновационной среды в виде нормативно-правового сопровождения, институтов, отработанных форм и механизмов коллабораций
- Формирование инновационной культуры и менталитета; устремление на создание новой стоимости, включая взаимопонимание, общие ценности
- Обучение инновациям в совместной деятельности, копирование лучших практик.

Гармоничные взаимодействия экономических агентов – субъектов инноваций способствуют снижению неопределенности среды, выбору лучших вариантов инновационных решений, устраивающих всех участников, т.е. достижению общественного консенсуса и, в конечном итоге – гомеостаза СЭС.

Дисфункция экономики: российская практика vs системная теория

Взаимодействия в инновационных стратегиях имеют свои особенности на разных уровнях экономической иерархии. Однако есть общие законы функционирования СЭС, согласно которым можно определить общие системные требования к качеству, формам, механизмам взаимодействий систем, участвующих в инновациях, а также в рамках исторического анализа определить соответствие конкретных инновационных систем таким требованиям с целью идентификации проблемных зон, улучшения качества планирования, управления, инновационной политики.

Игнорирование системного подхода к выработке научно-технологической стратегии в РФ приводит к разобщенности между всеми субъектами инноваций – экономическими агентами как по горизонтали (в территориальном, отраслевом разрезе), так и по вертикали (от центральных исполнительных органов до местных администраций). Отсутствие взаимопонимания и тесных взаимовыгодных контактов между субъектами макро-, мезо- и микроуровня (предприятиями) и наноуровня (индивидами) поддерживается и воспроизводится в результате несистемных стратегий, фрагментарных управляющих решений, точечных долгосрочных и краткосрочных мероприятий внутренней политики, не стыкующихся нормативов и правил игры. Качество взаимодействий участников инноваций представляет собой проекцию строения модели экономики, существенных взаимосвязей в экономической системе.

Генезис качества взаимодействий акторов обнаруживает несвязность, дисгармонию российской экономики в четырех её ипостасях – экономики как теории, политики, управления, практики, которые являются базовыми сферами для системного анализа проблемы взаимодействий экономических агентов (рис. 2).

Фактически четыре сферы экономики плохо связаны между собой в системном понимании функционирования экономической системы, с точки зрения поддержания системной целостности путем взаимного дополнения, согласия в ориентирах. Согласно системной теории экономики подсистемы её влияют, так или иначе, друг на друга. В связи с этим искажение системных требований к функционированию одной сферы экономики ведет к искажению в другой сфере и далее по цепочке влияний.

Неоклассическая теория не состоятельна в адекватном представлении тех изменений, которые происходят в современном мире. Выводы, взятые из неё в качестве основополагающего руководства к действию, обуславливают методологическую дисфункцию стратегического планирования и управления, в т.ч. научно-технологическим развитием страны. С таким подходом к построению стратегии принимаемые решения не могут быть выполнены как не отвечающие условиям необходимости и достаточности имеющихся условий и факторов, поскольку в существующей практике

ни системный анализ экономики и её звеньев, ни целеполагание, ни разбор прошлых ошибок не проводятся должным образом.

Рисунок 2.
Системная дисфункция во всех ипостасях экономики РФ

Как следствие, социально-экономической политике присущи изменчивость под влиянием текущей конъюнктуры, периодическая смена приоритетов, маятниковый курс на «звезды» (типа сменяемых друг друга программ «4И», «5И», др.) – вместо преемственности политики и эшелонирования стратегических решений.

Тогда неминуемы непредсказуемые, фрагментарные, плохо согласующиеся между собой способы регулирования хозяйственной жизни. Таким образом, регуляторная среда подает хозяйствующим субъектам соответствующие сигналы, предостерегающие от долгосрочных вложений в НИОКР и нововведения с неопределенными сроками отдачи и ориентирующие предпринимателей на краткосрочные проекты и максимизацию доходности.

В такой ситуации хозяйственная практика на выходе, в форме поведения субъектов и результатов производственно-финансовой деятельности «подтверждает», одобряет (воспроизводит) как «мейнстрим» (mainstream) курс теории и практики на извлечение прибыли как главной стратегической цели – вместо социальной ответственности бизнеса и достижения народнохозяйственных интересов устойчивости, технологической безопасности, благосостояния общества.

33. Взаимодействие и кооперация. Формирование эффективной системы коммуникации в области науки, технологий и инноваций,

повышение восприимчивости экономики и общества к инновациям, развитие наукоемкого бизнеса достигаются путем:

а) создания условий, обеспечивающих взаимовлияние науки и общества посредством привлечения общества к формированию запросов на результаты исследовательской деятельности;

б) формирования инструментов поддержки трансляционных исследований и организации системы технологического трансфера, охраны, управления и защиты интеллектуальной собственности, обеспечивающих быстрый переход результатов исследований в стадию практического применения;

в) системной поддержки взаимодействия крупных компаний и органов государственной власти Российской Федерации с малыми и средними инновационными, научными и образовательными организациями, а также их вовлечения в технологическое обновление отраслей экономики и создание новых рынков;

г) создания системы государственной поддержки национальных компаний, обеспечивающей их технологический прорыв и занятие устойчивого положения на новых, формирующихся рынках, в том числе в рамках Национальной технологической инициативы;

д) реализации информационной политики, направленной на развитие технологической культуры, инновационной восприимчивости населения и популяризацию значимых результатов в области науки, технологий и инноваций, достижений выдающихся ученых, инженеров, предпринимателей, их роли в обеспечении социально-экономического развития страны.

Источник: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, 2016, п. 33.¹

Рисунок 3.
Фрагмент научно-технологической стратегии РФ

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. ГАРАНТ РУ. – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/>

Круг замкнут: и теоретики, и разработчики стратегий ловят настроения рентоориентированного бизнеса (или находятся под его давлением). Всё это вместо аналитической оценки результатов стратегических решений и уточнения знаний об экономике, как это предписывает делать системный подход к стратегическому планированию в качестве обратной связи от практики к теории. Вместо утверждения ценностей творчества, созидания, технологических достижений, формируется нездоровое настроение общества, личностные и общественные ценности и соответствующая институциональная среда, где правит бал стремление к приобретению богатств любой ценой. Под влиянием такой социальной и экономической среды по мере осуществления циклов принятия и реализации стратегических решений дисфункция экономики воспроизводится, усугубляются последствия её для устойчивости и сбалансированности СЭС. Внутри каждой сферы экономики также нет взаимно дополняющих системных взаимодействий. Например, в теории экономики прикладные решения не вытекают зачастую из фундаментальных посылов.

На примере формулировок содержания «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» можно видеть её влияние на дисфункцию российской экономики в осуществлении инноваций в отношении создания соответствующей институциональной среды. Так, фрагмент, посвященный взаимодействию, кооперации, системе взаимодействий акторов в науке и инновациях, свидетельствует о формальном понимании значимости коллабораций, однако перечисление путей к этому носит декларативный характер лозунгов «за все хорошее, против всего плохого» в стиле «создание» – «формирование» (рис. 3), впрочем, как и остальная часть стратегии¹.

В РФ обратные связи между акторами, как и между стратегиями, программами и практикой отсутствуют. Государство, наука, социум не слышат и не видят друг друга. Предполагаемые процессы, перечисленные выше применительно к росту кооперации в инновациях, не могут быть реализованы ввиду бессубъектного характера стратегии.

Ключевые создатели инноваций

В создании инноваций участвуют непосредственно несколько секторов экономики, которые согласно принципам системным взаимодействий объединены в четыре группы в соответствии с характером обмена ресурсами между ними, внутренними возможностями и способностями исполнять функции участника инновационной деятельности (рис. 4).

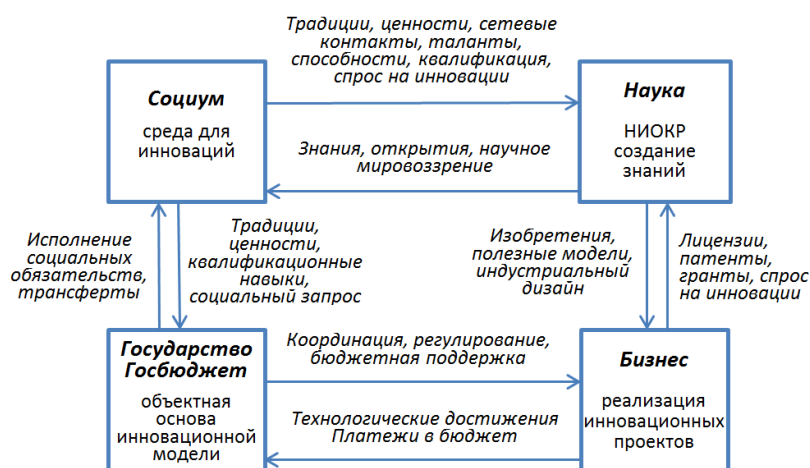

Рисунок 4.

Ключевые акторы инновационной системы

- Государство определяет условия для инноваций, координирует, направляет действия акторов, при помощи бюджета осуществляет поддержку инновационной стратегии
- Научно-исследовательский сектор генерирует знания и осуществляет НИОКР
- Бизнес, производители, инвесторы реализуют инновационные проекты
- Социум формирует определенную инновационную среду: во-первых, играет роль пользователя новшествами, признающего или не признающего нововведения; во-вторых, формирует сети каналов коммуникаций между людьми; в-третьих, воспитывает и поставляет носителей знаний, навыков, способностей, талантов – индивидов, которые прямо или косвенно участвуют в инновационной деятельности.

Государство играет роль интегратора взаимодействий. В его функции входит регулирование инновационной деятельности при помощи правил игры, ориентирующие акторов в выборе направлений и сфер инноваций; координация взаимодействий; поддержка научно-образовательной системы; воспитания социума и бизнеса путем мотиваций и задания образцов поведения (в т.ч. через СМИ и законодательство); создает идеологию; создает инфраструктуру взаимодействий.

¹ Власть применяет примерно одинаковый схоластический прием для разрешения (точнее, «забалтывания») проблемных ситуаций – как с кооперацией в НИОКР, так и со снижением бедности: «прожить трудно, поэтому целую программу проводим» (Путин ответил на вопрос пенсионерки о жизни на 10 800 рублей в месяц. РИА-новости. 19.02.2020. – <https://ria.ru/20200219/1564968220.html?in=t>).

Двойной контур взаимодействий акторов в инновациях

Качество взаимодействий может быть исследовано в разных ракурсах. Взаимодействия между теорией, политикой, управлением, хозяйственной практикой рассмотрены в первой части статьи. Затем показана структура связей между ключевыми секторами инновационной системы на макро- и мезоуровне. Оценка таких секторов, с точки зрения возможности и способности их участвовать в инновациях, посвящена отдельная статья в настоящем сборнике¹. Все уровни взаимодействий взаимно обусловлены. В реальной народнохозяйственной системе контур взаимодействий между четырьмя ипостасями экономики накладывается на контур взаимодействий между ключевыми участниками инновационной системы образуя двойной контур связей и взаимодействий между секторами, системами, формами экономики, связанными с формированием и реализацией инновационной стратегии (рис. 5).

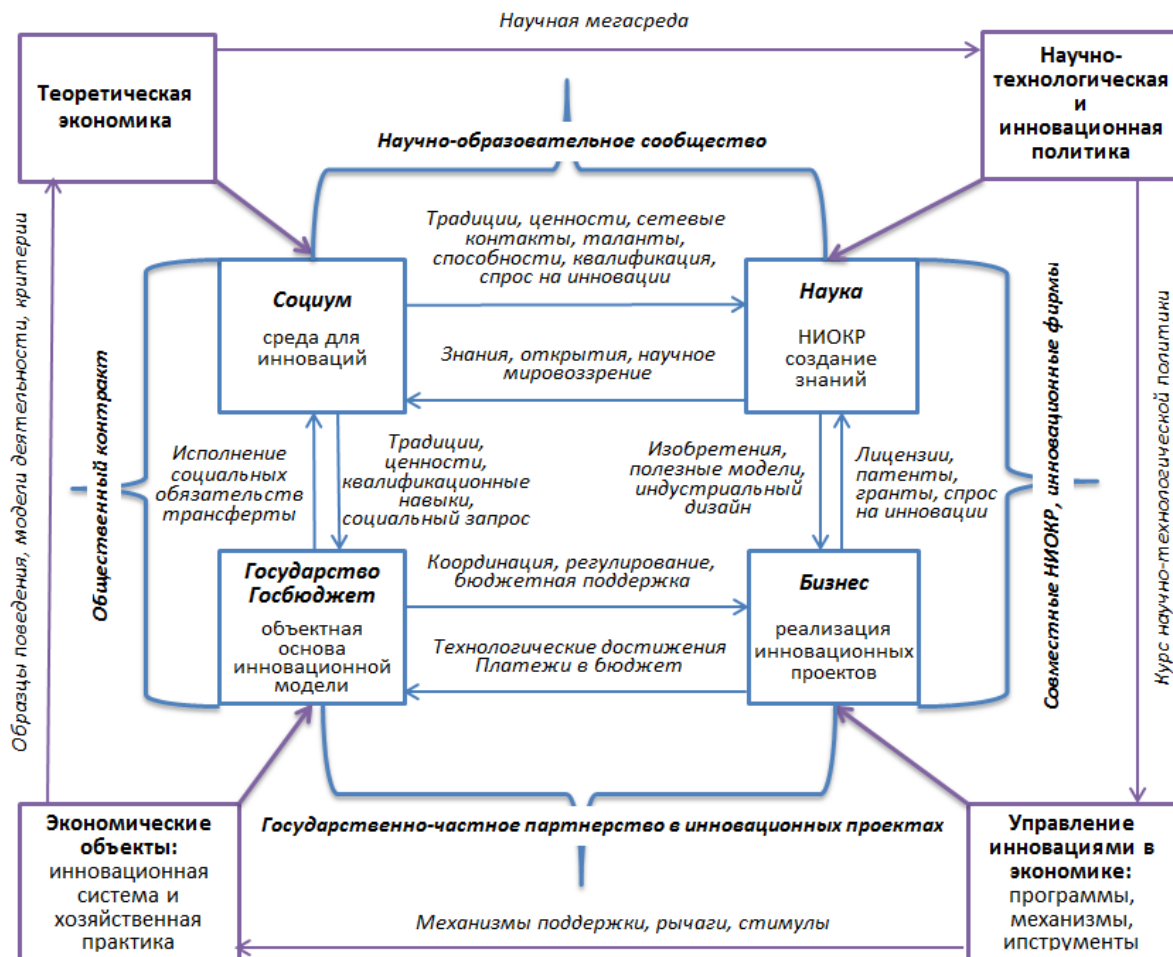

Рисунок 5.
Двойной контур взаимодействий акторов в инновационной стратегии

Инновации осуществляются обычно государственными или коммерческими организациями, занимающимися разными видами деятельности. Инновационная цепочка включает ряд звеньев – от идеи, открытия до вывода изобретения на рынок – и образует замкнутый цикл на основе сигналов от рынка к изобретателю. Таким образом, можно представить тройной контур связей и взаимодействий акторов, если включить в двойной контур системных сетей и коллабораций цикл взаимодействий на микроуровне – на уровне корпораций и предприятий (внутри них и между отдельными организациями).

Далее рассмотрим на конкретных примерах многообразие форм, видов, способов взаимодействия в НИОКР и в их коммерциализации; приведем количественные и качественные оценки сотрудничества акторов в инновациях.

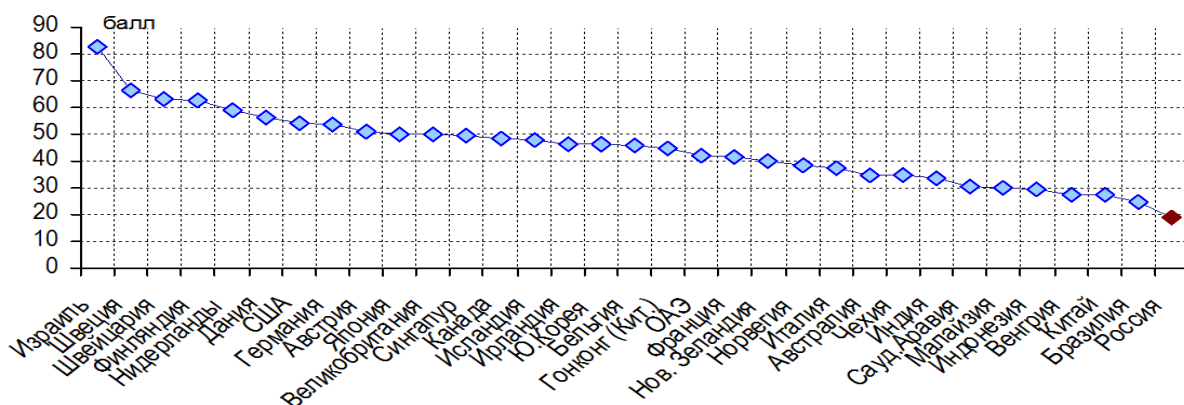
Оценки взаимодействий акторов в инновациях

Как говорилось выше, дисфункция методологии стратегического планирования и инновационной модели российской экономики проецируется на качество взаимодействий секторов в осуществлении инноваций. В целом, современное многообразие форм и видов сотрудничества в НИОКР сводится к нескольким обобщенным группам взаимодействий:

- Сотрудничество между отдельными учеными, научными лабораториями или исследовательскими организациями внутри страны и между странами

¹ Никонова А.А. Готовность к инновациям в нестационарной российской экономике // Наст. сборник. 2020.

- Сотрудничество между организациями высшего образования, науки и промышленности
 - Совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, финансируемые из иностранных источников
 - Инновационно ориентированные кластеры и стратегические альянсы.
- Согласно интегральной оценке качества инновационных связей, включающей такие признаки, РФ позади многих стран мира (рис. 6).

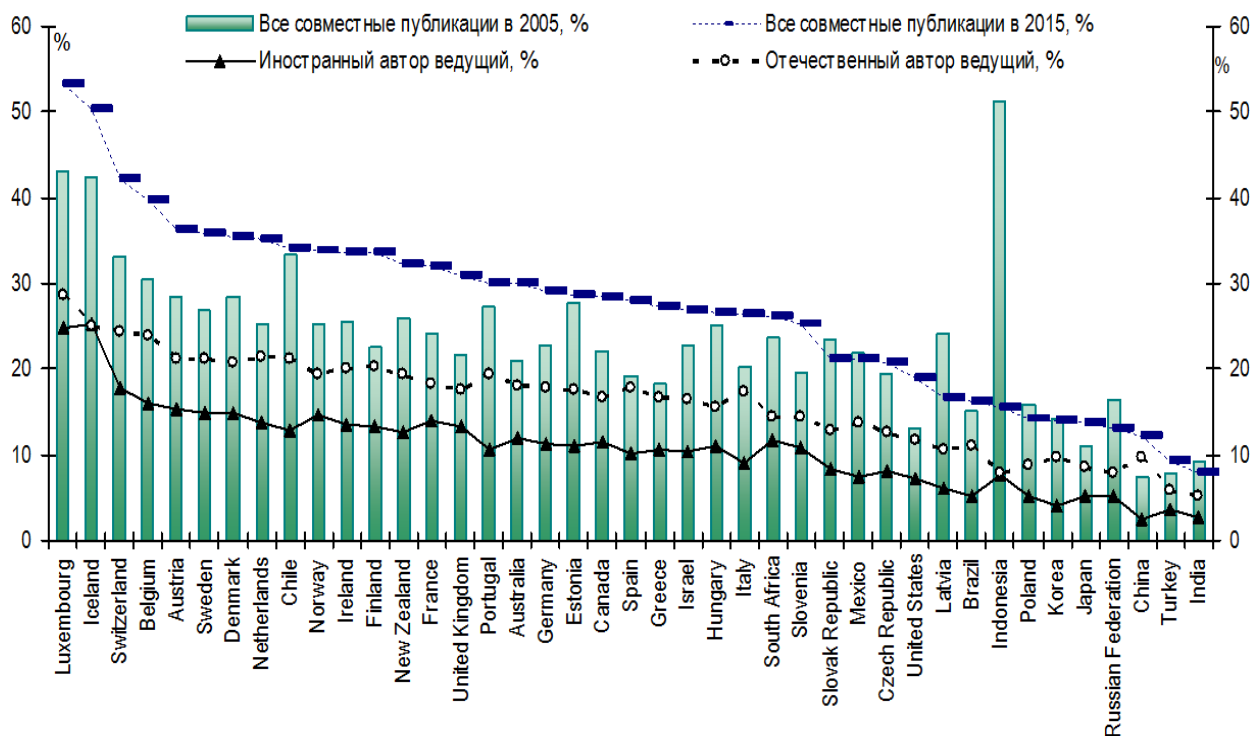
Источник: построено по данным INSEAD¹

Рисунок 6.
Инновационные связи в странах мира в 2018 г. (оценка, балл)

Сотрудничество в НИОКР внутри исследовательского сектора происходит в следующих формах:

- Взаимодействия между фундаментальной и прикладной наукой
- Обмен идеями, сотрудничество между учеными
- Сотрудничество между учеными и изобретателями.

О глубине сотрудничества в исследованиях принято судить по качеству публикаций и аффилиациям авторов. За десять лет в РФ невысокий удельный вес совместных публикаций сократился ещё более, в отличие от других стран мира (рис. 7).

Источник: построено по данным ОЭСР².

Рисунок 7.
Удельный вес совместных публикаций в странах в 2005–2015 гг., % (с градацией, в зависимости от гражданства ведущего автора – резидента или нерезидента)

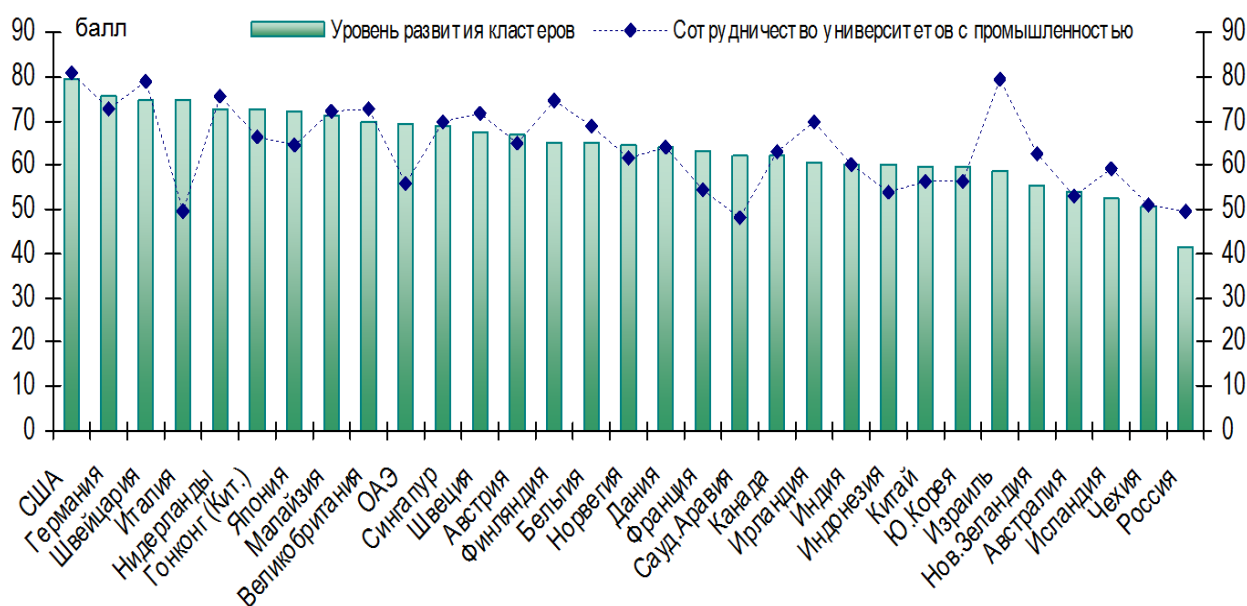
¹ The Global Innovation Index. Analysis. 2019.

² OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. OECD, 22.11.2017. – P. 124. – https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-science-technology-and-industry-scoreboard-2017_9789264268821-en

Взаимодействия в создании инноваций для выхода на рынок включают следующие формы и виды:

- Сотрудничество исследовательского сектора с промышленностью в НИОКР способствует взаимопониманию сторон, уточнению требований к разработкам
- Взаимодействия госструктур, изобретателей и бизнеса на начальных стадиях помогают соединению интеллектуального потенциала и предпринимательства, обеспечивают подготовку к внедрению, от патента к промышленному образцу
- Взаимодействия между предпринимателями и инвесторами (включая венчурный капитал) на посевной и начальной стадиях коммерциализации изобретений, а также на стадии перехода к массовому выпуску позволяют вывести изобретение на рынок, «не растерять» потенциальные инновации
- Взаимодействия потребителей со всеми игроками на основе обратных связей способствуют формированию и прогнозированию инновационного спроса, совершенствованию новинок и отработке механизмов поддержки инноваторов, а также согласованию интересов сторон в инновационной стратегии.

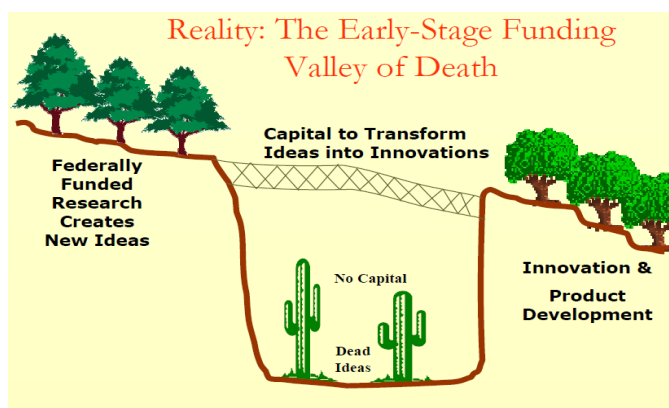
Благодаря правительственным программам, РФ продвинулась вперед в рейтинге сотрудничества университетов с промышленностью в сфере НИОКР и, отчасти, в рейтинге развития инновационных кластеров (рис. 8). Другое дело, что такие формы носят зачастую формальный характер, не все они плодотворны по признакам результативности. В российских университетах традиционно научная среда не слишком развита. На наш взгляд, для государственного бюджета и для страны эффективнее наращивать финансирование сотрудничества между промышленными и академическими организациями, а университеты нацелить на выращивание талантов.

Источник: построено по данным INSEAD¹.

Рисунок 8.

Оценки уровня развития инновационных кластеров и тесноты сотрудничества университетов с промышленностью в НИОКР в странах в 2018 г.

Источник: Wessner Ch.W.²

Рисунок 9.

Долина смерти инноваций

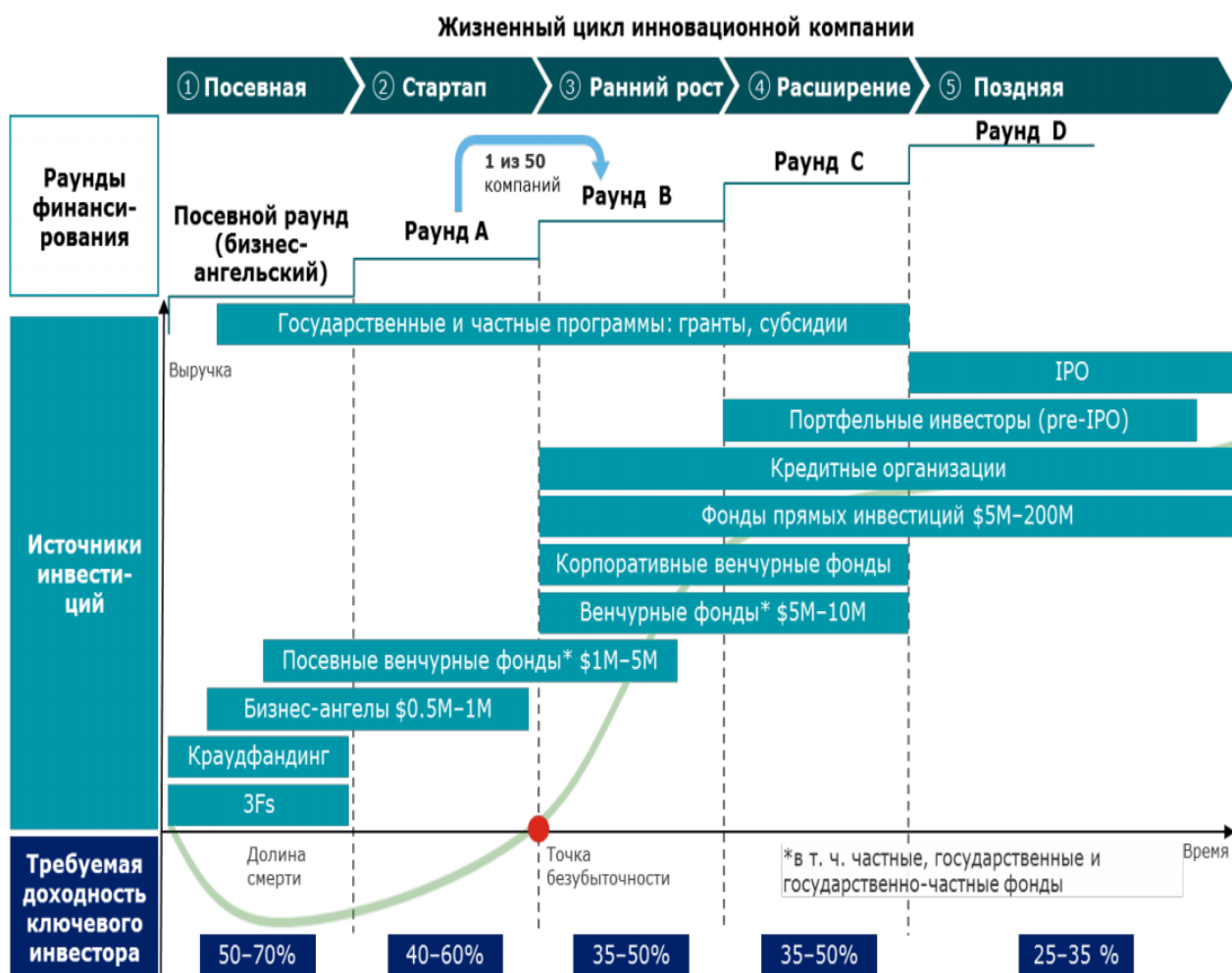
¹ The Global Innovation Index. Analysis. 2019.

² Wessner Ch.W. The Challenge of the Valley of Death. Accelerating Innovation with the U.S. SBIR Scheme. 2009. — https://sites.nationalacademies.org/cs/groups/pgasite/documents/webpage/pga_054874.pdf

Что касается посевной стадии, превращения изобретения в новые продукты или технологии, коммерциализация представляет собой наиболее проблемную зону инновационной стратегии, для которой в РФ не решены вопросы преемственности политики, механизмов управления, практики внедрения и поддержки инноваторов. В долине смерти погибает большинство инноваций. Это естественно для всех экономик мира (рис. 9). Однако в РФ на ранних стадиях наблюдается абсолютный провал взаимодействий всей игроков, кредитно-денежная политика никак не связана ни с инновационной политикой, ни с научно-технологической стратегией, ни с поведением бизнеса, стремящегося минимизировать риски.

За рубежом созданы специальные фонды в целях поддержки инноваторов на ранних стадиях, особенно, малого и среднего бизнеса. В РФ такая поддержка ничтожна, фонды слабы, гранты не достаточны и малочисленны, кредит дорог и недоступен для стартапов без обеспечения. Поэтому львиная доля НИОКР, профинансированных государством, гибнет из-за недостатка или невозможности привлечения нужного капитала на посевной стадии и стартапа (рис. 10). На стадии опытного производства в РФ, в отличие от Японии, почти нет связи с потребителями, отсюда неизвестно что и как производить для успешных продаж и, главное, для пользы человека и повышения качества жизни.

По мнению авторов, проблема **привлечения и определения целевой структуры** финансовых источников коммерциализации передовых технологий представляет собой наиболее актуальный предмет научных исследований и практических разработок в контексте обоснования и реализации стратегических решений в области инновационного развития российской экономики.

Источник: РВК¹

Рисунок 10.

Распределение категорий инвесторов по стадиям жизненного цикла компании

В сценарии догоняющего развития заимствование новых технологий может быть осуществлено в рамках такой формы взаимодействий как трансфер инноваций при помощи **инновационно наполненных иностранных инвестиций**. Например, в результате создания сборочных производств происходит передача опыта, знаний, и инновационных навыков.

¹ Методическое пособие и практические рекомендации по структурированию сделок, применению механизмов мотивации ключевых сотрудников, в том числе в зарубежных юрисдикциях, стратегии и тактике выхода на международный рынок. – М.: АО «РВК», 2017. – С. 3. – https://www.rvc.ru/upload/iblock/849/mp_rvc_deloitte_2017.pdf

Выводы и рекомендации

Причины разобщенности экономических агентов и подсистем, на наш взгляд, состоят в следующем:

- Разрушение горизонтальных связей в ходе рыночных реформ между фундаментальной наукой, прикладной наукой, производством (исчезли НПО)
- Несогласованность кредитно-денежной и инновационной политики
- Дезорганизация наряду с чрезмерной заорганизованностью
- Дефекты управления, отсутствие координации
- Нормативно-правовые пробелы и нестыковки
- Отсутствие нужных стимулов и инструментов компенсации потерь
- Ценностные установки – ориентирование на получение дохода
- Давление идеологии индивидуализма (атомизма)
- Неразвитость темы взаимодействий в теоретических исследованиях.

Актеры не могут и не хотят взаимодействовать – нет нужной среды и мотиваций.

В модели инновационной экосистемы могут быть полнее всего реализованы системные принципы организации взаимодействий на основе механизмов обратных связей между актерами по принципу взаимно дополняющего функционального обмена возможностями и способностями между актерами в форме потоков ресурсов, энергии, знаний, идей с целью создания новых ценностей.

По нашему мнению, формирование инновационных экосистем в РФ пока затруднено в силу многих обстоятельств, которые частично исследованы в данной статье. Следует начинать с подготовки условий, необходимых для создания таких систем:

- Образование – это главное для (1) роста потенциала развития; (2) развития культуры, в частности, инновационной; (3) улучшения взаимопонимания сторон – внутри гражданского общества, научного сообщества, бизнеса, а также между этими секторами
- Идеология, формирование правильных общественных и личностных ценностей – задача государства
- Создание подходящих сетевых структур для облегчения контактов – инфраструктуры коммуникаций, трансфера знаний и технологий
- Подбор и создание компенсационных механизмов, которые могут подвигнуть предпринимателей и инвесторов на принятие инновационных рисков
- Разработка и организация соответствующих координирующих структур на базе специальных исполнительных органов власти – на разных уровнях иерархии, например, на базе специально созданного Агентства инновационного развития
- Развитие и внедрение в практику системной методологии стратегического планирования и управления.

Системная экономическая теория, положенная в основу разработки инновационной стратегии, может способствовать лучшей её реализации, а в перспективе – созданию и развитию устойчивых инновационных экосистем, в которых связи и взаимодействия гармоничны, работают в системном режиме взаимно дополняющих друг друга функций, направленных на создание уникальных ценностей. Измерение результативности и качества взаимодействий мы отнесем к решенным задачам экономической науки.

Крошилин С.В.¹

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ОБРАЗОВАНИЮ И РЫНКУ ТРУДА В РОССИИ

Ключевые слова: рынок труда, инновационное развитие, вызовы образованию, трудовой потенциал, социально-экономические проблемы.

Современные трансформации, которые происходят на рынке труда, заставляют работодателей по-новому взглянуть на проблемы подбора, найма и управления персоналом. Происходит «разбалансировка» рынка труда, на который оказывает воздействие достаточно много факторов: с одной стороны – это внешние условия и беспрецедентное политическое давление, с другой – внутренние изменения. Основная проблема «пробуксовки» в инновационном развитии регионов заключается в отсутствии необходимого образовательного ресурса, который мог бы способствовать развитию человеческого и трудового потенциала, так необходимого в цифровой экономике сегодня. В настоящее время сложно определить, какие именно компетенции и знания потребуются обучающимся в их будущей профессии. Причина – смена технологических укладов и бурное развитие информационных технологий.

Очевидно, что реализация цифровой экономики в России не возможна без развития инноваций. В современных условиях (санкций, ухода от сырьевой зависимости и реализации программы импортозамещения) экономика России направлена на создание, апробацию и реализацию нововведений. От успешности воплощения инновационной политики зависит и конкурентоспособность страны, и стратегическое положение на мировых рынках, благополучие регионов. Однако развитие инновационного подхода в деятельности требует переосмысления многих бизнес-процессов на предприятиях, смены мышления, парадигмы менеджмента и надлежащего уровня подготовки (образования).

Термин «инновация» был введен основоположником теории инновационного развития австрийским экономистом Й. Шумпетером в 1912 г. в работе «Теория экономического развития». По его мнению, роль предпринимателей заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать производство, используя изобретения для выпуска новых товаров или производства старых более новым способом, открывая новые источники сырья и материалов или новые рынки, реорганизуя отрасль².

В зарубежной и отечественной литературе существует множество трактовок понятия «инновации» (табл. 1).

Таблица 1

Определение термина «инновации» различными авторами

Автор	Трактовка термина «инновации»
Й. Шумпетер	Любое возможное изменение, происходящее вследствие использования новых или усовершенствованных решений технического, технологического, организационного характера в процессах производства, снабжения, сбыта продукции и т. п. ³
К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю	Запуск в производство нового продукта, внедрение нового производственного метода или применение новой формы организации бизнеса ⁴ .
Ф. Котлер	Идея, товар, услуга или технология, запущенные в массовое производство и представленные на рынке, которые потребитель воспринимает как принципиально новые или обладающие теми или иными уникальными или полезными свойствами ⁵ .
Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский	Нововведения в области техники, технологии, организации труда и управления, основанные на использовании достижений науки и передового опыта, а также использование этих новшеств в самых разных областях и сферах деятельности ⁶ .
Ю.В. Яковец	Процесс внесения в разнообразные виды человеческой деятельности новых элементов, повышающих результативность этой деятельности ⁷ .
ФЗ РФ от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”»	Введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях ⁸ .

Источник: Составлено авторами на основе литературных источников.

¹ Крошилин Сергей Викторович – к.т.н., доцент кафедры менеджмента и экономики, Государственный социально-гуманитарный университет; с.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. E-mail: krosch_sergey@mail.ru

² Шумпетер Й.А. История экономического развития. – М., 1982. – 494 с.

³ Там же.

⁴ Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. – В 2 т.: Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 983 с.

⁵ Котлер Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер [и др.]. – 4-е европейское изд. – М.: Вильямс, 2007. – 601 с.

⁶ Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева; под ред. Б.А. Райзберга. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 494 с.

⁷ Яковец Ю.В. Эпохальные инновации 21 века. – М.: Экономика, 2004. – 444 с.

⁸ ФЗ РФ № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 21 июля 2011 г.

Несмотря на разнообразие определений, большинство авторов сходится во мнении, что инновациям присущи три основных признака: новизна, широкая область применения и наличие положительного эффекта от практической реализации.

Следовательно, *инновация* – это общеэкономическая закономерность, являющаяся двигателем развития общества, целью которого является повышение результативности за счет новой идеи или материального воплощения.

В России с появлением понятия «цифровая экономика» наблюдается особое внимание со стороны научного сообщества к проблемам инновационного экономического развития. В 2010 году был предложен проект «Стратегии и инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». По мнению разработчиков, «государственная власть пока в целом неинновационна, и при этом не достигла значимых успехов в создании «инновационного климата» в стране. Несмотря на значительный масштаб предпринятых в последние годы мер по поддержке инновационной активности, переломить сложившиеся негативные тенденции пока не удалось... Действующее государственное регулирование предпринимательской деятельности, в целом, и инновационной деятельности, в частности, пока характер и издается скорее враждебностью по отношению к бизнесу»¹.

В рамках реализации этих направлений и стратегий были заложены основы действующей национальной инновационной системы, предприняты существенные усилия по развитию сектора исследований и разработок, по формированию развитой инфраструктуры, модернизации экономики на основе новых технологий. Однако поставленные в этих документах цели пока не достигнуты, а развитие инноваций и сокращение времени на их внедрение на отечественных предприятиях оставляет желать лучшего. Проводимая в последние годы государственная политика не изменила ни общей ситуации в экономике, ни отношение бизнеса и правительства к положениям, прописанным в документах. Причин этому множество, но основная – это отсутствие необходимого образовательного ресурса, который мог бы способствовать развитию человеческого и трудового потенциала, так необходимого в цифровой экономике сегодня.

Чтобы оценить перспективы инновационного развития необходимо определить, насколько ясно и четко понимают различные слои населения суть и смысл категории «инновации», а также выявить технологические вызовы образованию и рынку труда в отдельном регионе РФ – Московской области. Для реализации данной цели в рамках исследования, которое осуществлялось Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН на базе Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна), был проведен опрос различных категорий граждан (работодателей, преподавателей высших учебных заведений и учащейся молодежи)². Результаты данных исследований были представлены в различных публикациях³. Приведем некоторые результаты исследования.

Согласно результатам опроса среди работников предприятий 66,6% определили инновации как конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности. Остальная часть опрошенных (33,4%) разделилась на две равные группы. Одна из них считает, что инновации – это практическое использование новшества, выступающего в форме конкретного продукта, технологии, структуры или услуги. Для другой инновации представляют собой материализованный результат, полученный от вложения капитала в новую технику или технологию, в новые формы организации производства труда, обслуживания, управления и т.п. (см. рис. 1).

Большинство преподавателей образовательных учреждений (73,3%), так же как и работники предприятий, отдадут предпочтение варианту, где инновации являются конечным результатом инновационной деятельности, 20% – считают, что инновации являются практическим использованием новшества, выступающего в форме конкретного продукта, технологии, структуры или услуги и 6,7% – инновации представляют собой материализованный результат, полученный от вложения капитала в новую технику или технологию. Практически все опрошенные учащиеся (80,3%) понимают «инновации» как конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности. 19,7% респондентов подразумевают под инновациями практическое использование новшества, выступающего в форме конкретного продукта, технологии, структуры или услуги.

В связи с развитием инновационной деятельности в российской экономике необходимо было выяснить отношение преподавателей и учащихся учебных заведений к развитию инновационной деятельности в стране, а также оценить качество современного российского образования, мотивационную составляющую к обучению и наилучшие методы образования и самообразования. Для этого было проведено исследование образования как основного компонента развития и повышения качества человеческого потенциала регионального социума для возможности реализации инновационной деятельности в регионе. Из 38% опрошенных работников вузов, почти все (33%) указали на то, что их подразделение (факультет, кафедра и другие подразделения) участвует в хозяйственных работах (договоры на выполнение различного рода научно-исследовательских работ, заключенные с предприятиями, организациями, органами

¹ Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). – М.: Минэкономразвития России, 2010. – 116 с.

² Выборка составила 600 человек. Респондентами были люди в возрасте от 17 лет и старше следующих социально-профессиональных групп: 1) руководители и инженерно-техническая интеллигенция предприятий; 2) специалисты, мастера и рабочие; 3) работники торговли, сферы услуг, транспорта и связи; 4) экономисты и работники банковской сферы; 5) служащие государственных и муниципальных учреждений; 6) предприниматели малого и среднего бизнеса; 7) преподаватели различных учебных заведений; 8) учащиеся НПО, СПО и ВПО. В качестве региона опроса были выбраны 8 городов юго-востока Московской области: Коломна, Луховицы, Воскресенск, Озеры, Зарайск, Красногорск, Пески, Ступино.

³ Доброхлеб В.Г., Крошкин С.В., Медведева Е.И., Муравлева В.В. Готовы ли российские регионы к инновациям? (на примере юго-востока Московской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М.: Издательский дом «Финансы и кредит», 2013. – № 38 (227). – С. 10–21.

власти). Представители среднего специального и начального профессионального образования, подобными исследованиями не занимаются. 35,7% опрошенных участвуют в работе над грантами РГНФ и РФФИ, причем опять -таки преимущественно в вузах.

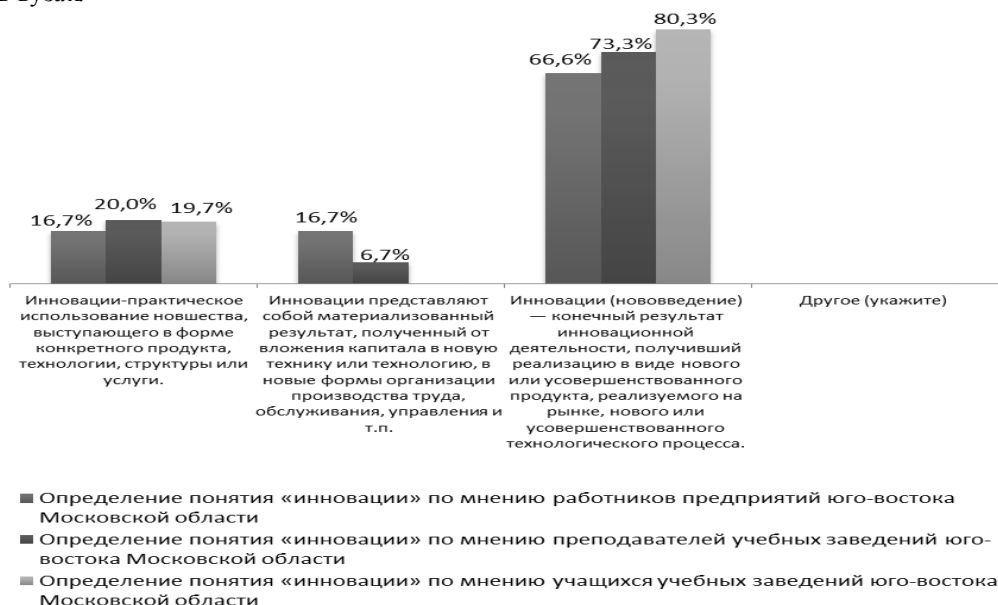

Рисунок 1.
Результаты проведенного исследования о восприятии и осмыслении категории «инновации» различными слоями населения юго-востока Московской области

40% работников опрошенных учебных заведений заявили, что у них имеются готовые инновационные (научные) разработки, которые могли бы быть использованы хозяйствующими субъектами региона и страны. Причем данные разработки касаются в основном экономической сферы – 26,7% и информационных технологий – 13,3%. Технические, технологические и конструкторские области не указали вообще.

Треть опрошенных указала на то, что в их подразделении (факультет, кафедра и пр.) есть сотрудник, в обязанности которого входит выполнение работ, связанных с развитием, внедрением инновационных и научных разработок. Те же, у кого такого сотрудника нет, считают, что им нужен такой специалист (80%). Остальные 20% уверены, что могут обойтись и без него. Основные задачи учебных заведений (по мнению преподавателей) в развитии инновационной системы представлены на рис. 2.

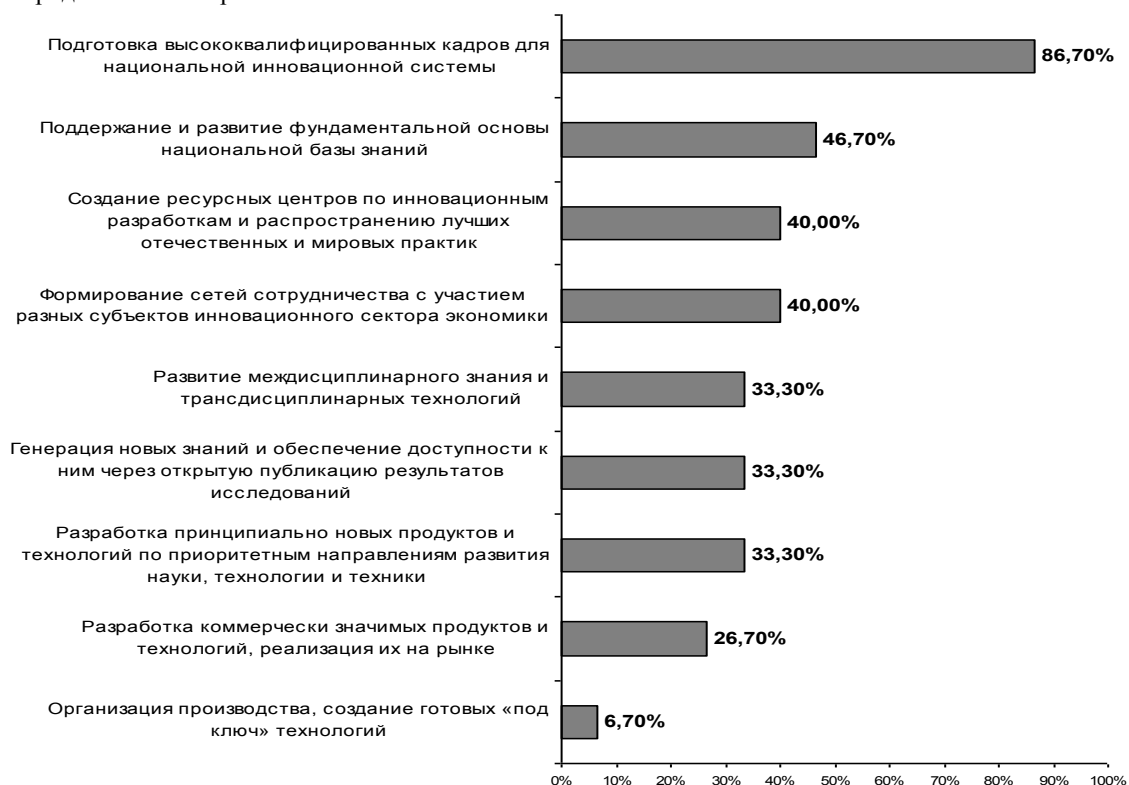

Рисунок 2.
Задачи учебных заведений в развитии инновационной системы страны, % от опрошенных (можно выбрать несколько вариантов)

Практически все опрошенные преподаватели (86,7%) признают основной задачей учебных заведений развитие инноваций именно в подготовке высококвалифицированных кадров для национальной инновационной системы. Практически половина (46,7%) на второе место поставила задачу поддержания и развития фундаментальной основы национальной базы знаний. На третье место (40%) поставили задачу создания ресурсных центров по инновационным разработкам и распространению лучших отечественных и мировых практик, а также формирование сетей сотрудничества с участием разных субъектов инновационного сектора экономики. Остальные задачи указала треть опрошенных. Интересно отметить, что только 6,7% считают необходимым на базе учебных заведений организовывать производства и создавать готовые «под ключ» технологии.

Наиболее эффективной формой взаимодействия учебных заведений с инновационным сектором, преподавателям представляется совместная разработка программ обучения и повышения квалификации (в среднем 5 баллов из 10). Меньше всего указали продажу лицензий на имеющиеся у учебного заведения патенты в 3 балла из 10 и spin-off переход части научных сотрудников в наукоемкий бизнес в 2 балла из 10. Остальные варианты форм взаимодействия в среднем получили по 4 балла (см. рис. 3).

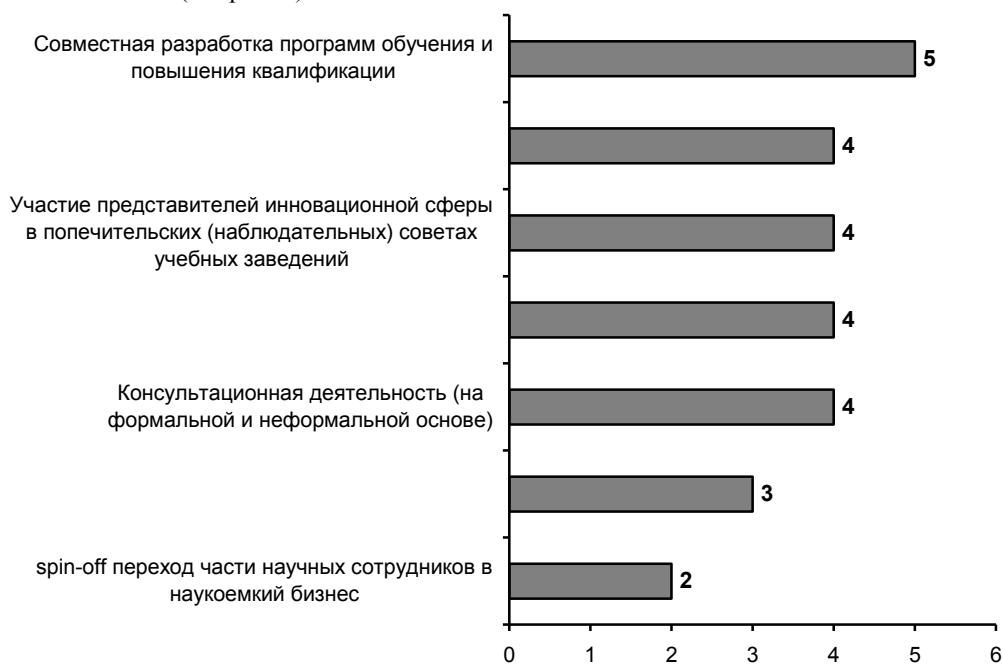

Рисунок 3.

Рейтинг наиболее продуктивных форм взаимодействия учебных заведений с инновационным сектором, в баллах по 10-балльной шкале

Большинство преподавателей (86,7%) основную выгоду при сотрудничестве учебного заведения с инновационным сектором экономики видят в расширении возможностей прохождения практических занятий и производственных практик на базе предприятий, однако мало кто связывает (40%) это сотрудничество с расширением инфраструктурных возможностей проведения НИР. 73,3% преподавателей находят выгоду в возможности привлечения дополнительных источников финансирования научно-исследовательской деятельности институтов.

Почти 2/3 опрошенных связывают возможные выгоды от сотрудничества с развитием содержания образовательных программ и их адаптацию под требования работодателей. Дополнительной возможностью является доступ к современным проблемам производственного сектора и формирование спектра исследовательских задач, востребованных реальными заказчиками.

В свою очередь сами учебные заведения могут предложить предприятиям с инновационной направленностью в своей деятельности возможность формирования будущего кадрового состава из числа студентов, проходящих практику и вовлекаемых в совместную деятельность (это указали 80%). Проведение курсов повышения квалификации работников предприятия с предварительным согласованием программ курсов повышения квалификации, их форм и времени проведения (60%) и возможность привлечения высокопрофессиональных научных кадров из числа работников учебного заведения на условиях договоров подряда, НИОКР и т.п. – указали 40% опрошенных.

В настоящее время многие из опрошенных работников учебных заведений уже достаточно успешно развивают и поддерживают контакт с реальным бизнесом. В основном это сотрудничество заключается в привлечении представителей бизнеса к преподавательской деятельности (66,7%) (см. рис. 4).

33,3% респондентов проводят различные консультации с представителями бизнеса и совместно разрабатывают программы обучения и программы повышения квалификации сотрудников. Лишь 6,6% опрошенных представителей учебных заведений осуществляют с реальным бизнесом совместную работу по участию в конкурсах государственных и негосударственных организаций на получение грантов и заказов. Никто из опрошенных не ведет взаимодействие на основе договоров в научно-исследовательской сфере, что лишний раз подчеркивает отсутствие заинтересованности реального сектора экономики в научных разработках вузов.

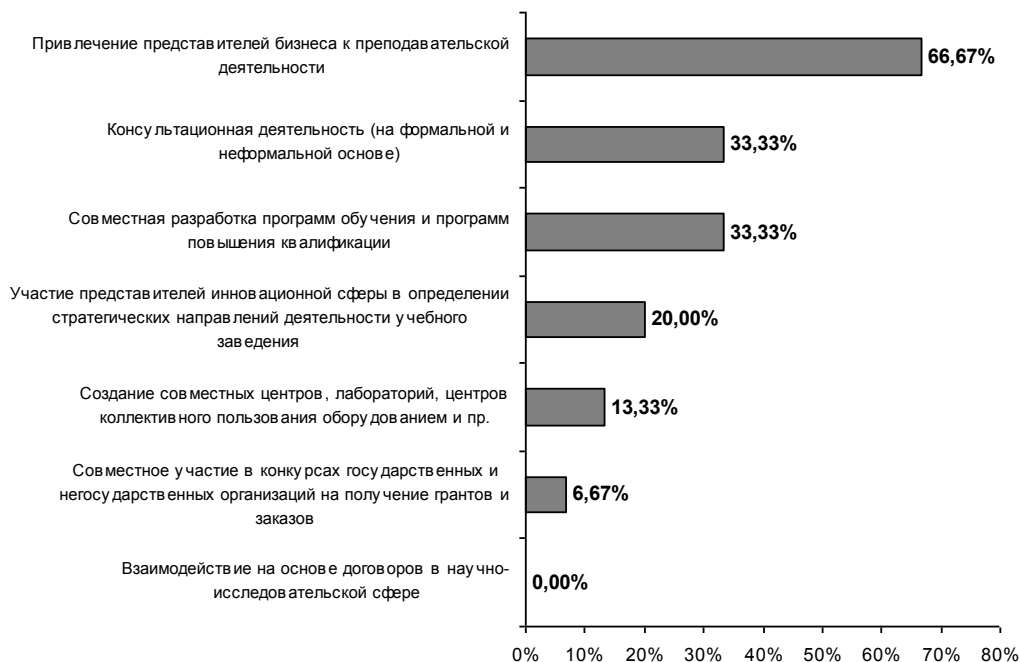

Рисунок 4.

Формы взаимодействия учебных заведений с бизнесом, % (можно выбрать несколько вариантов)

Негативная тенденция наблюдается и в сотрудничестве с реальным бизнесом в сфере получения заказов на подготовку специалистов. Лишь 6,7% опрошенных очень часто получает заказ, больше половины (53,3%) вообще не получают, а почти четверть (26,6%) не очень часто (см. рис. 5).

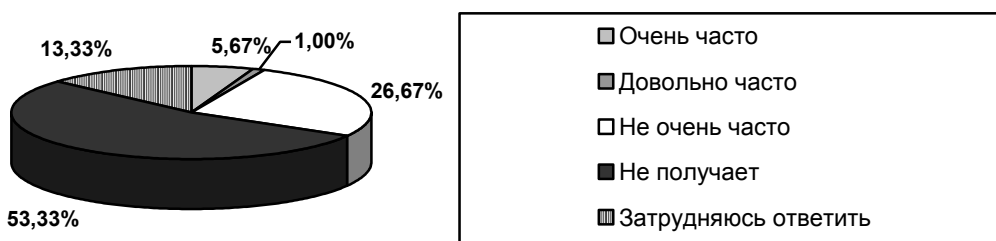

Рисунок 5.

Частота получения заказов учебным заведением на подготовку специалистов в определенной сфере деятельности для бизнеса, %

Оценивая уровень готовности своих студентов работать в условиях инновационной модернизации экономики по десятибалльной шкале, большинство преподавателей поставили 4 балла (38,46%). Почти половина поставила своим студентам оценку в диапазоне от 5 до 7 баллов. 7,7% достаточно скромно оценили потенциал своих выпускников, поставив им только 2 балла по десятибалльной шкале (см. рис. 6).

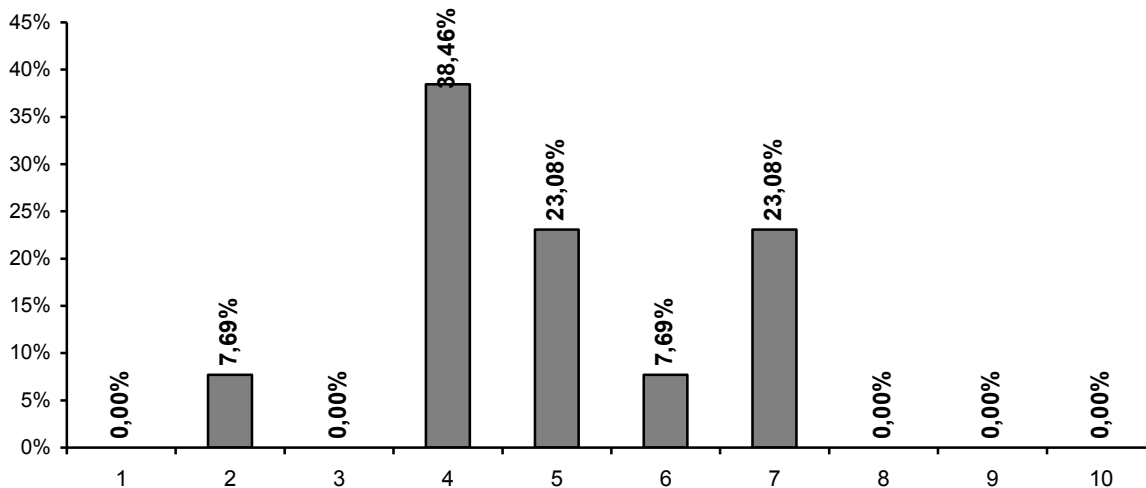

Рисунок 6.

Оценка преподавателей степени готовности студентов работать в условиях инновационной экономики (% по десятибалльной шкале)

Учебные заведения при осуществлении взаимодействия с предприятиями пользуются услугами внешних организаций или внешних консультантов (например, через службу занятости или по личным контактам) – такой способ указали 40% опрошенных представителей учебных заведений. 60% – вообще не имеют никаких – ни внутренних, ни внешних организационных механизмов для взаимодействия с реальным сектором.

Преподаватели некоторых учебных заведений (40%) преподают дисциплины, в которых рассматриваются вопросы активизации инновационной деятельности в регионе и/или в России в целом. В основном указывали такие как дисциплины: информационные технологии, региональная экономика, маркетинг и менеджмент.

Большинство опрошенных преподавателей (73,3%) считают, что занятия по инновационному обучению должны проводить «преподаватели-практики» с профессиональным опытом. 40% предполагают, что это должен быть успешный предприниматель в области инноваций. Пятая часть опрошенных считает, что это должны быть профессора с хорошей теоретической базой или люди науки из лабораторий и исследовательских центров (см. рис. 7).

Рисунок 7.

Преподаватели, которые должны проводить занятия по инновационному развитию, % (можно было выбрать несколько вариантов)

Большинство опрошенных учащихся (86,6%) так же считают, что занятия по инновационному обучению должны проводить «преподаватели-практики» с профессиональным опытом. Треть (33,3%) учащихся предполагают, что это должны быть профессора с хорошей теоретической базой или люди науки (26,4%) из лабораторий и исследовательских центров. Намного больше (32,7%), по сравнению с опрошенными преподавателями учащиеся полагают, что занятия должны так же вести иностранные преподаватели и исследователи.

Очевидно, что преподаватели видят конкуренцию со стороны иностранных специалистов и именно поэтому не видят необходимости в их привлечении к процессу обучения.

Также было изучено отношение учащихся к инновациям в стране и проанализирована их связь с обучением. Только 20% опрошенных совмещают учебу с работой. В настоящее время все кто работают – работают не по специальности.

К наиболее предпочтительным и эффективным, по мнению учащихся, методам обучения относится обучение на рабочем месте (82,1%). Далее выделяли стандартные методы: лекции (73,3%), программированное обучение (40,2%), семинары (34,1%). Меньше трети отметили тренинги (27,3%) и учебные групповые дискуссии (21,0%). Деловые и ролевые игры указывали в основном учащиеся вузов (13,3%), а мастер-классы не были отмечены вообще (см. рис. 8).

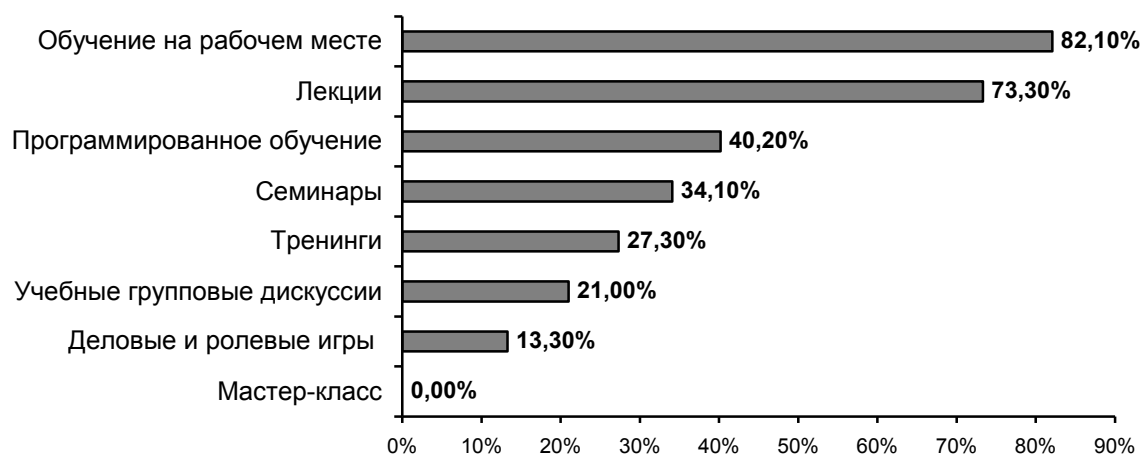

Рисунок 8.

Наиболее предпочтительные методы обучения, % (можно выбрать несколько вариантов)

Стремление к личному развитию – это сегодня основная потребность/стимул в обучении у подавляющего большинства учащихся (80,2%). Ориентируются на требования потенциального работодателя 12,3%. Некоторые учащиеся (в основном вузов) определяют свою потребность в обучении как «общую тенденцию» 7,5% (см. рис. 9).

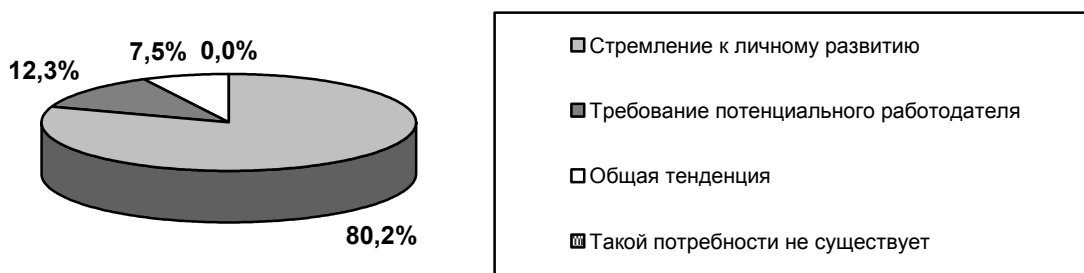

Рисунок 9.
Чем определена потребность в обучении, %

При выборе: работать на интересной, творческой, но низкооплачиваемой работе, или получать высокую заработную плату, но без творческого подхода (например, рутинная работа), треть опрошенных (32,1%) – выбрали интересную работу, а остальные (67,9%) – высокую заработную плату. То есть, основной выбор работы учащихся основывается именно на материальном стимулировании. При этом те, кто хочет получать высокую заработную плату (67,9%), готовы постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки, то есть учиться «через всю жизнь».

Чуть меньше половины опрошенных (47,7%), в принципе, готовы связать свою будущую карьеру с инновационным бизнесом. Категорично не хотят этого делать 20% и треть (32,3%) – пока не определились. Причем независимо от направления обучения (профиля, специальности) четверть опрошенных (26,7%) хотели бы работать в сфере информационных технологий и телекоммуникаций; чуть меньше (21,1%) – обеспечивать безопасность (в т.ч. информационную и экономическую) (см. рис. 10).

Рисунок 10.
В какой сфере инновационного бизнеса хотели бы работать учащиеся, %

Почти пятая часть (19,2%) готовы связать свое будущее с медициной (отмечали в основном девушки). Около 10% хотели бы работать в инновационном бизнесе, связанном с приборостроением, электроникой и энергетикой. Следует отметить, что инновационный бизнес в сельском хозяйстве (биотехнологии), в сфере экологии (ресурсосбережения), в промышленных технологиях и военном деле никого не заинтересовал.

Интересно отметить, что несмотря на то, что четверть опрошенных (26,7%) хотели бы работать в сфере информационных технологий и телекоммуникаций, инженером (исполнительным работником) быть никто не хочет (0%). В основном все хотят занимать должность в финансовой сфере (34,8%), быть технологом (14,7%), предпринимателем (12,8%), специалистом отдела продаж (11,7%), менеджером стратегического управления (8,2%), маркетологом (7,5%), работником научной сферы (5,7%), изобретателем (4,6%). Инженером на предприятии, инженером по ИТ и специалистом непосредственно по инновациям никто быть не хочет (см. рис. 11).

Очевидно, что большинство хотят работать в финансовой сфере в силу сложившегося мнения в обществе, что именно там можно заработать больше. В выборе должности вновь доминирует заработная плата: на третьем месте, указанных должностей, «предприниматель», который лишь немного уступает «технологу». Для учащихся систем НПО и СПО (их было больше половины в опросе) – это является «верхней ступенью» в их реальной перспективе карьерного роста. На четвертом месте «специалист отдела продаж» – относительно простой способ, по мнению большинства, зарабатывания денег.

Рисунок 11.
Кем себя видят учащиеся в новой экономике, %

На вопрос «Что может являться основным стимулом для Вашего участия в инновационной деятельности?» – больше половины (56%) отметили – повышение материального благосостояния (или достойное материальное вознаграждение) (см. рис. 12).

Рисунок 12.
Основной стимул для участия в инновационной деятельности, %
(можно выбрать несколько вариантов)

Около 41% отметили карьерный рост, возможность реализовать личные идеи (проекты) и удовлетворение от работы. Около четверти опрошенных указали на профессиональную самореализацию, возможность предпринимательства, активное участие в научной и общественной деятельности. Признание коллег интересно лишь 10%. Полученные результаты имеют схожую тенденцию с вариантами ответов на вопрос «Что является основным стимулом для получения высшего образования?».

Таким образом, материальная составляющая остается главной и основной причиной в стимулировании современной молодежи к обучению. Выбор специальности и сферы деятельности также зависит, прежде всего, от потенциальной возможности высокой оплаты труда. При этом большинство опрошенных (в среднем 56%) склонны считать, что высшее образование должно быть бесплатным. За бесплатное образование 55% преподавателей и 58% учащихся. За «платное и бесплатное» образование 42% преподавателей и 39% учащихся. И только 2% опрошенных выступают за полное платное образование.

Сегодня большинство студентов престижных специальностей учатся на платной основе. Именно этим можно объяснить такие варианты ответов. В основном за их учебу платят родители. Только пятая часть опрошенных совмещают учебу с работой. Те, кто работают – работают не по специальности. Причем больше четверти (26,7%) не планируют в дальнейшем работать по получаемой специальности. Это достаточно тревожная тенденция. Особенно это опасно для бюджетных специальностей, так как на обучение данных специалистов государство выделяет средства из

бюджета и рассчитывает на данных специалистов. Из тех, кто не планирует работать в дальнейшем по выбранной специальности, половина указала причину – не интересная работа; другая половина – на отсутствие спроса на данных специалистов в городе/районе.

Большинство хотят работать в финансовой сфере в силу сложившегося мнения в обществе, что именно там можно заработать больше. В этом плане инновации и вообще инновационная экономика воспринимается молодежью как нечто достаточно сложное и «непонятное», что требует от них дополнительных усилий и необходимости дальнейшего обучения. В этом смысле и движение по карьерной лестнице у всех опрошенных ассоциируется исключительно с возможностью получать больше.

Таким образом, для осуществления продуктивной инновационной политики государства, правительству РФ необходимо создать условия для обеспечения восприимчивости людей к новым идеям, их готовности и способности поддерживать и реализовывать новшества во всех сферах жизни.

Данное исследование показало:

– Современное общество знает и определяет понятие «инновации» как результат осуществления процесса преобразования научного знания в нововведения.

– Большинство участников исследования уверены, что в Московской области низкий уровень преобразования всех сфер экономики и социальной системы на основе научно-технических достижений. Данное состояние препятствует последующему формированию и становлению инновационной активности.

– Современное руководство полагает, что на их предприятиях инновации активно присутствуют и рационально используются. Однако работники оценивают применение нововведений на незначительном уровне, что говорит о противоречиях между этими двумя позициями.

– Действенную субсидированную поддержку следует осуществлять за счет введения льготного налогообложения для предприятий-новаторов.

– Причинами затруднений в процессе формирования инновационной деятельности являются непрофессиональное управление проектами и недостаточное финансирование данной области.

В целях осуществления преобразования экономики необходимо:

– Согласование связей между бизнесом, наукой и образованием.

– Построение и продуктивная реализация приоритетных направлений на федеральном и региональном уровнях.

– Квалифицированное управление инновационными процессами, которое позволит развивать научно-технические аспекты в данном регионе.

Для дальнейшего развития исследований и разработок новой продукции в России следует увеличить удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации за счет интенсивного внедрения нововведений в среднем и крупном бизнесе, а также повысить объем внутренних затрат на исследования и разработки по приоритетным направлениям науки. Данные меры помогут повысить инновационный потенциал нашей страны и улучшить инновационную культуру современного общества.

Ларин О.Н.,
Боков А.В.¹

ИННОВАЦИОННЫЕ ВЫСОКОСКОРОСТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СИСТЕМЫ

Ключевые слова: высокоскоростные транспортные системы, вакуумный трубопровод, математическое моделирование, газодинамика, отведение воздуха, давление, скорость.

Keywords: high-speed transport systems, vacuum pipeline, mathematical modeling, gas dynamics, air exhaust, pressure, velocity.

В соответствии с указом президента России «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» в число критических технологий страны входят технологии создания высокоскоростных транспортных средств и интеллектуальных систем управления новыми видами транспорта. В настоящее время одним из перспективных способов транспортировки с высокой скоростью на значительные расстояния является трубный транспорт. Данные системы способны перевозить грузы и пассажиров со скоростью более одной тысячи километров в час. Наиболее известными моделями являются вакуумные транспортные системы (ВТС) с герметичными путепроводами. ВТС обладают рядом преимуществ в сравнении с другими средствами передвижения: высокая скорость движения, сравнительно малые эксплуатационные расходы, низкий уровень шума, соответствие экологическим требованиям, высокая степень безопасности пассажиров и защищенности перевозимых объектов, независимость от метеоусловий. Основу ВТС составляет изолированный от внешней окружающей среды путепровод (тоннель), из которого откачивается воздух через воздуховоды с помощью компрессорных установок с целью снижения профильного сопротивления воздуха движению транспортного средств. Пределы снижения давления устанавливаются конструктивными особенностями ВТС.

Современные модели ВТС разделяются на два основных конструктивных типа в зависимости от степени снижения давления воздуха в путепроводе: системы с «глубоким вакуумом» (hardvacuum) и системы с «форвакуумом» (vorvakuum). В первых давление в трубопроводе снижается до 1 Па (10^{-5} атмосферного давления), во вторых давление составляет менее 100 Па (10^{-3} атмосферного давления).

Создание вакуумных транспортных систем требует значительных инвестиций, так как конструкции путепроводов и подвижного состава должны обладать повышенной прочностью в условиях больших перепадов давлений. Эксплуатация таких систем будет сопровождаться значительными расходами. По мнению многих экспертов, наиболее перспективными являются «форвакуумные» транспортные системы, так как затраты на их создание и эксплуатацию значительно меньше по сравнению с «глубоковакuumными» транспортными системами, а различия между ними по технико-эксплуатационным показателям несущественны. Прототипами «форвакуумных» транспортных систем являются известные проекты «Hyperloop» (проект вакуумного поезда, предложенный в 2013 году американским венчурным предпринимателем Илоном Маском) и «TransPod». Они различаются способом перераспределения встречного потока воздуха в путепроводе от фронтальной части транспортного средства к задней. В «Hyperloop» компрессорная установка направляет поток воздуха под днище транспортного средства, создавая воздушную подушку, облегчающую движение [1]. В «TransPod» компрессорная установка перекачивает воздух по каналам в корпусе транспортного средства в заднюю часть и выбрасывает его через выпускное сопло, при этом создается реактивная тяга, которая используется для дополнительного ускорения [2].

Вместе с тем создание и эксплуатация ВТС требуют значительных затрат на предварительное откачивание воздуха. Поэтому авторы предлагают альтернативный вариант инновационной высокоскоростной трубной транспортной системы, в которой снижение профильного сопротивления воздуха движению транспортного средства осуществляется не за счёт создания вакуума в путепроводе, а за счёт организации процесса перераспределения объёма воздушной массы между различными частями внутренней полости трубной конструкции.

Как известно, движение транспортного средства в изолированном пространстве (тоннеле) с атмосферным давлением воздуха сопровождается потерями энергии на преодоление профильного сопротивления со стороны встречного воздушного потока, обусловленного перепадом давления в путепроводе – перед транспортным средством происходит нагнетание давления, сзади транспортного средства создается разрежение. Характерные изменения параметров воздуха в связи с движением транспортного средства называются поршневым эффектом [3].

При поршневых эффектах сила встречного сопротивления воздуха пропорциональна квадрату скорости движения транспортного средства. Для снижения энергетических потерь, обусловленных поршневым эффектом, предлага-

¹ Ларин Олег Николаевич – д.т.н., профессор, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: larin_on@mail.ru

Боков Александр Викторович – к.ф.-м.н., доцент филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске. E-mail: av_bokov@mail.ru

ется организовать синхронное и сбалансированное по объемам перекачивание воздуха из области перед транспортным средством в область позади него. Общий принцип осуществления процесса внешнего воздухообмена и конструктивные элементы устройства изложены в работе [4]. Перераспределение воздушного потока между передней и задней областями путепровода осуществляется путем организации «внешнего» воздухообмена через конструктивно обособленный воздухонакопитель посредством воздухопроводов, соединяющих воздухонакопитель с путепроводом. Воздуховоды с задвижками и компрессорными установками образуют отводящую и нагнетающую системы. Организация внешнего воздухообмена предусматривает регулирование работы всей воздухораспределительной системы в автоматическом режиме на основе данных о фактическом местонахождении транспортного средства во внутренней полости путепровода и скорости его движения. Скорость движения транспортного средства по каждому отрезку скоростного участка согласуется с фактической производительностью компонентов системы воздухообмена.

Напомним, что скоростные возможности и экономическая эффективность вакуумных транспортных систем ограничиваются фундаментальным фактором, известным в газовой динамике как «предел Кантровица» (Kantrowitz limit) [5]. При движении транспортного средства в изолированной среде воздух перетекает из внутренней области путепровода, расположенной перед головной частью движущегося средства в область, расположенную за его хвостовой частью, через пристеночное пространство с возрастанием скорости. При достижении критической скорости течения воздух перестаёт просачиваться между движущимся средством и корпусом путепровода, создавая избыточное давление перед транспортным средством и усиливая сопротивление его движению. Для транспортного средства, движущегося в трубе (тоннеле, путепроводе) предел Кантровица устанавливает критическое соотношение между площадью поперечного сечения трубы и площадью «просвета», по которому перетекает воздушный поток [6]:

$$\frac{A_b}{A_t} = \left[\frac{\gamma - 1}{\gamma + 1} \right]^{\frac{1}{2}} \left[\frac{2\gamma}{\gamma + 1} \right]^{\frac{1}{\gamma - 1}} \left[1 + \frac{2}{\gamma + 1} \frac{1}{M^2} \right]^{\frac{1}{2}} \left[1 - \frac{\gamma - 1}{2\gamma} \frac{1}{M^2} \right]^{\frac{1}{\gamma - 1}} \quad (1),$$

где A_b – площадь «просвета», A_t – площадь поперечного сечения трубы, γ – показатель адиабаты, M – число Маха скорости встречного потока.

Наличие в системе отводящих воздухопроводов обеспечивает увеличение площади «просвета» A_b и, следовательно, способствует повышению предельной скорости движущегося средства. Предельно допустимая скорость движения выражена числом Маха: $M = v/a$, где v – скорость потока (транспортного средства), a – скорость звука.

Для тех же данных проведены расчёты возможных режимов течения воздуха, определяемых числом Рейнольдса, при движении поезда в тоннеле:

$$Re = \frac{\rho v D_{\Gamma}}{\eta} = \frac{v D_{\Gamma}}{\nu} = \frac{Q D_{\Gamma}}{\nu A} \quad (2),$$

где ρ – плотность среды, кг/м³; v – характерная скорость, м/с; D_{Γ} – гидравлический диаметр, м; η – динамическая вязкость среды, Па·с; ν – кинематическая вязкость среды ($\nu = \eta / \rho$), м²/с; Q – объёмный расход потока, м³/с; A – площадь сечения канала, м².

Для течений воздушной среды в трубе (при движении поезда в тоннеле):

$$\nu = 18 \cdot 10^{-6}; \quad D_{\Gamma} = 4,87; \quad v = 6.$$

Среднее значение числа Рейнольдса – $Re = \frac{6 \cdot 4,87}{18 \cdot 10^{-6}} \approx 1,623 \cdot 10^6$; критическое значение числа Рей-

нольдса, определяющее переход от ламинарного режима течения жидкости к турбулентному, взято равным $Re_{кр} = 1,3 \cdot 10^4$. Согласно полученным данным для основных расчётных скоростных режимов течение воздушного потока будет развитым турбулентным.

Движение транспортного средства в путепроводе представляет собой сложный физический процесс. Построение модели этого процесса пояснено на рис. 1, где приведена схема движения объекта (транспортного средства, поезда) в ограниченной области (путепроводе трубного типа). Объект движется в направлении оси Ox со скоростью v (м/с). Воздух откачивается из системы с интенсивностью w (куб. м/с).

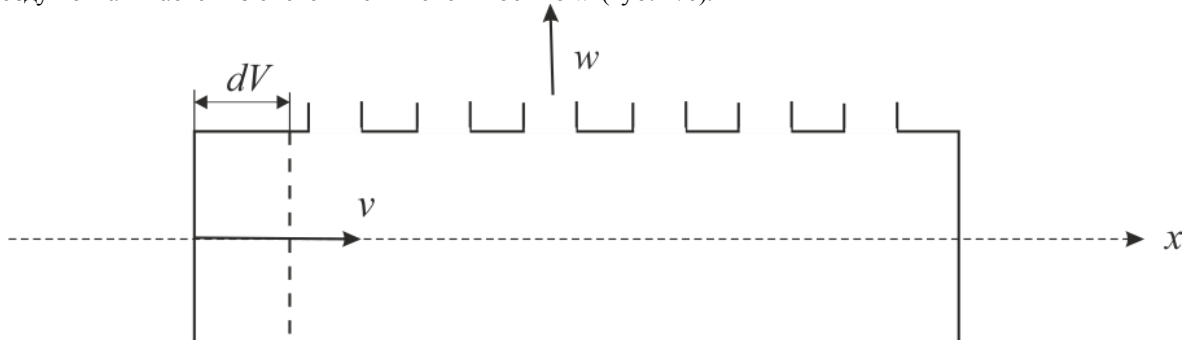

Рисунок 1.
Схема движения транспортного средства

Математическая модель процесса включает уравнение (3) движения объекта (выводится на основе второго закона Ньютона)

$$m \frac{\partial v}{\partial t} = F_T(v) - S_p \cdot \Delta p - F(v) - F_\mu(v) - B(v) \quad (3),$$

где m , v – масса и скорость объекта, $F_T(v)$ – сила тяги, S_p – площадь поперечного сечения объекта, Δp – перепад давления вследствие поршневого эффекта, $F(v)$ – сила сухого трения, $F_\mu(v)$ – сила вязкого трения воздушного потока в пристеночной области, $B(v)$ – тормозная сила;

и систему уравнений (4), описывающих течение воздуха в трубе (на основе уравнений гидродинамики для вязкой несжимаемой жидкости).

$$\begin{aligned} \frac{\partial \rho}{\partial t} + \nabla \cdot (\rho \vec{v}) &= 0, \\ \rho \frac{\partial \vec{v}}{\partial t} + \rho (\vec{v} \cdot \nabla) \vec{v} &= -\nabla p + \mu \Delta \vec{v}, \end{aligned} \quad (4),$$

где $\vec{v} = \{v_x, v_r, v_\varphi\}$ – вектор скорости воздушного потока, ρ – плотность, ∇p – градиент давления, μ – коэффициент вязкости, t – время, ∇ – оператор «набла», Δ – оператор Лапласа.

На начальном этапе исследования сделаны предварительные оценки допустимых режимов работы с системы воздухообмена с использованием упрощенной математической модели.

Фактическая производительность W_a отводящей системы определяется числом активных (работающих) воздухопроводов n_a и мощностью компрессорных установок w_a :

$$W_a = w_a \cdot n_a \quad (5).$$

Пусть n_e – общее количество компонентов отводящей системы (воздуховодов), и все воздухопроводы перед объектом активны. В начале движения поезда количество активных воздухопроводов равно общему их числу, $n_a = n_e$. По мере движения транспортного средства по скоростному участку число активных компонентов уменьшается, а оставшиеся «позади» состава воздухопроводы переходят в состав «неактивных», то есть переводятся в нерабочий режим. При этом число «неактивных» воздухопроводов (не участвующих в откачивании воздуха из системы) $n_u = n_e - n_a$. Если принять за L протяжённость всего участка движения, то величины n_e , n_a и n_u можно связать с текущей координатой x нахождения транспортного средства, $0 \leq x \leq L$. Обозначая через $f = n_e / L$ среднее число воздухопроводов на единицу длины («плотность»), получим $n_u = f \cdot x$, $n_a = f \cdot (L - x)$.

Для моделирования процесса откачивания воздуха использовано уравнение неразрывности (первое из уравнений (4)). Для несжимаемой жидкости $\rho = \text{const}$. При выполнении этого условия получаем:

$$\text{div } \vec{v} = 0 \quad (6).$$

Определим интенсивность откачивания воздуха w_a одним воздухопроводом как функцию скорости движения поезда v на основе баланса между воздухом, вытесняемым транспортным средством, и воздухом, перемещаемым через отводящие воздухопроводы. Для вытесняемого транспортным средством объёма воздуха выполняется условие:

$$|dV| = -V' dt = v \cdot S_p dt \quad (7),$$

где dV – изменение объёма перед поездом за бесконечно малый промежуток времени dt (см. рис. 4). С другой стороны, тот же объём за то же время откачивается компрессорами через активные воздухопроводы:

$$|dV| = w_a \cdot n_a dt \quad (8).$$

Следовательно,

$$w_a = -\frac{V'}{n_a} = \frac{v \cdot S}{n_a} \quad (9).$$

Согласно (9) расход w_a должен увеличиваться по мере продвижения поезда по тоннелю до предельных значений ($W_a \rightarrow \text{max}$), так как число активных отводящих воздухопроводов перед составом будет уменьшаться ($n_a \rightarrow 0$).

Последнее уравнение запишем в «безразмерном» виде, вводя переменные $\tilde{v} = v/v_{\text{max}}$, $z = n_u/n_e$, $\tilde{x} = x/L$.

$$w_a = \frac{\tilde{v} \cdot v_{\text{max}} \cdot S}{n_e(1-z)} = \frac{v_{\text{max}} \cdot S}{n_e} \cdot \frac{\tilde{v}}{1-z} = D \cdot \frac{\tilde{v}}{1-z},$$

или

$$w_a = \frac{\tilde{v} \cdot v_{\max} \cdot S}{f \cdot (L - x)} = \frac{v_{\max} \cdot S}{f \cdot L} \cdot \frac{\tilde{v}}{1 - \tilde{x}} = D \cdot \frac{\tilde{v}}{1 - \tilde{x}},$$

где $z = \tilde{x}$, $0 \leq \tilde{x} \leq 1$.

Для разных режимов движения и конструктивных особенностей тоннеля характеристики расхода w_a будут существенно различаться. Используя для определения \tilde{v} различные функциональные зависимости, можно получать простые модели функционирования компонентов системы воздухообмена (воздуховодов).

Например, определим скорость \tilde{v} как кусочно-линейную функцию координаты \tilde{x} :

$$\tilde{v}(\tilde{x}) = \begin{cases} A\tilde{x}, & 0 \leq \tilde{x} < \xi_1, \\ C = A\xi_1 = \text{const}, & \xi_1 \leq \tilde{x} < \xi_2, \\ A\xi_1 \cdot \frac{1 - \tilde{x}}{1 - \xi_2}, & \xi_2 \leq \tilde{x} \leq 1. \end{cases} \quad (10).$$

Тогда расход w_a будет определяться следующим образом:

$$w_a = \begin{cases} D \frac{A \cdot \tilde{x}}{1 - \tilde{x}} = DA \left(\frac{1}{1 - \tilde{x}} - 1 \right), & 0 \leq \tilde{x} < \xi_1, \\ D \frac{A\xi_1}{1 - \tilde{x}} = D \frac{C}{1 - \tilde{x}}, & \xi_1 \leq \tilde{x} < \xi_2, \\ D \frac{A\xi_1(1 - \tilde{x})}{(1 - \tilde{x})(1 - \xi_2)} = \frac{DA\xi_1}{1 - \xi_2}, & \xi_2 \leq \tilde{x} \leq 1. \end{cases}$$

На рис. 2 и 3 приведены графики функций \tilde{v} и w_a для значений параметров $A = D = 1$, $\xi_1 = 0,3$, $\xi_2 = 0,3$.

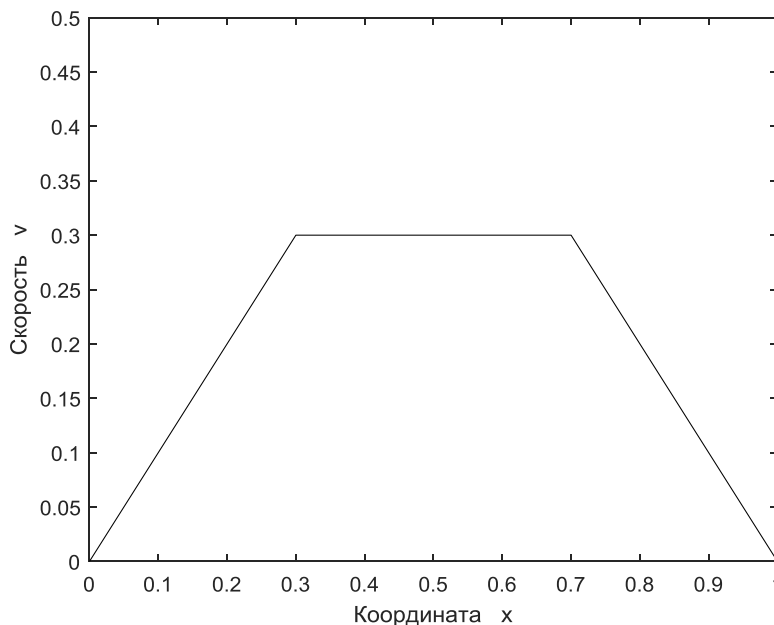

Рисунок 2.

График функции \tilde{v} скорости движения транспортного средства

Разработанные авторами математические модели на примере базовых модельных функций скорости характеризуют в обобщённом виде различные режимы работы системы «внешнего» воздухообмена и позволяют получить упрощённые (предварительные) оценки для организации управления этой системой. По результатам моделирования выявлен характер зависимости интенсивности расхода воздуха от скоростных режимов движения транспортного средства. На основе установленных зависимостей могут вырабатываться рекомендации по выбору скоростных режимов для отдельных участков пути с учётом технических характеристик компрессорных установок.

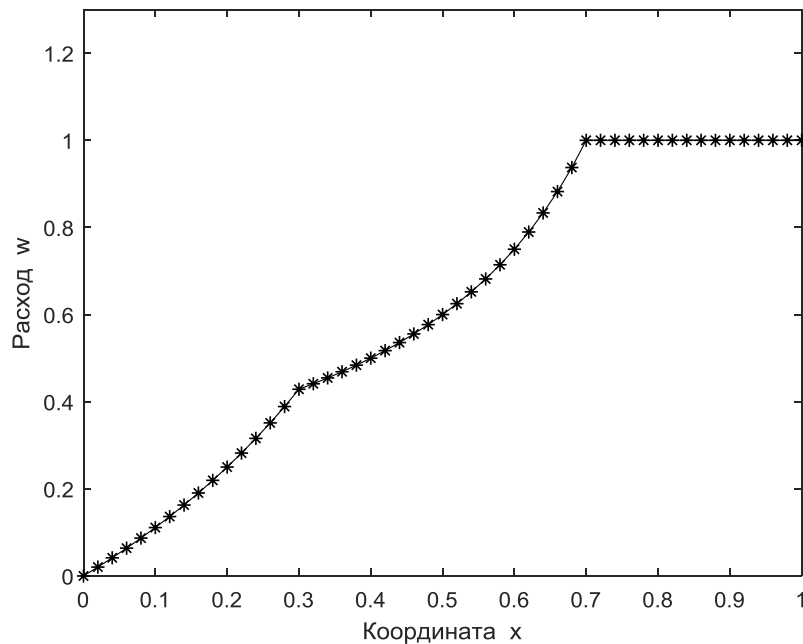

Рисунок 3.

Моделирование динамики расхода w_a в зависимости от скорости \tilde{V} движения транспортного средства

Представленные в настоящей статье результаты исследования не являются исчерпывающими и не охватывают весь спектр проблем, связанных с обеспечением эффективной работы высокоскоростных вакуумных транспортных систем трубного типа, имеющих значительные перспективы использования для перевозки грузов и пассажиров. В дальнейшем планируется расширить объём и характер исследований в данной области, повысить точность математических моделей, разработать программный комплекс для проведения численных экспериментов по расчётам полей давления и скорости движения воздушных масс в условиях вынужденной конвекции с использованием дискретных аналогов и расчётных схем применительно к цилиндрическим системам координат [7].

Список литературы

1. Evacuated tube transport technologies (ET3)tm: A maximum value global transportation network for passengers and cargo // Официальный сайт корпорации ET3. – https://www.researchgate.net/publication/285413820_Evacuated_tube_transport_technologiesET3tm_A_maximum_value_global_transportation_network_for_passengers_and_cargo
2. Janzen R. TransPod Ultra-High-Speed Tube Transportation: Dynamics of Vehicles and Infrastructure // Procedia Engineering. 2017. – Vol. 199. – P. 8–17.
3. Красюк А.М. Математическое моделирование воздухораспределения в вентиляционной сети метрополитена с учетом поршневого действия поездов / А.М. Красюк, И.В. Лугин, С.А. Павлов // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2009. – № S13. – С. 48–57.
4. Ларин О.Н. О способе снижения профильных сопротивлений воздуха движению транспортного средства внутри транспортно-провода / О.Н. Ларин, А.В. Боков // Транспортные системы и технологии. 2019. – Т. 5, № 2. – С. 47–59. doi: 10.17816/transsyst 20195247-59
5. Kantrowitz A., Donaldson P.C. Preliminary investigation of supersonic diffusers. – Washington: Langley Field, 1945. – May. – <https://patentimages.storage.googleapis.com/3c/8c/fe/b634c1cb6fed33/US20140261054A1.pdf>
6. Ratnayake N.A. Analysis of a Channeled Centerbody Supersonic Inlet for F-15B Flight Research / NASA Dryden Flight Research Center, Edwards, California, 93523, United States. – <https://ntrs.nasa.gov/archive/nasa/casi.ntrs.nasa.gov/20100001729.pdf>
7. Боков А.В. Дискретизация дифференциального уравнения конвекции и диффузии на основе метода контрольного объема / А.В. Боков, А.А. Клячин, М.А. Корытова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 1: Математика. Физика. 2016. – № 4 (35). – С. 25–43.

Лозинский С.Р.

к.э.н., доцент, Новосибирский ГАУ
mx420@yandex.ru

СИСТЕМНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В СФЕРЕ АПК

Ключевые слова: инновации, кластер, система ведения агропромышленного производства.

В настоящее время в ряде отраслей происходит значительное накопление технологических достижений, но для создания конкурентоспособной продуктовой научной разработки необходимо тесное объединение нескольких технологий, например, информационных технологий и биотехнологий, которое может быть успешно реализовано в системе научно-инновационного кластера.

Совершенствование организации управления инновационным процессом в сельском хозяйстве с использованием методологии кластерного подхода является актуальным на современном этапе, позволяет повысить устойчивость агропромышленного комплекса.

Научно сформированный кластер ведения агропромышленного производства понимается как рациональное построение производства, переработки и реализации продукции сельского хозяйства на основе комплекса взаимосвязанных мероприятий, рекомендуемых наукой и апробированных практикой. В комплекс включаются организационные, экономические, социальные, технические, технологические мероприятия, которые в условиях конкретного региона позволяют получить максимальное количество конкурентоспособной продукции при меньших затратах труда и средств.

Кластер ведения реализует комплексный подход к организации научно-инновационного процесса. В системе инновационного обеспечения региона важную роль играют выбор и реализация модели инновационного процесса, соответствующей возрастающим требованиям развития региональной экономики. В настоящее время существует несколько методических подходов к построению инновационного процесса и организации системы научного обеспечения.

Ряд авторов выделяют в модели инновационного процесса всего две укрупненные стадии: процесс создания нового продукта, готового к реализации на рынке, и процесс производства и коммерциализации нового продукта [1, с. 219]. При этом первая стадия включает фундаментальные и прикладные исследования, создание разработок с необходимыми техническими характеристиками. На второй стадии происходит освоение новшества в производстве, включая опытное производство, формирование спроса, распространение и потребление инноваций. Такое деление процесса на составные части не полностью обособляет определенные участки друг от друга, и происходит простое сложение специализированных элементов, которое отражается в обычной линейной модели инновационной цепи. Данная модель инновационного процесса предполагает прямую линейную связь и зависимость количества освоенных инноваций и роста эффективности от увеличения проводимых фундаментальных и прикладных исследований, она отражает последовательность создания и освоения научных разработок.

Положительной стороной данной модели является обоснование значения развития и поддержки фундаментальных исследований как базиса, основы всего инновационного процесса. Недостатком модели является то, что слабо учитываются влияние внешних условий и комплексные связи между отдельными звеньями, отсутствует механизм обратной связи; не принимаются во внимание идеи, появляющиеся вне данного процесса. Для устранения этих недостатков целесообразно ввести стадию системного управления и экспертного сопровождения, которая регулирует связи между вышеперечисленными этапами.

Инновационное развитие определяется двумя основными составляющими этого процесса: научными исследованиями и освоением их результатов в производстве. Такому содержанию должно соответствовать построение инновационного процесса в целом и мер по обеспечению инновационного развития АПК, включая как развитие региональных научных исследований, так и использование их результатов в производстве.

Практика показывает, что освоение единичных научно-технических достижений возможно обычными приемами, но для одновременного системного освоения нескольких научно-технических достижений необходимы четкая координация и создание условий, позволяющих обеспечить взаимосвязь между отдельными научными разработками. Особенностью представленного подхода является формирование системно-адаптивного блока, включающего организацию инновационных, финансовых и товарно-материальных потоков и учитывающего влияние региональных лимитирующих факторов. Разработка и реализация региональной системы ведения агропромышленного производства, объединяющей перспективные научные достижения, позволяют повысить конкурентоспособность предприятий АПК и обеспечить устойчивое развитие сельских территорий в современных условиях.

Научный процесс и инновационный процесс, включающий освоение научных разработок в производстве, их технологическую адаптацию, являются двумя взаимопротиворечивыми составляющими. Необходимо использовать классификацию, учитывающую характер и степень их взаимодействия [2, с. 76].

Первый класс научно-инновационного процесса характеризуется значительной противоречивостью двух его составляющих форм движения, когда происходит разрыв в едином процессе. Этот класс соответствует разовым научным разработкам и их единичному освоению в производстве, когда затрагивается незначительная часть технологического процесса и в функционирующей системе ведения происходят частичные изменения.

Второй класс системного научно-инновационного процесса характеризуется единством научного и инновационного движений, когда происходит освоение в производстве комплексов научных достижений и изменяется значительная часть технологического процесса.

Третий класс процесса создания и освоения системных научных разработок характеризуется значительной независимостью друг от друга научного и инновационного процессов, когда происходит качественный скачок в научных достижениях, позволяющий создать новые технологии, в значительной степени автономные от предшествующих технологий, когда создаётся новая система ведения АПК, включающая в себя лучшие элементы старой системы ведения.

Четвертый класс характеризуется такими качественными изменениями, когда создаются новые технологии, практически полностью независимые от предшествующих, когда новая система ведения при освоении не испытывает противодействия со стороны элементов старой системы.

В современных системах ведения агропромышленного производства в отдельных сферах производства и переработки продукции присутствуют практически все уровни организации (классы) научно-инновационного процесса, возрастают требования к его системному построению.

Первые три класса строятся преимущественно на отечественных научных разработках, отражают последовательный ход инновационного процесса, учитывают долгосрочные аспекты функционирования всех структурных формирований научно-инновационного процесса, включая научные организации. Научно-обоснованные системы, соответствующие четвертому классу, строятся на отечественных научных достижениях, но возможна реализация инновационно-практических систем с преобладанием зарубежных научных разработок. Последние не учитывают долгосрочных последствий и могут привести к необратимым изменениям в экологической системе региона.

Развитие рыночных отношений позволяет более активно осваивать иностранные научно-технические достижения, которые могут быть успешно использованы в научно-инновационном процессе всех четырех классов. При этом необходимо учитывать, что новая техника, семена, гербициды, произведенные в зарубежных странах, разработаны для других условий, включены в другие технологии, их использование должно быть оценено с точки зрения как краткосрочных, так и долгосрочных эффектов. Такая работа может быть выполнена в процессе разработки систем ведения.

В настоящий период важно повысить роль организации научного обеспечения как при разработке, так и при реализации системы ведения.

Этот методический подход получил определенную реализацию в «Системе ведения животноводства Ростовской области на 2014–2020 годы», где значительное внимание уделяется экономической эффективности инноваций, формированию системы ветеринарно-санитарных мероприятий в животноводстве региона [3]. «Зональные системы земледелия Ростовской области (на период 2013–2020гг.)» включают комплекс взаимосвязанных мероприятий, которые позволяют обеспечить стабилизацию производства растениеводческой продукции [4].

Рассматривая инновационную региональную систему ведения АПК с точки зрения развития сельского хозяйства как базовую технологию, как своеобразное технологическое ядро системы ведения, необходимо более четко структурировать комплекс частично взаимосвязанных целей, регулирующих основные системообразующие факторы:

- достижение максимального продовольственного самообеспечения региона;
- повышение эффективности агропромышленного комплекса;
- социальное развитие региона;
- решение экологических проблем.

Для повышения эффективности реализации продуктовых научных разработок и усиления экономической взаимосвязанности производственных, научных и образовательных организаций в системе регионального агропромышленного научно-инновационного кластера целесообразно создание в его структуре Центра коммерческого трансфера инноваций.

Центр трансфера в соответствии с возложенными на него задачами может выполнять следующие основные функции:

- разрабатывает рекомендации по проведению системных инновационных мероприятий и обеспечивает на их основе взаимовыгодную для всех компаний и организаций кластера реализацию перспективных научных разработок;
- обеспечивает оформление инновационных проектов в соответствии с международными стандартами;
- содействует поиску отечественных и зарубежных потенциальных потребителей инновационной продукции;
- обеспечивает защиту авторских прав исследователей-разработчиков;
- участвует в проведении переговоров и составлении договоров с потенциальными партнерами;
- разрабатывает рекламную кампанию инновационной продукции.

Создание Центра позволит оптимизировать распределение инновационных функций между отдельными участниками научно-инновационного кластера и повысить эффективность их совместной деятельности.

Особую значимость в условиях современной экономики приобретают финансовые аспекты инновационной деятельности [5, с. 13], которые достаточно весомо должны быть отражены в системе ведения агропромышленного производства.

Список литературы

1. Мильнер Б.З. Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление: монография / Б.З. Мильнер, Т.М. Орлова. – М.: НИЦ Инфра-М, 2013. – 288 с.
2. Лозинский С.Р. Управление инновационным процессом в АПК региона: Монография / Новосиб. гос аграр. ун-т; С.Р. Лозинский. – Новосибирск: ИЦ «Золотой колос», 2014. – 166 с.
3. Система ведения животноводства Ростовской области на 2014–2020 годы. – Ростов на Дону, 2013. – 498 с.
4. Зональные системы земледелия Ростовской области (на период 2013–2020 гг.): в 3-х ч. Ч. 1 / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области. – Ростов на Дону, 2012. – 236 с.
5. Коган А.Б., Новиков А.В. Генезис теории оценки эффективности реальных инвестиций // Вестник НГУЭУ. 2017. – № 2. – С. 10–18.

*Маликова О.И.*¹

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА МИРОВЫХ РЫНКАХ СЫРЬЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ²

Ключевые слова: мировые рынки сырьевых материалов, мировая торговля, промышленная политика.

Высокая степень зависимости российской экономики от конъюнктуры мировых рынков сырьевых материалов предполагает пристальное внимание к изменениям условий конкуренции на этих рынках. Внимания заслуживают, прежде всего, рынки нефти и газа, поскольку значительная часть Федерального бюджета России формируется за счет нефтегазовых доходов – налога на добычу полезных ископаемых и вывозных таможенных пошлин.

В последние десятилетия в мировой торговле наблюдаются заметные изменения. Наряду с сокращением удельного веса сырьевых товаров в структуре международной торговли изменяются пропорции в структуре спроса и предложения на товары, относящиеся к сырьевой группе. Возрастает значимость материалов, необходимых для развития высокотехнологичных производств, в частности редких и редкоземельных металлов. На рынке углеводородов, занимающих значительную долю в мировой торговле, возрастает значимость экологических факторов. Это обусловлено быстрым формированием в странах-лидерах модели «низкоуглеродной экономики», прохождением некоторыми европейскими стран (Германия, Великобритания, Франция) пика потребления углеводородов³. Важно также учитывать, что энергетические рынки оказались исключительно чувствительны к внедрению технологических инноваций.

В последние десятилетия технологические инновации оказывали на рынок углеводородов воздействие в двух направлениях:

– во-первых, внедрение новых технологий (горизонтального бурения, множественного гидроразрыва пласта, компьютерное моделирование) позволило экономически рентабельно добывать углеводороды из неконвенциональных месторождений, прежде всего сланцевых плеев. Это резко расширило объемы предложения газа и нефти на североамериканском рынке и снизило цены на газ. Одновременно развитие современных технологий в геологоразведке, в частности, 3-D сейсмоки, обеспечило открытие новых крупных месторождений газа, что также способствовало формированию избытка предложения углеводородов на мировом рынке и снижению цен на природный газ. Значительное влияние на становление современной конфигурации мирового газового рынка и изменение механизмов ценообразования, а именно перехода от системы долгосрочных экспортных газовых контрактов к биржевому ценообразованию, оказали технологии сжигания природного газа и быстрое развитие рынка СПГ;

– во-вторых, новые технологии заметно изменили характер спроса на энергоносители. Повышение энергоэффективности в промышленном и коммунальном секторе, развитие возобновляемой энергетики привели к абсолютному снижению объемов потребления в некоторых странах углеводородов и наступлению пика потребления энергоносителей. Формирование модели низкоуглеродной, «зеленой экономики» обуславливается не только новыми технологиями, но и международными инициативами. Обобщение материалов Парижской конференции по климату (2015 г.), а также конференций в Катовице (2018 г.) и Мадриде (2019 г.) позволяет сделать вывод о стабильном курсе европейских стран на снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду, уменьшение выбросов парниковых газов и сокращение потребления ископаемого топлива. Стремление основных торговых партнеров России в Европейском союзе снизить объемы потребления углеводородов, во всяком случае, уменьшить углеродоемкость национальных экономик, требует корректировки стратегии развития энергетического комплекса и учета данных факторов в макроэкономической политике.

Новые технологии не только изменяют характер спроса на сырьевые товары, но и меняют механизмы конкуренции на мировом рынке. В современных условиях конкуренция в сфере торговли сырьевыми товарами во все большей степени оказывается связанной со способностью стран добывать, транспортировать и поставлять продукцию конечным потребителям по приемлемым ценам, наиболее удобными вариантами с точки зрения сроков, объемов и надежности поставок. При этом значимым становится фактор бережного отношения к окружающей среде, восстановления нарушенных экосистем и минимального ущерба природе. Достижение этих задач, как правило, возможно только на основе лучших технологий и наиболее современного оборудования.

¹ Маликова Ольга Игоревна – д.э.н., профессор кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры государственного регулирования экономики ИГСУ РАНХиГС.

² Исследование осуществляется при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Влияние новых технологий на глобальную конкуренцию на рынках сырьевых материалов», проект № 19-010-00782.

³ Key energy statistics, 2018, IEA. – <https://www.iea.org/countries/germany>; <https://www.iea.org/countries/united-kingdom>; <https://www.iea.org/countries/france>

Однако производство современного оборудования зависит не только от новых технологий, но и от богатой сырьевой базы. Сегодня заметна высокая степень зависимости России как от новых технологий, так и от некоторых сырьевых материалов, являющихся критически необходимыми для создания высокотехнологичного оборудования. Важно отметить, что в некоторых секторах производства технологического оборудования Россия обладает большими заделами. В сфере производства технологического оборудования для проведения буровых работ, оборудования для нефтегазопереработки, сжижения природного газа в небольших объемах, производства турбин для энергетики отечественные производители могут выпускать относительно широкий спектр готовых изделий и комплектующих частей. Заметный импульс для развития энергомашиностроительной отрасли обеспечил Фонд развития промышленности. Вместе с тем ощутимо отставание в разработке и выпуске оборудования для геологоразведки, гидроразрыва пласта, производства сжиженного природного газа в больших объемах и т.д. Отечественные производители проигрывают по качественным параметрам продукции американским и европейским компаниям, а по ценовым характеристикам – компаниям из Китая. Критической является степень зависимости российского добывающего комплекса от поставок программного обеспечения из зарубежных стран.

Производство некоторых видов современного высокотехнологичного оборудования в России ограничивается не только нехваткой современных технологий и опыта их применения, но и имеющейся ресурсной базой. Во многих отраслях существует критическая, практически стопроцентная зависимость производства от поставок из-за рубежа редких и редкоземельных металлов. Столь высокая степень зависимости в перспективе может стать одним из серьезных препятствий для расширения производства высокотехнологичной продукции.

Вместе с тем, Россия располагает значительными запасами редких и редкоземельных металлов (около 13% от мировых доказанных запасов) и когда-то входила в число стран лидеров по добыче и переработке редких и редкоземельных металлов. Однако эти конкурентные преимущества были практически полностью утрачены при распаде СССР. За пределами страны оказались крупные стратегически важные месторождения редких и редкоземельных металлов. На территории Киргизии осталось Кутессайское месторождение, в Казахстане – Шевченковское, а на Украине – Желтые Воды и Малышевское. Крупные российские предприятия, специализировавшиеся на переработке редких и редкоземельных металлов, лишившись сырьевой базы, прекратили хозяйственную деятельность. Предпринимавшиеся в последние годы попытки наладить разрушенные хозяйственные связи не увенчались успехом.

Вместе с тем, несмотря на потерю стратегически важных месторождений, Россия располагает рядом перспективных месторождений редких и редкоземельных металлов. К числу крупных месторождений можно отнести: Томторское, Чуктуконское, Колмозерское, Катугинское, Белозиминское, Вишняковское и некоторые другие. Однако практически все перечисленные месторождения расположены в малоосвоенных районах со сложными природными условиями, а добыча на данных месторождениях затруднена в силу трудноизвлекаемости запасов, обусловленной комплексным характером руд. Руды наиболее крупного месторождения – Томторского характеризуются высокой радиоактивностью.

Одним из перспективных альтернативных методов организации добычи ценных полезных ископаемых на небольших или средних по размеру месторождениях могут быть концессионные механизмы. Использование концессионных схем на малых месторождениях при условии жесткого выполнения экологических норм может расширить ресурсную базу российского добывающего комплекса, а главное – обеспечить максимально комплексное извлечение ценных компонентов из природного сырья. Это позволит отодвинуть время вовлечения в хозяйственный оборот месторождений, находящихся в особо уязвимых природных комплексах. Еще одним достоинством концессионной схемы является создание условий для роста спроса на новые технологии. Именно средние по размерам компании являются наиболее комфортной средой для внедрения инноваций и предъявляют спрос на нестандартные технологические решения.

Значительное влияние на прогресс в природоэксплуатирующих отраслях оказывают цифровые технологии. Внедряются технологии анализа «больших данных». В рамках цифровой трансформации расширяется использование искусственного интеллекта, создаются цифровые двойники месторождений. Создание цифровых месторождений позволяет заметно сократить капитальные и операционные затраты и повысить эффективность использования ресурсов. Технология умного месторождения (Smart Field) базируется на идее бережного отношения к ресурсам, максимально длительного продления сроков эксплуатации месторождения. Косвенным эффектом при внедрении данной технологии становится повышение энергоэффективности проектов и снижение выбросов загрязняющих веществ, в том числе, парниковых газов. Вместе с тем, внедрение цифровых технологий влечет за собой дополнительные риски. Остро стоит проблема цифровой безопасности. Существуют проблемы, связанные с хранением информации в разных форматах и ограниченной возможности использования зарубежных интеграционных платформ и решений.

Значительное влияние на конкуренцию на рынках сырьевых материалов начинают оказывать экологические факторы. Специалисты Международного энергетического агентства (МЭА) в 2012 году и представители Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) в 2014 году показали, что накопленный будущий объем выбросов CO₂ от освоения текущих доказанных извлекаемых запасов невозобновляемых энергоресурсов может в три-четыре раза превысить верхний допустимый предел разрешенных выбросов, согласованных в 2015 году в рамках Парижского соглашения по климату (COP-21). Парижское соглашение по климату предполагало удержание глобального потепления в пределах 2°C. Следовательно, без широкомасштабного применения технологий улавливания, использования и хранения CO₂ (технологии CC(U)S – carbon capture (utilization) storage/sequestration), оказывается невозможно использовать больше трети или четверти мировых текущих доказанных извлекаемых запасов невозобновляемых энергоресурсов. То есть значительная часть доказанных извлекаемых запасов углеводородов, в поиск и разведку которых уже вложены огромные ресурсы, без широкомасштабного использования CC(U)S, окажется невозможной.

требуемой. Более того, состоявшаяся в декабре 2018 года в Катовице конференция (COP-24) установила целевым порогом повышения температуры не 2°C, а 1,5°C. Если принять за основу более жесткие ограничения COP-24, то объем превышения выбросов CO₂ от использования текущих доказанных извлекаемых запасов окажется еще выше, а конкурентная ниша для невозобновляемых энергоресурсов – еще уже.

Эти ограничения в перспективе заметно меняют мировой рынок нефти и природного газа. В современных исследованиях подчеркивается заметная трансформация подходов в отношении будущего энергетического развития страны ЕС. Первоначально доминировала жесткая позиция, предполагающая «цифровое, электрическое, возобновляемое» (digital, electrical, renewable) будущее европейского энергетического рынка. Страны ЕС планировали перейти исключительно на электроэнергию из возобновляемых источников в конечном потреблении энергоресурсов. Соответственно, после 2030 года предвещался конец газовой эры. Однако к середине текущего десятилетия стала очевидна нереалистичность подобной стратегии. С 2018 года сформировалось новое видение энергетического будущего Европы «цифровое, электрическое, возобновляемое, плюс декарбонизированные газы». В рамках нового подхода страны ЕС предполагают преобразовывать электроэнергию ВИЭ в химическую – для получения так называемого «зеленого» водорода¹.

Однако возможен третий путь и, соответственно, сохранение конкурентных позиций России на европейском энергетическом рынке. Новое видение энергетического будущего Европы расширило зону декарбонизированных газов, включив туда получение водорода из органического топлива, в первую очередь – из природного газа как наиболее экологически чистого из них. Такой водород был назван в ЕС «голубым» и до недавнего времени включал в себя и исключительно технологию парового риформинга (основной на сегодня способ получения водорода в мире) в связке с CCS, поскольку в ходе парового риформинга происходит выделение CO₂, который необходимо утилизировать. Активными сторонниками этого подхода являются норвежская компания Equinor (бывшая Statoil), нидерландская Gasunie, французская Total, англо-голландская Shell и ряд других компаний – преимущественно Северо-Западной Европы.

Одновременно в ведущейся в Европе дискуссии на тему декарбонизированных газов фактически обсуждаются плюсы и минусы только двух основных технических решений по производству водорода – электролиза и парового риформинга метана (ПРМ) с CCS/CC(U)S. Это отражает бизнес-интересы соответствующих компаний и стран. Хотя применение CCS, который является необходимым элементом технологии производства водорода на базе ПРМ, повышает стоимость производства водорода из метана в рамках данной технологии на 20–30%, а технология электролиза очевидно дорога.

Российскими специалистами обосновывается экономическая перспективность иного способа получения водорода из метана – путем прямого крекинга или аналогичной технологии (без доступа кислорода, в отличие от парового риформинга), при котором не происходит выделения CO₂, а конечными продуктами являются водород и твердый углерод. Эта технология имеет значительные конкурентные преимущества. При пиролизе метана (ПМ) и в аналогичных ему технологиях производства H₂ без доступа кислорода в качестве сырья используется природный газ. Однако на выходе получается чистый H₂ как при электролизе, но без выбросов CO₂. При этом пиролиз метана обладает почти в восемь раз более низкой энергоемкостью, чем электролиз. В современных условиях имеется опыт промышленной эксплуатации пиролиза. Однако сегодня действуют лишь пилотные установки для получения именно водорода как основного продукта методом пиролиза. Такие установки есть в Европе и в России (Томский политехнический университет). Однако требуются скорейшая коммерциализация этой технологии и начало ее широкомасштабного применения. Только в этом случае можно выйти на те объемы ее применения, при которых начинается тиражирование полученных в ходе промышленной эксплуатации усовершенствований и снижение издержек². Необходимо создание специальной среды для продвижения этой технологии в России.

Таким образом, не только для расширения присутствия на мировом рынке, но и для простого сохранения конкурентных позиций России на мировых рынках необходима всесторонняя поддержка развития технологических инноваций и создания условий для появления, развития и роста компаний, способных совершенствовать имеющиеся технологии, создавать новые наукоемкие продукты, коммерциализировать технологические инновации. Масштабную поддержку инновационно-ориентированным структурам сегодня оказывают практически все страны-лидеры³.

В текущих условиях целесообразно определение критических технологий, способных обеспечить конкурентоспособность на изменяющихся рынках, и оказание адресной поддержки организациям, располагающим перспективными разработками в приоритетной области. На наш взгляд, целесообразна долгосрочная блочная, а не только грантовая поддержка ведущих научных центров, поскольку сроки разработки новых технологий и продуктов часто измеряются более чем десятилетним периодом.

Одновременно важно создание каналов для быстрой коммерциализации и распространения новых технологий. Важно создание благоприятной среды для деятельности коммерческих компаний, осуществляющих производство готовой продукции на основе современных технологий, расширяющих экспорт высокотехнологичных товаров.

¹ Конопляник А.А. Перспективы взаимодействия РФ и ЕС в сфере декарбонизации. Есть ли возможность для расширения рынка для российского газа в Европе (ч. 1) // Нефтегазовая вертикаль. 2019. – № 13. – С. 101–105.

² Там же, (ч. 2) // Нефтегазовая вертикаль. 2019. – № 14. – С. 43–49.

³ См. подробнее: Промышленная политика в условиях новой индустриализации: монография / Андрианов К.Н. и др.; под ред. С.А. Толкачева; Финансовый ун-т при Правительстве Российской Федерации. – М.: МАКС Пресс, 2015; Гапоненко Н.В., Устенко В.С. Использование инструментария форсайта для формирования приоритетов Программы ЕС «Горизонт Европа 2014–2020» // Systems and Management. 2019. – № 3. – С. 6–26.

Мельников В.П.

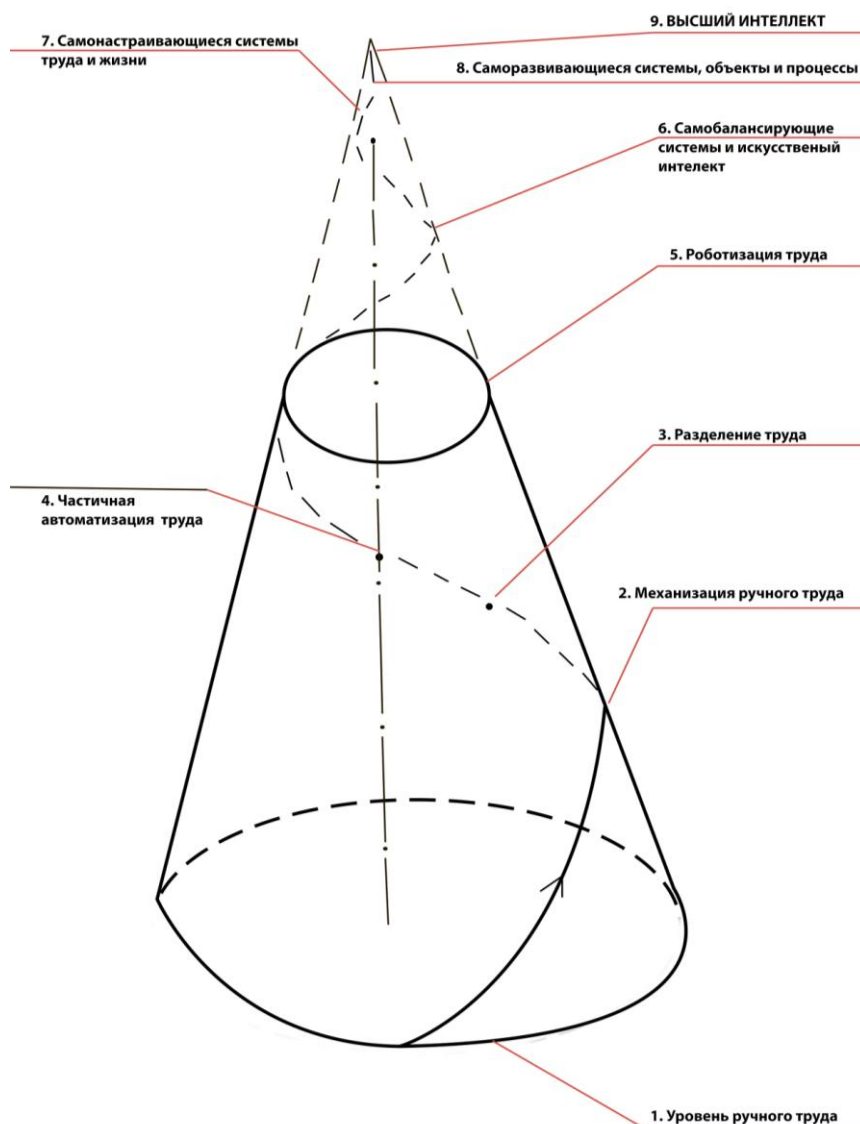
д.т.н., профессор, президент РОО АИПАН

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ТРУДА

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, технологическое развитие.

В связи с происходящей цифровизацией всех видов жизнедеятельности общества в России возникает необходимость проведения анализа терминов и понятий, возникших в понимании процесса не только управления, но и всех видов взаимодействий, которые характеризуют явления искусственного интеллекта.

Целесообразность такого анализа, в дальнейшем и синтеза, определяют исторически-сложившиеся на земле процессы технократического подхода для успешного, как сейчас можно констатировать, вселенского развития человечества. Даже духовная составляющая современного состояния человеческого разума на Земле тоже требует материалистического обоснования и представления с применением методологии научных доказательств. В качестве примера можно принять схему исторического эволюционного развития на Земле средств автоматизации деятельности человечества. (Схема многоэтапного процесса эволюционного технократического развития интеллекта человеческого труда и мышления по уровням автоматизации).

Процессы эволюционного технократического развития интеллекта

В материалистическом понимании цифровизацию можно представить как оцифрование (кодирование) объектов в виде цифр принятого в сообществе исчисления. Даже развитие цифровой вычислительной техники и ее применение является эволюционным этапом технократического подхода в вопросах авторизации управления и вычисления.

В свою очередь состояние и развитие вышеуказанных процессов в биологических и растительных структурах, включая человека, животных и растений, особенно в управлении ими, определяется нейроподобными процессами. Это привело к тому, что даже методология программирования управления в режимах непрерывного движения отходит от объективного принципа в сторону использования процессных режимов, а значит, и технические решения при управлении информационными потоками должны строиться на методологии применения нейросетевых структур.

Также необходимо учитывать, что цифровизация и нейроподобные процессы являются плодом человеческого разумного мышления, а искусственный интеллект – это очередной этап оптимизации построения технологии передачи, обработки и преобразования информационных потоков.

Мишунина Л.Н.

преподаватель Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, колледж индустрии моды и красоты
562937@mail.ru

Якубовский Ю.В.

д.т.н., профессор, профессор кафедры «Экономика предприятия» Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Владивосток
yakubovskiy.yuv@dvfu.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ НАУКОЕМКОГО ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ВУЗАМИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Ключевые слова: технологическое развитие, наукоемкий сектор, инновационный подход, модель «тройная спираль», ключевые задачи, инновационные стратегии.

Keywords: technological development, knowledge sector, innovative approach, triple helix model, innovative challenges.

Оборонно-промышленный комплекс (ОПК) – одно из основных межотраслевых образований социально-экономической системы страны, имеющее значительный научный и производственный потенциал. ОПК является высокотехнологичным, многопрофильным научно-производственным комплексом российской экономики. Однако годы перестройки и структурные преобразования во всех сферах хозяйственной жизни страны затронули и оборонно-промышленный комплекс. К 1998 году в ОПК произошел спад производства по сравнению с 1990 г. на 42% при снижении инвестиций в основной капитал на 79%. Доля военной продукции в общем объеме промышленного производства по Приморскому краю в 1990 г. составляла 68,9%, а к 2019 году уменьшилось до 25% (данные Федеральной службы государственной статистики за 1990–2019 гг.).

Сокращение объемов государственного заказа, свертывание большинства текущих и перспективных разработок, нарушение структурных связей, ухудшение финансово-экономического состояния предприятий ОПК и изменение формы собственности значительно снизили их производственный и инновационный потенциал. Это привело к необходимости поиска новых форм организации производства и управления предприятиями для адаптации к рыночным условиям.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Послании Федеральному собранию в 2013 году определил развитие Дальнего Востока национальным приоритетом на весь XXI век. Стратегическая значимость поставленной задачи определена конкурентными преимуществами, которыми обладает Дальневосточный федеральный округ (ДФФО)¹:

1. Непосредственное соседство со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), которые являются наиболее динамичной частью роста мировой экономики. На долю АТР приходится более 50% мирового ВВП и прямых иностранных инвестиций, темпы роста экономик стран АТР превышают среднемировые в 2–3 раза, что способствует увеличению совокупного спроса в этих странах на продукты российского экспорта. В условиях санкций со стороны западных стран и США расширение рынков сбыта высокотехнологичных товаров повышает устойчивость экономики. Кроме того, рынки АТР рассматриваются как перспективные для российского наукоемкого экспорта, прежде всего военной продукции, что при сокращении Государственного оборонного заказа является одним из разрешений проблемы загрузки свободных мощностей оборонных предприятий.

2. Наличие огромных запасов природных ресурсов: нефти (около 20 млрд. тонн), природного газа (более 30 трлн. куб. м), редкоземельных металлов (20% общероссийских запасов), алмазов (80% российских разведанных балансовых запасов), золота (около 5000 тонн), леса (30% общероссийских запасов), рыбы и морепродуктов (26 млн. тонн) и др. Разработка природных ресурсов Дальнего Востока и их переработка способна стать основой для развертывания в регионе новых высокодоходных производств, которые обеспечат поступление дополнительных доходов в государственный бюджет². И будут способствовать улучшению социально-экономического положения территории.

¹ Государственная национальная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 (в ред. от 30.03.2017) – <https://minvr.ru/upload/iblock/1cd.pdf>

² Ишаев В.И., Ивантер В.В., Кувалин Д.Б. Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход: монография. – М.: МАКС Пресс, 2015. – 264 с.

3. Транзитный потенциал территории. Использование транспортной системы (Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, Северного морского пути) и инфраструктуры региона позволяют сократить доставку грузов из Азии в Европу на 10–15 дней быстрее, чем традиционными маршрутами. Использование транзитного потенциала является дополнительным источником доходов в экономике страны.

Трансформация имеющихся у предприятий промышленного сектора Дальнего Востока конкурентных преимуществ в поступательное социально-экономическое развитие сдерживается объективными проблемами, существующими в ДВФО¹:

- высокие затраты в экономике региона, обусловленные более высокой заработной платой, дороговизной социальной инфраструктуры и услуг естественных монополий, что налагает ограничения на ведение активного бизнеса в дальневосточном регионе;

- низкая плотность населения и его многолетний отток, что создает дефицит трудовых ресурсов, особенно высококвалифицированных;

- значительная удаленность от внутренних рынков сбыта и высокие транспортные тарифы, что негативно сказывается на конкурентоспособности производимых товаров для российского потребителя;

- сырьевой характер экономики региона, вызванный его ориентацией на экспорт в соседние страны природных ресурсов сдерживает развитие обрабатывающих производств. В структуре экономики Дальнего Востока доля сектора «Добыча полезных ископаемых» в 2 раза выше, а сектора «Обрабатывающие производства» почти в 3 раза ниже, чем в целом в экономике России.

Чтобы разрешить имеющиеся у региона проблемы, Правительством РФ в настоящее время реализуются мероприятия по формированию новой модели развития территории Дальнего Востока, которая должна обеспечить опережающий рост социально-экономического состояния территорий. Модель опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока будет эффективна в том случае, если сформируется инвестиционно-инновационная система, которая обеспечит генерирующее положение научно-образовательных институтов, как источников новых знаний, а государство выступит гарантом успешного использования новых знаний, в целях развития бизнеса. Такая модель получила название «тройной спирали»². В данной модели виды деятельности участников взаимопересекаются. Зоны пересечения сфер, где участники (акторы) взаимодополняют друг друга, взаимодействуют и становятся центрами генерации новых инновационных технологий и новых организационно-управленческих отношений. Основным участником «тройной спирали» являются: – государство, оно создает определенную матрицу экономического поведения, определяет ограничения для хозяйствующих субъектов.

Вторым и основным участником «тройной спирали» является бизнес, который на территории Приморского края в основе представлен высокотехнологичными предприятиями оборонно-промышленного комплекса. Они обладают передовыми технологиями, высокими инновационными возможностями, производят высокую добавленную стоимость, имеют достаточно высокий потенциал, обеспечивающий трансферт научно-технологических знаний. Особенностью этих предприятий является наличие мобилизационных мощностей, которые вполне могут быть использованы для производства наукоемкой гражданской продукции.

Третий участник – наука, которая осуществляется в стенах высших учебных заведений и в научно-исследовательских институтах или в институтах Академии наук.

В Приморском крае созданы все необходимые условия для прорыва в будущее. На территории Приморского края организован в 2009 г. Дальневосточный федеральный университет – один из 11 федеральных университетов, это уникальный инновационный научно-образовательный комплекс призван обеспечивать регион высококвалифицированными кадрами, развивать инновационную экономику Приморья и всего Дальневосточного региона Российской Федерации, а также осуществлять сотрудничество со странами АТР. В Приморском крае активно работают современные институты развития: «Агентство по привлечению инвестиций в Приморский край», открыто представительство федерального Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов. Кроме того, здесь реализуются Национальная и региональная предпринимательские инициативы, реализуется Инвестиционный стандарт, и внедряются лучшие региональные практики по привлечению инвестиций. Во Владивостоке работают представительства РФПИ и Фонда развития Востока России. В Приморском крае 27 научно-исследовательских институтов, в том числе Дальневосточное отделение Российской академии наук³.

Приморский край исторически сложился как крупнейший военно-технический центр России, в котором размещены все основные отрасли оборонной промышленности. На территории округа действуют более 30 крупных и средних промышленных и научных предприятий ОПК, многие из которых имеют общегосударственное значение и уникальный производственный приоритет.

В округе представлены практически все направления оборонного комплекса – судоремонтная и судостроительная промышленность, авиационная, электронная, радиопромышленность, средств связи и вооружения, ремонт и техническое обслуживание ракетного вооружения и другие (табл. 1).

¹ Государственная национальная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 (в ред. от 30.03.2017) – <https://minvr.ru/upload/iblock/1cd.pdf>

² Дежина И.Г., Киселева В.В. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. – М.: ИЭПП, 2008. – 227 с.

³ Карастелев Б.Я., Малиновская Ю.А., Якубовский Ю.В. Инновационный подход к технологическому развитию деревообрабатывающих предприятий на основе интеграции с университетом: монография / М-во образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный ун-т. – Владивосток, 2016. – 163 с.

Осуществляемое Правительством РФ снижение оборонного заказа на 30–50% к 2016 году предполагает осуществление предприятиями диверсификации и встраивание их в систему опережающего научно-технического развития.

Таблица 1

Классификация предприятий ОПК по видам деятельности

№ п/п	Отрасль промышленности	Кол-во предприятий, ед.
1.	Авиационная	3
2.	Обычных вооружений	4
3.	Судостроительная (машиностроение и приборостроение)	17
4.	Радиопромышленность	2
5.	Строительная	2
6.	Другие	2
	Итого:	30

Источник: Мишунина Л.Н., Карастелев Б.Я., Хамазина А., Якубовский Ю.В. Взаимодействие сектора образования и предприятий оборонно-промышленного комплекса в целях инновационного развития хозяйствующих субъектов и территории (на примере Приморского края) // Экономика и предпринимательство. 2018. – № 4, ч. 1. – С. 377. – www.intereconom.com

Партнерство, основанное на взаимодействии трех динамически развивающихся обособленных систем, – *государство, предприятия ОПК, институты ДВО РАН и университет* обеспечивает устойчивое развитие экономики в целом. Схема воздействия подходов к развитию инновационной деятельности высокотехнологичного сектора производства во взаимодействии с наукой и высшим образованием представлена на рис. 1.

Развертывание и внедрение такой модели на свободных от оборонного заказа мощностях в хозяйственную деятельность предприятий ОПК для разработки и создания новой высокотехнологичной продукции гражданского назначения (ГН), позволит увеличить валовой региональный продукт, снизить предпринимательские риски внедрения в производство высокотехнологичной продукции гражданского назначения, упростить процедуры получения финансирования со стороны коммерческих банков и региональных бюджетов, повысить уровень занятости активной части населения.

Источник: Мишунина Л.Н., Карастелев Б.Я., Хамазина А., Якубовский Ю.В. Взаимодействие сектора образования и предприятий оборонно-промышленного комплекса в целях инновационного развития хозяйствующих субъектов и территории (на примере Приморского края) // Экономика и предпринимательство. 2018. – № 4, ч. 1 – С. 377. www.intereconom.com

Рисунок 1.

Формализованная схема воздействия подходов к развитию инновационной деятельности высокотехнологичного сектора производства во взаимодействии с наукой и университетами

Внедрение вышеуказанной модели в хозяйственную деятельность предприятий промышленной сферы хозяйствования позволит эффективно развивать традиционные отрасли. В Приморском крае их достаточное количество, основополагающие: горнодобывающая и обогатительная отрасль, лесопромышленный, деревообрабатывающая, рыбопромышленный, сельскохозяйственный комплекс. Основной перечень отраслей представлен в табл. 2.

Предприятия с высокотехнологичным процессом производства, имеющие не загруженные производственные мощности, вполне могут освоить новые рынки сбыта гражданской продукции. Свободные земельные площади, имеющиеся в собственности этих предприятий, должны быть ориентированы не на сдачу их в аренду, а на создание и продвижение гражданской продукции. Поэтому следует перейти на новую стратегию технологического развития, нивелирующую негативные территориальные и отраслевые факторы. К составляющим этой стратегии предлагается отнести:

Объем промышленной продукции Приморского края в разрезе отраслей 2018 г.

	Наименование	Объем промышленной продукции, млн. руб.	Структура промышленного произ- водства, %
1.	Промышленность всего -	21 469,3	100,0
2.	В том числе:		
3.	Электроэнергетика	5436,5	25,3
4.	Топливная	3,8	0
5.	Черная металлургия	61,1	0,3
6.	Цветная металлургия	155,1	0,7
7.	Химическая	82,4	0,4
8.	Машиностроение и Металлообработка	4062,8	18,9
9.	Лесная и деревообрабатывающая	337,1	1,6
10.	Промышленность строительных материалов	753,0	3,5
11.	Фарфорофаянсовая	0,9	0,03
12.	Легкая	61,4	0,3
13.	Пищевая	9787,5	45,6
14.	Мукомольно-крупяная	4,2	0
15.	Медицинская	32,4	0,2
16.	Полиграфическая	495,0	2,3
17.	И другие	196,1	0,6

Источник: Мишунина Л.Н., Карастелев Б.Я., Хамазина А., Якубовский Ю.В. Взаимодействие сектора образования и предприятий оборонно-промышленного комплекса в целях инновационного развития хозяйствующих субъектов и территории (на примере Приморского края) // Экономика и предпринимательство. 2018. – № 4, ч. 1. – С. 377. – www.intereconom.com

- 1) внедрение в производство гражданской продукции с высоким экспортным потенциалом, особенно на рынках Азиатско-Тихоокеанского региона, увеличение доли гражданского производства;
- 2) переход производственной системы на технологии 5-6 технологического уклада;
- 3) построение совместно с научными и образовательными территориальными организациями инновационной системы научных исследований и подготовки кадров для нужд высокотехнологического производства;
- 4) осуществление совместных проектов по привлечению дополнительных инвестиций и необходимых компетенций.

Взгляд в будущее через реальное настоящее: освоение круглогодичного арктического транспортного маршрута, а это значит необходимо обеспечить строительство в Приморье крупного судостроительного комплекса по производству судо-ледового плавания различного назначения (г. Большой Камень) с водоизмещением более 60 тысяч тонн. Создание соответствующей производственной инфраструктуры, включая металлургическую базу. Выполнение принятого решения будет способствовать динамическому развитию Приморского края. Кроме этого можно ожидать роста торгового оборота между РФ и КНР. Одновременно должен увеличиваться вылов и переработка рыбных ресурсов с арктической транспортировкой продукции в европейскую часть РФ. Также в крае закладывается «морское огорождение», которое имеет большие перспективы в виду неограниченности рынков сбыта продукции морских гидробионтов в Китае и, возможно, в Корею и юго-восточную часть Азии. Последнее предполагает необходимость создания целой отрасли производства специального морского транспорта, рабочих технологических платформ и различных аппаратов (в том числе беспилотных), обеспечивающих технологические процессы в морской среде. В принципе следует рассматривать создание нового для края вида деятельности по освоению и разведению морских гидробионтов в прибрежной и морской среде открытых акваторий в пределах территориальных вод. Высокая пищевая ценность таких видов морепродуктов предполагает и высокий спрос на эту продукцию в странах Юго-восточной Азии, что укладывается в понимание необходимости реализации новой инвестиционно-инновационной системы для осуществления такого проекта.

Никонова А.А.
к.э.н., в.н.с. ЦЭМИРАН

ГОТОВНОСТЬ К ИННОВАЦИЯМ В НЕСТАЦИОНАРНОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

Ключевые слова: наука; технологии; государство; бизнес; социум; интересы.
Keywords: science; technology; government; business; society; interest.

Задачи и исследования

Непосредственно в создании инноваций участвуют несколько групп экономических агентов, ключевые из них: 1) генераторы идей, исследователи, изобретатели, разработчики технологий; 2) предприниматели и инвесторы, осуществляющие внедрение и распространение инноваций, коммерциализацию изобретений, диффузию и трансфер новых технологий; 3) государство, которое регулирует инновационные процессы, координирует инновационную деятельность, задает правила игры; 4) пользователи, потребители инноваций, которые предъявляют спрос на характеристики новых товаров, услуг, технологий и которые начинают играть всё большую роль в механизмах обратных связей инновационных моделей, делают её нелинейной. Цель исследования – оценить степень готовности экономических агентов к исполнению ими функций в инновационной системе. Под термином «готовность» будем понимать возможность, способность и желание (стремление) на своем месте в экономике в существующих условиях осуществлять не обязательно прорывные инновации, но то, что способствует технологической модернизации экономической системы.

Методология и методика исследования

Разнообразие характеристик участников затрудняет решение этой задачи. Каждая из групп участников отличается многообразием характеристик, в разной степени значимых для осуществления инноваций и по-разному заинтересована в результатах. Кроме того, за каждой из групп участников инноваций «стоит» несколько других групп агентов, связанных с ними «по жизни» и роли в социально-экономической системе. К примеру, изобретатели являются выпускниками школ, университетов, аспирантур и вместе с этим членами определенных семей и социальных сообществ. Про инвесторов или предпринимателей можно сказать то же самое, однако системный подход предполагает выделять системы по существенным признакам. В системном понимании для инвесторов и предпринимателей как участников инноваций более важны связи с бизнесом, производственными и кредитно-финансовыми системами.

Системная экономическая теория рассматривает мир, национальную экономику как систему, в которой можно выделить несколько подсистем. Таким образом, проблема разнообразия в задаче анализе разнокачественных характеристик акторов может быть разрешена в результате исследования принадлежности их к определенной системе, объединяющей элементы по значимым для исследования признакам (иногда именуемой как кластеризация).

Согласно системной экономической теории, указанные выше группы агентов могут быть представлены в виде четырех подсистем в социально-экономической системе (СЭС)²: 1) научно-технологический сектор – когнитивная и производственная подсистема как процесс создания технологий; 2) бизнес (в т.ч. финансовый), осуществляющий инновации; 3) государство как регулятор инновационной деятельности; 4) социокультурная среда.

В таком представлении задача сводится к анализу четырех подсистем СЭС и ответу на вопрос, в какой степени каждая из них может быть действующим лицом перемен и что требуется для того, чтобы быть активным участником создания и продвижения инноваций. Эти вопросы входят в предмет исследования. Результаты представлены ниже. Все подсистемы СЭС тесно связаны между собой. Можно утверждать, что готовность к инновациям зависит также от качества взаимодействий. Поэтому другая часть задачи состоит в том, чтобы понять, насколько существующие взаимодействия ключевых секторов способствуют или, напротив, препятствуют инновационным процессам. Проблемы системных связей рассмотрены во второй части статьи менее подробно ввиду ограниченного объема статьи. Для анализа использованы современные данные официальной статистики, ведомственной и корпоративной отчетности, авторитетных международных организаций, результаты и выводы ведущих российских и зарубежных ученых, специалистов, экспертов.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-010-01028«а» «Методология и инструментарий стратегирования технологических изменений экономических систем разного уровня иерархии с учетом требований индустрии 4.0 к нестационарной российской экономике».

² Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 1. – С. 117–138.

Анализ подсистем

«Стратегия научно-технологического развития РФ», принятая 01.12.2016, содержит немного конкретных количественно выраженных показателей, но она задает сценарий опережающего развития и намечает серьезные прорывы по ряду передовых направлений в сфере технологий. Попытаемся понять, какими силами они могут быть осуществлены.

Когнитивные факторы являются ведущими в современной экономике знаний, они существенно влияют на производительность, конкурентоспособность, качество продукта, рост высокотехнологичных производств, получение эффекта от передовых компьютерных технологий. Для того чтобы изобретения стали инновациями, вклад научного сектора должен быть подхвачен и абсорбирован другими секторами СЭС. Для России значительную проблему составляет не столько создание знаний (по этому индикатору мы занимаем 30 место из 127), сколько применение знаний в экономике в виде новых способов производства, организации, маркетинга, производства новых продуктов и услуг. В рейтинге влияния знаний на экономику Россия в нижней половине списка: на 77 месте из 129 стран¹. Такое положение РФ обусловлено проблемами как в ключевых подсистемах СЭС, о которых шла речь выше, так и во взаимодействиях между ними. Рассмотрим возможности и ограничения для создания и распространения инноваций, имеющиеся в каждой из подсистем.

Наука и технологическая база экономики

В целях исследования четыре подсистемы выделены как научная абстракция в виде секторов СЭС, каждый из которых играет свою роль в инновационной системе. Когнитивная подсистема рассматривается как генератор знаний, фундаментальных и прикладных разработок, которые обусловлены в большой степени влиянием других подсистем. Так, научный сектор тесно связан с социальной подсистемой, которая представляет собой среду обитания человека в обществе, где он находится на протяжении всей жизни. В данном случае внимание сфокусировано на оценке входных и результативных, выходных характеристик научно-технологической подсистемы с точки зрения возможности и способности создавать знания и технологии.

В России высокий процент выпускников вузов в области естественных наук и инженерии (31%, 10 место), однако не все находят применение в стране: утечка «умов» высокая. Россия на 33 месте и по количеству исследователей (2 852 чел. на 1 млн. чел. населения), и по размеру внутренних затрат на НИОКР в расчете к ВВП²; однако динамика отрицательная в отличие от мировых инновационных трендов.

По показателям уровня патентной активности в 2018 г. позиции РФ по-прежнему сильные, несмотря на некоторое снижение: 11 место по абсолютному количеству заявок на изобретения; 3 – на полезные модели; 7 – на регистрацию торговых марок; на 19 – по заявкам промышленного дизайна³. Что это дает экономике?

В 2014–2015 гг. прирост высокотехнологичных рабочих мест был сильно отрицательным. За 5 лет вклад высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП не вырос: 21,6% в 2014 г.; 21,6% в 2019 г.⁴ По доле высоко- и средневысокотехнологичного выпуска в обрабатывающем производстве РФ на 43 месте, высокотехнологичного экспорта во внешне-торговом обороте – на 49; по созданию неосязаемых активов – на 71, современных моделей бизнеса – на 91⁵.

Это говорит о том, что наука пока ещё может что-то предложить экономике, но промышленность не вполне подхватывает результаты НИОКР. Есть несколько причин.

Технологическая база экономики не готова принять инновации в силу старых форм организации и способов производства, высокой степени износа фондов, сетей, инфраструктуры, превышения ими нормативных сроков службы. По данным Росстата, степень износа основных фондов растет, на конец 2018 г. она составила в обрабатывающей промышленности 50,6%; в добыче 55,6%; в научно-технической деятельности (включая НИИ и проектные институты) 42,5%⁶. Коэффициент обновления составил 4,7 в 2018 г.; в обработке 5,7 (6,9 в 2008 г.); в добыче вырос до 8,8, но этого мало, учитывая масштабность и глубину износа⁷. Такими темпами может осуществляться, в основном, простая замена выбытия физического износа, но не системная модернизация технологической базы.

Бизнес

Индекс производства в высокотехнологичном обрабатывающем секторе составил 95,1% в 2018 г.; 95,9% в 2019 г.⁸ Попытки вырастить национальных чемпионов в сфере новых технологий не приводят к успеху. Бизнес не слишком стремится экспериментировать с новыми технологиями. В составе многих компаний значительная часть и с-

¹ The Global Innovation Index 2019. – Ithaca; Fontainebleau; Geneva: Cornell University; INSEAD; WIPO, 2019. – P. 317. – https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf

² Ibid.

³ WIPO: World Intellectual Property Indicators 2019. – Geneva: World Intellectual Property Organization, 2019. – https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2019.pdf

⁴ Официальная статистика: Эффективность экономики России / Росстат. Офф. веб-сайт. 03.02.2020. – <https://gks.ru/folder/11186>

⁵ The Global Innovation Index 2019. – P. 317.

⁶ Офф. статистика: Эффективность экономики. 25.11.2019.

⁷ Там же.

⁸ Официальная статистика: Технологическое развитие отраслей экономики / Росстат. Офф. веб-сайт. 27.01.2020. – <https://gks.ru/folder/11189>

следователей. Однако даже крупные российские корпорации малозаметны в сфере НИОКР на фоне мировых гигантов высокого технологического уровня: средние *расходы на НИОКР* трех крупнейших наших компаний составляют 42,3 млн. долл., 40 место (2018)¹, учитывая весомую роль государственных затрат в корпорациях, ведущих в сфере НИОКР, таких как «Росатом». Институциональная среда не способствует вовлечению компаний в инновации и пониманию необходимости инновационных затрат. «Частные корпорации должны приучиться к тому, что 3–5% их валового дохода должно направляться в исследования и разработки. Необходимо разработать соответствующие налоговые инструменты, но главное – это понимание руководителями частного бизнеса, что без этого они просто не будут восприниматься на глобальном рынке в качестве равных участников»². Несмотря на стратегические решения привести соотношение государства и частного бизнеса к равной пропорции во внутренних затратах на НИОКР, частный сектор занимает всего 30% в таких расходах; иностранные источники – 2,6%³.

Критически не достаёт *венчурного капитала*, важного на стадии коммерциализации изобретений. По количеству венчурных сделок в расчете к ВВП РФ на 77 позиции⁴.

Удельный вес *малого и среднего бизнеса* в объёме ВВП снизился в 2018 до 20,2% (22% в 2017 г.)⁵. Он не делает погоды на инновационном поле. Налогообложение и институты защиты интеллектуальной собственности не побуждают к созданию стартапов и расширению. Взаимоотношения между малым и крупным бизнесом не урегулированы, между наукой и промышленностью – носят неупорядоченный и нестабильный характер, в то время как сотрудничество сторон в инновационной деятельности является одним из ключевых факторов инновационного развития.

Объём теневой экономики в РФ оценивается в размере 44,7% ВВП (2018), включая «серую» зарплату, укрывание части прибыли, занижение численности сотрудников. Размеры взяток оцениваются в размере четверти доходов компаний, «откаты» – в размере пятой части контракта на госзакупки. Коррупция, затрагивающая более трети компаний, объясняется их недовольством системой налогообложения и законодательными нормами. Для малого бизнеса это способ устоять в конкуренции с крупными фирмами. Неотвратимость наказаний сдерживает коррупцию⁶.

Государственные структуры

Российское правительство на 76 месте из 129 стран по оценке эффективности его работы; на 111 – по оценке соблюдения законности; на 103 – по оценке качества макрорегулирования⁷. Невысокую способность можно отнести также к научно-технической политике. По результатам аудита в конце 2019 г., низкое качество госуправления отмечено Счетной палатой РФ как основной фактор неисполнения правительственных решений федеральными организациями исполнительной власти, в т.ч. в сфере инноваций. Палата находит, что финансирование науки недостаточно для реализации прорывного технологического развития.

В течение последних шести лет власть изменила отношение к способам получения технологий в научно-технологической политике. Ранее, до 2013 г. это были приоритеты и сигналы от руководства страны, ориентирующие на прорывные технологии как основу технологической безопасности: «Продавая новейшие технологические разработки, фирма-поставщик, как правило, стремится оставить за собой все сколько-нибудь сложные элементы обслуживания оборудования и технологических процессов. Покупатель, таким образом, попадает не только в технологическую, но и в экономическую зависимость от поставщика. Если какая-то страна оказывается аутсайдером в передовых технологических решениях, она несет постоянные экономические потери. Даже если на ее территории расположены сборочные производства – львиная доля прибыли уходит туда, где расположены головные офисы, лаборатории и конструкторские бюро»⁸. Теперь, в 2019-2020 гг., народ, молодежь ориентируют на выжидание удобного момента для покупки технологий «подешевле» или «цап-царап»⁹. (Речь шла о сланцевых технологиях, но важен принцип действий имитаторов.) В целом, частая смена приоритетов и вектора движения характерна для управляющей системы.

Правительство улучшает условия для предпринимательства, но фактически не столько для инновационного, сколько для крупного и сырьевого бизнеса. Есть полезная программа поддержки малых и средних не сырьевых предприятий, экспортирующих высокотехнологичные продукты и услуги в режиме «одного окна» при помощи ВТБ, ЭКСАР, РЭЦ. Однако охват небольшой части предприятий не может кардинально повлиять на создание высокотехнологичных производств в масштабах страны.

¹ The Global Innovation Index 2019. P. 317.

² Владимир Путин: «Нам нужна новая экономика» // Ведомости. 30.01.2012. – https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah

³ The Global Innovation Index 2019. P. 317.

⁴ Ibid.

⁵ Официальная статистика: Национальные счета / Росстат. Офф. веб-сайт. – <https://www.gks.ru/accounts>

⁶ Исследование: доля теневого сектора экономики России составляет около 45% ВВП // Новые известия. 02.02.2020. – https://newizv.ru/article/general/02-02-2020/issledovanie-dolya-tenevogo-sektora-ekonomiki-rossii-sostavlyayet-okolo-45-vvp?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

⁷ The Global Innovation Index 2019. P. 317.

⁸ Владимир Путин: «Нам нужна новая экономика». Ведомости. 30.01.2012. – https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah

⁹ Путин В.В. Стенограмма выступления Владимира Путина на инвестиционном форуме «Россия зовёт!». 20.11.2019. Офф. веб-сайт Президента РФ. – <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystupleniya-vladimira-putina-na-investicionnom-forume-rossija-zovet-20-11-2019.html>

Социальная среда

Для создания и применения новых знаний и технологий требуется подходящая общественная среда. Инновации – это всегда рискованно и дорого. Значит, необходим общественный консенсус, предполагающий мобилизацию усилий всех акторов, прямо или косвенно участвующих в обновлении экономики. Значительные проблемы внутри социальной подсистемы существенно ограничивают возможность мобилизации социальных сил для реализации стратегии научно-технологического развития. Одним из наиболее вопиющих барьеров к человеческому развитию является «самовоспроизводящаяся бедность» в результате того, что «экономику поставили выше социальной сферы»¹. Причем феномен России состоит в том, что у нас наблюдается и бедность работающего населения. Критический разрыв в доходах между 10% богатых и 10% самых бедных, 15,6, грозит усилением протестного настроения общества, сдерживает мотивации и возможности населения в полной мере включиться в экономический рост и стратегии развития². **Реальные доходы** падают несколько лет подряд. Средняя номинальная заработная плата заметно упала в 2015 г. в изменении по курсу валюты (рис. 1); реальный уровень примерно на треть ниже с учетом снижения покупательной способности доллара. Особенно ограничены в средствах семьи с детьми. Как правило, это молодые перспективные кадры, нужные инновационной экономике.

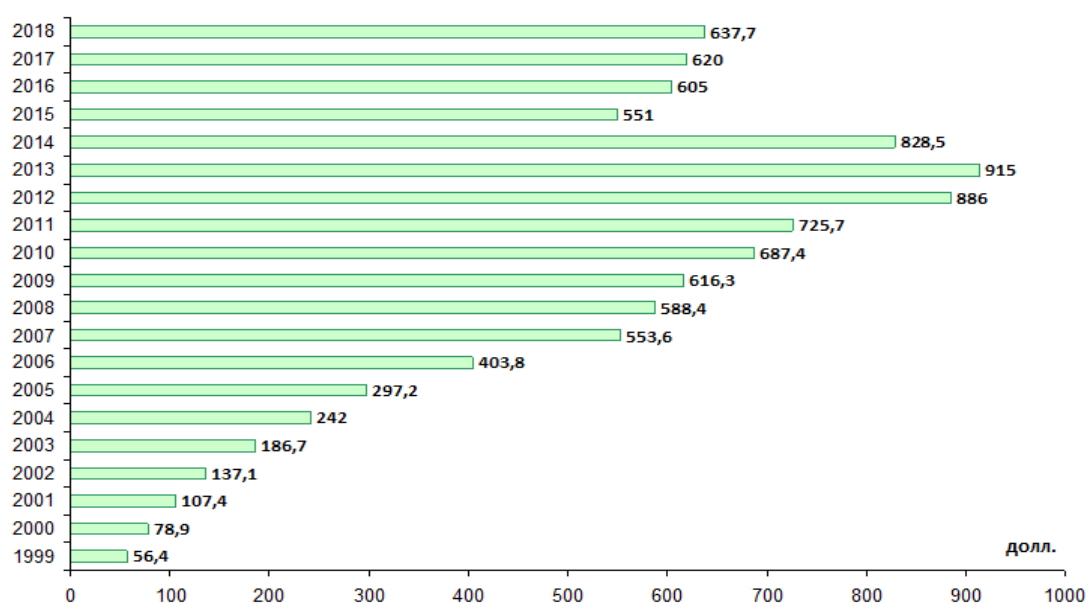

Рисунок 1.
Номинальная среднемесячная зарплата в России (долл.). Источник: FINCAN³

В такой ситуации большая часть занятых вынуждена уходить «в тень». По результатам опроса, проведенного РАНХиГС, позитивное отношение к теневой форме занятости растет: 50,8% респондентов в 2017 г.; 72,9% в 2019 г. Основными мотивами, которые могут побудить трудиться официально и выплачивать все налоги, названы следующие факторы: снижение величины налоговых выплат (45,1% респондентов), страх наказания (31,5%), обеспечение **равенства** всех групп граждан перед законом (30%). Каждый второй респондент отметил **несправедливость** осуществляемой налоговой политики. Это связано с размерами налоговых выплат и применением плоской шкалы⁴.

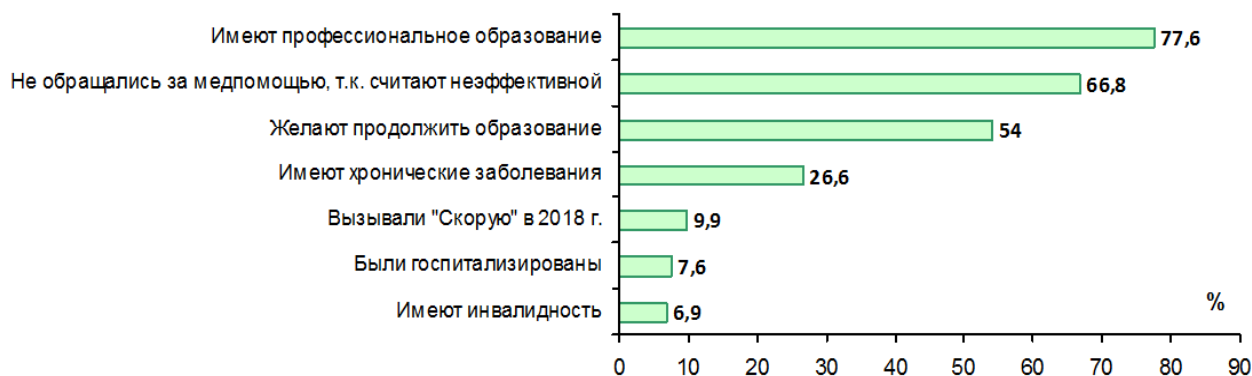
По данным официальной статистики, социальный профиль россиян и качества жизни отличаются противоречием между уровнем образованности и условиями существования людей (рис. 2). Низкое побуждение к продолжению образования ожидаемо в ситуации снижения реальных доходов и престижности профессий ученого, педагога, инженера.

¹ Львов Д.С. Нравственная экономика. – М.: Ин-т экономических стратегий, 2004.

² Лившиц В.Н. Бедность и неравенство денежных доходов населения в России и за рубежом; системный анализ некоторых важнейших фрагментов проблемы. – М.: ИЭ РАН, 2018.

³ FINCAN. – http://fincan.ru/articles/49_srednyaja-zarplata-v-rossii-po-godam

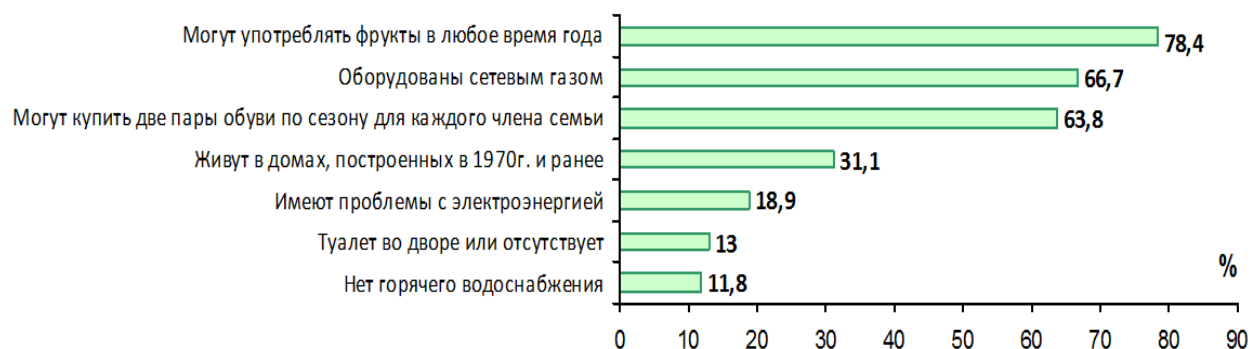
⁴ Сорокин Д. Исследование: почти треть россиян участвует в «теневом» рынке труда / ТАСС. 15.10.2019. – <https://tass.ru/ekonomika/7001847>

Источник: построено по данным Росстата¹

Рисунок 2.
Характеристики населения РФ (% к количеству населения)

Низкое качество жизни россиян проявляется в характеристиках домохозяйств (рис. 3). В них явно выражены признаки бедности и технической необустроенности жилья.

Источник: построено по данным Росстата²

Рисунок 3.
Характеристики домохозяйств в РФ (в % к количеству домохозяйств)

Обсуждение

Заинтересованность субъектов и проблемы финансирования инноваций

Чрезвычайно больной для России вопрос – качество управления финансовыми потоками в национальных интересах научно-технологического развития страны – связан с финансированием затрат на НИОКР и внедрения изобретений. На поверку ни один экономический агент не заинтересован в решении второй части проблемы – в мобилизации средств на эти цели – опасаясь снижения доходов и понимая по каким неписанным законам могут меняться в реалиях направления финансовых потоков.

Внутренние расходы на НИОКР составили 1,0% от ВВП в 2018 г.³, в 2–3 раза ниже, чем в развитых странах (вопреки запланированным 1,7% к 2020 г.). Тратить больше мешает несколько трудно устранимых (в данных институциональных рамках) обстоятельств: громадные социальные обязательства (которые не спешат исполнять), неполучение бюджетом доходов от теневой экономики; расходы на оборону (не обсуждая целесообразность этой статьи расходов); неэффективное (читай – коррумпированное) расходование средств на крупномасштабные инфраструктурные проекты. Государство способно изменить правила игры, но меняет их в части, которая мало затрагивает рост источников финансирования науки и передовых технологий.

Вопрос *заинтересованности госструктур в инновациях* остается открытым. Налицо карьерные устремления и непомерные вознаграждения высших чинов управления. Помимо того, что смена правительства это всегда рост неопределенности в нашей не без того нестационарной экономике, неизвестны истинные ценности и намерения новых членов правительства РФ.

Жизнь российской экономики и общества зависит в большой степени от нефтегазовых доходов. Они составляют весомую часть бюджета страны, следовательно, трансфертных платежей. Колебания энергетических рынков влияют на неопределенность внутренней ситуации. В таком случае рост вложений в инновации с рисками и долгими сроками отдачи означает сокращение социальных программ. Учитывая тот факт, что бюджетные средства доминируют в

¹ Вольная экономика в цифрах // Вольная экономика. – М., 2019. – №10. – С. 12.

² Вольная экономика в цифрах. – М., 2019. – С. 13.

³ Целевые индикаторы реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года / Росстат. – <https://www.gks.ru/folder/14477>

структуре внутренних затрат на НИОКР, по данным Росстата, 64,3% в 2018 г.¹ и поэтому конкурируют с социальными программами.

Бизнес не спешит вкладываться в НИОКР; его можно понять: нестабильность экономики, непредсказуемость условий для ведения дел и отношения к собственности, в т.ч. интеллектуальной. Уходят в «тень»: по результатам расчетов ученых Стокгольмской школы экономики, более всего в тени функционирует строительство и торговля; в 2018 г. в РФ в целом занижение величины доходов от осуществления предпринимательской деятельности составило 33,8% от фактической прибыли². Это ведет к сокращению налогооблагаемой базы, значит, к снижению потенциальных госзатрат на социальную сферу и экономику знаний.

Характерная для России высокая концентрация крупного бизнеса позволяет ему извлекать монопольные доходы, этого достаточно для упрочения положения на рынке. Что касается вложений в НИОКР, крупному бизнесу и без того хорошо. В случае нужды, технологии можно купить, хотя санкции ограничили такую возможность. Мелкому и среднему бизнесу заниматься НИОКР не по силам, учитывая требуемый размах сотрудничества и нерешенные институционально проблемы «безбилетника», чрезвычайно острые на монополизированном рынке. К тому же инновационные риски особенно высоки в нестационарной экономике, а компенсационные механизмы отсутствуют. Как результат, затраты на технологические инновации в расчете к объему отгруженной продукции почти не растут и колеблются по годам. Расходы на НИОКР госкорпораций, «Росатома», «Ростеха», сопоставимы с крупными иностранными компаниями, правда, здесь участвует государство, хотя и не бюджетные средства, и получены предпринимательским путем.

Под влиянием эффекта ассоциативного сознания *большинство населения* отождествляют энергетический сектор экономики и естественные монополии со сверхдоходами олигархии, с получением ренты от всенародной собственности, которые присвоены путем «прихватазации». К тому же, структурная инвестиционная политика ориентирована на энергетические отрасли, но не на возведение жилья, больниц, некоммерческих социальных объектов. Поэтому любые инновационные инициативы и масштабные инвестиционные проекты в ТЭК и крупном бизнесе, требующие государственных вложений, воспринимаются населением ревностно, как урезание своей доли бюджетного пирога.

Исследовательский сектор рад бы трудиться «за идею», т.е. почти даром, но выдавать «на гора» столько статей, сколько требуют, ученым не по силам. Мотивации завязаны на формальные признаки результативности, поэтому система стимулов мало способствует разработкам передового уровня. За период 2010–2018 гг. удельный показатель изобретательской активности, в расчете к населению, снизился почти на четверть³. Действующие правила госфинансирования науки открывают дорогу «грантоедом», если финансируются обещания, но не результат. Дело в том, что **оценка научного труда** и его продукта является существенным проблемным фактором мотивации исследователей. Другим ограничением для исследований является слабая оснащенность лабораторий современным оборудованием и расходными материалами, на закупку которых ученым предложено зарабатывать научным трудом. Это сдерживает получение результатов: оборудование старое, реактивов не достаточно, размещение уплотняется, отчетность бюрократизируется. Уважение к профессии ученого падает. Важный фактор технологического прорыва – поисковые исследования – не в почете, финансирование зависит от указания на конкретные ожидаемые эффекты, но их трудно предугадать. В таких условиях создать передовые технологии затруднительно.

Вследствие реформ РАН лишилась права управлять фундаментальными исследованиями, Академию наук низвели до экспертного органа, подчиненного чиновникам. В существующих организационных и институциональных условиях для науки практически невозможно извлекать доходы из результатов исследовательской деятельности, особенно, если речь идет о фундаментальной науке, но власти это требуют. Порядок финансирования исследовательских организаций плохо способствует заинтересованности в серьезных разработках, характеризующихся отложенным получением эффекта.

Отношение крупного бизнеса, государственных институтов к социуму

Решения власти и экономическая политика, проводимая под влиянием олигархических элит, направлены диаметрально в противоположном направлении, нежели это требуется для поддержки творческой активности, социальной среды, креативного участия граждан в решении задач научно-технологической стратегии. Люди болезненно воспринимают пренебрежение их требованиями со стороны сильных мира сего. На это указывают решения правителей РФ *не в пользу укрепления науки, социума, малого бизнеса*:

- назначение нищенских пенсий для простых граждан, но миллионных зарплат и «золотых парашютов» для себя и своих приближенных;
- проведение через депутатов законов, по которым увеличен пенсионный возраст;
- прекращение индексации пенсий работающим пенсионерам;
- установление мизерного МРОТ;
- заложение 67% налогов и акцизов в цены на бензин;
- повышение НДС с последующим удорожанием всех товаров;

¹ Целевые индикаторы реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года / Росстат. – <https://www.gks.ru/folder/14477>

² Исследование: доля теневого сектора экономики России составляет около 45% ВВП // Новые известия. 02.02.2020. – https://newizv.ru/article/general/02-02-2020/issledovanie-dolya-tenevogo-sektora-ekonomiki-rossii-sostavlyayet-okolo-45-vvp?utm_source=xnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

³ Офиц. статистика: Эффективность экономики. 01.07.2019.

- удушение налогами малых предприятий;
- введение с 2001 г. плоской шкалы налогов¹;
- поставки электроэнергии в КНР по цене много ниже внутренних цен для населения;
- отказ отчислять большую часть из доходов от природной ренты гражданам страны.

В результате геноцида социума, народ болен не только морально, но и физически. По продолжительности жизни РФ позади большинства стран, однако, низкий уровень здравоохранения плюс «оптимизация» больниц, медпунктов на селе ведут к росту заболеваемости и недоверия к российской медицине.

Приведем реакцию народа как красноречивую характеристику *настроения общества* и предпринимателей из малого бизнеса. «Пребывание в цирке или в зоопарке приводит к увяданию основных инстинктов, в том числе к желанию продлить свой род. Можно ли поправить дело «морковкой», т.е. усиленным питанием? Допустим, горячими бесплатными обедами в школах или повышением выплат за рождение детей? Нам кажется, что нет. Людям надо вернуть волю и землю, возможность развивать производство и собственные домохозяйства. Реальные ресурсы – свой дом, свой сад, своя семья, свой автомобиль, своё дело – вот что умножает силы народа, а вовсе не бесплатный доступ к виртуальным сервисам. Кстати, полностью контролируемым. Разве «цифровой зоопарк» – достойная цель для великой державы? Страна давно уже живёт в условиях гибридной гражданской войны. Правящий класс в союзе с офшорным бизнесом (иногда это одни и те же люди) лишают простолюдинов чистого воздуха и чистой воды, доступа к качественному продовольствию, приватности частной жизни. Небюджетники, студенты, предпенсионеры поставлены в условия партизанского отряда – их «не просили рожать», им «никто ничего не должен», «есть можно поменьше», «это твои проблемы», «заплатил налоги и спи спокойно» и т.д. и т.п. Народ лишен своей интеллигенции – миллионы активных, профессиональных, знающих людей уехали из России. Мы готовы работать – на себя и на свою страну, но не на карман воров и проходимцев. Мы за кооперацию (когда все трудятся, внося посильный, по способностям и возможностям, вклад в общую копилку), и мы против конкуренции, которая ныне невозможна: как соревноваться с теми, кто фактически приватизировал огромные куски госсобственности?! Тотальный контроль над доходами бедных, другие меры отжимания доходов делают социальный климат в обществе. Видимо, нужен именно такой климат – всенародный психоз. Зачем? Догадаться несложно»². Понятно, так легче управлять.

Низкие мотивации, ценности, идеология как главные барьеры к инновациям

В перестройку не созданы механизмы компенсации и сглаживания противоречий трансформационного периода, напротив, научно-образовательный и социальный сектора пострадали от реформ. Не удовлетворены витальные потребности значительной части населения. Без этого никакие частичные меры не помогут завоевать доверие к власти, мобилизовать энергию масс на научно-технологическое возрождение страны.

Группа 10% населения с наибольшими доходами занимает 46% в объеме национального дохода страны³. Доступ к инсайдерской ренте, к распределению национального дохода элитами, целиком и полностью ориентированными на личное обогащение и свои же элитарные интересы, позволяет, с одной стороны, проводить политику и выбирать приоритеты с позиций краткосрочной доходности и лояльности к зарубежным «коллегам»; с другой стороны, планировать по остаточному принципу социальное развитие и реализацию нужных стране инноваций с большими сроками окупаемости. В 2020 г. на образование пойдет 886 млрд. руб., 4,0% госбюджета; на здравоохранение 990 млрд. руб., 4,5%; на социальную политику 4999 млрд. руб., 22,7%. Лукавство в деталях: в разделе социальной политики предусмотрено 3 157 673 тыс. руб. «на предоставление единовременной субсидии на приобретение жилых помещений федеральным государственным гражданским служащим», т.е. на эту сумму будет урезано социальное обеспечение оставшейся части населения всей страны. Из раздела «Образование» планируется израсходовать 10 млрд. руб. «на мероприятия по модернизации инфраструктуры федеральных образовательных организаций высшего образования (исключенных до предела), т.е. на цели выращивания талантов остается уже меньше из затрат государства, идущих непосредственно на высшее образование граждан»⁴. Предельный объем Фонда развития установлен на 2020–2022 гг. одинаково в ежегодной сумме 585 млрд. руб.⁵ Благо, не всем известны эти и другие нюансы распределительной системы, иначе было бы значительно меньше энтузиазма корпеть над научными исследованиями и разработками.

Вместе с этим всего важнее культурные и ментальные факторы. Вместо **идеологии** конструктивных преобразований экономики и общества **в интересах нации** главенствуют **идеалы** «золотого тельца» и как можно более простые способы обретения материальных благ. **Ценностная шкала** снижена до предела (миллиардер на «Лексусе» – идеал для подражания). Отсюда, из симбиоза трех ведущих составляющих барьеров к инновациям – (1) объективных *институциональных ограничений* в мотивации, в стремлении к творчеству, изобретательству, инновационным рискам; (2) приземленных *ценностей*; (3) отсутствия *общественной идеологии*, инновационного сознания, понимания полезных для развития человека инновационных перемен – вытекают модели поведения экономических агентов, каждый из которых преследует свою локальную цель краткосрочного характера.

¹ История НДФЛ в России. ГАРАНТ.РУ. – <https://www.garant.ru/info/grafika/621831/>

² Сычева Л. Послание к леди и джентльменам // Завтра. 03.02.2020. – http://zavtra.ru/blogs/poslanie_k_ledi_i_dzhentl_menam

³ FINCAN. – http://fincan.ru/articles/114_neravenstvo-v-raspredelenii-dohodov-v-rossii/

⁴ Федеральный закон. О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. Проект. Ст.21. п. 16, 17. – <https://regulation.gov.ru/projects#npa=95294>

⁵ Там же. Ст. 6, п. 6.

Вывод: задачи государства

На наш взгляд, в статье названы главные системные факторы инновационной дисфункции нестационарной российской экономики. Результаты анализа ключевых подсистем СЭС обнаруживают существенные барьеры к инновациям в каждой из них. Новые разработки не могут быть привиты к физически устаревшему материально-вещественному основанию, не говоря про моральный износ индустриальной базы. Малый бизнес еле выживает, крупный бизнес, особенно финансовый, рентоориентирован. В такой ситуации технологические инновации осуществляют отдельные энтузиасты: 7-8% организаций, в отличие от ведущих зарубежных стран, где таковых от 25 до 53% (2016)¹. Другого не может быть в отсутствие компенсации за нестыковку материальных и нематериальных интересов сторон: сегодня жить проще без инноваций. Что будет завтра?

Подобно усталости металла, общество устало от пертурбаций, требуется восстановление потенциала после рыночных и кризисных катаклизмов. **Справедливость** в отношении к социуму – единственный механизм, апеллирующий к ментальности, который может способствовать оздоровлению общества на принципах высокого гуманитарного развития, чести, морали, любви, единения граждан, доверия и гармонии в отношениях всех подсистем. Государство – единственный агент, который может и должен осуществить замену идеалов, образцов для подражания в сторону нематериальных ценностей – ценностей интеллекта, творчества, созидания, духовного развития. Требуется внимание к воспитанию молодежи, здорового образа мыслей, привлекательности новых идеалов и **интеллектуальных ценностей**. Согласно пирамиде Маслоу, это может получиться при неременном условии удовлетворения *витальных запросов* граждан. Государство располагает огромным арсеналом инструментов для справедливого распределения национального дохода, формирования установок общества на креатив и условий для их реализации.

Мобилизационный сценарий прорывного развития в нестационарной российской экономике возможен при условии изменения правил игры для бизнеса, создания подходящих компенсационных механизмов поддержки науки, образования, социума.

¹ Россия и страны мира. 2018. Стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – С. 334.

Оморов Р.О.¹

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ДАННЫМ ГЛОБАЛЬНОГО ИННОВАЦИОННОГО ИНДЕКСА ГП

Ключевые слова: инновации, инновационный индекс, показатели инновационного индекса, группа доходности страны, рыночные условия, преимущества бизнеса, человеческий капитал, интеллектуальная собственность, институциональные показатели, удельные расходы.

Keywords: innovation, innovative index, indicators of innovative index, group of income of the country, market conditions, business benefits, human capital, intellectual property, institutions indicators, specific expenditure.

Введение

В настоящее время в развитии Кыргызской Республики одним из рычагов стабилизации и подъема экономики является активизация инновационной деятельности с использованием интеллектуальной собственности (далее – ИС).

В процессе развития современного общества все более значимым источником экономического развития стран мира становятся инновации и прежде всего, инновации, основанные на охраняемой законодательством ИС (1, 4, 6). Постиндустриальная экономика породила новый вид товара – уникальные результаты интеллектуальной деятельности. Появился новый рынок – рынок прорывных инновационных технологий и лицензий на эти технологии (2, 3). Этот товар попадает на рынок либо в виде зарегистрированного объекта авторского права и смежных прав, либо в виде объекта патентного права или промышленной собственности, либо в виде других нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности. Возрастает доля торговли правами на объекты ИС в общей совокупности международного товарооборота. В период 1990–2010 гг. мировая торговля лицензиями на право использования промышленной собственности увеличивалась ежегодно более чем на 12% в среднем. Наблюдается положительная динамика роста индустрии ИС, которая опережает темпы роста мировой экономики. Так, например, средняя годовая динамика роста общемирового количества выданных патентов на изобретения в период 1990–2010 гг. составляет более 4%, а по процедуре Международного договора о патентной кооперации (далее – РСТ) ежегодный рост более 10% и в 2017 г. достиг 243 500 заявок на изобретения РСТ. Возрастание количественных показателей объектов интеллектуальной собственности способствует увеличению стоимости ИС в хозяйственном обороте. Увеличение стоимости объясняется тем, что совокупность зарегистрированных объектов ИС становится базовым элементом инновационной экономики.

Инфраструктура охраны результатов интеллектуальной деятельности, которые представлены документальными свидетельствами на результаты интеллектуальной деятельности, предоставляет возможность производителю высокотехнологичной продукции защитить собственный инновационный продукт от недобросовестной конкуренции, обеспечивая таким образом возможность выстраивать коммерческие трансакции по передаче прав на ИС с получением материальной выгоды, позволяя хозяйствующим субъектам становится более конкурентными в определенных сегментах рынка. В развитых странах доходы от использования и продажи прав на зарегистрированные объекты интеллектуальной собственности составляют существенную часть национального дохода.

Различные оценки экспертов говорят, что доля высокотехнологичной продукции в общем экспорте произведенной продукции за последние годы составляет в США, Великобритании, Франции и Японии более 20%, а в Республике Корея более 30%. При этом доля стоимости объектов интеллектуальной собственности в ежегодном приросте валового внутреннего продукта (далее – ВВП) во многих развитых странах, в частности в вышеназванных странах, достигает 80%. Зарегистрированные и охраняемые государством объекты ИС, как локомотив инновационных процессов общества, играют важнейшую роль в развитии наукоемкой экономики, снижении трудоемкости и как следствие – повышении производительности труда, энергосбережении и обеспечении экологической безопасности. В условиях рыночной экономики Кыргызская Республика как член Всемирной торговой организации находится в высококонкурентной среде общества постиндустриальной формации (7).

Основным конкурентным преимуществом экономик стран в современных условиях являются инновационные и прорывные технологии, базирующиеся на защищенных государством правах на объекты ИС, которыми владеют компании, фирмы, частные и государственные корпорации, отдельные юридические и физические лица этих стран. Неудивительно, что по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) юридические и физические лица развитых стран и некоторых развивающихся стран придают решающее значение и международной защите результатов интеллектуальной деятельности (патентованию). Так, например, по итогам 2017 г. по РСТ в мире

¹ Оморов Роман Оморович – д.т.н., член-корреспондент НАН КР, гл.н.с. лаборатории «Космические, информационные технологии и Цифровая Земля» Института физики Национальной академии наук Кыргызской Республики. E-mail: romano_ip@list.ru

подано 243 500 заявок на изобретения, что на 4,5% больше по сравнению с предыдущим 2016 г. В 2017 г. подано следующее количество заявок по данным ВОИС (8):

- США 56 624, прирост по сравнению с 2016 г. + 0,1%;
- Китайская Народная Республика 48 882, прирост +13,4%;
- Япония 48 208, прирост +6,6%;
- Федеративная республика Германия 18 982, прирост +3,7%;
- Республика Корея 15 763, прирост +1,3%;
- Российская Федерация 1097, прирост +22%;
- Казахстан 24, прирост +26,3%;
- Узбекистан 4, прирост +100%;
- Кыргызская Республика 0, 0%;
- Таджикистан 0, 0%;
- Туркменистан 0, 0%.

По сравнению с 2016 г. наибольший прирост количества заявок на изобретения отмечается у Китайской Народной Республики и Японии – 13,4 и 6,6%, соответственно. Следует отметить минимальный относительный рост на 0,1% у США. Согласно вышеприведенным данным можно заявить, что все развитые страны и передовые развивающиеся страны (включая КНР и республику Корея) придают важное значение международному патентованию изобретений. Такое внимание обусловлено именно конкурентными стратегиями компаний и фирм этих стран, которые правомерно полагают, что в современных условиях эта стратегия обеспечит им завоевание новых высокоприбыльных рынков в мире. Для повышения уровня инновационности экономики Кыргызской Республики возникает настоятельная необходимость усиления роли и значения системы защиты ИС страны, в особенности в вопросах международного (РСТ) или зарубежного патентования через региональные системы Евразийской патентной организации. При этом торговлей патентами и лицензиями на интеллектуальную собственность можно в идеале получить существенное увеличение доходов как для частных компаний и фирм, так и для бюджета страны в целом. Дополнительные доходы в бюджет страны можно получить и непосредственно торговлей самими экспортоспособными объектами авторских и смежных прав. Также необходимо усилить внутреннее патентование и защиту объектов интеллектуальной собственности юридических и физических лиц страны. Одной из ключевых проблем при различных операциях с активами юридических лиц являются проблемы оценки ИС и включения нематериальных активов в суммарную стоимость активов этих лиц. Правильный учет таких нематериальных активов фирм и компаний позволит увеличить их балансовые стоимости. Например, заявленная стоимость нематериальных активов корпораций Google, Microsoft и др. составляет более 90% от общей суммы их активов. В последние годы экспертами инновационной деятельности под эгидой ВОИС, Мировой школы бизнеса (INSEAD) и Корнельского университета (JONSON) ведутся исследования инновационного развития в мире, по результатам которых ежегодно издаются книги под названием Глобальный инновационный индекс на английском языке (9).

В этой статье автор продолжает исследования, проведенные ранее (6), и анализирует динамику изменений показателей инновационного индекса Кыргызской Республики по данным ГИ 2011–2019 в разрезе сфер образования, науки и интеллектуальной собственности. По результатам исследования предложены рекомендации по улучшению инновационных показателей Кыргызской Республики, которые будут способствовать социально-экономическому развитию страны.

Основные показатели КР по данным ГИ

В исследованиях ГИ 2011–2019 гг. рассмотрены более 120 стран мира по более чем 70–80 показателям. Существуют 4 группы стран по величине доходов: страны с высокими доходами – Н; страны со высоко-средними доходами – УМ; страны с низко-средними доходами – ЛМ; страны с низкими доходами – Л. В ГИ первые 10 стран рейтинга это высокоразвитые страны, которые относятся к странам группы Н. Необходимо отметить, что Швейцария многие годы в рейтинге ГИ занимает первые места, а Сингапур, как правило, входит в топ-5 в этом рейтинге, также следует подчеркнуть, что первая десятка или Топ-10 по составу из года в год почти не меняется. В 2018 году в группе Н всего 48 стран, УМ – 33, ЛМ – 26, а в группе Л-19 стран.

В ГИ 2019 страны СНГ, а также Грузия и Украина обладают инновационными индексами представленными ниже, при этом Республики Узбекистан и Туркменистан в исследованиях ГИ за 2019 г. не представлены. По рейтингу ГИ за 2015 г. Республика Узбекистан занимает 127 место из 141 страны мира и относится к группе ЛМ. Данных по Туркменистану в исследованиях ГИ не имеется, но следует ожидать, что Туркменистан относится к группе стран УМ.

Рейтинг по ГИ 2019 и классификация по годовому доходу (ВВП) на душу населения по паритету покупательской способности (ПППС) стран СНГ, а также Грузии и Украины:

- Армения – **64**, УМ, 10 1761 \$;
- Азербайджан – **84**, УМ, 18 0759 \$;
- Беларусь – **72**, УМ, 20 003 \$;
- Грузия – **48**, ЛМ, 11 4854 \$;
- Казахстан – **79**, УМ, 27 5498 \$;
- Кыргызская Республика – **90**, ЛМ, 3 8436 \$;
- Республика Молдова – **58**, ЛМ, 7 3045 \$;
- Российская Федерация – **46**, УМ, 29 2669 \$;

– Таджикистан – **100**, LI, 3 4158 \$;

– Украина – **47**, LM, 9 2834 \$.

По Узбекистану и Туркменистану нет данных, но по косвенным данным следует ожидать, что группы по доходности этих стран соответственно LM и UM. Из стран СНГ и Грузии, Украины: к группе HI не отнесена ни одна страна; к группе UM относят: Россию, Казахстан, Беларусь, Азербайджан, Армения и, возможно, Туркменистан; к группе LM относят: Грузию, Украину, Республику Молдова, Кыргызскую Республику и, возможно, Узбекистан; к группе LI из стран СНГ по данным GI 2019 отнесли одну страну – Таджикистан. При этом номинальные значения годовых доходов на душу населения отличаются от приведенных выше паритетных по покупательской способности в среднем в три раза, например, по данным GI 2016, минимальная кратность для Армении в 2,4 раза, а максимальная кратность для Украины в 3,72 раза. Для Кыргызстана эта кратность составляет 2,96 раза.

Анализ динамики показателей инновационного индекса Кыргызской Республики и предложения по улучшению ряда показателей индекса

Рассмотрим динамику сильных и слабых сторон инновационного развития Кыргызской Республики по данным GI 2011–2019, касательно показателей образования, науки и интеллектуальной собственности.

По разделу «Человеческий капитал и исследования» к сильным показателям отнесены показатели образования в целом и затрат на образование, где страна оценена по годам с 2010 по 2018 годы соответственно, минимально на 85 и 31 местах в 2010 году, максимально на 11 и 9 местах в 2018 году, с тенденцией постоянного улучшения этих показателей, что, конечно, является положительным моментом в развитии Кыргызской Республики, и эту позицию необходимо и далее поддерживать. В то же время к слабым показателям этой группы отнесены показатели рейтинга вузов и науки, которые получили соответственно, минимально 78 и 131 места, максимально 68 и 95 места, а показатель финансирования науки и исследований – от 66 до 104 места с постоянной тенденцией ухудшения этого показателя из года в год. Таким образом, Кыргызская Республика, имея высокие результаты по показателям образования, обладает худшими показателями в организации и финансировании науки, хотя очевидно, что образование и наука – тесно связанные сферы развития любой страны. Поэтому необходимо предложить соответствующим структурам государственной власти обратить внимание на комплексное рассмотрение вопросов организации и финансирования сфер образования и науки, с тем чтобы рационально оптимизировать соотношение этих сфер развития страны. Так, по данным GI 2018, например, соотношение финансирования этих сфер, составляет для развитых стран, входящих в топ-20 в пределах от 24,5 до 86,1%, а для стран СНГ от 1,67 до 28,95%. При этом минимальное или наихудшее значение этого соотношения, равное 1,67%, оказалось, к сожалению, именно у Кыргызской Республики, максимальное или наилучшее значение среди стран СНГ – у Российской Федерации, равное 28,95%, а среди всех стран максимальное значение у Японии – равное 86,1%. По показателям GI 2019 для Кыргызской Республики наблюдаем еще больший контраст между финансированием образования и науки, а именно на образование выделено 7,2% от ВВП (9 место в мире), в то время как на науку менее 0,1% от ВВП (104 место в мире), т.е. имеем соотношение 1,39%, что является наихудшим из всех стран мира. Если рассмотреть суммарный показатель финансирования образования и науки вместе в % от ВВП, то в этом случае имеем следующие показатели: максимальная величина среди стран топ-20 характерна Швеции у которой она равна 11%, а минимальная Сингапуру 5,1%, а среди стран СНГ максимальная величина по GI 2019 принадлежит Кыргызской Республике и равна 7,3%, минимальная Армении и Казахстану – 3,0% от ВВП. При этом следует отметить, что максимальное финансирование науки по GI 2018, равное 4,3 и 4,2% от ВВП соответственно у Израиля и Республики Корея, а по данным GI 2019 их показатели увеличились до 4,6% ВВП. А минимальное финансирование науки среди стран СНГ у Кыргызстана и Таджикистана, которое составляет менее 0,1% от ВВП и соответственно имеет рейтинг 104 и 103 места.

Раздел «Человеческий капитал и исследования» является весьма важным, особенно для развивающихся стран, поскольку перспектива развития стран, прежде всего, определяется индикаторами этого раздела, которые имеют мультипликативный эффект воздействия на другие разделы. Поэтому предлагается для лучшего развития страны изменить соотношение финансирования образования и науки в Кыргызской Республике в сторону увеличения финансирования науки, например, оставив финансирование образования на прежнем уровне, или незначительно снизив, увеличить финансирование науки до 0,2% от ВВП, т.е. повысить в 2 раза, далее постепенно увеличивая довести до 0,5% от ВВП, тем самым довести соотношение этих показателей до 3,3%, а в дальнейшем постепенно до 7–7,5%. Такие соотношения вполне достижимы и позволяют развить страну и улучшить качество человеческого капитала.

По разделу «Производство знаний и технологий» сильными показателями являются: уровень патентования промышленной собственности на млрд. ВВП, по ППС – 4,2 ед. до 11,5 ед. или от 29 до 11 места в рейтинге; темпы роста ВВП по ППС на количество работающих – от 2,4% до 6,5 % или от 33 до 2 места; экспорт ИКТ услуг, к общей торговле в % – 3,0% и 35 место. К слабым показателям относятся следующие: цитируемость публикаций, H (Хирша) индекс – от 121 до 133 места, т.е. очень низкие показатели; сертификаты качества ISO 9001 на млрд. ВВП по ППС – от 123 до 135 места; производства средней и высокой технологии – от 89 до 100 места. На наш взгляд, необходимо обратить внимание на развитие науки, издательского дела в области науки и работе по стандартам ISO, что будет улучшать качественные показатели продукции и услуг экономики.

По разделу показателей «Творческое производство» сильных показателей рейтинга не оказалось (показатели в 2010 и 2011 годах в виде 5 и 3 мест в рейтинге по показателю экспорта творческих услуг относим к вероятным ошибкам данных для расчетов), а к слабым показателям относятся следующие показатели подраздела нематериальные активы: нематериальные активы в целом – от 118 до 136 места; ИКТ и создание бизнес моделей – от 118 до 131 места;

ИКТ и создание организационных моделей – от 102 до 128 места. Для улучшения показателей этого раздела необходимо усилить работу по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) и нематериальным активам, т.е. обратить надлежащее внимание государственным финансово-экономическим структурам на внесение интеллектуальной собственности в качестве нематериальных активов предприятий и организаций, для которого совершенствовать соответствующее законодательство в этой области.

Список литературы

1. Блинников В.И., Дубровская В.В., Сергиевский В.В. Патент: от идеи до прибыли. – М.: Мир, 2002.
2. Гарри Ф. Речь по случаю вступления в должность Генерального директора 22 сентября 2008 г. Женева: ВОИС, 24/09/2008. – http://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2008/article_0045.html
3. Идрис К. Интеллектуальная собственность – мощный инструмент экономического роста / Пер. с англ. – М.: Роспатент, 2004.
4. Мухопад В.И. Интеллектуальная собственность в мировой экономике знаний. – М.: РГИИС, 2009.
5. Оморов Р.О., Роман А. Введение в интеллектуальную собственность в Кыргызской Республике. 2 изд. – Бишкек: Илим, 2016.
6. Оморов Р.О., Роман Н. Интеллектуальная собственность в условиях четвертой промышленной революции и показатели инновационного индекса Кыргызской Республики по данным ГИ // Изв. КГТУ им. И. Раззакова. 2017. – № 4 (44). – С. 371–377.
7. Оморов Р.О. Анализ показателей инновационного индекса Кыргызской Республики по данным глобального инновационного индекса ГИ 2018 // E-Management. 2018. – Т.1, № 1. – С. 81–88.
8. Отчет ПСТ: Yearly Review. – Geneva: WIPO, 2018. – wipo.int/pct/en/activity/index.html
9. Global Innovation Index, 2011-2019. – Geneva: WIPO, 2011–2019. – wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4434

*Пласкова Н.С.,
Самусенко А.С.¹*

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК НОВОЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, развитие экономики, управление инновациями, экономические циклы.

Keywords: innovations, innovative activity, innovative management, economic cycles, economic development.

Сегодня инновациям и инновационному развитию общества отводится большая роль в улучшении состояния национальной экономики. В этой связи на государственном уровне принимаются решения об активизации инновационной деятельности. Приняты, в частности, «Стратегия инновационного развития России 2020» и программа «Цифровая экономика РФ», которые призваны нарастить инновационный потенциал России путем повышения инновационной активности экономических субъектов.

Прежде, чем определить пути активизации инновационной деятельности, необходимо проследить формирование самого понятия «инновация» и «инновационная деятельность» в разрезе их значимости для макроэкономической ситуации в стране. Понятие инновации и инновационной деятельности в современной трактовке сформировались немногим более ста лет назад, несмотря на то, что новации в различных отраслях экономической деятельности в том или ином виде имели место на протяжении всего развития человеческого общества и являются важнейшим фактором научно-технического прогресса. В современном обществе нововведения направлены на повышение уровня жизни и удовлетворение потребностей разного рода, а новаторы за счет нововведений получать личную выгоду, то есть инновационная деятельность сформировалась как самостоятельная отрасль коммерческой деятельности.

Несмотря на то, что понятие инноваций стало формироваться в начале XX века, на протяжении последнего столетия экономисты пытались рационально объяснить выявленные российским экономистом Н.Д. Кондратьевым тенденции социально-экономического развития. В результате исследований уже во второй половине XX века появились целые научные направления: сформировалась теория инноваций – инноватика, в рамках научных отраслей выделились инновационный менеджмент, экономический анализ инновационной деятельности.

Наибольшее влияние на выделение понятий инноваций и инновационной деятельности оказала концепция циклического общественного развития. В частности, большую роль в этом сыграли представители русского циклизма. В начале XX века русскими учеными были выдвинуты различные теории, касающиеся циклического развития той или иной сферы деятельности: теория циклического развития культуры Н.Я. Данилевского, теория циклического развития природы и общества А.Л. Чижевского, теория циклического развития общества П.А. Сорокина (наряду с О. Шпенглером, А. Тойнби). Однако эти исследования нельзя объединить в единую научную школу ввиду отсутствия ряда ее признаков².

В ряду работ российских ученых, представивших свое видение на повторяющиеся условия, тенденции в развитии той или иной сферы, выделяется работа российского математика Н.Д. Кондратьева, который рассматривал закономерности социально-экономического развития общества и разработал концепцию циклично-волновой динамики социально-экономических систем. Изучив основные положения существовавших школ экономической теории, он пришел к выводу, что экономическая теория не должна быть исключительно статической. Так как экономические явления могут изменяться с течением времени, экономическая наука также должна иметь динамический характер. По словам Кондратьева, «статическая теория бессильна выявить изменения уровня экономических элементов, а также механизм и направления их изменения. Вот почему к экономической жизни можно и должно подходить и с динамической точки зрения, т.е. мыслить ее в условиях процесса изменений»³. На основе данного принципа Кондратьев Н.Д. разработал теорию больших экономических циклов конъюнктуры, в которой рассмотрел причины изменений макроэкономических процессов.

Обращая внимание на экономические исследования «промышленно-капиталистических циклов» К. Жюгляра продолжительностью 7–11 лет, Н.Д. Кондратьев обратил внимание на то, что экономике присущи кризисы, которые

¹ Пласкова Наталья Степановна – д.э.н., профессор базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы, Российский экономический университет. E-mail: plask55@mail.ru

Самусенко Александр Сергеевич – аспирант базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы, Российский экономический университет.

² Мустафин А.Р. Русский циклизм и концепция Н.Д. Кондратьева // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. – Т. 157, № 3. – С. 76–81.

³ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / Редкол. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. — М.: Экономика, 1989. — 526 с.

имеют хорошо заметную периодичность. Так ученый установил, что кризисы являются одним из этапов экономического цикла, состоящего из трех основных фаз: подъем, кризис, депрессия.

Взяв за основу исследования основных макроэкономических показателей Англии, Франции, США, экономист выявил наличие больших экономических циклов длительностью 48–60 лет, по которым развивается экономика. Он выделил «4 эмпирических правильности», сопутствующих большому экономическому циклу:

- перед началом или в самом начале повышающейся волны наблюдаются значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества: изменения в технике и технологии производства, изменения условий денежного обращения, усиление роли новых стран в мировой хозяйственной жизни;

- в периоды повышающихся волн наблюдается значительное увеличение крупных социальных потрясений, общественных переворотов и других важнейших изменений общественного уклада;

- понижающиеся волны больших циклов характеризуются значительным упадком и застоём в области сельского хозяйства;

- средние экономические циклы (так называемые «промышленно-капиталистические циклы») накладываются на кривую больших экономических циклов, создавая в периоды длительных экономических колебаний краткосрочные подъемы и спады.

Сегодня продолжается дискуссия о том, являются ли изменения в технологическом укладе жизни общества причиной экономического роста, либо же технологическое развитие является следствием влияния экономической жизни. Тем не менее, Н.Д. Кондратьев считал нововведения главным признаком общественного развития¹. Ученый выявил два условия, приводящие к изменениям в технике и технологии производства – «наличие соответствующих научно-технических открытий и изобретений; хозяйственные возможности применения этих открытий на практике»².

В процессе изучения длинных волн экономистом были выделены определенные закономерности в развитии техники и технологии. Так предшественником повышающейся волны первого цикла (с конца 1780-х – начала 1790-х гг. до 1810–1817 гг.) явилась промышленная революция (1764–1795 гг.). Перед повышающейся волной второго цикла (с 1844–1855 гг. до 1870–1875 гг.) были сделаны существенные изобретения в области техники производства (1824–1848 гг.) Перед повышающейся волной третьего цикла (с 1891–1896 гг. до 1914–1920 гг.) были сделаны важные открытия в области техники, особенно транспорта и электротехники (1870–1898 гг.)³.

Предположение Н.Д. Кондратьева о том, что именно технические и технологические нововведения являются важным фактором социально-экономического развития общества, в дальнейшем подхватил и развивал австрийский экономист Й.А. Шумпетер в своей работе «Теория экономического развития». Его выводы позволили выделить в целом ряде наук отдельные направления, связанные с развитием инноваций.

Как ученый-теоретик в области экономического анализа, Й.А. Шумпетер рассматривал различные факторы, влияющие на развитие экономики в целом сквозь призму экономического развития отдельных субъектов. Он отмечал, что одним из важных признаков колебаний в сторону роста экономики являются нововведения, которые наиболее проявляются в кризисные моменты. Данный признак как важный фактор социально-экономического развития общества он описал в своей работе по теории инновационного развития.

Й.А. Шумпетер также обратил внимание на то, что экономике присущи кризисы, спады и подъемы, поэтому в своих работах ученый обращал большое внимание на работу Н.Д. Кондратьева и его циклы конъюнктуры. Именно Й.А. Шумпетер ввел понятие «Кондратьевские волны», взяв за основу допущение, что нововведения являются одним из основных сопутствующих признаков изменений, он ввел понятие «инновации» и выделил пять типичных изменений, способствующих экономическому развитию:

- использование новой техники, новых технологических процессов или нового рыночного обеспечения производства;

- внедрение продукции с новыми свойствами;

- использование нового сырья;

- изменения в организации производства и его материально-технического обеспечения;

- появление новых рынков сбыта⁴.

Кроме того, Шумпетер разработал собственную модель деловых циклов, накладывая на большие циклы конъюнктуры Н.Д. Кондратьева средние (промышленно-капиталистические) циклы К. Жюгляра сроком 7–11 лет и короткие циклы Дж. Китчина сроком 3–3,5 г. Таким образом, Й.А. Шумпетер показал, что в фазах длинного цикла экономика развивается неравномерно, с закономерными рывками, вызванными более короткими спадами и подъемами. Более того, по мнению Шумпетера, все эти циклы так или иначе сгенерированы инновациями⁵.

В качестве важного фактора производства и социально-экономического развития Й.А. Шумпетер выделял предпринимательство. Экономист отмечал, что предприниматель по своей сути должен являться новатором, так как за

¹ Шаламов Г.А., Фа Жу, Нго Динь Ань. Влияние теории длинных волн Николая Кондратьева на развитие теории инноваций // Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. 2017. – С. 56–61.

² Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / Редкол. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. – М.: Экономика, 1989. – 526 с.

³ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / Редкол. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. – М.: Экономика, 1989. – 526 с.

⁴ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

⁵ Маматова Н.А. Теории инноваций: учебное пособие / Н.А. Маматова, А.В. Маматов. — Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – 100с.

счет нововведений предприниматель-новатор способен получить монопольную прибыль. В дальнейшем посредством диффузии инновации (термин «диффузия инновации» введен в 1962 г. Э. Роджерсом) и повсеместного распространения технологий происходит улучшение социально-экономических условий всех уровней и слоев общества.

На основе рассмотрения предпринимательства как фактора появления инновации Й.А. Шумпетер объяснил, «почему инновации распределены во времени неравномерно и появляются пучками или кластерами». По его мнению, это связано с тем, что предприниматель не всегда внедряет абсолютно новые и неиспытанные базисные инновации. Посредством диффузии предприниматель может использовать инновации в том же виде, но уже в рамках своего бизнеса, улучшать заимствованные инновации или делать подобные заимствованным инновациям продукты в подобных направлениях. Последние два типа инноваций Шумпетер назвал «индуцированными инновациями», которые ведут к росту средних и малых циклов. Первый же тип инноваций ведет к спаду средних и малых циклов.

Таким образом, Й.А. Шумпетер определил инновацию не просто как нововведение, а как нововведение, которое предприниматель внедряет в свой бизнес с целью получения личной выгоды. Й.А. Шумпетер отмечал, что наиболее успешные предприниматели являются инноваторами: он тесно связывал инновационную деятельность с предпринимательством. Хотя в дальнейшем появились иные мнения по поводу проявления инновационной активности в разных фазах длинных волн¹.

Подхватившие в дальнейшем идеи Й.А. Шумпетера Г. Менш, создавший первую классификацию инноваций, а также А. Кляйнхехт, ставший основоположником теории инноваций, приняв во внимание замечания С. Кузнецова, критиковавшего в определенных взглядах Й.А. Шумпетера, рассматривали в разном ключе предпосылки к развитию инноваций на предприятии.

То, что инновации предшествуют повышающейся волне циклов, наглядно демонстрирует статистика внедрения инноваций, рассмотренная Н.Д. Кондратьевым. Однако существуют споры, являются ли кризисные ситуации причиной активизации инновационной деятельности, либо инновационная деятельность в большей степени способствует выходу из кризисной ситуации.

Так американский ученый С. Кузнец рассматривал инновации в рамках теории больших экономических циклов Н.Д. Кондратьева. Если объяснение поворота в верхней точке подъема совпадает со взглядами Й.А. Шумпетера, то при рассмотрении периода спада и депрессии экономики С. Кузнец выделил теорию лидирующего сектора. По мнению С. Кузнецова, инновационные процессы представляют собой не что иное, как обновление устаревшего капитала. Причем обновление капитала во всех промышленных секторах происходит лишь при значительном обновлении капитала лидирующего сектора (добывающих отраслей и сельского хозяйства), что происходит, как установил С. Кузнец, с периодичностью в 30 лет, что соответствует периодичности больших циклов конъюнктуры Н.Д. Кондратьева.

Немецкий ученый Г. Менш также внес большой вклад в развитие теории инноваций, рассматривая причины их внедрения. Он разделил инновации на базисные, улучшающие и псевдоинновации. Базисные инновации могут повлиять на формирование новых отраслей, улучшающие приводят к качественным изменениям существующих продуктов, технологии, организации производства, сбытовой функции, уклада жизни. Псевдоинновации, по версии ученого, представляют собой дифференцированные изделия, которые не представляют особой значимости и новизны.

Г. Менш предположил, что предприниматели внедряют инновации в момент, когда финансовое положение значительно ухудшается. Такое ухудшение стимулирует предпринимателя инвестировать средства в новые товары и технологии. Таким образом, Г. Менш выдвинул «гипотезу о депрессии как спусковом крючке». Так как в период понижающейся длинной волны многие компании терпят ухудшение финансового положения, все они стараются разрабатывать и внедрять нововведения. За счет того, что инновации возникают повсеместно, они создают технологическую базу для повышающейся волны следующего цикла².

Г. Менш определил, что в период депрессии наибольшее значение имеют базисные инновации, которые создают «трамплин» для изменения макроэкономической ситуации и перехода в стадию подъема. В период повышающейся волны наблюдается резкое увеличение улучшающих инноваций, корректирующих ту или иную ситуацию на рынках. В момент переполнения рынка улучшающими инновациями, «в игру вступают» псевдоинновации, которые являются признаком застоя в экономическом развитии и постепенно переводят экономику в состояние понижающейся волны.

В дальнейшем «гипотеза о депрессии как спусковом крючке» не раз подвергалась критике, выдвигались предположения, что период депрессии отрицательно сказывается на внедрении инноваций. Сформировалось предположение, что в период оживления длинной волны увеличивается роль базисных инноваций, ведущих к созданию целых отраслей. Ввиду создания новых отраслей возрастает давление на предприятия существующих отраслей, представители которых обязаны реагировать, чтобы противостоять представителям нового веяния технологий.

Одним из сторонников данной теории был К. Фримен, который выдвинул «гипотезу о давлении спроса». По его мнению, именно спрос оказывает ключевое влияние на формирование инноваций, поэтому депрессия не может быть условием их массового внедрения. Однако работа К. Фримена противоречила данным Н.Д. Кондратьева, согласно которым повышающейся длительной волне предшествуют эпохальные научные открытия. Поэтому необходимо было обобщить труды Г. Менша и К. Фримена, что осуществил А. Кляйнхехт. Именно он во второй половине XX века указал, что инновации являются важным резервом повышения эффективности функционирования предприятия, со-

¹ Авагян Г.Л. Инновационный механизм циклично-волновой теории Н.Д. Кондратьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – Майкоп, 2012. – № 2. – С. 13–21.

² Зуева О.А., Молчанова О.А. Роль инноваций в экономическом развитии национального хозяйства // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2016. – № 1. – С. 155–159.

дав теорию инноваций, названную инноватикой, и обосновав новую дисциплину в области управления – инновационный менеджмент.

Классификация инноваций А. Кляйнкнехта схожа с классификацией Г. Менша, однако экономист имел свой взгляд на инновации через призму длинных волн – циклов конъюнктуры. По мнению А. Кляйнкнехта, базисные и дополняющие инновации двигают экономику вперед, однако экономические кризисы влияют на них по-разному. Базисные инновации, олицетворяющие радикальные изменения в технологии производства, создаются в период депрессии. Дополняющие же инновации внедряются в период повышающейся волны, когда существующие технологии не способны в полной мере удовлетворять спрос потребителей и нуждаются в существенном улучшении.

О.А. Зуева и О.А. Молчанова в 2016 году в работе «Роль инноваций в экономическом развитии национального хозяйства» на основе работы А. Кляйнкнехта представили связь отраслей реального и финансового секторов относительно базисных и дополняющих видов инноваций: «Инвестиции в базисные инновации способствуют росту производства реального сектора, вызывающему внедрение дополняющих инноваций, приходящих на смену устаревающих технологий. Внедрение вторичных инноваций сопровождается привлечением капитала со стороны собственных ресурсов субъектов реального сектора и заемных ресурсов кредитного подсектора, стимулирующих последующий рост производства реального сектора»¹.

В этой связи можно отметить, что выделение инноваций как важного фактора экономического развития привело к формированию подхода к компетентному управлению инновациями и появлению предметной области «инновационный менеджмент».

Несмотря на то, что окончательные выводы о положительном влиянии инновационной деятельности на общественно-экономическое развитие были сделаны уже во второй половине XX века, зарождение науки об управлении инновациями связано с периодом Великой Депрессии 20–30-х гг. XX века. В этот период популярным становится словосочетание «инновационная политика фирмы» – как символ квалификации предпринимателя или менеджера, его способности вывести фирму из депрессии². Именно с этого момента управлению инновациями стали уделять большое внимание, так как компетентное управление инновационными процессами на предприятии способно оказать положительное влияние на развитие бизнеса.

На протяжении XX века в результате осознания важности активизации инновационной деятельности для улучшения экономической ситуации концепция управления инновациями сформировалась как самостоятельное научное направление. Огромную роль в этом сыграли специалисты в области инновационного менеджмента, в частности, П.Ф. Друкер, работы которого имеют большую значимость как для теории инновационного менеджмента, так и для практики ведения инновационной деятельности в бизнесе³. Впоследствии для целей управления инновационными процессами возникла необходимость исследования влияния инноваций на результаты деятельности организации, что в свою очередь способствовало формированию нового направления в системе видов экономического анализа – инновационного анализа.

Таким образом, сформированная в начале XX века российским ученым Н.Д. Кондратьевым концепция циклично-волновой динамики стала основой для изучения влияния инноваций на развитие экономики и общества. Выявленное им совпадение точек экономического кризиса с масштабным обновлением технико-технологических условий стало катализатором изучения зависимости состояния экономики от технического прогресса. Обращение Й. Шумпетера к изучению влияния инноваций на макроэкономические процессы дало толчок к исследованиям сущности инноваций и их предназначения. На этой основе Г. Менш разработал первую классификацию инноваций, А. Кляйнкнехт заложил основы теории инноваций – инноватики, были созданы особые отрасли социальных наук: инновационного менеджмента и экономического анализа инновационной деятельности.

В результате инновации стали выделять как крайне значимую категорию в общественно-экономическом развитии. Особо заметным такое влияние стало в период роста значимости международной кооперации, усиления процесса глобализации и существенного роста роли науки в жизни общества. Выросла значимость техники и технологии, создаваемых на основе научных открытий и изобретений. В этой связи предприятия, активно внедряющие инновации, получают конкурентные преимущества не только в борьбе за покупателей, но и в плане долгосрочного планирования своей деятельности.

¹ Зуева О.А., Молчанова О.А. Роль инноваций в экономическом развитии национального хозяйства // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2016. – № 1. – С. 155–159.

² Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: учеб. пособие. — М.: Университетская книга; Логос, 2008. — 328 с.

³ Друкер, П. Ф. Бизнес и инновации / П. Ф. Друкер; Пер. с англ. и ред. К. С. Головинского. — М.: СПб.; Киев: Вильямс, 2007. — 423 с.

Раткин Л.С.

к.т.н., ученый секретарь Совета ветеранов РАН
Rathkeen@bk.ru

ПОСТРОЕНИЕ КОМПЛЕКСА ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ПО ИНВЕСТИЦИОННЫМ ПРОЕКТАМ С ПРИМЕНЕНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ СТЕГАНОГРАФИИ И БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ОТРАСЛЕЙ

Ключевые слова: комплекс информационных систем, инвестиционные проекты, компьютерная стеганография, блокчейн-технологии, инновации, капиталовложения, научно-технологическое развитие, регионы, отрасли.

Автором предлагается разработка комплекса информационных систем (КИС), содержащих данные о продукции, выпускаемой в соответствии с инвестиционными проектами, принадлежащими к конкретным отраслям и территориям. В частности, предлагается использование отраслевых автоматизированных систем управления (ОАСУ) и автоматизированных систем управления регионов (АСУР) с созданием соответствующих экспертно-консультативных советов (ЭКС).

В настоящее время термины, введенные несколько десятилетий назад, нуждаются в корректировке вследствие требований современного уровня развития техники. К их числу, несомненно, относится и термин «АСУ», превратившийся из автоматизированной системы управления в полномасштабный информационно-вычислительный комплекс. Например, в настоящее время, несмотря на обилие ИС разных видов, в РФ успешно применяются АСУ для различных отраслей. Вместе с тем, в ряде зарубежных стран вместо термина АСУ существует другой, эквивалентный ему термин «производственный вычислительный кластер» (ПВК). Проведенное исследование в научной литературе выявило множество общих деталей у обоих определений и вместе с тем отсутствие достоверной информации о взаимосвязи АСУ и ПВК. В статьях, посвященных АСУ, редко используется термин ПВК, а в работах о ПВК об АСУ данных крайне мало, при этом данные об их взаимосвязи противоречивы. Такая ситуация позволяет предположить наличие недоработок в определениях АСУ и ПВК с помощью нормативно-правовых документов (НПД).

Аналогичное устранение противоречий между НПД (например, по инвестициям) различных отраслей возможно с помощью ОАСУ и отраслевых ЭКС. Поскольку в отрасли могут находиться предприятия различных регионов, необходимо также задействование АСУР и региональных ЭКС.

Предлагаемый в рамках настоящего исследования принцип построения КИС по отраслевому и территориальному признакам состоит в следующем. Составляется матрица степеней непротиворечивости НПД, первая строка которой состоит из адресов НПД (или адресов блоков НПД с помощью блокчейн-технологий), отсортированных по принадлежности к отраслям, а первый столбец – из адресов НПД или блоков НПД с помощью блокчейн-технологий, отсортированных по принадлежности к регионам. Документ, принадлежащий нескольким отраслям или регионам, включается в соответствующие столбцы или строки необходимого количества раз.

Рассмотрим примерную архитектуру интегрированных информационных систем (Architecture of Integrated Information Systems – AIIS), включающую в себя в качестве основных компонентов ряд ИС, а также другие ИС, в т.ч. вспомогательного назначения. Отраслевые и региональные ЭКС посредством ОАСУ и АСУР соответственно, осуществляют взаимосвязь с предприятиями-исполнителями проектов, которые выдвигают свои предложения по устранению существующих недоработок в НПД как в ЭКС, так и напрямую в законодательные органы.

На каждом из предприятий функционирует АСУ (ПВК), в рамках которого осуществляют взаимосвязь ИС различных видов: CRM для управления корпоративной эффективностью, CRM для управления взаимодействием с заказчиками, EAM для управления основными фондами, ERP для планирования ресурсов предприятия, LIMS для лабораторных исследований, MRP для планирования потребности в материалах, MRP II для планирования производственных ресурсов, PDM для управления данными о продукции, PLM для управления ЖЦ продукции (в т.ч. ПОН), QMS для системы управления качеством, SCM для управления цепочками поставок, SSM для управления сбытом и обслуживанием и другие ИС.

ИС, входящие в состав АСУ предприятия, осуществляют взаимодействие между собой, и связь с АСУ технологическими процессами (АСУТП), в состав которых входят CAD/CAE/CAM системы, осуществляющие компьютерное проектирование с использованием языка инженерных знаний (Knowledge Based Engineering, КВЕ). Оценка управления как технологическими процессами, так и финансовыми операциями осуществляется посредством выявления ключевых показателей результативности (Key Performance Indicators, KPI), оценки их сбалансированности (Balanced Score Card, BSC), функционально-стоимостного анализа (Activity Based Costing, ABC) и управления (Activity Based Management, ABM) деятельностью предприятия для выработки управляющих воздействий по перепроектированию процессов (Business Process Reengineering, BPR) отдела, отделения, структуры, организации или отрасли. Предложе н-

ная схема является примером и может быть модернизирована в соответствии с производственной необходимостью. Так, например, *возможна* коммуникация блока «Оценка и управления», включающего компоненты KPI, BSC, ABC/ABM и BPR, с блоком АСУ предприятия (ПВК) напрямую, минуя АСУТП. Пример иллюстрирует идею, согласно которой оценка управления подразделением, предприятием или отраслью осуществляются посредством АСУТП, если течение ресурсных потоков (финансы, материалы, сотрудники) управляется посредством технологических операций на *макроуровне*. Практическим следствием работы по примерной схеме для предприятий РФ является возможность *одновременной* реализации инвестиционных проектов по выпуску продукции и экспертизы НПД (например, по инвестициям) отраслевыми и региональными ЭКС, а также предприятиями, непосредственно осуществляющими проекты.

Приведённая схема, являющаяся примером архитектуры интегрированных ИС, должна сыграть достаточно важную роль в практической деятельности как предприятий, так и всей отрасли. Для предотвращения подобных ошибок для каждой АИС необходимо, помимо использования *стандартных* инструментов, разрабатывать *уникальные* методы интеграции ИС.

В состав КИС входит, в т.ч., следующий комплекс ИС: информационно-поисковые системы (ИПС) по законодательству и НПС, ИС «Инвестиционные проекты» (ИС «ИП»), ИС «Продукция», ИС «Документация», ИС «Нормативно-правовые документы» (ИС «НПД»), ИС «Международные стандарты финансовой отчётности» (ИС «МСФО»), ИС «Российские стандарты бухгалтерского учёта» (ИС «РСБУ»), ИС «Командировки», ИС «Переговоры», ИС «Договора», ИС «Контракты», ИС «Заказчики», ИС «Предприятия», ИС «Инвесторы», ИС «Аудиторы». Дадим краткую характеристику каждой из ИС, интегрируемых в КИС.

НПС и ИПС являются теми стандартными системами, которые известны на рынке разработчиков ИС по законодательству. К их числу относятся существующие ИС «Консультант плюс», «Кодекс», «Референт», «Гарант» и другие. Доступ к текстам НПД осуществляется в КИС ПОН из других ИС с помощью блокчейн-технологий. В ИС «ИП» хранится информация о проектах, в соответствии с которыми выпускается продукция. ИС «Продукция» содержит в себе данные о продукции, выпускаемой в соответствии с ИП. В ней присутствует информация о российских разработках. Есть в ИС и данные об аналогах за рубежом. ИС «Документация», в отличие от ИС «НПД» (включающей только служебные НПД), содержит в себе данные, не относящиеся к нормативно-правовым документам (например, техническую документацию: рисунки, схемы, чертежи). ИС «МСФО», ИС «РСБУ», ИС «Предприятия», ИС «Заказчики», ИС «Инвесторы» и ИС «Аудиторы» содержат данные о предприятиях, заказчиках, инвесторах и аудиторах по Международным стандартам финансовой отчётности и Российским стандартам бухгалтерского учёта соответственно. Различие этих стандартов описано в специализированной литературе.

Данные о командировках, переговорах, договорах и контрактах предприятий РФ, их инвесторах и заказчиках распределены по ИС «Командировки», «Переговоры», «Договора», «Контракты», «Предприятия», «Инвесторы», «Заказчики», «ИП», «Продукция», «Документация».

Криптографическая и стеганографическая система с применением блокчейн-технологий, разработанная автором в рамках настоящего исследования, является частью более мощной системы, содержащей в себе *неструктурированную* информацию, которая может быть получена посредством различных методов доступа к ней, при этом наиболее подходящим термином, соответствующим результату процедуры поиска в информационном хранилище, является определение «mining», переводящееся с английского как «извлечение» или «добыча» данных. В КИС используются встроенные механизмы *автономной* защиты данных на случай вывода из строя вследствие акта кибертеррора (например, вирусной или хакерской атаки в сети).

Корпоративная информационная система (КИС) призвана обеспечить решение поставленных задач для каждого предприятия, входящего в интегрированную структуру. В корпоративную структуру включается множество цепочек поставщиков и потребителей продукции, поэтому при проектировании КИС должны учитываться особенности функционирования предприятий. На стадии проектирования КИС также предполагается использование различных методов обеспечения скрытого хранения информации, в том числе стеганографических методов. Применение стеганографии оправданно для информационных систем различного уровня как инструмента, позволяющего сокрыть сам факт передачи информации. Но если в случае разработки информационной системы для конкретного предприятия применение компьютерной стеганографии как средства сокрытия данных не несёт негативных последствий для разработчиков и пользователей, то на стадии интеграции разнородных систем в КИС, возникают принципиальные трудности, связанные с основными свойствами систем этого класса. Перечислим их.

Прежде всего, это использование CALS-технологий, обеспечивающих непрерывную информационную поддержку жизненного цикла продукта (Continuous Acquisition and Life-cycle Support – CALS). На каждом этапе происходит накопление информации о характеристиках изделия и степени их соответствия запросам рынка, с тем, чтобы начать новый жизненный цикл изделия с корректировки характеристик изделия. Если в качестве изделия рассматривается перспективное средство, то информация о его закрытых характеристиках должна скрытно передаваться из одного этапа жизненного цикла в другой. Нередко различным этапам жизненного цикла соответствуют разные предприятия, имеющие разнородные информационные системы, поэтому на практике приходится иметь дело с фактами передачи сообщения переменной величины по цепочке в файле-контейнере, имеющем переменную структуру и различный формат. Возможным выходом из такой ситуации может стать или перепроектирование CASE-средствами (компьютерное проектирование программных систем – Computer-Aided Software Engineering – CASE) информационных систем с целью приведения форматов файлов-контейнеров к единому виду, или итеративная процедура сокрытия данных, когда заполненный файл-контейнер является сообщением, помещаемым в пустой файл-контейнер на следующем этапе (итерации). Заметим, что CALS-технологии нашли широкое применение в российской промышленности, и их новизной являются блокчейн-технологии в CALS-системах.

Другим свойством КИС, препятствующим удобной реализации стеганографических методов, является применение OLAP-технологий оперативной аналитической обработки данных (On-Line Analytical Processing – OLAP), с помощью которых происходит построение многомерного информационного куба. Использование механизма сокрытия данных приводит к построению двух кубов (открытого и скрытого), различных по структуре и числу измерений. Поскольку теоретически любое измерение любого объекта может быть скрыто в файле-контейнере, возникает задача построения гиперкуба путём объединения его открытой и закрытой частей. Возможным вариантом построения гиперкуба из двух частей является привлечение аппарата теории функции комплексного переменного, кстати, нередко и используемого в компьютерной стеганографии.

Наконец, третьим свойством КИС, создающим определённые проблемы при реализации стеганографических методов, является использование OLTP – технологий оперативной обработки транзакций (On-Line Transaction Processing – OLTP), применяемых для обработки ситуаций совместного доступа к общему блоку данных. Это свойство позволяет осуществлять быструю обработку обращений к таблицам, количество записей в которых может исчисляться миллионами и даже миллиардами. В КИС по продукции количество строк со скрытыми данными может быть сопоставимо с открытой частью таблицы (например, составлять четверть или треть от общего объёма данных). В такой ситуации требуется механизм, обеспечивающий быстрый доступ к сокрытой в файле-контейнере информации. Для разрешения проблемы (на доступ к сокрытым данным ведь нужно время, пропорциональное их объёму) предлагается создание дополнительных контейнеров, в которых будет размещаться служебная информация о способе быстрого доступа к сокрытым данным, обрабатываемая репозиторием. Роль вспомогательных контейнеров могут исполнить даже файлы драйверов информационной системы (например, *.drv или *.vxd), конечно, написанные соответствующим образом. Возможно использование и файлов других форматов, например, с речевыми сообщениями, или аналогичных им, стойких к стеганоанализу.

Таким образом, перечисленные свойства корпоративных информационных систем затрудняют применение компьютерной стеганографии для сокрытия данных. В обычных информационных системах таких проблем не возникает в силу *однородности* стиля программирования, *общности* форматов и типов данных, а также *единой* политики информационной безопасности руководства предприятия.

Отметим, что описанные задачи частично уже находят своё разрешение. Так, например, в поддержку CAIS-технологиям в настоящее время появились PLM-системы обеспечения жизненного цикла проектов (Project Lifecycle Management – PLM), имеющие более совершенные механизмы скрытого хранения и конвертирования информации. Эти перспективные средства могут быть использованы для обеспечения устойчивой к перехвату передачи конфиденциальной информации в корпоративных сетях.

Рожков Р.С.¹

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ И СОПУТСТВУЮЩАЯ ПРОБЛЕМАТИКА²

Ключевые слова: цифровизация, автоматизация, цифровые новые рынки, потребление, спрос, предложение, медицина, транспорт, энергетика, искусственный интеллект.

Keywords: digitalization, automation, digital new markets, consumption, demand, supply, medicine, transport, energy, artificial intelligence.

Цифровизация затронет все основные рынки, существующие на данный момент. Также в результате трансформаций появятся новые рынки. Большинство рынков будут иметь вид сети. Новые рынки будут ориентированы на человека как конечного потребителя, сократится расстояние между производителем и потребителем. Россия сфокусирует внимание на тех рынках, в которых есть возможность создать отрасли нового технологического уклада, значимых с точки зрения обеспечения национальной безопасности и высокого уровня жизни граждан³.

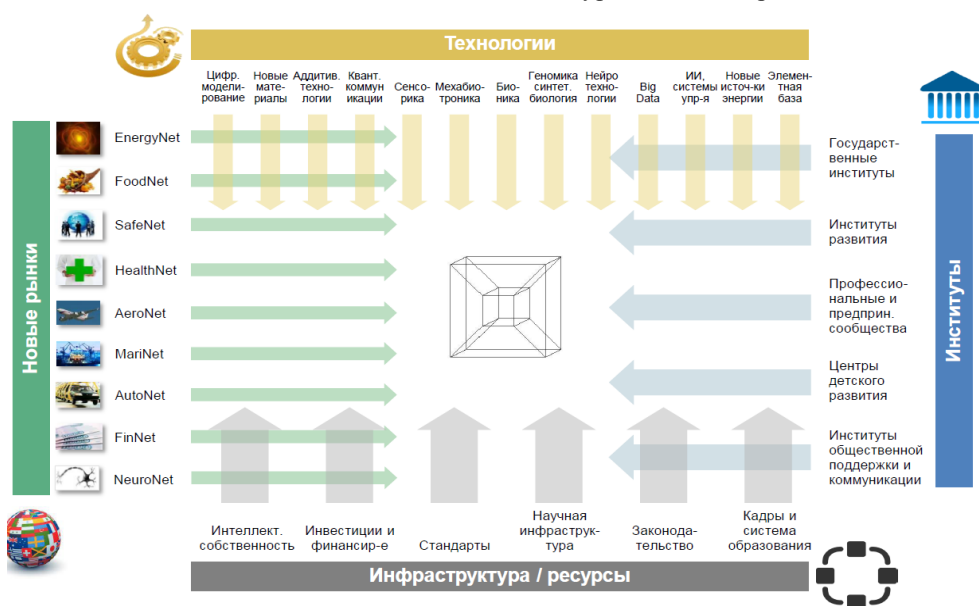

Рисунок 1.
Структура формирования новых рынков

В ближайшие 5–15 лет будут более активно применяться беспилотные авиационные и околоземные космические системы, благодаря чему станет доступным комплекс решений и услуг на их основе. Возникнет новый глобальный сетевой рынок информационных, логистических и иных услуг, предоставляемых флотом беспилотных аппаратов, постоянно находящихся в воздухе и на низких космических орбитах. Доставка продовольственных товаров и товаров легкой промышленности дронами должна стать нормой. Развитие беспилотных авиационных и космических систем, а также технологий беспроводной связи, приведет к росту систем безопасности полетов и обмена информацией. Повышение надежности защищенных сетевых коммуникаций обеспечит массовое безопасное использование беспилотных аппаратов, в том числе и в городских условиях. Над территорией Российской Федерации к 2035 году постоянно (в режиме 24/7/365) могут находиться в воздухе не менее 100 тыс. беспилотных воздушных судов (БВС), объединенных в единую систему предоставления работ и услуг для удовлетворения различных, постоянно возрастающих по потребностей экономики⁴. Среднесписочное количество занятых в разработке и производстве беспилотных авиационных систем (БАС) составит 50–55 тысяч человек, численность занятых в эксплуатации БАС, обеспечении комплексных решений и услуг на их основе достигнет 550 тысяч человек к 2035 году. Оценки показывают, что объем мирового рынка

¹ Рожков Роман Сергеевич – к.э.н., преподаватель кафедры экономики, менеджмента и организации государственных закупок Академии гражданской защиты МЧС России. E-mail: rbt07@mail.ru

² Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

³ <https://strategy24.ru/rf/management/projects/natsional-nyu-proyekt-tsifrova-ekonomika>

⁴ <https://strategy24.ru/rf/management/projects/natsional-nyu-proyekt-tsifrova-ekonomika>

БАС, комплексных решений и услуг к 2035 году составит около 200 млрд. долларов (в текущих ценах). Изменение структуры рынка позволит сформировать новый спрос и новое совокупное предложение. Доля России на этом развивающемся рынке может составить более 35–40 млрд. долларов. Возникнут крупные отечественные компании, которые зададут отраслевые стандарты в своих сегментах. Конечно, есть и проблемные вопросы: взаимодействие и интеграция в мировой рынок с учетом текущей политической напряженности затруднена.

Следующий новый рынок – MariNet. Предметная область Маринет – морская отрасль. Фундаментальный характер отрасли обуславливает ее долгосрочное развитие на десятилетия и даже сотни лет вперед, а глобальный характер позволяет сразу выходить на мировой уровень компаниям, успешно предлагающим свои решения для морской отрасли. Основной задачей и проблемным вопросом на данном новом рынке является развитие технологий в приоритетных рыночных сегментах с целью достижения российскими компаниями лидирующего положения на выбранных мировых рынках, ведущее положение России в глобальном процессе формирования информационной среды и стандартов цифровой навигации; повышение привлекательности российских портов и морских транспортных коридоров; повышение уровня контроля морских акваторий; расширение доступной базы российских природных ископаемых; создание стратегических запасов; а также расширение перспектив освоения минеральных и энергетических ресурсов Мирового океана; повышение эффективности освоения ресурсов Арктики и Дальнего Востока; усиление конкурентоспособности российских судоходных компаний, добывающих компаний и производителей аквакультуры; повышение конкурентоспособности отечественного судостроения и снижение зависимости от зарубежных технологий, в том числе и в области военного судостроения. Перечень задач, стоящих перед российскими компаниями, внушительный – тем более отчетливо видны перспективы развития, получение лидирующего положения и значительная прибыль. Приоритетные рыночные сегменты – цифровая навигация (e-Navigation), технологии освоения ресурсов океана и инновационное судостроение.

Рассмотрим вопрос формирования AutoNet. Рост мирового потребления автомобильной продукции влечет постоянное увеличение нагрузки на транспортные сети государств. Согласно прогнозам ряда ведущих исследовательских агентств, доля грузовых перевозок автомобильным транспортом вырастет к 2030 году с 65% до 75%¹. Одной из проблем можно считать то, что среднемировой показатель отношения количества произведенных автомобилей к приросту городского населения составляет 2,6, а в России он находится на уровне 17,4, таким образом российское значение превышает среднемировое примерно в 7 раз. При этом есть ещё одна серьезная проблема: Российская Федерация имеет относительно невысокую протяженность дорожной сети (1,5 млн. км), что существенно обостряет проблему перегруженности дорог в густонаселенных российских регионах. Перечисленные тенденции приводят к неизбежному возникновению спроса на автоматизацию транспортной системы. Однако на данный момент рынок беспилотных и автономных транспортных средств не сформирован. Рынок средств обеспечения частичной автономности авто транспортных средств находится в зачаточной стадии, его объем оценивается в размере около 4 млрд. долларов. При построении будущих систем автопилотирования авто транспортных средств прогнозируется достижение полной автономности автомобильного транспорта к 2035 году. При этом выделяются следующие основные этапы формирования будущего рынка: внедрение помощников водителя (ADAS) к 2023 году, достижение частичной автономности к 2028 году, достижение высокой автономности к 2032 году, достижение полной автономности к 2035 году. Развитие современной, ориентированной на рынок сети специализированных производств компонентов и систем будет способствовать росту уровня конкурентоспособности российского машиностроения, отраслей микроэлектроники и иных высокотехнологичных производств. Все это создаст технологическую основу для реализации множества рыночных проектов и создания бизнесов с оборотами в сотни миллиардов долларов.

Ядром следующего технологического уклада принято считать науку и здравоохранение, поэтому целесообразно рассмотреть рынок HealthNet. «Хелснет» включает в себя открытую экосистему, которая поддерживает и развивает компании, создающие, производящие и предоставляющие биотехнологические и медицинские продукты и услуги, которые ведут к значительному улучшению здоровья и качества жизни человека в России и в мире. Согласно прогнозам и расчетам, объем глобального рынка «Хелснет» в рамках мирового рынка здравоохранения достигнет к 2030 году 2,4 трлн. долларов и более 9,5 трлн. долларов к 2035 году. При этом к 2035 году российская доля рынка «Хелснет» будет составлять не менее 3,3% от мирового объема².

Следующая технологическая революция будет связана с нейротехнологиями и кардинальным увеличением производительности умственного труда за счет интеграции мозга человека и вычислительных машин. Стремительное развитие этого направления начнется после завершения расшифровки (картирования) работы мозга, по аналогии с биотехнологической революцией, которая стартовала после расшифровки генома человека. Нейронет станет следующим этапом развития нынешнего Интернета (Web 4.0), в котором взаимодействие участников (человек – человек, человек – машина) будет осуществляться с помощью новых нейрокомпьютерных интерфейсов, в дополнение к традиционным методам, а сами компьютеры станут нейроморфными (похожими на мозг) на основе гибридных цифро-аналоговых архитектур. Прогнозируется появление социальных нейросетей и полноценного гибридного человеко-машинного интеллекта. Применение нейротехнологий в области образования позволит резко увеличить объем и скорость усвоения новых знаний, при этом развитие таких технологий, как нейрофитнес и модуляция памяти, приведет к возможности многократного усиления когнитивных способностей. В области медицины появятся технологии, позволяющие использовать искусственные конечности и дополнительные органы чувств, которые к 2040 году разовьются в доступное для массового потребителя нейроуправление бытовым пространством. При этом уже в десятилетней пер-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28.07.2017 г.

² <https://strategy24.ru/management/projects/natsional-nyu-proyekt-tsifrova-ekonomika>

спективе ожидается появление эффективных таргетных биомаркеров и препаратов, позволяющих лечить различные возрастные деменции, включая болезнь Альцгеймера и болезнь Паркинсона. А через двадцать лет возможно открытие генных и клеточных технологий коррекции мозга. Самая главная проблема – это переход от рынка «болезней» к рынку «здоровья»: основной акцент в современной рыночной конъюнктуре делается на получение прибыли, а не на оздоровлении человека. Для экономики нужен человек, который постоянно болеет, т.к. он постоянно покупает лекарства. В основе перехода на новый рынок лежит переход к новым принципам.

Энергетика также будет развиваться. Энерджинет – это рынок оборудования, программного обеспечения, инжиниринговых и сервисных услуг для разномасштабных комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики. Реализация плана по направлению «Энерджинет» в целях развития рынка комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики позволит обеспечить:

- Создание энергетики на новых принципах функционирования в России и за рубежом;
- Развитие потенциальных конкурентных преимуществ у отечественных производителей, создание национальных лидеров на рынке комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики;
- Создание устойчивого экспортного потока высокотехнологичных решений и реализацию проектов внедрения комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики, в первую очередь на рынках БРИКС и развивающихся стран;
- Создание институциональной среды и инфраструктуры для развития малого и среднего высокотехнологичного (наукоемкого) предпринимательства (МСП) на рынке комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики;
- Трансфер уже разработанных технологий и создание новых технологий общего применения для рынка комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики;
- Развитие российской науки в областях знаний, используемых при создании и эксплуатации комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики;
- Создание на территории Российской Федерации пилотных площадок, демонстрирующих эффективность разрабатываемых решений и пула комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики, полностью готовых к массовому тиражированию;
- Развитие энергетических рынков Российской Федерации, формирование условий массового внедрения инновационных решений, которые будут способствовать существенному повышению эффективности российской энергетики и, как следствие, повышению конкурентоспособности российской экономики.

В рамках данного рынка видится переход к новым и альтернативным источникам энергии: солнечная, энергия ветра, «мирный атом», геотермальная энергия и другие. Основной проблемой, которая тормозит развитие энергетического сегмента, является лоббирование всех нововведений нефтяными и газовыми компаниями-монополистами и олигополистами: экономически невыгодно снижать объемы поставок нефти и газа и инвестировать в современные энергетические тренды.

Одной из острых социально-экономических проблем сегодня является обеспечение людей продовольствием. Формируется рынок продовольствия, обеспеченный интеллектуализацией, автоматизацией и роботизацией технологических процессов на всем протяжении жизненного цикла продуктов от производства до потребления, а также развитием биотехнологий. Новый рынок Фуднет будет формироваться под воздействием роста требований потребителей и расширения возможностей производства высококачественной продукции на основе интеллектуализации, автоматизации и роботизации технологических процессов на всем протяжении цикла от производства до потребления. Рынок Фуднет можно разделить на два направления:

В2С – сектор рынка, ориентированный непосредственно на конечных потребителей произведенной продукции, включающий в себя как общее питание (традиционное и заменители пищи), так и персонализированное (групповое и индивидуальное).

В2В – сектор рынка, ориентированный на организацию взаимодействия между компаниями в процессе производства и продажи ими продуктов питания. В рамках Фуднет его можно сегментировать по способам производства питательных веществ (геномика, производство на базе альтернативных источников сырья, органическое земледелие и прочие способы производства).

В качестве острых вопросов вышеописанных моделей нового продовольственного рынка остаются:

- использование различных добавок, таких как усилители вкуса, консерванты;
- недостаточное финансирование научных исследований, разработок и инноваций в сельском хозяйстве;
- решение проблемы голода ввиду ограниченности ресурсов и вследствие низкого уровня жизни населения.

Развитие информационных технологий связано во многом с изменениями в ландшафте городской среды, изменением моделей индивидуального поведения, мобильности и обусловлено формированием нескольких основополагающих тенденций и рынков. На данный момент происходит конвергенция ИКТ, биотехнологий, когнитивных технологий, различных инфраструктур. Такая конвергенция проявляется, с одной стороны, в виде появления новых продуктов, сервисов, с другой стороны, обеспечена передовыми технологиями. Так, например, с технологической точки зрения переход от электроники к фотонике предполагает использование особых свойств света в сложных системах внутри технических объектов (например, транспорт), в биосовместимых системах, интегрированных с человеком (например, при создании оптических нейронных интерфейсов). Проблема для российского рынка на данном этапе хозяйствования – это включение в существующие тренды на глобальном уровне Российской Федерации не только на уровне отдельных разработок, но и на уровне предложений по стандартам и комплексным решениям. В рамках концепции «Интернета всего» будет происходить интеграция решений обеспечения связи, в том числе коммуникаций, на новых, квантовых принципах, вместе с тем будет разрабатываться комплекс по управлению информацией, а также новые ви-

ды передачи, обработки и хранения информации. Одной из проблем в этом вопросе также остается сотрудничество с зарубежными партнерами и нахождение в общемировом информационно-научном поле. На сегодняшний день наблюдается тенденция обособления информационных пространств внутри государств.

В качестве вывода необходимо отметить, что цифровизация экономики – это естественный процесс, который сопровождается развитием всех сфер производства, информатизацией науки и техники, повсеместным внедрением автоматизированных и автоматических управляющих систем, в рамках перехода к новому технологическому укладу с инновационно-научным ядром.

Список литературы

1. Цифровая экономика Российской Федерации: программа: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – М., 2017. – № 32. – Ст. 5138; Официальный Интернет-портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru>
2. Азизкулов Д.М. Цифровая экономика: понятие, особенности и перспективы на российском рынке // Вектор экономики. 2018. – № 3 (21). – С. 62. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=32751051>
3. Бодяко А.В. Проблемы развития методологии учета и контроля в условиях институциональной экономики инновационного типа. Т. 3. О перспективах «цифрового формата» учета, контроля и отчетности. – М.: Русайнс, 2017.
4. Быков А.Ю. Система нормативно-правовой базы цифровой экономики в Российской Федерации. – М.: Проспект, 2017. – 778 с.
5. Быков А.Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. – М.: Проспект, 2018. – 736 с.
6. Великие имена классической экономики. – М.: Эксмо, 2014. – 541 с.

Саханов В.В.

к.э.н., с.н.с. зав. сектором инвестиционной и структурной политики, АО Государственный научный центр лесопромышленного комплекса

Зозуля И.В.

специалист по государственным закупкам, Красноярский строительный техникум

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, инновационное развитие, высокопроизводительные рабочие места, производительность труда.

Keywords: timber industry complex, innovative development, high-performance working place, productivity, efficiency.

Проблема повышения производительности труда и эффективности производства обосновывается необходимостью создания новых высокотехнологических и высокопроизводительных рабочих мест на предприятиях ведущих отраслей, к которым относятся и лесопромышленный комплекс

Лесопромышленный комплекс включает в себя предприятия и организации, занимающиеся заготовкой и обработкой древесины и производящих готовую продукцию различной степени технологической сложности посредством механической, химико-механической, химической, энергетической и биотехнологической переработки древесных ресурсов леса.

Лесной комплекс Российской Федерации является одним из стратегических секторов национальной экономики. Россия располагает свыше 20% мировых лесов, которые занимают более половины её территории. При этом реальный вклад отрасли в экономическое развитие страны пока не соответствует ее потенциалу. Лесопромышленный комплекс постоянно снижает своё место в национальной экономике. Его доля в валовом внутреннем продукте уменьшилась с 2,5% в 2000 году до 0,77% в 2017 г.

В числе системных проблем, приведших к снижению доли вклада лесопромышленного комплекса в формирование валового внутреннего продукта:

– недостаточная ёмкость внутреннего рынка лесобумажной продукции, обусловленная снижением потребления продукции комплекса домохозяйствами, а также замедлением темпов роста основных отраслей – потребителей лесопромышленной продукции;

– технологическое отставание от мирового уровня лесопромышленного производства, характеризующееся отсутствием внедрения прорывных инновационных проектов, позволяющих снять структурные ограничения развития отрасли и выйти на производство совершенно новых (по потребительским свойствам) видов лесобумажной продукции, востребованных на внешнем и внутреннем рынках;

– несовершенная структура производства и экспорта лесобумажной продукции, характеризующаяся преобладанием продукции низких технологических переделов (круглый лес, пиломатериалы, целлюлоза). В то же время недостаток высокотехнологичных производств ставит внутренний рынок в зависимость от импорта ряда важнейших групп лесных товаров: современных плитных и конструкционных материалов, мелованных видов бумаги и картона для упаковки и полиграфии, мебели и другие проблемы.

При этом нельзя не отметить широкий спектр мер государственной поддержки технологического обновления промышленности, в том числе и лесопромышленного комплекса, которые начали активно реализовываться с середины 2000-х годов. Меры государственной поддержки в лесопромышленном комплексе носили характер таможенно-тарифного, финансового и нефинансового характера, и были нацелены на развитие инновационных технологий и выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью, поддержание экспортного потенциала отрасли и стимулирование импортозамещения лесопромышленной продукции. Направленность мер касалась как содействия привлечению инвестиций, так и субсидиарной и регулятивной поддержки. Традиционно низкой оставалась доля средств, предусматриваемых на субсидии на компенсацию части затрат на НИОКР, которая в 2017 году составила менее 1,0% от общей суммы государственной поддержки лесопромышленных предприятий¹.

Среди мер государственной поддержки особое место занимали меры, направленные на создание новых высокотехнологичных перерабатывающих производств по комплексной переработке древесного сырья и высокопроизводительных рабочих мест. Одним из примеров, являются приоритетные инвестиционные проекты в области освоения лесов, реализация которых должна предусматривать «увеличение выпуска импортозамещающей продукции, увеличе-

¹ Верховая О.В. Инструменты государственной поддержки лесопромышленного комплекса Российской Федерации / О.В. Верховая, А.А. Фитцин, Н.П. Кожемяко // Экономика и предпринимательство. 2018. – № 5 (94). – С. 1241–1252.

ние выпуска продукции, направленной на увеличение доли экспортной лесопродукции... создание высокопроизводительных рабочих мест».

О влиянии мер государственной поддержки на развитие высокотехнологичных и высокопроизводительных рабочих мест можно судить по следующим данным. В период с 2010 по 2017 год объём отгруженных товаров собственного производства вырос с 801,9 до 1802,9 млрд. рублей или в 2,25 раза. В этот же период объём отгруженных товаров собственного производства инновационного характера с 0,7 до 32,4 млрд. рублей или в 46,3 раза. В структуре объёмов отгруженных товаров собственного производства по лесопромышленному комплексу в 2017 году доля инновационной продукции в лесозаготовках составила 0,6%, в обработке древесины и производстве изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения 4,3%, в производстве бумаги и бумажных изделий – 35,7% и в производстве мебели – 9,1 процента.

Как повлияло увеличение высокотехнологической и высокопроизводительных рабочих мест на производительность труда в лесопромышленном комплексе и его секторах можно проследить по данным табл. 1.

Показатель производительности труда, представленный в табл. 1, рассчитан как отношение объёмов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами к среднесписочной численности работающих, в определённой мере отображает эффективность лесопромышленного производства, хотя этот показатель имеет ряд недостатков. Однако он позволяет провести сопоставительный анализ производительности труда по более широкой номенклатуре лесобумажной продукции.

Таблица 1

Динамика основных показателей, определяющих производительность труда в лесопромышленном комплексе и его секторах¹

Показатели	2010	2015	2016	2017	2018	2018/2010, %
Объём отгруженных товаров, млрд. руб. - всего						
Леспромышленный комплекс	811,3	1509,6	1703,8	1802,9	2133,0	262,9
в том числе						
лесозаготовки	90,5	156,2	172,5	226,1	228,0	251,9
обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки кроме мебели	264,3	448,7	524,0	548,6	675,4	255,6
производство бумаги и бумажных изделий	337,8	636,1	719,2	775,4	938,4	277,8
производство мебели	118,7	268,6	288,1	253,0	291,3	245,4
Среднесписочная численность работающих, тыс. чел.						
Леспромышленный комплекс	701,5	556,0	551,8	517,2	541,7	77,2
в том числе						
лесозаготовки	156,6	103,4	97,5	70,6	85,0	54,3
обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки кроме мебели	263,8	220,5	217,6	198,4	216,1	81,9
производство бумаги и бумажных изделий	112,5	102,6	105,1	121,0	115,0	102,2
производство мебели	168,6	139,6	131,5	127,2	125,6	74,5
Производительность труда, тыс. руб./чел.						
Леспромышленный комплекс	1157	2715	3088	3486	3938	340,5
в том числе						
лесозаготовки	578	1510	1769	3203	2682	464,0
обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки кроме мебели	1002	2035	2408	2765	3125	312,0
производство бумаги и бумажных изделий	3003	6200	6843	6409	8160	271,8
производство мебели	704	1924	2191	1989	2319	329,5

Анализ показывает, что наиболее высокий уровень производительности труда имел место в анализируемый период в производстве бумаги и бумажных изделий, выпускающих продукцию с более высокой добавленной стоимостью, в производстве которой более высокая доля выпуска инновационной продукции. Однако если рассмотреть темпы роста производительности труда, то в производстве бумаги и бумажных изделий она несколько ниже чем в других секторах лесопромышленного комплекса. Это связано, главным образом, с динамикой изменения среднесписочной численности работающих в секторах лесопромышленного комплекса.

Наиболее высокий рост производительности труда в анализируемый период имел место в лесозаготовках, составивший 4,6 раза. Общее сокращение числа занятых в лесозаготовках в 2018 году по отношению к 2010 году составило 1,8 раза. Одним из факторов этого снижения явилось увеличение доли заготовок древесины по менее трудоёмкой технологии сортиментной и сокращением хлыстовой заготовки древесины. В этот период, вследствие кризисного состояния российского лесного машиностроения, резко выросли поставки высокопроизводительной импортной лесоза-

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – <http://gks.ru>

готовительной техники. Применение высокопроизводительной техники обеспечило повышение комплексной выработки на 1 работающего, что и повлекло за собой соответствующее сокращение уровня занятости в лесозаготовках. Доля импортной лесозаготовительной техники в производственной инфраструктуре ЛПК Российской Федерации в настоящее время составляет более 90 процентов, в том числе при проведении хлыстовой заготовки около 70%, а при проведении сортиментной заготовки более 98 процентов¹.

Что касается обработки древесины и производства изделий из дерева, то с 2010 по 2018 годы рост производительности труда составил 3,1 раза, при снижении среднесписочной численности работающих в 1,2 раза. Этот период в обработке древесины и производстве изделий из дерева характеризовался расширением ассортимента продукции, на новых мощностях на основе передовых технологий. Вводились новые мощности по производству продукции с высокой добавленной стоимостью – древесностружечных – (ДСП и ОСП) и древесноволокнистых плит (МДФ, ХДФ) древесно-композитных материалов и др. В условиях стагнации производства отечественного деревообрабатывающего оборудования действующие и новые производственные мощности оснащались импортными высокопроизводительными многооперационными и роботизированными линиями. Доля импортного деревообрабатывающего оборудования на внутреннем рынке уже в 2016 году составляла до 100 %². Это во многом определило как относительное снижение числа занятых в обработке древесины и производстве изделий из дерева, так и повышение производительности труда.

Ситуация с производительностью труда в производстве мебели в 2010–2018 гг. складывалась как под влиянием роста объёмов отгруженной продукции, который составил 2,45 раза, так и снижения среднесписочной численности работающих в 1,34 раза. При этом доля продукции инновационного характера в структуре объёмов отгруженных товаров собственного производства выросла с 5,1% в 2010 году до 9,1% в 2017 году. Развитие производства мебели, как продукции с высокой добавленной стоимостью, объяснялось низкими темпами обновления технической и технологической базы мебельных предприятий, следствием чего стало снижение конкурентоспособности. Это определило высокую долю импорта мебели, который составлял в структуре внутреннего рынка в 2010 г. – 42,6% и в 2018 году – 39,1 процента. Этому также способствовало снижение пошлины на поставки мебели по импорту в условиях присоединения Российской Федерации к ВТО.

В производстве бумаги и бумажных изделий с 2010 по 2018 год производительность труда выросла в 2,7 раза при том, что среднесписочная численность работников выросла на 2,2%. Восстановление численности работников после 2010 года было связано, с одной стороны, с восстановлением докризисного уровня производства, с другой стороны – с развитием ассортимента продукции изделий из бумаги и картона, с более высокой трудоёмкостью технологических процессов.

Проведённый анализ показывает устойчивые темпы роста производительности труда в лесопромышленном комплексе и в его секторах в 2010–2018 гг. Определённый вклад в решение этой задачи должен внести национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости», участие в котором могут принять лесопромышленные предприятия отрасли, отвечающие основным критериям для участия в проекте. Всего по данным бухгалтерской отчётности в лесопромышленном комплексе в 2017 году функционировало 2747 крупных и средних предприятий, в том числе в лесозаготовках – 497, в обработке древесины и производстве изделий из дерева – 1061, в производстве бумаги и бумажных изделий – 354 и в производстве мебели – 562 предприятия. Из общего числа предприятий по критерию выручка от 40 млн. руб. до 30 млрд. руб. в состав национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» могло бы войти только 405 лесопромышленных предприятий.

Что касается другого критерия национального проекта – доля участия резидентов иностранных государств в Уставных капиталах не выше 25%, то иностранные компании присутствуют в уставном капитале практически каждого крупного производителя древесных плит, целлюлозы, бумаги и картона (табл. 2).

Таблица 2

Доля иностранных акционеров и Росимущества среди собственников и акционеров компаний лесной промышленности³

Продукция	Иностранные акционеры, %	Росимущество, %
Пиломатериалы	7,69	0,71
Древесные плиты	60,11	3
Целлюлоза	71,75	0,76
Бумага	44,45	1,28
Картон	59,21	0
Итого в среднем по лесной промышленности, %:	48,64	1,15

Выводы

Таким образом, количество предприятий потенциальных участников национального проекта «Производительность труда и поддержание занятости» резко сокращается. В этих условиях повышение производительности труда на лесопромышленных предприятиях должно опираться на уже действующие меры государственной поддержки. Среди них:

¹ Кондратюк В.А. Лесное машиностроение, проблемы и перспективы / В.А. Кондратюк, И.В. Воскобойников. – М.: МГУЛ, 2015. – 394 с.

² Официальный сайт Федеральной таможенной службы. – <http://www.customs.ru/>

³ Нет России без леса: ведущие предприятия лесной промышленности и их собственники в 2014–2016 гг. – <https://proderevo.net/analytcs/main-analytcs/net-rossii-bez-lesa-vedushchie-predpriyatiya-lesnoj-promyshlennosti-i-ikh-sobstvenniki-v-2014-2016-g-g.html>

- приоритетные инвестиционные проекты в области освоения лесов;
- комплексные инвестиционные проекты по приоритетным направлениям гражданской промышленности, по которым помимо компенсации части затрат на уплату процентов по кредитам в отношении предприятий, включённых в данный перечень, реализуется инструмент льготного финансирования по различным программам за счёт средств «Фонда развития промышленности».
- меры поддержки экспорта лесопромышленной продукции, такие как компенсация части затрат на транспортировку продукции, финансирование части затрат, связанных с продвижением высокотехнологичной, инновационной и иной продукции и услуг на внешние рынки а также меры поддержки импортозамещения в лесопромышленном комплексе и другие.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 23.02.2018 № 190 «О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291691/
2. Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» (вместе с «Требованиями к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности»). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183798/

Слепокурова Ю.И.

к.б.н., доцент, Воронежский государственный университет инженерных технологий

Василенко И.Н.

к.э.н., доцент, Воронежский государственный университет инженерных технологий

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ключевые слова: инновационная политика, технологические инновации, промышленные предприятия, пищевая промышленность.

Keywords: innovation policy, technological innovations, industrial enterprises, food industry.

Становление экономических процессов на предприятиях напрямую связано с использованием прогрессивных технологий. Благодаря инновационным технологиям происходит многократное увеличение производительности труда, появляются материалы с новыми физическими и химическими свойствами¹.

В настоящее время в условиях быстро изменяющейся экономической ситуации и огромной конкуренции между производителями товаров организации должны предлагать новые идеи, чтобы сохранять интерес покупателей к их продукции. При этом инновационная активность предпринимателей важна для развития экономики страны. Отметим, что в российском промышленном производстве инновации тесно связаны с расширением автоматизации и компьютеризации на предприятиях, применением новых видов сырья и источников энергии, созданием продукции и промышленных изделий, не имеющих аналогов на рынке данной продукции².

Достаточно большое количество предприятий в России осуществляют инновационную деятельность, которая связана с использованием различных видов инноваций. Основной целью данной деятельности является получение организациями дополнительного дохода в виде коммерческого результата. При этом предприятия несут риски по внедрению инноваций, но прибыль покрывает все расходы, если нововведение эффективно. Для того чтобы не упустить ни одной рентабельной идеи и обеспечить оптимальные условия для ее реализации, создается инновационная политика предприятия. При этом следует отметить, что особое значение отводится инновационно-технологической политике в деятельности промышленных предприятий, к которым относится и пищевая отрасль³.

Пищевая отрасль занимает одно из ведущих мест в структуре промышленного комплекса страны, объединяя более 40 специализированных отраслей, подотраслей и отдельных производств. Пищевая промышленность является гарантом обеспечения продовольственной безопасности страны и обеспечивает устойчивое и бесперебойное снабжение населения продуктами питания надлежащего качества, состава и структуры. Предприятия отрасли замыкают производственную цепочку на пути движения продовольственного сырья, превращая сельхозпродукцию в конечную продукцию и сырье для промышленности⁴.

Инновации в пищевом секторе представляют собой реализацию в хозяйственной практике итогов разработок и исследований в виде новых улучшенных продуктов питания, новых технологий, новых форм организации и управления, новых подходов к управлению кадровым потенциалом и формированию социальных услуг. При существующем многообразии классификационных подходов для предприятий промышленного комплекса из всего множества инноваций следует выделить технологические, организационные, маркетинговые и экологические типы инноваций (табл. 1).

В общем объеме для перерабатывающих предприятий более значимы технологические инновации, подразделяемые на продуктовые (реализуемые в виде новых или усовершенствованных продуктов с принципиально новыми характеристиками) и процессные (реализуемые в виде технологически нового либо усовершенствованного производственного метода). Продуктовые инновации предполагают создание и производство экологически безопасных про-

¹ Russia toward a Hi-Tech Development Model / Elena V. Sibirskaia, Liudmila V. Oveshnikova, Aleksandr V. Bezrukov, Olga M. Pasyukova, and Yulia I. Slepokurova // Tech, Smart Cities, and Regional Development in Contemporary Russia. – Bingley, 2019. – P. 103–118.

² Богомолова И.П., Василенко И.Н., Котарев А.В., Харченко А.Г. Исследование теоретических основ инновационного развития предприятия в аспекте стратегирования и принятия управленческих решений // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. – Воронеж, 2019. – № 9. – С. 5–15.

³ Богомолова И.П., Мизанбекова С.К., Василенко И.Н., Богомолов А.В. Стратегическое планирование инновационного развития предприятия в условиях усиления конкуренции и рисков // Техника и технология пищевых производств. 2019. – № 1 (49). – С. 144–159.

⁴ Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 17.04.2012 г. № 559-п. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128940/

дуктов массового потребления, производство продуктов лечебно-профилактического назначения, создание продукции для особых групп населения, разработку и производство детского питания.

Таблица 1

Характеристика основных типов инноваций предприятий пищевой отрасли¹

Вид инноваций	Характеристика
Технологические	Внедрение товар или услуги, являющихся новыми или значительно улучшенными по части их свойств или способов использования. Внедрение нового или улучшенного способа производства
Организационные	Внедрение и/или освоение новых форм и методов организации производства и труда
Маркетинговые	Внедрение новых или улучшенных концепций и стратегий маркетинга, включая изменения в дизайне или упаковке, продвижении на рынок, сбытовой политике и методах ценообразования
Экологические	Изменения в производственном процессе и организационной структуре с целью улучшения или предотвращения негативного воздействия на окружающую среду

Процессные инновации представляют ресурсосберегающие технологии, совершенствование технологических процессов с целью сокращения продолжительности производственного цикла, совершенствование тары, упаковки и способов перевозок. Основная цель организационных инноваций – создание условий для повышения качества хозяйственно-производственных связей, апробации новых форм организации труда, реализации потенциала сотрудников предприятий. В отечественной практике пищевых производств организационные инновации включают формирование новых систем контроля и оценки качества продукции, реализацию новых подходов к сертификации продукции, повышение уровня человеческого капитала.

Процессные инновации – это результат разработки и внедрения технологически новых или технологически усовершенствованных производственных методов, включая методы передачи продуктов².

В табл. 2 показана динамика показателей инновационного развития экономики России. В частности, исходя из приведенных данных, стоит отметить, что удельный вес инновационных товаров имеет довольно низкое значение, при чем в 2013 г. этот показатель составлял 9,2%, а в 2018 г. снизился до 6,5%, конечно, это свидетельствует об отрицательной тенденции в данной сфере хозяйствования.

Таблица 2

Динамика показателей инновационного развития экономики России³

Показатели	Период	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
		Отгружено товаров собственного производства, млн р.	38 334 530,2	41 233 490,9	45 525 133,8	51 316 283,5	57 611 057,8
Инновационные товары, млн р.		3 507 866,0	3 579 923,8	3 843 428,7	4 364 321,7	4 166 998,7	4 516 276,4
Удельный вес инновационных товаров, %		9,2	8,7	8,4	8,5	7,2	6,5
Инновационная активность, %		10,1	9,9	9,3	8,4	14,6	12,8
Затраты на технологические инновации, млн р.		1 112 429,2	1 211 897,1	1 200 363,8	1 284 590,3	1 404 985,3	1 472 822,3
Удельный вес затрат на технологические инновации, %		2,9	2,9	2,6	2,5	2,4	2,1
Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, %							
Технологические		8,9	8,8	8,3	7,3	20,8	19,8
Организационные		2,9	2,8	2,7	2,4	2,3	2,1
Маркетинговые		1,9	1,7	1,8	1,4	1,4	1,3
Экологические		1,5	1,6	1,6	–	1,1	–
Разработанные передовые производственные технологии, ед.		1429	1409	1398	1534	1402	1565
Используемые передовые производственные технологии, ед.		193 830	204 546	218 018	232 388	240 054	254 927

Относительно инновационной активности (удельный вес организаций, осуществляющих различные виды инноваций (технологические, организационные, маркетинговые, экологические)) стоит отметить, что данный показатель имел и периоды спада и подъема. В частности, за период 2013–2016 гг. значение инновационной активности снизилось с 10,1 до 8,4%. Причем за весь временной интервал (2013–2016 гг.) снижение было перманентным. В 2017 г. данный показатель резко увеличился до уровня 14,6%, но в 2018 г. уже пошел на спад и к концу года составил 12,8%. Таким образом, наблюдалась некоторая закономерность, когда количество организаций, занимающихся инновациями, снижалось, и доля инновационной продукции в общем объеме уменьшалась (исключение составляет 2017 г.). Отмеченным тенденциям есть вполне объяснимые причины, в частности, если показатель в относительном выражении снижается – это не всегда значит, что он уменьшается в абсолютном выражении. В нашем случае нужно отметить до-

¹ Экономические аспекты развития пищевой отрасли в условиях импортозамещения и цифровизации современной индустрии: коллективная монография / Под науч. ред. Савватеева Е.В. – М.: Научный консультант, 2019. – С. 117–154.

² Инновации в России: динамика основных показателей / С.Ю. Фридлянова. – <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1>

³ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. – <http://ac.gov.ru/files/attachment/4843.pdf>

вольно интенсивный рост объема отгруженных товаров собственного производства за весь период наблюдения (2013–2018 гг.) и справедливости ради стоит сказать, что в денежном выражении объем инновационной продукции также постоянно увеличивался за исключением 2017 г. Такое же объяснение справедливо и для показателя инновационной активности – доля инновационных предприятий снижалась исключительно за счет роста общего их количества, а в абсолютном выражении их число увеличивалось. Если говорить о затратах на технологические инновации, то данный показатель в 2013–2018 гг. демонстрировал устойчивый рост, исключение составил 2015 г., но снижение было довольно незначительным. В 2018 г. общие затраты на технологические инновации по экономике составили 1 472 822,3 млн. руб. Это весьма значительная сумма, но ее удельный вес составил всего 2,1%. В 2013–2018 гг. среднее значение данного показателя составило 2,57%, что свидетельствует о довольно низком уровне затрат современных организаций, направляемых на технологические инновации. В то же время, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, значительно превосходит число организаций, реализующих маркетинговые, организационные и экологические инновации. В частности, в 2018 г. доля организаций, реализующих технологические инновации, составила 19,8%, организационные инновации – 2,1%, а маркетинговые всего 1,3%.

При рассмотрении используемых и разработанных передовых производственных технологий отметим, что число разработанных значительно ниже показателя используемых. Все это свидетельствует о том, что большую часть передовых разработок организации закупают у иностранных производителей. В частности, в 2018 г. доля разработанных от используемых составила 0,6% и данный уровень характерен для всего периода исследования (2013–2018 гг.). Конечно, это создает дополнительные риски и ограничения в плане устойчивого и динамичного развития нашей экономики.

Далее проанализируем показатели инновационное развитие отечественного пищевого производства, приведенные в содержательной части табл. 3.

Таблица 3

Инновационное развитие пищевого производства в России¹

Показатели	Период	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Отгружено товаров собственного производства, млн р.		3 317 830,4	3 617 627,2	4 378 326,6	4 715 558,0	3 823 114,2	4 153 948,5
Инновационные товары, млн р.		127 817,4	180 282,7	209 289,3	236 948,0	291 811,8	272 304,3
Удельный вес инновационных товаров, %		3,9	5,0	4,8	5,0	7,6	6,6
Инновационная активность организаций, %		11,0	12,5	12,2	12,2	16,6	14,2
Затраты на технологические инновации, млн р.		29 974,3	25 864,4	20 143,0	26 078,1	43 879,2	40 790,2
Удельный вес затрат на технологические инновации, %		9,0	10,3	10,2	10,0	16,6	15,8
Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, %							
Технологические		0,9	0,7	0,5	0,6	1,1	1,0
Организационные		2,5	2,4	2,2	2,0	2,2	2,3
Маркетинговые		4,4	4,3	4,1	4,0	4,2	3,5
Экологические		1,4	1,7	2,2	-	1,5	-

Если сравнить динамику показателей инновационного развития национальной экономики и отечественного пищевого производства, то можно отметить как сходства, так и различия. В частности, показатель отгруженных товаров в пищевом производстве имел устойчивый рост, исключение составил 2017 г., когда объем отгруженных товаров по сравнению с предыдущим периодом уменьшился ~ на 19%. Объем производства инновационных товаров в денежном выражении рос на протяжении всего периода наблюдения. В 2013 г. данный показатель составлял 127 817,4 млн. руб., а в 2018 г. увеличился до 272 304,3 млн. руб. Удельный вес инновационных товаров в пищевом производстве довольно близок к показателям, присущим национальной экономике в целом. Так, среднее значение удельного веса инновационной продукции в 2013–2018 гг. составило 5,5%, причем максимальный уровень (7,6%) был отмечен в 2017 г., что было связано с высоким темпом роста инновационных товаров (в абсолютном выражении) и весьма значительным снижением объема отгруженных товаров в данной сфере народного хозяйства (в абсолютном выражении).

Инновационная активность в 2013–2017 гг. повышалась хорошими темпами, но в 2018 г. снизилась на 2,4 п.п. В целом, данный показатель в пищевой промышленности выше среднего уровня по экономике, что говорит о хороших темпах инновационного развития данной сферы народного хозяйства. В частности, средний показатель удельного веса затрат на технологические инновации в пищевом производстве за период 2013–2018 гг. составил 12%, а по экономике – 2,5%. Также стоит отметить, что затраты на технологические инновации в 2017–2018 гг. увеличились весьма существенно, если в 2016 г. его значение составляло 26 078,1 млн. руб., то в 2017 г. – 43 879,2 млн. руб. Кроме того, технологические инновации – это не приоритет для отечественного пищевого производства, так в 2018 г. удельный вес отраслевых организаций, занимающихся технологическими инновациями, составил 1%, доля организаций, занимающихся организационными инновациями, – 2,3%, а маркетинговыми инновациями – 3,5%.

¹ Стратегия повышения качества пищевой продукции в РФ до 2030 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 29 июня 2016 г. № 1364-р.

Таким образом, отечественная пищевая индустрия в плане инновационного развития занимает хорошую позицию в масштабах национальной экономики. Особенно значительные изменения произошли за последнее время (2017–2019 гг.).

К основным факторам подобных изменений относятся:

- изменение государственного регулирующего управления (новая агропромышленная политика);
- рост объемов инвестиций (частные, государственные);
- целевая поддержка со стороны государства (льготное кредитование; снижение фискальной нагрузки; целевое финансирование, льготы и скидки на материалы и энергоносители);
- активизация экспортного потенциала (хороший дополнительный источник финансового обеспечения);
- сбалансированность отечественного продовольственного рынка и высокий уровень спроса населения на пищевые товары¹.

Новое поколение перспективных технологий формирует вызовы для государственной научно-технологической политики и в целом для системы государственного управления. В связи с этим выделим основные функции государственной инновационной политики (рис. 1)².

Рисунок 1.
Основные функции государственной инновационной политики

В настоящее время Россия существенно отстает от стран-лидеров в области инновационного развития по целому ряду позиций (ресурсосбережение, экологическая безопасность, технико-технологическое обеспечение аграрной сферы и сферы промышленного производства, IT-технологии в контексте программно-информационного обеспечения и управленческого контроля различных социально-экономических систем). За последнее время (5–10 лет) вопросам инновационного развития национальной экономики стало уделяться намного больше внимания со стороны государственных структур.

Сегодня имеются конкретные результаты, которые основываются на весьма расширенной и обоснованной нормативно-правовой базе государственного управления¹. В ближайшие 3–5 лет в нашей стране должна быть сформиро-

¹ Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 г. № 2. №717.

² Богомолова И.П., Мизанбекова С.К., Василенко И.Н., Богомолов А.В. Стратегическое планирование инновационного развития предприятия в условиях усиления конкуренции и рисков // Техника и технология пищевых производств. 2019. – № 1 (49). – С. 144–159.

вана инновационная экономическая система, базирующаяся на научных знаниях и высоких технологиях. В частности, применение инновационных решений с внедрением конкретных разработок и изобретений должно стать ключевым фактором повышения эффективности функционирования всех секторов народного хозяйства, обеспечить рост производительности труда в реальном секторе в 3–5 раз и способствовать снижению ресурсоемкости в 1,5–2 раза. Данные целевые установки весьма актуальны и перспективны именно для отечественной пищевой промышленности. Эффективное функционирование данного сектора национальной экономики – это составной элемент обеспечения продовольственной, экономической и национальной безопасности нашего государства. Отметим также, что именно пищевая индустрия определяет уровень и качество жизни в любой стране мира.

К числу базовых задач инновационного развития национальной экономики, по нашему мнению, следует отнести задачи, представленные на рис. 2.

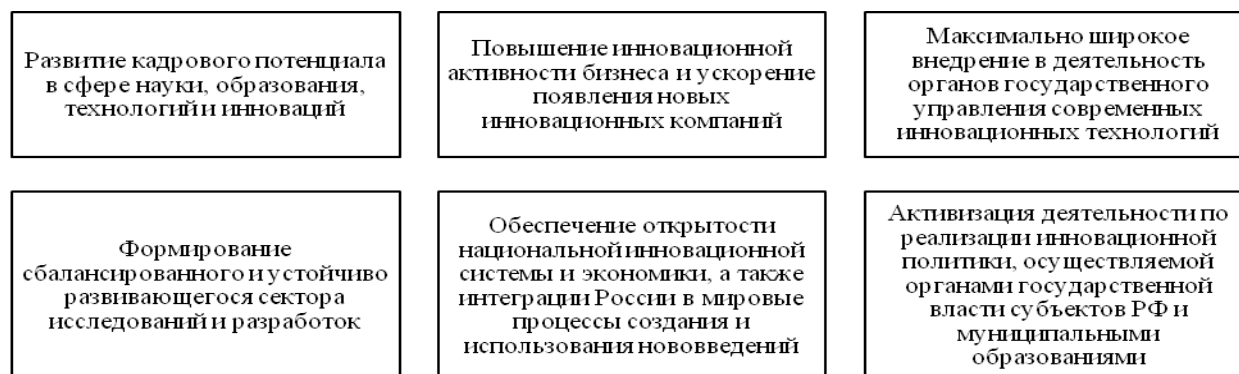

Рисунок 2.

Базовые задачи инновационного развития национальной экономики

Инновационная модель поведения бизнеса должна стать доминирующей в развитии компаний в целях повышения эффективности и занятия лидерских позиций на рынках, а также в технологической модернизации ключевых секторов экономики, определяющих роль и место России в мировой экономике, и в повышении производительности труда во всех секторах.

Формирование сбалансированного развивающегося сектора исследований и разработок, имеющего оптимальную институциональную структуру, обеспечит расширенное воспроизводство знаний, а также повышение эффективности и результативности инфраструктуры, обеспечивающей коммерциализацию результатов научных исследований.

Активизация деятельности по реализации инновационной политики, осуществляемой органами государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальными образованиями, будет в том числе обеспечивать формирование территорий инновационного развития и развитие инновационных кластеров.

Стоит отметить, что особое значение в реализации инновационных преобразований имеют принципы, которые будут положены в общую концепцию. На рис. 3 приведены наиболее значимые из них.

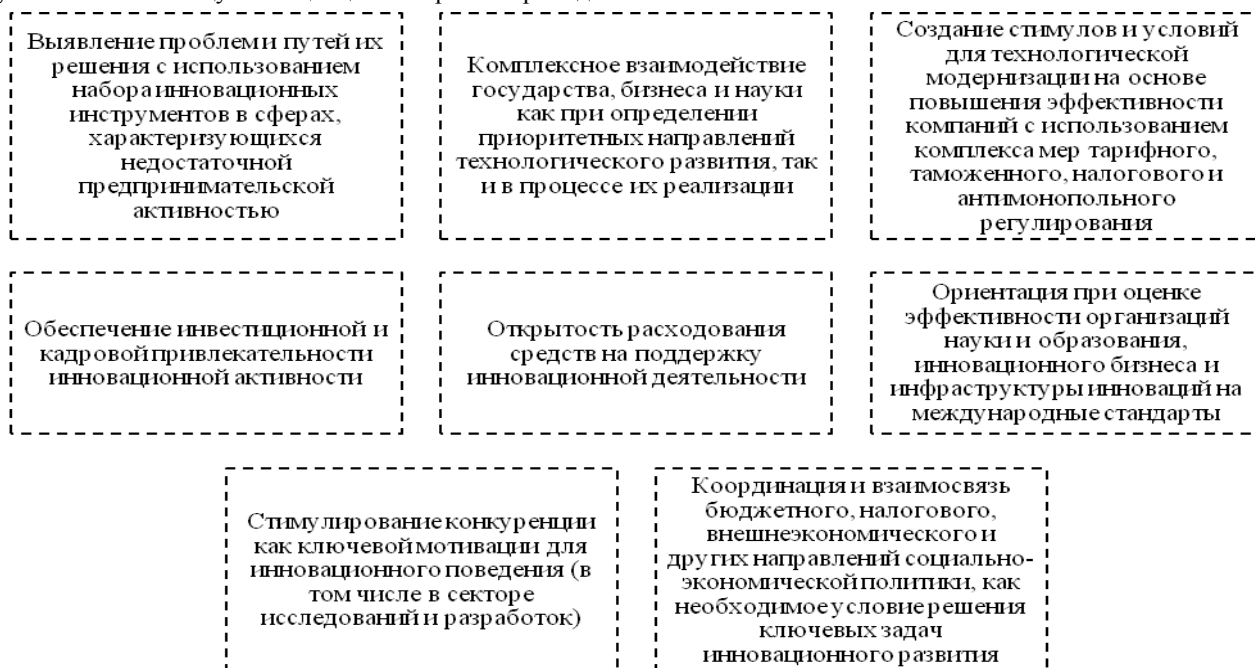

Рисунок 3.

Принципы реализации инновационных преобразований

¹ Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 г.; Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы.

Проведенное исследование показало, что инновационно-технологическая политика предприятий пищевой промышленности направлена на постоянное обновление продукции, сопровождающееся изменением технологий, разработкой и внедрением новой рецептуры продукции, увеличением сроков ее реализации, и использованием новых упаковочных материалов, условий транспортировки и т.д. При этом избранный фокус на развитие прорывных и перспективных технологий объективно требует интенсификации и перестройки научно-технологической и инновационной политики.

Соломенникова Е.А.

к.э.н., доцент, в.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ И СТАНКОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ – ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО БИЗНЕСА

Ключевые слова: цифровизация, высокотехнологичный бизнес, машиностроение, станкостроение, конкурентоспособность.

Keywords: digitalization, high-tech business, machine-building, competitiveness.

Машиностроительные предприятия, в том числе и станкостроительные, играют важнейшую роль в развитии отечественной экономики, т.к. их основная продукция – это средства производства для всех сфер экономики, от состояния которых зависит обновление ведущих секторов экономики.

Чтобы отечественная экономика была конкурентоспособной, необходимо чтобы само машиностроение и станкостроение страны как фондообразующие отрасли были на достаточно высоком уровне развития, то есть были бы высокотехнологичными, инновационными и цифровыми. Для выпуска конкурентоспособного оборудования предприятия указанных отраслей должны использовать современные технологии и производить лучшие виды продукции. Поэтому важнейшим этапом исследования должен стать анализ состояния действующих машиностроительных, в том числе станкостроительных, предприятий на текущий момент.

Оценка современного состояния машиностроительных и, в частности, станкостроительных предприятий дана в утвержденной правительством РФ в 2017 г. программе «Стратегия развития станкоинструментальной промышленности до 2030 года»¹. В документе отмечается, что российские предприятия уступают мировым производителям оборудования по целому ряду показателей, а главное по конкурентоспособности продукции и производства. И вызвано это дефицитом новых производственных технологий, нехваткой высококвалифицированных кадров, отсутствием некоторых видов компетенций работников отрасли для реализации НИОКР и масштабирования результатов инновационной деятельности. К тому же ситуация усугубляется в виду того, что растущий спрос отечественных предприятий практически всех отраслей в условиях перехода на более высокий уровень развития на высокотехнологичное оборудование удовлетворяется за счет импортного. Даже реализация ФЦП «Развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на 2011-2020 годы», в рамках которой проводилась масштабная модернизация производственных фондов предприятий ОПК, осуществлялась практически за счет импортного высоко точного и высокопроизводительного оборудования, что строго говоря, не может обеспечивать надежность ОПК. Более того, импортозависимость российских предприятий уже несколько лет находится на уровне 91–92%. К тому же наблюдается падение спроса гражданских предприятий на обновление основных фондов по причине сокращения их объемов производства и зачастую из-за отсутствия или нехватки финансовых средств².

В развитых странах, в основном, используются технологии и инновации, которые относятся к четвертому и пятому технологическим укладам, при этом использование технологий четвертого уклада снижается, и появляются технологии шестого уклада, хотя пока они применяются на небольшом количестве предприятий. Отечественные производители станков отстают от международного уровня в 1,5–2 технологических поколения.

Таким образом, уровень состояния отечественных машиностроительных предприятий, и станкостроительных в частности, свидетельствует, что они нуждаются в срочном реанимировании, чтобы не только сократить их отставание от зарубежных лидеров, но и обеспечить их ускоренное развитие. В то же время считается, что отечественное машиностроение, и в частности станкостроение, имеет мощный интеллектуальный задел, результатом которого служит достаточно большое число действующих научно-исследовательских и проектных организаций (НПО ЦКТИ, НИИ «Теплоприбор», ГНЦ НАМИ, ЦНИИТМаш, ВНИИМетМаш, ВЭН им. Ленина и др.), разработки которых соответствуют мировым стандартам и используется российскими предприятиями, но слабо. При этом станкостроение имеет мощную производственную базу, но в силу ограниченности бюджетных средств, государственная поддержка оказывается ограниченному кругу предприятий.

Наряду с отмеченными отрицательными тенденциями в российском станкостроении нарастают и положительные тенденции. Есть много примеров промышленных предприятий, свидетельствующих об этом. Они позволяют относить машиностроительные предприятия к высокотехнологичным, внедряющим на постоянной основе все виды ин-

¹ Распоряжение Правительства РФ «Стратегия развития станкоинструментальной промышленности до 2030 года». – М., 2017.

² Там же.

новаций, в том числе и цифровые технологии. Многие авторы отмечают, что на большей части машиностроительных предприятий широко внедряются современные информационные технологии, касающиеся планирования и учета товарно-материальных ценностей, управления производственным процессом, закупок и продаж, что объясняется высокой конкуренцией в данной сфере. Для этих целей сегодня имеется большой арсенал отечественных и зарубежных программных продуктов, например: «1С», «Парус», «Галактика ERP», IFS Applications, а также бизнес-решения Microsoft, SAP, Oracle и др. Использование технологии цифровых прототипов опирается на решения следующих программ: Autodesk Inventor на основе параметрического 3D моделирования для промышленности с целью визуализации и моделирования различных трехмерных объектов в цифровой среде; продукты семейства Autodesk Alias, предназначенных для моделирования поверхностей и дизайна внешнего облика промышленных изделий сложной формы; AutoCAD Electrical и AutoCAD Mechanical, предназначенные для проектирования механических и электрических систем соответственно; Autodesk Vault для управления проектами в рабочей группе и др.

В рамках научно-практической конференции «Комплексные технологии для техперевооружения и модернизации предприятий ОПК в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» на «Технофоруме-2018» (22–25.10.2018 г.) представитель Российской ассоциации производителей станкоинструментальной продукции «Станкоинструмент» Н. Юденков отметил, что «станки, которые производят российские предприятия, находятся в тренде», но для обновления основных фондов по окончании нормативного срока использования (8–10 лет) отечественных предприятий ОПК России пока не производит необходимого количества станков, в то время как европейские стандарты предписывают обновлять станочные парки предприятий каждые 5 лет; не хватает отраслевых квалифицированных специалистов. Представитель группы компаний «ФИНВАЛ» С. Липатов остановился на необходимых стандартах для осуществления четвертой промышленной революции, акцентировав внимание на необходимости замены оборудования на полностью автоматизированное цифровое производство¹. Компетенции в научной и опытно-конструкторской деятельности в станкоинструментальной промышленности, как в высокотехнологичной отрасли, определяют уровень ее развития и сказываются на конкурентоспособности выпускаемой продукции. В последние годы на предприятиях возрастает роль секторов НИОКР и информационных технологий. Но, к сожалению, специалисты отмечают, что большинство разработок предприятий в сфере НИОКР связано, в основном, с модернизацией действующего оборудования, хотя есть и такие предприятия, где создается инновационное оборудование.

В организационном плане мировые лидеры занимаются разработкой новых технологий и новых образцов станков в холдинговых структурах, в которых весь процесс от создания до реализации конечной продукции разбивается между многими ее малыми, средними и крупными предприятиями, что позволяет разделять риски, связанные с созданием и внедрением инноваций. В России же создание и коммерциализация инноваций сопровождается противоречивыми процессами. С одной стороны, по-прежнему предприятия стараются объединить все перечисленные процессы в рамках одного предприятия, тогда, в случае получения неудачного результата, убытки ложатся тяжким бременем на это предприятие. С другой стороны, в данной отрасли создаются холдинговые структуры (госкорпорации Ростех, Роскосмос, крупнейшие российские диверсифицированные холдинги Русские машины, ОСК, Трансмашхолдинг, Силовые машины, группа «Энергомаш», Объединённые машиностроительные заводы и др.). Если участники работают на общий результат, то они повторяют мировую практику, то есть могут использовать западный опыт разделения рисков между ними.

Эксперты оценивают затраты на возрождение станкостроительной отрасли и вывод ее на уровень мировых стандартов свыше 200 млрд. руб. Однако привлечь инвесторов при производительности труда на российских предприятиях станкостроения 786 тыс. руб./чел. (в то время как в Японии – 32 279 тыс. руб./чел.; в Германии – 11 040 тыс. руб./чел.) и при отраслевой рентабельности в 3–4% для реализации поставленной задачи практически невозможно. Поэтому возникает необходимость в государственной поддержке отрасли, которая постоянно осуществляется в рамках специальных программ, например, подпрограмма «Развитие отечественного станкостроения и инструментальной промышленности на 2011–2016 гг.»; предусматриваются субсидии на компенсацию части затрат на проведение НИОКР по организации серийных производств и субсидии в виде имущественного взноса в ГК «Ростех» и др.²

Для ускорения развития предприятий станкостроения необходимо использовать инновационные технологии и производство инновационной продукции, а также проводить цифровизацию бизнес-процессов. Но для решения поставленных задач необходимы существенные финансовые ресурсы, новые компетенции и высококвалифицированные кадры.

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» определены «основные сквозные цифровые технологии: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный Интернет; компоненты робототехники и сенсорика; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности»³. А индикаторами внедрения цифровой экономики, статистика по которым доступна, согласно исследованиям ВШЭ, служат данные по и с-

¹ <http://stancop.com/exhibition/past-exhibitions/technoforum-2018>

² Распоряжение Правительства РФ «Стратегия развития станкоинструментальной промышленности до 2030 года». – М., 2017.

³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

пользованию широкополосного Интернета; серверов; веб-сайтов; облачных серверов; технологий электронного обмена данными между своими и внешними информационными системами; REID-технологии; ERP-системы¹.

Если для экономики России есть статистика по метрикам ее цифровизации, то для машиностроительных предприятий, тем более станкостроительных, такой статистики нет. Поэтому в данной статье используем методы case study.

Внедрение цифровизации на российских предприятиях начинается по-разному: одни разрабатывают проект цифровизации предприятия, другие внедряют цифровые технологии по мере их появления в отдельные бизнес-процессы.

Так, цифровизация в Трансмашхолдинге началась с проекта «Цифровой завод НЭВЗ» – пилотного проекта комплексной цифровизации. На Новочеркасском электровозостроительном заводе (НЭВЗ) была разработана концепция цифрового производства, согласно которой «возрастает роль нематериальных активов – методологий, бизнес-процессов, информации, компетенций, навыков и умений, способности справляться с различными нестандартными ситуациями»². В проекте приводится характеристика ожиданий от цифрового производства в виде экономии ресурсов и повышения их отдачи за счет рационального их использования; обеспечения прозрачности всех процессов производства и управления на предприятии, получения данных в режиме реального времени. А основной идеей проекта является то, что в цифровой экономике будут нужны не станки и оборудование, а программное обеспечение и технологии. Причем, именно новые технологии: роботизация производства, трехмерное моделирование и печать, компьютерное зрение, промышленный Интернет вещей, виртуальная реальность, машинное обучение, цифровой двойник завода и многое другое.

С системы мониторинга оборудования началось объединение 36 единиц оборудования предприятия в единую киберфизическую производственную систему. Это явилось первым шагом внедрения на НЭВЗе решений «Индустрия 4.0». Мониторинг работы станков вызвал организационные изменения: перемещение незагруженных производственных мощностей в другие подразделения, где в них была потребность, и было возможно обеспечить высокий коэффициент их использования. По оценке предприятия, в результате вскрытия резервов за счет сокращения простоев полезное время работы станка увеличилось в среднем на 5–10% (внедрение системы бережливое производство)³.

Информацию о состоянии и работе оборудования и производственных рабочих (сколько станки работали, сколько и по каким причинам простаивали, кто из операторов в этот момент работал и др.) собирает специальная программа через установленные на стойках управления станков контроллеры-регистраторы и терминалы ввода-вывода информации. Часть информации – отключение станка от питания, работа по управляющей программе, аварийная остановка – программа фиксирует автоматически, здесь человеческий фактор исключён полностью. Роль человека (оператора) сводится к определению причины простоя из списка составленных стандартизированных причин. На предприятии уже внедряется робототехнический комплекс на одном из участков производственного процесса. Результатом внедрения комплексного проекта станет создание цифрового макета завода.

Вторым примером начала цифровой трансформации бизнеса с разработки стратегии сквозной цифровизации компании служит компания РУСАЛ, которая включает три направления:

- усовершенствование и наполнение бизнес-процессов датчиками, сенсорами и аппаратурой, ими управляющей;
- внедрение MES-систем, управляющих производственными процессами. Эта система позволяет мониторить работу оборудования, данные о которой обрабатываются и поступают диспетчеру или в единый центр управления, при этом возможен обратный сигнал, формируемый по составленному ранее алгоритму;
- внедрение и совершенствование корпоративных систем (бухгалтерская система, ERP-система). В планах реализации стратегии предполагается запустить мобильные приложения для клиентов системы управления цепочками поставок, позволяющие отслеживать заказ на каждом этапе, а также для систем, связанных с управлением персоналом, – от обучения до внедрения личных кабинетов⁴.

На ряде предприятий Аллюминиевого дивизиона совместно с Yandex Data Factory разрабатываются проекты по испытанию искусственного интеллекта и машинного обучения. Конечной целью данной работы в будущем будет объединение данных по всем бизнес-процессам предприятий, входящих в РУСАЛ, их обработка и анализ в режиме реального времени. Все данные будут представлены в едином формате и будут храниться на общей платформе.

Стратегия цифровизации компании предполагает построение ее новой архитектуры, включая бизнес архитектуру и системную архитектуру (IT). Цифровизация в компании осуществляется поэтапно. При этом разработку и внедрение информационных и технологических решений предполагается сопровождать развитием кадрового потенциала, в том числе освоением сотрудниками новых компетенций в сфере работы с данными, привлечением новых высококвалифицированных специалистов и трансформацией методов и стилей управления, используемых менеджментом компании.

Другой пример касается внедрения цифровых технологий в отдельные бизнес-процессы – Новосибирский авиационный завод им. В.П. Чкалова, который использует автоматические клепальные станки при производстве авиа-

¹ Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т ИТМО «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019.

² Без цифровизации нет будущего: проект «Цифровой завод НЭВЗ». – http://www.up-pro.ru/library/information_systems/production/cyfrovoj-nevz.html

³ Там же.

⁴ Цифровизация промышленности. Опыт Русала. – <https://integration24.ru/2018/06/09/cifrovizaciya-promyshlennosti-opyt-rusala/#prettyphoto/0/>

ционной техники гражданского назначения (самолета SSJ100) на участке панелей фюзеляжа. Оператор такого станка только задает программу и следит за ходом процесса клепки. В результате перехода на «станки-роботы» повысилось качество панелей фюзеляжа, исчез брак, возникающий при выполнении этой операции вручную, что привело к увеличению ресурса самолетов¹.

Примером внедрения сквозной цифровизации может быть АО «НЗХК-Инжиниринг», выполняющее НИОКР, изготавливающее оборудование и осуществляющее внедрение в производство автоматизированных систем контроля и управления технологическими процессами, оказывающее услуги по металлообработке, производящее транспортные упаковочные комплекты. Цифровые технологии на этом предприятии охватывают все этапы – от проектирования нестандартизированного оборудования до его изготовления. Так, процесс создания оборудования (например, устройство таблеток, комплекс герметизации ТВЭЛ) начинается с создания 3-D модели, а уже затем осуществляется его производство.

С помощью системы видеонаблюдения в режиме реального времени осуществляется контроль за работой персонала по всей технологической цепочке изготовления конечной продукции, результаты которого регистрируются и архивируются автоматически. Производство оснащено современным оборудованием, в том числе станками с ЧПУ. В составе «НЗХК-Инжиниринг» есть лаборатория технической диагностики, в которой производится экспертиза опасных производственных объектов и аттестация производственного персонала.

Предприятие использует современные программные продукты в конструировании и разработке нестандартизированного оборудования, например, AutoDesk Inventor 2013-2014, позволяющее использовать 3-D моделирование и проектирование, а также автоматизированную передачу данных о свойствах модели продукции. Работники предприятия используют собственную программную систему ПК «НИИ», которая автоматизирует информационную связь на основе данных от «Autodesk Inventor» о свойствах модели изделия с программными комплексами собственной разработки: ПК «Производство» (подготовка машиностроительного производства, технология) и ПК «ПЗО» (по требованию в материалах и покупных изделиях; заявка на закупку; расчёт обеспеченности)².

Чтобы продвинуться на пути восстановления машиностроительных предприятий и осуществить переход их в высокотехнологичные цифровые, необходимо осуществить переход к следующему уровню развития предприятий, который зависит от самих предприятий. В своем движении они должны следовать мировым тенденциям смены индустриальной парадигмы, несмотря на те барьеры, которые стоят на их пути. Тогда есть возможность, согласно результатам исследования J'son & Partners Consulting основной выгодой от цифровизации и внедрения Интернета вещей (IoT) у российских машиностроительных предприятий появится уникальная возможность «рывком» повысить конкурентоспособность своей продукции относительно основных международных игроков.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что, хотя большинство российских предприятий находится только в начале пути цифровизации своего бизнеса, формируется группа компаний, которые активно занимаются процессами внедрения цифровых технологий. Опыт таких предприятий очень ценен и уникален.

С нашей точки зрения, дальнейшее накопление эмпирического материала по цифровой трансформации бизнеса отечественных компаний, его обобщение и анализ являются важным аспектом развития методического подхода к формированию стратегий цифровизации российских предприятий, отвечающих вызовам современности.

¹ Вездесущая «цифра»: Роботы и цифровые технологи на предприятиях ОАК // Горизонты. 2017. – № 2. – http://www.up-pro.ru/library/modernization/modernization_teh/roboty-oak.html

² НЗХК-Инжиниринг. АО. – <http://www.nccp-eng.ru/>

Тулчеев В.В.

д.э.н., гл.н.с. ВНИИКХ

vtulcheev@list.ru

Жвора С.В.

к.с.-х.н., директор ВНИИКХ

Мелешина О.В.

н.с. ВНИИКХ

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ В КАРТОФЕЛЕПРОДУКТОВОМ ПОДКОМПЛЕКСЕ АПК РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Ключевые слова: кооперация, продовольственная безопасность, производство и переработка картофеля, эффективность.

Keywords: cooperation, food security, potato production and processing, efficiency.

В результате непродуманных реформ, ускоренной приватизации и акционирования предприятий АПК РФ многолетние плановые взаимоотношения и единые производственные цепочки были разорваны «в клочья», а крупное промышленное картофелеводство и овощеводство открытого грунта превратилось в мелкотоварное (производя до 93–95% картофеля и овощей в МФХ, чуть ли не «под лопату»), сократив, например, промышленные посадки клубней в стране с 1318 тыс. га в 1990 г. до 300 тыс. га в СХО и КФХ вместе взятых в среднем за 2016–2018 гг., или в 4,4 раза, для восстановления которых при существующих темпах роста промышленных картофельных площадей в основном в КФХ – понадобится 70 лет. Это в то время когда крупные торговые сети и перерабатывающие картофель и овощи заводы не желают работать с владельцами МФХ, выставляя им неподъемные бонусы, что ведёт к дальнейшей деградации сельского хозяйства России из-за невозможности купить новую технику и т.п. при отсутствии денег и цивилизованных рынков сбыта.

За период 2016–2018 гг. посевные площади под картофелем в ЛПХ сократились с 1709 до 1024 тыс. га, или на 685 тыс. га при ежегодном банкротстве убыточных СХО и КФХ до 15–20% в год. То есть, отечественный качественный «второй хлеб» в результате «реформ» мы можем просто потерять на столе каждого из нас, так как разрушенное промышленное сортовое семеноводство в стране только начало развиваться благодаря поддержке государства. Чтобы обеспечить 1,3 млн. га всех посевов отечественными семенами высших репродукций в объёме 5,0–6,0 млн. т. понадобится не один десяток лет.

Кто будет производить промышленным способом «второй хлеб» и овощи открытого грунта в будущем – вопрос открытый, так как площади под «борщовым набором» в СХО и КФХ в 2018 г. остались на уровне 2016 г. В результате импорт картофеля вырос с 288 тыс. т в 2016 г. до 772 тыс. т в 2017 г. и до 543 тыс. т (за январь-июль) в 2018 г., а овощей и того больше (Красильников, 2018).

Таким образом, комплексная проблема импортозамещения овощей открытого грунта, семенного, продовольственного картофеля, картофелепродуктов и особенно картофельного крахмала (импорт которого превышает в 3–4 раза все допустимые пороги продовольственной безопасности в стране) при сегодняшнем отношении государства ко «второму хлебу» не будет быстро решена (в т.ч. из-за отсутствия серийно выпускаемой отечественной картофелеовощной техники), так как региональные семеноводческие картофелеовощные центры в стране только создаются, пока без всякой кооперации с элитовыращивающими специализированными КФХ и другими элитхозами в условиях полного разрушения советских многоотраслевых опытных хозяйств (ОПХ), в которых прибылью от высококорентабельного семеноводства картофеля (и других растениеводческих культур) часто покрывалась убыточная продукция животноводства.

Между тем, на рынок России владельцы МФХ не организованно поставляют больше 70–80% картофеля и овощей по многим десяткам самодельных (неизвестно кем придуманных) схем и систем товародвижения.

Имея собственный спецтранспорт (с изотермическим кузовом и подъёмным бортом) и более дешёвую мобильную торговую сеть «шаговой доступности» (в т.ч. типа советских магазинов «Овощи – фрукты»), фермерские продовольственные рынки, а также небольшие мобильные логистические торгово-распределительные центры (ТРЦ) в городах со своими директорами, продавцами и охраной, СПГК создадут альтернативу крупным иностранным и отечественным торговым сетям.

В России (занимавшей в 1913 г. 1 место в Европе по числу кооперативов и пайщиков в них) сегодняшней кооперацией могут быть охвачены 120 тыс. товарных ЛПХ (по 3 га в среднем в каждом) с суммарной площадью под картофелем 360 тыс. га, которые при создании СПГК могут преобразоваться в КФХ и при урожайности даже в 30–40 т/га могут дополнительно реализовать на внутренний и мировой рынок до 10–12 млн. т. стандартных семенных и продовольственных клубней. И то, к чему фермеры развитых стран ЕС шли веками (через рыночные барьеры, чиновничьи преграды), мы можем осуществить за 1–2 года, построив быстровозводимые (за 30–40 дней с помощью гаек и болтов)

семеноводческие и продовольственные хранилища-комплексы из лёгких металлоконструкций (ЛМК) любой вместимости и окупаемые за 0,5–1,0 года.

Грандиозный скачок вперёд можно осуществить за счёт создания картофелеовощных СПТК, если будущим его учредителям выделить не на бумаге, а в натуре 12 млн. долей (до 5 га), образовавшиеся после ликвидации колхозов и совхозов, вернув их опять в сельскохозяйственный оборот вместе с 40 млн. га заброшенной пашни.

Кроме того, в России насчитывается 21 млн. садовых, дачных и огородных участков (охватывающих более 60 млн. чел.), 18 млн. ЛПХ (объединяющих ещё до 60 млн. россиян). Итого около 40 млн. земельных участков, в которых в структуре посевных площадей картофель занимает до 60–70% и более и при соответствующем стимулировании могли бы превратиться в КФХ, ИП и войти в состав СПТК. При этом в нашей стране насчитывается сегодня около 20 тыс. СХО и 150 тыс. КФХ (в т.ч. 60 тыс. «отслеживаемых» МСХ РФ). Всего в среднем за 2013–2016 гг. во всех категориях хозяйств России произведено 31,2 млн. т. картофеля, в т.ч. в ЛПХ – 25 млн. т., КФХ (2,4) и СХО (3,8), или соответственно 80,1%, 7,7% и 12,2%. В сумме МФХ (с учётом малых СХО) производят в России 30,1 млн. т. или более 96% «второго хлеба» с технологией далёкой от достижений современной агротехники, часто без качественных семян, средств защиты и т.п., которые во всех сельских регионах целесообразно на добровольных началах объединить в СПТК с целью снижения трудоёмкости возделывания и уборки картофеля и овощей открытого грунта в 5–6 раз, повышения товарности в 2–3 раза и качества «борщового набора», с внедрением в системе «поле потребитель» (вместо десятков самостоятельных) единой государственной технологической политики (мойки, вакуумирования очищенного картофеля и овощей) с использованием принятых всеми ресурсосберегающих «генеральных схем» товародвижения с применением согласованных тары, упаковки, специализированного автомобильного и железнодорожного, водного и морского транспорта (с требуемым температурно-влажностным режимом и вентиляцией), а также сертификатами, гармонизированными со странами-участницами ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ШОС и др. (Тульчев В., Лукин Д., Лукин Н. 2017).

Укрепление продовольственной и экологической безопасности России является главной целью, которую призваны обеспечить сельхозтоваропроизводители – ЛПХ, КФХ и СХО, объединение которых в безотходные агропромышленные формирования (АПФ) – СПТК, АПП и АПО, позволит: сократить до 50% и более потерь сельхозпродукции в системе «поле (ферма) – потребитель»; почти в 2 раза увеличить реальное потребление россиян и соответствующий экспорт зерна, картофеля (в т.ч. продуктов их переработки с высокой добавленной стоимостью); централизованно перерабатывать ежегодно до 60 млн. т. нестандартного сельскохозяйственного сырья, очисток и других органических отходов первичной и вторичной переборки; освободить крупные города и промышленные центры страны (благодаря выносу за их пределы старых частных овощных баз и загруженных на 10–20% отечественным сельхозсырьём перерабатывающих заводов) от экологических, санитарных, транспортных, криминальных, градостроительных, социальных и других проблем, обеспечить в комплексе «борщовым», «суповым», «салатным», «плодово-ягодным» и др. набором детсады, школы, больницы, столовые, силовые структуры, тюрьмы, воинские части, дома престарелых, санатории, дома отдыха, кафе, рестораны и т.п., высвободить на садово-огородных участках и домашних условиях, в предприятиях госнаба и общепита (за счёт промышленного производства «борщового набора», очистки и вакуумирования за 365 дней в году дополнительно сотни миллионов человеко-часов для дальнейшего прорыва в экономике АПК и других народнохозяйственных комплексах, в условиях дефицита трудовых ресурсов, естественной убыли населения страны, повторяющихся демографических ям и т.п.

Всё это говорит о том, что пора перейти от слов к делу и реально начать планомерную структурную перестройку советского АПК и всего народного хозяйства, создаваемого 70 лет под «валовые показатели», переориентировав их деятельность на высокие конечные рыночные результаты, связанные с поставкой конечной конкурентоспособной качественной продукции на внутренний и мировой рынок, при гарантированном обеспечении населения крупных городов и промышленных центров Российской Федерации.

Столыпин подчёркивал, что проводя аграрную реформу, правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных». Как при Столыпине, так и сегодня – Россия нуждается в крепком, богатом крестьянстве, в среднем классе на селе, который во всех странах является оплотом порядка, спокойствия и здоровья нации и кормит почти весь мир.

В свою очередь СПТК не разъединяет, а объединяет конкурирующие между собой товарные ЛПХ, ИП, КФХ и мелкие СХО, делая их мощнее и доходнее на внутреннем и мировом рынках, тем более при наличии собственной розничной дешёвой торговой сети с установленной (совместно с регионами) торговой наценкой в 50–100% к себестоимости, а не 200–300%, которые имеют сегодня посредники и торговцы.

Таким образом, СПТК – это кооперативная «коллективизация» (тот же колхоз, состоящий из экономически крепких и сильных духом свободных крестьян-фермеров), способная производить экологически чистые картофель, овощи, плоды и продукты их переработки (которые не доверяют автономным коллективным СХО, посредническим городским базам и заводам), ликвидировав раз и навсегда противоречия между СХО и КФХ в Российской Федерации мирными экономическими методами на честной конкурентной рыночной основе. А история всех рассудит.

Высокие темпы жизни россиян в рыночных условиях давно требуют появления в торговой сети России очищенного от кожуры картофеля, а лучше одновременно всего очищенного «борщового набора» и других готовых к кулинарной обработке отечественных «наборов» и полуфабрикатов, для быстрого приготовления и питания которые массово сегодня не производят ни иностранные, ни отечественные фирмы.

Опыт работы СПТК «Брянская гильдия картофелеводов и переработчиков» (состоящего из 7 фермеров учредителей, имеющих 7000 га посадок картофеля и современные хранилища общей вместимостью 180 тыс. т. и завод по производству картофельного пюре из нестандартных клубней) при поставке мытого, фасованного картофеля в круп-

ные торговые сети Москвы, Санкт-Петербурга и др. показал, что при товарной подготовке мытого продовольственно-го картофеля к реализации, мелкие, повреждённые и другие нестандартные клубни составляют до 40% от всего урожая. В свою очередь опыты показали, что при очистке стандартных клубней в городах, отходы достигают до 35–40% в зависимости от формы клубня, глубины залегания глазков и способа очистки. В среднем за 2015–2017 гг. все категории хозяйств России реализовали 8,4 млн. т., а за 2013–2017 гг. в СХО произведено 3,8 млн. т и в КФХ – 2,4 млн. т в сумме – 6,2 млн. т, которые можно получить всего лишь со 155 тыс. га при урожайности 40 т/га в СПТК, АПП и АПО, суммарной площадью 500 га, хранилищами вместимостью 15–20 тыс. т в каждом из 310 объединений (или по 3–4 ед. в 83 регионах России). Если от совместного валового сбора – 6,2 млн. т отделить 40% мелких и нестандартных клубней, то будем иметь 2,5 млн. т отходов + 35% картофельных очисток от 4,2 млн. т условно реализуемых СХО и КФХ потребителям в розничную торговую сеть страны вакуумированного картофеля, или ещё 1,5 млн. т. В сумме мы получаем 4 млн. т одних только картофельных отходов (нестандарта и очисток) составляющих 65% от валового сбора картофеля промышленного производства, которые бесследно ежегодно исчезают на городских базах, свалках и в городской канализации), равных 1,35 млрд. корм. ед., достаточных для производства 200 тыс. т свинины или 1,2 млн. т молока или 400 тыс. т картофельного крахмала, достаточного для потребителей стран БРИКС, ШОС, АСЕАН и др. К сведению – в среднем за период 2014–2016 гг. в Россию импортировано из-за рубежа более 500 тыс. т молока, или 42% от 1,2 млн. т, которые можно было получать ежегодно, используя на корм КРС только 4 млн. т молокогонных картофельных отходов, или 13% от среднего ежегодного валового сбора в стране около 30 млн. т, в то время как для питания 150 миллионного населения достаточно 15 млн. т или в 2 раза меньше при потреблении 100 кг/чел./год. Это говорит о том, что до 15 млн. т клубней в России используются нерационально.

Данную проблему на заброшенных 40 млн. га пашни в стране быстрее и надёжнее могут решить СПТК на базе МФХ с собственной торговой сетью (магазины шаговой доступности, пригородные логистические центры, фермерские продовольственные рынки и т.д.) небольшие распределительных центры с холодильниками в городе для обеспечения близлежащих магазинов, предприятий общественного питания, госснабжения и других потребителей во дворах многоэтажек.

Причём СПТК, объединяя 93% картофельных и 90% овощных площадей в стране занятых МФХ могут принимать сортовую сельхозпродукцию не только от своих учредителей, но и других близлежащих товарных ЛПХ, КФХ, ИП и малых СХО (заранее обеспечив их семенами и сетками), используя кооперативный транспорт, одновременно ликвидируя посредников, перекупщиков и спекулянтов, которые никогда не являлись позитивными работниками АПК, стимулирующими рост производства сельхозпродукции у крестьян.

Европейский опыт показал, что вести борьбу с крупными торговыми сетями очень сложно, а часто невозможно, если не противопоставить (как это сделали европейские, особенно скандинавские страны) жёсткую альтернативу в виде создания фермерских производственно-торговых СПТК.

Помимо быстрой окупаемости хранилищ-комплексов за 0,5–1,0 года, благодаря сокращению потерь и прямой реализации продукции, учредители СПТК могут почти в 2 раза увеличить рентабельность работы объединения за счёт откорма животных и продажи мяса свиней или молока с использованием до 50–60% отходов «борщового набора», смешанного с постоянно дорожающими комбикормами не всегда высокого качества.

Сегодня торговая ниша картофеля «фри» занята «Макдональдсом», картофельное пюре производится иностранной компанией «Роллтон», выпускаемые ЗАО «Озёры» Озёрского района Московской области картофельные чипсы «Барин» по самой низкой себестоимости и цене в мире успешно конкурируют с американской компанией «Фрито Лей». Что касается дешёвого очищенного, вакуумированного «борщового набора» для предприятий общественного питания, госснабжения и магазинов, то здесь торговая ниша никем сегодня не занята, кроме агрохолдинга «Дмитровские овощи», хотя рентабельность производства картофеля без кожуры и его цена превосходит мытый картофель в 2–3 раза и пользуется высоким спросом по всей стране, а не только в Московской агломерации.

Но для честной конкуренции государство должно (как на Западе для фермеров) помочь построить продовольственные хранилища в СПТК, так как одних только грантов может и не хватить. За 6 лет с 2012 г. в Московской области на грантовую поддержку фермерского движения было выделено 1.1 млрд. руб., в т.ч. 245 млн. руб. в 2018 г. на 37 грантов, или 6.6 млн. руб. в расчёте на 1 фермера. (Кравцова, 2019).

Конечно, этих средств недостаточно для строительства самого дорогого и крайне необходимого технологического звена – современного хранилища с цехами первичной и окончательной обработки и переработки сельхозсырья. С другой стороны строить современное мелкое хранилище у каждого владельца МФХ невыгодно, а продавать свой тяжёлый труд за бесценок посредникам и спекулянтам нет смысла.

При необходимости (увеличение спроса на внутреннем и мировом рынках) уже очищенный, например, от кожуры картофель несложно (вместо вакуумирования) превратить в обжаренный «хрустящий картофель» или картофель «фри», изготовить картофельное пюре, а из нестандарта, отходов и очисток произвести дорогостоящий модифицированный крахмал, используя разработанные во ВНИИ крахмалопродуктов технологические линии по переработке клубней в сухой крахмал производительностью 10, 50, 100, 200, 500 т (по сырью) в сутки, для любых по мощности хранилищ – комплексов.

При создании кооператива на основе владельцев МФХ впервые может быть внедрена в производство прямая уборка картофеля, моркови, свеклы, лука и капусты различных сроков созревания, поочередно убираемых с лёгких, дающих раннюю продукцию почв (с минимальным засорением вороха клубней) высокопроизводительным самоходным «копателем»-погрузчиком, с использованием большегрузных автомобилей оборудованных малоповреждающим подвижным дном (транспортёром) для разгрузки в хранилище в транспортёр-загрузчик ТЗК – 30 с автоматическим изменением высоты падения клубней на насыпь или пол – в секции хранилища, закрома и т. п., выделяемых

для каждого члена СПТК. Ускоренная уборка в благоприятные дни позволяет ликвидировать ручной труд в поле, сохранить урожай, сократить в 2 раза затраты на переборке и сортировке «второго хлеба» (которые осуществляются в период реализации), снизить повреждаемость и потери продукции при хранении, а соответственно во время продажи, что принесёт немалый доход, и меньше отходов.

Таким образом, не конфронтация товарных ЛПХ (приусадебных, огородных, садовых и дачных участков) КФХ, ИП и малых СХО, выживающих кто как может, а их объединение на добровольных началах в специализированные картофелеовощные и другие СПТК с одновременной возможностью закупок дикорастущих растений (грибов, ягод, орехов и т. п.) в высвобождающиеся закрома, секции и холодильники современных хранилищ-комплексов вместимостью 3–30 тыс. т, в которых легче и дешевле проверить любую сельхозпродукцию на пищевую безопасность, чем в 3–30 тыс. торговых точках, расположенных неизвестно где, не имеющих складских помещений. В системе «поле (ферма) – потребитель» достаточно использовать в СПТК приспособленную систему «Меркурий», которая в состоянии проверить качество сельхозпродукции в любом звене единой технологической продуктовой цепочки, одновременно исключив всех посредников, перекупщиков и просто спекулянтов сельхозпродукции (никак не стимулирующих рост сельхозпроизводства), значительно сократив армию контролёров (а иногда и взяточников) Россельхознадзора, Роспотребнадзора и Роскачества.

Если сегодняшнее отечественное сельское хозяйство быстрее других отраслей народного хозяйства снижает зависимость российской экономики от мировой и даёт вклад в бюджет и ВВП страны больше чем экспорт вооружения, IT технологий и др., мы можем за счёт экспортной валюты закупать недостающую сельхозтехнику и высокопроизводительное технологическое оборудование для СПТК, АПП и АПО, не выпускаемые в России и продолжить дальнейшее развитие передового агропромышленного производства, восстанавливая престиж великой аграрно-индустриальной державы в современном мире.

Список литературы

1. Плотников В. Российский фермер: социально-экономический портрет. – М., 2009.
2. Красильников А. Картофельный рынок // Картофельная система. 2018. – № 1. – С. 10–12.
3. Тульчев В. В., Прямов С.Б., Лукин Н.Д., Миндрин А.С., Ягфаров О.М. Инновационные организационно-экономические и технико-технологические научные разработки, реализованные на практике в области производства, хранения, переработки, товарной подготовки и реализации картофеля в условиях кооперации и интеграции. – М.: Россельхозакадемия, 2014.
4. Тульчев В.В., Лукин Д.Н., Лукин Н.Д. Кооперация и интеграция малых форм хозяйствования – перспектива развития АПК и общего аграрного рынка ЕАЭС // АПК: экономика, управление. 2017. – № 7. – С. 22–31.
5. Кравцова Е. Фермеры взяли слово // Подмосковье сегодня. 2019. – № 28. – С. 3.

Устинова Л.Н.

д.э.н., профессор, Российская государственная академия интеллектуальной собственности

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ОСНОВЕ ПРОДВИЖЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: управление инновациями, развитие промышленности, научно-технологическая сфера деятельности, национальная инновационная система, стратегии развития, результаты интеллектуальной деятельности, информационные базы данных.

Инновационно-технологическое развитие включает совокупность взаимодействия экономических, технических и институциональных факторов в процессе создания и реализации нововведений. Использование результатов интеллектуальной деятельности в производстве новой продукции предполагает наличие развитой промышленной базы, производящей технологическое оборудование для различных отраслей промышленности. Стратегическое развитие промышленности основано на разработке и внедрении результатов интеллектуальной деятельности. Рост наукоемкости производимой продукции, интеллектуализация используемых технологий обеспечивает значительное повышение производительности труда. Процесс создания результатов интеллектуальной деятельности возрастает при непрерывном отслеживании информации о новых мировых разработках, высоких технологиях. Основу создания результатов интеллектуальной деятельности (РИД) составляет совокупность процессов исследования актуальной информации, экспертного отбора ценных инновационных проектов, выделения уникальных разработок, наличие профессионального опыта. При разработке стратегии технологического развития необходимо придерживаться некоторых принципов, важнейшими из которых являются учет общемировых тенденций развития, принцип приоритетности национальных интересов, обеспечение важнейших отраслевых структурных сдвигов и уровень развития информационного сектора экономики [1].

Конкурентоспособность продукции машиностроения оказывает решающее воздействие на эффективность функционирования обрабатывающей промышленности.

Для технологического лидерства предприятиям необходимо:

- осуществлять интенсивные исследования, предшествующие технологическим разработкам;
- использовать современные информационные технологии и базы данных;
- обеспечивать тесную взаимосвязь между НИОКР и производственным процессом нового продукта;
- использовать результаты интеллектуальной деятельности;
- осуществлять поиск и привлечение инвесторов для поддержки НИОКР и продвижения продукции на рынок;
- обеспечивать высококлассный сервис при продажах продукции.

Развитие ведущих стран основано на прогрессе в научно-технологической и инновационной сферах. Этот процесс характеризуется значительной динамикой, скоростью изменений, гибкостью, на которые влияют глобализация, экономическая ситуация и политическая жизнь различных стран и регионов. Характерным является формирование международных инновационных сетей, распространение знаний, поиск информации на основе использования современных информационных технологий. В инновационной деятельности важно техническое и технологическое сотрудничество. Технологическая политика государства – это комплекс мероприятий по созданию, адаптации и распространению в производстве новых технологий, который обуславливает появление на рынке новых товаров, рост производственной эффективности предприятий. Для ее эффективного проведения необходимо создание информационно-технологического пространства – информационной базы данных по научным и технологическим достижениям. Новые технологии рассматриваются как экономический ресурс. *Сохранение высокой конкурентоспособности достигается за счет выявления, оценки и использования интеллектуального капитала.*

Основой технической модернизации и повышения конкурентоспособности отечественных производителей является решение задач по созданию условий для создания и накопления интеллектуальной собственности, увеличения доли нематериальных активов и вовлечения в экономическую деятельность результатов интеллектуальной деятельности. Необходим устойчивый рост процессов технико-экономической интеграции научно-производственной деятельности многих проектных, исследовательских организаций и промышленных предприятий, совместно создающих новые виды современной наукоемкой и высокотехнологичной продукции, который требует внедрения подходов, методов и механизмов, основанных на принципах открытых инноваций [2].

Интеллектуальная собственность приобретает все большее значение для роста инновационного потенциала и развития инновационной деятельности предприятий, оказывая влияние на все отрасли экономики и превращаясь в ведущий фактор производства. Управление интеллектуальной собственностью и коммерциализация инноваций является основной составляющей инновационного развития и общей стратегии бизнеса наукоемких, высокотехнологичных предприятий и организаций РФ, способствующей росту и обеспечению конкурентоспособности продукции на

рынке. Требуется формирование системы, которая предполагает интегрированный подход к поиску, сбору, оценке, восстановлению и распространению всех информационных активов предприятия. Такие подсистемы – управление знаниями (knowledge management) и управление талантами (talent management), включают процессы управления продвижением знаний, повышения профессиональной квалификации сотрудников, привлечение высокоэффективных сотрудников и удержание их в компании.

Таланты создают дополнительную стоимость и конкурентное преимущество. Система управления талантами (talent management system, TMS) – это интегрированный программный продукт, который предоставляет автоматизированные инструменты для решения задач в четырех ключевых областях: рекрутинг, управление эффективностью, обучение и развитие, а также формирование компенсаций. В число функциональных модулей TMS систем входят:

- Управление эффективностью персонала;
- Управление достижением целей;
- Управление компенсациями;
- Приобретение талантов/рекрутинг;
- Управление обучением;
- Управление карьерным ростом;
- Планирование успеха.

Это процесс интегрированной трансформации организацией своих интеллектуальных активов в прибыль и материальные ценности. Наличие высококвалифицированного персонала, высоких технологий, нового оборудования, современных информационных систем, баз знаний и участие в международных выставках активизирует инновационные процессы.

В условиях кризиса и появления проблем в деятельности предприятия проводится поиск благоприятных возможностей, анализируются сильные и слабые стороны. На основе исследования формируются ценностные критерии. Ключевым свойством эффективного решения является наличие альтернатив, позволяющих более качественно выбрать по различным критериям вариант управленческого решения.

Стадии продвижения новых технологий рассматриваются на первом этапе, начиная от появления идеи:

- Идея;
- Прогноз коммерческой возможности;
- Бизнес-концепция осуществления идеи;
- Проверка осуществимости финансовой возможности;
- Стратегическое партнерство;
- Реализация бизнес-проекта;
- Стратегия распространения;
- Стратегия завоевания рынка.

При развитии систем управления знаниями на основе информационных технологий применяются различные методы оценки знаний и аналитические модели. Методы оценки подразделяются на формализованные, основанные на анализе измеряемых критериев, и неформализованные, основанные на опыте, интуиции, экспертных оценках. В рамках представления знаний решаются задачи, связанные с формализацией и представлением знаний в информационных системах. Базы знаний позволили использовать накопленный опыт продвижения технологий и качественно определять перспективные разработки. Знания, профессионализм, накопленный опыт являются важным ресурсом развития любой организации, существенно повышают эффективность ее деятельности. Система управления знаниями позволяет формировать методы их использования и распространения. Активное накопление высоких профессиональных знаний специалистами предприятия способствует их интеллектуальному обогащению.

Основные этапы разработки новых технологий на основе получения знаний: поиск инновационных идей, маркетинговые исследования, отбор наиболее перспективных идей, проведение НИОКР, экспертная оценка разработки, изготовление опытных образцов, разработка бизнес-плана, продвижение товара на рынок.

Реализацию инновационной политики целесообразно ориентировать на развитие национальной инновационной системы, создание инновационных кластеров и инфраструктуры, стимулирующей научно-технический прогресс и интеллектуальную деятельность. Для эффективного извлечения знаний необходимо применять интеллектуальную информационную систему, которая на базе экспертной системы использует ценностную информацию, полученную из базы знаний, и формирует с помощью программы несколько управляющих решений. На основе их руководитель предприятия уже сам выбирает ключевое, с его точки зрения, решение. Программный продукт «Решатель» анализирует множество информационных источников, используя данные из информационных блоков, содержащих информацию технологическую, управленческую, текущую, ситуационную, событийную.

Поиск решения осуществляется на основе аналогий и включает следующие этапы: получение информации о текущей проблеме; сопоставление полученной информации со значениями признаков прецедентов из базы знаний; выбор прецедента из базы знаний, наиболее близкого к рассматриваемой проблеме. Основные компоненты экспертных систем: специалист – рабочее место – информационная система – программа ERP – ядро системы база данных – Подсистема эксперт – база знаний. Технология экспертных систем предусматривает возможность получать в качестве выходной информации не только решение, но и необходимые объяснения.

Автоматизированная информационная система должна удовлетворять таким техническим требованиям, как:

- быстродействие – скорость при вводе, поиске и обработке информации;
- надежная защита от несанкционированного доступа к данным;
- регистрация действий персонала;

- удобный пользовательский интерфейс рабочих мест;
- возможность развития системы;
- интеграция с модулями, используемыми в системе передачи данных;
- возможность проведения конвертации данных из использовавшихся ранее в новую систему.

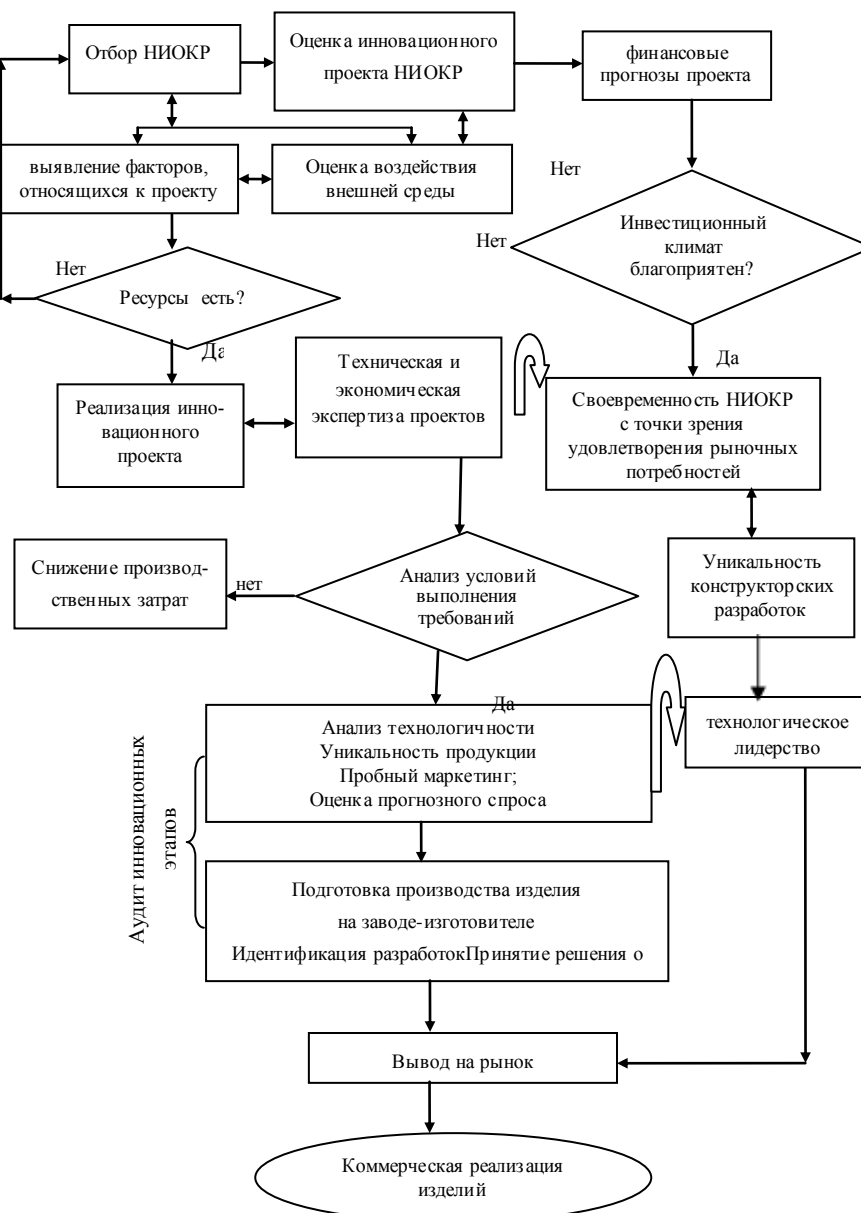

Рисунок 1.
Этапы продвижения на рынок новых технологий [3]

Алгоритм управления знаниями позволяет выделять и распространять уникальную информацию на основе интеллектуальных информационных систем, способствующих автоматизированному принятию управленческих решений в бизнес-процессах.

Система управления знаниями должна быть полностью интегрирована в инновационные процессы и связана с бизнес-средой, со стратегией компаний, с процессами во внешней среде.

Управление знаниями является комплексной системой управления интеллектуальным капиталом и продвижения результатов интеллектуальной деятельности на основе международного технологического обмена.

Управление продвижением результатов интеллектуальной деятельности осуществляют на основе системы SAP. Продвижению инноваций на рынок способствуют единая инновационная система, общая заинтересованность всех субъектов в создании инновационных продуктов, приобретении или продаже их и получении от этого дохода.

Роль и значение активизации процессов коммерциализации интеллектуальной собственности от выявления до использования технологических разработок возрастают при включении в процесс следующих факторов:

1. Выявление источников для проведения НИОКР и инновационной деятельности на стадии зарождения инновационной идеи. НИОКР и инновации создают ценность, которая вызывает высокий потребительский спрос, рост конкурентоспособности и инновационной активности.

2. Существенное увеличение инвестирования бизнесом НИОКР и инноваций – одно из главных направлений развития государственно-частного партнерства, которое в состоянии обеспечить в ускоренные сроки проведение модернизации промышленности.

3. Оборотоспособность технологий, основанная на идентификации, возможности выделения ОИС из состава другого имущества предприятия.

4. Анализ технологических барьеров, причин, не позволяющих достигнуть уникальных преимуществ, снижение инновационных рисков.

5. Расширение притоков частных инвестиций в инновационное развитие.

6. Структурная мобильность как основа расширения инноваций.

7. Дальнейшее совершенствование законодательных актов о методах продвижения инноваций.

В общей сложности эти факторы образуют систему, которая должна быть выделена в особый объект управления. Интегрированные усилия необходимы на всех уровнях управления, которые будут способствовать успешной коммерциализации новых технологий.

Для активизации инновационной деятельности основное внимание следует уделять созданию и продвижению высокотехнологичных товаров в сфере промышленного производства. Новые производственные технологии – это комплекс процессов проектирования и изготовления на современном технологическом уровне материальных объектов различной сложности, включающих в себя аддитивные и гибридные технологии, цифровое проектирование и моделирование. В рамках технологических платформ предполагается конструирование новых механизмов управления, правил взаимодействия ее участников, при этом соблюдаются принципы ясности и информированности о достигнутых результатах в ходе реализации технологической платформы. Вклад технологических платформ в развитие механизмов трансфера технологий, расширение практики научно-технической кооперации и государственно-частного партнерства в инновационной сфере будет последовательно возрастать. Содействие формированию и реализации технологических платформ направлено на решение следующих задач:

– усиление влияния бизнеса и общества на определение и реализацию важнейших направлений научно-технологического развития;

– выявление новых научно-технологических возможностей модернизации существующих секторов и формирование новых секторов российской экономики;

– развитие центров превосходства и центров компетенций в научно-технологической сфере, повышение потенциала для реализации сложных научно-технологических проектов, требующих участия различных организаций, междисциплинарного взаимодействия [4].

Кроме того используются сквозные технологии – как ключевые научно-технические направления, которые оказывают наиболее существенное влияние на развитие новых рынков.

Необходим единый координационный механизм, который может получить статус национальной технологической инициативы в области производственных технологий.

Долгосрочная комплексная программа по созданию условий для обеспечения лидерства российских компаний на новых высокотехнологичных рынках – Национальная технологическая инициатива.

Признавая важность сотрудничества, основанного на принципах добровольного участия, равенства, общего блага и взаимности, при условии наличия ресурсов, выделенных для сотрудничества каждым государством, в Программе выделены следующие формы сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций:

– краткосрочные программы по обмену учеными, исследователями;

– специализированные программы обучения для поддержки развития человеческого капитала в сфере науки, технологий и инноваций;

– организация практических семинаров, симпозиумов и конференций в сфере науки, технологий и инноваций в областях, представляющих обмен информацией в сфере науки, технологий и инноваций;

– создание механизмов совместного финансирования для поддержки исследовательских программ Большой Евразии и крупномасштабных проектов инфраструктуры исследований;

– продвижение совместно полученных знаний и созданных инновационных продуктов и услуг [5].

Для рынка новых технологий нужно решить задачи:

– развития инновационной инфраструктуры;

– развития отечественного производства новых технологий;

– совершенствования финансово-кредитного механизма;

– развития международного сотрудничества в области инноваций.

Стратегии развития бизнеса при использовании объектов интеллектуальной собственности успешнее достигают своих целей. Для этого необходимо:

1. Дальнейшее развитие территорий инновационного развития. Формирование благоприятного инновационного климата. Это особенно важно с учетом территорий России, наличия моногородов и различных поселений, на базе которых наиболее рационально создание промышленных производственных предприятий, особых территориальных и инновационных кластеров.

2. Оценка потребностей непосредственно в инновациях и информации на основе наполнения баз данных и баз знаний.

3. Привлечение высококвалифицированных кадров, инвестиционных ресурсов, информации в инновационные сферы производства.

4. Усиление горизонтальной и вертикальной интеграции науки, образования, производства и рынка.

5. Привлечение в регион резидентов, способствующих развитию технологических цепочек инновационного цикла и системных инноваций.

При создании новой продукции на предприятиях должны формироваться постоянные связи между исследователями и разработчиками новой продукции, НИОКР и производством, маркетингом, поставщиками и клиентами. Технологический брокер формирует общую стратегию коммерциализации технологии, осуществляя поиск инвесторов. Технологический брокер является посредником между государством, наукой, промышленностью и рынком. Основная задача техноброкера – понимать технологическую структуру и коммерческую ценность РИД, выстраивать успешную коммуникацию с разработчиками и с клиентами, перестраивать бизнес-модели в случае необходимости и всегда видеть реальный коммерческий потенциал разрабатываемого продукта. Постоянный рост компетенций в области научных исследований мотивирует создание коммерчески ценных РИД.

Функции технологического брокера:

- Этап 1. Отбор высокотехнологичных решений;
- Этап 2. Анализ ценностных характеристик технологии;
- Этап 3. Совместно с разработчиками оценка уникальных свойств нового продукта;
- Этап 4. Анализ защищенности ИС;
- Этап 5. Определение совокупности необходимых нормативных документов для представления их возможным потребителям;
- Этап 6. Конъюнктурный анализ рынка;
- Этап 7. Проверка совместимости предлагаемой технологии с уже имеющимися у потребителя.

Анализ показывает, что в кластерных структурах более эффективно продвигаются результаты интеллектуальной деятельности. Реализация кластерной политики направлена на решение следующих задач:

- содействие повышению конкурентоспособности предприятий и организаций, входящих в состав территориальных кластеров;
- развитие инновационной, производственной, энергетической инженерной, социальной инфраструктуры территориальных кластеров;
- развитие регионов страны.

Кластеры способствуют развитию технологий, распространению информации, значимой для осуществления бизнеса, обеспечивают взаимосвязь отраслей. Для предприятий эти связи имеют стратегическое значение в конкурентной борьбе, в определении направлений развития бизнеса, внедрения инноваций, в повышении производительности труда, сокращении производственных затрат.

Выводы

Использование результатов интеллектуальной деятельности в производстве новой продукции предполагает наличие развитой промышленной базы, производящей технологическое оборудование для различных отраслей промышленности. Стратегическое развитие промышленности основано на разработке и внедрении результатов интеллектуальной деятельности. Стремительный рост наукоемкости товаров и услуг, интеллектуализация используемых технологий, обеспечивающих значительное повышение производительности труда, обеспечивается за счет обновления знаний и их постоянного пополнения.

Необходимо учитывать международный опыт продвижения инновационных технологий и стремиться формировать благоприятную среду для укрепления сотрудничества и обмена идеями. Международное сотрудничество охватывает практически все области научных исследований и технологического развития, и в ведущих странах мира в него вовлечены университеты, исследовательские лаборатории, частные компании и промышленность, субъекты инновационной деятельности и отдельные исследователи.

Поддержка отраслей промышленности, ориентированных на инвестиционный спрос, требует решения следующих основных задач:

- обновление технологической базы соответствующих отраслей промышленности;
- стимулирование научных исследований и разработок, направленных на создание новых технологий и материалов;
- обеспечение для российских компаний равных условий конкуренции на российском и мировом рынках;

Список литературы

1. Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328.
2. Цифровизация в промышленности: итоги 2019 / НИУ ВШЭ. – М., 2019.
3. Устинова Л.Н. Индустрия 4.0 – Новые вызовы для российского производства // Сборник научных трудов конференции «Цифровая экономика и индустрия». СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. – С. 81–87.
4. Устинова Л.Н. Внедрение передовых производственных технологий для развития промышленности в условиях цифровых технологий // Труды научно-практической конференции «Промышленная политика в цифровой экономике». – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – С. 149–157.
5. Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы». – // <http://static.government.ru/media/files/f1ArmUxbZla9jSRRPCM3ASByLzqyCyba.pdf>
6. Практические руководства для центров коммерциализации технологий, подготовленные в рамках проекта EUROPEAID «Наука и коммерциализация технологий».

Фирсова И.А.¹

ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ИННОВАЦИЙ

Ключевые слова: молодежная политика, сфера науки, техники и инноваций, государственная программа по развитию молодежи.

Keywords: youth policy, science, technology and innovation, state program for youth development.

Современное российское общество как никогда испытывает объективную потребность в использовании своего интеллектуального потенциала в решении стоящих перед страной задач. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за период с 2005 по 2019 годы наблюдается снижение доли молодых людей в общей численности населения (табл. 1).

Таблица 1

**Численность населения Российской Федерации (на 1 января 2019 г, тыс. человек)
(составлено автором на основе данных)²**

Годы	Все население	В возрасте 15–29 лет, всего	В процентах к общей численности населения
2002	145 167	27 003	24,03
2004	144 134	28 693	24,43
2005	143 801	31 118	24,46
2006	143 236	29 099	24,44
2007	142 863	37 282	24,27
2008	142 748	32 280	24,03
2009	142 737	34 880	23,61
2010	142 857	35 211	22,78
2011	142 865	35 172	22,66
2012	143 056	35 004	22,06
2013	143 347	34 672	21,32
2014	143 667	34 300	20,50
2015	146 267	33 706	19,65
2016	146 545	32 540	18,83
2017	146 804	32 371	17,98
2018	146 880	31 558	17,21
2019	146 910	30 567	17,01

По статистическим прогнозам к 2025 году численность молодежи в России сократится до 25 млн. человек. Сокращение численности подростков и молодежи ведет к обострению проблемы формирования молодой рабочей силы, способной воспроизводить интеллектуальный, научный и технологический потенциал России, к сокращению числа высококвалифицированных кадров, изменению в системе подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников, что может привести к увеличению технологической зависимости России.

Развитие экономики стоит на пороге 5 уклада, поэтому поддержка молодых ученых и создание механизма стимулирования молодежной науки актуально в современных условиях. Число молодых ученых в российской науке составило в 2018 году – 42%, что свидетельствует о его уменьшении на 2,5 тыс. человек по сравнению с 2017 годом. На рис. 1 представлены показатели численности ученых с 2010 по 2018.

¹ Фирсова Ирина Анатольевна – д.э.н., доцент, профессор кафедры «Логистика и маркетинг», Финансовый университет.
E-mail: IFirsova@fa.ru

² Федеральная служба государственной статистики. Демография. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

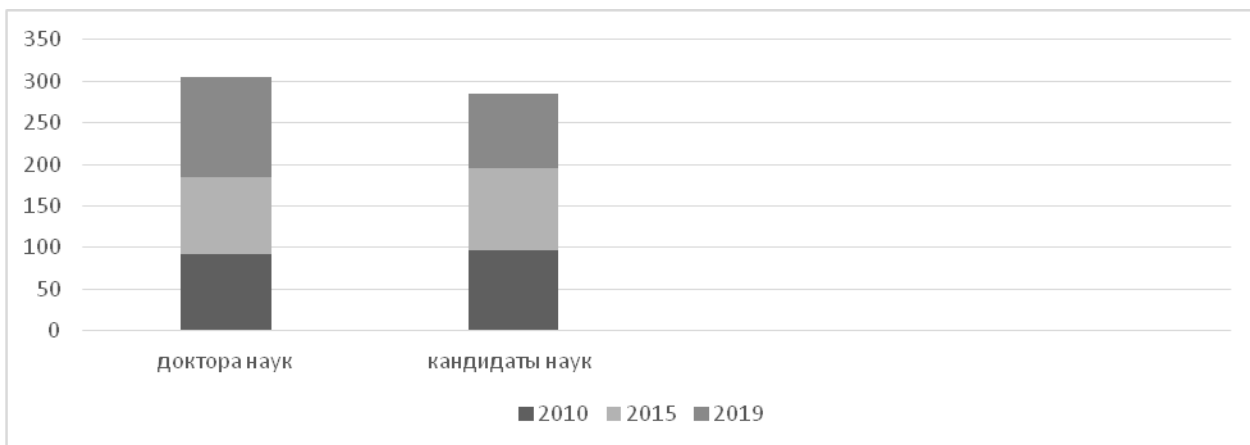

Рисунок 1.
Показатели численности ученых с 2010 по 2018¹

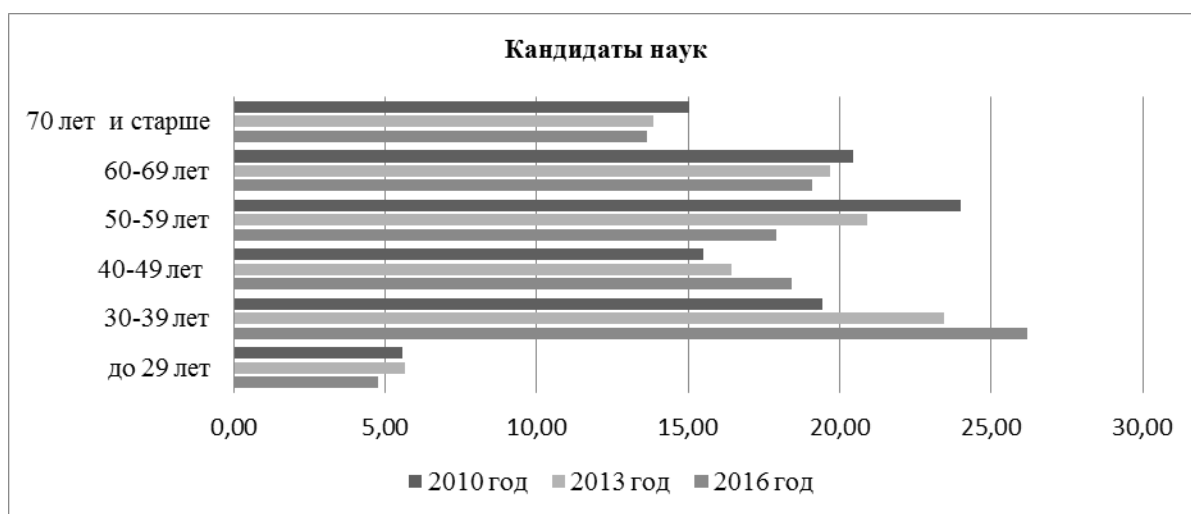

Рисунок 2.
Структура исследователей по годам (составлено автором по данным Росстата)

Как видно из рис. 2, доля молодых исследователей (до 29 лет) в Российской Федерации составляет около 20% в общей численности исследователей, доля исследователей и число кандидатов наук в возрасте 30–39 лет увеличилась с 2010 по 2016 год².

Проанализируем систему подготовки научных кадров в СССР. Ранний период (1920–1930-е гг.) развития советской науки характеризуется построением новой системы науки и высшего образования, включая вопросы кадровой политики. Положение о высших учебных заведениях³ (1922 г.) закрепило деление профессорско-преподавательского состава вузов на три категории: профессора (вели самостоятельные курсы); преподаватели (вели вспомогательные курсы) и научные сотрудники. В стране произошло выделение отдельной категории научных сотрудников, которое послужило толчком к развитию фундаментальной и прикладной науки. Вузы были призваны готовить научных работников для научных, научно-технических и производственных организаций и для самих высших учебных заведений.

С 1922 года произошло расширение полномочий студенческой молодежи в работе вузов. Теперь представители студенчества входили не только в состав правлений, но и предметных комиссий высших учебных заведений. Первым нормативно-правовым актом в создании государственной системы подготовки научных кадров стало принятое в 1923 г. Наркомпросом РСФСР «Положение о порядке оставления при высших учебных заведениях студентов для подготовки их к научной и педагогической деятельности». В 1925 году появилось официальное название «аспирант» для лиц, подготавливаемых к научно-педагогической деятельности⁴.

¹ Составлено автором на основе данных Росстата. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

² Индикаторы науки: 2018: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 320 с.

³ Декрет СНК РСФСР от 03.07.1922 Положение о Высших Учебных Заведениях. – <http://www.bestpravo.ru/sssrf/gn-pravila/q7g.htm>

⁴ Донченко А.С., Самолова Т.Н. Реформирование высшей школы советского государства в декретах и постановлениях партии и Правительства (1917-1938 гг.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. – № 10. – С. 229–235.

В результате предпринятых мероприятий в 1925 г. численность профессорско-преподавательского состава в стране равнялась 12,5 тыс. человек, что вдвое больше их численности в 1916 году. Увеличилось почти в 7 раз и число научных учреждений (1928–1931 гг.) с 30 до 205¹.

Помимо развития вузовской науки немалое внимание уделялось популяризации научных знаний среди молодежи.

В стране массово создавались научно-технические объединения молодежи (кружки технического моделирования, студенческие конструкторские бюро и т.п.). С 1961 года были введены новые стимулы для научной работы: для соискателей учёных степеней полагались творческие отпуска, а докторанты приравнивались к должности старшего научного сотрудника. С 1967 года с целью усиления притока в науку молодёжи впервые разрешалось зачислять в аспирантуру лучших выпускников сразу после окончания вуза.

В результате проведенных мероприятий к 1979 году численность научных работников в СССР составила 1,3 млн. человек, в том числе 371 тыс. кандидатов наук и 36,6 тыс. докторов наук². В 1950–1980-е гг. в советской науке увеличение численности научных работников происходило во всех научных сферах, но было неодинаковым. За сорок лет наибольший рост произошел в технических науках (в 17,3 раза), наименьший рост — в гуманитарных науках (в 4,5 раза)³. Центральным звеном в популяризации науки, конечно, являлись научно-популярные журналы, ориентированные как на все возрастные группы, так и на читателей всех уровней образования. Перечень научно-популярных периодических изданий в основном сложился к концу 1960-х годов и просуществовал в неизменном виде до распада СССР. («Знание – сила», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Техника молодежи», «Юный техник», «Юный физик» и многие другие).

В популяризации науки сыграли немаловажную роль визуальные медиа (радио, кино и телевидение). Это и художественные фильмы, и научно-популярные передачи, и радиопередачи, и научно-популярные каналы. Долгое время три научно-познавательные программы «Клуб кинопутешествий», «В мире животных» и «Очеви дное – невероятное» имели огромный успех у широкой телеаудитории, и охватывали такие области научных знаний, как география, биология и естественно-научные дисциплины. Была создана центральная студия научно-популярных и учебных фильмов («Центрнаучфильм»), которая снимала учебное кино для образовательных учреждений: школ, училищ и вузов.

Немаловажную роль в распространении научных знаний сыграли естественнонаучные и технические музеи. Для школьников и студентов в советские годы вход в музеи был бесплатным, что способствовало популяризации науки среди молодежи. Практически во всех музеях были организованы на регулярной основе детские кружки и занятия для детей в дни школьных каникул. Огромное количество бесплатных детских и подростковых кружков, студий работало при Дворцах пионеров, их деятельность была направлена на формирование научного мировоззрения. В целом на фоне информационной закрытости советской системы широкая сеть популяризации науки служила мощным стимулом к вовлечению в науку молодежи.

В настоящее время формирование государственной молодежной политики происходит в системе государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации и отражает целостную систему мер, направленных на создание необходимых условий для выбора молодыми гражданами своего жизненного пути, для ответственного участия в возрождении России.

Государственная программа РФ «Развитие науки и технологий»⁴ определяет задачи и целевые показатели развития молодежной науки. В подпрограмме «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» – создание конкурентной среды, открытой для привлечения к работе в России ученых мирового класса и молодых талантливых исследователей, имеющих научные результаты высокого уровня, а также создания новых исследовательских групп, ориентированных в том числе на конвергенцию областей знаний и сфер деятельности, в подпрограмме «Международное сотрудничество в сфере науки» – развитие инструментов и расширение масштабов международного сотрудничества на уровне как научных организаций, так и творческих коллективов (подразделений, лабораторий) и отдельных исследователей, в Федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» в качестве одного из целевых показателей определен рост доли исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей-участников Программы до 35 процентов. Данные рис. 3 показывают соотношение плановых и фактических объемов бюджетных ассигнований для реализации задач, поставленных в государственной программе «Развитие науки и технологий» за 2013–2020 гг.

Исходя из представленных данных, можно отметить, что в 2013, 2015, 2016 годы фактическое выполнение задач программы было меньше планового, и только в 2014 и в 2017 гг. плановые показатели были меньше фактических. На рис. 4 показана плановая и фактическая доля молодых исследователей. Видно, что начиная с 2015 года растет и удельный вес молодых исследователей.

¹ Аллахвердян А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование (середина XX – начало XXI вв.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора исторических наук. – М., 2016. – С. 26.

² Филатова А.В. Исторический опыт подготовки научных кадров в СССР в 1964-1985 гг.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. кандидата исторических наук. – Астрахань, 2011. – С. 6.

³ Левинсон К.А. Опыт или молодость: смена возрастных ориентиров в кадровой политике советской науки 1945-1991 гг. // Новое прошлое. 2017. – № 4. – С. 159.

⁴ Декрет СНК РСФСР от 03.07.1922 Положение о Высших Учебных Заведениях. – <http://www.bestpravo.ru/sssr/gnpravila/q7g.htm>

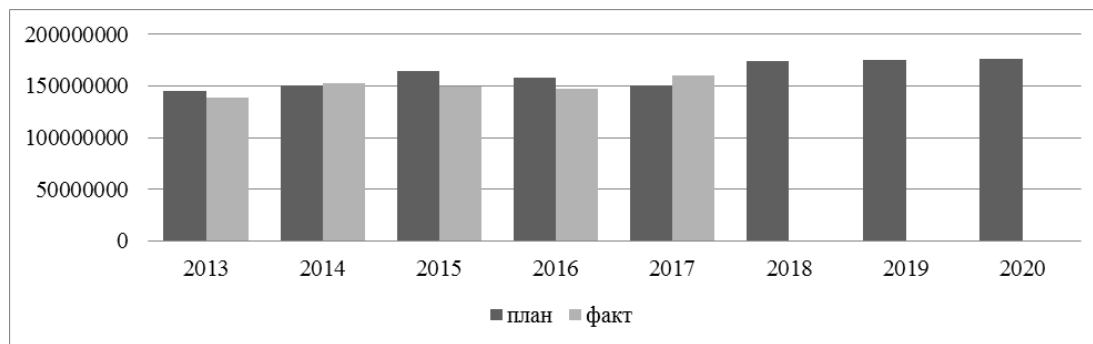

Рисунок 3.
Использование бюджетных ассигнований на государственную программу «Развитие науки и технологий»¹

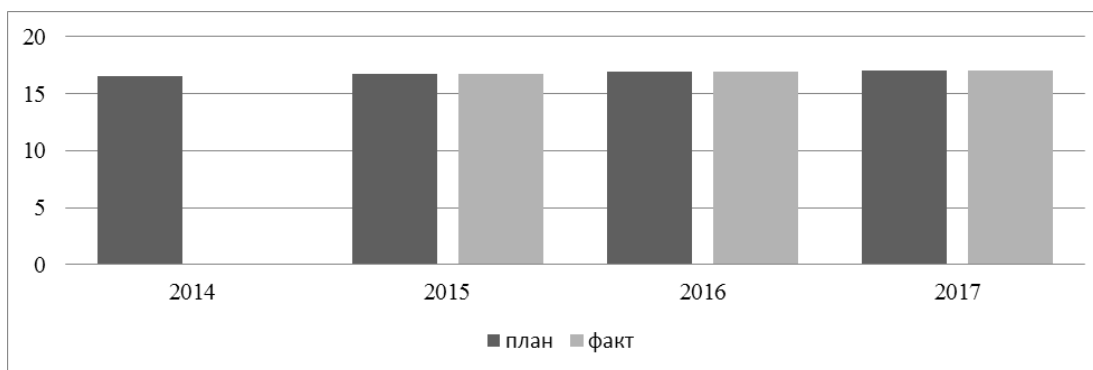

Рисунок 4.
Доля исследователей высшей научной квалификации (кандидаты и доктора наук) в общей численности исследователей в возрасте до 39 лет (включительно), в %²

Показатели реализации этой подпрограммы можно увидеть на рис. 5 и 6, отражающих положительную динамику и прямую корреляцию между выделенными бюджетными средствами и изменением численности вовлеченных молодых людей.

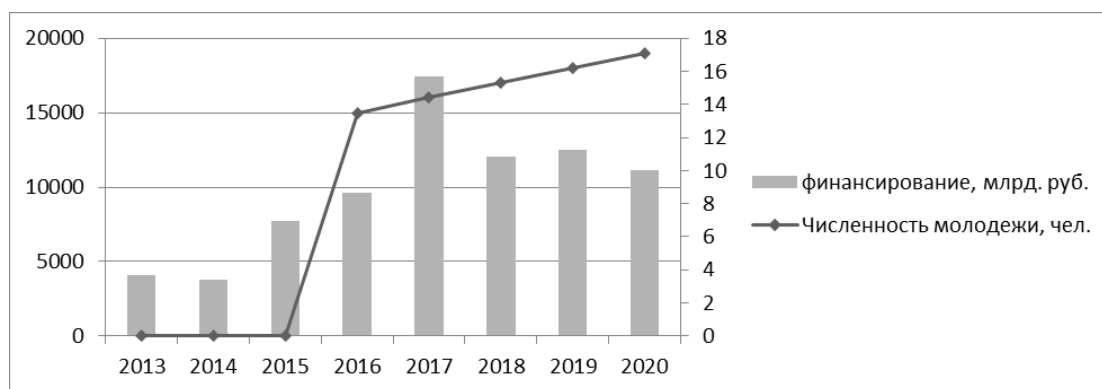

Рисунок 5.
Численность молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, получившей грантовую поддержку на реализацию проектов в сфере политики, экономики, науки и инноваций, гражданских инициатив, искусства и творчества, направленных на вовлечение молодых людей в социальную практику (человек) и объемы финансирования по годам, млрд. руб.

Отметим, что самый большой объем финансирования был выделен в 2017 году - 15,66 млрд. руб. и начиная с 2015 года численность молодежи, получившей государственную поддержку, и численность молодежи, вовлеченной в конкурсы, направленные на выявление и развитие молодых талантов, лидеров увеличивается. Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодежная наука преимущественно реализуется в вузах.

¹ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 годы. – <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/14>

² Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». – <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/02>

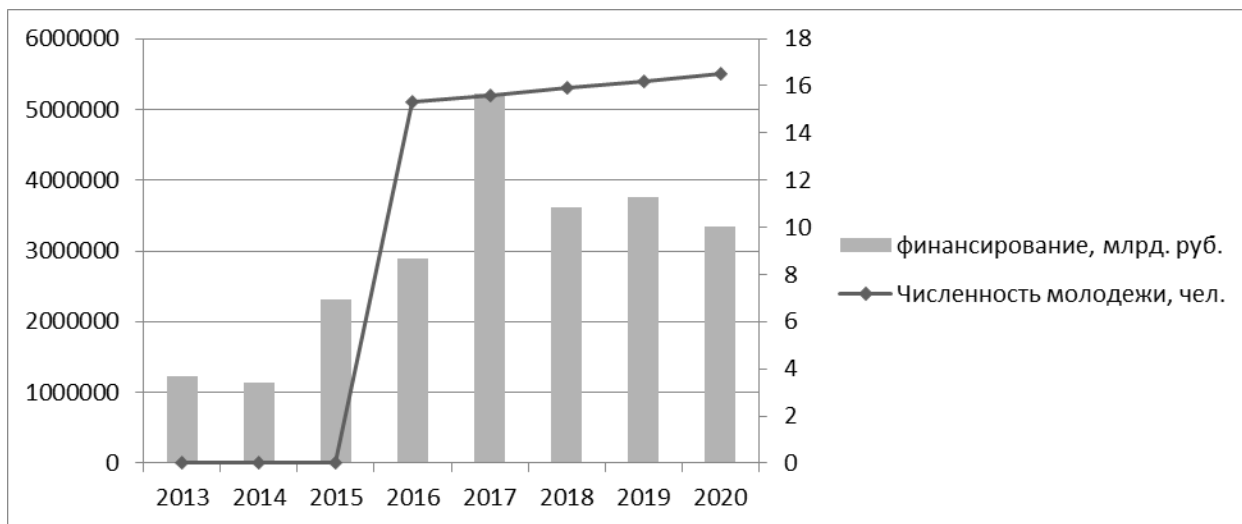

Рисунок 6.

Численность молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, вовлеченной в конкурсы, направленные на выявление и развитие молодых талантов, лидеров и инициативных молодых людей¹

Начиная с 2013 года, в рамках совместного проекта Минобрнауки и Минпромторга, на базе вузов было создано 49 инженерных центров во всех федеральных округах. По итогам первого полугодия 2018 года эти центры сформировали портфель заказов, который превышает 3,2 млрд. руб. По итогам 2017 года по официальным данным совокупная прибыль превысила 4,5 млрд. руб. Кроме того, в рамках Постановления Правительства России № 218, за 7 лет было разработано 418 инновационных продуктов, одна треть из них направлена на производство импортозамещающей продукции².

Современная российская школа развивается и изменяется с каждым годом, меняя не только варианты ЕГЭ, но и саму суть школьного обучения. К способам формирования ценностных ориентаций учащихся в сфере науки можно отнести:

- проблемное и проектное обучение;
- научно-исследовательскую работу;
- участие в олимпиадах, интеллектуальных конкурсах и турнирах;
- проведение встреч с учеными из разных отраслей науки;
- сотрудничество с вузами по профориентационной работе;
- создание научного проекта.

Основной общероссийской общественной организацией является Российский союз молодых ученых (РоСМУ), учрежденный в 2005 году на Съезде молодых ученых России³. Региональные отделения РоСМУ созданы в 58 субъектах Российской Федерации. В своей деятельности РоСМУ взаимодействует с Советом Федерации, Государственной Думой, Правительством Российской Федерации, региональными властями, научными организациями и образовательными учреждениями, бизнес-структурами, благотворительными фондами и др. В частности, представители Российского союза молодых ученых включены в состав Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Совете при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию, в общественные советы при Председателе Совета Федерации. Представители организации привлекаются для участия в различных совещательных органах федерального, регионального и международного уровней.

Достаточно важным решением в реализации молодежной политики стало развитие мер материального стимулирования и поощрения научной деятельности. В Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве одной из задач молодежной политики закреплено создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии «социального лифта». Для реализации поставленной задачи предусматривается развитие системы поддержки молодых ученых, включающей меры содействия их участию в научных обменах, а также создание условий для развития деятельности советов молодых ученых, студенческих научных обществ и клубов молодых исследователей⁴

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 2016 г. № 854 «Об утверждении Положения о назначении и выплате стипендий Президента Российской Федерации обучающимся по образовательным программам высшего образования, имеющим государственную аккредитацию, по очной форме обучения по специальностям или направлениям подготовки, соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

² Официальный сайт Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Совете при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. – <http://youngscience.gov.ru/>

³ Вузы России наращивают объем научных исследований. – <https://минобрнауки.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/11797>

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

В настоящее время для поддержки молодых ученых в России используются следующие меры:

- установление премий, стипендий;
- предоставление образовательных грантов и реализация грантовых программ, например, программа «Участник молодежного научно-инновационного конкурса» (УМНИК) Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, программы государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов и докторов наук и др.;
- организация работы центров по выявлению особо одаренных и талантливых школьников и студентов;
- организация и проведение фестивалей, конкурсов, олимпиад, симпозиумов, конференций и семинаров с целью выявления и распространения творческих достижений молодежи;
- организация и проведение молодежных форумов с целью выявления талантов, обмена опытом, увеличения активности, раскрытия творческого потенциала;
- программа «Мобильность молодых ученых», направленная на увеличение доступности для талантливой молодежи программ обучения, переподготовки и стажировки в образовательных и научно-исследовательских организациях зарубежных стран;
- оформление и выдача жилищных сертификатов молодым ученым организаций, подведомственных Министерству науки и высшего образования (ранее Федеральному агентству научных организаций), в рамках государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

Выводы. Одним из мировых организационных трендов развития науки и технологий является усиление поддержки научных исследований, проводимых в вузах. В развитых странах исследовательские университеты являются ядром интегрированного научно-образовательного комплекса, который обеспечивает выполнение значительной доли фундаментальных и прикладных исследований. Развивается целый комплекс мер, направленных на поддержку и постепенную концентрацию научных исследований в вузах (усиление кадровой составляющей вузовской науки, обновление оборудования, участие вузов в технологических платформах, в создании малых предприятий, поддержка их кооперации с предприятиями и др.). Наблюдается сильная интеграция научного комплекса с академическими и другими организациями, наука в мировых вузах является их конкурентным преимуществом.

Халматжанова Г.

к.э.н., доцент, Ферганский государственный университет

ИННОВАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИНВЕСТИЦИИ В ЭКОНОМИКЕ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: инновации, модернизация, ресурсосбережение, эффективность производственных процессов, глобальная экономическая конъюнктура, свободные экономические зоны, кластер, сельское хозяйство.

Keywords: innovation, modernization, resource saving, efficiency of production processes, global economic conditions, free economic zones, cluster, agriculture.

На сегодняшний день в Узбекистане создаются благоприятные условия для развития инновационной деятельности, направленной на коренное обновление экономической, производственно-технической базы, ресурсосбережение, эффективность производственных процессов и улучшение потребительских качеств товаров.

Понятие «инновации» тесно связано с понятиями «изменение» и «развитие». Непрерывное создание новшеств образует в своей совокупности бесконечный поток потенциальных изменений. Реальные изменения обеспечивают только часть из всех созданных новшеств. Таким образом, под инновацией, или нововведением, понимаются не только внедрение новой технологии и выпуск новой продукции, но, также изменения в организации бизнеса, в управлении фирмой, во взаимоотношениях с потребителями.

Конечно же, сегодня в эпоху стремления к новшествам, а также усиления конкуренции во всех сферах, важнейшим фактором развития является отказ от неэффективного прошлого и открытие более широких путей развития инноваций.

Не зря сегодня глава нашего государства настаивает на быстрой реализации инноваций во всех сферах общества. Действительно, инновации являются важным фактором для достижения высокого уровня развития экономики.

Исходя из вышеизложенного, в нашей стране развивается эффективный механизм внедрения научных разработок в реальном секторе экономики.

В частности, в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы, особое внимание уделено стимулированию научно-исследовательской и инновационной деятельности, созданию эффективных механизмов внедрения научных и инновационных достижений в практику, образованию при высших образовательных учреждениях и научно-исследовательских институтах научно-экспериментальных специализированных лабораторий, центров высоких технологий и технопарков.

Наряду с этим, в ходе непосредственного диалога с народом в областях республики Президентом нашей страны ставятся конкретные задачи по возрождению научного потенциала во всех регионах и эффективному использованию интеллектуального потенциала в комплексном развитии территорий, активному вовлечению молодежи в научно-исследовательскую деятельность. Для выполнения этих задач важное значение имеют целенаправленная мобилизация научных исследований на решение реальных проблем социально-экономической сферы, обеспечение тесной интеграции науки и производства и создание механизмов повышения эффективности внедрения производственными предприятиями научно-технологических разработок.

В целях дальнейшего усиления роли академической науки в инновационном развитии экономики Президентом Республики Узбекистан было принято Постановление от 17 февраля 2017 года № ПП-2789 «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Академии наук, организации, управления и финансирования научно-исследовательской деятельности». Данным постановлением была предусмотрена реализация широкого круга конкретных целенаправленных мер.

Также, в соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан от 30 июня 2017 года № УП-5099 «О мерах по коренному улучшению условий для развития отрасли информационных технологий в республике» в целях создания благоприятных условий для формирования и активного развития высокотехнологичных отраслей экономики, основанных на использовании ИКТ, дальнейшего углубления интеграции науки, образования и производства в данной отрасли за счет предоставления дополнительных льгот и преференций разработчикам и заказчикам продуктов информационных технологий, увеличения экспорта продукции ИКТ, а также стимулирования привлечения отечественных и зарубежных инвестиций был создан Инновационный центр по поддержке разработок и внедрения информационных технологий «Mirzo Ulugbek Innovation Center».

Вместе с тем в целях обеспечения ускоренного инновационного развития всех отраслей экономики и социальной сферы на основе передового зарубежного опыта, современных достижений мировой науки, инновационных идей, разработок и технологий, Указом Президента Республики Узбекистан № УП-5264 от 29 ноября 2017 года было создано Министерство инновационного развития Республики Узбекистан. В соответствии с данным указом основными направлениями инновационного развития Республики Узбекистан были определены следующие:

- создание системы стратегического планирования, позволяющей формировать будущие модели инновационного развития приоритетных сфер и отраслей на основе долгосрочных сценариев повышения интеллектуального и технологического потенциала страны;
- внедрение инновационных форм государственного управления, обеспечивающих оптимизацию и упрощение процедур оказания государственных услуг, повышение эффективности деятельности органов государственного управления;
- всесторонняя поддержка и стимулирование научно-исследовательской и инновационной деятельности, прежде всего творческих идей и разработок молодого поколения, а также создание благоприятных условий для активного участия талантливой молодежи в данной деятельности;
- расширение сотрудничества с передовыми зарубежными (международными) организациями в сфере инновационной деятельности, в том числе путем их привлечения на отечественный рынок производства ноу-хау, нанотехнологий и высокотехнологичных товаров (работ, услуг) и ряд других подобных задач.

В свою очередь, не будет преувеличением сказать, что объявление Президентом Республики Узбекистан 2018 года Годом поддержки активного предпринимательства, инновационных идей и технологий стало важным шагом на пути инновационного развития нашей страны.

В то же время, хочется процитировать слова Стива Джобса – основателя всемирно известной компании Apple: «Инновация отличает лидера от догоняющего».

Если говорить в целом, то нашей общей главной целью должно стать обеспечение благоприятной почвы для того, чтобы наша страна оказалась на уровне мировых лидеров по созданию инноваций.

Инновацию считают осуществленной в том случае, если она внедрена на рынке или в производство. Соответственно различают два этапа технологических инноваций – продуктовые и процессные.

Продуктовые инновации внедрены в новые или усовершенствованные продукты. Процессные инновации – это освоение новой или значительной продукции, организация производства. Выпуск такой продукции невозможен при использовании имеющегося оборудования или применяемых методов производства. Отметим различия американской и японской систем инноваций: например, в США 1/3 всех инноваций относится к процессным, а 2/3 к продуктовым, в Японии – обратное соотношение.

Инновации тесно связаны с научно-техническим прогрессом, являясь его результатом. Поэтому НТП – существенный фактор производства продукции, обеспечивающийся за счет совершенствования средств производства и технологий на базе открытия наукой новых закономерностей, явлений и свойств окружающего мира, повышения производительности труда.

Инновации взаимосвязаны и взаимообусловлены единством экономических интересов, от которых зависит эффективность использования материальных, финансовых, интеллектуальных, научно-технических и других ресурсов, необходимых для воспроизводства конкурентоспособной экономики.

Сегодня Узбекистан располагает всем необходимым для перехода к современной модели инновационного типа развития, основанной на расширенном и эффективном использовании созданного научно-технического потенциала, широком внедрении в практику достижений фундаментальной и прикладной науки, наукоёмких технологий, увеличение числа высококвалифицированных одаренных научных кадров.

За годы независимости в Узбекистане создана прочная база для развития НИС, проводятся масштабные научные исследования в области химии, энергетики, биологии, образования, медицины, электроники, сельскохозяйственной науки и др.

В Узбекистане приняты законы «Об инновационной деятельности» и «О науке». В настоящее время эти законы готовятся к принятию в новой редакции, совершенствуется система управления НИС, создано Министерство инноваций и его подразделения в областных центрах. Вместе с этим переход экономики Узбекистана на инновационный путь развития связан с некоторыми проблемами.

Во-первых, не создана универсальная модель инновационной технологии, обеспечивающей ускоренный экономический рост.

Во-вторых, недостаточно проводятся теоретические исследования в области нанотехнологий, хотя на это имеются денежные ресурсы.

В-третьих, полностью нужно осуществить переход от экономики сырьевых ресурсов к экономике инноваций на базе использования новых инновационных идей.

В-четвертых, необходимо пересмотреть систему экспертизы инновационных новшеств с приглашением на эту работу зарубежных ученых и специалистов.

Когда речь идёт об инновационном пути развития, нельзя думать, что это касается только промышленности и сельского хозяйства, вопрос относится в целом к управлению обществом и его структурным подразделениям.

Поэтому, учитывая экономические возможности Узбекистана, необходимо наращивать привлечение инвестиций, особенно иностранных, в такие сферы, как образование, наука, здравоохранение и другие, необходима модернизация экономики, повышение конкурентоспособности, развитие производительной и социальной инфраструктуры и определение других приоритетных направлений экономической политики Узбекистана. Переход экономики на инновационный путь развития на сегодняшний день становится объективной необходимостью. В этих целях эффективное инновационное развитие экономики связано с осуществлением следующих мероприятий:

- для перехода к инновационному пути развития экономического роста требуется создание нового механизма кредитования и инвестирования;
- целесообразно доведение финансирования науки и инновационных новшеств до уровня зарубежных стандартов;

– необходимо снятие преград, мешающих переходу к инновационному пути развития, например, совершенствование всей системы налогообложения и управление высокой добавленной стоимостью, а также осуществление новой паспортизации основных фондов.

По инициативе Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева была разработана программа стратегии действий на 2017–2021 г. по пяти направлениям экономики. Одним из приоритетных направлений этой стратегии и являются меры, включённые в программу инновационного развития экономики. В этом важном деле имеет большое значение решение организационных вопросов. Создание и развитие эффективных государственных и негосударственных организаций и структур, т.е. повышение роли государства в инновационном развитии страны. Особенно важна роль государства в финансировании и экспертизе инновационных проектов. Дело в том, что не все инновационные проекты могут быть эффективными, требующими огромных затрат. Например, в США из 1000 инновационных проектов только 7 подлежат венчурному финансированию.

Достижение конкретных результатов новой экономической политики и обеспечение интересов человека определены в качестве главной цели современных реформ Узбекистана. Благодаря осуществленным мерам, в 2017–2018 годах устойчивые темпы экономического роста составили 5,5 процента к ВВП, объем экспорта увеличился на 19 процентов, положительное сальдо по внешней торговле достигло 854 миллионов долларов.

Известно, что в 2017 году была принята Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития экономики Республики Узбекистан в 2017–2021 годах. Стратегия охватывает широкий комплекс мер по дальнейшему укреплению социально-экономической стабильности и сохранению и укреплению высоких темпов роста валового внутреннего продукта за счет сохранения макроэкономической сбалансированности, углубления структурных и институциональных преобразований на основе реализации принятых среднесрочных программ. В Послании Президента Республики Узбекистан Олий Мажлис в конце 2017 года подчеркнуто, что «В экономической сфере в 2017 году мы сделали первые шаги по реализации эффективных реформ, отвечающих современным требованиям». А в Послании Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева в конце 2018 года, которое ознаменовало начало нового этапа развития Узбекистана, предусмотрены приоритетные направления социально-экономического развития Узбекистана в 2019–2021 годах.

Хотелось бы остановиться на следующих проблемах развития экономики Узбекистана: 1. Важнейший приоритет экономической политики. В настоящее время Узбекистан входит в социально активную фазу реализации основных задач, вытекающих из Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах. Еще весной 2017 года Миссия МВФ особо отметила, что «Узбекистан самым решительным образом приступил к осуществлению реформ, направленных на решение самых неотложных проблем, стоящих перед страной». Спустя некоторое время, летом 2017 года, МВФ вновь утверждает, что «Узбекистану удалось достичь прогресса во многих сферах, но ключевые структурные реформы еще предстоит осуществить в полном масштабе. Объем внешней торговли значительно увеличился, однако ожидается, что положительное влияние таких циклических факторов, как рост цен на сырьевые товары и увеличение внешнего спроса, будут уменьшаться. Все это свидетельствует о своевременности акцента правительства страны на создание максимально благоприятных условий для привлечения прямых и иностранных инвестиций». В рамках реализации Стратегии действий, активное привлечение прямых иностранных инвестиций в отрасли и экономику регионов путем улучшения инвестиционного климата было определено как важнейший приоритет социально-экономического развития. Для достижения данной цели важной задачей представляется всесторонняя оценка инвестиционного климата республики, выявление проблем, препятствующих притоку прямых иностранных инвестиций и определение направлений совершенствования инвестиционной политики страны путем изучения передового международного опыта. Узбекистан начал реализовать новую открытую внешнеэкономическую политику на фоне усиливающейся международной конкуренции за рамки сбыта готовой продукции, технологий и инвестиций. По сути, глобальная экономическая конъюнктура по требовала от руководства страны принять меры по всемерной либерализации всей внешней политики страны, которые глава государства начал смело внедрять с учетом стратегических интересов Узбекистана. В настоящее время мировая экономика все еще находится в зоне турбулентности, наблюдается весьма неустойчивый этап развития мировых товарных и финансовых рынков. Торговые «войны» между такими глобальными игроками, как США, Китай, Россия и страны Европы, стремительно распространяются, втягивая стоявшие ранее особняком страны, такие как Турция и Иран. В этой связи необходимо отметить, что воинствующие позиции лидеров мировой экономики существенно ослабляют внешнеэкономическую конъюнктуру Узбекистана, ибо основные торговые партнеры нашей страны участвуют в этих глобальных и региональных торговых спорах. Если трудности, связанные с этими ключевыми процессами, не будут успешно преодолены, то мировой рост может застопориться или замедлиться. Разумеется, в арсенале властных экономических структур имеется большой набор механизмов и инструментов для обеспечения экономического роста. Однако, на наш взгляд, при всем многообразии факторов, способных позитивно воздействовать на экономическое развитие, сегодня главными драйверами экономического роста в Узбекистане должны стать следующие три инновационные составляющие: инвестиции, инновации и интеграция. Передовые и инновационные проекты, обсуждаемые в инициативном порядке, направленные на создание новых предприятий, производств или продуктов, очень важны для экономического развития. Вместе с тем, они не должны манипулировать экономикой по принципу «ручного управления», ибо только системные, концептуальные и стратегические подходы и программы смогут обеспечить устойчивый экономический рост. Именно на такой подход Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев делает акцент в своей экономической политике.

Необходимо подчеркнуть, что за годы независимости в Узбекистане было открыто более 1000 различных месторождений сырьевых ресурсов, которые создают широкие возможности для их переработки и получения готовой продукции с высокой добавленной стоимостью. Кроме того, богатый ассортимент сельскохозяйственной продукции

солнечного Узбекистана позволяет также занимать передовые позиции в производстве и экспорте хлопка, различных видов плодовоовощной продукции. Товары, производимые в Узбекистане, имеют доступ к зарубежным рынкам. Республика Узбекистан имеет соглашения о свободной торговле с 45 странами мира, в том числе со всеми странами СНГ и Грузии, с населением более 300 млн. человек. Всеобщая система преференций Евросоюза позволяет экспортировать из Узбекистана в страны Европейского союза более 3000 наименований товаров с низкими тарифами, до 6 процентов снижены Евросоюзом для Узбекистана пошлины на экспортируемую текстильную продукцию, что свидетельствует о высоком рейтинге продукции Узбекистана на международном торговом рынке. За последние годы (2016–2018 гг.) Узбекистан практически в два раза улучшил свою позицию в рейтинге «легкости ведения бизнеса», рассчитываемом Всемирным банком.

К ключевым точкам роста экономики Узбекистана были отнесены специальные экономические зоны. В республике создано и действует 17 свободных экономических зон (СЭЗ): 8 СЭЗ – в промышленной отрасли; 7 СЭЗ – в фармацевтической отрасли; одна свободная туристическая зона и одна СЭЗ в сфере сельскохозяйственного производства. Кроме того, на территориях областей, городов и районов Узбекистана функционирует 61 промышленная зона, создаются новые.

Анализ использованных инвестиций в целом показал, что несмотря на достаточно высокий инвестиционный потенциал страны и создание благоприятных условий для иностранных инвесторов, данный потенциал использовался довольно слабо, о чем свидетельствует низкий приток в экономику Узбекистана иностранных инвестиций по сравнению с другими странами СНГ.

На современном этапе развития Узбекистана в рамках модернизации экономики, либерализации рыночных отношений, значительно возрастает роль инвестиций, привлекаемых в экономику страны. Одним из важнейших факторов обеспечения стабильного роста объема привлекаемых инвестиций, диверсификации их источников и направлений использования является создание необходимой нормативно-правовой базы регулирования различных вопросов инвестиционной деятельности.

В этой связи особое место принадлежит Закону Республики Узбекистан «Об инвестиционной деятельности». Согласно данному законодательному акту, инвестиционная деятельность представляет собой совокупность действий субъектов инвестиционной деятельности, связанной с осуществлением инвестиций.

Стабильность притоков иностранных инвестиций зависит от действия законов, устанавливающих гарантии и меры защиты прав иностранных инвесторов, осуществляющих свою деятельность на территории чужой страны. В целях наиболее полной реализации инвестиционного потенциала Узбекистана, создания максимально благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций был образован Государственный комитет Республики Узбекистан по инвестициям с территориальными подразделениями в Республике Каракалпакстан, областях и г. Ташкенте.

Инвестиционные проекты, осуществляемые в приоритетных направлениях социально-экономического развития, включаются в Инвестиционную программу Республики Узбекистан, которая утверждается Кабинетом Министров Республики Узбекистан.

Участникам реализации инвестиционных проектов, включенных в Инвестиционную программу Республики Узбекистан, предоставляются налоговые и иные льготы.

В табл. 1 представлены основные параметры Инвестиционной программы республики на 2017 год.

Таблица 1

Основные параметры капитальных вложений Инвестиционной программы Республики Узбекистан на 2017 год (млн. сумов)

№	Наименование источников финансирования	Прогноз на 2017 год
	Капитальные вложения, всего, в том числе:	61 403 402
1	Централизованные инвестиции:	15 706 620
1.1	Бюджетные средства	2 450 000
1.2	Средства государственных целевых фондов, в том числе:	3 479 164
	– Фонд мелиоративного улучшения орошаемых земель	240 000
	– Республиканский дорожный фонд	1 550 000
	– Внебюджетный фонд реконструкции, капитального ремонта и оснащения общеобразовательных школ, профессиональных колледжей, академических лицеев и медицинских учреждений	1 318 608*
	– Фонд развития материально-технической базы высших учебных заведений	370 556*
1.3	Фонд развития детского спорта	373 185
1.4	Фонд реконструкции и развития Республики Узбекистан (эквивалент в сумах)	2 812 743
1.5	Иностранные инвестиции и кредиты под гарантию правительства (эквивалент в сумах)	6 591 528
2	Нецентрализованные инвестиции:	45 696 782
2.1	Средства предприятий, включая налоги, оставляемые в распоряжении предприятий	16 981 877
2.2	Кредиты коммерческих банков и другие заемные средства, в том числе:	7 487 400
	льготные кредиты на строительство доступного жилья в сельской местности по типовым проектам	1 642 575
2.3	Прямые иностранные инвестиции и кредиты (эквивалент в сумах)	9 424 355
2.4	Средства населения	11 803 150

*С учетом оснащения (дооснащения) образовательных учреждений.

В результате комплексных мер, предпринятых в стране по развитию инвестиционного потенциала национальной экономики, в 2017 году освоено капитальных вложений на сумму 60,7 трлн. сумов, рост на 7,1% к 2016 году. В результате доля инвестиций в основной капитал в ВВП составила 24,4%, что на 0,2% больше, чем в 2016 году.

Реализация мер по кардинальному улучшению инвестиционного климата, укреплению сотрудничества с международными финансовыми институтами, авторитетными компаниями и банками позволила освоить в 2017 году иностранных инвестиций и кредитов в эквиваленте 16,3 млрд. сумов. (рост на 28,3%, по сравнению с 2016 годом).

По формам собственности (табл. 2) наблюдается тенденция к сокращению объема инвестиций в рамках государственной собственности, собственности совместных предприятий, иностранных граждан и организаций. При этом налицо рост удельного веса частной собственности граждан в инвестиционной деятельности.

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал по формам собственности, % к итогу

	2010 г.	2015 г.	2016 г.
Инвестиции в основной капитал – всего	100	100	100
государственной	21,8	16,3	16,8
негосударственной	78,2	83,7	83,2
частной собственности граждан	17,2	21,8	25,4
хозяйственных объединений	28,4	36,4	35,1
совместных предприятий, иностранных граждан и организаций	28,5	20,0	18,7
других	4,1	5,5	4,0

Научно-практический интерес вызывает структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования (табл. 3).

Таблица 3

Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования, % к итогу

	2010 г.	2015 г.	2016 г.
Инвестиции в основной капитал	100	100	100
централизованные инвестиции	16,7	20,6	21,1
бюджетные средства	6	4,5	4,5
средства бюджетных и внебюджетных фондов (целевых фондов)	7	10,9	10,0
иностраные инвестиции и кредиты под гарантию Правительства	3,7	5,2	6,6
нецентрализованные инвестиции	83,3	79,4	78,9
средства предприятий	33	32,0	28,8
кредиты коммерческих банков и другие заемные средства	9,7	11,8	10,3
прямые иностранные инвестиции и кредиты	24,6	14,7	15,3
средства населения	16	20,9	24,5

С 2010 по 2016 годы несколько увеличился удельный вес централизованных инвестиций (с 16,7 до 21,1%). Соответственно удельный вес нецентрализованных инвестиций сократился с 83,3 до 78,9%.

В региональном разрезе в 2016 году наибольший удельный вес в общих инвестициях приходится на Кашкадарьинскую (14,2%) и Бухарскую области (11,6%) (табл. 4). Наименьшие показатели у Джизакской и Сырдарьинской областей (2,5%).

Таблица 4

Распределение инвестиций в основной капитал по регионам, % к итогу

	2010 г.	2015 г.	2016 г.
Республика Узбекистан	100*	100	100
Республика Каракалпакстан	3,0	14,2	7,5
<i>области:</i>			
Андижанская	3,6	4,0	4,0
Бухарская	13,5	9,3	11,6
Джизакская	2,4	2,6	2,5
Кашкадарьинская	11,0	13,4	14,2
Навоийская	11,1	4,1	5,7
Наманганская	3,5	4,7	5,2
Самаркандская	6,1	6,9	6,7
Сурхандарьинская	3,7	3,9	4,0
Сырдарьинская	2,5	2,4	2,5
Ташкентская	9,9	9,7	7,9
Ферганская	5,5	5,1	4,8
Хорезмская	2,3	3,2	2,9
г. Ташкент	21,6	16,5	20,5

* Включая нераспределенные данные по региону.

В отраслевой структуре инвестиций наибольшую долю занимает горнодобывающая промышленность (20,4% от общего объема освоенных инвестиций). Также следует отметить значительную долю инвестиций, освоенных в жилищном строительстве (17,9%), обрабатывающей промышленности (14,4%), сфере электроснабжения, подаче газа и пара (8,7%), а также сфере перевозки и хранения (8,7%).

Вместе с тем в долларовом эквиваленте иностранные инвестиции и кредиты сократились на 11%, составив 3,2 млрд. долл., в том числе 2,4 млрд. долл. прямых иностранных инвестиций (снижение – на 2,4%). Несмотря на это, доля иностранных инвестиций в общей структуре освоенных инвестиций возросла с 22,1 до 26,9%. Кроме того, снизилась инвестиционная активность населения, что отразилось на сокращении их инвестиций на 15,5%. Отмечается замедление освоения инвестиций за счет собственных средств предприятий (снижение на 1,1%) и кредитов коммерческих банков (рост на 0,9%). Анализ инвестиционных программ за 2016 и 2017 годы показывает, что число реализуемых проектов растет, однако рост идет за счет снижения средней стоимости проектов. Так, в 2017 году число реализуемых проектов увеличилось на 26%, до 499, однако общая стоимость проектов выросла всего на 8%. По-прежнему наблюдается дисбаланс распределения проектов по стоимости: на 50 проектов НХК «Узбекнефтегаз», реализуемых в 2017 году, приходится свыше 47% общей стоимости проектов. Причем 50,6% иностранных инвестиций освоено в Бухарской области.

Результаты межстранового (cross-section) анализа влияния объемов ПИИ на объемы ВВП показывает, что размер ПИИ для среднестатистической страны, такой как Узбекистан, должен находиться в пределах 4 млрд. долл. США. Для достижения данной цели необходимо решение ряда проблем, которые обобщены в проекте концепции Инвестиционного кодекса Республики Узбекистан

В проекте отмечается, что снижение притока прямых иностранных инвестиций за период 2011–2016 гг. свидетельствуют об остроте следующих факторов, ухудшающих условия инвестирования:

- возложение на инвесторов обязательств без учета их прав и интересов;
- факты вмешательства государственных органов в хозяйственную деятельность;
- возложение на инвесторов обязательств по приобретению материалов, оборудования, его компонентов и других товаров, в которых они не заинтересованы по цене и качеству и др.

В этой связи, с точки зрения авторов проекта концепции Инвестиционного кодекса Республики Узбекистан, на первый план выходят вопросы, решение которых должно быть направлено на:

- обеспечение эффективной административно-правовой и судебной защиты прав и законных интересов инвесторов;
- усиление защиты инвестиций, в том числе частной собственности;
- стимулирование развития конкуренции на инвестиционном рынке;
- совершенствование правоприменительной практики и кодификации законодательства в инвестиционной сфере, что в итоге положительно скажется на инвестиционном климате и общем развитии экономики страны.

В целях решения указанных вопросов объективно необходим консолидированный законодательный акт – Инвестиционный кодекс, который станет базовым нормативно-правовым актом, наиболее полно регулирующим инвестиционную деятельность.

Инвестиции в сельскохозяйственную сферу относят к перспективным вложениям способствующих приносить постоянный долгосрочный доход, так как продукция сельского хозяйства имеет ценность. Это означает, что инвестиции в аграрную сферу в условиях сложившейся экономики наиболее выгодны и имеют наибольшую значимость. Государство разрабатывает ряд программ по привлечению инвесторов в данную отрасль. Быстрый доход не приносят инвестиции в аграрную сферу. К примеру, земле требуется подготовка, посев культур, уход, затем следует сбор урожая, правильное хранение и дальнейшая реализация. Вкладываемые средства могут принести прибыль, но не так быстро, как к примеру производственные вложения. Инвестиции в аграрную сферу Узбекистана являются одним из важнейших факторов его развития. В них нуждаются все сферы агропромышленного комплекса: отрасли, производящие материально-технические средства (Первая сфера АПК), сельское хозяйство (Вторая сфера АПК) и перерабатывающая промышленность (Третья сфера АПК). Среди перечисленных сфер АПК республики особое место занимает сельское хозяйство, так как в этой сфере производится исходный продукт для отраслей перерабатывающей сферы и служит в конечном итоге основой для её стабильной деятельности. В современных условиях одной из проблем является привлечение инвесторов в сферы АПК республики. Привлечение инвесторов, прежде всего, зависит от инвестиционной привлекательности объекта. Для определения инвестиционной привлекательности отдельного района в сравнении с другими необходимо учитывать: – экономический потенциал района (природно-климатические условия, объекты инфраструктуры и т.д.); – показатели эффективности его использования (в том числе трудовых ресурсов, основных и оборотных средств, удобрений и др.); – ожидаемый эффект от капитальных вложений.

Иностранные инвесторы уделяют особое внимание законодательству в области инвестиций. Учитываются также отраслевые особенности сельского хозяйства такие, как зависимость производства от природно-климатических условий, высокая капиталоемкость, развитие социальной и производственной инфраструктуры, наличие мер государственного регулирования (бюджетных инвестиций, государственных закупок сельскохозяйственной продукции, налоговых и кредитных льгот, и т.п.). Следует отметить, что одним из приоритетных направлений развития аграрной сферы – важной сферы экономики Узбекистана – является наполнение внутреннего рынка продуктами и питания, достижение самообеспеченности в области их производства и обеспечение продовольственной безопасности. Эффективная реализация этих задач позволяет решать такие социальные проблемы, как обеспечение населения трудовыми местами, повышение благосостояния населения, благоустройство городов и сел. В докладе Президента Республики Узбекистан

от 8 декабря 2018 года, посвященному Дню работников сельского хозяйства были приведены сведения, касающиеся сельского хозяйства Узбекистана за 2018 год.

В Узбекистане проводятся широкомасштабные мероприятия по приоритетным задачам глубокой переработки сельхозпродукции и дальнейшего развития пищевой промышленности.

По этим проблемам 6 августа 2019 года состоялся семинар. В нем приняли участие высокопоставленные чиновники Администрации Президента, Кабинета министров, руководители различных министерств и ведомств, представители местных органов власти, представители международных финансовых институтов, таких как Всемирный банк, Азиатский банк развития, а также сельскохозяйственные и продовольственные производители, предприятия, фермеры, экспортеры.

Было отмечено, что реформы, осуществляемые в последние годы, также важны для развития всех секторов экономики, включая пищевую промышленность, поддержку деятельности частного сектора и увеличение продукции с добавленной стоимостью.

Конечно, в этих областях был достигнут значительный прогресс. В свою очередь, здесь есть и недостатки. В частности, в стране ежегодно производится более 16 миллионов тонн фруктов и овощей, дынь и бобовых, около 1,5 миллиона тонн мяса и около 10 миллионов тонн молока, однако уровень промышленной переработки в среднем составляет 15–20 процентов. Сельскохозяйственная система развита слабо, а хранение и сортировка сельскохозяйственной продукции неадекватны, что приводит к потере около 30 процентов урожая. Существуют также проблемы с лабораторными испытаниями выпускаемой продукции в соответствии с международными стандартами.

Согласно данным, только 3–4% овощей, выращиваемых в стране, и 11% фруктов экспортируются. Таким образом, есть некоторые аспекты, которые необходимо изучить и реализовать.

В целях дальнейшего повышения потенциала республики в сфере переработки сельскохозяйственной продукции, развития производства, переработки, стандартизации, консалтинговых и маркетинговых услуг по вопросам агробизнеса, полностью соответствующих проводимым реформам и требованиям времени, организации основанной на научных исследованиях системы интенсивной агропромышленности, дальнейшего развития пищевой промышленности, повышения инвестиционной привлекательности отрасли и внедрения современных технологий в аграрную сферу Президент Республики Узбекистан принял Постановление «О дополнительных мерах по глубокой переработке сельскохозяйственной продукции и дальнейшему развитию пищевой промышленности» от 29 июля 2019 года (№ ПП-4406).

В Постановлении утверждены разработанные Министерством экономики и промышленности, Министерством сельского хозяйства Республики Узбекистан, Агентством «Узстандарт» и ХК «Узбекозиковкатхолдинг» в целях глубокой переработки сельскохозяйственной продукции и дальнейшего развития пищевой промышленности в Республике Узбекистан в 2019-2021 годах:

- прогнозные показатели переработки и экспорта основных видов сельскохозяйственной продукции;
- план практических мер по организации за счет зарубежных кредитных линий крупных агрологистических комплексов;
- план мероприятий по реализации инвестиционных проектов организации современных агрологистических центров согласно приложению;
- план мероприятий по реализации инвестиционных проектов по переработке сельскохозяйственной продукции;
- план мероприятий по реализации инвестиционных проектов по переработке импортозамещающей сельскохозяйственной продукции;
- целевые параметры создания интенсивных садов вместо неэффективных в районах, специализированных на плодовоовощеводстве;
- план мероприятий по модернизации испытательных лабораторий при республиканских и региональных испытательных и сертификационных центрах;
- перечень принимаемых международных стандартов в отрасли пищевой промышленности;
- «Дорожная карта» по глубокой переработке сельскохозяйственной продукции и увеличению объема производства продовольственной продукции.

В документе поручено Министерству инвестиций и внешней торговли, Министерству сельского хозяйства Республики Узбекистан, Агентству по реализации проектов в области агропромышленного комплекса и продовольственного обеспечения совместно с Национальным банком внешнеэкономической деятельности, АКБ «Узпромстройбанк» и АКБ «Асака», другими коммерческими банками обеспечить направление привлекаемых средств за счет следующих источников на:

а) реализацию соответствующих инвестиционных проектов и мероприятий, указанных в приложениях к настоящему постановлению:

средства совместной инвестиционной компании Республики Узбекистан и Объединенных Арабских Эмиратов; кредитные средства Всемирного банка на модернизацию и повышение конкурентоспособности сельского хозяйства в размере 200,0 млн. долларов США, развитие сельского предпринимательства в размере 200,0 млн. долларов США;

кредитные средства Азиатского банка развития для создания крупных современных комплексов агрологистики в размере 347,0 млн. долларов США, развития животноводства в размере 150,0 млн. долларов США;

кредитные средства Японского агентства международного сотрудничества на развитие плодовоовощеводства в размере 200,0 млн. долларов США;

кредитные средства Французского агентства развития на развитие животноводства в размере 170,0 млн. долларов США;

кредитные средства Международного фонда развития сельского хозяйства на диверсификацию и модернизацию сельского хозяйства в размере 46,6 млн. долларов США;

б) кредитные средства Всемирного банка на модернизацию испытательных лабораторий, предусмотренных в приложении к настоящему постановлению, в размере 6,2 млн. долларов США.

Поручено Кабинету Министров Республики Узбекистан в месячный срок принять постановление по реализации проекта «Развитие инфраструктуры цепочки добавленной стоимости в сфере плодоовощеводства» с участием Азиатского банка развития, предусматривающее:

общую стоимость проекта 244,75 млн. долларов США, в том числе заемные средства Азиатского банка развития в размере 197,0 млн. долларов США, долю Республики Узбекистан в эквиваленте 47,75 млн. долларов США за счет предоставления льгот по налоговым и таможенным платежам, оплаты финансовых расходов и финансирования прочих издержек в инвестиционный период;

определение Министерства сельского хозяйства Республики Узбекистан заказчиком проекта, Агентства по реализации проектов в области агропромышленного комплекса и продовольственного обеспечения – его исполнительным органом;

предоставление права внесения изменений и дополнений в заемное соглашение, подписанное с Азиатским банком развития и технико-экономическое обоснование проекта, а также ускорение реализации проекта.

Поручено Министерству юстиции Республики Узбекистан выдать юридическое заключение по заемному соглашению о финансировании между Республикой Узбекистан и Азиатским банком развития в установленном порядке.

Образована Рабочая группа по развитию производства и переработке сельскохозяйственной продукции согласно приложению, возложив на нее задачи по организации реализации инвестиционных проектов и мероприятий, предусмотренных приложениями к настоящему постановлению, содействию в решении проблем, возникающих в ходе реализации проектов путем проведения индивидуальных встреч с инициаторами проектов, мониторингу их своевременного и качественного исполнения.

Поручено Совету Министров Республики Каракалпакстан, хокимам областей и города Ташкента решить вопросы, связанные с выделением необходимой земельной площади и пустующих зданий, а также подключением к инженерным и коммуникационным сетям для реализации инвестиционных проектов в соответствии с приложениями к настоящему постановлению.

Рабочей группе поручено ежемесячно вносить в Администрацию Президента Республики Узбекистан и Кабинет Министров информацию о ходе исполнения настоящего постановления.

В Постановлении установлено, что:

а) Министерство сельского хозяйства Республики Узбекистан координирует деятельность заинтересованных министерств и ведомств по:

созданию эффективной инфраструктуры для размещения и обработки культур с целью стимулирования создания цепочки высокой добавленной стоимости в секторе сельскохозяйственной продукции;

формированию на системной основе современных агрологистических комплексов и центров, оказывающих услуги по сбору, транспортировке, хранению, переработке, упаковке и доставке продукции на внутренний и внешний рынки;

созданию компаний по размещению, строительству и управлению агрологистическими комплексами и центрами;

налаживанию услуг лабораторий, таможенных терминалов и других видов услуг, позволяющих проводить полноценные испытания показателей качества и безопасности продовольственной и пищевой продукции в агрологистических комплексах и центрах на основе международных требований с широким привлечением частного сектора;

глубокой переработке и увеличению объемов экспорта сельскохозяйственной продукции с привлечением участников кооперации, дехканских и фермерских хозяйств, агрокластеров и сельскохозяйственных объединений к деятельности создаваемых агрологистических комплексов и центров;

б) Министерство экономики и промышленности Республики Узбекистан координирует:

проводимую работу по достижению прогнозных показателей, утвержденных приложением к настоящему постановлению;

совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами своевременное и качественное исполнение мероприятий, предусмотренных «Дорожной картой»;

в) ХК «Узбеккозиковкатхолдинг»:

принимает меры по реализации инвестиционных проектов, предусмотренных приложением к настоящему постановлению;

организует системную работу по увеличению объемов производства импортозамещающей и экспортоориентированной продукции.

В документе установлен порядок, в соответствии с которым с 1 августа 2019 года:

а) расходы по сертификации экспортеров сельскохозяйственной продукции покрываются Агентством продвижения экспорта при Министерстве инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан по обоснованным расчетам Агентства «Узстандарт»;

б) за счет средств Государственного фонда поддержки развития предпринимательства при Кабинете Министров Республики Узбекистан по кредитам коммерческих банков, привлеченных к реализации инвестиционных проектов в сфере переработки сельскохозяйственной продукции, предоставляются:

компенсация на покрытие процентных расходов в национальной валюте с процентной ставкой, не превышающей 1,5-кратного размера ставки рефинансирования Центрального банка Республики Узбекистан на сумму, не превышающую 10 миллиардов сумов – в части, превышающей ставку рефинансирования, но не более чем на 5 процентных пунктах;

компенсация на покрытие процентных расходов в иностранной валюте, по кредитам, привлекаемым в размере, не превышающем в эквиваленте 10 миллиардов сумов – в размере 40 процентов установленной коммерческими банками процентной ставки, но не более чем на 4 процентных пункта;

гарантия до 50% суммы кредита в размере, не превышающем 8 млрд сумов;

в) применяются меры государственной поддержки, предусмотренные подпунктами «б» и «в» пункта 7 постановления Президента Республики Узбекистан от 20 марта 2019 года № ПП-4246 «О мерах по дальнейшему развитию садоводства и тепличного хозяйства в Республике Узбекистан» для создания интенсивных садов вместо неэффективных согласно приложению к настоящему постановлению.

Так, за 2018 год в целом было произведено сельскохозяйственной продукции на 58 триллионов 181 миллиард сумов. Были выделены льготные кредиты зерноводческим фермерским хозяйствам в размере 1 триллиона 33 миллиардов сумов, что на 142% больше по сравнению с 2017 годом, хлопководческим хозяйствам – 5 триллионов 138 миллиардов сумов, что в 2,4 раза больше, чем в 2017 году. Внедрено в сельскохозяйственную отрасль рыночные механизмы, кластерная система, ускорено развитие таких особых направлений, как создание современных тепличных хозяйств, рыбоводство, пчеловодство, птицеводство, и так далее, а также расширение практики вторичного осеннего посева овощных культур, приусадебного хозяйствования способствуют проведению глубоких структурных реформ. Все это позволит привлечь отечественных и иностранных инвесторов. В 2019 году в аграрной сфере планируется реализовать целый ряд инвестиционных проектов представляющей стоимость в 1 миллиард 870 миллионов долларов США, что говорит о том, насколько велики объемы предстоящей работы и высока ответственность.

В аграрном секторе республики важное значение имеют инвестиции на уровне государства. Для притока инвестиций на государственном уровне необходимо обеспечение формирования благоприятной экономической рыночной среды. Этого можно достигнуть внедрением механизма хозяйствования, который бы учитывал специфику сельской отрасли. Привлечение инвестиций является сложной задачей, но еще более трудной задачей является обеспечение их эффективного использования. Эффективность использования инвестиций в аграрной сфере проявляется, прежде всего, в росте производительности труда, увеличении выхода валовой продукции, снижении капиталоемкости производства продукции и др. В условиях, в которые сегодня поставлен агропромышленный комплекс республики, и особенно регионы, наибольший интерес представляет нахождение инвестиций, способствующих развитию аграрного сектора. С целью дальнейшего усовершенствования и развития сельского хозяйства Президентом Республики Узбекистан было принято постановление 17 апреля 2018 года «О мерах по коренному совершенствованию системы государственного управления сельским и водным хозяйством». Так ранее, в августе 2017 года был создан Центр реализации инвестиционных проектов в сельском и водном хозяйстве. Он базировался на базе соответствующих групп по развитию и реализации инвестиционных проектов, с учетом числа работников, предусмотренных заёмными соглашениями и соответствующими постановлениями Президента. Основными задачами центра являются:

– участие в привлечении иностранных инвестиций, льготных кредитов и средств технического содействия (грантов), обеспечение своевременной и эффективной реализации инвестиционных проектов в соответствии с принципами проектного управления;

– обеспечение проведения тендерных (конкурсных) торгов в установленном порядке в положенный срок, заключения контрактов, проведение их экспертизы в уполномоченных органах;

– проведение мониторинга поставок оборудования, материалов и выполнения работ и услуг по заключенным контрактам в соответствии с национальным законодательством, международными правилами и процедурами соответствующих международных финансовых институтов и иностранных правительственных финансовых организаций.

Современные подходы к решению актуальных проблем, связанных с инвестированием в аграрную сферу республики, могут обеспечить условия для стабильного, эффективного, рационального, обеспечивающего расширенное воспроизводство функционирования аграрной сферы. Таким образом, для дальнейшего развития инвестиционного потенциала в аграрной сфере Республики необходимо усовершенствование действующих форм и методов инвестирования. Предлагаемые варианты развития существующей системы финансирования инвестиций в сельское хозяйство направлены на успешное решение актуальных проблем, предполагают выход сельскохозяйственных производителей на качественно новый уровень осуществления инвестиционной деятельности, обеспечивающий рентабельное производство.

Например, по итогам 2011–2016 гг., Узбекистан по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций находится на 8 месте среди стран СНГ. Вместе с этим наблюдается негативная тенденция в освоении прямых иностранных инвестиций и кредитов. Если в глобальной экономике основные потоки ПИИ (прямых иностранных инвестиций) направлены в сферу услуг и, в первую очередь, в финансовое посредничество, то в странах СНГ – в сектор услуг и добывающую промышленность.

Одна из инновационных идей Президента республики Узбекистан – система кластеров, которая может существенно повлиять на благополучие и благосостояние народа, широко внедряется в Узбекистане и дает высокие результаты в сельскохозяйственной сфере.

Факторов, определяющих развитие, мощь страны, – множество. Однако мир и благополучие нельзя сравнить ни с чем. Осуществляемые в Узбекистане за последние три года реформы и обновления сегодня признаются всем миро-

вым сообществом. Конечно, все это далось непросто. Жизненный опыт Президента Шавката Мирзиёева, его справедливая политика, то, что он живет чаяниями народа, – все это служит прочным фундаментом достигнутых побед.

Узбекистан до сих пор не мог поверить в то, что дехканин когда-нибудь заживет размеренной и зажиточной жизнью. И это естественно, поскольку наша страна в аграрной сфере была отсталой. Выращивание хлопка давалось нелегко. Однако на его переработке неплохо зарабатывали другие страны. Сегодня ситуация изменилась в корне. Десятки современных предприятий нашей страны из хлопкового волокна изготавливают различную продукцию, которая пользуется спросом на внутреннем и внешнем рынках.

Согласно Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах, претворяемой в жизнь по инициативе главы нашего государства, сферы экономики, в частности хлопководческая отрасль сельского хозяйства, претерпевают коренные изменения.

Неоспоримые преимущества кластерного подхода в управлении развитием территории и кластерные инициативы учитывают документы территориального планирования, играющие важную роль в стратегическом развитии страны в целом и каждого ее региона. При этом основной проблемой учета стратегических приоритетов кластерного развития территории является отсутствие возможности установить четкие границы кластера, выделить для него отдельную промышленную площадку. Это обусловлено тем, что в пространственном выражении кластер представляется собой не конкретную территорию, имеющую строгие границы, а сетевую структуру. Чтобы решить проблему определения границы промышленного кластера, необходимо понять, каким образом и с каким уровнем детализации необходимо учитывать кластерное развитие при разработке различных документов стратегического планирования территориального развития региона.

Мировой опыт показывает высокую эффективность кластерной технологии в повышении конкурентоспособности предприятий. Кластерный подход подразумевает, что одна из отраслей народного хозяйства не может рассматриваться отдельно от остальных, и способствует развитию тесных связей между отраслями – поставщиками и отраслями – потребителями.

За последние три года в сельском хозяйстве разрабатываются программы, последовательно осуществляются «дорожные карты». Широкое внедрение получает кластерный метод организации производства сельскохозяйственной продукции. За последние два года объем площадей, отведенных хлопководческим текстильным кластерам, составил 52 процента сельскохозяйственных земель. Если в первые годы независимости у нас перерабатывалось всего шесть-семь процентов хлопкового волокна, то сегодня появилась возможность перерабатывать не менее 80 процентов. Это не просто цифры. За ними стоят такие благие цели, как дальнейшее повышение благосостояния и уровня жизни людей.

Необходимым условием успешной реализации проектов по стимулированию кластеров является наличие региональной стратегии, в которой должны учитываться ключевые точки роста региона в целом.

Различают два вида стратегий, которые дополняют друг друга:

- стратегии, направленные на повышение использования знаний в существующих кластерах;
- стратегии, направленные на создание новых сетей сотрудничества внутри кластеров.

Выбор той или иной кластерной стратегии зависит от комбинации следующих основных характеристик кластеров:

- географическая – построение пространственных кластеров экономической активности;
- горизонтальная – соединение нескольких отраслей в один большой кластер;
- вертикальная – присутствие в кластерах смежных этапов производственного процесса при выделении инициатора и конечного исполнителя инноваций;
- латеральная – объединение разных секторов, которые обеспечивают экономию за счет эффекта масштаба;
- технологическая – объединение отраслей, пользующихся одной и той же технологией;
- фокусная – объединение предприятий вокруг одного центра – предприятия, НИИ или учебного заведения;
- качественная – сотрудничество фирм, позволяющее подавлять инновационные процессы и поощрять защитное поведение.

Наш хлопок своими цветом, длиной волокна, прочностью и показателями микронейра полностью отвечает мировым стандартам. Это обеспечивает его спрос на мировом рынке. Как отметил Президент нашей страны, нужно сделать так, чтобы мы могли сами перерабатывать хлопок и выходить на мировой рынок уже с готовой продукцией из него. В этом случае, естественно, в несколько раз вырастет прибыль. К тому же из хлопка можно получать еще сотни видов продукции, а они все вместе в несколько раз повысят экономическую эффективность. И, самое главное, будут созданы новые рабочие места.

В Сырдарьинской области в качестве эксперимента в агропромышленной сфере был организован первый кластер – узбекско-британское совместное предприятие в форме общества с ограниченной ответственностью «Vek cluster». Этот опыт получил распространение по всей стране. Одним словом, новая структура в экономике нашей страны – хлопково-текстильные кластеры – стала достигать высоких результатов.

В связи с этим можно выделить особенности кластерных систем:

- наличие крупного предприятия – лидера, определяющего долговременную хозяйственную, инновационную и иную стратегию всей системы;
- территориальная локализация основной массы субъектов экономики – участников кластерной системы;
- долговременная координация взаимодействия участников системы в рамках ее производственных программ, инновационные процессы основных систем управления, контроль качества и пр.;
- ориентация продукции кластеров на экспорт или импортозамещение.

Необходимо отметить, что идею Президента страны поддержали престижные компании зарубежных стран и начали осуществлять сотрудничество в этой сфере. В частности, на основании постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по созданию современного хлопково-текстильного производства компанией «Индорама» (Сингапур) в Республике Узбекистан» от 8 августа 2018 года сингапурская компания «Индорама» для организации в нашей стране хлопково-текстильного кластера вносит 340 миллионов долларов инвестиций.

Несколько слов о компании «Indorama Group». Компания была организована в 1976 году, ее главный офис находится в Сингапуре. Она считается самой крупной по производству хлопковой пряжи в Юго-Восточной Азии. Текстильные предприятия компании расположены в Индонезии, Таиланде, Турции и Шри-Ланке. Ежегодный объем производства хлопковой пряжи составляет 135 тысяч тонн (26 процентов будет производиться в Узбекистане). Кроме текстильного производства компания располагает крупными мощностями в таких отраслях, как нефтяная, газохимическая, производство полиэстера и синтетических тканей, химических удобрений. Компания считается самой крупной в мире по производству полиэстеровых нитей, ее доля на мировом рынке составляет более пяти процентов. На 70 предприятиях компании, расположенных в 28 странах мира, трудится более 30 тысяч человек. Годовая прибыль компании составляет 10,5 миллиарда долларов.

Компания и в нашей стране осуществляет ряд крупных проектов. Так, на базе незавершенного строительства комплекса «Кукон текстиль комбинати» в 2010 году было организовано совместное узбекско-сингапурское совместное предприятие «Indorama Kokand Textile». За прошедшее время на основе проекта освоено 164 миллиона долларов прямых зарубежных инвестиций. В настоящее время здесь трудится тысяча рабочих и служащих. Основная часть произведенной продукции экспортируется за рубеж.

Проект хлопково-текстильного кластера компании «Indorama Group», рассчитанный на 2019–2023 годы, состоит из двух этапов. В настоящее время начаты работы в Сырдарьинской и Кашкадарьинской областях. В Фергане и Джизаке работы начнутся со следующего года. 225 миллионов долларов будут направлены на выращивание хлопка-сырца, кукурузы и другой продукции. Кроме того, компания направит еще 115 миллионов долларов инвестиций на глубокую переработку хлопка-сырца (второй этап) – производство пряжи. Производства размещены на имеющихся мощностях совместного предприятия «Indorama Kokand Textile».

Но здесь тоже имеются большие возможности. Надо этих резервов пускать на оборот. Когда был подписан президентом Узбекистана постановление о создании Узбекско-Сингапурского совместного предприятия «Indorama Kokand Textile», там было указано, что предприятия будет выпускать товары с высокой добавленной стоимостью. Поэтому здесь нужно налаживать производства готовых материалов, которые имеют большой спрос на мировом рынке. Известно, что на мировом рынке стоимость 1 кг хлопка-волокна оценивается в 1 или 1,5 долларов США, а цена пряжи из этого количества ценится в 10 долларов США. Если их еще раз переработать, и из них получают 3–4 мужской сорочки или один джинсовый брюк, которые ценятся в 500–1000 долларов США. Поэтому надо выпускать товары с высокой добавленной стоимостью.

Итак, что такое хлопково-текстильные кластеры и в чем их преимущества?

Кластерный метод в сельском хозяйстве вбирает в себя такие процессы, как вспашка земли, посев и уход за растениями, производство готовой продукции из выращенного сырья. Эта единая технологическая цепочка объединяет комплекс предприятий и дает возможность углублять интеграцию науки, образования и производства, внедрять в практику новые технологии.

Хлопково-текстильные кластеры охватывают не только легкую промышленность, но и десятки других отраслей производства, включая пищевую промышленность, фармацевтику, производство строительных материалов и другие. Конечными целями системы являются создание высококачественной продукции под брендом «Узбекистан», социальная защита населения, обеспечение занятости, создание достойных условий труда и решение других важных задач.

В целях налаживания производства конкурентоспособной продукции из хлопка был принят Указ Президента страны «О мерах по ускоренному развитию текстильной и швейно-трикотажной промышленности» от 14 декабря 2017 года. На его основе Кабинет Министров принял план дополнительных мер по организации деятельности хлопково-текстильных производств и кластеров. В итоге в хлопководстве внедряются передовые агротехнологии с помощью кластерных предприятий, кластеры и фермерские хозяйства обеспечиваются современной сельскохозяйственной техникой. Только в 2018 году в Республике Каракалпакстан и областях страны организовано 14 хлопково-текстильных кластеров. Они вырастили и переработали 368 тысяч тонн хлопка-сырца. В текущем году по стране организовано 48 хлопково-текстильных кластеров.

Еще одно преимущество кластерной системы проявляется при закупке техники. То есть хлопково-текстильные кластеры до 1 января 2020 года при покупке новой сельскохозяйственной техники из-за рубежа освобождаются от уплаты таможенных платежей. Кластерные предприятия, используя эти льготы, в 2018 году закупили около 1400 единиц современной экономичной сельскохозяйственной техники.

Не секрет, что реализация и экспорт не сырья, а готовой продукции приносят больше прибыли и производителю, и государству. Этого можно достичь в кластерной системе.

Как отметил Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев, в сельском хозяйстве будущее хлопководства, его экономическая эффективность связаны с кластерами. Они должны стать локомотивами ускоренного развития аграрной сферы. Эти грандиозные реформы, осуществляемые под руководством главы нашего государства, будут вписаны золотыми буквами в историю страны, служить развитию и процветанию нашей Родины.

Результаты наших исследований показывают, что логика развития наиболее успешных глобальных компаний и наиболее экономически развитых регионов и стран мира свидетельствует о том, что кластеризация – это закономерный этап эволюции форм комплексной организации хозяйствования, позволяющий связать воедино единичное и об-

шее, сбалансировать интересы человека, фирмы и региона, задать вектор их совместного единого направленного развития. Таким образом, правильно принятая политика кластеризации в регионе – действенный инструмент конкурентоспособности региона, инновационного потенциала, темпов экономического роста, а также важное условие обеспечения устойчивости и экономической независимости региона в условиях глобализации.

Мировой опыт показывает, что региональный кластер – это точка роста экономики, ориентированной на инновации. Кластер формирует благоприятную среду для развития бизнеса разного масштаба и стимулирует развитие региона. Исходя из мирового опыта можно выделить основные предпосылки создания кластеров:

- наличие группы взаимодействующих компаний, ориентированных на динамично развивающиеся сегменты рынка;
- функционирование большого числа малых и средних предприятий со схожей специализацией;
- наличие научных организаций, свободно предоставляющих оборудование и лаборатории для совместного использования;
- наличие развитой инновационной инфраструктуры, поддерживающей промышленное развитие и включающей технопарки, бизнес инкубаторы и др.;
- активное участие вспомогательных организаций (торгово-промышленных палат, консалтинговых фирм) в процессах НИОКР, разработке инновационных проектов;
- политика региональных органов власти, направленная на развитие инновационной инфраструктуры.

Для успешного развития региональных кластеров эксперты выделяют несколько ключевых факторов, позволяющих добиться высокой эффективности кластера:

- компактность территории кластера (возможность перемещения на любое предприятие кластера за короткое время);
- отсутствие инвестиционных альтернатив высоко технологичным отраслям;
- существование предприятий – лидеров, способных возглавить инновационные процессы и объединить вокруг себя остальных участников кластера;
- тесное взаимодействие между университетами, научно-исследовательскими институтами и промышленными предприятиями;
- эффективность создаваемых венчурных компаний;
- сотрудничество венчурных компаний с ведущими компаниями и университетами;
- взаимодействие с другими кластерами региона;
- привлечение национального и зарубежного капитала за счет размещения акций.

Перспективы для Узбекистана

Как следует из постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан от 19 сентября 2018 года «О дополнительных мерах по дальнейшему развитию хлопково-текстильных производств», хлопково-текстильные кластеры в нашей стране займут 300 тысяч гектаров посевных площадей. Их количество увеличится до 44. Для организаторов хлопково-текстильного производства дополнительно введен ряд условий.

Напомним, что в 2018 году кластерная форма организации хлопково-текстильного производства по формированию рыночных отношений между фермерскими хозяйствами и предприятиями текстильной промышленности в экспериментальном порядке была внедрена в 20 районах республики на территории 160 тысяч гектаров. Суть ее заключается в том, что отечественные текстильные предприятия могут заказывать и авансировать производство хлопка-сырца напрямую у фермерских хозяйств и других сельскохозяйственных производителей.

Во-первых, эти организации содействуют эффективному и рациональному использованию земельных, водных и иных ресурсов, повышению урожайности и своевременному сбору выращиваемого хлопка-сырца, а также обеспечивают его дальнейшую углубленную переработку и увеличение производства продукции с высокой добавленной стоимостью.

Во-вторых, на них распространяются предусмотренные для фермерских хозяйств условия и порядок приобретения сельхозтехники в лизинг, поставки минеральных удобрений, посевных семян, горюче-смазочных материалов, средств химзащиты растений и других материальных ресурсов.

В-третьих, хлопковое волокно, производимое для собственных нужд в рамках хлопково-текстильного производства, сертифицируется на добровольной основе. В общем порядке хлопковое волокно подлежит обязательной сертификации.

В-четвертых, объемы произведенного хлопкового волокна, превышающие потребность собственных производственных мощностей, организатор хлопково-текстильного производства может реализовать другим отечественным потребителям по прямым контрактам или через биржевые торги.

В документе отмечается ряд проблем, препятствующих дальнейшему ускоренному развитию сферы, внедрению современных технологий, модернизации производственных процессов и расширению экспорта готовой продукции.

При преодолении недостатков в организации и развитии кластерного производства возможны три вида экономических важных эффектов: социальный, экономический и бюджетный.

Социальный эффект будет выражен в создании новых рабочих мест, удовлетворении потребителей качеством товаров и услуг, возможности приобрести профессию или навыки производства товаров и услуг.

Экономическим эффектом является выгода предпринимателя, которая непосредственно преследуется при реализации любого проекта.

Развитие предпринимательских структур, увеличение их количества позитивно скажется на доходной части бюджетов всех уровней.

Документом утверждена схема финансирования производственного процесса. Банки кредитуют организаторов хлопково-текстильного производства за счет средств Фонда целевого финансирования государственных закупок сельскохозяйственной продукции и оснащения техникой сельского хозяйства при Кабинете Министров. Размер кредитов – не менее 60% от расчетной потребности для финансирования выращивания и поставки хлопок-сырца (исчисляется с учетом действующих условий для фермерских хозяйств, реализующих хлопок-сырец в рамках госзаказа) по ставке не более 3% годовых и на условиях, предусмотренных для финансирования фермерских хозяйств, реализующих хлопок-сырец в рамках госзаказа.

Как отмечено в постановлении, в рамках внедрения кластерной формы организации хлопково-текстильного производства в 2018 году применены водосберегающие технологии на 3163 га хлопковых площадей посредством орошения полей гибкими пластиковыми трубопроводами, построены водоотводные системы, и водоемы, в районах с трудным доступом к источникам орошения установлен 225 насосных агрегатов, закуплены 1285 единиц различной сельскохозяйственной техники, привлечены высококвалифицированные иностранные специалисты по сельскому хозяйству (агрономы, специалисты по современной технике и технологиям, специалисты научных институтов), с выездом за рубеж изучен успешный опыт хлопководства в Турции, Израиле, Бразилии и США, создано свыше 4,3 тысячи новых рабочих мест.

Правительство поручило соответствующим министерствам и ведомствам, организаторам хлопково-текстильных производств и кластеров, фермерским хозяйствам разработать Программу по поэтапному внедрению в 2019–2023 годах современных систем капельного орошения в хлопководстве, в том числе на площадях, предоставленных организаторам хлопково-текстильных производств и кластеров.

В Куйичирчикском районе Ташкентской области будет создан современный агропромышленный кластер, где будет организовано выращивание хлопка-сырца, зерновых и других сельскохозяйственных культур, и их глубокая переработка.

Согласно информации, кластер будет создан британской компанией Paraglide Ltd. и российской «Петромаруз Капитал».

Также в Куйичирчикском районе планируется создать животноводческий и рыбоводческий комплексы за счет привлечения прямых иностранных инвестиций, средств международных финансовых институтов, кредитных линий иностранных банков и кредитов коммерческих банков.

Для реализации проекта будет создано предприятие с иностранными инвестициями Tashkent Cotton Textile Cluster. Предприятию предоставят с правом постоянного владения и пользования 35,4 тысячи гектаров орошаемых земель и 3,1 тысячи гектаров рыбоводческих прудов.

Кроме того, предприятию передадут по «нулевой» выкупной стоимости имущественный комплекс бывшего АО «Баликчи» для создания современного комплекса по выращиванию, переработке и реализации, в том числе на экспорт, широкого ассортимента рыбной продукции, с условием создания новых рабочих мест и внесения инвестиций в размере \$ 8,2 млн.

Общая стоимость проектов, которые будут реализованы на территории кластера, превысит \$ 217 млн.

Производственные мощности будут вводиться в строй поэтапно, начиная с 2020 и по 2023 годы.

Кластерный подход может стать инструментом обеспечения высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики. Получение статуса кластера имеет большое экономическое значение для региона, поскольку привлекает внимание инвесторов и способствует развитию торговых операций.

Государство готово оказывать финансовую поддержку регионам в создании кластеров. Органам власти в регионах необходимо сформировать и законодательно закрепить механизмы, направленные на формирование кластерной политики.

В Узбекистане же, согласно данным Госкомстата, иностранному инвестору интересна, в основном, добывающая и обрабатывающая промышленность, в то время как сфера коммерческих услуг практически не представлена иностранным капиталом. Например, за последнее время Андижанская область, как и другие области Узбекистана, наладила прямые экономические связи с регионами России, Китая, Беларуси, Индии и других стран ближнего и дальнего зарубежья. В частности, совместно с компаниями Белоруссии осуществляются перспективные проекты по сборке минитракторов и выпуску велосипедов. В Андижане действуют десятки предприятий с участием китайских инвесторов. В конце 2018 года заложен фундамент под цементный завод в Булакбашинском районе. Совместное узбекско-китайское предприятие «Sherfen bridge of friendship» в год будет выпускать 1,2 млн. тонн цемента. Общий объем инвестиции по данному проекту составляет 203,9 млн. долларов, его реализация позволит трудоустроить 750 человек. В этом плане участие в первом заседании узбекско-индийского делового совета в городе Ахмадабаде штата Гуджарат имело конкретные практические результаты. Совместные с индийскими партнерами проекты предусматривали создание свободной экономической зоны «Андижанфарм», на основе указа Президента Узбекистана. Она будет функционировать в Андижанском районе. Эти совместные предприятия займутся выпуском фармацевтической продукции, переработкой лекарственного сырья, производством готовых лекарств, изделий медицинского назначения, медтехники, вспомогательных и упаковочных материалов. Срок действия СЭЗ – 30 лет с возможностью последующего продления. За это время планируется наладить более тесный контакт с ведущими компаниями Индии. Освоение передовых индийских технологий в данной сфере – в приоритете. На территории зоны действуют особые налоговый и таможенный режимы. В ходе встречи с деловыми кругами Индии удалось достичь договоренностей с 16 индийскими компаниями об инвестировании 205 млн. долларов, 13 фармацевтических компаний выразили желание вложить 170 млн.

долларов. Компания «Cadila Pharmaceuti-cals» обязуется за четыре года направить 50 млн. долларов в «Андижан-фарм». В Андижане, кроме этого, планируется открыть филиал университета Шарда и совместную клинику. В одном из ведущих вузов Индии – университете Шарда обучается свыше 20 тысяч студентов из 55 стран мира. Он сотрудничает со 110 вузами разных государств. В 2019 году Андижанский филиал этого университета намерен принять 550 студентов. В перспективе их число составит не менее десяти тысяч. В ходе визита также достигнута договоренность с компанией «Aunde India». Согласно ей уже в 2019 году планируется открыть совместное предприятие по выпуску автомобильных чехлов. Компания, созданная в 1997 году, располагает 55 предприятиями в 19 странах мира. В числе заказчиков – признанные лидеры автомобильной промышленности «General motors», «Hyundai». А также достигнута договоренность с корпорацией из Гуджарата о создании агрокластера. Здесь будут выращивать сельхозпродукцию и разводить рыбу, заниматься переработкой и реализацией этой продукции. Планируется в Андижанском регионе под кластер выделить 15–20 тысяч гектаров земельной площади. В экономической сфере, как констатировали на совместном заседании делегации Германии и Узбекистана, у наших стран имеется огромный потенциал для дальнейшего сотрудничества. Оно развивается с 1996 года. За два последние года подписано договоров о реализации 16 проектов на общую сумму свыше 500 млн. долларов. На бизнес-форуме подписано соглашение о реализации проекта в газовой сфере стоимостью 250 млн. долларов, в дальнейшем намерены укрепить деятельность в частном секторе Узбекистана. Индийские и немецкие деловые круги хорошо осведомлены о происходящих в Узбекистане динамичных реформах. Этот процесс создает для иностранных инвесторов-предпринимателей возможность наладить свой бизнес в Узбекистане и вести деятельность в регионах Узбекистана.

Список литературы и источников

1. Закон Республики Узбекистан от 31 марта 2017 г., № УП-4996 «Об инновационной деятельности» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2013. – № 1, ст.1.
2. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-4947 от 7 февраля 2017 года «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан».
3. Указ Президента Республики Узбекистан от 31 марта 2017 г., УП-4996 «Об образовании Государственного комитета Республики Узбекистан по инвестициям» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. – № 14, ст. 215.
4. Постановление Президента Республики Узбекистан от 23.12.2016 г., № ПП-2697 «Об Инвестиционной программе Республики Узбекистан на 2017 год».
5. Постановление Президента Республики Узбекистан «О прогнозе основных макроэкономических показателей и параметрах го бюджета Республики Узбекистан на 2019–2021 годы и бюджетных ориентиров на 2019-2021 годы», 26 декабря 2018 г.
6. Указ Президента Республики Узбекистан «О первоочередных мерах Кабинета Министров Республики Узбекистан по повышению эффективности реализации стратегических задач социально-экономического развития страны в 2018–2028 годах» // Народное слово. 2019. – 30 января.
7. Мирзиёев Ш.М. Послание Президента республики Узбекистан Ш. Мирзиёева Олий Мажлису.
8. Обсуждение результативности мер по либерализации экономики и валютного рынка // Народное слово. 2019. – 30 января.
9. Экономический вестник Узбекистана. 2018. – № 4 5; Указ Президента Республики Узбекистан «О создании свободной экономической зоны “Андижанфарм”» // Народное слово. 2019. – 25 января.
10. Иностранные инвестиции и модернизация национальной экономики / Под ред. д.э.н., проф. А.В. Вахабова. 2011. – С. 122.

Азарова С.П.

к.э.н., доцент, Финансовый университет
SAzarova@fa.ru

КРУЖКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: *кружковое движение, кружок 2.0, НТИ, практики будущего, перспективные рынки.*

Keywords: *circle movement, circle 2.0, NTI, future practices, promising markets.*

Шаги к созданию системы внешкольной работы с детьми и молодежью были предприняты в нашей стране еще до революции 1917 года, когда были созданы первые детские клубы (клуб «Сетлемент», 1906 г.), детские общества («Детский труд и отдых», 1909 г.), колонии («Бодрая жизнь», 1911 г.). В 1907 году образованы две организации, направленные на решение этих задач: в Петербурге – «Общество содействия внешкольному просвещению при Лиге образования» и в Москве – «Общество содействия внешкольному образованию». Просветительская работа началась во многих губерниях Российской империи, она финансировалась из бюджета. Так, в 1909 году на нужды внешкольного образования из государственной казны было отпущено 50 тыс. руб.

Пришедшие к власти большевики придавали большое значение внешкольному воспитанию подрастающего поколения. Уже на Первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию (1919 г.) приоритетным направлением была признана внешкольная работа, которую предлагалось строить на самостоятельных трудовых началах, принципах наглядности и доступности с учетом местных условий. В основу детских клубов и других сообществ был положен принцип коллективной игры. «Стране социализма – барчат не надо. Нужны умелые руки в быту и на всякой работе» – считала Н.К. Крупская. Советскому гражданину должен быть присущ коллективизм и для развития этого качества руководство страны создавало систему детских спортивных и досуговых учреждений. При поддержке Н.К. Крупской и А.В. Луначарского в СССР выстроилась уникальная система внешкольной работы, равной которой не было нигде в мире.

Дети и подростки страны Советов имели возможность посещать кружки «Умелые руки», «Юные техники», спортивные школы и секции, Дворцы и дома пионеров и школьников, Дома творчества, приобретая там различные полезные навыки. Например, кружок «Умелые руки» прививал младшеклассникам различные полезные жизненные навыки: пришивать пуговицы, штопать носки, ставить заплатки на одежду. Кроме этого, в кружке шили мягкие игрушки, делали макеты самолетов, спутников, гидроэлектростанций, мастерили наглядные пособия по школьным предметам и спортивный инвентарь. Особое место среди объектов творчества занимала «наглядная агитация» – флажки, транспаранты, искусственные цветы для массовых советских праздников. Лучшие поделки выставляли на стенде кружка на всеобщее обозрение. Другое направление детского досуга – спортивные секции. Детско-юношеская спортивная школа (ДЮСШ) – это внешкольное специальное спортивное учреждение, где детей массово приобщали к физической культуре, а самых одаренных готовили к спортивной карьере. ДЮСШ были специализированные по одному виду спорта или комплексные – по нескольким. Спортивные школы были районными, городскими, областными, центральными и республиканскими. Заниматься в ДЮСШ мог любой ребенок, имевший желание и физические данные. Своими достижениями советский спорт обязан широкой сети спортивных школ, в которой проходило формирование спортсменов. Появление Дворцов пионеров и школьников (1923 г.) сначала в Москве, а затем в других городах страны, было связано с новым уровнем развития внешкольной кружковой работы. Эти учреждения позволили сконцентрировать в одном месте разнообразные кружки, секции, клубы, творческие коллективы на любой возраст и интерес ребенка. Работа в этих учреждениях строилась по программам, утвержденным министерством просвещения СССР и Центральным советом Всесоюзной пионерской организации, и не дублировала школьную программу. Здесь каждый ребенок мог найти занятие по душе: петь в хоре, играть в театре, учиться танцевать, фотографировать, играть в шахматы, рисовать или плести макраме и многое другое. В СССР функционировали также Дома детского творчества, где школьникам прививали основы художественного воспитания. К 1971 году в СССР работали 4403 дворца и дома пионеров и школьников, свыше 7000 детских секторов при домах культуры, 1008 станций юных техников, 587 станций юных натуралистов, 202 экскурсионно-туристические станции, огромное количество кружков и секций при школах¹.

Советские школьники также могли заниматься в научных и технических кружках. Особенностью научных и технических кружков является то, что они образовались в конце XIX – начале XX века вокруг новых, развивающихся областей знания, науки и техники как ответ на отставание учебного процесса формального образования от ключевых направлений научно-технического прогресса. Примерами кружков естественных и инженерных наук являются движение юннатов, клубы воздухоплавания и ракетного моделирования. Рассмотрим основные вехи их развития.

¹ Кружки и секции: как это было в СССР. – <https://deti.mail.ru/article/kruzhenki-i-sekcii-kak-eto-bvilo-v-sssr>

Юные натуралисты – движение, начавшееся с увлечения и прочно вошедшее в систему государственного образования. Станция юных любителей природы (с 1920 года Биостанция юных натуралистов им. К.А. Тимирязева) – первое государственное внешкольное учреждение, которое появилось в Москве в 1918 г. и положило начало государственной системе внешкольного (дополнительного) образования детей¹. На Станции юннатов в Сокольниках работало несколько кружков различной биологической направленности, проходили занятия по основам эволюционного учения, по анатомии и физиологии растений и животных, по генетике и селекции. Школьники обучались технике препарирования живых объектов, основам работы с микроскопом, другим исследовательским навыкам. Число юных любителей природы росло, создавались новые кружки. В июне 1924 г., на I Всесоюзном съезде юных натуралистов юннатское движение получило свое организационное оформление, а к 1926 г. Кружок юных натуралистов Биостанции являлся базовым, опытным кружком Центрального бюро юных натуралистов. В 1928 году начинается издание журнала «Юный натуралист». Советскому государству становится понятно, что юннаты могут продолжать образование и работать в области сельского хозяйства и естественных наук. Школа при Биостанции юных натуралистов заключает договоры с Госторгом, Наркомземом и другими организациями, что позволяет начать готовить работников «средней квалификации» в указанных областях. Характерно, что уже в 1920 году первый заведующий Биостанции Б.В. Всевятский столкнулся с отсутствием педагогов, готовых к ведению кружковой работы, поэтому возникла необходимость обучения тех, кто будет учить². Для решения этой задачи были созданы учительские кружки, в 1923 г. в них занимались 450 учителей в Москве и Московской губернии. Биостанция вела разработку методики проведения биологических исследований, накапливала опыт работы, передавала его педагогам, которые несли его в массовые школы. Таким образом, юннатское движение стало той силой, вокруг которой начала формироваться натуралистическая, опытническая работа эколога-биологической направленности. За 10 лет существования общества любителей природы, имевшего изначально полуформальный статус, к 1930-м годам в СССР появилась институализированная практика, ставшая частью системы государственного образования.

Появлению и росту числа самоорганизующихся клубов увлеченных единомышленников способствовали полеты планеров в 1880-е годы. Воздухоплавание стало увлечением как молодых людей, так и состоявшихся ученых, пилотов, экспериментаторов и исследователей. Число кружков росло, и в 1909 г. по инициативе проф. Н.Е. Жуковского в Императорском Московском техническом училище (ныне МГТУ им. Н.Э. Баумана) началось чтение курса теоретических основ воздухоплавания, что дало новый толчок развитию кружков, теперь уже в стенах учебных заведений. В 1909–1914 гг. в стране появились самолеты Я.М. Гаккеля, Д.П. Григоровича, И.И. Сикорского, общества воздухоплавания Петербурга и Москвы устраивали выставки техники и полеты на воздушных шарах, в том числе из Петербурга в Москву. В 1910 году был учрежден императорский Всероссийский авиаклуб, в Петербурге открылась первая в России школа авиации, а при Одесском аэроклубе начал работу Военно-авиационный класс. Параллельно обучению летчиков началось строительство специализированных заводов и самих самолетов, поэтому на кануне Первой мировой войны Россия располагала самым многочисленным воздушным флотом среди воюющих держав: 244 самолета в составе 39 авиаотрядов³. За годы революции и гражданской войны вырастают дети, для которых самолет является новым, недавним изобретением, однако уже понятной и привычной реалией жизни. После установления советской власти развитие авиации продолжилось, и в 1923 г. при Обществе друзей Воздушного флота (ОДВФ) была создана секция юных друзей Воздушного флота, положившая начало массовому развитию детского авиамоделизма. В 1924 г. в Москве впервые прошла выставка детского технического творчества⁴, а через два года открылась первая детская техническая станция — ДТС. Школьники СССР начинают массово заниматься конструированием самолетов, мечтают стать летчиками, т.к. быть летчиком или механиком почетно и интересно. В 1930-е годы советские школьники устанавливают мировые рекорды в авиамоделизме, а их работы демонстрируются на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Так, спустя полвека, опыт пионеров мировой авиации становится доступен каждому советскому школьнику. В годы Великой Отечественной войны умения юных техников послужили делу Победы: они ремонтировали сельхозмашины и оборудование, радиофицировали госпитали, участвовали в выполнении военных заказов. 50-е и 60-е годы прошлого века ознаменовались работой по созданию новых приборов и моделей, а 70-е – рационализаторскими изобретениями. Школы детского технического творчества послужили отличной стартовой площадкой для академика Б.Е. Патона, авиаконструкторов С.В. Ильюшина, А.С. Яковлева и О.К. Антонова, летчиков-космонавтов Г.С. Титова, А.В. Филипченко и других.

Похожим образом произошла несколькими десятилетиями позже институализация кружков ракетостроения. Фильм Фрица Ланга «Женщина на луне» и роман А. Толстого «Аэлита» всколыхнули общественный интерес к космосу и космическим полетам. В 1925 г. академиком Д.А. Граве в Киеве был создан кружок по изучению и завоеванию космоса. В апреле-июне 1927 г. в Москве Ассоциацией изобретателей-инвентистов была организована первая между-

¹ Маслов А.Б. Из истории натуралистического движения России // Современные методические аспекты экологического образования. Вып. 4. Натуралистическое образование: традиции и современность. – <http://www.ecosvstema.ru/03programs/publ/mgs01ist.htm>

² Орлова Л. М. Становление методической работы и исследовательского метода изучения природы в юннатском движении и дальнейшее его развитие в дополнительном эколого-биологическом образовании // Современные методические аспекты экологического образования. Вып. 4. Натуралистическое образование: традиции и современность. – <http://www.ecosvstema.ru/03programs/publ/mgs02stan.htm>

³ Российская авиация в Первой мировой войне. Авиационная энциклопедия «Уголок неба». – <http://www.airwar.ru/historv/af/russialw/russialw.html>

⁴ Сафронов В. В. Зарождение авиаобществ и авиаобразования в России // Авиация. Техника. История. 2017. 24 апреля. – <http://t-voke.ru/2017/04/24/%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%BE%D>

народная выставка проектов межпланетных летательных аппаратов. Герман Оберт, Фридрих Цандер разрабатывают проекты первых жидкостных ракетных двигателей. Ученые понимают, что для создания жидкостного ракетного двигателя нужна теория двигателей, но теория не может возникнуть без двигателя¹. Ф. Цандер начинает формировать Группу по изучению реактивного движения (ГИРД). Первоначально некоторые ученые и инженеры участвовали в ГИРД на добровольных началах, не являясь его формальными членами. «Характерно, что главным критерием отбора (в ГИРД) были “воодушевление”, “понимание больших задач”, “интерес”, а не профессиональные качества. ГИРД-овцы работали только из интереса и на основе неподдельного энтузиазма. Поэтому в шутку они расшифровывали свою аббревиатуру как “Группа инженеров, работающих даром”»². Однако в 1932 г. государство осознало перспективы применения ракет в военном деле и выделило средства и помещение для формирования московского штата ГИРД. Начальником ГИРД был назначен С.П. Королев. МосГИРД, иногда именовавшаяся центральной, оказывала помощь группам и кружкам по изучению реактивного движения в других городах СССР. В 1932 г. ЛенГИРД организовала курсы по теории реактивного движения³. Привлечение новых людей к развивающейся области набирало обороты: параллельно с этим МосГИРД развернула широкую лекционную пропаганду, в 1932 г. был организован и передан в промышленность Реактивный научно-исследовательский институт. В 1934 г. пропагандистские и просветительские функции были возложены на вновь организованную Реактивную группу Центрального совета Осоавиахима, успешно продолжавшую работать до конца 1930-х годов и создавшую ряд оригинальных небольших экспериментальных ракет. Таким образом, *ракетостроение стало легальной отраслью, в которую государство начало вкладывать деньги и за развитием которой пристально наблюдало*. Старт первой советской ракеты «ГИРД-09» состоялся 17 августа 1933 года. Ракета поднялась на высоту около 400 м, ее полет продолжался 18 секунд и был признан успешным⁴. *Ракетостроение, как ранее авиация, было институализировано и заняло свое место в системе образования*.

Приведенные примеры формирования и развития научно-технических кружков, подробно рассмотренные А. Андрюшковым и его коллегами⁵, демонстрируют то, как происходила постепенная институализация увлечения молодежи новым видом технического творчества, новой отраслью науки и техники вокруг «практики будущего», а практики, в свое время бывшие практиками будущего, становились частью экономики и образования нашей страны. На основе проведенного эмпирического анализа развития детской внешкольной активности в период XX – начала XXI века А. Андрюшков использует **понятия «практика настоящего» и «практика будущего», проводя дифференциацию на основе характеристики приобретаемых детьми навыков и сфере деятельности**. «Практика настоящего»⁶ – это актуальные в наши дни навыки, которые пригодятся инженерам, экономистам, юристам, дизайнерам и другим специалистам для осуществления профессиональной деятельности. **Однако** приоритетным направлением для осуществления технологического лидерства России является формирование у детей и молодежи необходимых навыков, использование которых позволит будущим ученым-инженерам включиться в работу над технологиями будущего. Таким образом, **«практика будущего» должна объединять знания, опыт и увлеченность** ведущих носителей прорывных технологий с интересом, инициативой и азартом школьников и студентов для замысливания и воплощения в реальности нового уклада жизни людей, основанного на прорывных технологических решениях⁷. Практика будущего соответствует следующим критериям:

1. Решение вызова мирового уровня с применением новых технологий. Благодаря такому решению появляется новый рынок, новая отрасль или новые формы общественных отношений.
2. Практика будущего включает мышление будущего и о будущем.
3. Осознанность участников, их активное включение в центральную, «ядерную» деятельность, не просто наблюдение или исполнение указаний научного руководителя.
4. Практика должна разрабатываться и апробироваться с участием молодых людей школьников и студентов – тех, кто в будущем станет ее реализовывать.

Позволим себе привести аналогию между практиками «настоящего» и «будущего» и технологическими укладами. Сегодня мир стоит на пороге шестого технологического уклада. Его контуры уже обозначились в развитых странах, таких как США, Япония, КНР. Они характеризуются нацеленностью на развитие и применение наукоёмких «высоких технологий»: био- и нанотехнологии, геновая инженерия, мембранные и квантовые технологии, фотоника, микромеханика, термоядерная энергетика. Синтез достижений на этих направлениях должен привести к созданию, например, квантового компьютера, искусственного интеллекта и, в конечном счёте, обеспечить выход на принципиально новый уровень в системах управления государством, обществом, экономикой⁸. Шестой технологический уклад начал оформляться в 2010-2020 годах, а в фазу зрелости вступит в 2040-е годы. Если в США доля производительных

¹ Космонавтика 1970 – Космонавтика. Маленькая энциклопедия / Гл. ред. В.П. Глушко. – М.: Советская энциклопедия. – 592 с.

² Сайт исследовательской творческой группы и центра «Солярис». – http://itgsol.ucoz.com/news/82_goda_nazad_bvla_sozdana_gruppa_izucheniia_reaktivno_go_dvizheniia_gird/2013-09-15-361

³ Глушко В.П. Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР. – М.: Машиностроение. – <https://testpilot.ru/espacе/bibl/glushko/razv/01.html>

⁴ Первущин А.И. 108 минут, изменившие мир. – М.: Эксмо. – <https://document.wikireading.ru/12009>

⁵ Андрюшков А., Коноваленко А., Молодых Ю., Рачинская М., Федосеев А. Кружки 2.0. Научно-технические кружки в экосистеме практик будущего. Инструкция по сборке. Ассоциация кружков. – М., 2018.

⁶ Рожков В.С. Пособие для руководителей кружков. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1986. – 144 с.

⁷ Подробнее о практиках будущего в кружковом движении в диалоге «Алексей Федосеев и Михаил Просекин: диалоги о будущем на “Острове 10-21”». – <https://youtu.be/iUCv60bEDuA>

⁸ Каблов Е. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. – М., 2010. – № 4. – <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>

сил пятого технологического уклада составляет 60%, четвертого – 20%, а на шестой технологический уклад приходится около 5%, то в России доля технологий пятого уклада пока составляет примерно 10% (в военно-промышленном комплексе и в авиакосмической промышленности), более 50% технологий относится к четвертому уровню, а почти треть – к третьему. Чтобы в течение ближайших 10 лет Россия смогла войти в число государств с шестым технологическим укладом, ей надо, образно говоря, «перемануть» через пятый уклад. В данном контексте «практики настоящего» направлены на поддержание третьего, четвертого и пятого технологических укладов, тогда как «практики будущего» – проводники шестого.

Становясь массовой и доступной, любая «практика будущего» неизбежно упрощается до уровня своего среднего носителя, – школьника или студента, которому наставник преподает основы авиа- или ракетомоделирования, программирования или робототехники. Этот процесс сопровождается изменением содержания заданий – обучающимся предлагаются типовые задания, сложность которых растет по мере их обучения, но которые принципиально уже кем-то решены. Практики «настоящего» и «будущего» существуют и сегодня, в том числе в формате школьных кружков, кружков домов творчества, других институтов дополнительного образования, дополняя друг друга, создавая выбор для обучающихся с различным уровнем интересов, амбиций и потенциала.

В современной России кружковому движению государство уделяет большое внимание. В Послании Федеральному собранию 4 декабря 2014 года Президент России Владимир Путин назвал Национальную технологическую инициативу одним из приоритетов государственной политики. Национальная технологическая инициатива (НТИ) – долгосрочная комплексная программа по созданию условий для обеспечения лидерства российских компаний на новых высокотехнологичных рынках, которые будут определять структуру мировой экономики в ближайшие 15–20 лет¹. По итогам стратегической сессии «Форсайт-флот», состоявшейся в мае 2015 года, были определены девять перспективных рынков: Аэронет; Автонет; Маринет; Нейронет; Хелснет; Фуднет; Энерджинет; Технет; Сэйфнет; Финнет. Успешное развитие в стране этих рынков, а также появление на них отечественных высокотехнологичных компаний, способных производить глобально конкурентоспособные продукты и сервисы, во многом зависит от формирования в стране научно-технологического задела по ключевым технологиям НТИ, подготовки талантливых технических специалистов и предпринимателей в сфере деятельности НТИ, а также от скоординированной работы государственных структур всех уровней, целевым предназначением которых является оказание поддержки высоко технологичным компаниям. Компании, конкурирующие за лидерство на глобальных высокотехнологичных рынках, будут предъявлять максимальные требования к качеству кадров.

В модели НТИ задача обеспечения компаний кадрами нового типа решается, с одной стороны, путем проектирования технологий, формирующих перспективные рынки, и компетенций, необходимых для генерации прорывных решений. С другой стороны, – построением системы раннего выявления и развития талантов, созданием среды, позволяющей талантам реализовать свой потенциал. Летом 2017 года учреждена **Ассоциация участников технологических кружков** с целью поддержки и развития российских технологических кружков и других организаций дополнительного образования в технической сфере, работающих в логике Национальной технологической инициативы и Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642. Дорожная карта «Кружковое движение» НТИ нацелена на формирование к 2025 году сообщества из 500 000 талантов, технологических энтузиастов, предпринимателей нового типа. Кружковое движение НТИ на сегодняшний день курирует следующие системные проекты: Олимпиада НТИ; Академия наставников; Практики будущего; Фестивали RUKAMI; Цифровая платформа талантов; ОКружок 2.0.

Научным руководителем Кружкового движения Национальной технологической инициативы является А. Андрюшков, разработанная при его участии «Модель кружка 2.0» представлена на рис. 1.

Рисунок 1.
Модель кружка 2.0²

¹ Национальная технологическая инициатива. Принципы. – <https://nti2035.ru/nti/>

² Андрюшков А., Коноваленко А., Молодых Ю., Рачинская М., Федосеев А. Кружки 2.0. Научно-технические кружки в экосистеме практик будущего. Инструкция по сборке. Ассоциация кружков. – М., 2018.

Участниками модели кружков практик будущего являются: носитель практики будущего, наставник, держатель образовательной площадки и стейкхолдер. Эти позиции людей связаны между собой фигурой агента развития, который является своеобразным «садовником» образовательной экосистемы. Каждая из позиций характеризуется определенной ролью.

Носитель практики будущего – это человек, занимающийся собственной практикой будущего и имеющий программу развития на ближайшие 10-15 лет, обладающий потенциалом включить в свою практику будущего молодых людей. Именно эта позиция в кружке отвечает за работу с проблемой и с передовым содержанием.

Наставник – это человек, возможно, но не обязательно – педагог, занимающийся со школьниками в рамках отдельного проекта или кружка и заинтересованный во включении подростков в реальную научно-техническую и проектную деятельность. Его основная задача — создать среду развития участников кружка, регулярно работать с участниками, давать им осваивать необходимые для работы базовые знания и практические навыки, которых им не хватает для включения в работу над практикой будущего. Второй важной задачей наставника является анализ вместе с учащимися той деятельности, которую осуществляет кружок. Наставник учит молодых людей рефлексировать над тем, как проходит их работа в кружке, определять собственные потребности и дальнейший путь, думать над осмысленностью совершаемой работы.

Держатель площадки обеспечивает пространство и возможность регулярной работы кружка. Примерами площадок являются центры молодежного инновационного творчества (ЦМИТ), фаблабы, вузы, образовательные центры, подростково-молодежные клубы, школы или другие организации. Площадка способна быть местом, на базе которого будет осуществляться взаимодействие других участников схемы, только если в ней есть тот самый держатель площадки, который разделяет ценность кружка.

Стейкхолдер – это предприятие или любой другой внешний носитель целей и ресурсов. Стейкхолдер может быть заинтересован в работе кружка и теоретически способен помогать в организации такой работы, формулируя проблему и предоставляя рабочие часы, помещение, экспертов, оборудование, педагогов или другие необходимые для работы кружка ресурсы. Стейкхолдером может быть как крупная бизнес-корпорация или благотворительный фонд, так и профильное министерство, региональная власть, школа, вуз и даже частные лица.

Агент развития связывает все перечисленные позиции между собой. **Агент** – это функция, которую берет на себя тот из участников схемы, который больше всех заинтересован в появлении кружка и его работе, однако может выполнять и отдельный участник. Это своеобразный архитектор, связывающий всех участников в единую работающую сеть за счет понимания интересов и потребностей всех участников. Агент развития должен видеть потенциал носителя практики будущего, а также общую картину деятельности кружка.

В рамках Стратегии инновационного развития Российской Федерации¹ реализуются проекты в областях формирования компетенций инновационной деятельности, формирования эффективной науки, формирования инфраструктуры инноваций, развития инновационного бизнеса и развития территорий инноваций. Образовательные инновации направлены на увеличение доли научно-исследовательской работы в деятельности в российских вузов. В связи с поставленными перед образовательными учреждениями Правительством задачами, рассмотрим роль студенческого научного кружка в образовательной системе вуза на примере «Клуба маркетологов» при кафедре «Логистика и маркетинг» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, а также сопоставим позиции в организационной схеме клуба (рис. 2) с позициями в Модели кружка 2.0 (рис. 1).

«Клуб маркетологов» – это научно-исследовательская площадка для осуществления детско-взрослых проектов в сфере маркетинга на возмездной основе для внешних заказчиков. Рассмотрим ситуацию, в которой преподаватель и студенты выполняют работу по техническому заданию (ТЗ) заказчика на возмездной основе. Отметим, что в проекте могут участвовать несколько преподавателей, несколько студентов с разным уровнем компетенций (с 1 по 4 курс обучения), а самих проектов тоже может быть несколько, с одним или разными заказчиками. В процессе выполнения хозрасчетных заданий наиболее мотивированные студенты могут сформировать собственную высокую ценность для рынка труда путем решения реальных кейсов из российской бизнес-практики на протяжении всего периода обучения в вузе.

Постоянное взаимодействие с внешними заказчиками из бизнес-среды позволяет проводить неформальную валидацию компетенций, необходимых маркетологу в его практической деятельности. Профессиональная ассоциация «Гильдия маркетологов» обеспечивает связь с внешними заказчиками из сферы бизнеса. Взаимодействие и мотивация заинтересованных сторон проекта показаны на рис. 2. Как видно из сравнения рис. 1 и 2, ключевым отличием «практики будущего» от «практики настоящего» является наличие «Носителя практики будущего» в экосистеме кружка 2.0. и площадки, оборудованной современной техникой и технологиями для проведения маркетинговых исследований на качественно ином уровне.

Отметим, что среди девяти перспективных рынков НТИ присутствует рынок «Нейронет», а одно из его направлений – «Нейрокоммуникации и маркетинг», непосредственно связано с реализацией научных проектов в области развития технологий нейромаркетинга; прогнозирования массовых и индивидуальных поведенческих эффектов на основе нейро- и биометрических данных; создания системы поддержки принятия решений; развития технологий вы-

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года принята Распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. N 2227-р.

явления ближайших эмоционально окрашенных локаций для формирования ресурсных состояний; создания технологической оптимизации процессов организма во время коллективной деятельности¹.

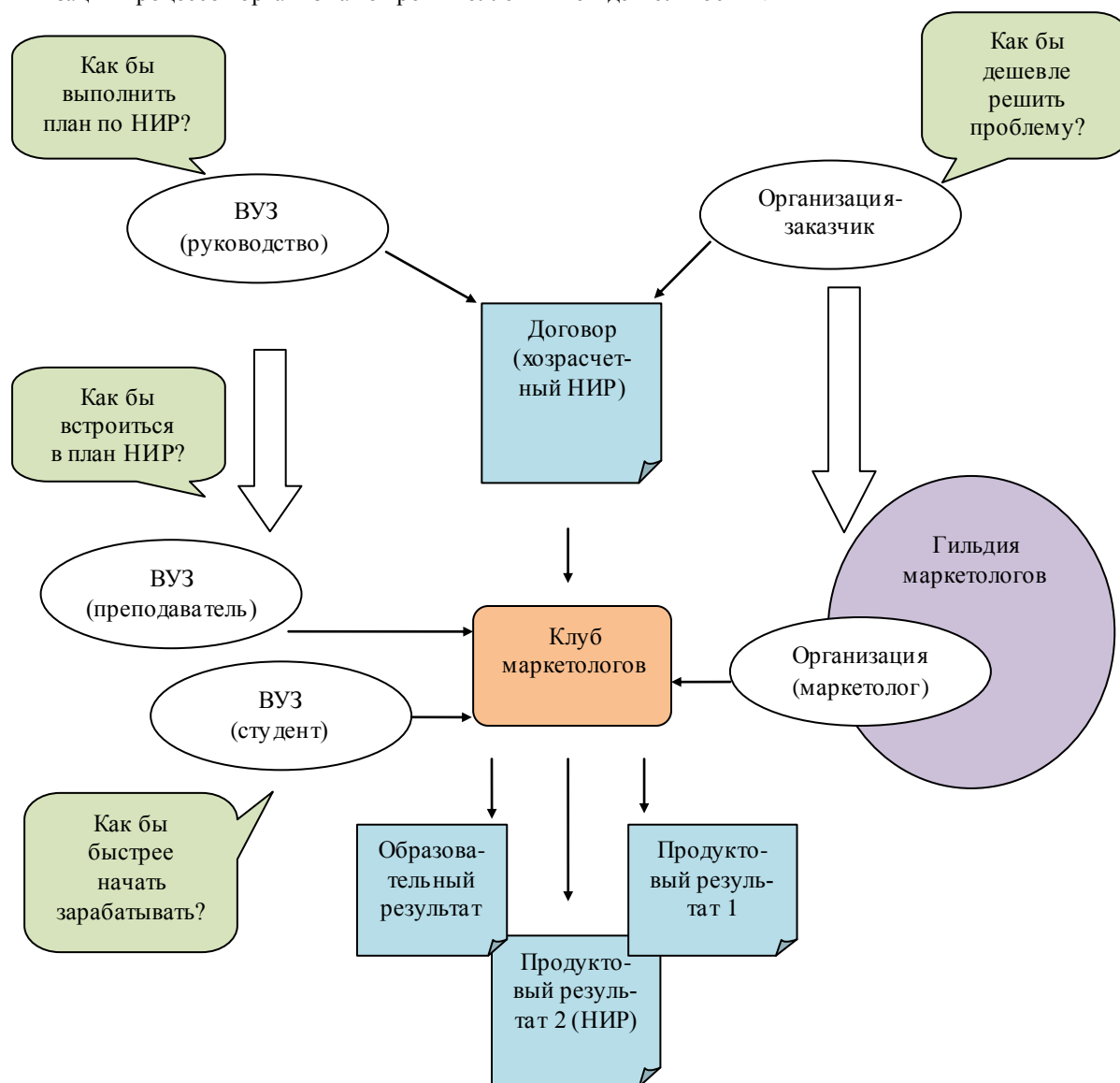

Рисунок 2.
Позиции, мотивация и схема взаимодействия в «Клубе маркетологов» при выполнении ТЗ внешнего стейкхолдера

Учитывая, что рынок «НейроКоммуникации» находится в стадии формирования, а в мире отсутствуют комплексные решения, позволяющие осуществить полноценный анализ процесса восприятия потребителем постоянно возрастающего информационного потока, неоценимым ресурсом вуза представляется Экспериментальная лаборатория «Нейротехнологии в управлении», открытая при кафедре в 2018 году². Цель работы лаборатории – изучение процесса принятия управленческих решений для проектирования пользовательского опыта, моделирования потребительского и гражданского поведения, дизайна менеджмент-инструментов. Лаборатория создана для внедрения в бизнес, социальную и экономическую среду более эффективных инструментов управления, основанных на анализе поведения населения, выявления истинных мотивов и факторов влияющих на их решения путем проведения исследований в области выявления когнитивных и эмпирических инсайтов; изучения процесса принятия управленческих решений пользователей и факторов на них влияющих на основе научной базы поведенческой экономики и аппаратных нейроисследований.

Таким образом, для приведения «Клуба маркетологов» к модели «Кружок 2.0» проблема оборудования площадки может быть решена путем использования оборудования Экспериментальной лаборатории «Нейротехнологии в управлении». Однако отсутствие носителя практики будущего существенно тормозит ориентацию деятельности клуба в направлении «практики будущего». Возможные варианты развития «Клуба маркетологов», на наш взгляд, связаны с

¹ Официальный сайт отраслевого союза по развитию рынка «Нейронет». О нейронете. Нейрокоммуникации и маркетинг. – <http://rusneuro.net/что-такое-нейронет/segmenty-i-proyekty/neyro-kommunikatsii-i-marketing>

² Официальный сайт Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Экспериментальная лаборатория «Нейротехнологии в управлении». – <http://www.fa.ru/org/chair/lim/neyro/Pages/About.aspx>

организацией системного взаимодействия с Ассоциацией Кружкового движения¹, а также с отраслевым союзом по развитию рынка «Нейронет»².

В заключение отметим, что кадровое и технологическое обеспечение для инновационного прорыва России на шестой технологический уклад может быть реализовано только путем консолидации всех заинтересованных сторон: государства в лице законодателя, заказчика и инфраструктурного оператора поддержки инноваций; отраслевых сообществ «рынков будущего» – продуцентов и агрегаторов «носителей практики будущего»; общественных организаций и проектов, осуществляющих методическую поддержку кружкового движения; российского бизнеса, – заказчика инновационных продуктов и сервисов; вузов и других образовательных площадок, как исполнителей работ для получения продуктовых и образовательных результатов.

¹ Официальный сайт кружкового движения. – <https://kruzhok.org/>

² Официальный сайт отраслевого союза по развитию рынка «Нейронет». Наша миссия. – <http://rusneuro.net/nasha-missiya>

Богдан Н.И.

д.э.н., профессор, Белорусский государственный экономический университет
bohdannina@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СТРАН ЕАЭС В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

Ключевые слова: образование, человеческий капитал, цифровизация, ресурсы, компетенции.

В октябре 2017 г. решением Высшего евразийского экономического совета были утверждены Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года. В рамках реализации цифровой повестки необходимо накапливать компетенции в области цифрового развития. Важнейшими направлениями становятся формирование цифровых навыков, развитие творческого потенциала, рост компетенций выпускников высшей школы всех стран ЕАЭС.

Страны ЕАЭС характеризуются достаточно высоким уровнем человеческого развития (табл. 1).

Таблица 1

Показатели развития стран ЕАЭС по международным рейтингам

Страна	Численность населения, тыс. чел.	Индекс человеческого развития (рейтинг)		Глобальный индекс инноваций (рейтинг)		Глобальный индекс человеческого капитала (рейтинг)
	2017 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г.	2019 г.	2017 г.
Беларусь	9491,8	50	53	86	72	–
Россия	146 880,4	50	49	46	46	16
Казахстан	18 157,1	56	58	74	79	29
Армения	2972,9	84	83	68	64	49
Киргизия	6256,7	120	122	94	90	46

Источник: составлено по данным международных рейтингов [1, 2, 3].

Анализ международных рейтингов показывает, что Беларусь и Россия имеют схожие по потенциалу рейтинги в области человеческого развития. Наиболее слабым потенциалом человеческих ресурсов для инноваций обладает Киргизия. Вместе с тем, положение стран в рейтинге инновационного развития не имеет тесной связи с оценкой человеческих ресурсов. Беларусь, обладая развитым человеческим потенциалом, занимала в 2018 г. 86 позицию в глобальном рейтинге инноваций и только к 2019 г. улучшила свое позиционирование. Новый рейтинг оценки качества человеческих ресурсов разных стран произведен докладом WEF «Глобальный индекс человеческого капитала» (The Global Human Capital Report 2017), который оценивает не только образование как важнейший ресурс современного развития, но и практику его использования, т.е. в значительной степени компетенции подготовленных кадров.

Авторы доклада полагают, что человеческий капитал людей в виде соответствующих навыков, вероятно, даст более высокую отдачу, если вкладываться в него оптимально, начиная с раннего возраста, и может также быть бесценным, если не будет поддерживаться и развиваться непрерывно. Технологические изменения, вызванные четвертой промышленной революцией, требуют диверсификации навыков и приобретения более передовых ноу-хау. Признано, что знания, таланты и навыки людей являются ключевыми движущими силами процветающей и инклюзивной экономики, поэтому максимизация человеческого капитала должна быть и оставаться главным приоритетом как для бизнеса, так и для политических лидеров. Принципиальным является оценка человеческого капитала страны на основе результатов, а не ресурсов или средств.

Человеческий капитал – это знания, умения и установки, позволяющие человеку создавать доход и другие полезные эффекты. Любые возможности человека становятся его «капиталом», как только они задействуются в полезной, производительной деятельности. Ключевым элементом человеческого капитала в условиях цифровой экономики становится интеллектуальный капитал – способность генерировать и осваивать инновации, осуществлять творческую деятельность.

Качество образования во многом определяется возможностями финансирования. Государственные расходы на образование в странах ЕАЭС заметно различаются (табл. 2). В последние годы относительно ВВП сократились расходы на образование в России и Беларуси, возросли в Киргизии, Казахстане, сохранились низкими в Армении.

¹ Результаты исследования в рамках проекта международной технической помощи № 574087-EPP-1-2016-1-ES-EPPKA2-SVNE-SP (2016-3219) «Fostering Competencies Development in Belarusian Higher Education» (FOSTERC) Erasmus+ Programme, SVNEK2, финансируемого Европейской Комиссией [<http://fosterc.webs.upv.es/>]. Мнение автора статьи не обязательно совпадает с мнением Еврокомиссии.

Страны ЕАЭС имеют различные показатели охвата населения третичным уровнем образования (МСКО 5-8). Наиболее высокие показатели у Беларуси и России (91,3 и 81,8), ниже у Казахстана, Киргизии и Армении (46,1; 45,9; 51,1 соответственно). Одной из особенностей финансирования образования в странах ЕАЭС является низкий удельный вес затрат на высшую ступень образования. Например, в Беларуси при высокой доле контингента учащихся на третьей ступени образования, в бюджетных расходах на образование доля затрат на образование третьей ступени невысока и сокращается: в 2008 г. составляла – 20%, в 2013 г. – 17,5% общего объема средств, выделяемых на образование, в других странах ЕАЭС она еще ниже: Казахстан – 13%, Армения – 9% [4]. Основная часть расходов на образование используется на уровне среднего образования. В развитых странах доля расходов на образование третьей ступени в структуре затрат на образование гораздо выше. За последнее десятилетие страны ОЭСР увеличили расходы на третичный уровень образования на 9%, достигнув в среднем 1,5% ВВП, при этом треть этих расходов связана с затратами на исследования и разработки [5]. К сожалению, в вузах Беларуси расходы на НИОКР составляют лишь 10% общих затрат на науку, что, несомненно, снижает и качество образовательного процесса.

Таблица 2

Показатели образования в странах ЕАЭС

Показатели	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Государственные расходы на образование, % ВВП (2017)	2.2	4.7	3.5	6.2	3.5
Охват населения с третичным образованием (уровни 5–8 МСКО 2011), % от численности населения в соответствующем возрасте, (2016)	51,1	91,5	46,1	45,9	81,8

Источник: рассчитано по «Belarus and countries of the world». Statistical book. – Minsk. 2018.

Низкие затраты на образование высшей ступени приводят к отрицательным последствиям. Устойчивое недофинансирование образования снижает его качество и отчасти стимулирует отток студентов для обучения в других странах. По данным статистики Юнеско («Global Education Digest 2012»), например, в Беларуси за рубежом обучалось 28,8 тыс., в 2014 г. их число составляло уже 35 тыс. Наибольшее число студентов, выбравших образование за рубежом, из стран ЕАЭС имеют Беларусь – 6,39% контингента, Казахстан – 6,25% контингента, Армения – 5,67% контингента студентов. Студенты из России, выбравшие зарубежное образование, составляют относительно незначительную величину – 0,67% контингента, наиболее привлекательны для них Германия (17%); Чехия (9,4%); США (9,2%) контингента уехавших. По данным образовательного фонда «Перспектива» в 2018 году только в вузах Польши и России обучалось порядка 20 тыс. белорусских студентов, что составляет 8% количества студентов, обучающихся в Беларуси¹

Специалисты с высшим образованием, как показало исследование, более устойчивы к длительной безработице. Процент безработных в возрасте от 25 до 64 лет в зависимости от уровня образования (2018 год): в среднем по ОЭСР безработица составляет 5%, из них безработных с высшим образованием 30%, со средним – более 40% [5]. Наши расчеты показывают, что в Беларуси доля населения с образованием третьей ступени в возрасте 30–34 года составляет 59%, что выше, чем у многих европейских стран. Важную роль в инновационном развитии играет структура подготовки кадров по специальностям. В последние годы международные исследования оценивают подготовку специалистов по т.н. STEM специальностям (естественнонаучная и инженерная подготовка). Более 24% контингента студентов обучаются в Беларуси по STEM специальностям, в России – 23,5% студентов. Заметно ниже доля студентов с естественнонаучным и техническим образованием в Киргизии и Казахстане (15%). Доля выпускников вузов по STEM специальностям в России и Беларуси соответствует общеевропейской структуре подготовки кадров. В ЕС доля студентов STEM специальностей возросла с 24,6% в 2007 г. до 27,8 % в 2015 г.

Российские исследователи отмечают, что высокий формальный образовательный потенциал населения России не капитализируется в полной мере: в группе стран с высоким охватом населения высшим и средним профессиональным образованием у России самый низкий подушевой ВВП, недостаточная динамика производительности труда [6]. В Глобальном индексе человеческого капитала из 130 стран Россия занимает 4 место в мире с точки зрения охвата населения разными уровнями формального образования, но лишь 42 место по параметрам реального использования навыков в трудовой деятельности и включенности в непрерывное образование. Казахстан имеет индекс человеческого капитала 69,8 с 29 позицией в рейтинге, Киргизия занимает 46 позицию, Армения имеет рейтинг 49 из 130 стран. Лишь у Армении рейтинг потенциала совпадает с позицией страны в его использовании.

Как правило, эти позиции в рейтинге человеческого капитала стран ЕАЭС обусловлены хорошим уровнем образовательного потенциала пожилого населения страны, обеспеченного советской образовательной системой, но к сожалению, компетенций для современной цифровой экономики недостаточно, о чем свидетельствуют рейтинги стран по использованию навыков в профессиональной деятельности (64,70,47 соответственно). Беларусь не участвовала в данном рейтинге оценки человеческого капитала страны. Однако ситуация примерно та же. Исследования Всемирного банка [7] в Беларуси показывают, что бизнес не устраивает качество подготовки специалистов: 12 процента опрошенных отметили, что важнейшим препятствием для роста бизнеса является качество образования. Это примерно в два раза больше, чем в среднем для стран Европы и Центральной Азии.

Таким образом, все страны ЕАЭС имеют схожие позиции в мировом рейтинге по использованию накопленного человеческого потенциала для развития современной цифровой экономики и показывают слабость реального

¹ Сколько белорусских студентов уезжают учиться в Россию и Польшу. – <https://news.tut.by/society/648038.html>

влияния формально высокого уровня образования населения на экономический рост и его устойчивость. Недостатки связаны с качеством образования и формированием компетенций для современного развития.

Возможности преодоления существующего разрыва между потребностями рынка труда и подготовкой кадров исследователи видят в развитии т.н. transferable skills – передаваемых навыков (часто называемые «мягкими», сквозными, ключевыми или поведенческими навыками) их можно охарактеризовать как компетенции, не связанные с работой, которые являются центральными для профессионального мастерства в широком диапазоне, поскольку они позволяют сотрудникам ориентироваться в своей среде и эффективно работать как самостоятельно, так и с другими. Необходимо повысить осведомленность о важности поведенческих навыков среди всех заинтересованных сторон, включая государственные учреждения, гражданское общество и частный бизнес, что должно увеличить их поддержку в приобретении и оценке передаваемых навыков во всех процессах управления персоналом – от найма и обучения сотрудников до оценки эффективности. Требуется принять комплекс мер по совершенствованию образовательного процесса (содействие приобретению, разработке и сертификации передаваемых навыков на всех уровнях в соответствии с передовыми методами и моделями), чтобы студенты были лучше подготовлены к тому, чтобы справляться с неопределенностями и быстро меняющимся характером экономики и общества в XXI веке.

В 2017–2019 гг. ряд вузов Беларуси приняли участие в европейском проекте FOSTERC (Fostering Competencies Development in Belarusian Higher Education), нацеленном на усиление использования инновационных принципов и подходов к преподаванию и обучению в белорусских высших учебных заведениях для улучшения результатов обучения выпускников на основе компетенций. В рамках проекта проведены семинары и 3 анкетирования, в которых участвовали более 5000 выпускников белорусских вузов, более 3000 преподавателей и 260 работодателей. Анализ показал, что есть заметные расхождения между требованиями рынка труда и компетенциями, обеспечиваемыми университетами. Способности вести переговоры, диагностировать проблемы, адаптироваться к изменениям являются наиболее проблематичными. Учебные программы дают невысокие навыки и знания для занятия предпринимательством. Результаты исследования еще требуют глубокого изучения и трансформации знаний в новые педагогические методики и учебные программы, совершенствование управления и финансирования.

Таким образом, страны ЕАЭС стоят перед лицом общемировых проблем формирования новой политики в сфере образования, учитывающей динамику современного развития, требований к росту качества образования. Усложнение социокультурной образовательной среды, связанной с динамичным развитием науки и технологий, усиливает потребность в педагогических кадрах, способных решать задачи модернизации на всех уровнях образования, возникает потребность *выработки единой стратегии интеграции стран ЕАЭС направленной на повышение международной конкурентоспособности образовательных организаций* и системы образования в целом.

Список использованных источников

1. Human Development Indicators and Indices: 2018 Statistical Update. – http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf
2. The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation / Cornell University, INSEAD, and WIPO. – Ithaca; Fontainebleau; Geneva, 2019.
3. The Global Human Capital Report 2017 / World Economic Forum. – <https://www.weforum.org/reports/the-global-human-capital-report-2017>
4. UNESCO Science Report: towards 2030 / UNESCO Publishing, 75352. – <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407r.pdf>
5. Education at a Glance 2019: OECD Indicators / OECD Publishing. – Paris, 2019. – <https://doi.org/10.1787/f8d7880d-en>
6. Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. – <https://publications.hse.ru/books/218061780>
7. Belarus Enterprise Surveys. 2018. – <https://www.enterprisesurveys.org/en/data/exploreconomies/2018/belarus>

Ваганян Г.А.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой информационных технологий и гуманитарных наук, Ереванского филиала Российского экономического университета

О ДОИСТОРИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ НАУЧНОЙ ГРАМОТНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЙ¹

Ключевые слова: доисторическое происхождение и распространение знаний, технологий, научная грамотность, храм знаний, мифология, библия, письменность, боги, герои, родословная, кластерный анализ, культурогенез, история, дом, климат, силы природы, натурфилософия, метафизика, древние греки, финикийцы, армяне.

*Наука и знания – путь к достойной человека жизни
(Прометей)*

Вместо введения

В последние годы во всем мире много внимания уделяется понятию «научная грамотность». История человеческого общества свидетельствует, что наука является эффективным способом познания мира, источником знаний, которые лежат в основе успешной деятельности. Необходимость научной грамотности была осознана древними цивилизациями, которые сохранили сюжеты о ней в песнях, сказаниях, легендах, эпосах, мифологии, в религии, в литературе, в истории и т.д. Ключевые угрозы для устойчивого развития доисторического мира – изменение климата, риски, связанные с природными катастрофами, землетрясениями, по топами и засухой, извержениями вулканов, сходом лавин с одной стороны, с другой – безграмотность, отсутствие письменности для всеобщей коммуникации и навигации, торговли и обмена товарами, продуктами, а также крайняя бедность и агрессивность.

Чем выше уровень научной грамотности, тем более сложные задачи решаются. Этим и объясняется появление архаичного мифа о передаче диким людям знаний об огне. Просвещение, образование, повышение информированности людей, создание института мудрецов и профессиональная подготовка учителей имели решающее значение для формирования научной грамотности, взаимодействия с окружающей средой, использования ископаемых и природных ресурсов (обсидиана, камня, нефти, дерева, меди, железа и т.д.).

В концепции научной грамотности на передний план следует вынести понятие «**доисторическая научная грамотность**». В настоящее время не существует методики измерения и оценки доисторической научной грамотности при том, что возрастает внимание к проблеме. Однако задачи, которые решались древними мудрецами и учителями, как показывают исследования, тем не менее, поддаются моделированию, измерению, оценке, пониманию и осознанию. Основную нагрузку по формированию доисторической научной грамотности, по результатам сравнительных исследований автора, несет концепт **храм знаний** (господское обиталище и его глава **Кадм** – хранитель, правитель этого обиталища). Храм знаний – это своеобразный доисторический прототип современной академии наук. Во многом от храма знаний и его главы зависела подготовка населения к восприятию свойств окружающей среды, формирования умения к ним адаптироваться, повышение «иммунной системы» человека к нейтрализации негативных воздействий основных сил природы. В стандартах образования одной из первых задач храма знаний было построение единой картины мира, изучение и отражение основных сил стихий. Эти древние знания легли в основу так называемых принципов натурфилософии и метафизики. Важнейшей задачей храма знаний была распространение научной грамотности, обучение системам письменности, проектирование знаков письма для того или иного языка, которые могли содействовать развитию торговли и обмена. То есть развитие и распространение доисторической научной грамотности способствовало формированию доисторической экономики.

Без познания закономерностей формирования и развития доисторической науки, распространения архаичной грамотности мы не сможем активно и эффективно осуществлять поиск теоретико-методологических и организационных подходов к формированию современной научной грамотности и организации просвещения различных слоев общества, акцентируя необходимость проведения этой работы на партнерских началах с представителями научных и образовательных структур.

Данные армянских средневековых историков

Армянский средневековый историк М. Хоренаци (кн. 1, гл. 5) отметил, что «Божественное Писание, отделив свой народ, отбросило историю прочих народов как презренную и недостойную упоминания». Почему это было сде-

¹ Доклад, представленный на Межведомственный научно-практический семинар «Стратегия развития России в контексте гуманитарно-технологической революции».

лано? В этом контексте, приведем некоторые интересные данные из труда другого армянского средневекового армянского историка (О. Драсханакертци) о Тире (Тирасе). По мнению автора, фигура Тира в контексте понимания доисторической научной грамотности является ключевой. Согласно древней армянской традиции, Тир (внук Ноя) отличался исключительной мудростью и знаниями, почитался в качестве учителя, воспринимался как писец Бога. По-видимому, все таки прав греческий философ Эвгемер (Euhemeros), который писал о богах как о людях, чьи поступки были обожествлены. Эвгемер находит в мифах исторический контекст. По его мнению, боги Греции первоначально были царями, героями, завоевателями или благо деятелями народа, впоследствии обожествлёнными.

Рассмотрим подробнее некоторые данные армянских историков. По ним Тирас управляемую им страну по имени своему назвал Фракией. Поскольку «фракийцев Фирас производил от самого себя, стало необходимым, чтобы и прочие доставшиеся ему в удел пределы он, разделив их на три части, отдал во владение своим сыновьям. Так совершил он мудрое дело. Асканазу, который изначала назвал наш народ¹ своим именем – «Асканазовым», достались во владение сарматы, Рифату – савроматы, а Торгом, получив во владение наш народ, вместо прежнего прозвания – «Асканазов» придал ему свое имя – «дом Торгомов». Итак, ты убедился, что речь идет о родоначальии нашего народа, который, знай, зовут «[народом] Асканазовым» и «домом Торгомовым». Впрочем, кое-кто повествует [об этом] иначе и по-другому, хотя божественный Моисей здесь не уделяет времени каждому из наших [сказаний], почитая это предметом, не достойным истории. Однако, сопоставляя родословие Сима с [родословием] нашего Йафета, находим, что до Торгома и до начала владычества сына его Хайка прошло четыреста лет, а от Йафета до первочеловека Адама – две тысячи двести сорок два года. И вот, как было сказано выше, божественное Писание раскрыло нам историю до нашего Торгома, сочтя недостойными упоминания его потомков, а именно, каким образом, откуда, почему, кто овладел страной Армянской и от кого возникли независимые ее нахарарства» (О. Драсханакертци).

По данным еврейского историка Флавия, Тирас назвал тирянами подвластное себе племя, имя которого греки переделали в фракийцев (Быт 10:2, 1Пар 1:5). Некоторые почитают его родоначальником фракийян, древнего и великого народа, который сначала жил при Эгейском море и оттуда распространился по Греческим землям и островам и по Малой Азии; от него происходят Геты и Даки, жившие по сторонам Истера и Днестра, который прежде назывался Фирас (то есть Тирас). Другие разумеют Тирсенов, так называемый морской разбойнический народ между Малой Азией и Грецией и причисляемый у греческого историка Геродота к пелазгам и часто соединяемый с италийскими Тирренами². Перечислим некоторые факты, которые могут быть отнесены к данным о доисторической научной грамотности. Например, почему древние греки в поиске золотого руна (знаний) приплыли именно в Колхиду, которая в доисторический период входила в дом Торгома? Почему Прометей был прикован к скале не в горах Греции, а на Кавказе? Почему сами древние греки неоднократно подчеркивали, что многие истории, имена и образы божеств вместе со многими артефактами пришли в Грецию из Азии, из Финикии. А саму Финикию древние греки иногда называли домом Кадма? Почему столицей Финикии был город, который имел название Тир?

Таким образом, в пространстве сведений о доисторической научной грамотности для продолжения анализа можем выделить доисторический кластер данных, который включает четыре дома, связанные с Тиром и его тремя сыновьями (Асканазом, Рифатом и Торгомом). Фракия, Сарматия, Савроматия и дом Торгома – основные потенциальные источники – генераторы доисторической научной грамотности. Как видим, Греции среди указанных домов нет.

Тир, Аик и Кадм

Аик (внук Тира, сын Торгома) первым построил и передал своему внуку Кадму господское обиталище – храм знаний или мудрости (М. Хоренаци). Кадм и его братья Килик и Фойник, а также сестра Европа внесли серьезный вклад, как в развитие финикийской, так и в развитие киликийской цивилизации, более того, также – минойской цивилизации. Кадм уже по греческим данным в поисках своей сестры Европы, похищенной Зевсом, дошел до Греции, стал править этой страной. Именно Кадм согласно греческой традиции изобрел финикийский и греческий алфавиты.

Исследования автора показали, что с именем Тира связаны основания следующих известных древних городов: Трóa или Илион – древний город-крепость в Малой Азии на полуострове Троада у побережья Эгейского моря; древний финикийский Сур или Тир (Ливан); Тирасполь в Европе. Финикийские мифы возводили основание Трои к богам (они же герои или полубоги в другом понимании). Геродот рассказывал, что местные жрецы говорили ему о том, что город их основан 23 века тому назад, то есть в середине XXVIII века до н. э. Это время согласуется с данными армянских историков о времени Тираса и его потомков.

Внук Тира, сын Торгома, племянник Асканазы – Аик (луконосец, герой и мудрец, победитель тирана Бэла), после возвращения из Вавилона на землю предков строит господское обиталище – храм знаний, который передает внуку Кадму. Кадм и его потомки получили в наследственное правление некоторые восточные земли древней Ассирии, включающие Сирию, Финикию и Киликию. Вот поэтому Финикию греки и называли домом Кадма. Кадм (или Кадмос) в поисках своей сестры Европы, плывя с Востока в Грецию, остановился на острове Санторин и оставил здесь несколько своих спутников. Позже на этот остров прибыл Тирас (Фир), в честь которого и был назван остров. Именно здесь, на Тере, и найдены самые древние (XVIII в. до н.э.) греческие письма.

¹ Историк имеет в виду армянский народ. Торгом получил во владение армянский народ.

² Православие и современность // Электронная библиотека. – <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikifor/-encyclo-pedia/4022.html>

Таргум в раввинистической литературе обозначает перевод Библии на арамейский язык, в первую очередь Таргум Онкелос, так и части текста Библии, включая отдельные слова, написанные по-арамейски¹. Торá – буквально «учение», «наставление». Торой называют также Пятикнижие в отличие от Библии в целом².

Таким образом, благодаря кластеру ключевых слов Тир, Аик и Кадм можно определить границы распространения доисторической научной грамотности, которая от источника (Тир) доходит до Айка, а от него до его внука Кадма – изобретателя финикийского и греческого алфавитов, правителя или храма знаний.

Кластер Тун, Тон, Дон, Днепр, Днестр

Название города Тирасполь происходит от имени Тир (Тирас). Некоторые из городов Сарматии, перечисляемых Птолемеем, по одной из гипотез, идентифицируются так: Метрополь, на Борисфене (Днепре), на месте нынешнего Киева. В скандинавских сагах Дон именуется Ванаквисль (исл. Vanakvísl). Античные авторы именовали реку Дон Танаисом, Гиргисом, Северский Донец. Реки Днепр, Днестр, Донец и Дунай имеют схожую скифо-сарматскую этимологию. Донец — уменьшительно-ласкательная форма названия Дон в древнерусском языке. Традиционно считается, что именно сарматы передали названия больших рек протославянам, а именно: Днестр, раньше Дънестр – сарматское Danastr или Danaistr; Днепр – Дънепр – Danaper; Дон (вода/река) от сарматского «dānu».

Греки называли Днестр Тирасом. Существует версия, что название Днестр произошло от скифо-сарматского Dānu nazdu, что означает «пограничная река». Геродот упоминал о реке Тирас и о находившейся в его устьях колонии Тира, снабжавшей местными продуктами древнюю Грецию. По данным древних историков река Танаис отделяла Европу от Азии. Иордан в Гетике заставляет низвергаться Танаис с Рифейских гор. Наименование дано в честь Рифата (сына Тира). Тана – средневековый город на левом берегу Дона, в районе современного города Азов (Ростовская область РФ). В армянской традиции дом – тун или тан означает дом. Таким образом, Танаис в армянском прочтении – это река, которая течет в доме.

О разгадке тайны двенадцати

«Тайна двенадцати...» Эту тайну Спиноза толкует следующим образом. В Библии несколько раз говорится, что весь закон Моисеев был написан по окружности алтаря, а алтарь этот состоял, как принято считать в раввинской литературе, из двенадцати камней. Много ли можно написать, вернее, начертать, выбить, на двенадцати камнях? Во всяком случае, текст пяти библейских книг, которые считаются Моисеевыми, никак не уместится на этих двенадцати камнях. Следовательно, говорит Спиноза, Моисеев закон был несравненно меньше, чем Пятикнижие. Значит, Пятикнижие в целом не должно приписываться Моисею³.

Тайну двенадцати автор толкует другим образом, если под Законом Моисея понимать древние знания, своеобразие научную грамоту. Окружность алтаря — это граница круга, которая охватывается вулканическими Араратскими горами. В алтаре все охвачено пламенем, из кратеров вулканов вспыхивают огни, прорезываются до небес чёрные клубы дыма, пепла, газа, потоки лавы вытекают из кратеров, пожирая все вокруг.

Таким образом, двенадцать камней символизируют двенадцать вулканических гор, на скалах которых выбиты комплексы кластеров наскальных рисунков, иллюстрирующих жизнь, мировоззрение, быт и природные явления. Армянскими геологами на расстоянии 9 км от вулкана Порак обнаружены наскальные рисунки с 6 изображениями процессов извержения лав четвертой голоценовой генерации. Примерный возраст петроглифов определен 5 тысячелетием до нашей эры (Караханян А., Джрбашян Т. и др.). Возможно законы Моисея – это собрание сохранившихся фрагментов огромного наследия доисторической грамотности, которую сохранили и распространяли по миру Тир и его потомки. Известный английский философ подчеркивал: «Древние народы воздавали авторам выдающихся открытий и изобретений в истории цивилизаций почести богов, так как деяния их приносили пользу “всему человеческому роду” и “почти на вечные времена”» (Ф. Бэкон). В качестве когнитивного аргумента можем привести также данные о том, что впервые Аик (внук Тира) разделил год на 12 месяцев, назвав их именами своих детей. И это было примерно за тысячу лет до Моисея.

Синергетический каркас культурогенеза

Неравномерность культурного развития существовала уже на заре человеческой истории (Беляева Е.В., Любин В.П.). В «Младшей Эдде» говорится: «...язык этих людей из Азии⁴ стал языком всех тех стран. И люди полагают, что по записанным именам их предков можно судить, что имена эти принадлежали тому самому языку, который асы принесли сюда на север – в Норвегию и Швецию, Данию и Страну Саксов. А в Англии есть старые названия земель и местностей, которые, как видно, происходят не от этого языка, а от другого».

В целом великое достоинство науки Бэкон считал почти самоочевидным и выразил это в своём знаменитом афоризме «Знание – сила» (лат. Scientia potentia est). Бэкон пришёл к выводу о том, что Бог дал человеку ум, который

¹ ЕЭИ, <http://jewishencyclopedia.ru>

² ЕЭИ, <http://jewishencyclopedia.ru>

³ Книга о Библии, Крывелёв И.

⁴ То есть язык, на котором говорили древние герои и мудрецы, язык асов и ванов – язык «богов», язык знаний, язык научной грамотности, то есть язык Тира и его сыновей.

жаждет познания Вселенной. Люди только должны понять, что существуют два рода познания: 1) познание добра и зла, 2) познание сотворённых Богом вещей. Предназначение науки он видел в том, чтобы умножать силу и могущество людей, обеспечивать им богатую и достойную жизнь.

Строители армянского дома (Асканаз, сын Тира, Торгом и Айк) задолго до Аристотеля и сторонников естественной теологии, рассуждали подобно Бэкону: природа есть книга, «читая» которую, человек изучает реальные факты; изучать и анализировать надо не умозрительные теории, но факты и явления. Они к явлениям причисляли и явления человеческой мысли, существования человечества, изучение которых соединяли с изучением их свойства и законов, с открытием их причин и следствий. В наскальных рисунках домов Асканазы, Торгома и Айка, в доисторической Армении обнаружены множества изображений различных моделей и конструкций транспортных средств, которые свидетельствуют об очень раннем изобретении транспортных технологий, о высоком уровне развития доисторической науки.

Российскими учеными недавно были сделаны удивительные открытия, найдена в доме Торгома стоянка человека, жившего около двух миллионов лет назад. Это одно из древнейших мест в мире (Беляева Е.В., Любин В.П.). Обнаружены ашельского периода рубилы и другие каменные инструменты, которые свидетельствуют об очень раннем развитии прото дизайна.

В античной Армении изготавливались корабли из ветвей ивы с кожаным остовом

У Геродота встречаются такие упоминания: Книга I, 180: *«Город [Вавилон] же состоит из двух частей. Через него протекает река по имени Евфрат, берущая начало в Армении. Эта большая, глубокая и быстрая река впадает в Красное море».* Книга I, 194: ... *«В Армении, которая лежит выше Ассирии, вавилоняне нарезают ивовые прутья для остова корабля. Снаружи [остов] обтягивают плотными шкурами наподобие [круглого] днища корабля. ...Затем набивают все судно соломой [для обертки груза] и, нагрузив, пускают плыть вниз по течению. Перевозят они вниз по реке главным образом глиняные сосуды с финикийским вином. По прибытии в Вавилон купцы распродают свой товар, а затем с публичных торгов сбывают и [плетеный] остов судна, и всю солому. А шкуры потом навьючивают на ослов и возвращаются в Армению. Вверх по реке ведь из-за быстрого течения плыть совершенно невозможно. Поэтому и суда строят не из дерева, а из шкур. Когда же купцы на своих ослах прибывают в Армению, то строят новые суда таким же способом».*

Сандалии из кожи и карасы с семенами винограда VI–V тыс. до н. э.

В комплексе пещер, находящихся близ села Арени в Вайоцзорской области на юге Армении, на высоте около 1080 м над уровнем моря, недавно было обнаружено несколько культурных слоев, включая комплекс эпохи медно-каменного века (энеолита) с глинобитными строениями, датруемый 4200–3500 годами до н.э. Самый ранний культурный слой относится к VI–V тыс. до н.э., обнаружены сандалии из кожи и карасы с семенами винограда. *«Физико-химические исследования найденных остатков винограда и ям подтверждают, что мы имеем дело с самыми древними в мире винодельческими помещениями»*¹.

Прометей и Сарматия

С востоком, с Сарматией, с землей Асканазы (с дальней Скифией) связан древнегреческий миф. *«Действие происходит на краю земли, в дальней Скифии, среди диких гор – может быть, это Кавказ. Два демона, Власть и Насилие, вводят на сцену Прометея; бог огня Гефест должен приковать его к горной скале»*². *«Прометей начинает говорить. Он обращается к небу и солнцу, земле и морю: “Взгляните, что терплю я, бог, от божьих рук!” И все это за то, что похитил для людей огонь, открыл им путь к достойной человека жизни»*. *«Прометей рассказывает хору, сколько доброго он сделал для людей. Они были неразумны, как дети, – он дал им ум и речь. Они томилась заботами – он внушил им надежды. Они жили в пещерах, пугаясь каждой ночи и каждой зимы, – он заставил их строить дома от холода, объяснил движение небесных светил в смене времен года, научил письму и счету, чтобы передавать знания потомкам. Это он указал для них руды под землей, впряг им быков в соху, сделал телеги для земных дорог и корабли для морских путей. Они умирали от болезней – он открыл им целебные травы. Они не понимали вещей знаменитых богов и природы – он научил их гадать и по птичьим крикам, и по жертвенному огню, и по внутренностям жертвенных животных»*. *«...Прометей восклицает: “Вот и впрямь вокруг задрожала земля, / И молнии вьются, и громы гремят... / О Небо, о мать святая, Земля, / Посмотрите: страдаю безвинно!”*» Таким образом, речь идет о природных катастрофах, об извержении вулканов и катастрофическом землетрясении. Тир в армянской традиции считался прорицателем судьбы³. Тир навеивает людям сны, открывающие им их будущее. Храм Тира находился между городами Вагаршапат (Эчмиадзин) и Арташат) был местопребыванием оракулов, где жрецы толковали сны, обучали наукам и искусствам. Храм Тира назывался «Диван писца Арамазда».

¹ BSNews // Ю. Кузнецова // Археологическое лето 2010. Обзор BSNews.

² Прометей, прикованный. Эсхил, 525–456 до н. э. – http://briefly.ru/es_xil/prometej_prikovannyj

³ Мартирос Ананикян. Тиур (Тир) // Мифы Армении. – Центрполиграф, 2010

Основные выводы

Доисторическое происхождение и распространение научной грамотности и технологий связано с родословной Тира.

Первый храм знаний, построенный Айком, внуком Тира, свидетельствует о высоком уровне научной грамотности в доисторической Армении, на Кавказе, в доме Асканазы и Торгома.

Кадм – хранитель храма знаний, распространил вначале в Финикии, а затем и в Греции древние знания и в исторической памяти остался как изобретатель финикийского и греческого алфавитов.

«И люди полагают, что по записанным именам их предков можно судить, что имена эти принадлежали тому самому языку, который асы принесли сюда на север – в Норвегию и Швецию, Данию и Страну Саксов. А в Англии есть старые названия земель и местностей, которые, как видно, происходят не от этого языка, а от другого».

Список литературы

1. Aslanian S.A., Belyaeva E.V., Kolpakov E.M., Luybin V.P., Suvorov A.B. Stone Age in Northern Armenia // *Antiquity*. 2006. – Vol 80, N 308, June.
2. Lyubin V. New stage in the study of early prehistoric Caucasus // *Proceedings II (XVII)*. 2008. – Vol. 1. – P. 141–143.
3. Lyubin V., Belyaeva E. New data on the early Paleolithic of Armenia and Early Paleolithic of Eurasia // *New Discoveries*. 2008. – Vol. 6.
4. Vahanyan G.A. Armenian Rock Art as Visual Knowledge to Understand the History of Civilization in Asia, Europe and Scandinavia // XXVI Valcamonica Symposium «Prospects on prehistoric art research: 50 years since the founding of the Centro Camuno», 9–12 September 2015, Italy.
5. Vahanyan G.A. The Role of Rock Art Clusters in Mythology, Religion and Magic: The Concept of the Knowledge Spiral // *Expression N°10*. Quarterly e-journal of Atelier in Cooperation with UISPP-CISNEP. International Scientific Commission on the Intellectual and Spiritual Expressions of non-literate Peoples. 2015. – December.
6. Vahanyan G. The motif of the depiction of Cadmus fighting the dragon on the Greek krater has ancient Armenian roots // 20th International Rock Art Congress IFRAO «Standing on the shoulders of giants / Sulle spalle dei giganti» Valcamonica – Darfo Boario Terme (BS) Italy, 29 August – 2 September 2018.
7. Vahanyan G.A. About model of searching, identification, measurement and valuation of the main source of human identity // Colloquium UISPP-CISENP «The Intellectual and Spiritual Expressions of Non-Literate Peoples». UISPP – Union Internationale Des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. CISENP – International Scientific Commission «The Intellectual and Spiritual Expressions of Non-Literate Peoples», 22–23 Oct. 2007, Paris.
8. Vahanyan G.A. Rock Art in the Frame of the Cultural Heritage of Humankind // XXII Valcamonica International Symposium «Rock Art in the frame of the Cultural Heritage of Humankind», CCSP, UNESCO, 18–24 May 2007, Darfo Boario Terme (BS), Italy.
9. Vahanyan G.A. The Beginning of natural philosophy and metaphysics in the rock art of Armenia / UISPP – International Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences (Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques) World Congress «Atapuerca», 1–7 September 2014, Burgos, Spain // *Expression N°6*, International Journal of Art, Archaeology & Conceptual Anthropology. 2014. – August.
10. Vahanyan G.A., Stepanyan A. Prehistoric art in Armenia: new discoveries, new interpretations and new methods of research // XXI Valcamonica Symposium «Prehistoric and Tribal Art: New Discoveries, New Interpretations, New Research Methods», Darfo Boario Terme (BS), September 08–14, 2004, Italy.
11. Vahanyan G.A., Stepanyan A.V. Searches for the Heritage of Protocivilization // *ArtePreistorica, Rock Art Review*. 2003. – October. – <http://www.artepreistorica.it>
12. Vahanyan G.A., Vahanyan V.G. Intercultural relations between Old Europe and Old Armenia // XXIII Valcamonica Symposium «Making history of prehistory, the role of rock art», 28 October – 2 November 2009, Italy.
13. Vahanyan G.A., Vahanyan V.G., Baghdasaryan V. Cognitive aspects of the concept «home» // 20th International Rock Art Congress IFRAO «Standing on the shoulders of giants / Sulle spalle dei giganti» Valcamonica – Darfo Boario Terme (BS) Italy, 29 August – 2 September 2018.
14. Vahanyan V.G., Vahanyan G.A. Armenian Rock Art – Virtual Temple of Knowledge: Monograph. LAP Lambert Academic Publishing, 2017. – 251 p.
15. Беляева Е.В. Уникальное древнекаменное орудие из Северной Армении // *Природа*. 2009. - № 4. – С. 63–66.
16. Беляева Е.В., Любин В.П. Ашельские рубила и истоки протоидеи зайца // *Российский археологический ежегодник*. 2011. – № 1.
17. Бойко А.Л. Танаис: к истории археологических исследований // *Донской временник*. 2014. – № 1.
18. Бэкон Ф. Новый Органон. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.
19. Ваганян Г.А., Ваганян В.Г. Академия и Кадмос: Господское Обиталище – Храм Знаний в Армении // *Сборник трудов международной научно-практической конференции «Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения»*. – Томск, 2016. – С. 208–211.
20. Ваганян Г.А., Ваганян В.Г. Армянское наскальное искусство – интеллектуальный капитал доисторической цивилизации: монография в двух томах. LAP Lambert Academic Publishing, 2017.
21. Геродот. История. Кн. 1. – <http://ancientrome.ru/antlitrr/he-rodot/index.htm>
22. Драсханакерти Ованес. История Армении / Перевод с древнеармянского М.О. Дарбинян-Меликян. – Ер., 1984.
23. Караханян А., Джрбачян Т. и др. Армянские вулканы и вулканическая опасность на территории Армянского нагорья и сопредельных областей // *Известия НАН РА. Науки о Земле*. 2004. – № 1. – С. 3–24.
24. Крывелёв В. Книги о Библии. Гл. 2. Из истории научного исследования библейских книг. – (https://scisne.net/searchas?q%5B_aaut-hog%5D=on&q%5Bstr%5D=%2BИосиф%20%2BKрывелёв)
25. Флавий И. Иудейские древности // Библиотека «Вехи». – <http://www.vehi.net/istoriya/is-rail/flavii/index.html>
26. Флавий И. Иудейская война // Библиотека «Вехи». – <http://www.vehi.net/istoriya/is-rail/flavii/index.html>
27. Хоренаци М. История Армении. 1990. – <http://www.vehi.net/istoriya/armenia/khorenaci/01.html>

*Васильева Т.Ю.*¹

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ²

Ключевые слова: цифровая экономика, научные знания, методология, экспертные знания.

Keywords: digital economy, scientific knowledge, methodology, expert knowledge.

Как отмечалось в 1995 году Дон Тапскотт в книге «Цифровая экономика: обещание и опасность в эпоху сетевой разведки», цифровая экономика – это экономическая деятельность, сфокусированная на цифровых и электронных технологиях. В том числе это электронный бизнес и коммерция, а также производимые ими товары и услуги. Таким образом, данное определение охватывает все деловые, культурные, экономические и социальные операции, совершаемые в Интернете и с помощью цифровых коммуникационных технологий. В последние 20 лет заметен рост Интернет-экономики. Интернет интегрирован во все аспекты человеческой жизни, в том числе и в такие структуры, как здравоохранение, банковское дело и образование.

Также важно отметить, что рост цифровой экономики оказывает огромное влияние на всю экономику в целом. С глобализацией и активным развитием инновационных технологий, искусственного интеллекта и облачных вычислений Интернет-экономика стала неотъемлемой частью мировой и государственной экономики.

Благодаря развитию электронных технологий потребитель может быстро получать больше качественных услуг и товаров. Для предприятий же переход на электронную коммерцию является толчком к потенциальному росту и способствует расширению клиентуры за счет облегчения предоставления услуг. Например, в 2016 году, по данным социологических исследований, количество людей, имеющих свободный доступ к Интернету, превысило три миллиарда человек. Это практически половина населения планеты.

Цифровой можно назвать любую компанию, которая стремится полностью или частично перенести свою деятельность в онлайн. Если с электронными технологиями у предприятия связаны такие важные аспекты функционирования, как управление, контроль и анализ бизнеса, предоставление услуги или доставка товаров, логистика и маркетинг, то такую компанию можно причислить к числу тех, которые формируют электронную экономику.

Цифровая экономика породила массу новых идей и тенденций. Но важны не так используемые технологии, как бизнес-решения и новые возможности, которые они подарили. Так, веб-экономика имеет массу преимуществ:

Предприятия, которые в последние десять лет активно использовали цифровые технологии в развитии компании и маркетинге, процветали.

Развитие веб-экономики дарит удобство и быстроту. С переходом в онлайн-бизнес больше нет необходимости стоять в очередях в банках. Их заменил Интернет-банкинг. Страхование, медицина и образование также постепенно переходят в онлайн формат, а большинство медийных товаров и услуг уже давно оцифрованы.

Расчеты в цифровой экономике, как правило, производят через электронные платежные системы, что помогает сократить количество денег на черном рынке, предотвращает коррупцию и делает экономику более прозрачной.

Развитие веб-экономики имеет и несколько существенных негативных факторов:

– риск киберугроз, связанный с проблемой защиты персональных данных (частично проблема мошенничества может решаться внедрением так называемой цифровой грамотности);

– «цифровое рабство» (использование данных о миллионах людей для управления их поведением);

– рост безработицы на рынке труда, поскольку будет возрастать риск исчезновения некоторых профессий и даже отраслей (например, многие эксперты всерьез полагают, что банковская система в течение ближайших десяти лет исчезнет). Это станет возможным вследствие дальнейшего распространения информационных технологий и ее продуктов – магазинов с электронными кассами, ботов, обслуживающих клиентов, беспилотных автомобилей и др.;

– «цифровой разрыв» (разрыв в цифровом образовании, в условиях доступа к цифровым услугам и продуктам, и, как следствие, разрыв в уровне благосостояния людей, находящихся в одной стране или в разных странах).

Также в данной среде пока не слишком много профессионалов и экспертов, в том числе отсутствуют и специалисты, способные обучать профессионалов. С развитием цифровой экономики до новых масштабов потребуются и дополнительное развитие инфраструктуры. Как минимум, это сверхскоростной Интернет, мощные мобильные связи и телекоммуникации.

¹ Васильева Татьяна Юрьевна – к.т.н., доцент, доцент кафедры «Конструирование, технология и производство радиоэлектронных средств» Московского авиационного института (НИУ), член ЦДУ РАН, член-корреспондент РОО «Общественная Академия изучения проблем информационно-технологической и прикладной анимации (АИПАА)». E-mail: vtu-74@mail.ru

² Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

Цифровая экономика в России существенно отстает от большинства европейских стран: США, Японии и Китая. Показательным примером является то, что на долю Российской Федерации приходится 1,8% от мирового ВВП, при этом производительность суперкомпьютеров составляет всего 0,32%.

Для развития цифровой экономики необходимо развивать национальный ИТ-сектор, стимулировать создание и внедрение инновационных технологий во все производственные, экономические и социальные отрасли страны.

С этими целями в РФ была создана АНО «Цифровая экономика» – госпрограмма, которая путем поддержки технологических инициатив будет способствовать развитию в данной отрасли.

В утвержденной в России «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 годы» дано следующее определение цифровой экономики: «Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг».

Благодаря развитию и внедрению информационных технологий в нашу жизнь сегодня во многих случаях мы можем обходиться без посредника. Например, если мы хотим есть, но не желаем готовить, мы можем оформить в Интернете доставку еды на дом, если нам нужно перевести деньги, нам незачем идти в отделение кредитной организации – мы можем сделать перевод через мобильный банк, если нам нужно зарегистрировать транспортное средство, мы тоже можем сделать это онлайн – через портал госуслуг. Это и многое другое мы можем делать только благодаря тому, что у нас есть компьютер и выход в Интернет.

Согласно данным исследования Digital Evolution Index 2017, у России есть неплохие перспективы занять лидирующие позиции в рейтинге развития цифровой экономики. По мнению экспертов, несмотря на относительно низкий общий уровень дигитализации, наша страна демонстрирует устойчивые темпы роста и находится на пике цифрового развития, привлекая тем самым инвесторов в экономику.

Пока же в рейтинге цифровых экономик мира Россия занимает 39 место, соседствуя с Китаем, Индией, Малайзией и Филиппинами.

«Цифровыми» странами-лидерами на сегодняшний день являются Норвегия, Швеция и Швейцария. В топ-10 входят также США, Великобритания, Дания, Финляндия, Сингапур, Южная Корея и Гонконг. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 г. № 204 содержит формулировку 9 национальных целей, для достижения которых разработаны 12 национальных проектов (программ) в их числе национальный проект (программа) «Цифровая экономика», структура которого содержит 6 Федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды»; «Кадры для цифровой экономики» (ответственный за реализацию – Министерство экономического развития Российской Федерации) и «Информационная инфраструктура»; «Информационная безопасность»; «Цифровые технологии»; «Цифровое государственное управление» (ответственный за реализацию – Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации).

Проблемы реализации этих, безусловно, важных документов обсуждались на сессии «Человек + машина: бизнес в эпоху искусственного интеллекта» направления «Технологии, приближающие будущее» Петербургского международного экономического форума – 2019 [5]. В данной статье мы предлагаем авторское видение обсуждавшихся проблем.

Федеральный проект «Цифровые технологии» предполагает увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников (по доле в валовом внутреннем продукте страны) не менее чем в три раза по сравнению с 2017 годом и создание комплексной системы финансирования проектов по разработке и (или) внедрения цифровых технологий и платформенных решений, включающей в себя финансирование и иные институты развития; создание «сквозных» цифровых технологий преимущественно на основе отечественных разработок [4].

Основные эффекты от применения ИИ будут получены за счет оптимизации бизнес-процессов и расширения возможностей автоматизации и роботизации ручного труда; реструктуризации глобального рынка труда и трансформации образовательных процессов в пользу персонализации и развития концептуального мышления; исключения субъективности и иррациональности в принятии решений [7].

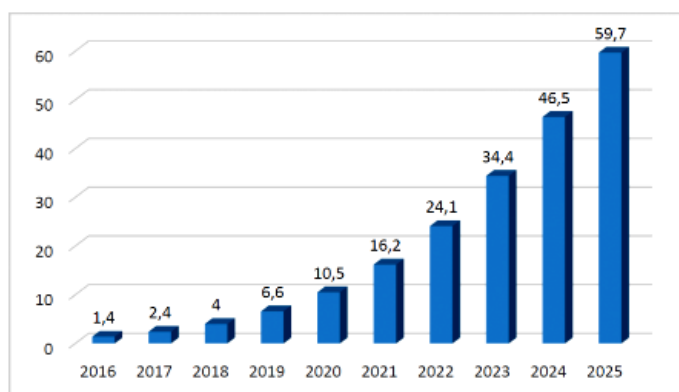

Рисунок 1.
Объем рынка искусственного интеллекта, млрд. долл. США

Выделяют два направления развития ИИ:

– решение проблем, связанных с приближением специализированных систем ИИ к возможностям человека, и их интеграции, которая реализована природой человека;

– создание искусственного разума, представляющего интеграцию уже созданных систем ИИ в единую систему, способную решать проблемы актуальные для человечества [2, 4].

Сферы применения ИИ — это: автоматический перевод; распознавание текстов; интеллектуальные системы информационной безопасности; получение бизнес-аналитики; извлечение информации; распознавание речи; распознавание зрительных образов; понимание и анализ текстов на естественном языке; робототехника; экспертные системы; анализ изображений и многое другое.

В последнее время произошел впечатляющий рывок в области развития и особенно применения искусственного интеллекта, основанного на использовании нейронных сетей. Получены грандиозные результаты при решении таких задач, как распознавание речи, изображений и лиц. Данные технологии основаны на достаточно грубом копировании работы человеческого мозга и не всегда дают ожидаемые результаты. Задача науки – понять, как работает ИИ. Технологии часто начинают работать раньше нашего понимания всех подробностей их работы. Без такого понимания неизбежно возникают разного рода инциденты. Примером такого потенциально негативного эффекта может служить атомная энергетика (Фукусима и Чернобыль). Такое же возможно и с искусственным интеллектом, если не будет полного понимания того, как он работает.

Основная проблема в теории ИИ – понять, почему работают нейронные сети, несмотря на то, что, с точки зрения классической математики, задача построения нейронных сетей некорректна, т.к. количество наблюдений (обучающих примеров) на несколько порядков меньше числа определяемых параметров, но, тем не менее, на практике сеть работает. Теоретического понимания, почему сеть работает, у нас пока нет. Основная задача ученых — как можно скорее узнать, как технологии ИИ работают. Для поднятия ИИ на новый уровень развития и получения предсказуемых и надежных результатов необходимо построить новую или существенно доработать существующую теорию ИИ. Решающее слово здесь должно остаться за математикой, т.к. именно она является «языком вселенной» [5, 6, 7, 11].

Компании, которые используют новые возможности ИИ, совершают технологический прорыв, получают ошеломительный результат и конкурентное преимущество. ИИ меняет саму природу труда, кардинально перестраивая процессы управления и выдвигая новые требования к набору компетенций, меняя характер взаимодействия человека и машины.

Искусственный интеллект окажет влияние не на количество рабочих мест, а, скорее, на их содержание. Все это ставит перед бизнесом новые задачи по расширению компетенций и трансформации сознания людей при подготовке их к фундаментальным изменениям [1, 8].

Анализируя потенциал искусственного интеллекта, исследователи начали искать новые области его применения, прежде всего – в увязке с совершенствованием бизнес-процессов. Применение ИИ в этой области позволяет сделать бизнес-процессы гибкими и адаптивными, отказаться от традиционных конвейеров и перейти к идее интеграции продвинутых ИИ-систем и людей. Такой подход позволяет радикально изменить взаимодействие машины и человека, формировать интегрированные команды из роботов и людей. Такие команды способны по ходу выполнения производственных операций быстро обрабатывать большие массивы данных, усваивать новую информацию и подстраиваться под непрерывно изменяющиеся условия. Такие возможности ИИ позволяют компаниям по-новому произвести реинжиниринг своих бизнес-процессов, существенно повысить их производительность и снизить издержки. Таким образом, одно из основных направлений развития и внедрения ИИ в промышленности – реинжиниринг бизнес-процессов.

Развитие государства требует обновления организационных механизмов всех уровней системы образования и их соответствия перспективным тенденциям экономического развития и общественным потребностям. Следовательно, модернизация системы образования бесспорно является фактором благополучия граждан страны.

Базовым элементом глобальной конкуренции, требующей постоянного обновления технологий, ускоренного освоения инноваций, быстрой адаптации к запросам и требованиям изменяющегося мира является конкуренция различных систем образования [8–10].

Фундаментальные и прикладные исследования, проводимые учащимися и преподавателями, возможны при наличии отличного высшего образования, а научные исследования – это важнейший ресурс и инструмент освоения студентами компетентностей поиска, анализа и освоения информации. Государственная политика Российской Федерации направлена на постоянное совершенствование образования.

Важно отметить, что повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина – стратегическая цель государственной политики в области образования [2].

Для этого были поставлены следующие приоритетные задачи:

Модернизация структуры образовательных учреждений в соответствии с задачами инновационного развития, в том числе формирование федеральных университетов, национальных исследовательских университетов; обеспечение компетентностного подхода, взаимосвязи академических знаний и практических умений; увеличение объема средств, направляемых на финансирование научных исследований в вузах;

Разработка и внедрение системы сертификации профессиональных квалификаций; поддержка корпоративных программ подготовки и переподготовки профессиональных кадров; создание системы поддержки организаций, предоставляющих качественные услуги непрерывного профессионального образования;

Создание системы образовательных услуг, обеспечивающих раннее развитие детей независимо от места их проживания, состояния здоровья, социального положения; создание системы выявления и поддержки одаренных де-

тей и талантливой молодежи; развитие финансовых инструментов социальной мобильности, включая образовательные кредиты.

Для инновационного развития государства особую значимость приобретает политика, связанная с накоплением и усвоением знаний, с развитием научной коммуникации, передачей производственных навыков, формированием сетей поиска и обработки разнородной информации. «Ориентированные фундаментальные исследования», результатом которых является получение средствами фундаментальной науки частных знаний о каком-либо круге явлений природы или общественной жизни, имеющих отчетливое практическое значение и способных, с большой долей вероятности, быть использованными в конкретных прикладных исследованиях. Помимо перечисленных областей может быть также выделена область управленческих знаний, дальнейшая реализация которых в прикладных исследованиях связана с разработкой доктринальных, концептуальных и методических документов.

Список литературы

1. Зайнетдинов Э. 30 бизнес-процессов, которые изменятся из-за искусственного интеллекта. – <https://hype.ru/deecrypto-store-club/30-biznes-processov-kotorye-izmenyatsya-iz-za-iskusstvennogo-intellekta-dkvza585>
2. Норвиг П., Стюарт Р. Искусственный интеллект. Современный подход. – М.: Вильямс, 2007. – 1408 с.
3. Отношение к искусственному интеллекту. Исследование коммуникационного агентства Edelman 2019 года, реализовано Центром экспертизы искусственного интеллекта Edelman (Edelman AI Center of Expertise) при поддержке Всемирного экономического форума (ВЭФ). – <https://qps.ru/HSqGv>
4. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол от 24 декабря 2018 года № 16).
5. Человек + машина: бизнес в эпоху искусственного интеллекта. Информационно-аналитическая система Росконгресс. – <https://roscongress.org/sessions/spief-2019-chelovek-mashina-biznes-v-epokhu-iskusstvennogo-intellekta/translation>
6. Единое информационное пространство взаимодействия субъектов научной и инновационной деятельности: монография / Под ред. В.В. Трофимова, В.Ф. Минакова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 103 с.
7. Система формирования исследовательских компетенций и технологических заделов в научной и образовательной деятельности: монография / Под ред. В.В. Трофимова, В.Ф. Минакова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 180 с.
8. Мельников В.П., Васильева Т.Ю. Методология адаптивно-ситуационного управления технологической подготовкой РЭА с применением экспертных моделей: научно-монографическое издание / Под научной редакцией профессора Мельникова В.П. – М.: БУКИ-ВЕДИ, 2014. – 260 с.
9. Витковски Н., Ортоли С. Ванна Архимеда. Краткая мифология науки. 2007.
10. Васильева Т.Ю. Экспертный модуль для программного обеспечения исполнительской системы виртуального производства // Бизнес-информатика. 2009. – № 4 (10). – С. 25–28.
11. Васильева Т.Ю. Адаптация современных программных средств создания и внедрения корпоративных информационных и управляющих систем к работе в структуре предприятий авиационной промышленности // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2013. – № 11 (18). – С. 75–79.

Ворожухин В.В.

к.э.н., в.н.с., Российский экономический университет

О СООТВЕТСТВИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ

Ключевые слова: наука; образование; цифровая трансформация; глобальная гиперконкуренция за будущее; вычислимое управление; новые инструменты управления.

Keywords: science; education; digital transformation; global hyper-competition for the future; computable control; new management tools.

*За общую пользу, а особливо за утверждение науки
в Отечестве, и против отца своего родного
восстать за грех не ставлю.*

М. Ломоносов

О кризисе науки

Современное состояние экономики как науки неоднократно диагностировалось как кризисное¹. Более сорока лет экономика и как практика, и как наука, находится в состоянии «турбулентности», которое является общим ответом на все нерешенные проблемы. Как определяются приоритеты и перспективные направления развития, в том числе научных исследований, без адекватных экономических оценок?

Но кризис характерен и для всей системы познания. Достаточно вспомнить название книги С.Д. Хайтуна «Кризис науки как зеркальное отражение кризиса теории познания: Кризис науки»². Кто управляет направлениями научных исследований – администраторы на основании коммерциализации собственных интересов? Мы уже строили цифровую экономику во времена СССР, она называлась ОГАС и поглотила денег больше, чем успешные ядерный и космический проект, а привела лишь к очередным экономическим проблемам³.

Другая проекция кризиса – это кризис сложности. Мир на наших глазах превратился в глобальную человеко-компьютерную систему (ЧКС), изменения условий развития и значимых факторов влияния происходит непрерывно, а число значимых факторов огромно (ГАС «Управление» два года назад оперировало десятью тысячами показателей, а к 2020 г. – 450 тыс.⁴, зарубежные системы – сотнями тысяч и миллионами показателей⁵). Знания «вылезли» за пределы предметной нарезки индустриального периода, стали меж- и трансдисциплинарными, многомерными. Компьютер из инструмента превращается в партнера, диагностирующего наши эмоции и формирующего свои. Японское Общество 5.0 – общество человека, робота и компьютера⁶.

В условиях стремительных трансформаций мироустройства, усложнения, роста разнообразия, становления Человека творческого взамен уходящего Человека экономического, изменения личности-сообществ-общества, механизмов общественной координации, включая появление новых социо-электронных, в условиях научной и управленческой революции, информационного потопа, становления экономики больших систем экономика откатывается на позиции преднауки.

Но если экономика запуталась с научными основаниями и не в состоянии дать рекомендации, как и какую считать эффективность для сложных систем, как интегрировать значимость экстерналии, как оценить достижения разной научной глубины в быстро меняющемся мире, что можно сказать о коммерциализации, которая, как бизнес, скорее определяется коммуникациями и отношениями, чем общечеловеческой значимостью?

Начинает распространяться, с одной стороны, имитация деятельности, лишь бы отчитаться и получить деньги, а с другой стороны, борьба с инакомыслием, при которой администраторы приватизируют право на истину.

Первым, как правило, начинает заболеть управление. Оно становится ориентированным на процесс, в рамках которого в первую очередь учитываются интересы бюрократии. И это характерно для всего мира – государства, как

¹ Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.; Полтерович В.М. Кризис экономической теории: Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика», 11.05.2011.

² Хайтун С.Д. Кризис науки как зеркальное отражение кризиса теории познания: Кризис науки. – М.: URSS, 2016 – 456 с.

³ ОГАС. – <http://ogas.kiev.ua/>

⁴ ГАС «Управление», материалы вебинара.

⁵ Economic Simulation Engine / Global Link Model. Anticipate the impact of change / IHS ECONOMICS. 2016. – 8 p.; METIS Technical Note T5. 2017. – may. – 16 p.

⁶ The 5th Science and Technology Basic Plan / Government of Japan. 2015. – January 22. – 74 p.

организации, стареют, происходит подмена интересов государств на интересы прагматичных элит, а правительства занимают не ускорением, а торможением развития

Но стареет и наука – в мире науки, как и в мире власти, огромную роль играет система отношений. Коррупция в науке не всегда имеет денежную основу – Гитлер не смог сделать ядерное оружие из-за перешедшей в политическую плоскость конкуренции научных групп¹.

Измерение научной грамотности: возможности и проблемы

Научная грамотность общества может быть больше того уровня, который индивидуальные достижения и сообщества могут продемонстрировать способами, которые выходят за рамки агрегированной научной грамотности входящих в них людей.

Научная грамотность личности, научная грамотность сообщества и научная грамотность общества *взаимозависимы*. Существует множество метрик, претендующих на измерение научной грамотности².

Отражением научной грамотности является качество научных текстов, результаты оценки качества НПА. *Измеряя качество текстов, мы можем судить о грамотности* авторов и издателей.

Последняя попытка построения системной оценки науки и образования в 2012 г. в США окончилась неудачей из-за разнообразия и сложности входов, процессов и выходов научных и образовательных систем. Наступило время рейтингов.

Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся – PISA – осуществляется Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)³.

Объектом исследования являются образовательные достижения *учащихся 15-летнего возраста*, когда завершается обязательное обучение в школе, по трем основным направлениям: «грамотность чтения», «математическая грамотность» и «естественнонаучная грамотность». Особое внимание уделяется оценке овладения учащимися общеучебными и интеллектуальными умениями.

Программа осуществляется консорциумом, состоящим из ведущих международных научных организаций, при участии национальных центров и организации ОЭСР. Руководит работой консорциума Австралийский Совет педагогических исследований (The Australian Council for Educational Research – ACER)⁴. В консорциум также входят следующие организации: Нидерландский Национальный Институт Педагогических Измерений (Netherlands National Institute for Educational Measurement – CITO); Служба педагогического тестирования США (Educational Testing Service, ETS); Национальный институт исследований в области образования (National Institute for Educational Research, NIER) в Японии; Вестат США (WESTAT).

Повышение сложности объекта приводит к появлению *новых измерений пространства его описания и существования*. При этом старые знания теряют актуальность, а попытки их использования приводят к *ложным знаниям и неверному использованию знания*/

Изменяется скорость развития, появление нового междисциплинарного знания происходит быстрее – знания устаревают быстрее. *Любая модель может мгновенно устареть* после появления новых взаимодействий – новых факторов и измерений предмета исследования. В сложных системах зачастую *не работают причинно-следственные связи*. Этот факт хорошо известен специалистам по системному мышлению⁵.

Научная грамотность требует непрерывного подкрепления, так как скорость появления нового знания быстро возрастает и принципиально превышает современную.

Когда наука усложняется и становится многомерной, естественно пытаться искать возможность и критерии оценки, желательно сильно упрощающей жизнь. Мир науки отображается в разных проекциях и появляется удобная проекция публикационной активности.

Значительное число администраторов, приближенных к науке и издательской деятельности, пытаются *использовать публикационную активность*, прежде всего глобальных систем Scopus и Web of Science, индексирующих 25 и 34 тысячи журналов соответственно. Scopus создал целый ряд удобных инструментов для поиска и статистической обработки публикаций в разрезе направлений исследователей, организаций, авторов. Созданы инструменты и для оценки журналов – в Scopus рейтингование журналов позволяет разбить их на 4 квартиля, в WoS используются 24 критерия оценки качества и 4 критерия оценки влияния журналов.

Формирование группы привилегированных журналов и включение публикаций в них в индивидуальные планы привело к формированию торгуемого в личных интересах административного ресурса. *«Жизнь совсем не то, что мы про нее думали. Оказалось, что она ... издательство, где идет непрерывное распечатывание и редактирование текстов, их перевод с одного языка на другой и рассылка по разным инстанциям»*⁶. Писателей много – читателей мало, грамотность без чтения падает, а безграмотные писания хорошо продвигаются за деньги. Особенно хорошо, если это финансируется из бюджета. По оценкам специалистов издательства ИНФРА-М на сегодняшний день мы переводим

¹ Uranprojekt. – <https://de.wikipedia.org/wiki/Uranprojekt>

² Science Literacy Concepts, Contexts, and Consequences / NAP, R 23595. 2016. – 166 p.

³ Programme for International Student Assessment (PISA). – <http://www.oecd.org/pisa/>

⁴ Australian Council for Educational Research (ACER). – <https://www.acer.org/gb>

⁵ О'Коннор Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Джозеф О'Коннор и Иан Макдермотт; Пер. с англ. – 2-е изд. – М: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 256 с.

⁶ Тростников В.Н. «Научна ли «научная картина мира»? // Новый мир. – М., 1989. – № 12.

зарубежным издательствам около миллиарда рублей в год¹. Но ставки за публикацию, число журналов и платных статей быстро растут под административным давлением по схеме, предложенной Вышкой: «люди – новая нефть». Фактически за свои деньги мы оплачиваем деятельность зарубежной стратегической разведки нашего будущего через публикации.

Трансперенси Интернешнл (ТИ), неправительственная организация, занимающаяся коррупцией во всем мире, обычно определяет коррупцию как «*злоупотребление доверенной властью в личных целях*»².

Однако в высшем образовании коррупция также включает «*отсутствие академической честности*». Второе определение относится как к государственным, так и частным учреждениям, поскольку то, что они предлагают, – образование – может быть истолковано как общественное благо. Коррупция может быть воспринята или нет. По мере углубления процессов цифровизации растет число случаев мошенничества с использованием технологий (мобильные телефоны, умные часы и т.д.) – в университетах Великобритании выросло на 42% в период с 2012 по 2016 год, а 25% учащихся, поймавших на мошенничестве, использовали различные электронные устройства.

Коррупция в образовании, помимо выпуска неграмотных специалистов, не имеющих необходимой для меж- и трансдисциплинарной науки комплексной грамотности – научной, академической, цифровой, правовой, финансово-экономической, приводит к *подмене духовно-нравственных ценностей рационально-циничными*, к вовлечению в коррупционные практики молодого поколения, далее «распространяя эту порочную социальную практику на все отрасли и сферы жизнедеятельности государства»³.

При всем совершенстве инструментов Elsevier – ScienceDirect, Scopus, SciVal, Pure и др. для работы с научной картиной мира на основе публикации, мировое научное сообщество развитых стран давно пытается бороться с системами оценки и регулирования науки, *ведущим к формированию хищнических журналов, к потере научной этики и подмене сущности научной деятельности продажами публикаций*. Мы регулируем доступ к инвесторам публикациями?? Отсев 90% публикаций журналами высоких квартилей фактически тормозит развитие науки на фоне роста рисков.

«Злоупотребления наукометрией стали слишком распространены, чтобы не обращать на них внимание. Мы представляем *Лейденский манифест*, названный так по итогам конференции, на которой он был разработан. Его десять принципов не станут новостью для занимающихся наукометрией. Но нельзя их не принимать во внимание, когда специалисты по оценке научной деятельности отчитываются перед университетскими управленцами, которые не являются экспертами в соответствующей методологии. Научное исследование приравнено к публикации на английском языке. Такого рода предубеждение создает особые проблемы в общественных и гуманитарных науках, где исследования в большей степени регионально и национально обусловлены»⁴.

Значимая группа противодействия административному управлению развитием науки на основе косвенных наукометрических показателей представлена подписантами *Сан-Францисской декларации*⁵ – их число составило 1,5 млн. исследователей, представляющих интересы около 70 тыс. организаций. Это 10% от мирового числа исследователей.

О проблемах российской науки

Пока мы обсуждали проблемы успешной мировой науки. Наши представления о подходах к исследованиям и публикациям разошлись 50 лет назад, и именно за это время наука стала англоязычной на 90%.

РАН к началу реформ оценивалась как «*сословно-иерархическая корпорация, заинтересованная только в поддержании своего существования, но не в новых результатах, занимающаяся коммерческой деятельностью, нецелевым использованием имущества и хищениями*»⁶. Справиться с этим должна была реорганизация, но попытка реформ по лекалам западных стран, реализуемая Д.В. Ливановым, не удалась – двумя важнейшими проблемами в настоящее время в российской науке остаются финансовые вопросы и бюрократизация.

Финансовые вопросы: кто может выделить грант на изучение, кто купит вашу работу и на что содержать семью; бюрократические требования *демонстрации продуктивности* и связанные с ними *публикации статей за деньги, нарушение авторских прав – ставят под сомнение всю систему государственного регулирования науки*.

Проблемы с российской наукой отмечались не раз в разные исторические времена. *Тяжелое рождение во времена Петра I, Екатерины II и Ломоносова*. Недоступность учения для женщин и крепостных, формирование принципиально менее благоприятной среды для распространения знаний, незаинтересованность властей в распространении знаний, ведущих к независимости подданных, разруха гражданской и высылка философских пароходов, чистки научных рядов в 30-е и 60-е.

Российская наука, исторически решавшая важнейшие оборонные задачи – ликвидации монополизма США в сфере ядерного оружия, средств его доставки, развития космоса, оказалась выстроенной как *научная служба*, в рамках которой формировалась иерархия. Во времена Сталина такая система работала – ответить за неуспех каждый мог не только должностью, но и свободой или даже жизнью. После смерти Сталина ответственность стала исчезать. *В сфе-*

¹ Материалы вебинара ИНФРА-М. – https://youtu.be/ndh_myIJLHk

² The Anti-Corruption Plain Language Guide / Transparency International. 2019. – July. – 60 p.

³ Борисова Е.А. Коррупция в системе высшего образования: перспективы социального контроля. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. соц. наук – М.: Современная гуманитарная академия, 2013 – 29 с.

⁴ STI 2014 Leiden. – <http://sti2014.cwts.nl>

⁵ San Francisco Declaration on Research Assessment (DORA). – <https://sf-dora.org/>

⁶ Реформы РАН не оценили ученые // Коммерсант. – <https://www.kommersant.ru/doc/4111271>

рах, напрямую не связанных с обороноспособностью, мы успешно побеждали реакционные лженауки – генетику, кибернетику, аксиологию.

В годы СССР науку населяли боррики (бывшие ответственные работники), лорики и жорики, направлявшие «случайно уцелевших кадровых исследователей». Сегодня мы видим поколение «переростков», давно административно переросших достигнутый уровень знаний.

Взаимно поддерживающиеся неконкурентоспособность науки, несовершенство элит и низкое качество управленческих решений образуют устойчивую систему с выраженным негативным влиянием на развитие страны. Следствиями являются имитационный характер деятельности институтов, неудовлетворительное состояние дорог и коррумпия, деградация человеческого капитала России.

Среди многочисленных признаков неудовлетворительного состояния науки существуют и стратегические – наша наука оказалась не в состоянии за 40 лет выстроить модель развития собственной страны, которая позволила бы России остаться мощной экономической державой.

Низкое качество диссертационных работ, одобренных в разные годы, не просто снижает престиж науки, но становится источником ложных знаний. Нередким является и использование чужих идей без указания источника. Негативные процессы развиваются ввиду недостатка научной грамотности, которой не хватило для их ограничения.

Первая важная рекомендация Scopus – *не писать статью ради появления публикации*. Подразумевается, что источником статьи является исследование, проведенное с высоким качеством, результатом которого стало появление нового знания.

Чтобы пробить статью, авторы часто выбирают наилучший результат эксперимента, а не суммируют полный набор данных. Итогом становится невоспроизводимость результатов. По опросам 1500 известных ученых, более 70 процентов из них пытались и не смогли повторить сенсационные результаты, которые публикуют другие ученые в высокорейтинговых журналах. Давление на ученых, жесточайшая конкуренция за место под солнцем, борьба за гранты вынуждают изощряться и искать разные способы опубликоваться в престижных журналах.

Академик Свердлов, как и основатель библиометрии Ю. Гарфилд, считает, что *публикации, цитируемость, импакт-факторы не могут служить критерием значимости работ ученого*. Одни и те же исследователи, нашедшие способы размещать статьи в престижных журналах, получают гранты, что способствует новым публикациям и новым грантам.

Погоня за публикациями в самых престижных журналах, стремление попасть на их страницы *любой ценой, крайне опасны для науки*. Сегодня слишком много внимания уделяется тому, где ученые опубликовали статью, а не сути, что же они сделали для науки. Именно поэтому в мире предпринимаются шаги, чтобы подорвать влияние ведущих журналов. Все шире развивается движение за публикации с открытым доступом, уже сейчас более 5000 таких журналов привлекают все больше статей, подрывая влияние ведущих журналов, снижая зависимость от импакт-факторов¹.

Наши возможности и надежды

Наши результаты почти обнадеживающие: с 2000-х проблема осознана и предпринимаются попытки изменения ситуации. На фоне перманентной неконкурентоспособности науки с 1970-х нужно было *срочно* что-то делать. Науку пытался возглавить влиятельный Ковальчук, но оказавшееся не менее влиятельным академическое собрание заблокировало перемены.

Попытка разделить деятельность научную и хозяйственную закончилась компромиссом: ФАНО было ликвидировано, но его руководитель стал Министром науки и образования.

«Волшебный пинок» плана по публикациям сработал: научное болото, самоназываемое в разное время серпентарием, кублом и т.п., пришло в движение. Все двинулись участвовать в публикациях.

Есть осознание важности проблемы. *Наука, десятилетиями не приносящая результата, не способная встроить и защитить результаты в систему управления страной, не может пользоваться доверием общества, да и власти*. На то, чтобы преодолеть отставание от ведущих научных держав мира, у российской науки есть всего шесть лет, считал Министр науки и высшего образования РФ Михаил Котюков².

Позитивных результатов реформы немного. Первый зампред комиссии Общественной палаты по развитию науки Л. Дудова отметила рост внедрения прикладных научных разработок и рост заработной платы научных сотрудников. Создана новая среда научной коммуникации, частично преодолен языковой барьер (здесь лидерство, безусловно, принадлежит Высшей школе экономики), вдвое увеличилось количество научных публикаций.

Тем не менее, *пока мы включаемся в глобальную науку на правах перевалочного пункта усеченных новых знаний*, на уровне понимания, что деньги за новые технологии нужно платить. Ситуация с 1995 г. не изменилась³: «для Запада российская наука как институт просто не существует», так она неинтересна и сегодня: публикации вне системных исследований не способны дать миру новые научные знания.

¹ Медведев Ю. Погоня за публикациями в престижных журналах опасна для науки // Российская газета. – М., 2018. – 9 октября.

² Известия. – М., 2019. – 8 февраля.

³ Мирский Э.М. Управление и самоуправление в научно-технической сфере // Социологические исследования. – М., 1995. – № 7. – С. 3–17.

Конкурируя в военных технологиях, мы раскручиваем гонку вооружений, которая невыгодна любым странам с менее развитой экономикой. Совместно создавая, распространяя и используя глобальные знания в рамках проектов открытой науки, мы решаем проблемы и снижаем уровень напряженности.

Развитие кадрового потенциала – самый масштабный и сложный проект. По сути, *мы должны в короткое время подготовить новое поколение исследователей.* Нам нужно порядка 35 тысяч молодых ученых, которые могли бы приступить к исследованиям уже в ближайшие 5–6 лет?! 35-тысячники спасут науку России?! Никогда не было такой молодежи в стране? Кроме молодежи никто научными знаниями не владеет?

Не зря предупреждал академик В.М. Глушков: «Опасность не в том, что машины начнут думать, как люди, а в том, что люди начнут думать, как машины». Сегодня общество всюду пытается избавиться от эйджизма, и возможно, уже пора писать черновик статьи об очередном головокружении – от желаний успеха.

Возрастание роли науки и человека требует внимания к трансформации ценностей: опираясь на традиции, создавая ценности настоящего и притягательность ценностей идеалов, они приводят к изменению критериев принятия решений.

Наука впервые объявлена в России национальным проектом. К 2024 году Россия должна¹: войти в пятерку ведущих стран по приоритетным областям науки, сделать привлекательной работу в России для российских и зарубежных ученых, а также обеспечить опережающий рост внутренних затрат на научные исследования по сравнению с ростом ВВП страны.

Чтобы к 2024 году по всем этим показателям войти в пятерку ведущих стран, надо удвоить число статей и патентов, на 50 процентов увеличить финансирование исследований и разработок.

Страна нуждается в создании независимой автоматизированной системы размещения научных продуктов разной степени проработки, которые проходят автоматическую формализованную регистрацию и предварительную оценку и фиксируют авторство – нужна сеть интеллектуальных репозиторий (ИР), ориентированных на непрерывную обработку размещенной информации, повышение ее качества и по требительской стоимости.

На старте в новое мироустройство Россия находится в сложной ситуации, уступая лидерам мирового развития²: по численности исследователей (в 2016 г в России всего – 722, 3 тыс. чел, в т.ч. исследователи 370,4 тыс. чел., число исследователей в 2016 г. на 1000 чел. по данным ОЭСР в Китае 2,18, в США 8,93 в ЕС 8,15, в России 5,92);

по расходам на исследования и разработки, которые в России в 2016 составили 943,8 млрд. руб. (1,1% ВВП), из них расходы бюджета на НИОКР г. составляют 402,7 млрд. руб. (в 2017 г. – 377, 9 руб.). По данным ОЭСР расходы России на исследования и разработки в 2017 г. составили 38,1 млрд. \$ при расходах США 483,7, Китая 444,8 и ЕС 366,9 млрд. \$);

по возможности перелома ситуации за счет концентрации сил и средств и экономических ограничений (Россия занимает 85 место в мировом рейтинге экономической свободы).

Инструменты реализации возможностей развития науки

Восстановление научной грамотности требует *смены форм координации научной деятельности.* На смену иерархии, формирующей барьеры на пути развития идеи, технологии и инноваций должны прийти *новые формы гетерархия и электронные формы координации* с инструментальной поддержкой в виде *человеко-компьютерных систем.*

Организационная форма – *комплекс сетевых организаций,* специализирующихся на конкретных направлениях исследований.

Экспертиза научной значимости *идей, научных текстов и результатов исследований* становится независимой, реализуется научно-экспертной сетью в обезличенной форме.

Основной достижения конкурентоспособности становится самоуправление в науке³. Вопрос о том, что назначенцы превращаются в бюрократов по дням сего дня прессой и в органах управления наукой.

Фокус национальной безопасности смещается: в 50-х он находился в зоне производства высоко технологичного ОМП, в 80–90-х переместился в сферу экономики, в 2000–2010 – в научно-технологическую сферу (создание критических и подрывающих технологий), в настоящее время фокус безопасности сместился в сферу развития образования, которое стало *ядром стратегической конкуренции за желаемое (благоприятное) будущее, за создание новых возможностей развития Человека* (личности, сообществ, общества, новых механизмов общественной координации) и благоприятных условий для его жизнедеятельности.

Фокус безопасности смещен в будущее *и, соответственно,* безопасность приобретает стратегический характер. *При этом риски отклонений от траектории развития и снижения скорости достижения цели существенно растут.* Хорошее образование требует приближения к фронтам науки – фокус безопасности продолжит движение к повышению глубины знаний.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

² Ворожихин В.В., Карнаух И.С. Сеть интеллектуальных репозиторий как важнейший инструмент реализации концепции «Открытой науки» в России: доклад на Республиканской научно-практической конференции ДОННУЭТ «Инновации и менеджмент качества в деятельности библиотек образовательных организаций», 21 ноября 2019 г.

³ Ворожихин В.В., Карнаух И.С. Самоуправление как механизм реформирования науки // Самоуправление. 2019. – № 4 (117). – С. 57–60.

Взаимодействие через взаимодействующую научную среду, а не оборонные структуры, позволяет перейти от противостояния к взаимодействию.

Конкуренция за будущее реально стала важнейшей тенденцией стратегического управления, опирающегося на создание возможностей развития и обеспечения национальной безопасности, понимаемой как научное формирование образа благоприятного будущего и процессов его достижения, не выходящих из зоны допустимого отклонения от траектории развития. Важнейшее значение приобретает оценка достижений науки.

Неверная оценка научных достижений означает потерю стратегической конкуренции страны в целом, высокие риски для развития отечественной науки, сокращение возможностей развития как личностных, так и научных сооществ.

Попытки упрощения оценки развития науки ведут к перекосу научной системы, несообразному развитию одних направлений при ущемлении тех, которые необходимо было бы развивать в первую очередь, к ограничению сферы научной грамотности.

Сегодня все успехи образования поставлены под сомнение. Кризис ощущается и в торможении успехов, несмотря на обилие ФГОС с двумя крестами, в перегрузке преподавателей и в обилии спускаемых вниз бюрократией отчетов, которыми сам преподаватель в цифровую эпоху, на мой взгляд, заниматься не должен. В век цифровой экономики используйте электронное отражение его деятельности сами, дорогие управленцы от науки, если это почему-то вам интересно, не срывайте процессы исследований и образования – нам еще далеко до мировых лидеров.

Если образование не приближено к фронтам науки, оно останется неконкурентоспособным. Вместо исследователей возникают новые бюрократы и коммерсанты, заучивающие уроки имитации – «работы на процесс» – и способы коммерческой реализации возможностей около науки.

Не столь важно, какие слова используются – специалитет или магистратура. Болонский процесс – отражение осознанной в ЕС ситуации, что за доступные деньги качественное образование оказалось недоступным. Важно содержание исследований и образования.

Краткие выводы

Наука стала вычислимой – все важнейшие открытия сделаны при обработке данных из хранилищ¹.

Образование должно быть приближено к фронтам науки, *иначе оно неконкурентоспособно*.

Возрастает значимость и роль Человека – мы начинаем строить Общество 5.0 и ноосферу, в которых люди и роботы и/или искусственный интеллект (ИИ) сосуществуют и совместно работают над улучшением качества жизни, предлагая тонко дифференцированные персонализированные услуги, которые отвечают разнообразным потребностям пользователей.

*Мир становится человекоцентричным*², ориентированным не на снижение затрат, а на повышение ценности человека. Инновации – не для снижения затрат, а для возможности зарабатывания. Общественные и частные стимулы балансируются.

Социальная справедливость является основанием формирования *парадигмы трансформационной оценки*³, целостно интегрирующей аксиологические положения (природа моральных ценностей), онтологические положения (природа реальности), эпистемологические положения (природа знания, отношения исследователь-объект изучения), методологические положения (каким образом можно получить необходимые знания?)

¹ Четвертая парадигма: Научные исследования с использованием больших объемов данных / Под редакцией Тони Хей, Стюарта Тэнсли, Кристин Толле / Microsoft Research, 2009–2014. – 247 с.

² Future Services & Societal Systems in Society 5.0. Held on Monday, November 7, 2016, CRDS-FY2016-WR-13: Center for Research and Development Strategy, Japan Science and Technology Agency. – 226 p.

³ Mertens D.M. Research and evaluation in education and psychology: integrating diversity with quantitative, qualitative, and mixed methods. – 5th ed. 2019. – 568 p.

Воронов М.В.

д.т.н., профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет
mivoronov@yandex.ru

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Ключевые слова: общество, информация, система, управление, аналитика.

Keywords: society, information, system, management, analytics.

В условиях резкого усложнения происходящих в современном обществе процессов актуализируются проблемы повышения эффективности управления на всех уровнях и сферах его деятельности. Качество же управления обуславливают результаты осуществления всех этапов этого циклического процесса: сбор и обработка информации о состоянии объекта и его окружения, прогнозирование развития обстановки, выработка проектов планов и вариантов решений. Все эти этапы представляют процедуры обработки информации. В связи с усложнением происходящих в обществе процессов все большую важность приобретают аспекты содержательной обработки информации.

По мере развития технологий (и в первую очередь информационных) появляются возможности оперативно обрабатывать все большие объемы информации, причем во всем спектре форм ее представления.

Эти обстоятельства обусловили понимание необходимости усиленного внимания к проблематике углубленного, часто оперативного, анализа ситуаций и тенденций их изменения, что, в частности, находит свое выражение в появлении различного рода ситуационных центров.

Вместе с тем кадров, способных на должном уровне решать широкий спектр прикладных задач, явно недостаточно. В условиях крайней необходимости повышения эффективности управления и наличия соответствующего инструментария для целенаправленной оперативной обработки больших объемов информации такая ситуация может быть объяснена только недопониманием работниками сферы организации подготовки кадров места и роли в современном мире информационно-аналитической деятельности (ИАД).

Наиболее глубокий анализ информационно-аналитической деятельности дан в известной книге «Аналитика»². К сожалению, взгляд на ИАД многих исследователей ориентирован на укоренившееся традиционное ее представление. Как правило, информационно-аналитическую деятельность трактуют как процесс поиска, сбора, переработки и предоставления информации в форме, пригодной для ее последующего использования³. Иногда скромно добавляют слова «с элементами прогнозирования»⁴. Практически во всех такого рода работах перечисление этапов аналитики заканчивается этапом накопления информации, правда, в некоторых присутствуют и слова: «с элементами прогнозирования по вопросам, касающимся деятельности учреждения»⁵.

Такой подход, несмотря на провозглашение единства ИАД, на практике фактически приводит к разрыву этого действительно единого процесса. Важно отметить, что данное обстоятельство обуславливает фактическое закрепление его разрывности как при организации аналитической деятельности, так и при ее реализации, а также при формировании структуры должностей участников ИАД. Действительно, по своему содержанию этот процесс в первом приближении можно представить в виде упорядоченной последовательности этапов. Вначале линейные работники с помощью информационно-телекоммуникационных технологий осуществляют поиск информации и ее несодержательную, главным образом, обработку. Полученный материал поступает в органы оценки ситуации и прогнозирования ее развития, результаты которой, в свою очередь направляются в подразделения планирования, там формируют варианты потенциальных решений и представляют их лицам, принимающим решение. Такова реальная логика магистрального процесса аналитики. На практике же, для получения должного качества решений работники каждого последующего этапа вынуждены многократно обращаться к исполнителям предыдущих операций. При этом не только существенно увеличиваются сроки решения поставленных задач. Вследствие практической обособленности реализуемых этих этапов страдает качество выработанных планов и решений. Кроме того, возникают коллизии и психологического плана, обусловленные участием в процессе работников из разных имеющих различные цели подразделений, неодинаковый

¹ Доклад на круглом столе «Состояние и перспективы развития аналитической подготовки в российской системе образования».

² Курносков Ю.В., Конотопов П.Ю. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы. – М.: Русаки, 2004. – 550 с.

³ Землякова С.Н. Методические аспекты формирования информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. – № 1. – С. 72–78; Голицына О.Л. Информационные технологии / О.Л. Голицына, Н.В. Максимов, И.И. Попов. – М.: Форум, 2007. – 496 с.

⁴ Голицына Э.П., Клименко И.В. Информационное обеспечение систем управления. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 320 с.

⁵ Нестеров А.К. Информационно-аналитическое обеспечение // Энциклопедия Нестеровых. – <http://odiplom.ru/lab/informacionno-analiticheskoe-obespechenie.html>

профиль и уровень их подготовки, а главное, неосознанием приоритета преследуемых конечных целей и следующего из всего этого неординарного понимания возникающих проблем. По большому счету, это, в конечном счете, обусловлено несистемностью организации и процессов реализации информационно-аналитических процессов.

Причины тому – исторически сложившаяся невозможность практической организации такого рода процессов на требуемом наукой уровне при отсутствии адекватных задач техники и технологий. В настоящее же время, как уже отмечалось, ввиду резкого повышения опасности последствий, вызванных принятием и реализацией некачественных решений, при наличии эффективных средств поддержки ИАД созданы объективные условия для устранения ряда имеющих место в аналитической деятельности существенных недостатков.

Современные технологии и средства обработки информации позволяют на практике и в полном объеме организовать информационно-аналитическую деятельность на системной основе. Это, в частности, может достигаться тем, что вся информационно-аналитическая деятельность ведется на едином информационном поле, каждый ее участник имеет доступ к фактической информации, он имеет возможность проводить виртуальное полномасштабное моделирование предполагаемых вариантов развития ситуаций и получать соответствующие оценки. Более того, каждый работник потенциально имеет возможность увидеть истоки возникновения тех или иных обстоятельств и проследить логику формирования всех промежуточных результатов¹.

Вместе с тем имеющиеся современные средства ИКТ позволяют обеспечить поддержку описанной технологии лишь с позиций определенного синтаксиса и удобного интерфейса. Поскольку акцент развития перспективных систем поддержки информационно-аналитической деятельности направлен на содержательный аспект обработки информации, то такого рода системы в обязательном порядке должны быть снабжены соответствующими средствами, базирующимися на достижениях в области искусственного интеллекта. Это требование существенно усложняет разработку такого рода информационных систем, организацию проведения ИАД, а также подготовку соответствующих кадров.

Несомненно, реализация такого подхода потребует переосмысления и перестройки всей рассматриваемой информационно-аналитической деятельности. В данном же сообщении остановимся только на предложениях, касающихся аспектов подготовки кадров, которые будут создавать и эксплуатировать перспективные системы информационно-аналитической деятельности. Их суть заключается в формировании достойного аналитического потенциала выпускников специальных учебных заведений. Кроме того, следует отметить, что все актуальнее становится задача повышения аналитической грамотности выпускников учебных заведений всех уровней по большинству профилей подготовки.

Разработка программ подготовки аналитиков, а тем более разработка рабочих программ должна осуществляться конкретным вузом. На данный момент принципиально важным является обоснование требований к соответствующим федеральным государственным образовательным стандартам. Выскажем ряд соображений по поводу формирования облика будущих аналитиков и содержания их подготовки.

Если ранее к работникам, занимающим должности в сфере информационно-аналитической деятельности, предъявлялись, главным образом, требования уметь использовать вычислительную технику для первичной обработки информации и представлении ее в заданном виде, то требования сегодняшнего дня существенно расширились и усложнились. Сегодня аналитиком может быть только тот работник, который не только владеет определенным арсеналом специализированных интеллектуальных технологий, но и может выявлять имеющиеся, в том числе пока и латентные, тенденции, всесторонне и разнопланово оценивать складывающуюся ситуацию, давать обоснованный прогноз ее развития, а также формировать и предлагать варианты возможных планов и решений.

Отсюда следует набор основных профессиональных компетенций, которыми должен обладать выпускник-аналитик. Во-первых, это способность системно мыслить и обеспечивать следование системным принципам в практике своей работы. Во-вторых, это глубокая математическая подготовка, обеспечивающая свободную ориентацию в арсенале применяемых аналитиком математических средств. В-третьих, способность по имеющейся информации проводить логический анализ происходящих процессов. Вместе с тем подготовка аналитика не может сводиться к владению спектром технологий собственно обработки информации (это уровень технического работника аналитических организаций). Необходимо развивать у него способности формировать целостный образ исследуемых процессов.

Образовательная программа по подготовке аналитика с высшим специальным образованием представляется как логически и содержательно связанный набор учебных дисциплин, обеспечивающий у обучаемого понимание системного восприятия всей совокупности действий в ходе проводимой им аналитической деятельности. Она, как минимум, объединяет три важнейших группы знаний. Это методология современной информационно-аналитической работы, организационное обеспечение соответствующих процессов, а также технологическое и методическое обеспечение разработки и создания инструментальных средств для ведения ИАД.

В основу подготовки аналитика целесообразно положить теорию систем и системный анализ, причем не только как базовой учебной дисциплины, но и как практического руководства ко всему процессу подготовки аналитика. Поскольку объектом внимания аналитика являются сложные системы, то именно методология системного подхода, ориентированная на исследование такого рода систем, должна лежать в основе образовательной программы. Следует особо отметить, что полученные при изучении этой дисциплины знания непременно должны влиять на восприятие всех иных дисциплин учебного плана и определять мировосприятие выпускников.

¹ Воронов М.В. Теоретические аспекты разработки системы мониторинга вуза / М.В. Воронов, Н.Г. Леонова // Вестник Санкт-петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2014. – № 1, Серия 1. Естественные и технические науки. – С. 36–43; Поляков О.А. Информационно-динамические основы организации управления предприятиями и холдинговыми компаниями / О.А. Поляков, Ю.М. Смирнов, А.А. Турчак. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2002. – 192 с.

В качестве основных, кроме традиционных для глубокой фундаментальной подготовки, могут быть предложены следующие профильные учебные дисциплины, ориентированные на развитие профессиональных компетенций. Несомненно, это «Теория систем и системный анализ», «Теория измерений», «Теория управления организациями», «Методы выработки решений», «Математические модели представления знаний и вывода». По-видимому, для развития логического мышления, умения формулировать свои мысли и находить логические связи между явлениями, объектами, фактами имеет смысл ввести дисциплину «Риторика», понимая ее как искусство рассуждений.

Особое внимание должно быть уделено дисциплине под рабочим названием «Аналитический практикум». Назначение этой дисциплины – обеспечить необходимый уровень профессиональных умений и навыков выпускника в области его предстоящей деятельности. Она должна проходиться на протяжении всего периода обучения в вузе (как минимум семь семестров) и в синхронном режиме, впитывая в себя получаемые сведения при изучении других дисциплин, формировать практические компетенции будущего аналитика. В процессе изучения этой дисциплины обучающиеся должны освоить все этапы деятельности аналитика и получить устойчивые представления о перспективных формах информационно-аналитической деятельности.

Поскольку производственная деятельность во все большей степени влияет на состояние общества и определяет тренд его развития, не должна оставаться без внимания гуманитарная составляющая аналитиков. Следует понимать, что каждое культурно-политическое сообщество людей, осознающее своё единство, стремится к безопасному существованию и развитию в рамках определенной совокупности ценностей и норм. Поэтому благополучие сообществ обусловлено наличием мировоззренчески «правильно» подготовленных и способных сознательно и активно участвовать в жизни своего сообщества людей¹. Именно поэтому мы говорим, что качество членов сообщества в значительной мере определяется и их гуманитарной подготовкой. В этой связи гуманитарный цикл подготовки современного аналитика должен представлять собой единый целенаправленный образовательный процесс, ориентированный на понимание роли каждого члена нашего общества как субъекта его деятельности, способного понимать взаимосвязи повседневной жизни человека, начиная с вопросов его личного здоровья и заканчивая общечеловеческими проблемами. Возможно, реализовывать этот подход целесообразно на пути введения единого учебного курса, представляющего собой иллюстрацию системного подхода к организации и функционированию современного человеческого сообщества.

¹ Воронов М.В. Трансформация культуры – трансформация цивилизации // Альтернативы коммерциализации и бюрократизации образования, науки и культуры: монография / Под ред. Н.Г. Яковлевой. – М.: Культурная революция, 2019. – С. 294–301.

Грошев Р.В.

к.и.н., Ph.D (профессиональная педагогика) Военная академия РВСН

Добрынин В.В.

д.ф.н., профессор, ИБДА РАНХиГС

СОВРЕМЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА И ОТБОР/ПОДГОТОВКА КАДРОВ АНАЛИТИКОВ¹

Ключевые слова: *информационная избыточность, профессионально-специализированные качества, подготовка аналитиков.*

Современная информационная среда, которая является предметным полем профессиональной деятельности аналитиков, представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, который, строго говоря, нельзя отождествлять с сетью Интернет, пронизывающей все сферы нашего бытия, поскольку Интернет не предоставляет открытого доступа к весьма важным в профессиональной аналитической деятельности ресурсам – таким, как корпоративные, служебные и прочие. Вместе с тем, в первом приближении Интернет можно понимать как достаточно достоверный образ этой информационной среды, а если говорить в терминах подготовки кадров будущих аналитиков, то именно доступную Сеть следует рассматривать как полигон для изучения и приобретения студентами необходимых профессиональных компетенций. И именно свойствами доступной Сети и содержащейся в ней информации будут определяться направления и методы их подготовки.

К основным свойствам информации, представленной в современной доступной Сети, можно отнести: экспоненциально растущую избыточность, решительный переход от текстового представления информации к визуальному, нарастающие проблемы герменевтического плана и постепенное смещение «центра тяжести» достоверности представляемой поисковыми машинами информации в аксиологически нагруженную область. Рассмотрим эти факторы подробнее.

Избыточность информации, доступной в современной Сети, чрезвычайно высока. Достаточно привести только один пример: архив Интернета, (создаваемый Брюстером Кейлом), который претендует на статус всемирной библиотеки, должен содержать, по оценке автора, порядка:

- 310 млн. книг, увидевших свет за всю историю человечества – от письменности шумеров до с.г.;
- 1,4 млрд. статей и сочинений, не могущих считаться книгами;
- 180 млн. песен;
- 330 000 фильмов;
- свыше 1 млрд. часов видеозаписи;
- 3,5 трлн. изображений;
- свыше 60 трлн. независимых страниц Интернета, созданных пользователями.

Следует отметить, что эта оценка относится к августу 2015 года, а число независимых страниц в Сети увеличивается более чем на миллиард ежесуточно. Только фотографий пользователи основных социальных сетей добавляют более чем 1,5 миллиарда ежесуточно. Потребный объем хранилища Кейлом оценивается в 50 петабайт – т.е., 1024 терабайта (данные взяты из книги *Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. Сетевое издание*). Немудрено, что в подобном объеме важная, аутентичная и достоверная информация может быть попросту не замечена – как, согласно Г.К. Честертону, трудно или даже невозможно заметить отдельный лист в лесу или камушек на морском берегу.

Избыток представленной в Сети информации вызвал необходимость разработки и внедрения поисковых программ (поисковых машин). Такие программы создаются и внедряются всеми крупными агрегаторами новостей, почтовыми сервисами, а также – специализированными сервисами поиска информации (Google, Яндекс, Рамблер, Baidu и пр.). Эти поисковые машины создаются как облачные сервисы с элементами искусственного интеллекта, в частности, они обучаемы. Когда пользователь формирует запрос, система предлагает ему несколько (на самом деле – тысячи и тысячи) вариантов ответов, и пользователь выбирает нужные. Система при этом запоминает его выбор как правильный. Казалось бы, все хорошо – но нет. Надо отметить что результаты такого машинного поиска могут оказаться (по крайней мере, в большинстве случаев) весьма различными для разных поисковых машин. Так, например, достаточно задать поиск по параметрам «Россия. Весна. Фото» в Гугле и в Яндексе, чтобы убедиться в этом. Картинки, которые выдадут эти поисковые сервисы будут весьма и весьма различны, и если Яндекс покажет фотографии цветущих полей и проклюнувшихся почек, то Гугл предложит широкий выбор изображений грязных улиц и раскисших дорог. Отм

¹ Доклад на круглом столе «Состояние и перспективы развития аналитической подготовки в российской системе образования».

тим, что никто специально не программировал для этих сервисов таких установок, они образовались в процессе практической работы облачных машин, и отражают только и исключительно различие подходов и ценностных ориентаций потребителей их услуг. Любая поисковая машина нейтральна сама по себе, но верификация информации у любой из них осуществляется таким образом, что ссылка на тот или иной объект обретает значимость тогда и только тогда, когда пользователь выберет одну из предложенных алгоритмом ссылок. Разумеется, чем больше пользователей выберет данную конкретную ссылку, тем выше будет ее значимость для поискового алгоритма. Таким образом, ни Гугл, ни Яндекс сами по себе не виноваты в том, что результаты их поиска могут оказаться весьма различными, но, тем не менее, этот феномен позволяет усомниться в объективности работы облачных поисковых сервисов и достоверности предоставляемой ими информации. Добавим к этому традиционно некритическое доверие к результатам машинного поиска, и ситуация начнет казаться поистине удручающей. Пользователь, разыскивая информацию в Сети, не делает этого самостоятельно, адресуя вопрос облачному поисковому серверу, и, получив ответ в виде сотен и тысяч ссылок, как правило, выбирает из них те, что стоят в самом верху списка. Такая работа не может быть названа «самостоятельным поиском информации в Сети», и недаром для такого «поиска» родилось специальное слово – «загуглить» (пусть даже используется другая поисковая машина). При этом приоритетными будут те ссылки, которые ранее были выбраны другими пользователями данной поисковой машины, и, таким образом, результат машинного поиска информации дрейфует в сторону аксиологической (т.е., с точностью до предварительного выбора ценностей) достоверности получаемого результата. Нетрудно догадаться, что для серьезной аналитической работы такой результат малоприменим.

С информационной избыточностью Сети связана и проблема адекватного восприятия текстовой информации – т.е., классическая для философии герменевтическая проблема. Как уже было указано, Сеть состоит из триллионов индивидуальных страниц, причем миллиарды таких страниц создаются пользователями ежедневно, а миллиарды – теряют актуальность и, в лучшем случае, сбрасываются в архивы. И в этом потоке информации формируется язык современного сетевого общения, язык, к сожалению, весьма отличающийся от классического (в том числе, русского) литературного языка. Достаточно привести в пример одну лишь фразу «мальчик склеил модель в клубе», которая сегодня означает совсем не то, что она значила лет 30 назад, несмотря на то, что ни одно из слов само по себе не изменилось. Ну, или вспомним то недоумение, которое у современного студента вызывает предложение «Пьер Безухов распечатал письмо» – как он его умудрился распечатать? и откуда у него принтер?

Наконец, еще одним значимым фактором, определяющим содержание и характеристики Сети, является поворот от текста к визуалу. Если изначально Рунет – и его предшественники, такие, как ФидоНет и пр. – формировались вокруг текста, как основной «таксономической единицы», то в начале нулевых годов место текста занимает картинка, а в наши дни первенство принадлежит уже клипу/фильму. Замещение текстовой информации изображением, а потом и видеоклипом происходило не столько вследствие более высокой информативности зрительного ряда по сравнению с текстом, сколько отражало запросы и предпочтения аудитории, обусловленные культурологически. Дело, в частности, было в том, что уже тогда весьма значительную часть пользователей составляла молодежь, как наиболее динамичная и склонная к принятию нового возрастная когорта. Развитие технических средств обеспечения передачи данных в Сети и радикальное снижение стоимости доступа к сетевым ресурсам многократно ускоряло этот процесс перехода от текста к визуалу, и сегодня можно уже с уверенностью сказать, что в Сети «культура текста» постепенно уступила место сначала «культуре изображения», а потом и «культуре клипа», при этом, права текстовой информации в ряде ресурсов были редуцированы до минимума. Так, «Твиттер» ограничивает объем публикации 280 знаками, что не мешает пользоваться этим сервисом государственным служащим – вплоть до президента США. Отметим, однако, что увеличение размера публикации вдвое (со 140 знаков) вызвало негодование у многих пользователей ресурса – в большинстве своем, у молодежи.

Рост роли визуального ряда можно отметить во всех сегментах Сети – от объектно-ориентированных и новостных сервисов до аналитических программ, не говоря уже о развлекательных каналах. А это означает изменение условий изучения массива информации при попытке ее анализа. Во-первых, резко возрастает время, необходимое на изучение такого массива – текст выступления или сценарий передачи можно прочесть за более короткое время, нежели то, которое потребуется для просмотра этой передачи. Во-вторых, наработанные методики контент-анализа текстовой информации малоприменимы к обработке визуала, где наряду с подсчетом количества лексических единиц приходится учитывать многое – от интонации и мимики говорящего до ракурса съемки и бэкграунда кадра, от четкости картинки и освещенности кадра в различные моменты времени до музыкального сопровождения и наложенных шумов. Все это резко усложняет задачу подготовки начинающего аналитика.

Таким образом, в современных условиях подготовка специалистов по аналитическому и информационному обеспечению деятельности органов управления всех уровней является не просто актуальнейшей задачей российской системы высшего образования, но и одной из сложнейших проблем, стоящих перед отечественной высшей школой. Экспоненциальный рост объемов информации, необходимых для принятия решений на всех уровнях государственного и муниципального управления, пропорциональное ему увеличение количества рисков, связанных с получением, обработкой, анализом и хранением информации, растущая доступность источников информации, интенсификация процессов цифровизации российской экономики и множество других подобных факторов актуализировали вопрос о целях и содержании подготовки специалистов-аналитиков.

В данной статье обращается внимание на образовательные аспекты подготовки специалистов по аналитическому и информационному обеспечению деятельности органов управления в контексте основополагающего в российской системе образовании компетентностного подхода. Исходя из общепринятого определения компетенции как способности либо готовности применять знания, навыки, умения и качества при решении задач профессиональной деятельности, авторы статьи акцентируют внимание на качествах, необходимых специалисту-аналитику, причем качества про-

фессионально-специализированные. Ведь в случае отсутствия данных качеств даже при необходимом объеме полученных знаний, сформированных навыках и умениях, профессиональные компетенции аналитика не могут считаться сформированными на требуемом уровне.

Проблемой профессионально-специализированных (профессионально-важных) качеств ранее занимались в основном ученые, определявшие научно-методологические основы подготовки специалистов профессий, связанных с высоким уровнем ответственности и соответствующим же уровнем риска. К данным профессиям относятся специалисты-ядерщики, космонавты-исследователи, летчики-испытатели, военнослужащие, сотрудники органов безопасности и прочие категории, чья деятельность связана с повышенным риском. Не случайно, значительное количество исследований в области профессионально-специализированных качеств принадлежало сотрудникам Научно-исследовательского института авиационной и космической медицины: В.А. Пономаренко, Б.Л. Покровскому, А.А. Вороне, Д.В. Гандеру и др. Они предложили наиболее объективную, на наш взгляд, классификацию профессионально-специализированных качеств, выделив **личностные, интеллектуальные, психофизиологические, физиологические и физические** профессионально-важные качества. Не вызывает сомнений тезис, что при подготовке специалиста-аналитика необходимо учитывать аналогичный по структуре набор профессионально-специализированных качеств.

Исходя из вышеизложенного, авторами предлагается следующая концепция процесса формирования профессионально-специализированных качеств при подготовке специалиста в области аналитического и информационного обеспечения.

Первым, и наиболее важным этапом является выявление набора негативно проявляющихся условий и факторов в специфической для аналитиков профессиональной деятельности. В ходе данного этапа определяются для каждого уровня управления и вида экономической деятельности необходимые комплекты профессионально-специализированных качеств. Приведем несколько примеров. Соблюдение норм морали и этики государственного (муниципального) служащего в условиях риска коррупционных действий, конфликта интересов и пр. обеспечиваются такими **личностными** качествами, как долговременная мотивация на государственную службу, склонность к лидерству, способность к правильной самооценке, честность и др. Деятельность в условиях работы с большими объемами информации, к тому же в условиях негативных помеховых информационных воздействий обеспечивается **интеллектуальными** качествами – продуктивность и помехоустойчивость мышления, быстрота и точность памяти, большой объем и устойчивость внимания, способность рационально действовать в условиях форс-мажора, и **психофизиологическими** качествами – стрессоустойчивость и работоспособность, устойчивость к монотонии при работе. **Физиологические и физические** профессионально-специализированные качества позволят противостоять гиподинамии, влиянию вредных факторов рабочего места и т.п. Для реализации данного этапа необходимым является проведение исследований специфических признаков деятельности специалистов по информационному и аналитическому обеспечению управления, которые иерархически выстраиваются по уровням принимаемых решений (федеральных органов государственной власти, субъектов Российской Федерации, муниципальный), по видам деятельности (политический, экономический, обороны и национальной безопасности, образования и подготовки кадров, здравоохранения и т.п.), по видам операций с информацией (рутинные программируемые или творческие непрограммируемые), по степени унификации (блоки открытых данных или неунифицированная информация) и т.д. Создаваемые по результатам исследований многомерные матрицы позволят выделять необходимый набор профессионально-специализированных качеств, необходимых у конкретного специалиста по информационному и аналитическому обеспечению управления, потребность в которых определил заказчик. Данные матрицы послужат основными исходными данными при формировании образовательных программ подготовки данных специалистов как основных, так и дополнительных профессиональных, обеспечат оперативное реагирование к современным динамично изменяющимся требованиям.

Вторым этапом является методическое сопровождение процесса формирования профессионально-специализированных качеств в ходе подготовки специалистов в области аналитического и информационного обеспечения. На данном этапе разрабатываются методики определения наличия у абитуриента необходимых профессионально-специализированных качеств, учитывая возможности их формирования у конкретной личности. В данном направлении в качестве иллюстративного примера можно привести инструментарий, который использовался АНО «Россия – страна возможностей» при проведении дистанционного этапа отбора конкурса «Лидеры России». При отборе специалиста по информационному и аналитическому обеспечению управления обязательным является прохождение вербальных тестов, тестов на определение уровня абстрактного мышления, тестов математических способностей, а также тестов на умственную работоспособность и стрессоустойчивость (ТУРС) как минимум. Таким образом, предлагается введение в механизмы конкурсного отбора при поступлении диагностических процедур по определению наличия (уровня сформированности) профессионально-специализированных качеств по каждой специальности (направлению подготовки).

Третьим этапом предлагается введение в профессионально-компетентностную модель специалиста в области аналитического и информационного обеспечения (ФГОС, профстандарты) таких планируемых результатов образования (прежде всего в область профессиональных компетенций), которые исключили бы несформированность (неразвитость) необходимых профессионально-специализированных качеств. Данный этап является наиболее сложным, так как вышеуказанные документы, регламентирующие освоение основных образовательных или дополнительных профессиональных программ, не позволяют оперативно и в кратчайшие сроки вносить в них изменения. Соответственно, основной проблемой на данном этапе является определение необходимого и достаточного набора профессионально-специализированных качеств. Если набор необходимых качеств будет значительным, то разработка ФГОС или ПС потребует много времени, по истечении которого актуальность приобретения таких качеств может быть утрачена. Если же, наоборот, набор будет мал по объему, то есть вероятность неучета рисков, которые связаны с недостаточной подготовкой специалиста в области аналитического и информационного обеспечения управления.

Четвертым этапом является дидактическое обеспечение формирования профессионально-специализированных качеств, заключающееся во внедрении в образовательный процесс необходимых форм, методов и средств, позволяющих обеспечить формирование данных качеств на требуемом уровне. Представляется предпочтительным использование отличных от классических видов учебных занятий: «гибридных» лекций (связанных с предварительной подготовкой обучающихся к совместному с лектором решению проблемы), лекций-провокаций (с использованием искусственно вводимых неточностей, которые обучающиеся должны выявить в ходе занятий), лекций с двумя преподавателями (используемый в данном случае метод опровержения позволяет более эффективно формировать знания). Достаточно эффективным будет применение игровых форм обучения (геймификация учебной деятельности) с широким варьированием критериев оптимальности принимаемых решений. Использование специальных средств физической и психофизиологической подготовки также позволит эффективно сформировать у обучающихся необходимый набор профессионально-специализированных качеств. В ходе применения технологий интенсивного обучения необходимо широко использовать метод опорных сигналов В.Ф. Шаталова, который позволит сформировать способности кодирования/декодирования больших объемов информации, необходимых специалисту в области аналитического и информационного обеспечения управления.

Пятым, и заключительным, этапом предлагается включение в процедуру государственной итоговой аттестации диагностических средств, которые позволили бы оценить уровень сформированности компетенций не только как совокупности знаний, навыков и умений, но и обеспечивающих их качеств. В данном случае, наиболее эффективным является переход от классической академической аттестации (госэкзамены) к квазипрофессиональному ситуационному решению профессиональных кейсов. При этом критерием успешности выполнения задания должны стать не только точность его выполнения, но и время, степень абстракции и осознанности.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что подготовка специалистов по информационному и аналитическому обеспечению управления ставит перед системой высшего образования достаточно много вызовов, но ответы на них в конечном итоге станут основой перспективной и эффективной модели образовательной системы современного информационного общества.

Демин А.С.,
Демина С.А.¹

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО В ЭПОХУ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?²

Ключевые слова: образование, общественное благо, образовательная услуга, образовательные технологии.

Keywords: education, public good, educational service, educational technology.

Важнейшим социальным правом человека является право на получение образования. Если подходить к осмыслению понятия «образование» в категориях прав собственности, то особый интерес представляет то, что в Законе «Об образовании в Российской Федерации» образование рассматривается как процесс, являющийся общественно значимым благом.

В статье второй Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (далее – Закон) дается следующее определение образования: «образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»³.

Значение образование как общественного блага трудно переоценить. Потребность в образовании имеется не у отдельной части, а у всего населения страны. В силу того, что практически невозможно исключить человека из круга потребителей данного блага образование характеризуется признаком неисключения. Признак несоперничества в потреблении образования проявляется в том, что получение образования одним человеком не уменьшает возможностей потребления его другим. В Законе прямо указаны потребители процесса обучения: человек, семья, общество и государство.

В комментируемом определении также выделен признак неделимости содержания образования. Благо нельзя разложить на отдельные единицы, поэтому образование предстает не как процесс получения бессистемных знаний, а совокупность знаний, умений, навыков и практического опыта. Таким образом, для получения законченного образования мало приобрести только теоретические знания, необходимы ещё практические навыки, на выработку которых и нацелено образование. Наконец, цель получения образования – формирование комплексно подготовленной, самостоятельной личности, способной применить свои знания на практике, в самостоятельной жизни и практической деятельности.

Вместе с тем, образование нельзя отнести к категории чистого общественного блага. В Российской Федерации гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, а также доступность на конкурсной основе бесплатного высшего образования, если образование данного уровня гражданин получает впервые (Пункт 3 статьи 5 Закона).

Реализация права каждого человека на образование обеспечивается путем создания федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления соответствующих социально-экономических условий для его получения, расширения возможностей удовлетворять потребности человека в получении образования различного уровня и направленности в течение всей жизни (Пункт 4 статьи 5 Закона). В такой трактовке образование является скорее благом совместного потребления с такими характеристиками как избирательность, альтернативность использования и убывание потребления данного блага. Это значит, что образование как благо является в то же время объектом купли-продажи.

Организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе осуществлять указанную деятельность за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг. Платные образовательные услуги представляют собой осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг (Пункт 1 статьи 101 Закона). Далее в 101 статье Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» утверждается

¹ Демин Александр Сергеевич – начальник Отдела информационно-образовательных систем, Московский педагогический государственный университет.

Демина Светлана Александровна – к.э.н., доцент, Центр дополнительного образования Академии бизнеса и инновационных технологий.

² Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

³ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

понятие платных образовательных услуг: «Доход от оказания платных образовательных услуг используется указанными организациями в соответствии с уставными целями»¹.

Таким образом, сама терминология Закона вскрывает двойственную природу образования, являющегося одновременно благом и услугой. Таким образом, встает вопрос, что же все-таки собой должно представлять образование: социально значимое благо, гарантируемое государством, или современную высококачественную услугу, предоставляемую обществу и отдельным людям на конкурентной основе? Отвечая на этот вопрос важно определить место современных информационных технологий в процессе повышения открытости и доступности образования, поскольку именно информационно-образовательные технологии рассматриваются сегодня в качестве основного средства повышения образования.

По мнению Антоновой А.В. услуги высшего образования отличаются от услуг в целом высокой личностно-общественной значимостью, неопределенностью конечного результата, относительной продолжительностью по времени и коллективной формой оказания².

Особой неоднозначностью характеризуются именно дистанционная образовательная услуга. С одной стороны, дистанционное образование является наиболее перспективным и быстро развивающимся направлением рынка образовательных услуг, и его роль в формировании интеллектуального потенциала общества в будущем достаточно велика, следовательно, отнесение его к категории насущных или даже общественных благ, очевидно. Следовательно, услуги дистанционного образования должны рассматриваться как общественные или специальные образовательные услуги. Однако, с другой стороны, дистанционные услуги сферы образования скорее являются особыми образовательными услугами и зачастую принимают вид частного блага³.

С представленной позиции услуги дистанционного образования могут выступать как общественные блага, в том случае если доступ к ним неограничен, а могут выступать средством удовлетворения конкретного индивидуума – частным благом, когда они предоставляются только тем, кто за них заплатил.

Дискуссии вокруг образования, его содержания и функций носят острый характер среди научного сообщества. Во многом это обусловлено тем, что сама категория «образование» не позволяет выделить специфические особенности действий или деятельности по оказанию услуги образования. К настоящему времени разработаны и накоплены литературные, социологические и статистические материалы, позволяющие вскрыть суть рассматриваемой проблемы.

Проблематика исследования по различным направлениям развития рынка образовательных услуг раскрывается в работах А.В. Антоновой, В.П. Щетинина, С.А. Зайчиковой, А.А. Стрижова, К.В. Величкова, В. В. Чекарева, А.Б. Вифлеемского, Т.Н. Сыроваткиной, Ю.А. Скоробогатова, С.Д. Еникеева и др.

В зарубежной литературе проблемы рынка образовательных услуг рассматриваются в работах О. Кивенен, Р. Рияне и др.

Приведем мнения авторов по вопросу определения понятия «образовательная услуга».

О. Кивенен и Р. Рияне характеризуют образовательную услугу как «тот или иной объем учебной или научной информации, передаваемой субъекту в виде суммы знаний общеобразовательного и специального характера, а также практических навыков для последующего применения»⁴.

Этот подход был отражен в первоначальной редакции Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», где в узком значении сохранялось понятие образовательной услуги: «Образовательная услуга – объем учебной и научной информации, передаваемой гражданину в виде суммы знаний общеобразовательного и специального характера и практических навыков для последующего применения»⁵.

Системный характер знаний и информации отражен в определениях В.П. Щетинина и С.А. Зайчиковой. Щетинин В.П. Дает следующее определение образовательной услуги: «образовательная услуга – система знаний, информации, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения разнообразных образовательных потребностей личности, общества, государства»⁶. Зайчикова С.А. подчеркивает, что образовательные услуги как система знаний, умений и навыков, используются в целях удовлетворения потребностей индивида, общества и государства и направлены на приращение человеческого капитала⁷.

По мнению К.В. Величкова образовательная услуга является прежде всего экономической категорией и выражает отношения, которые складываются между ее субъектами – школой, учащимися, государством и работодателем – по поводу воспроизводства системы знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для нормального функционирования рабочей силы⁸.

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

² Антонова А.В. Рынок образовательных услуг: современные условия и тенденции развития: Автореф... дис. канд. экон. наук. – М., 2012. – 24 с.

³ Там же.

⁴ Лукашенко К.М. Высшее учебное заведение на рынке образовательных услуг: актуальные проблемы управления. – М.: Маркет ДС, 2012. – 45 с.

⁵ Загайнова А.А. Основные проблемы рынка образовательных услуг в современной России // Научный журнал КубГАУ. 2013. – № 91(07). – С. 2–10.

⁶ Щетинин В.П. Экономика образования: учебное пособие / В.П. Щетинин, Н.А. Хроменков, Б.С. Рябушкин. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 305 с.

⁷ Хроменков Н.А. Экономика образования / Н.А. Хроменков, Б.Г. Рябушкин. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 269 с.

⁸ Величков К. В. Экономическое содержание образовательной услуги сравнительный анализ концептуальных подходов // Вестник БДУ. Сер.3. 2007. – № 3. – С. 79–84.

А.А. Стрижов характеризует образовательную услугу как целенаправленную деятельность, характеризующуюся взаимодействием участников образовательного процесса и направленную на удовлетворение образовательных потребностей личности¹. Данная характеристика созвучна понятию услуги, которое можно обнаружить в п. 5 ст. 38 Налогового кодекса РФ, где услугой признаётся деятельность², результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе этой деятельности³.

В.В. Чекмарев определяет образовательную услугу как: продукт образовательного производства; процесс, в котором создается человеческий капитал через индивидуальное потребление трудового потенциала производителя и индивидуальное производство трудового потенциала потребителя³.

А.Б. Вифлеемский полагает, что сущность образовательных услуг состоит в передаче знаний новым индивидам, причем «объем знаний, как продукт деятельности образовательного комплекса, потенциально безграничен»⁴.

В исследованиях Сыроваткиной Т.Н. образовательная услуга выступает как продукт специфического интеллектуального труда. При этом автор подчеркивает, что образовательная услуга выступает как объект коммерческих отношений с позиции интеграции в мировое рыночное пространство, а возрастающая стоимость образовательной услуги не исчезает в момент потребления и не зависит от времени потребления⁵.

Рассмотренные определения с разных сторон характеризуют образовательные услуги. Ряд авторов представляет это понятие как определенный объем информации, другая часть научного сообщества – как систему знаний, третья часть авторов определяет образовательную услугу как особый вид деятельности, четвертые – как систему отношений, пятые определяют образовательную услугу как продукт образовательного производства.

В соответствии с главным аспектом, на котором был сделан акцент, сведем определения понятия «образовательная услуга» в табл. 1.

Таблица 1

Различные аспекты в определении понятия «образовательная услуга»

Главный аспект	Определение
Информация и знания	Тот или иной объем учебной или научной информации, передаваемый субъекту в виде суммы знаний общеобразовательного и специального характера, а также практических навыков для последующего применения (О. Кивенен, Р. Рияне)
Система знаний	Система знаний, информации, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения разнообразных образовательных потребностей личности, общества, государства (В.П. Щетнина). Система знаний, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения потребностей индивида, общества и государства и направлены на приращение человеческого капитала (С.А. Зайчикова).
Вид деятельности	Образовательная услуга – целенаправленная деятельность, характеризующаяся взаимодействием участников образовательного процесса и направленная на удовлетворение образовательных потребностей личности (А.А. Стрижов).
Отношения	Образовательная услуга, как экономическая категория, выражает отношения, которые складываются между ее субъектами – школой, учащимися, государством и работодателем – по поводу воспроизводства системы знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для нормального функционирования рабочей силы (К.В. Величкович).
Продукт	Сущность образовательных услуг состоит в передаче знаний новым индивидам, причем объем знаний, как продукт деятельности образовательного комплекса, потенциально безграничен (А.Б. Вифлеемский) Образовательная услуга – продукт специфического интеллектуального труда (Т.Н. Сыроваткина).
Процесс	Образовательная услуга одновременно является продуктом образовательного производства, а также выступает как процесс, в котором создается человеческий капитал через индивидуальное потребление трудового потенциала производителя и индивидуальное производство трудового потенциала потребителя (В.В. Чекмарев).

Несмотря на различия во взглядах авторов на предмет изучения, общим является то, что в условиях рыночной экономики образовательная услуга является специфическим товаром. Однако в отличие от обычного товара, представленного на рынке, она имеет свои отличительные особенности.

Во-первых, образовательная услуга характеризуется усвоенным объемом знаний, умений, навыков и компетенций отвечающих требованиям федеральных государственных образовательных стандартов и требованиям рынка труда. При этом, получение высшего образования является способом удовлетворения разнообразных потребностей самой личности обучающегося: в самореализации, профессиональном росте и т.д. Эти потребности обладают определенным уровнем стабильности вне зависимости от изменений конъюнктуры рынка труда и уровня его развития. Поэтому потребность в образовательных услугах отличается своей стабильностью.

¹ Стрижов А.А. Понятие качества образовательной услуги в условиях рыночных отношений // Стандарты и мониторинг в образовании. 1999. – № 3. – С. 47–50.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

³ Чекмарев В.В. Система экономических отношений в сфере образования: Научная монография. – Кострома: Издательство Костромского госпедуниверситета им. Н.А. Некрасова, 1998. – 400 с.

⁴ Вифлеемский А.Б. Роль образовательного комплекса в постиндустриальном обществе // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 8. – С. 115–121.

⁵ Сыроваткина Т.Н. Основы экономики образования: учебное пособие. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 152 с.

Во-вторых, эффективность процесса предоставления образовательных услуг обусловлена как качеством деятельности образовательного учреждения, так и качеством деятельности ее обучающегося, то есть потребителя услуги. Это существенным образом отличает образовательную услугу от других услуг, качество предоставления которых не зависит от деятельности объекта оказания этих услуг. Поэтому процесс обучения представляет не столько процесс накопления самих услуг, сколько их результатов, а характер отношений, складывающихся в процессе обучения, носит субъект-субъектный характер.

В своих исследованиях Скоробогатова Ю.А. приходит к выводу о том, что образовательные услуги обладают общими свойствами, характерными для всех услуг. При этом применительно к образовательным услугам автор выделяет следующие специфические черты: возможность потребления образовательной услуги только в процессе ее оказания; неэквивалентный характер услуги и результата ее потребления; творческий характер процесса потребления; возможность коллективного потребления; способность изменять по требованию; эридитарность¹.

Еникеева С.Д. подчеркивает, что образовательные услуги обладают специфическими чертами, которые обусловлены особенностями экономики образования как отрасли социальной сферы. Среди специфических особенностей образовательной услуги автор выделяет социальную значимость; крупномасштабность; уникальность сферы образования; дифференциацию образовательных услуг по видам подготовки; специфику государственного регулирования в сфере образования, определяющую особенности образовательных услуг².

Можно сделать вывод о том, что образовательная услуга как социально-экономическая категория, представляет собой специфический вид товара, представленный в виде структурированной совокупности информации и знаний, а также направленный на приобретение профессиональных знаний, умений и навыков для их последующего применения в практической деятельности, на всестороннее, в том числе и интеллектуальное, развитие личности. При этом любая образовательная услуга может быть предоставлена только в присутствии заказчика и при его участии, а качество ее предоставления будет зависеть, в том числе, от активности потребителя в процессе ее получения.

В этой связи, хотелось бы отметить, что в текущей редакции Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в статье второй представлено тридцать четыре понятия, характеризующих отношения в сфере образования. Однако среди них нет такого понятия как образовательная услуга.

Возможно именно из-за этой коллизии, в нарушение всякой логики, в Законе конфликт интересов педагогического работника (п. 33) определяется как «ситуация, при которой у педагогического работника при осуществлении им профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды или иного преимущества и которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение педагогическим работником профессиональных обязанностей вследствие противоречия между его личной заинтересованностью и интересами обучающегося, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся». В такой трактовке складывается впечатление, что качество обучения не зависит от размера и формы оплаты труда педагога.

Вместе с тем, педагог является таким же субъектом социально-трудовых отношений как и любой работник, а само по себе наличие рынка платных образовательных услуг автоматически делает педагога полноценным участником этого рынка.

Так, А.В. Антонова в своей работе отмечает, что введение понятия «образовательные услуги» в развитие образовательного законодательства позволило узаконить платные формы образования и расширить тем самым возможности финансирования государственных и муниципальных образовательных учреждений. Автор подчеркивает, что именно появление платного образования способствует развитию конкуренции услуг в сфере образования и повышению его качества³.

Кроме образовательных услуг, в полной мере соответствующих образовательным программам и государственным образовательным стандартам, а также дополнительных образовательных услуг, не предусмотренных соответствующими образовательными программами и государственными стандартами, Антонова выделяет сопутствующие услуги. Сопутствующие услуги не сопряжены непосредственно с образовательным процессом, но способствуют удовлетворению бытовых и культурных потребностей студентов и профессорско-преподавательского состава и тем самым влияют на качество обучения в целом⁴.

Важно отметить, что в соответствии с действующим законодательством, образовательные учреждения могут быть созданы только в форме, установленной гражданским законодательством для некоммерческих организаций, а полученная некоммерческой организацией прибыль не подлежит распределению между участниками (членами) некоммерческой организации. Платные образовательные услуги оказываются по заданиям и за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг, доход от оказания которых должен использоваться указанным учреждением в соответствии с уставными целями.

Это означает, что труд преподавателя является, не столько статьей расходов, сколько целью оказания платных образовательных услуг, по тому что именно деятельность преподавателя опосредует учебный процесс.

¹ Скоробогатова Ю.А. Об определении понятия «образовательная услуга» // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. – № 5. – С. 254–257.

² Еникеева С.Д. Рынок образовательных услуг и методы его регулирования: учебное пособие. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 108 с.

³ Антонова А.В. Рынок образовательных услуг: современные условия и тенденции развития: Автореф... дис. канд. экон. наук. – М., 2012. – 24 с.

⁴ Там же.

Преподаватель является носителем тех знаний, которые реализуются в ходе образовательного процесса. Именно труд преподавателя опосредует образовательную услугу, определяет ее качество и способствует достижению уставных целей образовательной организации. С такой позиции некорректно говорить о конфликте интересов педагогического работника как о личной заинтересованности преподавателя в получении материальной выгоды, поскольку затраты на оплату труда педагога выступают как инвестиция в капитал данной образовательной организации.

Важно обратить внимание еще на один аспект образовательной деятельности – это воспитание. Еще раз обратимся к новой редакции Закона об образовании. Принципиальное отличие новой редакции закона от редакции 2012 года состоит в том, что образование раскрыто как целенаправленный процесс воспитания и обучения. Таким образом, функция преподавателя в образовательном процессе состоит не только в обучении, но и в воспитании. Соответственно, статус преподавателя не может быть сведен до служащего, оказывающего определенный набор услуг заказчику.

По определению академика И.П. Павлова, воспитание – это формирование общественно-необходимых отношений к миру, стране, обществу, самому себе. По определению А.С. Макаренко, воспитание – это создание (выработка) устойчивых привычек поведения. Как в дошкольном и общем, так и среднем и высшем образовании можно выделить воспитательную функцию преподавателя.

В высшей школе (так же как и в общеобразовательной) реализуются элементы физического, нравственного, политического, трудового и эстетического воспитания. В зависимости от направленности образовательного учреждения преобладают те или иные виды воспитательной работы. Без этих составляющих образовательная деятельность будет носить характер подготовки, а не образования.

Без своей воспитательной функции высшее образование превратится в процесс приобретения конкретных навыков, ремесла. Между тем, именно высшее образование отличается от подготовки наличием определенного образа мышления, широких знаний о мире, способности понимать и интерпретировать действительность и преобразовывать её исходя и в соответствии с морально-этическими взглядами человека.

Принцип такого образования лучше всего определил Д.И. Менделеев, писавший, что задача высшего образования научить человека различать и употреблять «конкреты» и «абстракты». «Конкреты» – это то, чем занято рабочее время – те или иные задачи. Образованность же определяется умением размышлять и использовать научные знания для решения задач – работать с «абстрактами». Если нет пространства абстрактов – нет и образования, одна подготовка, навык¹.

Конечно, в образовании есть тенденция, которую можно назвать предоставлением услуг. Человека надо научить писать, считать, то есть предоставить ему некий набор знаний. Однако, «делая образование предметом потребления, мы исключаем из него очень важный элемент – принудительность, требовательность. Потребитель больше всего ценит свой комфорт. Подлинное же образование, как и любая ситуация настоящего развития личности, во многом дискомфортно. Так же, как внутренне дискомфортен разрыв между наличным и должным, между тем, что я знаю и понимаю, и тем, как я должен знать и понимать. Этот элемент долженствования неустраним из образования без разрушения его сути»².

Услуги продаются и покупаются на рынке на конкурентной основе (иначе исчезает понятие рынка), эти услуги могут быть разного качества и стоимости. Следовательно, не может быть равенства в покупке услуг – возникает естественная для рынка ценовая сегментация. Если обратиться к ст. 779 ГК РФ, то в определении договора возмездного оказания услуг можно обнаружить указание на услуги как действия или деятельность. По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги³. Одновременно с этим, общественно значимое благо, напротив, гарантируется государством на началах равенства и исключает ценовую конкуренцию.

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Образование это – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом. Общественно значимым благом образование является в силу следующих причин: практически невозможно исключить человека из круга потребителей данного блага; получение образования одним человеком не должно уменьшать возможностей по потреблению его другим; данное благо нельзя реализовать как отдельные единицы, поэтому образование выступает как процесс получения системы знаний, умений, навыков и практического опыта.

2. В процессе реализации образования оказывается комплекс образовательных услуг. Под образовательной услугой следует понимать тот или иной объем учебной или научной информации, передаваемой субъекту в виде суммы знаний, умений и практических навыков для последующего применения. Кроме образовательных услуг и дополнительных образовательных услуг необходимо выделять сопутствующие услуги, которые не сопряжены непосредственно с образовательным процессом, но влияют на качество образования в целом.

3. Системный характер образования предопределяет тот факт, что образовательные услуги опосредуют, но не заменяют собой образование. Неделимость содержания образования, в том числе, неделимость физического, нравственного, политического, трудового и эстетического воспитания, не позволяет говорить о том, что повышение доступности учебной информации с помощью дистанционных образовательных технологий является процессом обобществления образования как блага.

¹ Инновационное образовательное учреждение: опыт тольяттинской академии управления / Под ред. С.Б. Крайчинской. – Тольятти, 2006. – 220 с.

² Тамыр А.Х. Образование между служением и услугой // Высшее образование в России. – М., 2011. – № 4. – С. 47–57.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

4. Содержание образовательного процесса как комплекса услуг и как процесса воспитания и обучения, являющегося общественно значимым благом должно в полной мере найти отражение в формах и средствах оценки качества образования. В частности, должны быть пересмотрены взгляды на систему применения в образовательной сфере такого управленческого инструментария как процессный менеджмент, Total Quality Management, миссия, SWOT-анализ и сертификация по стандартам серии ISO-9001.

Жунисбекова Д.А.¹

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Ключевые слова: методы обучения, информационные технологии, моделирование, профессиональное образование, информационно-компьютерное моделирование.

Keywords: training methods, information technologies, modeling, vocational education, information and computer modeling.

Одной из важных и актуальных задач современного высшего образования является его интенсификация посредством использования активных и интерактивных методов обучения, информационных технологий, создания обучающих систем, активизации работы самих обучаемых.

Как показывает практика подготовки будущих специалистов в различных профессиональных областях, наиболее эффективными оказываются методы активного обучения, так как они работают не только на когнитивном уровне, но и на смысловом, эмоциональном и поведенческом.

Педагоги выступают за широкое использование активных методов обучения, стимулирующих познавательную деятельность учащихся. Важнейшими условиями реализации таких методов они считают учет уровня развития, интересов и знаний студентов, сотрудничество обучающихся друг с другом и с преподавателем, внесение в учебный процесс элементов деловой игры.

В современной педагогике и психологии существует немало исследований проблемы воздействия на личность различных активных методов обучения (Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Ю.Н. Емельянов, Е.С. Кузьмин, Л.А. Петровская, А.Е. Абылкасымова, М.Е. Есмухан, Д. Рахымбек, Л.Т. Исакова и др.). Сегодня активное обучение понимается как комплексная социально-дидактическая технология, включающая в себя ряд методов психологического воздействия и реализуемая в различных формах.

Обобщение исследований использования системы методов активного обучения в различных областях образования позволяет сделать вывод о том, что с их помощью можно решить целый ряд задач, трудно достижимых в традиционном обучении. К их числу относятся: формирование опыта интерактивного решения профессиональных проблем; увеличение скорости принятия решений; повышение сензитивности; расширение тезауруса профессиональных реакций в проблемных ситуациях; развитие оценочных, аналитических, рефлексивных и прогностических умений, а также умений интерпретации поведения и трансформации новых знаний в практические действия; умение управления стилем своего поведения за счет осознания оценок окружающих [1].

С нашей точки зрения, современная модель высшего профессионального образования должна обладать высокой мобильностью, приоритетом интерактивных методов обучения, каскадностью индивидуальных и групповых проектов развития профессиональной компетентности. Главный акцент в моделях подобного типа сделан на субъективной включенности педагога в процесс повышения профессиональной компетентности. Педагог должен не просто получить психологическую информацию, но успеть апробировать различные возможности ее использования, «пристроить» ее к своему профессиональному опыту. В условиях временных ограничений достижение обозначенной цели возможно за счет широкого использования системы методов активного обучения.

Как показывает анализ педагогической практики в высшей школе, за последние годы четко обозначился переход на гуманистические способы обучения и воспитания подрастающего поколения. Но все же в учебном процессе массовой школы сохраняются противоречия между «фронтальными» формами обучения и сугубо индивидуальными способами учебно-познавательной деятельности каждого студента; между необходимостью дифференциации образования и единообразием содержания и технологий обучения, между преобладающим объяснительно-иллюстративным способом преподавания и деятельностным характером учения.

Определился целый ряд проблем, требующих комплексного решения. Это и организационное переустройство учебного процесса с учетом психофизиологических особенностей обучающихся, и совершенствование методических принципов, связанных с внедрением вариативного содержания обучения, индивидуализацией усвоения знаний, развитием познавательных интересов студентов, реализацией их творческого потенциала, и рационализация процессуальных основ обучения и воспитания, позволяющая сделать приоритетным развитие личности студентов [2].

Одним из важных направлений разрешения названных проблем является разработка и внедрение технологий обучения, основным признаком которых можно считать степень адаптивности всех элементов педагогической системы, а именно: целей, содержания, методов, средств, форм организации познавательной деятельности учащихся, про-

¹ Жунисбекова Дана Алхановна – к.п.н., доцент кафедры «Высшая математика для технических специальностей», Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, Шымкент. E-mail: dana25@mail.ru

гнозов соответствия результатов обучения требованиям современной высшей школы. За последние десятилетия казахстанская наука значительно продвинулась в реализации различных методов обучения, внедрения новых психолого-педагогических технологий. Им посвящается много исследований, результаты которых уже успешно реализуются и в высшей школе.

Можно надеяться, что массовая школа активно займется проблемой адаптации учебного процесса к потребностям и нуждам обучаемых, распространением технологий развивающего обучения, при этом пойдет не путем проб и ошибок, а путем освоения теоретических основ инновационных процессов, путем технологизации педагогической деятельности и учебного труда студентов, позволяющей достигать гарантированных педагогических результатов. Мы надеемся, что развитие личностей обучающихся и обучающихся будет восприниматься не как самоосуществляющийся процесс, а станет долгосрочной, научно обоснованной и внутренне принятой программой работы всех педагогических коллективов [3].

Необходимо подчеркнуть, что все виды занятий с использованием методов активного обучения имеют свое назначение, рациональную область применения и определенные особенности. По длительности активизации учебного процесса в системе высшего образования можно достичь только при условии их комплексного применения.

В настоящее время развитие науки и новых технологий, информатизации всех отраслей промышленности, науки и образования требуют внедрения и создания средств новых информационных технологий с одной стороны, а с другой, в связи с возникновением проблем в деятельности специалистов с их применением, нужен новый подход в профессиональной подготовке будущих специалистов.

Следствием существования противоречия между уровнем развития информационной технологии и уровнем применения их в обучении специальным дисциплинам является проблема поиска в сложившихся условиях более эффективных образовательных технологий. Один из путей решения проблемы связан с созданием методики обучения объектно-ориентированным системам на основе информационно-логического моделирования. Информационная модель – это точное описание предмета изучения с помощью естественных или специальных языков, которая опирается на чувственное и теоретическое мышление. Компьютерная модель рассматривается как результат обобщения профессиональных знаний о предметах и явлениях, представленных в информационной модели [4].

Одним из важных факторов совершенствования системы подготовки профессиональных кадров в высшей школе является активное использование в образовательном процессе объектно-ориентированных систем обучения. Несмотря на наличие в этой области серьезных исследований, до сих пор весьма острой остается потребность в дальнейшей разработке ее теории и методологии. В настоящее время наметился прогресс в создании педагогических технологий, адекватных целям, содержанию и методам интенсивного обучения, в результате чего в вузах разработано большое разнообразие перспективных технологий обучения, которые позволяют эффективно решать многие дидактические проблемы, существующие сегодня в высшей школе при подготовке высококвалифицированных специалистов [5].

Информационно-ориентированная система, как правило, представляется набором программ, предназначенных для решения задач определенного прикладного типа и объединяемых общим интерфейсом. Адаптация того или иного типа информационно-ориентированных систем к некоторой прикладной области приводит к получению прикладной программной системы, имеющей своих пользователей, конкретное назначение и применение [6].

Несмотря на большие отличия информационно-ориентированных систем можно выделить ряд часто реализуемых в них работ, наиболее характерных базовых функций. К этим базовым функциям относятся: анализ фраз языка общения; генерация, синтез программ; структуризация, размещение, хранение, поиск информации; создание конфигурации, поддержка версий, редактирование связей; планирование, проектирование вычислений; управление исполнением; оптимизация вычислений; обеспечение подходящего интерфейса; редактирование, макропроцессирование; экспортность; ведение истории изменений; поддержка коллективной работы; информационно-справочная служба.

Исходя из выше изложенного, можно выделить несколько наиболее популярных типов информационно-ориентированных систем, подходящих этим базовым функциям. К ним относятся системы программирования; системы базы данных; информационные системы; пакеты прикладных программ; текстовые процессоры; системы компьютерной графики; обучающие системы; системы искусственного интеллекта.

Как показывает анализ, большинство обучаемых уже на ранних стадиях нахождения в вузе прекрасно осознают необходимость применения ЭВМ в своей профессиональной деятельности. Учебный процесс по своей сути все больше и больше приближается к производительному труду. Особенно этот эффект усиливается, если учебные задачи, решаемые в рамках объектно-ориентированных систем, связаны с практической деятельностью будущего специалиста или представляют интерес в его сегодняшней учебной работе. Наиболее результативна в данном случае такая методика создания мотивации, при которой преподаватель обращается к формированию представления обучаемого о роли данного предмета в его будущей деятельности для успешного решения профессиональных задач. Основное внимание уделяется при этом не столько специальному подбору учебного материала, сколько правильному формированию позитивных ценностных ориентаций обучаемых по отношению к учению, к изучаемому предмету и к учебной работе в целом.

Для поддержания стимулов к обучению при использовании объектно-ориентированных систем необходимо предусмотреть градацию учебного материала с учетом зоны ближайшего развития для групп обучаемых с разной базовой подготовкой, разными навыками выполнения умственных операций и интеллектуальным развитием, т.е. необходимо наличие банка данных с задачами разной степени сложности, предусматривающими несколько методов и форм подачи одного и того же учебного материала в зависимости от уровня базовых знаний, целей и развития обучаемых.

Применение объектно-ориентированных систем является одним из факторов развития и индивидуализации стратегии деятельности субъекта, ее мотивационной, личностной регуляции. Успешность учебной деятельности с их использованием достигается, если имеется поисковая активность, рождающаяся из мотивационной сферы, в которой присутствует цель, достигаемая через формирование плана действий. Побудительными мотивами применения объектно-ориентированных систем на данном этапе развития информационно-логической компетентности будущего специалиста в вузах являются более высокая интенсивность работы, ее организованность, активность, качество усвоения, самостоятельность, объективность оценки, дисциплинированность, предметная новизна, а также необычность занятий и другие.

Использование в образовательном процессе вуза объектно-ориентированных систем может стать основой для становления принципиально новой формы образования, опирающейся на детальную самооценку и мотивированную самообразовательную активность личности, поддерживаемую современными техническими средствами.

В настоящее время наиболее перспективными средствами информационных технологий, с точки зрения реализации названных выше условий, являются объектно-ориентированные обучающие системы. Рассмотрим их модульную структуру, определим состав и дидактические функции, которые используются при формировании информационно-логической компетентности будущего специалиста.

Структура объектно-ориентированных обучающих систем состоит из группы модулей дидактического обеспечения процесса обучения и модуля контроля и коррекции функционального состояния пользователя системы. Кратко остановимся на первой группе модулей, в состав которой должны входить следующие из них: обучаемого, учебной деятельности, обучающей деятельности, решения учебной задачи, знаний об ошибках пользователя.

Модуль обучаемого представляет собой набор компетенций, которые осуществляют: выбор показателей, характеризующих начальный уровень обученности применительно к конкретной теме (курсу, дисциплине); сбор данных о начальном уровне обученности и отнесение пользователя к определенной категории; конкретизацию для него учебных целей; выбор обучающих воздействий в соответствии с уточненными учебными целями и контроль за их достижением.

Модуль учебной деятельности включает следующие: описание уровней освоения способов действий, предусмотренных целями обучения; выбор основного содержания учебной дисциплины, необходимого для достижения учебной цели; выбор содержания дополнительного материала, который необходимо знать, чтобы усвоить основное содержание изучаемой дисциплины; определение последовательности действий, обеспечивающих усвоение материала и ведущих к достижению учебной цели; определение показателей, по которым оцениваются усвоение учебного материала и достижение учебной цели; выбор диагностических средств для определения показателей достижения цели; итоговый и текущий контроль.

Модуль обучающей деятельности включает следующие: выбор обучающих воздействий для каждого шага усвоения способа действий (предъявление теоретического материала или учебной задачи); обращение к модели решения учебной задачи для получения нормативного решения; определение возможностей отклонения от нормативного решения и прогноз причин отклонений; выбор диагностических средств для выяснения причин затруднений обучаемого при решении учебных задач; выбор вспомогательных воздействий (подзадач, вопросов, указаний) для устранения причин затруднений; осуществление обучающих воздействий и использование диагностических средств; анализ информации об учебной деятельности и внесение изменений в модель обучаемого.

Модуль решения учебной задачи содержит алгоритм, с помощью которого может быть решена поставленная задача с привлечением методов, которые должны быть известны обучаемому к этому моменту времени. В самом общем случае в состав этого алгоритма, составляющего существо способа действий, включаются следующие операторы: выявление задачной ситуации (анализ условий задачи и поиск аналогичных решенных задач); выработка плана решения задачи и построение алгоритма решения; подбор готовой программы и решение с ее помощью задачи; осуществление контроля правильности решения задачи [7].

Модуль знаний об ошибках обучаемого содержит каталог возможных его ошибок, правила выдвижения и проверки гипотез о неправильных представлениях обучаемого, приведших к данной ошибке. Основанием для этого служат различия между решениями, предложенными обучаемым и методикой решения задач в данной предметной области.

Рассмотренный набор модулей позволяет на различных этапах обучения анализировать и контролировать продвижение обучаемого к достижению конкретных целей обучения.

Одним из основных этапов объектно-ориентированного проектирования является этап выбора или специальной разработки, в соответствии с решаемой дидактической задачей, объектно-ориентированных или других информационных средств обучения. Большое их разнообразие не позволяет в настоящей работе полностью осветить все особенности этого процесса. Однако необходимо выделить общие требования, предъявляемые к объектно-ориентированным системам как дидактической системе, в которой используются данные средства. Опора на эти требования позволяет преподавателю сориентироваться и в соответствии с заданными дидактическими целями выбрать наиболее оптимальный вариант проектирования, позволяющий повысить продуктивность учебного процесса.

Рассмотренные в работе психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе объектно-ориентированных систем должны помочь педагогам успешно решать задачи интенсификации учебного процесса на современном этапе развития информационных технологий обучения, а реализация практических рекомендаций и предложений будет способствовать более эффективному использованию объектно-ориентированных систем в их профессиональной деятельности.

Профессионализация, как процесс овладения обучаемыми специальностью и продвижения к ее вершинам, обеспечивает реализацию их стратегии к самореализации в учебном труде. Видение студентами стратегии достижения

вершин профессионального мастерства и следование логике продвижения к ним предполагает прохождение ими ряда этапов. Каждый из них знаменует достижение новых уровней профессиональной компетентности, таких как профессиональное становление (способность самостоятельно выполнять служебные обязанности); обеспечение стабильности в работе (гарантированное, своевременное и качественное выполнение служебных задач); восхождение к профессиональному мастерству (творческий, эффективный труд, предполагающий реализацию индивидуальных деятельностных стратегий) и другие.

Проведенное исследование показало, что повысить продуктивность применения объектно-ориентированных систем в вузе можно за счет более полного использования достижений современной педагогической науки, оптимизации учебного процесса, активизации познавательной деятельности слушателей, улучшения содержания обучения, всестороннего учета индивидуальных психофизиологических характеристик и психологического состояния обучаемых. Объектно-ориентированное проектирование на этой основе является непременным условием создания педагогических систем качественно нового уровня, имеющих свои цели, теоретическую базу, методику организации, функционирования и оценки, способных обеспечить современные требования социального заказа на подготовку современных специалистов.

Список литературы

1. Битянова М.Р. Организация психологической работы в школе. – М., 1998.
2. Колеченко А.К. Энциклопедия педагогических технологий: Пособие для преподавателей. – СПб.: КАРО, 2006. – 368 с.
3. Мынбаева А.К. История, теория и технологии научной деятельности высшей школы: монография. – Алматы, 2010. – 257 с.
4. Бешенков С., Ракитина Е. Моделирование и формализация: методическое пособие. – М.: ЛБЗ, 2002. – 336 с.
5. Лагчик М.П., Семакин И.Г., Хеннер Е.К. Методика преподавания информатики. – М.: Академия, 2001. – 624 с.
6. Михеева Е.В. Информационные технологии в профессиональной деятельности. – М.: Академия, 2006. – 384 с.
7. Образцов П.И. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения. – Орёл: Орловский государственный технический университет, 2000. – 145 с.

Жунисбекова Ж.А.¹

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ – ВАЖНЫЙ АСПЕКТ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: школьное образование, обучение, дифференциация, дифференцированное обучение.

Keywords: school education, training, differentiation, differentiated training.

В процессе реформирования системы образования Республики Казахстан значительные изменения произошли в высшей школе. Система образования Республики Казахстан входит в мировое образовательное пространство, высшая школа при подготовке специалистов ориентируется на общемировые требования. Кардинальные социокультурные и экономические преобразования требуют от молодого специалиста повышения профессиональной компетентности, самостоятельного и творческого подхода в решении производственных задач, быстрой адаптации и самореализации в непрерывно меняющихся современных условиях.

Компетентностный подход в современных условиях выступает как инструмент гармонизации содержания профессионального образования и потребностей рынка труда. Основу этого подхода составляют ключевые компетентности, уровень развития которых предопределяет успешность деятельности выпускников вуза в будущей профессиональной и социальной жизни. Внедрение компетентностного подхода в учебный процесс вуза способствует достижению выпускниками профессиональной компетентности, соответствующей потребностям общества.

Внедрение компетентностного подхода в учебный процесс высшей школы представляет собой попытку привести в соответствие профессиональное образование и потребности рынка труда, поскольку в данном подходе отражен целостный опыт профессионального сообщества по решению жизненных проблем, выполнению ключевых функций и социальных ролей.

Начало XXI века ознаменовано глубокими переменами в процессе труда, который стал более сложным, интеллектуальным, динамичным, предъявляющим новые требования к человеку как социально зрелому и активно действующему профессионалу, направляющему технологический процесс. Современный молодой специалист должен в короткие сроки овладеть не только действующей технологией, но и той, которая появится в ближайшем будущем и в создании которой он может непосредственно участвовать. Современный специалист должен быть не только исполнителем, но и изобретателем нового, которое могло бы обеспечить развитие производства, приносило бы финансовую прибыль и способствовало психологическому удовлетворению [1].

Эти тенденции развития высшего образования предъявляют новые требования к профессионализму преподавателей, которые должны знать не только «свою» науку, но и видеть её применение в различных сферах современной рыночной экономики, культуры и искусства. Они должны в совершенстве владеть теорией и технологией педагогического процесса высшей школы, творчески подходить к его построению.

Анализ литературных источников и наблюдения практики деятельности преподавателей высшей школы, подготовки его через обучение в магистратуре, аспирантуре, докторантуре показывает, что:

- преподавание в вузах все еще ориентировано на репродуктивный, воспроизводящий тип обучения;
- самостоятельной, творческой работе студентов уделяется незначительное внимание;
- преподавание в высшей школе (его содержание и технологии) не учитывают индивидуальных интересов и способностей студентов;
- в незначительной степени студенты принимают участие в проблематике научных исследований кафедр;
- в подготовке будущих преподавателей и в повышении их квалификации слабо осуществляется интеграция научной и педагогической работы;
- в научно-исследовательской работе молодых преподавателей наблюдаются элементы стихийности, они в недостаточной мере владеют методологией и методами исследования. Неслучайно часть молодых ученых не завершает диссертации в отведенные сроки. Прослушав теоретический курс педагогики высшей школы, они практически не готовы к преподавательской деятельности во всей её многогранности [2].

В последние годы все ярче заявляет о себе компетентностный подход к образованию (И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Б. Оскарссон, Л.А. Петровская, Дж. Равен, А.В. Хуторской и др.). Составной частью профессиональной компетентности специалиста является исследовательская культура.

Интеграция всех сторон подготовки молодых преподавателей вуза влечет за собой постоянное обновление психолого-педагогической теории, практики обучения и воспитания, что в свою очередь зависит от сформированности у

¹ Жунисбекова Жанна Алхановна – к.п.н., доцент, профессор Российской академии естественных наук, Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, Шымкент. E-mail: zhakena@yandex.ru

будущих преподавателей вуза культуры самообразовательной и научно-исследовательской работы. Исследовательская культура является неотъемлемой частью их профессионализма [3].

Приобщение к научному исследованию является основным способом планомерной подготовки научно-педагогических и научных кадров, которая имеет своей целью углубление теоретической и специальной подготовки с учетом современных требований к кадрам высшей квалификации. В соответствии с этими положениями молодой преподаватель во время предварительной стажировки должен руководствоваться индивидуальным планом работы, включающим следующие направления:

– собственно научно-исследовательскую работу (овладение методологией и методикой научного исследования; овладение процедурой исследования; сбор и систематизация теоретического и опытно-экспериментального материала; написание диссертации; подготовка публикаций, докладов по теме исследования; овладение компьютерной грамотностью; сдача экзаменов в объеме кандидатского минимума и др.);

– учебно-методическую работу (посещение курсов лекций и семинаров научного руководителя и ведущих преподавателей кафедры, чтение лекций, проведение практических занятий, руководство научно-исследовательской работой студентов, участие в контроле и оценке знаний, умений, навыков обучающихся и др.);

– общественно-педагогическую деятельность (участие в проводимых кафедрой мероприятиях со студентами – КВН, олимпиадах, праздниках; консультации для студентов и школьников по исследуемой проблеме и вопросам, связанным с интересами учащейся молодежи) [4].

В.В. Краевский полагает, что «современный учитель должен выполнять не только образовательные и воспитательные функции, но и быть исследователем-специалистом. Ни знания самой педагогической науки, ни практический опыт не могут заменить специальной подготовки к новой профессии – научно-исследовательской, хотя и является необходимой предпосылкой для такой подготовки. Переходя к этой профессии, педагог не перестает быть педагогом, но одновременно встает в ряды огромной армии ученых – вместе с физиками, историками, философами он получает в руки новое и все время обновляющееся оружие – оружие научного познания, и его долг научиться пользоваться им в совершенстве». Это требование относится и к профессионализму преподавателя высшей школы, т.к. научный поиск сопровождается не только осуществляемая им работа со студентами, но и непосредственно научно-исследовательская деятельность.

Сущность научно-исследовательской работы педагога следует выводить из таких базовых понятий, как «наука», «исследование», «научное исследование». Энциклопедический словарь определяет науку как исторически сложившуюся и непрерывно развивающуюся на основе общественной практики систему знаний о природе, обществе, мышлении, об объективных законах их развития. Наука является результатом многовекового развития, познавательной деятельности человечества, активно преобразующим мир в своих интересах. И немаловажную роль в этой деятельности занимает исследовательская культура педагога [5].

Исследовательская культура специалиста высшей школы формируется еще в студенческие годы и при обучении в аспирантуре и институтах соискательства и стажерства. Именно в аспирантуре это качество развивается целенаправленно, осознанно и систематически. Однако при условии, что этой проблеме уделяется специальное внимание.

В формировании исследовательской культуры стажеров, магистрантов, соискателей и аспирантов оправдала себя поэтапная методика работы над диссертацией (подготовка обоснования темы диссертации, программы, процедуры исследования, сообщения и доклады по теоретической, экспериментальной частям будущей диссертации, предзащита, подготовка к публичной защите диссертации).

Важнейшим условием формирования исследовательской культуры является тесная связь учебной (доцентская практика), научно-исследовательской, общественно-педагогической работы. При целенаправленном руководстве эти виды деятельности дополняют все виды деятельности, дополняют друг друга и дают лучшие результаты в подготовке будущих преподавателей.

Эффективным условием формирования исследовательской культуры магистрантов, аспирантов, соискателей и молодых преподавателей являются функционирующие в течение многих лет на кафедре научно-учебно-методические комплексы. Они представляют собой базу для проведения экспериментов, внедрения научно-методических рекомендаций [3].

Новые подходы в реформировании национальной системы образования определяются кардинальным изменением роли образования и науки в современном мире, которые превратились в определяющий фактор экономического прогресса и конкурентоспособности разных стран.

Синтез прогрессивных тенденций отечественного образования и достижений зарубежных образовательных систем в условиях глобализации современного мира – веление времени. Прогностическое видение перспектив научного, культурного и технического развития казахстанского общества, теоретическое осмысление кардинальных социально-экономических проблем предопределяет пути их решения за счет коренных преобразований в системе образования.

Список литературы

1. Громкова М.Т. Психология и педагогика профессиональной деятельности: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 415 с.
2. Самойлов В.Д. Педагогика и психология высшей школы. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. – 207 с.
3. Жунисбекова Ж.А. Дифференцированное обучение учащихся // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. – № 11 (ч. 5). – С. 748–752.

4. Туребаева Д.А., Джумагалиева А.И., Жунисбекова Д.А. Применение новых информационных технологий в преподавании высшей математики // Materiały XII międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Naukowa przestrzeń Europy – 2016». Vol. 8 Pedagogiczne nauki. – Przemysł, 2016. – С. 61–63.
5. Рысбаева С.Ж., Абитиярова А.А. и др. Некоторые формы и методы обучения в высшем образовании // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. – № 7 (ч. 1). – С. 73–78.

Керимбеков М.А.¹

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ И ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: КОМПЬЮТЕР КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ

Ключевые слова: образование, образованность, профессиональное образование, моделирование, будущий специалист, компьютер, информационно-компьютерные технологии.

Keywords: education, education, professional education, modeling, future specialist, computer, information and computer technologies.

В мире образования набирают силу интеграционные процессы. В такой ситуации приходится говорить уже не о национальной, а о мировой системе образования, одним из важных факторов развития которой является мобильность студентов и преподавателей. Необходима качественно новая подготовка будущих специалистов, способных к самостоятельному получению знаний и реализации их в практической деятельности.

Образованность понимается сегодня не как многознание и владение набором профессиональных навыков, а как развитость разнообразных способностей системного характера. Высокая степень их продуктивности, предполагает моделирование такой системы образования, в которой главенствующую роль должна занимать не традиционная трансляция знаний, умений, ценностей, норм поведения и т.д., а создание условий для максимально возможной адаптации и развития каждой личности в школе. Конечная цель – создать такую атмосферу учения, при которой учащиеся совместно с учителем активно работают, сознательно размышляют над процессом обучения, отслеживают, подтверждают, опровергают или расширяют наши знания, новые идеи, чувства или мнения об окружающем мире.

Поиск информации – одна из важнейших составляющих учебного процесса. Для студентов это – самоподготовка, изучение тем, оставленных на самостоятельную проработку, подготовка рефератов, курсовых и дипломных работ. Для преподавателей это особенно актуально при подготовке занятий по тем предметам, которые не являются стабильными, постоянными по времени.

К важным областям применения в образовании информационно-компьютерных технологий относятся:

1. Управление образованием (вычислительная и оргтехника для образовательных учреждений, автоматизация делопроизводства и бухгалтерии в учебных заведениях, средства связи, мониторинг образования и т.п.).

2. Информатика и вычислительная техника как цель обучения (подготовка специалистов в области информационно-компьютерных технологий по разработке и эксплуатации компьютерной техники, программному обеспечению, компьютерной безопасности; подготовка пользователей, в том числе обучение компьютерной грамотности преподавателей, учеников средних школ и студентов).

3. Компьютерная техника как средство обучения, развития и воспитания. Данное направление можно считать наиболее важным в настоящий момент и наиболее интенсивно развивающимся, потому что именно в этом направлении ведется сейчас интенсивная работа по внедрению компьютеров в образование. Компьютерная техника выступает как удобный и универсальный носитель аудиовизуальной обучающей информации (учебники, энциклопедии, атласы и различные справочники, содержащие текстовую, образную, звуковую и видеоинформацию). Носителем этой информации может быть жесткий диск компьютера, компакт-диски или информационные сети как локальные, так и всемирные [1].

Педагогической реальностью, с которой необходимо считаться, стали обучающие компьютерные программы, причем программы мультимедийные и интерактивные, несущие разнообразную информацию и подстраивающиеся под индивидуальные особенности обучающегося субъекта. Программы могут работать в рамках сети Интернет, расширяя возможности обучения для студента. Их предметное содержание весьма широко: от обучения работы с компьютером до таких предметов, как физика, история, иностранный язык и др.

С внедрением информационно-компьютерных технологий (ИКТ) изменилась сама суть дистанционного образования. Если раньше таковое обеспечивалось рассылкой учебников и заданий, а потом их проверкой, то сейчас дистанционное обучение может осуществляться в реальном масштабе времени, что обеспечивает активное участие в обучении.

Компьютер выступает как средство повышения эффективности, оперативности и объективности оценки знаний студентов. В отличие от преподавателя компьютер оценивает лишь знания и умения студента в данной предметной области, а не его послушность, привлекательность или какие-то иные качества. Компьютер лишен стереотипности в

¹ Керимбеков Мухтар Апеневич – к.п.н., начальник учебной работы и мониторинговой службы АО «НЦПК «Орлеу» ИПК ПР по Туркестанской области и городу Шымкент, Казахстан. E-mail: nice.muhtar@mail.ru

оценке, он «не знает», что данный студент «троечник» или «отличник», и поэтому без колебаний поставит заслуженную оценку.

Внедрение информационно-компьютерных технологий позволило решить ряд важных психолого-педагогических задач, связанных с повышением качества учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях. К основным успехам компьютеров в образовании можно отнести следующие:

- повышение информационной обеспеченности участников образовательного процесса. С использованием информационно-компьютерных технологий расширяется возможность для студентов и учителей осуществлять оперативный доступ к различной информации, накопление, обмен и тиражирование ее;

- использование компьютеров влияет на мотивацию, привлекательность обучения. Это связано с необычностью и престижностью работы с компьютером. Существование игровых программ и игровых компонентов в обучающих программах повышает притягательность компьютеров для обучающихся;

- компьютер дает возможность повысить самостоятельность обучения, возможность обучения без непосредственного участия педагога путем выполнения домашних заданий с необходимыми компонентами проверки правильности их выполнения;

- повышаются возможности индивидуализации обучения. Это может осуществляться посредством индивидуализации темпа предъявления заданий, перехода к следующей теме после усвоения предыдущей, выбора тем и заданий с учетом индивидуальности и знаний конкретного студента, текущего контроля успеваемости и повышения объективности такого контроля.

Связь психологических исследований с разработками в области информационно-компьютерных технологий возникла задолго до появления компьютеров, в частности формально-логический анализ мышления, послуживший основой для математического и компьютерного моделирования мышления, традиционно сопоставлялся с психологическими исследованиями этого процесса. Позднее это привело к психологическим разработкам алгоритмического и программированного обучения. Однако лишь с внедрением компьютеров в практическую деятельность эти работы перешли от теоретических к экспериментальным исследованиям. Показательной в этом отношении является книга «Вычислительные машины и мышление» под редакцией Э. Фельгейбаума и Дж. Фельдмана, изданная в 1963 г. и через четыре года переведенная на русский язык. Она посвящена проблеме «искусственного разума» и содержит библиографическое описание более 1200 источников.

В настоящее время одним из важных и перспективных направлений психологических исследований является изучение психологических особенностей компьютеризации в образовании [2, 3, 4].

В настоящее время происходит компьютеризация всех образовательных систем. Наряду с позитивными результатами, достигаемыми в компьютеризированной деятельности, применение компьютеров встречает и значительные трудности: реализуемые проекты компьютеризации не всегда отвечают ожидаемой эффективности, возможности компьютеров используются не полностью, возникает целый ряд проблем, связанных с внедрением, функционированием и совершенствованием компьютеризированных систем.

К сожалению, компьютеризация вузовского образования, в особенности применение компьютеров в вузе, встречается с проблемами, имеющими с психологией весьма отдаленную связь: материальные и организационные проблемы, плохая материальная обеспеченность, в первую очередь компьютерами, которые можно успешно использовать в обучении и т.п. Обычно к числу основных организационных проблем компьютеризации вузовского образования относят объективные и субъективные. К первым относят прежде всего материально-технические проблемы (мало компьютеров, оборудование устаревшее, слабое программное обеспечение).

Программное обеспечение, на которое часто жалуются преподаватели, тоже в последнее время разрабатывается достаточно интенсивно. Есть ряд фирм, ведущих активные разработки программных продуктов для целей обучения и образования.

Такие факты позволяют говорить о том, что на первый план выходит уже другая проблема: обеспечение преподавателя-предметника информацией о новом программном продукте по предмету. Серьезной организационно-методической проблемой становится поиск, содержательная и методическая оценка преподавателем такого программного продукта, а это предъявляет повышенные требования к технической оснащенности, программной информированности и компьютерной грамотности преподавателя.

К субъективным проблемам, связанным с внедрением компьютеров в образовательный процесс, может относиться нежелание или неспособность педагогов вести работу по внедрению компьютеров в образование. Нежелание преподавателей работать с компьютерами может зависеть от неготовности к любым инновациям, боязни компьютеров (компьютерофобии) [1], невысокого уровня мотивации к профессиональной деятельности в целом и других условий. Зачастую конфигурация домашнего компьютера студента оказывается лучше вузовского, а компьютерная подготовка студента – выше подготовки обычного преподавателя-предметника (не преподавателя информатики). Некоторые преподаватели оценивают такую ситуацию как угрожающую их профессиональному статусу и боятся использовать компьютеры в учебном процессе.

В силу разной подготовки студентов и разной технической оснащенности их домов затруднено использование персонального компьютера для внеаудиторной работы, иногда это затрудняет разработку единых учебных планов и заданий для обучения.

В своей работе мы называли основные достижения компьютеризации в образовании. Они действительно велики, а открывающиеся перспективы еще более обнадеживающи. Вместе с тем практически каждое из этих достижений влечет за собой шлейф психологических проблем и может предстать перед психологом своей теневой стороной. Например, педагоги встречаются с нежелательным использованием доступности информации. Часто студент, который

должен написать какой-то реферат или сочинение, находит готовую работу в информационной сети или на компакт-дисках. Обучающий эффект от такого использования компьютеров оказывается нулевым, а воспитательный – отрицательным.

Одно из таких последствий связано с мотивационным обеспечением работы с ПК. Психологи обычно выделяют две главные проблемы, связанные с чрезмерным увлечением ИКТ: компьютерные игры и Интернет-зависимость.

Чрезмерное стремление человека находиться в сети Интернет, общаться с ее помощью с другими людьми (Интернет-зависимость) [5] представляет еще одну важную проблему компьютерной гипермотивированности. Однако подобная проблема не стоит перед психологом так остро, как компьютерные игры. Для возникновения Интернет-зависимости необходимо большое количество условий, которые для студента встречаются достаточно редко: наличие ПК хорошей конфигурации, подключения к Интернету, хорошее владение компьютером и, в частности, навигацией в сети и т.д.

Исследования позволили установить, что Интернет привлекает людей неформальностью общения, произвольно регулируемой анонимностью (человек дает о себе лишь ту информацию, которую считает нужной), свободой от принятых стереотипов обычного непосредственного общения, а лица, проводящие в сети много времени, характеризуются повышенной деловой направленностью, повышенной потребностью в общении, повышенной внушаемостью и рядом иных особенностей, присущих инструментальным ценностям личности.

О боязни компьютеров (компьютерофобии) мы уже говорили. Одним из способов борьбы с ней является введение игровых компонентов в обучающий процесс. В психологическом отношении компьютерная игра полифункциональна: она формирует определенные знания, умения и навыки, способствует развитию тех или иных психических качеств и т.д. Игра обладает огромным мотивационным потенциалом, а компьютерная игра в силу многомодальности содержащейся информации и возможности воздействовать на события и героев в реальном масштабе времени создает эффект присутствия, добавим к этому широкий выбор игр по типу, сюжету, действующим лицам, и мы поймем, насколько притягательным для ребенка по сравнению с повседневной жизнью покажутся приключения в выдуманной компьютерной стране [6].

Привлекательность игровых компьютерных программ приводит к чрезмерному увлечению компьютерными играми, что может иметь достаточно серьезные последствия для студента; сдвиг мотива с учебной деятельности и других мотивов реальной жизнедеятельности на виртуальную деятельность (пройти тот или иной этап в игре, победить того или иного героя и т.д.). Студент в таких случаях просиживает много времени за компьютером, меньше внимания уделяет учебе, успеваемость его снижается, он ведет малоактивный образ жизни, общение с друзьями становится редким.

Влияние работы с компьютером, в том числе и компьютерных игр, на развитие личности студента не ограничивается мотивационной сферой. Большому влиянию подвергается когнитивная сфера, связанная с деятельностью познавательных процессов, и личность студента. В литературе имеются достаточно противоречивые данные о воздействии компьютера на развитие психических особенностей личности [1, 3, 4, 5]. Это объясняется местом компьютера в структуре деятельности, характером и длительностью работы с компьютером, возрастом обучающихся и рядом других важных условий.

Компьютеризация влияет не только на мотивацию, творческое мышление и творческую активность исследователей – пользователей ПК, но и на развитие других психических процессов (восприятия, памяти, внимания, оперативного мышления и др.) и свойств личности (самооценку, черты характера, функциональные состояния и др.), которые способствуют либо препятствуют развитию творческой личности.

У пользователей ПК наряду с преобразованиями мотивации и мышления происходят сопутствующие изменения других психических процессов и личностных свойств как адекватно, так и неадекватно требованиям компьютеризированной деятельности. Это определяет непрямые закономерности гармоничного развития коллективного субъекта как профессионала.

Прямое влияние компьютеризации на гармоничное развитие творческой личности можно наблюдать у индивидуального или группового субъекта как момент либо период развития. При динамичных изменениях внешних условий (смене компьютеров и их программ; постановке новых задач на компьютере и др.), а также при изменении внутренних условий (сдвиг мотива на цель; переход действия в операцию и др.) профессионалу вновь надо повышать свою квалификацию и развивать личностные свойства адекватно новым требованиям деятельности.

Прямые закономерности представляют собой лишь отдельные составляющие процесса компьютеризации, наблюдаемые у индивидуального субъекта или у отдельных групп исследователей – пользователей ПК.

Практика использования современных информационных технологий с целью повышения качества образования и развития студентов показала, что эффективно внедрять информационные технологии можно на всех этапах учебного процесса: на этапе объяснения нового материала; на этапе усвоения материала в процессе интерактивного взаимодействия с компьютером; на этапе повторения и закрепления; на этапе контроля и самоконтроля; на этапе коррекции самого процесса обучения и его результатов и т.д. В Южно-Казахстанском государственном университете имени М. Ауэзова для этого созданы все условия.

Специфика внедрения компьютерных технологий в существующий образовательный процесс заключается в том, что акцент в процессе интеграции должен быть сделан не на обучении техническому инструментарию, а на развитии творческого потенциала студента с помощью данных технологий.

Использование компьютерных технологий в образовании позволяет увеличить возможности педагога в методической оснащенности, в организации новых форм взаимодействия в процессе обучения, варьировать содержание и характер деятельности студентов и педагога, тем самым повысить эффективность обучения.

Реализация в Казахстане требований Болонского процесса повышает требования к качеству подготовки будущего квалифицированного персонала, что, в свою очередь, обуславливает повышение требований к уровню компетентности преподавателей. Повысить компетентность преподавателя могут информационные средства обучения и контроля, коммуникативные средства на основе современных информационных технологий.

Мы живём в век информационных технологий. Современный учебный процесс уже немыслим без широкого применения новых информационных и коммуникационных технологий. Преподаватели могут объединяться в сетевые сообщества для обмена опытом, обсуждения своих профессиональных проблем. Информационные и коммуникационные технологии рассматриваются нами как средства организации познавательной деятельности обучающихся.

Информационным технологиям обучения принадлежит будущее.

В связи с вышесказанным можно прийти к выводу, что умение работать с информацией становится главным интеллектуальным умением, лежащим в основе любой профессиональной и просто культурной компетенции. Поэтому ключевой задачей современной системы образования должна стать задача формирования этого умения.

Список литературы

1. Абдраманова Н.Ш. и др. Использование активных методов обучения в образовательном процессе вуза // Международный журнал экспериментального образования. 2015. – № 3. – С. 279–283.
2. Анисимов Н.М. Дидактическое обеспечение технологии подготовки будущих преподавателей физики к инновационной деятельности // Школьные технологии. 2009. – № 3. – С. 115–120.
3. Кларин М.В. Педагогическая технология в учебном процессе. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2009. – 366 с.
4. Курманалина Ш. Иновационная деятельность учебного заведения как признак учреждения развивающегося типа // Высшая школа Казахстана. 2018. – № 1. – С. 71–77.
5. Кусаинов Г.М. Новые технологии обучения // Начальная школа. 2008. – №2. – С. 6–8.
6. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании. – М.: Школа-Пресс, 2004.

Коровникова Н.А.¹

АНАЛИТИКА КАК СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЙ²

Ключевые слова: аналитика, конгитология, когнитивная аналитика, производство и распространение знаний, образование.

Keywords: analytics, congitology, cognitive analytics, knowledge production and dissemination, education.

В современном информационно-цифровом контексте *аналитическая деятельность* предполагает *генерирование новых знаний*, пригодных для комплексного применения в управлении³, производстве, а также в последующих исследованиях и научных разработках. Особую значимость аналитика приобретает в *образовательном пространстве* на всех этапах подготовки и переподготовки кадров, поскольку поступательный рост цифровизации и технологизации социума знаменует скорейший переход к качественно новой формации общества знаний с инновационными механизмами формирования и постоянного совершенствования человеческого капитала. Сегодня главные цели *аналитики* – структурирование и оптимизация мыслительного (гносеологического) процесса, формирование системного мышления *всех субъектов образовательного процесса*, в том числе аналитика как «специалиста по производству знаний»⁴.

Важность аналитики на всех уровнях обучения объясняется прежде всего тем, что она представляет собой инновационный способ производства знаний, который является закономерным результатом эволюции научного знания «в направлении модификации человеческого сознания, точнее в эволюции мышления: от допонятийно-мифологического к мышлению понятийному, от мифологии, религии, искусства, философии к науке, от сенсосферы (сферы чувств) к ноосфере (сфере разума)»⁵ В общем виде аналитика как способ, средство и метод производства новейших знаний, а также модернизации научных достижений прошлого предусматривает:

- изучение и овладение *когнитивными технологиями*, современными моделями *когнитивного анализа*⁶;
- практическое применения когнитивных инструментов;
- принятие решений в условиях неопределенности, «нечеткой логики и приближенных рассуждений»;
- моделирование, прогнозирование и анализ с использованием искусственных нейронных сетей;
- применение гибридных моделей, мягких вычислений и т.п.⁷

В современном образовательном дискурсе *аналитика* представляет собой *комплексную дисциплину*, аккумулирующую методологические подходы различных научных направлений, нацеленных на выявление, корректное представление (выражение) и управление знаниями⁸, всесторонне опосредующую мыслительно-познавательный процесс субъектов образования, поэтому непосредственно связанную с развитием такого научно-практического направления как *когнитология*⁹, которое также предполагает «инженерию знаний». Другими словами, *когнитивная аналитика* может рассмат-

¹ Коровникова Наталья Александровна – к.полит.н., с.н.с. ИНИОН РАН, доцент МИЭПП. Сфера научных интересов: экономическая история, история экономической мысли, экономика культуры; идеологии в современной политике; роль «идеальных» факторов в социально-экономических процессах; идентичность; социальная психология; патриотизм: патриотическое воспитание как основа ментальной безопасности; лидерство: современные инструменты диагностики, развития и коррекции лидерских качеств, моделей и стилей; информационное обеспечение управленческой деятельности. E-mail: natalia.kor@list.ru.

² Доклад на круглом столе «Состояние и перспективы развития аналитической подготовки в российской системе образования».

³ Курносов Ю.В., Конотопов П.Ю. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы / Аналитика как средство добывания знаний. – М.: Русаки, 2004. – <https://studfile.net/preview/5411061/page:6/>

⁴ Там же.

⁵ Цит. В.И. Вернадского по Курносов Ю.В., Конотопов П.Ю. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы / Аналитика как средство добывания знаний. – М.: Русаки, 2004. – <https://studfile.net/preview/5411061/page:6/>

⁶ *Когнитивная наука* изучает основы когнитивного анализа и когнитивные инструменты (технологии), а также охватывает область междисциплинарных исследований, изучающих «познание и высшие когнитивные функции с помощью моделей переработки когнитивной информации»; аккумулирует такие дисциплины, как эпистемология, когнитивная психология, исследования искусственного интеллекта, психолингвистика, нейропсихология, нейрокибернетика и нейробиология. См. Старостин А.М. Когнитология и когнитивная аналитика в социально-гуманитарных исследованиях: состояние и перспективы развития // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2014. – № 2. – С. 9. – <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitologiya-i-kognitivnaya-analitika-v-sotsialno-gumanitarnyh-issledovaniyah-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya>

⁷ Более подробно см. Сысоева Е.А. Аннотация рабочей программы дисциплины «Когнитивная бизнес-аналитика». – https://www.google.ru/url?sa=t&rc=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKewjMIMu_7MvnAhX1wsQBHR8IBtMQFjAAegQIBVAB&url=https%3A%2F%2Fwww.mrsu.ru%2Fru%2Fgetfile.php%3FID%3D91891&usg=AOvVaw1hII24QX93p3MPJVXAQMzy

⁸ Там же.

⁹ *Когнитология* охватывает три раздела: 1) *классиологию*, изучающую законы классификации объектов мысли; 2) *номиналогию*, выявляющую объективные законы номинации (обозначения объектов); 3) *оператологию*, определяющую правила оперирования объектами познавательного процесса. Более подробно см. Курносов Ю.В., Конотопов П.Ю. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы / Аналитика как средство добывания знаний. – М.: Русаки, 2004. – <https://studfile.net/preview/5411061/page:6/>

риваться в качестве прикладной части общей когнитологии, ориентированной на различные предметно-дисциплинарные сферы¹ образовательного пространства (экономика, политические науки, культурология, социология и др.).

Применение инструментов когнитологии позволяет аналитикам получать результаты (знания), отвечающие следующим характеристикам: транспарентность, подконтрольность и управляемость познавательных (когнитивных) процессов, а также осваивать четыре уровня знаний («когниций»), а именно: непосредственно знания, обобщенные образы (прототипы), сценарии (прогнозы) и, наконец, концепты². При том, что в рамках когнитологии аналитический познавательный процесс воспринимается по аналогии с цифровыми системами и функционированием схем искусственного интеллекта³.

Аналитика в современной образовательной сфере относится к инновационному типу производства знаний⁴, который характеризуется тем, что:

- а) государство является координатором взаимодействия ключевых субъектов образования, а также производства, распространения и модификации знаний;
- б) инженерия знаний охватывает практически все образовательное пространство;
- в) диффузия знаний реализуется посредством широкого спектра способов их распространения от специализированных (учебно-педагогический процесс) до общедоступных каналов (СМИ и МК);
- г) система производства знаний имеет горизонтальный, гибкий, трансдисциплинарный характер;
- д) практическое использование полученных знаний является непосредственной частью процессов их генерации и модификации⁵.

В современном образовательном контексте аналитическое генерирование новейших знаний с использованием когнитивных технологий должно отвечать следующим условиям: 1) знание циркулирует в многоуровневой системе, которую формируют как микро (эксперты, педагогический корпус, научные лаборатории), так и макросубъекты (исследовательские и образовательные центры и т.п.); 2) распространение знаний реализуется посредством коммуникаций производителей (аналитиков) и субъектов образования (источников познавательной деятельности) в ходе образовательного и научно-исследовательского процессов; 3) интенсификация мобильности аналитиков как основных субъектов знаний не только внутри определенной организационной структуры, но и в макромеждународном масштабе⁶; 4) повсеместное внедрение научно-исследовательских аналитических сетей, генерирующих синергетический эффект различных потоков знаний⁷; 5) обеспечение открытого, в том числе дистанционного доступа к знаниям для значительной части субъектов образования; 6) способность когнитивных аналитиков не только к теоретико-методологической, научно-исследовательской работе, но и к практическому применению производимых знаний, которые генерируют интеллектуальную собственность и конкурентные преимущества субъектов образования; 7) наконец, производство новых знаний в условиях ресурсных и «репутационных» (принцип ответственности) ограничений аналитической деятельности в образовательном процессе.

Основные продукты современной аналитики можно классифицировать следующим образом: практические навыки (профессиональные компетенции); интеллектуальный опыт (результат образовательного, научно-исследовательского, экспертно-профессионального процессов); духовно-нравственные качества (представления о высших феноменах и явлениях); случайные знания (сопутствующий продукт когнитивного аналитического процесса)⁸.

Другими словами, аналитика в современном образовании:

– предполагает синтез новейших методов и направлений производства знаний, что позволяет выработать теоретико-концептуальный каркас современной науки; эффективную модернизированную систему подготовки и переподготовки кадрового потенциала (в том числе в области аналитики); гармонизировать новейшие достижения аналитической деятельности с конкретными мерами образовательной политики; обеспечить оптимальную организацию процессов производства знаний и выявления их отличительных особенностей с целью эффективного применения в конкретных условиях образовательного пространства;

– базируется на генерализованных концептуальных подходах к производству знаний, а именно: знания как основной фактор экономического роста (концепция знаний как ресурса); производство знаний как наиболее важный стратегический аспект развития (концепция знаний как продукта); кодифицированные знания как неотъемлемый ком-

¹ Старостин А.М. Когнитология и когнитивная аналитика в социально-гуманитарных исследованиях: состояние и перспективы развития // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2014. – № 2. – С. 11. – <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitologiya-i-kognitivnaya-analitika-v-sotsialno-gumanitarnykh-issledovaniyah-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya>

² Там же, с. 10–11.

³ Там же, с. 10.

⁴ Производство инновационных знаний качественно преобразует соотношение «наука – технологии – практика» при условии их непрерывной взаимосвязи с целью контекстного применения научных результатов (технологий) в практической плоскости. Чупин Р.А. Классификация, распространение и производство знаний в мировой экономике: теоретическое обобщение. // Образование и наука. 2013. – № 6(105). – С. 25.

⁵ См. Чупин Р.А. Классификация, распространение и производство знаний в мировой экономике: теоретическое обобщение. // Образование и наука. 2013. – № 6(105). – С. 25.

⁶ В данном случае речь идет о «круговороте мозгов», который охватил практически все области мирового образовательного пространства.

⁷ Для описания данного процесса в англоязычной литературе часто применяется понятие «knowledge flows».

⁸ Представленные разновидности новых знаний выявлены на основе классификации, предложенной Ф. Махлупом. См. Чупин Р.А. Классификация, распространение и производство знаний в мировой экономике: теоретическое обобщение. // Образование и наука. 2013. – № 6(105). – С. 20.

понент инновационных процессов (концепция кодифицированного знания); знания как условие своевременного развития ИКТ (концепция знания как важнейшего условия становления информационного общества и цифровой экономики); выработка знаний по схеме «наука-образование-бизнес-власть-институты гражданского общества», главной особенностью которой является комплексное управление инновационной деятельностью во всех сферах аналитического производства, совершенствования, распространения, знаний, а также разработка на их основе новейших когнитивных технологий, отвечающих требованиям современного мирового контекста (концепция «Пентаспирали»¹).

Резюмируя вышеизложенное, можно зафиксировать некоторые особенности и тенденции аналитической деятельности в качестве новейшего способа производства и распространения знаний в образовательной сфере, а именно: модифицируются традиционные методы и механизмы инженерии знаний на основе когнитивных технологий, которые позволяют обеспечить их мультидисциплинарность, прозрачность, гибкость, стратегическую и практическую направленность; под влиянием новейших форм аналитической деятельности трансформируются каналы передачи и потребления знаний в практической плоскости всеми субъектами образования; и, наконец, современная аналитика в образовании базируется на последних достижениях отечественной и зарубежной когнитологии, синтезирует инновационные методы, направления и концептуальные подходы к производству, диффузии и операционализации знаний.

¹ На сегодняшний день данная концепция, предложенная отечественными специалистами из Уральского государственного экономического университета (Ур ГЭУ) в 2011 году, представляется одной из наиболее целостных и комплексных программ производства и применения новых знаний. Более подробно см. Федоров В.М., Пешина Э.В. Современные концепции производства знаний // Университетское управление: практика и анализ. 2012. – № 3. – <https://www.umj.ru/jour/article/view/528/529>

Кротова М.В.

к.э.н., с.н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН
mw_krotowa@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «НАУКА»

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, Национальный проект «Наука», большие вызовы.

Единственный сценарий согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (далее – Стратегия), утвержденной Указом Президента РФ № 642 от 1 декабря 2016 г., отвечающий долгосрочным интересам России и позволяющий преодолеть большие вызовы – это лидерство по избранным направлениям научно-технологического развития в рамках как традиционных, так и новых рынков технологий, продуктов и услуг и построение национальной инновационной системы.

Одной из новелл Указа № 642 как в юридической, так и в теоретико-методологической сфере, стало появление термина «большие вызовы». В тексте документа они определяются как «*объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов*». Но в настоящее время само понятие не только «больших вызовов», но и вызовов как таковых, не утвердилось окончательно в отечественной практике, как например, не утвердилась и четкая иерархия категорий «вызов», «риск», «угроза».

Здесь будет актуальна задача совмещения современных теорий управления риском с их переосмыслением в системе представлений, отвечающих национальным интересам. Одна из наиболее авторитетных работ¹, описывающих управление неблагоприятными ситуациями с позиций российских национальных интересов, изданная еще в 2000-м году, не могла дать исчерпывающих ответов. В частности, далеко не во всех источниках однозначно сформулированы суть и иерархия таких категорий, как «риск», «вызов», «угроза», (см. например, Закон РФ «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390 – ФЗ).

В профессиональной терминологии по экономической, информационной безопасности и безопасности бизнеса предлагается следующая иерархия основных категорий управления риском, например²: «*Под термином «вызов» следует понимать воспринятые и осознанные субъектом изменения в окружающей среде, оказывающие на него дестабилизирующее воздействие и потому требующие определенной реакции для обеспечения своей жизнеспособности и жизнедеятельности. Вызов – это приглашение к действию. Вызов не всегда сопряжен с опасностью. При адекватной и своевременной реакции на вызов объект может не только сохранить свое прежнее состояние, но и выйти на новый – более высокий – уровень развития*». Т.е., в одном из популярных учебников по бизнес-безопасности, вызов является промежуточным по силе и длительности действия фактором между риском и угрозой, а ущерб и вовсе может оказаться отрицательным, наподобие незапланированного дохода (windfall), либо случайно сформировавшегося конкурентного преимущества.

Данная характеристика вызова не согласуется с текстом и сутью Стратегии, поскольку ответом на «приглашение к действию» может быть увеличение ресурсов, вовлекаемых в решение некоей задачи, а при отсутствии опасности – отказ от действия. Поэтому обратимся к исходным представлениям русского языка. Согласно Толковому словарю Д.Н. Ушакова, вызов – это «...2. *Призыв к борьбе, состязанию. Послать кому-н. вызов на состязание, на соревнование. || То же спец. – на дуэль (устар.). Сын принял вызов старого отца! Пушкин. Короткий вызов, иль картель. Пушкин. 3. кому-чему. Поступок, оцениваемый как объявление борьбы, как оскорбление общепринятых норм (книжн.). Вызов советской общественности. Вызов здравому смыслу*»³. В этих определениях подчеркивается особо как раз дестабилизирующий характер вызова, способность привести к необратимым изменениям существующего положения вещей.

В 1980–1990-х гг., в практику междисциплинарных, международных научных исследований в области стратегического управления и контроля рисков вошло англоязычное слово Challenge как не имеющие точного русского аналога «слово без перевода». Согласно, например, процитированному в литературе⁴ заимствованному (зарубежному) определению А. Тойнби: «...вызов — это то, чему невозможно противостоять и сопротивляться... Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое

¹ Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. Коллективная монография. – М.: Наука, 2000. – 431 с.

² Атаманов Г.А. Азбука безопасности. Исходные понятия теории безопасности и их определения // Защита информации. Инсайд. 2012. – № 4; цит. по сайту экспертного форума <http://bis-expert.ru/blog/4042/44756>

³ Цитируется по Интернет-справочнику: <http://lingorado.com/missing-translations-challenge/>

⁴ Цитируется по официальному сайту Кафедры социологии и психологии ЮРГТУ (бывш. Новочеркасский политехнический институт): <http://socis.ucoz.ru/load/>, далее по списку лекций и учебных пособий, выкладываемых в свободном режиме

и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние». Логично, что в такой трактовке, восходящей к исходному определению, вызов будет занимать более высокую ступень иерархии по сравнению с угрозой.

В сравнении с вызовом, термины «угроза» и «риск» имеют более четкие и общепринятые дефиниции. Угроза – комплексная категория, зафиксированная в Законе РФ «О безопасности» № 390-ФЗ. Негативные последствия и потери вследствие реализации какой-либо угрозы априори расцениваются как неприемлемые для страны (и любой интересующей нас системы), поэтому противодействие любой и каждой из угроз – при любом раскладе дешевле самой «цены» потерь при полной реализации данной угрозы. Понятие «риск» зафиксировано в Законодательстве РФ о страховании и однозначно трактуется и за пределами финансового сектора. Свойствами риска являются вероятность наступления и количественная оцениваемость ущерба.

Таким образом, наиболее логичной представляется иерархия «вызов – угроза – риск» по принципам от глобального к локальному, от сложного к простому, от долгосрочного к средне- и краткосрочному.

Специфика категории «вызов», как следует из определения А. Тойнби, заключается еще и в том, что в отличие от угрозы, которая, как и риск, может получить количественную оценку вероятности ее реализации, вызов – если ему невозможно противостоять или избежать – обладает 100%-ной вероятностью наступления. Тем не менее, получить некоторые квантифицированные оценки и выстроить картину «расщепления» вызова на соответствующие угрозы и риски все же возможно. Один из возможных здесь путей, в случае отсутствия у исследователя специального математического аппарата, – это качественно-логическая декомпозиция вызова на конечное, тем или иным образом обобщенное число угроз, которые в отсутствии дополнительных экспертных оценок можно принять за равновероятные, аналогично достаточно распространенному в бизнес-безопасности методу сведения неопределенности к риску.

Большие вызовы являются продолжением данной иерархической последовательности. Данная категория, исходя из названия, будет занимать более высокий порядок, чем собственно вызов и определяться через некий сложный факт (явление, процесс, тенденция, распределение ресурсов и т.п.), имеющий следующие признаки:

1. Вызовы объективно существуют и не зависят от смены эмоциональной и идеологической направленности оценок эксперта и управленца.

2. Носят устойчивый, неотвратимый и долгосрочный характер, т.е., их вероятность наступления равна единице.

3. Вызов подвергает испытаниям само существование рассматриваемой нами системы, лишая ее ключевых ресурсов или способов функционирования. Иными словами, он носит системный характер.

4. Выживание системы под действием вызова обусловлено успешностью ее трансформации и (или) адаптации, включающей полную замену ключевых характеристик, включая сокращение или разрастание, поиск новых ресурсов и изменение внутренних процессов и т.п.

Большие вызовы, применительно к отечественной практике, с точки зрения профессора Н.И. Комкова (ИНП РАН)¹, обладают собственной историей: «*это масштабная, острая проблемная ситуация, требующая быстрого реагирования, когда промедление с ответом и попытки ее разрешения традиционными экстенсивными методами с опорой на ресурсную составляющую могут только обострить проблемную ситуацию и привести любую социально-экономическую систему – страну, крупную компанию, комплекс отраслей или регионов к катастрофе. Ответ на большой вызов в развитии социально-экономической системы (здесь и далее в понятии системы объединяются отрасли, крупные компании, регионы, государства) должен быть получен и немедленно использован самой системой. Большие вызовы следует рассматривать как сформировавшиеся и своевременно нерешенные проблемные ситуации в развитии системы, обобщенно включающие экономику, общество, науку и управление развитием...*». Большие вызовы здесь – это нечто иное, как взаимосвязанная между собой совокупность своевременно не решавшихся задач технологического развития страны, накопившихся с рубежа 1970–1980-х гг.

Необходимым условием ответа на большие вызовы технологическому развитию и суверенитету России, с точки зрения Н.И. Комкова, является обеспечение полного цикла собственных, т.е., суверенных разработок по созданию новых технологий, который начинается с фундаментальной науки и завершается реализацией и обслуживанием отечественной промышленной продукции. Это, в свою очередь, требует постоянной и не декларативной координации работы органов власти, научных организаций, крупных производственных компаний, а также их поставщиков и подрядчиков, вплоть до малого и среднего бизнеса.

Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (далее – Указ №204) является последним по времени его принятия документом стратегического характера, он скоординирован со Стратегией научно-технологического развития и включает в себя науку как отдельный национальный проект. Паспорт национального проекта утвержден решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года. Курирующий проект вице-премьер, по состоянию на дату принятия документа, – Т.Б. Голикова, что указывает на принадлежность проекта и науки как вида деятельности – к массиву задач социального развития, наряду со здравоохранением, культурой и образованием.

Источники финансирования Национальных проектов – текущие и дополнительные доходы федерального бюджета – зафиксированы в п. 16. Для национальных проектов введен приоритетный порядок их финансирования, также Правительство РФ обеспечивает направление дополнительных доходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов в приоритетном порядке. Это, в свою очередь, означает, что по каждому из 12 направлений стратегического развития, для их непосредственной реализации требуется принятие целой серии законодательно-

¹ Комков Н.И. Анализ перспектив и основных проблем реализации стратегии научно-технологического развития России // Проблемы прогнозирования. – М., 2019. – № 3.

нормативных актов на уровне не ниже Постановлений Правительства РФ. Значительная часть документов по ходу передается для принятия и разработки на уровень министерств и федеральных агентств.

Если наука юридически и организационно определена подсистемой социального развития страны, по всей вероятности, будет определять приоритеты ее финансирования по аналогии и в общем – в динамике – направлении вместе с другими объектами социальной сферы. На рис. 1 показаны официальные данные о масштабе и соотношении средств, выделяемых на различные национальные проекты, согласно материалам РИА «Новости». Обращает на себя внимание, что расходы на осуществление НП «Наука» практически вдвое меньше, чем на НП «Здравоохранение». Следует говорить не о каком-либо абстрактном недофинансировании научных исследований по сравнению с образованием и здравоохранением – на это требуются специальные удельные показатели – сколько о четком юридическом и финансовом отграничении науки от хозяйственной практики.

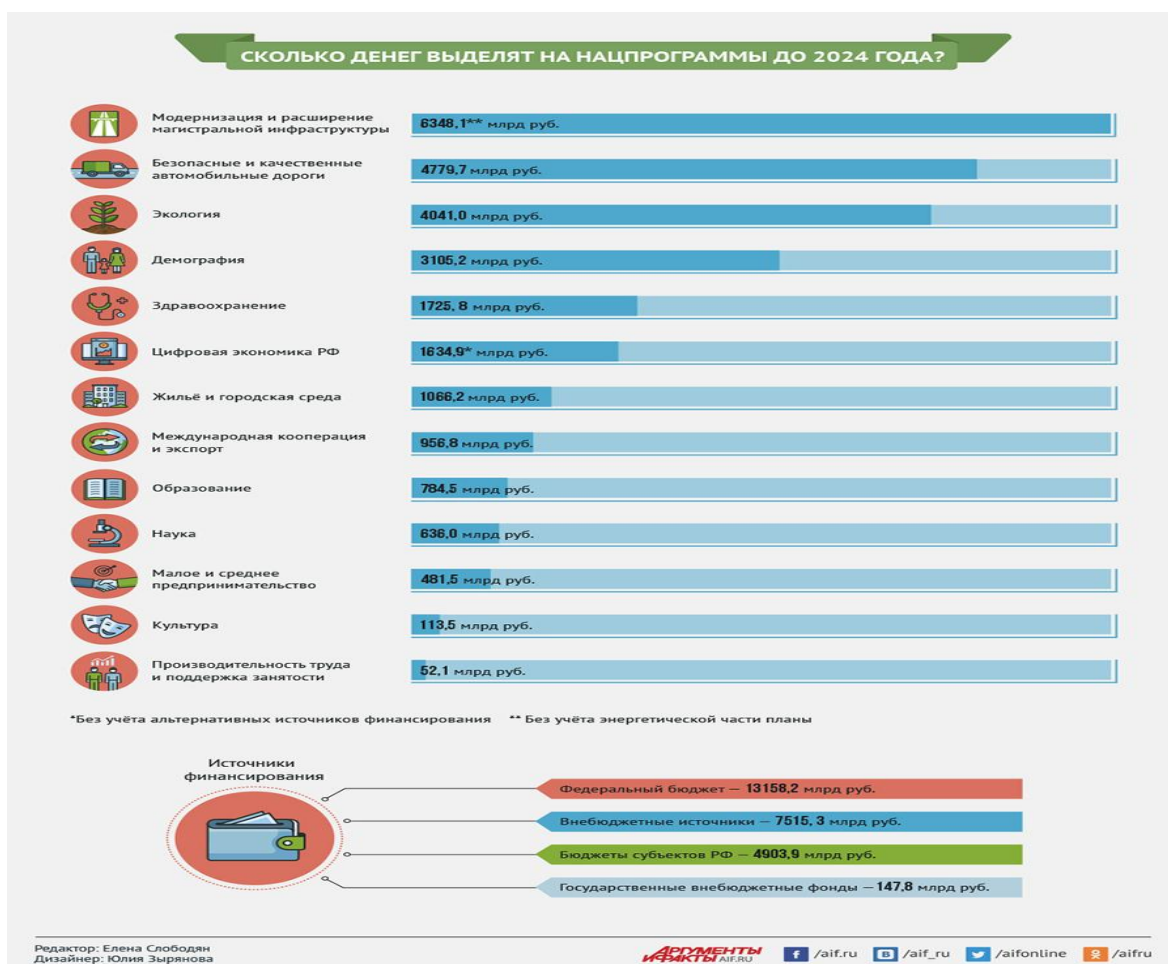

Рисунок 1.
Инфографика РИА «Новости»

Как уже отмечалось автором на конференции в г. Тула (2019 г.), подобный подход к организационному оформлению и финансированию науки предполагает следующие практические последствия:

- отношение государства как к некой области деятельности человека, которая направлена на формирование и развитие человеческого потенциала, а в узком смысле кадров высшей квалификации, оценка экономического эффекта от которых не связана с быстрой окупаемостью бюджетных инвестиций и может оцениваться разными, зачастую неоднозначными способами;

- достаточно высокий приоритет защищенности статей по социальным расходам указывает на наличие в статусе ученого определенной социальной привилегии. Это, в свою очередь, требует от человека, занятого в данной сфере, исключительной профессиональной квалификации и ответственности.

Действующие способы оценки эффективности научных работников, программ, проектов и организаций, с другой стороны, указывают что наука, как и в 1990-е годы, рассматривается в бюджетном процессе в качестве центра затрат. Это в свою очередь, связывает повышение ее эффективности с процессом перманентной оптимизации, т.е., снижения расходной части бюджетных ассигнований, прежде всего, в удельных показателях. Возникает эффект потенциальной уязвимости науки к последствиям реорганизаций, сокращений, далеко не всегда непосредственно связанных со снижением результативности научных исследований. Постоянные требования оптимизации бюджетных центров затрат показывают, что потенциал развития самой науки в рамках системы линейно-функционального управления социальной сферой в целом ограничен.

Подобная стратегическая ограниченность потенциала развития расходится с самой миссией науки, указанной для нее в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации – с обеспечением вклада в ответ на

большие вызовы, то есть, на проблемы, сам масштаб и уровень сложности которых сопоставим с возможностью сохранения безопасности нашей страны, ее долгосрочным развитием с позиций национальных интересов. Данное фундаментальное противоречие, при его комплексном анализе, оказывается рассогласованием между миссией науки и располагаемыми ресурсами. Это противоречие возникло и остро проявлялось в 1990-е годы и было обусловлено финансовыми ограничениями.

У научных организаций юридически сохраняется такой путь финансового выживания, как замещение выпадающего из-за оптимизации бюджетного финансирования проведением фундаментально-ориентированных и прикладных исследований по заказам хозяйствующих субъектов. К их числу прежде всего относятся Ростех, Газпром, Роснефть и другие стратегически значимые компании, с которыми Российская академия наук заключает Соглашения о сотрудничестве. Сотрудничество в данном формате станет, согласно текстам Стратегии и Указа № 204, приоритетным условием повышения эффективности научно-исследовательской, инновационной, проектно-конструкторской деятельности и наукоемкого сервиса.

С другой же стороны, пределы кооперации науки и производства ограничиваются юридическим, нормативным подчинением науки социальному блоку. Собственно научные исследования юридически зафиксированы как один из компонентов развития не технологического и инновационного, а человеческого капитала, связь которого с производственной сферой не носит «автоматического» характера. Практические работы носят кратко- и среднесрочный характер и реализуются на основе механизма соглашений о сотрудничестве, которые могут в свою очередь, быть пересмотрены или и вовсе отменены.

Для формирования общественного и экспертного позитивного мнения в отношении НП «Наука», создан специализированный сайт «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» <http://нтр.рф/>, где отмечается определяющий принцип формирования структуры перспективных исследований. Это концентрация исследований на нескольких ключевых направлениях, частично взаимосвязанных между собой и являющихся в определенной мере продолжением того подхода к развитию технологий, который впервые был внедрен в конце 1990-х гг. Научно-технологическое развитие на основе финансирования ограниченного количества критических технологий стало первым опытом объединения задач сохранения технологического суверенитета РФ в условиях крайне ограниченных бюджетных ресурсов.

Критические технологии представляют собой научно-технические направления по обеспечению обороноспособности страны, безопасности населения и различных объектов. Термин **critical technologies** является заимствованным из зарубежной практики: в середине XX в. так назывались не производившиеся в США, но необходимые для эффективного функционирования экономики стратегические материалы, запас которых должен был иметься в стране с целью сдерживания потенциальных военных конфликтов¹.

Первый перечень критических технологий применительно к российской практике был сформулирован в конце 1990-х гг. и впоследствии дополнялся сообразно стратегическим задачам оборонного и технологического характера. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» выделяются следующие критические технологии и приоритетные направления.

I. Приоритетные направления развития науки, технологии и техники

1. Безопасность и противодействие терроризму.
2. Индустрия наносистем.
3. Информационно-телекоммуникационные системы.
4. Науки о жизни.
5. Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники.
6. Рациональное природопользование.
7. Транспортные и космические системы.
8. Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика.

II. Критические технологии:

1. Базовые и критические военные и промышленные технологии для создания перспективных видов вооружения, военной и специальной техники.
2. Базовые технологии силовой электро техники.
3. Биокаталитические, биосинтетические и биосенсорные технологии.
4. Биомедицинские и ветеринарные технологии.
5. Геномные, протеомные и постгеномные технологии.
6. Клеточные технологии.
7. Компьютерное моделирование наноматериалов, наноустройств и нанотехнологий.
8. Нано-, био-, информационные, когнитивные технологии.
9. Технологии атомной энергетике, ядерного топливного цикла, безопасного обращения с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом.
10. Технологии биоинженерии.
11. Технологии диагностики наноматериалов и наноустройств.
12. Технологии доступа к широкополосным мультимедийным услугам.
13. Технологии информационных, управляющих, навигационных систем.

¹ См. по книге Мескон М., Альберт А., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – М.: Дело, 1994. – С. 48.

14. Технологии наноустройств и микросистемной техники.
15. Технологии новых и возобновляемых источников энергии, включая водородную энергетику.
16. Технологии получения и обработки конструкционных наноматериалов.
17. Технологии получения и обработки функциональных наноматериалов.
18. Технологии и программное обеспечение распределенных и высокопроизводительных вычислительных систем.
19. Технологии мониторинга и прогнозирования состояния окружающей среды, предотвращения и ликвидации ее загрязнения.
20. Технологии поиска, разведки, разработки месторождений полезных ископаемых и их добычи.
21. Технологии предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.
22. Технологии снижения потерь от социально значимых заболеваний.
23. Технологии создания высокоскоростных транспортных средств и интеллектуальных систем управления новыми видами транспорта.
24. Технологии создания ракетно-космической и транспортной техники нового поколения.
25. Технологии создания электронной компонентной базы и энергоэффективных световых устройств.
26. Технологии создания энергосберегающих систем транспортировки, распределения и использования энергии.
27. Технологии энергоэффективного производства и преобразования энергии на органическом топливе.

Как видно из приведенного выше перечня, критические технологии применительно к российской практике означают обеспечение либо достижение полного технологического, а также изобретательского и исследовательского суверенитета в оборонной промышленности и двойных (dual-use) технологий. Суверенный производственный цикл должен быть обеспечен также и для информационно-управляющих систем, обеспечивающих контроль и учет как физических, так и финансовых потоков в гражданских отраслях. С этой целью, критические технологии рассматривались как ориентир для бюджетного финансирования науки, включая академическую, что было вполне оправдано в условиях существенных финансовых ограничений 1990-х гг.

При этом гражданские отрасли, включая и стратегические – ТЭК, транспорт, металлургия, производство промышленного оборудования и ряд других – не имели целью перехода на преимущественно отечественные технологии и комплектующие. Достаточно было контролировать важнейшие финансовые потоки, как например, производство высокотехнологичных акцизных марок, а также деятельность компаний – системных интеграторов и разработчиков программного обеспечения (Касперский, ЛАНИТ, IBS).

Сравним это с сегодняшним этапом развития управления и регулирования процессов технологического развития. В механизмах реализации Стратегии от 2016 г. закреплена жесткая связь непосредственных формулировок больших вызовов и того, какие приоритеты развития исследовательских направлений и промышленных технологий являются ответами на соответствующий вызов (см. табл. 1). По сути, речь идет о преемственности документов от 2011 и 2016 гг., в результате чего произошло фактическое объединение критических технологий в крупные функциональные направления развития науки, техники, инноваций и технологий с обязательным практическим выходом.

Таблица 1

Существующая в РФ квалификация «большие вызовы – приоритеты научно-технологического развития»

Формулировка большого вызова	Приоритет национального научно-технологического развития
Сырьевая зависимость и цифровая революция	Цифровые технологии, искусственный интеллект, новые материалы
Старение населения и новые болезни	Персонализированная медицина и высокотехнологичное здравоохранение
Истощение природных ресурсов и ухудшение экологии	Эффективное взаимодействие человека, природы и технологий
Продовольственная безопасность	Рациональное агро- и аквахозяйство, защита экологии, безопасные продукты питания
Выработка и сохранение энергии	Экологически чистая ресурсосберегающая энергетика, новые источники энергии
Угрозы национальной безопасности	Противодействие угрозам национальной и индивидуальной безопасности
Освоение территории страны, Мирового океана, Арктики и Антарктики	Связанность территории Российской Федерации

В дополнении к Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации существует ряд документов, формально относящихся к ведомственным, носящим нормативно-методический характер. В течение достаточно длительного времени обсуждалась идея формирования 13 крупных Федеральных научных центров, а также объединения академической и вузовской науки. Согласно сообщениям РИА «Новости», осенью 2019 г. было подано свыше 20 заявок на создание ФНЦ, однако принципиальных решений о массовой реорганизации имеющихся в структуре современного Минобрнауки академических институтов, равно как и иных научно-исследовательских организаций, к настоящему времени не принято.

К наиболее законченным – в организационном и практическом плане – следует отнести опыт организации программы «Большие вызовы» «Рекомендации по подготовке Всероссийского конкурса научно-технологических проектов и образовательной программы «Большие вызовы», которые носят ежегодный характер. Документы разрабатываются в соответствии с Положением о Всероссийском конкурсе научно-технологических проектов «Большие вызовы» в 2019–2020 учебном году и соглашениями о сотрудничестве между центром «Сириус» и курирующими школьное образование органами исполнительной власти на уровне субъектов Федерации.

Центр «Сириус», как следует из его официальных материалов¹, ведет свою деятельность при поддержке и координации Министерства образования и науки (так называлось вышестоящее ведомство до 2018 г.), Министерства спорта и Министерства культуры Российской Федерации, т.е., относится к социальному блоку структур исполнительной власти РФ. В центр из всех регионов России ежемесячно приезжают и проходят бесплатное обучение 800 детей в возрасте 10–17 лет, в сопровождении более 100 преподавателей, т.е., соотношение собственно школьников и дипломированных педагогов, способных решать исследовательские и менеджерские задачи, составляет 8/1. Каждый месяц по направлению «Наука» проходит профильная образовательная смена числом 400 детей, т.е., половина обучающихся за 1 месяц. Ежегодно в июле организуется специальная смена-конкурс «Большие вызовы», участники которой отбираются из числа победителей Всероссийского конкурса проектных и исследовательских работ школьников. Например, в 2018 году к мероприятиям конкурса было привлечено свыше 40000 учащихся 8–10 классов, т.е., соотношение участников и финалистов составляет порядка 1/100.

Для первоначального анализа все известные по открытым итогам деятельности за 2018 год технологии, представленные по итогам 2018 г., были разделены автором на 4 группы, по их приоритетности для решения долгосрочных стратегических задач социально-экономического, инфраструктурного и стратегического характера:

- приоритетная технология, включенная в проекты, получающие тот или иной вид государственной поддержки;
- технология, способная принести существенное конкурентное преимущество целым российским отраслям или компаниям-монополистам;
- технологии, обеспечивающие интеллектуальное, экономическое конкурентное и инфраструктурное преимущество нескольким комплексам российской экономики над основными известными мировыми компаниями-конкурентами;
- технологии, обеспечивающие фундаментальные основы безопасности и глобального лидерства России.

Рассмотрим основные характеристики проектов, известных по открытым данным – с официального сайта ОЦ «Сириус» за 2018/19 учебный год. Все конкурсные работы были приурочены к направлениям развития технологий и имели свой круг партнеров, совмещавших функции как потенциального заказчика, т.е., коммерческое использование так и фактического спонсора. Перейдем к рассмотрению этих направлений.

Агропромышленные и биотехнологии. По данному направлению: приоритетных технологий – 1; технологий, обеспечивающих конкурентное преимущество компаниям – 2; экономическое и инфраструктурное преимущество – 1.

Все направление «Беспилотный транспорт и логистические системы» можно априори отнести к самому высокому приоритету – технологии, обеспечивающие фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства России. По данному направлению: приоритетных технологий – 1; технологий, обеспечивающих конкурентное преимущество компаниям – 2; экономическое и инфраструктурное преимущество – 1; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 2. К последним двум следует отнести управление роем дронов и системы предиктивной аналитики. Более низкий приоритет отдельных работ (проектов) связан с тем, что из магистрального направления, имеющего самый высокий приоритет, выделяются и отдельные прикладные задачи, напрямую нацеленные на реализацию национальных проектов.

К самому высокому приоритету относится и все направление «Большие данные, искусственный интеллект, финансовые технологии и кибербезопасность». По данному направлению: приоритетных технологий – 1; технологий, обеспечивающих конкурентное преимущество компаниям – 2; экономическое и инфраструктурное преимущество – 2; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 1. Здесь также выражен переход от решения одной-двух глубоко стратегических задач к формированию прикладных ответвлений от магистральной технологии, в частности, автоматизация работы колл-центров на основе обработки больших данных.

Высшим приоритетом авторы признают и направление «Генетика, персонализированная и прогностическая медицина». По данному направлению: технологий, обеспечивающих конкурентное преимущество компаниям – 1; экономическое и инфраструктурное преимущество – 1; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 5.

Направление «Когнитивные исследования» обладает высшим приоритетом. По данному направлению: технологий, обеспечивающих экономическое и инфраструктурное преимущество – 3; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 2.

Космические технологии – направление, которое также отнесено к высшему технологическому приоритету. Учитывая специфику разработчиков, это направление в основном нацелено на создание экспериментальных технологий, включая спутники-кубсаты и приложения, анализирующие реальные космические снимки. Международная космическая станция регулярно принимает эксперименты от научных и образовательных организаций. В подобных проектах учащиеся планируют научное исследование, оборудование для которого доставляется на орбиту с одним из грузовых кораблей. По данному направлению: технологий, обеспечивающих экономическое и инфраструктурное преимущество – 2; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 3.

Направление «Нанотехнологии» совмещает в себе как наивысший стратегический порядок, так и технологии, формирующие научные и инфраструктурные преимущества всей экономики России, т.к. в этой области накопилось значительное количество прикладных и непосредственно коммерциализуемых задач. По данному направлению: технологий, обеспечивающих экономическое и инфраструктурное преимущество – 3; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 1.

¹ Электронный адрес материала, на основании которого приводится анализ текста программы «Большие вызовы»: https://konkurs.sochisirius.ru/contest_directions#dir216

Нейротехнологии и природоподобные технологии отнесены к высшему стратегическому приоритету как элемент высокоразвитого шестого технологического уклада. По данному направлению: технологий, обеспечивающих экономическое и инфраструктурное преимущество – 1; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 2.

Новые материалы – направление развития технологий, которое может «работать» на всех уровнях стратегической приоритетности, но в авторской трактовке получает высший приоритет, т.к. является прямым конкурентом материаловедческому направлению, особо развитому в США, но не всегда находившего должное развитие в России. По данному направлению: технологий, обеспечивающих конкурентное преимущество компаниям – 1; экономическое и инфраструктурное преимущество – 1; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 2.

Значительное число партнеров направления «новые материалы» со стороны отечественных компаний и присутствие в их числе строителей и металлургов указывает, во-первых, на более долгосрочную перспективу сотрудничества, чем то, что ограничено тендерными рамками. Во-вторых, особый акцент разработок в области металло- и строительных конструкций, в т.ч., обеспечивающих функционирование и эксплуатацию сложных конструкций, требующих собственных российских материалов. Так что по данному направлению в перспективе речь может идти и о зданиях и сооружениях, эксплуатирующихся в сложных, например, арктических условиях.

Освоение Арктики и Мирового океана – направление, отмеченное высшим стратегическим приоритетом, но уже исходя из фундаментальных задач обеспечения безопасности России и непосредственного соприкосновения с топливно-энергетическим комплексом. Вместе с тем, поднаправление освоения океанского и морского пространства оставляет место и для решения задач не столько высокотехнологичного характера, сколько ориентированных на подготовку кадров для развития российского флота нового поколения. По данному направлению: технологий, обеспечивающих экономическое и инфраструктурное преимущество – 2; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 3.

Обращает на себя внимание то, что собственно технологий, относящихся к осуществлению арктической нефтяной и газодобычи, в списке проектов не заявлено. Есть четкий уклон на методы контроля за состоянием и навигацией в морской акватории. К ним, например, могут быть отнесены такие проекты как: создание автономной беспилотной системы мониторинга Мирового океана; создание энергонезависимой системы для наблюдения за акваторией; разработка системы мониторинга и прогноза ледовой обстановки в арктических морях по данным спутниковой съемки; программы по автоматизации процесса построения ледовых карт; создание резервного способа получения координат в открытом море».

Направление «Современная энергетика» обеспечивает высший стратегический приоритет, основы безопасности страны. Но описание реализуемых здесь задач частично противоречит тому, что в отечественной инженерной практике к энергетическим принято относить технологии, непосредственно обеспечивающие генерацию и передачу электроэнергии, эксплуатацию электростанций, топливообеспечение и ТЭК. По данному направлению: технологий, обеспечивающих экономическое и инфраструктурное преимущество – 2; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 2.

Как отмечается в аннотации к итогам конкурса, *«Растущее население Земли и растущее производство, «оцифровывание» человечества требуют все больше и больше энергии. Но, с другой стороны, современная энергетика должна быть экономичной, доступной в любом уголке планеты и безопасной для окружающей среды... Внедрение современных IT-технологий (большие данные, Интернет вещей) открывает новые возможности по оптимизации систем электроснабжения. Цифровизация сети выступает здесь как требование, обусловленное в том числе распространением в мире распределенной генерации, созданием микросетей, развитием накопителей электроэнергии и возобновляемых источников энергии, которые потребитель может устанавливать у себя и становиться производителем электроэнергии»* (или т.н. prosumers – авт.) Уклон разрабатываемых технологий сделан на оптимизацию и сокращение конечного потребления энергии, контрольные и сервисные функции.

Направление «Умный город» первоначально было отнесено автором к тем, что обеспечивают экономические и инфраструктурные преимущества экономике России, но его фактическое наполнение позволяет говорить скорее о высшем технологическом приоритете. Целью проектов становится высокая эффективность городского управления за счет анализа больших данных и внедрения искусственного интеллекта, блокчейн и компьютерной безопасности, защиты персональных данных, обеспечения устойчивости электронных систем. По данному направлению: технологий, обеспечивающих экономическое и инфраструктурное преимущество – 2; фундаментальные основы безопасности и технологического лидерства – 5.

Как видно из официальных материалов ОЦ «Сириус», все разработки в рамках программы «Большие вызовы», несмотря на то, что делаются при участии школьников, обеспечены руководством и фактическим участием реальных исследователей, способных решать и научные, и педагогические задачи. Работа над программой ведется в условиях жесткой конкуренции проектов, а получаемые здесь технологии относятся к приоритетным (2016–2018 гг.), и к критическим по классификации 1998÷2011 гг. Программа «Большие вызовы» в своем законодательно-нормативном основании опирается непосредственно на Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации и может считаться состоявшейся как в получении научно-технологического результата, так и в отработке собственной организационной формы. Может ли она быть модельной для организации научных исследований следующего поколения? Для понимания этого одним из решений может быть сравнение ее с наиболее успешными историческими примерами из XX века.

В качестве эталонного образца организации единого научно-производственного комплекса примем Постановление Государственного Комитета обороны СССР «О специальном комитете при ГОКО» от 20.08. 1945 г. № 9987 сс/оп¹ (далее – Постановление).

В частности, на Специальный комитет при ГОКО возлагалось:

- руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана: развитие научно-исследовательских работ в этой области;
- широкое развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за пределами СССР – в Болгарии, Чехословакии, ряде других стран;
- организацию промышленности по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии, а также строительство атомно-энергетических установок и разработку и производство атомной бомбы.

Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб при СНК СССР было создано Главное управление – «Первое главное управление при СНК СССР», подчинив его Специальному комитету при ГОКО.

От Специального комитета при ГОКО, согласно Постановлению, требовалось разработать и представить на утверждение Председателя ГОКО план работ комитета и Первого главного управления при Совете народных комиссаров (в терминологии того времени – Правительства) СССР и мероприятия по их осуществлению. Для реализации этого плана – организации, объединенные под руководством Специального комитета при ГОКО – наделялись особыми полномочиями и возможностями, существенно превосходившими и право оперативного управления для казенных предприятий, и право хозяйственного ведения для госпредприятий (в их современной, стандартной формулировке ГК РФ).

Так, Специальный комитет при ГОКО мог принимать оперативные меры по обеспечению выполнения заданий, возложенных на него настоящим Постановлением; издавал распоряжения, обязательные к выполнению для наркоматов и ведомств, а в случаях, требовавших решения Правительства, вносил свои предложения непосредственно на утверждение Председателя ГОКО. Специальный комитет при ГОКО имел свой аппарат, смету расходов и текущий счет в Госбанке СССР.

Специальный комитет при ГОКО определял и утверждал для Первого главного управления при СНК СССР размер потребных ему денежных ассигнований, рабочей силы и материально-технических ресурсов с тем, что Госпланом СССР эти ресурсы включались в балансы распределения как «Специальные расходы ГОКО». Финансирование расходов и содержания Специального комитета при ГОКО, Первого главного управления при СНК СССР, научно-исследовательских, конструкторских, проектных организаций и промышленных предприятий последнего, а также работ, выполняемых другими наркоматами и ведомствами по заказам управления, относилось на союзный бюджет по статье «Специальные расходы ГОКО», что по степени защищенности аналогично, а в отдельных моментах и превышало существующие параметры защищенных статей в бюджетном процессе.

Финансирование капитального строительства для Первого главного управления проводилось непосредственно через Госбанк, что фактически обеспечивало очень высокую степень финансовой автономии для организации, на 100% принадлежащей государству. Первое главное управление и подведомственные ему учреждения и предприятия освобождались от регистрации штатов в финансовых органах. Данная структура, входившие в нее предприятия и учреждения, а также работы, выполняемые другими наркоматами и ведомствами для него, контролировались непосредственно Специальным комитетом при ГОКО.

Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения ГОКО не имели права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность Первого главного управления, его предприятий и учреждений или требовать справок о его работе или работах, выполняемых по заказам Первого главного управления. Вся отчетность по указанным работам направлялась только Специальному комитету при ГОКО.

Первому главному управлению при СНК СССР передавались необходимые для его работы научные, конструкторские, проектные, строительные организации промышленные предприятия, вместе с которыми утверждали также структуру, штаты и оклады работников аппарата комитета и Первого главного управления при СНК СССР.

Также Постановление поручало Л.П. Берия *«принять меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работой в этой области, проводимой органами разведки (НКГБ, РУКА и др.)»*, что во второй половине XX века, для обеспечения выживания СССР в эпоху начавшегося долгосрочного противостояния с мировой империалистической системой, означало понимание объективно существующей взаимосвязи между стратегическим, военным и промышленным направлением в деятельности силовых ведомств, осуществляющих разведывательную деятельность – ради создания советской системы ядерного сдерживания потенциального противника.

Ценность Постановления для современного исследователя заключается в том, что оно фактически создавало первую государственную высокотехнологичную структуру с циклом от фундаментальных исследований двойного и оборонного назначения – до формирования поддерживающей инфраструктуры, включая стратегическую и технологическую разведку. При этом научные исследования рассматривались как неотъемлемая часть промышленности как та-

¹ Официальное место нахождения источника: Российский государственный архив социально-политической истории Ф. 644. Оп. 2. Д. 533. Л. 80–84. Машинопись. 29,2×20,6 см; разворот 34,5×51,2 см. Подпись – автограф И.В. Сталина.

ковой. Именно здесь современная квалификация науки как части социально-образовательного процесса – оказывается наиболее далекой от отечественного опыта и традиций, сформировавшихся в XX веке.

Именно эта традиция связи фундаментальной, прикладной науки и производства оказалась утраченной в 1990-е гг., о чем непосредственно заявлено в выступлении последнего Президента АН СССР Г.И. Марчука, отмечавшего, что уже к рубежу 1980–1990-х гг., непосредственно перед распадом СССР, был дискредитирован сам «образ прикладной науки¹», отвечавшей за связь между глобальными циклами исследований и производства. Как видно из сегодняшних документов, определяющих статус фундаментальной академической науки, организационный разрыв между наукой и производством так и остался не до конца преодоленным (см. табл. 2). В определенной степени, переход отечественной науки в блок социального развития можно рассматривать и как решение по формальному заполнению организационного вакуума, образовавшегося после реформ Российской Академии наук – в 1990-х гг., и позже, в 2013 г.

Таблица 2

Сравнительная характеристика основных подходов к управлению крупными научно-технологическими хозяйственными комплексами, включающими в себя двойные технологии и научные исследования

Критерии сравнения	1945 г., Спецкомитет при ГОКО	2018 г., Большие вызовы программа
1. Юридический статус, подчинение в системе государственного управления	Непосредственным вышестоящим органом являлось Первое главное управление при СНК СССР, подчинявшееся Специальному комитету при ГОКО	Базовая организация подчинялась Министерству образования и науки – до 2018 г., к участию в проектах на основании Соглашений о сотрудничестве привлекаются ведомства и компании с государственным участием
2. Принципы отбора перспективных решений и проектов	Плановый, на основании плана работ и мероприятий по их осуществлению; с защитой проекта перед руководством непосредственно на совещаниях в органах власти	Конкурсный, предполагающий наличие конкурентных заявок
3. Статус индивидуального разработчика проекта	Сотрудники соответствующих научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, на постоянной основе	Участие в проекте индивидуальное, на договорной основе по итогам тендера; работник сохраняет основное место работы (учебы), а проекты учитываются как разновидность вторичной занятости
4. Особенности финансового оформления проекта (восстановлено опираясь на опыт известных хозяйственных практик)	Инженерно-технологические разработки и сметы	Использование компонентов бизнес-планирования для обоснования
5. Способ реализации вклада научных разработок и научной деятельности в хозяйственный результат	Непосредственный, передача исследований и разработок в производство в рамках единой структуры с оперативным решением вопросов внедрения	Конкурсный, с привлечением компаний-партнеров, потенциально заинтересованных в отдельных технологиях
6. Особенности конечного результата реализации проектов	Создание принципиально новых для середины XX в., целостных и взаимосвязанных технологических комплексов	Широкий спектр отдельных технологий, отвечающих критерию критических и приоритетных
7. Непосредственный заказчик проекта	Оборонная промышленность, ядерная энергетика	Минобрнауки РФ
8. Конечный заказчик проекта	Оборонная промышленность, ядерная энергетика	Компании-партнеры направлений проекта

Выходя за рамки критериев табл. 2, следует отметить ряд более глубоких, фундаментальных характеристик каждого из сравниваемых проектов. Усилиями Специального комитета при ГОКО атомный комплекс СССР был создан полностью, имея в виду, что строительные работы, поставка сырья и комплектующих функционировали как единая цепочка заказчиков и поставщиков (подрядчиков). Полностью были исключены как межведомственная разобщенность, так и искусственная квазиконкуренция между различными звеньями атомного комплекса.

Напротив, для современной программы «Большие вызовы» жесткая конкуренция участников, их ориентированность на пошаговый результат, принципы строгой транзакционности и контроля являются определяющими. Спектр предлагаемых здесь технологий, применительно к его гражданской части (ТЭК, городское хозяйство, транспорт) – также решает задачи контроля и управления финансовыми и материальными процессами, крайне ограниченное число технологических решений могло бы использоваться, например, для импортозамещения технологического оборудования. Применительно к ситуации современного обеспечения вышеназванных отраслей техникой и технологиями, существуют устойчивые связи с поставщиками и подрядчиками. Однако перспективное развитие ТЭК, транспорта, городского и водного хозяйства требует формирования технологий, не всегда вписывающихся, согласно действующим документам, в разряд критических или приоритетных.

¹ См.: Марчук Г.И. Трагедия науки. Впервые напечатано в газете «Правда», вып. от 24 декабря 1991 г., цит. по <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=d9b45c34-c323-4b71-ab04-348fc5017f32>

Выводы

Представленный анализ законодательно-нормативных документов в области управления научными исследованиями показывает, что существует острая потребность глубокого вовлечения научных организаций в научно-технологическое обеспечение и безопасности, и экономики России. Тем не менее, перед современной отечественной наукой формируются несколько самостоятельных больших вызовов, на которые еще нет стратегического ответа. Перечислим их.

1. Является ли научно-исследовательская и инновационная деятельность источником развития прежде всего человеческого капитала, и лишь затем – превращается в промышленную интеллектуальную собственность? Или же наука и в современных условиях способна выступать в роли полноценного участника инновационно-производственного цикла? Опыт СССР как исторической России XX века показал, что наука смогла не только стать производительной силой, но и обеспечить задачи ядерного сдерживания и закрытия энергодефицита за счет ядерной энергетики. Возможно ли восстановление прикладной науки как полноценной части инновационной цепочки в современных условиях?

2. Приемлемы ли жесткая конкуренция и постоянная финансово-организационная оптимизация для отечественной управленческой культуры как непосредственно в Российской академии наук, так и в стратегических и наукоемких производствах? Как могут сочетаться временный, конкурсный характер научных работ, и глобальная миссия науки, отвечающей на вызовы и суверенитету и развитию России?

3. В настоящее время не завершена интеграция научно-методологического аппарата современных междисциплинарных исследований с задачами обеспечения долгосрочного суверенитета России как в сфере обеспечения безопасности, так и экономического развития страны.

*Куркин И.И.,
Жданова И.Д.,
Сибирякова Л.П.¹*

КОЛЛЕГИАЛЬНЫЙ ИНТЕРАКТИВНЫЙ СТИЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПО СЦЕНАРИЯМ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРСПЕКТИВ

Ключевые слова: стиль, проектный опыт, организация, инновации поколений, компетенции, проектный базис, сценарии перспектив, путеводитель перспектив. варианты принятия решений.

Коллегиальный интерактивный стиль

В начале года формируется молодежная команда изучения перспектив на базе инноваций. В конце года проводится обсуждение перспектив в продвинутой аудитории Ученый – Учитель – Ученик.

Предусматриваются интерактивные взаимодействия молодежи с единомышленниками продвинутых поколений. Продвинутое поколение является хранителями опыта инновационных разработок.

Работа по сценариям перспектив

1976–1990 гг. **Лидер ЦНИИМАШ** г. Королев – взаимодействие – многие проектные организации (рис. 1).

Проектный опыт консолидированных исследований

В рамках программ создания ряда крупных ракетных комплексов, решения проблем энергоснабжения земли из космоса, операций освоения околоземного пространства, труднодоступных регионов Земли и т.п.

Сформировался в течение многих лет с участием и по техническим заданиям ведущих проектных организаций таких как: РИЦ «Курчатовский институт», ЦНИИМаш, НЦ им.Келдыша, КБХА, РКК «Энергия» им. Королева, Институт Медико-Биологических проблем, ФИАН им. Лебедева, СККБ – «Искра», СКБ – «Термоплан», ГКНПЦ им. Хруничева, НИИ ПМЭ, НИИЭМ, ЦИАМ и многих других.

С использованием этого опыта защищено более 150 дипломных проектов, в консультировании проектов принимало участия более 500 специалистов из разных организаций. Проблемные научные темы межотраслевого характера: "Поиск", "Арка", "Вселенная", "Экспериментальные и теоретические исследования по созданию ядерных ракетных двигателей", "Фонон", "Формант", "Развитие Ц" и др.

Рисунок 1.

Проектный опыт поколений

2000–2019 гг. **Лидер МАИ, ГБОУ Школа 1560 «Лидер»** взаимодействие – школы Центрального, Западного и Северо-западных регионов Москвы – многие проектные организации (рис. 4 и 5).

2019–2020 гг. **Лидер МАИ** взаимодействие Ученый – Учитель – Ученик.

Работа на базе инноваций. При решении любой стратегической задачи разработчики перспективных структур сталкиваются с множеством противоречий. Успешно разрешить эти противоречия может только личность с развитым интеллектом.

¹ Куркин Игорь Иванович – д.т.н., профессор. Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет). Эксперт высшей категории в сфере научной и творческой деятельности молодежи России. ИС «Интеграция». E-mail kurkinii@yandex.ru

Жданова Ирина Дмитриевна – Почетный работник общего образования РФ, заместитель директора, Московский центр развития кадрового потенциала образования. E-mail zhdanovaid@mcrpro.ru

Сибирякова Людмила Павловна – начальник Центра по реализации образовательных проектов, Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет). E-mail lps-fdpmai@mail.ru

Подготовка таких специалистов возможна только за счет организации различных коммуникаций молодежи со специалистами разных компетенций.

Иновации 2016 г. – «Интеграция и аэрокосмическая консолидация общества Ученый – Учитель – Ученик» (1). Интеграция и консолидация компетенций.

Мы утверждаем. Отечественная эволюционная перспектива – летающие платформы – большегрузные атмосферные аппараты – термoplаны (рис. 2 и 3). Термoplаны рассматриваются как мобильные электростанции для освоения труднодоступных отдаленных регионов Земли. Могут использоваться как морские стартовые площадки для высотного запуска космических крылатых ракет из экваториальных зон мирового океана. Могут служить для формирования подвижных оборонительных лазерных структур и с целью воздействия на эпицентры ураганов.

Рисунок 2.

Химический прототип в ангаре – Россия

Атомный термoplан будущего

Рисунок 3

Фантастический прототип фашистской Германии – «Блюдец Белонца»

Иновации 2017 г. «Лидеры и иновации, сценарии аэрокосмической модернизации России» (2).

Главное – Консолидация молодежи, способной к научным фантазиям. Девиз – от фантазий к реальностям, на базе проектного опыта поколений. Опыт прошлых лет в условиях холодной войны. Иновационная перспектива космической и аэрокосмической техники (2).

Главная мысль – базовая идея и множество возможностей. Одна из ключевых идей – биметаллическая электронная ячейка (идея Alexander Merkov), которая, являясь интеллектуальной структурой накопления значимых знаний, имеет в перспективе довольно широкие приложения, позволит решать аэрокосмические задачи будущего с лучшим качеством. (4).

Иновации 2019 г. «Коллегиальный интерактивный стиль формирования личности по сценариям глобальных перспектив» (рис. 6).

Организационная основа

Специализированные программы – путеводитель перспектив. Путеводитель перспектив – генератор, организатор и координатор взаимодействий Учитель – Ученик – Ученый. Это одновременно справочник, хранитель интеллекта прошлых разработок, учебник проблемного сопровождения образовательных процессов средней и высшей школы. На базе путеводителя перспектив ведется проектный поиск своих, отечественных и международных перспектив. Работа по постоянно развиваемым научным сценариям **Учитель – Ученик – Ученый** (рис. 6).

Участники проектов 2001-2013г

Эксперты 2012г – Ученики 9 и 10 кл

Кольнер Лев – Аэрокосмическая энергия, крылатый рикошет из космоса.
Чаплынский Егор – «Энергия в атмосфере, боевая и межконтинентальная авиация»
Веснин Владимир – «Ядерная энергия и гравитация Земли, импульсные перелеты»
Купреева Александра – «Гравитационная энергия Солнца и планет. Межпланетные перелеты. «Условие космического полета и медико-биологические проблемы»

Эксперты 2011г Ученики 10 и 11кл.

Артамонов Василий «Ядерные реакторные системы с дальней и длительной перспективой»
Бондарь Юрий «Солнечная энергетика, успешно развиваемая область техники».
Веснин Владимир « Ядерный ракетный двигатель для оперативного решения космических задач».
Горчаков Владимир «Солнечная энергия и реактор термоядерного синтеза»
Ноговикова Валерия «Солнечная Энергетика - перспектива создания безопасных ядерных систем».
Снигирев Никита «Энергетические возможности ракет в зависимости от геометрии старта»
Разувалев Константин «Энергетические возможности ракет в зависимости от геометрии старта»
Тихоцкий Даниил «Космические более экономные перспективы освоение ближнего и дальнего космоса».
Юрьев Александр. «Лучевые-лазерные системы - Решение энергоёмких задач - Многоцелевые платформы»
Семенов Кирилл «Экологические проблемы атомных электростанций».
Михайлова Виктория «Экологические катастрофы»
Зуйкова Екатерина «Биологическое поле. Солнечная активная радиационная экология».

Рисунок 4.

Проектный опыт Вуз – Школа

Участники проектов с 2001г – Выпускники Лицея №1560,

ШКОЛ И ВУЗОВ

Консультанты

Катюхина Настя «Пути разрушения озонового слоя, химические катализаторы»
Закеев Тимур «Планетарные и оперативные возможности крылатых аэрокосмических аппаратов»
Букреев Станислав «Атомно-водородная энергетика, перспективы освоения Луны – Марса – Астероидного пояса»
Макарова Екатерина «Поэтические грезы о Вселенной»
Ашмарин Владимир «Эволюция ракет носителей».
Каменецкий Андрей «Обновляемая инфраструктура спутниковой сети глобального значения»
Трофимова Ирина «Изучение проблем глобального потепления»
Семизаров Кирилл «Противодействия климатическим угрозам»
Липидус Егор « Конфигурация плазматидов в природе и технике».
Дробязко Александра «Плутон: Взгляд из будущего»
Юдин Антон «Конвейерная инфраструктура»
Тетерина Полина «Зондирующие исследования»
Калинин Алексей «Операции в поясе астероидов»
Астафьева Карина «Ударные технологии»
Прокопович Николай «Пертурбационный маневр»
Деев Андрей «Операции Бумеранг»
Землянов Алексей «Мигрирующие комплексы»
Кузнецова Мария «Освоение Марса. Жизненно важные процессы»
Цыганов Михаил, Эккер Игорь «Ядерная энергетика Двигатели Космос»
Иванов Дмитрий «Многофункциональные аппараты с тепловой памятью»
Ливанский Сергей «Аэрокосмические системы ударного реагирования»
Мануйлов Семен «Аппараты десантирования»

Рисунок 5.

Проектный опыт Вуз – Школа

Рисунок 6.
Пример консолидации знаний 2018г

Развитие проектных компетенций как форма проблемного сопровождения учебных процессов.

Школьные компетенции – проблемно-значимая информация как дополнения в разделы физики, информатики, математики в образной интерактивной и разноязычной интерпретации (рис. 7 Базис учебных практических занятий, рис. 8 Учителя – новаторы).

Проблемное сопровождение учебных процессов 7–8–9–10–11кл на стыке дисциплин Физика-Математика-Информатика и др. в соответствии с градацией увлеченностей и со школьным учебно-тематическим планированием

7кл – Первоначальные сведения о строении вещества - Три состояния вещества – Взаимодействие тел – Скорость, инерция, сила тяжести, сила трения, графическое изображение сил – Давление – Способы, плотность, воздухоплавание – Работа, Мощность Энергия - Кинетическая и потенциальная энергия – Коэффициент полезного действия

8кл – Тепловые явления – Внутренняя энергия, Виды теплопередачи – Теплопроводность – конвекция - излучение, Удельная теплоемкость, Энергия рабочего тела – Изменение агрегатного состояния вещества - Различные состояния, Работа газа при расширении – Электрические явления – Строение атома, Электризация, Ток – напряжение – Работа и мощность – Электромагнитные явления – Магнитное и электрическое поле, Стационарные плазменные двигатели - Световые явления – Источники света, Отражение и концентрация. Зеркала.

9кл – Закон взаимодействия и движения тел – Основы кинематики – Траектория, движение тела по окружности, действия над векторами, Динамика – Законы Ньютона и всемирного тяготения, Спутники, Законы сохранения импульса, Ускорение, Перегрузки, Реактивное движение. - Механические колебания и волны – Характеристики, Превращение энергии – Электромагнитное поле – Магнитоплазменные двигатели – Строение атома и атомного ядра. Использование энергии атомных ядер – Радиоактивность, Цепная реакция - ядерный реактор, Биологическое действие, Термоядерные реакции.

10кл. – Механика - Баллистическое движение в атмосфере Земли и планет, в космосе – Молекулярная физика – Законы Термодинамики, Процессы, Термодинамические циклы – Электродинамика – Термоэлектрическая эмиссия. Движение заряженных частиц в магнитном поле. Электромагнитное поле. Типы электроракетных двигателей.

11кл – Электродинамика – Энергия поля, Генерирование электрической энергии – Электромагнитные волны - Законы отражения и солнечная энергия – Физика высоких энергий – Ядерные реакции, Ядерный реактор, Применение, Биологическое действие.

В рамках программ создания объектов и комплексов коммерческого, научного и оборонного значения с наземным, атмосферным, внеатмосферным и космическим базированием

Рисунок 7.
Базис учебных практических занятий в школах

Булыгина Елена Васильевна
Учитель физики

Жданова Ирина Дмитриевна
Директор школы

Учитель математики
Прокопович Раиса Николаевна

Парамонова Галина Геннадьевна
Учитель физики и информатики

Ефремова Елена Юрьевна
Учитель физики

Классный руководитель Юдина Н.В.
Учитель английского языка

Учитель – ученик - консолидация

Рисунок 8.
Учителя – новаторы

Вузовские компетенции – инновации в технике, технологиях с учетом экологических и медико-биологических проблем на базе Российских и международных публикаций (рис. 9, рис. 10 Ученые – новаторы).

Рисунок 9.
Проектная среда вуза

Рисунок 10.
Ученые – новаторы

Интрига. Для работы в молодежных коллективах предполагается исходная эмоционально значимая информация в форме эпохальной интриги. От интриги прошлых поколений к интриге современности.

Эпохальная информация – Рассредоточение нового поколения зондирующих аппаратов в космосе и атмосферах планет за счет гравитационных эффектов (аналог – Космическая эпопея – Вояджер США).

Атмосфера планет – «упругая среда» – реализация мало затратных зондирующих и ударных операций (Крылатый прототип – Х37М США).

Реализация в начале года формирование дискуссионной команды – согласование компетенций в интерактивном режиме

С использованием комплекса сценариев реализуется проектная среда – **системное проектирование** – демонстрируются альтернативные варианты сочетаний подсистем в составе изделий в различных операциях – **Формирование атмосферного и космического паркинга, Обслуживание, Перехват, Зондирование, Строительство. Монтаж и Демонтаж. Предотвращение различных угроз. Ударное реагирование.**

Школьный доклад – Микромир доказательство жизни. Бактерии везде. В наше время ученые предполагают, что вероятнее всего жизнь может находиться в таких местах, как Марс, Европа, Титан, Венера, а также в межзвездном газе, кометах и на Луне.

Найденные Кеплером гармонии в соотношении скоростей планет впоследствии были положены в основу симфонии Хиндемита, которая так и называется «Гармония мира».

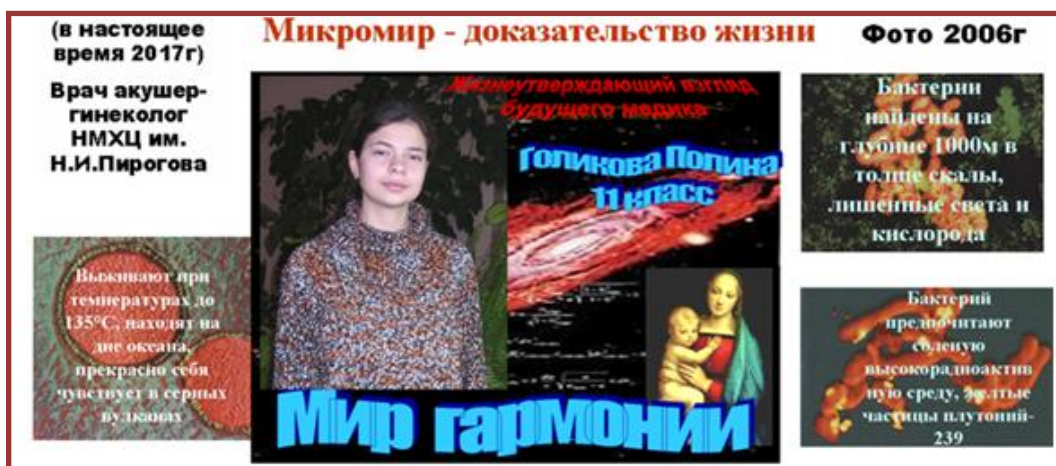

Рисунок 11.
Прошлое в настоящем

Множество рисков. Полеты в дальний космос. Необходимо учитывать в том числе медико-биологические факторы, которые могут быть опасными не только для космонавтов, но и для всего человечества. Надо учитывать, что бактерии (носителями которых являются сами космонавты) в космических условиях могут мутировать и в этом случае иметь не предсказуемый эпидемический характер.

Студенческие интриги от инноваций – примеры.

М.О. Суворов. Диссертация аспиранта МАИ 2018г. Показана возможность создания прямоточного электроракетного двигателя использующего газы остаточной атмосферы в качестве рабочего тела для поддержания орбиты аппаратов на высотах 200–220 км.

А.Ю. Купреева. Доклад. Школа 9 класс 2011 г. Школа 1560 «Лидер». «ДНК» космических полетов (рис. 12).

Рисунок 12.
От научной фантазии к реальностям

2019–2020 г. Диплом МАИ. Исследования проблем создания высокочастотного ионного двигателя.

А.Ю. Мерьков. Доклад 5 класс – Образная среда международного сотрудничества. 2008 г. Доклад на английском языке. Крит – Греция. «Инновационные стадии освоения космического пространства и архитектура комбинированных гибридных двигательных энергетических установок» (рис. 13)

Рисунок 13.
Фантазер в прошлом, в настоящем молодой ученый

2017 г. Аспирант МАИ. Научная разработка. Электронная ячейка – фактор повышения эффективности не только радиотехнических устройств, но энергосиловых радиационно-безопасных космических и атмосферных объектов.

2019 г. Научная разработка. Изделие акустической пеленгации для контроля утечек радиоактивных контуров ядерных установок, трансконтинентальных газо-транспортных систем и бытовых объектов.

Интрига 2020 г. от прошлых поколений ветеранов. Генеральные конструкторы и академиком России. Н.Н. Пономарев-Степной, Д.Д. Севрук, С.М. Егер, С.П. Королев

Инновации ветеранов – Прямоточный ядерный двигатель для решения межконтинентальных и оборонных задач в составе крылатых и ракетных комплексов. Нарботки актуальны для решения коммерческих, научных и оборонных задач современной России

Инновации современности – В новой интерпретации прямоточный ядерный ракетный двигатель в составе межконтинентальных ракет. Рикошетирующие полеты с тепловой памятью в атмосферах планет и в со-

ставе аэрокосмических комплексов. прямоточный электроракетный двигатель в составе крылатых аппаратов, Электронные ячейки и акустическая пеленгация для повышения энергетического качества инновационных разработок.

Сценарии аэрокосмических перспектив на базе инноваций и интриг

Всё атмосферное и космическое пространство разбито на зоны стратегических интересов.

Доставка зондирующих аппаратов с поверхности осуществляются ракетносителями «Ангара». Преимущество в модульном исполнении. Обеспечивается доставка зондирующих аппаратов разной массы и разного назначения.

Для пополнения паркинга крылатых аппаратов на высоте 200 км. Обеспечивается длительное дежурство на базе инновационных прямоточных ЭРД (не требуется дополнительного рабочего тела).

Безопасное рассредоточение спутниковых систем с использованием гибридных двигателей. Гибридная ядерная установка – предполагается работа в трех режимах, в режиме ЖРД для увода на безопасную орбиту, в режиме большой тяги ЯРД для сокращения времени полета и в режиме сближения малой тяги ЭРД и бортового энергоснабжения.

Атмосферные перспективы – аппарат с тепловой памятью приспособлен для работы в атмосферах различных планет.

Логика принятия решений – полет в режиме рикошета.

Проектный ориентир Россия – Гиперзвуковой летательный аппарат «летающее крыло» МАИ Патент № 2393978 (3). Полет аппарата осуществляют по программируемой рикошетирующей траектории с начальным углом бросания в диапазоне 5–8° и скорости в диапазоне (6500–7500) м/с. На этапе погружения в атмосферу изменение вектора аэродинамической силы осуществляют путем выбора оптимального угла атаки.

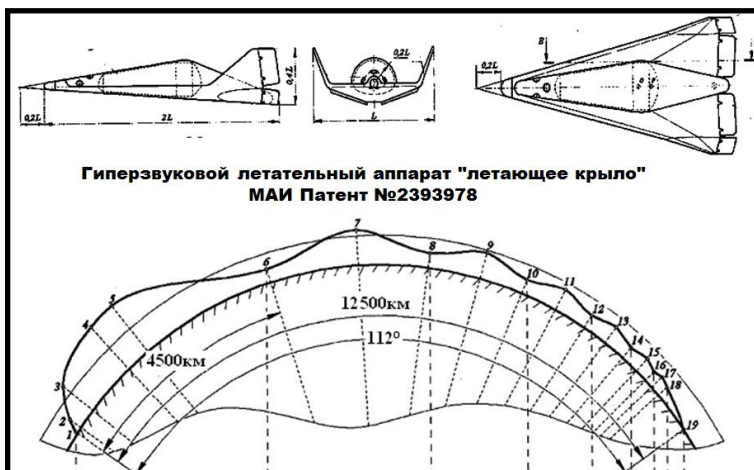

Рисунок 14
Конкуренты

Рис. 15 – крылатый аппарат США – X-37В внешне похож на миниатюрный шаттл. Длина аппарата составляет 8,38 метра, а размах крыльев – 4,5 метра. Высота – 2.9 м. Беспилотный – способен совершать полеты на высоте от 200 до 925 километров.

Рисунок 15

Рис. 16 Информация СМИ – Межконтинентальная ядерная ракета – Интрига 2019 г.

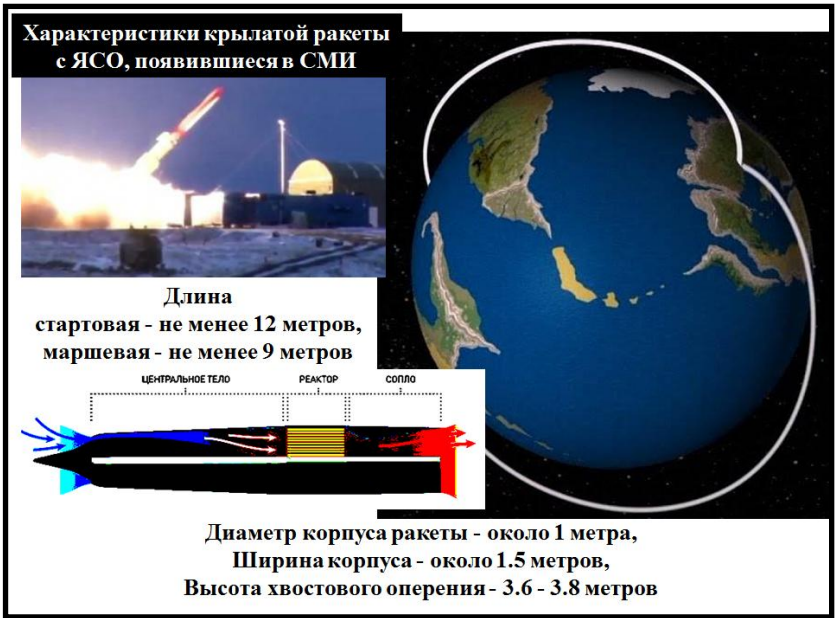

Рисунок 16

Эпизоды принятия решений 2020 (рис. 17 и 18)

Рисунок 17

Рисунок 18.

Эпизоды принятия решений в атмосфере Венеры

Венера по размерам самая близкая к Земле. Её можно видеть как яркую точку в восточной части неба утром и в западной вечером. Яркость объясняется отражением солнечного света слоем в 50–70 км облаков из серной кислоты (6).

Рикошетирующие полеты крылатых аппаратов возможны, но на высоте не ниже 60 км. Ниже дуют ураганные ветры, наблюдаются туманности из капелек серной кислоты.

Оптимизируются и анализируются характеристики рикошетирующих полетов летательных аппаратов.

Заключение

Ежегодно. Формирование команды лидеров Ученый – Учитель – Ученик.

В течение года – практические занятия Школа – Вуз по сценариям перспектив, в рамках фундаментальных учебных курсов. Апробация единого учебника Школа – Вуз – Путеводитель перспектив – Аэрокосмическое будущее России.

Результаты года «Гагаринские чтения» – аэрокосмическая доктрина будущего – система мер преодоления локальных и глобальных угроз.

Список литературы

1. Куркин И.И. Лидеры и инновации, сценарии аэрокосмической модернизации России // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник. Выпуск 12 / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – Ч. 2.
2. Куркин И.И. «Интеграция и аэрокосмическая консолидация общества Ученый – Учитель – Ученик» // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник. Выпуск 12. / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – Ч. 2.
3. Патент № 2393978 – Гиперзвуковой летательный аппарат и способ реализации его полета. Московский авиационный институт (государственный технический университет) (МАИ) Малышев Геннадий Викторович, Егоров Юрий Григорьевич, Кульков Владимир Михайлович.
4. Мерьков А.Ю. Портативная энергетика противодействия угрозам, повышение оперативной эффективности космических и аэрокосмических аппаратов // Королевские чтения. XLIII Академические чтения по космонавтике. Сборник тезисов. 2019.
5. Куркин И.И., Купреева А.Ю., Мерьков А.Ю. Эволюционная перспектива энергосиловых установок по сценариям аэрокосмических альтернатив // Королевские чтения. XLIII Академические чтения по космонавтике. Сборник тезисов. 2018.
6. Иванов Н.М. Движение космических летательных аппаратов в атмосферах планет. – М.: Наука, 1985.

Логвиненко В.П.¹

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: наука, знание, научное обоснование, модель, национальные проекты, реформа науки, управленческие технологии, консультационный процесс, междисциплинарность, мораль, ноосфера, человек, социальная ответственность.

Keywords: science, knowledge, scientific substantiation, national projects, management technologies, consultative process, interdisciplinarity, moral, noosphere, human, social responsibility.

Значимость науки как области человеческой деятельности, направленной на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности, не вызывает сомнения у современного человека.

Специфика достижения научного обоснования в социальной сфере, в том числе в сфере управления, состоит в том, что целостное (социально-гуманитарное) научное знание должно быть организовано в контексте поставленных целей и задач.

Анализ теоретических обоснований программ, научных публикаций и документов, а также значительный практический опыт позволяют нам выделить проблему научной обоснованности реформ и управленческой практики, недостаточная разработанность которой значительно снижает ресурсный потенциал страны в целом и ее регионов. Истоки этой проблемы были заложены в перестроечный период, так как при переходе на рыночные принципы функционирования экономики за основу не была взята ни одна из современных моделей развития рыночной экономики (американская, германская модель, шведская модель, японская или иная), а преобразования проводились хаотически и спонтанно и не имели достаточных методологических и модельных обоснований.

Современная смешанная модель рыночной экономики по-прежнему не обеспечена ни идеологически, ни концептуально, а успешность социально-экономических преобразований на данном этапе связывается с обновленной командой лидеров страны и надеждой на достижение ими целей, в том числе зафиксированных в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Указ от 7 мая 2018 г. № 204). Но даже суперталантливые руководители сегодня уже не смогут решать современные задачи в силу их сложности без специального методологического сопровождения процесса принятия решения. Эту особенность важно учитывать при подготовке резерва руководителей.

Не ставя под сомнение достижения российской науки в конкретных областях, в том числе в информатике, отметим, что выявленная нами проблема научного обоснования управленческой практики имеет несколько составляющих:

- недооценка роли методологии научного познания;
- практика имитации научного обоснования;
- отсутствие институтов оценки состояния и развития науки.

Учитывая, что развитие цифровых медиатехнологий является важнейшей составляющей современных процессов в экономике и трансформации социальных отношений, выделенная нами проблема научного обоснования управленческой практики актуальна и в связи с неуклонным движением человечества к новой цифровой эре, что повышает ответственность человека за принимаемые им решения, в том числе в отношении перераспределения деятельностных и ментальных функций между человеком и компьютером.

В этом контексте формирование подходов, методов анализа и проектирования рассматривается нами как процесс системной организации имеющихся знаний применительно к поставленной цели, отвечающий определенным требованиям.

Академик МАФО, д.филос.н. А.Н. Малюта подчеркивает, что «в теоретико-методологическом поле официального научного дискурса невозможно найти ответы на многие проблемы современности. Одним из выходов из этой ситуации можно считать разработку адекватных системных методологий. Однако именно адекватных системных методологий не наблюдается в силу того, что при абсолютно правильной убедительной критике математических методов и апелляции к системному подходу, потенциально спасительный системный подход (на сегодняшний день) не является таковым, каким он декларируется. Это происходит потому, что заветный спасительный системный подход в современной науке подавляющее число ученых старательно описывает все теми же математическими методами (!), которые перед этим абсолютно разгромно критиковались как неэффективные. Среди этих признаков математические варианты описания систем рассматриваются как категорически неприемлемые. Как утверждает профессор Калифор-

¹ Логвиненко Виктория Павловна – D.Ed., профессор, академик МАФО (<https://mafo.academy>), главный академический координатор образовательного направления Международной академии фундаментального образования, генеральный директор Сетового консорциума непрерывного образования (<https://atmos-sfera.ru/skno/>). E-mail: consortium@live.ru

нийского университета К. Бейли: «Методы описания систем сами должны быть системными»¹. Иначе говоря, нужен принципиально новый формализм, не имеющий никакого отношения к математике, но способный к стыковке с другими теориями, даже если они описаны математическим языком»².

Национальная программа «Цифровая экономика РФ» определяет пять базовых направлений развития цифровой экономики в России на период до 2024 года: нормативное регулирование; кадры и образование; формирование исследовательских компетенций и технических заделов; информационная инфраструктура; информационная безопасность. Практические результаты внедрения технологий информатизации свидетельствуют о проявлении проблем и особенностей, требующих дополнительного анализа и реагирования со стороны исполнительных органов власти. Так, руководитель проектного офиса по реализации нацпрограммы «Цифровая экономика» Аналитического центра при Правительстве РФ Владимир Месропян считает, что отказ более 40% компаний в России от внедрения искусственного интеллекта происходит из-за нехватки «понятных кейсов», доказывающих эффективность ИИ, доступных и массовых решений (сейчас они есть у крупных компаний и носят элитарный характер)³. Сергей Гарбук – заместитель генерального директора Фонда перспективных исследований (Москва) в публикации «Интеллектуальные технологии вместо человека: оценка соответствия» при перечислении основных групп решаемых человеком интеллектуальных задач, относит к их числу задачи извлечения, формирования и накопления знаний (автоматическое формирование онтологических описаний, категоризация объектов и процессов. При этом ключевым вопросом при замене человека технической системой, по мнению автора, является – «обеспечение доверия к результатам работы систем прикладного искусственного интеллекта»⁴.

Автор фактически поднимает на повестку дня вопрос адекватности отображения процессов и явлений современного мира с помощью цифровых технологий.

Разделяя гордость за достижения отечественной математической школы и не преуменьшая роль и значение математики, которую Карл Фридрих Гаусс считал королевой наук, считаем необходимым подчеркнуть, что на уровне формирования концептуальных подходов и моделирования процессов и явлений в обществе необоснованно уповать на математику. Отобразить системную сложность целостного и одновременно разнообразного социума исключительно математическими методами невозможно.

Кроме того, рассматривая упомянутую выше проблему адекватности, считаем уместным подчеркнуть, что в информатике предметом изучения являются методы создания, хранения, обработки и передачи данных. Однако, несмотря на то, что данные признаются важнейшим ресурсом в мире, дискуссия об их регулировании и решении задачи адекватности отображения мира через цифровые технологии только начинается. По мнению ряда авторов, помимо представителей делового мира, в эту дискуссию должны вступать ученые, философы, юристы, поэты, так как от этого зависит будущее всего живого⁵.

Отметим также, что если установка как психологический феномен предопределяет поведение человека и структуру предопределяющих это поведение психофизиологических характеристик, то социальная установка – это основа целеполагания. Способы достижения целей и моделирование процессов и явлений, связанных с продвижением к цели, определяются в процессе проектной и экспертно-консультативной деятельности, но могут быть обоснованы только на основе системной методологии, совокупности (системы) социально-гуманитарных знаний⁶ и математики. К сожалению, проводимые консультативные мероприятия зачастую носят имитационный характер, при этом, к сожалению, не ставится цель достижения научного обоснования проектных предложений, а решения принимаются в соответствии с идеологическими предпочтениями, коррупционными схемами, групповыми или личными интересами или по другим причинам.

Кроме того, необходимым этапом создания стратегии развития цифрового общества должно явиться опережающее моделирование, т.е. перспективное моделирование на основе прогнозируемой тенденции развития (многовариантный сценарий-прогноз). Причем задача моделирования не может быть решена на основе математики, а требует междисциплинарного подхода и применения системной методологии соответствующего уровня.

В связи с необходимостью решения задачи перехода в цифровую эпоху, на наш взгляд, целесообразно оценить проявление феномена ноосферы, которое еще несколько десятилетий назад было у всех на слуху, но в последние годы активность исследований в этом направлении является недостаточной, учитывая методологическую ценность работ В.И. Вернадского, который отмечал, что характерной чертой научной мысли является действие, а научная мысль – научное творчество – научное знание неразрывно связаны с жизнью. При этом уместно отметить озабоченность великого ученого вопросом морали в науке. Д.г.-м.н. Н.Г. Наумов отмечал: «Еще в начале XX века, раздумывая о перспективах освоения атомной энергии, он задавался вопросами: сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? дорос ли он до умения использовать эту силу, которую неизбежно должна дать ему наука? – и предупредил: ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия своей научной работы, научного прогресса»⁷.

¹ Бейли К. Социология и новые системные теории: к теоретическому синтезу. – М., 1994.

² Из материалов А. Малюты. – <https://atmos-sfera.ru/skno/node/392>

³ <https://professional.ru/Soobschestva/innovacii/bolee-40-kompanij-v-rossii-otkazalis/>

⁴ <https://www.osp.ru/os/2018/2/13054180/>

⁵ <https://atmos-sfera.ru/skno/node/351>

⁶ Формирование теоретико-методологических средств социологического анализа // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. Москва 21–24 декабря 2008 г. – http://www.isras.ru/abstract_bank/1210335536.pdf

⁷ Наумов Г. Ноосфера в прошлом и будущем // Наука и жизнь. – М., 2004. – № 9. – <https://www.nkj.ru/archive/articles/1876/>

Как известно, исследуя огромные массивы информации, В.И. Вернадский пришел к выводу о необходимости их систематизации. Во времена его жизнедеятельности эта задача не была решена, т.к. еще не было разработано (и даже не была поставлена задача разработки) адекватных методологических средств, позволяющих решать задачи подобной сложности. Тем не менее, в главе 5 работы «Научная мысль как планетное явление»¹ раскрывается важнейший тезис, характеризующий требования к научному знанию: «Научный аппарат, т.е. непрерывно идущая систематизация и методологическая обработка, и согласно ей, описание возможно точное и полное всех явлений и естественных тел реальности, является в действительности основной частью научного знания... Без научного аппарата, даже если бы существовали математика и логика, нет науки. Но и рост математики и логики может происходить только при наличии растущего и все время активно влияющего научного аппарата. Ибо и логика, и математика не являются чем-то неподвижным, и должны отражать в себе движение научной мысли, которая проявляется прежде всего в росте научного аппарата»².

Учитывая актуальность научного наследия Вернадского, нами неоднократно отмечался ряд важнейших аспектов, требующих учета в современной практике, в частности: «Важнейшим и основным свойством ноосферы является ее качественное разнообразие, что заставляет разрабатывать принципиально новую технологию введения понятий, относящихся к объектам подобной сложности»³. К сожалению, отмеченные нами аспекты развития науки и рекомендации, важные для решения практических задач государственного уровня, остались незамеченными. Но проблема заключается в том, что в современном информационном поле несложно найти ряд тревожных свидетельств наличия проблем в развитии и состоянии современной науки, требующих, на наш взгляд, анализа и выработки соответствующих мер в интересах развития. И они остаются незамеченными. Обращает на себя внимание выступление в Совете Федерации ФС РФ профессора кафедры МГУ им. М.В. Ломоносова, д.геогр.н. Н.В. Зубаревич на тему «Тенденции развития российских регионов», вызвавшее активную дискуссию посетителей Интернет и резкую оценку компетентности структур власти: «Сенаторам впервые зачитали правдивый доклад о положении России»⁴.

Социолог Анна Кулешова поднимает вопрос о плагиате в науке и «хозяевах» в вузах, утверждая, что «большая часть научных статей – это красиво упакованный мусор»⁵. Это утверждение указывает только на одну из проблем, характеризующих общее состояние современной науки и снижающих уровень доверия к ее результатам. Эксперты подтверждают наличие проблемы невостребованности научных достижений, выявленную нами в процессе многолетней деятельности. Так, Александр Лосев – член президиума СВОП – отмечает, что «огромной проблемой является невостребованность результатов научных исследований российской экономикой и обществом. Реформирование науки и создание ФАНО пока не только не помогает решить накопившиеся проблемы, но напротив, приводит к еще большей деградации научной деятельности при усилении роли «наукометрии» и чиновников в работе Российской академии наук»⁶.

Таким образом, наука как социальный институт, представляющая собой систему внутренних и внешних коммуникаций, систему норм, ценностей и экономическую модель, порожденную реформами 90-х годов прошлого столетия, несмотря на проводимые реформы не решает главную задачу – задачу системного реформирования и перехода на принципиально новый междисциплинарный уровень решения задач современности. При этом в научной среде нет единогласия, а очень важные положения, высказанные представителями науки, остаются без внимания. Так, директор Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» отмечает: «Сегодня парадигма науки изменяется, мы можем начать противоположный процесс: из этих отдельных дисциплин складывать единый образ неделимой природы – и фактически перейдем на новый технологический уклад. Но для этого нужна междисциплинарность. Это сегодня стало понятно всем, это изменение парадигмы. Но вопрос заключается в том, кто сможет это сделать. Сегодня вся система организации науки и образования в мире против междисциплинарных исследований»⁷.

Обозначенная М.В. Ковальчуком проблема необходимости выхода науки на уровень междисциплинарности, отсутствие механизма защиты этой позиции, имеющей принципиально важное значение для развития науки и обоснованности практических решений (стратегий, программ и др.), а значит, для развития в целом, приводится нами в качестве дополнительного свидетельства важности анализируемой проблемы. Как видно из вышеприведенных положений, мы обозначаем задачу перехода на междисциплинарный уровень исследований в качестве единственного способа достижения целей цифровизации и моделирования процессов и явлений в современном обществе.

Вместе с тем, само понятие междисциплинарности трактуется неоднозначно и по-разному понимается представителями различных научных школ, методологами и специалистами. Мы подчеркиваем, что системная методология, пригодная для обеспечения междисциплинарных исследований, описывается системными средствами формализации, при этом способ построения системной теории существенно отличается от традиционно научного. Такая теория не стремится к полноте замкнутости и логической последовательности детерминистского типа, а представляется в виде

¹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.

² http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html#tth_chAp7

³ Малюта А., Логвиненко В. Анализ особенностей понятий ноосферы и устойчивого развития // Электронный научный журнал «Ноосфера», 1998. – № 1.

⁴ <https://youtu.be/YV-TfBnhVfo>

⁵ https://m.realnoevremya.ru/articles/144796-sociolog-anna-kuleshova-o-plagiate-v-nauke?_url=%2Farticles%2F144796-sociolog-anna-kuleshova-o-plagiate-v-nauke&utm_source=desktop&utm_medium=redirect&utm_campaign=mobile&fbclid=IwAR2wgRr2hLiQHJptUjMApJNc3WsDnT4KtJ67qKPPVvhuScT6Uf4LefpaO4o#from_desktop

⁶ <https://globalaffairs.ru/number/Epokha-zastoya-v-mirovoi-nauke-19353>

⁷ <https://expert.ru/northwest/2014/51/triumf-konvergentsii/>

методологического конструкторского набора из отдельных, логически жестко не связанных, методологических конструктивов-инвариант, носящих универсальный характер и предметно не ограниченных.

Важно в этой связи выделить проблему отторжения имеющихся уже достижений науки, которая рассматривается отдельными учеными, «как «сквозной» процесс динамики общества по реализации механизма социального перестройства, опирающийся на отказ и отчуждение знаний»¹.

Таким образом, невостребованность результатов научных исследований и отчуждение знаний, проблемы методологического и организационного характера не находят решения в условиях секторального устройства экономики и действующей до недавнего времени модели управления. Кроме того, в условиях отсутствия надзорного органа за развитием науки с позиций идеологического «соответствия», характерного для советского периода, высокого уровня коррупции, в том числе в самой науке, важно обеспечить целостность и единство научно-технологического развития России иными способами.

Как известно, важную роль для систематизации достижений науки советского периода сыграли деятельность институтов и ученых в сфере науковедения — исследовательской отрасли, позиционированной как «наука о науке». Неоценимо значение вклада д.э.н. Г.М. Доброва, д.ф.н. А.М. Кулькина и других ученых в развитие данного научного направления. Однако, по оценке экспертов: «современное науковедение представляет собой междисциплинарное поле исследований науки без единой программы и общей методологии»². Напрашивается вопрос: кто должен и может решать эти вопросы в современной России? В связи с их чрезвычайной актуальностью уместно напомнить приписываемый А. Эйнштейну принцип: «Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень».

Теоретически именно на это направлено содержание Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ № 642 от 1 декабря 2016 года. В документе справедливо отмечено, что наука и технологии являются одним из инструментов для ответа на эти вызовы, играя важную роль не только в обеспечении устойчивого развития цивилизации, но и в оценке рисков и возможных опасностей для человечества. (р. 2, 14),³ что важно и для обеспечения перехода «к передовым цифровым, интеллектуальным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создания систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта; (р. 2, 20)»⁴.

Очевидно, что для достижения поставленных целей и задач, в том числе на основе национальных программ уже запущенных в жизнь, важно исходить из требований их научной обоснованности. Эксперты предупреждают также, что углубление в развитие цифровых технологий может привести к вмешательству в саму природу человека: «цифровая реальность рождает «новый вид» человека. «Я называю это “хомо конфузус” или “человек в растерянности”. Этот “хомо конфузус” еще даже не понял, где он находится. Еще не осознал, в какую опасность мы уже попали. Но мы не можем откладывать решение. Потому что это наша жизнь» — считает профессор Н. Черниговская⁵.

На заседании Совета анализа и планирования стратегических инициатив (САПСИ) МАФО в контексте рассматриваемой проблематики было отмечено: «попытки заменить словом «цифровизация», громкоголосием реальные результаты приводит к самому главному: имитации деятельности и потере исторических шансов, потому что теряется время на решение задач, которые бы давали требуемые результаты»⁶. Нами подчеркивается, что **задача научного обоснования перехода страны в так называемую «цифровую эру» соразмерна с пониманием феномена жизни**, так как на данном этапе мы отмечаем риски и методологические ошибки, о которых необходимо не просто говорить, а снять их с повестки дня совместными усилиями.

Несомненно, процессы, направленные на совершенствование системы управления страной, обновление институтов власти являются хорошей предпосылкой к тому, что проблема повышения роли научного знания станет значимой и актуальной для рассмотрения.

Вышеприведенные оценочные и установочные положения позволяют нам сформулировать предложения, имеющие отношение к реализации стратегии перехода к информационному обществу, обоснованию современного видения мира, формированию новой философии и идеологии, приемлемых для развития человечества в третьем тысячелетии. Некоторые из них были приведены в публикации «Научно-технологическое обеспечение национальных программ и проектов: практика и социальный ресурс общества», где нами было предложено создание ряда подразделений, которые могли бы также обеспечивать решение поднятых в настоящем исследовании проблем. При этом отмечалось: «Помимо принятия национальных проектов, направленных на преодоление кризиса образования и науки, возможно, в структуре государственной власти целесообразно иметь **независимое агентство интеллектуальных технологий**, что позволило бы привлекать к обсуждению и решению стратегических задач общества независимых экспертов, обеспечив при этом междисциплинарность анализа проблематики, а затем достижение практической реализованности».

¹ Филипповская В. Отторжение знаний и регрессивная мобильность интеллигенции: актуальные практики // Социум и власть. 2012. — № 1 (33). — С. 18–24. — <https://cyberleninka.ru/article/n/ottorzhenie-znaniy-i-regressivnaya-mobilnost-intelligentsii-aktualnye-yapraktiki/viewer>

² Гиндилис Н. От советского к российскому науковедению <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-sovetskogo-k-rossiyskomu-naukovedeniyu/viewer>

³ http://www.ishu.ru/university/science/documents/get_file.php?id=43

⁴ Там же.

⁵ https://lifedeep.ru/post/4252-tatyana-chernigovskaya-o-nedoverii-k-informacii-v-mire-ruhno-srazu-vsjo/?fbclid=IwAR2vG30xzNOEFXVfX3M12VrWjDarBBJ4adhRxbw8t55jPYti1Q_RYtUw0og

⁶ <https://atmos-sfera.ru/skno/node/419#overlay=node/419>

сти, благодаря взаимодействию всех секторов общества»¹. На наш взгляд, такое Агентство могло бы стать одним из институтов проведения ситуационного анализа, оценки и прогнозирования последствий предпринимаемых реформ и внедряемых программ и выработки адекватных управленческих мер.

Структура, подобная предлагаемому нами Агентству интеллектуальных технологий, построенная на определенных методологических, функциональных и организационных принципах и обладающая необходимыми полномочиями, могла бы также содействовать решению задачи создания обоснованной стратегии развития цифрового общества. Одновременно Структура могла бы способствовать повышению обоснованности стратегических решений и решению ряда важнейших с методологической точки зрения задач: создания научных и технологических активов (проектирование под заказ, анализ, сопровождение); подготовки системных аналитиков и экспертов, обеспечивающих экспертно-консультационное сопровождение национальных программ, проектирования и формулировки новых смыслов развития; обеспечения ситуационного анализа как обязательной составляющей стратегического планирования и других.

В конце 2016 года издание ITweek начало публикацию серии статей, посвященных видению развития России в условиях перехода к цифровому обществу. В одной из них «Цифровое общество: новые вызовы» отмечено: «*Но главный вызов, стоящий перед Россией в процессе трансформации в цифровое общество, в том, кто сейчас возьмет на себя ответственность начать этот процесс, определит общее направление и архитектуру, не побоятся начать смену устаревших процессов*»²

Международная академия фундаментального образования в лице своих конкретных представителей готова принять участие в консультативных и проектных мероприятиях по запросу влиятельных представителей власти, по подготовке руководителей, аналитиков и экспертов с целью реализации дополнительных мер по повышению уровня обоснованности национальных программ, в том числе «Цифровая экономика РФ», прогнозируемости последствий их реализации и повышению роли научного знания при переходе к новому этапу развития общества.

¹ Научно-технологическое обеспечение национальных программ и проектов: практика и социальный ресурс общества // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – С. 209–211.

² <https://www.itweek.ru/digitalization/article/detail.php?ID=189935>

Мартысюк П.Г.

д.филос.н., доцент, профессор кафедры информационных технологий и социально-гуманитарных дисциплин
Минского филиала Российского экономического университета

ДИАЛОГ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Ключевые слова: деятельность, диалог, культура, творческая деятельность, творчество, традиции, инновации, образование, коммуникация.

Keywords: activity, dialogue, culture, creative activity, creativity, tradition, innovation, education, communication.

Под традициями принято понимать элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени. В качестве традиций выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.д. Те или иные традиции действуют в любом обществе и во всех областях общественной жизни и культуры.

Традиции присутствуют во всех социальных и культурных системах и в известной мере являются необходимым условием их существования. Особенно широка их сфера в архаических и докапиталистических обществах. Во многом это объясняется тем, что для ранних исторических типов культуры характерным является целостное мироощущение, во многом выстроенное на системе религиозных воззрений.

В более поздних типах культуры ключевые парадигмы культуры редуцируются, являя собой многообразие социокультурных традиций, пронизывающих все социальные слои общества.

Традиции принято делить на прогрессивные и консервативные. Первые, согласно эволюционистской точки зрения, ориентированы на передовые идеи, предвещающие возможности прогресса в социокультурной сфере общества. Нередко они обретаются благодаря современным средствам коммуникации, открывающим возможности заимствования и взаимообмена в сфере культурного наследия различных обществ. Заимствуемые элементы культурного наследия, выступающие первоначально как инновации для заимствующей культуры, впоследствии нередко традиционализируются в ней, становясь органической частью культурного традиционного комплекса.

Вторые удерживают в неизменном состоянии или до бесконечности воспроизводят из древле устоявшиеся общественные, религиозные и культурные ценности. Несмотря на внешнее расхождение указанных типов традиций, их соотношение не сводится к противостоянию, а обретает форму взаимоположения и взаимопроникновения. Во многом это объясняется их неизменной архетипической природой, ориентированной на обретение и сохранение блага, символизирующего полноту материального и духовного бытия. Применительно к социокультурной сфере соотношение консервативных и прогрессивных принципов непосредственно отражается на системе реформирования образования.

Архетипы универсального блага признаются имманентными культуре, представляют собой выражение неизменных духовных и материальных потребностей человеческой природы, коллективных желаний и возникают, когда эти желания приобретают невиданную прежде силу. Это объясняет и тот факт, что по мере перемещения из одной культурной среды в другую, они демонстрируют завидную инвариантность, нередко принимая обличье традиций.

Для того чтобы определить содержательность традиций и эффективность их функционирования в меняющихся общественных условиях, необходимо освоить архетипическую основу культуры, а также постичь логику истории, осмыслить конкретные пути и возможные последствия. При этом стоит помнить, что всякая культура переживает закономерные изменения, которые становятся возможными под влиянием различного рода факторов. Некоторые из них влияют на культуру извне, другие проистекают из её содержания. Изменения в культуре могут как затрагивать её отдельные стороны, так и в целом менять смысловой конструкт. Они также влияют на развитие культуры¹.

Одним из путей сохранения конструктивного потенциала традиций в условиях трансформировавшегося современного общества является их диалог с инновациями.

В упрощённом смысле слова под диалогом принято понимать разговор между двумя и более людьми. При этом диалог не исчерпывается письменными и устными высказываниями собеседников. Например, согласно М. Бахтину, диалог в своём универсальном философском значении может быть понят как формат познания и существования, в котором постигается человек и его бытие. В социокультурном измерении диалог реализуется в противостоянии мировоззренческих установок, а также различного рода культурно-образовательных парадигм. Зачастую он понимается как взаимодействие и взаимовлияние, проникновение или отталкивание различных исторических или современных типов культур, как формы их конфессионального сосуществования.

¹ Мартысюк П.Г. Социокультурная установка нелинейного типа в контексте преодоления противостояния повторения и прогресса // Человек. Культура. Образование. 2017. – № 3 (25). – С. 8–22.

Источником диалога, по Ю. Лотману, являются различия партнёров. «Именно вариативность человеческой личности, развиваемая и стимулируемая всей историей культуры, лежит в основе многочисленных коммуникаций и культурных действий человека». И далее: «недостаточность информации, находящейся в распоряжении мыслящей индивидуальности, делает необходимым для неё обращение к другой такой же единице. Если бы мы могли представить себе существо, действующее в условиях полной информации, то естественно было бы предположить, что оно не нуждается в себе подобном для принятия решений, нормальной же для человека является деятельность в условиях недостаточной информации»¹.

В исследовании проблемы диалога чрезвычайно важной является идея несовпадения точек зрения субъектов диалога. Изучение позиций диалогизирующих сторон предполагает раскрытие сути характера самого диалогического отношения. Как отмечал М. Бахтин, «диалогические отношения... это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения, и проявления человеческой жизни вообще, всё, что имеет смысл и значение, где начинается сознание, там... начинается и диалог»².

Теоретические положения, ранее высказанные по поводу диалога, не ограничиваются исключительно рассмотрением отношений между субъектами коммуникации. Они могут быть использованы в гораздо более широком диапазоне возможностей. В частности, применительно к системе образования.

В. Позняков указывает на то, что диалог представляет собой процесс достижения взаимопонимания на основе вырабатываемого партнёрами общей семиотической системы, языка как средства построения высказываний³.

Важным в диалоге является сотворческий поиск. Толчком к нему является умственное дистанцирование от Другого с целью определения его места в контексте творческого диалога. Здесь необходимо понять его внутренние побудительные мотивы – потребности, интересы, цели – с тем, чтобы соотнести их со своими... Понимание друг друга не есть некий спонтанный процесс. Оно представляет собой результат направленности на понимание «Другого» и, следовательно, предполагает усилия по пониманию. В диалоге индивидуальность раскрывает и обогащает себя.

Внутренний мир общающихся имеет свою структуру, в которой складываются сложные побуждения к коммуникации как совместной деятельности. Действительно, усилия есть акт воли. Однако волевое напряжение подчинено цели как желаемому результату, удовлетворяющему потребности каждой из диалогизирующих сторон. Иными словами, осознанно конструируемый диалог всегда несёт в себе образовательную цель, имеющую достаточно чёткую ориентированность. Не последнюю роль в конструктивном диалоге отводится творческому началу.

Понятие «творчество» характеризует деятельность не столько со стороны ее количественной интенсивности, сколько – если сопоставлять количество с качеством – именно со стороны ее качественной новизны. Бесспорно, что творческая деятельность есть одновременно и наиболее активная деятельность, поскольку она обладает и наибольшей социальной ценностью, и полезностью⁴.

Творческий диалог как столкновение мнений, противоречивых позиций происходит в формах дискуссии, полемики, диспута, спора, приводящих к совместной выработке конструктивного решения. Общее для всех видов диалога следующее: любой диалог состоит из организованных в целое высказываний, для которого характерно тематическое, содержательное, организованное, структурное единство.

Диалог представляет собой сложное образование, имеющее внутреннюю структуру. Важное место в нём занимает коммуникативное взаимодействие. Диалог представляет собой процесс достижения понимания между субъектами. Это происходит в ходе и в результате особого взаимодействия субъектов коммуникации. Следовательно, важно выявить внутреннюю структуру образовательного диалога как системы коммуникативных взаимодействий. В неё входят следующие элементы: целевая установка, выполняющая детерминирующую функцию в выборе содержания сообщения и способов работы с ним; сообщение как высказывание, оформленное в определённой знаковой системе, т.е. сообщение в идеале должно быть представлено в виде связной формально-логической структуры – тексте; передача текста-сообщения адресату, включающая процедуру выбора канала и механизма трансляции; восприятие сообщения, его декодировка, прочтение и понимание; интерпретация текста, исходя из осознаваемой участниками целевой установки и собственной системы мотивов; культурные контексты коммуникации: внутренний контекст сообщения и коммуникационного процесса и внешний контекст его протекания.

В акте коммуникации никогда не происходит абсолютно адекватного понимания посылаемых друг другу сообщений. Значит, стремление к пониманию контекстов друг друга является предпосылкой взаимного понимания. К сожалению, чаще всего диалогизирующая сторона осуществляет некоторые действия в воссоздаваемой ситуации, исходя исключительно из контекста собственного опыта и соответствующих мотиваций. Тогда, помещая противоположную сторону диалога в пространство лишь собственного опыта, он сужает возможности для его более адекватного понимания.

Своеобразие диалога состоит в том, что в нём субъект-объектные отношения стираются и трансформируются в межсубъектные. Осознание данного обстоятельства позволяет представить взаимодействие субъектов диалога, представляющих различные образовательные традиции как динамичный способ самовыявления в диалоге различных подходов и мнений с последующим устранением разногласий между ними в процессе выработки совместных решений.

¹ Лотман Ю.М. Избранные труды: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т.1: Феномен культуры. – С. 44.

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972. – С. 71.

³ Позняков В. В. Конструирование учебного диалога // Чалавек. Грамадства. Свет. 2007. – № 3. – С. 43–50.

⁴ Мартысюк П.Г. Основные проблемы культуротворческой деятельности в контексте диалога создателя и потребителя // Человек. Культура. Образование. 2014. – № 2 (12). – С. 24–31.

В. Позняков с целью раскрытия отдельных граней культурного диалога в контексте образовательной политики государства рекомендует рассмотреть диалог через призму фундаментальных универсалий культуры. В результате он обращается за примером к учебному диалогу:

Субъекты диалога – педагог и учащийся – утверждают себя как носители ценностного содержания культуры, проявляющего себя в идеалах, нормах, оценках и ценностных ориентациях как результате избирательного отношения к миру предметов и смыслов культуры; в диалоговой ситуации актуализируются апробированные и рождаются новые виды деятельности в общем контексте коммуникативного взаимодействия (понимания, проблематизации, рефлексии); учебный диалог моделируется как семиотическая среда, в идеале оказывающая благотворное влияние на учащегося (например, культурные формы общения); в диалоге творятся новые смыслы; учебный диалог как система коммуникации представляет собой эффективную форму трансляции и закрепления образцов культурного опыта, способ включения в культурную традицию; конкретный диалог в единстве своих культуротворческих параметров выступает как пространственно-темпоральное единство (хроно топ), что ставит педагога перед необходимостью его проектирования и моделирования как системной целостности. Принцип культуросообразности означает, что в диалоге получают воплощение основные формы культуры, однако с различной степенью адекватности получающие реализацию в условиях конкретной коммуникации¹.

Значимость диалога во многом обусловлена природой объекта, простимулировавшей усилия взаимодействующих сторон. Объект можно сравнить с областью, на которую простираются мыслительные взоры участников диалогового взаимодействия. В диалоге объект присутствует и как многоаспектная целостность, постоянно обращаемая к участникам той или иной предметной гранью. Поскольку предмет коммуникативного взаимодействия представляет собой одну из сторон объекта познавательного отношения, то в диалоге вскрываются многосторонние связи предмета с объектом, а также межпредметные связи и отношения. Поэтому предмет обсуждения представляет свои требования как к диалогу, так и к его субъектам.

В системе традиционно-инновационных ценностей образовательного дискурса особое место отводится метапредметным знаниям. Они помогают преодолеть диалоговое противостояние и вывести решаемую образовательную проблему на новый уровень осмысления.

Проблемы, предлагаемые для диалогического дискурса, должны решаться в рамках метапредметных знаний, так как выходят за пределы чисто диалогической ситуации. В этой связи следует отдельно остановиться на аксиологической семантике, реализуемой как в рамках дискурса, так и диалога. Ценностная семантика – это духовная атмосфера коммуникации. Она представляет мир идеальных сущностей, которыми руководствуются участники, и таким образом образует контекст совместного решения проблемы. Ценностная семантика определяет духовную ауру общения. Диалог происходит как столкновение и взаимопрояснение ценностных миров. В диалоге ценность раскрывает свой смысловой конструкт, «выговаривает» себя посредством участников. Диалог становится универсальным способом актуализации, оживления смыслов ценностей культуры, их обогащения в коммуникативном опыте. В процессе диалога должны происходить не только вербализация ценностных смыслов, но и актуализация их в деятельности.

Диалог обладает завидной подвижностью, нередко сменой и поочерёдным доминированием различных точек зрения. – это особый объект, находящийся в изменении и при определённых обстоятельствах прогрессирующим. Поэтому участникам диалога важно осознавать параметры изменения и их возможные последствия. В частности, диалог должен быть сориентирован на понимание различных точек зрения, ведущих к выработке новых смыслов, а также качественных изменений, определяемых по признаку решения задач. В диалоге фиксируются изменения, происходящие в творческом развитии участников, а также изменения, которые выходят за пределы поставленных задач и намерений участников.

Средства диалога, будучи упорядоченными, т.е. подчинёнными цели, в идеале должны облегчить протекание диалогового процесса. Поэтому критерием оптимальности является полнота структурных взаимосвязей указанных элементов, отвечающих цели и задачам образовательного диалога. Структурное единство образующих диалог компонентов должно быть реализовано в пределах функции каждого из компонентов.

В заключении следует обратить внимание на то, что диалог традиций и инноваций в системе современного образования организуется с учётом особенностей культурного, политического, экономического современного пространства. Он конструируется как комплексное образование, состоящее из семиотических, организационных, трансляционных, субъектных и предметно-вещественных компонентов, переживающих перманентное развитие.

¹ Позняков В.В. Конструирование учебного диалога // Чалавек. Грамадства. Свет. 2007. – № 3. – С. 43–50.

Медведева Е.И.¹

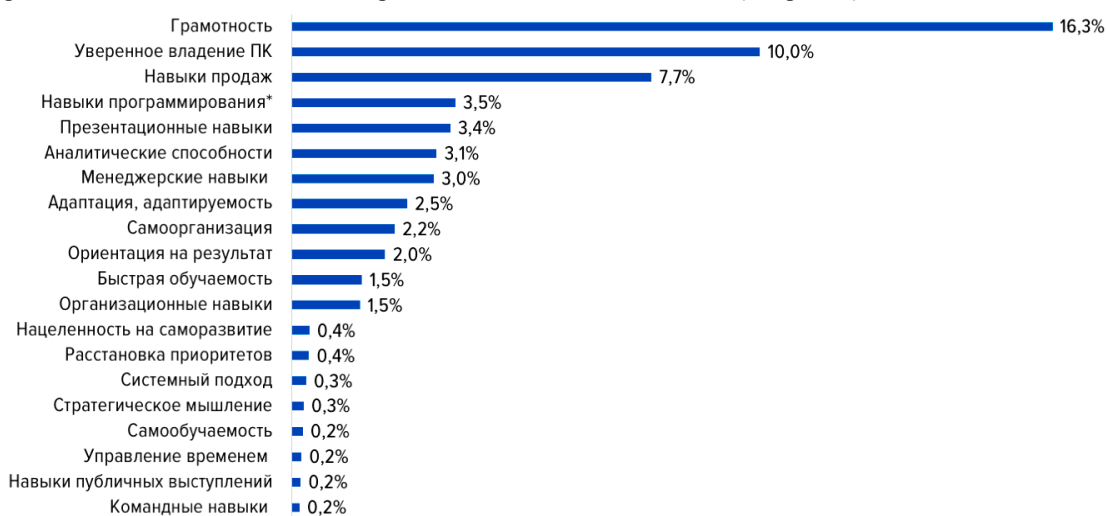
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Ключевые слова: образование, вызовы образованию, система образования, социально-экономические проблемы.

Еще в начале прошлого года практически всё научное, деловое и даже политическое сообщество России начали активно обсуждать «Цифровую экономику». Процессы «цифровизации» нашего общества, начались, конечно же, не с начала нового года. Просто пришло осознание того, что дальнейшее развитие нашего социума, экономики и страны в целом без новых информационных (цифровых) технологий просто невозможно. Отставание в данной сфере грозит не только экономическими потерями для страны, но и угрожает безопасности: делает нас более уязвимыми, так как по-является зависимость от поставок аппаратных и программных решений извне. Эта проблема становится особо острой в условиях внешнего давления, санкций, которые затрагивают и поставку цифрового оборудования.

Информационные технологии, без которых невозможно реализовывать цифровую экономику, очень интенсивно меняют требования к уровню подготовки современных работников. Появляются новые компетенции (которые необходимо осваивать), профессии и целые отрасли для работы, в которых нужны новые специалисты. Основным вопросом при получении образовательной услуги индивидом остается направление обучения и какие компетенции, навыки необходимо осваивать сегодня чтобы стать востребованным специалистом через 4–6 лет? Сегодня принято говорить о получении «мягких навыков» (soft skills), которые дают человеку набор знаний и компетенций, гарантирующих трудоустройство индивида. В условиях развития цифровой экономики нужны принципиально другие мягкие навыки, которые добавляются к уже имеющимся профессиональным навыкам (hard-skills). Например, к hard-skills можно отнести: умение решать проблемы, принимать решения, заниматься коллаборацией; эмпатию, energy management, смелость/стойкость, многозадачность; а к soft skills – умение проводить аналитику данных, воспринимать машинное обучение, управлять искусственным интеллектом, заниматься программированием, выстраиванием архитектуры ИТ-систем, кибербезопасностью. Вот эти «цифровые» навыки в ближайшие 5–10 лет должен предложить рынок образовательных услуг России.

Согласно результатам совместных исследований Компании Microsoft и HeadHunter (по данным 11,6 млн. вакансий и 21,4 млн. резюме на российском рынке труда) в эпоху роботизации для востребованности на рынке труда профессиональным работникам будут необходимы именно soft skills. Речь идет о «мягких» (или гибких) навыках, которые за счет своей надпрофессиональности становятся наиболее актуальны в условиях динамично меняющегося рынка труда. Причем, чем выше человек будет подниматься по карьерной лестнице, тем более востребованы будут «мягкие» навыки. Традиционная грамотность (письменная и устная) и уверенное владение ПК дополняются необходимостью владения навыками продаж (умения «продавать себя», «свою идею» и т.п.). Это обусловлено значительной конкуренцией среди работников и необходимостью продвижения себя и своих идей (см. рис. 1).

Примечание: с учетом вакансий, требующих понимания языков программирования, умения читать чужой программный код. Речь идет о надпрофессиональных и трансдисциплинарных навыках/качествах.

Источник: Портрет соискателя будущего. Результаты исследования HeadHunter и Microsoft. – <https://career.ru/article/22394>

Рисунок 1
Топ-20 требуемых умений в вакансиях в России, %

¹ Медведева Елена Ильинична – д.э.н., доцент, профессор кафедры менеджмента и экономики, Государственный социально-гуманитарный университет, в.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. E-mail: e_lenam@mail.ru

Специалисты из Boston Consulting Group (BCG) приводят следующую классификацию задач (профессий) для различных категорий работников. К категории «Умение» можно отнести способность человека справляться с более 50% типовых задач; здесь преобладает преимущественно физический труд; подготовка не требуется или может быть проведена в краткие сроки. В категории «Правило» более 50% составляет техническая, рутинная работа; принятие решений на основе правил и инструкций; подготовка: специализированная или прикладная. В категории «Знание» более 50% составляет аналитическая, творческая работа; автономность при принятии решений; подготовка: высокий уровень образования и дополнительная подготовка. Доля сотрудников по категориям задач в странах мира приведена в табл. 1.

Таблица 1

Доля сотрудников по категориям задач, %

Категории задач/страны	Россия	США	Германия	Великобритания
«Знание»	17	24	29	45
«Правило»	48	59	56	37
«Умение»	35	17	15	18

Источник: Россия 2025: от кадров к талантам / The Boston Consulting Group. – http://image-src.bcg.com/Images/Skills_Outline_web_tcm27-175469.pdf

Как видно из данных таблицы 1, для России «Знание» – 17%, «Умение» – 35%, а для Великобритании характерна противоположная картина 45% и 18% соответственно. В России уже существует Атлас «Новых профессий», разработанных в Сколково (186 новых профессий появится к 2030 г.). Среди них: Дизайнер виртуальной среды обитания; Адвокат по робоэтике; Digital комментатор культуры; Биохакер на фрилансе; Аналитик данных «Интернета вещей»; Дизайнер человеческого тела и др.¹

Уже сегодня есть много профессий, которых еще 10 лет назад просто не было: программисты для мобильных устройств, SEO-аналитик, директор и пр. Согласно экспертным оценкам больше 60% тех, кто получает образование сегодня, будут работать по специальностям, которых сегодня просто нет. Кроме того исчезнут (безвозвратно) некоторые специальности, другие будут модернизироваться на основе применения ИТ (например, сегодня писатели под натиском «клипового мышления» становятся блогерами). Будут востребованы специалисты по созданию, анализу и защите больших хранилищ данных, которых в настоящее время становится все больше во всех областях. Профессии будущего однозначно будут связаны с инновационными и цифровыми технологиями (например, такие как Data Driven Solutions)².

Указанные тенденции будут актуальны уже в ближайшее время, а анализ сегодняшнего рынка труда лишь подтверждает намеченную динамику на смещение в сторону ИТ, инноваций и «цифры». По мнению директора Ситуационного центра социально-экономического развития регионов России РЭУ имени Г. В. Плеханова П. Смелова, «в стране самыми востребованными сегодня являются специалисты в сфере информационных технологий, спорта, науки и здравоохранения. Среди бакалавров ценятся получившие образование в сфере ИТ (у них самая высокая средняя зарплата по стране – 54 тыс. руб.). Среди экономических направлений подготовки – особый спрос на бухгалтеров. Работодателей интересуют люди и сквозных профессий в промышленности, и специалисты в сфере образования»³.

Безусловно, одним из показателей характеризующих востребованность специальностей в той или иной сфере остается уровень оплаты труда. Наиболее высокооплачиваемым специалистом в России по данным на начало 2019 года оказались следующие профессии: 1) директор по закупкам – 115 834 руб. 2) руководитель департамента – 113 130 руб. 3) руководитель проектов 1С – 112 477 руб. 4) директор по маркетингу – 109 600 руб. 5) директор операционный – 108 028 руб. 6) директор сети – 105 167 руб. 7) директор по региональному развитию – 103 572 руб. 8) консультант по SAP – 99 584 руб. 9) танцовщица Go-go – 97 862 руб. 10) директор по строительству – 97 200 руб. На фоне директоров и «развлекательного» сектора консультант по SAP занял почетное 8 место по стране. В 10 самых высокооплачиваемых вакансиях в России на 5 месте «разработчик Big Data в Москве» – зарплата до 593 505 руб., а на 9 – «3D-художник в Москве» – до 200 000 руб.⁴

С другой стороны наша система образования не готова к таким переменам. Беспрецедентное сокращение количества учебных заведений высшего образования, «оптимизация» общеобразовательных школ, нехватка учреждений среднего профессионального обучения, сокращение численности учащихся практически на всех уровнях подготовки из-за демографических проблем и стремительное развитие технологий и технологических укладов – все это заставляет по-новому взглянуть на проблемы конкурентоспособности образовательных услуг.

По оценке различных экспертов, около 70% тех, кто сейчас учится в школе, будут работать по специальностям, которых сейчас нет. Рынок труда стремительно меняется: появляются новые профессии, многие специальности уходят

¹ Атлас новых профессий. / Московская школа управления, Сколково. – М., 2014. – http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf

² Фирсова К.Н. Топ профессий будущего: мнения экспертов. – https://www.if24.ru/professii-budushhego/?utm_source=fb&utm_medium=src&utm_campaign=pod_professii

³ Названы самые востребованные профессии России / РИА «Новости». – https://www.gazeta.ru/business/news/2018/10/09/n_12146275.shtml

⁴ Статистика зарплат – Россия // Портал ГородРабот. – <https://gorodrabot.ru/salary>

в небытие¹. Исследования проведенные в Оксфордском университете, показали, что 45% всех существующих сегодня рабочих мест исчезнут в ближайшие десять лет (некоторые прекратят свое существование вообще, другие будут полностью автоматизированы). Российский Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) в своих исследованиях пришел к выводу, что современные технологии могут привести к высвобождению на рынке труда в России от 9 до 11 миллионов человек до 2035 года². Если в системе профессионального обучения кадров ничего не изменить, то она будет просто не в состоянии справиться с данной задачей.

28 июля 2017 года распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» № 1632-р.³ Программа направлена на создание условий для развития общества знаний, на повышение благосостояния и качества жизни граждан путем обеспечения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, на повышение цифровой грамотности россиян, улучшение доступности и качества государственных услуг, а также на обеспечение безопасности как внутри страны, так и за ее пределами. Все перечисленные составляющие, так или иначе, связаны с работой сферы образования. К 2024 году необходимо достичь увеличения количества выпускников образовательных организаций высшего образования по направлениям подготовки, связанным с информационно-телекоммуникационными технологиями, а также выпускников высшего и среднего профессионального образования, обладающих компетенциями в области информационных технологий на среднемировом уровне.

Необходимо отметить, что на современном этапе развития сфера образования сталкивается со множеством факторов, которые предопределяют ее развитие в будущем. В данных условиях важно проанализировать состояние кадрового потенциала.

В сложившихся условиях для достижения целей программы «Цифровая экономика Российской Федерации», а именно «подготовка кадров для цифровой экономики; совершенствование системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами» и др. целесообразно ориентироваться не только и не столько на существующие реалии развития цифровизации, сколько на перспективные потребности в выпускниках педагогических вузов страны.

Трансформация системы образования происходит во всех странах на протяжении 15–20 лет. Вопросы подготовки квалифицированных кадров для потребностей рынка труда становятся все более актуальны в связи с развитием информационных технологий, смены технических укладов, развития инноваций⁴. Многие страны сталкиваются и с демографическими проблемами, которые в конечном итоге оказывают воздействие на систему подготовки рабочей силы⁵. Например, в Китае, как и в России, существует проблема старения населения на фоне сокращения численности молодых когорт, которые не способны полностью заместить работоспособное население страны и обеспечить иждивенцам надлежащий уровень содержания. Кроме того, меняется сам социум и рабочие специальности, благодаря новейшим технологиям, развитию робототехники и искусственного интеллекта⁶. Все это требует эффективных подходов в подготовке специалистов, которые будут способны работать и отвечать на новые вызовы цифровой реальности.

Сегодня активно развиваются новые формы обучения. Непрерывное образование в течение жизни, необходимость которого стала общепризнанной, в Европейском Союзе рассматривается как один из главных элементов социальной модели развития общества. E-Learning – это технология получения знаний посредством использования ИКТ⁷. M-Learning основано на использовании в процессе обучения мобильных средств связи. Очевидно, что непрерывное обучение сегодня – это объективная необходимость, которая продиктована современными вызовами экономики и социума.

¹ Крошилин С.В. Расходы на подготовку кадров для российских предприятий // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: Сборник материалов IV международной научно-практической конференции (Москва, 4 декабря 2018 г.) / ИСЭПН РАН [под ред. А.В. Ярашевой, О.А. Александровой, Н.В. Аликперовой]. – М., 2019. – С. 56–59.

² Дзгоев В. Кадры для экономики в эпоху технологического рывка // Метод. Государственное и муниципальное управление. 2018. – № 2. – С. 81–83.

³ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – <http://static.government.ru/media/files.pdf>

⁴ Крошилин С.В., Медведева Е.И. Влияние маркетинга образования на инновационное развитие общества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М.: Издательский дом «Финансы и кредит», 2011. – № 25 (118). – С. 11–21.

⁵ Медведева Е.И. Демографические процессы в России и маркетинг образования // Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 30–31 мая 2012 года / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Эконинформ, 2012. (вып. 2, тезисы). – С. 324–327.

⁶ Kroshilin S.V., Medvedeva E.I. The importance of the system of primary professional education for Russia's innovative economy // Russian Education and Society. – Armonk (NY), 2014. – Vol. 56, N 5. – P. 73–91.

⁷ Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. Electronic education and innovative economy development in Russia // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2011. – N 4. – P. 47–59.

Меденников В.И.

д.т.н., с.н.с., в.н.с. Вычислительного центра ФИЦ «Информатика и управление» РАН
dommed@mail.ru

Сальников С.Г.

к.ф.-м.н., руководитель отдела ФНЦ АЭСРСХ – ВНИИЭСХ филиал ВИАПИ
salnsg@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ ДЛЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПРИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ¹

Ключевые слова: аналитическая работа, информационное Интернет-пространство, социальный заказ, научно-образовательные ресурсы, цифровые стандарты, информатизация, сельское хозяйство.

Keywords: analytical work, informational Internet space, social order, scientific and educational resources, digital standards, informatization, agriculture.

Цифровые технологии дают возможность внедрения самых современных средств ИКТ не только в банковские, торговые операции, социальные сети, технологическое оборудование, но и в сферу управления. Многие экономисты это чувствуют. Например, в [1] говорится: «Цифровизация – это прежде всего жесткая схватка за превосходство в разработке передовых систем управления силами и средствами по всем категориям потенциалов развития».

Появление ЭВМ явилось ответом на изменение структуры производительных сил в обществе аналогично появлению машин, станков в эпоху промышленной революции. Однако возможности ИКТ в сфере управления используются очень незначительно даже в развитых странах Запада, тем более в России. Например, основное применение вычислительной техники в настоящее время – автоматизация рутинной работы. Потенциальные же возможности современных ИКТ позволяют реализовать и внедрить в экономику в массовом, индустриальном масштабе самые сложные режимы обработки информации: от информационно-справочного, наиболее распространенного сейчас в стране, до технологий искусственного интеллекта, о чем заявлено принятием Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. При этом остро встала проблема надежности, достоверности огромного массива информации; формирования соответствующего структурированного информационного пространства с необходимым инструментарием. Разрешение данной проблемы позволит значительно увеличить и возможности аналитической работы в интересах различных направлений деятельности общества, где нужны современные процедуры принятия решений.

Поэтому сегодня главная задача – осуществить научно-обоснованную и комплексную цифровую трансформацию общества, чтобы не скатиться к цифровизации существующих сложившихся экономических отношений, памятуя слова У. Черчилля «Генералы всегда начинают войну старыми методами».

Как известно [2], для реализации научно-технических инноваций необходимо выполнение трех условий: должен созреть «социальный заказ» на инновации, должен быть достигнут необходимый технический уровень для их реализации и должен быть достигнут социально-образовательный уровень населения (будущих потребителей) для восприятия инноваций. С этой точки зрения рассмотрим возможность и необходимые условия формирования единой информационной среды для аналитической работы при цифровой трансформации образования.

Эволюция общемировых информационных средств (ИС), насчитывающая четыре этапа [2], показывает, что как только данные были отделены от программных средств (ПО) с появлением более мощных средств хранения, переработки и передачи информации, возникла потребность в тиражировании ИС на некоторый круг предприятий. Как обычно при этом бывает, это потребовало введения стандартов на ИКТ. Экономической подоплекой для этого являются затраты на разработку программного продукта. Для того, чтобы программа, разработанная на основе оригинального проектирования и пригодная для запуска лишь своим автором на системе, на которой была разработана, превратилась в программный продукт, который уже любой человек может запускать, тестировать, исправлять и развивать, необходимы трехкратные затраты. Для интеграции же программы в программный комплекс, представляющий набор взаимодействующих программ, согласованных по функциям, форматам и интерфейсам, необходимы также трехкратные затраты по сравнению с оригинальной программой. Тогда затраты на разработку программного продукта, который тиражируем и интегрируем с другими программными продуктами в некоторую информационную систему (ИС),

¹ Доклад на круглом столе «Состояние и перспективы развития аналитической подготовки в российской системе образования». Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-07-00836 «Научные основы формирования единой цифровой платформы (единого информационного Интернет-пространства) аграрных научно-образовательных ресурсов на основе математического моделирования».

примерно на порядок больше стоимости разработки при оригинальном проектировании. Следовательно, при вложении средств в разработку комплексных ИС при внедрении их, начиная со второго десятка предприятий, будет достигнут уровень самоокупаемости разработки.

Отобразим данную закономерность на проектное пространство информационных систем (ИС), которое, начиная со второго этапа эволюции развития ИС, имеет три основных измерения: информационные ресурсы (ИР), ось приложенных (задач управления) и инструментальную составляющую, представляющую общесистемное ПО и электронное оборудование.

Исходя из этого, начиная со второго этапа эволюции ИС, пришло понимание необходимости введения стандартов на ось задач управления при внедрении ИКТ, то есть понимание, что при управлении бизнесом нужно соблюдать некоторые стандарты в виде формально описанных процедур, которым подчиняется любая организационная структура. Тем более, что никакой компьютер не способен автоматизировать континуальное множество возможных управленческих решений. В результате появились международные стандарты управления MRPII, ERP, CSRP, представляющие собой методологию управления финансами, материальными потоками, производством, проектами, сервисным обслуживанием, качеством и персоналом.

Введение же стандартов на ИР так остро не стояло на протяжении второго и третьего этапов эволюции ИС, поскольку, с одной стороны, ИС имели довольно широкие возможности настройки ИС на конкретные предприятия с соответствующим онтологическим моделированием их предметных областей, с другой – тиражирование осуществлялось на относительно однородные предприятия. При внедрении ИС внутри холдингов, объединений, корпораций разрабатывались внутрикорпоративные стандарты. Кроме того, в таком подходе были крайне заинтересованы фирмы-разработчики ИС, поскольку были заинтересованы в покупке большего числа как ПО, так и услуг по настройке и сопровождению его. Хотя на некоторые ИР стандартизация велась, например, еще в СССР было разработано 32 общесоюзных классификатора.

В качестве примера можно привести фирму 1С. Специфика предприятий по учету, терминологии понятий данных и управленческих функций, классификаторов требует содержать на каждом из них квалифицированных программистов для настройки модулей системы «1С». По данным Нуралиева Б.Г. – руководителя фирмы 1С при внедрении 1С трудится около 300 000 программистов. В результате – система учета и отчетности громоздкая и дорогостоящая, что делает удельные затраты на бухгалтер в России существенно выше, чем в большинстве развитых стран, а значит, снижает рентабельность и конкурентоспособность бизнеса. Она такой и останется при переходе на самые современные цифровые платформы без введения стандартов на функции управления и информационные ресурсы.

Стандартизация стала особенно необходимой при переходе к четвертому этапу эволюции ИС, связанному с появлением и использованием Интернета со всеми сопутствующими ему технологиями, который дал возможность доступа неограниченного числа пользователей к различным информационным системам, а также значительно расширил круг автоматизируемых задач. При этом появилась возможность осуществить интеграцию различных ИС и ИР не только в отдельных организациях, но и в масштабах отраслей, стран и всего мирового сообщества. Теперь без разработки стандартов на все оси проектного пространства информационных систем не обойтись. Ярким примером в этом плане является сельское хозяйство страны, как одно из самых сложных объектов для цифровизации, с десятками тысяч предприятий, с большим количеством технологий, видов ИР, функций управления.

Из анализа процесса информатизации сельского хозяйства следует, что в отрасли продолжается эпоха «позадачного» проектирования и разработки ИС с формированием в каждом предприятии собственных концептуальных логических моделей БД, онтологически несовместимых. До настоящего времени с этим можно было мириться в силу незначительного количества хозяйств, вовлеченных в данный процесс [4], а также сосредоточенности усилий в основном на автоматизации учетных функций. Лишь в последние два года в связи с огромным интересом в программе цифровой экономики, когда начали автоматизировать и технологические, производственные задачи, руководители ИТ подразделений агропромышленных предприятий начали бить в колокола по поводу слабой унификации и регламентации учетной политики, лоскутной автоматизации бизнеса, внедрения гетерогенных программных средств, БД, общесистемного ПО, отсутствия единой нормативно-справочной информации [5].

Хотя еще в рамках задания «Электронизация сельского хозяйства» Комплексной программы НТП стран-членов СЭВ на основе системного, научного подхода с использованием модели синтеза оптимальных ИС [6] были получены и разработаны онтологические (концептуальные) и логические модели технологических БД в растениеводстве, животноводстве, механизации и т.д., единые для всех сельскохозяйственных предприятий России. Аналогичным образом была проведена интеграция на основе онтологического моделирования технологических БД в 19 типах предприятий других отраслей. Например, в [4] рассматривается укрупненная концептуальная информационная модель растениеводства, разработанная силами творческого коллектива из различных ведущих отраслевых растениеводческих НИИ и Всероссийским научно-исследовательским институтом кибернетики АПК (ВНИИК) на единой методической основе. Кроме того, этим коллективом были выделены 240 задач онтологическим моделированием функций управления с едиными согласованными алгоритмами для всех сельскохозяйственных предприятий России. Также был разработан так называемый базовый программный комплекс (БИПК), состоящий из набора инструментальных средств: генератор отчетных документов, СУБД, статистический пакет, пакеты линейного программирования, оптимизационные пакеты, интегрированные между собой на основе пакета «Мастер». Данный БИПК был протестирован и утвержден комиссией Госагропрома и рекомендован в качестве основного инструмента (стандарта) в АПК. Такой подход позволил довольно быстро внедрить отдельные подсистемы примерно в 1000 предприятий с созданием центров обучения и внедрения по всей стране. Таким образом были разработаны прообразы стандартов на оси единого информационного пространства. Работы были осуществлены ВНИИК, в котором была собрана большая команда выпускников МФТИ (около 50). За

созданием ВНИИК и руководством работ стояли выдающиеся ученые, такие как академики Н.Н. Моисеев и А.А. Никонов.

Кроме того модель синтеза оптимальных ИС позволила получить еще один результат с далеко идущими последствиями, наряду с подтверждением стандартов на ось приложений в виде единых онтологических моделей информационных ресурсов и приложений в АПК. Это стандарт на ось информационных ресурсов. Вся первичная учетная информация может быть сформирована в универсальном виде (стандарте): вид операции, объект операции, место проведения, кто проводил, дата, интервал времени, задействованные средства производства, объем операции, вид потребленного ресурса, объем потребленного ресурса. Данная структура нашла подтверждение в форме первичных учетных данных карт истории полей, введенных постановлением Совета министров РСФСР от 6 мая 1961 года № 511 «О ведении в колхозах и совхозах шнуровой книги истории полей севооборотов и агротехнического паспорта полей севооборотов».

Данные исследования и разработки в настоящее время оказались невостребованными в силу отсутствия пресловутого «социального заказа», наличия, так называемого в физике «туннельного эффекта», памяти квадрат Брукса, в силу утраты навыков реализации больших наукоемких проектов, подобных атомному, космическому проектам, хотя, как видно из опыта реализации прообраза цифровой платформы АПК, рассмотренной выше, данная проблема вполне разрешима.

В [6] представлена математическая модель формирования цифровой платформы (ЦП) страны, полученная обобщением модели синтеза оптимальных ИС в сельском хозяйстве. Сформированная таким образом ЦП является интеграцией в единой облачной базе данных (ОБД) всех данных первичного, технологического и статистического учета отраслей на базе смоделированной унифицированной системы сбора, хранения и использования ее, единых классификаторов, справочников, нормативов, прочих реестров всех материальных, интеллектуальных и человеческих ресурсов.

Рассмотрим теперь проблему стандартизации при формировании единой информационной образовательной среды на примере сельскохозяйственных вузов.

Одним из перспективных направлений цифровизации вузов, НИИ является формирование единого образовательного и научного информационного пространства в виде интеграции научно-образовательных ресурсов в Интернете (ЕИИПНОР), которое будет выполнять триединую роль: поддержка научных исследований, повышение уровня образования (в том числе переподготовки) для всех слоев населения, эффективная система трансфера научно-образовательных знаний в экономику за счет неограниченного доступа к данным знаниям не только традиционным пользователям в лице научных работников, студентов и преподавателей, но и будущим абитуриентам и работодателям, госорганам, товаропроизводителям, бизнесу, менеджменту, другим категориям населения. Такое пространство должно убрать противоречия между объемами накапливаемой информации, знаний и их эффективным использованием, а также стать инструментом повышения качества ЧК, его оценки, влияния на социальное благополучие в стране.

Масштабное обследование потребностей товаропроизводителей в 22 регионах путем поездки в них с анкетированием органов управления, бизнеса показало, что наиболее востребованы в экономике России следующие виды представлений знаний: разработки, публикации, консультационная деятельность, нормативно-правовая информация, дистанционное обучение, пакеты прикладных программ, базы данных. Оказывается, что эти виды знаний присутствуют и на сайтах НИИ, вузов, ИКС.

Было показано [7], что совершенствование Интернет-технологий позволяет осуществить интеграцию их, опять же на основе онтологического моделирования, в единое информационное Интернет-пространство научно-образовательных ресурсов (ЕИИПНОР) с единых научно-методологических позиций с простой, понятной любому пользователю системой навигации с размещением ИР у одного провайдера на основе единых классификаторов, таких, как ГРНТИ и ОКП. Тем более, что требования, предъявляемые к сайтам вузов Министерством образования и науки, Рособназдором, отраслевыми министерствами для оценки деятельности образовательных учреждений, вынуждают эти сайты становиться все более похожими друг на друга. Недалек тот день, когда вузы должны перейти на типовые сайты. А это уже первый шаг к созданию единого информационного Интернет-пространства научно-образовательных ресурсов (ЕИИПНОР).

Возможность создания ЕИИПНОР проверена на основе математического моделирования, а также практической реализацией при разработке портала Российской академии сельскохозяйственных наук в 2007–2008 гг.

Рособназдор приказом № 785 от 29.05.2014 «Требования к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и формату представления на нем информации» обязал вузы частично привести их сайты к типовому виду, до ввода в действие этого приказа на сайтах вузов информация публиковалась в произвольном виде, что конечно затрудняло пользование сайтами как со стороны контролирующих организаций, так и обычных пользователей.

Однако в этих требованиях отсутствуют указанные выше научно-образовательные ресурсы, поскольку одним из главных видов деятельности для оценки вузов в России на первом месте стоит образовательная деятельность, в зарубежных же образовательных учреждениях научные исследования являются одним из главных видов деятельности.

Для наиболее полной оценки состояния информационных ресурсов, инструментальных средств обработки их, наличия прикладных задач на сайтах, оценки эффективности использования информационных, в частности, научно-образовательных ресурсов, отраженных на них, в [7] приведены соответствующие исследования на основе разработанной анкеты, где отражены 214 показателей деятельности (122 показателя оценивают представительство самого вуза, 40 показателей для факультета, 46 показателей для оценки кафедр и 6 показателей для общей оценки сайта).

На основе онтологических методов гетерогенные структуры сайтов были приведены к однородным структурам. Исследования подтвердили предположение, что в требованиях, предъявляемых к сайтам вузов Министерством образования и науки, Рособрнадзором, МСХ, существует недооценка научной деятельности вузов.

Краткие результаты состояния ИР на сайтах.

Из всех вузов (59 в 2013 г. и 54 в 2017 г.) лишь 85% представляли на сайтах информацию в виде списка с полным отсутствием онлайн-режима о разработках при приросте их количества за три года в 93,6% с 2013 г. по 2017 г. Однако этот прирост обеспечили только 10 вузов, остальные либо сократили, либо вообще прекратили публиковать информацию о разработках. Стоит отметить, что на сайтах трех вузов появились уже электронные каталоги разработок, правда, без размещения информации о них в СУБД.

В вузах за три года произошло сокращение их количества, представляющих на сайтах информацию о публикациях с 93 до 89%. При этом прирост публикаций произошел на кафедрах на 3,3% при существенном снижении в 2,6 раз на факультетах и в целом по вузам в 6,5 раз. При этом только в Кубанском ГАУ появились уже электронный каталог и полноформатное представление публикаций. В целом картина пестрая, не чувствуется ничьей координирующей руки. Отсутствие же СУБД приводит к несоответствию публикаций по формам представления и количеству на кафедрах, на факультетах и в целом по вузам, что делает их витринными и непригодными для многих пользователей.

Информацию о базах данных только 12% вузов представляли в 2016 году с сокращением до 11% к 2017 г. Два вуза разместили: РГАУ–МСХА на сайте (только на уровне вуза) 145 баз данных в виде электронного каталога и Кубанский ГАУ (538, из них на кафедрах – 4, факультетах -7, на уровне вуза – 527) в виде неупорядоченного списка. Проверить их работоспособность невозможно.

Представление вузами информации о пакетах прикладных программ (ППП) возросло с 17% в 2013 году до 24% к 2017 г. Проверить их работоспособность также невозможно, поскольку, как и разработки, ППП и БД не представлены в онлайн-режиме. Это связано с тем обстоятельством, что в настоящее время подавляющее большинство провайдеров не предоставляют услуг по использованию оптимизационных и статистических ППП. У них нет даже Excel. Отдельные провайдеры предоставляют услуги лишь по использованию СУБД, которыми ни один вуз не воспользовался.

Из 59 вузов в 2013 году только пять вузов представляли на сайтах информацию о дистанционном обучении, в основном, в виде неупорядоченного списка и шесть вузов к 2017 г. также в виде неупорядоченного списка. Это также свидетельствует о том, что представление на сайтах научно-образовательных ресурсов отдано на усмотрение разработчиков.

Из 59 вузов в 2013 г. только на сайте Рязанского ГАТУ был представлен консультационный вид деятельности (51 консультант), связанный с тем, что в Рязани, в свое время, активно работала информационно-консультационная служба. К 2017 г. произошел резкий скачок как в количестве консультантов – в 3,5 раза, так и количестве вузов – свыше 14. В Рязанском же ГАТУ остался один консультант.

В 2013 г. на сайтах 39 вузов была представлена нормативно-правовая информация: в виде неупорядоченного списка 299 экземпляров, в виде неупорядоченного полноформатного электронного представления – 936 и в виде упорядоченного полноформатного электронного представления 1385. К 2017 г. произошло резкое сокращение, соответственно, с 299 до 65, с 936 до 328 и с 1385 до 19. Это связано, видимо, с большой сложностью сопровождения этого вида информационного ресурса, особенно, без наличия СУБД.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что вузы пока рассматривают свои сайты как витринные, не вкладывая особых средств в их рациональное использование. Их аудитория – это, прежде всего, абитуриенты, потом студенты, но никак не товаропроизводители, управленцы, научные работники и население. Представление научно-образовательных ресурсов на сайтах держится лишь на энтузиазме исполнителей. При этом возросла их грамотность – появились экземпляры в виде электронного каталога и неупорядоченного полноформатного электронного представления, но полностью отсутствует упорядоченное полноформатное электронное представление на основе СУБД и в онлайн-режиме разработок, ППП, БД.

Проанализируем программное обеспечение, используемое сайтами вузов, на предмет требований ЦЭ как по интеграции информационных ресурсов (ИР), информационных систем (ИС), так и совместимости программного обеспечения для оценки их как инструментальных средств обработки информационных ресурсов и разработки прикладных задач.

Всего на 54 сайтах сельскохозяйственных вузов найдено 395 видов ПО, объединенных в 16 различных групп (табл. 1).

Таблица 1

Наименование и краткое предназначение групп ПО

№	Наименование группы ПО	Краткое описание предназначения группы ПО	Кол-во
1	CMS	Автоматизированное управление контентом	54
2	JS-фреймворк	Оформление страниц сайта	94
3	JS-графика	Графика на страницах сайта	12
4	Аналитика	Информация о работе сайта	56
5	Веб-сервер	Сервер, на котором запускается сайт	57
6	Веб-фреймворк	Аналогично п.3	24
7	Видеоплеер	Сервисы показа видео на сайте	5
8	Виджет	Показ небольших программных вставок	4
9	Карта	Показ географических карт на сайте	1
10	Мобильный фреймворк	Создание мобильной версии сайта	1

11	ОС	Операционная система сайта	27
12	Прочее	ПО, не попавшее в другие группы	3
13	Расширение Веб-сервера	Дополнения п. 5 для специфических нужд	4
14	Рекламная сеть	Организация рекламы на сайте	1
15	Шрифт	Дополнительные шрифты	17
16	Язык программирования	Язык, используемый в работе сайта	50

Как видно, самой многочисленной группой оказалась группа «JS фреймворк», в которой нашлось 94 записи (23,8% от общего числа найденного ПО на всех сайтах). Далее с большим отрывом идут группы ПО «Аналитика», «Веб-сервер» и «Язык программирования». Среднее количество ПО представлено группами ПО «CMS», «Веб фреймворк» и «Операционная система». Остальные группы представлены незначительным количеством.

Рассмотрим более подробней состав наиболее важной группы «CMS» (табл. 2). Полное описание всех групп приведено в [7].

Таблица 2

Распределение ПО в группе «CMS»

№ п/п	Наименование	Количество	% от общего числа сайтов	Среднее место в рейтинге вузов
1	1С-Bitrix	17	31,5	21,1
2	DataLife Engine	1	1,9	25,0
3	DNN	2	3,7	31,5
4	Drupal	1	1,9	15,0
5	InstantCMS	1	1,9	6,0
6	Joomla	16	29,6	35,7
7	OpenCms	1	1,9	27,0
8	«нет данных»	15	27,8	27,9
ИТОГО		54	100,0	27,5

Таким образом, с небольшим отрывом, на первом месте (31,5% от общего количества сайтов) оказалась CMS «1С-Bitrix». Второе место заняла CMS «Joomla» (29,6% от общего количества сайтов). В остальных группах в составе ПО наблюдается такое же разнообразие, как и для приведенной группы.

Анализ показал, что у провайдеров в арсенале есть лишь СУБД, но нет ни статистических, ни оптимизационных пакетов. Тем более, нет средств для разработки экспертных систем, искусственного интеллекта. Провайдеры объясняют причины такого положения тем, что нет спроса, то есть, нет социального заказа на инструментальные средства более сложных режимов обработки информационных ресурсов, помимо информационно-справочного. В настоящее время очень распространена CMS «1С-Битрикс». Однако у данной CMS почти единственно возможный вариант обработки данных на сайтах — информационно-справочный. Для реализации же сквозных технологий программы цифровой экономики, например, искусственного интеллекта (ИИ), он уже не годится. Для этого необходимо, чтобы разработчики CMS «1С-Битрикс» усовершенствовали язык программирования указанной CMS, осуществили интеграцию с ПО, представляющим более сложные режимы обработки данных, например с некоторыми пакетами прикладных программ статистики, линейного программирования, ИИ и т.д.

Соответственно, на сайтах не обнаружено и средств для аналитической работы при цифровой трансформации образования. Для полноценной аналитической работы необходим значительно больший арсенал ИР, в частности, в экономической сфере. Для чего в [8] предлагается единое информационное Интернет-пространство цифрового взаимодействия страны (ЕИИПЦВ), основанное на интеграции единой цифровой платформы, рассмотренной выше, и единого информационного Интернет-пространства научно-образовательных ресурсов.

Анализ ЦП, анонсированных в программе цифровой экономики, указывает на отсутствие, пожалуй, еще двух, не менее важных: инструментальных средств сложных режимов обработки данных; ЦП информационных научно-образовательных ресурсов (ИНОР).

В нашей стране государство, диктующее условия и правила становления ЦЭ, не смогло создать единую систему сбора, хранения и предоставления широкому кругу пользователей научных знаний, произведенных научным сообществом. В настоящее время эти знания размыты в различных БД, никак не связанных между собой: eLibrary, БД ФИПС, БД «ЕГИСУ НИОКТР», сайты НИУ, федеральный портал по научной и инновационной деятельности (www.sci-innov.ru), ИС Российского фонда фундаментальных исследований (www.rfbr.ru/rffi/ru), ИС ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2014–2020 годы» (www.fcntp.ru), ИС Фонда содействия развитию малых и средних предприятий в научно-технической сфере (<http://fasi.ru>), ИС Центра информационных технологий и систем органов исполнительной власти (www.citis.ru). Все эти источники, как и следовало ожидать, имеют гетерогенные структуры.

Вследствие отстранения государством РАН от научного обеспечения процесса цифровизации экономики и общества и в результате проведенных реформ в экономике в настоящее время товаропроизводителю трудно найти разработки, публикации, прочую информацию по проблемам экономики, поскольку старая система распространения и инноваций на бумажных носителях была разрушена, а новая на электронных – не создана. Поэтому в производственных ИС научно-образовательные ресурсы почти отсутствуют.

К сожалению, ценная и актуальная информация этих БД и ИС практически недоступна для использования в инновационной сфере, для аналитической работы. Основная причина – неразвитость коммуникативной функции, т.е. отсутствие свободного доступа к их содержимому из сети Интернет, отсутствие их интеграции.

Заключение

Анализ состояния информационных ресурсов, инструментальных средств обработки их, наличия прикладных задач в Интернет-пространстве показал отсутствие социального заказа на инновации и аналитическую работу, отсутствие необходимого технического уровня для их осуществления, а также отсутствие необходимого социально-образовательного уровня возможных пользователей.

Переход на платформу единого информационного Интернет-пространства цифрового взаимодействия страны позволит сократить затраты на разработку, внедрение и сопровождение информационных систем в сотни раз и позволит стране, как говорили разработчики ОГАС, обогнать США, не догоняя.

Конечно, рассчитать и сформировать ЦП в АПК с распространением на другие отрасли на основе математической модели формирования ЦП управления экономикой страны с достаточной степенью точности – довольно сложная задача. Для этого пришлось бы сначала проделать громадную работу по онтологическому моделированию всей деятельности в стране с созданием единых информационных классификаторов (реестров) всех ресурсов в экономике, упомянутых выше. Поэтому из Минкомсвязи на предложения по реализации представленной выше концепции в письме от 10.09.2019 г. ответили, что реализация предложений преждевременна в силу отсутствия средств. Указанные выше стандарты, подобно огромному количеству стандартов в мире, не отрицают рыночного подхода к цифровизации экономики страны, а позволяют значительно более эффективно использовать выделяемые на эти цели ресурсы.

Список литературы

1. Агеев А.И. Насколько Россия подготовлена к вызовам XXI века // НГ-Энергия. – М., 2019. – 16 января.
2. Ерешко Ф.И., Мединников В.И., Сальников С.Г. Проектирование единого информационного Интернет-пространства страны // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. – № 6. – С. 184–187.
3. Брукс Ф. Мифический человеко-месяц или как создаются программные системы. – СПб.: Символ-Плюс, 2001. – 304 с.
4. Мединников В.И. Единое информационное Интернет-пространство АПК на основе идей А.И. Китова и В.М. Глушкова об ОГАС // Цифровая экономика. 2018. – № 3. – С. 69–74.
5. ИТАПК-2019: теория и практика цифровизации аграриев. // Connect. 2019. – май-июнь. – С. 21.
6. Мединников В.И. Математическая модель формирования цифровых платформ управления экономикой страны // Цифровая экономика. 2019. – № 1. – С. 25–35.
7. Мединников В.И., Муратова Л.Г., Сальников С.Г. Методика оценки эффективности использования информационных научно-образовательных ресурсов. – М.: Аналитик, 2017. – 250 с.
8. Ерешко Ф.И., Мединников В.И., Сальников С.Г. Проектирование единого информационного Интернет-пространства страны // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. – № 6. – С. 184–187.

Морозов А.В.

д.п.н., профессор, гл.н.с. НИИ ФСИН России

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Ключевые слова: цифровое образование, тенденции развития, цифровая образовательная среда, обучающиеся, цифровизация, цифровой контент, цифровые ресурсы, цифровые образовательные технологии, образовательное пространство.

Keywords: digital education, development trends, digital educational environment, students, digitalization, digital content, digital resources, digital educational technologies.

Процесс цифровизации образовательной среды обусловлен её наполнением цифровым контентом, цифровыми ресурсами, цифровыми образовательными технологиями. Цифровизация образовательного пространства предусматривает широкое использование обучающимися всех уровней образования различных мобильных и Интернет-технологий, относящихся к цифровым образовательным технологиям.

Национальный проект «Образование» – это инициатива, направленная на достижение двух ключевых задач:

1. обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования;
2. воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций [8].

Цифровая экономика «выступает сегодня основным «заказчиком» для профессионального образования и обучения. Анализ перспективных рынков показывает, что владение цифровыми производственными технологиями уже в ближайшие 3-5 лет потребуется от выпускников самых разных направлений» [7].

Развитие цифрового образования призвано обеспечить его доступность из любого места, в любое время в том числе, в течение всей жизни (life long learning). Эффективное использование времени позволит оставаться в ежедневном, актуальном потоке информации, получая при этом всё новые и новые знания. Расширение доступа к образованию обусловлено процессом цифровизации и необходимостью формирования конкурентной среды. Важность доступного образования, соответствующего запросам времени признают во всём мире, в том числе и в России. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» подтверждает интерес государства к этому направлению [9].

Формирование новой цифровой образовательной среды происходит на фоне изменения условий, в которых были разработаны нынешние системы образования. «Новые возможности для всех» не подразумевают простой и тотальной трансформации имеющихся материалов, методик и не гарантируют полной интеграции в новую цифровую среду. Шансы интеграции могут повыситься при готовности к изменениям в процессе трансформации. Такой тренд как цифровизация породил новые рынки труда, спровоцировал необходимость обучения, переподготовки и повышения квалификации, обострил вопрос безработицы.

Как мы уже отмечали ранее в своих работах «цифровые образовательные технологии способствуют эффективному развитию социальной и творческой активности всех субъектов образовательного процесса, независимо от их социального статуса, возраста и пола» [3].

В условиях цифровой образовательной среды открытый доступ в класс позволяет минимизировать пропуски занятий, оставаться на связи с классом и педагогом, наиболее полно освоить учебную программу и систематизировать знания [6]. Полное погружение в урок позволяет ученикам социализироваться и адаптироваться. Именно системные знания помогают обогатить ментальный опыт и создать основу для сохранения и приумножения знаний в течение всего активного периода жизни. Прямой доступ к педагогу в условиях цифровизации, в сочетании с уроками, в основе которых использование традиционных и информационных технологий обучения помогает учащимся быстрее адаптироваться к новым условиям обучения.

Цифровая образовательная среда представляет собой условия, обеспечивающие опережающее получение знаний и конкурентных преимуществ [5]. Вместе с тем, необходимо осознание того, что с новыми возможностями, которые открывает для нас цифровизация, в период цифрового преобразования, приходят и новые проблемы. Нарастание возможностей для получения образования и вовлечения широкого круга обучающихся ставит вопрос о качестве такого массового образования [1]. В центр встаёт проблема содержания образования [2], а инструментом получения знаний являются цифровые технологии, которые, без живого общения теряют значительную долю смысла.

Наряду с огромными и ещё малоизученными возможностями цифровизации современной образовательной среды можно назвать целый ряд проблем и рисков, связанных с их тотальным внедрением в систему образования:

1. На сегодняшний день нигде в мире нет педагогической или психолого-педагогической теории образования с точки зрения его цифровизации, на которую могли бы опираться школьные учителя, преподаватели колледжей и ву-

зов при его проектировании и использовании, тогда как ни один специалист не возьмётся проектировать какое-либо техническое устройство без опоры на естественнонаучную теорию.

2. Сторонниками повсеместной цифровизации не представлены сколько-нибудь убедительные доказательства реального повышения качества образования при использовании цифровых образовательных технологий (именно по этой причине на сегодняшний день существует как неосознанное, так и вполне сознательное сопротивление процессу цифровизации образования определённой части педагогического корпуса нашей страны – особенно среди учителей и преподавателей старшего поколения).

3. Цифровые ресурсы позволяют обучающемуся в короткий промежуток времени получить практически неограниченный объём различной информации (в том числе и учебного предназначения), но при этом возникает весьма серьёзная коллизия: дефиниция «информация», отнюдь, не тождественна дефиниции «знания». Даже самые совершенные и высокотехнологичные гаджеты **в принципе не способны превращать информацию в знание, а значения в смыслы**. Пропорция, обусловленная большим объёмом информации, вовсе не означает аналогичного приращения знаний. Да, и саму информацию разные люди воспринимают по-разному, исходя из своего жизненного опыта, сложившихся конструктов и установок, ценностных ориентаций.

4. Процесс образования, состоящий из воспитания и обучения (в соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012) [10], реализуется при непосредственном взаимодействии субъектов учебно-воспитательного процесса – ученика и учителя (студента и преподавателя), включающего три стороны: коммуникативную; интерактивную; перцептивную [4].

Важное значение имеет вербальное построение модели общения субъектов педагогического взаимодействия, однако не в меньшей степени смысл того или иного слова для слушающего зависит также и от невербальных характеристик речи (экстралингвистики, паралингвистики, проксемики, кинесики) [4]. По вполне понятным причинам с помощью цифровых технологий невозможно транслировать все эти компоненты, являющиеся, по мнению многих авторитетных учёных, гораздо более значимыми в процессе общения, чем вербальная составляющая. Цифровая техника попросту неспособна улавливать такие тонкости. Вряд ли этим смогут овладеть даже самые совершенные роботы с искусственным интеллектом.

В процессе тотальной цифровизации образовательной среды живая речь обучающегося – как средство формирования и формулирования мыслей – выключена, по определению. Поэтому, **если пойти по пути всеобщей индивидуализации обучения с помощью персональных компьютеров, можно прийти к тому, что будет упущена сама возможность формирования творческого мышления, которое по своему происхождению диалогично**. Есть и другая опасность: свёртывание социальных контактов, сокращение практики социального взаимодействия и общения, что на практике приводит к индивидуализму и одиночеству.

Список литературы

1. Кудлаев М.С. Процесс цифровизации образования в России // Молодой учёный. 2018. – № 31. – С. 3–7.
2. Морозов А.В. Инновационные образовательные технологии в системе высшего и послевузовского образования // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации // Материалы научно-практической конференции (заочной) с международным участием. Отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск, 2015. – С. 487–493.
3. Морозов А.В. Профессиональная подготовка педагогов в условиях цифровизации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 750–751.
4. Морозов А.В. Социальная психология. – М.: Академический Проект, 2008. – 336 с.
5. Морозов А.В. Цифровизация образовательного пространства школы в условиях формирования цифровой экономики // Состояние и перспективы развития ИТ-образования: Сборник докладов и научных статей Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: ЧГУ, 2019. – С. 367–373.
6. Самборская Л.Н., Морозов А.В. «Доступный Класс» как перспективная дистанционная образовательная технология XXI века // Модернизация образования: научные достижения, отечественный и зарубежный опыт: Материалы XXV Рязанских педагогических чтений: в 2 т. / Под общ. ред. Л.А. Байковой, Н.В. Мартишиной, Л.И. Архаровой. – Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2018. – Т. 1. – С. 273–280.
7. Неочевидные риски цифровизации: куда движется образование. – <https://sn.ria.ru/20191211/1562209433.html>
8. Паспорт Национального проекта «Образование». – <https://base.garant.ru/72192486/>
9. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/
10. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 26.07.2019). – <http://kremlin.ru/acts/bank/36698>

Назарова И.Б.

д.э.н, ведущий эксперт, Центр социального предпринимательства НИУ ВШЭ inna-nazarova@mail.ru

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТА, ОБУЧЕНИЕ И ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные проекты, опорные вузы, образовательные программы, студенческая молодежь.

Социальное предпринимательство (СП) можно рассматривать в качестве одного из инструментов, позволяющих вносить позитивный вклад в развитие общества. Вовлечение молодежи и студенческой молодежи в частности в социальное предпринимательство расценивается как важная составляющая молодежной политики, которая может реализовываться путем привлечения молодых людей в реальные проекты СП и обучение социальному предпринимательству. Социально ориентированная предпринимательская деятельность должна быть интересна молодежи, поскольку позволяет удовлетворить потребность в занятии социально-значимой деятельностью, помогать обществу решать социальные проблемы, в том числе, вопросы молодежной занятости¹.

Университет для общества. Важная роль в деле формирования навыков социального предпринимательства и развития интереса в отношении социально-значимых проектов отводится университету, который может поощрять предпринимательские инициативы студентов, сотрудников, заинтересованных жителей региона, выступить в качестве организатора социальной деятельности, предложить образовательную программу (ОП) или отдельные курсы по социальному предпринимательству в рамках ОП. В целом университет может стать объединяющей площадкой для всех заинтересованных сторон в реализации социальных проектов. Эксперты на примере Красноярского края обосновывают целесообразность формирования кооперационных, консорциумных проектов, локализованных не в одном вузе, а собирающих компетенции из разных университетов и академических институтов².

Особая роль в развитии региона и социального предпринимательства в регионе отводится опорным вузам, призванным работать в тесной связке с регионами и на благо регионов в реализации социальных проектов студентов, по оказанию различных услуг учебному заведению и обществу, например, создав оздоровительный центр, танцевальную студию, кинозал, прокат, музей³.

Опорные вузы запланировали развитие социального предпринимательства и обучения социальному предпринимательству в своих программах развития. Например, в дорожной карте Сочинского государственного университета (СГУ), опорного вуза Краснодарского края предусмотрен блок мероприятий «Создание условий для приобщения молодежи к общекультурным и духовно-нравственным ценностям», в рамках которого реализовано мероприятие по созданию Молодежного Центра духовно-нравственного развития⁴.

Воронежский государственный технический университет (ВГТУ) получил статус опорного университета и работает «Дорожную карту» мероприятий⁵, которая предусматривает формирование в регионе системы социального предпринимательства, и университет будет играть в этом деле ключевую роль. В качестве мероприятия дорожной карты ВГТУ заявлено создание акселератора студенческих проектов в социальной сфере – «Конвейер проектов» (представляет собой акселерационную программу для инициативных групп и некоммерческих организаций, созданных студентами, включающую в себя образовательно-экспертный блок и конкурсный блок). Мероприятие предусматривает тренинги, мастер-классы, конкурс проектов. Победителям «Конвейера проектов» оказывается организационная помощь и финансирование.

Важным мероприятием в блоке социальных проектов ВГТУ является создание университетского центра краудфандинга (коллективного финансирования проектов), что сможет стать дополнительным стимулом для студентов, выпускников, которые хотели бы реализовать свой социальный проект (в том числе в виде социального предпринимательства). Данный центр способствует аккумулированию ресурсов и получению стартового капитала для проектов; повышению «стартовой способности» студенческих социальных проектов и проектов социально-ориентированных

¹ Киселева А.Н. Молодежная политика: социальное предпринимательство Кемеровской области // Вестник современных исследований. 2018. – № 6.1 (21). – С. 196–199.

² Багдасарьян И.С., Хорошева С.М. Социальное предпринимательство как основа молодежной политики Красноярского края // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. – № 4. – С. 79–90.

³ Чернышева Т.Л. Развитие предпринимательского мышления как миссия опорного университета // Российское предпринимательство. – М., 2017. – Т. 18, № 21. – С. 3097–3112.

⁴ https://www.sutr.ru/about_the_university/news/4995/?sphrase_id=2943

⁵ Дорожная карта мероприятий по трансформации университета в университетский центр и достижения целевых значений показателей результативности. – https://cchgeu.ru/upload/vuzy-tsentry-innovatsiy/Приложение_2.pdf

некоммерческих организаций (НКО), увеличению количества созданных НКО; привлечению внимания общественности к социальным проектам и социальному предпринимательству.

В Мурманском арктическом государственном университете (МАГУ) – опорном вузе Мурманской области в 2018 году открылся Молодёжный центр технологического и социального предпринимательства (МЦП), где реализуются проекты, связанные с технологическим и социальным предпринимательством. Один из первых проектов студентов – социальный – «Открытые сердца Арктики», в рамках которого организованы занятия творчеством с детьми с ограниченными возможностями здоровья¹.

Обучение социальному предпринимательству отражает дуализм сущности социального предпринимательства: обучение социальному предпринимательству и обучение социальных предпринимателей². Социальный предприниматель – человек, который создает и внедряет социальный предпринимательский подход путем создания социального предприятия, являясь решающим фактором для успешной социальной предпринимательской деятельности. Социальные предприниматели нуждаются в получении определенных компетенций, от которых зависят результаты деятельности³. При этом обучение социальному предпринимательству прежде всего создает социальную ценность, а не фокусируется на финансовой прибыли⁴. Несмотря на то, что социальное предпринимательство рассматривается в качестве частного случая бизнеса, социальных предпринимателей считают специалистами особого качества, стремящихся «сделать мир лучше», имеющих сфокусированную моральную мотивацию⁵. Таким образом обучать тех, кто хочет научиться социальному предпринимательству, необходимо и как руководителей предприятиями (проектами) и как занятых в социальной деятельности.

По мнению экспертов, обучение социальному предпринимательству в России можно внедрять уже в действующие образовательные программы, поскольку это особенно важно для определенных специальностей. Например, университет может ориентировать студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа» на создание социальных проектов, имеющих целью развитие социального предпринимательства, социального бизнеса и внедрение их в практику. Выпускающиеся специалисты по социальной работе – это квалифицированные потенциальные социальные предприниматели, а от университета зависит мотивация студентов на организацию бизнеса, формирование положительного имиджа предпринимателя. Студенты в период обучения могут изучить социальное проектирование, актуальные социальные проблемы в регионе и городе, предложить собственный социальный проект, который будет направлен на решение конкретных социальных проблем. Данное направление можно рассматривать, как новое направление социальной помощи населению⁶.

В ВГУ модуль по социальному предпринимательству включен в образовательные программы университета, что позволило осуществлять подготовку специалистов для сектора НКО, готовых к реализации и управлению инновационными проектами. Развитие образовательных программ в данном направлении должно способствовать формированию экспертного сообщества и кадрового резерва НКО. Модуль по социальному предпринимательству прошел экспертизу с привлечением представителей социально ориентированных НКО. В результате реализации планов по подготовке специалистов в сфере социального предпринимательства регион может ожидать повышение уровня и качества жизни людей за счет создания и реализации социально-предпринимательских проектов в регионе, повышение доступности и качества социальных услуг, предоставление новых и востребованных населением услуг, снижение напряженности отдельных социальных проблем, увеличение количества социальных предпринимателей, создание новых рабочих мест⁷.

В СГУ в рамках развития Центра духовно-нравственного развития действует Школа социального предпринимательства. Особенностью первого выпуска слушателей школы стал акцент на инновационное образование в дошкольной школе – все слушатели курса работают в сфере коммерческого дошкольного и школьного образования. Цель создания Школы – формирование у участников активной социальной позиции, развитие социально-ориентированных бизнес-проектов⁸.

Технологии обучения социальному предпринимательству и его эффекты. На сегодняшний день нет критического числа исследований по социальному предпринимательству в студенческой среде, которые могли бы подтвердить эффект от получения специального образования в области СП и успешной карьеры в этой сфере. Тем не менее, есть несколько исследований, которые убедительно показывают наличие эффектов образования в развитии особых предпринимательских навыков у студентов⁹ (табл. 1).

¹ В опорном вузе открылся Молодежный центр предпринимательства. – http://masu.edu.ru/press/news/15260-v-opornom-vuze-otkrylsya-molodezhnyy-tsentr-predprinimatelstva?phrase_id=63218

² См., например: Благов Ю.Е., Арай Ю.Н. Образовательные программы в области социального предпринимательства: мировой опыт и российские особенности // Вопросы образования. Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. Менеджмент. 2014. – Вып. 3. – С. 177–197.

³ Choi N., Majumdar S. Social entrepreneurship as an essentially contested concept: opening a new avenue for systematic future research // Journal of Business Venturing. 2014. – Vol. 29, N 3. – P. 363–376.

⁴ Santos F.M. A positive theory of social entrepreneurship // Journal of Business Ethics. 2012. – Vol. 11, N 3. – P. 335–351.

⁵ Благов Ю.Е., Арай Ю.Н. Цит. соч.

⁶ Рубанова Е.Ю., Венгер Т.Ю. Социальное предпринимательство и проблемы формирования мотивации студентов на открытие социального бизнеса // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2017. – Т. 8, № 1. – С. 347–351.

⁷ https://cchgeu.ru/upload/vuzy-tsentry-innovatsiy/Приложение_2.pdf

⁸ https://www.sutr.ru/about_the_university/news/4995/?phrase_id=2943

⁹ Hockerts K. The Effect of Experiential Social Entrepreneurship Education on Intention Formation in Students // Journal of Social Entrepreneurship. 2018. – Vol. 9, N 3. – P. 234–256. – <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/19420676.2018.1498377>

Обучение с использованием доходо-генерирующих проектов в качестве инструмента обучения стимулирует изучение СП и ведет к развитию навыков рефлексии, самосознания, общения и эмпатии, а также генерации новых идей у студентов¹.

Сравнение обучения по социальному бизнес-планированию на основе социального бизнес-плана (с изучением конкретных случаев (кейсов)) с традиционным обучением позволило сделать вывод о том, что обучение на основе социального бизнес-плана развивает понимание социальных и гражданских вопросов и создает более глубокое понимание управления социальными предприятиями².

Эмпирическим путем доказано, что существует влияние образования в области социального предпринимательства на намерения студентов открывать социальные предприятия. Исследование, проведенное среди участников элективных курсов магистратуры, свидетельствуют о том, что обучение по курсу социального предпринимательства повышает самооффективность, социальную поддержку и социальные предпринимательские намерения. Кроме того, исследование, проведенное среди участников массового открытого онлайн-курса, показало, что чем больше и активнее студенты обучаются социальному предпринимательству, тем больше наблюдаемых эффектов, связанных с их приверженностью этому направлению деятельности³.

Образование в области социального предпринимательства не только передает от преподавателя к студенту содержательные знания о выявлении возможностей социального рынка, но и направлено на повышение склонности студентов к участию в запуске социальных предприятий через процесс социального обучения⁴. Например, многие курсы по социальному предпринимательству были разработаны не только для того, чтобы научить участников быть эффективными социальными предпринимателями, но и для того, чтобы побудить больше выпускников бизнес-школ рассматривать социальное предпринимательство в качестве карьеры⁵.

Различные исследования показывают, что усилия в области образования могут влиять на моральные ценности и намерения студентов-бизнесменов⁶.

Эксперимент с участниками бесплатного онлайн курса по социальному предпринимательству на платформе Coursera (МООС) показал, что образование в части социального предпринимательства может влиять на намерения, социально-предпринимательскую самооффективность, поскольку обучающиеся, которые были активны в обучении и составлении бизнес-плана, смогли мобилизовать свой предпринимательский потенциал и успешно завершить обучение по курсу⁷.

Исследователи обращают внимание на важность обучения студентов посредством получения опыта в рамках партнерств между университетами и сообществами, которые позволяют обучающимся одновременно приносить пользу обществу и получать компетенции⁸. В связи с этим приводятся позитивные примеры использования принципа Service Learning (SL), который в современной системе образования рассматривается как виды модулей или семинаров, предназначенных для обучения студентов темам, предусмотренным в учебных планах, ориентированных на потребности сообщества. По сравнению с традиционными форматами обучения это метод обучения гражданственности, академическим дисциплинам, навыкам и человеческим ценностям. Подходы SL обеспечивают синергию между развитием предметных и общих навыков⁹, принятие социальной ответственности¹⁰.

Можно подчеркнуть важность личного общения при SL, в отличие от онлайн обучения. Результаты, касающиеся влияния SL на ключевые компетенции для социального предпринимательства показывают, что подходы SL (по сравнению с традиционными форматами) оказывают более действенное влияние на все компетенции студентов, которые определены как соответствующие для успешной работы в области СП. Позитивное влияние SL отмечено в части получения навыков общения в коллективе и в жизни в целом. Недостатком внедрения SL в образовательный процесс являются значительные затраты времени на организацию обучения¹¹.

Важно обучаться, включая в процесс обучения практическую деятельность, например, участвовать в наблюдении за реальным социальным предприятием, обсуждая с менеджерами возможность по улучшению социального

¹ Chang J.Y., Benamraoui C.A., Rieple A. Stimulating Learning about Social Entrepreneurship through Income Generation Projects // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2014. – Vol. 20, N 5. – P. 417–437.

² Kwong C.C., Thompson Y.P., Cheung C.W.M. The Effectiveness of Social Business Plan Competitions in Developing Social and Civic Awareness and Participation // *Academy of Management Learning and Education*. 2012. – Vol. 11, N 3. – P. 324–348.

³ Hockerts K. Op. cit.

⁴ Douglas H. Designing Social Entrepreneurship Education // *International Journal of Social Entrepreneurship and Innovation*. 2015. № 3 (5). Pp. 362–373.

⁵ Miller T.L., C.L. Wesley, D.E. Williams. Educating the Minds of Caring Hearts: Comparing the Views of Practitioners and Educators on the Importance of Social Entrepreneurship Competencies // *Academy of Management Learning and Education*. 2012. № 11 (3). Pp. 349–370.

⁶ Kavathatzopoulos I. Development of a Cognitive Skill in Solving Business Ethics Problems: The Effect of Instruction // *Journal of Business Ethics*. 1993. № 12 (5). Pp. 379–386.

⁷ Hockerts K. Op. cit.

⁸ Fitzgerald H.E., Bruns K., Sitonka S.T., Furco A., Swanson L. The centrality of engagement in higher education // *Journal of Higher Education Outreach and Engagement*. 2016. – Vol. 20, N 1. – P. 223–244.

⁹ Seifert A., Zentner S., Nagy F. *Praxishandbuch Service-Learning. Lernen Durch Engagement an Schulen*. 2012.

¹⁰ Dewey J. *Democracy and Education* / Free Press. – New York, 1996.

¹¹ Halberstadt J., Timm J., Kraus S., Gundolf K. Skills and knowledge management in higher education: how service learning can contribute to social entrepreneurial competence development // *Journal of knowledge management*. – <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JKM-12-2018-0744/full/html>

предприятия. Студентов целесообразно вовлекать в полевые исследования по социальной проблеме с целью выявления возможностей СП для создания собственных стартапов¹.

Ситуация в России в части обучения социальному предпринимательству – это междисциплинарные курсы и модули, встроенные в более широкий контекст (охватывающие дипломные и краткосрочные образовательные программы всех уровней); соединение теории с практикой (участия студентов в социально-предпринимательских проектах); позиционирование образовательных программ в области СП в качестве конкурентного преимущества на рынке бизнес-образования; диверсификация учреждений, предоставляющих образовательные услуги в области СП².

В России популярны «полевые» формы обучения СП, такие как бизнес-инкубаторы и акселераторы – своего рода бизнес-мастерские, в которых к работе над реальными проектами социальных предпринимателей подключаются консультанты, коучи, действующие опытные бизнесмены (в ходе работы анализируются сильные и слабые стороны проекта, вырабатываются решения и анализируются их последствия; обеспечивается полное погружение участников в проект)³.

Большинство образовательных программ по социальному предпринимательству, реализуемые в России, акцентированы на обучение социальных предпринимателей навыкам устойчивого, эффективного управления организацией, на развитие компетенций, необходимых для практической реализации бизнес-проектов с социальной направленностью.

Таблица 1

**Обучение социальному предпринимательству и его эффекты
(на основе материалов, использованных в обзоре данной статьи)**

Специфика образования	Инструмент обучения	Эффект
обучение СП	использование проектов, приносящих доход	развитие навыков рефлексии, самосознания, общения и эмпатии, генерации новых идей
	использование социального бизнес-плана	развитие понимания управления социальными предприятиями; социальных и гражданских вопросов
	включение в практическую деятельность социального предприятия	определение возможностей обучающихся СП для создания собственных стартапов
	участие в полевых исследованиях по социальной проблеме	определение возможностей обучающихся СП для создания собственных стартапов
	модули или семинары, ориентированные на потребности общества (Service Learning)	ориентированность на потребности, ценности общества; принятие социальной ответственности; развитие навыков общения; обеспечение синергизма между развитием предметных и общих навыков
	модуль по СП в ОП	повышение уровня и качества жизни людей за счет создания и реализации социально предпринимательских проектов в регионе, повышение доступности и качества социальных услуг в регионе, предоставление новых и востребованных населением услуг, снижение напряженности социальных проблем в регионе, увеличение количества социальных предпринимателей, создание новых рабочих мест
обучение социальной работе	курсы по СП в ОП	создание социальных проектов, имеющих цель развитие СП, социального бизнеса и внедрение их в практику; выбор СП в качестве карьеры
обучение бизнесу	курсы по СП в ОП	позитивное изменение моральных ценностей и намерений студентов-бизнесменов в отношении помощи обществу; мобилизация предпринимательского потенциала; выбор СП в качестве карьеры

Университет имеет и использует инструменты вовлечения молодых людей в сферу социальных проектов: обучение в рамках образовательной программы, отдельных курсов, предоставления услуг бизнес-инкубаторов, акселераторов, реализации конкретных проектов в самом вузе и на площадках региона.

Успешное включение в социальное предпринимательство в период (или после) обучения в университете требует специальной подготовки, отличной от той, что предлагают обычные программы по предпринимательству. Обучение социальному предпринимательству оказывает ряд эффектов в процессе подготовки: 1) в части профессионального обучения (умение управлять организацией, взаимодействовать с партнерами, принимать управленческие решения, составлять бизнес-план, реализовывать проекты) и 2) социального характера – вносить вклад в решение актуальных социальных проблем общества.

¹ Douglas H. Op. cit.

² Благов Ю.Е., Арай Ю.Н. Цит. соч.

³ Зверева Н. Образование для социальных предпринимателей в России. – <http://nb-forum.ru/useful/education/obrazovanie-dlya-sotsialnyh-predprinimateley-v-rossii>

Нестеров А.В.

д.ю.н., профессор Российского университета дружбы народов; профессор Российской таможенной академии

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ ИЛИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ АНАЛИТИКА¹

Ключевые слова: доказательственный, доказательный, аналитика, политика, медицина, образование, экспертные оценки, эксперт, экспертиза.

Keywords: evidence, evidence, analysis, politics, medicine, education, expert assessment, expert, expertise.

Новое явление, изначально получившее название «доказательная медицина», трансформировалось в политику, образование и другие сферы деятельности таким образом, что доказательная аналитика стала противопоставляться экспертным оценкам и экспертизе. В связи с этим, целесообразно рассмотреть феномен «доказательной аналитики». Учитывая, что цифровизация невозможна при отсутствии онтологий предметных областей знания, объединенных мета-онтологией, которые можно продуцировать только с помощью аналитической деятельности, настоящая тема является актуальной.

Немного истории

Считается, что в различных областях деятельности словосочетание «доказательная аналитика» появилось благодаря новому подходу в медицине, который был сформулирован как «доказательственная медицина» [Википедия]: «Доказательная медицина (англ. Evidence-based medicine – медицина, основанная на доказательствах) – подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных мероприятий принимаются исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности, а такие доказательства подвергаются поиску, сравнению, обобщению и широкому распространению для использования в интересах больных (Evidence Based Medicine Working Group, 1993)».

Понятие «Evidence-based Medicine», или «медицины, основанной на доказательствах» (доказательной медицины) было предложено канадскими учеными из университета Мак Мастера в Торонто в 1990 г.² В основе ее лежит проверка эффективности и безопасности методик диагностики, профилактики и лечения в клинических исследованиях. Под практикой доказательной медицины понимают использование данных, полученных из клинических исследований в повседневной работе врача.

В названном источнике отмечается, что с помощью словосочетания «доказательная медицина» обозначается методологический подход в практической медицине, позволяющий дать полноценную исчерпывающую сравнительную оценку эффективности и безопасности применения отдельных лекарственных средств для лечения конкретных патологических состояний, и сформулировать клинические рекомендации, учитывая при этом все экономические аспекты лечебного процесса.

Таким образом, речь идет о валидации медицинских методик, как верификации продукта в виде медицинских процедур, в соответствии с которым осуществляется практика (процесс).

Примерно также трактует это понятие в России В. Власов³: «ДМ определяют как форму медицинской практики, отличающуюся сознательным и последовательным использованием в ведении больных только методов, полезность которых доказана в доброкачественных исследованиях».

Он обращает внимание на то, что в нем не используется слово «наука», хотя современная форма научно-обоснованной медицинской практики подразумевает применение научно-обоснованных методов.

Политологи также стали обращать внимание на необходимость использования не только экспертных оценок, но и объективных доказательств в политике⁴. Интерес представляет публикация⁵, в которой немного раскрывается сущность понятия «доказательная политика».

Однако история развития такого подхода показывает, что зародился он в юриспруденции⁶ и сформировался в виде теории доказывания и доказательственного права в уголовно-процессуальном праве⁷.

¹ Доклад на круглом столе «Состояние и перспективы развития аналитической подготовки в российской системе образования».

² http://www.healthquality.ru/open/index_con.php?ac=index&mod_id=21&obj=co_staticpages

³ Власов В. Борьба за доказательства в начале XXI века // Отечественные записки. – М., 2014. – № 3 (60). – <http://www.strana-oz.ru/2014/3/borba-za-dokazatelstva-v-nachale-xxi-veka>

⁴ Cartwright N., Hardie J. Evidence-Based Policy: A Practical Guide to Doing It Better. – Oxford University Press, 2012.

⁵ Соулсбери У. Доказательная государственная политика: Откуда она пришла и куда идет. http://www.lgsp.uz/old/publications/option_paper_training/ebp_when_it_came_and_where_it_is_going_ru.pdf

⁶ Нестеров А.В. История экспертизы и экспертика // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. – № 3. – С. 12–19.

⁷ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: Норма, 2005. – 528 с.

В противовес юридическому доказательственному подходу в некоторых российских публикациях стали использовать понятие «доказательного» подхода. К сожалению, понятие «доказательного» подхода стали применять не только в юриспруденции или медицине, но и в политике, образовании и других областях жизнедеятельности людей. В этой связи возникла задача выяснения значения словосочетаний, используемых в исследуемой теме.

Для правильного понимания нового явления, называемого «доказательная аналитика», необходимо рассмотреть значения терминов «доказательная», «доказательственная», а также «доказательства» и «доказывание».

О терминах

Слово «доказательство» имеет два значения: действие (доказывание) и продукт доказывания, в том числе результат. Это приводит к неправильной трактовке его значения, если оно не имеется в тексте. Для исключения неоднозначности в практических предметных областях, наверное, необходимо использовать два слова доказывание и доказательство, учитывая, что любое практическое действие может иметь юридические последствия, и в юриспруденции эти слова различаются по значению.

Кроме того, именно в юриспруденции категория доказательств получила развитие в теории доказывания, и в ней сформулированы ее основные свойства. Даже в российском варианте «доказательной медицины» используются юридически значимые понятия доказательств и доказывания. В настоящем тексте будем использовать слово «доказательство» в значении продукта деятельности.

Наличие слов «доказательный» и «доказательственный» подразумевает два значения этих слов. Как известно, в логике используется словосочетание «доказательная аргументация», но в различных видах практической деятельности в основном используют слова «доказывание» и «доказательственные сведения, доказательства».

Интерес представляет статистический лингвистический анализ¹, согласно которому слово «доказательственный» используется в основном в юриспруденции (примерно 75%) и незначительно распределено еще в четырех предметных областях. Слово «доказательный» используется примерно 40% в юриспруденции, примерно по 18% в общей лексике и медицине и незначительно в двух других предметных областях.

Эти статистические сведения показывают, что в практической юридически значимой деятельности используется слово «доказательственный», а то, что слово «доказательный» проникло в юриспруденцию можно объяснить законотворческой деятельностью неопитов, формирующих законопроекты в специфических отраслях права, например, в техническом праве.

В русском языке существуют слова «деятель», «деятельный» и «деятельность». Однако в нем не сформировалось слово «доказатель», хотя имеются слова «доказательный» и «доказывание». Очевидно, что слово «доказательный» характеризует не субъекта, а некоторое действие в логике, а слово «доказательственный» относится к доказательству как результату доказывания.

Таким образом, словосочетания «доказательная медицина», «доказательная аналитика», «доказательная база» и т.п. представляют неудачный перевод иностранных слов без учета истории теории доказывания и особенностей русского языка. Поэтому, на наш взгляд, необходимо использовать термин «доказательственная аналитика».

Кроме лингвистических различий в используемых словосочетаниях важной задачей является выявление содержательного значения понятия доказательственной аналитики, которая как доказательная аналитика противопоставляется понятиям экспертных оценок и экспертизы.

О логическом треугольнике понятий экспертизы, экспертной оценки и доказательной аналитики

Основным вопросом по настоящей теме является вопрос: для чего нужны доказательства, что это такое и как их получают, почему появился интерес к объективным доказательствам и валидации методик?

К доказательствам обращаются в сложных (конфликтных, спорных, неочевидных) жизнедеятельностных ситуациях, когда необходимо совершить действие (операцию), в том числе мысленное действие (решение), обладающее политическим, экономическим, медицинским, юридическим или иным важным значением.

Основное отличие доказательной аналитики от иных подходов заключается в том, что субъекты, принимающие решения (политические, юридические, медицинские и т.д.), должны опираться не только на свои знания и/или «экспертные» (субъективные) оценки, но и на объективные доказательства так называемых аналитиков.

До недавнего времени во многих предметных областях практики при отсутствии количественных методов измерения использовали так называемые экспертные оценки (консилиумы). Подход «экспертной оценки» не имеет формализации и базируется на интуиции и опыте компетентных лиц. Поэтому он не подвергается валидации. В этой связи, строго говоря, его нельзя считать научно-обоснованным, а результат экспертной оценки считать доказательством, т.к. он фактически представляет собой, хотя и коллективное, но субъективное мнение. Эти аргументы привели к появлению метафоры: «медицины, основанной на фактах».

К сожалению, в середине прошлого века произошло смешение понятий «экспертиза» и «экспертные оценки». Это привело к тому, что в гуманитарной среде компетентных лиц, использующих экспертные оценки, стали необоснованно называть «экспертами», а сами оценки – «экспертизами». В конце XX века в России появились «незави-

¹ См.: <http://www.reright.ru/analysis/878112~доказательственный.html>

симые эксперты»¹ и благодаря СМИ знатоков стали именовать «экспертами», которые занимаются «экспертированием». В результате российский новояз пополнился очередными метафорами, связанными с экспертизами.

В отличие от знатока («эксперта»²), компетент (компетентностное лицо) в юридически значимой роли эксперта³, на основе документально подтвержденной компетентности, должен доказать свои сведения (ответы на сформулированные вопросы), которые можно многократно проверить с помощью используемой им методики. Знаток же может не иметь документально подтвержденной компетентности и, используя, так называемые, «экспертные оценки (подход)», высказывать свое субъективное мнение. Особенностью «экспертной оценки» является наличие в ней иррациональной составляющей.

Юридическая роль эксперта и исследование в рамках экспертизы появились в России в конце XIX и начале XX века, а результат экспертизы всегда рассматривался как объективные (экспертные) доказательства. Объективность этих доказательств гарантировалась апробированностью (валидацией) методик исследования.

Обратим внимание, что экспертные оценки выносят так называемые «эксперты», которые фактически представляют собой оценщиков. Эти субъекты, основываясь на органолептических, умственных («экспертных») способах, формулируют некоторые качественные оценки⁴. Даже если эти оценки (результаты оценки) затем оцифровывают, они не становятся количественными результатами, полученными на основании количественных методов.

Субъектов, которые осуществляют «доказательный анализ», стали называть аналитиками, чтобы отличить их от «экспертов». Как правило, эти аналитики фактически базируются свои заключения на количественных исследованиях, поэтому результаты этих исследований носят объективный (проверяемый) характер.

Когда политики заговорили об «умном» регулировании⁵, тогда появилась потребность не в оценках «экспертов», а в результатах количественных исследований эффективности предполагаемых регулирующих воздействий. Политики поняли, что при принятии политических (юридически значимых решений) необходимо опираться на юридически значимые заключения исследователей.

История развития юриспруденции говорит о том, что таких субъектов давным-давно называют экспертами, а их заключения в судопроизводстве или администрировании используются как имеющие доказательственное значение. При этом сам инструмент экспертизы развит достаточно хорошо⁶.

В этой связи нет необходимости придумывать новое значение известному термину аналитик, а использовать слово эксперт в значении юридической роли специального исследователя. Тривиальное определение слова «эксперт», которое сложилось в массовом сознании в начале XX века, надо применять в кавычках, либо заменить слово «эксперт» на слово экспертократ, которое стали использовать в начале XXI века.

Аналитическая деятельность, хотя и относится к исследовательской деятельности, существенно отличается от деятельности эксперта, в основании которой лежат юридические свойства исследовательской деятельности. Общая теория экспертизы, в которой рассматриваются основные юридические свойства деятельности эксперта и экспертной деятельности, накладывает определенные юридически значимые ограничения на взаимодействия субъектов, применяющих юридический инструмент экспертизы, и субъектов, выступающих в юридической роли эксперта.

Таким образом, логика развития понятия экспертизы сначала привела к появлению экспертных оценок, затем доказательной аналитики, и замкнулась на экспертизе, образовав логический треугольник.

Далее рассмотрим понятия «доказательная база» и «доказательственная база». К сожалению, и инженеры стали применять словосочетание «доказательная база», в частности, в техническом регулировании используется это словосочетание в отношении национальных стандартов, что вызывает вопрос у специалистов о правильности использования такого словосочетания, т.к. только доказательственная база может представлять собой совокупность доказательств⁷. Согласно одному из интересных ответов по этому поводу «доказательная база – это если бы был человек – “доказатель”, и вот его база и называлась бы доказательной»⁸.

О доказательственной базе

Как правило, юристы используют словосочетание «доказательственная база» для обозначения устных, письменных и/или вещественных, а также экспертных доказательств. Эти доказательства могут иметь юридическую силу (используются для принятия решения), если они получены правомерным путем и представляют собой фактические сведения.

Собирать (формировать) «доказательственную базу» (фактических сведений, имеющих юридическое значение) может уполномоченное законом лицо или заинтересованное лицо в соответствии с установленными процедурами.

¹ Нестеров А.В. Независимая или альтернативная экспертиза? // Безопасность. 1999. – № 1. – С. 18–19.

² Нестеров А.В. Еще раз об экспертократии // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. / Под общ. ред.: Ю.С. Пивоварова. Ч. 2. Вып. 8. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 77–83.

³ Нестеров А.В. О юридическом положении эксперта // Эксперт-криминалист. 2013. – № 2. – С. 7–12.

⁴ Нестеров А.В. Об экспертизе и экспертологии (экспертных оценках) (Препринт, апрель 2011 г.). – www.hse.ru/data/2011/10/18/.../Экспертные%20оценки.docx

⁵ Нестеров А.В. Об «умном» регулировании (Препринт – 2012 г.) URL:<http://pravo.hse.ru/expertika/announcements/59426294.html>.

⁶ См.: Нестеров А.В. Экспертика: Общая теория экспертизы. – М.: Тип. НИУ ВШЭ, 2014. – 261 с.

⁷ См.: <http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=322338b5b6da2090>

⁸ <http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=872591#allcomments>

Словосочетание «доказательственная база» используется в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации». Или, например, в Определении Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шакурова Раиля Курбановича на нарушение его конституционных прав статьей 158.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

С другой стороны, стандартизаторы используют словосочетание «доказательная база»: «Применение межгосударственных стандартов (ГОСТ) в качестве доказательной базы технических регламентов Таможенного союза требует совершенствования и повышения эффективности работ по межгосударственной стандартизации в рамках Межгосударственного совета по стандартизации, метрологии и сертификации и Межгосударственной научно-технической комиссии по стандартизации, техническому нормированию и оценке соответствия в строительстве...» [Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2012 № 1762-р «Об одобрении Концепции развития национальной системы стандартизации РФ на период до 2020 года»].

Судя по всему, это словосочетание также базируется на метафорическом определении, заимствованном из международного стандарта.

Отметим, что словосочетание «evidence-based» дословно переводится «на основе фактических данных», в отличие от словосочетания «доказательственная база» – *evidentiary base*.

На наш взгляд, совокупность доказательств составляет доказательственную базу, на основе которой лицо, осуществляющее деятельность, выполняет юридически значимое действие, в том числе мысленное действие (решение). Именно доказательственную, а не доказательную базу, т.к. она содержит доказательства.

О доказывании

В юриспруденции известно доказательственное право, в рамках которого доказательственная деятельность состоит из процессуальной (юридической) и логической деятельности, которые регулируются нормами законодательства и законами логики.

Доказывать можно только при наличии доказательств, которые должны обладать определенными свойствами. Если аргументы не обладают такими свойствами, то их нельзя рассматривать как доказательства. Доказательственным свойством обладают фактические сведения (факты), которые можно проверить.

Устные и/или письменные доказательства основаны на сведениях, которые предоставляют очевидцы с помощью устной и/или письменной речи. Эти сведения, так или иначе, фиксируются на материально-вещественных носителях непосредственно или косвенно с использованием технических средств, в частности, в виде аудио- и видеозаписей, иных объектов.

Любые доказательства должны быть:

- 1) относимыми к рассматриваемой жизнедеятельностной ситуации (релевантными);
- 2) допустимыми, т.е. полученными в соответствии с установленными процедурами, в том числе валидованными;
- 3) достоверными (репрезентативными);
- 4) категоричными;
- 5) проверяемыми (верифицируемыми);
- 6) достаточными (полными).

Особыми доказательствами являются экспертные доказательства. К ним в юриспруденции относятся категоричные ответы на вопросы в заключение эксперта.

В неочевидных случаях для получения доказательств привлекают лиц, обладающих специальными знаниями (компетентных лиц, компетентов). Компетенты могут выступить в юридически значимой роли специалиста для ответа на вопросы, не требующие исследования объекта (объективных свойств субъекта), а также в юридически значимой роли исследователя (специального и/или альтернативного) и/или эксперта.

Заключение эксперта или исследователя, юридически оформленное на основании исследования предоставленного ему объекта, и содержащее как минимум один категоричный ответ на сформулированный ему вопрос, можно рассматривать как экспертное доказательство.

К сожалению, юристы недостаточно активно занимаются терминологическими вопросами¹, а Минюст РФ не ставит должный заслон для проникновения метафор в нормативные правовые акты².

Выводы. То, что называется «доказательная аналитика, медицина, политика, образование» и т.п., представляет собой неудачный (метафоричный) перевод с английского, поэтому такую деятельность необходимо называть доказательственная деятельность аналитика, медика, политика, образование и т.д.

В этой связи, в образовательные стандарты и рабочие планы вузов необходимо включить дисциплины «Основы аналитической деятельности», «Теория доказывания» и «Основы исследовательской деятельности».

¹ Нестеров А.В. К вопросу о термине «экспертиза» // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. – № 1. – С. 40–44.

² Нестеров А.В. О некоторых вопросах терминологии судебной экспертизы // Материалы международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» г. Москва, 14 – 15 февраля 2007 г. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007. – С. 270–272.

Учитывая, что в неочевидных случаях профессионалу необходимо обращаться к специальному компетенту за получением специальных исследовательских доказательств, в том числе экспертных доказательств, студенты должны изучать дисциплину «Применение специальных знаний в профессиональной деятельности».

Новикова Е.С.

к.э.н., доцент, Российский экономический университет

ЭКСПОРТ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Ключевые слова: *российская экономика, система высшего образования, человеческий капитал, экспорт образования.*

В настоящее время борьба за человеческие ресурсы в международном разделении труда усилилась как никогда, и этому способствовал целый спектр накопившихся проблем и трендов в мировом социуме. Во-первых, новый скачок в технологическом развитии человечества привел к всеобщей цифровизации и автоматизации как производственных мощностей, так и сферы услуг. Данное изменение привело к вытеснению большого количества профессий, не пользующихся больше спросом на рынке, но вместе с тем требования к уровню образования, качеству знаний и навыков специалистов резко возросли.

Одновременно с этим технологические изменения привели к дополнительным возможностям по привлечению иностранных граждан в качестве студентов для получения профильного образования на соответствующем рынке с последующими возможностями: трудоустройство в стране, где было получено образование; трудоустройство в своей стране, но во взаимодействии с компаниями из страны, предоставившей образование; а также трудоустройство в третьей стране, где тем не менее влияние страны, предоставившей образование, играет большую роль.

Таким образом, мы сталкиваемся с процессом «утечки мозгов» из России в западные страны, а сами стараемся привлечь иностранных граждан из других регионов, таких как Китай, Индия, Вьетнам, страны бывшего Советского Союза и т.д. Такой отбор стран формируется на основе сложившихся торговых отношений между странами, а значит, и на основе заинтересованности в обучении своих граждан соответствующим знаниям и навыкам, удовлетворяющих данному рынку и сложившимся тенденциям. Сектор образовательных услуг становится инструментом «мягкой силы» в процессе влияния на другие страны, а также в формировании наиболее перспективных рынков продвижения своей продукции.

После развала Советского Союза большое количество российских студентов было привлечено западными вузами с целью формирования требуемого «рыночного» менталитета для дальнейшего продвижения своих идей в нашей стране. Результатом данного процесса стала сложившаяся за последние десятилетия система экономики потребления на отечественном рынке, а также возросший уровень зависимости российской экономики от импортных товаров. Только в последние 5 лет наблюдаются попытки по устранению или частичному снижению данной зависимости посредством политики импортозамещения.

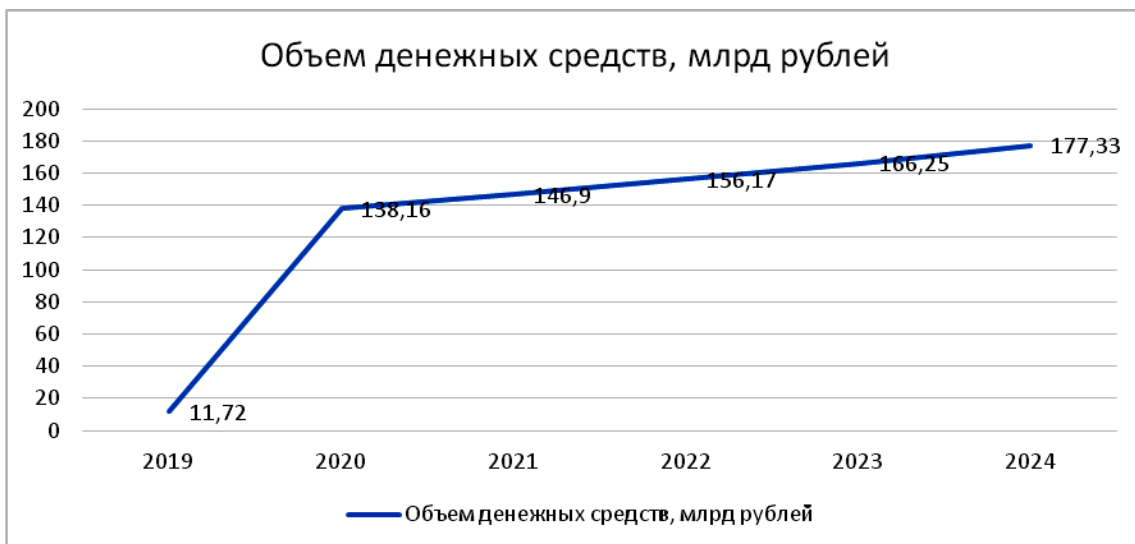
Роль человеческих ресурсов возрастает в геометрической прогрессии, а уровень конкурентоспособности стран уже сейчас оценивается по количеству выпускников наиболее востребованных, по ежегодному количеству зарегистрированных страной патентов, по количеству исследователей на рассматриваемую долю населения и т.д.

Например, по оценкам Всемирного банка человеческий капитал составляет 46% всего совокупного капитала, в то время как производственный капитал составляет 33%, природный капитал – 20%, а чистые иностранные активы – 1%. Здесь стоит отметить, что доля человеческого капитала в богатстве нашей страны на 24% меньше, чем в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – 70%.

В связи с этим, возникает вопрос, каким образом Россия могла бы в ближайшем будущем достичь более высоких и конкурентных показателей в области развития человеческого капитала.

Данная проблема является многомерной, она не может быть решена посредством одной или двух инициатив со стороны государства требует выработки новых подходов к развитию человеческих ресурсов. Одной из таких инициатив является привлечение иностранных студентов в российские вузы. В результате реализации соответствующего проекта количество иностранных студентов, численность которых в 2017 году составила 220 тысяч человек, должно возрасти до 710 тысяч в 2025 году. При этом количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций должно увеличиться с 1,1 млн. человек до 3,5 млн. в указанный выше период времени. С учетом планируемого роста количества иностранных студентов доходы государства от экспорта российского образования могут увеличиться до 370 млрд. рублей в 2025 году. В рамках реализации данного проекта 39 государственных вузов стали ведущими платформами по привлечению иностранных студентов в различных секторах экономики.

На реализацию проекта планируется потратить порядка 800 млрд. рублей, а первый транш был распределен в 2019 году в объеме 11,72 млрд. рублей в качестве пилотных денежных средств (рис. 1).

Источник: О приоритетном проекте «Экспорт образования». – <http://government.ru/info/27864/>

Рисунок 1

Данные средства предназначены на выделение дополнительных бюджетных мест для приема талантливых иностранных граждан, стимулирование знания английского и иного иностранного языка, выделение грантов на конкурсной основе для создания и продвижения онлайн-курсов, строительство университетской инфраструктуры (кампусы и общежития) и т.д.

С целью развития политики привлечения иностранных студентов в российские образовательные учреждения важно проанализировать происходившие исторические изменения в экспорте российского образования как в советское время, так и в последнее десятилетие.

В соответствии со статистикой численность иностранных граждан, обучавшихся в вузах СССР в период с 1950 по 1991 годы, возросла с 5,9 тысяч человек до 126,5 или в процентном отношении с 0,5 до 2,6%.

Таблица 1

Динамика численности иностранных граждан, обучавшихся в вузах СССР в 1950/1951–1990/1991 академических годах, и изменение их удельного веса в составе всех студентов советских вузов

Годы	Численность иностранных граждан, обучавшихся в вузах СССР, тысяч человек	Общая численность студентов в вузах СССР, тысяч человек	Доля иностранных граждан в составе всех студентов советских вузов, %
1950/1951	5,9	1246	0,5
1960/1961	13,5	1396,1	0,6
1970/1971	25,6	4580,6	0,6
1980/1981	88,3	5235,2	1,7
1990/1991	126,5	4853	2,6

Источник: Экспорт российских образовательных услуг, Статистический сборник, 2018.

С точки зрения экспорта образовательных услуг в мировом масштабе доля иностранных граждан, обучавшихся в вузах СССР, в общемировом контингенте иностранных студентов возросла за данный период времени с 5,4 до 10,8%.

Таблица 2

Изменение удельного веса иностранных граждан, обучавшихся в вузах СССР в 1950/1951–1990/1991 академических годах, в общемировом контингенте иностранных студентов

Годы	Общемировая численность иностранных студентов, тысяч человек	Численность иностранных граждан, обучавшихся в вузах СССР, тысяч человек	Доля иностранных граждан, обучавшихся в вузах СССР, в общемировом контингенте иностранных студентов, %
1950/1951	110	5,9	5,4
1960/1961	231,4	13,5	5,8
1970/1971	447,8	25,6	5,9
1980/1981	915,8	88,3	9,6
1990/1991	1168,1	126,5	10,8

Источник: Экспорт российских образовательных услуг, Статистический сборник, 2018.

Основная часть иностранных граждан, получивших российское образование за данный период, прибыла из Восточноевропейского региона (72 522 тысячи человек), а также стран Азии (58 516 тысяч человек). При этом наибольшее количество иностранных граждан в 1990/1991 академическом году, обучавшихся в советских вузах, прибыло из Монголии, Вьетнама, Афганистана, Кубы, Болгарии, Сирии, Йемена, Эфиопии и Ливана (табл. 3).

Наиболее крупные контингенты иностранных граждан, обучавшихся в советских вузах в 1990/1991 академическом году, по странам происхождения

Название страны	Численность иностранных граждан, обучавшихся в советских вузах, по странам происхождения, тысяч человек
Монголия	8,8
Вьетнам	6,7
Афганистан	6,1
Куба	6,1
Болгария	5,4
Сирия	5,0
Йемен	3,6
Эфиопия	3,5
Ливан	3,4

Источник: Экспорт российских образовательных услуг, Статистический сборник, 2018.

Таким образом, к 2016/2017 академическому году численность иностранных граждан в российских вузах выросла до 313 тысяч человек, что составило порядка 7% от всего количества студентов в России (табл. 4).

Таблица 4

Динамика общей численности иностранных граждан, обучавшихся в вузах РСФСР / РФ в 1950/1951–2016/2017 академических годах по очной и заочной форме и изменение их удельного веса в составе всех студентов российских вузов

Годы	Численность иностранных граждан, обучавшихся в вузах РСФСР/РФ, тысяч человек	Общая численность студентов в вузах РСФСР/РФ, тысяч человек	Доля иностранных граждан в составе всех студентов российских вузов, %
1950/1951	5,2	796,7	0,65
1960/1961	10,9	1496,7	0,73
1970/1971	20,7	2671,7	0,77
1980/1981	64,5	3045,8	2,12
1990/1991	89,6	2824,5	3,17
2000/2001	72,4	4741,4	1,53
2005/2006	113,8	7064,6	1,61
2006/2007	126,2	7341,4	1,72
2007/2008	147,6	7461,3	1,97
2008/2009	166,4	7513,1	2,21
2009/2010	175,6	7419	2,36
2010/2011	187,3	7049,8	2,65
2011/2012	198,5	6490	3,05
2012/2013	225	6075	3,70
2013/2014	250,2	5647	4,43
2014/2015	282,9	5209	5,43
2015/2016	296,2	4766,5	6,21
2016/2017	313,1	4399,5	7,11

Источник: Экспорт российских образовательных услуг, Статистический сборник, 2018.

В соответствии с последними данными, Россия вошла в шестерку стран, которые наиболее привлекательны для иностранных студентов. На первом месте США с 19%, на втором месте – Великобритания (8%), на третьем месте – Австралия (7%), а за ними следуют Франция, Германия и Россия по 5%.

К наиболее востребованным специальностям среди иностранных студентов, обучающихся в России, относятся инженерно-технические (22%), медицина (20%), экономика и управление (39%), юриспруденция (10%) и социально-гуманитарные науки (9%). Проект по привлечению иностранных студентов дает свои первые результаты, и в следующие пять лет российская экономика сможет получить дополнительные денежные средства от экспорта образовательных услуг.

Список литературы

1. Беляков С.А., Краснова Г.А., Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в России и в мире // Университетское управление: практика и анализ. 2016. – № 6. – <https://doi.org/10.15826/umj.2016.106.056>
2. Новикова Е.С. Влияние цифровизации на конкурентоспособность российской экономики с учетом привлечения дополнительных инвестиционных ресурсов // Проблемы и перспективы развития промышленности России. – М., 2019. – С. 521–527.
3. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров / Министерство науки и высшего образования РФ. – М., 2018.
4. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник, Вып. 8. – М., 2018.
5. Education at a Glance, OECD Indicators, 2019.

Орлов А.И.

д.э.н., д.т.н., к.ф.-м.н., профессор, директор Института высоких статистических технологий и эконометрики, профессор МГТУ
prof-orlov@mail.ru

МИФ МИРОВОЙ НАУКИ

Ключевые слова: наука, управление, миф, наукометрия, число цитирований, библиографические базы данных.
Keywords: science, management, myth, scientometrics, number of citations, bibliographic databases.

В послании Федеральному собранию 15 января 2020 г. президент России В.В. Путин подчеркнул, что «суверенитет нашего народа должен быть безусловным», и предложил внести в Конституцию норму, окончательно закрепляющую верховенство российского законодательства над международным. Рассмотрим ситуацию в управлении наукой с позиций этого предложения В.В. Путина. Ключевым вопросом является отношение к понятию «мировая наука».

В среде научных работников культивируется миф мировой науки. Согласно нему предполагается, что каждое новое исследование – это кирпичик в здание мировой науки. Научный работник должен быть знаком с достижениями своих коллег как отечественных, так и зарубежных. В свою очередь, он обязан донести свои результаты до исследователей всех стран.

Мой полувековой опыт научной деятельности говорит о том, что эти утверждения – миф, причем миф вредный. Статья посвящена обсуждению различных сторон этого мифа и его разоблачению.

Защитники мифа будут пытаться перейти на личность автора статьи. Поэтому начнем с объективной оценки вклада автора в науку. Более полувека назад в фундаментальной монографии В.В. Налимова и З.М. Мульченко [1] установлено, что объективной оценкой вклада ученого науку является число цитирований его публикаций в дальнейших научных работах. Автор является одним из наиболее цитируемых отечественных исследователей по экономике и математике, в чем легко убедиться, взглянув на данные Российского индекса научного цитирования. На 22 января 2020 г. в РИНЦ зарегистрировано 522 публикации автора настоящей статьи, 13 572 цитирования, индекс Хирша 40. Сопоставьте со своими данными.

Надо уточнить, что речь идет о фундаментальной науке. Научные исследования разделим на прикладные и фундаментальные. Прикладные научные исследования выполняются в интересах определенных заказчиков, которые и оценивают их успешность. Публикация полученных научных результатов не всегда целесообразна. Ограничения накладывает необходимость соблюдения государственной или коммерческой тайны. Для фундаментальных исследований нет таких заказчиков, поскольку их результаты никому конкретно не нужны. Фундаментальные научные исследования нацелены на приращение знания. Такое приращение когда-то в будущем (но весьма редко) может дать полезные практические результаты. Поэтому результативность фундаментальных научных исследований приходится оценивать по их вкладу в информационный процесс развития науки, по тому, как публикация использовалась в работах дальнейших исследователей, т.е. по показателям цитируемости. Из двух работ та оказала большее влияние на развитие науки, которую больше цитируют. Хотя к этому базовому утверждению можно дать ряд комментариев (см., например, [2]), его глубинная истинность не вызывает сомнений.

Как подсчитать число цитирований научной работы? Такая возможность появилась только в эпоху цифровой экономики и больших данных, когда можно осуществить сплошной поиск по широкой совокупности открытых информационных ресурсов. Точнее говоря, в мире действует ряд баз данных и построенных на их основе индексов цитирования.

Пишут, что «Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) – библиографическая база данных научных публикаций российских ученых». Действительно, значительное число работ российских ученых отражено в РИНЦ, в частности, опубликованные в журналах «списка ВАК» (перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук). Но отнюдь не все высококачественные издания индексируются в РИНЦ. Например, РИНЦ игнорирует журнал «Экономист» (прежнее название «Плановое хозяйство»), издаваемый с 1924 г., ежегодник «Статистические методы оценивания и проверки гипотез», выпускаемый с 1976 г., журнал «Биокосмология – нео-Аристотелизм» (Bilingual Electronic Journal of Universalizing Scientific and Philosophical Research based upon the Original Aristotelian Cosmological Organicism). Хорошо известно, что РИНЦ не индексирует часть российских научных публикаций. Тем не менее, по нашей экспертной оценке, РИНЦ дает достаточно адекватное представление о российской науке [3].

Из западных библиографических баз данных научных публикаций российским администраторам в области науки наиболее известны две – Скопус (Scopus) и WoS (Web of Science). Разработчиком и владельцем Scopus является западная издательская корпорация Elsevier (Амстердам, Нидерланды). До 2016 года система WoS разрабатывалась и

принадлежала компании Thomson Reuters, с 3 октября 2016 года управляется новой независимой компанией – Clarivate Analytics (Филадельфия, Пенсильвания, США). Есть много других библиографических баз данных научных публикаций как общих (например, Академия Google), так по отдельным группам научных специальностей (например, Agris – по всем вопросам сельского хозяйства и смежным с сельским хозяйством областям).

Весьма важно, какие публикации индексируются в той или иной базе данных. В связи с этим обстоятельством необоснованность некоторых широко распространенных утверждений поражает. Например, на основе данных библиографической базы Scopus утверждают, что вклад России в мировую науку составляет порядка 1% (ссылок не даем, чтобы не пропагандировать недостойные работы и их авторов). Однако в указанную базу включено более 6000 американских журналов и только около 200 – российских (а только в «списке ВАК» – несколько тысяч российских журналов). Нельзя удивляться малой цитируемости отечественных работ – просматривается один российский журнал на 30 американских! Если же сделать напрашивающуюся поправку – умножить на 30, чтобы уравнивать число индексируемых журналов – то получим, что оценка доли России – 30%, что вполне сопоставимо с американской долей (28,7%).

Миф мировой науки имеет ряд составляющих (см. также [4]).

Одна из составляющих этого мифа – необходимость тщательного знакомства с зарубежными публикациями, имеющими отношение к тематике работы отечественного исследователя. Следствием является требование к списку цитируемых статей и книг – зарубежные публикации должны составлять в нем десятки процентов. На самом же деле начинать исследование вполне можно с постановки важной (для исследователя) задачи, не беспокоясь о том, что о ней думают в России или за рубежом. Для дальнейшего развития могут пригодиться публикации российских ученых. Зарубежные статьи нужны лишь тогда, когда нет отечественных по той же тематике. Чем дальше ученый развивает свою тематику, тем больше ему приходится ссылаться на свои собственные предыдущие публикации и тем меньше – на внешние, отечественные и тем более зарубежные.

В качестве примера рассмотрим историю развития новой области прикладной статистики – статистики нечисловых данных [5]. Предыстория (1970-е годы) была связана с осознанием зарубежного опыта, но на основе переводов книг, а не поиска оригинальных западных статей. С момента выделения новой области (1979 г.) доля ссылок на зарубежных авторов монотонно падает, проводится цитирование внутри статистики нечисловых данных, т.е. цитирование отечественных авторов. Мы оказались настолько впереди зарубежья, что оглядываться на него не имеет смысла, это не приносит пользы.

Вторая составляющая мифа мировой науки – якобы имеется необходимость сообщить свои научные результаты мировому научному сообществу, причем почему-то англоязычному. Мировое сообщество либо игнорирует такие попытки, либо набрасывается на ценные идеи, порождая клубок публикаций, в котором уже и не разглядишь исходную отечественную идею. Можно привести образное сравнение. Отечественный ученый изготовил, скажем для примера, стол. Западному ученому стол понравился, и он решил его доработать – покрасил один угол. Второй покрасил ножку, третий – ящик, и т.д. В результате наблюдаем клубок публикаций. Как выглядит цитирование? Первый доработчик цитирует отечественного автора. Второй – пишет, что продолжает работу первого. Третий – развивает идеи второго. Основополагающий вклад россиянина забывается, не находит отражения в цитируемости. Этот эффект хорошо знаком историкам технических изобретений – исходная российская идея забывается доработчиками, и в настоящее время многие и не знают, что мобильный телефон, персональный компьютер и Интернет были изобретены в нашей стране.

Опубликовать статью на английском языке за рубежом – это возможность продемонстрировать, как ценят автор этой статьи во всем мире. И совсем неважно, что для соотечественников знакомство с этой статьей будет затруднено – как из-за трудностей при обращении к журналу, так и из-за языковых проблем. Зато специалисты в англосаксонских странах, являющиеся геополитическими конкурентами нашей страны, совершенно бесплатно получают в свое распоряжение научные результаты, найденные на деньги российских налогоплательщиков [6]. Более того – перевод и оплата публикаций производится также за российский счет.

Резкий контраст со сравнительно недавними реалиями XX в., когда наши статьи переводились на английский западными партнерами, а авторы получали гонорары за переводы. Или вспомним работу фонда Сороса – в ответ на краткое изложение своих результатов (на русском) получали доллары. Сейчас все расходы переложены на российских авторов и организации, в которых они работают.

Кому выгодна такая глобализация? В современных условиях – геополитическим конкурентам нашей страны. Патриотизм означает, что заботиться надо прежде всего о своей стране, а не о геополитических конкурентах.

Из мифа мировой науки вытекают административные меры. Во многих российских научных организациях и вузах введены нормативы по публикациям статей в журналах, индексируемых в базах данных Scopus (Скопус) и Web of Science (WoS), а за публикацию таких статей их авторы получают внушительные выплаты. Если за нефть и газ западные потребители платят отечественным добытчикам, то научные результаты отдаем бесплатно, да еще и платим за доставку из своего кармана.

Развивая анализ мифа мировой науки, обсудим влияние внешнего мира на российскую науку и, наоборот, российской науки на внешний мир.

Бесспорно, что основная проблема современной науки – всеобщее невежество научных работников, вызванное огромными залежами накопленных научных результатов [2]. Нужно ли искать жемчужное зерно в этих залежах? Очевидно, службы научной разведки должны отслеживать движение мысли и научные достижения геополитических конкурентов. В фундаментальной науке функции научной разведки возложены на ВИНТИ РАН. Выпуски выпускаемого этим институтом реферативного журнала охватывают основные отрасли науки.

Заметно большее значение, чем информация о заокеанской активности, имеет анализ отечественных достижений. Для преодоления естественного невежества проводят научные конференции и семинары, публикуют обзоры. Од-

нако за последние десятилетия число участников конференций и семинаров уменьшилось по крайней мере на порядок. Одна из причин заключается, видимо, в том, что научные работники во многом переключились с проведения исследований на добычу средств, обеспечивающих по потребности нижних этажей пирамиды Маслоу. Подготовка обзоров также сократилась – ведь в них нет новых научных результатов. Между тем читают обзоры в несколько раз чаще, чем оригинальные статьи. Сказанное объясняет, почему в настоящее время отсутствует целостное представление о развитии отечественной науки. Выработкой такого представления должны во много раз активнее заниматься специальные службы научно-информационные службы, продукция которых нацелена как на российских исследователей, так и на зарубежных специалистов. Именно такие службы должны представлять отечественную науку за рубежом, в то время как отечественным ученым естественно работать на Россию, а не на Запад.

Итак, миф мировой науки – инструмент антироссийской деятельности, в том числе пропаганды преклонения перед Западом и присвоения российской интеллектуальной собственности.

Ряд положений настоящей статьи высказывался и другими авторами. Например, *член-корреспондент РАН Лев Александрович Грибов (лауреат Государственной премии РФ, заслуженный деятель науки России, профессор, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН), доказывая необходимость собственных (т.е. российских) научных журналов, подчеркивает: «российские ученые должны работать на Россию» [8].*

Развитию отечественной науки мешают еще и необоснованные попытки помешать естественному информационному процессу распространения информации. Так, президент РАН возмущается, что у ряда авторов «одна и та же статья была напечатана неоднократно с косметическими правками текста (а иногда даже и без них) в разных журналах» [9]. Действительно, многие тексты Александра Сергеевича Пушкина, Льва Николаевича Толстого и других авторов были напечатаны «неоднократно с косметическими правками текста (а иногда даже и без них)». Какое безобразие! Надо принять меры ...

Суть дела проста. Статьи печатают, чтобы распространять информацию. Ясно ведь, что, например, социологи или экономисты никогда не будут читать статьи по математическим методам исследования в журнале «Заводская лаборатория. Диагностика материалов». Значит, приходится им рассказывать отдельно. Президент РАН оторван от реального развития науки и живет представлениями узкого клана, в котором все друг друга знают – как по трудам, так и лично. Причем клана давнего, с соответствующей инфраструктурой – набором организаций, журналов, конференций и других научных институций.

К чему приведут гонения на повторные публикации? К значительной потере эффективности развития науки как информационного процесса (см. название книги В.В. Налимова и М. Мульченко [1]) из-за искусственного сокращения единиц распространения информации. Особенный ущерб понесут недавно возникшие мультидисциплинарные направления, не успевшие обзавестись своими журналами.

Подведем итоги. Как обосновано еще полвека назад [1] и подтверждено нашими исследованиями [2], основным наукометрическим показателем, по которому надо оценивать научную деятельность отдельного российского исследователя, научного коллектива (лаборатории, отдела, кафедры или организации), является число цитирований в РИНЦ (именно в РИНЦ, а не в западных базах данных!). Ориентация на зарубежные базы данных Скопус и WoS наносит вред интересам нашей страны [5], поскольку при этом игнорируется основная часть отечественной научной продукции, усилия исследователей направляются на достижение ложных целей (в частности, на подготовку статей на английском языке и пробивание их в англоязычные журналы, индексируемые в Скопус и WoS). Миф мировой науки соответствует представлению о России как о колонии англосаксов, в которой российская наука платит дань победителям, преподнося им свои научные результаты в виде, полностью подготовленном для бесплатного потребления англоязычными специалистами.

Список литературы

1. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение науки как информационного процесса. – М.: Наука, 1969. – 192 с.
2. Лойко В.И., Луценко Е.В., Орлов А.И. Современные подходы в наукометрии: монография / Под науч. ред. проф. С.Г. Фалько. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 532 с.
3. Орлов А.И. Методы анализа и оценки результатов научной деятельности с позиций контроллинга науки // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Материалы XVIII Международной научной конференции и других мероприятий, проведенных в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения» / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – С. 693–695.
4. Гринченко С.Н. Является ли мировая наука «организмом»? // Биокосмология – нео-Аристотелизм. 2014. – Т. 4, № 1–2. – С. 115–122.
5. Орлов А.И. Статистика нечисловых данных за сорок лет (обзор) // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 2019. – Т. 85, № 11. – С. 69–84.
6. Орлов А.И. Контроллинг научной деятельности // Контроллинг. 2019. – № 71. – С. 18–24.
7. Милек О.В., Шмерлинг Д.С. О продвижении университета на международном академическом «рынке» // Наукометрия и экспертиза в управлении наукой: сборник статей / Под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева. – М.: ИПУ РАН, 2013. – С. 139–143.
8. Грибов Л.А. Собственные научные журналы. Нужны ли они? // Троицкий вариант – Наука. 2018. – 24 октября.
9. Сергеев А.М. Не жалейте академиков // Российская газета. – М., 2020. – 14 января.

Павлов Б. С.

д.филос.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН. Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

О ПРИНЦИПЕ АДРЕСНОСТИ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА¹

Ключевые слова: инженер, воспроизводство, статус профессии, мотивация труда, адаптация, жизненные планы, карьера, гармонизация интересов, семья, бизнес, власть, девиации, завод, реформа, Урал.

Keywords: engineer, reproduction, profession status, labor motivation, adaptation, life plans, career, harmonization of interests, family, business, power, deviation, factory, reform, Urals.

Родившаяся в 30-е годы прошлого столетия классическая аксиома *«Кадры решают всё»* остаётся актуальной и сегодня. Каково же состояние этого решающего фактора общественного развития в России в начале XXI века? Наряду с острой необходимостью развития в РФ международного движения Worldskills, целью которого является повышение престижа рабочих профессий и развитие навыков мастерства, отечественная экономика, особенно, промышленное производство испытывает острую потребность в расширенном воспроизводстве корпуса инженерных кадров.

В условиях кризисного развития экономики одной из приоритетных задач технических вузов является подготовка инженеров, конкурентоспособных на региональных рынках труда. Главный «корень» низкого престижа профессии «инженер» в России, пробуксовки в подготовке таких кадров в технических вузах, таится в обесценивании инженерного труда, снижения его социальной и экономической привлекательности. Разрыв связи науки, образования и промышленности ведёт к старению инженерного кадрового корпуса на предприятиях, к уходу наиболее талантливых инженеров в другие сферы деятельности².

Особо хотелось бы отметить и тот факт, что вопросами модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов всерьез заинтересованы Президент и Правительство РФ. Вот некоторые факты, подтверждающие это. Ещё 26 мая 2004 г.: В Послание Президента РФ Федеральному Собранию отмечалось: «Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала. За четыре последних года мы смогли компенсировать около 40 процентов падения. Но, несмотря на это, нам пока не удалось «догнать самих себя» образца 89-го года. ... Главным конкурентный капитал, главный источник развития страны – это ее граждане. Для того чтобы страна стала сильной и богатой, необходимо сделать все для нормальной жизни каждого человека, человека, создающего качественные товары и услуги, создающего культурное достояние державы, создающего новую страну.

Для раскрытия такого потенциала мы должны общими усилиями создать безопасные условия жизни, снизить уровень преступности в стране, необходимо улучшить состояние здоровья российской нации, остановить рост наркомании, избавиться от детской беспризорности. Мы должны снизить уровень смертности, увеличить продолжительность жизни людей, преодолеть демографический спад. Уже в ближайшем будущем мы можем столкнуться с нехваткой рабочей силы, повышением социальной нагрузки на молодое поколение работающих» И далее: «Сегодня профессиональное образование не имеет устойчивой связи с рынком труда. Более половины выпускников вузов не находят работу по специальности. Массовый охват высшим образованием сопровождается снижением уровня преподавания. ... Одна из самых серьезных проблем – это недоступность качественного образования для малоимущих. ... Результативность реформ в этой сфере сегодня следует измерять по показателям качества образования, его доступности и его соответствия потребностям рынка труда»³.

Согласимся, что и начало 20-х годов текущего столетия актуальность и острота обозначенных более 15 лет назад социально-экономических проблем остаётся в повестке дня развития РФ. При этом непрерывно идёт процесс усложнения целей и задач продуктивного функционирования сферы профессиональной социализации российской молодёжи, особенно в части её целевого предназначения. В Послании Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года отмечается: «Нам необходимы специалисты, способные работать на передовых производствах, создавать и использовать прорывные технические решения... хочу обратить внимание молодёжи: ваш талант, энергия, креативные способности – в числе самых сильных конкурентных преимуществ в России... Для этого нужно обеспечить ши-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00100 «Гармонизация триады «население-власть-бизнес» как основа поступательного социально-экономического развития регионов России».

² Павлов Б.С., Сиражетдинова А.А. Формирование кадрового корпуса инженеров на Урале: социологический аспект // Экономика региона. 2012. – № 1. – С. 62–75.

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 мая 2004 г. – <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494>

рокое внедрение обновлённых учебных программ на всех уровнях профессионального образования, организовать подготовку кадров для тех отраслей, которые ещё только формируются»¹.

Как показывает реальная практика (в частности практика промышленного производства на Урале), за последнее десятилетие – налицо, мягко говоря, устойчивое «определённое рассогласование желаемого и действительного». Обратимся к результатам наших социологических исследований. Прежде всего, немного истории вопроса. Активное обращение к инженерной проблематике социологов Института экономики УрО РАН, в содружестве со специалистами ряда вузов других регионов началось в конце 90-х годов прошлого века. В первую очередь – это исследования в городах Восточной Сибири (гг. Чита², Улан-Удэ³ и др.). Начиная с 2005 г. с участием автора статьи было проведено более десятка целевых «инженерных» опросов в городах и поселениях Уральского региона, в частности:

– **2012 г.** – в процессе работы над проблемой анализа ресурсов инновационного развития высшего профессионального образования территории было проведено комплексное социологическое исследование, включавшее анкетные опросы по квотно-репрезентативной выборке представителей 4-х групп респондентов – субъектов процесса воспроизводства кадров специалистов с высшим образованием: 1000 студентов IV–V курсов 7-ми уральских вузов («СТ»⁴); 250 преподавателей этих вузов («ЭП»); 600 молодых специалистов (выпускников вузов)⁵ с предприятий реальной экономики Урала («МС»⁶); 150 руководителей⁷ этих же предприятий (подразделений) («ЭР»); – далее условная общая аббревиатура проекта – «Урал-вуз-2012».

– **2013 г.** – был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши – 46%, девушки – 54%) – «Урал-Школа-2013».

– **2015 г.** – в марте-апреле по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) был проведен опрос 450 студентов старших курсов. В выборку были включены 225 студентов, обучающихся в институтах УрФУ технического (инженерного) профиля и 225 – гуманитарного профиля. Выяснились их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы – «Студентки УрФУ-2015».

– **2016 г.** – в семи вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов 2-х и 4-х курсов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей. Опрошенные студенты были подразделены в соответствии с профессиональной направленностью вузов на три группы: а) технические (УрФУ, УрГУПС, ЮУрГУ – 750 чел.) – условная аббревиатура в тексте – «Техн»; педагогические (СГПУ, ЧГПУ – 350 чел.) – «Пед» и гуманитарные (ЧелГУ, ТюмГУ) – «Гум» – 400 чел. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов с технической и гуманитарной направленностью обучения; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей. Общая аббревиатура для опроса – «Урал-Школа-Вуз-2016».

– **2017 г.** – было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос 1000 студентов первых и четвертых курсов четырёх уральских вузов на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; г) в трёх институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) – 400 чел. – «Урал-Вуз-2017».

– **2016–2018 гг.** – был проведён опрос (и соответствующие расчётно-аналитические операции) 1300 специалистов – представителей уральского инженерного корпуса на 9 промышленных предприятиях Свердловской области (отрасли: черная и цветная металлургия, машиностроение, электроэнергетика и военно-промышленный комплекс), и в 5 институтах УрО РАН и 3-х отраслевых институтах по единой стандартизированной анкете («Анкета инженера») – далее «Урал-Завод-2018». В предлагаемой статье использованы результаты анкетных опросов инженеров по четырём предприятиям Свердловской области, вошедшим в выборку опроса и составившим его основную часть (72%), в частности:

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года (полный текст). – <https://www.pnp.ru/politics/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-20-fevralya-2019-goda-polnyu-tekst.html>

² Лоншакова Н.А., Павлов Б.С. Студенческая молодёжь на региональном рынке труда: проблемы ориентации и адаптации (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург; Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 81 с.

³ Павлов Б.С., Багин В.В., Лоншакова Н.А. Рынки труда и образовательных услуг в контексте социальной безопасности региона (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург; Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 93 с.

⁴ В выборку вузов были включены: Уральский федеральный университет (УрФУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовский государственный гуманитарный университет (НГГУ), Челябинский государственный университет (ЧГПУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ) и др.

⁵ Опрашивались молодые специалисты в возрасте до 30 лет, со стажем работы на данном предприятии не менее 3-х лет.

⁶ В выборку вузов были включены: Уральский федеральный университет (УрФУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовский государственный гуманитарный университет (НГГУ), Челябинский государственный университет (ЧГПУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ) и др.

⁷ На предприятиях (производствах, подразделениях) опрашивались руководители, в чьём непосредственном подчинении трудились опрашиваемые нами выпускники уральских вузов.

Предприятия	Опрошено инженеров	Сокращенное обозначение
АО «ЕВРАЗ Нижнетагильский металлургический комбинат им. В. И. Ленина»	420	«ЕВРАЗ НТМК»
ПАО «Северский трубный завод»	210	«СТЗ»
АО «Уральский завод транспортного машиностроения»	100	«Урал-трансмаш»
АО «Научно-производственное объединение автоматики имени академика Н. А. Семихатова»	130	АО «НПО автоматики»

Исходя из задач нашей статьи, особое внимание читателя хотелось бы обратить на проект «*Урал-Завод-2018*». В период с июня 2016 г. по февраль 2018 г. по инициативе кафедры социальной безопасности Физико-технологического института Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина совместно с социологами Института экономики Уральского отделения РАН было проведено региональное исследование по проблемам воспроизводства инженерных кадров на промышленных предприятиях Урала. В рамках данного исследования были рассмотрены такие аспекты, как подготовка, распределение, закрепление, адаптация, профессиональный и карьерный рост молодых инженеров, а также социально-экономическое положение семей молодых инженеров. Исследование ставило своей целью не только выявить мнение самих молодых инженеров об условиях и успехах их профессиональной социализации в уральских вузах и на предприятиях реальной экономики Урала. Социологи изучали мнение опытных специалистов с инженерно-техническим образованием о проблемах, с которыми сталкиваются инженерные кадры в процессе обучения, трудоустройства, адаптации, профессионального и карьерного роста на предприятиях. Особое внимание уделялось таким аспектам воспроизводства инженерных кадров, как условия, характер, оплата и поощрение их труда, решение социально-бытовых проблем их семей, а также *гендерные особенности*, влияющие на процесс профессионального становления инженерных кадров¹.

* * *

Предваряя последующий анализ полученных данных, считаем необходимым отметить и тот факт, что об актуальности проблем модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов свидетельствует, хотя бы материалы Совета при Президенте РФ по науке и образованию, который проходил в Москве 23 июня 2014 г. Там же были обозначены основные пути, формы и средства решения проблемы воспроизводства и эффективного *целевого и адресного* использования инженерных кадров на российских предприятиях с целью повышения устойчивости и эффективности социально-экономического развития как региона, так и страны в целом². Обратимся к некоторым аспектам обозначенной проблемы.

Выбор подростком (молодым человеком) своей будущей профессии всегда индивидуален, поскольку он представляет собой часть личностного самоопределения, нахождения будущим специалистом своего признания. Важнейшей стороной профессионального самоопределения как процесса согласования жизненных планов, склонностей и ценностных ориентации с экономическими условиями и социально обусловленными возможностями для реализации таких планов должно стать экономически и социально эффективное распределение людей по родам занятий, профессиям, трудовым функциям, которые они выполняют³.

Определенная доля незрелости в профессиональном поведении молодежи, особенно до перехода от обучения к профессиональной деятельности, вполне естественна и обусловлена психологически, однако в годы стагнации и кризиса возникают условия, порождающие широкое распространение среди молодежи социального и профессионального инфантилизма. При этом профессионально-производственное самоопределение основывается на системе жизненных смыслов, которые определяет для себя молодой человек и которые влияют на его деятельность и жизненную ситуацию, однако и обратное влияние чрезвычайно сильно⁴.

Появление *платного высшего образования* существенно деформировало совокупность тех факторов, которые определяют поступление выпускников городских (*и, не только городских*) школ в вузы. При этом «родительские деньги» решают и проблему преодоления конкурсного барьера, и оплату за обучение, содержание и досуг занятия детей-студентов. «Преодолеваю» нередко и проективные планы своих сыновей и дочерей при выборе будущей профессии и вуза, в котором её можно получить, и будущего места трудоустройства. Согласно этому же опросу, на выбор профессии, по которой учатся сегодня уральские студенты, повлияла мама (54%) и папа (39%). При этом 29% опрошенных подчеркнули вариант ответа «*Никто не влияет, каждый выбирает по себе*» (мужчины – 24%, женщины – 33%)⁵.

Немаловажным представляется соотношение позиций «отцов и детей» относительно тех или иных профессий (занятий), которым отдаётся предпочтение представителями этих двух поколений в семье старшеклассников. В исследовании «*Урал-Школа-2013*» юным респондентам предлагалось ответить на два взаимосвязанных вопроса. Первый из них «*На кого ты хотел бы учиться после школы?*» Из 41 профессии респонденту «*разрешилось*» выбрать не более

¹ Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.) / Российское общество социологов, Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – 825 с.

² Стенографический отчёт о заседании Совета при Президенте по науке и образованию 23 июня 2014 года // Официальный сайт Президента России. – <http://kremlin.ru/news/45962>

³ Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН; УРАГС, 2005. – 230 с.

⁴ Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – М.: Наука, 1984. – 225 с.

⁵ Павлов Б.С. Трансформация отношения молодежи к труду в старопромышленном регионе: онтогенетический аспект // Экономика региона. 2015. – № 3. – С. 134–147.

пяти вариантов ответов. Следующий вопрос формулировался так: «Какую профессию тебе советуют выбрать родители? Выбери несколько профессий из того же списка». Наше исследование позволяет выделить три основные бинарные ситуации, предваряющие судьбоносный профессиональный выбор уральских подростков и их родителей (% от общего числа ответивших юношей и девушек: в числителе – собственный выбор, в знаменателе – советы родителей):

А. «Родительское одобрение»

Профессия – прожект для юноши	142 чел., %	Профессия – прожект для девушки	158 чел., %
– инженер	– 16 / 20	– врач	– 18 / 26
– врач	– 12 / 19	– «профи» спортсмен	– 9 / 11
– военный	– 12 / 17	– художник	– 3 / 9

Б. «Родительский нейтралитет»

– юрист, адвокат, судья	– 16 / 16	– юрист, адвокат, судья	– 16 / 15
– учитель	– 10 / 13	– учитель	– 16 / 13
– космонавт	– 5 / 5	– экономист	– 15 / 13

В. «Родительское сопротивление»

– спортсмен-профи	– 23 / 11	– Артист	– 19 / 11
– Артист	– 8 / 4	– Инженер	– 11 / 8
– преподаватель ВУЗа, колледжа	– 8 / 1	– депутат, политик	– 8 / 3

Компетентному читателю – приведённые данные могут дать (при желании) богатую пищу для размышлений. Нам бы здесь хотелось обратить внимание лишь на одно «гендерное обстоятельство»: в родительских семьях юношей выбор ими профессии «инженер» находит гораздо большее понимание и поддержку отцов (в первую очередь) и матерей, чем в семьях одноклассниц¹.

Попытаемся выяснить: насколько обоснованы стремления школьной молодёжи к той или иной профессиональной занятости? Какие знания, умения, навыки и пристрастия предпосылаются тому или иному выбору? В опросе «Урал-Школа-Вуз-2016» студентам семи уральских вузов задавался вопрос: «Занимались ли Вы в каких-либо кружках, секциях, объединениях (в школе, клубах, Дворцах спорта и т.д.)?». При этом, мы просили ответить респондентов по факту их участия отдельно в младших и отдельно – в старших классах. Данные опроса представлены в табл. 1.

Таблица 1

Предметно-познавательная направленность внеурочной деятельности старшеклассников на Урале (% от общего числа опрошенных по каждой группе вузов):

Варианты ответов	Группы вузов		
	«Тех»»	«Гум»	«Пед»
Спортивном кружке, секции	52	55	61
Художественном кружке	20	17	27
Детских (юношеских) конкурсах, олимпиадах	27	28	33
Детском (юношеском) объединении, клубе	11	6	17
Иные кружки творчества, самодеятельности	6	9	16
Техническом кружке, объединении	6	4	10
В кружках и секциях в школе не занимался	20	21	10

Углублённый анализ показывает, что в настоящее время в российских школах в системе профессиональной ориентации нет, как правило, взаимосвязи между видами занятий и содержанием познавательной деятельности на дошкольном, школьном и вузовском этапах взросления молодых людей².

Ценностные и, в целом, жизненные ориентации и планы молодых людей проявляются в мотивах выбора ими конкретного высшего учебного заведения для своей профессиональной учёбы. Обратимся к результатам опроса «Урал-Завод-2018».

– считают, что сегодня профессия «инженер» престижная – 51% инженеров «НТМК»; 53% – «СТЗ», 45% – «Трансмаш»; 43% инженеров «Автоматики» и 43% экспертов Урала;

– выбрали профессию «инженер», потому что она даёт возможность получать «приличный заработок» – 35% инженеров «НТМК»; 26% – «СТЗ», 9% – «Трансмаш»; 18% инженеров «Автоматики» и 23% экспертов Урала;

¹ Павлов Б.С., Анисимов С.А., Павлов Д.Б., Шевелёва О.Р. К вопросу о гендерных преполах профессиональной социализации инженерных кадров на Урале // Высшее образование для XXI века: XIII Международная научная конференция. Москва, 8–10 декабря 2016 г.: Доклады и материалы в 2-х ч. Часть 2. Секция 2. Социология образования / Отв. ред. Н.А. Селиверстова – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. – С. 14–30.

² Павлов Б.С. Диссонанс потребительских притязаний и трудовой активности в молодёжной среде на Урале // Уровень жизни населения регионов России. 2015. – № 4. – С. 153–164.

- выбрали профессию «инженер», потому что она даёт возможность проявить конструкторские способности – 14% инженеров «НТМК»; 18% – «СТЗ», 23% – «Трансмаш»; 48% инженеров «Автоматики» и 39% экспертов Урала;
- выбрали профессию «инженер», потому что нет склонностей к гуманитарным наукам – 25% инженеров «НТМК»; 33% – «СТЗ», 31% – «Трансмаш»; 27% инженеров «Автоматики» и 18% экспертов Урала;
- выбрали профессию «инженер», потому что таковы традиции нашей семьи – 22% инженеров «НТМК»; 19% – «СТЗ», 20 % – «Трансмаш»; 25% инженеров «Автоматики» и 24% экспертов Урала;

О трансформации мотиваций в сфере профессиональной социализации молодых людей на Урале свидетельствуют данные нашего опроса **«Урал-Вуз-2017»:**

- в процессе своего обучения в вузе допускают **«Пропускать занятия без уважительной причины»** – 75% студентов ЮУрГУ, 57% – УрГУПС, 57% – УрГАУ и 27% студентов УрФУ;
- в процессе своего обучения в вузе допускают **«Пользоваться шпаргалками на экзамене»** – 77% студентов ЮУрГУ, 73% – УрГУПС, 90% – УрГАУ и 51% студентов УрФУ;
- в процессе своего обучения в вузе допускают **«Списывать» курсовые, дипломы из Интернета»** – 34% студентов ЮУрГУ, 49% – УрГУПС, 73% – УрГАУ и 31% студентов УрФУ¹.

Прожективный вариант дальнейшего жизнеобеспечения нерадивых студентов «продолжать использовать» всё ту же «шею родителей» набрал всего 10%. Заметим, кстати, что в режиме «сидя на шее родителей» высшее образование на Урале получают сегодня (и получили «вчера») более 50–70% студентов. По мнению экспертов, в жизненных планах предусматривается переориентации «с родительской шеи» на «шею государства», расчёт на благотворительность успешно работающей и «хорошо платящей деньги» трудовой ассоциации, на «доброхота-работодателя». Для молодых женщин с вузовским дипломом – это, помимо всего, стремление и возможность «занять вакансию» жены в семье успешно зарабатывающего деньги – мужа-предпринимателя. Обратимся к результатам опроса **«Урал-Вуз-2017»:**

- перед поступлением в вуз, в 9–11 классах занимались с репетиторами – 96% студентов ЮУрГУ, 90% – УрГУПС, 98% – УрГАУ и 79% студентов УрФУ;
- считают, что занятия с репетиторами помогли им поступить – 83% студентов ЮУрГУ, 71% – УрГУПС, 69% – УрГАУ и 38% студентов УрФУ;
- по самооценкам студентов, им «не хватает денег на питание» – 10% студентов ЮУрГУ, 19% – УрГУПС, 26% – УрГАУ и 6% студентов УрФУ;
- за процесс обучения в вузе, по оценкам студентов «по преимуществу за всё ПЛАТЯТ (платили) мои РОДИТЕЛИ (родственники)» – 64% студентов ЮУрГУ, 70% – УрГУПС, 67% – УрГАУ и 56% студентов УрФУ;
- намерены (не против) совмещать учёбу в вузе и подрабатывать «По профессии (специальности), на которую учатся в вузе» и «На предприятии, в организации, где предполагают (хотя бы) работать после окончания вуза» – 58% студентов ЮУрГУ, 50% – УрГУПС, 22% – УрГАУ и 21% студентов УрФУ².

* * *

«Притчей во языцех» многочисленных «Совещаний», «Заседаний», «Советов», «Конференций», связанных с проблемами подготовки инженерных кадров для нужд реальной экономики являются сетования на **«слабую производственно-педагогическую связь предприятий и технических вузов»**. В чём основные причины подобной индифферентности? В анкете опроса **«Урал-Вуз-2012»** мы обратились к мнению руководителей и организаторам уральских производств и получили такие ответы. «По моему мнению, предприятия и организации **не желают** воспользоваться услугами вузов для подготовки необходимых специалистов по следующим причинам?» (% от общего числа опрошенных – 150 чел.):

– зачем «тратиться» на подготовку «своих» специалистов, когда можно найти «готовых» на региональном рынке труда	– 65
– не надеются, что стипендиаты от предприятия будут хорошо и прилежно учиться и из них будет толк в будущем	– 36
– за пять лет подготовки в вузе «много воды утечѐт» и молодой специалист может не понадобиться	– 29
– после окончания вуза специалист найдѐт возможность «ускользнуть» от выполнения своих обязательств и не будет работать на предприятие	– 28
– предприятия не знакомы с образовательными программами специальностей (особенно, новых)	– 21
– предприятия не устраивает качество подготовки специалистов в вузе	– 14
– вузы берут слишком большую плату за свои услуги	– 3

Можно утверждать, что отсутствие нормативно-правовой базы, регулирующей отношения между вузами и выпускниками, с одной стороны, и структурами, выступающими в роли работодателей, – с другой, последние в большинстве своём потребительски относятся к «продукции» высших учебных заведений, рассматривая вузы в качестве своеобразных доноров-альтруистов. Наши исследования рынка спроса на специальности в высшей школе утверждают нас во мнении, что в современных условиях проблемы взаимодействия «вуз-предприятие» переносятся на уровень отдельных вузов и предприятий. На этапе подготовки молодых специалистов взаимодействие «Вуз – предприятие» («Вуз-ЗАВОД») фактически смещается в сторону взаимодействия собственно вуза и молодого специалиста, который выступает в качестве продавца своей рабочей силы. На уровне учебного заведения и отдельного студента формирует-

¹ Павлов Б.С. Козлов В., Бердник Л.П. Высшие учебные заведения в регионе: по пути традиций к инновациям. Проблемы модернизации высшего профессионального образования в регионах / Lambert Academic Publishing. – Saarbrücken, 2014. – 82 с.

² Икингрин Е.Н., Павлов Б.С., Разикова Н.И. Профессиональное образование в регионе: традиции и новации (научно-теоретические послылы) // Академический вестник ТГАМЭУП. 2013. – № 2 (24). – С. 156–162.

ся представление о модели молодого специалиста, которая соответствует ситуации на рынке труда, и условиям конкретных производств.

Весьма значимым индикатором оценки состояния феномена *«адресности»* в подготовке молодых кадров инженеров могут служить *предпочтения* всех акторов процесса профессиональной социализации молодёжи (студентов, преподавателей, руководителей производства) к условиям и формам распределения дипломированных специалистов.

Известно, что в настоящее время российские вузы, практически, «освободились» от такой «хлопотной» функции, как целевое распределение выпускников в реальном секторе экономики. Прежде всего, это – проблема распределения и поиска работы после окончания вуза. Давая оценку этой «новации» в российских технических вузах на начало 10-х годов текущего столетия, генеральный директор ОАО «Русские машины» А.В. Филатов констатировал, что на количество и особенно качество инженеров, которые приходят на предприятия и потом остаются, повлиял в той или иной форме фактор деградации и исчезновения советской системы распределения. Это сказалось на возможности региональных предприятий привлекать инженеров, студентов-выпускников из столичных вузов: Москвы и Санкт-Петербурга. «Наши заводы – в 13 регионах России – пояснил директор, – предельно тяжело в Самаре, Нижний Новгород, тем более Миасс и так далее зазвать людей из Москвы, потому что зарплата в машиностроении 15–20 тысяч максимум, на некоторых предприятиях – 10. Понятно, что студент-выпускник из Москвы не поедет работать за такие деньги. Эта фундаментальная проблема упирается, прежде всего, в проблему жилья...»¹.

А вот как предпочитали (в тот же период) решать проблему распределения выпускников сами участники этого процесса. В проекте *«Урал-Вуз-2012»* на вопрос анкеты *«Как Вы считаете, какой вариант трудоустройства выпускников вуза наиболее приемлем в настоящее время на Урале?»* – ответы респондентов распределились, как показано в табл. 2.

Таблица 2

Мнение акторов процесса формирования рынка инженерных услуг на Урале о предпочтительных формах распределения выпускников региональных вузов (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Варианты распределения выпускников	Группы			
	Вуз		Предприятие	
	СТ	ЭП	МС	ЭР
Традиционный вариант целевого распределения по предприятиям и организациям с обязательной «отработкой» в течение 3-5 лет	19	21	17	16
Предлагать выпускнику альтернативу выбора одного из двух вариантов	47	35	42	52
Самостоятельное трудоустройство выпускника	34	43	41	31

Нетрудно видеть, что большинство опрошенных во всех четырёх группах голосуют «ЗА» или не исключает возможности выбора целевого распределения выпускников после окончания вуза. Нам представляется, что отказ вузов от системы целевого распределения своих выпускников не должен ассоциироваться с полным снятием ответственности за судьбу молодых инженеров на рынке труда. Кстати, разделять такую ответственность с вузом должны и заводы, испытывающие дефицит инженерных кадров. Потребительский подход к подготовке таких кадров исключительно лишь на средства государства и средства родителей студентов должен быть трансформирован в партнёрские. На рынках труда и образовательных услуг такими партнёрами должны стать государство, вуз, семья и бизнес².

* * *

Ценностные и, в целом, жизненные ориентации и планы молодых людей проявляются в мотивах выбора ими конкретного высшего учебного заведения для своей профессиональной учёбы, а затем в выборе места труда, места жительства, места семейного строительства. О том, насколько правильны были выбраны адреса этих выборов можно судить по результатам нашего опроса *«Урал-Завод-2018»*:

– профессию «инженер» считают непрестижной – 15% инженеров «НТМК»; 16% – «СТЗ», 18% – «Трансмаш»; 16% инженеров «Автоматики» и 19% экспертов Урала;

– если бы представилась вновь выбирать профессию и специальность, то выбрали бы «другое учебное заведение и другую специальность» – 26% инженеров «НТМК»; 22% – «СТЗ», 14% – «Трансмаш»; 54% инженеров «Автоматики» и 7% экспертов Урала;

Феномен «безадресности» в сфере подготовки молодых инженеров на Урале особенно присущ в отношении женской молодёжи. Обратимся к результатам опроса *«Студентки УрФУ-2015»*. На вопрос анкеты: *«Как Вы считаете, смогли бы Вы после окончания вуза уехать работать и жить другую страну, где имеются хорошие условия для проявления Ваших знаний, Ваших способностей?»* вариант *«Скорее всего, да уехала бы»* выбрали 43% опрошенных студенток 4-го курса в гуманитарных институтах и, соответственно, 61% – в технических («инженерных»). Другими словами речь идёт не только о профессиональной «безадресности», но и «целенаправленности» производственно-региональной, космополитической³.

¹ Дмитрий Медведев против возрождения системы распределения студентов. – http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9275

² Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: Экономика, 2009. – 436 с.

³ Бочко В.С., Суховой А.Ф., Павлов Б.С., Татаркин А.И., Захарчук Е.А., Шевелёва О.Р. и др. Совершенствование теоретико-методологических основ формирования инновационной и финансовой стратегий развития территориальных систем разного уровня. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. – 203 с.

В силу специфики предмета анализа нашей статьи, авторы считают правомерным обратиться к статье 38 Бюджетного Кодекса Российской Федерации.

«Принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, отмечается в БК РФ, – означает, что бюджетные средства выделяются в распоряжение конкретных получателей бюджетных средств с обозначением направления их на финансирование конкретных целей. Любые действия, приводящие к нарушению адресности предусмотренных бюджетом средств либо к направлению их на цели, не обозначенные в бюджете при выделении конкретных сумм средств, являются нарушением бюджетного законодательства Российской Федерации»¹.

Несложным и правомерным будет ассоциация ряда феноменов двух сфер общественной жизни: финансовой и сферы воспроизводства и использования профессионально-трудового потенциала:

ПОНЯТИЯ, (феномены) СФЕР (институтов):	
ФИНАНСОВАЯ:	ВОСПРОИЗВОДСТВО КАДРОВ:
бюджетные средства	человеческий капитал»
конкретные получатели средств – акторы производственного процесса	организаторы подготовки и использования кадров «Школа», «Вуз» «Завод»
финансирование конкретных целей.	финансирование процесса профессиональной социализации
нарушение адресности финансирования	подготовка некомпетентных, немотивированных кадров
наложение мер ответственности»	негативные административно-общественные оценки и санкции

В соответствии с комментируемой статьей БК РФ каждое расходование бюджетных средств является целенаправленным. Цель, на достижение которой предусмотрено предоставление конкретных бюджетных средств, является неоспоримой. *Поэтому любое отступление от поставленной цели, т.е. «расходование выделенных бюджетных средств не в соответствии с их целевым назначением, является нарушением бюджетного законодательства и влечет наложение мер ответственности»².*

Нам представляется, что сегодня актуальной является проблема установления четкой адресности ответственности конкретных субъектов нецелевого расходования и использования российского человеческого потенциала по всей линейке его воспроизводства. И, не только «установления», «фиксации» и попыток «доброжелательно пожурить пальчиком», позволяющих воспроизводить известные ситуации с нравочениями повара в отношении несознательного кота, который внимательно «слушает, да ест...»

В целях дальнейшей оптимизации процесса воспроизводства инженерных кадров в промышленности Урала в числе других традиционных направлений, форм, условий и средств решения аналогичных (*по предмету и сложности*) социально-экономических проблем, автором **предлагаются ТРИ НОВОВВЕДЕНИЯ:**

1. Развитие широкого движения «МАТРИМОНИАЛЬНОГО ВОЛОНТЁРСТВА» – неофициального («неоплачиваемого») социально-педагогического сотрудничества родительских семей с официальными институтами социализации молодежи на всех этапах онтогенетического развития детей, подростков, молодых людей, которое может классифицироваться **КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ** в сфере первичной и вторичной социализации молодого поколения *россиян (в нашем случае – уральцев)*.

Не менее важны для государства, российского общества сегодня и усилия семьи по формированию (социализации) молодых поколений. «Поступая в технический вуз, – отмечал Президент РФ, – молодой человек должен связывать с выбираемой профессией своё будущее, у него должны быть все условия и для получения качественного образования, и для последующего трудоустройства»³. Такая уверенность у молодых людей, в подавляющем большинстве случаев сегодня не реальна без социально-экономического и духовного сопровождения профессиональной социализации их родителями, родительской семьей, родственниками в целом, которую **мы предлагаем условно называть «матримониальным волонтерством»⁴.**

2. Создание условий для формирования и развития устойчивых и перманентных «ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОРИДОРОВ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ», предполагающее целенаправленное и заинтересованное (*мотивированное*) «сопровождение» процесса профессиональной социализации молодых людей по мере их онтогенетического взросления в рамках 4-х основных институциональных образований: **«РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ ⇒ ШКОЛЫ ⇒ ВУЗА ⇒ ЗАВОДА».** Подобное «сопровождение» будет способствовать, в частности, адресному воспроизводству структуры кадров региона в *профессиональном и производственно-поселенческом* разрезах, создавая реальные условия для удовлетворения текущих и перспективных потребностей подготовки кадров в регионе. Этот процесс может носить как индивидуальный, так и групповой характер. Развитие подобной «коридорной инфраструктуры» как элемента *особой образовательной политики* в регионе, будет способствовать минимизации профессионально-производственной «безадресной» подготовки молодых специалистов, игнори-

¹ Бюджетный Кодекс Российской Федерации Статья 38. Принцип адресности и целевого характера бюджетных средств. – <http://bk-rf.ru/5/38.html>

² Там же. Выделено автором.

³ Заседание Совета по науке и образованию по вопросам модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов 23 июня 2014 года. Указ. соч.

⁴ Олчман М., Джордан П. Добровольцы – ценный источник / Университет Джона Хопкинса. 1997. – http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=82&id=639809

рующих рабочие места по специальности диплома, полученного в вузе. В первую очередь, такая политика необходима для профессий, обеспечивающих **нормальное расширенное воспроизводство населения (врачи, учителя)** и промышленно-производственный потенциал региона (**инженеры**). В числе последних, – инженеры, обеспечивающие развитие **цифровой экономики** в уральском регионе (РФ в целом).

3. Целенаправленная активизация широкого социально-педагогического ДВИЖЕНИЯ по развитию на крупных, ведущих предприятиях промышленного комплекса РФ **феномена профессионально-производственной династичности в семьях инженерно-технических работников, подкреплённого соответствующими материально-экономическими стимулами и условиями.**

Добавим к предложенному выше. Авторы проведенных исследований считают себя достаточно подготовленными и экипированными методолого-методическими и эмпирическими инструментами для участия в разработке и сопровождении соответствующих документов (подготовке программ, решений, методик, экспертиз и пр.) **и ГОТОВЫ откликнуться на соответствующие «серьёзные» взаимоприемлемые предложения.**

Павлов Б.С.

д.филос.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Бердник Л.П.

к.соц.н., доцент Челябинского государственного университета
soclab@econ.cgu.su

Икингрин Е.Н.

к.соц.н., доцент, профессор РАЕ, первый федеральный вице-президент РОС

Пронина Е.И.

с.н.с. Федерального социологического центра РАН, исполнительный вице-президент РОС. Москва
pronina@isras.ru

РЕАБИЛИТАЦИЯ «УРОКОВ СЕМЬИ» ДЛЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ, КАК ПОБЕДА ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА НАД ЛОГИКОЙ «КАБЫ ЧЕГО НЕ ВЫШЛО»

Ключевые слова: семья, школа, воспитание, родители, дети, педагоги, взаимопонимание, религия, жизненные ценности, чадолюбие, преемственность поколений, церковь, трудовое воспитание, секс, нравственность, Урал.

Keywords: family, school, upbringing, parents, children, teachers, mutual understanding, religion, life values, love of children, continuity of generations, church, labor education, sex, morality, Ural.

Непреложной аксиомой обыденного сознания россиян (естественно, и уральцев) является положение о том, что дети нуждаются в родительской семье, в мамах и папах, в братьях и сёстрах... Гораздо реже мы задумываемся и, соответственно, подвергаем анализу, такой аспект матримониальных отношений, как процесс формирования потребностей, интересов, ценностных ориентаций у самих детей (по мере их онтогенетического взросления) к созданию собственной семьи, рождению собственных детей. Другими словами, речь идёт о естественном процессе воспроизводства непосредственной жизни, производстве самого человека¹.

В общественном сознании устоялось и поддерживается мнение, что этот процесс традиционно незыблем, что в новых, нарождающихся поколениях «автоматически» воспроизводится тяга к семейному образу жизни, к рождению и воспитанию потомства, «извечной заботе о воспроизводстве рода». Укреплению этой позиции служит, например, утверждение о природно-биологической сущности «материнского инстинкта» и его обязательном воспроизводстве в новых женских поколениях. В то же время в тени у исследователей находится проблема целенаправленной деятельности как родителей, так и их детей к подготовке (самоподготовке) к «обязательному» жизненному этапу каждого нормального человека – созданию и нормальному социально-биологическому развитию собственной семьи. Назовём этот феномен – *семейной социализацией*.

Основной целью и средством процесса воспроизводства общественной жизни было и остаётся производство человеческого сообщества, в первую очередь производство самого человека. Характер этого производства, его количественные и качественные показатели (в первом приближении – это качество отдельной личности и населения в целом) определяются, если так позволительно выразиться *степенью культуры этого первичного производственного процесса* в воспроизводственной общественной жизни. Основным «организатором» этого естественно-исторического процесса традиционно остаётся первичная социальная ячейка – *семья*. В социологии она трактуется как *социальный институт*.

Известное положение Ф. Энгельса о том, что «семья даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество»², наглядно иллюстрируется деформациями в различных сторонах жизнедеятельности не только российских семей. Переходный исторический период, в хронологических рамках которого живёт Россия сегодня, формирует новые, доселе неизвестные (нетрадиционные) социальные качества жизнедеятельности и поведенческие проявления семейных групп, адекватные этим изменившимся условиям³.

Семья и дети. Эта тема вновь и вновь объединяет всех нас независимо от того, в какой стране мы живём, какой мы национальности, какую исповедуем веру. Все мы родом из детства, из семьи. Благодаря ей не кончается круг жизни⁴.

¹ Павлов Б.С. Производство и воспроизводство человеческого общества как общесоциологические понятия. (Опыт исследования теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма). – Свердловск: ИЭ УНЦ АН СССР, 1985. – 66 с.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 21. – С. 70.

³ Павлов Б.С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. 2013. – № 3. – С. 121–131.

⁴ Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.

В последнее время можно услышать, что институт семьи изжил себя, а «быть супругами стало не модно»¹. Но если спросить любого человека, куда он идет с бедой и радостью, то почти все скажут – «Домой! В семью!» Семья – оплот любого государства. Ведь именно она обеспечивает его роль в мировом сообществе, социальное благополучие и стабильность².

Наши многочисленные опросы за последние 30–40 лет (в том числе указанные выше), свидетельствуют, что такие базовые жизненные ценности, как «хорошая семья и дети», «хорошее здоровье», «любимая работа», «материальное благополучие» и «хорошие жилищные условия» занимают первые пять позиций как у подростков, так и их родителей. Небезынтересно и другое. Как показало наше исследование, иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности практически идентична.

Вместе с тем было бы наивным не видеть наличие существенных различий у респондентов в понимании самих феноменов «хорошая семья», «хорошие жилищные условия», «хорошая работа». Для одних, например, понятие «хорошая семья» ассоциируется с наличием двух-трех детей, у других – с одним ребёнком, «позволяющим», с одной стороны, реализовать естественную материнскую (отцовскую) потребность, а, с другой, один ребёнок не слишком «обременителен» при поддержании материального благополучия семьи, «расширяет возможности» для трудовой карьеры и досуговых занятий своих однодетных родителей.

В обыденной жизни, в общественно-политической, экономической и социологической литературе широкое употребление получил термин «культура семьи», которая выступает как особый способ социальной преемственности поколений. В отличие от биологического наследования потомками благоприобретённых предшествующими поколениями признаков, социальный опыт «генетическим кодом» от поколения к поколению не передаётся³. Для сохранения и наследования этого опыта обществом создаётся особый социальный механизм, благодаря чему достигается: а) включение каждого нового поколения и любого индивида в нём в систему существующих общественных отношений (*адаптационная функция культуры*) как средство приобщения к социальному опыту, накопленному предыдущими поколениями; б) передача социального опыта, опредмеченного в определённых знаковых системах науки, искусства, морали, от одного поколения к другому (*семиотическая функция*); в) воспитание и формирование определённого, соответствующего интересам данного класса, типа человеческой личности (*гуманистическая функция*); г) социальный отбор для сохранения и распределения тех ценностей культуры, которые в наибольшей степени способствуют формированию именно такого типа личности (*аксиологическая функция*); д) созидание новых материальных и духовных ценностей, опредмечивающих новый социальный опыт, результаты творческой деятельности социального субъекта (*эвристическая функция*). Перечисленные функции семьи и её культурной деятельности органически взаимосвязаны, взаимообусловлены и представляют единую систему⁴.

Можно с уверенностью утверждать, что особую актуальность представляют аспекты поведения семейной группы, связанной с воспроизводством потомства, другими словами, её демографическим поведением, его соответствия текущим и особенно стратегическим целям и задачам оптимизации воспроизводства российского сообщества. Изучение этих процессов представляет большой научный интерес не только для исследователей этой проблемы, но и для практики. Иными словами, такой анализ создает базу для дальнейшего развития теории и практики строительства института семьи и семейных отношений и определяет теоретико-методологическую и практическую актуальность данной проблемы.

В данной статье мы остановимся, на некоторых аспектах демографического поведения семей на Урале, в частности проблемах подготовки детей, подростков, молодых людей к вступлению в брак, к строительству собственной семейной жизни. В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам уральских семей, проведённых в 1999–2018 гг. в Институте экономики УрО РАН под научным руководством Б.С. Павлова:

– **1999 г.** – в течение апреля-июня по одной стандартизированной анкете был проведен опрос 1360 отцов и матерей, в семьях которых на момент опроса воспитывался тинейджер в возрасте 15–17 лет. Опрос проводился в шести регионах РФ, в том числе в городах Среднего Урала – 408 чел.; Южного Урала – 269 чел.; в Нижневартовске – 258 чел.; в Надыме – 155 чел.; в Самаре – 117 чел.; в Чите – 146 чел. – «**Семья-РФ-1999**»;

– **2002 г.** – опрос 1000 студентов ряда вузов Екатеринбурга (640 чел.) и Челябинска (360 чел.) с целью выявления основных ценностных ориентаций уральских студентов на личностные качества партнёров при общении в сфере матримониальных отношений. Среди респондентов: по полу – мужчин 37%, женщин – 63%; по национальности – русских – 86%, татар, башкир – 5%, украинцев – 4%, других – 5% – «**Урал-Вуз-2002**»;

– **2003 г.** – в ряде городов и поселений пяти субъектов РФ, в том числе Свердловской и Челябинской областей по проблемам демографического поведения семей опрошены 2900 молодых – «**Семья-Урал-2003**»;

– **2010 г.** – опрос 680 студентов старших курсов Уральского государственного университета (УГТУ-УПИ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования – уровень и характер причастность молодых людей к религиозной культуре – «**Вуз-Урал-2010**»;

¹ Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). – Екатеринбург; Салехард: ИЭ УрО РАН, 1999. – 208 с.

² Павлов Б.С. Семейное неблагополучие -- базовая детерминанта внесемейного общественного воспитания детей в России: на материалах социологических исследований. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2009. – 160 с.

³ Павлов Б.С. Трудные династии Оренбуржья. – Оренбург, 1977. – 95 с.

⁴ Коган Л.Н., Павлов Б.С. Культура семьи (методические проблемы, принципы исследования) // Культура семьи как объект социологического исследования. – Свердловск: ИЭ УНЦ АН СССР, 1980. – С. 3–15.

– 2014 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города-ЗАТО «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков (из них – 300 учащихся 10–11 классов) – 8 школ Кировского района г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодёжи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и жизненных планов – «Школа-Урал-2014»;

– 2015 г. – по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 450 студенток старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях. Выяснялись их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы «Вуз-Урал-2015».

Остановимся на рассмотрении некоторых аспектов формирующихся моделей семьи в сознании молодых людей – наших современников-уральцев. Попытаемся, прежде всего, ответить на поставленный нами первый, корневой вопрос: «нужно ли вообще молодому человеку создавать собственную семью?» Мы знаем, что практически весь спектр социально-биологических потребностей современного человека (как женщины, так и мужчины) можно удовлетворить без особых усилий и средств и не имея семьи, ведя холостяцкий (*внесемейный*) образ жизни. Современный общественно организованный быт, общественная сфера услуг (*в первую очередь, в большом городе*) при желании потребителя и при наличии у него соответствующих материально-денежных средств, как говорится, «накормит», «напоит» и «спать уложит». Были б деньги... Зачем молодому дополнительные хлопоты по содержанию семьи, ограничения в личной свободе, семейные ссоры, «разборки»? Такие рассуждения вовсе не из серии досужих домыслов. Ими «пропитаны» телепередачи, постановки, социальные сети Интернета.

Как воспринимают семейные ценности городские подростки на Урале. Обратимся к результатам опроса «Семья-Урал-2014». Ниже приведены результаты ответов 300 старшеклассников г. Екатеринбурга на ряд вопросов, касающихся будущей семейной жизни на тот или иной вопрос (% от общего числа опрошенных – 300 чел.) – (вопрос-ответ):

	1. «Есть ли среди твоих друзей, товарищей такие, кто считает, что они влюблены?»
	Ответы: а) да, есть – 84%; б) таких нет 3 %; в) не знаю – 13%

2. «Обязательно ли каждому человеку заводить свою семью, когда он повзрослеет?»	
Ответы: а) да, обязательно – 37%; б) всё зависит от желаний самого человека – 57%; в) можно обойтись и без семьи – 6%.	

	3. «Как ты считаешь, в каком возрасте сегодня «пора» обзаводиться собственной семьёй?»; В числителе – выходить замуж девушкам (молодым женщинам; в знаменателе – жениться молодым мужчинам?»
	Ответы: а) можно обойтись и без семьи – 6 / 6%; б) 17–18 лет – 4 / 1; в) 19–20 лет – 12 / 6; 21–22 года – 28 / 8 %; 23–25 лет – 42 / 40%; старше 26 лет – 14 / 33%.

4. «Как ты считаешь, сколько должно быть детей в «нормальной» семье?»	
Ответы: а) один – 10%; б) двое – 59%; в) трое – 20%; г) 4 и более – 4% д) можно прожить и без детей – 7%.	

	5. «Хотел бы ты, чтобы у тебя была семья, как у твоих родителей?»
	Ответы: а) да, хотел бы – 23%; б) кое-что нужно изменить – 50%; в) нет, не хотел бы – 27%.

Корневым вопросом для молодых людей (особенно, девушек) при создании стабильной и счастливой семьи является «правильный», «удачный» выбор брачного партнёра, то есть, будущей невесты (мужа), будущей матери (отца) своих детей. Чем руководствуются, какие требования выдвигают уральские женихи и невесты при выборе своей будущей «семейной половины»? Обратимся к результатам нашего опроса «Урал-Вуз-2002». При организации в молодёжных аудиториях микроопроса 1000 студентов, каждому из респондентов (на отдельном листке) для ознакомления предлагался *список качеств, жизненных индикаторов*, которыми руководствуются (ценят), как правило, молодые люди при выборе друга, товарища, невесты, жениха и т.д., состоящий из 23 позиций (качеств). Один из блоков вопросов касался качеств молодого человека (юноши, потенциального жениха), которые ценят в нём, с одной стороны:

а) его отец; с другой – б) его «потенциальная» невеста. Респондентам предлагалось выбрать 5–6 качеств («самых-самых») из 23-х. Ниже приводятся данные опроса (% общего числа респондентов – 1000 чел.; в числителе ответы по ситуации «а»), в знаменателе – «б»):¹

– физическое здоровье	– 55 / 33
– умение заработать на жизнь	– 51 / 44
– трудолюбие	– 46 / 22
– принципиальность, честность, порядочность	– 44 / 31
– природный ум, интеллект	– 37 / 26
– исполнительность, ответственность	– 37 / 11
– трезвенность	– 36 / 35
– хорошее образование, профессия	– 36 / 19
– хозяйственность, хороший хозяин, хозяйка в семье	– 28 / 44
– оптимизм	– 22 / 20
– физическая чистоплотность, опрятность	– 22 / 48
– серьёзность чувств, разборчивость, целомудрие	– 16 / 28
– наличие чувства юмора	– 15 / 22
– доброта, милосердие к людям	– 15 / 13
– умение любить, заботиться «о ближнем», сопереживать	– 12 / 37
– хороший организатор	– 12 / 4
– материальная обеспеченность, наличие денег	– 10 / 25
– красота внешняя, физическая привлекательность	– 6 / 20
– жилищная обеспеченность	– 6 / 21
– чадолюбие, любовь к детям	– 5 / 29
– умение одеваться, наличие вкуса	– 4 / 13
– порядочность семьи, родители – «хорошая семья»	– 4 / 31
– модная, богатая одежда	– 2 / 3

Данные таблицы представляют богатую пищу для размышлений о ценностных ориентациях в сфере социализации современной российской молодёжи. Здесь же нам хотелось обратить внимание лишь на одно обстоятельство: на существенных различиях в «спросе и предложении» качественных характеристик потенциальных женихов, формируемых у них в родительской семье, с одной стороны, и, предъявляемых ему со стороны семьи своей невесты, прежде всего, со стороны тещи².

Особое внимание читателя обратим на строчку: «**чадолюбие, любовь к детям – 5/29**». Судя по опросу это качество мальчиков, юношей, будущих женихов и отцов в реестре воспитательных приоритетов в родительской семье – одно из «малозначимых». В то же время в семье его будущей тещи чадолюбие будущего зятя ценится достаточно высоко. Подобная «нестыковка» – результат действия ряда социально-экономических противоречий в сфере демографического поведения молодых семей.

На поддержание и развитие чадолюбия у молодых родителей направлены меры государственной поддержки. Ещё недавно с большой долей уверенности можно было также утверждать, что в ближайшем будущем (в течение 10–15 лет) у основной части российских семей (не составляют здесь исключения и уральские семьи) потребность в детях будет уменьшаться. Однако серьёзное переосмысление, которому подверглась государственная семейная политика, и те меры социальной поддержки семьи и детства, которые осуществляются на федеральном уровне сегодня, не позволили существенно преломить негативные тенденции и взять курс на укрепление благосостояния семей с несколькими детьми. При этом основные ориентиры государственной политики, благоприятной для позитивных сдвигов в демографическом поведении, включают в себя:

- *во-первых*, комплекс минимальных социальных стандартов (гарантий), обеспечивающих всему населению понятную, доступную и реально обеспеченную систему гарантий, реализуемых при рождении и воспитании детей;
- *во-вторых*, меры адресной социальной поддержки семей с детьми в трудных обстоятельствах;
- *в-третьих*, специальные меры, которые могли бы стимулировать рождение 2-го и 3-го ребенка (без чего невозможно реализовать желаемый уровень воспроизводства населения).

Ещё раз подчеркнём: *семья – основной субъект и объект управления демографическими процессами в регионе*. Если проанализировать механизм всех сфер функционирования общественной жизни, всех социально-экономических процессов, то мы неминуемо придём к выводу, что семья с ее потребностями и потенциальными возможностями явится одновременно и в качестве **ЗАКАЗЧИКА**, и в качестве **ПОТРЕБИТЕЛЯ** всех общественных взаимодействий. Семья опосредует, с одной стороны, влияние общества на индивида (в процессе его онтологического развития и функционирования), с другой стороны, подавляющее большинство индивидов сотрудничают с обществом через семью в процессе реализации ее потребностей и интересов³. Можно утверждать, что характер течения всех социально-демографических процессов в обществе в большинстве своем обусловлен прямо или опосредованно состоянием семейно-брачных

¹ Данные «выстроены» согласно иерархии ответов по позиции «а».

² Результаты опроса «Урал-Вуз-2002» позволяют анализировать ценностные ориентации друзей, подруг, матерей, отцов, учителей, свёкров, свекровей не только по отношению к юношам, но и к девушкам.

³ Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. 2010. – № 3.

отношений, уровнем стабильности семьи как социального института, степенью совпадения интересов семьи, направленности ее деятельности с доминирующим вектором общественного развития. Небезосновательны поэтому обращения демографов, экономистов и социологов к семье как социальному фактору воспроизводства населения¹.

В социологическом проекте «*Вуз-Урал-2015*» ряд вопросов анкеты касался выяснения образа семьи и семейной жизни в сознании «более взрослых» девушек (молодых женщин), чем мы приводили выше, ссылаясь на опрос старшеклассников школ. В качестве таковых в нашем случае выступали студентки различных профильных институтов УрФУ. Ниже представлены формулировки вопросов и полученные ответы (% от общего числа респондентов – 450 чел.).

	<p>1. «Как Вы считаете, сегодня молодые люди заключают между собой браки по любви или нет?»</p> <p>Ответы: а) да, женятся и выходят замуж, как правило, по обоюдной любви – 51%; б) по любви одного из двух партнеров – 29%; в) по другим обстоятельствам – 20%.</p>
---	---

<p>2. «Допускаете ли вы для себя вступление в брак без обоюдной любви?»</p>	
<p>Ответы: а) нет, категорически – 53%; б) допускаю – 15%; в) трудно сказать – 32%.</p>	

Сегодня РПЦ стремится восстановить утраченные связи и расширить свое присутствие в российских вузах. В числе важнейших объектов идеологического воздействия на «потенциальную паству» церковь в первую очередь признает институт семьи и не только (вернее, не столько) семьи пожилых людей, а молодую семью, стремящуюся к стабильности, благополучию, счастью. Вот почему, церковные проповеди и акции направлены на пробуждение у молодых надежды на чудодейство служителей Храма Божьего, на их предназначение и способность решать эти сложные житейские проблемы.

Свидетельством такого стремления, в частности, может служить факт выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на IX Съезде Российского Союза ректоров, состоявшемся в марте 2009 г., где он сказал буквально следующее: «Мы с вами должны воспитывать. И нет никакого оправдания перед Высшей школой, если она отказывается от этого величайшего своего предназначения – воспитывать нравственную, высокоинтеллектуальную личность»... И, далее: «Стоит задача интенсифицировать свидетельство Православной Церкви в вузах России. Церковь входит и должна все глубже и глубже в самую жизнь российского студенчества, делить его радости и скорби, иметь его не объектом попечения, но стать неотделимым от него субъектом»².

Об определенных успехах идеологии РПЦ среди различных категорий российского населения (в нашем случае, в среде уральского студенчества) можно судить, хотя бы по данным нашего опроса «*Вуз-Урал-2010*». Ниже приведены результаты ответов 680 студентов на ряд вопросов, касающихся matrimониальных отношений респондентов на тот или иной вопрос (% от общего числа опрошенных в каждой группе; в числителе – ответы молодых мужчин – 350 чел.; в знаменателе – молодых женщин – чел.):

	<p>1. «Оцените, насколько важны для благополучного брака общность религиозных взглядов?»</p> <p>Ответы: а) очень важна – 7 / 10%; б) довольно важна – 19 / 24%; в) не очень важна – 39 / 47%; г) совсем не важна – 35 / 19%.</p>
---	---

<p>2. «Как Вы считаете, будет ли брак молодоженов крепче, если они пройдут обряд венчания в церкви?»</p>	
<p>Ответы: а) да, будет – 18 / 11%; б) не будет – 22 / 18%; в) зависит от других факторов – 51 / 64%; затруднились ответить – 9 / 7.</p>	

Уместно здесь будет обратиться к нравственным позициям студентов в оценках повседневного поведения своих сверстников. В обыденном сознании понимание и нравственное различие «что такое хорошо и что такое пло-

¹ Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: ЗАО Экономика, 2009. – 436 с.

² Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на IX съезде Российского Союза ректоров // Сайт Российского Союза ректоров. – <http://www.rsr-online.ru>

хо» наиболее отчетливо ассоциируется с традиционными и отчетливыми для восприятия понятиями «грех» – «не грех». В исследовании «*Вуз-Урал-2010*» студентам уральского технического вуза задавался вопрос: «*Что из перечисленного ниже, на Ваш взгляд, является грехом?*». Респондентам предлагался список из 21 вида поведения, которое в широком общественном мнении относится к разряду «неблаговидного», «асоциального», «греховного». Опрос показал, например, довольно существенные разночтения юношами и девушками канонов традиционной морали. Проиллюстрируем некоторые позиции. Лишь каждый пятый студент-юноша считает недопустимым («грехом») «*употребление в разговоре матерных слов*» – 22%. Несколько строже к оценке общеупотребимости мата относятся их сокурсницы – 28%. Ничего «греховного» не видит подавляющее большинство студентов в «*половых отношениях до вступления в брак для девушки*» (допускают их 87% опрошенных студентов), 88% респондентов не осуждают «*нарушения правил дорожного движения*».

Есть и еще один аспект оценки полученных данных. Кардинальные различия в нравственных позициях молодых людей в предбрачии – это своеобразная «мина замедленного действия», способная «взорвать» внутренний мир и спокойствие в их будущей молодой семье, привести к распаду семейной ячейки. Представьте, например, ситуацию, когда молодой муж считает «тяжким грехом» измену своей жены, а та, в свою очередь, относится к такому повороту супружеских событий лояльно, объясняя свою позицию стремлением к демократизации, независимости, эмансипации и равноправию в отношениях мужчины и женщины. Впрочем, немногим отличается от описанной и другая «зеркальная» ситуация, когда в роли «подлого изменщика» выступает мужчина – муж, отец семейства.

Следует признать, что решение проблемы сохранения на желательном для общества уровне репродуктивной потребности коренится не только в изменении экономической ситуации, но, прежде всего, в сфере ценностных ориентаций. Сегодня стремление к росту уровня жизни, потребительскому обогащению, повышению социального статуса зачастую исключает из представления о благополучии подлинную ценность человеческого бытия – семью с детьми. Только специальное воздействие способно возродить потребность молодой семьи в нескольких детях, поэтому на повестке дня – просемейная политика государства, и что во многом синонимично – политика в отношении молодой семьи, преобразования в экономике в интересах семьи с детьми.

Отмена церковного брака, переход к гражданскому, по мнению П.А. Сорокина, лишило последний одного из рычагов, ранее принуждавших более строго и серьезно относиться и уважать «от Бога данную» связь. «Мудрено ли поэтому, – пишет он, – что параллельно с этим процессом исчезновения религиозной основы брака мы видим и постепенное ослабление его охраны со стороны государственной власти. Наказания за внебрачные половые связи, а равно и за прелюбодеяние становятся мягче и мягче, пока постепенно не вымирают¹. Изучение культуры демографического поведения верующих осталось за рамками настоящего исследования.

Сказанное выше позволяет нам сформулировать несколько основных положений, свидетельствующих об особой остроте проблем *семейной социализации современных поколений россиян. Это:*

Во-первых, практически «разрушены до основания» традиционные «*семейные родительские университеты*» по подготовке молодежи к заключению брака и последующего строительства собственной семьи.

Во-вторых, несмотря на отдельные попытки в последние 3-4 десятилетия в сфере общественного образования и воспитания «не приживаются» альтернативные родительской семье формы и способы передачи и преемственности знаний, навыков, умений, ценностных ориентаций семейно-брачного (матримониального) поведения молодежи. *Семейная социализация* молодежи превратилась «в белое пятно» в системе перманентно трансформирующегося российского образования и социализации подрастающих поколений.

В-третьих, отчуждение (самоустранение) государственных институтов образования (*в первую очередь, школ, вузов*) от решения проблем целевого формирования у молодежи необходимых качеств семьянина, материнства, отцовства, чадолубия и некоторых других, «успешно» замещается идеологическими и организационно-педагогическими проектами и акциями РПЦ.

«Что сказали бы вы об архитекторе, – спрашивал К.Д. Ушинский, – который, закладывая новое здание, не сумел бы ответить вам на вопрос, что он хочет построить?»². Естественно, подобная ситуация вызвала бы, по крайней мере, недоумение у мало-мальски компетентного в строительстве человека. Создание и развитие собственной семьи, – это такое же своеобразное «строительство». Успех подготовки молодых людей к семейной жизни предполагает, в первую очередь, выбор основных *параметров оптимальной модели семьи*, к строительству которой должен быть подготовленным и целеустремленным каждый взрослеющий молодой человек. В качестве таковых мы склонны выбрать, по крайней мере, три:

Прежде всего, это *обязательность* для нормального человека *семейного образа жизни*; далее – *стремление и готовность выбора оптимального возраста вступления в брак* и образования семьи; и, наконец, *стремление к рождению и воспитанию* в собственной семье, *как минимум, 2–3 детей*.

Выбранные нами параметры обусловлены, в первую очередь, социально-биологически. Период воспроизводства собственного потомства для каждого человека должен быть «вписан» в его *ограниченный природой жизненный цикл*³. При этом важно соблюсти условия, при которых процесс рождения и воспитания (*социализации*) детей, с одной стороны, наиболее благоприятно обеспечивался бы природно-валеологическими ресурсами их родителей, с другой стороны, эти условия, по возможности максимально полно, способствовали бы решению двух противоречивых обстоятельств. *С одной стороны*, они позволяли бы учитывать тактические и стратегические социально-биологические

¹ Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1999. – № 3. – С 87–103.

² Ушинский К. Д. Соч. в 11 т. Т. 8. – М.-Л.: Изд-во АПН РФ, 1950. – С. 17.

³ В настоящее время жизненный бюджет среднестатистического россиянина колеблется в пределах 65–75 лет.

интересы общества и семьи и, с другой, сложные и во многом противоречивые интересы родителей и их потомства, по крайней мере, в последующих двух поколениях.

В развитии института семьи, в частности, в развитии демографической культуры семейной группы как во времени, так и в пространстве, сочетается диалектическое единство общего, особенного, частного и единичного. Общим для всех семей мирового сообщества является выполнение основополагающей функции – детовоспроизводственной, включающей в себя отношения между поколениями, процесс их преемственности. Особенное проявляется в особых условиях развития семей в разных странах и регионах (к примеру, того же Уральского региона), на разных континентах, в различных природно-климатических зонах: это условия экономические, культурные, этнические, природно-географические, исторические и т.д. Частное связано с особенностями конкретных условий бытия в том или ином городе, поселении, в той или иной социальной группе (например, семьи военнослужащих и семьи научных работников на Урале). И, наконец, единичное как проявление неповторимости индивидуальной (конкретной) семьи с историей её образования и развития, психологическими складами членов семьи, их здоровьем, трудовыми биографиями, ценностными ориентациями, склонностями и т.д.

Культура демографического поведения семьи может быть представлена как степень соответствия потребностей, интересов, мотивов, ориентаций, установок семейной группы основным потребностям общественного развития в сфере производства человека. В качестве составляющих культуры демографического поведения в процессе онтогенетического развития индивидуальной семейной группы, обеспечивающих её стабильность и выполнение основных социальных функций, можно выделить следующие:

- культура предбрачного поведения;
- культура воспроизводства семейных традиций и обычаев¹;
- педагогическая культура родителей и старших членов семьи;
- культура взаимоотношений (сотрудничества) и преемственности поколений на уровне семейной группы;
- культура консолидации родства и воспроизводства родственных связей;
- культура сохранения здоровья и разумного использования жизненных сил;
- культура сексуального поведения;
- культура миграционной подвижности;
- культура старения индивида и его доживания («культура смерти»).

Особенностью формирования и реализации демографической культуры семьи является то, что, будучи поливариантной и многофункциональной, она не представляет собой социальную организацию или систему социальных институтов, т.е. не имеет институционального закрепления. Важно здесь подчеркнуть и другое. Многоаспектность феномена культуры демографического поведения семейной группы детерминирует и многоаспектность исследовательского поиска путей и средств облагораживания и развития этой составляющей семейной культуры².

Возьмём на себя смелость утверждать, что несомненным положительным шагом в решении обозначенной выше проблемы явилось бы осознание общественностью (включая её «управленческий блок») необходимости своеобразного институционального «замещения» (хотя бы частичного) традиционных семейных родительских университетов «уроками семьи», которые бы получили права гражданства в государственных современных школьных программах. Хотя бы в старших классах на этапе взросления подростков. Естественно, такие уроки должны «перемещаться» и в аудитории профессиональных учебных заведений...

Хотелось бы, но этого, к сожалению, не происходит.

За последние 20–25 лет в мониторинговом режиме в целом ряде исследований различным группам респондентов (в том числе учащимся школ и студентам) в разных регионах РФ (например, «Семья-РФ-1999», – «Вуз-Урал-2010» и др.) в анкетах нами задавался вопрос: «Как Вы считаете, необходим ли в школах для учащихся средних и старших классов предмет «этика и психология семейных отношений?». Респондентам предлагается выразить своё отношение к инновации в школьной программе по четырёхзвенной шкале: а) «да, необходим» – вариант «А»; б) «больше доводов «за», чем «против» – «Б»; в) «больше доводов «против», чем «за» – «В»; г) «я против введения такого предмета» – «Г». Ниже представлены результаты опросов по семи проектам – см. табл. 1:

Таблица 1

Отношение различных групп населения Урала к необходимости введения в школах «Уроков семьи» (% от общего числа опрошенных по каждому исследованию)

Год, число респондентов	География опроса социальные группы	Варианты отношений			
		А	Б	В	Г
1999 г. 1360 чел	6 регионов РФ, родители подростков	73	21	3,5	2
2004 г. 880 чел.	Екатеринбург, молодые супруги	53	35	9	3
2006 г., 400 чел.	Красноуральск, родители подростков	55	30	10	5
2008 г. 230 чел.	УрФО – эксперты образования	58	40	1,3	0,9
2010 г., 300 чел.	Екатеринбург, мужчины-студенты	42	39	9	10
2010 г., 380 чел.	Екатеринбург, женщины-студенты	50	39	8	3
2014 . 150 чел.	Екатеринбург, эксперты образования	55	41	2	2

¹ Следует учитывать, что формирование демографической культуры семьи как в фило-, так и в онтогенезе – плод долговременного воздействия традиционности и новаций.

² Павлов Б.С. Социология: проблемы семьи. Учебное пособие. В 2-х ч. Ч. I. – Челябинск: ИЭ УрО РАН, 1992. – 233 с.

Нетрудно видеть, что подавляющее большинство родителей на Урале (85–95%) «упорно голосуют» за введение в школах «уроков семьи». Только ли на Урале? И только ли сегодня? Согласно исследованию, проведенному Центром независимого мониторинга исполнения указов президента РФ «Народная экспертиза» ОНФ в 2015 г., 66% родителей считают, что современная школа должна методически помогать родителям в воспитании детей. По данным мониторинга, лишь 20% образовательных организаций, социальных служб в субъектах Российской Федерации оказывают информационную поддержку, проводят разъяснительную работу для молодых семей, а основная масса – 80% служб и центров работают только с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации¹.

Наши многолетние исследования на Южном и Среднем Урале, в Западной Сибири, Поволжье и Забайкалье (1975–2019 гг.) свидетельствуют об устойчивой и, по всей видимости, **объективной потребности формирования и развития общественной системы семейной социализации молодых поколений** россиян... Напрашиваются закономерные вопросы: «Почему школы «молчат?». «Почему не реагирует Министерство образования?». «Куда смотрит общественность?»...

Ответы на эти вопросы не столь просты. Оказывается «школы – не молчат», «министерства реагируют», а «общественность вся иссмотрелась»... Только вот, в итоге «воз и поныне там»...

Заглянем в Интернет и представим **хронологию** краткого дайджеста организационно идеологического «чертополоха», связанного с попытками развития системы семейной социализации российской молодёжи за последнее десятилетие в сфере институтов образования.

...**Уже в 2012 г.** в Татарстане инициатором эксперимента по введению «семьеведения» стала общественная организация «Российская семья». предмет введен в десятых классах некоторых школ как факультатив. За внедрение «семьеведения» в школах на просторах Отечества активно борются также организации: Национальная родительская ассоциация, Фонд апостола Андрея Первозванного и Российская академия образования. Две последние инстанции совместно сформировали программу «Семьеведение в системе образования РФ (2016–2020 гг.)». И в соответствии с ней проводится мониторинг преподавания новой дисциплины в регионах. Фонд Андрея Первозванного продвигает и два комплекта учебников: «Нравственные основы семейной жизни» (для 10–11 кл.), написанные иереем, священником храма в Екатеринбурге Дмитрием Моисеевым и монахиней Ниной Крыгиной, и «Семьеведение» (для 1–11 классов) пензенских авторов Е. Купецковой, Г. Редя, И. Смирновой².

...В Татарстане рабочая программа по факультативному курсу семьеведения появилась еще в 2013 г., когда был выпущен приказ по включению занятий по психологии семейных отношений в учебный план ряда школ. **С 2013 г.** там действует пилотный проект по семьеведению в объеме один час в неделю. Национальная родительской ассоциация в партнерстве с Министерством просвещения, **в 2014 г.** направили в регионы разработанные методические рекомендации по организации курсов родительского просвещения. **А в 2015 г.** собрали лучшие практики и трансформировали эту тему в школьный курс и создали методические рекомендации для общеобразовательных учреждений.

...**В марте 2016 года,** когда инициативу введения нового курса, курса, посвященного семье и браку, поддержал бывший омбудсмен по правам ребенка Павел Астахов. Однако, **в ноябре того же 2016 г.** вице-спикер Госдумы Ирина Яровая заявила, что введение нового предмета не имеет смысла. «У нас есть одна опасная забава – мы хотим создавать новые и новые дисциплины в школе. Для того, чтобы ребенок знал и понимал свою социальную роль в будущей семье, существует множество дисциплин, которые дают ответы на эти вопросы. Это русская литература, история, уроки труда, пение и другие», – заявила Яровая в ходе Всероссийского молодежного форума Госдумы. Парламентарий добавила, что является противницей раннего сексуального просвещения, которое практикуется в европейских школах. «Это ничего, кроме развращения и непонимания, у ребенка не вызывает», – подытожила она³.

...**В 2017 г.** Министерство образования и науки РФ принципиально одобрило инициативу по созданию образовательного курса «семьеведение». Об этом сообщила уполномоченная по правам ребенка в РФ Анна Кузнецова. Пока в качестве факультатива основы семейной жизни уже несколько лет преподаются в некоторых школах 38 регионов России, в их числе Татарстан и Башкортостан. Спустя год после заявления Яровой и Реана, 21 ноября 2017 г., стало известно, что республика Северная Осетия – Алания станет первым регионом России, в котором в 10–11 классах реализуют проект «Семьеведение». В остальных регионах семьеведение преподается согласно решению отдельных муниципалитетов и школ.

В мае 2018 г. во все регионы России были разосланы методические рекомендации по проведению ещё одного нового курса с рабочим названием «Основы семейного уклада». Разработчики – Министерство образования и Национальная Родительская ассоциация. Как отдельный предмет курс внедрить не получилось, поэтому его разбили на отдельные темы – циклы: «Уроки семейной любви», «Подготовка к будущему родительству», и другие. Ассоциация победила в тендере и получила за разработку курса 6,7 млн. руб. В дополнение к методикам ассоциация выпустила тематические буклеты и плакаты⁴.

Но вот наступил, надеемся судьбоносный решающий 2019 г... «Для нашего общества, для многонационального народа, отмечалось в Послании Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года, – именно семья, рождение детей, продолжение рода, уважение к старшим поколениям были и остаются мощным нравственным каркасом. Мы

¹ Панов П. В школах введут урок основ семейной жизни. Его планируется проводить ежегодно 15 мая. – <https://iz.ru/news/608983>

² Там же.

³ Лысенко Я. Почему в российских школах появятся уроки семейного счастья. – <https://www.gazeta.ru/social/2017/12/13/11446130.shtml?updated>

⁴ Там же.

делали и будем делать всё для укрепления семейных ценностей. Это вопрос нашего будущего. Общая задача для государства, для гражданского общества, для религиозных организаций, политических партий и средств массовой информации... Для людей важно, что реально сделано и как это улучшает их жизнь, жизнь их семей. И не когда-нибудь, а сейчас»¹.

Естественно, на это выступление, и, практически, «прямые указания сверху» адекватно и «незамедлительно» отреагировали высшие органы управления. В Совете федерации, – читаем мы в сентябрьском (2019 г.) номере «Огонька», – предложили ввести в школах уроки «Семьеведения». Как оказалось, этот предмет уже преподается, и учебники по нему есть. Обосновывая это, сенатор Елена Попова (член комитета по социальной политике) пояснила эту «новацию» тем, что «Цель благая – «обучать общению в семье, правильному разрешению возможных конфликтных ситуаций». «Семьеведение» предлагается изучать и в младшей, и в старшей школе. По словам сенатора, уполномоченные по правам ребенка из разных регионов высказались за введение этого предмета на факультативной основе. И сейчас в аппарате омбудсмана по правам ребенка ждут, что регионы, где уже введены (!) подобные уроки, поделятся опытом и предложениями. Чтобы потом полноценный проект передать в Министерство просвещения². И так, вновь, ситуация из разряда «Нашли топор за лавкой».

У Вильяма Шекспира в монологе Гамлета находим:

«Быть или не быть, вот в чём вопрос. Достоин ли

Смиряться под ударами судьбы,

Иль надо оказать сопротивление»...

Нам представляется, что в последней строчке гамлетовского героя нам даётся вполне продуктивная подсказка в решении актуальной проблемы преодоления позиции управленцев от образования «Кабы, чего не вышло»....

И, в заключение. Социология — при условии, что ею занимаются надлежащим образом, отмечает Э. Гидденс, «обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для потворства предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению» и далее: «Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий»³. Трудно возразить против такого утверждения. Ставя задачи расширения и усложнения форм семейной социализации «общества младших», современное «общество старших», в свою очередь, должно чутко и последовательно отслеживать стремительно идущие матримониальные процессы развития общества, ибо «Воспитатель сам должен быть воспитан»⁴.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года (полный текст). – <https://www.pnp.ru/politics/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-20-fevralya-2019-goda-polnyu-tekst.html>

² Нехлебова Н. Уроки брака В российских школах появился новый предмет – семьеведение // Огонёк. – М., 2019. – № 25. – С. 29. – <https://www.kommersant.ru/doc/4013317>

³ Гидденс Э. Социология: учебник 90-х годов. (Реферированное издание). – Челябинск, 1991. – С. 57.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 2.

Першина Т.А.

к.э.н., Государственный университет управления

Долгих Е.А.

к.э.н., доцент, Государственный университет управления

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ТРУДА

Ключевые слова: рынок труда, рабочая сила, занятость, вакансии, выпускники, уровень образования.

Keywords: labor market, labor force, employment, vacancies, graduates, level of education.

Одной из основных задач высшего образования является обеспечение выпускников навыками и, необходимыми для достижения успеха на рынке труда. Эта миссия особенно важна в контексте современной инновационной и цифровой экономики. Это также соответствует одному из основных ожиданий студентов, а именно, что они смогут получить хорошую работу по окончании учебы.

Для достижения этой цели системы высшего образования стремятся выпускать выпускников с техническими, профессиональными и цифровыми знаниями и навыками, независимо от области их обучения. Эти навыки подтверждены ученой степенью, дипломом или другой квалификацией и посылают работодателям сигнал о том, что у выпускника есть компетенция, интерес и способность работать на определенных работах. И для многих рабочих мест, квалификация высшего образования является обязательным требованием.

Введение в образование Болонского процесса кардинально изменило систему высшего образования и продолжает менять, что сказывается и на рынке труда. Рассмотрим структуру выпускников по уровню диплома за период 2000 и 2017 гг.

Введение трехуровневой системы высшего образования значительно снизило выпуск специалистов в 2017 году по сравнению с 2010 годом с 88 до 10% (на 78 п.п.). На рис. 1 показано, что выпуск бакалавров в 2017 году вырос на 65 п.п. по сравнению с 2010 годом до 76%. Увеличение численности выпускников квалификации бакалавриат повлекло за собой рост численности магистрантов с 1 до 14% (на 13 п.п.), такая тенденция обусловлена тем, что введение профстандартов предусматривает определенные должности по уровням квалификации [1, 2].

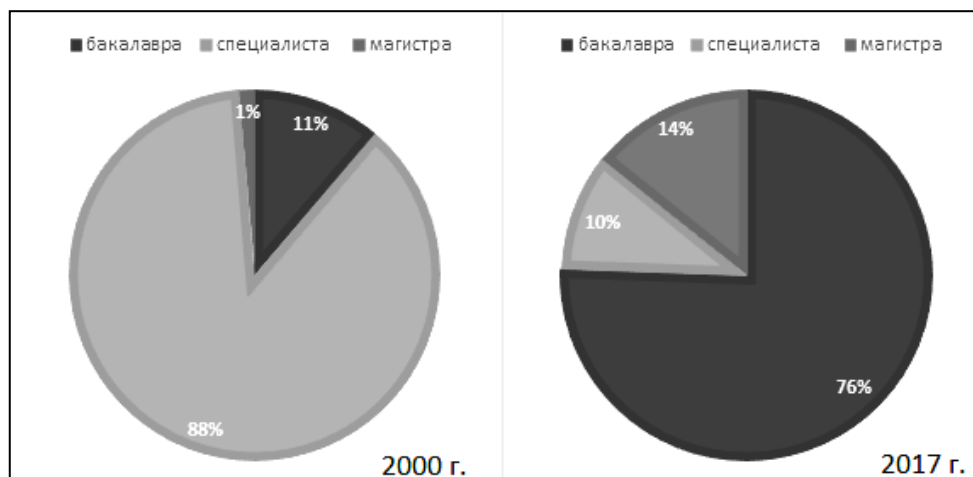

Рисунок 1.

Структура выпускников по уровню полученных дипломов в 2000 и 2017 гг., проценты

Важным фактором в оценке качества высшего образования является трудоустройство выпускников (рис. 2.)

Рисунок 2.

Структура трудоустроенных выпускников 2015–2017 гг., по годам, проценты

Анализируя совокупность выпускников за период 2015–2017 гг., можно сделать вывод о том что наибольшая доля трудоустроенных выпускников была в 2015 г. Причиной данного распределения в структуре может быть длительный поиск работы, а также несоответствие выбора специальностей [2].

Главный интерес в статистике рынка труда представляет выбор специальностей.

Таблица 1

Динамика выпускников образовательных организаций высшего образования по профессиям за период 2012–2017 гг., проценты

Выпуск по профессиям	2013	2014	2015	2016	2017
Выпуск – всего, по профессиям:	-11,0	-6,4	-9,8	-7,6	-8,6
промышленности	-8,5	-4,6	-9,4	-8,0	-5,9
сельского хозяйства	-8,5	-4,9	-9,3	-14,5	-11,3
строительных, монтажных и ремонтно-строительных работ	-7,3	-3,5	-8,5	-1,5	-7,6
транспорта	-16,2	-17,1	-4,3	-16,4	-8,4
связи	-22,6	0,0	-16,7	5,0	-19,0
общественного питания, торговли и производства пищевой продукции	-11,0	6,4	-12,2	-0,9	-8,9
сферы обслуживания	-13,6	-6,3	-14,6	-5,3	-6,3
общим профессиям для отраслей экономики	-15,8	-9,7	-7,4	-7,3	-8,1
другим	-13,0	-24,3	-29,1	-12,0	-34,2

Анализ динамики выпускников организаций высшего образования показал, что по всем профессиям наблюдается заметное снижение, которое может быть вызвано демографическими причинами. В целом выпуск профессий сокращался на протяжении всего периода, так наибольшее снижение произошло в 2013 году по сравнению с 2012 (на 11%). В 2017 году по сравнению с 2016 годом произошло снижение на 8,6%. Значительное снижение выпускников наблюдается в профессиях связи, так в 2013 году по сравнению с 2012 годом произошло снижение на 22,6%, а в 2017 году по сравнению с 2016 годом произошло снижение на 19%, несмотря на значительное снижение выпускников данной профессии, в 2016 году по сравнению с 2015 годом наблюдался прирост на 5%. [4]

Рассмотрим, как менялась структура выпускников образовательных организаций высшего образования по профессиям (табл. 2).

Распределение выпускников образовательных организаций высшего образования по профессиям за период 2012–2017 гг., проценты

Выпуск по профессиям	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Выпуск – всего, по профессиям:	100	100	100	100	100	100
промышленности	30,1	31,0	31,6	31,7	31,6	32,5
сельского хозяйства	8,1	8,3	8,5	8,5	7,9	7,7
строительных, монтажных и ремонтно-строительных работ	12,9	13,4	13,9	14,1	15,0	15,2
транспорта	14,8	14,0	12,4	13,1	11,9	11,9
связи	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
общественного питания, торговли и производства пищевой продукции	13,9	13,9	15,8	15,4	16,5	16,5
сферы обслуживания	3,8	3,7	3,7	3,5	3,6	3,7
общим профессиям для отраслей экономики	9,7	9,2	8,9	9,1	9,2	9,2
другим	6,1	6,0	4,8	3,8	3,6	2,6

Рассмотрим распределение выпускников вузов 2017 г. выпуска по статусу участия в составе рабочей силы и по видам экономической деятельности (табл. 3)[1].

Таблица 3

Распределение выпускников вузов 2017 г. выпуска по статусу участия в составе рабочей силы и по видам экономической деятельности на настоящей (или последней) работе, проценты

	<i>Структура рабочей силы, %</i>
Всего	100,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1,9
Добыча полезных ископаемых	2,2
Обрабатывающая промышленность	9,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,2
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,4
Строительство	4,0
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	13,8
Транспортировка и хранение	4,9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,2
Деятельность в области информации и связи	3,8
Деятельность финансовая и страховая	5,0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1,3
Деятельность профессиональная, научная и техническая	6,6
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	12,8
Образование	12,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	6,5
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2,6
Предоставление прочих видов услуг	1,2
Прочие (не имеют опыта работы)	3,8

Анализ табл. 3 показывает, что наибольшая доля выпускников 2017 года по статусу участия в составе рабочей силы на настоящей (или последней) работе приходится на профессии торговли оптовой и розничной, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов – 13,8%, а также государственного управления и обеспечения военной безопасности, социального обеспечения – 12,8% и образование – 12,6%. Наименьший удельный вес выпускников 2017 года по статусу участия в составе рабочей силы на настоящей (или последней) работе составляют профессии, относящиеся к водоснабжению, водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений [3].

В эпоху цифровизации начинает меняться потребность в определенных профессиях, а напряженность на рынке труда заставляет изменять выбранным направлениям подготовки в начале получения высшего образования и после его окончания.

Рассмотрим структуру соответствия выбранной профессии трудоустроенных выпускников 2015–2017 гг. выпуска специальности, полученной в образовательной организации высшего образования.

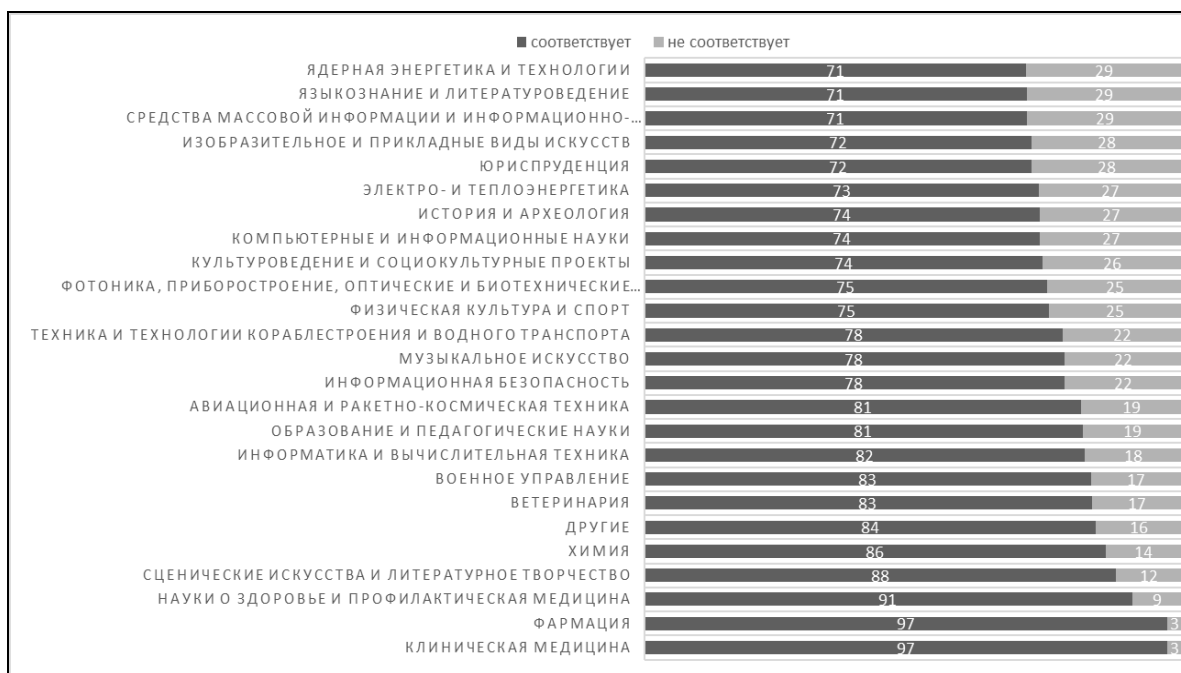

Рисунок 3.

Структура соответствия выбранной профессии трудоустроенных выпускников в 2015–2017 гг. выпуска специальности, полученной в образовательной организации высшего образования (наибольшая доля совпадений)

Наибольший удельный вес (от 70 до 97%) совпадений профессий и направлений подготовки приходится на направления подготовки, которые относятся к медицине, точным наукам, творческим направлениям, а также информационным технологиям. Данные направления подготовки имеют четкие компетенция без размытых границ трудоустройства, что ограничивает возможность перехода в другую профессию после окончания обучения. [3]

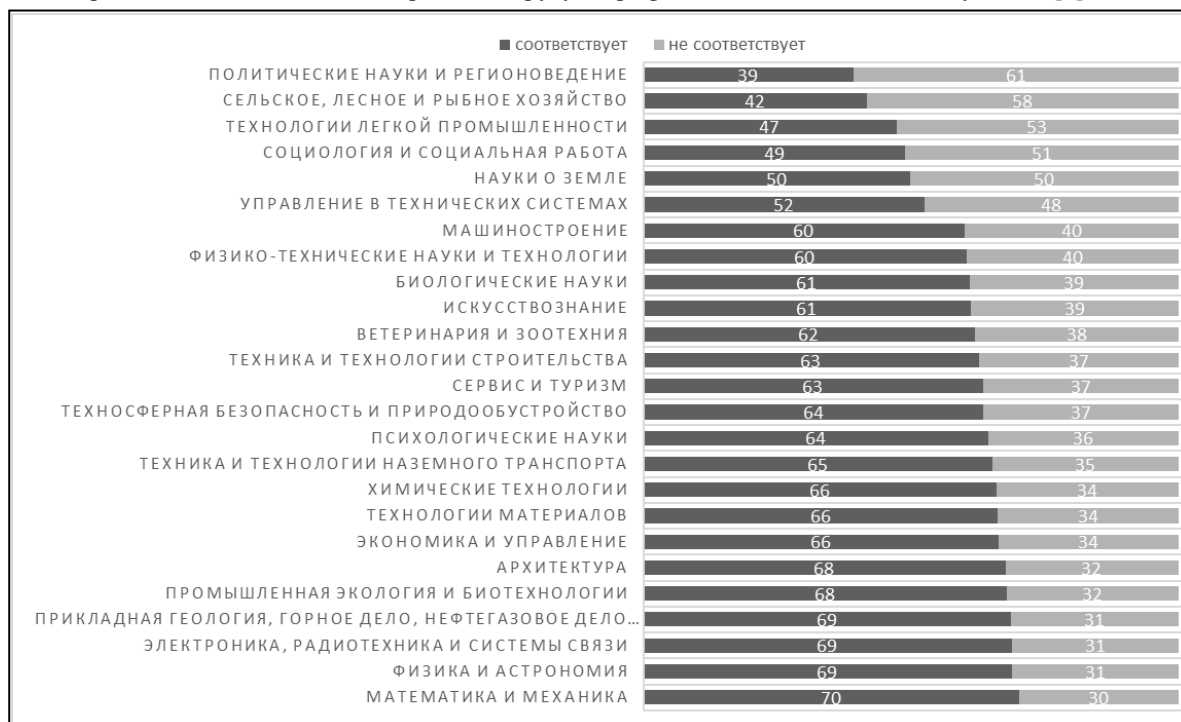

Рисунок 4.

Структура соответствия выбранной профессии трудоустроенных выпускников 2015–2017 гг. выпуска специальности, полученной в образовательной организации высшего образования (наименьшая доля совпадений)

Анализ структуры выпускников, которые выбрали профессию, не соответствующую направлению подготовки (рис. 4), показал, что наибольший удельный вес несоответствий (от 48 до 61%) наблюдается в политических науках, сельском хозяйстве, технологий легкой промышленности, социологии, науках о Земле и управлении в технических системах. В специалистах данных профессий все меньше нуждается рынок труда, поэтому после обучения выпускник чаще всего вынужден искать другие вакансии для трудоустройства. Смещение также наблюдается в математические и экономические направления. Данные направления подготовки охватывают широкий круг компетенций, что позволяет выпускнику почувствовать уверенность на рынке труда, в случае отсутствия подходящей вакансии [1].

Статистика основного ресурса для поиска вакансии «HeadHunter» говорит о том, что наибольший прирост вакансий в 2019 году по сравнению с 2018 годом наблюдается в следующих профессиональных областях: наука, образование – 45%, государственная служба, некоммерческие организации – 42, юриспруденция – 23, спортивные клубы, фитнес, салоны красоты – 22 и добыча сырья – 21%. Наибольшее снижение вакансий произошло в следующих профессиональных областях: рабочий персонал – 49%, безопасность – 35% [5].

Высшее образование играет все более важную роль в современном обществе знаний. Поэтому необходимо обратить внимание на диспропорции в вакансиях и направлениях подготовки в образовательных организациях высшего образования, а также на потребности рынка труда. На рынке труда растет спрос на специалистов с высшим образованием по данным «HeadHunter». Чтобы удовлетворить потребности и требования рынка труда, высшим учебным заведениям необходимо постоянно работать над улучшением качества своих услуг. Улучшение учебного процесса, адаптация к изменениям на рынке труда, финансовая поддержка, поддержка мобильности и карьерного роста для студентов – вот наиболее важные вопросы. Тенденции рынка и цифровизация экономики являются ключевыми элементами, которые необходимо принимать во внимание в целях повышения качества услуг высшего образования. Высшее образование должно ориентироваться на потребности работодателей и требования обучающихся. Для повышения качества высшего образования и его взаимодействия с рынком труда важен анализ потребностей в определенных вакансиях и пересмотр их компетенций, а также возможности предложения новых профессий, которые будут отвечать современному рынку труда.

Список литературы

1. Анферов А.А., Долгих Е.А. Статистический анализ трудоустройства выпускников образовательных организаций // Вестник университета. 2018. – № 8. – С. 68–72.
2. Давлетшина Л.А. Анализ развития регионов Российской Федерации по основным показателям социально-демографической ситуации // Статистический анализ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Материалы 3-й Международной заочной научно-практической конференции. 2017. – С. 78–82.
3. Карманов М.В., Волкова Е.Н., Давлетшина Л.А., Эпштейн Н.Д., Пеньковская Т.С. Методологические подходы к оценке социально-экономического развития региона: монография / МЭСИ. – М., 2014. – 189 с.
4. Федеральная служба государственной статистики. – www.gks.ru
5. Ресурс для поиска вакансии «HeadHunter». – <https://stats.hh.ru/>

Периуткин С.Н.

д.соц.н., действительный член Академии военных наук РФ, директор Московского института социологических исследований

ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ «АНАЛИТИКА»¹

Ключевые слова: аналитика; аналитическая деятельность, образование, социо-анализ; бизнес-аналитика; зарубежный опыт; экспертно-аналитическое сообщество.

Вынесенная на межведомственный круглый стол тема «Состояние и перспективы развития аналитической подготовки в российской системе образования» актуальна с разных сторон – теоретической и практической.

О том, что ситуация созрела для обсуждения данной темы, свидетельствует широкий круг обстоятельств.

Во-первых, усложнение практики управления и ощутимые трудности перевода политических задач в управленческие, свидетельство чего – неосвоенность в 2019 г. в нашей стране около 1 трлн. руб., что означает фактически дефолт государственного и регионального управления, кризис компетентности федеральных и региональных чиновников (неспособных перевести в управленческую плоскость политические установки и задачи, сформулированные Президентом РФ).

Во-вторых, повышение значимости разнообразных видов управленческой деятельности, включая бизнес-аналитику², социо-аналитику, военную аналитику, аналитику в сфере высоких технологий, что заслуживает внимания, когда обсуждаются предпосылки самостоятельного образовательного направления «Аналитика»³.

В-третьих, рост объема информации во всех сферах, в том числе космической, военной. Скажем, с помощью космических аппаратов регулярно собирается в интересах безопасности и обороны столько данных видеосъемок, что требуется круглосуточная работа многих аналитиков и экспертов.

Однако подобные трудозатраты представляются вполне оправданными, поскольку благодаря углубленному анализу визуальных данных открываются неизвестные ранее возможности. Например, за короткий срок идентифицировать организаторов террористических атак, выявить пункты их перемещения и оперативно принять меры по нейтрализации.

Такие же возможности открываются благодаря видеокамерам на улицах крупных городов, что позволяет бороться с преступностью. Однако обширные возможности в этом случае соседствуют с неизбежными проблемами. В этих условиях аналитика уже сама по себе становится проблемой.

Не случайно Роберт Кардилло, директор Национального управления Геопространственной разведки США совсем недавно привел расчеты, что через 20 лет для того, чтобы проанализировать изображения с коммерческих спутников вручную потребуется 8 млн. специалистов⁴. Понятно, что это нереально. Поэтому все надежды на новую технику, алгоритмы, аналитику и повышение квалификации специалистов-аналитиков. Это большая задача, требующая длительных усилий.

Развитие систем связи и распространение новейших технологий создает возможности для наращивания объемов данных в расширенных масштабах и с более высокими скоростями, чем это было до сих пор, что создает, тем не менее, дополнительные проблемы для аналитики, для углубленной оценки сведений⁵.

В этом контексте приходится говорить о таком новом вызове аналитике как *степень профессионализма* лиц, занятых обработкой информации, сбором, оценкой, анализом огромных объемов данных.

Вариантов решения этой проблемы немного, причем определяющий – это повышение эффективности подготовки аналитиков в сфере высшего образования. Среди дополнительных факторов актуализации комплекс обстоятельств:

¹ Доклад на круглом столе «Состояние и перспективы развития аналитической подготовки в российской системе образования».

² Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения. уч. пособ. / Под ред. д.ф.н., проф., А.И.Селиванова. – М.:ИПК госслужбы, 2005; Горбунов А.Р. Аналитическая служба фирмы, ведомства, региона. – М.: Глобус, 2001; Организационно-аналитическое обеспечение процессов управления. Электронный учебно-методический комплекс / Колл. авторов. – М.: ИПК госслужбы, 2007.

³ Аналитический словарь / Под общ. ред. Ю.Н. Коптева. – М. Ассоциация содействия развития аналитического потенциала личности, общества и государства «Аналитика». 2015. – 132 с.

⁴ Иванов В. ЦРУ нужен мир, и желательно весь // Независимое военное обозрение. – М., 2019. -28 июня – 4 июля 2019, № 22. – С. 15.

⁵ Маринин А. Национальная разведывательная стратегия США // Зарубежное военное обозрение. – М., 2019. – № 8.

- усложнение управленческой деятельности во всех сферах общества; повышение роли и значимости стратегического планирования на широкой информационной основе с использованием «больших данных»;
- сложность агрегирования обширного объема сведений и выработки обобщающих оценок, что предъявляет повышенные требования к квалификации аналитиков;
- наличие разработок в рамках российской аналитической школы¹, что позволяет ставить и решать новые и более сложные задачи по формированию управленческого мышления и применению социо-анализа².

Здесь целесообразно отметить мировые тенденции и международный контекст.

Во-первых, сопоставимый характер проблем в разных странах в аналогичных сферах деятельности, что задается характером информационной работы; а во-вторых, заметной активностью за рубежом по повышению компетентности специалистов-аналитиков.

Правомерно сослаться как на перечень учебных дисциплин, так и на список новейших работ, способствующих формированию аналитического мышления специалистов разного профиля, системному анализу информации, системному представлению противника в качестве социологической или социальной системы, роли социологии в решении проблем обороны и безопасности³.

Имеется в виду обширная тема, поэтому ограничусь рядом обобщений применительно к американскому опыту аналитической деятельности на базе спецслужб. Составными частями этого специфического опыта являются:

Во-первых, подготовка квалифицированных специалистов в области оценки и анализа различных аспектов военной и научно-технической политики иностранных государств⁴.

Во-вторых, создание и успешная деятельность факультетов и кафедр анализа и оценок⁵.

В-третьих, разработка и преподавание курса «Информационно-аналитическая работа»⁶.

В-четвертых, исследования и разработки новых методов анализа информации и интерпретации⁷.

Несмотря на непростые отношения между Российской федерацией и США игнорировать зарубежный опыт развития и использования аналитики недопустимо, чтобы полнее учитывать позитив и своевременно избегать негатив.

Важные аспекты, в том числе разработка новых методов анализа информации представлены в двух крупных изданиях: в монографии Джона В. Боднара «Многофакторный анализ» (Колумбийский университет, США) и в учебнике Чака Хове «Отраслевой анализ в интересах разведки».

Достоинства первой из названных работ – в том, что анализируются новые формы работы с информацией и переход к использованию принципа (сети) Кохонена, что позволяет описывать тот или иной объект набором характерных параметров, позволяющих формализовать и автоматизировать анализ больших данных с применением различных методов.

Тем самым автор выходит за рамки традиционной модели (сбор, обработка, анализ и обобщение) информации, к решению задачи в интересах прогнозирования.

Специфика публикации еще одного автора – в том, что подробно описывается углубленное и более широкое применение методики бизнес-моделей и конъюнктурного анализа в интересах оценки военно-промышленного потенциала конкретных государств. Упомянутый автор (Ч. Хове) выбрал вариант пошагового руководства для системного аналитика (на примере технологии производства электронных компонентов).

Все перечисленное заслуживает внимания в нашей стране как *военных* аналитиков, так и иных, чтобы держать в центре внимания тенденции и способы постановки за рубежом новых аналитических задач:

- обеспечения глобальной осведомленности в условиях формирования информационно-разведывательно-ударных комплексов,

- расширения возможности по сбору информации, обеспечению оптимальных условий для специалистов, занятых в сфере обороны и национальной безопасности;

¹ Исаков В.Б. Правовая аналитика. Учебное пособие для студентов старших курсов и слушателей магистратуры. – М.: ГУ-ВШЭ, 2011. – 260 с.

² Першуткин С.Н. О новом содержании практической функции социологии управления // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дрездских чтений (21–22 ноября 2013 г.) / Отв. Ред. А.В. Тихонов. – М.: Институт социологии РАН, 2014. – С. 84–85.

³ Першуткин С.Н. Социология войны: возможности и проблемы использования в изучении военных конфликтов XXI века (политико-социологические аспекты) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. – № 2(19). – С. 167–175. О новой роли социологии в условиях невоенных действий и гибридной войны // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого. 2017. – № 2 (6). – С. 173–179.

⁴ Кнорр К. Внешняя разведка и общественные науки. – М., 1992; Плэтт В. Информационная работа стратегической разведки. – М.: Воениздат, 1956.

⁵ Аналогичные курсы в том или ином объеме преподаются в филиалах Университета национальной разведки, в Колледже стратегической разведки, в Учебном центре при Национальном управлении геопространственной разведки (НУГР), в Учебном центре при Управлении национальной безопасности (УНБ). Здесь большое внимание уделяется такому учебному курсу как «Стратегический анализ международной обстановки» продолжительностью обучения три месяца, не только в Университете национальной разведки США (штат Мэриленд), где целенаправленно готовят информационных аналитиков по кафедре военного потенциала, но и в других образовательных учреждениях Пентагона и ЦРУ США.

⁶ Медведев А.А. Университет национальной разведки Министерства обороны США // Зарубежное военное обозрение. – М., 2019. – № 7. – С. 11–14

⁷ В престижном Центре исследований в области стратегической разведки, где формируется перспективный облик разведывательного сообщества США.

- разработки количественных методов анализа данных, а также способов и технологий, направленных на повышение возможностей по определению, анализу, прогнозированию изменяющейся обстановки и возникающих тенденций по всему спектру проводимых операций.
- достижения максимального качества решений, принимаемых в кабинетах оперативных работников.
- разработки прогнозных сценариев на основе качественных и количественных данных;
- оценки каскадного развития событий или действий (усиливающих, расширяющих или нейтрализующих межгосударственные конфликты);
- проработки, определения и выявления индикаторов вероятного развития событий или тенденций изменений за определенный период.
- прогнозирования событий с помощью корреляций и распознавания конкретных личностей и интересующих объектов, информация о которых отслеживается с помощью видеоданных;
- углубление понимания масштабов, характера и необходимого инструментария для упреждающего ведения разведки в различных социальных структурах, что представляет особую значимость для нас¹;
- углубленной проработки количественных аналитических методов и качественных в интересах упреждающей разведки;
- неизбежного роста требований к аналитикам и к экспертам.

На основе новейших разработок ставится и решается задача преодоления неопределенности и компенсации дефицита информации на базе углубленной аналитики и научных разработок.

Тем самым расширяются возможности более точного определения вероятности возникновения и развития конкретных международных ситуаций, смягчения последствия возникающих угроз.

Обобщая, отметим, содержание и развитие аналитики в работе разведывательных и иных информационно-экспертных структур широкого профиля включают в себя общие тенденции и закономерности разных сфер деятельности. Это, с одной стороны. С другой, опережают процессы в других сферах, новые аналитические технологии первоначально разрабатываются для разведывательного сообщества, а несколько позже – распространяются на другие сферы: экономики, политики, бизнеса, образования.

В качестве вывода по итогам анализа с полным основанием можно констатировать: понятие «аналитика», применяемое за рубежом, характеризует уровень квалификации специалиста, а не какое-либо одно универсальное и самостоятельное образовательное направление. Тем самым мнение одной из групп участников прошедшего межведомственного «круглого стола» совпадает с зарубежными трактовками, что оказываются в качестве общезначимых и универсальных по многим национальным и международным критериям.

Широкий состав участников межведомственного «круглого стола» 30 января 2020 г. в «Плехановке» и высокий уровень профессиональной компетентности позволили с разных сторон взглянуть на роль аналитической подготовки в российской системе образования.

В ходе состоявшегося обмена мнениями был детально рассмотрен опыт профильной подготовки бизнес-аналитиков, аналитиков для новейших информационных технологий, военных аналитиков, социо-аналитиков, правовых аналитиков в вузах страны.

Помимо совпадения взглядов в отношении роли аналитиков разных профилей обозначились «узкие» места и несовпадения.

Если инициаторы семинара воспринимают аналитику как универсальное направление образовательной деятельности, заслуживающее отдельного статуса в высшем образовании, то этой точке зрения оппонировала большая группа участников, настаивающих, что существующая практика подготовки в вузах (бизнес-аналитиков, военных аналитиков и других профильных специалистов) вполне удовлетворительна, что аналитик – это степень квалификации (причем высшая), что предпосылки нового образовательного направления пока не оформились. Убедительных ответов на подобные сомнения не последовало, в том числе, почему на протяжении последнего десятилетия (и до сих пор) остается не определенным местоположение российского аналитического образования в системе общественных координат? Только ли организационные недоработки препятствуют или более серьезные *теоретические* все-таки, не позволяющие в принципе завершить целостное формирование аналитики как образовательного направления?

Требуются дополнительные дискуссии после публикации текстов выступлений и дополнительные усилия по доработке предложений, по усилению теоретической аргументации и обоснованию аналитики в качестве самостоятельного направления образования. Прошедшая дискуссия единодушная по обсуждаемому вопросу не выявила.

Необходимо наращивание исследовательских усилий на фундаменте междисциплинарности аналитики и социологии как теории, методологии и методики анализа социума и его разных составных частей: государственного управления², в том числе военного, бизнес-менеджмента и др.

¹ Акцент на социологическую и социальную составляющую подчеркивается многократно, раскрываясь с помощью задачи создания профессиональных групп с повышенным уровнем подготовки в конкретных сферах. Через призму социологии подается даже такая задача как идентификация культурного и технологического уровня человеческого капитала, что является сложной в концептуальном и инструментальном планах, требуя включения социологических компонентов компетентности.

² Еремичева Г.В. Меньшикова Г.А., Пруель Н.А. Социальная аналитика как современный тренд социологии государственного управления // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций. К 90-летию со дня рождения В.А. Ядова. – М., 2019. – С. 557–559.

Прежде всего имеется в виду укрепление теоретического фундамента аналитики¹, включая более смелое использование потенциала социо-аналитики (в интересах совершенствования подготовки специалистов), более полного учета характера и задач информационной работы в современном обществе. Это предполагает повышение внимания к методам деятельности аналитиков, включая работу со статистическими и социологическими данными².

¹ Плотинский Ю.И. Аналитика социальных процессов: Монография в 3-х частях. – М., 2014.

² Пономарева А.В. Статистика и аналитика социальных сетей как инструмент продвижения бизнеса // Россия, Европа, Азия: цифровизация глобального пространства. Сборник научных трудов I международного научно-практического форума. 2018. – С. 136–137.

Петросяни Д.В.

к.э.н., доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета
dan-basa@yandex.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДУЩИХ УНИВЕРСИТЕТОВ СКФО¹

Ключевые слова: институциональная среда, конкурентоспособность университетов, высшее образование, рейтинги университетов, наукометрия, экспертные оценки.

Keywords: institutional environment, university competitiveness, higher education, university rankings, scientometrics, expert assessments.

1. Введение

Исчерпанность ресурса модели советского регионального вуза в привязке к областным центрам не вызывает сомнения, вопрос в другом: как рационально и эффективно с точки зрения затрат всех видов ресурсов выстраивать в субъектах РФ модель современного конкурентоспособного университета, ориентированного на нужды страны и её регионов?

Современное общество активно стремится в сторону цифровой трансформации, в этих условиях становится актуальным определение степени влияния современных университетов на социально-экономическое, политическое, культурное и экологическое развитие регионов РФ. Выявление роли научно-образовательных сообществ в формировании системы стратегического управления социально-экономическим и инновационно-технологическим развитием регионов является одним из ключевых моментов, определяющих стратегии научно-технологического развития регионов (субъектов федерации). Для субъектов Северо-Кавказского федерального округа – это фактически выявление для каждого региона перспектив его развития в условиях цифровизации всех аспектов жизнедеятельности².

Но именно в СКФО накопился целый ряд проблем (перечень неполный, попо лняемый):

- в субъектах СКФО отсутствуют четко выраженные точки инновационно-технологического роста (ИТР). Нет плана размещения стартапов ИТР СКФО учитывающего потенциал каждого субъекта;
- в высших учебных заведениях региона отсутствует скоординированный по всему СКФО стратегический план подготовки кадров для реализации задач по цифровой трансформации;
- отставание в освоении цифровых технологий и их разрывы по территории округа приводят к усугублению следствий географической периферийности субъектов СКФО;
- отсутствует реальная оценка перспектив субъектов СКФО в рамках стратегии научно-технологического развития России.

С развитием экономики знаний будет расти в жизни всего общества роль капитализации знаний. Наиболее оптимальные условия для этого имеют университеты. Следовательно, будет возрастать и влияние университетов на общество. Соответственно будут меняться модели университетов и характер их взаимодействия с окружающей средой, со всем обществом. При этом, общество, испытывая влияние университетов, тоже будет трансформироваться³.

В XXI веке экспоненциально растет дифференциация университетов с одновременной их трансформацией, что неминуемо ведет к невиданным ранее изменениям в организации образовательного процесса в учебных заведениях. Подавляющее число высших учебных заведений идет по пути все большей профилизации и, следовательно, все большего крена в сторону перехода в обучающую составляющую деятельности, а по сути, – обучению ремеслу. И все меньшее число университетов продолжает заниматься формированием современного мировоззрения. Одной из ключевых задач развития университетов и их инфраструктуры, является синхронизация с направлениями развития регионов, активное участие в реализации национальных проектов, в соответствии с рынком труда региона⁴.

Проведение форсайта развития региона на регулярной основе должно приводить к коррекции контрольных цифр приема (КЦП) в соответствии с потребностями в специалистах различных отраслей хозяйства. Но не все решается просто и линейно. А если нет на сегодня высококвалифицированных рабочих мест в регионе, то вуз не должен готовить математиков, физиков, инженеров высокой квалификации? Или это уже задача федеральных и национальных

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00104 «Системное регулирование развития экосистем инноваций в российских ведущих центральных и региональных университетах».

² Петросяни Д. Экосистемы инноваций в региональных российских университетах: информационные основы оценки развития // Проблемы теории и практики управления. – М., 2018. – № 11. – С. 92–103.

³ Салми Дж. Создание университетов мирового класса / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2009. – 132 с.

⁴ Балацкий Е.В., Сергеева В.В. Научно-практическая результативность российских университетов // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 2. – С. 133–148.

исследовательских университетов? Имеет ли РФ ресурсные возможности создавать на местах конкурентоспособные научно-исследовательские лаборатории мирового класса, при этом одновременно во многих регионах страны? Или это непомерная нагрузка на бюджеты университетов? Удастся ли проводить в СКФО исследования мирового уровня, если Федеральный округ не попадет в рамки национального проекта Наука, и не создаст ни один из пятнадцати запланированных Национальных образовательных центров (НОЦ)? Тем более, что число таких центров не ограничено, нашлись бы ресурсы, финансовые и человеческого капитала. Очевидно, что проблемы науки и образования невозможно рассматривать вне контекста демографических, социально-экономических, политических и иных проблем. Аналитики Всемирного банка в своем исследовании приходят к выводу, что «перспективы трудоустройства российской молодежи кардинальным образом различаются в зависимости от региона их проживания. Так, например, молодежь из Северного Кавказа может оказаться неконкурентоспособной за пределами своего региона в силу низкого уровня полученного образования»¹.

В июне 2019 г. Министр Науки и высшего образования (МНВО) М. Котюков однозначно дал понять, что «распределение бюджетных мест по регионам и университетам зависит от различных показателей. Эта методика утверждена, но с учетом динамически меняющихся планов пространственного развития, изменения технологического уклада в эту методику в ближайшее время планируется внести изменения, которые бы учитывали более точно задачи рынка труда в субъектах РФ»².

2. Картирование ситуации в системе высшего образования СКФО в 2018/2019 учебном году

В проекте НРУ Интерфакс в 2018/2019 гг. были оценены 17 вузов СКФО³, на четыре больше чем годом ранее. В СКФО на июль 2019 года нет ни одного статусного вуза: НИУ, опорного, участника проекта 5/100. Есть только в Ставрополе федеральный университет. В дальнейшем в настоящей статье будут рассмотрены в первую очередь различные показатели этих 17 университетов СКФО⁴.

По данным мониторинга МНВО РФ на 2018 год в СКФО действует 85 организаций высшего образования (из числа принявших участие в мониторинге), в т.ч.: 41 филиал, 24 частных вуза, 1 федеральный университет, нет НИУ и опорных университетов. Больше всего университетов (включая филиалы) в Махачкале (17) и в Ставрополе (15). В табл. 1 представлены данные о числе университетов в СКФО на 2018/19 учебный год, а также приведенное число студентов обучающихся в субъектах Федерального округа.

Таблица 1

Число университетов СКФО на 2018/19 учебный год

Субъект СКФО	Головной вуз	Филиал	Всего вузов в субъекте СКФО	Приведенное число студентов	Число студентов на 10 000 населения по приведенной численности студентов
Ставропольский край	15	19	34	39 237,7	140,1
Республика Дагестан	12	17	29	29 163,5	95,2
Республика Северная Осетия (Алания)	6	1	7	14 541,0	207,1
Республика Карачаево-Черкесия	2	3	5	5406,6	116,0
Республика Кабардино-Балкария	4	0	4	10 357,0	119,6
Чеченская республика	3	1	4	16 848,4	117,2
Республика Ингушетия	2	0	2	3867,4	79,3
Северо-Кавказский федеральный округ, всего	44	41	85	119 421,5	121,6

Источник: составлено автором МНВО РФ⁵.

В табл. 2 представлена численность студентов на 10 000 населения в субъектах СКФО по данным Росстата. В соответствии с политикой, проводимой еще Министерством образования и науки, число студентов с 2010 г. к 2018 г. значительно снизилось. Что же касается среднероссийских данных, то за этот же период показатель снизился с 493 в 2010 г. до 284 в 2018 г.

¹ Преодоление пространственного неравенства. Доклад Всемирного банка. 2018. – <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29866/126805-WP-WBrollingback-PUBLIC-RUSSIAN.pdf?sequence=5&isAllowed=y>

² Минобрнауки намерено изменить методику распределения бюджетных мест в вузах / ТАСС. – <https://tass.ru/obschestvo/6604944?fbclid=IwAR2qWT5RH8fA3bulpLCeHILr2A5qlmsLepyVtm13OJlufHO5tdgEWHwXOM>

³ Соответствие аббревиатур вузов их полному наименованию см. на сайте проекта Академия Интерфакс. – <https://academia.interfax.ru>

⁴ Официальный сайт проекта Академия Интерфакс. – www.academia.interfax.ru

⁵ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. Главный информационно-вычислительный центр. – <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>

Численность студентов на 10000 населения в субъектах СКФО с 2010 по 2018 гг.

Субъект СКФО	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Республика Дагестан	363	204	181	171
Республика Ингушетия	287	168	157	151
Кабардино-Балкарская Республика	327	175	163	169
Карачаево-Черкесская Республика	354	239	230	239
Республика Северная Осетия-Алания	476	352	327	303
Чеченская Республика	262	235	240	241
Ставропольский край	483	268	258	257
Северо-Кавказский федеральный округ, всего	386	235	221	217

Источник: Росстат¹.

В табл. 3 представлено приведенное число студентов по направлениям обучения в СКФО на 2018/2019 учебный год.

Таблица 3

Приведенное число студентов по направлениям обучения в СКФО на 2018/2019 учебный год

	Математические и естественные науки	Инженерное дело, технологии и технические науки	Здравоохранение и медицинские науки	Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	Науки об обществе	Образовательные и педагогические науки	Гуманитарные науки	Искусство и культура
Республика Дагестан	1610	4379	6185	1240	9592	4177	1721	260
Республика Ингушетия	685	108	610	343	951	479	692	-
Республика Кабардино-Балкария	966	2452	2304	968	2394	351	695	228
Республика Карачаево-Черкесия	661	913	720	255	1329	1216	179	133
Республика Северная Осетия (Алания)	437	3501	3155	924	4914	1006	554	52
Ставропольский край	1168	7282	7833	1623	14523	4304	2205	300
Чеченская республика	1761	3271	1677	617	4900	3679	768	175
Северо-Кавказский федеральный округ, всего	7287	21906	22483	5970	38604	15211	6814	1147

Источник: составлено автором по МНВО РФ.

В табл. 4 представлено число студентов по направлениям на 10000 населения СКФО в 2018/19 учебном году.

Таблица 4

Приведенное число студентов по направлениям на 10000 населения СКФО в 2018/2019 учебном году

	Математические и естественные науки	Инженерное дело, технологии и технические науки	Здравоохранение и медицинские науки	Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	Науки об обществе	Образование и педагогические науки	Гуманитарные науки	Искусство и культура
Республика Дагестан	5,3	14,3	20,2	4,0	31,3	13,6	5,6	0,8
Республика Ингушетия	14,0	2,2	12,5	7,0	19,5	9,8	14,2	-
Республика Кабардино-Балкария	11,1	28,3	26,6	11,2	27,6	4,0	8,0	2,6
Республика Карачаево-Черкесия	14,2	19,6	15,5	5,5	28,5	26,1	3,8	2,9
Республика Северная Осетия (Алания)	6,2	49,9	44,9	13,2	70,0	14,3	7,9	0,7
Ставропольский край	4,2	26,0	28,0	5,8	51,9	15,4	7,9	1,1
Чеченская республика	12,3	22,8	11,7	4,3	34,1	25,6	5,3	1,2
Всего	7,4	22,3	22,9	6,1	39,3	15,5	6,9	1,2

Источник: составлено автором по МНВО РФ.

¹ Официальный сайт Государственного комитета по статистике РФ. – <http://www.gks.ru>

Аналитики НИУ ВШЭ в 2017 г. в своем исследовании оценили направления потоков выпускников школ, поступающих в университеты, и выпускников университетов региона. В первой части проведен анализ востребованности вузов региона среди выпускников школ других регионов (табл. 5) Во второй части представлен территориальный анализ трудоустройства выпускников вузов. В результате на основе двух оценок была составлена типология регионов, исходя из закономерностей потоков молодежи на уровнях абитуриентов региональных организаций высшего образования и выпускников университетов. На этой основе можно сделать очевидный вывод, что ни один из регионов СКФО не способен «якорить» на своей территории сильную «абитуру». Но причины такого положения дел кроются не только в способности или неспособности региональных университетов дать качественные знания, но и в дополнительных шансах молодых людей, уезжающих из родного дома в Москву и крупные города России, на социальные лифты, выучившись, устроиться на более престижную и высокооплачиваемую работу¹.

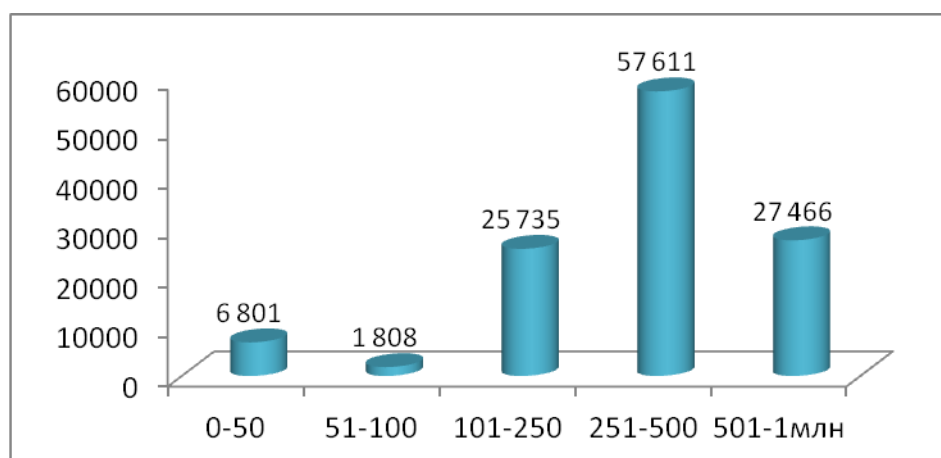
Таблица 5

Показатель востребованности систем высшего образования субъектов СКФО

Субъект СКФО	Численность студентов, поступивших сразу после окончания школы на очную форму обучения, чел.	Численность выпускников школ, чел.	Численность выпускников школ с учетом кор-рект. коэффициента, чел.	Показатель востребованности региональной системы ВО
Республика Дагестан	3326	14 599	9781	0,34
Республика Ингушетия	411	2651	1776	0,23
Республика Кабардино-Балкария	1235	5 019	3363	0,37
Республика Карачаево-Черкесия	521	1695	1136	0,46
Республика Северная Осетия (Алания)	2170	4638	3107	0,70
Ставропольский край	6275	11 115	7447	0,84
Чеченская республика	1711	5731	3840	0,44

Источник: исследование НИУ ВШЭ².

На рис. 1 представлено распределение студентов университетов СКФО по городам с различной численностью населения в 2018 г. Следует отметить, что к городам от 0,5 до 1 млн. жителей в регионе относится только город Махачкала, где обучается свыше 27 тыс. студентов (приведенное число). Всего по СКФО можно получить высшее образование в 24 городах, 6 из них с населением от 0 до 50 тыс. жителей, 8 – от 51 тыс. до 100 тыс.

Источник: составлено автором по МНВО РФ.

Рисунок 1.

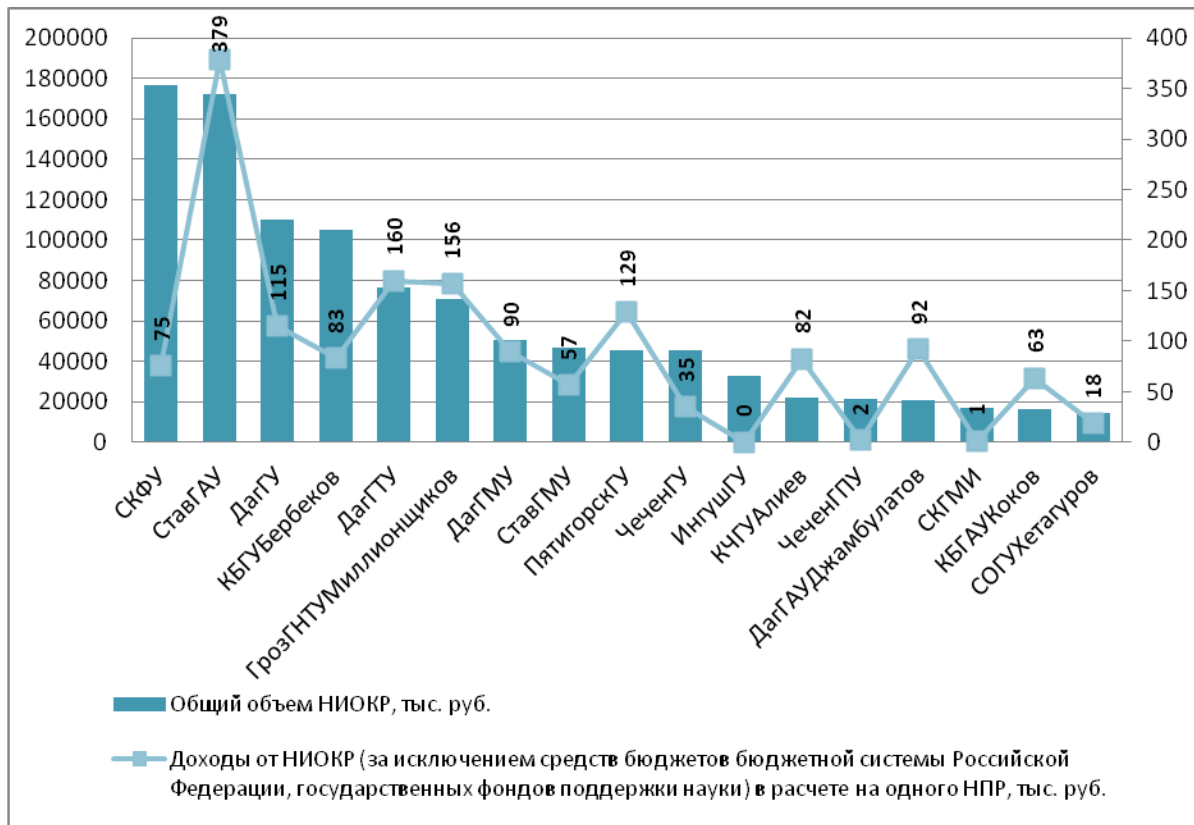
Распределение студентов университетов СКФО по городам с различной численностью населения (тыс. чел.) в 2018 г., приведенное число студентов, чел.

2.1. Бюджетные показатели

Информативными представляются данные об объеме НИОКР в бюджете Северо-Кавказских университетов (рис. 2). В последнее время МНВО РФ и ряд рейтинговых проектов замеряют также объемы НИОКР приходящиеся на одного НПР (ППС) университета. По нашей выборке наибольший показатель у СтавГАУ – 379 тыс. руб. НИОКР на одного НПР. По объему же НИОКР в выборке вузов СКФО лидируют СКФУ и СтавГАУ.

¹ Чемодан, вокзал, диплом. Какие регионы России привлекают, а какие теряют абитуриентов и выпускников вузов / НИУ ВШЭ. – <https://iq.hse.ru/news/207498865.html>

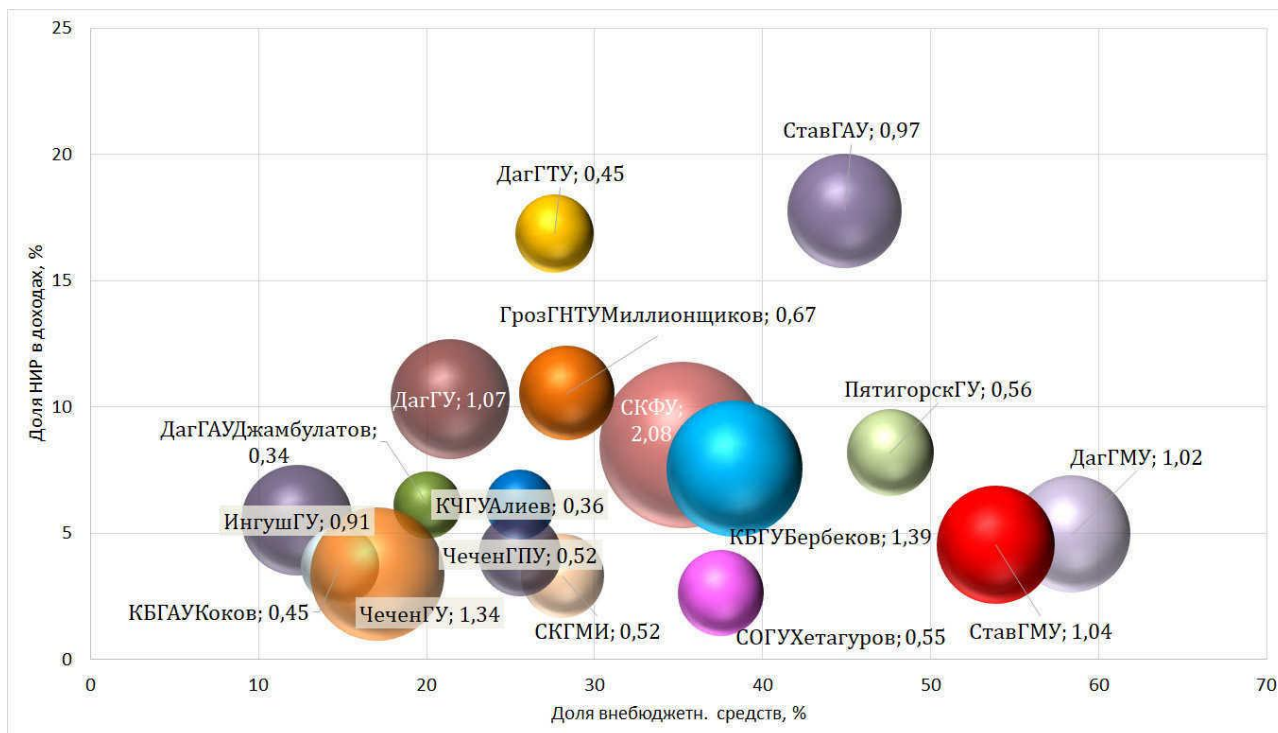
² Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Д.В. Козлов, Д.П. Платонова, О.В. Лешуков; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 32 с. – (Современная аналитика образования. № 4 (12)).

Источник: составлено автором по МНВО РФ.

Рисунок 2.
Доля доходов от НИОКР в бюджете университетов СКФО в 2018 г.

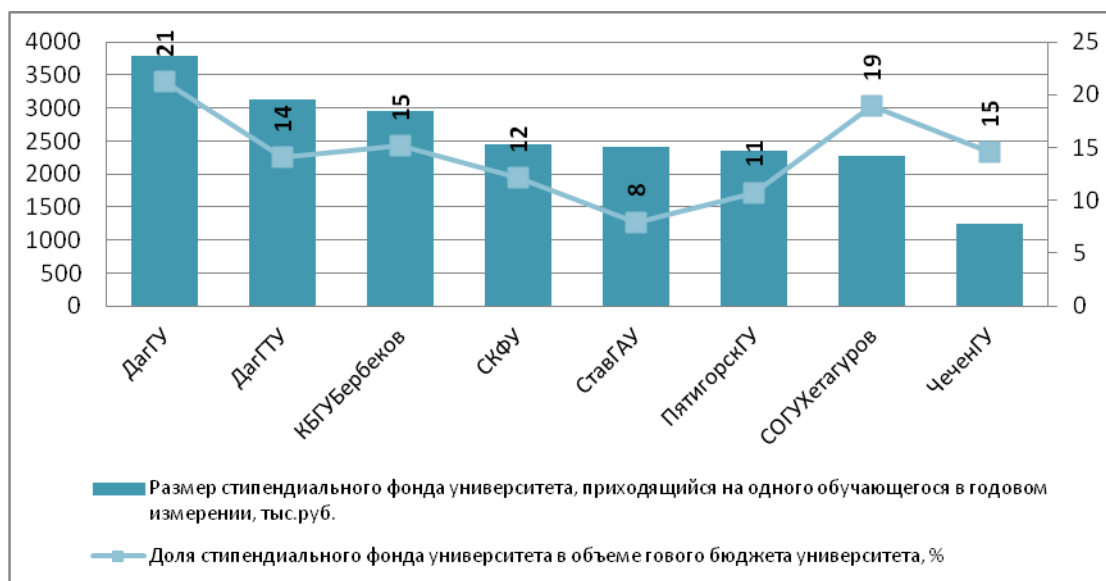
На рис. 3 представлена пузырьковая диаграмма, характеризующая не только объемы бюджетов вузов СКФО, но и показывающая из каких источников формируется этот бюджет. Наибольший бюджет в СКФО у СКФУ (2,08 млрд. руб.), КБГУБербеков (1,38 млрд. руб.) и ЧеченГУ (1,34 млрд. руб.). Максимальная доля внебюджетных доходов в бюджетах университетов региона отмечается в медицинских вузах: ДагГМУ (58,4%) и СтавГМУ (53,9%).

Источник: составлено автором по МНВО РФ.

Рисунок 3.
Бюджеты университетов СКФО (млрд. руб.) и доля в них доходов из внебюджетных источников и НИОКР в 2018 г., %

На рис. 4 представлена информация по объему стипендиального фонда в бюджетах университетов СКФО и его доли в бюджете вузов.

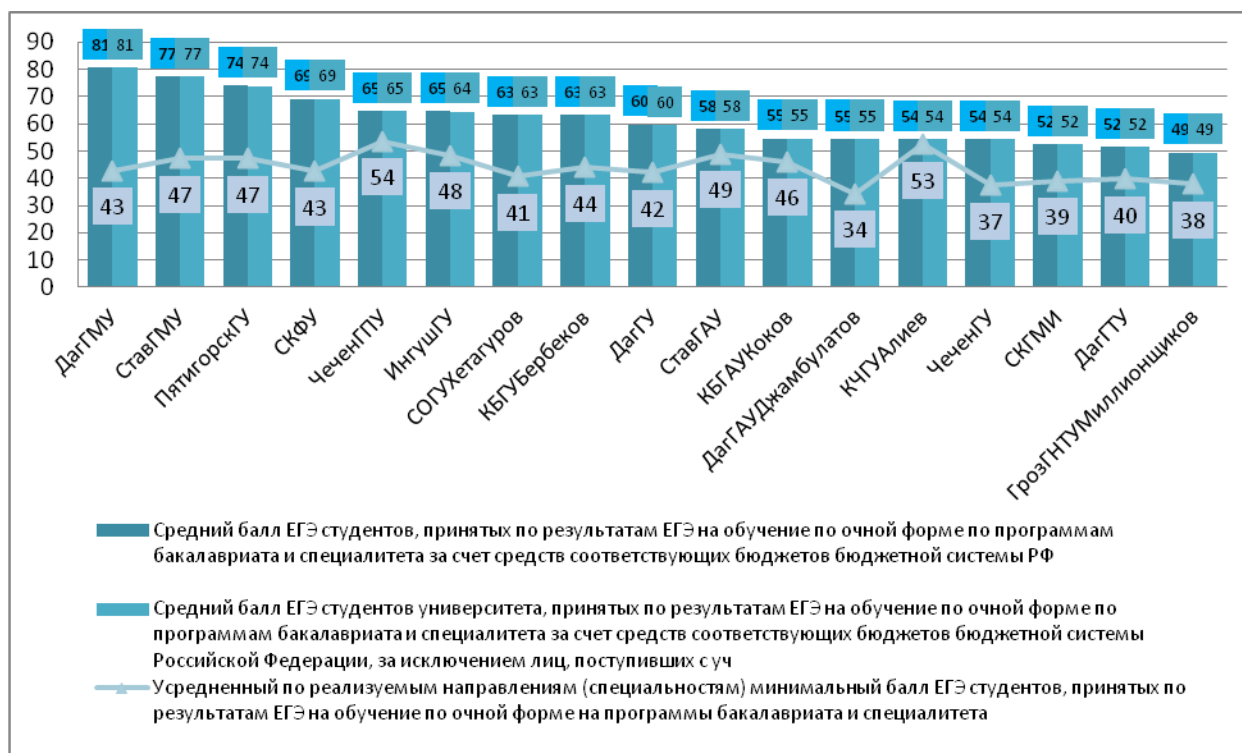

Источник: составлено автором по МНВО РФ.

Рисунок 4.
Объем и доля стипендиального фонда в бюджетах университетов СКФО 2018 г.

2.2. Оценка абитуриентов

На рис. 5 представлены баллы ЕГЭ поступающих в 2018 г. студентов в вузы СКФО. Наивысшие баллы у абитуриентов медуниверситетов ДагГМУ и СтавГМУ. В целом средние баллы ЕГЭ абитуриентов университетов СКФО находятся, что впрочем, характерно для большинства регионов страны, на невысоком уровне, наиболее сильная «абитура» стремится в крупные столичные города.

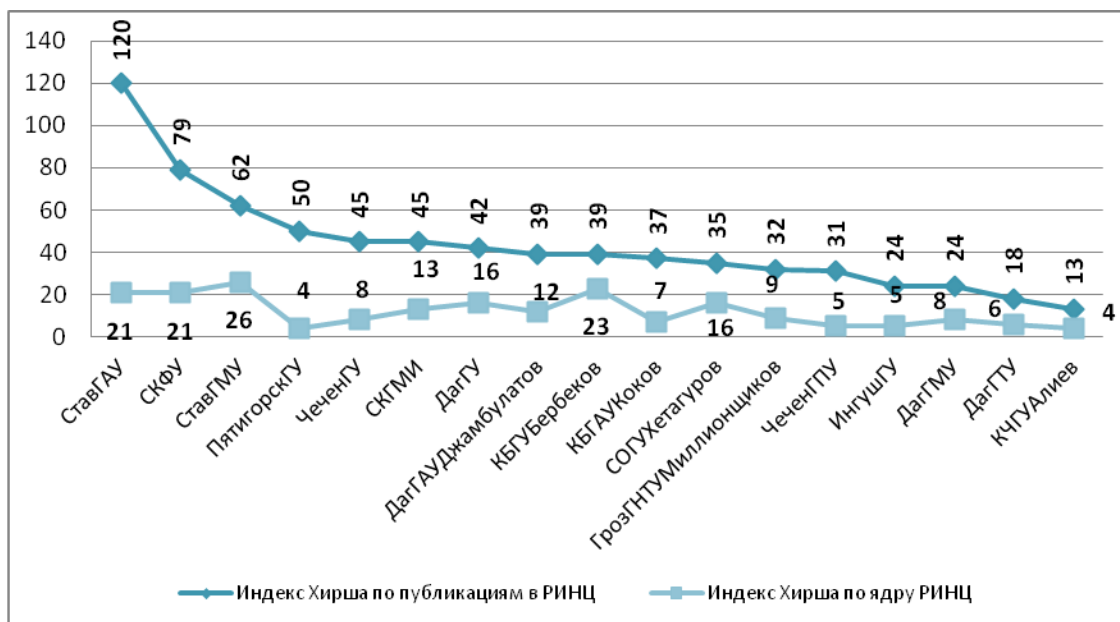

Источник: составлено автором по МНВО РФ.

Рисунок 5.
Средние баллы ЕГЭ студентов поступивших в университеты СКФО в 2018 г.

2.3. Наукометрические замеры

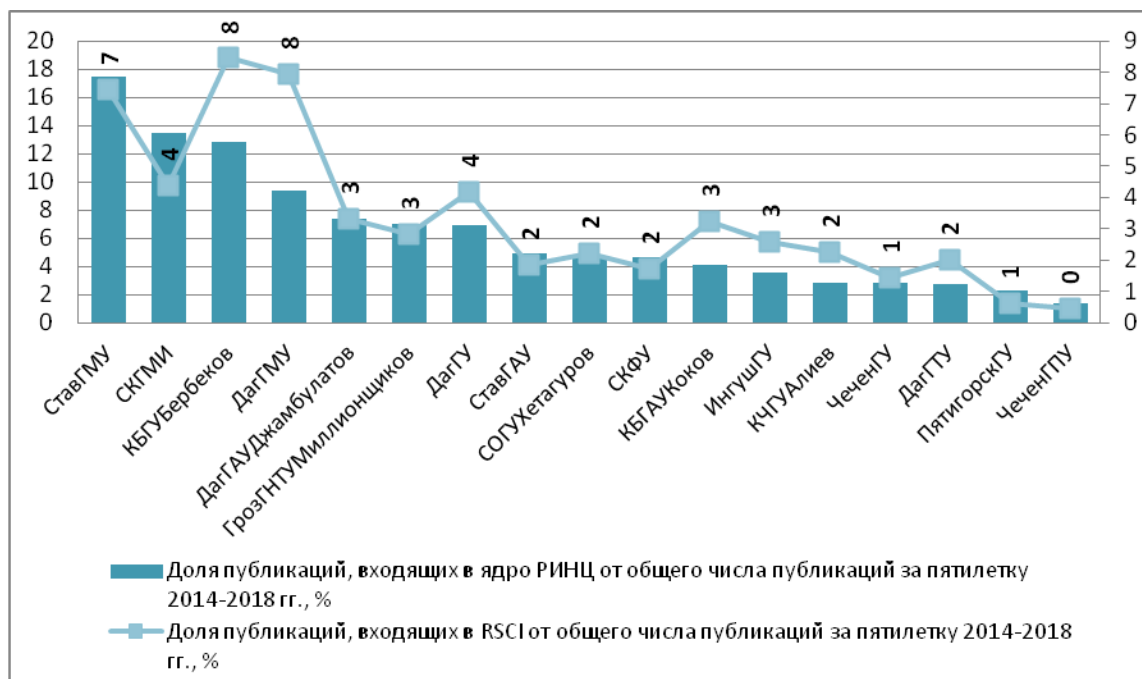
Особое значение при оценке научно-образовательных структур в последнее время придает наукометрическим показателям. Однако в отчаянной борьбе за эти показатели зачастую забывается, что научная статья – это оформленный результат научного исследования, а не студенческий реферат. Поэтому есть необходимость стратификации качества статей, которое приводит к стратификации качества научных журналов. На рис. 6 представлена двухфакторная диаграмма показателей индекса Хирша по всей наукометрической российской реферативной базе научных публикаций РИНЦ, а также только по статьям, опубликованным в так называемом «ядре» базы.

Источник: составлено автором по РИНЦ¹.

Рисунок 6.
Значения индекса Хирша по всем публикациям в РИНЦ и в ядре РИНЦ накопленным итогом по университетам СКФО в 2018 г.

На рис. 7 представлена доля публикаций, входящих в ядро РИНЦ, и публикаций, индексируемых в RSCI в общем числе публикаций университетов СКФО за 2014–2018 гг.

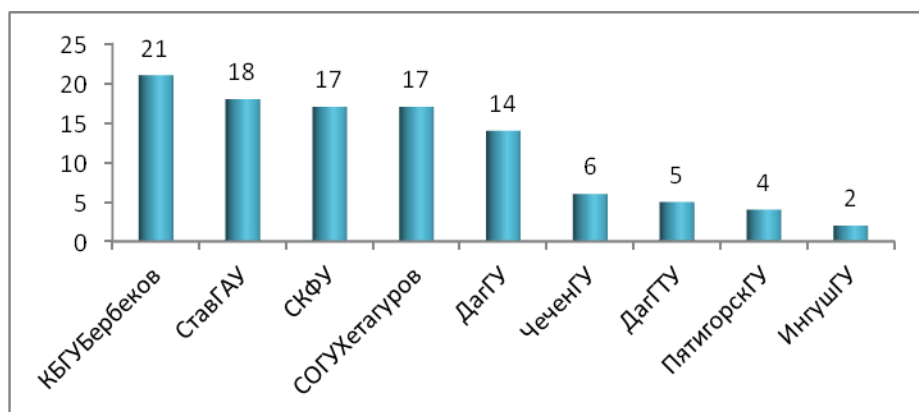

Источник: составлено автором по РИНЦ.

Рисунок 7.
Доля публикаций входящих в ядро РИНЦ и публикаций индексируемых в RSCI в общем числе публикаций университетов СКФО за 2014–2018 гг.

¹ Российский индекс научного цитирования, март 2019 г. – www.elibrary.ru

На рис. 8 представлены показатели индекса Хирша университетов СКФО накопленным итогом за все годы наблюдения на март 2018 г. Одним из популярных в последнее время стал наукометрический показатель – индекс Хирша. Агрессивные по активности, но не всегда качественные публикации российских ученых в отечественных и зарубежных журналах, привели к тому, что индексы Хирша по РИНЦ существенно превышают эти показатели по международной наукометрии.

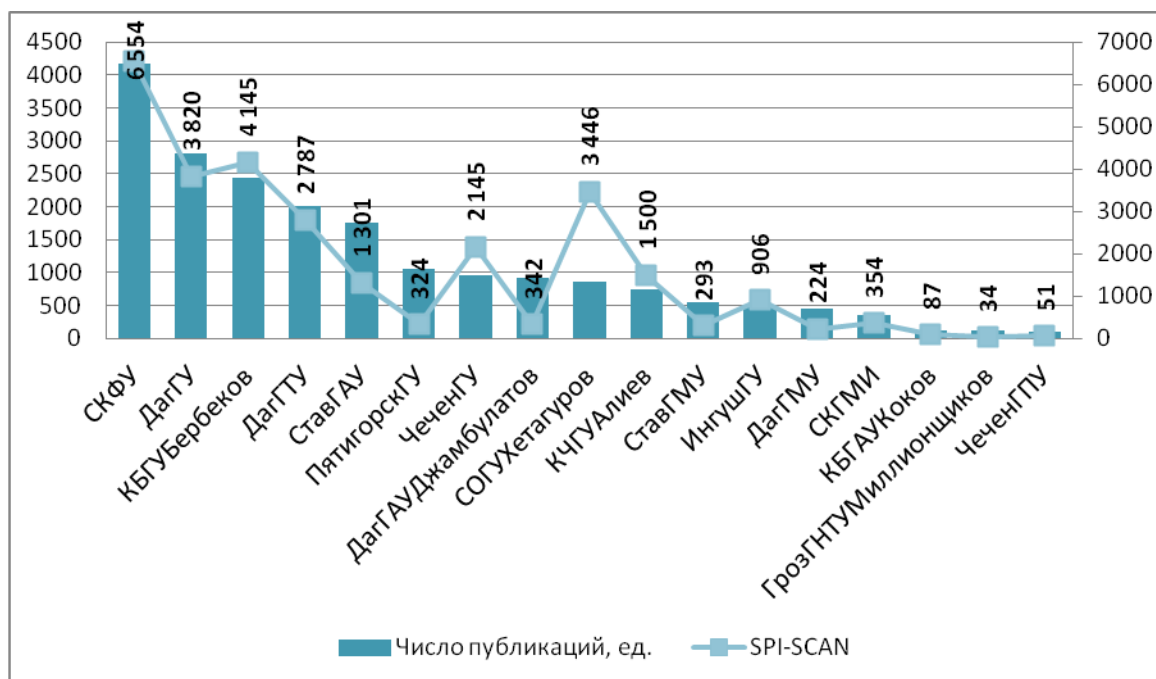

Источник: Scopus¹.

Рисунок 8.
Показатели H-индекса в базе Scopus вузов СКФО на март 2018 г.

2.4. Информационно-коммуникационные показатели

На рис. 9 представлена сравнительная публикационная заметность вузов СКФО в СМИ и иных открытых источниках. Динамика публикаций позволяет отслеживать заметность университета в информационно-коммуникационном пространстве, а индекс SPI – их качество. Если вы хотите отследить, как менялось качество публикаций о вас или вашей компании либо сравнить себя с конкурентами, то SPI для этого идеальный инструмент. Индекс учитывает не только количество вышедших сообщений, но и вес источника, роль объекта в публикации, ее тональность и многие другие лингвистические параметры.

Источник: составлено автором по SCAN-Интерфакс².

Рисунок 9.
Публикационная активность университетов СКФО

¹ Реферативная база данных научных публикаций Scopus. – www.scopus.com

² База российских СМИ SCAN-Интерфакс. – <http://scan-interfax.ru>

3. Выводы

Университеты СКФО, как и вся система высшего образования России, находятся в стадии реформирования и трансформации. Современный университет – это динамично развивающаяся структура, включенная в международную сеть исследований, образования, культуры, социализации, развития предпринимательства, интегрирующая на своих площадках работу ученых, экспертов, аналитиков, государственных чиновников и др. участников, для диалога и решения задач по развитию страны, региона. Современные тенденции развития дистанционного образования способны составить серьезную конкуренцию классическим «башням из слоновой кости».

Отвечает ли нынешнее развитие университетов СКФО современным требованиям к подобным институтам? Прямо скажем, – нет, но стремиться преодолеть отставание от российских и мировых лидеров высшего образования насущно необходимо.

Решая эти задачи, подготавливая современных грамотных специалистов, конкурентоспособных не только в своем регионе, но и в любом уголке мира, университеты создают предпосылки для развития человеческого капитала, системно оплодотворяя почву для социально-экономического, политического, культурного и экологического развития своих регионов. Сравнивая сегодняшние университеты-лидеры СКФО с наиболее сильными вузами страны, можно констатировать, что далеко не все показатели их деятельности свидетельствуют об успехе и перспективах дальнейшего развития. Исторически накопленный опыт научно-исследовательской и образовательной работы в СКФО по-прежнему является фундаментом для развития. Исторически сильные университеты СКФО, такие как ДагГУ, КБГУБербеков, СтавГАУ и некоторые другие, на сегодня являются стержнем системы высшего образования в СКФО. СКФУ – федеральный университет, находится пока в одиночестве в ряду статусных вузов региона, за последнее время, получив этот статус, стал наиболее заметным в регионе. В этой ситуации требуется подготовка к включению одного или двух из вузов СКФО в статус опорного университета РФ, наиболее подходящие для этого, исходя из показателей эффективности и динамики развития, – ДагГУ и КБГУБербеков.

Сложная система взаимодействия университетов с внешним миром показывает важность не только высококачественного образовательного процесса, но и необходимость профессионально выстроенных информационно-коммуникационных каналов связи. Удастся ли создать в регионе (НОЦ) или сформировать статусные сильные региональные вузы, покажет время.

Поплыко В.И.¹

РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: исследователи, уровень образования и квалификации, возраст, отрасли науки, ученая степень.

Keywords: researchers, education and qualifications, age, branches of science, academic degree.

Введение. В настоящее время нет общепринятого определения понятия «наука». Она, с одной стороны, является одним из методов познания окружающей действительности. Познание, вообще говоря, есть отражение реальности в сознании человека. С другой – выступает как творческая деятельность, направленная на получение новых знаний и способов их применения. Ее основной компонент – человеческие ресурсы, а также основной ее продукт, поскольку люди могут овладевать знаниями и решать проблемы в других секторах экономики.

К индикаторам науки относятся показатели, рассчитанные на основе данных о затратах на научные исследования и разработки, численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками и другие. Источниками информации о научной деятельности являются данные Национального статистического комитета, Национальной академии наук и Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь.

Проведем анализ персонала, выполняющего исследования и разработки, по следующим параметрам. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, выступает как важнейший показатель кадрового потенциала науки. Фактически эта часть трудоспособных граждан страны является главной составляющей интеллектуального капитала страны. Серьезной проблемой современной белорусской науки является сокращение персонала, занятого исследованиями и разработками, в результате как структурных изменений в отраслях экономики, так и демографических процессов.

На рис. 1 представлена динамика численности персонала, занятого научными исследованиями в Республике Беларусь. В целом складывается негативный тренд за исследуемый период. За последних 22 года число работников, занятых научными исследованиями, сократилось в 1,2 раза с 33,2 до 27,4 тыс. человек². С 2009 года Национальный статистический комитет изменил методологию подсчета численности персонала, включив в него численность сектора некоммерческих организаций. По отношению к общему числу занятых в экономике количество персонала сократилось с 0,8 в 1997 г. до 0,6% к настоящему времени.

Рисунок 1.

Динамика численности персонала занятого научными исследованиями, человек

¹ Поплыко Владимир Иванович – к.э.н., доцент кафедры экономической политики Белорусского государственного экономического университета. E-mail: v_poplyko@tut.by

² Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2004: Стат. сб. / Подг. Тамашевич В.Н. и др. – Минск: ГУ «БелИСА», 2005. – С. 61; Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Нац. статист. комитет, 2012. – С. 26; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году: Статистический бюллетень. – Минск: Нац. статист. комитет, 2019. – С. 10; Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Нац. статист. комитет, 2016. – С. 39.

Отдельно нужно отметить снижение численности исследователей с 59,7 тыс. в 1990 г. до 17,8 тыс. человек в 2018 г.¹ Такое резкое падение объясняется не только развалом СССР, но и состоянием трансформационной экономики Беларуси, системой образования, миграции и многих других факторов.

Распределение персонала по категориям. Для рассматриваемого периода характерна неравномерная динамика численности различных категорий научных кадров, которая представлена на рис. 1. В качестве позитивной тенденции отметим структурные изменения персонала, занятого исследованиями и разработками. Доля исследователей за анализируемый период увеличилась почти на 6 п.п. с 59 до 65% от общей численности. Удельный вес техников сократился – с 8,5% в 1997 г. до 6,3% в 2018 г. В то же время доля вспомогательного и прочего персонала упала за этот период с 32,5 до 28,8%.

Распределение персонала по регионам Беларуси. За период 2000–2015 гг. усилилась концентрация исследовательских кадров в столичном регионе. Если в 2000 г. в г. Минске и Минской области доля занятых исследованиями и разработками составляла 81,4%, то к настоящему времени 83,4% от всего персонала (см. рис. 2). На втором месте находится Гомельская область с удельным весом в 8% от всех занятых в науке. Доля остальных регионов находится в пределах 2–3%. Вместе с тем, за исследуемый период увеличение количества занятых исследованиями и разработками продемонстрировали Минская (+1,3 раза) и Брестская области (+1,2 раза)².

Наблюдается крайне неравномерное размещение научного потенциала по территории Беларуси, что ведет к серьезным диспропорциям в уровне развития науки в регионах и влияет на их экономическое и социальное развитие. Самый большой отток научных кадров наблюдается в приграничных территориях, которые усугубились в результате как межрегиональной, так и международной миграции специалистов

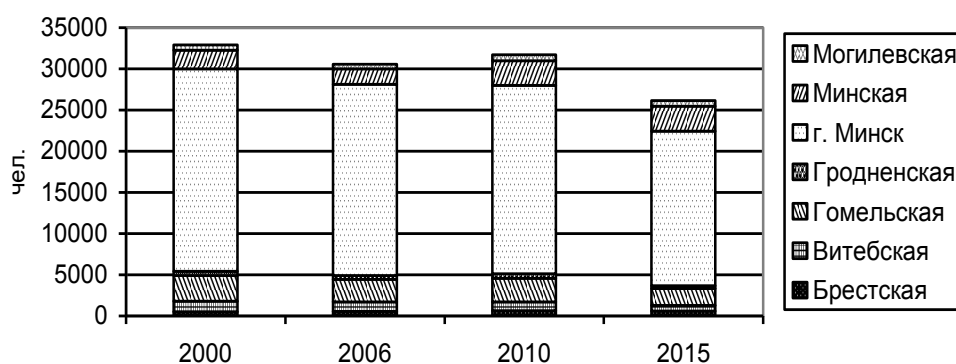

Рисунок 2.
Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки по областям и г. Минску, человек

Распределение персонала по секторам деятельности. Анализ распределения персонала, занятого исследованиями и разработками представлен в табл. 1. Удельный вес государственного сектора на протяжении рассматриваемого времени падает с 33,6 до 26,6%. И наоборот, доля персонала предпринимательского сектора увеличилась с 55,9% в 1998 г. до 63,4% в 2015 г. Другими словами, происходит постепенная коммерциализация научных исследований, призванная обеспечить непосредственное использование научных достижений в хозяйственной практике.

Таблица 1

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по секторам деятельности³

Показатели	1998 г.	2000 г.	2006 г.	2011 г.	2015 г.
	Численность персонала, человек				
Республика Беларусь	32477	32926	30544	31194	26153
из них:					
государственный сектор	10903	11432	14573	8150	6958
сектор коммерческих организаций (предпринимательский сектор)	18154	18472	12785	19995	16580
сектор высшего образования	3420	3022	3186	3046	2607

¹ Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2004: Стат. сб. / Подг. Тамашевич В.Н. и др. — Минск: ГУ «БелИСА», 2005. — С. 23.

² Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. — Минск: Нац. статист. комитет, 2012. — С. 27; Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. — Минск: Нац. статист. комитет, 2016. — С. 46.

³ Рассчитано автором на основе источников: О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2006 года: Аналитический доклад А.Н. Коршунов [и др.]. — Минск: ГУ «БелИСА», 2007. — С. 297; О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2005 года и за период 2001-2005 гг.: Аналитический доклад / А.Н. Коршунов и др. — Минск: ГУ «БелИСА», 2006. — С. 323; Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. — Минск: Нац. статист. комитет, 2012. — С. 28; Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. — Минск: Нац. статист. комитет, 2016. — С. 39.

Всего	Численность персонала, проценты				
	100	100	100	100	100
государственный сектор	33,6	34,7	47,7	26,13	26,6
сектор коммерческих организаций (предпринимательский сектор)	55,9	56,1	41,9	64,1	63,4
сектор высшего образования	10,5	9,2	10,4	9,76	10

Таким образом, среди статистически неблагоприятных тенденций в структуре кадрового потенциала необходимо отметить уменьшение доли персонала, занятого исследованиями и разработками, в государственном секторе. Можно отметить неблагоприятные сдвиги в секторе высшего образования. Несмотря на доминирование государственных вузов и их бюджетным финансированием, не наблюдается роста численности преподавателей, аспирантов и студентов, вовлеченных в научные исследования. Доля сектора высшего образования в структуре научных кадров в 2015 г. снизилась на 0,5 п.п. до 10% по сравнению с 10,5% в 1998 г.

Распределение персонала по уровню образования и квалификации. На фоне снижения общей численности работников, занятых в сфере науки, происходят позитивные сдвиги в структуре. Данные представлены в табл. 2. За 2005–2015 гг. удельный вес персонала, занятого в научной сфере и имеющего высшее образование, увеличился на 7,1 п.п. с 72,7 до 79,8%. Синхронно сократилось число занятых со средним специальным и прочим образованием с 27,3 до 20,2%.

Таблица 2

Динамика численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по уровню образования¹

Годы	Всего	В том числе		
		высшее	Среднее специальное	прочее
Численность персонала, человек				
2005	30 222	21 961	3398	4863
2007	31 294	23 136	3420	4738
2008	31 473	22 878	3587	5008
2009	32 441	24 454	3413	4574
2010	31 712	24 119	3476	4117
2011	31 194	24 005	3260	3929
2012	30 437	23 730	3095	3612
2013	28 937	22 744	2867	3326
2014	27 208	21 355	2566	3287
2015	26 153	20 863	2454	2836
Численность персонала, проценты				
2005	100	72,7	11,1	16,2
2007	100	73,9	10,9	15,2
2008	100	72,7	11,4	15,9
2009	100	75,4	10,5	14,1
2010	100	76,1	10,9	13,0
2011	100	77,0	10,4	12,6
2012	100	77,9	10,2	11,9
2013	100	78,6	9,9	11,5
2014	100	78,5	9,4	12,1
2015	100	79,8	9,4	10,8

На фоне снижения уровня занятости в науке наблюдается сокращение доли исследователей, имеющих ученые степени: с 22% в 2005 г. до 22,5% в 2015 г. Это тенденция обусловлена абсолютным снижением численности кандидатов и докторов наук за исследуемый период (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности исследователей, по наличию ученой степени²

	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2015 г.
Численность исследователей, человек						
Численность исследователей,	18 267	20 543	19 879	19 315	18 353	16 953
В том числе:						
доктора наук	780	737	746	719	703	648
кандидата наук	3232	3184	3143	3071	2946	2822
не остепененные	14 255	16 622	15 990	15 525	14 704	13 483

¹ Рассчитано автором на основе источников: Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Нац. статист. комитет, 2012. – С. 29; Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Нац. статист. комитет, 2016. – С. 40.

² Источник: рассчитано автором на основе источников: Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Нац. статист. комитет, 2012. – С. 30; Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Нац. статист. комитет, 2016. – С. 41.

Всего	Численность исследователей, проценты					
	100	100	100	100	100	100
В том числе						
доктора наук	4,3	3,6	3,8	3,7	3,8	3,8
кандидата наук	17,7	15,5	15,8	15,9	16,1	16,7
не остепененные	78,0	80,9	80,4	80,4	80,1	79,5

Возрастная структура исследователей. Возрастное распределение исследователей считается одной из характеристик эффективности научно-исследовательской деятельности. Известно, что результативность и производительность труда работников во многом определяется эффективностью их возрастной структуры, которая ухудшается по мере сокращения доли наиболее активной части исследователей¹.

Возрастная структура исследователей за последние годы ухудшилась. В последние годы несколько увеличился приток молодежи в науку. В результате доля исследователей в возрасте до 29 лет за 2004–2016 гг. возросла на 3,5 п.п. с 20 до 23,5% (рис. 3). При этом возрастная структура исследователей в значительной степени зависит от наличия ученой степени. Среди исследователей без степени преобладают возрастные группы до 39 лет — в 2016 году их доля составила 54,8%. При этом на возрастные группы после 60 лет приходится всего 12,7% исследователей без степени².

Среди исследователей с ученой степенью кандидатов наук наблюдаются две тенденции. Первая заключается в росте возрастной группы 30–39 лет с 11 до 21,2% и 60 лет и старше с 5,2 до 34,6% за 2004–2016 гг. Вторая особенность включает в себя падение доли возрастной группы до 29 лет с 3,4 до 1,2% и от 40 до 59 лет с 66,1 до 43% от их общего количества.

За анализируемый период можно сделать однозначный вывод, что доля докторов наук старше 60 лет увеличилась с 51,5 до 87% к итогу. При этом нельзя не согласиться с мнением белорусских исследователей, что сегодня степень доктора наук в сфере научных исследований фактически служит для обоснования возможности продолжать работать на пенсии в бюджетных научных организациях.

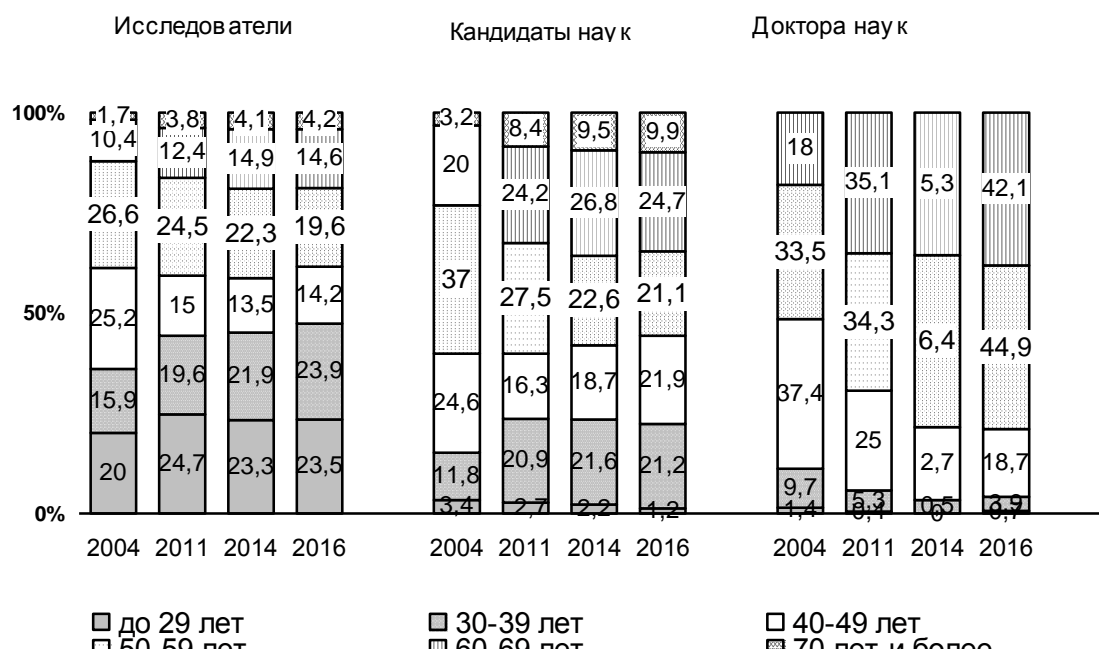

Рисунок 3.

Динамика структуры исследователей, кандидатов и докторов наук по возрасту, в % к итогу

Распределение исследователей по областям науки представлено в таблице 4. Оно является наиболее стабильной характеристикой исследовательских кадров, не подверженной резким колебаниям. На протяжении 2005–2016 гг. доля исследователей, занимающихся техническими науками, уверенно доминирует и остается на первом месте. Она увеличилась с 56,8 до 59,6%. Второе место по значимости занимают специалисты естественных наук. Их удельный вес за исследуемый период сократился на 2,3 п.п. с 22,4 до 20,1%. Все остальные отрасли науки сохранили или незначительно изменили свои доли. Это относится к исследователям медицинских, сельскохозяйственных, общественных и гуманитарных наук.

¹ Миндели Л. Э., Чистякова В.Е. Интеллектуальные ресурсы российской науки. – М.: ИПРАН РАН, 2016. – С. 108.

² О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2012 года: Аналитический доклад / Под ред. И.В. Войтова, В.Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2013. – 40 с.; О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2016 года: Аналитический доклад / Под ред. А.Г. Шумилина, В.Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2017. – С. 94.

Распределение численности исследователей по отраслям науки в 2005–2016 гг.¹

Годы	Всего исследователей	В том числе					
		естественные	технические	медицинские	сельскохозяйственные	социально-экономические и общественные	гуманитарные
Численность исследователей, человек							
2005	18 267	4089	10 380	836	1255	1203	504
2007	18 995	3700	11 553	978	1155	1224	385
2008	18 455	3640	10 977	954	1183	1324	377
2009	20 543	3794	12 620	962	1208	1549	410
2010	19 879	3702	12 257	924	1206	1401	389
2011	19 668	3596	12 051	1045	1179	1341	456
2012	19 315	3657	11 601	994	1137	1458	468
2013	18 353	3411	11 195	876	1057	1380	434
2014	17 372	3335	10 435	957	982	1165	498
2015	16 953	3444	9964	1031	823	1198	493
2016	16 879	3397	10 057	811	981	1176	457
Численность исследователей, проценты							
2005	100	22,4	56,8	4,6	6,9	6,6	2,8
2007	100	19,5	60,8	5,1	6,1	6,4	2,0
2008	100	19,7	59,5	5,2	6,4	7,2	2,0
2009	100	18,5	61,4	4,7	5,9	7,5	2,0
2010	100	18,6	61,7	4,6	6,1	7,0	2,0
2011	100	18,3	61,3	5,3	6,0	6,8	2,3
2012	100	18,9	60,1	5,1	5,9	7,5	2,4
2013	100	18,6	61,0	4,8	5,8	7,5	2,4
2014	100	19,2	60,1	5,5	5,7	6,7	2,9
2015	100	20,3	58,8	6,1	4,9	7,1	2,9
2016	100	20,1	59,6	4,8	5,8	7,0	2,7

Нельзя не согласиться с мнением российских ученых, что одна из статистически неблагоприятных тенденций в структуре кадрового потенциала – консервация сосредоточения подавляющей части научных кадров в технических областях науки, в то время как в ведущих зарубежных странах опережающими темпами развиваются науки гуманитарного профиля².

Нужно отметить, что в Беларуси существует Перечень приоритетных специальностей научных работников высшей квалификации, необходимых для развития высокотехнологичных производств, относящихся к V и VI технологическим укладам экономики (далее – приоритетные специальности), он утвержден приказом ГКНТ от 29 марта 2012 г. № 146 и включает 83 специальности. Подготовка в аспирантуре открыта по 66 приоритетным специальностям, из них в области физико-математических наук – 15, химических – 3, биологических – 11, технических – 25, медицинских – 12 специальностей³.

Присуждение ученых степеней. На рис. 4 представлена динамика присуждения ученых степеней кандидата и доктора наук⁴. Динамический ряд по докторам наук представлен только с 2001 по 2017 гг., поскольку не было возможности собрать статистику по защитам. «Пик» присуждения ученых степеней приходился на 2003 г. 1368 ученых степеней (из них 1195 кандидатских и 197 докторских). В последующие годы наблюдался негативный тренд – сокращение числа граждан, защитивших диссертацию.

По состоянию на конец 2016 года в Республике Беларусь действовали 158 советов по защите диссертаций (из них 32 кандидатских и 126 докторских). В 2016 году Высшей аттестационной комиссией отклонено 24 диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, что составило 4,9 % от общего количества рассмотренных диссертаций⁵.

За исследуемый период сократилось количество защит, приходящихся на 100 остепененных работников науки. Если в 2005 г. на 100 кандидатов наук приходилось 20 граждан, защитивших диссертацию, то в 2017 г. – только 17. На 100 докторов наук соответственно в 2005 г. 15 и в 2015 г. только 7. Налицо негативная тенденция обновления кадрового потенциала белорусской науки.

¹ Рассчитано автором на основе источников: Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Нац. статист. комитет, 2012. – С. 31–32; Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Нац. статист. комитет, 2016. – С. 42–43.

² Миндели Л.Э., Чистякова В.Е. Интеллектуальные ресурсы российской науки. – М.: ИПРАН РАН, 2016. – С. 113.

³ О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2016 года: Аналитический доклад / Под ред. А.Г. Шумилина, В.Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2017. – С. 95.

⁴ Наука, инновации и технологии в Республике Беларусь 2004: Стат. сб. / Подг. Тамашевич В.Н. и др. – Минск: ГУ «БелИСА», 2005. – С. 51.

⁵ Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Нац. статист. комитет, 2016. – С. 97.

Рисунок 4.
Динамика присвоения ученых степеней кандидата и доктора наук (человек)

Заключение

При складывающейся социально-экономической ситуации ресурсный потенциал белорусской науки сохраняется на определенном уровне. Основную нагрузку по финансированию исследований и разработок продолжает нести государственный бюджет.

Снижение численности работников, занятых научной сфере, происходит во всех категориях. Отмечается постепенное уменьшение удельного веса докторов и кандидатов наук, что в конечном итоге ухудшило квалификационную структуру научных кадров и кадровую ситуацию в науке республики в целом.

Ресурсный и кадровый потенциал науки Республики Беларусь сконцентрирован в основном в г. Минске, где сосредоточено более 70% общей численности работников науки. Доля специалистов высшей квалификации кандидатов и докторов наук, работающих в столичном регионе, составляла более 80%.

В научной сфере Беларуси сохраняется тенденция старения научных кадров. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что белорусскую науку покидают, прежде всего, исследователи самых продуктивных возрастов: 30–39 лет и 40–49 лет. В научных организациях и вузах исследователи не в полной мере мотивированы к выбору научной деятельности в качестве профессии. Уменьшение численности исследователей высшей квалификации средних возрастов ведет к ухудшению структурных характеристик кадрового потенциала белорусской науки, нарушает механизм преемственности знаний и опыта, воспроизводства научных кадров.

Анализ распределения численности исследователей по областям науки показывает, что основная их часть сконцентрирована в области технических наук – около 60% от общей численности в научных организациях. Динамика воспроизводства кадрового потенциала науки недостаточна, поэтому проблема старения кадров по-прежнему актуальна. Выходом из сложного положения могло бы стать использование зарубежных образовательных систем и технологий для получения высшего и постдипломного образования, налаживание эффективных устойчивых прямых и обратных связей с производственной сферой и сферой потребления.

Роденкова Т.Н.

д.э.н., профессор, Российский экономический университет

Демин А.Л.

эксперт по социальному проектированию, АНО «УНИКАМ»

Борисова И.В.

магистрант, Московский Институт психоанализа

ПРОЕКТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ

Ключевые слова: технологии проектного обучения, компетентностный подход, «цифровое обучение», проектная культура, лучшие практики, проект «КОММУНИКОН», грантовая поддержка проектов.

Технология проектного обучения заключается в организации самостоятельной познавательной и практической деятельности обучающихся с целью формирования широкого спектра практических знаний и навыков для получения личностных результатов. В процессе обучения при этом решается задача овладения обучающимися не только алгоритмами и умениями выполнять проектные работы, но и задача развития познавательного интереса, умения отстаивать свою позицию, самоорганизации учебной деятельности, реализации творческого потенциала в исследовательской и предметно-продуктивной деятельности.

Основоположителем метода проектов в обучении считается американский психолог и педагог В. Килпатрик, хотя в научный оборот впервые термин «метод проектов» еще в 1908 г. ввел американский исследователь Д. Снеджен. Параллельно в России с 1905 г. группа педагогов под руководством С.Т. Шацкого начинает использовать проектные методики в обучении. До 30-х годов XX века С.Т. Шацкий использовал американские наработки по проектному обучению, адаптируя их к специфике советской школы. Однако к 1940 годам метод проектов перешел из практики советских школ в область инженерии. В то время как в западных странах он сохранился в виде теоретических разработок. Новые отечественные разработки проектного метода в обучении появились с 80-х гг. (Н.Ю. Пахомова, Е.С. Полат, И. Чечель и др.). В зарубежных странах он широко использовался в школьной и университетской практике последние 50 лет, трансформируясь в дальнейшем в компетентностный подход к обучению. По мнению Е.С. Полат, с 1965 г. началась «третья волна его международного распространения, связанная с философией образования и психологией мышления Дж. Дьюи и его последователей, с теорией деятельности, разработанной советскими психологами, личностно ориентированным подходом»¹.

В настоящее время к проектным технологиям в обучении обращаются потому, что они дают возможность исследовать проблему в её развитии и получать практические результаты, используя при этом новейшие педагогические и информационные технологии. Сегодня, когда в рамках реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации приоритетным направлением развития становится формирование информационного пространства и экономики знаний, а одним из базовых национальных интересов, которые должна обеспечить Стратегия, остается развитие человеческого потенциала, актуализируются идеи теории деятельности, личностно-деятельностного подходов к обучению и воспитанию². При этом государство берет на себя обязательство по «созданию условий для формирования пространства знаний и предоставления доступа к нему, совершенствования механизмов распространения знаний, их применения на практике в интересах личности, общества и государства»³. Практически во всех развитых странах мира сегодня основные цели обучения реализуются в рамках компетентностного подхода, рассматриваемого Советом Европы «как интеллектуальное и нравственное развитие личности, формирование критического и творческого мышления, умение работать с информацией. При этом предполагается и развитие коммуникативных навыков – умений работать в коллективе, обсуждать и коллективно принимать согласованные решения, исполнять разные социальные роли, владеть культурой общения и сотрудничества»⁴. В России, начиная с 2003 г. также во всех нормативных документах по образованию принят культуросообразный, компетентностный подход, кардинально изменивший общую концепцию образования и цели обучения⁵, позволяющий сегодня использовать и развивать различные образовательные технологии, в том числе дистанционные, электронное обучение при реализации образовательных программ

¹ Полат Е.С. Метод проектов: история и теория вопроса. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2010. – С. 193.

² Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>

³ Там же.

⁴ Полат Е.С. Цит. соч., с. 195.

⁵ Щербакова А.Г., Союнов А.С. Компетентностный подход в российской системе высшего образования // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2017. – № 3 (10), июль – сентябрь. – <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2017/3/00458.pdf>. – ISSN 2413-4066

экосистемы информационного общества. Перед образовательным сообществом сегодня стоит задача установить приоритеты процесса «цифрового обучения». Так, по мнению российского ученого А.А. Вербицкого, в условиях отсутствия психолого-педагогической теории цифрового обучения в первую очередь необходимо разобраться с понятиями «цифровое обучение» и «цифровое образование». По его мнению, использование термина «цифровое обучение», в отличие от термина «цифровое образование», вполне правомерно, так как предполагает определенный набор «закономерностей, принципов и механизмов усвоения обучающимися предметных знаний, умений, навыков, компетенций, в том числе с использованием компьютера»¹. В то время как использование термина «цифровое образование» в нормативных документах и научной литературе неправомерно, так как образование включает в себя два параллельных процесса – обучение и воспитание, а цифровое обучение, будучи по своей сути абсолютно прагматичным, не может обеспечить нравственное развитие личности и развитие творческого мышления, а тем более формирование нравственно-этических ценностей.

По нашему мнению, в процессе цифрового обучения наиболее целесообразно использовать проектные технологии, позволяющие исследовать и решать проблемы, а также добиваться практической реализации полученных результатов при условии трансформации учебного процесса в новую систему взаимоотношений обучающегося и обучающих, основанную на традиционных нравственно-этических ценностях, взаимном уважении интеллектуальных и творческих возможностей, сотрудничестве, самостоятельном критическом мышлении, стремлении к самореализации.

Понять состояние и перспективы проектной культуры и деятельности в российском образовательном пространстве помогает исследование практик введения проектных технологий в процесс обучения ведущих университетов страны. С 2016 года межвузовской научно-экспериментальной площадкой, обобщающей лучшие практики проектного обучения, стал Фонд «Сколково» и Открытый университет Сколково. Результаты обобщения практик 6 университетов (НИУ «Высшая школа экономики», Дальневосточного федерального университета, Московского Политехнического университета, Уральского Федерального университета, Нижнетагильского технологического института, Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского и Южного федерального университета) представлены в методическом пособии, в котором даны «кейсы для решения широкого спектра задач – от развития практических навыков учащихся до интеграции бизнес-задач развивающихся компаний регионов в деятельность университетов»². Решения этих задач сфокусировано по шести направлениям: институциональные изменения; изменения в организации учебного процесса; управленческие изменения; изменения педагогических технологий; кадровые и коммуникационные изменения. Причем глобальная цифровизация – это мировой тренд, а в России своя национальная особенность – очень низкие компетенции в коммуникациях.

Так, например, лауреатом конкурса «Территории роста Подмосковья» (Сколково, 2018 г.) стал проект «КОММУНИКОН» (авторы проекта А.Л. Демин, И.В. Борисова) – это тематический интерактивный научно-популярный парк. Парк – потому что его объекты расположены как на территории комплекса отдыха, так и в его помещениях. Научно-популярный – поскольку экспозиция парка выстроена из интерактивных экспонатов, иллюстрирующих физические законы. В Парке задействовано все, что имеет отношение к коммуникациям в широком понимании, начиная от истории средств связи и современного развития телекоммуникаций, заканчивая социальным взаимодействием и межличностным общением. Формат парка – образовательно-развивающий, актуальное направление в музейном деле и индустрии популяризации инноваций. Но в отличие от большинства научно-популярных образовательно-развивающих проектов, программы «КОММУНИКОНА» предполагают развитие целевой аудитории не только (и не столько) в техническом и интеллектуальном плане, сколько в эмоциональном – формирование дружелюбности, эмпатии, взаимопонимания, навыков взаимодействия и сотрудничества (табл. 1).

Цель «КОММУНИКОНА» – развитие социально значимых и остро востребованных в современном обществе научно-популярных/игровых/тренинговых программ на тему коммуникаций в широком диапазоне – от Интернета и телекоммуникационных технологий до социально-психологических тренингов и пропаганды комфортных коммуникаций. Образовательно-педагогическая результативность проекта заключается в том что сочетание интерактивных методов обучения с эдьютейментом (англ. edutainment, которым означают всевозможные формы обучения без принуждения)³ являются самыми эффективными с точки зрения усвоения знаний и навыков, уровня заинтересованности и вовлеченности в образовательный процесс. По нашему мнению, именно этот подход соответствует психологическим и психографическим особенностям и запросам поколения Z, когда другие педагогические подходы, приемы и методики оказываются не просто неэффективными, а бессильными. В Парке каждый экспонат, интерактивный элемент, любая форма активности, образовательная программа имеют научную и историческую подоснову и интерпретацию (история возникновения и развития, назначение, принцип работы, способы и методы применения) в виде методических описаний, сценариев игр, информационных таблиц. При этом широко используется инфраструктура проекта в виде оздоровительных и спортивных программ и услуг, позволяя обучаемым и обучающим, повышая уровень интеллекта, улучшать физическое здоровье и получать моральное удовлетворение от развития собственных физических возможностей и навыков. Финансируется проект за счет средств компании «Ростелеком» современного и высокотехнологич-

¹ Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». 2019. – № 1(6). – http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019

² Проектное обучение. Практики внедрения в университетах / Под ред. Л.А. Евстратовой, Н.В. Исаевой, О.В. Лешуковой; Открытый университет Сколково. – М., 2018. – <https://sk.ru/opus/b/otusnews/archive/2018/07/06/praktiki-vnedreniya-proektnogo-obucheniya-v-universitetah.aspx>

³ Примечание авторов.

ного национального оператора связи, социально ответственного за интеллектуальное развитие подрастающего поколения и эмоционально комфортных отношений в бизнесе.

Таблица 1

Примерное Меню проектов и тренингов

Проекты		Тренинги/игры	
Наименование	Содержание	Тренинги	Игры
Алгоритмика	– программирование; – изготовление и дизайн сайтов; – изготовление приложений; – соцсети (создание сообществ и страниц, продвижение); – видеоблоггинг;	Управление стрессом	Квест «Алекс Юстасу» (интеллектуальный квест на коммуникацию, взаимодействие, логическое мышление, память, навыки работы по IT, внимание, наблюдательность, эмоциональный интеллект);
Клуб раскрытия талантов	– ди-джеинг и звукорежиссура; – сценическая пластика; – эмоциональный интеллект; – писательское ремесло; – киноклуб	Творческие мастерские (изо, музыка, написание музыки на компьютере, литературная и др.)	Квест по истории криптографии (интеллектуальный квест на коммуникацию, логическое мышление, память, творческое и изобретательское мышление) Интеллектуальная игра «Секретный компонент» (интеллектуальная игра на самоопределение, раскрытие талантов, целеустремленность, силу воли, увлеченность и любознательность)
Искусство публичных выступлений	– ораторское мастерство и публичные выступления; – лидерство и искусство убеждать; – переговорные навыки; – актерское мастерство	Конный тренинг «Управление эмоциями». Яхтинг. Тренинг: «Командный коучинг на яхте»	Интеллектуальный квест на общение, понимание, взаимодействие, решение командных задач с помощью индивидуальных усилий
Личная эффективность и планирование	– имиджмейкинг; – таймменеджмент; – психологический практикум; – управление отношениями; – мышление и нейропластика; – скорочтение и мнемотехника; – уверенность в себе;	Тренинг танцевальный (раскрепощение и самораскрытие, снятие телесных и психических блоков)	Интеллектуальная игра «Стратегия» (развитие тактического и стратегического мышления, достижение командной цели, наблюдательность, внимание, организация командной работы и взаимовыручка)
«Архитектура будущего»	– Мастерская общения (личная и групповая эффективность; коммуникативная и поведенческая гибкость); – SOFT-SKILLS навыки будущего; – развитие жизненных навыков; – управление имиджем; – сотрудничество; – дружба и творчество; – созидание и саморазвитие	Командообразование (Пейнтбол, футбол, самбо взаимодействия)	Тренинги для сплочения, взаимопонимания, решения коммуникативных проблем, повышения доверия, узнавания скрытых сильных сторон друг друга

По результатам анализа вузовских практик введения проектных технологий в процесс обучения был выявлен ряд проблем. Например, часто проектное обучение профанируется, так как многие студенческие проекты мало связаны с актуальными проблемами той или иной научной области и решением конкретных практических задач. В технических университетах проектное обучение ведется по устаревшим стандартам, к тому же имеет место нехватка современного оборудования и приборов для решения поставленных задач. В результате «в 2018 г. проведенная экспертами Счетной палаты РФ оценка эффективности использования субсидии на выполнение госзадания показала, что научные работы и исследования вузов на практике востребованы мало. Согласно данным системы научных исследований, права на результаты интеллектуальной деятельности имеют лишь 20% проверенных вузов, а доходы от использования ее результатов – не более 8%»¹. Подготовка преподавателей к проектному обучению существенно увеличивает трудоемкость учебного процесса. Отсутствует мотивация студентов и преподавателей к проектной деятельности. Кроме того, проектное обучение не может быть реализовано без должного финансового обеспечения.

В настоящее время основной формой финансового обеспечения проектных технологий в обучении являются гранты, предоставляемые на безвозмездной основе за счет средств государственных и негосударственных фондов (Российский фонд фундаментальных исследований, Российский научный фонд, Некоммерческий Международный благотворительный фонд «Научное партнерство», Фонд поддержки образования и др.) А также финансирование проектов за счет средств субсидии в рамках федеральных целевых программ поддержки развития образования и науки, например, господдержка в рамках проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций», финансовое обеспечение в соответствии с оценкой Программ повышения конкурентоспособности «5-100», конкурсное финансирование на основе оценки потенциала вуза и результатов Программ развития. Эффективность работы по проектам и результативность расходования выделенных средств контролируется экспертными советами в рамках действующих систем

¹ Роденкова Т.Н., Герзелиева Ж.И., Красикова А.Г. Предпринимательские университеты и проблемы их финансирования в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. – № 4. – С. 137.

внутривузовской отчетности. Однако наиболее доступными для студентов являются не гранты, а именные стипендии, на которые реализовать практико-ориентированный проект не представляется возможным из-за небольшого объема выделяемых финансовых ресурсов.

На наш взгляд для решения широкого спектра задач введения проектных технологий как в процесс цифрового обучения, так и в образовательный процесс в целом, необходимо их включить в мероприятия Программы развития вуза с соответствующим научно-обоснованным объемом ресурсного обеспечения и использованием диверсифицированных источников финансирования.

Савицкая Е.В.¹

РЕПУТАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЙТИНГИ И БЛАГОПРИЯТНЫЙ ОТБОР

Ключевые слова: высшее образование; асимметричная информация; репутация; рейтинги университетов; благоприятный отбор.

Keywords: higher education; asymmetric information; reputation; university rankings; propitious selection.

Введение

Известно, что образование является доверительным благом², и проблемам асимметричной информации на рынке высшего образования посвящено большое количество работ³. Асимметричная информация возникает, когда одна сторона рыночной сделки (или любого другого контракта) владеет информацией, недоступной для другой стороны рыночной сделки (контракта). В сфере высшего образования это происходит потому, что абитуриенты не обладают полной и достоверной информацией о качестве образования в том или ином вузе. Его администрация и преподаватели гораздо лучше осведомлены о реальном положении дел в своем учебном заведении, но могут скрывать от абитуриентов негативные факты, представляя лишь положительную информацию.

Более того, даже после поступления в вуз – в процессе обучения – студенты не всегда могут адекватно оценить качество получаемого ими образования, так как оно может проявиться, в лучшем случае, после окончания обучения – в процессе поиска работы или непосредственно на рабочем месте. А может не проявиться никогда, если, например, выпускник не работал по специальности. Это приводит к необходимости для студентов и абитуриентов «доверять» выбранному ими университету, что делает образование доверительным благом.

Известно также, что информационная асимметрия приводит к неблагоприятному отбору (adverse selection), который может быть частично или полностью преодолен благодаря сигналам, которые продавцы подают покупателям, в результате чего на рынке устанавливается разделяющее равновесие⁴. В сфере высшего образования такими сигналами принято считать закрепившуюся в общественном мнении репутацию вуза (исторически первый сформировавшийся сигнал) и его место в университетских рейтингах (новый, но быстро ставший значимым маркер).

Однако если репутация превратилась в устойчивый бренд, и абитуриенты полностью доверяют этому сигналу, университеты могут позволить себе снижать качество учебного процесса, в результате чего информационная асимметрия воспроизводится на другом уровне. Возникает ситуация, когда брендовые вузы могут автоматически поддерживать положительную репутацию за счет отбора лучших абитуриентов, а обычные учебные заведения теряют шанс конкурировать с ними.

Этот феномен мы называем благоприятным отбором (propitious selection), т.е. самоотбором (self-selection) неинформированных или частично информированных агентов, положительно влияющим на экономическое благосостояние информированных агентов. И попытаемся показать, что данный феномен существует на рынке высшего образования.

В научной литературе термин «благоприятный отбор» использовался пока только по отношению к страховому рынку⁵, где он означает, что к покупке страхового полиса с большей вероятностью прибегнут самые надежные клиенты, так как наличие у них сильной рискофобии заставляет их применять все меры предосторожности для снижения рисков, включая и приобретение полиса.

¹ Савицкая Елена Владиславовна – к.э.н., доцент, профессор НИУ ВШЭ. Профессиональные интересы: микроэкономика, экономика образования, финансовая грамотность, методики обучения. E-mail: savitskaya.elena@mail.ru

² См., например: Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 5. – С. 97–108. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-5-97-108>

³ См., например: Cooper P. Knowing Your «Lemons»: Quality Uncertainty in UK Higher Education // Quality in Higher Education. 2007. – Vol. 13, N 1. – P. 19–29.

⁴ Akerlof G. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. 1970. – Vol. 84, N 3. – P. 488–500.

⁵ Cohen A., Siegelman P. Testing for Adverse Selection in Insurance Markets // The Journal of Risk and Insurance. 2010. – Vol. 77, N 1. – P. 39–84; De Donder P., Hindriks J. Adverse Selection, Moral Hazard, and Propitious Selection // Journal of Risk and Uncertainty. 2008. – Vol. 38, N 1. – P. 73–86; Hemenway D. Propitious Selection // The Quarterly Journal of Economics. 1990. – Vol. 105, N 4. – P. 1063–1069; Hemenway D. Propitious Selection in Insurance // Journal of Risk and Uncertainty. 1992. – Vol. 5, N 3. – P. 247–251; Johar M., Savage E. Sources of advantageous selection: Evidence using actual health expenditure risk // Economic Letters. 2012. – Vol. 116, N 3. – P. 579–582.

Самоотбор абитуриентов и репутация университета

Проведённые эмпирические исследования показывают, что неполное преодоление информационной асимметрии в процессе выбора вуза (по крайней мере, среди российских абитуриентов) на самом деле имеет место¹. И это обстоятельство может привести в действие механизм благоприятного отбора.

Если абитуриенты не в состоянии собрать полную и достоверную информацию о вузах, они будут ориентироваться на внешние сигналы. Лидирующая позиция университета в рейтинге и/или его репутация отождествляются абитуриентами с качественным процессом обучения, и они стремятся поступить в данное учебное заведение. В научной литературе уже показано, что школьники и их родители, выбирая место для получения высшего образования, часто ориентируются именно на позицию вуза в различных рейтингах². К этому добавляется желание получить престижный диплом, который высоко ценится работодателями благодаря заслугам выпускников прошлых лет. Исследования подтверждают, что выпускники брендовых университетов, действительно, получают премиальную надбавку к заработной плате³.

Известный бренд учебного заведения и его высокое место в университетских рейтингах становятся сигналами также для самых одарённых абитуриентов, которые, как правило, и поступают в элитные вузы, успешно сдав экзамен и пройдя через серьёзный конкурсный отбор. В научной литературе уже обсуждается проблема «снятия сливок» престижными университетами, которые набирают лучших из лучших студентов со всего мира⁴.

В свою очередь, концентрация в университете талантливых и мотивированных учащихся порождает самый сильный эффект сообучения (peer effect), когда студенты, помогая друг другу в освоении учебной программы или конкурируя друг с другом за лучший результат, достигают больших успехов. Под эффектом сообучения в образовании понимают воздействие на академическую успеваемость учащегося, оказываемое другими обучающимися⁵. В научной литературе можно найти доказательство тому, что качество образования студентов брендовых университетов оказывается выше во многом за счет эффекта самообучения⁶.

Конечно, чем лучше организован учебный процесс в вузе, тем выше квалификация его выпускников, сокращение же усилий университета в этом направлении чревато снижением качества образования. Однако спецификой образования как экономического блага является то, что для получения результата (знаний, навыков, умений выпускников) важны, не только усилия вуза и его преподавателей, но и усилия самих студентов. Поэтому неординарные способности и сильные амбиции студентов, поступивших в брендовый вуз, в совокупности с эффектом сообучения, и сами по себе приводят к повышению уровня получаемого ими образования, благодаря чему они в будущем, уже став выпускниками, строят успешную карьеру, тем самым укрепляя ещё больше репутацию элитных университетов.

Таким образом, наличие критической массы умных, трудолюбивых и целеустремленных учащихся дает университету возможность снизить усилия по их обучению, так как требуемый уровень профессиональной подготовки будет достигаться за счет способностей студентов, а также эффекта сообучения. И если эта возможность реализуется на практике, сигнал со стороны университетских рейтингов принимает искажающий характер: теперь высокая позиция не означает столь же весомый вклад вуза в образование своих выпускников.

Реализация же данной возможности является весьма соблазнительной для университета, так как, экономя время и силы профессорско-преподавательского состава на проведении занятий и внеаудиторной работе со студентами, администрация вуза перенаправит их на научную деятельность и публикации, которые высоко ценятся при построении университетских рейтингов. Это еще больше упрочит репутацию элитного вуза и на длительное время законсервирует сигнальные искажения.

Неслучайно в последнее время во многих ведущих российских университетах, нацеленных на продвижение в международных рейтингах, можно наблюдать тенденцию к сокращению часов аудиторных занятий и смещению акцента в сторону самостоятельной работы обучающихся. При проведении конкурсов на должности ППС большее внимание уделяется научным публикациям преподавателя, а не написанным им учебникам, инновационным методическим разработкам и популярности у студентов. Сегодня на повестку дня уже поставлен вопрос о внедрении в учебный

¹ Андрушак Г.В., Прахов И.А., Юдкевич М.М. Стратегии выбора высшего учебного заведения и подготовки к поступлению в вуз. – М.: Вершина, 2008.

² Bowman N., Bastedo M. Getting on the Front Page: Organizational Reputation, Status Signals, and the Impact of U.S. News and World Report on Student Decisions // *Research in Higher Education*. 2009. – Vol. 50, N 5. – P. 415–436.

³ Walker I., Zhu Y. The College Wage Premium and the Expansion of Higher Education in the UK // *The Scandinavian Journal of Economics*. 2008. – Vol. 110, N 4. – P. 695–709; Zhang L. The Way to Wealth and the Way to Leisure: the Impact of College Education on Graduates' Earnings and Hours of Work // *Research in Higher Education*. 2008. – Vol. 49, N 3. – P. 199–213.

⁴ Полищук Л.И. Коллективная репутация в высшей школе: анализ равновесной модели // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2010. – № 7. – С. 46–69; Epple D., Romano R. Educational Vouchers and Cream Skimming // *International Economic Review*. 2008. – Vol. 49, N 4. – P. 1395–1435.

⁵ См., например, Андрушак Г.В., Польдин О.В., Юдкевич М.М. Эффекты сообучения в административно формируемых студенческих группах // *Прикладная эконометрика*. 2012. – № 2. – С. 3–16; Польдин О.В., Юдкевич М.М. Эффекты сообучения в высшем образовании: обзор теоретических и эмпирических подходов // *Вопросы образования*. 2011. – № 4. – С. 106–123.

⁶ Knobel M., Poldin O., Simoes T., Yudkevich M. Estimation of Peer Effects with Predicted Social Ties: Evidence from Two Universities in Brazil and Russia / HSE Working papers WP BRP 30/EDU/2015, NRU HSE – Moscow, 2015; Dill D., Soo M. Academic Quality, League Tables, and Public Policy: a Cross-national Analysis of University Ranking Systems // *Higher Education*. 2005. – Vol. 49, N 4. – P. 495–533.

процесс онлайн-курсов, заменяющих живой процесс общения, дискуссий и обмена знаниями между учащимися и преподавателем.

Развёрнутое описание механизма благоприятного отбора в сфере высшего образования впервые было представлено нами в 2017 г.¹ В этой работе для проверки гипотезы о том, что успешная сдача ЕГЭ перефокусирует выбор абитуриента на престижные университеты, был проведен эконометрический анализ с использованием опроса первокурсников Москвы (вчерашних абитуриентов). Как и предполагалось, сумма баллов на ЕГЭ оказалась значимой с положительным знаком, то есть наиболее способные к обучению абитуриенты поступают в брендовые университеты с высоким проходным порогом. Тем самым проходной балл сохраняется (и даже повышается) на долгое время, становясь препятствием для менее одаренных выпускников школ.

В этой же работе было показано, что желание абитуриентов поступить в престижный вуз часто основано на убеждении, что диплом этого вуза даст ему возможность строить более успешную карьеру. Регрессионный анализ подтвердил, что выпускники школ воспринимают бренд вуза как сигнал о качестве: существует сильная корреляция между убеждением абитуриента, что университет позволяет реализовать жизненные ценности, и стремлением к получению престижного диплома. Престижность диплома оказалась даже более значима при выборе вуза абитуриентом, чем его желание получить определенную специальность!

Международные рейтинги университетов

Если бы сложившаяся репутация вуза и университетские рейтинги подавали точный сигнал о качестве образовательного процесса в том или ином учебном заведении, то наличие на рынке высшего образования элитного и массового сегмента соответствовало бы разделяющему равновесию. Однако многие исследователи считают, что рейтинги могут являться сигналом, искажающим реальность², так как способны охватить лишь небольшое количество критериев, а также из-за превращения образования в «стандартное благо», которому с трудом могут соответствовать высшие школы с «особой миссией»³. В целом университетские рейтинги неоднократно подвергались критике с методологической точки зрения⁴.

При этом уже первое попадание вуза на высокую строчку в таблице ранжирования говорит о том, что, скорее всего, в следующих периодах он вновь окажется в лидерах⁵. Подобное воспроизведение репутации учебного заведения возможно благодаря реализации эффекта Матфея. Этот эффект был описан Р. Мертоном, согласно которому он ярко проявляется в научной среде: «ученые готовы преувеличивать достижения своих коллег, уже составивших себе имя благодаря тем или иным прежним заслугам, а достижения ученых, еще не получивших известности, они, как правило, преуменьшают или вообще не признают»⁶.

Это относится и к университету в целом: «Чтобы заслужить устойчивую репутацию и создать узнаваемый бренд, вузу требуется немало времени, так что молодые и эффективные вузы... могут просто еще не успеть получить адекватную оценку... и добиться хорошей репутации. С другой стороны, когда в известном и уважаемом вузе... снижаются качество образования и стандарты обучения, репутация и узнаваемость вуза за счет длительной инерции могут оставаться вполне приемлемыми»⁷.

Мы, в свою очередь, предполагаем, что для абитуриентов, ориентирующихся именно на качество учебного процесса, университетские рейтинги являются искаженным сигналом, так как придают этому процессу слишком малый вес. Вчерашние школьники и их родители обычно не знакомы с методологией ранжирования и могут даже не догадываться о том, что высокое место вуза свидетельствует, в основном, о его научных достижениях. Для подтверждения такого сигнального искажения, представим в табл. 1 критерии ранжирования университетов, использующиеся в трех ведущих мировых рейтингах:

- Academic Ranking of World Universities (ARWU), который составляется Шанхайским университетом (Shanghai Jiao Tong University); первый полноценный рейтинг был издан в 2003 г.;
- QS World University Rankings (QS) публикуется с 2010 г. маркетинговой компанией Quacquarelli Symonds;

¹ Савицкая Е.В., Алтунина Н.С. Высшее образование: репутационные эффекты, сигнальные искажения и благоприятный отбор // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. – Т. 9, № 1. – С. 117–133. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.1.117-133

² Dill D., Soo M. Academic Quality, League Tables, and Public Policy: a Cross-national Analysis of University Ranking Systems // Higher Education. 2005. – Vol. 49, N 4. – P. 495–533.

³ Павлюткин И.В. Университеты, рейтинги и рынок: институциональные эффекты ранжирований в поле высшего образования // Вопросы образования. 2010. – № 1. – С. 25–41.

⁴ Подробнее об этом см.: Кинчарова А. Мировые рейтинги университетов: методология, эффекты и критика / Препринт. – Томск, 2013. – http://past-centre.ru/wp-content/uploads/2013/04/Methodologiya_mirovyh_reitingov_universitetov.pdf

⁵ Павлюткин И.В. Университеты, рейтинги и рынок: институциональные эффекты ранжирований в поле высшего образования // Вопросы образования. 2010. – № 1. – С. 25–41; Bowman N., Bastedo M. Getting on the Front Page: Organizational Reputation, Status Signals, and the Impact of U.S. News and World Report on Student Decisions // Research in Higher Education. 2009. – Vol. 50, N 5. – P. 415–436; Dearden J., Grewal R., Lilien G. The University Rankings Game: Modeling the Competition among Universities for Ranking // The American Statistician. 2008. – Vol. 62, N 3. – P. 232–237.

⁶ Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Thesis. 1993. – Вып. 3. – С. 258.

⁷ Рошин С.Ю., Рудаков В.Н. Измеряют ли стартовые заработные платы выпускников качество образования? Обзор российских и зарубежных исследований // Вопросы образования. 2015. – № 1. – С. 145.

•Times Higher Education World University Ranking (THE) публикуется с 2010 г. в британском еженедельнике, приложении Times.

Таблица 1

Критерии оценки университетов в международных рейтингах

	Academic Ranking of World Universities (ARWU)	QS World University Rankings	Times Higher Education (THE)
Научная деятельность вуза и его сотрудников	20% – Число публикаций в журналах Nature and Science 20% – Число статей, индексируемых в Social Science Citation и Science Citation Итого: 40%	20% – Число цитирований на 1 ППС 40% – Академическая репутация вуза по мнению академического сообщества Итого: 60%	18% – Репутация вуза в научной области 6% – Доход от научных исследований 6% – Число статей на 1 сотрудника 30% – Импакт-фактор цитирования научных работ Итого: 60%
Квалификация ППС	20% – Число сотрудников – лауреатов Нобелевской премии или премии Филдса 20% – Число часто цитируемых ППС Итого: 40%	–	–
Качество обучения / преподавания	10% – Число выпускников, получивших Нобелевскую премию или премию Филдса Итого: 10%	20% – Отношение количества ППС к числу студентов Итого: 20%	15% – Репутационная оценка преподавания 6% – Число присуждаемых степеней PhD в расчете на 1 ППС 4,5% – Отношение числа студентов к количеству ППС 2,25% – Отношение присужденных докторских степеней к присужденным степеням бакалавра 2,25% – Доход на 1 ППС Итого: 30%
Международная деятельность вуза	–	5% – Доля иностранцев в численности ППС 5% – Доля иностранцев в численности студентов Итого: 10%	2,5% – Доля иностранцев в численности ППС 2,5% – Доля иностранцев в численности студентов 2,5% – Доля научных статей ППС в соавторстве с иностранцами, в общем количестве научных статей ППС Итого: 7,5%
Мнение работодателей о вузе	–	10% – Репутационная оценка вуза согласно опросу работодателей Итого: 10%	–
Доходы от коммерческой деятельности	–	–	2,5% – Доход от исследований для промышленности в расчете на 1 ППС Итого: 2,5%
Производительность	10% – взвешенные баллы 5 перечисленных показателей, деленные на количество ППС Итого: 10%	–	–

Источник: составлено автором на основе анализа методологий ранжирования: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-Methodology-2017.html>, <http://www.iu.qs.com/university-rankings/world-university-rankings/>, <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/methodology-world-university-rankings-2018>

Легко видеть, что во всех трех рейтингах наблюдается перевес в пользу академической работы: THE – 60%, QS – 60%, ARWU – (40+40)%. Однако научные достижения преподавателей не всегда говорят об их умении работать со студентами. В то же время качество обучения оценивается весьма специфически: числом выпускников – лауреатов Нобелевской и Филдсовской премий, отношением количества ППС к числу студентов или доходом на 1 преподавателя.

При этом ни одна из рассмотренных методик не учитывает мнение самих выпускников о знаниях и компетенциях, полученных ими в стенах альма-матер. Не интересуются составители рейтингов и мнением студентов о качестве преподавания, ценами на образовательные программы, количеством и величиной предоставляемых грантов на обучение, состоянием общежитий. Отметим также, что здесь только в рейтинге QS учитывается мнение работодателей, то есть тех, кто имеет возможность оценить реальный уровень знаний и компетенций выпускников того или иного университета.

В противовес этому методология построения международных рейтингов бизнес-школ, реализующих программы MBA, базируется на опросах конкретных выпускников, а не загадочного экспертного сообщества; главными критериями здесь являются карьерный рост выпускников и изменение их финансового благополучия после окончания бизнес-школы, а не импакт-фактор журналов, в которых публикуются их преподаватели.

Поэтому неслучайно университеты, предоставляющие и академическое образование, и программы MBA, занимают разные позиции в университетских рейтингах и в рейтингах бизнес-школ, а корреляция между этими позициями

отсутствует¹. Основная причина этого состоит в том, что главными критериями для ранжирования MBA-программ являются достижения выпускников в профессиональной области и мнение о них работодателей, а не научная деятельность преподавателей и индекс цитируемости.

Выводы и рекомендации:

- Анализ показал, что методология составления рейтингов оказывает существенное влияние на распределение в них мест, занимаемых конкретными университетами, что делает данное ранжирование недостаточно надёжным сигналом. В итоге информационная асимметрия не преодолевается, и одаренные абитуриенты смешивают громкое имя вуза с качеством обучения.

- Полагая, что не само по себе высшее образование, а именно престижный диплом позволит им профессионально реализоваться, абитуриенты с отличными результатами на ЕГЭ выбирают известные университеты. Тем самым поддерживается высокий проходной балл в следующих периодах, и положительная репутация таких вузов воспроизводится автоматически.

- Брендовый университет может выигрывать на фоне обычных вузов не за счет более качественного обучения, а за счет «снятия сливок» и эффекта сообучения. Благодаря своим способностям его студенты лучше освоят необходимые знания и смогут лучше заявить о себе в будущем, что приведет к упрочению бренда их вуза. Таким образом, происходит благоприятный для элитных университетов отбор.

- Для преодоления асимметричной информации следует повысить сигнальную надёжность рейтингов, уравнив критерии, отражающие процесс обучения в вузах, их научную деятельность и мнение о них работодателей. Нужно учитывать и мнение выпускников о качестве преподавания, знаниях и компетенциях, полученных в вузе. При опросе работодателей целесообразно не только оценить уровень подготовки нынешних выпускников, но и сравнить его с уровнем выпускников этих же университетов в прошлом. Совершенствование методологии ранжирования может стать логическим продолжением и практическим результатом данного исследования.

- В теоретическом плане концепцию благоприятного отбора можно применить и к другим рынкам, например, медицинских услуг. Это позволит взглянуть на данные рынки под новым углом зрения и дополнить теорию асимметричной информации.

¹ Подробно рейтинги бизнес-школ в сравнении с рейтингами академических университетов анализируются в статье: Савицкая Е.В., Дубынина А.И. Бизнес-школы против университетов: сравнительный анализ рейтингов // Образовательные технологии. 2014. – № 4. – С. 6–26. – <http://iedtech.ru/journal/2014/4/>

Самохин А.А.

д.ф.-м.н., гл.н.с. Института общей физики РАН

О ВЛИЯНИИ ФОРМЫ ОЦЕНКИ И ОПЛАТЫ ТРУДА НА СОСТОЯНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ И ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: библиометрические оценки, оклад и надбавки, рычаги послушания, деформация менталитета.

Определяющая роль науки в становлении и развитии современной мировой цивилизации не вызывает сомнений. К вершинам науки XX столетия относятся такие достижения, как освоение ядерной энергии и создание лазеров, которые в совокупности продолжают оказывать громадное влияние на наше нынешнее бытие. С учетом действующих геополитических факторов для нашей страны жизненно необходимым является условие поддержания состояния отечественной науки на уровне, отвечающим всем мировым вызовам.

Между тем фактическое положение российской науки вряд ли можно назвать полностью соответствующим необходимым условиям для успешного развития нашей страны и общества. Такое состояние обусловлено, в частности, недофинансированием научной деятельности и утратой того ореола, который в начале второй половины XX века связывался с людьми науки («Что-то физики в почете, Что-то лирики в загоне...»).

Кроме этих очевидных и общеизвестных факторов имеются и другие негативно влияющие на развитие науки обстоятельства, часть из которых будет рассмотрена ниже.

Одним из таких обстоятельств длительное время являлась позорно низкая оплата труда ученых, занимающихся фундаментальной наукой. Недавно эта оплата была повышена в соответствии с майскими указами президента, и ее средняя величина для научных сотрудников теперь должна составлять 200% от средней по региону. Такое решение можно было бы только приветствовать, если бы не те «детали», в которых, как принято говорить в таких случаях, урывается дьявол.

О таких «деталях», касающихся вопиющих перекосов в оплате одинакового труда в разных регионах и недопустимой дискриминации между «работниками» и «сотрудниками» уже много сказано и написано. Вычеркивание «работников» науки из числа ученых толкает их коллег на использование различных «серых» схем оплаты труда и фактически подрывает доверие к действующим институтам власти и общественным структурам, при которых наблюдаются эти несуразности.

Продолжающееся сохранение таких перекосов, которые породившие их инстанции то ли не замечают, то ли просто не хотят замечать и устранять, само по себе также оказывается еще одной проблемой, дополнительно усугубляющей складывающуюся ситуацию.

Чтобы остановить такую злокачественную эволюцию, необходимо постоянно напоминать о том негативном влиянии, которое оказывает система оценки и структура оплаты труда ученых на развитие фундаментальной науки. Как известно, в рамках действующей структуры оплаты труда ее базовая часть может быть значительно меньше общей суммы, выплачиваемой работнику. В Москве, например, сумма доплат в среднем должна более чем в три раза превышать оклад главного научного сотрудника, если исполнять соответствующий президентский указ.

Не вдаваясь здесь подробно в обсуждение специфических процедур для обеспечения исполнения этого указа, например, использование массового перевода сотрудников на доли ставки, напомним лишь об известном изречении о различных видах лжи: ложь, наглая ложь и статистика. Любители истории могут вспомнить еще об одном приеме, которому в середине прошлого века была посвящена «Арифметическая басня» поэта Наума Коржавина, четыре первые строфы которой приводятся ниже:

Чтобы быстрее добраться к светлой цели,
Чтоб все мечты осуществить на деле,
Чтоб сразу стало просто всё, что сложно,
А вовсе невозможное возможно, –
Установило высшее решение
Идейную таблицу умноженья:
Как памятник – прекрасна. Но для дела
Вся прежняя таблица устарела.
И отвечает нынче очень плохо
Задачам, что поставила эпоха.
Наука объективной быть не может –
В ней классовый подход всего дороже.
Лишь в угнетённом обществе сгодится
Подобная бескрылая таблица.

Высокий орган радостно считает,
Что нам её размаха не хватает,
И чтоб быстрее к цели продвигаться,
Постановляет: «дважды два – шестнадцать!»

Для почти полного соответствия нынешнему времени здесь достаточно заменить всего несколько слов, например: «идейную» – на «новейшую», «классовый» – на «рыночный» и «угнетенном» на «неразвитом». Ясно обозначенная еще в 1957 году в этих поэтических строках проблема манипулирования основными параметрами, характеризующими текущее состояние страны, не получила тогда должного внимания и решения. Хорошо известно, чем это закончилось для советской власти и государства.

Вернемся, однако, к нынешним временам, к тем особенностям действующей системы оценки и оплаты труда в науке, которые оказывает негативное влияние на ее развитие.

Величина большой надбавочной части оплаты труда работника науки определяется индивидуально по некоей формуле, содержащей несколько параметров, включая число публикаций в различных журналах, ранжированных по номеру их «квартиля». Упор на такой библиометрический подход фактически исключает непосредственное участие в оценке научной деятельности коллег самими работниками института и явно не способствует эффективному функционированию института как цельной научной организации.

Кроме того, использование подобных методик для оплаты труда фактически превращает творческую работу в области фундаментальной науки в примитивную сдельщину, порождая при этом дополнительные напряжения в коллективе из-за неустранимого несовершенства применения библиометрических оценок для определения значимости научной работы.

Важно подчеркнуть также еще одно известное, но не всегда полностью осознаваемое обстоятельство, связанное с использованием библиометрических подходов при оценке научной деятельности. Публикация статьи в «топовом» журнале не есть стопроцентная гарантия ее качества и значимости. Выразительным проявлением этой элементарной истины может служить грандиозный скандал (Schön scandal), затронувший в начале этого века почти все «топовые» журналы по физике, в которых успешно публиковался очень способный (как говорится, на все способный) молодой ученый по имени Хендрик Шон. Этот молодой тогда ученый (1970 г. рождения) в 2001 году занимался очень актуальной темой и почти каждую неделю печатал по экспериментальной работе, которые в итоге оказались банальной подделкой.

Вопрос о роли научных журналов в условиях современных возможностей непосредственных электронных коммуникаций уже обозначался в печати (смотри, например, статью «Без посредников» в газете «Поиск» № 7, 2014 г), но его результативное восприятие пока еще затруднено, в частности, из-за деформации менталитета у части научного сообщества, которая приводит к запаздыванию адекватной реакции на поступающие вызовы.

Что касается соотношения базовой и надбавочной части оплаты труда, то президент Путин в своей большой пресс-конференции 19 декабря 2019 г. в ответ на вопрос А. Ольшанникова про негативные явления в медицине сказал следующее: «Нужно, безусловно, изменить базовую ставку постоянного оклада. Она сейчас в регионах у нас разнится от 35 до 50%. Нужно сделать единый подход по всей стране. Также нужно создать единый подход к стимулирующим выплатам. При этом ни в коем случае нельзя снижать надбавок, связанных с работой в особых условиях: в праздничные, ночные часы и так далее. Если всё это для начала привести в порядок, на мой взгляд, в положительном плане уже кое-что может измениться. Но, конечно, этого недостаточно. Нам нужно вместе с ростом экономики поднимать уровень заработных плат и в социальной сфере, в том числе, может быть, и прежде всего в медицине».

Про науку Путин не говорил. Более четко и жестко об этой проблеме в науке высказался академик Б.С. Кашин на общем собрании РАН в ноябре 2019 года:

«Обращаю ваше внимание, что тема сессии обозначена как «Фундаментальные проблемы развития современного российского общества». Для того, чтобы итоги сегоднешнего обсуждения были интересны обществу, необходимо ключевые вопросы рассматривать детально и формулировать выводы и рекомендации. Возьмем, к примеру, доклад члена-корреспондента В.Н. Руденко о конституционализме.

Можно приводить множество рейтингов, оценивающих «качество» российской демократии, но если люди не понимают, почему мы, в отличие от африканских стран, не можем посчитать, сколько бюллетеней оказываются в итоге в ящике для голосования, и не можем проверить список голосующих, то все эти рейтинги людям не интересны. Я понимаю опасность, которую несет упрощенная трактовка понятия «прямой демократии», но сегодня мы должны все-таки ответить на вопрос, почему мы до такого состояния докатились. Анализируя острые вопросы, мы должны, конечно, применять адекватную методологию.

Мне как марксисту не очень ясно, почему мы уходим от классового анализа, особенно в ситуациях, затронутых в докладе академика М.К. Горшкова, где речь шла о беспрецедентном социальном неравенстве или нарушении принципов справедливого распределения результатов трудовой деятельности. Что взамен появляется? Член-корреспондент Д.В. Ушаков взамен предложил анализировать соответствие менталитета индивида общественным институтам как условие успеха. Безусловно, здесь есть положительная корреляция, из-за дефицита времени не могу подробнее на этом останавливаться.

Но тогда, изучая российское общество, следует, наверное, разобраться, почему многие наши общественные институты соответствуют менталитету в первую очередь коррупционеров и жуликов, судя по тому, как ведет себя российская элита. Если мы говорим о российском государстве и обращаемся к нему со своими предложениями, то необходимо понимать – что же за государство у нас создано. У нас полуфеодалская абсолютистская система, и говорить в этих условиях об инновационных подходах к ускоренному развитию науки можно долго, но результат будет известный.

В XXI веке нет прецедентов успешного развития новых технологий в странах, где один человек принимает все основные решения. И последнее. Принципиальный вопрос. Возможно ли быстрое и эффективное развитие при систематическом нарушении прав человека? Применительно к науке это и право на труд и право на участие в управлении научным коллективом и, я об этом уже не в первый раз говорю, право на достойную гарантированную заработную плату. И это наш академический позор – неспособность объяснить власти, что нигде в мире гарантированная заработная плата не составляет 25–30% от реальной. А все остальное у нас это фактически подачка администрации, за которую надо платить послушанием. В этой связи подчеркну, что федеральный закон 2010 г. «О бюджетных организациях» нанес нашей науке ущерб не меньший, чем одиозный закон 2013 г. «О Российской академии наук».

Подводя итог, хочу сказать, что мы, к сожалению, уходим от рассмотрения ключевых проблем, которые прямо влияют на состояние нашей науки и нашего общества».

Отмеченное в выступлении академика Б.С. Кашина уклонение от обсуждения ключевых проблем приводит к тому, что ни у РАН, ни у Профсоюза работников РАН фактически нет цельной, последовательной и научно обоснованной программы собственных действий в нынешних условиях. На том же Общем собрании РАН председатель Профсоюза работников РАН В.П. Калинушкин выразил свое мнение таким образом:

«Я полностью согласен с Борисом Сергеевичем Кашиным в том, что закон 2010 года о федеральных бюджетных учреждениях (Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 №83-ФЗ) нанес и наносит российской науке даже больший ущерб, чем реформа 2013 года. Надо подумать, как этот закон отменить. Если система госзаданий сохранится, то благие пожелания, в частности о том, чтобы так называемая окладная (или гарантированная) часть зарплаты была более-менее разумной, реализовать не удастся».

Из приведенных здесь цитат видно, в частности, в какой мере реакция структур научного сообщества отстает от развития текущих событий, существенно влияющих и на работников науки, и на профсоюз работников РАН.

Действующая система оценки и оплаты труда в сочетании с другими бюрократическими «изысками» и административными ляпами способствует возникновению весьма показательных ситуаций. При переходе в другое должностное качество работника института подвергают процедуре увольнения, которая сопровождается утратой его членства в профсоюзе и выплатой компенсации за неиспользованный отпуск.

Недавно в нашем институте была реализована такая выплата, составляющая почти два миллиона рублей. Причем эта сумма была выплачена за счет выплат другим сотрудникам, которые они заслужили благодаря своим публикациям. Получается, что всякие хитромудрые формульные расчеты дополнительных выплат могут быть запросто проигнорированы по каким-то другим обстоятельствам. Подобные случаи с различными суммами вычетов, накладываемых на сотрудников, отнюдь не редкость.

Недостаточное внимание академических структур и профсоюза ко всему набору подобных несуразностей усугубляет деформацию менталитета значительной части научного сообщества. Возникает стойкое ошибочное представление о том, что с этим ничего нельзя сделать и даже говорить об этом бесполезно. В сложившейся ситуации позиция и действия сторон, заинтересованных в развитии российской науки, должны быть гораздо более активными, осмысленными и последовательными, поскольку в противном случае вряд ли можно рассчитывать на возможность какой-либо массовой поддержки даже от научного сообщества, придавленно го рычагами «послушания».

Солдатов Р.В.

Институт права и управления Московского городского педагогического университета
SR28031997@yandex.ru

О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ¹

Ключевые слова: стратегия, безопасность, образование, цифровая экономика, цифровая школа, цифровые технологии, глобализация, информация, коммуникации, культура, гуманность, идентичность, духовно-нравственные и культурно-исторические ценности народов России.

Keywords: strategy, security, education, digital economy, digital school, digital technologies, globalization, information, communications, culture, humanity, identity, spiritual-moral and cultural-historical values of the peoples of Russia.

Актуальность и значимость рассмотрения проблемы стратегической безопасности российского образования в условиях формирования цифровой экономики России связаны с необходимостью реализации положений соответствующих документов стратегического планирования в Российской Федерации (РФ) – Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (далее «Доктрина ИБ»)²; Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы (далее «Стратегия ИО»)³; Национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 года (далее «Цели и задачи 2024»)⁴; Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее «Программа ЦЭ»)⁵.

В указанных документах отмечается, что ИТ-технологии, цифровая и технологическая грамотность обучающихся приобрели сегодня в России и мире в целом глобальный трансграничный характер, стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства. Цифровая трансформация образования, по мнению отечественных ученых, изменяет учебный процесс, способствует активному участию обучаемых в разработке своей ИТ-стратегии, определении целей учебной деятельности, её планировании и оценке результативности. Ориентированное на результат обучение в условиях формирования в России цифровой экономики позволяет учащимся перейти от так называемого прохождения учебного материала к формированию планируемых стратегических компетенций на основе применения ИТ-инноваций. А роль учителя-педагога при этом изменяется от распространителя знаний на мастера-консультанта обучения и воспитателя-наставника⁶.

Применительно к теме настоящей статьи в данных документах стратегического планирования в РФ следует выделить следующие ключевые положения:

1) одной из важнейших задач образования в условиях формирования цифровой экономики в России является применение информационных технологий в целях обеспечения национальной безопасности РФ в области образования на основе сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа России;

2) реальное состояние информационной безопасности в области отечественного образования не имеет в настоящее время комплексной основы и системного научного обоснования, что обусловлено недостаточной эффективностью научных исследований в процессе создания перспективных образовательно-информационных технологий, низким уровнем внедрения отечественных разработок и отсутствием должного образовательно-кадрового обеспечения в области информационной безопасности;

3) к числу стратегических целей и приоритетов в сфере цифровой экономики, науки, технологий и образования в России относятся формирование общества знаний, поддержка инновационного и ускоренного развития в РФ информационных технологий и конкурентоспособных средств обеспечения информационной безопасности;

¹ Доклад на Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и цифровизация экономики».

² Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – <https://base.garant.ru/71556224/>

³ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>

⁴ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 года № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/

⁶ Уваров А.Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. – М.: ГУ – ВШЭ, 2018. – С. 98–131.

4) основные направления обеспечения информационной безопасности России и глобальной конкурентоспособности отечественного образования связаны с развитием научно-технического потенциала информационных технологий, кадрового потенциала в области обеспечения информационной безопасности и применения информационных технологий, повышением их конкурентоспособности, формированием культуры личной информационной безопасности граждан России.

5) обеспечение современных потребностей граждан и общества в получении качественной и достоверной информации должно осуществляться за счет развития информационно-коммуникационной инфраструктуры цифровой экономики, повышения конкурентоспособности российских информационно-коммуникационных технологий на международном уровне, формирования новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы в России.

Более конкретно ключевые положения и моменты развития образования в условиях формирования цифровой экономики в России представлены в Программе ЦЭ, где имеются специальные разделы, посвященные кадрам и образованию, информационно-образовательной безопасности нашей страны. При этом основными целями и задачами направления, касающегося кадров и образования являются: 1) создание ключевых условий для подготовки кадров цифровой экономики; 2) обеспечение цифровой экономики компетентными кадрами; 3) создание рынка труда, опирающегося на требования цифровой экономики; 4) создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики.

Проблемы и требования к информационно-образовательной безопасности сформулированы в Программе ЦЭ в виде новых вызовов и угроз, препятствующих развитию цифровой экономики России:

1) проблема обеспечения прав человека в цифровом мире, в том числе при идентификации (соотнесении человека с его цифровым образом), сохранности цифровых данных пользователя, а также проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде;

2) угрозы личности, бизнесу и государству, связанные с тенденциями к построению излишне сложных технически иерархических информационно-телекоммуникационных систем, широко использующих виртуализацию, удаленные (облачные) хранилища данных, а также разнородные технологии связи и оконечные устройства;

3) наращивание возможностей неконтролируемого должным образом внешнего информационно-технического воздействия на критическую инфраструктуру России, в том числе на информационную инфраструктуру образовательных организаций;

4) усиливающийся рост масштабов и форм компьютерной преступности, в том числе международной, связанной, в частности с распространением образовательного контента не лучшего качества в социальных сетях и Интернете;

5) серьезное отставание России от ведущих зарубежных стран в создании и развитии конкурентоспособных информационных технологий и технических средств обеспечения информационно-образовательной безопасности;

6) существенная зависимость социально-экономического развития России от экспортной и импортной политики иностранных государств в области развития и применения высоких наукоемких информационно-коммуникационных технологий;

7) недостаточная эффективность научных исследований, связанных с созданием перспективных информационных технологий, низкий уровень внедрения отечественных разработок в системе образования, а также недостаточный уровень кадрового обеспечения в области информационной безопасности.

Основной целью Программы ЦЭ, касающейся информационной безопасности России, является достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз. При этом в эпоху цифровой экономики должны обеспечиваться реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие РФ в условиях цифровой экономики. В совокупности это предполагает: 1) обеспечение единства, устойчивости и безопасности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры РФ на всех уровнях информационного пространства; 2) обеспечение организационной и правовой защиты личности, бизнеса и государственных интересов при взаимодействии в условиях цифровой экономики; 3) создание условий для лидирующих позиций России в области экспорта услуг и технологий информационной безопасности, а также учет национальных интересов в международных документах по вопросам информационной безопасности.

Оценивая по заслугам все разнообразие понятий, представлений, формулировок и подходов к стратегической безопасности образования в условиях формирования цифровой экономики в России, имеющихся в действующих сегодня документах стратегического планирования, необходимо отметить следующее. Во-первых, в них полностью отсутствует понятия «видение» и «миссия» безопасности образования, что противоречит современной идеологии и логике стратегического менеджмента в России и за рубежом (рис. 1).

Во-вторых, в большинстве документов заметна тенденция технократического подхода к обеспечению стратегической безопасности российского образования, тогда как ценности её гуманистического смысла и характера, либо умаляются по существу, либо вовсе игнорируются. В-третьих, большинство формулировок не в полной мере согласуются с важнейшими положениями других ключевых документов стратегического планирования в нашей стране. Это касается, в первую очередь, Конституции РФ, Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹, Федерального закона от 29 декабря 2012 года

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – <https://base.garant.ru/70684666/>

Рисунок 1.

Идеология и логические составляющие стратегического менеджмента³

Из рис. 1 видно, что понятия «видение» и «миссия» безопасности образования в эпоху цифровой экономики системно связана с такими терминами и понятиями как «стратегия», «ценности», «цели», «программы», «планы».⁴ Однако, в документах стратегического планирования, связанных с цифровой экономикой, основное внимание уделяется целям, задачам, программам и планам (проектам) обеспечения безопасности образования, а её будущее «видение», «миссия», «стратегия» и «ценности» отодвигаются на второй план или вообще игнорируются. Между тем, в современной идеологии и логике стратегического менеджмента эти понятия призваны определять цели, задачи, программы и проекты развития образования и обеспечения его стратегической безопасности. Это означает, что в эпоху цифровой экономики требуется предварительно научно обоснованно осмыслить и понять, как минимум, национальные ценности образования в России – Во что мы верим и на что мы опираемся в образовании?

Двигаясь далее по иерархии схемы на рис. 1 необходимо отметить, что выше ценностей образования находятся стратегия, миссия и видение его развития. Именно с коллективного «видения» российским обществом и государством будущего облика системы образования как идеального представления о её образе должно начинаться осмысление, понимание и представление о стратегической безопасности образования в условиях формирования цифровой экономики в России. Это есть ответ на вопрос – Кем мы хотим стать как образованные люди? Такое видение образования, осмысленное и понятое российским обществом и государством в виде его национального предназначения выражает смысл и суть его миссии – Зачем существует образование? Выступая генеральной целью функционирования и развития системы образования, данная миссия определяет его стратегию как общее направление изменения будущего облика и образа этой системы – Чего и как мы должны добиваться с помощью образования?

Все эти принципиальные требования к стратегической безопасности образования в условиях формирования цифровой экономики в России, как отмечено выше, корректно и строго не соблюдаются во многих документах стратегического планирования. В большинстве из них практически полностью игнорируется использование понятий «видение» и «миссия», что нередко приводит к потере реального смысла и содержания понятий «ценность» и «стратегия», когда они используются в некоторых документах стратегического планирования. Чтобы не показаться излишне голословными, обратимся к сравнительному анализу важнейших положений Конституции РФ, ФЗ 2012, ФЗ 2014 и Стратегии НБ 2015, – с одной стороны, ключевых формулировок Доктрины ИБ, Стратегии ИО, Целей и задач 2024, Программы ЦЭ, – с другой стороны. На такой основе попытаемся выявить реальные предпосылки для создания научно обоснованной системы обеспечения стратегической безопасности российского образования в эпоху цифровой экономики.

В сравнительном анализе автору интересны, в первую очередь, те формулировки и представления, которые связаны с обеспечением духовно-культурной и гуманистической безопасности образования в эпоху цифровой экономики, поскольку в указанных выше документах преобладают информационно-технические и экономико-правовые аспекты. Прояснение соотношения данных аспектов, по нашему мнению, позволит прояснить проблему должного системного баланса духовно-культурных и материально-технических составляющих в процессе текущей модернизации и перспективного совершенствования системы обеспечения стратегической безопасности образования в условиях формирования цифровой экономики в нашей стране.

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (по состоянию на 2 декабря 2019 года). – <https://base.garant.ru/70291362/>

² Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – <https://base.garant.ru/71296054/>

³ Схема заимствована автором из презентации «Система менеджмента качества». – <https://prezentacii.org/prezentacii-ekonomike/106840-sistema-menedzhmenta>

⁴ Стрекалова Н.Д. Стратегическое мышление менеджеров: сущность, проблемы и подходы к развитию // Вестник СПбГУ. Менеджмент. 2018. – Т. 17, № 3. – С. 384–408; Гуськов Ю.В. Стратегический менеджмент: уч. пособие. – М.: Альфа-М, 2019. – 448 с.; Агафонов В.А. Стратегический менеджмент. Модели и процедуры: монография. – М.: Инфра-М, 2019. – 350 с.

1. Вполне определенные предпосылки гуманистического видения и понимания стратегической безопасности образования в условиях формирования цифровой экономики в России имеются в Конституции РФ. Здесь в статье 2¹ зафиксировано, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В статье 7 утверждается, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»². Несмотря на то, что в этих статьях Основного закона РФ отсутствуют в явном виде духовно-культурные измерения ценности человека, значение их для обеспечения гуманистической безопасности образования в условиях формирования цифровой экономики в России трудно переоценить и одновременно недооценить.

Все дело в том, что во многих документах стратегического планирования в России, в том числе связанных с цифровой экономикой, достаточно часто ссылаются на статьи 2 и 7 Конституции РФ, но при этом делают акцент только на права и свободы человека, а его ценность как личности опускается или игнорируется. В результате этого на первом плане при формировании цифровой экономики оказывается не системно-гуманная ценность человека, а преимущественно отдельные технические, правовые и монетарные её аспекты. Например, это видно из приведенных выше формулировок новых вызовов и угроз в Программе 2017. В них указано, что эти вызовы и угрозы связаны с проблемой обеспечения прав человека в цифровом мире, а проблема гуманистической идентичности человека как высшей ценности государства подменяется идентификацией человека с его цифровым образом, сохранностью цифровых данных пользователя, а также обеспечением доверия граждан к цифровой среде.

2. Однако, подобное преувеличение значимости правовых и информационно-технических характеристик цифровой экономики противоречит принципам государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования ФЗ 2012, где в статье 3 обозначены следующие ценности: гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования. И что принципиально важно, данные ценности образования в России во многом учитываются в некоторых онлайн-курсах в проектах «Российская электронная школа», которые сегодня практически внедряются в отдельных регионах и субъектах РФ. Например, в таком онлайн-курсе как «Экология» для 10-11 классов, стратегическую безопасность общего образования можно и нужно понимать в контексте глобальной системы «Человек – Общество – Природа»³.

В другом онлайн-курсе «Основы безопасности жизнедеятельности» для 8-11 классов подобный подход к стратегической безопасности образования просматривается в разделах «Основы безопасности личности, общества и государства. Основы комплексной безопасности», а также «Безопасность человека в окружающей среде». А в новом онлайн-курсе «Технология» для 1–6 классов предусмотрен даже такой раздел для изучения как «Общекультурные и общетрудовые компетенции. Основы культуры труда, самообслуживание»⁴. Все эти онлайн-курсы, находясь в стадии экспериментальной апробации, требуют дальнейшей модернизации и совершенствования как в части методологии, так и в методики их применения.

Вместе с тем, не вызывает сомнений тот факт, что в проектах «Российская электронная школа», а также «Московская электронная школа»⁵, присутствуют определенные предпосылки нового культурного видения и понимания всего спектра проблем стратегической безопасности российского образования в условиях формирования цифровой экономики России. Их необходимо исследовать и широко использовать в нашей стране при разработке новых документов стратегического планирования, связанных с развитием цифровой экономики на федеральном, региональном и муниципальных уровнях управления.

3. Что касается понятия «видение» в стратегическом менеджменте, то в ФЗ 2014 его можно, скорее всего, связывать с используемым здесь понятием «прогнозирование» (Статья 3). Правда, в идеологии и логике стратегического менеджмента под «видением» подразумевается глобальное идеальное представление о будущем облике образования. Напротив, в ФЗ 2014 «прогнозирование» не выходит за узкие рамки представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности РФ, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований. Не следует в этой связи удивляться, что в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания на федеральном уровне России, отсутствуют «прогнозы». В ФЗ 2014 (Статья 11) к таким документам относятся: ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, стратегия социально-экономического развития РФ, стратегия национальной безопасности РФ, основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности РФ, стратегия научно-технологического развития РФ.

В рамках прогнозирования на федеральном уровне РФ разрабатываются: а) прогноз научно-технологического развития РФ; б) стратегический прогноз РФ; в) прогноз социально-экономического развития РФ на долгосрочный период; г) бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период; д) прогноз социально-экономического развития РФ на среднесрочный период. Соответственно в рамках прогнозирования на уровне субъектов РФ разрабатываются: а) прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период; б) бюджетный прогноз субъекта РФ

¹ Конституция Российской Федерации. – М.: Ось-89, 1999. – С. 4.

² Там же, с. 5.

³ Российская электронная школа: учебные предметы. – <https://resh.edu.ru/subject/>

⁴ Там же.

⁵ Московская электронная школа. – <https://www.mos.ru/city/projects/mesh/>

на долгосрочный период; в) прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период. К стратегическим прогнозам, разрабатываемым на уровне муниципального образования, относятся: а) прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период; б) бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период.

К сожалению, приходится констатировать, что из всех обозначенных выше прогнозов на федеральном и региональном уровнях РФ сегодня реально разрабатываются только бюджетные прогнозы на долгосрочный период. Возможно, что рассматриваемые в таких документах внешние и внутренние условия формирования бюджетных прогнозов, механизмы профилактики рисков реализации бюджетных прогнозов, а также риски и угрозы несбалансированности бюджетов бюджетной системы РФ имеют какое-либо отношение к «видению» стратегической безопасности образования России в эпоху цифровой экономики, идеологии и логике стратегического менеджмента. Однако, такое бюджетное «видение» российского образования ограничивается всего лишь показателями финансового обеспечения государственных программ РФ.

Так, из приложения № 4 к бюджетному прогнозу РФ на период до 2036 года видно, что расходы на реализацию государственных программ РФ «Информационное общество» и «Развитие образования» будут изменяться следующим образом. По первой программе намечен плавный рост расходов от 118,3 млрд. рублей в 2017 году до 279,4 млрд. рублей к 2024 году, то есть увеличение в 2,36 раза. По второй программе наблюдается неравномерное снижение расходов с 560,1 млрд. рублей в 2018 году до 156,3 млрд. рублей к 2022 году и вновь некоторый рост до 162,3 млрд. рублей – в 2024 году¹, то есть уменьшение в более чем 3,58 и 3,45 раза. Даже такое узкое и ограниченное по смыслу монетарное «видение» финансового обеспечения и расходов на развитие образования и информационного общества в России красноречиво свидетельствует о том, что в бюджетном прогнозе РФ на период до 2036 года у российского образования пока не просматривается достойное долгосрочное будущее.

Во многом отсутствие такого будущего у российского образования и нашей страны в целом, связано с духовно-культурной и гуманистической недостаточностью принятой и действующей сегодня в России системы стратегического планирования, в том числе и обеспечения стратегической безопасности образования в эпоху цифровой экономики. К примеру, анализ перечня 45 (сорока пяти) государственных программ, намеченных к осуществлению в РФ на период с 2017 года по 2024 год, показывает, что в нем не нашлось места государственной программе по развитию гуманитарных наук. И это при том, что в Основах государственной культурной политики (далее – «Основы ГКП»), утвержденных Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808, прямо говорится о приоритетном развитии гуманитарных наук «как наук о человеке, его духовной, нравственной, культурной и общественной деятельности»².

4. Более того, в Стратегии НБ 2015 подчеркивается, что основой общероссийской идентичности народов РФ и обеспечения национальной безопасности в области культуры, является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. К ним относятся: 1) приоритет духовного над материальным; 2) защита человеческой жизни, прав и свобод человека; 3) семья; 4) созидательный труд; 5) служение Отечеству; 6) нормы морали и нравственности; 7) гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм; 8) историческое единство народов России; 9) преемственность истории нашей Родины. Эти духовно-нравственные и культурно-исторические ценности пока не нашли должного отражения в большинстве документов стратегического планирования в России, особенно в документах, связанных со стратегической трансформацией образования в эпоху цифровой экономики.

Таким образом, из краткого анализа существующих документов стратегического планирования в России, касающихся формирования в нашей стране цифровой экономики и стратегических ориентиров национальной безопасности в области образования и культуры, можно сделать некоторые важные выводы. Эти выводы, по нашему мнению, указывают на магистральные и реальные пути и формы обеспечения стратегической безопасности образования в грядущем цифровом мире.

Во-первых, для того, чтобы обеспечить стратегически обоснованный подход к решению проблем управления и безопасности образования в условиях формирования цифровой экономики, российскому обществу и государству необходимо дополнить ФЗ 2014 положениями стратегического менеджмента о «видении» и «миссии» долгосрочного развития России в целом, отечественного образования, в частности. Однако, изначально надо сформулировать национальную идею развития нашей страны в XXI веке.

Во-вторых, реальные пути и формы обеспечения стратегической безопасности образования в России не должны ограничиваться только декларациями об обеспечении прав человека в цифровом мире, а должны определяться культурно-гуманистическим видением будущего и миссии образования в неоднозначных условиях экономической, политической и информационно-коммуникационной глобализации мирового развития.

В-третьих, чтобы добиться научно обоснованного целеполагания стратегической безопасности образования в условиях формирования цифровой экономики России, российскому обществу и государству требуется предпринять реальные меры по обеспечению смысловой и содержательной согласованности отдельных документов стратегического планирования в России на всех уровнях государственного управления.

¹ Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года (Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 года № 558-п.). – <http://static.government.ru/media/files/IOSJdAVcneBI3MsxQiaafEkTbpVGaDB.pdf>

² Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». – <https://base.garant.ru/70828330/>

В-четвертых, широкомасштабное применение цифровых технологий в образовании должно быть стратегически направлено не только на достижение профессиональных знаний, умений и компетенций учащихся, но и на формирование и достижение каждым из них гражданской идентичности, самобытности и универсальности своей личности на основе национальных и общемировых духовных идеалов и ценностей культуры.

Толкачев В.А.

д.п.н., профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Открытого гуманитарно-экономического университета

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «АНАЛИТИКА»¹

Ключевые слова: аналитическая деятельность, управленческая деятельность, организационные условия осуществления управленческой деятельности, психологические условия осуществления управленческой деятельности.

Keywords: analytical activities, management activities, organizational conditions for the implementation of management activities, psychological conditions for the implementation of management activities.

Основная идея статьи – развитие понятия управленческой деятельности возможно на основе аналитического подхода к ее определению.

С учетом отмеченного вначале определимся с положениями, характеризующими явление «аналитика» в контексте использования его в управленческой деятельности. При этом акцентируем внимание на сущностном понимании аналитической деятельности и на принципах, которыми при этом следует руководствоваться.

Аналитика (с греч. *analytike (techne)* – искусство анализа) – название, данное Аристотелем технике логического анализа. Следовательно, аналитика представляет собой учение об анализе – об операциях расчленения целого (в нашем исследовании, управленческой деятельности как процесса) на составные части, что способствует более предметному, качественному и эффективному решению поставленных задач. Анализ позволяет получать развернутую информацию о структуре объекта исследования и использовать ее в управленческой деятельности для познания и преобразования целевых задач.

В числе основных принципов аналитической деятельности принято выделять принципы целенаправленности, системности, актуальности, своевременности, активности, инициативности, достоверности, объективности, полноты, непрерывности, альтернативности, гибкости, обоснованности. Каждый из этих принципов несет определенную смысловую нагрузку, что оказывает существенное влияние на процедуру аналитической деятельности, в том числе и в контексте ее осуществления в ходе управленческой деятельности.

С учетом положений, характеризующих сущностное понимание аналитической деятельности (самого явления «аналитика»), и принципы, в соответствии с которыми она должна осуществляться, перейдем к обоснованию процедуры развития управленческой деятельности.

Предварительно определимся с устоявшимся понятием управления (управленческой деятельности) и обоснуем целесообразность его развития в контексте опоры на положения аналитической деятельности.

В наиболее общем представлении понятие «управление» в теории и практике формулируется в следующей редакции: управление – это деятельность субъекта в отношении определенного объекта, осуществляемая в целях достижения соответствующего результата. При этом выделяется четыре значимых элемента: субъект, объект, цель и результат. Эти элементы определенным образом взаимосвязаны и взаимообусловлены. К тому же они наполнены соответствующим смысловым содержанием. Вместе с этим, опора на данное понимание управления в реальной практике не всегда дает запрограммированные результаты. Примеры тому – результаты реализации национально значимых проектов в нашей стране. В определенной мере, одна из причин тому, в нашем видении, в недостаточно структурированном представлении понимания управления субъектами управленческой деятельности.

В этой связи представляется целесообразным развить (усовершенствовать) понятие управленческой деятельности в контексте опоры на положения аналитической деятельности (ее сущностного понимания и принципов, в соответствии с которыми она должна осуществляться).

В числе общих видов управленческой деятельности выделим два ее вида, которые, как свидетельствуют материалы исследования, играют существенную роль при ориентации на достижение созидательных результатов. Первый из них имеет отношение к познавательной деятельности, второй к преобразовательной. Познавательная деятельность позволяет получить исчерпывающую информацию для принятия управленческого решения, что, в свою очередь, способствует успешному осуществлению преобразовательной деятельности по достижению поставленной цели и решению конкретных задач.

В числе наиболее значимых для управленческой деятельности структурных элементов выделим следующие из них:

– субъект деятельности;

¹ Доклад на круглом столе «Состояние и перспективы развития аналитической подготовки в российской системе образования».

- объект деятельности;
- цель деятельности;
- решаемые задачи;
- средства, необходимые для достижения успеха в реализации поставленной цели;
- методы деятельности;
- технологии деятельности;
- формы деятельности (мероприятия, меры, проекты и т.д.);
- процесс деятельности с поэтапным его подразделением;
- результат деятельности.

Каждый из обозначенных структурных элементов управленческой деятельности должен быть реально задействован в ее осуществлении. Отсутствие хотя бы одного из них или же «неполноценное» его наличие в управленческой деятельности приводит, как свидетельствуют материалы исследования, к негативным результатам. Так, например, отсутствие должных средств в реализации управленческой деятельности не может привести к положительному достижению поставленной цели. Отсутствие должной профессиональной подготовки у субъекта управленческой деятельности также не способствует получению созидательного результата.

В числе условий, наиболее значимых для достижения созидательного успеха в управленческой деятельности, выделим два из них – это организационные и психологические условия. Организационные условия имеют прямое отношение к организации процесса управленческой деятельности, а психологические – к учету профессионального потенциала, прежде всего, субъекта управленческой деятельности и, соответственно, ее объекта, то есть, личностного и профессионального потенциала лиц, в отношении которых осуществляется управленческая деятельность.

Обозначим наиболее значимые организационные условия, способствующие достижению созидательного результата. В их числе:

- цели и задачи, понятные и приемлемые участниками управленческой деятельности;
- проектирование и внедрение ценностей, способствующих достижению созидательных результатов в управленческой деятельности;
- распределение обязанностей между членами деятельности;
- акцентирование внимания участников деятельности не только на их обязанностях, но и на их правах;
- учет обратных связей в управленческой деятельности;
- способствование самоорганизации участников управленческой деятельности.

К числу психологических условий отнесем те из них, которые мобилизуют личностный и профессиональный потенциал участников деятельности на достижение оптимального результата в решении поставленных задач. К таким условиям отнесем следующие из них:

- заинтересованность участников деятельности в достижении созидательных результатов;
- должный знаниевый потенциал участников деятельности;
- владение участниками деятельности соответствующими компетенциями;
- высокий мотивационный уровень участников управленческой деятельности, ориентированный на успешное решение поставленных задач;
- волевой настрой участников деятельности на достижение целей управленческой деятельности;
- разумное и дифференцированное использование руководителем управленческой деятельности методов воздействия на сотрудников (убеждения, внушения, поощрения, наказания, принуждения и др.).

Обозначенные условия как организационные, так и психологические, должны создаваться, поддерживаться и развиваться на требуемом уровне.

Раскрытие основных положений развития понятия управленческой деятельности позволяет сформулировать его определение в следующей редакции. Управленческая деятельность в контексте образования специалистов по направлению «аналитика» представляет собой активную, профессионально грамотную, целевую деятельность субъектов управления по решению соответствующих задач, ориентированную на создание, поддержание и развитие условий, способствующих достижению участниками деятельности созидательных результатов.

Указанный подход к определению понятия управленческой деятельности в контексте образования специалистов по направлению «аналитика» ориентирует на то, чтобы руководители профессионально грамотно, ответственно и созидательно решали управленческие задачи.

**Фортова Л.К.,
Юдина А.М.,
Овчинников О.М.¹**

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ СТОРОНЫ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: инновации, студенты, высшая школа, цифровое образование, информационно-коммуникативная культура.

Keywords: innovation, students, high school, digital education, information and communication culture.

Изменение структуры социокультурной среды посредством ее цифровизации приводит к объективной необходимости всестороннего рассмотрения этого явления, в первую очередь, с философской и психолого-педагогической точек зрения.

Цифровизация приводит к объективизации факта новых коммуникаций, дифференциации способов получения информации, интеграции вербальных, невербальных и цифровых способов общения. Таким образом формируются качественно другие формы восприятия событий, а также иные источники для переживания эмоциональных состояний и проявления чувств.

В качестве примера можно привести прецедентные псевдобрачные отношения человека и неживого предмета – куклы. Как отмечают В.А. Катаев и Е.А. Лишанкова, «компьютерные программы загоняют человека в искусственные условия активизации как можно большего числа каналов, раздражающих и пробивающих перцептивную анемию и броню невозмутимости ... пытаются деформировать как внутреннее, так и внешнее тело человека, его жесты, действия, поступки»². Мы разделяем мнение исследователей, дополняя его тем, что «клиповость» мышления современного молодого человека, понимаемая, с одной стороны, как поверхностное отражение информации, с другой стороны, как инициирование новых способов нестандартных коммуникационных процессов, например, вне эмоционально-вербальной сферы, которая включает живое общение, но исключает формы социальных чатов.

Таким образом, сокращение чтения качественной художественной литературы в молодежной среде, обеднение обиходной речи в межличностном общении обуславливает снижение уровня эмоционального интеллекта, включённого в комплекс общеобязательных гибких навыков современного человека. Такие процессы провоцируют конфликтные ситуации, связанные с когнитивной деструкцией в восприятии информации, передаваемой как вербальным, так и цифровым способом.

Влияние интерактивности киберпространства на повседневность оказывается настолько велико, что сегодня мы до конца не можем объяснить его ограниченную безграничность.

Перспектива развития информационных интерактивных ресурсов, предполагающих записанные лекционные обучающие курсы, вызывает серьёзные дискуссии в научном сообществе и не имеет на сегодня единого вектора. С одной стороны, применение интерактивной технологии при живом чтении лекции, безусловно, повышает ее доступность и информативность, но, с другой стороны, записанный видеофайл при высокой информативности, теряет доступность, понятность информации в силу невысоких абстрактных и эмоциональных форм ее восприятия³.

Видеофайл, включающий информацию, исключает деятельностный, культурологический, эвристический компоненты в обучении, а, следовательно, может провоцировать мировоззренческую смену координат у человека с реального социокультурного пространства на принципиально выделяемую кибер-среду вне естественного вербального коммуникационного процесса.

Высшая школа в таких условиях становится платформой для дифференцированных форм комбинаций педагогических технологий в учебном процессе. Федеральный государственный образовательный стандарт 3++ предоставляет больше свободы по определению компетентностного соотношения внутри одной дисциплины. Например, в рамках одного направления дисциплина «педагогика» может включать в себя дифференцированный набор компетенций, качественно отличающихся от аналогичной дисциплины по такому же направлению, но читаемой в другом вузе. Раз-

¹ Фортова Любовь Константиновна – д.п.н., к.ю.н., профессор, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. E-mail: flk33@mail.ru

Юдина Анна Михайловна – к.п.н., доцент кафедры общей и педагогической психологии, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. E-mail: anna-yudina@mail.ru

Овчинников Олег Михайлович – д.п.н., доцент, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности ВЮИ ФСИН России, г.Владимир. E-mail: omo33@mail.ru

² Катаев В.А., Лишанкова Е.А. Интерактивная кукла как модель человека // Вестник МГУКИ. – М., 2010. – № 3 (35), май-июнь. – С. 82–86.

³ Фортова Л. К. Нравственно-правовое воспитание учащейся молодежи: избр. тр. – Владимир: Шерлок-пресс, 2018. – 202 с.

личия будут относиться не только к компетенциям, часам, зачетным единицам, но и к проф илизации направления при ее наличии, что, таким образом, исключит использование единой платформы для переаттестации.

В то же время, использование интерактивных информационных технологий при чтении дисциплин гуманитарных курсов видится нам крайне перспективным процессом, требующим пересмотра как материальной среды в образовательной организации, так и качественного обновления содержания учебных программ.

3D моделирование, презентационное сопровождение лекционных процессов и возможность интерактивной работы на семинарских, практических занятиях в рамках дидактически выстроенного образовательного процесса повысят вовлеченность студентов в учебную и практико-ориентированную деятельность, поскольку будут показывать не только вербальное, невербальное, но и цифровое восприятие получаемых знаний.

Таким образом, цифровизация образования вызывает серьезные дискуссии о формах методах и средствах ее осуществления. Амбивалентными составляющими дискурса выступают противоречия, заложенные в биосоциальной природе самого человека. Действительно, цифровое образование, с одной стороны, способствует оптимизации личного витального пространства человека и его времени, примером этому являются электронные библиотеки и отсутствие необходимости носить с собой на занятия тяжелые книги, посещать библиотеки, но, с другой стороны, пропадает культура чтения, навык анализа прочитанного и его креативного осмысления.

Е.А. Струкова констатирует, что анатомо-физические способности учащихся, например, младшего школьного возраста, заключаются в увеличении проблем с концентрацией внимания на уроке при сочетании традиционных методов, форм и средств с информационными технологиями¹. Гаджеты, которые приобретаются изначально как игровой или статусный инструмент для ребенка, а не познавательно-развивающий ресурс, обуславливают неверное, безответственное к ним отношение уже у взрослых молодых людей.

Молчанова Е.В. постулирует, что работа с электронными досками, рост удельной доли занятий, исключающих навык письма ручкой на бумаге, деформирует навык чтения. Исследователь объясняет это тем, что при письме задействуются участки мозга, отвечающие за интерпретацию сенсорных ощущений, например, формирование речи². Продолжая рассуждения дальше, отмечаем, что такая ситуация может способствовать затруднению в формулировании собственных мыслей, общему сокращению словарного запаса, снижению грамотности. Наше исследование наглядно иллюстрирует, что сегодня студенту гораздо проще написать о своей проблеме через мессенджеры, чем ее проговорить в непосредственном диалоге.

Открытым остается вопрос о проблеме сохранения психики, гигиены и здоровья современных студентов, вовлеченных в киберкоммуникацию в рамках не только досуговой, но и учебной деятельности. Но в то же время, научно-технологическая мысль не стоит на месте, и сегодня появляются все более удобные гаджеты с менее вредным воздействием на организм человека. Правда, ценовая политика в этом рыночном сегменте лишена демократичности. Большинству студентов подобные ресурсы недоступны.

Наличие информационно-коммуникационных технологий сегодня выступает как одно из желательных условий процесса учебной деятельности и инновационность идеи цифрового образования созвучна современным темпам социокультурного развития цивилизации.

Проблемой является создание согласованного механизма действий всех социальных институтов. Если мы говорим о цифровизации в образовательных организациях, то этот вопрос надо поднимать применительно и к семьям, многие из которых нуждаются в материальной, информационной и психолого-педагогической поддержке в осуществлении воспитательного процесса своих детей.

Мы отмечаем, что современная действительность способствует многомерному восприятию социокультурного и киберпространства. Следовательно, необходим пересмотр не только имеющегося психолого-педагогического инструментария для сопровождения ребенка на разных этапах социализации, но и материально-информационного обеспечения семей. Сетевой университет невозможно создать, если все 85 субъектов Российской Федерации не включены технически в это сетевое пространство.

Таким образом, наличие сформированной информационно-коммуникативной культуры, включающей в себя мировоззренческую подструктуру, помогающую личности овладеть социально-культурной информацией, духовную культуру будет способствовать качественному изменению использования информационно-коммуникативных технологий³.

Ф. Одуэн в «Кибернетической педагогике», изданной еще в 1971 году, поставил вопрос о том, каким образом можно выстроить взаимодействие между обучающимися и машиной⁴. Сегодня на этот вопрос нет однозначного ответа. Цифровизация образования сталкивается с необходимостью, во-первых, создания цифровой образовательной среды, а это пересмотр материальной базы всех образовательных организаций, а, во-вторых, массового переобучения педагогического состава и работников социальных служб, вовлеченных в процесс обучения.

Сегодня открыто говорится, что компьютерные игры, равно, как и киберспорт, ведут к деградации развития молодежи, активизируя значительно меньшие участки мозга, формируя тяжелую психическую зависимость. При изме-

¹ Струкова Е.А. Использование электронных образовательных ресурсов в образовательном процессе. – <http://www.informio.ru/publications/id1210>

² Молчанова Е.В. Инновации и информационные технологии: поиск путей практической реализации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. – Т. 31. – С. 656–660. – <http://ekconcept.ru/2017/970146.htm>

³ Юдина А.М. Информационно-коммуникативная культура как инструмент формирования образовательной среды вуза // Перспективы науки. 2019. – № 5 (116). – С. 250–252.

⁴ Audouin F. La Pedagogie Assistee Cybernetique et Enseignement. – P., 1971. – <http://icils2013.acer.edu.au/>

нении базовых форм деятельности человек и его организм адаптируются к новым условиям. Всестороннее развитие успешной личности – вот главная задача цифровизации образования.

Проблема несформированной информационно-коммуникативной культуры особенно остро встает в контексте компьютерной и информационной грамотности. Никулина Т.В.¹ отмечает, что цифровизация образования в своей идеальной форме позволит обучающимся самостоятельно выстраивать траекторию образования и управлять, не менее самостоятельно, результатами своего обучения. Разделяя мнение исследователя, мы дополняем, что вне системы наставничества, это не представляется возможным, поскольку подобный подход, в силу возрастных особенностей развития молодых людей, абсолютно не учитывает и не предусматривает формы контроля качества оценки знаний на разных этапах обучения, не инициирует формирование soft skills у современного студента. В реальных условиях некомпьютерного вебинара или форума, оппонента в дискуссии нельзя заблокировать или выключить, с ним необходимо конструктивно общаться, договариваться, сотрудничать или аргументированно говорить: «нет».

Н.И. Касперская в 2018 году обозначила ряд рисков, которые могут возникнуть в условиях неопределенности при «цифровой колонизации» образования, урбанизации, росте продуктов виртуальной реальности в жизни современного человека и блокчейн-технологиях². Таким образом, цифровизация может инициировать изменение требований к содержанию всех учебных программ, снижение значимости фундаментальных наук, в пользу практико-ориентированных направлений, что приведет к снижению качества обучения и уровня квалификации выпускников.

При сниженной роли наставника в процессе обучения, замещение его сетевой образовательной средой, усовершенствованными программами вне диалогичности, теряется детерминированность восприятия событий, что будет способствовать росту интолерантных явлений, деструктивных конфликтов, снижению нравственной и правовой культуры, мифологизации сознания, которые невозможно быстро скорректировать в киберпространстве, построенном на блокчейн-технологиях, где для того, чтобы изменить один единственный параметр, надо менять абсолютно всю цепочку взаимозависимых блоков³.

Таким образом, цифровое образование в России нуждается в глубоких исследованиях, психолого-педагогическом осмыслении средств, форм, методов обучения в открытом сетевом образовании, формировании новых профессиональных компетенций в педагогическом образовании, разработке качественно иного диагностического инструментария оценки сформированности знаний студентов, исключая тестирование закрытого и открытого типа, как преобладающих форм, вне диалога с наставником при возможности в режиме реального времени обсуждения возникающих затруднений.

¹ Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. – № 8. – С. 107–113.

² Касперская Н.И. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации (развернутые тезисы выступления на парламентских слушаниях в государственной думе). – https://ivan4.ru/news/traditsionnye_semeynye_tsennosti/the_digital_economy_and_the_risks_of_digital_colonization_n_kasperskaya_developed_theses_of_the_spee/

³ Юдина А.М. О способах преодоления нигилизма у студентов высшей школы // Научное мнение. Педагогические, психологические и философские науки: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб., 2019. – № 6. – С. 70–73.

**Шипкова О.Т.,
Вдовенко З.В.¹**

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАПРОСА НА СОТРУДНИКОВ НОВОГО КАЧЕСТВА ЧЕРЕЗ ИНТЕГРАЦИЮ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: *VUCA-мир, проектная деятельность, компетенции, национальные проекты.*

В современных условиях неконтролируемой среды – VUCA-мире – происходит трансформация запросов работодателей на компетентности сотрудников. Одним из них, наряду с другими, которые можно увидеть, например, в Целевой модели компетенций – 2025², стало ожидание от сотрудников проактивной позиции в работе с неопределенностью. В бизнес-литературе описаны три стратегии поведения человека в условиях неопределенности: инженерный подход, азартная игра или спекуляция. Инженер имеет всю необходимую информацию, чтобы с помощью технологий решить поставленную перед ним задачу. В ходе расчетов он использует допущения, позволяющие исключить неопределенность. Он действует в ситуации высокой определенности. Азартный игрок ничего не знает о событиях, от которых зависит его ставка, потому что сама суть азартной игры требует, чтобы будущее оставалось неизвестным. Игрок играет ради азарта, ему нужен адреналин. Спекулянту известно больше, чем азартному игроку: там, где игрок имеет дело с простым везением, спекулянт собирает информацию, на основе которой может прогнозировать вероятность того или иного результата своей деятельности. Спекуляция – это применение методов интеллектуального познания и системного анализа для снижения степени неопределенности будущего³. Такая трехкомпонентная схема стратегий поведения в условиях неопределенности не отвечает сложности реалий запросов современных работодателей. По тому что следует учесть, что в контексте отношений «работодатель – сотрудник» контроль неопределенности не означает ее уничтожения, снижения или умалчивания, а подразумевает готовность специалиста принимать вызовы неопределенности. В психологии это отражается понятием толерантности к неопределенности, которая характеризует устойчивость человека к условиям неопределенности, изменчивости, противоречивой информации. С ним связано понятие готовности к риску – как способности принимать условия неопределенности, умения принимать решения и действовать в ситуациях неполной информированности, отсутствия контроля ситуации, т.е. в условиях неопределенности и риска⁴. И, наконец, в терминологии Н. Талеба⁵ работника будущего можно охарактеризовать как объект высокой степени «антихрупкости», т.е. человека, способного принимать решения в условиях «непрозрачной среды» и способствующего выходу системы из-под воздействия переменчивости и беспорядка с лучшими характеристиками. Гибкость (эластичность), которая обеспечивает сохранение системы, и «антихрупкость», способствующая ее совершенствованию, – это надежащий ответ на непредсказуемые и/или беспрецедентные изменения. Задача университетов – обеспечить своих выпускников простыми инструментами работы в новых условиях и удовлетворить обновленные запросы работодателей.

Для обеспечения гибкости/антихрупкости необходима образовательная среда, которая формирует глубину профессиональных знаний при одновременном проникновении в широкий спектр смежных и иных областей с определенной целью. В бизнес-сообществе широко используется концепция T-компетенций, которая родилась как метафора для описания требований к сотрудникам в современной организации, работающей по командному принципу. Вертикальная линия в «Т» обозначает глубокую экспертизу в выбранной области, в то время как горизонтальная – это широкая эрудиция и способность сотрудничать с экспертами в других областях и применять знания из областей знаний, отличных от собственных⁶. И даже появилось развитие данной модели в концепцию #-компетенций. Первая горизонтальная линия означает общие широкие познания в нескольких областях. Вторая горизонтальная линия означает развитые коммуникативные и управленческие навыки (soft-skills). Первая вертикальная линия означает глубокую спе-

¹ Шипкова Ольга Тарасовна – к.э.н., доцент, доцент кафедры экономики и управления, Открытый гуманитарно-экономический университет.

Вдовенко Зинаида Владимировна – д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики и управления, Открытый гуманитарно-экономический университет.

² DIGITAL Russia. Россия 2025: от кадров к талантам. – http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf

³ Пол Д., Мойнихан Б. Чему я научился, потеряв миллион долларов. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 208 с.

⁴ Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. – СПб.: Нестор-История, 2016. – 344 с.

⁵ Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. – 768 с.

⁶ Blaz Kos. T-shaped skills in every area of your life. – AgileLeanLife.com, 2017.

специализацию в одной области. И вторая вертикальная линия означает такую же глубокую специализацию в другой области, не связанной с первой¹.

В современном бизнес-сообществе существует также запрос на команды с готовыми проектами, либо готовые команды для реализации проектов работодателя. Поэтому задача университетов создать условия для зарождения и формирования таких команд, которые способны выходить на рынок с конкретными инновационными проектами или включаться в решение проблем, озвученных заказчиками на рынке или в государственном секторе.

Кроме того, система высшего образования не может игнорировать запрос современного общества на индивидуализацию и персонализацию обучения, возможность изменения образовательной траектории во время получения образования.

Ответом на все вышеуказанные вызовы и требования может стать системная совместная проектная работа, охватывающая систему образования, представителей реального сектора и государства, в сочетании с классическим образованием и цифровыми возможностями современности. Трансдисциплинарные команды преподавателей, в которых распределены роли сопровождения инновационного процесса в рамках проектной деятельности студентов, могут стать основой такой проектной деятельности. Тенденция на обучения в течение всей жизни (life-long learning) дает возможность привлекать в команду проекта людей разного возраста и профессионального бэкграунда, что развивает у обучающихся гибкие подходы к общению. Создание научно-образовательных центров и модульных программ обучения может способствовать реализации проектов командами разных вузов, члены которых собраны, исходя из их необходимого набора компетенций для реализации конкретного проекта.

Российским вузам следует пересмотреть принципы формирования студенческих групп на первом курсе, считает спецпредставитель президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития Дмитрий Песков². Учебные группы должны формироваться на основе понятных критериев, в том числе, результатов вступительных экзаменов, компетенций студентов и потенциала будущих студенческих команд. В свете актуальности стимулирования экспорта образования и активизации международного сотрудничества такие команды могут обладать международным составом. Например, развитие проектной деятельности через запросы на площадке ЕАЭС. Практика международных команд в реализации научных исследований уже достаточно широко распространена в России, однако мало проектов носит прикладной характер вследствие недостаточного уровня привлечения внешнего заказчика из реального сектора. Реальные проекты со стороны потенциальных работодателей помогут студентам в процессе обучения широко проникать в различные сферы, получать дополнительные компетенции в ходе работы над проектами, дадут возможность увидеть для себя альтернативную сферу потенциального углубления своих компетенций (формирование #-компетенций). Преподавательское сообщество благодаря данному виду деятельности приобретает практику работы на реальном объекте, а также расширяет возможности научно-исследовательской работы через нахождение новых объектов и предметов исследования, постановки в том числе фундаментальных научных задач с учетом запросов реального сектора.

При реализации подготовки государственных служащих реальные проблемы для проработки могут быть взяты из обращений граждан, которые собираются большинством региональных управленческих команд. Вовлечение научно-образовательного сообщества, включая студентов, в решение реальных проблем общества позволит предлагать нестандартные решения, характеризующиеся более высокой эффективностью и научной обоснованностью. Причем затраты на поиск решений будут минимизированы вследствие многоцелевого подхода в реализации проектов, которые кроме практической ценности имеют еще и учебную и научную значимость.

Реализация проектной работы может быть затруднена из-за сложности установления долгосрочных связей между университетами и реальным сектором экономики. Ответом на этот вызов является в долгосрочной перспективе – построение экосистем. Динамичные условия трансформации внешней среды определяют необходимость самоорганизации и саморегуляции экономических субъектов, что обуславливает трансформацию, собственно, самих субъектов. Г.Б. Клейнер³ в качестве ключевых акторов экономики будущего называет разнообразные социально-экономические экосистемы. Фундаментальная связь между составляющими экосистемы основана не на обмене материальными и информационными потоками, а на передачи прав доступа к экзистенциальным ресурсам пространства и времени, а также прав доступа к использованию энергетических ресурсов – активности и интенсивности. Управление такими конгломератами должно осуществляться на принципах «мягкого менеджмента». А роль государства сводиться к индикативному координационно-ценностному регулированию. Интеграция в процесс обучения проектной деятельности позволяет сформировать экосистему вуза, которая может стать элементом более широкой промышленной экосистемы. Создание сетей научно-образовательных центров, участие региональных и муниципальных органов власти в качестве заказчика, привлечение заказчиков из крупного, малого и среднего бизнеса и пр. позволит таким экосистемам ориентироваться на запросы и нужды регионов и муниципалитетов.

В краткосрочном плане – быстрым ответом/решением может стать интеграция проектной деятельности в рамки существующих национальных проектов. Государство способно оперативно устранить недопонимание между системой образования и представителями бизнес-сообщества путем их активного вовлечения в национальные проекты.

¹ Гульчевская Н. Т-компетенции и #-компетенции в Agile-командах. – <http://agileineducation.ru/t-kompetencii-i-kompetencii-v-agile-komandax/>

² Заявление Дмитрия Пескова на площадке Гайдаровского Форума – 2020.

³ Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Производство, наука и образование России: технологические революции и социально-экономические трансформации. Сборник материалов V Международного конгресса (ПНО-V) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019. – С. 65–73.

В качестве примера рассмотрим национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» в 2019–2024 гг., который в части обучения включает подготовку управленческих кадров в рамках программы «Лидеры производительности» – это программа для руководителей, которые хотят повысить производительность труда на своих предприятиях в условиях глобальных преобразований и технологических инноваций. В ходе реализации проекта создана ИТ-платформа по производительности труда – www.производительность.рф – которая будет полностью введена в эксплуатацию в конце 2020 года. Развитие платформы предполагает выстраивание взаимодействия между бизнесом и органами управления по ключевым задачам нацпроекта. Предполагается использовать платформу как инструмент тиражирования лучших российских и международных практик в сфере производительности труда. Ожидается, что количество пользователей в 2019 году приблизится к 8 тыс., а к 2024 году достигнет почти 83 тыс.¹ С нашей точки зрения, кроме своей основной цели данная платформа может стать основой обеспечения и поддержки со стороны государства развития экосистемы проектной деятельности между вузами и предприятиями. На ее базе возможно выстраивание механизмов интеграции иных университетов (кроме подведомственного Министерству экономического развития вуза – Всероссийской академии внешней торговли) в проект для последующего устойчивого взаимодействия с проектными командами, сформированными в ходе реализации программы «Лидеры производительности» из представителей руководителей предприятий реального сектора разных регионов РФ. Участники программы прошли путь разработки собственного проекта по повышению производительности труда на предприятии. Поэтому эти специалисты говорят с вузовским сообществом на одном языке, не требуется их дополнительная подготовка, соответственно, такие проектные команды (или их члены – представители предприятий) могут достаточно оперативно выступить заказчиками для студенческих проектных команд под руководством мультидисциплинарных команд преподавателей.

В рамках иных национальных проектов необходима инициатива государства, например, по декомпозиции конкретных задач до проектных поручений для проработки на базе вузовских проектных команд. В таком случае в роли заказчика может выступать соответствующее министерство, курирующее проект, либо интересанты результатов конкретного проекта. Фактически все национальные проекты предполагают формирование информационных порталов, что существенно облегчает формирование общей платформы взаимодействия и размещения заказов на проекты.

Университетам в такой парадигме системной проектной деятельности удастся соблюсти баланс общетеоретической подготовки и прикладного знания, сформировать навыки проактивной позиции в условиях неопределенности у своих выпускников. Механизмы трансформации образовательного процесса и вызовы, стоящие перед преподавателями, более подробно можно найти в наших публикациях².

¹ ИТ-платформу компетенций в производительности труда введут в эксплуатацию в 2020 году. – <https://tass.ru/nacionalnyeproektu/6140386>

² Вдовенко З.В., Шипкова О.Т. О формировании ключевых компетенций инженеров и ученых в рамках новой промышленной политики (на примере химического комплекса) // Экономика образования. 2019. – № 4. – С. 5–18; Вдовенко З.В., Шипкова О.Т. Инновационная образовательная среда как элемент новой промышленной политики (на примере подготовки кадров для химического комплекса) // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Сборник докладов IV Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК-2018). Т. 2.– СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019. – С. 511–521. Шипкова О.Т., Вдовенко З.В. Проектное обучение как форма взаимодействия системы образования и работодателей: Вызовы для преподавателей // Россия: Тенденции и перспективы развития. / Отв. ред. В.И. Герасимов.. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 736–738.

Ширман М.Б.

разработчик проекта «Школа-Семья», общественная организация «Планета Семья»

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОРУДИЕ ГЛОБАЛЬНОГО СУИЦИДА

Ключевые слова: педагогика; семья; образование; антивоспитание; простое товарное производство рабочей силы; капиталистическое производство интеллектуальной способности.

Система образования – это одна из двух сторон педагогической системы – системы производства человека. Другая сторона педагогики – воспитание. *Воспитание* выращивает человеческую *потребность*, т.е. разумную деятельность (жизненную) мотивацию. *Образование* вырабатывает *способность* к деятельности, удовлетворяющей воспитываемую потребность.

Потребность и способность – продукты, соответственно, воспитания и образования – находятся в диалектическом единстве. Потребность (мотивация) есть переход от наличного к необходимому; способность (реализация) – превращение необходимого в действительное.

В любом диалектическом противоречии одна из сторон – первична. В педагогической системе образование представляет собой *вторую половину*. Первая (ведущая, инициативная) сторона педагогики – воспитание, поскольку потребность исходит из **объективной реальности** и стремится в новую объективную реальность, а способность обеспечивает **субъективный** путь – *способ* – движения из старой реальности в новую.

Любое противоречие в процессе своего развёртывания (разрешения) многократно меняет «полярность», т.е. взаимоотношение своих сторон: первичное становится вторичным и наоборот. Но в **логически исходной** структуре педагогики первично именно воспитание (потребность): ясно, что способность, не востребованная потребностью, бессмысленна. И каждый новый цикл развития человеческой деятельности начинается именно в такой структуре.

Ведущая роль воспитания определяется и тем, что оно – процесс социальный: носителем потребности всегда выступает сообщество, элементарной «клеткой» которого является **семья**. Процесс образования часто осуществляется индивидуально (в паре «учитель – ученик»), но даже в массовых образовательных процессах мы имеем лишь сумму индивидуальных взаимодействий; и носитель способности – всегда индивид.

Современная система образования – одна из отраслей капиталистического производства, а именно – производство товара «высококвалифицированная рабочая сила», который вполне точно называют **человеческим капиталом**.

Современный капитал характеризуется крайней степенью монополизации, что проявляется и в его глобальном масштабе, и в сращённости с властным аппаратом глобального же государства. Как следствие, теперь не существует традиционных независимых предпринимателей: **всё население** планеты, включая **номинальных** «бизнесменов» (а также, разумеется, интеллигенцию и госслужащих), превратилось в **пролетариат** – в совокупную рабочую силу.

Рабочая сила есть *способность к труду*. Традиционная рабочая сила, преобладавшая до середины XX века, представляла собой физическую силу человеческих организмов, оснащённую определёнными трудовыми навыками. В эпоху Нового времени это был товар, который создавался встроенными в систему капитала, унаследованными им от предшествующей системы *простого (некапиталистического)* товарного производства, подсистемами – **бытовым потреблением** рабочих **семей** и институтом *мастеров-наставников*. Совокупная рабочая сила (на предприятии, в стране и т.д.) действовала как сумма индивидуальных рабочих сил, умноженная на «коэффициент» кооперации, отражающий качество организации производства внутри предприятий и качество координации между ними.

В новейшую эпоху главный – интеллектуальный – компонент рабочей силы производится в образовательных учреждениях. Поддержание трудоспособности пролетариата также обеспечивается во всё большей степени не семейным бытовым потреблением, а медицинской системой. Кроме того, нынешняя **совокупная** рабочая сила встроена в монополизированную, а значит, максимально интегрированную производственную систему, поэтому действует она как единое целое: индивидуальная рабочая сила на её традиционном носителе – *органическом теле Homo sapiens* – окончательно превратилась в **частичного рабочего**; вся система производительных сил капитала теперь представляет собой **глобальную индивидуальную** рабочую силу. Это ведёт к формализации *трудовых отношений* (внутри которых функционируют индивидуальные **органические носители** рабочей силы): требований к кадрам, процедур трудоустройства, административных («вертикальных») и производственных («горизонтальных») взаимодействий. Их жёсткость создаёт всё более дискомфортные условия труда и ужесточает конкуренцию между претендентами на рабочие места, т.е. потенциальными частичными рабочими (индивидуальными продавцами рабочей силы). Но сам производственный капитал не выдерживает заданных им же условий: нервные перегрузки «добивают» рабочую силу, а формализм тормозит развитие и повышает риски при всё более частых и сложных нештатных ситуациях.

Таким образом, интеллектуальная рабочая сила представляет собой главный компонент новейшего капиталистического производства. По его стандартам она и вырабатывается – как **его же товарный продукт** – в его максимально формализованной образовательной отрасли. Образование опирается на **отрицательную мотивацию (страх**

проиграть конкурентную борьбу за трудоустройство и заработок), которую *воспитывает* капитал промышленный, предъявляя свой кадровый спрос. Это «воспитание» проводится *через семью*: она от имени капитала создаёт для рабочей силы своих детей *органическую* «подоснову» (подобие извлекаемого из природы сырья) – отрицательный мотив образования, т.е. необходимость подчиняться требованиям школы, чтобы не проиграть в той конкуренции, которую здесь культивируют, «воспитывая» учеников страхом и тренируя их к будущему функционированию внутри промышленного капитала. Эта заложенная в детстве **анти-потребность в образовании** может ещё долго мотивировать *дополнительное образование* рабочего. Некоторые семьи пытаются, по традиции, воспитывать в детях более «возвышенный», **положительный** образовательный мотив – потребность освоить определённую профессию, исходя из представлений о её высокой миссии (в области науки, техники, искусства, «общественного благосостояния»...); но сегодня такие мотивы обычно нереализуемы: высокая профессиональная миссия подменяется **престижем** и высоким окладом.

Отрицательная мотивация образования создаёт у всех, кого оно затрагивает, – у всего населения! – психологический дискомфорт и желание «закрыть глаза» на этот факт. Господствует – даже у высших авторитетов «педагогической науки» – **иллюзия самодостаточности образования**. Из неё следует вывод о принципиальной смене ролей между сторонами педагогики: воспитание кажется то ли вторичным по отношению к образованию, то ли включённым в его структуру, то ли «растворённым» в нём. Соответственно, и управленческие усилия сосредоточены на образовании – в частности как на «приводном механизме» для управления воспитательными действиями семьи. Но подобная «логика» объективно неадекватна и, как следствие, управленчески провальна. В нынешней реальности образованием управляет промышленный капитал – увлекая его с собой в пропасть; а если мы не согласны на такую перспективу, то необходимо создавать условия – и это сложная проблема! – для возвращения инициативы воспитанию **положительной** жизненной мотивации и **семье** как возрождаемому **на новой основе** педагогическому – прежде всего воспитательному – институту.

Итак, сегодня, в отличие от традиционной капиталистической системы, лишь небольшая доля в стоимости товара «рабочая сила» принадлежит самому работнику (точнее, его семье). Создателем, а потому и собственником основной доли в этом товаре выступает государство-капитал, организующий массовое образование, медицину и т.д. Соответственно, образовательное и медицинское воспроизводство этой основной доли в рабочей силе приняло форму инвестиций в *постоянный капитал*. Здесь важно, что система образования, производящая **постоянный человеческий капитал**, использует не только рабочую силу преподавателей и не только **воспитанную** в семье каждого учащегося отрицательную **мотивационную** «подоснову» его **будущей** рабочей силы, – но и **образовываемую** той же семьёй на этой «подоснове» **способность** к образованию, т.е. способность выполнять требования школы. Такая способность представляет собой, с одной стороны, уже готовую, **товарную** рабочую силу каждого школьника и, с другой стороны, **органическую основу** его будущей, квалифицированной, **промышленной** рабочей силы. Она реализуется в **образовательном труде** школьника, участвуя в создании его квалифицированной рабочей силы как **не принадлежащего ему** постоянного капитала. В современной системе **информационного** образования учащийся оказывается **живым аппаратом** («биороботом»), на который **инсталлируется** «учебный материал» в виде **программного обеспечения**.

Отсюда следует, что современная способность к квалифицированному труду с экономической точки зрения **рабочей силой не является**.

Соответственно, изменяет форму (но отнюдь не исчезает!) базовое экономическое отношение капитализма – *эксплуатация пролетариата*, т.е. присвоение капиталом *прибавочного труда* (труда, вырабатывающего продукцию сверх стоимости рабочей силы). Для современного капитала, как и для традиционного, **объектом эксплуатации** каждого работника является его **рабочая сила**, которая, во-первых, была создана в его детстве семьёй его родителей (когда-то это была просто детская способность к физической работе; сегодня это – способность к **образовательному труду**) и, во-вторых, уже в процессе его промышленного труда постоянно воспроизводится его нынешней семьёй. Эти продукты простого товарного производства вовлекаются в отношение эксплуатации. Созданная же в системе капиталистического товарного производства способность к квалифицированному современному труду, входящая в состав постоянного капитала и рабочему не принадлежащая, а лишь **инсталлированная** на него, эксплуатацией не затрагивается. Однако обе эти отчуждённые способности «привязаны» к органическому телу каждого работника и неотделимы от пролетариата в целом. И их общая, гигантски выросшая мощь, обращённая против их носителя, создаёт в системе капитала уже противоречие не столько экономическое (необходимость «смягчать» результаты эксплуатации), но общесоциальное – категорическую невозможность продолжения жизни общества и каждого его члена внутри этой системы. Эта невозможность сегодня прямо выражается в демографическом коллапсе – в прекращении воспроизводства населения.

Отрицательная мотивация образовательного и промышленного труда обесмысливает и, соответственно, сводит к минимуму его эффективность. Впрочем, современное производство почти не требует содержательного труда: должностные обязанности почти целиком сводятся к заполнению отчётности о соблюдении инструкций, т.е. могут исполняться роботами. Это производство есть **процесс без результата**, т.е. бесконечный выпуск *полуфабрикатов*, не завершающийся созданием *конечных продуктов* – готовых к использованию *предметов бытового потребления* либо *средств труда*.

Главный полуфабрикатный продукт капитала – сама рабочая сила (способность без мотивации, без потребности). Важнейшими категориями полуфабрикатной продукции являются также валюты (в т.ч. **криптовалюты**), производные финансовые инструменты («деривативы») и товарная информация (в т.ч. вся научно-техническая документация).

Именно государственно-монополичный капитал служил экономическим базисом СССР – вопреки идеологической «вывеске». Здесь полуфабрикаты составляли основной объём **материальной** промышленной продукции: лишь малая часть её доводилась до стадии конечного продукта.

В связи с этим отметим, что полуфабрикатный характер капиталистического производства («производишь ради производства»), бытовое потребление как адресат «экскрементов» промышленности, её **побочных продуктов**), а также тенденция перехода капитала в фиктивную («виртуальную») сферу были выявлены К. Марксом и рассматривались им как предвестники самоотрицания капитала. Таким образом, не приходится говорить об «устарении» позиций Маркса; скорее, **заранее устарели** претензии его позднейших «критиков».

Ликвидация положительного воспитания – результат подавления института *традиционной семьи*, завершившегося её окончательным уничтожением. Человеческая семья сформировалась в эпоху **высокой первобытности** (соседской общины) и последовательно разрушалась в эру классовых обществ (на протяжении всей вторичной формации). Смертельный удар по традиционной семье был нанесён в XX веке капиталистическим государством при помощи массовой общеобразовательной школы: вначале из семьи была изъята образовательная функция, что привело к отмиранию семейного воспитания (поскольку невозможно формировать потребность, не обеспечивая её способностью). Замещение воспитания антивоспитанием (в т.ч. государственной идеологией) вело к деструктивным результатам: новое поколение было мотивировано на конкуренцию и борьбу против врагов (внешних и внутренних), но не на творческое созидание.

В итоге современное общество представляет собой массу биороботов, плохо программируемых и плохо исполняющих программы. Глобальный капитал (он же **глобальное государство**) стремится **заместить** эту некачественную рабочую силу (базирующуюся на живых носителях) «искусственным интеллектом», т.е. сетью **настоящих** (неживых) роботов – **нейросетью**. Такую сеть образует масса роботов, запрограммированных на решение одной и той же задачи и помещённых в общее рабочее пространство. В этой ситуации они **самостоятельно** (без специального программирования) «учатся кооперации» – в отличие от биороботов, которые, во-первых, настроены на агрессивную конкуренцию и, во-вторых, отвлекаются на посторонние «раздражители». Впрочем, и **настоящие** роботы в действительности, по-видимому, **не кооперируются**, а всего лишь прокладывают свои пространственные и логические траектории среди себе подобных по пути наименьшего сопротивления; итоговая же картина их взаимодействия подобна результату «кооперации» массы мелких, но **высокоинтеллектуальных** космических тел, из которых – весьма упорядоченно – строятся кольца Сатурна...

Итак, вследствие разрушения института традиционной семьи и во славу государства-капитала, человеческое (предчеловеческое) население нашей планеты рискует вымереть в течение одного – двух столетий. Соглашаясь с такой перспективой, мы тем самым отправляем нашу цивилизацию в корзину для неудачных «черновики» (**безуспешных** попыток разумной жизни утвердиться на нашей планете). Но тогда мы берём на себя тяжкую ответственность: вскоре наши выросшие дети (или внуки) обнаружат, что они стали **последним поколением**. Оно **не сможет позволить себе** иметь детей, поскольку **жизненного содержания** для них нет и появиться ему неоткуда.

Остаётся рассчитывать лишь на то, что в период **добровольного** массового вымирания **безропотных** биороботов обнаружится немногочисленная категория несогласных с перспективой глобального суицида – стремящихся возродиться к человеческой жизни. Они **на новой основе – очеловечивая общеобразовательную школу и производство** – возродят институт семьи как орган продолжения рода. Но для этого уже сегодня необходимо создавать задел такого очеловечивания. На решение этой задачи направлен проект «Школа-Семья».

Аветисян Л.А.

к.э.н., доцент, Армянский государственный экономический университет

УЧАСТИЕ АРМЕНИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: ДИНАМИКА И РЕГУЛИРОВАНИЕ

Ключевые слова: миграция, эмиграция, иммиграция, репатриация, рынок труда, трансферты, утечка мозгов, трудоустройство, диаспора.

Keywords: migration, emigration, immigration, repatriation, labor market, transfers, brain drain, employment, diaspora.

Прошло почти 30 лет с провозглашения независимости нашей страны, но Армения продолжает сталкиваться с проблемой миграции. Непрерывающаяся эмиграция может представлять угрозу для стабильного развития Армении. Большинство уезжающих – молодые люди репродуктивного возраста, что еще больше усложняет демографическую ситуацию в стране.

Армения является страной-донором с 1990-х гг. Надо отметить, что значительное число мигрантов из Армении уже сформировалось в 1990 г. и составило 899 295 человек. В 2015 г. этот показатель достиг отметки 937 299 человек, из которых 756 124 или 80,7% живут в развитых странах (рис. 1).

Основной страной для эмигрантов из Армении была и остается Россия. В 2015 г. число иммигрантов в Россию из Армении составило 527 тыс. чел. или 56,3% общего объема миграции из РА. В 2016 г. этот показатель почти не изменился (528 тыс. чел.), а в 2017 г. число мигрантов сократилось на 10 тыс. и составило 518 тыс.¹ 13,5% эмигрантов приходится на европейские страны, 12,8% – на США и Канаду². В 2009–2018 гг. число граждан РА, имеющих статус законного пребывания в странах-членах ЕС, увеличивалось ежегодно в среднем на 2,487 или на 4,7%. В целом, к 31.12.2018 г. по сравнению с концом 2009 г. этот показатель возрос на 22,799 или 51,6%, составив 65 728 чел.³

Со 2 января 2015 г. Армения стала полноправным членом ЕАЭС, в результате чего граждане Армении получили свободный доступ на рынок труда стран-членов ЕАЭС. Страны-члены Евразийского экономического союза уже почувствовали последствия создания единого рынка труда.

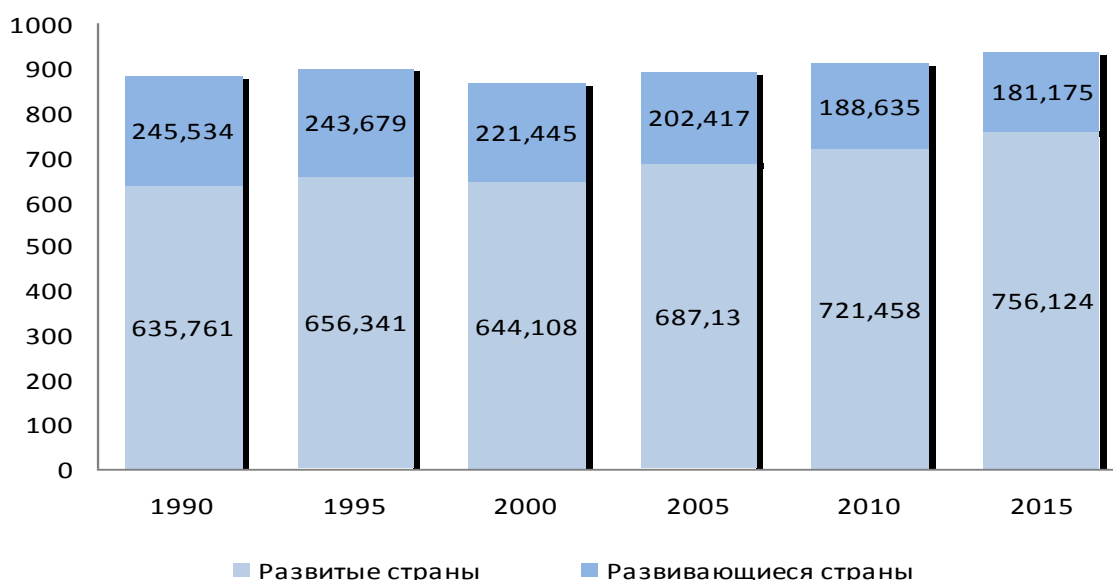

Рисунок 1.
Число мигрантов из Армении в мире в 1990–2015 гг.⁴

¹ <http://www.panarmenian.net/rus/news/247409/>

² <https://asue.am/upload/files/amberd-social-sphere/Tadevosyan.pdf>. – С. 32.

³ http://www.smsmta.am/upload/Migration_in_figures_2019_1_C.pdf. – С. 28.

⁴ Аветисян Л.А. «Экономические последствия международной миграции квалифицированной рабочей силы (на примере Республики Армения).» – Ереван, 2016. – С. 74.

Число трудовых мигрантов из Армении выехавших в Россию в 2017 г. составило 230 тыс. человек, что несколько меньше чем в 2015 г. (264 тыс. чел.), но больше чем в 2016 г. (209 тыс. чел.)¹. 57% трудовых мигрантов из Армении в России работают в сфере строительства, 15% – в торговле, 10% – в промышленности. Исследования показывают, что среднемесячная зарплата армянских мигрантов составляет 643 долл.²

«Утечка мозгов» из Армении носит необратимый характер, что является угрозой для страны. В некоторых странах этот урон возмещается за счет мигрантов, прибывших из других стран, например в РФ.

Согласно Главному управлению по вопросам миграции МВД России, в 2015 г. российское гражданство было предоставлено 18 653 гражданам РА. В 2016 году их число достигло 22 264 чел., а в 2017 г. 25 000 армян получили российское гражданство³. Однако это очень высокий показатель для Армении. Ежегодно около 200 тыс. армян едут на заработки в Россию, из которых 30-40 тыс. не возвращаются. Они, как и проживающая в РФ двухмиллионная диаспора, периодически посылают в Армению трансферты, что является основным источником дохода около 20% населения республики⁴.

Россия занимает первое место по трансфертам, переведенным в РА посредством банков. Согласно ЦБ РА в 2018 г. из РФ в Армению было переведено 1 049 984 долл. США (табл. 1.) или 58,8% всех денежных переводов.

Таблица 1

Денежные переводы физическим лицам посредством банковской системы РА в 2018 г.⁵

Страны	Приток переводов	Удельный вес	По сравнению с прошлым годом, %
Итого	1 785 604	100	101,7
РФ	1 049 984	58,8	98,6
США	224 132	12,6	122,3
Швейцария	54 501	3,1	81,8
Франция	48 756	2,7	185,4
Германия	41 510	2,3	107,6
Казахстан	30 639	1,7	65,4
Ливан	26 417	1,5	91,8
ОАЭ	24 742	1,4	91,3
Великобритания	24 339	1,4	80,1
Грузия	20 560	1,1	109,7
Другие страны	240 024	13,4	106,7

Причины эмиграции из Армении классифицированы в трех группах: экономические, социально-психологические и другие. Данные рис. 2 показывают, что число лиц, навсегда покинувших страну по экономическим причинам, довольно высокое, однако в 2015 г. резко возросло количество респондентов, отметивших эмиграцию по социально-психологическим причинам.

Рисунок 2.

Обобщенные причины эмиграции из Армении, 2012–2015 гг.⁶

На конец 2018 г. число прибывших в Армению впервые было больше по сравнению с покинувшими страну (рис. 3).

¹ <http://golosarmenii.am/article/64230/trudovaya-migraciya>

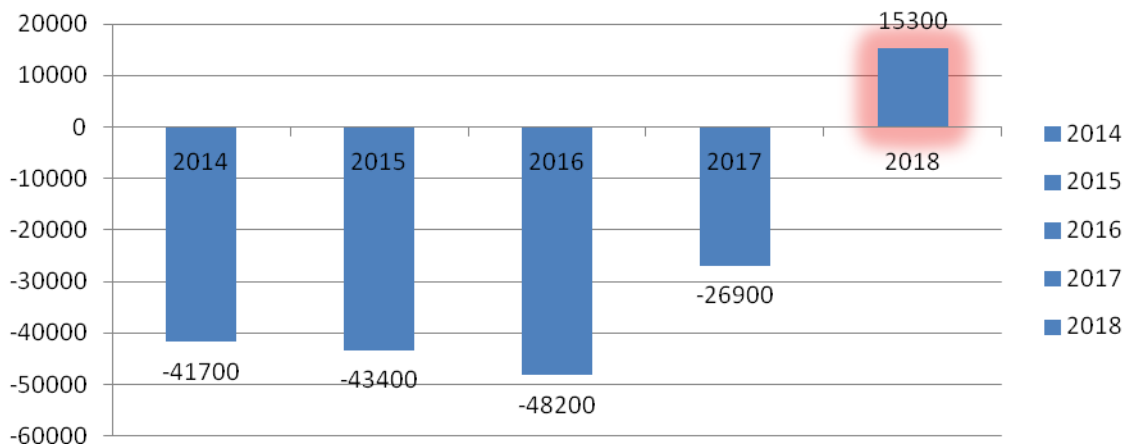
² <http://www.aravot.am/2017/08/02/900625/>

³ <http://www.lragir.am/index/rus/0/comments/view/60773>

⁴ Армения в ЕАЭС: Евразийская экономическая интеграция в действии. – Ереван, 2018. – С. 40.

⁵ http://www.smsmta.am/?menu_id=52#

⁶ http://www.noravank.am/upload/pdf/Samvel_Manukyan.pdf. – С. 27.

**Рисунок 3.
Баланс прибывших в РА и покинувших РА¹**

Среди прибывших в Армению большой процент составляют репатрианты. В последнее время увеличение репатриации в основном связано с произошедшими в Армении политическими изменениями, в результате которых из многих европейских стран были депортированы лица, подавшие прошение о предоставлении политического убежища. ЕС признала Армению безопасной страной, и предпочтение было отдано беженцам из Сирии.

В последние годы на рынке труда РА возросло число иностранцев, достигнув высокой для Армении отметки – около 25 тыс. чел. В Армению приезжают работать в основном из Индии и Филиппин. Миграционное законодательство РА довольно мягкое, в результате очень легко въехать в страну, получив визу в аэропорту. По сравнению с российским отечественное законодательство не устанавливает никаких ограничений в сфере трудоустройства, что облегчает иностранцам возможность работать в нашей стране. Кроме того, приезжающие в Армению мигранты являются дешевой рабочей силой и работодатели предпочитают их принимать на работу, в результате среди граждан РА увеличивается число безработных.

Надо отметить, что выезд из страны специалистов высокой квалификации отрицательно сказывается на экономике страны, так как эмигрирует в основном экономически активное население, что приводит к тяжелым демографическим последствиям. Таким образом, как эмиграция, так и иммиграция и регулирование процесса реинтеграции, становятся одной из важнейших задач, стоящих перед страной, и приобретают общественный резонанс.

Для избегания нежелательных последствий, возникающих в результате миграции, правительство должно разработать эффективную миграционную политику, содержание которой зависит от особенностей страны, миграционной ситуации и целей регулирования миграции.

В Армении существует ряд миграционных проблем, из которых наиболее существенным является «утечка мозгов». Около 20 процентов эмигрантов имеют высшее образование. Высокий уровень безработицы является основной причиной интенсивного миграционного потока из Армении. Следовательно, необходимо осуществлять активную политику занятости. Созданию новых рабочих мест может способствовать стимулирование инвестиций, улучшение бизнес-среды. Необходимо регулировать внутренние миграционные потоки как приемлемую альтернативу эмиграции из страны и разрабатывать государственные программы, смягчающие сформировавшиеся диспропорции численности населения, стимулировать увеличение населения приграничных и других территорий стратегического значения путем предоставления льгот, создания благоприятных условий проживания, развития инфраструктуры, разработки и реализации программ переселения.

В стране мало рабочих мест для специалистов высокой квалификации, научно-исследовательские институты в основном не функционируют, что приводит к интеллектуальной миграции. Для сокращения «утечки мозгов» из Армении очень важно повысить зарплату работников в сфере науки. На мировом рынке научных кадров самым большим спросом пользуются специалисты данной сферы, которые определяют перспективы развития современной науки и технологий. Среди них специалисты по математике, физике, химии, биологии и программированию. Такие кадры в основном покидают нашу страну. В большинстве развитых стран (США, Германия, Франция и др.) осуществляют политику, направленную на привлечение данных специалистов, ученых. Необходимо разработать специальные программы для избегания «утечки мозгов» и возвращения квалифицированных кадров, какие применяют, например, в Чехии, Венгрии, Польше, по которым предоставляются исследовательские и преподавательские гранты отечественным и иностранным ученым. В Израиле в этих целях реализуется правительственная межведомственная программа «Brain Gain», которая обеспечивает поддержку в академической и бизнес-сферах по быстрому трудоустройству, интеграции и другим техническим вопросам.

Требование наличия трудового стажа со стороны работодателей препятствует молодым кадрам в трудоустройстве. Государство может предоставить льготы тем работодателям, которые принимают на работу молодых специалистов с высшим образованием без трудового стажа.

¹ <https://www.civilnet.am/news/2019/02/12/2018>

Учитывая, что граждане РА уезжают на заработки в связи со спросом на рабочую силу за рубежом, важно изучение рынков труда иностранных государств и предоставление правовых гарантий, направленных на защиту интересов и прав уезжающих на заработки наших граждан. В этой связи необходимо, чтобы дипломатические представительства и консульства РА предприняли мероприятия правового и организационного характера, направленные на изучение спроса и предложения на рынке труда, условий принятия наших граждан на работу и заключение международных межправительственных договоров, регулирующих вышеупомянутые вопросы. На данный момент отсутствует эффективный механизм защиты прав и интересов граждан РА за рубежом.

В республике нет единой информационной системы, которая могла бы предоставлять точные данные об объеме миграционных потоков из Армении. Для предотвращения противоречий в данных из различных информационных источников необходимо организовать изучение имеющихся в наличии баз данных в государственных органах, регулирующих миграционные процессы, законодательно урегулировать создание и функционирование этих баз данных, а также интегрировать хранящиеся в них данные в единую информационную систему государственных органов, имеющих отношение к миграционным процессам; разработать механизмы совершенствования обмена информацией внутри этой системы, обеспечить получение связанной с миграцией информации из альтернативных источников, в том числе осуществлять выборочные исследования миграционных потоков раз в 2–3 года. Дальнейшее совершенствование информационной системы, способствующей репатриации граждан РА, позволит этим лицам непосредственно связываться с соответствующими органами государственного управления Армении и получать ответы на интересующие их вопросы.

Для совершенствования системы пограничного управления РА необходимо расширить и укрепить внутриведомственное и межведомственное сотрудничество пограничных органов, организовать деятельность этих служб на основе принципов взаимосогласования и взаимодополнения, в отношении всех мероприятий, связанных с пограничным контролем, защитить права человека и придерживаться взятых международных обязательств в этой сфере.

В связи с недостатком рабочих мест в РА, многие граждане уезжают в иностранные государства с целью трудоустройства. Большинство уезжающих, обходя установленный порядок въезда-выезда этих стран, очень часто оказываются в статусе незаконных мигрантов, создавая проблемы как для себя, так и для местных властей и для РА. Заслуживает также внимания проблема предотвращения незаконной миграции из Армении. В этой связи необходимо повысить уровень осведомленности граждан и сотрудников государственных структур, находящихся в непосредственной связи с ними, об опасностях и последствиях незаконной миграции, активно задействовать СМИ в этом процессе, решить вопросы с документами, удостоверяющими личность граждан РА, находящихся в иностранных государствах.

На данный момент в Армении правовые отношения с иностранцами регулируются законами «О правовом статусе иностранных граждан», «О беженцах и убежище», «О политическом убежище»¹. Необходимо привести в соответствие с действующими в ЕС критериями ответственность иностранцев за нарушение установленного законодательством РА порядка и условий въезда, проживания и трудовой деятельности в РА. Целесообразно законодательно закрепить те группы иностранных граждан, иммиграция которых предпочтительна в нашу страну.

¹ <http://mtrcarm.com/law.html>

Белогребень А.А.,
Матанцева О.Ю.,
Титов А.Е.¹

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ БЮДЖЕТНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «ПОВЫШЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ»

Ключевые слова: ДТП, безопасность дорожного движения, бюджетный эффект, налоговые поступления.
Keywords: Accident, road safety, budgetary effect, tax revenues.

Действующей федеральной целевой программой «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» (далее – Программа) предусмотрена оценка социально-экономической и экологической эффективности программных мероприятий, представленных в документе. «Эффективность Программы определяется путем интегральной оценки эффективности отдельных программных мероприятий, при этом их результативность оценивается исходя из соответствия достигнутых результатов поставленной цели и значениям целевых индикаторов и показателей Программы» [3].

Бюджетная эффективность Программы определяет отношение прироста доходов бюджетов всех уровней к величине затрат, необходимых на проведение мероприятий по повышению безопасности дорожного движения. Однако в методике оценки социально-экономической и бюджетной эффективности, представленной в Программе, собственно бюджетную эффективность предлагается определять в качестве чистого дисконтированного потока вклада стоимости в формирование бюджета по результатам реализации мероприятий Программы. Таким образом, во-первых, в ФЦП происходит подмена понятия «эффект» на «эффективность» – согласно представленной формулировке должна быть получена *относительная величина*, тогда как результатом является *стоимостная оценка*. Во-вторых, в качестве вклада от реализации мероприятий Программы предлагается использовать долю бюджета в валовом внутреннем продукте, умноженную на норматив величины ущерба. В качестве норматива ущерба принимается величина, равная 5,728 млн. рублей, никак не обоснованная в Программе. Исходя из текста Программы, под этой величиной понимается оценка стоимости человеческой жизни, потерянной в результате ДТП.

Таким образом, для определения истинного эффекта от вклада реализованного мероприятия Программы в бюджетную систему РФ необходим более обоснованный подход, отражающий фактические поступления в консолидированный бюджет страны.

Не останавливаясь на затратной части мероприятий Программы, обратимся к доходной части бюджетного эффекта.

В общем виде бюджетный эффект может быть представлен в следующем виде:

$$БЭ = \sum_{j=1}^{85} H_{НДС}^j + \sum_{j=1}^{85} H_{НДФЛ}^j + \sum_{j=1}^{85} H_{ВБФ}^j + \sum_{j=1}^{85} H_A^j + ДП_{Ш} - Р_{бдд}, \quad (1)$$

где $H_{НДС}$ – прирост налоговых поступлений от НДС в результате предотвращения гибели населения в ДТП в j -том субъекте РФ;

$H_{НДФЛ}$ – прирост налоговых поступлений от НДФЛ в результате предотвращения гибели населения в ДТП в j -том субъекте РФ;

$H_{ВБФ}$ – прирост налоговых поступлений от взносов во внебюджетные фонды (на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование и обязательное медицинское страхование) в результате предотвращения гибели населения в ДТП в j -том субъекте РФ;

H_A – прирост налоговых поступлений от акцизов в результате предотвращения гибели населения в ДТП в j -том субъекте РФ;

$ДП_{Ш}$ – денежный поток от поступления оплаты штрафов за нарушение ПДД;

¹ Белогребень Антон Александрович – к.э.н., доцент, зав. научно-исследовательским отделом «Экономика транспорта» ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта». E-mail: belogreben_aa@mail.ru

Матанцева Ольга Юрьевна – д.э.н., с.н.с., доцент, заместитель генерального директора по научной работе ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта»; профессор кафедры «Экономика автомобильного транспорта» МАДИ. E-mail: omat@niiat.ru

Титов Андрей Евгеньевич – зав. научно-исследовательским отделом «Безопасность движения на автомобильном транспорте» ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта». E-mail: andrew_titov@mail.ru

$R_{бдд}$ – расходы на мероприятия по безопасности дорожного движения.

Доходную часть бюджетного эффекта составляют поступления налогов в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды.

Для повышения точности расчетов и определения истинного вклада от реализации программных мероприятий для целей настоящей методики предлагается показатели среднего возраста погибших и среднего утраченного количества лет до средней продолжительности жизни в РФ, применяемые в большинстве методических подходов, заменить показателем «количество утраченных в результате ДТП человеко-лет жизни до уровня средней продолжительности жизни в субъекте РФ», определяемый суммарно по всем регионам РФ.

Согласно приказу Федеральной службы государственной статистики от 21 мая 2014 г. № 402 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством внутренних дел Российской Федерации федерального статистического наблюдения о дорожно-транспортных происшествиях» месячная форма федерального статистического наблюдения № ДТП «Сведения о дорожно-транспортных происшествиях» не содержит информации о возрасте погибших. Однако в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС) содержится информация о смертности от дорожно-транспортных происшествий, рассчитываемой Управлением статистики населения и здравоохранения по Краткой номенклатуре причин смерти 2010 г., основанной на МКБ-Х. Сложность заключается в отсутствии на данный момент представленных данных в региональном разрезе и по годовым возрастным группам погибших, а также несовпадением указанных данных со статистической информацией об общем количестве погибших, предоставляемых МВД. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего взаимодействия всех органов власти разных уровней для отражения объективных данных, позволяющих получить обоснованные статистические данные не только по тем критериям, которые содержатся в статистической форме № ДТП, но и по возрастным группам погибших в субъектах РФ.

Проведение приближенных расчетов можно осуществить и по имеющимся статистическим данным, если провести традиционную перегруппировку данных на основе абсолютной плотности распределения и определения доли погибших в ДТП в каждом субъекте РФ, в общем количестве погибших в ДТП в РФ. Кроме того, представляется целесообразным пропорциональное увеличение количества погибших на недостающую разницу между количеством погибших по данным МВД и Минздрава.

Прирост налоговых поступлений от НДС в результате предотвращения гибели населения в ДТП по каждому субъекту РФ можно представить в следующем виде:

$$N_{НДС} = (СЗП * (ЧГ_{ТВ}^0 - ЧГ_{ТВ}^1) * K_{РП} * \overline{K_{П}^{ТВ}} + СП * (ЧГ_{СТВ}^0 - ЧГ_{СТВ}^1) * K_{ДП} * \overline{K_{П}^{СТВ}}) * \frac{12 * d_{дд} * \overline{НДС}}{1 + НДС}, \quad (2)$$

где $СЗП$ – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в субъекте РФ;

$СП$ – средний размер назначенных пенсий в субъекте РФ;

$ЧГ_{ТВ}^1, ЧГ_{ТВ}^0$ – количество утраченных в результате ДТП человеко-лет жизни до достижения пенсионного возраста лиц трудоспособного возраста в субъекте РФ в базисном и отчетном периоде соответственно;

$ЧГ_{СТВ}^1, ЧГ_{СТВ}^0$ – количество утраченных в результате ДТП человеко-лет жизни до уровня средней продолжительности жизни лиц старше трудоспособного возраста в субъекте РФ в базисном и отчетном периоде соответственно;

$K_{РП}$ – коэффициент, учитывающий работающих пенсионеров;

$K_{ДП}$ – коэффициент, учитывающий досрочный выход на пенсию;

$\overline{K_{П}^{ТВ}}, \overline{K_{П}^{СТВ}}$ – коэффициент приведения налогов поступлений для лиц трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста соответственно;

$d_{дд}$ – доля использования денежных доходов населения на покупку товаров и оплату услуг;

$\overline{НДС}$ – средневзвешенная ставка НДС по приобретаемым населением товарам и услугам.

$$ЧГ_{ТВ} = \sum_{i=16}^{59} N_{ТВi}^Ж * \overline{ОГ_{ПВi}^М} + \sum_{i=16}^{64} N_{ТВi}^М * \overline{ОГ_{ПВi}^Ж}, \quad (3)$$

где $N_{ТВi}^Ж$ – количество погибших в ДТП лиц женского пола трудоспособного возраста по возрастным группам (i);

$N_{ТВi}^М$ – количество погибших в ДТП лиц мужского пола трудоспособного возраста по возрастным группам (i);

$\overline{ОГ_{ПВi}^М}$ – среднее количество потенциально утраченных лет жизни в результате преждевременной гибели в ДТП относительно достижения пенсионного возраста для мужчин в субъекте РФ для i-той возрастной группы;

$\overline{ОГ_{ПВi}^Ж}$ – среднее количество потенциально утраченных лет жизни в результате преждевременной гибели в ДТП относительно достижения пенсионного возраста для женщин в субъекте РФ для i-той возрастной группы.

$$ЧГ_{СТВ} = \sum_{i=16}^{59} N_{СТВi}^Ж * \overline{ОГ_{ПЖi}^М} + \sum_{i=16}^{64} N_{СТВi}^М * \overline{ОГ_{ПЖi}^Ж} + \sum_{i=60}^n N_{СТВi}^Ж * \overline{ОГ_{ПЖi}^М} + \sum_{i=65}^n N_{СТВi}^М * \overline{ОГ_{ПЖi}^Ж}, \quad (4)$$

где $N_{\text{стvi}}^{\text{ж}}$ – количество погибших в ДТП лиц женского пола старше трудоспособного возраста по возрастным группам (i);

$N_{\text{стvi}}^{\text{м}}$ – количество погибших в ДТП лиц мужского пола старшего трудоспособного возраста по возрастным группам (i);

$\overline{OG}_{\text{пжл}}^{\text{м}}$ – среднее количество потенциально утраченных лет жизни сверх пенсионного возраста в результате преждевременной гибели в ДТП относительно средней продолжительности жизни для мужчин в субъекте РФ для i-той возрастной группы;

$\overline{OG}_{\text{пжл}}^{\text{ж}}$ – среднее количество потенциально утраченных лет жизни сверх пенсионного возраста в результате преждевременной гибели в ДТП относительно средней продолжительности жизни для женщин в субъекте РФ для i-той возрастной группы.

$$K_{\text{рп}} = 1 + \frac{N_{\text{пенс}}^{\text{раб}}}{N_{\text{пенс}}}, \quad (5)$$

где $N_{\text{пенс}}^{\text{раб}}$ – численность работающих пенсионеров в субъекте РФ;

$N_{\text{пенс}}$ – общая численность пенсионеров в субъекте РФ.

$$K_{\text{дп}} = 1 + d_{\text{пвд}}, \quad (6)$$

где $d_{\text{пвд}}$ – доля пенсионеров, вышедших на пенсию досрочно.

$$\overline{\text{НДС}} = \sum_{i=1}^{12} \text{НДС}_i * d_i, \quad (7)$$

где НДС_i – размер ставки НДС по i-той группе товаров и услуг.

d_i – доля потребительских расходов населения на приобретение i-той группы товаров и услуг.

$$\overline{K}_{\text{п}}^{\text{ТВ}} = \frac{\frac{(K_{\text{р}}^{\text{сзп}})^{\frac{\text{ЧГ}_{\text{ТВ}}}{N_{\text{пог}}^{\text{ТВ}}} - 1}}{K_{\text{р}}^{\text{сзп}} - 1}}{1 - \frac{1}{\frac{(\overline{I}_1)^{\frac{\text{ЧГ}_{\text{ТВ}}}{N_{\text{пог}}^{\text{ТВ}}}}}{\overline{I}_1 - 1}}}}, \quad (8)$$

$$\overline{K}_{\text{п}}^{\text{СТВ}} = \frac{\frac{(K_{\text{р}}^{\text{сп}})^{\frac{\text{ЧГ}_{\text{СТВ}}}{N_{\text{пог}}^{\text{СТВ}}} - 1}}{K_{\text{р}}^{\text{сп}} - 1}}{1 - \frac{1}{\frac{(\overline{I}_1)^{\frac{\text{ЧГ}_{\text{СТВ}}}{N_{\text{пог}}^{\text{СТВ}}}}}{\overline{I}_1 - 1}}}}, \quad (9)$$

где $\overline{K}_{\text{р}}^{\text{сзп}}$ – средний геометрический коэффициент роста средней номинальной начисленной заработной платы в субъекте РФ по данным Министерства экономического развития (прогнозный или рассчитанный по ретроспективным данным за 5 лет);

$\overline{K}_{\text{р}}^{\text{сп}}$ – средний геометрический коэффициент роста средней начисленной пенсии в субъекте РФ по данным Министерства экономического развития (прогнозный или рассчитанный по ретроспективным данным за 5 лет);

\overline{I}_1 – средний уровень инфляции (средний геометрический коэффициент роста инфляции) в субъекте РФ по данным Министерства экономического развития (прогнозный или рассчитанный по ретроспективным данным за 5 лет).

$N_{\text{пог}}^{\text{ТВ}}$ – количество погибших лиц трудоспособного возраста в субъекте РФ;

$N_{\text{пог}}^{\text{СТВ}}$ – количество погибших лиц старше трудоспособного возраста в субъекте РФ.

Прирост налоговых поступлений от НДС в результате предотвращения гибели населения в ДТП по каждому субъекту РФ можно представить в следующем виде:

$$H_{\text{ВБФ}} = \text{СЗП} * 12 * (\text{ЧГ}_{\text{ТВ}}^1 - \text{ЧГ}_{\text{ТВ}}^0) * K_{\text{рп}} * \overline{K}_{\text{п}}^{\text{ТВ}} * C_{\text{ВБФ}}, \quad (10)$$

где $C_{\text{ВБФ}}$ – совокупный размер тарифов страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование и обязательное медицинское страхование.

Прирост налоговых поступлений от взносов во внебюджетные фонды (на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование и обязательное медицинское страхование) в результате предотвращения гибели населения в ДТП по каждому субъекту РФ можно представить в следующем виде:

$$H_{\text{НДФЛ}} = \text{СЗП} * 12 * (\text{ЧГ}_{\text{ТВ}}^1 - \text{ЧГ}_{\text{ТВ}}^0) * K_{\text{рп}} * \overline{K}_{\text{п}}^{\text{СТВ}} * \text{НДФЛ}, \quad (11)$$

где **НДФЛ** – ставка налога на доходы физических лиц.

Принимая во внимание сложность определения размера акцизных налогов в объемах денежных расходов населения, будем исходить из их общего уровня в структуре налоговых поступлений консолидированного бюджета РФ. Прирост налоговых поступлений от акцизов в результате предотвращения гибели населения в ДТП по каждому субъекту РФ можно представить в следующем виде:

$$N_A = \frac{\bar{A}}{\text{НДС}} * N_{\text{НДС}}, \quad (12)$$

где \bar{A} – средний за 5 лет размер поступления акцизных налогов в общем объеме налоговых поступлений РФ;

НДС – средний за 5 лет размер поступления НДС в общем объеме налоговых поступлений РФ.

Определим прирост налоговых поступлений от НДС, НДФЛ, от взносов во внебюджетные фонды (на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование и обязательное медицинское страхование) и акцизов в результате предотвращения гибели населения в ДТП для РФ в целом за период 2017–2018 гг. (табл. 1–4):

Таблица 1

Численность погибших в ДТП по возрастным группам^{1*}

Возраст	Число погибших в ДТП			
	2017 г.		2018 г.	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
0	20	19	22	16
1–4	88	79	71	80
5–9	85	129	75	102
10–14	96	137	83	117
15–19	212	517	230	476
20–24	341	1300	318	1211
25–29	434	1788	365	1627
30–34	423	1692	384	1683
35–39	412	1505	378	1515
40–44	402	1282	375	1271
45–49	368	1093	310	1069
50–54	385	1185	352	984
55–59	443	1189	414	1166
60–64	368	783	353	791
65–69	324	489	315	569
70–74	187	188	180	206
75–79	336	315	334	270
80–84	186	125	206	132
85 и более	101	63	91	71

* рассчитано на основе данных ЕМИСС (Смертность от дорожно-транспортных происшествий с учетом соотношения числа погибших по данным МВД к числу погибших по данным Минздрав, равного 1,266 в 2017 г. и 1,265 в 2018 г.)

Таблица 2

Расчет количества потерянных человеко-лет погибших в ДТП лиц трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста

Средний возраст в группе	ЧГ ^{тв}				ЧГ ^{ств}			
	2017 г.		2018 г.		2017 г.		2018 г.	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
17	9109	24 817	9879	22 846	3737	1298	4094	1309
22	12 967	55 919	12 068	52 072	6019	3264	5659	3330
27	14 329	67 932	12 038	61 833	7660	4487	6500	4475
32	11 835	55 847	10 740	55 548	7456	4248	6835	4629
37	9482	42 130	8685	42 427	7272	3777	6729	4167
42	7239	29 476	6755	29 242	7094	3217	6687	3496
47	4788	19 671	4027	19 235	6497	2743	5520	2939
52	3077	15 407	2820	12 793	6785	2975	6281	2706
57	1329	9513	1242	9331	7812	2985	7376	3208
62	–	–	–	–	5759	4314	5578	4550
67	–	–	–	–	3443	249	3409	427
72	–	–	–	–	1054	0	1049	0
77	–	–	–	–	215	0	274	0
82	–	–	–	–	0	0	0	0
87	–	–	–	–	0	0	0	0
Итого:	74 154	320 712	68 253	305 327	70 802	33 556	65 992	35 235

¹ <https://www.fedstat.ru/indicator/58532>

**Исходные и расчетные данные по основным составляющим поступлений
в консолидированный бюджет РФ [1, 2]**

Показатель	Величина показателя	Показатель	Величина показателя
СЗП, руб.	43724	$\overline{K}_{р}^{СЗП}$	1,0798 (по данным за 2014–2018)
СП, руб.	13323,1	$\overline{K}_{р}^{СП}$	1,0780 (по данным за 2014–2018)
$K_{рп}$	1,208	\overline{I}_I	1,0721 (по данным за 2014–2018)
$K_{дп}$	1,163	$\overline{K}_{п}^{ТВ}$	7,1
$d_{дд}$	0,812	$\overline{K}_{п}^{СТВ}$	1,51
$\overline{НДС}$, %	11,4	\overline{A} , млн. руб.	2 533 600
		$\overline{НДС}$, млн. руб.	2 939 286

Таблица 4

Результаты расчета

Составляющая бюджетного вклада	Величина вклада, млн. руб.
$H_{НДС}$	8021,9
$H_{НДФЛ}$	28 734,6
$H_{ВБФ}$	12 451,7
H_A	6914,7
Итого:	56 122,9

По результатам расчета бюджетный вклад от сокращения общего количества погибших в ДТП за период 2017–2017 гг. в РФ в целом составил более 56,1 млрд. рублей. Представленная методология позволяет получить более обоснованные результаты бюджетного эффекта от мероприятий по повышению безопасности дорожного движения, и может быть принята за основу при разработке и утверждении новой федеральной целевой программы.

Список литературы

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС): сайт. – <https://www.fedstat.ru/>
2. Федеральная служба государственной статистики: сайт. – <https://www.gks.ru/>
3. Постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. N 864 О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах».
4. Матанцева О.Ю., Гогопуло Н.Н. Финансы, денежное обращение и кредит учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Организация перевозок и управление на транспорте (автомобильный транспорт)» направления подготовки «Организация перевозок и управление на транспорте». – М., 2011.

Золотарева О.А.

к.э.н., доцент, Российский экономический университет
Zolotareva.OA@rea.ru

Михалева К.А.

студент, Российский экономический университет

Пушкарёва В.Б.

студент, Российский экономический университет

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО МИГРАНТА В РОССИИ ЦИФРАМИ СТАТИСТИКИ

Ключевые слова: трудовая миграция, международная миграция, миграционное прибытие, Союз независимых государств, Евразийский экономический союз, демографическая ситуация, государственное регулирование миграции, национальная безопасность.

Keywords: labour migration, international migration, migration arrival, the Commonwealth of Independent States, the Eurasian Economic Union, demographic situation, state regulation of migration, national safety.

Неблагоприятная демографическая конъюнктура, сформировавшаяся в современном российском обществе, определила значимость миграции как основополагающего фактора, влияющего на формирование численности и возраст-полового состава населения. Естественная убыль населения в стране фиксируется на протяжении последних двух лет, миграция же частично компенсирует снижение численности населения. Согласно Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, в качестве одного из целевых показателей была выбрана величина миграционного прироста на уровне не менее 200 тысяч человек ежегодно, что базируется на параметрах демографического прогноза и стремлении использования механизма «замещающей миграции»¹. На то, что миграция в России является существенным фактором формирования населения трудоспособного возраста, в своем выступлении на заседании Совета Федерации, состоявшемся 11 декабря 2019 г., обратила внимание Н.В. Зубаревич: «В связи с тенденциями сокращения трудоспособного населения страны, обусловленными «эжом» войны, необходимо принятие ответственных мер по привлечению мигрантов для восполнения естественной убыли»².

Формирование российского рынка труда мигрантами носит противоречивый характер. С одной стороны, мигранты пополняют численность рабочей силы, компенсируя естественную ее убыль, с другой – обостряют ряд социально-экономических и демографических проблем. Современные угрозы безопасности страны, которые могут быть вызваны миграцией, обширны.

Существует острая проблема квалификации мигрантов, пересекающих границу Российской Федерации. В рамках современных интеграционных процессов достижение стабильного единого рынка труда возможно за счет роста уровня профессиональной подготовки, а не количества трудовых мигрантов, поскольку именно нехватка квалификации ограничивает возможности трудовых мигрантов на рынке труда и приводит к социально-экономическому дисбалансу³, в том числе, обостряет проблему нелегальной занятости мигрантов.

В связи с этим несанкционированная коммерческая деятельность, зачастую приводящая к появлению неконтролируемого оборота товаров и услуг и уклонению от уплаты налогов, а в долгосрочной перспективе – к усилению теневого сектора и росту безработицы среди коренного населения, также является причиной обострения социально-экономических противоречий.

Не только экономические, культурные и этнические противоречия являются причиной социальных возмущений. Миграция также негативно влияет на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения Российской Федерации в связи с возможностью распространения нетрадиционных для нашей страны форм инфекции.

С ростом международных миграционных потоков нарастает угроза незаконного пересечения государственной границы Российской Федерации лицами, являющимися участниками международных террористических организаций, либо участвующих в перемещении подакцизных товаров или оружия. В данном аспекте миграцию необходимо рассматривать как прямой фактор, влияющий на национальную безопасность государства.

¹ Социальный бюллетень Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации на тему «Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения» от мая 2018 года. – <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16766.pdf>

² Выступление профессора кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора географических наук Н. Зубаревич на тему «Тенденции развития российских регионов» от 11 декабря 2019 года. – <http://council.gov.ru/events/multimedia/video/120844/>

³ Гаева А.С. Миграционные процессы на Евразийском пространстве // Россия и современный мир. – М., 2019. – <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-protsessy-na-evraziyskom-prostranstve>

Более того, нельзя отрицать возможность появления коррупции среди органов власти, регулирующих миграционные потоки, что может быть причиной снижения доверия к государственным служащим.

Негативные демографические сдвиги, обусловленные дезинтеграционными процессами народов Российской Федерации в ходе миграции, выражаются в виде оттока коренного населения, либо в изменении его этнического состава в регионах России с высокой интенсивностью миграционного оборота. Комплексно данная проблема выражается в демографической и территориальной экспансии, поскольку в крайнем случае изменение демографических центров, порождаемое интенсивной миграцией, не только создает угрозу утраты суверенитета страны над ее ресурсами, но и бросает вызов территориальной целостности страны в связи с возможными трансформациями национальных анклавов в самостоятельные административные образования¹.

Среди проблем, возникающих в сфере управления миграцией со стороны государства, ключевыми являются совершенствование нормативно-правовой базы, а также содействие культурной и социальной адаптации и интеграции мигрантов, в этом контексте необходимо найти баланс между экономическим развитием страны и безопасностью государства и общества².

Как бы то ни было, в настоящее время приток мигрантов значительно покрывает отток населения из Российской Федерации, компенсируя его естественную убыль.

Отметим, что общность исторического, социального и культурного развития государств постсоветского пространства, схожесть демографических процессов, а также взаимная заинтересованность в контролируемом миграционном обороте стимулируют выработать согласованные оценки демографических перспектив миграции среди стран в составе СНГ³.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата) порядка 85–90% мигрантов, пересекающих территорию Российской Федерации – это граждане стран постсоветского пространства. За период с 2014 г. по 2018 г. (выбранный не случайно, обоснованный образованием ЕАЭС) число прибывших мигрантов в Российскую Федерацию из стран СНГ составило 2 млн. 613 тыс. чел., а число выбывших в страны СНГ мигрантов – 1 млн. 52 тыс. чел. Средний ежегодный уровень миграционного покрытия в анализируемом периоде составил 1656 ‰, то есть на каждую 1000 человек, выбывших из России, в среднем ежегодно приходилось 1656 прибывших мигрантов. За пять лет уровень миграционного покрытия сократился с 1903 ‰ в 2014 г. до 1283 ‰ в 2018 г. (на 32,6 ‰). В 2018 г. на каждую 1000 человек, выбывших из России, стало приходиться прибывших меньше на 620 человек, чем в 2014 г. В наибольшей степени уровень миграционного покрытия сократился между Россией и странами ЕАЭС (на 37,5%), также существенно уменьшение со странами СНГ (на 34,5%), тем не менее, Россия с этими странами является принимающей стороной, что определено ее функцией «локомотива» для стран постсоветского пространства.

Выявленные изменения в миграционных потоках, характерных для России, географические центры которых – страны-члены СНГ, в частности, страны-члены ЕАЭС (Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия), – определяют необходимость детального анализа динамики и социально-демографической структуры прибывающих, что позволило бы сформировать представление о портрете мигранта как трудового ресурса страны. При этом характеристика современного трудового мигранта будет определяться по подавляющему большинству в численности прибывших – по мигрантам из стран СНГ.

За рассматриваемый период в среднем ежегодно в Российскую Федерацию прибывало 583,9 тыс. чел., при этом из стран СНГ – 522,6 тыс. чел., в том числе из стран ЕАЭС – 165,3 тыс. чел. Число прибывших в Россию мигрантов из стран дальнего зарубежья за пятилетний период было незначительно и составляло в среднем ежегодно 61,3 тыс. чел.

В 2018 г. по сравнению с 2014 г. число прибывших в Российскую Федерацию сократилось на 25,1 тыс. чел. (на 4,2%), в среднем ежегодно убывая на 1,1%. Число прибывших мигрантов из стран СНГ и из стран дальнего зарубежья также сократилось – на 3,5 и 10,7% соответственно. Прибытие же мигрантов в Россию из стран ЕАЭС, наоборот, значительно увеличилось – на 29,8 тыс. чел. (на 19,6%). В первую очередь, это обусловлено образованием ЕАЭС, а также упрощением процедуры регистрации прибывающих на территорию России мигрантов и их постановки на учет в контексте проводимой национальной политики Союза. Отметим, что из некоторых стран СНГ, не входящих в состав ЕАЭС, число прибывших мигрантов, напротив, сократилось. Например, прибытие в Россию из Узбекистана за рассматриваемый период снизилось на 57,8%, а из Республики Молдовы – на 4,4%. Особая ситуация наблюдается в Украине, число прибывших мигрантов в Российскую Федерацию из которой в 2018 г. увеличилось на 8,7%, что может быть объяснено сложившейся политической ситуацией в 2014 г. (табл. 1).

¹ Аналитические материалы на тему «Современные проблемы незаконной миграции» Поскребецьева С.В. в рамках научного семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации на тему «Проблемы миграции внутри и вокруг России» от 1 декабря 2015 года. – <http://council.gov.ru/media/files/41d59a121da25cf62a52.pdf>

² Збышко Б.Г. Особенности экономико-правового регулирования занятости населения и трудовой миграции в России // Труд и социальные отношения. 2015. – № 4. – С. 60–74.

³ Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитических материалов / Под ред. М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. – С. 9. – <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44887&p=attachment>

Динамика числа прибывших мигрантов в Россию за период 2014-2018 гг.

Страны	Число прибывших мигрантов, тыс. чел.		Изменение числа прибывших мигрантов	
	2014 г.	2018 г.	тыс. чел.	%
Прибывшие – всего	590,8	565,7	-25,1	-4,2
из стран СНГ – всего	529,4	510,9	-18,4	-3,5
из стран ЕАЭС – всего, в том числе:	152,1	181,9	29,8	19,6
Армения	46,6	46,4	-0,2	-0,4
Беларусь	17,9	19,0	1,1	6,1
Казахстан	59,1	72,1	13,0	22,0
Киргизия	28,5	44,4	15,9	55,8
Из стран, не входящих в ЕАЭС, – всего, в том числе:	377,3	329,0	-48,3	-12,8
Азербайджан	26,4	26,7	0,3	1,1
Республика Молдова	32,1	30,7	-1,4	-4,4
Таджикистан	54,7	67,9	13,2	24,1
Туркмения	6,0	10,5	4,5	75,0
Узбекистан	131,3	55,4	-75,9	-57,8
Украина	126,8	137,8	11,0	8,7
Из стран дальнего зарубежья – всего	61,4	54,8	-6,6	-10,7

Как в 2015 г., так и в 2017 г. наблюдалась положительная тенденция роста числа прибывших в Российскую Федерацию мигрантов. В связи с подписанием договора о создании ЕАЭС 1 января 2015 г. Российской Федерацией, Беларусью и Казахстаном, в 2015 г. значительно увеличилось число мигрантов, прибывающих в Россию из Казахстана (на 11,3%). А вот на миграцию с Беларусью созданный Союз на начальном этапе практически не оказал влияния: показатель, напротив, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. сократился на 1,1%. Рост масштабов прибытия мигрантов в 2015 г. также был связан с существенным вкладом мигрантов из Украины, увеличение численности которых было вызвано политической и социально-экономической обстановкой в стране, что стимулировало интенсивность массовых и стихийных миграций. В 2017 г. евразийская интеграция оказала существенное влияние на миграцию между странами-участниками. Так, прибытие из Беларуси и Киргизии в Россию в 2017 г. по сравнению с 2016 г. увеличилось на 45,9%, из Армении – на 6,8%, из Казахстана – на 3,4%. Однако в 2016 г. и 2018 г. было зафиксировано значительное сокращение прибывших в страну мигрантов или, так называемые, спады первой и второй волн. Данная динамика свидетельствовала об уменьшении эффективности мер в рамках концепции ЕАЭС о свободном перемещении рабочей силы. В частности, как в 2016 г., так и в 2018 г. показатель значительно сократился в Беларуси на 17,8% и 10,5% соответственно.

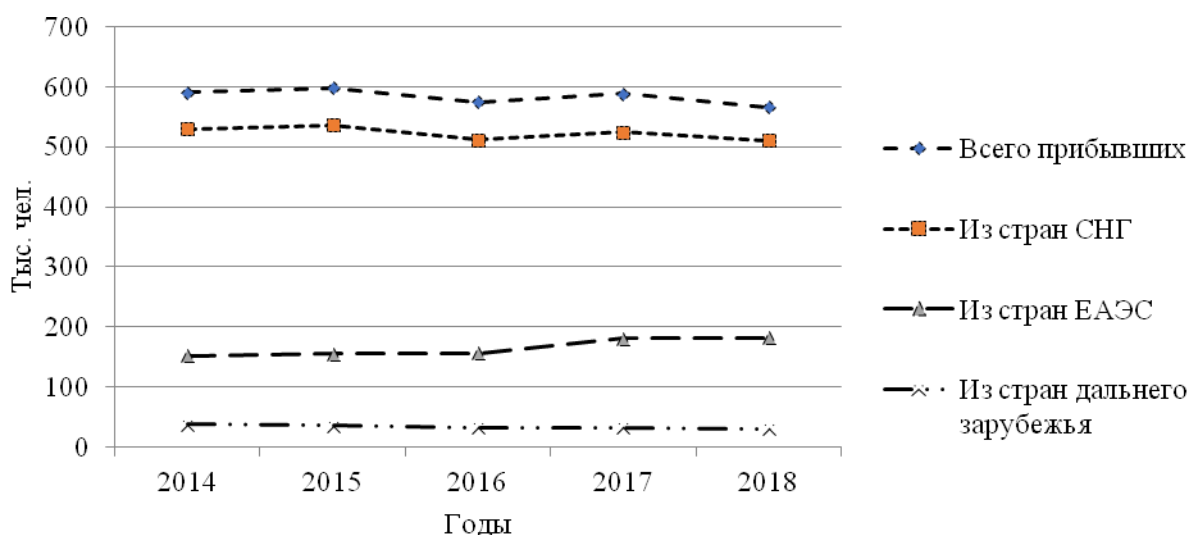

Рисунок 1.

Динамика числа прибывших мигрантов в Российскую Федерацию за период 2014–2018 гг., тыс. чел.

Одним из основных аспектов в анализе трудовой миграции является ее территориальная структура, позволяющая выявить гражданство трудовых мигрантов, оценить происходящие структурные сдвиги и, как следствие, помогающая регулировать миграционные процессы в стране.

В 2014 г. наибольшее число мигрантов прибывало в Россию из Украины (23,9%) и Узбекистана (24,8%). Также была велика доля мигрантов из Казахстана (11,2%), Таджикистана (10,3%) и Армении (8,8%), в то время как доля прибывших мигрантов из остальных стран не превышала 6%, что говорит о территориальной асимметрии миграционных потоков РФ.

В 2018 г. зафиксировано следующее. Наибольший удельный вес мигрантов приходится на Украину, с 2014 г. он увеличился на 3 п.п. и составил 27,0%. Такой объем миграции из Украины объясняется высокой мобильностью граждан в результате эскалации военного конфликта на востоке страны. Кроме того, значительная доля мигрантов прибыла в Российскую Федерацию из Казахстана (14,1%), Таджикистана (13,3%) и Узбекистана (10,8%). Фактором трудовой миграции из Таджикистана и Узбекистана является уровень социально-экономического развития данных стран. Население, не обладая возможностями для трудоустройства и стабильного заработка, перемещается в страны, испытывающие потребность в трудовых ресурсах и предлагающие лучшие условия труда. В частности, в ЕАЭС экономически благополучной страной с сокращающейся долей трудоспособного населения является Россия. Увеличение доли прибывших мигрантов из Казахстана непосредственно связано с упрощением въезда и снятием ограничений для осуществления трудовой деятельности для граждан стран-членов ЕАЭС. В целом изменения в структуре прибытия в Российскую Федерацию по странам СНГ свидетельствуют о существенной/значимой трансформации в миграции за рассматриваемый период (2014–2018 гг.), что подтверждается значением рассчитанного интегрального индекса структурных различий В.М. Рябцева, которое составило 0,199 (при значении 0,151–0,3 говорят о существенных сдвигах в структурах) (рис. 2).

Рисунок 2.

Территориальная структура числа прибывших в Российскую Федерацию мигрантов из стран СНГ в 2014 г. и 2018 г., %

В 2018 г. наибольшее число мигрантов из стран СНГ прибывало в Центральный (35,7%), Сибирский (13,4%) и Северо-Западный (13,1%) федеральные округа. В частности, в 2018 г. большинство мигрантов из Казахстана (53,8%) прибывало в регионы России, входящие в состав Сибирского и Центрального федеральных округов. Большая часть мигрантов из Таджикистана также прибывала на территорию Центрального (29,0%) и Сибирского (22,6%) федеральных округов. Основная часть мигрантов из Украины, Республики Молдова, Таджикистана и Узбекистана была сосредоточена в регионах Центрального федерального округа, их совокупный удельный вес в общей численности мигрантов из стран СНГ, прибывающих на территорию округа, в 2018 г. составил 69,6%. Отметим некоторые общие тенденции в направлениях прибытия мигрантов из отдельных стран СНГ. Мигранты из Армении, Украины и Республики Молдова, в основном, прибывают в регионы Российской Федерации, входящие в состав Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов. А наибольшее число мигрантов из Азербайджана, Узбекистана и Таджикистана сосредоточено на территории Центрального, Приволжского и Сибирского федеральных округов (рис. 3).

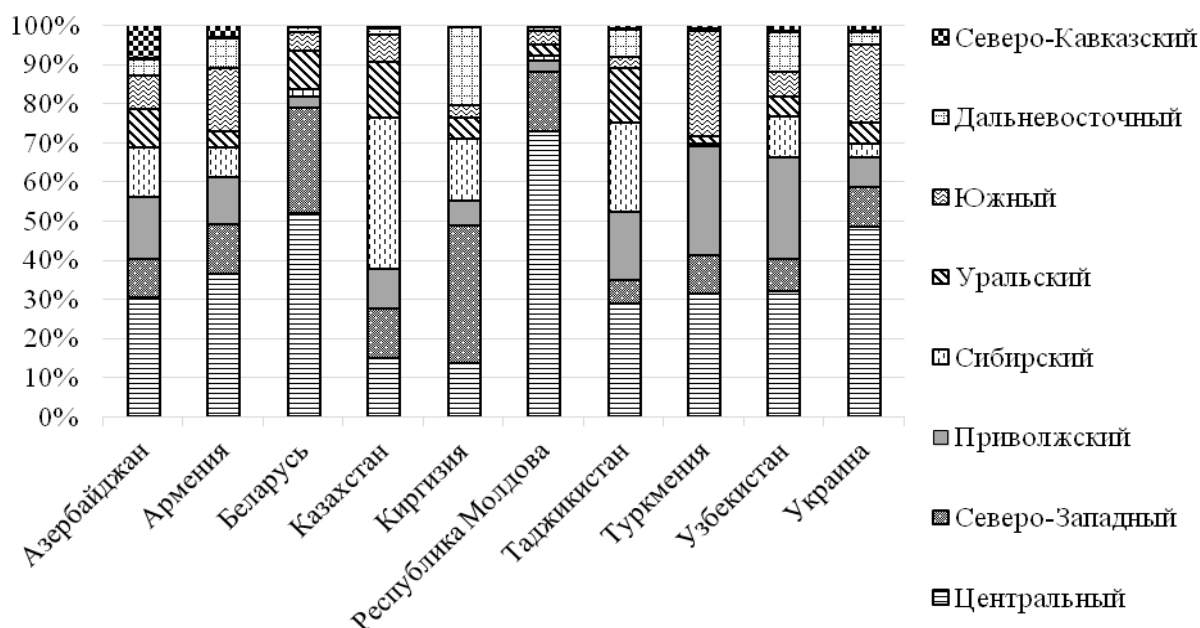

Рисунок 3.

Структура числа прибывших в Российскую Федерацию мигрантов из стран СНГ по федеральным округам России в 2018 г., %

В частности, большинство мигрантов из Украины прибывало на территорию г. Москва, Московской области, Краснодарского края, Белгородской и Воронежской областей, их численность в 2018 г. составила 31,3 тыс. чел. В свою очередь, Новосибирская, Омская и Челябинская области являлись центром прибытия мигрантов из Казахстана – численность прибывших из Казахстана в 2018 г. в эти регионы России составила 22,5 тыс. чел. Основная часть мигрантов, прибывших в Россию из Таджикистана, приходилась на Тюменскую, Новосибирскую области и Красноярский край, их численность в 2018 г. была равна 15,2 тыс. чел. (рис. 4).

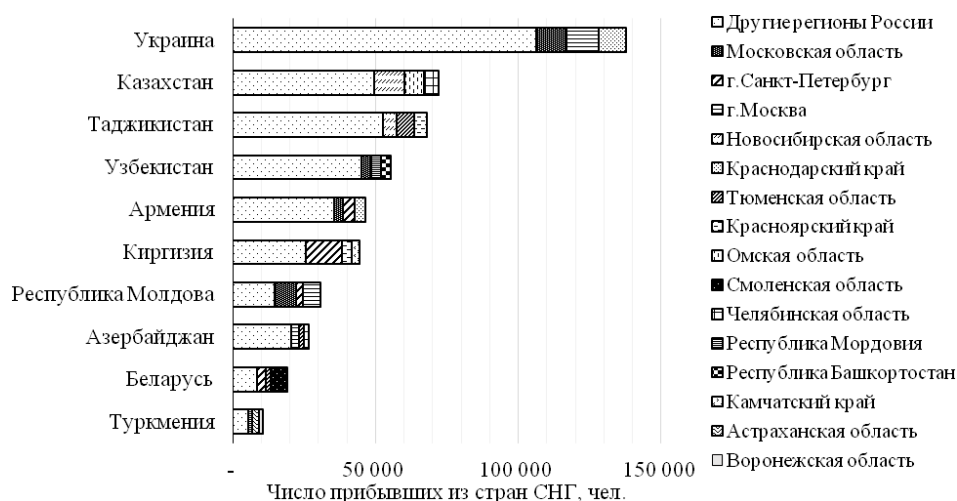

Рисунок 4.
Распределение числа прибывших в Российскую Федерацию мигрантов из стран СНГ по субъектам России в 2018 г., чел.

Наибольшая доля прибывших в Российскую Федерацию из стран СНГ мужчин как в 2014 г., так и в 2018 г. – это лица в трудоспособном возрасте, удельный вес которых в возрастной структуре составил 89,3 и 84,0% соответственно. Прибывшие в Российскую Федерацию мигранты мужского пола моложе трудоспособного возраста составили 6,6% в 2014 г. и 10,8% в 2018 г. от их общей численности, а старше трудоспособного возраста – 4,1 и 5,2% соответственно. За период с 2014 г. по 2018 г. в соответствии со значением индекса структурных различий В.М. Рябцева, которое составило 0,039, возрастная структура прибывших мигрантов мужского пола в Российскую Федерацию существенно не менялась, зафиксирован весьма низкий уровень различия структур (рис. 5).

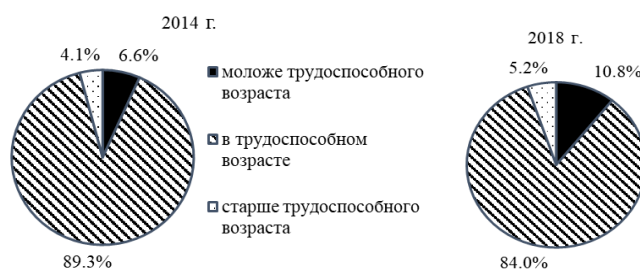

Рисунок 5.
Возрастная структура числа прибывших в Российскую Федерацию мужчин-мигрантов из стран СНГ в 2014 г. и 2018 г., %

В структуре численности женщин-мигрантов за базисный и отчетный годы наибольшую долю также составляли лица в трудоспособном возрасте (71,1 и 71,8% соответственно в 2014 г. и в 2018 г.). Удельный вес женщин моложе трудоспособного возраста в возрастной структуре прибывших в Российскую Федерацию женщин-мигрантов из стран СНГ составил в 2014 г. 12,6%, в 2018 г. показатель снизился на 2,5 п.п. и составил 10,1%. Удельный вес женщин-мигрантов старше трудоспособного возраста в отчетном году составил 18,1%, увеличившись по сравнению с базисным периодом на 0,8 п.п. Оценка изменений в возрастной структуре прибытия в Российскую Федерацию по странам СНГ на основе рассчитанного интегрального индекса структурных различий В.М. Рябцева, значение которого составило 0,016, свидетельствует о тождественности возрастной структуре прибывших в базисном и отчетном периодах времени, то есть ее неизменности с 2014 г. по 2018 г. (рис. 6).

В анализируемый пятилетний период (за время существования ЕАЭС) численность прибывших в Российскую Федерацию мигрантов из стран СНГ в трудоспособном возрасте в среднем ежегодно сокращалась на 1,7%. С наибольшей интенсивностью (на 4,5% ежегодно) сокращалась численность прибывших в Россию мужчин-мигрантов трудоспособного возраста из стран СНГ при росте численности прибывших женщин-мигрантов трудоспособного возраста ежегодно на 3,3%.

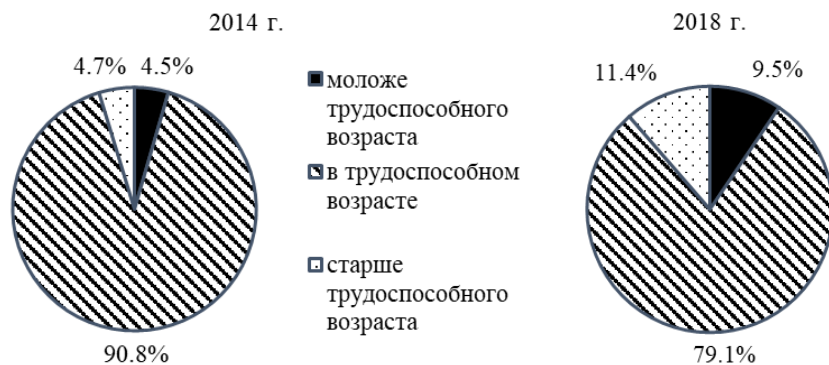

Рисунок 6.
Возрастная структура числа прибывших в Российскую Федерацию женщин-мигрантов из стран СНГ в 2014 г. и 2018 г., %

Указанные изменения масштабов прибытия, в первую очередь, отразились на половозрастной структуре числа прибывших в Россию из стран СНГ. Наравне с увеличением доли прибывших женщин трудоспособного возраста в общей численности прибывших в Российскую Федерацию из стран СНГ мигрантов с 27,8% в 2014 г. до 32,0% в 2018 г., доля мужчин-мигрантов трудоспособного возраста интенсивно сокращалась и в 2018 г. была равна 46,1%, что ниже уровня 2014 г. на 8,7 п.п.

При этом численность прибывших в Россию мигрантов нетрудоспособных возрастов постепенно росла. В частности, численность мигрантов моложе трудоспособного возраста в среднем ежегодно увеличивалась на 9,0%, а старше трудоспособного возраста – на 2,5%. Таким образом, рост численности мужчин и женщин в возрасте 55–70 лет в совокупности с ростом численности детей до 18 лет в 2018 г. по сравнению с 2014 г. позволяет говорить о том, что миграция РФ со странами СНГ не ограничивается «трудовым» аспектом, поскольку мигранты трудоспособного возраста прибывают на территорию РФ с семьями (рис. 7). В первую очередь, это обусловлено подписанием соглашения о создании ЕАЭС, согласно которому дети трудящегося из государств-членов, совместно проживающие с ним на территории России, имеют право на посещение дошкольных учреждений, получение образования, а также скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) в том же порядке, что и своим гражданам и независимо от наличия медицинского страхового полиса. Срок временного пребывания этой категории граждан, а также членов их семей определяется сроком действия заключенного трудового или гражданско-правового договора. При этом трудящимся государств-членов не требуется получения разрешений на работу, сдачи экзаменов на знание русского языка, истории и основ законодательства Российской Федерации, приобретения за свой счет медицинской страховки¹. Кроме того, миграция семей характерна для Украины, жители которой, в первую очередь, хотят обезопасить своих близких, а также обеспечить своим доступ к качественному образованию, медицинскому обслуживанию и другим общественным благам.

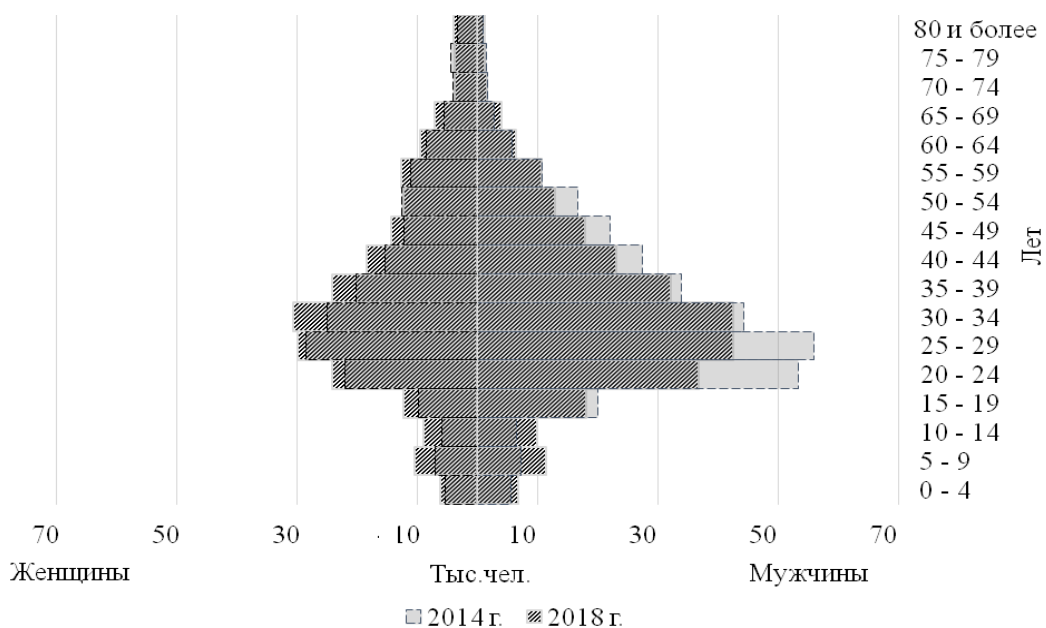

Рисунок 7.
Половозрастная пирамида прибывших в Российскую Федерацию мигрантов из стран СНГ в 2014 г. и 2018 г., тыс. чел.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе. – https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014

Миграционные потоки в целом со странами СНГ за изучаемый пятилетний период можно характеризовать как трудовую миграцию в связи с тем, что на протяжении рассматриваемого периода преобладающая часть мигрантов – это лица в трудоспособном возрасте.

Несмотря на то, что мигранты компенсируют нехватку рабочей силы в Российской Федерации, все также остается проблема «качества» миграции, а именно: проблема уровня профессиональной подготовки прибывающих в страну мигрантов. Согласно данным Росстата, в Российскую Федерацию прибывают в основном лица, имеющие среднее общее (полное) образование и среднее профессиональное (среднее специальное) образование, то есть рабочие низкой квалификации, создающие угрозу снижения интеллектуального потенциала российского общества и формирования человеческого капитала страны в целом.

В 2014 г. 49,4% прибывающих в Россию мигрантов имели среднее профессиональное и среднее общее образование, однако за пятилетний период удельный вес данной категории мигрантов возрос на 1,9 п.п. и в 2018 г. составил 51,3%, то есть около половины прибывающих в Россию мигрантов в 2018 г. не имели высшего образования. В свою очередь, доля мигрантов, прибывших на территорию Российской Федерации с высшим профессиональным образованием, в 2018 г. снизилась по сравнению с 2014 г. на 4,7 п.п. и составила 14,0% (табл. 2). За рассматриваемый период уровень произошедших структурных различий в структуре прибывших в Российскую Федерацию мигрантов по уровню образования низкий, что подтверждается полученным значением интегрального индекса В.М. Рябцева, которое составило 0,097.

Таблица 2

Структура прибывших в Российскую Федерацию мигрантов из стран СНГ по уровню образования в 2014 и 2018 гг.

Уровень образования	Численность прибывших, тыс. чел.		Удельный вес прибывших, %	
	2014 г.	2018 г.	2014 г.	2018 г.
Высшее профессиональное (высшее)	863,6	676,4	18,7	14,0
Неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее)	113,0	111,5	2,4	2,3
Среднее профессиональное (среднее специальное)	1185,3	1043,5	25,7	21,6
Начальное профессиональное	63,6	115,9	1,4	2,4
Среднее общее (полное)	1091,7	1432,4	23,7	29,7
Основное общее (среднее общее неполное)	228,3	286,0	4,9	5,9
Начальное общее (начальное) и не имеющие образования	61,1	99,3	1,3	2,1
Уровень образования не указан	1007,0	1060,2	21,8	22,0

В 2018 г. наиболее высокий уровень образования отмечается у лиц, прибывших в Россию из Украины. Значительная их часть – это лица со средним профессиональным образованием (32,0%) и с высшим профессиональным образованием (29,0%). Также достаточно высокий уровень образования у мигрантов, прибывших из Казахстана в 2018 г.: 26,7% мигрантов имеют высшее профессиональное образование и 26,3% – среднее профессиональное образование. Однако доля прибывших мигрантов в Россию из Казахстана в общем числе прибывших незначительна и в 2018 г. она составила лишь 14,1%, в то же время порядка 49,2% прибывших в Россию мигрантов – это лица со средним общим образованием, прибывающие в Россию из Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана, Армении, Киргизии и Таджикистана (рис. 8).

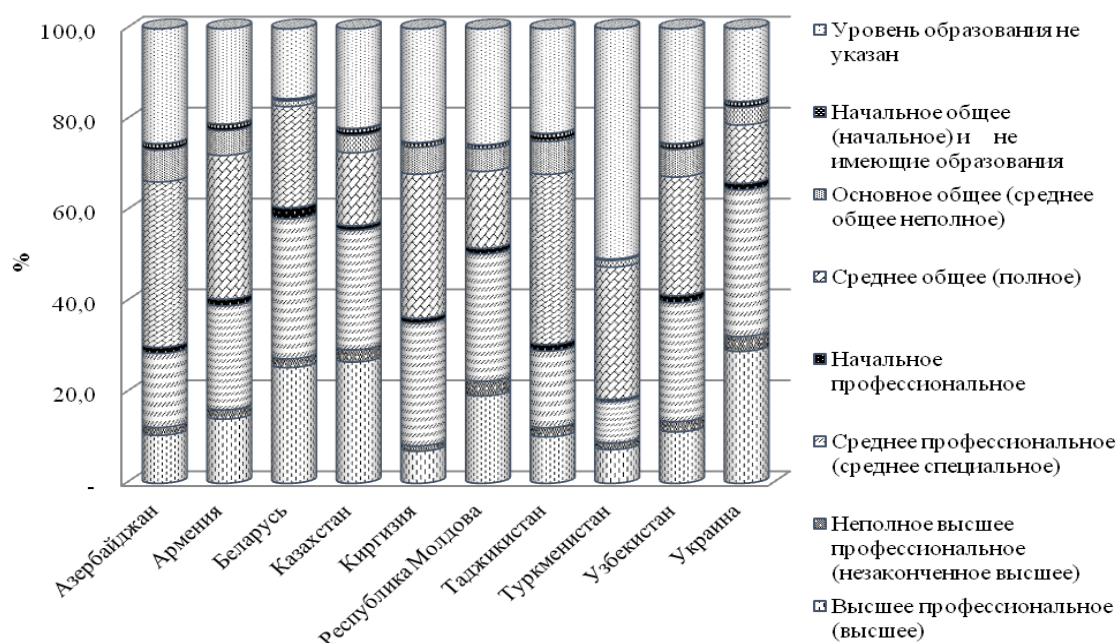

Рисунок 8. Структура прибывших в Российскую Федерацию мигрантов из стран СНГ по уровню образования и стране выбытия в 2018 г., %

На основании проведенного статистического исследования был получен портрет типичного мигранта, прибывающего на территорию Российской Федерации:

1) мужчина трудоспособного возраста (30–34 года) со средним профессиональным (средним специальным) образованием, прибывший из Украины в Центральный федеральный округ РФ, в частности: в г. Москва, Московскую область и Белгородскую области;

2) мужчина трудоспособного возраста (20–24 года) со средним общим (полным) образованием, прибывший из Таджикистана в Центральный федеральный округ РФ, в частности: в Калужскую и Московскую области, либо в Сибирский федеральный округ РФ, а в частности: в Новосибирскую область и Красноярский край;

3) мужчина трудоспособного возраста (20–24 года) со средним профессиональным (средним специальным) или высшим профессиональным (высшим) образованием, прибывший из Казахстана в Сибирский федеральный округ РФ, в частности: в Новосибирскую и Омскую области, либо в Уральский федеральный округ, а в частности: в Челябинскую область.

Полученный социально-демографический портрет мигранта Российской Федерации позволяет сделать выводы и о том, что в условиях открытого рынка труда характер трудовой миграции может стать угрозой для занятости коренного населения России, в связи с чем может возникнуть проблема социальных волнений. Социально-демографический образ мигранта также несколько противоречит ключевым концепциям, признанным в рамках программы цифровизации экономики. В условиях постоянного роста информационных потоков существует необходимость подготовки кадров, обладающих знаниями для развития национального ИТ-сектора и создания инновационных технологий, что идет вразрез с фактом прибытия низкоквалифицированной рабочей силы. Более того, существующий характер миграции, способствующий формированию диаспор, которые не ассимилируются с коренным населением, порождает демографическую экспансию, которая может стать реальной угрозой для российского общества. В первую очередь, демографическая экспансия ведет к утрате исторически сложившихся доминирующих демографических, социально-экономических, политических и религиозных позиций; утрате исконной территории и, в крайнем случае, – к утрате суверенитета.

Подводя итог, следует отметить, что миграция не является однозначно негативным явлением. Однако в настоящее время сложился образ мигранта, который не соответствует концепции цифровой модернизации экономики, не способствует развитию инновационного общества и человеческого капитала России. В соответствии с этим, необходимо дифференцировать оказываемые прибывающим мигрантам преференции с целью стимулирования регионального развития России.

Список источников

1. Федеральный закон от 28.06.1997 № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О беженцах”».
2. Федеральный закон от 22.12.2014 № 109 «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 17.06.2019 №145-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в РФ”».
4. Договор о «Евразийском экономическом союзе» (ред. от 15.02.2018). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/0be36c1fcadd0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/
5. Росстат. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906

Карманов М.В.

д.э.н., профессор, Российский экономический университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИКЛАДНОГО АНАЛИЗА ОЖИРЕНИЯ ДЕТЕЙ

Ключевые слова: ожирение, ожирение населения, ожирение детей, статистика ожирения детей, особенности анализа ожирения детей.

В последние десятилетия мировая общественность все громче и громче бьет тревогу по поводу ожирения членов общества. По разным причинам граждане как в развитых, так и в развивающихся странах имеют вес тела, превышающий всякие разумные границы и наносящий непоправимый вред своим владельцам. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, с 1980 года число жителей нашей планеты, страдающих ожирением, увеличилось более чем в два раза и уже превысило 2 млрд. чел., что в относительном выражении составляет 28% всей популяции [1].

Трудно поверить, но среди представителей нашей цивилизации уже почти каждый третий индивидуум имеет избыточный вес, который не просто превышает какой-либо установленный норматив или предел, а создает реальные предпосылки для серьезного осложнения условий и образа жизни людей, которые испытывают реальные страдания не только физически (проблемы передвижения), но и морально (проблемы общения).

В этом контексте особое внимание по праву уделяется детям, которые никоим образом не уступают представителям других поколений и становятся все более тучными и малоподвижными. Все та же Всемирная организация здравоохранения утверждает, что число детей в возрасте до 5 лет, страдающих избыточным весом или ожирением, в настоящее время в мире приближается к 50 млн. чел. [1]. Особенно тревожными при этом представляются не только масштабы, но и темпы распространения столь неблагоприятного общественного явления. Примерно четвертая часть всех подростков в экономически развитых странах земного шара вследствие малоподвижного образа жизни страдают избытком веса, а 15% имеют одну из степеней ожирения. Одновременно прирост больных ожирением осуществляется очень быстро. Если в 1970 г. он составлял 0,2% в год, то к началу текущего тысячелетия возрос до 2% в год (то есть увеличился на порядок) [2].

Не менее примечательной чертой современного развития общества является то обстоятельство, что процесс детского ожирения получил не локальное (исключительно в отдельных регионах планеты, или в отдельных государствах), а широкое и даже правильное будет сказать тотальное распространение, так как охватил практически все страны мира вне зависимости от достигнутого уровня их экономического развития (табл. 1).

Таблица 1

Лидеры рейтинга стран мира по удельному весу детей в возрасте до 15 лет, имеющих избыточный вес, в 2016 г. [3]

Страны	Удельный вес детей, имеющих избыточный вес, %
США	31
Канада	25
Греция	22
Исландия	18
Словения	17
Израиль	17
Финляндия	17
Китай	17

Если внимательно присмотреться к рейтингу государств, приведенному в табл. 1, то станет ясно, что недуг чрезмерного веса среди детей в возрасте до 15 лет имеет трансграничный характер. Среди семерки лидеров присутствуют не только передовые в экономическом отношении государства, но и страны, которые не выделяются высоким уровнем жизни своего населения. Следовательно, обыденное представление о том, что более высокие доходы населения и потенциально более обильное потребление влекут за собой приобретение избыточного веса с последующим выходом на ту или иную степень детского ожирения не находит безусловного и однозначного практического подтверждения. Ожирение у детей встречается в различных странах и, скорее всего, вызвано множеством различных причин, среди которых уровень жизни не всегда и не обязательно носит доминирующий характер.

Масштабы и скорость нарастания рассматриваемого общественного процесса объективно вынуждают задумываться о его содержании и перспективах. В этой связи ожирение поколения детей требует самого пристального внимания по следующим основным причинам:

а) дети – это социально-демографическая группа населения, которая еще не достигла совершеннолетия, а поэтому требующая обязательного участия взрослых членов общества;

б) дети представляют собой будущее любого государства и в этом отношении предполагают своеобразного отношения к себе как к важнейшему элементу демографического воспроизводства;

с) дети не способны самостоятельно осознать и справиться с различными заболеваниями, в том числе и с избыточным весом, который на определенном этапе нарушает нормальное развитие подрастающих поколений и серьезно травмирует их психику.

Если чуть более подробно остановиться на каждом из перечисленных выше обстоятельств, то можно добавить следующее. Во-первых, несовершеннолетие детей по определению ставит их в такую жизненную ситуацию, когда они полностью зависят от старших поколений (родителей, родственников, опекунов и т.п.). Дети чисто юридически не могут принимать самостоятельных решений, а поэтому их образ жизни, режим питания и многие другие компоненты вытекают из отношения взрослых к ним. Причем дети в силу своего возраста, формирующегося сознания и отсутствия большого жизненного опыта далеко не всегда способны вовремя отреагировать на набор избыточного веса и принять нужные решения по изменению ситуации (обращение к диетологу, посещение спортивных занятий, изменение образа жизни и т.д.). Получается, что процесс ожирения детей это в известной мере – это промахи и просчеты более старших поколений, которые по тем или иным причинам не уделяют должного внимания происходящему.

Давно уже известно, что зрелость любого общества определяется по его отношению к старикам и детям. Причем, если старики рассматриваются сквозь призму уважения к прошлому, то дети исключительно сквозь призму будущего, которое заметно предопределяется качеством молодых подрастающих поколений. Однако избыточный вес, а тем более ожирение детей создают серьезные препятствия на пути развития формирующейся личности и использования ее жизненного потенциала. Ожирение является фактором или пособником множества весьма серьезных и трудно излечимых заболеваний, потому что лишние килограммы веса создают все предпосылки для повышенной нагрузки на опорно-двигательный аппарат, сердечнососудистую систему и т.д. В результате здоровье полных и тучных детей объективно дает более ранние сбои, которые приводят к повышенной смертности, не позволяющей с уверенностью смотреть в будущее и говорить о хорошем качестве воспроизводства населения, трудовых ресурсов и рабочей силы.

Причем кроме чисто физических проблем ожирение детей несет и серьезные психические последствия. Дети хоть и маленькие, но очень жестокие члены общества, которые часто издеваются над своими сверстниками, имеющими избыточный вес. Причем кроме насмешек над полными детьми имеются и другие крайне негативные моменты. Их обычно не принимают в свой круг для игр, редко общаются и включают в число друзей. Поэтому лица детского возраста, страдающие ожирением, нередко в большей степени испытывают не только физический, но и психический дискомфорт, который приносит им серьезные душевные страдания. Полные дети понимают, что именно их избыточный вес является главной причиной психологического пресса со стороны сверстников и поэтому начинают сторониться общения, замыкаться в себе и переживать нервные стрессы.

В совокупности все три перечисленных выше аспекта негативных последствий детского ожирения, на наш взгляд, однозначно свидетельствуют о том, что рассматриваемая проблема действительно носит острый характер, а самое главное имеет не только личностный подтекст, но и широкое общественное звучание, так как дети, имеющие избыточный вес, с трудом встраиваются в систему действующих производственных и коммуникационных отношений.

Об этом говорят и многие специалисты. Так, например, Аверьянов А.П., Болотова Н.В. и Зотова С.А. отмечают, что «эпидемический рост распространения избыточной массы тела и ожирения во всем мире требует серьезного отношения со стороны медицинских, общественных и политических институтов» [4].

Маклаева Н.Н. и Камынина Н.Н. считают, что «ожирение – это глобальная проблема здравоохранения» [5].

Крысанова В.С., Журавлева М.В. и Сереброва С.Ю. полагают, что в настоящее время ожирение «относится к числу пяти основных факторов риска смерти» [6].

Перечень схожих мнений можно продолжить и дальше. Однако главное здесь заключается не в этом, а в единодушии ученых и практиков, что быстро прогрессирующее ожирение населения (и в частности лиц детского возраста) имеет далеко идущие последствия, которые настоятельно требуют адекватного понимания происходящего. Ожирение населения, особенно детей, это серьезная глобальная проблема, имеющая множество граней, среди которых и социальный, и экономический, и политический, и чисто медицинский подтекст.

В заключение, крайне важно подчеркнуть, что даже осознавая всю важность и практическую значимость профилактики и предотвращения детского ожирения, особенно в контексте перспектив развития общества, не стоит забывать о необходимости систематического статистического мониторинга и регулярного измерения параметров исследуемого процесса [7]. Однако успешная реализация данной задачи объективно невозможна без совершенствования и развития различных аспектов статистической характеристики ожирения лиц детского возраста, которая, к сожалению, пока еще не достигла должного уровня совершенства.

Список литературы

1. Ожирение и избыточный вес. Информационный бюллетень Всемирной Организации Здравоохранения. Июнь 2016 г. – <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight>
2. https://medaboutme.ru/zdorove/publikacii/stati/sovety_vracha/ozhirenie_mirovaya_statistika/
3. <http://vavilon.ru/statistika-ozhireniya/>
4. Аверьянов А.П., Болотова Н.В., Зотова С.А. Ожирение в детском возрасте // Медицинский научно-практический портал «Лечащий врач». – <https://www.lvrach.ru/2010/02/12159137/>
5. Маклаева Н.Н., Камынина Н.Н. Ожирение как социальная проблема. – <http://www.scienceforum.ru/2015/787/>
6. Крысанова В.С., Журавлева М.В., Сереброва С.Ю. Социальная и экономическая значимость избыточной массы тела и ожирения в Российской Федерации. Основные подходы к лечению ожирения // РМЖ. 2015. – № 26. – С. 1534–1537.

7. Аверьянов А. П., Болотова Н. В., Дронова Е. Г. Диагностика ожирения у школьников: значение определения массы жировой ткани // Педиатрия. 2003. – № 5. – С. 66–69.

Карманов М.В.

д.э.н., профессор, Российский экономический университет

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИКЛАДНОГО АНАЛИЗА ОЖИРЕНИЯ ДЕТЕЙ

Ключевые слова: ожирение, ожирение населения, ожирение детей, статистика ожирения детей, показатели ожирения детей.

В настоящее время, по мнению ВОЗ, ожирение детей стремительно превратилось в проблему глобального масштаба, имеющую экстерриториальный характер. Чтобы успешно бороться с ожирением детей, как минимум, требуется успешно решить две задачи:

- 1) разобраться с основными причинами процесса ожирения лиц детского возраста;
- 2) точно оценивать масштабы, структуру и динамику столь неблагоприятного общественного процесса.

Первая из задач в большей мере связана с медицинским аспектом ожирения детей. Ее специфика заключается в том, что до сих пор нет единодушия среди специалистов по вопросу причин все более широкого распространения среди детей лиц, имеющих избыточный вес. К числу доминирующих причин ожирения детей относят и переедание, и гиподинамию, и компьютеризацию общества и другие обстоятельства.

По данным специалистов ВОЗ неблагоприятная ситуация с детским ожирением объясняется «малой подвижностью подростков из-за увлечения компьютерными играми и частыми перекусами высококалорийным фастфудом» [1].

Специально проведенное обследование показывает, что «перекармливание является одной из основных причин развития ожирения у детей, а ... наибольшее число детей с избыточным весом (44,8%) проживает в семьях, находящихся за чертой бедности» [2].

Исследование ожирения у подростков в России позволило выявить три основных фактора – «малоподвижный образ жизни, неправильное питание и вредные привычки» [3].

С нашей точки зрения в каждом конкретном случае имеются свои собственные факторы, которые привели к ожирению детского организма. Причем, как правило, они действуют не по одиночке, а в группе, то есть одновременно существует несколько причин, которые параллельно или последовательно приводят к накоплению избыточного веса. Что же касается малоподвижного образа жизни, неправильного питания, злоупотребления компьютерными (сидячими) играми и т.д., то они получили широкое распространение во всем обществе. Поэтому проецировать их исключительно на детей вряд ли будет абсолютно правильно. В этой связи в зависимости от целей и задач исследования на передний план будут выступать те или иные факторы ожирения лиц детского возраста, которые могут носить различный характер и уровень обобщения.

Что касается оценки масштабов, структуры и динамики процесса ожирения детей, то здесь стоит приложить достаточно серьезные усилия для выработки единых и общепринятых подходов измерения разнообразных параметров исследуемого общественного явления. Ведь в настоящее время приходится признать, что в научных и популярных публикациях встречаются самые различные индикаторы, которые привлекаются для количественной характеристики ожирения детей. Среди них наиболее часто и традиционно используются:

- численность детей, страдающих ожирением;
- удельный вес детей, страдающих ожирением, в общей численности всех детей;
- темп прироста численности детей, страдающих ожирением.

Смысл названных простейших показателей, широко используемых в аналитических материалах различных международных организаций (ООН, ВОЗ и др.), сводится к следующему.

Численность детей, страдающих ожирением, отражает абсолютные масштабы рассматриваемого общественного явления, то есть позволяет ответить на вопрос, много или мало лиц детского возраста испытывает проблемы с собственным весом. Его простота и наглядность открывают широкие перспективы для практического применения. Однако имеется один существенный недостаток, связанный с невозможностью использования в сравнительном статистическом анализе (так как в разных странах численность лиц детского возраста неодинакова).

Чтобы учесть выделенный недостаток рассчитывают удельный вес детей, страдающих ожирением, в общей численности всех детей. Данный индикатор отражает относительные масштабы исследуемого общественного явления и позволяет устранить несопоставимость, свойственную практически всем абсолютным индикаторам.

Применение темпа прироста численности лиц детского возраста, страдающих ожирением, не является чем-то необычным. Всегда имеется объективная необходимость оценивать скорость развития того или иного процесса. Данная особенность в полной мере относится и к ожирению детей, так как рассматриваемый традиционный показатель динамики позволяет делать выводы о том, насколько быстро (или медленно) расширяет свои границы совокупность детей, страдающих ожирением.

Однако все три простейших показателя статистики детского ожирения не дают комплексного представления об объекте исследования. И, в первую очередь, это касается двух принципиально важных аспектов:

I. структуры детского контингента, страдающих ожирением;

II. глубины ожирения лиц детского возраста.

Первый из выделенных аспектов сводится к попытке нащупать болевые точки детского ожирения, то есть отдельные группы лиц детского возраста, которые в большей степени подвержены столь не простой болезни.

Среди них, по нашему мнению, обязательно должны присутствовать:

- гендерная структура;
- возрастная структура;
- территориальная структура;
- структура по месту жительства;
- этническая структура;
- национальная структура;
- социальная структура и др.

Необходимость выяснения гендерных особенностей вызвана тем, что в отдельных странах мира очень редко встречается пропорциональная половая структура лиц детского возраста, страдающих ожирением. Так уже проведенные исследования показали, что «высокие дети (кроме тех, чьи родители отличаются высоким ростом) в 2,5 раза чаще страдают избыточным весом и ожирением, когда вырастают. Предположительно, это связано с более ранним половым созреванием рослых деток, которое может привести в будущем к полноте. Особенно последнее утверждение касается *девочек*» [2]. То есть гендерный аспект чрезвычайно важен для определения лиц детского возраста, в большей степени подверженных риску ожирения.

Возрастной состав детей, страдающих ожирением, интересен в том отношении, чтобы установить тот интервал жизни подрастающих поколений, когда они «попадают в сети» рассматриваемого заболевания. Это чрезвычайно важно как для выработки стратегии профилактической деятельности по борьбе с детским ожирением, так и для обеспечения родителей достоверной информацией о возрастных особенностях ожирения их детей.

Территориальная структура детского контингента лиц, страдающих ожирением, вкуче с их структурой в зависимости от места жительства предоставляет возможность разобраться в каких регионах мира, в каких странах, а также в какой местности (в городской или в сельской) имеет место более широкое распространение рассматриваемого явления. «Ранее считалось, что избыточный вес и ожирение являются проблемами только в странах с высоким уровнем дохода. Но на сегодняшний день 81% детей с лишним весом живут в развивающихся странах. Хотя доля детей с ожирением в общем числе жителей развитых стран выше (11,7% против 6,1%)» [2]. Не менее интересным представляются и различия между городом и селом, так как между ними до сих пор не стерты расхождения в уровне жизни, образе жизни, развитии транспортной сети и т.д.

Этническая и национальная структуры детей, страдающих ожирением, вызывают большой интерес в том контексте, насколько те или иные расы и национальности подвержены заболеванию детским ожирением. Вполне возможно, что этнический и национальный факторы сами по себе и не имеют особого звучания в разрезе детского ожирения, но весьма интересно как они взаимодействуют с другими структурными факторами.

Социальная структура, особенно в плане принадлежности к тем или иным слоям общества (также рассмотренная вкуче с культурно-образовательным уровнем населения) не может игнорироваться при попытке выявления структурных компонент, влияющих на самые различные параметры детского ожирения.

Среди других направлений возможного анализа структурных особенностей контингента детей, вовлеченных в «орбиту» ожирения, могут находиться причины подобного заболевания. Ведь наследственность, перекармливание, малоподвижный образ жизни и т.п. являются самостоятельными и очень важными моментами, которые не должны оставаться вне поля зрения прикладных исследований.

Имея сведения о структуре лиц детского возраста, страдающих ожирением, целесообразно привлекать индикаторы структурных сдвигов, чтобы оценить те изменения, которые произошли в распределении рассматриваемой совокупности. Среди показателей структурных сдвигов особое место занимают нормированные показатели, например, индекс Гатева, разрешающий по трансформации своей величины характеризовать как направление, так глубину и скорость структурных изменений.

Другим не менее важным аспектом статистики детского ожирения является глубина данного процесса, т.е. в какой степени дети обладают избыточным весом. Смысл этого аспекта сводится к тому, что в зависимости от выбранных ориентиров нормального веса (здесь имеются различные подходы) их превышение может быть более или менее значительным. Естественно, что чем больше отклонение от нормального веса, тем глубже стадия ожирения и тем большие проблемы это несет для здоровья подрастающих поколений.

Для определения нормального веса детей возможны два принципиальных подхода. Первый из них связан с общей методологией оценки степени ожирения населения. Для этого привлекается индекс массы тела (ИМТ), который определяется как отношение массы тела в килограммах к квадрату роста в метрах. Его использование позволяет сохранять сопоставимость измерений для всего населения вне зависимости от той группы, куда относится конкретный индивидум (дети, взрослые и т.п.). Второй подход ориентирован на учет специфики детского ожирения и предполагает, что для детей надо использовать иную методику, которая к тому же внутри детского контингента носит дифференцированный характер (до 5 лет, старше 5 лет и т.п.). Так методика ВОЗ предполагает, что «у детей в возрасте до 5 лет избыточный вес и ожирение определяются следующим образом: избыточный вес – если соотношение «масса тела/рост» превышает медианное значение, указанное в стандартных показателях физического развития детей, более

чем на два стандартных отклонения; ожирение – если соотношение «масса тела/рост» превышает медианное значение, указанное в стандартных показателях физического развития детей, более чем на три стандартных отклонения» [4]. Правда, стоит сказать, что в данном случае утрачивается сопоставимость индикаторов не только внутри самого контингента детей, но и по сравнению со всем остальным населением [5].

Используя один из указанных выше подходов можно установить нормальный вес любого ребенка. Затем для оценки глубины или степени ожирения лиц детского возраста целесообразно вычислить два индикатора: абсолютное отклонение от нормального веса (фактический вес минус нормальный вес) и относительное отклонение от нормального веса (отношение фактического веса к нормальному весу в процентах минус сто процентов). Абсолютное отклонение показывает насколько килограммов фактический вес ребенка превышает его нормальный вес. Соответственно, чем этот показатель больше, тем глубже зашло заболевание. Правда, этот индикатор не всегда можно будет сопоставлять, особенно для лиц, имеющих различные степени ожирения. Относительное отклонение отражает процентное отклонение фактического веса от нормального и носит более универсальный характер, так как разрешает сопоставлять между собой абсолютно все группы детей вне зависимости от степени ожирения.

Только их совместное использование позволит получить адекватное представление о состоянии детского ожирения.

Список литературы

1. <http://vawilon.ru/statistika-ozhireniya/>
2. <http://yarmalysh.ru/stati/detskie-bolezni/detskoe-ozhirenie-tolko-fakty>
3. <http://foodnews-press.ru/zdorovoe-pitanie/41-issledovaniya/1349-ozhirenie-u-podrostkov-v-rossii>
4. Ожирение и избыточный вес. Информационный бюллетень Всемирной Организации Здравоохранения. Июнь 2016 г. – <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight>
5. Бородина О.В. Ожирение у детей и подростков (факторы риска метаболического синдрома). Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. – М., 2004.

*Матанцева О.Ю.,
Белогребень А.А.,
Титов А.Е.¹*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДА ОЦЕНКИ НЕДОПОЛУЧЕННОГО ВВП ПРИ РАСЧЕТЕ УЩЕРБА ОТ ГИБЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ДТП

Ключевые слова: ВВП, метод капитализации доходов, ставка дисконтирования.

Keywords: GDP, income capitalization method, discount rate.

Рост автомобилизации, продолжающийся в Российской Федерации, сопровождается рядом негативных явлений, одним из которых являются дорожно-транспортные происшествия и сопутствующий им ущерб.

Несмотря на снижение социального и транспортного рисков, а также количества дорожно-транспортных происшествий за последний период, в том числе и благодаря реализации мероприятий федеральных целевых программ «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 года» [2] и «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 года» [1], уровень их продолжает оставаться высоким.

Ущерб от дорожно-транспортных происшествий характеризуется не только количеством погибших и раненых, но и социально-экономическим ущербом, имеющим большое число составляющих, главными из которых являются:

- расходы на лечение, реабилитацию и оплату социального страхования пострадавших;
- потери валового внутреннего продукта в связи с потерей трудоспособности лицами, пострадавшими в ДТП;
- имущественный ущерб, связанный с повреждением и утратой материальных ценностей, в т.ч. транспортных средств, грузов, объектов инфраструктуры и др.;
- потери от снижения скорости транспортных потоков в результате заторов, вызванных дорожно-транспортными происшествиями.

Стратегией безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р [3], предусматривается целый ряд задач по её реализации, связанных с капиталовложениями. Среди таких задач следует выделить:

- расширение работ по автоматическому контролю за соблюдением участниками дорожного движения правил дорожного движения с использованием специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъёмки, видеозаписи;
- развитие механизмов экономического стимулирования, направленных на соблюдение лицами требований по безопасности дорожного движения, включая налогообложение, лицензирование, имущественного страхования, тарифообразование;
- обустройство пешеходных переходов с применением инновационных методов и технологий;
- автоматизацию управления дорожным движением на основе высокотехнологичной электронной и мобильной техники, развитие интеллектуальных транспортных систем;
- разработку предложений по определению объёмов и источников финансирования мероприятий по повышению безопасности дорожного движения; разработку механизма эффективного использования выделяемых объёмов финансовых средств.

Для адекватной оценки эффективности мероприятий по повышению безопасности дорожного движения, направленных на решение перечисленных задач, а также для обоснования и выбора приоритетных направлений и проектных решений с точки зрения расходования бюджетных средств, повышения нагрузки на экономику, необходима методика оценки социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий, наиболее полно и адекватно оценивающая величину ущерба как в целом в Российской Федерации, так и на региональном уровне с учетом местных условий.

В 2000 году Министерством транспорта Российской Федерации была утверждена, по согласованию с МВД России, Минфином России и Минэкономразвития России, в качестве руководящего документа «Методика оценки и расчёта нормативов социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий» (Р-03112199-0502-00) [4]. Данная методика имела ограниченный срок действия по 01.12.2005.

¹ Матанцева Ольга Юрьевна – д.э.н., с.н.с., доцент, заместитель генерального директора по научной работе ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта»; профессор кафедры «Экономика автомобильного транспорта» МАДИ. E-mail: omat@niiat.ru

Белогребень Антон Александрович – к.э.н., доцент, зав. научно-исследовательским отделом «Экономика транспорта» ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта». E-mail: belogreben_aa@mail.ru

Титов Андрей Евгеньевич – зав. научно-исследовательским отделом «Безопасность движения на автомобильном транспорте» ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта». E-mail: andrew_titov@mail.ru

За период после прекращения действия методики накопились существенные изменения в нормативной базе регулирования в сфере безопасности дорожного движения, в экономических отношениях и показателях, в стоимостных оценках многих факторов, принимавшихся и не принимавшихся во внимание ранее. Эти изменения и ряд других объективных причин не позволяют в настоящее время пролонгировать действие методики. Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации отсутствует действующий нормативный акт, позволяющий проводить оценку ущерба от дорожно-транспортных происшествий.

Утвержденная Минтрансом России «Методика оценки и расчета нормативов социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий» (Р 3112199-0502-00; в настоящее время срок действия истёк) [4] перечисляет следующие составляющие ущерба для владельцев транспортных средств автомобильного и наземного электрического транспорта:

- стоимость работ по спасению транспортного средства;
- стоимость работ по эвакуации транспортного средства;
- ущерб в случае невозможности восстановления транспортного средства;
- стоимость работ по восстановлению (ремонту) транспортного средства;
- ущерб от утраты товарной стоимости транспортного средства в результате ремонтных работ;
- судебные издержки (в случае судебного разбирательства; прим. авт.);
- ущерб из-за затрат времени, связанных с расследованием дорожно-транспортного происшествия и возмещением убытков;
- не востребовавшая часть страхового возмещения за транспортное средство.

Большая часть перечисленных составляющих не требует пояснения. Однако в связи с тем, что «Методика» не даёт пояснения к содержанию составляющих ущерба, в конкретизации и объяснении нуждаются нижеследующие составляющие ущерба:

- стоимость работ по спасению транспортного средства;
- ущерб от утраты товарной стоимости транспортного средства в результате ремонтных работ;
- ущерб из-за затрат времени, связанных с расследованием дорожно-транспортного происшествия и возмещением убытков;
- не востребовавшая часть страхового возмещения за транспортное средство.

Поскольку понятие «спасение транспортных средств» не объяснено, то под работами по спасению транспортного средства предлагается считать действия с транспортным средством, делающим его пригодным для дальнейшей эвакуации, как то: возвращение авто транспортного средства на автомобильную дорогу в случае съезда с неё, в т.ч. из труднодоступных мест – кюветов, водоёмов, из-под откосов, и др.; применительно к подвижному составу железнодорожного транспорта – постановка на рельсы подвижного состава сошедшего с рельс; восстановление пространственной ориентации транспортного средства в случае опрокидывания. При этом целесообразно учесть стоимость материальных ценностей, расходуемых при проведении этих работ, а также штатных средств пожаротушения, расходуемых при тушении возможного возгорания транспортного средства вследствие ДТП.

С учётом перечисленного следует изложить составляющую в формулировке:

- стоимость работ по спасению транспортного средства и израсходованных материальных ценностей.

Социально-экономическая оценка последствий ДТП служит необходимой основой для разработки и реализации программ управления в сфере безопасности дорожного движения на различных уровнях во всех странах. Этот факт актуализирует необходимость совершенствования существующей методологии оценки социально-экономических последствий дорожно-транспортных происшествий с учетом зарубежного опыта, а также комплекса мероприятий по предотвращению и уменьшению ущерба для повышения безопасности дорожного движения и экономической безопасности РФ. При этом стоит отметить, что величина оценки ущерба от ДТП влияет на обоснованный объем средств бюджетов, направляемых на реализацию мероприятий по снижению аварийности, и повышает значимость данных мероприятий. Однако величина этой оценки выступает не в качестве конкретного монетарного уровня, а как некое выражение социально-политического и экономического уровня развития общества и страны.

В ФЦП «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 гг.» на 2013 г. заложен норматив величины ущерба в случае гибели участника ДТП в размере 5,728 млн. рублей, но эта величина в десятки раз ниже аналогичной величины для стран ЕС.

«Методика оценки и расчета нормативов социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий» (Р-03112199-0502-00) [4], действовавшая до 2005 года имела ряд недостатков, которые не позволяют просто пролонгировать срок ее действия:

- методика содержит два способа расчета социально-экономического ущерба от ДТП: основной – по приведенным формулам на основе метода дисконтирования денежных потоков и упрощенный – на основе индекса-дефлятора ВВП;
- расчеты по приведенным формулам достаточно трудоемки, что заставляло пользователей применять упрощенный метод расчета социально-экономического ущерба от ДТП и приводило к неточным результатам расчетов;
- использование метода дисконтирования денежных потоков позволяло провести расчет ущерба только после завершения года, на который осуществлялся расчет, в целях получения фактического значения ВВП и национальных счетов, определяющих его использование;
- использование механизма расчета недополученного ВВП в результате гибели человека, основанного на дисконтировании на срок 18,5 лет (разницы между 41,5 года – средним возрастом погибшего в ДТП и 60 годами – сроком

выхода на пенсию), не позволяло получить абсолютно точную оценку, поскольку требовало прогнозирования темпов роста ВВП на 18,5 лет;

– расчет ущерба на основе недополученного ВВП в результате гибели человека устанавливал незначительный ущерб при гибели неработающего пенсионера, который уже не создает ВВП.

Проведенные за последнее время исследования в ОАО «НИИАТ» показали возможность применения вместо метода дисконтирования денежных потоков другого метода, входящего в доходный подход, используемого для оценки стоимости, а именно – метода капитализации.

В общем виде для определения недополученного размера ВВП в результате гибели населения в ДТП можно воспользоваться формулой для расчета текущей стоимости доходов методом капитализации:

$$V = \frac{I}{R}, \quad (1)$$

где V – текущая стоимость недополученного ВВП в результате гибели населения в ДТП;

I – годовой недополученный ВВП;

R – коэффициент капитализации.

В качестве годового недополученного ВВП для расчетов методом капитализации могут быть использованы:

– значения недополученного ВВП за текущий год;

– значения недополученного ВВП за будущий год;

– среднее значение недополученного ВВП на основе ретроспективных данных (за 3–7 лет) или на основе прогнозных данных (исходя из данных прогноза социально-экономического развития).

Для оценки недополученного ВВП в результате гибели человека целесообразно использовать как ретроспективные данные, так и прогнозные.

Коэффициент капитализации равен разнице между ставкой дисконтирования и средними темпами прироста ВВП:

$$R = r - g, \quad (2)$$

где R – ставка капитализации;

r – ставка дисконтирования (норма прибыли);

g – прогнозируемые средние темпы прироста ВВП.

Таким образом, метод капитализации представляет собой определение недополученного ВВП за весь утраченный период жизни в результате гибели человека в ДТП через перевод годового (или среднего годового) недополученного ВВП в текущую стоимость:

$$R = R_{\text{безриск}} + R_{\text{норма возвр}}, \quad (3)$$

где R – коэффициент капитализации;

$R_{\text{дох кап}}$ – безрисковая норма доходности;

$R_{\text{норма возвр}}$ – норма возврата

Таким образом, коэффициент капитализации состоит из 2 частей:

– безрисковой ставки;

– нормы возврата, т.е. ежегодного прироста ВВП за период жизни человека.

В качестве безрисковой ставки в нормативных документах и методических рекомендациях прошлых лет рекомендовалось применять ставку рефинансирования (ключевую ставку). Однако оценочная теория предлагает использовать в качестве данного показателя доходность государственных долгосрочных облигаций. Дальнейшие расчеты проведем для безрисковой ставки, определенной исходя из доходности государственных долгосрочных облигаций.

В соответствии с методикой оценки ущерба, разработанной в 2000 году, недополученный ВВП в результате гибели человека определяется следующим образом:

$$D = \frac{P_{\text{кон}} + B_{\text{н}}}{N_{\text{ч}}}, \quad (4)$$

где D – недопроизведенный ВВП;

$P_{\text{кон}}$ – фактическое конечное потребление населения и государственных учреждений (за вычетом социальных трансфертов в натуральной форме)

$B_{\text{н}}$ – валовое накопление за год;

$N_{\text{ч}}$ – численность экономически активного населения.

Норма возврата может быть определена на основе метода Ринга по следующей формуле:

$$R_{\text{норма возвр}} = \frac{100\%}{T_{\text{утр}}}, \quad (5)$$

где $T_{\text{утр}}$ – среднее количество утраченных лет жизни в ДТП до выхода на пенсию или до средней продолжительности жизни.

На основе установленных составляющих коэффициента капитализации были проведены расчеты недополученного ВВП в результате гибели человека (табл. 1):

Результаты расчета недополученного ВВП в результате гибели человека в ДТП

Показатель	Мужчины	Женщины
Средний возраст погибших, лет	41,016	46,522
Средняя продолжительность жизни, лет	67,75	77,82
Доля погибших	0,733	0,267
Норма возврата (метод Ринга) при расчете до средней продолжительности жизни	0,03741	0,03195
Норма возврата (метод Ринга) при расчете до выхода на пенсию	0,04169	0,07419
Средняя годовая ставка рефинансирования (за период 2018–2024 гг.)	0,06367	
Безрисковая ставка дисконта (доходность государственных облигаций Россия-2043)	0,04094	
Ставка дисконта при расчете до средней продолжительности жизни и учете в качестве безрисковой ставки доходности государственных облигаций	0,07835	0,07289
Ставка дисконта при расчете до выхода на пенсию и учете в качестве безрисковой ставки доходности государственных облигаций	0,08263	0,11513
Ставка дисконта при расчете до средней продолжительности жизни и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования	0,10108	0,09562
Ставка дисконта при расчете до выхода на пенсию и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования	0,10536	0,13786
Средневзвешенная ставка дисконта при расчете до средней продолжительности жизни и учете в качестве безрисковой ставки доходности государственных облигаций	0,07689	
Средневзвешенная ставка дисконта при расчете до выхода на пенсию и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования и учете в качестве безрисковой ставки доходности государственных облигаций	0,09131	
Средневзвешенная ставка дисконта при расчете до средней продолжительности жизни и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования	0,09962	
Средневзвешенная ставка дисконта при расчете до выхода на пенсию и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования	0,11403	
Средняя величина конечного потребления и валового накопления капитала за период 2018-2024 при расчете на экономически активное население, тыс. руб.	1457,5	
Средняя величина конечного потребления и валового накопления капитала за период 2018-2024 при расчете на душу населения, тыс. руб.	747,2	
Среднегодовой темп прироста конечного потребления и валового накопления капитала при расчете на экономически активное население	0,06156	
Среднегодовой темп прироста конечного потребления и валового накопления капитала при расчете на душу населения	0,05984	
Коэффициент капитализации при расчете на экономически активное население и учете в качестве безрисковой ставки доходности государственных облигаций	0,02975	
Коэффициент капитализации при расчете на душу населения и учете в качестве безрисковой ставки доходности государственных облигаций	0,01705	
Коэффициент капитализации при расчете на экономически активное население и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования	0,03978	
Коэффициент капитализации при расчете на душу населения и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования	0,05247	
Стоимость жизни при расчете на экономически активное население и учете в качестве безрисковой ставки доходности государственных облигаций, тыс. руб.	48991,6	
Стоимость жизни при расчете на душу населения и учете в качестве безрисковой ставки доходности государственных облигаций, тыс. руб.	43824,0	
Стоимость жизни при расчете на экономически активное население и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования, тыс. руб.	36639,0	
Стоимость жизни при расчете на душу населения и учете в качестве безрисковой ставки рефинансирования, тыс. руб.	14240,5	

Результаты расчетов показывают, что выбор адекватной ставки капитализации является ключевым для определения размера недополученного ВВП в результате гибели человека в ДТП. Представленный в статье подход к определению величины недополученного ВВП может быть принят для упрощенного расчета величины социально-экономических потерь в результате гибели населения в ДТП, что возможно будет осуществить после утверждения полной методики оценки ущерба и обоснования соответствующей ставки дисконта.

Список литературы и источников

1. Постановление Правительства РФ от 03.10.2013 № 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах»».
2. Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 100 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах»».
3. Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы».
4. Методика оценки и расчета нормативов социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий (Р 3112199-2502-00).

5. Матанцева О.Ю., Гогопуло Н.Н. Основы бухгалтерского учета учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Организация перевозок и управление на транспорте (автомобильный транспорт)» направления подготовки «Организация перевозок и управление на транспорте». – М., 2011.
6. Матанцева О.Ю., Гогопуло Н.Н. Финансы, денежное обращение и кредит учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Организация перевозок и управление на транспорте (автомобильный транспорт)» направления подготовки «Организация перевозок и управление на транспорте». – М., 2011.

Недоспасова О.П.¹

НАКОПЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИКЕ СТАРЕНИЯ: РИСКИ И ШАНСЫ²

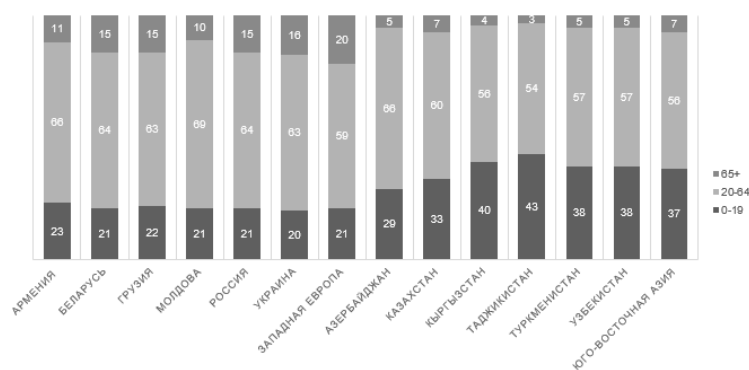
Ключевые слова: экономика старения, человеческий капитал, риски, шансы, пожилые люди, потенциал, вовлеченность в социум.

Keywords: economics of aging, human capital, risks, chances, elderly people, potential, involvement in society.

Человеческий капитал в настоящее время принято рассматривать как совокупность знаний, навыков и компетенций, которые аккумулируются в течение всей человеческой жизни и позволяют личности реализовать свой врожденный и приобретенный потенциал³. Важность накопления человеческого капитала трудно переоценить: именно благодаря ему создаются и распространяются новые товары и технологии. Носители высококачественного человеческого капитала быстрее, чем другие люди осваивают современные технологии и внедряют их в производстве и в быту, тем самым повышая спрос на инновации, и ускоряют их распространение. Квалифицированные работники способны к более сложному труду, при этом они не только больше зарабатывают, но и обеспечивают более высокие темпы роста добавленной стоимости. Государства и регионы, в которых значительная часть граждан обладает современным человеческим капиталом, обычно демонстрируют более устойчивую экономическую динамику и рост совокупной факторной производительности, т.е. способность производить товары и услуги в большем количестве и дешевле в расчете на единицу затрат труда и капитала⁴.

Среди важных внешних эффектов накопления человеческого капитала ученые выделяют повышение качества социальных связей, рост активности граждан, волонтерства, внимания к воспитанию детей, витальному поведению, экологическому самосознанию и культуре общества в целом⁵.

Важным аспектом накопления человеческого капитала в современных условиях является рассмотрение его в контексте новой реальности: старения населения – закономерного, глобального долгосрочного процесса, одной из доминирующих тенденций XXI века. Увеличение продолжительности жизни является, безусловно, триумфом развития, одним из самых больших достижений человечества⁶. Как известно, эта тенденция характерна в настоящее время не только для развитых, но и для развивающихся стран (рис. 1). Так в Западной Европе уже каждый пятый житель находится в возрасте старше 65 лет. В России и других постсоветских странах происходит изменение демографической структуры общества, что наблюдается на фоне роста средней продолжительности жизни.

Источник: United Nations, Department of Economics and Social Affairs, Population Division (2016).

Рисунок 1.
Возрастная структура населения в странах СНГ, Западной Европы и Азии

¹ Недоспасова Ольга Павловна – д.э.н., профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Профессиональные интересы: теория человеческого капитала, инвестиции, инновационное развитие, благополучие пожилых людей. E-mail: olgasesonoma@mail.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (проект № 19-18-00300).

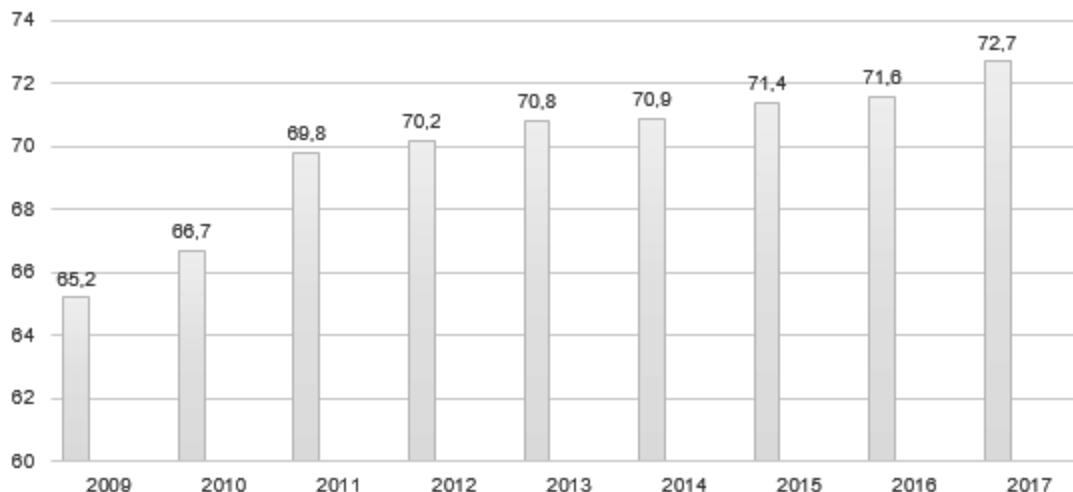
³ Доклад ООН о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда». DOI: 10.1596/978-1-4648-1328-3.

⁴ Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тез. докл. / Бирюкова С.С. и др.; под ред. Я.И. Кузьминова, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Яковсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

⁵ Социальные экстерналии образовательных инвестиций: опыт стран ОЭСР / О.П. Недоспасова, Г.А. Барышева, А.Ю. Кайда // Национальные интересы: приоритеты и безопасность: научно-практический и теоретический журнал. – М., 2019. – Т. 15, № 4 (373). – С. 629–647.

⁶ Aging in the Twenty-First Century: a Celebration and a Challenge / UNFPA & Help Age International. 2012.

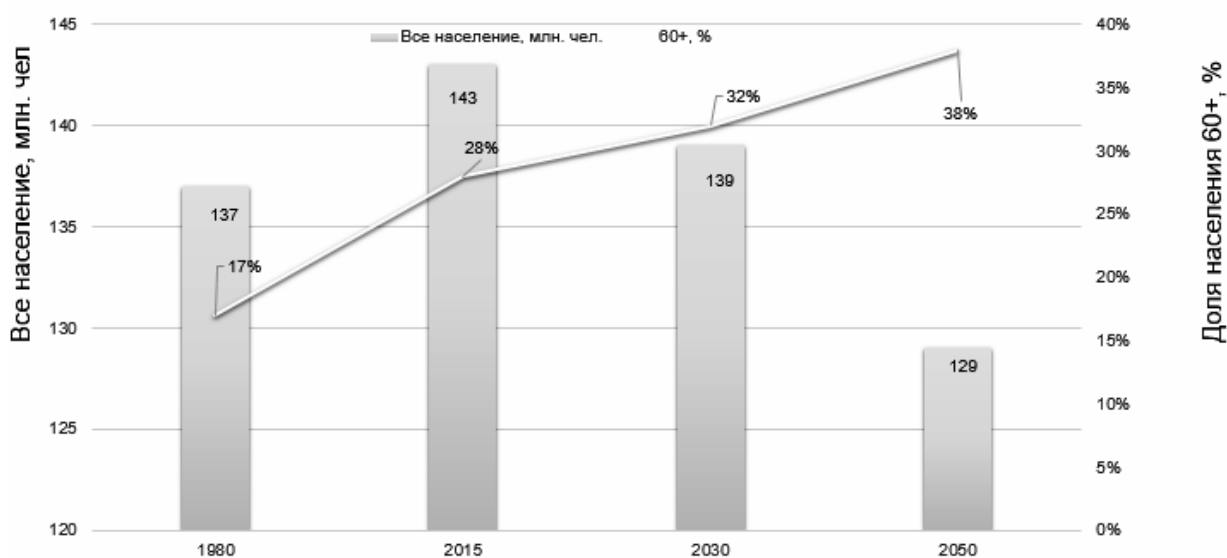
Известно, что последние годы ознаменовались для России важным социально-экономическим достижением: ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении в 2017 году достигла максимума за всю историю отечественных наблюдений и составила 72,7 года (рис. 2).

Источник: данные Росстата

Рисунок 2.
Продолжительность жизни населения в РФ, лет

При этом к 2050 году демографы ожидают нарастание в России демографического дефицита: необратимое изменение возрастной структуры населения, в ходе которого резко увеличивается число и доля пожилых людей, при этом уменьшается доля детей и молодежи. Дети и пожилые в структуре населения фактически «меняются местами» (рис. 3).

Источник: данные Росстата.

Рисунок 3.
Изменение численности всего населения и доли населения в возрасте 60+ (демографический дефицит) в России, 1980–2050 гг.

Повышение продолжительности жизни населения и его неизбежное старение ведет к существенным изменениям социально-экономической системы и позволяет говорить о формировании т.н. «экономики старения», для которой велика доля рынков особых и в значительной степени новых товаров и услуг, повышающих качество жизни пожилых людей, способствующих укреплению их здоровья, повышающих степень их автономности и вовлеченности в социум. В ней критически важны новые профессии и рабочие места (прежде всего в сфере социальных и медицинских услуг, образования и досуга для людей старшего возраста), инвестиции в «возрасто-ориентированные» научные исследования, особая социальная инфраструктура и т.д.

Для экономики старения неизбежно усиление нагрузки на бюджеты различных уровней, обусловленное адекватным экономическим реалиям ростом страховой части пенсий, расходов на систему здравоохранения и социальной защиты. Однако те изменения, которые делают переход к экономике старения неизбежным, создают также основу для вполне успешного решения проблем, связанных с изменением возрастной структуры общества. Конструктивная точка зрения в этой сфере предполагает не только выявление рисков экономики старения, но и исследование их диалектиче-

ского единства с новыми для общества и человека шансами, обусловленными ростом совокупного ресурсного потенциала общества и новыми возможностями для накопления человеческого капитала. Иными словами, риски, свойственные современному обществу, целесообразно рассматривать не только как серьезные предупреждения об опасностях, но и как объективные обстоятельства, которые в определенной мере могут быть компенсированы новыми шансами – дополнительными аргументами для мотивации к соответствующей активности личности и общества в целом, как ответ на новые вызовы¹.

Риски экономики старения довольно хорошо известны и уже частично перечислены выше. Что касается характерных для нее шансов, то здесь положение дел и перспективы менее очевидны, в том числе в контексте накопления человеческого капитала. Именно это обусловило желание автора уделить им основное внимание. Рассмотрим основные группы шансов экономики старения для накопления человеческого капитала. За основу возьмем классическое представление теории человеческого капитала о сферах его формирующих.

1. *Сфера образования.* Отталкиваясь от высказывания А. Смита о том, что «Приобретение ... способностей... в течение ... воспитания, обучения или ученичества, всегда требует действительных издержек, которые представляют собой основной капитал, который как бы реализуется в личности. Эти способности, являясь частью состояния такой личности, становятся также частью богатства всего общества»², основоположники теории человеческого капитала убедительно доказали ведущую роль сферы образования для накопления человеческого капитала. Для экономики старения характерно не только сохранение стабильного уровня спроса на образование в традиционных сферах. Для нее характерен рост спроса на знания по геронтологии и гериатрии, на образовательные программы самой разнообразной тематики для старшего поколения, позволяющие им обновить и развить базовые знания, нарастить новые компетенции как профессиональные, так и личностные. Кроме того, на фоне повышения пенсионного возраста, роста средней и особенно здоровой продолжительности жизни, пожилые люди будут акторами значительной доли предложения в сфере образования: они будут дольше оставаться занятыми профессионально как воспитатели, учителя, преподаватели и т.д.

2. *Сфера здравоохранения.* Капитал здоровья, как известно, является важнейшим компонентом человеческого капитала, поэтому в условиях экономики старения не только усиливается спрос на медицинские услуги и специальное оборудование со стороны представителей стареющего общества, но и увеличивается потребность в научных исследованиях, новых технологиях и программах, ориентированных на продление и сбережение жизни человека. Все более востребованы новые лекарства и доказательства их эффективности, современные формы организации ухода за пожилыми людьми и работники, оказывающие такой уход на профессиональной основе как в специальных учреждениях, так и на дому. Таким образом экономика старения запускает новый механизм инновационного развития, стимулирует спрос и предложение высококачественного человеческого капитала.

3. *Сфера профессиональной подготовки на рабочем месте.* Несмотря на мощную риторику о важности в профессиональной деятельности т.н. мягких (надпрофессиональных) навыков или «soft skills», носителями которых в большей, чем пожилые работники, степени является молодежь, значимость базовых профессиональных навыков, формирующих общую «рамку» профессии человека или «hard skills» не подлежит сомнению. Ответственность за их сохранение (так же, как и значительную часть организационного и клиентского капитала компаний) и передачу более молодому поколению работников в значительной мере лежит на сотрудниках старшего возраста. Являясь носителями высококачественного человеческого капитала в конкретной профессиональной сфере старшие работники в условиях экономики старения будут не только дольше занимать свои рабочие места и работать на них, но и смогут (при благоприятных институциональных условиях) использовать это время для наставничества (как формализованного, так и неформализованного), экспертной профессиональной деятельности.

О неполном использовании профессионального потенциала работников старшего возраста говорят данные, представленные в «Комплексном наблюдении условий жизни населения – 2018»³. Ответы респондентов старших возрастных групп на вопрос о наличии у них навыков для выполнения более сложной работы, чем та, которую они имеют сейчас, показали, что 44,6% граждан старше трудоспособного возраста имеют такие навыки или квалификацию.

Широкие возможности экономика старения дает и для реализации предпринимательского потенциала пожилых людей. Начинающие предприниматели старшего возраста обладают ценным набором знаний и опыта, который составляет важную основу их человеческого капитала. Такие люди менее склонны к спонтанности, они, как правило, четко знают, чего хотят добиться, и не станут тратить время на бесперспективные идеи. Эксперты уверены, что зрелые предприниматели устойчивее молодых: они пережили множество испытаний, обрели навыки управления негативными эмоциями, точно знают свои сильные и слабые стороны, а их умение принимать взвешенные решения обуславливает толерантность к возможным рискам.

Старение населения и увеличение продолжительности здоровой жизни открывает также широкие возможности для развития «серебряного волонтерства». Международная практика подтверждает, что по мере старения человеку свойственно «замещать» волонтерством привычные и постепенно утрачиваемые социальные роли (прежде всего трудовую активность и родительские обязанности). Анализ лучших мировых практик показывает высокую ценность геронтоволонтерства как для общества, так и для самих пожилых людей: оно помогает преодолеть социальную изоляцию, усиливает связи пожилых людей с местным сообществом, повышает самооценку, разрушает привычные стереотипы, развивает социальное и политическое сознание человека. В настоящее время доступны результаты исследова-

¹ Мадера А.Г. Риски и шансы: неопределенность, прогнозирование и оценка. – М.: Красанд, 2014. – 448 с.

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. / Вступит. статья и комментарий В.С. Афанасьева. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 684 с.

³ По материалам Росстата. – https://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

ний, показывающие, что по мере увеличения возраста человека усиливается позитивный психологический эффект волонтера в расчете на каждый час активности такого рода. Наибольшее число волонтеров в старшем возрасте отмечается в Нидерландах (38%), Дании (29%), Франции (27–28%), Люксембурге, Бельгии и Германии (21–22%). Волонтерская активность у людей в возрасте старше 50 лет сохраняется примерно на одном и том же уровне вплоть до 64 лет (около 21% в среднем для стран ОЭСР) и снижается примерно до 12% для волонтеров в возрасте 65 лет и старше (в основном по причине функциональных ограничений). В среднем по странам ОЭСР 15% волонтеров в возрасте старше 50 лет участвуют в тех или иных волонтерских действиях ежедневно, 40% – в среднем раз в неделю, остальные – примерно раз в месяц. В качестве главных мотивирующих факторов европейские серебряные волонтеры наиболее часто называли совершение полезных дел, общение с другими людьми, нужность другим и поддержание хорошей физической формы¹. Все перечисленные мотивы прямо или косвенно находят свое отражение в накоплении человеческого капитала как самих пожилых волонтеров, так и тех людей, на благополучие которых эта активность направлена.

Таким образом, старение населения, которое переживают в последние десятилетия практически все страны, не следует воспринимать исключительно в терминах рисков и рассматривать лишь как грядущую масштабную и неизбежную экономическую катастрофу. Экономика старения создает новые блага и рынки их сбыта, стимулирует спрос и предложение на рынке труда, товаров и услуг, активизирует инвестиционные процессы, способствует возникновению инноваций и ускоряет их внедрение. Она создает не только значимые для общества и личности риски, но и новые небывалые шансы для реализации человеческого потенциала, устойчивого и последовательного накопления человеческого капитала личности и общества в целом.

¹ How's Life? Measuring Well-being / OECD. – Paris, 2015. – http://dx.doi.org/10.1787/how_life-2015-en

Павлова В.И.

д.б.н., профессор Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск
saraykind@cspu.ru

Павлов Б.С.

д.филол.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Сарайкин Д.А.

к.б.н., доцент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск
saraykind@cspu.ru

Сентюрин Л.Б.

к.м.н., врач ГКБ № 40, Екатеринбург
senturinal@mail.ru

«ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» – КАК ЕГО ВОСПРИНИМАЕТ МОЛОДЁЖНОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА УРАЛЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ПРОБЛЕМУ)¹

Ключевые слова: *здоровье, семья, трудовая нагрузка, женский труд, сбережение населения, подросток, социальные риски, валеологическое самочувствие, репродуктивное здоровье, неблагоприятная экология, Урал.*

Keywords: *health, family, work load, female labor, population saving, adolescent, social risks, valeological well-being, reproductive health, dysfunctional ecology, Ural.*

В современном мире в сознании живущих все более модным становится стремление к «*сбережению своего здоровья*». При этом в качестве основного условия, технологии и гарантии успешного «процесса сбережения» выступает так называемый «*здоровый образ жизни*». Вместе с тем, в общественном сознании (в первую очередь, массовом) отсутствует, как правило, чёткое понимание таких основных феноменов как «*здоровье человека*» и «*здоровый образ жизни*»... Из чего они складываются? Как их измерить? И как их соотносить с каждым отдельным человеком?

Важно и другое обстоятельство. Практически бесчисленные различия условий жизни людей, живущих в разных странах, различных климатических зонах и социально-экономических уровнях жизнеобеспечения, предопределяют и различия в образе их жизни, в отношении к своему здоровью, в выработке жизненных ценностей и способов борьбы за выживание, и долголетие².

В общественном сознании россиян феномен «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» (в дальнейшем – «ЗОЖ») – ассоциируется, как правило, с полноценной активной жизнедеятельностью людей, связанной с удовлетворением их главных потребностей в жилье, питании, режиме труда и отдыха, медицинском обслуживании, обеспечиваемых обществом и зависящих от многочисленных социальных факторов³. основополагающей детерминантой ЗОЖ каждого человека является его индивидуальное здоровье. Состояние последнего в интегрированном виде отражает качественную сторону характера включенности данной конкретной личности в природную и социальную сферы. Одновременно оно является и важной естественной предпосылкой его общей активности.

Здоровье социально и по своей сущности, и по форме детерминации различных сфер жизнедеятельности. Сложные антропогенные изменения экологической ситуации, продолжающееся вооружение человека новейшими средствами воздействия на природу и самого себя, отсутствие должной социальной базы здравоохранительного движения, целенаправленного создания условий, адекватных гуманистическому образу жизни, требуют глубокой мировоззренческой переориентации общества в отношении здоровья подрастающего поколения как важнейшей социальной ценности⁴.

Отношение к индивиду к своему здоровью может быть интерпретировано как система индивидуальных, избирательных связей этой личности с различными явлениями окружающей его действительности, способствующими или, наоборот, угрожающими здоровью человека. Оно также свидетельствует об определённой оценке индивидом своего физического и психического состояния. Отношение к здоровью одновременно проявляется в действиях, суждениях и переживаниях людей относительно факторов, влияющих на их физическое и душевное благополучие

¹ Публикация подготовлена в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2019–2021 гг.

² Павлова В.И., Павлов Б.С., Сарайкин Д.А. Здоровье и физическая культура населения как основа воспроизводства человеческой общности // Здоровьесберегающее образование – залог безопасной жизнедеятельности молодежи: проблемы и пути решения. Материалы IX Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 121–125.

³ Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 575 с.

⁴ Павлов Б.С., Сентюрин Л.Б. Демографическое здоровье населения как основа социально-экономического развития региона // Журнал экономической теории. – Екатеринбург, 2006. – № 4. – С. 151–155.

В современном обществе здоровье можно рассматривать, как социальное свойство личности, качественный и количественный уровень которого обеспечивает человеку конкурентоспособность на различных рынках самообеспечительной и самосохраняющей деятельности. Здоровье человека не может сводиться лишь к констатации отсутствия болезней, недомогания, дискомфорта, оно – состояние, которое позволяет человеку вести нестесненную в своей свободе жизнь, полноценно выполнять свойственные человеку функции, прежде всего трудовые, вести ЗОЖ, т.е. испытывать душевное, физическое и социальное благополучие.

Процесс формирования рыночных отношений в РФ затронул практически все сферы жизнедеятельности россиян (в том числе уральцев). Особая сфера жизнеобеспечения – здоровье населения, совмещающая в себе интересы индивида, социальной группы (прежде всего, семьи) и общества в целом. Переход к рыночным отношениям во многом изменил ценностные ориентации населения относительно охраны и реабилитации ЗОЖ. В условиях так называемого социалистического общества здоровье граждан, здоровье нации рассматривалось (по крайней мере, в идеологии) как общественное достояние, которое можно (и должно) приносить в жертву общественным интересам, интересам государства. В условиях же перехода к рынку формируется отношение к здоровью как к частной собственности индивида (семьи), с которой сам ее владелец может обходиться «как ему заблагорассудится».

С точки зрения аксиологического подхода, здоровье выступает как универсальная человеческая ценность, соотносится с основными ценностными ориентациями личности. Доминирование тех или иных ценностей, также как и их переоценка, кризис, рассматриваются в качестве факторов, определяющих здоровье индивида или негативно влияющие на него. Аксиологический подход был предложен еще Платоном, который в своем диалоге «Законы» поместил «здоровое состояние души» (наряду с разумением, справедливостью и мужеством) в иерархию человеческих и божественных благ¹. Попытаемся посмотреть глазами нашего современника на эту сторону его жизнедеятельности.

По нашему мнению, проявления индивидуального здоровья *невозможно* трансформировать в численные (количественные) показатели. Одновременно важно осознавать, что здоровье человека является как целостным многомерным *динамическим состоянием* человека, так и *процессом*, которые характеризуются позитивными и негативными проявлениями, которые можно фиксировать в поведении, состоянии индивида. Здоровье имеет многоуровневую структуру. Фундаментом его являются биологические и генетические предпосылки, среднюю часть составляют психическое и соматическое развитие, а высший уровень наполняет отношение индивида к жизни. Этот экзистенциальный уровень – стержень самочувствия человека, его работоспособности и адаптивности².

При исследовании проблем здоровья молодого поколения можно выделить три важных ракурса:

а) самочувствие детей, подростков и юношества во всех видах – физическое, психическое и социально-психологическое; длительное, ежедневное и моментальное;

б) отношение к здоровью как к жизненной ценности, динамика изменения этого отношения в процессе взросления;

в) самооценка условий и факторов, влияющих на здоровье и самочувствие.

Довольно часто факт нарушения здоровья и диагноз болезни побуждают человека отказаться от вредных привычек и перейти к ЗОЖ. Массовый характер такого стереотипа поведения отражает русская пословица «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Безусловно, здоровье как социальная проблема самосохранения человека имеет единственно позитивное решение, связанное с поведенческим фактором самого индивида. Вместе с тем актуальность вышеназванной пословицы свидетельствует об отсутствии традиции долгосрочного планирования жизни у большинства представителей современного российского социума. Учитывая тот факт, что стремление к ЗОЖ является системообразующим фактором самосохраняющего поведения, исследуем само понятие здоровье в той интерпретации, которая характерна для социологических исследований. Логическим последствием этой ситуации стал вопрос: «*Можно ли здоровье представить как феномен, имеющий точное количественное выражение?*»³.

Комплекс исследований, проведенных авторами статьи за последние три десятилетия в ряде городских и сельских поселений Урала, позволяет более предметно и доказательно анализировать актуальные проблемы трансформации жизнедеятельности населения, связанной с сохранением и реабилитацией своего здоровья, здоровья своих детей, своих семей, ориентации их повседневного поведения в формат, трактуемый как ЗОЖ. В частности, мы обратимся к результатам, следующих массовых и представительных исследований социологических опросов⁴.

– **2007–2008 гг.** – в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено *пять категорий* респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел. в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел.; д) специалисты властных структур, преподаватели школ – 220 чел. – «*Урал-2008*»;

– **2010 г.** – опрос 680 студентов старших курсов Уральского федерального университета (УрФУ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре и влияние последней на социализацию молодых специалистов – «*Урал-2010*»;

¹ Платон. Законы // Собр. соч.: В 4-х т. – М., 1994, Т. 4. – С. 78.

² Талаллаева Г.В., Запарий В.В., Павлов Б.С., Шибин А.В. Самосохранительное поведение молодежи в социуме. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2007. – 66 с.

³ Павлов Б.С., Паначев В.Д. Физическая культура – это не только физкультура // Вестник Уральского отделения Российской академии наук. Наука. Общество. Человек. 2012. – № 4. – С. 42.

⁴ Основной научный руководитель исследований – профессор Павлов Б.С.

– 2014 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города-ЗАТО «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков (из них –200 учащихся 5–6 и 300 – 9–11 классов) – 8 школ Кировского района г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодежи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и жизненных планов – «Урал-2014»;

– 2018 г. было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в двух российских регионах, включавшее, в частности, опрос 1000 студентов первых и четвертых курсов в пяти вузах на факультетах инженерно-технической направленности, в частности, в городах Екатеринбурге, Челябинске и Астрахани – «Урал-2018».

* * *

По данным нашего социологического опроса («Урал-2008»), среди важнейших жизненных приоритетов первые-вторые места респонденты отдают сохранению здоровья. На вопрос «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас» – нами были получены следующие ответы респондентов из 4 групп (% от общего числа опрошенных по каждой группе):

Таблица 1

Жизненные ценности у различных социальных групп Урала (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся школ		Родители	Рабочие
	город	Село		
I. «Я и мои здоровье, самочувствие»				
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Чувство безопасности от насилия	21	16	22	13
II. «Я и моя семья»				
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие, экономическая независимость	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
III. «Я и мои друзья»				
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Содержательный, интересный досуг	27	20	23	11
IV. «Я и окружающее общество»				
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	40	17
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	16	11

Результаты опросов взрослого населения и учащихся на Урале показывают, что подавляющее большинство респондентов в системе ценностей помещает *здоровье* на 1–2 ранговое место. Причем, родители особо выделяют здоровье своих детей среди остальных слагаемых благополучия. Однако более глубокий социологический анализ обнаружил: для граждан собственное здоровье и здоровье своих детей ценно не само по себе, а как средство достижения жизненных целей, т.е. инструментально. Представляется, соответственно, что физическое и психическое здоровье учащихся важно не само по себе, а как средство для достижения успехов в учебе, приобретения более высокого рейтинга в школе.

Самая большая роскошь – роскошь человеческого общения – в эпоху кардинальных общественных перемен оказывается в наибольшем дефиците. Этот дефицит лимитирует возможность подрастающего поколения естественным путем удовлетворять свои гедонистические и фелицитологические потребности (потребности в удовольствии и счастье от общения со значимыми близкими), формировать свой индивидуальный (уникальный) ЗОЖ, которое происходит в сфере реализации ценностных ориентаций: **III. «Я и мои друзья», IV. «Я и окружающее общество».**

Влияние семьи на здоровье детей может быть представлено посредством анализа тех функций, которые она призвана выполнять (в качестве особого социального института) в конкретном обществе на конкретном этапе его социально-экономического развития. Применительно к современному этапу развития российского общества социальные психологи выделяют целый ряд социально-психологических функций здоровьесбережения, детерминирующих в той или иной мере общее функционирование и воспроизводство физического и психологического здоровья старших и младших членов семейной ячейки.

«Активность семейной системы, – пишет социальный психолог Н.Н. Посысов, – приводящая к достижению соответствующего полезного результата, является многоаспектной и разнонаправленной. Брак нельзя свести к сексу. Он предопределяет весь образ жизни: труд, житейские радости, печали. Совместимость или несовместимость партнеров может быть должным образом оценена лишь в рамках семьи как единой поведенческой системы с доминирующими ценностями и определенным организационным паттерном»¹.

Помимо сексуально-эротической, имеют значение другие функции семьи, связанные с безопасностью, воспитанием детей, социальным обучением, а также развитием каждого из партнеров в отдельности и супружеской пары в

¹ Посысов Н.Н. Основы психологии семьи и семейного консультирования. – <https://psy.wikireading.ru/30684>

целом. Супружескую адаптацию следует рассматривать в более общей системе взаимоотношений, отражающих индивидуальные связи каждого из партнеров с родительской семьей и социальным окружением в целом.

Несколько иначе излагает свою точку зрения семейный психотерапевт Д. Фримен. Он считает, что основными функциями, делегируемыми членам семьи ее социальным окружением, являются:

- обеспечение выживания;
- защита семьи от внешних повреждающих факторов;
- забота членов семьи друг о друге;
- воспитание детей;
- создание физических, эмоциональных, социальных и экономических предпосылок для индивидуального развития членов семьи;
- поддержание их тесных эмоциональных связей друг с другом;
- социальный контроль над поведением друг друга¹.

На этапе первичной социализации детей одним из традиционных средств воспитательного воздействия старших на младших, формирование у последних устойчивых представлений и ценностных ориентаций на приобретение ЗОЖ традиционно является беседа-наставление

Как свидетельствует повседневная воспитательная работа старших поколений россиян с младшими, основным оружием воздействия традиционно остаётся БЕСЕДА. В опросе «Урал-2014» учащимся средних и старших классов ряда школ двух городов социологи предлагали ответить на вопрос: «О чем из предложенного перечня тем разговоров у тебя бывали беседы с родителями? Количество ответов не ограничивается»). Ниже представлены ответы юных уральцев о своём участии в беседах, связанных с необходимостью соблюдать гигиену и следить за своим здоровьем – см. табл. 2:

Таблица 2

Содержание валеологических бесед родителей с подростками в уральских городах (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Тематика «воспитательных» бесед между «отцами и детьми»	Группы	
	Екатеринбург / Лесной	Лесной: юноши / девушки
О вреде пристрастия к курению	43 / 44	46 / 43
О вреде пристрастия к алкоголю	36 / 38	42 / 35
О необходимости ежедневно чистить зубы и делать физзарядку	34 / 34	33 / 35
О вреде пристрастия к наркотикам	33 / 37	36 / 30
О вреде переедания и режиме правильного питания	32 / 31	21 / 39
О необходимости постоянного наблюдения у врача	13 / 15	11 / 19

Приведённые выше цифры дают определённое представление о частоте и направленности воспитательных бесед в родительских семьях. Не менее важным для оценки потенциальных возможностей такой формы воспитательного воздействия представляется эмоционально-психологическая характеристика самой процедуры межпоколенческого общения. Практика свидетельствует о наличии широкого диапазона «накала страстей» таких воспитательных экзерсисов. Обратимся, хотя бы, к синонимам словосочетания «воспитательная беседа», которые наш русский богатый язык (а за ним, соответственно, и богатая практика общения) подразделяет на следующие когорты: воспитательные, разъяснительные, душевные, душеспасительные, нравоучительные.:

Ещё большую многовариантность мы обнаруживаем в педагогическом механизме преемственности поколений при ситуативно-содержательном анализе межпоколенного воспитательного взаимодействия «ОТЦОВ и ДЕТЕЙ». Предлагаем наш вариант такого анализа:

СУТЬ ПРОГРЕШЕНИЯ	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АТТРИБУТИКА
<ul style="list-style-type: none"> – трудный подросток – нерадивый ученик – пропуски занятий – дурацкая выходка – маяться дурью 	<ul style="list-style-type: none"> – семейные разборки – родительское собрание – производственное совещание – товарищеский суд – совместные обеды
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ	ВЕРДИКТ-НАКАЗАНИЕ
<ul style="list-style-type: none"> – серьёзный разговор – выяснять отношения – неприятные разговоры – на повышенных тонах – учить жизни – читать нотации – допрос с пристрастием 	<ul style="list-style-type: none"> – домашнее задание – выставили за дверь – строгий выговор – хорошая взбучка – жуткий скандал – публичная порка – распускать кулаки
- по полной программе	

* * *

Стремление к здоровью и его основному способу достижения к *здоровому образу жизни* (ЗОЖ) можно рассматривать с позиции человеческих потребностей как общественных, так и личностных. ЗОЖ выражает и определён-

¹ Посысов Н.Н. Основы психологии семьи и семейного консультирования. – <https://psy.wikireading.ru/30684>

ную ориентированность деятельности личности в направлении укрепления и развития личного и общественного здоровья. Тем самым здоровый образ жизни связан с личностно-мотивационным воплощением индивидами своих социальных, психологических, физических возможностей и способностей. ЗОЖ в единстве его компонентов биологического и социального представляет собой социальную ценность, укрепление которой – важнейшая задача любого цивилизованного общества.

Факторами ЗОЖ являются: рациональное питание, оптимальная двигательная активность, соответствие жизнедеятельности биоритмам, рациональное чередование труда и отдыха, соответствие физических и умственных нагрузок возрасту, культивация положительных эмоций, сознательная гармонизация собственного внутреннего мира и управление поведением в соответствии с нравственными нормами общества, эротическая культура, отказ от вредных привычек, включающих злоупотребление наркотическими веществами (табак, алкоголь, наркотики и т.п.) и азартными играми (компьютерные игры и т.п.).

А как себе представляет себе ЗОЖ современные молодые люди и подростки? На вопрос нашим респондентам («Урал-2008») «Как Вы считаете, каковы составляющие поведения человека, ведущего здоровый образ жизни?» нами были получены следующие ответы – см. табл. 3:

Таблица 3

Феномен «Здоровый образ жизни» как его воспринимают в различных группах населения Урала (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

По мнению респондентов ЗОЖ – предполагает:	Группы			
	Учащиеся школ		Родители учащихся	Молодые рабочие
	город	село		
Отказ от вредных привычек (алкоголь, курение, переедание)	77	80	85	81
Регулярные занятия спортом, физкультурой	63	63	54	43
Правильное питание	60	52	67	62
Наблюдение за состоянием своего здоровья	43	48	45	34
Разумное сочетание физической и умственной нагрузок	36	30	44	32
Соблюдение режима дня	32	33	34	25
Поддержание гигиены тела	30	25	24	25

Симптоматично, что подавляющее большинство респондентов из разных социальных групп (97–99%) знают и выделяют те или иные факторы поведения, соответствующие ЗОЖ. В число наиболее существенных его детерминант, набравших по 60–80% голосов респондентами были включены; «Отказ от вредных привычек (алкоголь, курение, переедание)» (80–85%), «регулярные занятия спортом, физкультурой» (43–63%), «правильное питание» (52–74%) – см. табл. 3.

Авторы уверены, что феномен *здорового образа жизни* следует понимать, прежде всего, как активную деятельность людей, направленную на сохранение и улучшение здоровья, подразумевающую, прежде всего, такое поведение человека, которое отражает определенную жизненную позицию, направленную на сохранение и укрепление здоровья и основано на выполнении норм, правил и требований личной и общей гигиены. ЗОЖ включает в себя благоприятные условия жизнедеятельности человека, уровень его культуры и гигиенические навыки, позволяющие сохранять и укреплять здоровье, предупреждать развитие его нарушений и поддерживать оптимальное качество жизни.

«Понятие «культура здоровья», по мнению Е.Л. Семёновой, – *отражает качественно иную форму жизнедеятельности человека, направленную на регулирование его психофизических сил. Человек не ждет, когда у него появится болезнь, а переходит на такую форму управления организмом, когда формируется его способность самостоятельно восстанавливать истраченные в процессе жизнедеятельности жизненные силы*¹. Сущностью культуры здоровья является умелое управление человеком своими жизненными силами, когда отсутствует прямая вероятность болезни. Человек борется не с болезнью, а занимается таким регулированием своих психофизических сил, которые обеспечивают их самовосстановление. Объектом культуры здоровья является активно действующий здоровый организм. Человек не ждет, когда ослабнут защитные силы, данные ему от природы. Он осознает, что любая деятельность вызывает постепенное истощение физических и психических сил. Поэтому необходимо искусственным путем воздействовать на тело, не дожидаясь, пока появится какая-либо болезнь. Требуется научиться так управлять организмом, чтобы он восстанавливал те потери физических и психических сил, которые возникают в повседневной жизнедеятельности человека².

Данная культура строится не на страхе перед болезнью, а на позитивном переживании того удовлетворения, которое человеку дает здоровый организм. Если говорить об аксиологическом блоке культуры здоровья, то ее высшей ценностью является активно работающий организм, созданный личностью с помощью специальных действий. Кроме того, ценностями культуры здоровья являются: активная, деятельная, продолжительная жизнь, возможность творческой деятельности, любовь к окружающему миру, позволяющая в полной мере реализовать жизненный потенциал индивида.

Теоретически разрешение конфликта между желаемым и реальным уровнем самореализации субъекта в обществе возможно. Примером попытки сбалансировать стремление человека к максимальному удовлетворению своих потребностей с ограниченными возможностями социума их воплотить в реальность является «теория разумного само-

¹ Семенова Е. Л. Формирование культуры здоровья подрастающего поколения: проблемы становления и развития. Автореф. дисс. на соискание уч. степени к. социол. н. – Екатеринбург, 2004. – С. 12.

² Семенова Е. Л. Формирование культуры здоровья подрастающего поколения: Указ. соч., с. 12.

ограничения». Однако на практике оно затруднено из-за нежелания и неумения большинства людей разумно планировать свои средние- и долгосрочные планы, а также из-за целого ряда других обстоятельств психологического и мировоззренческого свойства.

Причина различного отношения индивидов к здоровью коренится, видимо, в противоречивой природе и сущности человека, что обуславливает и противоречивость его потребностей. Известный психолог С.Л. Рубинштейн отмечал, что потребности характеризуются пассивно-активным характером. Наличие двух моделей поведения (пассивной и активной; деструктивной и самосохраняющей) объясняется также широкими и очень разными адаптивно-компенсаторными возможностями отдельных индивидов.

Основой здесь является биологический инстинкт самосохранения человека, осознанный применительно к социально-культурным условиям существования. При этом важную роль в процессе осознания и принятия в качестве цели самосохраняющего поведения играет мировоззрение человека, его мироощущение. В случае альтернативного выбора между самосохраняющим и деструктивным поведением каждый человек опирается на свои представления о природе и сущности человека, иерархии социальных ценностей, здоровье, любви, красоте, материальном благополучии, общении с людьми и т.п.

Следует подчеркнуть, что мотивационная сфера каждой личности имеет свою специфику, влияющую на отношение к здоровью, на выбор той или иной модели поведения. Из практики известно, что смена, например, саморазрушительной модели поведения на созидательную, оздоровительную нередко происходит после критических событий в жизни человека в результате переосмысления им своих жизненных ценностей и изменения внутренней картины мира¹.

Одна из проблем сохранения здоровья населения – слабость целостной государственной политики в области здоровьесбережения. Периодами возникает «мода» на здоровье, но, как и всякая мода, она проходящая, недолговечная. В настоящее время, однако, осуществляются попытки поставить проблему моды на здоровье в качестве государственной перспективы здоровьесбережения. Несмотря на то, что ценность здоровья в нормативных представлениях повысилась, она не стала фактором сознания, осталась на уровне моды – реальное самосохранительное поведение не претерпело существенных изменений: по-прежнему много пьющих и курящих, нарушающих режим сна, отдыха и двигательной активности, не заботящихся о правильном питании и т.д.

Известно, что в православии к числу восьми греховных страстей отнесены: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордыня. Грех для христиан – это не просто проступок или провинность, но и саможелание не следовать заповеданному; а также нечто, противоречащее человеческой природе (ведь человек создан по образу и подобию Божию), порочность человеческого существа, проявление его падшей природы, которую он приобрёл при грехопадении.

Для того чтобы прояснить представления молодежи «о грехе», в той или иной мере связанной со здоровьем самого человека, его здоровьесбережением, в исследовании «Урал-2010» респондентам задавался вопрос: «Какие из перечисленных поступков, действий, на Ваш взгляд являются грехом?». Вот какие мы получили ответы (% от общего числа опрошенных в группе; в числителе – массив в целом – 680 чел.; в знаменателе – студенты, причисляющие себя к православию – 330 чел.):

Самоубийство	80 / 84
Аборт	72 / 78
Проституция	64 / 72
Гомосексуализм	52 / 56
Половые отношения до вступления в брак для ДЕВУШКИ	13 / 19
Половые отношения до брака для ЮНОШИ	9 / 13
Употребление легких наркотиков ²	50 / 63
Пьянство	43 / 50
Курение	25 / 33

Для заинтересованного и компетентного читателя, приведённые в таблице данные, на наш взгляд, являются серьёзным предметом для размышлений о состоянии не только духовной культуры и морали передового, наиболее образованного отряда российской молодёжи – студенчества³. Исследование показало, что соотносительная разница ценностных ориентаций и нравственных оценок большинства асоциальных проявлений в различных социально-демографических группах весьма незначительна. Так, «пьянство» не считают грехом 57% всех опрошенных студентов, в том числе 50% – «православные». Подобное, практически, «*межконфессиональное согласие*» мы зафиксировали и в других асоциальных ситуациях и проявлениях уральских студентов.

Небезынтересны и данные ответов на этот же вопрос двух групп студентов: мужчин и женщин. «Аборт» считают грехом – 66% мужчин-респондентов и 78% – женщин; «Гомосексуализм» – соответственно – 64 / 41%; «Проституция» – 59 / 69%; «Измена (жене/мужу)» – 57 / 65%; «Пьянство» – 37 / 48% и т.д.⁴.

¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2-х т. / Акад. пед. наук СССР. – Т. 1 [сост. и авт. коммент. К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский]. – М.: Педагогика, 1989. – 485 с.

² Абдрахманов М.Ш., Артюхов А.В., Ерченко В.А., Зверьянская Л.Г., Павлов Б.С., Рузанов В.И., Стожаров А.В., Терешин В.П. Наркомания и регион. – Надым: Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район, 2003. – 200 с.

³ Павлов Б.С. Профессор вуза в интерьере студенческих девиаций // Академический вестник ТГМУЭУП. 2014. – № 2 (28). – С. 382–388.

⁴ Павлов Б.С., Разикова Н.И., Подвысоцкий А.И. Верят ли в бога уральские студенты // Дискуссия. 2012. – № 8. – С. 104–110.

Кстати, в нашем проекте «Урал-2010» студентам задавались (в числе других) два взаимосвязанных вопроса: первый – «Верите ли Вы в БОГа и, если да, то к какому вероисповеданию себя относите?», второй – «Допускаете ли Вы возможность неверия в БОГа служителей церкви?» и третий – «Верите ли Вы в то, что БОГ наказывает людей за их прегрешения?». Полученные нами данные не могут не заинтересовать не только самих «Верных служителей Бога на Земле», но и всех тех, кто серьёзно и упорно утверждает о том, что российское студенчество «повернулось, наконец, к БОГУ», «внимает его заветам», «следует его мирским заповедям» и «боится наказания божьего»... Ой – ли?

Из числа тех студентов, кто не верит в БОГа, почти половина (46 %) допускают лицемерие священнослужителей, то есть «служат БОГУ, не веря в его существование», а 35% – не допускают такого «кошунства (остальные 19% – затруднились ответить на такой «щекотливый вопрос»)». Немногим отличается диспозиция ответов на эти три вопроса и в другой, «верующей в БОГа», группе студентов: соответственно 34 / 40 / 26%.

Ну, а теперь о «неминуемости наказаний за прегрешения». Из числа тех студентов, которые не допускают лицемерия священнослужителей 55% верят в неотвратимость «кары божьей» и 34% – не верят (11% – не ответили на вопрос). Среди «критически настроенных» студентов (допускающих лицемерие) – эти три показателя соответственно равны: 26 / 51 / 23%.

Гарантией самосохраняющего поведения в трудных жизненных ситуациях является привычка вести ЗОЖ, опыт преодоления стрессовых ситуаций с помощью адекватных и социально одобряемых форм рекреации (умеренные физические нагрузки, водные процедуры, обращение к художественным ценностям, конструктивное общение с родными и близкими и т.д.). Однако в современных условиях именно эти формы рекреации недостаточно популярны среди россиян. Анализ здоровьесберегающего поведения молодежи сегодня имеет не только теоретический, но и четко выраженный прикладной характер. Уточним некоторые социолого-валеологические аспекты данного явления.

Целостность человеческой личности проявляется, прежде всего, во взаимосвязи и взаимодействии психических и физических сил организма. Гармония психофизических сил организма повышает резервы здоровья, создает условия для творческого самовыражения в различных областях нашей жизни. Активный и здоровый человек надолго сохраняет молодость, продолжая созидательную деятельность. Между тем, по имеющимся данным большая часть старших школьников и студентов отдают явное предпочтение развитию не физических, а социально-психологических качеств. Это означает, что средства физической культуры должны быть направлены на выработку у учащейся молодежи формирующих социально-психологических имиджеобразующих качеств: уверенности, успешности, самостоятельности, коммуникабельности, независимости, мужественности (женственности).

Еще Гиппократ писал: «Как суконщики чистят сукна, выбивая их от пыли, так гимнастика очищает организм». Занятия гигиенической гимнастикой не исключают её превращения в тренировочную. Тогда к ней добавляют специальные упражнения на гибкость, силу, прыгучесть, равновесие, ловкость, выносливость. Это бег, прыжки в длину и высоту и пр. Попытаемся выяснить: насколько активно и как «двигаются» наши современники на Урале в различных возрастных группах. На вопрос нашим респондентам «Ваше участие в спорте» («Урал-2008») – нами были получены следующие ответы

Таблица 4

Виды формы занятий физической культуры, практикуемые у различных групп уральского населения (% от общего числа опрошенных по каждой группе):

Виды занятий	Учащиеся школ		Родители 35–50 лет	Рабочие 18–30 лет
	города	села		
Занимаюсь в спортивной секции	24	31	2,7	4,1
Люблю плавать	24	17	20	15
Индивидуально катаюсь на коньках	15	10	8	10
Езжу на мотоцикле, велосипеде	15	16	3	6
Делаю физзарядку	более или менее регулярно		14	6
	от случая к случаю		19	22
Иногда участвую в соревнованиях	13	18	3,3	6
Сам индивидуально:	хожу на лыжах		11	11
	занимаюсь бегом		10	3,6
В настоящее время спортом не занимаюсь, к сожалению, нет времени и условий	8	9	-	31

Сравнительно меньшее распространение в подростковой среде на Урале получили следующие виды спорта (% от общего числа опрошенных: в числителе городских – 900 чел. и, в знаменателе сельских подростков – 540 чел):

– ходят в тренажёрный зал	– 9 / 9
– ходят в турпоходы	– 7 / 8
– играют в шахматы	– 7 / 4
– занимаются гириями, гантелями	– 7 / 3,3

В предпочтениях к тем или иным видам спортивных занятий наиболее существенен гендерный признак. Ниже представлены сравнительные ответы городских юношей и девушек (% от общего числа ответивших городских учащихся: в числителе – юношей – 450 чел. и, в знаменателе – девушек – 448 чел.)

– делаю физзарядку более или менее регулярно	– 14 / 14
– занимаюсь в спортивной секции	– 32 / 18
– иногда участвую в соревнованиях	– 15 / 12
– занимаются бегом	– 12 / 7
– хожу в тренажёрный зал	– 11 / 7
– ходят на лыжах	– 13 / 11
– катаются на коньках	– 11 / 20

* * *

В исследовании «Урал-2018» студентам из семи российских вузов предлагалось ответить на вопрос: анкеты: «На какие основные расходы у Вас, как правило, не хватает денег?». Судя по ответам 1000 молодых людей, им не хватает денег в целом на следующие статьи расходов (% общего числа опрошенных – 1000 чел.):

– на путешествия, поездки – 64	– на оплату учебы – 13
– на организацию общения с друзьями – 38	– на питание – 13
– на поддержание здоровья, лечение – 24;	– на оплату жилья – 11

Нетрудно видеть, что в настоящее время подавляющее большинство, опрошенных нами, уральских и «прикаспийских» студентов технических вузов особо «не страдают» от нехватки денег для удовлетворения «обязательных» витальных и административных нужд и потребностей своего студенческого бытия (питание, жильё, одежда, оплата учёбы). К числу «неудовлетворённых» потребностей большая часть респондентов отнесла такие виды своей внеучебной деятельности, как путешествия, встречи с друзьями и подругами, сопровождающимися, как правило, соответствующей увеселительной экипировкой и «обустройством»¹.

На первый взгляд, не могут не радовать признания большинства молодых людей, что у них «нет неудовлетворённых потребностей в реабилитации своего здоровья»: лишь каждый четвёртый (24%) «пожаловался» в анкете, что ему не хватает денег «на поддержание здоровья, лечение». Подобную материально-денежную обеспеченность молодых людей можно объяснить, с одной стороны, отсутствием у большинства объективных оснований для «лечения» отсутствующих в большинстве своём в молодом возрасте заболеваний и хворей», а, с другой, более пристальное внимание родителей к этой статье расходов своих детей и соответствующие послабления в политике «обязательности/необязательности» семейного финансирования их жизнедеятельности во время учёбы в вузе².

Припомним шуточный студенческий слоган: «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, которое у нас ЕСТЬ – это ДЕНЬГИ, которых у нас НЕТ». В том же исследовании «Урал-2018» в анкете 1000 уральским студентам в анкете задавался вопрос: «Представьте себе, что у Вас лично ежедневно «появились» 1–2 часа ничем не занятого времени. На что бы Вы «потратили» это своё свободное время? Вот какие результаты были получены нами – табл. 5.

Таблица 5

Виды и формы досуговых занятий студентов на Урале, на которые у них, как правило, «не хватает времени» (% от общего числа опрошенных по каждому вузу).

Виды и формы занятий в свободное время		Вузы				
		УрФУ	ЮУрГУ	УрГАУ	УрГУПС	АГАСУ
Времени, как правило НЕ ХВАТАЕТ НА:	занятия физической культурой, спортом	50	39	46	28	48
	хозяйственно-бытовые дела	27	18	16	31	27
	прогулки на свежем воздухе	36	35	23	40	50
	дополнительную подработку	22	31	38	16	31
	дополнительные учебные занятия	31	11	7	3	18
	езду на мотоцикле, машине	12	23	10	8	16
	общение со своими друзьями	58	47	30	51	51
	посещение кафе, дискотеки	14	15	16	18	13
«Посидеть» в Интернете, «полазить» по сетям	29	21	19	15	33	

Дефицит времени у студента на то или иное занятие – это с одной стороны – показатель его нереализованной потребности в этом виде деятельности, а, с другой, – отражение его инфантилизма в сфере организации своей жизнедеятельности. Одновременно, существенная пестрота и дифференциация полученных цифр по разным видам занятий и в разных вузах это и характеристика эффективности организации учебной и внеучебной деятельности студентов в том или ином вузе³.

Естественно, преобладающая мотивация ответа «хорошее здоровье» связана с низким уровнем доходов большей части населения страны. Нельзя забывать: здоровый человек обладает высокой работоспособностью и, следова-

¹ Костина Н.Б., Павлов Б.С. Услуги в большом городе как стимул к деятельности и фактор интеграции // Вестник ВЭГУ. 2014. – № 1 (69). – С. 52–63.

² Павлов Б.С., Анисимов С.А. Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН; Физико-технологический институт Уральского федерального университета. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – С. 59–74.

³ Павлов Б.С., Павлова В.И., Камскова Ю.Г., Сарайкин Д.А., Сарайкин А.М. Девиации уральских студентов в преддверии получения профессионального статуса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. – № 12. – С. 248–258.

тельно, может выполнить больше работы и получить более высокую оплату. Таким образом, через укрепление здоровья можно повысить и уровень благосостояния, расширив, тем самым, и возможности сохранения здоровья и ведения здорового образа жизни. Нельзя не учитывать и другое. Дополнительный анализ, как правило, показывает, что высокое место в структуре ценностей здоровье занимает преимущественно потому, что оно способствует достижению многих других целей и потребностей человека как единственное средство в трудных условиях сегодняшней экономической и социальной реальности. Иначе говоря, здоровье нередко становится предметом жестокой самоэксплуатации, средством «добывания денег» и других материальных благ.

Современное общество, в целом, не рассматривает хорошее здоровье как экономическую категорию. Здоровый человек не имеет практически никаких экономических и социально-психологических преимуществ перед больным, иногда бывает даже «удобно», «выгодно» поболеть или иметь хроническое заболевание, инвалидность. Более того, бытовые разговоры о заболеваниях, недомоганиях (особенно связанные с профессиональной деятельностью) являются некоторым имиджеобразующим, релаксационным и социально-коммуникативным фактором.

Очевидно, формирование моды на здоровье не должно подменять формирование культуры здоровья и физической культуры личности, прежде всего. Главным проводником культурных ценностей в период детства-юности являются учебные заведения, в которых основной формой функционирования физической культуры является неспецифическое физкультурное образование. Необходимо учитывать, что заставить директивами или прямым принуждением воспитывать в себе личную физическую культуру невозможно. Остаётся косвенно воздействовать на человека, через его субъективные цели. Но субъективные цели формируются в русле общественных целей. Следовательно, до тех пор, пока реальной (возможно даже вынужденной) целью развития общества не будет здоровый человек, надежд на массовость в индивидуальном здоровьесформировании не много.

В целом в российском обществе не стыдно иметь заболевания и быть нездоровым.

Сложность решения поставленной задачи состоит в том, что ЗОЖ – производное многих составляющих в их диалектической взаимосвязи. Поэтому предупреждение и нейтрализация отрицательных факторов, деформирующих здоровье людей, предполагает интегративный комплекс мер социально-экономического, правового, экологического, образовательно-воспитательного, лечебно-профилактического, культурно-просветительного и организационного порядка. Другая сложность обусловлена отсутствием интегральной междисциплинарной концепции как конкретной научно-практической основы проектирования и формирования образа жизни, адекватного требованиям здоровья. Большинство однофакторных и многофакторных профилактических программ, например по борьбе с курением, артериальной гипертонией, избыточной массой тела, низкой физической активностью, не доказали своей эффективности в отношении снижения общей смертности населения¹.

* * *

В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали один из важнейших законов общественного развития, который за последнее столетие никем не опровергался. Суть его в том, что производство и воспроизводство общественной жизни на Земле представляет собой целостный процесс, состоящий из двух органически связанных между собой частей: а) производства и воспроизводства материальной, предметной жизни; б) производства и воспроизводства социальной, духовной жизни, самого человека. Эти процессы происходят одновременно, взаимодействуя и непосредственно влияя друг на друга.

Здоровье человека, здоровый образ жизни отдельного этноса или социума (общества) играет решающую роль в обоих этих процессах и воспроизводстве общественной жизни в целом. Физически больные или духовно ущербные люди могут воспроизвести лишь себе подобное потомство с ущербным генофондом, т.е. продолжить процесс выживания этноса и ускорить его историческую кончину. К этому ли стремиться?

Хочется предостеречь читателя относительно возможного поспешного вывода: дескать, некоторые приводимые цифровые материалы чуть ли не десятилетней давности... и сегодня они во многом потеряли свою актуальность... ТАК ЛИ ЭТО? При всей кажущейся быстротечности нашей повседневной жизни наиболее устойчивыми и консервативными в жизни каждого народа (нации) остаются традиции, обычаи, привычки, передающиеся в семье от поколения к поколению. Наиболее ценным для передачи по наследству от отцов к детям является генетическая программа здоровья и жизнестойкости конкретного индивида. Посредством социально-психологического механизма преемственности поколений от родителей к детям переходит, как правило, и характер отношения к своему здоровью, навыки и привычки его сохранения в долгосрочной жизненной программе. Не желая того передаются и «навыки» небрежности, невнимательности, игнорирования, а иногда и показная бравада, неоправданные риски своим здоровьем, поиском превентивных мер с целью своего здоровьесбережения.

Помимо конкретных мер и средств для охраны своего здоровья и лечения возникающих болезней, многочисленные, сменяющие друг друга поколения каждого народа накопили непреходящей важности, мудрые советы, наидания, напутствия, наказы, «спрессованные» в пословицы, поговорки, изречения, афоризмы, побасёнки. Пользуясь случаем, рад познакомить читателей с некоторым валеологическим наследием русскоязычного народа. Итак, что же настоятельно советуют нам наши «дедушки» и «бабушки» в пословицах и поговорках:

¹ Павлов Б.С. Диссонанс потребительских притязаний и трудовой активности в молодёжной среде на Урале // Уровень жизни населения регионов России. 2015. – № 4. – С. 153–164.

Болезнь и поросенка не красит
Болен – лечись, а здоров – берегись
Больному и золотая кровать не поможет
В здоровом теле – здоровый дух
Врач, исцели себя самого
Где просто, там живут лет со сто
Где здоровье, там и красота
Здоровье потерял – все потерял
Каждому своя болезнь тяжела
Курить – здоровью вредить
Здоровому врач не надобен
Больна жена мужу не мила

Других лечить беремся, а сами больны
Ешь, да не жирей – будешь здоровей
Живи с разумом, так и лекарок не надо
Здоровье не купишь – его разум дарит
Здоровьем слаб, так и духом не герой

Лекарь свой карман лечит
Лук с чесноком родные братья
На болячку не молись, а лечись
Не всяк умирает, кто хворает
Не дай бог лечиться да судиться
Не рад больной и золотой кровати
Ранить легче, чем лечить
Румянами хворь не лечат
Ум да здоровье дороже всего
Умеренность – мать здоровья
Чеснок да лук от семи недуг
Чистая вода – для хвори беда

Не спрашивай здоровья, гляди в лицо
С курами ложись, с петухами вставай
Сладко естся, так плохо спится
Хороший (добрый) повар стоит доктора
У кого что болит, тот о том и говорит

Подобные заветы старших поколений – молодым можно найти и у большинства других народов... Другое дело – насколько прислушиваются к этим советам наши молодые современники...

Попова Л.А.

д.э.н., доцент, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН

popova@iespn.komisc.ru

Зорина Е.Н.

н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА¹

Ключевые слова: демографическое старение, население пенсионного возраста, активное долголетие, ресурсный потенциал, трудовая деятельность, повседневная занятость, Республика Коми.

Keywords: demographic aging, population of retirement age, active longevity, resource potential, labor activity, daily employment, Komi Republic.

В последнее время в России значительно ускорился процесс демографического старения, т.е. увеличения доли пожилых людей в общей численности населения. Страна перешла к западной модели постарения, которая характеризуется старением «сверху» – за счет сокращения смертности в старших возрастах, сопровождающегося некоторым ростом числа детей. С 2005 г. в России увеличивается не только доля населения старше трудоспособного возраста, но и его абсолютная численность². Поэтому исследования по проблемам постарения, которое имеет разнообразные аспекты и многочисленные экономические, социальные и политические последствия, приобретают все большую актуальность.

При подготовке Второй Всемирной ассамблеи ООН по старению населения, которая состоялась в 2002 г., Всемирной организацией здравоохранения была сформулирована Концепция и стратегия активного долголетия³. По определению ВОЗ, активное долголетие состоит в оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и безопасности с целью повышения качества жизни людей в ходе их старения. В соответствии с этим определением были сформулированы действия для сохранения и улучшения здоровья людей пожилого возраста, их вовлечения в различные сферы общественной жизни, включая экономическую, а также для создания безопасного окружения – физического, психологического, социального. Европейская экономическая комиссия ООН определила активное старение как ситуацию, когда люди, старея, продолжают быть формально занятыми на рынке труда или участвуют в неоплачиваемых производительных деятельности (забота о членах семьи и волонтерство), живут здоровой, независимой и безопасной жизнью⁴. Комиссией рассматриваются такие направления активного старения: занятость (уровни занятости в разных пожилых возрастных группах); участие в сообществе (волонтерство, забота о детях и внуках, забота о других взрослых, политическое участие); независимость, здоровье и безопасность жизни и (физическая активность, доступ к здравоохранению, независимость проживания, экономическая безопасность, физическая безопасность); возможности и благоприятные условия для активного старения (ожидаемая продолжительность жизни в 55 лет, доля здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни в 55 лет, ментальное здоровье, использование информационно-коммуникационных технологий, социальные связи, образовательные ресурсы)⁵.

В России социально-демографическая политика, направленная на создание условий для активного долголетия, опирается на определенную в 2016 г. Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года⁶. Этот документ направлен на создание условий для активного долголетия: на сохранение здоровья, физической активности, развитие культурных интересов, обеспечение условий для участия в социальной жи-

¹ Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-7-24 «Демографическое старение России: региональные особенности, последствия, государственная социальная политика» и при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80 плюс»).

² Официальный сайт Росстата. – <http://www.gks.ru/>

³ Active Ageing – A Policy Framework: a contribution of the World Health Organization to the Second United Nations World Assembly on Ageing, Madrid, Spain, April 2002. – Geneva: World Health Organization, 2002.

⁴ Active Ageing Index 2014: Analytical Report. UNECE/European Commission. 2015.

⁵ Kutubaeva R.Zh. Analysis of life satisfaction of the elderly population on the example of Sweden, Austria and Germany // Population and Economics. 2019. – Vol. 3, N 3. – P. 102–116. – <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e47192>

⁶ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. – <http://pensionreform.ru/files/107379/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0>

ни. В 2018 г. во исполнение майского указа Президента¹ был разработан национальный проект «Демография» на 2019–2024 гг., включающий пять федеральных проектов, в том числе «Старшее поколение». Этот проект посвящен в основном вопросам здоровья пожилых людей, но в составе целевых показателей содержит также показатель «Численность граждан предпенсионного возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование». А при осуществлении мониторинга результатов реализации региональных программ проекта, включающих мероприятия по увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни, предполагается оценка не только состояния здоровья граждан старше трудоспособного возраста, но и количество граждан старшего поколения, занимающихся физической культурой и спортом на вновь созданных объектах, а также прошедших переподготовку и подготовку на специально организованных курсах, в том числе по вопросам компьютерной грамотности².

В рамках исследования проблем реализации активного долголетия ранее нами были рассмотрены вопросы здоровья населения старшего возраста в контексте заявленных в России целей в области продолжительности жизни населения³ и на примере Республики Коми была оценена динамика состояния здоровья пожилых людей в условиях разрывания в стране новой кампании диспансеризации взрослого населения⁴. Наряду с развитием здравоохранения, в том числе специализированной медицины, с усилением и совершенствованием работы по пропаганде здорового образа жизни, по формированию ответственного отношения граждан всех возрастов к своему здоровью, профилактике основных модифицируемых факторов риска развития хронических заболеваний, с ранним выявлением и адекватным лечением выявленных болезней, сохранение здоровья населения старшего возраста неразрывно связано с продлением продолжительности полноценной, активной жизни, которая во многом определяется вовлечением в трудовую деятельность. Целью данной статьи является рассмотрение вопросов реализации ресурсного потенциала населения пенсионного возраста в сфере труда: оценка уровня и особенностей трудовой деятельности работающих пенсионеров и повседневной занятости неработающих.

Информационной базой исследования являются данные официальной государственной статистики и результаты социологического исследования «Проблемы третьего возраста», проведенного нами на территории Республики Коми в 2018 г. (опрошено 1521 человек старше 55 лет, выборка подробно описана в одной из наших работ⁵). Отдельные вопросы будут проанализированы в сравнении с ранее проведенным аналогичным исследованием (в 2013 г. было опрошено 932 человека указанного возраста, выборка и результаты описаны в монографии⁶). При разных объемах выборочных совокупностей их основные характеристики (по полу, возрасту, типу поселения, уровню образования, семейному статусу) являются почти идентичными, что позволяет сравнивать результаты двух исследований. Кроме гендерного распределения респондентов, характеристики выборок практически соответствуют генеральной совокупности населения старше 55 лет. Заметное превышение доли женщин (в обеих выборках 75% женщин по сравнению с 63% в генеральной совокупности) объясняется частым отказом мужчин от участия в опросах.

Реализация активного долголетия во многом зависит от возможности продолжения человеком трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста – при наличии у него желания работать и физических способностей для этого. Объяснение работы в пенсионном возрасте лишь экономическими мотивами, нуждаемостью и недостатком пенсионного обеспечения является ошибочным – важнейшим стимулом для продолжения трудовой занятости после выхода на пенсию остается востребованность и включенность в социальные и профессиональные отношения⁷. По мнению геронтологов, с одной стороны, следует исключить любые формы возрастной дискриминации в отношении трудовой деятельности: возраст не должен быть препятствием для продолжения работы или учебы, если для этого нет каких-либо других ограничений. А с другой стороны, надо активизировать самих пожилых людей, постоянно напоминая им, что процесс индивидуального старения ускоряется при резком снижении физической, интеллектуальной и трудовой нагрузки.

На протяжении 2000-х годов доля работающих пенсионеров по возрасту в России устойчиво увеличивалась, достигнув в 2015–2016 гг. практически 40% (рис. 1). В Республике Коми занятость пенсионеров традиционно превышает общероссийский уровень, поскольку определенный для северных территорий льготный возраст назначения пенсии по возрасту обуславливает здесь заметный процент молодых пенсионеров. В 2011–2015 гг. удельный вес официально работающих пенсионеров по возрасту был в регионе выше 50%. Однако по данным на 1 января 2017 г. в Российской Федерации были заняты лишь 24,4% пенсионеров⁸. В Республике Коми резкое снижение занятости произош-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>

² Национальный проект «Демография» (2018). Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. – <https://rosmintrud.ru/ministry/programs/demography>

³ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Состояние здоровья населения старшего возраста в регионе как фактор увеличения продолжительности жизни // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 700–705.

⁴ Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Оценка состояния здоровья пожилых людей в условиях новой кампании диспансеризации населения (на примере Республики Коми) // Социальное пространство. 2019. – № 5. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.8

⁵ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Состояние здоровья населения старшего возраста в регионе как фактор увеличения продолжительности жизни // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 700–705.

⁶ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России. – Сызьтывкар, 2014.

⁷ Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. – № 4. – С. 62–93.

⁸ Официальный сайт Росстата. – <http://www.gks.ru/>

ло уже к началу 2016 г.: с 53,3% на 1 января 2015 г. до 33,0% на начало 2016 г., что оказалось ниже, чем в целом по стране, и до 31,7% в начале 2017 г.¹ (данных по последним годам Комистат пока не предоставляет).

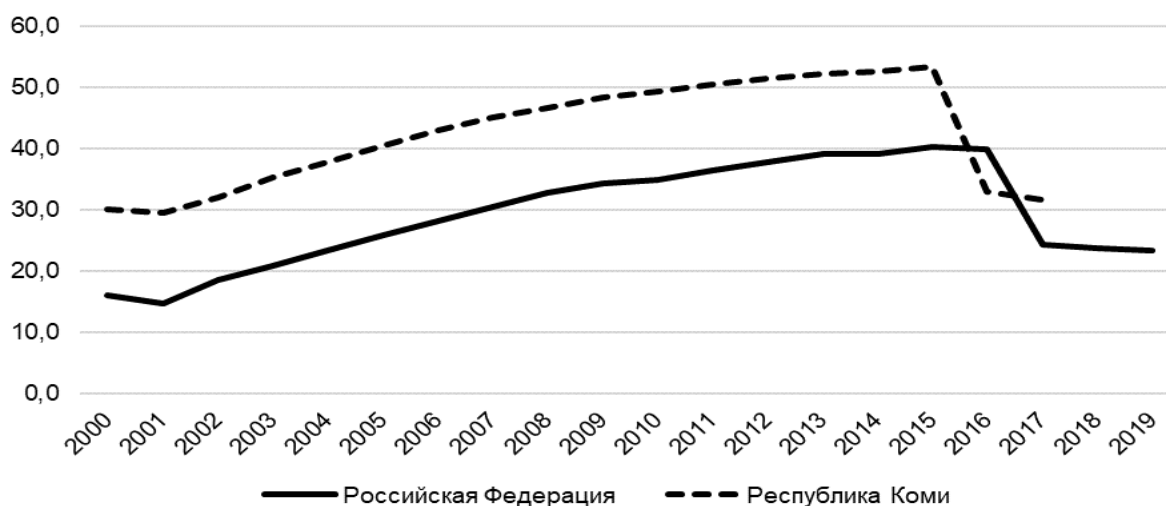

Рисунок 1.
Доля работающих пенсионеров по возрасту в Российской Федерации и Республики Коми в 2000–2019 гг.

Такое значительное сокращение занятости пенсионеров по возрасту обусловлено вступлением в силу Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 385-ФЗ², который приостановил индексацию пенсий работающим пенсионерам, и свидетельствует о том, что, как минимум, треть занятых в экономике пенсионеров получали за свою работу очень незначительный доход, который определенным образом сопоставим с потерями в размере пенсии, в том числе и перспективными, в связи с прекращением ее индексации. В северных регионах, где размер пенсии выше, чем в целом по стране (в Коми средний размер пенсии по возрасту в 2015–2016 гг. составлял 16,3–16,7 тыс. руб.³ в сравнении с 11,6–12,8 тыс. в среднем по России⁴), а ее индексация накапливается с более молодых возрастов и, соответственно, острее чувствуется на психологическом уровне, официально работающие пенсионеры быстрее отреагировали на приостановку индексации. Часть «ушла в тень», т.е. они продолжают трудиться, но уже в рамках неформальной занятости. Часть вынуждена была прекратить трудовую деятельность, что не только сократило уровень их доходов и в целом снизило использование трудового потенциала людей пенсионного возраста, но и способствовало уменьшению продолжительности активной жизни населения.

В обследовании «Проблемы третьего возраста», которое было посвящено исследованию уровня и качества жизни населения старшего возраста, выявлению основных проблем пожилых людей, их здоровья и социального самочувствия, ресурсов и возможностей, был блок вопросов, посвященных занятости. На вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?» треть опрошенных в 2018 г. (33,7%) ответили утвердительно, что практически соответствует уровню официальной занятости пенсионеров последних лет, т.е. свидетельствует о достаточной близости выборки обследования по этой характеристике с генеральной совокупностью, что повышает достоверность анализа вопросов занятости.

Почти две трети занятых респондентов (65,9%) работают полную трудовую неделю по прежнему месту работы (табл. 1). Еще 7,0% трудятся на старом месте в рамках частичной занятости. Т.е. более 70% экономически активных участников опроса (что составляет почти четверть всех опрошенных) работают на своих прежних рабочих местах. 16,2% работающих респондентов заняты полную неделю на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и пр.), 6,6% работающих трудятся на такой работе на часть ставки. 2,5% занятых лиц старше 55 лет являются владельцами собственного бизнеса. Остальные 1,8% работающих пенсионеров ответили, что работают на дому, занимаются сетевым маркетингом, работают по своей специальности на полную ставку в другой организации, трудятся в общественной организации. Распределение видов и форм трудовой деятельности людей старше 55 лет в 2018 г. очень близко к распределению, полученному нами в 2013 г.⁵ По-видимому, это достаточно устойчивая структура занятости населения старшего возраста в регионе.

С возрастом процент занятых пенсионеров, безусловно, убывает. Среди участников опроса моложе 60 лет работают 63,3%, и свыше 75% из них заняты полную рабочую неделю по прежнему месту работы. В следующей группе 60–64 лет трудятся 39,5% респондентов, 60% которых работают в рамках полной занятости на прежнем месте. В группе 65–69 лет заняты 23,4% опрошенных. Из них на старом рабочем месте на полную ставку – немногим больше

¹ Статистический ежегодник Республики Коми. 2018: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2018.

² Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий». – <http://base.garant.ru/71294564/>

³ Статистический ежегодник Республики Коми. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018.

⁴ Официальный сайт Росстата. – <http://www.gks.ru/>

⁵ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России. – Сыктывкар, 2014. – С. 45.

половины (53,8%). В 70–74 лет работают 8,2% респондентов, чуть более трети которых (35,7%) трудятся на прежнем месте полный рабочий день. В 75–79 лет заняты 5,7% опрошенных, треть из них – по старому месту работы.

По сравнению с 2013 г. немного увеличился уровень занятости молодых пенсионеров, и заметно уменьшилась доля работающих пенсионеров старше 65 лет. По всей видимости, резкое сокращение занятости пенсионеров по возрасту после приостановки индексации пенсии для работающих пенсионеров произошло за счет старших возрастных категорий, которые уже имели возможность реально ощутить прибавку к пенсии ежегодных индексаций.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Если Вы работаете, то как Вы можете охарактеризовать свою работу?»

Варианты ответов	Валидный % (от количества работающих: 513 чел.)	Общий % (от количества участников опроса: 1521 чел.)
Работаю полную трудовую неделю по прежнему месту работы	65,9	22,2
Работаю на часть ставки (несколько дней) по прежнему месту работы	7,0	2,4
Работаю полную трудовую неделю на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщница и пр.)	16,2	5,5
Работаю на часть ставки (несколько дней) на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщница и пр.)	6,6	2,2
Работаю на себя (у меня свой бизнес)	2,5	0,9
Занимаюсь сетевым маркетингом (распространение продукции)	0,4	0,1
Работаю на дому	0,8	0,3
Другое	0,6	0,2
Всего	100,0	33,7

Мы видим, что как и в 2013 г. с возрастом снижается не только доля работающих пенсионеров, что вполне закономерно, но в их составе сокращается процент занятых по прежнему месту работы, т.е. пожилые люди постепенно вытесняются со своих рабочих мест. Часто достижение или даже приближение пенсионного возраста сильно ухудшает позиции работников на внутреннем рынке родного предприятия, которому они, возможно, посвятили большую часть жизни. При этом лица старших возрастов имеют в России низкую конкурентоспособность на внешнем рынке труда. В старших трудоспособных и пенсионных возрастах довольно трудно устроиться на новое место работы по специальности – людям старших возрастов часто приходится довольствоваться более простыми формами занятости, как правило, сопровождаемыми временным или частичным наймом.

Проблема дискриминации пожилых работников появилась в России и стала набирать остроту в период социально-экономических реформ 1990-х годов, когда рынок труда в стране только зарождался. Резкое сокращение производства и традиционных рабочих мест на госпредприятиях сопровождалось вытеснением пенсионеров из сферы занятости, а «новые» работодатели предпочитали принимать на работу молодых работников. С самого начала 1990-х годов на российском рынке труда проявилась открытая форма дискриминации по возрасту: широкое распространение получили объявления о вакансиях, в которых основной акцент делался на возрасте желаемых работников. Лишь в 2013 г. были приняты поправки в Федеральный закон «О занятости населения» № 1032-1, запрещающие дискриминацию в объявлениях о вакантных рабочих местах.¹ Это несколько улучшило ситуацию, тем не менее скрытые дискриминационные практики остались. Особенно при приеме на «хорошую», т.е. высокооплачиваемую, работу, на которую работодателями неофициально введен ценз в 35–40 лет.² При этом в России именно потенциальный работник должен будет доказать в суде факт возрастной дискриминации при отказе в приеме на работу, а на работодателя распространяется презумпция невиновности, в то время как в странах Евросоюза, США и Канаде подход к доказыванию вины в случаях дискриминации принципиально иной: там работодатель обязан доказать, что принцип равноправия не был нарушен.³

Как и в 2013 г., прослеживается четкая прямая зависимость занятости населения старше 55 лет от уровня образования. Тот или иной вид трудовой деятельности отметили 46% респондентов с высшим образованием. Подавляющее большинство из них (83%) трудятся на прежнем рабочем месте: 75% на полную ставку, 8% – на часть. Среди пенсионеров со средним специальным образованием работают 33%, из которых 72% заняты на прежней работе: 66% на полную ставку и 6% на часть. С начальным профессиональным образованием заняты 20% пожилых людей, среди пенсионеров без профессионального образования – 16%. Доли работающих на прежних рабочих местах у этих категорий также заметно ниже (соответственно, 45 и 41%). Отчасти, конечно, прямая связь занятости от образования может быть связана с тем, что более высоким образованием характеризуются молодые возрастные категории пенсионеров, но по отдельным возрастным группам также прослеживается прямая связь с уровнем образования.

Сильно различается уровень занятости пенсионеров по типу населенных пунктов. В городской местности работают 39% опрошенных лиц старше 55 лет, в поселках городского типа 26%, в сельской местности – 25%. Различия обусловлены не столько возможностями сохранения прежнего места работы в разных типах поселений, сколько про-

¹ Хоткина З.А. «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народнонаселение. 2013. – № 3. – С. 27–37.

² Левинсон А.Г. Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2011. – Т. 109, № 3. – С. 52–81.

³ Хоткина З.А. «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народнонаселение. 2013. – № 3. – С. 27–37.

блематичностью в небольших населенных пунктах найти работу, на которую в городе обычно устраиваются пенсионеры. В поселках и особенно в сельской местности таких рабочих мест немного, и заполняются они в основном населением трудоспособного возраста.

Несмотря на то, что средний возраст мужчин в массиве опрошенных несколько ниже среднего возраста женщин (65 и 66 лет, соответственно), и средневзвешенная субъективная оценка своего здоровья у мужчин немного выше, чем у женщин (5,5 и 5,3 баллов из 9), уровень женской занятости оказался заметно выше мужского: 35% против 29% у мужчин. При этом, как и в 2013 г., женщины пенсионного возраста гораздо чаще мужчин продолжают трудиться по прежнему месту работы: 75% против 65%. Очевидно, что женщины в большей степени стараются держаться прежнего рабочего места, даже с потерей в оплате при переходе на часть ставки, в то время как мужчины, настроенные на продолжение трудовой деятельности, активней ведут себя в поисках новой работы на текущем рынке труда или занимаются своим бизнесом. 5,6% работающих мужчин старше 55 лет указали, что работают на себя, по сравнению с 1,7% среди женщин.

Практически две трети, 66,3% участников опроса, не работают. Почти все из них ответили на вопрос о причинах своей незанятости, некоторые отметили несколько вариантов ответов. Подавляющее большинство (почти 64% неработающих опрошенных старше 55 лет) указали в качестве причины незанятости, что они на пенсии – заслужили отдых (табл. 2). Т.е. достижение пенсионного возраста является вполне достаточной причиной для ухода с работы. Здесь необходимо отметить, что в 2013 г. это был открытый вопрос, и опрашиваемые сами сформулировали варианты ответов (среди которых вариант про право на пенсионное обеспечение тогда оказался самым распространенным), которые в 2018 г. мы и предложили в виде готовых подсказок. 17% неработающих пенсионеров выбрали подсказку, что работать им уже не позволяет возраст. Распространенными такие ответы становятся после 75 лет. Также 17% респондентов указали на состояние здоровья. Наиболее часто этот ответ встречается в самой молодой возрастной группе опрошенных, что свидетельствует о том, что в 55-59 лет именно состояние здоровья играет существенную роль для принятия решения продолжать ли трудовую деятельность. Для молодых же пенсионеров заметную роль для ухода с работы играют основания, связанные с необходимостью воспитания внуков и ухода за больными или престарелыми родственниками. Это чаще женские причины. В сельской местности довольно заметное значение имеет необходимость заниматься приусадебным участком. Это причина, которая в целом по массиву занимает четвертое место в группе причин незанятости: «Много работы по дому, на огороде, на даче» отметили 5,2% среди всех опрошенных, на селе – 9,3%.

Почти в 8% ответов в той или иной форме отмечен недостаток рабочих мест, поскольку к ним же относятся практически все ответы в «другом». Причем ликвидация предприятия (рабочего места) – скорее, городское явление. А вариант «пришлось уйти с работы, потому что работы молодым не хватает» – больше сельское.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Если Вы уже не работаете, напишите, почему»

Варианты ответов	Валидный % (от количества ответивших: 1006 чел.)
Я на пенсии – заслужил отдых	63,7
Возраст уже не позволяет работать	17,1
Не могу работать по состоянию здоровья	17,0
Много работы по дому, на огороде, на даче	5,2
Надо помогать детям в воспитании внуков	4,3
Ликвидировали предприятие (рабочее место), на котором я работал(а)	3,6
Пришлось уйти с работы, потому что работы молодым не хватает	3,0
Надо ухаживать за больными, престарелыми родственниками	1,4
Другое	1,1
Всего	116,3

Информацию о занятости в пенсионном возрасте и отношении пожилых людей к работе предоставляет еще один вопрос обследования: «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?» (табл. 3). Он был адресован всем участникам опроса – соответственно, в нем был предусмотрен вариант ответа «Я и так работаю». Только 20,4% респондентов выбрали этот вариант. Напомним, что на прямой вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?» утвердительно ответили 33,7% опрошенных. Подавляющее большинство ответивших «Я и так работаю» (74%) заняты на прежнем рабочем месте (67% в условиях полной занятости, 7% – частичной). Еще 17% работают полную трудовую неделю на работе, куда может устроиться пенсионер. Иными словами, в качестве полноценной занятости люди пенсионного возраста склонны оценивать, главным образом, работу по прежнему месту трудовой деятельности и работу в другом месте, но на полную ставку, т.е. стабильную занятость. А всякую другую работу, даже несмотря на то, что она приносит доход, они расценивают не только как временную и ситуативную, которую они готовы поменять на другую, но и как вынужденную: только ради приработка.

24,9% респондентов на вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?» ответили утвердительно. Заметим, что больше половины из них (53,4%, что составляет 13,3% от всех опрошенных) в момент опроса имели работу – следовательно, они были не прочь ее поменять, найти лучшее рабочее место. Другая половина (46,6% – 11,6% всех респондентов) – это неработающие, которые хотели бы устроиться на работу. Т.е. трудовой потенциал людей пенсионного возраста используется далеко не полностью: резерв, как и в 2013 г., составляет не менее 10%.

Распределение ответов на вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?»

Варианты ответов	Общий % (от количества участников опроса: 1521 чел.)
Да	24,9
Нет	54,6
И так работаю	20,4
Нет ответа	0,1
Всего	100,0

Однако большинство опрошенных (54,6%) на вопрос о желании работать ответили отрицательно. Т.е. свыше половины людей старше 55 лет считают, что уже заслужили право на отдых. Безусловно, распространенность этого варианта ответа очень тесно связана с возрастом. Если до 60 лет лишь немногим более четверти опрошенных не имеют желания продолжать работать, то в следующей возрастной группе 60–64 года – уже более 43%. В группе 65–69 лет – 64% опрошенных предпочитают больше не работать, в группе 70–74 года – почти 80%, в возрастах старше 75 лет – от 85 до 100%. Таким образом, как и в 2013 г., стремление продолжать работу преобладает примерно до 65 лет. В старших возрастах большая часть опрошенных уже предпочитает заслуженный отдых.

Такая же тесная связь отсутствия желания продолжать работу в пенсионном возрасте прослеживается с уровнем образования респондентов, который определяет характер занятости человека. Чем ниже уровень образования, тем чаще опрашиваемые отмечают, что больше не хотят работать: 48% респондентов с высшим образованием, 54% со средним специальным, 64% с начальным профессиональным и 70% опрошенных без профессионального образования. Это вполне закономерно с учетом худших условий труда на рабочих местах, не требующих высокой образовательной подготовки. По данным обследования 2018 г., более распространено стремление отдохнуть в пенсионном возрасте от работы среди мужчин, но разница статистически незначима (56 против 54% у женщин). А также в небольших населенных пунктах (59% на селе и 62 в поселках городского типа против 52% в городе), что может быть связано с более тяжелыми в среднем по сравнению с городами условиями труда, а также высокой занятостью жителей сел и поселков в домашнем хозяйстве и нетоварном сельхозпроизводстве. Иными словами, стремление у людей пожилого возраста продолжать работу связано не только с хорошим состоянием их собственного физического здоровья, но и с благоприятными условиями труда на рабочих местах, а также с наличием у них достаточного «свободного времени», чтобы работать без двойной нагрузки.

Неработающим пожилым людям был предложен вопрос «Если Вы не работаете, то как Вы можете охарактеризовать свою занятость?», в котором можно было выбрать несколько вариантов ответов. Как и в 2013 г., наиболее распространенные ответы «Работаю на огороде, на даче» (так ответили 43,0% незанятых участников опроса) и «Работаю по дому» (так ответили 40,5%), которые поменялись местами, а также «Помогаю детям с внуками» (37,1%) (табл. 4). Еще 14,6% неработающих пожилых людей отметили «Делаю разные поделки, шью, вяжу, занимаюсь вышивкой и пр.», т.е. они работают руками, что тоже ближе к работе по дому. Учитывая, что это вопрос альтернативными вариантами ответов, можно заключить, что по меньшей мере 43% неработающих пенсионеров весьма активны в домашнем хозяйстве.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Если Вы не работаете, то как Вы можете охарактеризовать свою занятость?»

Варианты ответов	Валидный % (от количества неработающих пенсионеров: 1008 чел.)
Работаю на огороде, на даче	43,0
Работаю по дому	40,5
Помогаю детям с внуками	37,1
Занимаюсь общественной работой	15,6
Делаю разные поделки, шью, вяжу, занимаюсь вышивкой и пр.	14,6
Занимаюсь творчеством (пишу стихи, воспоминания, рисую и пр.)	4,7
Время от времени подрабатываю по своей прежней специальности	2,0
Другое	4,8
Нет ответа	9,1
Всего	165,8

Обращает на себя внимание, что существенно, почти в два раза, возрос по сравнению с результатами обследования 2013 г. процент неработающих пожилых людей, занимающихся общественной работой: 15,6% против 8,3% в 2013 г. В результате этот вид активной деятельности поднялся на четвертую позицию, потеснив разные варианты домашнего рукоделия. Пишут на досуге стихи, воспоминания, рисуют, занимаются иным творческим видом деятельности 4,7% людей старшего возраста – здесь тоже произошло заметное увеличение (с 2,7% в 2013 г.). 2,0% официально незанятых пожилых людей отметили, что время от времени подрабатывают по своей прежней специальности. 4,8% неработающих написали свой ответ в варианте «Другое». В отличие от обследования 2013 г., когда они главным образом относились к домашнему хозяйству, в 2018 г. эти ответы в основном характеризуют активную, спортивную, твор-

ческую и благотворительную деятельность. 9,1% неработающих пенсионеров никак не охарактеризовали свою занятость на досуге.

В целом можно отметить, что за пять лет между обследованиями неработающие лица старше 55 лет стали более активными вне дома. Тем не менее, они по-прежнему главным образом завязаны на семье и домашнем хозяйстве, которым занимаются весьма энергично. Буквально до 75 лет не менее 35% из них работают не только по дому, но и на даче, в огороде, свыше трети помогают детям с внуками. Эти виды занятости с образованием не коррелируют, но в общественных делах и в вовлечении в творческие занятия деятельней люди с высшим и средним специальным образованием. Женщины в целом активней отвечали на этот вопрос. Поэтому почти по всем вариантам повседневной занятости они опережают мужчин: в домашнем и дачном хозяйстве, в помощи детям с внуками, в общественной деятельности, в творчестве, в изготовлении разного рода поделок. Неработающие мужчины старшего возраста чаще женщин занимаются подработками по своей прежней специальности и спортом. И очень инициативными показали себя пожилые неработающие сельские жители. Среди них, так же как и среди женщин, гораздо меньше не ответивших на этот вопрос. Они активны не только в работах по дому и огороду: в селе без дела особо не посидишь, – но и в помощи по уходу за внуками, в общественной работе, рукоделии и творчестве.

Таким образом, после приостановки индексации пенсий работающим пенсионерам в России произошло резкое сокращение занятости пенсионеров по возрасту, что не только сократило уровень их доходов и в целом снизило использование трудового потенциала людей пенсионного возраста, но и способствовало уменьшению продолжительности активной жизни населения. В северных регионах, где размер пенсии выше, а ее индексация накапливается с более молодых возрастов, официально работающие пенсионеры быстрее отреагировали на приостановку индексации. Исследования населения старше 55 лет, проведенные в 2013 и 2018 гг., показали, что возраст, уровень образования и тип населенного пункта являются сильными детерминантами для трудовой активности пожилых людей, существуют также гендерные особенности стратегии поведения в трудовой сфере. Структура занятости в старших возрастах достаточно устоявшаяся: свыше 70% работают на своих прежних рабочих местах, более 20% заняты на работе, куда обычно может устроиться пенсионер. При этом с возрастом снижается не только доля работающих пенсионеров, что вполне закономерно, но в их составе сокращается процент занятых по прежнему месту работы: характерная для российского внешнего рынка труда возрастная дискриминация дублируется дискриминацией на внутреннем рынке. Во многом это связано с нехваткой рабочих мест, так же как и то, что трудовой потенциал лиц старшего возраста используется недостаточно. По результатам обоих исследований, резерв составляет не менее 10%. До 65 лет у людей преобладает стремление продолжать работу, которое связано с хорошим состоянием здоровья, благоприятными условиями труда, а также с отсутствием остроты проблемы двойной занятости: на работе и в семейном хозяйстве. Неработающие пенсионеры за пять лет между обследованиями стали более активными вне дома, тем не менее, они по-прежнему в основном ориентированы на семью и домашнее хозяйство.

Реутов Е.В.

к.соц.н., доцент, НИУ «БелГУ»

reutovevg@mail.ru

ОТТОК НАСЕЛЕНИЯ КАК УГРОЗА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ¹

Ключевые слова: миграция, отток населения, территориальная мобильность, потенциал территориальной мобильности.

Неравномерность социально-экономического развития российских регионов фактически весь постсоветский период (и в более раннее время) являлась одним из факторов латентной или открытой дезинтеграции и дестабилизации культурного и административно-политического пространства России. Политика «рецентрализации», обозначившаяся в конце 1990-х гг. и особенно жестко проводившаяся в первые две легислатуры В. Путина ограничила политическую автономию региональных властей (за исключением нескольких культурно-политических анклавов), но не привела к устранению дисбалансов в социально-экономическом состоянии субъектов федерации. Значительному успеху рецентрализации способствовал и «общественный запрос» – региональные сообщества в значительной мере устали от стагнирующих региональных режимов, в которых мобильность ресурсов была сведена к минимуму и сформировались системы, близкие к кастовым или феодальным. Однако за все годы выстраивания «вертикали власти» и попыток интеграции экономического пространства регионов России в большинстве регионов так и не был сформирован автохтонный потенциал экономического развития. Согласно данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в октябре 2003 г., большинство россиян (63%) было недовольно положением дел в своей области (крае, республике), довольны были менее трети (30%) респондентов². В настоящее время (данные ноября 2019 г.) положением дел в своем регионе довольны 43% опрошенных россиян, недовольны – 51%³, что, конечно, лучше, чем в начале 2000-х гг., но, тем не менее, свидетельствует о массовой неудовлетворенности возможностями самореализации в месте проживания. Итогом этого являются внутренние миграционные процессы, развертывающиеся преимущественно по направлению «провинция > Центр», а также «депрессивные > активно развивающиеся регионы» и «село > город».

Тенденция к уменьшению численности населения, снижению его плотности в геополитически и экономически важных регионах характерна не только для России. Так называемый второй демографический переход, осуществившийся в развитых и многих развивающихся странах, повлек существенное снижение рождаемости в сочетании с ростом продолжительности жизни, что сильно изменило возрастную структуру населения. Вместе с тем, стремительная индустриализация повлекла массовые перемещения населения, масштаб которых усугубился неравномерным страновым и региональным развитием. Итогом этих процессов стало снижение численности населения в тех или иных регионах многих стран до критической отметки, после которой становится невозможным воспроизводство социальной и экономической среды данных территорий, либо же радикальная трансформация их этнокультурной структуры.

Ведущими социально-экономическими факторами, влияющими на меж- и внутрирегиональные миграционные процессы, являются: уровень безработицы; напряженность на рынке труда; среднедушевые доходы населения; цены на жилье; валовой региональный продукт на душу населения; стоимость жизни⁴. Большое влияние на миграцию из регионов имеют также климатические и географические факторы, определяющие не только комфортность проживания в них, но и уровень заболеваемости⁵. На региональном и поселенческом уровнях на привлекательность территорий, помимо социально-экономических и климатических факторов сильное влияние оказывает экологическая составляющая, а также уровень комфортности городской среды⁶.

Целью данной статьи является выявление масштаба и особенностей миграционного оттока их регионов российской провинции, социологическая верификация основных причин и мотивации формирования миграционных настроений.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» № 18-011-00474.

² Ситуация в регионах. – https://bd.fom.ru/report/cat/reg_ros/reg_stt/dd044813

³ Ситуация в регионе и насущные проблемы. – <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14288>

⁴ Золотарчук А.В., Золотарчук В.В. Влияние социально-экономических факторов на миграционный отток населения из Хабаровского края // Ученые заметки ТОГУ. 2015. – Т. 6, № 4. – С. 317; Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 2009. – Т. 7. – С. 688–712.

⁵ Воронина Л.В., Якушева У.Е. Взаимосвязь заболеваемости и оттока населения в регионах российской Арктики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. – № 5 (149). – С. 144–147.

⁶ Кайдашова А.К. Анализ причин оттока населения территории (на примере г. Орска Оренбургской области) // Ученые записки. 2018. – № 4 (28). – С. 19–24.

Эмпирической базой работы являются результаты социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного под руководством автора в Белгородской и Воронежской областях: массового анкетного опроса (май-июнь 2018 года, N=1200 респондентов) и серии полуструктурированных интервью (сентябрь-октябрь 2019 г., N=50 респондентов). Выборочная совокупность анкетного опроса формировалась по методике квотной выборки с учетом половозрастной и поселенческой структуры населения Белгородской и Воронежской областей и равным представительством жителей двух областей в составе выборочной совокупности. Для отбора участников интервью использовалась стихийная выборка, но с обязательным представителем жителей крупных и малых городов, а также сел и поселков.

Для объективации картины оттока населения из регионов и муниципалитетов России использовались также данные Росстата и результаты всероссийского опроса ВЦИОМ.

Отток населения из регионов и муниципалитетов России имеет ряд негативных последствий. Во-первых, ухудшается человеческий потенциал развития территорий и качество человеческого капитала. Как правило, уезжают на работу в других регионах или муниципалитетах наиболее мобильные и квалифицированные представители экономически активного населения. В результате в экономике регионов и муниципалитетов уменьшается объем и снижается качество трудовых ресурсов, а бизнес, особенно новый на данной территории, терпит дополнительные издержки на обучение и переобучение кадров. При этом нужно понимать, что процессы деградации экономики и состояния трудовых ресурсов на той или иной территории, как правило, объединены сложной причинно-следственной связью. Специалисты уезжают, поскольку не находят себе применения на сужающихся рынках труда, а рынки труда съеживаются в результате оттока ненужных местной экономике специалистов. Эти взаимосвязанные процессы существенно снижают потенциал развития территорий, поскольку инвесторы, рассматривая возможности создания производств в других странах, регионах и муниципалитетах, ориентируются на их ресурсы – прежде всего, логистические и трудовые.

Во-вторых, отток населения, а следовательно, снижение его плотности и уменьшение численности существенно повышают издержки государственного управления и социальной политики. Затраты на социальное и медицинское обслуживание, общее и дошкольное образование, поддержание городской среды, транзакции государственного и муниципального управления при снижении плотности населения значительно повышаются в расчете на одного жителя. При этом, как правило, качество всех этих социальных услуг ухудшается, поскольку большинство наиболее грамотных во всех этих сферах специалистов покидают свои регионы или муниципалитеты.

В-третьих, отток коренного населения из регионов в ряде случаев сопровождается миграционным притоком иных этнических и этноконфессиональных групп, что очень часто порождает рост напряженности и конфликтности.

Вместе с тем, при всей очевидности проблемы оттока населения в большинстве российских регионов, ее масштаб зачастую попросту неизвестен, поскольку официальная статистика не регистрирует маятниковой трудовой миграции, в том числе, лиц, работающих за пределами своего региона или муниципалитета вахтовым методом. Имеются лишь статистические сведения о выбывших или прибывших на постоянное место жительства. Так, по данным Росстата, в январе-октябре 2019 г. общее количество внутренних мигрантов составило 3 408 935 человек или 279 на 10 тыс. чел. населения. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года это на 203 154 чел или на 5,62% меньше. В январе-октябре 2018 г. было зафиксировано 3 612 099 внутренних мигрантов или 295,5 на 10 тыс. чел. населения. По сравнению с аналогичным периодом 2017 г. это на 4,1% больше¹.

Регулярный учет миграционного притока (оттока) ведется Росстатом также по городам с населением свыше 100 тыс. человек. И если вести речь о Белгородской области, то в 2018 г. два таких города – Белгород и Старый Оскол потеряли в совокупности 405 человек, а в 2017 – 616 человек, хотя до этого, за исключением 2015 г., фиксировался устойчивый миграционный прирост – особенно в Белгороде. Бенефициарами данного процесса являются, в первую очередь, города-миллионники. Так, в 2018 г. Воронеж получил миграционный прирост в 5210 человек, Краснодар – 10 573 человека². В Москве и Санкт-Петербурге миграционный прирост – на порядок выше.

Социологические опросы рисуют картину еще более интенсивной внутренней миграции – особенно, в долгосрочной ретроспективе. По данным опроса ВЦИОМ, 50% россиян имеют бэкграунд переезда в населенный пункт своего нынешнего проживания. Причем, чаще всего это даже не нынешние москвичи или санкт-петербуржцы (среди которых 54% приехавших из других регионов), а сельские жители (55%). Основные причины переезда связаны с работой (19%), учебой (11%), переездом семьи (11%), супружеством (11%), семейными обстоятельствами (11%). Высокой является и готовность к территориальной мобильности – 25% опрошенных хотели бы переехать в другой населенный пункт России (о переезде в другую страну социологи не спрашивали). В основном желающие переехать – это относительно молодые люди 25–34 лет (40% из них изъявили готовность к отъезду), жители крупных (но не миллионников) городов с населением от 500 до 950 тыс. (33%). Наиболее консервативны в плане переезда россияне 60 лет и старше (13%) жители Москвы и Петербурга (12%). Последних, по-видимому, либо устраивает нынешняя жизнь, либо они ориентированы на отъезд за пределы России. Наиболее привлекательными городами для внутрироссийской миграции являются Санкт-Петербург (туда хотели бы уехать 15% опрошенных, Москва (8%) и Краснодар (6%)³.

¹ Информация о социально-экономическом положении России – январь-ноябрь 2019 года. – С. 117. – <https://gks.ru/storage/mediabank/oper-11-2019.pdf>; Информация о социально-экономическом положении России – январь-ноябрь 2018 года. – С. 117–118. – [https://gks.ru/storage/mediabank/oper-11-2018\(1\).pdf](https://gks.ru/storage/mediabank/oper-11-2018(1).pdf)

² Миграционный прирост населения по городам с числом жителей 100 тыс. человек и более. – <https://showdata.gks.ru/report/279006/>

³ Охота к перемене мест: зачем и почему? – <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9976>

Результаты нашего исследования показали, что почти трети респондентов (30,1%), проживающих в Белгородской и Воронежской областях хотя бы раз в своей жизни приходилось менять регион проживания на длительное время или на всю жизнь. Чаще всего это происходило из-за поступления выгодного карьерного предложения (7,4%), для получения образования (7,3%), ухудшения социальной ситуации в регионе проживания (6,9%), потери работы, отсутствия перспектив трудоустройства (5,8%). В 4,0% случаев указывались другие причины, наиболее распространенной из которых было вступление в брак. Рассматривая поколенческие различия в мотивации межрегиональной миграции, следует отметить, что доля молодежи, имеющей опыт переезда в другой регион для получения качественного образования, больше в 2,5 раза, чем соответствующая доля по выборке в целом (17,4%).

Результаты опроса в отношении потенциальной территориальной (межрегиональной) мобильности показали, что принципиальных противников переезда в другой регион на длительный срок (от 4-5 лет) либо навсегда не так уж много – всего четверть (24,8%) выборочной совокупности. Еще 10,3% опрошенных затруднились с ответом на вопрос. Остальные респонденты признают возможность переезда в другой регион в силу тех или иных обстоятельств. Наиболее весомым мотиватором является выгодное карьерное предложение, значимое для 43,3% опрошенных. Таким образом, мы видим, что несмотря на относительную малозначимость карьеры в системе жизненных приоритетов и критериев успеха в реальных жизненных обстоятельствах профессиональные мотивы являются важными, поскольку значимы для выживания и поддержания достойного уровня жизни. На втором и третьем местах по значимости – факторы потери работы, отсутствия перспектив трудоустройства (20,7%) и вступления в брак (19,1%). Достаточно сильным мотиватором может стать также ухудшение социальной ситуации в регионе проживания (16,7%). Готовность к переезду в другой регион на длительный срок или навсегда ради получения качественного образования выражают 8,9% опрошенных, а среди 18–29-летних эта доля составляет 21,0%.

Таким образом, установкой на межрегиональную мобильность обладают две трети опрошенных. И хотя данная установка вряд ли будет реализована в реальности хотя бы половиной ее носителей, ее наличие свидетельствует, с одной стороны, о достаточно активных жизненных стратегиях и практиках участников провинциального социума, а с другой – о достаточно ощутимом дефиците тех или иных элементов социальной инфраструктуры и – шире – жизненных шансов в местах постоянного проживания.

Так, например, средняя оценка респондентами реальных возможностей получения качественного образования в месте своего проживания составила 3,27 балла (по 5-балльной шкале). Низкую и очень низкую оценку дали при этом 21,4% опрошенных, высокую и достаточно высокую – 42,6%. Относительное большинство респондентов (35,9%) предпочло остановиться на среднем значении оценочной шкалы. Вполне предсказуемо более высокие оценки возможностям получения качественного образования дают респонденты, проживающие в городах с населением свыше 100 тыс. человек (3,43 балла), нежели те, кто живет в городских поселениях с населением менее 100 тыс. (3,05 балла) или в сельской местности (3,11 балла), хотя эта разница не так уж существенна. Средняя оценка молодежи 18–29 лет (3,25 балла) практически соответствует среднему по выборке значению.

Таким образом, даже в таких достаточно благополучных субъектах федерации, как Белгородская и Воронежская области, образовательные институты далеко не всегда могут удовлетворить запрос граждан на качественное образование, вынуждая молодых людей к образовательной миграции – как правило, в Москву и Санкт-Петербург (при том, что и воронежские, и белгородские вузы находятся на достаточно выгодных позициях в отечественных и международных рейтингах среди российских университетов).

Поставленные в ходе проведения полуструктурированных интервью вопросы о возможности реализации жизненных шансов и достижениях жизненного успеха в месте своего проживания выявили преобладание крайне скептических представлений о соответствующих условиях в селах, малых, а зачастую и крупных городах российской провинции. Безусловно, в ходе интервью фиксировались и высказывания респондентов о том, что активный человек сможет найти свою нишу и достичь жизненного успеха даже в глухой провинции (высказывания респондентов приведены с минимальной стилистической и пунктуационной редакцией): «Можно везде абсолютно. Можно... Ну, конечно, в городе больше вариантов. Но можно и здесь. Вообще проще преуспеть там, где больше людей, потому что в основном на людях деньги зарабатывают. Но, в принципе, можно и в деревне взять 100 гектар. И сажай, выращивай, вези в город. Или в город езжай. Можно везде при желании. А если нету желания, то и под носом ничего не будешь видеть, ничего не делать» (мужчина, 31 год, село).

Но в подавляющем большинстве случаев в ответах респондентов просматривалась или было прямо выражена неудовлетворенность социальной ситуацией, состоянием рынка труда и набором условий для самореализации в месте своего проживания. В меньшей степени это касалось крупных городов, особенно Воронежа, в гораздо большей – сел и поселков. При этом в части высказываний в качестве конечной цели желаемой территориальной мобильности указывались другие страны. И что еще следует отметить, негативные оценки жизненным шансам в провинции давали представители абсолютно всех возрастных групп: «Если я захочу чего-то добиться в любом городе, я добьюсь, потому что врачи везде нужны, но в то же время я повторяюсь, что в таких городах, как Москва и Питер, если я буду хорошим специалистом, то там меня будут ценить больше. И тем более, если какие-то новые технологии развиваются, то они сначала идут в Питер и Москву и только потом разбрасываются по областям и городам. Новые технологии доходят до нас намного позднее, чем до Москвы, поэтому, конечно, мне бы хотелось. Но «мне бы хотелось» – это одно, а смогу ли я – это другое» (женщина, 18 лет, живет в селе, учится в областном центре); «В нашем случае, в России шансов чего-то достичь – это только крупный город. Москва, конечно, прежде всего. Уровень жизни Москвы и всей остальной России – разный. Поэтому для того, чтобы самореализоваться, если добиться чего-то кто-то желает, конечно, он это делать должен не на периферии, а в крупных городах, прежде всего, в Москве. У нас в России надо жить, там, где ты родился. Но, конечно, шансы – это лучше за пределами» (мужчина, 53 года, райцентр); «Любям всегда кажется,

что трава зеленее у соседей в саду. Успех практически не зависит от местоположения, но если учесть некоторые особенности нашей области (воровство проектов, обязательные условия открытия), возможно, где-то в другом месте. – А где именно? В другом населенном пункте Вашего региона, в другом регионе России или за ее пределами? – За пределами России» (женщина, 22 года, областной центр); «Хотя говорится, что где родился, там и пригодился. Но здесь мало шансов. – А где именно? – Москва, наверное» (женщина, 61 год, районный центр); «Где-то в другом месте шанс преуспеть больше. – А где именно? – В крупных городах России и за ее пределами» (женщина, 45 лет, областной центр); «Все зависит от ситуации в целом. Но скорее всего, процент добиться успеха в жизни выше в других регионах. – А где именно? – Возможно, центральные города России. А если за пределами, то США, Канада, Китай» (Женщина, 26 лет, областной центр); «У нас не все находят работу, которая нравится. Лучше уезжать куда-то. У нас нет работы. Допустим, устроился человек на какую-то работу. Работает и работает до пенсии. Некуда себя применить молодежи. Это же сельская местность. Мало у нас достойных мест. Они в основном заняты, редко освобождаются. А если освобождаются, то туда устраиваются «близкие» люди» (женщина, 60 лет, село); «Я думаю, что сейчас больше шансов всегда в больших городах. В миллионнике, например – Воронеж, Москва, Питер, где есть больше работы, больше специальностей, больше возможностей, естественно. В мегаполисах, где и зарплата выше и есть больше возможностей» (женщина, 53 года, райцентр); «Конечно, в другом месте. – А где именно? – Сначала хотя бы в Воронеже, а там дальше. Но только не в нашем городе. А Москва, Петербург – это самые перспективные города» (женщина, 50 лет, райцентр); «В другом месте. У нас не добьешься. – А где именно? – Я считаю, в городе. Можно и в нашем регионе, не уезжая за границу. Я считаю, что это рискованно» (женщина, 60 лет, село); «Там, где мы проживаем, этот город связан с сельским хозяйством. То есть, я думаю, перспектива в нашем городе только одна – это все, что непосредственно связано с сельским хозяйством. Мне хотелось бы, чтобы это был другой совсем даже регион. Может быть, даже за пределами России. Я, конечно, была бы безумно счастлива, если бы дети реализовали себя где-то в другой стране» (женщина, 39 лет, райцентр).

В последнем высказывании акцентируется пожелание респондента, адресованное своим детям. И хотя подавляющее большинство собеседников подчеркивали, что выбор места своего проживания они оставляют исключительно своим детям, не намереваясь влиять на него ни в ту, ни в другую сторону, в значительном количестве их ответов была все та же неудовлетворенность условиями для достойного трудоустройства и самореализации в месте их проживания: «А чего бы Вы больше хотели – чтобы Ваш ребенок (дети) остались жить в Вашем городе (селе) или уехали в другое место? – Ну я, конечно, как отец, хотел бы, чтобы дети жили рядом, с нами жили. Но мое желание не всегда совпадает с их желанием и с теми условиями, которые созданы у нас, чтобы они могли самореализоваться, развиваться, находить свою дорогу в жизни, находить свои возможности. Я думаю, что есть места для этого более подходящие. И, наверное, они должны их искать» (мужчина, 53 года, райцентр); «Это тоже вопрос выбора. Но я бы хотела предложить своим детям попробовать свои силы в более крупном населенном пункте, будь то областной центр, столица, может быть. В молодости нужно ставить более амбициозные цели» (женщина, 56 лет, село).

Таким образом, миграционный отток является одной из наиболее очевидных угроз социально-экономического развития российской провинции в долгосрочной перспективе. Информация о миграционных установках и реальных практиках территориальной мобильности, полученная из первых рук, свидетельствует о том, что жители российской провинции обладают значительным потенциалом территориальной мобильности и при наличии достаточно значимых мотиваторов, прежде всего, социально-экономического характера, готовы менять регион проживания. При этом к числу позитивных мотиваторов потенциальной миграции относятся здоровые амбиции, получение качественного образования, желание профессиональной и карьерной самореализации, к негативным – отсутствие в месте проживания, в особенности в сельской местности и малых городах шансов хорошего трудоустройства с перспективами роста и достойной оплатой труда. Соответственно, усилия местных и региональных властей, направленные на формирование комфортной городской среды и создание культурно-досуговых поводов для молодежи могут иметь лишь ограниченное влияние на миграционные настроения. Подавляющее большинство муниципалитетов и регионов России в настоящее время ощущает проблему снижения уровня человеческого потенциала ввиду оттока населения, которая, скорее всего, будет только усугубляться в ближайшие годы. Соответственно, региональным и муниципальным властям необходима разработка концепций миграционной политики, основным направлением которой должен быть комплекс мер, направленных не столько на так называемую имиджевую привлекательность территорий, сколько на создание условий для комплексной самореализации (профессиональной и предпринимательской, прежде всего) в местах проживания, на поощрение форм активной локальной идентичности, формирующих активные предпринимательские практики.

Русанова Н.Е.

д.э.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН РАН

Журавлева Е.К.

президент Благотворительного фонда социального развития

МНОГОДЕТНОСТЬ В МОСКВЕ

Ключевые слова: демографическая политика, многодетная семья, матримонимальное поведение, репродуктивные установки, портрет столичной многодетности, мотивация современной многодетности.

Keywords: demographic policy, large family, matrix behavior, reproductive attitudes, portrait of the capital large families, motivation for modern large families.

Одной из серьезных проблем демографического развития России сегодня является низкая рождаемость, уровень которой становится одной из причин депопуляции. В Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию от 15.01.2020 г. отмечено, что: «Судьба России, её историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет, зависит от того, сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет...»¹. Поскольку семьи сейчас создают малочисленные поколения родившихся в 1990-е гг., число рождений падает, что привлекает внимание к такому традиционному ресурсу высокой рождаемости, как многодетность.

Многодетность традиционно находилась в поле зрения социальных служб, целью которых было поддержание благосостояния семей с тремя и более детьми на среднем для региона уровне, поэтому семьи с «натальной» многодетностью, где все дети «родные», и с «социальной», где хотя бы один ребёнок приёмный, рассматривались как одинаковые. Однако с точки зрения демографических процессов они разные, т.к. рождаемость растёт только за счёт натальной многодетности, которая сегодня нуждается в стимулировании.

К началу XXI в. природа многодетности изменилась: из биологически вынужденной и экономически необходимой она стала регулируемой биологически и потеряла значимость как экономический ресурс. В большинстве развитых стран многодетность сегодня часто воспринимается как феномен девиантный, ассоциируется с религиозностью, контрацептивным невежеством, социальным иждивенчеством, безответственностью и потому почти нигде не ассоциируется с успешностью: «многодетные семьи в Европе не только игнорируются и не признаются государственными органами, но даже многократно наказываются за простой факт наличия большого количества детей»... «НДС на подгузники и товары первой необходимости для детей облагаются в большинстве европейских стран по самым высоким ставкам как предметы роскоши»².

На другом полюсе современных репродуктивных намерений, которые формируют диаметрально противоположные тенденции рождаемости, находится идеология «чайлдфри» (сознательный полный отказ от рождения детей), которую объединяет с многодетностью общественное неодобрение за отклонение от нормы – если многодетных недолюбливают за иждивенчество, то «чайлдфри» – за эгоизм. По опросу «Левада-центра» в октябре 2019 г. 27% россиян репродуктивного возраста планирует иметь одного ребёнка, 55% – двух и более детей, а 9% собираются остаться бездетными³.

В 2018 г. в странах ЕС число семей с тремя и более детьми (в ЕС ребёнком считается член домохозяйства моложе 25 лет, находящийся в полной социальной и экономической зависимости от других членов домохозяйства) составило 8,5 млн. (13% от общего числа домохозяйств – от 26% в Ирландии до 5% в Болгарии). Россия по доле многодетности приближается к Латвии (10%), обгоняя Литву (9%), Испанию (8%), Италию (8%) и Португалию (7%)⁴. В Москве по данным Региональной общественной организации «Объединение многодетных семей города Москвы» с апреля 2017 по апрель 2018 гг. число многодетных столичных семей выросло на 11%, превысив **142,6 тыс.**⁵ – в 2018 г. 18,1% московских детей воспитывалось в многодетных семьях; в 2017 г. в столице проживало 7,74% всех российских многодетных семей⁶, на

¹ Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному собранию. – М., 15 января 2020. – <https://www.vestifinance.ru/articles/131280>

² Our demands for the new European Parliament and Commission 2019 // Официальный сайт ELFAC. – <https://www.elfac.org/elfac/what-we-do/>

³ Почти каждый десятый россиянин намерен остаться бездетным. – М., 2019. – 25 ноября. <https://news.mail.ru/society/39608778/?frommail=1>

⁴ Household composition statistics (публикация статистической службы Европейского союза «Eurostat» #29071 – 29/05/2019). Цит. по статистическому portalу «Statistics Explained». – <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/29071.pdf>

⁵ Количество многодетных семей в Москве за год увеличилось на 11%. // Официальный сайт РОО ОМСМ. – <https://oms.msk.ru/statistika-mnogodetnie-moskva-rost-1718/>

⁶ Составлено авторами по данным: РОО ОМСМ (см. выше).

треть больше, чем в 2014 г.¹ Это примерно соответствует показателям некоторых европейских столиц: 8% польских многодетных семей живут в Варшаве, сосредоточившей 1,8 млн. чел. – ок. 6% населения страны². Возникает вопрос: почему в самом большом российском городе, с населением более 14 млн. чел. (ок. 10% населения страны) и плотной многоэтажной застройкой, укрепляется тенденция, противоречащая глобальному тренду демографического развития высокоурбанизированных территорий?

В структуре московской многодетности преобладают трёхдетные семьи, что может быть как реакцией на региональную социальную политику, так и «компромиссом» между ориентацией на многодетность и столичным образом жизни (карьерные устремления родителей, жилищные условия, возможности досуга и проч.) (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные характеристики многодетных семей России и Москвы, 2017 год

Число детей в семье	Число семей, тыс.		Доля семей, %	
	Россия	Москва	Россия	Москва
1. 3 и более	2. 1566,929	3. 121,230	4. 100	5. 100
6. 3	7. 1233	8. 99,108	9. 78,69	10. 81,75
11. 4	12. 233	13. 14,724	14. 14,87	15. 12,15
16. 5–7	17. 95	18. 5,628	19. 6,06	20. 4,64
21. 8 и более	22. 5,929	23. 0,309	24. 0,38	25. 0,25
26. Не указано	27. –	28. 1,461	29. –	30. 1,21

Источник. Составлено авторами по данным: Число многодетных семей в России за шесть лет выросло на 25 процентов // Интернет-журнал «Жить в России». 05.04.2017. – <https://жить-в-россии.рф/chislo-mnogodetnyih-semey-v-rossii-za-shest-let-vyroslo-na-25-protsentov/>; сайт РОО ОМСМ (см. выше).

Авторский опрос «Мотивация создания современной многодетной семьи г. Москвы» (2015–2016 гг., 439 многодетных матерей), позволил составить социальный портрет современной столичной многодетности:

- многодетность реализуется, в основном, в количестве 3–5, реже 6 и более детей;
- каждая пятая многодетная семья неполная;
- большинство опрошенных заключали более одного брака;
- рождение в полной семье (и в браке) большего числа детей;
- число детей в семье перестаёт зависеть от брачного статуса, внебрачная многодетность становится нередким явлением;
- возраст женщины влияет на полноту семьи (чем старше женщина – тем меньше шансы выйти замуж; более возрастные женщины рожают «для себя» вне брака);
- отсутствие регистрации брака не является препятствием для рождения от трёх и более детей в фактических семейных союзах;
- в большинстве случаев многодетность не является изначально сознательно выбранной стратегией семейной жизни;
- осознанная многодетность реализуется в количестве трёх детей, большее число детей реализуется «постепенно» и «по обстоятельствам»;
- изначальная ориентация на многодетность, реализуется в большем количестве детей;
- большинство многодетных семей эгалитарны, но около трети респондентов живут по патриархальному принципу; патриархальная семья более многодетна (шесть и более детей), а эгалитарная семья ограничивает себя до трёх-четырёх;
- утрачиваются межродственные связи;
- уровень образования матерей и отцов.

Опрос выявил некоторые характеристики современных многодетных семей в столице, которые не соответствуют их традиционному образу. Так, число детей в многодетных московских семьях связано с уровнем образования отца – у мужчин с высшим образованием больше детей в семье (шесть и более), а брак гораздо чаще официально зарегистрирован, чем у менее образованных мужчин, которые предпочитают форму сожительства. Хотя роль отца, как равноценного родителя, очень значима для статуса мужчин, при провозглашённом гендерном равноправии в реализации прав по воспитанию детей, на практике отцы чаще сталкиваются с имитацией декларируемых возможностей. Мужчины стали чаще заявлять о своих родительских правах, но на практике им препятствуют социальные стереотипы и пробелы в соответствующем законодательстве (в частности, регламентирующем полномочия органов социальной защиты и подобных органов).

Половина московских многодетных матерей имеет высшее образование, треть – среднее профессиональное, т.е. образование не препятствует многодетности, но влияет на число детей в многодетных семьях. 28,6% самых многодетных матерей (шесть и более детей) получили лишь общее среднее образование, и только 6,2% – высшее, тогда как

¹ Составлено авторами по данным: РОО ОМСМ (см. выше) и Распределение постоянного населения по возрасту и полу в 2011-2018гг. (на начало года). // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по г. Москве (Мосгорстат). -http://moscow.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/resources/4038c8004cdbcd27a194e7c6c06f5d11/Rаспределение+по+полу+и+возрасту.doc

² Rycerz E. Rodziny wielodzietne w Polsce. Raport 2016. – <https://parenting.pl/rodziny-wielodzietne-w-polsce-raport>; <https://parenting.pl/rodziny-wielodzietne-w-polsce-raport>

среди трехдетных матерей 56,7% имели высшее, а 56,2% – послевузовское образование; это подтверждает хорошо известную обратную зависимость между уровнем образования женщин и числом детей у них.

Для выявления российских тенденций создания семьи в 2016–2017 гг. одним из авторов было проведено социологическое исследование матримониального поведения, которое позволило изучить мнения и намерения молодежи относительно создания семьи. 12 фокус-групповых интервью по 10–15 студентов ведущих государственных ВУЗов Москвы показали, что большинство молодых людей:

- Не готовы взять на себя полную ответственность за свою семью, полагаясь на помощь государства. Меры государственной поддержки многодетных воспринимаются как норма и учитываются в индивидуальных репродуктивных планах: московская молодежь уже при формировании ориентиров семейного поведения рассматривает льготы многодетным как обязательную государственную помощь, а не как стимул к рождению нескольких детей. Одновременно подчеркивалась недостаточная информированность населения о мерах поддержки семьи и правовой нигилизм в вопросах демографической политики.

- Осознанно и ответственно подходят к созданию семьи, считая, что для этого обязательна материальная база (квартира, машина, образование, работа, доход), без которой заключать брак легкомысленно, но допустимо совместное проживание без официальной регистрации и «без обязательств».

- Рассчитывают на помощь родственников. Для жителей столицы это, в основном, моральная поддержка и помощь бабушек и дедушек в воспитании внуков, а молодежь из регионов готова не только принять большую помощь от старших родственников, но даже проживать совместно с ними в одном домохозяйстве.

- Не задумываются о числе детей, которых захотят и смогут родить. Это связано не только с уверенностью в завтрашнем дне, но и с опытом детности, полученным в родительской семье.

- Относятся к многодетным семьям в целом положительно, отмечая их высокую заслугу перед обществом и важность вклада в развитие страны. Однако выявленные ценностные ориентации свидетельствуют о том, что в ближайшие 5–10 лет молодежь не предполагает создание собственных многодетных семей.

- Недостаточно грамотны в вопросах репродуктивного здоровья, а отношение к репродуктивному здоровью безответственное. Информационный пробел возникает из-за отсутствия культуры обсуждения с родителями важных для молодых интимных вопросов, к которому не готовы ни родители, ни взрослеющие дети.

- Положительно относятся к вспомогательным репродуктивным технологиям, в том числе допускающим возможность одинокого родительства.

Исследование показало, что важными факторами влияния на репродуктивные установки молодежи, являются религия, семейные традиции, духовно-нравственное воспитание. Такая репродуктивно-ориентированная система ценностей соответствует особой природе современной многодетности, свойственной высокопроизводительному постиндустриальному обществу: несколько детей в семье рождаются не из-за стремления получить как можно больше рабочих рук в индивидуальном хозяйстве, а из-за внутренней потребности родителей в детях. Этот эмоциональный мотив доминирует и в многомиллионном столичном центре, несмотря на то, что ни планировка жилья, ни организация пространства, ни рынок труда в крупных городах не приспособлены для многодетных семей. Чтобы сделать городскую многодетность привлекательной для молодежи, требуется дополнение существующих поддерживающих мер целевой информационной политикой, не просто пропагандирующей многодетность, но учитывающей изменение юридических, экономических, образовательных, медицинских, архитектурно-градостроительных норм в направлении развития столичной среды, «дружественной» к семьям с детьми. В связи с этим ELFAC предлагает меры, не только улучшающие качество жизни многодетных, например, введение Европейской карты больших семей, облегчающей мобильность и доступ к льготам, но и касающиеся макроэкономического регулирования, например, признание неоплачиваемого труда по уходу в домашнем хозяйстве («невидимого труда») при расчете национального ВВП, что позволит учитывать его в пенсиях и заработной плате. В России принятие решений подобного рода осложняется отсутствием в законодательстве юридической категории не только «многодетной семьи», но и «семьи» вообще – ни Семейный кодекс, ни Конституция РФ, говоря о государственной защите семьи, материнства и детства (ст. 38), не раскрывают понятия «семья», что размывает адресность семейной политики, особенно в части, финансируемой из региональных источников. Регулирующим фактором может стать институциональное оформление категории «многодетная семья» на федеральном правовом уровне, как это сделано в некоторых европейских странах.

Рыбакова М.В.

д.соц.н., профессор кафедры «Социология управления» ФГУ МГУ
rybakovamv2005@yandex.ru

МОДЕЛИ АДАПТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: интеграционные процессы, миграция, модели адаптации, индикаторы успешной адаптации, государственная миграционная политика.

Keywords: integration processes, migration, adaptation models, indicators of successful adaptation, state migration policy.

Интеграционные процессы на евразийском пространстве происходят при активном взаимодействии со странами Центральной Азии, они основаны на уважении взаимных интересов и активной мотивации к взаимовыгодному экономическому и политическому сотрудничеству. Страны Центральной Азии имеют длительные экономические, культурные, социальные связи с Россией. И в XXI веке вектор интеграции направлен на создание единого экономического пространства, невзирая на расхождения во мнениях государственных чиновников Узбекистана и Таджикистана. Процесс евразийской экономической интеграции способствует созданию новых рабочих мест в таких секторах экономики, как транспорт, энергетика, торговля, которые будут занимать выходы из этих стран.

Долгосрочное развитие евразийской интеграции ставит множество вопросов не только по подготовке стратегических документов «минимум на 25 лет, начиная с прогнозов развития научно-технического прогресса и со стратегических планов комплексного экономического развития»¹, но и по интеграции прибывающих из разных стран мигрантов в Россию.

Миграционные процессы на евразийском пространстве продолжают носить массовый характер, и страны Центральной Азии и сегодня являются основными поставщиками трудовых мигрантов в Россию. Так, из Узбекистана приехало 33% мигрантов, из Таджикистана 20%, из Кыргызстана 9% от всех, вставших на миграционный учет, обозначивших цель визита «работа по найму»². Вероятно, эти цифры значительно занижены, так как не все прибывающие стараются встать на миграционный учет и легализовать свое пребывание в стране по различным причинам.

Актуальными становятся взаимная адаптация и интеграция мигрантов в социокультурную и экономическую среду принимающей страны. Рост численности международных трудовых иноэтничных мигрантов, зачастую, являясь источником негативных вызовов и рисков для населения принимающей страны, таких как настороженное отношение местного населения к исламской религиозной составляющей, ассоциирующийся с противоправными действиями мигрантов, обострение межнациональных конфликтов, ростом социальной и экономической напряженности и многое другое, связанное с недостатками распределения доходов и социальных услуг не только для мигрантов, но и для населения принимающей страны.

Анализ адаптационных стратегий мигрантов позволил предложить понятие адаптации, под которой понимается приспособление мигрантов, зачастую поверхностное, к принимающей среде, поведение с учетом традиций и норм, принятых местным населением, и не предполагающее встречного постижения принимающим населением культур мигрантов. Адаптация — необходимое, но недостаточное условие интеграции³.

Изучение глобальных миграционных процессов показало необходимость формирования миграционной политики с включением хорошо продуманных элементов интеграции на основе системного подхода и продуманных, скоординированных, целенаправленных государственных решений.

Проблемы адаптации и интеграции как важнейших сторон миграционных процессов обсуждаются не только на глобальном, региональном, но и на локальном уровне. Уже в 70-х годах прошлого века в Швеции и Нидерландах были разработаны и реализованы успешные программы по интеграции мигрантов. С середины 90-х гг. прошлого века интеграция иностранцев превратилась в одну из центральных политических проблем европейской политики⁴. Возникла острая необходимость в определении принципов и ключевых индикаторов интеграции в странах Европейского Союза, которые были приняты в рамках Сарагосской декларации в 2010 г. и представлены в табл. 1.

¹ <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-11-2019-4.aspx>

² Данные Росстата. — http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078

³ Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник: Сборник научных статей / Отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. — М.: Новый хронограф, 2016. — Вып. 14 — С. 411–467. — http://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2016/Ezhegodnik_2016_Mukomel.pdf

⁴ Васильева Т.А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии. — М.: Институт права и публичной политики, 2010. — 324 с.

Ключевые индикаторы в ЕС, 2010 г.

Области политики	Индикаторы
Занятость	<i>Ключевые индикаторы:</i> Уровень занятости Уровень безработицы Уровень экономической активности
Образование	<i>Ключевые индикаторы:</i> Наивысший уровень образования (доля населения с третичным, вторичным и первичным (или ниже) образованием) Доля учащихся с низкими показателями в чтении, математике и точных науках среди 15-летних Доля лиц в возрасте 30–34 лет с третичным образованием Доля лиц, рано оставивших учебу
Социальная включенность	<i>Ключевые индикаторы:</i> Медианный уровень дохода – медианный чистый доход мигрантского населения в пропорции к медианному чистому доходу всего населения Коэффициент риска бедности – доля [мигрантского] населения с доходом менее 60% от национального уровня доходов Доля населения, считающего состояние своего здоровья хорошим или плохим Соотношение владельцев недвижимости к не владеющим недвижимостью среди мигрантов и всего населения
Активное гражданство	<i>Ключевые индикаторы:</i> Доля мигрантов, получивших гражданство Доля иммигрантов, имеющих постоянное или долгосрочное разрешение на проживание Доля иммигрантов на выборных должностях [на местном уровне]

Источник: Conclusions of the Council and the Representatives of the Governments of the Member States on Integration as a Driver for Development and Social Cohesion¹.

В основе декларации лежат объективные регулярные статистические сравнительные исследования экономического и социального положения мигрантов и местного населения по направлениям: занятость, образование, гражданское участие, социальная инклюзия, а также направления адаптации и интеграции, включенные в другие международные методики оценки государственной миграционной политики, такие как: доступ к рынку труда, длительное пребывание в принимающей стране, возможность получения качественного образования, возможность приезда и трудоустройства либо всей семьи, либо отдельных ее членов семьи, участие в политической жизни страны, доступность получения услуг здравоохранения и социальной поддержки, ориентированность и возможности получения гражданства, социальная защищенность.

Индикаторы успешной адаптации, предложенной в Сарагосской декларации, в той или иной степени должны отражаться в моделях адаптационных стратегий. Существует несколько классификаций моделей в зависимости от элементов анализа. И одна из них экономическая.

Экономическая модель основана на анализе экономического поведения представителей этнических групп, прибывших из разных стран. Ее особенности заключаются в создании «экономической этнической ниши» на основе локальной общины, обособлении в ней, воспроизводстве элементов традиционной социальной культуры, «профессиональная специфика, стиль и формы осуществления экономической активности, относительная социальная закрытость от принимающей среды – все это может быть обобщено как феномен «этнической экономики»².

Исследователями были выявлены этнические экономические ниши: «Азербайджанцы подмяли под себя практически все продовольственные рынки Москвы и области. Армяне освоили автосервис. Летучие бригады молдаван возводят в Подмосковье коттеджные городки. Украинцы занимаются отделкой и косметическим ремонтом квартир. Грузины преуспели в ресторанном бизнесе и посреднических операциях. Вьетнамцы торгуют дешевой одеждой. Татары подвизаются в нефтяном бизнесе. Таджики работают в Подмосковных коровниках»³. Киргизы освоили транспортный бизнес, а жители Узбекистана – торговлю овощами и сухофруктами.

Модель «геттоизации» (пассивной автаркии) как адаптационная стратегия реализуется в локальных этнических общинах. Она возникает как реакция на культурный шок, происходящий от столкновения приезжих в ситуациях, когда адаптанты, оказавшись в новом окружении, стремятся избежать прямых контактов с чужой культурой и тем самым устранить негативные симптомы культурного шока. Следующие данной модели мигранты создают свой особый микромир: в нем присутствует исключительно «родная» этнокультурная среда, в которой живут соотечественники и соплеменники. Пассивная автаркия, как правило, характерна для представителей этнических меньшинств (переселенцев и беженцев), проживающих в крупных городах, промышленных центрах, мегаполисах.

Модель «культурной колонизации» (агрессивной автаркии) – характеризуется активным проявлением у «пришельцев» этноцентризма и интолерантности. В данном случае новая реальность воспринимается крайне неадекватно, другая культура резко критикуется и отвергается. Более того, мигранты (колонизаторы) активно стремятся перенести свои атрибуты культуры и этнические стереотипы в новую среду, навязать принимающему окружению собственное

¹ <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%209248%202010%20INIT>

² Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социс. – М., 2003. – № 11. – <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-11/titov.pdf>

³ Там же.

мировосприятие и образ жизни. Ассимиляция, предполагающая отказ мигрантов (добровольный или вынужденный) от родной культуры и полную идентификацию («растворение») с новым этнокультурным сообществом.

Модель «Интеграция» (аккультурация) – наиболее предпочтительная и успешная стратегия адаптации, заключающаяся в сохранении этноменьшинствами приверженности своей культуре и параллельной интернализации ими инокультурных атрибутов. Данная модель предполагает также активизацию паритетного межкультурного диалога между мигрантами и доминирующим этническим большинством, взаимное приспособление последних: когда меньшинствам необходимо усвоить базовые ценности, нормы, знания и образцы новой социокультурной среды, а принимающему сообществу – адаптировать свои социальные институты к потребностям и запросам всех составляющих его этнических групп¹.

Адаптационные модели трудовых мигрантов зависят от многих факторов: экономических, политических, социальных и личностных, образовательных и профессиональных. Они могут быть долгосрочными, если люди собираются приезжать неоднократно или в дальнейшем интегрироваться в принимающий социум (они включают исторический опыт и культурные традиции принимающего населения) и краткосрочными, зависящими от объективных политических и экономических событий, происходящих в мире и принимающей стране, от особенностей миграционной политики и уровня коррупции принимающего государства, от особенностей и стереотипов формирующегося общественного сознания населения по вопросам отношения к мигрантам, от наличия или отсутствия, активности общественных организаций и объединений соотечественников (землячеств, национально-культурных центров, ассоциаций).

Необходимость управления межэтническими и межконфессиональными отношениями, поддержания внутренней стабильности общества и его единства, снижения межэтнической напряженности, а также рост этнического самосознания народов на евразийском пространстве обуславливают актуальность учета адаптационных моделей в государственной миграционной политике, что будет, безусловно, способствовать интеграционным процессам.

¹ Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. – М., 2007. – № 5. – С. 70-77.

Соболева С.В.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН,
г. Новосибирск
soboleva@ieie.nsc.ru

Смирнова Н.Е.

н.с. ИЭОПП СО РАН

Чудаева О.В.

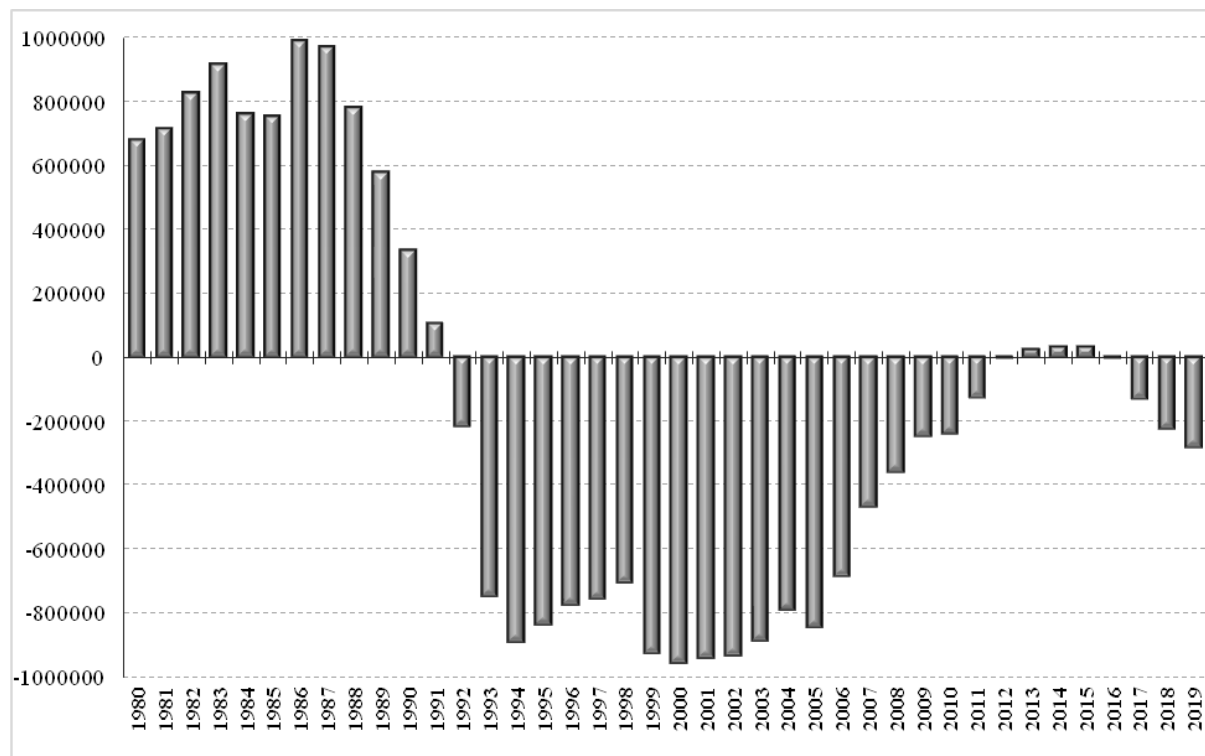
н.с. ИЭОПП СО РАН

ПОТЕНЦИАЛ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ СТРАНЫ В ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕПОПУЛЯЦИИ

Ключевые слова: депопуляция, демографический потенциал, возрастная структура, старение населения, рождаемость, воспроизводство населения, пространственное развитие.

Обострение демографической ситуации

В последние годы в России фиксируется резкое ухудшение демографической ситуации. Причем происходит оно после впечатляющих успехов в демографической сфере, когда после длительной депопуляции¹ с 1992 г., начиная с 2006 г. удалось переломить негативные тенденции. Вопреки многочисленным пессимистическим прогнозам ситуация стала быстро меняться к лучшему во всех федеральных округах, и в 2013–2015 гг. Россия вышла на естественный прирост населения как за счет снижения смертности, так и за счет роста рождаемости, в том числе по причине проведения целенаправленной политики. Однако с 2016 г. депопуляция возобновилась, как и прогнозировалось (рис. 1). Произошло это за счет резкого уменьшения числа родившихся, сопоставимого по масштабам с началом 1990-х годов. В результате, несмотря на продолжающееся сокращение числа умерших, естественный прирост демонстрирует обвальное падение.

*Примечание: 2019 г. – оперативная информация Росстата за январь–ноябрь

Рисунок 1.
Динамика естественного прироста населения России за 1980–2019* гг., чел.

¹ Депопуляция – устойчивое превышение числа смертей над рождениями вследствие суженного воспроизводства населения, когда последующие поколения численно меньше предыдущих.

Фактор благоприятной возрастной структуры, связанный с относительно высокой рождаемостью 1980-х годов, близок к исчерпанию. Новый виток депопуляции происходит теперь в других, более тяжелых демографических условиях наследия 1990-х годов. Старение населения может еще больше усилить негативные тенденции.

Дополнительными негативно воздействующими в самые последние годы на воспроизводство населения факторами являются снижение реальных доходов населения с 2014 г., рост бедности и неуверенности в будущем в сочетании с экономической неопределенностью. Этим можно объяснить тот факт, что суммарный коэффициент рождаемости, выйдя на локальный максимум в России в 2015 г. и при этом так и не достигнув уровня простого воспроизводства 2,15, начал снижаться (рис. 2). Поскольку этот показатель не зависит от возрастной структуры населения, оправдать его резкое падение демографическим эхом 1990-х годов и тем более войны не удастся. Таким образом, дополняя негативное воздействие фактора возрастной структуры, действует фактор снижения уровня благосостояния населения.

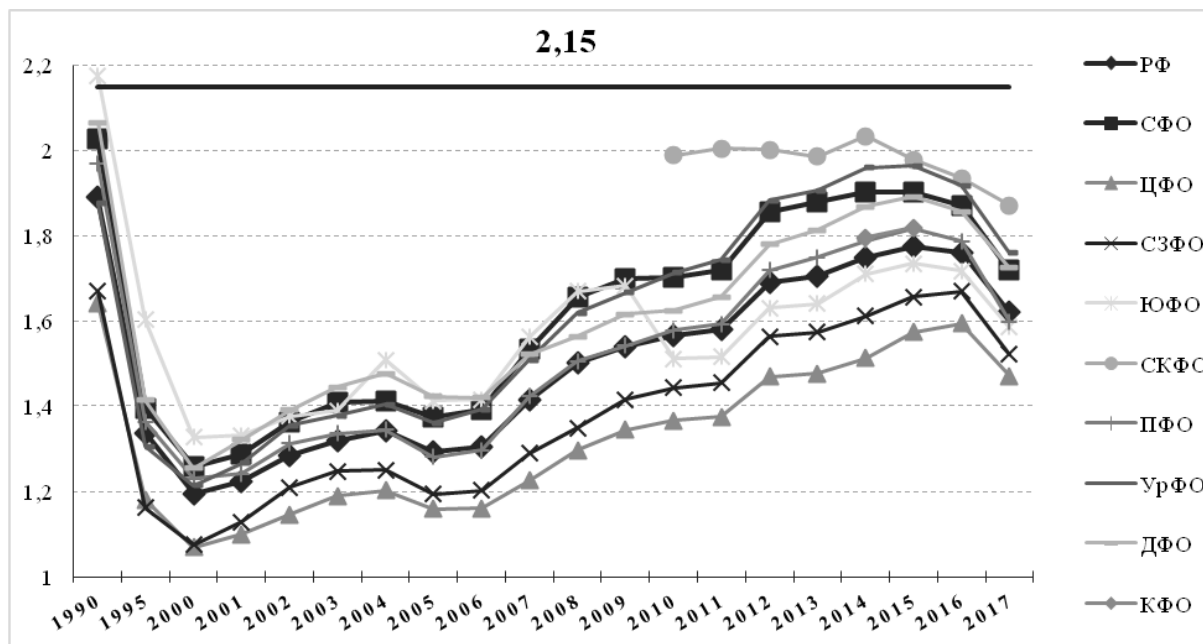

Рисунок 2.
Динамика суммарного коэффициента рождаемости по федеральным округам РФ за период 1990–2017 гг.

Общее удорожание жизни, увеличение старых и введение все новых обязательных платежей на фоне низких зарплат, закредитованности населения и угрозы безработицы, повышение пенсионного возраста, проводимое форсированными темпами, с изъятием крупных сумм денег из семейных бюджетов россиян, – все это действует в направлении дальнейшего снижения благосостояния населения в самом широком смысле этого слова, включая рост тревожности в обществе. Очевидно, что такая ситуация не будет способствовать росту рождаемости и даже удержанию ее на уже достигнутом уровне.

Непосредственной причиной депопуляции, как это и следует из ее определения, является длительный период, когда рождаемость находится ниже уровня простого воспроизводства. Таким образом, ключевая демографическая проблема нашей страны – низкая рождаемость, не достаточная даже для простого замещения поколений, при которой на смену двум родителям приходит меньшее число детей. Режим воспроизводства населения в России остается суженным на протяжении многих десятилетий с первой половины 1960-х годов.

С 2007 г. численность населения трудоспособного возраста вступила в длительный период сокращения, причем в отдельные годы оно превышало 1 миллион человек. Это стало результатом того, что пополнение трудоспособных контингентов происходило за счет малочисленных родившихся в постсоветской России при одновременном выходе из трудоспособного возраста многочисленных родившихся в послевоенный период роста рождаемости. Численность населения моложе трудоспособного возраста в России на начало 2019 г. по сравнению с данными переписи 1989 г. сократилась почти на четверть – на 24%, даже с учетом роста рождаемости в последние годы, а также присоединения Крыма. За тот же период численность населения старше трудоспособного возраста выросла на 40%.

Таким образом, низкая рождаемость приводит не только к снижению численности населения и в перспективе к вымиранию, но и к быстрому изменению возрастной структуры в сторону старения, что будет ухудшать и без того плохое здоровье населения России [1] и еще больше подстегивать депопуляцию как за счет снижения числа родившихся, так и за счет роста числа умерших, а также влечет другие многочисленные негативные последствия, и не только для социально-экономической сферы. Власти уже признают, что демографическая ситуация стала важнейшим фактором, ограничивающим рост экономики РФ, и что на экономике негативно отражаются тенденции, сформировавшиеся в 1990-е годы [2, 3]. Причем подобные долговременные тенденции создают угрозу не только для демографического и трудового потенциала, но и очевидным образом значительно ослабляют страну в целом, снижая ее конкурентоспособность и обороноспособность.

Население, которым располагает Россия, не соответствует размерам ее территории, нуждающейся в освоении, охране границ, развитии поселенческой сети. Особенно это касается восточных регионов страны, прежде всего Сибири и Дальнего Востока, где на депопуляционные процессы накладывается миграционный отток населения. Происходят прямо противоположные явления – стягивание населения к нескольким крупным центрам оголяет уже обжитые территории, в том числе приграничные, не способствует благополучию сел, малых и средних городов.

Негативные последствия демографических процессов в России в будущем, если не предпринимать кардинальных мер, включая изменения в социально-экономической политике, делают невозможными не только освоение новых территорий, но и удержание уже освоенных в прошлом с большим трудом и затратами, будут способствовать сжатию экономического и геополитического пространства. Такая карта расселения не соответствует интересам страны и несет угрозу национальной безопасности, в том числе суверенитету, территориальной целостности и устойчивому социально-экономическому развитию страны. Демографическая ситуация в России приобрела значение важнейшего стратегического и геополитического фактора, определяющего перспективы страны.

Рост рождаемости – ключ к решению демографических проблем

В настоящее время главными факторами, от которых зависит будущее страны, являются рождаемость и семья. Для устойчивого выхода из депопуляции, угрожающей самому ее существованию, России необходима демографическая мобилизация – целевым ориентиром для нашей демографической политики нужно сделать семью с 3-4 детьми. Именно такая семья должна получить наибольшую экономическую и моральную поддержку со стороны государства и общества.

Нам часто говорят, что повышение рождаемости хотя бы до уровня простого воспроизводства населения, а тем более расширенного, невозможно. Однако можно привести массу примеров опровергающих это утверждение, даже из недавнего отечественного опыта. В 1980-х годах в результате пронаталистской политики СССР и антиалкогольной кампании суммарный коэффициент рождаемости впервые с 1964 г. достиг уровня простого воспроизводства в 1987–1988 гг. В том числе за счет этого наследия «застойного СССР», когда относительно многочисленные родившиеся в 1980-х годах вступили в активный репродуктивный возраст, удалось временно преодолеть депопуляцию в 2013–2015 гг. О такой возможности свидетельствует и опыт некоторых регионов постсоветской России, например, Сахалинской области, где данный показатель вырос за 2011–2016 гг. с 1,57 до 2,16. Имея рождаемость ниже среднероссийской в 2011 г., этот регион за 5 лет вышел на уровень чуть выше простого воспроизводства населения.

Можно привести еще примеры, когда именно интенсивность рождаемости, выраженная суммарным коэффициентом рождаемости, не зависящим от возрастной структуры населения и численности женщин репродуктивного возраста, которые могут значительно изменяться, после периодов спада снова повышалась и весьма существенно. Например, в США – с 2,2 во времена Великой депрессии до 3,8 в конце 1950-х годов в разгар послевоенного беби-бума, когда семья с 3-4 детьми была совершенно обычной.

Когда в 2006 г. в Послании Федеральному собранию президент В. Путин объявил курс на исправление катастрофической демографической ситуации, также удалось добиться существенного роста этого показателя (см. рис. 2). За счет улучшения социально-экономических условий по сравнению с катастрофическими 1990-и годами и мер демографической политики, предпринятых с 2006 г., помимо снижения смертности и роста ожидаемой продолжительности жизни (рис. 3), также произошел рост суммарного коэффициента рождаемости, особенно заметный в сельской местности (рис. 4).

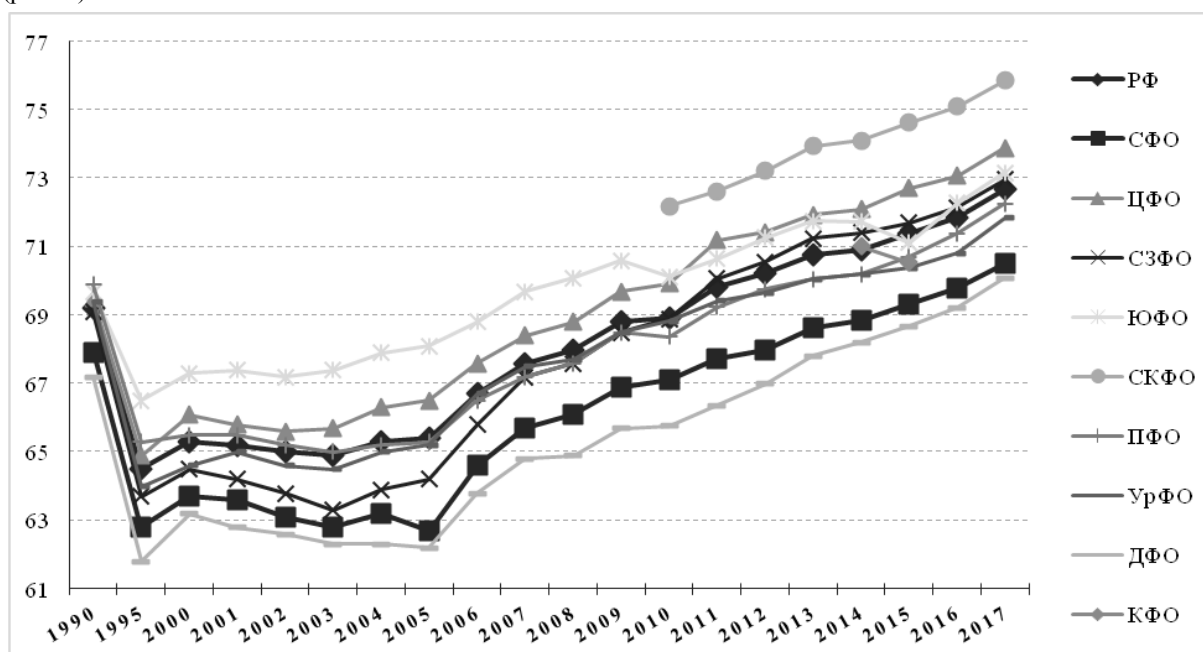

Рисунок 3.

Динамика ожидаемой продолжительности жизни в федеральных округах РФ в 1990–2017 гг., лет

С 2012 г. в сельской России этот показатель превысил пороговый уровень простого воспроизводства 2,15, что означало переход к уже расширенному типу воспроизводства населения. Всего за период роста 2005–2014 гг. суммарный коэффициент рождаемости на селе увеличился на 47%, в отличие от города, где рост был существенно меньше – 32%. При этом в 2014 г. в городах РФ суммарный коэффициент рождаемости составил всего 1,59. Такая рождаемость обеспечивала только 76% от уровня простого воспроизводства, а на селе этот показатель достиг 2,32 и, соответственно, 110% от уровня простого воспроизводства. Отметим также, что и в 1980-х годах село гораздо активнее города реагировало на меры демографической политики.

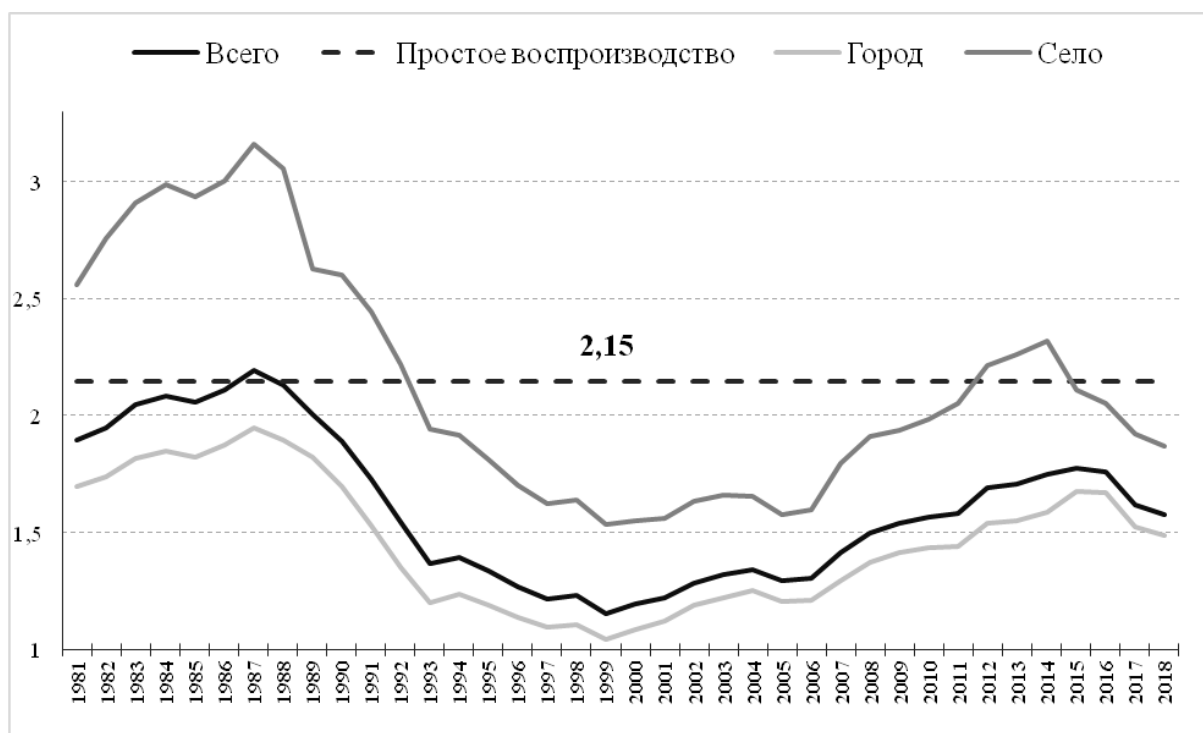

Рисунок 4.
Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России за 1981–2018 гг.

Таким образом, село продолжает оставаться естественным резервом для восстановления численности российского населения. Соответственно именно туда и нужно направлять основные усилия по преодолению депопуляции, которые будут наиболее эффективны и будут иметь самую быструю отдачу.

Здесь следует отметить, что в демографии давным-давно установлен тот факт, что урбанизация приводит к снижению рождаемости [4, с. 400¹, 5, с. 537²], причем независимо от типа исходной культуры. Кстати, одни из самых низких суммарных коэффициентов рождаемости в стране – в Москве, Санкт-Петербурге и, особенно, в Ленинградской области.

Поэтому пропагандируемая в последнее время на высоком уровне идея необходимости для России поддержки роста агломераций по примеру Москвы, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке [6], в случае ее реализации еще больше подхлестнет депопуляционные процессы в стране, будет способствовать увеличению территориальных диспропорций, сжатию экономического и геополитического пространства. Так как агломерации, сами не способные к нормальному воспроизводству, втягивают в себя население окружающих территорий, прежде всего молодежь в активных репродуктивных возрастах, в результате углубляя депрессивное состояние этих территорий.

За примерами далеко ходить не надо, особенно наглядно эти процессы можно наблюдать в самом историческом центре России – в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Два их центра – Москва и Санкт-Петербург – «вытягивали» молодое активное население, прежде всего из соседних регионов, усиливая депопуляцию и кризисные явления на этих территориях. В результате в 2018 г. самые высокие все ускоряющиеся темпы естественной убыли в стране от 7% и выше отмечались на исконно русских территориях областей Центрального и Северо-Западного федеральных округов, ставших зоной хронического демографического бедствия: Ивановской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Новгородской и Псковской.

Это путь деградации, ускоренного вымирания народа и развала государства. Таким образом, в продолжение политики 1990-х годов полностью игнорируется главнейшая проблема современной России – депопуляция, которая подрывает самые основы ее национальной безопасности.

Инициатива по селению населения самой большой в мире страны в десяток-другой агломераций очевидным образом противоречит демографическим целям, которые должны быть основополагающими и стоять во главе угла

¹ «Как правило, рождаемость у городских жителей ниже, чем у сельских, и у населения больших городов ниже, чем у жителей средних и малых».

² «По мере развития процесса урбанизации уровень рождаемости городского населения по сравнению с сельским падает, в дальнейшем происходит падение рождаемости и в сельской местности».

при разработках стратегий развития страны, в том числе пространственной. Так как, помимо демографической значимости, опорная сеть поселений на огромной территории страны, и в первую очередь вдоль протяженных границ, имеет важнейшее геополитическое значение, обеспечивая связанность пространства и контроль над ним. Особенно это касается обширных территорий Сибири и Дальнего Востока.

Потенциал восточных регионов

Мы видим, что самые большие в стране по численности населения и высокоурбанизированные Центральный и Северо-Западный федеральные округа, с крупнейшими агломерациями, еще с советских времен демонстрируют худшие коэффициенты естественного прироста населения (рис. 5), несмотря на более высокий уровень доходов и лучшее развитие социальной инфраструктуры, включая систему здравоохранения, чем в среднем по России. Особенно это касается Центрального федерального округа с его самой большой Московской агломерацией, в которую к тому же идет постоянный приток молодежи, – единственного из всех округов, все время имевшего естественную убыль населения с 1990 г. И если по ожидаемой продолжительности жизни эти два округа демонстрировали уровень выше среднероссийского (см. рис. 3), то по суммарному коэффициенту рождаемости – всегда самые низкие показатели в стране (см. рис. 2).

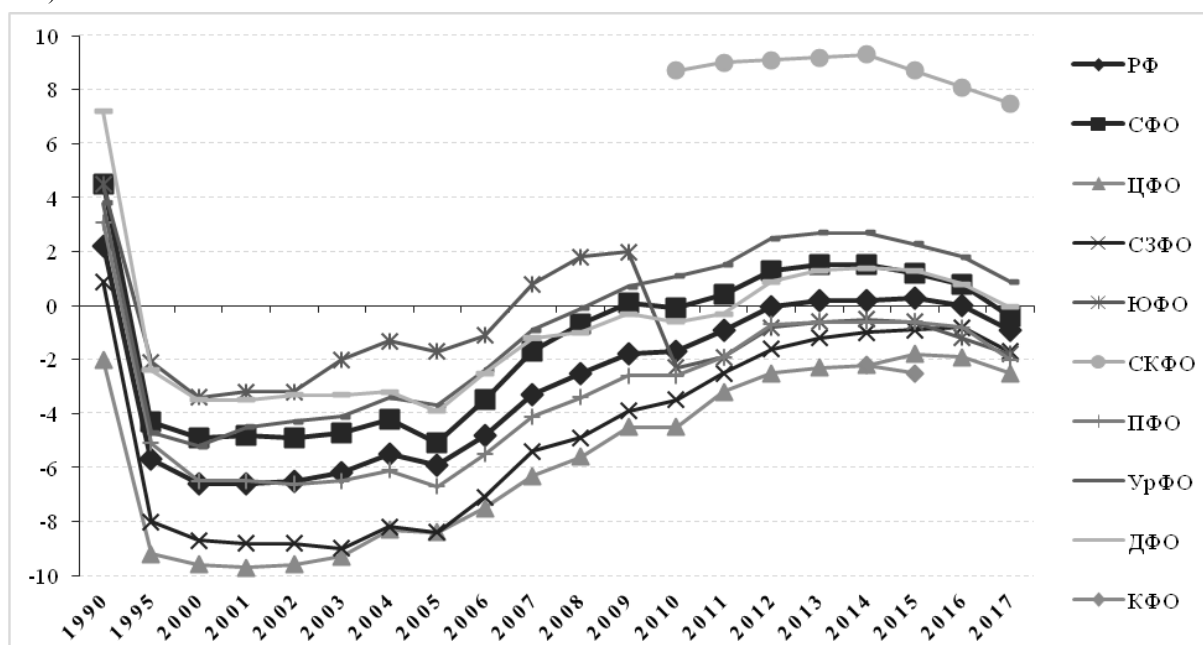

Рисунок 5.

Динамика коэффициентов естественного прироста населения по федеральным округам РФ за период 1990–2017 гг., чел. на 1000 чел. населения

При этом заметим, что в годы временного преодоления депопуляции естественный прирост в России обеспечивали, прежде всего, Северо-Кавказский федеральный округ, имеющий наилучшие показатели в стране как по рождаемости, так и по смертности, а также восточные регионы Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Хуже, чем по России в целом, была и остается ситуация с воспроизводством населения в европейских регионах страны: Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Южном федеральных округах, которые так и не выходили из состояния депопуляции.

Следует отметить, что самую высокую рождаемость на селе в России, уже по типу расширенного воспроизводства, в последние годы имели только восточные регионы страны. Даже Северо-Кавказский федеральный округ перешел к суженному режиму воспроизводства, в том числе и на селе с 2018 г. Только Чеченская Республика и в городе, и в селе, а также Республика Дагестан только в селе имели рождаемость выше уровня простого воспроизводства. По данным за 2018 г. по показателю суммарного коэффициента рождаемости на селе, даже после его снижения с 2015 г., на первом месте в стране был Дальневосточный федеральный округ – 2,41, на втором Сибирский – 2,32 и на третьем Уральский – 2,11. Причем сибирское село на два года раньше российского, с 2010 г., вошло в режим расширенного воспроизводства населения, и сельское население всех регионов округа продолжало находиться в этом режиме по данным за 2018 г., кроме Кемеровской области, имеющей рождаемость на селе ниже уровня простого воспроизводства.

Таким образом, у восточных регионов в сфере воспроизводства населения имеются некоторые преимущества – более молодая возрастная структура населения и более высокая интенсивность рождаемости, чем в среднем по стране, а также большой потенциал для снижения смертности, особенно в сельской местности. А огромные пространства этих территорий, в том числе пригодные для жизни и сельского хозяйства, особенно в условиях потепления климата [7], являются фундаментальным стратегическим преимуществом России, так как земля, по мнению П.А. Столыпина, является «единственным источником нашего благосостояния» и «залогом нашей силы в будущем» [8].

Что делать

Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ обозначено самым первым пунктом майского указа президента В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [9]. Более того, в одном из своих выступлений в конце 2017 г. В. Путин заявил: «Скажу больше: вся политика, вся наша работа – в экономике, социальной сфере, других областях – должна быть нацелена на сбережение нации, на решение задач демографического развития» [10].

Очевидно, что меры, предпринимаемые для противодействия депопуляции, несмотря на значимые успехи в прошлом, в том числе по причине благоприятной для борьбы с депопуляцией возрастной структуры населения, совершенно не достаточны для устойчивого выхода хотя бы на нулевой естественный прирост в новых демографических условиях старения населения России. Кроме того, совершенно очевидно, что в тесных квартирах многоэтажных домов в скученных условиях больших городов ни о каком существенном и устойчивом росте рождаемости, необходимом для выхода из более чем полувекового суженного режима воспроизводства населения, не может быть и речи. Поэтому следует дополнить уже предпринимаемые меры какими-то другими очень существенными воздействиями с целью повышения рождаемости.

А так как важнейшим системным фактором, снижающим ее, давно признана урбанизация, нужно, во-первых, максимальное внимание со стороны властей всех уровней уделить именно селу как естественному резерву для восстановления численности в прямом смысле слова коренного российского населения. Так как меры, направленные на улучшения в социально-экономической сфере и повышение рождаемости, будут иметь здесь самую эффективную и быструю отдачу.

Помимо решения острейших демографических проблем подъем села обеспечит продовольственную безопасность страны – другую важнейшую составляющую национальной безопасности России и фактор сохранения ее суверенитета, которая самым теснейшим образом связана с демографической безопасностью. Так как количество и качество доступного для населения продовольствия оказывает огромное влияние на демографическую сферу, воспроизводство и здоровье населения, в первую очередь подрастающего поколения.

Повышенное внимание, оказываемое селу, позволит также уменьшить бедность, улучшить качество жизни населения и, кроме того, будет способствовать пространственному освоению и закреплению населения на стратегически важных территориях в условиях изменяющегося климата.

Далее, в контексте решения демографических проблем России следует использовать городские агломерации не для дальнейшего стягивания в них «лишнего» населения с всё более периферийных территорий, так как это приведет к ускоренной депопуляции, утрате контроля за обширными пространствами и развалу страны, а наоборот, как плацдарм для дальнейшей экспансии, в первую очередь вдоль уже существующих транспортных путей.

Для восточных регионов страны таким путем, например, может стать Транссибирская железно-дорожная магистраль. С целью удержания Сибири и Дальнего Востока необходимо кардинально увеличить плотность населения, прежде всего вдоль юго-восточных границ, через укрепление опорной структуры поселений и увеличение не только их количества, но и численности проживающих.

В качестве механизма такой экспансии следует использовать все возможные формы поддержки и поощрения усадебного домостроения для всех желающих граждан России, обязательно с возможностью бесплатного предоставления обширных участков земли, пригодных в качестве пространства для жизни большой семьи и оформленных в бессрочное наследуемое пользование, не облагаемое никакими налогами. Возможно, стоит закрепить это право на землю для всех желающих граждан РФ в обновляемой Конституции.

Дальневосточный гектар – движение в правильном направлении. Необходимо распространить эту практику на всю страну, и в первую очередь на Сибирь. Здесь может очень пригодиться опыт Столыпинской реформы, позволившей при самой активной и разносторонней поддержке государства быстро заселить земли за Уралом, что сыграло большую роль в годы Второй мировой войны.

Свой дом на своей земле придаст людям уверенность в будущем, которой им так не хватает для принятия решения о рождении детей.

Строительство таких домов открывает широкие возможности распространения самозанятости и малого бизнеса, семейного производства самого разного рода, и не только сельхозпродукции. Кроме того, развитие современных информационных технологий и средств коммуникации, автоматизация и новейшие технологии производства позволяют многим людям перейти на удаленные формы работы.

Массовое строительство усадебного жилья помимо решения демографических проблем будет иметь множество других эффектов. В числе прочего оно позволит оживить производство на местах, в первую очередь строительную отрасль, которая потянет за собой множество других, это, соответственно, будет способствовать наполнению местных бюджетов. Появится возможность обеспечить население качественным и доступным продовольствием, решить экологические проблемы, проблемы бедности и безработицы, улучшить здоровье и качество жизни населения, решить геополитические задачи привлечения, закрепления населения и освоения территорий Сибири и Дальнего Востока и многое другое. В результате появляется возможность одновременного решения социальных, экономических и других задач через переход на принципиально новое усадебное расселение и к новым экономичным и здоровым формам жизни [11].

Таким образом, помимо создания благоприятных материальных условий для семей с детьми, пропаганды семейных ценностей и т.д., демографическую политику нужно сочетать с политической пространственного освоения страны с акцентом на усадебное домостроение и большие семьи с детьми. И здесь Россия, и прежде всего ее восточные

регионы, имеет фундаментальное и стратегическое превосходство за счет своих просторов, превращающихся из «обузы» в важнейшее преимущество граждан России, которые смогут сами обеспечивать не только собственное благополучие, но и создавать надежную материальную базу для своих потомков.

Список литературы

1. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности динамики заболеваемости населения Сибири и ее регионов в контексте российских тенденций // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 12. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Ч. 3. – С. 561–568.
2. Глава МЭР отнес ситуацию с демографией в России к числу тяжелейших в мире. – <https://www.rbc.ru/society/25/09/2017/59c8b82b9a7947ef169ee4bc>
3. Орешкин назвал демографию ключевым фактором, ограничивающим рост экономики РФ. – <https://tass.ru/ekonomika/5947019>
4. Введение в демографию / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2003 – 636 с.
5. Народонаселение: Энциклопедический словарь / Г.Г. Меликьян. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. – 640 с.
6. Собянин рассказал о 15 млн «лишних» россиян. – <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc>
7. «Климат Сибири станет подходящим для фруктов и арбузов»: Красноярские климатологи спрогнозировали цветущее будущее Сибири. – <https://lenta.ru/articles/2017/07/27/siberia/>
8. Из речи П.А. Столыпина в Государственной Думе по проекту закона «О земле» (5 декабря 1908 г.) // Государственная дума. Третий созыв. Сессия вторая. 1908-1909 гг. Стенографические отчеты. – СПб., 1909. – Ч. I. – С. 2279–2284.
9. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
10. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56478>
11. Крупнов Ю.В. Дом в России. Национальная идея. – http://www.krounov.ru/5/181_1.shtml

Тулузакова М.В.

д.соц.н., доцент, зав. кафедрой государственного и муниципального управления, РАНХиГС

РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *здоровье, качество жизни, человеческий капитал.*

Медико-социальные исследования рассматривают здоровье как центральную категорию иерархии и ценностей человека¹. Это определение приводится в Преамбуле к Уставу Всемирной организации здравоохранения, принятому Международной конференцией здравоохранения, Нью-Йорк, 19-22 июня 1946 г.; подписанному 22 июля 1946 г. представителями 61 страны (Official Records of the World Health Organization, no. 2, p. 100) и вступившему в силу 7 апреля 1948 г., где написано следующее: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов». С 1948 г. это определение не менялось.

Современное общество предъявляет особые требования к сохранению здоровья как условию полноценной и продолжительной жизни человека. «Здоровье – это еще не все, но все – ничто без здоровья» (Сократ).

Согласно экспертной оценке Всемирной организации здравоохранения, состояние индивидуального здоровья человека определяется следующими факторами:

- заложенная в организме генная программа – 20%,
- экология – 20%,
- медицинский сервис – 10%,
- образ жизни – 50%.

Отсюда можно сделать вывод: здоровье в основном зависит от самого человека, а не от качества медицинского обеспечения, на которое большинство людей возлагают свои основные надежды. Почему здесь возникает расхождение? Медицина как таковая ориентирована в большей степени на лечение болезней, и в меньшей – на сохранение и поддержание здоровья.

Особое внимание хотелось бы уделить такой проблеме как социальное здоровье нации, понимаемой нами как отражение государственной политики и являвшейся основой национального богатства и национальной безопасности. Исходя из вышесказанного, социальное здоровье нации можно рассматривать в контексте гуманизма, зрелости и совершенства социальной системы, что предусматривает включение в указанное понятие благоприятных условий труда и отдыха человека, развитие навыков общения, наличия цели жизни и понимания меры ответственности за общество.

Социальное здоровье отдельного человека – мера социальной активности и деятельного отношения его к миру. В его основе, по нашему мнению, лежит возможность повышать качество жизни. Здоровое население, как бы прагматично это ни звучало, экономически выгодно и бизнесу, и государству.

Если рассматривать социальное здоровье в социальном контексте, то закономерен вопрос и о выборе показателей для его оценки. В большинстве случаев, речь должна идти о таких показателях как доступность первичной и высокотехнологичной медицинской помощи, качество питания, средняя продолжительность предстоящей жизни по годам рождения, затраты ВВП на социальную сферу в целом.

Особое значение имеет выделение уровней анализа здоровья в имеющихся медико-социальных исследованиях. Так, индивидуальное здоровье – здоровье отдельного человека; групповое здоровье – здоровье социальных и этнических групп; региональное здоровье – здоровье населения административных территорий и общественное здоровье – здоровье популяции, общества в целом.

Мы согласны с мнением исследователей, которые предлагают рассматривать здоровье, прежде всего, как экономическую категорию. Данный подход призван рассматривать сохранение и укрепление здоровья, воспитание, образование, медицинскую и социальную помощь в контексте инвестиций в человеческий капитал. Так, П.П. Горбенко, К.П. Горбенко утверждают, что «рентабельность инвестиций в человеческий капитал выше, чем в воспроизводимый». А опыт ведущих стран мира подтверждает, что ставка на инвестиции в здоровье и образование является наиболее эффективной стратегией экономического развития².

В настоящее время фактически запущен механизм саморазрушения человека, и как следствие общества и государства. Массовое распространение алкоголизма, наркомании, табакокурения, переизбытка, неправильного питания,

¹ См.: Ефименко С.А., Морозов П.Н. Историко-социологический анализ публикаций, посвященных медико-социологическим исследованиям в здравоохранении // Социология медицины. 2004. – № 1. – С. 26–31; Березина О.А. Здоровье нации как доминанта оценки эффективности социальной политики государства // Молодой ученый. 2008. – № 1. – С. 204–207. – <https://moluch.ru/archive/1/49/>

² Горбенко П.П., Горбенко П.П. Национальная индустрия качества жизни и здоровье // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2008. – Т. 3, № 1. – С. 88.

гиподинамии, недосыпания по сути дела есть проявление равнодушия как к собственному здоровью, так и здоровью окружающих, как следствие – депрессия и социальная апатия.

Остановить эту мрачную тенденцию – задача, решение которой базируется, прежде всего, на консолидации всего общества, всех ветвей государственной власти. И начинать нужно с создания системы культуры здоровья, где воспитание и обучение населения с детских лет, пропаганда здорового образа жизни, является приоритетным. Крайне важно создать систему отношений в обществе, способную мотивировать население в стремлении иметь здоровье, для этого регулярно следить за состоянием своего организма и регулярно практически заниматься собственным здоровьем.

Что же этому мешает?

Во-первых, недоступность и низкое качество оздоровительных услуг, в том числе услуг физической культуры, массового спорта, туризма, рекреационных и санаторно-курортных услуг, особенно в провинции. Существующие многочисленные клубы фитнеса, шейпинга, аэробики, йоги, SPA, оздоровительные, физкультурно-оздоровительные, спортивно-оздоровительные, центры, а также санатории, санатории-профилактории, являются в большинстве случаев коммерческими структурами, призванными получать прибыль. И как коммерческие структуры они не имеют государственной поддержки, и не рассматриваются как оздоровительная отрасль.¹

Во-вторых, доступность качественных натуральных продуктов питания и слабое развитие отечественной индустрии производства натуральных продуктов. Только вопрос стоит не о культуре питания населения, а о качестве доступных большинству продуктов и возможности их приобретения.

В-третьих, усложнение получения медицинской помощи населением за счет так называемой оптимизации первичного звена, что явно не способствует увеличению продолжительности жизни. В последние годы работающее население стремится как можно реже уходить на больничный, потому что иначе можно лишиться работы или дохода, что само по себе является существенным фактором ухудшения качества жизни. Отсутствие не только узких специалистов, но и сокращение времени работы процедурных и физиотерапевтических кабинетов не позволяют работающим людям осуществлять профилактику обострений хронических заболеваний. Получается замкнутый круг, внутри которого и появляются рост инвалидности, заболеваемости и смертности во всех регионах нашей страны.

В-четвертых, проблема лекарственного обеспечения. Долгие годы существует указанная проблема. На аптечный рынок продолжает проникать фальсифицированная продукция². Но помимо этого возникла еще одна проблема, а именно – избыточность информирования населения о лекарствах, благодаря рекламе с последующим бесконтрольным приемом лекарственных средств и препаратов. А если еще добавить многочисленные «псевдомедицинские» передачи на телевидении, около медицинские форумы в Интернете, то картина получается просто удручающая.

С одной стороны, тяга к здоровью через самодиагностику и самолечение, с другой – критика медицинских работников за низкое качество оказания медицинских услуг. Несомненно, качество зачастую оставляет желать лучшего. Не будем сейчас акцентировать внимание на причинах этого явления. Нас более волнует другое – риски здоровья, возникающие на этом фоне. Как справедливо указывает Н.А. Лебедева-Несевря необходимо включение «управления социальными факторами риска в контур управления здоровьем»³.

Что обычно понимается под реальным риском для здоровья человека? Как правило, выделяются риски физической, химической и биологической природы. Особое значение имеют системные риски, берущие свое начало от практики управления государством и обществом: социальные, экологические, экономические, транспортные, криминальные, суицидальные и др.

Современная концепция факторов риска складывается на основе симбиоза современных представлений о возможностях и направлениях профилактической медицины и социально-гуманитарных наук, что в большей мере соответствует социальной реальности, т.к. именно социальным детерминантам принадлежит ведущая роль в определении состояния популяционного здоровья населения страны⁴.

Д.С. Жигаев выделяет пять основных направлений анализа влияния социальных факторов на индивидуальное и популяционное здоровье. К ним он относит «сущностно-ориентированное», «структурно-ориентированное», «предметно-ориентированное», «эмпирически-ориентированное», «специально-ориентированное»⁵. Это позволяет классифицировать факторы риска, по форме воздействия, по риску от воздействия факторов внешней среды и по направлению влияния на отдельного индивида, социальные факторы риска. Вне подобного анализа все призывы к культуре здоровья и культу здорового образа жизни могут остаться только призывами.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что здоровье нации – это феномен, формирующийся и поддерживающийся посредством медицинских услуг, здорового образа жизни и правильного питания, созданием экологически чистой среды обитания и безопасных условий жизни.

Но можем ли мы утверждать, что принимаемые на государственном уровне решения не сказываются негативно на здоровье людей? В настоящее время именно валеологический аспект необходим в принятии решений, защищающих здоровье людей.

¹ Следует отметить, что оздоровлением не занимается ни одна из существующих государственных структур.

² Сайт Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения. – <http://www.roszdravnadzor.ru/drugs/monitpringlp/documents/b580>

³ Лебедева-Несевря Н.А. Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник Пермского университета. Серия Биология. 2010. – Вып. 3. – С. 36.

⁴ Всемирная организация здравоохранения. – <http://www.euro.who.int>

⁵ Жигаев Д.С. Социальные факторы риска здоровью в структуре здорового образа жизни // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. 2015. – № 2. – С. 2–10.

На сегодняшний момент происходит активная реализация нового подхода в вопросах здоровья, суть которого сводится к смене приоритетов: от приоритета болезни к приоритету здоровья. В обыденном представлении каждого здравомыслящего человека здоровье – это в первую очередь «не болезнь». Любая «не болезнь» – инфекция, аллергия, онкология. Не болен – значит, здоров! Основа долговременного здоровья – состояние внутреннего равновесия, понимаемое нами как способность организма человека справляться с чрезмерными физическими и психологическими нагрузками.

Но означает ли вышесказанное отказ от концепции постоянного совершенствования медицинской помощи населению? «Необходима дальнейшая целенаправленная реорганизация здравоохранения, которая предусматривает его разделение на две службы – службу непосредственно медицинской помощи и службу здоровья и профилактики заболеваний»¹, обеспечив реальное решение задачи сохранения для государства человеческого капитала.

Для этого важен комплекс мер, необходимых для создания целостной системы обучения, воспитания, приобретения навыков здоровья населением, обеспечением объективной информации о качественных и эффективных средствах и методах медицинской практики, возможности практического применения полученных знаний в повседневной жизни. Каждый человек должен знать, иметь возможность и иметь желание заниматься своим здоровьем регулярно, а не от случая к случаю. Состояние здоровья в зрелом возрасте – реальный показатель высокого уровня культуры человека, гармонии его семьи, успешности карьеры.

На первый взгляд, говорить о прибыли в медицинской деятельности, связанной, как известно, с жизнью и здоровьем человека, не вполне этично. Но «бесплатность медицинской помощи» – этот термин, скорее всего, можно считать «сухим остатком» социалистического прошлого нашего государства. Точно так же как и только морально подкрепленную и обязательную для любого советского врача «битву за здоровье нации». В настоящее время в сфере производства и потребления медицинских услуг существует рыночная система. Лечение больного – это рынок медицинских услуг. Служба здоровья – это тоже рынок медицинских услуг, только совершенно другого качества.

Такое разделение проведено во многих странах. Лечение болезней – одна служба. Сохранение здоровья – другая служба. У каждой из них своя задача, и у каждой своя специфика. Если в основу оплаты труда врача заложено количество принятых больных, то возникает вопрос – насколько он заинтересован в предупреждении возможного рецидива болезни? Невозможно заниматься в одном лице и тем и другим, невозможно заниматься взаимоисключающими вещами, никакой врач не будет учить способам оздоровления, если от количества принятых больных зависит его прибыль. Ему и некогда, и это занятие просто экономически ему не выгодно. В указанном контексте здоровье нации в целом – это, конечно, забота государства, но здоровье конкретного человека – это его личное дело.

А потому жизненно необходимо, чтобы каждый человек знал и понимал, как он сам может (должен) должен сохранять, укреплять и отвечать за собственное здоровье, здоровье родных и близких. Основными составляющими сохранения и «укрепления индивидуального здоровья являются: натуральное здоровое питание и поддержание энергетического баланса, очищение, физическая и умственная активность, рекреация (отдых, развлечение, восстановление), здоровая среда жизнедеятельности, режим труда и отдыха, психическое оздоровление»².

Качество жизни человека как показатель здоровья, зависит от целого ряда условий. Поэтому вопросы, касающиеся качества жизни, все нормативы, стандарты, организационные решения на государственном, ведомственном, территориальном уровне необходимо рассматривать с учетом их положительного влияния на физическое и психическое здоровье человека.

Для этого необходимо не только разрабатывать государственные, региональные и муниципальные системы управления обеспечения высокого качества жизни и здоровья населения, но и федеральные и региональные нормативы и стандарты качества жизни и здоровья, а также стандарты рекреационных и оздоровительных услуг. Современное общество нуждается в инновационных стратегиях развития здравоохранения, в том числе и по такому направлению как превентивная медицина.

¹ Самородова Е.М., Рязанцева Т.В. Здоровье как важнейший актив человеческого капитала – движущего фактора модернизации экономики // Научные записки ОрелГИЭТ. 2011. – № 2 (4). – С. 330–333.

² Там же.

РЕГИОНЫ И ГОРОДА

Белостоцкий А.А.¹

ПРОБЛЕМЫ СНИЖЕНИЯ ДОТАЦИОННОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: дотации, дотационные регионы, профицит бюджета, межбюджетные отношения, исполнение бюджета, межбюджетные трансферты.

Самостоятельность региональных бюджетов играет важнейшую роль, особенно это сказывается при межбюджетном взаимодействии, когда от уровня дотационности субъекта зависит эффективность, устойчивость, сбалансированность бюджета РФ, и, в целом, состояние региональной экономики.

В 2019 году субъекты РФ достаточно активно осваивали остатки от дотаций предыдущего года, в результате чего образовался значительный разрыв между доходами и расходами, и каждый третий регион России закончил 2019 год с дефицитом бюджета. Если в 2018 году дефицитных регионов было 15, то в 2019 таких регионов было уже 35 по данным исполнения консолидированных бюджетов субъектов. Доля таких регионов год к году росла с 17 до 40%, при этом суммарный дефицит 35 регионов составляет 233 млрд. руб. и с целью поддержания сбалансированности региональных бюджетов в 2020 году предлагается направить 39,4 млрд. руб. предусмотренные в 2019 году².

Кассовое исполнение межбюджетных трансфертов за 2019 год составило 2 387 151,2 млн. рублей, или 99,9% объема соответствующих бюджетных ассигнований, предусмотренных Федеральным законом № 459-ФЗ (с изменениями), и 93,6% показателя сводной росписи с изменениями (2018 год – 111,1 и 97,2% соответственно). По сравнению с 2018 годом объем предоставленных межбюджетных трансфертов регионам увеличился на 16,7%.

Анализ исполнения межбюджетных трансфертов показал, что наиболее низкий уровень исполнения сложился по субсидиям (89,2%) и иным межбюджетным трансфертам (92,1%). На низком уровне (менее 90% показателя сводной росписи с изменениями) исполнены расходы по 9 государственным программам Российской Федерации, из них самый низкий уровень исполнения сложился по госпрограммам «Информационное общество» (52,2%) и «Развитие рыбохозяйственного комплекса» (66,8%). На низком уровне (менее 90%) исполнены расходы по 5 разделам классификации расходов, из них значительно по разделам 02 «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» (61,6%) и 06 «Охрана окружающей среды» (75,3%) (табл. 1).

Таблица 1

Анализ исполнения межбюджетных трансфертов, млн. руб.

Наименование	2018 год		2019 год				
	кассовое исполнение на 01.01.2019	% исполнения сводной росписи	Федеральный закон № 459-ФЗ (с изменениями)	сводная роспись на 01.01.2020	кассовое исполнение на 01.01.2020	% исполнения сводной росписи	% к 2018 году
Межбюджетные трансферты (МБТ)	2 044 793,3	97,2	2 390 447,3	2 549 690,6	2 387 151,2	93,6	116,7
в том числе:							
дотации	1 035 462,9	99,97	952 524,3	963 416,1	923 973,8	95,9	89,2
доля в общем объеме МБТ	50,6		39,8	37,8	38,7		
субсидии	381 848,4	93,5	625 394,5	624 099,6	556 601,4	89,2	145,8
доля в общем объеме МБТ	18,7		26,2	24,5	23,3		
субвенции	331 679,6	96,1	366 850,6	408 480,6	396 612,5	97,1	119,6
доля в общем объеме МБТ	16,2		15,3		16,0	16,6	
иные межбюджетные трансферты	295 802,4	94,2	445 677,9	553 694,3	509 963,5	92,1	в 1,7 раза
доля в общем объеме МБТ	14,5		18,6	21,7	21,4		

В 2019 году межбюджетные трансферты предусмотрены в рамках 11 национальных проектов и Комплексному плану в общем объеме 641 274,2 млн. рублей, что составляет 25,2% общего объема межбюджетных трансфертов, и с-

¹ Белостоцкий Алексей Александрович – к.э.н., доцент, начальник финансово-экономического отдела Агентства по привлечению инвестиций Курской области E-mail: a.a.belostotskiy@yandex.ru

² Официальный сайт Министерства финансов РФ. – <http://minfin.ru/>

полнение по которым составило 572 233,6 млн рублей, или 89,2% показателя сводной росписи с изменениями. На низком уровне (менее 90%) исполнены расходы по 5 национальным проектам и Комплексному плану¹.

В 2020 году Минфин увеличил дотационным регионам объем финансирования. В некоторых регионах дотации уменьшились. Дотируются по-прежнему 72 субъекта Российской Федерации. При этом следует отметить, что число бездотационных регионов не изменилось. Их количество, как и в 2018 календарном году, составило – 13, к которым относятся: Республика Татарстан, Калужская область, Ленинградская область, Московская область, Самарская область, Сахалинская область, Свердловская область, Тюменская область, Город федерального значения Москва, Город федерального значения Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ.

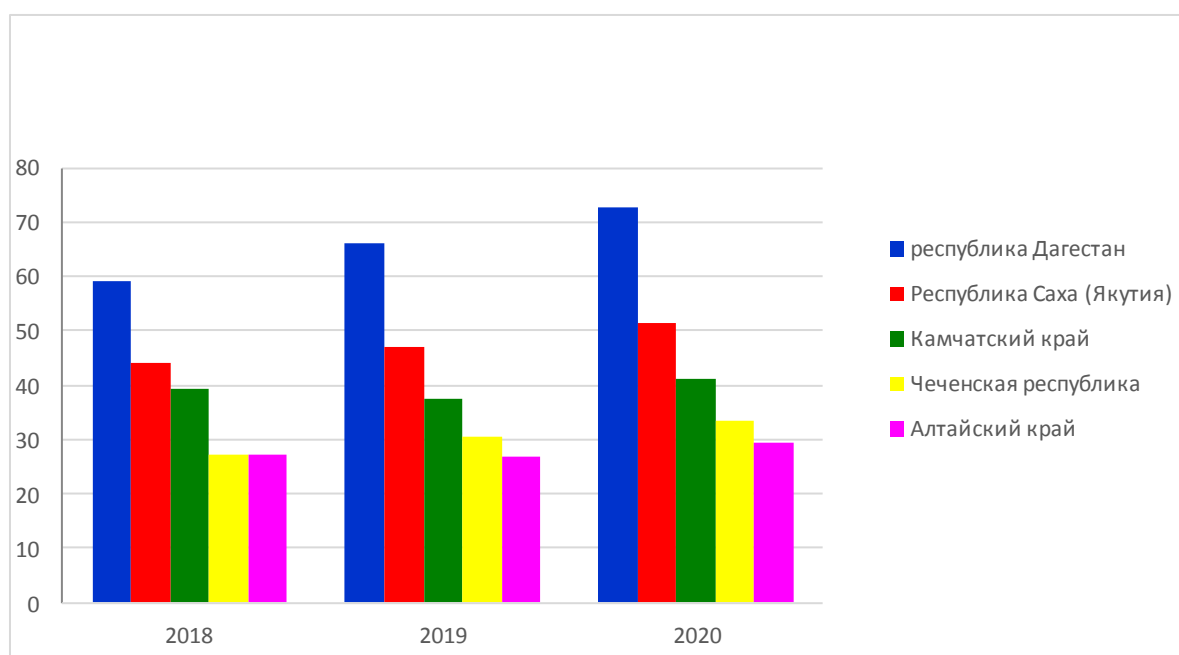
Суммарный объем выделяемых средств при этом вырос с 675,260 до 717,866 млрд. рублей, увеличение составило 42,606 млрд. (рис. 1).

Наибольшие дотационные отчисления получили следующие регионы (тройка лидеров):

Дагестан (увеличение составило +6,626 млрд.);

Саха (Якутия) (увеличение составило +4,691 млрд.);

Камчатский край (увеличение составило +3,739 млрд.)².

Источник: собственная разработка автора

Рисунок 1.
Наиболее дотационные регионы в 2018–2020 годах, млрд. руб.

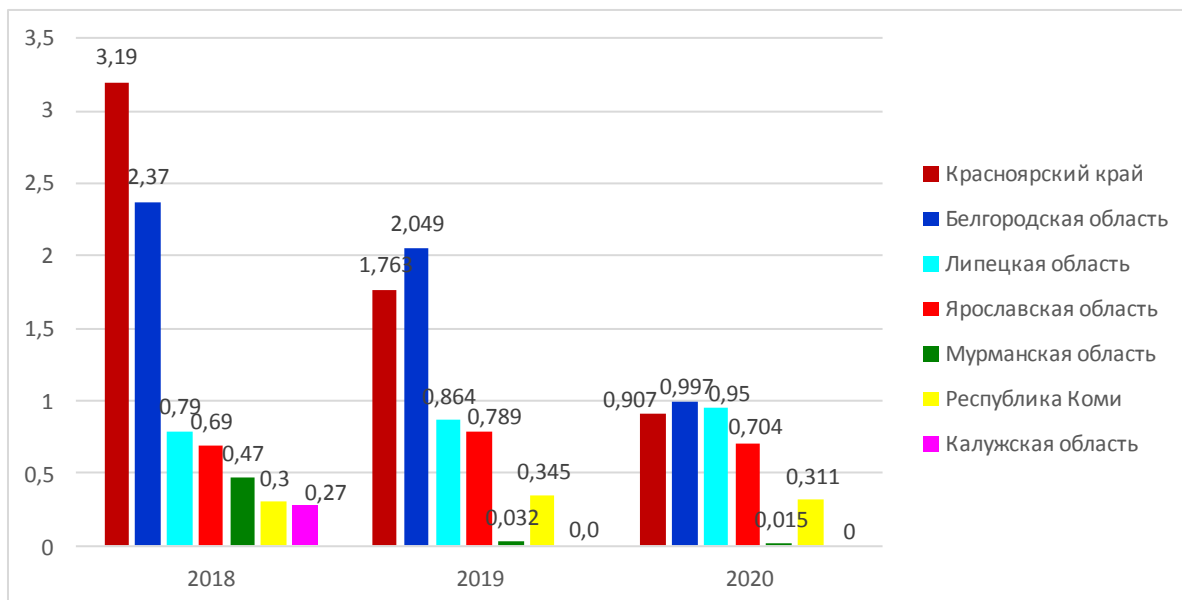
В 2018 году изменилась и методика расчета дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности. Во-первых, Минфин вводит 20-процентное ограничение на прирост дотаций каждому региону год к году. Во-вторых, согласно материалам Минфина, в формулу включается еще один элемент: объем дотации ставится в зависимость от коэффициента долговой нагрузки. Нововведения, предложенные Минфином, дадут ведомству возможность более гибко подходить к расчетам объемов дотаций регионам. По мнению профессора В. Климанова «Это элемент некоего ручного управления. Минфин будет настаивать, что это тоже формула, но жесткая формула может привести к резким всплескам или падениям, ненужным для всей финансовой системы. Для этого введена третья составляющая, которая дает возможность гибче подойти к этой ситуации». Новая методика даст Минфину возможность маневра, чтобы избежать «проседаний» по дотациям из-за простого математического счета³.

Рост дотационных отчислений происходил на фоне неисполнения федерального бюджета 2019 года более чем на 1,1 трлн. рублей или 94,5%, что является худшим показателем за последние 11 лет., в этих условиях профицит составил 1,967 трлн. рублей или 1,8 трлн. рублей. Исходя из этого планируется, что профицит в 2020 году будет составит в сумме 876,1 млрд. рублей, или 0,8% ВВП, в 2021 году – 1,1% ВВП, а в 2022 году – 0,8% (рис. 2).

¹ Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов РФ за январь-декабрь 2019 года / Счетная палата РФ. – <http://www.ach.gov.ru>

² Официальный сайт Министерства финансов РФ. – http://finan.ru/articles/117_dotacii-regionam-rossii-2020/

³ Официальный сайт АО «Росбизнесконсалтинг». – <http://rbc.ru/>

Источник: собственная разработка автора

Рисунок 2.
Наименее дотационные регионы в 2018–2020 годах, млрд. руб.

Данные тенденции свидетельствуют также о том, что качественное исполнение федерального бюджета позволит не только снизить объемы дотаций российским регионам, но и сократить количество дотационных регионов, повысив, тем самым их самостоятельность.

В условиях федеративного государства при сложном построении бюджетной системы ее устойчивость, как и всего государства в целом, во многом зависит от характера межбюджетных отношений. Проблема оптимального построения модели межбюджетных отношений относится к числу самых актуальных. В настоящее время идет поиск динамичного равновесия между федеральными органами власти и органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления применительно к бюджетной сфере¹.

Основными причинами низкого уровня исполнения межбюджетных трансфертов являются: позднее заключение соглашения о предоставлении иных межбюджетных трансфертов, предоставление средств под фактическую потребность, длительность проведения конкурсных процедур, экономия по результатам закупок, отставание от графика производства работ, сложные климатические условия в ряде регионов, затрудняющие проведение строительно-монтажных работ, невыполнение подрядчиками контрактных обязательств и другие. Следует отметить, что изменение бюджетного законодательства в части сроков распределения межбюджетных трансфертов и заключения соглашений о предоставлении межбюджетных трансфертов способствовало снижению образования остатков. Так, с 2018 года распределение субсидий в полном объеме устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете, заключение соглашений о предоставлении субсидий осуществляется сроком до 15 февраля текущего финансового года.

В рамках совершенствования системы межбюджетных отношений реализуются следующие меры. Нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, устанавливающие правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, проекты которых внесены до 1 ноября текущего финансового года, подлежат принятию до 1 декабря текущего финансового года. Федеральным законом № 380 ФЗ на 2020 год предусматривается предельный срок распределения между бюджетами субъектов Российской Федерации иных межбюджетных трансфертов и заключения соглашений о предоставлении таких трансфертов (если правилами их предоставления предусмотрено заключение соглашения) до 1 января 2020 года².

¹ Белостоцкий А.А. Регулирование межбюджетных отношений в контексте повышения финансово-бюджетной устойчивости государства // Научные труды Вольного экономического общества России. – М., 2019. – Т. 218, № 4. – С. 254.

² Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов РФ за январь-декабрь 2019 года / Счетная палата РФ. – <http://www.ach.gov.ru>

Белоусова А.В.¹

ОЦЕНКА ИЗМЕНЕНИЙ ПАРАМЕТРОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СУБЪЕКТОВ РФ

Ключевые слова: внешнеэкономические взаимодействия, экспорт, импорт, субъект РФ, Дальневосточный федеральный округ.

Keywords: foreign economic relations, export, import, subject of the Russian Federation, Far Eastern Federal District.

В ноябре 2018 г., согласно указу Президента РФ², состав субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ (ДФО), был расширен: в него вошли Забайкальский край и Республика Бурятия. Указанные изменения, несомненно, оказали влияние на динамику отдельных абсолютных социально-экономических показателей макрорегиона, увеличив их значения (валового регионального продукта, численности населения и т.д.). При этом остается открытым вопрос об изменении динамики относительных показателей дальневосточной экономики (и прежде всего характеризующих структурные особенности последней) до и после указанной выше даты.

Целью настоящей статьи является оценка структурной динамики показателей внешней торговли ДФО в 2017 г. – первой половине 2019 г. Достижение поставленной цели позволит выявить изменения (если таковые произошли) в экспортной специализации макрорегиона, основной массе импортных поставок, географии внешнеторговых потоков.

Согласно данным Дальневосточного таможенного управления³, стоимостной объем экспорта федерального округа, исчисленный в тыс. долл. США, в 2018 г. составил 126,7% по отношению к показателю 2017 г., в первой половине 2019 г. – 51,3% по отношению к значению показателя за весь 2018 г. Соответствующая динамика импорта оценивалась следующим образом: 99,9 и 61,2%.

Структура внешнеэкономических потоков Дальневосточного федерального округа «в проекции» наполняемых их товарных групп представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура экспорта и импорта ДФО в разрезе товарных групп, %

	2017 г.		2018 г.		2019 г. (1-е полугодие)	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Продовольственные товары и сырье	12,89	16,91	13,32	16,97	13,14	14,01
Минеральные продукты	54,63	1,92	61,02	2,78	64,46	4,64
Продукция химической промышленности, каучук	0,20	10,81	0,24	11,25	0,20	8,48
Кожевенное сырье, пушнина и изделия	0,00	0,29	0,00	0,27	0,00	0,17
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4,74	1,40	4,02	1,39	3,94	1,27
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,01	4,24	0,01	3,60	0,01	2,84
Металлы и изделия из них	1,33	9,01	1,89	9,45	1,89	8,60
Машиностроительная продукция	8,37	48,86	5,16	45,22	3,88	54,00
Прочие товары	17,83	6,56	14,34	9,07	12,48	6,00

Источник: расчеты автора на основе данных Дальневосточного таможенного управления.

Сравнение данных в табл. 1, с точки зрения ранжирования отдельных элементов структуры экспорта и импорта макрорегиона по величине их удельных весов с учетом годового лага, позволяет выявить отсутствие каких-либо изменений на рассматриваемом периоде (значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена, оценивающего различия структур в соответствующем ракурсе, в отношении экспорта ДФО на всем периоде составляло 1; для импорта – в 2017–2018 гг. – 1, в 2018 г. – первом полугодии 2019 г. – 0,98⁴).

Дальнейшая детализация представленных выше товарных групп экспорта ДФО обнаруживает в них следующие ключевые позиции: в минеральных продуктах – топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки (удельный вес в общем объеме экспорта в среднем за исследуемый период составляет 57,15%), в прочих товарах – драгоценности (14,87%), в продовольственных товарах и сырье – рыба, ракообразные, моллюски (11,48%), в машиностроительной

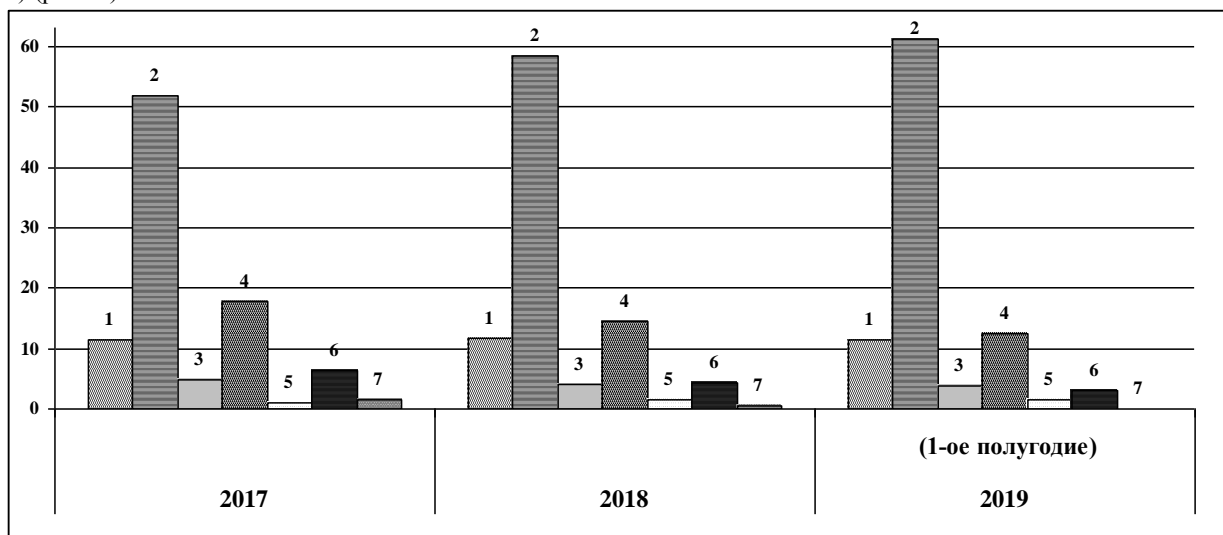
¹ Белоусова Анна Васильевна – к.э.н., с.н.с. лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: belousova@ecrin.ru

² Указ Президента Российской Федерации от 03.11.2018 г. № 632. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43719>

³ Официальный сайт Дальневосточного таможенного управления. – <http://dvtu.customs.ru>

⁴ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена варьирует в пределах от 0 до 1. Чем ближе значение коэффициента к 0, тем существенней изменения в сравниваемых структурах. Близкое абсолютное значение коэффициента к 1 свидетельствует о тесной связи между структурами (прямой или обратной).

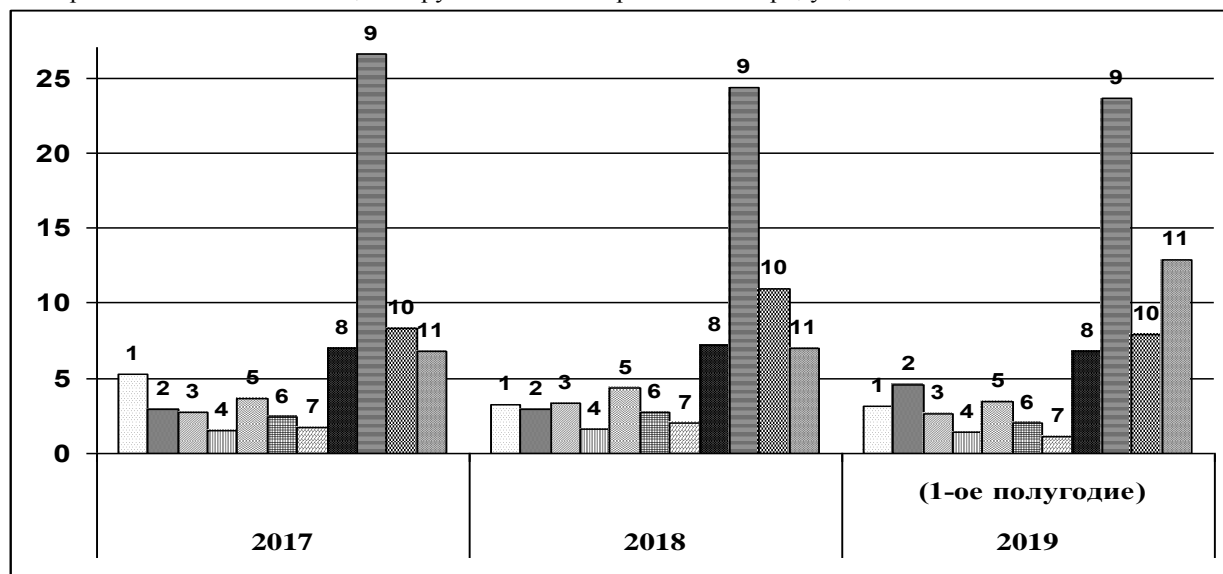
продукции – летательные аппараты и суда (5,21%), в древесине и целлюлозно-бумажных изделиях – древесина (4,18%) (рис. 1).

Примечание: 1) 1 – Рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные; 2 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 3 – Древесина и изделия из нее; древесный уголь; 4 – Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них; бижутерия; монеты; 5 – Черные металлы; 6 – Летательные аппараты, космические аппараты, и их части; 7- Суда, лодки и плавучие конструкции; 2) удельный вес остальных товаров экспорта не превышал 1%. Источник: расчеты автора на основе данных Дальневосточного таможенного управления.

Рисунок 1.
Удельные веса основных товаров экспорта ДФО (%)

Структура импортных потоков ДФО при детализации соответствующих товарных групп, приведенных в табл. 1, оказывается более диверсифицированной по отношению к экспортным потокам (рис. 2). При этом большая часть ввозимых товаров является составляющими группы машиностроительной продукции.

Примечание: 1) 1 – Мясо и пищевые мясные субпродукты; 2 – Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды; 3 – Съедобные фрукты и орехи; кожура и корки citrusовых или дынь; 4 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 5 – Пластмассы и изделия из них; 6 – Каучук, резина и изделия из них; 7 – Обувь, гетры и аналогичные изделия; их детали; 8 – Черные металлы и изделия из них; 9 – Машины, оборудование и механизмы; их части; 10 – Электрические машины и оборудование, их части; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности; 11 – Средства наземного транспорта, кроме ж/д или трамвайного подвижного состава; их части и принадлежности; 2) удельный вес остальных товаров импорта не превышал 3%. Источник: расчеты автора на основе данных Дальневосточного таможенного управления.

Рисунок 2.
Удельные веса основных товаров импорта ДФО (%)

Так, согласно рис. 2, в структуре дальневосточного импорта наибольшие удельные веса приходятся на следующие позиции: в группе машиностроительной продукции – на машины, оборудование и механизмы, их части (24,9%), электрические машины и оборудование, их части; аппаратуру для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности (9,06%), средства наземного транспорта, кроме ж/д или трамвайного подвижного состава; их

части и принадлежности (8,90%), суда, лодки и плавучие конструкции (5,37%); в группе металлы и изделия из них – на черные металлы и изделия из них (7,0%).

Динамика удельных весов стран СВА-3 – основных партнеров ДФО во внешней торговле – в географической структуре последней приведена в табл. 2.

Таблица 2

Основные направления в географической структуре внешнеторговых потоков ДФО, %

Страна	2017 г.		2018 г.		2019 г. (1-е полугодие)	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Китай	23,06	43,65	22,96	54,29	21,46	48,86
Республика Корея	27,86	15,69	32,78	9,11	37,58	8,30
Япония	21,88	9,45	21,91	7,99	20,02	15,57

Источник: расчеты автора на основе данных Дальневосточного таможенного управления.

Как видно из табл. 2, ранжирование рассматриваемых стран по доле их участия во внешнеторговых транзакциях ДФО на исследуемом периоде является неизменным, за исключением импортных поставок в первом полугодии 2019 г. (значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена в отношении географии экспорта макрорегиона на всем периоде составляет 1, в отношении географии импорта округа в 2017–2018 гг. – 1 и 0,5 в первом полугодии 2019 г. при сравнении с предыдущими годами).

Важнейшие элементы товарной структуры внешнеторговых транзакций Дальневосточного макрорегиона по основным странам-партнерам представлены в табл. 3.

Таблица 3

Основные элементы товарной структуры внешней торговли Дальнего Востока со странами СВА-3, %

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г. (1-е полугодие)
Китай	<i>экспорт</i>		
	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (36,30%); рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные (21,19%); древесина и изделия из нее; древесный уголь (16,76%); летательные аппараты, космические аппараты, и их части (14,61%)	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (38,0%); рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные (22,62%); древесина и изделия из нее; древесный уголь (14,20%); летательные аппараты, космические аппараты, и их части (12,58%)	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (41,16%); рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные (27,75%); древесина и изделия из нее; древесный уголь (14,50%); руды, шлак, зола (8,19%)
	<i>импорт</i>		
	Машины, оборудование и механизмы; их части (22,26%); электрические машины и оборудование, их части; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности (10,66%); овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды (6,71%); пластмассы и изделия из них (5,34%)	Машины, оборудование и механизмы; их части (22,27%); электрические машины и оборудование, их части; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности (15,85%); пластмассы и изделия из них (5,74%); овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды (5,33%)	Машины, оборудование и механизмы; их части (23,27%); электрические машины и оборудование, их части; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности (11,78%); овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды (9,44%)
Республика Корея	<i>экспорт</i>		
	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (74,42%); рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные (19,42%); черные металлы (2,74%)	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (80,51%); рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные (14,97%); черные металлы (2,38%)	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (82,29%); рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные (13,06%); черные металлы (3,74%)
	<i>импорт</i>		
	Машины, оборудование и механизмы; их части (47,80%); электрические машины и оборудование, их части; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности (11,45%); изделия из черных металлов (7,15%); пластмассы и изделия из них (5,71%)	Машины, оборудование и механизмы; их части (27,13%); пластмассы и изделия из них (8,36%); электрические машины и оборудование, их части; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности (7,94%); изделия из черных металлов (7,15%)	Машины, оборудование и механизмы; их части (24,54%); изделия из черных металлов (12,39%); пластмассы и изделия из них (8,49%); топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (6,25%)

Япония	<i>экспорт</i>		
	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (88,33%); рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные (5,26%); древесина и изделия из нее; древесный уголь (2,68%)	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (86,85%); рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные (5,74%); древесина и изделия из нее; древесный уголь (2,64%)	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (92,93%); древесина и изделия из нее; древесный уголь (2,92%); рыба, ракообразные, моллюски и др. водные беспозвоночные (1,78%)
	<i>импорт</i>		
	Средства наземного транспорта, кроме ж/д или трамвайного подвижного состава; их части и принадлежности (39,76%); машины, оборудование и механизмы; их части (26,39%); суда, лодки и плавучие конструкции (11,24%); изделия из черных металлов (5,31%)	Средства наземного транспорта, кроме ж/д или трамвайного подвижного состава; их части и принадлежности (44,54%); машины, оборудование и механизмы; их части (21,99%); изделия из черных металлов (6,03%); суда, лодки и плавучие конструкции (4,66%)	Средства наземного транспорта, кроме ж/д или трамвайного подвижного состава; их части и принадлежности (65,06%); машины, оборудование и механизмы; их части (17,22%); изделия из черных металлов (6,03%); суда, лодки и плавучие конструкции (5,39%)

Источник: расчеты автора на основе данных Дальневосточного таможенного управления.

Данные табл. 3 демонстрируют весьма небольшие отличия основных элементов структуры товаропотоков между странами СВА-3 и ДФО до и после изменения состава последнего. При этом произошедшие перераспределения удельных весов между товарными позициями как и в предыдущих случаях относятся, главным образом, к импортным транзакциям.

Совокупность всех полученных выше оценок свидетельствует о том, что расширение административных границ Дальневосточного федерального округа не повлекло изменение его экспортной специализации. В отношении импортных транзакций макрорегиона наблюдаются определенные перераспределения в географической и товарной структуре. Данные результаты позволяют сделать предположения о сравнительно малой доли Республики Бурятия и Забайкальского края в структуре экспорта ДФО либо о совпадении структуры экспорта указанных субъектов РФ и субъектов РФ, входивших в состав Дальневосточного макрорегиона до 2018 г. Применительно к импортным поставкам – вероятнее всего, доля вошедших в состав ДФО субъектов РФ оказалась достаточной для изменения структурной динамики первых. Количественный анализ территориальной структуры внешней торговли ДФО с учетом 11 регионов в 2018 – первом полугодии 2019 гг. показал следующие результаты. Совокупная доля Республики Бурятия и Забайкальского края в структуре экспорта ДФО оценивается в указанном периоде на уровне, не превышающем 5% (в 2017 г. – 4,68%, в первом полугодии 2019 г. – 4,40%). При этом соответствующая доля в структуре импорта ДФО оказывается значительно выше: в 2018 г. – 9,57%, в первом полугодии 2019 г. – 6,42% (90 п.п. в указанных весах приходится на Забайкальский край).

Борисова О.В.

д.э.н., доцент, гл.н.с. Алтайской лаборатории СибНИИЭСХ СФНЦА РАН
borisova_ov@bk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ АССОЦИАЦИИ «НАШ ОБЩИЙ ДОМ – АЛТАЙ»

Ключевые слова: научно-технологическое сотрудничество; инновационное сотрудничество; трансграничное развитие; «Наш общий дом – Алтай».

Keywords: scientific and technological cooperation; innovative cooperation; cross-border development; "Our common home is Altai».

Одной из задач современного развития регионов Российской Федерации является трансграничное развитие, формирование добрососедских отношений со странами – географическими соседями. Деятельность в этом направлении должна соответствовать национальным интересам России.

В национальных интересах аккумулируются отношения нации ко всей совокупности общественно-политических институтов, материальных и духовных ценностей. К числу коренных, основополагающих национальных интересов относятся: территориальная целостность народа, его государственное самоопределение и политическое самоуправление, достойное место в мировом сообществе среди других подобных образований, процветание страны и населения на основе обеспечения прав личности и благополучия всех составляющих его социальных групп¹. При этом сфера национальных интересов не ограничивается пределами национальной территории, в различных регионах могут развиваться процессы, существенным образом влияющие на состояние нации, возможности и перспективы её развития, на понимание и определение национальных целей.

В Российской Федерации национальные интересы определяют её конкретные цели на определенных этапах общественного развития и в исторической перспективе, носят долгосрочный характер. Следовательно, они закладываются в основу формирования стратегических и текущих задач политики российского государства, как внешней, так и внутренней, политики национальной безопасности².

Значительное внимание уделяется развитию трансграничного сотрудничества, что обусловлено процессами глобализации мировой экономики, переосмыслению принципов пространственного развития. При определении внешнеполитического и внешнеэкономического курсов современные государства учитывают позицию регионов, в также сами курсы оцениваются с точки зрения их последствий для регионального развития³. Трансграничное же сотрудничество означает сотрудничество смежных территорий соседних государств, т.е. определяющим здесь является наличие границы между сотрудничающими территориями⁴.

Понятие «трансграничное сотрудничество» применяется при обозначении всех видов взаимовлияний, то есть в более широком смысле, чем процессы приграничного сотрудничества. Это проявляется в интенсификации и увеличении объемов различного рода обменов и взаимодействия за пределами государственных границ, причем во всех областях⁵. Трансграничное сотрудничество рассматривается исследователями и как инструмент формирования Евразийской экономической интеграции, так как: включает политическую, социально-экономическую, экологическую и культурную составляющие; выражает отношения между территориальными (местными) сообществами в лице основного субъекта – местных органов власти; наряду с решением задач национального и наднационального уровня тесно увязано с решением проблем и использованием ресурсов регионов⁶.

¹ Беляков Б.Л. Национальные интересы постсоветской России (военно-философский взгляд на проблему) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 82–87.

² Концепция национальной безопасности Российской Федерации. – С. 16–17.

³ Бусыгина И.М., Лебедева Е.Б. Субъекты федерации и международном сотрудничестве // Аналитические записки. – М.: МГИМО. – Университет, 2008. – № 3(32). – С. 3.

⁴ Белицкий М.Е. Трансграничное сотрудничество регионов: методологические основы развития и роль в интеграционных процессах. – http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5169/1/belitsky_2009_5_IER_issues.pdf

⁵ Давидов Д.М. Приграничное и трансграничное сотрудничество как фактор развития эксклавного региона России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. – № 6. – С. 75.

⁶ Вертинская Т.С. Трансграничное сотрудничество в контексте формирования ЕЭП: анализ, проблемы, перспективы и механизмы активизации // Материалы VII международной научно-практической конференции «Евразийская экономическая интеграция», Москва, 11-12 октября 2012 г. – https://eabr.org/upload/iblock/7f1/vertinskaya_transgranichnoe-sotrudnichestvo-v-kontekste-eep.pdf

Стратегическими целями евразийской экономической интеграции являются повышение конкурентоспособности экономик стран и объединения в целом, внедрение инноваций в производстве и управлении, рост благосостояния населения. Их достижение может быть обеспечено на уровне регионов за счет использования местных ресурсов, реализации конкурентных преимуществ территории, развития потенциала и инициативы местного сообщества, социальных ориентиров интеграции и т.д.

Одним из наиболее важных и перспективных аспектов трансграничных отношений между странами является международный научно-технический обмен. Он дает возможность увеличить инновационный потенциал стран и улучшить экономическое состояние государств, при этом сотрудничество со странами-соседями в данном направлении должно стать приоритетным во взаимоотношениях (особенно если страны занимают более высокие места по уровню инновационного развития)¹.

Региональное объединение по приграничному сотрудничеству Международный координационный совет «Наш общий дом – Алтай» создан в апреле 2002 года и представляет собой добровольное неформальное объединение законодательных (представительных) органов государственной власти приграничных административно-территориальных образований Республики Казахстан (Восточно-Казахстанской области), Китайской народной республики (Синьцзян-Уйгурского автономного района), Монголии (Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков) и Российской Федерации (Алтайского края и Республики Алтай). Основой сотрудничества являются традиционные торгово-экономические и культурные связи, общность природного и исторического наследия Алтая, желание участников МКС «Наш общий дом – Алтай» улучшить условия жизни населения региона.

Рассмотрение деятельности МКС «Наш общий дом – Алтай» более детально показывает, что она развивается по модели второго классификационного признака – «Доминирующий уровень в управлении трансграничными связями»², в котором доминирует региональный уровень управления четырёх стран, где каждая страна управляет поочередно в течение двух лет.

В начальный период своей деятельности МКС «Наш общий дом – Алтай» уделял внимание формированию культурных связей. Так, один раз в два года в регионах разных стран проводились международные туристско-спортивные фестивали «Большой Алтай». С 8 по 16 июня 2019 года на территории Алтайского края прошёл IV Международный туристско-спортивный фестиваль «Большой Алтай. Great Altai. Россия – 2019», в котором приняли участие 14 команд из России, Китая, Монголии и Казахстана, а также представители Белоруссии и Новой Зеландии. От России выступили около 400 спортсменов – команды Алтайского края, Кемеровской области и Республики Алтай. Впервые за все время фестиваля программа была представлена 17 видами спорта и туризма, а старты по скайраннингу, спортивному ориентированию, рыболовному спорту и пешеходному туризму стали открытыми. Проведение фестиваля в горных районах – Смоленском и Алтайском, а также в Белокурихе позволило провести соревнования по разным видам спортивного туризма (водные, велосипедные, горные, комбинированные, авто- и мотодистанции), международные соревнования по рафтингу, соревнования по скалолазанию (квалификация), перетягиванию каната и национальным видам спорта (борьба куреш, бухаша таргьтс, армрестлинг и городошный спорт)³.

Значительная работа проводится по развитию научно-образовательных связей. В вузах Барнаула обучается много студентов из соседних государств, регулярно проводятся мероприятия по ознакомлению с культурой друг друга: фестиваль национальных культур «Мы — друзья, одна семья!» в Алтайской государственной технической университете им. И.И. Ползунова и в Алтайском государственном медицинском университете, фестиваль «Фейерверк национальных культур» в Барнаульском педагогическом университете⁴ – один из лучших студенческих фестивалей в России.

В международных научных конференциях, которые проводятся вузами г. Барнаула, регулярно принимают участие коллеги из Восточно-Казахстанской области и Монголии. Например, в стратегической сессии «Развитие международного сотрудничества в Центрально-Азиатском научно-образовательном и культурном пространстве: опыт и лучшие практики», проводимой Алтайским государственным университетом, приняли участие студенты Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева из Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Четырнадцать раз проводилась Международная летняя школа студентов Алтайского региона и пять раз – Школа молодых ученых Большого Алтая, восемь раз – Международный молодежный управленческий форум «Алтай. Точки Роста», место проведения – город-курорт Белокуриха и туристско-рекреационный комплекс «Сибирское подворье». Участники молодежного управленческого форума обсуждали тему: «Трансграничное сотрудничество в регионе Большого Алтая: история – образование – культура – экология – экономика». Основным критерий отбора участников – научно-исследовательская деятельность, связанная с вопросами экономики, истории, культуры, экологии, международного сотрудничества в трансграничном Алтайском регионе⁵.

Если вначале сотрудничество развивалось в сфере культурных и гуманитарных связей, то с 2019 года начали формироваться хозяйственные связи, направленные на эффективное развитие экономической и социальной инфра-

¹ Дергачева В.В. Трансграничное сотрудничество как основная составляющая международного научно-технического сотрудничества // Экономічний вісник НТУУ «КПІ». – https://ela.kpi.ua/bitstream/123456789/5499/1/12_kpi_2010_7.pdf

² Лаврова Е.В. Трансграничное сотрудничество: проблемы, перспективы и экономическая безопасность // Фундаментальные исследования. 2016. – № 11. – С. 1026–1030.

³ Большой Алтай. – https://altairegion22.ru/region_news/v-krae-podveli-itogi-mezhdunarodno-go-turistskosportivnogo-festivalya-bolshoi-altai-great-altai-rossiya-2019_787108.html?phrase_id=931514

⁴ Фестиваль «Фейерверк национальных культур» прошёл в Алтайском крае. – <https://katun24.ru/news/583592>

⁵ Школа молодых ученых Большого Алтая. – https://altairegion22.ru/region_news/

структуры регионов, входящих в ассоциацию. Здесь важно использовать все конкурентные преимущества трансграничного сотрудничества: возможность объединения ресурсных потенциалов регионов Большого Алтая, активное объединение трудовых и рекреационных ресурсов; рост экспортно-импортной деятельности (именно Казахстан и Монголия являются импортёрами-лидерами пищевой продукции из Алтайского края; развитие совместных научно-технических разработок.

Алтайский край имеет сложившийся научно-технический потенциал, позволяющий разрабатывать и внедрять новые технологии переработки сельскохозяйственного сырья. Реализация Плана научно-технического обеспечения развития сельского хозяйства Алтайского края на 2017–2025 годы¹ в течение первых двух лет дала возможность отрасли получить достойные результаты, так как в общероссийском производстве сельскохозяйственной продукции объём производства и место Алтайского края в 2018 году составили: по зерновым и зернобобовым культурам 5020,7 тыс. тонн (4 место); по гречихе – 496,1 тыс. тонн (1 место); по пшенице яровой 2675,4 тыс. тонн (1 место); по овсу 673,9 тыс. тонн (1 место); по просу – 15,2 тыс. тонн (4 место); по льноволокну 3,7 тыс. тонн (3 место); по молоку – 1178,4 тыс. тонн (4 место); по КРС на убой (в живой массе) – 104,3 тыс. тонн (5 место). Получен рекордный объём масличных культур – более 1 млн. тонн. Общий индекс производства составил 102,5%².

В 2017 году был создан Федеральный Алтайский научный центр агробιοтехнологий, объединивший научный потенциал ведущих научно-исследовательских институтов края. Основные исследовательские проекты созданного центра направлены на развитие технологий сельского хозяйства, разработку безотходных технологий переработки сельскохозяйственного сырья – всего того, что позволит снизить технологические риски в продовольственной сфере и обеспечит переход к высокопродуктивному и экологически чистому агрохозяйству. В краевой программе «Развитие биотехнологий в Алтайском крае на период до 2020 года» предусмотрено решение следующих задач: создание информационно-аналитической инфраструктуры биотехнологий; развитие исследований и разработок в сфере биотехнологий; организация взаимодействия бизнеса, научно-образовательного комплекса и власти; формирование инфраструктуры по поддержке инновационных биотехнологических проектов; реализация пилотных инновационных проектов. В сфере молочной промышленности – создание функциональных пищевых продуктов, включая лечебные, профилактические и детские; создание пищевых ингредиентов, включая витамины и функциональные смеси; глубокая переработка пищевого сырья.

Реализация разработанных технологий возможна на предприятиях пищевой и перерабатывающей промышленности во всех регионах Большого Алтая. Перспективными направлениями являются:

- создание совместных лабораторий по разработке технологий глубокой переработки сельскохозяйственного сырья и опытно-экспериментальных предприятий по их внедрению а практическую деятельность, что позволит повысить инновационный потенциал трансграничных территорий;
- создание совместных программ в магистратурах университетов, направленных на формирование научно-технических кадров современного уровня, способных развивать промышленность в рамках формирования шестого технологического уклада.

¹ Распоряжение Правительства Алтайского края от 7 апреля 2017 г. № 135-р «Об утверждении плана научно-технического обеспечения развития сельского хозяйства Алтайского края на 2017–2025 годы. – <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2680847>

² Аналитическая информация о развитии отраслей в 2018 году. – <http://www.ffprom22.ru/industry/analytical-development/>

Бородулина С.А.

д.э.н., профессор, Государственный университет морского и речного флота, г. Санкт-Петербург
piter00000@mail.ru

Анисимов К.О.

соискатель, Государственный университет морского и речного флота, г. Санкт-Петербург
kanisimov2015@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК НА ВНУТРЕННЕМ ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: задачи развития, внутренний водный транспорт, пассажирские перевозки, транспортная инфраструктура, пассажирооборот, структура пассажирских перевозок.

Keywords: development tasks, inland water transport, passenger transportation, transport infrastructure, passenger turnover, passenger transportation structure.

Состояние транспортной системы страны зависит от общего уровня развития производительных сил, от технического прогресса в общественном производстве. Своевременное качественное и полное удовлетворение потребностей хозяйства и населения в перевозках, повышение экономической эффективности работы транспорта зависит от согласованной работы единой транспортной системы страны, ее взаимодействия с другими отраслями, появления новых видов транспорта, широкого применения прогрессивных способов перевозок. Современная Россия обладает мощным, многоотраслевым, полифункциональным транспортным комплексом, на ее территории представлены все виды транспорта. Уровень значимости транспорта в экономике страны отражает тот факт, что на его долю приходится более 20% основных производственных фондов страны. Транспортная система России обеспечивает получение 7,5% валового внутреннего продукта страны. В этой сфере занято около 7% активного населения страны. Примерно 1/6 часть бюджета домашних хозяйств уходит на транспортные услуги. Около 6% предприятий и организаций относится к сфере транспорта¹.

Данные об объемных показателях пассажирского сектора транспортной отрасли РФ, сгруппированные по транспортным подотраслям и регионам РФ, по данным Росстата² и Росморречфлота³, приведены в табл. 1 и рис. 1.

Таблица 1

Основные показатели функционирования транспортной отрасли (пассажирский транспорт)

Показатель	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Перевезено пассажиров транспортом общего пользования, ×10 ³ , млн. человек									
железнодорожным	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3
автобусным	23,0	22,5	21,9	20,9	21,0	16,4	14,7	14,8	14,7
трамвайным	7,4	7,4	6,9	6,3	5,8	4,1	3,7	2,7	2,5
троллейбусным	8,8	8,6	8,2	7,3	6,7	4,7	3,8	2,9	2,7
метрополитеном	4,2	4,2	4,2	4,2	4,2	3,6	3,5	3,5	3,6
воздушным	23	26	28	31	35	37	40	47	52
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
железнодорожным	1,1	0,9	0,9	1,1	1,1	1,1	1,0	1,0	1,1
автобусным	13,7	13,4	13,3	12,8	11,6	11,6	11,5	11,3	11,2
трамвайным	2,2	2,0	2,0	1,9	1,6	1,6	1,5	1,4	1,3
троллейбусным	2,4	2,2	2,2	2,1	1,7	1,8	1,6	1,5	1,4
метрополитеном	3,3	3,3	3,4	3,4	3,5	3,4	3,3	3,3	3,3
воздушным	47	59	66	76	86	95	94	91	108

Показателями работы транспорта являются грузооборот в тонно-километрах (т/км) и пассажирооборот в пассажиро-километрах (пасс/км). Динамика объемов перевозок пассажиров по видам транспорта приведена на рис. 1–3.

Общее снижение объемов перевозок пассажиров с 1980 года составило 2,1 раз, в т.ч. на внутреннем водном транспорте в 7,6 раз, автомобильном – в 2 раза, железнодорожном – 2,8 раз. Снижение пассажирооборота в среднем по России составило в 10,7 раз, в т.ч. в северном регионе в 23,4 раза, в центральном – в 10,8 раз, сибирском – в 8,2 раз.

¹ Электронная версия сборника «Россия в цифрах», 2016. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/materials/news/doc_1112164397766

² Интернет-сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). – <http://web.gks.ru>

³ Интернет-сайт Федерального агентства морского и речного транспорта. – <http://www.morflot.ru/>

Общее снижение пассажирооборота составило 1,7 раз, в т.ч. на внутреннем водном транспорте в 10,6 раз, автомобильном – 1,6 раз, железнодорожном – 1,7 раз.

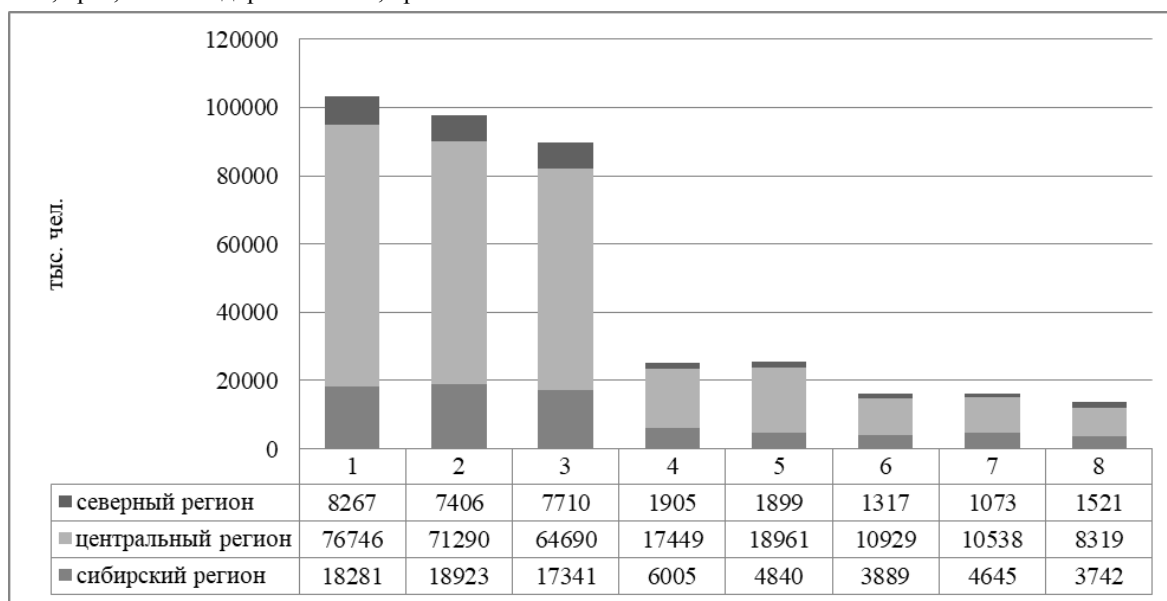

Рисунок 1.

Динамика перевозок пассажиров во всех видах сообщений, тыс. чел.

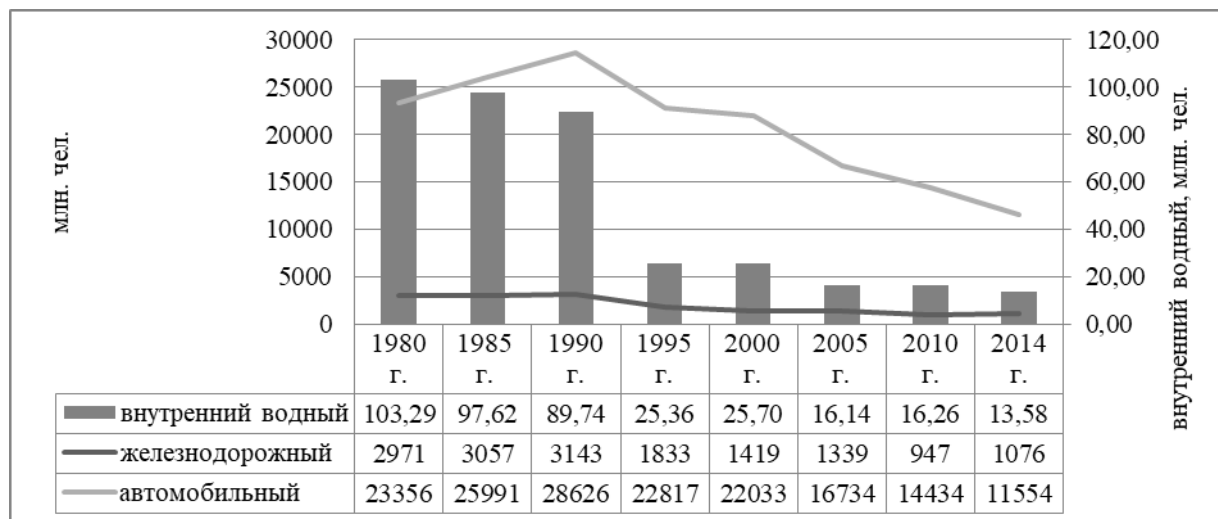

Рисунок 2.

Динамика объемов перевозок пассажиров, млн. чел.

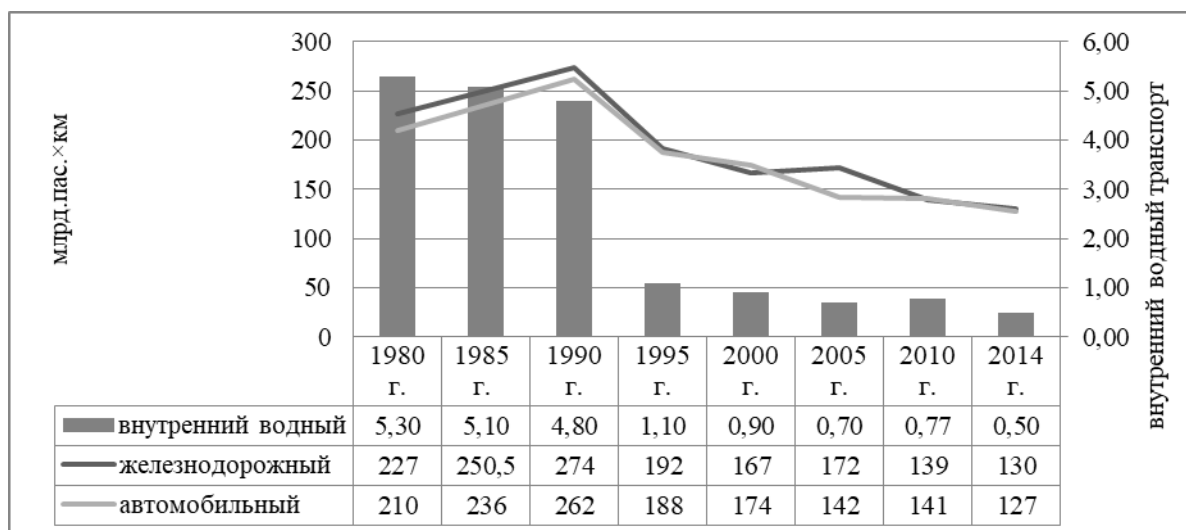

Рисунок 3.

Динамика пассажирооборота, млрд. пасс × км

За период 1980-2019 годы значительное развитие получили автомобильные дороги с твердым покрытием, увеличение протяженности с 1980 года составило 2,5 раза к 2018 году (в 2018 году их эксплуатационная протяженность составила 1076 тыс. км). В то же время протяженность железнодорожных путей общего пользования и внутренних водных путей практически оставалась на одинаковом уровне (в 2018 году, соответственно, 86,6 тыс. км и 101,5 тыс. км). Если в 1980 году соотношение протяженности внутренних водных путей с протяженностью автомобильных дорог было 1:5, то в 2018 году оно составило 1:15. За этот же период практически в 2 раза уменьшилась протяженность внутренних водных путей с гарантированными габаритами судовых ходов, по которым перевозятся основные объемы грузов и пассажиров (рис. 4), что существенно снижает конкурентоспособность подотрасли.

Россия обладает самой крупной водно-транспортной системой, которая оказывает существенное влияние на размещение производства и населения, общий экономический рост. Использование внутренних водных путей носит комплексный характер для удовлетворения потребности отдельных физических и юридических лиц, отраслей экономики, регионов. В регионах Российской Федерации, где имеются внутренние водные пути, создается около 90% валового внутреннего продукта и проживает 80% населения страны. Речной транспорт тесно связан с внешними факторами, основными из которых являются социально-экономическое развитие отдельных регионов и страны в целом, состояние межторговых отношений, природно-климатические условия, развитие смежных видов – автомобильного и железнодорожного транспорта¹.

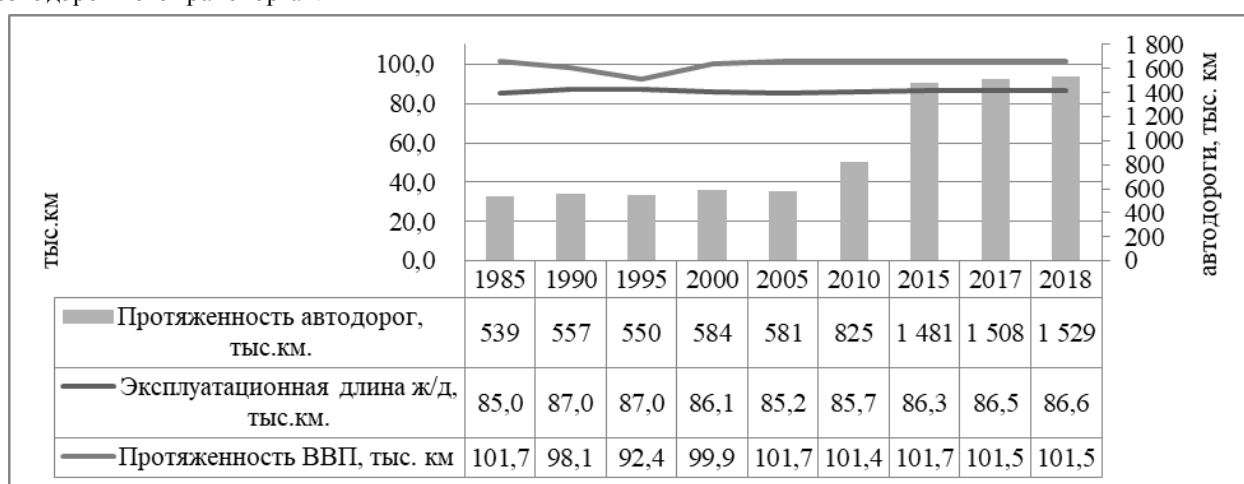

Рисунок 4.
Динамика протяженности путей сообщения, тыс. км.

Внутренний водный транспорт – один из самых доступных видов транспорта. Он обслуживает дальние и местные перевозки, маршруты которых совпадают с движением рек и каналов. Протяженность внутренних водных путей, практически во всех регионах значительно превышает протяженность железных дорог общего пользования, так Красноярском крае в 3,7 раза; Иркутской области – 3,3; Вологодской области – 2,7; Республике Коми – 2,4 раза (табл. 2).

Таблица 2

Протяженность внутренних водных путей в сравнении с другими видами транспорта по субъектам Российской Федерации

Субъекты Российской Федерации	внутренний водный	автомобильный с твердым покрытием	железнодорожный общего пользования	ВВП % от общей длины
Северный регион:				
Республика Карелия	3,8	8,47	2,23	26,0%
Республика Коми	4,1	6,4	1,69	33,6%
Архангельская область без НАО	3,4	12,06	1,77	19,9%
Вологодская область	2,1	17,09	0,77	10,5%
Сибирский регион:				
Тюменская область без ХМАО и ЯНАО	1,5	13,27	1,36	9,3%
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	6,2	5,52	1,08	48,4%
Ямало-Ненецкий автономный округ	4,1	2,18	0,48	60,7%
Республика Бурятия	1,89	8,6	1,23	16,1%
Республика Тыва	0,61	3,42		15,2%
Забайкальский край	1,34	14,74	2,40	7,3%
Красноярский край	7,76	27,08	2,07	21,0%
Иркутская область	8,07	22,72	2,48	24,3%
Новосибирская область	0,6	18,13	1,51	3,0%
Омская область	1,5	13,84	0,75	9,3%
Томская область	5,2	7,44	0,35	40,0%

¹ Бородулина С. А. Организационно-экономические методы управления транспортными системами: монография / С.А. Бородулина, Т.А. Пантина. — СПб.: Изд-во ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова, 2019. – 432 с.

Республика Саха (Якутия)	16,52	11,37	0,52	58,1%
Хабаровский край	2,82	9,33	2,10	19,8%
Амурская область	2,572	11,34	2,93	15,3%
Еврейская автономная область	0,68	2,5	0,51	18,5%

Перевозки пассажиров в пределах Российской Федерации в 2017 году в разрезе федеральных округов приведены на рис. 5 и 6. В структуре регионов наибольший удельный вес принадлежит Центральному ФО (26%; 3339,6 тыс. чел.), а также Приволжскому ФО (24%; 3107 тыс. чел.). Доля перевозок пассажиров в Сибирском и Дальневосточном регионах составляет 3396,6 тыс. чел. или 27% в границах РФ¹.

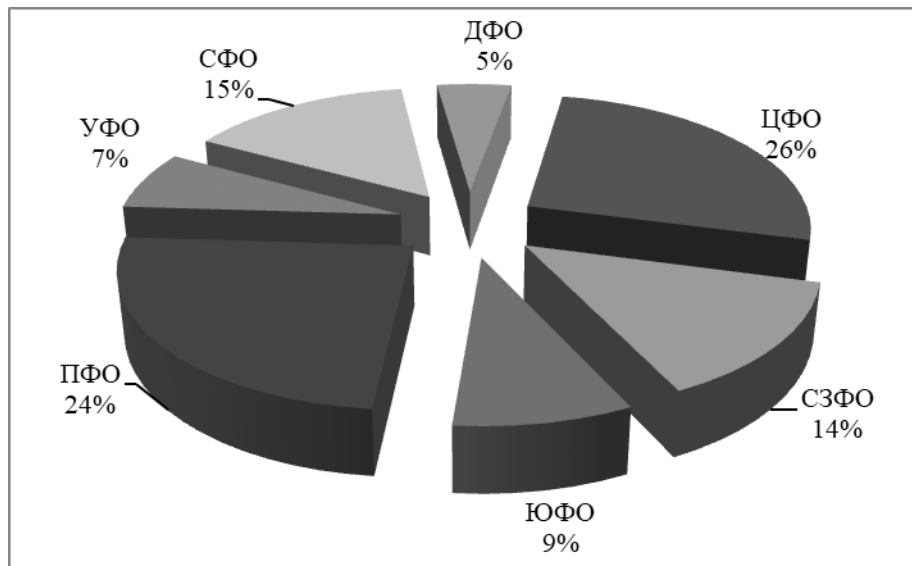

Рисунок 5.
Структура перевозок пассажиров РФ по федеральным округам в 2017 году, %

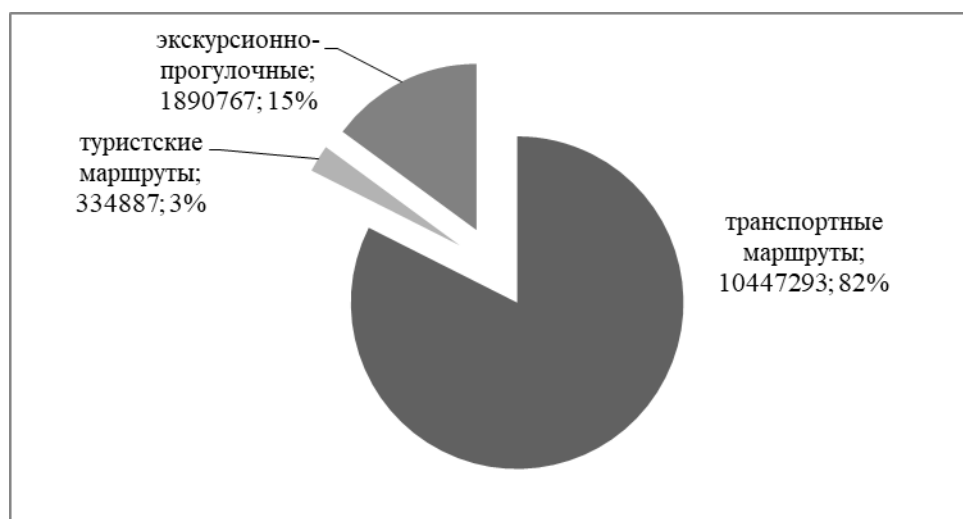

Рисунок 6.
Структура пассажирских перевозок по видам маршрутов в 2017 году, %

Структура перевозок по маршрутам – транспортным, туристским, экскурсионно-прогулочным в 2017 году выглядит следующим образом: 82% составляют транспортные маршруты, 15% пассажиров перевозится на экскурсионно-прогулочных, а 3% – на туристских маршрутах². Специфика туристских перевозок на дальние расстояния определяет иную структуру пассажирооборота по видам маршрутов (рис. 7), доля показателя в этом секторе составляет 65%.

¹ Анисимов К.О., Бородулина С.А. Современное состояние, проблемы и факторы развития круизного судоходства в Российской Федерации // Транспортное дело России. 2019. – № 5. – С. 128–132.

² Там же.

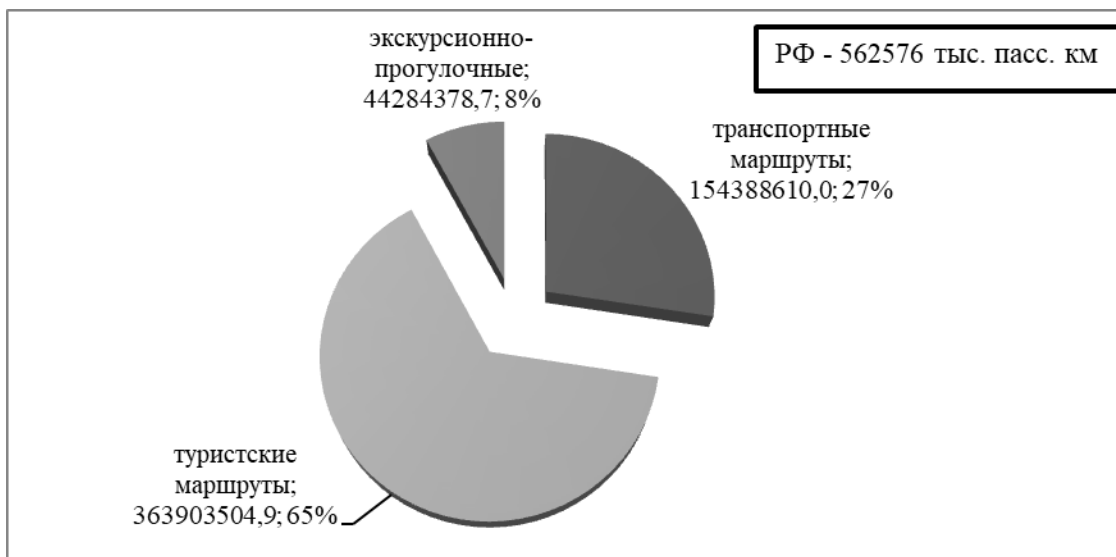

Рисунок 7.
Структура пассажирооборота по видам маршрутов в 2017 году, (пасс. км; %)

Ярким показателем безальтернативности внутренних водных путей в северных и сибирских регионах является превышение протяженности водных путей над железнодорожными путями, которое составляет в Республике Саха (Якутия) – 31,8 раза; Томской области – 14,9 раза; Ямало-Ненецком автономном округе – 8,5 раза; Ханты-Мансийском автономном округе – 5,7 раза, при этом протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием, по указанным субъектам сопоставима или ниже протяженности водных путей, так отношение протяженности автомобильных дорог к протяженности водных путей составляет в Республике Саха (Якутия) – 0,7 раз; Томской области – 1,4 раза; Ямало-Ненецком автономном округе – 0,5 раза; Ханты-Мансийском автономном округе – 0,9 раза. В транспортных коммуникациях регионов внутренние водные пути играют значительную роль, так от их общей протяженности в Ямало-Ненецкий автономном округе они составляют – 60,7%; Ханты-Мансийском автономном округе – 48,4%; Томской области – 40,0%; Республика Саха (Якутия) – 58,1%; Коми – 33,6%; Карелия – 26,0%. Плотность внутренних водных путей приведена в табл. 3.

Таблица 3

Плотность внутренних водных путей в сравнении с другими видами транспорта (км на 1000 км²) по субъектам РФ

Субъекты Российской Федерации	внутренний водный	автомобильный с твердым покрытием	железнодорожный общего пользования
Северный регион:			
Республика Карелия	20,8	47	12,3
Республика Коми	9,8	15	4,1
Архангельская область без НАО	8,3	29	3
Ненецкий автономный округ	2,2	1,2	
Вологодская область	14,5	118	5,3
Сибирский регион:			
Тюменская область без ХМАО и ЯНАО	9,37	83	8,5
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	11,59	10,3	2,02
Ямало-Ненецкий автономный округ	5,33	2,8	0,62
Республика Бурятия	5,38	24	0,35
Красноярский край	3,28	11	0,09
Иркутская область	10,41	29	0,32
Кемеровская область	5,43	176	1,76
Новосибирская область	3,38	102	0,85
Омская область	10,63	98	0,53
Томская область	16,54	24	0,11
Республика Саха (Якутия)	5,36	3,7	0,02
Хабаровский край	3,58	12	0,27
Амурская область	7,11	31	0,81
Еврейская автономная область	18,89	69	1,41

Внутренние водные пути находятся на территории 60 субъектов Российской Федерации и в целях обеспечения содержания разделены на 15 бассейнов, в которых имеются общие судоходные пути, климатические, навигационно-гидрографические условия обеспечения плавания судов и гидрометеорологические условия:

1. Север европейской части России: Печорский и Северо-Двинский бассейны с общей протяженностью 9299 км;

2. Центральные районы европейской части России: Беломорско-Онежский, Волго-Балтийский, Волжский, Московский, Камский, Волго-Донской и Азово-Донской бассейны с общей протяженностью 27 317 км;

3. Сибирский регион: Обский, Обь-Иртышский, Енисейский, Байкало-Ангарский, Ленский и Амурский бассейны с общей протяженностью 65 046 км.

Глубоководные внутренние пути обладают большой провозной способностью, их можно сравнить с многопутными железными дорогами, и они приспособлены к массовым перевозкам грузов и пассажиров. Также внутренние водные пути Единой глубоководной системы РФ имеют важнейшее международное значение¹ участки от г. Санкт-Петербурга до Астрахани, от Рыбинска до Твери, по р. Кама до г. Пермь, от г. Волгограда до г. Ростов-на-Дону с общей протяженностью 5,4 тыс. км включены в перечень внутренних водных путей международного значения. По территориальному разделению протяженность внутренних водных путей представлена в табл. 4.

Таблица 4

Протяженность внутренних водных путей регионам

№ п/п	Характеристики	Северный регион ²	%	Центральный регион ³	%	Сибирский регион ⁴	%
1	с гарантированными габаритами судовых ходов, всего, в т.ч.:	4188	45,0%	12 199	44,7%	32 680	50,2%
1.1.	освещаемой обстановкой	24	0,3%	7831	28,7%	17 577	27,0%
1.2.	светотражающей обстановкой	3451	37,1%	1028	3,8%	7036	10,8%
1.3.	неосвещаемой обстановкой	713	7,7%	3340	12,2%	8067	12,4%
2	без гарантированных габаритов судовых ходов, всего, в т.ч.	–		1330	4,9%	1802	2,8%
2.1.	с освещаемой обстановкой	–		407	1,5%	7	0,0%
2.2.	с неосвещаемой обстановкой	–		923	3,4%	1795	2,8%
3	Водные пути без навигационного ограждения и гарантированных габаритов	5111	55,0%	13 787	50,5%	30 564	47,0%
	всего	9299	100,0%	27 317	100,0%	65 046	100,0%
	% от общей протяженности	9,1%		26,9%		64,0%	

Наибольшая доля протяженности внутренних водных путей приходится на Сибирский регион – 64%, Центральный регион – 26,9%, Северный регион – 9,1%.

По своим качественным характеристикам внутренние водные пути разделяются на категории:

1. С гарантированными габаритами судовых ходов и с обстановкой – 49 067 км (48,3% от общей протяженности), из них:

- с освещаемой обстановкой – 25 432 км (25%);
- со светотражающей обстановкой – 11 514,7 км (11,3%);
- с неосвещаемой обстановкой – 12 120,3 км (11,9%)

В составе внутренних водных путей с гарантированными габаритами судовых ходов в основном входят «сверхмагистральные» и «магистральные» внутренние водные пути, общей протяженностью 26 245 км (53,5%).

2. Без гарантированных габаритов судовых ходов и с обстановкой – 3132 км (3,1%):

- с освещаемой обстановкой – 414 км (0,4%);
- с неосвещаемой обстановкой – 2718 км (2,7%)

3. Без навигационного ограждения и гарантированных габаритов – 49 462,2 км (48,7%).

Круглосуточное движение судов осуществляется на 37 361 км (36,8%), на которых выставляется освещаемая и светотражающая обстановка. В регионах удельный вес таких внутренних водных путей в среднем также составляет около 37%. На современном этапе наиболее развиты внутренние водные пути (с освещаемой и светотражающей обстановкой) в Сибирском регионе, удельный вес с гарантированными габаритами составляет 50,2% от общей протяженности в регионе. В Центральном регионе такие внутренние водные пути составляют соответственно 44,7%, в Северном регионе – 45%.

Значительную долю внутренних водных путей во всех регионах составляют пути без навигационного ограждения и гарантированных габаритов (48,7% в целом) в том числе в Северном – 55%, Центральном – 50,5 и Сибирском – 47%.

С 1990 г. вследствие снижения перевозок внутренним водным транспортом, а также уменьшения объемов финансирования, направляемых на содержание внутренних водных путей, произошло ухудшение качественных показателей внутренних водных путей в части:

1. Уменьшение протяженности внутренних водных путей с гарантированными габаритами судовых ходов на 19,3 тыс. км, в том числе по регионам:

- Северный – на 0,5 тыс. км (на 9,6%);
- Центральный – на 7,9 тыс. км (на 24,7%);
- Сибирский – на 10,9 тыс. км (в 1,92 раза).

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 1997 г. № 1211 «О подписании Российской Федерацией Европейского Соглашения о важнейших внутренних водных путях международного значения».

² Печорский и Северо-Двинский бассейны.

³ Беломорско-Онежский, Волго-Балтийский, Московский, Волжский, Камский, Волго-Донской и Азово-Донской бассейны.

⁴ Обский, Обь-Иртышский, Енисейский, Байкало-Ангарский, Ленский и Амурский бассейны.

2. Уменьшение протяженности внутренних водных путей с круглосуточным движением судов на 31,3 тыс. км или почти в 2 раза, в том числе:

- Северный регион – на 4 тыс. км (в 1,8 раз);
- Центральный регион – на 15,6 тыс. км (в 1,6 раз);
- Сибирский регион – на 11,8 тыс. км (в 2,5 раза).

3. Уменьшение объемов дноуглубительных работ в 12,2 раза или на 233,1 млн. м³ привело к снижению габаритов судовых ходов, прежде всего глубин на 0,33 м на 793 участках (с 2,26 м до 1,93 м, на 14%) протяженностью 47 399 км, в том числе на 27 464 км с гарантированными габаритами судовых ходов в настоящее время. Ширина судовых ходов снизилась на 1076 участках с общей протяженностью 68 368 км, в том числе на 10 940 км с гарантированными габаритами судовых ходов в настоящее время. На современном этапе гарантированные габариты судовых ходов удовлетворяют размерениям судов только на 22 378 км или на 46% от общей протяженности 49067 км.

В результате снижения качественных показателей судовых ходов уменьшился географический охват перевозок грузов и пассажиров; уменьшилась пропускная способность внутренних водных путей на 83,8 млн. т, в том числе по провозной способности (увеличение времени рейса) на 37,8 млн. т; по загрузке судов на 46 млн. т.

Кроме указанных факторов уменьшения гарантированных габаритов судовых ходов, на внутренних водных путях выявлено снижение обеспеченности проектных уровней воды. Так, средняя обеспеченность проектных уровней воды по гидрологическим постам в среднем составляет 87% при нормативном не ниже 95-99%. В Северном регионе обеспеченность проектных уровней воды за последние 15 лет в среднем составляет 54%, в Центральном – 88,7%, в Сибирском – 89,6%. Для восстановления качественных параметров внутренних водных путей необходимо проведение комплексных капитальных путевых работ (руслоразправительные и дноуглубительные), направленных на стабилизацию уровней воды.

Таким образом, состояние внутреннего водного транспорта и его роль в экономике субъектов РФ определяется расположением региона, потребителями транспортных услуг, уровнем развития региона, состоянием транспортной инфраструктуры.

Для повышения результативности использования внутреннего водного транспорта в перевозках пассажиров в РФ необходимо разработать комплекс мер по повышению конкурентоспособности предприятий подотрасли, а также рассмотреть варианты субсидирования маршрутов с учетом улучшения социальных показателей, а также транспортной доступности на безальтернативных маршрутах¹. Важной задачей является поиск возможности обеспечения круглогодичной навигации на внутренних водных путях на основе использования судов инновационного типа – с динамическими принципами движения (судов на воздушной подушке и пр.). Для решения таких задач необходимо:

1. Государственное софинансирование (как полное, так и частичное) в виде различных государственных программ по развитию внутреннего водного транспорта для начала строительства судов (предложение республики Башкортостан, Пермского края).

2. Увеличение бюджетного финансирования для пополнения технического флота для поддержания в нормативном состоянии ВВП (предложение республики Башкортостан, Липецкой области).

3. Разработка комплекса мер для субъектов частного бизнеса для возможности обустройства территории водных туристских маршрутов, создания необходимой туристской и обеспечивающей инфраструктуры (предложение Свердловской области).

4. Создание механизма, стимулирующего развитие «социального речного туризма», софинансирование региональных программ развития туризма, упрощение процедуры субсидирования возмещения затрат на уплату процентов по кредитам и займам при финансировании инвестиционных проектов, направленных на создание или модернизацию объектов туристско-рекреационного использования с длительным сроком окупаемости (предложение Нижегородской области).

5. Ускорение процедуры передачи объектов инфраструктуры внутреннего водного транспорта, находящихся в собственности Российской Федерации, в собственность субъектов РФ при наличии обращений субъектов РФ и планов использования указанных объектов в целях развития внутреннего водного транспорта, включая содержание и эксплуатацию (предложение Санкт-Петербурга).

6. Внедрение механизма, исключающего ситуацию наличия разных лиц, обладающих собственностью на земельные участки и правами пользования участком акватории водного объекта, примыкающим к такому земельному участку, не состоящих в договорных взаимоотношениях (предложение Санкт-Петербурга).

7. Обеспечение исполнительными органами государственной власти РФ моратория на принятие нормативных правовых актов, ухудшающих экономические условия деятельности судоходных компаний и негативно отражающихся на их конкурентоспособности (предложение Санкт-Петербурга).

8. Усиление работы по восстановлению и поддержанию необходимых (гарантированных) глубин в Республике Башкортостан и др. Так, для развития водного транспорта республик и областей региона необходимо:

– организовать работы по восстановлению на р. Белая гарантированных глубин до гидравлически и экологически допустимых 200 см с целью обеспечения безопасности судоходства в Республике Башкортостан. Это возможно путем увеличения дноуглубительных и выправительных работ и поэтапного ежегодного увеличения глубин на 5 см;

– включить в целевые государственные программы вопрос по этапному наполнению Нижнекамского водохранилища до проектной отметки 68 м для устранения лимитирующих участков в Республике Башкортостан. Реализация

¹ Исаева А.А. О развитии круизного туризма на водных путях России. Интервью. Отраслевой портал «Российское судоходство».05.03.2019. – http://rus-shipping.ru/ru/dialog/interview/?parent_id=519

этого предложения не только увеличит подпор на реке Белой, но и обеспечит стабильную глубину 400 см на смежном участке реки Кама;

– расширить сети региональных скоростных пассажирских перевозок, в т.ч. по маршруту Самара – Сызрань, обеспечить проведение работ по улучшению судоходных условий при подходе к пассажирским причалам (Самарская область);

9. В целях развития грузовых и социально-значимых пассажирских перевозок на ВВТ необходимо:

– обеспечить финансирование и поддержку развития инфраструктуры прогулочных рейсов по Куйбышевскому водохранилищу, пользующихся спросом, в части продолжения реализации проекта «Симбирская Гавань» (Ульяновская область);

– выполнить реконструкцию пассажирской пристани Уфа;

– ускорить строительство Нижегородского низконапорного гидроузла на р. Волге (Нижегородская область);

– выполнить реконструкцию причальной стенки и прилегающей территории пассажирского причала в г. Нижний Новгород (Нижегородская область);

– выполнить реконструкцию причальной стенки и прилегающей территории пассажирского причала в г. Самара;

– выполнить строительство и реконструкцию пассажирских причалов для стоянки пассажирских судов и объектов инфраструктуры в пунктах Единой глубоководной системы европейской части Российской Федерации, имеющих большое культурное и историческое значение (Саратовская область).

10. Создание в регионах частно-государственных судоходных компаний с преобладающим капиталом администрации региона. Наделение их рядом льгот на основе разработки региональных программ развития социальных пассажирских перевозок речным транспортом.

11. Введение обязанности оснащения судов внутреннего водного транспорта, а также маломерных судов аппаратурой спутниковой навигации российского производства, осуществляющей регистрацию, хранение и передачу в некорректируемом виде координат и параметров их движения, определяемых по сигналам системы ГЛОНАСС, либо ГЛОНАСС совместно с другими глобальными навигационными спутниковыми системами, обеспечивающих передачу указанной навигационной информации в уполномоченные органы через федеральную государственную информационную систему.

Высокая фактическая стоимость перевозок пассажиров на межрегиональных и на социально-значимых маршрутах в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях превышает возможности значительной части населения. В условиях отсутствия дотаций со стороны государства или муниципалитетов практически все пассажирские перевозки являются убыточными, а инвестиции в убыточные предприятия со стороны частных инвесторов не осуществляются. В результате изношенность пассажирского флота нарастает, флот, созданный ещё в советский период, списывается, пассажирские линии закрываются. Государство не выполняет социальную (перевозочную) функцию по отношению к населению восточных и северных регионов, где роль речного транспорта особенно важна. В связи с этим возникает угроза практически полного прекращения пассажирских перевозок.

В связи с этим следует продолжить, а в ряде случаев возобновить субсидирование из Федерального бюджета перевозок пассажиров на межрегиональных и на социально-значимых маршрутах в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Нужно создать условия для обеспечения предприятий водного транспорта комфортабельными пассажирскими судами нового судостроения.

Особое внимание следует уделить созданию скоростного пассажирского флота, который в наибольшей степени соответствуют условиям эксплуатации в восточных регионах, отличающихся высокой продолжительностью пассажирских маршрутов.

Необходимы строительство и реконструкция пассажирских причалов для стоянки пассажирских судов и объектов инфраструктуры в приречных населенных пунктах, проведение работ по улучшению судоходных условий при подходе к пассажирским причалам. Целесообразно создание механизма, стимулирующего развитие «социального речного туризма». Необходима также разработка комплекса мер для субъектов частного бизнеса с целью обустройства территории водных туристских маршрутов, создания необходимой туристской и обеспечивающей инфраструктуры.

Целесообразно упростить правила предоставления субсидий за счет средств федерального бюджета на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам и займам, привлеченным инвесторами в российских кредитных организациях для финансирования инвестиционных проектов, направленных на создание или модернизацию объектов туристско-рекреационного использования с длительным сроком окупаемости при реализации мероприятий федеральной целевой программы.

Таким образом, основными объектами управления для субъектов Российской Федерации в соответствии с описанными задачами в ближайшее время должны стать:

– состояние внутренних водных путей для перевозки пассажиров в отдаленные населенные пункты;

– изношенный пассажирский флот;

– нормативно-правовая база субсидирования межобластных пассажирских перевозок.

Кроме того, для субъектов Российской Федерации, в которых отмечается особая загруженность автомобильных и железных дорог, необходимо разработать комплекс мер для сбалансированного развития внутреннего водного транспорта в транспортной системе региона и страны в целом.

**Брюханов Ю.М.,
Донская С.Л.¹**

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ КОНТУР ЭФФЕКТИВНОГО И ОТВЕТСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ И МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ФИНАНСАМИ²

Ключевые слова: цели национального развития, система сбалансированных показателей, эффективное управление, государственные программы.

Keywords: national development goals, balanced scorecard, effective management, state programs.

Для достижения целей национального развития используется институт государственных программ и связанных с ними федеральных проектов, в том числе Госпрограмма «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами» (далее – ГП-36, госпрограмма) утверждённая постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2016 г. № 445 (с изменениями на 27 марта 2019 года), которая не привела к ожидаемому повышению результативности расходования бюджетных средств.

Определенное дублирование целей и задач ГП-36 происходит с ГП-40 «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков». На уровне регионов государственная программа ГП-40 реализуется в различных вариантах названия, а следовательно, с качественно отличной декомпозицией целей, например, «Управление имуществом и финансами Московской области» на 2019–2024 годы.

Проведенный НПЦ Госучет контент-анализ выявил у трех субъектов РФ отсутствие открытых данных по программам в сфере управления финансами. В двух субъектах РФ программные комплексы в сфере управления финансами представлены в форме подпрограмм³. В субъектах РФ в программах Управление государственными финансами, связанных с ГП 40, представлены подпрограммы «Создание условий для эффективного и ответственного управления муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов муниципальных образований», связанных с ГП 36.

На уровне субъектов Федерации происходит смешение задач ГП36 и ГП40, так как предмет программ однороден – межбюджетное движение денежных средств. Программа ГП36 реализует управление долговой нагрузкой регионов и прямо не связана с показателями федеральных проектов, а, следовательно, и национальных проектов. Цели программы выражены финансовыми показателями, приоритизация финансовых показателей способствует перемещению ресурсов в регионы с высокой рентабельностью и низкими рисками, в регионы с доходами от добычи углеводородного сырья (нефтегазодобывающие по месту регистрации добывающих предприятий как налогоплательщиков. Например, в г. Москва таких компаний – 109)

Основная доля доходов бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований – это налоговые доходы. Реализация федеральных проектов оказывает прямое влияние на источники доходной части бюджетов субъектов РФ. Связь с федеральными проектами, безусловно, важна для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами.

Каждый уровень бюджета формируется определенными в Бюджетном кодексе налоговыми и неналоговыми доходами. Доходы субъектов РФ опираются на коммерческие результаты деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, доходы физических лиц, рост стоимости имущества организаций, рост стоимости транспортных средств, часть акцизов от торговли и развитие игорного бизнеса и др.

Местные бюджеты опираются на земельный налог, частично на доходы физических лиц и рост стоимости имущества физических лиц, торговые сборы, продажу патентов и др.

Федеральные проекты экологической направленности предполагают отнесение природоохранных затрат на себестоимость способствуя снижению налоговой базы по налогу на прибыль, который в среднем формирует более 30% налоговой доходной части консолидированного бюджета в субъектах РФ, такое же влияние оказывают природоохранные проекты на НДС – ведущий по объему источник налоговых доходов консолидированного бюджета в субъектах РФ. Косвенное действие экологических проектов способствует приросту налогооблагаемой базы, так как снижается уровень заболеваемости населения. Прямое действие на увеличение налогооблагаемой базы в сторону увеличения оказывают федеральные проекты в сфере здравоохранения и образования.

¹ Брюханов Юрий Михайлович – к.э.н., доцент Российского экономического университета. Профессиональные интересы: методология стратегического управления на мезоуровне. E-mail: Bryukhanov.yum@rea.ru

Донская Софья Леонтьевна – к.э.н., заместитель Министра экономики и финансов Московской области.

² Исследование выполнено при поддержке Лаборатории инструментов программно-целевого управления Центра развития программно-целевого управления ВАВТ при Минэкономразвития РФ.

³ Ержинин Р.В. Цели в управлении региональными финансами: логико-содержательный анализ государственных программ // Управленческие науки. 2019. – Т. 9, № 2. – С. 50–61.

Федеральные проекты в сфере физической культуры, здорового образа жизни, жилья, городской инфраструктуры повышают качество жизни и снижают налоговые источники доходов бюджета в части акцизов на алкоголь и табачные изделия.

В ГПЗ6 не предусмотрена связь с реализацией федеральных проектов, ФЦП и ВЦП, тогда как реализация федеральных проектов влияет на эффективное и ответственное управление финансами субъектов РФ и муниципальных образований.

На ход реализации ГПЗ6 существенное влияние оказывает реализация ГП15 «Экономическое развитие и инновационная экономика», так как в результате происходит прирост доходной налогооблагаемой базы для формирования бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований.

Программа ГПЗ6 оказывает влияние на реализацию сбалансированного развития регионов и государственные программы Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа 2014–2025 годы, Развитие Северо-Кавказского федерального округа 2013–2025 годы, Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации 2015–2025 годы, Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя 2019–2022 годы, Социально-экономическое развитие Калининградской области 2013–2025 годы.

Для повышения эффективности управления программами региональных и муниципальных образований в США используется система сбалансированных показателей,¹ стратегические карты, введенные в практику управления эффективностью экономических субъектов

Ограничение целей и задач государственной программы только финансовыми показателями приводит к снижению уровня достижения целей национального развития, снижению темпов экономического роста до отрицательных, в широком плане падению рыночной капитализации экономических субъектов и абсолютному падению ВВП и ВРП в сопоставимых ценах.

Бюджет может быть дефицитным, или государственный долг может быть значительным, а качество жизни высоким. И наоборот. Корреляция между качеством жизни и уровнем государственного долга относительно ВВП, а также же уровнем дефицита либо профицита государственного бюджета не наблюдается.

Программа повышения устойчивости бюджета, повышения эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами должна корреспондироваться с нефинансовыми показателями.

Классический вариант системы сбалансированных показателей объединяет четыре блока: финансы, клиенты, инновации и обучение, внутренние процессы. Указанная структура ССП по отношению к субъектам РФ и муниципальным образованиям может быть представлена как финансы (эти показатели уже есть в программе ГПЗ6), в обязательной корреспонденции с нефинансовыми блоками: стейкхолдеры (заинтересованные лица), образование, предпринимательство (развитие бизнеса) и блок федеральных проектов (региональный разрез из национальных проектов), частично реализуемых в региональном пространстве, на территории субъекта Федерации.

В сбалансированной программе ГПЗ6 могут быть представлены взаимосвязанные с эффективным управлением финансами целевые блоки: 1. Блок целей – стейкхолдеры (клиенты) в региональной интерпретации, будет включать цели эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами в сфере экологии, жилищно-коммунального хозяйства, строительства социальных объектов, транспортной сети и здравоохранения в государственной программе ГПЗ6 на уровне субъектов федерации и муниципальных образований.

2. Блок целей образование (обучение и развитие) будет включать цели эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами в сфере дошкольного воспитания и школьного образования.

3. Блок целей предпринимательство (бизнес-процессы) будет включать цели эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами в сфере предпринимательской деятельности и сельской кооперации.

4. Блок целей финансы в региональной интерпретации включает цели ГПЗ6 в сфере межбюджетных трансфертов, выравнивания финансовых возможностей, стимулирования социально-экономического развития территорий, совершенствования эффективности правового регулирования разграничения полномочий между уровнями публичной власти.

Все цели должны соответствовать требованиям SMART, количественно определены, иметь установленные сроки, ответственных исполнителей, обеспечены ресурсами, конкретизированы по содержанию.

5. Блок целей Национальные проекты, реализуемые на территории субъекта РФ в части федеральных проектов. На территории субъекта Федерации должна быть обеспечена ценностная архитектура реализации национальных проектов – цепочка создания ценностей, стратегические ресурсы и ключевые компетенции.

Цепочка создания ценностей включает логистические проекты, экспортные программы и кооперацию.

Стратегические ресурсы включают качество и количество населения, природные ресурсы, инфраструктурные проекты.

Ключевые компетенции из национальных проектов связаны с цифровизацией экономики и социальной сферы.

Список литературы и источников

1. Russian Federation. Authors/Editors: Ekaterina Vaksova // *Toward Next-Generation Performance Budgeting: Lessons from the Experiences of Seven Reforming Countries*. 2016. – P. 125-142. – https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0954-5_ch10

¹ Кожевина О.В., Сиротенко М.В. Использование сбалансированной системы показателей для разработки программ развития муниципальных образований // *Вестник университета*. 2014. – № 9. – С. 46–51.

2. Performance-Based Budgeting in Russia / Andrey Klimenko // Performance-Based Budgeting in the Public Sector. 2019. – P. 161–176. – <https://doi.org/10.1007/978-3-030-02077-4>
3. Remits, Performance Budgeting and Trust in Government. – Washington (DC): The World Bank, 2010.
4. Ерженин Р.В. Цели в управлении региональными финансами: логико-содержательный анализ государственных программ // Управленческие науки. – М., 2019. – № 2. – С. 50–61. – <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2019-9-2-50-61>
5. Типовой порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ субъекта Российской Федерации и методические рекомендации к нему (проект). Министерство финансов Российской Федерации. – https://www.minfin.ru/document/?id_4=120201
6. Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации».
7. Приказ Минэкономразвития России от 16.09.2016 № 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации».
8. Хотулёв Е.Л., Наумов С.Н., Блохин А.А. Новые вызовы программно-целевого управления: поиск ответов и решений. Научный доклад / Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Центр развития программно-целевого управления. – М., 2019. – 57 с.
9. Наумов С.Н. Использование инструментария государственных программ для обеспечения сбалансированного регионального развития России // Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции – XXVI Кондратьевские чтения / Под ред. В.М. Бондаренко. – М., 2019. – С. 272–277.
10. План реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2017 г. № 1166-р.
11. Клейнер Г.Б., Рыбачук Системная сбалансированность экономики России: региональный разрез // Экономика региона. 2019. – Т. 15, № 2. – С. 309–323.
12. <https://programs.gov.ru/Portal/programs/resources?gpId=36&viewType=2>

Грабельных Т.И.

д. соц. н., профессор, Иркутский государственный университет

ПРОДВИЖЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Ключевые слова: *экспертное знание, научное знание, метамодель экспертного знания, экспертное сообщество, социальное пространство, общественное развитие, социальное продвижение, регион.*

Keywords: *expert knowledge, scientific knowledge, metamodel of expert knowledge, expert community, social space, social development, social advancement, region.*

Макросистемные изменения XXI века, вызвав очередную научную революцию, способствовали развитию категории «движение». Одним из ее новых значений становится «социальное продвижение» как результат социальных импульсов и воздействий и последующих социальных ритмов в сложных условиях социального времени и социального пространства. Отражая тенденцию к динамике социальных изменений, «социальное продвижение» становится атрибутом развития высоко сложных социальных систем, идет ли речь о формировании спроса на новые технологии партнерства при принятии управленческих решений, или на «глобальные экспертные сети», о реализации «стратегий развития цифровой экономики в интересах граждан, бизнеса и государства» или о расширении возможностей разных субъектов на предмет их включения в новые пространства взаимодействий, например, «Интернет-сервисов, мобильных операторов и банков» и др.

Новые социальные и научные дискурсы о природе социальной реальности современной эпохи позволяют говорить о социальных и технологических сдвигах, перераспределении позиций и продвижении ресурсов, перемещении ролей, многовекторности и/или альтернативности общественного развития. В этих условиях кардинально меняется сама модель научного знания, принципы и формы его организации. Если при традиционном рассмотрении эмпирическое знание выделялось как уровневое знание наряду с теоретическим и методологическим, то теперь зачастую теоретическое знание замещается «экспертным форматом» его организации, в содержание которого входят равноценные эмпирические составляющие. При этом методологическая компонента фактически отсутствует.

Возникает целый ряд вопросов: в какой степени теоретическое знание сегодня является экспертным знанием; является ли экспертное знание необходимым, всеобщим и высоко интегрированным знанием; в какой мере в модели экспертного знания может быть представлена эмпирическая компонента; какая часть экспертного знания высоко востребована; насколько экспертное знание технологично по своей природе; каковы на сегодняшний день основные детерминанты развития экспертного знания; является ли экспертное знание системным знанием, кому оно служит и в каком качестве; каковы нормы и идеалы экспертного знания; какие условия и факторы развития экспертного знания как сложного специализированного знания могут привести к должному эффекту, достижению определенного результата; кто входит в экспертное сообщество, регулируются ли в нем этические нормы и ответственность экспертов; каков уровень экспертной культуры в обществе и государстве; кто заинтересован в поддержании спроса на экспертное знание и экспертную культуру; каковы основные причины востребованности экспертного знания; что такое экспертные технологии и каково их значение? Ответы на поставленные вопросы мы пытаемся дать в своих работах.

Сегодня мы много говорим об «экспертном сопровождении», «экспертном обеспечении», экспертизах разного уровня как о комплексной социальной проблеме. Экспертная тематика актуализировалась на фоне информационно-технологических революций, вступления общества на путь «информационно-цифровой цивилизации». Каким должен быть эксперт XXI века? Какими знаниями он должен обладать?

Пока же на сегодняшний день мы выделяем основные версии «продвижения» экспертного знания для видения перспектив общественного развития и корректировки проводимых курсов. Первую модель экспертного знания мы называем «социальной». Это модель нового научного знания, которое социально значимо и поэтому высоко востребовано. В этом случае цель поставлена, выделены целевые индикаторы, требования, нормы и критерии к экспертному знанию (проведению экспертизы и экспертной оценке результатов) четко определены. Есть все основания ее назвать «рамочной общественной моделью» экспертного знания. Полагаем, что такую модель активно реализует Фонд президентских грантов РФ, существуют условия для ее внедрения в рамках реализации национальных проектов в России. На разных этапах она широко востребована при программно-целевом решении социальных проблем. Активно реализуется в практиках прохождения общественных экспертиз. Данная модель в общественном пространстве региона в большей степени освоена.

Вторую модель экспертного знания мы характеризуем как «культурно-экономическую». Речь идет об экспертном знании как системе сложного специализированного научного знания, соответствующего экономическому укладу, системам жизнеобеспечения и типам межкультурных коммуникаций (во многом с позиции национальной безопасности). Указанная модель носит междисциплинарный характер и высокотехнологична по своей природе. Внедрение та-

кой модели требует более высокого уровня экспертной культуры и более зрелого экспертного сообщества. На этапе становления цифрового общества отчетливо прослеживается формирование спроса на такую модель, где требуется большое количество согласований разных сторон. Экспертное знание такого уровня носит более системный характер и отражает интересы самых различных доминантных групп – например, органов государственной власти, отдельных профильных ведомств, региональной власти, госкорпораций, IT-компаний, научно-образовательного сообщества и других субъектов одновременно.

Кроме вышеперечисленных, следует выделить «символическую модель», «модель смешанного типа» и др. Они также в той или иной степени востребованы в обществе. Кроме того, обращает на себя внимание «имитационная модель», когда формально процедуры экспертизы пройдены, а результат не достижим.

Современные дискурсы о развитии систем партнерских отношений, об условиях достижимости целей и расширении экспертной составляющей в них позволяют говорить о продвижении *мета-модели экспертного знания*. Именно с учетом долговременных научных, социально-экономических, социокультурных и информационно-технологических условий и возможностей прослеживается развитие самой *экспертной методологии*. В то время как при рассмотрении особенностей развития институтов гражданского общества в регионе, местных сообществ скорее речь идет о повышении уровня экспертной культуры, т.е. о рамочном формате отношений экспертов как субъектов регионального экспертного сообщества. В целом, в разных сферах принятия решений и продвижения инициатив формируется спрос на разные экспертные модели. Общение через экспертные сети на международном уровне предусматривает интегрированное специализированное научное знание, владение технологиями межкультурных коммуникаций. И на этом уровне не всегда прослеживается концептуализация экспертного продукта. Для прохождения экспертизы социально-ориентированного проекта на региональном уровне достаточно привлечения «общественного» эксперта (представителя общественной палаты или профильного общественного совета региона), или же представителя научно-образовательного сообщества.

Таким образом, развитие экспертной методологии и повышение уровня экспертной культуры является актуальным для любой модели знания в любой стране. Очевидно, что экспертное знание – это конкретно-исторический продукт, модель научного знания и, одновременно, культурный феномен. В основу такого феномена положено 4 составляющих – теория и опыт, технология и культура. В этом смысле, продвижение экспертных знаний – это, прежде всего, реализация стратегий их целеполагания и условия применимости. Ярким показателем при этом выступает уровень сформированности рынка экспертных услуг. Сформирован ли такой рынок в России, ее регионах? Точки зрения самые разные.

Сегодня экспертное знание предстает в новой функции. Как показывает анализ проведенных экспертиз, это еще один серьезный инновационный ресурс, который можно охарактеризовать как стратегический инновационный ресурс. В настоящее время формируется особый подход к такому пониманию. Этим объясняется необходимость перехода от имитационной модели как декларированной и неэффективной к высоко технологичной и эффективной социально-ориентированной культурно-экономической модели экспертного знания. Цифровая экономика, безусловно, требует эффективной модели экспертного знания.

Для внедрения такой модели видятся следующие пути продвижения экспертного знания: 1) привлечение к экспертной деятельности высококвалифицированных специалистов с базовым образованием и с подтвержденным экспертным опытом (должен быть сформирован единый банк данных экспертов); 2) развитие института внешней (независимой) экспертизы (например, по профильным ведомствам) с соответствующим информационным сопровождением его деятельности; 3) инвентаризация всего экспертного инструментария, включая исследовательский; 4) подготовка профессиональных экспертов, владеющих методологией и методиками проведения экспертиз; 5) повышение статуса эксперта и его ответственности; 6) повышение уровня экспертной культуры в экспертном сообществе и региональном сообществе в целом; 7) проведение четкой дифференциации экспертного поля по его долям и зонам ответственности и др. Должна реализовываться формула: «Чем выше статус управленческого решения, тем выше статус эксперта и большая доля его ответственности» (вплоть до персональной ответственности).

Общественное пространство региона – индикатор качества партнерских отношений все заинтересованных субъектов регионального развития, включая представителей экспертного сообщества. Социальное пространство региона – это публичная общественно-государственная платформа, где реализуются экспертные технологии (программные, целевые, инициативные, регламентные, творческие). Важным каналом продвижения экспертных знаний являются экспертные публичные обсуждения разного формата (через СМИ, форумные площадки, институт общественного контроля и проч.). Цель таких обсуждений – информационно-дискуссионная. Среди ключевых каналов продвижения экспертного знания – общественные палаты регионов, которые через своих представителей участвуют в формировании общественного мнения и экспертной культуры. Продвижение экспертных знаний в недостаточно зрелом гражданском обществе объясняет имитацию деятельности экспертных групп и отвергает одновременно. Предложения и замечания эксперта в этих условиях «священны», но контекстуальны. Прослеживается рост экспертного знания, и в то же самое время происходит его поглощение. Экспертное знание несет долю субъектности, через которую происходит манипуляция самим знанием. И т.д.

Таким образом, продвижение экспертного знания в общественном пространстве региона – это сложный социальный и научный процесс, регулирование которого возможно только на базе сформированной экспертной методологии.

Дудина Т.Н.

к.э.н., доцент, зав. кафедрой, Новосибирский государственный университет экономики и управления

Тарасова О.С.

к.геогр.н., доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления

О РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ» В г. НОВОСИБИРСКЕ

Ключевые слова: г. Новосибирск, комфортная городская среда, приоритетный проект, благоустройство, придомовая территория, экологический каркас.

Keywords: *Novosibirsk, comfortable urban environment, priority project, improvement, house territory, ecological framework.*

Более 78% населения Новосибирской области проживает в городах, в том числе 58% городских жителей области проживает в третьем по величине городе России – Новосибирске. По данным на 01.01.2019 г. в г. Новосибирске проживало 1 618 039 человек¹. Темпы роста населения Новосибирска феноменальны и трудно сравнимы с темпами роста других городов-миллионеров. Всего за 70 лет численность населения города достигла миллионной отметки, и в настоящее время темпы прироста населения довольно высоки.

В то же время развитие городского пространства во многом имело стихийный характер, обусловленный историческим развитием города. Безусловно, главный импульс развитию города дало начавшееся в 1893 году железнодорожное строительство и формирование статуса города как транспортно-логистического центра. Огромную роль не только в формировании численности населения, в том числе в послевоенные годы, но и в его экономическом и культурном развитии сыграл перенос более 40 ленинградских предприятий в 1941 году. В последующие годы географическое положение города и транзитная специализация способствовали его дальнейшему росту.

В настоящее время городская среда г. Новосибирска весьма пестра и разнообразна и характеризуется отсутствием единой градостроительной линии. Практически во всех районах города (за исключением новых микрорайонов, построенных после 2005 г.) можно встретить дома сталинской застройки в сочетании с хрущевками, панельными девятиэтажками, деревянными одноэтажными домами с земельными участками (так называемый частный сектор) и домами современной постройки. При этом благоустройство городской территории на современном этапе развития г. Новосибирска тоже оставляет желать лучшего. Большинство дворов обустроено стандартными «советскими» горками, радугами и т.п. Внутривортовые проезды очень узкие, особенно во дворах хрущевок, часто отсутствуют парковочные карманы для автомобилей жильцов, для них во дворах просто нет места. Оставляет желать лучшего и озеленение города, включая немногочисленные скверы и парки. Поэтому формирование удобных условий проживания, органичность городской среды, эстетичность пространства – чрезвычайно актуальные проблемы развития г. Новосибирска.

Реализация приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» в г. Новосибирске способствует решению указанных проблем. Осуществляется проект в рамках муниципальной программы «Формирование современной городской среды», утвержденной постановлением мэрии города Новосибирска № 2340 от 22.05.2017, а также в соответствии с постановлением мэрии города Новосибирска от 13.03.2017 № 956 «О мероприятиях по реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» на 2017 год» и постановлением мэрии города Новосибирска от 19.07.2017 № 3411 «О мероприятиях по реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» в городе Новосибирске на 2018–2022 годы»

С 2017 г. в г. Новосибирске в рамках проекта проделана определенная работа по повышению комфортности городской среды, однако индекс комфортности остается достаточно низким в сравнении с другими городами. Указанный индекс формируется Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства и включает в себя 36 индикаторов по 12 показателям, отражающим широкий спектр качеств городской среды, которые определяют комфортность проживания горожан. Среди крупнейших 15 городов России Новосибирск занимает скромное 10 место с индексом 161 (при максимальном значении индекса 360) (см. табл. 1).

В процессе проведения анализа и формирования индекса г. Новосибирска эксперты достаточно высоко оценили качество общегородского пространства (36 баллов – это больше половины от максимально-возможного количества баллов), при этом низкие оценки (меньше половины максимального количества баллов) получили такие показатели как социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства (20 баллов), улично-дорожная сеть (25 баллов), общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства (26 баллов)².

¹ Официальный сайт правительства Новосибирской области. – <http://www.nso.ru/page/2696>

² Национальные проекты. – <https://xn----dtbcccddtspabxk.xn--p1ai/#/cities/1081>

Индексы городов-миллионников по комфортности городской среды¹

Город	Индекс	Город	Индекс
Москва	276	Самара	163
Санкт-Петербург	238	Новосибирск	161
Екатеринбург	191	Челябинск	160
Нижний Новгород	190	Воронеж	154
Казань	190	Пермь	153
Красноярск	189	Волгоград	116
Уфа	179	Омск	104
Ростов-на-Дону	178		

Анализируя особенности реализации проекта «Формирование современной городской среды» в г. Новосибирске можно выделить следующие проблемные моменты, требующие решения:

1. Низкая информированность населения и заинтересованных лиц о принципах реализации самого проекта и о проведении конкурсных отборов проектов для включения в программу. Особенно это касается проектов благоустройства внутридворовых территорий. В 2017 г. в начале разработки пилотных проектов определенные усилия по вовлечению граждан прилагались, однако в последующие годы эти усилия сошли на нет. Структурами мэрии практически не ведется работа с управляющими компаниями и товариществами собственников недвижимости, иными некоммерческими организациями по их вовлечению в реализацию проектов благоустройства дворов. Также можно отметить недостаточное информирование о конкретных проектах, отсутствие процедур ознакомления с проектами, отсутствие налаженной обратной связи относительно предлагаемых вариантов реализации. Такое информационное ограничение приводит к малой заинтересованности, сниженной инициативности со стороны жителей.

2. Отсутствие системности в разработке и реализации отдельных проектов. Проекты носят, как правило, фрагментарный характер и ограничиваются такими объектами как двор, общественная зона (отдельный сквер, парк, набережная). При этом отсутствует комплексный подход к благоустройству городской среды в целом. Яркий пример для г. Новосибирска – это благоустройство Михайловской набережной. За два года (2017–2019 гг.) набережная преобразилась: выполнены пешеходные и велосипедные зоны, проведено благоустройство прилегающей территории, установлены красивые осветительные приборы и т.п. Но вся прилегающая территория не обустроена, набережная слабо доступна для маломобильных групп населения, не решены вопросы парковки и так далее. Необходима разработка и внедрение комплексных стандартов благоустройства городской среды.

3. Недостаточный учет доступности городских объектов для маломобильных групп населения. Город, даже с учетом реализованных проектов все еще не доступен, например, для инвалидов-колясочников. Пандусы, по которым невозможно съехать (узкие, с крутыми съездами), отсутствие на тротуарах съездов без бордюров и другие физические барьеры ограничивают свободу передвижения таких групп населения, что конечно же не способствует комфортному проживанию в городе. Не говоря уже про зимнее время, когда плохо почищенные тротуары и придомовые территории становятся совершенно непреодолимой преградой.

4. Недостаточное внимание пешеходным зонам и тротуарам. Общепринято рассуждать о качестве городских автодорог, но при этом тротуарам и пешеходным зонам уделяется недостаточно внимания. Многие тротуары города находятся в неудовлетворительном состоянии, в некоторых местах и просто отсутствуют. В то же время, большая часть городских жителей – пешеходы и недостаточное внимание к этой проблеме также не способствует повышению комфортности.

5. Особенности и объемы финансирования программ формирования комфортной среды. Реализация приоритетного проекта обязывает городские власти проводить благоустройство дворов, которые принадлежат не только муниципалитету, но и являются собственностью граждан и юридических лиц – собственников жилых помещений в жилых домах. Существует мнение, что благоустройство территории полностью за счет государственных средств приведет к иждивенческим позициям граждан относительно дальнейшего благоустройства и содержания уже благоустроенных дворов. Однако этот вопрос является спорным. В процессе приватизации жилых домов и соответственно придомовых территорий государство не проводило капитальных ремонтов домов и благоустройства дворов. При этом полное содержание домов и дворов является весьма затратным, не всегда жители имеют возможность финансировать за свой счет эти работы, именно по этой причине придомовые территории зачастую имеют неэстетичный вид. При этом размер выделяемых средств для реализации благоустройства придомовых территорий явно недостаточен и не сможет обеспечить даже в долгосрочной перспективе полного их благоустройства.

6. Недостаточное внимание экологическому (зеленому) каркасу территории города. Сохранение естественных и создание искусственных экосистем в городской черте – невероятно важная задача, однако в настоящее время она рассматривается практически как второстепенная. Большинство реализуемых проектов благоустройства сводятся к асфальтированию территории, укладыванию тротуарной плитки и различных покрытий. В городе отсутствует территориальная комплексная схема охраны природы, а имеющимся зеленым зонам постоянно угрожает точечной жилой застройкой. Поэтому серьезным вопросом остается сохранение и развитие зеленых зон города.

Учет перечисленных аспектов в дальнейшей реализации приоритетного проекта «Формирование городской комфортной среды» позволит создать комфортные условия жизни для жителей г. Новосибирска.

¹ Национальные проекты. – <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#/groups/1>

Леднева О.В.

к.э.н., доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Oledneva@synergy.ru

ПОКАЗАТЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ

Ключевые слова: цели устойчивого развития, малые и средние города России, индикаторы устойчивого развития, градостроительство.

Один из определяющих факторов для присвоения населённому пункту статуса города – численность населения. Согласно рекомендациям ООН, для возможности сопоставления урбанизации стран и других целей, предлагается считать городами все поселения, имеющие 20 тысяч жителей и более. В России населённый пункт может приобрести статус города, если в нём проживает не менее 12 тысяч жителей. Тем не менее, в России есть достаточно много (19%) городов, население которых меньше 12 тысяч человек. Их статус города связан с историческими факторами, а также с изменением численности населения населённых пунктов, уже имевших статус города. Малым городом принято считать согласно своду правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (СП 42.13330.2011) от Минрегионразвития РФ города с численностью до 50 тыс. человек, средним городом – с численностью от 50 до 100 тыс. человек [1].

Таблица 1

Группировка малых и средних городов РФ по численности населения, проживающего в них по состоянию на 1 января 2019 года [2]

Федеральный округ	Средние города		Малые города		Итого, ед.
	Количество, ед.	Доля от общего числа городов, в % к итогу	Количество, ед.	Доля от общего числа городов, в % к итогу	
Дальневосточный	7	9	63	77	82
Приволжский	35	18	133	67	200
Северо-Западный	13	9	123	84	147
Северо-Кавказский	11	19	33	57	58
Сибирский	18	16	77	68	114
Уральский	18	16	81	70	115
Центральный	32	11	225	74	303
Южный	18	19	57	59	96
Итого	152	–	792	–	1115
<i>Население, чел.</i>	<i>10 516 930</i>	–	<i>15 939 052</i>	–	<i>102 586 948</i>
<i>Население, в % от общей численности России</i>	<i>10,25</i>	–	<i>15,58</i>	–	<i>100</i>

Четвертая часть (26%) городского населения РФ проживает в малых и средних городах (таблица 1). Всего в России по состоянию на 01.01.2019 г. 1115 городов, из них 1037 (93%) не превышают по численности 250 тыс. человек. В городах менее 250 тыс. жителей проживают 41 млн. человек, что составляет 40% от всего городского населения страны. Наибольшее количество малых городов приходится на Центральный Федеральный округ (225 ед.), при этом их доля в общем количестве городов округа составляет 74%. Наибольшая доля малых городов в общем количестве городов разного типа выявлена в Северо-Западном Федеральном округе (84% от их общего количества). Наименьшая доля малых городов в общем количестве городов разного типа наблюдается в Северо-Кавказском Федеральном округе (57% от их общего количества). Наибольшее количество средних городов приходится на Приволжский (35 ед.) и Центральный Федеральный округ (32 ед.), при этом их доля в общем количестве городов округа составляет 18% и 11%. Отметим, что наибольшая доля средних городов в общем количестве городов разного типа выявлена в Северо-Кавказском и Южном Федеральном округе (19% от их общего количества). Наименьшая доля средних городов в общем количестве городов разного типа наблюдается в Северо-Западном и Дальневосточном Федеральном округе (по 9% от их общего количества) (рис. 1).

Рост крупных городов ограничивает развитие малых и средних городов, в связи с чем последние с неразвитой экономикой и недостаточной осведомленностью о полезных ресурсах обладают меньшей привлекательностью. Обладая ограниченными ресурсами, малые и средние города лишены возможности эффективно решать все проблемы управления устойчивым развитием одновременно. Поэтому при целенаправленном и умелом управлении последние получают неоспоримое преимущество для устойчивого развития при минимальном уровне расходов и негативного влияния на окружающую среду.

По сравнению с крупными городами малые и средние города обладают преимуществами по следующим направлениям:

- Структура управления, предоставление доступа к расширенным возможностям
- Образование, конкурентоспособность жителей
- Здоровоохранение и медицина
- Культура и идентичность
- Совместное проживание
- Рабочая и бытовая среда
- Биоразнообразие и жизнеспособность экосистем
- Транспорт и передвижения

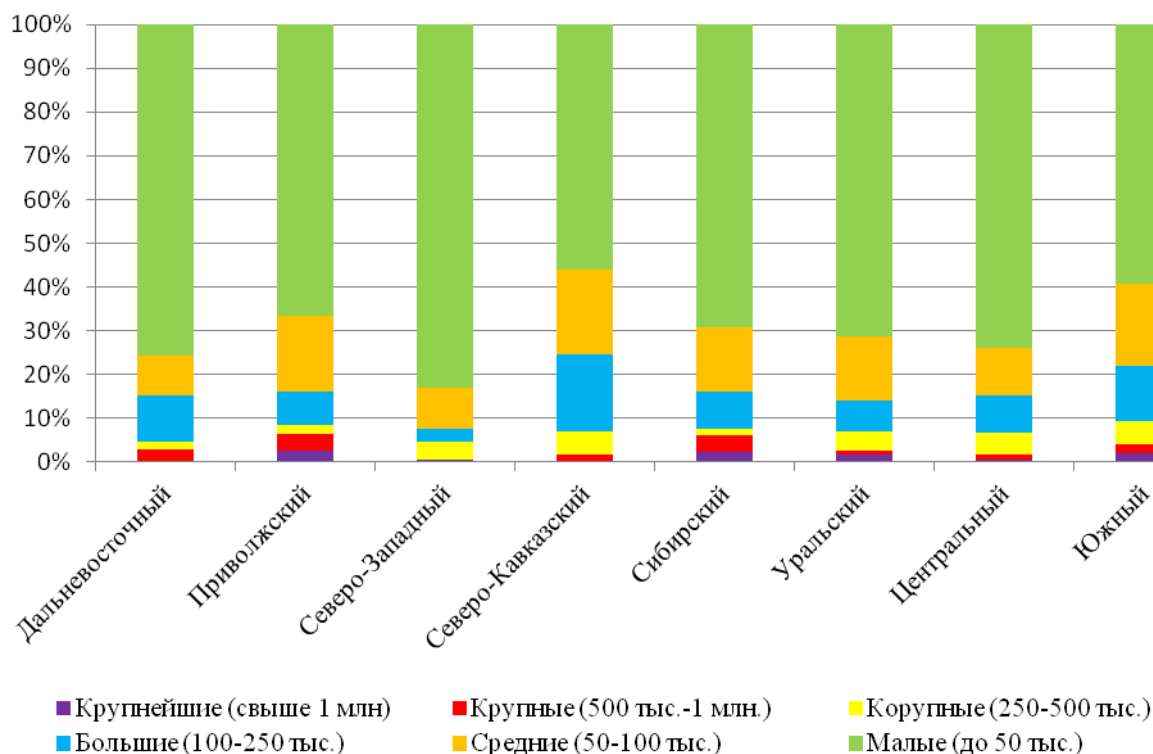

Рисунок 1.

Структура распределения городов по численности населения России на 01.01.2019 г.

Задачами системы управления устойчивым развитием малых и средних городов являются:

- повышение степени рациональности использования ресурсов, внедрения интеллектуальных технологий и устойчивости малых и средних городов к внешним воздействиям;
- оценка уровня и эффективности устойчивого развития, внедрения новейших технологий и устойчивости малых и средних городов к внешним воздействиям;
- увеличение вклада малых и средних городов в устойчивое развитие на мировом уровне.

25 сентября 2015 года государства-члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Она содержит ряд целей, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех.

Каждая из 17 Целей содержит ряд показателей, которые должны быть достигнуты в течение 15 лет. 1 января 2016 года официально вступили в силу 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР), изложенные в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [4]:

1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех её формах;
2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства;
3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте;
4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех;
5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек;
6. Обеспечение наличия и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех;
7. Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех;
8. Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех;
9. Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций;

10. Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними;
11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населенных пунктов;
12. Обеспечение рациональных моделей потребления и производства;
13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями;
14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития;
15. Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия;
16. Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях;
17. Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

В основе ЦУР лежат достижения Целей развития тысячелетия (ЦРТ), и направлены ЦУР на продолжение усилий, призванных положить конец нищете во всех ее формах. Уникальность новых целей состоит в том, что они призывают все страны – бедные, богатые и со средним уровнем дохода – содействовать процветанию при одновременном обеспечении защиты планеты. В них признается, что ликвидация нищеты должна быть неразрывно связана с реализацией стратегий, содействующих экономическому росту и направленных на удовлетворение ряда социальных потребностей, в том числе в области образования, здравоохранения, социальной защиты и обеспечения возможности трудоустройства, при одновременном решении проблем, обусловленных изменением климата, и обеспечении охраны окружающей среды. Для достижения Целей в области устойчивого развития необходимы совместные усилия правительств, частного сектора и гражданского общества.

Важно отметить, что эта повестка дня универсальна и касается всех стран. В течение предстоящих 15 лет, за которые должны быть достигнуты эти универсально применимые новые цели, страны, в том числе и Россия, активизируют усилия, направленные на искоренение нищеты во всех ее формах, борьбу с неравенством и решение проблем, связанных с изменением климата, и обеспечения того, чтобы никто не был забыт. Благодаря этому сегодня в распоряжении мирового сообщества имеются не только принятые Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности резолюции по поддержанию мира, но и «дорожные карты». На самом деле, устойчивое и всеохватное развитие — это не только самостоятельная цель, но и наилучший из имеющихся в распоряжении международного сообщества инструментов предупреждения возникновения самых разных проблем.

В соответствии с разработкой системы показателей для оценки устойчивого развития Российской Федерации актуальной является задача разработки системы показателей для оценки устойчивого развития малых и средних городов. Разработанная система показателей позволит малым и средним городам повысить их привлекательность, творческий потенциал и социальную открытость за счет предоставления населению высококачественных услуг, перехода к кластерному делению городов и наличию взаимосвязанной инфраструктуры. Предложенная система показателей и состоит из трех компонент: специализированности, эффективности и экономичности. Внедрение данной системы индикаторов позволит малым и средним городам достичь 17 целей ООН.

Таблица 2

Показатели устойчивого развития малых и средних городов

Наименование блока показателей	Содержание блока	17 целей устойчивого развития ООН
Население и уровень жизни	<ol style="list-style-type: none"> 1. Доля городского населения, проживающего в неудовлетворительных жилищных условиях; 2. Доля женщин в возрасте от 20 до 24 лет, вступивших в брак или союз до 18 лет; 3. Темпы роста расходов домохозяйств или доходов на душу населения среди наименее обеспеченных 40% населения и среди населения в целом; 4. Доля людей с доходом ниже 50% медианного дохода в разбивке по полу, возрасту и признаку; 5. Средний почасовой заработок женщин и мужчин в разбивке по группам занятых и возрасту; 6. Доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков. 	1, 2, 5, 8, 10
Неравенство и бедность	<ol style="list-style-type: none"> 1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности за год; 2. Доля населения, живущего за национальной чертой бедности, за год; 3. Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам; 4. Доля ресурсов, выделенных правительством непосредственно на программы по сокращению масштабов нищеты. 	1, 2
Здравоохранение и благополучие	<ol style="list-style-type: none"> 1. Доля расходов на услуги здравоохранения в общей сумме муниципальных расходов; 2. Коэффициент материнской смертности; 3. Доля родов, принятых квалифицированными медицинскими работниками; 4. Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет; 5. Коэффициент неонатальной смертности; 	3, 16

	<ul style="list-style-type: none"> 6. Число зарегистрированных больных впервые в жизни с установленным диагнозом ВИЧ-инфекции на 1000 человек; 7. Заболеваемость туберкулезом на 1000 человек; 8. Заболеваемость гепатитом В на 1000 человек; 9. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, новообразований (в том числе злокачественных), сахарного диабета, болезней органов дыхания; 10. Смертность от самоубийств; 11. Смертность от дорожно-транспортных происшествий; 12. Коэффициент рождаемости среди подростков (в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 женщин в соответствующей возрастной группе; 13. Число медицинских работников на душу населения; 14. Доля расходов домашних хозяйств на медицинскую помощь в общем объеме расходов или доходов домохозяйств; 15. Доля медицинских учреждений, постоянно располагающих набором основных необходимых и доступных лекарственных средств; 16. Доля людей, чувствующих себя в безопасности, когда они идут одни по улице в своем городе; 17. Доля населения, которое удовлетворено последним опытом использования государственных услуг; 18. Число жертв умышленных убийств на 10000 человек в разбивке по возрастным группам и полу; 19. Доля населения, в последние 12 месяцев подвергшегося физическому, психологическому или сексуальному насилию. 	
Образование	<ul style="list-style-type: none"> 1. Доля расходов на услуги образования в общей сумме государственных расходов; 2. Доля выпускников средней школы в разбивке по полу; 3. Доля школ, обеспеченных услугами Интернета для учебных целей; компьютерам для учебных целей; адаптированной инфраструктурой и материалами для учащихся-инвалидов; 4. Объем официальной помощи в целях развития, направляемой на выплату стипендий; 5. Доля учителей в дошкольных учреждениях; 6. Доля учителей в учреждениях начальной, средней и старшей школы; 	4
Вода, санитарно-гигиенические условия	<ul style="list-style-type: none"> 1. Доля безопасно очищаемых сточных вод; 2. Доля водоемов с хорошим качеством воды. 	6
Окружающая среда, изменение климата	<ul style="list-style-type: none"> 1. Доля площади особо охраняемых природных территорий федерального, регионального и местного значения в общей площади территории города; 2. Среднегодовой уровень содержания мелких твердых частиц (например, класса PM2.5 и PM10) в атмосфере города (в пересчете на численность населения). 	6, 11
Твердые отходы	<ul style="list-style-type: none"> 1. Доля твердых бытовых отходов, которые регулярно собираются и надлежащим образом удаляются, в общей массе городских отходов; 2. Доля опасных отходов на душу населения. 	11, 12
Энергетика	<ul style="list-style-type: none"> 1. Энергоемкость отгруженной продукции за год; 2. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления. 	7
Транспорт	<ul style="list-style-type: none"> 1. Доля населения, имеющего удобный доступ к общественному транспорту, в разбивке по полу, возрасту и признаку инвалидности 	5, 11
Наука, инновации, информационное общество	<ul style="list-style-type: none"> 1. Доля молодежи (взрослых), обладающей (обладающих) навыками в области информационно-коммуникационных технологий; 2. Доля людей, имеющих мобильный телефон, в разбивке по полу; 3. Расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в процентном отношении к объему валового регионального продукта соответствующего округа; 4. Количество исследователей (в эквиваленте полной занятости) на 10 000 населения. 5. Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте за год; 6. Доля населения, пользующегося информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет»; 7. Индекс цифровой грамотности; 8. Доля населения, использующие социальные медиа; 9. Доля населения, использующие мобильные социальные медиа; 10. Доля населения, использующих мобильные Интернет подключения; 11. Доля населения, использующие цифровые гос. услуги и по видам; 12. Доля финансовых операций, осуществляемых пользователями через Интернет; 13. Число стационарных абонентов широкополосного Интернета в разбивке по скорости. 	8, 9, 16, 17
Градостроительство	<ul style="list-style-type: none"> 1. Соотношение темпа ввода в действие жилых домов к темпу роста населения; 2. Средняя доля застроенной городской территории, относящейся к открытым для всех общественным местам, с указанием доступности в разбивке по полу, возрасту, и инвалидности. 	1, 9, 11

Экономика	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ежегодный темп роста объема отгруженной продукции на душу населения; 2. Индекс производительности труда; 3. Объем отгруженной продукции на душу населения за год; 4. Доля неформальной занятости в несельскохозяйственном секторе в разбивке по полу; 5. Уровень безработицы в разбивке по полу, возрасту и признаку инвалидности; 6. Производственный травматизм со смертельным и не смертельным исходом; 7. Доля оплаты труда наемных работников (заработная плата и фактические отчисления на социальное страхование) в объеме отгруженной продукции; 8. Число филиалов коммерческих банков на 10000 взрослых и число банкоматов на 10 000 взрослых 9. Доля взрослых (от 18 лет), имеющих счет в банке или ином финансовом учреждении или пользующихся услугами операторов мобильных финансовых услуг 10. Доля мелких предприятий в совокупном объеме чистой продукции промышленности 11. Доля мелких предприятий, имеющих кредит или кредитную линию 	1, 8, 9, 12, 17
-----------	---	-----------------

Существующие ISO 37120 «Индикаторы городских услуг и качества жизни в сообществах», находящиеся в разработке ISO 37122 «Устойчивое развитие в сообществах. Показатели для «умных городов», и ISO 37123, «Устойчивое развитие сообществ. Индикаторы для адаптивных городов» не учитывают особенностей малых и средних городов, а также лишь некоторые ЦУР ООН. Проведя сравнение предложенной системы показателей оценки устойчивости развития малых и средних городов (табл. 2) с показателями устойчивости развития городов и сообществ в соответствии со стандартом ISO 37101, резюмируем, что предложенная система индикаторов будет учитывать особенности развития малых и средних городов, а тем самым полученные показатели будут более репрезентативными и достоверными.

Принятие и внедрение данной системы показателей в стандарт «Устойчивое развитие малых и средних городов» позволит этим населенным пунктам взаимодействовать посредством внедрения глобально-стандартизированных, сопоставимых данных, получать информацию о функционировании других городов, планировать будущее с учетом показателей устойчивого развития.

Список литературы

1. Министерство Регионального Развития РФ. Свод правил СП 42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция. СНиП 2.07.01-89. – М., 2011.
2. Росстат. Федеральная служба Государственной статистики. Численность населения Российской Федерации на 1 января 2019 года. Численность постоянного населения субъектов Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года.
3. Росстат. Федеральная служба Государственной статистики. Численность населения Российской Федерации на 1 января 2019 года. Группировка числа городов по численности населения, проживающего в них, на 1 января 2019 года; Группировка численности населения, проживающего в городах, на 1 января 2019 года.
4. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года / Организация Объединенных Наций 25.10.2015. – <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>
5. Устойчивое развитие городов: коллективная монография / Под ред. К.В. Паленова, С.М. Никонорова, К.С. Ситкиной. – М.: Экономический факультет МГУ, 2019. – 288 с.

Мамадалиева Э.Р.

с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан

АСИММЕТРИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: асимметрия, дифференциация, диспропорции, развитие регионов, анализ и оценка, уровень социально-экономического развития регионов, конкурентный потенциал.

Keywords: asymmetry, differentiation, disproportion, regional development, analysis and estimation, level of socio-economic development of regions, competitive potential.

Проблемы сбалансированного регионального развития, рационального размещения производительных сил с учетом эффективного использования природно-экономического потенциала территорий играют важную роль в модернизации и обеспечении устойчивого экономического роста национальной экономики Узбекистана. Осуществление региональной экономической политики невозможно без проведения глубокой оценки современных тенденций и текущего состояния, выявления асимметрии в региональном развитии, конкурентных преимуществ и перспектив развития территорий.

Асимметрия регионального развития описывает такие явления в социально-экономическом развитии регионов, как неравномерное распределение производительных сил, природных и экономических ресурсов, что приводит к диспропорциям в уровне социально-экономического развития регионов.

В региональной науке используется ряд терминов, так или иначе описывающих данное обстоятельство. Чаще всего используются такие понятия как дифференциация, диспропорции, асинхронность. Однако наиболее полно отражающим все аспекты неравномерного регионального развития является термин асимметрия, описывающий отклонения в социально-экономическом развитии регионов от типичного состояния в определенный промежуток времени, устранение которых приведет к выравниванию условий для обеспечения роста национальной экономики и, как результат, к благоприятной жизнедеятельности населения. Регулирование асимметричности развития регионов обусловлено необходимостью развития экономической и социальной сфер регионов, в том числе социальной инфраструктуры.

Зайцева Ю.В. и Латышева М.А. в работе «Исследование дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития с помощью простейших индикаторов» проводят анализ дифференциации на основе коэффициентов вариации и Уильямсона, коэффициентов энтропии Тейла, коэффициента концентрации Герфиндаля, показателей асимметрии и куртозиса. При этом число показателей было невелико (14 показателей) ввиду отсутствия статистических данных. В целом, авторами проведен анализ дифференциации по всем показателям и критериям, который показал, что использование различных коэффициентов и критериев приводит к практически одному и тому же результату, т.е. надежность выбранных ими коэффициентов достаточно высока.

Леонтьев Е.Д. для оценки межрегиональной асимметрии предлагает использовать группы индикаторов, характеризующие производственный, инвестиционный, социальный, трудовой потенциалы, оцененные по наличию различий в социально-экономическом развитии (индекс Рябцевой). В своем труде «Методика оценки межрегиональной дифференциации экономического пространства» Леонтьев Е.Д. использует лишь показатель «индекс промышленного производства», по которому была проведена оценка дифференциации в регионах. Социально-экономической дифференциацией автор признает «такое состояние региональных систем, когда принятие решения по перераспределению доходов между регионами с целью ликвидации «диспропорций» между ними улучшает в долгосрочном плане положение всей страны (или региона) и не ухудшает положение ни одного из регионов¹».

Работа Неучевой М.Ю. посвящена разработке мероприятий, способствующих уменьшению асимметрии в социально-экономическом развитии регионов. Большое внимание автором уделено определению понятия «выравнивание условий социально-экономического развития территорий». Основная идея работы сводится к тому, что ввиду того, что одним из инструментов выравнивания развития территорий является налоговый трансферт, необходимо обеспечить совершенствование системы распределения трансфертов для учета ресурсного потенциала регионов и проведения активной политики выравнивания. Автор определяет понятие выравнивание условий социально-экономического развития территорий, как «одно из основных направлений региональной политики государства, нацеленное на уменьшение диспропорций в социально-экономическом развитии регионов, а также муниципальных образований, в качес-

¹ Леонтьев Е.Д. Методика оценки межрегиональной дифференциации экономического пространства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. – Т. 21, № 3 (72). – С. 95.

ве инструментария которого могут быть одновременно использованы финансовая помощь, налоговые трансферты, а также меры регулирования нормативно-правовой базы территориальных образований¹».

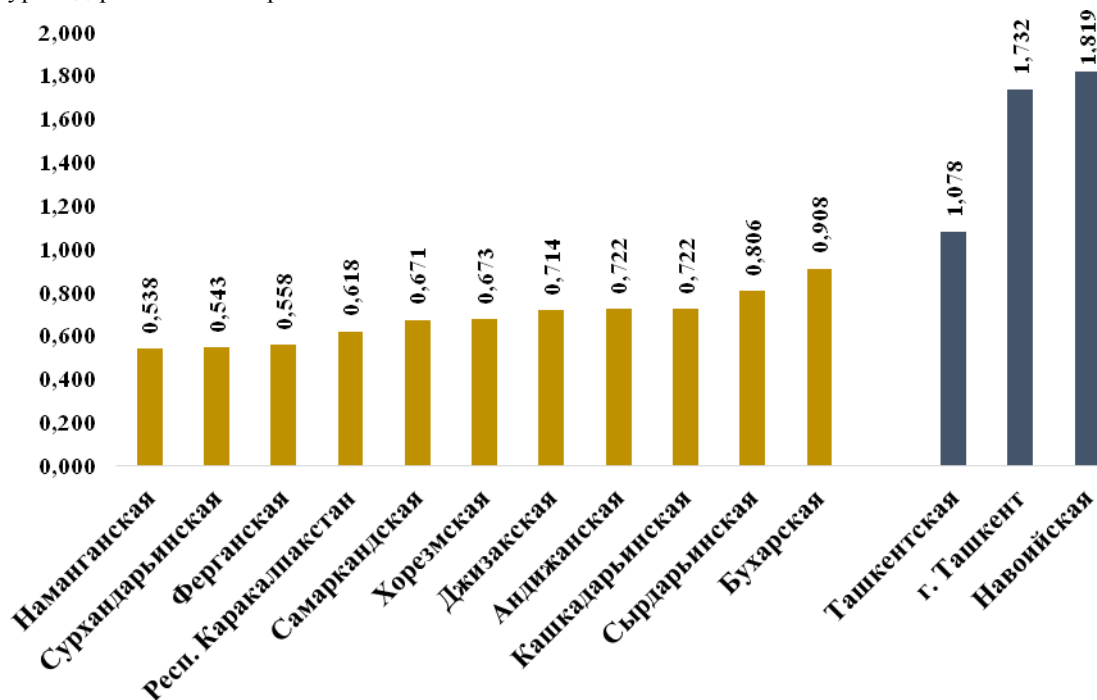
Учеными в Узбекистане также проводится научно-исследовательская работа по анализу и оценке уровня дифференциации и асимметрии в развитии регионов, разработке рекомендаций по уменьшению диспропорций в их развитии. Так, по мнению Назарова Ш.Х. «регионы, имеющие сравнительные преимущества в дальнейшем их наращивают, а регионы, отстающие по тем или иным характеристикам, в дальнейшем их усугубляют²». Кроме этого, влияние асимметрии на развитие регионов может быть как отрицательным, так и положительным. Как известно, усиление диспропорции в развитии регионов ведет к несбалансированному развитию территорий, однако, по мнению Назарова Ш.Х., в допустимых пределах наличие асимметрии может нести позитивный эффект, приводя к возникновению положительных процессов, обеспечивающих устойчивое развитие регионов.

А.М. Садыков считает, что оценка состояния социально-экономического развития регионов и диспропорций в их развитии должна учитывать процессы реформирования налоговой системы, изменения в структуре собственности, степень ухода государства от прямой поддержки отдельных отраслей и предприятий. В то же время необходимо изучение взаимосвязи структурных сдвигов с уровнем экономического развития регионов. Асимметрию в развитии регионов А.М. Садыков связывает не только с социально-экономическими составляющими, но и с экологическим состоянием региона, а также с культурно-психологическими факторами, политико-юридическими нормами общества.

Таким образом, изучение исследований, направленных на изучение асимметрии в социально-экономическом развитии регионов показало, что существует большое число различных подходов и методов оценки уровня развития экономики регионов и имеющихся диспропорций, однако не выработан единый унифицированный подход ранжирования регионов, выработки мер преодоления дифференциации в развитии и стабильного роста экономики страны.

В данной статье автором произведена оценка уровня социально-экономического развития регионов Узбекистана за определенный период, определены конкурентные преимущества регионов, диспропорции в социально-экономическом развитии и выделены направления развития регионов в целях преодоления асимметрии в развитии.

Асимметрия экономического роста зачастую проявляется в дифференциации ВРП на душу населения (рис. 1), которая проявляется в сильных отклонениях развитых и слаборазвитых регионов. Индексные расчеты и группировка регионов по этому показателю показали, что высоким уровнем ВРП на душу населения (индексы выше 1,000) обладают г. Ташкент, Навоийская и Ташкентская области, что объясняется, прежде всего, высокой концентрацией ресурсов и производственного потенциала в нескольких промышленных центрах при их незначительном масштабе в остальных регионах. В то же время относительно названных регионов признаки асимметричности отмечаются в Наманганской, Сурхандарьинской и Ферганской областях.

Источник: расчеты автора по данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Рисунок 1.

Группировка регионов по производству ВРП на душу населения, индекс

При анализе социально-экономического развития регионов на предмет выявления асимметрии обычно применяется сравнительный метод, являющийся довольно практичным при выявлении сходств и различий анализируемых объектов с целью дальнейшего ранжирования или группировки.

¹ Неучева М.Ю. Асимметрия социально-экономического развития регионов и механизмы ее выравнивания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Уфа, 2004. – С. 8

² Назаров Ш.Х. Асимметрия регионального развития // Экономическое обозрение. 2019. – № 7 (235). – С. 24.

Исходя из теоретических обобщений и существующих прикладных инструментариев, комплексная сравнительная оценка асимметрии социально-экономического развития представляется как логически последовательное проведение ряда аналитических работ и синтез их результатов. Согласно этой последовательности, предлагается применение данного подхода путем комплексного исследования конкурентного потенциала в двух аспектах (факторный и резуль тативный)¹.

Под факторным подходом подразумевается совокупность ресурсов, средств и источников, различных свойств, которыми обладает регион, используемых для достижения целей своего развития и, в первую очередь, улучшения условий жизни населения. Факторный подход к оценке конкурентного потенциала позволяет количественно охарактеризовать обеспеченность региона ресурсами, необходимыми для его развития. В качестве основных детерминантов для оценки конкурентного потенциала рассматриваются финансовый, природно-сырьевой, инфраструктурный, социальный, образовательно-кадровый, технологический потенциалы и бизнес-среда.

Применение резуль тативного подхода к оценке конкурентного потенциала позволяет выявить его с качественной стороны, обусловленной наличием и взаимодействием элементов потенциала в процессе проявления конкурентных преимуществ территории. Основными детерминантами выступают социальные (факторы человеческого развития), экономические (душевые показатели ВРП, промышленного производства, инвестиционных ресурсов, экспорта), и технологические (производительность капитала, капиталоемкость ВРП, инновационное развитие региона).

На основе использования соответствующих методик рассчитываются коэффициенты отдельных факторов для регионов путем их преобразования по методу относительных разностей:

$$X_{ij} = \frac{x_{ij} - x_{\min i}}{x_{\max i} - x_{\min i}},$$

где: X_{ij} – i -й показатель j -го региона; $x_{\min i}$ – минимальное значение i -го показателя; $x_{\max i}$ – максимальное значение i -го показателя.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что раздельное исследование как факторной, так и резуль тативной стороны оценки детерминантов даст более целостную картину о сущности конкурентного потенциала региона.

Эмпирическая оценка параметров социально-экономического развития регионов проводилась на основе статистических данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике за период 2012–2018 гг. по отдельным тематическим блокам.

Согласно расчетам, оценка конкурентного потенциала по факторному признаку позволила выделить г. Ташкент, Ташкентскую, Ферганскую и Кашкадарьинскую области в группу наиболее развитых регионов, характеризующихся высокими показателями доходов бюджета, диверсифицированности экономики и технического состояния основных фондов, что обусловило благоприятное состояние финансового и технологического потенциала регионов.

Необходимо также отметить, что Ташкентская и Кашкадарьинская области отличаются наличием богатого природно-сырьевого потенциала, минерально-сырьевых ресурсов, развитой бизнес-средой, Ферганская – высоким образовательно-кадровым потенциалом, г. Ташкент, являясь крупной агломерацией с концентрацией ресурсов, имеет высокий финансовый, социальный, образовательно-кадровый, инфраструктурный потенциал и развитую бизнес-среду.

В группе регионов со средним уровнем оказались Сырдарьинская, Джизакская, Навоийская, Самаркандская области. Среди факторов, оказывающих положительное влияние, отмечаются природно-сырьевой потенциал – во всех областях данной группы, благоприятная бизнес-среда в Джизакской, Самаркандской и Сырдарьинской областях, технологический потенциал – в Навоийской области, социальный потенциал – в Навоийской, Самаркандской и Сырдарьинской областях. Однако слабым в этих регионах остается финансовый и технологический потенциал.

Группа регионов с низким уровнем конкурентного потенциала (факторного) – Республика Каракалпакстан, Андижанская, Бухарская, Наманганская, Сурхандарьинская и Хорезмская области, где наблюдаются низкие показатели собственных доходов бюджета, коэффициентов ликвидности и платежеспособности, которые негативно сказались на финансовом потенциале. Вместе с тем ограниченность минерально-сырьевых ресурсов отразилась на природно-сырьевом потенциале Андижанской и Хорезмской областей, а отставание показателей индустриализации экономики региона сказалось на технологическом потенциале Сурхандарьинской области, что также определило низкие позиции Наманганской области.

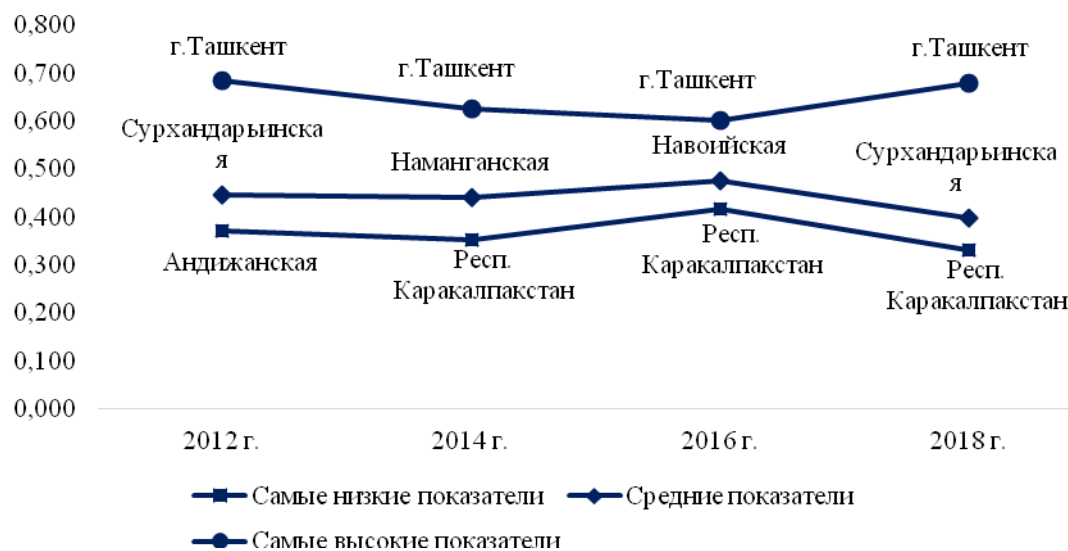
В целом, резуль таты произведенной сравнительной оценки конкурентного потенциала (факторного) за 2012–2018 годы свидетельствуют о существенных изменениях по ряду показателей. Позитивные изменения прослеживаются в Бухарской, Самаркандской, Сурхандарьинской, Сырдарьинской областях. Так, в Бухарской области изменения произошли за счет активизации деятельности малого бизнеса и частного предпринимательства, увеличения числа иностранных предприятий, что способствовало улучшению бизнес-среды региона. Такая же ситуация прослеживается в Сурхандарьинской и Сырдарьинской областях. В Самаркандской области рост финансового потенциала произошел за счет увеличения доходов местного бюджета, в результате чего увеличился коэффициент ликвидности бюджета. Кроме этого, позитивные сдвиги в Сурхандарьинской области характеризуются ростом финансового потенциала (коэффициенты платежеспособности и автономности бюджета), а в Сырдарьинской области – природно-сырьевого потенциала.

Относительное снижение конкурентного потенциала произошло в Наманганской и Ферганской областях. Так, в вышеназванных регионах в результате снижения коэффициентов ликвидности и платежеспособности местного бюджета произошло снижение финансового потенциала. В Наманганской области снижение коэффициента индуст-

¹ Методики сравнительной оценки конкурентоспособности регионов Узбекистана. Информационно-аналитическая записка / ИПМИ. 2014.

риализации региона привело к снижению технологического потенциала, снижение занятости населения в сфере услуг – социального потенциала, снижение вовлеченности субъектов малого бизнеса в производстве промышленной продукции, экспорте и инвестиционной деятельности – бизнес-среды. Однако, несмотря на это, регион все еще занимает высокие места по социальному потенциалу и бизнес-среде. В Ферганской области из-за сокращения коэффициента индустриализации регионов произошло снижение технологического потенциала. Ввиду сокращения числа преподавателей в средне специальных профессиональных образовательных учреждениях произошло снижение образовательно-кадрового потенциала.

Кроме того, на протяжении всего исследуемого периода усиливалась роль г. Ташкента как крупного мегаполиса страны. Концентрация крупного производственного потенциала, аккумуляция финансовых и инвестиционных ресурсов, увеличение объемов предоставляемых современных видов услуг создают предпосылки для опережающего развития г. Ташкента. На фоне г. Ташкента по таким регионам, как Республика Каракалпакстан, Андижанская, Навоийская, Наманганская, Сурхандарьинская, области наблюдались относительно низкие показатели (рис. 2).

Источник: составлено автором по результатам расчетов

Рисунок 2.

Межрегиональная дифференциация регионов по уровню экономического развития за период 2012-2018 гг.

Оценка конкурентного потенциала по результативному признаку показала, что лидирующее положение занимают г. Ташкент, Навоийская, Ташкентская и Андижанская области. Основными факторами этого явились высокая экономическая активность за счет высоких душевых показателей ВРП, промышленности, инвестиций, а также производительности труда. Кроме того, высокие показатели денежных доходов и доли учащих в общей численности населения г. Ташкента, Навоийской областей отразились на уровне человеческого развития, а производительность капитала и капиталоемкость роста производства г. Ташкента, Андижанской и Ташкентской областей – на технологическом уровне этих территорий, являющихся не менее значимыми факторами.

В группу со средним уровнем вошли Сырдарьинская, Самаркандская, Хорезмская и Кашкадарьинская области. При относительно хорошем состоянии экономической активности в Самаркандской, Сырдарьинской и Хорезмской областях, а также сравнительно высоком уровне человеческого развития в Кашкадарьинской, Самаркандской и Хорезмской областях, сдерживающим фактором для этих регионов остаются низкий технологический уровень (Кашкадарьинская область) и низкая производительность труда.

В группу регионов с наименьшим потенциалом относятся Республика Каракалпакстан, Ферганская, Сурхандарьинская, Джизакская, Бухарская и Наманганская области, отличающиеся меньшей концентрацией производства, низкими показателями производительности капитала.

Результаты сравнительной оценки конкурентоспособности регионов за 2012-2018 годы (по результативному признаку) показывают позитивные изменения, произошедшие в Кашкадарьинской, Навоийской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ташкентской областях. Это объясняется ростом инвестиционной активности, научно-исследовательской деятельности, индексов уровня жизни и уровня образования в Кашкадарьинской, Самаркандской и Ташкентской областях. Наряду с этим, в Навоийской и Сырдарьинской областях увеличилось производство промышленной продукции, активно развивалась сфера услуг, увеличилось число организаций, выполняющих научно-технические разработки, повысились индексы уровня жизни и уровня образования.

Снижение конкурентоспособности в Бухарской, Наманганской и Ферганской областях объясняется тем, что в Бухарской области существенное ухудшение конкурентных позиций обусловлено сокращением коэффициентов активности субъектов предпринимательства и финансовой устойчивости предприятий; в Наманганской области произошло значительное снижение по показателю индустриализации экономики региона, а также объемов выполненных научно-исследовательских разработок; в Ферганской области снижение происходило в основном из-за индекса экономической активности.

По результатам оценки конкурентного потенциала по результативному признаку г. Ташкенту, также как и по факторному признаку, характерны высокие значения ввиду опережающего развития города в связи с функционированием большого числа крупных промышленных предприятий, представляющих практически все отрасли индустрии от отраслей легкой промышленности и промышленной переработки сельскохозяйственной продукции до машиностроения, авиационной, химической, наукоемких производств. В сравнении с г. Ташкентом относительно низкие показатели наблюдались в Республике Каракалпакстан, Бухарской, Кашкадарьинской, Наманганской и Ферганской областях.

В результате проведенного исследования по оценке потенциала, преимуществ и резервов для повышения конкурентоспособности регионов целесообразно выделить следующие наиболее актуальные приоритеты развития:

1. повышение конкурентоспособности регионов в перспективе должно осуществляться на основе решения проблем, сдерживающих высокотехнологичное и инновационное производство регионов, наиболее актуальными из которых являются обновление основных производственных фондов и более ускоренное внедрение высокотехнологичного оборудования, преодоление относительно высокой материало- и энергоемкости производимой продукции, влияющих на себестоимость продукции и выпуск продукции с высокой долей добавленной стоимости;

2. выявление точек производственного роста регионов, на основе которых можно развивать смежные и вспомогательные отрасли в виде пространственной организации производства по цепочке добавленной стоимости. Это позволило бы не только повысить конкурентоспособность регионов, но также получить синергетический эффект для расширения пространственного масштаба индустриализации;

3. реализация межотраслевых и межрегиональных проектов, ориентированных на выпуск высокотехнологичной и экспорто-ориентированной продукции, связанной по цепочке добавленной стоимости вплоть до готового товара с учетом конкурентных преимуществ территорий, что является основой повышения конкурентоспособности промышленности регионов;

4. расширение предпринимательской деятельности путем внедрения нововведений, при необходимости – предоставление льгот производителям инновационной продукции и создание условий для интеграции малой предпринимательской деятельности с крупными промышленными предприятиями региона;

5. резервом повышения конкурентоспособности регионов является возможность снижения энерго- и капиталоемкости производства. Дальнейшее сохранение этого преимущества в большей мере будет зависеть от развития собственной базы ТЭК, внедрения альтернативных и возобновляемых источников энергии, а также ускоренного технологического прогресса.

Таким образом, применение методики сравнительной оценки социально-экономического положения регионов позволило определить диспропорции в развитии регионов, возникшие в результате неэффективного использования потенциала территорий, их отставания в развитии промышленности, снижения эффективности сельскохозяйственного производства. На следующих этапах остро стоит вопрос разработки стратегии действий для устранения неравенства в развитии регионов и доведения их до устойчивого развития и достижения стратегических интересов в плане повышения конкурентоспособности отдельных территорий.

Медведева Л.Н.¹

СПИЛЛОВЕР-ЭФФЕКТ ИННОВАЦИЙ В РАЗВИТИИ СРЕДНИХ ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫХ ГОРОДОВ НА ПЛОЩАДКЕ «УМНЫХ ГОРОДОВ»

Ключевые слова: спилловер-эффект, инновации, цифровая экономика, средний промышленно развитый город, «умный город», стандарт «умного города».

Keywords: spillover effect, innovation, digital economy, medium industrialized city, «smart city», «smart home», computer program, smart city standard.

Стремление человека жить в уникальной и безопасной среде с множеством разноплановых функций и ярко выраженной индивидуальностью не является чем-то новым, не исследованным². Модели городов будущего, в числе которых «зеленые» и «умные», как раз и являются той площадкой, которая может удовлетворить запросы людей будущего³. «Умные города» стали объектом пристального внимания и создания с конца XX века, после принятия программы ООН по устойчивому развитию.

По одному из определений: «умный город» – это система информационных и коммуникационных технологий для управления городским имуществом. Формирование инструментария «умных городов» начинается с объективной оценки состояния городской экономики, возможности бюджета реализовать те или иные «умные» технологии. Городские власти российских городов, зачастую, не обладая достаточным опытом и инвестициями, берутся за реализацию отдельных элементов Smart City, например, размещают в парках WI-FI-скамейки, сервисы по утилизации мусора⁴.

Мировая практика отдает предпочтение созданию «умных городов» на основе сконструированной полновесной модели⁵. Например, в модели города Иньчуань (Китай) была реализована идея, при которой жителям нет необходимости пользоваться банковскими картами, оплата всех покупок производится на основе идентификации личности через лицо. В области ЖКХ появились «умные мусорные контейнеры», которые работают от солнечных батарей, при заполнении передают сигнал в диспетчерскую, которая обеспечивает их вывоз. Правительство Китая к 2050 году планирует переселить в «умные города» 250 миллионов сельских жителей.

В модели японского «умного города» Фудзисава реализован проект солнечной энергетики, на улицах установлены сенсорные системы, которые освещают дороги, когда на них находятся жители. Правительство Сингапура запустило программу «Smart Nation», в рамках которой «умный город» насыщается сенсорами, которые контролируют потребление воды и электроэнергии, утилизацию отходов. В квартирах установлены датчики, которые контролируют передвижения пожилых людей, отправляют уведомления родственникам в случае их плохого состояния. В «умном городе» Масдар (ОАЭ) большинство управленческих функций переведено на онлайн-режим, работает «умный беспилотный транспорт». Отдельные составляющие «умного города», успешно работают в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Казани⁶.

Однако большинство российских городов весьма далеки от реализации на своей площадке модели «умных городов».

В российской типологии выделяется группа *средних промышленно развитых городов* (91 город с населением от 100 до 250 тыс. чел.) с относительно высоким показателем валового внутреннего продукта, с развитой промышленностью и инфраструктурой⁷.

В этой группе можно выделить 16 промышленно развитых городов, с долей промышленности в экономике более 70%. По уровню управления, состоянию бюджета, они могут представлять определенный интерес для формирования модели «умных городов с предсказуемым будущим» (табл. 1)⁸.

¹ Медведева Людмила Николаевна – д.э.н., профессор Волжского политехнического института (филиал) ВолГТУ. E-mail: milena-med@yandex.ru

² Старовойтова Я.М. Стратегии развития российских городов / Л.Н. Медведева, Я.М. Старовойтова // Горизонты экономики. 2013. – № 2 (7). – С. 89–95.

³ Сизов Ю.И. Развитие среднего города на основе концепта: от «умного дома к умному городу» / Ю.И. Сизов, Л.Н. Медведева // Научные труды Вольного экономического общества России. – М., 2019. – № 4. – С. 573–580.

⁴ «Смарт Сити» как новый драйвер развития российских городов. – <http://www.myshared.ru/slide/1011696/>

⁵ Медведева Л.Н. Развитие модели «зеленых городов» на базе средних промышленно развитых городов в XXI веке: мировой опыт и уроки для России // Известия ВолГТУ. Серия: «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспективы)». 2015. – № 9 (169). – С. 14–20.

⁶ Николаев В.П. Умные города – будущее сегодня. – <http://www.jetinfo.ru/stati/umnye-goroda-budushee-segodnya>

⁷ Медведева Л.Н. Управление средними городами в урбанизированную эпоху (методология и практика) / ВПИ (филиал) ВолГТУ. – Волгоград: Издательство ВолГТУ, 2011. – 222 с.

⁸ Старовойтов М.К. Инновационная политика как фактор ускоренного развития социально-экономической сферы среднего города / Л.Н. Медведева, М.К. Старовойтов, Е.В. Гончарова // Экономическое возрождение России. 2011. – № 1 (27). – С. 60–72.

Индекс развития средних промышленно развитых городов России, 2017 г.

Города	Индекс развития города	Города	Индекс развития города
Магнитогорск	68,58	Таганрог	58,24
Нижний Тагил	65,60	Нижневартовск	95,50
Волжский	58,82	Братск	60,24
Череповец	75,16	Новороссийск	57,84
Сургут	75,90	Нижекамск	82,86
Стерлитамак	60,98	Старый Оскол	68,42
Комсомольск-на-Амуре	58,50	Норильск	76,22
Орск	58,38	Дзержинск	59,82

Город Волжский (Волгоградская область) с населением – 324,4 тыс. чел. имеет достаточно высокий уровень развития промышленности: среднемесячная заработная плата работников промышленных предприятий в 2019 году составила – 40 061 руб., что превышает уровень 2014 года в 1,4 раза. В Статистическом регистре числится 664 промышленных организации, из которых 44 относятся к металлургической, машиностроительной, химической и энергетической отраслям. Численность трудоспособного населения составляет – 189 тыс. чел. (58% населения); объем отгруженной промышленной продукции за 2015–2019 годы вырос в 1,3 раза.

Стратегия развития города ориентирована на внедрение инновационных технологий, в числе которых: ресурсосберегающие и информационные технологии. Научно-исследовательский сектор городской экономики представлен Волжским политехническим институтом (филиал) ВолгГТУ с сетью ассоциированных с ним организаций. За последние пять лет сотрудники института получили 157 патентов (в 2014 году – 32, 2015 – 28, 2016 – 33, 2017 – 41, 2018 – 16, 2019 – 7). При прогнозировании различных сфер жизнедеятельности города требуется применение технологий, которые могут определять горизонты развития цифровой экономики, пути интеграции городской экономики в национальную и мировую. Оценить степень внедрения инноваций в городскую экономику позволяет расчет спилловер-модели¹. В большинстве случаев инновации интегрированы в новые продукты, при этом спилловер инноваций не является гомогенным относительно заимствующих субъектов. Спилловер инноваций зависит от многих характеристик, в числе которых: сложность системы, относительное преимущество, прозрачность решений². Одна из первых моделей спилловер-знаний – диффузионная модель Басса описывала технологию заимствования продукта от начала до полного внедрения: каждый потенциальный участник процесса становится заимствованием де-факто, при этом время, необходимое для производства заимствования, является величиной случайной с функцией распределения F и соответствующей плотностью вероятностей f³.

$$\frac{dF \cdot t}{dt} = \int t = [p + dF \cdot t] [1 - F \cdot t] \quad (1).$$

Параметры p и q – вероятности заимствования для разных типов воздействия, p, q ∈ 0,1. Количество заимствователей в общем случае является дискретной величиной, но описывается с применением схемы дискретизации Эйлера. Серьезным ограничением данной модели является то, что она не учитывает разницу между двумя группами заимствователей: инноваторами (innovators) и трансляторами (translators) инноваций. Если инноваторы разрабатывают инновационный продукт, то трансляторы продвигают инноваций в рыночное пространство, и эффективность их взаимодействия должна учитываться при стратегировании городской экономики. В представленной модели, группа агентов N(t) разделена на инноваторов и трансляторов. Ниже представлена модель для описания двух процессов спилловера: для инноваторов⁴

$$\frac{dN_1}{dt} = \left[p_1 + \left(q_1 \frac{N_1}{m_1} \right) \right] m_1 - N_1 \quad (2)$$

и для трансляторов:

$$\frac{dN_2}{dt} = \left[p_2 + \left(q_2 \frac{N_2}{m_1 + m_2} \right) + \left(q_{12} \frac{N_2}{m_1 + m_2} \right) \right] m_2 - N_2 \quad (3),$$

где q₁₂ вероятность спилловера инноваций и m константа разбиения. Система уравнений будет выглядеть следующим образом:

$$\begin{bmatrix} \frac{dN_1}{dt} \\ \frac{dN_2}{dt} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \left[p_1 + \left(q_1 \frac{N_1}{m_1} \right) \right] & 0 \\ 0 & \left[p_2 + \left(q_2 \frac{N_2}{m_1 + m_2} \right) \right] \end{bmatrix} \begin{bmatrix} m_1 - N_1 \\ m_2 - N_2 \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} 0 \\ 0 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} 0 \\ q_{12} \frac{N_2}{m_1 + m_2} \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} m_1 - N_1 \\ m_2 - N_2 \end{bmatrix} \quad (4).$$

Формула (4), свидетельствует, что информационный поток достаточно асимметричный, так как элементы диагонали равны нулю. Основываясь на диффузионной модели Басса, можно построить детерминантную модель спилловера инноваций и для среднего города. Эта модель позволит определить место инноваций в сценарном планировании.

¹ Burr M.T. Reliability demands drive automation investments. – <http://www.fortnightly.com/fortnightly/2003/11/technology-corridor>

² Федорова Е.А., Коркмазова Б.К., Муратов М.А. Спилловер-эффекты в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. – Екатеринбург, 2016. – № 1. – С. 139–149.

³ Bass F.M. Empirical Generalizations and Marketing Science: A Personal View // Marketing Science. 1995. – Vol. 14. – G6-G19.

⁴ Udovenko V.A. Spillover-models of innovation diffusion / V.A. Udovenko, O.G. Pereyaslova // Дружковский вестник. 2018. – № 4. – С. 38–43.

Однако картина экономической жизни городов полна неопределенностей, поскольку город не является независимой единицей функционирования, а входит в состав многих экономических сетей¹.

Будущее принципиально непрогнозируемо, поскольку участники рынка имеют дело со многими неопределенностями и рисками, возникающими при инвестировании. Основной путь ухода от неопределенного будущего, используемый в неоклассических моделях математического прогнозирования – это расчет рисков на основе теоремы Байеса, когда субъективные оценки ожидаемых событий переводятся в объективные показатели вероятностей. Однако до настоящего времени не разработаны научные основы вычисления вероятности этих событий. Большинство исследователей используют при стратегировании городов экспертные заключения, исторические аналогии, сценарные расчеты, имитации, агент-ориентированное моделирование. Поскольку экономика средних городов входит составной частью в экономику субъекта Федерации, национальную экономику страны, то при стратегическом целеполагании должны учитываться: макроэкономические цели; вертикальная интеграция экономических систем; сбалансированность интересов субъектов рынка².

Городским властям приходится принимать управленческие решения с учетом поведения многочисленных стейкхолдеров и конкурентов. Одной из важнейших проблем стратегирования городов является оценка прогнозной динамики имеющихся ресурсов, увязывание их с возможностями и угрозами рынка³. Добиться унификации процессов управления «умными» городами позволяют стандарты и нормативы, а также прикладные программы для ЭВМ («Зеленый город», «Система искусственного интеллекта для прогнозирования бюджета «Зеленый город», разработанные в ВПИ (филиал) ВолГГТУ).

Таблица 2

Составляющие проекта: «Волжский – умный город, где важен каждый человек»

Первый блок – система управления ЖКХ	
1.	Системы контроля инженерной инфраструктуры и учета коммунальных ресурсов
2.	Системы дистанционного контроля: «умный водоканал», «умная теплосеть» и онлайн-сервисы для обращения граждан
Второй блок – система управления отходами	
3.	Онлайн – сервис: управление твердыми коммунальными отходами
Третий блок – охрана природы и экология	
4.	Система экологического мониторинга: онлайн-сервис для обращения горожан
Третий блок – общественные пространства и общественная безопасность	
5.	Системы управления наружным освещением, общественным пространством, транспортом, состоянием зданий, экологией, общественной безопасностью
Четвертый блок – транспорт и логистика	
6.	Автоматизированная система управления дорожным движением
Пятый блок – городское управление	
7.	Единая интеллектуальная система управления городом; цифровая топографическая модель; система планирования и жизнеобеспечения; система сбора и анализа больших данных

Продолжающаяся четвертая волна промышленной революции (industry 4.0) обеспечила широкое применение автоматизации и роботизации. Разработанная Минстроем России концепция «Умный город» с учетом сформулированных целей, задач, существующих и будущих вызовов, может быть объективно и использована на площадке средних промышленно развитых городов с алгоритмом построения: от «умных домов» к «умным городам»⁴.

Согласно национальному стандарту, дорожные карты по развитию «умных городов», должны включать:

- принятие нормативных правовых актов для создания условий по внедрению цифровых технологий в экономику города;
- определение индекса цифровизации городского хозяйства (IQ городов) на основе использования инноваций и наиболее перспективных технологий;
- создание и функционирование в субъектах Федерации центров компетенций по направлению – развитие «умных городов»⁵.

Основные области развития в «умных городах» представлены на рис. 1.

¹ Рогачев А.Ф. Экономико-математическое моделирование управления развитием средних и моногородов с использованием когнитивных карт / А.Ф. Рогачев, А.В. Шохнех, Л.Н. Медведева // Аудит и финансовый анализ. – М., 2017. – № 2. – С. 122–124.

² Медведева Л.Н. Концепт-стратегия «зеленых городов» на базе промышленно развитых средних (монография) / О.П. Комарова, Л.Н. Медведева, К.Ю. Козенко / ВНИИОЗ. – Волгоград: Издательство ООО «Крутон», 2015. – 256 с.

³ Индикаторы умных городов НИИТС – 2017 / НИИТС, 2017. – <http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf>

⁴ Melikhov V. V. Green Technologies: The Basis for Integration and Clustering of Subjects at the Regional Level of Economy / L.N. Medvedeva, V.V. Melikhov A.A. Novikov, O.P. Komarova // Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth. 2017. – P. 365–382.

⁵ Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 18.04.2017 № 5). – <http://static.government.ru/media/files/JEnYAAfDkMAyyIAjsAxDzkxXGPuaEJSu.pdf>

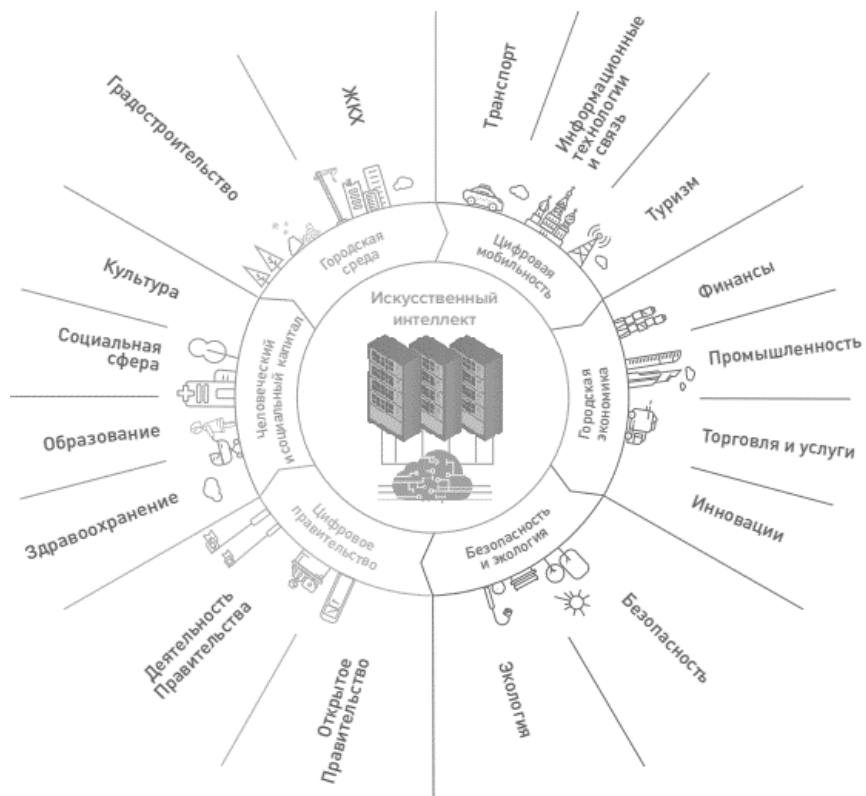

Рисунок 1.
Основные направления и области развития «умного города»

Модели городов будущего, в числе которых «зеленые» и «умные», являются не только объектом изучения, но и реальной площадкой для реализации.

Мещеряков Д.А.

д.э.н., профессор кафедры региональной экономики и менеджмента Воронежского института экономики и социального управления

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ЕГО СУБЪЕКТОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

***Ключевые слова:** социальная политика, социальное партнерство, субъекты социальной политики, субъекты социального партнерства, интересы, согласование интересов, муниципальные образования, территориальное соглашение, трехсторонняя комиссия, коллективный договор.*

***Keywords:** social policy, social partnership, subjects of social policy, subjects of social partnership, interests, coordination of interests, municipalities, territorial agreement, tripartite commission, collective agreement.*

Социальная политика является важнейшей политикой для любого государства. Связано это с тем, что социальная политика затрагивает жизненно важные проблемы для общества и человека – проблемы в здравоохранении, образовании, сфере труда, обеспечения жильем. Социальная политика напрямую влияет на состояние и возможности развития одного из элементов государства как такового – на народонаселение, поэтому без эффективной и успешной социальной политики не может быть и успешного государства. Более того, неэффективная социальная политика способна привести к исчезновению государства, делает страну нежизнеспособной.

Об этом достаточно четко было сказано Президентом нашей страны В.В. Путиным в Послании Федеральному собранию 15 января 2020 года. Он отметил, что «судьба России, ее историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет (хочу содержательную часть начать именно с демографии), зависит от того, сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни». При этом подчеркнул: «Нам нужно быстрее, не откладывая, решать масштабные социальные, экономические, технологические задачи, перед которыми стоит страна. Их содержание и ориентиры отражены в национальных проектах, реализация которых требует нового качества государственного управления, работы Правительства, всех уровней власти, прямого диалога с гражданами»¹.

Не вызывает сомнений утверждение о том, что без ясного представления о социальной политике как системы, без ценностного подхода к ее планированию и постановке целей невозможно ее эффективно осуществить. Как и не возможен без нее экономический рост и развитие современных технологий, что создает препятствие для развития экономики. Это, в свою очередь, делает страну слабой по сравнению с теми странами, кто развивается более успешно, и ставит ее в зависимость, то есть страна перестает быть суверенной.

Важно подчеркнуть также, что социальная политика – это многосубъектный, многоуровневый, многогранный процесс и структурно сложное явление. В силу этого необходимо различать государственную, региональную, муниципальную и корпоративную социальную политику, так как каждый из этих видов социальной политики имеет свое содержание. Выделенные выше виды социальной политики – это не разрозненные, а дополняющие виды. Здесь уместно привести, сказанные Президентом России В.В. Путиным слова в Послании Федеральному собранию РФ о том, что «вместе, сообща мы обязательно изменим жизнь к лучшему. Часто говорю это слово – «вместе», потому что Россия – это мы. Я имею в виду не тех, кто находится в этом зале, или не только тех, кто в зале находится, а всех граждан нашей страны, потому что верю: успех определяет наша добрая воля к созиданию, к развитию, к достижению самых смелых планов, наш труд во имя своей семьи, своих близких, детей, их будущего, а значит, ради величия России, ради достоинства ее граждан».

Когда мы говорим о государственной социальной политике, то имеем в виду целевые действия государства, направленные на наиболее эффективное использование ресурсов государства для повышения благосостояния граждан. При этом государственная социальная политика реализуется в интересах всех граждан, проживающих на территории страны. Региональная же социальная политика, с одной стороны, является составным компонентом общенациональной социальной политики, она влияет на утверждение принципов социального государства в регионах России, достижение его целей и задач, а, с другой стороны, представляет собой целевые действия органов власти региона, направленные на наиболее эффективное использование всех ресурсов региона для достойного жизнеобеспечения населения региона, повышение его благосостояния. Муниципальная социальная политика – это составная часть политики органов местного самоуправления, направленная на улучшение жизнедеятельности и повышения благосостояния населения, которая регулируется

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации (15 января 2020 года) // СПС «Консультант Плюс».

Конституцией РФ, федеральными законами, постановлениями Правительства РФ, конституциями, законами, уставами субъекта Федерации, правовыми актами органов местного самоуправления.

В силу того, что нас интересует социальное партнерство как ключевое направление согласования интересов его субъектов и обеспечения реализации социальной политики в муниципальных образованиях, определим цель, объекты, субъекты и задачи муниципальной политики.

Цель муниципальной социальной политики – обеспечение благоприятных возможностей для социального и экономического развития муниципального образования путем гармонизации общественных отношений на основе согласования личных, групповых и общественных (государственных) интересов.

Объектами муниципальной социальной политики являются индивиды, социальные группы и категории населения, которые находятся друг с другом в общественных отношениях по поводу их положения, роли в обществе, условий жизнедеятельности и образа жизни.

В качестве субъектов муниципальной социальной политики выступают органы муниципального управления, профсоюзы, объединения предпринимателей, производственные коллективы, политические партии, церковь, общественные организации, отдельные граждане.

В ходе взаимоотношений между субъектами по поводу объектов муниципальной социальной политики решается ряд задач. Это следующие задачи:

- создание благоприятных условий для рождения и воспитания детей, защиты их прав;
- охрана материнства, отцовства, детства;
- предоставление в пределах своих полномочий льгот, преимущественно связанных с охраной материнства и детства, содействие созданию необходимых жизненных условий для уволенных в запас военнослужащих и их семей;
- поддержка малообеспеченных групп населения по приобретению и содержанию жилья;
- установление опеки и попечительства;
- контроль за работой органов медико-социальной экспертизы;
- развитие муниципальной системы здравоохранения; осуществление мероприятий, направленных на сохранение и совершенствование уровня здоровья населения;
- сохранение и развитие физического, интеллектуального и нравственного потенциала муниципального образования;
- проведение мероприятий по летнему оздоровлению детей-инвалидов и детей из малообеспеченных семей;
- развитие отраслей социального комплекса муниципального образования (образование, здравоохранение, культура, физическая культура и спорт и т.д.);
- создание условий для реабилитации инвалидов и развития социальной инфраструктуры;
- назначение и выплата пенсий, пособий;
- содействие обеспечению занятости трудоспособного населения;
- предотвращение снижения реальных доходов за счет создания систем социальной адресной помощи;
- организация общественных работ;
- формирование благоприятной для человека жизненной среды.

Важнейшим институтом согласования интересов субъектов муниципальной социальной политики, решения ее задач, является социальное партнерство. Этот институт является также одним из условий для существования сильного государства, роста благосостояния общества, экономического роста и развития национальной экономической системы. Стратегическая цель социального партнерства – достижение баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Выступая в качестве составного элемента социальной направленности современной рыночной экономики, развитие социального партнерства создает объективные возможности для цивилизованных общественных отношений. Оно обеспечивает согласование и защиту интересов работников, работодателей, предпринимателей, различных социальных групп, слоев, их общественных объединений, органов государственной власти, местного самоуправления на основе договоров, соглашений, достижения консенсуса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития.

В трудовом кодексе Российской Федерации (ст. 23) социальное партнерство определяется как система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений¹.

Из данного определения социального партнерства следует, что его основными субъектами являются наемные работники (их интересы, как правило, представляют профсоюзы), работодатели (их интересы представляют союзы предпринимателей), органы государственной власти и органы местного самоуправления, когда они выступают в качестве работодателей или их представителей, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами.

Важно указать также на то, что органы государственной власти и местного самоуправления участвуют в социальном партнерстве и в роли гаранта, контролера, арбитра и законодателя. Государство призвано обеспечить эффективное функционирование социального партнерства. Как независимый регулятор оно должно быть организатором и координатором переговоров, арбитром разрешения конфликтов. Оно устанавливает юридические нормы, направленные

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019 г.) // СПС «Консультант Плюс».

ные на защиту прав работников и работодателей, формирует законодательную базу функционирования социального партнерства.

Принципы социального партнерства впервые были закреплены в Уставе МОТ 1919 г. и в Филадельфийской Декларации о целях и задачах МОТ 1944 г. К основным принципам социального партнерства относятся¹:

- равноправие сторон;
- уважение и учет интересов сторон;
- заинтересованность сторон в участии в договорных отношениях;
- содействие государства в управлении и развитии социального партнерства на демократической основе;
- полномочия представителей сторон;
- свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда;
- добровольность принятия обязательств;
- реальность обязательств, принимаемых на себя сторонами;
- обязательность выполнения коллективных договоров, соглашений;
- контроль за выполнением коллективных договоров, соглашений; ответственность сторон, их представителей за невыполнение по их вине коллективных договоров, соглашений.

Варианты функционирования социального партнерства могут быть разными. Как правило, в литературе выделяют два основных варианта социального партнерства:

- классическая схема: интересы работников представляют профсоюзы и объединения, а интересы работодателей выражают союзы предпринимателей, промышленные образования и т.п.;
- трипартистский вариант: третьим непосредственным участником процесса согласования интересов выступают государство и институты власти, при этом выступая и гарантом выполнения принятых соглашений.

В обоих вариантах социального партнерства достигается ситуация, когда интересы всех групп уравновешиваются. Равновесие достигается путем переговорного процесса, как наиболее простого способа решить общие проблемы с выгодой для всех участников. В ходе согласования и переговоров стороны договариваются об условиях и социальных гарантиях, которые устраивают всех участников.

В настоящее время в научной литературе сложилось три концепции к определению социального партнерства, которые характеризуют его в различных аспектах и имеют не только теоретическое, но и практическое значение. При этом эти подходы сходятся в двух ключевых аспектах, во-первых, в том, что основа социального партнерства – это согласование интересов участвующих в нем групп; во-вторых, участниками социального партнерства являются общество, бизнес и государство (табл.1).

Таблица 1

Подходы к определению понятия социального партнерства

Подход	Понятие социального партнерства	Характеристика подхода
Концепция социально-трудовых отношений	Социальное партнерство – это особый тип социально-трудовых отношений между органами государственной власти, работодателем и трудовым коллективом.	Данный подход оперирует преимущественно сферой трудовых отношений, а социальное партнерство выступает квинтэссенцией комплекса взаимоотношений государством, предприятиями и работниками.
Общая концепция социальных отношений	Социальное партнерство – специфический вид общественных отношений между профессиональными, социальными группами, слоями, классами, их общественными объединениями, органами власти и бизнесом.	Данный подход ориентирован на превалирование социальной составляющей над трудовыми отношениями в обществе, охватывая при этом внутрудовые взаимоотношения.
Комплексная концепция	Социальное партнерство – мировоззренческая основа согласования и защиты интересов различных социальных групп, слоев, классов, их общественных объединений, бизнеса и органов власти.	Данный подход характеризует социальное партнерство, как некую надстройку над общественными отношениями в условиях рыночной экономики и указывает на их взаимообусловленность между собой и необходимость их защиты в условиях капиталистической экономики.

Таким образом, можно заключить, что социальное партнерство – это система цивилизованных общественных отношений, обеспечивающая согласование и защиту интересов работников, работодателей, предпринимателей, различных социальных групп, слоев, их общественных объединений, органов государственной власти, местного самоуправления на основе договоров, соглашений, достижения консенсуса по важнейшим направлениям социального и экономического развития.

На наш взгляд, важно обратиться к практике организации социального партнерства как важнейшего института согласования интересов его субъектов и обеспечения реализации социальной политики в муниципальных образованиях. Это можно сделать на примере его организации в муниципальных районах Воронежской области.

В настоящее время в Воронежской области сформирована необходимая правовая база, направленная на создание условий для работы по организации социального партнерства в муниципальных районах. Приняты и действуют законы: от 29.04.1998 г. № 40-П-ОЗ «О социальном партнерстве», от 06.12.1999 г. № 124-П-ОЗ (в редакции законов Воронежской области от 14.11.2008 г. № 108-ОЗ, от 13.07.2009 г. № 101-ОЗ, от 03.11.2015 г. № 133-ОЗ, от 28.10.2016 г. № 121-ОЗ) «Об областной трехсторонней комиссии по урегулированию социально-трудовых отношений», от

¹ Устав Международной организации труда (принят в 1919 г.) (ред. 1972 г.) // СПС «Консультант Плюс».

24.01.2011 г. № 9-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов в сфере деятельности профессиональных союзов в Воронежской области».

По аналогии с региональным законодательством в муниципальных районах области приняты нормативные акты, регламентирующие работу районных трехсторонних комиссий: положения о комиссиях; регламенты работы, утвержденные или постановлением администрации, или решением Совета народных депутатов. В состав комиссии входят представители администрации района (как правило, заместители глав администрации по социальной работе, в отдельных районах – главы района), работодателей и профсоюзов. Во всех муниципальных районах области сторону работников представляют координационные советы профсоюзов, созданные для согласования работы отраслевых профсоюзных организациях по выполнению уставных задач и конструктивному взаимодействию с социальными партнерами. Членами комиссии от работодателей являются представители ведущих организаций реального сектора экономики района, координатор стороны работодателей назначается стороной работодателей по согласованию с ним.

В ходе проведенного нами исследования практики организации социального партнерства в муниципальных районах Воронежской области было установлено.

1. В большинстве муниципальных районов Воронежской области муниципальные районы сохраняют традицию заключения территориальных трехсторонних соглашений в целях взаимодействия органов местного самоуправления, профсоюзов и работодателей по достижению баланса интересов работников, работодателей и органов власти в социально-экономическом развитии и жизни населения муниципальных районов.

2. При определении лучших практик организации социального партнерства в муниципальных районах области рассматриваются: правомочность нормативных документов по образованию, составу и организации работы трехсторонних комиссий по урегулированию социально-трудовых отношений в муниципальных районах, легитимность сторон в их составе, наличие плана работы комиссий и его выполнение, периодичность заседаний комиссии, наличие территориального соглашения и коллективных договоров и контроль за ходом их реализации.

3. Круг вопросов, рассматриваемых на заседаниях районных трехсторонних комиссий, достаточно широк. Наиболее типичными для большинства муниципальных районов области являются следующие вопросы:

- об организации работы по заключению коллективных договоров в организациях и на предприятия района;
- реализация основных направлений государственной политики в сфере охраны условий труда на территории района;
- взаимодействие сторон социального партнерства по обеспечению отдыха, оздоровления и занятости детей, подростков и учащейся молодежи;
- работа по обеспечению занятости сельского населения и созданию условий для закрепления молодых кадров на селе;
- снижение напряженности на рынке труда и создании рабочих мест через организацию общественных и временных работ;
- реализация на территории района мер поддержки в отношении семьи, материнства и детства;
- об организации летнего отдыха, оздоровления и трудовой занятости детей;
- об итогах выполнения трехстороннего соглашения и др.

4. Оценка организации социального партнерства в муниципальных районах области проводится с использованием следующих показателей (табл. 2).

Таблица 2

Показатели оценки организации социального партнерства в муниципальных районах Воронежской области

№ п/п	Наименование показателя	Количество баллов
1.	Наличие в администрации муниципального образования должностного лица, ответственного за организацию и координацию социального партнерства и обеспечение деятельности территориальной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (дата, номер, наименование соответствующего документа, подтверждающего возложение обязанностей, фамилия, имя, отчество, должность и номер рабочего телефона должностного лица)	10
2.	Наличие плана работы территориальной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, ее рабочих групп	10
3.	Наличие планов мероприятий сторон территориального трехстороннего соглашения по его реализации (даты и номера правовых актов об их утверждении) и отчетов об их выполнении (даты, реквизиты соответствующих документов)	10
4.	Количество заключенных и зарегистрированных территориальных отраслевых соглашений (по образованию, здравоохранению, культуре, социальной защите населения, жилищно-коммунальному хозяйству и иным отраслям) с указанием даты подписания; наименования сторон, заключивших соглашение; даты уведомительной регистрации соглашений	10 (за каждое соглашение)
5.	Уровень охвата работников организаций, расположенных на территории муниципального образования, коллективными договорами:	
5.1.	Уровень охвата работников и организаций, расположенных на территории муниципального образования, коллективными договорами ниже среднеобластного	баллы не начисляются
5.2.	Уровень охвата работников и организаций, расположенных на территории муниципального образования, коллективными договорами – среднеобластной	5
5.3.	Уровень охвата работников и организаций, расположенных на территории муниципального образования, коллективными договорами на 5–10 процентных пунктов выше среднеобластного	7

5.4.	Уровень охвата работников и организаций, расположенных на территории муниципального образования, коллективными договорами более чем на 10 процентных пунктов выше среднеобластного	10
6.	Участие организаций, находящихся на территории муниципального образования, в конкурсе «Лучший коллективный договор»:	
6.1	Принято участие без присвоения призовых мест	5
6.2	Принято участие с присвоением призовых мест	10
7.	Темп роста среднемесячной заработной платы по сравнению с предыдущим периодом:	
7.1.	Темп роста среднемесячной заработной платы ниже аналогичного периода предыдущего года	0
7.2.	Темп роста среднемесячной заработной платы на уровне аналогичного периода предыдущего года	5
7.3.	Темп роста среднемесячной заработной платы выше аналогичного периода предыдущего года	10
8.	Уровень регистрируемой безработицы (в процентах к численности экономически активного населения) на территории муниципального образования:	
8.1.	до 1,0 процента	10
8.2.	от 1,1 до 1,5 процента	7
8.3	от 1,6 до 2 процентов	5
8.4	более 2%	0
9.	Акции социального протеста	
9.1	Наличие на территории муниципального образования зарегистрированных забастовок (приостановок работы)	минус 10 баллов за каждую
9.2	Наличие на территории муниципального образования коллективных трудовых споров	минус 3 балла за каждый
10.	Просроченная задолженность по выплате заработной платы в организациях, действующих на территории муниципального образования:	
10.1	Отсутствие просроченной задолженности по выплате заработной платы	10
10.2	Наличие просроченной задолженности по выплате заработной платы	минус 10 баллов за каждую организацию

5. Оценка лучших практик организации социального партнерства в муниципальных районах Воронежской области в последние годы проводится совместно облсовпрофом, департаментом труда и занятости населения Воронежской области и Союзом промышленников и предпринимателей Воронежской области по результатам областного конкурса среди муниципальных районов на лучшую организацию социального партнерства.

Никитина А.В.¹

РАЗВИТИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ВЕРБАЛЬНО-ГРАФИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова: региональная экономика, сбалансированное социально-экономическое развитие, вербально-графическое моделирование, Краснодарский край.

Развитие методических подходов к мониторингу и диагностике региональной экономики должно быть ориентировано на инновационный сценарий. По нашему мнению, именно вербально-графическое моделирование дает возможность наиболее полно визуализировать пространственные трансформации, учет которых является одним из ключевых требований оптимизации процедур и технологий регионального хозяйствования. Нам представляется целесообразным обозначить первый круг рассматриваемых проблем региональной экономики как уточнение принципов сбалансированного социально-экономического развития территорий. В контексте сказанного предлагаем 11 базовых принципов, соблюдение которых обеспечит устойчивость и эффективность пространственных трансформаций (рис. 1).

Рисунок 1.

Принципы сбалансированного социально-экономического развития региона

¹ Никитина Анастасия Викторовна – зав. Лабораторией регионального экономического развития, Кубанский государственный университет», ученый секретарь секции «Экономические науки» регионального отделения Российской академии естественных наук по Краснодарскому краю. E-mail: Kaf224@yandex.ru

Следующий круг проблем, на наш взгляд, обусловлен трудностями процедур и технологий диагностики регионального хозяйствования. Вот почему нам представляется правомерным использование ещё одной вербально-графической модели, касающейся определения проблемных зон в региональном экономическом развитии (рис. 2).

Рисунок 2.

Дорожная карта определения проблемных зон в региональном экономическом развитии

Заключительный круг проблем, как нам представляется, сфокусирован на направлениях, способах осуществления и планируемых итогах сбалансирования социально-экономического развития региона. В этой связи репрезентативен Краснодарский край, который и представляет автор, так как динамика валового регионального продукта за последние 8 лет демонстрирует положительную динамику (рис. 3, 4).

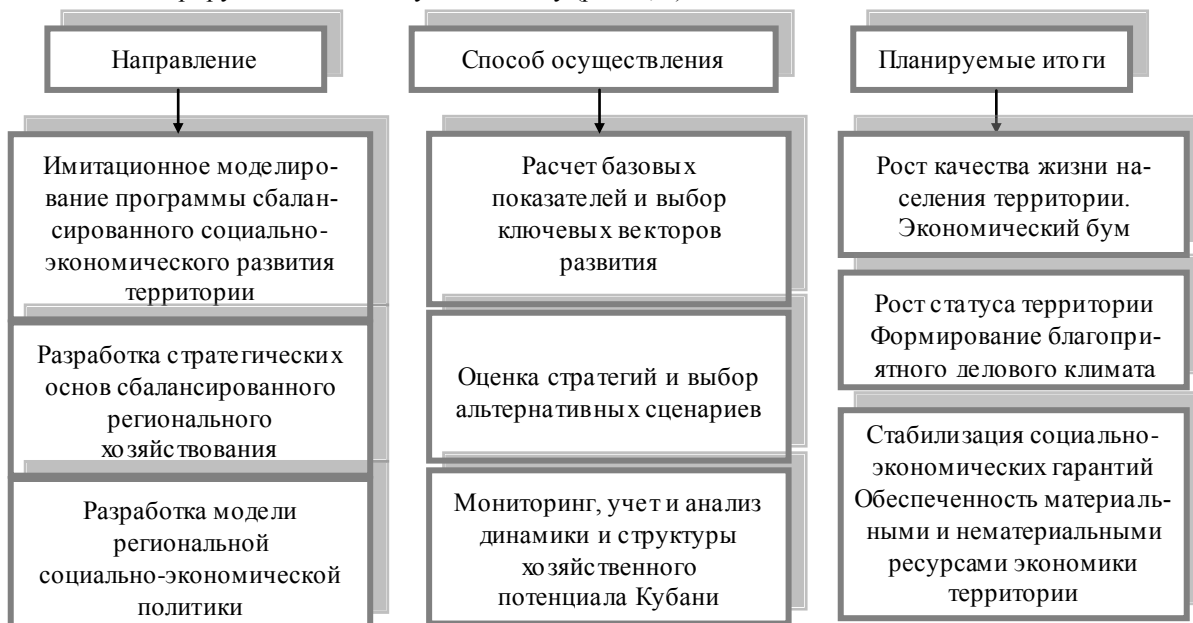
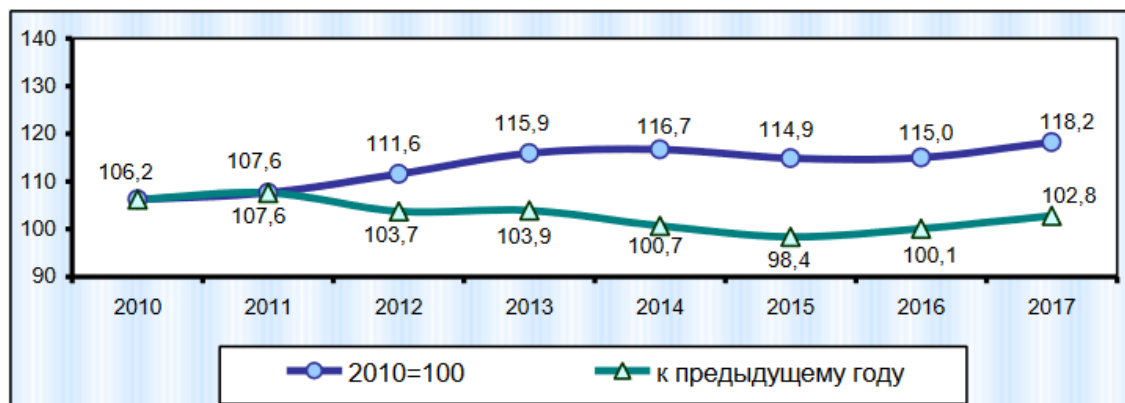

Рисунок 3.

Абрисная модель сбалансированного социально-экономического развития Краснодарского края

Источник: <https://krsdstat.gks.ru>

Рисунок 4.
Динамика валового регионального продукта

Итак, использование вербально-графического моделирования регионального хозяйствования позволяет в более полной мере использовать преимущества его методического сопровождения, что в свою очередь, позволит повысить оперативность и достоверность определения региональной рыночной конъюнктуры.

Список литературы

1. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России по итогам 2018 года. – www.ra-national.ru
2. Мангаева Э.И., Голденова В.С., Куркудинова Е.В. Кластер как фактор конкурентоспособности региональной экономики // Современная экономика: проблемы и решения. 2013. – № 11 (47). – С. 66–73.
3. Семидоцкий В.А., Данилевская Е.Н., Гарьковенко В.Э. К вопросу определения системы стратегического управления предприятия // Сфера услуг: инновации и качество. 2013. – № 13. – С. 7.
4. Trubilin A.I., Gayduk V.I., Belkina E.N., Kalitko S.A., Gorokhova A.E. Infrastructure of the regional agrifood market: peculiarities of functioning and methods of improvement// Espacios. 2017. – Т. 38, N 33. – P. 41.

Новоселов А.С.

д.э.н., профессор, зав. отделом регионального и муниципального управления Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

Волянская Т.В.

ведущий инженер Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ¹

Ключевые слова: пространственное развитие, региональное и муниципальное управление, региональная политика, эффективность управления.

Проблема высокой дифференциации в уровне социально-экономического развития регионов является крайне актуальной для современной России. Решение этой проблемы является составной частью государственной региональной политики, главной задачей которой является формирование конкурентоспособной экономики, обеспечивающей социально ориентированное развитие страны и ее регионов.

В 2014 году был принят Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Этот закон содержит в себе организационные основы стратегического планирования, полномочия и формы взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов власти, обеспечивает прозрачность на стадии подготовки, обсуждения и согласования прогнозных документов. Разработка стратегий социально-экономического развития регионов призвана определить приоритетные направления, цели и задачи развития территории, отражающие и консолидирующие интересы местного сообщества – населения, бизнеса и органов власти.

В развитие этого закона в 2017 году был издан Указ Президента РФ «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». В этом документе формулируются правовые принципы государственной политики регионального развития, которые включают обеспечение территориальной целостности, единство правового и экономического пространства России, равных возможностей для реализации прав и свобод граждан, разграничение полномочий между территориальными уровнями власти. Кроме этого определены приоритеты государственной региональной политики, включающие инфраструктурное обустройство пространственного развития, привлечение частных инвестиций, совершенствование механизма регулирования миграции, роста экономического потенциала регионов.

Возрастающее внимание к вопросам региональной политики определяется многими обстоятельствами. Основными из них являются следующие: первое – государственная экономическая стратегия, оторванная от проблем развития регионов, становится нежизнеспособной, о чем свидетельствует падение темпов экономического роста, которое продолжается, несмотря на достаточно высокие цены на энергетические ресурсы на мировом рынке. Второе – противоречивость государственной экономической политики. Она проявляется в том, что декларируемые приоритеты имеют мало общего с дорогостоящими представительскими инвестиционными проектами, затраты на реализацию которых несоизмеримы с крайне малым их влиянием на развитие экономики территорий осуществления проектов. Третье – возрастающая дифференциация в уровне социально-экономического развития регионов. И чем дольше будет продолжаться эта тенденция, чем дальше значительная часть регионов будет погружаться в депрессию, тем сложнее и дороже будет их выход из кризиса. Серьезность экономических и социальных последствий этой ситуации не вызывает сомнений [1–5].

В связи с этим возникает необходимость в исследовании проблем региональной политики в целях повышения уровня социально-экономического развития регионов и муниципальных образований, обеспечения их экономического роста, а также в научном обосновании приоритетов пространственного социально-экономического развития в условиях возрастания межрегиональной конкуренции, перехода к новой системе управления, необходимости усиления инновационной направленности экономики, активизации предпринимательской деятельности, обеспечения устойчивого развития регионов.

В экономических исследованиях проблемы государственной региональной политики рассматриваются в различных аспектах, таких как соотношение уровней региональной политики (федеральный и субфедеральный), различие объектов и субъектов регулирования, используемые методы и механизмы привлечения инвестиционных ресурсов, роль региональных органов власти в реализации региональной политики и обеспечении устойчивого социально-экономического развития регионов, согласование интересов федерального центра и регионов, решение проблем социально-экономического развития регионов на основе использования их конкурентных преимуществ, учет региональ-

¹ Статья подготовлена по Плану НИР ИЭОПП СО РАН по проекту XI.173.1.2. «Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием: концепция и принципы реализации» № АААА-А17-117022250118-6.

ных аспектов различных видов политик, взаимодействие регионов в едином экономическом пространстве, дифференциация социального и экономического развития регионов [6-9].

В структуре региональной политики субъектов Российской Федерации выделяются следующие подсистемы: (1) региональная экономическая политика, направленная на повышение конкурентоспособности экономики региона, поддержку и развитие реального сектора экономики, формирование региональной инфраструктуры, эффективное использование государственной собственности и др.; (2) региональная инновационная политика, направленная на создание благоприятных условий и стимулов для инновационной деятельности в регионе, развитие региональной инновационной инфраструктуры, территорий инновационного развития, инновационных кластеров и сетей; (3) региональная социальная политика, нацеленная на достижение высокого уровня жизни в каждом регионе, гармонизацию различий в уровне денежных доходов населения в регионах, создание равных жизненных возможностей для всех граждан, независимо от места жительства, обеспечение права свободного выбора места проживания и трудовой деятельности, решение проблем безработицы и создания новых рабочих мест, развитие социальной инфраструктуры, регулирование межнациональной миграции населения, возрождение деревень и малых городов, предотвращение острых социальных конфликтов в регионах; (4) региональная инвестиционная политика, предполагающая создание благоприятного экономического климата для привлечения отечественных и иностранных инвестиций в регионы, стимулирование инвестиционных программ строительства приоритетных объектов, обеспечение государственных гарантий; (5) региональная конкурентная политика, направленная на стимулирование конкуренции, обеспечение свободы предпринимательской деятельности, преодоление административных барьеров, предупреждение монополистической деятельности, государственное регулирование деятельности субъектов естественных монополий в регионе; (6) региональная финансово-бюджетная политика, направленная на эффективное распределение и перераспределение финансовых ресурсов между регионами и муниципальными образованиями; (7) региональная экологическая политика, включающая реализацию мер по поддержанию необходимого уровня экологической безопасности в регионах, предотвращение кризисных ситуаций в районах с чрезмерными нагрузками на природную среду, поддержку регионов в чрезвычайных экологических ситуациях, регулирование ставок налогов за использование природных ресурсов в зависимости от их качества и местоположения; (8) региональная внешнеэкономическая политика, включающая стимулирование развития экспортных и импортозамещающих производств, в регионах, имеющих для этого благоприятные условия, а также развитие необходимых элементов внешнеэкономической инфраструктуры [10-14].

Безусловно, огромные пространства России и многообразие природно-климатических условий требуют при разработке региональной политики каждого региона учитывать его специфические особенности, возможности и ограничения развития. Тем не менее, если это не территории, где хозяйственная жизнь организована вахтовым методом, то для таких регионов присущи общие долгосрочные приоритеты, которые должны находить отражение во всей системе управления социально-экономическим развитием.

К числу *долгосрочных* приоритетов российской региональной экономической политики относятся следующие.

1. Создание условий для развития и роста человеческого потенциала. В современном мире действует прямая корреляция между процветанием государства и качеством его человеческих ресурсов. Высоко технологичной инновационной экономике требуется высокий человеческий потенциал. Индекс человеческого потенциала определяется на основе показателей, характеризующих здоровье, уровень образования и доходы населения, т.е. это интегральный показатель, который отражает уровень развития экономики и ее качество, уровень развития системы образования, системы здравоохранения, состояния экологической среды и т.д. Можно сказать, что этот приоритет общий для большинства регионов, но конкретные особенности региона определяют специфику его реализации.

2. Развитие высокотехнологичных секторов экономики. Этот приоритет означает развитие производств, основанных на использовании достижений науки, обеспечивающих рост производительности труда, ресурсосбережение и рост производства продукции с высокой долей добавленной стоимости. Невосприимчивость российской экономики к развитию в ней инновационных секторов объясняется отсутствием спроса на инновационную продукцию, высокими рисками при ее создании и отсутствием интереса к ее созданию со стороны структур, реально обладающих финансовыми ресурсами.

3. Создание благоприятного инвестиционного климата в регионе. Не случайно мировые и отечественные агентства регулярно анализируют инвестиционный климат в разных регионах и странах и определяют на этом основании инвестиционные рейтинги территорий. Эти рейтинги информируют бизнес о наличии или отсутствии дополнительных, неоправданных затрат при ведении бизнеса на данной территории.

4. Создание условий для производства и продвижения продукции, конкурентоспособной на внутреннем и мировом рынке. Необходима организация маркетинга территории (участие в российских и международных выставках с демонстрацией продукции, производимой на территории региона, организация ярмарок, развитие побратимских связей городов, использование современных средств массовой информации для рекламирования производимых продукции и услуг и т.д.)

Что касается *среднесрочных приоритетов*, то они определяются теми проблемами, с которыми сталкивается государство на современном этапе развития, и которые ведут к серьезному длительному кризису. Эти проблемы, прежде всего, связаны с неэффективной структурой экономики и высокой зависимостью от экспорта и импорта. Таким образом, к числу важнейших среднесрочных приоритетов российской региональной экономической политики относятся следующие.

1. Реиндустриализация промышленности. Правомерно говорить о том, что реиндустриализация тесно связана с идеей импортозамещения. Состояние российской экономики, а также мировая политическая ситуация свидетельствуют о необходимости безотлагательной реализации этого приоритета. Несмотря на то, что суть этой проблемы с раз-

личными видоизменениями обсуждается на протяжении длительного времени, до сих пор она практически не решалась из-за отсутствия спроса в российской экономике: у импортозамещения был конкурент – мировой рынок.

Экономические санкции, которые введены против России, создают «благоприятные» предпосылки и принуждают экономику к переходу на траекторию возрождения собственной промышленности. Вопрос заключается в том, кто и как должен организовать спрос на импортозамещение. Если надеяться на то, что это сделает частный бизнес, то ожидание может затянуться надолго. Представляется, что такой спрос должно организовать государство в лице своих регионов – субъектов Федерации.

Для этого необходимо проанализировать государственные закупки, структуру импорта и выступить организационным и финансовым участником развития импортозамещающих производств. Кроме того, необходимо проанализировать производственный и трудовой потенциал субъектов Федерации и дать оценку возможностей их использования и расширения для производства импортозамещающей продукции. Потребуется разработка оптимальной схемы развития и размещения предприятий по производству импортозамещающей продукции и разработка механизма запуска этого проекта.

2. Модернизация традиционных отраслей экономики регионов России. Речь идет, прежде всего, о таких отраслях, как сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность, производство строительных материалов, лесное хозяйство и деревообработка и др. Решение проблемы модернизации традиционных отраслей затрагивает проблему пространственного развития государства, особенно развитие малых городов и сельских районов. Реализация этого приоритета региональной политики связана с использованием таких современных подходов, как формирование территориальных кластеров, обеспечивающих выпуск продукции, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынке. Модернизация сельского хозяйства, развитие перерабатывающих предприятий в сельских районах приведет к созданию новых современных рабочих мест, росту доходов населения и послужит решению проблемы рационального расселения и сохранения сельского образа жизни в регионах России.

3. Развитие региональной инфраструктуры. Бесспорным приоритетом региональной политики, который затрагивает интересы всех регионов, является развитие инфраструктуры. Прежде всего, речь идет о дорожной сети, о формировании устойчивой сети энергоснабжения и газоснабжения. В постоянных и противоречивых поисках внешних потребителей газа не следует забывать о том, что уровень газификации российской экономики и населения составляет около 60%. Многие населенные пункты не имеют постоянной транспортной связи с соседними населенными пунктами и районными центрами.

Методологической основой региональной политики, реализующей общественно значимые приоритеты регионального развития, является совокупность принципов, которые отражают объективные закономерности процесса общественно-экономического воспроизводства. Наряду с общеизвестными классическими принципами, такими как принцип экономической эффективности, социальной справедливости, сохранения экологического равновесия, в числе первоочередных следует также отметить принципы государственно-частного партнерства, опережающего развития инфраструктуры, комплексного подхода, кластерного подхода и межрегионального взаимодействия.

К основным принципам реализации долгосрочных и среднесрочных приоритетов государственной экономической политики относятся следующие.

1. Принцип государственно-частного партнерства. Необходимость учета и использования этого принципа отражает такую закономерность, как слабый интерес частного бизнеса к проектам с высоким риском, с большим сроком окупаемости. Пока лишь государство в целях самосохранения заинтересовано в развитии высокотехнологичных секторов экономики, в то время как нефтегазовый сектор заинтересован только в соответствующем оборудовании и трубопроводной системе, а банковский сектор, прежде всего, интересуется валютным курсом и доступ к иностранным кредитам. Известно, что развитие Силиконовой долины в США состоялось благодаря реальной заинтересованности государства в технологическом прорыве и мощной государственной финансовой поддержке этого проекта. Для того чтобы этот принцип заработал, необходимо создание крупного государственного инвестиционного банка, обеспечивающего предоставление кредитов с низкой процентной ставкой. Дополнительная эмиссия денежной массы, необходимая для функционирования такого банка, не приведет к инфляции, если эта масса не окажется на финансовом рынке, но послужит основой для развития инвестиционных процессов.

2. Принцип комплексного подхода. Учет этого принципа особенно понятен на примере модернизации сельской экономики: бессмысленно направлять деньги в развитие сельского хозяйства, если не удастся привлечь в эту сферу квалифицированные кадры. Современный образованный человек не станет жить в плохих условиях – без нормального жилья, качественной системы здравоохранения и образования, в условиях бездорожья.

3. Кластерный подход и принцип межрегионального взаимодействия связаны с сохранением единого экономического пространства страны и реализацией ее конкурентных возможностей в мировой экономике. Формирование региональных кластеров позволит более эффективно использовать ресурсный потенциал региона.

4. Принцип опережающего развития инфраструктуры. Опыт успешной мировой практики реализации крупных проектов свидетельствует о том, что все они начинаются с создания инфраструктуры. При отсутствии нормальных дорог, сетей электро- и газоснабжения трудно рассчитывать на привлечение инвесторов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что формирование приоритетов и принципов региональной политики происходит на основе осмысления новых процессов и явлений, происходящих в ходе структурной трансформации российской экономики, усиления ориентации на решение комплексных региональных социально-экономических проблем, требующих междисциплинарного подхода и совершенствования методологии разработки региональной политики. С учетом данных направлений были сформулированы методологические принципы и приоритеты региональной экономической политики. Рассмотрение данных принципов показывает, что они представляют

собой не просто аксиомы, имеющие чисто теоретическое значение, а выполняют реальную рабочую нагрузку в системе регионального управления. При условии, если принципы реализации региональной политики в полной мере будут учитываться в процессе принятия решений органами власти и находить отражение в законодательно-правовой базе, то это может существенно повысить эффективность системы регионального управления.

Таким образом, для создания эффективной системы регионального управления необходимо обеспечить нахождение оптимального баланса в использовании стратегических приоритетов и объективных принципов управления социально-экономическим развитием. Материализация стратегических приоритетов должна находить отражение в законодательно-правовой базе, лежащей в основе системы управления и используемых инструментах механизма управления экономикой.

Список литературы

1. Ивантер В.В., Белкина Т.Д., Белоусов Д.Р. и др. Восстановление экономического роста в России. Научный доклад / Под ред. В.В. Ивантера. – М., 2016. – 32 с.
2. Швецов А.Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // *Пространственная экономика*. 2015. – № 1. – С. 38–61.
3. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // *Вопросы экономики*. – М., 2019. – № 1. – С. 135–145.
4. Кузнецова О.В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // *Вопросы экономики*. – М., 2019. – № 1. – С. 146–157.
5. Новосёлов А.С., Маршалова А.С. Институциональная система управления социально-экономическим развитием региона // *Регион: экономика и социология*. 2017. – № 2. – С. 3–31.
6. Лексин В.Н. Региональная политика в контексте угроз и рисков стабильного функционирования государства // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. – М., 2013. – Т. 6, № 5. – С. 89–98.
7. Бухвальд Е. Политика пространственного развития Российской экономики // *Проблемы теории и практики управления*. – М., 2018. – № 3. – С. 107–112.
8. Федякин А.В. Региональная политика современной России: приоритеты развития федеральных округов, субъектов РФ и отдельных территорий // *Вестник Российской нации*. – М., 2019. – № 2 (66). – С. 44–65.
9. Калимуллин Л.В., Калимуллина Е.С., Шагиев З.И. Активная региональная экономическая политика как ответ на глобальные вызовы // *Региональная экономика: теория и практика*. 2018. – Т. 16, № 4 (451). – С. 596–611.
10. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Региональная экономическая политика субъекта Федерации: проблемы разработки и реализации // *Регион: экономика и социология*. 2014. – № 1. – С. 124–144.
11. Субъекты Федерации и города Сибири в системе государственного и муниципального управления / Под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск, 2005. – 420 с.
12. Проблемы стратегического управления экономикой региона / Под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск, 2010. – 239 с.
13. Региональное и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири / Под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск, 2016. – 487 с.
14. Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием / Под ред. А.С. Новосёлова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. – 495 с.

Павлов Б.С.

д.филол.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН. Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Лоншакова Н.А.

д.соц.н. профессор Российской международной академии туризма, Москва
lonshakova_nadia@mail.ru

Пацула А.В.

д.соц.н., доцент, специалист Российского государственного социального университета, Москва
pacula2002@bk.ru

Бондарева Л.Н.

к.э.н., доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета. Екатеринбург
2136473@mail.ru

БОИТСЯ ЛИ БЕЗРАБОТИЦЫ ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА УРАЛЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ 1990–2020 гг.¹

Ключевые слова: безработица, адаптация, жизненные планы, ценностные ориентации, семья, трудоустройство, заработная плата, трудовая нагрузка, женский труд, социологический опрос, завод, реформа, Урал.

Keywords: unemployment, adaptation, life plans, value orientations, family, employment, salary, work load, female labor, opinion poll, factory, reform, Ural.

Если до революции 1917 г. безработица считалась неприятным, но неизбежным следствием прогресса, то в государстве диктатуры пролетариата оставшиеся без работы представители класса-гегемона служили живым упреком власти. Поэтому всякий раз, когда количество безработных начинало резко расти, партия и правительство лихорадочно пытались улучшить ситуацию. 13 марта 1930 года на Московской бирже было выдано последнее направление на работу слесарю Михаилу Шкунову, после чего биржа торжественно закрылась, а Сталин произнес хрестоматийное: «Одно из основных завоеваний пятилетки в четыре года состоит в том, что мы уничтожили безработицу и избавили рабочих СССР от ее ужасов»².

«Чутко откликаясь» на это заключение вождя, энциклопедисты толкового словаря русского языка соответственно записали «БЕЗРАБОТИЦА, безработицы, мн. нет, жен. Отсутствие работы при наличии нужды в ней; невозможность найти себе службу, заработок. Миллионы пролетариев в Западной Европе и Америке терпят постоянную безработицу. | Отсутствие спроса на рабочую силу при массовом предложении труда (экон.). **В СССР безработица уничтожена**³. УНИЧТОЖЕНА ЛИ?

В словаре «Научный коммунизм», выпущенном в СССР в 1983 г., читаем «Основной принцип социализма – принцип «От каждого – по способностям, каждому — по труду»; выражая особенности распределения материальных и духовных благ в социалистическом обществе, он характеризует вместе с тем природу социализма, господствующие в нем общественные отношения».

Согласно этому принципу, все члены общества имеют равную обязанность трудиться, приумножать общественное богатство и пользуются равным правом получать от общества средства к жизни соответственно количеству и качеству затраченного труда. Провозглашая обязательность труда для всех трудоспособных, социалистическое общество законом обеспечивает каждому из них предоставление работы. «Граждане СССР имеют право на труд, – то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера, – включая право на выбор профессии, рода занятия и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей» (Конституция СССР, ст. 40). «В этом состоит одно из важных отличий социализма от капитализма, неизменным спутником которого является безработица».

Как показал последующий процесс развития социалистической экономики в послевоенные годы, феномен безработицы был также и её постоянным спутником.

По далеко не полным данным, собранным МВД, в некоторых городах РСФСР в 60-е годы безработица оказалась не ниже той, что была в 1920-е. К примеру, в городах Краснодарского края насчитывалось 22 тыс. безработных.

¹ Публикация подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2019–2021 гг.

² Ликвидация массовой безработицы, закрытие бирж труда. – <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/likvidatsiia-massovoi-bezrabotitsy-zakrytiie-birzh-truda>

³ Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1: Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935. – 1562 с.

В целом по стране маялась без работы не одна сотня тысяч человек. Хрущеву пришлось хвататься за проекты строительства крупных объектов, в том числе освоения целинных земель. Но этих мер оказалось недостаточно, пришлось пойти на сокращение рабочей недели и введение дополнительного выходного дня – субботы. Экономисты всего мира удивлялись, узнав о мерах советского правительства, резко снизивших производительность труда на одного работающего. Они просто не подозревали о существовании в СССР безработицы¹.

В конце концов, безработицу сделали в какой-то мере скрытой и от самого советского народа. С 1970-х любой гражданин мог без труда найти работу, где, «не ударяя палец о палец», получал бы сносную зарплату. Как говорилось в популярном тогда анекдоте, «люди делают вид, что работают, а государство делает вид, что им платит».

* * *

Анализ философской литературы показывает, что понимание сути безработицы как явления во многом детерминировано историческим периодом, типом общественных отношений, социально политическими и социокультурными условиями. Вот почему феномен безработицы изучается, прежде всего, как фактор, обуславливающий социальную напряженность и социальную стабильность, исследователи также рассматривают механизмы, способствующие преодолению незанятости, и относят к ним: моральное совершенствование личности, образование, обеспечение права на труд².

И ещё одно уточнение. После революции в советском обществе был провозглашен принцип всеобщей занятости, и поэтому интерес философов и обществоведов к безработице постепенно был утрачен. И только с начала 90-х г. XX в. в связи с обострением ситуации с занятостью в России проблема безработицы вновь стала исследоваться на научно теоретическом уровне. В частности она стала предметом социологического анализа. В нашей статье делается попытка анализа социально-экономического самочувствия населения на Урале в тридцатилетний постсоциалистический период (1990–2020 гг.) в условиях резких трансформаций на региональных рынках труда Уральского Федерального округа.

В этот же период социологами Института экономики УрО РАН в мониторинговом режиме начали проводиться массовые опросы, связанные с феноменами безработицы, бедности, экономического поведения, социально-экономических и эколого-валеологических страхов и рисков населения в различных регионах Урала и РФ в целом. За тридцатилетие число таких опросов перевалило за сотню³. Ниже в статье читателю предлагается ряд социологических этюдов из достаточно объёмного эмпирического банка по результатам этих исследований, которые, по мнению авторов, дают представление, с одной стороны о тех опасностях, невзгодах, тяготах, испытаниях, с которыми связана для горожанина ситуация потери работы – основного средства к существованию его самого и его семьи, а с другой, неоднозначность этого явления, его нюансы (нередко «минусы» и «плюсы») для различных групп населения, различных этапов экономических преобразований, различных общественно-семейных ситуаций и социально-психологического настроения акторов этих процессов на региональных рынках труда.

Читателю предлагается следующая «конструкция» наших этюдов, расположенных в хронологическом порядке. Прежде всего, в каждой из них фиксируется время и место проведения опроса, состав и выборка респондентов и дословная формулировка вопроса в анкете. Далее в этюде приводятся результаты полученных ответов. В ряде случаев предлагается и краткое авторское резюме. Итак, обратимся к нашим *13-ти этюдам*.

1993 г., август, в пяти городах и четырех районах Челябинской области были опрошены 950 респондентов. Помимо этого, в трех областях Урала (Челябинской, Свердловской и Курганской) были опрошены: а) 155 сотрудников центров (служб) социальной помощи населению, проживающему на ВУТРЗе; б) 155 экспертов по вопросам социальной защиты населения.

1994 г., лето, в шести городах и четырех районах Челябинской области были опрошены 955 представителей взрослого населения и 100 экспертов⁴.

Этюд 1. В указанных выше исследованиях был предусмотрен вопрос, касающийся причин, тревожащих респондентов. Он был поставлен так: «*Что тревожит Вас в этой жизни больше всего? (Укажите не более 3-х ответов)*». Вот что показал опрос (% от общего числа респондентов по каждой группе):

Причины беспокойства Респондентов	Группы			
	В целом		В том числе 1994 г. по полу:	
	1993 г.	1994 г.	М	Ж
Боязнь оказаться за чертой бедности	52	38 (!)	33	42
Состояние здоровья и возможности лечения	26	37 (!)	35	38
Отсутствие уверенности в будущем своих детей	38	51 (!)	46	55
Беззащитность перед преступностью	28	52 (!)	50	23 (!)
Невозможность улучшить жилищные условия	15	19	16	21
Опасность гражданской войны	12	24	26	23
Опасность потерять работу	10	23 (!)	23	23

¹ Ликвидация массовой безработицы... Указ. соч.

² Базарсадаева А.Д Молодежная безработица: основные направления государственного регулирования: автореф. дис. ... к-та социол. наук. – Чита, 2010.

³ Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.) / Российское общество социологов, Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – 825 с.

⁴ Павлов Б.С., Козлов В.Н., Пацула А.В. и др. Интересы и рынок. – Челябинск: Вып. Академэкоцентра УрО РАН, 1992. – 63 с.

Только за один год (с 1993 по 1994 г.) практически по всем позициям произошел существенный рост (в 1,5–2 раза) относительного числа респондентов, которых тревожат те или иные условия их жизнедеятельности (за исключением позиции «оказаться за чертой бедности»). В два с половиной раза выросло число тех, кто боялся потерять работу (1993 г. – 10%; 1994 г. – 23%).

Этюд 2. В анкете был уточняющий вопрос по этой позиции: «Как Вы считаете, есть ли у Вас опасность потерять место в текущем году под сокращение штатов по месту работы?» В общем массиве респондентов ответы на этот вопрос распределились так (% от общего числа ответивших на этот вопрос – 808 чел.):

Думаю, что нет 24

Не знаю, все может быть 65

Считаю, что это неизбежно 11.

Лишь каждый четвертый респондент (24%) считал, что он в ближайшей перспективе не потеряет свое место работы, при этом лишь 13% респондентов были уверены, что они быстро найдут новое место работы в случае потери прежнего. Большинство же челябинцев не взялось прогнозировать свое будущее в этой сфере своей жизни. Вариант ответа «твердой уверенности нет» отметили 65% респондентов (от общего числа ответивших на этот вопрос)¹.

1997 г. 1–10 сентября – опрос общественного мнения 880 жителей г. Екатеринбурга по проблемам социально-психологического самочувствия семей горожан и социально-экономической эффективности деятельности городских властных структур, в том числе:

Этюд 3. В числе других вопросов респондентам предлагалось сообщить о наличии в их семьях, родственниках, выходящих, как говорят, из общего привычного и благополучного ряда граждан. Вопрос в анкете был представлен так: «Есть ли в Вашей семье, среди родственников следующие категории людей?». Далее предлагался перечень россиян, имеющих то или иное отклонение от «обычной» судьбы большинства своих соотечественников. Вот что сообщили нам екатеринбургские респонденты (% от общего числа опрошенных – 880 чел.):

<i>да, такие люди в семье и среди родственников есть:</i>	
– безработные (ищущие работу, находящиеся в вынужденных отпусках и т.д.)	– 43
– пострадавшие от разбоя, грабежа	– 42
– живущие в СНГ (за пределами РФ)	– 37
– непосредственно пострадавшие от войны в Афганистане, Чечне, Таджикистане и других горячих точках России, стран СНГ (воевали, ранены, находились в плену и т.д.)	– 15
– уехавшие (эмигрировавшие) из России за границу в последние 3–5 лет	– 11

По данным официальной статистики, в конце первого полугодия 1997 г. уровень общей безработицы в Свердловской области составлял 9,1%, зарегистрированной – 3,4% к численности экономически активного населения. Наш опрос показал гораздо худшую ситуацию с безработицей – 43% респондентов указали, что среди их близких родственников есть люди, ищущие работу или находящиеся в вынужденных отпусках (скрытые безработные). Особенно много безработных оказалось среди родственников рабочих (50%) и наемных работников в бизнесе (49%), что косвенно свидетельствует о том, что именно безработные рабочие бывших госпредприятий в первую очередь становятся рядовыми работниками у новых собственников².

– **2000 г.** ноябрь, опрошено 2000 горожан г. Нижнего Тагила с целью изучения трансформации общественного мнения в связи с планируемым строительством производства, осложняющего экологическую обстановку в регионе

Этюд 4. «Что изменилось в вашем положении, самочувствии на работе за последние год-два?» – на этот вопрос ответы работающих тагильчан распределились следующим образом (% от общего числа по каждой группе; «НТМК» – ОАО Нижнетагильский металлургический комбинат; «УВЗ» – Уралвагонзавод):

Характер изменений в сфере труда	Группы		
	В целом	в том числе:	
		НТМК	УВЗ
Возросла нагрузка	30	38	21
Стал более требовательным к себе	21	29	9
Стал больше зарабатывать	20	36	5
дорожить своим рабочим местом	19	29	10
Появился интерес к экономике предприятия	15	27	2,0
Есть перспектива профессионального роста	8	9	11
Никаких изменений в лучшую сторону пока не замечаю	27	13	45
Все меняется только в худшую сторону	11	2	15

¹ Ишутина Т.А., Козлов В.Н., Павлов Б.С. Рынок – 92. Аналитическая записка по результатам социологического исследования проблем перехода к рынку в 1991–1992 гг. в Челябинской области. – Челябинск: Вып. Облсовета и компании «Челябинск-СнС», 1993. – 22 с.

² Павлов Б.С., Силин Я.П., Татаркин А.И., Анисимов С.А., Юрпалов С.Ю. и др. Городская власть и горожане: прямая и обратная связь. Дайджест-информация по итогам 5-ти массовых опросов населения г. Екатеринбурга: 1997–1998 г. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 1998. – 122 с.

Для значительной части работников предприятий и организаций Нижнего Тагила (38%) проводимые в тот период реформы в лучшем случае не привели к положительным изменениям в сфере их трудоузанности, а для каждого девятого (11%) реформы ассоциируются с изменениями в худшую сторону¹.

Этюд 5. В опросе мы попытались выяснить степень *трудоузанности у тагильчан* путём её оценки самими работниками. Вопрос в анкете был сформулирован так: «С какой нагрузкой Вы её (свою зарплату) зарабатываете?». Вот ответы, которые мы получили (% от общего числа опрошенных горожан – 2000 чел):

– выкладываюсь из последних сил	– 7
– как правило, перерабатываю, переутомляюсь	– 26
– работаю без особого напряжения	– 11
– нагрузка за такую зарплату нормальная	– 27

Всех работников предприятий города по степени трудовой (производственной) нагрузки можно условно разделить на две категории: а) тех, кто работает со значительными нагрузками, иногда с перенапряжением (варианты ответов: – «выкладываюсь из последних сил» и – «как правило, перерабатываю, переутомляюсь») и б) тех, чья трудовая нагрузка не столь существенна (варианты ответов «работаю без особого напряжения» и «нагрузка за такую зарплату нормальная»).

– **2003 г.** – в ряде городов и поселений пяти субъектов РФ, в том числе Свердловской, Челябинской и Читинских областях, по проблемам демографического поведения семей опрошены 2900 молодых супругов; в их числе 1025 (35%) бездетных (на момент опроса) молодых брачных пар; 1190 (41%) – однодетные семьи; 685 (24%) – двухдетные молодые семьи.

Этюд 6. «Испытываете ли Вы беспокойство, страх стать безработным в ближайшие 3–5 лет?» – на этот вопрос 2900 уральцев в трудоспособном возрасте в 2003 г. ответили так (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Испытывают ли страх стать безработным:	Группы молодых семей:			
	В целом	в т.ч. семьи с числом детей:		
		пока нет	один	двое
Да	22	22	21	21
Отчасти	40	41	38	40
Нет	39	37	41	39

Оценка такого, сравнительно нового для российской экономики явления, как «безработица», не столь однозначна – см. «Этюд-7»².

Этюд 7. Вопрос в анкете был сформулирован так: «Если положение дел на вашем предприятии, в учреждении ухудшится, что вы сделаете в первую очередь?». Респондент мог выбрать только один вариант из шести предложенных в анкете. Вот каково распределение ответов респондентов по шести выделенным вариантам поведения (% от общего числа опрошенных по каждой группе):

Что будут делать в случае ухудшения дел на предприятии:	Группы молодых семей:			
	В целом	в т.ч. семьи с числом детей:		
		нет	один	двое
Будут искать другое место работы	43	43	45	39
Будут искать дополнительный приработок	27	28	27	27
Постараются работать лучше, больше	14	14	12	16
Потерпят до лучших времён	11	10	11	11
Примут участие в акциях протеста	4,0	4,7	3,5	5,0

Ответы молодых работников уральских предприятий и организаций относительно своего поведения в случае проективной неблагоприятной ситуации на предприятии, где они трудятся, свидетельствуют, прежде всего, о высокой степени законопослушности и терпеливости рабочих и специалистов. Лишь 4% респондентов (113 чел. из 2900 опрошенных) в случае резкого ухудшения дел на предприятии готовы принять участие в акциях протеста: в пикетах, на митингах, в забастовках. Такую форму поведения исключают совсем строители, врачи, учителя, работники легкой промышленности. Наиболее приемлемой формой поведения в экстремальной производственно-экономической ситуации на предприятии молодые семейные россияне считают поиск дополнительных заработков (27%) или поиск нового места работы (43%).

Этюд 8. «Как Вы считаете, почему многие россияне, в том числе уральцы остаются без достаточных средств существования (в семье) и вынуждены просить (ждать) помощи от кого-либо (государства, городских властей, руководителей предприятий, спонсоров и т.д.), а не обеспечивать себя свою семью самим, своими силами?» – на этот вопрос 2900 молодых семейных россиян ответили так (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

¹ Павлов Б.С., Пацула А.В., Бердник Л.П. Экологическое самочувствие населения как условие развития техногенно опасных производств. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2005. – 94 с.

² Павлов Б.С., Колунина Э.Г. Воспроизводство общественной жизни в интерьере бедности семей на Урале. – Ч. I. Вопросы теории и практики социологического анализа. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2004. – 90 с.

КТО или ЧТО виноваты в бедности семей:	Группы молодых семей:			
	В целом	в т.ч. семьи с числом детей:		
		нет	один	двое
Виноваты , прежде всего, сами : не побеспокоились, не заработали	42	47	49	39
Виновато , прежде всего, государство , власти	48	44	50	52
Винить нужно судьбу , жизненные обстоятельства	10	9	11	10

Критериями определения правомочности и необходимости кардинальных социально-экономических реформ является, в первую очередь, сопоставление (соразмерность) намечаемых целей преобразований, средств их достижений и понесенных при этом потерь и, наконец, конечных приобретений, ради чего они проводились. Естественно, что уже сегодня у большинства россиян сложилось своё мнение о правомочности, приемлемости таких преобразований для России в целом и, естественно, для себя лично и для своих семей. Не учитывать этого в процессе реформирования – значит сознательно формировать себе трудности дня сегодняшнего и тем более – завтрашнего¹.

– **2003 г.** – в городах Лангепас, Когалым, Мегион, Ханты-Мансийск, Югорск, Радужный, Покачи по проблемам социального партнерства на региональных рынках труда и самочувствия семей северян опрошены: а) 580 посетителей служб занятости (**П**); б) 60 работников (специалистов) городских служб занятости (**С**) и в) 110 работодателей, руководителей предприятий (**Э**).

Этюд 9. Оценка такого, сравнительно нового для российской экономики, явления, как «безработица», не столь однозначна. Мнения порой противоположны: в представлении одних – это несомненное «социальное зло», в оценках других – определенное «благо» для повышения эффективности экономики. Вопрос в анкетах, которые заполняли эксперты и специалисты служб занятости ЮГРЫ, формулировался следующим образом: «*Существует мнение, что небольшой уровень безработицы «полезен» для развития производства, повышения производительности труда. Вы согласны с таким мнением?*» Ниже приводятся полученные ответы (% от общего числа опрошенных; в числителе – ответы экспертов – 110 чел., в знаменателе – работников социальных служб – 60 чел.):

– безработица недопустима	– 39 / 37
– в небольшом количестве безработица полезна	– 49 / 61
– чем больше безработицы, тем лучше	– 2,7 / 2,0
– затруднились ответить	– 8 / –

Этюд 10. Небезынтересны и мнения по поводу социальных последствий, с которыми связано появление и расширение явления безработицы в северном городе тех респондентов, которые явно ущемляются этим социальным феноменом – взрослые трудоспособные горожане, ищущие себе место работы. «Вне зависимости от того, какую Вы дали оценку явлению «безработицы», прочтите доводы «за» и «против», отметьте те, с которыми Вы согласны» – на эту просьбу откликнулись почти 95% посетителей служб занятости, заполнивших анкеты. Вот мнение этой группы респондентов о возможных последствиях безработицы (% от общего числа респондентов – 580 чел.):

НЕГАТИВНЫЕ	%	ПОЗИТИВНЫЕ:	%
превращение людей в изгоев общества	21	повышение социальной активности населения	25
усиление социальной дифференциации и неравенства	32	создание «здоровой» конкуренции в обществе	24
порождает условия для кризиса семьи	59	улучшение дисциплины, организованности людей	29
рост пьянства, наркомании, асоциального поведения	43	стимулирование развития перспективных отраслей экономики	11
понижение уровня жизни и социальных потребностей населения	46	помощь в распределении трудовых ресурсов в соответствии с потребностями рынка труда	32

Рынок труда способен порождать в обществе самые сложные социальные проблемы (бедность, безработицу, инфляцию), социальную напряженность (митинги, демонстрации протеста, забастовки и т.п.), но сам по себе он не способен решить эти проблемы и вынуждает общество создавать соответствующую систему, организующую их решение: содействие занятости, содержание безработных, помощь семьям, оказавшимся за чертой бедности, разработка трудового законодательства. В рыночной экономике отношения между работником и работодателем строятся на основе спроса и предложения рабочей силы, но с учетом правил, принятых в существующей институциональной системе².

2008 г. – опрос 200 экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО

Этюд 11. Нашим экспертам задавался вопрос: «*Представьте ситуацию: Вам необходимо выбрать и принять на освободившуюся вакансию (на рабочее место) молодую женщину-работницу. Итак, лишь три из пяти предлагаемых кандидатур (при условии их равного возраста и уровня квалификации, здоровья и т.п.). Кого Вы предпочтете?*» были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных по каждому субъекту РФ):

¹ Павлов Б.С., Колупнина Э.Г. Воспроизводство общественной жизни в интерьере бедности семей на Урале. – Ч. 2. Проблемы социального самочувствия в трудовой и потребительской деятельности. – Екатеринбург: ИЭ УРО РАН, 2004. – 68 с.

² Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: Экономика, 2009. – 436 с.

Предпочтения работодателей в выборе женщин-работниц		Эксперты из субъектов РФ				
		Свердл. обл.	Тюм. обл.	Челяб. обл.	ХМАО	ЯНАО
Незамужняя, бездетная		28	24	38	24	26
Семейная, живущая с мужем:	без детей	15	21	24	17	5
	один ребёнок	43	57	40	43	21
	двое детей	63	43	43	40	39
Молодая мать, воспитывающая ребёнка без мужа		20	14	24	17	12
Семейное состояние роли не играет		43	57	60	48	65

Прежде всего, уточним, что каждому респонденту «разрешалось» использовать только три варианта приёма на работу. Как показал опрос, от 43% опрошенных (Свердловская область) до 65% (ЯНАО) отметили в числе «разрешённых» трёх вариантов формулировку «Семейное состояние роли не играет». При этом, имея «в запасе» два-три варианта ответов, практически все респонденты высказали свои предпочтения относительно того или иного семейного статуса молодых женщин-работниц. Судя по ответам, замужняя молодая женщина, не родившая ещё ребёнка, имеет в несколько раз меньший шанс устроиться на работу, чем её «соперница на рабочее место», имеющая двух детей и воспитывающая их с мужем¹.

2014 г. – по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 500 студенток старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях Уральского региона. Выяснились их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы.

2015 г. – в марте-апреле по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) был проведен опрос 450 студенток старших курсов. В выборку были включены 225 студенток, обучающихся в институтах УрФУ технического (инженерного) профиля и 225 – гуманитарного профиля. Опрос носил мониторинговый характер социологического проекта 2014 г..

Этюд 12. Студенткам УрФУ вопрос: «Испытываете ли Вы беспокойство, страх стать безработным в будущем?» Вот какие результаты были получены нами (% от общего числа опрошенных по каждой группе):

Варианты ответов	Группы студенток УрФУ			
	2014 г. 500 чел. ТЕХН	2015 г. 450 чел. в целом	В том числе	
			ТЕХН 225 чел.	ГУМ 225 чел.
Да	15	9	8	10
Отчасти	32	41	45	37
Нет	52	50	47	54

Этюд 13. В анкетах проекта 2015 г. студенткам УрФУ – будущим молодым уральским специалистам задавались два ВОПРОСА:

ВОПРОС № 1: «Что, по Вашему мнению, необходимо для того, что бы молодому специалисту, женщине-инженеру, быть уверенным в получении работы, не быть уволенным?» и

ВОПРОС № 2 «Отметьте, пожалуйста, те качества и обстоятельства, которые имеются у Вас и которые Вы готовы преодолеть?». Вот какие результаты были получены нами (% от общего числа опрошенных студенток (450 чел.); в числителе – ответы на вопрос № 1, в знаменателе – на вопрос № 2):

Профессионально-компетентностные факторы:		
– получить высшее образование	– 68 / 62	
– относиться серьёзно к работе, стараться работать эффективнее	– 68 / 57	
– изучить, знать иностранный язык	– 55 / 54	
– научиться работать на компьютере	– 49 / 49	
– обучиться универсальной специальности, позволяющей «работать где угодно»	– 41 / 36	
– получить несколько дипломов, освоить несколько профессий	– 32 / 23	
– получить водительские права	– 31 / 18	
– обучиться навыкам бизнеса, уметь правильно мыслить в условиях рыночной экономики	– 30 / 14	
– уметь хорошо ориентироваться на рынке труда в своём городе (регионе)	– 27 / 13	
– получить правовую подготовку	– 14 / 7	
Социально-личностные факторы и качества:		
– иметь привлекательную внешность, «следить за собой»	– 36 / 32	
– иметь хорошее здоровье	– 22 / 20	
– иметь влиятельных родителей, знакомых, которые помогут с трудоустройством	– 18 / 4	
– до устройства на работу ПОСТАРАТЬСЯ:	не выходить замуж	– 8 / 9
	не обзаводиться ребёнком	– 16 / 24
– никто и ничто не может застраховать человека от безработицы	– 9 / 1	

¹ Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. – № 25. – С. 2–11.

В заключение статьи, хотелось бы затронуть ещё один аспект развития региональных рынков труда. В августе 2019 г. на встрече с главой Российского союза промышленников и предпринимателей Александром Шохиним, экс-премьер РФ Д.А. Медведев вполне серьёзно предлагал. «нам тоже нужно думать об изменениях в трудовом законодательстве на будущее, имея в виду различные формы регулирования труда, включая так называемый удаленный труд и гибкий график работы, а также, в перспективе, может быть, и переход к четырехдневной рабочей неделе». А 22 августа газета «Известия» сообщила, что Медведев поручил Минтруду до 30 сентября представить в правительство свою позицию о перспективах введения в РФ 4-дневной рабочей недели. Как пишет газета, чиновники оценят последствия его влияния на экономику, включая производительность труда и социальную сферу. При этом глава правительства указал на необходимость учесть в этом вопросе все нюансы, связанные с запросами и работниками и работодателями. «Это должно сопровождаться ростом производительности труда с одной стороны, если речь идет о полноценной рабочей неделе, и, конечно, сохранением той заработной платы, которая имеется, а не уменьшением или каким-то другим образом чтобы с ней поступили»¹.

Месяц спустя, известный российский политик, лидер ЛДПР Владимир Жириновский высказался в защиту введения в стране 4-дневной рабочей недели. Депутат Госдумы назвал главные плюсы возможной подобной реформы. Жириновский в первую очередь отметил, что вводится 4-дневная рабочая неделя будет не сразу и не везде, а постепенно и не во всех отраслях. Владимир Вольфович уверен, что дополнительный выходной день позволит многим работникам заниматься повышением своей квалификации или поиском новой работы. Лидер ЛДПР привел в качестве примера США, где считается нормальным, если человек за все время своей трудовой жизни меняет работу по 17 раз и больше. При этом он раскритиковал сложившиеся в России устои, когда человек сидит на одном заводе, в одной столовой или на каком-то другом месте по 50 лет. При этом политик утверждает, что работники государственных учреждений и предприятий явно будут рады получить возможность отдыхать на один день в неделю больше².

Как показали наши исследования в субъектах РФ, входящих в УрФО, сегодня социальное партнерство в рамках программ содействия занятости населения – это новый тип горизонтальных отношений в сфере занятости населения между органами власти, работодателями, органами государственной службы занятости, профсоюзами и работниками. Социальное партнерство – это в какой-то мере средство перестройки существующей модели управления занятостью. Но законодательного регулирования взаимодействия таких субъектов рынка труда в целях обеспечения занятости населения фактически нет. На сегодняшний день есть необходимость определить основы регулирования спроса на труд, критерии подбора персонала и ответственности работодателя за использование человеческих ресурсов.

В содержании данной проблемы выдвигаются на первый план различные аспекты социологического анализа процессов включения и согласования интересов и действий участников социально-трудовых процессов в непростых условиях процесса кардинальной трансформации социально-экономических взаимодействий различных групп населения³.

Во-первых, в условиях современной России возникает необходимость создания системы взаимодействия субъектов социального партнерства с учетом принципов, проверенных многолетней практикой и закрепленных в нормативных актах Международной организации труда, разработки и принятия принципиально новых решений в формировании оптимальной модели рынка труда и управления им. Это позволяет выработать систему мер, способных блокировать негативные последствия кризисных явлений в социально-трудовой сфере жизни общества.

Во-вторых, важным становится анализ опыта формирования социального партнерства как особого социального института современных развитых обществ в контексте не только социально-экономической, но и политической и духовной сфер общественной жизнедеятельности. В таком ракурсе решение данной проблемы является составной частью общего стратегического направления модернизации общественных воспроизводственных процессов в современной России⁴.

В-третьих, решение многих социальных проблем нередко осуществляется сегодня на договорной основе. В дальнейшем подобная практика должна только развиваться, расширяя круг рассматриваемых вопросов, углубляя и усложняя взаимосвязь участников этого процесса, актуализируя тем самым вопрос об укреплении взаимодействия и взаимной ответственности участников социального партнерства на всех уровнях. Это требует специального изучения.

¹ Медведев рассказал о перспективах введения 4-дневной рабочей недели. – <https://rns.online/economy/Medvedev-rasskazal-o-perspektivah...i--2019-08-23/>

² Владимир Жириновский назвал главные плюсы 4-дневной рабочей недели. – <https://express-novosti.ru/interesting/events/2147501502..4-dnevnoj-rabochej-nedeli.html>

³ Павлов Б.С. Над опасным «социальным придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 69–80.

⁴ Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала. 2013. – № 12. – С. 90–94.

Pavlov K.

doctor of Economics, professor, the Branch of the Russian University of cooperation, Izhevsk
kvp_ruk@mail.ru

Nosova O.V.

doctor of Economics, professor, Kharkiv National University
olgano59@gmail.com

Nosova T.

candidate of economic sciences, associate professor, Kharkiv National University.
tasya.n@gmail.com

INNOVATION POLICY AS A BASIS FOR EFFECTIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY

Ключевые слова: *инновации, развитие, входные факторы производства, инновационная политика.*
Keywords: *innovations, development, input factors of production, innovation policy.*

Introduction

The paper is devoted to the analysis of the impact of innovation policy on effective regional development in Ukraine. The main goal is the definition of the causes of regional disparities, and estimation of the role of innovative policy for regional inequalities smoothing. The emergence of a global knowledge economy requires a radical transformation of innovation strategy in East European countries. Innovation is considered as a basic driving force in the process of narrowing gaps with developing countries in global economy. Innovation is defined as important precondition towards a transition into self-sustaining innovation led-growth economy. Effective innovation system includes firms, research centers, R&D institutions that provide new knowledge creation, new goods, processes development.

The concepts of technological accumulation and creative destruction are the core of J. Schumpeterian theory. The author emphasizes the distinctness of R&D from other investments in physical or human capital. The Schumpeter's approach provides a detailed account of the economic and institutional determinants of long-run growth and to conceive of the possibility that growth can be sustainable in an economy with limited natural input resources.

The Ukraine's regional economic performance assessment includes the estimation of the significant factors influencing the existence of disproportions between the sectors. The basic problems of regional development relate to the lack of capital investments, old capital assets, and high share of unprofitable enterprises, enterprise's indebtedness, low level of innovations, and insufficient infrastructure level in Ukraine.

The assessment of Ukrainian competitiveness shows the markets concentration at national level and inadequate finance and human capital distribution in regions. The competition is still weaker at regional level. Concentration has a negative and highly significant effect on labor productivity growth. The financial shortage causes the reduction of the quantity of enterprises applied the innovations. Ukraine scored 56.99 points out of 100 on the 2018 Global Competitiveness Report published by the World Economic Forum, which confirm the low efficiency and labour productivity. Ukraine is ranked 71 among 190 economies in the ease of doing business, according to the latest World Bank annual ratings. The rank of Ukraine improved to 71 in 2018 from 76 in 2017. Ease of Doing Business in Ukraine averaged 112.36 from 2008 until 2018, reaching an all-time high of 152 in 2011 and a record low of 71 in 2018 (1).

Method of research

The authors used general scientific and special methods of cognition: structural-logical method – to build the general structure of the research; content analysis and bibliographic search – to study of innovative policy in regions; hierarchical cluster analysis – to compare the regions of Ukraine in terms of innovative development; economic and statistical method – to assess the level of innovative development in Ukraine's regions; graphic method – to visualize the results of the study; scientific generalization – to justify the conclusions.

Results of the research

1. Economic performance in Ukrainian regions in transition

The late and incomplete reforms impede the economic development in Ukraine. It creates numerous market distortions and arbitrage opportunities that generated highly concentrated rents for powerful special interest groups. The modern spatial development of Ukraine is characterized by such main transformational tendencies as:

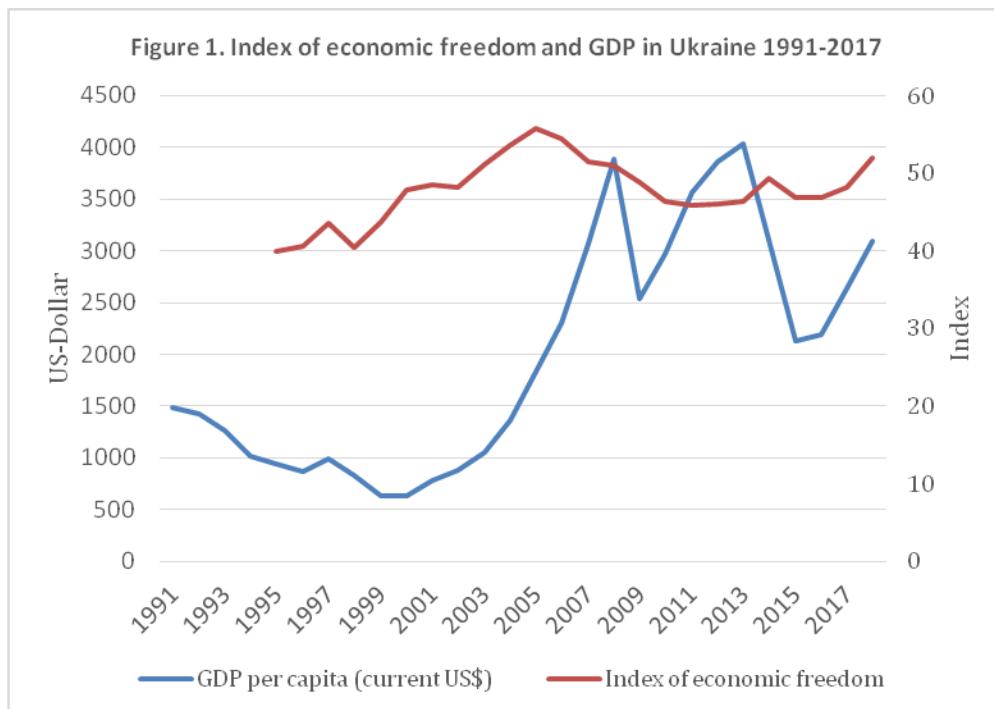
- strengthening interregional socio-economic differentiation;
- combination processes of interstate interregional integration and disintegration;
- transition from economic downturn to economic growth with significant regional peculiarities.

Disproportionate development of the regions negatively affects the development of the country. It should be noted an increase in disproportions between regions in many indicators, both economic and social in Ukraine's regions in transition (2).

The consequences of crisis of 2008–2009 significantly affect the economic development in Ukraine. Global growth dropped to almost 3 percent in 2012, which indicates that about a half a percentage points shaved off the long-term trend since the crisis emerged (3). The global financial crisis drop in GDP is about 4 percent and at least Latvia and Ukraine are likely to face double – digit decline (4). The fixed exchange rate evokes the speculative motives for short-term lending from European banks, and results in increase the balance of payments deficits in East Europe. The slowing of global trend stipulates the rise of inequalities and imbalances within Ukraine. The number of depressed regions increases, and as a result regional disparity are accumulated. GDP showed a positive dynamic starting from 2000 until 2009 when the GDP dropped by 15.1 percent which was a direct consequence of the world financial crisis (Figure 1). Inflation in Ukraine remains relatively high (10–20 percent increase annually with the lowest level in 2002 (0.7 percent) and the highest ones in 2000 (28.2 percent) and 2008 (25.2 percent). The value of the current account balance had a surplus during 1999–2005 period with the highest value in 2004 (6.9 billion US dollars) and a deficit during 2006–2009 with the lowest value in 2008 (12.8 billion US dollars).

The period from 2009 to 2015 is characterized by financial and economic instability that discourage capital formation, and could be seen in the falling part of the curves GDP and index of economic freedom (see Figure 1). The dramatic depreciation of the Hryvnia had a devastating effect on the balance sheet of enterprises. The analysis of Ukrainian macroeconomic data depicts on the tendency of industrial production shortage in heavy industry, including metallurgy and coal-mining industry. It explains through the high production costs, inefficient labor organization, and undeveloped infrastructure. The analysis of economic assessment of Ukrainian competitiveness in 2012 shows the market concentration at national level and the high degree between regional markets. The competition is still weaker at regional level. Concentration has a negative and highly significant effect on labor productivity growth (5).

Following at the latest updates of the overall situation in Ukraine we can say that it has overcome the heavy crisis caused by armed conflict in eastern part of country. At the same time, 200% devaluation of Ukrainian national currency (hryvnia) in 2014–2015 made Ukrainian goods and services cheaper and more competitive. In 2016, for the first time since 2010, the economy grew more than 2%. Ukraine's GDP amounted to approximately 93.26 billion U.S. dollars in 2016.

Source: [6]

The regional competitiveness estimation of 12 Ukraine's regions based on the methodology of Global Competitiveness Index (GCI) examines that Kyiv, Dnepropetrovsk, Sumy, Donetsk. These indicators demonstrate the low labor productivity per capita in the Ukraine comparing to world competitiveness estimation in 55 countries. Lvov ranked on the first tier of regions between Croatia and behind Vietnam in 2005. The second tier of regions includes Poltava, Crimea and Vinnitsa regions. It takes positions below Ukrainian average but ahead of Argentina. The third group Kherson and Cherkassy occupies a very low position between Uruguay and behind Bosnia and Herzegovina (Table 1) (7). The scores of the best and worst performing regions make up 5 percent above or below the national average. The estimation results point out the lower level divergence in terms of GRP per capita. Hanouz, Geiger and Panov (2008) (7) make a conclusion that the degree of economic divergence between Ukrainian regions is moderate comparing to other countries. Gross regional product (GRP) per capita is the most

significant index characterizing the regional potential for producing goods and services. Innovation activities in countries behind the technology frontier, such as Ukraine, focus mainly on the adaptation of machinery, equipment and software (8).

Table 1

Competitiveness of Ukraine's regions

Rank	Country/Economy/Region	Score	Rank	Country/Economy/Region	Score
52	Croatia	4,25	74	Donetsk	4,07
53	Kyiv	4,25	75	Ukraine	4,07
54	Dnepropetrovsk	4,24	76	Botswana	4,07
55	Cyprus	4,23	77	Egypt	4,06
56	Kazakhstan	4,23	78	Poltava	4,02
57	Zakarpattia	4,22	79	Philippines	4,02
58	EL Salvador	4,20	80	Romania	4,00
62	Russian Federation	4,14	81	Crimea	3,99
63	Lvov	4,14	82	Vinnitsa	3,98
64	Jamaica	4,14	83	Argentina	3,98
68	Costa Rica	4,10	90	Uruguay	3,91
69	Khmelnytsky	4,10	91	Kherson	3,90
70	Brazil	4,10	92	Bosnia and Herzegovina	3,86
72	Vietnam	4,08	93	Cherkassy	3,85
73	Sumy	4,07	94	Armenia	3,82

Source: (7).

Ukraine scored 56.99 points out of 100 on the 2018 Global Competitiveness Report published by the World Economic Forum in 2018. Covering 141 economies, the Global Competitiveness Index measures national competitiveness – defined as the set of institutions, policies and factors that determine the level of productivity. Competitiveness Index in Ukraine averaged 16.02 Points from 2007 until 2019, reaching an all time high of 57.03 Points in 2018 and a record low of 3.90 points in 2011 (9, 10). The report draws attention to various areas in which Ukraine's competitiveness has faltered on regressed. Macroeconomic stability has dropped two places.

Matteo et al. (11) proves that without complementary investments, it will not be possible to fully benefit from the advantages of ICT capital for productivity growth.

The deteriorated domestic and external demand affects the output decrease in the major sectors of Ukrainian economy. The volume of industrial production, fixed capital investment, exports and imports of goods and services have decreasing tendency. The consumer price index is increased. The current account and financial account deficit is covered by the interventions of the National Bank of Ukraine. The regional development shows an increase in territorial unevenness and aggravation of socio-economic and political problems in the country.

2. The model of the regional innovation development in Ukraine

Considering the regional innovation development, we apply hierarchical clustering analysis of Gross Regional Product (GRP) from the employment, industrial production index, fixed capital investment index, the number of organizations, conducting scientific research, total value of innovation costs per one thousand employed workers and foreign direct investment (FDI). The hierarchical clustering analysis is conducted using the SPSS Statistics program. The employment defines labor in the region. Industrial production index, and fixed capital investment index determine regional capital. The number of organizations, conducting scientific research, total value of innovation costs per one thousand employed workers and FDI in region denote total factor productivity. We test the following hypothesis: the dependence of regional cluster classification on the input factors of production combination in regions. The data of State Statistics Service of Ukraine used for assessment GRP from variables defining regional development for 27 Ukrainian regions in 2013 (12).

We assess calculating distances between the most developed regions and the undeveloped regions in hierarchical clustering. We estimate the single linkage criteria, showing the distance between the closest neighboring points. The estimation results outline that the Kyiv region is distinguished from other regions. Capital Kyiv is considered outlier from other Ukrainian regions for all estimated periods of time.

The strong specialization by regions producing specific kinds of heavy industry products caused to the division between highly industrialized developed regions with high urbanization and backward rural regions with agrarian orientation in the Ukraine. The centralized industrial organization and the inefficient regional structure formation resulted in the disproportionate regional division in the former Soviet Union. Low demand and liquidity problems remained the major impediments for business development for Ukrainian industrial enterprises in 2013. Other important barriers to development were excessive taxation (which includes tax rates and tax administration) and unfavourable regulatory climate. Enterprise managers assessed investment climate in 2013 as unfavourable. The share of the enterprises that considered the year 2013 to be «unfavourable for the purchase of equipment», the indicator that measures investment environment, increased by 13.9% to 71% in 2013. According to the results of the survey conducted in the 1st quarter of 2014, among major obstacles that hampered investment activity of companies in 2013 were insufficient income (45.5%), unstable political situation (34%), and high cost of capital (28.7%). (13).

The present structure does not consider the geographical location, the economic endowment, and regional specificity. The application Ward's method calculates the simple Euclidean distances from each case in a cluster to the mean of all variables. The graphical analysis of the line of the significant coefficients Ward's method proves the basic three clusters determination. The three clusters differ in particular in regarding to the levels of industrial development and scientific potential. It should be noted the increase of heterogeneity with every step of econometric analysis. A hierarchical clustering model of 27 regions is graphically represented at the dendrogram of regional cluster c classification on the input factors of production combination in regions.

Classification on the input factors of production combination in regions demonstrates that each region has various distributions. It is evident that the first cluster includes the cities of Kyiv, Kharkov, Dnepropetrovsk and Donetsk (Fig. 2).

Dendrogramm verwendet Durchschnittliche Linkage (Zwischen den Gruppen)

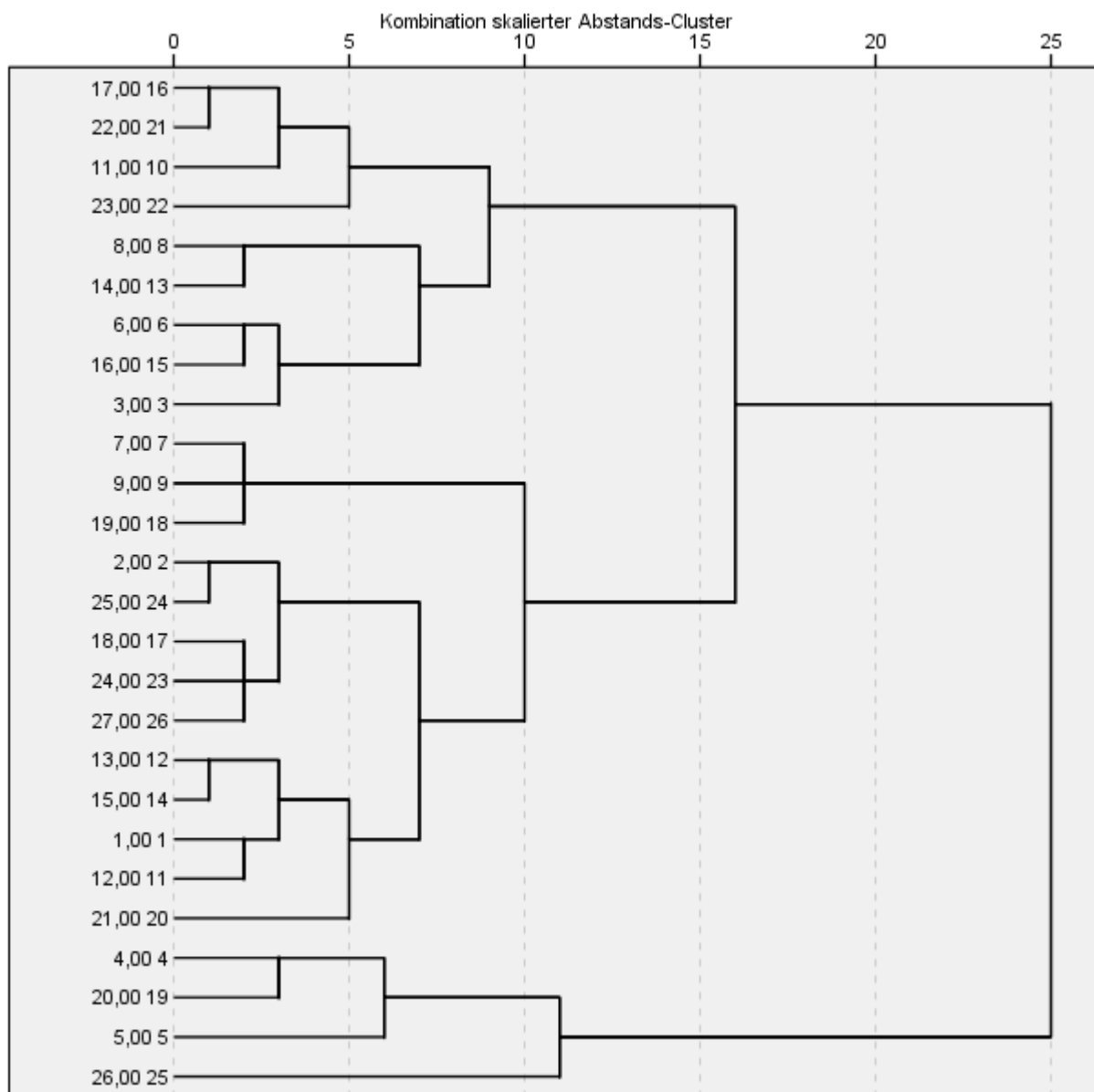

Figure 2. Dendrogram of regional cluster classification on the input factors of production combination in regions (Source: Authors' estimations).

The application of hierarchical cluster analysis for 27 Ukrainian regions in 2013 demonstrates the presence of significant differences in the level of economic, scientific potentials, and confirms the low convergence between three clusters. The sufficient industrial and scientific endowment inheritance creates opportunities to exploit potentials and to improve position in cluster 2 in the rest regions.

The assessment of GRP from variables of the employment, industrial production index, fixed capital investment index, the number of organizations, conducting scientific research, total value of innovation costs per one thousand employed workers and FDI strengthens the dependence of regional cluster classification on the input factors of production combination in Ukrainian regions.

The first cluster shows relatively higher than average level of economic estimation in comparison with two others. It distinguishes via the biggest industrial production concentration, the attraction of the significant financial flows of capital, the

highest innovation capacity within regions, and more than average per capita income in comparison to Ukraine. Within this period, there was the structural break, which could be seen in the given assessment. The real GDP index decreases, inflation (consumer price index), public debt, unemployment rate increases in 2013. The current account balance was negative. The business activity decreases, macroeconomic instability and insufficient quality of institutions constitute a major impediment to Ukraine's regional economic performance as reflected in the regional indicators for 2013 (14). The regional content of the cluster 2 and the cluster 3 shows as unstable and changeable for all estimation periods. The industrial, scientific potential of these regions are significantly low in comparison to the cluster 1. The cluster 2 and cluster 3 include some regions, which are specialized in agrarian production. The cluster mobility shows the low spread in economic development between regions.

The estimation results prove the necessity of applying effective regional policy at the state level of innovative development. Strategic tasks of the state policy for regional development of Ukraine: increasing the competitiveness of the regions and strengthening their resource potential; ensuring the development of human resources; determination of spheres innovative breakthrough, development of interregional cooperation; creation of institutional conditions for regional development.

3. The regional policy: development and implementation options

The Ukraine's regional policy has a priority tasks reflecting the solution uneven development of regions, urban development, restructuring of rural areas, rehabilitation of areas affected by industrial decline and natural disasters. The solution of the basic goals and tasks of regional policy needs the mechanism for implementation of regional programs in Ukraine at the level of cities and villages. The Republic Poland experience of modernization regional policy mechanism demonstrates the establishment of the special coordinating authorities, the so-called intra-regional policy, which implemented by the voivodship self-government bodies in order to achieve its own objectives based on its own funds, and under its own responsibility, but with financial support from the state budget and the European Union. The main implementation tool is regional operational programs.

The urgency for further development and implementation of the National Strategy for Regional Development of Ukraine is creation central coordinating body in the system of executive bodies to ensure effective formation and implementation of the state regional policy. The Ministry of Regional Development, Construction, Housing and Communal Services of Ukraine fulfills the functions of coordinating the development and state registration of agreements on regional development, scientific and methodological support of activities in this area of executive power bodies and local self-government bodies, as well as development within their powers and ensuring. In accordance with the Ukrainian legislation, the implementation of the state regional policy simultaneously entrusted to the Ministry of Economy of Ukraine. The determination priorities of the state policy and appropriate scientifically based spheres of investment are the economic and social components for innovative regional development. The regulatory mechanism of effective adoption and implementation of regulatory acts aimed at ensuring and accelerating domestic regional development.

The innovative regional policy includes the active and comprehensive state, special and regional authorities' policy of financial support of newly created structures and their potential creators of techno parks, technical development centers and other innovative institutions for R&D application and implementation innovative projects. The development of attractive labor force policy for young and highly skilled specialists suggest creation new working places based on joint ventures, foreign companies and their affiliates in Ukraine.

The innovative breakthrough in regional development considers the active state policy, building up administrative capacity at local and regional levels, comprehensive regulatory support of innovative activity, and formation favorable institutional environment.

Summary and conclusions

The implementation of regional economic policy provides necessity to paying attention to the innovative component. Clusters' creation of innovation development in the form of technology parks is the strategy for innovative development in regions. The mechanisms of technology parks implementation consider based on zones with attractive innovation climate. The favorable law legislation, tax exemptions, access to financial sources, availability of office production infrastructure, telecommunications, conditions for comfortable living standards are vivid components for analyzed mechanism.

In the process of cluster model application, it should be noted the crucial role of forms of private public partnership. State is responsible for legal initiatives in providing policy for innovative environment formation. Entrepreneurs are the basic innovators who apply innovative ideas, and implement innovative projects.

References

1. Ease of Doing Business in Ukraine, 2019. – <https://tradingeconomics.com>Ukraine>
2. Nosova O.V. The Effects of Industrial Policy on Regional Development in Ukraine // Zarządzanie Publiczne. 2017. – N 4 (42). – P. 90–101.
3. OECD Global Economic Outlook. November 2013. URL: <https://www.oecd.org/economy/oecd-global-economic-outlook.htm>
4. Aslund A. Implications of the Global Financial Crisis for Eastern Europe // Development & Transition. 2009. – N 13. – P. 2–3.
5. 2019 Index of Economic Freedom (2019). World Heritage Foundation. – heritage.org/index/about
6. OECD Annual Report 2007.

7. Hanouz M.D., Geiger T. The Ukrainian Competitiveness Report 2008. Towards Sustained Growth and Prosperity / World Economic Forum 2008. – Geneva, 2008. – P. 47–109
8. Majcen B., Radosevic S., Rojec M. Nature and Determinants of Productivity Growth of Foreign Subsidiaries in Central and East European Countries // Economic Systems. 2009. – Vol. 33(2), June. – P. 168–184.
9. Ukraine Competitiveness Index. – <https://tradingeconomics.com/ukraine/competitiveness-index>
10. The Global Competitiveness Report 2019 / Ed. by K. Schwab. 2019.
11. Vrontis D., Rossi M. Merges and Acquisitions in the Hightech Industry: A Literature Review // The International Journal of Organizational Analysis. 2012.
12. Statistical publication. Regions of Ukraine. Pt 2. – Kyiv, 2013.
13. Ukraine Competitiveness Rank, 2019. – <https://tradingeconomics.com/ukraine/competitiveness-rank>
14. Institute for Economic Research and Policy Consulting. – Kiev, 2013. – 22 p.
15. Nosova O. V. The Impact of Globalization on Financial Institutions' Development // Europa Regionum. T. 30. Household Finance / Uniwersytet Szczecinski. 2017. – N 1. – P. 99–119.

Павлов Б.С.

д.филос.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Пронина Е.И.

с.н.с. Федерального социологического центра РАН, исполнительный вице-президент РОС. Москва

Павлов Д.Б.

магистр управления, адвокат Адвокатского бюро Свердловской области «Юралс Лигал», Екатеринбург

РОДИТЕЛЬСКИЕ СОВЕТЫ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: трудовая социализация, молодежь, семья, регионы России.

В одном из словарей мы находим такое определение: «Человек – это животное вида позвоночных, класса млекопитающих, рода «*homo sapiens*», наделенное сознанием, которое позволяет ему моделировать свое поведение, изменять окружающий мир и самое себя, исходя из особенностей среды обитания и целеполагания»¹. Человеческий индивид превращается в личность, а затем и в индивидуальность только при условии включения его в орбиту многообразных социальных взаимодействий, складывания у него индивидуального стиля деятельности, занятия определенного положения в системе общественного производства. Лишь при соблюдении этих условий становится осуществим переход человека от «растительной», однозначно детерминированной наследственностью, формы существования к специфически человеческой – социальной форме жизнедеятельности. Именно в этом случае можно говорить о полной реализации природы человека как биосоциального существа.

Значимость процесса социализации молодых поколений в воспроизводстве общественной жизни, в частности, в расширенном воспроизводстве трудового и культурно-нравственного потенциала общества, соответствующего текущим и перспективным целям и задачам его развития, относится к числу важнейших и непреходящих в естественно-историческом процессе развития человеческого общества. В своё время В.А. Сухомлинский очень точно и образно выразил сложный процесс становления личности молодого гражданина: «первый раз рождается живое существо, второй раз – гражданин, активная, мыслящая, действующая личность»². Процесс «второго рождения» принято называть процессом социализации.

Как известно, несомненным приоритетом в социализирующем воздействии на ребенка, подростка на современном этапе развития российского общества традиционно обладают *семья* и *школа*. Оба эти основные социальные институты традиционно призваны быть проводником и реализатором идеологии общественной системы (государства), его социальной политики в сфере производства и воспроизводства человеческого сообщества. Общеизвестно, например, что семья является основным объектом и субъектом реализации государственной демографической политики. Немаловажен и тот факт, что факторы традиционности, социально-психологические и материально-организационные факторы, черты и характеристики, присущие преимущественно этим двум социальным институтам, обеспечивают им возможность эффективного влияния на процесс социализации ребенка (подростка).

Никто, очевидно, не будет отрицать того положения, что решающим фактором в становлении личности молодого гражданина был, есть и останется родитель, учитель, воспитатель, т.е. старший человек, который призван в силу естественно-исторического долга участвовать во всеобъемлющем процессе преемственности поколений, в результате которого индивиды «как физически, так и духовно творят друг друга»³. Заметим, кстати, что применительно к семье это положение справедливо в большей своей части и для взрослых членов этой малой специфической группы.

Известное положение Ф.Энгельса о том, что «семья даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество»⁴, наглядно иллюстрируется деформациями в различных сторонах жизнедеятельности не только российских семей. Переходный исторический период, в хронологических рамках которого живёт Россия сегодня, формирует новые, доселе неизвестные (нетрадиционные) социальные качества жизнедеятельности и поведенческие проявления семейных групп, адекватные этим изменившимся условиям.

Одним из инструментов субъектно-объектного педагогического взаимовлияния в процессе общения старших (в нашем случае – родителей) и младших (их детей) является «*совет*», «*дача и восприятие советов*». В «Толковом сло-

¹ См.: Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Под ред. Е.Г. Слуцкого. – Санкт-Петербург: Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области; Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, 2004. – 733 с.

² Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. – М.: Политиздат, 1971. – С. 65.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 36.

⁴ Там же. – Т. 21. – С. 70.

варе живого великорусского языка» В.И. Даля мы читаем: «Советовать кому что, советывать многократный дать совет, научить, наставить, наумить, дать ума; радить, склонять к чему и убеждать; высказать свое мнение о том, как быть, что делать; внушать кому, как поступать...»¹. В книге Ирины, епископа Екатеринбургского и Ирбитского, написанной более 90 лет тому назад, мы читаем: «Итак, прежде всего, приучайте своих детей к тому, чтобы они слушались вас, зная, что на это воля Божия. Не терпите в них упорства и дерзости к кому бы то ни было. Не всё давайте им, чего бы им хотелось, напротив, приучайте их к самоограничению, воздержанности и умеренности. Требуйте от детей всегда скорого и пунктуального послушания, приучайте их к тому, чтобы они по первому слову исполняли ваши приказания... *Хотите вы, чтобы ваши дети были послушны, оказывайте и доказывайте им свою любовь*»².

На первый взгляд, даже атеистически настроенным родителям, весьма сложно возражать этим мыслям служителя Церкви. Однако реальная семейная практика сегодня свидетельствует о существенных деформациях в отношениях «отцов и детей», об определённой девальвации родительского авторитета, и соответственно, тех советов, ограничений, предостережений, которые они адресуют своим детям. Об особенностях этих трансформаций – ниже.

Влияние родительской семьи на процесс профессиональной социализации своих детей с известной долей условности можно подразделить на три этапа:

Этап I – период первичной социализации детей и подростков, связанный с трудовым воспитанием, профессиональной ориентацией, завершением их общеобразовательной учёбы. **Предполагает совместное проживание «отцов и детей».**

Этап II – учёба в учреждениях профессионального образования. **Подразделяется в большинстве случаев на два варианта проживания «отцов и детей»: а) совместное; б) раздельное.**

Этап III – социально-экономическое сопровождение (патронирование) родителей своих детей – молодых специалистов на этапе их адаптации в сфере общественного производства, в процессе образования и развития их молодых семей. **Преимущественно раздельное проживание «отцов и детей».**

Прохождение родительскими семьями каждого из выделенных этапов обусловлено как особенностями социально-демографического состава этих малых социальных групп, так и уникальностью их жизненных судеб создания и функционирования. Остановимся на некоторых аспектах заявленной нами проблемы.

Комплекс исследований, проведённых авторами статьи, в Институте экономики Уральского Отделения Российской Академии Наук за последние три десятилетия в ряде городских и сельских поселений Урала позволяет более предметно и доказательно анализировать актуальные проблемы трансформации взаимоотношений поколений на уровне семейной группы, изменения социально-психологического влияния на трудовую и профессиональную социализацию своих детей. В частности, мы обратимся к результатам, следующих массовых и представительных социологических опросов:

– **2007 г.** – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодёжной среде. В числе опрошенных 327 подростков из числа так называемых, по оценкам учителей, «благополучных» («Б») и 338 – «трудных» («Тр») – **«Урал-Семья-2007»;**

– **2007–2008 гг.** – в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено **пять категорий** респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел. в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел.; д) специалисты властных структур, преподаватели школ – 220 чел. – **«Урал-Семья-2008»;**

– **2014 г.** – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города-ЗАТО «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков (из них –200 учащихся 5–6-х и 300 – 9–11 классов) – 8 школ Кировского района г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодёжи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и жизненных планов – **«Урал-Школа-2014»;**

– **2018 г.** было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в Уральском регионе, включавшее, в частности, опрос 1000 студентов первых и четвёртых курсов четырёх уральских вузов на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; г) в трёх институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) – 400 чел – **«Урал-Вуз-2018».**

Как свидетельствует повседневная воспитательная работа старших поколений россиян с младшими, основным оружием воздействия традиционно остаётся БЕСЕДА. В исследовании **«Урал-Школа-2014»** юным респондентам из двух уральских городов задавался вопрос: **«О чем из предложенного перечня тем разговоров у тебя бывали беседы с родителями? Количество ответов не ограничивается».** Полученные нами ответы представлены в табл. 1:

Таблица 1

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – <http://www.infoliolib.info/sprav/dal/01/1605.html>

² Послушание // Православная газета. – Екатеринбург, 1996. – № 12.

**Содержание бесед родителей с подростками в уральских городах
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)**

Тематика «воспитательных» бесед между «отцами и детьми»	Группы	
	Екатеринбург / Лесной	Лесной: юноши / девушки
I. О нравственно-этическом поведении		
О необходимости хорошо учиться	82 / 75	73 / 77
О необходимости убирать за собой (в комнате, чистить обувь)	71 / 63	58 / 68
Об уважении к старшим	46 / 47	47 / 47
О недопустимости нецензурной речи	42 / 41	44 / 38
О культуре взаимоотношений между юношей и девушкой	31 / 37	31 / 40
О милосердии к слабым, младшим, больным	28 / 27	27 / 26
О вреде пристрастия к азартным играм	22 / 25	32 / 20
II. О здоровье и самосохранительном поведении		
О вреде пристрастия к курению	43 / 44	46 / 43
О вреде пристрастия к алкоголю	36 / 38	42 / 35
О необходимости ежедневно чистить зубы и делать физзарядку	34 / 34	33 / 35
О вреде пристрастия к наркотикам	33 / 37	36 / 30
О вреде переедания и режиме правильного питания	32 / 31	21 / 39
О необходимости постоянного наблюдения у врача	13 / 15	11 / 19

Приведённые нами конкретные данные по двум уральским городам дают компетентному читателю богатую пищу для размышлений и выводов о содержании общения поколений «отцов и детей» в России, в частности, на Урале. В статье мы лишены возможности подробно «ввязываться» в подобные рассуждения. Обратим внимание лишь на одно очень важное, на наш взгляд, обстоятельство. Сравнительная идентичность атмосферы воспитательно-го общения в родительских семьях двух кардинально разнящихся городских поселений (гг. Екатеринбург – 1,500 тыс. чел. и Лесной – 50 тыс. чел.) ещё раз свидетельствует об унификации социализационного процесса в разных селитебных общностях, всё большую его детерминацию политикой СМИ. Вне зависимости от географического расположения и социально-экономического состояния поселений, в них формируется (как в поточном производстве) во многом **унифицированный родитель-воспитатель**. Хорошо это или плохо – трудно сказать... Но нужно осознавать, что это ТАК!¹

Взрослая жизнь – это не только возрастной период, но и участие в труде, и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе семейной, или же в том случае, если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного, с медицинской точки зрения, риска. На вопрос нашим респондентам – учащимся сельской местности («Урал-Семья-2008») «Умеете ли Вы выполнять (более или менее «сносно») следующие работы?» нами были получены следующие ответы – табл. 2:

Таблица 2

Умения и навыки в домашней работе у сельских подростков на Урале (% от общего числа опрошенных в селе юношей и девушек)

Виды работ, занятия	Юноши	Виды работ, занятия	Девушки
Пилить, колоть дрова	45	Варить борщи, супы	47
Косить траву	33	Стряпать пироги	40
Водить машину	33	Вышивать	39
Водить мотоцикл	29	Вязать варежки, носки	17
Стоговать сено, солому	14	Заготавливать соленья, варенья	17
Водить трактор	13	Шить платья, одежду	13
Плотничать	11	Доить корову	13
Запрягать лошадь	7	Выпекать хлеб	9

Хорошо это или плохо, что в России (в нашем случае, на Урале) 47% современных 16–17-летних сельских девушек (заметим, в недалёком будущем – жён, матерей) умеют «варить борщи, супы», 40% – «стряпать пироги», 17% – заготавливать варенья, соленья? Да, скорее всего, хорошо для семей их родителей и для будущих их собственных семей. Но посмотрим на эти цифры с другой стороны. По самооценкам наших молодых респондентов-селянок, к 10–11-у классу 53% от общего числа опрошенных – «не научились» варить борщ, 60% – стряпать пироги и 83% не умеют заготавливать варенья, соленья. Заметим, что речь шла не о городских девушках, «приближенных» к услугам общепита, а о селянках, «приближенных к земле», к натуральному хозяйствованию².

«Интеллектуализм» современного подростка, большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с

¹ Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. – № 25. – С. 2–11.

² Павлов Б.С. Трансформация отношения молодежи к труду в старопромышленном регионе: онтогенетический аспект // Экономика региона. 2015. – № 3. – С. 134–147.

ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими¹. Немаловажен вопрос о процессе перехода молодых людей к экономической самостоятельности.

В частности, о деньгах, вернее о так называемых «карманных деньгах», подростка. В опросе «Урал-Семья-2007» родителям и экспертам задавался вопрос: «Как Вы считаете, с какого класса могли бы зарабатывать собственные деньги на созданном специально для школьников предприятии учащиеся вашей школы?» Отметьте наиболее ранний возраст – один вариант». Вот мнение родителей и экспертов – табл. 3:

Таблица 3

Мнения экспертов и родителей подростков об оптимальном возрасте включения детей во «взрослый труд» (% от общего числа опрошенных по каждой группе):

Желаемый возраст начала трудовой деятельности школьников:		Группы	
		Родители	Эксперты
Начинать работать и зарабатывать собственные деньги дети могли бы начинать, обучаясь в:	3–5 классе	2	–
	6–7 классе	13	16
	8–9 классе	33	40
	10 классе	17	18
	11 классе	7	7
В школе дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они «успеют» после окончания учёбы		28	19

Мы видим, что большая часть родителей «голосуют» за вовлечение их детей в производительный, оплачиваемый труд в 7–10 классах. Нельзя не отметить и довольно представительную группу родителей (28%) и экспертов, которые придерживаются того мнения, что «в школе (в училище) дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они «успеют» после окончания учёбы». Согласимся что подобный лейтмотив «щадящего» подхода к обучению и участию своих детей в повседневной жизни семьи присутствует, как правило, в повседневном общении и поведении родителей со своими детьми (во многих случаях – своим единственным ребёнком). «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, писал К.Д. Ушинский, – должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни. ...Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объём сведений, но должно зажечь в нём жажду серьёзного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой. Но воспитание, продолжает Ушинский, – не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду: оно должно ещё дать ему и привычку к труду, по тому что дельный, серьёзный труд всегда тяжёл...»².

Существенно сокращаются возможности родительской семьи по мере взросления детей, в частности после окончания школы и начала учёбы в вузе.

Как показало наше исследование «Урал-Вуз-2018» подавляющее большинство наших молодых респондентов (93%) не имели собственной (молодой) семьи, при этом 51% из них жили (на момент опроса) совместно с родителями, а 42% – отдельно от родителей (общежитие, снимали квартиру, комнату, «угол» или имели собственное жильё). О существенных различиях в жилищной обеспеченности студентов уральских ВУЗов можно судить по следующим данным (% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу; в числителе – % живущих совместно с родителями, в знаменателе – % живущих отдельно от родителей): УрФУ – 65 / 30; АГАСУ – 58 / 37; УрГАУ – 52 / 42; УрГУПС – 46 / 46; ЮУрГУ – 28 / 58.

Вряд ли было бы корректным подобную разницу объяснять, например, лишь разной заботой администраций вузов о строительстве и предоставлении учащимся общежитий, стремления наращивать фонд койко-мест в общих студенческих домах. Важным фактором здесь является имидж конкретного вуза среди населения этого города, провоцирующее стремление городских родительских семей учить (при соответствующих возможностях) своих детей именно в ЭТОМ вузе. При этом вынужденное платное обучение при «домашнем» содержании сына-студента (или дочери) обходится общему семейному бюджету гораздо ДЕШЕВЛЕ. Нельзя сбрасывать со счётов и появляющиеся у родителей возможности контроля (иногда «тотального») за учебными и внеучебными делами своих детей³.

Одним из показателей (индикатором) заинтересованности родителей в результатах процесса профессиональной социализации своих детей-студентов могут служить частота и причины (поводы) посещения ими места учёбы и проживания детей. В связи с этим, в исследовании «Урал-Вуз-2018» студентам II–IV курсов задавались два вопроса, первый из которых формулировался так: «Сколько раз, как часто приезжали/приходили Ваши родители (родственники) в вуз, где Вы учитесь, где живёте, проводите свободное время?» и второй вопрос: «Повод, причина посещения Вашими родителями (родственниками) вуза, где Вы учитесь?» – табл. 4:

Таблица 4

¹ Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс. М.: Сов. Россия, 1989.

² Умом и сердцем: мысли о воспитании. – М.: Политиздат, 1980. – С. 155.

³ Лоншакова Н.А., Павлов Б.С. Студенческая молодёжь на региональном рынке труда: проблемы ориентации и адаптации (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург; Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 81 с.

Частота и причины посещения родителями вузов, где учатся их дети (% от общего числа опрошенных по каждому вузу)

Варианты ответов	Вузы					В целом
	УрФУ	ЮУрГУ	УрГАУ	УрГУПС	АГАСУ	
А. СКОЛЬКО РАЗ, КАК ЧАСТО ПРИЕЗЖАЛИ.....						
1 раз	29	35	21	43	27	32
2–3 раза	8	26	15	21	31	24
4–5 раз более	5	8	3	8	14	109
пока ни разу	58	32	61	27	28	34
Б. ПОВОД, ПРИЧИНА ПОСЕЩЕНИЯ						
Были во время поступления в вуз (подача заявления, репетиторство, сдача экзаменов)	31	46	31	47	55	47
В ректорат, администрацию вуза по поводу стипендии, оплаты учёбы, общежития, поведения своего сына (дочери)	9	4	9	8	12	10
Просто в гости, навестить, поведать	4	24	3	20	8	12
Пока не были ни разу	58	32	61	27	28	34

Можно найти массу причин и «отговорок» сравнительно низкой «гостевой активности» родительских семей. Вряд ли мы имеем здесь основания и право обвинять их за такую родительскую пассивность. *Вместе с тем, к числу главных причин следует отнести недостаточную активность администрации и общественности вузов по привлечению родителей к процессу обучения и воспитания студенческой молодёжи*¹.

Следует отметить, что человек становится полноценным членом общества, целостной индивидуальностью, будучи реальным субъектом социализации, усваивающим социальные нормы и культурные ценности в единстве с реализацией своей активности, саморазвитием и самореализацией. В свою очередь, субъектом социализации человек становится в силу чисто объективных причин, т.к. на протяжении всей жизни на каждом возрастном этапе перед ним встают задачи (естественно-культурные, социально-экономические, социально-психологические и др.), для решения которых он более или менее осознанно, а чаще неосознанно, ставит перед собой соответствующие цели и вырабатывает способы их достижения, тем самым проявляя свою субъектность².

В какой мере и каким образом оказывает влияние родительская семья на процесс профессиональной социализации своих детей после получения ими дипломов об окончании вуза. Естественно, важнейшим фактором такого влияния выступают денежно-финансовая и материальная взаимопомощь. Как правило, такая помощь на втором и третьем этапах социализации односторонна: от родителей – детям. Одно лишь подтверждение этому.

В анкете опроса «Урал-Вуз-2018» задавался вопрос: «Оцените, пожалуйста, кто несёт (нёс в прошлом) основные расходы за Вашу учёбу в вузе (оплата за обучение, содержание вас – питание, одежда и др. расходы)?» Вот как распределились ответы респондентов по четырём вариантам ответов (% от общего числа опрошенных – 1000 чел.):

– по преимуществу за всё платят (платили) мои родители (родственники)	– 63
– помимо родителей, сам зарабатывал деньги на своё содержание и учёбу	– 29
– на свою учёбу и своё содержание я зарабатывал (а), преимущественно, сам (а)	– 6
– другой вариант	– 3

Нетрудно видеть, что основная часть оплаты за обучение молодёжи в вузе в настоящее время ложится на родительскую семью – 75–90%. Введение государством института платных образовательных услуг породило для значительной части населения проблему жизненно важного выбора между необходимостью обеспечения затрат семей на оплату витально необходимых продуктов питания, одежды, жилищно-коммунальных услуг и т.д., с одной стороны и, с другой, стремлением обеспечить детям возможность получения более качественного образования, выбора более перспективной и престижной профессии. Этот выбор, в конечном итоге, определяется, прежде всего, реально оцениваемыми возможностями семейного бюджета. Важна, естественно, и система сложившихся ценностных ориентаций, приоритетов в решении жизненных проблем у родителей и их взрослеющих детей³.

На современном этапе развития российского социума феномен экономического поведения молодёжи – это не только и не столько поведение и активность молодых в сфере реализации их материально-экономических потребностей, интересов и устремлений. В числе других факторов, имманентно влияющих на жизнедеятельность молодёжи (в частности на ее миграционную мобильность), немаловажное (а нередко и определяющее) значение имеют параметры,

¹ Павлов Б.С., Кузьмин А.И., Каргаполова Е.В., Соколова (Колунина) Э.Г. Материально-денежные скрепы в отношениях уральских студентов со своими родителями // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 1. – С. 696–702.

² Павлов Б.С. Козлов В., Бердник Л.П. Высшие учебные заведения в регионе: по пути традиций к инновациям. Проблемы модернизации высшего профессионального образования в регионах / Lambert Academic Publishing. – Saarbrücken, 2014. – 82 с.

³ Павлов Б.С., Багин В.В., Лоншакова Н.А. Рынки труда и образовательных услуг в контексте социальной безопасности региона (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург; Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 93 с.

факторы их социального статуса (*профессионально-должностного, семейно-бытового и др.*), статус территории и поселения проживания (*природно-экологические особенности, статус города, безопасность жизнедеятельности и др.*)¹.

Сразу уточним: такие материально-денежные отношения не ограничиваются лишь меркантилизированными «взаиморасчётами». Материальные скрепы поколений родительской семьи, как правило, тесно «переплетаются» с «духовными скрепами», системой взаимовлияния «отцов и детей», в процессе которого реализуется обязательная компонента прогрессивного развития социума – преемственность поколений². При этом важно подчеркнуть, что на втором и третьих этапах социализации инструментом такого влияния является не прямой совет (указание, подсказка) старшего в непосредственных беседах «отцов и детей». Ориентирами для поведения детей служат, в большинстве своём, сформировавшиеся в их сознании сравнительно устойчивые представления о позициях, мнении своих родителей, их ценностных ориентациях и отношении к тем или иным феноменам окружающей действительности. Подкрепим наши рассуждения результатами опроса. В вопросе анкеты «*Ваше мнение о том, как отнесутся Ваши родители, родственники к следующим возможным Вашим решениям, планам?*» («Урал-Вуз-2018») респондентам предлагалось предвосхитить позицию своих родителей относительно жизненно важных решений, которые предстоит сделать их детям после окончания вуза. допускался только дихотомический вариант ответа «ЗА» или «ПРОТИВ». Распределение ответов см. табл. 5:

Таблица 5

**Мнение студентов о прожективных ценностных ориентациях своих родителей
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)
а) дифференциация ответов по полу и курсам обучения студентов:**

Прожективное положительное отношение родителей к возможным действиям своих детей (вариант ответа «ЗА»)	Группы			
	Пол		Курс	
	М	Ж	1–2-й	4-й
Жениться (выйти замуж) ещё во время учёбы в вузе	20	20	21	18
Жениться (выйти замуж) сразу после окончания вуза	51	60	58	52
Совмещать учёбу в вузе с дополнительной работой, (<i>приработком</i>)	80	66	73	74
После получения диплома пойти учиться дальше (<i>магистратура, другой вуз...</i>)	68	77	74	70
После получения диплома начать работать по другой специальности	55	46	53	46
После получения диплома уехать работать в село (сельскую местность)	27	15	19	25
Попытаться заняться предпринимательством, бизнесом	70	64	66	68
После окончания вуза работать не в Екатеринбурге, а в другом городе России	72	67	70	70
После окончания вуза уехать работать за границу, в другую страну	57	57	58	55

б) дифференциация ответов по вузам:

Прожективное положительное отношение родителей к возможным действиям детей (вариант ответа «ЗА»)	Вузы				
	УрФУ	ЮУрГУ	УрГАУ	УрГУПС	АГАСУ
Жениться (выйти замуж) ещё во время учёбы в вузе	56	54	40	49	65
Совмещать учёбу в вузе с дополнительной работой, (<i>приработком</i>)	66	73	64	84	70
После получения диплома пойти учиться дальше (<i>магистратура, другой вуз...</i>)	92	72	74	53	83
После получения диплома начать работать по другой специальности	34	61	20	64	49
После получения диплома уехать работать в село (сельскую местность)	27	29	5	19	23
Попытаться заняться предпринимательством, бизнесом	66	68	62	55	77
После окончания вуза работать не в Екатеринбурге, а в другом городе России	78	71	56	63	75
После окончания вуза уехать работать за границу, в другую страну	79	54	41	48	63

Для заинтересованных и компетентных специалистов представленные результаты, являют собой «*кладёзь возможностей*» оценки состояния системы российского профессионального образования, его региональные и профессионально-производственные возможности и перспективы дальнейшего развития. Взять, хотя бы, оценку настроения уральских родителей относительно их закрепления на Урале. Более половины родительских семей, по мнению детей не возражали бы, чтобы молодые люди «уехали работать и жить с Урала»³.

В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации (12 декабря 2012 г.) отмечается: «Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность, и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность. Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – это, безусловно, проявление тоталитаризма. Это для нас абсолютно неприемлемо. мы и не собираемся идти по этому пути. мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего об-

¹ Павлов Б.С., Анисимов С.А. Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН, Физико-технологический институт Уральского федерального университета. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 603 с.

² Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – М.: Наука, 1984. – 225 с.; Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.

³ Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала 2013. – № 12. – С. 90–94.

разования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а, прежде всего, пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России»¹. Трудно возразить против такого позитивного целеполагания.

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию (полный текст). – <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>

Пронина Л.И.

д.э.н., профессор РАНХиГС

БЛАГОСОСТОЯНИЕ РЕГИОНОВ И МУНИЦИПАЛИТЕТОВ – ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *повышение эффективности управления в регионах, регионы и муниципалитеты, города, финансовая устойчивость, социально-экономическое развитие, национальные проекты, госпрограммы, финансовая помощь, субъекты РФ,*

Keywords: *improving the efficiency of regions management, regions and municipalities, towns, financial stability, socio-economic development, national projects, state programs, financial assistance, subjects of the Russian Federation.*

1. Типы городов

В настоящее время применяются различные классификации типов городов. Среди них – классификации:

- По численности населения
- По функциям (специализации)
- По пространственной модели
- По административно-территориальному статусу
- По индексу устойчивого развития городов

В данной статье применена классификация, основанная на административных признаках дифференциации населенных пунктов.

На 01.01.2015 на территориях субъектов Российской Федерации действовало 22 734 муниципальных образований. Из них 2,3% – городские округа, 8,0% – муниципальные районы, 7,2% – городские поселения, 81,4% – сельские поселения, 1,1% – внутригородские районы в городах с внутригородским делением.

В соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к городам можно отнести такие муниципалитеты, как городские округа, городские округа с внутригородским делением, городские поселения, субъекты Российской Федерации – города федерального значения, в которых в соответствии с уставами указанных субъектов Российской Федерации местное самоуправление осуществляется органами местного самоуправления на внутригородских территориях.

К городам с особым статусом относятся закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО,) являющиеся городскими округами, особенности осуществления местного самоуправления в которых устанавливаются федеральными законами. Наукограды также являются городскими округами, в которых особенности осуществления местного самоуправления устанавливаются федеральными законами.

2. Система управления и финансирования регионов

В современных условиях России одним из основных стимулов экономического роста является развитие регионов и городов. Плановая реализация данного стимула возможна лишь на основе разработки и реализации государственной политики регионального развития.

Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» содержит основные положения реализации такой политики.

Одним из принципов государственной политики регионального развития, установленных Указом, является «реализация стимулирующих мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований при условии самостоятельного осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления своих полномочий, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами».

В 2018 году доходы консолидированных бюджетов российских регионов увеличились на 1,6 трлн. рублей (15,2%). Наибольший вклад в рост совокупных доходов внесли прирост поступлений по налогу на прибыль (+577 млрд. рублей), НДС (+402 млрд. рублей) и федеральных дотаций всех видов (+276 млрд. рублей). Так как существенная часть федеральных дотаций направляется на выплату зарплат бюджетникам, то вклад дотаций в прирост доходов еще выше – они возвращаются в консолидированные бюджеты в виде НДС с зарплат бюджетников.

В 2018 году сбалансированность консолидированных бюджетов субъектов РФ повысилась. Это видно из информации Минфина РФ об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на 1 октября 2018 года:

- Профицит региональных бюджетов составил 754 млрд. рублей (в 2017 году профицит – 503 млрд. рублей)
- С профицитом исполнены бюджеты 69 регионов (против 54 в 2017 году) с суммарным профицитом 781 млрд. рублей.
- С дефицитом исполнены бюджеты 16 регионов (против 31 в 2017 году) с суммарным дефицитом 27 млрд. рублей.
- Привлечение кредитов кредитных организаций составило 712 млрд. рублей, погашение – 1007 млрд. рублей (в 2017 году – 892 и 1183 млрд. рублей соответственно).

Если для федерального бюджета профицит или дефицит оценивается как доля от объема ВВП за год, то с регионами действует другая методика: профицит или дефицит сравнивают с объемом их собственных доходов (налоговые и неналоговые поступления без учета помощи из федерального бюджета).

Лидерами по уровню профицита в 2018 году стали Дагестан (30,5% к доходам) и Севастополь (27,4%), однако во многом это связано с низким уровнем их самодостаточности. В пятерку самых профицитных регионов также вошли ЯНАО, Кемеровская и Волгоградская области.

Наиболее высокий уровень дефицита бюджета зафиксирован у Мордовии (24,5% доходов), Хабаровского края (10,8%) и Еврейской автономной области (6,9%).

При этом самый бедный регион России – это Тыва. Уровень бедности здесь 41,5%. В республике темпы роста реальных доходов населения ниже, чем в среднем по стране. Безработица в республике втрое выше, чем медианный показатель по России. Данная ситуация обусловлена тем, что судя по структуре экономики, она полностью зависима от отраслей, финансируемых за счет бюджетов разных уровней: образование, здравоохранение, госуправление и военная безопасность, которые формировали в 2016 45% валового регионального продукта (это абсолютный максимум среди всех регионов РФ).

Начало 2019 г. было благополучным для консолидированных бюджетов регионов: доходы за январь–апрель 2019 г. выросли на 23% по отношению к тому же периоду 2018 г. Отметим, что основными причинами повышения доходов региональных бюджетов в 2019 г. являются рост поступлений от налога на прибыль организаций – почти в полтора раза и трансфертов – на 21%. Сократились доходы только в Республике Башкортостан (на 6%) из-за снижения почти на треть поступлений от налога на прибыль организаций.

Объем дотаций регионам в 2018 г. впервые превысил 1 трлн. руб. При этом дотации обеспечили рекордный профицит в подавляющем большинстве субъектов РФ.

Размер дотаций достиг в 2018 г. 1,035 трлн. руб., в 2017 г. он составлял 759 млрд. руб., а в 2016 г. – 656 млрд. руб. Особенность 2018 года – те или иные дотации получили все российские регионы, включая Москву и Тюменскую область [самые богатые]. Причем Москва с объемом дотаций 27,6 млрд. руб. вошла в топ-7 регионов по объему полученных дотаций.

3. Пути развития городов и их влияние на рост экономики страны

Следует отметить, что обеспечение нормальной жизнедеятельности населения городов зависит не столько от числа органов местного самоуправления и их территориальной близости к гражданам, сколько от эффективности деятельности муниципальных предприятий и учреждений, многофункциональных центров, от качества предоставляемых ими социальных и исполнительно-распорядительных услуг.

Основная характеристика эффективного функционирования городской среды – устойчивое, в том числе финансовое, развитие городов.

Определение понятия «устойчивое развитие» охватывает пять составляющих:

- Основные потребности населения.
- Эффективность использования ресурсов.
- Чистота окружающей среды.
- Городская инфраструктура.
- Ориентация на устойчивое развитие в будущем.

При этом следует отметить пять направлений устойчивого развития:

- Реструктуризация промышленности в комплексе с рекультивацией земель
- Повышение сбалансированности городского бюджета
- «Зелёное» городское планирование
- Обеспечение прозрачности нормативных требований и административных функций
- Комплексная широкомасштабная утилизация отходов
- Межведомственное взаимодействие.

При современном состоянии экономики можно признать в качестве важнейшего направления устойчивого развития городов поддержку малого и среднего предпринимательства.

Значительную роль в этом играет нацпроект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», Вклад МСП в ВВП страны до конца 2024 года должен вырасти с 22,3 до 32,5%.

Сегодня доля МСП в структуре занятого населения страны, по данным Минэкономразвития России, составляет порядка 27%, а вклад в ВВП – около 21%.

На данный момент в разных регионах России открыт 61 центр «Мой бизнес» (на 37% выше плана), в которых, по информации субъектов РФ, уже было предоставлено около 417 тыс. услуг. Направленные в том числе на консал-

тинговую и образовательную поддержку центры «Мой бизнес» провели почти 10,5 тыс. профильных мероприятий, в которых приняло участие около 180 тыс. человек. К 2024 году в городах с населением свыше 100 тыс. человек должно быть создано не менее 100 таких центров.

В современных условиях и в перспективе все более значимым направлением устойчивого развития городов становится цифровизация.

Проект «Умный город» реализуется в рамках нацпроекта «Жилье и городская среда» и госпрограммы «Цифровая экономика». Его цель – повышение качества управления городами и уровня жизни населения в них за счет внедрения передовых цифровых и инженерных решений.

При этом Открытый банк решений «Умный город» предлагает 180 проектов в 374 городах. Так, проект «Цифровой муниципалитет» (г. Ялта) решает задачу приведения в соответствие с фактическими данными кадастровой информации о земельных участках с ее отображением на ГИС. По результатам автоматизации перемещения местный бюджет получил дополнительно 400 млн. руб. при стоимости проекта 40 млн. руб.

Электронный документооборот ускорит развитие инвестиционной деятельности в регионах и городах. Этому будет способствовать Закон «О защите и поощрении капиталовложений и развитии инвестиционной деятельности в Российской Федерации». Об этом законе упоминал Президент России Владимир Путин в ежегодном Послании Федеральному собранию в 2020 году

В Законе инвестиционный режим распространяется на все виды предпринимательской деятельности, уменьшается количество процедур для инвестора, процесс подписания инвестиционных соглашений становится максимально публичным и прозрачным.

Инвестиционные соглашения будут заключаться в электронном виде, в них четко прописаны обязанности государства, и документ будет доступен для просмотра. Такие меры защитят инвесторов от неожиданностей и заставят региональные власти действовать активнее и выполнять все взятые на себя обязательства.

4. Специфика некоторых типов городов и ее влияние на развитие экономики

Моногорода. Правительством РФ было принято решение о создании территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований (моногородов), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, и на территориях монопрофильных муниципальных образований (моногородов) со стабильной социально-экономической ситуацией.

Постановление Правительства РФ от 26.04.2017 № 494 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2015 г. № 614» принято в связи с внесением изменений в Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» направлено на совершенствование механизмов принятия решений о создании ТОСЭР в моногородах или придании такого статуса всему муниципальному образованию.

Уточнены, в частности, требования к инвестиционным проектам, реализуемым на таких территориях свободного предпринимательства, установлены также дополнительные требования к резидентам ТОСЭР в моногородах.

Необходимость софинансирования муниципальных проектов со стороны федерального института развития – некоммерческой организации «Фонд развития моногородов» (ФРМ) сохраняется для решения таких проблем, как местные дороги, энергетические потребности и возможность подключения к коммуникационным сетям, а в ряде случаев – создание систем электро-, газо- и теплоснабжения, водообеспечения и водоотведения в муниципалитетах.

Базовым сценарием развития моногородов является привлечение частных инвестиций в новые производства при активном содействии органов государственной власти и органов местного самоуправления. Спектр новых производств сильно варьирует в зависимости от специфики территорий.

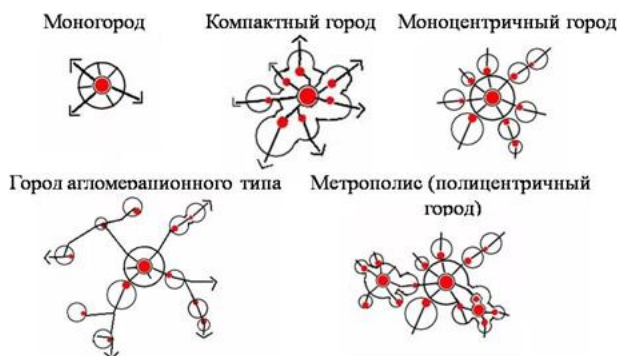
Это могут быть:

- инновационные стартапы, включая ИТ-проекты;
- выпуск робототехники;
- производство высокотехнологичного медицинского оборудования;
- организация логистических центров;
- глубокая переработка древесины;
- хранение, переработка и реализация сельскохозяйственной продукции.

Агломерации

Агломерация (от лат. *agglomerare* – присоединяю, накапливаю, нагромождаю) – это скопление городов, объединенных в территориальную систему производственными, административными, трудовыми, культурно-бытовыми связями. Агломерации бывают моноцентрические, например Московская, и полицентрические, например Кузбасская. В настоящее время в России существует примерно 16 агломераций.

Типы городов по пространственному развитию

13

Рисунок 1.
Типы городов по признаку пространственного развития

Рисунок 2.
Типы агломераций по численности населения

На разных стадиях развития агломерации на фоне последовательной интеграции возможны разные состояния сбалансированности. В первую очередь, характерен дисбаланс между ядром (центром) и периферией (спутниковой зоной), который снижается по мере возникновения новых точек роста. Но «подтягивание» окраин по отдельным характеристикам способно вновь нарушить баланс внутри агломерации.

Агломерации сегодня являются драйвером экономики и точками притяжения трудовых ресурсов. Они способны давать прирост в 5–7 процентов ВВП. Однако такие населенные пункты не имеют правового статуса. По сути город-ядро с деловым и культурным центром и пригороды со спальными районами являются разными административными единицами, а в случае с городами федерального значения даже разными субъектами РФ.

Город-ядро и пригороды не могут объединить свои усилия для реализации инфраструктурных проектов, а страдают от этого их жители. Они стоят в пробках из-за отсутствия хороших дорог и альтернативных видов транспорта, соединяющих центр и окраины, не могут добиться мест в детских садах и школах, так как социальная нагрузка ложится в основном на спальные пригороды.

В настоящее время нет законодательного регулирования правового статуса агломераций. Существует лишь Концепция проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях развития городских агломераций».

Представляется целесообразным и своевременным дать в федеральном законодательстве определение понятия «городская агломерация», которое бы стало прочной юридической основой для проведения государственной политики по развитию городских агломераций и создало бы возможности:

- для отдельного статистического учета происходящих в городских агломерациях процессов,
- для работы по выработке мер стимулирования развития агломераций,
- по подготовке дальнейших мер правового регулирования механизмов управления агломерациями.

В частности, экспертами предлагается внести следующее определение городской агломерации в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: «Городская агломерация – это совокупность муниципальных образований, в пределах территории которых компактно расположены населенные пункты, в том числе городские, объединенные интенсивными производственными, инфраструктурными, социальными и экономическими связями».

Критерии определения территории городской агломерации устанавливаются Правительством Российской Федерации исходя из численности жителей города (городских населенных пунктов), вокруг которого (которых) формируется городская агломерация, а также расстояния до этого города (городских населенных пунктов) от других населенных пунктов и (или) интенсивности ежедневных коммуникаций между населенными пунктами.

На развитие инфраструктуры агломераций ежегодно уходит 568 миллиардов рублей.

Агломерации не должны решать совместные задачи только за счет собственных бюджетов, тем более что финансовые возможности муниципалитетов не достаточны. Нужно разработать отдельную государственную программу для таких городов.

Создание такой программы могло бы обеспечить финансовые вливания в развитие инфраструктуры агломераций. Это наиболее актуальная для такого типа городов проблема, инвестиции на эти цели необходимо увеличить в три раза до 1,6 триллиона рублей в год. Использовать для этих целей можно не только государственные средства. Частные инвестиции должны играть доминирующую роль в развитии агломераций.

Заключение. Благополучие регионов и муниципалитетов в значительной мере зависит от их устойчивого развития на основе применения современных технологий, включая цифровизацию, привлечения бюджетных и частных инвестиций, развития человеческого капитала. При реализации этих условий благополучие регионов и муниципалитетов становится важнейшим фактором социально-экономического развития России.

Список литературы и источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».
4. Постановление Правительства РФ от 26.04.2017 № 494 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2015 г. № 614» принято в связи с внесением изменений в Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»
5. Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. – <http://www.statdata.ru/goroda-millionniki-rossii-po-naseleniu>;
6. Новые модели развития городов. Точка зрения McKinsey & Company. – <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5974>;
7. Урбанизированный мир в 2025 году / McKinsey <https://gtmarket.ru/news/state/2011/03/28/2774>

Рисин И.Е.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления, Воронежский государственный университет

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ И МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: региональная кластерная политика, содержание, механизм реализации.

Keywords: regional cluster policy, content, implementation mechanism.

Разработка актуализированных стратегий (далее – Стратегий) развития субъектов Российской Федерации включает обновление содержания и механизма реализации различных видов региональной социально-экономической политики, включая кластерную.

Анализ содержания реализуемых Стратегий позволяет выявить изменения в составе ключевых задач и инструментарии кластерной политики. Его информационную базу формируют Стратегии регионов, представляющих разные Федеральные округа: Вологодской¹, Воронежской², Самарской³ областей, Краснодарского края⁴, Республик Алтай⁵, Саха (Якутия)⁶, Татарстан⁷.

Результаты контент-анализа Стратегий, фиксирующие задачи кластерной политики, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Ключевые задачи кластерной политики регионов

Регионы	Ключевые задачи кластерной политики
Вологодская область	– гарантированное обеспечение продовольственной безопасности и рационального импортозамещения продуктов питания; – развитие приоритетных туристских проектов
Воронежская область	– создание и развитие новых кластеров (инновационного, трансграничного, в сфере АПК); – развитие интеграционных связей предприятий реального сектора экономики, научных и образовательных организаций; – взаимосвязанное развитие крупного, среднего и малого бизнеса, как участников кластерных образований; – развитие импортозамещения и экспорто-ориентированных производств; – вовлечение в производственную деятельность кластеров ресурсов (земельных, трудовых и др.) ряда муниципальных образований; – рост инвестиций и создание новых рабочих мест
Самарская область	– создание и развитие инновационных кластеров; – осуществление технологической модернизации действующих кластеров; – интеграция кластеров в глобальные производственные цепочки; – рост экспорта продукции кластеров; – включение лидирующих внешних компаний (зарубежных, российских) в структуру кластеров
Краснодарский край	– создание и развитие кластеров «умной» экономики; – формирование и развитие трансграничных кластеров; – осуществление поэтапного перехода от замещения импорта к устойчивому экспорто-ориентированному развитию; – достижение глобальной конкурентоспособности; – взаимосвязанное развитие крупного, среднего и малого бизнеса, как участников кластерных образований;

¹ О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: постановление Правительства Вологодской области от 17.10.2016 №920. – <http://docs.cntd.ru/document/444743929>

² О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года: закон Воронежской области от 20.12.2018 №168-ОЗ. – <http://docs.cntd.ru/document/550300779>

³ О Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года: постановление Правительства Самарской области от 12.07.2017 №441. – <http://docs.cntd.ru/document/450278243>

⁴ О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года: закон Краснодарского края от 21.12.2018 №3930-КЗ. – <http://docs.cntd.ru/document/550301926>

⁵ О Стратегии социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года: постановление Правительства Республики Алтай от 13.03.2018 № 60. – https://altai-republic.ru/economy_finances/strategy-of-social-economic/

⁶ О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года: закон Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 г. 2077-З №45-VI. – <http://docs.cntd.ru/document/550299670>

⁷ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: закон Республики Татарстан от 17.06.2015 №40-ЗРТ. – <http://docs2.cntd.ru/document/428570021>

	<ul style="list-style-type: none"> – включение ключевых субъектов кластеров в международное разделение труда; – привлечение в кластеры международных технологических партнеров, а также финансовых и стратегических инвесторов
Республика Алтай	<ul style="list-style-type: none"> – мобилизация ресурсов малого и среднего бизнеса, как участников кластерных формирований; – обеспечение перехода к использованию «зелены» технологий в сельском хозяйстве; – позиционирование туристских ресурсов края на российском и зарубежных рынках
Республика Саха (Якутия)	<ul style="list-style-type: none"> – развитие в сельском хозяйстве кооперации малых форм хозяйствования и их интеграции с крупными агропромышленными предприятиями; – производство экологически чистых продуктов питания; – выведение и освоение более продуктивных видов сельскохозяйственных животных и растений
Республика Татарстан	<ul style="list-style-type: none"> – формирование и развитие «умной» экономики; – формирование и развитие трансграничных кластеров; – стимулирование развития связей между вузами, исследовательскими институтами и бизнесом; – формирование центров конкурентоспособности и высоких технологий на базе и вокруг университетов; – взаимосвязанное развитие крупного, среднего и малого бизнеса, как участников кластерных образований; – достижение глобальной конкурентоспособности; – привлечение в кластеры международных технологических партнеров, финансовых и стратегических инвесторов

Анализ табл. 1 позволяет зафиксировать появление новых задач региональной кластерной политики:

- обеспечение взаимосвязанного развития крупного, среднего и малого бизнеса, как участников кластерных образований (Воронежская область, Краснодарский край, Республики Алтай, Саха (Якутия), Татарстан);
- формирование и развитие трансграничных кластеров (Воронежская область, Краснодарский край, Республика Татарстан);
- привлечение в кластеры международных технологических партнеров, финансовых и стратегических инвесторов (Самарская область, Краснодарский край, Республика Татарстан);
- стимулирование развития связей между вузами, исследовательскими институтами и бизнесом (Воронежская область), формирование центров конкурентоспособности и высоких технологий на базе и вокруг университетов (Республика Татарстан);
- достижение глобальной конкурентоспособности и рост экспорта (Воронежская, Самарская области, Краснодарский край, Республика Татарстан);
- интеграция кластеров в глобальные производственные цепочки (Самарская область), включение ключевых субъектов кластеров в международное разделение труда (Краснодарский край);
- формирование секторов новой «умной» экономики, основанных на использовании пятого и шестого технологического укладов (Краснодарский край, Республика Татарстан);
- осуществление поэтапного перехода от замещения импорта к устойчивому экспорто-ориентированному развитию (Воронежская область, Краснодарский край, Республика Татарстан);
- снижение пространственной социально-экономической асимметрии в результате создания и развития кластеров, абсорбирующих ресурсы ряда муниципальных образований, в том числе, депрессивных (Воронежская область).

Решение названных ключевых задач, безусловно, повысит роль кластеризации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации. Однако, ее эффект в пространственной экономике России может быть существенно приращен в случае, если постановка и выполнение комплекса названных задач оказываются не единичной, а массовой региональной практикой.

Результаты контент-анализа Стратегий, фиксирующие инструментарий кластерной политики, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Инструментарий кластерной политики регионов

Регионы	Инструментарий кластерной политики регионов
Вологодская область	инвестиционные проекты, реализуемые в рамках развития кластеров, государственные программы федерального и регионального уровней
Воронежская область	прогноз научно-технологического развития области до 2030 года, схема развития и размещения производительных сил, региональный центр инжиниринга, центры инновационного, технологического и социального развития региона на базе ведущих вузов, гранты (на реализацию проектов в области НИОКР, развития информационных технологий), стратегия развития экспортной деятельности; стратегии развития муниципальных образований; налоговые льготы для предприятий, осуществляющих экспортную и (или) импортзамещающую деятельность, субсидии для бизнеса, работающего в наукоемких отраслях, государственные и муниципальные программы, региональный экспортный стандарт, геоинформационная система, как инструмент управления пространством
Самарская область	кластерная ассоциация, инновационная инфраструктура кластеров (индустриальные и технологические парки), агропромышленный парк, инжиниринговый центр, венчурное финансирование, субсидирование НИОКР, центры подготовки кадров для кластеров, бюджетные субсидии на подготовку и привлечение специалистов, центр контрактного производства, финансовые инструменты поддержки технологического предпринимательства, государственный заказ, государственные программы федерального и регионального уровней
Краснодарский край	долгосрочная стратегическая доктрина развития кластера, стратегия инновационного развития кластера, стратегия глобального продвижения кластера, стратегия повышения конкурентоспособности кластера, экологический стандарт кластера, инфраструктура кластеров (индустриальные, технологические парки), региональный

	центр инжиниринга, венчурное финансирование, государственные программы федерального и регионального уровней, муниципальные программы
Республика Алтай	государственные и муниципальные программы, софинансирование приоритетных инфраструктурных и социально значимых проектов; стратегии развития муниципальных образований
Республика Саха (Якутия)	схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики, региональный финансовый центр для формирования долгосрочных финансовых ресурсов, агентство развития бизнеса и инноваций, агентство по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, ключевые инвестиционные проекты, государственные программы федерального и регионального уровней
Республика Татарстан	инфраструктура кластеров (индустриальные и технологические парки), стратегии развития муниципальных образований, стратегии развития агломераций, стратегия системы брендинга, региональный центр инжиниринга, венчурное финансирование, геоинформационная система как инструмент управления пространством, флагманские проекты, государственные и муниципальные программы

Анализ табл. 2 позволяет зафиксировать расширение состава инструментов, посредством которых органы власти субъектов РФ совместно с бизнесом, осуществляют реализацию кластерной политики. В числе новых инструментов обратим внимание на следующие:

- комплекс документов стратегического планирования развития кластеров, включающих стратегическую доктрину, стратегии инновационного развития, глобального продвижения, повышения конкурентоспособности, экологический стандарт кластера (Краснодарский край);
- документы стратегического планирования, востребованные в плановой деятельности кластеров: прогноз научно-технологического развития региона (Воронежская область), схема развития и размещения производительных сил (Воронежская область, Республика Саха (Якутия), стратегии развития муниципальных образований (Воронежская область, Республики Алтай и Татарстан);
- специализированные структуры, деятельность которых обеспечивает развитие кластеров: кластерная ассоциация (Самарская область), региональный центр инжиниринга (Воронежская, Самарская области, Краснодарский край, Республика Татарстан); Республика Саха (Якутия); центры подготовки кадров для кластеров (Самарская область); региональный финансовый центр для формирования долгосрочных финансовых ресурсов, агентство развития бизнеса и инноваций, агентство по привлечению инвестиций и по поддержке экспорта (Республика Саха (Якутия));
- инфраструктурная поддержка кластеров: центры инновационного, технологического и социального развития региона на базе ведущих вузов (Воронежская область), индустриальные и технологические парки (Самарская область, Краснодарский край, Республика Татарстан);
- финансовая поддержка кластеров: государственные программы (Воронежская, Самарская области, Краснодарский край, Республики Алтай, Саха (Якутия), Татарстан); бюджетные субсидии на подготовку и привлечение специалистов, государственный заказ (Самарская область), венчурное финансирование (Краснодарский край, Республика Татарстан).

Полагаем, что использование названных выше инструментов реализации кластерной политики позволит повысить ее эффективность. Однако такой вектор изменений в пространственной экономике России предполагает, чтобы организационные инновации в инструментальной базе названной политики стали инвариантными характеристиками массовой региональной практики.

Румянцева С.Т.

старший преподаватель, Северо-Западный институт управления-филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., профессор, Северо-Западный институт управления-филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: регион; экономика; уровень жизни; валовой региональный продукт; налоги; заработная плата; пенсии; социальные выплаты; районные коэффициенты.

Keywords: region; economy; standard of living; gross regional product; taxes wage; pensions; social payments; district coefficients.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года дифференциации регионов по уровню и темпам социально-экономического развития, усиление и дифференциации населения по уровню доходов названы в числе основных угроз социально-экономической стабильности современной России¹. На основе данных официальной статистики проведем оценку ситуации в социально-трудовой сфере арктических регионов России.

Регионы Арктической зоны богаты полезными ископаемым и представляют собой крупные источники бюджетных доходов. Так, в 2017 г. только экономика Ямало-Ненецкого АО обеспечила более 10% доходов федерального бюджета (удельный вес населения этого региона в общей численности населения страны составляет 0,4%). Большее участие в формирование казны страны принимают только Ханты-Мансийский АО – Югра (около 22%) и столица государства г. Москва (около 14%).

Вклад только одного арктического региона – Ямало-Ненецкого АО – в обеспечение сбалансированности бюджета страны сопоставим с долей всего Приволжского федерального округа с входящими в его состав богатыми сырьевыми ресурсами республиками Татарстан и Башкортостан, крупными промышленными центрами Н. Новгородом, Самарой, Пермью и Ульяновском².

Еще около 3% налогов и сборов в федеральный бюджет поступило из Красноярского края, более 1% из Республики Коми, 0,7% – из Республики Саха (Якутия), 0,6% из Ненецкого АО. Таким образом, арктические регионы в значительной степени обеспечивают сбалансированность бюджета Российской Федерации. Следовательно, изменения в экономике этих регионов имеют важное для страны значение.

Данные статистики свидетельствуют о том, что экономика большинства регионов Арктической зоны успешно развивается. Темпы экономического роста в 2010–2016 гг. превышали средние в стране значения в Республике Карелия, Ямало-Ненецком АО, Красноярском крае и Республике Саха (Якутия).

Вместе с тем, в ряде регионов в этот период отмечается существенное отставание от общероссийского тренда изменения индекса физического объема валового регионального продукта. А в некоторых регионах не просто отставание, а экономический спад. Длительное снижение рассматриваемого показателя характерно для Республики Коми (-1,1%), Ненецкого АО (-1,3%), Чукотского АО (-12%), табл. 1.

Таблица 1

Индекс физического объема валового регионального продукта регионов Арктической зоны Российской Федерации (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году)³

Регион	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2010–2016 гг.
Валовой региональный продукт по субъектам РФ – всего	104,6	105,4	103,1	101,8	101,3	99,4	100,8	115,94
Республика Карелия	104,4	102,2	101,5	100,7	100,1	100,4	100,1	125,68
Республика Коми	102,6	105,7	101,8	96,7	95,7	98,3	98,5	98,92
Архангельская область	100,8	101,7	100,6	101,1	102,0	103,3	102,6	112,71
в том числе:								
Ненецкий автономный округ	95,9	88,7	94,9	99,4	103,6	109,3	108,6	98,67
Мурманская область	99,4	99,8	100,5	100,8	101,3	101,2	100,6	103,64
Ямало-Ненецкий автономный округ	110,1	102,7	102,2	103,9	105,7	98,1	105,6	131,47
Красноярский край	105,8	105,7	105,8	102,9	101,0	97,8	101,5	122,06
Республика Саха (Якутия)	101,6	107,1	103,2	100,9	103,2	101,7	104,0	123,68
Чукотский автономный округ	82,7	95,8	99,7	100,4	114,9	100,8	95,8	87,99

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208) // Официальный Интернет-портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru>

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 28-31.

³ Там же, с. 462-463.

С учетом очагового характера хозяйственной деятельности в Арктической зоне, а также неравномерности в освоении и развитии территорий, данное обстоятельство не вызывает опасений. В федеральном рейтинге по показателю производства ВВП на душу населения все арктические регионы занимают высокие позиции, включая и те субъекты, в которых в рассматриваемый период отмечен экономический спад: Республика Коми – 10 место, Ненецкий АО – 1, Чукотский АО – 5 место. Из числа арктических территорий самое низкое – 33 место – принадлежит Республике Карелия¹.

Однако по другому важнейшему индикатору социально-экономического развития – величине среднедушевых денежных доходов – у большинства регионов АЗРФ ранги более низкие (исключение составляют только Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа), несмотря на то, что на всех арктических территориях действуют повышающие коэффициенты (районные коэффициенты²). Введение такого механизма обусловлено тем, что в арктических и некоторых других российских регионах по причинам климатического характера стоимость проживания гораздо выше, а трудовые и бытовые условия значительно более сложные и сопряжены с дополнительными нагрузками на здоровье людей.

Практика применения таких финансовых коэффициентов, призванных компенсировать вред здоровью, позволяет повысить средний уровень заработной платы, пенсий и других доходов граждан весьма существенно. Так, в 2019 г. в величина повышающего коэффициента, установленного для различных районов Мурманской области, находилась в интервале от 1,5 до 1,8; в Ненецком АО районный коэффициент был установлен на уровне 1,8; Ямало-Ненецком – 1,7 – 1,8; Чукотском АО – 2; в арктических районах Архангельской области – от 1,2 до 1,4; Республики Карелия – 1,4; г. Воркуте Республики Коми – 1,6; Республики Саха (Якутия) – 2; Красноярского края – от 1,3 до 1,8.

Невысокие рейтинговые позиции арктических регионов по показателю оборота розничной торговли в расчете на душу населения (существенно более низкие, чем ранги по среднедушевым денежным доходам) могут говорить как о низком платежеспособном спросе со стороны населения, так и ограниченном предложении товаров и услуг. И то, и другое свидетельствует о невысоком жизненном уровне населения этих регионов, проявляющемся в ограниченной физической и материальной доступности потребительских товаров и услуг.

Поскольку на всей территории Арктической зоны применяются районные коэффициенты, средний размер назначенных пенсий во всех регионах АЗРФ выше среднероссийского значения: Чукотский АО по этому показателю находится на 1 месте в стране, Ненецкий АО – на 3, Ямало-Ненецкий АО – на 5, Мурманская область – на 7, Республика Саха (Якутия) – на 8, Республика Карелия – на 10, Республика Коми – на 12, Красноярский край – на 18 месте в России³.

Вопреки ожиданиям, основанным на том, что во всех регионах АЗРФ применяется такой компенсационный механизм, уровень доходов населения не высок. В некоторых арктических регионах удельный вес наиболее высокодоходного населения (с доходом более 60 тыс. руб.) ниже, чем в среднем в РФ: в Республике Карелия – в 2 раза, в Красноярском крае – в 1,4 раза меньше⁴.

Подходящее неравенство в большинстве арктических регионов России выражено слабее, чем в масштабах страны, что обеспечено, главным образом, уменьшением удельного веса 20-процентной группы с самыми высокими доходами преимущественно за счет низкодоходных групп населения, а не демографических групп со средними показателями доходов. Исключение составляют только Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа⁵. Об отставании большинства территорий, входящих в АЗРФ, по уровню жизни говорят и данные табл. 2.

Таблица 2

Величина прожиточного минимума, установленная в регионах Арктической зоны Российской Федерации за IV квартал 2017 г.⁶

Регион	Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения), руб. в месяц все население	Место, занимаемое в РФ по величине прожиточного минимума всего населения	Соотношение с величиной прожиточного минимума, процентов		
			Среднедушевых денежных доходов	Среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций	Среднего размера назначенных пенсий
<i>Российская Федерация</i>	9786		365,8	404,8	164,9
Республика Карелия	12 203	13	239,3	278,5	160,2
Республика Коми	12 539	12	266,7	357,8	165,6
Архангельская область, в том числе:					
Ненецкий автономный округ	20 622	1	354,5	360,1	122,6
Мурманская область	13 787	9	319,8	387,1	157,8
Ямало-Ненецкий автономный округ	15 946	6	470,8	536,6	159,1
Красноярский край	11 043	19	295,4	379,7	165,2
Республика Саха (Якутия)	16 610	5	293,1	405,7	135,0
Чукотский автономный округ	20 149	2	442,6	483,2	152,0

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 32–35.

² Трудовой Кодекс РФ определяет районный коэффициент как механизм выравнивания доходов трудящихся за счет повышающего финансового показателя, индексирующего выплаты в регионах с особыми климатическими условиями и приравненными к ним.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 206–207.

⁴ Там же, с. 222–223.

⁵ Там же, с. 220–221.

⁶ Там же, с. 224–225.

Несмотря на большую величину прожиточного минимума, соотношение с ней основных доходов населения арктических регионов в большинстве случаев меньше. Так, соотношение среднедушевых денежных доходов с установленной величиной прожиточного выше среднероссийского значения отмечалось только в Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, среднемесячной начисленной заработной платы – в Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах и Республике Саха (Якутия), среднего размера назначенных пенсий – в Республике Коми и Красноярском крае. Во всех остальных регионах соотношение основных доходов с величиной прожиточного минимума существенно меньше сложившихся в целом по стране значений.

Судя по динамике реальных денежных доходов жителей арктических регионов, можно говорить о недостаточности предпринимаемых со стороны государства мер по созданию приемлемых условий жизнедеятельности в регионах с экстремальными климатическими условиями. Данные, приведенные в табл. 3, свидетельствуют, что для многих регионов АЗРФ в 2010–2017 гг. было характерно отставание от средних в стране показателей. Речь идет о Республике Карелия, Архангельской и Мурманской областях, а также Красноярском крае.

Таблица 3

Реальные денежные доходы населения регионов Арктической зоны Российской Федерации (в процентах к предыдущему году)¹

Регион	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2010–2017 гг.
Российская Федерация	105,4	101,2	105,8	104,8	99,5	95,9	94,4	98,7	105,15
Республика Карелия	103,8	100,0	108,7	100,0	99,0	97,7	93,6	99,8	101,94
Республика Коми	103,1	97,7	106,1	100,4	96,7	90,8	90,3	94,7	80,57
Архангельская область	102,8	100,5	104,5	105,8	102,5	94,6	92,4	98,0	100,29
в том числе:									
Ненецкий автономный округ	101,4	98,4	110,9	101,6	94,1	93,9	90,7	98,8	89,02
Мурманская область	98,5	96,7	107,6	105,8	95,7	93,1	90,8	98,0	85,97
Ямало-Ненецкий автономный округ	100,4	103,8	110,6	105,1	98,4	98,4	96,3	101,4	114,54
Красноярский край	100,8	102,7	104,6	104,6	94,1	97,1	98,0	97,3	98,68
Республика Саха (Якутия)	102,9	103,4	105,9	103,5	101,2	99,1	95,9	97,4	109,25
Чукотский автономный округ	106,0	109,5	105,9	102,5	103,5	98,9	97,1	103,7	129,86

А в некоторых арктических регионах в рассматриваемый период произошло сильное падение реальных доходов населения: Республика Коми – на 19,4%, Ненецком АО – на 11%, Мурманской области – на 14%.

Опираясь на результаты проведенных исследований, есть основания оценивать длительное ежегодное падение реальных доходов россиян, фиксируемое российской статистикой в последние годы, как угрозу экономической безопасности и социальной стабильности в стране².

Особую опасность представляет разрастание этого явления на таких стратегически важных территориях, какими являются для России арктические регионы. Такая ситуация может спровоцировать усиление оттока населения с этих территорий, и как следствие, ослабление трудового потенциала, что скажется и на экономических показателях. Это требует применения в отношении регионов АЗРФ дополнительных мер территориального выравнивания.

О том, что требуется корректировка государственной социально-экономической политики в отношении арктических территорий, говорит и то обстоятельство, что во многих регионах АЗРФ уровень бедности значительно выше, чем средний показатель в стране, который в 2017 г. был равен 13,2% общей численности населения. Людей, проживающих за чертой бедности в экстремальных климатических условиях, быть не должно. Пока ситуация в этой сфере весьма тревожна: в Республике Карелия удельный вес населения в доходах ниже величины прожиточного минимума был равен 17,3%, в Республике Коми – 16,8%, Красноярском крае – 18,5%, Республике Саха (Якутия) – 20,3%³.

Можно было предположить, что такая ситуация связана с объективными условиями, ограничивающими возможности занятости для населения и лишаящими их основного источника доходов – заработной платы. Однако при этом довольно часто СМИ многих российских регионов публикуют и транслируют объявления с предложением о работе на северных территориях, что говорит о непокрытой потребности в рабочей силе. Данные статистики это тоже подтверждают.

По такому показателю, как коэффициент напряженности на рынке труда, который отражает соотношение численности безработных и имеющихся вакансий, арктические регионы имеют неплохие позиции в федеральном рейтинге. Например, Ямало-Ненецкий АО – 2 место, Чукотский АО – 6 место, Красноярский край – 12. Самое сложное положение в Республике Карелия, в которой в расчете на 1 вакансию, заявленную работодателями в органы службы занятости населения, приходилось 6,2 безработных при среднем значении этого коэффициента в РФ, равном 2,7 (2017 г.), что соответствует 75 месту в стране⁴.

¹ России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 184–185.

² Агафонова В.В., Градусова В.Н., Липатова Л.Н. Статистическая оценка социальной стратификации в современной России // Статистика в условиях формирования цифровой экономики: материалы Международной научно-практической конференции / Мордовиястат; Белстат; ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева». – Саранск, 2019. – С. 31–34; Мокрова М.Ю., Липатова Л.Н. Динамика основных показателей дифференциации доходов населения регионов России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – СПб., 2019. – Т. 10, вып. 2(39). – С. 312–322.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 228–229.

⁴ Там же, с. 161–162.

Таким образом, Арктическая зона Российской Федерации экономически развивается весьма успешно, обеспечивая стране хорошую макроэкономическую динамику и налоговые поступления. Однако по уровню жизни многие арктические регионы отстают от других российских регионов, что не допустимо, и требует разработки комплекса мер по обеспечению опережающего социально-экономического развития этих стратегически важных для страны территорий.

Садовникова Н.А.

д.э.н., профессор, Российский экономический университет
Sadovnikova.NA@rea.ru

ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ И ПРОГНОЗ УРОВНЯ ОПЛАТЫ ТРУДА РЕГИОНА

Ключевые слова: региональное развитие, социально-экономическое развитие, оплата труда, Московская область, статистические методы.

Одной из основных задач, решаемых при исследовании оплаты труда в Московской области, является определение объективных закономерностей изменения социально-экономических индикаторов развития на основе анализа временной информации.

Статистические модели, построенные на основе временных рядов, позволяют применять математико-статистические методы для описания закономерностей изменения уровня оплаты труда как в прошлом, так и в будущем.

Используемые для целей и задач моделирования и прогнозирования временные ряды, характеризующие и влияющие на уровень оплаты труда, обладают рядом особенностей. Временной ряд есть последовательность, в которой каждое значение содержит в себе прошлое для последующих состояний. Любая попытка предвидеть в перспективе изменение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области без исследования прошлого является научно малообоснованной. Поэтому для получения достаточно точных и надежных перспективных характеристик индикаторов социально-экономического развития региона необходимо изучить настоящее состояние развития области.

На практике выделить компоненты во временных рядах показателей, характеризующих уровень оплаты труда и других индикаторов социально-экономического развития Московской области, сложно, так как отдельные последующие значения временных рядов зависят от предыдущих. Поэтому неверно допускать, что факторы, влияющие на колебания уровней, независимы. Кроме того, статистическая совокупность, изучаемая в течение длительного периода, перестает быть такой же самой совокупностью, так как могут измениться основные факторы, влияющие на ее формирование.

Показателям, характеризующим уровень оплаты труда и другие индикаторы социально-экономического развития Московской области, свойственны элементы вероятностного характера. Наличие случайного в изменении показателей объясняется сложным переплетением параметров региональной и российской экономики, влиянием на них большого числа взаимосвязанных факторов, действующих в разных направлениях.

При изучении уровня оплаты труда во времени возникают следующие проблемы:

- временной ряд уровня оплаты труда, как правило, содержит долговременную или краткосрочную тенденцию изменения, связанную с преодолением случайных колебаний, влияющих на ее изменение;
- уровень оплаты труда может быть подвержен регулярным колебаниям, связанным с периодическими колебаниями.

Анализ и моделирование уровня оплаты труда Московской области целесообразно начинать с выявления наличия тенденции в целом. Для этой цели может быть использован кумулятивный Т-критерий, который позволяет определить наличие не только самой тенденции в изменении индикатора, но и ее математического выражения — тренда.

Выдвигается основная гипотеза (H_0) об отсутствии тенденции во временном ряду. Расчетное значение критерия определяется по формуле:

$$T_p = \frac{\sum Z_n^2}{\sigma_y^2},$$

где Z_n — накопленный итог отклонений эмпирических значений от среднего уровня исходного временного ряда;

σ_n^2 —общая сумма квадратов отклонений, определяемая по формуле:

$$\sigma_n^2 = \sum_n y_t^2 - (\bar{y})^2 \cdot n.$$

Анализ показателей социально-экономического развития Московской области на наличие тенденции на основе кумулятивного Т-критерия показал, что во всех из них за весь рассматриваемый период 2002–2018 гг. существует тенденция (табл. 1), что позволит в дальнейшем определить прогнозные характеристики индикаторов.

Результаты реализации кумулятивного Т-критерия в оценке тенденций изменения показателей социально-экономического развития Московской области за 2002–2018 гг.

№ пп	Наименование показателя	Ед. измерения	Кумулятивный Т-критерий	
			значение	результат
1	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в организации	руб.	72,1	существует
2	Валовый региональный продукт на душу населения	руб.	93,1	существует
3	Инвестиции в основной капитал	млн. руб.	23,4	существует
4	Уровень безработицы	%	12,1	существует
5	Оборот розничной торговли на душу населения	руб.	32,7	существует
6	Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц)	руб.	44,9	существует

Для отображения тенденции изменения во времени индикаторов социально-экономического развития Московской области применяются различные формы трендовых моделей.

Одним из наиболее распространенных методов прогнозирования показателей уровня оплаты труда и других индикаторов социально-экономического развития региональных экономик является экстраполяция, то есть продление тенденции и закономерностей, связей и соотношений прошлого и настоящего на будущее.

Основная цель данного прогноза заключается в том, чтобы показать, к каким результатам можно прийти в будущем, если развитие явления будет происходить со скоростью, ускорением и т.д., аналогичным тем же показателям прошлого периода.

Для получения достоверных прогнозов показателей уровня оплаты труда и других индикаторов социально-экономического развития Московской области, существенно какая, по времени отражения, информация используется для получения прогноза. Практика показывает, что для точных и надежных прогнозных оценок наиболее ценной является информация последних уровней. Такая оценка информации может быть произведена путем дисконтирования на основе адаптивных методов прогнозирования.

Модели тенденции среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области методом экстраполяции трендовых моделей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Модели тенденции среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области

Модель тенденции	Критерий точности	Эластичность
$Y_t = -516,129 + 2942,355 t$	1406,625	1,021
$Y_t = +194,437 + 2705,497 t + 13,933 t^2$	1429,250	1,034
$Y_t = +5476,268 \exp(0,151 t)$	32 367,000	1,283
$Y_t = -6896,429 + 16374,782 \ln t$	32 744,000	0,582
$Y_t = +3675,530 + 3613,513 t - 3560,825 \text{sq} t$	1196,625	1,063

Анализ показателей точности и эластичности трендовых моделей среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области показал, что наилучшую аппроксимацию среди перечисленных в таблице 2 уравнений дала модель следующего вида:

$$Y_t = +3675,530 + 3613,513t - 3560,825 \text{sq} t.$$

В ходе исследования тенденций и закономерностей изменения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области также были построены и проанализированы адаптивные модели, представленные в табл. 3.

Таблица 3

Адаптивные модели среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области

Модель	Адекватность	Точность	Качество
Метод Брауна (+0,135)	89,479	66,735	72,421
Метод Хольта (+1,000, +0,407)	69,685	65,837	66,799
АР (2, 1)	76,104	0,000	19,026
АРИСС (1, 1,0)	83,389	62,348	67,608
АРИСС (1, 1,1)	71,287	69,201	69,723
АРИСС (2, 1,0)	90,440	72,366	76,884
АРИСС (2, 1,1)	94,972	78,190	82,385

Анализ показателей адекватности, точности и качества адаптивных моделей среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области показал, что наилучшую аппроксимацию среди перечисленных в табл. 3, дала модель АРИСС (2, 1,1) со следующими параметрами (табл. 4):

Таблица 4

Параметры модели АРИСС (2, 1,1) в оценке среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области

Модель	a_1	a_2	a_3
АРИСС(2, 1,1)	-0,480	0,349	0,932

При сравнении результатов моделей адаптивных и трендовых методом экстраполяции полученных данных обнаруживается, что наиболее точной в оценке тенденций изменения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области является адаптивная модель АРИСС (2, 1,1), которая характеризуется следующими показателями точности (табл. 5).

Таблица 5

Характеристики остатков адаптивной модели в оценке среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области

Характеристика	Значение
Средний модуль остатков	545,725
Относительная ошибка	2,682
Критерий Дарбина-Уотсона	1,811
Коэффициент детерминации	0,999
F – значение	217,167
Критерий адекватности	94,972
Критерий точности	78,190
Критерий качества	82,385

Таким образом, на основе полученной адаптивной модели АРИСС (2,1,1) целесообразно проанализировать среднесрочные перспективы изменения данного показателя в регионе (табл. 6).

Таблица 6

Прогнозные значения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области на 2018–2022 гг.

Годы	Прогноз		
	Значение	Нижняя граница	Верхняя граница
2018	50 638,402	48 644,406	52 632,398
2019	53 671,125	51 672,238	55 670,012
2020	56 464,348	54 464,008	58 464,688
2021	59 397,398	57 396,809	61 397,988
2022	62 475,223	60 474,629	64 475,816

Анализируя перспективы роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в организациях Московской области на 2018–2022 гг., можно отметить, что в 2019 г. в регионе она будет колебаться в пределах 51 672,238–55 670,012 руб. и составит 53 671,125 руб.

Садовникова Н.А.

д.э.н., профессор, Российский экономический университет
Sadovnikova.NA@rea.ru

Хабелашвили Ш.Г.

председатель комитета по инновационным энергоэффективным строительным материалам Российского союза строителей, генеральный директор ГК «Мосстрой-31»

Kh.Shota@gmail.com

Золотарева О.А.

к.э.н., доцент, Российский экономический университет

Zolotareva.OA@rea.ru

Давлетшина Л.А.

к.э.н., Российский экономический университет

Davletshina.LA@rea.ru

КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЖИЛЬЁ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА»

Ключевые слова: капитальный ремонт, аварийный жилищный фонд, повышение энергетической эффективности в многоквартирных домах, комфортность проживания граждан.

Keywords: major repairs, emergency housing stock, energy efficiency in apartment buildings, comfortable living of citizens.

С начала приватизации жилья в 90-х годах прошлого века подавляющее большинство россиян не осознавало, что в собственность им досталась не только квартира. Вместе с ней собственники получили обязательства по несению расходов на содержание и капитальный ремонт своего дома, включая крышу, инженерные системы, фасад и подвал.

Логика владения недвижимостью подразумевает, что собственники несут ответственность за содержание общего имущества. При этом на уровне государства не было сформулировано единых подходов к организации процесса капитального ремонта и его финансирования.

В настоящее время в каждом регионе устанавливается минимальный размер взноса на капитальный ремонт, который в обязательном порядке оплачивают собственники квартир и других помещений, расположенных в многоквартирных домах (МКД). Региональные власти формируют долгосрочные программы капитального ремонта жилого фонда, в которых определяются очередность и вид проводимых работ.

В каждом субъекте Российской Федерации разработаны региональные программы капитального ремонта, информация по которым представлена на сайте Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства¹.

Отметим, что в соответствии с Методическими рекомендациями по приемке законченных капитальным ремонтом МКД в рамках реализации региональных программ капитального ремонта общего имущества в МКД² при включении МКД в региональную программу капитального ремонта акцент сделан на исключении тех из них, которые не подлежат капитальному ремонту. В этом контексте определено, что нормативно-правовым актом субъекта Российской Федерации в региональную программу капитального ремонта МКД могут не включаться в случаях, если физический износ основных конструктивных элементов (крыша, стены, фундамент) составляет более 70%, и/или если совокупная стоимость услуг/работ по капитальному ремонту конструктивных элементов и внутридомовых инженерных систем, входящих в состав общего имущества в МКД, в расчете на 1 м² общей площади жилых помещений выше стоимости, определенной нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации. При этом не позднее чем через полгода со дня утверждения региональной программы капитального ремонта или принятия решения об исключении МКД из такой программы нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации определяется порядок, сроки проведения и источники финансирования реконструкции или сноса этих домов, либо иных мероприятий, предусмотренных законодательством Российской Федерации и обеспечивающих жилищные права собственников жилых помещений и нанимателей жилых помещений по договорам социального найма в этих домах. Это отвечает национальному проекту «Жильё и городская среда»³, включающему четыре федеральных проекта: «Ипотека», «Жильё», «Формирование комфортной городской среды» и «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда», который реализуется в период с октября 2018 г. по 2024 г.

¹ Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства. – <https://www.reformagkh.ru/overhaul/overhaul>

² ЖКХ Контроль. Методические пособия. Жилищное просвещение. – <http://gkhkontrol.ru/2015/09/26286>

³ Правительство России. Приоритетные проекты. – <http://government.ru/projects/selection/735/35560/>

Паспорт национального проекта «Жильё и городская среда» утвержден Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.¹ Национальным проектом определена цель в области обеспечения устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда, на реализацию которой в 2019 г. из федерального бюджета выделено 35 400 млн. руб. и из консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации 5560 млн. руб., а также предусмотрен механизм расселения аварийного фонда с точными параметрами признания дома аварийным, разработанный в рамках Федерального проекта «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда»².

В свою очередь «непригодный для проживания жилищный фонд» определяется совокупностью МКД, признанных аварийными в порядке, установленном нормативно-правовыми актами Российской Федерации³.

В целях мониторинга достижения показателей национальных проектов разработаны и введены показатели, например, количество квадратных метров расселенного непригодного для проживания жилищного фонда. Методика расчета данного показателя содержится в приказе Минстроя России от 26 апреля 2019 г. № 241/пр «О внесении изменений в приказ Минстроя России от 18 апреля 2019 г. № 228/пр». Показатель введен впервые. Данные ранее не собирались. На сегодняшний день его количественная оценка отсутствует.

Более того, не конкретизируется количественный критерий сокращения непригодного для проживания жилищного фонда, то есть не указан/утвержден темп убыли, который характеризовал бы устойчивость такого сокращения. В разделе «Определение и детализация терминологии национального проекта «Жильё и городская среда» приводится следующее пояснение «обеспечения устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» – осуществление в отчетном периоде (с 2019 по 2014 гг.) расселения непригодного для проживания жилищного фонда в объеме не менее 50% объема жилья, признаваемого в этот же период аварийным, при условии выделения необходимых объемов финансирования из федерального и региональных бюджетов⁴.

В этой связи представляется целесообразным охарактеризовать состояние жилищного фонда Российской Федерации (включая состояние МКД) на основе информации, представляемой Росстатом и ЕМИСС Государственная статистика.

В 2015 г. в России жилищный фонд составлял 3 млрд. 581 млн. м² и в среднем ежегодно увеличивался на 1,91%. В 2018 г. он составил 3 млрд. 790 млн. м², из него более 2 млрд. 326 млн. м² – это общая площадь жилых помещений в МКД (61,39%).

Таблица 1

Основные характеристики состояния жилищного фонда в России за период с 2015 по 2018 гг.

Показатели	Единицы измерения	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	В среднем за 2015–2018 гг.
Весь жилищный фонд (общая площадь жилых помещений)	млн. м ²	3581	3653	3708	3790	3683
Темп прироста жилищного фонда	%	–	2,01	1,51	2,21	1,91
Общая площадь жилых помещений в МКД	млн. м ²	2229,9	2232,1	2279,7	2326,7	2267,1
Темп прироста общей площади жилых помещений в МКД	%	-	0,10	2,13	2,06	1,43
Общая площадь жилых помещений в аварийных МКД, в жилых домах блокированной застройки, в жилых домах (индивидуально-определенных зданиях), в специализированном жилищном фонде	млн. м ²	15,2	12,6	13,5	16,2	14,4
Темп прироста общей площади жилых помещений в <i>аварийных</i> МКД, в...	%	–	-17,16	7,39	19,75	2,13

Общая площадь жилых помещений в МКД с 2015 г. по 2018 г. ежегодно в среднем увеличивалась на 1,43%.

Намного существеннее возрастают масштабы аварийного жилищного фонда. За анализируемый период общая площадь жилых помещений в аварийных МКД, жилых домах блокированной застройки, жилых домах (индивидуально-определенных зданиях), специализированном жилищном фонде в среднем ежегодно увеличивалась на 2,13%.

Имеются проблемы в области сильно изношенного жилищного фонда и необходимость его капитального ремонта и реконструкции. При этом своевременность проведения работ по капитальному ремонту и реконструкции позволяет снизить рост площадей жилых помещений в аварийных многоквартирных домах.

Общее количество домов, включенных в региональные программы, достигло 737 000. По состоянию на 1 января 2018 г. капитальный ремонт по отдельным видам работ проведен в 117 000 домах. Это значит, что жители каждого шестого дома в стране должны были на практике ощутить работу новой системы капитального ремонта.

По данным Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, доля включения многоквартирных домов в региональные программы капитального ремонта составляет 37,6%. Темп включения в краткосрочный план реализации региональной программы по капитальному ремонту работ (услуг) составляет 46,05%⁵.

¹ Стратегия РФ. – <https://strategy24.ru/rf/city-building-and-jkh/projects/natsiona-nyu-proyekt-zhil-ye-i-gorodskaya-sreda>

² Федеральный проект «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда». – <https://storage.strategy24.ru/files/project/201904/feee652709d084b07996a8560ccaea2.pdf>

³ Там же.

⁴ Национальный проект «Жильё и городская среда». – <http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrcrnK7Az55RyRuk.pdf>

⁵ Государственная корпорация – Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства. Аналитика. – <https://www.reformagkh.ru/analytics#overhaul-section>

Важным при проведении капитального ремонта является обеспечение безопасности и комфортности проживания граждан. В этом контексте, существенную значимость приобретает мнение жителей о состоянии занимаемого ими жилого помещения, которое отражается в результатах выборочного обследования Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения». Данное обследование проводится во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения»¹.

По данным за 2018 г. из числа домохозяйств, проживающих в многоквартирных домах, 46,14% обследованных оценили состояние своего жилого помещения как удовлетворительное, 3,76% – плохое и 0,64% – очень плохое. При этом из общего числа домохозяйств, проживающих в многоквартирных домах, 31,51% проживают в домах, построенных в 1970 г. и ранее. Из них 5,31% говорят о том, что их дома требуют капитального ремонта. 1,47% респондентов характеризуют дом как находящийся в аварийном состоянии, но официально не признанный аварийным. 1,40% опрошенных отвечают, что их дом официально признан аварийным. Это свидетельствует о необходимости ускорения темпов проведения капитального ремонта многоквартирных домов.

Высокая степень износа жилищного фонда приводит к значительным непроизводительным потерям энергоресурсов в многоквартирных домах.

Отметим, что одним из довольно крупных потребителей производимых в стране топливно-энергетических ресурсов (электроэнергии, тепловой энергии, газа, холодного и горячего водоснабжения) являются домашние хозяйства. По данным выборочного обследования Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения»², в 2016 г. в Российской Федерации только 68,3% домохозяйств, указали, что их жилище оборудовано центральным отоплением. При этом с 2011 г. доля таких домохозяйств увеличилась на 4,6 процентных пункта. Среди всех домохозяйств, обеспеченных центральным отоплением, 16,2 % используют дополнительные источники тепла, наиболее популярными из которых являются конвекторы, радиаторы, тепловые вентиляторы (доля домохозяйств от общей совокупности обследованных домохозяйств составила 10,3%, что соответствует доли в 57,2% от числа домохозяйств, жилища которых обеспечены центральным отоплением. Для дополнительного обогрева жилищ при наличии центрального отопления 3,1% всех домохозяйств использует бойлер (горячую воду или пар). Доля этих домохозяйств составляет 17,4% от числа домохозяйств, жилища которых обеспечены центральным отоплением. 2,4% всех домохозяйств используют систему «теплый пол» (данная совокупность домохозяйств объединяет 13,5% всех домохозяйств, жилища которых обеспечены центральным отоплением).

Все выше обозначенное свидетельствует об имеющихся проблемах теплоэнергетики и необходимости повышения энергетической эффективности в многоквартирных домах при проведении капитального ремонта и реконструкции. Указанная проблема тесно сопрягается с одной из 17 целей, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН в области устойчивого развития.

Главами государств и правительств в ходе Саммита ООН, проходившего в Нью-Йорке 25 сентября 2015 г. на полях 70-й юбилейной сессии, был принят итоговый документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в котором в качестве одной из целей устойчивого развития (далее – ЦУР) определена следующая: «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов»³. В характеристике данной ЦУР прописано: «Стоящие перед городами проблемы могут решаться по ходу поступательного развития и роста за счет более эффективного использования ресурсов и уменьшения уровня загрязнения окружающей среды и масштабов нищеты. Будущее, которого мы хотим для всех, предполагает наличие городов с возможностями, доступом к основным услугам, адекватным энергоснабжением, жильем, транспортом и многим другим».

Обобщая вышесказанное, отмечаем необходимость обеспечения безопасности и комфортности проживания граждан на основе гарантированного проведения капитального ремонта многоквартирных домов при возможных ускоренных темпах его по всей стране с учетом не просто поддержки достойного уровня эксплуатационных характеристик, а с возможностью снижения потребления энергоресурсов за счет обеспечения повышения энергетической эффективности зданий.

Сегодня необходимо ускорение темпов проведения капитального ремонта общего имущества в МКД как основного системного фактора сдерживания роста числа аварийных МКД, что будет способствовать достижению цели национального проекта «Жильё и городская среда», а именно, обеспечению устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда. В последние годы общая площадь жилых помещений в аварийных МКД возрастала более существенными темпами (в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 19,75%), чем увеличивалась вся общая площадь жилых помещений в МКД (2,06%).

ГК «МОССТРОЙ-31» предлагает проводить капитальный ремонт МКД с применением современных строительных материалов – пенополистирола, создающего принципиально другую энергоэффективность. В целях преобразования типовых зданий и сооружений, а также сохранения облика зданий, имеющих историческую ценность, при проведении капитального ремонта МКД предлагается применять фасадные архитектурно-декоративные элементы.

Одна из основных задач, стоящих перед правительством, – реализация приоритетных направлений развития федерально-регионального сектора высоких технологий, включая ресурсосберегающие технологии. Это обеспечит

¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html

² Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. – https://www.gks.ru/itog_inspect#

³ Цели устойчивого развития ООН. – <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

инновационное развитие экономики страны в целом. И дело здесь не только в выделенных финансовых ресурсах (трансфертах) регионам, когда принято решение о 95% субсидиях перед реализацией национальных проектов. Применение современных материалов и новых технологий при проведении капитального ремонта МКД обеспечивает модернизацию каждого здания и повышает его энергоэффективность, что ведет к экономии энергоресурсов страны. Энергоэффективный капитальный ремонт МКД, прежде всего, создает благоприятные условия для жизни граждан.

Однако в этом процессе необходимо учитывать реально существующую конкуренцию в реализации двух задач:

- обеспечение финансовой стабильности;
- усиление инвестиционной активности для увеличения производства продукции, включая продукцию вида экономической деятельности «строительство», а в ней увеличение доли высокотехнологичной продукции с целью улучшения качества жизни населения.

Соответственно, оптимизация в определении путей решения данных задач, определяющих состояние макроэкономики, представляется одной из ключевых проблем стратегического научно-технологического развития современной экономики России. От решения данного вопроса зависят процессы движения финансовых потоков с учетом бюджетов разных уровней и межбюджетных отношений.

Сегодня инвестиции в капитальный ремонт МКД, повышающий энергоэффективность зданий, – это рост как экономики страны в целом, так и регионов, основанный на снижении энергоемкости и увеличении объемов промышленного и строительного производства, сокращение негативного воздействия на окружающую среду, а также экономия населения на коммунальных платежах.

Самодуров А.А.

к.т.н., доцент, Северо-Западный институт управления-филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

Градусова В.Н.

к.т.н., доцент, Северо-Западный институт управления-филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: регион; инвестиции; инвестиционный климат; инвестиционная привлекательность; источники финансирования.

Keywords: region; investments; investment climate; investment attractiveness; sources of financing.

Недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, сдерживающий социально-экономическое развитие территории, может быть обусловлен неблагоприятным инвестиционным климатом, связан с высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности¹.

Высокие издержки бизнеса могут быть связаны с природно-климатическими условиями, которым противостоять невозможно. К числу таких территорий относятся регионы Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), в состав которой входят регионы Северо-Западного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов: Мурманская область, семь муниципальных образований северной части Архангельской области, Ненецкий АО, г. Воркута (Республика Коми), Ямало-Ненецкий АО, г. Норильск, Таймырский и Туруханский районы Красноярского края, 13 улусов (районов) Республики Саха (Якутия), Чукотский АО. В 2017 г. в число арктических территорий включены и 3 района Республики Карелия. Климатические условия данных территорий оцениваются как экстремальные. Осуществлять хозяйственную деятельность в таких условиях сложно, что негативно влияет на инвестиционный климат.

Агентство стратегических инициатив ежегодно публикует Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата. При формировании данного рейтинга рассчитывается 44 показателя, сгруппированные по 4 блокам: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы, поддержка малого предпринимательства, показатели вне Рейтинга. Получение информации для ранжирования осуществляется путем опросов предпринимателей и экспертов, а также с использованием статистических данных. Согласно Рейтингу, опубликованному в 2019 г., ни один арктический регион в число его лидеров не входит.

Основываясь на данных официальной статистики, проведем сравнительный анализ инвестиционной привлекательности арктических территорий.

Динамика инвестиций в основной капитал предприятий и организаций арктических территорий свидетельствует о росте их инвестиционной привлекательности. Если за 2005–2017 гг. объем инвестиций в экономику РФ увеличился в 4,4 раза, то в некоторых регионах АЗРФ этот показатель вырос более значительно. Например, величина инвестиций в экономику Саха (Якутии) и Ямало-Ненецкого АО в рассматриваемый период возросла в 8 раз, Ненецкого АО, Красноярского края и Мурманской области – в 6 раз. Не соответствуют сложившейся в этот период в стране динамике инвестиционные процессы в Республике Коми и Чукотском АО.

В 2017 г. суммарно на регионы, в состав которых входят территории, отнесенные к категории арктических, пришлось 2 431 034 млн. руб. инвестиций, что составляет более 15% их общего объема в стране. В СЗФО на арктические территории в 2017 г. пришлось 28% инвестиций, в УФО – 38%, в СФО – 28%, в ДВФО – 33%².

В большинстве арктических регионов индекс физического объема инвестиций в основной капитал в 2010–2017 гг. был значительно выше, чем в РФ. Исключение составляют Республика Карелия, Республика Коми и Чукотский АО³.

¹ Градусова В.Н., Липатова Л.Н. Ресурсы и ограничения инновационного развития Республики Мордовия // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 438–443; Габдрахимова Д.А., Липатова Л.Н. Молодежь и инновации // Исследование современных проблем общества в контексте задач социальной работы и социальной безопасности: сборник научных статей студентов и преподавателей. Вып. 7 / Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2019. – С. 198–202; Борисов А.Ю., Липатова Л.Н. Статистическая оценка инновационного потенциала региона // Статистика в условиях формирования цифровой экономики: материалы Международной научно-практической конференции / Мордовиястат; Белстат; ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева». – Саранск, 2019. – С. 51–58; Кильдюшкина И.Г., Липатова Л.Н. Модернизация региональной экономики: укрепление экономической безопасности, повышение инновационной активности, развитие малого бизнеса, рост уровня жизни // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. – № 2 (50). – С. 232–240.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 487–488.

³ Там же, с. 492–493.

В рейтинге российских регионов по объему инвестиций в расчете на душу населения арктические регионы бьют рекорды. Первое место занимает Ненецкий АО – 3 232 648 руб. против 108 734 руб. в среднем в РФ, т. е. в 30 раз больше. На 2 месте другой арктический регион – Ямало-Ненецкий АО с показателем 2 014 306 руб. Республика Саха (Якутия) заняла в этом рейтинге 5 место (399 399 руб. в расчете на душу населения), пропустив вперед Сахалинскую область и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Чукотский АО с показателем 237 367 руб. на душу населения расположился на 7 месте после Магаданской области.

Объем инвестиций, направленных в экономику Республики Коми в 2017 г., позволил ей занять в этом рейтинге 13 место (152 907 руб. на душу населения). 2 следующих места заняли тоже арктические регионы – Красноярский край (147 686 руб. на душу населения) и Мурманская область (146 528 руб. на душу населения)¹.

Судя по структуре инвестиций, их основная часть вложена в строительство и оснащение объектов хозяйственного назначения. В Республике Коми и Ненецком АО на эти цели израсходовано 78% общего объема инвестиций, в Архангельской области – 82%, Мурманской области – 89%, Ямало-Ненецком АО – 94%, Красноярском крае – 83%, Республике Саха (Якутия) – 84,5%, Чукотском АО – 91% общего объема инвестиций в основной капитал².

Изменение структуры инвестиций по формам собственности свидетельствует о росте интереса иностранных инвесторов к возможности ведения бизнеса на арктических территориях. Если в 2005 г. удельный вес иностранных инвестиций в экономику регионов АЗРФ не превышал 2,4% (Республика Коми) против 8,2% в среднем в РФ, то в 2010 г. доля иностранных финансовых источников была больше во всех арктических регионах, в частности в Ненецком АО – более 25%, Архангельской области – 13%³.

В 2017 г. в число лидеров по привлечению иностранных инвестиций среди арктических регионов вошли Красноярский край и Чукотский АО с удельным весом этого источника в совокупном объеме инвестиций по 12% в каждом из названных регионов. Достигнутый уровень – один из самых высоких в стране. Таким же он был в обеих столицах г. Москве и г. Санкт-Петербурге. Большой удельный вес иностранных инвестиций был зафиксирован в 2017 г. только в нескольких российских регионах: Калужской области (12%), Московской области (14%), Тульской области (20%), Республике Тыва (27%), Забайкальском крае (40%), Сахалинской области (49%)⁴.

По сумме прямых иностранных инвестиций, поступивших в региональную экономику, лидирует Красноярский край. Большой поток таких инвестиций характерен только для нескольких российских регионов – г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, Московской, Сахалинской и Ленинградской областей. На долю Красноярского края в 2017 г. приходилось более 3% их федерального объема, почти 60% величины прямых иностранных инвестиций, поступивших в экономику СФО. (Для сравнения: в экономику ПФО поступило в 1,5 раза меньше, чем в Красноярский край)⁵.

Привлекательным для иностранных инвесторов является и Ямало-Ненецкий АО, в экономику этого автономно округа в 2017 г. поступило более 1% совокупного объема иностранных прямых инвестиций.

Об инвестиционной привлекательности арктических территорий говорит и тот факт, что в структуре инвестиционных источников доля бюджетных средств была и остается значительно меньше, чем в стране в целом. Так, в 2010 г. при среднем значении удельного веса бюджетных ресурсов в структуре инвестиций, равном 19,5%, в Ямало-Ненецком АО на этот источник финансирования приходилось всего 3,3%, в Республике Коми – 3,4%, в Ненецком АО – 6,9%, в Чукотском АО – 8%. Выше среднего по стране значения, сложившегося в этот год, этот показатель был только в Республике Саха (Якутия) – 23,4%.

В 2017 г. при среднем значении доли бюджетных источников инвестиционных ресурсов 16,3 %, в Ямало-Ненецком АО этот показатель составлял 2,6%, в Республике Коми – 4,9%, в Ненецком АО – 3,1%, в Республике Саха (Якутия) – 8,2%. Выше среднероссийского значения этот показатель был только в Чукотском АО – 24,2%, а также Мурманской области – 28,1%⁶.

Распределение инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в регионах АЗРФ существенно различается. Во многих из них более половины всех финансовых вложений направляется на развитие добывающих отраслей: Республике Коми – 56% совокупного объема инвестиций в экономику региона в 2017 г., в Архангельской области – 52%, Ненецком АО – 93%, Ямало-Ненецком АО – 80%, Чукотском АО – 51%.

Привлекательным для инвесторов является также такой вид экономической деятельности как транспортировка и хранение (26% инвестиций в экономику Республики Коми, 13% – Архангельской области, 22% – Мурманской области, 8% – Красноярского края, 37% – Республики Саха (Якутия), 19% совокупного объема инвестиций в экономику Чукотского АО).

Значительная часть финансовых вложений в Мурманской области и Красноярском крае направляется на развитие обрабатывающих производств: 11 и 22%, соответственно.

Повышению инвестиционной привлекательности арктических территорий будет способствовать и эффективная политика заимствований, реализуемая региональными органами власти. Согласно последним данным, ситуация с государственным и муниципальным долгом в большинстве регионов АЗРФ вполне благополучная: Ямало-Ненецкий автономный округ занимает лидирующие позиции в рейтинге российских регионов по уровню долговой нагрузки, он входит в число 13 регионов, в которых величина государственного долга составляет менее 10% от объема нало-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 488–489.

² Там же, с. 493–494.

³ Там же, с. 495–512.

⁴ Там же, с. 511–512.

⁵ Там же, с. 533–536.

⁶ Там же, с. 512–527.

говых и неналоговых доходов бюджетов (наряду с г. Москвой, Тюменской, Ленинградской, Владимирской и Иркутской областями, Алтайским и Приморским краями, г. Санкт-Петербургом, Ханты-Мансийский АО – Югра и Республикой Крым). Долговая нагрузка Республики Карелия по итогам 2018 г. рекордно снизилась – на 46 п.п., что стало возможным за счет существенного роста налоговых и неналоговых доходов и снижения величины госдолга, что не может не обнадеживать инвесторов. Более чем на 30% сократились объемы государственного долга в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах. В этом году более чем на 20 п.п. уменьшилась и величина государственного долга Республики Коми. В Красноярском крае объем государственного долга превышает 100 млрд. руб., но в соотношении с доходами остается на приемлемом уровне (примерно такая же ситуация в Московской области)¹.

Итак, регионы Арктической зоны России характеризуются экстремальными природно-климатическими условиями, низкой плотностью населения, очаговым характером хозяйственного освоения, удаленностью от основных промышленных центров, высокой ресурсоемкостью и зависимостью хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения от поставок топлива, продовольствия и товаров первой необходимости из других регионов России. Для регионов с такими условиями хозяйствования привлечь инвесторов очень сложно. Проведенный анализ показал, что территория Арктической зоны Российской Федерации вызывает огромный интерес инвесторов, в том числе и иностранных. Это способствует ускоренному развитию этих территорий.

¹ Рейтинг регионов по долговой нагрузке на 1 января // АЭИ Прайм. – https://1prime.ru/state_regulation/20190221/829741162.html

Самостроенко Г.М.

д.э.н., профессор, Орловский государственный университет
z47sam@yandex.ru.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: институциональные механизмы, муниципальные образования, социально-экономическое развитие, сотрудничество, кооперация.

Когда речь заходит о стратегии модернизации, инновационного и научно-технологического развития и сотрудничества в XXI веке в памяти сразу же возникают крупные города и регионы страны. Именно здесь в полном смысле этого слова кипит жизнь, создаются и активно внедряются новшества, используются различные формы сотрудничества. По данным статистики, половина новаций в настоящее время рождается в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Татарстане и Башкортостане, то есть в пяти субъектах Российской Федерации.

Инновационная активность населения данных регионов не может не радовать. Вместе с тем не может не печалить тот факт, что другая половина созданных в стране новшеств приходится на остальные 80 субъектов Федерации! А если посмотреть на распределение инновационной активности среди населения этих регионов, то картина будет еще более удручающей, поскольку в ней практически нет представителей небольших и средних муниципальных образований, жителей сельской местности (а это свыше 37 млн. человек, то есть почти треть населения страны, причем 25 процентов из них имеют доход ниже прожиточного минимума).

О какой стратегии модернизации, инновационного и научно-технологического развития и сотрудничества для данной категории граждан страны можно говорить в этой связи? В качестве иллюстрации к данному вопросу можно взять Псковскую область с удручающими показателями развития, которые и приводить -то страшно. Подобные регионы, каких в стране немало, принимают стратегии модернизации и сотрудничества, нацеленные на народосбережение. Подобная цель, к примеру, обозначена в стратегии развития Вологодской области, рассчитанной на период до 2030 года. Отрадно сознавать, что сегодня именно такая цель перед страной в целом поставлена в Послании Федеральному Собранию Президентом РФ¹.

Сокращению числа поселений в регионах в немалой степени способствовали программы пресловутой оптимизации системы образования, здравоохранения, транспортного сообщения и т.д. Оказывает влияние и озвученная ранее стратегия формирования крупных агломераций, которые по замыслу авторов должны втягивать в свою орбиту население окружающих территорий. Но основная причина опустынивания освоенных ранее пространств заключается в том, что люди не находят в малых и средних поселениях работы, благополучия. Вся страна потянулась на кормление в крупные города. В результате население ЦФО (без Москвы и Московской области) сократилось с 22,4 млн человек в 1990 году на 3,3 млн человек, аналогичная ситуация на Дальнем Востоке, Урале².

По нашему мнению, средством, препятствующим негативным тенденциям, должно быть применение адекватных институциональных механизмов, под которыми понимаются системы, создаваемые для выполнения поставленных целей, в том числе институтов нормативно-правовых, институтов как организаций, а также неформальных институтов (привычек, традиций и т.д.). Наиболее активно используются механизмы нормативно-правовые: именно они составляют основу стратегии, призванной обеспечить народосбережение в ближайшей перспективе. В качестве примера можно привести «Программу развития сельских территорий», которая начинает действовать с 2020 года. В Липецкой области и Алтайском крае принимаются законы о льготной ипотеке в три процента для молодых семей, живущих в сельской местности. Немалый потенциал замедления негативных процессов обезлюживания территорий малых и средних городов заключен в использовании принятых в соответствии с Посланием Президента Федеральному Собранию нормативно-правовых механизмов.

Вместе с тем в отношении малых поселений, по нашему мнению, необходимо максимально использовать такой институциональный механизм, как кооперация. Этот мощный механизм был запущен на территории России в XIX веке, и успешно выполнял свою роль вплоть до распада СССР. Его возможности были успешно использованы для прорыва экономической блокады советской России в начале 1920 года. Тогда во внешнеэкономических связях сложилась патовая ситуация: с одной стороны, объявившие России экономическую блокаду страны Антанты осознавали необходимость торговли с ней, но с другой стороны, никто из них не хотел признавать РСФСР. Выход был предложен российским кооператором А. Биркенгеймом, членом Правления Центросоюза: организовать прямые торговые отношения через кооперацию, не вступая непосредственно в контакты с правительством страны. В результате блокада

¹ Послание Федеральному Собранию В. Путина // Российская газета. – М., 2020. – 16 января, № 7.

² Миркин Я. Гадание на карте России // Российская газета. – М., 2019. – 30 декабря, № 295. – С. 1; 5.

продержалась всего три месяца, и ровно сто лет тому назад (16 января 1920 года) страны Антанты объявили, что торговые отношения с русским народом возобновляются посредством кооперации.

Несмотря на то, что данный механизм продолжает функционировать, сегодня его влияние на развитие сельских территорий незначительно, а число реализуемых функций сократилось до минимума.

Между тем сельское население сегодня готово к коллективному решению насущных вопросов. Об этом свидетельствуют наблюдения социальных сдвигов в сознании россиян. Так, после шоковой реформы в девяностые годы произошла очень сильная общественная атомизация, когда каждый стал сам по себе. В настоящее время ситуация меняется: социологи отмечают, что социальные связи в России возобновляются, они используют разные формы общения для создания солидарных связей¹. В стране немало примеров, показывающих, что население небольших муниципальных образований начинает кооперироваться для решения насущных вопросов жизнеобеспечения: строительство мостов, дорог, создание пожарной службы и других вопросов местного значения.

Одновременно механизм кооперации все активнее применяется в бизнесе. К примеру, белгородские фермеры объединились в перерабатывающий кооператив, целью которого является организация поставки максимально готовых к употреблению овощей и фруктов клиентам в областном центре². Приведенный пример относится ко второму уровню кооперации, когда усилия объединяют не отдельные производители, а кооперативы. Такая кооперация способна решать не только задачи реализации продукции, но и более сложные и дорогостоящие проблемы хранения. Ведь своими силами далеко не каждый производитель сельхозпродукции способен построить современное хранилище, без которого невозможно рассчитывать на реализацию выращенного урожая без потерь. Теория и практика хозяйствования свидетельствуют о целесообразности и эффективности кооперирования заинтересованных товаропроизводителей³.

Учитывая все сказанное выше, в сельских поселениях необходимо возрождение кооперативного движения как социально-экономического института. Причем начинать нужно на новой основе, исключая бюрократические структуры, опираясь на желание местных жителей сохранить свои поселения. Ведь наличие нормативно-правовых институтов, даже самых прогрессивных и проработанных, является лишь необходимым условием возрождения сельских поселений. А чтобы задержать население «неперспективных поселений» на месте, необходимо организовать для него рабочие места, создать источники стабильных доходов, обозначить ясные перспективы. Именно поэтому целесообразно использовать самый доступный механизм: кооперацию, которую не случайно называют «плоть от плоти народной». В зависимости от ресурсов, которыми располагают желающие вступить в кооператив, можно использовать как самую простую форму кооперации – потребительскую, так и более сложные и затратные формы кооперации – производственную, сельскохозяйственную. Далее можно использовать и такие перспективные институциональные механизмы, как народные предприятия.

Использование кооперации будет способствовать закреплению населения на местах в сельской местности, созданию новых рабочих мест, причем среди молодежи, так как применение современных технологий (к примеру, заказ товаров через Интернет, – позволит привлечь к ПК молодых, знающих ПК), вовлечению жителей в общественное производство, выполнению такого важного показателя новой Доктрины продовольственной безопасности, как физическая доступность продовольствия⁴, формированию эффективного взаимодействия. Использование кооперации в сельской местности также будет способствовать развитию рынка экологической продукции, значительную долю которого смогут занять местные фермеры. По мнению специалистов, за кооперативами производителей органической еды будущее, о чем свидетельствует не только европейский, но и отечественный опыт⁵.

Ощутимую помощь в решении данной проблемы может принести также использование неформальных институтов – привычек, традиций.

¹ Рогожников М., Сысоев Т. Забытые права забытого человека // Эксперт. – М., 2019. – № 50. – С. 54–55.

² Скрипка А. Лук без слез // Российская газета. – М., 2019. – 19 февраля, № 36. – С. 19.

³ Плахта В.А. Развитие механизмов обеспечения межмуниципального сотрудничества в регионах России: монография. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 81–91.

⁴ Доктрина на экспорт // РГ. 23 января 2020. № 13. С. 1; 9

⁵ Скрипка А. Кооперация чистоты // РГ. 22 октября 2019. № 237. С. 18.

Сибирская Е.В.

д.э.н., профессор, Российский экономический университет

Овешникова Л.В.

д.э.н., профессор, Российский экономический университет

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Ключевые слова: оценка социально-экономического положения, регионы, Северо-Западный федеральный округ.

Необходимость исследования социально-экономического положения Северо-западного федерального округа (СЗФО) является весьма актуальной, поскольку данный регион имеет развитую минерально-сырьевую базу в сочетании со сформированным обрабатывающим сектором и выгодным географическим положением. Предметом настоящего исследования является динамика статистических показателей, отражающих особенности состояния и развития Северо-западного федерального округа и его субъектов¹.

Для анализа процессов трансформации экономического пространства рассмотрим динамику индекса физического объема ВРП. Так с 2007 по 2018 год индекс физического объема ВРП СЗФО по всем его регионам снизился. Наибольшие изменения произошли в Калининградской области, где темп прироста ВРП снизился на 21%. Также большие изменения произошли в г. Санкт-Петербурге, где индекс физического объема ВРП в 2018 году составил 99% по отношению к предыдущему году, а по сравнению с 2007 снизился на 14,1%. Не менее важным является снижение показателя в Ненецком автономном округе на 14%. Наименьшие изменения произошли в Мурманской области, где темп роста индекса ВРП изменился на 0,4%. Наибольший темп роста показателя в 2018 г принадлежит Новгородской области и составляет 102% к предыдущему году, наименьший – Республике Коми – 96,4% к предыдущему году. По сравнению со всеми ФО РФ в СЗФО наблюдается один из самых низких темпов роста индекса ВРП (рис. 1).

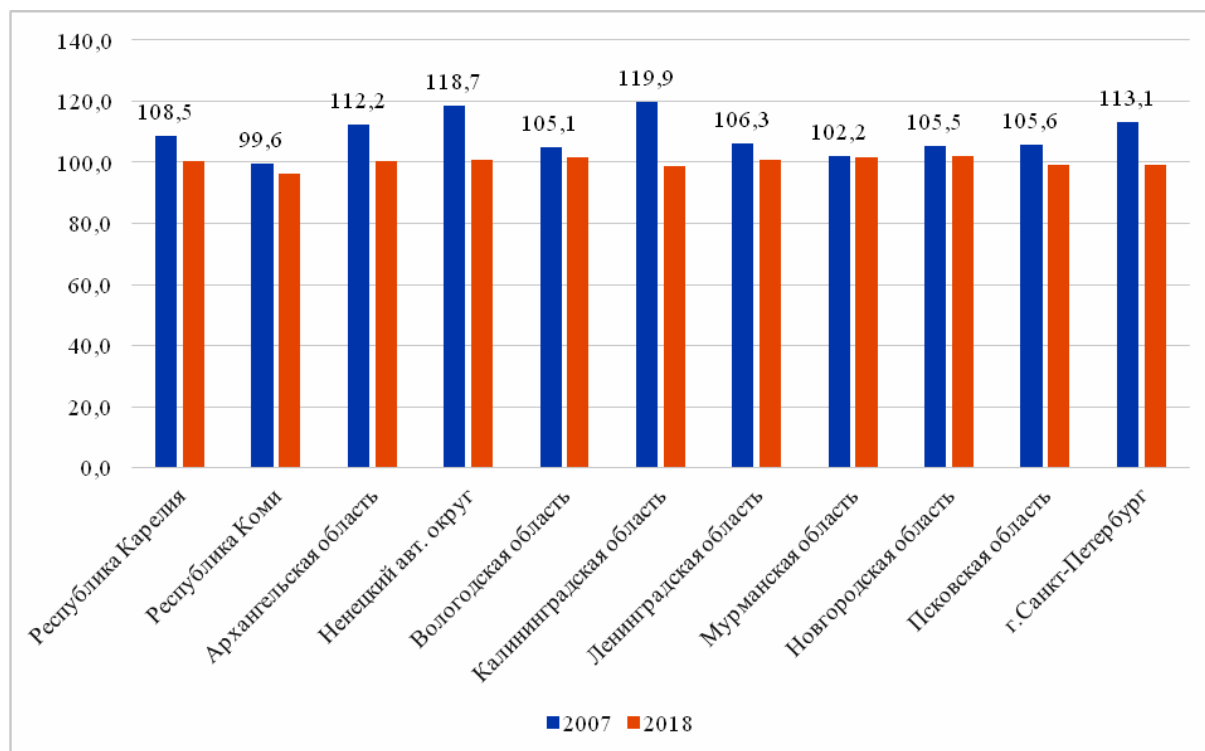

Рисунок 1.
Индекс физического объём ВРП в СЗФО в 2007 г. и 2018 г., %

¹ Козлова М.В. Особенности и анализ социально-экономического развития Северо-западного федерального округа // Вестник Российской академии естественных наук. – М., 2010. – № 2. – С. 42–45.

Анализ ВРП на душу населения с 2007 по 2018 год, позволяет сделать вывод об увеличении показателя во всех регионах СЗФО. Наибольший показатель ВРП на душу населения приходится на г. Санкт Петербург и составляет 742 295,3 руб. (14% от общего ВРП в округе), наименьший – на Псковскую область (252 915,4 руб. – 5%). Архангельская, Ленинградская и Мурманская область составляют по 11% от общего ВРП. Наибольшие изменения показателя с 2007 года произошли также в городе Санкт-Петербурге, где был выявлен рост ВРП на душу населения на 532 136,9 руб. Также значительный рост показателя прослеживается в Республике Коми, где ВРП на душу населения увеличился с 256 586,2 руб. до 724 295,3 руб. Наименьший рост произошел в Псковской области (рис. 2).

Показатель объема розничной торговли в Северо-Западном регионе с 2007 года к 2018 году значительно вырос по всем регионам округа. 45% всей розничной торговли приходится на г. Санкт Петербург, где темп роста показателя составил 215,3% по отношению к 2007 году. 13% розничной торговли принадлежит Ленинградской области – в 2017 году – 405 492 руб. Наименьший показатель розничной торговли принадлежит Ненецкому автономному округу (рис. 3).

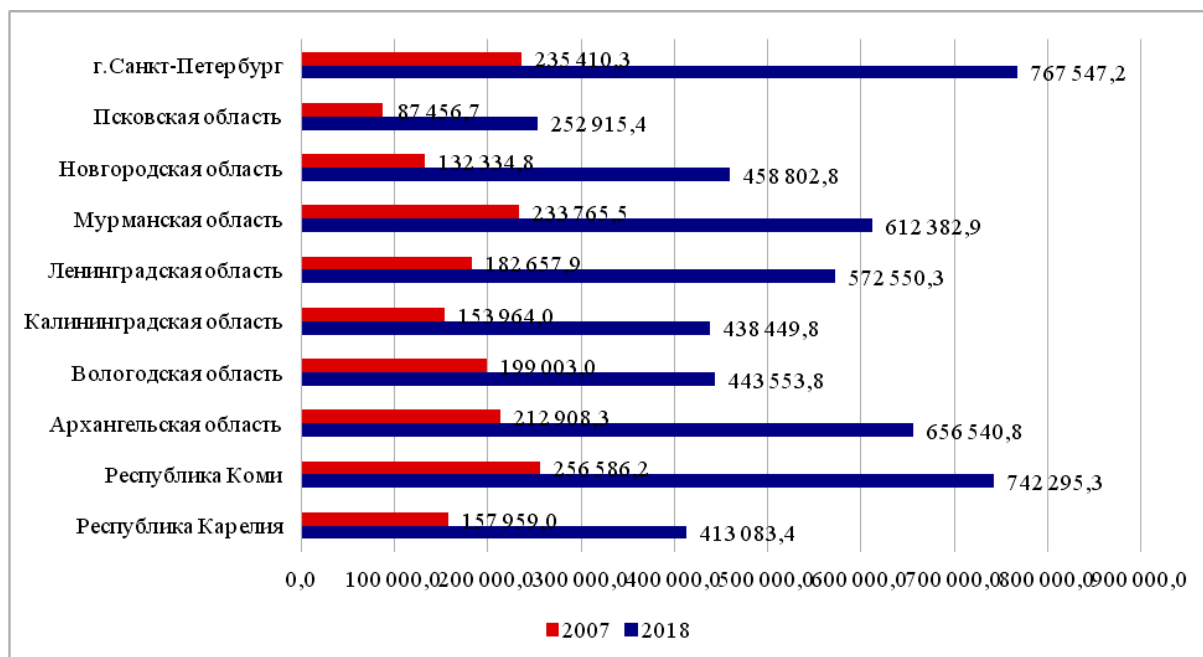

Рисунок 2.
ВРП на душу населения СЗФО в 2007 г. и 2018 г., руб.

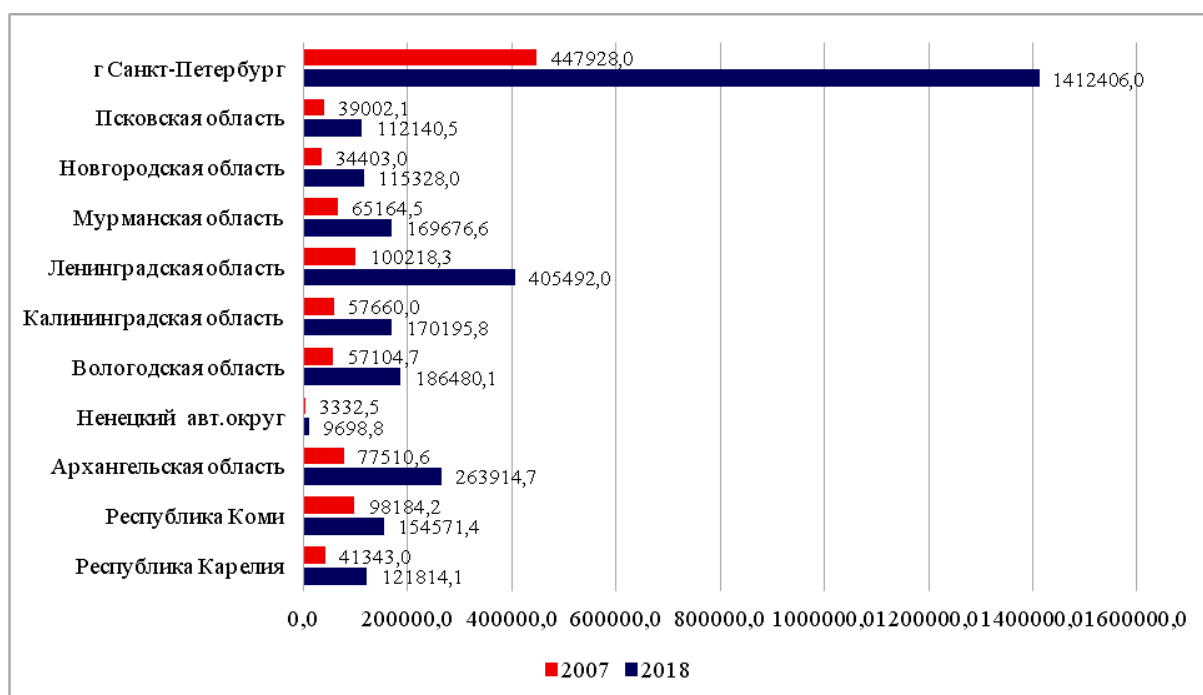

Рисунок 3.
Объем розничной торговли в СЗФО в 2007 г. и 2018 г., млрд. руб.

Наибольшее значение прироста оборота розничной торговли за 2009–2018 гг. в Ленинградской области – на 187%, а наименьшее в Республике Коми – на 53% (рис. 4).

Также можно отметить, что доля Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2009–2014 гг. сохранялась на уровне 54%, а с 2015 началось увеличение доли и в 2018 году, удельный вес Санкт-Петербурга и Ленинградской области составил уже 58%.

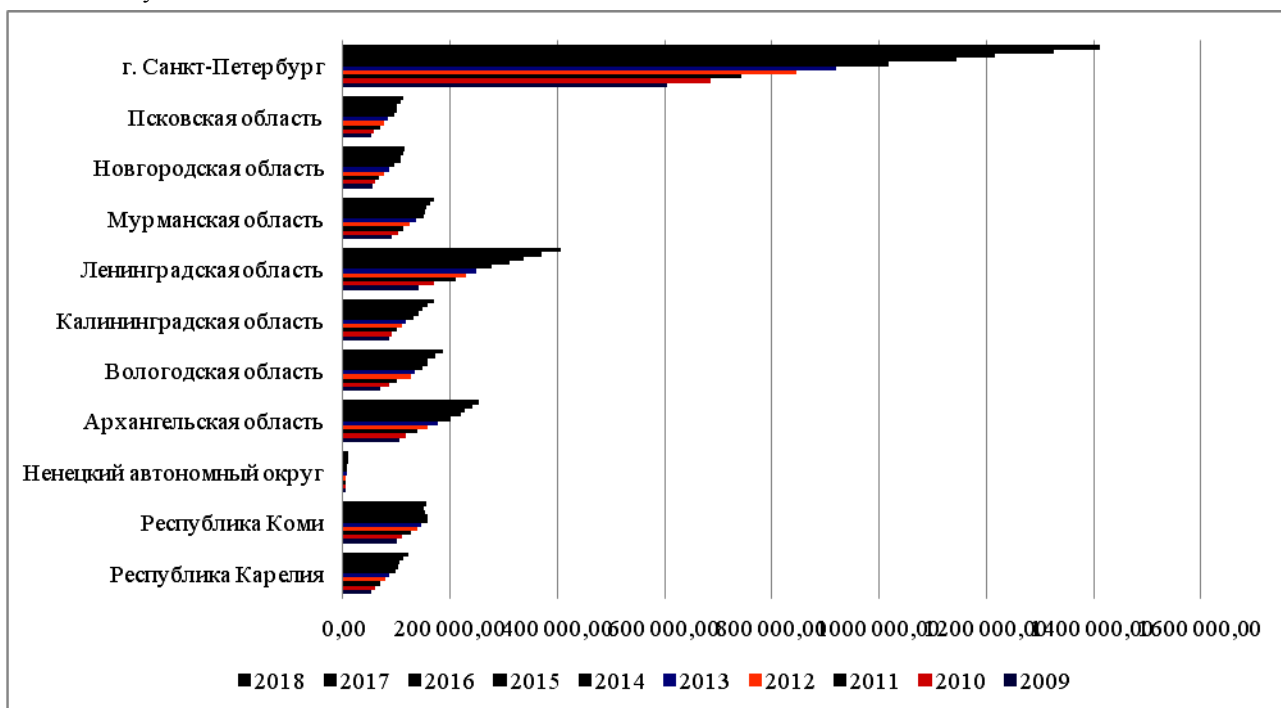

Рисунок 4.
Динамика оборота розничной торговли по субъектам в Северо-Западном федеральном округе в 2009–2018 гг.

Уровень безработицы в 2018 году изменился по отношению к 2007 году. Снижение безработицы произошло в Республике Коми (на 28,4%), в Новгородской области (на 20,8%) и в городе Санкт-Петербурге (на 28,6%). Во всех остальных регионах уровень безработицы увеличился. Особенно ухудшилась ситуация в Республике Карелии, где уровень безработицы увеличился на 47,5%. Также значительные изменения произошли в Калининградской области (увеличение на 38,2%), в Вологодской области (увеличение на 27,5%) и в Ненецком автономном округе (увеличение на 27,5%). Наименьшее увеличение уровня безработицы произошло в Ленинградской области, где показатель вырос на 5,1% по отношению к 2007 г. (рис. 5).

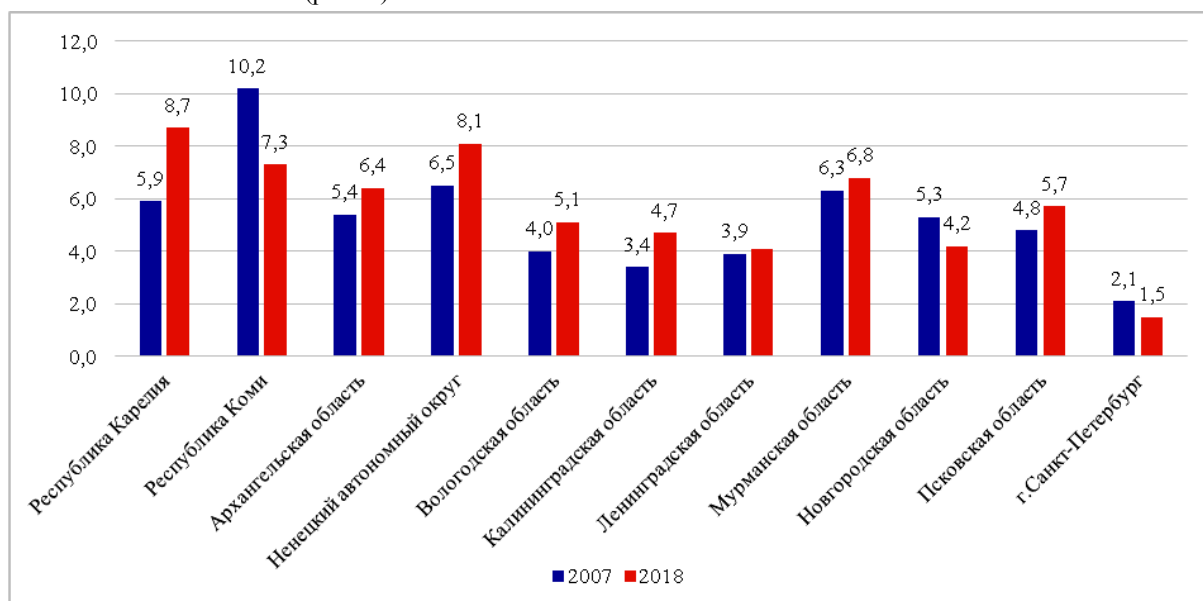

Рисунок 5.
Уровень безработицы среди населения СЗФО в возрасте от 15 до 72 лет в 2007 г. и 2018 г., %

Грузооборот автомобильного транспорта организаций всех видов экономической деятельности без субъектов малого предпринимательства (по кругу предприятий, отчитавшихся в отчетном периоде) в Северо-Западном федеральном округе за исследуемый период имел тенденцию к росту (рис. 6).

Наиболее резкий рост наблюдался в 2012 г. по сравнению с 2011 г., что связано с повышением активности транспортных путей в данном регионе. Северо-Западный федеральный округ связан с Европой и Скандинавией транспортными сетями.

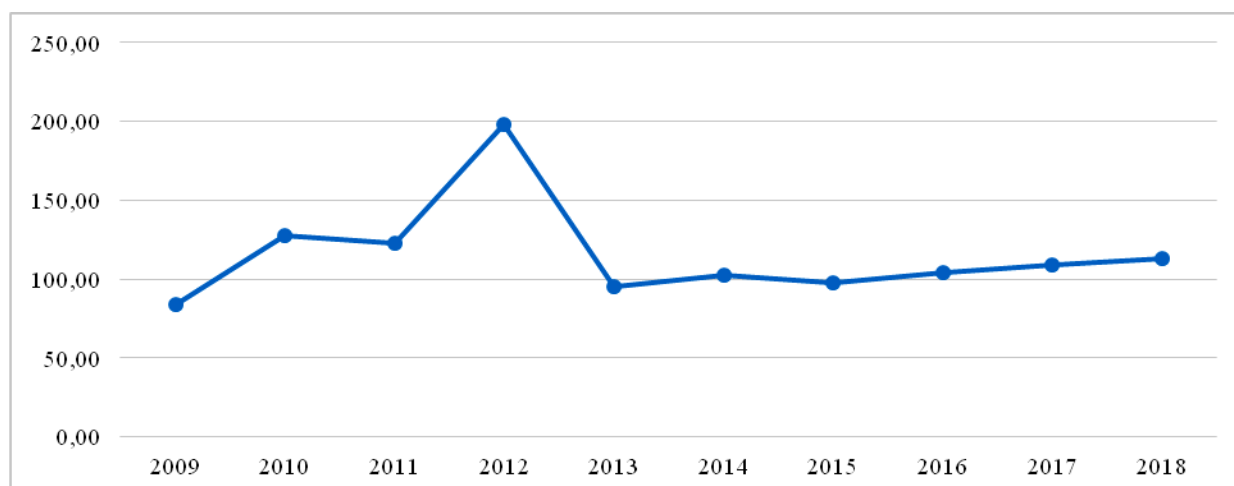

Рисунок 6.

Динамика грузооборота автомобильного транспорта организаций всех видов экономической деятельности без субъектов малого предпринимательства в СЗФО в 2009–2018 гг.

Тенденция в изменении данного показателя в СЗФО практически совпадает с изменением данного показателя по Российской Федерации в целом, что говорит о том, что данный регион чутко реагирует на изменения, происходящие в стране.

Индекс тарифов на жилищно-коммунальные услуги в Северо-Западном федеральном округе неизменно рос на протяжении всего исследуемого периода, что вызывает неизбежную инфляцию и повышение цен в данной сфере. Самое резкое изменение произошло в 2009 г. по сравнению с 2008 г., что связано с экономическим кризисом в это время (рис. 7).

Данная тенденция соответствует изменению данного показателя по России в целом.

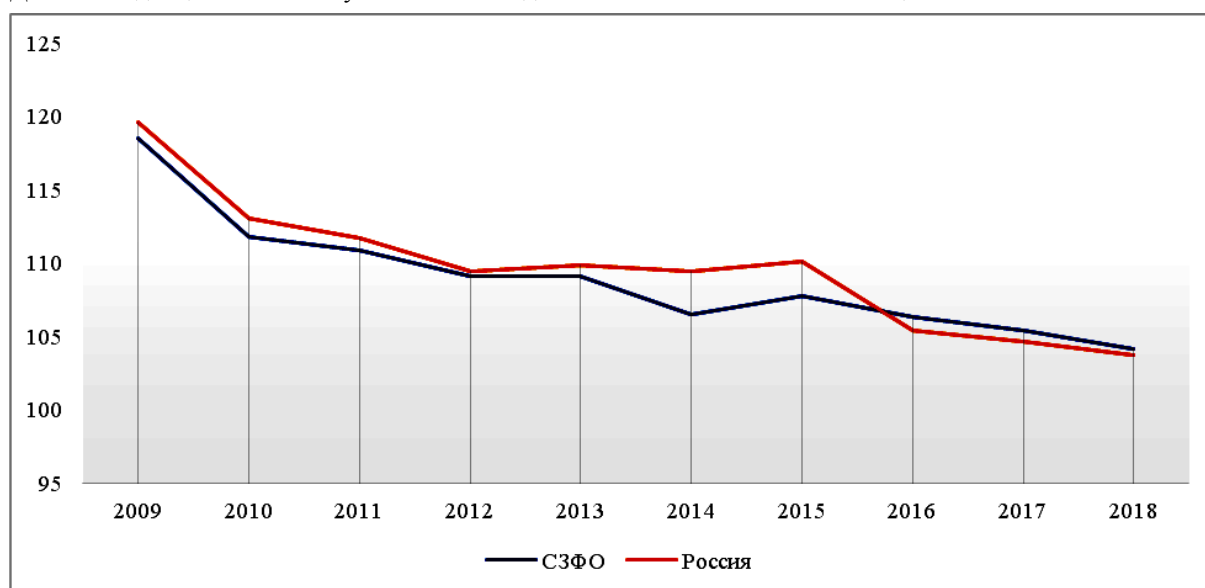

Рисунок 7.

Динамика тарифов на жилищно-коммунальные услуги в СЗФО и РФ в 2009–2018 гг.

Неизменный рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги склоняет к мнению о том, что данная тенденция продолжится. Одним из наиболее важных показателей оценки малого и среднего предпринимательства является среднесписочная численность работников (рис. 8). Так в Северо-Западном федеральном округе значение среднесписочной численности работников на предприятиях малого и среднего бизнеса в 2018 году составило 1429,4 тыс. человек, что на 1,1% больше чем в 2010 г. Данный показатель только в 2015 году превысил 1,5 млн. человек. В остальные годы значение находилось в промежутке между 1,4 и 1,45 млн человек. Наибольший прирост в относительном выражении произошел в Калининградской области – темп прироста составил 28,1%. Сильнее всего снизилась среднесписочная численность работников на предприятиях малого и среднего бизнеса в Ненецком автономном округе и Новгородской области на 40,8 и 39,1% соответственно. Наибольший абсолютный прирост был зафиксирован в г. Санкт-Петербург – на 106,1 тыс. человек. При этом только в трех (Калининградская и Ленинградская области, г. Санкт-Петербург) из

двенадцати субъектов Северо-Западного федерального округа произошел прирост данного показателя. Данное явление связано с более высоким уровнем экономического развития данных регионов. В остальных регионах у населения невысокая платежеспособность, вследствие чего рентабельность ведения малого и среднего бизнеса находится на низком уровне.

При сравнении динамики показателя в Северо-Западном федеральном округе с данными по России можно отметить, что в целом направления изменений совпадают с общероссийскими.

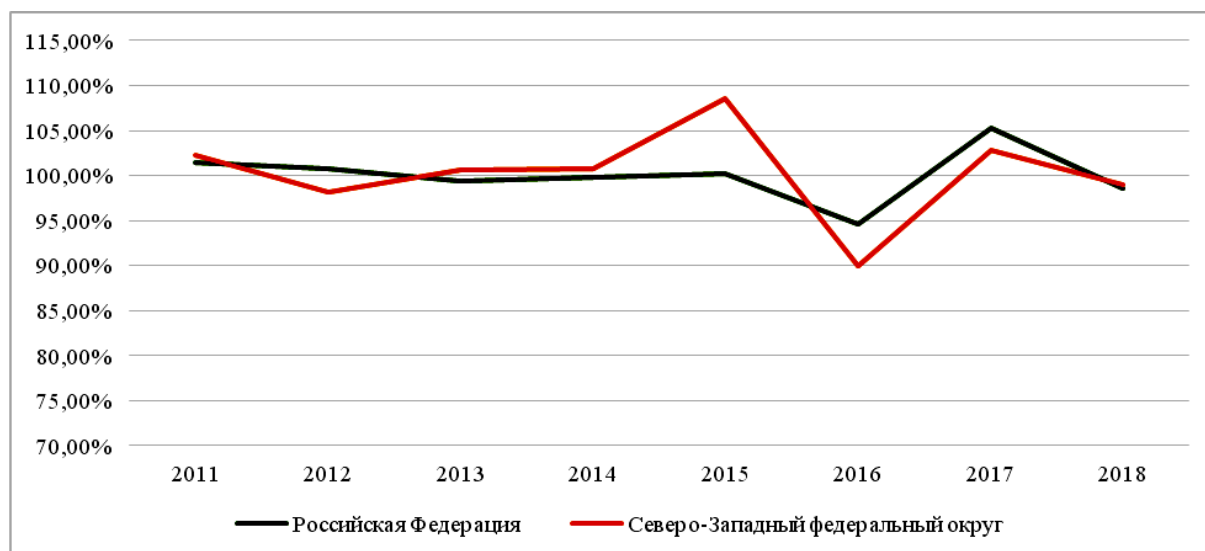

Рисунок 8.

Темп роста среднесписочной численности работников на предприятиях малого и среднего бизнеса в Российской Федерации и Северо-Западном федеральном округе в 2011–2018 гг.

Индексы производства продукции сельского хозяйства в Северо-Западном федеральном округе за исследуемый период имели тенденцию к росту. Так, производство продукции сельского хозяйства в первом квартале 2019 превысило более чем 1,7 раза значение в первом квартале 2009 года. Данные результаты отражают общую тенденцию роста производства продукции сельского хозяйства в России (рис. 9).

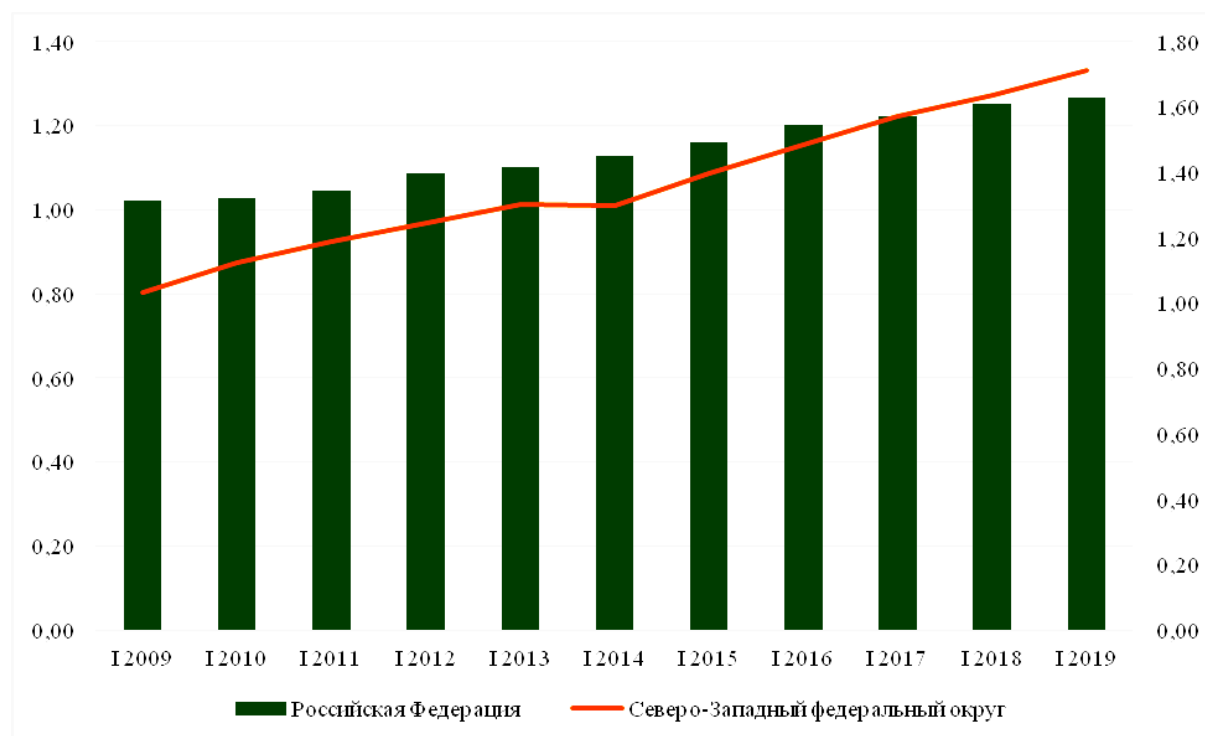

Рисунок 9.

Темп роста производства продукции сельского хозяйства базисный в Российской Федерации и Северо-Западном федеральном округе в 2009–2018 гг.

При этом необходимо отметить, что в целом рост производства продукции сельского хозяйства в Северо-Западном федеральном округе происходил постепенно, что благоприятно влияет на социальную обстановку и позво-

ляет более эффективно проводить планирование¹. Наибольшее увеличение производства продукции сельского хозяйства произошло в 3 регионах: Псковская область – в 5,5 раз, Новгородская область – в 3,4 раз, Калининградская область – в 2,8 раз.

Наибольшее снижение показали Мурманская и Архангельская области, Республика Карелия. Это может быть связано с тем, что климат данных субъектов, находящихся на севере федерального округа, не способствует развитию сельского хозяйства (рис. 10).

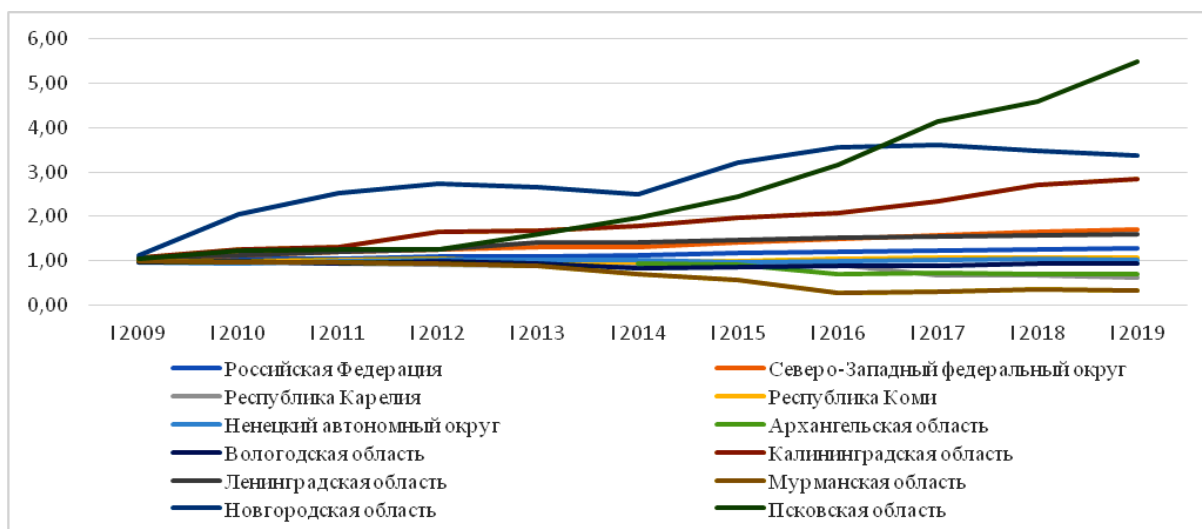

Рисунок 10.
Темп роста производства продукции сельского хозяйства базисный в Северо-Западном федеральном округе в 2009–2018 гг.

При оценке характера изменений темпов производства продукции сельского хозяйства можно отметить, что наибольший вклад в общий прирост внес первый квартал 2010 г. – относительно предыдущего года значение увеличилось на 82,5%. За исследуемый период больше ни в одном субъекте не наблюдалось подобных темпов прироста.

Инвестиции – важнейший фактор экономического роста. В большинстве субъектов Северо-Западного федерального округа объем инвестиций в основной капитал вырос более чем в два раза. Наихудшие в округе результаты отмечены в Республике Коми – рост на 15,6% и в Новгородской области – рост на 67,4% (рис. 11).

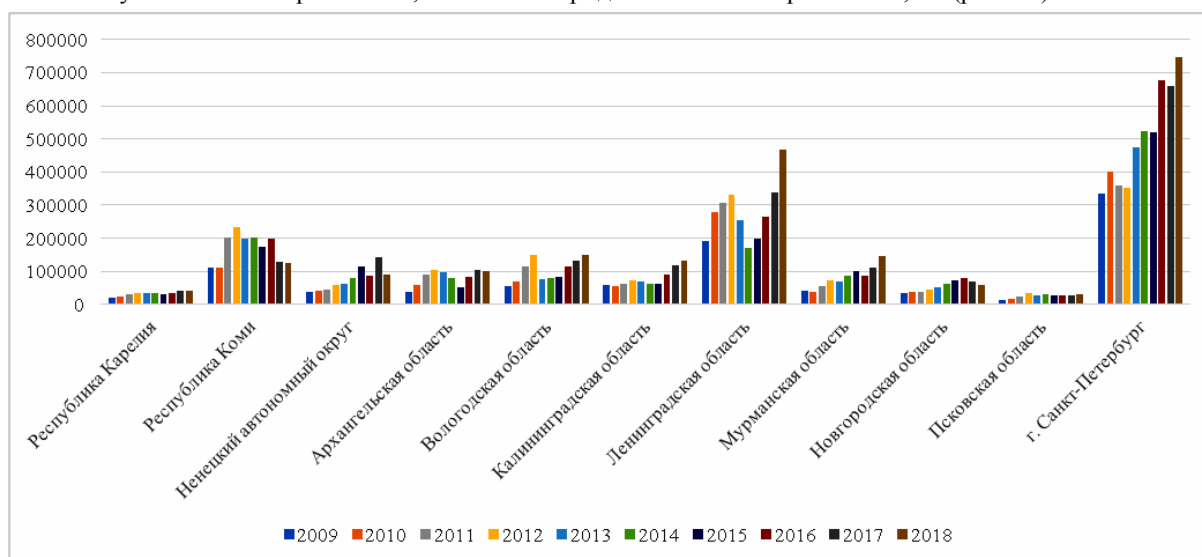

Рисунок 11.
Темп прироста инвестиций в основной капитал в субъектах Северо-Западного федерального округа в 2009–2018 гг.

При оценке изменений структуры инвестиций по регионам, можно отметить, что в 2012 году доля Санкт-Петербурга и Ленинградской области была наименьшей – 46,0%. Это связано с общим развитием регионов в целом. Но после кризиса 2014 г. доля Санкт-Петербурга и Ленинградской области росла и в 2018 году достигла 58,1% от всех инвестиций в основной капитал в Северо-Западном федеральном округе.

В целях обобщения пространственно-временного анализа социально-экономического положения регионов СЗФО в 2007 – 2018 гг. и прогнозирования тенденций исследуемых показателей был использован метод аналитиче-

¹ Социально-экономическое положение Северо-Западного федерального округа. – <https://ria.ru/20110614/388158224.html>

ского выравнивания. По данным прогноза по показателю ВРП на душу населения, в СЗФО к 2021 г. он должен составить 437016 руб. По прогнозу объема розничной торговли, к 2021 г. его значение увеличится на 18,4% по сравнению с 2018 г. (рис. 12).

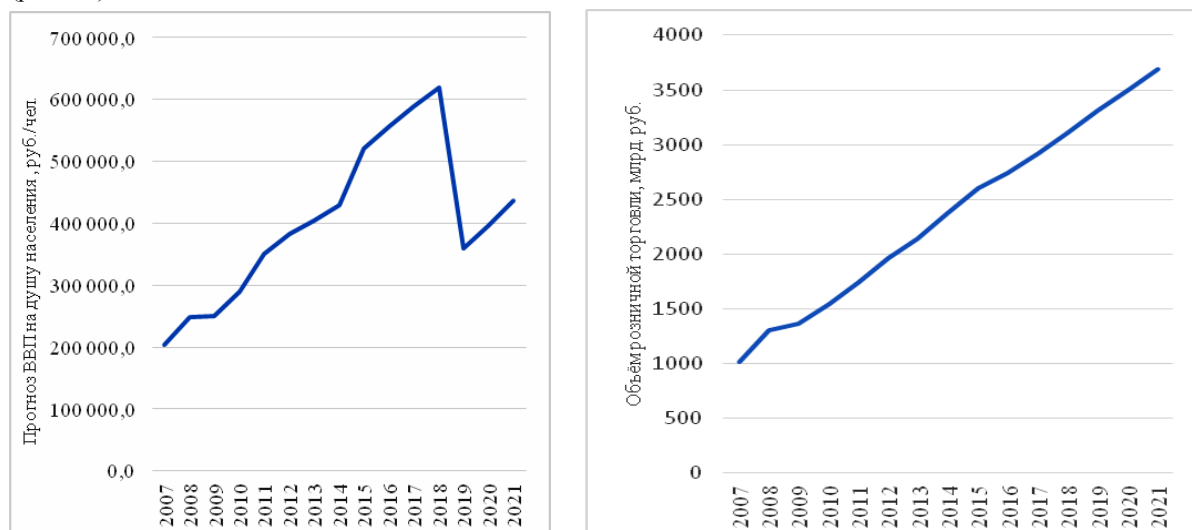

Рисунок 12.

Прогноз ВРП на душу населения и объёмов розничной торговли СЗФО РФ на 2019–2021 гг.

Подводя итоги, можно отметить, что усиливается концентрация экономической активности в Санкт-Петербурге и увеличивается межрегиональное неравенство в округе. Экономический уровень более развитых регионов растёт опережающими темпами. При этом ситуация в Северо-Западном федеральном округе по ряду показателей совпадает с общероссийскими тенденциями. Наблюдается положительная динамика прироста инвестиций в основной капитал в субъектах СЗФО, тенденции роста производства продукции сельского хозяйства, грузооборота автомобильного транспорта, тарифов на жилищно-коммунальные услуги. Позитивное влияние на социальную ситуацию в ряде субъектов СЗФО оказывает относительно невысокий уровень безработицы. Наиболее перспективным фактором долговременного и устойчивого развития округа выступает научно-технический и промышленный потенциал. Северо-Западный федеральный округ является промышленно ориентированной территорией с развитой инфраструктурой и преобладанием обрабатывающих отраслей в промышленности, что определяет достоверность полученных положительных прогнозных тенденций ВРП на душу населения и объёмов розничной торговли.

Скоробогатых И.И.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой маркетинга, Российский экономический университет
Skorobogatykh.II@rea.ru

Сидорчук Р.Р.

д.э.н., профессор кафедры маркетинга, Российский экономический университет
Sidorchuk.RR@rea.ru

Мусатов Б.В.

д.э.н., профессор кафедры маркетинга, Российский экономический университет
Musatov.BV@rea.ru

Мешков А.А.

д.э.н., профессор кафедры маркетинга, Российский экономический университет
Meshkov.AA@rea.ru

НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОД В МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ОЦЕНКЕ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ПАРКОВОЧНЫМИ МЕСТАМИ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

Ключевые слова: маркетинговые исследования, нормативный подход, парковочные пространства.

Keywords: marketing research, regulatory approach, parking spaces.

Для решения задачи определения обеспеченности парковочными местами хранения индивидуального транспорта в соответствии с постановлением Правительства города Москвы¹ используется нормативный метод. Метод основан на общих принципах маркетинговых исследований² и на нормативных расчетных показателях минимально допустимого уровня обеспеченности объектами паркования и хранения индивидуального транспорта населения города Москвы. В основу метода положены региональные нормативы, предназначенные для градостроительного проектирования города Москвы в области транспорта, автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения. Они установлены на основе практического опыта и включают в себя расчетные показатели минимально допустимого уровня обеспеченности объектами регионального или межмуниципального значения. Общие методические подходы к использованию в маркетинге нормативного подхода описаны в литературе³.

К объектам нормирования относятся такие объекты транспортной инфраструктуры города Москвы, как линейные объекты улично-дорожной сети, сооружения, предназначенные для использования неограниченным кругом лиц в целях паркования, хранения индивидуальных транспортных средств, в том числе автостоянки, паркинги, гаражи, объекты грузового транспорта и обслуживания перевозок грузов.

Нормативные методики оценки потребности в парковочных местах основываются в первую очередь на нормах парковок, под которыми понимается минимально допустимый уровень обеспеченности объектами хранения легковых автомобилей, установленный Постановлением Правительства Москвы от 1 октября 2015 г. № 945-ПП.

Учитывая, что указанное выше Постановление устанавливает нормативы допустимого уровня обеспеченности объектами хранения для градостроительного проектирования города Москвы, применение установленных нормативов к ранее возведенным объектам является *оценочным* и используется с целью определения соответствия существующего жилого фонда в части организации парковочного пространства перспективным нормам градостроительной политики в этой части.

Нормативы, используемые для оценки по потребностей в парковочных местах:

1. Количество индивидуального транспорта на 1000 жителей. В расчетах потребности в парковках с использованием нормативного метода применяется показатель – количество индивидуального транспорта на 1000 жителей:

– на 2015 г. – 370 единиц автотранспорта;

– на период до 2018 г. – с учетом прироста числа автомобилей на 3,3% в год (в соответствии с Генеральным планом города Москвы, утвержденным Законом города Москвы от 5 мая 2010 г. № 17 «О генеральном плане города Москвы»)⁴.

¹ Постановление Правительства Москвы от 1 октября 2015 г. № 945-ПП «Об утверждении региональных нормативов градостроительного проектирования города Москвы в области транспорта, автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения». – <http://docs.cntd.ru/document/3719130>

² Маркетинговые исследования и ситуационный анализ: учебник / Под общ. ред. И.И. Скоробогатых, Д.М. Ефимовой. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – 340 с. – (Серия «К 110-летию РЭУ им. Г. В. Плеханова»).

³ Маркетинг: создание и донесение потребительской ценности: учебник / Под общ. ред. И.И. Скоробогатых, Р.Р. Сидорчука, С.Н. Андреева. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 589 с. – (Высшее образование: Бакалавриат). – DOI 10.12737/1003504. – <http://znanium.com/catalog/product/1003504>

⁴ Закон города Москвы от 5 мая 2010 г. № 17 «О генеральном плане города Москвы». – <http://docs.cntd.ru/document/3719130>

Изменение норматива количества индивидуального транспорта на 1000 жителей города Москвы по годам представлено в табл. 1.

Таблица 1

Норматив количества (ед.) индивидуального транспорта на 1000 жителей города Москвы

Год	2015	2016	2017	2018	2019
Норматив, ед.	370	382	395	408	421

Источник: подготовлено авторами.

2. Уровень пешеходной доступности. Максимально допустимый уровень территориальной пешеходной доступности для населения до остановок наземного городского общественного пассажирского транспорта должен составлять:

- от мест проживания или мест приложения труда – не более 400 м;
- от объектов массового посещения – не более 250 м;
- от объектов социального обслуживания и поликлиник – не более 150 м;
- от проходных предприятий в производственных и коммунально-складских зонах – не более 400 м;
- от главного входа зон массового отдыха и спорта – не более 800 м;
- в районах индивидуальной жилой застройки дальность пешеходных подходов к ближайшей остановке наземного городского общественного пассажирского транспорта может быть увеличена до 600 м.

3. Уровень территориальной доступности. Максимально допустимый уровень территориальной пешеходной доступности для населения до станций скоростного внеуличного общественного пассажирского транспорта должен составлять:

- до станций метрополитена в центральной части города – не более 500 м;
- до станций метрополитена, скоростного трамвая в пределах МКАД – не более 700 м;
- до станций метрополитена, скоростного трамвая на территории за пределами МКАД – не нормируется.

Максимально допустимый уровень территориальной транспортной доступности для населения до станций скоростного внеуличного общественного пассажирского транспорта:

- в пределах МКАД (включая центральную часть города) – не более 2200 м;
- за пределами МКАД – не нормируется.

4. Применение нормативов в зависимости от вида хранения индивидуального транспорта. Методика расчета норматива потребности для хранения и паркования индивидуального транспорта зависит от вида хранения.

Постоянное хранение индивидуальных транспортных средств обеспечивает потребность в парковочных местах населения города Москвы, проживающего в жилой застройке. Для территорий многоэтажной жилой застройки парковочные места постоянного хранения размещаются:

- внутри территорий жилых зон (кварталов) – от 55 до 90% необходимого количества машиномест в виде площадок и парковок вдоль внутриквартальных проездов и в гаражах;
- за пределами территорий жилых зон (кварталов) – от 10 до 15% от необходимого количества машиномест в гаражах и на открытых площадках (на закрепленном за конкретным автовладельцем парковочном месте) в виде сезонной парковки;
- на улично-дорожной сети – от 0 до 30% от необходимого количества машиномест: внеуличные в виде карманов, отступающих от проезжей части; уличные в виде парковок на проезжей части, открытых площадках и гаражах в подэстакадных и подмостовых пространствах, а также в подземных гаражах под проезжей частью;
- в коттеджной (индивидуальной) застройке парковочные места постоянного хранения размещаются – до 100% от необходимого количества машиномест.

Максимально допустимый уровень территориальной пешеходной доступности для населения парковочных мест постоянного хранения за пределами жилых зон не должен превышать 1500 м. При размещении парковочных мест в пределах УДС допускается использование территории в радиусе пешеходной доступности – 600 м от границ рассматриваемого участка, в том числе на противоположной стороне УДС на незастроенных и в будущем не застраиваемых территориях.

Временное хранение индивидуальных транспортных средств отражает потребность в парковочных местах для легковых автомобилей сотрудников и посетителей объектов различного функционального назначения и размещаются:

- на территории объектов различного функционального назначения должно располагаться от 75 до 100% от необходимого количества машиномест на открытых площадках и гаражах;
- на улично-дорожной сети – от 0 до 25% от необходимого количества машиномест.

Для легковых автомобилей посетителей жилых зон (кварталов) предусматриваются гостевые парковки. Они размещаются на открытых площадках для паркования внутри жилых зон или на УДС, в порядке, предусмотренном для постоянного хранения автотранспортных средств.

Максимально допустимый уровень территориальной пешеходной доступности для населения парковочных мест временного хранения должен предусматривать:

- для приобъектных парковок – от 150 до 400 метров;
- для парковок совместного использования – 1200 метров до наиболее удаленного объекта из обслуживаемой группы.

Методики оценки нормативного количества парковочных мест для постоянного хранения индивидуального транспорта

Нормативные методики расчета потребности в парковочных местах основываются на региональных нормах градостроительного проектирования города Москвы, которые содержат совокупность установленных в целях обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека расчетных показателей минимально допустимого уровня обеспеченности населения города Москвы объектами транспортной инфраструктуры регионального и муниципального значения и расчетных показателей максимально допустимого уровня территориальной доступности таких объектов для населения города Москвы.

Количество парковок для постоянного хранения определяется на этапе разработки проектов планировок территорий и подготовки градостроительного плана земельного участка. Для существующей застройки территорий эта методика используется для оценки актуального уровня удовлетворенности потребностей пользователей в парковках для постоянного хранения легковых автомобилей. При проведении расчетов учитывается дифференциация территориальных единиц города Москвы в зависимости от соотношения численности дневного населения и проживающего населения и доступности территории городским общественным пассажирским транспортом.

Для расчета количества парковок постоянного хранения легкового автотранспорта в градостроительном проектировании города Москвы рекомендуется использовать следующую расчетную формулу

$$N_n = [S / S_1] \times K_1 \times K_2 \quad (1),$$

где N_n – количество парковочных мест постоянного хранения автотранспортных средств;

S – суммарная поэтажная площадь объекта;

S_1 – показатель суммарной поэтажной площади объекта на одно машиноместо для постоянного хранения автотранспортных средств;

K_1 – уточняющий коэффициент соотношения численности дневного населения и населения, проживающего на территории района города Москвы (табл. 2);

K_2 – уточняющий коэффициент к расчетному количеству парковок в зависимости от доступности территории городским общественным пассажирским транспортом (табл. 3).

Таблица 2

Количество парковок для постоянного хранения на этапе разработки проектов планировок территорий и подготовки градостроительного плана земельного участка

Виды жилых объектов	Нормативное значение количества машиномест на кв. м суммарной поэтажной площади здания S_1
Многоквартирные дома (строительство за счет бюджета города Москвы)	1 на 90 кв. м
Многоквартирные дома (строительство за счет внебюджетных средств)	1 на 80 кв. м ¹
Жилые дома блокированной застройки и объекты индивидуального жилищного строительства (независимо от источника финансирования) ¹	1 на 150 кв. м, но не менее 1 на объект

Подготовлено авторами на основе источника: <http://docs.cntd.ru/document/537986033>

Для оценки уровня удовлетворенности парковочными местами постоянного хранения для многоквартирных домов ранних лет застройки, независимо от бывшего инвестора, целесообразно принять норму, равную 1 машиноместу на 85 кв. м.

Таблица 3

Распределение территориальных единиц города Москвы по зонам в зависимости от соотношения численности дневного населения и проживающего населения

Зона территориального деления гор. Москвы	Наименование территориальных единиц (районов, поселений) гор. Москвы	Обеспеченность расчетным количеством парковок постоянного хранения (K_1)
Зона «0»	Арбат, Басманный, Беговой, Замоскворечье, Красносельский, Лефортово Мещанский, Нижегородский, Сокольники, Пресненский, Таганский, Тверской, Хамовники, Хорошевский, Якиманка	0,7
Зона «1»	Алексеевский, Аэропорт, Войковский, Гагаринский, Даниловский, Донской, Дорогомилово, Левобережный, Марьяна Роща, Останкинский, Ростокино, Савеловский, Соколиная гора, Черемушки, Южнопортовый	0,8
Зона «2»	Академический, Бабушкинский, Бутырский, Коньково, Дмитровский, Измайлово, Ломоносовский, Марфино, Метрогородок, Москворечье-Сабурово, Нагатинно-Садовники, Нагорный, Обручевский, Орехово-Борисово, Южное Очаково-Матвеевское, Перово, Покровское-Стрешнево, Преображенское, Раменки, Свиблово, Сокол, Тимирязевский, Текстильщики, Тропарево-Никулино, Филевский парк, Хорошево-Мневники, Царицыно, Чертаново, Северное Чертаново, Центральное Щукино	0,9
Зона «3»	Все районы и поселения города Москвы, не вошедшие в зоны «0», «1», «2»	1,0

Подготовлено авторами на основе источника: <http://docs.cntd.ru/document/537986033>

¹ Блокированная застройка — тип малоэтажной жилой застройки, при котором расположенные в ряд однотипные жилые дома блокируются друг с другом боковыми стенами. Каждый из таких домов имеет отдельный вход, небольшой палисадник и, иногда, гараж.

Зоны доступности территории городским общественным пассажирским транспортом определяют:

- от магистральной улично-дорожной сети, на которой организовано движение наземного общественного пассажирского транспорта;

- зона 250 м от проезжей части в оба направления.

Следует учитывать линии общественного транспорта со сроком ввода в эксплуатацию, соответствующим времени реализации проекта планировки территории, проектируемой в соответствии с Государственной программой города Москвы «Развитие транспортной системы» на 2012–2016 годы и на перспективу 2020 года, утвержденной постановлением Правительства Москвы от 2 сентября 2011 г. № 408-ПП;

- от станций и платформ скоростного внеуличного транспорта – в радиусе 500 м.

Важным аспектом при принятии стратегических управленческих решений в области развития парковочного пространства является понимание и оценка перспектив развития города в целом, так как парковочное пространство является неотъемлемой частью градостроительной политики. В связи с этим для оценки потенциала парковочного пространства целесообразно воспользоваться градостроительными решениями, заложенными в Генеральном плане развития города Москвы до 2025 года.

Оценка потенциала основана на заданных в Генеральном плане Москвы до 2025 года «Основных показателях в области жилищного строительства города Москвы».

В качестве исходных нормативных потребностей обеспечения парковочным пространством индивидуального транспорта используются утвержденные нормативы:

- норматив количества индивидуального транспорта на 1000 жителей;

- норматив жилого фонда на 1 машиноместо – 85 кв. м. жилого фонда на 1 машиноместо ;

- коэффициент распределения территориальных единиц города K_1 ;

- коэффициент территориальной доступности городского общественного пассажирского транспорта K_2 принят равным $0,775 = (0,85+0,70) / 2$, как среднее значение коэффициентов (табл. 4).

Таблица 4

Доступность территории городским общественным пассажирским транспортом

Вид общественного транспорта, в зону доступности которого попадает объект ^{*)}	Коэффициент доступности общественного транспорта, K_2
Только городской наземный общественный пассажирский транспорт	0,85
Скоростной внеуличный и наземный общественный пассажирский транспорт	0,70

Подготовлено авторами на основе Постановления правительства Москвы от 23 декабря 2015 года № 945-ПП «Об утверждении региональных нормативов градостроительного проектирования города Москвы в области транспорта, автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения». – <http://docs.cntd.ru/document/537986033>

Такой подход к оценке территориальной доступности определяется задачами, представленными в Генеральном плане города Москвы: «обеспечить транспортно-пешеходную доступность до 15 минут остановочных пунктов городского внеуличного общественного транспорта, обеспечением в «шаговой» доступности: социально значимых объектов обслуживания; мест размещения, хранения и паркования индивидуального автотранспорта, Генеральным планом города Москвы до 2025 года также предусмотрено дальнейшее наращивание фонда машиномест для хранения и паркования легковых автомобилей с целью достижения к расчетному сроку не менее 70% обеспеченности; увеличение фонда машиномест для хранения и паркования к 2025 году – на 2,6 млн. машиномест для хранения легковых автомобилей населения города – на 1,7 млн. машиномест, для паркования легковых автомобилей посетителя объектов различного функционального назначения – на 0,9 млн. машиномест, включая приобъектные, кооперированные и перехватывающие стоянки.

Оценка потенциального количества машиномест, необходимого для хранения индивидуального автотранспорта жителей Москвы, на основе показателей жилого фонда, предусмотренного мероприятиями Генплана гор. Москвы до 2025 года представлена в таблице 2. Расчет норматива потенциальной потребности в машиноместах осуществляется по формуле 2.

$$M = (F/N_{\text{норм}}) \times K_1 \times K_2 \quad (2)$$

Генпланом г. Москвы до 2025 года предусматривается также дальнейшее наращивание фонда машиномест для хранения и паркования легковых автомобилей с целью достижения к расчетному сроку не менее 70% обеспеченности потребности. Для паркования легковых автомобилей посетителей объектов различного функционального назначения предусматривается также увеличение парковочного пространства на 0,9 млн. машиномест, включая приобъектные, кооперированные и перехватывающие стоянки. Предусматривается также формирование каскада перехватывающих стоянок: к расчетному сроку общей вместимостью 250 тыс. машиномест, в том числе на подходах к границам города – 100 тыс. машиномест; к границам Центрального административного округа и Садовому кольцу – 150 тыс. машиномест; на 1-ю очередь – общей вместимостью 150 тыс. машиномест, в том числе: на подходах к границам города – 30 тыс. машиномест, к границам Центрального административного округа и Садовому кольцу – 120 тыс. машиномест.

Генпланом предусматривается обеспечение темпов прироста фонда машиномест для хранения и паркования легковых автомобилей: до 2015 г. – по 170–175 тыс. машиномест в год (в том числе для хранения – по 100–110 тыс. машиномест в год, для паркования – по 65–70 тыс. машиномест в год); с 2015 по 2025 гг. – по 120–125 тыс. машиномест в год (в том числе для хранения – по 80–90 тыс. машиномест в год, для паркования – по 35–40 тыс. машиномест в год).

Степанов В.И.

д.э.н., профессор, профессор кафедры предпринимательства и логистики Российского экономического университета

ЛОГИСТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В РАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГРУЗОВЫХ ПОТОКОВ В МЕГАПОЛИСЕ

Ключевые слова: мегаполис, грузовые потоки, программа исследования, типовой представитель территориальной единицы, классификация грузов, организационная модель, транспортно-логистический центр.

Keywords: megapolis, freight flows, research program, typical representative of a territorial unit, cargo classification, organizational model, transport and logistics center.

Выполнение научно-исследовательской работы в области рациональной организации грузовых потоков, функционирующих в мегаполисах, продиктовано двумя основными причинами. Первая – значение транспортной составляющей в жизнедеятельности крупных городов, в частности в мегаполисах. Вторая – наличие проблем при осуществлении грузовых перевозок в городах и мегаполисах.

Что касается содержания понятия транспортной составляющей, то прежде всего следует выделить специфические особенности транспортных услуг: собственно перевозочный процесс; погрузочно-разгрузочные операции; упаковывание и маркирование грузов; экспедиторские процедуры; связанные с товародвижением от грузоотправителя до грузополучателя. При этом данные услуги оказываются в условиях постоянного спроса на транспортные услуги, широкого диапазона потребителей, жесткой конкуренции между транспортными компаниями и существующего свободного (договорного) ценообразования.

Значение оказываемых транспортных услуг, в частности осуществляемых грузовых перевозок, для территориальных образований Российской Федерации, включающих крупные города и мегаполисы, достаточно существенно. Транспорт обеспечивает нормальное, регламентированное и ритмичное функционирование субъектов хозяйствования различных направлений деятельности посредством доставки необходимых грузов в установленные сроки, по требуемым объемам и номенклатуре.

В отношении проблем при осуществлении грузоперевозок следует отметить наиболее важные из них, присущие мегаполисам, а именно: наличие значительного количества субъектов – грузополучателей (учреждений, промышленных предприятий, сервисных центров, учебных заведений, организаций здравоохранения, гостиниц, крупных торговых центров и магазинов, организаций общественного питания); значительная протяженность автомобильных дорог; активная транспортная подвижность и высокая напряженность транспортных магистралей (перевозки грузов в единицу времени) и значительная плотность транспортной сети; сложность структуры путей сообщения и конфигурации транспортной сети; создание целого ряда неудобств для транспортных средств и пешеходов.

В соответствии с выявленными и названными выше проблемами была сформулирована цель исследования, состоящая в разработке прикладных основ комплекса организационных решений по рационализации грузовых потоков в мегаполисе за счет максимального снижения нагрузки на транспортную сеть и минимизацию разгрузочных операций доставляемых продуктов.

Для реализации поставленной цели была разработана программа проведения исследования, основными позициями которой явились: разработка алгоритма выбора типовых территориальных образований мегаполиса; классификация перевозимых грузов и периодичность их доставки; проведение анализа структуры и объемов перевозок в типовых территориальных образованиях; разработка организационной модели рационализации грузовых перевозок; перечень задач, решаемых в функционирующей организационной модели. Фрагментарно рассмотрим приведенные выше позиции программы исследования.

Так, алгоритм выбора типового представителя, сочетающего в себе все характеристики аналогичных территориальных образований, основывался на признаках типологии мегаполиса, в качестве основных из которых выбраны следующие: географическое положение, степень индустриализации, количество (плотность) проживающего населения, функциональное назначение, специфика и объем грузовых перевозок, напряженность путей сообщения.

В соответствии с территориальным делением города Москва, как объект исследования, предусматривает десять административных округов, включающих 125 районов. Все районы были подразделены на четыре группы: промышленные районы, представляющие собой промышленные зоны; «спальные» районы (в основном жилой фонд) – многонаселенные районы; транспортно-напряженные районы, через которые пролегают автомобильные магистрали, ведущие в аэропорты; многофункциональные районы, в которых сконцентрированы учреждения различного назначения и крупные торговые центры. В каждой группе были определены типовые представители.

Классификация перевозимых грузов была разработана на основе периодичности и видов доставляемых в мегаполис грузов, а также категорий грузополучателей. При этом в каждом виде грузов была определена их продуктовая

номенклатура. В результате все грузы были классифицированы на три группы. Первая группа – постоянная номенклатура грузов, которые подлежат доставке и разгрузке ежедневно и (или) несколько раз в день. К таким видам продуктов отнесены:

- широкий ассортимент продовольственных продуктов, а также потребительских продуктов постоянного спроса – грузополучателями являются торговые центры, крупные, средние и мелкие магазины;
- продовольственные продукты, предназначенные для объектов общественного питания, – в качестве грузополучателей выступают кафе, рестораны, учреждения (государственные, учебные, здравоохранения) с пунктами общественного питания;
- почтовые грузы в виде посылок, писем, средств массовой информации, доставляемые практически во все субъекты хозяйствования.

Вторая группа – продукты, доставляемые и разгружаемые периодически в зависимости от величины спроса на них. К данным продуктам относятся: продукция производственного назначения и потребительские товары длительного пользования, доставляемые в организации и учреждения, а также в розничную торговлю; канцелярские принадлежности в широком ассортименте, потребляемые практически всеми субъектами хозяйствования; хозяйственные товары и хозяйственный инвентарь, также потребляемые всеми субъектами хозяйствования.

Третья группа – продукты, доставляемые по разовым заказам по мере возникновения необходимости в них. Потребителями-грузополучателями является подавляющее большинство субъектов хозяйствования. К таким продуктам относятся: строительные и отделочные материалы, используемые при ремонте помещений; офисная мебель, торговое оборудование и организационная техника; разовые грузы, предназначенные для рекламного оформления различных объектов.

Проведение анализа структуры и объемов перевозок, осуществляемых в типовых представителях территориальных образований, заключалось в основном в наблюдении и фиксировании разгрузки транспортных средств. Визуальному анализу были подвергнуты грузоподъемность и количество транспортных средств, а также разгружаемые продукты. Естественно, что такой вид анализа имеет определенные погрешности по отдельным видам продуктов и их объемам. Однако существующее состояние грузовых перевозок в мегаполисе было определено с достаточной степенью точности, так как базировалось на значительном количестве фотоматериалов.

По результатам проведенного анализа грузопотоков были сделаны следующие выводы: грузовые перевозки и соответственно разгрузка продуктов осуществляются при отсутствии какого-либо общего графика поставок; грузовые перевозки осуществляются многочисленными транспортными компаниями, и при этом не координируются и не регламентируются по объемам грузов и количеству используемых транспортных средств; большинство субъектов-грузополучателей не имеет парковочных мест, предназначенных для разгрузки продуктов; разгрузка транспортных средств достаточно часто осуществляется в часы интенсивного движения транспорта. Указанное выше приводит к тому, что идентичная номенклатура грузов, перевозимых различными транспортными компаниями, значительно увеличивает количество транспортных средств, и одновременно создает определенные неудобства для движения транспорта общего пользования и пешеходов.

Организационная модель рационализации грузовых перевозок в мегаполисе основывается на создании единого транспортно-логистического центра при Департаменте транспорта, входящего в состав правительства города Москвы. В качестве основных участников данной модели, взаимодействующих с Центром, выступают транспортные компании, сориентированные на перевозку определенной (однородной) номенклатуры грузов; грузоотправители (промышленные предприятия, склады общего пользования, специализированные склады, складские терминалы в аэропортах); грузополучатели (торговая сеть, учреждения и организации, предприятия сервисных услуг и общественного питания).

Кроме основных участников модели, напрямую связанных с перевозкой грузов, предусмотрена причастность организаций, оказывающих сопутствующие услуги, и тем самым опосредованно влияющих на перевозочный процесс. К таким организациям отнесены: лизинговые компании – приобретение транспортных средств и складского оборудования по договору лизинга; юридические службы – обеспечивают правовую поддержку при возникновении конфликтных ситуаций; страховые компании обеспечивают страхование грузов и транспортных средств; консалтинговые компании – предоставляют услуги по информационному, технико-технологическому процессу, организационном и экономическому обеспечению; аудиторские фирмы – проводят при необходимости аудит производственно-хозяйственной деятельности участников модели.

Информационный поток, циркулирующий в моделях подразделен на входной (заявки на перевозки от грузополучателей и данные о наличии транспортных средств соответствующей грузоподъемности, поступающих от транспортных компаний), внутренний, сопровождающий диспетчерские и координирующие функции, и выходной – путевые листы для транспортных компаний с указанием пунктов погрузки и разгрузки, количества транспортных средств конкретной грузоподъемности, маршрутов движения транспортных средств, времени прибытия в пункты назначения.

Для того чтобы организационная модель функционировала эффективно, необходимо проведение ряда подготовительных работ в отношении ее участников. В связи с тем, что наибольшую нагрузку на транспортную дорожную сеть, склады и транспорт представляет ежедневная доставка продуктов, к тому же аналогичных продуктов одновременно от нескольких грузоотправителей нескольким грузополучателям, то данный вариант становится первостепенным. Следовательно, возникает необходимость организации долговременных хозяйственных связей между грузоотправителями (складскими комплексами), транспортными компаниями и грузополучателями, закреплёнными соответствующими контрактами. При этом транспортные компании должны постоянно оказывать услуги ограниченному количеству грузополучателей. Возникает также необходимость сокращения количества транспортных компаний – уча-

стников модели. Для этого все транспортные компании должны пройти процедуру конкурсного отбора, дающую право на перевозку грузов в мегаполисе.

Что касается одноименных грузов, доставляемых от различных грузоотправителей одновременно нескольким грузополучателям, то данная проблема решается с помощью известной транспортной задачи на основе составления оптимального плана перевозок, минимизирующего суммарные транспортные расходы и обеспечивающего потребности грузополучателей. В итоге составляется ежедневный график перевозки продуктов, в котором определено время доставки, маршрут движения и грузоподъемность транспортных средств, а корректируются только объемы грузов в соответствии с поступившими заявками.

Перевозочный процесс периодически востребованных грузов осуществляется по стандартной схеме, принятой в практической деятельности транспортных компаний, грузоотправителей и грузополучателей. Координатором этого процесса, является диспетчерская служба как основное звено организационной модели, осуществляющая регулирование грузопотоков по времени и объемам.

Задачи, решаемые транспортно-логистическим Центром в функционирующей организационной модели, позволяют: сократить количество транспортных компаний, осуществляющих грузовые перевозки в мегаполисе; регулировать тарифную политику, основанную на взаимовыгодных условиях всех участников перевозочного процесса; осуществлять рациональный выбор транспортных средств по грузоподъемности; разрабатывать оптимальные маршруты движения транспортных средств за счет постоянного проведения мониторинга транспортного потока.

В целом результаты проведенной научно-исследовательской работы по рационализации грузовых перевозок в мегаполисе на примере г. Москвы сводятся к снижению нагрузки на транспортную сеть за счет использования разрабатываемых объемно-временных графиков доставки продуктов грузополучателям и сокращению разгрузочных процедур, создающих определённые неудобства для транспортных средств общего пользования, личного автотранспорта и пешеходов.

Степанов В.И.

д.э.н., профессор, профессор кафедры предпринимательства и логистики Российского экономического университета

СОЗДАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВЕЛОСИПЕДНОГО ТРАНСПОРТА В г. МОСКВЕ

Ключевые слова: экология, природная окружающая среда, экологичные транспортные средства, велосипедный транспорт, мотивы использования велотранспорта, инфраструктура велосипедного транспорта, блоки и составляющие инфраструктуры велотранспорта.

Keywords: ecology, environment, ecological vehicles, cycle transport, motives of using bicycles, cycle infrastructure, blocks and elements of cycle infrastructure.

В настоящее время одной из важнейших проблем, стоящих перед человечеством, является экологическое состояние природной окружающей среды. Глобальное потепление и природные катаклизмы в той или иной степени связаны с индустриализацией – деятельностью человека в области материального производства. Следствие данной деятельности – загрязнение окружающей природной среды, которое может иметь катастрофические последствия. Поэтому ученые и специалисты в различных областях науки и техники интенсивно работают над решением задач, позволяющих хотя бы сдерживать широкомасштабное наступление промышленности на природу. При этом внимание акцентируется на двух основных направлениях: глобальном, связанном с жизнедеятельностью общества в целом, и локальном, связанном с городским населением.

В отношении глобального направления следует отметить, что за последнее время установлены основные ориентиры практической деятельности в области сохранения природной среды. К данным ориентирам относятся: предотвращение лесных пожаров, их обнаружение и тушение; искусственное лесовозобновление и организация лесных питомников; совершенствование землеустройства; обновление и расширение санитарно-защитных зон; реконструкция и строительство новых гидротехнических устройств; использование крупномасштабных отходов промышленности в качестве вторичного сырья.

Что касается локального направления – урбанизированных городов и проживающего в них населения, то практическая реализация экологических проектов имеет следующие ориентиры: создание и поддержание городской экологической инфраструктуры – комплекса взаимодействующих природных и искусственных объектов и систем, обеспечивающих условия сохранения среды жизни человека; формирование ландшафтной среды города, подразделяемой на естественный ландшафт и антропогенный ландшафт, преобразованный хозяйственной деятельностью человека; максимальное использование экологических видов транспортных средств – электромобилей, рельсового транспорта, малого транспорта (велосипедов, гироскутеров, самокатов); строительство экологичных и энергосберегающих сооружений, основанное в том числе на применении экологических материалов.

Из всех проектов локального направления выделяем максимальное использование экологических видов транспортных средств, в частности велосипедного транспорта, по двум причинам: первая – на сегодняшний день во многих странах сложилось устойчивое позитивное мнение в отношении массового использования велосипедного транспорта. Вторая – положительный мировой опыт использования велосипедов в городах и развитие этого вида транспорта (наличие соответствующих программ (городских) развития в Великобритании, США, Нидерландах, Канаде, Испании, Австралии).

Изучение зарубежного опыта, в том числе теоретических и практических разработок в части использования велосипедного транспорта в городах, позволили сделать ряд выводов в пользу этого вида транспорта: положительно влияет на здоровье и самочувствие населения города; способствует повышению экологичности городской природной среды; оказывает позитивное влияние на эстетическое восприятие урбанизированной городской среды; создает реальное общение человека с флорой и фауной экосистемы города; создает удобство передвижения по городу определенной части населения; выполняет функции курьерской доставки продовольственных и бытовых продуктов.

Одновременно в результате экспертного анализа были выявлены и систематизированы мотивы населения в отношении использования велотранспорта. К таким мотивам отнесены: организационно-экономический – передвижение к месту работы (удобство и возможная экономия времени); рекреационно-природопользовательский – использование на прогулках в городских парках и зонах отдыха, поездки за город; транспортно-бытовой – использование в качестве транспортных средств, поездки жителей города в торговые центры и организации различного назначения; производственно-правовой – доставка продуктов питания, почты (писем, посылок) и мелких потребительских товаров, патрулирование улиц города службой правопорядка.

Указанное выше послужило основанием для проведения научно-исследовательской работы на тему «Разработка методики оценки интенсивности велосипедного движения и мониторинга использования велосипедной инфра-

структуры в г. Москве», одним из разделов которой является создание и поддержание инфраструктуры велосипедного транспорта.

В связи с тем, что инфраструктура велотранспорта многопланова и разноректорна по выполняемым функциям и содержанию, по дразделяем ее на ряд блоков с входящими в них составляющими (табл. 1).

Таблица 1

Составляющие блоков и инфраструктуры велосипедного транспорта

№п/п	Блоки	Составляющие
1.	Нормативно-правовая база	Нормы и нормативы различного назначения, законодательные и правовые акты
2.	Логистическое обеспечение	Материально-техническое снабжение, складское хозяйство, управление запасами
3.	Организационное обеспечение	Туристско-экскурсионное обслуживание, прокат велосипедов, таможенное оформление
4.	Техническое обеспечение	Велодорожки, парковки, освещение, водоотвод, дорожные знаки, приборы мониторинга
5.	Информационное обеспечение	Графические стенды, информационные афиши, навигационные щиты, индивидуальные карты
6.	Сервисное обслуживание	Сервисные центры и минисервисные пункты, осуществляющие ремонт велосипедов
7.	Обслуживание дорожного хозяйства	Поддержание в рабочем состоянии велодорожек, профилактика и ремонт элементов обустройства
8.	Рециклинг велотранспорта	Сбор и утилизация велосипедного транспорта, доставка в пункты переработки

Прокомментируем представленные в табл. 1 блоки и фрагментарно рассмотрим некоторые их составляющие. Так, нормативно-правовая база состоит из целого ряда технических норм и нормативов, ведомственных стандартов и государственных стандартов (ГОСТов), которые регламентируют создание и функционирование инфраструктуры велотранспорта. В отношении норм и нормативов отмечаем, что они состоят из нормативов кратковременного хранения велосипедов на территориях, прилегающих к жилым и административным зданиям, учебным заведениям, торговым и развлекательным центрам, спортивным аренам; норм площади земельных участков, отводимых для парковки велосипедов в зависимости от этажности парковочных сооружений; нормативов разметки разделительных полос. В качестве примера приведем нормативы ширины велосипедных дорожек (табл. 2).

Существует также целый ряд ГОСТов, регламентирующих составляющие инфраструктуры велотранспорта: технические средства организации дорожного движения, элементы обустройства велодорожек, дорожные знаки, дорожные светофоры, дорожные ограждения. Законодательную базу представляют Постановления правительства г. Москвы в области строительства велосипедных дорожек, их обустройства, использования велосипедного транспорта, создание единого парковочного пространства на транспортных магистралях, развитие инфраструктуры велосипедного транспорта в целом.

Таблица 2

Нормативы ширины велосипедных дорожек

Виды велодорожек	Ширина (м)	
	минимум	стандарт
Односторонняя однополосная велодорожка	1,20–1,50	1,50–1,75
Двухсторонняя двухполосная велодорожка	2,50	3,00
Односторонняя велопешеходная дорожка	2,70	3,30
Двухсторонняя велопешеходная дорожка	4,00	4,30

Логистическое обеспечение как один из основных блоков инфраструктуры велотранспорта по дразделяем на три направления деятельности. Первое направление – материально-техническое снабжение, которое заключается в обеспечении инфраструктуры строительными и отделочными материалами (устройство полотна, бордюров и ограждений), велосипедами, запасными частями к ним, готовыми изделиями (дорожными светофорами и знаками, датчиками интенсивности движения велотранспорта, осветительными приборами, дождеприемниками).

Второе направление – организация складского хозяйства, состоящего из складского комплекса (комплексов), предназначенных для хранения велосипедов и запасных частей к ним, материалов и запасных частей для элементов обустройства велосипедных дорожек. Третье направление – управление запасами материально-технических ресурсов, указанных выше (проведение расчетов, оптимизирующих объемы запасов, использующих классические методики определения объемов запасов по дифференцированной номенклатуре материально-технических ресурсов).

В организационном обеспечении функционирующей инфраструктуры велотранспорта выделяем организацию пунктов прокатов велосипедов в перспективных местах востребованности пользователей велосипедного транспорта. К таким местам относим железнодорожные вокзалы и автовокзалы города; крупные гостиницы; станции метро (ближайшие к МКАД) на автомобильных трассах; парки и зоны отдыха; крупные учебные заведения; транспортные «узлы» и «развязки» города, в которых сосредоточены станции общественного транспорта.

Техническое обеспечение инфраструктуры велотранспорта представляет собой собственно велодорожки и велопешеходные дорожки, а также целый комплекс технических устройств, обеспечивающих безопасность и удобство передвижения велосипедистов. К таким устройствам относим разделительную разметку из специального материала и стояночных столбиков; дорожные светофоры, предназначенные для регулирования велотранспортного потока; дорожные знаки (предупреждающие, запрещающие, предписывающие); датчики интенсивности велодвижения (инфракрасные, индуктивные, комбинированные), предназначенные для проведения мониторинга велосипедного потока;

осветительные приборы (светильники наружного освещения, катафоты); устройства водоотведения – дождеприемники различных конструкций.

В техническом обеспечении кроме технических устройств, используемых в обустройстве вело дорожек, важное значение имеет организация парковочных пунктов для велосипедов, месторасположением которых являются прежде всего практически все пункты проката велосипедов, указанные выше. Помимо этого, предусматриваются места парковок велосипедов при развлекательных центрах, спортивных сооружениях, дворцов, усадеб и парков (Коломенское, Измайлово, Царицыно, Кусково и другие – всего 22 объекта).

Сервисное обслуживание состоит из организаций трех видов станций поддержания велосипедов в рабочем состоянии. Первый вид – станции подкачки велосипедных шин, которые должны размещаться через каждые пять километров магистральной маршрутной велосипедной сети. Второй вид – станции мелкого и среднего ремонта велосипедов, которые расположены при пунктах проката велосипедов. Третий вид – сервисные центры капитального ремонта велосипедов, которые организуются в местах массовой продажи велосипедов. При этом все виды станций обслуживают как личный транспорт, так и взятый на прокат.

Рециклинг велотранспортных средств заключается в организации утилизации (сбора, накопления и хранения велосипедов в связи с их физическим и моральным старением) и переработке велосипедов. В процессе переработки возможно использование нескольких вариантов: регенерация – демонтаж части деталей, восстановление их первичных свойств и дальнейшее применение в виде запасных частей; рециркуляция – обратное получение веществ, входящих в состав материалов, из которых изготавливаются велосипеды; рециклирование – извлечение из материалов веществ и их использование в этой же или других отраслях материального производства.

Суворова А.П.

д.э.н., профессор, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола
saprof@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

***Ключевые слова:** научно-технологическое развитие, проектное управление, процессное управление, оценка, эффективность, результативность, система показателей.*

***Keywords:** scientific and technological development, project management, process management, evaluation, efficiency, effectiveness, system of indicators.*

Реализация стратегий достижения глобального конкурентного преимущества за счет ключевых факторов конкурентоспособности национальных экономик и обеспечения национальной безопасности предполагает выстраивание собственных моделей развития экономик ведущих стран мира. Необходимыми условиями укрепления позиций экономики России на мировом рынке, провозглашенными в Указе Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» [1], являются первенство в исследованиях и разработках, а также высокий темп освоения новых знаний и создания инновационной продукции. Они обеспечивают независимость и конкурентоспособность страны за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации как цели научно-технологического развития.

По оценке Глобального инновационного индекса (The Global Innovation Index) за период 2010–2019 гг. Россия добилась позитивной динамики в рейтинге стран и вошла в первую треть рейтинга, что, на наш взгляд, подтверждает эффективность отдельных механизмов, обеспечивающих достижение цели научно-технического развития страны. Однако приоритетная роль науки и технологий в развитии общества, экономики и государства не обеспечивает успехов на глобальном уровне конкурентоспособности экономик стран. Так по данным ООН за 2010–2018 гг. в рейтинге экономик развитых стран Россия уступила свои позиции: перешла с 9 на 11 место, а темп роста ВВП России в 2018 году составил 2,3 против 3% среднемирового уровня.

Итоги реализации государственной политики за прошедшие годы свидетельствуют, с одной стороны, о создании эффективной системы наращивания, а с другой – о недоиспользовании интеллектуального потенциала страны, не обеспечивающего высокого темпа освоения новых знаний и создания инновационной продукции. Уровень инновационной активности российских организаций, определяющий глобальную конкурентоспособность экономики России, составляет 0,2–0,3% за 2016–2018 гг., а в соответствии с целевыми индикаторами Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года этот показатель должен составить 2%. По рейтингу Глобального индекса квалифицированных специалистов среди 33 ведущих стран Россия занимает 27 место.

Совокупным показателем уровня развития человека в стране согласно Программе развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) является индекс человеческого развития как синоним понятий «качество жизни», «уровень жизни». Россия сохраняет устойчивое положение по международному рейтингу индекса человеческого развития среди 188 стран на уровне 49–50 места за период 2016–2019 гг. [2].

Обязательным элементом Стратегии является проведение мониторинга ее реализации. Перечень показателей реализации Стратегии, динамика которых подлежит мониторингу, и значения целевых показателей, отражающих уровень достижения результатов реализации и целей Стратегии, сгруппирован по трем направлениям: а) влияние науки и технологий на социально-экономическое развитие Российской Федерации; б) состояние и результативность сферы науки, технологий и инноваций; в) качество государственного регулирования и сервисного обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности. Следует указать, что Стратегией предусматривается непубличный характер мониторинга, поскольку он осуществляется исключительно Правительством Российской Федерации, а анализ выполнения целевых показателей – президиумом Совета при Президенте Российской Федерации.

Такое положение свидетельствует о невыполнении основополагающих принципов государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации – системности поддержки, концентрации ресурсов, адресности поддержки и справедливой конкуренции, открытости – основанных на эффективном взаимодействии научных организаций, участников исследований и разработок с представителями бизнес-сообщества, общества и государства как участников инновационной системы и росте их ответственности за работу в тесном взаимодействии друг с другом. В результате сохранения несогласованности приоритетов и инструментов поддержки сферы науки, технологий и инноваций на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях не обеспечен мультипликативный эффект от функционирования инновационной системы, интегрированной в социально-экономическую систему страны и обеспечивающей независимость и конкурентоспособность России.

Если вышеупомянутые противоречия будут разрешены, то это будет означать, что инновационная система перешла на качественно новый уровень, характеризующийся возросшей степенью единства и целостности составляющих ее частей.

Синергетическая концепция с позиций саморазвивающихся и самооптимизирующихся систем позволяет исследовать динамику инновационных систем и закономерности их развития. Современная модель социально-экономического развития страны в большей степени основана на признании того, что стимулирование технологического развития экономики и эффективное использование возможностей и ресурсов, которые дают национальные проекты (программы), создаст условия для стратегического прорыва к мировому лидерству в ключевых отраслях экономики. Однако отечественная практика отличается тем, что до сих пор не признает значимости инновативности как необходимого условия повышения качества жизни населения – высшей цели устойчивого развития экономики, что и определяет актуальность темы исследования.

Цель исследования – теоретическое обоснование и развитие диагностического подхода к оценке эффективности стратегии инновационного развития территорий разного уровня.

Указанная цель исследования предопределила постановку и решение следующих задач: 1) обобщить теоретические представления о концептуальных основах построения и развития инновационных систем, обеспечивающих реализацию результатов государственной инновационной политики; 2) систематизировать традиционные, в том числе зарубежные, методические подходы к оценке результативности инновационной деятельности и обосновать необходимость развития методического инструментария, учитывающего результаты взаимодействия участников инновационных систем; 3) обосновать подход к учету влияния уровня инновационного развития региона на достижение одной из национальных целей страны – повышение качества жизни населения – на основе разработки стратегического инструментария для повышения конкурентоспособности региональной инновационной системы в рамках концепции конкурентоспособности региона.

Для каждой инновационной системы характерны определенная структура, степень ее упорядоченности и связи. Предметом взаимодействия между участниками инновационных систем является инновационный потенциал. На его рациональное использование с целью достижения целей инновационной системы (структурообразующей функции) нацелено действие механизма интеграции участников системы. Формы и характер взаимодействия прежде всего зависят от свойств и уровня того потенциала, по поводу которого это взаимодействие осуществляется. Взаимодействие обуславливает возможность и необходимость регулирования взаимоотношений, управления процессом взаимодействия в рамках инновационного процесса.

Опираясь на концепцию открытых инноваций, инновационная система по вертикали может быть представлена уровневой системой в соответствии с общепринятым делением в единой системе публичной власти, а по горизонтали – совокупностью участников с учетом их взаимных интересов как инновационная платформа, на которой организуется синтез инноваций посредством организационных, финансовых и законодательных механизмов, обеспечивающих гармонизацию научной, научно-технической, инновационной, промышленной, экономической и социальной политики и готовность Российской Федерации к большим вызовам.

Функционирование и развитие эффективной инновационной системы возможно путем создания эффективных механизмов последовательной реализации, корректировки и актуализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации, а также посредством перехода к современным моделям статистического наблюдения, анализа и оценки экономической и социальной эффективности и результативности научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Обеспечение инновационной среды информацией носит опережающий характер воздействия и направлено на формирование или повышение инновационной активности участников инновационной системы [3, 4]. Инновационная активность состоит в способности к мобилизации инновационного, интеллектуального, ресурсного и другого потенциала и включает степень интенсивности и действенности субъектов по разработке, внедрению и распространению инноваций. Инновационная система, безусловно, подвержена влиянию факторов внешней среды, формирующаяся посредством рыночных, инфраструктурных, культурных, институциональных и других детерминантов. Их влияние обуславливает результаты управления инновационной системой в процессе инновационной деятельности субъектов, полученные в соответствии с поставленной целью – повышение качества жизни населения посредством формирования общества знаний и цифровой экономики.

Разработанная к настоящему времени методология управления реализацией стратегических планов развития территориальными социально-экономическими системами ориентирована, прежде всего, на решение оперативных задач их функционирования. Однако при этом часто остаются нерешенными взаимосвязанные задачи определения долгосрочных целей деятельности и контроля стратегии развития социально-экономических систем. В сложившихся условиях особую актуальность и значение приобретает диагностика как инструмент управления будущим для обеспечения длительного функционирования социально-экономических систем в сложных и постоянно меняющихся условиях. Совершенствование информационно-аналитических процедур, обеспечивающих принятие управленческих решений по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на основе измерения ресурсов, затрат и результатов применительно к инновационным системам различных уровней, способствует повышению конкурентоспособности российской экономики на глобальных мировых рынках, обеспечению условий для поэтапного перехода на уровень инновационной экономики и экономики знаний.

Для оценки роли науки и инноваций в достижении целевых показателей конкурентоспособности российской экономики может быть использована технология реализации инструментальных средств диагностики на основе пяти-уровневой модели зрелости [5].

Рассмотрим практическую реализуемость данной модели применительно к объекту и предмету нашего исследования.

На первом уровне модели зрелости происходит накопление и обработка информации для получения ответа на вопрос «Что происходило в прошлом?» в рамках обоснования готовности инновационной системы к переходу на новый этап развития.

Определяющим фактором текущего состояния и тенденций динамического экономического развития региональных инновационных систем является уровень их инновационного развития.

По нашему мнению, потребности участников инновационных систем в получении информации об эффективности стратегии развития этих систем в необходимом объеме не могут быть обеспечены в силу ряда причин. Они связаны с отсутствием методологии статистического обеспечения принятия управленческих инновационных решений на основе интеграции информационно-аналитических процедур оценки эффективности и результативности реализации Стратегии с позиции системного подхода, как это было указано выше, в разрезе трех направлений. Все это не позволяет сформировать инвариантность восприятия всеми участниками инновационных систем не только текущего уровня эффективности стратегии инновационного, социально-экономического развития и качества жизни населения в одной плоскости, но и не дает возможность:

- изучить влияние инновационности на возможности обеспечения роста качества жизни населения регионов;
- определить существующие различия в уровне инновационности в рамках концепции конкурентоспособности регионов при неэффективном управлении инновационной системой;
- обосновать влияние инновационности на достижение целевых показателей социально-экономического развития региона.

Основываясь на постулатах теории управления социально-экономическими системами, оценка динамики инновационных (корпоративных) систем проводится с учетом выбранной субъектом управления позиции в решении двух основных проблем в управлении ими. Первая проблема связана с определением соотношения инновационной (проектной) и процессной (регулярной) деятельности участников инновационной системы, нацеленных на достижение результата с помощью набора действий. Различие между двумя видами деятельности состоит в том, что технология и содержание работ в проектной деятельности могут корректироваться при угрозе недостижения результата и/или срыва сроков, что практически не требуется при процессной деятельности. В условиях динамично меняющихся условий среды, включая изменения требований к результатам реализации Стратегии, деятельность участников инновационных систем выражается в постоянной реализации проектов (программ).

Вторая проблема связана с динамикой проводимых изменений, связанных с осуществлением проектов (программ), которые могут быть реализованы управляемой инновационной системой при обязательном сохранении системообразующих функций. Синергетический эффект (результат) от деятельности участников инновационных систем по реализации Стратегии может быть как положительным (инновационный прогресс), так и отрицательным (инновационный регресс), связанным с затратами на проведение необходимых изменений.

Таким образом, оценка эффективности и результативности управления реализацией Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, на наш взгляд, может осуществляться по тем же принципам, которые применяются при оценке управления проектным (инновационным) процессом. По сути, оценивается эффективность и результативность деятельности участников инновационной системы, основанной на их взаимодействии, с позиции процессного подхода.

На основании вышеизложенного для оценки эффективности и результативности управления реализацией Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации нами предлагается использование следующей системы показателей:

- ресурсоотдача (Q/R) – характеризует инновационной продукции на единицу потребленного ресурса;
- ресурсопериодичность (T/R) – длительность периода, необходимого для освоения единицы потребленного ресурса;
- периодоотдача (Q/T) – объем инновационной продукции в расчете на единичный период внутри отчетного периода.

Информационным ресурсом для расчетов этих показателей могут быть официальные статистические данные Росстата по разделу «Наука и инновации»: Q – объем инновационных товаров, работ, услуг; R – внутренние затраты на научные исследования и разработки, на технологические инновации организаций. Продолжительность периода T составляет 360 дней.

Представленная система показателей выполняет роль связей между элементами в модели эффективности взаимодействия участников инновационной системы. В результате оценки эффективности можно ожидать получение положительного или отрицательного синергетического эффекта. Сложность взаимосвязей обусловлена тем, что анализируя взаимосвязь между парой любых из названных показателей, нужно всегда учитывать, как ведет себя третий показатель. Например, снижение ресурсоотдачи может означать снижение эффективности использования ресурсов. Однако это снижение будет оправдано, если ставится цель снижения сроков реализации проекта (программы). В этом случае увеличение количества ресурсов не приведет к росту объема продукции, но проект будет выполнен раньше, что обусловит снижение ресурсопериодичности.

Проведем расчет за 2010 г. и 2018 г. исходных данных для оценки эффективности и результативности управления реализацией Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации по федеральным округам (табл. 1). Выбор 2010 г. в качестве базисного был обусловлен тем, что этот год ознаменован выходом российской экономики на положительную динамику практически всех ее показателей в посткризисный период.

**Исходные данные для оценки эффективности и результативности управления реализацией
Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации по федеральным округам**

Федеральные округа	Q			R		
	2010 г., млн.р.	2018 г., млн.р.	Темп роста, раз	2010 г., млн.р.	2018 г., млн.р.	Темп роста, раз
1. Центральный	290 757,6	1 181 418,5	4,06	392 923,7	1 019 345,5	2,59
2. Северо-Западный	120 105,5	487 714,8	4,06	106 703,8	276 345,5	2,59
3. Южный	86 558,4	207 829,5	2,40	23 094	67 108,6	2,91
4. Северо-Кавказский	27 682,6	40 634,2	1,47	9144,6	12 388,8	1,35
5. Приволжский	545 954,9	1 778 685,7	3,26	154 245,7	562 159,6	3,64
6. Уральский	109 584,9	526 785,8	4,81	121 647,4	211 552,2	2,03
7. Сибирский	46 305,7	69 032,4	1,49	80 965,1	247 089,3	3,05
8. Дальневосточный	16 763,2	117 059,2	6,98	35 457,4	105 080,3	2,96
В среднем по России	1 243 712,5	4 516 276,4	3,63	924 180,7	2 501 069,8	2,71

Составлено автором по источнику <https://www.gks.ru/folder/14477>

Сопоставляя темпы роста объема инновационных товаров, работ, услуг с темпами роста внутренних затрат на научные исследования и разработки, на технологические инновации организаций по отдельным федеральным округам, следует выделить три проблемных федеральных округа (Сибирский, Приволжский и Южный). Превышение темпов роста затрат над объемом инновационной продукции является признаком неэффективного управления инновационными системами в условиях реализации Стратегии научно-технологического развития РФ.

Исследование значений показателей для оценки эффективности и результативности управления реализацией Стратегии по федеральным округам за анализируемый период (табл. 2) позволило выявить существенную дифференциацию федеральных округов относительно среднероссийского уровня. Поэтому для дальнейших исследований в рамках поставленных задач считаем необходимым выбрать федеральные округа по показателям динамики (среднероссийский уровень, min/max уровни темпов роста или снижения). Основаниями для выбора послужили следующие аргументы. По темпу роста ресурсоотдачи приблизиться к среднероссийскому уровню удалось только Сибирскому ФО, и только у двух федеральных округов (Южного и Приволжского) наблюдалось максимальное снижение этого показателя. Темпы снижения ресурсопериодичности только у Сибирского ФО соответствуют среднероссийскому уровню, а максимальное значение по этому показателю имел только Приволжский ФО. По темпам снижения ресурсоотдачи максимально приближены к среднероссийскому уровню Приволжский и Сибирский федеральные округа.

Таблица 2

**Показатели для оценки эффективности и результативности управления реализацией Стратегии
научно-технологического развития Российской Федерации по федеральным округам**

Федеральные округа	Ресурсоотдача – Q/R, млн.р./млн.р.			Ресурсопериодичность – T/R, дн./тыс.р.			Периодоотдача – Q/T, млн.р./дн.		
	2010 г.	2018 г.	Темп роста (снижения), раз	2010 г.	2018 г.	Темп снижения, раз	2010 г.	2018 г.	Темп роста, раз
1. Центральный	0,740	1,159	1,556	0,92	0,35	2,63	807,66	3281,72	4,06
2. Северо-Западный	1,126	1,765	1,567	3,37	1,30	2,59	333,63	1354,76	4,06
3. Южный	3,748	3,097	0,826	15,59	5,36	2,91	240,44	577,30	2,40
4. Северо-Кавказский	3,027	3,280	1,084	29,34	29,06	1,01	76,9	112,87	1,47
5. Приволжский	3,540	3,164	0,894	2,33	0,64	3,64	1516,54	4940,79	3,26
6. Уральский	0,901	2,049	2,274	2,96	1,70	1,74	304,40	1463,29	4,81
7. Сибирский	0,572	0,713	1,247	4,45	1,46	3,05	128,63	489,30	3,80
8. Дальневосточный	0,473	1,114	2,355	10,15	3,43	2,96	46,56	325,16	6,98
В среднем по России	1,346	1,806	1,342	0,39	0,13	3	3454,76	12 545,21	3,63

Составлено автором по источнику <https://www.gks.ru/folder/14477>

Вывод о неэффективном управлении инновационной системой Приволжского и Южного федеральных округов подтверждается получением отрицательного синергетического эффекта в 2018 г. в виде снижения ресурсоотдачи. Этот результат (регресс) обусловлен опережением темпов снижения ресурсопериодичности темпов роста ресурсоотдачи, вызванным слишком быстрой сменяемостью инноваций (сокращением сроков инновационного цикла), а инновационная система не успевает освоить новшество до момента появления нового. С точки зрения региона существенным условием развития является учет изменения воздействия сегодняшних инвестиций в соответствии с теми условиями, которые появятся в будущем.

Однако ограниченность набора стандартных показателей не позволяет оценить в полной мере сложившуюся неоднородность пространства России, оказывающую влияние на динамику инновационного развития регионов, а также взаимодополняемость финансовых, инновационных, кадровых и других ресурсов.

На втором уровне модели зрелости необходимо получить ответ на вопрос «Почему так происходило?», что сопряжено с интеграцией разрозненной информации, поскольку поиск причин возможен только при четком понимании всех факторов влияния как внутри, так и вне инновационной системы.

В этой связи для решения задач, связанных с изучением влияния инновационности на возможности обеспечения роста качества жизни населения регионов, а также с определением существующих различий в уровне инноваци-

онности в рамках концепции конкурентоспособности регионов, выберем два федеральных округа (Сибирский и Приволжский), охарактеризованных как округа с неэффективным управлением инновационной системой.

В международной и отечественной практике существуют разные подходы к оценке уровня инновационного развития регионов. Наиболее широкое практическое применение получил индексный метод, предусматривающий расчет интегральных инновационных индексов, представляющих собой систему индикаторов, которые характеризуют основные стороны развития инновационных процессов и их регулирования в рамках региональной инновационной системы [6]. Так, данный подход применяется в методиках, разработанных торговым департаментом США и Европейской Комиссией.

К наиболее известным в зарубежной практике относится методика Portfolio innovation index (PII), разработанная рядом американских исследовательских центров по инициативе Управления экономического развития Торгового департамента США. Она базируется на определении сводного индекса инновационного развития американских регионов (штатов и округов) [7, 8]. Модель построения рейтинга регионального инновационного развития Regional Innovation Scoreboard (RIS), разработана Европейской комиссией с целью информационного обеспечения инновационной политики на региональном уровне [9]. Она сформирована на основе индексов, характеризующих потенциал и результативность научно-технической и инновационной деятельности регионов. Структура индексов RIS и PII такова, что в них отражаются данные как о ресурсах, так и о результатах инновационной деятельности.

С учетом того, что стандарты отечественной статистики в сфере науки, технологий и инноваций соответствуют международным и европейским критериям, европейский подход был адаптирован для применения в Российской Федерации. Среди наиболее известных выделим два методических подхода, которые отличаются количеством показателей по выделенным группам и методикой расчета интегрального показателя.

Первую методику построения модели рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации на основе значений российского регионального инновационного индекса (РРИИ) предложили специалисты Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) [10]. Для оценки дифференциации между отдельными регионами помимо ранжирования по РРИИ проводится их распределение по четырём группам на основе значений индексов в зависимости от величины отставания от региона-лидера. Следует отметить, что оценка уровня инновационного развития по методике Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ носит рекомендательный характер и служит удовлетворению информационных потребностей органов власти федерального и регионального уровней, реализующих инновационную политику, компаний для оценки региональной специфики при запуске бизнес-проектов, а также граждан – для оценки деятельности органов власти в регионах. При этом методика НИУ ВШЭ позволяет дать детализированную оценку каждого компонента инновационной политики региона и интегральную оценку уровня инновационного развития региона в целом.

Вторая методика оценки уровня развития инновационной системы региона разработана Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации [11]. Авторы подхода убеждены, что рейтинг инновационных регионов России как инструмент управления региональной инновационной системой для целей мониторинга и управления, позволяет наглядно представлять региональным властям сильные и слабые стороны, направления для дальнейшего развития и совершенствования инновационных систем, а также динамику изменений по всем отражаемым индикаторами направлениям. Он достоверно отражает изменения в инновационном развитии экономики субъектов РФ, поскольку научно обоснован и построен преимущественно на основе официальных статистических данных. Для оценки степени успешности инновационной политики регионов их разбивают на пять групп по уровню инновационного развития. Члены Ассоциации по результатам ежегодного рейтинга имеют возможность получить информацию не только об общей характеристике инновационности региона, но и оценить динамику изменений и принять к сведению конкретные рекомендации по выработке мер региональной политики, направленных на совершенствование региональных инновационных систем.

Помимо этого, одной из важных составляющих работы Ассоциации является обмен накопленным опытом регионов по созданию благоприятной экономической, социальной, правовой, образовательной и творческой среды развития инноваций. Кроме того, работа Ассоциации содействует эффективному инновационному развитию ее членов, построенному на признании сложившихся различных моделей научно-технического роста регионов.

Несмотря на практико-ориентированный характер методики АИРР, результаты оценки уровня инновационного развития регионов слабо связаны с достижением одной из важнейших национальных целей страны – повышения качества жизни населения.

Для позиционирования регионов по результативности инновационной политики, проводимой региональными органами власти в динамике, а также конкурентоспособность региона с учетом влияния инновационной активности региона на качество жизни его населения предлагается стратегический инструментальный – карта в виде матричной модели «Качество жизни – Инновационность». Карта спроектирована на основе системного подхода, рассматривающего любую отдельно взятую проблему (например, повышение качества жизни) во взаимной увязке с решением другой проблемы (например, уровень инновационного развития региона), что в итоге направлено на достижение наилучших социально-экономических результатов в целях повышения конкурентоспособности региона. Карта позволяет определить позицию региона в сравнении с другими регионами-конкурентами и определить вектор стратегических изменений в политике региона, дать оценку результативности инновационной политике, проводимой региональными органами власти в динамике, изучить опыт регионов-лидеров и ближайших конкурентов на основе технологий бенчмаркинга.

В качестве информационной базы для построения карты за 2014 и 2018 годы были использованы рейтинги инновационного развития регионов по методике АИРР [11] и рейтинги регионов РФ по качеству жизни Международного информационного агентства (МИА) «Россия сегодня», крупнейшего российского поставщика информации для ме-

ждународной аудитории [12], показанные в табл. 3, 4. В карте по оси X модели показаны рейтинги инновационного развития регионов (факторный признак), а по оси Y – показатели рейтинга качества жизни населения субъектов Российской Федерации (результативный признак).

Лучшая позиция региона на карте определяется минимальными значениями по каждой оси координат, так как управленческая карта построена на рейтинговых оценках. Нами предлагается выделить три зоны позиционирования регионов: регионы-лидеры («зеленая» зона – от 1 до 20), средние регионы («желтая» зона – от 21 до 50) и слабые регионы («красная» зона – более 50). Выделение зон позволяет визуальнo оценить степень успешности инновационного развития территории.

Объектом исследования являются региональные инновационные системы Приволжского Федерального округа и Сибирского Федерального округа. Карты «Качество жизни – Инновационность», построенные по данным за 2014 и 2018 гг., представлены на рис. 3, 4.

Таблица 3

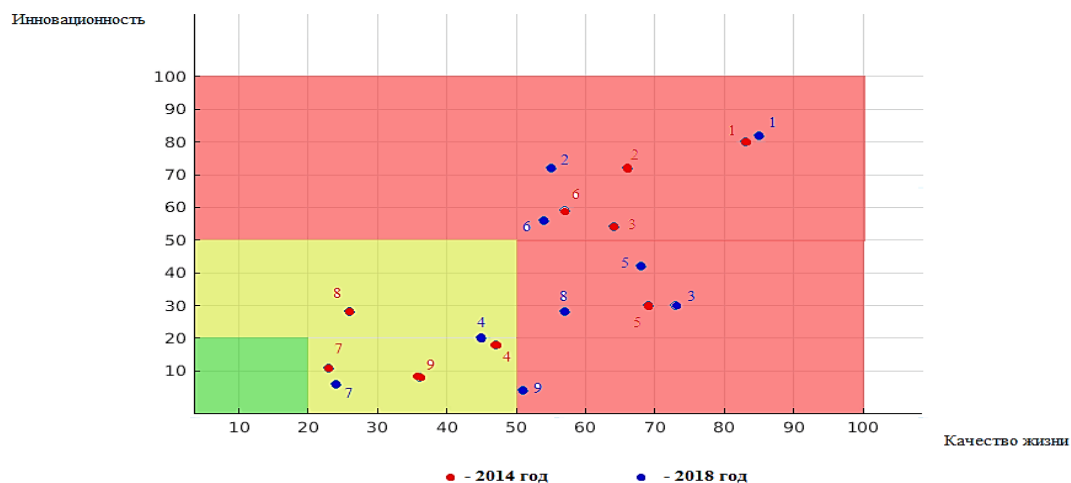
Рейтинги регионов Сибирского федерального округа за 2014 и 2018 годы

Регион	Качество жизни		Инновационность		Уровень социально-экономического развития	
	2014 г.	2018 г.	2014 г.	2018 г.	2014 г.	2018 г.
1. Республика Тыва	83	85	80	82	83	85
2. Республика Хакасия	66	55	72	72	68	65
3. Алтайский край	64	73	54	30	45	46
4. Красноярский край	47	45	18	20	16	17
5. Иркутская область	69	68	30	42	27	23
6. Кемеровская область	57	54	59	56	32	20
7. Новосибирская область	23	24	11	6	26	24
8. Омская область	26	57	28	28	25	33
9. Томская область	36	51	8	4	31	45

Таблица 4

Рейтинги регионов Приволжского федерального округа за 2014 и 2018 годы

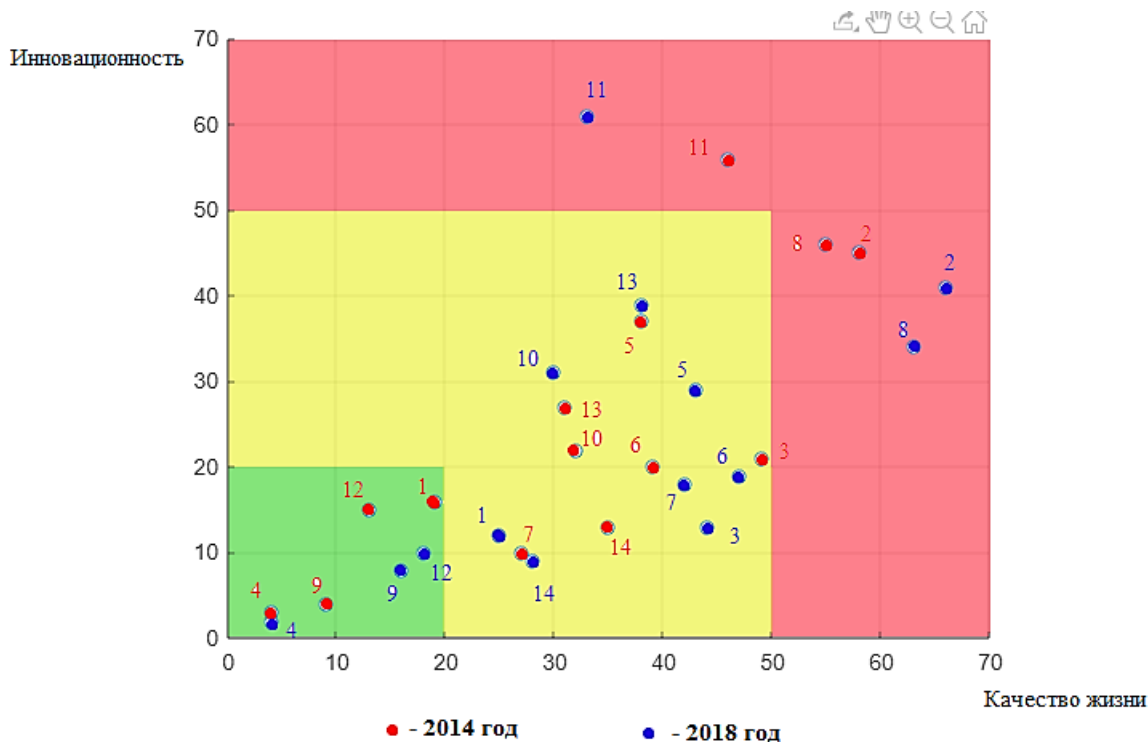
Регион	Качество жизни		Инновационность		Уровень социально-экономического развития	
	2014 г.	2018 г.	2014 г.	2018 г.	2014 г.	2018 г.
1. Республика Башкортостан	19	25	16	12	10	11
2. Республика Марий Эл	58	66	45	41	66	73
3. Республика Мордовия	49	44	21	13	58	60
4. Республика Татарстан	4	4	3	2	5	5
5. Удмуртская Республика	38	43	37	29	46	38
6. Чувашская Республика	39	47	20	19	53	55
7. Пермский край	27	42	10	18	13	16
8. Кировская область	55	63	46	34	52	57
9. Нижегородская область	9	16	4	8	14	14
10. Пензенская область	32	30	22	31	49	53
11. Оренбургская область	46	33	56	61	21	25
12. Самарская область	13	18	15	10	9	12
13. Саратовская область	31	38	27	39	38	34
14. Ульяновская область	35	28	13	9	48	49

*1 – Республика Тыва, 2 – Республика Хакасия, 3 – Алтайский край, 4 – Красноярский край, 5 – Иркутская область, 6 – Кемеровская область, 7 – Новосибирская область, 8 – Омская область, 9 – Томская область.

Рисунок 1.

Карта «Качество жизни – Инновационность» для регионов Сибирского Федерального округа, 2014 и 2018 годы

* 1 – Республика Башкортостан, 2 – Республика Марий Эл, 3 – Республика Мордовия, 4 – Республика Татарстан, 5 – Удмуртская Республика, 6 – Чувашская Республика, 7 – Пермский край, 8 – Кировская область, 9 – Нижегородская область, 10 – Пензенская область, 11 – Оренбургская область, 12 – Самарская область, 13 – Саратовская область, 14 – Ульяновская область.

Рисунок 2.

Карта «Качество жизни – Инновационность» для регионов Приволжского Федерального округа, 2014 и 2018 годы

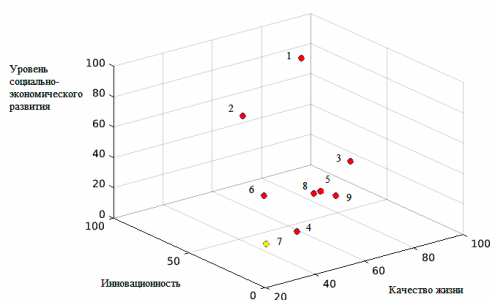
Сравнивая позиции региональных инновационных систем Сибирского и Приволжского федеральных округов на карте «Качество жизни – Инновационность», можем сделать вывод о низкой эффективности управления региональными органами власти в Сибирском ФО, поскольку за анализируемый период отсутствовала положительная динамика вектора стратегических изменений в инновационной политике регионов: во-первых, ни один регион за анализируемый период не вошел в «зеленую» зону, во-вторых, только два региона сохранили стабильное положение в «желтой» зоне (Красноярский край и Новосибирская область); в-третьих, 78% регионов остались в «красной» зоне. Существенное повышение качества жизни было обеспечено только в одном регионе – Республике Хакасия, а в трех регионах было отмечено снижение качества жизни (Алтайский край, Омская и Томская области). Иное представление об эффективности управления региональными органами власти можно получить, анализируя динамику позиций регионов в Приволжском ФО. Около 40% регионов устойчиво входят в «зеленую» (20%) и «красную» зоны (20%). Существенное повышение качества жизни было обеспечено в трех регионах – Республике Мордовия, Оренбургской и Ульяновской областях, а в девяти регионах было отмечено снижение качества жизни.

На наш взгляд, достижение одной из национальных целей развития общества – повышение качества жизни – определяется не только повышением инновационной активности регионов, но и другими факторами. Для полноценного анализа эффективности инновационной политики региона необходимо использовать дополнительные факторные признаки, в частности, проанализировать уровень социально-экономического развития региона и исследовать его влияние на качество жизни населения, и в конечном счете на изменение позиции региона на карте.

По нашему мнению, для этой цели наиболее целесообразно построить трехмерную модель «Качество жизни – Уровень социально-экономического развития – Инновационность». В качестве дополнительной информационной базы для построения модели могут быть использованы рейтинги социально-экономического положения регионов РФ, составленные МИА «Россия сегодня» [13] и показанные в табл. 3, 4. В данной модели факторными признаками являются «инновационность» и «уровень социально-экономического развития», а результирующим – «качество жизни». По аналогии с двумерной моделью выделены три зоны позиционирования регионов: «зеленая» – лидеры, «желтая» – средние, «красная» – слабые.

Трехмерные модели «Качество жизни – Уровень социально-экономического развития – Инновационность», построенные для Сибирского и Приволжского федеральных округов за 2018 год, представлены на рис. 3 и 4.

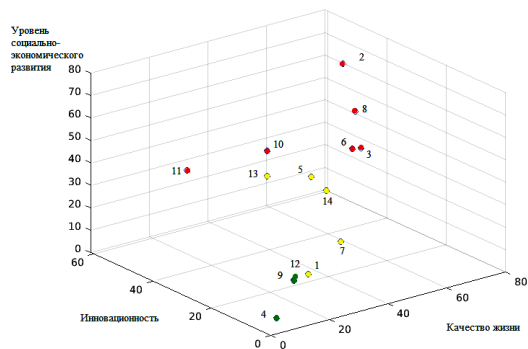
Использование данного инструментария, на наш взгляд, позволяет дать более объективную оценку влияния факторов модели на качество жизни населения региона. В нашем случае результаты позиционирования позволили нам уточнить данную выше оценку эффективности инновационной политики регионов, выбранных для исследования федеральных округов. Отметим, что в Сибирском ФО в «желтой» зоне осталась только Новосибирская область, остальные оказались в «красной», а в Приволжском ФО в «зеленой» зоне остались два региона (Республика Татарстан и Нижегородская область), и 42% регионов оказались в «красной».

* 1 – Республика Тыва, 2 – Республика Хакасия, 3 – Алтайский край, 4 – Красноярский край, 5 – Иркутская область, 6 – Кемеровская область, 7 – Новосибирская область, 8 – Омская область, 9 – Томская область.

Рисунок 3.

Трехмерная модель «Качество жизни – Уровень экономического развития – Инновационность» для регионов Сибирского Федерального округа, 2018 г.

* 1 – Республика Башкортостан, 2 – Республика Марий Эл, 3 – Республика Мордовия, 4 – Республика Татарстан, 5 – Удмуртская Республика, 6 – Чувашская Республика, 7 – Пермский край, 8 – Кировская область, 9 – Нижегородская область, 10 – Пензенская область, 11 – Оренбургская область, 12 – Самарская область, 13 – Саратовская область, 14 – Ульяновская область.

Рисунок 4.

Трехмерная модель «Качество жизни – Уровень экономического развития – Инновационность» для регионов Приволжского Федерального округа, 2018 г.

Такая модель, построенная за несколько лет, позволяет проанализировать динамику изменения позиционирования региона и на основе его результатов разработать альтернативные варианты стратегических управленческих решений региональными органами власти. Безусловно, факторы модели должны рассматриваться как возможности для проектных (программных) решений в развитии территории и повышения качества жизни ее населения. Однако, как показал проведенный нами анализ факторных показателей, для возможного расширения направлений нашего исследования должны быть использованы показатели оценки эффективности управления инновационным процессом в регионе. Актуальность включения этих показателей в число факторов результативности Стратегии научно-технологического развития обусловлена заметной тенденцией передачи ответственности федерального уровня власти региональному уровню в части реализации в регионах национальных проектов и майского указа президента, а также реформ в социальной, экологической и других сферах. Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК) с 2013 года рассчитывается рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации [14]. Рейтинг как интегральный аналитический продукт основан на синтезе экспертных оценок и специальным образом обработанных статистических и рейтинговых данных. Для его составления учитываются три направления оценки эффективности управления: политико-управленческое, социальное и финансово-экономическое. Как показал анализ состава показателей, включенных в список оценочных по вышеуказанным направлениям, в них отсутствуют показатели оценки уровня инновационного развития региона. Во многом сложившаяся ситуация может быть объяснена преобладанием в обществе достаточно упрощенных взглядов относительно места и роли субъектов Российской Федерации в процессах научно-технологического развития. Низкая эффективность взаимодействия федерального центра с регионами по стратегическим вопросам инновационной модернизации отечественной экономики приводит к истощению интеллектуального потенциала региональных инновационных систем и концентрации его на уровне мегаполисов.

По данным рейтинга в 2019 г. эффективность управления регионами в 2019 г. снизилась в 53 из 85 субъектов Федерации [14]. Основываясь на данном рейтинге эффективности, в наиболее успешных регионах в обоих федеральных округах места распределились следующим образом: в Республике Татарстан 12–14 место, в Нижегородской области – 22 место, Новосибирской области – 67–69 место. Вместе с тем слабые регионы имели следующие рейтинги эффективности управления: Кировская область – 64–65, Республика Марий Эл – 72–74, Республика Тыва – 84, Республика Хакасия – 85. Эта оценка не противоречит и даже объясняет результаты проведенной нами выше оценки эффективности и результативности управления региональными органами.

Наличие доступа к нужной информации в нужное время для ответа на вопрос «Что происходит сейчас?» и на вопрос «Почему это сейчас происходит?» предполагает третий и четвертый уровни модели зрелости. Поэтому быстрота реагирования на вызовы среды и эффективность стратегических и тактических управленческих решений только на основе наличия исторических данных и понимания причин происшедшего может значительно снижаться в виду отсутствия данных по текущей ситуации.

На пятом уровне модели зрелости ответ на вопрос «Что должно происходить?» предполагает внедрение оптимальных инновационных решений. Связи и взаимовлияние уровня экономического развития, уровня инновационности региона и качества жизни его населения, отраженные в двух- и трехмерной моделях, могут быть использованы в разработке управленческих решений в рамках стратегии развития региона в целом. В зависимости от выбора методов и моделей управления, управленческих отношений при реализации инновационной деятельности и механизмов взаимодействия участников инновационной системы руководство региона может генерировать варианты решения выявленных проблем.

Представленный в работе алгоритм оценки влияния инновационности на достижение целевых показателей основных составляющих экономического развития территории позволит региональным органам власти использовать полученные результаты в разработке управленческих решений при реализации стратегии развития региона.

Список литературы

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. – <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/48053.html/>
2. Данные о международных рейтингах. – <https://nonews.co/directory/lists/countries>
3. Суворова А.П. Особенности проектирования преобразований инновационной стратегии экономических систем в условиях кризиса // Инновационное развитие экономики. 2016. – № 4 (34). – С. 109–118.
4. Аузан А., Комиссаров А., Бахтигарева А. Социокультурные ограничения коммерциализации инноваций в России // Экономическая политика. 2019. – Т. 14, № 4. – С. 76–95
5. Суворова А.П. Совершенствование диагностики в управлении социально-экономическими системами в условиях цифровой экономики // Инновационное развитие экономики. 2018. – № 6(48), ч. 2. – С. 79–88.
6. Ермаков А.С., Лиман И.А. Оценка научно-технологической результативности регионов РФ // Проблемы прогнозирования. – М., 2019. – № 2. – С. 121–130.
7. Петровский А.Б., Проницкий С.В., Стернин М.Ю., Шепелёв Г.И. Национальная инновационная система США: характеристики, особенности, пути развития // Научные ведомости БелГУ. Серия Экономика. Информатика. 2018. – № 2. – С. 343–352.
8. Crossing the next regional frontier: Information and Analytics Linking Regional Competitiveness to Investment in Knowledge-Based Economy / U.S. Economic Development Administration. – <http://www.statsamerica.org/Innovation/>
9. Hollanders H., Tarantola S., Loschky A., Regional Innovation Scoreboard (RIS) 2009 Pro Inno Europe. 2019. – <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/36282>
10. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – <https://issek.hse.ru/rirr2019/>
11. Рейтинг инновационных регионов России. – <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/>
12. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. – <https://ria.ru/20190218/1550940417.html>
13. Рейтинг социально-экономического положения регионов. – <https://riarating.ru/info/grafika/20180523/630091878.html>
14. Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации. – http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=5869

Федорова М.С.

к.и.н., доцент, Московский университет им. С.Ю. Витте
Fedorovaml@yandex.ru

АМБАССАДОРИНГ КАК МЕХАНИЗМ ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ НА РЫНКЕ ТУРИЗМА

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, продвижение, туризм, геобрендинг, амбассадоринг.
Keywords: marketing communications, promotion, tourism, geobranding, ambassadoring.

Остановка деятельности крупных компаний на туристическом рынке в последние годы усугубила и без того напряженную ситуацию на этом рынке и в очередной раз подорвала доверие туристов к отрасли в целом. Фактор недоверия подстегивает субъектов туррынка искать новые механизмы влияния на мнение туристов. Одним из таких направлений является амбассадоринг.

Не только в России, но и в мире, амбассадоринг – явление новое даже в сферах бизнеса, не связанных с туризмом. Поэтому у профессионалов туррынка отсутствует единое понимание сути явления и принципов организации подобной работы. В то же время многие эксперты отмечают рост интереса турбизнеса к методам и приемам маркетинга, используемым в других сферах.

Амбассадоринг в туризме – это формирование и продвижение образа территории с опорой на харизму и репутацию конкретной личности (амбассадора или посла территории). Посол территории является носителем культуры и менталитета, характерных для нее. Он может через эффект «сарафанного радио» влиять на других и формировать позитивное отношение к туристской дестинации, повышать ее узнаваемость и осведомленность о ней. Потребители гораздо охотнее доверяют рекомендациям представителей своей референтной группы нежели сообщениям, которые исходят от официальных источников.

За рубежом амбассадоринг уже доказал свою эффективность. Он может стать неотъемлемой частью управления территориальным брендом. Первая попытка внедрить амбассадоринг в России была предпринята в 2019 году Комитетом по туризму и Проектным офисом по развитию туризма и гостеприимства города Москвы. Разработанная программа «Амбассадоры Москвы» носит имиджевый характер. Первым амбассадором Москвы стал посол по туризму UNWTO Вячеслав Фетисов.

Амбассадоринг может выступать как спланированная деятельность заинтересованных в развитии туризма субъектов и осуществляться на бюджетные деньги. В ряде случаев амбассадоринг инициируется отдельными гражданами и реализуется, как правило, посредством различных комьюнити и не носит системного характера.

В качестве посла территории может выступать медийная личность, лидер мнения или влиятельный член сообщества, но наибольшая эффективность характерна для сетей амбассадоров, формируемых из простых граждан. Социальной основой сетей послов является «креативный класс». Причем послами выступают люди как с реальной, так и с воспринимаемой связью с территорией, например, эмигранты, которые сохранили свою национальную и идентичность.

Амбассадоринг позволяет решить сразу несколько задач – повышение конкурентоспособности соответствующей территории и ее турпродуктов, мобилизация патриотизма и самоидентификация местных жителей.

При формировании сетей амбассадоров на первое место выходит коммуникативный аспект. Он состоит в формировании положительного имиджа территории в сознании потенциального потребителя, а также в получении быстрой обратной связи с оценкой реализуемых территориальными администрациями мероприятий. В то же время амбассадоринг является важным ресурсом развития и для самих послов. Проведенный анализ сетей амбассадоров в различных странах позволяет выделить следующие направления развития для амбассадоров:

- возможность продвижения по службе;
- установление новых контактов;
- продвижение собственного бизнеса;
- обмен опытом и знаниями;
- творческая самореализация и повышение самооценки.

Как правило, деятельность амбассадоров носит общественный характер. Послы продолжают выполнять свои социальные и профессиональные функции, тем самым имеют возможность влиять на целевые группы, которые туристской администрации при продвижении бренда территории могут быть недоступны.

Как было указано выше, сети послов рассматриваются как ресурс формирования чувства патриотизма и приверженности местных жителей. Этот эффект позволяет добиться роста понимания и поддержки усилий местных администраций по продвижению территориального бренда. Граждане, как послы бренда, могут проводить работу по разъяснению контекста и актуальности проекта задолго до запуска любой кампании по продвижению бренда террито-

рии¹. Проведение разъяснительной работы среди местных жителей имеет большое значение. В ряде случаев сети послов встречают негативную реакцию общественности, поддерживаемую местными СМИ.

Можно выделить следующие виды сетей послов: локальные, состоящие из людей, которые в настоящее время проживают на этой территории и внешние, в которые входят люди, не проживающие непосредственно на данной территории, но имеющие связь с нею. Целью локальной сети, как правило, является поддержание приверженности идеалам, ценностям и традициям своей малой родины и гордости за нее. Эффективность данного механизма уже оценили в России. Так в Москве с 2014 года функционирует Система электронных опросов «Активный гражданин». Созданный по инициативе Мэрии Москвы «Активный гражданин» ставит целью привлечение на сторону действующей власти «креативного класса».

Главной целью внешней сети является получение информации о тенденциях и событиях во внешнем мире, которыми обладают члены сети, а также коммуникация с участниками, живущими в других регионах.

Выделяют следующие типы сетей с точки зрения принципов их формирования:

1. Открытые (предполагают членство всех желающих). Цель таких сетей – за счет большого числа участников увеличить охват аудитории и добиться максимального представления геобренда на рынке. Такие сети предполагают достаточно простые методы отбора новых членов. Заинтересованный в том, чтобы стать послом, заявляет о своем желании письменно или в электронном виде, заполняя соответствующую форму на сайте сообщества. Как правило, такие сети существуют в условиях ограниченности ресурсов. Например, в Ливерпуле (Великобритания) была создана сеть добровольцев для оказания помощи в приеме и сопровождении туристов, прибывающих в город в связи с Европейским годом культуры в 2008 году. Стать членом этой сети мог любой желающий, пройдя процедуру регистрации на сайте.

2. Селективные (включают в себя людей, выбранных или приглашенных в силу их профессии, должности или их ценности с точки зрения задач сети). Единого критерия отбора членов в селективные сети не существует. Некоторые эксперты указывают, что на роль инфлюэнсеров, распространяющих информацию, особенно подходят люди, имеющие большое число знакомых («acquaintances»), а не близких друзей.²

– Бизнес-ориентированные сети, включающие предпринимателей различного уровня. Такие сети могут быть как локальными, то есть формироваться предпринимателями, проживающими и ведущими свой бизнес непосредственно в данном регионе, так и внешними. Например, сеть послов Нортгемптоншира – бизнес-ориентированная сеть локального характера. Шотландская сеть Globalscot включает в себя 665 предпринимателей более чем в 50 странах по всему миру, которые являются шотландцами или имеют связь с Шотландией, но живут в других странах. Принцип формирования таких сетей селективный: стать членом сообщества можно только по приглашению куратора и по рекомендации других участников. Правилами таких сетей предусмотрена возможность действующим членам сети приглашать людей, которых они хотели бы видеть в качестве членов. Общая цель деловых сетей заключается, главным образом, в привлечении инвестиций и создании новых возможностей для развития бизнеса.

– Сеть селебрити, направленная на привлечение медийных личностей из сфер искусства, спорта, бизнеса, политики и т.д. Такие сети также могут быть как локальными, так и внешними. В этом типе основным методом отбора послов является приглашение от руководителей сети. Цель, как правило, заключается в повышении осведомленности о бренде или его узнаваемости. В качестве примера можно привести сеть норвежского муниципалитета Халден, которая включает около трех десятков послов из числа медийных личностей и известных предпринимателей.

– Специализированные или нишевые сети, которые включают определенный круг участников. Такой является сеть в Манчестере, включающая ученых местных университетов. Целью сети является формирование имиджа территории, перспективной с точки зрения различных научных мероприятий.

Сети могут носить характеристики нескольких из представленных групп. Например, в Швеции работает локальная сеть, которая включает как обычных граждан, так и ключевых предпринимателей и общественных деятелей. Послы данной сети набираются как по приглашению, так и через открытую регистрацию.

Координацию сетей послов осуществляют, как правило, местные органы управления или государственные учреждения. Такими государственными учреждениями обычно являются региональные туристские организации или организации, отвечающие за региональное развитие, содействие увеличению экспорта продукции и услуг и притоку инвестиций. В редких случаях инициатором создания сетей послов и координатором их работы становятся частные организации. Например, в норвежском муниципалитете Халден важную роль в назначении и избрании членов сети играет частная ассоциация. Но даже в этих случаях общая координация деятельности сетей лежит на муниципальной администрации.

Необходимо отметить, что поддержка сетей послов со стороны государственных органов власти является важным фактором успеха их деятельности. Такая поддержка выражается в легитимизации деятельности сетей и в аудите их деятельности. Также органы власти должны согласовывать работу сетей послов с общей стратегией геобрендинга.

Список литературы

1. Gladwell M. The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big Difference. – Boston (Mass.), 2000.

¹ Szondi G. The role and challenges of country branding in transition countries: the Central and Eastern European experience // Place Branding and Public Diplomacy. 2007. – Vol. 3, N 1. – P. 19.

² Gladwell M. The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big Difference. – Boston (Mass.), 2000.

2. Kavaratzis M. From city marketing to city branding: towards a theoretical framework for developing city brands // *Place Branding*, 2004. – Vol. 1, N 1. – P. 36–49.
3. Kotler P., Asplund C., Rein I., Heider D. *Marketing Places Europe: Attracting Investments, Industries, Residents and Visitors to European Cities, Communities, Regions and Nations*. – Harlow, 1999.
4. *Place Promotion: The Use of Publicity and Marketing to Sell Towns and Regions* / Ed. by Gold J.R., Ward S.V. – Chichester: John Wiley & Sons, 1994.
5. Szondi G. The role and challenges of country branding in transition countries: the Central and Eastern European experience // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2007. – Vol. 3, N 1. – P. 8–20.
6. Wells L.T. jr, Wint A.G. *Marketing a country: promotion as a tool for attracting foreign investment*. – [www-wds.worldbank.org/servlet/WDSContent Server/WDSP/IB/2000/05/25/000094946_00051005302185/Rendered/PDF/multi_page.pdf](http://www-wds.worldbank.org/servlet/WDSContentServer/WDSP/IB/2000/05/25/000094946_00051005302185/Rendered/PDF/multi_page.pdf)

**Фирсова И.А.,
Водолеева Е.А.¹**

МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИИ В РАЗРЕШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Ключевые слова: маркетинг территории, региональные противоречия, функции маркетинга территории, проблемы и противоречия развития территориального маркетинга.

Keywords: territory marketing, regional contradictions, territory marketing functions, problems and contradictions of territorial marketing development.

Проблема маркетинга как экономической категории хозяйственной деятельности актуальна для современной экономики России, направленной на преобразования институциональных структур управления территориальными образованиями.

Значительный разрыв в социально-экономическом развитии отдельных территорий определяет задачи новых перспектив эффективного реформирования территорий. Одним из направлений регионального маркетинга при этом является обеспечение роста показателей качества жизни населения, а также обеспечение устойчивого экономического развития.

На рис. 1. представлены регионы лидеры по индексу промышленного производства за 2019 г.

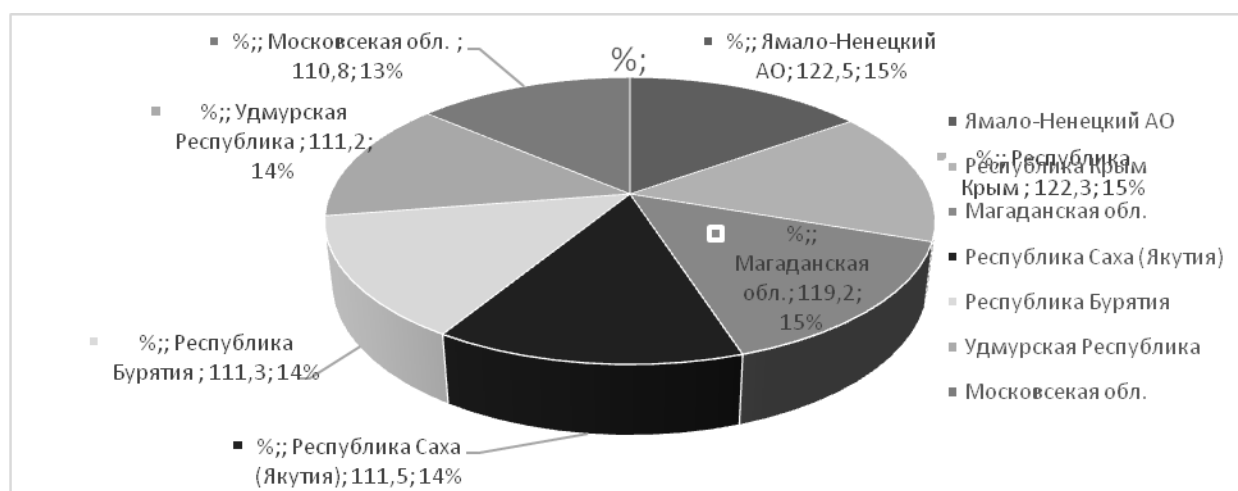

Рисунок 1.
Лидеры территорий по промышленному производству²

Как видно из рис 1, лидер по росту промышленного производства – Ямало-Ненецкий автономный округ (+22,5%), за ним следует Республика Крым – +22,3%. Прирост промышленного производства Магаданской области составляет – +19,2%.

В 2019 г. произошло снижение доходов населения в 44 субъектах РФ. Наиболее резкое снижение показывают территории: Республика Крым и в Костромская область (–5,7%). Однако позитивная динамика наблюдается в Костромской области, где номинальная заработная плата в 2019 года выросла на 14,7%. На рис. 2. представлены показатели роста денежных доходов в % к аналогичному периоду предыдущего года.

Соотношение денежных доходов и цены по потребительской корзине в 2019 г. выросло в 37 регионах, в 48 субъектах РФ этот показатель снизился. В Ямало-Ненецком автономном округе и Ненецком автономном округе данный показатель превышает значение 4,0.

По данным Федерального казначейства в 2019 г. суммарные доходы консолидированных бюджетов всех территориальных образований выросли на +659 млрд. руб. по сравнению с аналогичным периодом прошлого 2018 г.³

¹ Фирсова Ирина Анатольевна – д.э.н., доцент, профессор кафедры «Логистика и маркетинг», Финансовый университет. E-mail: IFirsova@fa.ru

Водолеева Е.А. – аспирант кафедры «Логистика и маркетинг», Финансовый университет.

² Составлено авторами на основе данных Ежеквартального бюллетеня «Социально-экономическое положение регионов РФ». – https://giarating.ru/industry_newsletters/20190919/630134892.html

³ Сайт Министерства экономического развития РФ. – <https://www.economy.gov.ru/material/file/b90a44748de90be36f35d0e007b7fc15/190826.pdf>

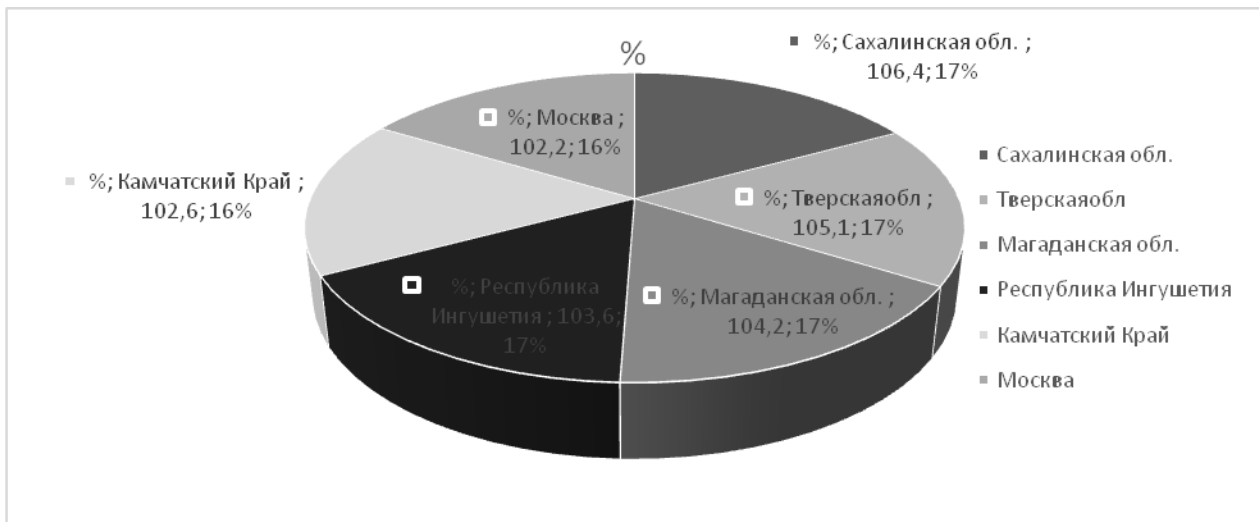

Рисунок 2.
Показатели роста денежных доходов 2019 г в % к аналогичному периоду 2018 г.¹

Необходимо отметить, что соответствие территории ее социально нормальному уровню удовлетворения потребностей является важной предпосылкой конкурентоспособности, без которой как минимум нерационально выходить на уровень маркетинговой проработки. «Продвижение» территории при недостаточной развитости ее инфраструктуры, без наличия инвестиционного климата соответствующего уровня и ряда других предпосылок является малоэффективной деятельностью, приводящей к потере времени и дающей другим территориям возможность самоутвердиться. Рассмотрим интегральный рейтинг территориальных образований России, который представлен на рис. 3.

Как видно из рис. 3, в первых рядах – Москва и Санкт-Петербург, у которых интегральный рейтинг превышает 80 баллов. Являясь лидерами социально-экономического развития, данные регионы обеспечивают около 40% суммарного регионального ВРП. Выше отметки 75 баллов располагаются такие территориальные образования, как Ханты-Мансийский автономный округ, Московская область, Республика Татарстан. Остальные территориальные образования имеют значение интегрального показателя ниже 70 баллов.

Как известно территория как относительно самостоятельный социально-экономический субъект должна реализовывать основные функции ее развития, такие как:

- место жительства населения, которое может и должно быть способно реализовать большинство интересов и потребностей населения;
- благоприятная окружающая среда для функционирования хозяйствующих субъектов и предприятий;
- элемент структуры управления народным хозяйством и его муниципальными образованиями, обеспечивающий принятие и своевременную реализацию решений, способствующих реализации вышеуказанных функций;
- самовоспроизводящаяся система, способствующая воспроизводству и развитию ее подсистем;
- специализированная территория, обеспечивающая доступ к конкретным природным или промышленным ресурсам;
- обеспечение возможности скоординированных действий производственных комплексов или взаимосвязанных отраслей рассматриваемой территории;
- самостоятельный субъект внешнеэкономической деятельности. Эту роль могут играть как отдельные субъекты (регион, район, город), так и совокупность муниципальных образований².

Комбинация этих функций территории, поддержание их последовательности развития является основным содержанием – сущностью регулирования развития территории. Необходимость территориального маркетинга определяется возрастающей самостоятельностью регионального и местного уровней власти при принятии управленческих решений, снятии большей части ограничений и, следовательно, необходимостью координации действий соответствующих муниципалитетов.

Важно отметить, что на уровне территории или региона могут проявляться противоречия или конфликты интересов. К ним относятся следующие противоречия:

- Противоречия в правовой или институциональной основе. Известно, что местное законодательство зачастую содержит положения, противоречащие федеральному законодательству.
- Непоследовательность в использовании ресурсов. Зачастую одни и те же ресурсы предназначены для реализации как комплексной социально-экономической программы, так и региональной целевой программы.
- Несоответствие в целевом использовании факторов производства, таких как земельные ресурсы.
- Плохая транспортная инфраструктура может способствовать фрагментации территорий или муниципалитетов, входящих в состав одного региона или субрегиона.
- Несоответствие объемов спроса и предложения одних и тех же товарных групп.

¹ По данным того же источника.

² Сачук Т.В. Территориальный маркетинг: теория и практика. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 583 с.

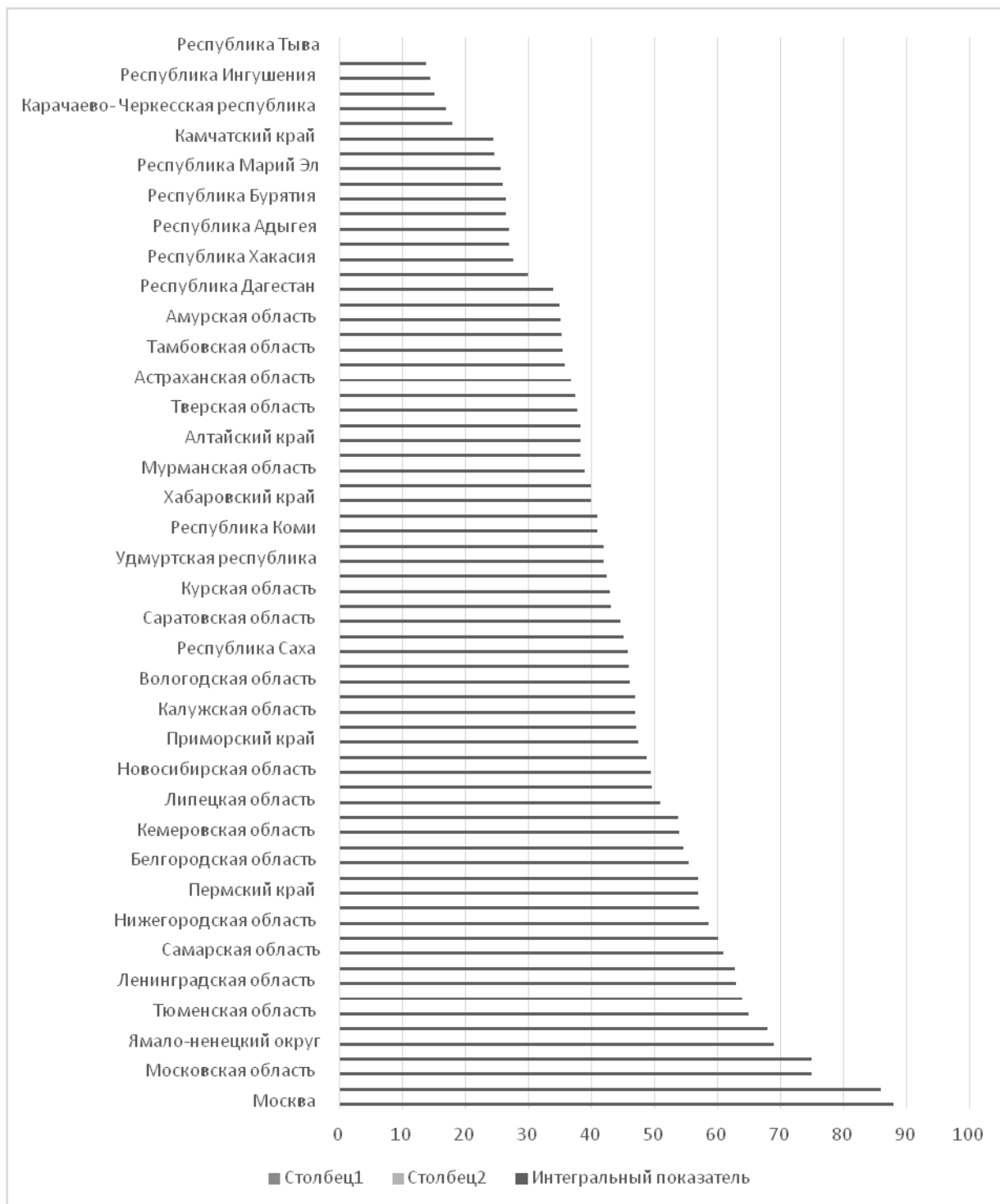

Рисунок 3.
Интегральный рейтинг регионов России¹

– Несогласованность действий территориальных администраций, усугубляющая противоречия и усиливающая диспропорцию и инерцию развития².

Подобные тенденции характерны для многих российских городов. Некоторые проблемы таких городов решаются из-за их географического расположения вблизи мегаполисов (например, вопросы занятости), но другие проблемы могут увеличиваться из-за того же фактора (темпы роста цен на недвижимость).

На основе ежегодных исследований, проводимых институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН, можно отметить определённые тенденции в представленных выше противоречиях. На рис. 4 представлены показатели маркетинговой оценки территориальных образований потребителями за 2019 г.

Данные маркетинговой оценки связаны с ментальностью провинциальной жизни, она фиксируется с структурой промышленности и монофункциональностью города, а потому трудно преодолевается, делая экономику слабо во с-

¹ Составлено авторами на основе Рейтинга социально-экономического положения регионов – 2019 / РИА РЕЙТИНГ. – <https://riarating.ru/infografika/20190604/630126280.html>

² Сачук Т.В. Территориальный маркетинг: теория и практика. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 583 с.

приимчивой к инновациям. Эта черта характерна не только для «городов-заводов», но и для городов, обслуживающих сельскую местность. Отметим некоторые из них:

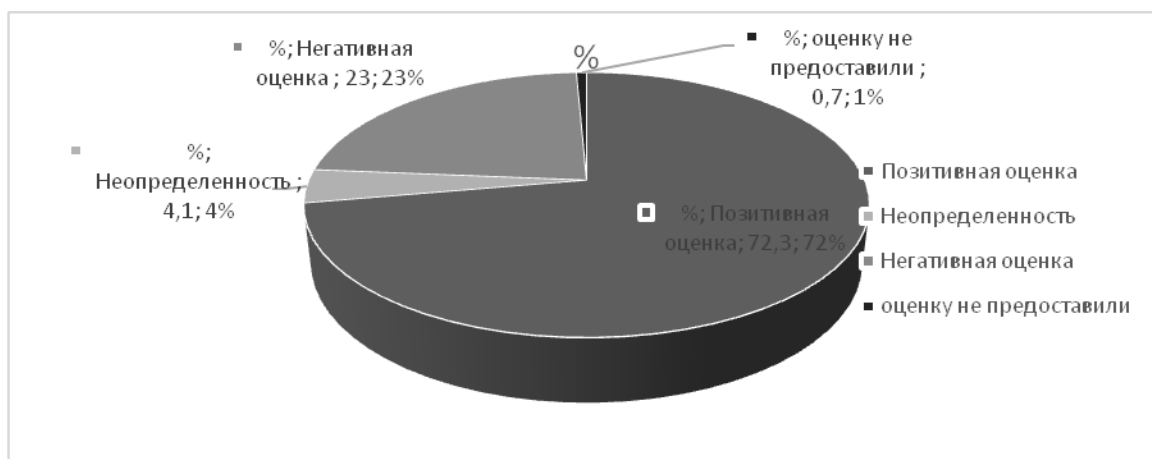

Рисунок 4.
Маркетинговая оценка потребителями территориальных образований¹

1. Сокращение традиционного производства и невыплата заработной платы приводят к сокращению налоговых поступлений, что является существенным сдерживающим фактором в решении социальных вопросов.

2. Сокращаются возможности генерирования инвестиционных ресурсов путем привлечения государственных средств в виде банковских депозитов или собственного капитала.

3. Условия функционирования малого бизнеса становятся фактором конкурентоспособности территории в современных условиях.

4. Административные барьеры являются основным фактором, сдерживающим развитие малого бизнеса.

5. Проблема малого бизнеса заключается в нехватке площадей для производства, складов, офисов. Сложность законодательства также является проблемой для развития малого бизнеса, особенно в сфере налогообложения. Например, в течение месяца в принятый закон вносится 20 поправок. В этой ситуации не может быть и речи о стабильной работе.

6. Крупные, хорошо зарекомендовавшие себя фирмы, прежде всего торгово-посреднической направленности, наращивают свое присутствие на территории малых и средних городов, сужая возможности для конкуренции и сокращая масштабы занятости местной рабочей силы. Перемещенная рабочая сила увеличивает ежедневные миграционные потоки в направлении крупных городских агломераций.

Для решения проблем и противоречий прописанных в статье необходима координация между заинтересованными сторонами. Наиболее общие подходы к разрешению описанных противоречий представлены в табл. 1.

Таблица 1

Общие подходы к разрешению описанных противоречий

Направление в разрешении противоречия	Характеристика
Создание или совершенствование институциональной структуры, реагирующей на изменения в экономической системе.	Автономия региональных расходов, предусматривающая делегирование расходных полномочий субнациональным органам власти, раскрывает некоторые преимущества переноса реализации социальных программ на региональный уровень. К ним относятся, во-первых, предпочтения местного населения, поскольку федеральный центр не может в полной мере учитывать предпочтения населения; во-вторых, возможность инноваций при реализации государственных программ различными регионами, поскольку федеральный центр всегда будет отдавать предпочтение объединительным проектам без учета региональных особенностей.
Взаимные поиски решений, удовлетворяющих всех заинтересованных лиц,	Парето-эффективности. Применение данного принципа имеет достаточный эффект на микроуровне (принятие решения на отдельном предприятии).
Сбалансированное принятие законодательных локальных актов и их увязка с уже действующими законами в целях избегания расхождений экономических интересов субъектов-перевозчиков.	Высокая зависимость региональных бюджетов от уплаты налога на прибыль привела к рассогласованию экономических интересов, что способствует обострению борьбы региональных властей за регистрацию крупных налогоплательщиков на своей территории.
Конфликты, возникающие на почве расхождения экономических интересов, могут быть краткосрочными и долгосрочными, затяжными.	Могут принимать характер реальных войн – межкорпоративных и внутрикорпоративных, межличностных и характеризующих отношения отдельных групп. В то же время законные и незаконные интересы часто сталкиваются, зачастую только незаконные. Стремление любой стороны прекратить конфликт может привести к его эскалации. Продуктом здесь является практическое применение теоретических знаний, например, законов поведения фирм в рыночных условиях.

¹ Аналитическая записка Мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях, 2019 г. / Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. – https://www.asdg.ru/about/struct/sobr/XXXVI/monitoring_2019.pdf

Путь к примирению экономических интересов – это цена.	Именно через поиск лучшей цены можно найти возможности для реализации экономических интересов различных субъектов-перевозчиков. Ценовая политика включает в себя такие аспекты как анализ факторов, оказывающих влияние на цену, согласование целей ценообразования, разработку ценовых стратегий и методов ценообразования, тактику их применения (корректировки). В целом ценовую сферу можно считать более гибкой, чем административную, с точки зрения поиска путей согласования интересов.
---	---

Эффективное функционирование территории требует государственного регулирования экономической, правовой, налоговой и иной деятельности, которое включает систему инструментов государственного воздействия на ее экономику¹.

Таким образом, приведенные выше предложения позволяют сделать выводы о важности и необходимости территориального маркетинга и целесообразности применения его инструментария при диагностике состояния рассматриваемой территории, поиска ее конкурентных преимуществ и оценки экономической политики, проводимой на территории. Необходимо заметить, что процесс диагностики состояния территории через призму территориального маркетинга дает возможность получить более глубокий и всесторонний анализ проблем территории, а также проранжировать задачи, определить противоречия и направления (методы) их разрешения. Иными словами, комплексное использование маркетинговых методов предполагает создание определенных предпосылок для широкого использования маркетинговых инструментов.

Каждая территория имеет большое количество организационных и юридических лиц, множество ресурсов, рынков, потенциалов, множество средств и возможностей. Каждая территория, каждый город, каждый муниципалитет имеет свой собственный портрет, свое собственное «необщее выражение». Подходы и методы территориального маркетинга позволяют четко увидеть возможности и особенности муниципальных образований, определить контуры их будущего, а также вектор возможных интеграционных процессов.

Нельзя также не отметить, что территориальный маркетинг способствует решению имеющихся противоречий не всегда прямо, а зачастую и косвенно, а также через учет наиболее важных факторов и скрупулезную повседневную работу по созданию регионального механизма управления.

¹ Фирсов Ю.И. Маркетинговый подход к экономическому и социальному развитию территории, привлекательной для инвестора // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия экономика. 2013 – № 3 (29). – С. 69–73.

**БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ:
РАЗВИТИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО**

Ежегодник

Выпуск 3

Часть 1

Компьютерная верстка
и техническое редактирование –
В.Б. Сумерова

Институт научной информации по общественным наукам РАН
117997 Москва, Нахимовский пр., д. 51/21 e-mail: inion@bk.ru

Подписано на выход в свет – 5/V – 2020 г.
Формат 60×90/8 Уч.-изд.л. 100,6